

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ.

ГОДЪ ТРИДЦАТЬ ТРЕТІЙ.

ТОМЪ СXXX.

ИСТОРИЧЕСКІЙ
ВѢСТНИКЪ

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ТОМЪ СХХХ.

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

Тип. Т-ва А. С. Суворина—„Новое Время“, Зртелевъ, 13

1912

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНИЕ.

ОКТАБРЬ, 1912 г.

	СТРАН.
I. Жена министра. (Романъ). Часть вторая. I—III. (Продолженіе). Н. А. Лаппо-Данилевской.	5
II. Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. Е. К. Андреевскаго.	37
III. Свобода духа. (Повѣсть). П. П. Гнѣдича.	83
IV. Изъ журнальныхъ воспоминаній. (Литературныя характеристики и курьезы). А. Е. Кауфмана.	122
V. Двуногій звѣрь. (Изъ человѣческихъ документовъ). V—VI. (Продолженіе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	150
VI. За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Окончаніе). В. Б. Бертенсона.	167
VII. Нѣсколько встрѣчъ съ А. С. Суворинымъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). В. М. Грибовскаго.	181
VIII. Воспоминанія инсургента. (Окончаніе). С. С. Окрейца.	191
IX. Новый литературный портретъ императора Александра I. Б. Г.	221
X. Отголоски смуты. (1905—1906 гг.). Н. Н. Оглоблина.	249
XI. Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ. В. Я. Кричевскаго.	283
XII. Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. XXVIII—XXXI. (Продолженіе). Б. Б. Глинскаго.	297
иллюстрація: К. П. Побѣдоносцевъ.	
XIII. Бородинскія торжества.	323
XIV. Изъ Туниса въ Алжирь. (Путевые наброски). Е. В. Молотвой.	355
иллюстраціи: 1) Тунисъ.—2) Еврейки въ Тунисѣ.—3) Раскопки въ Карвагенѣ.—4) Константина.—5) Оазисъ Эль-Кантара.—6) Въ пустынѣ Сахары.—7) Алжирь.—8) Улица Казба въ Алжирь.	

(См. слѣд. стран.).

- XV. Критика и библиографія. 332
- 1) М. Н. Писаревъ. Въ память Отечественной войны. 1812—1912. Подъ редакціей Н. П. Михневича. Съ 18 рисунками. Заставки и карты. М. К. Пареняго. Москва. 1912.—М. Васильевъ. Отечественная война (1812 годъ). Казань. 1912.—Народная война 1812 года. Постоянная комиссия народныхъ чтеній. Спб. 1912.—Н. Ф. Хованскій. Участіе Саратовской губерні въ Отечественной войнѣ 1812 года. Съ 22 рисунками. Саратовъ. 1912.—С. Чижевъ. Медали въ память столѣтія Отечественной войны. Критическая замѣтка. Москва. 1912.—Н. Ф. Рыбчинскій. Пѣсьи о Наполеонѣ, императорѣ французовъ (на 1812 годъ). Спб. 1912. Д. м.—2) Вл. Черванскій. Творчество русской силы. Историческая монографія. Спб. 1912. в. Троицаго.—3) Ключевскій, В. О. Опыты и изслѣдованія. М. 1912. М. к.—4) Картины церковной жизни черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи. Кіевъ. 1911. Д. Бочнова.—5) А. Н. Филиповъ, проф. Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I. Юрьевъ. 1912. М. к.—6) И. А. Вазановъ. Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19-го февраля 1861 года. Томскъ. 1911. профессора М. Красномена.—7) С. Н. Сивницкій. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912. М. к.—на.—8) Русь въ ея столицахъ. Е. Нелидова. Старая Ладога. 1912. А. м. Нечаевой.—9) Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912. в. Р—ва.—10) Л. Микетовъ. Что сдѣлало народное представительство третьяго созыва. Спб. 1912. гр.—11) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга четвертая, двѣсти тридцать девятая. М. 1911. в. Р—ва.—12) Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1905 годъ. Спб. 1912. А. и.—13) Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборникъ. Спб. 1891.—К. Леонтьевъ о Владимирѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). М. 1912.—К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. Томы II и III. М. 1912. М. л.—14) Э. П. фонъ-Вергъ. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава. 1912. Д.—15) Baltische Landeskunde. Im Verein mit mehreren Mitarbeitern. Съ атласомъ изъ 28 таблицъ и 6 картъ. Рига. 1910. А. Мальмгрена.
- XVI. Заграничныя историческія новости и мелочи. 410
- 1) Незнанныя воспоминанія о походѣ французовъ въ Россію въ 1812 году.—2) Борьба за культуру Финляндіи.—3) Новая теченія въ обществѣ и литературѣ Старога и Новаго Свѣта.
- XVII. Смѣсь. 432
- 1) Новыя археологическія находки и клады.—2) Юбилейная выставка картинъ въ городѣ Смоленскѣ.—3) Часовня-музей въ память Отечественной войны.—4) Закладка памятника М. В. Барклаю-де-Толли.—5) Портфель императора Наполеона.—6) Въ академіи наукъ.—7) Историческая реликвія.—8) Гибель исторической крѣпости.—9) Юбилей протоіерея А. А. Ставровскаго.
- XVIII. Некрологи. 441
- 1) Варшева, К. Н.—2) Высокоостровскій, А. П.—3) Голубиничъ, Л. Е. 4) Кардиналовскій, П. М.—5) Колаковскій, А. А.—6) Коль-Якимова, Н. К.—7) Лемерсье, К. А.—8) Черновъ, В. Е.—9) Чудновскій, С. Л.—10) Шершеневичъ, Г. Ф.—11) Энгельманъ, И. Е.
- XIX. Замѣтки и поправки. 447
- I. Къ статьѣ «Протоіакоуъ всея Россіи». М. Фирсова.

Приложеніе: 1) Портретъ Николая Григорьевича Столѣтова.—2) Пурпуръ. Историческій романъ Эдварда Штильгебауера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Михайлова. XXV—XXVII. (Продолженіе).

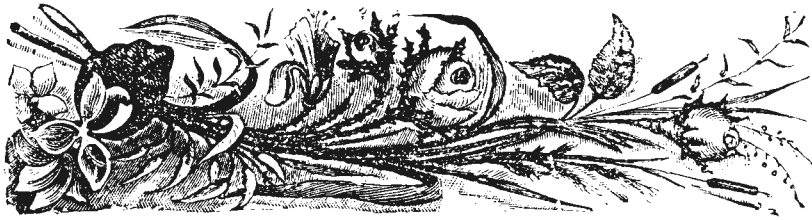

НИКОЛАЙ ГРИГОРЬЕВИЧЪ СТОЛЪТОВЪ.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ ¹⁾).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

ЯРКІЙ сентябрьскій день клонился къ вечеру. У самой рѣшетки террасы гостиницы «Россія» въ Ялтѣ за небольшимъ столикомъ былъ сервированъ обѣдъ. Прекрасный букетъ розъ красовался среди приборовъ и графинчиковъ и придавалъ неизъяснимо праздничный, ликующій колоритъ всему столу и небольшой, оживленной группѣ обѣдающихъ лицъ. Море, тихое, почти неподвижное, чуть замѣтной рябью набѣгало къ берегамъ. Вдали бѣлѣлъ одинокій парусъ на синемъ фонѣ неба водъ Чернаго моря. Радостный, яркій закатъ, посылающій землѣ прощальные лучи, и мягкій колоритъ невысокихъ горъ, и кипарисы, неподвижные, окаймляющіе часть террасы, и задумчивая, простая мелодія небольшого оркестра, помѣщенного тутъ же подлѣ обѣдающей публики, — все настраивало душу и мысли къ покойному созерцанію и любви къ природѣ.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 785.

— Кого-кого, но встрѣтить здѣсь васъ я никакъ не ожидала, — говорила Елена, слегка шурясь отъ лучей солнца, которые скользили мимо нея, играя въ прядяхъ ея каштановыхъ волосъ, и окрашивали ихъ въ яркій золотистый, почти рыжеватый оттѣнокъ.

— Почему же представленіе о моей личности не совмѣщается съ красотами крымскихъ береговъ?—спросилъ Башиловъ.

— Въ моемъ воображеніи я всегда васъ вижу такимъ занятымъ, захваченнымъ всякими неотложными дѣлами, что мнѣ и въ голову не могло прійти встрѣтиться здѣсь съ вами. Какъ бы то ни было, мы съ Женей этому очень довольны, такъ какъ кое-кто изъ знакомыхъ уже уѣхалъ, и мы остались безъ кавалера.

— Да и я не надолго. Отдохну недѣлки двѣ да и въ Питеръ. Усталъ, заработался. Изъ командировки урвалъ этотъ отпускъ. Такъ вотъ какъ-съ! И я не ожидалъ съ вами встрѣтиться. Пріятный сюрпризъ. Надѣюсь, Евгенія Михайловна, что вы изволили получить мой обстоятельный вамъ докладъ о ходѣ развода? Помните, я его препроводилъ вамъ въ концѣ іюня; а затѣмъ я уѣхалъ, и Дорманъ общалъ мнѣ своевременно обо всемъ васъ увѣдомлять.

— Благодарю васъ. Дѣла мои кончены,—слегка краснѣя и смущаясь, отвѣтила Данцова.

Башиловъ, не любившій переписки съ женщинами, которую онъ считалъ и рискованной и налагающей какія-то обязательства, за все лѣто написалъ Данцовой только два раза, отъ нея же имѣлъ частыя письма; изъ нихъ онъ узналъ объ ихъ пребываніи въ Ялтѣ, и желаніе повидать не Данцову, а Елену была такъ велико и такъ удачно совпало съ возможностью отпуска, что Башиловъ на этотъ разъ, какъ всегда, немедленно привелъ въ исполненіе настойчиво овладѣвшую имъ мысль, собрался въ однѣ сутки и удивилъ своимъ неожиданнымъ появленіемъ обѣихъ подругъ. Онъ остановился въ «Россіи», предполагая встрѣтить ихъ тамъ, и не ошибся. Когда онъ десять минутъ тому назадъ появился на террасѣ, ища свободнаго столика, Данцова радостнымъ крикомъ и охватившимъ ее волненіемъ чуть было не выдала себя. Все существо ея ликовало. «Пріѣхалъ, для меня пріѣхалъ, хорошій... добрый». Ея глубокіе темные глаза окутывали его лаской, и если бы Еленѣ пришло въ голову пристальнѣе посмотреть на свою подругу, она была бы удивлена, съ какимъ сдержаннымъ волненіемъ вздрагивали ея длинныя рѣсницы, и какія искорки внезапно вырывались изъ-подъ ихъ густой тѣни. Но Данцова, тихая, кроткая и покорная, умѣла владѣть собой, какъ никто. Улыбка, лукавая и нѣжная, трепетала въ уголкахъ ея красиваго небольшого рта, смущеннымъ взглядомъ, на видъ спокойная и безмятежная, она просматривала мену обѣда въ то время, какъ Елена разспрашивала, смѣялась, вкратцѣ рассказывала о жизни въ деревнѣ, о неожиданномъ рѣшеніи провести сентябрь

въ Ялтѣ. Башиловъ мысленно отдавалъ Данцовой должную похвалу за ея выдержку и любовался ею, какъ выдающейся красивой женщиной; въ умѣ его мелькали воспоминанія свиданій съ ней, но присутствіе Елены его положительно начинало волновать. Надъ Евгеніей Михайловной онъ чувствовалъ свою неограниченную власть, зналъ, что при каждомъ взглядѣ, который онъ украдкой ей броситъ, ея сердце забьется и вѣки глазъ съ длинными рѣсницами задрожать, какъ крылья бабочекъ, тогда, какъ Елена, живая, смѣющаяся, смѣлая, была для него загадкой, и онъ не могъ уловить ни одной ея мысли, ни одного желанія. Вотъ она сидитъ, шурится красивыми умными глазами, взглядъ скользитъ мимо него въ безконечную голубую даль, яркія губы слегка полуоткрыты и улыбаются. Она его влечетъ, какъ будто бы дразнитъ, и въ то же время кажется совершенно чуждой его желаніямъ, замкнутой съ сферѣ невѣдомыхъ ему мыслей и настроеній. Онъ желалъ, чтобъ она могла открыто ему обрадоваться, чтобъ ея глаза не такъ смѣло смотрѣли на него, чтобъ въ ея рѣчахъ была бы хоть тѣнь какой-нибудь скрытой мысли. Она такъ проста съ нимъ и въ то же время такъ далека. О чемъ она думаетъ сейчасъ?

— Елена Павловна, о чемъ вы изволили задуматься?—окликнуть онъ ее и въ то же время почувствовалъ, какъ трепетные пальцы Данцовой украдкой подъ скатертью скользнули съ робкой лаской по его загорѣвшей сильной рукѣ. Онъ поймалъ ихъ и на мгновеніе крѣпко сжалъ.

— А вотъ смотрю на далекій бѣлѣющій парусъ и думаю: «а онъ, мятежный, ищетъ бури, какъ будто въ буряхъ есть покой». И мнѣ кажется, что это вы.

— Никакъ нѣтъ-съ. Я ищу тихой пристани; не боюсь бури, но и не ищу ея.

Вечеромъ пошли въ городской садъ слушать симфоническій концертъ. И Елена, и Данцова въ изящныхъ своей строгой простотой бѣлыхъ костюмахъ, въ громадныхъ шляпахъ съ перьями выдѣлялись красотой среди многолюдной и парадной публики, и Башиловъ съ удовольствіемъ сопровождалъ ихъ. Елена была тонкимъ знаткомъ и очень любила музыку. Башиловъ серьезной музыки совершенно не понималъ и не любилъ. Елена это сейчасъ же замѣтила. Припомнивъ его пробѣлы въ знаніи французскаго языка, она начала въ своемъ умѣ рѣшать, къ какой категоріи людей по своему происхожденію могъ бы онъ принадлежать. Въ то время, какъ Елена вся отдавалась настроенію, вызванному красотой мелодій, которая съ отдаленнымъ прибоемъ волнъ породила фантастическіе образы и мечтанія, Башиловъ довольно открыто разсматривалъ публику и изрѣдка о чемъ-то переговаривался съ Данцовой. Боясь нарушать тишину, она отвѣчала ему едва уловимымъ шопотомъ.

Съ прїѣздомъ Башилова и благодаря великолѣпной погодѣ, дни замелькали веселой и разнообразной чередой. Каждый день предпринимали экскурсіи на пароходѣ или въ экипажѣ, и вѣсьмъ было очень весело. Евгенія Михайловна наслаждалась близостью Башилова, и каждая его мимолетная ласка въ видѣ пожатія руки наполняла ея благодарное сердце радостью и вознаграждало за цѣлое лѣто разлуки и за отсутствіе вѣстей. Елена наслаждалась природой, движеніемъ, обществомъ симпатичныхъ ей людей и разговаривала съ Башиловымъ, наблюдательный и острый умъ котораго дѣлалъ его очень интереснымъ компаньономъ, а Башиловъ, очень признательный Данцовой за ея необыкновенную выдержку, испытывалъ истинное удовольствіе въ обществѣ этихъ двухъ красивыхъ женщинъ, изъ которыхъ одна безгранично его любила и готова была съ какими угодно жертвами исполнять его малѣйшіе капризы, другая же его волновала и дразнила; очевидно, она ему симпатизировала, но было ли у нея въ душѣ что-нибудь больше, чѣмъ открыто выражаемая симпатія, онъ отгадать не могъ и не находилъ ни возможности, ни случая провѣрить это, такъ какъ Елена, будучи съ нимъ очень любезна и проста, умѣла держаться на разстояніи, сократить которое ему ни за что не удавалось. Не было ли это прїемомъ утонченнаго кокетства?—спрашивалъ себя Башиловъ и отвѣта не находилъ. Было рѣшено съ утра ѣхать въ Суукъ-су, съ тѣмъ, чтобы тамъ отобѣдать и при лунѣ возвращаться обратно. Экипажъ наканунѣ былъ заказанъ, и Башиловъ, проснувшись утромъ, съ удовольствіемъ думалъ о перспективѣ провести весь день въ обществѣ Елены, которая зачастую послѣ завтрака сидѣла на своемъ балконѣ, занятая корреспонденціей или чтеніемъ, и выходила только къ обѣду, какъ всегда, свѣжая, нарядная и оживленная. Спустившись къ утреннему кофе на террасу, онъ засталъ тамъ Евгенію Михайловну.

— Въ нашей сегодняшней экскурсіи будетъ маленькая перемена,—обратилась она къ Башилову, едва онъ сѣлъ къ столу, за которымъ она съ книгой въ рукахъ допивала свой кофе:—перемена очень прїятная для меня: Елена только что прислала мнѣ сказать, что она будетъ сопровождать насъ верхомъ. Я рада, Володя, мы будемъ одни въ экипажѣ...—чуть слышно добавила она, перелистывая книгу съ невозмутимо-спокойнымъ для посторонняго зрителя лицомъ.—Дорога дивная... будемъ возвращаться при лунѣ... я такъ благодарна Еленѣ за эту выдумку, но, можешь быть спокоенъ, я не выдала себя и сказала ей, что меня не занимаетъ и очень стѣсняетъ эта прогулка *tête-à-tête* съ тобой.

- Она такая любительница верховой ѣзды?
- Да, она часто здѣсь ѣздила.
- Съ проводникомъ?
- И съ проводникомъ.

— Рискованно. Развѣ Елена Павловна не знаетъ репутаціи здѣшнихъ проводниковъ?

— Видно, что ты мало ее знаешь. Ни проводниковъ, ни людскихъ пересудовъ она не боится. Помнишь нашъ разговоръ объ Еленѣ? Что жъ, права я или нѣтъ?

— Пожалуй, что права: въ ней слишкомъ много товарищескаго отношенія и потому, какъ жена, она проигрываетъ. Думаю, что, дѣйствительно, ею увлечься трудно.

Вскорѣ былъ поданъ экипажъ; верховую лошадь для Елены привелъ высокій, стройный проводникъ-татаринъ въ круглой шапочкѣ, прекрасный типъ вымирающаго крымскаго поколѣнія, красивый, мрачный и величавый тѣмъ неподражаемымъ величіемъ и сознаніемъ своего достоинства, какимъ полонъ только крымскій татаринъ, будь онъ хоть самый захудалый продавецъ фруктовъ.

Елена была уже на лошади, стройная и интересная въ синей амазонкѣ, когда спустился изъ своей комнаты Башпловъ въ панамѣ, съ перекинутымъ на руку пальто.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ, — перегибаясь на сѣдлѣ, Елена протянула ему руку: — надѣюсь, вы ничего не имѣете противъ небольшого измѣненія въ нашей поѣздкѣ? Встрѣтила вчера вечеромъ Ахмеда, и онъ соблазнилъ меня: давно не ѣздилъ.

— Мое дѣло повиноваться и молчать.

— Скажите, пожалуйста, что за кротость!

— Такъ вѣдь меня и не спрашивали.

— А если бы я спросила, развѣ вы запротестовали бы?

— Возможно-съ.

— Вы говорите серьезно?

— Совершенно серьезно.

— Что же вы сказали бы?

— Я бы сказалъ, что не считаю себя польщеннымъ, что вы предпочли общество этого черномазаго татарина моему... потому я бы сказалъ, что гораздо для васъ приличнѣе сидѣть въ коляскѣ съ благопривидной компаніей, чѣмъ гарцовать съ татарчукомъ, который пренахально на васъ смотритъ.

— Прилично... не-прилично... Это вы мнѣ говорите?! Даже забавно слушать. Если я ѣду, значить, я это считаю приличнымъ, а какъ это кажется другимъ — я давно отвыкла заботиться... У меня сегодня такая потребность движенія, свѣта, воздуха, что никакія силы не заставили бы меня встать сейчасъ съ лошади.

— А если бы я хорошо попросилъ? такъ ласково, сердечно попросилъ бы?

— Ахъ, ради Бога, не пробуйте... лучше я уѣду... Вотъ и Женя идетъ... Ахмедъ!.. Впередъ... ну, Владимиръ Ивановичъ, договаривайте...

Елена тронула хлыстомъ лошадь и, смѣясь и поддразнивая Башилова, выѣхала на небережную, гдѣ сейчасъ же и остановилась, чтобъ не заставить Данцову ѣхать по людной набережной одной съ Башиловымъ; она повѣрила, что неожиданное tête-à-tête смущало подругу; та попрежнему говорила о Башиловѣ, какъ о чело-вѣкѣ, ей симпатичномъ, къ которому она относится съ благодарностью за любезное участіе въ ея дѣлѣ, и только.

Черезъ нѣсколько минутъ появился экипажъ, и Елена до самаго поворота въ гору ѣхала рядомъ съ ними, громко переговариваясь съ Данцовой. Публика съ интересомъ разматривала красивую, ловко сидящую амазонку. Когда выѣхали за городъ на ровную дорогу вдоль высокаго берега моря, Елена опередила экипажъ. Проводникъ Ахмедъ, слегка нагнувшись впередъ, пустилъ своего скакуна вскачь, догнавъ Елену, поровнялся съ ней, ударилъ ея лошадь хлыстомъ, и они понеслись навстрѣчу горамъ и ослѣпительно блиставшему солнцу и морю.

— А она сидитъ молодцомъ,—любуясь Еленой, проговорилъ Башиловъ.

— Она на лошади, какъ и въ жизни,—смѣлая и безстрашная, ей все нипочемъ.

— Дай Богъ, чтобъ шею не сломила.

— Гдѣ? Въ жизни или на лошади?

— И тамъ, и тамъ.

— Не думаю. Елена умна.

— А что умна, такъ это вѣрно.

Елена далеко уѣхала впередъ, и такъ какъ дорога все время заворачивала, то Башиловъ потерялъ ее изъ виду и почувствовалъ легкое раздраженіе. Ему было непріятно сознавать, что она, свободная, смѣлая и красивая, мчится одна съ какимъ-то проходимцемъ-татаринномъ, такимъ же смѣлымъ и красивымъ, какъ и она, и что, конечно, въ эту минуту, среди роскошной опьяняющей природы, залитые блескомъ солнца, вдали отъ условностей и объединенные одинаковыми ощущеніями быстрой скачки, этотъ Ахмедъ-татаринъ ей и ближе, и нужнѣе, и, пожалуй, интереснѣе, чѣмъ онъ.

— А проводникъ—красавецъ!—проговорилъ онъ, продолжая вслухъ теченіе своихъ мыслей.

— А ты замѣтилъ его глаза? Поразительной красоты!

— Ну, что касается глазъ, такъ я замѣтилъ, что онъ очень нахально смотреть... Чортъ знаетъ, что за безобразіе! Этакій хамъ, татарва, и смѣетъ такъ смотрѣть! Я слышалъ, ѣхавши на пароходѣ, что они тутъ чортъ знаетъ что продѣлываютъ съ дамами.

— И мы тоже слышали. Ну, что жъ, если эти дамы сами позволяютъ.

— Разумѣется. Дураки были бы, если бы, не пользовались. Можетъ быть, и тебѣ хочется верхомъ ѣздить?

— Что за глупости!... я ни съ проводникомъ, ни безъ проводника не ѣзжу. Не люблю, потому что трушу.

— Ну, а твоя подруга, какъ любить—съ проводникомъ?

— Володя, это зло...

— А, ты думаешь, что этотъ Ахмедъ ни при чемъ... Пожалуй, тутъ не совсѣмъ чисто...

— Ну, ужъ задала бѣ тебѣ Елена, если бы слышала.

— А что, развѣ она сердитая?

— Нѣтъ, но она, можетъ быть, очень острая на языкъ. А, впрочемъ, иногда и вспыльчива, но рѣдко.

Башиловъ, спохватившись, что онъ слишкомъ много говоритъ объ Еленѣ, умолкъ, почувствовалъ себя не въ духѣ, разсѣянно сталъ слушать оживленную болтовню Данцовой и, чтобы оправдать свое настроеніе, сказалъ, что продолжительная ѣзда въ экипажѣ его слегка укачиваетъ.

— Бѣдненькій!

Данцова ласково просунула свою руку ему подъ локоть и на секунду пѣжно прижалась къ нему. Вслѣдъ за крутымъ поворотомъ экипажъ остановился, такъ какъ лошади Елены и проводника стояли на мѣстѣ и преграждали довольно узкую дорогу.

Елена, пустивъ поводъ, поправляла слегка растрепавшуюся прическу, Ахмедъ, вилотную подѣхавъ, держалъ ея лошадь за луку сѣдла и, весь перегнувшись въ ея сторону, что-то весело рассказывалъ, смѣясь и блистая ослѣпительной бѣлизной красивыхъ ровныхъ зубовъ.

Башилова передернуло. Въ свободной позѣ татарина, слишкомъ близко нагнушагося къ стройной фигурѣ Елены, ему почувчалась какая-то непозволительная вольность, почти интимность.

— Что случилось?—крикнулъ онъ.

— Волосы растрепались.

— Что жъ такъ скоро?

— Скверно подколола.

— Прикажете помочь?

— Благодарю васъ... Я уже поправила.

Башилову очень хотѣлось сказать Еленѣ что-нибудь непріятное и насмѣшливое, но онъ сдержалъ себя.

— Да вы поѣзжайте впередъ, мы васъ догонимъ,—говорила Елена, натягивая краги.

— Разрѣшите намъ ѣхать вмѣстѣ... мы подождемъ васъ, спѣшить вѣдь некуда.

Дашцова и Башиловъ прѣѣхали въ Суукъ-Су слегка утомленные, Елена же бодро и весело соскочила съ сѣдла, ласково потрепала по шеѣ низкорослаго послушнаго иноходца и, не слыша зова Евгеніи Михайловны, на минуту задержалась подлѣ лошадей, продолжая разговоръ съ проводникомъ.

— Позвольте вашу руку, — неожиданно раздался подлѣ нея голосъ Башилова. — Мы съ Евгеніей Михайловной совершенно забыты вами и тщетно васъ зовемъ и ждемъ, чтобы итти въ курзалъ обѣдать.

— Дѣйствительно, я не слыхала вашего зова.

— Кажется, и вы отдаете должную дань красотѣ татарскаго племени... У вашего проводника такіе огненные взоры...

— Ахмедъ очень красивъ. Поразительно благородный типъ.

— Что же, Елена Павловна, можетъ быть, и вы слѣдуете крымскимъ правамъ?

— Я васъ не понимаю.

— Ну, ужъ будто бы? Что жъ, Ахмедъ — красавецъ, и природа здѣсь такая опьяняющая, что...

— Владимиръ Ивановичъ, еще одно слово, и я не поручусь, что этотъ хлыстъ не опустится на васъ.

— Ну, виновать. Простите, коль ошибся.

— Если будете такъ ошибаться, то вѣдь мы можемъ и поссориться.

Обѣдали въ небольшомъ нарядномъ курзалѣ. Оркестръ, расположенный на ярко освѣщенной эстрадѣ, такъ громко игралъ, что заглушалъ разговоры. Послѣ обѣда пошли на пляжъ, прокатились на лодкѣ къ Пушкинскому гроту, любовались заходомъ солнца и, когда изъ тихихъ водъ, подернутыхъ первой дымкой сумерекъ, стала медленно всплывать луна, тронулись въ обратный путь.

— Отправьте вашу лошадь съ проводникомъ и садитесь-ка лучше съ нами; что за охота въ темнотѣ ѣхать, — направляясь къ экипажу, посоветовалъ Еленѣ Башиловъ. Ему хотѣлось смотрѣть на ея лицо, озаренное луной, чувствовать ея близость и слышать низкія ноты ея красиваго мягкаго голоса.

— Нѣтъ, Владимиръ Ивановичъ, я не могу отказать себѣ въ наслажденіи проѣхать верхомъ при лунѣ. Вы увидите, что будетъ за красота.

Башиловъ не умѣлъ владѣть собою; если что-нибудь дѣлалось противъ его желанія, онъ становился молчаливъ и угрюмъ. До сихъ поръ жизнь его складывалась такъ, что женщины не только уступали ему, но зачастую шли навстрѣчу его желаніямъ, подчиняясь его властному вліянію; въ Еленѣ онъ встрѣтилъ первую, которая, казалось, не замѣчала его осторожныхъ, но достаточно ясныхъ шаговъ къ ней навстрѣчу и оставалась безразлична къ выраженнымъ съ его стороны желаніямъ, какъ, напримѣръ, сейчасъ; за эти пять-

шесть дней, что онъ былъ здѣсь, онъ ни разу не подмѣтилъ въ ней желанія побыть съ нимъ наединѣ. Его это сердило и дразнило, такъ какъ онъ не терпѣлъ загадокъ, а тѣмъ болѣе въ отношеніяхъ съ женщинами, гдѣ привыкъ быстро побѣждать и подчинять своей волѣ.

— Ты, кажется, не въ духѣ?—робко спросила Данцова, послѣ продолжительнаго молчанія.

— Закачивается... Ко спу клонить,—неохотно отвѣтилъ Башиловъ.

— Только, ради Бога, не спи. Такія дивныя картины, мнѣ будетъ обидно, если ты не увидишь.

Башиловъ съ трудомъ пересилилъ себя, чтобъ поддерживать разговоръ. Елена сильно отстала, онъ внутренно досадовалъ на нее и сердился на себя, что не сумѣлъ съ первыхъ же шаговъ «прибрать ее въ руки» и теперь долженъ изощряться и искать удобныхъ моментовъ, чтобы притянуть ее къ себѣ и подчинить своему вліянію.

II.

Хоть онъ слышалъ отъ Данцовой о неуязвимости Еленинаго сердца, но, разумѣется, ни минуты этому не вѣрилъ, и мысль, что проводникъ-татаринъ можетъ въ видѣ пикантнаго эпизода войти въ ея жизнь, не казалась ему неправдоподобной; онъ вполне ее допускалъ въ примѣненіи къ какой угодно женщинѣ, не исключая и Елены. Башиловъ къ женщинамъ относился очень снисходительно, потому что удѣлялъ имъ только часы отдыха и искалъ въ ихъ обществѣ забаву и удовольствіе, но не пыталъ къ нимъ ни на іоту уваженія и никогда не думалъ о нихъ съ чистыми помыслами. И теперь, покачиваясь на мягкихъ рессорахъ коляски и думая объ Еленѣ, онъ чувствовалъ себя недовольнымъ, не столько отъ того, что лишень ея общества, сколько отъ мысли, что, быть можетъ, татаринъ Ахмедъ обнимаетъ гибкій станъ, который ему самому хочется обнять, и цѣлуетъ уста, которыя волнуютъ его своею, конечно, кажущейся для него, недоступностью. Подѣхали къ «Россіи» и вышли изъ экипажа; такъ какъ Елены все еще не было, то Данцова просила Башилова обождать Елену внизу и передать ей, что она сильно устала, отказывается отъ чая, на музыку въ садъ не пойдетъ, какъ было условлено, а сейчасъ же подымается къ себѣ въ комнату и ложится спать. Минуть черезъ двадцать Башиловъ слышалъ съ террасы топотъ коней по опустѣлой набережной и пошелъ къ крыльцу, чтобы встрѣтить Елену.

— Очень жаль, что Женя такъ устала; я совсѣмъ не утомлена и рассчитывала пройтись, чтобы размять ноги.

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Въ такомъ случаѣ, заказывайте чай, я сейчасъ переодѣнусь, и мы выйдемъ.

Неожиданно сама судьба давала Башилову возможность прозондировать почву и дать мыслям Елены желаемое направление.

— Вот и я. Ахъ, какой божественный вечеръ! Что за красота! да вы оглянитесь на море...

— Сперва будемте чай пить. Извольте садиться. Неужели не устали? Вот молодецъ!

Башиловъ сѣлъ противъ нея. Освѣщенная яркимъ электрическимъ свѣтомъ, Елена была очень интересна въ небольшой сѣрой шляпкѣ и такомъ же длинномъ шелковомъ *pardessus*.

Въ эту минуту Башиловъ нашель, что ея лицо съ не совсѣмъ правильными чертами интереснѣе классической красоты Евгеніи Михайловны. Послѣ чаю онъ поднялся первый.

На набережной, освѣщенной голубымъ сіяніемъ луны, было тихо и пусто. Стройная фигура Елены выдѣлялась легкимъ силуэтомъ рядомъ съ грузной, плотной и широкоплечей фигурой Башилова.

Елена молча наслаждалась необытной картиной морского простора.

— Вы любите природу?—первала она молчаніе.

— Люблю-съ.

— Отчего я этого въ васъ не чувствую?

— Вѣроятно, потому, что въ любви къ природѣ, какъ и во всемъ остальномъ, я очень уравновѣшенъ и не кричу о своихъ восторгахъ.

— Слишкомъ уравновѣшены?

— Вамъ это не нравится?

— Если слишкомъ, то не нравится.

— Что дѣлать-съ!

Елена умолкла, и они шли нѣсколько минутъ молча. Башиловъ не находилъ предлога, чтобы завязать разговоръ на желаемую тему.

— Очень жаль, что Женички съ нами пѣтъ: такая феерическая ночь!

— Что касается меня, то я совершенно удовлетворенъ вашимъ обществомъ и радъ мирно и наединѣ побесѣдовать съ вами.

— На этотъ разъ я, кажется, буду плохой собесѣдницей: меня захватываетъ вся эта красота и не хочется говорить о прозѣ.

— Попробуйте говорить о поэзіи.

— Думаю, что съ вами это плохо выйдетъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Вы мнѣ представляетесь человѣкомъ очень реального направленія.

— Въ этомъ вы не ошиблись, но зачѣмъ же исключать во мнѣ любовь къ поэзіи и поэтическому настроенію, которымъ именно въ эту минуту я охваченъ болѣе, чѣмъ когда-либо...

Опять Елена умолкла; ни слова не говоря, дошли до конца Александровскаго сквера, спустились къ пляжу и сѣли на скамейку близъ самаго моря. Елена, облокотясь о спинку скамьи, сидѣла вполоборота къ Башилову и, повинуваясь приливу благоговѣйнаго поклоненія природѣ, не хотѣла нарушать молчанія. Башиловъ протеръ пенсне, снялъ котелокъ, положилъ его рядомъ на скамью и, опираясь ладонями на набалдашникъ трости, сталъ смотрѣть на Елену смѣющимися глазами.

— Прибавьте къ моимъ недостаткамъ, которыми вы такъ щедро изволите меня награждать, еще одинъ—настойчивость. Вамъ угодно молчать, а я хочу съ вами говорить именно сейчасъ и потому вопреки желанію нарушу ваше созерцательное настроеніе.

— Пожалуйста, Владимиръ Ивановичъ, я съ удовольствіемъ буду васъ слушать.

— И отвѣчать будете?

— Разумѣется.

Елена разсмѣялась.

— Такъ вотъ скажите мнѣ, отчего вы такъ упрямы?

— Я упряма? Когда же вы это замѣтили?

— Сегодня. Отчего вы не захотѣли сѣсть съ нами въ экипажъ, когда я просилъ васъ?

— Во-первыхъ, вы не просили, а предложили, а, во-вторыхъ, я же вамъ говорила, что мнѣ хотѣлось проѣхаться при лунѣ.

— Елена Павловна, вы не искренни...

Башилову хотѣлось допытаться, не было ли у Елены скрытаго желанія доставить подругѣ удовольствіе прокатиться наединѣ съ нимъ, и не была ли вся эта верховая ѣзда придумана съ этой цѣлью? Ему не разъ приходило въ голову, что Данцова ошибается, воображая, что она обманываетъ Елену, что та изъ деликатности и любви къ подругѣ хитритъ и притворяется, что ничего не знаетъ и не замѣчаетъ.

— Владимиръ Ивановичъ, да что съ вами? Почему я могла быть не искренней? Даю вамъ честное слово, вы слышите—честное! что я думала только о своемъ удовольствіи, когда отклонила ваше предложеніе. Я никогда не хитрю, это не въ моемъ характерѣ. Помните, весной вы протянули мнѣ руку съ предложеніемъ союза взаимнаго довѣрія, и первый же его нарушаете; вотъ и вѣрь вамъ послѣ этого!

Въ тонѣ Еленинаго голоса было столько искренности, что Башилову стало ясно, что его предположеніе ошибочно. «Тѣмъ лучше»,— подумалъ онъ про себя, и его обычное хорошее настроеніе вернулось сразу.

— Виновать, очень виновать передъ вами, каюсь, прошу прощенія. Значить, миръ?

— Миръ... я неспособна враждовать въ такую ночь.

Вашиловъ набралъ горсть камешковъ и сталъ бросать ихъ въ море; вода при каждомъ паденіи всплескивала искрящимися брызгами, и небольшіе, постепенно вдаль расширяющіеся круги переливались и серебрили почти неподвижную поверхность морской глади. Море, казалось, тихо, дремотно дышало; чуть слышный плескъ набѣгавшей къ берегу теплой волны, лаская, перебиралъ мелкіе камешки и, влажные, они блестѣли подъ лучами луны, пока издалека, изъ глубокихъ лонъ не прибѣгала, точно крадучись, новая и новая волна и, орошая ихъ своей соленой влагой, то увлекала за собой, то убѣгала отъ нихъ.

— Мнѣ вспомнились слова красиваго романа, вы знаете его? «Быль теплый вечеръ, мы вдвоемъ на берегу сидѣли...»

— Еще бы... «Луна и звѣзды и весь міръ въ блаженствѣ потонули», вполголоса запѣла Елена.

— «Я помню, какъ рука твоя моеи руки коснулась...» чуть слышно продекламировалъ Вашиловъ, положивъ свою руку на руку Елены, тихонько сжалъ ее и сейчасъ же оставилъ.

— Если бы я здѣсь сидѣлъ не съ вами, прелестная и строгая «уника», то романсъ этотъ не пришелъ бы мнѣ въ голову.

— Не говорите необдуманныхъ словъ, Владимиръ Ивановичъ, потому что у меня прекрасная память, и я могу ихъ запомнить. Помните, вы рассказывали мнѣ объ одной дамѣ?..

— Да, я это помню и, кажется, докладывалъ вамъ, что съ тѣхъ поръ сталъ очень остороженъ и никогда не говорю того, чего не испытываю, а если и говорю, то, во избѣжаніе ошибки, гораздо менѣе, чѣмъ хотѣлъ бы сказать.

— Какъ, однажды, на балу, такъ и теперь я вамъ повторяю, что вы поддаетесь настроенію.

— Не настроенію, а обаянію, и не только на балу и теперь, но даже и на разстояніи это обаяніе меня не покидало; въ далекой утомительной командировкѣ я былъ подъ его властью. Такое состояніе души для меня ново; волнуетъ и даже пугаетъ меня...

— Владимиръ Ивановичъ,—вдругъ перебила его Елена:— помните, я кое-что рассказала вамъ изъ интимной жизни Александра Александровича Рихтера? Такъ вотъ я сдѣлаю еще добавленіе: въ то время, какъ онъ продолжалъ свою многолѣтнюю связь съ вліятельной дамой въ опасномъ возрастѣ (которая и поставила его на рельсы) и подъ сурдинку, но очень упорно ухаживалъ за одной состоятельной и пикантной барышней, добиваясь ея руки, въ то же время онъ очень искренно увлекался актрисой и дарилъ ей немало своего свободнаго времени. Представьте себѣ, что каждая изъ этихъ трехъ женщинъ воображала, что онъ исключительно и всецѣло принадлежитъ ей. Когда я еще съ вами не была знакома, то одна дама, какъ-то вскользь упомянувъ вашу фамилію, добавила, что подобно

Рихтеру вы способны вести игру съ тремя и хоть съ десятью женщинамъ. Скажите, это вѣрно?

— Однажды я былъ съ вами очень откровененъ, Елена Павловна, и рассказалъ вамъ мою жизнь, въ которой женщины занимали всегда очень мало мѣста. Позвольте теперь и мнѣ напомнить вамъ о нашемъ союзѣ, основанномъ на взаимномъ довѣрїи. Кто эта дама, снабдившая васъ такими дикими свѣдѣніями,—я не знаю, но языкъ у нея зловредной. «Эта дурища Людомирова и тутъ постаралась»,—въ то же время подумалъ онъ про себя.

— Вы разсердились?—спросила Елена послѣ воцарившагося молчація.

— Нѣтъ, но услышать это отъ васъ мнѣ было очень больно. Я чувствую, что вы стали въ какую-то оппозицію противъ меня.

— Вы ошибаетесь, Владимиръ Ивановичъ.

— Но вы вѣрите этимъ глупымъ сплетнямъ?

— Если вы серьезно скажете мнѣ, чтобы я не вѣрила, то я не буду.

— Прошу васъ и очень прошу...

— Въ такомъ случаѣ, я больше не вѣрю.

— Нѣтъ человѣка, Елена Павловна, про котораго не говорили бы скверно, отъ этого не уберечься; я не особенно и протестую, но очень благодаренъ, что вы захотѣли провѣрить эти толки, откровенно ихъ мнѣ пересказавъ. Я, видите ли, никогда не лгу и никогда не ухаживаю за женщинами исподтишка, по той простой причинѣ, что никогда ничего имъ не обѣщаю и потому не даю на себя никакихъ правъ. Если бы мнѣ вчера правилась одна, а сегодня другая, то я не вижу причины дѣлать изъ этого секретъ. Вы, конечно, понимаете, что о связяхъ не говорятъ, потому что это тайна женщины. Но связей у меня и не бывало, кромѣ одной, о которой я вамъ упоминалъ.

— Не будемъ больше говорить на эту тему, Владимиръ Ивановичъ, я совсѣмъ не хочу, чтобы вы подумали, что я позволяю себѣ проникать въ вашу интимную жизнь.

— Ну, вотъ опять! На каждый шагъ, что я дѣлаю къ вамъ, вы, прелестная уника, сейчасъ же дѣлаете два назадъ, какъ будто бы хотите увеличить разстояніе, насъ отдѣляющее.

— Вѣрьте мнѣ, что это происходитъ случайно и безъ всякой предвзятой съ моей стороны мысли.

— Спасибо вамъ за эти слова. Я такъ хотѣлъ бы, Елена Павловна, чтобы это разстояніе постепенно сокращалось.

— Для чего?

— Чтобы я могъ, наконецъ, совсѣмъ близко привлечь васъ къ себѣ.

— Это что же такое? Признаціе?..—Елена посмотрѣла въ глаза Башилова.

— Называйте, какъ вамъ угодно. Я не влюбленъ въ васъ—это слишкомъ мелкое чувство и для васъ и для меня; назвать это любовью слишкомъ рано, но меня влечетъ къ вамъ все больше и больше, и въ вашей власти придать моимъ чувствамъ для васъ желаемую форму. Вдумайтесь, Елена Павловна, не тотъ ли я человѣкъ, который сможетъ вложить въ вашу, какъ вы однажды выразились, пустую и ненужную жизнь смыслъ и цѣль; вы ловки, умны и красивы; въ васъ есть все, чтобы сдѣлаться подругой человѣка, который съ поднятымъ забраломъ смѣло идетъ завоевывать свое счастье. Въ женщинѣ мнѣ нуженъ другъ и товарищъ, совѣтникъ и заговорщикъ. Не считите цѣль моей жизни эгоистичной и мелкой. Я стремлюсь достигнуть высшихъ ступеней карьеры не для того, чтобы злоупотреблять своей властью, какъ это указывалъ весной вашъ убѣжденный знакомый, а съ исключительной свѣтлой цѣлью освѣтить темные углы нашихъ законодательныхъ пробѣловъ, чтобы силой власти и слова поднять престижъ правительственного авторитета, чтобы силой моей энергій поддержать прогрессъ либерально-гуманнаго направленія, а не тормозить его. Повѣрьте мнѣ, что власть и почва подъ ногами окрыляютъ мою мысль, а не ошьяняютъ.

Башиловъ такъ вдохновился красотой высказываемыхъ идей, что твердо вѣрилъ тому, что говорилъ, забывъ всю силу своего жесткаго эгоизма, своей ненависти къ тѣмъ, кто не раздѣлялъ его убѣжденій, забывъ, что властолюбіе и заносчивость составляли отличительныя черты его характера. Машинально онъ всталъ со скамьи, подошелъ къ морю такъ близко, что набѣжавшая волна тихонько лизала край его ботинокъ, и, бросивъ камешекъ въ море, указалъ на расплывающіеся круги.

— Это моя воля. Видите, какъ постепенно расширяются круги и захватываютъ спокойную гладь.

Неожиданно для самой себя, подхваченная и наэлектризованная сильной рѣчью Башилова, Елена встала тоже, подняла горсть крупныхъ камней и, съ силой далеко забросивъ ихъ въ море, посмотрѣла на Башилова.

— А это моя воля...

Морская гладь испещрилась отчетливыми, колеблющимися, быстро разрастающимися кругами, которые расплывались все дальше и дальше, захватывая и поглощая круги отъ раньше брошеннаго камня. И отъ Башилова, и отъ Елены вѣяло силой скрытой несомнѣнной воли. Мгновенно то разстояніе, о которомъ онъ говорилъ нѣсколько минутъ тому назадъ, сократилось настолько, что Башилову казалось возможнымъ сейчасъ же, сію минуту протянуть руки и прижать ее къ своей груди, и опять онъ поборолъ себя, инстинктивно сознавая, что завоевать Елену можно выдержкой, а не порывомъ.

— Такъ вы вотъ какая, Елена Павловна!—воскликнулъ онъ, и въ этомъ возгласѣ звучало восхищеніе.—Теперь вамъ должно быть понятно мое вамъ поклоненіе: сила влечетъ силу.

— Да, да, въ этомъ вы правы; я тоже люблю силу...

На другой день, проснувшись рано и распахнувъ дверь террасы, Елена была удивлена видомъ помутившагося неспокойнаго моря и затуманиваемаго неба; утро было сѣрое; надъ горами низко рѣяли облака. Вскорѣ вошла Данцова, и было рѣшено не предпринимать никакой экскурсіи въ виду возможности дождя. Данцова вскользь освѣдомилась, была ли Елена вчера, по своемъ возвращеніи въ городскомъ саду на музыкѣ, или же послѣдовала ея примѣру. Елена пожалѣла вслухъ, что ея подруга не вышла вмѣстѣ съ ними полюбоваться на освѣщенное луной море, но, по привычкѣ ли къ выдержкѣ, или изъ чувства деликатности по отношенію Башилова, не передала ей о своемъ разговорѣ съ нимъ, который оставилъ въ ней какое-то необъяснимое чувство безпокойства не то за себя, не то за нарушенную гармонию простыхъ отношеній. Вчера она была такъ утомлена, что, вернувшись въ комнату, немедленно легла въ кровать и тотчасъ же заснула, не успѣвъ разобраться въ томъ, что она неожиданно услышала отъ него, и тѣмъ сильнѣе, едва она проснулась сегодня, охватило ее воспоминаніе всего имъ наканунѣ сказаннаго. Она чувствовала потребность ясно опредѣлить и свои отношенія къ Башилову, и то впечатлѣніе, которое вызывали въ ней его слова. Она не хотѣла его видѣть раньше, чѣмъ сама не разберется въ хаосѣ неожиданныхъ впечатлѣній, и потому съ радостью остановилась на пришедшей ей въ голову мысли опять ѣхать верхомъ, и тѣмъ болѣе, что эта поѣздка не нарушала ничьихъ плановъ. Не прошло и часу, какъ передъ подъѣздомъ стояла верховая лошадь и красавецъ Ахмедъ обдергивалъ и тщательно расправлялъ Еленину амазонку. Ахмедъ былъ гордый татаринъ, привыкшій къ поклоненію пріѣзжихъ дамъ, и его удивляло отношеніе Елены, которая не разъ ѣздила съ нимъ въ одиночку, что, сообразно крымскимъ правамъ, должно было обозначать желаніе его общества; однако она держалась съ нимъ хоть и просто, но строго, не замѣчала пламени его черныхъ очей, не восхищалась его красотой и не заводила съ нимъ безконечныхъ разговоровъ; когда они выѣхали въ горы, Елена, все время молчавшая, обратилась къ проводнику:

— Ахмедъ, поѣзжай сзади, я хочу быть одна,—и, ударивъ лошадь хлыстомъ, почти всю дорогу до Гурзуфа ѣхала въ одиночествѣ. Ахмедъ обидѣлся и презрительно повелъ плечами.

— Поѣзжай хоть на Четырь-Дать одна, мэнэ все равно.

Башиловъ, спустившись на террасу и узнавъ отъ лакея, что Елена уѣхала верхомъ, мгновенно почувствовалъ приливъ такого раздраженія и даже гнѣва, что поспѣшилъ уйти одинъ на набережную, чтобы совладать съ собой и не встрѣчаться съ Евгенией Михайлов-

ной, съ которой ему не хотѣлось ни видѣться сейчасъ, ни разговаривать. Онъ долго и безцѣльно бродилъ. Наконецъ, усѣвшись въ павильонѣ надъ моремъ, велѣлъ подать себѣ завтракъ, развернуть газету и долго просидѣлъ въ одиночествѣ надъ разволнованнымъ моремъ.

Пошелъ дождь. Обѣдали въ столовой «Россiн», не дождавшись Елены.

— Бѣдная Елена, она, навѣрное, пережидаетъ дождь въ Гурзуфѣ. Напрасно такъ далеко поѣхала, я ей говорила, что поѣздка сегодня рискованна.

— Умная женщина, а шалая.

Раздраженiе Башилова росло съ каждымъ часомъ; онъ не владелъ собой и потому тотчасъ же послѣ обѣда удалился въ читальню подъ предлогомъ написать нѣсколько дѣловыхъ писемъ.

— Дождикъ пересталъ, я иду гулять; передай Еленѣ ея корреспонденцію и приходи съ ней въ садъ на музыку, я буду тамъ васъ ожидать.

Данцова положила подлѣ Башилова нѣсколько писемъ для Елены и, пользуясь тѣмъ, что читальня была пуста, быстро наклонилась и поцѣловала его въ голову.

— Хорошо приду, когда письма окончу, а твою Елену дожидаться рискованно: кто ее знаетъ, когда вернется и куда заѣхала со своимъ Ахмедомъ!

Данцова разсмѣялась.

— Чего добраго,—пошутила она.

Башиловъ съ сердцемъ отбросилъ перо и вскочилъ со стула, едва Евгенiя Михайловна скрылась за дверью.

— Чортъ знаетъ что такое!... Заложивъ руки за спину, онъ сталъ грузно ходить взадъ и впередъ по комнатѣ. Если она изъ тѣхъ дамъ, которыя наполняютъ свою безцѣльную жизнь пошлыми эпизодами съ крымскими проводниками, то что ему за дѣло до ея ума и ловкости; значить, пустая бабенка и тратить на нее время нѣтъ смысла... А кажется и серьезной, и разумной... Чортъ ихъ знаетъ, этихъ бабъ! И чего ради онъ волнуется и портитъ себѣ кровь?!.. Мало ли женщинъ?! Только захогѣть... А жаль, жаль, если она не такая, какъ ему казалось. Можно было бы приручить и, кто знаетъ, недюжинная по уму, она была бы разумной подругой и поддержкой въ трудной борьбѣ... Башиловъ посмотрѣлъ на часы: восемь часовъ... одна съ татаринномъ гдѣ-то по горамъ носится... очень эмансипированная особа, если только не жрица. свободной демократической любви... А ловка! Вѣдь до сихъ поръ не разгадалъ, съ кѣмъ дѣло имѣю... Ухъ, прибралъ бы къ рукамъ!.. Дерзка... Власти надъ собой не пепытала!..

Только что Башиловъ хотѣлъ взяться за перо, какъ въ дверяхъ показалась Елена. Подхвативъ амазонку и держа хлыстъ лѣвой рукой, она подошла къ Башилову и привѣтливо протянула ему

правую руку. Лицо ее разгорѣлось, волосы слегка выбивались короткими завитками изъ-под котелка, глаза, оживленные и блестящие, смотрѣли смѣло и весело.

— Здравствуйте, Владимиръ Ивановичъ. А гдѣ же Жена? Не знаете?

— Ждетъ насъ на музыкѣ,—отвѣтилъ Башиловъ, пристальнымъ взглядомъ разсматривая Елену.

— Фу, устала!.. Ноги болятъ...

Елена опустилаcь рядомъ на кресло и вся вытянулась, опершись головой о спинку.

— А, это что? Кажется, мои письма?.. Что же вы молчите?

— Виновать, забыть-съ... Евгения Михайловна поручила передать.

— А-а, есть и отъ Юрьева... простите, Владимиръ Ивановичъ, я наскоро пробѣгу: интересно, что съ нимъ творится.

Елена вскрыла конвертъ, надписанный крупнымъ сжатымъ почеркомъ, и стала читать. Вдругъ Башилову вспомнилось, какъ еще весной Данцова передавала ему, что Людомирова, добываясь вѣдать отъ нея, нѣтъ ли у Елены серьезнаго романа съ Юрьевымъ, рассказывала, что Елена проводитъ у него вечера.

— Смѣшно слушать эту ерунду,—добавила тогда Евгения Михайловна,—какъ ни странно, но, положительно, Елена состарится и въ жизни у нея не будетъ ни одного романа.

— А замужъ какъ же вышла?—спросилъ онъ Евгению Михайловну.

— И замужемъ была безъ романтической подкладки, это я знаю навѣрное.

Теперь Башилову вспомнился этотъ разговоръ и, видя въ рукахъ Елены письмо отъ Юрьева, онъ съ ироніей подумалъ о педальновидности Данцовой. «Хоть Людомирова и слетница, а въ этихъ дѣлахъ, видно, опытна: пронюхала вѣдь про меня и Евгению Михайловну, и про Юрьева, вѣрно, не проста болтаетъ», думалъ про себя Башиловъ, глядя на Елену сквозь пещеру недружелюбнымъ и тяжелымъ взглядомъ.

— Что вы на меня такъ смотрите, Владимиръ Ивановичъ? — внезапно спросила Елена, поймавъ этотъ взглядъ.

— А вы зачѣмъ же опять изволили съ Ахмедомъ уѣхать? Это какъ же прикажете понимать? Какъ отвѣтъ на мои вчерашнія слова?.. — неожиданно для него самого сорвалось съ устъ Башилова, и въ тонѣ голоса звучало столько раздраженія, что Елена машинально отложила письмо и посмотрѣла на него глазами, полными удивленія.

— Опять Ахмедъ? При чемъ тутъ Ахмедъ?

— Да, ужъ чего краснорѣчивѣе, Елена Павловна! Вашей сегодняшней поѣздкой вамъ какъ будто бы угодно было подчеркнуть, что мои вчерашніе полушутливые намеки насчетъ проводника имѣютъ...

— Замолчите!... Не смѣйте забываться!...—Елена вспылила, выпрямилась и гнѣвно ударила хлыстомъ по столу.

— Бросьте вашъ хлыстъ!...—Башиловъ въ то же мгновеніе протянулъ руку и злобно отшвырнулъ его въ сторону.

— Владимиръ Ивановичъ, да вы съ ума сошли! Какое вы имѣете право?

— Какія тутъ права?! Скажите слово, и завтра же уѣду и никогда не встрѣтимся; поступокъ вашъ—равносиленъ насмѣшкѣ. Отчего вы не сказали вчера же, что...

— Да вотъ именно: чего я не сказала вчера? Что я сегодня верхою поѣду? Такъ я и сама этого не знала. Поѣхала, чтобы одной побыть и подумать обо всемъ, что отъ васъ же вчера слышала. Я никакъ не ожидала, что вы такъ несдержаны. Что съ вами?

— Елена Павловна, сядьте.

— Не хочу.

— Елена Павловна, не злите меня. Долженъ вамъ сознаться, что, когда на меня нахлынетъ горячая волна гнѣва, вотъ какъ сейчасъ, я теряю волю и могу чортъ знаетъ что натворить. Не злите же. Сядьте и поговоримте.

И дѣйствительно, поблѣднѣвшее лицо Башилова съ глазами, прижавшими стальгой блескъ, показалось Еленѣ неестественно возбужденнымъ и, опасаясь бурнаго столкновенія, она, овладѣвъ собой, съ кажущимся спокойствіемъ снова опустилась въ кресло.

— Елена Павловна, поняли ли вы мои вчерашнія слова и подумали ли о томъ, что я желалъ бы услышать на нихъ хоть какой-нибудь отвѣтъ?

— Очень серьезнаго значенія я имъ не придавала, но, повторяю вамъ, уѣхала, чтобы подумать наединѣ, и сегодня же вечеромъ хотѣла возобновить нашъ разговоръ, но ваши циничныя подозрѣнія отбили у меня всякую охоту говорить съ вами.

— Циничныя?! А вамъ не угодно было подумать, Елена Павловна, о томъ, что публика судить по наружнымъ фактамъ и ваши поѣздки à deux съ красавцемъ-татариномъ вызываютъ циничныя толки; вамъ хорошо извѣстно, что, благодаря распущенности здѣшнихъ правовъ, достаточно одной поѣздки съ проводникомъ, чтобы начались чортъ знаетъ какія догадки; вы же изволили съ нимъ кататься слишкомъ часто...

— Никакого мнѣ нѣтъ дѣла, Владимиръ Ивановичъ, ни до правовъ Крыма, ни до глупыхъ толковъ всей публики.

— Такъ-съ! Ну, а мнѣ есть дѣло, потому что эти толки касаются васъ, да, кромѣ того, поймите же и меня. Вѣдь я васъ не настолько знаю, чтобы быть увѣреннымъ, что эти кавалькады...

— Такъ вы по крайней мѣрѣ хоть бы молчали, если въ васъ нѣтъ достаточно чутья, чтобы распознать, съ кѣмъ вы имѣете дѣло.

— Никакъ нѣтъ-съ, Елена Павловна, я всегда предпочитаю знать дѣло на чистоту, чѣмъ молчать. Я люблю прямые пути—они ближе къ цѣли, и потому очень серьезно прошу васъ выяснитъ мнѣ положеніе, которое я занимаю по отношенію къ вамъ, принявъ во вниманіе все, что я вамъ вчера сказалъ. Намъ другъ друга бояться нечего; мы оба достаточно смѣлы-съ.

Наступило молчаніе. Башиловъ нетерпѣливо ждалъ отвѣта; Елена, совершенно справившись съ минутной вспышкой гнѣва, спокойно обдумывала свой отвѣтъ, и легкая улыбка скользнула у нея по губамъ, когда она наконецъ заговорила:

— Помнится, вы уже однажды сказали мнѣ, что я очень смѣла, и вы не ошиблись. Я буквально ничего и никого не боюсь, и въ силу этого, если бы Ахмедъ дѣйствительно сумѣлъ завладѣть моимъ сердцемъ, то ни одной минуты я не сочла бы нужнымъ скрываться и не боялась бы ни скандала, ни злословій: но тогда онъ ужъ не могъ бы быть проводникомъ, и я не заставляла бы его въ роли лакея приводить ко мнѣ лошадей, скакать позади меня и по два часа ожидать на дождѣ, пока я въ курзалѣ обѣдаю и слушаю музыку. И довольно! Этотъ вопросъ исчерпанъ. Я свободна, очень свободна, гораздо больше, чѣмъ вы предполагаете; не даромъ же я провела четыре года въ студенческой средѣ, изъ которой выдѣлилось не мало передовыхъ умовъ, и имѣю полное право любить кого мнѣ угодно и какъ мнѣ угодно, не считаясь со вкусами и иезуитскими условностями общества, но... я ровно никого не люблю, и сердце мое свободно и пусто. Я никогда не любила, никогда не испытывала страсти и желаній; моей натурѣ это чуждо, и я далека отъ мысли искать ихъ.

— Какъ! вашей натурѣ чужды страсти?—Башиловъ размѣялся.—Довольно на васъ посмотрѣть, поговорить съ вами, чтобы вывести противоположное заключеніе... Если вы говорите правду, то, значить, не нашлось подходящаго партнера, чтобъ разбудить васъ. Ну, а если бъ нашелся?... Вы отъ него не убѣжали бы?

— Нѣтъ, павѣрно, нѣтъ.

— Такъ вотъ видите-съ, Елена Павловна, на повѣрку выходитъ, что мы съ вами въ очень схожихъ положеніяхъ: стрекаться и кривить душой, будто бы страсти и мнѣ невѣдомы, не стану; конечно, я подпадалъ, и даже не разъ, подъ ихъ власть, любви же до сихъ поръ не зналъ и не искалъ. Но вотъ на горизонтѣ моемъ появилась женщина, во власти которой, думается мнѣ, можетъ быть все мое сердце, умъ и всѣ помыслы. Эта женщина мнѣ представляется тѣмъ идеаломъ подруги и товарища, котораго до сихъ поръ я тишечно искалъ на своемъ пути. Объ руку съ ней никакой дремучій лѣсъ не покажется непроходимымъ и темнымъ...

— Владимиръ Ивановичъ, среди всѣхъ моихъ знакомыхъ и друзей вы выдѣлились смѣлостью, умомъ, энергіей въ соединеніи, какъ

миѣ кажется, съ добрымъ сердцемъ. Только что я узнала, что вы можете быть вспыльчивы и несдержаны, но это ничего... Вы захватываете меня своей смѣлостью, вы интересны, съ вами миѣ какъ-то бодро и весело, но... сердце мое спитъ.

— А разбудить его можно?

— Попробуйте... я буду вамъ очень благодарна.

— И тогда оно будетъ мое?

— Оно будетъ ваше.

— Такъ-съ. Значить, какое же резюме нашего разговора?

— Предадимъ его забвенію и будемъ слѣдовать по тому пути, который намъ судьба укажетъ. Я — свободна и ничѣмъ не связана, а вы?..

— Абсолютно свободенъ, иначе, разумѣется, и не говорилъ бы такъ съ вами.

— Слѣдовательно, въ нашей власти идти другъ другу навстрѣчу.

— Спасибо вамъ, очаровательная уника, за эти добрыя слова, дайте вашу ручку поцѣловать и простите за гнѣвную вспышку: очень ужъ вы взвинтили меня... Ну-съ, а насчетъ Ахмеда какъ же? Поѣдете съ нимъ завтра опять?

— Иѣтъ, теперь ужъ я больше съ нимъ не поѣду.

Башиловъ крѣпко пожалъ руку Елены, повернувъ ладонью вверхъ, прильнулъ къ ней губами и чуть-чуть притянулъ къ себѣ, но, почувствовавъ легкое сопротивленіе, сейчасъ же отпустилъ и добродушно улыбнулся:

— Простите, я забылъ, что вы спящая царевна.

Несмотря на то, что ничего не было обѣщано и никакихъ взаимныхъ обязательствъ дано не было, однако произошла какая-то едва уловимая перемѣна въ отношеніяхъ между Еленой и Башиловымъ. Онъ, попрежнему очень осторожный и сдержанный, не разъ устремлялъ на нее взоръ, въ которомъ мелькала имъ однимъ понятная тайная мысль о возможномъ будущемъ. Хоть онъ и рѣдко выражалъ какую-нибудь просьбу, относящуюся непосредственно къ Еленѣ, но если это случалось, то она ее старалась исполнить, за что Башиловъ тихонько пожималъ ей руку. Нѣжнымъ, по натурѣ своей, онъ быть не умѣлъ, но Елена чувствовала много теплоты и добраго къ себѣ отношенія. Ни на одну минуту Башилова не потревожила и не смутила мысль о трудной роли, въ которую онъ поставилъ себя, отдавъ свое сердце тремъ женщинамъ за разъ. О Любви Ивановнѣ онъ совсѣмъ забылъ и думать, рѣшивъ при первомъ же ея пріѣздѣ въ Петербургъ, какъ онъ выражался, «ликвидировать съ ней свои дѣла». Объ Евгениі Михайловнѣ онъ тоже мало тревожился, предоставляя судьбѣ, не разъ вывопившей его изъ рискованныхъ положеній, помочь и въ этомъ случаѣ. Никакими общаніями онъ себя съ ней не связывалъ, а если туманно и намекалъ на возможность брака, то вѣдь чего въ жизни не случается? Она не дѣвочка, онъ ее не неволилъ;

коли жила съ нимъ, значить, правилось; ну, а вѣдь сердце не въ нашей власти: вчера любилъ, сегодня разлюбилъ. «Поплачетъ и утѣшится, найдетъ другого...»—думалъ Башиловъ объ Евгеніи Михайловнѣ, влюбленность которой ему все же еще правилась; съ ея осторожностью онъ ровно ничѣмъ не рисковалъ, а ея красота нѣтъ-нѣтъ, а влекла къ себѣ, тѣмъ болѣе, что была вполне доступна. Башиловъ чувствовалъ, что Елена принадлежитъ къ очень сдержаннымъ и неболтливымъ натурамъ, и ни одной минуты не опасался могущаго произойти между подругами объясненія. А если бы даже оно и произошло случайно, онъ не видѣлъ причинъ пугаться: возьметъ такъ ловко удающійся ему тонъ безхитростнаго добродушія и будетъ передъ Данцовой чистосердечно исповѣдываться, что да... виновать... казните... что дѣлать, увлекся вами, поддался страсти, а встрѣтилъ Елену, и все перевернулось... но скорѣй онъ вполне успокоился, убѣдившись, что, несмотря на глубокую и взаимную дружбу, въ вопросахъ сердца объ женщины хранили молчаніе.

«Значить, молчать умѣютъ объ — умницы!» подумалъ Башиловъ, и въ награду у обѣихъ подругъ смѣнялись въ комнатѣ громадные букеты розъ съ опьяняющимъ сладкимъ и влажнымъ благоуханіемъ.

Елена много задумывалась надъ тѣмъ, что случилось, и, умѣя разбираться въ своихъ чувствахъ, поняла, что происшедшее между ними объясненіе сильно ихъ сблизило; рушилась стѣна, позади которой каждый казался чужимъ, еще мало знакомымъ одинъ другому. Даже вспыльчивость и рѣзкость, съ которой Башиловъ позволилъ себѣ во время объясненія вырвать у нея хлысть, не повредили ему, а скорѣй послужили въ его пользу, такъ какъ явились выраженіемъ накопившагося чувства обиды и ревности. Елецъ, никогда самой не испытывавшей никакихъ страстей, правилось подмѣчать ихъ въ другихъ, въ особенности, если причиной, вызвавшей ихъ, была она сама. Борьба съ людьми и препятствіями для достиженія намѣченной цѣли пробуждала ея сильную, но дремавшую энергію, мысли о возможности примѣнить на благо общества свои высокія чувства, путемъ совѣта и добраго вліянія на человѣка, стремящагося къ завоеванію власти и силы,—открывали ей новые горизонты въ жизни, указывали на разумную цѣль, на тотъ смыслъ, безъ котораго вся жизнь казалась ей пустой, ненужной забавой, яркимъ, безцѣльно пущеннымъ въ пространство мыльнымъ пузыремъ. Хотя честолюбіе и не было чувствомъ, вполне чуждымъ ея натурѣ, однако не картины власти и почестей плѣняли ея воображеніе, а исключительная мысль о той радости, съ какой оба они, сильные и волей, и духомъ, достигнуть общими силами желаемой цѣли и будутъ служить на пользу общественнымъ нуждамъ.

Несмотря на любовь къ риску и запутаннымъ положеніямъ Башиловъ былъ доволенъ, когда пришелъ конецъ его короткаго от

пуска и ему необходимо было возвращаться въ столицу. Елена собиралась провести мѣсяць за границей и звала съ собой Евгенію Михайловну, но та очень категорично отказалась: мысль о новой разлукѣ съ Башиловымъ казалась ей слишкомъ тягостной. Онъ уѣхалъ въ яркое и теплое утро; море блестяло и тихо колыхалось, легкій бодрящій вѣтерокъ гналъ по ясному небу живописныя облачка; на душѣ у Башилова было легко, и море представлялось ему эмблемой его свѣтлаго, широкаго будущаго. Данцова, вставшая раньше обыкновеннаго, пила чай на терасѣ и поджидала, когда онъ спустится внизъ, чтобы еще разъ почувствовать пожатіе его руки и сказать ему, что и она не замедлитъ скоро вернуться въ Петербургъ. Когда Башиловъ садился въ экипажъ и офиціантъ укладывалъ на козлы его элегантный желтой кожи чемоданчикъ, во второмъ этажѣ распахнулась дверь на балконъ, и Елена, въ бѣломъ кашемировомъ капотѣ, въ утренней прическѣ, дѣлавшей ея лицо гораздо моложе, перегнулась черезъ перила и окликнула его:

— Владимиръ Ивановичъ, до свиданія! Хотѣла спуститься внизъ, чтобы попрощаться, да вотъ и проспала. *Bon voyage!* въ ноябрѣ буду дома...

Башиловъ всталъ на подножку, широкимъ жестомъ снялъ панаму и, закинувъ голову кверху, весело улыбнулся.

— Не засиживайтесь, возвращайтесь скорѣе, а то ваши друзья затоскуютъ... и меня не забывайте...

Вѣрившій въ предчувствія и предзнаменованія, онъ унесилъ въ душѣ своей почти увѣренность, что дни, протекшіе на живописномъ берегу Чернаго моря, легли прочнымъ фундаментомъ его свѣтлаго будущаго, въ которомъ Евгеніи Михайловнѣ суждено ступеваться, чтобы уступить свое мѣсто яркому и энергичному образу Елены. Когда пароходъ собирался отчаливать, кто-то бросившій съ пристани букетъ цвѣтовъ попалъ имъ прямо въ Башилова; онъ передалъ цвѣты по назначенію, но въ этомъ пустомъ фактѣ ему почудилось счастливое предзнаменованіе, и никогда за всю свою жизнь онъ не испытывалъ большей бодрости духа и увѣренности въ себѣ, какъ въ это памятное для него блистательное утро .

III.

Занавѣсъ опустился. Ослѣпительный свѣтъ электрическихъ люстръ залилъ зрительный залъ балета, и нарядная публика зашевелилась; многіе поднялись со своихъ мѣсть, лорнируя ложи и партеръ; двери ложъ открывались, и въ нихъ любезно расшаркивались, щелкали шпорами и прикладывались къ надушеннымъ ручкамъ нарядныхъ дамъ входившіе мужчины, говорили любезности, улыбались, на лету острили, сообщали новости, восхищались искуснымъ пируэтомъ балерины и, въ душѣ полуравнодуш-

ные ко всему, что не касалось ихъ жизни, опять цѣловали ручки, повторяли одиѣ и тѣ же, какъ по шаблону заученныя, фразы, улыбались одиѣми и тѣми же привѣтливо искусственными улыбками и шли въ другія ложки или на свои мѣста, разсѣянно скучающіе, мало чѣмъ интересующіеся, выдохшіеся, безъ того жизненнаго импульса, которымъ въ нашъ бѣдный вѣкъ обладаютъ только избранныя натуры.

Эти все скучающіе, лѣнныя, боящіеся малѣйшаго шага внѣ общепринятаго шаблона люди кажутся жалкими, нищими волей и мыслью, манекенами. Живое слово ихъ пугаетъ, новая мысль ихъ беспокоитъ. Если смѣлыя мысли борцовъ, ищущихъ свѣта и истины, грозятъ нарушить издавна привычно установленный строй жизни, исполненный мелко-эгоистическихъ интересовъ, то они со страхомъ и сомнѣніемъ оглядываются вокругъ себя, спѣша прочесть на лицахъ себѣ подобныхъ такой же страхъ или недоумѣнье, лепечутъ слова протеста и даже умѣютъ сердиться, быть злыми и говорить громкія рѣчи, исполненныя благороднаго негодованія; на минуту ихъ даже можно принять за людей убѣжденныхъ.

Въ ложѣ бельэтажа, опершись о бархатный барьеръ, кокетливо играя вѣромъ и поминутно вскидывая выразительный влюбленный взглядъ въ сторону стоящаго въ глубинѣ ложи барона, сидѣла спиной къ зрительному залу Людомирова и, смѣясь, угощая конфетами, слушала высокаго, массивнаго господина, который, присѣвъ на край стула и слегка покачиваясь, увѣрялъ ее, что стоитъ ему видѣть очень откровенно декольтированную женщину, чтобы по видимымъ даннымъ онъ могъ опредѣлить не только складъ ея характера, но даже и прошедшее; если же ему удастся видѣть всю ея ногу до колѣна, то онъ почти безошибочно предсказываетъ и будущее.

— И многимъ дамамъ вамъ удалось предсказать судьбу?—смѣясь и играя глазами съ неестественной темной дугой подъ рѣсницами, спрашивала Людомирова.

— *Ce qui je dis, madame, est toute à fait sérieux...*¹⁾ Тѣ дамы, которыя вѣрили мнѣ, остались вполнѣ довольны...

— О, не сомнѣваюсь!.. Ужъ не повѣрять ли и мнѣ?!..

Людомирова кинула кокетливый взглядъ въ сторону барона, но онъ былъ занятъ разговоромъ съ Еленой и не обращалъ вниманія на даму своего сердца, которая, вопреки его ожиданію, совсѣмъ не остыла за время лѣтней разлуки и едва вернулась въ столицу, какъ сейчасъ же предъявила свои права и оказалась попрежнему влюбленной. Барону эта связь начинала надоѣдать, но онъ всегда предоставлялъ женщинѣ первый шагъ разрыва и, не измѣняя и здѣсь привычки къ джентльменству, терпѣливо ожидалъ, будучи

¹⁾ Я говорю, сударыня, совершенно серьезно.

увѣренъ, что Людомировой надоѣсть его холодность и она не замедлитъ найти другого, болѣе пылкаго поклонника...

— Отчего вы не дали мнѣ знать сегодня, что вернулись изъ-за границы? Я бы захватилъ къ вамъ днемъ хоть на часокъ?— спрашивалъ баронъ Елену, съ которой онъ стоялъ въ глубинѣ ложи.

— Я вчера только вернулась. Мариша случайно узнала и сегодня же утромъ пригласила меня по телефону къ ней въ ложу и между прочимъ сообщила, что и вы будете съ ней. Я хотѣла вамъ сдѣлать сюрпризъ.

— Вы знаете, mon ange, что я предпочелъ бы васъ видѣть наединѣ...—шутливо проговорилъ баронъ, но въ шуткѣ звучала доля правды.

— Ну, такъ прѣзжайте завтра къ завтраку. Повѣдаете мнѣ всѣ ваши тайны, если онѣ есть... Я вижу, что вы, cher Baron, стали поразительно постоянны...—Елена скользнула взглядомъ въ стору Людомировой.

— Ахъ, нѣтъ, оставьте... Объ этомъ не будемъ говорить!—сильно понижая голосъ, проговорилъ баронъ.

— А-а-а... Понимаю. Такъ вамъ и надо. Судьба вамъ отплатила за измѣну мнѣ.

— Вѣдь я ничего не сказалъ... но вамъ не измѣнилъ. Я только ждалъ и продолжаю ждать.

— Чего? психологическаго момента? Помните, вы, кажется, такъ выражались?

— Да, именно такъ.

— Такъ имѣйте въ виду, что онъ, кажется, скоро наступитъ.

— Что-о-о? Въ такомъ случаѣ я буду еще болѣе наблюдателемъ. А что вызываетъ у васъ такое предположеніе? Какія данныя?

— Онѣ такъ неуловимы, что для нихъ нѣтъ словъ... un je ne sais quoi...

— А что дѣлаетъ вашъ морякъ?

— «Моего» моряка я еще не видала, но все время была съ нимъ въ перепискѣ... Онъ здоровуется, и если хотите, то могу и его позвать къ завтраку.

— Нѣтъ, увольте, не хочу. Ужъ не онъ ли есть ce je ne sais quoi? Сознайтесь, что зимой тутъ что-то было?!

— И вы тоже? Думайте, что хотите...

— Нѣтъ, вы такъ легко отъ меня не отдѣляетесь; завтра я буду васъ исповѣдывать на эту тему...

— Что вы притворяетесь, cher Baron? точно я васъ не знаю. Вы увѣрены, что ничего тутъ не было, иначе, будь у васъ хоть юта подозрѣнія, вы бы смотрѣли на меня глазами сфинкса и дѣлали бы видъ, что слѣпы и глухи.

— Ну, что касается васъ, то это еще вопросъ...

Запавъсь взвился; на сценѣ, при лунномъ освѣщеніи феерической декораціи, какъ воздушныя, неуловимыя видѣнія, гибкія и колеблющіяся, медленно подымались изъ чашечекъ гигантскихъ лилій очаровательныя, какъ сновидѣнія, балерины и, сладострастно изгибаясь, чуть касаясь земли, медленно скользили по сценѣ или длинной вереницей, безшумной толпой разбѣгались въ разныя стороны и, насторожившись, приложивъ палець къ губамъ, перегнувшись веѣмъ станомъ впередъ, съ откинутой ножкой, прислушивались къ сладкой мелодіи далекой арфы. Елена страшно любила балетъ. И чарующая музыка, и пластика движеній, и страстность танцевъ ее пьянили иногда до того, что она иной разъ спрашивала себя, не есть ли это то же чувство экстаза, погоней за которымъ были охвачены ея пріятельницы парижскихъ и петербургскихъ салоновъ, и тогда, какъ онъ охватывалъ Елену въ полумракѣ потонушаго въ молчаливое созерцаніе театра, онъ его испытывали не иначе, какъ въ объятіяхъ кратковременной смѣняющейся любви. Откинувшись на спинку стула, съ приподнятымъ слегка подбородкомъ, она вся устремилась на сцену и упивалась зрѣніемъ и слухомъ; Людомирова же, не увлекавшаяся никакимъ искусствомъ и ничего не любившая, кромѣ благъ жизни, и ѣздившая въ балетъ потому, что у нея былъ свой абонементъ, и потому, что въ балетѣ бывали веѣ, поминутно оборачивалась назадъ и шепталась съ барономъ, сидѣвшимъ за ея спиной и не спускавшимъ взгляда съ красивыхъ, слегка покатыхъ плечъ Елены и ея гибкой длинной шен. Тихонько скрипнула дверь; вошелъ Людомировъ, какъ всегда, съ пріветливой улыбкой на губахъ и веселымъ, добродушнымъ выраженіемъ глазъ. Онъ поцѣловалъ руку жены и Елены, вполголоса сказалъ ей нѣсколько пріветливыхъ словъ и, крѣпко сжавъ руку барона, которому искренно симпатизировалъ, придвинулъ свой стулъ къ нему и на ухо сталъ рассказывать какую-то новость, совершенно игнорируя то, что дѣлалось на сценѣ. Людомирова догнута была до плеча Елены.

— Правда, что Юрьевъ женится?—продолжала она послѣ минутной паузы.

— Не слыхала... не знаю,—шопотомъ отвѣтила Елена, не отрывая глазъ отъ сцены.

— Когда увидишь его—узнай. Интересно знать, на комъ?... На дняхъ отсюда уѣхала Люба Бергъ въ ужасномъ состояніи... прилетѣла ко мнѣ и разразилась такой истерикой, что я хотѣла за докторомъ послать... у нея произошелъ разрывъ съ этимъ Башиловымъ... Я, знаешь, никакъ не думала, чтобы она была такъ привязана къ нему...

Елена отвела глаза отъ сцены и съ интересомъ стала слушать новости, которыми Людомирова спѣшила съ ней подѣлиться.

— Съ чего жъ это онъ?

— Кто его знает! Съ нимъ вѣдь дѣло имѣть нелегко. Не даромъ я его считала жестокимъ эгоистомъ. Хотя бы подготовилъ! Люба ужасно потрясена. Мнѣ даже ее, бѣдную, жаль стало. Объявилъ ей, что подумываетъ о женитьбѣ, что даже есть кто-то на примѣтѣ. Ужъ не твоя ли мадонна, Евгения Михайловна? Онъ способенъ провести все это дѣло што-крыто и поразить всѣхъ приглашеніемъ на свадьбу.

— Женя тутъ ни при чемъ. Мы обѣ столкнулись съ нимъ въ Ялтѣ, безпрестанно видѣлись, и, повторяю тебѣ, Женя къ нему совершенно равнодушна.

— А чего же ради его въ Ялгу понесло?

— Говорилъ, что усталъ и пріѣхалъ освѣжиться.

— Ну, дорогая моя, пусть это онъ рассказываетъ вамъ, а я ни за что не повѣрю. Это человѣкъ, неспособный шагу ступить, не имѣя какой-нибудь скрытой эгоистической цѣли... Не въ его духѣ ѣздить въ Ялгу на отдыхъ и тратить попустому время, которымъ онъ дорожить на вѣсь золота. Говорю тебѣ, что оба скрываютъ связь, и онъ намѣренъ на ней жениться. Ужасная дрянь! Такъ мерзко поступить съ Любовй.

— И ты тоже неправа, Мариша. Если онъ имѣетъ въ виду женитьбу, то, очевидно, не можетъ же онъ поступить иначе... Ты на него нападаешь.

— А ты судишь пристрастно. Онъ, вѣроятно, прикидывается передъ тобой добродушнымъ и прямымъ—это ему недурно удастся. Онъ обязанъ былъ Любу подготовить, а не ѣздить съ ней по ресторанамъ и цѣловаться чуть ли не за день до преподнесенія отставки. Не только не джентльменъ, а даже и не порядочный господинъ.

— Возможно, что не совсѣмъ такъ и дѣло было... Любовь Ивановна въ своемъ раздраженіи могла и преувеличить... Башилова я, конечно, совсѣмъ мало знаю, но онъ на меня производитъ впечатлѣніе гораздо болѣе симпатичное, чѣмъ ты о немъ отзываешься.

Людомирова тихимъ шопотомъ принялась рассказывать Еленѣ тѣ подробности разрыва, что она слышала отъ своей подруги, конечно, подъ честнымъ словомъ глубокой тайны. Однако, что бы ни рассказывала Людомирова про Башилова, это не вліяло на впечатлѣніе, которое Елена вынесла отъ встрѣчи съ нимъ, и на составленное о немъ мнѣніе. Она и раньше догадывалась, что дама, о связи съ которой онъ рассказывалъ ей весной въ минуту откровенности, не кто иная, какъ Любовь Ивановна Бергъ, и новость, только что услышанная отъ Людомировой о происшедшемъ разрывѣ, произвела на нее пріятное впечатлѣніе и выставила Башилова въ очень рельефномъ видѣ цѣльной и безхитростной натуры. Несмотря на то, что Елена ничего положительнаго и опредѣленнаго ему не обѣщала, онъ, говорившій ей о своемъ чувствѣ, счелъ нужнымъ порвать связь, которая, строго говоря, могла бы быть ей и неиз-

вѣтна. Въ этомъ поступкѣ чувствуется привычка къ чистоплотности чувствъ, къ прямымъ и рѣшительнымъ путямъ... Такъ думала Елена въ то время, какъ Людомирова бранила Башилова и возмущалась его отношеніемъ къ своей подругѣ Бергъ, которая, по ея словамъ, никогда не примирится съ этимъ ударомъ. Елена не вполне довѣряла словамъ своей пріятельницы еще и потому, что изъ ея памяти не изгладилось воспоминаніе сдержанной холодности, почти безразличія, съ которыми онъ относился къ теперешней генераль-губернаторшѣ на балу у Людомировой же. Она помнила дѣланную улыбку Бергъ и ея раздраженіе въ спорѣ и недружелюбный огонекъ въ глазахъ Башилова; его ухаживаніе за ней на глазахъ же Любовь Ивановны развѣ не было вызывомъ, не было подготовкой къ могущему произойти разрыву? Всего этого Елена, конечно, не высказала Людомировой, но мысленно упрекнула Бергъ въ несправедливомъ отношеніи къ человѣку, который исподволь готовилъ ее къ тому, что она должна была сама предвидѣть.

Послѣ балета Людомировой хотѣлось ужинать въ ресторани, и она убѣдила Елену ѣхать вмѣстѣ. Такъ какъ компанія была небольшая и Людомирова предвидѣла невозможность вести съ барономъ интимную бесѣду, то изъ театра же она подговорила мужа протелефонировать Юрьеву и Орлову и вызвать ихъ къ Кюба, побѣщая въ интересную встрѣчу. Юрьева не оказалось дома; Орловъ, не любившій рестораноу, сперва отказался наотрѣзъ, ссылаясь на усталость и желаніе лечь спать пораньше, но когда Людомировъ сказалъ, что онъ встрѣтитъ Елену, то Орловъ моментально измѣнилъ тонъ и объявилъ, что ѣдетъ. Елена не была довольна этой затѣей: ей не хотѣлось встрѣчаться съ Орловымъ, не обдумавъ, въ какую форму должны вылиться теперь ея къ нему отношенія; она не хотѣла себя обманывать и сознавала, что если дѣйствительно ей суждено было выйти замужъ, то не Орловъ можетъ стать ея мужемъ. Онъ отодвинулся на задній планъ и представлялся ей теперь и мало интереснымъ, и отсталымъ въ своихъ сужденіяхъ, и не достаточно развитымъ, безъ энергій, воли и всѣхъ тѣхъ качествъ, которыя ее влекли къ Башилову. Даже его настойчивая влюбленность казалась ей теперь слегка смѣшной и даже ограниченной. Ей хотѣлось мало-по-малу отучить его отъ мысли, что она можетъ быть ему близка, и осторожно увеличивать разстояніе, уже раздѣляющее ихъ послѣ послѣдняго объясненія. Она не имѣла еще достаточныхъ данныхъ, чтобы открывать Орлову переломъ въ своей душѣ; она была заинтересована Башиловымъ, чувствовала какую-то связь, но о любви не могло быть еще и рѣчи. Имѣла ли она право на основаніи смутныхъ, какъ тѣни, очертаній будущаго, безжалостнымъ признаніемъ смертельно ранить сердце человѣка, беззавѣтно ей преданнаго? И она рѣшила пока молчать, ждать и осторожной рукой отводить Орлова со своего жизненнаго пути. Онъ не замед-

лилъ явиться въ кабинетъ ресторана. За почти полугодовую разлуку Елена нашла его слегка постарѣвшимъ. Хотя онъ и держался по-прежнему прямо и бодро, но сѣдыя брови больше нависли надъ глазами, щеки впали, появился тикъ легкаго подергиванія правымъ плечомъ. Онъ вошелъ очень непришудженно, съ обычной галантностью, былъ одинаково любезенъ съ обѣими дамами, но Елена отгадывала страшную напряженность всей его нервной системы; казалось, онъ ощупывалъ почву, хотѣлъ проникнуть въ тайники Елениной души и прочесть въ нихъ чувства, съ которыми она пріѣхала послѣ долгой разлуки. Елена встрѣтила его безыскусственно сердечно, говорила съ нимъ какъ съ хорошимъ добрымъ другомъ, и чуткой натурой. Орловъ быстро уловилъ происшедшую новую перемену въ ея тонѣ и обращеніи. Онъ почувствовалъ въ ея обращеніи какъ бы жалость къ человѣку, котораго не хотятъ обидѣть, и онъ весь ушелъ въ свою скорлупу, замкнулся, сталъ холоденъ, почти официаленъ и въ то же время грустенъ. Минутами, среди общаго разговора и смѣха, онъ забывался, и изъ-подъ нависшихъ сѣдыхъ бровей глядѣли печальные глаза, полные укора и затаенной обиды. Еленѣ было тяжело на него смотрѣть, и она была рада, когда ужинъ окончился и Людомирова предложила завезти ее домой въ своемъ автомобилѣ.

— Надѣюсь на дняхъ же видѣть васъ у себя, Михаилъ Михайловичъ,—обратилась Елена къ Орлову, протягивая ему на прощаніе руку.

— Сочту своимъ долгомъ,—отвѣтилъ онъ, прикасаясь губами къ пальцамъ Елены, и, какъ бы избѣгая дальнѣйшаго приглашенія, быстро раскланялся, предоставляя барону заботу усадить дамъ въ автомобиль, и уѣхалъ, вскочивъ на стоящаго рядомъ извозчика.

Одинъ за другимъ Елену навѣщали ея друзья и знакомые, узнавшіе объ ея возвращеніи. Однимъ изъ первыхъ пріѣхалъ Юрьевъ. Елена застала его въ своей гостиной, вернувшись передъ обѣдомъ съ прогулки. По обыкновенію, онъ сидѣлъ въ ожиданіи ея съ вытянутыми на коверъ ногами и сосредоточенно пускалъ кольца табачнаго дыма, закинувъ курчавую голову на спинку кресла. Елена, узнавъ отъ лакея, что онъ давно ее ожидаетъ, радостными, спѣшными шагами вошла въ гостиную.

— Юрочка, милый, какъ я рада васъ видѣть! Вотъ умница, что подождали! Будемте вмѣстѣ обѣдать и говорить, говорить безъ конца. Да что вы такой тихій стали? Гдѣ ваша шумная радость? Вы здоровы?

— Такъ точно. И здоровъ, и веселъ.

— Почему вы на Востокъ не поѣхали? Вѣдь вы мнѣ писали, что собираетесь.

— Дѣло такъ сложилось...

— Ну, хорошо... Сперва пойдете обѣдать, а потомъ будемте съ вами по душѣ обо всемъ говорить.

За обѣдомъ Елена внимательно разглядывала Юрѣва, и онъ показался ей менѣе жизнерадостнымъ, чѣмъ она его оставила: глаза не такъ блестящи, и мальчишеская беззаботность исчезла. Онъ много пилъ, былъ очень разговорчивъ, потомъ задумался и попросилъ Елену перейти скорѣе въ гостиную, чтобы уютно поболтать.

— Хорошо у васъ, Елена Павловна, чувствуешь себя, какъ дома; вы умѣете отогрѣть и приласкать.

— А развѣ вы замерзли здѣсь безъ меня?

— Не то, чтобы замерзъ, а такъ... поговорить, посоветоваться не съ кѣмъ.

— Юрочка, я начну нашъ разговоръ съ самаго главнаго: я слышала, будто бы вы женитесь.

— Хочу этого и добиваюсь, но до сихъ поръ ничего опредѣленнаго не выяснилось.

— До сихъ поръ! Юрочка, что же это значитъ? Вы говорили съ ея матерью?

— Да... то-есть нѣтъ... видите ли, дѣло въ томъ, что она проситъ меня пока еще не говорить съ матерью и подождать, пока она окончательно рѣшитъ...

Юрѣвъ загнулся, замолчалъ, нервно взъерошилъ свои волосы и, опершись локтями о колѣни, склонилъ голову на руки и задумался.

Елена покачала головой, протянула со своего мѣста руку и тихо провела ею по головѣ Юрѣва.

— Бѣдный! Вы страдаете отъ неопредѣленности вашего положенія...

— Да, именно, вы угадали. Я усталъ томиться.

— Георгій Васильевичъ, вы не мальчикъ, и я буду съ вами говорить откровенно. Вы согласны? Ну, такъ вотъ, я хочу повторить вамъ то же, что сказала однажды весной: *la soupe rechauffée ne vaut rien*¹⁾... Я не особенно довѣряла вашему счастью, когда узнала, что васъ призвали вновь. Теперь я убѣждена, что ваша пассія не счтается ни съ вашимъ сердцемъ, ни съ вашимъ самолюбіемъ... Она васъ держитъ въ резервѣ или же вашей влюбленностью подхлестываетъ и разжигаетъ чье-нибудь ей нужное чувство... Эта скверная игра не рекомендуетъ ее. Зачѣмъ она держитъ васъ подлѣ себя на привязи и въ то же время оттягиваетъ развязку. Юрочка, сознайтесь, что и на Востокъ вы изъ-за нея не поѣхали? Это она просила васъ не ѣхать? Я отгадала?

— Да, отгадали, — чуть слышно, не подымая головы, прошептала Юрѣвъ.

¹⁾ Разогрѣтый супъ ничего не стоитъ.
«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., т. сxxx.

— И вы обрадовались этой просьбѣ и не поѣхали, вмѣстѣ того, чтобы поставить ей условіе: или вы дѣлаете формальное предложеніе, или же уѣзжаете... вѣдь ваша служба страдает... вы должны были хлопотать.

— Да, конечно...

— Вы ей это говорили?

— Говорилъ.

— И она допустила?

— Она просила, но не настаивала...

— Нехорошо, очень плохо. И хуже всего, что вы, я увѣрена, боитесь поставить вопросъ ребромъ, боитесь потерять надежду.

— Да, да, да... я не допускаю мысли объ отказѣ, это было бы чудовищно и въ то же время, вы правы, я боюсь.

— Однако, другъ мой, такъ длиться не можетъ. Вы должны взять себя въ руки и подумать о своемъ самолюбіи. А что если въ одинъ прекрасный день она вамъ объявитъ, что она выходитъ замужъ?! Въ какомъ положеніи будете вы тогда?

— Ахъ, ради Бога... что вы говорите?! Елена Павловна, дорогая, поймите же, что я люблю ее. Или она, или никто... Я пушу себя шую въ лобъ... Я чортъ знаетъ, что натворю.

— Ну, это вы говорите ерунду. Если изъ-за любви стрѣляться, то мало кто и въ живыхъ бы остался.

— Что мнѣ дѣлать? Я чувствую, что куда-то увязъ и теряю подъ ногами почву.

— Удивляюсь ея матери, какъ она это допускаетъ!

— Мать четыре мѣсяца была за границей, не такъ давно вернулась.

— Вы и теперь тамъ часто бываете?

— Почти ежедневно... На дняхъ большой компаніей на Иматру ѣздили...

— Ну, конечно, все тѣ же пикники, скачки, тройки... Воображаю, что вамъ все это стоитъ. Сознаться...

— Снужу безъ денегъ...— улыбулся Юрьевъ:— да чортъ съ ними, не въ этомъ дѣло.

— Нѣтъ, извините, и въ этомъ. И долго это будетъ такъ продолжаться?

— Не знаю...

— Ну, вотъ что, мой дорогой, встряхнитесь, возьмите себя въ руки, взгляните жизни прямо въ глаза, поймите, что чему быть, того не миновать, и лучше самому идти смѣло навстрѣчу судьбѣ, чѣмъ прятать отъ нея голову, какъ страусъ. Успокойте себя и рѣшительно и безповоротно переговорите съ ней. Если она васъ любитъ, то не захочетъ потерять. Если не суждено, то перестрадаете, переболитъ и заживетъ, а такъ тянуть, это терять въ ея же глазахъ, имѣть видъ какой-то тряпки.

— Вѣрно, Елена Павловна, вы встряхнули меня. Довольно: или да, или нѣтъ. Середины быть не можетъ... Но что будетъ... что будетъ, если она скажетъ... нѣтъ...

— Если она это скажетъ, то вы же разумный человѣкъ и должны будете тогда понять, что, значить, у нея былъ какой-нибудь расчетъ, что она безсердечна и что счастья быть бы не могло.

— Да, да, все это такъ, но я не могу вырвать ее изъ своего сердца. Ахъ, Елена Павловна, если вы сами не любили никогда, то вамъ и не понятно слѣпое чувство любви, не покоряющееся ни логикѣ, ни доводамъ собственного разсудка, ни очевидности... Нѣтъ, я увѣренъ, что она славная, хорошая дѣвушка и что я буду счастливъ. Вы какъ думаете?

Елена въ отвѣтъ улыбнулась. Она предвидѣла, что вся эта исторія кончится для Юрьева глубокимъ разочарованіемъ, и хотѣла закрѣпить съ нимъ дружбу, чтобы поддержать и утѣшить его въ минуту невзгоды. Юрьевъ просидѣлъ у Елены до полуночи, и, о чемъ бы ни говорили, разговоръ незамѣтно переходилъ на тему его любви. Онъ уѣхалъ отъ нея немного приободренный, съ твердою рѣшимостью на дняхъ же переговорить окончательно съ любимой дѣвушкой и, такъ или иначе, добиться категорическаго отвѣта.

Прошло нѣсколько дней. Елена, поджидавшая Юрьева, слегка безпокоилась и его отсутствіемъ, и его молчаніемъ. Наконецъ онъ какъ-то заѣхалъ передъ вечеромъ, очень спѣшилъ и, на вопросъ Елены, какъ же обстоятъ дѣла, слегка смущенный, отвѣтилъ, что до Рождества онъ все-таки ничего опредѣленнаго знать не можетъ, что, несмотря на всю его настойчивость, ему отвѣтили, что замужество такой серьезный шагъ, что на него нельзя быстро рѣшиться, но подъ честнымъ словомъ ему обѣщали черезъ два мѣсяца дать категорическій отвѣтъ. Что ждетъ его впереди—неизвѣстно, но пока онъ все-таки счастливъ жить хотя бы надеждой, видѣть ее ежедневно, слышать ея смѣхъ, вращаться въ одной съ ней сферѣ. Юрьевъ производилъ на Елену жалкое впечатлѣніе. Казалось, что онъ заглупѣлъ въ себѣ сознаніе непрочности своего счастья и радовался отерочкѣ катастрофы, которую и самъ предвидѣлъ.

— Ужъ вы не сердитесь на меня, моя хорошая, что я рѣдко ѣзжу къ вамъ. Сами видите, голову потерялъ. Но знайте, что я вашъ другъ, вѣрный другъ... Помните, какъ мы съ вами памятки брата читали? Хорошій тогда вечеръ провели! Кстати о братѣ: вскорѣ послѣ вашего отъѣзда пріѣзжалъ сюда одинъ господинъ изъ того же лагеря, что и Александръ, я видѣлъ его и узналъ, что братъ въ Саратовѣ; написалъ ему и не такъ давно въ отвѣтъ получилъ нѣсколько строкъ... назидательныхъ, теплыхъ, но въ томъ состояніи, какъ я теперь нахожусь, чуждыхъ и моей душѣ, и моимъ помысламъ.

Юрьевъ сердечно распростился съ Еленой, попросилъ ее поцѣловать его по-братски и, какой-то нервно возбужденный, уѣхалъ отъ

нея, обѣщая заглядывать къ ней или хоть по телефону переговариваться; но Елена понимала, что, несмотря на искренность и сердечность его дружбы, всё и все ступшевалося и ушло для него на задній планъ, пока не окончится ненормальность его выжидательнаго положенія.

Съ Данцовой Елена видѣлась часто; иногда подруга казалась ей задумчивой, какъ будто слегка чѣмъ-то озабоченной, но на ея вопросы улыбалась своей тихой, мягкой улыбкой и увѣряла, что заботъ у нея особенныхъ нѣтъ, все идетъ по-старому, а такъ скучно иногда бываетъ.

— Влюбись и выходи замужъ,—совѣтовала Елена.

— Да не въ кого влюбиться и не тянешь. Пусть ужъ лучше будетъ скучновато, да спокойно. Вотъ вѣдь и ты замужъ не выходишь, а навѣрное могла бы, и не разъ.

— Я, Женичка, другое дѣло; я сильнѣе тебя, а къ старости, пожалуй, и мнѣ будетъ невесело.

— Пожалуйста, не подумай, что я фантазирую, Елена,—сказала какъ-то Евгенія Михайловна:—но я положительно не вижу своей старости. Я, понимаешь ли, не чувствую ея въ будущемъ... Мнѣ кажется, что я не доживу до нея, и меня это радуетъ.

— Пустое, Женя, отчего тебѣ не дожить? Организмъ у тебя здоровый, заботъ особенныхъ нѣтъ... отлично доживешь, и замужъ еще выйдешь и птенцовъ выведешь.

— Нѣтъ... не доживу... я не чувствую нити своей жизни—задумчиво отвѣтила Данцова, и въ эту минуту въ темнотѣ и полумракѣ надвигающихся сумерекъ слова, произнесенныя вполголоса, прозвучали, какъ вѣщее предсказаніе, и сдавили сердце Елены унылою тоской.

— Перестань, Женя! Ну, что за фантазія настраивать себя на печальныя мысли. Одѣвайся, поѣдемъ ко мнѣ; пообѣдаешь у меня, вечеромъ у меня кое-кто будетъ, поболтаемъ, посмѣемся, и отъ твоихъ мыслей и слѣда не останется.

Евгенія Михайловна отказалась. Вечеромъ у нея долженъ былъ пить чай Вашиловъ, и она сказала Еленѣ, что уже отозвана къ знакомымъ и отказаться не можетъ.

— Ну, и поѣзжай; только одна не сиди съ такими грустными мыслями.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Продолженіе въ следующей книжкѣ).

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ.

РЕДЛАГАЕМЫЕ отрывки представляют собой извлечение изъ записокъ, которыя велись мною, можно сказать, всю жизнь.

Въ теченіе многихъ лѣтъ, изо дня въ день, старался я заносить просто и безхитростно все, что казалось мнѣ заслуживающимъ вниманія. Конечно, безъ перерывовъ не обошлось,—иначе и быть не могло; приходилось иногда недѣлями и мѣсяцами не заглядывать въ книжку записей; вслѣдствіе этого пропадала непрерывность, нарушалась послѣдовательность, и не безъ того, что до нѣкоторой степени уменьшалась занимательность записокъ.

Важнѣе всего, однако, въ такихъ замѣткахъ цѣнится фактическая вѣрность извлекаемаго.

Я неизмѣнно удержалъ въ отрывкахъ и провелъ черезъ нихъ всѣ тѣ извлечения, которыя, не находя себѣ подтвержденія въ официальныхъ или иныхъ извѣстіяхъ своего времени, нигдѣ ими и не опровергаются; при желаніи ихъ можно провѣрить.

Это рядъ записей, позаимствованныхъ въ свое время изъ устныхъ сообщений, извѣстій и рассказовъ, передававшихся иногда очевидцами, а иногда должностными лицами, близко стоявшими къ дѣлу и къ событіямъ, о которыхъ идетъ рѣчь.

Для видимости, считаю не лишнимъ объяснить, что относительно одного лица, фигурирующаго въ запискахъ,—Петра Ефимовича Кузьминскаго, много и меня и другихъ занимавшаго вообще, а болѣе всего своею изъ ряда выходящею самоотверженностью

сообщенъ мною рядъ такихъ фактовъ, о которыхъ не нашлось извѣстій ни въ донесеніяхъ военачальниковъ, ни въ приказахъ или отчетахъ о бояхъ и о военныхъ дѣйствіяхъ.

Записи, занесенныя съ устнаго сообщенія, могутъ быть подвергаемы провѣркѣ, опроверженію или исправленію, по занесеніемъ ихъ въ извлеченіе обезпечивается сохраненіе для будущаго всѣхъ тѣхъ фактовъ, которыхъ непреложная достовѣрность внѣ сомнѣній и которыхъ исключеніе являлось бы прямою несправедливостію, — какъ бы ни были тѣ факты мелки сами по себѣ.

На вопросъ, чѣмъ въ официальныхъ документахъ того времени могло быть вызвано умолчаніе массы мелкихъ подробностей какого-либо подвига, совершеннаго Кузьминскимъ, или другимъ героемъ тѣхъ временъ, лучший отвѣтъ можно найти въ кратко приведенныхъ тутъ же общихъ отзывахъ и сужденіяхъ Михаила Дмитриевича Скобелева.

Задавшись цѣлью извлечь въ этотъ разъ многое изъ мало извѣстныхъ сообщеній, касающихся пребыванія покойнаго государя Александра Николаевича въ Парижѣ на всемірной выставкѣ 1867 года, я старался къ этимъ извлеченіямъ возможно широко присоединить факты, имѣвшіе прямое или косвенное отношеніе къ государству тамъ пребыванію и къ государю вообще за то время.

Заканчивая это предисловіе, признаю нужнымъ сдѣлать оговорку о томъ, — почему въ этой, являющейся первою, части моихъ записокъ прежде всего предлагается вниманію читателей извлеченіе почти всего того, что касается жизни и службы генерала-отъ-инфантерій Николая Григорьевича Столѣтова.

Истекшей весной удостоилось, между прочимъ, высочайшаго одобренія и утвержденія къ исполненію представленіе комитета, призваннаго монаршею волею къ дѣлу постановки памятника заслугамъ блаженной и незабвенной царицы генераль-фельдмаршала великаго князя Николая Николаевича Старшаго, — о томъ, чтобы величественная фигура главнокомандующаго была на памятникѣ окружена фигурами ближайшихъ славныхъ его императорскаго высочества сотрудниковъ, наиболѣе запечатлѣвшихъ своимъ доблестнымъ боевымъ участіемъ эпопею войны, освободившей Болгарію и создавшей Болгарское царство.

Вотъ кто эти сотрудники:

Начальникъ рущукской арміи великій князь наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ; командиръ 12-го армейскаго корпуса великій князь Владимиръ Александровичъ; начальникъ Плевненской арміи князь румынскій Карлъ I; главный руководитель осадныхъ работъ подъ Плевной генераль-адъютантъ графъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ; начальникъ западнаго отряда арміи генераль-адъютантъ Іосифъ Владимировичъ Гурко; начальникъ штаба дѣйствующей арміи генераль-адъютантъ Артуръ Адамовичъ Нешокой-

чицкій; командиръ 8-го армейскаго корпуса генераль-адъютантъ Оедоръ Оедоровичъ Радецкій; начальникъ 16-ой пѣхотной дивизіи, впоследствии командиръ 4-го армейскаго корпуса, генераль-лейтенантъ Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ 2-ой; начальникъ болгарскаго ополченія генераль-майоръ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ.

Изъ сонма этихъ доблестныхъ мужей двое находятся въ живыхъ: князь Карлъ (нынѣ король Румыніи) и генераль Столѣтовъ. Такимъ образомъ, они дожили до счастья видѣть оцѣнку ихъ заслугъ современниками съ передачей этой оцѣнки навсегда вниманію потомства ¹⁾.

Жизнь генерала Столѣтова вообще очень мало извѣстна, поэтому я счелъ правильнымъ, не давая его полной біографіи, которой у меня и нѣтъ, воспользоваться случаемъ—выбрать для передачи читателямъ «Историческаго Вѣстника» наиболѣе важныя и значительныя черты его жизни изъ матеріала, имѣющагося въ моихъ запискахъ.

I.

Разсказъ юнкера Михайловскаго артиллерійскаго училища Дмитрія Григорьевича Столѣтова.—Ученость въ купеческой средѣ.—Вступленіе Николая Григорьевича Столѣтова въ военную службу.—Севастополь.—Мимолетное знакомство Н. Г. съ графомъ Л. Н. Толстымъ.—Первый офицерскій чинъ и солдатскій георгіевскій крестъ.—Академія генеральнаго штаба.—Представленіе начальнику главнаго штаба кавказской арміи.—Казавшіяся и дѣйствительныя послѣдствія этого представленія.

Въ числѣ собравшихся для слушанія курса наукъ старшаго класса Михайловскаго артиллерійскаго училища въ 1865 году, между прочими, находился окончившій курсъ математическаго факультета московскаго университета Дмитрій Григорьевичъ Столѣтовъ.

Человѣкъ онъ былъ тихій, скромный, малообщительный, серьезный, всецѣло преданный наукѣ.

Однажды въ училище пріѣхали ко мнѣ два моихъ товарища, выпущенныхъ въ офицеры за три мѣсяца передъ тѣмъ изъ Александровскаго военнаго училища; по заведенному въ то время порядку, я былъ вызванъ въ пріемную, гдѣ засталъ одного изъ пріѣхавшихъ

¹⁾ Уже въ то время, когда эти записки были переданы для напечатанія, Н. Г. Столѣтовъ въ ночь на 27-ое іюня этого года, послѣ проручившей его около шести лѣтъ болѣзни—астмы, проявившейся въ особо тяжелой формѣ.—скончался на 78-мъ году жизни въ Царскомъ Селѣ. Тѣло его перевезено для погребенія въ родной городъ его, Владиміръ губернской.

товарищей разговаривавшимъ съ неизвѣстнымъ ни мнѣ, ни другому товарищу моему капитаномъ генеральнаго штаба. Черезъ нѣсколько минутъ къ этому капитану пришелъ Дмитрій Столѣтовъ.

Это, какъ оказалось, былъ его братъ, и они тотчасъ же отошли въ сторону, мы же завели между собою свою оживленную бесѣду.

Разговорившись со мною послѣ окончанія визита Д. Г. Столѣтовъ съ восторгомъ разсказалъ мнѣ, что братъ его, отправляясь на службу въ Ташкентъ, куда въ бытность свою въ Петербургѣ получилъ переводъ съ Кавказа, торопится отъѣздомъ и теперь пошелъ къ начальнику училища, генералу Александру Степановичу Платову, просить, не дозволить ли онъ ему взять брата юнкера Дмитрія Столѣтова въ Москву недѣли на двѣ, дабы они могли тамъ въ семьѣ попрощаться передъ долгой разлукой, имъ предстоявшей.

Д. Г. Столѣтовъ, по возвращеніи изъ отпуска, который ему Платовымъ былъ разрѣшенъ, часто и много бесѣдовалъ со мною обо всемъ, что касалось семьи Столѣтовыхъ вообще и капитана Николая Григорьевича Столѣтова въ частности.

Купеческая семья Столѣтовыхъ проживала во Владимирѣ губернскомъ, владѣла кожевеннымъ заводомъ и изстари занималась торговлей кожами.

По семейнымъ сказаніямъ, Столѣтовы при Иоаннѣ Грозномъ были въ чемъ-то заподозрѣны, или оговорены, и должны были понести большія наказанія, но, по какому-то счастью, отдѣлались высылкой въ Сибирь, при чемъ нѣкоторымъ посчастливилось, держа путь «Владимиркой», остаться и основаться на ней.

Григорій Столѣтовъ, женившись на богатой владѣлицѣ имѣній, заводовъ и капиталовъ—Полежаевой, поселился во Владимирѣ и зажилъ тамъ со времянъ императора Павла; съ четырьмя сыновьями и съ двумя дочерьми онъ стремился поддержать свое хозяйство и, съ тѣмъ вмѣстѣ, оставаясь купцомъ третьей гильдіи, настойчиво требовалъ, «чтобы сыновья прежде всего пошли въ крупное ученіе».

Всѣ они пошли черезъ владимирскую гимназію въ московскій университетъ; старшій, Василій, при этомъ на нѣкоторое время остался заниматься кожевеннымъ дѣломъ; второй, Николай, пошелъ въ военную службу, къ которой, какъ оказалось, возымѣлъ врожденную неодолимую страсть; третій, Александръ, занималъ въ Москвѣ кафедру физики и математическихъ наукъ¹⁾, четвертый же,

---

¹⁾ Очень видный ученый, профессоръ Александръ Григорьевичъ Столѣтовъ, особенно извѣстенъ трудами по электричеству; онъ преподавалъ въ московскомъ университетѣ опытную физику, математическую физику и физическую географію. Работалъ въ Гейдельбергѣ, Геттингенѣ и Берлинѣ.

самъ разсказчикъ, окончивъ курсъ московскаго университета по математическому факультету, поступилъ въ Михайловское артиллерійское училище, а впоследствии окончилъ курсъ Михайловской артиллерійской академіи.

«Въ сущности,—говорилъ Д. Г. Столѣтовъ,—меня увлекъ на этотъ путь братъ Николай; мы вообще въ семьѣ живемъ очень дружно, но Николай особенно любимъ всѣми и мною».

Обѣ сестры вышли замужъ за окончившихъ университетскую науку; такимъ образомъ, семья отъ торговли отбилась.

Николай, по окончаніи университетскаго курса, поступилъ въ 10-ую артиллерійскую бригаду въ то самое время, когда на Востоку загорѣлась война съ Турціей; лѣтомъ 1854 года онъ уже былъ зачисленъ въ 1-ую легкую батарею той бригады фейерверкеромъ 4-го класса; никакіе уговоры родителей, просившихъ его отбѣнить свое рѣшеніе или постараться «устроить себя получше», не помогли; Николай, вообще тихій, какъ бы робкій, застѣнчивый, проявилъ въ этомъ дѣлѣ необыкновенную рѣшимость и твердость, пригласивъ всѣхъ «оставить его самого распорядиться своей судьбой». Не даромъ въ семьѣ было извѣстно, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ, въ четырнадцать лѣтъ, намѣтилъ себѣ дорогу въ военную службу, онъ неустанно набиралъ необходимыя для того свѣдѣнія и знанія, а себя закалялъ по-спартански во всѣхъ отношеніяхъ. Въ двадцать лѣтъ его мечты сбылись,—съ радостью одѣлся онъ въ сѣрую шинель и сталъ дѣлать съ солдатами житіе въ палаткахъ, на бивакахъ и въ походахъ.

Судьба сразу послала его въ Севастополь; тамъ онъ и продолжалъ начатую имъ дома закалку.

Участіе въ постоянныхъ дѣлахъ по оборонѣ этой твердыни и въ дѣлѣ подъ Инкерманомъ дало ему скоро солдатскій крестъ св. Георгія и офицерскій чинъ.

Однажды, вскорѣ послѣ Инкерманскаго сраженія, происшедшаго 24-го октября 1854 года, заступившій мѣсто командира бригады, извѣстнаго артиллерійскаго генерала Загоскина ¹⁾, командиръ той батареи, въ которой служилъ Столѣтовъ, подполковникъ Аркадій Петровичъ Голынский ²⁾ приказалъ ему развезти по мелкимъ укрѣпленіямъ бригады (по позиціямъ) важныя приказанія и указы, а также денежное довольствіе. Команда изъ нѣсколькихъ нижнихъ чиновъ двинулась подъ вечеръ; скоро наступила ночная темнота, къ ней присоединился густой туманъ,—немудрено, что Столѣтовъ, какъ начальникъ команды, сбился съ пути.

¹⁾ Въ этомъ сраженіи онъ былъ тяжело раненъ и за боевое отличіе получилъ чинъ генераль-майора.

²⁾ Также былъ раненъ въ этомъ сраженіи.

«Чась, другой мы двигались въ полной тишинѣ,—разсказывалъ онъ впоследствии не разъ:—вдругъ далеко впереди послышались голоса; кто-то изъ команды, не разслышавъ словъ, громко отозвался вопросомъ, голоса повторились, при чемъ ясно была слышна французская рѣчь, отъ насъ раздалось нѣсколько голосовъ вперевой, а въ отвѣтъ уже прожужжало нѣсколько пуль надъ нашими головами. Первой мыслью моею было отступить, но, кромѣ того, что стыдно было идти просто наутекъ, не подобало брать обратный путь еще потому, что онъ находился прямо на направленіи полета пуль.

«Я взялъ съ командой кругоhalbъ, а затѣмъ мало-по-малу свернулъ полоборотомъ вправо; больше часа мы двигались въ этомъ направленіи, когда вновь тишина была нарушена раздавшимися впереди голосами.

«На этотъ разъ мы отозвались лишь послѣ того, какъ обозначилось, что передъ нами находились наши; мы попали на мелкое укрѣпленіе 11-ой артиллерійской бригады, и насъ провели къ офицеру, занимавшему этотъ временный постъ съ небольшою командой. Сердито разспросилъ насъ офицеръ, видимо, недовольный тѣмъ, что нарушили его отдыхъ, котораго вообще тогда на долю каждаго доставалось немного.

«Мы разговорились; пришлось испытать громадное удовольствіе отъ этого знакомства; офицеръ отнесся дружески, а за самоваромъ, появившимся въ палаткѣ, о чемъ о чемъ не довелось намъ переболтать. Офицеръ отклонилъ исполненіе высказаннаго мною желанія двинуться скорѣе къ розыску своихъ частей, въ которыя я держалъ путь; нечего было думать объ этомъ въ виду того, что нѣтъ никого, кто могъ бы служить проводникомъ. «Никто и днемъ-то пути не найдетъ и не укажетъ,—сказалъ онъ:—а тутъ, по ночной темнотѣ да по непроницаемому туману, хоть глазъ выколи». Рѣшено было, что я останусь и до разсвѣта посилю; команда моя была, чѣмъ Богъ послалъ, накормлена, мы тоже поужинали, а спать не пришлось вовсе.

«Наступило утро, не хотѣлось уходить; если бы не долгъ службы, не разстался бы я съ этимъ обаятельнымъ, способнымъ приковать къ себѣ офицеромъ. Дороже всего было то, что у насъ оказалась масса воспоминаній о лицахъ, ставшихъ дорогими по общей нашей alma mater,—офицеръ лишь за нѣсколько лѣтъ передо мною окончилъ курсъ того же, дорогаго мнѣ, московскаго университета. Онъ много разсказывалъ про жизнь въ университетѣ, но еще больше зналъ меня самыми разнообразными разсказами изъ короткой, но сильно въ немъ запечатлѣвшейся боевой севастопольской жизни; онъ и разсказывалъ и читалъ безъ умолку, а на прощанье подарилъ мнѣ небольшою, въ нѣсколько минутъ, въ шуточномъ тонѣ, для меня набросанный разсказъ «о ночномъ пробужденіи», которымъ я его обезножилъ.

«Я былъ очень радъ получить этотъ маленькій знакъ вниманія, замѣнь простого клочка бумаги, на которомъ я довольно казенно написалъ свое званіе: старшій фейерверкеръ, имя, отчество и фамилію; меня порадовало оставленіе миѣ на память этого разсказа, но собственно подишь, сдѣланная подъ нимъ, тропула меня лишь много, много лѣтъ позже; подъ разсказомъ значилось: «Левъ Николаевичъ Толстой, поручикъ артиллеріи».

«Тогда за нимъ не было того, что обозначилось потомъ съ теченіемъ времени.

«Не знаю, однако, почувствовалъ ли бы я что-либо иное, если бы эту подишь получилъ позже, когда имя его стало говорить такъ много.

«Прощаясь съ нимъ въ ту памятную, оставшуюся безсонной и незабвенной ночь подъ Рождество 1854 года, я сказалъ ему между прочимъ:

«— Пусть же наши воспоминанія держатся на томъ, что намъ напоминаетъ: съ одной стороны, наша *alma mater*, а съ другой— здѣшняя «Альма» и съ нею тѣ впечатлѣнія, которыя еще не перестала переживать наша славная армія послѣ 8-го сентября ¹⁾.

«Толстой засмѣялся, но черезъ секунду, принявъ серьезный видъ, сказалъ:

«— Да, всѣ эти Альмы, Балаклавы, Инкерманы,—когда-то и какъ окончатся несноснѣйшія впечатлѣнія отъ нихъ...

«Послѣ того мы видѣлись съ нимъ мелькомъ въ минуту сумбура суетливаго отступленія на Черной рѣчкѣ, 4-го августа 1855 года.

«— Здравствуйте, Николай Григорьевичъ,—сказалъ онъ, ласково издали кланаясь:—вотъ какія дѣла,—прибавилъ онъ, указывая на отступавшія въ разбродѣ части помятой послѣ геройскихъ усилій арміи.

«— А! вы уже офицеръ,—услѣлъ онъ крикнуть, уносимый движеніемъ своей батареи.

«Больше во время войны я его не встрѣчалъ.

«Въ Петербургѣ, состоя въ академіи генеральнаго штаба, въ 1858 году я случайно услышалъ объ его пріѣздѣ и пришелъ къ нему. Онъ опять оказалъ миѣ много любезностей, а когда я вынулъ и показалъ ему тщательно завернутый въ чистую бумагу набросанный карандашомъ разсказъ его, онъ сказалъ:

«— Ахъ, вы бережете эту шалость мою,—съ этими словами онъ пробѣжалъ разсказъ, а затѣмъ досталъ изъ лежавшей у него на столѣ

¹⁾ 8 сентября происходило, съ переменнымъ счастьемъ, сраженіе при этой рѣчкѣ между нами и союзниками; оно завершилось нашимъ полнымъ пораженіемъ послѣ того, какъ командовавшіе генералы: князь Петръ Дмитриевичъ Горчаковъ и Онуфрій Алексѣевичъ Квицинскій, во главѣ батальоновъ Владимирскаго полка, остановили штыками полчища англичанъ, а затѣмъ получили во флангъ мѣткій огонь частей французской арміи.

шкатулки небольшую, но довольно толстую книжку и, перелпставъ се, показалъ мнѣ потемнѣвшій отъ времени, измятый, вклеенный между страницами небольшой листокъ съ моей подписью «старшаго фейерверкера»; подъ моей фамиліей красовалась сдѣланная его рукою приписка синимъ карандашомъ: «Альма—alma mater»... на нее онъ мнѣ указалъ.

«— Что это вы приписали; вы меня конфузите.

«— Чѣмъ?—спросилъ онъ.

«— Уничтожьте эту приписку, мнѣ стыдно вспомнить мою немѣстную, неудачную остроу...

«— Неудачная острота, удачная острота,—я этого не понимаю; а забыть этого нельзя; это воспоминаніе о тѣхъ минутахъ молодости, когда, при всѣхъ жизненныхъ тяжестяхъ, намъ легче жилось, легче думалось и потому легко острилось; это дорого и незачѣмъ этого забывать.

«Встрѣчались мы съ графомъ Л. Н. Толстымъ впослѣдствіи въ жизни мало и лишь въ первые годы послѣ этого; при встрѣчахъ онъ ни разу не забылъ упомянуть эту мою, казавшуюся мнѣ несуразною, фразу: «Альма—alma mater.

«Разсказъ его я берегъ старательно, но въ 1870 году 20-го октября въ Красноводскѣ, во время совершеннаго туркменами-іомудами на нашъ сравнительно небольшой отрядъ нападенія, этотъ дорогой лоскутокъ пропалъ вмѣстѣ съ уничтоженнымъ ими выучнымъ транспортомъ верблюдовъ; въ тотъ день пропало немало моего именно такого имущества; отъ него теперь осталось лишь смутное воспоминаніе; пострадали тогда всѣ мы, участвовавшіе въ дѣйствіяхъ этого пресловутаго отряда ¹⁾.

Окончивъ курсъ академіи генеральнаго штаба, штабсъ-капитанъ Николай Григорьевичъ Столѣтовъ былъ назначенъ въ распоряженіе главнаго штаба Кавказской арміи. Къ должности своей онъ прибылъ лѣтомъ 1860 года.

Вскорѣ здѣсь въ Тифлисѣ съ нимъ случился небольшой эпизодъ, который имѣлъ, по его убѣжденію, вліяніе на всю его дальнѣйшую судьбу, жизнь, службу и карьеру.

Прибывъ въ Тифлисъ, онъ началъ нести службу, присматривался къ ней и мало-по-малу осваивался съ нею; какъ вдругъ въ штабѣ было сообщено, что начальникъ штаба требуетъ представленія ему всѣхъ вновь прибывшихъ на службу лицъ. Подойдя въ назначенный день къ его квартирѣ и увидѣвъ, что представляться еще рано, Столѣтовъ сталъ прохаживаться около дома. Три мѣстныхъ жителя.

¹⁾ Объ этомъ дальше: Красноводскій отдѣлъ, Муравьевская бухта, Куводагская долина, Балханскія горы, восточный берегъ Каспійскаго моря.

какъ впоследствии оказалось, мирныя черкесы, подошли къ нему съ разспросами; минутъ двадцать онъ съ ними поговорилъ, а затѣмъ вошелъ въ домъ, куда уже стали собираться.

«Между представлявшимися генералами, штабъ- и оберъ-офицерами я оказался младшимъ, — рассказывалъ Н. Г. Столѣтовъ: — поэтому въ кабинетъ начальника штаба былъ приглашенъ послѣднимъ.

«— Это вы часа полтора тому назадъ передъ окнами моей квартиры разговаривали съ черкесами?—спросилъ генераль.

«— Я, ваше превосходительство.

«— О чемъ они могли съ вами говорить такъ живо? Они русскаго языка вовсе не знаютъ.

«— Я говорилъ съ ними по-турецки, ихъ языкъ очень похожъ...

«— А отчего вы знаете по-турецки?

«— Еще живя дома при родителяхъ во Владимирской губерніи, я постоянно бралъ уроки татарскаго языка вмѣстѣ съ дѣтьми знакомыхъ купцовъ-татаръ; впоследствии же интересовался языкомъ и изучалъ его самъ.

«— Теперь тоже будете изучать?

«— Да, имѣю намѣреніе.

«Разспросивъ меня обо всемъ, что касалось моего прошлаго, и поговоривъ со мною болѣе часа, — проэкзаменовавъ меня подробно, генераль отпустилъ меня со словами, сказанными крайне привѣтливо:

«— Очень радъ былъ съ вами познакомиться; знанія ваши вамъ очень пригодятся въ предстоящей вамъ службѣ вообще, въ особенности же здѣсь на Кавказѣ; слава Богу, что вы ими богаты; дай Богъ вамъ успѣха.

«Этими словами генераль меня очень ободрилъ; не безъ того, что я остановился на мысли о возможности какого-либо съ его стороны содѣйствія успѣшному ходу моей службы. Но мысль эта, какъ скоро пришла, такъ скоро же и отошла: во-первыхъ, я въ ней скоро оцѣнилъ сторону суетности, а, во-вторыхъ, что могъ я подумать, когда генераль былъ вскорѣ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ вслѣдъ затѣмъ получилъ назначеніе на должность товарища военнаго министра? Сказалъ большую, очень лестную любезность, да, вѣроятно, тутъ же объ ней и забылъ; забыть, конечно, слѣдовало и мнѣ».

Такъ въ концѣ концовъ разсудилъ Н. Г. Столѣтовъ; впоследствии оказалось, что генераль не спроста сказалъ любезность, а всю жизнь вспоминалъ впечатлѣніе, которое на него произвелъ тогда молодой офицеръ генеральнаго штаба, дотолѣ ему неизвѣстный.

Генераль этотъ былъ не кто иной, какъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Немного времени прошло, и онъ замѣстилъ артиллерійскаго генерала Сухозанета на посту военнаго министра; а затѣмъ скоро началъ прибѣгать къ услугамъ Н. Г. Столѣтова, знанія котораго ему показались стоившими вниманія.

II.

Первыя отличія Н. Г. Столѣтова въ бояхъ.—Награды.—Довѣріе великаго князя Михаила Николаевича, прибывшаго на Кавказъ.—Назначеніе въ должность начальника Закатальскаго округа.—Переводъ въ Ташкентъ.—Возвращеніе на Кавказъ.—Назначеніе въ должность начальника Красноводскаго отдѣла.—Переправа на восточный берегъ Каспійскаго моря.—Балханскія горы.—Нападеніе текинцевъ на нашъ лагерь.—Ошибка Н. Г. Столѣтова по отношенію къ начальнику штаба Кавказскаго военнаго округа.—Слухи о неудовольствіяхъ начальника штаба.

Съ первыхъ же дней своей службы при главномъ штабѣ кавказской арміи штабсъ-капитанъ Н. Г. Столѣтовъ думалъ о томъ, какъ бы не погрязнуть въ канцелярщину и не заглохнуть въ штабной службѣ. Интригъ онъ къ этому не предпринималъ и предпринимать не умѣлъ.

Въ теченіе двухъ лѣтъ—1861—1863 годовъ—ему посчастливилось принять съ успѣхомъ участіе въ экспедиціяхъ противъ горцевъ и получить за боевое отличіе впервые офицерскій орденъ—св. Анны 3-ей степени съ мечами и бантомъ.

Въ 1863 году на Кавказъ, въ должность намѣстника и главнокомандующаго, прибылъ великій князь Михаилъ Николаевичъ. Всѣмъ стало извѣстно, что царевъ братъ задалъ себѣ задачу во все входитъ по управленію краемъ и по командованію арміей лично, а затѣмъ самому избирать лицъ, назначаемыхъ на болѣе или менѣе высокія должности. Можно понять, какъ почувствовалъ себя Столѣтовъ, когда его высочество, имѣя нужду въ особо довѣренномъ лицѣ для назначенія военнымъ начальникомъ Закатальскаго округа, избралъ и назначилъ его.

Край былъ распущенъ, населеніе буйствовало, и молодому, не достигшему тридцатилѣтняго возраста, офицеру было крайне лестно получить обширное поле дѣятельности, какъ мирной—по части введенія улучшеній въ военно-народномъ управленіи, такъ и военной—участіемъ въ экспедиціяхъ для приведенія къ порядку горцевъ, проявлявшихъ отъ времени до времени дикость нравовъ своихъ и совершенно отбивавшихся отъ повинненія подлежащей, поставленной надъ ними законной власти.

Только что онъ успѣлъ заслужить репутацію надежнаго администратора и распорядительнаго военнаго начальника, а за полезную дѣятельность получить чинъ подполковника и ордена св. Станислава 2-ой степени и св. Владимира 4-ой степени,—какъ лѣтомъ 1865 года великій князь главнокомандующій потребовалъ его къ себѣ.

— Военный министръ пишетъ мнѣ, что имѣеть въ виду дать тебѣ новое назначеніе; онъ имѣеть большую потребность въ такихъ офицерахъ, какового ты представляешь собою, и потому беретъ тебя

отсюда; на мои представленія о томъ, что ты здѣсь крайне нуженъ, Дмитрій Алексѣевичъ отвѣтилъ, что въ Туркестанскомъ краѣ ему болѣе нужны выдающіеся офицеры и потому рѣшено тебя взять отсюда, причемъ онъ обѣщаетъ мнѣ возвратить тебя, какъ только извлечетъ изъ тебя тамъ всю ожидаемую пользу. Иди и служи тамъ; жаль мнѣ тебя отпустить и какъ офицера, поработавшаго уже здѣсь на славу, и какъ моего хорошаго сослуживца - севастопольца, который тамъ, во фронтѣ бригады, сдѣлавшейся мнѣ родною ¹⁾, успѣлъ заслужить въ нижнемъ званіи георгіевскій крестъ и первый офицерскій чинъ.

Здѣсь, въ крайне сжатомъ описаніи, не представляется возможнымъ даже просто перечислить все то, что Столѣтову удалось сдѣлать за короткое время службы на Кавказѣ.

Довольно сказать, что великій князь, прощаясь съ нимъ, нашла нужнымъ въ такихъ словахъ выразить ему свою благодарность:

— Ты сумѣлъ сразу умротворить ввѣренный тебѣ бурный уѣздъ Тифлисской губерніи и сдѣлалъ это такъ, что начальство считаетъ себя обязаннымъ передъ твоей дѣятельностью низко поклониться, снявъ шапку; сослуживцы рвутся умѣть брать съ тебя примѣръ, а само населеніе не знаетъ, какъ выразить властямъ свою горячую благодарность за дарованіе ему такого начальника: строгаго, справедливаго и вполне понявшаго въ корнѣ нужду, съ которою оно, до знакомства съ тобою, не знало, куда ему дѣваться и какъ ему быть. А чтобы яснѣе выразить благодарность за пригрѣтое тобою населеніе, я нарочно приѣду къ тебѣ въ Закаталы,—снять шапку на глазахъ того самаго благодарнаго народа.

И великій князь, умѣвшій вообще цѣнить заслуги своихъ подчиненныхъ, исполнилъ свое желаніе: онъ приѣхалъ въ Закаталы, прогостилъ у Столѣтова два дня и ночь, попрощался съ нимъ и, такимъ образомъ, проводилъ его на службу въ другую окраину, болѣе нуждавшуюся въ полученіи началъ перваго благоустройства своей мирной жизни и военнаго порядка, необходимаго для всесторонняго поддержанія той жизни,—въ Туркестанъ, начавшій незадолго передъ тѣмъ, благодаря смѣлому почину М. Г. Черняева, свое присоединеніе къ обширной имперіи Вѣлаго царя.

Состоя фейерверкеромъ въ 10-й артиллерійской бригадѣ, Столѣтовъ участвовалъ въ дѣлахъ подъ Инкерманомъ, подъ Балаклавой, при демонстраціи, затѣянной П. Д. Горчаковымъ въ помощь войскамъ, отбивавшимъ врага на Черной рѣчкѣ, при отбитіи генераломъ Хрулевымъ штурма 12-тысячной непріятельской арміи, далѣе при отбитіи штурма по всей линіи и на Федюхиныхъ высотахъ.

Въ сраженіи при Инкерманѣ бригада настолько утѣшила царя своею доблестью, что Николай Павловичъ назначилъ ей шефомъ младшаго сына своего, великаго князя Михаила Николаевича.

Тамъ подполковникъ Столѣтовъ, состоя въ распоряженіи туркестанскаго генераль-губернатора, генерала К. П. фонъ-Кауфмана, пробыль съ 1-го января 1867 года по іюнь 1869 года правителемъ канцеляріи военно-народнаго управленія Туркестанской области и, такимъ образомъ, два съ половиною года, со свойственнымъ ему умѣніемъ и съ присущей ему основательностью, вводилъ тѣ особенности, которыя навсегда оставили печать въ устроеніи жизни всего Туркестанскаго края.

«Жаль было отпустить этого дѣятеля въ такую минуту, когда въ его рукахъ разработка жизни края только что закипѣла на благо населенія и для вѣщающаго соединенія новаго края со всей имперіей»,—коротко, но многозначительно выразился, по словамъ генерала Троицкаго ¹⁾, туркестанскій генераль-губернаторъ К. П. фонъ-Кауфманъ, когда, волею высшаго начальства, Столѣтовъ былъ вновь переведенъ на Кавказъ.

Еще въ концѣ пятидесятихъ годовъ было высочайше одобрено предположеніе о занятіи Балханскаго залива на восточномъ побережьи Каспійскаго моря; утвержденіе наше на этомъ берегу являлось крайне необходимымъ въ видахъ поддержанія нашей каспійской торговли, которая такъ же, какъ и наши промыслы, прямо уничтожалась нападеніями туркменовъ.

Осталось навсегда не выясненнымъ, почему это рѣшеніе не было выполнено до конца шестидесятихъ годовъ; въ 1868 году съ особою рѣзкостью обозначилось усиленіе могущества афганскаго эмира Ширъ-Али-хана, заключившаго союзъ съ Англіей, которая ежегодно отпускала ему субсидіи въ цѣляхъ побужденія его къ нанесенію вреда намъ; хивинскій ханъ также усилилъ свою неизмѣнную вражду къ намъ и, возбуждая тайно всевозможныя волненія въ Бухарѣ, явно поддерживалъ непріязненныя по отношенію къ намъ дѣйствія киргизовъ, недовольныхъ нашими порядками, насаждавшимися для нихъ въ предѣлахъ нашей степи; все это, вмѣстѣ съ угрожавшимъ положеніемъ, въ которое, видимо, становились средне-азиатскія ханства, вообще приготовлявшія союзныя дѣйствія противъ насъ,—заставило насъ спохватиться.

Вскорѣ, рядомъ съ рѣшеніемъ усилить войска оренбургскаго военнаго округа для обезпеченія дѣйствій нашихъ противъ киргизовъ, было вновь принято рѣшеніе немедленно занять кавказскими войсками юго-восточный берегъ Каспійскаго моря съ центромъ въ Красноводскѣ. На этотъ разъ претендовавшая до тѣхъ поръ Персія могла этимъ остаться только довольной, такъ какъ ясно видѣла, что, кромѣ обезпеченія и охраненія нашихъ, уже признанныхъ всѣми, границъ, мы ничего не имѣли въ виду, а относительно всякихъ мѣ-

¹⁾ Состоялъ при фонъ-Кауфманѣ, сначала въ должности офицера генеральнаго штаба, а потомъ начальникомъ штаба округа.

ропрятій противъ Афганистана она могла лишь радоваться обузданію этого ея исконнаго врага ¹⁾).

Въ концѣ лѣта 1869 года послѣдовало высочайшее повелѣніе— «прочно занять Балхаскій заливъ и укрѣпиться на немъ», затѣмъ, по представленію военнаго министра, вошедшаго въ соглашеніе съ главнокомандующимъ кавказской арміей, начальникомъ экспедиціоннаго отряда былъ высочайшею волею 10-го октября назначенъ генеральнаго штаба полковникъ Столѣтовъ, «который, какъ сказано было въ официальномъ объ этомъ увѣдомленіи, зная восточные языки, посѣтилъ въ прежнее время часть Персіи и Афганистана, а затѣмъ, состоя при туркестанскомъ генераль-губернаторѣ, близко ознакомился съ положеніемъ дѣлъ въ Прикаспійскомъ краѣ и вообще въ Средней Азій» ²⁾. (Въ самомъ началѣ своей службы Н. Г. Столѣтовъ бралъ три раза отпускъ для поѣздки то въ Персію, то въ Афганистанъ и тамъ проживалъ частнымъ человѣкомъ по шести недѣль).

Великій князь очень обрадовался новой встрѣчѣ со своимъ подчиненнымъ и былъ доволенъ получить такого сотрудника; но первая же встрѣча его высочества съ нимъ отмѣтила нѣкоторое облако на ихъ взаимныхъ отношеніяхъ: прямой и честный въ своихъ высказываніяхъ, полковникъ Столѣтовъ, безъ скрытности, доложилъ великому князю, что ограниченность числа войскъ, назначенныхъ въ составъ десантнаго отряда, какъ онъ предвидитъ, можетъ оказаться пагубною ³⁾. Разъ постановлено «занять тотъ берегъ прочно и укрѣпиться на немъ прочно же»,—нужно откинуть стремленіе экономить на недоотпускѣ крайне необходимыхъ силъ; слѣдовало бы назначить войскъ, если не вдвое, то, по крайней мѣрѣ, въ полтора раза больше. Великій князь какъ будто бы даже засверкалъ своими очами, говорилъ присутствовавшій при этомъ генеральнаго штаба подполковникъ графъ Кутайсовъ ⁴⁾, но тотчасъ же овладѣлъ собою и сказалъ спокойно:

¹⁾ Кромѣ вражды на почвѣ торговыхъ и политическихъ сношеній, между Персіей и Афганистаномъ держится неизгладимая непріязнь религіозная, такъ какъ первая принадлежитъ къ шитскому толку, а второй—къ суннитскому.

²⁾ За труды въ Туркестанѣ Столѣтовъ, какъ проявившій большую дѣловую неутомимость, былъ награжденъ орденомъ св. Анны 2-й степени съ мечами и произведенъ въ чинъ полковника.

Генераль К. П. фонъ-Кауфманъ лично выразилъ ему сожалѣніе по случаю необходимости потерять такого сотрудника, какого онъ въ немъ имѣлъ.

³⁾ Батальонъ пѣхоты, усиленно мирнаго состава, полусотня казаковъ (одинъ офицеръ и 70 нижнихъ чиновъ—25 конныхъ, 45 пѣшихъ), команда саперъ (одинъ офицеръ и 31 нижній чинъ), взводъ горной артиллеріи (два полупудовыхъ гладкихъ единорога со 196-ю различными снарядами), дивизионъ полевой артиллеріи (четыре четырехфунтовыхъ наръзныхъ, заряжающихся съ дула орудія; 520 различныхъ снарядовъ).

Пѣхота и саперы были вооружены скорострѣльными винтовками Карля. Всего до 1000 нижнихъ чиновъ при 30 офицерахъ.

⁴⁾ Павелъ Ипполитовичъ; онъ состоялъ тогда въ распоряженіи главнокомандующаго кавказской арміи.

— Что ты, что ты, я довольно знаю тебя и знаю, какъ ты умѣешь справиться; поэтому, рядомъ съ надеждой, держусь твердой увѣренности въ томъ, что ты блестяще исполнишь возложенный на тебя, правда, далеко не легкій трудъ; принимайся за него и порадуй государя успѣхомъ.

— Ваше императорское высочество, я ни на минуту не пріостановился на мысли о томъ, взять или не взять на себя въ высшей степени лестное назначеніе...

— Увѣренъ въ этомъ, крѣпко вѣрю.

— Но чѣмъ смѣлѣе берешь что-либо на себя, тѣмъ больше надо имѣть увѣренности въ возможности выполнить все съ полнѣйшимъ успѣхомъ; а назначеніе такого малослѣбнаго отряда заставляетъ меня обязательно доложить, что при этомъ всякой случайности можно ожидать и, если какая-либо окажется, извольте лишь знать и помнить, что я ее предвидѣлъ, значить, своевременно можно было ее устранить. Исполненіе же будетъ самое старательное, какъ съ моей стороны, такъ и со стороны всего отряда, за это я вашему высочеству ручаюсь.

— Ну, въ добрый часъ, расстаемся друзьями, друзьями же и встрѣтимся опять; дай Богъ во всемъ успѣха,—сказалъ добрый, снисходительный и всегда привѣтливый намѣстникъ.

Въ первыхъ числахъ ноября отрядъ, подъ командой своего начальника, благополучно высадился въ Муравьевской бухтѣ въ Куводагской долинѣ, и началась энергичная работа полковника Столѣтова по рекогносцировкѣ береговъ и окрестностей, по пріисканію лучшаго мѣста стоянки лагеря, по приведенію въ исполненіе предположеній для укрѣпленія его, по отысканію мѣстъ добыванія лучшей питьевой воды; словомъ, дѣла, конечно, нашлось выше головы.

Большая рекогносцировка убѣдила полковника Столѣтова въ крайне настоятельной необходимости перехода большей части отряда къ подошвѣ Балханскихъ горъ и оставленія въ Красноводскѣ лишь небольшого числа войскъ.

Это побудило его ходатайствовать о цѣпременномъ и немедленномъ усиленіи отряда.

На этотъ разъ его просьба была внимательнымъ главнокомандующимъ уважена: къ апрѣлю 1870 года прибыли въ распоряженіе начальника отряда двѣ роты пѣхоты по усиленному мирному составу, полусотня казаковъ, 20 человѣкъ саперъ и еще дивизионъ четырехфунтовыхъ мѣдныхъ наръзныхъ орудій (такъ что всего артиллеріи получила полная восьмиорудійная батарея).

Въ самомъ началѣ апрѣля стало извѣстно, что киргизы внезапно напали на управлявшаго Мангышлакскимъ отдѣломъ ¹⁾ подполковника Рукина, а затѣмъ его и небольшой казачій конвой, состоявшій при немъ, увели въ степь. Военный министръ увѣдомилъ главнокомандующаго, что водвореніе порядка въ Мангышлакскомъ приставствѣ, а также усмиреніе и наказаніе возмутившихся киргизовъ возлагается на войска кавказскаго военнаго округа; мангышлакскій отрядъ получилъ усиленіе, а начальникомъ его былъ назначенъ состоявшій при главнокомандующемъ генеральнаго штаба подполковникъ графъ Кутайсовъ.

Полковнику Столѣтову пришлось держаться на чеку; списавшись съ Кутайсовымъ, онъ, на свой страхъ и рискъ, направилъ временно къ нему часть казаковъ, слѣдовавшихъ на усиленіе Красноводска; во-время эти казаки поддержали Кутайсова и во-время возвратились къ Столѣтову; дѣло укрѣпленія, какъ въ Красноводскѣ, такъ и у подошвы Балханъ, подвигалось съ неутомимою энергіей. Среди трудовъ, которые, будучи введены въ колею, уже приняли видъ обычно укоренившихся въ жизнь и въ службу,—войска, потревоженные на нѣкоторое время неурядицами у сѣвернаго со-сѣда,—уже начали втягиваться, стали предпринимать походныя, рекогносцировочныя движенія; вдругъ пронеслись зловѣщія слухи, и все дѣло замерло на извѣстіяхъ о томъ, что скопища текинцевъ въ пять тысячъ, подъ предводительствомъ пятерыхъ болѣе знатныхъ и сильныхъ хановъ, двинулись на лагерь; въ ночь на 20-е октября они перерѣзали заставу, напали на лагерь и почти окружили его. Уже приготовленный къ этому, полковникъ Столѣтовъ быстро отдалъ всѣ распоряженія и подъ своимъ предводительствомъ далъ врагу мощный отпоръ пѣхотнымъ и артиллерійскимъ огнемъ; съ нашей стороны раненыхъ и убитыхъ было семь человѣкъ и пять лошадей, непріятель же не успѣлъ опомниться, какъ понесъ большія потери и, энергично отбитый, отступилъ вразсыпную, оставивъ на мѣстѣ до 230 раненыхъ и убитыхъ.

Урокъ врагу былъ большой; главнокомандующій, приславъ отряду за молодецкія дѣйствія шесть знаковъ военнаго отличія, велѣлъ передать полковнику Столѣтову, что «не забылъ его предостереженія о возможныхъ случайностяхъ» и радуется, что повторенное настояніе дало его высочеству возможность во-время усилить отрядъ хоть въ полтора раза».—Въ то же время великій князь вновь усилилъ отрядъ, на этотъ разъ двумя сотнями казаковъ и ротой саперъ.

Туркмены больше не отважились не только нападать, но и приближаться къ отряду, который оказался для нихъ страшнымъ.

¹⁾ Сѣверо-западная часть восточнаго побережья Каспійскаго моря.

Столѣтовъ на этомъ, далеко немирномъ, положеніи продолжалъ мирно работать, когда, совершенно неожиданно, была ему ниспослана бѣда, подкрадываясь, какъ всякое большое горе, внезапно. Прибывъ на Кавказъ во второй періодъ своей въ немъ службы, онъ и не подумалъ о представленіи кому-либо изъ начальствовавшихъ лицъ, кромѣ главнокомандующаго, которому, по смыслу полученнаго имъ назначенія на самостоятельный постъ въ Красноводскъ, онъ считалъ себя единственно и непосредственно подчиненнымъ.

Самое большое, чего онъ могъ ожидать, это то, что тогдашній начальникъ штаба кавказской арміи могъ пожелать представленія его ему; но начальникъ штаба никакого желанія не выразилъ, чѣмъ Столѣтовъ, въ сущности, былъ доволенъ, такъ какъ, за массой суеты въ сборахъ и въ подготовкѣ къ отъѣзду, онъ изъ нѣсколькихъ дней пребыванія въ Тифлисѣ не зналъ, когда ему выкроить время для представленія, а потому и не представился.

Среди массы заботъ, хлопотъ и работы во вѣренномъ ему отдѣлѣ, онъ изъ намековъ прибывшаго въ его распоряженіе подполковника Z. узналъ, что начальникъ штаба пребываетъ въ большой на него претензіи за это.

Всегда ровный, спокойный, онъ, однако, на этотъ разъ не сдержался и, хотя чего-либо особаго не наговорилъ, однако все-таки выразилъ:

— Э, видно, нечего ему тамъ дѣлать; охота заниматься такой пустяковинной...

Прибывшій черезъ нѣсколько времени послѣ того въ отрядъ молодой врачъ, докторъ медицины Θ., еще опредѣленнѣе поднесъ Столѣтову извѣстіе объ неудовольствіи, которымъ кипитъ противъ него начальникъ штаба; было даже похоже на то, что докторъ уполномоченъ передать ему это извѣстіе, — до такой степени опредѣленно и точно было все высказано.

— Неужели же, — отвѣтилъ Столѣтовъ, — начальникъ штаба, серьезный, солидный генералъ, знающій, какъ много у насъ здѣсь самыхъ серьезныхъ и сложныхъ заботъ, не можетъ еще и посейчасъ уняться въ своемъ гнѣвѣ, вызванномъ мелочнымъ, не стоящимъ выѣденнаго яйца, случаемъ... Вѣдь это смѣшно; вотъ вы присмотритесь и увидите, насколько намъ не до того, чтобы этимъ вздоромъ заниматься, отвлекаясь отъ нешуточныхъ служебныхъ дѣлъ...

Столѣтовъ продолжалъ заниматься этими дѣлами, а въ доходившіе до него слухи о неудовольствіи на него не признавалъ нужнымъ и не имѣлъ возможности углубляться. Слухи доходили разнообразными путями: они нерѣдко подносились то черезъ Z., то черезъ Θ.; и тотъ и другой какъ-то имѣли и случай, и досугъ добывать подобныя свѣдѣнія черезъ лицъ, пріѣзжавшихъ въ отдѣлъ изъ Тифлиса, при чемъ тѣ, движимые какъ будто серьезнымъ сочувствіемъ къ начальнику отдѣла и возмущенные несправедливостью по отношенію

къ нему и къ его плодотворнѣйшей дѣятельности, спѣшили поставить его въ извѣстность, стремясь на самомъ дѣлѣ больше всего къ тому, чтобы его обезкуражить и тѣмъ самымъ разбить въ немъ ту стойкость, съ которою онъ такъ неустанно предавался исключительно работѣ, на него возложенной.

Ничего не можетъ быть для любого дѣятеля хуже того, какъ знать, что поставленная непосредственно надъ нимъ власть затаила въ себѣ противъ него чувство недовольства и готова всякій его дѣловой шагъ порицать. Дѣятель тотъ обычно начинаетъ сильно падать духомъ, мнительность и сомнѣнiя самаго разнообразнаго свойства заглушаютъ въ немъ все, пересиливая стремленiе къ труду, — а это, прежде и больше всего, отражается на ходѣ и успѣшности веденiя порученныхъ ему дѣлъ.

Не таковъ былъ Н. Г. Столѣтовъ; прежде всего, онъ не допускалъ мысли, чтобы человѣкъ, поставленный высоко, могъ изъ-за мелочей чему-либо вредить; онъ не вѣрилъ въ то, что вообще наверху можно найти людей, кои способны не только дурно, безчестно дѣлать, но даже дурно думать; затѣмъ онъ не допускалъ въ нихъ человѣконенавистничества. Эти почти наивныя понятiя его, а также глубокая его религiозность, вызываемая чистою вѣрою, дѣлали изъ него человѣка твердаго въ неустанномъ несенiи трудовъ и въ неуклонномъ исполненiи своего долга; поэтому силы его оставались несокрушимыми; онъ твердо шелъ по намѣченному пути, а потому дѣло управленiя ввѣреннымъ ему краемъ двигалось своимъ чередомъ на пользу царю, родицѣ и населенiю.

Самъ Н. Г. Столѣтовъ, впрочемъ, впоследствии не разъ упоминалъ, что ни полковникъ З., ни докторъ Ѳ. не вызывали въ дальнѣйшемъ ни въ комъ сомнѣнiй вообще относительно себя. Или все приписанное имъ явилось плодомъ недоразумѣнiй, говорилъ онъ, или въ тѣ минуты суеты и громадной утомительной работы они не сумѣли владѣть собой, а потому повели себя такъ, что дали мѣсто кривому толкованiю ихъ дѣйствiй и поступковъ; это могло вызвать противъ нихъ бездну нареканiй, подчасъ несправедливыхъ и неосновательныхъ, похожихъ на вражескiе измышленiя и оговоры.

III.

Графъ П. И. Кутайсовъ—начальникъ Мангышлакскаго отдѣла.—Сношенiя Н. Г. Столѣтова съ нимъ.—Ихъ взгляды и взаимныя отношенiя.—Подчиненiе Мангышлака зачальнику Дагестанской области.—Князь Меликовъ.—Докладъ графа Кутайсова великому князю.—Отчисленiе его отъ должности.—Назначенiе военнымъ агентомъ въ Лондонъ.—Неожиданное отчисленiе Столѣтова.

Между графомъ Павломъ Ипполитовичемъ Кутайсовымъ и Н. Г. Столѣтовымъ сразу установились добрососѣдскiя отношенiя; съ одной стороны, этому содѣйствовало то обстоятельство, что, состоя

на одномъ курсѣ въ академіи генеральнаго штаба, они были въ особо дружескихъ отношеніяхъ между собой; съ другой стороны, помогла одинаковость ихъ взглядовъ на службу, въ которой каждый изъ нихъ прежде всего видѣлъ долгъ и обязанность, строго держась законовъ, дѣлать исключительно то, что клонится къ ея всестороннимъ пользамъ.

Кромѣ сношеній официальныхъ, эти дѣятели далекой окраины завели между собой переписку неофициальную; въ ней, однако, рѣдко проскальзывало что-либо, касавшееся ихъ частныхъ дѣлъ или отношеній; лишь кое-когда въ postscriptum можно было встрѣтить строчку, не имѣющую чисто дѣлового характера и смысла.

Сосѣди старались помогать другъ другу, облегчая и предупреждая все, что необходимо было исполнить по распоряженіямъ, исходящимъ отъ властей; такъ случилось, что въ самомъ началѣ, почти при вступленіи Кутайсова въ должность, Столѣтовъ направилъ въ Мангышлакъ сотню, шедшую въ Красноводскъ; она очень нужна была Кутайсову, и присылка ея выручила его.

Не долго довелось быть имъ сосѣдями; уже почти тотчасъ послѣ назначенія Кутайсова въ должность послѣдовало распоряженіе о подчиненіи Мангышлака начальнику Дегестанской области на тѣхъ же правахъ и основаніяхъ, на какихъ подчинена ему вся та область; такимъ образомъ, графъ Кутайсовъ былъ лишень части самостоятельности, которая была ему дана при назначеніи его. Слѣпо преданный службѣ и ея интересамъ, онъ продолжалъ ее нести съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ началъ свой трудъ. Но стѣсненія получившейся такимъ образомъ «централизаціи» слишкомъ скоро сказались неудобствами «гофкрингератнаго» положенія. Нѣсколько мѣсяцевъ графъ Кутайсовъ протащилъ не въ мѣру отяжелѣвшую обузу, но въ концѣ концовъ, что называется, запросилъ пардону: въ серединѣ февраля 1871 года онъ неспросилъ разрѣшенія прибыть въ Тифлисъ для представленія его высочеству личнаго доклада обо всѣхъ обстоятельствахъ создавшагося положенія.

Изъ Тифлиса онъ написалъ Столѣтову нѣсколько писемъ, въ которыхъ поневолѣ излилъ все накопившееся у него въ душѣ и немало его огорчавшее.

«Главнокомандующій, съ присущей ему безконечной добротой, принялъ меня, снисходительно выслушалъ, разрѣшилъ говорить ему все совершенно просто, а главное безъ утайки,—писать въ одной изъ своихъ записокъ Кутайсовъ.—Я высказалъ рѣшительно все; великій князь во многомъ со мной согласился и почти во всемъ намѣтилъ принятіе мѣръ къ устраненію создавшихся вопіющихъ неудобствъ.

«Я счастливъ былъ помочь бѣдѣ. Боюсь лишь одного—хорошо, если не выйдетъ такъ, что его высочество съ тою же добротой, съ тѣмъ же честнымъ, благороднымъ довѣріемъ выслушиваетъ и окру-

жающихъ его, а между ними далеко не всѣ смотрятъ совершенно спокойно на создавшееся положеніе хотя бы полной самостоятельности въ моей дѣятельности и, —нечего скрывать,—и въ твоей. Нѣкоторымъ эта самостоятельность не даетъ покоя, она вызвала въ нихъ то особое, характерное безпокойство, которое возбуждается чувствами, похожими на ревность, граничащую съ завистью и обычно перерождающуюся безсиліемъ въ злобную ненависть.

«Ты извинишь мнѣ то, что я касаюсь кое-чего задѣвающаго тебя,—говорить олъ въ другомъ письмѣ:—какъ ты хорошо поймешь,—положеніе начальниковъ отдѣловъ, если они не имѣютъ въ своемъ распоряженіи органовъ, связующихъ ихъ съ центромъ служебной зависимости,—положеніе это подобно тому, какое выпадаетъ на долю мужей, узнающихъ послѣдними то, что окружающимъ ихъ съ полною ясностью уже давно извѣстно. Многое я узналъ здѣсь такого, чего мнѣ на мѣстѣ и не спилось; какъ насъ здѣсь оплетаютъ, отговариваютъ, и какимъ урокомъ мнѣ все это послужить, когда я вернусь къ себѣ въ Мангышлакъ,—вѣрнѣе сказать,—если вернусь. Не мѣшало бы и тебѣ теперь же отлучиться сюда,—если свойственная тебѣ добросовѣстность, ставящая всегда и во всемъ на первый планъ, при непрерывности веденія работъ, точность и пунктуальность,—позволить тебѣ это. Впрочемъ, ты, счастливецъ, умѣешь «съ твердостью стальной» не придавать значенія мелочамъ даже и немелочнымъ. Я старался дѣлать такъ же и, какъ видишь, сначала назначеніе мнѣ гофкрисграта въ лицѣ начальника Дегестанской области игнорировалъ; но слишкомъ большое стѣсненіе моихъ распоряженій дѣлаетъ такія задержки и вызываетъ такія упущенія, что ходъ работы рѣшительно парализуется.

«Я доложилъ великому князю объ этомъ и сказалъ, что нельзя при такихъ условіяхъ отвѣчать за дѣло; но это еще полбѣды,—а вотъ пагуба: все дѣло при такомъ положеніи можно испортить, въ конецъ исковеркать и тѣмъ многое обернуть на пользу врагу...

«Совершенно правильно великій князь отвѣтилъ, что такой доброжелательный и корректный человѣкъ, какимъ является теперешній начальникъ той области, не внесетъ диссонанса ни въ какое дѣло.

«— Ваше высочество,—отвѣтилъ я:—это служить лучшимъ доказательствомъ необходимости устраненія такого порядка; съ установленіемъ его даже и при такомъ начальникѣ, каковъ князь Меликовъ, создалась масса неудобствъ и тормозовъ для правильнаго веденія сложнаго дѣла; вѣдь у него тоже немало вліяющихъ на его волю проворныхъ подчиненныхъ; а затѣмъ, кто можетъ поручиться за то, что князь Меликовъ останется на посту и не будетъ сегодня или завтра замѣненъ кѣмъ-либо менѣе доброжелательнымъ и болѣе вреднымъ!

«— Тогда обратись ко мнѣ, я наложу свою руку.

«— Въ такихъ дѣлахъ всякая подобная проволочка равносильна упущенію,—дерзнулъ я отвѣтить.

«На это безконечно снисходительный великій князь сказалъ:

«— Да, ты правъ.

Въ третьемъ письмѣ графъ Кутайсовъ уже совсѣмъ плохо скрываетъ безнадежность положенія.

«Начну съ того, что спрошу тебя прямо, безъ обиняковъ: чѣмъ ты заслужилъ жестокою ненависть со стороны начальника штаба? Собирая всѣ мысли свои въ одно цѣлое, я сопоставляю то, что, во-первыхъ, ты долженъ узнать все, дабы не быть въ невѣдѣніи подобномъ рогоносному; съ другой стороны, ни тебя, ни твоей спокойной энергіи не ослаблять и не обезпокоять свѣдѣнія о томъ, что творится противъ тебя; сиѣшу поэтому безобязанно сообщить тебѣ, что одинъ изъ твоихъ подчиненныхъ, видимо, подуськиваемый докторомъ *Θ.*, старательно разводитъ здѣсь возлѣ начальника штаба картину зловредности твоей работы; картина та едва ли не является отраженіемъ того, что рисуетъ и диктуетъ кто-то изъ служащихъ въ штабѣ; эти лица лишь развиваютъ и стущаютъ все, что тотъ, какъ видно, начерталъ имъ уже давно. На всякій случай возьмися за осторожность, поберегайся. Я, съ своей стороны, съ грустью прихожу къ убѣжденію, что здѣсь, при нашемъ высокоблагороднѣйшемъ великомъ князѣ больше людей зложелательныхъ, чѣмъ честно дѣлю преданныхъ; помѣшателей ему, сердечному, больше, чѣмъ помощниковъ. Крѣплюсь, но не знаю, что будетъ дальше; такъ крѣпиться, какъ умѣешь ты, мнѣ не подь силу, а потому не посчастливиться! Но помни всегда: я не ищущу ничего лично для себя, дѣйствую лишь изъ опасенія за дѣло; разными мелочами оно сильно разстраивается...»

Наконецъ, въ одномъ изъ писемъ послѣ подобныхъ же жалобъ графъ Кутайсовъ пишетъ:

«Надежды нѣтъ не только повернуть новое положеніе на спасительный прежній порядокъ, но даже нельзя подумать хотя бы о нѣкоторомъ ослабленіи созданной пагубы; рѣшивши сегодня,—пожалуйста, только не подумай обо мнѣ дурно,—просить главнокомандующаго обѣ отозваніи меня, я отложилъ докладъ этой просьбы до завтрашняго дня лишь для того, чтобы лучше обдумать ту форму, въ которой могъ бы я мягче, деликатнѣе и корректнѣе доложить великому князю о своемъ желаніи. Его высочество настолько всегда самъ, прежде всего, ласково и сердечно деликатенъ, что я просто боюсь показаться ему не отвѣчающимъ полною благородною признательностью на все, имъ въ отношеніи подчиненныхъ творимое.

«Гора съ плечъ,—пишетъ графъ Кутайсовъ отъ 25-го марта:—сегодня просто и прямо я изложилъ великому князю и окончательную исповѣдь, и дерзкое желаніе ходатайствовать о дарованіи мнѣ отпускной.

«— Никогда я не дошелъ бы до этого,—отвѣтилъ его высочество:—но, разъ у тебя зародилась такая мысль,—съ Богомъ, это лучше и для тебя и для дѣла; я же, по отношенію къ тебѣ, ни на іоту не измѣнюсь и, конечно, тебѣ дѣло найду, ты еще примѣнишь свои дарованія и знанія.

«Сейчасъ вечеромъ,—добавляетъ графъ Кутайсовъ къ своему письму,—великій князь сообщилъ мнѣ въ формѣ полувопроса о своемъ намѣреніи назначить на мое мѣсто полковника барона Мейендорфа ¹⁾. Я отвѣтилъ его высочеству, что если бы онъ, не называя фамиліи этого штабъ-офицера, спросилъ меня прямо, кого можно съ полной, спокойной увѣренностью назначить начальникомъ Мангышлака, я не задумываясь назвалъ бы именно барона Мейендорфа; но для пользы дѣла прежній порядокъ все-таки надо обязательно возстановить.

«— Ты все не можешь забыть своего,—ласково сказалъ великій князь:—объ этомъ подумать надо, и очень».

Полковникъ баронъ Мейендорфъ не былъ назначенъ въ Мангышлакъ; вѣроятно, нашли, что неудобно отрывать его отъ дѣла, которому онъ лишь успѣлъ отдаться съ полнымъ рвеніемъ,—отъ командованія полкомъ; надо дорожить тѣмъ, что находятся штабъ-офицеры, которые съ такимъ большимъ усердіемъ, умѣньемъ и знаніемъ дѣла принимаются командовать строевою частью.

На мѣсто графа Кутайсова былъ назначенъ генераль-майоръ А. В. Комаровъ, которому суждено было черезъ двѣнадцать лѣтъ одержать блестящую побѣду при Зюльфагарѣ и передать къ подножію престола городъ Мервъ съ его областью.

Что касается графа Кутайсова, то его способности дѣйствительно нашли себѣ примѣненіе: вскорѣ послѣ всего происшедшаго,—во всякомъ случаѣ, не очень пріятнаго,—онъ былъ отличенъ назначеніемъ на постъ военнаго агента въ Лондонъ, о чемъ немедленно же изъ Петербурга въ длинномъ письмѣ сообщилъ Н. Г. Столѣтову въ Красноводскъ.

Однадцать лѣтъ онъ пробылъ на этомъ серьезномъ посту.

«Англичанинъ,—писалъ ему въ отвѣтъ Н. Г. Столѣтовъ,—безпокоить меня и мѣшаетъ моей дѣятельности больше, чѣмъ весь нашъ штабъ кавказскаго округа. Тамъ, въ Лондонѣ, ты развернешь всѣ свои разнообразныя способности, между прочимъ къ тому,

---

¹⁾ Бывшій коногвардеецъ, адъютантъ великаго князя. Въ маѣ 1870 года онъ показалъ себя молодцомъ, когда быстрыми набѣгами и лихими дѣйствіями своими близъ источниковъ Кунаису, а также на урочищахъ Башъ-Кудукъ, Агизъ и Игизъ захватилъ съ палета партію киргизовъ, среди которыхъ оказались трое сыновей вліятельныхъ киргизскихъ биевъ Табуліевыхъ; въ этомъ набѣгѣ онъ захватилъ верблюдовъ и нѣсколько табуновъ лошадей—всего до двухъ тысячъ головъ. Послѣ того, въ ноябрѣ онъ былъ назначенъ командиромъ лихова Тверскаго драгунскаго имени великаго князя Николая Николаевича Старшаго полка.

чтобы обуздать дѣятельность хитраго сына Альбіона, памь на каждомъ шагу ставящаго препоны здѣсь—и въ Персіи, и въ Хивѣ, и въ Афганистанѣ...»

Лично для Н. Г. Столѣтова все сообщавшееся графомъ Кутайсовымъ отозвалось гораздо хуже, чѣмъ для самого графа его собственныя бѣды, во-время, хотя, быть можетъ, съ нѣкоторою излишнею щепетильностью, захваченныя имъ.

Не далѣе, какъ черезъ четыре мѣсяца, въ серединѣ іюля 1871 г., Столѣтовъ былъ отчисленъ отъ занимавшейся имъ въ теченіе двухъ лѣтъ должности, при чемъ его плодотворная и многотрудная дѣятельность была одновременно съ тѣмъ награждена пожалованнымъ ему орденомъ св. Владимира 3-й степени.

Очень тяжело подѣйствовало на него этотъ внезапно стряпшійся поворотъ судьбы; но ни жалобъ, ни сѣтованій онъ не счелъ себя въ правѣ выражать, а, покорившись злему року, сталъ изыскивать способъ дальнѣйшаго вступленія на путь работы; онъ весь отдался чувству вѣры въ то, что правда сама собой восторжествуетъ и справедливость возвратитъ его къ самому дорогому—къ возможности принесенія пользы родинѣ.

Ни въ Тифлисѣ великому князю, который принялъ его очень любезно, выразивъ лишь нѣкоторое сожалѣніе, болѣе похожее на удивленіе, тому, «что онъ пожелалъ отдохнуть», ни тѣмъ болѣе въ Петербургѣ Д. А. Милютину онъ въ первое время ничего не высказалъ и рѣшилъ спокойно выжидать дальнѣйшаго хода дѣлъ своей службы и жизни.

— Нѣтъ человѣка,—говорилъ онъ нерѣдко впоследствии:—у котораго вся жизнь, а тѣмъ болѣе служба, прошла бы гладко, безъ ударовъ судьбы, всегда тяжелыхъ и всегда неожиданныхъ. Можетъ быть, моя дѣятельность справедливо оцѣнена другими, какъ далеко несовершенная, но, вѣдь, и то вѣрно, что *la critique est aisée, mais l'art est difficile*.

IV.

Н. Г. Столѣтовъ нашелъ поддержку въ графѣ О. Л. Гейденѣ.—Большое участіе Д. А. Милютина.—Назначеніе Н. Г. Столѣтова помощникомъ начальника аму-дарьинской экспедиціи великаго князя Николая Константиновича.—Отставка великаго князя.—Столѣтовъ назначенъ на его мѣсто.—Глухіе толки о разоблаченіи продѣлки противъ начальника Красноводскаго отдѣла.—Великодушіе великаго князя Михаила Николаевича.—Отзывъ военнаго министерства и императорскаго географическаго общества объ успѣхахъ аму-дарьинской экспедиціи.—Государь щедро наградилъ ея начальника.—Назначеніе генераль-майора Столѣтова въ распоряженіе главнокомандующаго дѣйствующей арміи великаго князя Николая Николаевича Старшаго.—Подвиги Столѣтова и воспитанной имъ дружины братушекъ-болгаръ.

У Н. Г. Столѣтова навсегда врѣзалось въ память, что вообще въ постигшей его неудачѣ начальникъ главнаго штаба графъ Оедоръ Логгиновичъ Гейденъ благородно и своевременно пришелъ ему на помощь своимъ добрымъ совѣтомъ:

— Тяжело будетъ вамъ исполнить то, что я придумалъ,—сказалъ онъ Столѣтову:—но, обсуждая создавшееся положеніе, ничего больше нельзя изобрѣсть, какъ зачислиться вамъ въ учебный пѣхотный батальонъ для спеціальнаго и детальнаго изученія пѣхотной службы. Это вамъ поможетъ, и только это можетъ васъ выручить.

Н. Г. понялъ, что ему надо было «получить цензъ» для назначенія на строевую должность. Раньше ни въ артиллеріи, ни въ генеральномъ штабѣ онъ эту службу изучить не имѣлъ возможности; поэтому, не задумавшись, принялъ рѣшеніе поступить по совѣту Оедора Логгиновича, а затѣмъ, подучившись съ годъ, получилъ въ сентябрѣ 1872 года назначеніе на должность командира 112-го пѣхотнаго Уральскаго полка.

Осенью слѣдующаго года, на произведенномъ государемъ Александромъ Николаевичемъ смотру стрѣльбы войскамъ виленскаго военнаго округа, полкъ Столѣтова, въ числѣ немногихъ, былъ поставленъ, по результатамъ стрѣльбы, выше отличнаго. Государь, вызвавъ на смотровомъ полѣ командировъ тѣхъ полковъ, выразилъ имъ особую благодарность; присутствовавшій при этомъ военный министръ Д. А. Милютинъ, пригласивъ полковника Столѣтова, поговорилъ ему любезностей, а затѣмъ добавилъ:

— Очень жаль, что болѣзненное состояніе ваше заставило васъ просить объ отозваніи изъ Красноводска; это отняло у васъ возможность служить тамъ, гдѣ вы приносили массу пользы и могли бы въ дальнѣйшемъ приносить ея еще больше.

Крайне смущенный и изумленный такимъ сообщеніемъ, Столѣтовъ сказалъ:

— Я, ваше высокопревосходительство, никогда не болѣлъ настолько, чтобы просить объ отозваніи. Нѣчто подобное передаваемому вами теперь я какъ будто бы, вскорѣ послѣ отчисленія, слышалъ изъ устъ великаго князя, но не могъ сразу сообразить, въ чемъ дѣло; теперь я понимаю, что въ этомъ таится какое-то невыясненное недоразумѣніе.

— Вотъ какъ, а я изъ всѣхъ разговоровъ объ васъ по поводу этого вывелъ такое заключеніе,—отвѣтилъ Дмитрій Алексѣевичъ, широко раскрывъ свои умные, выразительные глаза. Послѣ секундной паузы онъ произнесъ:

— Дѣло очень серьезное; но прежде всего надо подумать объ исправленіи того, что въ такой сильной степени и такъ безбожно напорчено для васъ.

Этотъ разговоръ впервые раскрылъ Н. Г. Столѣтову все съ нимъ продѣланное и прикрытое пожалованіемъ сравнительно большого ордена. Все, временами смутно представлявшееся ему, всплыло теперь; онъ увидѣлъ, какъ смѣло обошли великаго князя, какъ подтасовали это дѣло. Состоявшаяся тогда замѣна Столѣтова

полковникомъ Z. съ одновременнымъ повышеніемъ доктора Θ., а также родъ сѣтованія, высказаннаго безконечно добрымъ великимъ княземъ,—все это въ свое время должно было раскрыть глаза Столѣтову на то, что какаѣ-то спрятавшаяся, хитрая лисица окунула въ этомъ дѣлѣ въ мелочную грязь.

Слишкомъ широкій человѣкъ былъ Д. А. Милютинъ для того, чтобы долго останавливаться на такой мелочи и заниматься разборомъ такихъ дрызгъ. Дѣло такъ и кануло; онъ не сталъ добиваться, кто именно въ этомъ дѣлѣ поступилъ недостойно. Оставивъ все, онъ ограничился лишь тѣмъ, что спросилъ Столѣтова объ его предположеніяхъ на этотъ счетъ, а затѣмъ поговорилъ съ нимъ подробно о томъ, какъ шла столь безошадно вдругъ прерванная дѣятельность его на посту начальника Красноводскаго отдѣла, при чемъ очень заинтересовался высказанными имъ соображеніями о крайней и настойчивой необходимости, послѣ примѣрнаго наказанія хивинскаго хана ¹⁾, немедленно завязать дружественныя сношенія съ эмиромъ афганскимъ.

— Я глубоко убѣдился въ томъ,—доложилъ Столѣтовъ:—что Ширъ-Али тяготеетъ фальшивой дружбой англичанъ и что онъ радъ былъ бы найти покровительство великой державы Бѣлаго царя; англичане, въ свою очередь, именно теперь, видя наши успѣхи въ Средней Азій, дрожать за свои границы и предоставятъ намъ вполне свободный доступъ въ Хоросанъ, Белуджистанъ, Афганистанъ, какъ мы сами себѣ открыли этотъ доступъ въ Бухару и Хиву; съ этимъ непременно надо поторопиться и безъ промедленія снарядить для переговоровъ чрезвычайныя посольства въ эти средне-азиатскія ханства—особенно въ Афганистанъ; моментъ можетъ быть упущенъ, а промедленіе въ такомъ дѣлѣ послужитъ всему нашему дѣлу во вредъ...

— Да, да,—сказалъ Дмитрій Алексѣевичъ,—соображенія ваши на этотъ счетъ совершенно справедливы; я буду докладывать о нихъ государю, а васъ приглашу, когда придетъ пора, открыть всѣ эти разсужденія болѣе ясному пониманію министерства иностранныхъ дѣлъ. Итакъ, успокойтесь совершенно въ вашей досадной неудачѣ по Красноводскому отдѣлу; жаль, что вамъ пришлось еѣ тогда пропустить, дать ей такъ пройти, что она могла достигъ такихъ предѣловъ.

— Ваше высокопревосходительство, я не могъ думать, что дѣло стояло такъ, а оказавшіяся теперь невѣрными соображенія мои о томъ, что въ этомъ была воля главнокомандующаго, именно не давали мнѣ права выражать хоть тѣнь претензій; воля его высочества всегда должна была для меня являться святою...

---

¹⁾ Это былъ годъ похода противъ Хивинскаго ханства.

— Все это вполне вѣрно; вашей вины во всемъ этомъ нѣтъ, неудачно и нежелательно все сложилось, а время ушло; виновники такого неслыханнаго подкопа подъ волю великаго князя теперь уже занимають другія мѣста; не стоитъ теперь рыться въ этомъ дѣлѣ, легко можетъ весь трудъ оказаться напраснымъ, а время занятія имъ—потеряннымъ.

Бесѣда эта вызвала со стороны Дмитрія Алексѣевича распоряженіе, данное начальнику главнаго штаба графу Гейдену, о немедленномъ переводѣ полковника Столѣтова въ генеральный штабъ съ причисленіемъ его къ главному штабу.

Въ то время по главному штабу изготовлялся подробный всеподданнѣйшій докладъ военнаго министра о командированіи въ Среднюю Азію особой ученой экспедиціи для изслѣдованія стараго русла рѣки Аму-Дарьи и для производства другихъ изысканій, намѣченныхъ военнымъ министерствомъ въ согласіи съ императорскимъ географическимъ обществомъ. Начальникомъ этой экспедиціи былъ избранъ великій князь Николай Константиновичъ, старшій сынъ великаго князя генераль-адмирала Константина Николаевича. Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ призналъ совершенно правильнымъ назначить Н. Г. Столѣтова помощникомъ начальника экспедиціи. На оба эти назначенія послѣдовало высочайшее соизволеніе, а потому тогда же приготовленія къ экспедиціи начались со взаимнаго ознакомленія начальника экспедиціи и его помощника.

Когда сборы и всестороннія приготовленія экспедиціи стали подходить къ концу, августѣйшій начальникъ экспедиціи вынужденъ былъ по болѣзни отказаться отъ должности, и на таковую, высочайшимъ приказомъ 15-го апрѣля 1874 года, былъ назначенъ полковникъ Н. Г. Столѣтовъ.

Принявъ эту отвѣтственную, требовавшую самой серьезной, вдумчивой работы должность, онъ всецѣло окунулся въ дѣло подготовки себя и чиновъ экспедиціи къ выступленію; срочностью этого труда, а также необходимостью согласованія въ немъ требованій военнаго министерства со взглядами и желаніями императорскаго географическаго общества, поглощалось все время, остававшееся до отъѣзда въ далекіе края.

Но все-таки, среди чисто дѣловыхъ свѣдѣній, доводилось ему наталкиваться на такія праздныя, о которыхъ онъ не думалъ самъ по себѣ, а главнымъ образомъ не хотѣлъ бы думать, видя передъ собой примѣръ Дмитрія Алексѣевича Милютина, разомъ ставшаго на свою точку—не раскапывать грязи; Н. Г. всѣми силами старался держаться въ сторонѣ отъ всего, что этой грязи касалось. Находились люди, которые съ какими-либо дѣлами или такъ просто предлагали старанія къ тому, чтобы освѣдомить его относительно деталей закулисной стороны дѣла—удаленія его изъ Красноводска.

Совершенно незамѣтно онъ узналъ, будто бы изъ штаба кавказскаго округа систематически, рядомъ со свѣдѣнiями о томъ, что вообще полковникъ Столѣтовъ человекъ способный и работаетъ въ Красноводскомъ отдѣлѣ очень старательно, великому князю докладывалось, что онъ вмѣстѣ съ рвенiемъ служебнымъ проявляетъ массу увлеченiй, которыя въ концѣ концовъ могутъ вредно отозваться на ходѣ нашихъ дѣлъ, требующихъ вообще большой осторожности и чуткости веденiя ихъ въ этой совершенно обособленной окраинѣ. Между прочимъ, въ вину ему было поставлено то, что онъ, очутившись на восточномъ берегу Каспiйскаго моря, сразу продвинулся къ подножию Балханскихъ горъ, тогда какъ умѣстише было бы остаться и укрѣпиться на побережьи у Красноводска; въ этомъ движенiи старался выставить большой промахъ, будто бы повлекшiй за собой опрометчивое требованiе чрезмѣрнаго увеличенiя силъ ввѣреннаго ему отряда войскъ. Но болѣе всего, между нанизанными противъ него, высказывавшимися «въ видѣ сожалѣнiя» фактами, конъ говорили въ подтвержденiе неосторожности полковника Столѣтова, приводился сдѣлавшiйся извѣстнымъ приближеннымъ къ нему лицамъ, созданный имъ грандiозный, весьма, быть можетъ, дѣльный въ основѣ своей, но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ, крайне несуразный проектъ смѣлаго и рѣшительнаго похода изъ Красноводска въ Хиву... Многое въ содержанiи этого проекта представлялось пока безвреднымъ, но такимъ, что можетъ, при осуществленiи, оказаться крайне опаснымъ даже для всей нашей средне-азиатской политики.

— Проектъ этотъ былъ вовсе не проектъ, а простое, хотя и не разъ опредѣленно высказанное, разсужденiе,—разсказывалъ впоследствии Столѣтовъ.—Эти разсужденiя подъ видомъ проекта кто-то постарался, «какъ бы невзначай», сообщить въ министерство иностранныхъ дѣлъ, «а оно уже давно побаивалось, какъ бы не повторилась еще разъ исторiя, уже два раза пережитая Россiей въ отношенiи Хивы,—въ первый разъ съ экспедицiей Бековича въ началѣ XVIII столѣтiя (1714 г.), при Петрѣ Великомъ, и во второй разъ въ 1839 году съ графомъ Перовскимъ.

Вышло такъ, что великiй князь-намѣстникъ, получая случайно такiя и подобныя свѣдѣнiя, дошелъ мало-по-малу до того, что началъ привыкать къ мысли о неизбѣжности ухода переутомившагося добросовѣстной работой Столѣтова; при этомъ его высочество, оставаясь неизмѣнно самаго лучшаго мнѣнiя объ его службѣ и служебныхъ достоинствахъ, счелъ лишь необходимымъ въ минуту смѣны этого во всѣхъ отношенiяхъ достойнаго штабъ-офицера не проявить къ нему хотя бы малѣйшей несправедливости. Углубленному въ крайне сложныя дѣла управленiя краемъ и не менѣе сложнаго командованiя войсками, въ немъ расположенными, великому князю не могло на мысль прiйти и не представлялось возможнымъ замѣтить,

«что отличенный имъ вообще полковникъ Столѣтовъ, отпускавшійся тогда на отдыхъ съ награжденіемъ орденомъ св. Владимира третьей степени, въ сущности, увольнялся вслѣдствіе сложно задуманной и искусно проведенной интриги самаго зауряднаго, простого и даже низменнаго характера».

Кое-кто, высказывая тогда же сужденія на этотъ счетъ, находилъ, что, быть можетъ, если бы преемникъ Столѣтова, полковникъ Z., нѣсколько менѣе убѣждалъ себя въ неумѣстности, неисполнимости и преступности проекта похода на Хиву, то, быть можетъ, далъ бы себѣ трудъ обдумать этотъ проектъ къ той минутѣ, когда получилъ приказъ на нее двинуться во главѣ красноводскаго отряда и—кто знаетъ?—привелъ бы его въ исполненіе не съ тѣми печальными результатами, которые въ свое время обозначились, прогремѣвъ на весь міръ.

Съ своей стороны, Столѣтовъ, устранивъ всякую возможность повторенія какихъ бы то ни было разговоровъ «объ исторіи его смѣщенія», всецѣло отдался исполненію работъ, довѣренныхъ ему по новой должности; при этомъ мечталъ только о томъ, чтобы вооружиться всею твердостью характера, и весь обратился въ трудъ по экспедиціи, всесторонне его занявшей и заинтересовавшей.

До конца ноября 1874 года она проработала на Аму-Дарѣ, въ началѣ 1875 года представилъ обстоятельный отчетъ объ работахъ экспедиціи, а въ мартѣ того года произведенъ въ генераль-майоры, пробывъ въ чинѣ полковника всего лишь семь лѣтъ; въ тѣ времена это представлялось весьма рѣдкимъ.

Какъ военное министерство, такъ и императорское географическое общество признали, что просвѣщенное участіе Николая Григорьевича въ этомъ дѣлѣ оживило работы, при чемъ дало имъ много такихъ сторонъ успѣха, какихъ трудно было ожидать и ни въ какомъ случаѣ не получилось бы безъ его участія и безъ его указаній.

Государь, принявъ Столѣтова по случаю награжденія его чиномъ генераль-майора, выразилъ ему особую благодарность, сказавъ:

— Ты вполне оправдалъ надежды, возлагавшіяся на тебя, и я радъ, что на должность начальника этой экспедиціи Дмитрій Алексѣевичъ помогъ мнѣ избрать именно тебя; буду рассчитывать и впредь пользоваться твоею опытностью и твоими знаніями, которыми ты уже не въ первый разъ себя зарекомендовалъ въ полной мѣрѣ. Спасибо тебѣ, отъ души благодарю.

Понтересовавшись деталями обихода работъ, произведенныхъ съ такимъ успѣхомъ, какого трудно было ожидать еще потому, что послѣдніе два мѣсяца онѣ производились въ осеннее время, когда разливы рѣкъ въ тѣхъ мѣстностяхъ дѣлаютъ ихъ стихійными, государь добавилъ, что ему извѣстно о проектѣ рованномъ Столѣтовымъ въ свое время походѣ въ Хиву.

— Ты угадывалъ мое желаніе и мои мысли еще за три года до ихъ выполненія, когда князь Горчаковъ при одномъ намекаѣ на это приходилъ въ неопиcуемый ужасъ, имъ серьезно овладѣвалъ тогда непонятный страхъ...

Прокомандовавъ послѣ этого нѣкоторое время бригадой въ третьей пѣхотной дивизіи, Н. Г. Столѣтовъ, по личному выбору военного министра Дмитрія Алексѣевича Милютина, былъ рекомендованъ формировавшему въ то время свой штабъ дѣйствующей арміи великому князю Николаю Николаевичу Старшему и былъ зачисленъ въ число генераловъ, назначенныхъ состоять въ распоряженіи его императорскаго высочества.

Въ день объявленія войны—12-го апрѣля 1877 года—великій князь отличилъ его выборомъ къ утвержденію въ должность начальника болгарскаго ополченія, которое высочайше повелѣно было ему «сформировать, обучить и приготовить къ вступленію въ боевую службу».

Вотъ какимъ тернистымъ путемъ полковникъ Столѣтовъ добрался до этой должности, которая совершенно неожиданно, тихо, безъ шума дала ему высокое передъ родиной отличіе, обезсмертившее его имя.

Считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ объ этомъ знаменитомъ ополченіи, народившемся по мысли и по распоряженію великаго князя главнокомандующаго.

Еще въ Кишиневѣ великій князь приказалъ отдѣлить отъ каждаго полка арміи по нѣсколько человекъ рядовыхъ и унтеръ-офицеровъ подъ командой взятыхъ изъ строя офицеровъ; по мѣрѣ того, какъ для укомплектованія арміи прибывали нижніе чины запаса, нѣкоторые изъ нихъ выдѣлялись. Такимъ образомъ скоро всѣ эти люди, набранные изъ полковъ и изъ запаса, составили «кадръ болгарскаго ополченія».

Вотъ когда общее командованіе сначала надъ этимъ кадромъ, а, по мѣрѣ присоединенія къ нему добровольцевъ, уроженцевъ Болгаріи,—и надъ ополченіемъ было ввѣрено генераль-майору Николаю Григорьевичу Столѣтову; 12-го апрѣля назначеніе это было утверждено высочайшимъ приказомъ.

Когда къ срединѣ мая главная квартира великаго князя устроилась въ румынскомъ городѣ Плоештахъ, болгарское ополченіе уже сформировалось тамъ изъ кадра и изъ добровольцевъ-болгаръ; къ числу офицеровъ, назначенныхъ въ помощь Н. Г. Столѣтову, были добавлены офицеры изъ гвардіи, изъ генеральнаго штаба и частью изъ ташкентцевъ, переведенныхъ въ дѣйствующую армію по ходатайству М. Д. Скобелева. Особо были отобраны нижніе чины изъ запаса гвардейской кавалеріи; они составили «кадръ кавалеріи болгарскаго

ополченія» и, пока что, состояли при главной квартирѣ подъ начальствомъ офицеровъ, вызванныхъ изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Въ то время, когда болгарская пѣхота была сформирована вполне удачно, изъ попытки формировапія кавалеріи не вышло ничего за трудностью набора конскаго состава.

Въ Плоэштахъ великій князь передалъ уже ставшему на ноги и начинавшему крѣпнуть ополченію привезенное туда отъ города Самары и представленное его императорскому высочеству самарскимъ городскимъ головой П. В. Алабынымъ бѣлое, вышитое золотомъ знамя.

Мнѣ, какъ ординарцу главнокомандующаго, посчастливилось быть дежурнымъ въ тотъ день при великомъ князѣ. Передавъ знамя генералу Столѣтову, главнокомандующій сказалъ ополченію:

— Подъ сѣнью этой святыни вы, молодцы, постараетесь заслужить, и, я увѣренъ, заслужите себѣ славу безсмертную; крестъ, который вы видите на груди вашего командира-севастопольца, да украситъ грудь каждаго изъ васъ; уже по тому, какъ вы принялись учиться и сплачиваться въ одно цѣлое, я вижу, что скоро молодые братушки сольются со своими учителями, а въ дружномъ, молодецкомъ натискѣ на врага не отстанутъ отъ нихъ; врагъ не устоитъ противъ вашей силы; пошли вамъ Богъ; ужъ недолго ждать тѣхъ дней, въ которые вы покажете турчину за все то, что онъ соти лѣтъ творилъ съ несчастной родиной вашей; за нее теперь рѣшилъ, съ Божиимъ благословеніемъ, мощно вступить великій царь; пришелъ конецъ рабства этой страны; настанутъ для нея теперь счастливые годы; съ этимъ знаменемъ сыны ея всюду пойдутъ свободно.

Дружно взявшіеся за обученіе болгаръ офицеры пѣхотныхъ частей помогли своему командиру Н. Г. Столѣтову; немало и онъ внесъ своей работы въ это трудное дѣло, которое могъ провести съ полнымъ успѣхомъ, благодаря своей долгой боевой службѣ; къ тому году исполнилось этой службы четверть вѣка; братушки знали, что, начавъ ее въ Севастополѣ, онъ провелъ большую часть ея на Кавказѣ и въ Ташкентѣ.

Въ его опытныхъ рукахъ это ополченіе скоро созрѣло; изъ братушекъ скоро получились настоящіе воины; не далѣе, какъ въ концѣ іюня, молодцы дружины ополченія были присоединены къ отряду генерала І. В. Гурка и въ его первомъ забалканскомъ походѣ братушки, подъ командой генерала Столѣтова и русскихъ офицеровъ, дрались, какъ львы, при Карабунарѣ, Тырновѣ, Эски-Загрѣ, Эни-Загрѣ, Джуранлы.

Во время обратнаго перехода войскъ генерала Гурка черезъ Балканы ополченіе, подъ начальствомъ того же генерала Столѣтова, было оставлено на Шипкинскихъ высотахъ и самостоятельно, въ теченіе цѣлой недѣли, отражало, съ громадными для себя потерями, яростныя атаки Сулеймана-паши, явившагося слѣдомъ за войсками

Гурка къ подножію Шипки съ арміей совершенно свѣжихъ таборовъ. Стойко защищало юное ополченіе дорогой и крайне важный для всей нашей растянутой позиціи Шипкинскій переваль; несмотря на то, что врагъ превосходилъ это ополченіе числомъ во много разъ,— не уступило оно тотъ переваль, чѣмъ спасло дѣйствующую армію отъ ужасныхъ бѣдъ, нависшихъ тогда надъ ней и грозившихъ самой Россіи неисчислимыми бѣдствіями; себѣ ополченіе создало въ тѣ дни навсегда громкую славу,

Всѣ состоявшіе въ дѣйствующей арміи ясно и твердо помнятъ впечатлѣніе тягостныхъ первыхъ дней августа 1877 года, когда каждую минуту томительно и мучительно ожидалось полученіе извѣстія о томъ, что горсть храбрецовъ, засѣвшихъ на Шипкинскомъ перевалѣ, подъ командой начальника болгарскаго ополченія генерала Столѣтова, вотъ-вотъ вынуждена будетъ оставить свое гнѣздо, ставшее орлинымъ. Чась за часомъ Сулейманъ-паша, спавшая свои свѣжія войска и опьяняя ихъ гашишемъ, посылала ихъ цѣлыми полчищами на жестокую схватку съ той горстью; въ ней за честь славной арміи нашей и всей Россіи стояли два уже растаявшихъ въ бояхъ полка корпуса О. О. Радецкаго—Брянскій и Орловскій—да молодое, только что созданное, болгарское ополченіе, казавшееся почти потѣшною арміей братушекъ.

Ни одной пяди земли не уступилъ разстрѣливавшійся со всѣхъ сторонъ Столѣтовъ. Какъ истинно и глубоко вѣрующій человекъ, онъ, съ полнымъ геройскимъ спокойствіемъ, возносилъ горячія молитвы благодаренія за каждый часъ, прожитый подъ градомъ свинца и чугуна, и съ тѣмъ же спокойствіемъ возсылалъ мольбы о дарованіи такого же благополучія и той же непреклонной отваги впредь, дабы предназначенное и ниспосланное испытаніе выдержать до конца...

Каково было состояніе духа на Шипкѣ, трудно себѣ и представить. Вдали же отъ нея, во всѣхъ мѣстахъ расположенія славной арміи, вѣруя въ мощь защищавшихся, начали все же отчаиваться за нихъ, за тягость, которую переживали храбрецы; имъ суждено было держать въ своихъ рукахъ участь всей арміи и судьбы Россіи, обнажившей мечъ въ защиту братьевъ-христіанъ. Стальными оказались эти руки, стальною же оказалась и закаленная твердость молодецвъ-братушекъ, изумившихъ и весь міръ, и самого, не менѣе твердаго врага, неустанно лѣзшаго съ бѣшенствомъ на скалы...

Измученныя и обезиленныя неимоверною убылью изъ строя чиновъ всѣхъ ранговъ, войска Столѣтова были отведены назадъ верстъ за тридцать въ городъ Габровъ, когда на смѣну имъ пришелъ со своими молодецкими частями драгомировской дивизіи и со стрѣлками Крока Радецкій; дальнѣйшая, уже обезпеченная слава защиты шипкинскаго оплота была передана въ опытыя и вѣрныя руки Оедора Оедоровича...

V.

Н. Г. Столѣтовъ въ послѣдній день 1877 года переходитъ съ дружинами черезъ Иметлійскій переваль.—Дм. Ал. Милютинъ призываетъ его къ новому дѣлу.—Одобреніе этому со стороны государя.—Докладъ Столѣтова у его величества.—Столѣтовъ, во главѣ чрезвычайнаго посольства, командируется къ афганскому эмиру.—Пріѣздъ въ Ташкентъ.—Наставленія генерала-адъютанта-фонъ-Кауфмана.—Нѣкоторая странность ихъ.—Абдурахманъ-ханъ.—Путешествіе по афганскимъ землямъ.—Пріѣздъ въ Кабуль.—Торжественный пріемъ у эмира.—Частныя бесѣды съ нимъ.—Внезапное отозваніе Столѣтова по телеграфу.—Предположенія Столѣтова о роли графа Шувалова въ этомъ.—Характеристика эмира Ширъ-Али-хана.—Пріѣздъ въ Петербургъ.—Представленіе государю.—Государь награждаетъ Столѣтова «за Ширъ-Али и за Сулеймана».—Графъ Шуваловъ въ дѣлѣ вторичной командировки Столѣтова.—Сонъ Столѣтова.—Извѣстія о смерти Ширъ-Али-хана.

Въ декабрѣ 1877 года болгарское ополченіе со своимъ начальникомъ Н. Г. Столѣтовымъ совершило переходъ Балканъ черезъ Иметлійскій переваль ¹⁾ въ отрядѣ, состоявшемъ подъ начальствомъ М. Д. Скобелева; послѣдній же день 1877 года оно провело въ послѣднемъ бою подъ начальствомъ своего отца-командира—въ сраженіи подъ Шейновымъ, гдѣ вновь дралось рядомъ съ испытанными въ кровопролитныхъ бояхъ полками—на этотъ разъ съ полками Скобелевской дивизіи.

Дѣйствія Скобелева въ этомъ сраженіи оставили въ Столѣтовѣ, судя по его разсказамъ, недобрую память,—но объ этомъ когда-нибудь послѣ.

Средне-азиатскія отношенія наши приняли въ ту пору такой оборотъ, что Дм. Ал. Милютинъ, помня слова, сказанныя ему Н. Г. Столѣтовымъ передъ его отправленіемъ на Аму-Дарью, и сопоставляя ихъ съ тѣмъ, что узнавалъ изъ докладовъ, представлявшихся государю по министерству иностранныхъ дѣлъ, доложилъ его величеству въ началѣ 1878 года о своевременности командированія чрезвычайнаго посольства въ Афганистанъ; а когда государь согласился съ этимъ, то Дм. Ал. напомнилъ свой старый докладъ о необходимости поставить во главѣ посольства кого-либо изъ представителей военнаго вѣдомства; тогда государь вспомнилъ о Столѣтовѣ, только что покрывшемъ славою войска наши и имя свое изъ ряду выходящимъ подвигомъ защиты Шипкинской позиціи.

Было ясно видно, что собственно военныя дѣйствія уже пришли въ то время къ концу, а потому Столѣтовъ могъ быть свободно отозванъ изъ дѣйствующей арміи, для выполненія важной государственной командировки.

Явившись въ началѣ марта къ Дм. Ал. и услышавъ отъ него подтвержденіе того, что онъ вызванъ для отправленія къ Ширъ-

¹⁾ Ближайшій проходъ западнѣе Шипкинскаго перевала.

Али, Столѣтовъ доложилъ, что въ настоящее время имѣетъ обо всѣхъ средне-азиатскихъ дѣлахъ весьма смутное представленіе, боится, что все изученное имъ главнымъ образомъ въ Красноводскѣ и доложенное въ концѣ 1873 года уже совершенно измѣнилось, а также опасается, не поздно ли уже отправлять посольство, такъ какъ положеніе англичанъ за долгій промежутокъ времени стало совсѣмъ иное,—они оперились и опять набрались той наглости, которая обычно руководитъ ихъ дѣйствіями.

— Позвольте, ваше высокопревосходительство, мнѣ ознакомиться съ дѣлами, изучить теперешнее положеніе ихъ и тогда вновь явиться къ вамъ съ докладомъ,—сказалъ онъ Дм. Ал. Милютину.

— Да,—отвѣтилъ Дм. Ал.,—разсмотрите и изучите все не только въ азиатскомъ департаментѣ, куда вамъ будетъ открытъ безпрепятственный допускъ, но и въ главномъ штабѣ; а затѣмъ докладъ свой сдѣлаете не мнѣ, а государю императору; поторопитесь, его величество васъ на дняхъ приметъ...

Недѣли черезъ двѣ состоялся пріемъ, и Столѣтовъ, отвѣтивъ государю на все, что его величеству угодно было разспросить о театрѣ войны, затѣмъ, въ присутствіи военнаго министра, прямо доложилъ его величеству, что, по его мнѣнію, ходъ дѣлъ въ Средней Азій уже совсѣмъ не тотъ, посольство не осилитъ теперь того вліянія, которымъ англичане окрутили все въ Средней Азій, а особенно въ Афганистанѣ...

— Да, да, ты правъ,—сказалъ государь:—но ты все-таки поѣзжай и постарайся сдѣлать все, что возможно; помни, что я рассчитываю на тебя; собирайся въ путь, Богъ помочъ; передъ твоимъ отъѣздомъ я еще тебя повидаю.

— Очень хорошо сдѣлали, что государю императору все такъ откровенно и чистосердечно доложили, даже съ нѣкоторымъ рискомъ вызвать отмѣну командировки,—сказалъ Дм. Ал. генералу Столѣтову, выходя съ нимъ изъ Зимняго дворца.—Собирайтесь же въ путь, 10-го апрѣля я буду васъ ждать къ 9 часамъ утра.

«Явившись въ назначенный часъ, я былъ вновь представленъ государю,—разсказывалъ Н. Г. Столѣтовъ.—Его величество поручилъ мнѣ передать Ширъ-Али-хану, что ему будетъ дана полная поддержка и что ему слѣдуетъ держать себя относительно англичанъ такъ же, какъ держалъ себя его гордый отецъ Достъ-Мохамедъ: «Скажи ему—продолжалъ государь:—что я вполне увѣренъ въ немъ и въ его умѣны, а потому, въ свою очередь, жду отъ него лишь той корректности, которая дастъ Кауфману полное спокойствіе относительно нашей границы. Ширъ-Али долженъ знать, что, при нынѣшнихъ условіяхъ, очень многое зависитъ отъ него самого; англичане не позволятъ себѣ ничего по отношенію къ Афганистану не только изъ-за того, что будутъ видѣть мою поддержку,—они должны видѣть съ его стороны вполне увѣренный тонъ и отважное поведеніе,

въ которомъ онъ долженъ ясно показывать свою надежду на насъ; они прекрасно помнятъ урокъ, данный имъ Достъ-Мохамедомъ¹⁾ и его сыномъ Акбаромъ—братомъ Ширъ-Али. Все начертанное и условленное нами раньше въ прежнихъ нашихъ переговорахъ ему надлежитъ твердо соблюдать; я его поддержку нравственно и матеріально; новаго ты ему не везешь ничего, подтверждаешь лишь старое, подтверждаешь то, что охотно подтверждаю и я; надѣюсь, что это его ободритъ, пусть же онъ приложить столько старанія, сколько мы проявляемъ готовности искренно напрячь всѣ усилія къ его пользѣ.

«Кляняйся же Кауфману и ему въ точности повтори все мною тебѣ сказанное. Побъжай съ Богомъ; пиши часто и подробно Дмитрію Алексѣевичу.

«— На этотъ счетъ я далъ подробныя указанія; генераль Кауфманъ ихъ обстоятельно дополнилъ,—доложилъ военный министръ.

«Послѣ того государь меня трижды перекрестилъ, поцѣловалъ и отпустилъ», перѣдко вспоминая Н. Г. Столѣтовъ.

Въ главномъ штабѣ и въ азіатскомъ департаментѣ выяснили Н. Г. Столѣтову, что больше всего надлежитъ убѣдить эмира, насколько для него выгодноѣ быть нашимъ союзникомъ; а разъ онъ въ этомъ убѣдится,—долженъ будетъ отказаться навсегда отъ привычки довѣрять англійской щедрости, которой всѣ стремленія направлены въ поработенію страны въ политическомъ и промышленномъ отношеніяхъ. Этой щедрости надо бояться; ею подрывается существующій порядокъ; изъ-за нея владѣтели понемногу обращаются сначала въ вассаловъ, а затѣмъ въ простыхъ пенсіонеровъ. Эмиръ долженъ задуматься надъ своей и государства своею будущностью; ему лично предстоитъ или быть поработеннымъ Англійей, или сдѣлаться черезъ Россію главою самаго могущественнаго мусульманскаго «султаната», стать преемникомъ турецкаго султана, котораго англичане уже почти стерли. Имъ легко было это сдѣлать, ибо и самъ султанъ и его сановники, а также ближайшіе совѣтники уже издавна отличаются страстью къ полученію подачекъ, бросаемыхъ отъ щедротъ правительства королевы Викторіи. Только въ тѣсной связи съ Россіей эмиръ можетъ вѣрнѣйшимъ путемъ оттолкнуть англичанъ отъ дальнѣйшихъ посягательствъ на его самостоятельность.

---

¹⁾ Достъ-Мохамедъ, сынъ афганскаго министра Фетхъ-Али, въ смутное время двадцатыхъ годовъ прошлаго столѣтія, захвативъ въ свои руки власть, смѣло дѣйствовалъ противъ англичанъ; они взяли его въ плѣнъ. Тогда сынъ его Акбаръ-ханъ, возмущившись противъ британцевъ, перерѣзалъ ихъ офицеровъ и генераловъ въ 1841 году; армія же, гонимая имъ черезъ Хейберскій проходъ, потеряла въ бѣдственномъ отступленіи болѣе 16 тысячъ человекъ. Акбаръ передалъ власть отцу Достъ-Мохамеду, освобожденному имъ изъ плѣна; до 1863 года онъ продержался на престолѣ, а въ томъ году умеръ.

Связавъ все это въ одно цѣлое, Н. Г. выѣхалъ въ Ташкентъ, куда и прибылъ къ срединѣ мая.

Официально, — вѣроятно, для Англичан, — онъ считался командированнымъ въ распоряженіе генерала Кауфмана и какъ бы отъ него, частнымъ образомъ, направленнымъ въ Афганистанъ; но въ этомъ мы, кажется, обманули только себя; англичане слишкомъ хорошо понимали всю цѣль и весь характеръ изобрѣтенной, очевидно, по настоянію министерства иностранныхъ дѣлъ процедуры притворства и видѣли въ ней только проявленіе съ нашей стороны нѣкоторой доли трусости; все смѣлое говорится и дѣлается прямо, безъ лишнихъ обходовъ, безъ вылиній.

Въ Ташкентѣ генераль-адъютантъ К. П. фонъ-Кауфманъ, всегда издавна казавшійся Н. Г. Столѣтову крайне симпатичнымъ, давая ему инструкцію, просилъ тщательно ее записать; много эта инструкція содержала повтореній того, что уже довелось получить въ Петербургѣ.

— Вы отправляетесь въ столицу Афганистана — въ гор. Кабуль къ эмиру Ширъ-Али-хану, — сказала К. П. Кауфманъ: — дабы скрѣпить съ нимъ наши дружественныя отношенія, выяснитъ ему происходящія отъ того для него выгоды и, по возможности, заключить съ нимъ союзъ на случай вооруженнаго столкновенія нашего съ Англіей.

«Эмиръ возмущенъ насиліемъ англичанъ, занявшихъ Кветту и Келатъ; англичане же ссылаются на то, что ихъ беспокоятъ происки эмира къ восстановленію населенія всего Белуджистана противъ нихъ. На этомъ держится между ними вражда, грозящая сдѣлаться непримиримою; англичане считаютъ себя въ правѣ за все зло, причиняемое ими же Афганистану, требовать полнаго къ себѣ довѣрія со стороны Ширъ-Али-хана.

«Вамъ, — продолжалъ К. П. Кауфманъ, — предстоитъ, главнымъ образомъ, постараться укрѣпить въ эмирѣ это его недовѣріе къ дѣйствіямъ англичанъ и поощрить его къ оказанію имъ дальнѣйшаго сопротивленія, увѣривъ его, что возможно не только вытѣсненіе англичанъ изъ Кветты и Келата, но и возвращеніе ему всего Белуджистана ¹⁾.

«Онъ долженъ помнить, что правительство государя расположено идти съ нимъ рука объ руку, такъ какъ оно издавна смотритъ на Афганистанъ, какъ на оплотъ противъ посягательствъ англійской поли-

¹⁾ Ханство на юго-востокъ отъ Афганистана; главный городъ Келатъ; Кветта сильно укрѣпленный городъ, лежащій сѣвернѣе столицы на главномъ пути въ Кабуль черезъ Кандагаръ и Газни. За нѣсколько лѣтъ до описываемыхъ событій Белуджистанъ, при помощи англичанъ, отдѣлился отъ владѣній Ширъ-Али-хана, а въ 1877 году англичане, подъ видомъ мирныхъ намѣреній, заняли столицу Келатъ и главную крѣпость Кветту. Конечно, Ширъ Али-ханъ горѣлъ злобой, и желаніе отнять у англичанъ все ими насильственно захваченное у него всегда стояло на первомъ планѣ.

тики на независимость средне-азиатскихъ владѣтелей. Въ мирное время мы всегда помогаемъ своимъ представленіями и совѣтами, даваемыми лондонскому кабинету, въ случаѣ же разлада съ Англійей мы окажемъ фактическую поддержку.

«Сосредоточеніе нашихъ войскъ на Аму-Дарьѣ не должно смущать эмира; это дружественная ему сила, которая во всякое время можетъ ему помочь положить предѣлъ всякимъ вмѣшательствамъ англичанъ въ его внутреннія дѣла.

«Развейте въ эмирѣ ясное понятіе о громадной разницѣ нашей политики на востокѣ и англійской. Мы, защищая свои предѣлы отъ хищниковъ, даемъ имъ почувствовать свою силу,—мирныхъ владѣтелей всесторонне поддерживаемъ, охраняя ихъ власть, англичане же все разстраняютъ въ видахъ достиженія своихъ меркантильныхъ цѣлей.

«Мы считаемъ унижительною подкупать владѣтелей, но, въ случаѣ дѣйствительной нужды, можемъ съ полной готовностью помочь союзнику всякаго рода матеріальной и физической поддержкой, а также и денежными средствами. Нужно только, чтобы Ширъ-Алиханъ всецѣло отдался намъ, фактически и безповоротно заявивъ себя нашимъ другомъ и союзникомъ.

«Вообще,—сказалъ К. П. Кауфманъ,—выгоды, которыя эмиръ получитъ отъ союза съ нами, такъ велики, что ихъ не стоитъ и объяснять».

Затѣмъ К. П. порекомендовалъ Н. Г. Столѣтову основательно изучить все касающееся власти, силы эмира, его войскъ, средствъ, возможности заготовить для насъ провіантъ, фуражъ; далѣе: насколько онъ можетъ повелѣвать въ случаѣ, если, убѣжденный нами, рѣшится отдаться нашему вліянію; съ какой стороны и въ какой степени можно ожидать внутри сопротивленія ему. К. П. Кауфманъ совѣтовалъ также разузнать цѣны вообще, снять планы, намѣтить пункты различныхъ складовъ, кои можно было бы устроить для насъ, опредѣлить настроеніе населенія и войскъ, какъ регулярныхъ, такъ и милиціонныхъ, кадръ людей, которые были бы способны широко распространять враждебность противъ англичанъ. Но вотъ что замѣчательно:

«Въ случаѣ крайности и дѣйствительной рѣшимости эмира склониться на нашу сторону, вы можете «принять на себя завѣдываніе или командованіе тою частью средствъ или силъ», которыя вамъ, по соглашенію съ эмиромъ, покажутся болѣе важными въ оборонительномъ или наступательномъ противъ Англии отношеніи». Это Н. Г. Столѣтову тогда же показалось страннымъ. Какъ человѣку пунктуальному, ему показалось страннымъ, что не сказано: «частью войскъ».

Разсказывая именно объ этомъ, онъ самъ себя не разъ спрашивалъ: что это значить? Часто онъ впоследствии проговаривался,

что тогда склоненъ былъ по поводу этого видѣть какую-то «перѣшительность въ принятіи рѣшительныхъ мѣръ»; но болѣе всего больно было ему замѣчать, что умный и проникательный Ширъ-Али, не договаривая, высказывалъ сомнѣніе: не похоже ли все это на игрушку и могло ли случиться, чтобы англичане этого не узнали и не поняли?.. У него самого давно было затаено желаніе поставить во главѣ афганскихъ войскъ русскаго генерала, будь то Столѣтовъ или Черняевъ, все равно.

Изъ разговоровъ съ лицами компетентными Н. Г. узналъ, будто бы въ военномъ министерствѣ кто-то, восхищенный ролью, только что тогда сыгранною имъ въ Болгаріи, нашелъ, что въ минуту принятія разныхъ рѣшительныхъ мѣръ въ Афганстанѣ тотъ же Столѣтовъ могъ бы стать начальникомъ какого-нибудь отряда, которому можно было бы поручить дѣйствія противъ англичанъ. Не найдя серьезнаго возраженія, мысль эта такъ и вышла изъ военного министерства опредѣленно выраженной, но въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ ее исказили и, не рѣшившись, какъ опасную для дипломатическихъ сношеній, вовсе выбросить, обратили въ какую-то неясную, съ іезуитскимъ отбѣнкомъ фразу.

«Правда это или нѣтъ,—говорилъ Н. Г. Столѣтовъ:—я не знаю, но, во-первыхъ, она въ такомъ видѣ попала въ данное мнѣ генераломъ Кауфманомъ официальное предложеніе, а, во-вторыхъ, я много разъ слышалъ именно такое объясненіе происхожденія этой фразы».

«За нѣсколько дней до моего отъѣзда въ Кабуль К. П. Кауфманъ передалъ мнѣ списокъ лицъ, кои были предназначены для командирования со мной, а также ассигновалъ необходимыя для нашего дорожнаго довольствія денежныя средства» ¹⁾.

«Въ общемъ генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ объяснилъ, что, по свѣдѣніямъ, имѣющимся у него, Ширъ-Али крайне обрадованъ, ободренъ отправленіемъ къ нему миссіи и большимъ вниманіемъ, оказываемымъ ему государемъ. Затѣмъ К. П. сообщилъ, что посоль-

¹⁾ Въ составъ миссіи вошли: генеральнаго штаба полковникъ Конст. Іос. Разгоновъ (впослѣдствіи нач. шт. туркест. воен. округа, умеръ въ 1911 году въ чинѣ генерала-отъ-инфантеріи), врачъ Яворскій, подпоручикъ Пазировъ, классн. топографъ Бендерскій, переводчики Заманъ-Бекъ и тит. сов. Малевинскій, фельдшеръ, команда изъ 22-хъ казаковъ съ урядникомъ во главѣ.

Всѣмъ были пазначены суточные (отъ 30 коп. до 10 руб.), подъемныя (отъ 200 до 300 руб.) (кромя нижнихъ чиновъ, прогоныя деньги каждому по чину).

Въ распоряженіе генерала Столѣтова было отпущено особо 1000 руб. на покупку подарковъ для восточныхъ людей и 3000 руб. на экстраординарные расходы. Сверхъ того, топографу дано 30 руб. на покупку часовъ, а фельдшеру 80 руб. на обозаведеніе и снаряженіе.

ство это является совершенно кстати, ибо эмиръ упалъ было духомъ, какъ будто бы предвидя что-то зловѣщее во всемъ поведеніи англичанъ и видя въ обращеніи ихъ съ нимъ что-то недоброе; предчувствіямъ своимъ онъ далъ особое значеніе и какъ восточный человѣкъ вообще и какъ человѣкъ, измучившійся за послѣднее время нервно. Англичане, дѣйствительно, какъ будто бы задались задачей травить его.

«Двѣнадцать лѣтъ проживаешь у насъ въ Самаркандѣ свергнутый и побѣжденный имъ—эмиромъ Ширъ-Али—племянникъ его Абдуррахманъ-ханъ; до сихъ поръ онъ какъ бы не давалъ повода думать, что способенъ чѣмъ-либо нарушить покой своего дяди; въ настоящее же время,—говорилъ К. П. фонъ-Кауфманъ,—хотя поведеніе его остается какъ будто попрежнему корректнымъ, но англичане, кажется, играютъ на той стрункѣ, что желаютъ запугать Ширъ-Али-хана, выставляя ему различными способами на каждомъ шагу племянника въ видѣ пугала; то они угрожаютъ отнятіемъ субсидій и передачей ея племяннику, то прямо, безъ обиняковъ, страшаютъ возведеніемъ племянника на престолъ; какъ то, такъ и другое является дѣломъ нешуточнымъ,—десять тысячъ фунтовъ стерлинговъ ежемѣсячнаго содержанія потерять, оставаясь на престолѣ, почти то же, что потерять престолъ, хотя бы при сохраненіи тѣхъ десяти тысячъ».

К. П. фонъ-Кауфманъ преподавалъ Н. Г. Столѣтову нѣсколько наставленій касательно поведенія его съ Ширъ-Али, а также объ обращеніи съ племянникомъ эмира, Абдуррахманомъ, на тотъ случай, если бы ему удалось, преодолевъши все препятствія, получить доступъ къ Н. Г. для свиданія, котораго Константинъ Петровичъ настойчиво совѣтовалъ ему ни въ какомъ случаѣ не давать.

— Совѣтъ Константина Петровича я исполнилъ въ точности,—говорилъ Н. Г. Столѣтовъ:—не только въ Самаркандѣ я не отъзвался на подсылку ко мнѣ Абдуррахманомъ разныхъ лицъ, съ просьбой о назначеніи ему часа пріема, но не принялъ за нашей границей людей, которые пытались въ Гузарѣ подвѣхаться ко мнѣ отъ него.

«Въ то время, когда со всѣхъ сторонъ было слышно о серьезныхъ намѣреніяхъ Абдуррахмана войти въ тѣсныя сношенія съ англичанами для устройства своихъ дѣлъ, подсылавшіеся имъ люди нашептывали окружающимъ меня лицамъ, что онъ, изъ уваженія ко мнѣ и ко всему русскому, желалъ бы довести до моего свѣдѣнія, въ какой степени его дядя, Ширъ-Али-ханъ, держитъ себя вѣроломно, обманываетъ наше правительство, и какъ онъ намѣренъ лукавить передо мной и передъ направлявшеюся къ нему, по волѣ царя, миссіей».

«Клеветы Абдуррахмана подобались ко мнѣ и пресобвали мнѣ внушить, чтобы я не вѣрилъ ни одному слову друга англичанъ

Ширь-Али-хана, который, кромѣ того, что обходить Россію, намѣренъ жестоко оговорить его—несчастливаго, обиженнаго имъ племянника» ¹⁾.

«Въ городѣ Гузарѣ меня ожидало цѣлое посольство эмира Ширь-Али; онъ выслалъ конвой для сопровожденія меня и моихъ спутниковъ, а также, въ видѣ средствъ передвиженія, прислалъ для нашего обихода массу лошадей, верблюдовъ, нѣсколько экипажей и лично для меня слона,—разсказывалъ Столѣтовъ.—Этотъ способъ переѣзда считается у восточныхъ людей тѣхъ мѣстностей самымъ почетнымъ. Между массой лицъ, присланныхъ эмиромъ для встрѣчи и привѣтствованія меня, находилось три высокихъ сановника. Посольство меня сопровождало, при чемъ сановники по очереди смѣнялись, садясь для переѣзда со мной на спину слона, лицомъ къ мигѣ, а спиной къ вожаку, сидѣвшему на плечахъ слона лицомъ къ его хоботу; остальные двое сановниковъ ѣхали въ это время вмѣстѣ съ моими спутниками по бокамъ слона ²⁾ на прекрасныхъ коняхъ, эффектно убранныхъ золотой и серебряной сбруей, конскими принадлежностями и дорогими сѣдельными попонами, сотканными изъ шелка, съ золотымъ шитьемъ и съ бирюзовыми украшеніями. Такъ въ теченіе десяти или двѣнадцати дней нашего торжественнаго переѣзда до Кабула я имѣлъ удовольствіе видѣть въ дневныхъ переѣздахъ своимъ визави каждаго изъ этихъ сановниковъ по очереди. На половинѣ пути встрѣтили еще новые сановники и вошли также въ очередь для совмѣстнаго со мною путешествія. Народъ вездѣ высыпалъ въ нарядныхъ костюмахъ, очень интересуясь повидать посольство и показывая по-восточному полное уваженіе къ посланцу великаго Бѣлаго царя. Тишина ни разу нигдѣ не была нарушена; народъ, видимо, относился съ благоговѣніемъ, какъ бы проникнутый чувствами громаднаго уваженія къ своему повелителю и перенося это уваженіе на гостей, присылкой которыхъ его удостоилъ царь. Мѣстныя власти во всѣхъ городкахъ встрѣчали и послѣ пышныхъ привѣтствій съ льстивыми рѣчами и пожеланіями спрашивали именемъ Ширь-Али-хана, все ли въ дорогѣ было исправно, не встрѣтили ли мы какихъ-либо непріятностей, а тѣмъ болѣе, Аллахъ храни, притѣсненій, отъ кого бы то ни было, кто, если бы дернулъ на это, оказался бы измѣнникомъ, злѣйшимъ врагомъ Афганистана и его эмира. Фразы эти вездѣ произносились съ одними и тѣми же жестами и однимъ и тѣмъ же аффектированнымъ тономъ.

¹⁾ Послѣ смерти эмира Авзула-хана Ширь-Али нанесъ сыну его Абдуррахману жестокое пораженіе и вступилъ на престолъ. Никакой обиды въ этомъ никто не видѣлъ, такъ какъ Авзуль-ханъ былъ братомъ Доста-Мохамеда, а Ширь-Али—сыномъ; скорѣй считалось, что Ширь-Али такими дѣйствіями возстановилъ свои права.

²⁾ Передвиженіе на слонѣ производится очень скоро: слона, идущаго спокойно большимъ шагомъ, едва можно догонять верхомъ рысью на здоровомъ конѣ.

Здѣсь я считаю необходимымъ сдѣлать небольшую оговорку о томъ, что вообще подробностей всей дѣятельности Н. Г. Столѣтова ни по одной его должности я не привожу, ни за время бытности его начальникомъ Закавказскаго округа, правителемъ канцелярїи военнаго губернатора Туркестанской области, начальникомъ Красноводскаго отдѣла, ни за то время, когда онъ сталъ во главѣ экспедиціи на Аму-Дарью и чрезвычайной миссіи въ Афганистанъ; хотя въ подробномъ описаніи всѣхъ этихъ родовъ его службы содержатся масса интереснаго, поучительнаго и цѣннаго для исторїи, но подробности эти увеличили бы размѣръ статьи и безъ того разросшейся до предѣловъ, трудно вмѣщающихся въ объемъ журнальнаго очерка; онѣ могли бы составить собою отдѣльную, крайне интересную книгу. Поэтому теперь я ограничиваюсь извлеченіемъ лишь общихъ мѣстъ.

Съ этихъ строкъ разсказъ идетъ почти сплошь отъ лица самого Н. Г. Столѣтова; изъ разговоровъ съ нимъ онъ былъ сплошь мною въ свое время записанъ.

«Уже Кабуль—столица Афганистана—былъ на виду, когда начались различныя еще болѣе пышныя встрѣчи. У вѣзда въ городъ наше посольство было встрѣчено министрами и другими высшими сановниками, а также военачальниками; на одной изъ улицъ встрѣтили разноцвѣтныя, пестрыя войсковыя конныя и пѣшія части, а затѣмъ войска стояли шпалерами вплоть до малаго дворца, въ которомъ для посольства было отведено помѣщеніе. Это все произошло 18-го іюня; въ тотъ же день къ вечеру генераль Столѣтовъ былъ торжественно со всей миссіей принятъ эмиромъ. При этомъ всѣ сообщенія К. П. фонъ-Кауфмана живо представились ему, до такой степени ясно и искренно Ширъ-Али выражалъ свою радость и благодарность царю. На другой день въ дворцовой мечети состоялось большое моленіе о здравїи государя и о благополучїи его державы, а затѣмъ данъ былъ во дворцѣ торжественный обѣдъ.

«Пробылъ я собственно въ Кабулѣ пять недѣль и все время—гостемъ эмира, который показалъ массу радушія, гостепринимства, а подъ конецъ даже и дружбы,—разсказывалъ Столѣтовъ.—Почти каждый день я бывалъ у него; официальные разговоры велись черезъ присяжныхъ переводчиковъ, но наши простыя бесѣды, ставшія впоследствии дружескими, происходили на тюркскомъ нарѣчїи, а то и просто на турецкомъ языкѣ. Мы бесѣдовали обо всемъ; эмиръ оказался очень свѣдущимъ въ самыхъ разнообразныхъ вопросахъ религіи, философіи; много онъ говорилъ о христіанствѣ, ясно различалъ другія христіанскія религіи отъ православной; много бесѣдовалъ объ Иисусѣ Христвѣ, сопоставлялъ его и разныхъ пророковъ съ Магометомъ и Абубекромъ.

«Касаясь вопросовъ политики, онъ всегда съ большою симпатіей и съ глубокимъ уваженіемъ упоминалъ имя государя Александра Николаевича; относительно себя выразилъ сожалѣніе о томъ, что послѣ кончины отца своего очень скоро поддакъ вліянію, совѣтамъ и воздѣйствію англичанъ, которые его плѣнили главнымъ образомъ тѣмъ, что выказывали на каждомъ шагѣ и при каждомъ удобномъ случаѣ полнѣйшее и какъ будто самое искреннее уваженіе именно къ его отцу, Досту-Мохамеду; онъ каялся, что былъ оплетенъ и что лишь черезъ много лѣтъ понялъ, въ какую ловушку они его захватили въ своемъ стремленіи извлекать выгоды для себя, а тѣмъ самымъ поставили его во враждебное положеніе и къ другимъ народамъ Средней Азіи и къ Бѣлому царю; послѣднее составляетъ безутѣшнѣйшее горе всего его царствованія и всей его жизни.

«— Вы поймете,—говорилъ Ширъ-Али:—въ какой степени я долженъ быть безконечно благодаренъ царю Александру, виявшему моимъ домогательствамъ и протянувшему мнѣ руку; вѣдь для этого онъ долженъ былъ по-христіански подавить въ себѣ все чувства злобы и ненависти, отбросить мысль о мести, а затѣмъ сердечно, чисто простить мнѣ мои грѣхи, преступленія и заблужденія.

«Въ такихъ и подобныхъ разговорахъ, перебивавшихся ученаго характера разсужденіями,—говорилъ Столѣтовъ:—проходили у насъ часы, дни, а иногда и ночи нашихъ свиданій, когда вдругъ я получилъ отъ К. П. Кауфмана депешу, въ которой было сказано, что, въ виду настояній нашего посла въ Лондонѣ о необходимости не доводить дѣла до полного разстройства нашихъ отношеній къ правительству королевы Викторіи,—государю императору благоугодно было повелѣть отозвать изъ Кабула наше чрезвычайное посольство, о чемъ предписывалось въ дружескихъ словахъ сообщить эмиру, а затѣмъ выѣхать въ Ташкентъ.

«Въ тотъ день, когда была получена эта телеграмма, Ширъ-Али былъ занятъ празднованіемъ рожденія Абубекра, отца Анши, почитающейся пророчицей,—любимой жены Магомета.

«Въ телеграммѣ той я, грѣшный человѣкъ, увидѣлъ опять злостность руки, наложенной тѣмъ же самымъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ, который, незадолго передъ тѣмъ, такими же услугами не допустилъ насъ войти въ Константинополь и довелъ до оскорбленія Россіи берлинскими разсужденіями на собраніи, получившемъ названіе конгресса, а въ сущности явившемся «судомъ надъ державой царя».

«Эмиру я, конечно, не сказалъ о поводахъ отозванія меня, упомянувъ лишь просто, что «серьезныя дѣла того усиленно требуютъ». Онъ, несомнѣнно, догадался и если не былъ увѣренъ въ сути дѣла, то додумался до близкаго открытія причинъ внезапно послѣдовавшей перемѣны; съ момента полученія отъ меня извѣстія онъ изъ

веселаго и счастливаго сдѣлался угрюмымъ и задумчивымъ. Онъ особенно участилъ разговоры о политикѣ, о характерѣ полномочій и правъ представителей англійской королевы и ея подданныхъ вообще; это до очевидности указываетъ на то, что въ его хитромъ умѣ почти дословно сложилось представленіе объ истинныхъ причинахъ послѣдовавшаго распоряженія, столь тяжело отразившагося на немъ и разбившаго всѣ его мечты.

«На прощанье Ширъ-Али какъ будто бы усилилъ свою любезность по отношенію ко мнѣ, а также участилъ восхваленіе и выраженіе благодарности государю и признательности К. П. Кауфману, для котораго онъ изготовилъ и вручилъ мнѣ длинное письмо.

«— Это, будьте любезны, передайте моему дорогому, доброму сосѣду, каковымъ Аллахъ, видимо, избралъ его на мое и моего народа счастье,—сказалъ онъ.

«Мнѣ жаль было покидать этого человѣка; я къ нему привыкъ и успѣлъ привязаться; кромѣ того, что видна была какая-то безпомощность, угнетавшая его, онъ показался мнѣ до крайности симпатичнымъ и чистымъ; если же когда-нибудь во мнѣ прорывалось какое-либо сомнѣніе, что все же рядомъ съ этимъ въ немъ есть лукавство, неискренность и хитрость, свойственныя восточному человѣку, то невольно и единственно лишь изъ-за того, что, какъ бы то ни было, восточнымъ человѣкомъ онъ по рожденію былъ и оставался. Но вообще ни въ чемъ онъ не далъ мнѣ повода видѣть въ немъ рѣзко обозначившимися какія бы то ни было качества восточныхъ людей.

«23-го мая 1879 года я возвратился изъ Ташкента въ Петербургъ и былъ встрѣченъ цѣлымъ рядомъ благодарностей, выраженныхъ мнѣ и военнымъ министромъ, и государемъ; я сознавалъ, что не заслужилъ тѣхъ благодарностей и похвалъ, которыми они меня осыпали за успѣшное и вполне корректное исполненіе миссіи.

«Государь императоръ въ Царскомъ Селѣ, послѣ въ высшей степени милостиваго приѣма, сказалъ мнѣ ласково и привѣтливо:

«— Изъ письма эмира Ширъ-Али на имя Кауфмана и изъ твоихъ сообщеній на имя графа Милютина ¹⁾ я вижу, какъ ты прекрасно понялъ и какъ безошибочно исполнилъ все тебѣ порученное и довѣренное. Спасибо тебѣ. Мнѣ очень жаль было отозвать тебя, но обстоятельства такъ сложились; болѣе долгое пребываніе твое могло повредить эмпрю, поведеніе котораго не оставляетъ желать лучшаго. Авось все у него сладится, а я черезъ нѣсколько времени, когда поднятая въ Англии буря уляжется, вновь отправлю тебя

¹⁾ Во время пребыванія Столѣтова въ Кабулѣ военному министру было пожаловано графское достоинство.

туда; надо пріучить англичанъ къ пребыванію при Ширъ-Али моего посланнаго. Съ тобой я буду имѣть случай еще поговорить объ эмирѣ подробнѣе; пока я почти все знаю отъ графа Дмитрія Алексѣевича.

«— А вотъ знаешь ли ты, что во время твоего отсутствія и великій князь и генераль Радецкій обнаружили и представили мнѣ о томъ, какъ ты былъ на Шипкѣ обойденъ?»

«Когда я, въ отвѣтъ на эти слова, выказаль выраженіемъ своего лица большое изумленіе, государь, какъ бы спохватившись, ласково разсмѣялся и сказалъ:—«Не Сулейманъ тебя обошелъ, а мы обошли наградою за твои особыя передъ Россіей заслуги; вижу и воплиѣ цѣню то, что ты на это не въ претензіи; случиться этотъ пропускъ могъ только при особенностяхъ твоего подвига: онъ не былъ изъ числа такихъ обыкновенныхъ, которые, какъ ясно начинаются, такъ ясно и кончаются. Начавъ твою отважную защиту Шипки противъ Сулеймана, ты, вслѣдствіе большой убиты въ рядахъ молодецкаго ополченія твоего, не могъ закончить ее такъ же опредѣленно; ты долженъ былъ передать ее въ руки Радецкаго для дальнѣйшаго долгаго продолженія начатаго тобою подвига. Въ этой суматохѣ забыть тебя наградою было немудрено, хотя, конечно, непростительно; узнавъ отъ Дмитрія Алексѣевича объ отзывахъ брата моего и Радецкаго, я въ январѣ назначилъ тебѣ орденъ святой Анны 1-ой степ. съ мечами; теперь же, за примѣрное исполненіе тобою моего порученія, жалую тебѣ орденъ святого Владимира 2-ой степени, а припоминая вновь бравое начало безпримѣрной защиты Шипки, добавляю къ этому ордену мечи; такъ что сегодня ты получаешь орденъ св. Владимира 2-й степени за Ширъ-Али-хана и мечи къ нему за Сулеймана пашу».

Вопросъ о вторичной послылкѣ чрезвычайнаго посольства къ Ширъ-Али былъ вскорѣ-таки вновь поднятъ, тѣмъ болѣе, что эмиръ написалъ государю длинное письмо, въ которомъ, изысканно выражая массу благодарностей, вспоминалъ о тѣхъ облегченіяхъ, которыя посѣяны были въ немъ и въ народѣ пребываніемъ въ его столицѣ достойнѣйшаго посланца Благо царя. Генералу Столѣтову было приказано вновь собраться въ путь и даже были отпущены прогоны на Ташкентъ и Кабуль. Но прибывшій въ Петербургъ изъ Лондона графъ Шуваловъ просилъ государя отложить командированіе до полученія болѣе обстоятельныхъ свѣдѣній о ходѣ переговоровъ между индійскимъ правительствомъ королевы Викторіи и эмиромъ Ширъ-Али и до принятія правительствомъ ея величества болѣе опредѣленныхъ рѣшеній.

Графъ Шуваловъ уѣхалъ въ Лондонъ, а время тянулось.

«Прошло нѣсколько недѣль въ выжидательныхъ приготовленіяхъ. Среди томительныхъ выжиданій,—говорилъ Столѣтовъ,—я вижу вдругъ сонъ, что Ширъ-Али явился ко мнѣ и, послѣ многихъ разнообразныхъ разспросовъ, сказалъ:

«— Ну, теперь уже больше не ѣздите въ Кабуль; больше этого не надо.

«— Отчего?—спросилъ я.

«— Такъ, не надо.

«— Скажите отчего?—спросилъ я по-турецки.

«— Я вамъ по-русски говорю, что не надо, развѣ вы не обратили вниманія на то, что я съ вами говорю на нашемъ и Бѣлаго царя родномъ языкѣ?

«— Да, чувствую, но какъ же это вы говорите по-русски, вѣдь, до сихъ поръ вы не знали нашего языка?

«— Не зналъ, пока былъ живъ, теперь я здѣсь на небѣ, вижу Христа и Магомета и отца своего... я взялъ Аллахомъ,—сказалъ онъ:—объ этомъ и царю уже извѣстно... Я доволенъ и умротрепъ...

«На другой день утромъ я былъ разбуженъ прибывшимъ ко мнѣ фельдъегеремъ, который доложилъ мнѣ, по приказанію военнаго министра, что государь императоръ приказалъ мнѣ представиться въ два часа пополудни.

«— Твоя поѣздка совѣмъ отмѣняется,—сказалъ государь:—нашъ бѣдный Ширъ-Али скончался третьяго дня; вчера я получилъ объ этомъ телеграмму отъ графа Петра Андреевича Шувалова; печальная жизнь эмира прекращена несчастнымъ исходомъ злокачественнаго карбункула. Жаль его, что дѣлать. Теперь пойдетъ тамъ буря, и, кажется, нами пригрѣтый племянникъ его Абдуррахманъ готовится отплатить намъ самую черною неблагодарностью.

«— Кстати,—спросилъ государь:—тебѣ вѣдь не случилось въ Самаркандѣ видѣться съ нимъ?

«— Нѣтъ, ваше величество; когда онъ изъ Гузара получилъ отъ меня окончательный и твердый отвѣтъ о томъ, что я ни его, ни его служащихъ ни въ какомъ случаѣ не приму, одинъ изъ его приближенныхъ сказалъ мнѣ, будто бы по его приказанію, что мы напрасно ухаживаемъ за Ширъ-Али и потворствуемъ ему: онъ вѣрный поклонникъ англичанъ и скоро намъ это покажетъ какой-нибудь горькой развязкой...

«— Да,—сказалъ государь:—горькую развязку сдѣлали англичане для несчастнаго Шира-Али...

«Съ того дня и посейчасъ я искренно сожалѣю о томъ, что у меня не хватило рѣшимости рассказать государю о моемъ снѣ,—нерѣдко говорилъ Столѣтовъ.—Я видѣлъ тогда въ этомъ невольнительную по отношенію къ государю фамильярность.

«Тогда же во дворцѣ передавались слухи о томъ, что получено извѣстiе, будто бы англичане подослали какого-то несовершеннолѣтняго перса и тотъ пырнулъ эмира ножомъ въ то время, когда онъ у себя въ дворцовой мечети возносилъ молитвы».

До мая 1899 года генераль Столѣтовъ прокомандовалъ сначала 1-ю стрѣлковую бригадою, потомъ 18-ой пѣхотной дивизіей, затѣмъ годъ 15-мъ армейскимъ корпусомъ, четыре съ половиной года 14-мъ армейскимъ корпусомъ; послѣ того пробылъ нѣсколько лѣтъ присутствующимъ и неприсутствующимъ членомъ военного совѣта, а съ 1-го января 1911 года по день кончины состоялъ въ должности члена Александровскаго комитета о раненыхъ.

Болгары постоянно чествуютъ его.

Лѣтомъ 1902 года начальникъ главнаго штаба сообщилъ Н. Г. Столѣтову письменно, что Государь Императоръ высочайше соизволилъ: предстоящею осенью на юбилейныя торжества двадцатипятилѣтія Освободительной войны командировать въ Болгарію депутаціи отъ нѣкоторыхъ частей войскъ, а также отдѣльныхъ представителей арміи и въ числѣ послѣднихъ—непремѣнно генерала-отъ-инфантеріи Столѣтова.

Тамъ при освященіи храма на Шипкѣ представители болгарскаго ополченія, и старъ и младъ, въ присутствіи и съ дозволенія великихъ князей нашихъ, бывшихъ участниковъ славной войны и князя Фердинанда, поднесли и всенародно прочли Н. Г. Столѣтову адресъ, въ которомъ, между прочимъ, изображено:

«Мы безконечно счастливы, въ минуту освященія храма-памятника, видѣть здѣсь передъ собой славнаго своего учителя, храбраго и неустрашимаго воеводу, котораго подвиги совершены имъ во главѣ героевъ орловцевъ, брянцевъ и юнаковъ-ополченцевъ, сплотившихся въ одну желѣзную, оказавшуюся непроницаемою для варваровъ, стѣну.

«Ваше здѣсь среди насъ присутствіе мы считаемъ событіемъ историческимъ; оно живо воскресило въ нашей памяти день 6-го мая 1877 года, когда вы, принявъ изъ рукъ незабвеннѣйшаго главнокомандующаго, царева брата, самарское знамя, подъ сѣнью святыни этой двухъ народовъ колѣнопреклоненно съ нами принесли клятвенное обѣщаніе свято исполнить воинскій долгъ—лечь костями, мощно защищая святой крестъ, царя и наши отечества.

«Живо представляется намъ нашъ сорокачетырёхлѣтній отецъ-командиръ, уже украшенный тогда многими знаками военного отличія, кои напоминали въ немъ бойца 1854—1855 годовъ за севастопольскія твердыни, въ послѣдовавшее время за покореніе туркестанскихъ дикихъ мѣстъ и крѣпостей, послѣ того за поддержаніе боевой славы на восточномъ берегу Каспійскаго моря при осно-

ваніи имъ града Красноводска въ 1869 году, за военно-походное изученіе имъ Аму-Дарьинскаго края въ 1874 году; вотъ какой знатный воинъ, сынъ великой Россіи, сдѣлался тогда нашимъ полководцемъ, котораго царь намъ даровалъ по выбору славнаго главнокомандующаго нашего, на вѣчную славу нашей страны и нашей арміи. Память о немъ запечатлѣна въ нашихъ благодарныхъ сердцахъ навѣки; ни давность времени, ни древность возраста, успѣвшаго покрыть насъ сѣдиной, не измѣнила и не измѣнитъ этой памяти; она ненарушимо изъ вѣка въ вѣкъ будетъ передаваться нашимъ дѣтямъ, внукамъ и дальше грядущимъ поколѣніямъ сыновъ созданной волею царя и нашими усиліями Болгаріи.

«Съ гордостью вспоминаемъ мы, какъ вы велили насъ въ богатырской борьбѣ плечо въ плечо съ русскими братьями. Рядомъ съ ними и ихъ примѣромъ, подъ вашимъ воеводствомъ, мы, полные славныхъ надеждъ и идеальныхъ стремленій, волновавшихъ наши души и наполнявшихъ наши сердца, радостно проливали нашу кровь, бодро подходя къ закрѣпленію твердо принятаго всѣми нами съ первыхъ дней девиза: «свобода или смерть». Закрѣпленіе это свершилось, будучи куплено дорогою цѣною гибели нашихъ братій, 19-го іюля подъ Старой Загорой (Эски-Загра), а затѣмъ 9-го, 10-го и 11-го августа на Шипкѣ, здѣсь, на этомъ самомъ мѣстѣ, на которое царь посылалъ насъ тогда проливать, подъ вашимъ начальствомъ и по вашимъ указаніямъ, кровь, а теперь мы собрались горячо молиться въ храмѣ объ упокоеніи его чистой, кроткой души, благородныхъ душъ его сына—царя Александра, его брата князя Николая, а также душъ всѣхъ славныхъ воиновъ, павшихъ за нашу свободу на полѣ битвы, а также—о здравіи великаго внука его Царя Николая.

«Славный нашъ полководецъ!

«Мы, ваши ученики-ополченцы, счастливы видѣть васъ здѣсь среди насъ и принести вамъ горячую благодарность за понесенные вами для нашего отечества старанія и труды, завершившіе созданіе нашей свободы и создавшіе нашу армію, являющуюся великою гордостью страны.

«Пусть отнынѣ объ этомъ и объ неизмѣнности нашихъ чувствъ безконечной признательности къ царю, нашему Освободителю, къ его близкимъ, къ Россіи—гордости славянъ, славнымъ генераламъ и воинамъ мощной русской арміи, къ вамъ, нашему учителю,—вѣчно всему міру возвѣщаетъ благородный величественный звонъ колокола, увѣчавшаго вмѣстѣ съ православнымъ крестомъ на этомъ святомъ храмѣ верхушку горделиво возвышающейся Шипки—свидѣтельницами нашихъ ратныхъ трудовъ, подъ вашимъ скромнымъ, но несокрушимымъ для силъ пятивѣковаго врага-тирана, насъ сплотившимъ въ исторической борьбѣ, дорогимъ сердцу нашему отеческимъ начальствомъ».

«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., т. сxxx.

Этот скромный,—приведенный здѣсь въ краткомъ извлеченіи,—адресъ былъ въ простой папкѣ, за подписями скромныхъ братьевъ, дравшихся въ славныхъ рядахъ дружинъ «столѣтовскаго ополченія». тогда же, 15-го сентября 1902 года, тамъ же у подножія храма-памятника врученъ генералу Н. Г. Столѣтову—маститому и незабвенному воеводѣ, вѣковѣчному герою юной Болгаріи.

Въ высшей степени скромно, съ большой кротостью, не разъ покойный Николай Григорьевичъ передавалъ простой рассказъ о своей жизни и службѣ. Никогда въ его повѣствованіи не прозвучала ни одна нота чего-либо похожаго на злобу при упоминаніи о постигавшихъ его ударахъ судьбы и не проглянуло ни малѣйшей тѣни бахвальства при воспоминаніи о выпадавшихъ на его долю удачахъ... Нельзя не отмѣтить, что въ немъ всегда жило отрадное чувство благоговѣнія, съ которымъ онъ вспоминалъ о непрестанномъ вниманіи къ нему Царя-Освободителя и Царя-Миротворца, цѣнившихъ его труды и заслуги, какъ цѣнили и то и другое великіе князья—его прямые въ разное время начальники—Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ.

Бывшій августѣйшій кавказскій намѣстникъ, наѣзжавшій въ послѣдніе годы изъ-за-границы для лѣтняго пребыванія въ свое Михайловское подъ Стрѣльной, не разъ приглашалъ его туда «къ завтраку»,—въ сущности побесѣдовать; его высочество съ большимъ интересомъ возбуждалъ разговоръ объ его службѣ въ Закаталахъ, въ Тифлисѣ, въ Красноводскѣ; многое было выяснено въ тѣхъ бесѣдахъ.

«Ты сумѣлъ твердо и хорошо забыть вредъ, когда-то тебѣ причиненный; тѣмъ лучше будетъ всѣмъ сохраняться въ памяти польза, тобою въ такомъ изобиліи постоянно приносившаяся»...

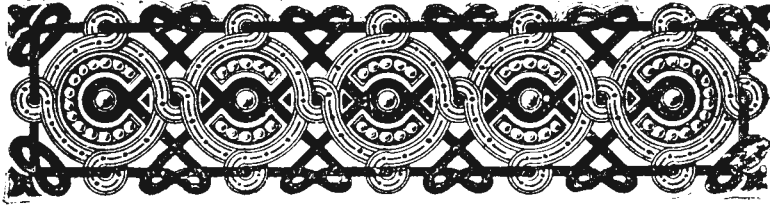
«Эти слова великаго князя были послѣднія изъ обращенныхъ ко мнѣ, они неизгладимо врѣзались въ мою память и останутся въ моемъ сердцѣ до конца дней моихъ», говаривалъ Николай Григорьевичъ перѣдко и повторилъ за нѣсколько часовъ до своей кончины...

Е. К. Андреевскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

СВОБОДА ДУХА.

(Повѣсть).

ЕДАЛЕКО отъ Парижа, всего въ двадцати или пятнадцати лѣ, въ началѣ XIX вѣка стоялъ двухъ-этажный каменный домикъ, окруженный большимъ тѣнистымъ садомъ, съ оранжереями, огородами, фруктовыми деревьями, фонтаномъ, бесѣдками и скамьями. Высокая бѣлая ограда обнимала со всѣхъ сторонъ садъ, и проѣзжій по пыльной парижской дорогѣ видѣлъ только верхнюю половину деревьевъ, мощно поднявшихъ свои вѣтви въ горячемъ воздухѣ лѣта. Что дѣлалось за оградой—ствъ любопытныхъ глазъ было скрыто. Да и окрестные жители мало что могли разсказать про обитателей маленькаго «шато», кромѣ того, что это были молодые люди, недавно поженившіеся. Ихъ болѣе зналъ священникъ села, что стояло неподалеку, котораго звали отецъ Жозефъ. По воскресеньямъ онъ обѣдалъ въ замкѣ, для чего надѣвалъ новую рясу, чистые воротнички и бралъ шелковый зонтикъ. Онъ отзывался съ большой похвалой какъ о хозяевахъ замка, такъ и объ ихъ обѣдахъ, особенно о нѣкоторыхъ кушаньяхъ, совершенно незнакомыхъ во Франціи.

Въ самомъ дѣлѣ, владѣтели замка были хоть куда. Онъ—рослый, плечистый атлетъ, не французъ, обладавшій, повидимому, большими средствами, она—средняго роста, черноглазая, черноволосая, съ

матовымъ лицомъ, молоденькая, дочь нѣкоего знатнаго лица, упоминаемая которею отецъ Жозефъ даже закрывалъ отъ благоговѣнія глаза.

— Она вышла замужъ безъ благословенія своего родителя, — таинственнымъ шопотомъ сообщалъ онъ въ концѣ концовъ: — о, я узналъ объ этомъ только отъ капеллана ея отца.

Онъ сокрушено разводилъ руками и склонялъ на бочокъ голову. Отчего онъ такъ сокрушался, трудно было представить. Онъ умалчивалъ, что «мадамъ» вручила ему на благоустройство ветшавшей церкви пакетъ съ тысячею франковъ, а это было цѣлое состояніе. Послѣ этого священникъ счелъ своею обязанностью по воскресеньямъ не пропускать ни одного обѣда, и аккуратно къ тремъ часамъ, когда серебряные удары гонга разносились по саду, являлся съ своею неизбѣжной улыбкой въ темной, небольшой столовой замка, увѣшанной стариннымъ серебромъ и севрскимъ фарфоромъ, не такъ давно купленнымъ случайно самимъ владѣльцемъ «княземъ Boris», какъ его величалъ священникъ.

Князь Boris приобрѣлъ это имѣнье тоже случайно. Онъ ѣхалъ мимо, былъ жаркій день, онъ остановилъ свою верховую лошадь и выпилъ кружку козьего молока. Молочница сообщила ему, что замокъ продается. Онъ спросилъ, можно ли его осмотрѣть. Оказалось, что можно. Ему особенно понравился садъ.

— О, мосье Лефевръ самъ его посадилъ полвѣка назадъ, — объяснила молочница, — и все время имъ занимался. Тутъ есть деревья гораздо старше его самого; но цвѣтники и всѣ газоны имъ разбиты.

Наслѣдникъ мосье Лефевра ненавидѣлъ это имѣнье по тѣмъ воспоминаніямъ дѣтства, которыя заставляютъ перѣдко людей ненавидѣть то мѣсто, гдѣ они провели первые годы своей жизни. Поэтому вопросъ о продажѣ рѣшился въ нѣсколько минутъ. А черезъ недѣлю иностранецъ, впрочемъ, превосходно говорившій по-французски, былъ уже счастливымъ обладателемъ замка. Три комнаты были отремонтированы заново, а спальня вся отдѣлана въ помпейскомъ вкусѣ, только что вошедшемъ тогда въ моду. Это было всего годъ назадъ, и теперь уже второе лѣто новобрачные жили въ уединеніи, на лонѣ сельской тишины.

Сосѣдей у нихъ почти не было. Но они не скучали. Иногда закладывалась карета, и они ѣхали въ Парижъ къ теткѣ Клэръ. Тамъ, въ особнякѣ еще далеко не старой вдовы, собиралось пять-шесть человѣкъ знакомыхъ. Сама вдова играла на арфѣ; какой-то господинъ съ цѣлымъ кустарникомъ волосъ на головѣ приходилъ съ віолончелью, а пропитанный ароматнымъ нюхательнымъ табакомъ старецъ очаровательно свистѣлъ на флейтѣ, доказывая, что годы не могутъ оказать никакого вліянія на его легкія.

Медовый мѣсяцъ тянулся для молодыхъ — весну, лѣто, зиму, опять весну и опять лѣто. Наступала вторая осень, — и все звучало

тотъ аккордъ, который сливалъ ихъ въ одно существо, несмотря на разницу ихъ воспитаній и разныхъ національностей.

Она была французженка. Отецъ ее увѣрялъ, что Сень-Дизье происходитъ по прямой линіи отъ Пинина Короткаго. У отца Клэръ было много полей, лѣсовъ, было четыре замка и какіе-то виноградники на югѣ. Клэръ онъ ничего не дала въ приданое, хотя она была единственная дочь: старшій его сынъ нѣсколько лѣтъ назадъ умеръ, и блестящій родъ долженъ былъ прекратиться. Онъ мечталъ о томъ, что его Клэръ выйдетъ замужъ за какого-нибудь потомка тоже блестящаго стариннаго рода. Но Клэръ въ одинъ ясный лѣтній день сказала отцу, что выходитъ замужъ за того раненаго офицера, съ которымъ давно уже познакомилась у тетки Жакелинь.

Офицеръ этотъ былъ когда-то ему представленъ сестрою его покойной жены madame Жакелинь. Фамилія этого офицера была Вязьмитиновъ. На Сень-Дизье онъ не произвелъ никакого впечатлѣнія и прошелъ передъ нимъ совершенно незамѣтно. Теперь, когда дочь сказала, что она его любитъ, онъ поднялъ на нее свои глаза.

— Миѣ казалось бы, что онъ самъ долженъ былъ пріѣхать ко мнѣ?—проговорилъ онъ.

— Онъ и хотѣлъ это сдѣлать. Но я его отговорила,—сказала Клэръ.

Старикъ прищурясь посмотрѣлъ на дочь.

— Ты его отговорила? Почему?

— Я сказала, что сама объяснюсь съ тобой. Ему бы ты отвѣчалъ безусловнымъ отказомъ. Вѣдь такъ?

— Такъ.

— Я совершеннолѣтняя съ января мѣсяца,—и въ правѣ располагать собою, какъ хочу.

Старикъ издавъ восклицаніе, долженствовавшее изобразить смѣхъ.

— Онъ по національности кто?—спросилъ онъ.

— Русскій.

Старикъ сжалъ губы.

— Еще того лучше! Онъ плѣнный!?

— Онъ былъ илѣннымъ. Но потомъ ему предложили возвратиться на родину.

— Почему же онъ не уѣхалъ?

— По многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ не совсѣмъ поправился отъ ранъ... и поѣхалъ лечиться. А, во-вторыхъ... онъ не хотѣлъ.

— Встрѣтилъ тебя?

— Встрѣтилъ меня.

Отецъ оглядѣлъ съ ногъ до головы дочь. Она стояла передъ нимъ тоненькая, съ горящимъ взглядомъ и раздувающимися ноздрями.

«Въ ней есть порода», подумалъ онъ.

— Я на этотъ бракъ не согласенъ.

- Очень грустно.
- Полагаю.
- Грустно то, что я выйду замужъ безъ твоего согласія.
- О-о! А если я тебя запрю?
- Это такъ не сходитя съ твоими воззрѣніями.
- Приданого я тебѣ не дамъ.
- Миѣ не надо.
- А что говорить по этому поводу твой мужъ? То-есть будущій мужъ?
- Я съ нимъ объ этомъ не говорила.
- А надо.
- Да, я какъ-нибудь поговорю.
- Скажи ему, что я за тобой полагала дать отъ пяти до девяти милліоновъ франковъ.
- Я забуду цифру.
- Запиши. Вотъ бумага и карандашъ.
- Она записала.
- Скажи ему, — продолжалъ старикъ: — что ты могла бы все это получить, но теперь ничего не получишь. Онъ богатъ?
- Кажется.
- Вреть.
- Не думаю. Онъ хорошаго рода.
- Вреть? Въ Россіи нѣтъ старинныхъ родовъ.
- Вязьмитиновы въ Россіи одна изъ самыхъ древнихъ фамилій.
- Это кто тебѣ сказалъ? Не тетка ли?
- Она.
- У нея все древнія фамилія, — другихъ знакомыхъ у нея не бываетъ.
- Дочь пожала плечами и ничего не отвѣтила. Наступило молчаніе.
- Ты шутишь или нѣтъ? — спросилъ старикъ.
- Развѣ такими вещами шутятъ? — спросила въ свой чередъ Клэръ.
- Со скуки! — отвѣчалъ отецъ. — Со скуки рѣшаются на самоубійство.
- Я люблю его, — сказала Клэръ.
- Отецъ опять посмотрѣлъ на нее. Онъ видѣлъ, какъ дышала ея грудь, какъ руки, открытыя по модѣ до плечъ, судорожно общипывали цвѣтокъ, — и подумалъ:
- «Да, такая если полюбитъ, то возьметъ свое!»
- Какъ его фамилія? — переспросилъ онъ. — Гм... Значитъ, ты будешь madame Вязьмянтинова. Изъ mademoiselle Сень-Дизье ты превратишься въ русскую даму. И вы поѣдете въ Россію?
- Не знаю, объ этомъ мы не думали.

— Не подумали еще, бросить старика-отца одного здѣсь, или не бросить?

Кларь молчала, только еще первѣе стала ощипывать цвѣтокъ.

— Во всякомъ случаѣ,—продолжалъ онъ:—если ты хочешь привести въ исполненіе задуманный планъ, я съ тобою прекращаю всякія сношенія.

— Я это знаю.

— Знаешь?

— Ты старался развить во мнѣ самостоятельность и сдѣлать меня похожей на себя. Ты этого достигъ.

— То-есть ты самостоятельна, и поступаешь, какъ хочешь?

— Да, поступаю какъ хочу. Странно, если бы въ такомъ важномъ вопросѣ, какъ замужество, я послушалась бы кого другого, кромѣ своего чувства.

— Замужество весьма серьезный шагъ, — подтвердилъ онъ:— поэтому я думалъ, что ты спросишься опытныхъ людей и поступишь, какъ они посоветуютъ.

— Я и пришла сказать вамъ. Мнѣ кажется, это гораздо умнѣе, если бы вмѣсто меня...

Она перевела духъ,—слова путались, но она старалась скрыть свое волненіе.

«Молода еще», подумалъ отецъ.

— Было бы глупѣе,—продолжала она:—если бы Борисъ къ тебѣ прѣхалъ, сказалъ бы, что хочетъ жениться на мнѣ. Вѣдь я твоя дочь, поэтому я и должна сама объявить о своемъ замужествѣ.

Отецъ постукивалъ пальцами по столу.

— Я даю тебѣ три дня, — сказалъ онъ. — Въ эти три дня ты должна прийти къ окончательному рѣшенію: выходишь ты за него, или нѣтъ.

— Да, я рѣшила окончательно.

— Но если я тебѣ говорю, подожди три дня,—ты можешь, я думаю, это сдѣлать?

— Могу.

— Сегодня суббота. Во вторникъ ты придеши ко мнѣ и сообщишь результатъ.

— Какъ хочешь.

— Теперь ты можешь идти,—сказалъ онъ.

Она повернулась и вышла.

II.

Во вторникъ она стояла передъ нимъ на томъ же мѣстѣ. Онъ какъ будто осунулся и пожелтѣлъ. У нея на щекахъ, напротивъ, игралъ румянецъ, глаза горѣли.

— Ну-съ?—спросилъ онъ.

- Что?—наивно отвѣтила она.
- Ты не измѣнила своего рѣшенія?
- Зачѣмъ я буду его мѣнять?
- Когда же ваша свадьба?
- Какъ только будетъ можно.
- Ты видѣлась съ нимъ у тетки и говорила? Что же онъ отвѣтилъ насчетъ приданого?
- Онъ засмѣялся и сказалъ, что это ничего.
- А насчетъ моего несогласія на вашъ бракъ?
- Онъ спросилъ, не буду ли я раскаиваться, что своимъ замужествомъ порвала все съ отцомъ?
- А ты что отвѣтила?
- Я сказала, что нѣтъ.
- Вонъ!—вдругъ заревѣлъ старикъ и сталъ топтать ногами.

Клэръ повернулась и пошла вонъ изъ комнаты. Вслѣдъ ей, когда она затворяла дверь, послышалось восклицаніе отца:

«Змѣнишь!»

Придя къ себѣ, она опустилась въ кресло. Вся она дрожала. Дорого обходилось ей желаніе казаться спокойной при такихъ разговорахъ.

Черезъ нѣсколько минутъ осторожный стукъ раздался у ея двери. Она сказала, что можно войти.

Вышелъ огромный толстый старикъ въ чулкахъ и фракѣ, расшитомъ по борту лентой съ гербами Сепъ-Дизье.

— Батюшка покорно проситъ мадемуазель Клэръ прійти къ нимъ въ кабинетъ,—приличнымъ басомъ сказалъ онъ.

— Передайте моему отцу, что я сейчасъ приду,—отвѣтила она и подошла къ туалету. Она вытерла лицо туалетной водой и поправила прическу.

— Прощу извинить меня за рѣзкость,—проговорилъ старикъ, когда она вошла къ нему въ кабинетъ.—Присядьте, мадемуазель.

— Это комедія?—спросила она.

— Вы насчетъ чего?—спросилъ отецъ.

— Насчетъ мѣстоименія. Ты со мной говоришь, какъ съ какой-то герцогиней.

— Вы мнѣ совершенно дѣлаетесь постороннимъ лицомъ, выйдя замужъ за этого авантюриста.

— Вы ошибаетесь. Все-таки я остаюсь твоей дочерью. Да и Борисъ не авантюристъ. Я за авантюриста бы не пошла замужъ.

— Можетъ быть, его родъ выше нашего?

— Можетъ быть.

— Тебѣ извѣстно, что твой старшій братъ умеръ?

— Я не забыла,—это случилось всего пять лѣтъ назадъ.

— Если у васъ будетъ сынъ, онъ будетъ носить мою фамилію.

— Какъ же это можетъ быть! Онъ, вѣроятно, будетъ носить фамилію моего мужа.

— Я его усыновлю.

— Не знаю, согласенъ ли будетъ на это Борнсъ.

— Онъ долженъ на это согласиться.

— Почему?

— Потому что я этого хочу.

Онъ сказалъ это съ такимъ видомъ, съ какимъ говорятъ королн, законно вступившіе на престолъ: такова наша неизмѣнная воля. Дочь ничего на это не отвѣтила, только подняла на отца большіе глаза.

— Далѣе,—сказалъ онъ:—миѣ необходимо познакомиться съ моимъ будущемъ зятемъ. Я могу не желать васъ обоихъ видѣть, могу не дать за тобой приданого ни гроша, но я долженъ знать его въ лицо. Сознаюсь откровенно: я забылъ его фізіономію.

— Когда онъ долженъ пріѣхать къ тебѣ?

— Когда хочеть, утромъ до двѣнадцати.

— Хорошо,—сказала дочь.

— Вы видите съ нимъ два раза въ недѣлю у Жакелинъ?—спросилъ отецъ.

— Да,—отвѣтила она, и румянецъ слегка заигралъ на ея щекахъ.

— Вы увидите его послѣзавтра?

— Я хочу послать ему записку,—черезъ тетущку.

— Пошлите, я не запрещаю вамъ видѣться съ нимъ, потому что мое запрещеніе ни къ чему бы не привело, и вы бы попрежнему его видѣли, только, быть можетъ, чаще, чѣмъ теперъ. Такъ вѣдь?

— Такъ.

— Поэтому я разрѣшаю вамъ эти свиданія дважды въ недѣлю. Теперь идите.

Дня черезъ два къ Сепъ-Дизъе явился князь Борнсъ. Онъ былъ одѣтъ по послѣдней парижской модѣ и пріѣхалъ въ зеленомъ кабріолетѣ съ рѣшеткой и красной бархатной подушкой. Онъ былъ высокъ, представителенъ, но болѣе похожъ на итальянца, чѣмъ на русскаго. Когда онъ вошелъ, старикъ просматривалъ какія-то бумаги. Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, показывая ему на кресло, и спросилъ:

— Вы женитесь на мадемуазель Клэръ?

— Да, если она обвиняется со мной,—отвѣтилъ онъ.

— Она миѣ сказала, что хочеть это сдѣлать.

— Я буду очень счастливъ.

— Полагаю,—иронически сказалъ старикъ.

— Она прелестна и умна,—замѣтилъ князь.

— Тѣ женщины, въ которыхъ мы влюблены, всегда намъ кажутся прелестными и умными.

— Не знаю,—я въ первой разъ люблю такъ сильно.

— Она говорила вамъ мое рѣшеніе о приданомъ?

— Да, что-то такое говорила. Что вы за дочерью ничего не даете, такъ? Да мнѣ и не надо. Гораздо важнѣе, что вы противъ брака.

— Почему же это важнѣе?

— Потому что я не хочу, чтобъ Клэръ жертвовала вами для меня.

Старикъ поднялся. Онъ хотѣлъ сказать, что его, потомка Пинпа, нельзя приносить въ жертву какому-то русскому дезертиру. Но онъ сдержался, и, криво улыбаясь, сказалъ только:

— Обо мнѣ не стоитъ заботиться.

Онъ опять сѣлъ на мѣсто и спросилъ: останутся ли въ Парижѣ молодые, или поѣдутъ въ медовое путешествіе?

— Мы поѣдемъ въ Италію. А потомъ,—такъ какъ я думаю купить домъ подъ Парижемъ, то воротимся сюда.

— Вы знаете, что на политическомъ горизонтѣ опять тучи?—спросилъ старикъ.

— Слышалъ.

— Не сегодня-завтра начнется война. Всѣ русскіе подданные должны будутъ выѣхать изъ предѣловъ нашей страны.

— Я этого еще не рѣшилъ. Мнѣ слѣдовало давно уже быть на родинѣ. Но я остался здѣсь дольше, чѣмъ слѣдовало. Скажу прямо: виной этому была Клэръ.

Они помолчали.

— Я ставлю условіемъ,—началъ старикъ:—чтобы обвѣнчалъ васъ мой капелланъ. Если будетъ васъ вѣнчать священникъ восточной церкви, меня это не касается. Но по обряду той религіи, въ которой родилась моя дочь, васъ обвѣнчаютъ въ моемъ замкѣ. Прямо изъ церкви вы отправитесь въ свадебное путешествіе. Мой дорожный экипажъ, приспособленный къ дальней дорогѣ, будетъ готовъ. Я это сдѣлаю для дочери. Изъ моего замка она можетъ выѣхать только въ моемъ экипажѣ.

— Вы хотите сказать, она можетъ выѣхать только въ своемъ дормезѣ? Вѣдь и мои экипажи будутъ все принадлежать ей, если она будетъ обвѣнчана?

— Свадьба будетъ въ это воскресенье, послѣ обѣдни,—сказалъ Сепъ-Дизье.

— Мнѣ это безразлично,—отвѣтилъ женихъ.

— Вы религіозны?—спросилъ старикъ.

Борисъ пожалъ плечами.

— Я тоже отношусь къ религіи индифферентно,—проговорилъ старикъ и опять всталъ.

— Нашъ разговоръ конченъ,—сказалъ онъ.

— Мы увидимся въ воскресенье?—спросилъ князь.

— Да, я думаю.

Они вѣжливо простились. У двери князь вдругъ проговорилъ:

— Я не увижусь съ мадемуазель Клэръ,—поэтому прошу васъ передать ей...

— Отчего же,—вы можете пройти на ея половину и сказать ей, что хотите.

Онъ позвонилъ и приказалъ вошедшему лакею:

— Проводите его сѣятельство на половину мадемуазель Клэръ.

Князь засталъ свою невѣсту стоящей у окна и смотрѣвшей на темный, еще не начинавшій зеленѣть садъ.

— Это вы?—радостно воскликнула она.—Вы кончили?

— Кончили. Онъ премилый старикъ, только напускаетъ на себя много ненужнаго. Онъ даже руки мнѣ не подаль.

Клэръ повела плечомъ,—это было у нея признакомъ, что она довольна чѣмъ-нибудь.

— Въ воскресенье свадьба,—продолжалъ князь.—Осталось меньше пяти дней. Прямо изъ-подъ вѣнца мы ѣдемъ въ Римъ.

Лакей стукнулъ въ дверь и, войдя, доложилъ князю:

— Кабриолетъ вашъ поданъ.

Князь засмѣялся и, цѣлуя руку невѣсты, проговорилъ:

— До воскресенья.

И вдругъ Клэръ обвила его шею руками и подставила свои губы для перваго поцѣлуя, какого еще не видѣли стѣны стараго замка.

Старикъ вечеромъ въ этотъ день долго о чемъ-то бесѣдовалъ съ своимъ канцеляномъ, еще не старымъ, красивымъ аббатикомъ. Тотъ сначала не соглашался, и все говорилъ:

— Но это невозможно.

Сень-Дизье подходилъ къ дверямъ, отворялъ ихъ, затворялъ снова и, не возвышая голоса, повторялъ:

— Но если я такъ хочу?

Канцелянъ опускалъ глаза и смущенно проводилъ пальцами по столу, точно на немъ лежали слои пыли... Но потомъ онъ согласился.

Князь Борисъ пріѣхалъ получасомъ ранѣе назначеннаго срока. Онъ подписалъ какія-то три бумаги, въ которыхъ была много написано чего-то,—аббатъ сказалъ, что это необходимо подписать. Потомъ въ церковь вошелъ Сень-Дизье, въ завитомъ парикѣ и камзолѣ эпохи Louis XVI. Съ нимъ вошло три или четыре какихъ-то незнакомыхъ Борису, но, должно быть, очень важныхъ старика. Потомъ вошла Клэръ, въ сопровожденіи Жакелинъ. Потомъ Борисъ помнитъ, что они рядомъ съ Клэръ опустились на колѣни на какія-то подушки, и канцелянъ, блѣдный и нервный, читалъ нужныя молитвы. Борису казалось, что будетъ какое-нибудь препятствіе, что бракъ не совершится и все кончится внезапной катастрофой. Но время шло, слова молитвы звучали, возлѣ онъ видѣлъ милый, знакомый профиль Клэръ и пышную шею ея тетки, которая съ ободрительной улыбкой кивала имъ головой, когда взгляды ихъ встрѣчались.

Потомъ дорога,—далекая дорога. Потомъ горы, Италия, вѣчный великій городъ—и счастливая жизнь двухъ любящихъ другъ друга, только что соединенныхъ бракомъ существъ...

III.

Они вернулись въ Парижъ наканунѣ Великой Отечественной войны. Въ письмахъ, полученныхъ изъ Россіи, двоюродный братъ писалъ князю, что возвращаться уже поздно и лучше всего, если онъ проведетъ все время кампаніи гдѣ-нибудь за границей, ссылаясь на свое недомоганіе отъ ранъ. Да тутъ и не было лжи. Его контузія давала себя знать, и иногда онъ по цѣлымъ днямъ не могъ ходить, и много самообладанія надо было имѣть, чтобы не корчиться отъ боли, когда она охватывала всю лѣвую ногу.

Они поселились въ ново купленномъ замкѣ подъ Парижемъ.

Его считали то нѣмцемъ, то полякомъ, то итальянцемъ, но никому и въ голову не приходило, чтобъ русскій осмѣлился подъ самой столицей спокойно жить, когда великая армія хлынула черезъ Нѣманъ въ безграничныя восточныя степи. Острое чувство влюбленности такъ охватило его, что ему казалось какимъ-то отдаленнымъ спомъ все прошлое,—и деревенскій домъ, въ которомъ онъ родился, и великолѣпныя дачи по берегу Финскаго залива, гдѣ онъ росъ въ имѣніяхъ дяди, окруженный гувернерами и учителями. Точно изъ далекаго міра выплывали предъ нимъ хорошенькія лица кузинъ, ихъ румяныя щечки, поцѣлуй въ темныхъ углахъ, длинные зимніе вечера, нарядный выѣздъ охоты, съ одномастными лошадьми и съ золотомъ шитыми кафтанами псарей. Золотыя кареты придворныхъ, торжественныя богослуженія, шумъ петергофскихъ водометовъ, духи фрейлинъ, теплое сладкое причастіе, вкусная просфора,—все это сливалось въ одну картину съ стенами и лугами далекаго южнаго помѣстья и погребеннымъ подъ снѣгомъ лѣсомъ, и звонками лихой тройки, и дворовыми ряжеными. Единственнымъ отзвукомъ прежней жизни былъ сорокалѣтній, не то денщикъ, не то камердинеръ, Боклевскій, что слѣдомъ за нимъ шелъ по пятамъ всю жизнь, отъ семилѣтняго возраста. Онъ былъ и въ Петербургѣ, и въ деревнѣ, и на дачахъ, и въ Италиі, когда онъ почти ребенкомъ участвовалъ въ суворовскихъ походахъ. Онъ помнитъ снѣжныя, туманныя горы Швейцаріи и добродушное рябое лицо Боклевскаго. Помнитъ онъ его въ Тильзитѣ, какъ онъ, затаенный въ новыи солдатскій мундиръ, пучить глаза на проѣхавшихъ мимо императоровъ и лихо дѣлаетъ налѣво полукругъ, хотя на него никто, кромѣ Бориса, не смотритъ. Борисъ, по совѣту врачей, поѣхалъ на воды лечитъ свою контузію. Потомъ онъ попалъ въ Парижъ, потомъ встрѣтился съ Клэръ,—и началась для него новая жизнь. И Боклевскій былъ съ нимъ неотлучно.

Чувства патриотизма, любви къ родниѣ начали проступать въ немъ, когда началась великая война и армія Наполеона двинулась къ Москвѣ. Были мгновенія, особенно по ночамъ, когда онъ рвался въ далекія сибѣжныя равнины. Онъ зналъ, что горять его имѣнья, что жгутъ его дома и службы, онъ зналъ, что долгъ его быть тамъ, въ далекой Россіи. Но потомъ онъ смотрѣлъ на спящую, спокойно дышавшую жену, и ему начинало казаться, что долгъ его быть здѣсь, возлѣ этого маленькаго нѣжнаго существа. Тамъ и безъ него много найдется народа, что прольютъ свою кровь, отдадутъ имущество на разграбленіе.

«Отдадутъ имущество на разграбленіе?..» Но у него, помню сожженнаго и разграбленнаго, много еще останется имѣній и денегъ. Онъ богатъ,—онъ даже не знаетъ, сколько дохода даютъ его помѣстья. Онъ съ трудомъ по именамъ можетъ назвать тѣ села и деревни, что отъ дѣдушекъ, дядошекъ, тетусшекъ и бабушекъ перешли къ нему. Здѣсь, за границей, онъ два раза получилъ переводы крупной суммы, прожилъ ихъ,—куда дѣвались деньги, онъ не зналъ, но зналъ, что онѣ гдѣ-то есть, и когда нужно—явятся.

Клэръ ради него пожертвовала своими милліонами,—и, должно быть, никогда ихъ не получитъ. Она съ дѣтства привыкла къ роскоши и довольству, что окружало ее. Обязанность Бориса—устроить такъ свои дѣла, чтобъ Клэръ ни разу не была смущена какой-нибудь тучкой недовольства и сомнѣнія.

Но съ тѣхъ поръ, какъ образовалась союзная армія, какъ Наполеона все больше и больше стали тѣснить къ границамъ Франціи, когда до Бориса дошли слова Александра, что Наполеонъ долженъ оставить престоль, онъ все чаще и чаще задумывался. Положеніе его, въ этомъ маленькомъ шато подъ столицей, было двусмысленнымъ. Правда, имѣнье было на имя Клэръ, правда и то, что никто изъ окрестныхъ жителей не считалъ его русскимъ,—но кто гарантировалъ его отъ случайнаго доноса, со стороны отца его жены, съ которымъ порваны были всѣ связи? Когда они воротились изъ Неаполя, Клэръ извѣстила его о прѣздѣ и спросила, можетъ ли она прѣхать къ нему. Онъ отвѣтилъ одной строчкой:

«Совершенно лишнее».

Она черезъ мѣсяцъ опять написала ему. «О любви къ тебѣ я не буду говорить,—но привязанность къ тебѣ у меня есть, потому что я росла на твоихъ глазахъ съ дѣтства»,—писала она.

Онъ отвѣтилъ.

«О смерти моей или твоей мы будемъ кѣмъ-нибудь поставлены въ извѣстность, а все остальное—ненужно».

Этимъ кончились всякія отношенія между отцомъ и дочерью. Борисъ не сокрушался объ этомъ, да и Клэръ тоже. Она была слишкомъ горда, чтобъ вынести оскорбленіе даже отъ своего отца. Они

жили, прижавшись другъ къ другу, какъ птицы въ бурю, и ждали тепла и солнца.

Въ одно изъ воскресній конца лѣта тринадцатаго года они сидѣли въ саду, начавшемъ уже терять свою зеленую окраску. Листья сыпались, желтѣли, корбились. Осенніе цвѣты распустились на смѣну лѣтнихъ. Была тихая прозрачная погода. Деревья недвижно стояли въ застывшемъ воздухѣ. Въ цвѣтникахъ явился какой-то пряный запахъ, астры и настурціи ярко алѣли подъ лучами солнца. Возлѣ мраморной скамейки журчалъ и сверкалъ серебромъ фонтанъ.

— У тебя, Борисъ, появилась какая-то морщина между бровей. Это я замѣтила въ послѣдніи двѣ-три недѣли,—сказала Клэръ.

Борисъ поднялъ голову.

— Да,—отвѣтилъ онъ.

— Ты чаще задумываешься. О чемъ?

— Меня беспокоятъ два обстоятельства.

Она отбросила книгу, что читала ему вслухъ, и уставилась на него.

— Какія?

— Во-первыхъ, твое нездоровье.

Она засмѣялась.

— Такъ большы бываютъ все женщины на свѣтѣ!—воскликнула она.—А второе безпокойство?

— Война.

Она схватила его голову обѣими руками.

— А какое намъ дѣло!—заговорила она.—Пусть французы убиваютъ русскихъ, русскіе французовъ,—это не мѣшаетъ намъ любить другъ друга.

Онъ посмотрѣлъ на нее, хотѣлъ что-то сказать, но промолчалъ.

— Я вижу по глазамъ твои мысли,—заговорила она.—Ты хочешь сказать, что есть у человѣка обязанности, кромѣ личнаго счастья. Знаю я,—отецъ много разъ внушалъ мнѣ это. Вѣроятно, подъ вліяніемъ его ученія я и бросила его и пошла къ тебѣ, поставивъ свое личное счастье выше его счастья. Онъ былъ вѣдь счастливъ съ моей матерью. Теперь моя очередь.

— Твою мать какъ звали?—спросилъ онъ.

— Маргаритой.

— Я люблю это имя.

— А я не люблю,—сказала она.—Да, такъ вотъ, я знаю, тебя влечетъ въ Россію любовь къ отечеству, долгъ предъ родиной и прочія высокія побужденія. Другъ мой, надо быть человѣкомъ прежде всего.

— То-есть?—спросилъ онъ.

— То-есть ты долженъ оберегать меня, а не страну, особенно потому, что я готовлюсь быть матерью. Вотъ то назначеніе, что на-

ложено на тебя. Ты долженъ защищать меня, какъ слабое существо, назначенное природой къ произведенію себѣ подобнаго...

Она опять засмѣялась своему доктринерскому тону и прижалась къ нему.

— Неужели тебѣ не жаль меня?—спросила она.

— Если бы мнѣ было не жаль, я бы сражался съ моими соотечественниками.

— И убивалъ другихъ людей?

— Я давалъ въ этомъ присягу.

— Убивать людей?

— Война — остатокъ средневѣковья, — сказала она. — Но до тѣхъ поръ, пока не найдется другое средство убѣждать людей, кромѣ ихъ убійства, чтобы прійти къ тому или другому соглашенію, — до тѣхъ поръ война будетъ существовать. Восемнадцатый вѣкъ далъ намъ много... Очень много...

— Она далъ нашу ужасную революцію... Я не помню ее. Но мнѣ тетя разсказывала такіе ужасы...

— Восемнадцатый вѣкъ показалъ, что такое права человѣка, — продолжалъ онъ. — Деятнадцатый дастъ еще больше. — Но война будетъ, будетъ и въ девятнадцатомъ и въ двадцатомъ вѣкѣ. Пока будутъ политика и дипломаты, — до тѣхъ поръ будутъ и войны. Война — стихійное неизбежное зло, — это та накипь, что образуется отъ долгаго мира. Тутъ замѣшаны не только честь, но и торговля, и биржа, и масса тѣхъ мелочей, которыя создаютъ данное положеніе.

— Это все, все вздоръ, — стояла она на своемъ. — Французы ничего не имѣютъ противъ русскихъ, какъ противъ нихъ ничего не имѣютъ итальянцы. Зачѣмъ же они идутъ убивать русскихъ и жгутъ ихъ дома? Зачѣмъ къ намъ придутъ пѣмцы и русскіе и тоже начнутъ грабить и убивать?

Борисъ съ грустью посмотрѣлъ на жену.

— Это неизбежно, — сказалъ онъ.

— Вздоръ, — почему неизбежно зло? Люди согласились, что зло на землѣ должно существовать, и поддерживаютъ это мнѣніе. Пусть тебя будутъ считать трусомъ, человѣкомъ, подчинившимся женщинѣ, но пусть ты будешь здѣсь, а не тамъ, въ рядахъ твоей арміи, глупымъ мясомъ для пушекъ. Ты своимъ тѣломъ, понимаешь ты, — своимъ тѣломъ уже заплатилъ дань своей родинѣ, — ты, еще молодой человѣкъ, страдаешь къ погодѣ отъ своихъ контузій. Что же ты хочешь? Быть убитымъ? Что же ты докажешь своею смертью?

— Откуда это у тебя? — спросилъ Борисъ.

— Отецъ былъ всегда противъ войны. Отецъ подолгу бесѣдовалъ со мною. Въ долгиіе осенніе вечера мы сидѣли на софѣ въ его кабинетѣ, и онъ много и долго говорилъ со мною. Когда умеръ братъ, онъ сказалъ: «Смерть и безъ того безсмысленна и для насъ непо-

нятна; зачѣмъ же увеличивать число умершихъ войной? Не страшно умереть, а страшно остаться на землѣ безъ дорогого существа».

Она встала и, опершись колѣномъ о скамейку, положила обѣ руки на плечи мужа.

— Я теперь только поняла весь ужасъ потерять близкое существо. Ты думалъ, что я ребенокъ, который совершенно невнимательно воспринимаетъ всѣ вѣсти и слухи о войнѣ. Но я слѣдила за каждымъ твоимъ движеніемъ, за выраженіемъ твоихъ глазъ. Я понимала, что ты не хочешь оскорбить меня радостью, что французы выгнаны изъ Россіи, но, я понимала, что какъ русскій, ты въ душѣ веселился и радовался успѣху...

Борисъ взялъ ее за локти.

— Ты въ новомъ свѣтѣ всташь передо мной,—сказалъ онъ.— Я начинаю любить тебя все больше и больше...

— А какое мы дадимъ имя?—спросила она, шепнувъ этотъ вопросъ ему на ухо.—Ирэнъ? Да? У меня бабушка была Ирэнъ.

— По-русски—Арипа?—улыбаясь, сказалъ онъ.—Ну, а если это будетъ мальчикъ?

— Этого не можетъ быть!—воскликнула она и съ такимъ убѣжденіемъ, что онъ опять улыбнулся.—У насъ будетъ дѣвочка, и будетъ Ирэнъ.

Онъ крѣпко прижалъ ее къ себѣ и прильнулъ губами къ ея шейкѣ.

Она, смѣясь и оправляя платье, встала съ его колѣнъ.

— Солнце въ эти часы три мѣсяца назадъ было вотъ здѣсь,—сказала она.—А теперь оно уже ниже, и смотри, какія длинныя снѣжныя тѣни отъ деревьевъ?

— Да,—машинально подтвердилъ онъ.

Онъ думалъ о томъ, что деньги у него подходятъ къ концу,—что осталось всего какихъ-нибудь четыре тысячи франковъ, и онѣ уйдутъ немедля,—особенно въ виду того, что надо стронуть сарай для рабочихъ, такъ какъ старый совсѣмъ разваливался. Будущая болѣзнь жены тоже заставила подумать его о грядущихъ расходахъ. Онъ готовъ былъ занять подъ большіе проценты, только бы освободиться отъ призрака нужды, который все чаще и чаще вставалъ передъ нимъ.

— Опять морщинка!—воскликнула Клэръ.—Опять та же морщинка. Зачѣмъ?

— Не буду, клянусь, не буду больше думать!—сказалъ онъ и прижалъ ея руки къ своимъ губамъ.

На него опять пахнуло счастьемъ, тепломъ, любовью, тѣмъ счастьемъ, которымъ вотъ уже полтора года наслаждается онъ. О чемъ тревожиться? Они оба молоды, здоровы, богаты, очень богаты. Что сейчасъ у него мало денегъ, что положеніе его въ политическомъ отношеніи двусмысленно,—все это со временемъ сгла-

дится, все пойдет хорошо, такъ же хорошо, какъ шло до сихъ поръ.

И онъ оглянулся вокругъ. Деревья также золотились и сквозили рѣдѣющей листвою. Ихъ желтый уборъ тихо падалъ на землю. Блѣдно-голубое стеклянное небо сквозило чрезъ ажуръ листвы. Фонтанъ все шепталъ старую знакомую сказку. Цезарь что-то видѣлъ во снѣ, онъ глухо тявкалъ и нервно дергался передней лапой.

— Хорошо жить!—повторилъ Борисъ слова жены.

Она съѣла возлѣ него, и они молча оба смотрѣли и слушали, какъ падаютъ листья съ деревьевъ, какъ лепечетъ фонтанъ и какъ тявкаетъ во снѣ ньюфаундленъ.

IV.

Удары гонга серебрянымъ протяжнымъ призывомъ разнеслись по залу. Клэръ, по примѣру замка ея отца, установила два звонка передъ обѣдомъ: одинъ за четверть часа до начала, и другой—въ самый часъ начала обѣда. Борисъ, въ свой чередъ, распорядился подавать передъ обѣдомъ, по русскому обычаю, закуски, соленыя и маринованныя; маринованный въ маслѣ тонъ, свѣжіе омары съ провансальемъ, голландскія селедки, салаты изъ разной огородной зелени,—все это появлялось неизмѣнно на столѣ, и все это особенно цѣнили отецъ Жозефъ.

— Теперь онъ заворачиваетъ на большую дорогу,—сказалъ Борисъ, посмотрѣвъ на часы.

— По немъ можно повѣрять хронометры,—подтвердила Клэръ и по маленькой круговой лѣсенкѣ взбѣжала на вышку, съ которой видно было далеко по направленію Парижа.—Онъ идетъ съ своимъ неизбѣжнымъ зонтикомъ!—крикнула она сверху:—длинный, тощій и аккуратный, какъ всегда.

— Тебѣ не вредно такъ бѣгать?—спросилъ мужъ, когда Клэръ спустилась на дорожку.

— Вотъ глупости! Скорѣй здорово, чѣмъ вредно. Проидемъ еще кругомъ сада, мы какъ разъ успѣемъ до его прихода.

Они обошли по круговой аллеѣ, усыпанной листьями, шуршавшими подъ ногами. Она опиралась легко на его руку и шла молодой походкой, весело смотря по сторонамъ.

— А ты не боишься?—спросилъ онъ.

— Чего?

— Будущаго? Твоей беременности?

— Пустяки. Ничего я не боюсь. Вотъ ты сталъ въ послѣднее время какой-то осторожный, даже вздрагиваешь при отдаленномъ шумѣ.

Они вошли въ залъ. Она посмотрѣлась въ зеркало, которое отразило во весь ростъ ея фигуру и сказала:

— Ну, сейчасъ онъ придетъ.

Въ эту минуту вошелъ мальчикъ и доложилъ:

— Отецъ Жозефъ.

Слѣдомъ за нимъ вошелъ и священникъ. Это былъ длинный человекъ, съ тонкимъ носомъ и тонкими губами. Онъ старался улыбнуться, но, кромѣ гримасы, у него ничего не вышло. Онъ вѣжливо, привѣтливо, но съ достоподобнымъ уваженіемъ поздоровался съ хозяевами замка и, потирая ладони, не потому, чтобы ему было холодно, а просто по привычкѣ, сказалъ:

— Великолѣпная погода сегодня.

На это замѣчаніе никто не возразилъ, а Клэръ предложила:

— Садитесь, отецъ Жозефъ.

— Надѣюсь, я не опоздалъ?—спросилъ онъ.

Онъ говорилъ эту фразу каждый разъ, когда его приглашали сѣсть.

Онъ положилъ себѣ кусокъ тона и, не выдержавъ, замѣтилъ прежде, чѣмъ попробовалъ:

— Очаровательная рыба!

И это онъ постоянно говорилъ. Вообще, приходя въ замокъ, онъ бывалъ въ самомъ превосходномъ настроеніи духа и имѣлъ привычку все хвалить.

— Русскій обычай—ѣсть передъ обѣдомъ пикантныя вещи—великолѣпнень, —сказалъ онъ. И это онъ повторялъ тоже безконечное число разъ.

Хотя онъ похвалилъ русскій обычай закусокъ и бралъ ее трижды, это несколько не помѣшало ему сѣсть полную тарелку супа, приготовленнаго изъ тертой зелени. Поваръ князя служилъ до него у убѣжденнаго вегетаріанца и такъ готовилъ бульоны изъ огородныхъ овощей, что Борнсъ съ женой совсѣмъ отказались отъ мясныхъ суповъ. Отецъ Жозефъ сѣлъ все до послѣдней капли и сказалъ:

— Это та самая амброзія, что подавала Геба олимпійцамъ, если только когда-нибудь былъ Олимпъ и кухаркой тамъ была Геба.

— А нектара хотите?—спросилъ хозяинъ, наклоня бутылку передъ патеромъ.

— Развѣ я когда-нибудь отказывался?—откликнулся онъ.— Я въ этомъ случаѣ послѣдователь текста: «всякое даяніе благо и даръ совершенъ».

И онъ доказалъ это, накладывая каждого кушанья помногу и глядя на тарелку плотоядными глазами.

— Да, —говорилъ онъ:—изумительно разнообразіе премудрости Господней. Сколько онъ создалъ предметовъ, потребныхъ для пищи!

И онъ поѣдалъ и рыбу, и леюмы, и мясо, и соусы, приговаривая при каждомъ кускѣ:

— Удивительно!

Обѣдали въ то время раньше нынѣшняго. Когда обѣдъ былъ конченъ, всѣ прошли на большую веранду, выходившую въ садъ, и туда слуги подали кофе. Хозяинъ закурилъ трубку. Священникъ, какъ всегда, отъ куренія отказался, но, какъ всегда, попросилъ позволенія надѣть на голову ермолку.

— Дѣлается сыро, — произнесъ онъ обычную фразу: — а я боюсь ревматизма.

— Надѣвайте, надѣвайте, отецъ Жозефъ, — сказала хозяйка: — мы иначе, какъ въ вашей скуфейкѣ, не привыкли видѣть васъ на балконѣ.

Онъ надѣлъ свою шелковую шапочку и сказалъ:

— Да, въ мои годы падо беречь свое здоровье.

— А вамъ сколько лѣтъ? — спросилъ князь.

— Пятьдесятъ восемь, — отвѣтилъ онъ. — Я уже болѣе тридцати пяти лѣтъ священствую. Въ 1778 году я рукоположенъ святѣйшимъ отцомъ.

Онъ сжалъ значительно губы. Очевидно, край завѣсы, скрывающей его прошлое, внезапно отогнулся, и внезапно оживились передъ нимъ картины минувшаго и погибшія мечты, тѣ мечты, которыми переполнено воображеніе каждаго молодого чловѣка.

— Да, и вотъ я все еще простой деревенскій кюре, — сказалъ онъ съ кривой усмѣшкой.

— Вы меня могли бы крестить, — сказалъ Борисъ.

— Перейти въ другую вѣру никогда не поздно, — полумутливо замѣтилъ отецъ Иосифъ.

— Я доволенъ своей вѣрой, — ему въ тонъ замѣтилъ хозяинъ.

— Нѣтъ ничего хуже, — заговорилъ, напуская на себя равнодушный видъ, священникъ: — когда мѣняютъ вѣру не по внутреннему убѣжденію, а подъ вліяніемъ обстоятельствъ.

— О чемъ вы говорите, отецъ Жозефъ?

— О выгодахъ положенія гражданина каждой страны.

— А меня развѣ это касается?

— Отчасти. Даже въ доброй своей половинѣ.

— Объяснитесь прямѣе.

Священникъ хлебнулъ кофе, откинулся на спинку и, тщательно вытеревъ платкомъ губы, сказалъ:

— Я хорошо знакомъ съ нашимъ простолюдиномъ вообще и съ крестьяниномъ въ особенности.

— Ну, и что же?

— Французы не любятъ иностранцевъ. Да и вообще есть ли такой народъ, который бы къ иноземцу относился такъ же, какъ къ своему соотчичу? Это вполне нормальное чувство. Но единство вѣры — сближаетъ людей.

— При чемъ же тутъ французскій крестьянинъ?

— При томъ, что низшіе слои болѣе склонны къ религіозному экстазу, чѣмъ высшіе.

— Это показала ваша революція?

— Революція—это временный подъемъ націи. Когда перебалтывается вода, всѣ подонки поднимаются кверху. Я хочу сказать, что знаю нынѣшняго, мирнаго крестьянина. Онъ васъ презираетъ не только за то, что вы богаты,—за это онъ презираетъ и всѣхъ аристократовъ,—и не за то, что вы иностранецъ, и даже не за то, что именно въ вашихъ степяхъ положены кости десятковъ тысячъ французовъ. Больше всего онъ противъ того, что вы не католикъ.

— А православный?—спросилъ Борисъ.

— Это подробность. Не въ томъ дѣло, что вы православный или протестантъ, а въ томъ дѣло, что вы не католикъ. Для васъ зданіе Notre-Dame—первымъ дѣломъ зданіе, а не мѣсто молитвы.

— Я не виноватъ, что вашъ Notre-Dame и церковь Петра въ Римѣ менѣе похожи на мѣста молитвы, чѣмъ наши небольшие кремлевскіе соборы.

— Это прекрасно васъ рекомендуетъ,—сказалъ отецъ Жозефъ, никогда не пропускавшій случая сказать пріятное собесѣднику.— Это прекрасно рекомендуетъ ваше чувство къ той религіи, въ которой вы родились. Человѣку свойственно глядѣть на свою религію глазами своего дѣтства.

— Я мало религіозенъ,—возразилъ Борисъ.

Священникъ сокрушенно покачалъ головой.

— Это очень печально,—сказалъ онъ.—Значить, мать не забросила въ вашу младенческую душу сѣмянъ истинной вѣры.

— Напротивъ, она была очень религіозна. У насъ была даже своя домашняя церковь.

— О,—одобрительно сказалъ отецъ Жозефъ.—Подъ чѣмъ же влияніемъ сложились ваши убѣжденія?

Борисъ пожалъ плечами.

— Право, не знаю,—я объ этомъ не думалъ,—отвѣтилъ онъ.

— Если вы не фанатикъ своей вѣры, тѣмъ проще вашъ переходъ на лоно римской церкви,—внезапно проговорилъ священникъ.

— Вамъ не удастся совратить меня!—засмѣялся Борисъ.— Я умру въ той религіи, въ которой родился. Что вамъ за охота пришла вдругъ миссіонерствовать?

— Я вамъ говорю,—обстоятельства...

Онъ осторожно оглянулся кругомъ,—нѣтъ ли постороннихъ ушей.

— Вамъ извѣстно, что творится въ Европѣ?—спросилъ онъ.— За будущее никто не можетъ поручиться. Если союзныя войска, съ Россіей во главѣ, возьмутъ перевѣсъ, едва ли вамъ у добно оставаться здѣсь.

— Почему же?—спросилъ Борисъ съ нѣсколько напускной безпечностью.

— Потому, что вы принадлежите къ тому народу, который враждебно относится къ намъ, который убиваетъ нашихъ братьевъ, который колеблетъ корону на священной головѣ нашего императора. А что самое главное, повторяю, вы православный... Пока дѣла стоятъ еще въ такомъ положеніи, что возможно ждать. Но если перевѣсъ еще болѣе будетъ на сторонѣ враговъ,—надо будетъ подумать о вашей безопасности. Вы не одинъ. Если бы вы были одинокимъ, я ни сказалъ бы ни слова. Но у васъ жена,—и вдобавокъ она одна изъ овецъ великой римской паствы.

Борисъ дотронулся до его колѣна.

— Отецъ Жозефъ,—сказалъ онъ.—Мы съ вами уже полтора года, какъ живемъ въ мирѣ и согласіи. Не будемъ ихъ нарушать.

Священникъ покорно наклонилъ голову и допилъ остатки кофе. Видно было, что онъ сказалъ далеко не все, что хотѣлъ сказать, но какъ будто до времени рѣшился молчать.

— Если я нанесъ вамъ неприятность,—сказалъ онъ, помолчавъ:—то прошу простить. Мною руководило только желаніе добра вамъ и вашей супругѣ. Въ настоящее время такъ мало счастливыхъ браковъ. Моя душа радуется при видѣ того согласія, которое царитъ между вами.

— Зачѣмъ же намъ ссориться, дорогой отецъ Жозефъ,—сказала Клэръ:—если мы любимъ другъ друга?

Священникъ вздохнулъ.

— Казалось бы, все должны жить мирно, если любить другъ друга. А между тѣмъ—наоборотъ: мы видимъ вѣчную войну мужей съ женами. Она хуже, чѣмъ борьба Наполеона съ Александромъ: она началась, когда міръ былъ созданъ и кончится только въ день свѣтопреставленія.

Но и этотъ льстивый выпадъ патера не тронулъ Бориса.

— Хорошій вечеръ,—сказалъ онъ, втягивая въ себя влажный воздухъ.—Лучше дня. Какъ чисто небо, какъ четко на немъ рисуются деревья.

Отецъ Жозефъ болѣе изъ угожденія хозяину, чѣмъ по любви къ природѣ, посмотрѣлъ на ближніе каштаны и утвердительно качнулъ головой.

— Завтра будетъ хорошій день,—продолжалъ Борисъ.—Это мнѣ тѣмъ пріятнѣе, что надо съѣздить въ Парижъ.

— Одинъ поѣдете, или съ княгиней?

— Онъ ѣдетъ одинъ,—отвѣтила за него Клэръ:—а я останусь.

— Вы провѣрьте тамъ тѣ политическія новости, о которыхъ я намекнулъ вамъ,—сказалъ священникъ.

Онъ все что-то хотѣлъ сказать, и не договаривалъ. Онъ ждалъ вопросовъ со стороны князя, но тотъ упорно молчалъ на этотъ счетъ.

— Мои успѣхи въ латинскомъ языкѣ идутъ впередъ,—сказалъ онъ наконецъ.

Патеръ оживился.

— Вы очень способны къ языкамъ,—проговорилъ онъ.—Это много помогаетъ тому, что васъ не считаютъ за иностранца.

Когда начало смеркаться, онъ всталъ и попрощался съ хозяевами. Его длинный, птичій носъ, какъ у дятла, долбилъ воздухъ, и голова качалась на длинной шеѣ.

— Вы узнаете самыя послѣднія новости!—повторилъ онъ.

— Ты поѣдешь къ тетѣ Жакелинъ?—спросилъ Клэръ, когда священникъ ушелъ.

— Да. Она вѣдь знаетъ все.

— У нея много родныхъ въ арміи.

— Я мало вѣрю слухамъ, что сообщаетъ она,—но о движеніи арміи она знаетъ. Кромѣ того, я повидею еще одного человѣка. Ты видѣла его одинъ разъ здѣсь. Такой кривоногий, черный.

— Онъ плохо говоритъ по-французски?

— Плохо. Но онъ лучше кого-нибудь знаетъ положеніе вещей. У него нюхъ борзой собаки.

— Поговори,—это тебя успокоитъ,—посоветовала она.—Ты поклонись тетѣ отъ меня и скажешь, почему я не поѣхала.

— Скажу.

— Она лучше всѣхъ парижскихъ докторовъ, съ ней я совѣмъ спокойна. Такъ ей и скажи. Заодно спроси что-нибудь...

Клэръ остановилась.

— Объ отцѣ?—подсказалъ мужъ.

— Ты у меня умный!—сказала она.—Я со дня свадьбы его не видѣла и теперь не имѣю о немъ никакихъ свѣдѣній. Живъ ли онъ, здоровъ ли? Онъ написалъ тогда, что въ случаѣ смерти меня увѣдомить. А въ случаѣ болѣзни?

— Съ чего ему быть больнымъ?—спросилъ князь.

— Я видѣла сонъ... Я вѣрю въ сны. Я недавно видѣла его среди поля цвѣтовъ, яркихъ весеннихъ цвѣтовъ. И онъ былъ весь въ цвѣтахъ,—они гирляндами висѣли на немъ. Онъ мнѣ улыбался и кланялся.

— Ну, такъ что же?

— Это дурной сонъ. Онъ предвѣщаетъ что-то нехорошее.

— А,—все вздоръ!—сказалъ онъ и позвонилъ. Вошелъ его Боклевскій съ трубкой.

— Ты ужъ знаешь зачѣмъ?—спросилъ князь по-русски.

— Слава Богу, не знать!—возразилъ слуга, подавая трубку.

— Ты распорядишься, Лука,—заговорилъ Борисъ:—чтобы завтра къ десяти утра заложили кабріолеть.

— Лувизу?—поинтересовался, Лука.

— Лунзу,—отвѣчалъ князь.

— Слушаю. Къ десяти подадутъ. Жакъ поѣдетъ?

— Жакъ.

— Слушаю, ваше сіятельство. Раньше, какъ къ обѣду, не будете? Я бы кабинетъ прибралъ какъ надо. А то пылищи тутъ.

На князя пахнуло отъ словъ Луки далекой родной. Онъ кивнулъ ему головой и сказалъ:

— Прибирай, коли хочешь.

V.

Свѣтло-зеленый кабриолетъ съ малиновымъ сидѣніемъ и зеленой рѣшеткой, былъ поданъ къ крыльцу. Сытый буланый конь заигрывалъ и старался схватить зубами за плечо грума-подростка, что держалъ его подъ уздцы. Борисъ вышелъ съ женой, натягивая перчатки. На немъ былъ новенькій кафтанъ и сверху плащъ съ пелериной. На головѣ его была шляпа, напоминающая офицерскій киверъ. До этого носили шляпы усѣченнымъ конусомъ, а теперь онѣ стали расширяться кверху. Онъ еще разъ поцѣловалъ жену и сказалъ ей:

— Будь умницей. Я часамъ къ четыремъ буду.

Онъ легко сѣлъ въ кабриолетъ, забралъ вожжи; грумъ, подавъ длинный бичъ, вскарабкался и сѣлъ съ другой стороны, старательно скрестивъ руки. Борисъ глянулъ на жену, кивнулъ ей головой и тронулъ лошадь.

По сырому гравію двора она вывезла кабриолетъ черезъ ворота, завернула налѣво по парижской доорогѣ и крупной рысью стала отмѣривать одинъ метръ за другимъ.

Тишь вокругъ,—тишь утренняго безмолвія. Онъ припомнилъ родную жатву. Блестятъ серпы, проступаетъ крупный потъ на всемъ тѣлѣ, болятъ поясицы. Рабы работаютъ на господь...

— Рабы... отъ корня работать,—вслухъ сказалъ онъ.

— Чего изволите?—отозвался грумъ.

Борисъ ничего ему не отвѣтилъ. Онъ смотрѣлъ на равномернo, ритмически поднимающуюся и опускающуюся при каждомъ шагѣ спину кобылы,—и вдругъ вспомнилъ:

— А слышалъ ли я здѣсь, во Франціи, въ свободной Франціи, пережившей великую революцію, во Франціи, напугавшей всю Европу призракомъ свободы,—слышалъ ли я здѣсь за работой пѣсню?..

И онъ не помнилъ,—кажется, ему никогда не доводилось ее слышать. Онъ посмотрѣлъ на строгое лицо малорослаго молодого крестьянина, что, погоняя прутомъ полуободраннаго осла, проѣхалъ мимо его. «Что намъ дать въ будущемъ этотъ народъ?» подумалъ онъ.

— Парижъ, ваше сіятельство,—сказалъ грумъ.

Съ высоты холма открылась передъ ними панорама столицы. Дымъ отъ сотенъ тысячъ трубъ, какъ облако надъ скиніей за-вѣта, стоялъ надъ нею. Жиденькіе, молодые сады тамъ и тутъ зеленѣли у домовъ. Дома то прятались за нихъ, то стройными рядами выплывали и образовывали прямую улицу. Вотъ началось и предмѣстье, съ тѣсно скученными бокъ-о-бокъ домами. Тутъ земля была уже дороже — и ее не отводили подъ сады и огороды, а старались громоздить этажъ надъ этажомъ, чтобы тѣснѣе и ближе могли жить люди,—ближе къ рынкамъ, дворцамъ, казармамъ, театрамъ и тюрьмамъ, чтобы было имъ удобнѣе веселиться и умирать, возможно ближе,—въ самомъ центрѣ всемірнаго Вавилона.

Стало душнѣе,—пыльнѣе. Дома тяжелыми стѣнами обступили справа и слѣва дорогу, перешедшую въ улицу. Проѣзжихъ стало больше. Торговцы что-то выкрикивали. Возлѣ углового кафе бойко торговалъ сегодняшними изданіями газетчикъ. Клерки или приказчики что-то ѣли и пили, гарсоны въ грязныхъ передникахъ суетились вокругъ нихъ, звенѣли мѣдными су съ профилемъ императора.

Буланая Луиза несетъ кабриолетъ изъ одной улицы въ другую. У одного изъ домовъ Борисъ натягиваетъ поводья, останавливаетъ ее и беретъ за скобку дверного молота. Его ужъ увидѣла молоденькая горничная и, отпирая дверь, говорить:

— Пожалуйте,—madame дома.

Онъ съ удовольствіемъ вошелъ въ прохладный вестибюль особняка, смахнулъ съ себя дорожную пыль, вытеръ глаза и лицо и весело пошелъ въ комнаты.

Онъ засталъ madame Жакелинъ въ узкомъ обтянутомъ платьѣ съ высокой таліей подъ самой грудью и съ откровеннымъ вырѣзомъ сверху. Она была недурна, несмотря на свои сорокъ пять лѣтъ, и полуантичная прическа очень шла къ ней. Она хорошо сохранилась, плечи ея и шея округлились и были точно изъ воска. Она полулежала на канапѣ, въ ложно-греческомъ стилѣ, который вошелъ тогда въ моду съ легкой руки художника Давида. При видѣ Бориса, она протянула ему руку и крикнула:

— Очень рада, сейчасъ будемъ завтракать! Когда я одна, я не могу ничего ѣсть.

Она показала ему на неудобный стулъ, стоявшій возлѣ, вынула изъ ридикюля платокъ и взглянула въ овальное ручное зеркало, что лежало рядомъ на столикѣ, не стерлась ли съ лица пудра.

— Какъ Клэръ? — спросила она, не столько потому, чтобы интересовалась племянницей, а потому, что такъ надо было по хорошему тону.

— Вамъ кланяется, здорова,—проговорилъ онъ.

— Что же она не приѣхала? Я ее сто лѣтъ не видѣла.

И она, положивъ зеркало на столъ, выставила кончикъ ноги, обутой въ чулокъ тѣлеснаго цвѣта и какой-то башмачокъ, похожіи на сандалии.

— Тѣмъ болѣе ей надо ко мнѣ заѣхать, — продолжала она прежде, чѣмъ собесѣдникъ ей отвѣтилъ: — что я скоро переселяюсь въ Англію.

— Вы, въ Англію? — удивился онъ.

— Да. Вы слышали о поражениі нашихъ войскъ?

— Да, кое-что, — отвѣтилъ онъ, выжидая, что она сама расскажетъ.

— Это ужасно! — заговорила она. — Союзныя войска паступаютъ на императора въ безчисленномъ количествѣ. Онъ — геній, онъ всюду ихъ побѣждаетъ. Онъ побѣждаетъ, но принужденъ отступать все дальше и дальше на западъ. Кончится тѣмъ, что они дойдутъ до Рейна. И тогда я... извините... здѣсь не останусь. Видѣть, какъ оборванные нѣмцы и грубые казаки будутъ распоряжаться въ Парижѣ, и мы все будемъ ежеминутно опасаться за нашу жизнь и имущество? Я лучше поселюсь въ Лондонѣ. Тамъ живетъ вдова моего брата, — она все зоветъ меня и давно ждетъ. Я оттуда буду слѣдить за событіями... Я вамъ совѣтую Клэръ отпустить съ мною. Да и вы сами поѣзжайте туда же.

Горничная вошла и сказала, что все готово.

— Я сегодня велѣла на завтракъ приготовить яичницу со спаржей, — проговорила она, спуская съ канапэ ноги такъ, что одна изъ нихъ открылась почти до колѣна. Вы любите спаржу?

— Я все ѣмъ, — отвѣтилъ онъ.

Она привычнымъ жестомъ опытной кокетки положила свою руку возлѣ его согнутаго локтя и прямо посмотрѣла ему въ глаза своими свѣтло-сѣрыми глазами, точно выжидая, что онъ прибавитъ что-то еще.

Но онъ ничего не сказалъ, и они вошли въ маленькую столовую, еще болѣе напоминавшую корабельную каюту.

— Кстати, Клэръ, — начала Жакелинь. — Ея отецъ болѣе трехъ дней былъ здѣсь. Онъ заѣзжалъ ко мнѣ. Когда я занкннулась о ней, онъ зажалъ уши и сказалъ: «пожалуйста, ни слова!» Онъ только сегодня ѣдетъ къ себѣ.

— Ну, такъ что же? — спросилъ князь.

— Онъ очень богатъ, — отвѣтила хозяйка.

— Это для насъ все равно, — проговорилъ онъ. — Мы оба, и Клэръ и я, не любимъ денегъ.

— О, деньги чудесная вещь! — воскликнула Жакелинь. — Безъ денегъ нельзя ничего имѣть: ни этой яичницы со спаржей, ни этой столовой, ни кафэ-олэ, что несетъ Мари.

— Денегъ надо ровно столько, сколько нужно въ данный моментъ, — отозвался Борисъ.

— Мнѣ всегда надо много!—съ улыбкой отозвалась она и начала наливать въ большія чашки кофе и горячее молоко.

— Итакъ, французскія войска все отступаютъ?—спросилъ онъ, будто мимоходомъ, когда Мари взяла у него приборъ.

— Увы!—отвѣтила Жакелинь.—Я получила еще вчера письмо изъ арміи. Вашъ тесть, мой beau-frère Шарль, подтверждаетъ это. Онъ знаетъ это хорошо потому, что его племянникъ командуетъ корпусомъ. Онъ ему писалъ, что дѣла въ арміи плохи, ужасно плохи. Шарль очень этимъ обезпокоенъ.

— И даже не можетъ слышать о Клэръ?—шутливо спросилъ Борисъ.

— Онъ говорить, что геній Наполеона никогда не горѣлъ такой яркой звѣздой, какъ теперь,—продолжала она.—Его отступленіе изъ Россіи—рядъ изумительныхъ военныхъ подвиговъ, но фортуна оставила его. Вашъ Кутузовъ взялъ дышло и началъ имъ махать въ отвѣтъ на изящные выпады великаго полководца.

— Хорошо изящный выпадъ,—возразилъ Борисъ:—онъ привелъ сто тысячъ чужихъ солдатъ въ Россію и сжегъ столицу.

— Ваши союзники тоже двигаются къ Парижу,—возразила она.

— Но едва ли они сожгутъ Парижъ,—замѣтилъ Борисъ.

— А почему же нѣтъ?

— Потому, что для Россіи достаточной будетъ местью то, что городъ будетъ занятъ русскими войсками.

Жакелинь задумалась.

— Можетъ быть,—сказала она:—вы слышали, въ Кобленцѣ поставленъ памятникъ императору, и тамъ сдѣлана надпись: «Великому полководцу, на память безсмертнаго похода 1812 года»?

— Слышала.

— Русскіе оставили эту надпись, но прибавили: «Vu et approuvé par nous—Commandant russe à Coblenze an 1813»¹⁾.

— Вотъ вамъ русская тактика,—воскликнулъ Борисъ:—вы знаете, это очень хорошо, и я этому аплодирую.

— А, по-вашему, Александръ не будетъ у насъ царствовать?—спросила Жакелинь.

— Даю вамъ слово, что нѣтъ,—проговорилъ Борисъ.

— А я все-таки уѣду въ Лондонъ,—сказала она.

VI.

По мѣрѣ того, какъ завтракъ близился къ концу, Жакелинь дѣлалась все разговорчивѣе. Наконецъ она, позвонивъ Мари, сказала:

— Принесите мнѣ письмо изъ бювара на моемъ секретерѣ, что третьяго дня пришло по почтѣ.

¹⁾ Осмотрѣвъ и одобренъ нами. Русскій комендантъ въ Кобленцѣ 1813 г.

Мари пришла письмо, написанное мелкимъ почеркомъ, не то мужскимъ, не то женскимъ. Она начала князю читать отрывки изъ него, съ разгорѣвшимися отъ двухъ стакановъ гравъ щеками, утирая батистовымъ крохотнымъ платкомъ свои сочныя маленькія губки. Отъ кого было письмо—такъ и осталось не выясненнымъ гостю, но корреспондентъ говорилъ, что императоръ Александръ хочетъ внести въ предѣлы Франціи не месть и злобу, а дружбу, и протянуть руку примиренія...

— Вотъ видите,—сказалъ Борисъ:—а вашъ Наполеонъ сказалъ, переходя черезъ Нѣманъ: «внесемъ ужасы войны въ предѣлы Россіи!»

— За жестокіе завоевательные планы онъ наказанъ достойно,— съ пабосомъ проговорила хозяйка, стараясь придать грустное выраженіе своимъ глазкамъ.

— Вы знаете каламбуръ о Тарутинѣ?—спросилъ Борисъ.

Лицо Жакелинъ приняло совсѣмъ другое выраженіе.

— Нѣтъ, что такое?—спросила она.

— Кутузову говорили: *Ta routine a derouté Napoléon*. То есть понимаете, не *Taroutine*, а *ta routine*.

— Oh, *c'est superbe!*—воскликнула Жакелинъ:—выпейте рюмочку финь-шампанъ? Этотъ коньякъ остался еще отъ моего мужа. Тутъ написано 1759 года.

Она налила себѣ тоже тоненькую рюмочку, похожую на маленькій бокаль.

— Многія дамы,—продолжала она съ искрящимся взглядомъ:—ждутъ, не дождутся, когда союзныя войска вступятъ въ Парижъ. Думаютъ, что начнутся балы и празднества. Вашъ Александръ, говорятъ, хорошъ, какъ ангель.

— А вы уѣзжаете!—пошутилъ Борисъ.

— Какъ француженка, я уѣзжаю, но мой духъ парижанки будетъ здѣсь. Вы знаете, хотягь передѣлать гимнъ Генриху IV: есть такая народная пѣсня.

Она откинула крышку клавесина, взяла нѣсколько аккордовъ и низкимъ контрапъто запѣла:

Vive Nenni quatre,
Vive ce roi vaillant!
Ce diable à quatre,
A le triple talent
De boire, de battre
Et d'être un verd galant!

Она засмѣялась и захлопнула крышку.

— У меня отъ стараго коньяку сразу спалъ голосъ,—сказала она, проводя рукой по шеѣ, и вдругъ спросила:

— Такъ что же? вы отпускаете Клэръ со мной?

— Можетъ быть, я тоже поѣду,—задумчиво сказалъ онъ.

Она быстро пересѣла противъ него и взяла его за руку.

— Въ самомъ дѣлѣ?—сказала она:—это прекрасная мысль. Поѣзжайте и вы, вамъ будетъ нескучно. Мои родственники—и вамъ родные тоже. Они будутъ рады и Клэръ, и вамъ. Да и Шарль будетъ отъ васъ далеко.

— А онъ не ѣдетъ?—спросилъ Борисъ.

— Онъ скорѣе просидитъ кресло, чѣмъ тронется съ своего престола. Я думаю, король-Солнце не былъ важнѣе его. Вы знаете, за что онъ ненавидитъ васъ больше всего? За то, что вы не владѣтельный принцъ, за то, что въ вашихъ жилахъ течетъ кровь не Пипина. Ваше счастье, что у васъ нѣтъ ребенка, особенно сына. Онъ бы возненавидѣлъ васъ въ десять разъ больше, если бъ это случилось.

— Это онъ говорилъ вамъ?—спросилъ Борисъ.

— Не говорилъ, но я слишкомъ хорошо его знаю. Если онъ не говорилъ, то долженъ былъ это сказать.

— Когда вы увидите его,—началь князь:—передайте ему, что, по моему, единственнымъ недостаткомъ моего будущаго сына, если только онъ будетъ, это то, что часть крови будетъ его.

— О!—воскликнула Жакелинь:—о, я этого никогда не передамъ ему. Не могу сказать, чтобъ я чувствовала къ нему особенную симпатію. Я думаю, что и покойная сестра Марго, мать Клэръ, не чувствовала къ нему особой привязанности. Онъ, я думаю, и былъ виновникомъ ея смерти, и виновникомъ того, что Клэръ восьмилѣтней дѣвочкой осталась сиротою. И когда я...

Ноздри Жакелинь раздулись, она съ такою силою опустилась на софу, что одна изъ пружинъ издала слабый стонъ. Очевидно, воспоминанія охватили Жакелинь.

— Когда я,—продолжала она,—приѣхала къ нему и предложила взять дѣвочку къ себѣ, говоря, что замѣню ей мать, знаете, что онъ отвѣтилъ? Онъ мнѣ сказалъ, что я никогда не буду въ состояніи замѣнить ей отца.

— Въ этомъ отношеніи онъ былъ правъ,—замѣтилъ Борисъ, смотря, какъ раздуваются крылья ея ноздрей.

— Да я и не собиралась ей замѣнять отца!—закричала Жакелинь:—но знаете ли вы, въ чемъ заключался весь ядъ его намека? Можете ли вы замѣнить меня, Шарля Сень-Дизье, представителя древняго рода, по женской линіи ведущаго своей родъ отъ Пипина? О, я никогда ему не прощу всей язвительности этого намека. Онъ себя считалъ настолько выше моего мужа! Такая злая, желчная улыбка искривила его лицо. О, я никогда не забуду этой минуты моей жизни!

— Великолѣпно!—сказалъ Борисъ:—тѣмъ болѣе вы можете передать ему мои слова и рассказать мнѣ потомъ, какую онъ построитъ физиономію.

Онъ всталъ и взялся за шляпу.

— Клянусь, я свой родъ считаю гораздо выше его рода,—сказалъ онъ, натягивая перчатки.

— Вы уже ѣдете?—спросила Жавелинъ.

— Я уже ѣду,—отвѣтилъ онъ, цѣлуя ея ароматную нѣжную руку.

— Пойдите,—остановила она:—вчера, разбирая бібліотеку мужа, я нашла одну старую латинскую книгу. Мнѣ она не нужна; если хотите, возьмите это сочиненіе какого-то классическаго автора.

Она позвонила. Колокольчики были у нея разставлены на всѣхъ столахъ.

— Мари,—сказала она:—пожалуйста, ту книгу, что я вынула вчера изъ шкапа, чтобъ ее положили въ экипажъ князя.

— Что же это за книга?—спросилъ онъ.

— Не помню, мой мужъ былъ любитель старинны, и потому это, должно быть, очень хорошая книга. Вы со своимъ перъ Жозефомъ читаете по-латыни,—вотъ вамъ и занятіе.

Пока Мари закрывала неизвѣстную книгу и обвязывала свертокъ веревкой, они стояли другъ передъ другомъ. Онъ смотрѣлъ на ея пышныя плечи и высокую грудь, на полуоткрытыя губы, на рядъ бѣленькихъ зубовъ, сверкавшихъ между ними, и ждалъ, что она скажетъ.

— Поцѣлуйте отъ меня Клэръ,—сказала она:—и передайте ей, что до отъѣзда я непременно къ ней заѣду.

— А вы скоро ѣдете?—спросилъ онъ.

— Скоро, какъ только спишусь окончательно съ моею belle-sœur.

Онъ еще разъ поцѣловалъ ея руку, почувствовалъ, какъ завитый локонъ скользнулъ по его щекѣ и какъ она поцѣловала его въ лобъ. Она слегка пожала ему руку и повторила:

— Передайте поцѣлуй Клэръ.

Онъ уже совсѣмъ выходилъ, когда съ улицы вошелъ новый гость: молодой офицеръ, съ помятымъ лицомъ, но красивый и стройный. Его привѣтствовали и хозяйка, и горничная радостными восклицаніями.

— Monsieur Шуазель,—сказала она, представляя офицера.

Тотъ щелкнулъ шпорами и поклонился.

— Крѣпко, крѣпко поцѣлуйте же, Борисъ, Клэръ,—сказала она въ третій разъ и проводила красивыми глазами мужа своей племянницы, слѣдя, какъ онъ выйдетъ въ двери на улицу.

Отдохнувшая лошадь повезла кабріолетъ по мостовой. Опять мимо замелькали сады и домики съ красными черепичными крышами. Проѣхавъ городскія ворота, они повернули направо и стали спускаться внизъ по бульварамъ. Расфранченная толпа, какъ всегда,

валила по тротуарамъ. Магазины пестрѣли своимъ вывѣсками; было шумно и празднично послѣ сельскаго затишья, къ которому привыкъ Борисъ. Выпитое за завтракомъ вино все окрашивало въ радужныя краски.

VII.

Съ бульваровъ князь повернулъ въ одинъ изъ маленькихъ узкихъ переулковъ, въ то время совершенно сохранившихъ физіономію средневѣковаго Парижа. Тамъ раскачивались на веревкахъ фонари, нестерпимо чадившіе по вечерамъ сквернымъ масломъ. Лавчонки торговцевъ были маленькія, темныя, грязныя, и ихъ владѣльцы переругивались съ утра другъ съ другомъ, не стѣсняясь немногочисленными прохожими. Впрочемъ, эта улица къ вечеру оживала, потому что тутъ помѣстились двѣ гостиницы сомнительной репутаціи. Онѣ торговали круглыя сутки, и посѣтители оживляли своими силуэтами темно-сѣрыя стѣны пузатыхъ старыхъ домовъ, точно собравшихся сдвинуться со своихъ мѣстъ, рухнуть и подъ своими обломками похоронить проходящихъ. Желтые, красные и голубые фонари, какъ только спускались сумерки, зажигались направо и налево, и хотя къ двѣнадцати гасли, но дверь подъ ними еще долго визжала своимъ блокомъ и пропускала посѣтелей.

У четвертаго дома кабриолетъ остановился. Мастеровые въ блузахъ и огромныхъ башмакахъ возились у двери, должно быть, собирались прикрѣпить надъ ней новую вывѣску, что они съ собой принесли. Голодная собачонка, тоскливо повизгивая, смотрѣла на ихъ работу. Въ темномъ помѣщеніи, зиявшемъ черезъ открытую дверь, копошилась чья-то фигура. Борисъ отдалъ вожжи мальчику и спрыгнулъ съ кабриолета. Его встрѣтила на порогѣ брюнетка, полненькая, румяная, въ полосатомъ платьѣ, въ чепчикѣ и передникѣ. Ее не зналъ Борисъ и видѣлъ въ первый разъ.

— Мосье Жоржъ дома?—спросилъ онъ.

— Дома, онъ у себя. Я сейчасъ скажу. Какъ доложить о васъ?

— Скажите, князь Борисъ,—онъ меня знаетъ.

Дѣвушка посмотрѣла на него не безъ любопытства. Очевидно, она первый разъ въ жизни встрѣтилась съ живымъ княземъ, и потому внимательно оглядѣла его. Она не думала, что онъ русскій, но и одежда и манеры не противорѣчили ея понятію о князѣ. Его синій сюртукъ, желтыя панталоны, бѣлый жилетъ и коричневыя перчатки говорили о высокомъ достоинствѣ ихъ владѣльца. Да и вообще онъ былъ настолько «бель-омъ», что она повторила съ готовностью:

— Я сейчасъ скажу мосью Жоржу.

Но ей не пришлось докладывать, такъ какъ въ дверяхъ она встрѣтилась съ самимъ мосье Жоржемъ и только успѣла ему сказать:

— Васъ спрашиваютъ, мосье.

Мосье ничего не видѣлъ по врожденной близорукости. Это былъ маленькій человекъ лѣтъ сорока, съ красными выпуклыми глазами, начесами на вискахъ и маленькими бакенбардами по модѣ. Его лиловый фракъ и бѣлые чулки были франтоватѣе, чѣмъ надлежить имъ быть у владѣльца комиссіонной конторы, какимъ было то заведеніе, которое носило лаконическое названіе «Mіеиг George». Онъ былъ не французъ: крючковатый носъ доказывалъ его восточное происхожденіе. Вдобавокъ князь по-русски обратился къ нему:

— Егоръ Карапетовичъ, давно не видѣлись.

Тотъ поднесъ опасливо лорнетъ къ глазамъ. Его тонкій ротъ раздвинулся въ улыбку, и онъ воскликнулъ:

— Боже мой, ваше сіятельство! Душевно радъ васъ видѣть.

Онъ произнесъ не «душевно», а «дюшевна», и на всякій случай отеръ губы, чтобы поцѣловаться, но князь уклонился отъ такой интимности.

— Съ годъ не видались,—сказалъ онъ.

— Съ ноября мѣсяца,—подхватилъ Егоръ Карапетовичъ.— Какому благопріятному вѣтру обязанъ счастьемъ, что васъ вижу? Иветтъ, ты можешь идти къ мадамъ. Я здѣсь посижу съ княземъ. А ты скажешь мадамъ, что ко мнѣ пріѣхалъ тотъ русскій князь, котораго она знаетъ. Иди, Иветтъ

Иветта вышла, еще разъ внимательно посмотрѣвъ на гостя.

— Чѣмъ прикажете угощать?—спросилъ Егоръ Карапетовичъ, садясь противъ князя.

— Я только что завтракалъ,—возразилъ Борисъ:—и ничего не хочу.

— Совсѣмъ невозможно!—воскликнулъ хозяинъ и, по мнѣнію своихъ соотчичей, очень комично развелъ руками и спряталъ голову между плечъ. Только ничего комическаго не получилось, а фигура его стала еще безобразнѣе.—У меня есть превосходное бургундское. Почти такъ же хорошо, какъ настоящее кахетинское. По нашему кавказскому обычаю, безъ угощенія неприлично! Совсѣмъ неприлично! И не возражайте! Иветтъ! Я здѣсь у себя тоже владѣтельный князь. Иветтъ!

Въ дверяхъ опять появилась брюнетка.

— Мадамъ спрашиваетъ, можетъ ли она прійти сюда?—спросила она.

— Нѣтъ, не можетъ!—закричалъ мосье Жоржъ.—У насъ съ княземъ дѣловой разговоръ, а когда мы кончимъ говорить, и если князь захочетъ ее видѣть, тогда я скажу ей. А ты подай намъ бутылку того бургундскаго вина, что привезли на прошлой недѣлѣ. Слышишь, Иветтъ? Да возьми бутылку справа. Слышишь, Иветтъ?

Не слѣва, а справа. Зажги лучше огонь, Иветтъ, и возьми изъ тѣхъ восемнадцати бутылокъ, что лежать справа.

Иветтъ опять скрылась. Егоръ Карапетовичъ вдругъ заржалъ какъ-то по-жеребачьи и, привставъ, пожалъ руку своему гостю возлѣ локтя.

— Въ Арлѣ красивыя женщины,—сказалъ онъ:—опа изъ Арля.

— Она красва,—подтвердилъ князь.

Егоръ Карапетовичъ опять заржалъ, но уже слабѣе. Онъ отнялъ лорнетъ, который все время держалъ у глазъ, и замѣтилъ:

— Я вѣдь не ошибся, князь, вы пріѣхали по дѣлу? Безъ дѣла вы никогда не заѣдете ко мнѣ.

Борису стало нѣсколько неловко.

— Ну, почему же?—пробормоталъ онъ:—я нигдѣ не бываю...

— Вы столько времени у меня не были! А я васъ такъ часто вспоминалъ. Жена васъ тоже часто вспоминаетъ. Впрочемъ, я понимаю, почему вы нигдѣ не бываете. Вы слишкомъ счастливы у себѣ дома. Княгиня такая очаровательная женщина.

Иветта подала откупоренную бутылку вина.

— Зачѣмъ откупорила?—спросилъ мосью Жоржъ.—Я сказалъ «дай», а не сказалъ «откупори». Стаканы тутъ? Чистые стаканы? Поди къ мадамъ и не мѣшай намъ.

Иветта надула губы и отерла сырой тряпкой мраморный столикъ. Жоржъ поймалъ конецъ тряпки.

— Говорилъ я, чтобъ для стиранія здѣсь тряпки всегда были чистыя,—сказалъ онъ:—вѣдь я просилъ тебя объ этомъ, Иветтъ, я просилъ? Отчего же ты не исполняешь моихъ приказаній? Намъ придется разстаться, Иветтъ!—пригрозилъ онъ.

— Очень я нуждаюсь въ васъ,—пробормотала дѣвушка и пошла прочь.

— Но, но, но!—крикнулъ ей вслѣдъ Жоржъ.

Она хлопнула дверью, такъ что вся стѣна затряслась. Кукушка на часахъ выскочила и прокричала половину. Хозяинъ налилъ два стакана вина, посмотрѣлъ эту мутную бурду на свѣтъ, попробовалъ и сказалъ:

— Доброе вино, почти такое, какъ кахетинское.

Князь попробовалъ и сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобъ не выплунуть.

— Такъ въ чемъ же дѣло?—спросилъ мосье Жоржъ.

— Вы слышали, что въ мартѣ умеръ Никита Валерьяновичъ?

— Дядя вашъ? Неужели? А я ничего не слышалъ. Ай-ай!

— Я получилъ тогда же письмо. Въстѣ съ письмомъ я получилъ и свѣдѣнія о томъ, что получаю послѣ него около четырехсотъ тысячъ деньгами, кромѣ недвижимости.

— Рублей?

— Конечно, рублей. Вѣдь у насъ до сихъ поръ еще счетъ рублями.

— Рублями... Разумѣется, рублями... Четыреста тысячъ... Это очень много по нынѣшнему времени. Очень много!

Онъ опять сдѣлалъ серьезное лицо и пригубилъ изъ стакана.

— Когда четыреста тысячъ,—продолжалъ онъ,—свалятся, какъ бы съ неба, какъ снѣгъ на голову, это очень пріятно.

Онъ всталъ и протянулъ свой стаканъ, чтобы чокнуться.

— Поздравляю васъ, ваше сіятельство, это очень, очень пріятно.

Князь чокнулся съ нимъ и поставилъ стаканъ на мѣсто.

— Можетъ быть, это и пріятно,—сказалъ князь:—но не теперь.

— Всегда пріятно,—возразилъ хозяинъ.

— Прошло почти полгода, а я не имѣю никакихъ извѣстій. Почта даже черезъ Англiю ходитъ неаккуратно.

— Гмъ,—сказалъ Егоръ Карапетовичъ и сдвинулъ брови.

— Изъ дома никакихъ вѣстей не доходитъ. Письма, очевидно, пропадаютъ. Между тѣмъ мнѣ деньги нужны.

— Всѣ письма, адресованныя въ Россiю, вскрываются и прочитываются,—проговорилъ, важно закладывая нога на ногу, хозяинъ. Мнѣ предлагали взять на себя официальную должность перлюстратора и переводить все прочитанное. Меня вызывали по этому поводу въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Но я отказался.

— Вознагражденiе небольшое?—откровенно спросилъ гость.

— Да, не соответствующее важности дѣла.

Егоръ Карапетовичъ внезапно почувствовалъ, что попалъ въ разставленные ему княземъ сѣти, и поправился:

— Но главное, я нашелъ гнусной самую должность.

— Вы наживете гораздо больше вашимъ комиссіонерствомъ,—проговорилъ князь:—я съ этимъ и пріѣхалъ. Хотите нажиться?

Хозяинъ задумался.

— Много вамъ надо?

— Тысячъ пятьдесятъ-семьдесятъ франковъ.

Егоръ Карапетовичъ взялъ карандашъ и задумчиво почесалъ имъ у себя за ухомъ.

— Главное дѣло въ томъ, что вы—русскій!—словно про себя проговорилъ онъ.

— А что?

— Никто русскому теперь не дастъ. Подождите союзной арміи. Вотъ вступить она въ Парижъ, тогда дѣло устроится легче легкаго.

— Когда жъ это будетъ?

— Неизвѣстно.

Онъ насупился.

— Есть одинъ человѣкъ,—проговорилъ онъ, смотря внимательно въ темный уголь и точно видя этого человѣка тамъ.—Денегъ у него много. Но безъ обезпеченiя онъ не дастъ.

— Что вы называете обезпеченіемъ?

— Что я называю обезпеченіемъ! То, что всякій называетъ.

— Вы знаете, у меня есть замокъ подъ Парижемъ?

Егоръ Карапетовичъ сморщился.

— Въ данномъ случаѣ,—сказалъ онъ,—лучше, если бы его совсѣмъ не было.

— Почему?

— Потому, что его можетъ уничтожить союзная армія. Онъ можетъ стоить полмилліона франковъ, но послѣ пожара отъ него останутся одиѣ головешки. Цѣна ему—ноль.

Онъ нарисовалъ продолговатое «зеро» на листкѣ бумаги.

— А въ Россіи у васъ недвижимостей много?

— Много.

— А документы у васъ здѣсь есть?

— Никакихъ.

Хозяинъ бросилъ карандашъ.

— Совсѣмъ не хорошо, что вы русскій!—повторилъ онъ.—А на сколько времени вамъ надо денегъ?

— Пока я не получу наслѣдство.

— А когда вы получите?

— Не знаю.

— Пф!

Егоръ Карапетовичъ заходилъ по комнатѣ, разрѣзывая своимъ носомъ воздухъ и сбоку поглядывая на собесѣдника.

— И скоро вамъ надо?

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Недѣлю миѣ дадите на розыски?

— Дамъ.

Онъ опять потянулся къ нему со стаканомъ.

— Для васъ я все сдѣлаю, что можно,—сказалъ онъ:—вы старый мой знакомый, я васъ высоко уважаю и люблю. Я постараюсь для васъ сдѣлать. Можетъ быть, дѣло будетъ такъ же удачно, какъ тогда, помните?

Князь хорошо помнилъ. Онъ еще подпоручникомъ проигрался въ какомъ-то притонѣ въ карты. Тридцати тысячъ у него не хватило. Егоръ Карапетовичъ вертѣлся у нихъ въ полку среди офицеровъ какъ комиссіонеръ, снабжая всѣхъ деньгами. Черезъ два часа онъ досталъ Борису нужныя деньги, а черезъ двѣ недѣли Борисъ заплатилъ сорокъ пять тысячъ, и ему сказали:

— Это еще милостиво!

— Ну, такъ до свиданія!—сказалъ князь.

— Жена васъ хотѣла видѣть.

— Въ другой разъ,—сказалъ Борисъ и пошелъ къ своей лошади.

VIII.

А Клэръ, когда уѣхалъ мужъ, не торопясь спустилась въ садъ; мимо купъ пышно разросшихся астръ, прошла она къ дому. Одночество какимъ-то новымъ ощущеніемъ всю охватило ее. Съ дѣтства она рѣдко была одна. Сперва мать, няньки, потомъ гувернантки, потомъ отецъ. Выходя въ садъ, она тогда знала, что въ домѣ сидитъ насупленный, бритый старикъ-отецъ и подбираетъ по обыкновенію фамиліиыя бумаги. Когда она вышла замужъ,—она почти не разлучалась съ мужемъ; они всегда были вмѣстѣ: вмѣстѣ гуляли, читали. Они вмѣстѣ пересаживали цвѣты, вмѣстѣ въ оранжереѣ ухаживали за тепличными плодами. Въ ненастные дни они вмѣстѣ сидѣли въ темныхъ комнатахъ маленькаго замка.

Теперь одна, она почувствовала себя впервые полновластной хозяйкой, самостоятельной женщиной, будущей матерью, которую должнъ слушаться, которой должны повиноваться. Бываютъ моменты, когда человекъ вдругъ начинаетъ чувствовать себя старше, когда онъ внезапно, внутри себя, старѣетъ на много лѣтъ и въ собственномъ сознаніи дѣлается солиднѣе и уравновѣшеннѣе. Такой именно моментъ приспѣлъ и для нея, и она, идя по ступенькамъ и переходамъ изъ комнаты въ комнату,—поняла, что она совсѣмъ не дѣвочка, не ребенокъ, что она полноправная гражданка, будущая мать и что нисколько не смѣшно и не страшно, что она одна въ цѣломъ домѣ. Она прошла въ столовую, и точно ее увидѣла въ новомъ свѣтѣ. И старая, потускнѣвшая голландская картина, гдѣ были изображены рыбы, овощи, бутылки съ виномъ и раки, показалась ей новой. Потомъ она скользнула взглядомъ и по буфетамъ изъ темнаго орѣха, и по стульямъ съ блестящими металлическими шляпками гвоздей, и по тяжелымъ гобленамъ, что закрывали дверь и висѣли даже и лѣтомъ,—ихъ по субботамъ вытряхали во дворѣ. Она прошла въ кабинетъ мужа и долго сидѣла передъ картиною ученика Шардена, которую такъ любилъ ея мужъ. На ней была изображена молодая женщина въ ватномъ шугаѣ. Она въ рукахъ держала ложку, а маленькая длинношеяя дѣвочка, стоя передъ ней со сложенными руками, читала какую-то молитву. Она внимательно посмотрѣла на тщательно выписанныя складки платья, на каминъ, посуду, на брошенную на полъ корзинку съ работою,—и картина ей показалась такой милой, а художникъ такимъ талантливымъ. Да и весь кабинетъ Бориса былъ для нея милъ, уютенъ и красивъ. Тутъ все было красиво: и фарфоровая чернильница, и какія-то египетскія, отлитыя изъ чугуна вазы,—сдѣланныя здѣсь, въ Парижѣ, послѣ похода въ Египетъ Наполеона. И турецкая софа, которую Борисъ заказывалъ столяру по своему рисунку, и большіе угловые часы, тикавшіе важно и торжественно, все это было хо-

рошо, дорого ей,—и все это было ея, ея неотъемлемая собственность...

Она обошла весь домъ, опять вышла въ садъ, но по дорогѣ накинула на голову шаль. Потомъ она вышла за ворота, на парижскую дорогу.

«Хорошо ли я дѣлаю?—мелькнуло у нея въ головѣ.—А кто же мнѣ можетъ запретить?» сама же себѣ отвѣтила она.

И она пошла сбоку дороги, по той тропинкѣ, что змѣйкой вилась вдали. Солнце поднималось все выше и слабо грѣло по осеннему своими лучами. Собака галопомъ догнала ее и, сдѣлавъ, въ знакъ своего удовольствія, нѣсколько поворотовъ передъ нею, побѣжала возлѣ, повиливая хвостомъ и взглядывая на нее любовно.

«И это моя собственность,—подумала Клэръ и потрепала по головѣ подбѣжавшаго опять пса.—Ну, пойдѣмъ, пойдѣмъ вмѣстѣ».

Собака залаяла и кинулась впередъ къ темной, длинной фигурѣ подъ зонтикомъ, идущей имъ навстрѣчу. Фигура эта какъ-то неожиданно вышла сбоку и шла прямо на Клэръ. Клэръ даже приостановилась, но вскорѣ узнала священника. И собака узнала его и, виляя хвостомъ, подбѣжала къ нему. Онъ погладилъ собаку и началъ издали улыбаться княгинѣ. Когда онъ подошелъ шага на два къ ней, онъ снялъ шляпу, и сказалъ:

— Добрый день, *madame la princesse!*

Она остановилась и стала весело глядѣть на него. И онъ сегодня ей казался лучше, чѣмъ всегда,—какъ будто даже онъ немного потолстѣлъ въ теченіе послѣдней ночи.

— Вотъ неожиданная встрѣча!—продолжалъ онъ, пріятно гримасничая.—Почему вы здѣсь и какъ сюда попали?

— Безъ всякой цѣли,—весело отвѣчала она.—Просто я вышла за ворота и пошла по дорогѣ.

— Вашъ мужъ поѣхалъ въ Парижъ, я видѣлъ его,—сказалъ священникъ, изъ уваженія къ молодой женщинѣ складывая свой зонтикъ.—Да, онъ обезпокоенъ тѣмъ сообщеніемъ, что я вчера ему сдѣлалъ, и поѣхалъ его провѣрить. Я самъ весьма обезпокоенъ.

Онъ сдвинулъ свои рѣдкія брови и началъ кончикомъ зонтика сбивать пыльные листья подорожника.

— Я думаю, онъ привезетъ подтвержденіе,—продолжалъ онъ:—такъ какъ источникъ, откуда я заимствовалъ эти слухи, вполне надеженъ.

— Я пойду съ вами,—сказала Клэръ:—вы идете туда?

— Да. Заболѣла старуха Кусенъ, и я шель ее навѣстить,—объяснилъ священникъ:—это за вашимъ замкомъ направо. Пойдемте, я радъ быть вашимъ собесѣдникомъ по двумъ причинамъ.

Они повернули къ замку.

— Какія же это причины?—спросила она.

— Первое—это то, что едва ли было съ вашей стороны благо-разумно такъ далеко отходить изъ дома. Послѣ революціи у насъ столько развелось бродягъ на дорогахъ, что одной женщинѣ идти въ пустынномъ мѣстѣ небезопасно.

— Какое же это пустынное мѣсто?—возразила она.—Вонъ лошади тянуть барку, вонъ дѣти играютъ тамъ, въ деревнѣ... А второе?

— Второе—это то, что я хотѣлъ еще вчера сказать князю, но не сказалъ только потому, что онъ какъ будто не вполне повѣрилъ тому, что я сообщилъ...

— Ну?—подзадорила она.

Онъ сосредоточенно шагаль возлѣ, ставя свои худыя ноги въ черныхъ кожаныхъ башмакахъ,—грубыхъ, совсѣмъ не такихъ, какъ тѣ туфли, въ которыхъ онъ приходилъ по воскресеньямъ въ замокъ.

— Видите, я знаю, — началъ онъ, точно собравшись съ духомъ:— что онъ русскій. Я знаю это, потому что онъ прямо мнѣ сообщилъ свое происхожденіе при первомъ знакомствѣ со мной. Событія послѣднихъ лѣтъ таковы, что положеніе человѣка его національности въ нашемъ округѣ рисковано. Даже если все повернется счастьемъ въ сторону Россіи, ему слѣдуетъ временно скрыться отсюда,—такъ какъ, кромѣ меня, быть можетъ, еще кое-кто знаетъ его происхожденіе.

— Про кого вы говорите?—спросила молодая женщина.

— Ни про кого въ частности,—уклончиво отвѣтилъ священникъ, поглаживая свою плоскую грудь рукой свободной отъ зонтика.—Но, зная настроеніе черни противъ русскихъ, не трудно ее натравить на вашъ уединенный уголокъ.—Я знаю,—поспѣшно прибавилъ онъ:—что у васъ есть оружіе и пять-шесть человѣкъ вашихъ слугъ хорошо стрѣляютъ. Но что они подѣлаютъ противъ цѣлой толпы?

— Вы говорите, точно знаете что-то,—проговорила Клэръ, стараясь улыбнуться.

— Я не знаю,—я предполагаю только. Я предугадываю возможность,—и больше ничего. Князь не желаетъ меня слушать,—онъ, простите мнѣ за вольность выраженія, слишкомъ довѣрчивъ и на все легко смотреть. Нашъ народъ безжалостенъ. Я знаю своихъ поселянъ лучше, чѣмъ онъ. Тѣ самые люди, которыхъ онъ облагодѣтельствовалъ,—тѣ же пойдутъ съ вилами и копьями противъ него. Имъ недоступно то христіанское міровоззрѣніе, что я внушаю имъ. Они не стѣсняясь вырвутъ сердце у того, кого считаютъ своимъ врагомъ, и будутъ его съ кликами носить по улицамъ на вилахъ.

Клэръ повела плечомъ. Она вспомнила то озлобленное лицо ея горничной, которое на дняхъ мелькнуло передъ ней, когда она замѣтила ей, что ея платья въ шкапу висятъ не въ должномъ порядкѣ. А между тѣмъ эта бордолезка съ наглыми глазами раздобрѣла,

живя у нихъ въ замкѣ, потому что ей нечего рѣшительно было дѣлать, кромѣ ухода за платьями.

— Да половина нашей прислуги можетъ перейти на сторону крестьянъ,—сказала она.

— Очень возможно,—подтвердилъ священникъ.—Вотъ, въ виду всего этого, я и предложилъ бы вамъ соблюдать возможную осторожность. Лучше всего вамъ поѣхать—да не только въ Нормандію или Бретань, а въ Италію или Швейцарію. Вопросъ касается всего двухъ-трехъ мѣсяцевъ, въ крайнемъ случаѣ—полугода. И вы должны въ этомъ смыслѣ повліять.

За ними послышался топотъ. Это ѣхала дорожная карета, запряженная четверикомъ. Кларъ плотнѣе закуталась въ шаль, брошенную на голову, а священникъ, повернувъ голову, съ любопытствомъ смотрѣлъ на проѣзжаго.

— Вотъ вы говорите,—сказалъ онъ, когда пыль разсѣялась и грузная карета прокатилась мимо нихъ:—вы говорите: кто знаетъ, откуда родомъ вашъ мужъ? Да вотъ хотя бы это почтенное лицо, которое проѣхало сейчасъ мимо насъ?

— А это кто же?—спросила она.

— Кажется, вашъ отецъ,—отвѣтилъ священникъ.

Она даже пошатнулась отъ удивленія.

— Вы развѣ его знаете?—спросила она.

— Ну, кто же его не знаетъ!—возразилъ онъ.

— Надѣюсь, онъ не къ намъ?—полунасмѣшливо спросила она.

— Нѣтъ, его карета ѣдетъ мимо вашихъ воротъ, не останавливаясь.

— Слава Богу! я ужъ думала, что онъ ѣдетъ къ намъ завтракать.

Священникъ искоса посмотрѣлъ на нее.

— Вы не любите вашего отца?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ,—твердо отвѣтила она.

— Это противорѣчитъ пятой заповѣди,—замѣтилъ священникъ.

— Я думаю, заповѣди налагаютъ не только на дѣтей, но и на родителей нѣкоторыя обязанности.

Онъ не хотѣлъ продолжать дальше пререканія, да и они подходили къ оградѣ замка. У входа она остановилась и протянула ему руку.

— Я очень рада, что вы мнѣ это сказали, насчетъ Бориса,—я поговорю съ нимъ.

Онъ приподнял шляпу, ослабилъ для приличія и пошелъ дальше.

Она посмотрѣла ему вслѣдъ. Тонкая, жилистая фигура его удалялась вдоль стѣны виллы, постукивая все еще не развернутымъ зонтикомъ.

Она окликнула его. Онъ остановился, хотѣлъ подойти,—но она крикнула издали:

— Я вамъ очень благодарна!

Онъ коснулся еще разъ полей шляпы, усмѣхнулся, потушилъ глаза и продолжалъ свою дорогу.

IX.

Кларъ теперь съ нетерпѣніемъ ожидала мужа. И садъ и домъ точно полиняли за это время, за тѣ полчаса, что она здѣсь не была, точно яркія краски сбѣжали съ нихъ. Такъ же мать сидѣла съ ложкой передъ дѣвочкой, такъ же дѣвочка, вытягивая свою шейку, стояла передъ ней,—тѣ же висѣли, на кронштейпахъ и гвоздяхъ, серебро и фарфоръ,—но все это уже казалось какимъ-то другимъ. Ей казалось, что чувство ея полновластія, ея хозяйства, ея нераздѣльной собственности поколебалось. Утромъ ей казалось, что десять, пятьдесятъ, можетъ быть, шестьдесятъ лѣтъ она проживетъ здѣсь,—и въ ея воображеніи мелькали тѣ новыя поколѣнія, что будутъ наполнять этотъ садъ и цвѣсти такъ же свѣжо и ярко, какъ цвѣтутъ теперь эти настурціи, какъ сама она цвѣтетъ теперь. Можетъ быть, другой фонтанъ будетъ журчать вмѣсто этого, но непременно фонтанъ, такой же жемчужной воды, и такъ же будутъ дробиться капли и играть на солнцѣ, и тѣ же сказки лепетать эти игривыя струи.

«Зачѣмъ мимо проѣхалъ отецъ?—подумала она.—Куда онъ ѣхалъ и видѣлъ ли меня? Зачѣмъ я отозвалась такъ насмѣшливо о немъ этому священнику? Кучеръ у него другой, не тотъ, что былъ. Она не знаетъ его, и онъ ее тоже не знаетъ. Если отецъ ее не замѣтилъ, то встрѣча прошла безслѣдно».

Въ кабинетѣ мужа она застала Луку въ передникѣ съ тряпкой. Онъ, воспользовавшись отъѣздомъ князя, занялся генеральной чисткой. Съ тѣхъ поръ, какъ онъ пріѣхалъ во Францію, онъ сталъ чистоплотнѣе. Французъ вообще грязенъ, грязнѣе нѣмца,—но прислуга тщательнѣе русской и чище работаетъ. Въ ней больше сознанія и чувства долга. Вѣковое рабство, нечистоплотность господъ, шедшихъ въ самомъ хвостѣ Европы, приучили русскую прислугу къ грязи. Лука не безъ изумленія видѣлъ, что каждый день лакеи встряхиваютъ портьеры; что пыль стираютъ съ креселъ не только съ сидѣній и ручекъ, но и съ ножекъ.

Но потомъ ему понравилась эта чистоплотность и то, что оттирали постоянно малѣйшее пятно на платьѣ. Отъ него всегда несло теперь скипидаромъ, какъ отъ палитры художника. Онъ даже выучился наводить воскомъ сплошной тонъ на мебель—и она всегда была какъ новая.

— Пустой народъ!—говорилъ онъ про французовъ:—а только прокураты большіе.

— Баринъ къ пяти часамъ вернется,—смотрите, покончите,—сказала Клэръ ему.

— Же финише,—отвѣтилъ ей сурово Лука.

Онъ въ теченіе послѣднихъ лѣтъ не только началъ понимать, но и кое-какъ говорить по-французски. И опять-таки ему больше всего нравилась галантность,—всѣмъ «вы» говорить.

Борисъ пріѣхалъ раньше: еще не было половины пятого, когда потная Луиза остановилась у подъѣзда.

По его радостному лицу Клэръ увидѣла, что вѣсти, привезенныя имъ, были ему по душѣ.

— Хорошо съѣздили?—спросила она.

— То, на что вчера намекалъ отецъ Жозефъ, должно быть, правда. Мы накапунѣ европейскаго мира. Пора кончить эти безконечныя войны. Ну, а ты что дѣлала?

— Здѣсь, кажется, мимо проѣхалъ отецъ,—съ напускной безпечностью сказала она.

— А ты почему знаешь?

— Я вышла за ворота...

— Зачѣмъ?

Онъ притянулъ ее къ себѣ и посмотрѣлъ въ глаза.

— Тебя, какъ ребенка, нельзя оставить одну и на минуту. Мы вѣдь говорили, что не надо выходить на дорогу.

— Я была не одна, со мной былъ Цезарь, а потомъ отецъ Жозефъ. Да и отецъ меня не видѣлъ.

— Ты думаешь?

— Онъ смотрѣлъ въ другую сторону. Карета такъ быстро прокатилась мимо. Я тоже его не видѣла. Миѣ только священникъ сказалъ, что это онъ.

Борисъ задумчиво потеръ пальцами подбородокъ.

— Пойдемъ обѣдать,—сказалъ онъ.

За обѣдомъ, уже въ самомъ концѣ, она опять спросила:

— Значить, ты доволенъ результатами своей поѣздки?

— Да,—сказалъ онъ.—Впрочемъ, не знаю, можно ли вполне довѣряться тому, что говорила твоя тетка. Она увѣряла, что слухи о побѣдахъ ложны, что она получаетъ свѣдѣнія болѣе достовѣрныя.. Французскія войска разбиты...

Онъ говорилъ это по-англійски, чтобы ихъ не понимала прислуга.

— Кстати,—прибавилъ онъ.—Она предлагаетъ, если дѣла пойдутъ такъ и союзники войдутъ въ предѣлы Франціи,—поѣхать намъ въ Лондонъ къ ея сестрѣ.

Она рѣшила, что теперь время сообщить ему то, о чемъ говорилъ ей кюре.

— Таково же мнѣніе и священника,—сказала она.

— Да, здѣсь оставаться опасно,—подтвердилъ онъ.—Мы уѣдемъ.

— А какъ же это?—спросила она, обводя глазами столовую.

— Всякая война влечет за собою имущественную потерю. Теряют и не то. Въ Россіи, во время великаго похода, многіе потеряли все свое имущество.

— Можно теткѣ свезти въ Парижъ все, что имѣеть цѣну,—бронзы, картины.

— Можно,—равнодушно сказалъ Борисъ.

— Я напишу ей, она, конечно, согласится.

— Она согласится. У нея въ домѣ найдется мѣсто для склада нѣсколькихъ возовъ.

— А мебель?

— Стоитъ объ этомъ говорить?—спросилъ онъ.—Останется—хорошо, не останется—купимъ потомъ новую.

— Мнѣ жаль нашего гнѣзда.

— Это все пустяки,—сказалъ онъ.—Если Наполеонъ отречется отъ престола и нашъ царь станетъ во главѣ всей Европы,—карта свѣта измѣнится. Если не будетъ тѣхъ блестящихъ побѣдъ, того сіянія, которымъ окруженъ этотъ маленькій корсиканецъ,—зато чувство добра и справедливости будетъ тогда царить во всю. Конституція будетъ во Франціи, конституція будетъ и въ Россіи. Больше скажу—наше рабство падеть. Если въ Россію рабовъ мнѣ вернуться тяжело, то въ свободную отчизну мы пріѣдемъ свободными гражданами, и тысячи народа будутъ насъ благословлять.

Онъ крѣпко пожалъ руку Клэръ, не какъ женѣ, не какъ будущей матери его ребенка, а какъ тому товарищу на жизненномъ пути, съ которымъ ему суждено итти руку объ руку къ неизвѣстному будущему.

П. П. Гнѣдичъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ.

(Литературныя характеристики и курьезы).

I.

За 35 лѣтъ.—Пренебрежительное отношеніе къ журналистамъ.—Почему нѣтъ исторіи русской журналистики.—Одесская печать въ 70-хъ годахъ.—Брошюра по восточному вопросу въ пользу славянъ.—Присвоеніе издателемъ славянскихъ денегъ.—Поѣздка въ Петербургъ.—Петербургскій университетъ славится своими юристами, а одесскій—естественниками.—Профессора—герои М.Горькаго.—Студенты—будущіе профессора.— Университетская атмосфера.

ВЪ ТЕЧЕНІЕ своего 35-лѣтняго участія во многихъ органахъ печати, въ качествѣ сотрудника, члена редакцій и фактическаго редактора, я приходилъ въ соприкосновеніе со многими писателями, цензорами, властью имущими, но главнымъ образомъ съ газетною пишущею братьею, съ тѣми маленькими газетными работниками, которые дѣлаютъ большое общественное и культурное дѣло.

О «газетчикахъ» принято говорить пренебрежительно. Оно не удивительно. Журналистъ часто затрагиваетъ чьи-нибудь интересы, больно бьетъ то по карману какого-нибудь дѣльца-хищника, то по самолюбію. Отсюда и обывательское недоброжелательство къ журналистамъ.

Сами газетчики, которые пишутъ рѣшительно обо всемъ на свѣтѣ и обо всѣхъ, о себѣ пишутъ мало или ничего.

О какомъ-нибудь модномъ писателѣ, о томъ, какъ онъ работаетъ, отдыхаетъ, ѣсть, одѣвается, — пишутъ больше, чѣмъ о всѣхъ русскихъ журналистахъ, вмѣстѣ взятыхъ.

У насъ нѣтъ, напримѣръ, до сихъ поръ исторіи газетнаго дѣла въ Россіи, которая такъ необходима и была бы весьма назидательна во многихъ отношеніяхъ. Я не собираюсь восполнить этотъ пробѣлъ, но, быть можетъ, читатели найдутъ небезынтересными клочки воспоминаній стараго газетнаго работника о журнальныхъ дѣятеляхъ и журналистикѣ конца прошлаго вѣка.

Начало моихъ воспоминаній относится къ 70-мъ годамъ, когда я дебютировалъ въ одесскихъ газетахъ небольшими статейками.

Одесскія газеты выдавались тогда среди органовъ провинціальной прессы своею литературностью и прогрессивнымъ направленіемъ. Онѣ жили еще традиціями сравнительно недавней эпохи бывшаго попечителя одесскаго учебнаго округа Пирогова, который не существующій нынѣ «Одесскій Вѣстникъ» превратилъ въ органъ Ришельевского лицея и завѣшалъ его сотрудникамъ въ своемъ напутственномъ словѣ—служеніе прогрессу и толерантное отношеніе къ разноплеменному населенію края.

Старѣйшая одесская газета «Одесскій Вѣстникъ», который сталъ выходить еще въ 1827 году, по распоряженію генераль-губернатора М. С. Воронцова, на русскомъ и французскомъ языкахъ (на послѣднемъ подъ заглавіемъ «Journal d'Odessa»), съ 1857 года перешелъ въ вѣдѣніе Ришельевского музея. Редакторами его были назначены профессоръ А. И. Богдановскій и А. Георгіевскій. Н. И. Пироговъ помѣстилъ въ газетѣ рядъ замѣчательныхъ статей. Черезъ нѣкоторое время газета, направленіе которой было признано зловреднымъ, снова попадаетъ на нѣсколько лѣтъ въ вѣдѣніе генераль-губернатора.

Въ качествѣ редакторовъ, чередовались братья Сокальскіе, изъ коихъ одинъ былъ извѣстенъ, какъ музыкантъ.

Съ однимъ изъ Сокальскихъ приключился трагическій эпизодъ. Поклонникъ женскаго пола, онъ предпочиталъ и женскій трудъ, и однажды просившей у него работы барышнѣ В—цкой назначилъ пріемъ «для объясненій по дѣламъ редакціи» въ укромномъ мѣстѣ городского сада, откуда пытался увезти куда-то сотрудницу въ закрытой каретѣ. За такія, не совсѣмъ обычные, объясненія по дѣламъ редакціи Сокальскій попалъ подъ судъ и понесъ соотвѣтствующее наказаніе.

Послѣ Сокальскихъ редактированіе «Одесскаго Вѣстника» перешло къ популярному нѣкогда земцу перваго призыва и бывшему одесскому городскому головѣ Павлу Александровичу Зеленому, подвизавшемуся одно время въ коршевскихъ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ-Незнакомцемъ, К. К. Арсеньевымъ, К. Д. Кавелинымъ, Головачевымъ, Воропоновымъ,

Гайдебуровымъ и др., увѣковѣченными на сохранившейся у оставшихся въ живыхъ сотрудниковъ этой прогрессивной нѣкогда газеты редакціонной фотографической группѣ.

Какъ редакторъ, Зеленой отдавалъ предпочтеніе земскимъ и городскимъ дѣламъ и съ успѣхомъ проводилъ свои прогрессивныя взгляды и въ земской и въ городской практикѣ, но собственныя дѣла велъ такъ неудачно, что долженъ былъ на закатѣ дней своихъ скрыться съ горизонта и недавно умеръ въ Ростовѣ Ярославской губерніи у пріотившихъ его близкихъ людей.

«Одесскому Вѣстнику» и его редакторамъ, послѣ Зеленого, совѣмъ не везло. Старѣйшая газета шла на убыль. Она попала въ руки къ директору ломбарда и субсидировалась богачомъ-грекомъ Маразли. Нѣсколькими годами позже покровитель либеральной газеты субсидировалъ черносотенную «Русскую Рѣчь» и отдѣлъ союза русскаго народа. Послѣднимъ редакторомъ «Одесскаго Вѣстника» былъ симпатичный журналистъ Арнольдъ, который покончилъ съ собою. Велѣдъ за нимъ покончили свое существованіе и «Одесскій Вѣстникъ».

Въ одесской печати въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, подвизались лучшіе профессора мѣстнаго университета: Афанасьевъ, Маркевичъ, Орбинскій, Яковлевъ и др. Тамъ же работали бывший сотрудникъ «Русскаго Богатства» и социологъ С. Н. Южаковъ, И. И. Свѣденцовъ (Ивановичъ), Баронъ Иксъ (С. Т. Герцо-Виноградскій), С. И. Сычевскій и др.

Барономъ Иксомъ, котораго покойный П. А. Гайдебуровъ не разъ соблазнялъ перейти на болѣе широкую литературную арену въ столицу, вся Одесса зачитывалась. Онъ, по всей справедливости, считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ. Бойкіе фельетоны барона Икса уснащались порою цитатами изъ Гейне, Берне, Гюго, Шекспира и, благодаря ему, мѣстные гимназисты и лавочники щеголяли въ разговорѣ сентенціями этихъ популяризованныхъ фельетонистомъ авторовъ.

Когда цензурныя условія сдѣлались невыносимыми, и талантъ барона Икса пришелъ въ упадокъ, онъ сталъ пробавляться преимущественно цитатами изъ классиковъ.

С. И. Сычевскій былъ рѣдкій знатокъ иностранной литературы и шекспирологъ. О Шекспирѣ, котораго онъ зналъ наизусть въ подлинникъ, Сычевскій читалъ публичныя лекціи. Онъ могъ бы съ полнымъ правомъ читать лекціи по литературѣ въ любомъ университетѣ. На его критическихъ обзорахъ воспитывались подраставшія поколѣнія.

О Баронѣ Иксѣ и о Сычевскомъ скажу болѣе подробно во второй части моихъ воспоминаній, посвященной одесской печати.

Въ одесскихъ газетахъ начали свою дѣятельность въ скромной роли хроникеровъ И. Н. Потапенко и П. А. Сергѣенко,

появлявшіеся одно время подъ общимъ псевдонимомъ «Аркадій Фіалкинъ». Первый изъ нихъ служилъ и въ мѣстной городской управѣ.

Извѣстный своею реакціонностью «Новороссійскій Телеграфъ», явившійся первымъ частнымъ органомъ въ Одессѣ, возникъ въ 1869 г. и долгое время отличался прогрессивнымъ направлениемъ. Въ этой газетѣ была напечатана одна изъ первыхъ статей моихъ о зародившемся тогда славянскомъ движеніи. Славянскому же вопросу и отношенію къ нему евреевъ я посвятилъ особую брошюру, вышедшую изъ печати въ началѣ 1876 года, въ эпоху сербской войны. Само собою разумѣется, что симпатіи автора брошюры были всецѣло на сторонѣ избиваемыхъ турецкими башибузуками славянъ. Въ пользу послѣднихъ предназначалась выручка съ брошюры. Покупавшимъ ее предоставлялось вносить свыше установленной цѣны (25 к.), и мое авторское самолюбіе было крайне польщено, когда, явившись въ книжный магазинъ Распопова, я узналъ, что бессарабскій землевладѣлецъ Казиміръ уплатилъ за одинъ экземпляръ цѣлыхъ 15 рублей. Всѣ поступавшія за брошюру деньги препровождались въ редакцію «Новороссійскаго Телеграфа», который особенно рьяно распинался за славянъ.

Велико было мое разочарованіе, когда впослѣдствіи полемика мѣстныхъ газетъ съ «Новороссійскимъ Телеграфомъ» выяснила, что пожертвованія въ пользу славянъ задерживались конторою означенной газеты и что издатель ея Озмидовъ конфисковалъ 1,000 рублей изъ этихъ пожертвованій, предоставивъ предсѣдателю мѣстнаго славянскаго комитета Палаузову, съ которымъ у него были какіе-то спорные счета, внести по назначенію конфискованную сумму изъ личныхъ средствъ.

Когда я въ 1876 г. отправился въ Петербургъ и послалъ въ «Новороссійскій Телеграфъ» свои путевыя впечатлѣнія, то по сдѣланнымъ редакцію въ моихъ письмахъ сокращеніямъ и по объясненіямъ секретаря я понялъ, что въ направленіи газеты послѣдовала перемѣна.

Въ Петербургѣ влекло меня не одно желаніе отдаться журнальной дѣятельности, но и стремленіе пополнить свои знанія въ петербургскомъ университетѣ, славившемся выдающимися профессорами-юристами.

А. Д. Градовскій читалъ государственное право, явившись чуть ли не создателемъ этой науки у насъ. Онъ умѣлъ возбуждать интересъ къ своимъ лекціямъ, особенно, когда знакомилъ съ европейскими конституціями. Часто Градовскій совѣтовалъ слушателямъ читать Библию и... «Голосъ» (гдѣ онъ сотрудничалъ), чтобы быть au courant всего совершающагося въ парламентской жизни Западной Европы. На экзаменахъ Градовскій обнаруживалъ необычайную нервность и строгость. И. Е. Андреевскій умѣлъ оживлять своимъ изложеніемъ свой сухой предметъ—полицейское право, или науку о «будочникахъ», какъ острили студенты. Маэусайлъ отечественной юриспруденціи

П. Г. Рѣдкинъ читаль послѣдній годъ—и плохо читаль—философію и энциклопедію права, но былъ уважаемъ, какъ профессоръ-ветеранъ. В. И. Сергѣевичъ, превосходный лекторъ, умѣлъ заинтересовать слушателей своею исторіею русскаго права. Л. Б. Дорнъ читаль римское право, являвшееся, какъ онъ говаривалъ, основою всѣхъ основъ въ правѣ, а все прочее—гиль.

Все это—покойники. Здравствуютъ и понынѣ Таганцевъ и Фойницкій.

Въ одесскомъ же университетѣ въ 70-хъ годахъ доминировалъ естественный факультетъ. Достаточно упомянуть имена А. О. Ковалевскаго, И. М. Сѣченова, И. И. Мечникова, ботаниковъ Ценковскаго и Вальца. Послѣдній потомъ сошелъ на нѣтъ, запыль, попалъ въ босяки и очутился въ больницѣ для душевно-больныхъ.

О трагической судьбѣ Вальца рассказывалъ мнѣ много интереснаго покойный историкъ проф. А. И. Маркевичъ, который и самъ, по его словамъ, продѣлалъ карьеру героевъ М. Горькаго. Свои университетскія занятія Маркевичъ совмѣщалъ съ уроками въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ и въ домахъ одесскихъ негодіантовъ и съ дѣятельнымъ участіемъ въ печати, куда направлялъ собственные статьи и произведенія своихъ питомцевъ.

Помню, однажды явился ко мнѣ въ либеральную газету съ рекомендаціею отъ Маркевича студентикъ Пуришкевичъ, стихотвореніе котораго не было помѣщено чуть ли не по цензурнымъ соображеніямъ. Авторъ стихотворенія пріобрѣлъ теперь извѣстность на другихъ поприщахъ, отнюдь не отличаясь либерализмомъ....

Въ петербургскомъ университетѣ царили традиціи 60-хъ годовъ. Студенты имѣли свою бібліотеку, столовую, устраивали сходки и собранія для чтенія рефератовъ, на которыхъ присутствовали и профессора. По рефератамъ можно было уже тогда намѣчать будущихъ, если и не знаменитыхъ, то во всякомъ случаѣ—извѣстныхъ людей. На университетской скамьѣ сидѣли тогда скромный вольнослушатель, нынѣ извѣстный экономистъ и редакторъ нѣсколькихъ газетъ освободительной эпохи Л. В. Ходскій, будущіе профессора экономисты В. Я. Яроцкій и П. И. Георгіевскій, далѣе авторъ изслѣдованія объ артеляхъ, редакторъ амфитеатровской «Россіи», «Голоса Земли» и другъ «старца Распутина»—П. Г. Сазоновъ, профессоръ и историкъ русской литературы С. А. Венгеровъ, поэтъ Минскій и многіе другіе.

Нѣкоторые изъ нихъ щеголяли скромными блузами и тужурками.

Между профессорами и студентами существовала та живая связь, о которой такъ много говорили потомъ и которая особенно рельефно сказывалась во время университетскихъ именинъ 8-го февраля на студенческихъ попойкахъ въ василеостровскихъ кух-

мистерскихъ, гдѣ популярныя профессора произносили бодрящія и одухотворяющія молодежь рѣчи. Чаще всего ораторствовалъ на студенческихъ собраніяхъ популярный среди молодежи словесникъ и славянофилъ Орестъ Миллеръ.

II.

Литературный «Олимпъ».—О суровости М. Е. Салтыкова.—Стычка между Салтыковымъ и полуписателемъ - подрядчикомъ І. Н. Соркинымъ.—Разорившійся издатель книги «Дамокловъ мечъ» и др. кончаетъ самоубійствомъ.—Первые литературныя шаги въ столицѣ.—Генеральская газета.—13 коп. за строчку.—Легкомысленный фельетонистъ серьезной газеты.—Лѣсковъ о Панютинѣ и Шрейерѣ.—Обманутая французенка.—Хирургическое вино.

Слушая лекціи, я не порывалъ связей съ журналистикой. Мнѣ, во что бы то ни стало, захотѣлось лицезрѣть литературныхъ генераловъ, произведеніями которыхъ я зачитывался. Сдѣлать это было нетрудно. Стоило только понести рукопись въ редакцію «Отечественныхъ Записокъ», изображавшихъ тогда литературный «Олимпъ». Съ чувствомъ благоговѣнія поднялся я по лѣстницѣ огромнаго дома Краевского на Литейномъ проспектѣ и вручилъ свое произведеніе незнакомцу съ маленькой рѣдкой бородкой и блуждающими глазами, вышедшему ко мнѣ въ пріемную—вѣрнѣе, въ бильярдную: почти вся комната занята была бильярдомъ.

Незнакомецъ оказался моимъ будущимъ коллегой по «Новостямъ» и др.—А. М. Скабичевскимъ. Мнѣ предложено было навѣдаться черезъ нѣкоторое время.

Навѣдывался я неоднократно и каждый разъ имѣлъ возможность видѣть какого-нибудь новаго «кита» «Отечественныхъ Записокъ». И велика была моя радость, когда мнѣ посчастливилось въ домѣ на Надеждинской улицѣ, въ квартирѣ Г. З. Елисеѣва, видѣть сразу трехъ выдающихся старцевъ: М. Е. Салтыкова, Г. З. Елисеѣва и А. Н. Плещеева, о чемъ-то горячо спорившихъ. Особенно волновался Салтыковъ, дѣлавшій при этомъ страшные глаза и произносившій не совсѣмъ цензурныя слова.

Салтыкова многіе приходившіе съ нимъ въ соприкосновеніе изображали челоуѣкомъ свирѣпымъ и крайне раздражительнымъ. А. М. Скабичевскій, послѣ кончины сатирика, заявилъ о преувеличенности такого мнѣнія о немъ. Можетъ быть, глаза Салтыкова и его суровая наружность, скрывавшіе доброе сердце, способствовали сложившемуся о немъ мнѣнію.

О «суровости» Салтыкова рассказывалъ мнѣ нынѣ покойный полуписатель и подрядчикъ Іосифъ Николаевичъ Соркинъ, имѣвшій съ нимъ крупную стычку.

Соркинъ—личность во многихъ отношеніяхъ достопримѣчательная, и о немъ стоитъ сказать нѣсколько словъ.

Происходя изъ евреевъ, Соркинъ принялъ православіе и навсегда, казалось, откололся отъ своихъ бывшихъ единовѣрцевъ. Но въ эпоху погромовъ и ограниченій 80-хъ годовъ онъ, тогда богатый петербургскій домовладѣлецъ, сталъ горячо заступаться за своихъ соплеменниковъ. Соркинъ ухлопалъ цѣлое состояніе на роскошное изданіе и на распространеніе перевода книги противъ употребленія евреями христіанской крови извѣстнаго гебраиста Левенсона, получившаго за свой трудъ награду отъ императора Николая I, которому удостоился быть представленнымъ.

Переводъ книги Левенсона вышелъ подъ заглавіемъ: «Дамокловъ мечъ». Соркинскимъ же издано собраніе отзывовъ объ евреяхъ знаменитыхъ ученыхъ и писателей за границей. Свои книги онъ рассылалъ даромъ сотнями экземпляровъ представителямъ администраціи и церкви, въ интересахъ борьбы съ предрасудкомъ о ритуальныхъ убійствахъ и съ другими навѣтами, и получалъ отовсюду благодарности и благосклонные отзывы, которые собирался издать, но намѣренія этого не выполнилъ.

Не довольствуясь сказаннымъ, Соркинъ призывалъ извѣстныхъ русскихъ писателей къ заступничеству за погромленныхъ. Письмо его къ И. С. Тургеневу и отвѣтъ послѣдняго вошли въ собраніе писемъ великаго романиста.

Однажды Соркинъ влетѣлъ ко мнѣ въ редакцію одной петербургской газеты, крайне взволнованный.

— Ну, батенька, я, кажется, оказалъ теперь евреямъ медвѣжью услугу!—воскликнулъ онъ.

— Какимъ это образомъ?

— Я получилъ уклончивый отвѣтъ отъ убоявшагося зоиловъ Тургенева насчетъ заступничества за евреевъ и кинулся къ Щедрину. Я объяснилъ ему цѣль своего визита и нарисовалъ ему картину гоненій. Онъ окинулъ мнѣ своими ужасными глазами такъ, что я поддался невольно назадъ.

— Какое вы имѣете право обращаться ко мнѣ?—крикнулъ Салтыковъ.—Идите къ Каткову, который съ вашимъ Поляковымъ въ дружбѣ: Поляковъ подарилъ ему даже домъ подъ его лицей.

— Но какое намъ дѣло до Полякова? Неужели только изъ дружбы или за подношенія надо негодовать по поводу несправедливой травли?—замѣтилъ я.

Салтыковъ еще больше раскричался, схватился за спинку кресла, я машинально сдѣлалъ то же, но скоро я пришелъ въ себя и ушелъ.

Соркинъ ошибся. Черезъ нѣкоторое время появилась въ «Отечественныхъ Запискахъ» знаменитая июльская сатира Шедрина объ евреяхъ, гдѣ онъ заявлялъ, что между собственнымъ вампиромъ и «инороднымъ» лишь та разница, что второй говоритъ: «дурака шашу», а первый: «пососу дурака».

Сатира эта произвела сильное впечатлѣніе. Соркинъ торжествовалъ. Послѣ этого я потерялъ Соркина изъ виду и впоследствии узналъ, что онъ покончилъ съ собою. Говорили, что онъ разорился, между прочимъ, на своихъ изданіяхъ, которыя разсылалъ даромъ, не получая ниоткуда никакихъ субсидій.

Въ домѣ на Литейномъ, гдѣ жилъ Некрасовъ, мнѣ приходилось бывать, когда я доставлялъ свои статьи въ редакцію «Голоса». Въ этой редакціи можно было встрѣчать не однихъ генераловъ отъ литературы, но и настоящихъ генераловъ. Въ «Голосѣ» печатались даже министры, настоящіе и будущіе, между прочимъ, К. П. Побѣдоносцевъ, П. А. Валуевъ, Д. А. Милютинъ, Головинъ, Тимашевъ и др. Недаромъ «Голосъ», когда зашла рѣчь объ ограничительныхъ мѣропріятіяхъ противъ чиновниковъ-писателей или, вѣрнѣе, о болѣе строгомъ примѣненіи 529 ст. III т. св. зак., не безъ тревоги заявилъ, что воспрещеніе чиновникамъ участвовать въ періодической печати равносильно запрещенію существованія русской литературы.

«Голосъ» статей отъ неизвѣстныхъ авторовъ почти не принималъ или принималъ въ видѣ исключенія. Генералы получали, разумѣется, и генеральскіе гонорары, подобныхъ которымъ не существовало тогда ни въ одной газетѣ.

Помню, когда я явился въ редакцію справиться насчетъ гонорара за мои статьи, В. А. Бильбасовъ, направивъ меня въ контору, немало смутилъ меня такимъ заявленіемъ:

— Пожалуйста, поклонитесь автору и скажите, что мы ждемъ продолженія статьи (о незаконнорожденных)...

Очевидно, Бильбасовъ приписывалъ мои статьи какому-нибудь моему однофамильцу и не допускалъ, чтобы молодой человекъ могъ претендовать на сотрудничество въ генеральской газетѣ.

Смущенный, я отправился въ контору, гдѣ получилъ необычный для меня гонораръ. Сосчитавъ дома число строкъ, я пришелъ къ заключенію, что кассиръ ошибся въ расчетѣ: по моему расчету, почему-то выходило, что я получилъ «чортову дюжину» за строку, т.-е. по 13 копеекъ,—цифра зловѣщая!

Кромѣ статей о незаконнорожденныхъ, я помѣстилъ въ «Голосѣ» статьи о классовой борьбѣ въ Прибалтійскомъ краѣ и объ экономической роли евреевъ, причемъ въ своихъ сужденіяхъ о послѣднихъ расходился съ другими сотрудниками газеты, въ которой печаталъ даже свои статьи авторъ «Кагала»—Брафманъ.

Въ верхнемъ этажѣ «Голоса» подвизались министры и генералы, а въ нижнемъ—сначала легкомысленный Ниль-Адмирари (Панютинъ), а затѣмъ ярый либераль Гамма-Градовскій. Крайніе взгляды талантливаго публициста причиняли иногда безпокойство осто-

рожному Краевскому, которому Д. Д. Миннаевъ вложилъ въ уста слѣдующее язвительное четверостишіе:

О, почто себѣ на горе я,
 Не жалѣя гонорарія,
 Взялъ Градовскаго Григорія
 Вмѣсто Нила Адмирарія.

Панютинь касался въ своихъ фельетонахъ излюбленныхъ имъ театральныхъ вопросовъ и былъ грозою для всѣхъ, особенно впервые пріѣзжавшихъ въ столицу артистовъ. Последнія всячески домогались его расположенія, и многимъ это удавалось, ибо Панютинь былъ большой «галантомъ» и почитатель всего красиваго.

Однажды,—разсказывалъ покойный Н. С. Лѣсковъ,—къ Панютину является съ визитомъ какая-то французская артистка. Хозяйина не было дома, а у него находился случайно извѣстный своею находчивостью король репортеровъ Ю. О. Шрейеръ. Шрейеръ, какъ и Панютинь, былъ почитатель всего прекраснаго. Явившейся французкѣ онъ отрекомендовался хозяиномъ квартиры, поблагодарилъ за честь, обѣщалъ воспользоваться ея любезнымъ приглашеніемъ и нанести ей визитъ.

Каково же было удивленіе французки, когда послѣ ея дебюта Ниль-Адмирари написалъ жестокую рецензію. Лишь когда ей за кулисами представили настоящаго Ниль-Адмирари, французка поняла, въ какую досадную ошибку она впала.

Лѣсковъ разсказывалъ все это, какъ фактъ, но возможно, что это и анекдотъ. У Лѣскова былъ всегда большой запасъ анекдотовъ о писателяхъ. Помню, какъ онъ раземѣшилъ всѣхъ шуткою о Н. А. Лейкинѣ.

Лейкинъ явился въ редакцію «Новостей» и пригласилъ къ себѣ своихъ друзей на чашку чая. Послѣ его ухода является Лѣсковъ.

— Зачѣмъ, господа, приходилъ къ вамъ Лейкинъ: ужь не приглашалъ ли къ себѣ на вечеръ?

— Совершенно вѣрно.

— И вы пойдете?

— Отчего же и не пойти?

— Нѣтъ, вы непременно пойдите; онъ васъ такъ угоститъ, такъ угоститъ, что долго помнить будете. Онъ поднесетъ вамъ такое вино, какого нигдѣ пить не можете.

— Какое же это особенное вино? Вѣдь Лейкинъ, кажется, не изъ щедрыхъ амфитріоновъ,—замѣтилъ кто-то. (Лейкинъ, дѣйстви-тельно, не отличался особенною щедростью).

— Вино изъ медико-хирургической академіи,—заявилъ Лѣсковъ.—Ради экономіи, Лейкинъ, видите ли, скупаетъ у сторожей

вино послѣ промыванія имъ нѣкоторыхъ ранъ. (Такое промываніе практиковалось тогда).

Все покатились со смѣху, а одинъ заявилъ, что ни за что не пойдетъ на вечеръ, ибо ему будетъ казаться, что онъ пьетъ «медико-хирургическое» вино...

III.

Сотрудничество въ еженедѣльникахъ и въ газетѣ «Охэ».—Издатель газеты и «этуаль» изъ кафешантана.—Специальность по вопросамъ страхованія.—Заказъ блиновъ чрезъ почтовый ящикъ газеты.—Бойкотъ страхового органа.—П. С. Усовъ—авторъ первой политической передовой статьи въ русской печати.—Мѣры предосторожности редактора Греча.—Запрещеніе печатать торговыя свѣдѣнія и критиковать извозничью таксу.—Телеграмма о франко-прусской войнѣ, отложенная за недосутомъ.—Литературы: рестораны.—Д. Д. Минаевъ и бѣгство генерала.—Банкиръ и архитекторъ—издатели судебной газеты.

Не имѣя еще постоянной работы въ ежедневномъ изданіи, я безъ большого труда справлялся съ редакціонною работою въ двухъ-трехъ еженедѣльникахъ, завѣдывалъ редакціею перваго страхового органа—«Вѣстника Страхованія», былъ секретаремъ въ одномъ еженедѣльникѣ и принималъ участіе въ «Судебной Газетѣ», когда ее редактировалъ исключенный потомъ изъ сословія присяжный повѣренный Николичъ и издавалъ петербургскій банкиръ Бендерскій. Я помѣшалъ одновременно статьи въ газетѣ другого частнаго повѣреннаго Трозинера «Эхо» или «Охэ», какъ ее называли въ литературныхъ кружкахъ: по недосмотру метранпажа, номеръ однажды вышелъ съ заголовкомъ «Охэ».

Трозинеръ прошумѣлъ въ печати выступленіемъ своимъ въ процессѣ обвинявшейся въ соблазненіи зрителей кафешантанной этуали Филиппо и предъявленіемъ на судѣ ея «dessous», какъ вещественнаго доказательства.

Газета «Эхо», называвшаяся раньше «Улей» и перешедшая къ Трозинеру отъ интенданта Макшеева, отличалась либеральнымъ направленіемъ. Одно время тамъ писалъ Г. К. Градовскій, впослѣдствіи либеральничалъ въ «Эхо» г. Ярмонкинъ, игравшій въ оппозицію и въ собственной газетѣ «Свѣточъ» и не получавшій еще субсидій и воспособленій изъ разныхъ фондовъ за травлю инородцевъ и нѣкоторыя другія услуги...

Сотрудничество въ «Вѣстникѣ Страхованія» было для меня самою большою неожиданностью, ибо о страховыхъ вопросахъ я не имѣлъ ни малѣйшаго понятія. А случилось это вотъ какимъ образомъ.

Является въ одну изъ столичныхъ редакцій нынѣ покойный присяжный повѣренный И. И. Майзель, вращавшійся среди писателей.

— А знаете, господа, я предпринимаю изданіе страховой газеты!—сообщаетъ онъ, къ общему недоумѣнію.

Его стали вышучивать, такъ какъ всё было извѣстно, что у Майзеля не было ни средствъ, ни литературныхъ талантовъ.

— Любопытно будетъ посмотрѣть,—замѣтилъ кто-то:—чѣмъ это вы будете наполнять вашу газету: вѣдь о необходимости страхованія можно написать дюжину-другую статей,—и баста!

— Матеріаль найдется,—отвѣтилъ Майзель.—Вотъ за границей существуетъ даже газета для торговцевъ сыромъ.

— То за граница, а то мы,—отвѣтилъ я.

По волѣ судьбы, я потомъ оказался фактическимъ редакторомъ страховой газеты.

Въ одно прекрасное утро Майзель предъявилъ мнѣ разрѣшеніе на газету, предложивъ принять ее въ свое завѣдываніе, за отсутствіемъ у него журнальнаго опыта.

— Но вѣдь я совершенно незнакомъ со страховыми вопросами,—сказалъ я.

— Это не бѣда,—заявилъ Майзель:—я предоставляю въ ваше распоряженіе мѣсяць для ознакомленія съ ними.

Я сдался, принялся за науку, окружилъ себя литературой по страховымъ вопросамъ, заграничными страховыми органами, отчетами страховыхъ обществъ. Черезъ нѣкоторое время я оказался специалистомъ по страховому дѣлу, строчилъ статьи о страхованіи, обзорѣ газетъ, исправлялъ корреспонденци и т. д. Въ «Вѣстникѣ Страхованія»,—такъ называлась газета,—были всѣ рубрики, какія полагаются въ газетахъ. Былъ даже «почтовый ящикъ», при посредствѣ котораго, за отсутствіемъ подходящаго матеріала, я и мой издатель переписывались и даже заказывали издательской супругѣ, фигурировавшей подъ инициалами, «блины», т.-е. «новыя произведенія», поелику прежнія произведенія редакціи нравились.

Число подписчиковъ на газету изъ среды многочисленной арміи страховыхъ дѣятелей и агентовъ росло, пока они не разглядѣли, что «Вѣстникъ Страхованія» проповѣдывалъ, вмѣсто излюбленнаго страховыми агентами акціонернаго страхованія,—взаимное во всѣхъ видахъ и формахъ—до страхованія прохожихъ отъ несчастныхъ случаевъ на улицахъ. Особенно усердствовалъ по части изобрѣтенія новыхъ видовъ страхованія П. С. Усовъ, бывший редакторъ «Петербургскихъ Вѣдомостей». Въ «Вѣстникѣ Страхованія» проектировалось даже взаимное страхованіе журналистовъ по случаю частыхъ въ то время пріостановокъ газетъ.

П. С. Усова мало кто знаетъ изъ современныхъ газетныхъ писателей. Между тѣмъ онъ сыгралъ немаловажную роль въ русской журналистикѣ. Я встрѣчался съ нимъ чаще всего въ типографіи Евдокимова на Большой Итальянской улицѣ, куда онъ приходилъ сдавать и читать въ корректурѣ свои биржевые обзоры. Всегда мол-

чливый, Усовъ необыкновенно оживлялся, когда заходила рѣчь о прошломъ русской журналистики, о цензурѣ и т. п. Это была живая лѣтопись русской періодической печати.

Усовъ рассказывалъ мнѣ, что первая политическая передовая статья принадлежала его перу. Она была помѣщена въ первомъ номерѣ «Сѣверной Пчелы» за 1856 г. Редакторъ «Сѣверной Пчелы» Гречъ не сразу рѣшился выступить въ роли новатора. Изъ предосторожности Гречъ распорядился перебрать усовскую передовую статью, набранную крупнымъ шрифтомъ (цицера), болѣе мелкимъ (корпусомъ). Затѣмъ ее перенесли съ первой страницы, гдѣ напечатанъ былъ официальный отдѣлъ, на одну изъ послѣднихъ страницъ. Чтобы окончательно обезопасить себя, Гречъ приказалъ представить предварительно статью на просмотръ въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Несмотря на всѣ эти предосторожности, въ редакцію явился чиновникъ и сталъ допытываться, кто изъ занимающихъ государственную службу лицъ авторъ первой статьи частнаго изданія о виѣшней политикѣ.

Черезъ шесть дней примѣру «Сѣверной Пчелы» послѣдовали «Петербургскія Вѣдомости» Краевского и Очкина.

Починъ Усова всѣ считали очень смѣлымъ. Въ то время, по его словамъ, запрещали, на примѣръ, печатать въ той же «Сѣверной Пчелѣ» товарныя и биржевыя свѣдѣнія, ибо таковыя могутъ быть помѣщаемы въ официальномъ органѣ министерства финансовъ— «Коммерческой Газетѣ». Въ замѣткѣ о таксѣ для извозчиковъ, помѣщенной въ «Сѣверной Пчелѣ», усмотрѣна была критика правительственныхъ распоряженій. Объ этой критикѣ доведено было до свѣдѣнія императора Николая I, который повелѣлъ, чтобы «впредь подобныя замѣтки не допускали».

Газетная техника въ ту эпоху, о которой любилъ вспоминать Усовъ, была въ самомъ примитивномъ состояніи. О немъ самомъ мнѣ рассказывали слѣдующій характерный фактъ.

Усовъ состоялъ ближайшимъ сотрудникомъ издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей» Трубникова, который въ то же время былъ владельцемъ «Русскаго Телеграфнаго Агентства». Получивъ телеграмму объ объявленіи франко-прусской войны, Усовъ отложилъ ее вмѣстѣ съ замѣтками, которыя онъ не успѣлъ разсмотрѣть, для слѣдующаго номера.

Такимъ образомъ, телеграмма, разосланная агентствомъ Трубникова другимъ газетамъ, къ великому конфузу послѣдняго, не появилась своевременно въ его собственной газетѣ.

Не долго продолжались мои встрѣчи съ Усовымъ въ типографіи, гдѣ печатался «Вѣстникъ Страхованія». Такъ какъ редакція «Вѣстника Страхованія» была непоколебима въ своемъ направленіи и не желала поступить на содержаніе къ акціонернымъ страховымъ

обществамъ, то страховые агенты, по внушенію своего начальства, стали отказываться отъ дальнѣйшаго полученія газеты, и «Вѣстникъ Страхования» чрезъ полгода отцвѣлъ, не успѣвъ расцвѣсть.

И. И. Майзель имѣлъ большія знакомства въ литературномъ мѣрѣ, которыя онъ пріобрѣлъ чрезъ коллегъ-адвокатовъ или въ ресторанахъ. Нѣкоторыхъ представителей литературнаго міра можно было и въ то время встрѣчать въ извѣстныхъ ресторанахъ, какъ въ нынѣшней «Винѣ». Каждый ресторанъ имѣлъ своихъ завсегдатаевъ-литераторовъ. Въ «Малоярославцѣ» вы могли встрѣчать въ извѣстное время представителей умѣренной печати съ покойнымъ М. П. Федоровымъ во главѣ; въ «Афганистанѣ»—болѣе либеральныхъ писателей съ Г. К. Градовскимъ; въ ресторанчикѣ на Владимирскомъ проспектѣ бывалъ постояннымъ посѣтителемъ симпатичный авторъ «Бродячей Руси» С. В. Максимовъ. Въ извѣстные часы онъ входилъ сюда, а въ другіе часы его выводили за руки лакеи, относившіеся къ нему съ большимъ почтеніемъ, или «братья-писатели». Чаще всего сопутствовалъ Максиму репортеръ Демидовъ, не разстававшійся со своимъ ридинготомъ и цилиндромъ, пока не спился и не поналъ въ постельку, гдѣ отдалъ Богу душу свою.

Максимовъ былъ общій любимецъ. Литературу онъ почти забросилъ. Редактированіе «Вѣдомостей Градоначальства и Петербургской Полиціи» отнимало у него мало времени. Только однажды ему пришлось за чужіе грѣхи въ газетѣ посидѣть на гауптвахтѣ, гдѣ, впрочемъ, онъ не скучалъ: друзья добровольно подвергали себя заключенію, являясь къ узнику съ кулками со всякою снѣдью.

Въ ресторанахъ Максимова всегда окружали старые и новоявленные друзья-собутельники, которыхъ онъ смѣшилъ своими разказами. Опорожнивъ графинчикъ-другой водки, онъ засыпалъ тутъ же, чрезъ полчаса пробуждался и, какъ ни въ чемъ не бывало, продолжалъ тинуть рюмочку за рюмочкой. Въ такомъ состояніи я наблюдалъ однажды Максимова цѣлую ночь въ «Малоярославцѣ», гдѣ товарищи по газетѣ spraysнули оригинальное редакціонное событіе: пропускъ замѣстителемъ редактора, не любившаго полемики, рѣзко написаннаго фельетона по адресу издателя распротраненной газеты...

Популярнаго въ свое время поэта Д. Д. Минаева можно было встрѣчать въ нынѣ не существующемъ «Старомъ Палкинѣ». Тамъ, между прочимъ, постоянно бывали александринскіе артисты Горбуновъ, Градовъ-Соколовъ и др. Здѣсь Минаевъ часто сыпалъ какъ изъ рта изобилія, свои полные остроумія экспромты, язвительныя эпиграммы, не пада въ нихъ никого.

На оборотѣ ресторанныя меню Минаевъ не разъ набрасывалъ съ присущею ему виртуозностью свои произведенія и либо отпра-

влять ихъ въ редакцію «Петербургской Газеты», гдѣ они печатались подъ псевдонимомъ «Общій другъ», либо давалъ ихъ кому-нибудь на память. Многое осталось не записаннымъ и пропало для потомства.

Помню, у минаевского столика сидѣлъ однажды убѣленный сѣдинами старецъ, занимавшій видное положеніе, и покатывался отъ смѣха. Минаеву, повидимому, захотѣлось отдѣлаться отъ него, и онъ разразился такимъ четверостишіемъ, что старецъ нашелъ немѣстнымъ свое присутствіе при дальнѣйшихъ минаевскихъ импровизаціяхъ и, какъ былъ, выбѣжалъ изъ ресторана. Ему пришлось вдогонку послать фуражку.

Официальный редакторъ «Судебной Газеты» Николитчъ былъ такой же литературный профанъ, какъ и редакторъ-издатель «Вѣстника Страхованія». Дѣятельное участіе въ газетѣ принимали Г. К. Градовскій (Гамма), талантливые очерки котораго подъ заглавіемъ «Законы и Жизнь» имѣли большой успѣхъ, присяжный повѣренный Михайловъ и др.

Я участвовалъ въ выпускѣ номера. Но за полнымъ незнакомствомъ Николитча съ техникой журнальнаго дѣла, мнѣ приходилось его замѣнять. Это не нравилось издателю банкиру Бендерскому, ибо онъ платилъ Николитчу сравнительно большое вознагражденіе; не нравилось это и самому Николитчу, приревновавшему издателя ко мнѣ.

Черезъ нѣкоторое время газета переходитъ въ собственность къ Николитчу, и онъ, заболѣвъ, начинаетъ искать другого издателя. По этому вопросу между мною и больнымъ, еле владѣвшимъ голосомъ Николитчемъ завязалась переписка, не приведшая ни къ какимъ результатамъ. Онъ предлагалъ мнѣ найти ему издателя. Переписка эта сослужила Николитчу маленькую службу. Нашелся архитекторъ (де-Векки), не имѣвшій ровно никакого отношенія къ юриспруденціи, литературѣ и къ русской грамотѣ, но изъявившій готовность стать издателемъ и редакторомъ юридической газеты. Онъ соблазнился выгодной покушкой, а выгодной она оказалась потому, что на газету, какъ его увѣряли, имѣлъ, будто бы, виды опытный редакторъ-издатель О. К. Нотовичъ.

Дѣло въ томъ, что архитектору были предъявлены мои отвѣтныя письма Николитчу, писавшіяся случайно на бланкахъ редакціи «Новостей», гдѣ я проводилъ тогда почти цѣлые дни и ночи за работой. У новаго издателя сложилось мнѣніе, что я-де покупалъ газету и не для себя, а для Нотовича. На этомъ основаніи архитекторъ являлся впослѣдствіи съ претензіями. Затанувъ злобу противъ меня за вовлеченіе его въ невыгодную сдѣлку, де-Векки не оставлялъ меня въ покоѣ, когда я переѣхалъ въ Одессу. У меня сохранилось

его полуграмотное посланіе, въ которомъ онъ угрожалъ мнѣ разномъ въ «Судебной Газетѣ», буде я не прекращу печатанія въ редактировавшейся мною газетѣ свѣдѣній о назначенныхъ въ сенатѣ дѣлахъ, ибо многіе подписывались на его газету исключительно ради этихъ свѣдѣній.

Но и свѣдѣнія о сенатскихъ дѣлахъ не спасли де-Векки и его газеты отъ краха...

IV.

Памяти «Новостей».—Примиреніе автора «Некуда» съ либералами.—Русскій Меццофанти А. В. Старчевскій, занимающій скромную службу въ своемъ прежнемъ палаццо.—Редакторъ-труженикъ.—Объявленіе раколечителя, вмѣсто передовицы.—Изобрѣтательный редакторъ.—Старый либераль.—Штрафъ за упоминаніе «Новаго Времени».—Обходъ запрета.—Несостоявшаяся дуэль.—Газета «Печка» и ея сотрудники.

Въ 1884 году я получилъ приглашеніе участвовать въ «Новостяхъ». Это была долгое время единственная прогрессивная газета въ Петербургѣ, «единственный пріютъ для прогрессивныхъ взглядовъ»—писалъ я въ не получившемъ распространенія «Ю.-Рус. Альманахѣ».

«Голосъ» замолкъ въ 1883 г.; цѣлый рядъ изданій («Русская Правда» Д. К. Гирса, «Порядокъ» Стасюлевича, «Сѣверный Вѣстникъ» Корша, «Молва» и др.) пронеслись метеорами на газетномъ небосклонѣ. И до днесь существующія «Биржевыя Вѣдомости» С. М. Проппера въ счетъ итти не могутъ: онѣ были мало похожи тогда на одноименную газету В. А. Полетики, у котораго работали Курочкинъ, Михайловскій, Скабичевскій, Суворинъ, Станюковичъ и др. Самъ С. М. Пропперъ интересовался больше биржею, чѣмъ литературою и русскою жизнью, а его редакторъ П. С. Макаровъ, авторъ оперы «Маріонъ Дедормъ», уснащалъ газету музыкальною литературою...

О. К. Нотовичъ приобрѣлъ жалкую газетку «Новости» у нѣкоего Мордуховскаго и «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера съ довольно незавидною и подмоченною репутаціею. Шрейеръ торговалъ оптомъ и въ розницу своимъ печатнымъ товаромъ. Онъ печаталъ никѣмъ не заказывавшіяся ему банковскія и другія объявленія и требовалъ затѣмъ плату. Нотовичъ сумѣлъ превратить «Новости» въ большую газету. Онъ привлекъ къ участию въ ней лучшія силы, не только газетныя, но и журнальныя, и многихъ писателей, которые раньше избѣгали сотрудничества въ ежедневной газетѣ.

Когда умираетъ писатель, ему посвящаютъ болѣе или менѣе обстоятельный некрологъ, смотря по той роли, какую онъ игралъ въ литературѣ. Въ 1905 году «умеръ» литературный органъ, существовавшій тридцать лѣтъ, представлявшій коллективный трудъ мно-

гихъ писателей и даже нѣсколькихъ писательскихъ поколѣній. Самъ Нотовичъ капиталовъ не нажилъ, зато нажилъ процессъ, заставившій его выѣхать за границу... И до сихъ поръ никто не счелъ нужнымъ посвятить хотя бы небольшой «некрологъ» газетѣ, — которая, какъ ни какъ, все же дѣлала культурное дѣло, — если не считать замѣтки пишущаго эти строки въ одномъ изданіи.

Не совѣтъ неправъ былъ профессоръ В. И. Модестовъ, когда онъ на десятилѣтнемъ юбилеѣ «Новостей» въ 1886 году сказалъ:

— Если бы не было «Новостей», это была бы для русскаго общества потеря, оцѣнить которую я не въ силахъ...

«Новости» выдѣлялись среди другихъ газетъ хорошо поставленнымъ отдѣломъ фельетоновъ. Каждый день имѣлъ своего именитаго фельетониста, у котораго были и свои читатели и почитатели. По воскреснымъ днямъ помѣщались фельетоны Коломенскаго Кандидата (В. О. Михневича), рѣдкаго знатока петербургской жизни, основательно изучившаго всѣ «язвы Петербурга» (заглавіе одной изъ многочисленныхъ книгъ Михневича). Бесѣды его не отличались фельетонною легкостью, можетъ быть, влѣдствіе большой начитанности автора въ исторической литературѣ.

По понедѣльникамъ помѣщались блиставшіе всегда остроуміемъ провинціальныя фельетоны талантливаго «Буквы»-Василевскаго.

По вторникамъ—статьи профессора и публициста В. И. Модестова, пользовавшіяся особенно большимъ успѣхомъ на Васильевскомъ островѣ и на Выборгской, т.-е. въ петербургскомъ Латинскомъ кварталѣ. Въ университетѣ буквально зачитывались модестовскими фельетонами, и многіе изъ нихъ наклеивались въ шинельной на стѣнѣ.

По средамъ помѣщались разказы или оригинальныя по содержанию и формѣ общественныя фельетоны П. Д. Боборыкина.

По четвергамъ—критическіе очерки сначала В. В. Чуйко, а затѣмъ А. М. Скабичевскаго. Пятница предоставлялась поочередно В. И. Немировичу-Данченку, П. И. Вейнбергу, Д. Л. Мордовцеву, Л. Рускину и др.

По субботамъ, по старому газетному обычаю, помѣщались письма изъ Москвы А. П. Лукина, которому помогали иногда Вл. И. Немировичъ-Данченко.

Участвовали въ «Новостяхъ» А. А. Головачевъ, профессоръ А. А. Исаевъ, Д. Л. Мордовцевъ, В. Н. Майковъ, В. В. Стасовъ, М. К. Цебрикова, П. И. Вейнбергъ, А. С. Трачевскій, Н. С. Лѣсковъ, В. О. Португаловъ, М. Л. Песковскій и многіе другіе.

Привлеченіемъ Лѣскова къ участию въ либеральномъ органѣ Нотовичъ содѣйствовалъ примиренію автора «Некуда» съ прогрессивною частью русскаго общества.

Извѣстно, что этотъ злополучный романъ Стебницкаго, гдѣ было выведено въ непривлекательномъ свѣтѣ молодое поколѣ-

ніе, создалъ Лѣскову массу враговъ, онъ былъ отлученъ отъ либерализма. Способствовало такому отлученію извѣстное заявленіе Лѣскова относительно поджоговъ въ Апраксиномъ рынкѣ. Покойный Д. И. Писаревъ высказалъ тогда увѣренность, что, кромѣ «Русскаго Вѣстника», не найдется органа въ Россіи, который осмѣлится печатать произведенія Лѣскова.

Со времени появленія инкриминированныхъ Лѣскову-Стебницкому произведеній давно прошла «земская давность», и Нотовичъ дерзнулъ обратиться къ автору «Соборянъ» съ предложеніемъ помѣщать въ его газетѣ свои очерки изъ быта духовенства, который онъ такъ основательно зналъ. Въ «Новостяхъ» и начали печататься «Мелочи архіерейской жизни» Лѣскова, которыя производили фуроръ.

Впослѣдствіи Лѣсковъ сталъ печататься во многихъ либеральныхъ изданіяхъ, между прочимъ, въ «Русской Мысли». Если либеральные органы печати переложили гнѣвъ на милость по отношенію къ Лѣскову, то это всецѣло заслуга Нотовича. Извѣстно, что къ Нотовичу очень несправедливы, и его заслуги отрицаются, несмотря на созданную имъ нѣкогда распространенную газету.

Работая немало въ теченіе дня, заказывая статьи сотрудникамъ и избобрѣтая темы, идеи, а иногда давая сотрудникамъ готовые схемы, Нотовичъ не могъ, разумѣется, обходиться безъ помощниковъ. У него былъ ночной редакторъ, въ лицѣ Маѳусанла русской журналистики и русскаго Меццофанти А. В. Старчевскаго, редактировавшаго въ пятидесятыхъ годахъ газету «Сынъ Отечества», преобразованную имъ въ дешевое изданіе, доставлявшее ему значительные доходы.

Редакція «Новостей», гдѣ Старчевскій занималъ скромное амплуа, помѣщалась въ нѣкогда роскошномъ палаццо Монферана, строителя Исаакіевского собора. Палаццо принадлежало когда-то Старчевскому, и онъ жилъ въ немъ въ большой роскоши, чето по-царски, ѣлъ на севрекомъ фарфорѣ Людовика XV и спалъ на кровати Маріи-Антуанетты.

Обходя со мной не разъ амфиладу комнатъ редакціоннаго помѣщенія и квартиры Нотовича, Старчевскій, не безъ чувства грусти, вспоминалъ о своемъ быломъ величій.

Маѳусанловъ возрастъ Старчевскаго, съ одной стороны, и требовательность Нотовича къ замѣнявшему его по вечерамъ—съ другой, заставили перваго обращаться къ помощи своего сына, человѣка совершенно не литературнаго, а Нотовича—искать замѣстителя. Черезъ недѣлю послѣ приглашенія меня для исправленія рукописей мнѣ предложено было выпускать газету. Самъ Нотовичъ просматривалъ болѣе отвѣтственныя въ цензурномъ отношеніи статьи.

Нотовичъ не былъ редакторомъ-издателемъ бѣлоручкой; онъ не мечталъ объ извлеченіи «интересной прибыли»: послѣ краха «Новостей» у него остались одни долги. Коммерческо-издательской сноровки у Нотовича не было, но, какъ редакторъ, онъ былъ очень предпримчивъ и изобрѣтателенъ.

Когда возникали политическія осложненія, «Новости» умудрились одновременно съ «Правительственнымъ Вѣстникомъ» помѣщать правительственныя сообщенія, контрабандно доставлявшіяся Нотовичу, къ огорченію другихъ газетъ.

Нотовичъ много лѣтъ подъ рядъ не покидалъ редакторскаго стола. Даже лѣтомъ онъ не выѣзжалъ изъ Петербурга.

— Отчего вы никуда не ѣздите?—спросили его однажды.

— Пробовать было я уѣхать въ отпускъ,—и замѣнявшій меня М. закатилъ въ номеръ объявленіе какого-то раколичителя майора Рыка, въ видѣ передовицы. Съ тѣхъ поръ я далъ клятву не отлучаться болѣе.

Въ мое время Нотовичъ, впрочемъ, сталъ частенько уѣзжать за границу, откуда однажды вернулся большимъ патріотомъ, ругая все заморское. Правились ему только нѣкоторыя бойкія французскія газеты, которымъ онъ рекомендовалъ сотрудникамъ подражать...

Нотовичъ былъ гораздъ на всякія выдумки въ области газетной техники. Онъ первый завелъ рубрику «Дневникъ», гдѣ для удобства читателей давались краткія резюме содержанія газеты. Для вѣщаго же удобства онъ однажды выдумалъ такой способъ верстки газеты, при которомъ каждая страница начиналась какой-нибудь рубрикой. Не укладывавшіяся статьи немилосердно сокращались, и мнѣ, грѣшному человѣку, пришлось, скрѣпя сердце, учинить кощунство и урѣзать рѣчь знаменитаго Ренана въ Академіи наукъ.

Однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ «Новостей» въ 80-хъ годахъ былъ Г. К. Градовскій. Его перу принадлежали всѣ боевыя статьи. Нотовичъ не безъ опаски печаталъ его. Ему постоянно мерещились предостереженія. Мнѣніе о Градовскомъ, какъ о неукротимомъ либералѣ, сложилось еще со временъ покойнаго «Голоса» и издававшагося имъ «Русскаго Обзорѣнія». Чуть ли не еженедѣльно «Русское Обзорѣніе» подвергалось какой-нибудь карѣ, приостанавливалось и затѣмъ снова возрождалось.

Ярый либерализмъ Градовскаго и его борьба съ бюрократами тѣмъ болѣе достойны замѣчанія, что онъ когда-то самъ былъ бюрократомъ: Г. К. состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при кievскомъ генералъ-губернаторѣ Безакѣ, писалъ въ «Кіевлянинѣ», съ редакторами котораго Шульгинымъ, а затѣмъ Пихно, находился въ близкихъ родственныхъ отношеніяхъ; онъ подвизался и въ «Гражданинѣ», гдѣ издатель князь Мещерскій ставилъ «точку» къ реформамъ. Внослѣдствіи Градовскій сдѣлался самымъ восторженнымъ почитателемъ этихъ самыхъ реформъ.

Статьи Г. К. Градовскаго, отличавшіяся литературнымъ стилемъ и блестящимъ порою изложеніемъ, подвергались нерѣдко Нотовичемъ весьма существеннымъ измѣненіямъ по цензурнымъ соображеніямъ или въ виду ихъ полемическаго характера.

Между «Новостями» и «Новымъ Временемъ» въ ту эпоху, о которой я говорилъ, велась жестокая полемика, къ участию въ которой первыя привлекли однажды и добровольцевъ изъ среды читателей. Доставалось немало Нотовичу, причемъ, главнымъ образомъ, ставилось ему на видъ его происхожденіе.

Изъ всѣхъ сотрудниковъ «Новостей» Градовскій былъ самымъ непримиримымъ врагомъ сотрудниковъ «Новаго Времени». Не имѣя возможности излить свое нерасположеніе къ послѣднимъ на столбцахъ газеты, Градовскій походя ругалъ ихъ въ редакціи. Онъ это дѣлалъ такъ часто, что Нотовичъ прибилъ къ стѣнѣ редакціонной комнаты жестяную кружку съ печатною надписью: «за упоминаніе газеты «Новое Время» и ея сотрудниковъ виновный вноситъ 20 коп. въ пользу нуждающихся труженниковъ печати». Градовскій нѣкоторое время исправно вносилъ контрибуцію, затѣмъ сталъ обходить запретъ, прибѣгая къ иносказательнымъ выраженіямъ.

Однажды Градовскій вознегодовалъ на одного изъ сотрудниковъ «Новаго Времени»—Петербуржца (Лялина)—за какую-то замѣтку противъ него и вызвалъ его на дуэль, окончившуюся смѣхотворнымъ объясненіемъ между секундантами въ одной кондитерской.

Ничѣмъ не окончилась и дуэль между В. О. Михневичемъ и В. П. Буренинымъ, объявившимъ себя противникомъ дуэли.

Не сочувствовалъ дуэлямъ между писателями и А. С. Суворинъ.

— Пусть на полемику отвѣчаютъ полемикою и ругаютъ насъ, сколько душѣ угодно!—отвѣтилъ А. С. на вызовъ того же Михневича:—но дуэль не писательское дѣло: она окончательно стѣснила бы свободу мнѣній и сужденій...

Сотрудники «Новостей» въ минуты хорошаго расположенія духа писали другъ на друга злыя эпиграммы и изображали одинъ другого въ карикатурномъ видѣ. Чтобы спасти эти произведенія отъ полнаго забвенія, ихъ стали наклеивать на редакціонной печкѣ, на карнизѣ которой красовалась надпись: «Печка»—газета откровенная, «теплая» и т. д. Никому не было пощады, даже корректорамъ: особенно курьезныя опечатки наклеивались на печкѣ.

Сотрудничали въ «Печкѣ» своими произведеніями редакторъ «Новостей», В. И. Немировичъ-Данченко, В. Н. Майновъ, В. О. Михневичъ, И. О. Василевскій, Г. К. Градовскій, В. Л. Ранцовъ и другія.

Просматривая «Печку», Нотовичъ не разъ въ шутку замѣчалъ, что иные его сотрудники пишутъ остроумнѣе на ней, чѣмъ въ газетѣ,

а потому ихъ произведенія для газеты можно бросать въ печь, а написанное для «Печки» съ удобствомъ могло бы быть напечатано на столбцахъ «Новостей».

Популярному профессору-лектору Оресту Миллеру, отличавшемуся большою отзывчивостью, одинъ изъ редакціонныхъ поэтовъ посвятилъ слѣдующее стихотвореніе:

Заговорили о Надсонѣ,
Орестъ надсонить во весь духъ.
Вспомнили о Байронѣ,
Орестъ байронить ужъ за двухъ.
Вотъ въ моду стальъ входитъ Лопецъ.
Орестъ, ну, лопни жъ—наконецъ!..

О. К. Нотоѳичу и пишущему эти строки посвящено было язвительное стихотвореніе, которое я привожу въ извлеченіи:

О Фебъ и девять музъ. Скажите, какъ безъ срама,
Редактора «Печи» воспѣтъ мнѣ Абрама,
По отцу Евгеніевичъ. Вѣдь, онъ
Надъ печью по заслугамъ вознесенъ.
На лбу лишь недостаетъ у него прибавки:
Надъ самымъ носомъ—бородавки,
Дабы пороть онъ могъ свою дичь.
Какъ самъ вельможный маркизъ О'Квичъ...

Разумѣется, никто не обижался на злыя эпиграммы, какъ не обидѣлся и тотъ сотрудникъ газеты, къ которому редакціонный поэтъ обратился со слѣдующимъ четверостишіемъ:

Въ садахъ російской нашей прозы
Ты рубишь терніи и розы,
И останется въ нихъ тогда—
Одна сплошная ерунда.

Щадя здравствующихъ сотрудниковъ и память покойныхъ, я другихъ «печныхъ» эпиграммъ приводить не стану.

V.

Либераль въ опалѣ у либераловъ.—В. И. Модестовъ на столбцахъ реакціонной газеты.—Профессорскій дебютъ Модестова.—Погибшіе и заболѣвшіе профессора—жертвы одесскаго климата.—Побѣда надъ нѣмецкимъ ученымъ, покровительствуемымъ генераль-губернаторомъ.—Врагъ корректоровъ и петербургскихъ ванекъ.—Приглашеніе въ редакцію при посредствѣ печатки въ статьѣ.—Редакціонный Бисмаркъ.—Канцлеръ бисмаркофобъ и его дипломатическія ноты.—Творецъ франко-русскаго альянса.—Политическій астрономъ.—Издатели въ кабалѣ у сотрудника.

Статьи В. И. Модестова, какъ я уже говорилъ, пользовались успѣхомъ среди интеллигентной молодежи. Этому способствовали, кромѣ содержанія статей и прошлаго автора, его борьба съ нѣкоторыми школьными аномаліями добраго, стараго времени, его сомнѣ-

нія въ спасительности классицизма, за которыя В. И. заплатился кафедрой.

Либераль чистѣйшей воды, В. И. Модестовъ навлекъ на себя неудовольствіе своихъ единомышленниковъ послѣ напечатанія имъ въ «Нови» своихъ личныхъ воспомнаній о Н. А. Добролюбовѣ, въ которыхъ не совсѣмъ основательно усмотрѣли отрицательное отношеніе къ знаменитому критику.

Переселившись въ Одессу, гдѣ онъ занялъ кафедру въ университетѣ, Модестовъ принималъ участіе въ либеральномъ «Одесскомъ Листкѣ», а въ одно прекрасное утро объявился на столбцахъ реакціоннѣйшаго «Новороссійскаго Телеграфа». Въ возникшей по этому поводу перепискѣ между нами Модестовъ оправдывался тѣмъ, что не разбирается въ направленіяхъ одесскихъ газетъ.

Недолго пробылъ Модестовъ въ Одессѣ, которую почему-то, по его словамъ, сильно не долюбилъ, хотя тамъ началъ свою профессорскую дѣятельность, когда прежній Ришельевскій лицей былъ преобразованъ въ 1865 г. въ новороссійскій университетъ.

Разсказывая мнѣ любопытныя подробности, относящіяся ко времени открытія университета, Модестовъ передавалъ, что одесскій климатъ съ его вѣтрами такъ подѣйствовалъ на профессоровъ-сѣверянъ, что одни изъ нихъ заболѣли острыми формами первыхъ болѣзней, а другіе обрѣли вѣчный покой въ нѣдрахъ одесской почвы.

Въ университетѣ юный приватъ-доцентъ Модестовъ дебютировалъ съ успѣхомъ на диспутѣ разгромомъ одобренной юридическимъ факультетомъ магистерской диссертациі какого-то quasi-ученаго иѣнца, которому покровительствовалъ мѣстный генераль-губернаторъ Коцебу.

Модестовъ съ рѣдкой добросовѣстностью относился къ своимъ газетнымъ статьямъ, какъ и къ самой крохотной библиографической замѣткѣ. Малѣйшая опечатка приводила его въ полное отчаяніе. Онъ никакъ не могъ помириться съ тѣмъ, что другіе сотрудники въ подобныхъ случаяхъ отдѣлывались злыми шутками по адресу корректоровъ или редактора.

Независть Модестова къ корректорамъ раздѣлялъ одинъ П. И. Вейнбергъ.

— Я, вообще, люблю людей,—заявлялъ П. И.:—по ненавижу петербургскихъ «ванекъ» и корректоровъ.

При этомъ Вейнбергъ любилъ вспоминать фразу Некрасова, что опечатка въ стихотвореніи—это клопъ на безукоризненно-чистой манишкѣ рубахи.

Изъ за этихъ-то «клоповъ» Модестовъ часто устраивалъ въ редакціи цѣлыя сцены.

Помню, ночью во время просмотра редакторскихъ отписковъ Нотовичъ заявилъ, что ему надо бы повидать рано утромъ Моде-

стова по весьма важному дѣлу и что придется написать ему, чтобы онъ пріѣхалъ.

— Модестовъ живетъ не близко, на Гончарной,—замѣтилъ я:— и всего проще сдѣлать маленькую опечатку въ завтрашнемъ фельетонѣ, и В. И. безпремѣнно явится для распекаціи.

Насчетъ опечатки постарались корректора, и на слѣдующее утро Модестовъ былъ тутъ, какъ тутъ.

Статьи Модестова, помѣщавшіяся въ «Новостяхъ», вошли въ двѣ объемистыя книги, озаглавленныя «О Германіи» и «О Франціи». Въ статьяхъ своихъ Модестовъ касался и политическихъ темъ.

Писалъ о политикѣ въ «Новостяхъ» Р. И. Сементковскій, впоследствии редакторъ «Нивы» и сотрудникъ «Историческаго Вѣстника». Это одинъ изъ образованнѣйшихъ нашихъ публицистовъ. Его передовыя статьи—это были настоящія дипломатическія ноты. О князѣ Бисмаркѣ Сементковскій говорилъ всегда со скрежетомъ зубнымъ. Посѣщая редакцію въ тѣ часы, когда бывалъ Сементковскій, можно было думать, что находишься въ какой-нибудь дипломатической канцеляріи и что Р. И. взаправду руководитъ внѣшней политикой державы, не принадлежащей къ тройственному союзу.

Много было у насъ претендентовъ на роль устроителей франко-русскаго альянса. Еще недавно эту заслугу приписывалъ себѣ даже увеселительныхъ дѣлъ мастеръ Рауль Гюнсбургъ, получившій будто награду за это отъ императора Александра III.

Но несомнѣнно, что задолго до франко-русскаго союза Р. И. Сементковскій проповѣдывалъ сближеніе съ Франціей. Это можно видѣть и изъ книги его «Въ ожиданіи лучшаго», составленной изъ передовицъ въ «Новостяхъ». За свое усердіе въ дѣлѣ франко-русскаго сближенія Сементковскій ордена не получилъ, но онымъ былъ награжденъ Нотовичъ: послѣ интервью съ французскимъ журналистомъ въ бытность его въ Парижѣ редакторъ «Новостей» получилъ орденъ Почетнаго Легіона.

Въ «Новостяхъ» помѣщалъ одно время бѣглыя обзорѣнія политическихъ «злѣбъ дня» Р. Ѡ. Ильинъ, фельетонистъ нѣмецкаго «Herold», гдѣ печатался подъ псевдонимомъ «Фланеръ».

Насколько фельетоны Фланера, создавшіе ему популярность среди петербургскихъ нѣмцевъ, были интересны, настолько жидковаты и малоинтересны были его политическія замѣтки. Составитель ихъ былъ большой пессимистъ, и ему всегда мерещились зловѣщія черныя тучки или точки на политическомъ горизонтѣ. По крайней мѣрѣ безъ этихъ «тучекъ» и «точекъ» не обходилось ни одно обзорѣніе редакціоннаго астронома. Впрочемъ, надо сказать, что въ то время политическій горизонтъ и не отличался особенною ясностью.

Благодаря «чернымъ точкамъ», Ильинъ скопилъ капиталецъ и часто выручалъ изъ затруднительнаго положенія своихъ издателей,

сужая ихъ деньгами. Ссуды эти еще болѣе упрочивали положеніе въ редакціи писателя-заимодавца.

Разсказывали, будто издатель большой петербургской газеты К—въ очень тяготился сотрудничествомъ Ильиша, но, находясь у него въ неоплатномъ долгу, долженъ былъ поневолѣ пользоваться его услугами.

Политическія статьи помѣщались иногда въ «Новостяхъ» и Нотовичъ. Вообще, «политиковъ» въ редакціи было—хоть отбавляй. Цѣлая дипломатическая канцелярія!

Политическіе вопросы доминировали, какъ въ виду ихъ «злободневности» въ ту эпоху, къ которой относятся мои воспоминанія—эпоху всякихъ болгарскихъ, сербскихъ, армянскихъ и вообще восточныхъ осложненій, такъ и потому, что объ этихъ вопросахъ можно было высказываться смѣло и рѣшительно, объявлять войну, заключать миръ, международные союзы и конвенціи,—разумѣется, только на газетныхъ столбцахъ.

VI.

Два фельетониста.—Баловень судьбы.—Знатокъ «язвъ Петербурга».—Потошленіе героевъ разсказа въ водахъ Фонтанки.—Статьи наложеннымъ платежомъ.—Неудобное «однофамилство».—Смѣна критиковъ.—Фругъ и... Байронъ.—Исповѣдь В. В. Чуйко.—П. Д. Боборыкинъ и декаденты.—Вас. И. Немировичъ-Данченко, побивающій рекорды по части быстрописанія.—М. Л. Песковскій и споръ объ авторствѣ книги.

Единственнымъ профаномъ въ вопросахъ политики былъ В. О. Михневичъ. Онъ писалъ воскресныя бесѣды, разсказы и драматическія рецензіи, составлялъ обзорѣнія газетъ, историческихъ журналовъ и очерки провинціальной жизни,—последнія для второго дешеваго изданія.

Въ первомъ изданіи вель провинціальныхъ обзорѣнія И. Θ. Василевскій-Буква, съ которымъ едва ли кто могъ соперничать по части знакомства съ провинціею и провинціальными дѣлами и дѣлишками. Буква досконально зналъ всю подноготную російскихъ глуповцевъ и даже такихъ медвѣжьихъ угловъ, куда никогда не заглядывалъ. И если бы вы его разбудили со сна, то онъ разсказалъ бы вамъ, чѣмъ живетъ и дышитъ въ каждую данную минуту русская провинція. И провинція хорошо знала «Букву» и зѣло его побаивалась.

Въ частной жизни Василевскій—милый и благовоспитанный человѣкъ, истый «русскій европеецъ». Знаетъ «Букву» провинція и по «Стрекозѣ», которую онъ долго редактировалъ.

Среди газетныхъ писателей И. Θ. Василевскій является «баловнемъ» судьбы въ полномъ смыслѣ этого слова. То же можно было бы сказать и объ его покойномъ другѣ В. О. Михневичѣ, если бы не

матеріальныя невзгоды въ молодости и преждевременная смерть на 51-мъ году жизни.

В. О. Михневичъ оставилъ, какъ извѣстно, свыше 100.000 руб. на литературный инвалидный домъ и завѣщалъ свои многочисленныя сочиненія кассѣ взаимопомощи литераторовъ. Вотъ человекъ, который, во-истину, былъ самъ «кузнецомъ своего счастья».

Михневичъ учился въ молодости въ гимназіи и, какъ многіе русскіе писатели, курса не кончилъ, служилъ въ какомъ-то мебельномъ магазинѣ, былъ лекторомъ у частнаго лица. Какъ онъ рассказывалъ въ печатавшихся въ «Жизни и Искусствѣ» воспоминаніяхъ, онъ часто знавалъ нужду.

Попавъ въ Петербургъ, Михневичъ сталъ пописывать въ юмористическихъ изданіяхъ, но въ то же время работалъ надъ своимъ самообразованіемъ. Любимыми предметами его изученія были прошлое высшаго русскаго общества въ XVI—XVII вѣкахъ и въ частности—прошлое Петербурга, о которомъ онъ могъ бы написать самую обстоятельную исторію, если бы дожилъ до двухсотлѣтія столицы. Прилежное изученіе исторіи отразилось даже на слогѣ В. О.—немного «понамарскомъ».

Беллетристическіе очерки Михневича не блещутъ яркимъ художественнымъ талантомъ, глубиною психологическаго анализа, но они обличаютъ живую наблюдательность бытописателя. Даже когда Михневичъ не копировалъ дѣйствительности, иные узнавали себя въ его произведеніяхъ.

Какой-то купецъ явился однажды къ Михневичу съ претензіями, что онъ вставилъ его и его присныхъ въ свой рассказъ. Даже фамилія купца оказалась случайно схожей съ фамиліей героя рассказа. Какъ авторъ ни увѣрялъ, что фабула рассказа самодѣльная, купецъ не хотѣлъ этому вѣрить, и Михневичъ долженъ былъ обѣщать поправить какъ-нибудь дѣло, ограничившись одной заключительной главой.

— Что же вы сдѣлаете, чтобы удовлетворить мнимо обиженнаго?—спросилъ я.

— Возьму да отправлю всѣхъ героевъ кататься въ лодкѣ по Фонтанкѣ и утоплю ихъ тамъ,—отвѣтилъ Михневичъ.

Привелъ ли онъ въ исполненіе свое преступное намѣреніе,—сказать не могу.

Въ рассказѣ Михневича о всеильномъ генералѣ, предъ которымъ все трепещетъ, но который безсиленъ противъ садящихся на его лысину комаровъ, усмотрѣна была аллегорія, и по этому поводу пришлось вступать въ объясненія непріятнаго свойства...

Все имъ написанное, кромѣ театральныхъ рецензій, Михневичъ выпускалъ отдѣльными книгами, дававшими ему хорошій доходъ. Въ «Новостяхъ» онъ велъ юмористическій «Словарь досто-славныхъ россиянь», вышедшій потомъ подъ заглавіемъ «Наши зна-

комые». Въ этотъ сборникъ вошли свыше 1000 бѣглыхъ характеристикъ разныхъ дѣятелей, и это одно обезпечило сбытъ книги.

Работая въ одномъ провинціальномъ изданіи, по моему приглашенію, Михневичъ посылалъ свои статьи «наложеннымъ платежомъ», оправдывая свое недовѣріе неаккуратностью иныхъ издателей въ уплатѣ гонорара.

Свои сбереженія Михневичъ помѣстилъ въ акціяхъ какой-то Кавказской желѣзной дороги, которыя потомъ продалъ съ большою для себя выгодой. Кто-то даже въ шутку назвалъ его тогда «желѣзнодорожникомъ» и спросилъ, не онъ ли управляетъ желѣзнодорожнымъ департаментомъ, намекая на его однофамильца, виднаго чиновника министерства путей сообщенія. Это «однофамильство» было однажды причиною забавнаго *qui pro quo*.

— Является однажды ко мнѣ,—разсказывалъ В. О. Михневичъ,— господинъ въ желѣзнодорожной формѣ и бросается мнѣ на шею. Я недоумѣваю.

— Неужели ты не узнаешь меня, Володя, вѣдь мы съ тобою на одной школьной скамьѣ сидѣли? Помнишь?

— Очень радъ свидѣться. Чѣмъ могу служить?

— Объ этомъ потомъ, а пока давай, тряхнемъ стариною.

— И быршій школьный товарищъ сталъ меня убѣждать,— передавалъ Михневичъ,—поѣхать съ нимъ къ Дону обѣдать, сулилъ подарокъ, въ видѣ рѣдкой картины, на память о старой дружбѣ и въ разговорѣ часто упоминалъ о какихъ-то обидахъ по службѣ. Я сталъ догадываться, что мой бывшій коллега ошибся дверью.

— Чѣмъ же я-то могу помочь?

— Какъ чѣмъ? Одного твоего слова достаточно, чтобы мое положеніе измѣнилось...

— Мое слово, слово рядового писателя...

И Михневичъ убѣдилъ своего товарища, что онъ не тотъ, за кого его принимаютъ...

— Едва ли,—шутилъ Михневичъ,—кто-либо приписываетъ моему желѣзнодорожному однофамильцу мои сочиненія, а онъ мнѣ, между тѣмъ, причиняетъ—таки иногда маленькія огорченія...

Журнальныя обзорѣнія и критику велъ въ «Новостяхъ» сначала В. В. Чуйко, котораго затѣмъ смѣнилъ А. М. Скабичевскій. Въ этой перемѣнѣ критиковъ я невольно сыгралъ маленькую роль.

Чуйко помѣщалъ критическіе очерки, посвященные разбору молодыхъ—нынѣ уже старыхъ—поэтовъ, изъ коихъ многіе не имѣли еще даже сборниковъ своихъ стихотвореній. Этими молодыми поэтами были тогда Андреевскій, Минскій, Мережковскій, Фругъ и другія. По просьбѣ Чуйко, я доставалъ для него у знакомыхъ авторовъ ихъ разбросанныя въ разныхъ изданіяхъ стихотворныя произведе-

денія. Досталъ для него и стихотворенія Фруга ¹⁾, котораго я лично хорошо зналъ.

Велико было мое удивленіе, когда Чуйко прислалъ фельетонъ о Фругѣ, гдѣ характеризовалъ его, какъ поэта независимаго, подражателя Байрона, котораго онъ-де копируетъ—не по имѣющимся переводамъ, а прямо такъ-таки по англійскому тексту. Это сходство съ Байрономъ, котораго Фругъ штудировалъ будто въ англійскомъ подлинникѣ, иллюстрировалось параллельными цитатами на англійскомъ и русскомъ языкахъ.

Какъ ни лестно было для Фруга знакомство съ великимъ поэтомъ въ подлинникѣ, но это была напраслина, ибо Фругъ, какъ мнѣ было доподлинно извѣстно, никакихъ иностранныхъ языковъ, ниже англійскаго, тогда не зналъ. Сынъ землевладѣльца-колониста, начинающій поэтъ Фругъ учился на мѣдныя деньги въ первоначальной школѣ и лишь впоследствии изучалъ иностранные языки.

Характеристика Фруга въ критической статьѣ Чуйко могла вызвать улыбку на устахъ у каждаго, знавшаго поэта, и я обратилъ вниманіе Потовича на ошибку, въ которую впалъ Чуйко. Потовичъ усмотрѣлъ было въ этомъ излишнее увлеченіе съ моей стороны талантомъ молодого поэта, но все же считъ нужнымъ объяснить съ Чуйко. Каковы были объясненія—я не знаю, но «Новости» остались безъ критика ²⁾. Потовичъ былъ огорченъ этимъ фактомъ, но я напомнилъ ему объ А. М. Скабичевскомъ который помѣщалъ тогда изрѣдка въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» критическія замѣтки о «новыхъ книгахъ». И Скабичевскій статья помѣщать и въ «Новостяхъ» свои журнальныя обзрѣнія.

Читателю, болѣе или менѣе знакомому съ литературною дѣятельностью В. В. Чуйко, должно было казаться, разумѣется, страннымъ одновременное участіе его въ «Новостяхъ», въ юдофильскомъ «Русскомъ Евреѣ», а затѣмъ въ «Правительственномъ Вѣстникѣ» и въ «Наблюдателѣ» А. П. Пятковского, который чуть ли не въ каждой книжкѣ своего журнала, какъ равно и въ «Гласности», проповѣдывалъ крестовые походы противъ евреевъ.

И вотъ что В. В. Чуйко писалъ мнѣ по этому поводу:

«Я вполне раздѣляю ваше мнѣніе о статьяхъ по внутреннимъ вопросамъ, помѣщенныхъ въ «Наблюдателѣ». Этихъ взглядовъ я ни въ какомъ случаѣ не раздѣляю и когда пишу въ «Наблюдателѣ», то только за подписью всей моей фамиліи, желая этимъ показать, что я не солидаренъ съ журналомъ по другимъ вопросамъ, тѣмъ

¹⁾ Кстати отмѣчу, что первое изданіе стихотвореній С. Г. Фруга было отредактировано В. П. Буренинымъ, который вначалѣ относился весьма благожелательно къ молодому поэту, а впоследствии не разъ дѣлалъ его мишенью для своихъ критическихъ стрѣлъ.

²⁾ Фельетонъ Чуйко о Фругѣ въ нѣсколько смягченномъ видѣ былъ помѣщенъ въ изданной имъ книгѣ о молодыхъ поэтахъ.

болѣе, что я не принадлежу къ составу редакціи этого журнала. Мнѣ кажется, что отъ меня, какъ отъ писателя, большаго и требовать нельзя. Признаюсь вамъ, литературные кружки и кружковщину я ненавижу и никогда не принадлежалъ ни къ одному кружку, какъ бы почтенень и симпатичень этотъ кружокъ ни казался. Въ литературѣ я понимаю только полную, безусловно самостоятельную индивидуальность писателя; только при этихъ условіяхъ онъ можетъ быть искренень и правдивъ; всякія цѣли, накладываемыя на писателя кружкомъ, только обезсиливаютъ его. Этихъ мнѣній я всегда держался и всегда, сообразно съ ними, поступалъ; я писалъ въ журналахъ и газетахъ разныхъ направленій, не стѣняясь тѣмъ, qu'en dira t'on; смѣю надѣяться, что, несмотря на это, несмотря на то, что въ нашей журналистикѣ кружковщина сильно развита, я, какъ кажется, не потерялъ званія порядочнаго человѣка. Моя отрасль не политика, а критика, которая можетъ и должна быть самостоятельна отъ всякой политики.

«Тѣмъ не менѣе, такъ какъ «Наблюдатель», на мой взглядъ, плохо ведется, то я бы съ удовольствіемъ перешелъ въ другой журналъ, болѣе мнѣ симпатичный, но вамъ очень хорошо извѣстно, что это не такъ легко. Существуютъ извѣстныя отношенія, которыя образуются сами собой съ теченіемъ времени и которыхъ забывать невозможно. Съ этими отношеніями связаны извѣстныя условія, которыя точно также не отъ меня зависятъ. Все это не мѣшаетъ мнѣ работать самостоятельно и постоянно въ другихъ журналахъ».

Въ этомъ смыслѣ высказался Чуйко въ письмѣ ко мнѣ и при другой ocasiіи, когда ему стало извѣстно объ уходѣ изъ газеты, въ которой онъ участвовалъ, группы сотрудниковъ изъ-за приглашенія скомпрометтированнаго въ некрасивыхъ дѣлахъ писателя.

Скабичевскій поработалъ нѣсколько лѣтъ въ «Новостяхъ» и ушелъ. Раньше его ушли Модестовъ, Боборыкинъ, Немировичъ-Данченко и другіе «наболшіе», которыхъ замѣнила литературная молодежь. Старики находили періодъ 1883 по 1890 годъ лучшимъ періодомъ въ исторіи «Новостей», періодомъ «литературнаго расцвѣта».

«Старики» и теперь еще бодры и обогащаютъ родную литературу все новыми и новыми произведеніями.

Неутомимый П. Д. Боборыкинъ печатается одновременно въ нѣсколькихъ изданіяхъ и пишетъ пьесы, въ которыхъ, какъ и въ своихъ романахъ, улавливаетъ модныя теченія, знакомитъ съ «новыми людьми» и съ современною «накипью».

Задолго до написанія Боборыкинымъ пьесы «Накипь», въ которой онъ вывелъ «декадентовъ», онъ уже интересовался новѣйшими теченіями въ русской жизни. Сужу объ этомъ потому, что за нѣсколько лѣтъ до появленія пьесы П. Д., съ которымъ я встрѣтился по пріѣздѣ изъ Одессы въ Петербургъ, онъ забросалъ меня вопросами, имѣются ли въ провинціи «декаденты» и что мнѣ извѣстно о нихъ? Мои отвѣты едва ли удовлетворили П. Д., ибо я могъ сказать только,

что въ провинціи хотя и нѣтъ недостатка въ представителяхъ декаданса, по «декадентовъ» я въ то время что-то не встрѣчалъ.

Боборыкинъ не часто бывалъ въ редакціи «Новостей», ибо онъ все больше странствовалъ по заграницамъ, но когда пріѣзжалъ, то вносилъ большое оживленіе въ редакцію своею бесѣдою или, вѣрнѣе, «монологами».

— Боборыкина можно только слушать, такъ какъ онъ забрасываетъ васъ словами и монологами...—заявилъ однажды Михневичъ.

Метеоромъ показывался на редакціонномъ горизонтѣ Вас. И. Немировичъ-Данченко и заражалъ всѣхъ своимъ бодрымъ настроеніемъ. Несмотря на его ужь почтенный возрастъ, отъ него всегда вѣяло—какъ и теперь еще—молодостью.

Немировичъ-Данченко, исколесивъ вдоль и поперекъ всю Европу, могъ одинаково писать романы изъ жизни якутовъ, самоѣдовъ, лопарей, лапландцевъ, какъ и португальцевъ, испанцевъ, корсиканцевъ и пеаполитанцевъ. И онъ писалъ съ необыкновенною легкостью и быстротою, побивая всѣ рекорды по части скорописанія. Немировичу ничего не стоило засѣсть въ редакціи и тутъ же написать съ мѣста въ карьеръ продолженіе и конецъ начатой имъ повѣсти. И при всемъ томъ писавшіяся на скорую руку произведенія поражали сочностью и яркостью красокъ, богатствомъ вымысла и картинностью и образностью слога. Такъ писался имъ на моихъ глазахъ превосходный рассказъ, дѣйствіе котораго происходило въ Крыму.

В. И. Немировичъ-Данченко беллетристъ не только въ своихъ произведеніяхъ, но и въ частной бесѣдѣ. Его устные рассказы о разныхъ его житейскихъ приключеніяхъ—художественныя произведенія, которыя при наличности стенографіи или при помощи валика фонографа можно было бы воспроизвести въ печати. Слушая его, вы вмѣстѣ съ нимъ странствуете по Соловкамъ, по Гренадѣ, Севильѣ, Кадиксу и Мадриду и упиваетесь любовнымъ дуэтомъ какого-нибудь Родриго съ донной Инезильей.

Дѣятельное участіе принималъ въ «Новостяхъ» М. Л. Песковский. Онъ самъ былъ мастеръ изобрѣтать темы для статей, и ими снабжалъ его часто Нотовичъ, дававшій ему цѣлыя схемы для будущихъ передовицъ.

Такъ какъ въ редакторскихъ оттикахъ статьи Песковского подвергались иногда значительнымъ измѣненіямъ, то Нотовичъ считалъ себя въ правѣ претендовать на ихъ авторство и даже выпустилъ подъ своею фирмою собраніе передовицъ, писавшихся по его темамъ и почти подъ его диктовку, озаглавивъ ихъ—«Основныя реформы». Покойный Песковский въ дружескихъ бесѣдахъ жаловался на умышленную у него литературную экспроприацію.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

А. Е. Науфманъ.

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ.

(Изъ человѣческихъ документовъ ¹⁾).

V.

Красный призракъ.

1.

ВОРНИКЪ, онъ же и садовникъ, Савелій больше дѣлалъ видъ, что работаетъ, прикидывался занятымъ, а, въ сущности, только умѣлъ постоянно топтаться на одномъ мѣстѣ, мелькать въ глазахъ и разговаривать. Отъ слова до дѣла у него было сто перегоновъ. Не даромъ «кто словомъ скоръ, тотъ въ дѣлѣ не споръ». Прихрамывая на лѣвую ногу, пройдетъ съ лейкой, поправитъ цвѣтокъ на клумбѣ, слегка обмететъ дорожку, вѣтку подрѣжетъ, смотришь—и слѣдъ его простылъ, стоитъ уже гдѣ-нибудь за воротами или во дворѣ около кухни, покуриваетъ трубку и балагуритъ.

Ему лѣтъ за пятьдесятъ; рыжевато-русый, довольно плотный, съ небольшими желтыми глазами, въ глубинѣ которыхъ скрывается какое-то старательно притаившееся луковство, особенно когда Савелій встрѣчается съ дѣвушкой или съ миловидной молодкой. Увидитъ и непремѣнно остановитъ. Пойдутъ тарыбары.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 840.

Лѣтомъ на дачѣ много разнаго люда перебивается. Онъ со всѣми перезнакомится, — и съ разносчикомъ, и съ лавочникомъ, съ чиновникомъ, съ прачкой, съ актеромъ, съ уличными ребятишками.

Дяденьку Савла всѣ знаютъ и относятся къ нему съ доброжелательствомъ.

Онъ живетъ въ четырехугольной, маленькой, деревянной клѣткѣ, стоящей особнякомъ посреди двора, безъ трубы и безъ печки, съ небольшимъ окномъ и узкой дверью, куда съ трудомъ пролѣзаетъ его сутуловатая, широкая фигура.

— Какъ это ты можешь, Савелій, ютиться въ такомъ сигарномъ ящикѣ? — спросилъ его какъ-то дачникъ, любившій пробуждать въ чужой душѣ чувство человѣческаго достоинства.

Губы Савелія подернулись обычной хитрой усмѣшкой и, сплюнувъ, онъ отвѣчалъ съ трубкой въ зубахъ.

— Очень благодарствую. Не извольте беспокоиться. Заграничные фасоны — не въ духѣ русскаго человѣка. Онъ простоту уважаетъ. И тараканчикъ-то ему нуженъ, и клопикъ, и бѣленькій съ черненькимъ крестикемъ. Хорошо!.. Вотъ неладно, что водка его губить. Это — точно... Баба у насъ сильно пьетъ, отсюда и несчастье, а что мы пьемъ, это — хорошо. Примѣрно, я про себя скажу... Жена у меня гулять любила и выпивала здорово, а красивая была, вальяжная... Ну, и сманили. Я съ той поры и закурилъ. Обидно стало! Ну, се, само собой, бросили потомъ. Я — хоть бы что, а она — прощающая. По дѣломъ! Приходила ко мнѣ, повинную принесла, въ погахъ валялась, да я не принялъ. Мнѣ безъ надобности. Грѣхъ одинъ съ бабой! Осиротѣлъ я... Лѣтось по дачамъ живу въ садовникахъ, зимой столярничаю, на бѣгахъ служу. Накоплю деньжатъ, дойду, значитъ, до самой до точки да и спущу все, этакъ зазвонисто, а пришелъ срокъ — опять за работу... Хорошо!..

— Зачѣмъ же ты прокучиваешь деньги? Это напрасно.

Савелій почесалъ за ухомъ, спряталъ трубку и попросилъ на широкую.

— Извѣстно — зачѣмъ. Голова ты этакая! Корноухій настраиваетъ...

— Это еще что за звѣрь такой? — удивился дачникъ, привыкшій уже къ неожиданнымъ переходамъ Савелія отъ «вы» на «ты» и къ его не всегда лестнымъ эпитетамъ.

— Домовикъ. По-нашему — дворовый, а по-вашему, значить, чортъ.

— Стыдно, братецъ, — чертей нѣтъ. Откуда ты это взялъ, старикъ? Въ углахъ рта у Савелія появляется хитрая улыбка.

— Ежели есть Богъ, стало есть и корноухій, — бѣлое и черное.

— Да ты видѣлъ его, что ли? — смѣется дачникъ во весь ротъ.

— А какъ бы и не такъ! Пофорси-ка съ нимъ! Извѣстно, видалъ. Страшно черныи, мохнатыи, громадный, съ двумя косами, какъ

у цыганъ. Онъ по конюшнямъ гривы заплетаетъ разномастными лентами, забавляется. Хорошо!.. Я его видалъ одинъ всего разъ въ деревнѣ, а въ городѣ нельзя его увидать. Въ городѣ люди хуже домовыхъ, ей-ей! Корноухій перво-наперво приглядается къ человѣку. Кто ему въ домѣ не по ндраву,—онъ обязательно того выживетъ, что ни дѣлай,—либо заморить хворобой, либо деньги переведетъ... То-то и оно!.. Корноухіе-то, знаешь ли, прежде были анделами, а когда Господь выгналъ ихъ, они сдурнились. Слыхалъ ты, голова, сказку про художника? Нѣтъ?.. Объ этомъ и въ книжкахъ писано. Сталъ онъ, знаешь ли, картину рисовать и сталъ думать, какъ бы на нее чорта списать, на холстину, значить,—смекаешь? Корноухій самъ объявился къ нему, собакой обернувшись, и говорить: «Ты не можешь самобытнаго меня увидать, иначе помрешь. Сперва укрѣпись! Я тебѣ буду показываться по частямъ. Какой ликъ мнѣ дать—это ты уже по-своему сообрази». Художникъ нарисовалъ спервоначала ногу, руку, животъ. Чортъ не былъ съ хвостомъ, какъ его другіе рисуютъ; все «страшное» было у него въ глазахъ. Хорошо!.. Чортъ остался доволенъ своимъ изображеніемъ и притащилъ гостинецъ художнику,—кольцо супротивъ невѣрности жены. Никогда нельзя вѣрить бабѣ! Она вѣрна только тогда, когда спитъ съ мужемъ. Художникъ одинъ день безъ кольца проходилъ, и жена ему измѣнила... То-то и оно!

2.

Стали ночи удлиняться. Лѣто шло къ осени.

Савелій, чуть вечерокъ,—сейчасъ либо въ чайную «Осиновая роща», либо на баржу; и то, и другое—рукой подать.

На баржѣ зимой—катокъ, а лѣтомъ она рабочимъ отдавалась подъ общежитіе.

Ея владѣлецъ, купецъ Твороговъ, ничѣмъ не гнушался, лишь бы деньгу зашибить, и зашибалъ на славу.

Старая баржа занимала всю ширину рѣчки Качалки и представляла длинный баракъ съ чердакомъ.

Тутъ имѣлось нѣсколько отдѣленій, отгороженныхъ досчатыми переборками, съ переносными печами-грѣлками и съ узкими деревянными лѣстницами, ведущими наверхъ, къ выходу.

Савелій былъ здѣсь своимъ человѣкомъ.

Придетъ, когда рабочіе соберутся, и начнетъ покуривать и балагурить. Его ищутъ дома, кричатъ, а ему и горяшка мало.

Особенно любилъ онъ распространяться объ измѣнахъ женъ.

Очевидно, примѣръ собственной подруги долго не давалъ ему покоя и подъ конецъ выработалъ изъ него философа со своеобразнымъ взглядомъ на жизнь, гдѣ главную роль играетъ, по его мнѣнію, злое начало—«корноухій»—и, какъ орудіе зла, измѣнчивая и лживая женщина.

— Да нешто завсегда жены путаются!—настойчиво, съ какой-то болѣзненной любознательностью допрашиваетъ его плотникъ Акимъ, рябой, тощей, съ жидкой бородежкой, оставившій жену въ деревнѣ.

— Э, да что тамъ! Послушай-ка, что добрые люди калякають, а можеть, и въ книжкахъ пишутъ. Поѣхалъ мужикъ съ женой на блшны къ тестю. У лѣсной опушки встрѣтили его женниъ полюбовникъ и набросился на него, чтобы убить, значить. Мужъ —давай обороняться, но ничего не подѣлаетъ, а тотъ вотъ-вотъ пожомъ полыхнетъ по горлу. Тогда завопилъ мужикъ благимъ матомъ, кричить женѣ, чтобы выручала. Жена усмѣхается, съмечки душитъ. «Я погляжу, кто кого одолѣеть», отвѣчаетъ хитрая баба. Оробѣлъ мужикъ, въ испугѣ глядитъ на собаку Жучку, точно просить чего. Та поняла, смекнула и цапъ-царапъ полюбовника за чувствительное мѣсто. Весь окровавленный упалъ полюбовникъ въ снѣгъ, а мужикъ покатилъ дальше съ Жучкой. Жену бросилъ въ наказанье. Когда прѣѣхалъ къ тестю, молчитъ о женѣ. Стали его блинами угощать. Опъ швырнулъ первый блинъ Жучкѣ, а самъ помалкиваетъ. Тестъ осерчалъ, ругается. Мужикъ и второй блинъ тоже кинулъ Жучкѣ. «Жучка для меня лучше всѣхъ на свѣтѣ, лучше родной жены»,—какъ бы съ собой говорить. Тогда всѣ встали и хотѣли его бить. Видятъ—по дорогѣ идетъ жена мужикова и плачетъ. Мужикъ тутъ не выдержалъ, все рассказалъ тестю. Тестъ ударилъ дочь и началъ учить ее уму-разуму. Весь грѣхъ отъ бабы,—остерегаться ее надоть.

Сталъ сторожъ Вукозь заправлять керосиновую лампу-чадилку, такъ какъ стемнѣло; лѣвымъ глазомъ на Савелія смотреть, правымъ измѣряетъ величину фитиля, пальцами пагаръ счищаетъ.

— А ну-ка, дяденька, еще исторію разскажите,—подбиваетъ, не безъ лукавства поемѣиваясь, молодой парень Никита, самый начитанный изъ братиц, обитающей на баржѣ.

— Отчего жъ не разсказать! Только зря къ чему зубы-то скалишь, паря?..—отстрѣливается отъ него Савелій и опять продолжаетъ ровнымъ голосомъ:—Узналъ мужикъ, что жена его путается съ полюбовникомъ Петрухой и, при случаѣ, убилъ его и закопалъ подъ кустомъ при большой дорогѣ. Десять годовъ никто не догадывался, куда полюбовникъ дѣвался,—какъ въ воду капуть. Такъ о немъ и забыли. Жена завела себѣ новыхъ ухажеровъ и не тужила вовсе о пропавшемъ. Вдетъ это какъ-то съ ней мужъ возлѣ той стороны, гдѣ онъ схоронилъ убитаго, и въ усъ себѣ поемѣивается. «Зачѣмъ смѣнешся?» спрашиваетъ баба. Извѣстно, когда приста-неть баба, особливо такая, которую любишь, сейчасъ выболтаешь все. Мужикъ и признался въ грѣхѣ, говоритъ: «Корноухій, дескать, попуталъ». Баба ластится къ нему, упоканываетъ: «А пускай его лежитъ подъ кустомъ! Мнѣ и безъ Петрухи хорошо». Прошло еще годковъ съ пятокъ. Мужикъ какъ-то напился пьянъ и ни съ того,

ни съ сего—хватъ жену по рожѣ. Та обидѣлась, выбѣжала съ ребенкомъ на улицу, вопить: «Прибилъ меня душегубъ проклятый! Ратуйте, кто въ Бога вѣруетъ! Онъ и Петруху убилъ, и меня загубилъ...» Прибѣжали люди, узнали, въ чемъ дѣло, навели слѣдствие, раскопали землю подъ кустомъ... Однѣ кости нашли. Вотъ и дооткровенничался съ бабой! То-то и оно!.. Гм... Я еще про одну бабу знаю... Красотка, жена мужикова, бѣгала частенько въ городъ къ приказчикамъ изъ бакалейной, а мужъ подкарауливалъ и билъ нещадно. Надоѣла она и приказчикамъ. Они взяли разъ и спрятали красоткину одежду. Подъ утро баба видитъ—нѣтъ худобы, такъ-таки раздѣтая и побѣжала въ поле, просидѣла во ржи (рожь высокая!) до самаго до вечера, а ввечеру махнула въ деревню къ себѣ, значить, до дому. Въ деревнѣ подумали—пожаръ. Она бѣжитъ да кричитъ и прямо—въ хату. Свекоръ увидалъ, сталъ ругать, гдѣ она таскается въ такомъ видѣ, а она, не будь дура, убирается передъ зеркальцемъ да приговариваетъ: «Дурный, дурный! То домовикъ мною прикинулся и побѣжалъ по деревнѣ народъ смущать. Я въ хатѣ спала,—голова у меня болѣла... Ой, какъ болѣла! Съ печи я слѣзла, когда крикъ услышала, а вы лаетесь...» Такъ умная баба провела и мужа, и свекра.

3.

Много смѣялись рабочіе, водочкой хотѣли попотчевать дяденьку Савла, да онъ крѣпился, не пилъ, больше чайкомъ пробавлялся, а тѣ вышивали.

— Никакъ дымомъ потянуло?—лѣниво спросилъ Акимъ и ртомъ потѣшно глотнулъ воздухъ.

— Какъ же!.. дымомъ!.. придумаешь!.. У чортовой матери подъ хвостомъ...—сердито огрызнулся старикъ Василій, недовѣрчиво относившійся рѣшительно ко всему.

Никита тоже потянулъ носомъ и поморщился.

— А взаправду дымомъ...—сказалъ онъ, въ сущности ни къ кому не обращаясь, всталъ съ лавки и заглянулъ въ окошко.

Савелій въ это время, уже стоя, докапчивалъ шутливую бесѣду о двухъ малороссахъ, а самъ незамѣтно подбирался къ выходу.

Въ глазахъ его зажигалось безпокойство, которое онъ старательно скрывалъ.

— Хохлы—народъ хитрый и расчетливый. Вотъ смекай, голова! Сваты—невѣстнигъ отецъ да жениховъ—купили пополамъ штофъ водки, горилки по-ихнему; одинъ отпилъ, потомъ другой, потомъ другъ у друга стали покупать на пятакъ («запродай!» значить). Въ концѣ все вышли и денегъ не потратили, повкитались. То-то и оно!.. Ой, да и дымъ же, чтобъ ему!..

Дымъ дѣйствительно уже застилалъ лѣстницу и сползалъ въ общежитіе.

— Горимъ, братьцы!—какъ-то боязливо, срываясь съ голоса, прошептала Никита, все еще глядя въ окошко.

— Корноухій, значить, выкиваетъ... Кто-какъ, а я до дому. Добраго здоровья!—отозвался Савелій, торопливо взбираясь вверхъ по узкимъ ступенямъ, а оттуда уже кричалъ-надрывался задыхающійся, охрипшій Вукозь:

— Что вы, черти, оглохли!.. Пожаръ!..

Фигура Савелія юркнула и скрылась въ густомъ облакѣ дыма, ворвавшись въ отверстіе, гдѣ кончалась лѣстница.

Доносились трескъ, стукъ, жуткіе голоса. Гдѣ-то что-то горѣло. Становилось трудно дышать и глаза выѣдало.

Въ общежитіи поднялась бѣшеная суматоха.

Теряли голову и никто не подумалъ выбить или открыть окошки, освѣтившіяся вдругъ дрожащимъ отблескомъ красныхъ огней.

Каждый изъ двадцати девяти, находившихся тамъ, считалъ остальныхъ товарищей чуть ли не своими личными врагами, а себя—единственнымъ достойнымъ спасенія, даже въ ущербъ другимъ.

Просыпалась въ груди ненасытная звѣриная злоба, выпускающая желѣзные когти и острые клыки пещернаго хищника.

Никита, какъ молодой и здоровый, съ крѣпкими мускулами, мигомъ бросился къ лѣстницѣ, опрокинувъ на пути подвернувшася дряблага Акима.

Нечего не соображая, кромѣ того, что надо спастись, онъ позабылъ о своемъ сундукѣ съ вещами и заработанными деньгами и взлетѣлъ на ступени, кулаками прокладывая себѣ дорогу «къ небу». Выходъ изъ баржи представлялся ему «царствомъ небеснымъ».

Никитѣ и еще нѣкоторымъ рабочимъ удалось-таки вынырнуть изъ этого деревяннаго каземата. Акимъ безпомощно барахтался и стоналъ подъ ногами обезумѣвшихъ сожителей.

Василій съ вытаращенными, палившимися кровью бѣлками, тащилъ сундукъ съ жалкимъ скарбомъ.

Петръ, жилистый, сгуластый мужикъ, снялъ сапогъ и пряталъ въ него тряпку съ нѣсколькими рублями, но дымъ не давалъ ему свободно дышать, и Петръ, схвативъ свертокъ, бѣжалъ босой на одну ногу.

Лампа чадила, пока не потухла, и все сразу покрылось ѣдкой тьмой; только окошки баржи свѣтились яркимъ заревомъ.

Ревъ и крикъ съ каждой минутой меньше и меньше походили на человѣческіе голоса.

Кто-то упалъ наверху лѣстницы, теряя сознание, и сейчасъ же двое споткнулись на него и тоже рухнули, загоразживая выходъ остальнымъ.

Въ общей дикой свалкѣ катались и душили другъ друга.

Предсмертный хрипъ и страшныя ругательства сливались съ дикимъ воемъ и плачемъ.

Хватали за ноги другъ друга, оттаскивали, впивались зубами въ слабѣющія, уже безжизненныя руки, и, если бь освѣтить это мрачное логово смерти, —ничего человѣческаго не было бы на лицахъ недавнихъ товарищей-земляковъ, а только животный ужасъ и застывшее выраженіе смертельной ненависти и непримиримой вражды.

А между тѣмъ огня не было еще тутъ, лишь издали угрожалъ пока его зловѣщій, красный призракъ, надвигаясь ближе и ближе.

Пожаръ начался въ кухнѣ отъ неизвѣстной причины, а оттуда перешелъ въ складочное отдѣленіе съ разными принадлежностями катка, спрятанными до зимы.

Предусмотрительный Савелій выбрался на воздухъ благополучно и остался въ качествѣ зрителя, но Никита и другіе уже бросались въ воду и впасть достигали берега, такъ какъ баржу кругомъ начинали охватывать и лизать огненные языки.

Сильный вѣтеръ раздувалъ ихъ. Боялись, что перекинеть пламя на сосѣдніе дома.

Было страшно видѣть костеръ, окруженный водою.

Къ прїѣзду пожарныхъ огромная баржа уже пылала, какъ свѣча.

Савелій почесывалъ затылокъ.

— Корноухій, все корноухій пошаливаетъ!.. Ишь какъ прыгаетъ!.. Ни суда на него, ни расправы... Одно слово—корноухій! Нѣтъ, видно, нужно податься въ городъ...

— Куда же ты, дяденька Савель? Аль мѣсто какое вышло?—спросила здѣсь же стоявшая хозяйская кухарка.

— Не христарадничать иду. Заработалъ... Экая ты, баба-смотрѣлка!.. Все выглядить. Корноухій соблазняетъ. Погулять охота. Потомъ въ кiatorъ поступлю, кулису разставлятъ буду...

И на другой же день Савелій, дѣйствительно, попросилъ расчетъ и ушелъ съ котомкой за плечами, взялъ билетъ 3-го класса и укатилъ въ городъ. Даже не заходилъ на панихиду, заказанную купцомъ Твороговымъ по усошшимъ, обугленные трупы которыхъ лежали рядомъ сначала на рогожкахъ, а потомъ уложены были въ одиннадцать некрашенныхъ гробахъ, сколоченныхъ изъ шелевокъ на скорую руку.

Въ толпѣ говорили о поломанныхъ ребрахъ у мертвецовъ и плакали. Затѣмъ шептали, что Твороговъ нарочно, будто бы, подкупилъ кого-то поджечь хорошо застрахованную баржу, а теперь хочетъ панихидой отдѣлаться.

Красный призракъ несчастья еще долго носился надъ берегами рѣчки Качалки, а когда наступила зима—опять открылся катокъ, и жизнь потекла по-старому.

VI.

Косматыя сердца.

1.

Предмѣстье уѣзднаго города Глухина—слобода Пачкалка на рѣчкѣ того же названія. Населеніе—скученное, средняго достатка.

Невѣдомо откуда пришелъ и поселился Ниль Мотовъ,—рослый, широкоплечій мужикъ, одѣтый по-городскому, съ небольшою кругло обрѣзанной бородой, съ широкимъ, расплывшимся носомъ и сдвинутыми бровями, «ученый».

Изъ бокового кармана его пиджака всегда торчалъ роговой гребешокъ, которымъ онъ любилъ среди разговора расправлять непослушную копну черныхъ, вьющихся волосъ. Иначе не говорилъ о себѣ, какъ въ смиренномъ тонѣ: «Ниль—человѣкъ Божій, но негожій», и при этомъ лукаво усмѣхался.

Въ концѣ концовъ онъ ловко овладѣлъ сердцами слобожанъ и сталъ какимъ-то необходимымъ членомъ ихъ среды, «святого угодника корчилъ», какъ впоследствии о немъ говорили.

Тому напишетъ прошеніе въ волостной судъ, тому—къ земскому начальнику, того начнетъ лечить отъ лихорадки какими-то собственными средствами, для нѣкоторыхъ, особенно испытанныхъ, умѣющихъ держать языкъ за зубами, устраиваетъ чтеніе и толкованіе Библіи, предсказываетъ будущее, выгоняетъ ѡбсовъ.

Мало ли чего не дѣлаетъ онъ для жителей Пачкалки!

Но не это «всезнаѣство» привлекало къ нему слобожанъ: главнымъ образомъ его боялись, такъ какъ онъ рѣшительно всю подноготную зналъ о каждомъ землякѣ, даже такое сокровенное, что считалось самой ненарушимой тайной, и волей-неволей лгнули къ нему, занскивали. Его причисляли къ какимъ-то вѣдунамъ, отъ которыхъ ничего нельзя скрыть.

И сколько заговоровъ онъ постигъ—и противъ зубной боли, и отъ кровотеченія, и если милый разлюбить, и когда нужно отъ пожара оградить... На русскомъ языкѣ, на украинскомъ и совѣмъ на какомъ-то чужомъ, непонятномъ. Того вылечить, а на того напасть «нашлетъ...»

Явилась къ нему разъ Прасковья, жена сапожника, Емельяна Ребяткина, съ повязанной рукой—кровь заговорить.

Осмотрѣлъ онъ порѣзъ, покачалъ курчавой головой, потомъ сталъ искоса бабу разглядывать, видитъ—красивая, молодая, породная.

Улыбается Ниль, усы пощипываетъ.

— А что дашь, ладная моя? Я тебѣ живымъ манеромъ кровь притворю, скажешь спасибо.

— Такое!.. А вы перво-наперво, дяденька, пошепчите. Ужъ не обижку. Я не дарма: съ собой два гривенничка принесла, ей-ей... чего вамъ еще? вправду принесла.

Зычно расхохотался Мотовъ.

— Пошла ты съ гривенничками! Небось, безъ тебя нажилъ-то не одинъ гривенникъ... Не къ тому я... Ну, вытягивай руку, лебедушка. Опосля столкнемся съ тобой.

Взявъ онъ руку, придавилъ больное мѣсто, сталъ нащупывать:

— «Красна дѣвица по горѣ ходила, червонну розу садила. А ты, червонна роза, примись и кровь—уймись!..»

Трижды повторить, затѣмъ заставилъ сплошій обтереть.

— Видишь, и крови-то какъ не бывало!.. Слышь ты, это у меня талантъ такой, жилка такая, черта такая есть... отъ Бога! Не шути со мной. Какъ веди—такъ и поступи. Не прекословь старшему. Ты лучше не перечь, говорю! Вотъ оставайся-ка понче у меня на полчаса, — побалакаемъ... Емельяну невдомекъ... куда тамъ!.. не узнаеть... Не гляди, что у меня глазища-звѣрища, что носъ разлѣзся, какъ поповская жинка... Аль не охота?

Балагурить, пытался обнять, лѣзъ съ поцѣлуями, обжигалъ горячимъ дыханьемъ. И Црасковья тоже разгорѣлась, но гнѣвомъ, а не страстью, едва отбивалась здоровой рукой, выбранилась, убѣждала съ проклятьемъ.

Затаилъ обиду Мотовъ, даже осунулся, позеленѣлъ,—такъ принялъ близко къ сердцу отказъ Црасковьи. Не предполагалъ, что натолкнется на столь неговорчивую бабу. Чувствовалъ, что уронилъ себя. Неоднократно еще подѣзжалъ къ ней и все напрасно. Страдалъ—и это не помогало. Наконецъ началъ далеко обходить избу, гдѣ проживала она,—до того осерчалъ. Постоянно носилъ мечту: какъ бы наказать строптивую, и трусить, что она оцозоритъ его передъ людьми, и рухнуть, чего добраго, вся его власть надъ ними.

«Ладно! Ужо казачка потанцуетъ у меня, гадюка! Самъ укушу тебя—будешь помнить... Пуцай!..»

Спустя мѣсяца два, когда уже и Црасковья забыла о случившемся, сталъ онъ втихомолку проповѣдывать священное писаніе, собирая вокругъ себя съ десятокъ-другой надежныхъ слобожанъ, въ томъ числѣ и Емельяна заманилъ умѣньемъ хорошо рассказывать да наставлять.

— Среди насъ неправда ходитъ чума-чумой. Шибко растетъ, злодѣйка, конца-краю не видать,—какъ-то заговорилъ онъ, послѣ обычной своей проповѣди:—пока очухаетесь, она и васъ заберетъ въ лапы. Все начальники-то развели ее: земскій да неправникъ, на самъ губернаторъ... газетчики помогаютъ имъ раздуть... Отъ

нихъ и мы научились беззаконію, убиваемъ другъ друга, грабимъ. Печать антихристова торжествуетъ... Тьфу!

Слушали его съ благоговѣніемъ, уши развѣсили, крестились. Казалось мужикамъ, что лицо Нила какъ-то просвѣтѣло, будто лучи какіе-то озарили, а онъ все говорилъ да говорилъ о злѣ, о притѣсненіяхъ, затѣмъ, въ подтвержденіе, раскрывая русское евангеліе отъ Матѳея, прочиталъ тихимъ, проникновеннымъ голосомъ:

«Исусъ же сказалъ имъ: видите ли все это? Истинно говорю вамъ: не останется здѣсь камня на камнѣ; все будетъ разрушено. Когда же сидѣлъ Онъ на горѣ Елеонской, то приступили къ Нему ученики наединѣ и спросили: скажи намъ, когда это будетъ? и какой признакъ твоего пришествія и кончины вѣка? Исусъ сказалъ имъ въ отвѣтъ: берегитесь, чтобы кто не прельститъ васъ, ибо многіе придутъ подъ именемъ Моимъ и будутъ говорить: я—Христосъ, и многихъ прельстятъ. Также услышите о войнахъ и о военныхъ слухахъ. Смотрите, не ужасайтесь, ибо надлежитъ всему тому быть. Но это еще не конецъ, ибо возстанетъ народъ на народъ и царство на царство, и будутъ глады, моры и землетрясенія по мѣстамъ все же это—начало болѣзней...»

Читалъ онъ гладко, ясно, съ выраженіемъ, отчеканивая каждый слогъ, и только вмѣстѣ «Исусъ» упорно произносилъ «Иеусъ».

Слушатели вздыхали, почесывали затылки да борода поглаживали и о чемъ-то по-своему раздумывали.

— А почему теперича смуты пошли, голодуха заѣла? Неужто беззаконіе полюбилось и крещеный міръ оторваться отъ него не сможетъ, чтобы къ хорошей жизни притѣниться?.. А потому, что, по Апокалипсису, за окончаніемъ тысячи лѣтъ, сатана освободился изъ темницы и вышелъ оболъщать народы на четырехъ, значить, углахъ земли, Гога и Магога, а число ихъ—какъ несокъ морской. Вотъ и открою я вамъ словечко, пока не поздно: промежь насъ антихристъ народился... махонькій еще, но кривда пре-большая идетъ съ нимъ... злющій антихристъ!..—векричалъ и поднималъ палець къ небу.

Въ тускломъ полумракѣ избы никто ничего не промолвилъ, только дышали громче и тяжелѣй.

Емельянь первый спросилъ:

— А ты опознаешь нечистаго, Степанычъ, ежели...—но не окончилъ, умолкъ и какъ-то пугливо оглянулся по сторонамъ.

Глаза Нила—узкія щели—засвѣтились.

— Вѣстимо... Безъ меня всей бы вашей слободкѣ—крышка. Намедни иду это я къ ночи мимо твоей избушки и вижу: блѣдная-пре-блѣдная, вся въ бѣломъ одѣяніи, бабуся спѣшитъ. «Куда идешь-то?» съ вопросомъ къ ней, озираюсь... боязно какъ-то. «А туда, соколкъ, куда некрещенные молоко ставятъ». Побѣжала и у самыхъ у твоихъ воротъ. Емельянь, этакъ новоротилась... Ой, какая жъ блѣдная!

страсть! Поворотилась и кричитъ мнѣ: «блюди, человекъ Божій, 13-ое число!» и, какъ вихорь, пропала изъ очей. Чудно!

Ахнули мужики.

Помолчалъ Мотовъ и вдругъ поднялся съ лавки во весь богатырскій ростъ, волосы взбилъ, откашлялся да какъ крикнетъ:

— Слѣпцы! Въ писаніи сказано: «Гдѣ будетъ трупъ,—тамъ соберутся орлы». Смекаете? Буде ужъ... дай срокъ.

Никто, однако, не понялъ этой фразы.

— Какъ же быть-то, Степанычъ?—отозвался Тихонъ, бондарь:— стало, конецъ міру и—никакихъ?

— А я для чего тутъ, азъ многогрѣшный? Богъ послалъ меня, Богъ и спасетъ васъ черезъ меня. Завтра тринадцатое число, завтра и приходите сюда. Я открою вамъ, кто есть антихристъ. Я посланъ истребить на землѣ нечестую силу. Пришелъ сразиться и опять уйду къ Отцу моему небесному. Присягайте, что вѣрите! Побожитесь, что молчать будете! иначе... На колѣнки!

Поклялись и долго молились на колѣняхъ передъ образомъ Спаса Пречистаго, а когда окончили и повставали—Нила уже не было въ избѣ.

Робко разошлись въ трепетномъ ожиданіи грядущихъ событій.

2.

На другой день собрались засвѣтло въ избѣ Мотова, какъ уговорились.

Самъ хозяинъ сидѣлъ въ красномъ углу; остальные разсѣлись вдоль стѣны.

Видъ у Нила былъ особенно внушительный,—точно онъ задумалъ какое-нибудь великое дѣло или хотѣлъ сообщить важную вѣсть.

Онъ началъ издалека—отъ сотворенія міра, заговорилъ о грѣхопадении, коснулся Авраама, какъ онъ устроилъ жертвенникъ, набросалъ дрова и, связавъ сына своего Исаака, положилъ сверху, чтобы устроить всеожженіе агнца...

Голосъ Нила окрѣпъ, звучалъ, какъ мѣдь, и глаза блестяли огнемъ вдохновенія.

Заходящее солнце бросало на его лицо послѣдніе кровавые отбѣты.

— Ну, да и вѣтрища же буде, ой!—перѣшительно протянулъ Тихонъ, заглядывая въ окошко.

Мотовъ остановилъ его сердитымъ окрикомъ:

— Различать лицо неба умѣешь, а знаменій времени не можешь!—и тутъ же обратился прямо къ Емельяну, хмурия лобъ:— знаю твои тайные пороки... У подобныхъ тебѣ не должно быть дѣтей. Сознаешь грѣхъ свой? Каешься? Пора близка. Имѣющій уши да слышитъ!

Емельянъ, молча, кивнулъ головой, хотя плохо понималъ, въ чемъ именно каяться.

— Лечился? Чего? Къ знахарямъ хаживалъ? Пилъ травы? Ну? Снова сапожникъ кивнулъ и поблѣднѣлъ отъ смутнаго предчувствія бѣды.

— А знаешь ты, что въ тѣхъ травахъ сатана свое зелье хоронитъ и что антихристъ оттого рождается? Видимое дѣло.

— Ни Боже мой! Мы—неграмотные...—возразилъ Емельянъ и перекрестился:—темные... гдѣ ужъ намъ!.. сапоги шьемъ... кабы не ты...

Ниль обвелъ собраніе жгучимъ, негодующимъ взглядомъ.

— Уже другую зиму, какъ антихристъ здравствуетъ, а вамъ наплевать! «Сапоги шьемъ...» ишь ты! Вотъ и житье ваше—безъ согласу, и смута на Руси православной. Удалить его нужно, окалянаго нехрестя, покуда время не ушло.

— Батюшку сперва надоть...—послышались голоса.

— Батюшку? Зачѣмъ вамъ батюшка? Мнѣ Богъ открылъ антихриста, мнѣ и приниматься за него. Это точно...

Пожевалъ зубами, развернулъ бумажку, сталъ громко читать. Въ рукѣ теплилась восковая свѣча, «страстная», хранившаяся, какъ святыня, почти около года, съ седьмой недѣли поста. Бывшіе въ избѣ повторяли за нимъ нараспѣвъ «новую» молитву:

«Господи, Иусе Христе, Тебѣ молимся. Боже, помилуй насъ, ради пречистой крови Твоей,—нынѣ и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь...»

Потушилъ свѣчку Мотовъ и промолвилъ, но съ такимъ усталымъ, измученнымъ видомъ, будто выдержалъ тяжелую борьбу съ незримымъ врагомъ:

— Съ этою свѣчой яраго воску я простоялъ-прослушалъ двѣнадцать евангелій о страданіяхъ Господа нашего, Иуса Христа. Емельянъ, спрашиваю тебя, не выпуская свѣчки, какъ передъ Истиннымъ: ты не запомнилъ, какъ Авраамъ, не жалѣючи Исаака, приносилъ его въ жертву? А ты пожалѣлъ бы развѣ своего младенца, рожденнаго отъ нечистаго зелья? Не лукавь, Емельянъ! Толкомъ сказывай.

Чуть внятно, упавшимъ, тусклымъ голосомъ произнесъ сапожникъ:

— Не пожалѣлъ бы, ежели во имя Господа.

— То-то же!

Суровая складка сбѣжала съ лица Мотова, и всѣ увидѣли, какъ оно оживилось. Ничего не сказалъ, только сталъ медленно раздавать маленькіе образки и свѣчи, которыя тутъ же называлъ «страстными».

Затѣмъ двинулись въ путь по его приказу.

Не по прямой улицѣ, а закоулками дошли съ тихимъ пѣніемъ до запертыхъ воротъ Емельяновой избы.

Слобода уже спала.

Ни звѣздъ не было, ни луны.

Мутное небо и едва бѣлѣющій снѣжный пологъ, сильно подтаявшій послѣ недавней оттепели и вновь подмерзшій, скрывали это шествиѣ отъ постороннихъ. И никто не нарушалъ его. Только разъ гдѣ-то залаяла собака, и, въ отвѣтъ ей, сейчасъ же отозвались вблизи другія. Потомъ снова все замерло, кромѣ скрипа шаговъ да странныхъ звуковъ заглушеннаго пѣнія какихъ-то молитвъ, — словно заживо отпѣвали кого-то.

— Ну-ка, Емельянъ, дѣйствуй! Чего ощерился? не волкъ... Открывай ворота, говорю я!.. Больно ты жалостливъ!.. по-хорошему, безъ финтифлюшекъ. Жлинка твоя, навѣрняка знаю, напраслиной закидаетъ меня — не довѣрай!.. И напраслина-то отъ него... отъ антихриста! Его штуки!

Скрѣпя сердце, перелѣзъ сапожникъ черезъ заборъ, распахнулъ ворота.

За минуту передъ этимъ онъ усомнился было, но вспомнилъ примѣръ Авраама и успокоился опять.

Толпа такъ и хлынула, заливая черной тѣнью бѣлый дворъ Ребяткиныхъ, а потомъ и въ избу ввалилась. По одиночкѣ каждый поклонъ отвѣсилъ образамъ, гдѣ лампадка мерцала; свѣчи позажигали. Молча, остановились, какъ вкопанные, не догадываясь еще, зачѣмъ пришли.

Женщины вскочили, въ чемъ были, ничего сперва сообразить не могли, перепугались, — бабушка, жена и сестра Емельяна, жались, тѣснились бокъ-о-бокъ.

— Всѣ молятся и вы молитесь... чего тамъ баламутиться!.. Часъ такой... — крикнулъ имъ кто-то сзади: — порядокъ нуженъ, вѣдь.

Мотовъ держался въ сторонѣ, чтобы Прасковья не сразу замѣтила его.

— Чьи вы? откъоль? Чуется недоброе... — ворчала старуха, сослѣпу не узнавая внука: — чай, крещеные, а?..

— Помалкивай, старушка Божья! Молись... — нетерпѣливо обратился къ ней Нилъ, прячась за спинами Тихона и Емельяна, и тутъ же протянулъ по-церковному: «Богъ Господь и явился намъ, благословенъ грядый во имя Господне...»

Ему подтягивали и старики, и молодые, кто какъ могъ.

У Прасковьи отъ испуга ноги подкосились, еле удержалась, какъ только услышала она знакомый, глубоко ненавистный ей голосъ Мотова, закручинилась, почувствовала, будто что-то оборвалось въ груди.

«Боже ты мой! — въ переполохѣ шептала про себя: — и что онъ натворить, злодѣрь!..»

А Нилъ прямо на нее идетъ, уже ничего не боится, набрался храбрости, но голосомъ обратился къ ней слащавымъ:

— Во имя Отца и Сына, укажи, Прасковьюшка, гдѣ ты Никитку родила, въ какомъ-такоемъ мѣстѣ? Коли помнишь...

— А тебѣ на что, паршивый? Привязался!.. Не замай! Въ любовники лѣзь... Мука мученская съ тобою. Чтобъ тебѣ добра не было!—и завопила:—ой, головушка!..

Емельянь спокойно отвѣтилъ ей:

— Ниль Степаньчъ—душевный старикъ, Божій человекъ, книжный, а ты—глупая баба. Сама не знаешь, что въ Никиткѣ сидитъ, а горло дерешь попустому, трещетка! Тебѣ говорятъ: гдѣ родила, значить?... ну?.. А то подъ лакъ раздѣлаю, пикни у меня! Тоже калякаетъ...

Прежде точно не замѣчала мужа Прасковья и лишь теперь остановила на немъ изумленные, полные ужаса глаза.

— И ты съ ними? Такъ провались же, постылый! Ну, въ хатѣ старой... еще чего?—въ сердцахъ закричала она, затонавъ босыми ногами, потомъ, словно угадывая намѣренія Нила, бросилась къ люлькѣ.

Но Мотовъ былъ проворнѣй, несмотря на пожилой возрастъ. Раньше, чѣмъ подскочила мать, успѣлъ онъ выхватить ребенка и высоко поднять.

— Святъ, Святъ, Святъ!.. Спаси, Господи, царя Давида...—причиталъ онъ подъ вой Прасковьи, пискъ щуплаго, полуголаго Никитки и постукиванье сапогъ оторопѣвшихъ мужиковъ.

— Куда несешь-то малаго, эй ты!.. Креста на тебѣ нѣту,—шепелявила беззубая старуха:—душегубъ! ратуйте!..

Прасковья, какъ разъяренная тигрица, отнимала своего плачущаго первенца, изъ силъ выбивалась.

Ее скоро отгѣснила толпа и заперла въ чуланъ.

Слышно было, какъ она тамъ вопила до хрипу и ударяла въ дверь чѣмъ попало, будто безумная.

Бабушка и сестра Емельяна оставались въ избѣ, пригвожденныя страхомъ, безмолвныя, дрожащія, мертвенно-блѣдныя, пока не ушли всѣ, затѣмъ обѣ упали на колѣни передъ горящей лампадой, горячо молились.

3.

Все смѣшалось: ночныя тѣни, мигающія свѣчи, искаженные лица, крики, проклятья, слова молитвъ...

Казалось, что изъ какихъ-то забытыхъ вѣками пещеръ повывлазили дикія существа съ косматыми сердцами.

Шли поспѣшно, хватаясь другъ за друга, точно ища поддержки, и на снѣгу, качаясь, удлинялись ихъ отраженные двойники, и получалось что-то безобразное и нелѣпое, какъ кошмаръ,—тѣнь звѣря съ семью головами и десятью рогами, подобнаго тому, кото-

раго видѣль святой Иоаннъ: съ виду—барсъ, ноги—какъ у медвѣдя, пасть—львиная.

Старая хата съ глинянымъ поломъ, съ провалнвшимся потолкомъ, мокрыми стѣнами, служившая прежде бойней для ягнать и подсвинковъ, вѣяла тоской мрачнаго застѣнка, и чудилось, что каждый уголь здѣсь, пропитанный кровью, таилъ живое, неумиращее воспоминанье о предсмертныхъ стонахъ и мукахъ борьбы.

«Не переборщилъ ли?» мелькнуло въ головѣ Нила, отуманенной жаждой мести, покорностью опалѣвшей сѣрой толпы и сознаниемъ достигнутой власти.

Но слѣпая ночь подстрекала къ злодѣйству, и слабо мерцающіе огоньки страстныхъ свѣчей не могли освѣтить тѣхъ темныхъ тайниковъ души, гдѣ росли и крѣпли хищныя мысли.

«А нехай!..» рѣшилъ въ умѣ Мотовъ и бросилъ Никитку на полъ.

Обступили по бокамъ, разглядывали, какъ диковину, обмѣнивались мнѣніями.

Ребенокъ захлебывался отъ плача, бился отъ холода, какъ въ судорогахъ.

Тогда Мотовъ повернулъ его внизъ лицомъ.

— Охъ, трудно мнѣ, трудно, братики!—прошенталъ онъ при этомъ:—но такъ надо, «ибо приходятъ дни, въ которые скажутъ: блаженны неплодныя и утробы неродившія, и сосцы непитавшіе». Шибко креститесь, а то не выгнать нечистой силы. Бьется-то какъ, бьется!.. Поросенкомъ визжить... Вотъ я его! вотъ я его!.. Чтобъ ему пусто было!.. «Живыи въ помощи Вышняго въ крови Бога небеснаго водворится... На аспида и василиска наступиши и попеши льва и змія...»

И пока говорилъ словами псалма, прыгаль по безпомощно извивавшемуся дѣтскому туловищу.

Дико вскрикнулъ Никитка, застоналъ, и всѣ слышали, какъ что-то хрустнуло подъ сапожниками Мотова.

Внезапно остановился Ниль. Съ багровымъ лицомъ и налитыми кровью глазами осмотрѣлся кругомъ, а люди стояли безъ шапокъ, окаменѣлые, съ выраженьемъ какого-то невысказаннаго, застыващаго вопроса.

И Емельянъ какъ-то тупо озирался, точно не сознавая, что происходитъ.

Какъ разъ въ это время изъ избы убѣжала сапожникова сестра, семнадцатилѣтняя Дунька.

Кое-какъ протискалась она сквозь толпу и, увидѣвъ замученнаго, какъ подкошенная, упала надъ нимъ и зарыдала навзрыдъ.

— За что погубили Никитку? Нема Никитки!..

Ниль уже подтянулся, и ни одна морщинка не выдавала его волненья.

— Брысь, дѣвка!.. Отець отрекся, а ты чего лаешься?.. Поди сюда, Емельянъ, помогай! Братики, надобно нечистую силу выгонять. У кого топоръ?

Всѣ засуетились. Мотовъ тутъ поднялъ раздавленнаго, взмахнулъ изуродованнымъ тѣльцемъ въ воздухъ, потомъ приказалъ Емельяну держать за правую ножку, самъ взялся за лѣвую и вмѣстѣ стали тянуть въ разныя стороны.

Отець первый оторвалъ ногу и швырнулъ; затѣмъ Нилъ топоромъ началъ наносить удары, «крестить». Исполосовалъ крохотный трупики вдоль и поперекъ и читалъ заклинанія, пѣлъ псалмы.

Толпа безмолвствовала.

Въ забытѣ лежала Дунька.

— Слава Творцу, побѣдившему дьявола!... Братики, коня мнѣ теперича, коня! Пуцай мѣсто укажетъ, куда свезти нечистаго,— въ опьянѣннѣ твердилъ Мотовъ.

Бондарь Тихонъ захотѣлъ послужить «святому дѣлу», сбѣгалъ въ сосѣдній дворъ и привелъ лошадь.

Между тѣмъ уже въ избахъ попросыпались. Кто-то разнесъ вѣсть по слободѣ, что «антихриста порѣшили».

Говоръ пошелъ, гамъ.

Потянулись слобожане глазѣть, что такое творить Степанычъ, не рехнулся ли.

Узелъ съ останками трупа уже былъ подвязанъ къ хвосту нетерпѣливой бѣлой лошади.

Усѣлся Мотовъ верхомъ и погналъ ее къ болоту, крича, что было мочи:

— Святой Георгій, укажи бездну нечестивому!

Заржала, помчалась горячая «Бѣлка».

Долго шептались, ожидали, чѣмъ все окончится.

— Степанычъ такъ и ляснулся оземь, а оно, знай,—пищитъ да пищитъ,—тараторила какая-то баба, услышавшая изъ третьяго источника объ убійствѣ Никитки.

Разсвѣтало, когда возвратился Нилъ, сумрачный, усталый, на взмыленной лошади.

Не слѣзая съ «Бѣлки», поднялъ онъ палець къ небу, началъ неясныя слова бросать, юродивымъ притворился:

— Тутъ, значить, городъ встанеть... Заморскіе принцы, цари придуть и поклонятся, а болото провалится... Хлюпъ... хлюпъ... и на проклятомъ мѣстѣ церковь Божія засіяетъ,—моя церковь, а я туда улечу,—туда, къ Отцу моему Небесному... вотъ какъ солнышко... какъ солнышко... улечу за птичкой...

Пока онъ пророчествовалъ, быть можетъ, раздумывая про себя, какъ выбраться изъ толпы, окружившей лошадь тѣснымъ кольцомъ, кузнецъ Сидоръ наклонился къ уху Тихона и прогнусилъ:

— Ты бы того... къ уряднику... неровень часъ... того...

Бондарь почесалъ затылокъ, вспомнилъ, что самъ коня привелъ, но ничего не возразилъ, надвинулъ на глаза шапку и скрылся, ни кѣмъ не замѣченный.

— Разступись, православный народъ!—скомандовалъ вдругъ Ниль и, когда испуганно шарахнулись вправо и влево, подѣхалъ къ избѣ и, не вставая съ «Бѣлки», ловко зацѣпился руками и сталъ взбираться на крышу.

Это ему удалось и онъ взялся за дымоходную трубу, а самъ все продолжалъ смотрѣть, не отрываясь, на алѣющія полосы зари, словно борющейся съ тяжелой толщей облаковъ.

Въ толпѣ уже издѣвались надъ Ниломъ.

— Не въ себѣ старичокъ-то.

— Степанычъ, а Степанычъ! Лѣсенку надоть повыше, а то къ небу-то далече... Постолярничай-ка такъ да этакъ... Топоромъ, чай, работаешь, а?..

Мотовъ съ молитвеннымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица ни словомъ не обмолвился на эти насмѣшки, точно въ истукана обратился, только губы его что-то шептали.

Началось съ утра слѣдствіе. Попріѣзжали различныя власти.

Вынули изъ болота плававшій искалѣченный трупъ Никитки. Священникъ панихиду служилъ, прослезился, проповѣдь сказалъ.

Но ни одна баба изъ слободы Пачкалки не согласилась обмывать тѣло мученика: хотя вѣра въ Мотова и поколебалась, такъ какъ, несмотря на пророчества, живымъ на небо онъ все-таки взять не былъ, а, пока что, попалъ въ «холодную» вмѣстѣ съ Емельяномъ и другими пособниками, но Никитку упорно признавали за антихриста и радовались его гибели.

Даже Прасковья не подходила къ некрашенному, дощатому гробу и не прощалась съ покойникомъ.

Безуміе неразгаданной тайны свѣтилось въ ея помутнѣвшихъ, глубоко провалившихся глазахъ, окаймленныхъ черными кругами.

А бабушка и Дунька лежали хворыя,—одна въ безпамятствѣ, другая—въ состояніи, близкомъ къ этому же.

Уѣздный городъ Глухинъ жужжалъ, какъ шмелиный рой,—столько было разговоровъ объ антихристѣ.

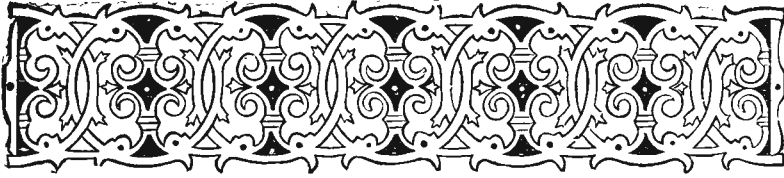
За имениннымъ обѣденнымъ столомъ у предводителя ѣли тонкое блюдо изъ только что зарѣзаннаго совсѣмъ молодого барашка, достигшаго печальной цѣли своего бытія, и за бокалами шампанскаго разсуждали о предстоящемъ громкомъ уголовномъ процессѣ.

— Современные варвары...—процѣдилъ сквозь зубы предводитель, наклоняясь надъ тарелкой.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗА ТРИДЦАТЬ ЛѢТЪ.

(Листки изъ воспоминаній) ¹⁾.

V.

Пребываніе при маломъ дворѣ.—Великій князь Михаилъ Николаевичъ и великая княгиня Ольга Теодоровна.—Пребываніе въ Парижѣ великаго князя Георгія Александровича.—Капитанъ I ранга Ломенъ.—Возможная причина заболѣванія великаго князя Георгія Александровича туберкулезомъ.—Завтракъ у ковбоя Беффало-Биля во время парижской всемірной выставки.—Знакомство съ бразильскимъ императоромъ донъ-Педро.—9-го января 1905 г. въ Петербургѣ.—18-ое октября того же года въ Маринскомъ театрѣ.

ОДЫ 1889 и 1900 въ моей жизни сыграли довольно большую роль. Мнѣ совершенно неожиданно пришлось сдѣлаться врачомъ великаго князя Георгія Михайловича, только что оправившагося отъ чрезвычайно тяжелаго аппендицита (не оперированнаго), и попасть даже на житъе къ его отцу, великому князю Михаилу Николаевичу.

Пребываніе мое при маломъ дворѣ въ Стрѣльнѣ (Михайловкѣ), въ тамошнемъ дворцѣ великаго князя Михаила Николаевича, знакомство со всѣмъ тогдашнимъ русскимъ дворомъ, частыя потомъ поѣздки со своимъ августѣйшимъ пациентомъ за границу и жизнь на различныхъ тамошнихъ курортахъ, среди близкихъ родныхъ русскаго императора, давали мнѣ обильный и интересный матеріалъ для наблюденій.

Къ сожалѣнію, не всѣ эти наблюденія подлежатъ опубликованію. Для этого еще не настало время.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 506.

Когда въ день моего приѣзда въ Михайловку, гдѣ мнѣ въ самомъ дворцѣ Михаила Николаевича были отведены двѣ комнаты, даны въ мое распоряженіе коляска и пара лошадей, приставленъ лакей, я тотчасъ же былъ приглашенъ къ великому князю къ завтраку, то въ первую минуту, въ особенности войдя въ залъ передъ столовой, гдѣ обыкновенно собирались всѣ приглашенные къ завтраку или къ обѣду, я отъ волненія сталъ чувствовать себя не совсѣмъ ловко. И не удивительно.

До этого времени я зналъ въ лицо, и то только по портретамъ, одного великаго князя Михаила Николаевича.

Никого изъ его сыновей, кромѣ пригласившаго меня къ себѣ на службу великаго князя Георгія Михайловича, я никогда даже не видалъ. Великую княгиню Ольгу Ѳеодоровну тоже.

Минуть черезъ пять дверь въ залъ, гдѣ всѣ приглашенные стояли въ ожиданіи выхода, отворилась, и показался великій князь Михаилъ Николаевичъ рядомъ съ великою княгинею, какъ я могъ догадаться, Ольгою Ѳеодоровною, сопровождаемый шестью рослыми красавцами-сыновьями (младшему Алексѣю, черезъ нѣсколько лѣтъ скончавшемуся отъ чахотки, было тогда четырнадцать лѣтъ).

Великій князь-отецъ, обойдя всѣхъ гостей, подошелъ ко мнѣ, подавъ руку, сказавъ, что онъ очень радъ познакомиться съ докторомъ его сына. Великая княгиня привѣтливо отвѣтила на мой поклонъ, но руки не подала. Сыновья по очереди и по старшинству подходили ко мнѣ здороваться и, называя себя, пожимали мнѣ руку.

Послѣ завтрака одинъ изъ великихъ князей принесъ книгу, въ которой просилъ меня расписаться.

— Это у насъ такое правило,—сказалъ онъ:—что человѣкъ, который въ Михайловкѣ въ первый разъ у насъ завтракаетъ, долженъ въ этой книгѣ расписаться.

Нѣсколько дрожащею рукою я исполнилъ это предложеніе. Въ особенности страннымъ показался мнѣ мой росчеркъ, чуть ли не на слѣдующемъ листѣ послѣ коронованныхъ особъ и Бисмарка.

Въ Михайловкѣ мнѣ пришлось почти все время находиться въ обществѣ великаго князя Михаила Николаевича и великой княгини Ольги Ѳеодоровны, ежедневно съ ними завтракать и обѣдать, бесѣдовать съ ними запросто, а въ Баденъ-Баденѣ въ теченіе мѣсяца еще по вечерамъ играть съ ними въ винтъ.

Говорю я это только къ тому, чтобы показать, что у меня, такимъ образомъ, была, смѣю сказать, полная возможность ближе съ ними познакомиться.

Это и позволило мнѣ, кстати, убѣдиться, какой превосходный человѣкъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Я до сихъ поръ вижу его величественную и благородную фигуру. Вѣчно ровный, деликатный, человѣкъ рѣдкой души и бла-

городства, великій князь Михаилъ Николаевичъ невольно привлекалъ къ себѣ сердца всѣхъ людей, имѣвшихъ когда-либо счастье съ нимъ сталкиваться.

Великая княгиня Ольга Феодоровна, женщина большого ума, была натура увлекающаяся, а потому неровная.

Быстрая смѣна настроенія, смотря по тому, въ какомъ она была расположеніи духа, всегда могла отозваться на ея отношеніяхъ къ людямъ, даже не близко къ ней соприкасавшимся. Но ко мнѣ ея высочество относилась почти всегда одинаково милостиво.

Однажды она поставила меня втупикъ одною довольно оригинальною просьбою.

Провожая на вокзалъ великаго князя Георгія Михайловича, уѣзжавшаго тогда въ первый разъ со мною за границу, великая княгиня попросила меня купить ей, уже въ Эйдкуненѣ, въ подарокъ томикъ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина.

— Времени у васъ для отправки стихотвореній будетъ довольно, — сказала великая княгиня. — Адресуйте прямо на мое имя. Тогда Пушкинъ въ цензуру не попадетъ!

Зная, какъ и многіе, читавшіе въ молодости, эти стихотворенія, въ которыхъ берлинскіе издатели почти всѣ рискованныя мѣста называли собственными ихъ именами, я немного сконфузился...

Книжку, однако, пришлось все-таки прислать, но такъ какъ ея въ Эйдкуненѣ не оказалось, о чемъ я телеграфировалъ великой княгинѣ, то я ее послалъ изъ Берлина, за что получилъ по телеграфу благодарность.

Не могу не вспомнить одного интереснаго инцидента, происшедшаго въ 1890 г. въ Баденъ-Баденѣ, во время моей почти ежедневной игры въ карты съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ. Играли мы въ вицтъ, какъ всегда, съ восемью картами въ прикункѣ, по пятидесятой (расплачивались мы нѣмецкими марками). Партнерами были большею частью великая княгиня Ольга Феодоровна, великій князь Михаилъ Николаевичъ, дежурный адъютантъ и я.

Гостившій тогда въ Баденъ-Баденѣ наслѣдный принцъ шведскій, близкій родственникъ великой княгини Ольги Феодоровны, женатый тоже на принцессѣ баденской, нынѣшній шведскій король Густавъ, иногда тоже присутствовалъ при нашей игрѣ, живо интересуясь винтомъ, столь распространенною игрою въ то время у насъ въ Россіи. Не скажу, чтобы, играя въ карты съ двумя такими высокими партнерами и имѣя подчасъ въ видѣ ассистента будущаго шведскаго короля, я чувствовалъ себя всегда одинаково спокойно...

Приходилось играть не только очень внимательно и осторожно но даже съ нѣкоторою опаскою, дабы своею ошибкою не навлечь на себя хотя бы мимолетнаго неудовольствія великокняжеской четы.

Надобно сознаться (это я могъ вскорѣ замѣтить), что великому князю Михаилу Николаевичу было не совсѣмъ приятно, разумѣется, *honoris causa*, оставаться вѣчно въ проигрышѣ.

Случилось, однако, такъ, что, какъ на зло, нѣсколько дней выигравшимъ оказывался я одинъ, а единственно проигравшимъ былъ великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Въ первые дни великій князь расплачивался со мною молча.

Наконецъ, кажется, на четвертый день, Михаилъ Николаевичъ, вытащивъ изъ кармана свой довольно-таки потертый замшевый кошелечекъ и доставая изъ него нѣмецкія марки, сказалъ мнѣ, какъ мнѣ показалось, съ отбѣнкомъ неудовольствія:

— Ну, докторъ, это ни на что не похоже! Сегодня вы взяли съ меня четыре марки; вчера и третьяго дня почти столько же. Этакъ вы меня оставите совсѣмъ безъ денегъ!

— Ваше высочество,—позволилъ себѣ я возразить:—для уплаты вашихъ громаднхъ расходовъ вы, я думаю, ежедневно подписываете талоны на десятки тысячъ, нисколько не сожалѣя о потраченныхъ деньгахъ. Сейчасъ же вы какъ будто не совсѣмъ охотно расстаётесь съ нѣсколькими марками.

— Видите что,—съ улыбкою отвѣтилъ мнѣ великій князь:—по талонамъ, подписываемымъ мною, уплачиваетъ моя контора. Этихъ денегъ я поэтому совсѣмъ не вижу. Иное дѣло деньги, находящіяся въ моемъ кошелькѣ. Онѣ идутъ цѣликомъ на мои собственные расходы, и объ нихъ-то я такъ сильно и забочусь!

Съ великимъ княземъ Михаиломъ Николаевичемъ мнѣ въ томъ же Баденъ-Баденѣ пришлось еще разъ встрѣтиться ровно черезъ восемнадцать лѣтъ.

Въ это время великій князь, пораженный апоплектическимъ ударомъ, уже нѣсколько лѣтъ влачилъ почти только растительную жизнь; хотя разумъ и память по временамъ возвращались къ бѣдному страдалцу и оживляли его доброе лицо, но полного выздоровленія великій князь уже не могъ достигнуть.

Проходя какъ-то на второй день своего приѣзда по *Lichtenthaler Allee*, близъ «*Hôtel Stephanie*», гдѣ въ послѣдніе годы всегда останавливался великій князь, я встрѣтилъ Михаила Николаевича въ колясочкѣ, которую везъ одинъ изъ его людей.

За колясочкою шелъ дежурный адъютантъ, полковникъ князь Вяземскій.

На великомъ князѣ были довольно большія очки темно-синяго стекла, изъ-за которыхъ не только выраженія глазъ, но и самыхъ глазъ не было совершенно видно.

Я почтительно снялъ шляпу.

— Кто это?—спросилъ Михаилъ Николаевичъ, и колясочка его остановилась.

Князь Вяземскій назвалъ меня.

Тогда великій князь, къ которому я подошелъ почти вплотную, подалъ мнѣ руку, несомнѣнно, узнавъ меня.

Затѣмъ онъ чуть-чуть поднялъ голову и отчетливо и ясно произнесъ:

— Вы пріѣхали ради какого-нибудь пациента или сами больной?

Я отвѣтилъ, что отчасти ради того и другого.

— У меня,—добавилъ я,—теперь въ Баденъ-Баденѣ проживаетъ больной родственникъ. Къ тому же я и самъ, послѣ перенесенной болѣзни, нуждаюсь въ отдыхѣ.

Послѣ этого бѣдный великій князь не произнесъ больше ни слова; только голова его опустилась еще ниже...

Колясочка снова медленно покатиалась.

Въ сентябрѣ 1889 года мы съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ очутились въ Парижѣ. Это было въ разгаръ всемірной выставки. Кромѣ насъ, пріѣхали туда съ нами еще великій князь Михаилъ Михайловичъ, вскорѣ послѣ этого женившійся на графинѣ Меренбергъ, внучкѣ Пушкина (отъ морганатическаго брака прища Нассаускаго съ дочерью Пушкина, по первому мужу госпожою Дубельтъ), и великій князь Александръ Михайловичъ.

Въ одно время съ нашимъ пріѣздомъ великій князь Александръ Михайловичъ получилъ изъ Гавра депешу о приходѣ туда крейсера «Память Азова», на которомъ плавалъ тогда подъ командою капитана перваго ранга Ломена безвременно погибшій потомъ отъ туберкулеза великій князь Георгій Александровичъ. Исторія неожиданнаго заболѣванія великаго князя туберкулезомъ, на мой взглядъ, настолько интересна, что заслуживаетъ описанія. О причинѣ такого зараженія, якобы съ моихъ словъ, уже вскользь говорилось въ статьѣ «Autour du Tsar» князя Г. (не подписавшагося полнымъ именемъ) во французскомъ журналѣ «La Revue», напечатанной въ декабрьской книжкѣ за 1907 годъ. Журналъ этотъ, какъ издающійся въ Парижѣ, едва ли у многихъ русскихъ былъ въ рукахъ.

Будучи въ теченіе десяти лѣтъ ассистентомъ у моего брата, извѣстнаго спеціалиста по внутреннимъ болѣзнямъ, я записывалъ всѣхъ приходившихъ больныхъ. Однажды входитъ въ кабинетъ брата какой-то скромно одѣтый человѣкъ, съ печатью такого общаго исхуданія и истощенія, что и мнѣ не трудно было, уже на разстояніи, опредѣлить, что вошедшій человѣкъ—умирающій. На вопросъ, чѣмъ онъ занимается, онъ отвѣтилъ, что онъ второй камердинеръ великаго князя Георгія Александровича.

Ислѣдованіе, произведенное братомъ, показало, что Дунаевъ (такъ звали камердинера) страдалъ чахоткой легкиихъ въ послѣднемъ градусѣ.

Впослѣдствіи выяснилось, что только недавно, когда Дунаевъ совершенно не могъ исполнять свои обязанности,—только тогда

онъ не былъ въ постоянномъ общеніи съ великимъ княземъ, но зато, какъ оказалось, великій князь, по своей добротѣ, постоянно его навѣщаль...

Теперь, спрашивается, что въ это время дѣлалъ знаменитый царедворецъ лейбъ-хирургъ Гиршъ, бывшій столько лѣтъ лейбъ-медикомъ императора Александра III?

Неужели не на его обязанности лежала гигиена и санитарія августѣйшихъ дѣтей государя императора?

Возвращаюсь къ своему разсказу. Получивъ депешу о приходѣ въ Гавръ «Памяти Азова» и о томъ, что на немъ плаваетъ великій князь Георгій Александровичъ, великій князь Александръ Михайловичъ поѣхалъ туда и, кажется, черезъ день привезъ его высочество вмѣстѣ съ командиромъ, капитаномъ Ломеномъ, въ Парижъ. Удивительный молодой человекъ былъ Георгій Александровичъ! Скромный, деликатный, конфузливый, онъ вовсе не производилъ впечатлѣнія обольщеннаго судьбою, выпавшей на его долю, избалованнаго лестью придворныхъ, въ то время наслѣдника русскаго престола, сына могущественнѣйшаго государя Александра III, а, напротивъ того, представлялъ типъ прекраснаго русскаго юноши съ удивительно чистой душой.

Чувство необыкновеннаго вліянія семьи, созданной Александромъ III и государыней Марією Феодоровною, сказалось на всѣхъ августѣйшихъ дѣтяхъ и, конечно, отразилось и на великомъ князѣ Георгіи Александровичѣ.

Вотъ почему, зная, какія добрыя сѣмена посѣяны государемъ Александромъ III въ Георгіи Александровичѣ, капитану Ломену (впослѣдствіи флагъ-капитану его императорскаго величества), которому во время плаванія на «Памяти Азова» и было поручено надзирать за великимъ княземъ, быть можетъ, потому и не приходилось вовсе вмѣшиваться въ дѣйствія и поступки Георгія Александровича.

За недѣлю пребыванія Георгія Александровича въ Парижѣ, въ обществѣ его двоюродныхъ братьевъ, капитана Ломена не было видно вовсе, хотя онъ и жилъ въ одной гостиницѣ съ нами. Онъ гдѣ-то пропадалъ цѣлые дни.

Въ день пріѣзда въ Парижъ капитанъ Ломень далъ 10.000 франковъ на жизнь и расходы Георгія Александровича, прося свиту ихъ высочества, въ томъ числѣ и меня, не водить великаго князя Георгія Александровича Богъ знаетъ куда...

Второй разъ мы видѣли капитана Ломена въ день отъѣзда великаго князя въ Гавръ—и только!

Хотя всѣ великіе князья были въ то время въ Парижѣ *incognito*, но президентъ Французской республики предложилъ великому князю Георгію Александровичу воспользоваться на все время пребыванія его высочества въ Парижѣ его ложею въ Grand Opéra.

Великій князь только одинъ разъ принялъ предложеніе президента и пригласилъ, между прочимъ, и меня отправиться съ нимъ въ Théâtre National de l'Opéra, какъ официально называется «Grand Opéra», на представленіе оперы «Фаустъ».

Въ антрактахъ великій князь сообщилъ мнѣ, что онъ до этого времени видѣлъ только двѣ оперы: «Евгеній Онѣгинъ» и «Мефистофель», любимыя оперы Александра III; на другія оперы государь почему-то не любилъ ѣздить, и потому туда не попадалъ и Георгій Александровичъ.

Во время нашего пребыванія въ Парижѣ недалеко отъ выставочныхъ зданій расположился громадный лагерь группы знаменитыхъ американскихъ ковбоевъ (укротителей лошадей) и индѣйцевъ, дававшихъ тамъ ежедневно представленія.

Во главѣ этихъ ковбоевъ стоялъ извѣстный чуть ли не всей Сѣверной Америкѣ охотникъ за дикими звѣрями и ковбой (полковникъ) Беффало-Биль.

Узнавъ о приѣздѣ сына русскаго императора и его племянниковъ, въ одно прекрасное утро явилась въ нашу гостиницу цѣлая депутація американскихъ джентльменовъ, прося назначить день, когда ихъ высочествомъ будетъ угодно рано утромъ осмотрѣть лагерь индѣйцевъ и ковбоевъ.

Предложеніе было принято, и мы, кажется, на другой день около десяти часовъ поѣхали на мѣсто расположенія лагеря. Около двѣнадцати часовъ, когда великіе князья собрались уже уѣзжать домой, Беффало-Биль, неотлучно находившійся около великаго князя Георгія Александровича и, какъ оказалось, охотившійся въ Сѣверной Америкѣ вмѣстѣ съ великимъ княземъ Алексѣемъ Александровичемъ на бизонъ, предложилъ Георгію Александровичу и остальнымъ великимъ князьямъ не отказать позавтракать у него.

Постѣснявшись, повидимому, огорчить этихъ простыхъ людей отказомъ, Георгій Александровичъ согласился, но подъ условіемъ, чтобы извѣстіе какъ объ его посѣщеніи лагеря, такъ и о завтракѣ никоимъ образомъ не попало въ газеты, и такимъ образомъ, какъ въ послѣдствіи великій князь намъ самъ объяснилъ, не попало бы на глаза государю Александру III, который еще бы не извѣстно какъ на это взглянулъ.

Обѣщаніе американцами не только было дано, но и честно ими исполнено.

Въ великолѣпно убранной русскими, французскими и сѣвероамериканскими флагами палаткѣ состоялся роскошный завтракъ. По американскому обычаю, за виномъ начались тосты, произносить которые, какъ извѣстно, американцы такіе мастера.

Нѣкоторыя рѣчи имѣли политической характеръ. Говорилось о возможномъ единеніи американцевъ съ русскими, вспоминалась экспедиція адмирала Лессовскаго (увы, теперь г. Тафтъ говорить не то!), пили за здоровье государя Александра III...

Наконецъ американцы замолчали и стали посматривать на великаго князя Георгія Александровича, ожидая отвѣта на всѣ ихъ рѣчи.

Зная конфузливый характеръ великаго князя и то, что ему впервые приходится, да еще неожиданно, отвѣтить на рядъ рѣчей съ политическимъ оттѣнкомъ, мы всѣ, въ свою очередь, съ интересомъ ждали отвѣтнаго тоста.

Великій князь Александръ Михайловичъ, сидѣвшій около Георгія Александровича, сказалъ ему вполголоса по-русски:

— Ну, Жоржъ, изворачивайся!

Тогда великій князь, прекрасно говорившій по-англійски, всталъ и громко и ясно произнесъ только слѣдующее:

— За процвѣтаніе великаго американскаго народа и его достойнаго президента!

Вслѣдъ за этимъ мы тотчасъ же простились съ радушными устроителями завтрака.

Во время моего пребыванія съ великимъ княземъ Георгіемъ Михайловичемъ въ Каннѣ въ одно время съ нами пріѣхалъ туда сверженный бразильскій императоръ донъ-Педро, путешествовавшій по Европѣ подъ именемъ графа д'Алькантара.

— Поѣзжайте къ его величеству, — сказалъ мнѣ великій князь, — и распишитесь у него.

Въ то время, какъ я расписывался у донъ-Педро, въ пріемную вошелъ среднихъ лѣтъ черноватый господинъ, оказавшійся лейбъ-медикомъ императора, графомъ Мота-Майя.

Мы разговорились. Узнавъ, что я русскій врачъ въ свитѣ великаго князя, графъ предложилъ представить меня императору.

— Русскими, — сказалъ Мота-Майя, — его величество очень интересуется. Онъ даже и теперь изучаетъ русскій языкъ.

Ссылка моя на то, что я несоотвѣтственно одѣтъ и вовсе не ожидалъ такой чести, мнѣ не помогла. Графъ просилъ меня его подождать и ушелъ во внутренніе покои донъ-Педро. Черезъ нѣсколько времени онъ вернулся въ сопровожденіи господина лѣтъ 65, громаднаго роста, въ длиннѣйшемъ пальто и съ большимъ цилиндромъ на головѣ, котораго онъ не снималъ во время пребыванія въ комнатѣ, что еще болѣе увеличивало его необыкновенный ростъ. Это былъ донъ-Педро. Не скажу, чтобы громадная фигура бразильскаго императора была очень симпатична. Быть можетъ, постоянное выпячиваніе языкомъ искусственныхъ переднихъ зубовъ едва ли не играло въ этой антипатіи большой роли.

— Я иду съ графомъ Мота-Майя гулять, — сказалъ, подавая мнѣ руку, императоръ: — хотите итти съ нами?

Я, разумѣется, согласился.

Затѣмъ императоръ, спросивъ у меня, у котораго великаго князя я служу, и задавъ мнѣ еще нѣсколько незначительныхъ вопросовъ, вышелъ съ нами на улицу.

— Я былъ въ Россіи два раза,—началь потомъ донъ-Педро,—и вынесъ впечатлѣніе, что поскольку васъ, русскихъ, ждетъ великая будущность, настолько вы теперь еще нація варварская. О томъ, что васъ ожидаетъ впереди, я сужу по вашей литературѣ, съ которой я давно знакомъ. Я читаю вашихъ знаменитыхъ авторовъ не, какъ это обыкновенно дѣлается, въ переводахъ, которые никогда не могутъ передать духа языка, но изучаю ихъ въ оригиналахъ. Къ сожалѣнію, мнѣ теперь приходится постоянно путешествовать и у меня нѣтъ возможности усидчиво заниматься вашимъ труднымъ русскимъ языкомъ, который, повторяю, я высоко ставлю. Если вы долго здѣсь останетесь,—обратился ко мнѣ при прощаніи донъ-Педро:—то я буду васъ звать для помощи въ моихъ занятіяхъ русскимъ языкомъ. Я теперь сижу надъ графомъ Львомъ Толстымъ. Что за удивительное произведеніе «Война и миръ»!.. Какія глубокія мысли въ немъ!.. Знаете ли вы, докторъ, что любимые мои авторы Пушкинъ, Крыловъ, а теперь Левъ Толстой. Для вашего языка много сдѣлалъ и Даль, который вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими русскими писателями и сейчасъ со мною.

Къ сожалѣнію, мнѣ пришлось побывать у императора еще только одинъ разъ. Вскорѣ онъ уѣхалъ изъ Каннъ.

При второмъ свиданіи съ донъ-Педро я попросилъ его величество написать что-нибудь въ мой альбомъ автографовъ.

Императоръ любезно согласился. Вотъ буквальный текстъ написаннаго, оказавшійся переводомъ, сдѣланнымъ при мнѣ, по-французски нѣсколькихъ строкъ изъ «Войны и мира»:

«La victoire que les Russes venaient de remporter à Borodino n'était pas de celles qui separent de ces lambeaux d'étoffe cloués à un baton qu'on appelle des drapeaux et qui tirent leur gloire de l'étendue de la conquête».

Уже подписавшись «донъ-Педро д'Алькантара», императоръ прибавилъ еще нѣсколько строкъ по-французски: «я сожалѣю, что подъ руками не нашель стихотвореній Пушкина или басенъ Крылова по-русски, которыя я однажды уже перевелъ съ оригинала».

Когда, впоследствии познакомившись съ однимъ изъ сыновей графа Льва Толстого, я сталъ просить у него ходатайства для заполученія въ свой альбомъ автографовъ (въ настоящее время представляющій нѣчто дѣйствительно рѣдкое) автографа его гениальнаго отца, то молодой графъ сначала наотрѣзъ мнѣ отказалъ, сказавъ, что его отецъ никакихъ альбомовъ не признаетъ.

Узнавъ, однако, отъ меня о существованіи въ моемъ альбомѣ автографа бразильскаго императора съ его подлиннымъ переводомъ нѣсколькихъ фразъ изъ «Войны и мира», онъ перемѣнилъ мнѣніе.

— Пошлите альбомъ въ Москву на имя полковника Мещерянова. Онъ передастъ вашъ альбомъ Льву Николаевичу. Быть можетъ, тогда отецъ согласится вписать въ него и свой автографъ.

Я такъ и сдѣлалъ. Результатомъ этой посылки было то, что автографъ Льва Толстого я получилъ.

Наступилъ 1905 годъ. Будучи днемъ занятъ своимъ личнымъ дѣломъ, посвящая всѣ вечера семьѣ, театру и чтенію, я жилъ вдали отъ тогдашнихъ революціонныхъ теченій, разливавшихся, какъ оказалось, широкою волною повсюду и даже одно время чуть-чуть всѣхъ насъ не захлестнувшихъ.

Тѣмъ не менѣе и до меня, не любившаго заниматься политикой, доходили съ разныхъ сторонъ разнорѣчивые слухи о движеніи народа, о какихъ-то петиціяхъ Государю Императору и о какой-то роли, которую собирался сыграть пресловутый священникъ Гапонъ, *persona grata* тогдашняго петербургскаго градоначальника. Еще наканунѣ 9-го января на Невскомъ (у Полицейскаго моста) въ томъ учрежденіи, гдѣ у меня тогда была частная служба, открыто говорилось, что учрежденіе это 9-го января будетъ закрыто, въ виду боязни служащихъ (большею частью барышень) пробираться черезъ толпу. Но я почему-то все-таки рѣшилъ отправиться на Невскій. Шель я изъ дому все время по правой сторонѣ Мойки и такимъ образомъ дошелъ до Полицейскаго моста. Всюду было тихо, народа было не особенно много, а экипажнаго движенія замѣтно было меньше. Только гдѣ-то со стороны Александровскаго сада слышался негромкій шумъ. Подхожу къ Полицейскому мосту, къ дому графа Строганова. Вижу, сообщеніе по Невскому прервано, а параллельно Полицейскому мосту отъ дома Строганова и до противоположной стороны Невскаго разсыпана цѣпь солдатъ Преображенскаго полка. Сначала меня старшій унтеръ-офицеръ не хотѣлъ пропустить на другую сторону цѣпи, несмотря на то, что я былъ въ формѣ морского врача, но затѣмъ почему-то сказалъ: «Проходите, ваше превосходительство». Но по Невскому дальше я не пошелъ, а остался, прислонившись къ дому Строганова, смотрѣть на развертывающіяся событія. Вдругъ слышу со стороны Адмиралтейства какой-то трескъ и затѣмъ крики. Черезъ минуту, насколько мнѣ помнится, какъ ураганъ пронесли конногвардейцы или кирасиры, гоня передъ собой громадную толпу народа. При въѣздѣ на Полицейскій мостъ кирасиры остановились, но народъ въ паническомъ страхѣ, погоняемый сзади кавалеріей, скучился на мосту, особенно когда увидѣлъ впереди себя пѣхоту. Нѣкоторые изъ толпы тогда прямо съ моста бросались на ледъ рѣки Мойки, къ счастью, не проломившійся...

Вскорѣ на извозчикахъ стали провозить убитыхъ или тяжело раненыхъ. Ихъ было много. Затѣмъ толпа стала понемногу рѣдѣть, но часть осталась и, предводительствуемая какимъ-то старикомъ и двумя-тремя бабами, вступила въ пререканія съ стоявшими въ цѣпи преображенскими солдатами. Офицеры этой роты Преображенскаго полка держались кучкою, глав-

нымъ образомъ на другой сторонѣ Невскаго, ближе къ кондитерской Конради.

Въ особенности неистовствовала одна баба, напиравшая на солдатъ и чуть не лѣзшая въ драку съ однимъ изъ унтеръ-офицеровъ, сосредоточенно и молча сжимавшимъ свое ружье и стоявшимъ немного впереди своего взвода.

— Не вѣчно ты будешь тутъ торчать, — кричала она. — Вернешься въ деревню и тогда не то запоешь, когда жрать будетъ нечего!

Всю свою тираду эта сознательная баба, охраняемая двумя какими-то на видъ тихими рабочими, уснащала отборною руганью.

Долго крѣпился унтеръ. Потомъ какимъ-то надтреснутымъ голосомъ крикнулъ:

— Ну, проходите пока что; а не то такъ васъ тресну, что и костей не соберете!

Вскорѣ послѣ этого я перешелъ на другую сторону Невскаго, ближе къ группамъ офицеровъ Преображенскаго полка и остановился было поговорить съ какимъ-то артиллерійскимъ офицеромъ, въ свою очередь, не понимавшимъ, что здѣсь совершается и почему и за что убиваютъ народъ.

Тогда къ намъ подошелъ капитанъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Михайловъ, котораго я случайно зналъ въ лицо, и рѣзко-начальническимъ тономъ просилъ насъ не останавливаться.

Впослѣдствіи этотъ офицеръ, въ числѣ другихъ офицеровъ Преображенскаго полка, послѣ извѣстной исторіи въ этомъ полку, изъ-за которой лишился мѣста и командиръ полка генералъ свиты Озеровъ, тоже долженъ былъ покинуть полкъ.

Наконецъ я рѣшился итти домой. вмѣстѣ съ встрѣтившимся со мною моимъ родственникомъ, полковникомъ (пынѣ генералъ-лейтенантомъ) Дюшеномъ, мы двинулись на Полицейскій мостъ, гдѣ одиноко торчала ни во что не вмѣшивающаяся и точно затерянная фигура городского среди разнузданной и ругающейся толпы.

Только стали мы спускаться съ моста, какъ двое рабочихъ, стоявшихъ среди улицы недалеко одинъ отъ другого и въ двухъ шагахъ отъ перепуганнаго городского, остановили насъ.

— Вы куда идете? — спросилъ меня одинъ изъ нихъ.

— А вамъ на что? — отвѣтилъ я.

Тонъ у вопрошающаго былъ, однако, отнюдь не вызывающій, скорѣе добродушный.

— Мы просимъ васъ итти не по Морской, а то тамъ безчипствуетъ толпа. Всѣхъ офицеровъ непременно ждуть побои; быть можетъ, даже жизнь ихъ въ опасности.

— Но я вѣдь врачъ. Кому нужна моя жизнь?! — попробовалъ я отвѣтить.

— Да, но пока разберуть, что вы врачъ, могутъ произойти для васъ нежелательныя осложненія, — и съ этими словами оба рабочихъ

загородили намъ путь. Пришлось подчиниться, тѣмъ болѣе, что вокругъ насъ начала собираться толпа. Внутренно мы, собственно говоря, должны были быть благодарны этимъ добрымъ людямъ, спасшимъ, быть можетъ, намъ жизнь!..

Кое-какъ потомъ мы добралсь по Мойкѣ домой...

18-го октября 1905 года, на второй день провозглашенія графомъ С. Ю. Витте знаменитыхъ свободъ, въ Маріинскомъ театрѣ назначена была опера «Лоэнгринъ».

Вовсе не предполагая, что черезъ нѣсколько часовъ зрительный залъ театра превратится самъ въ арену дикихъ выступленій разошедшагося на основаніи «свободъ» не народа, а малой части увлекающейся интеллигенціи, неучащейся молодежи и кучки рабочихъ, не зная ничего о какихъ бы то ни было выступленіяхъ, я просто, какъ любитель оперы и «Лоэнгрина» въ частности, а также въ виду того, что Эльзу должна была пѣть обладающая прекраснымъ голосомъ красивая Кузнецова-Бенуа, взялъ и себѣ билетъ.

Миѣ и сейчасъ кажется, что, несмотря на недавность разыгравшихся событій, все это или какъ будто бы и не существовало вовсе, или всѣ грустные эпизоды нашего печальнаго прошлаго поросли настолько быльемъ давности, что для ихъ подтвержденія требуется даже для меня самого рядъ свидѣтельскихъ показаній.

Прихожу въ театръ, наполненный только на половину. Въ особенности пустовали ложи. Изъ моего мѣста (сидѣлъ я въ пятомъ ряду) усмотрѣлъ я въ бенуарѣ двѣ или три ложи, наполненныя людьми, повидимому, между собою знакомыми. Въ одной изъ этихъ ложекъ сидѣли недавно окончившій Александровскій лицей С. В. Юрьевъ (нынѣ въ должности церемоніймейстера) со своею хорошенькою женою, рожденною Ковалевскою, и ея братьями (всѣхъ ихъ я хорошо зналъ и раньше).

Эти господа, какъ я впоследствии узналъ, были уже освѣдомлены о готовящемся разыгратъ скандалѣ и, подговоривъ нѣсколькихъ своихъ знакомыхъ, явились въ театръ единственно съ цѣлью противодѣйствія революціоннымъ выступленіямъ и недопущенія скандала.

Первое дѣйствіе прошло благополучно. Но уже во второмъ дѣйствіи «Лоэнгрина» въ директорской ложѣ поднялась какая-то суетня. Театральные чиновники бѣгали то на сцену, то стремительно возвращались назадъ. Оказывается, что въ это время кучка студентовъ и «сознательныхъ» товарищей снимала спектакль въ консерваторіи...

Не успѣлъ опуститься занавѣсъ, какъ въ лѣвой половинѣ галереи Маріинскаго театра, тоже не особенно людной, появилась кучка изъ пяти-шести студентовъ и нѣсколькихъ рабочихъ. Ораторствовалъ въ ней какой-то университетскій студентъ въ тужуркѣ, для начала бросившій въ партеръ красную тряпку съ криками:

— Долой самодержавіе!

Затѣмъ безсвязная его рѣчь свелась къ тому, что «какъ это такъ на улицахъ убиваютъ народъ, а здѣсь господа забавляются!»

— Прекратить представленіе немедленно же и никакихъ!—буквально такъ закончилъ свою тираду никому невѣдомый ораторъ.

Тогда многіе изъ публики стали снизу кричать этому студенту:

— Молчать, мальчишка! Это нахальство!—Студентъ на это что-то отвѣтилъ. Тогда крики и брань въ партерѣ усилились. Вдругъ въ правой ложѣ бенуара (рядомъ съ среднимъ проходомъ) появилась новая группа. Въ ней оказался свой ораторъ.

Это былъ господинъ среднихъ лѣтъ въ мягкой фетровой шляпѣ съ большими полями (какой-то профессоръ, какъ меня потомъ увѣряли).

Онъ началъ свою рѣчь на ту же тему, что и студентъ съ галерки, но съ большимъ самообладаніемъ и съ большимъ навыкомъ въ произношеніи рѣчей. Но окончанія его рѣчи намъ услышать не пришлось и вотъ почему.

Волненіе, охватившее зрительный залъ и людей, сидѣвшихъ въ ложахъ, тогда достигло высокой степени. «Вонъ его!—слышались отовсюду крики по адресу оратора:—заткните ему глотку» и т. д.!

— Гимнъ!—кричали одни, другіе неистово аплодировали, требуя, въ свою очередь, исполненія гимна. Нѣкоторые свистали. Гвалтъ стоялъ неописуемый.

Въ числѣ присутствовавшихъ въ партерѣ находился состоявшій при товарищѣ министра путей сообщенія В. А. Мясоѣдовѣ-Ивановѣ капитанъ (теперь подполковникъ) по адмиралтейству Рябовъ. Тотъ долго крѣпился, слыша возмутительную рѣчь, раздававшуюся въ стѣнахъ императорскаго театра, но наконецъ не выдержалъ. Засучивъ рукава, онъ, шагая черезъ кресла, бросился въ самую середину ложи, гдѣ стоялъ ораторъ со своими ассистентами, и тяжелый его кулакъ опустился на голову говорившаго...

На помощь Рябову подоспѣли, какъ мнѣ потомъ называли, подполковникъ Черникъ (Петербургскаго уланскаго полка) и еще масса другихъ офицеровъ, изъ которыхъ выдавался одинъ полковникъ со значкомъ пажескаго корпуса...

Били чѣмъ попало, даже стульями...

Къ профессору и его ассистентамъ, въ свою очередь, пришли единомышленники, и бой завязался уже не въ самой ложѣ, а внѣ ея, въ коридорѣ.

Въ особенности рвалась въ бой, истерически визжа, какая-то не то курсистка, не то просто сознательная дѣвица. Ее съ трудомъ оттащилъ отъ дерущихся, а потомъ даже заслонилъ собою плотный полицейскій полковникъ, быстро выпроводившій эту госпожу на улицу, въ особенности, когда онъ замѣтилъ, что какой-то господинъ съ здоровеннѣйшими кулаками собирался ее оттузить...

— Неужели же полиція не могла предупредить такихъ безпорядковъ?—обратился я къ полицейскому офицеру.

— Да развѣ это было мыслимо?—отвѣтилъ мнѣ полковникъ, повидимому, мѣстный приставъ.—Вѣдь буйствующихъ цѣлыя толпы, и всѣ вооружены. У меня же на два театра всего на всего взводъ жандармовъ...

Въ зрительномъ залѣ, куда я немедленно вернулся, крики: «гимнъ, гимнъ, гимнъ!» достигли апогея. Стучали, хлопали, кричали.

Между тѣмъ, едва только скандалъ началъ разыгрываться, всѣ музыканты бросились наутекъ.

Настойчивое, однако, требованіе гимна заставило растерявшуюся дирекцію опомниться.

Подняли занавѣсъ, и на сценѣ появилась Кузнецова-Бенуа, окруженная еще нѣкоторыми артистами и частью хора, и обратилась къ публикѣ со словами:

«Господа, спектакль продолжать невозможно, со многими артистами сдѣлалось дурно, но мы все-таки споемъ гимнъ».

И гимнъ при аккомпаниментѣ одиннадцати (не болѣе) оставшихся музыкантовъ оркестра былъ спѣтъ госпожою Кузнецовой-Бенуа и остатками хора, а также всею публикою при оглушительныхъ аплодисментахъ, и тогда уже безъ всякихъ помѣхъ, три раза!

Такъ кончилось это знаменитое представленіе, и удивительное дѣло: дирекція императорскихъ театровъ объявила черезъ два дня, что лицамъ, сохранившимъ свои билеты, будутъ возвращены деньги.

Такимъ образомъ, прослушавъ изъ трехъ два дѣйствія «Лоэн-гринъ» и бывъ свидѣтелемъ невѣроятнаго скандала, часть публики получила почему-то свои деньги обратно.

Когда черезъ день или два мнѣ пришлось рассказать объ этомъ скандалѣ флигель-адъютанту Дабичу, тогдашнему командиру экипажа, въ которомъ я служилъ, то Дабичъ во время дежурства при Государѣ Императорѣ передалъ мой рассказъ Его Величеству.

Государь изволилъ тогда замѣтить, что о случаѣ въ Маринскомъ театрѣ Его Величеству ничего не извѣстно. При этомъ государю благоугодно было приказать флигель-адъютанту Дабичу (нынѣ отставному вице-адмиралу) провѣрить еще разъ мой рассказъ.

Конечно, я подтвердилъ все мною видѣнное.

На этомъ я пока заканчиваю свои скромныя воспоминанія.

В. Б. Бертенсонъ.

НѢСКОЛЬКО ВСТРѢЧЪ СЪ А. С. СУВОРИНЫМЪ.

(По личнымъ воспоминаніямъ).

О ПРЕКРАЩЕНІИ гайдебуровской «Недѣли» сотрудники ея разбрелись въ разные стороны. Нѣкоторые, напримѣръ, М. О. Меньшиковъ, М. Н. Мазаевъ и др., перебрались въ «Новое Время», въ томъ числѣ и я.

Съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ Суворинымъ меня познакомилъ вліятельный членъ редакціи Б. В. Гей, который предложилъ мнѣ явиться къ издателю «Новаго Времени» въ весьма странный пріемный часъ—около полуночи. Меня ввели въ громадную комнату, ярко освѣщенную электричествомъ. Мелькомъ я замѣтилъ ряды заставленныхъ книгами полокъ или книжныхъ шкаповъ по стѣнамъ, различные предметы искусства, между прочимъ удивительно тонко выполненное мраморное изваяніе женщины. Вниманіе мое было устремлено на то мѣсто, гдѣ, у стола, заваленнаго книгами, газетами, глубоко опустившись въ кресло, сидѣлъ и дѣлалъ какія-то замѣтки на лоскуткѣ бумаги создатель и руководитель вліятельнѣйшей русской газеты.

Протягивая руку, А. С. Суворинъ подаль видѣ, будто бы хотеть встать со своего мѣста и взялся даже за свою отдѣланную серебромъ палку, на которую слегка опирался, когда ходилъ. Ни тѣни какой-либо важности или дѣловаго настроенія не выражалось на его лицѣ. Его старческія черты свѣтились пріятливостью: онъ слегка улыбался, приподнимая брови и углы рта.

— Очень пріятно, садитесь, вы курите?—началъ онъ.—Вы читаете въ университетѣ, васъ что-то поругиваютъ?

— Да,—отвѣчалъ я,—къ сожалѣнію, моя магистерская диссертація вызвала тридцать шесть бранныхъ рецензій...

Суворинъ засмѣялся, брови его поднялись еще выше, а лицо стало еще привѣтливѣе.

— Это хорошо, когда ругаютъ,—замѣтилъ онъ:—нѣмцы говорятъ: много враговъ, много чести... А сколько меня ругали? Кто меня не ругалъ? Обидно, когда свои ругаютъ... Не ругаютъ только того, кто или очень сладокъ, или очень прѣсентъ, въ комъ толку нѣтъ. А какъ ваша диссертація называется?

Я сказалъ.

— Не читалъ,—продолжалъ Суворинъ:—не знаю, вы писали о Византіи—это очень интересно... Вотъ рассказы ваши въ «Недѣлѣ» читалъ... Свѣжо, свѣжо... тамъ, гдѣ о французскихъ студентахъ, Мопассана напоминаетъ... Вы пробуйте... Художественная жизнь и журналисту не мѣшаетъ... Наоборотъ, она полезна... Хорошо, когда журналистъ думаетъ образами... У французовъ и ученые думаютъ образами, вотъ хотя бы Ренанъ,—это нѣмцы засушили исторію...

Суворинъ говорилъ отрывистыми фразами, то взглядывая на собесѣдника, то бѣгая взглядомъ по сторонамъ. Онъ хотѣлъ продолжать, но въ это время вошли покойный Скальковскій и нынѣ благополучно здравствующій А. П. Никольскій. Скальковскій сразу внесъ жизнь въ эту громадную комнату. Онъ только вернулся изъ театра и шумно, остроумно и образно передавалъ свои впечатлѣнія. Суворинъ слушалъ его съ интересомъ и съ удовольствіемъ. Я замѣтилъ, что, смѣясь, онъ всегда наклонялся немного, впередъ, при чемъ брови концами вверхъ поднимались почти подъ прямымъ угломъ, а губы сбирались въ сборку, какъ будто бы хозяинъ не хотѣлъ давать имъ воли. Въ эти минуты лицо Суворина становилось необычайно мило и привлекательно: умъ, добродушіе, нѣкоторое лукавство сквозили въ его прищуренныхъ смѣющихся глазахъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ не удалось больше бесѣдовать съ великимъ русскимъ журналистомъ, но зато я присматривался къ нему. Послѣ веселыхъ разговоровъ о театрѣ Суворинъ заговорилъ съ А. П. Никольскимъ, который писалъ тогда въ «Новомъ Времени» свои горячія и глубоко продуманныя статьи противъ общины, предупреждая позднѣйшій законъ 17-го іюня 1910 года.!

Здѣсь мнѣ пришлось увидѣть Алексѣя Сергѣевича въ другомъ настроеніи. Очевидно, онъ живо переживалъ и чувствовалъ то, что думалъ. Суворинъ былъ тоже противъ общины.

— Община, община,—сердился онъ:—намъ, изволите ли, нуженъ былъ нѣмецъ Гакстаузенъ, чтобы изъяснить, что община—наше спасеніе, наше національное изобрѣтеніе... Кому же намъ и вѣрить, какъ не нѣмцу... Увѣровали, въ остатокъ крѣпостного права... Вы тамъ несовершенства, недостатки общины указываете,—

говорилъ онъ Никольскому:—все это хорошо, вѣрно, правильно, да не въ томъ дѣло... Наше народничество остатки крѣпостничества защищаетъ и не понимаетъ этого, и вы не понимаете...

— Нѣтъ, понимаю,—слегка улыбаясь, возразилъ Никольскій.

Только что сердившійся, морщившійся и стучавшій о полъ своей палкой Алексѣй Сергѣевичъ вдругъ поднялъ голову, улыбнулся прекрасной, добродушной, привѣтливой улыбкой и произнесъ:

— Ну, вы-то понимаете, да дѣло не въ этомъ... Тогда напишите объ этомъ въ газетѣ.

Нѣсколько времени спустя послѣ перваго знакомства съ Алексѣемъ Сергѣевичемъ, я встрѣтился съ нимъ на одномъ изъ «беллетристическихъ обѣдовъ», устраиваемыхъ покойнымъ Данииломъ Лукичемъ Мордовцевымъ въ ресторанѣ Донона на Мойкѣ у Пѣвческаго моста. Эти обѣды, представлявшіе собою въ нѣкоторомъ родѣ свободную беллетристическую академію, собирали тѣсный кругъ участниковъ, пополнявшійся товарищескимъ выборомъ. Они описаны П. П. Гнѣдичемъ въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ «Историческаго Вѣстника» за 1911 г. На этихъ обѣдахъ Суворинъ бывалъ рѣдко, но его пріѣздъ былъ всегда шумно привѣтствуемъ и вызывалъ большое оживленіе. Мы сидѣли уже за столомъ, когда Алексѣй Сергѣевичъ вошелъ; съ шумными восклицаніями всѣ встали ему навстрѣчу. Его усадили между Случевскимъ и Каразинымъ. Разговоръ до появленія Суворина шелъ о допущеніи на «беллетристическіе обѣды» дамъ-писательницъ. На этотъ счетъ участниками были установлены отрицательныя строгія правила, которыя нѣсколько разъ порывался отмѣнить поклонникъ дамскихъ дарованій В. И. Немировичъ-Данченко. По этому поводу завѣдывавшій распорядительскою частью Мордовцевъ поручилъ одному молодому даровитому художнику изобразить въ особомъ альбомѣ обѣдовъ башню, окруженную со всѣхъ сторонъ водой; къ башнѣ на лодкѣ ѣдетъ Немировичъ-Данченко съ большимъ грузомъ дамъ-писательницъ, а изъ бойницъ башни со всѣхъ сторонъ грозно высовываются въ видѣ копій писательскія перья, съ которыхъ капаютъ ядовитыя чернила. Суворину показали это изображеніе, и онъ началъ громко смѣяться.

— И вы противъ женщинъ?—спросилъ у него черезъ столъ Немировичъ?

— Я не противъ женщинъ,—смѣясь отвѣчалъ Алексѣй Сергѣевичъ.

— Нашего полку прибыло,—съ торжествомъ воскликнулъ Данченко, но Случевскій его остановилъ.

— Мы говорили о допущеніи въ нашу башню дамъ-писательницъ,—замѣтилъ онъ:—я самъ не противъ женщинъ, но мы говоримъ, желательны ли онѣ на нашихъ обѣдахъ?

- Конечно, нѣтъ, — отвѣчаль, попрежнему смѣясь, Суворинъ.
- Да почему же? — горячо воскликнулъ Немировичъ-Данченко.
- Да такъ.
- Нѣтъ, да почему же?
- Да не къ чему...

Никакіе дальнѣйшіе разспросы и настоянія не привели ни къ чему. Алексѣй Сергѣевичъ смѣялся, шурился и о чемъ-то тихо переговаривался съ Каразинымъ, съ которымъ, повидимому, у него была близость. По крайней мѣрѣ Суворинъ нѣсколько разъ ласково покрывалъ своей ладонью верхнюю часть кисти руки Каразина. Алексѣй Сергѣевичъ ничего не ѣлъ за обѣдомъ, и бокалъ съ шампанскимъ тоже все время простоялъ опороженнымъ лишь до половины.

Къ концу обѣда произошло маленькое происшествіе, насмѣшившее всѣхъ. На Случевскомъ былъ форменный камергерскій вицъ-мундиръ съ плоскими пуговицами и добавочными маленькими пуговицами на ложныхъ продольныхъ карманахъ фалдъ. Константинъ Константиновичъ пріѣхалъ прямо съ, какого-то официальнаго собранія.

— А гдѣ же ваши ордена? — спросилъ Суворинъ Случевского.

— Въ карманѣ, — спокойно отвѣчаль тотъ, вынимая изъ боковыхъ кармановъ вицъ-мундира два владимирскихъ креста и двѣ звѣзды: — это по формѣ: тамъ они при вицъ-мундирѣ, а здѣсь — въ вицъ-мундирѣ.

— А правда, говорятъ, будто бы у чиновниковъ подъ каждымъ крестомъ въ груди покоится одно доброе чувство? — шутя продолжалъ Суворинъ.

— У тѣхъ изъ чиновниковъ, — съ дѣланной серьезностью отозвался Случевскій: — которые берутъ кресты не съ добрымъ чувствомъ, а такихъ много, потому что за эти кресты и звѣзды приходится платить довольно дорого.

Со Случевскимъ тоже, повидимому, Алексѣй Сергѣевичъ былъ ближе, чѣмъ съ другими, и они вмѣстѣ уѣхали послѣ обѣда, кажется, въ театръ.

Когда вышло въ свѣтъ изданное Суворинымъ сочиненіе покойнаго Шильдера «Императоръ Александръ Первый», Алексѣй Сергѣевичъ поручилъ мнѣ написать въ «Новомъ Времени» статью объ этой книгѣ. Предварительно мы имѣли съ нимъ по данному поводу продолжительное собесѣдованіе, при чемъ Алексѣй Сергѣевичъ высказывалъ свои взгляды на эпоху царствованія Александра Благословеннаго и вообще на русскую исторію императорскаго періода.

— Какая загадочная личность Благословенный, — говорилъ онъ: — вѣдь онъ зналъ о декабристскомъ заговорѣ... Зачѣмъ же онъ не

принималъ никакихъ мѣръ? Пускай, думалъ, попробуетъ тоже одинъ изъ братьевъ, что значитъ царствовать. Или онъ хотѣлъ, чтобы конституціонныя мечтанія его молодости сбылись послѣ него или въ концѣ его жизни насильственнымъ путемъ, безъ его участія? Можетъ быть, онъ боялся недовольства среди крѣпостниковъ изъ высшихъ классовъ! Вотъ тема для романа. Вѣдь далъ же онъ конституцію Польшѣ и Финляндіи; почему же не далъ коренной Россіи? Онъ боялся? Онъ боялся придворной интриги, погубившей его отца? Онъ думалъ, пусть само собой... будетъ соблюдена видимость... Вынудили... Я, молъ, не самъ... обстоятельства заставили... Вѣдь, тоже трудно имъ... царямъ-то... Николай Павловичъ боялся освободить крестьянъ, хотѣлъ, но боялся... Кого? Сановниковъ и родовитыхъ крѣпостниковъ... А развѣ Александръ II не боялся? Не даромъ онъ уговаривалъ дворянство, что если не пачать сверху, начнется снизу... Вѣдь это наше дворянство презирало народъ... Ну, конечно, я говорю только о крѣпостническомъ дворянствѣ и чиновничествѣ... Вѣдь для нихъ Россія это имѣніе, откуда получаютъ доходы, а настоящая родина тамъ, за границей, гдѣ эти доходы проживаются... Говорятъ, евреямъ трудно, ихъ преслѣдуютъ... Хорошо... А каково нашему мужику?.. Вѣдь евреевъ не порютъ, а нашихъ порютъ, этого самаго камаринскаго мужика... (Это говорилось до того времени, когда высочайшимъ указомъ было уничтожено тѣлесное наказаніе въ волостныхъ судахъ)... нашего сѣятеля и хранителя...

Алексѣй Сергѣевичъ былъ большой поклонникъ Алексѣя Петровича Ермолова, вслѣдствіе чего поручилъ мнѣ въ статьѣ о книгѣ Шильдера остановиться на личности Ермолова и изъ царствованія Александра Благословеннаго по этому поводу сдѣлать заходъ въ царствованіе Николая Павловича. Когда статья была написана, тогдашній редакторъ «Новаго Времени» Ѳ. И. Булгаковъ изъ-за Ермолова забраковалъ всю рукопись.

— Вы пишете о Ермоловѣ, а надо объ Александрѣ,—заявилъ онъ.

— Но я только попутно...

— Тогда вычеркните Ермолова...

Я пошелъ къ Алексѣю Сергѣевичу. Также уже царила глухая ночь, но Суворинъ разбирался въ какихъ-то бумагахъ, а свѣже разрѣзанная книга лежала около стола на стулѣ. Я объяснилъ ему упрямство Булгакова. Суворинъ долго не отвѣчалъ, попрежнему роясь въ бумагахъ. Наконецъ онъ нашель, что было надо, прочель и отложилъ въ сторону. Потомъ всталъ, запахнулъ халатъ и, постукивая палкой, пошелъ внизъ въ редакцію. Я слѣдовалъ за нимъ.

Онъ прошелъ прямо въ комнату Булгакова. Наступилъ любопытный моментъ, что скажетъ и какъ поступитъ Суворинъ. Я думалъ, что онъ потребуетъ разъясненія, почему не печатается напи-

санная карандашомъ по его распоряженію статья, но Алексѣй Сергѣевичъ поступилъ иначе.

Булгаковъ, болѣзненный, издерганный, раздражительный человекъ, сидѣлъ спиной къ топившемуся камину, съ какимъ-то рванымъ оренбургскимъ платкомъ на плечахъ и безжалостно мараль чью-то статью. Суворинъ сѣлъ около него въ кресло, загородившись каминнымъ экраномъ.

— Тутъ есть одинъ фельетонъ, голубчикъ,—началъ онъ спокойнымъ тономъ:—объ Александрѣ... Онъ когда у васъ пойдетъ?

Булгаковъ злобно сверкнулъ на меня своими очками.

— Онъ не пойдетъ,—рѣзко отвѣчалъ онъ.

— Такъ вы лучше всего поставите его въ субботу.

— Въ немъ болѣе пятисотъ строкъ,—опять огрызнулся Булгаковъ.

— Онъ обстоятельно написанъ,—также спокойно продолжалъ Алексѣй Сергѣевичъ:—а что васъ на четверговыхъ обѣдахъ не видно?

— Еще меня тамъ недоставало!

Суворинъ сохранялъ невозмутимое спокойствіе. Я много слышалъ объ его вспыльчивости и несдержанности и былъ прямо пораженъ необычайной выдержкой.

— Ну, прощайте, голубчикъ,—произнесъ онъ на прощанье и направился къ выходу.

Еще Суворинъ находился въ коридорѣ, когда Булгаковъ у себя поднялъ цѣлый скандалъ.

— А-а,—кричалъ онъ,—вы жаловаться... Тутъ въ редакторское дѣло вмѣшиваются, тутъ редактировать не даютъ... Чортъ побери всѣхъ... Я ухожу, я сейчасъ ухожу... Не будетъ вашъ фельетонъ напечатанъ, ни одной строки не напечатаю...

Булгаковъ продолжалъ бѣсноваться. Я вышелъ въ коридоръ. Въ редакціи было почти пусто. Алексѣй Сергѣевичъ стоялъ въ переходѣ и, опершись на палку, слушалъ выкрики Булгакова.

— Какъ расходился, ишь ты,—произнесъ онъ, добродушно улыбаясь и качая головой, когда я, проходя мимо, ему поклонился.

Онъ умѣлъ цѣнить старыхъ служащихъ и мирился съ ихъ строптивостью, пока она не переходила границы.

Статья была напечатана съ небольшими сокращеніями въ ближайшую субботу.

Когда въ 1904 году Н. Н. Перцовымъ было основано «Слово», я примкнулъ къ кружку его сотрудниковъ, сталъ рѣдко бывать въ редакціи «Новаго Времени» и долго не видалъ Алексѣя Сергѣевича, пока не встрѣтилъ его при особыхъ обстоятельствахъ.

Какъ извѣстно, наканунѣ 17-го октября 1905 года въ средѣ представителей повременной печати возникла мысль о необходимо-

сти общими силами бороться за осуществленіе явочнаго порядка изданія газетъ и журналовъ. Я слышалъ, что Суворинъ самъ высказывался за желательность такой борьбы. Союзъ изданій самаго различнаго направленія, объединившихся съ указанной цѣлью, наконецъ сорганизовался, и засѣданія газетныхъ и журнальныхъ представителей происходили въ помѣщеніи редакціи «Слова» и «Новаго Времени» во второмъ этажѣ суворинскаго дома. Организациія собраній заключалась въ томъ, что отъ каждаго изданія присутствовали редакторы и по двое представителей, избранныхъ сотрудниками. Отъ сотрудниковъ «Слова» представительствовали я и С. Ф. Савченко-Бѣльскій.

Когда въ первый разъ мнѣ пришлось очутиться на собраніи въ редакціи «Новаго Времени», наборщиками была объявлена забастовка. Насколько помнится, это было 19-го октября. Я вошелъ въ залъ, гдѣ было очень накурено и шумѣло множество голосовъ. Масса народа толпилась въ помѣщеніи. Мелькали знакомыя и незнакомыя лица. Знакомились и разговаривали другъ съ другомъ безъ того грубо сектантскаго предубѣжденія, которымъ обыкновенно отличаются взаимныя отношенія русскихъ людей неодинаковыхъ политическихъ воззрѣній. Точно забыта была вѣковая русская рознь и восторжествовала наконецъ мысль, что настоящее дѣло можно дѣлать только сообща.

Открылось засѣданіе. Между прочимъ собранію были представлены два представителя отъ наборщиковъ, которыхъ вызвали, чтобы съ ними поговорить о забастовкѣ. Кажется, это были члены совѣта рабочихъ депутатовъ. Многие изъ числа собранія полагали, что послѣ 17-го октября, въ такую горячую отвѣтственную минуту печать не могла молчать; она должна была говорить и знакомить читающую массу съ положеніемъ вещей. Наборщики же еще дѣйствовали по инерціи; чего они требовали, я не помню, чуть ли не учрежденія «демократической республики» и введенія «всеобщей, равной, прямой и тайной» подачи голосовъ. Тогда уже это было въ модѣ.

Наборщикамъ-депутатамъ пытались изъяснить суть дѣла, но они оставались непреклонны. Любопытно было наблюдать, какъ эти два испытые, неуклюжіе, медлительные челоуѣка въ синихъ косовороткахъ и мѣшковатыхъ пиджакахъ импонировали собравшему цвѣту тогдашней журналистики.

Къ нимъ обращались съ необычайнымъ почтеніемъ и смиреніемъ. Несмотря, однако, на всѣ обращенныя къ нимъ просьбы и разъясненія, наборщики оставались непреклонны. Тогда послѣдовало еще одно предложеніе. Представитель «Журнала для всѣхъ», какой-то господинъ прекрасной интеллигентной наружности съ волнистыми каштановыми кудрями и сѣрой барашковой шапкой въ рукѣ заявилъ наборщикамъ:

— Господа, я понимаю, что вы не позволяете выходить консервативнымъ изданіямъ, но неужели вы не позволите намъ—либеральнымъ, отстаивающимъ дѣло народа?

«Консервативные» журналисты переглянулись. Въ залѣ сразу сильно запахло старымъ духомъ главнаго управленія по дѣламъ печати, только на изнанку. Видимо, сами «либеральные» смутились. По крайней мѣрѣ, сидѣвшій рядомъ со мною весьма симпатичный и умный журналистъ, сотрудникъ, кажется, «Сына Отечества» или «Нашей Жизни», Ганфманъ съ неудовольствіемъ покрутилъ головой и отвернулся отъ автора предложенія. Прочіе тоже молчали.

Господину съ прекрасной интеллигентной наружностью даль урокъ одинъ изъ рабочихъ:

— Ежели,—началь онъ тихо и съ запинками, но вмѣстѣ съ тѣмъ и съ увѣренностью:—ежели мы вамъ позволимъ, либеральнымъ, а тѣмъ не позволимъ, такъ оно будетъ несправедливо, нехорошо. Однимъ позволить, такъ и другимъ тоже, а безъ того оно нельзя, невозможно. Вотъ, скажутъ, однимъ позволяютъ, другимъ не позволяютъ... А ужъ если... тамъ всѣмъ равно—по справедливости...

Эта справедливость, живущая въ груди простого наборщика и отсутствующая въ интеллигентномъ журналистѣ, умилила тогда многихъ.

Затѣмъ собранію для обсужденія былъ поставленъ слѣдующій вопросъ: какъ обезпечить единство борьбы за новыя права печати? Было предложено установленіе круговой поруки, примѣненіе которой должно было заключаться въ томъ, что статью, за которую страдало одно изданіе, обязывались перепечатать у себя всѣ остальные участники союза и такимъ путемъ, такъ сказать, распылить отвѣтственность.

По этому вопросу много говорилъ сотрудникъ «Русской рабочей газеты» Воробьевъ. Этотъ еще очень молодой, но и очень самоувѣренный человекъ лепеталъ скороговоркой о значеніи пролетаріата, о томъ, что пролетаріатъ не допуститъ, что пролетаріатъ не нуждается ни въ комъ... Слово «пролетаріатъ» выпаливалось черезъ каждыя три-четыре мгновенія.

Пролетаріатъ, какъ извѣстно, былъ тогда въ модѣ. Поэтъ Минскій издавалъ пролетарскую «соціалъ-демократическую газету», гдѣ сотрудничала «пролетарка» Теффи, талантливый Сологубъ писалъ соціалъ-демократическія стихотворенія, ломая въ пролетарскихъ виршахъ свое недюжинное дарованіе... Неудивительно, что пѣтушинный задоръ Воробьева не встрѣтилъ достойнаго отпора старшихъ, а видѣвшій на своемъ вѣку виды Нотэ Новис г. Кунгель все-таки умилился и со вздохомъ произнесъ:

— Какая убѣжденность, какая свѣжесть чувства!

Я пытался возражать юному соціалъ-демократу, но онъ не слушалъ и только повторялъ «пролетаріатъ», «пролетаріатъ».

— Заладила сорока Якова и честить имъ всякаго,—замѣтилъ кто-то изъ «консервативныхъ».

Я всталъ и отошелъ къ двери, ведущей въ сосѣдную полутемную комнату. Кто-то оперся сзади на мой стулъ. Я оглянулся. Это былъ Суворинъ. Я всталъ, предлагая свой стулъ Алексѣю Сергѣевичу.

— Сидите, сидите, голубчикъ,—прежнимъ привѣтливимъ тономъ произнесъ онъ.

Я еще разъ указалъ ему на стулъ. Суворинъ сѣлъ и съ дружеской лаской, какъ это онъ дѣлалъ съ Каразинымъ на «беллетристическомъ обѣдѣ», взялъ своей ладонью верхъ кисти моей руки. Въ это время въ залѣ происходили шумныя пренія. Представителями «Новаго Времени» являлись А. А. Столыпинъ и А. А. Пиленко. Оба они горячо доказывали, что слѣпая перепечатка всего, что бы ни было напечатано въ пострадавшемъ изданіи, не можетъ быть вмѣнена въ обязанность всѣмъ членамъ союза. Со свойственной ему талантливостью Пиленко развивалъ ту основательную мысль, что такія газеты, какъ «Новое Время», которыя представляютъ собою миллионныя предпріятія, не могутъ итти на рискъ закрытія съ такимъ же легкимъ сердцемъ, какъ только вчера возникшіе летучіе сатирическіе листки вродѣ многочисленныхъ тогда «Пуль», «Стрѣль», «Пулеметовъ» и т. п.

Въ самомъ дѣлѣ эти листки представляли собою своеобразный журнальный пролетаріатъ, рѣшительно ничѣмъ не рисковавшій въ матеріальномъ смыслѣ и потому способный на всякую выходку.

Несмотря на всю ясность положенія вопроса, многіе изъ «либеральныхъ» спорили до слезъ и доказывали, что представители «Новаго Времени» нарушаютъ товарищеское единеніе и равноправность. Среди общаго шума и гвалта Суворинъ вдругъ поднялся со своего мѣста и твердымъ, хотя тяжелымъ шагомъ подошелъ къ столу и положилъ на него свою палку. При появленіи его вдругъ все смолкло.

— Вотъ что,—послышался его увѣренный голосъ среди общей тишины,—Пиленко говорилъ правильно: «Новое Время» миллионное дѣло, съ нимъ связаны судьбы сотенъ людей, и оно не можетъ рисковать такъ, какъ разные грошовые листки. Но мало того. Вы для чего сюда собрались? Дѣлать общее большое дѣло... Такъ надо его дѣлать, какъ слѣдуетъ, не по-мальчишески, не такъ, какъ вонъ этотъ (Алексѣй Сергѣевичъ кивнулъ на «пролетарія» Воробьева). Нужно выбрать такіе пути и средства, чтобы совмѣстно итти къ цѣли, нужно дѣлать дѣло разумно. Мало ли что напечатаетъ какой-нибудь листокъ въ горячемъ бреду или просто по глупости... Неужели все это должно «Новое Время» да и всѣ другіе перепечатывать? Вѣдь, это же смѣшно... Не надо срамиться...

Суворинъ говорилъ, не прося ни у кого слова, не справляясь о томъ, имѣеть ли онъ право говорить, и его слушали, не перебивая и даже не проронивъ ни одного слова. Рѣчь его звучала увѣренно и властно. Видно было, что говорилъ человѣкъ, привыкшій къ тому, чтобы его слушали.

Суворинъ кончилъ и снова отошелъ къ двери, гдѣ сидѣлъ ранѣе. Его окружила группа лицъ. Кто-то высказалъ предположеніе, что иной листокъ нарочно напечатаетъ глупость, чтобы подвести многимъ ненавистное «Новое Время» подъ обухъ.

— Я этого не думалъ и не думаю, — отвѣчалъ Алексѣй Сергѣевичъ: — идетъ большое святое дѣло, надо сдѣлать его, мы переживаемъ историческій моментъ и теперь не время мальчишескимъ выходкамъ... Нуженъ здравый смыслъ...

Возобновившіяся пренія не привели ни къ чему, и Суворинъ, недовольный и раздраженный, тяжелымъ шагомъ ушелъ во внутреннія комнаты.

В. Грибовскій.

ВОСПОМИНАНІЯ ИНСУРГЕНТА ¹⁾.

РОВИЗИЮ надо было беречь. Марья Петровна предупреждала меня, да я и самъ зналъ невозможность заходить въ деревни добывать провизию, хотя деньги у меня въ карманѣ и въ ладонкѣ на груди были. Крестьяне-полѣшники непременно бы схватили меня и выдали властямъ. Крѣпостной гнетъ еще не былъ забытъ, и напрасно мы, дворяне, театральнo братались съ ними. Мужики были противъ бунтовавшихъ пановъ. Никакія обѣщанія воли и земли не подкупали ихъ

— Врутъ ляхи-паны,—говорили они.—Это помѣщички затѣяли воевать съ царемъ, чтобы опять вернуть барщину.

Когда Сигизмундъ проходилъ черезъ деревни, жители прятались. Захваченные всегда неохотно отвѣчали, гдѣ русскія войска. При разспросахъ начальниковъ русскихъ отрядовъ было совсѣмъ другое: рассказывали, указывали и охотно шли въ проводники по болотамъ, гдѣ безъ этого и пройти было бы невозможно.

Обдумавъ все обстоятельно, я рѣшилъ избѣгать селеній. Дня на три, даже на четыре пищи хватить; дальше можно и поголодать. А за это время авось набреду на отрядъ повстанцевъ, перешедшихъ въ М—ую губернію изъ царства Польскаго. Ему конечно, не дадутъ долго гулять. Тогда намъ легко будетъ уйти въ царство Польское. Тамъ все же вольготнѣе... Нѣтъ страшнаго, не знающаго пощады Муравьева и притомъ легче пробраться за границу.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХІХ, стр. 880.

Уйти поскорѣе за границу! Вотъ все, чего я желалъ; въ этомъ былъ весь мой планъ. Странно, но о моей невѣстѣ я въ это время совсѣмъ не думалъ. Она вдругъ стала для меня чѣмъ-то далекимъ; образъ ея потускнѣлъ, потерялъ всѣ краски

Сколько я вынесъ изъ-за нея! Какъ она могла, если любила меня, послать на смерть и страданія? Совершилось чудо: очутился я снова въ родной усадьбѣ, прощенный и безъ опасеній,—мнѣ кажется, наши прежнія отношенія съ Анжеликою не могли бы воскреснуть.

Но гдѣ находится отрядъ польскихъ войскъ, перекочевавшій изъ царства? —думалъ я, шагая по бору. Онъ пробрался въ юго-западную часть бора. Такъ говорила Марья Петровна, со словъ мужа, случайно прочитавшаго секретное донесеніе жандармовъ о появленіи повстанцевъ. Но боръ великъ, очень великъ. Это я зналъ. Дивульскій, мѣстный житель, увѣрялъ, что боръ идетъ на многіе десятки верстъ до самой Припети. Въ немъ очень мало селеній; тропинки переплетаются и никуда не ведутъ. Большинство ихъ—зимники, проложенные крестьянами, ѣздившими по зимамъ въ боръ за дровами. По восточной окраинѣ пуши проходитъ шоссе. Не мнѣ нечего было и думать о выходѣ на шоссе. Здѣсь грозила самая большая опасность: арестъ и заснѣть, по удостовѣреніи личности, немедленная казнь,

Надо было итти на юго-востокъ, въ самую пустынную и дикую часть полѣскаго бора. Чѣмъ южнѣе и ближе къ Припети, мѣстность, по словамъ Дивульскаго, все болѣе и болѣе понижалась, начинались болота—непролазные трупцы, залитыя водою. Вотъ въ нихъ-то и должна была гнѣздиться шайка, перебравшаяся на Полѣсье изъ царства Польскаго.

А, можетъ быть, никакой шайки и не было! Мало ли кого за повстанцевъ могли принять жандармы, слышавшіе о шайкѣ, но сами ея не видѣвшіе. Никого въ такомъ случаѣ мнѣ встрѣтить не придется. Проблуждаю бесплодно. И все же надо было итти на юго-западъ, къ Припети, перебраться за рѣку и тамъ искать хотя сравнительной безопасности. Если меня арестуютъ за гранью владычества Муравьева, у меня, конечно, не допытаются, кто я такой. Сообщеній о бѣгствѣ арестанта, приговореннаго къ смерти, въ царство Польское изъ Вильны, конечно, не посылали; примѣты мои тоже. И меня, какъ зауряднаго постанца, бросившаго оружіе и бродившаго по лѣсамъ, могли самое большее заключить въ тюрьму и сослать.

Аккуратно завязавъ мѣшокъ съ провизіей, я всталъ и пошелъ дальше. Какъ я могъ держаться юго-западнаго направленія?—спросить меня. Эта задача разрѣшалась просто. Во-первыхъ указателемъ было солнце, а потомъ, охотникъ и сельскій житель, хорошо знакомый съ лѣсомъ, я зналъ, что почти на каждой соснѣ на корѣ съ сѣверной стороны мхи и лишай, а на сторонѣ, обращенной къ югу,

здоровая кора. Самыя вѣтви на южной сторонѣ дерева пышнѣе, гуще, а на сѣверной—тоще. Такимъ образомъ, сдѣлать югъ мнѣ было не особенно трудно.

Болѣе четырехъ часовъ я шель по избранному направленію. Борь все былъ такой же. Попадались болотца. Нѣсколько разъ, пріостановившись, я набирала въ шляпу воды и жадно пилъ. Полдень сказывался въ бору удрушающимъ жаромъ. Пахло смолою, но груди было легко дышать. Утреннія косыя тѣни отъ деревьевъ сперва все сокращались, потомъ—за полдень—начали расти въ другую сторону, все длиннѣе и длиннѣе становились, переплетались, сливались, пока не стало темно.

Надвигалась ночь, а я еще нкуда не пришелъ.

Въ бору, конечно, были волки, водились медвѣди, рыси. Всего безопаснѣе было бы взлѣзть на дерево и проспать на суку, лопати старыхъ деревъ были очень удобны. Но какъ взлѣзть по гладкому стволу сосны, у которой вѣтви начинаются не ниже трехъ сажень отъ земли? Пришлось расположиться среди кустовъ небольшой низины. Лежать было мягко и тепло, но перспектива проснуться въ лапахъ медвѣди вовсе мнѣ не улыбалась. Оружья у меня, конечно, никакого не было. Марья Петровна не снабдила меня имъ.

Не буду спать всю ночь,—порѣшилъ я и легъ на мохъ, глядѣлъ нѣсколько времени на далекія, загоравшіяся звѣзды, думалъ, какъ бы хорошо перебраться за австрійскую границу, въ Галицію, и нечувствительно заснулъ.

Когда я проснулся, было совершенно свѣтло. Солнце не всходило, но загоралось теплое, ласкающее вешнее утро. Нѣсколько минутъ пролежалъ я въ полубезсознательномъ состояніи только что проснувагося крѣпко спавшаго здороваго человѣка.

Наскоро позавтракавъ, я пошелъ дальше на юго-западъ. Бору, казалось, не будетъ конца. Перемежаясь небольшими листовными рошицами по низинамъ, сосны шли безконечно впереди, вправо и влево—стройныя, высокія, красноствольныя. Тутъ было на многіе милліоны превосходнаго лѣсу. Но это-то и приводило меня въ отчаяніе. Топоръ, очевидно, не касался этихъ лѣсныхъ гигантовъ, и человѣкъ не бывалъ въ этомъ заповѣдномъ бору. Попалъ я, значить, въ самую дикую, необитаемую и никѣмъ не посѣщаемую часть величаваго полѣскаго бора. Что со мною будетъ, когда я съѣмъ свой небольшой запасъ? Даже если бы звѣрье меня не тронуло, то, оголодавъ и истощавши, я чрезъ нѣсколько дней гдѣ-либо свалюсь и жалко погибну. Мнѣ пришелъ на память рассказъ Дивульскаго, какъ онъ однажды на охотѣ заблудился. Два дня блуждалъ по пушцѣ и едва не погибъ отъ голода. Къ счастью, набрелъ на угольщикова, и тѣ вывели его къ селу. Но если бы я и набрелъ на выжигателей угля, что было болѣе чѣмъ сомнительно, едва ли спасеніе мое могло считаться обезпеченнымъ; крестьяне непременно заподозрятъ во

мнѣ мятежника, арестуютъ и доставятъ въ ближайшій городъ, а тамъ—смертная казнь, что вовсе не входило въ мои расчеты. Да и гдѣ были ямы этихъ угольщиковъ?

Опасности грозили мнѣ со всѣхъ сторонъ. Но яркое солнце стояло высоко; въ бору было свѣтло и прохладно; здоровый запахъ смолы наполнялъ воздухъ; дышалось легко; идти по мхамъ было мягко. Я разулся, несъ сапоги на палкѣ и былъ въ самомъ благодушномъ, хорошемъ настроеніи. Даже подсвистывалъ и напѣвалъ какой-то мотивъ.

Тысячи разныхъ звуковъ, слабыхъ, едва слышныхъ, прерывали молчаніе лѣсной пустыни; гдѣ-то вблизи стучалъ о кору посомъ дятель, скрипѣли сосны, каркали летавшія по кустамъ вороны; въ травѣ у болотца стрекотали кузнечики, и перекликались, щебеча, маленькія птички, онѣ, точно съ удивленіемъ ворочая головками, наблюдали за давно ими не виданною человѣческою фигурою. Когда я приближался къ намъ, онѣ пугливо вспархивали и уносились въ лѣсную глубь.

Улетѣлъ бы и я, да не было крыльевъ.

XIV.

Соснякъ прекратился. Начался крутой спускъ, заросшій чернолѣсьемъ. Пробраться мнѣ стало затруднительно. Изъ-подъ ногъ выступала вода, но перейти оврагъ все же было необходимо. За его противоположащимъ скатомъ опять начинался частый боръ, и, какъ мнѣ показалось, по дну оврага шла тропинка, едва примѣтная, очевидно, «зимникъ» крестьянъ, ѣздившихъ за дровами. Но во всякомъ случаѣ, соображалъ я, зимникъ этотъ долженъ же быть куда-нибудь вести, хотя бы къ ямамъ смолокуровъ. Идя вдоль тропинки, я скоро замѣтилъ на ней ясные отпечатки человѣческой ноги. Слѣдъ былъ совершенно свѣжій. И что было удивительно: прошедшій по тропинкѣ человѣкъ былъ не только въ сапогахъ, но и въ сапогахъ съ каблуками. Кто бы это могъ быть?

Крестьяне-полѣшники ходятъ въ сапогахъ; солдаты не могли здѣсь пройти. Къ тому же слѣдъ былъ одинокій. Немного далѣе я наткнулся на помятую траву, на слѣдъ отъ сапогъ, глубоко вдавленный въ грязный илъ. Здѣсь неизвѣстный прохожій не только стоялъ, но, можетъ быть, и присѣлъ. Валялись клочья вырванной травы; въ двухъ-трехъ мѣстахъ вырыты были какія-то ямки. Мгновенно догадка освѣтила мой умъ: онъ, этотъ невѣдомый бродяга, вѣроятно, такой же несчастный бѣглецъ изъ разбитой банды, какъ и я; онъ заблудился, оголодалъ—и рвалъ траву, рылъ корни, ища спасенья отъ терзавшаго его голода. Несчастный былъ, очевидно, близко; сорванная трава не успѣла еще завянуть. Я началъ кричать громко, протяжно, по-польски:

— Братъ мой! гдѣ ты? откликнись!

Никто не отозвался. Только нѣсколько воронъ съ тревожнымъ карканьемъ разлетѣлись въ разныя стороны.

А, можетъ быть, онъ въ обморокъ?—подумалъ я.—Не въ страхъ отозваться. Попробую еще закричать. И слова я кричалъ, долго, протяжно. Глухое эхо бора далеко разносило мой крикъ. Когда я замолчалъ и прислушался, мнѣ вдругъ почудился стоиъ.

Да, кто-то вблизи стоиеть. Человѣческій голосъ, а не медвѣжье бормотаніе мнѣ слышно. Вотъ еще и еще стоиеть. Совсѣмъ ясно гдѣ-то по близости стоиеть человѣкъ. По дну оврага бѣжалъ ручеекъ. Я спустился къ нему и увидѣлъ у самой воды, на грязи, среди зеленыхъ лопуховъ, какую-то фигуру: сидѣлъ человѣкъ, облокотившись на стволъ упавшей березы. Лицо было мертвенно-блѣдно, глаза закрыты. Шапка, наша повстанская конфедератка, валялась тутъ же. Протянутыя ноги были обуты въ остатки разбитыхъ и провавшихся сапогъ. Къ березѣ было прислонено ружье. Лицо мнѣ показалось какъ будто знакомымъ. Подхожу—и что же? Въ обморокъ, очевидно, потерявшій силы, лежалъ нашъ недавній доводца Сигизмундъ.

Все мнѣ сдѣлалось понятнымъ. Послѣ разбитія банды онъ скрылся въ лѣса, бродилъ, отоцалъ отъ голода, заблудился и свалился у лѣснаго ручья. Не приди я случайно на это мѣсто, погибель бѣднаго Сигизмунда была бы неизбѣжной.

Торопливо добывъ изъ мѣшка бутылку съ водкою, данной мнѣ доброй Марьей Петровной, я разжалъ зубы страдальца и влилъ въ ротъ нѣсколько капель. Набравъ въ горсть воды, я освѣжилъ ему лицо. Сигизмундъ открылъ глаза и нѣсколько секундъ пристально смотрѣлъ на меня.

— Ёсть, кто бы ты ни былъ, добрый человѣкъ! дай ёсть, дай крошку хлѣба. Я четвертый день питаюсь травой и листьями.

Бѣднякъ! какъ онъ мало походилъ, нехудалый и беспильный, на того строгаго и грознаго начальника, какимъ я еще недавно видѣлъ его во главѣ отряда.

Но скоро Сигизмундъ оправился. Кормилъ я его осторожно, понемногу. Послѣ долгаго голода онъ могъ повредить себѣ, наѣвшись сразу досыта.

— Скажите, —спрашиваю его:—какъ могли вы такъ изголодать, имѣя ружье и патроны? Дичи въ бору много.

— Дичи?—удивился онъ.—Какая же здѣсь дичь? Ворону одну я, правда, подстрѣлил, но она улетѣла. И что бы я съ нею сдѣлалъ? Спичекъ у меня нѣтъ; развести огонь, значить, нечѣмъ. Къ тому же я первые дни, когда былъ силенѣе, и стрѣлять боялся: солдаты или крестьяне могли услышать и выслѣдить меня.

Я рассказалъ ему мои приключенія и бѣгство изъ подвала.

— И васъ хотѣли повѣсить за убійство дьячка?

— Приговорили.

— Простое недоразумѣніе. Дьячка застрѣлили дуракъ гимназистъ, и то неумышленно.

— Толкуйте вы съ ними, судьями, засѣдавшими въ импровизированномъ военно-полевомъ судѣ. Какое имъ дѣло до правды, главное—нуженъ примѣръ: за смерть дьячка казненъ инсургентъ. Повѣсили бы меня—и все тутъ. Надѣлали мы глупостей.

Сигизмундъ пристально посмотрѣлъ на меня.

— Какъ глупостей?

— А то что же? Безнадежно наше дѣло.

— Вы думаете, что оно не удастся?

— Оно уже не удалось, погибло.

— И вы жалѣете, что присоединились къ защитникамъ родины?

— Всей душой сожалею. Будь проклять тотъ часъ, когда я надѣлъ чамарку, взялъ ружье и присоединился къ возставшимъ. Какая намъ родина въ Варшавѣ? Моя родная земля Бѣлорусь, а варшавскія затѣи меня мало интересуютъ. Глупо намъ изъ-за нихъ гибнуть и разоряться. Вотъ я теперь нищій, безправный, осужденный. Мое имѣніе, родовое гнѣздо, конфисковано; какой-нибудь попвичъ-семинаристъ сидитъ въ немъ, разыгрываетъ роль землевладельца и подсмѣивается надъ дуракомъ, бывшимъ хозяиномъ. И добро бы имѣлся въ виду успѣхъ, а то вѣдь мы просто пытаемся пробить лбомъ каменную стѣну.

Сигизмундъ порывисто всталъ, багровый отъ негодованія. Онъ еще былъ слабъ и шатался. Глаза горѣли гнѣвомъ. Слабымъ, прерывающимся голосомъ онъ заговорилъ:

— Въ такомъ случаѣ прощайте. Мнѣ съ вами не по дорогѣ. Я съ людьми, думающими подобно вамъ, ничего не имѣю общаго.

Но, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, опираясь на штуцеръ, онъ обезсилѣлъ и снова принужденъ былъ присѣсть на пенекъ.

Бѣдный! бѣдный!—подумалъ я. — Послѣ всего, что случилось, что онъ вытерпѣлъ, онъ еще не вылечился отъ своихъ иллюзій, не распозналъ правды. И я заговорилъ примирительно:

— Сигизмундъ! нельзя намъ разлучаться. И вы и я не уцѣлѣемъ, если разойдемся; у меня нѣтъ оружія, у васъ—хлѣба. Вы не умѣете охотиться и добывать въ лѣсу пищу, хотя дичи здѣсь множество. вмѣстѣ мы, быть можетъ, отыщемъ отрядъ, перекочевавшій въ Польшу изъ царства Польскаго. А въ отрядѣ, какъ люди разныхъ взглядовъ, мы можемъ разойтись и не имѣть между собою ничего общаго.

— Вы ошибаетесь. Если бы мы вмѣстѣ встрѣтили отрядъ польскихъ войскъ, первымъ дѣломъ я приказалъ бы васъ повѣсить, какъ измѣнника народному, святому дѣлу. На это у меня имѣются и полномочія жонда.

— Благодарю васъ за обѣщаніе меня повѣсить. Это ваша благодарность за спасеніе. Не найди я васъ и не подѣлился съ вами хлѣбомъ, какъ съ братомъ, гибель ваша была бы несомнѣнною.

Опъ взволновался еще сильнѣе, выслушивая мои упреки, справедливость которыхъ трудно было отрицать.

— Но вы заявляете себя противникомъ спасенья отечества. Народный жондъ такихъ безусловно караетъ смертью.

— Пусть его такъ поступаетъ съ жителями царства. Но я—бѣло-руссь. И скажите Бога ради, гдѣ вы видите спасенье отечества, благо народа въ томъ, когда бы удалось добиться независимости, призрачной, земель по Вислѣ? Про нѣмецкіе аппетиты вы позабыли. Я предвижу только одно экономическое разореніе всѣхъ, обѣднѣніе края и жалкую, парламентскую болтовню въ Варшавѣ.

Сигизмундъ угрюмо молчалъ.

— Оставимъ на время политическіе споры,—настанвалъ я.—По-стараямся общими усиліями выбраться изъ проклятаго бора, гдѣ насъ ждетъ гибель. Вы можете служить тогда снова дѣлу, которое считаете святымъ и правымъ; я проберусь за границу. Съ меня довольно того, что пришлось вытерпѣть.

Мало-по-малу Сигизмундъ одумался. Сначала сердито и въ молчаніи, а послѣ дружелюбно разговоривая, мы пошли боромъ, держась на юго-западъ. У Сигизмунда былъ ручной компасъ и небольшая, но очень подробная и вѣрная карта теченія Припети.

— Не русская карта, а нѣмецкая, изъ Берлина,—замѣтилъ онъ.

— А зачѣмъ нѣмцамъ снимать карту долины Днѣпра и Припети?

— Зачѣмъ? Слыхали вы про Drang nach Osten? Ну, вотъ онъ и подготавливается.

— И вы думаете, что всѣ думающіе подобно вамъ встрѣтятъ наступленіе нѣмцевъ, какъ радостное событіе?

— Никогда. Худо намъ и тѣсно жить подъ московскою властію, а подъ нѣмецкою будетъ и того хуже. Этого не приведи Господи!

— Ну, вотъ видите, Сигизмундъ! Едва ли мы теперь, сражаясь въ этихъ лѣсахъ, безъ надежды на успѣхъ, спасаемъ отечество. Мы просто играемъ въ руку нѣмцамъ.

Долго шли мы молча, онъ понуривъ голову и по временамъ глубоко вздыхая, я—довольно весело. При помощи плана и компаса, имѣвшихся у Сигизмунда, не трудно было добраться до Припети, даже если бы намъ и не встрѣтились инсургентскіе отряды. Голодъ былъ не страшенъ; случайныя встрѣчи съ крестьянами тоже: у насъ было ружье и патроны. Дичь миѣ, записному охотнику, найти было не трудно—и на душѣ моей стало много покойнѣе.

XV.

Не прошло и недѣли послѣ моей встрѣчи съ Сигизмундомъ, какъ мы опять уже въ лагерѣ такъ называемыхъ польскихъ войскъ, или, проще говоря, на стоянкѣ банды плохо вооруженныхъ шляхтичей и хорошо вооруженныхъ молодыхъ и старыхъ помѣщиковъ—тѣхъ и

другихъ одинаково чуждыхъ качествъ, безъ которыхъ немислимъ солдатъ: у всѣхъ дисциплина отсутствуетъ, выдержки нѣтъ; личной храбрости достаточно. Но что значитъ личное мужество, когда вся масса людей, предназначенная къ бою, не компактна, не приучена выдерживать огонь и главное—боятся наступленія со штыками. Пока идетъ перестрѣлка, наши ничего—держатся. Но чуть дѣло дойдетъ до штыкового натиска, и шляхтичи увидятъ бѣгущихъ съ наклоненными штыками солдатъ, съ лицами звѣрскими,—въ бандѣ распространяется паника, все бѣжить, а несчастный вождь, доудца, если онъ храбрый человѣкъ, остается одинъ, покинутый, затѣмъ попадетъ въ плѣнъ и безжалостно подвергается разстрѣлу.

Командиръ отряда инсургентовъ, въ который я и Сигизмундъ попали, выйдя изъ полѣскихъ боровъ, былъ офицеръ генеральнаго штаба русской службы, со всѣми присущими этой корпораціи недостатками: преобладаніемъ теоріи надъ практикой, самоувѣренностью и какимъ-то легкомысліемъ. Очень можетъ быть, что онъ былъ хорошо образованъ и имѣлъ характеръ, но всѣ его познанія въ тактикѣ и стратегіи были бесполезны, такъ какъ мы принуждены были вести войну гверильсовъ, а онъ, дитя Петербурга, не зналъ страны, ея болотъ и лѣсовъ. Вся сущность успѣха заключалась въ внезапности нападений, въ неувѣренности движеній, въ быстротѣ маршей, чтобы скрыться послѣ болѣе или менѣе успѣшнаго дѣла. Надо было не побуждать врага—задача немислимая съ плохими ружьями противъ штуцеровъ и пушекъ, хотя въ ту пору еще и не скорострѣльныхъ, надо было укрываться и ускользать отъ облавы русскихъ отрядовъ, надвигавшихся разомъ съ разныхъ сторонъ. Никакихъ подобыхъ качествъ нашъ командиръ, капитанъ К., не обнаруживалъ. Онъ разыгрывалъ роль корпуснаго командира. У него былъ, сравнительно съ числомъ солдатъ, очень большой штабъ; заведена даже канцелярія, въ которой строчились многочисленные приказы. Доступъ къ нему былъ очень труденъ. Стояли мы вблизи большого княжескаго замка. Предводитель со штабомъ, въ составъ котораго входилъ и патерь, поселился въ обширномъ палаццо магната; мы—ютились въ окрестныхъ деревняхъ, въ ригахъ и просто на полѣ, въ ямкахъ, прикрытыхъ хворостомъ, за неимѣніемъ палатокъ.

Какъ водится, голодно, но водки много.

Въ барскомъ палаццо подвалы обильно снабжены разными «вудками» и винами. Пьяныхъ много, дебоши—постоянные. Окрестные крестьяне озлоблены... Патерь каждое утро служитъ обѣдню для подъема духа и говоритъ проповѣди. Но охотниковъ молиться и слушать проповѣди очень немного.

Сигизмундъ, съ которымъ я близко сошелся и живу въ одной землянкѣ, съ пропускаетъ ни одной обѣдни. Онъ все молится и хмурится. Въ душѣ его идетъ какая-то мучительная работа. Предводителя К. онъ осуждаетъ, хотя тотъ въ двухъ-трехъ сшибкахъ

съ русскими имѣлъ успѣхъ: разогналъ и истребилъ какую-то полуроту заснувшихъ и зазѣвавшихся солдатъ, на которыхъ навели насъ предатели-жидки, конечно, за щедрую плату. Еще перестрѣляно было изъ засады съ десятокъ казаковъ.

— Но это же все пустяки! напрасное кровопролитіе, — говорилъ Сигизмундъ. — Исто подобныхъ удачъ не спасутъ дѣла нашей родины.

— Что же, по-твоему, надо дѣлать? — спрашиваю.

— Соединиться съ отрядомъ, оперирующимъ южнѣе Буга, и вмѣстѣ напасть неожиданно на городъ, въ которомъ штабъ бригады.

— На два полка и четыре орудія? Опомнись. Насъ развѣютъ, какъ мякину.

— Нѣтъ, не развѣютъ. Предварительно слѣдуетъ выслать въ разныя стороны летучіе отряды. Противъ нихъ русскій генераль разошлетъ роты и полуроты. Пушки останутся въ городѣ, и прикрытіе окажется слабымъ. Тутъ мы и ударимъ. А если возьмемъ одно-два орудія! Можно дорогу перекопать и завалить, чтобы артиллерія не могла быть увезена, ну, тогда дѣла наши много уллучшатся.

— Иди въ такомъ случаѣ и передай свой планъ начальнику, — совѣтоваль я Сигизмунду.

— Не послушаетъ.

— А, можетъ, и послушаетъ.

— Нѣтъ. Онъ очень ревниво относится къ своей власти. Хотя я по номинаціи народнаго правительства, по рангу почти такой же начальникъ, какъ и онъ. Но видишь: К—ій меня даже въ штабъ не допустилъ, назначилъ командовать сотнею шляхтичей и упорно устраняется отъ моихъ совѣтовъ, а я больше его знаю край.

Тѣмъ не менѣе поутру я и Сигизмундъ пошли на барскій дворъ.

Часовыхъ нигдѣ не было. Вошли на крыльцо, въ переднюю — никого. Идемъ дальше. Въ залѣ остатки пиршества и спитъ на диванѣ какой-то штабный, очевидно, дежурный ординарецъ при довудцѣ. Изъ слѣдующей комнаты — богатой гостиной — полуотворена дверь въ кабинетъ; слышимъ разговоръ: одинъ голосъ мужской, другой — какъ будто женскій.

— Слышишь: цѣлуются! — сказалъ сконфуженный Сигизмундъ и пріостановился.

— Уйдемъ, братъ. Какіе тутъ стратегическіе планы, когда налицо Амуръ.

Но суровый, настойчивый эскъ-довудца не послушалъ меня, толкнулъ дверь и вошелъ. Вскорѣ послышался громкій, сердитый голосъ:

— Какъ вы смѣли войти безъ доклада?

— Я бывший командиръ отдѣльнаго отряда по номинаціи эконда, что вы отлично знаете, — огрызнулся Сигизмундъ.

— Это не даетъ вамъ права врыватья безъ доклада. Я васъ суду предамъ и разстрѣляю.

— Ну, это ужъ черезчуръ.

Сигизмундъ, багровый отъ волненія, выскочилъ изъ кабинета. За нимъ вышелъ высокій красавецъ-офицеръ, одѣтый щеголемъ, въ русскомъ мундирѣ. Даже бѣлье на немъ было бѣлоснѣжной бѣлизны.

— Ступайте, господа!—обратился онъ къ намъ.—Возвратитесь въ лагерь и наблюдайте за вѣрными вамъ отрядами. Ваши сообщенія я охотно выслушаю. На дняхъ будетъ собранъ военный совѣтъ, и вы получите приглашенія.

— Эхъ!—повертываясь уходить, сказалъ разочарованный Сигизмундъ.—На дняхъ будетъ, можетъ быть, поздно. Прошу выслушать меня сейчасъ. У меня планъ...

— Планъ! какой тамъ планъ. Вы свой отрядъ погубили... Не суйтесь, куда васъ не спрашиваютъ. Я знаю, что надо дѣлать, и въ совѣтахъ не нуждаюсь.

К—ій, презрительно пожимая плечами, вышелъ въ столовую и разнесъ спавшаго тамъ ординарца: какъ онъ могъ пропустить насъ.

Дорогою въ лагерь спрашиваю Сигизмунда:

— Какъ ты находишь обращеніе этого надменнаго офицера генеральнаго штаба?

— Онъ просто болванъ.

— Все нѣтъ. Ученый военный, въ виду этого до слѣпоты самоувѣренъ. Къ тому же его личныя дѣла дороже для него общаго дѣла. Тамъ въ кабинетѣ была барынька, и прехорошенькая. А ты потревожилъ... Въ иное время онъ, можетъ быть, и выслушалъ бы тебя.

— Проклятье. Но насъ могутъ въ прахъ раскатать изъ-за этихъ амуровъ.

— Рапо—поздно насъ непременно раскатають. А посему, другъ Сигизмундъ, не огорчайся.

Когда мы возвратились въ лагерь и заползли въ землянку, Сигизмундъ долго молился и вдругъ, пряча свой молитвенникъ, обратился ко мнѣ:

— Когда меня убьютъ, —а нашего пораженія и моей смерти ждать недолго,—на груди моей найдешь образъ Остробрамской Богоматери и письмо. отошли ихъ въ Вильну по адресу.

— А, можетъ, тебя не убьютъ.

— Постараюсь, чтобы убили.

XVI.

Насъ опять расколотили и какъ еще расколотили—обиднѣйшимъ образомъ. Мы преспокойно стояли вокругъ княжескаго замка, упоая на шпионовъ-жидовъ, обязанныхъ извѣщать штабъ нашего корпуса, —такъ титуловался отрядъ К—аго,—о всѣхъ движеніяхъ русскихъ отрядовъ. Штабные жили очень привольно, много кутили

и даже танцевали. Частенько появлялись хорошенькія патріотки, привозили извѣстія, большею частью недостовѣрныя, и приказы варшавскаго жюнда. Тамъ, въ жюндѣ, происходили постоянныя пертурбаціи, но для насъ жюндъ былъ—мнѣнческое лицо, распорядитель неограниченный, и что приказывалъ—приказывалъ безапелляціонно. К—ій одинъ зналъ персонально, изъ кого состоялъ грозный жюндъ. Денегъ у него было много, онъ сорилъ ими. Жидки, кромѣ шпионства, доставляли ему разные деликатесы. Онъ жилъ не стѣняясь. Только намъ, армейцамъ, и офицерамъ и рядовымъ, частенько приходилось голодать.

— Отчества ради и матери св. церкви потерпите, братья,—убѣждалъ насъ патерь. Но самъ онъ жилъ со штабными и, кажется, ничего лично не терпѣлъ ради отчества и св. матери церкви.

Сигизмундъ еще раза два, поборовъ свою гордость, пробовалъ предостерегать самоувѣреннаго К—аго, но безуспѣшно: тотъ высокомерно и презрительно отвергъ все его предостереженія. Сигизмундъ совѣтовалъ раздѣлить нашъ корпусъ.—болѣе 3000 человекъ,—на небольшіе отряды и уходить поближе къ австрійской границѣ, гдѣ все могли бы снова собраться и ударить на русскихъ, если бы тѣ гдѣ-либо оплошали. Стоять же долѣе у замка, по мнѣнію Сигизмунда, былъ крайне опасно. Совѣтъ былъ разумный, и послѣдствія оправдали его. Но доудца К—ій и его штабъ слишкомъ полагались на жидковъ, увѣрившихъ, что русскихъ въ ближайшемъ городкѣ всего двѣ роты, а если появятся еще войска, они вельможнаго и щедраго доудцу сейчасъ извѣстятъ.

— Не посмѣютъ русскіе сунуться, а сунутся, такъ мы имъ зададимъ жару,—хвастались штабные и, весело проводя время, все ожидали другого большого отряда, чтобы тогда итти на губернской городъ и захватить пушки.

Въ одно прескверное утро—шелъ дождь и черныя тучи застилали небо. Вдругъ послышались выстрѣлы. Прибѣжавшіе изъ авангарда донесли начальнику, что русскіе наступаютъ. Онъ тотчасъ же сѣлъ на лошадь и, хотя былъ немного озадаченъ внезапностью наступленія, приказалъ отряду стрѣлковъ, въ которомъ были я и Сигизмундъ, спѣшно итти и занять деревню, на которую покушался русскій отрядъ. Самъ онъ съ остальными пѣшими стрѣлками и эскадрономъ кавалеріи пошелъ въ обходъ, чтобы ударить на русскихъ съ тыла, когда они примутся штурмовать защищаемую нами деревушку.

— Заранѣе поздравляю васъ съ побѣдою. Ни одинъ москаль не уйдетъ живымъ,—крикнулъ онъ намъ ободрительно.—Держитесь только въ деревнѣ, пока я успѣю сдѣлать обходъ.

Сигизмунду поручено было отстаивать деревню.

Мы весело пошли и засѣли въ избахъ, ригахъ и за плетнями огородовъ. Все сначала шло прекрасно. Казаковъ, прискакавшихъ въ улицу деревни, мы допустили близко и встрѣтили залпами. Донцы

сейчас же ускакали обратно. Русская пѣхота наступала медленно, перѣшительно. Командиръ ея, полковникъ Х., только разсыпалъ цѣпь, но почти не подвигалъ ее. Перестрѣлка шла, правда, жаркая, но, закрытые строеніями, мы почти не несли потерь отъ огня русской пѣхоты, несмотря на ея превосходныя ружья.

— Знаешь ли что?—обратился я къ Сигизмунду, съ которымъ сидѣлъ вмѣстѣ въ овиѣ и отстрѣливался.—Не нравится мнѣ эта осторожность и выжидательная тактика русскихъ. У нихъ это необычно. Чего перестрѣливаются, когда мы подъ закрытіемъ, а они на виду. Пошли бы въ штыки и прогнали бы нашихъ подпанковъ. А то посмотри: ихъ цѣпь почти не подвигается.

— Что же, по-твоему, все это значить?

— А то, что русскіе чего-то ожидаютъ. Пока наши стратеги изловчатся ихъ обойти,—какое движеніе отлично имъ видно съ ихъ позиціи на горѣ и чему они легко могутъ воспрепятствовать,—другіе русскіе отряды могутъ занять у насъ въ тылу барскій дворъ, и мы попадемся, какъ рыба въ сѣти.

— Откудава русскимъ взяться съ другой стороны? Вблизи нѣтъ другихъ русскихъ войскъ.

— Это жиды донесли.

— Хотя бы и жиды. Начальникъ нашъ не жалѣеть денегъ, и израиль вѣрно ему служить. На этотъ разъ безумная храбрость русскаго полковника, съ двумя ротами рискнуваго атаковать нашъ почти трехтысячный отрядъ, окончится полнымъ пораженіемъ его самого.

— Ты думаешь?

Сигизмундъ ничего не отвѣтилъ. Вѣроятно, онъ самъ не очень-то вѣрилъ тому, что говорилъ, но находилъ нужнымъ подбодрить меня и другихъ, занимавшихъ деревню. Прошло съ часъ времени. Русскіе растянули цѣпь и почти охватили защищаемую нами деревушку. Цѣпь густѣла. Очевидно, тутъ оперировали не двѣ роты, а много больше.

Тогда Сигизмундъ, какъ командиръ отряда въ деревушкѣ, объявилъ, что если черезъ часъ не послышатся выстрѣлы въ тылу русскаго отряда, онъ отступить къ барскому двору, чтобы не потерять возможности укрыться въ лѣсахъ. Но не прошло и получаса, какъ случилось нѣчто совсѣмъ для насъ неожиданное. Изъ-за садовъ замка выдвинулись темныя массы русской пѣхоты, показалась кавалерія, и единственный путь отступленія былъ занять новымъ русскимъ отрядомъ.

Куда дѣвались косиньеры и прочій сбродъ, которому было поручено охранять замокъ, мы рѣшительно не могли понять. Вѣроятно, всѣ разбѣжались или сдались безъ боя. Но тамъ были же офицеры—штабные стратеги. Какъ же они не предупредили насъ во-время о появленіи русскихъ? Куда исчезъ и самъ гордый доводца

К—ий, двинувшійся съ лучшими людьми въ обходъ, тоже трудно было рѣшить. Но только въ тылу русскаго отряда, на насъ наступаващаго, никакихъ выстрѣловъ не было слышно. Насъ взяли съ двухъ сторонъ. Сигизмундъ былъ блѣдень.

— Дураки! подлецы!—говорилъ онъ.—Этого надменнаго офицера генеральнаго штаба, любителя женщинъ, вообразившаго себя Наполеономъ, обманули и провели. Остается одно: умереть.

Разбивъ штуцеръ объ уголь сарая, въ которомъ мы укрывались, онъ вышелъ на открытое мѣсто. Кругомъ градомъ свистали пули. Поставленные въ безвыходное положеніе, стрѣлки наши еще продолжали отстрѣливаться. Сигизмундъ махнулъ имъ рукою и крикнулъ:

— Спасайтесь! кто и какъ можетъ.

Затѣмъ влѣзъ самъ на плетень, обратился лицомъ къ наступающимъ врагамъ, скрестилъ руки и ждалъ роковой пули.

Пережить пораженіе онъ не хотѣлъ. Онъ, очевидно, убѣдился, что всякія попытки борьбы съ русскими невозможны и что все дѣло возстанія безвозвратно проиграно. Напрасно я звалъ его, уговаривая бѣжать. Онъ упрямо сидѣлъ на плетнѣ и ждалъ смерти. Въ ужасѣ и отчаяніи я закрылъ глаза, чтобы не видѣть, какъ его убьютъ.

А мнѣ самому что оставалось? Одно: бѣжать. Я еще былъ на территоріи, подвластной Муравьеву, и въ случаѣ плѣна и опознанія меня ждала петля. Но я все еще медлил: мнѣ казалось непросительною подлостью бѣжать, когда Сигизмундъ предпочитаетъ смерть.

Открывъ черезъ минуту глаза, я увидѣлъ Сигизмунда еще сидящаго на плетнѣ. Онъ держался руками за колышки плетня. Вся чамарка его была въ крови. Несчастный былъ уже раненъ.

— Сумасшедшій! довольно,—кричалъ я ему.—Слѣзай съ плетня.

Онъ отрицательно потрясъ головою, а минуту спустя пошатнулся, выпустилъ изъ рукъ колышки плетня и тяжело рухнулъ на землю.

Я подползъ къ нему и увидѣлъ на лбу несчастливца кровавое пятно. Онъ былъ убитъ пулею наповаль.

XVII.

Какъ я спасся?

Да очень просто. Въ первой же избѣ, въ которую я вбѣжалъ, спасаясь отъ начавшихъ быстрое наступленіе русскихъ, пришла мнѣ въ голову мысль переодѣться въ крестьянское платье. На улицѣ въ конфедераткѣ и чамаркѣ меня сейчасъ бы подстрѣлили или зарубили наскакавшіе казаки. Вижу, виситъ на колышкѣ свитка, на столѣ валяется шапка магерка, а въ довершеніе удачи—подъ лавкою лапти, олучи и оборы (веревочки). Не долго думая, я пере-

одѣваюсь, свое платье свертываю въ узелъ, выбѣгаю на дворъ, вижу въ углу колодезь и бросаю мой узелъ въ него. Едва успѣлъ я докончить все это, какъ въ ворота вбѣжали солдаты съ крикомъ:

— Эй, ты, холуй! — запрягай лошадь. Надо везти раненыхъ.

Благодаря знанію мѣстнаго бѣлорусскаго жаргона, я отлично разыгралъ роль полѣшука, низко кланялся солдатамъ и повторилъ безпрестанно:

— Слухаю, папочки! зѣразъ (сейчасъ) запрягу.

— И сѣна положи въ телѣгу побольше, чтобы не очень трясло раненыхъ, — кричали мнѣ казаки, внушительно помахивая нагайками.

Я умышленно замѣшкался и получилъ нѣсколько поощрительныхъ ударовъ нагайкою по плечамъ.

Это хорошо, — подумалъ я, почесывая спину. — Значить, меня дѣйствительно принимаютъ за полѣшука.

Везти надо было раненаго русскаго офицера. Я очень бережно положилъ его на сѣно въ телѣгу и подложилъ подъ голову чью-то попавшуюся подъ руку овчинную шубу. Раненый былъ молодой человѣкъ — юноша съ едва пробивающимися бѣлокурыми усиками на кругломъ, почти дѣтскомъ личикѣ. Онъ лежалъ съ закрытыми глазами и тихо стоналъ. Пуля попала ему въ грудь. Изъ рта сочилась кровь. Докторъ подошелъ къ раненому, поверхностно осмотрѣлъ его и махнулъ рукою. Очевидно, спасеніе для страдальца было немислимо. А у него тамъ, на родинѣ, безъ сомнѣнія, есть отецъ, мать, можетъ быть, и невѣста. За что погибъ этотъ бѣдный мальчикъ, только начавшій жить?

И онъ и Сигизмундъ — равно жертвы долга, оба исполнили то, что считали своей обязанностью, пожертвовали жизнью — и оба шли по ложному пути. Но, Боже правый! какъ различна по результатамъ участь обонхъ: раненаго офицера ждетъ внимательная помощь, можетъ, даже спасеніе отъ смерти и награда за храбрость, а моего бѣднаго товарища просто бросаютъ въ яму. И яму, общую для всѣхъ погибшихъ «мятежниковъ», уже роютъ за деревней. Иные еще дышать, а ихъ уже волокутъ къ страшной ямѣ...

Проѣзжая съ моимъ раненымъ возлѣ тѣла Сигизмунда, я видѣлъ, какъ казакъ стащилъ съ него сапоги и обшарилъ карманы. Дождавшись, когда казакъ ушелъ, я подъ предлогомъ исправленія запряжки остановилъ телѣгу, разстегнулъ чамарку убитаго и досталъ спрятанный на груди окровавленный и пробитый пулею пакетъ. Торопливо спрятавъ его подъ свиту, я боязливо осмотрѣлся кругомъ. Если бы меня накрыли, моему маскараду былъ бы конецъ.

Въ замкѣ собрался весь русскій отрядъ: два батальона пѣхоты и нѣсколько эскадроновъ кавалеріи. Командующій генералъ, очевидно, хорошо былъ освѣдомленъ о нашей безпечной стоянкѣ. По-славъ слабый отрядъ наступать съ фронта, онъ съ главными силами

занялъ замокъ и отрѣзаль не только насъ, занимавшихъ деревню, но и тѣхъ, которые пошли въ обходъ подъ начальствомъ главнаго доудца и его велемудраго штаба. Охваченнымъ съ двухъ сторонъ имъ оставалось одно: разбѣжаться и спрятаться въ лѣсахъ. Самъ доудца съ адъютантомъ, какъ я узналъ послѣ, сѣлъ въ заранѣе приготовленную коляску, переодѣтый въ партикулярное платье, и, вѣроятно, ускользнулъ бы. Но его погубили деньги... На большой дорогѣ, верстахъ въ пяти отъ мѣста боя, къ коляскѣ подъѣхали два казака, везшіе пакеты къ генералу.

— Кто такіе? Куда ѣдете?—спросили они.—Паспорта?

— Помѣщики Макиновскіе, ѣдемъ въ городъ М. по дѣламъ,— отвѣтилъ адъютантъ и подалъ паспорта.

Городъ М. былъ какъ разъ въ противоположной сторонѣ того пункта, куда направлялись ѣхавшіе въ коляскѣ. Это возбудило сомнѣніе въ казакахъ. Они принялись разсматривать паспорта. Довудцѣ, молча курившему сигару и презрительно поглядывавшему на полуграмотныхъ донцовъ, наскучило промедленіе. Русскіе, въ особенности казаки, всѣ были воры и взяточники, по его убѣжденію, и онъ, добывъ изъ кармана горсть небрежно смятыхъ ассигнацій, сказалъ:

— Берите это и оставьте насъ въ покоѣ. Намъ некогда!

Казаки съ удивленіемъ посмотрѣли на уйму денегъ, имъ предложенную. Довудца добылъ еще горсть кредитныхъ билетовъ.

— Мало? такъ вотъ добавка вамъ!—были его слова.

Тутъ ужъ казаки не колебались, обнажили шашки и арестовали неосторожныхъ. Предложеніе денегъ безъ счета, горстями, убѣдило ихъ, что ѣдущіе вовсе не простые мирные помѣщики. При обыскѣ коляски были найдены, кромѣ разныхъ компрометирующихъ бумагъ, повстанскій туалетъ обоихъ арестованныхъ и русскій мундиръ офицера генеральнаго штаба.

Зачѣмъ они везли съ собою всѣ эти ихъ обличавшіе предметы? Посули они донцамъ по полтишику, много по рублю—ихъ бы навѣрное пропустили.

Довудцу и его адъютанта разстрѣляли въ М—кѣ. Эти легкомысленные люди, однакоже, не струсил и весело разговаривали до самаго страшнаго столба и даже перебросились словами уже съ завязанными глазами.

Смѣлые были люди, но... изъ-за чего они погибли? Во имя какого блага принесена ими страшная жертва?

Мой Богъ! велико ослѣпленіе людей...

Послѣ отвоза раненаго офицера въ замокъ меня не отпустили и объявили, что на завтра я долженъ еще отвезти двухъ раненыхъ солдатъ уже прямо въ М—ь, въ госпиталь. Разумѣется, этому я не-

сказанно обрадовался: въ роли крестьянина, транспортирующаго раненыхъ, никакая опасность мнѣ не грозила. Для виду я, однако, пошелъ просить адъютанта освободить меня отъ поѣздки въ М—ъ, ссылаясь на то, что и мнѣ ѣсть печего и лошадей нечѣмъ кормить. Адъютантъ, молодой безусый поручикъ, строго прикрикнулъ и назвалъ глупымъ и упрямымъ полѣшукомъ, но тутъ же объявилъ, что за отвозъ раненыхъ назначена плата; пообѣдать я могу изъ ротнаго котла, а для корма лошадей въ правѣ взять изъ запасовъ замка сѣна и овса. Съ этимъ запасами побѣдители не церемонились.

Боялся я одного; какъ бы изъ деревни не явились крестьяне разыскивать лошадей, мною захваченныхъ, тогда, несомнѣнно, сейчасъ бы открылось мое самозванство. Весь остатокъ дня пришлось быть на сторожѣ, зорко слѣдя, не появятся ли хозяева телѣги и лошадей, и готовясь въ такомъ случаѣ бѣжать въ лѣсъ, куда глаза глядятъ. Для бѣгства я припасъ хлѣбъ и яйца, сваренныя вкрутѣю. Въ панской кладовой, въ которой хозяйничали ротные кашевары, стояли цѣлыя бочки съ яйцами. Заставъ меня на мародерствѣ, старичокъ эконома раскричался и погрозилъ доложить адъютанту.

— А это строгій и справедливый москаль, и онъ тебя, вора, велитъ выстегать лозой.

Въ кладовкѣ не было никого, кромѣ насъ двоихъ. Посмотрѣвъ на эконома грозно, я шеннулъ:

— Молчи, дурень! я вовсе не крестьянинъ. А ты, если не перестанешь кричать, будешь Иуда и предатель.

Экономъ витаращилъ глаза, но сейчасъ же догадался, что передъ нимъ скрывающійся инсургентъ. Предупредительно онъ тутъ же взялся сварить мои яйца, снабдилъ бутылкою водки и, хотя былъ бѣднякъ, не колеблясь предложилъ пять рублей. Онъ денегъ я отказался.

Когда онъ принесъ мнѣ припасы въ сарай, гдѣ я спалъ и стояли мои лошади и телѣга, я сказалъ ему, что я офицеръ разбитыхъ польскихъ войскъ и потребовалъ: если бы явились крестьяне разыскивать увѣденныхъ мною лошадей, успокоить ихъ увѣреніями, что лошади будутъ возвращены, а еще лучше—заплачена ихъ стоимость. Мнѣ необходимо добраться до М—ка, а иного способа нѣтъ, какъ притвориться полѣшукомъ.

Экономъ поцѣловалъ меня въ плечо и обѣщалъ все сдѣлать, какъ требую.

— Я только долженъ все открыть главноуправляющему имѣніями господина графа,—сказалъ онъ.—Безъ его содѣйствія и приказа мужики не оставятъ своихъ поисковъ.

— А патріотъ ли, надежный ли человекъ вашъ главноуправляющій?

— Онъ истинный патріотъ. Готовъ на все для блага родины. Его уже разъ арестовали и посадили въ тюрьму въ М—кѣ, обвиняя въ

содѣйствіи одному отряду польскихъ войскъ, но ему удалось-таки уйти отъ проклятыхъ москалей.

— Хорошо. Но пусть онъ, однако, не подходитъ и не говоритъ со мною на дворѣ,—сказала я.

Экопомъ увѣрилъ, что главноуправляющій такой неосторожности не сдѣлаетъ.

Раненые, которыхъ мнѣ пришлось эвакуировать въ М—къ, были простые солдаты, одинъ съ прострѣленной ногою, другой раненый навзлетъ въ грудь. Этотъ послѣдній умеръ на дорогѣ и въ госпиталѣ меня ругали, зачѣмъ я привезъ имъ мертваго. А куда мнѣ были его дѣвать?

Въ М—къ, разыгрывая глупого полѣщучка, я пошелъ въ жандармское управленіе и потребовалъ пропускной «карты».

— А то вѣдь меня захватятъ на дорогѣ,—говорилъ я.—Скажутъ: повстанцамъ—бери ихъ дѣволъ!—возилъ продовольствіе, засадятъ въ тюрьму и отберутъ лошадей.

Писарь доложилъ обо мнѣ по начальству. Вышелъ господинъ въ голубомъ мундирѣ, и вообразите мой ужасъ: это былъ нашъ жандармскій уѣздный начальникъ, незадолго переведенный въ М—къ. Онъ зналъ меня очень хорошо, былъ даже раза два въ моемъ домѣ, охотился, игралъ въ карты.

А что если онъ вдругъ меня узнаетъ?—пришло мнѣ въ голову.

Я проклиналъ мою дерзость идти въ жандармское управленіе просить пропускную карту, не очень-то мнѣ и нужную. Надо же такой случай!

Но жандармъ меня не узналъ и велѣлъ выдать пропускной билетъ.

Освободившись, я продалъ жидамъ телѣгу и лошадей за пятьдесятъ рублей (онѣ стоили втрое больше) и рѣшилъ пробраться въ царство Польское, если удастся—въ Варшаву, а оттуда за австрійскую границу. Но при этомъ далъ клятву ни къ какому отряду пародовыхъ войскъ не присоединяться.

XVIII.

Расхаживая по улицамъ М—а, я вдругъ встрѣтилъ... И кто бы могъ этого ожидать?

Навстрѣчу по тротуару шла она, да она... красавица графиня Сокольская, которая амазонкою посѣщала лагерь Сигизмунда, та самая, по отъѣздѣ которой бѣдный Сигизмундъ, бывало, стоитъ, какъ очарованный, и въ полубабытѣ слѣдитъ глазами за золотистой кобылой амазонки. Графиня шла въ черномъ платьѣ, безъ шляпки, съ головою, покрытою чернымъ кружевнымъ платкомъ. На лицѣ ея была глубокая грусть. Рядомъ съ нею шла блондинка, почти дѣвочка, стройная, высокая, одѣтая тоже во все черное. У обѣ-

ихъ въ рукахъ были молитвенники. Шли онѣ объ, очевидно, изъ костела.

Тогда многіе, и въ особенности женщины, усердно молились. Дѣла возставшихъ были изъ рукъ вонъ плохи; на людскую помощь нечего было рассчитывать, князь Горчаковъ уже далъ свой памятный отвѣтъ на ноты Франціи и Англии. Оставалось одно: надѣяться на Бога, на чудо...

Блондинка очень меня заинтересовала; такое у нея было хорошее лицо, привѣтливое, большіе, смѣющіеся глаза, румяныя губы и голосокъ,—она что-то громко говорила своей спутницѣ,—бархатистый контральто. Она была тоненькая, гибкая—совершенная противоположность строгой и величавой фигурѣ графини Сокольской, съ пышно развитыми формами и классически-правильными чертами лица. Я зналъ, что Сокольская хорошо знакома съ генераломъ, командующимъ въ М—кѣ войсками, и въ случаѣ какой бѣды въ состояніи оказать помощь. Случаемъ не слѣдовало пренебрегать, тѣмъ болѣе, что о способѣ добраться до Варшавы мнѣ оставалось еще подумать и много подумать.

— Графиня!—обратился я къ ней по-французски.—Мнѣ необходимо съ вами переговорить.—Назначьте, гдѣ бы намъ безопасно можно было встрѣтиться.

Она отшатнулась при этихъ словахъ. На щекахъ ея показался румянецъ. Спутница ея приподняла вуаль и съ любопытствомъ осматривала меня.

— Вы, графиня, видите передъ собою бѣглеца изъ отряда Спигзмунда, разбитаго русскими. Вы бывали у насъ въ лагерѣ, и я васъ сейчасъ же узналъ: не колеблюсь обратиться къ вамъ въ моей крайности.

Недовѣріе и испугъ ея прошли. Подозрительно оглянувшись кругомъ, не подслушиваетъ ли насъ кто изъ любопытательныхъ жидковъ, шнырявшихъ поминутно, Сокольская шепнула:

— Мы живемъ въ гостиницѣ Мордика. Приходите подъ вечеръ; скажите, что посланы съ письмами нашимъ управляющимъ. Васъ проведутъ ко мнѣ. А тамъ увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для васъ.

Обѣ женщины пошли дальше. Блондинка нѣсколько разъ обернулась и оглядывала меня. Я продолжалъ стоять на тротуарѣ неподвижно, подавленный какимъ-то внезапно нахлынувшимъ мнѣ въ душу свѣтлымъ чувствомъ.

До вечера было далеко. Отъ нечего дѣлать пришлось бродить по улицамъ. Купивъ на базарѣ кухеновъ—прѣсныхъ ишеничныхъ лепешекъ съ макомъ—и огурцовъ, я сѣлъ на паперти костела и пообѣдалъ. Зайти въ трактиръ, чтобы спросить объѣдъ, болѣе соотвѣтствующій моему вкусу, хотя у меня и были порядочныя деньги, я не рѣшался. Прежде всего меня вытолкали бы вонъ изъ ресторана,

какъ нечистаго холопа, полѣзшаго туда, гдѣ кушаютъ одни господа, а потомъ—потомъ заподозрѣли бы, что я вовсе не простой дикарь-полѣшукъ. Тутъ же на костельномъ крыльцѣ я, свернувшись калачикомъ, и заснулъ.

Меня разбудилъ толчокъ ногою въ бокъ. Открываю глаза и вижу: стоитъ старичокъ, сѣденькій, носъ картофелною, щетинистые усы, въ длиннополой капотѣ (кафтанѣ) и кричитъ:

— Бродяга! ишь какъ растянулся на костельномъ крыльцѣ. И насорилъ еще огуречною шелухой и крошками. Хлѣвъ, что ли, у дома Божія. Не нашель мѣста гдѣ расположиться. Пошелъ вонъ!

Солнце было низко и пряталось уже за крыши домовъ. Вечерѣло, и прохлада послѣ жаркаго дня распространялась въ воздухѣ. Очевидно, я проспалъ часа три, если не больше. Старичокъ продолжалъ кричать, прогоняя меня. Это, навѣрное, ретивый закрістіанъ (дьячокъ въ католическихъ церквахъ), догадался я; неторопливо приподнялся и, зѣвая, въ свою очередь, крикнулъ на него по-польски:

— Не кричи, неразумный клеха! Я вовсе не холопъ. Или ты хочешь предать меня москалямъ?

Старичокъ отступилъ и вытянулъ впередъ руки, точно защищаясь отъ чего-то.

— Скажи мнѣ скорѣе, какъ пройти туда, гдѣ гостиница Мордика?

— Іисусъ Марія! Св. Іосифъ!—залепеталъ закрістіанъ. — Да кто же вы, паночекъ?

— Не твое дѣло. Отвѣчай на вопросы. Надѣюсь, ты добрый полякъ и католикъ, а не Іуда Искаріотскій?

— Оборони, Господи! Вы, значить, изъ тѣхъ бѣдняковъ, что бродятъ теперь по лѣсамъ. Вчера казаки больше сотни пригнали ихъ въ М—къ. Оборванные, голодные; бьютъ ихъ казаки, безжалостно бьютъ. Пробошъ (настоятель) посылалъ меня отнести имъ хлѣбъ и водку, да только водку казаки сами выпили.

— Молчи, болтунъ! Все это я знаю безъ тебя. Говори, какъ пройти къ гостиницѣ Мордика?

— Я пана туда проведу.

— Чтобы меня, увидавъ съ тобою вмѣстѣ, москали заподозрѣли! И не думай! Расскажи только, какъ пройти.

Я боялся болтливости и любопытства закрістіана. Ему совсѣмъ не было никакой надобности знать о моемъ свиданіи съ графиней Сокольской. Было поздно. Опасаясь опоздать, я, отвязавшись отъ назойливыхъ услугъ закрістіана, пошелъ скорымъ, размашистымъ шагомъ свободнаго человѣка, направляясь къ гостиницѣ Мордика на лучшей улицѣ М—ка. О томъ, что полѣшукъ обязанъ ходить согнувшись, я совсѣмъ позабылъ.

— Вотъ мужикъ, который шагаетъ вовсе не по-мужички,—раздался около меня чей-то голосъ.—Стой, каналья! Маскарадъ!

Я остановился и поднялъ голову.

На противоположномъ тротуарѣ стоялъ господинъ въ форменной фуражкѣ, съ лицомъ настоящаго типичнаго поповича.

— Ты не холопъ! Ты—переодѣтый повстанецъ. Сознавайся!—грозно крикнулъ онъ мнѣ.—Что же молчишь? Кликну казака, онъ тебя заставитъ говорить.

Попался!—мелькнула у меня мысль.

Мужики, дѣйствительно, такими шагами не ходятъ. Чиновникъ заподозрѣлъ и... и, пожалуй, арестуетъ. Но я не потерялся.

— Паночекъ! за что гнѣваешься! Змилуйся,—заговорилъ я, сдѣлавъ преглуное лицо и скинувъ магерку.—Заголодалъ. Дай копеечку, гибну туточки (здѣсь). Сегодня не ѣлъ. Погнали насъ возить раненыхъ ляховъ—дѣбелъ ихъ побери! Конни мои дохнуть съ голоду и у самого животь подвело.

— И не врешь ты! Охъ, мнѣ думается, все ты налгалъ.

— Панъ вельможный! Какъ передъ Истиннымъ! Вотъ погляди самъ мою карту.

Я досталъ изъ-за пазухи билетъ, выданный мнѣ изъ жандармскаго управленія, и подалъ строгому чиновнику.

Онъ прочелъ его, повертѣлъ, еще разъ посмотрѣлъ на мое лицо. Нельзя было заподозрѣть: лицо было обвѣтренное, загрубѣлое, а жандармскій пропускъ выданъ въ этотъ же день

Все недовѣрчиво качая головой, чиновникъ сказалъ:

— Чортъ съ тобою! убирайся. Какая тутъ копеечка. Не надѣйся! А вотъ мнѣ все-таки кажется, что ты не простой полѣшукъ. Да нечего дѣлать! Карта твоя въ порядкѣ. Маршъ!

Строгий чиновникъ ушелъ. Я еще разъ избѣгъ опасности, еще разъ былъ на волосъ отъ висѣлицы. Оставалось поторопиться въ гостиницу Мордика, что я и сдѣлалъ.

Графиня Сокольская сейчасъ же приняла меня. Съ нею была заинтересовавшая меня блондинка. Когда я вошелъ, взоры наши встрѣтились. Въ ея глазахъ я прочелъ самое сердечное участіе. Лицо дѣвушки покрылось легкимъ, розовымъ румянцемъ, и она сейчасъ же протянула мнѣ свою руку, которую я, помнится, задержалъ нѣсколько секундъ дольше, чѣмъ бы слѣдовало. Узенькіе, хрупкіе пальчики были горячи и дрожали. Графиня просила меня рассказать, что случилось послѣ ея послѣдняго отбытія изъ нашего лагеря. Я началъ говорить...

Холодное, суровое лицо ея смягчилось; на красивыхъ глазахъ блеснули слезы. Она опустила голову, слушая подробности о нашемъ пораженіи.

— Меня не было въ усадьбѣ,—сказала она.—А мой мужъ, конечно, не измѣнникъ, но малодушный, слабый человекъ и не предупредилъ во время Сигизмунда о приготовленной ему засадѣ...

Послышался глубокой вздохъ и просьба продолжать разсказъ. Эпизодъ, какъ меня едва не повѣсили изъ-за застрѣленнаго гимназистомъ дьячка, очень мало ее тронуль. Но блондинка, Адель Крживицкая, даже заплакала, слушая меня. Графиня еще ниже опустила голову, когда я разсказалъ, какъ нашелъ Сигизмунда умирающимъ отъ голода въ лѣсу. Наше послѣднее пораженіе и разбѣганіе польскихъ войскъ отъ непредусмотрительности и самоувѣренности вождя я передалъ вкратцѣ.

— Но Сигизмундъ? Гдѣ же онъ теперь: спасся, рапепъ, взять въ плѣнъ?—нетерпѣливо перебила меня графиня.

— Убить,—отвѣтилъ я:—онъ самъ хотѣлъ быть убитымъ.

Мой разсказъ, какъ бѣднякъ сѣлъ на заборъ и безтрепетно ждалъ пули, какъ, умирая, просилъ переслать его прощальное письмо въ Вильну по адресу, заставилъ мягкую, простодушную сердцемъ Адель Крживицкую зарыдать. Графиня закрыла лицо руками и молчала нѣсколько минутъ.

— Эти письма съ вами?—спросила она. По щекамъ ея катились слезы.

Я досталъ письма и бумажникъ покойнаго Сигизмунда. Писемъ было два—къ матери и сестрѣ погибшаго. Въ бумажникѣ, перевязанныя лентой, были еще письма, писанныя женской рукою, и фотографія.

Фотографія была самой графини Сокольской.

На нѣмой вопросъ ея грустныхъ глазъ, знаю ли я содержаніе этихъ писемъ, я отвѣтилъ тоже молчаливымъ отрицательнымъ жестомъ.

— Онъ былъ моимъ женихомъ, возлюбленнымъ моего сердца... Потомъ я вышла, по желанію родителей, за стараго графа Сокольскаго. Въ этомъ наше обоюдное несчастье.

Говоря это, графиня закрыла лицо платкомъ и замолчала.

Адель Крживицкая спросила меня: откуда я?

— Былъ помѣщикомъ М—ской губерніи,—былъ мой отвѣтъ.—Теперь разоренный бѣднякъ, скиталецъ, котораго ждетъ висѣлица, если бы я попался въ руки русскимъ. Я осужденъ за убійство дьячка, но, клянусь кровью Христа, я не приказывалъ стрѣлять въ него.

Адель снова подала мнѣ свою руку и крѣпко пожала мою. Я взялъ эту трепещущую, почти дѣтскую ручку и много, много разъ цѣловалъ ее. Сердце мое расширилось. Какое-то похожее на восторгъ ощущеніе, доселѣ мнѣ незнакомое, наполнило все мое существо.

Неужели я вдругъ влюбился въ этого почти ребенка, въ эту дѣвushку съ кроткими, мечтательными глазами?

А моя невѣста?

О, она, эта холодная женщина, пославшая меня хладнокровно на смертельную опасность, была въ эту минуту далека отъ меня,

такъ далека, что мнѣ казалось даже непонятнымъ, какъ могъ я называть «возлюбленною» и близкою мнѣ женщиною ту, которая послала меня на опасности и смерть ради невѣдомой ей Варшавы и тамошнихъ революціонныхъ затѣй. Правда, тогда господствовало такое теченіе въ обществѣ, но чувства любящей дѣвушки, но тревоги женскаго сердца, что же они не подсказали ей иного рѣшенія? Нѣтъ, она меня не любила... Да полно, любилъ ли и я ее настоящею любовью, или былъ только увлеченъ красотою и кокетствомъ?

Адель Крживицкая полюбила меня. Нечего было въ этомъ сомнѣваться. Я это чувствовалъ. Глаза ея говорили ясно многое, хотя уста молчали.

Графиня Сокольская отбросила мокрый отъ слезъ платокъ и спросила:

— Итакъ, Сигизмундъ убить?

— Убить. За деревней въ общей ямѣ и зарыли бѣдняка.

Обѣ женщины стали на колѣни и начали молиться. Долго молились, плача и вздыхая о близкомъ погибшемъ человѣкѣ, о беззавѣтно преданномъ родниѣ патриотѣ, о всѣхъ погибшихъ въ этой безнадежной борьбѣ горсти почти безоружныхъ энтузіастовъ противъ огромной, организованной военной силы.

Помолился и я за убіенныхъ. Поляки и русскіе—братья. Зачѣмъ же они ведутъ братоубійственную распрю?

Переночевавъ въ еврейской корчмѣ, я на утро снова былъ у Сокольской. Графиня снабдила меня паспортомъ, подписаннымъ генераломъ, командующимъ войсками въ Минскѣ. Въ паспортѣ было сказано, что я помѣщикъ Минской губерніи Болеславъ Крживицкій уволенъ въ Варшаву для устройства фамилныхъ дѣлъ. Примѣты близко подходили къ моимъ.

— Это вы будете фигурировать въ роли моего брата,—пояснила Адель Крживицкая.

— А вашъ братъ? какъ же онъ будетъ безъ паспорта?—спросилъ я.

У дѣвушки опять навернулись на глазахъ слезы.

— Онъ ни въ какомъ паспортѣ уже не нуждается.

— Успѣлъ бѣжать за границу?

— Нѣтъ, убить. Но здѣшнія власти этого не знаютъ, и графиня, моя двоюродная сестра, успѣла взять на его имя паспортъ. Дали очень охотно. Меня и брата хорошо знаютъ и генералъ, и адъютантъ.

Графиня добавила съ иронической улыбкою:

— Адъютантъ, какой-то поповичъ, даже ухаживаетъ за Аделью.

— И вы, панна Адель, допускаете...

Я не успѣлъ договорить. Лицо дѣвушки покрылось яркою краскою негодованія.

— Вы не должны этого думать. Охъ, мы теперь должны многое допускать. Беззащитные въ ихъ рукахъ... Тюрьма и нищенская сума для каждаго изъ католиковъ совершенно зависятъ отъ ихъ прихоти. Еще больше то, что вы вотъ усомнились въ польской женщинѣ.

Я опять овладѣлъ рукою Адели и просилъ прощенія за неосторожное слово. Графиня вышла изъ комнаты, очевидно, нарочно, и оставила насъ вдвоемъ. Несмѣло, смущаясь, какъ гимназистъ передъ строгимъ учителемъ, приблизился я къ дѣвушкѣ, стоявшей въ смущеніи, съ опущенными глазами. Я цѣловалъ одну и другую руку, и Адель только сдѣлала слабое усиліе освободить ихъ.

— Если когда-нибудь...—шептала я,—мигъ удастся вернуться на родину... вы позволите?

Прекрасные голубые глаза взглянули на меня ласково, любовно, тихій шопотъ едва раскрываемыхъ милыхъ губокъ долетѣлъ до меня:

— Возвращайтесь... берегите себя. Довольно уже бесплодныхъ жертвъ. Братъ мой погибъ; я теперь одинокая спрота. И бы будете моимъ братомъ, такъ, видно, Богъ опредѣлилъ.

— Братомъ? только братомъ?—спросилъ я.

Адель покраснѣла и, отнимая руку, сказала:

— Возвращайтесь. Я буду васъ ждать.

Черезъ три дня я былъ въ Варшавѣ, съ легальнымъ паспортомъ, почти спокойный. Остановился я въ Саксонскомъ отелѣ и началъ хлопотать войти въ сношеніе съ таинственнымъ жондомъ, безъ помощи котораго мнѣ нечего было и думать перебраться за границу.

Графиня Сокольская дала мнѣ конвертъ—рекомендательное письмо безъ адреса—и научила, какъ я былъ долженъ поступить, чтобы добиться сношеній съ народонымъ правительствомъ.

XIX.

Старая Варшава, начала шестидесятыхъ годовъ, далеко не была похожа на нынѣшній богатый, вполне европейскій городъ. Ни торцовой мостовой изъ австралійскаго дуба, которую ежедневно моютъ, ни тѣмъ болѣе дворцовъ на Уяздовской, Ерусалимской и другихъ улицахъ новой Варшавы и въ поминѣ не было. Самый Новый Свѣтъ и Краковское предмѣстье были еще переполнены тяжелыми, старинными зданіями—забыткомъ давно отшумѣвшей привольной шляхетской жизни XVIII вѣка. Прибавьте къ этому довольно будничному виду города множество траурныхъ платевъ, печальный и сердитый видъ прохожихъ, и вы поймете, насколько меня удивилъ и поразилъ видъ столицы Польши, о которой у насъ, въ глуши Вѣлоруссіи, ходили преувеличенные, восторженные рассказы. Занявъ дешевый номеръ въ Саксонскомъ отелѣ, пришлось сейчасъ же предъявить свой паспортъ. Обошлось благополучно. Рано улегшись спать, я

намѣревался на утро приняться за отыскиваніе невидимаго и никому невѣдомаго «народнаго фонда», чтобы передать ему письмо графини Сокольской. Часу въ седьмомъ утра меня разбудили шумъ, бѣготня по коридорамъ и говоръ многихъ голосовъ.

Не арестуютъ ли кого?—пришло мнѣ въ голову.

Выглянувъ изъ двери номера, спрашиваю по-польски мимо бѣгущаго слугу:

— Что случилось?

Замахалъ только рукою и на бѣгу отвѣтилъ:

— Закололи.

Кого и кто закололъ?—этого такъ я и не добился.

Изъ многихъ дверей подобно мнѣ выглядывали люди, не рѣшаясь идти и разузнавать изъ опасенія попасть въ число заподозрѣнныхъ въ политическомъ убійствѣ, несомнѣнно совершившемся. Любопытство во мнѣ, однако, превозмогло опасенія: я, наскоро одѣвшись, сошелъ этажомъ ниже и заглянулъ въ номеръ, дверь котораго оказалась отворенной. У самаго порога лежалъ какой-то человекъ, рыжій, съ фizioноміей, напоминавшій обычный еврейскій типъ. На полу валялся пожегъ, похожій на простой кухонный, и къ нему прикрѣплена была бумажка съ надписью: «казнень по распоряженію народоваго фонда за измѣну».

Несчастный еще дышалъ. Полъ весь былъ залитъ кровью. Остеклѣвшіе глаза были широко раскрыты. Ни полиціи, ни жандармовъ еще не было. Толпились одни коридорные.

— Доктора! Скорѣй доктора!—обратился я къ нимъ.

Никто не пошевелился.

Подошедшій въ эту минуту пожилой господинъ шепнулъ:

— Уходите отсюда. Не ваше дѣло.

Но зарѣзанный еще стоналъ и шевелился. Мнѣ хотѣлось ему помочь. На лѣстницѣ зазвенѣли шпоры, посылались тяжелые шаги солдатъ. Пришлось уходить. Я самъ былъ въ такомъ положеніи, что для меня крайне опасно было всякое соприкосновеніе съ властями.

За завтракомъ въ общей залѣ рассказывали, что раненый уже умеръ. Онъ выдавалъ себя за странствующаго приказчика и въ это утро торопился на желѣзную дорогу. Все у него было готово; вещи уложены, и коридорный побѣжалъ за извозчикомъ (дружкою). Въ петербургъ, онъ выглянулъ въ коридоръ...

По коридору шелъ высокій, прилично одѣтый господинъ. Внизу онъ освѣдомился у швейцара, въ которомъ номеръ остановился путешествующій коммисіонеръ. Швейцаръ далъ адресъ и прибавилъ, что онъ уѣзжаетъ.

— Знаю,—отвѣтилъ неизвѣстный.—Но онъ не уѣдетъ.

И точно, несчастный не уѣхалъ, получивъ нѣсколько ударовъ ножомъ въ грудь, едва успѣлъ отворить дверь.

Изъ завтракавшихъ за столомъ никто не сочувствовалъ погибшему. Напуганный всѣмъ случившимся, сознавая, что этотъ «жандъ», столь страшный въ нашемъ Полѣсьѣ, еще страшнѣе и безпощаднѣе здѣсь, въ Варшавѣ, я отправился въ Саксонскій садъ, и согласно наставленію графини Сокольской, сѣлъ въ уединенной аллеѣ, ожидая, что будетъ. Мнѣ было передано, что около меня сядетъ господинъ и освѣдомится: кто я? откуда пріѣхалъ? На это я долженъ былъ отвѣтить: былъ на охотѣ, заблудился и заѣхалъ въ Варшаву узнать новости. Далѣе уже будетъ видно, что слѣдуетъ предпринять. Не просидѣлъ я и часу на скамейкѣ, какъ ко мнѣ приблизился высокой юноша, брюнетъ съ тросточкою, въ темныхъ очкахъ и сѣлъ со мною рядомъ.

Послѣдовали ожидаемые вопросы и условные на нихъ отвѣты. Юноша-брюнетъ задумался.

— Вы остановились въ Саксонскомъ отелѣ?—спросилъ онъ.

— Да, я тамъ остановился, въ номерѣ двѣсти пятомъ.

— Знаю. Вы подходили къ казенному измѣннику и требовали доктора?

— Онъ еще дышалъ.

— Вы не должны были этого дѣлать. Онъ казненъ за измѣну и предательство, а не убитъ. Понимаете?

Послѣ небольшого колебанія я передалъ ему письмо Сокольской. Меня удивляло, что молодой брюнетъ зналъ уже всѣ подробности происшествія.

— Вы человекъ, котораго жандъ цѣнитъ и уважаетъ,—продолжалъ онъ.—Вы были въ отрядахъ Сигизмунда К. и у N., участвовали въ битвахъ и теперь явились въ Варшаву въ распоряженіе народнаго правительства.

Мнѣ осталось одно: промолчать.

Отсутствіе адреса на письмѣ Сокольской нимало не удивило моего собесѣдника.

Вставая и уходя, онъ сказалъ:

— Идите въ вашъ отель и не вмѣшивайтесь въ дѣла, васъ не касающіяся. Ваши заслуги избавляютъ васъ на этотъ разъ отъ неприятностей. Столкновеній съ властями избѣгайте. Отъ жонда вы получите отвѣтъ и инструкцію завтра.

Больше ко мнѣ въ саду никто не подходилъ, чему, впрочемъ, я былъ радъ. Жондъ строгъ и шутить съ нимъ, очевидно, было опасно. Мои заслуги—въ сущности онѣ были невелики, но о нихъ знали. Въ отелѣ меня удивила предупредительность служащихъ, совсѣмъ необъяснимая для квартиранта изъ № 205, платящаго въ сутки семьдесятъ пять копеекъ.

— За эту же плату администрація предлагаетъ вамъ, вельможный панъ, перейти въ болѣе покойный номеръ,—тайнственно шепнулъ мнѣ коридорный.

Я поблагодарилъ.

— Если что нужно—прикажите. Не нуждаетесь ли вы въ деньгахъ?

— Въ деньгахъ?—удивился я.—Развѣ администрація Саксонскаго отеля имѣетъ обыкновеніе всѣхъ своихъ постояльцевъ снабжать деньгами?

— Не всѣхъ. Но—вы другое дѣло. Ваше значеніе и заслуги... «Опять мои заслуги», подумалъ я.

Запершись въ своемъ номерѣ, я посмѣялся тому, что и администраціи отеля уже были извѣстны мои заслуги передъ отечествомъ. Что же, это хорошо! Авось мнѣ помогутъ перебраться за границу, ради этихъ моихъ заслугъ. Настроеніе Варшавы было самое мрачное; слухи о побѣдахъ или пораженіяхъ возставшихъ патріотовъ были разнорѣчивые. Всѣ чего-то ждали, на что-то надѣялись. Фондъ справлялся круто съ подозрительными и высылалъ всѣхъ способныхъ носить оружіе въ банды. Русскія власти дѣйствовали безпощадно: казни слѣдовали одна за другой.

Выбраться бы поскорѣе отсюда,—приходило мнѣ въ голову. У Люрса въ кондитерской между пившими кофе уже ходили разговоры объ убитомъ въ Саксонскомъ отелѣ.

— Это шпіонъ,—говорили довольно громко.—Онъ выслѣживалъ народную организацію.

— И по дѣломъ ему, негодяю.

— Кто-то, говорятъ, за него вступился. Хотѣлъ ему помочь.

— Тоже шпіонъ, должно быть, Ну, убьютъ и его...

Я успѣшилъ уйти, не допивъ свой кофе, чувствуя себя не вполне покойнымъ.

На утро слѣдующаго дня дверь моего номера отворилась, и незнакомый человѣкъ, похожій на варшавскаго лобуза (уличника) спросилъ: я ли Болеславъ Крживицкій? Затѣмъ мнѣ былъ переданъ пакетъ, тоже безъ адреса. Лобузъ исчезъ. Въ пакетѣ былъ приказъ жонда ѣхать въ Раву и присоединиться къ дѣйствовавшей тамъ дивизіи польскихъ войскъ. При этомъ приложена была номинація (производство) меня въ полковники.

— О, чертъ бы побралъ это полковничество,—выругался я и задался вопросомъ: ѣхать въ Раву, или не ѣхать?

Но что я стану дѣлать, послушавшись жонда? Во-первыхъ, меня могутъ убить, то есть казнить, а, во-вторыхъ, пробраться за границу мнѣ все равно не удастся. Со вздохомъ сожалѣнія и обманутыхъ надеждъ я собрался ѣхать въ Раву. Къ великому моему благополучію, еще наканунѣ моего пріѣзда въ Раву тамошній отрядъ инсургентовъ былъ разбитъ и разсѣянъ. Въ Равѣ я обратился къ начальнику города, разумѣется, не къ русскому, а къ назначенному жондомъ.

— Что же вы хотите?—спросилъ этотъ начальникъ, добродушнѣйшій помѣщикъ, съ кругленькимъ брюшкомъ и очень трусившій.

— Хочу пробраться за границу. Я уже былъ въ плѣну у русскихъ и, попавъ вторично, неминуемо буду разстрѣлянъ.

Номинація жонда на чинъ полковника очень мнѣ помогла; по-мѣщикъ-губернаторъ Равы, прочитавъ ее, началъ относиться ко мнѣ предупредительно. Ему и хотѣлось спасти столь важное лицо—полковника войскъ польскихъ—и не зналъ онъ, какъ это устроить. Послѣ многихъ хлопотъ онъ сдалъ меня двумъ евреямъ, и тѣ за пятьдесятъ рублей переправили меня за австрійскую границу. Я очутился въ Краковѣ, но изъ этого города поспѣшили уѣхать: тамъ формировался отрядъ, и меня могли заставить вступить въ него, какъ полковника, присланнаго жондомъ изъ Варшавы. Кто знаетъ? Жондъ могъ сообщить уже обо мнѣ въ Краковъ, а убить меня за неповиновеніе народному правительству, за трусость такъ же легко могли и въ Краковѣ, какъ и въ Варшавѣ.

Нервы мои успокоились вполнѣ только тогда, когда я очутился въ Вѣнѣ.

XX.

Не буду рассказывать даже вкратцѣ о моихъ бѣдствіяхъ и скитаніяхъ за границую въ теченіе долгихъ годовъ изгнанія. Мой Богъ! какія послѣдствія повлекъ за собою одинъ необдуман- ный шагъ. Изъ обезпеченнаго гражданина, живущаго въ домѣ своихъ отцовъ, я превратился въ бродягу-нищаго. И много такихъ было, какъ я. Горестнѣе всего было то, что мы все сознавали, что наши труды, наши жертвы не принесли пользы родинѣ. Тѣнь свободы, которую намъ сулилъ маркизъ Велепольскій, исчезла. Въ Варшавѣ сидѣлъ графъ Бергъ и желѣзною рукою насаждалъ германизмъ. Николай Милютинъ усиливался вооружить низшіе классы противъ интеллигенціи. Въ нашемъ Западномъ краѣ было еще хуже: Кауфманъ былъ еще деревяннѣе Берга. Въ общемъ явилось одно несомнѣнное разореніе края... Темныя сумерки господствовали и подъ землями Короны и Литвы, и Бѣлой Руси. Въ этихъ сумеркахъ копошились «навозные», т. е. наѣхавшіе изъ Россіи чиновники, озабоченные только своими окладами. Подобно перелетнымъ воронамъ, которыя, набивъ зобъ, отлетаютъ прочь, и они, скопивъ, сколько кому удавалось, расправляя крылья и отлетали восвосяи.

Далеко не лучшіе люди ѣхали на западъ... Но объ этомъ когда-нибудь поговорю особо.

Я жилъ за границею шатуномъ—въ Вѣнѣ, Берлинѣ, Парижѣ. Напрасно я забирался даже въ Америку, надѣясь устроить свое положеніе. И въ Нью-Йоркѣ, и на далекой Амазонской рѣкѣ все было то же самое: заработать доллары тамъ могли все, только не мы, добродушные обыватели Бѣлорусскаго края, не мы, бѣлоручки, выросшіе на крѣпостномъ правѣ, слабые волею и физическими силами.

Такъ прошли годы, долгиѣ тяжелые годы.

Но наконецъ появился милостивый манифѣстъ: изгнанникамъ дозволялось вернуться на родину.

Вернувшись изъ Америки и въ ожиданіи найти средства уѣхать въ наши милые придиѣпровскіе лѣса, я нѣкоторое время проживать въ Парижѣ и неожиданно наткнулся на графиню Сокольскую. Мудрено даже было узнать бывшую красавицу, бойкую, смѣлую женщину, скакавшую по лѣснымъ трощобамъ за инсургентскими бандами. Передо мной стояла монахиня, постарѣвшаяся, съ волосами съ сильною просѣдью, худая, блѣдная. Но она узнала меня, и лицо ея оживилось. Прежній огонекъ сверкнулъ въ ея темныхъ глазахъ, а на пожелтѣвшихъ щекахъ пробился слабый румянецъ,

— Боже мой! мы васъ искали, долго искали,—заговорила она, пожмая мнѣ руку.—Гдѣ вы эти годы пропадали?

Я отвѣтилъ, что пріѣхалъ изъ Южной Америки.

— Что вы тамъ дѣлали?

— Работалъ. Хотѣлъ забыть...

— Что забыть?

— Потерю родины, потерю всего, близкихъ и любимыхъ людей.

Графиня-монашенка вздохнула.

— Забвенья на землѣ нѣтъ,—шепнули ея блѣдныя губы.

Очевидно, и ей, подъ платьемъ монахини, какъ и мнѣ, не удалось забыть прошлое.

— Зачѣмъ вы все это время не давали о себѣ знать на родину?— послѣдовалъ новый вопросъ.

— Зачѣмъ?—переспросилъ я.—Но кто же могъ тамъ мною интересоваться?

— Напрасно такъ думаете. Есть люди, которые вами по сей день интересуются. Или вы забыли ту, которая обѣщала вамъ «ждать»? Помните ли тотъ вечеръ, когда вы бѣжали изъ М—ка?

— Помню ли? Но я не смѣлъ...

— Вы не знаете сердца женщины, если такъ говорите; тѣмъ болѣе не знаете сердца польки.

Итакъ, Адели Крживицкая не забыла меня, помнила, ждала. Угрюмый дождливый осенній день, висѣвшій надъ французскою столицей, вдругъ показался мнѣ яснымъ, лучезарнымъ. Въ своихъ скитаньяхъ я хранилъ, какъ святыню, воспоминаніе о доброй, привѣтливой дѣвушкѣ. Но, конечно, считалъ ея, невозвратно улетѣвшимъ, все то, что встрѣтило меня, бѣлаго инсургента, въ М—кѣ. Писать къ Адели... Но о чемъ я могъ ея писать? Развѣ рассказывать, какъ въ Берлинѣ и Вѣнѣ голодалъ, въ Лондонѣ носилъ на верфи тяжести и даже исполнялъ обязанности лакея въ одномъ далеко не первоклассномъ отелѣ Санъ-Франциско; писать ей, что на Амазонской рѣкѣ едва не сдѣлался пиратомъ, поступивъ матросомъ на люгеръ какого-то дона-Хозе, въ Нью-Йоркѣ, спасаясь

отъ голодной смерти, едва не женился на еврейкѣ, дочери ростовщика, которая настолько же была жадна, насколько и глупа. Нѣтъ, я «этого» не могъ писать чистой благородной дѣвушкѣ, а лучшаго не было въ годы моего скитальчества.

— Не спрашивайте меня, почему я не писалъ ни вамъ, на той святой дѣвушкѣ, которая обѣщала «ждать»,—сказала я Сокольской, и хотѣлъ удалиться.

Но она не дозволила мнѣ уйти.

Ее сопровождалъ аббатъ—жирный, румяный, съ занескивающимъ взглядомъ, съ льстивою рѣчью. Участіе ко мнѣ графини, очевидно, ему не понравилось. Но дѣлать было нечего, и іезуитъ покорился. Въ Сокольской снова, на короткое время, конечно, воскресла прежняя гордая львица, неукротимая дѣятельница печальнаго 1863 года.

— Пойдемте со мною,—твердо рѣшила она.—Намъ о многомъ надо переговорить и много вопросовъ рѣшить.

У графини былъ собственный отель, и она заставила меня поселиться въ немъ и ждать...

Она ручалась, что Адель не забыла меня и, какъ обѣщала, ждетъ.

— Вы собираетесь на родину. Дозволили вернуться заблудшимъ. Я не вернусь,—со вздохомъ сказала она.—Мой мужъ умеръ, имѣніе продано, а того, который былъ одинъ мнѣ дорогъ, даже его могилы мнѣ не удалось отыскать. Но вы—другое дѣло. Васъ ждетъ та, которая васъ полюбила. Я напишу Адели.

Крживицкая сейчасъ же отвѣтила на письмо, что хотя прошли долгіе годы и мы оба очень измѣнились, но рада меня видѣть, и, когда свидимся, Богъ, такъ чудесно сведшій насъ, укажетъ, какъ намъ быть.

«А родная наша земля,—писала милая дѣвушка,—попрежнему хороша. И приводила стихи Сырокомли:

Вездѣ хорошо на широкомъ свѣтѣ,
Но нѣтъ края дорожке родины...

Конечно, я рѣшилъ ѣхать. На русской границѣ, въ Вержболовѣ, увидѣлъ я снова знакомую форму жандармовъ и, признаюсь, дрогнулъ, хотя не имѣлъ уже никакихъ поводовъ опасаться. Въ загрязненномъ еврейскомъ В—кѣ ожидало меня письмо Адели. Но прежде, чѣмъ ѣхать къ ней, мнѣ страстно захотѣлось заглянуть въ мое родное гнѣздо, и я навѣстилъ свою Жуковку.

Какое горькое чувство стѣснило мое сердце! Жуковка досталась навозному посреднику. Онъ проворовался, уѣхалъ дослуживать въ Ташкентъ, а имѣніе сдалъ Хайму, тому самому, который нѣкогда, въ полосатомъ халатѣ, проводилъ меня въ отрядъ Сигизмунда и продалъ штучеръ и порохъ подъ названіемъ палки и маку. Хайма нельзя было узнать, онъ разжирѣлъ, жилъ бариномъ, грязно, но бариномъ; сыновья его учились въ университетѣ и намѣревались

быть адвокатами. Имѣніе онъ разорилъ самымъ капитальнымъ образомъ и продавалъ желающимъ, на основаніи довѣренности владѣльца, который, по его словамъ, былъ ему много долженъ.

— И покрутился этотъ пьяница къ чертямъ,—добавилъ Хаимъ, презрительно плюнувъ.

— Ну, а вы, панъ?—допрашивалъ онъ меня, добродушно трепля по плечу.—Бдете къ Криживицкой... Хороша! Богатая дѣвушка. Опять паномъ станете.

Еврею, очевидно, все было хорошо извѣстно.

Онъ еще сообщилъ, что моя бывшая невѣста, Анжелика, давно замужемъ за неправникомъ, русскимъ и православнымъ. Но живутъ они несогласно. Дѣтей у нихъ много. Отецъ требуетъ, чтобы они были православными, мать норовитъ вертать ихъ въ католичество.

Куда же дѣвался ея патріотизмъ? — подумалъ я. — И зачѣмъ она послала меня въ банду и чуть не довела до висѣлицы? Зачѣмъ?

Трудно отвѣтить на этотъ вопросъ. Такое ужъ тогда было время.

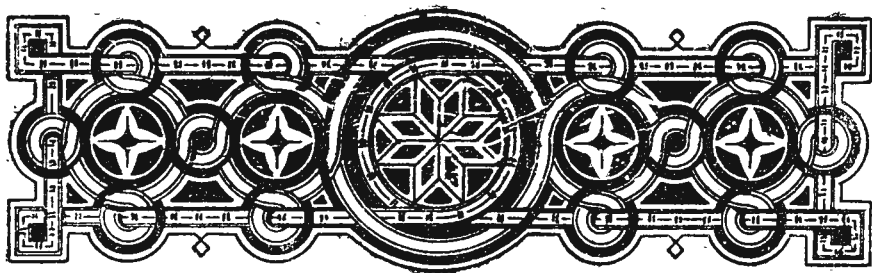
Черезъ два мѣсяца я былъ уже счастливымъ мужемъ Адели Криживицкой.

На этомъ и заканчиваю рассказъ о моихъ похожденияхъ въ печальный 1863 годъ. Развѣ добавить, что я живу счастливо, у меня большая семья, и я ее воспитываю, уча чтить Бога и любить родное, но отнюдь не увлекаться...

Мы увлеклись независимой Польшей, теперь молодежь увлекается миражами социализма. За свои увлеченія иллюзіями мы заплатили дорого, не приведи Господи, чтобы молодежь за свои увлеченія заплатила еще дороже. А какъ будто на это похоже.

С. С. Окрейць.

НОВЫЙ ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТЪ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА I.

А ДНЯХЪ вышелъ новый трудъ его императорскаго высочества великаго князя Николая Михайловича въ двухъ объемистыхъ томахъ, подь наименованіемъ: «Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія», съ 19 таблицами портретовъ и рисунковъ. Въ первый томъ вошелъ литературный текстъ на 349 страницахъ, и къ нему же приложено на 331 страницѣ собраніе разныхъ документовъ. Всѣ иллюстраціи и рисунки включены въ этотъ томъ. Второй томъ на 716 страницахъ обнимаетъ собой специально «приложенія», а также алфавитный указатель личныхъ именъ, встрѣчающихся во всемъ трудѣ. Какъ всѣ изданія великаго князя Николая Михайловича, и настоящая его работа выпущена въ свѣтъ въ роскошномъ видѣ; работы—типографскія и иллюстраціонныя—выполнены экспедиціей заготовленія государственныхъ бумагъ и съ точки зрѣнія техники не оставляютъ желать ничего лучшаго. Большая часть портретовъ сдѣлана съ миниатюръ изъ собранія самого великаго князя и нѣкоторыхъ другихъ рѣдкихъ коллекцій. Нѣкоторые изъ этихъ портретовъ, какъ, напримѣръ, Александра I, Аракчеева, великаго князя Павла Петровича съ супругою и сыновьями, императрицы Маріи Феодоровны, представлены въ краскахъ, другіе сдѣланы фототипическимъ способомъ и наклеены по четыре штуки на каждый вкладной листъ. Такимъ образомъ,

настоящее издание, помимо его захватывающего научно-литературного интереса, является богатѣйшей картиной галереей всѣх сподвижниковъ благословеннаго императора, участниковъ разныхъ дѣяній его царствованія и лицъ, ему приближенныхъ. Назначенная при подобныхъ условіяхъ издательства цѣна за оба тома въ пятнадцать рублей не можетъ считаться высокою, и, нѣтъ сомнѣнія, явится достаточною приманкою для широкой публики. Подобное издание, приобрѣтенное въ библіотеку, явится ея украшеніемъ и цѣннымъ въ нее вкладомъ.

Въ настоящей замѣткѣ по недостатку у нея автора мѣста и времени, нѣтъ возможности дать о вышеназванномъ трудѣ подробный отчетъ и критическій обзоръ. Каждая страница обѣихъ частей вноситъ въ наши свѣдѣнія объ эпохѣ начала XIX вѣка и ея главному русскому герою, императору Александру I, множество новыхъ данныхъ. Одни «приложенія» чего стоятъ! Сюда включено громадное количество новыхъ источниковъ, доступъ къ которымъ прежнимъ историкамъ былъ невозможенъ, и нынѣ каждый, пожелавшій ихъ обслѣдовать, найдетъ бы здѣсь значительный матеріалъ для разнородныхъ монографій. Тутъ и личная царственная переписка, и донесенія пословъ своимъ дворамъ, письма къ государю разныхъ лицъ, въ особенности письма Р. А. Кошелева, графа А. А. Аракчеева и другихъ, письма баронессы Крюденеръ къ императору и князю Голицыну, маршруты высочайшихъ путешествій по Россіи, приглашенія въ высочайшему столу и т. д. Нѣкоторыя лица, благодаря всѣмъ этимъ опубликованнымъ документамъ и освѣщенію ихъ авторомъ, получаютъ нынѣ для насъ новое значеніе въ ряду уже знакомыхъ дѣятелей александровской эпохи, напримѣръ, Кошелева, князя Голицына, Крюденеръ и даже Аракчеева. Нѣкоторыя донесенія и письма иностранцевъ, какъ С.-Жюльена и Стадіона, поражаютъ насъ многими сдѣланными въ нихъ характеристиками, мѣткими замѣчаніями и тонкимъ пониманіемъ загадочной личности того, около котораго сосредоточивались ихъ вниманіе и мысли. Самъ авторъ использовалъ всѣ эти документы только въ незначительной степени, лишь постольку, поскольку они помогали ему въ главной цѣли его работы: изобразить «характеръ и дѣятельность Александра I не только какъ государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка», освѣтить его сложную личность, прослѣдить «перемѣны», свершавшіяся въ его характерѣ за различные періоды его «бурнаго царствованія», разобратъ въ его отношеніяхъ съ людьми, какъ русскими, такъ и чужеземцами, отмѣтить взгляды государя на текуція событія вообще и на дѣла управленія Россіи въ частности. Великій князь, опираясь исключительно на строго проверенные факты, даетъ въ своей работѣ по преимуществу психологію дѣйствующихъ лицъ, дѣлаетъ отсюда опредѣленные, проверенные строгой исторической крити-

кой выводы и, таким образом, рисует на очищенном от всяких фантастических аксессуаров историческом полотнѣ характерные портреты, набросанные широкими мазками, позволяющіе лицезрѣть выпуклыя черты и особенности тѣхъ, изображенію которыхъ онъ посвятилъ столько времени и силъ.

Говоря о своемъ методѣ работы, онъ свидѣтельствуетъ, что «не признаетъ въ исторической наукѣ догадокъ и предположеній, которыя, по его словамъ, умѣстны развѣ въ романахъ, а предпочитаетъ опираться на факты, засвидѣтельствованные документами. Этимъ избѣгаются недоразумѣнія и лишнія разсужденія». Отсюда его частая полемика съ другимъ біографомъ Александра I, покойнымъ Н. К. Шильдеромъ, трудъ котораго онъ, хотя и признаетъ увлекательнымъ и талантливымъ, но не считаетъ серьезной исторической работой, относя его скорѣе къ разряду историческихъ романовъ. Свою собственную нынѣшнюю работу великій князь Николай Михайловичъ судитъ очень скромно, придавая ей характеръ лишь «матеріаловъ», которыми «будущіе русскіе историки могутъ воспользоваться». Въ предисловіи онъ говоритъ: «въ нашемъ новомъ трудѣ мы не намѣрены излагать исторію царствованія Александра Благословеннаго. Мы стремимся дать опытъ историческаго изслѣдованія характера и дѣятельности Александра Павловича не только какъ государя и повелителя земли русской, но и какъ человѣка. Задача наша не изъ легкихъ—мы это сознаемъ: во-первыхъ, потому, что многіе источники отсутствуютъ, благодаря систематическому истребленію ихъ императоромъ Николаемъ I; другіе, хотя и существуютъ, но съ большими пробѣлами, какъ, напримѣръ, вся переписка императрицы Маріи Ѳеодоровны съ сыномъ-первенцемъ; во-вторыхъ, мы не могли воспользоваться полностью всѣми иностранными архивами, несмотря на широкую любезность архивовъ иностранныхъ дѣлъ: французскаго, австрійскаго и прусскаго; наконецъ, доступъ къ нѣкоторымъ частнымъ архивамъ, какъ русскимъ, такъ и иностраннымъ, еще не открытъ». Главными источниками его работы, по его показаніямъ, были документы и рукописи собственной Его Императорскаго Величества бібліотеки и государственнаго архива, а также матеріалы, находящіяся въ архивѣ канцеляріи военнаго министерства, помѣщающемся въ Петропавловской крѣпости.

Используя всю наличную литературу александровской эпохи и то, что было писано о Благословенномъ, получивъ въ свое распоряженіе отмѣченные выше богатѣйшіе новые источники, высокопоставленный историкъ и предѣдатель императорскаго историческаго общества созналъ, однако, что, въ виду указанныхъ пробѣловъ въ другихъ источникахъ, онъ не въ силахъ сейчасъ, при современномъ состояніи исторической литературы по данному вопросу, нарисовать детальный и тщательно отдѣланный портретъ побѣдителя Наполеона, возлагая эту работу на будущее поколѣніе русскихъ

историковъ. Вотъ почему я и отмѣтилъ выше, что образъ Александра I въ числѣ прочихъ образовъ, представленныхъ въ настоящей работѣ, вышедшей изъ-подъ пера его внука, нарисованъ широкими, характерными мазками, позволяющими лишь лицезрѣть выпуклыя черты даннаго лица. Детальныя черты здѣсь исчезли, есть только главное, существенное, характерное. Но и это послѣднее проведено настолько искусно, что историческая вуаль, доселѣ какъ бы закутывавшая обликъ знаменитаго «сфинкса до гроба», пачинаеть передъ нами просвѣчивать и изъ-за ея доселѣ плотной исторической толщи образъ таинственнаго вѣнценосца становится видимымъ и осязаемымъ. Критическій рѣзецъ, которымъ оперировалъ великій князь, совершилъ въ данномъ случаѣ ему отличную службу: многое фантастическое и, пожалуй, смягчающее исчезло, и на авансцену исторической науки выступило выпуклое, рѣзкое, но правдивое, вслѣдствіе чего авторъ съ полнымъ правомъ произнесъ въ своемъ предисловіи судъ надъ своимъ героемъ, тотъ самый судъ, который дѣйствительно напрашивается и у читателя по ознакомленіи съ «матеріалами» новой біографіи Александра I. Историкъ говорить: «... какъ правитель великой страны, Александръ I займетъ первенствующее мѣсто въ лѣтописяхъ общей исторіи; какъ русскій государь, онъ былъ въ полномъ расцвѣтѣ своихъ блестящихъ дарованій лишь въ годину Отечественной войны, въ другіе же періоды двадцатичетырехлѣтняго царствованія интересы Россіи, къ сожалѣнію, отходили на второй планъ. Что же касается личности Александра Павловича, какъ человѣка и простаго смертнаго, то врядъ ли обликъ его, такъ сильно очаровывавшій современниковъ, черезъ сто лѣтъ безпристрастный изслѣдователь признаеть столь же обаятельнымъ».

Если громадный историческій матеріалъ, заключенный въ двухъ обширныхъ томахъ, позволилъ великому князю воспроизвести лишь главное и существенное, то тѣмъ болѣе затруднительно положеніе рецензента, желающаго ознакомить своихъ читателей съ выдающимся историческимъ сочиненіемъ такого характера и содержанія. Приходится изъ главнаго взять главнѣйшее и притомъ въ такой мѣрѣ, чтобы личное авторство и писательство не заслонило собою научный образъ того, труду котораго посвященъ его рецензентскій очеркъ. Выводы одного могутъ какъ бы влиться въ заключенія другого и создать то непріятное положеніе для рецензируемаго автора, когда онъ окажется въ произвольномъ освѣщеніи его комментатора и референта. Въ данномъ случаѣ трудность положенія усугубляется еще тѣмъ, что приходится имѣть дѣло съ судомъ талантливаго и смѣлаго внука надъ жизнью, характеромъ и дѣятельностью своего знаменитаго дѣда. Посему, во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній и нареканій, авторъ настоящаго очерка ограничиваетъ свою роль сжатой передачей фактовъ и выводовъ

изъ новой біографіи Александра I, воздерживаясь отъ какихъ-либо собственныхъ сужденій по сему предмету. Личный взглядъ самого автора на Александра Благословеннаго былъ уже неоднократно высказываемъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника» и въ послѣднее время (августовскій номеръ) еще разъ воспроизведенъ въ статьѣ «Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ».

Царствованіе Александра I великій князь дѣлитъ на пять періодовъ: «Годы колебаній» (1801—1807), «Союзъ съ Наполеономъ» (1807—1812), «Борьба съ Наполеономъ» (1812—1815), «Эпоха конгрессовъ. Мистицизмъ. Военныя поселенія» (1816—1822) и, наконецъ, «Общее разочарованіе» (1822—1825).

Въ первомъ изъ указанныхъ періодовъ (1801—1807 г.г.) мы имѣемъ передъ собою царственного юношу, характеръ котораго развился подъ довольно противорѣчивыми вліяніями, благодаря чему «онъ многое усвоилъ, такъ какъ былъ воспріимчивъ, но усвоилъ поверхностно и не вдумываясь въ суть дѣла и не стараясь понять духъ русскаго человѣка. Потому его рѣшенія торопливы и необдуманны, недоставало прочнаго фундамента». Эти недостатки характера очень наглядно сказались въ той роли, которую сыгралъ Александръ въ событіяхъ, доведшихъ его до престола въ 1801 году, а также въ предшествовавшихъ интригахъ къ завершенію этой драмы. Благодаря близости къ окружавшему его офицерству, онъ прекрасно былъ освѣдомленъ о ропотѣ и недовольствѣ, которое существовало въ обществѣ по адресу его «полоумнаго отца», но онъ никакъ не реагировалъ на всѣ эти слухи и не давалъ себѣ труда сблизиться съ отцомъ, чтобы раскрыть ему глаза и уберечь его отъ гибели. Графъ П. А. Паленъ, поставленный императоромъ Павломъ начальникомъ столицы и рѣшившійся стать во главѣ заговора противъ «душевно разстроеннаго вѣнценосца», оказалъ на Александра Павловича своимъ желѣзнымъ характеромъ рѣшающее вліяніе, терроризировалъ его и получилъ отъ послѣдняго *carte blanche* «дѣйствовать по его усмотрѣнію». Что это значитъ?—спрашиваетъ біографъ Александра, и отвѣчаетъ: «да просто согласіе наслѣдника на исполненіе заговора. Разъ заговоръ былъ рѣшенъ, началась серія жуткихъ дней, потому что безъ вѣдома Александра графъ Паленъ дѣйствовать не собирався». Наслѣдникъ не только санкціонировалъ всѣ подробности заговора, но даже далъ отъ себя Палену нѣкоторыя важныя указанія (замѣна преображенцевъ въ караулѣ преданными ему семеновцами) и до послѣдняго момента трагедіи пребывалъ какъ бы въ состояніи «полудремоты». По мнѣнію великаго князя Николая Михайловича, «слухи о возможности заговора должны были быть извѣстны Маріи Ѳеодоровны, а что императоръ опасался такого исхода, то объ этомъ она могла судить по тому, что

«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., г. сxxx.

15

потаенная дверь, ведущая въ ея апартаменты, была внутри заперта на ключъ», но, прибавляетъ историкъ,—«остается не выясненнымъ—по распоряженію кого именно. Всѣ описывавшіяся подробности ночной драмы единогласно свидѣтельствуютъ, что дверь была заперта со стороны лѣстницы, и что, когда Павелъ бросился къ ней, онъ не могъ отворить ее. Это одно ужъ доказываетъ, что и въ новомъ дворцѣ вѣрили въ возможность нападенія, если не императорская семья, то приближенные или прислуга. Вѣроятно, слѣдовательно, то, что до кончины Павла ни мать, ни сынъ не говорили между собою о заговорѣ и врядъ ли говорили часто объ этомъ событіи и позже». Закрывая глаза на несомнѣнную вѣроятность исхода заговора, Александръ заранѣе могъ предвидѣть насильственную гибель своего отца. И эта гибель легла тяжкимъ камнемъ на его совѣсть и испортила ему всю послѣдующую жизнь въ первые годы послѣ воцаренія: «стараясь заглушить тревоги душевныя и угрызения совѣсти, онъ искалъ въ воображеніи отвода этихъ мыслей и нашелъ облегченіе, а также нравственное успокоеніе, начавъ со рвеніемъ предаваться порывамъ къ введенію новыхъ реформъ». Эти же угрызения совѣсти, вызывавшія передъ нимъ окровавленную тѣнь отца, были исходною точкою его ненависти къ дворянству и привязанности къ Аракчееву.

Послѣдовали знаменитыя засѣданія такъ называемаго «негласнаго комитета», протоколы которыхъ въ свое время великимъ княземъ были опубликованы изъ архивовъ графовъ Строгановыхъ. Въ эти дни засѣданій сказалась «основная черта» характера Александра, а именно стремленіе блеснуть лучезарной идеей, быть ея вдохновителемъ, но всю тяжесть работы переносить на другихъ, внимательно прислушиваясь къ общественному мнѣнію, но ни на минуту не подавая даже вида, что въ глубинѣ души его симпатіи уже ослабѣваютъ къ предпринятому дѣлу. При этомъ онъ умѣлъ всегда утаивать собственные ощущенія и помыслы и подъ флагомъ новаторства ловко сохранять свой *консерватизмъ*, въ которомъ онъ превосходилъ всѣхъ окружавшихъ его. Въ разговорахъ Александръ любилъ толковать о *либерализмѣ*, но, когда дѣло доходило до какого-нибудь конфликта, онъ немедленно проявлялъ упрямое желаніе настоять на своемъ, другими словами—подчеркнуть свою самодержавную власть. Заставляя работать приближенныхъ, молодой государь отлично разбирался между разнообразными личностями и въ-время выдвигаетъ того или другого, оставаясь лично какъ бы въ сторонѣ и не оказывая наружнаго предпочтенія любимцу данной минуты. Этотъ особый даръ Александра Павловича сказался уже съ первыхъ годовъ вступленія его на престолъ и остался ему присущъ и въ позднѣйшее время.

Разбирая теченія въ области внутренней и внѣшней политики за тотъ періодъ, великій князь констатируетъ, что горячка и не-

последовательность Александра по дѣламъ внутренняго благоустройства Россіи сказывались во всѣхъ мѣропріятіяхъ. Не было замѣтно и тѣни какой-либо опредѣленной системы: все дѣлалось быстро, необдуманно, скачками. Молодые товарищи государя, увлеченные имъ же на почву преобразованій, сами не замѣчали, что такое отношеніе къ серьезному дѣлу не могло рано или поздно не отрезвить рвеніе монарха. Хотя многіе изъ дѣятелей прежнихъ царствованій открыто ворчали и не одобряли нововведеній, но нѣкоторыхъ изъ нихъ юные новаторы все же сумѣли вовлечь въ лихорадочное стремленіе ко всеобщей ломкѣ. Такимъ образомъ, люди, уже не молодые и наученные опытомъ, стали неожиданными сотрудниками ими же критикуемыхъ реформаторовъ. Что же касается внѣшней политики, то и тутъ у молодого монарха вплоть до Тильзита не было никакого опредѣленного плана, а все дѣлалось ощупью, подъ минутными впечатлѣніями и безъ всякой системы, причѣмъ Александръ находилъ почему-то полезнымъ привлекать къ работѣ всякихъ авантюристовъ и сомнительныхъ людей, которые въ области дипломатическихъ отношеній только путали, интриговали, попадались вприсакъ, вслѣдствіе чего изъ-за ихъ личностей и безтактныхъ дѣйствій имѣли мѣсто дипломатическіе инциденты. Эта дипломатическая безтолочь имѣла, между прочимъ, одно важное послѣдствіе. Когда на баденской границѣ былъ схваченъ въ 1804 г. герцогъ Англенскій и разстрѣлянъ по приговору военнаго суда, подъ давленіемъ Бонапарта, то Александръ Павловичъ счелъ долгомъ протестовать противъ дѣйствій французскаго правительства. По сему предмету была написана недостаточно осторожно редактированная нота, на что вспыльчивый и рѣзкій Бонапартъ поручилъ Талейрану отвѣтить столь же рѣзко, гдѣ, между прочимъ, прямо было сказано, что когда въ Петербургѣ былъ по прояскамъ Англіи умерщвленъ императоръ Павелъ, то никто изъ заговорщиковъ не былъ наказанъ. «Этотъ намекъ Наполеона,—отмѣчаетъ Николай Михайловичъ,—никогда не былъ ему прощенъ, несмотря на всѣ лобзанія въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ». Наполеонъ становится центромъ ненависти Александра Павловича, ненависти, которую онъ долго скрываетъ, затаивъ ее глубоко въ сердцѣ, но рѣшивъ при удобномъ случаѣ дать ей полное проявленіе.

Заканчивая обзоръ событій, вошедшихъ въ періодъ 1801—1807 г.г., біографъ Александра говоритъ: «... что же дѣлалось на Руси, гдѣ въ первые три года царствованія Александра Павловича такъ ретиво взялись за внутреннія преобразованія и реформы обновленія? Начиная съ середины 1804 г., все мало-по-малу какъ будто застыло. Прекративъ засѣданія негласнаго комитета, Александръ еще аккуратно посѣщалъ комитетъ министровъ, но и тутъ стало замѣтно отсутствіе обычнаго вниманія. Мысли и помышленія государя были отвлечены всецѣло дѣломъ внѣшнимъ, и если еще

вспоминалось, что существовала коммисія для пересмотра и составленія законовъ, состоявшая подъ мнимымъ предсѣдательствомъ князя П. В. Лопухина, что нѣкому Розенкампфу было поручено выработать проектъ какой-то конституціи, то только для того, чтобы все это положить подъ сукно. Съ того же 1804 года завязались первыя сношенія государя съ красной полькой Марьей Антоновной Нарышкиной, которыя тоже отнимали немало времени. При окончательномъ заключеніи объ эпохѣ 1801—1807 годовъ надо сознаться, что она была самой неопредѣленной изъ всего царствованія, почему мы и назвали ее «эпохой колебаній». Началось съ проблесковъ какого-то возрожденія, кончилось погромомъ русскаго оружія. Показались новыя силы въ лицѣ юныхъ и неопытныхъ поваторовъ, были привлечены нѣкоторые почтенные дѣятели вѣка Екатерины, но сдѣлано было такъ мало, что какъ будто работа и не начиналась. Въ мѣрѣ военномъ не сумѣли оцѣнить Кутузова и Багратиона, а привлекали или бездарностей, или неопытныхъ генераловъ и еще менѣе способныхъ главнокомандующихъ, какъ графа М. Ѳ. Каменскаго, Михельсона, Букстевдена и даже Беннигсена, слава котораго была создана нѣмцами. Предстояла нелегкая работа организовать армію, привлечь способныхъ генераловъ и офицеровъ, привести въ порядокъ часть интендантскую, обозы и всякаго рода запасы. Къ работѣ вскорѣ и было приступлено, и на этой почвѣ Аракчеевъ сдѣлалъ много. Остается добавить, что не будь уроковъ подъ Аустерлицемъ и Фридрихендорфомъ, не было бы ни Бородина, ни Лейпцига».

Вторая глава, обнимающая періодъ съ 1807 по 1812 гг., носитъ наименованіе «Союзъ съ Наполеономъ». Она открывается съ момента первой встрѣчи Наполеона и Александра въ Тильзитѣ, послѣ которой послѣдній писалъ своей сестрѣ Екатеринѣ Павловнѣ: «Богъ насъ спасъ; вмѣсто жертвъ мы выходимъ изъ борьбы, озаренные своего рода славой. Ну, что вы скажете о всѣхъ этихъ событіяхъ?! Я, проводящій цѣлые дни съ Бонапартомъ, я, остающійся цѣлыми часами съ нимъ глазъ на глазъ? Спрашиваю васъ, не похоже ли все это на какой-то сонъ? Минула уже полночь, а онъ только что ушелъ отъ меня. О, какъ я хотѣлъ бы, чтобы вы были невидимымъ свидѣтелемъ всего совершающагося. Прощайте, дорогой другъ, я вамъ рѣдко пишу, но, честное слово, у меня нѣтъ минуты отдыха».

По поводу этой записки великій князь говоритъ: «очевидно, мысли государя смѣнялись быстро одна другой, мозгамъ и сердцу приходилось работать усиленнымъ темпомъ; обобщать всего не удавалось сразу, требовалось напряженіе всѣхъ способностей, чтобы распредѣлить послѣдовательно все то, что приходило на умъ, и, дѣйствительно, это походило на тревожный сонъ. Но, скажемъ мы, шесть словъ говорили больше, чѣмъ что-либо другое, написанное перомъ

въ ту минуту. Вотъ эти слова: «я, проводящій свои дни съ Бонапартомъ». Если вдуматься въ ихъ значеніе, то поймешь многое, Да, потомукъ Петра и Екатерины пришлось вести бесѣды съ сыномъ революціи, съ маленькимъ корсиканцемъ и слушать внимательно его рѣчи, отгадывать его помысленія и даже стараться съ нимъ сблизиться. Никогда Александръ Павловичъ во всю свою жизнь не могъ переварить этого свиданія, чувства его достоинства были черезчуръ уязвлены, и самолюбіе державнаго повелителя Россіи приходилось приносить въ жертву обстоятельствамъ.

Почти одновременно Наполеонъ писалъ Жозефинѣ: «Мой другъ, я только что видѣлъ императора Александра: я былъ имъ очень доволенъ; это очень красивый, добрый молодой императоръ; у него больше ума, чѣмъ обыкновенно думаютъ». Дѣйствительно, у него было больше ума, чѣмъ предполагалъ даже Наполеонъ, а еще больше утонченной хитрости и безподобной вкрадчивости.

Въ это время у Александра еще не возникала идея создать подъ своимъ скипетромъ Польское королевство, хотя онъ раньше заигрывалъ уже сильно съ поляками. Мысль объ урѣзанномъ герцогствѣ Варшавскомъ возсталала у него по подсказкѣ Наполеона. Тогда же усилилось на государя вліяніе польки Маріи Нарышкиной, рожденной Четвертинской. Къ сожалѣнію, ея корреспонденція съ Александромъ Павловичемъ оказалась уничтоженною подомками Нарышкиной, что вызвало со стороны біографа Александра Павловича въ одномъ изъ примѣчаній къ тексту рѣзкую отвѣдь по адресу Нарышкиныхъ. Онъ справедливо говоритъ: «Мы считаемъ, если дѣйствительно вся эта переписка уничтожена, почти у насъ на глазахъ, сто лѣтъ спустя,—такого рода отношеніе къ рукописямъ вандализмомъ и неуваженіемъ къ исторической старинѣ. Если бы потомки или родственники жгли письма самой Маріи Антоновны,—это было ихъ правомъ, но такъ поступать съ записками императора Александра Павловича едва ли правильно, а надо было ихъ передать по кончинѣ Эммануила Дмитриевича ¹⁾ царствующему государю».

По утвержденію нашего историка, созданіе новаго герцогства Варшавскаго принадлежало изобрѣтенію Наполеона и Талейрана, чтобы имѣть на востокъ, на границѣ Россіи, возможную базу на случай разрыва съ союзникомъ. Вообще польскій вопросъ былъ однимъ изъ тѣхъ, къ которому приходилось постоянно возвращаться и во времена дружбы съ Франціей, и послѣ окончательнаго паденія Наполеона. Тутъ Николай Михайловичъ рѣзко расходится съ Н. К. Шильдеромъ, утверждавшимъ, что «истиннымъ творцомъ Варшавскаго герцогства былъ не Наполеонъ, а Александръ». Русскій императоръ не принялъ предложенія присоединить къ Россіи

¹⁾ Сына Маріи Антоновны Нарышкиной.

пруско-польскія владѣнія изъ чувства деликатности къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму, который, со своей стороны, въ награду за благородство своего русскаго державнаго союзника платилъ ему двоедушною политикою и нерѣшительностью въ вопросѣ, къ какой сторонѣ ему безповоротно примкнуть—къ Наполеону или Александру. Рыцарскимъ же чувствомъ въ польскомъ вопросѣ руководился Александръ Павловичъ къ многострадальной королевѣ Луизѣ, красавицѣ-супругѣ Фридриха-Вильгельма. Она поочередно плакала то съ Наполеономъ, то заливалась слезами съ Александромъ, и послѣдній, вознося глаза къ небу, какимъ-то восторженнымъ шопотомъ ей твердилъ: «Все это къ лучшему», «вѣрьте въ будущее» и тому подобныя загадочныя и неопредѣленныя полуфразы. Тонкій умъ Александра, по свидѣтельству его новаго біографа, особенно изощрялся въ женскомъ обществѣ, а бѣдная прусская королева была тронута и польщена вниманіемъ неподобаюаго монарха, «се grand charmeur», какъ тогда многіе, и въ особенности женщины, до которыхъ Александръ Павловичъ былъ великій охотникъ, его тогда наименовали.

Не вдаваясь въ подробности развитія польскаго вопроса и отношеній Александра I къ представителямъ польской аристократіи и своему другу Чарторыйскому, которыхъ нашъ историкъ въ интересахъ характеристики сѣвернаго монарха обстоятельно касается, остановимся лишь на нѣкоторыхъ моментахъ русской жизни за тотъ періодъ.

Союзъ съ Наполеономъ, заключенный въ Тильзитѣ и подтвержденный въ Эрфуртѣ, не былъ по душѣ русскимъ людямъ, и особенно это неудовольствіе проявляла Москва. Нападки на государя и его внѣшнюю политику, въ которой усматривали приниженіе Россіи, не прекращались вплоть до открытаго разрыва съ французскимъ императоромъ, но Александръ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на неудовольство сановниковъ и неблагоприятное ему общественное мнѣніе, о которомъ имѣлъ точныя свѣдѣнія отъ приближенныхъ и членовъ своей семьи. Онъ твердо шелъ по пути, имъ избранному, скрывая отъ всѣхъ свои замыслы, и заставилъ покориться своей волѣ не только столичное общество, но и ближайшихъ родственниковъ.

Въ описываемые годы ярко заблистала и тогда же потухла звѣзда М. М. Сперанскаго. Пользуясь особой милостью графа Кочубея, Сперанскій скоро по своему вступленіи въ министерство внутреннихъ дѣлъ сталъ извѣстенъ лично государю. Когда Кочубей представлялъ разные проекты въ секретномъ комитетѣ, удивлялъ многихъ своей находчивостью и увлекалъ вниманіе самого Александра, то мало кто подозрѣвалъ, что вдохновителемъ Кочубея, а нерѣдко и выразителемъ его мнѣній на бумагѣ, былъ не кто иной, какъ Сперанскій. Но это зналъ Александръ Павловичъ, а главное,

не забылъ. Когда потребовался ему новый сотрудникъ, а много обѣщавшіе именитые дворяне-реформаторы сошли, не хотя, со сцены, то, естественно, государь обратилъ свое вниманіе на скромнаго, трудолюбиваго и умнаго Сперанскаго, и съ этого момента начинается его возвышеніе, взирая на каковое, тоже возвышенный къ тому времени Аракчеевъ со злобою говорилъ: «если бы у меня была треть ума Сперанскаго, я былъ бы величайшимъ человѣкомъ». Когда Новосильцевъ удалился отъ дѣлъ, то докладчикомъ Александра Павловича по особымъ дѣламъ сталъ Сперанскій. Всѣ его доклады своей ясностью изложенія нравились государю, онъ скоро къ нему привыкъ, поручалъ ему важнѣйшія государственныя дѣла и бралъ его съ собою даже при поѣздкахъ за границу, напримѣръ, въ Эрфуртъ, гдѣ сотрудникъ Александра Павловича подпалъ рѣшительному вліянію Наполеона. По свидѣтельству великаго князя, Александръ послѣ возвращенія изъ Тильзита привлекъ къ себѣ двухъ рѣзко противоположныхъ людей—Сперанскаго и Аракчеева, перваго для приведенія къ извѣстной системѣ внутренняго строя, другаго для организаціи арміи. Работая поочередно съ ними, онъ сумѣлъ въ началѣ не показывать особаго предпочтенія ни тому, ни другому, что бѣсило Аракчеева, но вовсе не смущало Сперанскаго. «Если вдуматься въ характеръ Александра,—говорить нашъ историкъ,—то такія сочетанія при выборѣ сотрудниковъ ему всегда нравились и вотъ почему: его величество отдавалъ себѣ отчетъ въ своихъ собственныхъ человѣческихъ слабостяхъ; онъ сознавалъ, что часто могъ увлечься или какой-либо идеей, или лицомъ, къ нему близкимъ, вліянію котораго онъ легко поддавался. Въ данномъ случаѣ Сперанскій былъ то лицо, которымъ онъ увлекался и который умѣлъ на него воздѣйствовать; Аракчеевъ же былъ необходимымъ тормозомъ для всякаго рода увлеченій». Но если знаменитый гатчинецъ-временщикъ сумѣлъ сохранить свою позицію и найти себѣ даже союзниковъ среди приближенныхъ къ престолу, то Сперанскій довольно скоро поставилъ себя въ фальшивое положеніе и по отношенію самого государя, и по отношенію остальныхъ его сподвижниковъ. Какъ свидѣтельствуется біографъ Александра I, показывая исключительную милость одному лицу, давъ ему самыя обширныя полномочія, поставивъ Сперанскаго во главѣ разнообразнѣйшихъ отраслей управленія, начиная съ государственнаго секретаря и кончая канцлеромъ абоскаго университета, императоръ Александръ навлекъ неудовольствіе всѣхъ окружавшихъ его людей, почти безъ исключенія. Сперанскій оказался вполнѣ одинокъ. Не было друзей, а враги окружали его всюду. А онъ не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на враговъ, не искалъ друзей, а весь свой талантъ, всю творческую силу, всѣ способности отдавалъ одному государю, вѣря твердо въ его покровительство и не допуская возможности утраты этого довѣрія. Два года все шло безъ

задоринки, все подчинялось и преклонялось передъ царскимъ избранникомъ, бывшимъ семинаристомъ и сыномъ бѣднаго священника. Сперанскій дѣйствительно управлялъ тогда Россіей.

Но когда волна общественнаго недовольства Александромъ и Сперанскимъ поднялась до высшей степени и когда русскій императоръ очутился передъ лицомъ неминуемой войны съ Наполеономъ, ему необходимо было успокоить взбудораженное общественное мнѣніе и привлечь на свою сторону общественныя силы. Въ интересахъ этого успокоенія и привлеченія Александръ Павловичъ рѣшилъ принести въ жертву своего недавняго друга, столь всѣми ненавидимаго. Вышній поводъ для того нашелся: Сперанскій задѣлъ самолюбіе самодержца, чего послѣдній никогда не терпѣлъ. До свѣдѣнія государя дошло, что его фаворитъ позволяетъ себѣ иногда критиковать и его самого, и его распоряженія или отсутствіе таковыхъ. Кромѣ того, всевластный сановникъ превысилъ свои полномочія и самовластно, безъ разрѣшенія свыше, потребовалъ, чтобы ему передавали всѣ секретныя бумаги безъ исключенія изъ министерства иностранныхъ дѣлъ, даже безъ вѣдома канцлера графа Румянцова. Его распоряженіе было исполнено чиновниками министерства, объ этомъ прозналъ министръ полиціи Балашовъ, не питавшій къ Сперанскому добрыхъ чувствъ, и вотъ инцидентъ былъ созданъ. Явилась какъ бы улика противъ Сперанскаго, будто онъ тайно работаетъ болѣе на пользу Франціи, нежели Россіи, о чемъ послѣ эрфуртскаго свиданія и безъ того досужіе люди жужжали. Эта фантастическая улика пришлось какъ нельзя болѣе на руку Александру Павловичу, и паденіе Сперанскаго совершилось. Государь, конечно, не допускалъ и мысли о преступленіи своего любимца противъ Россіи и категорически самъ заявилъ: «онъ никогда не измѣнялъ Россіи, но измѣнилъ исключительно мнѣ».

Жертва была, такимъ образомъ, была принесена общественному мнѣнію и тѣмъ самымъ какъ бы протянута рука примиренія вышнимъ сословнымъ элементамъ, которымъ были ненавистны новаторства Сперанскаго. Это примиреніе дало въ руки царя лишній козырь для предстоящей борьбы съ Наполеономъ. Этой борьбѣ, обнимающей періодъ съ 1812 по 1815 г., посвящена глава третья реферлируемаго труда, какъ равно здѣсь же повѣдана и вся печальная эпопея паденія Сперанскаго.

Къ борьбѣ съ Наполеономъ Александръ Павловичъ явно готовился уже съ 1808 года, и всѣ его ходы въ этомъ направленіи вскорѣ послѣ Тильзита отличаются большой обдуманностью. Въ виду предстоящаго новаго свиданія Наполеона въ Эрфуртѣ онъ писалъ Маріи Ѳеодоровнѣ: «... моментъ, выбранный для свиданія, именно таковъ, что налагаетъ на меня обязанность не избѣгать его. *Наши ин-*

интересы послѣдняго времени *заставили* насъ заключить тѣсный союзъ съ Франціей; мы *сдѣлаемъ* все, чтобы доказать ей искренность, благо-родство нашего образа дѣйствій... Мы спокойно увидимъ его па-деніе если на то воля Провидѣнія, и болѣе чѣмъ правдоподобно, что государства Европы, уставъ отъ бѣдствій, которымъ они под-вергались такое долгое время, и не подумаютъ начинать борьбы съ Россіей изъ мести за то только, что она была союзницей Напо-леона въ то время, когда каждое изъ нихъ стремилось къ тому же... Если Провидѣніе опредѣлило паденіе этого колоссальнаго государства, сомнѣваюсь въ томъ, чтобы оно могло быть внезап-нымъ, но даже, если это произойдетъ вдругъ, было бы благоразум-нѣе *подождать* этого паденія и тогда только принять мѣры. Таково мое мнѣніе... Въ моемъ политическомъ поведеніи я могу только слѣдовать указаніямъ *моей совѣсти*, моему *главному убѣжденію*, моему желанію, которое меня никогда не покидаетъ, быть полез-нымъ отечеству. Вотъ что, матушка, счелъ я долгомъ отвѣтить вамъ на ваше письмо; признаюсь, мнѣ тяжело видѣть, что, когда я имѣю въ виду только интересы Россіи, чувства, которыя составляютъ единственную силу моего образа дѣйствій, могутъ быть такъ непонятны?»

Итакъ мы видимъ, что въ то время, какъ общественное мнѣніе возбуждалось противъ русскаго государя, когда любители разныхъ слѣдствій искали корней измѣны и усматривали во многихъ поступ-кахъ русскаго царя непониманіе интересовъ Россіи, онъ самъ тайлиъ про себя великую думу, которую съ удивительной послѣдователь-ностью приводилъ къ осуществленію, въ чемъ ему оказалъ суще-ственныя услуги другой фаворитъ, графъ А. А. Аракчеевъ.

Въ связи съ юбилейными торжествами въ память 1812 года наша печать была полна описаніями событій того времени, по-тому мы не будемъ останавливаться на нихъ, какъ они изложены у нашего историка въ главѣ III его труда. Онъ отмѣчаетъ, что этотъ періодъ былъ порою «расцвѣта недюжинныхъ способностей Але-ксандра Павловича, умѣвшаго примѣниться къ обстоятельствамъ и приблизиться къ духу русскаго народа. Государь выказалъ на-пряженіе всѣхъ силъ мозговой работы, принесъ въ жертву личныя симпатіи къ людямъ, предоставивъ играть первыя роли Кутузову и Ростовчину, что было противно его природѣ и высказалось на-глядно впоследствии, но въ данную минуту эти два имени вселяли довѣріе большинству подданныхъ. Написанные манифесты и воз-званія къ русскому народу перомъ Шишкова, понятнымъ слогомъ, дѣлали громадное впечатлѣніе и появлялись своевременно. Импе-раторъ находилъ время входить во всѣ мелочи при возникшей борьбѣ за честь и спасеніе родины отъ ига наполеоновскихъ пол-чищъ; онъ не брезговалъ никакими средствами, чтобы сломать мощь геніальнаго врага, увлекаемаго бывшими успѣхами и вѣ-

рившаго въ свою побѣдоносную звѣзду. Словомъ, 1812 годъ сблизилъ царя съ народомъ, и какъ жаль, что Александръ не отдалъ себѣ въ этомъ настроеніи исполнѣ ясно отчета и слишкомъ быстро забылъ все то, что можно было создать на этой благодарной почвѣ. Увлеченія успѣхами политики и виѣшней славой привели къ продолженію борьбы на чужихъ земляхъ, гдѣ русскія войска всюду являлись освободителями угнетенныхъ владычествомъ Наполеона. Роль русскаго государя была возвышенная и благодарная, но и только. Интересы Россіи не требовали такого вмѣшательства, оказавшагося не соотвѣтствующимъ благу родины и приведшаго только къ выгодамъ чужеземцевъ, а не русскихъ. Нескончаемая война продолжалась еще цѣлыхъ три года, потребовала громадныхъ издержекъ и множества человѣческихъ силъ, которыя можно было сохранить въ цѣлости, и онѣ пригодились бы впоследствии. Эти три года войны за освобожденіе Европы были роковыми во всѣхъ отношеніяхъ и для личности монарха. Александръ скоро пресытился благами величія и славы, впалъ въ настроеніе, заглушившее въ немъ чувство патриотизма, и отдался всецѣло зловредному мистицизму въ области недостижимаго на землѣ блаженства, которое высказалось въ примѣненіи на практикѣ идеи Священнаго союза, столь невыгоднаго и вреднаго для интересовъ Россіи. А Священный союзъ породилъ никому не нужные конгрессы, завязалъ постоянныя отношенія между Александромъ и Меттернихомъ, въ которыхъ послѣдній оказался ловчѣе и предусмотрительнѣе, оставшись побѣдителемъ на дипломатической аренѣ, окончательно сбившимъ съ толку довѣрившагося ему такъ неосторожно русскаго императора. Рядомъ съ этимъ Священный союзъ и мистицизмъ породили на Руси аракеевичину».

Факты, изъ которыхъ великій князь дѣлаетъ приведенные выводы, входятъ въ составъ III и IV главъ его труда и, слѣдуя задачѣ дать отчетъ о главныхъ линіяхъ и чертахъ новаго портрета Александра Благословеннаго, я останавлиюсь здѣсь не на этихъ фактахъ, а на тѣхъ психологическихъ данныхъ, изъ которыхъ созданъ этотъ портретъ. Правда, въ событіяхъ, изложенныхъ въ сказанныхъ главахъ, очень много интереснаго матеріала, иллюстрирующаго отношенія Александра къ европейскимъ дворамъ и ихъ представителямъ, а также его отношенія къ польскому вопросу и къ графу Чарторыйскому, но для краткой даже передачи ихъ потребовалась бы чуть ли не перепечатка полностью обѣихъ и III, и IV главъ, что совершенно невозможно.

Готовясь къ борьбѣ съ Наполеономъ, Александръ Павловичъ въ часы досуга часто бесѣдовалъ съ пріятелемъ своего дѣтства княземъ А. Н. Голицынымъ, уже тогда убѣжденнымъ поборникомъ

праваславія і управлявшимъ, въ качествѣ министра духовныхъ дѣлъ і народнаго просвѣщенія, веѣми дѣлами церкви і святѣйшаго синода. Голицынъ первый натолкнулъ своего монарха на чтеніе Евангелія, съ которымъ тотъ доселѣ былъ мало знакомъ, і вотъ это чтеніе дѣлякомъ охватываетъ воспрімчиваго і увлекающагося Александра, который во многихъ мѣстахъ Апокалипсиса находитъ для себя пророчества, указанія і оправданія своимъ дѣйствіямъ. Въ этотъ періодъ совершается въ государѣ і въ его привычкахъ значительная перемѣна; онъ становится сначала просто религіознымъ, а затѣмъ увлекается волною самой мрачной мистики. Рядомъ съ Голицынымъ въ сказанномъ направленіи воздѣйствовали на императора і Р. А. Кошелевъ, сначала членъ-предсѣдатель комиссіи прошеній, потомъ членъ государственнаго совѣта і позднѣе гофмейстеръ, человекъ высокообразованный, много путешествовавшій за границу, гдѣ онъ имѣлъ случай познакомиться і близко сойтись съ видными представителями сенсуализма і былъ принятъ въ одну изъ масонскихъ ложъ. Ко вступленію на престолъ Александра Павловича онъ былъ дѣятельнымъ членомъ библейскаго общества, а въ 1811 г. близко сошелся съ княземъ Голицынымъ, подчинилъ его своему вліянію, і, такимъ образомъ, къ государю къ 1812 году вплотную подошли два убѣжденныхъ представителя религіозной мысли, съ которыми онъ непрестанно велъ длинныя бесѣды і часто переписывался. Переписка Александра I съ Кошелевымъ нынѣ опубликована великимъ княземъ і для интересующихся духовной эволюціей, происшедшей въ русскомъ государѣ, представляетъ богатый матеріалъ, заключающійся въ сорока двухъ краткихъ запискахъ Александра къ Кошелеву і въ ста двадцати болѣе или менѣе обстоятельныхъ письмахъ послѣдняго къ своему монарху. Личность Кошелева, какъ і изъ этой корреспонденціи, такъ равно і изъ корреспонденціи съ графомъ Штакельбергомъ і барономъ Ө. Бюлеромъ, также нашедшей себѣ мѣсто въ «приложеніяхъ» II тома, выступаетъ очень рельефно, і передъ нами впервые въ нашей литературѣ обрисовывается очень любопытный типъ александровской эпохи, которому суждено было сыграть въ этой эпохѣ видную роль совратителя Александра на путь религіозной мистики.

Знакомясь послѣдовательно съ перепиской государя съ Кошелевымъ, мы можемъ убѣдиться, насколько послѣдній признавалъ себя обязаннымъ своему корреспонденту въ происшедшей съ нимъ перемѣнѣ. Такъ, въ 1811 г. на Страстной недѣлѣ онъ пишетъ: «... благодарю васъ за выраженныя чувства і, какъ вы, я тоже возлагаю всю мою надежду на Промыслъ Божественнаго Существа». Въ 1813 г. онъ сообщаетъ своему интимному другу: «... какъ мнѣ пріятно узнать, что вы меня поняли. Моя вѣра чиста і ревностна. Съ каждымъ днемъ эта вѣра во мнѣ растетъ і крѣпнетъ, давая такого рода

наслажденіе, которое было невѣдомо для меня. Но не думайте, что это только результатъ послѣднихъ дней. То рвеніе, которое я испытываю, происходитъ отъ добросовѣстнаго исполненія завѣтной воли нашего Спасителя». Наконецъ, въ 1815 г. онъ пишетъ Кошелеву: «прочелъ ваше письмо съ глубокимъ волненіемъ и спѣшу благодарить васъ за выраженные чувства. Я обязанъ вамъ многимъ, потому именно, что вы меня навели на тотъ путь, по которому я теперь слѣдую убѣжденно, что привело къ достигнутому успѣху затѣяннаго дѣла при содѣйствіи Всевышняго. Но то, что еще осталось мнѣ сотворить для родины, вѣроятно, гораздо труднѣе достижимо, но это меня не пугаетъ, ибо при помощи нашего Спасителя я теперь считаю все возможнымъ и полагаюсь исполнѣ на Него».

Рядомъ съ Голицынымъ и Кошелевымъ появляется около государя рядъ другихъ мистиковъ, какъ русскихъ, такъ и изъ числа иностранцевъ, какъ-то: баронесса Крюденеръ, Татаринова, англичанинъ Вальтеръ Венигъ, дѣятели новаго русскаго библейскаго общества, моравскіе братья, квакеры и разные другіе сектанты.

Главную цѣлью жизни государя становится стремленіе приблизиться къ истинѣ путемъ невидимаго общенія съ Божьимъ Промысломъ, сближенія и единенія съ Творцомъ вселенной, стараніе разгадать свое собственное «я» и свое земное предопредѣленіе. Новый символъ вѣры, который сталъ исповѣдывать Александръ Павловичъ, очень характерно изложенъ въ опубликованной нынѣ великимъ княземъ молитвѣ, написанной рукой императора Александра и, вѣроятно, составленной или княземъ Голицынымъ, или Кошелевымъ. Воспроизводимъ здѣсь эту молитву полностью, какъ очень любопытный документъ, который чрезвычайно наглядно рисуетъ его помыслы и душевное состояніе.

«O mon Grand Dieu! prends-nous en ta sacrée garde et aye compassion et pitié de nous.

«Fais que nous ne démarchions et détournions jamais du chemin de l'honneur et de la vertu; fais que nous nous en écartions jamais pas pour un instant, guide-nous, ô mon Grand Dieu! par ce chemin et fais que nous nous en écartion jamais.

«Nous te remercions, ô mon Grand Dieu! pour toutes les bontés et bienfaits que tu as et que tu as eu pour nous. O mon grand Dieu! nous te prions, continue de les repandre sur nous et tous ceux qui nous sont chers, et sur toute l'humanité, et fais que tous nous tâchions de nous en rendre de jour en jour plus dignes et de les mériter par notre conduite et en tâchant de nous rendre de jour en jour réellement meilleurs, et faites aussi que nous y réussissions autant qu'il est en notre pouvoir de la faire et que réellement nous devenions de jour en jour meilleurs en tout.

«Daignez nous seconder et nous faciliter les moyens.

«Pardonnez-nous, ô mon Grand Dieu! tous nos péchés, toutes nos fautes et toutes nos inadvertances. Pardonnez-nous les, ô mon Grand Dieu! et faites que nous nous en corrigions de jour en jour davantage, de même que nos défauts, et que nous en commettions de jour en jour moins.

«O mon Grand Dieu! épargne à nous, préserve-nous, détourne de nous et garantis-nous de toutes les épreuves, tous les malheurs, chagrins, peines, déplaisirs, ennuis, maladies, incommodités, inquiétudes, embarras, difficultés, empêchements, désagrément et de toutes les choses désagréables, contrariétés, contraintes et contre-temps.

«O mon grand Dieu! épargne-nous les, détourne-les de nous, garantis-nous en, et préserve-nous en, mais par contre fais aussi que s'ils s'en présentent, nous nous en tirions avec noblesse de sentiments et grandeur d'âme, et fais aussi que nous ayons du courage et de l'espérance en toi.

«Rends-nous heureux, ô mon Grand Dieu!»

Религіозное чувство, поглотившее цѣликомъ Александра Павловича, отразилось въ значительной степени и на его настроеніи въ періодъ Отечественнѣй войны, запечатлѣлось въ строкахъ издававшихся въ тотъ періодъ манифестовъ и воззваній, сказывалось во всѣхъ его отношеніяхъ къ окружающимъ, и послужило, по мнѣнію великаго князя, точкой отправленія при дарованіи Польши и Финляндіи конституцій, въ его сеймовыхъ рѣчахъ а также при осуществленіи коалиціи Священнаго союза и основаніи въ Россіи военныхъ поселеній. Сложность тогдашнихъ обстоятельствъ и многочисленность влившихся въ нихъ фактовъ не позволяютъ прослѣдить по пятамъ біографа Александра I за всѣми проявленіями религіозно-встревоженнаго настроенія русскаго государя. Мы остановимся лишь на его письмѣ къ Голицыну изъ Лайбаха въ 1821 году, гдѣ изложено его своего рода политическое profession de foi примѣнительно къ идеямъ, ставшимъ основаніемъ Священнаго союза, коего исключительно онъ былъ иниціаторомъ и создателемъ. Въ своемъ письмѣ онъ говоритъ князю:

«... улучивъ сегодня свободную минуту, я беруся за перо, обращаюсь къ Спасителю, чтобы Онъ наставилъ меня изложить вамъ все такъ, какъ мнѣ диктуетъ любовь, равно къ вамъ и къ истинѣ. Но эта правда, когда я ее чувствую въ своей душѣ, не дозволяетъ мнѣ дѣлать сравненій, потому что сама истина есть частица Божества. Изъ писемъ вашихъ и кошелевскихъ порученій я усматриваю критику той политической системы, коей я нынче придерживаюсь. Не могу я допустить, что это порицаніе могло у васъ появиться послѣ того, какъ въ шесть мѣсяцевъ принципъ разрушенія привелъ къ революціи въ трехъ странахъ и грозитъ распространиться по всей Европѣ. Вѣдь нельзя, право, спокойно сего допускать. Едва ли это ваше сужденіе можетъ разойтись съ моею точкой зрѣнія, потому что эти принципы разрушенія, какъ враги престоловъ, направлены еще болѣе противъ христіанской вѣры, и что главная цѣль, ими преслѣдуемая, идетъ къ достиженію сего, на что у меня имѣются тысячи и тысячи неопровержимыхъ доказательствъ, которые я могу вамъ представить. Словомъ, это результатъ, на практикѣ примѣненный, доктринъ, проповѣданныхъ Вольтеромъ, Мирабо, Кондорсе и всѣми такъ называемыми энциклопедистами.

«А потому ваше порицаніе можетъ быть объяснено развѣ только страхомъ и тревогой, что борьба, нами предпринятая, не будетъ имѣть успѣха. Но когда внутренній голосъ намъ подсказываетъ, что это твореніе врага,

то опасеніе за разрѣшеніе игры со зломъ неумѣстно. Не есть ли это долгъ христіанина бороться противъ врага и его дьявольскаго творенія всѣми тѣми средствами, которыя даны намъ Божьимъ Промысломъ? Безпокойство неудачи не должно волновать насъ. Тутъ-то и проявится вѣра въ Божественную помощь. Не писалъ ли мнѣ неоднократно Кошелевъ въ теченіе 1812, 1813 и 1814 годовъ, что надо мнѣ бороться до конца?! Теперь мы находимся приблизительно въ такомъ же положеніи, а я вамъ говорю, что въ еще болѣе опасномъ, потому что тогда борьба велась противъ разрушительнаго деспотизма Наполеона, а настоящія доктрины куда болѣе могуще дѣйствуютъ на толпу, чѣмъ то военное иго, которымъ онъ держалъ ее въ рукахъ. Въ моихъ ежедневныхъ духовныхъ чтеніяхъ и только что закончилъ книгу Юдиѳи. Очевидно, что жители Бетуліи не могли противиться полчищамъ Олоферна. Они, вѣдь, могли сдѣлать то же, что и остальные народы, т. е. починиться, а не сопротивляться. И что же? Жители Бетуліи поняли, что подчиниться Набуходоносору значило отчаяваться въ могущество Бога и въ той помощи, которую Онъ оказываетъ тѣмъ, кто довѣряется Ему одному».

Въ дальнѣйшей части письма Александръ Павловичъ изображаетъ ходъ европейскихъ событій и снова переходитъ къ оправданію своей политики. Онъ пишетъ:

«Вы меня убѣждаете проповѣдывать между монархами Европы подчиненіе ихъ сердецъ Всевышнему. Это заставляетъ меня вамъ отвѣтить, что король прусскій и императоръ австрійскій религіозны до глубины души, что они оба откровенно признаютъ волю Творца и всенародно объ этомъ заявляютъ. А потому для меня нѣтъ ни малѣйшей заслуги ихъ убѣждать, ибо давно принята между нами привычка бесѣдъ на эту тему. Но послѣ выказаннаго могу добавить, что, конечно, существуютъ отгѣнки въ нашихъ воззрѣніяхъ, благодаря различнымъ тремъ вѣроисповѣданіямъ, присущимъ каждому изъ насъ, а потому немыслимо, чтобы одинъ изъ трехъ дѣлался безусловнымъ судьей трехъ другихъ. Да благословить, лучше, Богъ всѣхъ милостей, разрѣшивъ всѣмъ тремъ на занимаемыхъ ими престолахъ такъ дружно и откровенно спѣсть по самымъ различнымъ вопросамъ, основаніемъ чему послужила любовь къ Всевышнему. Предадимся же съ вѣрою Его предначертаніямъ и Его руководительству и постараемся не портить вина и елея чужими примѣсями человечества. Вотъ моя исповѣдь, я ее чувствую до глубины души, а потому я не имѣю права отклониться въ сторону, не нарушивъ вѣры въ Того, Кому я всецѣло отдался. Здѣсь вы найдете примѣненіе того способа, вами настойчиво рекомендованнаго, для пресѣченія собственной воли. Повѣрьте, что къ этой цѣли идутъ всѣ мои стремленія, насколько моя слабая человѣческая оболочка мнѣ это дозволяетъ. Я вполне отдаюсь Его предрѣшеніямъ, и Онъ одинъ всѣмъ руководитъ, такъ что я слѣдую только Его путями, ведущими лишь къ завершенію общаго блага. Вы мнѣ совѣтуете признаваемую мною въ бесѣдахъ съ вами мою единственную поддержку въ Спасителѣ громко исповѣдывать. Но развѣ я придерживаюсь другого языка послѣ 1812 года, когда я особенно чувствовалъ въ сердцѣ своемъ Его призваніе. Позволяю себѣ обратиться ко всѣмъ государямъ, кто бы они ни были, съ вопросомъ, проповѣдывалъ ли я другія доктрины, и если этого вамъ мало, то обратитесь къ моей перепискѣ съ ними.

«Министрамъ своимъ я твержу то же самое; если не вѣрите, спросите каждого изъ нихъ, что они слышали изъ моихъ устъ; а что касается обра-

иценія къ народамъ, то лучшими документами служатъ мои манифесты, лишь подтверждающіе тождественныя мысли. Потрудитесь только прочесть всѣ манифесты съ 1812 года по сегодняшній день. Слѣдовательно, никогда боязнь общественнаго мнѣнія не была для меня помѣхой; я только заботился о судилищѣ собственной души, которая вся въ Богѣ. Вы меня убѣждаете слѣдовать по пути, намѣченному послѣ 1812 года до моего отъѣзда въ Вѣну. Это намекъ на то, что пребываніе мое тамъ измѣнило что-либо въ моихъ помысленіяхъ?! Относится ли намекъ къ первому пребыванію въ Вѣнѣ, продолжавшемуся восемь мѣсяцевъ въ 1814 году? Въ такомъ случаѣ вы просто забыли, что идея Священнаго союза была мнѣ внушена въ Вѣнѣ, что я вамъ неоднократно повторялъ, для того, чтобы закрыть конгрессъ. Возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы, случившееся въ концѣ вѣнскаго пребыванія, заставило меня осуществить идеи Священнаго союза, съ помощью Провидѣнія, до окончанія борьбы.

«Наконецъ, въ Парижѣ, когда, благодаря Божьему Промыслу, Наполеонъ былъ вторично сокрушенъ, Господь надумилъ меня осуществить намѣченную еще въ Вѣнѣ идею Священнаго союза, изложенную мною на бумагѣ въ Парижѣ и хорошо вамъ извѣстную.

«Какъ только я вернулся въ Петербургъ, появился манифестъ, возбуждавшій актъ Священнаго союза, и немного позднѣе, 1-го января 1816 года, былъ изданъ другой, гдѣ были перечислены всѣ ниспосланныя милости Божіи въ ту эпоху. Надѣюсь, что я васъ теперь убѣдилъ, послѣ всего вышеприведеннаго, что восьмимѣсячное пребываніе ничуть не измѣнило моихъ религіозныхъ чувствъ предъ лицомъ всего міра. Напротивъ того, послѣ этого времени наша политика основалась на началахъ Священнаго союза со всѣми кабинетами, а особенно между тремя, которые первые усвоили себѣ эту идею, какъ ключъ къ хранилищу, которое не удалось побороть ни революціонныхъ либераламъ, ни радикаламъ, ни международнымъ карбонаріямъ. Прошу не сомнѣваться, что всѣ эти люди соединились въ одинъ общій заговоръ, разбившись на отдѣльныя группы и общества, о дѣйствіяхъ которыхъ у меня всѣ документы налицо, и мнѣ извѣстно, что всѣ они дѣйствуютъ солидарно. Съ тѣхъ поръ, какъ они убѣдились, что новый курсъ политики кабинетовъ болѣе не тотъ, чѣмъ прежде, что нѣтъ надежды насъ разъединить и ловить въ мутной водѣ, или что нѣтъ возможности разсорить правительства между собою, а главное, что принципомъ для руководства стали основы христіанскаго ученія, съ этого момента всѣ общества и секты, основанныя на антихристіанствѣ и на философіи Вольтера и ему подобныхъ, поклялись отомстить правительствамъ. Такого рода попытки были сдѣланы во Франціи, Англіи и Пруссіи, но неудачно, а удалась только въ Испаніи, Неаполѣ и Португаліи, гдѣ правительства были низвергнуты. Но всѣ революціонеры еще болѣе ожесточены на ученіе Христа, которое они особенно преслѣдуютъ. Ихъ девизомъ служить: убить..., я даже не рѣшаюсь воспроизвести богохульство, слишкомъ извѣстное изъ сочиненій Вольтера, Мирабо, Кондорсе и имъ подобныхъ».

Анализируя это письмо, великій князь Николай Михайловичъ говоритъ: «мы затрудняемся дать вѣрную оцѣнку этого психоза, приближавшагося скорѣе къ какому-то общему сумбуру разума и мысли, чѣмъ къ иной формѣ мышленія. Въ строкахъ письма чувствуется разладъ духовный, и тщетно ищешь того душевнаго спокойствія, о которомъ не разъ говоритъ самъ писавшій это посланіе.

Ссылка на Библию, на Апокалипсисъ, на посланіе апостола Павла къ римлянамъ поражаютъ, какъ плодъ болѣзненнаго мечтанія нравственно-разстроеннаго человѣка. Сравненія съ Юдиѳою, съ Олоферномъ и съ Набуходоносоромъ и примѣненіе ихъ къ положенію короля Фердинанда Неаполитанскаго—болѣе походятъ на бредъ сумасшедшаго, чѣмъ на что-либо другое. Поражаетъ еще первное отношеніе государя къ критикѣ его дѣйствій въ области внѣшней политики, которую позволили себѣ его духовные собратья, Голицынъ и Кошелевъ, всегда смѣло и откровенно говорившіе ему обо всемъ томъ, что соприкасалось съ религіозными темами. Надо сознаться, что защита своего образа дѣйствій не вполне удалась Александру Павловичу, и замѣтны явные признаки перенасыщенности въ его оправдательныхъ аргументахъ. Вообще, его письмо, писанное въ теченіе цѣлой недѣли, носитъ отпечатокъ какой-то внутренней борьбы и необычайной первности».

Эту первность авторъ изслѣдованія относитъ къ разыгравшейся въ тѣ дни извѣстной исторіи въ излюбленномъ государемъ Семеновскомъ полку, въ которой, однако, великій князь, въ противность нѣкоторымъ другимъ историкамъ, не усматриваетъ никакого политическаго элемента. Этотъ бытовой инцидентъ, однако, подѣйствовалъ удручающе на и безъ того разстроенное душевное состояніе государя, вѣдѣствіе чего онъ и здѣсь усмотрѣлъ всѣ признаки революціонной гидры. Отсюда его строгость резолюціи по отношенію виновныхъ въ сказанной исторіи, строгость, которая современниками была поставлена на счетъ графа Аракчеева, въ коей, однако, послѣдній ничѣмъ не былъ повиненъ. Къ тому же времени относятся и неблагополучныя свѣдѣнія, полученныя государемъ, по предмету неудовольствія на существующій строй среди высшаго офицерства и о существованіи среди нихъ заговора, который впоследствии, какъ извѣстно, разросся въ бунтъ декабристовъ. Но если государь отнесся необыкновенно строго къ семеновцамъ, то вѣсть о готовящемся заговорѣ его какъ бы мало задѣла; онъ усмотрѣлъ въ этомъ явленіи отраженіе своихъ прежнихъ вольнолюбивыхъ мечтаній. Его новый біографъ пытается найти такому противорѣчію объясненіе, хотя сознается, что таковое трудно объяснить. И вотъ по какимъ причинамъ: «если сопоставить строгости по приговору Семеновскаго полка, — говоритъ онъ, — и всю переписку по этому дѣлу, гдѣ государь упорно искалъ причинъ политическихъ, не обнаруженныхъ ни слѣдствіемъ, ни судомъ, то какъ допустить полнѣйшую индифферентность къ запискѣ Бенкендорфа и къ сообщенному на словахъ Васильчиковымъ?! Какъ разгадать, отчего государь чуть было не вмѣшался въ итальянскія дѣла, чтобы бороться съ карбонарствомъ, а у себя дома, на Руси, ничего не предпринимать, чтобы пресѣчь надвигающуюся бѣду, и сказалъ такую фразу: «Ce n'est pas à moi à sévir!» Неужели возможно, что, настроен-

ный Меттернихомъ къ самой отчаянной борьбѣ съ революціоннымъ движеніемъ Европы, Александръ могъ равнодушно относиться къ однороднымъ проявленіямъ въ Россіи? А въ дѣйствительности это было такъ, хотя и не совсѣмъ. Говоримъ не совсѣмъ потому, что душевно изстрадавшійся монархъ нашель, однако, то лицо, которое должно было его замѣнить по всѣмъ дѣламъ внутренняго правленія Россіей, и которому онъ не только добровольно, но вполне обдуманно сдалъ бразды управленія родиной. Это лицо былъ Аракчеевъ.

«Заблужденіе государя шло настолько далеко, что онъ предполагалъ исцѣлить Россію отъ революціоннаго настроенія во многихъ слояхъ общества и арміи не чѣмъ другимъ, какъ распоряженіями избраннаго имъ для этихъ цѣлей замѣстителя его же велѣній, Аракчеева. И такое заблужденіе вошло въ плоть и кровь Александра Павловича. Онъ вообразилъ, что Аракчеевымъ онъ какъ бы прикрылъ себя отъ всякой отвѣтственности, и вотъ до какихъ предѣловъ дошли результаты мистицизма и религіознаго экстаза, приведшіе государя къ такому плачевному исходу».

Отношеніями къ Аракчееву, расцвѣтъ которыхъ обнаружился именно въ послѣдній періодъ жизни Александра Павловича, заключенный его біографомъ въ періодъ между 1822 и 1825 годами, онъ и оканчиваетъ послѣднюю пятую главу своего изслѣдованія, озаглавленную имъ «Общее разочарованіе». Здѣсь онъ обрисовываетъ всю сложность отношеній между царемъ и его подданнымъ и сразу даетъ блестяще аргументированное объясненіе исходныхъ причинъ этихъ отношеній. Николай Михайловичъ говоритъ: «На стѣнахъ собора въ Грузинѣ и теперь еще виситъ большой барельефъ императора Павла и надъ нимъ имѣется надпись, изображенная золотыми буквами: «Сердце мое чисто и духъ правъ предъ Тобою». Въ этихъ немногихъ словахъ мы видимъ разгадку отношеній Александра I съ Алексѣемъ Андреевичемъ Аракчеевымъ. Вѣдь обликъ того человѣка, который былъ задержанъ, по приказанію графа Палена, у петербургскихъ заставъ 11-го марта 1801 года, а своимъ появленіемъ въ столицѣ могъ предупредить трагическую развязку мрачной ночи этого достопамятнаго дня, долженъ былъ врѣзаться въ память тогда еще совсѣмъ молодого государя, вступившаго на всероссійскій престолъ. Впечатлѣніе это должно было укрѣпиться тѣмъ болѣе сильно и глубоко, что характеръ и нравъ Аракчеева были очень хорошо извѣстны Александру. Трудно себѣ представить, что произошло бы, если бы Аракчееву удалось во время предупредить катастрофу, такъ ловко обдуманную графомъ Паленомъ и съ цинизмомъ dokonченную генераломъ Беннигсеномъ!

«Между тѣмъ, на первое время послѣ шодаренія Александра Павловича Аракчеевъ какъ бы намѣренно ступшевalse, скрывшиса въ Грузинѣ и почти не появляясь въ Петербургѣ. Въ пору гатчин-

ских экзерцицій наследник престола уже был знакомъ съ ревностнымъ служакой, артиллерійскимъ офицеромъ, и не разъ этотъ артиллеристъ, съ вѣчно холоднымъ выраженіемъ лица, ограждалъ юношу отъ порывовъ гнѣва его батюшки. Такого рода людей помять, и воспоминаніе о нихъ не ступевывается съ годами. Императоръ Александръ и не думалъ забывать вѣрнѣйшаго слугу своего родителя и столь же преданнаго ему служаку. Черезъ девять лѣтъ послѣ восшествія на престоль Александръ впервые посѣтилъ Грузино 7-го іюня 1810 года, на обратномъ пути изъ Твери, отъ великой княгини Екатерины Павловны. На листахъ запрестольнаго Евангелія Аракчеевымъ записаны подробности перваго пребыванія его благодѣтеля. Сказано: «Изволилъ войти съ графомъ въ церковь, гдѣ встрѣтило его духовенство съ крестомъ и святой водой и проводило въ церковь. Государь изволилъ осмотрѣть всю церковь, а изъ оной изволилъ съ графомъ пойтить въ садъ...».

«При вторичномъ посѣщеніи 8-го іюля 1816 года государь снова былъ въ соборѣ. При входѣ въ соборъ его величество по обыкновенію былъ встрѣченъ священно-церковно-служителями съ крестомъ и святой водой. Послѣ чего и по вступленіи въ церковь, тотчасъ началась божественная литургія, въ продолженіе которой государь изволилъ стоять противъ образа святого апостола Андрея Первозваннаго, у праваго клироса, и по окончаніи божественной литургіи изволилъ осмотрѣть памятники въ соборѣ императору Павлу I и убитымъ офицерамъ графа Аракчеева полка. Весьма правдоподобно, что при этихъ посѣщеніяхъ собора взоры государя должны были остановиться и на барельефѣ Павла, висящемъ на лѣвой стѣнѣ церкви, и на надписи, идущей черезъ всю стѣну со стороны лѣваго клироса. И надпись, и изображеніе отца не могли не сдѣлать впечатлѣнія, и впечатлѣніе должно было быть значительное, потому что слова надписи безмолвно говорили, что, молъ, я, Аракчеевъ, правъ передъ памятью усопшаго, и что сердце мое чисто. Это напоминаніе минувшихъ дней дѣйствовало тяжело и наводило на грустныя думы. Приблизивъ къ себѣ Аракчеева послѣ горячки многихъ лѣтъ увлеченій преобразованиями, Александръ, естественно, могъ вблизи убѣдиться въ работоспособности Алексѣя Андреевича и спокойно наблюдать за его дѣйствіями. Вообще государь обладалъ качествомъ наблюденія и умѣніемъ держать при себѣ результаты видѣннаго и слышаннаго, не сообщая о томъ никому раньше времени. Работая съ Аракчеевымъ въ тѣ годы исключительно по военному дѣлу, Александръ оцѣнилъ его усердіе, неподкупность и исполнительность, а главное, постепенно привыкалъ къ его холодной фигурѣ, мало внушавшей довѣріе кому-либо.

«Александръ Павловичъ, будучи по природѣ болѣзненно-недовѣрчивымъ вообще ко всѣмъ окружающимъ, дѣлалъ нѣкоторыя исключенія для друзей юности, какъ князь П. М. Волконскій и

князь А. Н. Голицынъ, которыхъ онъ вовсе не стѣснялся, уже по одной привычкѣ къ ихъ лицамъ. Сближеніе же съ Аракчеевымъ произошло незамѣтно и послѣдовательно, что только показываетъ умѣніе грузинскаго помѣщика приноровиться къ характеру государя. Послѣ Отечественной войны имѣтъ Аракчеева возлѣ себя стало необходимою. Императоръ чувствовалъ, что при совершившейся въ немъ нравственной перемѣнѣ ему этотъ человѣкъ нуженъ, какъ знавшій его предназначенія по дѣламъ вообще, и какъ лицо, на которое онъ могъ всецѣло положиться, что онъ его пойметъ, не выдастъ и не подведетъ. Еще раньше 1812 года, когда мысли государя уже отдались приготовленіямъ къ борьбѣ съ Наполеономъ, влеченіе его къ Аракчееву обнаружилось въ желаніи увидать то мѣсто, которое облюбовалъ вѣрный слуга его покойнаго батюшки, и куда онъ постоянно удалялся при малѣйшихъ недоразумѣніяхъ съ нимъ самимъ. Словомъ, хотѣлось увидать загадочное Грузино и пожить тамъ. Въ 1810 году, наконецъ, удалось, послѣ посѣщенія сестры въ Твери, исполнить завѣтную мечту. И вотъ послѣ первой поѣздки сейчасъ же сказались и результаты. Довѣріе къ Аракчееву еще усилилось, а при содѣйствіи Екатерины Павловны, которая особенно цѣнила Алексѣя Андреевича, вскорѣ удалось свернуть шею Сперанскому и утолить давнишнее чувство ревности къ этому «недостойному» любимцу. Какъ только окончились наполеоновскія войны, Александръ, не медля, поспѣшилъ въ Грузино, и эти посѣщенія съ годами еще участились. Что-то непонятное влекло благодѣтеля въ уединенное гнѣздо благодарнаго ему человѣка, избравшаго, по желанію императора Павла, своимъ девизомъ на гербѣ лаконическое сочетаніе: «Безъ лести преданъ». Но эти три слова относились не только къ нему, а одинаково и къ покойному Павлу. Тамъ, въ Грузинѣ, и въ домѣ, и въ соборѣ, и въ саду, — всюду находились предметы почитанія и благоговѣнія къ памяти его родителя; тамъ невольнo приходилось вспоминать о его погибшемъ отцѣ, а въ лицѣ владѣтеля этого помѣстья видѣтъ преданнаго слугу покойнаго; другими словами, на воображеніе должно было дѣйствовать нѣчто таинственное, столь близкое къ тому мистическому состоянію, въ которомъ находился недавній освободитель Европы. Словомъ, память о Павлѣ, тѣнь его влекли Александра, помимо личныхъ чувствъ, къ тусклому образу Алексѣя Андреевича.

«И обликъ этотъ воплотился сперва въ чуткомъ воображеніи монарха, и съ годами сдѣлался неотлучной фигурой, слѣдовавшей по его стопамъ. Отказываясь отъ всѣхъ внѣшнихъ отличій, какъ-то отъ знаковъ ордена святого Андрея Первозваннаго, а потомъ и отъ фельдмаршальскаго жезла, предложеннаго ему по занятіи Парижа, Аракчеевъ какъ бы подчеркивалъ передъ государемъ свое безкорыстіе и свою преданность безъ лести ему одному. Такое

отношеніе не только трогало сердце Александра, но заставляло невольно заблуждаться въ истинныхъ чувствахъ преданнѣйшаго графа и закрывать глаза на всю эту фальшь, приводившую въ негодование приближенныхъ и сотрудниковъ, но вовсе не возмущавшую самого императора. Напротивъ того, съ годами довѣріе къ Алексѣю Андреевичу росло, и когда религіозное настроеніе овладѣло душой Александра, то ему казалось вполне естественнымъ поручать этому человѣку важнѣйшія дѣла въ государствѣ, такъ какъ онъ былъ увѣренъ, что лишь одинъ Аракчеевъ вѣрно его понимаетъ, беспрекословно исполняетъ и никогда не измѣняетъ царскихъ велѣній. До исторіи въ лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку вліяніе графа все же имѣло свои предѣлы и сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на дѣлахъ военныхъ поселеній; въ то время имѣли еще голосъ и значеніе князь П. М. Волконскій, А. А. Закревскій, князь А. Н. Голицынъ и нѣкоторые другіе, но по возвращеніи съ Лайбахскаго конгресса и эти люди лишились обычнаго довѣрія и сошли одинъ за другимъ со сцены. Съ 1822 года по всѣмъ дѣламъ, государь началъ слушать только одного Аракчеева, принимать исключительно его доклады по всѣмъ отраслямъ управленія; а всесильный графъ окружилъ монарха исключительно своими ставленниками и клеветами, не смѣвшими ему противорѣчить и что-либо предлагать, не посоветовавшись предварительно съ нимъ. Последніе четыре года царствованія Александра Павловича стали въ дѣйствительности годами управленія Россіей одного Алексѣя Андреевича Аракчеева.

«Онъ издавалъ законы, разсылалъ повелѣнія, наказывалъ, миловалъ, объявлялъ выговоры или высказывалъ неудовольствіе, выдвигалъ разныя бездариности, въ общемъ угнеталъ своимъ безсердечнымъ игомъ Россію и русскихъ подданныхъ, а Александръ покорно подписывалъ».

Его Высочеству великій князь въ этой послѣдней главѣ своего труда («Общее разочарованіе») очень внимательно и искусно слѣдитъ почти въ хронологическомъ порядкѣ за развитіемъ отношеній между императоромъ и временщикомъ, подтверждаетъ свои положенія характерными выдержками изъ ихъ переписки и во всѣхъ своихъ выводахъ проводитъ красною нитью мысль, что главнымъ звеномъ между этими противоположными натурами была окровавленная тѣнь Павла Петровича и трагическое событіе 11-го марта 1801 года. Постояннымъ напоминаніемъ объ этомъ событіи Аракчеевъ гипнотизировалъ Александра Павловича, держалъ его на привязи около себя и вѣчно тревожилъ ноющую рану. Въ томъ «приложеніи» авторъ далъ намъ на протяженіи почти 120 страницъ рядъ очень любопытныхъ писемъ Александра I къ своему другу и его отвѣты. Здѣсь постоянно мелькаетъ передъ нами экспансивная подпись царственнаго корреспондента, напримѣръ: «прощай, любезный

Алексѣй Андреевичъ. Будь здоровъ и совершенно увѣренъ въ искренней моей привязанности къ тебѣ. Если ты немного постарѣлъ, то и я не помолодѣлъ, любя тебя и умѣвъ цѣнить всѣ заслуги, тобою отечеству и мнѣ оказанныя», или «навѣкъ искренно тебя любящій», или «пребываю съ искреннею привязанностью тебя любящимъ» и т. д. Русскій государь непрестанно заботится объ удобствахъ, спокойствіи и здоровіи своего друга, порою умилоствивляетъ его, занскиваетъ въ пемь, но, рядомъ съ этимъ, закулисно въ дѣлахъ государственныхъ непрестанно проявляетъ свою волю и директиву, заставляя графа Алексѣя Андреевича быть отвѣтственнымъ и видимымъ инициаторомъ всѣхъ своихъ начинаній. Знакомая съ этими письмами, удивляешься мелочности, формализму, иногда напуганности царя, слѣдящаго съ какимъ-то трепетомъ, какъ бы вольномысліе не расплозлось по русской землѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ видишь, какъ помѣщикъ Грузина въ точности выполняетъ желанія своего монарха, идетъ навстрѣчу его мыслямъ и въ своихъ письмахъ къ нему является во-истину какимъ-то всероссійскимъ полицеймейстеромъ, держащимъ всю Россію подъ своимъ бдительнымъ надзоромъ. «Батюшка, ваше величество», начинается онъ свои посланія и заканчиваетъ ихъ вѣчными пригѣвами: «до конца моей слабой жизни пребуду вѣрнопопданный вамъ», или «чистымъ сердцемъ преданный вашему императорскому величеству вѣрнопопданный», или «примите, батюшка, мою сыновнюю вамъ благодарность. Я буду всегда просить Бога, дабы онъ, Всевышній, увѣрилъ насъ, батюшка, что нѣтъ въ мірѣ другого человѣка, который бы болѣе меня былъ вамъ преданъ. Цѣлую ваши руки. Остаюсь навѣкъ вашего императорскаго величества вѣрнопопданный».

Но, когда надъ головою «батюшки его величества» ступились тучи и стало извѣстно о грозящемъ его жизни заговорѣ, этотъ чистый сердцемъ вѣрнопопданный поставилъ извѣстную драму своей личной жизни выше наступающей трагедіи для русскаго самодержца; эта страница нашей исторіи достаточно выяснена въ нашей литературѣ, чтобы о ней подробно говорить въ настоящемъ очеркѣ, какъ равно не будемъ касаться и нѣкоторыхъ приведенныхъ въ реферированомъ трудѣ эпизодовъ изъ исторіи духовнаго завѣщанія Александра. Здѣсь мы не находимъ ничего особенно новаго, — очевидно, рука Николая I уничтожила и тѣ немногіе документы, которые, будучи сохранены до нашихъ дней, быть можетъ, дали бы въ наше распоряженіе нѣкоторые ключи къ разгадкѣ обстановки тайны завѣщанія Александра Павловича.

Свою блестящую фундаментальную работу великій князь заканчиваетъ общей характеристикой своего героя, которую мы и приводимъ полностью. Онъ говоритъ о немъ: «Въ немъ было что-то врожденное, которое привлекало къ нему людей. Французы называютъ это качество «*le charme*». Это врожденное свойство творило чудеса и обворожало всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ ему приходилось встрѣчаться,

Если присоединить ко всему симпатичную фигуру государя, его чарующую улыбку, выраженіе его глазъ и манеру обращенія, то получалось то общее, что покоряло сердца. Не даромъ въ собственной царской семьѣ и мать, и супруга, и братья, съ ихъ женами, называли Александра нашимъ ангеломъ, «notre ange», а императрица Елизавета Алексѣевна увѣковѣчила это прозвище въ письмѣ о его кончинѣ: «Notre ange est au Ciel, et moi malheureuse sur la terre...» Тотъ же образъ ангела украшаетъ Александровскую колонну на площади Зимняго дворца. Возможно, что въ душѣ Александра Павловича и было нѣчто ангельское, потому что его доброта и доброжелательство къ ближнему не подлежатъ сомнѣнія, но, къ сожалѣнію, эта черта нерѣдко омрачалась и другими порывами. Рядомъ съ этой добротой иногда проявлялось и злопамятство, никогда вполне не угасавшее, а, кромѣ, того чувствовалась частенько и двуличность, которую сразу не каждому удавалось подмѣтить. Двуличность никогда не оставляла Александра, составляя черту его права, уже ранѣе объясненную. Она давала ему возможность одновременно работать со Сперанскимъ и Аракчеевымъ, съ Аракчеевымъ и А. Н. Голыцынымъ, а также и съ Волконскимъ; онъ могъ слушать и подчиняться совѣтамъ Меттерниха и заниматься часами съ Каподистріей; пока Александръ обвораживалъ Наполеона въ Тильзитѣ и Эрфуртѣ, онъ спокойно писалъ матушкѣ о тѣхъ способахъ, какими возможно сломать его мощь; въ одну дверь входилъ къ нему довѣрчиво канцлеръ Румянцовъ, а въ другую тайкомъ впускался Кюшелевъ; съ одного подъѣзда подъѣзжалъ англійскій квакеръ или другой сектантъ, а съ другого входилъ убогій монахъ или самъ митрополитъ; въ одинъ часъ шла бесѣда о возвышенныхъ чувствахъ долга монарха къ своей родинѣ съ Карамзинымъ, а въ другое время Александръ могъ выслушивать спокойно какого-нибудь Магницкаго, и, что болѣе всего замѣчательно, что всѣ эти люди выходили очарованными изъ кабинета государя и часто воображали, что его величество соблаговолилъ раздѣлять ихъ образъ мыслей.

«Одинако съ этимъ, Александръ обладалъ замѣчательной работоспособностью, особенно въ эпоху Отечественной войны и послѣдующей кампаніи за освобожденіе Европы. Онъ имѣлъ даръ, входя во всѣ мелочи, быстро схватывать суть дѣла и принимать соотвѣтствующее рѣшеніе. Иногда примѣшивалась извѣстная доля упрямства, особенно, когда Александръ предполагалъ или замѣчалъ желаніе другого лица настоять на своемъ мнѣніи и какъ бы подчинить себѣ волю государя; въ этихъ случаяхъ императоръ становился непреклоннымъ въ проведеніи собственныхъ предначертаній. Умомъ Александръ могъ всегда похвастаться, и умомъ тонкимъ, чуткимъ и вполне природнымъ. Кромѣ того, онъ имѣлъ даръ особаго чутья познавать скоро людей, играть на ихъ слабостяхъ и всегда подчинять своимъ требованіямъ. Немудрено, что Наполеонъ на островѣ

св. Елены, въ порывѣ горечи, написалъ про него: «*que c'était un grec du Bas-Empire*», другими словами: «византиецъ смутныхъ временъ», и что разные мудрецы изъ дипломатовъ, какъ Талейранъ, Меттернихъ или Касслери, смущались при бесѣдахъ съ Александромъ и должны были напрягать все свои способности, чтобы не понасть впросакъ. Необходимо также отмѣтить, что при всѣхъ эволюціяхъ, совершившихся въ характерѣ Александра, основныя черты его нрава сохранились, и очевидцы, видѣвшіе и говорившіе съ нимъ въ годы юности, такъ же восторженно отзывались о его способностяхъ, какъ и тѣ, которые встрѣчались съ нимъ въ послѣдніе годы его жизни. Если мужчины поражались его дарованіями, то что сказать о женщинахъ? Супруга Александра, несмотря на все измѣны мужа, сохранила къ нему чувство особой привязанности и любви даже тогда, когда Александръ какъ бы забылъ о существованіи первой спутницы и подруги своей на землѣ. Сестра Екатерина прямо-таки молилась на брата и не могла удержаться отъ проявленій къ нему любви и дружбы. Суровая, падменная Марія Ѳеодоровна никогда не обнаруживавшая внѣшнихъ проявленій нѣжности въ чувствахъ, и она боготворила и гордилась своимъ сыномъ. Мы сказали нѣсколько словъ о ближайшихъ родственникахъ, но почти все женщины, имѣвшія общеніе съ государемъ, сохранили о немъ самую свѣтлую память.

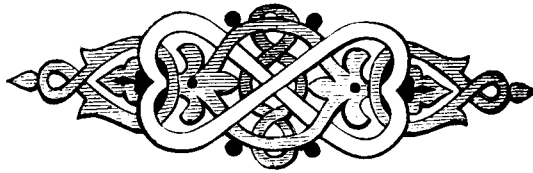
«Что же касается лицъ ближайшей свиты, докторовъ, всей прислуги, т. е. тѣхъ, которымъ пришлось быть ежедневными свидѣтелями обычнаго домашняго обихода его величества, то все они души не чаяли въ своемъ повелителѣ и готовы были умереть за него.

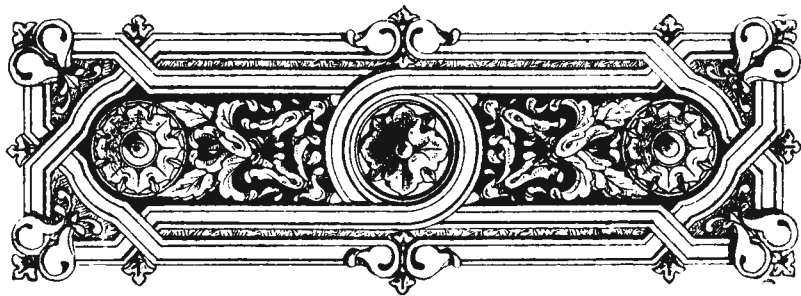
«Очевидно, что въ Александрѣ дѣйствительно таилось такое рѣдкое качество притяженія къ себѣ людей, давшее себя знать въ проявленіяхъ къ нему любви и привязанности. И подумать, тотъ же Александръ могъ съ легкимъ сердцемъ подписывать лютые приговоры къ наказанію солдатъ розгами и къ проведенію сквозь строй по нѣскольку разъ! Здѣсь психика должна невольно наткнуться на непонятную загадку, и такого рода загадку, которая должна смутить не одного изслѣдователя историческихъ личностей. Вѣдь каждый день, начиная съ 1812 года, государь читалъ по одной главѣ или изъ св. Евангелія, или изъ Библии; зналъ многія цитаты Священнаго Писанія наизусть, постоянно въ письмахъ ссылался на слово Христово, и тотъ же человекъ могъ поощрять такого рода взисканія и смотрѣть сквозь пальцы на все изувѣрства Аракчеева въ военныхъ поселеніяхъ въ теченіе многихъ непрерывныхъ лѣтъ. Вѣроятно, нѣкоторые критики были бы склонны видѣть въ этомъ невѣроятномъ противорѣчій ту двуличность его характера, о которой мы только что говорили, но мы убѣждены, что въ этихъ случаяхъ не было этой двуличности, а скорѣе результатъ особаго религіознаго фанатизма, отчасти связаннаго съ тѣмъ временемъ, съ тѣми нравами и обычаями,

при которых протекала жизнь Александра Павловича. Другого объяснения мы не находимъ».

Заключительныя строки своего труда великій князь Николай Михайловичъ посвящаетъ краткому разбору вопроса о тождествѣ личности старца Федора Кузьмича съ личностью Благословеннаго и, какъ уже читатели «Историческаго Вѣстника» знаютъ изъ напечатанной его императорскимъ высочествомъ по сему предмету въ нашемъ журналѣ монографіи, подтверждаетъ свой отрицательный взглядъ на это тождество. Между личностью старца и благословеннымъ императоромъ ни въ какомъ отношеніи ничего не было общаго. Кажущееся тождество, расцвѣченное фантазіей, — просто, хотя и красивая, легенда, дѣйствующая на воображеніе, но не имѣющая за собою ни одного реальнаго факта.

Б. Г.

ОТГОЛОСКИ СМУТЫ.

(1905—1906 гг.).

В АКЪ НИ БОГАТА литература недавно пережитой нами смуты, но она не могла объять все необъятное море русской жизни. Многія и крупныя, и мелкія, но характерныя явленія революціоннаго періода, оставшіяся доселѣ не отмѣченными въ печати, пропадутъ для исторіи, если мы, современники, не позаботимся собрать ихъ, пока они держатся въ памяти.

Въ этихъ видахъ безполезнымъ историческимъ матеріаломъ являются предлагаемыя замѣтки о разныхъ событіяхъ періода смуты, рисующія настроенія преимущественно провинціи въ 1905—1906 гг. Эти разрозненные факты касаются разныхъ мѣстностей Россіи и связаны между собою только единствомъ времени. Крупныхъ фактовъ здѣсь почти нѣтъ, но есть много типичныхъ мелочей и характерныхъ подробностей, очень цѣнныхъ для обрисовки смуты. Для исторіи нѣтъ «мелочей»: всякому явленію она отведеть надлежащее мѣсто на своихъ страницахъ и въ своихъ цѣляхъ воспользуется самымъ мелкимъ явленіемъ.

Замѣтки основаны какъ на моихъ личныхъ наблюденіяхъ, такъ и на разсказахъ очевидцевъ. Изложеніе придерживается хронологическаго порядка, причемъ всѣ однородныя явленія, хотя и разныхъ мѣстностей, сведены по возможности по группамъ.

I.

Добрые сосѣди.

Лѣтомъ 1905 г. настроеніе крестьянъ въ Юрьевско-Польскомъ уѣздѣ Владимирской губерніи было вполне спокойное и отношенія ихъ къ землевладѣльцамъ самыя мирныя, не выходившія изъ обычной нормы. Ничто не говорило о надвигающейся грозѣ, раскаты которой уже явственно доносились изъ другихъ мѣстъ Россіи. Слухи объ аграрныхъ безпорядкахъ въ Тамбовской, Рязанской и другихъ губерніяхъ доходили и до Юрьевского уѣзда. Довольно развитое благодаря фабрикамъ и заводамъ населеніе этого уѣзда почитывало газеты и хорошо было освѣдомлено о начинавшейся повсюду смутѣ. Не дремали и мѣстные революціонные кружки, усиленно ведшіе пропаганду.

Несмотря на все это, юрьевскіе крестьяне были совершенно спокойны и попрежнему аккуратно отбывали всѣ обязательныя отношенія къ землевладѣльцамъ по арендѣ выгоновъ и прочія. Оптимисты пророчили, что броженіе не коснется Юрьевского уѣзда, такъ какъ здѣсь нѣтъ почвы для аграрнаго движенія—нѣтъ голодныхъ и озлобленныхъ мужиковъ... Дѣйствительно, здѣшніе крестьяне не бѣдны землею и имѣютъ хорошіе заработки на фабрикахъ и заводахъ какъ своего, такъ и сосѣднихъ, еще болѣе промышленныхъ уѣздовъ Владимирской губерніи.

Но оптимисты забывали, что у сытыхъ людей аппетиты еще болѣе разгораются, а мужичій аппетитъ къ землѣ безпредѣленъ... На этой почвѣ начали разгораться страсти и у юрьевскихъ мужиковъ. Спокойные по внѣшности и корректные въ своихъ отношеніяхъ къ землевладѣльцамъ, мужики вдругъ обнаружили такую скрытую неприязнь къ послѣднимъ и такую зависть къ чужому добру, что не хотѣлось вѣрить, что это обнаружилось въ «спокойномъ» Юрьевскомъ уѣздѣ...

Случай, раскрывшій тайники мужицкой души, уже находившейся въ скрытомъ броженіи, былъ тѣмъ неожиданнымъ, что произошелъ онъ въ усадьбѣ новаго землевладѣльца, всего два года назадъ купившаго имѣніе въ Юрьевскомъ уѣздѣ. Не могло тутъ быть ни традиціонной неприязни къ «помѣщику», какъ пережитокъ прежнихъ крѣпостническихъ отношеній, ни естественныхъ недоразумѣній на почвѣ долгихъ сосѣдскихъ отношеній.

Напротивъ: новый землевладѣлецъ сразу обнаружилъ себя человекомъ гуманнымъ, справедливымъ, доброжелательно относившимся къ крестьянамъ. Сразу же завязались у него добрыя отношенія чуть не съ десяткомъ крестьянскихъ обществъ, окружавшихъ его имѣніе. Нужда послѣднихъ въ выгонахъ и отчасти въ пашнѣ удовлетворялась имъ на самыхъ льготныхъ условіяхъ, приво-

дивившихъ въ негодованіе «настоящихъ хозяевъ» кулаческаго пошиба. О немъ говорили, что онъ «балуетъ мужиковъ», а сами мужики не могли нахвалиться «добрымъ баринномъ», который-де «не обижаетъ» никого...

И вдругъ, при такихъ добрыхъ отношеніяхъ и при общемъ спокойствіи въ уѣздѣ, эти «добрые сосѣди» подожгли «добраго барина», ничто же сумняся, и вели себя на пожарѣ самымъ подлымъ, возмутительнымъ образомъ... Пожилой землевладѣлецъ, человѣкъ твердаго закала, сдержанный, замкнутый въ себѣ, вдругъ разрыдался, когда увидѣлъ на пожарѣ, какъ за все его добрыя отношенія къ мужикамъ они отплатили ему зломъ... За что?—невольно спрашивалъ онъ и—не находилъ отвѣта. Но отвѣта не могли бы дать и сами мужики, уже стихійно захваченные начинавшимъ одурманивать ихъ головы революціоннымъ броженіемъ. Подошелъ случай—и скрытое броженіе обнаружилось.

Поджогъ молотильнаго сарая произведенъ былъ очень нахально—чуть не днемъ и на глазахъ еще не спавшей усадьбы. Не было еще десяти часовъ вечера 12-го іюня, т. е. совершенно засвѣтло отъ вечерней зари, когда съ «гулянья» около желѣзнодорожной станціи возвращалась въ село мимо усадьбы толпа пьяныхъ парней и мужиковъ, съ пѣснями и гармошкой. Одинъ изъ толпы вскочилъ на усадьбу, подбѣжалъ къ ближайшей постройкѣ—къ старому молотильному сараю, чиркнулъ спичку и поднесъ ее къ низкой соломенной крышѣ сарая. Та мгновенно вспыхнула, а поджигатель бросился со всѣхъ ногъ бѣжать вонъ изъ усадьбы, направляясь къ стоящему по сосѣдству крестьянскому молотильному сараю.

Поджигателя замѣтили двое рабочихъ усадьбы и бросились за нимъ. Но онъ успѣлъ вскочить въ крестьянскій сарай, къ которому въ это же время подошла толпа мужиковъ. Поджигатель выбѣжалъ изъ сарая и замѣшался въ толпѣ... На требованія рабочихъ выдать поджигателя въ толпѣ закричали:

— Никого вамъ не выдадимъ!.. берите сами!.. ну-ка! суньтесь!.. зададимъ вамъ!.. не то еще будетъ—погодите!..

Рабочіе отступили. Но поджигатель былъ замѣченъ, узнавъ многими и черезъ двѣ недѣли арестованъ судебнымъ слѣдователемъ.

Возвращаясь къ пожару. Пока сбѣжались рабочіе (былъ воскресный день), соломенная крыша вспыхнула, какъ порохъ (стояли жаркіе, сухіе дни), и огонь разлился по всему сараю. Нечего было думать о спасеніи старой постройки, но надо было отстаивать сосѣдній скотный дворъ и другія строенія, откуда огонь могъ бы переброситься на село.

Въ одинъ мигъ усадьба наполнилась массою народа, сбѣжавшагося изъ сосѣдняго села и ближнихъ деревень. Но все явились съ пустыми руками—ни одной пожарной машины не привезли (въ четырехъ ближайшихъ обществахъ четыре пожарныхъ трубы),

и ни одной бочки съ водою не явилось... Мало того: когда начала работать усадебная машина, чѣн-то подлыя руки перерубили рукавъ топоромъ...

Толпа, окружавшая плотнымъ кольцомъ пожарница, была очень весело настроена. Она шумно галдѣла, пѣла пѣсни, играла на гармошкахъ... Шло явное и наглое издѣвательство надъ чужою бѣдою. О «добромъ баринѣ» все «добрые мужички» позабыли и вдругъ увидѣли въ немъ какого-то врага, надъ горемъ котораго не грѣхъ посмѣяться и потѣшиться вволю...

Когда хозяинъ обратился къ толпѣ съ просьбою о помощи, указывая на то, что разгорѣвшійся пожаръ можетъ переброситься на село, мужики отвѣчали смѣхомъ и увѣреніями, что вѣтра нѣтъ и опасность не угрожаетъ селу. Никто изъ толпы не захотѣлъ помогать усадебнымъ рабочимъ, даже смѣялись надъ послѣдними, что они отстаиваютъ хозяйское добро... А когда за помощь взялись двое добросовѣстныхъ крестьянъ и мѣстный псаломщикъ, мужики стали угрожать имъ такъ настойчиво, что добровольцы, нѣсколько поработавши, поторопились исчезнуть страха ради іудейска...

Благоразумные люди совѣтовали хозяину привлечь мужиковъ обѣщаніемъ водки. Несомнѣнно, водка живо бы прогнала «революціонное» настроеніе мужиковъ... Но хозяинъ разъ навсегда изгналъ «водочную политику» въ своихъ сношеніяхъ съ мужиками и не рѣшился прибѣгнуть къ ней даже въ такомъ экстренномъ случаѣ. Въ глазахъ мужиковъ это было единственнымъ недостаткомъ «добраго барина», не понимавшаго, какія чудеса дѣлаетъ водка въ рукахъ «настоящаго хозяина»... Можетъ быть, и тутъ, на пожарѣ, мужики всего болѣе мстили хозяину за его трезвенную политику...

Когда онъ ушелъ съ пожарница, не заикнувшись о водкѣ, разочарованные мужики изъ болѣе пьяныхъ пускали такія грозныя речушки по его адресу:

— Ну, счастье его, что ушелъ... а то надо бы его бросить въ огонь.

Разумѣется, это были только пьяныя угрозы и сказанныя заглазно, но... тысячи фактовъ смутнаго времени достаточно показали, на какое подлое и ничѣмъ не вызванное варварство способны «добрые мужички» даже и не «по пьяному дѣлу»...

Раздавались на пожарницѣ и болѣе серьезныя угрозы:

— Запалить бы всю усадьбу со всехъ концовъ!... чтобы и званія не осталось... Эхъ, ладно бы такъ!..

Около конюшенъ, амбаровъ и позади дома бродили какія-то тѣни, и, конечно, не съ добрыми намѣреніями. Но вездѣ посматривали насторожившіеся обитатели усадьбы и—поджоговъ больше не было. Молотильный сарай сгорѣлъ до тла, но скотный дворъ отстояли. Усадьба уцѣлѣла, къ огорченію «добрыхъ сосѣдей». Полюбовавшись первою устроенною ими «иллюминаціей», мужики успокоились до слѣдующаго лѣта (1906 г.), когда Юрьевскій уѣздъ въ те-

ченіе мѣсяца вездѣ освѣщался чуть не еженочными «иллюминаціями», а въ томъ числѣ и въ имѣніи «добраго барина».

Лѣтомъ жѣ 1905 г., кромѣ описаннаго пожара, было въ этомъ имѣніи еще два поджога—сожгли два стога клевера. Но это уже были явленія «родовой мести»—за арестъ поджигателя. Послѣдній, просидѣвши въ острогѣ семь мѣсяцевъ, былъ оправданъ присяжными заседателями (въ большинствѣ были крестьяне), частію по слабости уликъ (вслѣдствіе отказа главныхъ свидѣтелей отъ своихъ первыхъ показаній на предварительномъ слѣдствіи), а больше изъ сожалѣнія къ большой семьѣ (до десяти душъ) преступника, уже достаточно наказаннаго продолжительнымъ предварительнымъ заключеніемъ. Любопытно, что тотъ же самый поджигатель нѣсколько лѣтъ назадъ привлекался по обвиненію въ поджогѣ молотильнаго сарая на той же усадьбѣ, принадлежавшей тогда другому лицу. И въ оба раза онъ благополучно выкарабкался изъ тяжкихъ обвиненій.

II.

Тревожные дни.

Послѣ 17-го октября 1905 г. въ землевладѣльческихъ усадьбахъ Юрьево-Польскаго уѣзда наступили очень тревожные дни и тянулись вплоть до Рождества. Хотя въ этой мѣстности не было въ то время никакихъ «активныхъ выступленій» мужика, но онъ донималъ усадебныхъ жителей своею «словесностью» явно революціоннаго пошиба. Видно, мужики задались цѣлью «пужать господъ», чтобы «выжить» ихъ изъ усадебъ. И эта цѣль нерѣдко достигалась: кое-кто изъ землевладѣльцевъ не выдержали постоянного напряженія нервовъ, взбудораженныхъ этими вѣчными угрозами крестьянъ, и бросали усадьбы на время или совсѣмъ. Но большинство благополучно пережило тревожное время конца 1905 г. и досидѣло въ усадьбахъ до слѣдующаго, болѣе крупнаго взрыва смуты—лѣтомъ 1906 г., когда мужики начали «выкуривать господъ», устраивая имъ всякаго рода «иллюминаціи». Тогда многіе бѣжали изъ имѣній.

Но и въ концѣ 1905 г. трудно жилось въ усадьбахъ... Каждый день приносилъ какія-либо угрозы мужиковъ, и было много даныхъ за то, что отъ «словесности» они скоро перейдутъ къ дѣлу. Мучительное ожиданіе!..

Чтобы показать, какого характера были эти угрозы и какъ много ихъ накоплялось за одинъ день, привожу свои записи за 21-е ноября (праздникъ). Проживалъ я въ той усадьбѣ, о которой говорилось въ первомъ очеркѣ.

Утромъ пріѣхалъ незнакомый мужикъ изъ дальней деревни, не имѣвшей никакихъ сношеній съ усадьбой. Онъ предложилъ купить

у него солому. Управляющій отказаль, имѣя достаточно своей соломы. Мужикъ страшно разобидѣлся, вскочилъ въ сани и помчался по усадьбѣ, направляясь не къ выѣзднымъ воротамъ, въ которыя самъ же въѣзжалъ, а къ парку. Ему кричали, что онъ не туда ѣдетъ, и указывали дорогу, но онъ никого не слушалъ и продолжалъ лѣтъ по избранному направленію. Спускаясь въ оврагъ передъ паркомъ, онъ опрокинулся, но быстро поднялся, поставилъ сани и понесся паркомъ. Добравшись до изгороди, онъ разобралъ ее, выѣхалъ на деревенскую улицу и только тамъ, чувствуя себя въ безопасности (хотя за нимъ никто не гнался), сталъ выпускать по адресу усадьбы цѣлые заряды самой неистовой брани и всякихъ угрозъ. Между прочимъ онъ кричалъ:

— И выѣхать-то отъ васъ толкомъ нельзя... чуть шея у васъ не сломалъ!.. Спалить бы всю вашу усадьбу дочиста!.. и васъ всѣхъ въ огонь побросать!.. Выѣхать толкомъ мужику нельзя... настроились тутъ!..

Цѣлыхъ полчаса онъ отводилъ душу бранью, угрозами и попреками, что якобы «выѣхать съ усадьбы толкомъ нельзя»...

Этотъ случай насмѣшилъ обитателей усадьбы... Но дальше стали накопляться болѣе грозныя извѣстія. Вернувшійся изъ Юрьева старшій рабочій передалъ свой разговоръ съ главою «озорниковъ» въ сосѣднемъ съ усадьбою селѣ. Молодой «озорникъ» спросилъ:

- Удралъ вашъ хозяинъ?
- И вовсе не удиралъ...
- Да вѣдь его нѣтъ въ усадьбѣ?
- Нѣтъ... поѣхалъ по своимъ дѣламъ въ Москву.
- Ну, не уйдетъ онъ отъ насъ!.. Все спалимъ у него дочиста...
- Чай, насъ-то, рабочихъ, не тронете?..
- Всѣмъ достанется...

Это переполошило рабочихъ, особенно послѣ того, какъ въ усадьбу явился бывшій рабочій, крестьянинъ сосѣдняго села, и сталъ грозить имъ:

— И хозяевъ и всѣхъ васъ забастуемъ!.. уже будетъ вамъ!.. попомните!..

Всѣхъ болѣе перетрусилъ управляющій—бравый отставной гвардейскій солдатъ. Онъ бросился къ своему пріятелю, церковному старостѣ, съ жуткимъ вопросомъ:

— Не затѣвается ли чего на селѣ противъ усадьбы?

— Ничего не слыхать... болтають-то много... особенно наши озорники... Кто знаетъ, что у нихъ въ мысляхъ!.. И мы-то боимся ихъ...

Гвардеецъ совсѣмъ обалдѣлъ и, вернувшись домой, распорядился, чтобы у его крыльца всю ночь стояли запряженные сани. Въ случаѣ тревоги онъ собирался бѣжать съ семьей... О насъ же, обитателяхъ дома, онъ и не подумалъ, предоставивъ насъ своей судьбѣ...

Глядя на растерянность управляющего, совѣтъмъ «обробѣли» и рабочіе, начавшіе укладывать свои пожитки. Ночной караульщикъ не хотѣлъ выходить на дежурство, но кое-какъ его уломали...

Никто не спалъ эту ночь въ усадьбѣ. Но ночь прошла благополучно, и къ утру нашъ гвардеецъ приказалъ отпрячь приготовленные для его бѣгства сани.

И много-много пережито было тогда въ усадьбахъ такихъ тревожныхъ дней и бессонныхъ ночей...

III.

С в а д ь б а.

Въ концѣ 1905 г. тревожно жилось не въ однѣхъ усадьбахъ землевладѣльцевъ: не красна была жизнь и въ скромныхъ домикахъ «поповокъ»... Солono доставалось отъ мужиковъ всемъ не мужицкимъ элементамъ и всего болѣе, послѣ землевладѣльцевъ, сельскому духовенству.

Въ описываемой мѣстности Юрьево-Польскаго уѣзда первая мужичья демонстрація во имя «свободы отъ совѣсти» (такъ мужики поняли «свободу совѣсти» по манифесту 17-го октября) состоялась въ ночь на 23-е октября и была спеціально направлена противъ мѣстнаго уважаемаго священника, почтеннаго отца благочиннаго, много лѣтъ сидящаго на этомъ приходѣ. Пользуясь полною беззащитностью священника и отсутствіемъ всякой охраны около его дома, ночью мужики выбили у него все окна на улицу.

На другой день одинъ пьяный мужикъ, встрѣтивъ управляющаго сосѣдней усадьбы, потребовалъ у него бакшиша, угрожая въ противномъ случаѣ такими словами:

— А не дашь денегъ на вино—побьемъ у тебя окна, какъ вчера побили у батюшки... слыхаль, чай?..

Дѣло не ограничилось однимъ побитіемъ стеколъ. Черезъ двѣ недѣли самый «благочестивый» прихожанинъ, очень богатый мужикъ, устроилъ болѣе тонкое издѣвательство надъ почтеннымъ священникомъ. Мужикъ женилъ сына. Послѣ вѣнчанья новобрачные попросили надѣть на нихъ вѣнцы, чтобы въ такомъ парадѣ—по мѣстному обычаю—доѣхать домой. Священникъ, старавшійся вывести этотъ странный обычай, отказалъ въ просьбѣ подъ предлогомъ поздняго времени. Молодые надулись, но все же пригласили на брачный пиръ священника и псаломщика. Тѣ поѣхали охотно въ богатый домъ, гдѣ бывали много разъ и всегда находили радушное гостепріимство. По случаю же свадьбы ожидалось тутъ разлитое море.

И что же? Когда батюшка съ псаломщикомъ усѣлись за столъ, хозяинъ съ хозяйкой (родители новобрачнаго) поставили графинъ

съ водкой, тарелку съ хлѣбомъ и тарелку съ кусками протухшаго мяса... Хозяйка налила рюмки, взяла свою въ руки и, обращаясь къ священнику, произнесла свое обычное въ этихъ случаяхъ привѣтствіе:

— За вашу пріятность!..

Хозяйка выпила, за нею выпилъ и хозяинъ, проговоривши другое мѣстное выраженіе, обязательное при выпивкѣ, по требованіямъ «хорошаго тона»:

— До свиданія!..

Выпилъ рюмку и псаломщикъ, закусивши ломтикомъ хлѣба. Но священникъ не прикоснулся къ своей рюмкѣ, всталъ и уѣхалъ, сказавши на прощанье:

— Спасибо, прихожане, за угощеніе!..

Послѣ отъѣзда батюшки съ псаломщикомъ картина перемѣнилась: столъ уставили всевозможными закусками, блюдами, напитками—и разливанное море пошло на всю ночь...

Когда послѣ спрашивали этого богатаго мужика: зачѣмъ онъ устроилъ такое издѣвательство надъ священникомъ?—мужикъ отвѣчалъ, желая оправдаться:

— Да вѣдь батюшка получилъ деньги за вѣнчанье—и будетъ съ него...

— Но онъ же не напрашивался на вашъ пиръ, и вы сами позвали его... и посмѣялись надъ нимъ!.. зачѣмъ звали?..

— А надо же было благословить новобрачныхъ на дому...

Однако «благочестивый» мужикъ скоро сообразилъ, что онъ переборщилъ съ своей выходкой, да и «безъ попа-де не обойдешься». Черезъ нѣсколько дней онъ пошелъ къ священнику, поднесъ своего меду и извинился за свадебное «угощеніе», глупо и фальшиво оправдываясь:

— Много народу набралось... нельзя было всѣхъ разомъ накормить...

— Ну, Богъ съ тобою!—простилъ его благодушный батюшка.

Кромѣ благодушнаго перенесенія всякихъ мужицкихъ выходокъ, разнаго хулиганства, нахальныхъ дерзостей, оскорбленій, насмѣшекъ и пр. и пр., ничего болѣе и не оставалось дѣлать духовенству... Тяжелый крестъ оно несло за время смуты.

Благодушно простилъ мужиковъ и тотъ смиренный попъ въ Муромскомъ уѣздѣ, котораго тамошніе мужики приняли «за антихриста» и едва не уколошили въ качествѣ таковаго...

Какой-то шутникъ нагналъ страху на одну муромскую деревню, сообщивши, что скоро-де пожалуетъ въ нимъ «антихристъ... во образѣ попа... и будетъ-де онъ ѣхать на парѣ коней. А пріѣхавши къ вамъ, станеть васъ печатать антихрестовою печатью... мужикамъ прямо на лобъ, а бабамъ на затылки!..».

Мужики-старовѣры обалдѣли отъ такихъ ужасовъ, бабы взвыли... Но мужики порѣшили: не даваться въ руки антихриста, а буде возможно, то лучше уколошить его. Бабы попрыгались, а мужики за околицу, съ топорами, ножами, дрекольемъ, и цѣлую ночь просидѣли тамъ, съ трепетомъ поджидая антихриста.

Чуть забрезжилъ зимній разсвѣтъ (въ ноябрѣ), по дорогѣ показались сани, запряженные парой лошадей. Мужики встрепенулись и вышли на дорогу, истоиво крестясь и призывая Божью помощь на предстоящую борьбу...

Сани подѣхали, и мужики увидѣли, что сидитъ тамъ кто-то «въ обличіи попа»... Сомнѣній у нихъ не было: «антихристъ пожаловалъ!..».

Они струдились на дорогѣ. Задремавшіе въ саняхъ кучеръ и священникъ (изъ сосѣдняго села) только тогда проснулись и замѣтили толпу, когда лошади сами остановились предъ нею и мужики окружили сани. Батюшка струхнулъ и дрожащимъ голосомъ вскрикнулъ:

— Что вамъ надо, мужички?!

Но мужички ничего не отвѣтили и, молча, дрожа отъ страха и прячась другъ за друга, стали тащить попа изъ саней, сорвали съ него шапку, мѣховую рясу и бросили на снѣгъ... Попъ кричалъ:

— Что вы дѣлаете, разбойники?!.. что я вамъ сдѣлалъ?! за что бьете?!.

Дѣйствительно, болѣе храбрые мужики уже принялись тукнуть кулаками барахтавшася въ снѣгу попа.. Къ счастью, одинъ изъ мужиковъ вдругъ присмотрѣлся къ лицу «антихриста» и сейчасъ же узналъ попа изъ сосѣдняго села...

— Стой, ребята!—заоралъ мужикъ:—да это не «тотъ»... Это отецъ Иванъ!..

Мужики бросили попа, всмотрѣлись и—все узнали сосѣда... Они загалдѣли:

— Прости ужо, отецъ Иванъ!.. не доглядѣли въ темнотѣ!.. ждали-то мы «другого»... за него и приняли тебя... ужо прости насъ, дураковъ!..

Конечно, отецъ Иванъ простилъ и немало посмѣялся, когда узналъ, что мужики приняли его за антихриста... Онъ основательно пробралъ ихъ, и они закаялись впредь ловить антихриста.

До чего вообще скромно держалось и было нетребовательно духовенство въ періодъ смуты, приведу одинъ курьезъ, случившійся въ Покровскомъ уѣздѣ (Владим. губ.) во время выборовъ въ первую государственную думу (въ мартѣ 1906 г.).

На избирательномъ съѣздѣ въ заштатномъ городѣ Киржачѣ уполномоченные отъ духовенства, не надѣясь провести выборщика изъ своей среды, отдали свои голоса одному фабриканту, но предварительно сдѣлали ему такой формальный допросъ:

«истор. вѣстн., октябрь 1912 г., т. сxxx.

17

— Какъ вы относитесь къ духовенству?

— Да никакъ въ сущности,—разсмѣялся фабрикантъ:—есть ли попы, нѣтъ ли —для меня безразлично...

— Однако... А все же... какъ вы полагаете насчетъ жалованья духовенству?

— Обязательно вамъ надо положить жалованье... безъ жалованья вы пропадете...

— Прекрасно... А какъ вы думаете насчетъ конс-сторій... ну и тамъ... повыше?..

— Это все... помойныя ямы!...—брякнулъ фабрикантъ.

Последніе два пункта «программы» фабриканта очень понравились батюшкамъ, и они отдали ему свои одинадцать голосовъ и провели въ выборщики... Выборщикомъ отъ духовенства явилось свѣтское лицо, откровенно заявившее, что для него «безразлично» существованіе духовенства!..

IV.

Баррикады.

Всего тяжелѣе жилось въ смуту, конечно, такимъ боевымъ элементамъ, какъ войска и полиція. Приведу два эпизода, рисующихъ тѣ тяжкія условія, при какихъ приходилось тогда работать полиціи. Оба относятся къ 1906 году, но касаются разныхъ мѣстностей.

Первый эпизодъ происходилъ лѣтомъ въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ. 20-го іюня, позднимъ вечеромъ, когда было уже совсѣмъ темно, возвращался въ городъ становой приставъ, ѣздившій со стражниками въ село Ильинское, для охраны ярмарки и храмового праздника. Ожидали, что «подожгутъ» тамошняго попа, когда у него соберутся гости... Однако все обошлось «тихо и благородно»—и приставъ съ нѣсколькими стражниками возвращался въ Юрьевъ, въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, благодаря обильной трапезѣ батюшки.

Ѣхалъ приставъ чрезъ село Кузминское, состоящее изъ двухъ поселковъ, раздѣленныхъ маленькой рѣчкой, съ мостомъ чрезъ нее. Благополучно проѣхалъ первый поселокъ (Большое Кузминское) и спустился къ рѣчкѣ, чтобы за нею подняться въ гору, по которой расположенъ второй поселокъ (Монастырское). Но у моста пришлось остановиться: онъ былъ перегороженъ баррикадою, устроенною изъ досокъ и всякаго хлама...

Обѣзжать мостъ нельзя, такъ какъ берега рѣчонки тутъ круты и обрывисты, да и была уже темная ночь. Стражники слѣзли съ коней и стали разбирать баррикаду. Приставъ шумѣлъ, кричалъ, бранился. На шумъ явился ночной сторожъ. Приставъ напустился на него:

-- Это что такое?! Кто загородил мостъ?

— Надо быть, ребята баловались... а я не доглядѣлъ, былъ на другомъ концѣ села...

— Ребята баловались?! Врешь!... всѣ вы тутъ бунтовщики, измѣнники!... С жгу вотъ все село!... не станете тогда бунтовать...

— Не за что, баринъ, насъ жечь... мы не причинны... ребятки пошутли...

— Всѣ вы тутъ разбойники!.. Сожгу село!..

Но баррикада была уже разобрана, и приставъ полетѣлъ дальше, по Монастырскому. Посреди широкой улицы тарантасъ налетѣлъ въ темнотѣ на вторую баррикаду и едва не опрокинулся. Кучеръ слетѣлъ съ козелъ, сбруя частью порвалась, лошади сильно ушиблись о доски баррикады.

Около ближайшихъ избъ видѣлась кучка мужиковъ, откуда послышался хохотъ и одобрительныя восклицанія, когда тарантасъ застрѣлъ у новаго препятствія. Отъ кучки отдѣлились мальчишки и подбѣжали ближе къ дорогѣ. Взбѣшенный приставъ выскочилъ изъ тарантаса, схватилъ неосторожно высунувшагося впередъ застрѣльщика и нарвалъ ему уши.

Мальчишки прыгнули въ разныя стороны, а приставъ вернулся къ тарантасу. Кучеръ уже былъ на козлахъ и торопиль садиться, чтобы объѣхать баррикаду, не загородившую и двадцатой доли очень широкой, какъ площадь, улицы. Приставъ вскочилъ, и они понеслись дальше.

Вдгонку имъ полетѣли камни и кирпичи изъ кучки мужиковъ, кричавшихъ вслѣдъ: «живодеры!.. черти!.. дьяволы!..» Но тѣ были уже далеко и скоро благополучно миновали «революціонно» настроенное село.

Въ то смутное время этотъ случай былъ довольно заурядною «мелочью», которой полиція не придавала серьезнаго значенія и не подняла дѣла о «баррикадахъ» въ селѣ Монастырскомъ (нѣкогда оно принадлежало московскому Чудову монастырю). Но угроза пристава «сжечь село» напугала мужиковъ, и они долго не спали по почамъ и усиленно стерегли свои «зады». И баррикадъ больше не строили...

Другой эпизодъ, происходившій въ Поволжьѣ, былъ съ трагическимъ исходомъ и доходилъ до суда. О немъ въ свое время писали въ нижегородскихъ газетахъ, но безъ тѣхъ характерныхъ подробностей, какія мнѣ пришлось слышать на мѣстѣ (живя по сосѣдству) отъ очевидцевъ и другихъ мѣстныхъ людей. Главная жертва этого событія достаточно мнѣ извѣстна.

Въ двадцати пяти верстахъ ниже города Васильсурска (Нижегородской губерніи), на лѣвомъ берегу Волги лежитъ, въ Васильскомъ же уѣздѣ, большое (до трехъ тысячъ жителей) промышленное село Юрино, извѣстное кожевенными заводами, производствомъ рукавицъ и пр. Съ Волги виденъ грандіозный дворецъ Шереметевыхъ (не гра-

фовъ, а дворянъ), очень богатыхъ землевладѣльцевъ, у которыхъ одного лѣса около Юрина находится, по Волгѣ и Ветлугѣ, до пятидесяти тысячъ десятинъ.

Село населено бывшими шереметевскими крѣпостными, переселенными сюда изъ другого ихъ имѣнія (села Богородскаго Нижегородской губерніи) въ качествѣ дворовыхъ людей и работниковъ въ лѣсахъ и по другимъ частямъ обширной Юринской экономіи. При освобожденіи крестьянъ юринцы, какъ дворовые, получили только усадебные участки, а надѣльныхъ земель имъ не дано. Въ пашняхъ они не нуждаются, такъ какъ давно уже отстали отъ крестьянства, а кормятся отъ мѣстной кожевенной промышленности, торговли и т. п. Но выгоны для скота имъ необходимы, а выгонной земли нѣтъ, и они добиваются ея всякими способами, а пока арендуютъ у шереметевской экономіи. Нѣтъ у нихъ и своего лѣса, а кругомъ обширные барскіе лѣса...

На этой почвѣ у юринцевъ идутъ вѣчныя столкновенія съ экономіей. Въ этой борьбѣ къ нимъ примыкаютъ сосѣднія деревни, также бывшія «шереметевскія», считающія себѣ обиженными насчетъ лѣса, пашень и пр. Изъ года въ годъ тянется эта борьба бывшихъ крѣпостныхъ съ барской экономіей, и каждый годъ дѣло доходитъ до открытаго взрыва пароднаго недовольства, съ «сопротивленіемъ властямъ», судомъ и т. д. Словомъ, Юринская волость—самая безпкойная въ уѣздѣ и доставляетъ администраціи массу хлопотъ. Особенно же безпкойно село Юрино, съ его богатымъ (много каменныхъ домовъ, много «тысячниковъ»—заводчиковъ, скупщиковъ, торговцевъ), независимымъ, развитымъ населеніемъ. Въ Юринѣ немало старовѣровъ разныхъ толковъ, есть молокане и другіе сектанты. Съ этимъ народомъ ладить трудно и вѣчно надо быть на сторожѣ...

Понятно, что въ періодъ смуты вѣчно приподнятое настроеніе юринцевъ еще болѣе обострилось. Не дремала и революціонная пропаганда, нашедшая въ Юринѣ немало адептовъ.

Въ 1905 году произошло у юринцевъ нѣсколько столкновеній съ полиціей, оканчивавшихся нерѣдко избіеніемъ послѣдней... Осенью крестьяне деревни Бардицы (Юринской волости), самовольно рубившіе лѣсъ Шереметевыхъ, избили лѣсного объѣздчика экономіи, явившагося съ лѣсниками на мѣсто порубки.

Четверо изъ семи обвиняемыхъ въ избіеніи крестьянъ были арестованы только черезъ годъ—въ сентябрѣ 1906 года. Остальные трое укрывались, но полиція надѣялась арестовать ихъ 1-го октября, когда въ Юринѣ происходитъ ярмарка и народъ собирается со всей волости. Конечно, полиція очень рисковала, идя на вѣроятное столкновеніе съ массою пьяныхъ мужиковъ, но, кажется, иного выхода у ней не было, чтобы найти обвиняемыхъ, укрывавшихся отъ ареста.

Мѣстный становой приставъ, противъ котораго юринцы имѣли большой зубъ, благоразумно «заболѣлъ» передъ Покровомъ и уѣхалъ.

Тяжелая миссія была поручена полицейскому надзирателю города Василя. Это—очень мягкій, добродушный человекъ, могущій иногда, вскипятившись, пошумѣть, покричать, поругаться, но быстро всегда остывавшій и рѣшительно неспособный на крайнія, тѣмъ мѣнѣе на жестокія, вызывающія дѣйствія и мѣры. Много разъ онъ исполнялъ обязанности пристава въ Юринѣ, его хорошо тамъ знали и любили за его ровный, покладистый, «неприжимистый» характеръ. Всѣ его командировки въ Юрино проходили спокойно и благополучно. Потому, вѣроятно, и теперь выборъ исправника остановился на немъ.

Вышло, однако, совсѣмъ наоборотъ... 1-го октября полицейскіе нашли въ Юринѣ, въ ярмарочной толпѣ, одного изъ укрывавшихся крестьянъ дер. Бардицъ, арестовали его и заперли въ волостномъ правленіи. Однодеревенцы запротестовали, зашумѣли и обратились за содѣйствіемъ къ толпѣ. Юринцы поддержали ихъ—и пьяная толпа двинулась къ волостному правленію, требуя выдачи арестованнаго...

На помощь къ полицейскимъ стражникамъ явились стражники Шереметевыхъ и—подлили масла въ огонь... Кто-то изъ нихъ сталъ стрѣлять по наступавшей пьяной толпѣ и ранилъ двухъ мужиковъ. Толпа освирипѣла, смяла стражниковъ, избила ихъ (двухъ очень серьезно) и ворвалась въ правленіе, гдѣ первымъ дѣломъ освободила арестованнаго, затѣмъ стала бить окна, ломать мебель, рвать бумаги...

Несчастный полицейскій надзиратель, прятавшійся въ волостномъ правленіи, выскочилъ въ окно и прямо попалъ въ разъяренную толпу... Совершенно растерявшись и дрожа за свою жизнь, онъ замеръ на мѣстѣ, не зная, что дѣлать. Потомъ вдругъ снялъ шапку и револьверъ и бросилъ ихъ на землю съ отчаянными криками:

— Берите все!... берите!. пустите меня!.. не трогайте!..

Человекъ «сдался въ плѣнъ»... Многіе хорошо это поняли, и въ толпѣ раздались сочувственные возгласы юринцевъ, требовавшихъ отпустить добраго человека, не виноватаго въ томъ, что разыгралось, такъ какъ онъ творилъ чужую волю. Но нашлись въ толпѣ радикальные элементы, закричавшіе:

— Нельзя его отпустить!... онъ уйдетъ въ Василь и приведетъ казаковъ!... бей его!...

Какой-то негодай не пощадилъ человекъ, сдавагося въ плѣнъ,—запустилъ въ него камень и попалъ въ високъ. Онъ ахнулъ, потерялъ сознание и упалъ на землю. На лежачаго, безоружнаго, плѣннаго человекъ, бывшаго въ обморокъ, набросились звѣри и стали бить по лицу и по чѣмъ попало...

Къ счастью, болѣе совѣстливые юринцы спохватились и отбили надзирателя отъ звѣрей, которые иначе добились бы несчастнаго че-

ловѣка до смерти... Толстое ватное пальто спасло его отъ перелома костей, по все тѣло было въ кровоподтекахъ, ссадинахъ и ранахъ. Опасались за цѣлость глазъ—все лицо превратилось въ синюю сплошную опухоль, послѣдніе зубы выбиты...

Юринцы выхватили надзирателя изъ толпы, увезли на пристань и отправили на пароходѣ въ Василь. Долго онъ пролежалъ въ больницѣ, а выздоровѣвши (глаза уцѣлѣли), вышелъ въ отставку, получивши грошовую пенсію...

Конечно, на другой день послѣ избіенія полетѣлъ въ Юрино исправникъ со всей командой стражниковъ (у надзирателя ихъ было 5—6 человекъ). Юринцы «учинились сильны»—не захотѣли выдать зачинщиковъ, говоря исправнику:

— Арестуй все село!.. бери всѣхъ насъ, съ женами, дѣтьми!.. всѣ мы виноваты!.. А зачинщиковъ не выдадимъ!..

Однако, когда къ вечеру прибыла изъ Нижняго на пароходѣ рота солдатъ, зачинщики, оказавшіеся налицо, были сейчасъ же выданы «міромъ»... Остальные сами потомъ являлись въ Василь и добровольно сядились въ острогъ. Всего было предано суду по этому дѣлу около 20 человекъ. Судили ихъ черезъ годъ, и они отдѣлались легкими наказаніями.

V.

М и т и н г и.

Когда въ концѣ 1905 г. вездѣ, въ городахъ и селахъ, вошли въ моду митинги, всѣхъ поражала масса доморощенныхъ «ораторовъ», откуда-то вынырнувшихъ на свѣтъ Божій и смѣло выступавшихъ предъ какимъ угодно собраніемъ, дебатировавъ какіе угодно вопросы. Многіе изъ простаго званія оказались прирожденными ораторами, которыхъ охотно слушали, прощая слабость ихъ знаній и полную ненаучность ихъ свѣдѣній. Нѣкоторые сами сознавали эти свои недостатки и, готовясь къ митингамъ, ходили «начиняться» знаніями къ извѣстнымъ имъ интеллигентнымъ людямъ, на примѣръ,—въ Москвѣ, къ лекторамъ народныхъ чтеній и т. п.

Одинъ изъ послѣднихъ рассказывалъ, что однажды къ нему явился неизвѣстный рабочій въ 12 часовъ ночи и просилъ «поучить» его насчетъ разныхъ финансовыхъ вопросовъ. Лекторъ занялся съ нимъ и далъ прочитать нѣкоторыя книги. Рабочій провозился у него до 6 часовъ утра, затѣмъ «сбѣгалъ» съ Арбатскихъ воротъ къ себѣ домой, въ Рогожскую, а въ 10 часовъ утра долженъ былъ дебютировать въ роли оратора на какомъ-то митингѣ у Бутырской заставы...

Часто предсѣдателями митинговъ бывали простые рабочіе, которые прекрасно справлялись «своими средствіями» съ самой безпойной публичкой. На одномъ московскомъ митингѣ (въ театрѣ

«Эрмитажа») въ предсѣдатели былъ выбранъ рабочій гужоновскаго завода Оедоровъ. Многотысячная толпа шумѣла, перебранивалась, не позволяя очередному оратору начать рѣчь. Сначала Оедоровъ попытался успокоить публику «деликатнымъ манеромъ»—звонкомъ и своими просьбами, уговариваніями. Ничто не дѣйствовало! Тогда Оедорова прорвало, и онъ крикнулъ своимъ товарищамъ по заводу:

— Эй, вы! гужоновскіе!... что вы смотрите на этихъ мерзавцевъ, которые шумятъ?! бей ихъ въ морды!.. тони вонь!.. А вы, эрмитажные! помогай гужоновскимъ!..

«Гужоновскіе» съ «эрмитажными» рабочими буквально исполнили приказъ предсѣдателя и живо возстановили надлежащій порядокъ... Митингъ благополучно открылся и прошелъ спокойно, ибо ни у кого не было охоты поближе познакомиться съ увѣенстыми кулаками гужоновскихъ молотобойцевъ...

Простыя рѣчи «ораторовъ» изъ народа перѣдко ставили втупикъ интеллигентныхъ лекторовъ, вооруженныхъ всякими знаніями. Ораторомъ митинга на одной подмосковной фабрикѣ (около Мытищъ) выступилъ какой-то приѣзжій изъ Москвы пшютъ, явившійся почему-то во фракъ. Неумѣстный костюмъ, самъ по себѣ нелѣпный и незнакомый большинству рабочихъ, вызвалъ очень веселое настроеніе публики. Въ толпѣ раздавались проницескія замѣчанія насчетъ «лакейскаго мундира», слышался невольный смѣхъ. Но самоувѣренный франтъ ничего не замѣчалъ, вертѣлся передъ толпой и изливалъ потоки легковѣсныхъ рѣчей, касавшихся всевозможныхъ предметовъ. Между прочимъ онъ какъ-то перескочилъ на тему о Богѣ и авторитетно выпалилъ:

— Бога нѣтъ!.. Кто Его видѣлъ?! Ты видѣлъ?.. разумѣется, нѣтъ!.. А ты? тоже нѣтъ!.. И ты не видѣлъ, и тотъ не видѣлъ... и я не видѣлъ!... никто не видѣлъ!..

— Ты что же думаешь, баринъ?..—прервалъ его старикъ-рабочій:—аль полагаешь, что Богъ объявится тебѣ... во фракѣ?...

Раздался гомерическій хохотъ всей аудиторіи... Ораторъ смѣшался и умолкъ. Старикъ прибавилъ:

— Бога видятъ только святые люди... а не такая мразь, какъ мы съ тобою!.. Ишь чего захотѣлъ!.. ахъ ты, фракъ!..

Новые взрывы хохота не умолкали. Франтъ постыдно сбѣжалъ... Старикъ-рабочій сорвалъ митингъ.

Шли митинги и по уѣздамъ, больше около городовъ, фабрикъ и заводовъ. Въ Юрьево-Польскомъ уѣздѣ большіе и частые митинги происходили на кольчугинскомъ мѣдно-прокатномъ заводѣ около станціи Келлерово), который считался въ уѣздѣ главнымъ «гнѣздомъ революціи». Терминъ «кольчугинцы» сдѣлался синонимомъ «революціонеровъ»...

Въ концѣ 1905 г. и началѣ 1906 г., когда для митинговъ существовала полная свобода, администрація завода отдала для нихъ

только что отстроенную чайную. Обширные, удобные, чистые помещения заводской чайной пустовали до митинговъ. Рабочіе «не одобряли» заведенные въ ней порядки и чистоту, предпочитая «грязцу» частныхъ трактировъ. Они откровенно говорили:

— И что тутъ хорошаго въ этой чайной?.. Сиди тихо, скромно... ни тебѣ выругаться въ власть, ни слова громкаго нельзя молвить... и чистоту наблюдай!... и съ служащими будь вѣжливъ... тѣфу! чистая тюрьма!.. То ли дѣло въ трактирѣ: душа нараспашку!..

Но на митинги народъ валилъ въ чайную. Первое собраніе не обошлось безъ курьеза... Въ виду многолюдства распорядитель велѣлъ открыть запасный выходъ, забывши, что ступенекъ тамъ еще не сдѣлано. Послѣ митинга часть публики повалила запаснымъ выходомъ, откуда вдругъ раздались тревожные крики, брань, хохотъ. Шагая черезъ порогъ, первые выходящіе валились въ пропасть, высотой болѣе аршина, на нихъ падали слѣдующіе, тѣсными сзади напирательною толпою. Образовалась «тѣсна куча»... Но никто не пострадалъ, и дѣло кончилось однимъ смѣхомъ, легкимъ испугомъ потерпѣвшихъ въ этомъ «очень удобномъ запасномъ выходѣ», какъ рекомендовалъ его раньше добрѣйшій распорядитель...

На одномъ изъ первыхъ митинговъ присутствовали нѣкоторые сосѣдніе священники и учительницы. «Кольчугинцы» очень косо посматривали на первыхъ, а когда одинъ батюшка осмѣлился возразить оратору, назвавшему Иисуса Христа «святымъ человѣкомъ», часть публики изъ молодежи такъ окрысилась на оппонента, что священники поторопились удрать съ митинга.

На кольчугинскіе митинги часто наѣзжалъ «ораторъ», нѣкій Бариновъ, явно бившій на то, чтобы поднять кольчугинцевъ на какое-нибудь «активное выступленіе» революціоннаго пошиба. Онъ добился сбора денегъ на какой-то «стачечный комитетъ»: рабочіе согласились пожертвовать на это одинъ рабочій день, но ничего большаго онъ не могъ отъ нихъ добиться.

Однажды, послѣ длинной рѣчи, направленной противъ директора завода, очень почтенной и весьма уважаемой личности, Бариновъ такъ резюмировалъ свою рѣчь:

— Такъ согласны бить директора?

— Согласны!.. согласны!..—загудѣли крайніе, а за ними и вся толпа.

— Пойдемъ сейчасъ!—повелительно крикнулъ ораторъ.

Толпа не шелохнулась... Даже самымъ радикальнымъ «кольчугинцамъ» показалась дикою и невозможною эта идея—бить своего директора, гуманнѣйшаго человѣка, дѣлавшаго массу добра не однимъ заводскимъ рабочимъ, но и населенію всей округи... Если же толпа на словахъ соглашалась съ предложеніемъ Барина, то потому, вѣроятно, что не ожидала немедленнаго перехода отъ словъ къ дѣйствию и рассчитывала отдѣлаться одними словами. Можетъ

быть, крайніе элементы не прочь были и побить, и даже убить добраго директора, но и они не пошли сейчасъ за Бариновымъ. Они первые крикнули о своемъ согласіи, а за ними то же загладѣла вся толпа, какъ баранье стадо.

Какъ бы тамъ ни было, но дѣло не выгорѣло...

Бариновъ вскипѣлъ и крикнулъ:

— Такъ не идете бить директора?

Толпа молчитъ. Задніе слушатели начинаютъ расходиться, остальные жмутся, поглядываютъ другъ на друга и молчатъ. Бариновъ не выдержалъ и заругался:

— Свины! мерзавцы!.. измѣнники!.. Ноги моей не будетъ у васъ!..

И тотчасъ уѣхалъ, и больше не прѣзжалъ. Страшные для уѣзда «кольчугинцы» оказались для него недостаточно «революціонными»...

Впрочемъ, и прѣзжать дольше на заводъ стало небезопасно г.г. революціонерамъ. Уѣздная администрація проснулася, произвела нѣсколько арестовъ на заводѣ и начала преслѣдовать революціонные митинги. Несмотря на то, они продолжались и лѣтомъ 1906 г., но уже потаенно, въ лѣсахъ около завода и въ другихъ укромныхъ уголкахъ.

На одинъ изъ такихъ тайныхъ митинговъ «кольчугинцевъ» попала спяпа одна въ нѣкоторомъ родѣ чиновная особа—«морильщикъ» (таракановъ и т. п.), состоящій на службѣ на казенной желѣзной дорогѣ и получающій за свои палаческія обязанности 400 рублей годового жалованья. Мужики, прослышавши про «уѣму денегъ», какую-де получаетъ этотъ казенный человекъ, горько плакались:

— Вотъ куда идутъ наши денежки!.. на этакое плевое дѣло!.. Развѣ можно безъ таракановъ жить?! А тутъ цѣлаго чиновника содержать изъ-за всякой нечисти!.. Плачутъ наши денежки!..

Какъ подобаетъ правительственному «чиновнику», морильщикъ принадлежалъ къ «правымъ» и нерѣдко выступалъ въ роли «оратора» на митингахъ въ Юрьевѣ. Умѣренные кольчугинцы пригласили его къ себѣ на гастроль—на свой разрѣшенный властями митингъ. Въ это время (лѣтомъ 1906 г.) на заводѣ уже «пошелъ развратъ», какъ выражались мужики, т. е. началось раздѣленіе на партіи: лѣвые устраивали тайные митинги, а правые—открытые.

Морильщикъ, бывшій очень навеселѣ, попалъ не на тотъ митингъ, куда его пригласили, а какъ-то очутился на тайной сходкѣ кольчугинской «боевой дружины», происходившей въ лѣсу и извѣстной только единомышленникамъ. Всѣ тутъ сразу замѣтили «чужого» и стали зорко слѣдить за нимъ. Когда начались зажигательныя рѣчи, морильщикъ, вообразившій, что онъ попалъ куда слѣдуетъ, сталъ горячо и смѣло оппонировать, конечно, въ своемъ, правомъ духѣ. Публика набросилась на него, стала бить...

Можетъ быть, и до смерти добили бы морильщика, если бы болѣе благоразумные не выхватили его изъ толпы и не уговорили удирать скорѣе и подальше. «Едва уволокъ ноги...»—разсказывать морильщикъ. На сходкѣ было, по его словамъ, до 300 «вооруженныхъ людей».

Въ іюнѣ 1906 г. мнѣ пришлось сдѣлать поѣздку по Волгѣ, Камѣ, Бѣлой и здѣсь постоянно наткаться на митинги своего рода, всюду устранившіеся, какъ только соберется нѣсколько человекъ и заговорятъ на злобы дня. Припоминаю одинъ маленькій митингъ, закончившійся курьезомъ...

Бѣльскій пароходъ шель по Камѣ, приближаясь къ ея устью. Я сидѣлъ на носу, любуясь могучей рѣкой и лѣспытными берегами, еще не совсемъ освободившимися отъ разлива. Изъ оконъ столовой рубки I класса неслышны громкіе голоса нѣсколькихъ пассажировъ, спорившихъ, конечно, на политическія темы. Главнымъ ораторомъ былъ командиръ парохода, крупный, несуразный человекъ, большой крикунъ «изъ вячкихъ» (вятекихъ) и ругатель, грубый, невоздержанный, по всемъ признакамъ «дангистъ». Онъ былъ довольно пьянъ и матершинничалъ отчаянно, хотя находился не на капитанскомъ мостикѣ, а среди публики I класса. Правда, дамъ не было...

Я вошелъ въ рубку къ концу этого «митинга» и выслушалъ такое резюме «предсѣдателя»—полупьянаго командира, оказавшагося въ ультра-революціонномъ настроеніи:

— Мы имъ покажемъ!.. мать!.. мать!.. Все разнесемъ, ни снѣ пороха не оставимъ!.. У насъ, въ Кукарской слободѣ, все кукарцы обзавелись револьверами... и у меня есть!.. Мы покажемъ!.. Я—крестьянинъ, а земли ни пяди у меня нѣтъ... а почему? а-а?.. Развѣ это полагается: крестьянинъ—и безъ земли?.. Извольте дать и мнѣ, и всемъ... всемъ... А не желаете дать, мы отберемъ силою!.. да-съ!.. Нѣтъ, дудки-съ!.. теперь на нашей пролетарской улицѣ праздникъ-съ... А ихъ... мать ихъ такъ!.. сметемъ!.. начисто, всехъ сметемъ!.. и на разводъ не оставимъ... мать!..

Сидѣвшій тутъ мой спутникъ по каютѣ, человекъ пожилой и уравновѣшенный, резонно замѣтилъ командиру, отвратительно ругавшемуся:

— Такія рѣчи умѣстны развѣ въ III классѣ, а не здѣсь... и не отъ командира парохода...

— А позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю честь говорить?..

— Я пассажиръ.

— А я командиръ и требую...

— А я пассажиръ и требую, чтобы командиръ обращался повѣжливѣе!

Командиръ-анархистъ умолкъ, задумался, допилъ свое пиво и удралъ. Онъ сообразилъ, что по нынѣшнимъ временамъ неудобно

носиться съ командирскими претензіями и полицейскими требова-
ніями, да еще такому «радикалу», какъ онъ...

Припоминается другой «вольный» митингъ, изъ той же поѣздки. Въ ожиданіи поѣзда пришлось цѣлую ночь просидѣть на вокзалѣ въ Кинешмѣ. Въ залѣ III класса собралось нѣсколько фабричныхъ, крестьянъ и другихъ пассажировъ. Никто не спалъ, и всѣ вели оживленную бесѣду на темы о «прирѣзкѣ земли», о государственной думѣ и т. д.

Среди ораторовъ, настроенныхъ вообще очень умѣренно, скоро выдѣлился и завладѣлъ общимъ вниманіемъ фабричный поэтъ изъ села Тезина (Нерехотскаго уѣзда), на одной изъ фабрикъ котораго онъ служилъ какимъ-то надсмотрщикомъ. Это былъ молодой человекъ, съ пріятнымъ, задумчивымъ, но нѣсколько болѣзненнымъ лицомъ. Онъ объяснилъ, что сейчасъ у него болѣзни нѣтъ, но раньше онъ страдалъ запоемъ изъ-за какихъ-то неладовъ съ женою. «Исцѣлилъ»-де его отъ запоя извѣстный въ той фабричной округѣ (и далеко за ея предѣлами) священникъ села Биберева (около фабричнаго села Середы, Нерехотскаго уѣзда), удачно вылечивающій пьяницъ.

Поэтъ сейчасъ же и безъ всякихъ церемоній познакомилъ насъ съ своими произведеніями. Вслухъ онъ прочиталъ на память обширную поэму изъ личной жизни, сатиру на фабричную жизнь, «гимнъ освободительному движенію» и пр. и пр. Стихи легкіе, звучные и довольно содержательные, но требующіе еще большой обработки. Поэтъ встрѣчался въ извѣстномъ дачномъ приволжскомъ городкѣ Плесѣ (Костромской губерніи) съ покойнымъ беллетристомъ-этнографомъ Нефедовымъ, на котораго былъ «очень обиженъ», что тотъ недостаточно внимательно отнесся къ его поэзіи... А поэтъ—человекъ очень самолюбивый, до болѣзненности.

И вотъ этотъ поэтъ изъ крестьянъ, пишущій «гимны освободительному движенію», вдругъ объявилъ на нашемъ митингѣ:

— Революціи я не сочувствую... Жить можно и при старомъ режимѣ... Вотъ только дали бы намъ земли... Семья наша большая, всѣмъ нельзя около земли кормиться—мы и разбрелись по фабрикамъ и кто туда. А дай намъ земли достаточно—многіе побросаютъ фабрики...

Другіе фабричные подхватили эту тему, и всѣ непрерывно заговорили о томъ, какъ имъ опротивѣли фабрики и какъ ихъ тянетъ къ землѣ....

Поэтъ доминировалъ на нашемъ митингѣ, но подъ конецъ, когда зашла рѣчь о государственной думѣ, онъ уронилъ себя черезчуръ смѣлымъ замѣчаніемъ:

— Что же! я не прочь попасть въ думу... и я могъ бы быть министромъ...

Кое-кто фыркнулъ, остальные улыбнулись. Къ счастью, пробилъ звонокъ къ отправкѣ товарнаго поѣзда (на который десятка два пассажировъ открыто сѣли «зайцами»), и будущій «министръ-поэтъ» простился съ нами, чтобы превратиться въ «зайца».

VI.

«Озорники».

Этого главнаго продукта нашей революціи развелось видимо-невидимо и въ городахъ, и въ селахъ. Но деревенскіе «озорники»— агнцы кроткіе по сравненію съ городскими хулиганами. А между послѣдними пальму первенства надо отдать столичнымъ, о которыхъ приходилось слышать невѣроятныя вещи, до какихъ никогда не поднималсь самые разнузданные хулиганы, напримѣръ, крупныхъ поволжскихъ городовъ.

Одинъ питерець рассказывалъ, какъ очевидецъ, о такой невѣроятной продѣлкѣ двухъ босяковъ въ Питерѣ. Они подскочили на улицѣ къ двумъ барынямъ потребовали денегъ и, получивши всю оказавшуюся мелочь (1 руб. 20 коп.), приказали барынямъ— поцѣловать ихъ, босяцкія, руки... И барыни поцѣловали!..

Другой питерець передавалъ слѣдующій довольно остроумный монологъ пьянаго босяка, обращенный къ городовому, который уговаривалъ того прекратить безобразія на улицѣ:

— А задержать меня не смѣешь!.. потому... пьянъ я отъ монопошки... А она казенная—и ты казенный человѣкъ!.. И сидѣлъ бы ты безъ жалованья, кабы я не пьянствовалъ... Никакого дурна я не дѣлаю, а доставляю доходъ казнѣ... Такъ и знай, и не мочи мнѣ препятствовать, коли я разошелся...

Деревенскіе «озорники» были проще, мягче и безобиднѣе. Расскажу одинъ случай, происшедшій на Пасху 1906 г. въ Юрьеве-Польскомъ уѣздѣ, на одной станціи Юрьевской вѣтки. За время «свободы» рабочіе Кольчугинскаго завода приняли за правило ѣздить по этой желѣзнодорожной линіи на даровщинку. Возвращаясь наканунѣ праздниковъ домой, по деревнямъ, и ѣдучи на заводъ, они толпами собирались на станціяхъ, съ бою занимали мѣста въ вагонахъ и отказывались платить, несмотря на всѣ требованія станціоннаго начальства и поѣздной прислуги. Но съ начала 1906 г., когда администрація проснулась, кольчугинцы смирились и волею-неволею снова стали платить за проѣздъ. Однако они не могли никакъ помириться съ этими порядками и мечтали, какъ бы вернуться къ недавнимъ «свободамъ»...

Большой зубъ они имѣли противъ начальника станціи Бавлены, который очень зорко слѣдилъ за тѣмъ, чтобы отучить кольчугинцевъ

отъ «заячьихъ» наклонностей. 7-го апрѣля толпа пьяныхъ заводскихъ изъ дер. Семендюкова ввалилась на станцію, чтобы «побить станціи начальника»... Но ни его, ни помощника не оказалось—они ушли на охоту. Дежурилъ на станціи младшій телеграфистъ, здоровый дѣтина, силачъ. Когда 15 семендюковцевъ стали ломиться въ контору, дюжій телеграфистъ смѣло отбилъ нападеніе, повергнувши своими кулаками въ прахъ двухъ передовыхъ мужиковъ. Остальные заробѣли и отступили, покинувши обонхъ «раненыхъ» на полѣ битвы.

Не надѣясь выдержать повторныхъ атакъ разбушевавшихся мужиковъ, телеграфистъ куда-то сбѣжалъ. За нимъ попрятались стрѣлочники, сторожа и проч. Станція очутилась во власти озорниковъ, которые всюду бѣгали, разыскивали «враговъ», неистовствовали, отчаянно ругались, галдѣли что-то неслуханное. Наконецъ толпа бросилась въ квартиру начальника станціи.

Дома оставалась жена послѣдняго. Энергичная женщина не растерялась, смѣло вышла навстрѣчу толпѣ и привѣтствовала ее самымъ мирнымъ образомъ: «Христосъ воскрес!» Семендюковцы опѣшили... и честь честью полѣзли христосоваться... пьяные, грязные, слюнявые, окровавленные... Барыня мужественно вынесла всѣ эти пьяные поцѣлуи и только рассказывала потомъ, какъ «долго она отмывалась», когда ушли визитеры.

Долго она возилась съ ними. Похристосовавшись, семендюковцы приступили къ своей миссіи—потребовали «выдать мужа». Не повѣривши, что его нѣтъ дома, они вломились въ квартиру, обшарили всѣ комнаты, всюду нагрязли, напакостили. Убѣдившись, что начальника нѣтъ, пристали къ его женѣ съ требованіемъ, чтобы она дала за мужа слово, что тотъ никогда не станетъ брать съ нихъ билетовъ, угрожая иначе всячески...

Барыня два часа препиралась съ ними, уговаривая отказаться отъ нелѣпыхъ требованій. Мужики то входили въ азартъ, теребили барыню, то бросались на колѣна, просили прощенія, цѣловали ея руки, лѣзли снова христосоваться... Всю эту муку она мужественно переносила, но приходила въ ужасъ, что вотъ-вотъ явятся съ охоты мужъ съ помощникомъ, оба вооруженные, натолкнутся на эту дикую сцену, не выдержать и... прольется кровь...

Къ счастью, дежурный телеграфистъ догадался дать знать въ Семендюково о нападеніи на станцію кольчугинцевъ и просилъ старосту о помощи. Тотъ прислалъ двухъ трезвыхъ и дюжихъ мужиковъ, которые живо справились съ 15 пьяными мужиками... Они выбили ихъ изъ квартиры, усмирили и повели домой.

Начальникъ станціи хотѣлъ составить протоколъ, но на другой день явилась депутація отъ вчерашнихъ озорниковъ, валялась въ ногахъ у него и жены и вымолила прощеніе. Кольчугинцы очень

опасались, что если их привлекутъ къ суду, то они «потеряют мѣста на заводѣ»...

Такъ и не выгорѣла ихъ затѣя снова добиться дарового проѣзда по желѣзной дорогѣ...

VII.

Похороны «краснаго».

Описываемый ниже случай тоже былъ хулиганской выходкой, но высшей марки, и происходилъ не въ деревнѣ, а на крупнейшей фабрикѣ, очень революціонно настроенной въ концѣ 1905 года.

Въ декабрѣ этого года, въ разгаръ московскаго мятежа, въ Юрьеве-Польскомъ уѣздѣ ходила легенда, очень волновавшая мужиковъ, о какихъ-то похоронахъ «краснаго», т. е. революціонера. Рассказывали, что гдѣ-то «красные» хоронили своего «краснаго» необычнымъ манеромъ: нарядили покойника во все красное, положили въ красный гробъ, сами нарядились въ красныя рубахи, взяли красныя флаги и въ такомъ парадѣ понесли на кладбище, безъ попа и церковнаго пѣнія и подъ звуки гармошекъ...

Мужиковъ смущало, что такія похороны будутъ якобы установлены, «по новому закону», для всѣхъ обязательно... Какъ ни были мужики «революціонно» настроены и даже додумались до какого-то «отдѣленія церкви отъ самодержавія», но мысль объ обязательности похоронъ безъ попа страшно волновала ихъ безъ конца.

Много они толковали про эти «похороны краснаго» и немало псмучились, размышляя о нихъ. Но люди поразвитѣе не давали вѣры этой легендѣ, причисливъ ее къ разнымъ небылицамъ, въ большемъ количествѣ бродившимъ тогда среди мужиковъ.

Но позже пришлось узнать, что эта легенда имѣла вполне фактическую основу: похороны «краснаго» происходили въ извѣстномъ фабричномъ поселкѣ Орѣховѣ-Зуевѣ (Владимирской губерніи), на мануфактурѣ наслѣдниковъ Саввы Морозова. На сосѣдней станціи Городищѣ, гдѣ находится отдѣленіе Морозовской фабрики, произошли какіе-то беспорядки, при усмиреніи которыхъ было убито двое рабочихъ. Одного изъ нихъ товарищи привезли въ Орѣхово и здѣсь устроили ему похороны по «красному» церемоніалу.

Дѣйствительно, покойника обрядили во все красное и положили въ гробъ, обитый снаружи краснымъ кумачомъ. Вмѣсто креста всунули ему въ руки револьверъ и положили сбоку скрипку (покойникъ былъ скрипачъ). Сопровождавшіе были съ красными бантами на груди. Впереди крышки, также обитой кумачомъ, шли, обнявшись, двое рабочихъ и несли на двухъ палкахъ полосу кумача, съ надписью о союзѣ «эсеровъ» съ «эседеками».

Конечно, духовенства не было. Провожавшіе играли на скрипкахъ и гармошкахъ и пѣли революціонныя пѣсни. Хоть фабрики

тогда бастовали, но народу было немного на главной улицѣ Орѣхова, по которой медленно подвигалась эта странная процессія, окруженная цѣпью рабочихъ.

Очевидцы изъ простонародья, рассказывая объ этихъ похоронахъ, обязательно упомянуть о слѣдующемъ поразившемъ ихъ фактѣ: когда процессія поровнялась съ такъ называемымъ Бугровскимъ домомъ, откуда-то взялись два громадныхъ черныхъ пса, пробрались къ самому гробу и все время держались около него. Какъ ихъ ни гнали прочь, они не уходили, или, скрывшись на минуту въ толпѣ, вновь выскакивали и тѣснились къ гробу поближе. Въ концѣ концовъ махнули на нихъ рукой, и черные псы проводили гробъ до самаго кладбища...

Впереди красной процессіи двигалась православная процессія со священникомъ, провожавшимъ гробъ другого убитаго рабочаго, мать котораго не согласилась на «гражданскія» похороны. Мать же «краснаго» дала, или, вѣрнѣе, продала, свое согласіе за сорокъ рублей.

Когда дошли до 79-й казармы, раздался откуда-то выстрѣлъ и слышались крики: «казаки!» Православная процессія остановилась. Красные же бросили свой гробъ на землю и бросились бѣжать. Гробъ красовался одиноко на дорогѣ, и его сторожили только два черныхъ пса. Они усѣлись по сторонамъ гроба, мордами къ покойнику...

Но выстрѣлъ оказался случайнымъ, и никакихъ казаковъ здѣсь не было. Говорятъ, что ровно черезъ часъ послѣ похоронъ пришелъ изъ гор. Покрова приказъ о введеніи въ Орѣховѣ «чрезвычайной охраны» (или чего-то въ этомъ родѣ), при которой похороны «краснаго» были бы немислимы...

«Самъ чортъ помогать краснымъ», говорятъ орѣховцы, напирая при этомъ особенно на участливое вниманіе къ похоронамъ «двухъ невѣдомыхъ черныхъ псовъ», которые-де проводили «своего» покойника честь-честью до кладбища, но туда не вошли («болжно ужъ много тамъ крестовъ...») и куда-то «стинули съ глазъ, словно сквозь землю провалились»...

Когда ложная тревога улеглась, православные понесли свой гробъ въ церковь, а красные вернулись къ своему покойнику, подхватили гробъ и быстро потащили его на кладбище, сопровождаемые все тѣми же «невѣдомыми черными псами». Могила была вырыта не по православному: не съ востока на западъ, а съ сѣвера на югъ. Передъ закрытіемъ гроба одинъ изъ распорядителей приложилъ къ покойнику какую-то «печать». Опустивши краснаго, красные поплѣли и чуть ли не поплясали на его могилѣ...

Послѣ этихъ похоронъ многіе орѣховцы стали видѣть по ночамъ «краснаго»... иные боялись выходить ночью изъ дому... Мать «краснаго» стала волноваться. Жила она «въ углу», и сожители слышали каждую ночь, какъ она кричала и въ слезахъ просыпалась, расска-

зывая, что къ ней приходитъ сынъ и плачетъ, что она похоронила его «безъ отпѣванія». Такъ тянулось долго, наконецъ, измученная мать попросила священника отпѣть сына. Но наканунѣ назначеннаго дня мать «краснаго» умерла... Похоронили ее рядомъ съ сыномъ, отпѣвши обоихъ вмѣстѣ.

VIII.

Патріархальная фабрика.

Удивительными противорѣчіяи всегда была богата русская жизнь. Но никогда, кажется, такъ много ихъ не обнаруживалось, какъ въ «періодъ нашей «революціи».

Нѣтъ сомнѣнія, что наиболѣе яркими очагами революціи являлись фабрики и заводы, населеніе которыхъ всегда было и будетъ самымъ озлобленнымъ элементомъ, очень отзывчивымъ на всякія революціонныя воспріятія. Между тѣмъ въ самый разгаръ революціи многія фабрики даже не шелохнулись и оказались совершенно не воспріимчивыми къ революціонной пропагандѣ. И такія «не сознательныя» фабрики обнаружилились не въ однихъ медвѣжьихъ углахъ, а и въ самомъ центрѣ московской промышленной области, вблизи мятежной Москвы и рядомъ съ сосѣдними фабриками, бурно кипѣвшими въ революціонномъ котлѣ.

Такое поразительное явленіе представляла одна изъ крупнѣйшихъ подмосковныхъ мануфактуръ, лежащая на Нижегородской желѣзной дорогѣ. Когда кругомъ все большія и малыя фабрики были вполне революціонно настроены и отдавались всякимъ «активнымъ выступленіямъ», на описываемой патріархальной фабрикѣ стояла полнѣйшая тишь и благодать. Никакихъ забастовокъ, бунтовъ, безпорядковъ здѣсь и въ поминѣ не было и не ожидалось.

Что же это за чудо такое?—Объясняется оно отчасти тѣмъ, что на этой мануфактурѣ есть хозяинъ, который стоитъ непосредственно у самаго дѣла, знаетъ его отлично и лично руководитъ всѣмъ обширнымъ предпріятіемъ. Съ ранняго утра и до поздней ночи старикъ-хозяинъ вмѣстѣ съ своими дѣльными помощниками-сыновьями всюду рыщетъ по своимъ фабрикамъ, за всѣмъ слѣдитъ зорко, во все вникаетъ внимательно и все направляетъ куда слѣдуетъ. Вездѣ, отъ крупнаго до послѣднихъ мелочей, чувствуется опытная хозяйственная рука и бодрый глазъ хозяина, который живетъ одними интересами своего дѣла. И оно кипитъ въ его рукахъ: мануфактура работаетъ и лучше, и выгоднѣе многихъ болѣе богатыхъ фабрикъ. И дѣло прогрессируетъ у старика, который не пугается никакихъ затратъ на техническія улучшенія и умѣло примѣняетъ всякія полезныя новинки.

Своихъ служащихъ и рабочихъ старикъ знаетъ всѣхъ поголовно, всегда входитъ во все ихъ интересы, нужды и вообще очень близко

стоитъ къ нимъ. Онъ хорошо и аккуратно платитъ рабочимъ и заботится о хорошей обстановкѣ ихъ жизни. Онъ пользуется, благодаря тому, громаднымъ вліяніемъ на рабочихъ, и его авторитетъ для нихъ — непрекаемый.

Хозяинъ безбоязненно прибѣгаетъ изрѣдка къ самымъ «отеческимъ мѣрамъ»: иной разъ, но всегда за серьезную и для всѣхъ очевидную вину, старикъ собственноручно вздуетъ провинившагося рабочаго... И это наказаніе никого не возмущаетъ и не оскорбляетъ самого наказаннаго. Всѣ знаютъ, что человекъ наказанъ не зря и что этому же наказанному старикъ охотно дастъ 200—300 рублей, если, напримѣръ, проѣзжая его деревней, замѣтитъ, какъ опустилась изба этого рабочаго, какъ оборваны его дѣти и т. п. Дѣйствительная нужда самаго послѣдняго рабочаго всегда находитъ дѣятельный откликъ въ душѣ добраго хозяина.

Рабочіе страшно дорожатъ такимъ хозяиномъ и всѣми силами берегутъ свою мануфактуру отъ революціонныхъ и всякихъ иныхъ стороннихъ вліяній... И тутъ хозяинъ дѣятельно приходитъ къ нимъ на помощь. Во время революціи онъ завелъ свою «стражу» въ 200 человекъ, конную и пѣшую, которая всюду наблюдала за порядкомъ и живо прекращала малѣйшія нарушенія его. Когда и тутъ появились было агитаторы и попробовали затѣять митинги, старикъ самъ сѣлся на коня, летѣлъ туда во главѣ своей конной стражи и разгонялъ митингъ, арестуя агитаторовъ. И рабочіе вполне одобряютъ за то хозяина и всячески помогаютъ его полицейскимъ мѣрамъ.

Мануфактура расположена на полуостровѣ, образуемомъ рѣкою Клязьмою, и единственное сообщеніе происходитъ по мосту черезъ рѣку. На этомъ мосту старикъ поставилъ стражу, даже будто бы съ «пушками», и она никого не пускала на фабрики, кромѣ своихъ извѣстныхъ людей.

Но вѣдь идеи носятся въ воздухѣ, и никакія заставы и полицейскія мѣры не въ силахъ ихъ остановить... Несомнѣнно, революціонныя идеи проникали и на описываемую патріархальную фабрику, и, несомнѣнно, онѣ волновали рабочихъ, возбуждали ихъ, тревожили. И все же... фабрика осталась спокойною и вѣрно своему старому патріархальному режиму и не промѣняла его на всѣ гадательныя прелести «новаго режима»...

IX.

«Пролетарская фабрика».

Извѣстно, какъ жалки и смѣхотворны были попытки революціонеровъ осуществить на практикѣ свои теоріи и взять жизнь въ свои слабыя и неумѣлыя руки. Всѣ эти чахоточныя «республики», вырвавшіяся, какъ грибы, и умирали столь же быстро, проживши не

болѣе грибного «вѣка». Возникли и другіе мыльные пузыри революціонной практики и столь же скоропалительно лопались. Чѣмъ-то безпомощно-дѣтскимъ, непрактичнымъ, безжизненнымъ, неумѣлымъ, мертворожденнымъ вѣяло ото всѣхъ этихъ несуразныхъ попытокъ, уже тогда ясно говорившихъ о несомнѣнномъ и позорнѣйшемъ крахѣ російской революціи.

Были, конечно, попытки «сознательныхъ товарищей» повести «на новыхъ началахъ» и фабричное дѣло, т.-е. «отчудить» фабрики и заводы отъ «капиталистовъ» и передать ихъ въ руки «пролетаріата». Всѣ подобныя попытки имѣли самые смѣхотворные результаты...

Будемъ надѣяться, однако, что эти плачевные для «демократіи» факты не пропадутъ для исторіи—не «партійной», конечно, а той, для которой нѣтъ «ни эллина, ни іудея», ни «правыхъ», ни «лѣвыхъ», а есть одна правда. Люди безпартійные и преслѣдующіе одну историческую правду обязаны позаботиться, чтобы со страницъ исторіи не ускользнули подобные факты, имѣющіе для нея, какъ и для самой жизни, громадное значеніе.

Въ этихъ видахъ привожу здѣсь свѣдѣнія объ одной «пролетарской» фабрикѣ, просуществовавшей цѣлыхъ «три дня». Къ сожалѣнію, слышалъ я объ этой фабрикѣ мимоходомъ и не отъ очевидцевъ ея эфемернаго существованія, а изъ вторыхъ рукъ. Поэтому мои свѣдѣнія очень кратки, но суть дѣла и изъ нихъ ясна. Подробности же, можетъ быть, со временемъ дополнятъ лица, близко знакомыя съ этимъ любопытнымъ эпизодомъ періода революціи. Возможно, что появятся рассказы и о другихъ подобныхъ фактахъ, доселѣ замалчиваемыхъ литературой революціи...

Не могу даже точно указать, на чьей именно фабрикѣ былъ продѣланъ опытъ передачи ея въ руки пролетаріата. Знаю только, что происходило это на подмосковной фабрикѣ, находящейся за Рогожской заставой. Въ разгарѣ московскаго мятежа, въ декабрѣ 1905 г., рабочіе этой фабрики прогнали хозяина, техниковъ, мастеровъ, приказчиковъ, словомъ, всѣхъ фабричныхъ властей. Фабрика была признана «собственностью рабочихъ», которые рѣшили сами вести все дѣло на «новыхъ началахъ».

Новые хозяева сейчасъ же выбрали своего «директора», своихъ техниковъ, мастеровъ и т. д. Все это были простые рабочіе изъ самыхъ горластыхъ «крикуновъ», очень рѣшительно рекомендовавшихъ себя на самые отвѣтственные посты. Они быстро вошли въ роль «начальниковъ», но сейчасъ же обнаружили свою полную техническую несостоятельность. Дѣло сразу же захромало, машины стали портиться и не давали надлежащихъ результатовъ, товару получалось мало и очень сквернаго качества.

А вдобавокъ ко всему этому—лопнула трудовая дисциплина. Новое «начальство» потеряло всякую власть надъ рабочими, сознававшими себя «хозяевами»... Какъ и подобаетъ послѣднимъ, рабочіе

вели себя очень «свободно»: приходили на работу, когда хотѣли, уходили, когда вздумается; на фабрикѣ больше болтали и болтались, чѣмъ дѣло дѣлали. Доморощенное «начальство» попробовало подтянуть «хозяевъ», но тѣ такъ окрысились, что пришлось махнуть рукой на все...

Къ концу второго дня плачевные результаты «пролетарской работы» до того били въ глаза, что «хозяева» возмутились и прогнали свое выборное «начальство». Новыхъ охотниковъ не нашлось: всѣ уже были напуганы наступившей анархіей и не знали, какъ ее прекратить...

Третій день существованія «пролетарской» фабрики прошелъ въ полнѣйшей анархіи... Фабрика остановилась. Къ вечеру же у рабочихъ созрѣло убѣжденіе, что имъ не обойтись безъ «призванія варяговъ»...

На другой день полетѣли гонцы къ «варягамъ», съ обычнымъ демократическимъ челобитьемъ... Вернулся вновь возстановленный «капиталистъ», вернулась «интеллигенція»—техники и т. д., и работа пошла своимъ нормальнымъ ходомъ. Три дня поцарствовалъ «пролетариатъ» на фабрикѣ и самъ отказался отъ своихъ царственныхъ правъ, отказалась, послѣ горькаго опыта, совершенно добровольно и вполне сознательно...

Х.

З в ѣ р и.

О страшномъ звѣрствѣ и дикомъ варварствѣ, проявленемъ народомъ въ періодъ революціи, писано въ изобиліи: такое крупное и повсемѣстное явленіе немислимо скрыть... Но для обрисовки этой темной стороны народной психологіи необходимо собрать какъ можно больше фактовъ народнаго звѣрства, ибо почти въ каждомъ фактѣ обязательно проглянетъ какая-либо новая черточка, своеобразная подробность, мелкая, но типичная деталь.

И въ предыдущихъ замѣткахъ уже встрѣчались проявленія народнаго варварства (см. I, IV, VI и др.). Прибавлю къ нимъ еще нѣсколько фактовъ, касающихся какъ «лѣвыхъ», такъ и «правыхъ» звѣрей.

Въ Аткарскомъ уѣздѣ Саратовской губерніи въ разгаръ смуты была разгромлена масса усадебъ помѣщиковъ и землевладѣльцевъ, въ томъ числѣ богатая усадьба и паровая мельница Шмита. Одна сожженная мельница стоила до полумилліона. Скотъ, хлѣбъ и другіе запасы—все было растащено мужиками сосѣдняго села. Во время разгрома мужикамъ было не до того, чтобы сейчасъ же заняться распределеніемъ «по душамъ» огромнаго стада Шмита. Требовалось загнать его куда-либо и уже потомъ на свободѣ заняться дѣлежомъ его «побожески». Но куда загнать стадо? гдѣ спрятать до поры до времени?

Думали-гадали и, наконецъ, ухватились за чье-то предложеніе—спрятать скоть въ церкви... Но сейчасъ же многіе запротестовали, справедливо возмущаясь такимъ кощунствомъ. Спорили, обсуждали и такъ и этакъ, но лучше церкви не могли придумать никакого помѣщенія для скота. Но и боязно-то было—грѣхъ-то какой выходитъ!.. Какъ тутъ быть?!

Однако въ концѣ концовъ хозяйственныя соображенія взяли верхъ надъ религиозными... Мужики додумались, какъ и Бога не совѣсть-то оскорбить, и свои аппетиты къ чужому добру удовлетворить...

Какой-то дипломатъ-мужикъ предложилъ не болѣе, не менѣе, какъ временное отреченіе отъ Христа... Стоить-де только «снять натѣльные кресты»—и перестанемъ быть христіанами!.. А отказавшись-де отъ Христа, можно дѣлать какое угодно кощунство—можно-де и скоть загнать въ церковь и т. п. Подѣливши же скоть, снова надѣть натѣльные кресты и превратиться опять въ христіанъ.

Мудреная задача была разрѣшена такъ просто, легко и безобидно для всѣхъ сторонъ, что мужики тотчасъ принялись за дѣло: сняли свои натѣльные кресты и отдали ихъ на храненіе одному старику. Затѣмъ загнали скоть въ церковь, заперли ее и принялись доканчивать разгромъ усадьбы Шмита. На другой день они обстоятельно подѣлили скоть между собою, очистили церковь отъ навоза, снова надѣли свои натѣльные кресты и—опять стали «христіанами»...

Мужики другого села, враждовавшаго изъ-за земель и прочаго со Шмитовскимъ селомъ, намотали все это на усь... Чтобы раздѣлаться съ своими давними врагами, они вдругъ вступились «за Христа» и пошли походомъ противъ шмитовскихъ мужиковъ, чтобы «казнить» отступниковъ отъ Христа. Нѣсколько десятковъ мужиковъ было схвачено, и всѣхъ ихъ добрые сосѣди «сказнили»—отрубили головы имъ!..

Это варварство учинили мужики, якобы за отступничество казенныхъ отъ Христа, а въ сущности они только придрались къ случаю кощунства, чтобы свести свои мелкіе сосѣдскіе счета съ давними противниками...

По крайней «революціонности» этой радикальной расправы, аткареніихъ мужиковъ смѣло слѣдуетъ причислить къ «лѣвымъ». Слѣдующихъ же два случая говорятъ о варварствѣ «правыхъ» изъ городской черни.

У молодого городского судьи города Вятки родился сынъ-первенецъ въ «дни свободъ» (послѣ «17-го октября»). Скоро были назначены крестины. Счастливый отецъ отправился дѣлать необходимыя закупки. На улицахъ было очень шумно, многолюдно и тревожно. «Свободные граждане» начали уже хулиганствовать... «Лѣвые» бродили съ красными флагами, пѣли революціонныя пѣсни, говорили вызывающія рѣчи, раздражавшія «правыхъ», которые тоже не мол-

счали и отвѣтствовали тѣмъ же. Отъ слова скоро перешли къ соответствующимъ жестамъ. Во многихъ мѣстахъ загорѣлись свалки....

Лѣвые, оказавшіеся въ меньшинствѣ, были избиваемы правыми. Последніе набрасывались на «чисто одѣтую» публику, завѣдомо причисляя ее къ лѣвымъ. На одной улицѣ толпа привязалась къ двумъ молодымъ, прилично одѣтымъ дѣвушкамъ и начала ихъ травить.

Какъ разъ къ этому пункту подошелъ городской судья и бросился на защиту дѣвушекъ. Смѣлымъ натискомъ ему удалось вырвать ихъ изъ толпы, усадить на извозчика и дать имъ уѣхать. Молодого судью хорошо знали въ городѣ, и большинство толпы его узнало и сразу подчинилось его энергичнымъ дѣйствіямъ—не мѣшало спасенію дѣвушекъ.

Но какъ только онѣ исчезли съ глазъ толпы, а судья пошелъ своей дорогой, толпа стала освобождаться отъ навѣяннаго гипноза и возвращаться къ прежнему настроенію. Жертвы ускользнули, а руки зудѣли... у звѣря просыпалась жажда крови... Подъ руками же никого не было, кромѣ судьи. Не знавшіе его лично стали раздражать толпу, попрекали, что она послушалась Бога знаетъ кого и выпустила изъ рукъ «революціонерокъ», которыхъ-де слѣдовало «уложить» на мѣстѣ... Защитниковъ судьи почти не было— и скоро вся толпа, начинавшая звѣрѣть, пришла къ убѣжденію, что она сдѣлала глупость, упустивши жертвы, уже бывшія въ ея рукахъ...

Толпа ринулась впередъ, догнала судью, сбила его съ ногъ—и буквально растерзала несчастнаго на клочки...

Другой случай изъ варварской практики «правыхъ». Въ городѣ Владимирѣ въ разгаръ «свободъ» толпа разгромила квартиру присяжнаго повѣреннаго Г—ва, принадлежавшаго къ лѣвымъ. Пострадавшій бросился въ гор. Покровъ, куда раньше удрали его жена и дочь. Но и здѣсь Г—ву не повезло: здѣшніе правые, вѣроятно, по «директивѣ» изъ Владимира, также разгромили его квартиру...

Жена и дочь спрятались у знакомыхъ, а Г—въ не успѣлъ и бросился бѣжать за городъ. Толпа ринулась за нимъ... Спасенія не было: поймавши, толпа убила бы его безошадно.

Къ счастью, Г—въ случайно принялъ въ своемъ бѣгствѣ удачное направленіе: онъ уткнулся въ болото... Дѣло происходило въ октябрѣ, и болото еще не замерзло. На минуту Г—въ поколебался, но толпа съ дрекольями уже настигала его... Онъ смѣло бросился въ болото... Преслѣдователи добрались до берега и остановились: не нашлось охотниковъ попробовать холодной и грязной ванны. Толпа постояла и посмотрѣла, пока Г—въ не скрылся за кустами, и разошлась удовлетворенная: всѣ были убѣждены, что обезсиленный Г—въ утонетъ въ глубокомъ и непроходимомъ болотѣ... Звѣри загнали туда челвѣка—и спокойно разошлись...

Но судьба была за Г—ва... Попалъ онъ въ болѣе мелкую часть болота, и хотя мѣстами погружался по грудь и едва вытаскивалъ

поги изъ вязкой тины, но шагъ за шагомъ страшно медленно подвигался впередъ, не зная, куда выйдетъ и что ждетъ его тамъ... Затравленный людьми-звѣрями, Г—въ инстинктивно двигался впередъ. Нѣсколько разъ онъ былъ на волосокъ отъ гибели, когда обезсиленный спотыкался о кочки и съ трудомъ поднимался на ноги, окунувшись въ холодную воду, или попадалъ на глубокое мѣсто и съ трудомъ находилъ болѣе мелкій бродъ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ этой неимоверной борьбы Г—въ выбрался, наконецъ, на сухой берегъ и, обезсиленный всѣми пережитыми муками, упалъ безъ сознанія. Тутъ подобрала его мужики изъ сосѣдней деревни и доставили, какъ «бѣглаго», въ Покровъ, къ начальству. Человѣкъ былъ спасенъ отъ звѣрства толпы, но здоровье разстроило въ концѣ...

XI.

Женщины и дѣти.

Это очень богатая тема—о настроеніи женщинъ и дѣтей въ періодъ революціи, и тема почти не затронутая въ литературѣ. И я только намѣчаю ее здѣсь (см. еще очеркъ VI), приводя нѣсколько извѣстныхъ мнѣ фактовъ.

Въ одномъ имѣніи Покровскаго уѣзда живетъ вдова-помѣщица, сама ведущая свое обширное хозяйство. Женщина энергичная, смѣлая, она и не подумала бросить усадьбу въ разгаръ смуты, продолжая вести хозяйство, какъ и всегда. Въ ноябрѣ 1905 г. сосѣдніе мужики начали пошаливать и въ ея имѣніи—стали рубить лѣсъ и прочее.

Однажды вечеромъ толпа мужиковъ ввалилась на скотный дворъ и окружила хозяйку, пришедшую на дойку коровъ.

— Что вамъ надо? Зачѣмъ вломились сюда?—рѣзко спросила хозяйка.

— Ноне дадена намъ свобода...—загалдѣли мужики.—Мы насчетъ, значить, земли къ тебѣ...

— Какой земли?

— А твоей... Желательно намъ взять ее... потому—свобода!..

— Берите!.. только знайте, что тогда на васъ перейдетъ банковскій долгъ въ 40 тысячъ...

— Врешь?! сорокъ тысячъ?!..

— Да... увидите по бумагамъ...

— А ты подари намъ землю...

Барыня взяла въ руку соломинку и, показывая ее толпѣ, сказала:

— Вотъ настолько не подарю вамъ!.. не стойте вы подарковъ!..

— Убить ее!.. чего глядѣть!.. убить!..

— Убивайте... но это вамъ даромъ не пройдетъ... попробуете каторги...

— А мы сами твою землю возьмемь!..

— Берите... а банкъ взыщеть съ васъ сорокъ тысячъ...

— А мы не согласны...

— Мало ли что!.. банкъ своего не упустить!..

Еще погалдѣли, пошумѣли мужики и разошлись, отказавшись отъ невыгодной сдѣлки...

Въ одномъ имѣніи Сергачскаго уѣзда (Нижегородской губерніи) проживали въ смуту двѣ вдовы-помѣщицы, мать и дочь, первая—очень древняя старушка, а вторая—среднихъ лѣтъ, энергичная особа, занимавшаяся хозяйствомъ. Однажды ввалилась въ домъ толпа мужиковъ, пробралась въ залу, разсѣлась на стульяхъ и закурила свои «цыгарки»... Прислуга доложила хозяевамъ о неожиданныхъ визитерахъ. Дочь влетѣла въ залу и крикнула «гостямъ»:

— Это что такое? да какъ вы смѣли?!

Мужики вскочили отъ окрика на ноги и начали робко оправдываться:

— Да ноне, вишь, слобода... мы что жь... какъ, значить...

— Какъ смѣете безобразничать?! бросьте «цыгарки»!..

Всѣ побросали и затушили цыгарки... Одинъ старикъ выступилъ и говорить:

— Да ты не кричи, не сердись... мы спроста... А коли виноваты—ну, таскай меня за волосы...

Хозяйка улыбулась и стала говорить спокойнѣе:

— Зачѣмъ пожаловали? что вамъ надо?...

— Насчетъ твоей землицы... ты ужь отдай ее намъ!...

— Вотъ что вы выдумали!... вонь-вонь!... уходите!...

— Да ты постой, не кипятись!.. Ну, на что тебѣ земля?! Живи себѣ въ усадьбѣ, мирно, тихо... пальцемъ не тронемъ... А умрешь ты, али маменька твоя—мы васъ похоронимъ честь честью... Могилу выкопаемъ на шесть аршинъ—во какъ уважимъ... А земля на что тебѣ? Только мучаешься съ нею...

— Это ужь мое дѣло!.. Вотъ, если велить царь—тогда отдамъ вамъ... А безъ царской воли не могу!...

— Ишь ты какое дѣло!... какъ же намъ быть теперь?...

— А расходитесь по домамъ... и ждите...

— И никакого, значить, уваженія намъ сичасъ не будетъ?...

— Вотъ... возьмите на четверть вина...

— Спасибо, сударыня, спасибо!... вотъ уважила—и не чаяли...

Выпьемъ и за твое здоровье, и за здоровье твоей маменьки-старушки... спасибо!...

Толпа мирно разошлась. Послѣ хозяйка подарила мужикамъ одну десятину лѣса на срубъ—и всякое броженіе затихло.

Одно имѣніе Васильскаго уѣзда было спасено отъ разгрома мужиковъ, благодаря находчивости молодой барышни, дочери помѣщика. Нѣсколько лѣтъ назадъ послѣдній по суду отобралъ у мужиковъ

своего села спорный клочокъ земли. Мужики очень злобились за это на помѣщика. Когда началось броженіе въ той мѣстности, дочь попросила отца подарить ей этотъ отобранный клочокъ и не мѣшаться въ то, что она съ нимъ сдѣлаетъ. Отецъ согласился, а дочь ждала случая. Скоро онъ подошелъ. Однажды явилась на усадьбу толпа мужиковъ съ цѣлью разгрома. Барышня смѣло вышла къ нимъ, сумѣла утихомирить ихъ и подарила имъ спорную землю... Мужики были въ восторгѣ и сразу успокоились.

Многія безпомощныя старухи-помѣщицы, одиноко доживавшія свой вѣкъ въ своихъ маленькихъ усадьбахъ, мужественно сидѣли въ нихъ весь періодъ смуты, не имѣя возможности выѣхать, по скудости средствъ, по болѣзненному состоянію, а то и «по принципу»... Эти безвѣстныя героини все перенесли отъ мужиковъ—и всевозможное хулиганство, и грабежи, и поджоги, и остались на своихъ постахъ.

Нѣкоторыхъ беззащитныхъ старухъ-помѣщицъ мужики не трогали и даже защищали ихъ, не давали въ обиду, когда сторонніе грабители покушались разгромить ихъ. Извѣстенъ случай въ Нижегородской губерніи, какъ одна деревня отстояла «свою помѣщицу»—древнюю старушку—отъ нападенія другой, «чужой деревни». Когда послѣдняя двинулась на грабежъ, навстрѣчу ей выслали огромнаго парня, который «попужалъ» толпу:

— Куда вы лѣзете? аль жизнь не мила?.. тамъ у нихъ пять казакъ и пулеметь!..

Мужики повѣрили и отказались отъ мысли разгромить старушку. Разумѣется, «свои» мужики отстояли «свою помѣщицу» не изъ гуманности, а единственно ихъ нежеланія, чтобы «чужіе» мужики воспользовались ея добромъ, наслѣдниками котораго они считали сами себя «по всѣмъ правамъ», и только ждали смерти старухи...

Нѣсколько сценокъ изъ жизни московской дѣтвора во время «декабрьскаго восстанія» 1905 г., рассказанныхъ очевидцами.

На Неглинномъ бульварчикѣ собралась толпа съ красными флагами. Появились ораторы, заговорили о чемъ-то. Толпа слушаетъ ихъ и рукоплещетъ. Подлѣ расположилась группа изъ нѣсколькихъ маленькихъ ребятъ, отъ пяти до восьми лѣтъ, любопытно поглядывавшихъ на собравшуюся толпу.

Вдругъ на Цвѣтномъ бульварѣ показались драгуны и стали стрѣлять по толпѣ. Она шарахнулась въ разныя стороны, нѣкоторые повалились на землю, убитые и раненые... А нѣсколько ребятъ, стоявшихъ на бульварѣ, и не шелохнулись, съ крайнимъ любопытствомъ и недоумѣніемъ глядя на все происходящее вокругъ...

Рота солдатъ обстрѣливала Петровку, стоя у Покровскаго монастыря. Послѣ cadaго залпа мальчишки гурьбою выбѣгали со дворовъ, вертѣлись и орали среди улицы, дразнили солдатъ, а потомъ скрывались во дворахъ, и послѣ новаго залпа снова высыпали на улицу и продѣлывали то же.

Въ одномъ номерѣ гостиницы Ечкиной (на Неглинной) проживала барыня съ тремя дѣвочками, отъ шести до десяти лѣтъ. Первые дни дѣти очень интересовались уличнымъ шумомъ, движеніемъ толпы, выстрѣлами и прочимъ. Но подѣ конецъ они изнемогли отъ массы впечатлѣній и взмолились къ матери:

— Мама! довольно забастовки!.. будетъ!.. надоѣла она!..

Пришлось увезти дѣтей въ болѣе спокойный уголокъ Москвы, подалеже отъ всѣхъ ужасовъ «забастовки»...

ХІІ.

«Б ю р о».

Когда «революція» подходила къ концу, мужики принялись усердно замечать слѣды своего участія въ разныхъ «революціонныхъ» замыслахъ и дѣяніяхъ, на каковые подбивали ихъ агитаторы.

Въ одной деревнѣ Юрьево-Польскаго уѣзда живетъ помѣщикъ, владѣющій небольшимъ количествомъ земли (менѣе 300 десятинъ). Семья у него очень большая, но онъ живетъ безбѣдно, благодаря своей энергіи и умѣнью хозяйничать. Онъ завелъ обширные огороды и имѣетъ съ нихъ хорошіе доходы вслѣдствіе близости города.

Какъ водится по нынѣшнимъ временамъ, эта семья дѣлится на двѣ партіи: отцы—правые, дѣти—лѣвые. Изъ послѣднихъ особымъ радикализмомъ отличалась вторая дочь, гимназистка четвертаго класса, дѣвица лѣтъ четырнадцати. Она уже играла въ гимназій роль «делегатки», устраивала «бойкотъ» своей начальницѣ и т. д.

Любопытно, что когда съ этой ультра-лѣвой барышней приходилось говорить о предполагаемомъ отчужденіи помѣщичьихъ земель въ пользу крестьянъ, она была вполне согласна на то, исключая... имѣнія своего отца!.. Она на дыбы вставала, защищая собственность отца, единственнаго кормильца многочисленной семьи...

Эта барышня, полная такихъ противорѣчій, дѣятельно «просвѣщала» мужиковъ въ «дни свободъ», вмѣстѣ съ другою молодежью семьи. Но тутъ же дѣйствовала пропаганда и своихъ, и стороннихъ агитаторовъ. Между ними особенно выдѣлялись отставной солдатъ-крестьянинъ описываемой деревни и псаломщикъ сосѣдняго села, сынъ мѣстнаго крестьянина.

Именно эти два лица подбили общество деревни составить «приговоръ» о присоединеніи къ «крестьянскому союзу», объ отобраніи земли у своего помѣщика и пр. Въ приговоръ ни къ селу, ни къ городу были включены пункты о томъ, что «Бога нѣтъ, царя не надо» и т. п. Приговоръ былъ адресованъ въ «бюро» крестьянскаго союза, куда онъ, однако, не дошелъ, а застрялъ у волостного старшины, которому передалъ бумагу псаломщикъ.

Мужики стали ожидать благихъ результатовъ этого приговора. Между тѣмъ наступила реакція... Вездѣ пошли аресты, обыски. Псаломщика перевели за 60 верстъ. Солдатъ-агитаторъ утихъ. О приговорѣ мужики стали уже забывать. Но одинъ намекъ ихъ вселопшилъ.

Къ помѣщику этой деревни явился молодой мужикъ и попросилъ въ долгъ денегъ на свадьбу. Помѣщикъ говоритъ:

— Хорошо, я могу дать... Но какъ же я взыщу съ тебя долгъ, если тебя арестуютъ?

— Что вы!.. за что меня арестовать?

— Да ты подписывалъ тотъ «приговоръ», чтобы у меня землю отобрать?

— Подписывалъ... да я не одинъ: все общество подписало...

— Ну, вотъ, всѣ вы и будете отвѣчать... Куда подали приговоръ?

— А шутъ ихъ знаетъ!.. въ какое-то бюро...

— Вотъ за это-то бюро васъ всѣхъ и арестуютъ...

— Какъ же это возможно?...—недоумѣвалъ растерявшійся мужикъ.—Неужели меня арестуютъ? Какъ же моя скотина останется безъ меня?!

— Ну, братъ, начальство на твою скотину не посмотритъ, а тебя арестуютъ...

Перепуганный мужикъ бросился въ деревню, сбиль сходку и всѣхъ напугалъ, передавши бесѣду съ помѣщикомъ. Всѣ напустились на отставного солдата-агитатора:

— Это ты да псаломщикъ затѣяли неладное дѣло!... о, чтобъ васъ! вы подбили насъ, а теперь пропадать изъ-за васъ.... Какое-то тамъ бюро!... а что такое бюро, мы и не знаемъ... бюро да бюро!.. всѣ уши нида прожжужали этимъ бюро... песь его знаетъ это бюро!.. А сичасъ отвѣчай за это проклятое бюро!...

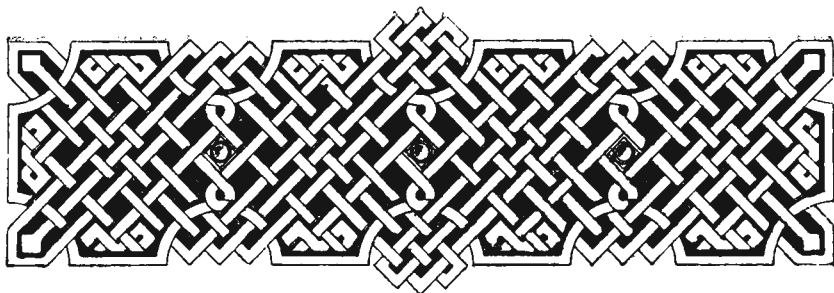
Рѣшили выручать «приговоръ» изъ бюро. Послали къ псаломщику за 60 верстъ, но тотъ отказался помотать и посоветовалъ писать въ водость. Бросились къ волостному старшинѣ, который приговора не видалъ, а далъ только «расписку» въ полученіи его. На распискѣ подписались и мужики, т.-е. еще разъ подтвердили свою прикосновенность къ приговору... Помѣщикъ разъяснилъ, какой промахъ они сдѣлали, и посоветовалъ во что бы то ни стало добыть приговоръ обратно.

Снова полетѣли къ волостному старшинѣ посланцы, снабженные мірскими деньгами. Старшина было заупрямился, но... поторговавшись, отдалъ «приговоръ» за 10 рублей...

Обрадованные мужики привезли опасную бумагу въ свою деревню, собрали сходку и торжественно сожгли «приговоръ». Много крови испортило имъ «проклятое бюро», сдѣлавшееся въ той деревнѣ ругательнымъ словомъ...

Н. Н. Оглоблинъ.

ЕЩЕ ОБЪ АНЕКДОТИЧЕСКОМЪ ГРАДОНАЧАЛЬНИКЪ.

ВЪ МАРТОВСКОЙ и апрѣльской книжкахъ «Историческаго Вѣстника» напечатаны воспоминанія гг. Егорова и Кауфмана о покойномъ одесскомъ градоначальникѣ П. А. Зеленомъ.

Позволю себѣ присоединить къ нимъ кое-что и изъ своихъ воспоминаній о Зеленомъ, котораго близко и долго наблюдалъ.

Градоначальствованіе Зеленого это было долготѣнее сценическое представленіе ярко-озорного характера. Но, когда пишутъ объ исполненіи актеровъ, то упоминаютъ и о публикѣ, ибо для нея же даются представленія. Вотъ этого-то элемента, какъ ни странно нѣтъ ни въ устныхъ разсказахъ, ни въ печатныхъ воспоминаніяхъ о Зеленомъ. Кто же публика? Что

это за зрители и слушатели, передъ которыми «выступалъ» безподобный одесскій градоначальникъ? А между тѣмъ это очень важно знать: вѣдь отъ пріема публики зависитъ судьба актера, направленіе его дарованія, даже личнаго характера. Въ этомъ отношеніи можно категорически сказать, что актеръ былъ по публикѣ, шапка пришла по Сенькѣ. И съ такою же увѣренностью можно прибавить, что Зеленой въ своемъ настоящемъ качествѣ могъ расцвѣсть т о л ь к о въ Одессѣ. Если вообще поговорка гласитъ: «что городъ, то норовъ», то норовъ Одессы—изъ ряда вонъ. Какъ большой портовый городъ, Одесса выдѣляется своею деморализованностью. Одесситы

потакали своему градоначальнику, поспряжи, какъ бы нарочито провоцировали его. Боже сохрани сказать, что Зеленой былъ безчестнымъ администраторомъ въ прямомъ смыслѣ, что онъ бралъ взятки, сознательно потворствовалъ беззаконіямъ, сознательно измѣнялъ своему служебному долгу. Это было бы злостною клеветою на Зеленого. Всѣ одесситы, какъ одинъ, съ непоколебимымъ убѣжденіемъ говорили:

— Зеленой взяткокъ не беретъ.

Зеленой гнушался безнравственныхъ дѣлъ, и никто никогда не смѣлъ даже намекнуть ему о какой-нибудь сдѣлкѣ съ совѣстью, разъ онъ понималъ, что это именно такого свойства сдѣлка. Но Зеленой далеко не всегда понималъ, въ чемъ дѣло, да и вообще терпѣть не могъ заниматься дѣлами, считая своей главной обязанностью крикливые озорные налеты на перваго встрѣчнаго. Развлекая этимъ все населеніе, Зеленой и самъ развлекался своими чистосумасшедшими служебными подвигами, и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе втягивался въ нихъ, такъ что подобное провозженіе времени становилось уже потребностью его. Но едва ли не самая значительная часть времени отдавалась Зеленымъ, попросту сказать, пьянству и гульбѣ. Балованному человѣку предоставили баловаться во всю и безъ всякихъ прегражденій. Въ этомъ вся исторія градоначальствованія Зеленого. Онъ такъ привыкъ, прежде всего, къ хмельному угару, что и въ трезвомъ видѣ, который все-таки хоть изрѣдка требовался въ его положеніи, производилъ впечатлѣніе человѣка, по малой мѣрѣ, навеселѣ. Излагаемый ниже рядъ такъ называемыхъ «анекдотовъ», а на самомъ дѣлѣ фактовъ, о Зеленомъ покажетъ, насколько это вѣрно. Еще одно важное обстоятельство, объясняющее, почему такой невозможный градоначальникъ держался такъ долго на столь видномъ, во всякомъ случаѣ, посту: Зеленому сильно покровительствовалъ Петербургъ. Въ высшихъ сферахъ знали его давно и близко, какъ молодого, въ свое время, и браваго моряка-чудака. Доходили туда и впослѣдствіи слухи о чудачествахъ Зеленого, уже градоначальника. Въ сферахъ смѣялись, полушутя, полусерьезно грозили ему, совѣтовали уняться, но баловникъ-морякъ не унимался, и лишь когда баловство его перешло послѣднія границы, и жертвами бессмысленныхъ наскоковъ Зеленого, по несчастнымъ для него случайностямъ, стали одно за другимъ слишкомъ значительныя лица, Зеленого внезапно убрали изъ Одессы. А то вѣдь одесситы думали, что Зеленой такъ и умретъ ихъ градоначальникомъ. Убрали съ арены активной и отвѣтственной дѣятельности, но почетно наградили для пребыванія на покоѣ.

О томъ, что къ Зеленому «тамъ, наверху» питали «слабость, родъ недуга», еще въ первые годы его одесской дѣятельности въ Одессѣ хорошо знали, и былъ случай, блистательно подтвердившій

эти толки. Большія непріятности терпѣлъ отъ безтактностей Зеленого одинъ изъ одесскихъ генераль-губернаторовъ (которыхъ онъ, къ своему удовольствію, пережилъ). Въ одну изъ своихъ поѣздокъ въ Петербургъ этотъ начальникъ Зеленого доложилъ гдѣ слѣдуетъ о подвигахъ послѣдняго. Докладчика внимательно выслушали, огорчились, общѣли «нагопя» дать сумасброду, а въ концѣ, отпуская генераль-губернатора, какъ бы вспомнили:

— Ахъ, да... вернетесь въ Одессу—пожалуйста, кланяйтесь старику Зеленому. Не забудьте...

Зеленой торжествовалъ.

Итакъ, Зеленой ничего безчестнаго сознательно не дѣлалъ, но это нисколько не помѣшало Одессѣ сдѣлаться очагомъ самаго отчаяннаго взяточничества и всевозможныхъ видовъ злоупотребленій властью. Если бы туда направить сенаторскую ревизію въ нынѣшней ея формѣ, то дѣла, которыя могли бы быть раскрыты ею, затмили бы все, что добыто до сихъ поръ такими ревизіями; поблѣднѣли бы, пожалуй, даже персонажи Конаръ-Дойля. Зеленого, и безъ того недалекаго, брали пойломъ, беспощадно поили и всячески развлекали—и подвѣдомственные ему чины, и «представители общества». И тѣмъ, и другимъ это было выгодно. Въ страшной силѣ впереди всѣхъ была полиція. Строгій до болѣзненности къ себѣ, къ обереганію своей личной чести, сторонясь даже отъ разговоровъ на щекотливыя, съ точки зрѣнія прямого закона, темы, Зеленой знать не хотѣлъ, что дѣлаютъ его подчиненные. Едва ли это было выраженіемъ его довѣрія къ нимъ, увѣренности въ ихъ честности; скорѣе тутъ дѣйствовалъ привычный и никогда не подвергавшійся имъ критикѣ взглядъ на дѣло административнаго управленія. Полиція, моль, и прочіе чины—не градоначальникъ; они работаютъ, и имъ надо жить. А что касается произвола, то какого же чорта обыватели доводятъ людей до него. Не фордыбачъ, и произвола не будетъ. Вотъ каково было «міропониманіе» Зеленого. Онъ тепло относился ко всѣмъ безъ изъятія подчиненнымъ своимъ, и обманывали они его направо. Одесситы словно помпой накачивали Зеленого. Предлоговъ всегда къ тому было—хоть отбавляй. Въ достаточной степени преступная, темно-дѣловитая Одесса унижалась, раболѣпствовала передъ Зеленымъ и его семьей неслыханно. Въ такой атмосферѣ и обстановкѣ, вѣчно ублажаемый со всѣхъ сторонъ, вѣчно безнаказанный, Зеленой являлъ собою типъ настоящаго азіатскаго владыки-деспота, и семья его, несомнѣнно, чувствовала себя въ совершенно царственномъ положеніи. Какъ ни былъ тяжелъ тогдашній правительственный режимъ, но въ другомъ мѣстѣ силою сколько-нибудь уважающаго себя общественнаго мнѣнія и отсюда активными и вмѣстѣ легальными мѣрами борьбы съ безудержнымъ администраторомъ Зеленой давно былъ бы сброшенъ съ мѣста. Но Одесса неспособна на такую защиту своихъ

элементарнѣйшихъ человѣческихъ правъ, своего человѣческаго достоинства. Требовать уваженія къ себѣ—надо другихъ уважать, а Одесса уважаетъ, вѣриѣ, боготворить только деньги и ради нихъ готова рѣшительно на все. Одесса до того цинична, что жители ея, хорошо понимая, что такое Зеленой, говорили:

— Одессѣ нуженъ только Зеленой. Другой намъ не годится, мы его не будемъ бояться. Зеленого мы боимся, но при немъ можемъ все дѣлать.

Какой грубый парадоксъ! А между тѣмъ это была правда. Зеленой не допускалъ безпорядковъ. Въ этой области онъ былъ великолѣпный. Онъ былъ просто прирожденный вояка, и не даромъ, прослуживъ во флотѣ сравнительно недолго, Зеленой остался тамъ популярнымъ навсегда, и, говорятъ, матросы очень любили его. Кто знаетъ, можетъ быть, въ одесскомъ градоначальникѣ растаялъ славный русскій флотоводецъ...

Безпорядки для одесскаго высшаго «мазурья»—чистый зарѣзъ. Банды мѣстныхъ жуликовъ всякаго ранга и достатка чувствуютъ, что за свои дѣла они достойны разгрома и висѣлицы. Зеленой оберегалъ ихъ отъ того и другой. Онъ, правда, прибѣгалъ не разъ къ мѣрамъ воздѣйствія по усиленной охранѣ и даже, ничтоже сумняшеся, шагалъ черезъ нее; но обрушивался-то онъ часто не на тѣхъ, на кого надо было, не искоренялъ тѣхъ проходимцевъ, что чокались съ нимъ шампанскимъ, купленнымъ на ихъ счетъ. Напримѣръ, сильно зашатались дѣла одной изъ мѣстныхъ «кредитокъ». Вкладчики повалили, шумъ, скандалъ... Зеленой быстро прекратилъ безпорядокъ и выслалъ изъ города... репортера одной газеты за сенсационныя будто бы замѣтки его о дѣлахъ «кредитки». А тѣхъ, что своими биржевыми темными махинаціями довели банкъ до такого положенія и которыхъ всѣ кругомъ называли по именамъ, онъ и пальцемъ не тронулъ.

Пьянственный эпосъ при Зеленомъ. Подлинно можно сказать, что вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая жизнь очнуться не давала бѣдному Павлу Алексѣвичу. Онъ и его супруга (нынѣ покойная Наталія Михайловна), какъ водится, стояли во главѣ разныхъ филантропическихъ организацій, и тутъ-то одесситы ловили рыбу въ мутной водѣ, т. е. не въ патронируемыхъ градоправительской четой обществахъ, а посредствомъ громко афишируемой поддержки послѣднихъ деньгами. Былъ Зеленой предѣвателемъ мѣстнаго окружнаго управленія общества спасанія на водахъ. Ни при комъ, ни до, ни послѣ него, не построено въ округѣ столько спасательныхъ станцій, пріемныхъ покоевъ и пр. Происходили сначала торжественныя, окончательныя по дѣлу засѣданія—постановляли строить. Пили. Затѣмъ закладка—пили. Наконецъ, самое грандіозное: освященіе—пили, да такъ, что свѣтъ Божій застилался въ глазахъ и на карачкахъ ползали.

Зеленой не сознавалъ, что его покупаютъ пьянствомъ, выдумываемыми праздниками, гульбой, искусственными и глупыми чествованіями. Щедрые угощатели и жертвователи, разумѣется, получали то, что имъ нужно было, отъ «потомственного почетнаго гражданина» и разныхъ орденовъ до возможности казнокрадства и всяческаго грабительства. Околоточные покупали себѣ тысячныя имѣнія, безпорочные зажиточные (попроще) обыватели попадали, ради такихъ покупокъ, въ отчаянные воры («уличались обысками»), мошенники и паразиты проводили свои дѣла, а въ остальномъ... Одесса пребывала въ «тихомъ и мирномъ житіи».

Въ Дофиновкѣ, на противоположномъ берегу Одесскаго залива, соорудили на пожертвованія «обожающихъ» Зеленого одесситовъ прекрасно оборудованную спасательную станцію—«Контръ-адмиралъ Зеленой». Снарядились на торжественное освященіе. Весь расцвѣченный флагами, великолѣпный, даровой пароходъ. Оркестръ музыки. «Самое блестящее общество» (это въ Одессѣ-то!) обоего пола, полиція, всякіе прихвостни, праздношатающіеся пижоны. Увѣсистые кульки со спиртными напитками. Отчалили въ Дофиновку и съ мѣста въ карьеръ стали пить, хотя многіе хорошо «зарядились» еще на берегу; а что было припасено собственно на станціи—ума помраченіе. Очень спѣшили, въ виду небольшого перехода отъ Одессы, прибыть веселыми на освященіе. Музыка играетъ, пробки хлопаютъ, Зеленой въ центрѣ общества веселый-превеселый, раскатисто хохочетъ, говорить дамамъ комплименты, отъ которыхъ покраснѣла бы кухарка, всѣ кругомъ восторженно гогочутъ, пьютъ, кричатъ: «ура нашему П. А. Зеленому!»

Высадились, чуточку подтянулись, потому—неудобно: встрѣча, строительный комитетъ, духовенство. Рабочіе привѣтствія. Незатяжное молебствіе, окропленіе помѣщений св. водой, бѣглый осмотръ и—за длиннѣйшій, домящійся отъ яствъ и главнымъ образомъ питій пиршественный столъ. На почетномъ мѣстѣ—виновникъ торжества. Послѣ установленныхъ здравницъ—чествованіе того, чье имя красуется на вновь освященной станціи.

Прислуживающимъ лакеямъ, должно быть, стыдно было смотрѣть, какъ «господа» ходили, что называется, на заднихъ лапкахъ передъ пьянымъ генераломъ, лѣзли гурьбой цѣловаться съ нимъ, непрерывно качали его, и слушать все то чудовищно-льстивое, что ему говорилось.

Зеленой приготовился къ рѣчи... о самомъ себѣ. Кое-какъ успокоился, а кто, по буйно-пьяному состоянію, не могъ, тѣхъ «ликвидировали» вонъ,—и, стоя, умилненно влившись глазами въ «дорогого Павла Алексѣевича», стали слушать. Рѣчь была точнымъ повтореніемъ того, что Зеленой говорилъ на всѣхъ подобныхъ въ честь его торжествахъ:

— Г.г.! Кто на морѣ не бывалъ, тотъ Богу не малывался. Мой другъ Гончаровъ въ своемъ сочиненіи «Фрегатъ Паллада» отвелъ не одну странницу мичману З. ¹⁾ Это былъ я, Зеленой. Мы перенесли шторма на японскомъ наводненіи... насъ...

И пошелъ, пошелъ живописать ужасы морской жизни по книгѣ Гончарова. Съ избыткомъ наговорившись о своей любви къ морю, безстрашій и о подвигахъ своихъ, Зеленой бросилъ тоже обычную свою фразу:

— У меня единственный сынъ, и я бросилъ его въ море!—и закончилъ свою рѣчь даже для него невѣроятными словами. Надменно задравъ голову и окинувъ всю пьяную ватагу чествователей грозно сверкающими глазами, онъ крикнулъ громоподобно и отчаянно дерзко:

— Такъ что всѣ эти почести воздаются мнѣ по заслугамъ!

Даже хмель слетѣлъ со многихъ. Богатый русскій рыботорговецъ, какъ былъ, такъ и повалился въ ноги крикуну:

— Вѣрно! Истинно вѣрно, батюшка, ваше—ство, по заслугамъ и есть! Какъ же...

Замѣтить надо, что все это безобразіе происходило на чужой для Зеленого и сопутествовавшихъ ему чиновъ территоріи, въ Одесскомъ уѣздѣ. Бывали такіе случаи не разъ; захалъ Зеленой, при подобной же обстановкѣ, даже въ сосѣднюю Бессарабскую губернію.

Что изъ вы подѣлаете, коли человекъ такъ понималъ свои обязанности: разъ кто бы то ни было и съ чѣмъ бы то ни было обращается къ нему по дѣламъ службы, значить надо того сначала обругать, поиздѣваться надъ нимъ, а потомъ уже перейти къ дѣлу, съ которымъ, все равно, вѣдаться будетъ не онъ, градоначальникъ, а подлежащій чиновникъ.

Проѣздомъ въ Одессѣ былъ богатый русскій купецъ изъ Москвы, что ли. Ему понадобился заграничный паспортъ. Захотѣлъ представиться градоначальнику. Идетъ Зеленой изъ кабинета въ пріемную и прямо на купца. Почему-то ядовито-насмѣшливо осматриваетъ его поддевку, сапоги бутылкой, окладистую бороду и въ упоръ спрашиваетъ:

— Тебѣ что?

Проситель ахнуть не успѣлъ отъ неожиданности и только угрюмо процѣдилъ:

— Заграничный паспортъ... Въ Парижъ надо...

— Тебѣ? въ Парижъ? Ахъ, ты, борода этакая! Да ты по-французски-то знаешь? Тебѣ зачѣмъ въ Парижъ, я тебя спрашиваю? Съ мамзелями?...

¹⁾ Тамъ упоминается о мичманахъ «З. и Б.». Это были: Зеленой и Болтинъ, впоследствии кап. 1 р. въ отставкѣ и одесскій брендмайоръ при Зеленомъ.

Зеленой не успѣлъ кончить: весь багровый, энергично трихнувъ волосами и нѣсколько отступивъ, купецъ, въ свою очередь, оглядѣлъ Зеленого съ головы до ногъ, да какъ гаркнетъ:

— Это ты-то градоначальникъ?! Ни въ жизнь не повѣрю! Такой облай? Нѣтъ, милый человекъ, другихъ морочь! Г.г.! (къ окружающимъ). Вѣдь правда, подмѣнили его? Градоначальникъ еще не выходилъ?

Зеленой остолбенѣлъ, потомъ вдругъ расхохотался, еще посмотрѣлъ на купца, круто повернулся и исчезъ за портьерой.

Въ Одессѣ хорошо знали эту черту Зеленого: не спускать ему-перекричать, силою стоять за себя, и—сократится. Но не пошлему сброду-публикѣ такъ вести себя.

Никто даже изъ самыхъ близкихъ къ Зеленому людей, даже изъ родныхъ, не могъ быть гарантированъ отъ его грубыхъ выходовъ, брани и громовыхъ окриковъ. Онъ считалъ себя въ правѣ раздражаться, выплывать во всякую минуту и на всякомъ мѣстѣ; удержку не зналъ себѣ, казалось бы, въ самыхъ рискованныхъ случаяхъ.

Въ Малой биржѣ—такъ назывался залъ одесской городской думы до постройки особаго зданія для биржи—происходилъ балъ популярнаго общества южно-русскихъ художниковъ въ пользу недостаточныхъ учениковъ мѣстной школы рисованія. Народу было тьма-тьмушная. Хозяйкою вечера была, конечно, Н. М. Зеленая. Время шло, веселье разгоралось, Н. М. окружала молодежь, видные дѣятели, цвѣтъ дамскаго общества. Такъ около двухъ часовъ ночи Зеленой съ другого конца зала сталъ быстро направляться къ супругѣ. Усталъ, что ли, старикъ, мало пилоь ему, но все видятъ: лицо сердитое—вѣрный знакъ крайняго недовольства, скула ходить отъ сжиманія челюстей...

— Наташа, я домой...

И попросилъ у жены ключи откуда-то.

Та не сразу нашла ихъ, а стала искать по карманамъ. Въ то время на дамскихъ платьяхъ шились карманы назадъ.

— Ну, что жъ ты скоро найдешь, чортъ возьми?

— Погоди, сейчасъ...

— А, дьяволь возьми все ваши паршивыя моды! Видѣли, гдѣ карманы-то?— и при этомъ сказалъ то слово, которое нельзя въ обществѣ говорить.

Несчастная женщина чуть не грохнулась о-земь, ее поддержали и въ полубморочномъ состояніи отвезли домой.

На Платоновскомъ молѣ отводилось мѣсто подъ постройку пакгаузовъ для молодого, только что возникшаго тогда пароходства «Россійское общество страхованія и транспортированія кладей». Первымъ инспекторомъ пароходства былъ лейтенантъ флота Б., симпатичный, образованный, безусловно воспитанный молодой человекъ. Приѣхалъ на отводъ предсѣдатель одесскаго по портовымъ дѣламъ присутствія, градоначальникъ П. А. Зеленой, хороший знакомый лейтенанту Б. Стали измѣрять, отмѣрять пространство, судить-рядить. Показись Зеленому, что Б. хитритъ, корыстью обуюнъ. Взглянулъ на него искоса разъ, другой, сталъ скулой подергивать и внезапно, при массѣ народа, какъ рывкнетъ:

— Лейтенантъ Б.! Вы сдѣлались жидомъ, да еще паршивымъ жидомъ!

Б. схватился за кортикъ, но тутъ стали между ними другіе члены присутствія... Зеленой тотчасъ уѣхалъ. Б. послалъ ему вызовъ. Съ трудомъ замяли исторію. Б. исключилъ Зеленого изъ списка своихъ знакомыхъ и избѣгалъ встрѣчи съ нимъ, боясь за себя.

Въ Сабанскихъ казармахъ шелъ Георгіевскій праздникъ. Много стариковъ нижнихъ чиновъ, кавалеровъ ордена: таможенные надсмотрщики, стражники и пр. Присутствуютъ: командующій войсками округа, покойный графъ А. И. Мусинъ-Пушкинъ, градоначальникъ П. А. Зеленой, почетные гости, представители печати. Изрядно выпили. Зеленого развезло. По-братски бесѣдуетъ со стариками-солдатами, все больше и больше воодушевляется.

— А что, братцы?—во всеуслышаніе обратился онъ къ нимъ съ «рѣчью».—Хотя мы съ вами и старья.... (непечатное слово), но ежели врагъ придетъ, мы его раз... (тоже)!..

— Ур-р-ра!—прогремѣло раскатомъ по всей казармѣ.

Графъ Мусинъ-Пушкинъ нашелся: чтобъ не дать Зеленому разойтись въ этомъ невозможномъ даже для казармы духѣ, онъ обнялъ его, сталъ усиленно цѣловать и тѣмъ отвлекъ его отъ черезчуръ рискованныхъ словесныхъ изліяній.

Но Зеленой еще разъ отличился тамъ же. Дня за два до этого праздника въ Одессѣ въ своей квартирѣ былъ задушенъ банкиръ-еврей Лифшицъ. Убійцы и грабители были въ маскахъ, о чемъ и писалось въ мѣстныхъ газетахъ. Зеленой почему-то не вѣрилъ этому. Кинувъ случайно взглядъ на то мѣсто за столомъ, гдѣ сидѣли журналисты, и вспомнивъ объ убійствѣ Лифшица, онъ съ громкимъ смѣхомъ сталъ вышучивать ихъ:

— Ишь, маски выдумали! Эхъ вы, вральманы!..

И вдругъ неожиданно, видимо, для самого себя впалъ въ гнѣвное состояніе:

— Я васъ, с...с...! Я вамъ надѣну на морды такія маски, что десятому закажете!...

Областной энтомологическій съѣздъ въ Одессѣ подь предсѣдательствомъ П. А. Зеленого. Представленъ весь югъ Россіи: Черно-морье, Кавказъ, Донъ и т. д. Все ученые люди и среди нихъ знаменитые И. И. Мечниковъ и А. О. Ковалевскій. Обсуждаются мѣры борьбы съ гессенской мухой.

Зеленой обращается къ столику съ журналистами, говорить:

— Ну, г.г. репóртеры (почему-то съ такимъ удареніемъ; иного названія не знали вообще дѣятелямъ печати). Смотрите, не напишите еще, что предсѣдатель на засѣданіи «раздавилъ муху!» Ха-ха-ха!!

И, наподобіе тоголевскаго винокура, вознаградила самъ себя за остроуміе раскатистымъ, развеселымъ смѣхомъ, даже за бока схватился.

Ученые не знали, куда дѣваться, а застѣнчивый, какъ дѣвушка, покойный Александръ Онуфріевичъ Ковалевскій склонилъ голову и закрылъ лицо руками.

Ежегодное гуляніе въ «городскомъ саду» въ пользу окружнаго управленія общества спасанія на водахъ давало 12—15 тыс. руб. чистаго дохода. Полиція «развозила» билеты большею частью тѣмъ, кто не смѣлъ отказываться отъ нихъ. Вечеромъ «садъ» становился волшебнымъ уголкомъ: масса свѣта, флаги, цвѣты, ковры, лотереи, всюду блескъ, переливы всѣхъ цвѣтовъ и кутежъ, кутежъ во-всю, пьянство безбрежное. «Жертвователи»—мелкіе торговцы, даже евреи, которыхъ Зеленой обычно органически не выносилъ,—«удоставались» милостивыхъ разговоровъ съ нимъ и съ семьей его. Нужды нѣтъ, что на другой же день Зеленой самолично, при первомъ случаѣ, хваталъ за шиворотъ любого изъ этихъ евреевъ, ругалъ на чемъ свѣтъ стоитъ, свисталъ полицію, толкалъ и отправлялъ въ участокъ, часто безъ всякой причины. Просто охотился на евреевъ, какъ охотились когда-то американскіе фермеры на негровъ.

Ведя доброе знакомство и даже дѣля хлѣбъ-соль съ видными по положенію, богатыми и интеллигентными евреями, Зеленой въ то же время нисколько не стѣснялся отдавать, напимѣръ, такіе приказы въ «Вѣдомостяхъ Одесскаго Градоначальства» (редактировавшихся тогда тоже евреемъ, числившимся въ штатѣ канцеляріи градоначальника) по поводу безпорядочнаго поведенія публики въ конкѣ: «... Евреи со свойственной этой націи наглостью»...

А бывало и проще. Зеленой прогуливается. Навстрѣчу идетъ его добрый знакомый, банкиръ-еврей Х—съ. Здравуются, а черезъ минуту слышно уже обычное рывканье Зеленого:

— Ахъ, ты, жидовская морда! Тащи его въ участокъ!!

Ни за что, ни про что. Х.—корректный и ни въ чемъ худомъ не замѣченный человекъ. Такъ, отъ сквернаго настроенія и вида, только вида еврея. Не дѣлать же исключеніе для одного.

А ужъ какъ Зеленой не церемонился съ ростовщиками и вообще преступнаго поведенія евреями, и говорить нечего. Тутъ ужъ онъ ничего и никого не признавалъ, даже врывался въ область магистратуры, рвалъ рѣшенія суда, рвалъ и металъ, чѣмъ подчасъ страшно компрометировалъ власть. Однажды къ Зеленому явилась какая-то дама съ горькими жалобами на безбожное обираніе ея ростовщикомъ-евреемъ, разъ уже получившимъ по векселямъ и теперь требующимъ снова. Зеленой черезъ полицію вызвалъ къ себѣ еврея, взялъ его къ себѣ въ кабинетъ и чѣмъ ему тамъ грозилъ, въ точности никто такъ и не узналъ. Слышенъ былъ только звѣриный грозный ревъ, топанье ногами, звуки ударовъ... Еврей выскочилъ блѣдный, какъ полотно, съ растерзанными лацканами сюртука, уѣхалъ, черезъ короткое время вернулся и опять прошелъ въ кабинетъ градоначальника. Еще 2—3 минуты, и Зеленой, таща за воротъ еврея, вышелъ въ пріемную и при многихъ собравшихся изорвалъ векселя въ клочья.

— Вотъ тебѣ, с...с..! Будешь жидоморить? Судь?! Я тебѣ покажу судь! Я тебя ублаготоворю своимъ судомъ! Вонъ, на-аршивый!!

Вотъ это-то сочувствіе Зеленого горю людскому, хотя и своеобразно проявляемое, возмущеніе его противъ явныхъ подлостей и особенно подлостей со стороны евреевъ—создавали ему въ населеніи имя добраго, сердечнаго человѣка. Къ нему и обращались многіе за помощью, но никто и никогда не могъ быть увѣренъ, что Зеленой непремѣнно приметъ его сторону. Онъ дѣйствовалъ по минутному аффекту. Выслушаетъ и вдругъ обрушится не на обидчика, а на обиженнаго, просящаго:

— Знаемъ мы васъ! А самъ-то (или сама) ты хорошъ? Ишь, даромъ захотѣлъ! Вонъ, если не хочешь посидѣть въ участкѣ!..

Получали, значить, отъ Зеленого и такую «помощь».

Свирѣпый Зеленой былъ ужасно чувствителенъ, и могъ поспорить въ этомъ съ любой истеричкой. Умѣлъ плакать прямо навзрыдь. Открывали спасательную станцію «Генераль-адъютантъ Посѣтъ» на Большомъ Фонтанѣ. Обычная, по преимуществу ныная картина. Раскисшій отъ нитя Зеленой читаетъ окружающимъ письмо своей жены и дочерей изъ Тулона о знаменитыхъ тулонскихъ торжествахъ въ честь русскихъ моряковъ. Читаетъ прерывисто, всхлипываетъ. Тогда, чтобъ утѣшить его, приступили къ самому эффе́ктному номеру программы: поднесли Зеленому якобы «сюрпризъ», о которомъ онъ зналъ не хуже другихъ.

Одинъ изъ членовъ строительнаго комитета ловко и быстро сорвалъ тюль съ большого портрета П. А. Зеленого... Оригиналъ поднялся съ мѣста, сталъ противъ своего изображенія, долго-долго смотрѣлъ и, наконецъ, разрыдался... Слезы—градомъ... Всѣ почти-

тельно молчать. Наконецъ, рѣшили, что довольно сантиментовъ—пора и за «дѣло».

— Здоровье П. А. Зеленого! — гаркнулъ кто-то.

Старикъ встрепенулся, схватилъ первый попавшійся стаканъ вина и ... пошло «круженіе». Пили до поздней ночи, такъ что въ городѣ уже не могли «кончать», какъ думали было, а развѣхались спать.

А какъ пилъ Зеленой—покажется, дѣйствительно, невѣроятнымъ. Но сочиненнаго тутъ ли капли нѣтъ,—свидѣтельствуешь живой очевидецъ, авторъ этихъ строкъ. Помню какъ сейчасъ.

Собрались на открытіе спасательной станціи опять «Генералъ-адъютантъ Посеветъ» (№ 2) въ селеніи Шабо, подѣ Аккерманомъ (виноградный курортъ). Ушли изъ Одессы послѣ полудня на празднично убранномъ пароходѣ, съ музыкой, дамами, панитками и пр.—по «положенію». Пили и здорово пили. Пришли, «открыли»—пили до обалдѣнія. Возвращались ночью, чудною лѣтнею южною ночью. Пробовали еще пить, но большинство, въ томъ числѣ дамы, «полегли костью». Отвратительный видъ палубы, каютъ, бортовъ—отъ повальной пьяно-морской болѣзни. На капитанской рубкѣ сидитъ Зеленой, какъ ни въ чемъ не бывало, дуетъ коньякъ и весьма осмысленно флиртуетъ съ уцѣлѣвшею какимъ-то чудомъ молоденькою барынею. Передъ нимъ—подносъ съ безсчетными рюмками коньяку. Пьетъ и хохочетъ надъ «сдрейфившими дураками»:

— Пить даже не умѣютъ!

Были на пароходѣ знатные, прославленные «питухи», но Зеленой, старикъ чуть не подѣ семьдесятъ, всѣхъ перенилъ.

Въ концѣ лѣта вернулся изъ-за границы на дачу свою на Маломъ Фонтанѣ богатый мѣстный нѣмецъ С—ръ, заводчикъ, гласный думы, выдающійся благотворитель (цѣлый рядъ его иждивеніемъ созданныхъ больницъ, школъ и т. д.). Вдругъ слышитъ крики, шумъ во дворѣ. Вышелъ на террасу и видитъ: буйнить околоточный надзиратель по поводу якобы антисанитаріи на дачѣ; грозитъ протоколомъ. Хозяинъ мягко обращается къ нему:

— Г. надзиратель, не волнуйтесь, я знаю свое дѣло—я поблагодарю васъ, но сейчасъ я очень усталъ съ дороги... зайдите завтра.

Околоточный, которому, видно, не терпѣлось «до завтра», наговорилъ старикку-нѣмцу дерзостей, да такихъ, что тотъ немедленно сѣлъ въ карету и поѣхалъ къ П. А. Зеленому, своему доброму знакомому.

— Помилуйте, П. А., развѣ это возможно! Вымогаетъ самымъ наглымъ образомъ...

— А ты что думалъ—на сорокъ цѣлковыхъ съ семьей можетъ жить?! Ахъ, ты нѣмецкая колбаса! И еще жалуется! Да я тебя такъ пожалуюсь!!

Съ нѣмцемъ сдѣлался припадокъ, и его въ безсознательномъ состояніи снесли въ карету.

Въ городскомъ театрѣ шла опера «Фаустъ», съ гастролерами-артистами императорской петербургской оперы. Сцена Валентина съ Мефистофелемъ.

Внезапно театръ оглашается неистовыми, изступленными криками-воплями:

— Такъ его (къ артисту—по имени)! Крестомъ его, подлеца! Въ морду, въ морду тычь его! Крестомъ! Еще, еще!

Это кричалъ Зеленой, на половину свѣсившись изъ своей ложи, бѣшено размахивая руками и сверкая глазами.

Парадный спектакль въ городскомъ театрѣ въ честь пребывающаго (покойнаго) эмира бухарскаго. Среди новыхъ кавалеровъ бухарской звѣзды, въ публикѣ, М—скій, содержатель «Петербургской гостиницы», гдѣ остановился эмиръ.

Зеленой въ антрактѣ въ буфетѣ замѣтилъ М. во фракѣ со звѣздою и ринулся къ нему съ громовымъ своимъ рывканіемъ:

— Ахъ, ты чуело гороховое! Со звѣздой!? Скажите, пожалуйте! Отчего же еще не въ халатикѣ?! Пошелъ вонъ отсюда, мерзавецъ! Ступай и переодѣнься прилично, а потомъ и приходи!...

Послѣ скачекъ на ипподромѣ новороссійскаго общества поощренія коннозаводства, во время лагернаго сбора. Общество офицеровъ, драгуны-лубенцы изъ Кишинева. Довольно веселый уже и съ свѣхавшею назадъ «по-нахимовски» фуражкою П. А. Зеленой и другіе отправились обѣдать въ «Сѣверную гостиницу». Обѣдъ сервированъ во дворѣ-садикѣ, куда выходятъ окна двухъ корпусовъ грандіозной гостиницы. Окна, разумѣется, настезь—жарко и любопытно постояльцамъ.

Бдятъ, пьютъ, говорятъ тосты, братаются разные роды оружія. Поднимается съ бокаломъ въ рукѣ и со сдвинутою еще круче на затылокъ фуражкою П. А. Зеленой:

— Г.г. лубенцы! Пожелаемъ, чтобъ васъ перевели къ намъ въ Одессу. Пожелаемъ, чтобъ лубенцы вмѣстѣ съ моряками и нашими милыми одесскими барынями поработали надъ улучшеніемъ здѣшней породы! Жидова и грекосы все запаршивили! Давайте, друзья!

И тутъ Зеленой пошелъ нести такое, что офицеры повскакали съ мѣсть.

— Ваше превосходительство, дамы въ окнахъ,—наклонился къ автору тоста какой-то полковникъ.

— Э, чортъ съ ними! Пускай не слушаютъ и не смотрятъ, какъ пьютъ драгуны съ моряками! Повѣрьте, г.г., онѣ только дурака валяютъ. Ха-ха-ха! Знаемъ мы ихнюю натуру!..

Вышла у Зеленого стычка, одна изъ многихъ въ этомъ родѣ— съ совершенно незнакомымъ ему лицомъ въ какомъ-то магазинѣ. Какъ всегда, безъ всякой причины, изругалъ незнакомца, проѣзжаго. Послѣдній оказался графомъ Х., личнымъ знакомымъ императора Александра III. Графъ спокойно потребовалъ составленія протокола. Пришла полиція, Зеленой продолжаетъ ругаться, велитъ протоколъ писать и самъ уѣзжаетъ, Графъ назвалъ себя полиціи. Скандаль. Докладываютъ Зеленому. Опѣшили, ѣдетъ къ обиженному въ номеръ извиняться. Зеленого не принимаютъ; ѣдетъ еще разъ—не принимаютъ, а черезъ нѣсколько дней Зеленому приказъ изъ Петербурга: недѣля домашняго ареста. Конечно, многіе пропюхали, а репортеры и подавно. На другой день замѣтка въ газетахъ: «Его превосходительство г. градоначальникъ П. А. Зеленой заболѣлъ, но несерьезно. Врачи предписали нѣсколько дней не выходить». За два дня до конца ареста въ одной изъ газетъ опять сообщеніе: его превосходительство настолько-де оправился, что въ такой-то день и обычный часъ одесситы увидятъ его. Было совершенно прозрачно.

Прочиталъ Зеленой и расхохотался:

— Вотъ подлецы! Поддѣли—какъ пить дать! Теперь всѣ будутъ знать, чѣмъ болѣлъ градоначальникъ...

Наскакивалъ такимъ манеромъ Зеленой и на знатныхъ иностранцевъ, ученыхъ, туристовъ и т. д., которыхъ всегда въ Одессѣ найдешь. Затѣвалась переписка съ вѣдомствомъ иностранныхъ дѣлъ, грозили даже международныя непріятности. Ронялъ Зеленой престижъ власти—какъ рѣдко кому удается.

Дождались одесситы эффектнѣйшаго зрѣлища: пожара въ порту (въ карантинной гавани). Собралось тройное начальство, все моряки и отборнѣйшіе «ругаки»: градоначальникъ Зеленой, начальникъ порта, извѣстный герой «Весты» и любимецъ покойнаго генералъ-адмирала великаго князя Константина Николаевича В. П. Перелешинъ и брендмайоръ, родственникъ Зеленого Болтинъ (мичманъ Б.—у Гончарова). Каждый считаетъ себя главнымъ начальствомъ—столкновение компетенцій. Всѣ трое разносятъ друга друга вдребезги; ругаются такъ ужасно, такими невѣроятно-гнусными

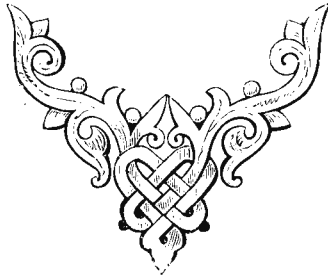
словами, что босяки внѣ себя отъ восторга и кричатъ «ура» безъ конца.

Наконецъ Болтинъ, взобравшись на горящую крышу пакгауза, сталъ осыпая Зеленого громоподобнымъ голосомъ такими эпитетами, что тотъ сдвинулся и въ полномъ конфузѣ бѣжалъ съ «поля брани».

— Я тебѣ поградоначальствую! — гремѣлъ ему вдогонку Болтинъ.

— Ажъ Зеленого переругать! — восхищалась толпа.

В. Я. Кричевскій.

ПЕРІОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

XXVIII.

РЪДИ министровъ царствованія Александра III совершенно исключительное положеніе занималъ оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода Константинъ Петровичъ Побѣдоносцевъ, съ именемъ, взглядами и дѣятельностью котораго намъ уже неоднократно приходилось встрѣчаться въ настоящей части нашей работы и которому въ свое время авторъ настоящаго очерка посвятилъ на страницахъ журнала некрологъ ²⁾. Считаемо необходимымъ возобновить въ памяти нашихъ читателей образъ этого замѣчательнаго человѣка, къ которому при жизни его несло столько ненависти и проклятій, который поражалъ современниковъ своимъ обширнымъ и разностороннимъ умомъ и желѣзною волею, который былъ высоко цѣнимъ своимъ почившимъ монархомъ, императоромъ Александромъ III, считавшимъ Россію обязанною ему успокоеніемъ вѣлѣдъ за террористическимъ періодомъ нашей жизни и поставившимъ его въ исключительное къ себѣ приближеніе. Личность Константина Петровича далеко не освѣщена въ полной

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. СХХІХ, стр. 659.

²⁾ «Истор. Вѣстн.» 1907 г., апрѣль.

мѣрѣ нашею историческою литературой, но надѣ нѣкоторыми его дѣянiями, какъ государственнаго дѣятеля и сподвижника царя-мiротворца, мы все же имѣемъ данныя, чтобы произнести посильный судъ.

Въ некрологѣ, наименованномъ нами «материалами для біографіи», мы писали: К. П. Побѣдоносцевъ вышелъ изъ духовной семьи московскаго клира. Дѣдъ его былъ священникомъ Звенигородскаго уѣзда, а отецъ—профессоромъ словесности московскаго университета. Съ ранняго дѣтства его окружала атмосфера церковности, которая глубоко и крѣпко проникла въ его душу, оставивъ въ ней неизгладимый слѣдъ и направивъ ее по опредѣленному пути служенiя тому сословію, изъ котораго онъ вышелъ. Родился онъ въ 1827 году и, по полученiи подѣ руководствомъ отца основательной домашней подготовки, былъ опредѣленъ въ училище правовѣдѣнiя, которое окончилъ въ 1846 году. Въ литературѣ не имѣется данныхъ о дѣтскихъ и юношескихъ годахъ Константина Петровича. По природѣ очень скромный и скупой на сообщенiе біографическихъ о себѣ свѣдѣнiй, онъ не оставилъ по себѣ какого-либо автобіографическаго матеріала. Извѣстно лишь, что у него было нѣсколько братьевъ и сестеръ съ обширнымъ потомствомъ, къ которымъ онъ относился тепло и любовно, но для которыхъ онъ никогда не пускалъ въ ходъ, подобно многимъ другимъ сановникамъ, какъ, напр., покойному Ванновскому или Сголышину, своего влiянiя и связей, въ интересахъ ихъ жизненныхъ благъ и карьеризма. По окончанiи правовѣдѣнiя онъ началъ свою службу въ 8-мъ департаментѣ правительствующаго сената, а съ 1853 года вернулся въ Москву, гдѣ исполнялъ должности оберъ-секретаря при общихъ собранiяхъ московскихъ департаментовъ. Къ этому времени относится и начало его литературной дѣятельности, обнаружившей сразу въ молодомъ чиновникѣ сената большой литературный талантъ и широкія юридическія познанiя, выдвигающія его въ рядъ первоклассныхъ отечественныхъ цивилистовъ, горячо отзывавшагося не только на вопросы своей излюбленной специальности, но и на животрепещущіе запросы политическаго дня. Статьи его того періода печатались на страницахъ тогдашняго умѣренно-либеральнаго «Русскаго Вѣстника», и изъ числа ихъ надлежитъ отмѣтить «Замѣтки для исторiи крѣпостнаго права въ Россiи» и «О реформахъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ». Первая изъ нихъ касалась жгучаго тогда вопроса русской соціальной жизни, въ разсмотрѣнiи его подѣ угломъ зрѣнiя просвѣщеннаго и прогрессивнаго изслѣдователя; вторая явилась той своего рода влiятельной визитной карточкой для входа въ храмъ науки, которая широко раскрыла передъ нимъ двери этого храма и создала ему имя выдающагося молодого ученаго. Во вниманiе къ его научно-литературнымъ работамъ московскій университетъ пригласилъ его на кафедру гра-

жданскаго права, которую онъ и занималъ съ 1859 г. по 1860 годъ; на слѣдующій годъ судьба оторвала его отъ непосредственной близости къ учащимъ и учащимся въ старѣйшемъ русскомъ университетѣ и ему предложено было преподавать законовѣдніе наслѣднику цесаревичу Николаю Александровичу и великимъ князьямъ Александру Александровичу и Владимиру Александровичу. Этотъ переходъ изъ университетскихъ аудиторій въ интимныя комнаты дворца являлся въ жизни Побѣдоносцева рѣшающимъ моментомъ: онъ отрывается отъ служенія чистой наукѣ, пріобцается къ дворцовой жизни и государственной дѣятельности, при чемъ послѣднія двѣ сферы отнынѣ становятся взаимнодополняющими и стоящими въ тѣсной связи и зависимости, какъ съ внѣшней стороны, такъ и со стороны ихъ идейнаго содержанія, что особенно усилилось и проявилось въ восьмидесятыя годы, когда на престолъ вступилъ бывшій ученикъ Побѣдоносцева, Александръ III, во многихъ отношеніяхъ находившійся подъ религіозно-нравственнымъ вліяніемъ своего былого наставника.

Чтеніе лекцій наслѣднику-цесаревичу обратило на Побѣдоносцева вниманіе императорской семьи, и въ 1863 г. ему поручается сопровождать Николая Александровича въ его путешествіи по Россіи, результатомъ каковой поѣздки явилась имъ написанная книга «Письма о путешествіи государя наслѣдника цесаревича по Россіи», отрывки изъ которой и до сихъ поръ помѣщаются въ нашихъ хрестоматіяхъ, какъ лучшіе образцы русской прозы и отечественной стилистики. Характеризуя нашего ученаго писателя, именно какъ стилиста, г. Никольскій ¹⁾ говоритъ: «... Нельзя отрицать замѣчательнаго своеобразія слога К. П. Побѣдоносцева. Онъ обладаетъ удивительнымъ искусствомъ писать какими-то не с о м н ѣ н н ы м и словами, съ какою-то механическою точностью выражающими свое содержаніе. Даже въ минуты одушевленія въ его рѣчи слышна металлическая, звонкая точность: его слова не отстаютъ отъ мыслей, не обгоняютъ ихъ; ни намековъ, ни поэтической недосказанности въ нихъ нѣтъ. Какъ стилистъ, онъ, можно сказать, чеканитъ свои мысли. И это не элегантная, нарядная чеканка изысканныхъ и пышныхъ французскихъ стилистовъ, нерѣдко по ближайшемъ разсмотрѣніи оказывающихся просто издѣліями изъ дутаго металла: это добросовѣстная, нѣсколько тяжеловѣсная и угловатая обработка полноцѣнныхъ, вѣскихъ мыслей». Приведя соотвѣтствующія выдержки изъ произведеній разсматриваемаго автора, г. Никольскій продолжаетъ: «Манера его письма всецѣло заимствована имъ у нашихъ духовныхъ писателей и можетъ быть признана манерой церковной стилистики по преимуществу. Эта стилистика страдаетъ, какъ извѣстно, однообразіемъ сравненій и упо-

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г.

добленій, допуская риторическое творчество лишь въ предѣлѣ немногочисленныхъ традиціонныхъ образцовъ, украшеній и фигурь. Слова обыденной разговорной рѣчи она замѣняетъ ихъ синонимами, посящими книжный характеръ, и такимъ образомъ живость и мѣткость рѣчи замѣняетъ отвлеченной кристаллической точностью. Она допускаетъ большія грамматическія неправильности, изобилуетъ латинизмами и грецизмами, не говоря уже о насильственномъ укладываніи гибкой и подвижной русской рѣчи въ искусственные, угловатые церковно-славянскіе обороты. Но при всѣхъ этихъ недостаткахъ церковная стилистика носить на себѣ неизгладимый отпечатокъ художественнаго благородства. Она вышла изъ школы писателей древняго міра, этихъ болѣе чѣмъ служителей, а скорѣе жрецовъ слова, ревностныхъ блюстителей его чистоты, красоты, разнообразія и силы... Она требуетъ отъ писателя дѣйствительнаго творчества, о чемъ бы онъ ни писалъ; она не допускаетъ готовыхъ словъ съ готовыми мыслями, но требуетъ для великой мысли создавать ея врожденное выраженіе. Потому она учитъ сообщать интересъ предметамъ ихъ описаніемъ, значеніе мыслямъ ихъ выраженіемъ. Оттого, на примѣръ, до настоящаго времени сохранили интересъ, свѣжесть и прелесть новизны превосходныя «Письма о путешествіи наслѣдника цесаревича», съ точки зрѣнія выполненія и слога дѣйствительно напоминающія классическихъ авторовъ. Самые, повидному, незначительные подробности и эпизоды знаменательнаго путешествія пріобрѣтаютъ какую-то особенную яркость, выпуклость и значеніе отъ того сжатого, точнаго и оживленнаго слога, которымъ описаны. Усердіе историка, ученаго и политика примѣнено здѣсь образцовымъ стилистомъ къ небольшому біографическому эпизоду, и результатомъ этого усердія является совершенно неожиданная прелесть для читателей простыхъ, но разнообразныхъ, «не мудрствуя лукаво», но обдуманнымъ лѣтописнымъ тономъ описанныхъ событій».

Эта съ любовью и знаніемъ дѣла написанная характеристика стилистической манеры писанія Побѣдоносцева исчерпываетъ вопросъ полностью и остается лишь сказать, что по техникѣ своей письменной рѣчи ученый писатель можетъ по справедливости быть поставленъ въ одинъ рядъ съ такими виртуозами русскаго слова, какъ покойный И. Аксаковъ и М. Катковъ, съ отличіемъ отъ нихъ лишь въ томъ отношеніи, что въ его изложеніи мыслей постоянно проглядывало тяготѣніе къ церковнымъ оборотамъ рѣчи и духу нашей церковной словесности, родство и близость съ которой у него начались еще съ дѣтскихъ лѣтъ.

По переѣздѣ въ Петербургъ Побѣдоносцевъ былъ назначенъ въ 1865 г. членомъ консультаціи при министерствѣ юстиціи, а съ 1868 г. сенаторомъ второго департамента, откуда въ томъ же году былъ перемѣщенъ въ гражданскій кассационный департаментъ.

1-го января 1872 г. ему было всеимпостовѣйшее повелѣніе быть членомъ государственнаго совѣта съ присутствіемъ въ департаментѣ гражданскихъ и духовныхъ дѣлъ. Въ 1875—1876 гг. онъ состоялъ членомъ комисіи для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ по министерству народнаго просвѣщенія, въ 1877 г. — членомъ комисіи для разсмотрѣнія дѣла о преобразованіи тюремной части и о пересмотрѣ второй главы перваго отдѣла уложенія о наказаніяхъ, въ 1879 г. членомъ совѣта по тюремнымъ дѣламъ, а 24-го апрѣля 1880 г. оберъ-прокуроромъ св. синода и въ томъ же году назначенъ членомъ комитета министровъ. Последнее назначеніе, по свидѣтельству «Новаго Времени» ¹⁾, «обратило на себя въ свое время общее вниманіе. Дѣло въ томъ, что до того времени оберъ-прокуроръ св. синода, хотя, по своему значенію въ управленіи дѣлами православнаго вѣдомства, занималъ постъ, почти равный министерскому, не считался, однако, членомъ комитета министровъ. Предшественникъ К. П. Побѣдоносцева, графъ Д. А. Толстой былъ членомъ комитета министровъ лишь по званію министра народнаго просвѣщенія, между тѣмъ какъ К. П. Побѣдоносцевъ былъ сдѣланъ членомъ комитета министровъ лично». Оставаясь въ теченіе двадцати пяти слишкомъ лѣтъ на посту оберъ-прокурора св. синода, Побѣдоносцевъ въ 1894 г. былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, въ день св. коронованія 15-го мая 1896 г. ему пожаловали орденъ св. Владимира первой степени, въ день открытія памятника Александру II (16-го августа 1896 г.)—орденъ св. Андрея Первозваннаго, и 19-го октября 1905 г. онъ удостоился высочайшаго рескрипта, гдѣ между прочимъ говорилось: «Состоя въ теченіе четверти вѣка ближайшимъ сотрудникомъ въ Божь почившихъ дѣда и родителя моихъ и моимъ по дѣламъ духовнаго вѣдомства православнаго исповѣданія, въ своими совершенно выдающимися способностями и беззавѣтною преданностью престолу снискали искреннее мое уваженіе».

Будучи сотрудникомъ трехъ императоровъ въ определенной сферѣ государственнаго управленія, оберъ-прокуроръ синода не ограничивался, однако, отведенной ему определенной областью государственныхъ дѣлъ. И по званію члена государственнаго совѣта, и какъ лицо приближенное къ своимъ державнымъ вождамъ, и какъ человекъ-гражданинъ съ строго-определеннымъ міросозерцаніемъ, онъ проявлялъ интересъ и вліяніе по самымъ разнообразнымъ отраслямъ отечественной жизни, подавая по вѣсьмъ важнѣйшимъ вопросамъ управленія свой независимый и убѣжденный голосъ. Въ октябрѣ 1905 г. онъ подалъ въ отставку и покинулъ постъ оберъ-прокурора св. синода, сохранивъ за собою званіе члена государственнаго совѣта, но и въ данномъ положеніи,

¹⁾ «Новое Время», 1907 г., № 11133.

до самой своей кончины, насколько позволяли ему силы и время, онъ продолжалъ служить государю и родинѣ, зорко слѣдя за всѣми явленіями нашей внутренней жизни.

XXIX.

Выступивъ на литературномъ поприщѣ съ указанными выше печатными работами по преимуществу юридическаго характера, К. П. Побѣдоносцевъ уже въ 1861 г. начинаетъ опубликовывать и свои работы по вопросамъ религіозно-нравственнымъ. Такъ, въ этомъ году онъ издаетъ свой переводъ книжки Тирша «Христіанскія начала семейной жизни», а въ 1863 г. помѣщаетъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статью «Тишендорфъ и Синайская Библія». Въ 1869 г. онъ издаетъ свой классическій переводъ съ латинскаго сочиненія Ѳомы Кемпійскаго «О подражаніи Христу», каковой его трудъ, вышедшій нынѣ уже седьмымъ изданіемъ, представляетъ собою, по мнѣнію специалистовъ, не только лучшую передачу оригинала, но вмѣстѣ съ тѣмъ и образцово-составленную книгу съ «примѣчаніями и размышленіями изъ духовныхъ писателей», съ библиографическимъ указателемъ и прекраснымъ вступленіемъ отъ издателя-переводчика, повѣствующаго, какое значеніе имъ придается выпускаемому труду. «Книга эта,—говоритъ онъ здѣсь,—исполнена священной поэзіи. Каждая страница въ ней дышитъ, если можно такъ выразиться, лирическимъ восторгомъ вѣрующей души. Всюду въ ней слышится торжественная пѣснь о Богѣ, о вѣчности и о судьбѣ человѣка».

За годъ передъ тѣмъ (1868 г.) имъ былъ изданъ замѣчательный «Курсъ гражданскаго права» (2 тома), каковой въ 1873—75 гг. былъ переизданъ съ значительными дополненіями и послѣ того вышелъ еще нѣсколькими изданіями. Это, по оцѣнкѣ специалистовъ, «классическое произведеніе русской юридической литературы» обнимаетъ собою большинство его работъ по отдѣльнымъ вопросамъ государственнаго права и является первой полной обработкой дѣйствующаго русскаго гражданскаго права. Въ основу этого, въ своемъ родѣ единственнаго у насъ, юридическаго труда положенъ историко-юридическій методъ, причемъ каждый институтъ рассмотрѣнъ авторомъ въ римскомъ, французскомъ и германскомъ правѣ; установивъ основную идею института, изслѣдователь уже послѣ того переходитъ къ изложенію русскаго законодательства въ этомъ кругу, предпосылая всегда догматическому изложенію историческій очеркъ происхожденія и развитія даннаго института на отечественной почвѣ. Такой методъ работы даетъ возможность въ потребныхъ случаяхъ читателю судить, «въ чемъ русскій законъ учрежденія соотвѣтствуетъ или не соотвѣтствуетъ общему его типу, какъ онъ выразился въ исторіи, въ экономіи и въ правѣ

Западной Европы». «Курсъ гражданскаго права» явился у насъ первой самостоятельной и детальной разработкой дѣйствующаго русскаго права, въ его исторіи и въ связи съ практикой, получилъ въ нашей литературѣ большую научную и практическую цѣну, сдѣлавшись противовѣсомъ германской романистической схоластикѣ, отрѣшившейся отъ исторіи и современнаго права въ его новѣйшихъ, не схожихъ съ римскими, образованіяхъ.

И по содержанію и по идейному богатству ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ «курсу» другая его юридическая работа— «Судебное руководство», гдѣ онъ выдвигаетъ свое главное положеніе, заключающееся въ томъ, что законъ—«только опора для исполнителей и требуетъ отъ нихъ извѣстнаго знанія и разумѣнія, приобретаемаго не изъ буквы закона, а изъ школы и изъ того совмѣстно и послѣдовательно накопленнаго запаса силъ и опытности, который собирается трудомъ поколѣній».

Для иллюстраціи того, какія требованія предъявлялъ К. П. Побѣдоносцевъ къ русскимъ ученымъ въ области изученія отечественнаго права, какія цѣли онъ имъ ставилъ и какъ онъ смотрѣлъ на ихъ призваніе, ихъ долгъ передъ родиною, небезполезно привести нижеслѣдующую выдержку изъ его «Курса». Онъ говоритъ: «Изучать надо самыя памятники законодательства. Для сего мы имѣемъ превосходный матеріалъ въ «первомъ полномъ собраніи законовъ», и за него-то надобно взяться каждому, кто захочетъ заниматься русскимъ правомъ серьезно. Къ полному собранію законовъ прибѣгаютъ обыкновенно лишь на случай справокъ, и тогда приписываютъ въ немъ нужные указы, большею частью при помощи изданнаго при ономъ алфавитнаго указателя. Но этотъ способъ изученія неполный, отрывочный и весьма ненадежный по крайней ненадежности алфавитнаго указателя. Въ полномъ собраніи законовъ необходимо самому пробивать себѣ дорогу, и потому я серьезно совѣтую всякому истинно жаждущему знанія приняться за чтеніе полнаго собранія, начиная съ перваго тома. При чтеніи необходимо составлять себѣ краткія отмѣтки и выписки, которыя впоследствии останутся для читателя на всю жизнь надежнѣйшимъ и полнѣйшимъ указателемъ на случай нужды. Многимъ можетъ показаться страннымъ такой совѣтъ; но смѣю увѣрить всякаго, что такое чтеніе, въ началѣ, правда, требующее нѣкоторыхъ усилій, вскорѣ окажется интереснымъ, а для иныхъ и увлекательнымъ чтеніемъ. Съ каждымъ томомъ читатель станетъ входить въ силу и живѣе почувствуетъ въ себѣ драгоцѣннѣйшій плодъ внимательнаго труда—здоровое и дѣльное знаніе, то самое знаніе, которое необходимо для русскаго юриста и которымъ русскіе юристы, къ сожалѣнію, такъ часто пренебрегаютъ, питаюсь изъ источниковъ иноземныхъ: незамѣтно воспринимаятъ они въ себя понятія, возникшія посреди исторіи чужого народа, усваиваютъ начала

и формы, на чужой почвѣ образовавшіяся и связанныя съ экономіей такого быта, который далеко отстоитъ отъ нашего: естественно, что отсюда родится ложное понятіе о потребностяхъ нашего юридическаго быта и о средствахъ къ ихъ удовлетворенію, пренебреженіе или равнодушіе къ своему, чего не знаютъ, и преувеличенное мнѣніе о пользѣ и достоинствахъ многаго такого, что хорошо и полезно тамъ, гдѣ нѣтъ соответствующей почвы и соответствующихъ условій историческихъ и экономическихъ. Такое знаніе невозможно признать здоровымъ и истиннымъ, какъ отрѣшенное отъ жизни, слѣдовательно—отъ истины. Напротивъ, тѣмъ и дорого изученіе нашего полнаго собранія законовъ для русскаго юриста, что здѣсь каждое явленіе юридическое, каждое положеніе представляется въ связи со всею обстановкою быта, со всеми данными историческими, и въ совокупности съ ними объясняется».

Обративъ также вниманіе на вышеприведенныя слова, г. Никольскій въ своей статьѣ «Литературная дѣятельность К. П. Побѣдоносцева»¹⁾ вполне справедливо замѣчаетъ, что они чрезвычайно важны для пониманія міросозерцанія нашего ученаго писателя. Здѣсь выражено, по его мнѣнію, «требованіе точнаго и твердаго знанія, знанія положительнаго и нагляднаго, чуждаго смѣлыхъ обобщеній и умозаключеній... выражено отвращеніе ко всякой предвзятости, ко всякой теоретичности, ко всякому предрѣшенію частныхъ общими взглядами... заявлено твердое требованіе дисциплины мысли на положительномъ опытѣ, изощренія сужденія къ пониманію частныхъ не отвлеченной логической эквилибристикой, а непрерывнымъ изученіемъ формальныхъ данныхъ... слышится благоговѣніе къ народу и жизни народной, то благоговѣніе, которое не требуетъ смиренія, не принуждаетъ къ нему, а неразрывно съ нимъ».

Стремясь какъ можно обстоятельнѣе ознакомить русскіхъ юристовъ съ разными вопросами, возникающими изъ изученія юридической практики, Побѣдоносцевъ предпринимаетъ рядъ работъ, относящихся къ восьмидесятымъ годамъ, изъ которыхъ главнѣйшія: «Нѣкоторые вопросы, возникающіе по духовнымъ завѣщаніямъ», «Пріобрѣтеніе собственности и потомственные книги», «Вещный кредитъ и заложное право», «Имѣніе родовое и благопріобрѣтенное», «Одновороческія земли и начало спеціальнаго межеванія въ Россіи», «Юридическія замѣтки и вопросы по наследственному и завѣщательному правамъ», «О чрезполосномъ владѣніи», «Судебное руководство», «Матеріалы для исторіи приказнаго судопроизводства въ Россіи», «Историческія изслѣдованія и статьи» и другія.

¹⁾ «Историческій Вѣстникъ» 1896 г.

Разрабатывая неустанно многіе вопросы отечественной жизни въ ихъ историко-юридической постановкѣ, ученый писатель продолжалъ отъ времени до времени откликаться и на политическія злобы дня. Такъ, во время славянскаго освободительнаго дви-

К. П. Побѣдоносцевъ.

женія на Балканскомъ полуостровѣ имъ были изданы двѣ переводныя работы: одна съ англійскаго—«Болгарскіе ужасы и восточный вопросъ» Гладстона (1876 г.) и съ чешскаго—«Приключенія дворянина Вратислава въ Константинополѣ, въ тяжкой неволѣ у турокъ съ австрійскимъ посольствомъ» (1877 г.). Въ послѣдую-

«истор. вѣсти», сентябрь 1912 г., т. сxxx.

20

щія же десятилѣтія онъ выступаетъ въ литературѣ по преимуществу съ вопросами церковными и нравственно-религіозными и даетъ въ этой области рядъ трудовъ значительной важности. Къ числу таковыхъ относятся: «Доброе слово воспитанникамъ духовныхъ семинарій и академій по поводу нынѣшнихъ страшныхъ событій» (1881 г.), «Историко-юридическіе акты эпохи XVII и XVIII вѣковъ» (1887 г.), «Исторія православной церкви до раздѣленія церквей» (1891 г.; четыре изданія), «Праздники Господни» (1893 г.; шесть изданій), «Для немногихъ», воспоминанія объ Эдитѣ Радень (1893 г.), «Фредерикъ Ле-Плэ» («Русское Обозрѣніе», 1893 г., кн. 9; отдѣльно—Москва. 1897 г.), «Побѣда, побѣдившая міръ» (1895 г.; восемь изданій), «Вѣчная память», воспоминанія о почившихъ (1896 г.), «Московскій Сборникъ», собраніе главныхъ статей о церкви и государствѣ (1896 г.; пять изданій, переведено на нѣмецкій, французскій и англійскій языки), «Сборникъ мыслей и изреченій митрополита московскаго Филарета» (1897), «Исторія дѣтской души» (1897 г.; три изданія), «Новая школа» (1899 г.; два изданія), «Воспитаніе характера въ школѣ» (1900 г.), «Ученье и учитель», педагогическія замѣтки (два выпуска, 1900—1904 гг.), «Призваніе женщины въ школѣ и обществѣ» (1901 г.), «Воспоминанія о Вас. Петров. Зубковѣ» («Русскій Архивъ», 1904 г., кн. 2), «Экскурсія въ русскую грамматику» (1904 г.) и «Откуда нигилизмъ» (1904 г.).

Состоя въ теченіе многихъ лѣтъ (съ 60-хъ годовъ) сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей», К. П. Побѣдоносцевъ помѣстилъ на страницахъ этой газеты, между прочимъ, слѣдующія статьи: «Памяти великой княгини Екатерины Михайловны» (1894 г., № 155), «Прощаніе Москвы со своимъ царемъ» (1894 г., № 300), «Объ университетскомъ преподаваніи» (1899 г., № 173) и «Отвѣтъ русскаго человѣка Кропоткину» (1901 г., №№ 284—285).

Кромѣ «Московскихъ Вѣдомостей», Побѣдоносцевъ помѣщалъ свои работы на страницахъ «Архива» Калачева, «Журнала Министерства Юстиціи», «Юридическаго Вѣстника», «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей при московскомъ университетѣ», «Русскаго Архива», «Русскаго Обозрѣнія» и др. Но преимущественный способъ, избранный имъ для обнародованія своихъ работъ, былъ—выпускъ ихъ отдѣльными изданіями, общедоступными и дешевыми, въ расчетѣ не на полученіе съ нихъ прибыли, а на широкое ихъ идейное распространеніе. Необходимо отмѣтить, что почти въ исключительномъ распоряженіи Константина Петровича состоялъ большой издательскій капиталъ имени А. Муравьева, который также употреблялся имъ на выпускъ многихъ духовно-нравственныхъ трудовъ и брошюръ, которые имъ печатались и выпускались безъ обозначенія на обложкѣ о причастіи къ ихъ изданію оберъ-прокурора св.

синода ¹⁾. Въ краткомъ журнальномъ очеркѣ, составляемомъ въ качествѣ очень срочной работы, нѣтъ возможности привести полного библиографическаго списка трудовъ и изданій Побѣдоносцева. Это дѣло его будущаго біографа и тѣхъ, кому дорога память о почившемъ дѣятелѣ отечественной литературы и русской государственности.

Центральнымъ мѣстомъ изъ всѣхъ перечисленныхъ выше произведеній покойнаго, относящихся къ восьмидесятымъ и девяностымъ годамъ, гдѣ изложено его полное религіозно-философское и политическое *profession de foi*, долженъ считаться «Московскій Сборникъ»—это въ высшей степени оригинальное явленіе русской самостоятельной мысли, обратившее на себя вниманіе широкихъ круговъ общества, какъ у себя на родинѣ, такъ и за рубежомъ ея. По силѣ слога, по чистотѣ языка, по отчеканкѣ мысли весьма и весьма немногія произведенія отечественной литературы могутъ быть поставлены въ одномъ ряду съ этимъ собраніемъ статей, гдѣ авторъ съ безошадной логикой, съ страшнымъ пессимизмомъ анализируетъ всѣ основы современной западно-европейской культурной жизни, приходитъ къ полному ихъ отрицанію и дѣлаетъ попытку противопоставить имъ національно-русскіе идеалы, поскольку таковыя вытекаютъ изъ толкованія имъ историческихъ и церковныхъ (по преимуществу) явленій русской жизни. Подобно тому, какъ въ свое время у другого русскаго глубокаго мыслителя, Чаадаева, вырвался безутѣшный крикъ отчаянія при разсмотрѣніи имъ наличности русской исторической дѣйствительности, такъ у К. П. Побѣдоносцева съ каждой страницы «Московскаго Сборника» несется крикъ отчаянія при анализѣ разныхъ проявленій западно-европейской жизни. Чаадаевъ видитъ панацею отъ всѣхъ отечественныхъ золъ и болѣзней въ приобщеніи насъ къ католической церкви, такъ, наоборотъ, Побѣдоносцевъ призываетъ современниковъ къ поклоненію православію и русской исторической церковности и отвращенію отъ тѣхъ якобы, по его мнѣнію, ложныхъ западно-европейскихъ благъ, къ которымъ въ безуміи мысли и вождельній стремится русскій интеллигентъ. Ложь—современное просвѣщеніе, ложь—демократія и народоправство, сплошная ложь—современная періодическая печать, ложь—современный гласный судъ, ложь—парламентаризмъ, ложь—вся современная жизнь безъ Христа, безъ истинной церкви, безъ истинной вѣры! Вотъ тѣ сильные крики, крики ужаса и отчаянія, которые несутся со страницъ «Московскаго Сборника». Все положительное, что здѣсь изложено, блѣднѣе отрицательной части, изложено въ

¹⁾ Главнѣйшими изданіями должно считать: «Письма о Богослуженіи», «Путешествіе по святымъ мѣстамъ русскимъ Муравьева», «Бесѣды объ отношеніи церкви къ христіанамъ», «Слова Григорія Богослова», «Сборникъ церковно-учительскихъ чтеній на дни Страстной седмицы» и др.

видѣ принимаемыхъ на вѣру аксіомъ и является нагляднымъ доказательствомъ большей силы автора въ анализѣ и отрицаніи, нежели въ синтезѣ и творческой работѣ.

Въ свое время (1896 г.) «Историческій Вѣстникъ» далъ спеціальныи отзывъ о «Московскомъ Сборникѣ», почему возвращаться къ исчерпанной уже темѣ въ настоящемъ очеркѣ по недостатку времени и мѣста не приходится.

Послѣдней крупной работой нашего ученаго мыслителя, появившейся на книжномъ рынкѣ, въ качествѣ своего рода уступки духу времени, является его упомянутый уже переводъ «Новаго Завѣта». Этотъ переводъ, изданный первоначально въ очень ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, не предназначался для широкихъ слоевъ русскаго общества, для народа, которому, по мнѣнію переводчика, былъ вполне доступенъ и Еславянскій языкъ вѣнгелія; но, какъ онъ признается въ предисловіи, «признано, однако, нужнымъ имѣть русскій переводъ Евангелія», и вотъ онъ уступаетъ и издаетъ, какъ бы противъ воли, свой интересный трудъ, о которомъ, несомнѣнно, наши лингвисты и богословы не преминутъ сказать свое авторитетное слово.

Во всемъ сказаннымъ въ общихъ чертахъ исчерпывается кипучая дѣятельность Константина Петровича въ области научно-литературной, и остается лишь въ заключеніе замѣтить, что положительно удивляешься, какъ этотъ государственный дѣятель, вѣчно призываемый къ самымъ отвѣтственнымъ правительственнымъ работамъ, прикованный къ неустанному труду надъ отечественнымъ государственнымъ и церковнымъ строительствомъ, находилъ время для столь разнообразной и продуктивной дѣятельности въ области научной мысли и литературнаго труда. Его природный талантъ и глубокой умъ не изсякалъ и не тускнѣлъ съ годами и подъ вліяніемъ повседневной практической работы. Онъ съ годами и въ опытѣ жизни какъ бы очищался и кристаллизовался въ опредѣленномъ направленіи и, пройдя разныя фазы труда, отъ земного успокоился на божественномъ, на тѣхъ высяхъ, куда доступъ имѣютъ или люди самые простые и «кроткіе сердцемъ», или избранники рода челоувѣческаго, которымъ потомство даритъ наименованіе великихъ мудрецовъ и учителей жизни.

По вступленіи на престолъ Александра III Константинъ Петровичъ получилъ возможность широкаго и всесторонняго воздѣйствія почти на все отрасли государственнаго управленія и въ качествѣ глубоко свѣдущаго юриста являются во все моменты жизни Россіи совѣтникомъ государя, когда шла рѣчь во вопросамъ русскаго государственнаго права. Мы уже знаемъ, какую рѣшающую роль онъ сыгралъ въ паденіи графа Лорисъ-Меликова и въ крушеніи его либеральныхъ реформъ. Равнымъ образомъ мы знаемъ, поскольку отрицательно онъ отнесся къ недостаточно обдуманнѣмъ мѣропріяті-

тіямъ графа Н. П. Игнатъева по созыву земскаго собора. И здѣсь роль его можно считать также первенствующею, хотя на знаменитомъ засѣданіи по сему предмету подъ предѣдательствомъ государя императора лидеромъ противъ министра внутреннихъ дѣлъ официально выступилъ не онъ, а М. Н. Островскій. Повидимому, Побѣдоносцеву было не легко поднять свою руку на представителя того нашего литературно-общественнаго движенія, выразителемъ котораго явился графъ Н. П. Игнатъевъ и къ которому нѣкоторыми сторонами своихъ завѣтныхъ вѣрованій и убѣжденій примыкалъ и знаменитый оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода.

XXX.

Мы не имѣемъ въ виду здѣсь касаться полностью всей дѣятельности К. П. Побѣдоносцева на государственномъ поприщѣ и, основываясь на компетентномъ источникѣ, почерпаемомъ нами изъ «Церковнаго Вѣстника», постараемся изобразить, въ чемъ и какъ проявилась дѣятельность Константина Петровича лишь въ области церковнаго управления. Специалистъ церковной исторіи, извѣстный ученый, Н. Никольскій въ своей некрологической статьѣ характеризуетъ его и какъ государственнаго дѣятеля, и какъ оберъ-прокурора святѣйшаго синода, по преимуществу, такъ ¹⁾:

«Въ лицѣ К. П. Побѣдоносцева угасть самый видный изъ сподвижниковъ царствованія императора Александра III, сошелъ съ исторической сцены вдохновитель его начинаній, связанныхъ съ «твердымъ русскимъ» направлениемъ внутренней политики; умеръ сановникъ, вліяніе котораго наложило свою печать на самую разнообразную сторону нашего государственнаго режима.

«Въ исторіи русской церкви имя Константина Петровича останется памятнымъ, какъ имя «благочестивѣйшаго» изъ нашихъ оберъ-прокуроровъ, который приподнялъ значеніе наружной «церковности», возвысилъ авторитетъ іерархіи и органовъ центрального духовнаго вѣдомства, усилилъ значеніе ученаго монашества, ввѣрялъ клиру дѣло начальнаго обученія, улучшалъ бытъ духовнаго сословія и оживлялъ разработку богословской науки въ интересахъ «русскаго» православія.

«Не забудутся и свойства душевнаго облика Константина Петровича, отвѣчавшія тому посту «государева ока», который былъ занятъ имъ въ теченіе четверти вѣка. Въ спискѣ правителей, состоявшихъ въ этой должности, и въ сонмѣ лицъ, его окружавшихъ, трудно назвать другою человѣка, который былъ бы такъ неліцемерно проникнуть сердечною религіозною вѣрою, такъ пропитанъ благоче-

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ», 1907 г., № 12.

стивой настроенностью, который бы съ такимъ благоговѣніемъ и дѣтской чуткостью относился къ установленіямъ церковнымъ, и такъ тонко умѣлъ осмыслить гармонію между старыми преданіями и текущими событіями жизни.

«Но еще долговѣчнѣе въ исторической памяти будетъ жить та система церковно-государственнаго строительства и правовыхъ нормъ, теоретикомъ и выразителемъ которой былъ Побѣдоносцевъ.

«Эта система явилась, какъ воплощеніе его стройнаго и строго соразмѣреннаго міросозерданія, которое состояло въ самомъ тѣсномъ единеніи со всею сложною психикою замѣчательно цѣльной по характеру, стойкой и своеобразной личности покойнаго оберъ-прокурора.

«Москвичъ по происхожденію, николаевецъ по образованію, славянофилъ по симпатіямъ той среды, въ которой онъ росъ, Побѣдоносцевъ очень рано усвоилъ узко-московскій образъ политическихъ мыслей, построенный на патріотической идеализаціи той среды.

«Въ него онъ увѣровалъ, съ нимъ онъ сжилъ, его принялъ, какъ руководство для устроенія Россіи, съ нимъ онъ и скончался.

«Церковно-политическое credo Побѣдоносцева подчинялось принципу: древне-національная (старо-московская) церковь въ единеніи съ исконно-русскимъ государствомъ. Это credo было сколкомъ съ традицій допетровскаго царства, съ которымъ неотдѣлимо сливалась церковь, какъ учрежденіе, существовавшее въ его предѣлахъ и подъ его покровительствомъ. Вникая черезъ призму московскихъ воззрѣній и старыхъ правовыхъ формъ въ исторію древней Руси, онъ, какъ поэтъ и художникъ старыхъ пережитковъ, улавливалъ душу народа и законы его бытія и въ чертахъ древняго юридическаго быта, и въ красивыхъ контурахъ старинной архитектуры, и въ богослужебныхъ напѣвахъ старо-московскихъ соборовъ. Къ несчастію, въ своихъ произвольныхъ построеніяхъ и въ субъективной идеализаціи старины, подъ вліяніемъ узко понятаго славянофильства, онъ усмотрѣлъ единственныя объективныя нормы жизни народнаго духа. Пренебрежительно отвергнувъ точные выводы историческаго знанія о законахъ общечеловѣческаго развитія ¹⁾, онъ замѣнилъ ихъ своими собственными нормами, созданными патріотическимъ увлеченіемъ, и имъ сталъ подчиняться, какъ непреложнымъ правиламъ въ сферѣ государственнаго управленія.

«Онъ увѣровалъ, что только въ подсознательной сферѣ ощущеній, наслѣдственно скопляющихся отъ предковъ, лежитъ зерно того, что можетъ считаться конгеніальнымъ той или другой народности. Скептически относился къ прогрессу и преобразованіямъ,

¹⁾ Вѣчная память. Воспоминанія о почившихъ. М. 1896 г. Моск. Сборникъ. М. 1896.

отрицая законы біологическаго развитія ¹⁾, онъ открылъ критерій для выясненія тѣхъ условій, какія опредѣляютъ благоденствіе націи, въ «натуральной силѣ инерціи», живущей въ человѣчествѣ и покоящейся не въ знаніи, не въ логическихъ аргументахъ, а въ непосредственномъ ощущеніи, чувствѣ, опытѣ и выражающей въ тяготѣніи къ старицѣ и ея учрежденіямъ ²⁾. Онъ былъ убѣжденъ, что для блага Россіи необходимо одухотворить и воскресить забытую Московскую Русь, хотя бы и въ подновленныхъ чертахъ быта текущаго времени. Поэтому онъ не вѣрилъ въ счастье Россіи безъ неограниченнаго самодержавія, безъ московскаго правовѣрія, со свободой вѣроисповѣданій, печати, слова и личности и съ представительной формой правленія. Съ упорствомъ старовѣра онъ трудился надъ тѣмъ, чтобы вернуть современную жизнь въ узкое и уже заросшее русло учреждений и образа мыслей Московіи XVII столѣтія.

«Неподдѣльно благочестивый и искренно вѣрующій, онъ даже въ вопросѣ религіозномъ не могъ отрѣшиться отъ тѣсныхъ государственно-обрядовыхъ и принудительныхъ формъ, въ какихъ выражалась московская вѣра, и возвыситься до вселенскаго христіанства. Поставленный судьбою во главѣ церковнаго вѣдомства, идеологъ реакціи и независимой власти возмечталъ при помощи церкви перевоспитать Россію, на основахъ подсознательнаго консерватизма. По его программѣ, церковно-приходскія школы, постепенно оттѣсняя свѣтскія училища, должны были поддерживать и питать въ народѣ исконныя религіозно-политическіе устои. Духовная школа, сдѣлавшись школою не только образовательною, но и воспитательною (уставы 1884 г.), должна была служить очагомъ для древнерусскаго государственнаго благочестія и стать опорой наличнаго строя, какъ наилучшаго. Духовная наука должна была оставить свои связи съ западною культурою и свои стремленія къ общечеловѣческой истинѣ, а служить интересамъ правительственныхъ вѣрованій (указы объ ученыхъ сочиненіяхъ и т. п.). Церковно-государственная цензура должна была слѣдить, чтобы въ сознаніе общества не проникло ничего, что не гармонировало бы съ этими вѣрованіями и могло бы напоминать какія-либо «космополитическія» химеры и признаки свободнаго мышленія. Этой программѣ должна была помогать централизація іерархической власти, связанной съ государствомъ, но разъединенной отъ народа. Въ усиленіи іерархіи онъ видѣлъ одинъ изъ источниковъ государственной мощи ³⁾».

«Двадцатипятилѣтняя оберъ-прокуратура К. П. Побѣдоносцева протекла, какъ длительный опытъ примѣненія къ церковно-государ-

¹⁾ Моск. Сборникъ. М. 1896.

²⁾ Моск. Сборникъ. М. 1896; Брокгаузъ-Эфронъ, Энциклопедическій словарь, т. XXIII, стр. 952.

³⁾ Моск. Сборникъ. М. 1896.

ственной жизни этой узкой доктрины, убивающей въ корнѣ идею живой церкви и истинно-христіанскаго благочестія. Какъ всякій опытъ, не согласованный съ законами жизни, онъ не могъ быть удачнымъ потому, что былъ слишкомъ далекъ отъ всесторонней ея правды. Для государственнаго механизма печально было то, что при рулѣ управления 25 лѣтъ стоялъ человекъ, слѣпо вѣрившій въ непогрѣшимость своего курса, но не имѣвшій вѣры ни въ историческіе законы общечеловѣческаго развитія, ни въ живую силу индивидуализма, ни въ способность народа претворять въ своемъ горнилѣ все необходимое для своихъ потребностей.

«Таковъ былъ гнетъ государственной опеки и контроля и для государственной церкви, но для церковнаго общества, которое искусственно отдалялось имъ отъ центровъ бюрократической машины, значеніе этого трагизма ослаблялось поддержкою народно-религіозныхъ инстинктовъ, и по мѣрѣ того, какъ шла централизація церковно-государственныхъ интересовъ, рядомъ, въ глубинѣ народной души, происходилъ процессъ возрастанія церковнаго самосознанія, который въ концѣ концовъ и приблизился къ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіямъ, послѣ длительного періода искусственной атрофіи. Неумолимая судьба заставила самого К. П. стать очевидцемъ этихъ послѣдствій, которыхъ онъ не замѣчалъ и съ которыми онъ такъ долго и упорно боролся.

«Горячій защитникъ государственной централизаціи, боготворившій силу и власть ¹⁾, онъ долженъ былъ къ концу дней своихъ слѣдить за ослабленіемъ ея въ разныхъ автономіяхъ и симптомахъ народнаго представительства, котораго онъ опасался ²⁾. Покровитель монаховъ и іерархической рясы, онъ вынужденъ былъ на себѣ испытать неблагоприятныя послѣдствія этого недалёковиднаго усиленія. Врагъ вѣротерпимости ³⁾, каковую считалъ признакомъ индифферентизма, онъ долженъ былъ дожить до признаковъ ея, одобряемыхъ представителями самой іерархіи. Поклонникъ теоріи государственной религіи, опасавшійся антагонизма между церковью и государствомъ, онъ дожилъ до начала ихъ раздвоенія. Ярому противнику свободы слова и печати довелось стать очевидцемъ уничтоженія цензуры. Защитникъ церковнаго образованія, онъ самъ уже догадывался о близости проектовъ всеобщаго обученія, не подчиненнаго церковному контролю. Наконецъ ему же выпало на долю быть молчаливымъ свидѣтелемъ подготовки рискованныхъ преобразованій въ той самой таинственной сферѣ церковнаго бытія, гдѣ онъ считалъ священнымъ и родственнымъ народной душѣ каждый звукъ, каждое слово, каждую мелкую черту бытового уклада.

¹⁾ Моск. Сборн. М. 1896.

²⁾ Тамъ же.

³⁾ Тамъ же.

«Все это было прямымъ историческимъ постулатомъ побѣдоносцевскаго періода, хотя и не входило въ прямые расчеты его главнаго дѣятеля. Но въ исторической вѣчности и эта недальновидность должна имѣть право на благодарность себѣ».

XXXI.

Другой сотрудникъ того же почтеннаго духовнаго органа В. Ильинскій, остановившись на разсмотрѣніи дѣятельности К. П. Побѣдоносцева, какъ создателя церковно-приходской школы, въ коей оберъ-прокуроръ усматривалъ своего рода ячейку, откуда должно выйти новое поколѣніе людей, преданныхъ церкви, царю и исконнымъ русскимъ началамъ, и каковою школою онъ стремился дать отпоръ, по его мнѣнію, тлетворнымъ началамъ, идущимъ изъ земской и отчасти министерской народныхъ школъ, — говорить въ статьѣ «Творцы и исполнители ихъ плановъ»¹⁾: «Съ именемъ К. П. Побѣдоносцева связана и церковно-приходская школа съ ея завершеніемъ — учительскими школами, второклассной и собственно учительской, и въ основу этихъ школъ всецѣло положены тѣ принципы, которые Константинъ Петровичъ проводилъ въ своихъ педагогическихъ работахъ. Онъ создалъ конфессіональную школу не тѣмъ только, что завелъ въ государственномъ бюджетѣ новую графу, какой раньше въ немъ не существовало. Церковная школа всецѣло обязана ему и самымъ своимъ стилемъ, самымъ духомъ своей организациіи. Тотъ, кто внимательно читаетъ относящія къ ней уставы, программы, объяснительныя записки, не могъ не замѣтить, что ихъ творецъ проникнуть былъ глубокими гуманистическими чувствами и хотѣлъ въ этой школѣ видѣть воплощеніе лучшихъ религіозныхъ педагогическихъ теорій.

«Насколько Константинъ Петровичъ интересовался школьнымъ дѣломъ, можно судить по тому, что при своихъ сложныхъ обязанностяхъ и занятости вопросами государственной важности, онъ самъ читалъ ученическія работы, привозимыя ему наблюдателями изъ разныхъ концовъ Россіи, и не поверхностно просматривалъ ихъ, а старался по нимъ опредѣлить фізіономію той или иной школы (учительской) и притомъ просматривалъ не по какимъ-либо необычайнымъ поводамъ, а по заведенному порядку. Однако — одно теорія, желанія, планы, а иное дѣло осуществленіе ихъ.

«Планы Константиномъ Петровичемъ начерчены были, несомнѣнно, прекрасные, но исполненіе ихъ попало въ руки людей бездушныхъ, которые пользовались ими только какъ средствомъ для личныхъ цѣлей и подъ ихъ прикрытіемъ проводили собственныя

---

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ», 1907 г., № 13.

архаическія воззрѣнія. Константинъ Петровичъ боялся, что живое дѣло въ церковной школѣ будетъ вестись худо на мѣстѣ, среди самаго народа, учителями и законоучителями, и просмотрѣлъ, что у самаго источника церковно-приходскаго дѣла сѣло немало мертвыхъ людей, отравляющихъ и мутящихъ его кристально-чистыя педагогическія идеи. Мы разумѣемъ пѣкоторыхъ дѣятелей изъ высшаго круга церковно-школьныхъ руководителей—изъ училищнаго совѣта, имъ же сформированнаго.

«Еще когда Константинъ Петровичъ былъ оберъ-прокуроромъ, въ училищномъ совѣтѣ замѣтно было два теченія: одно—въ духѣ творца церковной школы; это теченіе—официальное, въ бумагахъ, болѣе казовое, чѣмъ дѣйствительное; и другое—закулисное, дающее дѣйствительное направленіе дѣламъ, рѣзко расходящееся съ первымъ, опирающееся всецѣло на принципы формализма, показной внѣшности, исправной канцелярщины и окрашенное развѣдающимъ пессимизмомъ семинарско-административнаго пошиба. Благодаря этому, въ дѣлахъ и дѣйствіяхъ училищнаго совѣта царилъ полный сумбуръ. Характеръ опредѣленій совѣта нерѣдко зависѣлъ отъ того, что партія въ тотъ или другой моментъ успѣвала обойти другую и заручиться поддержкою Константина Петровича, который не могъ, разумѣется, услѣдить за всѣмъ, что дѣлалось въ совѣтѣ, и полагался на тѣхъ, кому довѣрялъ. Опредѣленія училищнаго совѣта противорѣчили одно другому не только по духу, но даже и по буквѣ».

Въ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Въ сферѣ церковныхъ школъ», тотъ же В. Ильинскій, обращаясь къ критикѣ принциповъ, положенныхъ въ основаніе административной организаціи церковно-приходскихъ школъ, свидѣтельствуетъ: ¹⁾ «Наши церковныя школы тоже бюрократическое учрежденіе. Съ верховъ исходитъ ихъ идея, наверху выработаны ихъ строй, тамъ же составлены ихъ программы, и все церковно-школьное управленіе носитъ чисто бюрократическій отпечатокъ.

«Какъ во всякомъ бюрократическомъ учрежденіи, въ церковной школѣ ходъ зависитъ отъ верховъ, отъ давленія оттуда и того направленія, въ какомъ производится давленіе. Оберъ-прокуратура производитъ давленіе на архіереевъ, архіереи—на подвѣдомственные имъ училищные совѣты, отдѣленія и наблюдателей, а тѣ, въ свою очередь, давятъ на широкій слой приходскихъ священниковъ. Каждый изъ слоевъ этой пирамиды властей пригнетаетъ все, что можетъ быть самобытнаго въ нижнихъ слояхъ, потому что каждый слой служитъ лишь посредникомъ для вышележащаго слоя. Народъ долженъ дѣлать то, что приказываютъ «батюшки», т. е. давать средства для школы и посылать дѣтей въ нихъ, батюшки

¹⁾ «Церковный Вѣстникъ», 1907 г., № 16.

должны учить и вообще вести школьное дѣло такъ, какъ приказываютъ изъ уѣздныхъ отдѣленій епархіальнаго училищнаго совѣта, тѣ распоряжаются, какъ приказываютъ изъ епархіальныхъ совѣтовъ и архіерейскихъ канцелярій, а эти учрежденія, въ свою очередь, дѣйствуютъ по указаніямъ изъ Петербурга. Въ результатѣ оказываются наименѣ искренно заинтересованными церковной школой тѣ, кому она должна быть особенно дорога—духовенство и народъ, такъ какъ творческое участіе въ дѣлѣ просвѣщенія для нихъ бюрократіей не допускается.

«Духовенство имѣетъ еще и особыя причины быть недовольнымъ существующей административной организаціей церковной школы. Она дала ему цѣлый рядъ новыхъ и крайне притязательныхъ начальниковъ, но въ то же время мало помогаетъ въ выполненіи предъявляемыхъ къ нему новыхъ требованій.

«Прежде всего система прессы въ развитіи церковно-школьнаго дѣла, какъ извѣстно, привела къ тому, что теперь епархіальные училищные совѣты, ихъ отдѣленія, епархіальные и уѣздные наблюдатели получили большое вліяніе въ епархіальномъ управленіи—въ вопросахъ о переводѣ священнослужителей, назначеніи, наградахъ и т. д. Съ того времени, какъ по распоряженію К. П. Побѣдоносцева стали насаждать на Руси церковныя школы, центръ архіерейскаго вниманія отъ обязанностей собственно приходскаго пастырства былъ перенесенъ въ школьную сферу, такъ что въ понятіи пастырства часть оказалась поставленной на мѣсто цѣлаго, достоинства пастыря стали опредѣляться съ точки зрѣнія церковно-школьнаго учительства и выдвигаться стали только тѣ изъ приходскихъ священниковъ, которые умѣютъ обратить на себя вниманіе именно церковно-школьнымъ дѣломъ, независимо отъ другихъ сторонъ своего служенія. Дошло до того, что многіе іереи, не имѣя приходскихъ средствъ для открытія и содержанія церковной школы, чтобы не оставаться въ тѣни передъ начальствомъ, скрѣпя сердце, стали устраивать школы на собственный счетъ и на собственный счетъ содержать учителей!...

«Предъявляя широкія требованія въ отношеніи приходскаго духовенства, новоявленное начальство сплошь и рядомъ въ своемъ отношеніи къ школьному дѣлу руководится, однако, не самыми интересами этого дѣла по существу, а побочными какими-либо мотивами, что еще болѣе осложняетъ тяготу моральнаго положенія духовенства.

«Какъ извѣстно, въ епархіальныхъ училищныхъ совѣтахъ и въ ихъ уѣздныхъ отдѣленіяхъ рѣшающее значеніе имѣютъ председатели. Между тѣмъ, непосредственно и существенными своими интересами они не связываются съ тѣми учрежденіями, которыя они призываются обслуживать. Ихъ прямыя обязанности лежатъ обычно за предѣлами церковной школы, и служеніе этой школѣ является

для нихъ дѣломъ сверхдолѣннымъ и либо уступкою воли начальства, либо выслугою передъ нимъ, — не болѣе. Отсюда они охотно пользуются прерогативами своего начальственного положенія, но мало имѣютъ склонности вникать въ дѣло по существу и заботиться о дѣйствительномъ изысканіи мѣръ и способовъ наилучшаго удовлетворенія народной нужды въ просвѣщеніи».

Сказаннаго компетентнымъ представителемъ церковнаго журнала о дефектахъ церковно-приходскихъ школъ, этихъ излюбленныхъ дѣтищъ созидательной творческой дѣятельности Побѣдоносцева, достаточно. Мы видимъ, что онъ посятъ на себѣ характеръ искусственнаго мертворожденнаго начинанія и не отвѣтили живымъ запросамъ русской жизни. Тѣмъ не менѣе, со свойственной ему настойчивостью оберъ-прокуроръ дѣятельно насаждалъ ихъ въ нашемъ отечествѣ и сдѣлалъ изъ нихъ своего рода боевой вопросъ, которымъ бросалъ рѣзкій вызовъ всѣмъ поборникамъ иныхъ методовъ воспитанія и образованія русскаго народа. Изъ любопытной сводно-статистической таблицы, составленной г. Преображенскимъ въ брошюрѣ «Статистическая справка для соображеній по вопросу о церковной реформѣ», усматривается, что въ послѣдній годъ царствованія Александра II въ Россіи числилось всего 273 церковно-приходскихъ школы съ 13.035 учащимися въ нихъ обоюга пола. Къ концу царствованія Александра III этихъ школъ имѣлось уже 31.835 съ 981.076 учащимися, а въ 1902 г. считалось уже въ наличности 43.696 школъ съ 1.782.882 учащимися. Такимъ образомъ, въ своей дѣятельности по созиданію сказанныхъ школъ Побѣдоносцевъ, если не проявилъ широты творчества, которой можно было ожидать отъ него, полагаясь на его глубокій умъ, широкую эрудицію и житейскій педагогическій опытъ, то ему нельзя отказать въ желѣзной энергіи и настойчивомъ выполненіи намѣченной къ исполненію церковно-образовательной программы. Отсутствіе созидательнаго творчества въ его природѣ красною нитью проходитъ чрезъ всю дѣятельность Константина Петровича, какъ администратора и представителя государственнаго управленія въ періодъ съ 1881 и вплоть до его ухода въ отставку. Эта сторона его жизни и характера сознавалась не только его подчасъ пристрастными противниками и принципиальными недругами, но и тѣми его знакомыми, которые состояли съ нимъ въ теченіе долгихъ лѣтъ въ близкихъ отношеніяхъ и которые по существу своего консервативнаго политическаго credo были его единомышленниками. Такъ, князь В. П. Мещерскій по сему предмету свидѣтельствуетъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»²⁾: «Съ 60-хъ годовъ у меня установились самыя дружескія отношенія съ покойнымъ К. П. Побѣдоносцевымъ, и продолжались эти отношенія до конца 80-хъ годовъ, въ итогѣ длились болѣе

¹⁾ «Мои воспоминанія». Часть третья (1881—1894 г.).

двадцати лѣтъ,—говорить издатель «Гражданина».—Въ этихъ отношеніяхъ я цѣнилъ К. П. Побѣдоносцева, какъ собесѣдника, умными и, до извѣстной степени, оригинальными рѣчами коего я всегда наслаждался, и какъ критика моеѣ публицистической дѣятельности съ 1872 года, когда я началъ издавать «Гражданинъ». Какъ человекъ, онъ для меня всегда былъ похожъ на барометръ, стоящій на срединѣ между хорошею и переменною погодою; а объяснялъ я себѣ это тѣмъ, что онъ былъ очень личенъ въ своихъ впечатлѣніяхъ и въ своихъ отношеніяхъ къ людямъ и, надѣлая меня своею дружбою,—я это понималъ и чувствовалъ,—не допускалъ, чтобы я могъ дружить съ тѣми, которыхъ онъ не жаловалъ, а тѣмъ паче не терпѣлъ. Въ то же время въ своихъ сredo онъ былъ нетерпимъ. Я помню, что еще покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, котораго онъ обучалъ законовѣдѣнію, говорилъ про него, что, при всѣхъ добрыхъ къ нему чувствахъ, онъ одно въ немъ осуждаетъ, это—нетерпимость.

«Какъ государственный человекъ, Побѣдоносцевъ представлялъ весьма интересное сочетаніе сильнаго свѣтомъ и логикою критическаго ума съ безпомощностью этого большого ума въ области отвѣтовъ на вопросы: что дѣлать, что предпринять, какъ поправить, какого держаться опредѣленнаго пути? Онъ неопровержимо ясно и вѣрно доказывалъ и говорилъ: «вы заблудились, сбились съ пути», но никогда не могъ сказать, какъ же выйти на настоящій путь. Онъ мѣтко критиковалъ мѣропріятія, и покойный императоръ Александръ III часто пользовался во благо его критикою, но ни разу въ продолженіе его царствованія Побѣдоносцевъ не указалъ императору на какую-либо нужную государственную мѣру. Велика была заслуга его критическаго ума въ первые дни царствованія Александра III, когда нужно было воспрепятствовать осуществленію либеральной программы покойнаго графа Лорисъ-Меликова не потому, что эта программа была по существу и принципиально неприемлемой, но потому, что онъ основательно своимъ большимъ умомъ сознавалъ, что нельзя начинать царствованіе послѣ 1-го марта съ либеральныхъ реформъ, такъ какъ онѣ могли быть истолкованы въ ущербъ авторитету и нравственной силѣ царской власти, какъ дѣйствіе, вынужденное злодѣяніемъ перваго марта. Заслуга эта была историческая по своей важности, но въ то же время ни разу въ теченіе тринадцати лѣтъ царствованія Александра III не только Побѣдоносцевъ не подалъ ему совѣта коснуться государственнаго строя, не въ смыслѣ пошло-либеральной рутинны, но въ смыслѣ ослабленія бюрократическаго гнета и приближенія народа къ престолу, но всегда являлся неумолнимымъ критикомъ всякой мысли, къ этой цѣли направленной, отъ кого бы она ни исходила. Мало того, когда впервые появился на политическомъ горизонтѣ покойный Пазухинъ, съ его мыслью

о будущихъ земскихъ начальникахъ, для того, чтобы дать крестьянину защитника и блюстителя порядка въ деревнѣ, близкаго ему по духу, Побѣдоносцевъ, вѣрный традиціямъ своего духовнаго я, начиналъ свою рѣчь съ одобренія этой мысли Пазухина, а затѣмъ являлось словечко «но», и начиналась критика этой мысли, такъ что, когда мысль Пазухина преобразилась въ проектъ графа Толстого, одобренный государемъ, Побѣдоносцевъ воздержался отъ активной поддержки этого проекта.

«Съ тѣмъ же критическимъ и почти отрицательнымъ умомъ относился Побѣдоносцевъ и къ личности человѣка. Въ каждомъ сужденіи о человѣкѣ главную роль почти всегда играло словечко «но», которое неизбѣжно слѣдовало за тѣми словами, которыя въ началѣ фразы выражали одобреніе. Помню, какъ однажды заговорили въ присутствіи Побѣдоносцева и покойнаго Тертія Ивановича Филиппова объ одномъ человѣкѣ, противъ котораго никто не могъ сказать ничего дурнаго, такъ какъ онъ былъ прекрасною личностью, пользовавшеюся всеобщимъ уваженіемъ. Побѣдоносцевъ вмѣшался въ разговоръ, но такъ какъ по первымъ же словамъ его можно было ожидать рокового «но», Т. И. Филипповъ его прервалъ, сказавъ: «Константинъ Петровичъ, неужели вы и его не пощадите?»—и Побѣдоносцевъ своего «но» высказать такъ и не рѣшился.

«Тутъ кстати повторить воспоминаніе о шекспировскомъ словѣ Побѣдоносцева, выразившемъ его мнѣніе о людяхъ. Къ нему однажды зашелъ Филипповъ, со спеціальной цѣлью задать ему вопросъ: правда ли, что онъ беретъ себѣ въ товарищи такого-то?

— А что?—отзывается Побѣдоносцевъ.

— Да вѣдь онъ подлець,—выпаливаетъ Филипповъ.

— А кто нынче не подлець!—отвѣчаетъ Побѣдоносцевъ остолбенѣвшему отъ этого слова Филиппову.

«Этотъ характерный эпизодъ имѣлъ свое продолженіе, не менѣе характерное.

«Филипповъ идетъ къ графу Делянову и передаетъ ему слова Побѣдоносцева.

«На это графъ Деляновъ добродушно отвѣчаетъ, въ защиту того лица, которое Филипповъ назвалъ подлецомъ:

— Ну, какой же онъ подлець, онъ просто только двоедушный!

Во всякомъ случаѣ, какъ въ теченіе болѣе 20-лѣтнихъ дружескихъ отношеній съ Побѣдоносцевымъ мнѣ ни разу не пришлось услышать отъ него положительнаго указанія въ какой-либо области, что надо сдѣлать взамѣнъ того, что онъ порицаетъ, такъ не приходилось слышать прямо и просто сказаннаго хорошаго отзыва о человѣкѣ. Въ связи съ этою чертою его умственнаго склада была частая неудача въ выборѣ лицъ. Сколько помню, за все время его долготѣшняго пребыванія на вершинахъ іерархической лѣст-

ницы имъ выдвинуты были только двѣ выдававшіяся личности, способныя и самостоятельныя, это—Манасеинъ, благодаря вліянію Побѣдоносцева назначенный министромъ юстиціи, и Саблеръ, имъ избранный въ товарищи оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Его вліянію приписывали назначеніе графа Д. А. Толстого въ преемники графа Игнатъева, но исторически это невѣрно, ибо, какъ я писалъ въ «Моиxъ воспоминаніяхъ», мысль о графѣ Толстомъ была впервые высказана мною въ одномъ изъ дневниковъ «Гражданина», и въ день, когда вышелъ номеръ «Гражданина» съ этимъ дневникомъ, я съ удивленіемъ, при встрѣчѣ съ Побѣдоносцевымъ въ Лѣтнемъ саду, услыхалъ отъ него то, чего никогда отъ него не слышалъ, когда называлъ лицъ, подходящихъ, по моему мнѣнію, къ той или другой должности,—подчеркнутое одобреніе.

«Но совсѣмъ другое случилось, когда, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, открылась вакансія государственнаго контролера. Товарищемъ контролера былъ тогда Т. И. Филипповъ. Въ сановныхъ сферахъ считали кандидатомъ на открывшуюся вакансію государственнаго контролера этого самаго Филиппова, такъ какъ онъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ изучилъ дѣло государственнаго контроля до мельчайшихъ подробностей и, къ тому же, былъ замѣчательно способный работникъ. Но одинъ государственный человѣкъ былъ противъ этой кандидатуры, и этотъ одинъ былъ Побѣдоносцевъ. Онъ былъ непримиримымъ врагомъ Филиппова и, смѣшно сказать, причиною этой вражды было то, что французы называютъ *jalousie du metier*. Филипповъ считался, и не безъ основанія, лучшимъ знатокомъ церковныхъ вопросовъ и, какъ говорится, мозолилъ глаза Побѣдоносцеву, какъ соперникъ, про котораго нерѣдко говорили: вотъ кому быть оберъ-прокуроромъ синода. И вотъ, когда заговорили о кандидатурѣ Филиппова на постъ государственнаго контролера, Побѣдоносцевъ съ особенною энергіею возсталъ противъ и, къ удивленію многихъ, въ порывѣ этой энергіи противъ Филиппова дошелъ до того, что принялся проводить человѣка, про котораго сколько разъ я изъ его собственныхъ устъ слышалъ самые нелестные выпады: человѣкъ этотъ былъ знаменитый любимецъ фортуны А. А. Половцовъ. Какъ разъ въ это время я имѣлъ возможность въ бесѣдѣ съ государемъ коснуться этого вопроса и услыхалъ отъ него, что дѣйствительно Побѣдоносцевъ проводитъ въ государственные контролеры Половцова, но что онъ не понимаетъ, съ чего онъ придумалъ для этой должности Половцова, совсѣмъ съ этимъ дѣломъ незнакомаго, когда Филипповъ къ ней подготовленъ долготѣною практикою. Затѣмъ государь пригласилъ къ себѣ Филиппова и сказалъ ему почти то же самое, а черезъ два дня состоялось его назначеніе государственнымъ контролеромъ. И вотъ это событіе разомъ порвало мои двадцатилѣтнія дружескія

отношенія съ Побѣдоносцевымъ, и изъ одной ненависти къ Филиппову въ сердцѣ Побѣдоносцева родилась вторая ненависть—ко мнѣ, долго не стихавшая, не взирая на то, что я никогда въ эпоху этой ненависти не переставалъ въ немъ уважать все то, что его отличало отъ многихъ государственныхъ людей. И любопытна была причина этой вдругъ вспыхнувшей ненависти: хотя, какъ всегда, я никому не говорилъ о моей бесѣдѣ съ государемъ, но Побѣдоносецъ былъ увѣренъ, что я велъ какую-то подпольную интригу противъ его кандидата Половцова въ пользу Филиппова, и это призналъ достаточнымъ, чтобы разрушить долготѣннѣя хорошія отношенія. Какъ бы то ни было, но въ одно утро у дверей моего кабинета я услышалъ голосъ Т. И. Филиппова, и такъ какъ онъ любилъ въ извѣстныхъ случаяхъ выражаться витіевато, то и въ эту минуту, входя ко мнѣ, сказалъ: «Дозволено ли будетъ войти государственному контролеру?» Эти слова возвѣстили мнѣ его назначеніе».

О Т. И. Филипповѣ, этомъ любопытномъ сановникѣ-меценатѣ съ ярко выраженной націоналистической окраской, мы будемъ говорить въ слѣдующемъ номерѣ нашихъ очерковъ, а пока отмѣтимъ, что свидѣтельство князя Мещерскаго для насъ чрезвычайно важно. Оно показываетъ, что Побѣдоносецъ, какъ государственный дѣятель въ трудную эпоху, наступившую вслѣдъ за роковымъ днемъ 1-го марта 1881 года, въ общемъ ходѣ государственныхъ вещей, быть можетъ, былъ дѣйствительно и полезенъ своему монарху, помогши ему достигнуть того успокоенія русской общественности, къ которому онъ стремился. Но когда это успокоеніе, по крайней мѣрѣ по внѣшности, наступило и на поверхности русской государственной жизни выступили новые теченія и вопросы, къ которымъ нельзя было подходить только съ тормозомъ въ рукахъ, а для координированія ихъ съ общими вновь создавшимися условіями русской жизни потребовался широкій починъ реформаціоннаго порядка, то тутъ даже крѣпко довѣрившій Побѣдоносцеву монархъ призналъ его, какъ государственнаго дѣятеля, отставшимъ и неспособнымъ стать въ уровень съ историческимъ моментомъ. Такъ, когда министръ финансовъ С. Ю. Витте внесъ въ государственный совѣтъ свой законопроектъ объ обезпеченіи рабочихъ и, встрѣтивъ оппозицію въ благопріятномъ разрѣшеніи этого вопроса со стороны знаменитаго оберъ-прокурора и уступая ему, взялъ свой проектъ обратно, то онъ не удостоился въ этой уступкѣ одобренія императора Александра III. Государь прямо заявилъ С. Ю. Витте, что онъ напрасно пошелъ навстрѣчу оппозиціи Константина Петровича. Объ этомъ С. Ю. Витте еще недавно засвидѣтельствовалъ съ трибуны государственнаго совѣта.

Такого рода свидѣтельство показываетъ, что эрѣ консервативнаго политическаго тормоза какъ будто наступалъ конецъ и что Россіи, останяся живъ еще императоръ Александръ III,

какъ того можно было ожидать, приготавливалась новая эпоха, гдѣ должны были царить не только исключительно тенденціи, провозвѣстникомъ которыхъ былъ К. П. Побѣдоносцевъ, но и новыя начала характера реформаціоннаго творчества во имя благоденствія и соціального оздоровленія русской жизни. Но Богъ судилъ иначе: дни Александра III оказались сочтены, и вторая часть программы его царствованія не получила ожидаемаго осуществленія.

Дабы фигура Побѣдоносцева и его значеніе въ описываемый нами періодъ была еще яснѣе читателямъ, мы, въ интересахъ полного безпристрастія, отмѣтимъ здѣсь, какъ судили его представители нашего ярко-консервативнаго лагеря и какую роль они приписали ему на историческомъ полотнѣ царствованія Александра III. Вслѣдъ за кончиною Константина Петровича редакція «Московскихъ Вѣдомостей» такъ помянула его въ статьѣ «Памяти Побѣдоносцева»¹⁾. Здѣсь мы читаемъ:

«Покойный К. П. Побѣдоносцевъ, съ огромными способностями и знаніями соединявшій практическую складку ума, занялъ особое положеніе въ развитіи національной русской идеи, отмѣтилъ въ себѣ переходъ ея отъ чисто теоретической отвлеченности къ осязательнымъ формамъ практическаго примѣненія.

«По самой сущности этихъ идеаловъ—въ такомъ практическомъ примѣненіи первое мѣсто занимаетъ начало самодержавія. Его центральное значеніе для русскаго строя, его органическую противоположность началу конституціонному, вынимающему изъ самодержавія самую душу его, К. П. Побѣдоносцевъ созналъ, какъ никто изъ нашихъ государственныхъ дѣятелей.

«Въ средѣ нашихъ государственныхъ людей не было ни одного, понимающаго съ такою ясностью центральное значеніе самодержавія. А между тѣмъ этому началу уже давно грозила опасность, противъ него были направлены первые и главные удары со стороны разрушителей русскаго національнаго строя. Эти удары были такъ постоянны и систематичны, что интеллигенція наша уже давно ждала паденія царской власти, которое назрѣвало до кажущейся неотразимости уже при императорѣ Александрѣ II. Убіеніе царя-освободителя 22 милліоновъ русскаго народа являлось, уже тридцать лѣтъ назадъ, въ глазахъ интеллигенціи сигналомъ водворенія конституціоннаго строя.

«Но Господь еще хранилъ Россію, и въ критическую минуту на прадѣдовскомъ престолѣ явился царь-самодержецъ, для помощи которому какъ бы давно подготовлялся, въ трудѣ науки, въ размышленіи, въ заботахъ государственной дѣятельности, К. П. Побѣдоносцевъ.

¹⁾ «Московскія Вѣдомости», 13 марта 1907 г.
«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., т. сxxx.

«И вот наступила эпоха, которой никакъ не ожидали враги самодержавія, эпоха, показавшая органическую неразрывность царскаго величія съ величіемъ народа.

«Это и есть эпоха дѣятельности К. П. Побѣдоносцева.

«Его вліяніе въ 1881 году спасло русское самодержавіе отъ уничтоженія, къ которому со всѣхъ сторонъ толкали его всѣ вліятельнѣйшіе государственные дѣятели того времени...

«Клеветники самодержавія говорятъ теперь надъ прахомъ почившаго, будто бы ему пришлось видѣть всѣ неслыханные разгромы внѣшніе и внутренніе, которые будто бы созданы его идеей. Это завѣдомая неправда. Эпоха, созданная идеями Побѣдоносцева, есть эпоха императора Александра III, т. е. время такого величія и славы Россіи, какихъ никто въ мірѣ не могъ представить. Ни внѣшній, ни внутренній врагъ не осмѣливался и подумать о какихъ-либо «разгромахъ» могучей страны, гдѣ царь и народъ слились тогда въ одномъ духѣ, во взаимномъ единеніи и пониманіи. Къ несчастію, коротка была эта эпоха, и сіяющій расцвѣтъ благоденствія и величія былъ задержанъ траурнымъ флеромъ уже въ 1894 году.

«Съ этого времени и К. П. Побѣдоносцевъ постепенно отходить все болѣе на задній планъ. Его мысль, его вліяніе оттираются новыми вѣяніями. Все, разбитое въ 1881 году, снова подымаетъ голову, и К. П. Побѣдоносцеву съ каждымъ годомъ приходится становиться все болѣе безсильнымъ зрителемъ быстро созрѣвающихъ внутреннихъ и внѣшнихъ разгромовъ имперіи. Но это уже не эпоха его дѣйствія, а эпоха его пассивнаго страданія.

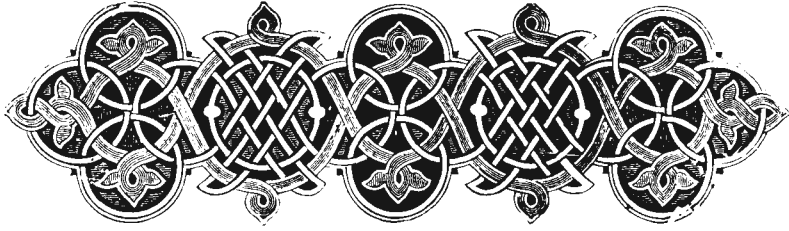
Въ статьѣ газеты Л. А. Тихомирова сущность характеристики Побѣдоносцева выставлена правильно подъ угломъ зрѣнія сочувствія тѣмъ государственнымъ началамъ, которымъ въ свое время такъ убѣжденно служилъ оберъ-прокуроръ св. синода. Это служеніе освѣщало «періодъ твердой власти» опредѣленнымъ свѣтомъ, отраженіе котораго и понынѣ усматривается въ редакціонной работѣ «Московскихъ Вѣдомостей».

Б. Глинскій.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

БОРОДИНСКІЯ ТОРЖЕСТВА.

ВЪ ПРЕКРАСНОЙ статьѣ, напечатанной въ приложеніи къ № 8 «Военнаго Сборника» за текущій годъ, бывшій профессоръ императорской Николаевской военной академіи и сотрудникъ «Историческаго Вѣстника» А. Н. Витмеръ дѣлаетъ обстоятельный разборъ всего хода Бородинскаго боя. Бой этотъ, какъ извѣстно, явился поворотнымъ пунктомъ въ нашей борьбѣ съ Наполеономъ, послѣ чего звѣзда его начала меркнуть и въ конечномъ результатѣ совсѣмъ потухла на скалистыхъ берегахъ острова св. Елены. Мы достаточно уже говорили объ историческомъ развитіи борьбы Россіи съ вѣнценоснымъ корсиканцемъ¹⁾, а потому не станемъ утомлять вниманіе нашихъ читателей возвращеніемъ къ той же темѣ, какъ равно не будемъ возстановлять здѣсь во всѣхъ подробностяхъ хода Бородинскаго сраженія. Отмѣтимъ лишь, въ интересахъ читающей массы, что, минуя спеціальныя изслѣдованія, посвященныя этому сраженію, оно наиболѣе колоритно и съ фактической стороны правильно нашло себѣ изображеніе въ гениальномъ безсмертномъ произведеніи Л. Н. Толстого «Война и миръ». Что касается указанной выше статьи А. Н. Витмера, то мы приведемъ здѣсь резолютивную часть его прекрасной работы, гдѣ онъ полностью освѣщаетъ значеніе Бородинскаго боя, «боя гигантовъ». Онъ говоритъ:

¹⁾ «Истор. Вѣстн.», № 8 с. г.

«Не будемъ спорить съ французами, ни тѣмъ менѣе упрекать ихъ за то, что нерѣшительный, безрезультатный, несмотря на страшное кровопролитіе, бой при Бородинѣ они считаютъ побѣдой. Они, пожалуй, даже имѣютъ на это нѣкоторое право, хотя право чисто формальное. Но надо признать за несомнѣнное, что имъ не удалось сломить нашихъ нравственныхъ силъ, нашей энергіи, нашей вѣры въ торжество праваго дѣла.

«Напротивъ того, Бородино вселило въ насъ новую увѣренность: отступившій, съ справедливою гордостью, считалъ себя побѣдителемъ; и Бородино, укрѣпивъ наши нравственныя силы, не только не помѣшало, но именно тѣмъ, что оно разыгралось въ формѣ битвы нерѣшительной, по окончаніи которой обѣ стороны считали себя побѣдителями, способствовало окончательной гибели французской арміи и ея великаго несокрушимаго доселѣ вождя.

«Не даромъ же мы, отступившіе, гордимся Бородиномъ несравненно болѣе, чѣмъ французы, за которыми осталось поле сраженія, и гордость эта перешла въ народъ. Мы гордимся Бородиномъ, хотя и отступили, несравненно болѣе, напримѣръ, чѣмъ Мало-Ярославцемъ, въ которомъ на другой день послѣ боя отступилъ Наполеонъ такъ же, какъ мы отступили отъ Бородина. Мы гордимся Бородиномъ даже болѣе, чѣмъ рѣшительными побѣдами надъ французами подъ Вязьмой, Краснымъ, даже—Лейпцигомъ. Эти славные дни извѣстны только интеллигенціи, хотя подъ Лейпцигомъ, послѣ упорной трехдневной битвы, одержана самая рѣшительная побѣда надъ самимъ Наполеономъ. Бородино же, какъ символъ нашей доблести, живетъ въ народѣ.

«Сами французы, кичащіеся своими побѣдами и старающіеся увѣковѣчить славные для нихъ дни наименованіемъ улицъ, бульваровъ и мостовъ своей нарядной столицы, посреди «Маренго», «Иены», «Аустерлица» и «Ваграма», не рѣшились злоупотребить названіемъ «Бородино».

«И не даромъ самъ же Наполеонъ говорить, что «о сраженіи нельзя судить отдѣльно, не принимая въ соображеніе предшествовавшее ему дѣйствіе и его послѣдствія» (Нееловъ, стр. 403).

«Если же судить о Бородинѣ съ точки зрѣнія послѣдствій, результатовъ его, то нельзя не признать, что, хотя Бородино не было побѣдой въ тѣсномъ смыслѣ слова русскихъ надъ Наполеономъ, но, во всякомъ случаѣ, оно разыгралось наиболѣе выгодно для пользы Россіи, а, слѣдовательно, губительно для Наполеона. Для доказательства сказаннаго достаточно только предположить, что бой имѣлъ болѣе рѣшительные результаты въ ту или другую сторону.

«Если бы Наполеонъ не пожалѣлъ своей гвардіи и даже просто не переѣхалъ пункта атаки, а, оставляя въ покоѣ курганную батарею или демонстрируя противъ нея, продолжалъ свои глав-

ные удары противъ въ конецъ разстроенныхъ войскъ нашихъ, покинувшихъ Семеновскія флешы, то русская армія, отброшенная въ уголъ между Москвою и Колочею, потерпѣла бы крупную катастрофу. А безъ арміи, какъ ни велика была рѣшимость Александра, дальнѣйшей войны вести было нельзя. Наполеонъ могъ даже, выжидая мира, зимовать въ Москвѣ—проектъ, который приходилъ ему въ голову даже при наличности нашей арміи, что, конечно, было неосуществимо, но при условіи разгрома русской арміи не представляло ничего невозможнаго, тѣмъ болѣе, что въ Тулѣ, Орлѣ и Калугѣ нами были собраны огромные запасы продовольствія, которыми не трудно было овладѣть. Если бы даже императоръ Александръ проявилъ упорство въ заключеніи мира и если бы Наполеонъ рѣшилъ оставить Москву, онъ безпрепятственно отступилъ бы по нашимъ южнымъ губерніямъ, еще не тронутымъ войной, и угрозою возстановить Польское королевство съ предоставленіемъ ему обширныхъ областей нашихъ—Подоліи, Волыни, Бѣлоруссіи и Литвы—вынудилъ бы насъ волей-неволей заключить миръ.

«Возьмемъ другое предположеніе: мы одержали побѣду и, по выраженію Кутузова, «погнали непріятели изъ священной земли русской». Какія послѣдствія могла имѣть эта побѣда? Въ битвѣ мы не могли потерять менѣе трети людей: вѣдь противъ насъ былъ самъ Наполеонъ съ превосходной арміей. Слѣдовательно, у насъ осталось бы тысячъ 70 регулярныхъ войскъ и мы отдалялись отъ своихъ подкрѣпленій, тогда какъ Наполеонъ, напротивъ, отступалъ бы на свои резервы. Каковъ же могъ быть результатъ? Или полное пораженіе нашихъ войскъ, или, въ лучшемъ случаѣ, преслѣдованіе французовъ до Днѣпра и остановка ихъ на зимнихъ квартирахъ по этой рѣкѣ съ протянутыми къ арміи резервами. А затѣмъ опять-таки угроза возстановленія Польши съ отторженіемъ нашихъ западныхъ провинцій и военныя дѣйствія на слѣдующій 1813 годъ, безъ гибельной зимней кампаніи, и, болѣе, чѣмъ вѣроятно, окончательная побѣда французовъ, благодаря ихъ численному превосходству и недостижаемому превосходству ихъ вождя.

«Такимъ образомъ, если на основаніи указаній самого же Наполеона «судить о сраженіи по его послѣдствіямъ», то слѣдуетъ признать, что подъ Бородиномъ обильные потоки русской крови были пролиты не даромъ самоотверженными бойцами за родину и что Бородинскій бой разыгрался именно такъ, чтобы въ результатѣ его получилась полная побѣда русскихъ и гибель всесвѣтнаго завоевателя. По внѣшнимъ признакамъ, повторяю еще разъ, это была, пожалуй, побѣда французовъ. Но Бородино послужило намъ первой ступенью къ окончательной побѣдѣ надъ гениальнѣйшимъ изъ полководцевъ и притомъ такой побѣдѣ, какову не могло

себѣ представить самое смѣлое воображеніе, о какой мы не могли даже мечтать, потому что кто же могъ мечтать, что колоссъ, предъ которымъ преклонялась вся Европа, милостиваго взгляда котораго еще такъ недавно искали всѣ властители западныхъ народовъ, что великанъ этотъ такъ скоро и безвозвратно падеть съ своего несокрушимаго, казалось, пьедестала.

«Что касается доблести, выказанной при Бородинѣ обѣими враждующими сторонами, то, по мнѣнію самого Наполеона, величайшаго знатока и цѣнителя этого дѣла, «французы при Бородинѣ показали себя достойными побѣды, но русскіе стяжали право быть непобѣдимыми».

«Представитель другой враждующей стороны, принцъ Евгений Виртембергскій, по тому же поводу приводитъ слѣдующій отзывъ одного изъ друзей своихъ: «Говоря по совѣсти, не было причины ни Кутузову доносить о побѣдѣ императору Александру, ни Наполеону извѣщать о ней Марію-Луизу. Если бы мы, воины обѣихъ сторонъ, забывъ на время вражду нашихъ повелителей, предстали на другой день предъ алтарь правды, то Слава, конечно, признала бы насъ братьями».

«Да, въ смыслѣ отваги, презрѣнія къ смерти, воинской доблести, ихъ, конечно, можно было признать братьями, но ни въ какомъ случаѣ не въ силу тѣхъ побужденій, во имя которыхъ проявлена была эта исключительная геройская доблесть».

«Одна сторона руководилась сомнительной славой и несравненно больше желаніемъ и надеждой «получить хорошія зимнія квартиры и во всемъ изобиліе», т. е.—инстинктами чисто хищническими. Ей не было выбора: прижатая къ стѣнѣ, она знала, что отступленіе по опустошенной странѣ будетъ полно лишеній и бѣдствій; впереди, напротивъ того, ей обѣщали конецъ голодовки и биваковъ на холодной землѣ, обѣщали полное довольство и удобства огромнаго города—стоянку, связанную съ возможностью грабежа, насилій, къ которымъ армія такъ привыкла, которые считала законными по праву завоевателя».

«Совсѣмъ иными побужденіями руководилась другая сторона. Въ ея предѣлы вторгнулся врагъ жестокой, беспощадный, презиравшій ея обычаи, даже вѣру, осквернявшій храмы, желавшій унижить, поработить какъ самый народъ, такъ и главу его, царя, помазанника Божія. Ею руководила беззавѣтная любовь къ родинѣ, къ обычаямъ, къ привычному укладу жизни, вѣра въ правое дѣло, въ Божеское милосердіе, въ справедливость Вседержителя. Вотъ чистыя, хрустальныя, завидныя побужденія, руководившія доблестью нашихъ предковъ, выказанною ими въ великій день Бородина. И тѣмъ ниже, почтительно, обязаны мы склонить наши головы предъ самоотверженной воинской доблестью, проявленной ими въ приснопамятный день».

Профессоръ А. Н. Витмеръ прекрасно очертилъ значеніе Бородинской битвы, къ столѣтней годовщинѣ которой и были приурочены всѣ юбилейныя торжества въ память великой Отечественной войны.

На протяженіи послѣднихъ двухъ лѣтъ въ нашемъ журналѣ по отдѣлу «Смѣси» неоднократно обмѣчалось, въ чемъ выражались заботы разныхъ городовъ, сословій и отдѣльныхъ учрежденій по организациіи предстоящихъ юбилейныхъ празднествъ и по достойному увѣковѣченію памяти ея героевъ. Въ настоящей статьѣ мы сдѣлаемъ краткую сводку того главнымъ образомъ, что имѣло мѣсто въ послѣднія числа минувшаго августа въ Москвѣ, этой сердцевины военной жизни 1812 года, руководясь для даннаго случая официальнымъ матеріаломъ, напечатаннымъ въ газетахъ.

Уже 23-го августа было организовано шествіе около 8 тысячъ учащихся къ Кутузовской избѣ, на Филяхъ. Къ 9-ти часамъ утра въ Кремлѣ, на плацу у памятника императору Александру II, собрались тысячи воспитанниковъ московскихъ казенныхъ гимназій и реальныхъ училищъ, лицея Цесаревича Николая, частныхъ реальныхъ училищъ, промышленнаго Мусскаго училища, Коммиссаровскаго училища, французскаго реального училища, Шелопутинскаго ремесленнаго училища, городскихъ школъ по положенію 1872 года, Сергіево-Елизаветинскаго училища для солдатскихъ дѣтей. Учащіеся прибыли съ оркестрами музыки, знаменами, съ государственными гербами и значками; ученики школъ, гдѣ введено обученіе военному строю,—съ ружьями. Одна группа Катковскаго лицея была также съ ружьями; отъ нѣкоторыхъ школъ были принесены барабаны. Прибыли на плацъ попечитель учебнаго округа А. А. Тихомировъ, окружные инспектора, директора, классные наставники и преподаватели гимназій, реальныхъ училищъ и другихъ школъ. Ученики построились лицомъ къ памятнику. По фронту строя проѣхалъ на лошади полковникъ Назимовъ, здороваясь съ учащимися. Подъ руководствомъ окружнаго инспектора П. И. Комарницкаго воспитанники въ 9^{1/2} часовъ утра подъ звуки оркестровъ музыки тронулись въ путь чрезъ Боровицкія ворота, по Знаменкѣ, Арбату къ Дорогомиловской заставѣ, гдѣ былъ непродолжительный отдыхъ; оттуда шествіе направилось на Поклонную гору, куда явилась группа воспитанницъ Усачевско-Чернявскаго училища. Значительную часть пути учащимся пришлось пройти подъ проливнымъ дождемъ. На Поклонной горѣ воспитанники построились въ карре. Попечитель округа А. А. Тихомировъ обратился къ нимъ съ рѣчью по поводу Отечественной войны, значенія Кутузова и рѣшенія военнаго совѣта на Филяхъ. Рѣчь была закончена пожеланіемъ, чтобы молодое поколѣніе было достойно своихъ предковъ, проявившихъ въ 1812 г. рѣдкій героизмъ. Оркестры при кликахъ «ура» сыграли народный гимнъ. Отъ Поклон-

ной горы шествіе направилось къ Кутузовской избѣ, у которой была совершена панихида по императорѣ Александрѣ I, Кутузовѣ и всѣхъ павшихъ въ Отечественную войну. Богослуженіе совершалъ вмѣстѣ съ 40 законоучителями среднихъ учебныхъ заведеній преосвященный Анастасій, епископъ серпуховской, сказавшій передъ возглагошеніемъ «Вѣчной памяти» слово. «Вѣчная память» исполнена была соединеннымъ гимназическимъ хоромъ. У Кутузовской избы собрались и воспитанницы женскихъ учебныхъ заведеній. Затѣмъ учащіеся отправились на дачу Шелапутина, гдѣ въ паркѣ имъ было предложено угощеніе. Передъ дачей возвышалась арка съ надписью: «Добро пожаловать». Наканунѣ во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, участвовавшихъ въ этой прогулкѣ, были прочитаны воспитанникамъ лекціи о значеніи Отечественной войны и роли въ ней Кутузова.

Этотъ дѣтскій праздникъ былъ первой ласточкою, которая возвѣстила москвичамъ о наступленіи знаменательныхъ дней. Въ послѣдующіе дни газеты исподволь оповѣщали читателей о сѣздѣ въ Москву лицъ придворнаго званія, высшей администраціи, представителей разныхъ сословій, воинскихъ частей и т. д., долженствующихъ принять участіе въ торжественныхъ событіяхъ 25—30 августа въ присутствіи августѣйшихъ особъ.

25-го августа Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великими князьями изволили прибыть въ Бородино. Ко времени прихода императорскаго поѣзда, къ 11-му часу утра, на станціи Бородино для встрѣчи Ихъ Величествъ собрались великіе князья Михаилъ Александровичъ, Кириллъ Владимировичъ, Борисъ Владимировичъ, Дмитрій Павловичъ, Николай Николаевичъ, Петръ Николаевичъ, Николай Михайловичъ, Георгій Михайловичъ, Михаилъ Михайловичъ, Сергій Михайловичъ, князья Іоаннъ Константиновичъ, Гавріиль Константиновичъ, Александръ Георгіевичъ и Сергѣй Георгіевичъ Романовскіе герцоги Лейхтенбергскіе, принцы Александръ Петровичъ и Петръ Александровичъ Ольденбургскіе и герцогъ Михаилъ Георгіевичъ Мекленбургъ-Стрелицкій, предсѣдатель совѣта министровъ и министры, московскій губернаторъ, губернский предводитель дворянства, Можайское дворянство во главѣ съ уѣзднымъ предводителемъ, вице-губернаторъ, предсѣдатель губернской земской управы, депутаціи, Можайская женская прогимназія съ попечительницей статсъ-дамой графиней Уваровой. Здѣсь же былъ выставленъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка. Въ 11 часовъ подошелъ императорскій поѣздъ. Государь Императоръ обходилъ фронтъ караула и принялъ ординарцевъ и пропустилъ его церемоніальнымъ маршемъ, послѣ чего Ихъ Величества съ великими князьями Ольгой Николаевной и Татіаной

Николаевной вошли въ шатеръ, гдѣ, кромѣ указанныхъ выше лицъ, находились супруги и дочери дворянъ Можайскаго уѣзда, и приняли хлѣбъ-соль отъ сословныхъ представителей Можайскаго уѣзда. Затѣмъ Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми прослѣдовали въ поѣздѣ со станціи Бородино по особой вѣткѣ на Императорскую ставку. Въ 2 часа дня Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми въ сопровожденіи великихъ князей, министра императорскаго двора и лицъ свиты изволили посѣтить Спасо-Бородинскій женскій монастырь. У Святыхъ воротъ монастыря ко времени прибытія Ихъ Величествъ собрались ихъ императорскія высочества великіе князья. Здѣсь же находилось московское высшее духовенство, во главѣ съ митрополитомъ московскимъ Владимиромъ, встрѣтившимъ Ихъ Величества привѣтственнымъ словомъ. Приложившись ко кресту и принявъ окропленіе святою водою, Ихъ Величества, въ предшествіи духовенства, игуменьи и монастырскихъ пѣвчихъ, прослѣдовали въ соборъ, гдѣ было совершено краткое молебствіе и затѣмъ поднесены Ихъ Величествамъ и августѣйшимъ дѣтямъ иконы отъ монастыря. Послѣ посѣщенія собора Ихъ Величества изволили прослѣдовать въ храмъ Спаса Нерукотвореннаго. Выйдя изъ церкви, Ихъ Величества обозрѣвали памятникъ графу Коновницыну, возлѣ котораго собрались потомки Тучкова и Коновницына. Удостоивъ собравшихся милостивыми разспросами, Ихъ Величества посѣтили Филаретовскую церковь и домъ, гдѣ жила основательница монастыря, игуменья Марія (Тучкова). Послѣ сего Ихъ Величества, посѣтивъ покои игуменьи, отбыли въ третьемъ часу дня къ памятнику Бородинскаго сраженія на батареѣ Раевского, гдѣ къ этому времени собрались предсѣдатель и члены совѣта минастровъ, представители высшихъ военныхъ и гражданскихъ учреждений. Государь Императоръ сѣлъ на коня и въ сопровожденіи великихъ князей, министра Императорскаго двора и свиты изволилъ объѣзжать фронтъ войскъ, построенныхъ тремя фасами вокругъ бывшей батареи Раевского. Государыня Императрица съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великими княжнами слѣдовала вдоль фронта войскъ въ экипажѣ *à la Daumont*. По окончаніи объѣзда, Ихъ Величества посѣтили домъ инвалидовъ. Государыня Императрица, наслѣдникъ цесаревичъ и великія княжны вошли въ домъ. Государь Императоръ въ сопровожденіи великихъ князей направился къ сидѣвшимъ въ саду пяти ветеранамъ 12-го года. Государь Императоръ удостоилъ стариковъ милостивою бесѣдой, длившейся четверть часа, каждаго спрашивалъ о прежней службѣ и жизни и, обласкавъ милостивыми словами, Его Императорское Величество во вниманіе къ преклоннымъ лѣтамъ инвалидовъ разрѣшилъ имъ сидѣть. Это на всѣхъ произвело трогательное и умиленное впечатлѣніе; старики сидѣли, а Государь Императоръ и великіе князья стояли. Каждый изъ стариковъ вставалъ, когда

Государь Императоръ непосредственно къ нему обращался. Милостиво простившись съ инвалидами, Государь Императоръ направился внутрь инвалиднаго дома и осматривалъ его.

Въ это время къ дому инвалидовъ приблизился крестный ходъ съ прибывшей изъ Смоленска чудотворной иконой Божіей Матери, именуемой Одигитрія. Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми, приложившись къ чудотворной иконѣ, прослѣдовали за крестнымъ ходомъ къ памятнику Бородинскаго сраженія, гдѣ поставлена походная церковь императора Александра I. Здѣсь митрополитомъ московскимъ Владимиромъ въ сослуженіи съ духовенствомъ была совершена панихида по императорѣ Александрѣ I и павшихъ въ Отечественную войну воинахъ. По совершеніи панихиды Государыня Императрица съ наслѣдникомъ цесаревичемъ и великими князьями отбыли въ императорскую ставку. Его Величество Государь Императоръ въ сопровожденіи великихъ князей и министра императорскаго двора изволилъ слѣдовать за святой иконой, которая была обнесена предъ фронтомъ войскъ въ воспоминаніе такого же событія наканунѣ Бородинскаго сраженія. Во время обнесенія святой иконы вдоль фронта войскъ высокопреосвященный митрополитъ московскій благословилъ иконами, точными списками съ Смоленской иконы Божіей Матери, части войскъ, входившія въ 1812 году въ составъ третьей пѣхотной дивизіи арріергарда Коновницына. Послѣ сего Государь Императоръ изволилъ обозрѣвать памятники на батареѣ Раевского, а затѣмъ въ 7 часу вечера отбылъ въ императорскую ставку, посѣтивъ по пути слѣдованія для обозрѣнія памятникъ, воздвигнутый Кавалергардскимъ полкомъ, и могилу генерала Невѣровскаго.

Но вотъ наступилъ и знаменательный день 26-го августа.

Въ 7 часовъ утра пятью пушечными выстрѣлами съ батареи, расположенной на холмѣ близъ монумента Бородинскаго сраженія, населенію было возвѣщено о началѣ торжественнаго празднованія 100-лѣтія Бородинскаго боя. Великолѣпная погода необычайно благопріятствовала торжеству. Съ ранняго утра вокругъ холма батареи Раевского стали собираться толпы народа. Поѣзда Александровской желѣзной дороги привозили массу москвичей, депутаціи разныхъ городовъ и учреждений. Торжество началось Божественной литургіей въ соборномъ храмѣ Спасо-Бородинскаго монастыря, въ которомъ въ девятомъ часу собрались высшее духовенство и лица, причастныя къ торжествамъ.

Къ 10 часамъ къ литургіи прибыли къ собору всѣ находившіеся на Бородинскихъ торжествахъ великіе князья. Вскорѣ въ экипажѣ à la Daumont изволили прибыть къ царской ставкѣ Государь Императоръ, Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна, наслѣдникъ цесаревичъ и великія княжны Ольга, Татіана, Марія и Анастасія Николаевны. При прибытіи Ихъ Величествъ въ

монастырь монахини стояли рядами; близъ маленькой церкви Спаса находилась чудотворная икона Смоленской Божіей Матери. Ихъ Величества и ихъ высочества, выйдя изъ экипажа и слѣдуя мимо церкви во Владимірскій соборъ, прикладывались къ иконѣ Смоленской Божіей Матери. Ихъ Величества и ихъ высочества вошли во Владимірскій соборъ. Литургія окончилась въ 10 часовъ.

Духовенство во главѣ съ митрополитомъ вышло изъ собора соединеннымъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовали хоругви всѣхъ окрестныхъ церквей, а также прибывшая наканунѣ изъ Смоленска чудотворная икона Смоленской Божіей Матери Одигитрии. По всему пути отъ Спасо-Бородинскаго монастыря къ памятнику стояли шпалерами народъ, мѣстныя учебныя заведенія, прибывшіе на торжества представители сельскаго населенія всей Россіи, земскіе начальники. На протяженіи полутора версты растянулся крестный ходъ. Въ благоговѣйномъ молчаніи толпа обнажила головы, едва звонъ колоколовъ Спасо-Бородинскаго монастыря возвѣстилъ начало крестнаго хода. Оркестры музыки, расположенные при войскахъ, построенныхъ вокругъ памятника, заиграли «Коль славенъ». Войска построены вокругъ памятника покоемъ тремя фасадами по четыре линіи.

Съ крестнымъ ходомъ слѣдовали Государь Императоръ, Государыня Императрица, августѣйшее семейство и великіе князья. Государь Императоръ, августѣйшія дочери и великіе князья шли пѣшкомъ отъ монастыря до Бородинскаго памятника больше версты. Государыня Императрица и наслѣдникъ цесаревичъ съ гофмейстериной Нарышкиной слѣдовали за крестнымъ ходомъ въ экипажѣ, запряженномъ à la Daumont. Голова крестнаго хода, въ которомъ участвовали также монахини Спасо-Бородинскаго монастыря, поровнялась съ вѣздомъ на батарею Раевского и потянулась живописной лентой къ холму и памятнику. Собравшись у походной церкви императора Александра I, войска отдаютъ честь. Музыка продолжаетъ играть «Коль славенъ». Чудотворная икона Смоленской Божіей Матери устанавливается въ походной церкви. Когда Ихъ Величества и ихъ высочества заняли мѣста въ походной церкви, передъ Смоленской иконой Божіей Матери совершенно было благодарственное молебствіе по поводу избавленія отъ нашествия двадцати языковъ съ колѣнопреклоненіемъ. Послѣ многолѣтня Ихъ Величествамъ и всему Царствующему Дому протоіаконовъ возгласилъ вѣчную память императору Александру I и павшимъ въ Отечественную войну вождямъ и воинамъ. Въ это время грянулъ салютъ изъ восьмиорудійной батареи, расположенной на ближайшемъ холмѣ. Батарея произвела три залпа, отдавая этимъ честь почившимъ. Со всѣхъ церквей доносился колокольный звонъ.

Молебствіе кончилось въ началѣ перваго часа. Хоругви, оглябая ограду Бородинскаго памятника, слѣдуютъ обратно въ монастырь.

Духовенство съ митрополитомъ отбываетъ съ батареи Раевского. Государь Императоръ, Государыня Императрица и ихъ императорскія высочества входятъ въ ограду Бородинскаго памятника и обзрѣваютъ его. Обходя кругомъ постамента, Ихъ Величества и ихъ высочества останавливаются у гранитной плиты гробницы бородинскаго героя князя Багратіона, находящейся позади бородинскаго памятника. На могилѣ—свѣжій вѣнокъ отъ лейбъ-гвардіи Егерскаго полка, въ которомъ числился Багратіонъ. При торжественной обстановкѣ, въ присутствіи Ихъ Величествъ, по назначенію Государя Императора, генераль-адъютантъ Дурново, какъ старшій въ чинѣ изъ потомковъ участниковъ Отечественной войны, числящихся въ свитѣ, возложилъ на могилу князя Багратіона юбилейную медаль, при двухъ ассистентахъ: свиты Его Величества генераль-майорѣ князѣ Багратіонѣ-Мухранскомъ и генераль-майорѣ князѣ Багратіонѣ, тоже потомкѣ героя 1812 года. Юбилейная медаль изображаетъ портретъ императора Александра I на одной сторонѣ и имѣетъ слѣдующую надпись на другой: «Славный годъ сей минулъ, но не пройдутъ содѣянные въ немъ подвиги. 1812—1912 г.». Такія же медали поднесены Ихъ Величествамъ министромъ императорскаго двора. Онѣ же пожалованы на владимирскихъ лентахъ всѣмъ потомкамъ участникамъ юбилейныхъ торжествъ. Ихъ Величества и ихъ высочества выходятъ изъ ограды Бородинскаго памятника. Государю Императору подаютъ лошадь. Государыня Императрица, наследникъ цесаревичъ и великія княжны садятся въ экипажи. Послѣ ухода Ихъ Величествъ изъ ограды памятника французской военной депутаціей и соединенной комиссіей обществъ «вспоминанія» и «собреташъ» по сооруженію памятника французамъ возложены къ подножію Бородинскаго памятника слѣдующіе вѣнки: отъ военной французской депутаціи, французскаго комитета 1812 года, французскаго сената, французской палаты депутатовъ, парижской политехнической школы, сень-сирской военной школы и муниципалитета Парижа.

Начинается объѣздъ войскъ. Присутствовавшіе на торжествѣ располагаются эффектными группами по скатамъ кургана, частью окружая построенный у подножія кургана шатеръ, предназначенный для Государыни Императрицы и высочайшихъ особъ. Парадъ, закончившійся въ 2 часа дня, удался блестяще, послѣ чего Государыня Императрица, наследникъ цесаревичъ и великія княжны отбыли въ экипажахъ на царскую ставку. Государь Императоръ верхомъ въ сопровожденіи великихъ князей, свиты, генераловъ и офицеровъ французскихъ депутацій, бывшихъ также верхомъ, прослѣдовалъ въ Бородинскій дворець. Государь Императоръ ѣхалъ среди толпы народа, стоявшаго шпалерами по обѣ стороны пути, провожаемый несмолкаемыми восторженными кликами. Въ саду Бородинскаго дворца былъ сервированъ завтракъ для лицъ, при-

глашенныхъ на торжества, потомковъ участниковъ Бородинскаго сраженія и начальниковъ отдѣльныхъ частей. Завтракъ былъ сервированъ на 1½ тысячи человекъ.

По прибытіи въ Бородинскій дворецъ Государь Императоръ посѣтилъ церковь. За высочайшимъ завтракомъ, сервированнымъ *à la fourchette*, присутствовали великіе князья, свита Государя Императора, генералитетъ, потомки бородинскихъ героевъ, всѣ члены депутацій, возлагавшихъ вѣнки, французскія депутаціи. За завтракомъ играли оркестры лейбъ-гвардіи Измайловскаго полка и Александровскаго военнаго училища. Въ четвертомъ часу Государь Императоръ при восторженномъ «ура» присутствовавшихъ отбылъ изъ Бородинскаго дворца верхомъ въ сопровожденіи великихъ князей, министра императорскаго двора, дежурства, свиты и московскаго губернатора. Его Величество и сопровождавшія Государя Императора лица направились къ деревнѣ Горки, къ Кутузовскому памятнику. Здѣсь мѣстные крестьяне поднесли Государю Императору хлѣбъ-соль. Въ теченіе полутора часовъ Его Величество и великіе князья объѣзжали поле Бородинскаго сраженія, останавливаясь передъ памятниками, сооруженными отдѣльными частями войскъ. По всему пути народъ привѣтствовалъ Государя Императора. Въ 5 часовъ Государь Императоръ и сопровождавшіе его великіе князья прибыли къ крестьянской ставкѣ у деревни Шевардино. Здѣсь двумя шеренгами выстроены 4,200 должностныхъ лицъ крестьянскаго населенія въ лицѣ волостныхъ старшинъ, сельскихъ старостъ, предсѣдателей волостныхъ судовъ при земскихъ начальникахъ, непремѣнныхъ членахъ губернскихъ присутствій, членахъ землеустроительныхъ комиссій, уѣздныхъ предводителей дворянства. Отдѣльно выстроены волостные старшины, станичные атаманы и равнозначашіе имъ представители инородческаго населенія, по одному отъ каждой губерніи Россіи, въ ихъ національномъ бытовомъ одѣяніи. Кромѣ того, находились всѣ должностныя лица и служащіе столичнаго попечительства о народной трезвости, организовавшаго въ Бородинѣ питательные пункты. Въ отдаленіи выстроены арестанты, принимавшіе участіе въ работахъ по приведенію въ порядокъ шоссе Бородина. Вся мѣстность красиво украшена флагами и двумя арками. Депутація старѣйшихъ должностныхъ лицъ крестьянскаго населенія Московской губерніи въ составѣ 42-хъ старшинъ, старостъ и волостныхъ судей поднесла Государю Императору хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ съ солонкой съ надписью: «Отъ должностныхъ лицъ крестьянскаго населенія Московской губерніи». Государь Императоръ, принявъ хлѣбъ-соль, милостиво благодарилъ, выразивъ надежду, что крестьяне, подобно дѣдамъ и прадѣдамъ, проливавшимъ кровь за отечество, будутъ служить вѣрой и правдой Царю. Государь Императоръ въ сопровожденіи великихъ князей и всей свиты четыре раза про-

слѣдоваль по рядамъ крестьянскихъ должностныхъ лицъ, которые привѣтствовали Государя Императора взрывомъ могучаго «ура», многократными раскатами разливавшагося по всему полю.

Во время объѣзда поля Его Императорскимъ Величествомъ у памятника Бородинскаго сраженія состоялось торжественное возложеніе вѣнковъ собравшимися депутаціями. Императорское русское военно-историческое общество возложило вѣнки отъ всѣхъ отдѣловъ. Отъ ученыхъ обществъ и кружковъ возложено пятнадцать вѣнковъ. Отъ города Москвы и учреждений Москвы и Московской губерніи — четырнадцать вѣнковъ, въ томъ числѣ вѣнки отъ московской губернской земской управы, московскаго городского управленія, московскаго биржевого общества, купеческаго сословія и другихъ сословій и уѣздныхъ городовъ. Вѣнокъ отъ Москвы представляетъ серебряную пальмовую вѣтвь. Въ лаврахъ вѣнка—Георгій Побѣдоносецъ, подъ нимъ—серебряный свитокъ съ надписью: «Доблестнымъ героямъ, павшимъ на поляхъ Бородина при защитѣ древне-престольной столицы Москвы въ 1812 году». Отъ другихъ губерній, въ лицѣ городскихъ и земскихъ управленій и дворянскихъ и сословныхъ обществъ, возложено свыше восьмидесяти вѣнковъ, въ томъ числѣ много серебряныхъ. Всѣ земства объединились въ возложеніи общеземскаго вѣнка, представляющаго пальмовую вѣтвь шестиаршинной вышины; сбоку орель римскаго типа, въ клювъ—георгиевская лента, съ надписью: «Священной памяти 1812 года земства Россіи». Роскошный вѣнокъ возложила депутація отъ области Войска Донскаго, во главѣ съ наказнымъ атаманомъ генераль-адъютантомъ Мищенкомъ.

Вечеромъ Государь Императоръ посѣтилъ бывшія Семеновскія флешы, подробно ихъ осматриваль, интересовался ходомъ ремонтныхъ работъ. Государь Императоръ выслушалъ докладъ капитана Турчина по поводу возстановленія Семеновскихъ флешей и осматриваль находящійся на флешахъ памятникъ генералу Невѣровскому. Въ половинѣ седьмого вечера Государь Императоръ и всѣ великіе князья въ сопровожденіи министра императорскаго двора и свиты посѣтили памятникъ, сооруженный передъ Шевардинскимъ редутомъ въ память павшихъ французовъ, по подпискѣ среди французской націи. Памятникъ сооруженъ временно въ видѣ лѣпной модели въ натуральную величину и увѣнчанъ одноглавымъ орломъ съ надписью «Aux morts de la grande Armée». У подножія памятника—вѣнки отъ всѣхъ французскихъ частей, участвовавшихъ въ Бородинскомъ сраженіи, серебряный вѣнокъ отъ русской арміи, вѣнки отъ русскихъ частей и французскихъ законодательныхъ учреждений. По сторонамъ памятника живописно расположилась французская молодежь съ огромными флагами русскихъ и французскихъ національныхъ цвѣтовъ! Государь Императоръ былъ встрѣченъ французами кликами: «Vive l'Empereur!». Русскіе отвѣчали «Vive la

France». Государь Императоръ прослѣдовалъ на помость передъ памятникомъ, гдѣ католическое духовенство совершило траурную мессу и освятило временный памятникъ, который впослѣдствіи замѣнить постояннымъ гранитнымъ. Послѣ траурной мессы Государю Императору поднесли медаль, специально выбитую въ память сооружеія памятника для поднесенія Государю Императору и президенту республики. Государь Императоръ и всѣ великіе князья подписали актъ открытія памятника. Въ семь часовъ вечера при восторженномъ «ура» Государь Императоръ и всѣ великіе князья прослѣдовали на возстановленный Шевардинскій редутъ и осматривали его.

Въ понедѣльникъ 27-го августа Ихъ Императорскія Величества прибыли въ Москву послѣ Бородинскихъ торжествъ для участія въ дальнѣйшихъ торжествахъ по случаю столѣтія Отечественной войны. Городъ еще наканунѣ расцвѣтился флагами. По обѣимъ сторонамъ пути слѣдованія Ихъ Величествъ отъ Александровскаго вокзала стояли мачты съ громадными флагами, украшенными гербами и инициалами Ихъ Величествъ. На трамвайныхъ столбахъ поставлены вазы съ живыми цвѣтами. Поперекъ улицъ висѣли гирлянды изъ зелени и маленькихъ флаговъ. Карнизы и подѣзды домовъ задрапированы матеріями національныхъ цвѣтовъ. На балконахъ, покрытыхъ коврами, въ зелени бюсты и портреты Ихъ Величествъ. На Воскресенской площади, передъ Историческимъ музеемъ высокія арки, покрытыя широкими полотнами съ гербами и инициалами Ихъ Величествъ.

Передъ подѣздомъ городской думы полукругомъ стояли лавровыя деревья. Съ крыши спускались огромные штандарты пунцоваго цвѣта съ гербами города Москвы. Простѣнки между окнами затянуты бѣлой матеріей; надъ окнами вѣера флаговъ. Въ срединѣ зданія спускались бѣлыя полотнища, окаймленные золотистой бахромой, съ разноцвѣтными вышивными изображеніями гербовъ дома Романовыхъ, вензелей Ихъ Величествъ и государственныхъ гербовъ эпохи 1812 г. На крышѣ подѣзда инициалы Государя Императора и Государыни Императрицы, усѣянные электрическими лампочками. Передъ подѣздомъ съ высокихъ мачтъ спускались стяги съ гербами дома Романовыхъ и инициалами Ихъ Величествъ. Зданіе Александровскаго вокзала задрапировано разноцвѣтными матеріями и украшено массой флаговъ. Куполь подѣзда въ императорскія комнаты покрытъ гирляндами зелени, надъ нимъ надпись: «Боже, Царя храни». Выше, подъ государственнымъ гербомъ, вензеля Ихъ Величествъ. Надъ подѣздомъ—пунцовыя жалюзи, поддерживаемыя пиками; по сторонамъ—лавровыя деревья. У входа въ императорскія комнаты—бархатныя драпри съ золотыми каймами. На площади, передъ подѣздомъ, съ высокихъ мачтъ спускаются штандарты изъ оранжевыхъ и бѣлыхъ матерій, украшен-

ные государственными гербами и вензелями Ихъ Величествъ. Рядъ штандартовъ меньшаго размѣра идетъ полукругомъ по всей площади вокзала, почти до триумфальной арки. На всѣхъ даты 1812—1912 годовъ. Передъ триумфальной аркой поставленъ огромный щитъ, задрапированный бѣлыми матеріями, въ срединѣ котораго помѣщается большое барельефное изображеніе императора Александра I между барельефными портретами Кутузова и Барклая-де-Толли. Рядомъ на щитахъ—меньшаго размѣра барельефы, слѣва—Багратіона, справа—Платова.

Съ девяти съ половиною часовъ утра начался съѣздъ на Александровскій вокзалъ для встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Съ этого же времени началась разстановка войскъ по пути Высочайшаго слѣдованія. Прибывающія для встрѣчи Ихъ Величествъ особы занимали мѣста въ императорскихъ комнатахъ и у входа въ нихъ съ дебаркадера.

Около десяти часовъ загудѣлъ большой колоколь Иванъ Великаго, возвѣщая о приближеніи императорскаго поѣзда къ Москвѣ. Раздался звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ. У почетнаго караула послышалась команда «тихо». Ровно въ десять часовъ къ дебаркадеру подошелъ императорскій поѣздъ. Салонъ-вагонъ, въ которомъ находились Ихъ Величества съ августѣйшими дѣтьми, остановился противъ Императорскаго павильона. Когда Государь Императоръ вышелъ изъ вагона, знамя почетнаго караула склонилось. Его Величество направился по фронту караула. Музыка заиграла «встрѣчу». Проходя по фронту, Его Величество здоровался съ карауломъ. Оркестръ заигралъ гимнъ. Во время обхода почетнаго караула Государыня Императрица съ наслѣдникомъ цесаревичемъ великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ и августѣйшими дочерьми великими княжнами Ольгой Николаевной, Татьяной Николаевной, Маріей Николаевной, Анастасіей Николаевной находилась на платформѣ противъ императорскаго павильона и бесѣдовала съ высочайшими особами. Когда Государь Императоръ на обратномъ пути приблизился ко входу въ императорскія комнаты, раздалась команда къ церемоніальному маршу, войска перестроились и прошли передъ Его Величествомъ церемоніальнымъ маршемъ. Государыня Императрица съ августѣйшими дѣтьми направилась въ императорскія комнаты. Городской голова удостоился поднести Ея Величеству букетъ изъ орхидей, розъ и ландышей. Въ круглой гостиной Ея Величеству поднесли букеты супруга городского головы В. П. Гучкова, супруга градоначальника А. А. Адрианова и дочь губернскаго предводителя дворянства г-жа Самарина. Государь Императоръ принялъ рапортъ отъ московскаго градоначальника и, здороваясь съ собравшимися для встрѣчи лицами, направился въ сопровожденіи высочайшихъ особъ въ царскія комнаты. Къ подъѣзду павильона былъ поданъ открытый экипажъ, запряженный

парой бѣлыхъ лошадей. При кликахъ «ура» Государь Императоръ, Государыня Императрица, наслѣдникъ цесаревичъ и великая княжна Ольга Николаевна заняли мѣста въ коляскѣ и направились въ Кремль. Изъ церквей по пути слѣдованія Ихъ Величествъ выходило духовенство въ золотыхъ облаченіяхъ съ хоругвями. Затѣмъ въ церквахъ совершалось благодарственное молебствіе о благополучномъ прибытіи Ихъ Величествъ. У Иверскихъ воротъ Государь Императоръ, Государыня Императрица, августѣйшія дѣти и другія особы императорскаго дома вышли изъ экипажей и направились въ часовню Иверской Божіей Матери. Ихъ Величествъ встрѣтилъ преосвященный Анастасій, епископъ Можайскій. Приложившись ко кресту, Ихъ Величества вошли въ часовню, приложились къ иконѣ Божіей Матери. Послѣ краткаго молебствія Ихъ Величества и другія августѣйшія особы прослѣдовали къ подъѣзду Большаго кремлевскаго дворца. Принявъ рапортъ отъ командующаго почетнымъ карауломъ 12-го гренадерскаго Астраханскаго полка, Государь Императоръ прошелъ по фронту караула и здоровался съ нимъ. Принявъ на лѣвомъ флангѣ ординарцевъ, Его Величество пропустилъ роту церемониальнымъ маршемъ. Затѣмъ Государь Императоръ и Государыня Императрица прослѣдовали на собственную половину дворца. Надъ Большимъ кремлевскимъ дворцомъ взвился императорскій штандартъ.

Въ два часа дня происходилъ высочайшій выходъ въ Успенскій соборъ. Въ половинѣ второго начался съѣздъ въ Большой кремлевскій дворецъ. Вереницы экипажей и автомобилей вѣзжали въ Кремль черезъ Никольскія, Троицкія и Боровицкія ворота. Еще раньше начала стекаться въ Кремль публика черезъ Спасскія и Никольскія ворота. Ровно въ два часа изъ внутреннихъ покоевъ вышли Ихъ Императорскія Величества. Изъ Екатерининской залы шествіе направилось въ Андреевскую, затѣмъ въ Александровскую, Георгиевскую и Владимирскую. При входѣ изъ Владимирской залы въ св. сѣни Ихъ Величествъ встрѣтилъ благочинный кремлевскихъ соборовъ при пѣніи хора «Спаси, Господи, люди Твоя». Когда начало шествія показалось на Красномъ крыльцѣ, съ колокольной Ивана Великаго раздался перезвонъ. При вступленіи Ихъ Величествъ на Красное крыльцо соборная площадь огласилась криками «ура» массы народа, наполнившая какъ Соборную, такъ и Царскую площадь. Къ южнымъ дверямъ вышли соборные пресвитеры съ крестами и иконой Запрестольной Божіей Матери, протоіаконы съ кадилами, иподіаконы съ дикиріемъ и трикиріемъ, московскій митрополитъ Владимиръ, по сторонамъ котораго находился сакелларіи, московскіе викаріи, протопресвитеръ Большаго Успенскаго собора и прочее духовенство.

Когда Ихъ Величества вошли на паперть, митрополитъ Владимиръ осѣнилъ крестомъ Государя Императора и Государыню импе-

ратрицу и обратился къ Его Величеству съ привѣтственнымъ словомъ. Въ соборѣ митрополитъ Владимиръ съ преосвященными Василиемъ, епископомъ Можайскимъ, Анастасіемъ серпуховскимъ и епископомъ Евѳиміемъ и высшимъ столичнымъ духовенствомъ совершилъ молебствіе.

По окончаніи богослуженія Ихъ Величества прикладывались къ иконамъ и святынямъ собора. Около трехъ часовъ дня звонъ колоколовъ извѣстилъ о высочайшемъ выходѣ изъ Успенскаго собора. Въ предшествіи митрополита, епископовъ, пѣвчихъ, придворныхъ чиновъ и кавалеровъ, Ихъ Величества съ особами императорской фамиліи прослѣдовали въ Чудовъ монастырь, гдѣ приложились къ мощамъ св. Алексія митрополита и посѣтили мѣсто упокоенія великаго князя Сергѣя Александровича, а затѣмъ внутреннимъ ходомъ прослѣдовали въ Николаевскій дворецъ, оттуда отбыли въ Большой кремлевскій дворецъ.

Въ пять часовъ Ихъ Величества посѣтили благородное собраніе. Зданіе и всѣ залы собранія были роскошно убраны. Боковыя залы представляли широкую аллею изъ лавровыхъ деревьевъ, по бокамъ которой—столы съ фруктами, шампанскимъ, чаемъ и т. д. Колонны главной залы декорированы пальмами и живыми цвѣтами. Портретъ Государя утопалъ въ тропической зелени и цвѣтахъ. Предъ монументной гостиной устроена во всю ширину залы эстрада, въ срединѣ которой сходъ въ колонную залу. Въ центрѣ эстрады помѣщался столъ для Ихъ Велиществъ. Среди сервировки—золотое плато, сдѣланное мастеромъ Людовика XIV въ 1720 г., плато, украшенное золотыми фигурами и доставленное изъ коллекціи графа С. Д. Шереметева. Сбоку главнаго стола сервированы были два полукруглыхъ стола для Ихъ Императорскихъ Высочествъ. Всѣ три стола роскошно убраны цвѣтами и зеленью. Вся эстрада декорирована тропическими растеніями и живыми цвѣтами.

Съ четырехъ часовъ дня зала начала наполняться дворянами и ихъ семьями, представителями города, земствъ, сословныхъ обществъ, администраціи и судебнаго вѣдомства. За Государемъ Императоромъ шелъ министръ двора баронъ Фредериксъ, за Государыней Императрицей—П. А. Базилевскій. За ними слѣдовали великія княжны и другія высочайшія особы. Въ Большой залѣ Государь обходилъ ряды дворянъ, собравшихся въ правой половинѣ залы. Его Величество подробно бесѣдовалъ съ каждымъ изъ уѣздныхъ предводителей Московской губерніи и съ депутатами дворянства. Затѣмъ Государь обходилъ группу губернскихъ предводителей дворянства, стоявшую у портрета Его Величества. Въ это время Государыня бесѣдовала съ дамами, занявшими мѣста передъ эстрадой. Бесѣда продолжалась полчаса. Затѣмъ Ихъ Величества и другія августѣйшія особы заняли мѣста за столами на эстрадѣ; лица свиты Ихъ Велиществъ помѣстились за столами, поставленными

за колоннами. На хорах помѣщались оркестръ и хоръ музыки, исполнившіе музыкально-вокальную программу. По исполненіи «Увертюры 1812 года» Чайковскаго группа губернскихъ предводителей направилась къ эстрадѣ со стягомъ отъ російскаго дворянства. А. Д. Самаринъ обратился къ Его Величеству съ слѣдующей рѣчью:

«Всемилоствѣйшій Государь!

«Сто лѣтъ тому назадъ, по слову незабвенной памяти императора Александра I, весь русскій народъ поднялся, какъ одинъ человѣкъ, и сталъ на защиту родной земли. Неудержимымъ потокомъ пронеслась тогда черезъ всю Европу эта волна народнаго воодушевленія и подняла славу русскаго имени на небывалую высоту. Въ эту грозную пору на долю русскаго дворянства выпало счастье во главѣ другихъ сословій вѣрою постоять за царя и родину. Съ благоговѣніемъ вспоминаемъ мы великія жертвы и самоотверженные подвиги нашихъ предковъ. Ихъ доблестный духъ живить насъ!

«Государь! Въ память объ этомъ великомъ подъемѣ народнаго духа удостой милостиво принять отъ вѣрнаго Тебѣ російскаго дворянства этотъ священный стягъ. Да будетъ онъ символомъ неизмѣнной, какъ и встарь, готовности нашей по первому призыву Державнаго Вождя русской земли стать на защиту ея чести и славы. Да будетъ онъ напоминаніемъ о той славной годинѣ, когда въ единеніи Царя и на рода сказалась вся мощь земли русской. Царствуй въ сознаніи этой силы, возлюбленный нашъ Самодержецъ! Сильный Державный! Царь Православный! Царствуй на страхъ врагамъ!»

Рѣчь была покрыта кликами «ура». Оркестръ и хоръ по требованію дворянъ исполнилъ четыре раза «Боже, Царя храни».

Его Величество отвѣтилъ слѣдующими милостивыми словами:

«Съ чувствомъ глубокаго умиленія и признательности принялъ Я изъ вашихъ рукъ этотъ стягъ. Онъ будетъ всегда служить Мнѣ воспоминаніемъ о живой и неувядаемой связи между російскимъ дворянствомъ, первымъ сословіемъ Россіи, и его Царями.

«Я увѣренъ, что въ дворянствѣ будетъ вѣчно жить духъ вѣрности и преданности къ своимъ государямъ и беззавѣтной любви его и всего народа русскаго къ нашей матушкѣ Россіи.

«Выражаю въ лицѣ вашему первенствующему въ Россіи сословію Мою искреннюю и горячую благодарность».

Зала снова огласилась кликами «ура», и снова былъ нѣсколько разъ повторенъ народный гимнъ. Затѣмъ Ихъ Величества при звукахъ «Слався» Глиники оставили залу, поблагодаривъ дворянъ за ихъ пріемъ.

По отбытіи Ихъ Величествъ изъ дворянскаго собранія волоколамскій уѣздный предводитель дворянства князь С. Б. Мещерскій по порученію губернскаго предводителя дворянства А. Д. Самарина вмѣстѣ съ графомъ П. С. Шереметевымъ и И. П. Шаблыкинымъ

отвезъ стягъ російскаго дворянства, поднесенный Его Величеству, въ Большой кремлевскій дворець.

Вечеромъ Москва была иллюминирована. Нѣкоторыя, наиболѣе людныя улицы центральной части города были залиты многоцвѣтными огнями.

28-го утромъ происходилъ высочайшій смотръ войскамъ на Ходынскомъ полѣ. Путь изъ Москвы на аэродромъ былъ украшенъ флагами и гирляндами зелени. Къ половинѣ десятаго утра трибуны наполнились публикой. Въ ближайшей къ царскому павильону части трибунъ устроена ложа для министровъ. Съ восьми часовъ утра стали прибывать на Ходынское поле войска и къ девяти часамъ построились въ резервныхъ колоннахъ, фронтомъ къ Петербургскому шоссе и тыломъ къ лагерю гренадерскаго корпуса въ шесть линий.

Въ десять часовъ пять минутъ утра въ павильонъ прибыли на автомобилѣ Ихъ Императорскія Высочества великія княжны Ольга Николаевна, Татьяна Николаевна, Марія Николаевна и Анастасія Николаевна. Клики «ура» возвѣстили о прибытіи Ихъ Императорскихъ Величествъ къ правому флангу войскъ. Государь сѣлъ на гнѣдого коня, Государыня Императрица съ наслѣдникомъ цесаревичемъ помѣстилась въ экипажѣ à la Daumont, запряженномъ четверкой рыжихъ лошадей цугомъ, по двѣ лошади въ рядъ. Начался объѣздъ войскъ Ихъ Величествами. За Государемъ ѣхали верхомъ командующій парадомъ П. А. Плеве, министр императорскаго двора баронъ Фредериксъ, военный министръ В. А. Сухомлиновъ и дежурство. Затѣмъ въ экипажѣ слѣдовали Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ цесаревичемъ. Объѣздъ начался съ праваго фланга первой линіи расположенія войскъ. При приближеніи Государя Императора къ каждой части войскъ склонялись знамена, хоры музыки, стоявшіе на правыхъ флангахъ, играли «встрѣчу» и гимнъ. Объѣздъ войскъ продолжался часъ. Когда Государь начиналъ объѣздъ слѣдующей линіи, войска предыдущей обращались назадъ лицомъ къ пути слѣдованія Ихъ Величествъ. По окончаніи объѣзда Государь Императоръ, Государыня Императрица и великіе князья подъѣхали къ царскому павильону. При входѣ въ павильонъ Ихъ Величествъ встрѣтила депутація отъ московскаго общества воздухоплаванія. Государыня Императрица съ наслѣдникомъ цесаревичемъ вошли на террасу павильона. Ея Величеству и великимъ князьямъ поднесены представителями общества воздухоплаванія букеты. Государь обошелъ депутаціи, занимавшія мѣста между павильономъ и въѣздомъ на аэродромъ,—отъ московскаго союза монархистовъ во главѣ съ настоятелемъ Новоспасскаго монастыря архимандритомъ Макаріемъ и протоіереемъ Восторговымъ, отъ общества русскихъ патріотовъ во главѣ съ присяжнымъ повѣреннымъ Бобровымъ и отъ крестьянъ села Всѣхсвятскаго. Всѣ депутаціи поднесли Его Вели-

честву хлѣбъ-соль; депутація отъ крестьянъ села Всѣхсвятскаго привѣтствовала Государя рѣчью. Его Величество милостиво благодарилъ депутаціи за подношенія. Во время приема депутацій войска перестроились церемоніальнымъ маршемъ.

Послѣ парада Государю представились командиры полковъ, адъютанты и фельдфебели шефскихъ частей. Они выстроились у второй отъ царскаго павильона трибуны. Государь, объѣзжая ихъ, милостиво благодарилъ.

Въ три часа дня Его Императорскому Величеству въ Большомъ кремлевскомъ дворцѣ представлялась депутація отъ московскаго дворянства въ составѣ губернскаго и уѣздныхъ предводителей и депутатовъ дворянства. Депутація принесла Государю Императору и Государынѣ Императрицѣ благодарность за посѣщеніе дворянскаго собранія 27-го августа. Его Величество отъ себя и отъ лица Государыни Императрицы благодарилъ дворянъ за оказанный сердечный пріемъ.

Въ четыре часа дня былъ устроенъ на Боярской площадкѣ у храма Спаса на Бору въ Кремлѣ обѣдъ для волостныхъ старшинъ, собравшихся на юбилейныя торжества въ Москву. На обѣдѣ присутствовало тринадцать старшинъ отъ Московской губерніи и по одному отъ остальныхъ губерній, одиннадцать станичныхъ атамановъ и представители инородцевъ, предки которыхъ участвовали въ войнѣ 1812 года. Меню обѣда было слѣдующее: щи, пирогъ, цыплята съ огурцами, сладкое. Для встрѣчи Государя Императора собрались министръ внутреннихъ дѣлъ, министръ Императорскаго Двора и лица государевой свиты.

Передъ началомъ обѣда изволили прибыть Государь Императоръ и, милостиво бесѣдуя съ собравшимися, обошелъ столы и обратился къ старшинамъ со слѣдующими милостивыми словами:

«Очень радъ былъ видѣть васъ въ Москвѣ на торжествахъ знаменательной годовщины столѣтія Отечественной войны. Передайте всѣмъ вашимъ дома, что Я надѣюсь и увѣренъ, если въ будущемъ Господь посѣтитъ испытаніемъ родину, то всѣ вы вмѣстѣ со Мною, какъ одинъ, станете грудью на ея защиту. За ваше здоровье и за славу и величіе нашей матушки Россіи».

Старшина Подольскаго уѣзда Московской губерніи Вонифатьевъ провозгласилъ здравницу за Государя Императора, которая встрѣчена была единодушнымъ «ура».

Въ пять часовъ дня Ихъ Величества посѣтили зданіе городской думы. Съѣздъ приглашенныхъ лицъ начался около четырехъ часовъ дня. Вестибюль зданія думы былъ обращенъ въ аллею лавровыхъ деревьевъ; главная лѣстница убрана тропическими растеніями и цвѣтами. Въ коридорѣ второго этажа были сервированы столы для приглашенныхъ. Большая зала украшена пальмами и цвѣтами. На эстрадѣ у монумента императрицы Екатерины II размѣстились

оркестръ и хоръ учащихся въ городскихъ школахъ. Въ залѣ поставлены два ларца: одинъ—съ жалованной грамотой императора Александра I Москвѣ по окончаніи Отечественной войны, другой—поднесенный въ 1898 г. при открытіи памятника императора Александра II городскими головами московскому городскому управленію. Въ комнатѣ подъ хорами выставлена модель Бородинскаго моста и актъ передачи городу памятника императора Александра II, а также портретъ московскаго городского головы въ 1812 г. Кумашина. Въ Малой залѣ были размѣщены подарки для поднесенія Государынѣ Императрицѣ, наслѣднику цесаревичу и великимъ князьямъ.

Въ залѣ присутствія городской управы были размѣщены три стола для Ихъ Императорскихъ Величествъ и особъ царствующаго дома съ шампанскимъ и фруктами. Около зданія думы стояли учащіеся въ городскихъ школахъ въ количествѣ около 10.000 человекъ. Учащіеся стояли по школамъ, со значками

Въ пять часовъ прибыли Ихъ Величества. Въ вестибюль Государя Императора и Государыню Императрицу встрѣтили городской голова, товарищъ городского головы и члены управы. Супруга городского головы поднесла Ея Величеству букетъ цвѣтовъ изъ бѣлыхъ розъ; дочери ея поднесли такіе же букеты великимъ князьямъ Ольгѣ Николаевнѣ, Татіанѣ Николаевнѣ, Маріи Николаевнѣ и Анастасіи Николаевнѣ. Вмѣстѣ съ Ихъ Величествами прибыли великіе князья. Ихъ Величества вошли въ Большую залу подъ звуки Преображенскаго марша.

По входѣ Ихъ Величествъ въ Большую залу голова обратился къ Государю Императору со слѣдующей рѣчью:

«Великій Государь! Издревле государи російскіе въ дни невзгодъ и скорбей своего народа, равно какъ и въ дни его радостей и веселья, всегда были съ нимъ, въ средѣ его, одухотворенные однимъ съ нимъ помыслами. Во всѣ времена Москва, какъ сердце нашей родины, была средоточіемъ этого единенія. Сто лѣтъ тому назадъ, въ великую годину крайняго бѣдствія, постигшаго наше отечество, когда настала надобность спасти его отъ сильнаго врага, нынѣ въ Возѣ почивающій государь императоръ Александръ I обратился съ воззваніемъ своимъ «напервые къ первопрестольной древней російской столицѣ и не умедлилъ самъ предстать посреди оной, и Москва, слѣдуя за своимъ Вождемъ, подвигами, вѣрностью и терпѣніемъ своимъ показала примѣръ мужества и величія», какъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о томъ драгоценная грамота монарха, хранящаяся въ этомъ священномъ ларцѣ. По окончаніи великаго бѣдствія монархъ посѣтилъ древнюю столицу, «дабы,—какъ-то занесено въ грамоту,—ознаменовать предъ цѣлымъ свѣтомъ незабвенныя услуги ея». Великій Государь! Слѣдуя завѣтамъ твоихъ предковъ, Ты, даровавшій обновленіе Твоему народу, нынѣ, въ дни великой

години, въ дни его радости, опять, какъ всегда, среди него, объединенный съ нимъ общими помыслами, общей молитвой о благѣ и величїи драгоцѣнной отчизны. Сегодняшній день будетъ въ лѣтописи Россійскаго царства на руководство потомству и останется навсегда незабвеннымъ въ благодарной народной памяти.

При этомъ голова поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль на деревянномъ блюдѣ, украшенномъ сибирскими камнями, съ надписью: «Ихъ Императорскимъ Величествамъ отъ московскаго городского общественнаго управленія». Рѣчь городского головы была покрыта кликами «ура», оркестръ и хоръ исполнили народный гимнь.

На рѣчь городского головы Его Величеству благоугодно было отвѣтить:

«Сердечно благодарю городъ Москву въ лицѣ его городского общественнаго управленія за радушный прїемъ и поднесенную Мнѣ хлѣбъ-соль, а также за постоянную любовь и преданность. Увѣренъ, что эти чувства передадутся и въ будущія поколѣнїя и, какъ сто лѣтъ тому назадъ, Москва, а за ней и вся Россїя, будетъ объединена вѣчно съ ея Царями. Еще разъ благодарю сердечно за радушный вашъ прїемъ, какъ въ маѣ мѣсяцѣ, такъ и нынѣ».

Снова грянуло единодушное «ура». Оркестръ и хоръ исполнили «Боже, Царя храни». Затѣмъ городской голова показаль Ихъ Величествамъ ларець съ жалованной грамотой Александра I. Государь разсматриваль эту грамоту. Далѣе Его Величество милостиво бесѣдовалъ при обходѣ группы гласныхъ съ лицами, представленными городскимъ головой.

Въ то время, когда Государь бесѣдовалъ съ гласными думы, Ея Величество съ супругой городского головы обходила группу дамъ и бесѣдовала съ ними. Затѣмъ Ихъ Величества вошли въ комнату, отдѣляющую Большую и Малую залы, гдѣ академикъ Р. И. Клейнъ при осмотрѣ модели Бородинскаго моста далъ Ихъ Величествамъ объясненїя. Городскимъ головой поднесены альбомъ съ видами моста и три медали въ память его сооруженїя: золотая, серебряная и бронзовая. Въ Малой залѣ Государынѣ былъ поднесенъ ларець, украшенный драгоцѣнными камнями, отъ Бахрушинской женской ремесленной школы. Наслѣднику Цесаревичу поднесенъ токарный станокъ отъ Долгоруковскаго ремесленнаго училища и плетеная мебель—отъ Рукавишниковскаго прїюта. Первая Анастасїинская рукодѣльная школа поднесла великой княжнѣ Анастасїи Николаевнѣ куклу въ качалкѣ и приданое для куклы; вторая городская рукодѣльная школа имени великой княжны Анастасїи Николаевны поднесла ея высочеству вышитое платье; третья рукодѣльная школа поднесла великой княжнѣ Ольгѣ Николаевнѣ подушку; четвертая городская рукодѣльная школа поднесла великой княжнѣ Татїанѣ Николаевнѣ плѣтъ; великой княжнѣ Марїи

Николаевнѣ поднесено платье отъ Ксеніинскаго городского пріюта. При подношеніи дѣти говорили привѣтствіе.

Изъ Малой залы Ихъ Величества и ихъ высочества вошли въ помѣщеніе присутствія городской управы. Здѣсь Государь съ великими князьями занялъ мѣсто за однимъ столомъ, за другимъ— Государыня Императрица, за третьимъ столомъ— великія княжны. По заламъ было разнесено гостямъ шампанское. Городской голова провозгласилъ тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора. Хоръ и оркестръ исполнили народный гимнъ. Второй тостъ городской голова провозгласилъ за здоровье Государыни Императрицы. Снова былъ исполненъ народный гимнъ. Государь Императоръ поднялъ бокаль за процвѣтаніе города Москвы. Раздались клики «ура». Оркестръ и хоръ исполнили «Славься». При звукахъ народного гимна Ихъ Величества и августѣйшія особы въ седьмомъ часу вечера оставили залу городской думы.

По отбытіи Высочайшихъ особъ въ большой залъ думы былъ поднесенъ городскому управленію адресъ отъ лейбъ-гренадерскаго Московскаго полка. На этотъ адресъ городской голова отвѣчала рѣчью.

Въ Георгіевской залѣ Большаго кремлевскаго дворца состоялся обѣдъ для военно-начальствующихъ лицъ. Столы были сервированы на 300 кувертовъ. Въ 8 ч. веч. изъ внутреннихъ покоевъ въ Георгіевскую залу вышли Государь Императоръ съ Государыней Императрицей и великій князь Михаилъ Александровичъ съ великой княжной Ольгой Николаевной. Далѣе шли великіе князья и прочія особы императорской фамиліи. Кромѣ высочайшаго стола, было сервировано еще шесть столовъ для приглашенныхъ лицъ. За обѣдомъ Государь Императоръ провозгласилъ тостъ за здоровье войскъ московскаго военного округа. Во время обѣда играли два оркестра музыки четвертаго гренадерскаго Несвижскаго и Московскаго гренадерскаго полковъ.

29-го, въ 10 часовъ утра, въ храмъ Христа Спасителя торжественно совершена заупокойная литургія и панихида по императорѣ Александрѣ I, вождахъ и воинахъ, павшихъ въ Отечественную войну.

Къ началу службы прибыли въ храмъ великая княгиня Елизавета Ѳеодоровна и особы императорской фамиліи. Скоро клики «ура» возвѣстили о прибытіи Государя Императора. При приближеніи Государя Императора въ частяхъ войскъ склонялись знамена, играли хоры музыки. Заупокойную литургію совершали высокопреосвященный митрополитъ Владимиръ и епископы Василій Можайскій, Анастасій серпуховскій и Ѳеодоръ волоколамскій. Пѣли хоры синодальный и мѣстный. На панихиду, кромѣ совершавшаго литургію духовенства, вышли архіепископъ Алексій, епископы Мисаилъ, Евѳимій и Владимиръ, болѣе 20-ти архимандритовъ и высшее столичное духовенство. При пѣніи «Святый Боже» и «Вѣчная

память» Государь Императоръ и другія августѣйшія особы и всѣ присутствовавшіе опускались на колѣна. Богослуженіе окончилось въ 12^{1/2} часовъ дня.

Въ 2^{1/2} часа дня Государь Императоръ произвелъ смотръ учащимся въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія и другихъ вѣдомствъ и учащимся въ городскихъ и земскихъ школахъ. Къ половинѣ второго часа дня на плацу передъ памятникомъ императора Александра II въ Кремлѣ собрались воспитанники со значками и знаменами.

Раздалась команда: «Смирно!» Оркестръ Московскаго полка заигралъ «встрѣчу», и Государь Императоръ началъ объѣздъ линій. Его Величество ѣхалъ на бѣломъ конѣ. За Государемъ слѣдовали министръ императорскаго двора и дежурство. Далѣе ѣхали въ экипажѣ наслѣдникъ цесаревичъ великій князь Алексѣй Николаевичъ и великія княжны Татіана Николаевна, Марія Николаевна и Анастасія Николаевна. При выѣздѣ изъ дворца Его Величество встрѣчали министръ народнаго просвѣщенія и попечитель московскаго учебнаго округа. При объѣздѣ линій учащихя оркестръ игралъ «встрѣчу» и «Боже, Царя храни». Его Величество изволило здороваться съ каждымъ учебнымъ заведеніемъ; въ отвѣтъ раздавались: «Здравія желаемъ, Ваше Императорское Величество». При объѣздѣ Сергіево-Елизаветинскаго и коммерческаго училищъ ихъ оркестры исполняли «встрѣчу», народный гимнъ и Преображенскій маршъ. По объѣздѣ всѣхъ линій учащихя Его Величество возвратился со стороны кремлевской стѣны, примыкающей къ Спасской башнѣ, къ памятнику Александру II. Въ это время учащіяся мужскихъ учебныхъ заведеній начали перестраиваться церемоніальнымъ маршемъ. Воспитанницы женскихъ гимназій, занявъ середину плаца, исполнили предъ Его Величествомъ рядъ сокольскихъ вольныхъ движеній. Затѣмъ бывшіе въ строю воспитанники начали проходить предъ Его Величествомъ церемоніальнымъ маршемъ.

Послѣ церемоніальнаго марша Государь Императоръ приблизился къ музыкальной эстрадѣ съ хоромъ учащихя; раздалось громкое «ура», хоръ подъ управленіемъ Ипполитова-Иванова исполнилъ «Слався». Площадь снова огласилась кликами «ура». Дѣти махали платками и шапками. Въ 3^{1/4} часа Государь отбылъ съ плаца въ Кремлевскій дворецъ.

Въ 3^{1/2} часа Его Императорское Величество изволило посѣтить «Выставку 1812 года» въ Историческомъ музеѣ. Въ музей Государь Императоръ прибылъ съ августѣйшими дочерьми Ольгой Николаевной, Татіаной Николаевной и Маріей Николаевной, въ сопровожденіи министра императорскаго двора барона Фредерикса и дежурства. Вмѣстѣ съ Его Величествомъ прибыли ихъ императорскія высочества великіе князья, принцы и герцоги, находящіеся въ Москвѣ, а также лица государевой свиты и ихъ высочества.

При входѣ на выставку Государь былъ встрѣченъ комитетомъ выставки въ полномъ составѣ, съ предсѣдателемъ А. А. Бахрушинымъ. Государь подробно осматривалъ всѣ отдѣлы выставки. Объясненія давали А. А. Бахрушинъ, В. Г. Глазовъ, ген. Петровъ, В. К. Трутовскій и др. Портретъ императора Александра I въ первой залѣ выставки былъ украшенъ тропическими растеніями. Передъ нимъ—мраморный бюстъ императора работы Орловскаго. Во второй залѣ декорированы тропическими растеніями портреты Кутузова и Барклая-де-Толли, въ третьей—бюстъ Кутузова. Осмотръ выставки продолжался 1¹/₄ часовъ.

Государь выразилъ удовольствіе устроителямъ выставки и благодарилъ за довольно полное собраніе коллекцій въ каждомъ отдѣлѣ.

Послѣ выставки Государь Императоръ изволилъ осматривать запасныя залы съ неразобранными коллекціями. Объясненія давалъ В. А. Городцовъ. Въ послѣдней залѣ княземъ Н. С. Щербатовымъ была поднесена Его Величеству хлѣбъ-соль. Изъ запасныхъ залъ по лѣстницѣ Государь Императоръ сошелъ въ нижній музейскій этажъ и прослѣдовалъ съ августѣйшими особами въ залу Іоанна Грознаго, гдѣ сервированъ былъ столъ съ чаемъ, кофе, фруктами, пирожнымъ и прохладительными напитками. Столъ былъ украшенъ стариннымъ серебромъ, братинами XVII и XVIII столѣтій; скатерть—работы 1793 года. Въ смежной залѣ была устроена выставка рукодѣлій, шитья и старинныхъ матерій для великихъ княженъ. Объясненія давалъ директоръ кievскаго историческаго музея Бѣляшевскій и хранитель музея Е. Ѳ. Коршъ. Государю Императору управленіемъ музея поднесенъ списокъ съ архангельскаго евангелія.

Въ пять съ половиной часовъ дня Его Величество съ августѣйшими дочерьми отбылъ изъ Историческаго музея въ панораму Бородинскаго боя на Чистыхъ прудахъ. Его Величество сопровождали другія особы императорскаго дома, находившіяся на выставкѣ, лица свиты, министры, придворные чины и должностныя лица военнаго и гражданскаго вѣдомства столицы.

30-го августа, съ девяти часовъ утра массы народа заполнили Красную и Васильевскую площади и прилегающія къ нимъ части улицъ и переулковъ. Съ девяти съ половиной часовъ началась разстановка на Красной площади учащихъ въ московскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Въ девять съ половиной часовъ утра въ Успенскій соборъ начали собираться духовенство, члены святѣйшаго синода, придворные, военные и гражданскіе чины.

Во время литургіи изволили прибыть въ соборъ Ихъ Императорскія Величества, наслѣдникъ цесаревичъ, августѣйшія дочери Ихъ Величествъ и другія особы царствующаго дома. Ихъ Величества стали у патріаршаго мѣста; за ними заняли мѣста члены

императорской фамиліи. По окончаніи литургіи изъ Успенскаго собора вышелъ крестный ходъ, направившійся чрезъ Спасскія ворота на Красную площадь. По выходѣ изъ Спасскихъ воротъ крестный ходъ направился къ царскому павильону, передъ которымъ духовенство съ иконами и хоругвями сходило вправо по ступенямъ на прилегающій помостъ, гдѣ были поставлены иконы. Съ правой стороны всего пути слѣдованія крестнаго хода еще ранѣе была поставлена передъ помостомъ масса хоругвей, тянувшихся отъ Спасскихъ воротъ къ Историческому музею и обратно по лѣвой сторонѣ помоста до царскаго павильона. Всего хоругвей было болѣе двухсотъ. Въ царскомъ павильонѣ Ихъ Императорскія Величества заняли мѣста съ правой стороны входа, слѣва—особы императорской фамиліи и лица свиты. Передъ павильономъ на ступеняхъ помоста съ правой стороны—придворные чины и кавалеры, съ лѣвой стороны—дворяне. Послѣ прохода крестнаго хода къ павильону перешли по помосту потомки участниковъ Отечественной войны, городскія дамы и супруги дворянъ. Когда духовенство и всѣ особы, участвовавшія въ крестномъ ходу, заняли свои мѣста въ павильонѣ и около него, протодіаконъ Большаго Успенскаго собора Розовъ громко прочиталъ съ возвышенія высочайшій нижеслѣдующій манифестъ, данный въ Бородинѣ 26-го августа:

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІЙ,

Царь Польскій, Великій Князь Финляндскій, и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ нашимъ подданнымъ:

Сто лѣтъ тому назадъ тяжкому испытанію подверглось наше отечество. Многочисленныя иноземныя арміи, предводимыя величайшимъ полководцемъ того времени, вторглись въ предѣлы имперіи нашей и направили свое побѣдное шествіе къ сердцу ея—первопрестольной Москвѣ. Неминуемая, казалось, опасность угрожала государству нашему отъ противника, не знавшаго дотолѣ поражений. Но милосердіе Божіе и величіе духа народа нашего спасли Россію.

По призыву верховнаго вождя своего, блаженныя памяти прадѣда нашего императора Александра Благословеннаго, сталь русскій народъ на защиту родины и ея святынь. Неисчислимыя подвиги совершены были русскими войсками—сухопутными и морскими,—удивившими міръ беззавѣтною храбростію своею и непоколебимою вѣрностію долгу. Высокіе примѣры безграничной преданности престолу, самоотверженной любви къ родинѣ, глубокой вѣры въ милость Господню и непреклонной твердости духа

показалъ народъ русскій, во всѣхъ сословіяхъ своихъ, отдавши на благо отечества свое достояніе и жизнь своихъ сыновъ.

И совершилось великое дѣло народное: исполнился обѣдъ Благословеннаго царя не полагать оружія, доколѣ не останется въ его царствѣ ни единого непріятельскаго воина.

26-го августа 1812 года на поляхъ Бородина доблестныя войска наши послѣ кровопролитнѣйшей битвы, покрывшей ихъ неувядаемою славою, сломили силу непріятельскаго нашествія. Ослабленныя встрѣченнѣмъ отпоромъ иноземныя войска хотя и вступили въ Первопрестольную Москву, но должны были вскорѣ покинуть ее, уступая невѣдомой имъ дотолѣ твердынѣ народнаго сопротивленія. Съ памятной Бородинской битвы благословилъ Господь успѣхомъ русское оружіе, и тяжелая война была окончена со славою и честью для нашего отечества.

Нынѣ, въ сотую годовщину Бородинскаго боя, вспоминая великій подвигъ народа нашего, мы призываемъ всѣхъ вѣрныхъ нашихъ подданныхъ, вмѣстѣ съ нами, возблагодарить Господа Силь за милость, явленную Имъ отечеству нашему въ годину испытаній, и вознести къ Престолу Всевышняго горячую молитву, да пребудутъ во вѣки вѣковъ въ памяти народной высокіе примѣры военной и гражданской доблести предковъ въ Отечественную войну; да воодушевятся сими примѣрами всѣ вѣрные сыны Россіи въ доблестномъ служеніи родинѣ и да ниспшлетъ намъ Всемогуцій святую помощь Свою въ исполненіи непоколебимаго желанія нашего— въ единеніи съ возлюбленнымъ народомъ нашимъ направлять судьбы державы нашей къ славѣ, величію и преуспѣянію ея.

Данъ на Бородинскомъ полѣ, въ 26 день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча девятьсотъ двѣнадцатое, царствованія же нашего въ восемнадцатое.

Затѣмъ митрополитъ Владимиръ съ епископами и высшимъ духовенствомъ, участвовавшимъ въ крестномъ ходу, совершилъ благодарственное молебствіе за избавленіе отъ нашествия двадцати языковъ. При чтеніи молитвы съ колѣнопреклоненіемъ Ихъ Величества, ихъ высочества и всѣ присутствовавшіе опустили на колѣни. Послѣ многолѣтія Ихъ Величествамъ и всему царствующему дому протодіаконъ возгласилъ «вѣчную память» императору Александру I и павшимъ въ Отечественную войну и почившимъ вождямъ и воинамъ. Всѣ опустили на колѣни во главѣ съ Ихъ Величествами. Въ это же время находящіяся въ строю войска отдали честь, и была произведена пальба изъ орудій; во всѣхъ церквахъ раздался колокольный звонъ.

Затѣмъ было возглашено многолѣтіе державѣ Россійской и побѣдоносному всероссійскому воинству. По возглашеніи многолѣтія митрополитъ Владимиръ осѣнилъ крестомъ всѣхъ присутствовав-

шихъ на молебствіи. Во время молебствія пѣли синодальный хоръ и соединенный хоръ подъ управленіемъ Кастальскаго.

Въ четыре часа дня Государь изволилъ посѣтить кустарный музей московскаго губернскаго земства въ Леонтьевскомъ переулкѣ. При входѣ Его Величество встрѣтили исполняющій должность предсѣдателя губернской земской управы А. Е. Грузиновъ и члены управы, предсѣдатели уѣздныхъ земскихъ управъ, предсѣдатель губернскаго земскаго собранія А. Д. Самаринъ, предсѣдатель экономическаго совѣта графъ В. В. Мусинъ-Пушкинъ, предсѣдатель кустарной комиссіи князь А. Д. Голицынъ. А. Е. Грузиновъ обратился къ Государю Императору со слѣдующей рѣчью:

«Ваше Императорское Величество! Въ трудныя времена государственной жизни земскіе люди всѣхъ сословій объединялись и вставали на защиту престола и родины. Во времена Минина и Пожарскаго, въ памятную годину нашествія Наполеона вся земля, какъ одинъ человекъ, грудью отстояла своего царя, свою вѣру и свою независимость. Нынѣ земскіе люди всѣхъ сословій несутъ мирную работу на мѣстахъ на пользу родной страны; но если суровая воля судьбы того потребуеть, то вся земская Русь, какъ и встарь, грудью станетъ за царя навстрѣчу военной непогодѣ. Но сегодня у земствъ праздникъ мирной нашей работы на мѣстахъ почтень вниманіемъ Вашего Величества въ этотъ знаменательный день. Впервые московское земство имѣетъ высокую честь и счастье въ стѣнахъ своего учрежденія привѣтствовать верховнаго повелителя Русской земли и его царственную семью. И мы, московскіе выборные земскіе люди, съ великой благодарностью и особымъ благоволеніемъ преклоняемся передъ Монархомъ, державная воля котораго приобщила народъ къ творчеству законодательному. Память о настоящемъ свѣтломъ днѣ будетъ навѣки запесена въ лѣтописи московскаго земства и дастъ силу и бодрость работникамъ на земской нивѣ. Мы вѣруемъ, что вниманіе ваше, Государь, волеетъ новую кровь въ жизнь земскихъ учреждений и дастъ имъ новый блескъ во славу имени вашего Императорскаго Величества и во благо родного края. Съ чувствомъ безпредѣльной любви и преданности московское земство бьетъ челомъ и проситъ принять нашу русскую хлѣбъ-соль».

При этомъ А. Е. Грузиновъ поднесъ Его Величеству хлѣбъ-соль отъ московскаго губернскаго земства на деревянномъ рѣзномъ блюдѣ. Государь милостиво благодарилъ за подношеніе. Затѣмъ А. Е. Грузиновъ представилъ Государю членовъ губернской управы и предсѣдателей уѣздныхъ управъ. Члены управы поднесли букеты великимъ княжнамъ. Государь Императоръ обошелъ всѣ залы музея и подробно осматривалъ кустарныя издѣлія. Когда Его Величество сходилъ по лѣстницѣ въ нижній этажъ, по ея ступенямъ стояли депутаты отъ кустарныхъ артелей и отдѣльных ку-

старей. Здѣсь были тридцать три депутаціи отъ кустарей; они поднесли Государю Императору различныя кустарныя издѣлія: рѣзныя металлическія издѣлія, издѣлія изъ корельской березы, учебныя пособія, куклы, конторскіе счеты и прочіе. Его Величество милостиво бесѣдовалъ съ кустарями и благодарилъ ихъ за подношенія. Спустившись въ вестибюль, Его Величество вошелъ въ нижній этажъ новаго зданія музея. Здѣсь были накрыты два стола для августѣйшихъ особъ и общій столъ для приглашенныхъ лицъ; сервировка всѣхъ столовъ состояла изъ кустарныхъ издѣлій.

Когда было подано шампанское, А. Е. Грузиновъ провозгласилъ тостъ за драгоцѣнное здоровье Государя Императора. Второй тостъ А. Е. Грузиновъ провозгласилъ за Государыню Императрицу и третій — за всю августѣйшую семью. Тосты сопровождались кликами «ура». Государь Императоръ поднялъ бокалъ за процвѣтаніе московскаго губернскаго земства и благодарилъ за радушный пріемъ. Слова Его Величества были встрѣчены единодушнымъ «ура». Затѣмъ А. Е. Грузиновъ испросилъ у Его Величества разрѣшенія поднести приготовленные кустарнымъ музеемъ подарки Его Величеству, Государынѣ Императрицѣ и августѣйшей семьѣ. Государь осматривалъ эти подарки, состоящіе изъ двухъ рѣзныхъ складней, ларцевъ, шкатулокъ, лукутинскихъ вещей съ изображеніемъ героев Отечественной войны, блюды и т. п.

Его Величество пробылъ въ музеѣ два часа, долго бесѣдовалъ съ представителями земства и въ шесть часовъ вечера отбылъ въ Кремлевскій дворецъ, прिवѣтствуемый кликами «ура».

Въ Георгіевской залѣ Большого кремлевскаго дворца состоялся парадный обѣдъ, къ которому приглашено было болѣе шестисотъ лицъ. Въ восемь часовъ вечера изъ внутреннихъ покоевъ вышли Ихъ Императорскія Величества и другія августѣйшія особы.

Въ одиннадцать часовъ сорокъ пять минутъ ночи Ихъ Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица Александра Ѳеодоровна съ наслѣдникомъ цесаревичемъ великимъ княземъ Алексѣемъ Николаевичемъ и августѣйшими дочерьми отбыли изъ Москвы.

Такъ закончились знаменательныя торжества въ Москвѣ, отъ которыхъ повѣяло на всю Россію сердечной теплотою, согрѣвшею ея изстрадавшееся сердце въ смутные годы предыдущаго десятилѣтія. Единеніе Царя и народа предстало передъ всѣми во всей его наглядной красотѣ, какъ залогъ нашего мира, покоя, могущества и любви вѣрноподанныхъ къ своему верховному вождю.

Но не одной Москвою ограничили русскія торжества по случаю знаменательной годовщины 1812 года. Во всѣхъ городахъ и весяхъ въ день 26-го августа шелъ непрестанный колокольный звонъ, призывавшій вѣрныхъ сыновъ церкви къ моленію въ память избавленія Россіи отъ угрозавшей ей сто лѣтъ назадъ опасности. Во многихъ

городахъ, кромѣ моленій, имѣли мѣсто и нравственно-воспитательныя засѣданія, вечера и сценическія представленія, возстановлявшія передъ собравшимися на нихъ бывлыя славныя страницы нашей борьбы съ «двадцатью языками» и нашей побѣды надъ ними.

Конечно, послѣ Москвы главное вниманіе было сосредоточено на Петербургѣ, мѣстѣ упокоенія державнаго героя великой эпохи двѣнадцатаго года и исполнителя его предначертаній свѣтлѣйшаго князя М. И. Кутузова.

Раннимъ утромъ восемь пушечныхъ выстрѣловъ съ Петербургской крѣпости извѣстили населеніе о знаменательномъ событіи. Столица съ утра разукрасилась флагами, на всѣхъ домахъ красовались транспаранты съ вензелевыми изображеніями Ихъ Величествъ, въ эстампныхъ магазинахъ и магазинахъ цвѣтовъ среди зелени выставлены портреты императора Александра I, героевъ Отечественной войны. Суда на Невѣ разукрасились флагами. Съ ударомъ перваго колокола у Исаакіевскаго собора въ соборъ прибылъ преосвященный Веніаминъ, епископъ гдовскій, и духовенство отъ приходскихъ церквей. Послѣ краткаго молитвословія въ предшествіи за престольнаго креста, иконъ Тихвинской Божіей Матери, Нерукотвореннаго образа Спаса, доставленнаго изъ домика Петра Великаго въ придворной каретѣ, запряженной цугомъ четверкой лошадей съ вершниками и иконы св. Исаакія, крестный ходъ изъ западныхъ дверей собора вышелъ на площадь. Съ портала собора преосвященный Веніаминъ трижды осѣнилъ народъ. Подъ перезвонъ колоколовъ духовенство въ златотканыхъ ризахъ длинной линіей пошло на Александровскій пр., сопровождаемое по бокамъ хоругвеносцами Исаакіевскаго собора и Путиловскаго завода. Съ гнѣиемъ торжественныхъ прмосовъ и тропарей крестный ходъ въ десятомъ часу подошелъ къ Казанскому собору, гдѣ къ этому времени въ алтарѣ собора собралось духовенство столицы во главѣ съ присутствующимъ въ св. синодѣ архіепископомъ финляндскимъ и Выборгскимъ Сергіемъ. Архіепископъ на паперти принялъ крестный ходъ, осѣнивъ народъ иконою. Вслѣдъ затѣмъ началась литургія, которую совершалъ архіепископъ Сергій въ сослуженіи съ ризничимъ Александро-Невской лавры архіереемъ Евгеніемъ и настоятелемъ Казанскаго собора митрофорнымъ протоіереемъ о. Сосняковымъ при протодіаконахъ Исаакіевскаго и Казанскаго соборовъ.

Литургія окончена, духовенство собралось около гробницы погребеннаго въ соборѣ фельдмаршала кн. М. И. Голенищева-Кутузова-Смоленскаго и совершило литію. Ген.-адъют. Арсеньевъ на гробницу возложилъ по Высочайшему повелѣнію золотую медаль, отчеканенную въ память Отечественной войны.

Во время литургіи въ соборъ прибыла ея императорское высочество великая княгиня Марія Павловна съ принцессой Маріей-

Антуанеттой Мекленбургъ-Шверинской. По окончаніи литургіи ихъ высочества отбыли въ Зимній Его Величества дворець, послѣ чего на Дворцовую площадь вышелъ крестный ходъ, въ которомъ приняли участіе присутствующіе въ св. синодѣ епископы: Константинъ самарскій, Никаноръ олонецкій, Палладій пермскій и Веніаминъ гдовскій, архіепископъ финляндскій и выборгскій Сергій съ портала осѣнилъ иконой Казанской Божіей Матери собравшійся народъ, и процессія тронулась. На Невскомъ пр. крестный ходъ проходилъ мимо шпалеръ войскъ, построенныхъ по двѣ стороны улицы. Хоры музыки играли «Коль славенъ». Съ Морской улицы процессія вышла на Дворцовую площадь къ Александровской колоннѣ. Александровская колонна къ этому дню была убрана живыми растеніями, отъ постамена къ рѣшеткѣ красиво спущены гирлянды зелени, у подножія колонны возложены вѣнки изъ живыхъ цвѣтовъ. Со стороны Зимняго дворца устроенъ большой помостъ, покрытый краснымъ сукномъ. Слѣдовавшія съ крестнымъ ходомъ иконы возложены на приготовленные аналои, возлѣ нихъ у колонны помѣстились знаменщики частей, участвовавшихъ въ парадѣ, по бокамъ помоста заняли мѣста хоругвеносцы, тыломъ къ главному штабу стали воспитанники столичныхъ учебныхъ заведеній. Духовенство приступило къ совершенію благодарственного молебствія по чину, положенному въ день Рождества Христова, съ колѣнопреклоненіемъ.

Когда духовное торжество закончилось, процессія направилась тѣмъ же порядкомъ къ Невскому, гдѣ раздѣлилась на два крестныхъ хода, одинъ направился въ Исаакіевскій соборъ, другой въ Казанскій.

Во время церковнаго парада передъ фронтомъ войскъ командиромъ перваго армейскаго корпуса и начальниками частей были прочтаны слѣдующій Высочайшій приказъ арміи и флоту по случаю исполнившагося столѣтія:

«Сто лѣтъ назадъ руссійское воинство, велѣніемъ верховнаго вождя своего, блаженныя памяти императора Александра Благословеннаго, призвано было къ великому и почетному долгу отстоять грудью своею достоинство великой Россіи, неприкосновенность отечества, честь и славу, дотолѣ непрестанно сопровождавшія сухопутную армію и флотъ.

«Съ глубокою вѣрою во всемогущество Божіе, въ полномъ единеніи со своимъ государемъ и съ покорностью передъ предстоявшими неисчислимыми и тяжелыми испытаніями, преданные своему долгу армія и флотъ приступили къ совершенію великаго дѣла, и проявленные ими беззавѣтные подвиги мужества и храбрости спасли отечество, заслужили благодарную память и вѣчное уваженіе потомства и удивленіе дотолѣ непобѣдимаго врага и всѣхъ народовъ Европы.

«Въ сегодняшній торжественный день поминанія столѣтней годовщины знаменательнаго сраженія на поляхъ Бородинскихъ воздаваемая вмѣстѣ со мною всею Россіею дань уваженія и признательности къ подвигамъ вашихъ предковъ да укрѣпитъ въ сердцахъ вашихъ сознаніе долга и да послужитъ источникомъ къ проявленію вами той же беззавѣтной преданности и мужества, когда Промыслу Божьему угодно будетъ призвать отечество къ новому испытанію. Сердца ваши да пребываютъ въ увѣренности, что потомки съ уваженіемъ произнесутъ имена ваши и содѣянные вами подвиги неизгладимо будутъ жить въ памяти благодарнаго отечества».

Въ 3 часа дня въ Казанскомъ соборѣ было назначено молебствіе исключительно для учащихся въ городскихъ школахъ. Къ этому времени съ различныхъ пунктовъ города стали подходить отдѣльные эшелоны по пятидесяти человѣкъ, впереди которыхъ несли стяги. Такъ стянулось къ собору до двухъ тысячъ человѣкъ. Въ полномъ порядкѣ они размѣстились въ соборѣ, и часть ихъ образовала большой хоръ. Молебствіе совершалъ епископъ нарвскій Никандръ въ сослуженіи настоятеля собора прот. Соснякова и о. Орнатскаго. Подъ сводами величественнаго собора раздалось стройное пѣніе сотни дѣтскихъ голосовъ. Дѣти наполнили большую половину собора, и было что-то трогательное въ ихъ пѣснопѣніяхъ. Протоіерей Темномѣровъ обратился съ амвона къ дѣтямъ съ краткою проповѣдью, въ которой выяснилъ значеніе происходящаго момента... Дѣти положили къ подножію гробницы Кутузова букетъ изъ живыхъ цвѣтовъ, который выдѣлялся среди другихъ вѣнковъ. Въ томъ же порядкѣ дѣти построились послѣ молебствія передъ соборомъ— каждая группа подъ отдѣльнымъ стягомъ. Оркестръ военной музыки игралъ «Слався» и «Петровскій маршъ». Подъ звуки его группа учащихся вмѣстѣ съ предсѣдателемъ училищной комиссіи сенаторомъ Вельгардомъ, городскимъ головою Глазуновымъ и предсѣдателемъ думы Казининымъ подошла къ памятнику Кутузова, а затѣмъ Барклай-де-Толли и возложила на каждый большой вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ. Подъ звуки марша дѣти тронулись по Невскому пр. къ Дворцовой площади. Масса публики, ожидавшая дѣтей на Невскомъ пр., присоединилась къ нимъ и заполнила всю улицу.

На площади прибывшихъ ожидали остальные учащіеся въ числѣ нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ. Многихъ учащихся, особенно изъ далекихъ районовъ, вслѣдствіе плохой погоды попечители не рискнули пустить. Все же на площади собралось до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Дѣтская армія окружила памятникъ, убранный тропической зеленью и живыми цвѣтами, которые были разбросаны по гранитнымъ плитамъ. У самаго памятника сталъ оркестръ музыки; противъ него у центральныхъ воротъ Зимняго

дворца стали городскія власти. По данному знаку оркестръ заигралъ гимнъ, звуки котораго сливались съ тысячами дѣтскихъ голосовъ. Затѣмъ играли и пѣли «Славься». Наконецъ подъ звуки Петровскаго марша дѣти стали проходить церемоніальнымъ маршемъ. Впереди каждаго района города шли попечители, а во главѣ каждой школы завѣдующій ею и учащіе. Прохожденіе длилось около двухъ часовъ и закончилось только въ 6 часовъ вечера. Все время дѣти пѣли Преображенскій маршъ, и время отъ времени площадь оглашалась криками «ура». По всѣмъ улицамъ еще долго раздавались эти крики. Всѣмъ учащимся были розданы книги, брошюры и картины, относящіяся къ Отечественной войнѣ.

Торжественныя богослуженія были отслужены также во всѣхъ столичныхъ церквахъ, учебныхъ заведеніяхъ и инославныхъ домахъ.

Въ церкви дома Н. Н. Тучкова, устроенной въ бывшемъ кабинетѣ Кутузова, утромъ 26 августа совершена литургія и панихида по Кутузовѣ и по предкамъ владѣльца дома, участникамъ Отечественной войны. Служилъ прот. Перетерскій. Среди молящихся находилась супруга Н. Н. Тучкова, только что вернувшаяся изъ-за границы. Послѣ панихиды на фасадѣ дома прибита мраморная доска съ надписью: «Въ этомъ домѣ жилъ фельдмаршалъ русской арміи Михаилъ Иларіоновичъ Кутузовъ передъ отправленіемъ въ армію, дѣйствовавшую во время Отечественной войны противъ войскъ Наполеона». Эту доску соорудило петербургское городское общественное управленіе, по постановленію думы, сдѣланному еще весной нынѣшняго года.

Вечеромъ стояція на рейдѣ Невы военныя суда и столица роскошно были иллюминированы, громадныя толпы до поздняго вечера наполняли набережныя и главныя улицы.

Недостатокъ мѣста не позволяетъ намъ прослѣдить, какъ отразились Бородинскія торжества въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи. Всюду въ этотъ день, какъ уже было сказано выше, состоялись торжественныя служенія, и среди населенія наблюдалось повышенное патріотическое настроеніе.

Въ день 26 августа на потомковъ бородинскихъ героевъ были излиты многочисленныя царскія милости, въ особенности распространеныя на учащееся поколѣніе этихъ героевъ, а также на многихъ лицъ администраціи и высшаго духовенства.

ИЗЪ ТУНИСА ВЪ АЛЖИРЪ.

(Путевые наброски).

I.

Сиди-Бу-Саидъ.

А АФРИКАНСКОМЪ берегу Средиземнаго моря, недалеко отъ Туниса, есть городокъ Сиди-Бу-Саидъ, тихій бѣлый городокъ, мало посѣщаемый иностранцами. Электрическая желѣзная дорога, пробѣгая мимо, останавливается здѣсь, какъ бы нехотя, на одну минуту и торопится дальше, въ Марсу, резиденцію тунисскаго бея. У платформы нѣтъ ни носильщиковъ, ни экипажей: два-три араба, пріѣхавшіе съ нами, забираютъ сами свои узлы и идутъ пѣшкомъ впереди насъ по гладкой, залитой солнцемъ дорогѣ. Городокъ лѣжится высоко надъ моремъ, и нѣкоторые его переулки—крутыя лѣстницы, упирающіяся въ ослѣпительно-синее небо. Жарко. А вѣдь конецъ декабря. И тихо, странно тихо, какъ будто нѣтъ обитателей въ высокихъ каменныхъ домахъ съ забитыми наглухо ставнями: развѣ кое-гдѣ, у раскрытыхъ настежь дверей лавочки, торгующей зеленью и всякими съѣстными припасами, дремлетъ, сидя на землѣ и обнявъ колѣна, арабъ, закутанный въ широкій бѣлый бурнусъ... Подходимъ къ мечети и читаемъ надпись на нѣсколькихъ европейскихъ языкахъ, строго запрещающую иностранцамъ проникать въ священныя мѣста магометанскихъ моленій. Ни души кругомъ. И если бы не изящная, накренившаяся лодка, быстро

скользящая по морю съ поднятыми парусами, можно было бы представить себѣ, что находишься въ какой-нибудь волшебной странѣ новой спящей царевны. И особенно близкой и трогательной вспоминается легенда, связанная съ городкомъ Сиди-Бу-Саидъ и съ этой мечетью, молчаливой и замкнутой.

Сюда, на эту гору, удалился Людовикъ IX, король французскій, для созерцанія и молитвы, отказавшись отъ земныхъ почестей и земной славы. И здѣсь похороненъ подъ именемъ правовѣрнаго «марабу» — святого Сиди-Бу-Саидъ, откуда и название городка.

Историческая лѣтопись даетъ намъ иной рассказъ этимъ событіямъ, чѣмъ арабская легенда: король Людовикъ, — повѣствуютъ историки XIII вѣка, — предпринялъ въ 1270 году новый крестовый походъ и по дорогѣ въ Иерусалимъ высадился въ Африкѣ, на то мѣсто, гдѣ стоялъ древній Картагенъ, съ цѣлью покорить и обратить въ христіанство повелителя Тунисскаго царства и его подданныхъ. Но ему пришлось встрѣтить съ ихъ стороны сильный отпоръ, и его войска, ждавшія подкрѣпленій, томились отъ нестерпимаго зноя и болѣли чумой, заразившей, наконецъ, и самого короля. Онъ умеръ въ своей походной палаткѣ, и прахъ его былъ отвезенъ во Францію, въ усыпальницу его предковъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ лежалъ, терпѣливо страдая и непрестанно прославляя Бога, воздвигнута теперь стараніями католическихъ монаховъ часовня «Святого Людовика».

Съ высоты городка Сиди-Бу-Саидъ видна и эта часовня, и окружающія ее деревья монастырскаго сада. Но арабы снисходительно улыбаются: «Вашъ святой Людовикъ умеръ не тамъ, — говорятъ они: — а здѣсь...»

И показываютъ мечеть Сиди-Бу-Саида съ ея остроконечнымъ минаретомъ.

— Онъ позналъ истину, — рассказываютъ они, — и сдѣлался правовѣрнымъ мусульманиномъ во славу Аллаха и его святого пророка. Святой Сиди-Дрифтъ, жившій на этой горѣ, спустился въ лагерь французскаго короля и убѣдилъ его заняться изученіемъ Корана. Король всей душой отдался этому изученію и почувствовалъ невозможность продолжать начатую войну. А вмѣстѣ съ тѣмъ наступала минута рѣшительной битвы: братъ короля, Карль Сицилійскій, уже былъ близко со своей храброй флотиліей. И Людовикъ рѣшился: воспользовавшись тѣмъ, что въ его лагерѣ только что умеръ отъ чумы очень похожій на него солдатъ, онъ притворился больнымъ и въ ту же ночь, съ помощью Сиди-Дрифта, перенесъ солдата въ свою палатку, надѣлъ на него царское платье, а самъ скрылся въ жилище своего друга, гдѣ и провелъ весь остатокъ жизни въ молитвѣ и благочестивыхъ размышленіяхъ. Они похоронены рядомъ, подъ куполомъ бѣлой мечети.

Такова легенда, окутывающая этотъ городокъ своей поэтической дымкой.

Но жизнь не считается съ нею, и тамъ, гдѣ, по преданію, король Людовикъ предавался религіозному самоуглубленію и благочестиво повторялъ вмѣстѣ со святымъ Сиди-Дрифтомъ мудрыя изреченія Корана, тамъ слышатся теперь въ жаркія, лѣтнія ночи таинственный шопоть и сдержанный смѣхъ молодыхъ затворницъ, толпящихся у рѣшетчатыхъ оконъ, чтобы увидѣть хоть полоску моря, хоть лучъ мѣсяца на беспокойной волнѣ или кусочекъ усыпаннаго звѣздами неба: городокъ Сиди-Бу-Саидъ служить въ настоящее

Т у н и с ь.

время мѣстомъ, куда богатые жители Туниса перевозятъ на лѣто свои гаремы. Вотъ почему зимой здѣсь такъ пусто и тихо, почему угрюмо молчатъ запертые со всѣхъ сторонъ дома.

— Я могу достать ключъ, если вамъ интересно посмотрѣть внутренность помѣщенія...—предложилъ подошедшій арабъ.

И мы поднялись во второй этажъ, предназначенный для женщинъ и дѣтей.

Большая комната въ серединѣ, безъ оконъ, съ круглымъ отверстіемъ, дающимъ свѣтъ. Отверстіе забрано рѣшеткой. Изъ этой комнаты, очевидно, гостиной, гдѣ женщинамъ предоставляется коротать время за болтовней и рукодѣліями, двери въ крошечныя ка-

морки, служащія спальнями; деревянныя койки съ безпорядочно наваленнымъ тряпьемъ, соръ на полу, паутина въ углахъ, все это даетъ впечатлѣнїе спѣшно покинутаго жилья, откуда его обитательницы сами перевезены, какъ вещи, въ другое мѣсто, со всѣмъ нужнымъ имъ скарбомъ. Чуланы полутемные, несмотря на яркій день, маленькія окошечки съ двойнымъ рядомъ рѣшетокъ, подъ самымъ потолкомъ.

— Эта стѣна выходитъ на улицу,—поясняетъ арабъ:—со стороны моря окна пониже...

— Гдѣ же выходъ на крышу?—спрашиваю я, зная, что всюду на востокѣ плоскія крыши замѣняютъ собою террасы.

— Здѣсь не принято, чтобы женщины сидѣли на террасахъ: дома слишкомъ скучены, и легко перейти съ одной крыши на другую.

— Но гдѣ же гуляютъ онѣ?

Нѣтъ ни сада, ни двора, на улицу выпускаются только старухи, закутанныя, съ черными повязками на лицахъ, и дѣвочки не старше семи лѣтъ. Для остальныхъ весь міръ сосредоточенъ въ этихъ темныхъ, тѣсныхъ комнатахъ, и видятъ онѣ солнце, ширь моря, красоту цвѣтовъ, деревьевъ и полей развѣ только изъ-за занавѣски закрытаго ридвана, доставляющаго гаремъ изъ его зимней тюрьмы въ лѣтнюю. И такъ онѣ живутъ годами, десятками лѣтъ; такъ воспитываютъ своихъ дочерей.

Трудно, конечно, поставить себя на ихъ мѣсто, знаешь, что онѣ не чувствуютъ своего положенія, какъ чувствовали бы его мы, и все-таки жутко въ этихъ толстыхъ каменныхъ стѣнахъ и хочется скорѣе на воздухъ, гдѣ кажется, что небо синѣетъ еще глубже и еще ярче пылаютъ цвѣты красной герани, окаймляющей нашъ спускъ...

II.

Т у н и с ь .

Арабы называютъ Тунисъ «раскинутымъ бурнусомъ», и онъ кажется таковымъ, если на него смотрѣть съ высоты Бельведера—исключительнаго по своей красотѣ парка, устроеннаго французами для общаго пользованія на террасахъ одного изъ холмовъ, заслоняющихъ городъ отъ придвигающейся къ нему пустыни. Бѣлыя, плоскія крыши домовъ такъ близко соприкасаются, что не видишь между ними улицъ, и глазъ отдыхаетъ только на красивыхъ, узорчатыхъ башняхъ мечетей и на куполообразныхъ памятникахъ многочисленнымъ мѣстнымъ святымъ—«марабу», разбросаннымъ на площадяхъ и перекресткахъ.

Казалось бы, что европейцамъ здѣсь уже нѣтъ мѣста: арабскій городъ подошелъ вплотную къ водамъ Тунисскаго залива, спуская въ него свои нечистоты и отравляя воздухъ всевозможными мѣз-

мами. Но это не устрасило предприимчивыхъ французовъ съ ихъ «протекторатомъ». Они пробили брешь въ стѣнахъ покореннаго города, назвавъ ее «воротами Франціи», засыпали береговую тину, развели на ней скверы, насадили бульвары, воздвигли пятиэтажные дома и поставили символическую статую героя, у ногъ котораго маленькій французъ изъ бронзы обучаетъ чтенію своего сверстника-араба, статую очень непріятную для самолюбія побѣжденныхъ, утѣшающихъ себя тѣмъ, что Аллахъ все же никогда не допуститъ конечнаго торжества «невѣрныхъ» и въ одно прекрасное утро очистить отъ нихъ свой святой городъ, приказавъ морскимъ волнамъ

Еврейки въ Тунисѣ.

ринуться со всею ихъ яростью на ненавистныя сооруженія дерзкихъ пришельцевъ—«руми». А пока они извлекаютъ изъ нихъ, что могутъ: настойчиво зазываютъ въ свои тѣсныя лавочки, угощаютъ густымъ, чернымъ кофе и соблазняютъ покупкой всякихъ восточныхъ чудесъ: ковровъ, драгоценностей и тонкихъ ароматовъ, запрашивая съ неопытныхъ туристовъ баснословныя цѣны.

Торговая часть арабскаго города совершенно своеобразна: это лабиринтъ крытыхъ переулковъ, гдѣ ряды лавочекъ распределены по цехамъ, или, какъ здѣсь говорятъ, по «сукамъ»: сукъ портныхъ, сукъ ювелировъ, сукъ сапожниковъ и т. д.

Праздная толпа снуетъ взадъ и впередъ, прицѣняясь, торгуясь или просто болтая со знакомыми. Женщинъ почти не видно, осо-

бенно арабскихъ. Встрѣчаются изрѣдка лишь мѣстные еврейки, немовѣрно раскормленные, въ бѣлыхъ широкихъ шароварахъ. Въ ранней молодости онѣ очень красивы, черноглазья, съ правильными чертами лица, но обычай требуетъ, чтобы невѣсты были возможно полифе, и ихъ начинаютъ кормить особо приготовленнымъ тѣстомъ, имъ даютъ развивающіе ожирѣніе напитки, и къ семнадцати годамъ женщина теряетъ свой обликъ и въ состояніи двигаться лишь переваливаясь на своихъ толстыхъ, отекившихъ ногахъ, въ туфляхъ безъ тяпокъ, гулко стучающихъ по каменной мостовой. Отвратительны старухи—съ отвисшими щеками и морщинистой шеей, въ остроконечныхъ, похожихъ на сахарныя головы шапкахъ—наслѣдіе испанской королевы Изабеллы, желавшей этимъ уборомъ положить наглядную мѣту на всѣхъ своихъ подданныхъ-евреекъ, подозрѣваемыхъ ею въ колдовствѣ и разныхъ другихъ опасныхъ злодѣяніяхъ. Вѣка сохранили этотъ костюмъ, поражающій своимъ безобразіемъ... И какъ, въ сравненіи съ нимъ, изященъ парядъ бѣдной дѣвушки-кочевницы—синее домотканное платье, едва прикрывающее ея тѣло! Какъ легка и граціозна ея поступь и красивы линіи голыхъ рукъ, покрытыхъ звенящими заплатами! Свободно и безъ страха идетъ она босикомъ по острымъ камнямъ городской мостовой, такъ же привычно, какъ и по раскаленному песку родной пустыни, ведя въ поводу навьюченного, качающагося верблюда. Тонкія ноги ея не знаютъ усталости; лицо стало бронзовымъ отъ загара, красныя губы улыбаются. И идетъ она навстрѣчу вѣтру и солнцу, сильная и прекрасная. Сколько завистливыхъ глазъ слѣдитъ за ней изъ-за спущенныхъ занавѣсей рѣшетчатыхъ оконъ, мимо которыхъ лежитъ ея путь? Впрочемъ, такъ ли? Можетъ ли птица, родившаяся въ клѣткѣ, завидовать своей сестрѣ, свободно парящей въ поднебесѣхъ?

Мнѣ удалось побывать въ гостяхъ у тунисскихъ затворницъ и видѣть ихъ съ открытыми лицами, въ обстановкѣ ихъ семейной жизни, въ «гаремѣ»: Это было въ пятницу, въ ихъ пріемный день, когда ближайшимъ родственницамъ разрѣшается посѣщать другъ друга. Къ пожилой свекрови привезли ея молоденькую, вышедшую замужъ всего нѣсколько дней тому назадъ, невѣстку. Собрались старыя тетки, подростки-сестры мужа, его братья. Сѣли на мягкія тахты, подали черный кофе. Молодая была ослѣпительно нарядна, въ расшитой золотомъ по лиловому бархату курткѣ и бѣлыхъ шелковыхъ шароварахъ, увѣшенная жемчугомъ и амулетами, съ брильянтовыми звѣздами и ящерицами въ черныхъ распущенныхъ волосахъ. Когда мы здоровались, я умышленно задержала въ своей рукѣ ея крошечную ручку, чтобы разсмотрѣть любопытную татуировку пальцевъ, идущую отъ густо накрашенныхъ темно-коричневой краской ногтей по всей кисти. Она улыбулась и посадила меня рядомъ съ собой, показывая драгоцѣнности; потомъ повер-

нулась къ подругамъ, и всѣ заговорили разомъ, перебивая другъ друга и смѣясь. Свекровь также была, повидимому, очень довольна и повела меня смотрѣть другія комнаты, спальни: однѣ, устроенныя по старому образцу, съ широчайшими низкими ложами подъ тяжелыми балдахинами; другія, спальни молодежи, съ желѣзными кроватями и неуклюжими французскими комодами. Очевидно, старухѣ хотѣлось похвастаться именно тѣмъ, что въ ея домѣ такъ много модныхъ европейскихъ вещей, и она любовно остановила мое вниманіе на вѣнскихъ стульяхъ, дешевыхъ вазахъ «стиль модернъ»

Раскопки въ Картагенѣ.

съ поставленными въ нихъ букетами бумажныхъ цвѣтовъ и на черныя фильдекосовыя перчатки, безобразившія руки ея хорошенькихъ черноглазыхъ дочерей. Никогда не посѣщая европейцевъ и не бывая сами въ магазинахъ, арабскія женщины буржуазнаго класса довольствуются тѣми вещами, которыя имъ приносятъ мужья, и забавляются ими, какъ игрушками, безъ вниманія къ ихъ художественной или хотя бы практической цѣнности. И базарный, ненужный хламъ наводняетъ современныя жилища арабовъ, нарушая ихъ вѣковую гармонію. Дочери арабовъ начинаютъ носить парижскія туфли на высокихъ каблукахъ и употреблять французскую косметику, вотъ все, что дала имъ до сихъ поръ европейская цивили-

лизация. Въ остальномъ онѣ попрежнему только покорныя рабы своихъ властителей—отца, мужа, брата, да и тѣ предпочитаютъ ихъ обществу оживленныя кафе съ увлекательною игрою въ шашки, шахматы или домино. Женщины предоставлены узкому кругу домашнихъ заботъ, вознѣ съ дѣтьми, своимъ руководѣльямъ, своей болтовнѣ. Тяготеютъ ли онѣ такой жизнью? Мечтаютъ ли о свободѣ? Мнѣ кажется, что еще нѣтъ. Умъ ихъ такъ крѣпко опутанъ сѣтью вѣковыхъ привычекъ и предрасудковъ, что онѣ живутъ какъ бы по инерціи, не зная, а потому и не желая другой жизни.

И все-таки даже толстыя стѣны ихъ домовъ-темницъ не въ силахъ задержать притока свѣжаго воздуха, и все разрушающее время готово взять приступомъ и эту твердыню: признаки раскрѣпощенія арабской женщины уже есть, мнѣ это стало особенно ясно послѣ разговора съ Магометомъ-эль-Хади, продавцомъ духовъ въ «сукъ ароматовъ», гдѣ мы съ удовольствіемъ останавливались, выбирая флаконы жасмина и одуряющей «сѣрой амбры».

На нашъ вопросъ, женатъ ли онъ, молодой арабъ съ голубыми глазами и до прозрачности тонкими пальцами, какъ бы нарочно сдѣланными для того, чтобы разливать драгоценную жидкость, отвѣтилъ, что былъ женатъ, но что развелся съ женой три дня тому назадъ.

— Не сошлись характерами?

— Я не могъ привыкнуть къ ней, она была слишкомъ глупа и некрасива.

И онъ подробно рассказалъ намъ исторію своей женитьбы.

Согласно обычаю, ихъ сосватали родители, безъ ихъ согласія, по соображеніямъ чисто практическимъ. Ему показали невѣсту только наканунѣ свадьбы, и она сразу оттолкнула его своей непривлекательной внѣшностью, но отказаться—значило бы глубоко оскорбить и ее, и всю ея семью. По настоянію отца онъ женился, а черезъ шесть мѣсяцевъ развелся, убѣдившись, что жена такъ же неинтересна внутренно, какъ и внѣшне.

— Я привыкъ къ обществу европейскихъ женщинъ...—говорилъ Магометъ:—былъ много разъ во Франціи, и здѣшнія мои покупательницы тоже по большей части иностранки, изящныя, образованныя дамы, съ которыми пріятно бесѣдовать. А что я находилъ дома? Неразвитую, некрасивую куклу, не умѣющую связать двухъ словъ. Впередъ буду умнѣе: женюсь не иначе, какъ заранѣе узнавъ свою невѣсту.

— Но вѣдь по вашему обычаю это невозможно.

— Было невозможно... но времена мѣняются, и пора отбросить глупые предрасудки. Я подкуплю служанокъ, задарю дѣвуху и ея родителей. А ужъ дочь моя, когда подрастетъ, поступитъ непременно во французскую школу и будетъ такъ же свободна, какъ вы...

Протяжный выкрикъ муэдзина, призывавшій вѣрныхъ къ полуденной молитвѣ, прервалъ мечты молодого араба.

— Вотъ нашъ главный тормозъ!—проворчалъ онъ, кивнувъ въ сторону минарета, и сердито прогналъ нищаго, остановившагося передъ нами съ дымящейся благовоніемъ кадильницей.

— И все-таки освобожденіе не такъ далеко, какъ они думаютъ... прибавилъ онъ, многозначительно и убѣжденно.

Мы простились.

И изъ прохладнаго, полутемнаго «сука» вышли на яркое солнце шумной «Казбы», улицы-базара, запруженнаго непрерывно снующимъ людскимъ потокомъ. Въ глубинѣ лавокъ блестѣло старое арабское оружіе, манили глазъ тонкіе керуанскіе ковры; и въ устроенныхъ на европейскій образецъ витринахъ переливались цѣлой гаммой красокъ драгоценныя камни-амулеты въ причудливыхъ, рѣдкихъ оправкахъ. Прекрасныя реликвіи невозвратнаго прошлаго...

III.

Карфагенъ.

Посреди озера, примыкающаго къ Тунису, сдѣлана насыпь, и по ней быстро и безшумно бѣжитъ электрической поѣздъ. Вагоны покойны, какъ хорошая коляска. Полчаса ѣзды и, минуя старый портъ Туниса, мы вновь вступаемъ на твердую почву и останавливаемся у платформы, посящей громкое названіе «Карфагена».

Печальныя развалины, нѣмые свидѣтели брѣнности земной славы! То тутъ, то тамъ, среди полей, засаженныхъ бобами и виноградомъ, начаты раскопки и выведены на свѣтъ Божій обломки колоннъ, плиты тонкой, цвѣтной мозаики, ступени римскаго амфитеатра, остатки обширныхъ общественныхъ банъ. Всѣ найденныя вещи: саркофаги, статуи, предметы домашняго обихода, оружіе,—перенесены въ музей, устроенный ученымъ монахомъ, отцомъ Delatге, принадлежащимъ къ ордену «бѣлыхъ отцовъ», монастырь которыхъ находится на томъ холмѣ, гдѣ когда-то жрецы Ваала приносили кровавыя жертвы своему жестокому, страшному богу. Теперь здѣсь сооруженъ громоздкій католическій соборъ и безвкусная часовня въ память Людовика IX. Кругомъ, въ саду, гдѣ грустно качаются плакучія перцовыя деревья и тусклые эвкалиптусы,—разбросаны многочисленныя обломки старины, которымъ не хватило мѣста въ небольшихъ залахъ музея, гробницы, разбитыя урны, отколотые куски барельефовъ. Но самыя интересныя предметы, добытые при раскопкахъ, хранятся въ музей: это живая лѣтопись полной превратностей судьбы Карфагена, драгоценности всѣхъ вѣковъ и всѣхъ стилей, начиная съ амулетовъ, украшавшихъ смуг-

дую грудь красивыхъ жриць богини Танить, и кончая эмблемами первыхъ временъ христіанства. Изображеній Танить я не нашла, хотя не она ли высѣчена изъ мрамора на крышкѣ одного изъ саркофаговъ, тонкая, стройная, съ священнымъ голубемъ въ рукѣ? Или, можетъ быть, это Саламбо, несчастная дочь Гамилькара Барки? Работа изумительная, напоминающая лучшіе образцы древняго искусства. И сколько такихъ сокровищъ скрыто еще подъ землей, кто знаетъ? На раскопки не хватаетъ денегъ, и, вдобавокъ, французское правительство поспѣшило закрѣпить часть земельныхъ участковъ за частными лицами, и они строятъ здѣсь виллы, рестораны, монастыри. На холмѣ богини Танить поселились молчальницы-кармелитки и вмѣсто прославляющихъ чувственную любовь пѣсенъ и плясокъ, вмѣсто угоднаго богинѣ священнаго разврата, здѣсь убивается плоть молодыхъ отшельницъ и царствуетъ ничѣмъ не нарушаемая, мертвенная тишина. Иныя времена, иные нравы...

Медленно опускается солнце за бѣлыми горами Туниса, и море темнѣетъ, пѣжно лаская берегъ. Сколько видѣло оно здѣсь славы и позора, сколько припяло человѣческой крови въ свои бурныя волны! Разрушали люди, разрушали подземныя силы; падали и поднимались властители, а оно все такъ же неизмѣнно и прекрасно, и можетъ сказать словами Екклезіаста: «Видѣлъ я все дѣла, какія дѣлаются подъ солнцемъ, и вотъ все—суета и томленіе духа. Нѣтъ памяти о прежнемъ; да и о томъ, что будетъ, не останется памяти у тѣхъ, которые будутъ послѣ».

Развѣ это не правда? Развѣ человѣчество въ каждую данную минуту не старается жить только настоящимъ, слишкомъ легко забывая уроки прошлаго? И не все ли, дѣйствительно, суета и томленіе духа, что преходяще и измѣнчиво, подобно славѣ Каѳеагена, славѣ, отъ которой остались теперь лишь груды погребенныхъ развалинъ да пустой звукъ имени, когда-то заставлявшихъ трепетать весь міръ?..

Дѣловито возвращаются колонисты съ своихъ работъ на виноградникахъ. На платформѣ электрическаго трамвая ждетъ толпа арабовъ, и мы вмѣстѣ влѣзаемъ въ вагоны и рассаживаемся на деревянныхъ скамьяхъ для обратнаго пути въ Тунисъ.

Противъ меня, сложивъ на колѣняхъ пухлыя руки, дремлетъ пожилой арабъ,—судя по костюму, видная персона при дворѣ тунисскаго бей: на немъ ярко-красный мундиръ, расшитый золотомъ, блестящая феска съ придворными знаками и на боку дорогая, красивая сабля.

«Министръ,—думаю я,—и ѣдетъ изъ Марсы, резиденціи бей, послѣ аудіенціи»...

Каково же мое изумленіе, когда мнѣ говорятъ, что это вовсе не министръ, а не болѣе и не менѣе, какъ... палачъ!

Палачъ, съ гордостью посящій свой красный мундиръ, наследственный въ его родѣ. И отецъ его, и дѣдъ занимали ту же должность при дворѣ беевъ: прежде отсѣкали преступникамъ голову, теперь помогаютъ ихъ вѣшать въ Бардо, за стѣной сада бея, гдѣ устроена постоянная висѣлица. Только очень недавно, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, французское правительство настояло на томъ, чтобы казни не совершались публично; однако во всѣхъ магазинахъ Туниса до сихъ поръ продаются открытыя письма съ изображеніемъ всей этой ужасной процедуры, и на нихъ вы видите толпу, окружающую эшафотъ, и французскихъ солдатъ, поставленныхъ для по-

Константина.

рядка, и фигуру палача въ его блестящемъ мундирѣ, который, однако, приноситъ ему, какъ говорятъ, все меньше и меньше выгоды: жалованія онъ получаетъ только 300 франковъ въ годъ, а доходы «съ головы преступника» становятся все скуднѣе, такъ какъ число казней, подъ вліяніемъ европейцевъ, будто бы сильно сокращается. И приходится думать о другомъ заработкѣ.

И вотъ недавно палачъ открылъ кафе и, говорятъ, торгуетъ очень бѣйко. Но мы не посѣтили этой достопримѣчательности: у меня все еще передъ глазами эти пухлыя, бѣлыя руки, покойно сложенные на колѣняхъ, и не могу отдѣлаться отъ невольнаго чувства брезгливости и отвращенія.

IV.

Константина.

Путь отъ Туниса до Константины длинный и утомительный. Васъ запирають въ вагоны старой конструкціи съ дверками на обѣ стороны вмѣсто оконъ; ставятъ вамъ въ ноги, несмотря на ваши протесты, грѣлки съ горячей водой (такъ полагается въ зимніе мѣсяцы, хотя бы и было жарко) и везутъ не торопясь, но и не давая времени размять ноги на станціяхъ, гдѣ поѣздъ стоитъ ровно столько, сколько необходимо, чтобы успѣть перебѣжать изъ одного вагона въ другой. Буфетовъ нѣтъ, но, къ счастью, на время завтрака и обѣда къ поѣзду прицѣпляется вагонъ-ресторанъ, и страдающіе голодомъ и жаждою пассажиры спѣшатъ выбраться изъ своихъ клѣтокъ и занять мѣста у оконъ столовой, чтобы, подкрѣпляя свои силы, не пропустить въ то же время бѣгущихъ мимо пейзажей.

Мѣстность живописна, но пустынна: невысокія горы, поросшія пробковымъ дубомъ съ свѣжей, сочной зеленью и сбодранной корой; заросли олеандровъ и колючихъ агавъ; изрѣдка пересохшій потокъ, развалины моста или акведука времянь римскаго владычества; дальше—убранныя поля, гдѣ пасутся безпритязательные ослики и мулы; арабъ съ плугомъ; маленькая станція, обсаженная евкалиптусовыми деревьями. Ни городовъ, ни деревень. Кажется, что они гдѣ-то тамъ, за холмами, спрятанные отъ назойливаго шума свистящихъ паровозовъ, тихо дремлющіе подъ горячими лучами полуденнаго солнца. И хочется послѣдовать ихъ примѣру, и слушаешь разсѣянно повѣствованіе случайнаго спутника-француза о томъ, какая здѣсь превосходная охота на кабановъ, и какъ ему посчастливилось въ горахъ Кабиліи застрѣлить «послѣдняго» тигра, пугавшаго своею свирѣпостью все окрестное населеніе.

Четырнадцать часовъ въ вагонѣ! Это напоминаетъ наши русскія разстоянія, и даже равнина, которую мы пересѣкаемъ, подѣвжая къ границѣ Алжира, похожа на среднерусскую, выжженную солнцемъ степь. И странно слышать здѣсь французскіе окрики «en wagon!» и видѣть почтенныхъ, сѣдобородыхъ старцевъ въ широкихъ одеждахъ и бѣлыхъ, перевитыхъ верблюжьей шерстью, тюрбанахъ, — занимающихъ мѣста въ нашемъ купе съ извиненіемъ за безпокойство. Это богатые шейхи, начальники арабскихъ племенъ, собирающіе подати для французскаго правительства.

Вагоновъ на границѣ не мѣняютъ, и таможенный осмотръ—пустая формальность, которой, въ сущности, могло бы и не быть, настолько тождественно вліяніе Франціи въ Тунисѣ и въ Алжирѣ, настолько призрачны привилегіи бея, дарованныя ему протекторатомъ: ихъ символомъ можетъ вполне служить «войско» бея—почетный карауль,

имѣющій лишь декоративное значеніе, и единственная оставленная въ его распоряженіе пушка, изъ которой палятъ въ высокаторже-ственные дни во славу Аллаха и великаго пророка.

И все-таки даже этотъ маленькій остатокъ самостоятельности и свободы замѣтно вліяетъ на настроеніе арабовъ-тунисцевъ: въ нихъ больше инициативы, чѣмъ въ ихъ собратьяхъ-алжирцахъ, больше стремленія къ общественной дѣятельности, живѣе интересъ къ вопросамъ политическимъ, социальнымъ и даже религіознымъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ и сильнѣе, къ сожалѣнію, ихъ шовинизмъ, съ плохо скрытой ненавистью къ наложившимъ на нихъ свою тя-

Оазисъ Эль-Кантара.

желую руку европейцамъ: даже такіе «передовые» арабы, какъ нашъ пріятель Магометъ изъ «сука ароматовъ», и тѣ, вкусивъ отъ плодовъ цивилизаціи и оцѣнивъ ея преимущества, принимаютъ французскую опеку лишь какъ временное зло и горячо проповѣдуютъ въ своихъ собраніяхъ о необходимости широкаго распространенія школъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій съ цѣлью возможно скорѣе подготовить мѣстныхъ дѣятелей и замѣнить ими своихъ теперешнихъ учителей: это все та же мечта, — только въ другой формѣ, — мечта о поглощеніи разъяреннымъ моремъ европейскаго Туниса и ненавистныхъ правовѣрнымъ «руми». Двѣ различныя по духу культуры, два чуждыхъ міропониманія

встрѣтились и почувствовали возможность извлечь для себя изъ этой встрѣчи рядъ заманчивыхъ выгодъ, но, не идя дальше эгоистическихъ расчетовъ, не нашли нужнымъ глубже взглянуть другъ въ друга для достиженія взаимнаго пониманія и не перестали быть тѣмъ, чѣмъ были при первомъ своемъ столкновеніи: поработителями, гордыми своей силой, и делѣющими мечту о мести порабощенными...

Но вотъ, наконецъ, и Константина, сказочный городъ, орлиное гнѣздо, висящее на отвѣсныхъ скалахъ. Переброшенный надъ пропастью желѣзный мостъ, поднятый надъ развалинами каменнаго моста римлянъ, соединяетъ Константину съ желѣзной дорогой. Подходить къ ней теперь со всѣхъ сторонъ и шоссе, какъ бы желая сжать ее тѣснымъ кольцомъ, свести гордую красавицу съ ея неприступной крутизны. Но и желѣзная дорога, и шоссе, и сами люди, ихъ построившіе, едва видны съ высотъ знаменитой крѣпости, которая, по преданію, была осаждаема 80 разъ и, наконецъ, въ 1837 году взята французами послѣ упорнаго и кровопролитнаго боя съ отчаянно сопротивлявшимися арабами.

Теперь это мирный городъ, и на уютной площади, въ томъ мѣстѣ, гдѣ французами была пробита первая брешь, весело играетъ музыка и бойко торгуютъ кафе. Узкія улицы полны оживленія, особенно еврейскій кварталъ, славящійся красотой своихъ женщинъ. Въ фойе оперы черные котелки европейцевъ дружно мѣшаются съ красными фесками арабовъ, слушающихъ мелодіи Гуно съ такимъ же вниманіемъ, какъ и трескотню своихъ восточныхъ инструментовъ; и въ ихъ глазахъ тоже неразгаданное выраженіе — печали или таинственной грезы?—отблескъ чуждаго намъ неба, отраженіе недоступной нашему пониманію души. Впрочемъ, нѣтъ: иногда этотъ взглядъ напоминаетъ мнѣ что-то родное,—тихий вечеръ надъ разливомъ Волги, задумчивые силуэты рыбаковъ у горящихъ костровъ... Какъ здѣсь, такъ и тамъ—глубокая печать великой скорби, великаго терпѣнія и великой мудрости...

Въ Константинолѣ собственно нѣтъ «достопримѣчательностей», если не считать дворца покойнаго бей, съ любопытными фресками и изящной колоннадой его внутренняго дворика; но она сама вся, — по словамъ восторгавшагося ею Гюи де-Мопассана, — «рѣдкій, странный феноменъ», городъ-жемчужина, городъ-царица, у ногъ которой змѣей извивается охраняющій ее потокъ Румэль, то нѣжный, едва журчащій, то падающій бѣшенымъ каскадомъ черезъ камни, заграждающіе ему выходъ въ равнину.

Внизу, почти на днѣ пропасти, проложена «дорожка туристовъ» частью въ скалѣ, частью вдоль скалы, такъ что приходится идти по узкому мостику, укрѣпленному на рельсахъ, забитыхъ въ камень. Надъ головой чуть виднѣется небо, подъ ногами—каменистое русло рѣки. Дорожка то поднимается, то спускается безчисленнымъ

рядомъ ступеней; тяжелый запахъ отъ выливаемыхъ сюда городскихъ нечистотъ хватаетъ за горло, но забываешь всё неприятности и все утомленіе, когда добираешься до того мѣста, гдѣ скалы, соединяясь, образуютъ естественные гроты и вновь расходятся, громадные, крутыя; когда съ висячаго моста, перекинутаго надъ самой бездной, смотришь въ глубину тѣснаго, почти темнаго прохода, напоминающаго страшный Стиксъ древнихъ, за которымъ нѣтъ уже ни свѣта, ни жизни, и гдѣ томятся однѣ души, унылыя и мятущіяся.

Въ пустынь Сахары.

Глухо доносится сюда шумъ города; никогда не пролетитъ здѣсь птица, не пробѣжитъ звѣрь: это каменное царство мрака, сырое подземелье, величественное и красивое, но мертвое. И естественно, что арабы, сыны солнца, не любятъ спускаться въ эту печальную пропасть и предоставляютъ ею пользоваться «туристамъ», провожая ихъ туда лишь въ качествѣ гидовъ. Получивъ должную плату и неизмѣнно попросивъ прибавки, они съ нескрываемымъ удовольствіемъ направляются въ кафе, и черезъ минуту вы уже видите группу бѣлыхъ бурнусовъ на корточкахъ, глубокомысленно погруженную въ игру...

Въ десять часовъ вечера огни тушатся, — Константина засыпаетъ.

«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., т. сxxx.

24

V.

Оазисъ Эль-Кантара.

Спускаемся къ югу. Всякая растительность мало-по-малу пропадаетъ. Голыя, каменистыя горы то приближаются, то отходятъ, не мѣняя своихъ мягкихъ очертаній и однотонныхъ песочно-сѣрыхъ красокъ. И весь пейзажъ такой же—неяркій, спокойный. Селеній не видно; кое-гдѣ стадо козъ или овецъ на выжженныхъ пастбищахъ, безъ признака зелени; раскинутыя палатки, около которыхъ вьется тонкій дымокъ и бродятъ мулы и ослики; бѣлая дорога, ведущая неизвѣстно куда, и на ней, одинъ за другимъ, пять-шесть верблюдовъ и нѣсколько загорѣлыхъ арабовъ.

Быстро спускаются сумерки, и въ предвечерней тишинѣ еще непріятнѣе и рѣзче дребезжаніе старыхъ вагоновъ. Поѣздъ словно боится надвигающейся въ этой безплодной и пустынной мѣстности ночи и несется съ тревожными свистками, и долго стоитъ у маленькихъ станцій, обрадованный тому, что здѣсь все же небольшія группы пальмъ и корявыхъ кактусовъ и вода, т. е. жизнь. Арабы съ узлами и корзинами выходятъ изъ вагоновъ третьяго класса, встрѣчаютъ знакомыхъ, обмѣниваются рукопожатіями, а иногда и цѣлуютъ другъ у друга руки; и поѣздъ опять летитъ, прорѣзывая загромождающія ему дорогу скалы, и опять унылая, каменистая степь, поросшая альфой, мертвые солончаки и уходяще вглубь пустыни караваны верблюдовъ. Та же картина, что была нѣсколько столѣтій тому назадъ, и которую мы, пришельцы, такъ некрасиво и суетно нарушаемъ.

Съ наступленіемъ темноты въ нашемъ купе зажигается маленькій газовый рожокъ, мигающій и почти потухающій при каждомъ дуновеніи вѣтра. Становится холодно: мы значительно удалились отъ моря, и разница дневной и ночной температуры сказывается рѣзко. Къ счастью, цѣль близка: мы на станціи Эль-Кантара, и громающій омнибусъ увозитъ насъ въ единственную имѣющуюся здѣсь гостиницу «Hôtel Bertrand», гдѣ мы пробудемъ сутки, чтобы видѣть знаменитыя «ворота пустыни», первый значительный оазисъ на нашемъ пути къ югу. Guide Conty общаетъ захватывающую, не поддающуюся описанію картину съ высоты «римскаго» моста: «Нѣсколько минутъ ходьбы и—словно передъ вами отдернули театральную занавѣсъ: вы видите Сахару»...

Это, конечно, не совсѣмъ такъ: во-первыхъ, отъ «римскаго» моста осталось одно названіе; во-вторыхъ, вы видите не Сахару, а большія плантаціи финиковыхъ пальмъ и за ними отдаленныя цѣпи горъ, совершенно исключаютія впечатлѣніе «пустыни».

Но, тѣмъ не менѣе, здѣсь очень красиво. Наша гостиница словно выросла на днѣ круглой котловины, затѣненная кипарисами,

апельсиновыми и фиговыми деревьями, пальмами. Высоко вокругъ стоятъ стѣной отвѣсныя скалы, выброшенныя громадною подземной силой, съ пластами, вставшими не параллельно, а перпендикулярно ихъ основанію. Кажется, что вотъ-вотъ онѣ упадутъ, подточенныя извивающеюся у ихъ подножія горпой рѣчкой, которая, пробираясь по камнямъ къ лежащей ниже террасѣ и найдя здѣсь просторъ, расширяется и орошаетъ цѣлый лѣсъ пальмъ, весь оазисъ съ его тремя арабскими деревьями—Черной, Красной и Бѣлой.

Маленькій, бойкій, отлично говорящій по-французски арабченокъ завладѣлъ нами, какъ только мы вышли изъ отеля, и повелъ

А л ж и р ь.

смотреть домъ своей матери, объясняя, что она занята сейчасъ тканьемъ бурнусовъ и что это для туристовъ очень интересно.

Странное впечатлѣніе производятъ арабскія деревни: каменные постройки безъ оконъ, съ плоскими крышами, цвѣта почвы и скалъ, кажутся издали нежилыми развалинами, и только подойдя вплотъ, видишь жизнь: улицу, сидящихъ у дверей арабовъ, мальчика, загоняющаго овецъ, старуху-нищую, покрытую лохмотьями, протягивающую высохшую, загорѣлую руку.

Входимъ въ домъ. Совсѣмъ темно. Но глазъ понемногу привыкаетъ: въ крышѣ продѣлано небольшое отверстіе, бросающее свѣтъ на незатѣйливую обстановку жилья: противъ двери, въ углу,

разостлана цыновка, — на ней спать вповалку вся семья; здѣсь же станокъ для тканья бурнусовъ, но такъ темно, что разглядѣть работу почти невозможно. Въ другомъ углу — очагъ: на полу пепель, кое-какая посуда, остатки печеной картошки. Грязно, неряшливо. Въ чуланѣ навалены сухіе пальмовые листья — «дрова», какъ важно объясняетъ маленькій арабъ. Узкая, неудобная лѣстница изъ каменныхъ плитъ ведетъ на крышу, гдѣ пучками сушатся финики и въ то же время исполняются, повидимому, самыя интимныя отправленія, за немѣнимъ для этого никакихъ опредѣленныхъ мѣсть. Приспособленій для мытья также не видно, — вода слишкомъ дорога, и неудивительно, что почти всѣ дѣти — съ больными глазами, съ лишаями и язвами.

Когда мы выходимъ, они окружаютъ насъ плотнымъ кольцомъ, полунагія, прося *un sou*. Но скоро ихъ вниманіе отвлекается: по дорогѣ идетъ караванъ номадовъ, и они бѣгутъ ему навстрѣчу. Женщины останавливаются, съ любопытствомъ насъ оглядываютъ, ощупываютъ пуговицы моего пальто, матерію платья. Особенно поражаютъ ихъ перчатки, которыя онѣ принимаютъ сначала за мою кожу, а затѣмъ, увидѣвъ свою ошибку, громко смѣются и сочувственно что-то лопочутъ. Всѣ онѣ черныя, какъ цыганки, съ подведенными глазами, съ легкой татуировкой на лбу. Одѣты въ рваные бурнусы, дѣти — въ тряпки, босикомъ, несмотря на каменную дорогу, съ металлическими заплатами на рукахъ и ногахъ. Руки у нихъ красивыя, съ тонкими пальцами и длинными ногтями, руки европейца-аристократа. И поступь изящная, полная природнаго благородства.

Они спускаются съ горъ, нагрузивъ въ Батѣ своихъ осликовъ необходимой кладью — мукой, крупой, солью, и возвращаются къ своимъ стадамъ, въ преддверье пустыни. Недалеко отъ Эль-Кантара есть и троглодиты, жители пещеръ, населеніе болѣе осѣдлое, но еще менѣе цивилизованное, чѣмъ номады, которые, въ свою очередь, въ развитіи рѣзко отличаются отъ жителей оазисовъ.

Въ Эль-Кантара всѣ арабы хорошо говорятъ по-французски. У нихъ большая школа, два учителя и учительница, 150 учениковъ. Живутъ они преимущественно съ доходовъ отъ своихъ финиковыхъ плантацій, платя ежегодно французскому правительству, какъ они намъ говорили, по 47 сантимовъ съ каждой дающей плодъ пальмы. Есть и заработки: на желѣзной дорогѣ, на шоссе, въ ближайшихъ городкахъ и мѣстечкахъ, гдѣ идетъ непрерывная стройка. Но арабы отправляются туда нехотя, только изъ крайней нужды, предпочитая работѣ долгіе часы сидѣнья въ кафе, съ пріятелемъ, за чашкой своего любимаго напитка. Бюджетъ ихъ невеликъ и несложенъ: немного купленной пшеничной муки для «кусъ-куса» — арабской похлебки, а остальное свое: овощи, финики, баранье сало, козье молоко. Бурнусы ткутся женами изъ овечьей шерсти, обуви почти

не нужно. Ослика можно имѣть за 12—20 франковъ, овцу за 10. Коровъ—четыре во всѣхъ трехъ деревняхъ; лошадей и муловъ держать только самые богатые, если они имъ нужны для развѣздовъ и перевозки тяжестей. Изъ всѣхъ занятій арабъ, пожалуй, еще отдаетъ предпочтеніе торговлѣ; его лавочка—то же кафе, тотъ же клубъ, гдѣ посѣтители сидятъ часами, безъ всякой надобности. Южное солнце располагаетъ къ лѣни.

Оно уже опускалось, когда мы ушли изъ Бѣлой деревни. Въ сторонѣ отъ дороги, на открытомъ, пустынномъ мѣстѣ высокій арабъ творилъ вечернюю молитву, повернувшись къ востоку. И было что-то непривычное, торжественное въ окружавшей насъ тишинѣ, въ быстро надвигавшихся сумеркахъ среди замыкавшихъ насъ со всѣхъ сторонъ скалъ. Отчетливо и печально прозвучала тонкая мелодія пастушьей флейты... И опять все замерло.

Неужели мы только въ нѣсколькихъ шагахъ отъ желѣзной дороги, и это не сонъ изъ глубины времени?

Гулкій свистокъ прорѣзываетъ воздухъ. Дрогнули скалы, отвѣтило разбуженное эхо, и изъ туннеля, стуча и пыхтя, пронесся поѣздъ.

И снова тихо.

Высокій арабъ не повернулъ головы, углубленный въ молитву.

VI.

Б и с к р а.

Здѣсь начинаешь понимать первобытныя представленія южныхъ народовъ о солнцѣ, какъ о божествѣ карающемъ и неумолимомъ; здѣсь царство жары, духоты и пыли, и можно только удивляться: отъ какихъ болѣзней посылаютъ сюда лечиться, и кто тѣ несчастные, которымъ прописано провести «сезонъ» въ Бискрѣ?

Городишко маленькій, нѣсколько въ сторонѣ отъ финиковыхъ плантацій и арабскихъ поселковъ, составляющихъ «старую Бискру», въ центрѣ—пыльный, вонючій базаръ; тощіе скверы; многочисленные караванъ-сарай, гдѣ идетъ непрерывное навьючиваніе и развьючиваніе верблюдовъ, проходящихъ по улицамъ большими и малыми партіями, оглашая воздухъ непріятными криками и поднимая облака бѣлой пыли, которая проникаетъ всюду: въ комнаты, несмотря на запертыя окна, въ ваши легкія, на листву деревьевъ. И напрасно надѣяться, что пронесется гроза и все оживить и омыть: дожди здѣсь—явленіе исключительное, событіе, о которомъ долго говорить. Такъ, напримѣръ, послѣдній дождь этого года былъ десять мѣсяцевъ тому назадъ, въ мартѣ. Можно себѣ представить степень раскаленности воздуха лѣтомъ и то ужасное состояніе, ко-

торое должны испытывать жители, когда поднимается южный вѣтеръ и несетъ на нихъ изъ пустыни столбы мелкаго, раскаленнаго песка. Они закупориваются въ своихъ тѣсныхъ, темныхъ каморкахъ и лежатъ безъ движенія, глотая кусочки льда, искусственно приготовляемаго французскими фабрикантами. Вода изъ артезианскихъ колодцевъ годится только на поливку: въ ней большая примѣсь соли, и вкусъ ея—горьковатый и непріятный. Даже мѣстные арабы не могутъ привыкнуть къ ея употребленію и жалуются, что она производитъ у нихъ частыя заболѣванія желудка и кишекъ. Сухой, пыльный воздухъ развиваетъ бронхиты, воспаленія глазъ и всякія назожныя болѣзни. Таковы прелести знаменитаго курорта.

Конечно, европейцы выбираютъ болѣе прохладные мѣсяцы—зиму, но и эта «зимняя» прохлада чувствуется только почью: днемъ, даже въ декабрѣ, такъ же душно и жарко, какъ у насъ въ срединѣ іюля,—несмотря на особое устройство гостиницъ, гдѣ комнаты не сообщаются между собою иначе, какъ выходя всѣ на паружную, крытую террасу съ постояннымъ сквознякомъ, и гдѣ тщательно запираются ставни и задергиваются занавѣски съ ранняго утра для того, чтобы сохранить возможно дольше ночную свѣжесть. Въ полдень вся Бискра словно вымираетъ, работать, дѣйствительно, тяжело. Арабы лѣниво потягиваются на циновкахъ въ глубинѣ полутемныхъ кафе, и на улицахъ въ эти часы можно встрѣтить развѣ только безстрашныхъ англичанокъ, которыя, въ короткихъ юбкахъ и широкихъ панамахъ, быстро и рѣшительно переходятъ изъ магазина въ магазинъ, выбирая открытки и арабскія «древности» мѣстнаго изготовленія, и добросовѣстно щелкаютъ кодаками у каждой палъмы.

Дышать можно только въ Jardin Landon — поистинѣ единственномъ райскомъ уголкѣ Бискры, описанномъ съ такой любовью Хиченсомъ въ его романѣ «Садъ Аллаха». Здѣсь забываешь и духоту, и пыль. Садъ невеликъ, но необычайно тѣнистъ и свѣжъ, и какъ будто созданъ для тихой грезы. Едва слышно журчатъ орошающіе его ручьи; прохладно въ мавританскихъ бесѣдкахъ, спрятанныхъ въ зелени и увитыхъ яркими цвѣтами бугенвилеи. Старый владѣлецъ сада не измѣняетъ ему и пріѣзжаетъ сюда каждый годъ отдохнуть въ уединеніи мѣсяць или два. Прежде онъ жилъ здѣсь почти безвыѣздно, очарованный близостью пустыни и мечтою создать на ея знойныхъ и бесплодныхъ пескахъ маленькій цвѣтущій эдемъ. Затѣмъ, съ годами, стала являться мысль о необходимости передать любимое дѣтище въ вѣрныя руки. Одинокій и богатый старикъ предложилъ его въ подарокъ городу Бискрѣ. Но этотъ подарокъ былъ отклоненъ подъ предлогомъ, что бюджетъ не можетъ выдержать ежегоднаго расхода въ 30.000 франковъ, необходимаго на содержаніе сада. Старикъ разсердился, и на стѣнѣ бѣлой виллы, носящей громкое названіе «Château Landon», появилась надпись: «à vendre».

Садъ уже нѣсколько за городомъ, между негритянской деревней и «старой Бискрой». Возвращаясь оттуда въ первый день нашего пріѣзда, мы встрѣтили большую толпу арабовъ: впереди несли пестрыя хоругви, за ними шель барабанщикъ, отбивая крупную дробь. Оказалось, что эта процессія оповѣщаетъ населеніе о священ-

Улица Казба въ Алжирѣ.

ныхъ пляскахъ, имѣющихъ произойти сегодня, послѣ трехъ часовъ пополудни, на могилѣ мѣстнаго «марабу» Сиди-Бенъ-Офваля.

Мы взяли экипажъ—шарабанъ подъ балдахиномъ,—молодого араба-гида по имени Sallah, пожелавшаго сопровождать насъ во что бы то ни стало,—они здѣсь особенно навязчивы,—и поѣхали. Миновали оазисъ, тысячи и тысячи пальмъ, красиво раскинувшихъ свои изящныя кроны на фонѣ безоблачнаго, синяго неба. Проѣхали узкими улицами арабской деревушки, и за поворотомъ

дороги оказался бѣлый, круглый куполь могилы святого съ окружающею ея каменной оградой, а у наружной ея стороны—море бѣлыхъ бурнусовъ и развѣвающихся надъ ними пестрыя священныя хоругви.

Слышатся дробь барабана и рѣзкіе звуки арабской флейты. Выходимъ изъ экипажа, и Sallah безцеремонно расталкиваетъ толпу, чтобы провести насъ впередъ. Передъ нами—небольшой пустой кругъ, гдѣ происходятъ пляски; противъ насъ—музыканты: барабанщикъ и флейтисты; кругомъ зрители: мужчины, женщины, дѣти. Имъ унижена и вся стѣна, за которой могила святого. Свѣсивъ ноги, они сидятъ неподвижно, ярко освѣщенные солнцемъ. Много женщинъ въ пестрыхъ платьяхъ, съ звенящими браслетами на рукахъ и ногахъ; лица ихъ разрисованы, глаза подведены: это знаменитыя здѣсь Ouled-Naïls—куртизанки.

Священное торжество уже началось: подъ аккомпаниментъ оглушительной музыки почитатели святого пляшутъ. Двѣ старухи, безобразныя, косматыя, медленно плывутъ, поднимая и опуская руки, встрѣчаясь и расходясь. Это похоже сначала на русскую пляску или пляску нашихъ цыганъ, но вдругъ одна изъ старухъ останавливается, вздрагиваетъ всѣмъ тѣломъ, подается впередъ и начинаетъ качаться, словно охваченная конвульсіями. То же движеніе повторяетъ рядомъ съ нею молодая дѣвушка, но съ еще болѣе страстнымъ напряженіемъ, съ помутившимся взглядомъ и осунувшимся отъ усталости лицомъ. Крупный потъ выступаетъ у нея на вискахъ; ея лохмотья покрыты пылью; вертящійся рядомъ съ ней юноша едва не сшибаетъ ее съ ногъ, а она продолжаетъ качаться, отдаваясь вдохновенію, ничего передъ собой не видя, ничего не слыша, кромѣ священной музыки. Руки ея безсознательно перебираютъ рваную шаль, прикрывающую ея грудь; ей душно, хочется сбросить съ себя всѣ одежды. Она не то вскрикиваетъ, не то стонетъ, и вдругъ начинаетъ метаться изъ стороны въ сторону и исчезаетъ въ толпѣ зрителей.

Вниманіе уже занято другими пляшущими: особенно непостоявуютъ двое мужчинъ, еще не старыхъ, съ изступленными лицами, двое «охваченныхъ священнымъ трепетомъ», какъ объясняетъ намъ Sallah. Одинъ изъ нихъ только что приступилъ къ пляскѣ. Онъ сначала дрожитъ и почти падаетъ на руки высокаго, стараго арабараспорядителя, который его поддерживаетъ и ободряетъ; потомъ, не въ силахъ болѣе противиться потребности проявить свой экстазъ, онъ вырывается,—и начинается дикая пляска, прыжки, круженіе. Распорядитель и его помощники ловятъ его, на ходу снимаютъ его тюрбанъ, бурнусъ, рубашку, и онъ остается въ одиѣхъ шароварахъ. Ему суютъ въ руки зажженные пальмовыя вѣтви, и онъ продолжаетъ вертѣться, бѣгать и скакать, потрясая своими факелами, приближая ихъ къ тѣлу и топча ногами. Кругомъ него—облако

бѣлой пыли и ѣдкаго дыма; барабаны стучать все громче и громче; число пляшущихъ увеличивается. Кажется, что всѣ они охвачены безуміемъ, и дѣлается за нихъ страшно и за окружающую ихъ сплошнымъ кольцомъ публику. И странно видѣть невозмутимое спокойствіе этой толпы, веселыя улыбки женщинъ, сидящихъ на стѣнѣ, маленькихъ дѣтей, играющихъ у ногъ вертящихся. Внезапно музыка обрывается: кто-нибудь изъ исполнителей упалъ. Его окружаютъ, набрасываютъ ему на голову черное покрывало, относятъ въ сторону. Иногда онъ вскакиваетъ тотчасъ же и вновь начинаетъ кружиться и бѣгать; иногда его подводятъ къ знаменамъ и заставляютъ цѣловать ихъ, чтобы вернуть ему растроченныя силы; или помогаютъ одѣться, и роль его кончена, онъ становится въ число зрителей; его замѣняютъ другіе.

А душа святого Сиди-Бенъ-Офваля радуется, видя усердіе своихъ почитателей.

Вечеромъ мы смотрѣли другія пляски,—въ одномъ изъ мавританскихъ кафе, гдѣ за франкъ вамъ даютъ чашку чернаго кофе и право любоваться граціей женщинъ Ouled-Nails, исполняющихъ по преимуществу «танецъ живота».

Ouled-Nails—названіе племени, взявшаго себѣ привилегію представлять своихъ дѣвушекъ въ пограничные города Сахары въ качествѣ танцовщицъ. Но теперь среди нихъ уже встрѣчаются женщины и другихъ племенъ, а также еврейки и даже негритянки. Онѣ занимаютъ въ Бискрѣ двѣ смежныя улицы, носящія ихъ имя; здѣсь по вечерамъ собираются всѣ тѣ, кто хочетъ «повеселиться»,—арабы, иностранцы; и только здѣсь свѣтло и оживленно, тогда какъ весь остальной городъ погруженъ во мракъ и тишину.

Уже издали, по отдаленнымъ звукамъ флейтъ и цимбаловъ, можно угадать направленіе, которому надо слѣдовать, чтобы найти улицу Ouled-Nails. Изъ темнаго, пустыннаго переулка вы сразу попадаете въ густую толпу арабовъ, гуляющихъ взадъ и впередъ, взявшись подъ руку. Среди бѣлыхъ бурнусовъ мелькаютъ пестрыя куртки солдатъ-зуавовъ и мягкія шляпы европейцевъ; серьезное лицо пожилой дамы-шведки съ сопровождающимъ ее гидомъ, и веселыя улыбки молодыхъ парижанокъ, которыхъ мужья приводятъ сюда, какъ на занятное, модное зрѣлище.

Улицы не широкія и не длинныя. По обѣимъ сторонамъ—рядъ открытыхъ дверей, за которыми прямыя, крутыя, освѣщенные сверху каменныя лѣстницы. На нижнихъ ступеняхъ этихъ лѣстницъ по одной сидятъ женщины въ яркихъ платьяхъ, съ густо накрашенными бровями, увѣшенныя амулетами и ожерельями. Тутъ заплетенныя черныя косы положены кругомъ шеи, пальцы покрыты кольцами, кисти рукъ—браслетами. Онѣ ждутъ посѣтителей. Нѣкоторыя сидятъ неподвижно, какъ изваянія, другія переговариваются съ проходящими мужчинами. Иногда къ нимъ подходитъ

арабъ, красиво драпируясь въ свой бѣлый бурнусъ, или солдатъ мѣстнаго гарнизона въ красной фескѣ; иногда рядомъ съ разряженной женщиной дремлетъ старуха-мать или играютъ на землѣ дѣти. Если дверь затворена, значитъ женщина занята: развратъ совершенно открытый, какой-то «семейный»,—никто не считаетъ нужнымъ скрываться, никто не стѣсняется. Въ концѣ улицы нѣтъ даже и лѣстницъ: женщины просто сидятъ на порогѣ своихъ каморокъ, внутреннее убранство которыхъ видно всѣмъ проходящимъ: это наименѣе красивыя...

Впрочемъ, и остальные не отличаются ни особой красотой, ни изяществомъ. Освѣщеніе сверху, при полной темнотѣ улицъ, выгодно отбѣняетъ ихъ рѣзкія черты лица и пестрые наряды, но въ кафе, на эстрадѣ, онѣ очень теряютъ, особенно при исполненіи «танца живота», въ высшей степени грубаго и неграціознаго.

Непріятна и обстановка кафе: душно, накурено; арабская музыка раздраетъ уши. Но арабовъ это, повидимому, не беспокоитъ: они смотрятъ и слушаютъ съ ничего не говорящими, равнодушными лицами, и въ ихъ взглядахъ мелькаетъ чувство только тогда, когда они наклоняются къ своимъ молодымъ пріятелямъ, красавцамъ съ длинными рѣсницами и цвѣткомъ нарциса за правымъ ухомъ. Исполнительницъ не вызываютъ, имъ не хлопаютъ: женщина и здѣсь существо низшее, не заслуживающее ни похвалъ, ни порицанія. Менѣе всего объ ней думаютъ, какъ объ человѣкѣ.

Мы побывали въ нѣсколькихъ кафе, по настоянію Sallah, увѣрявшаго, что самаго интереснаго мы еще не видѣли, но вездѣ было то же самое: наполненная дымомъ комната, пьющіе кофе арабы, оглушительная музыка и безобразный «танецъ живота».

— Довольно,—сказали мы Sallah:—идемъ домой.

Но онъ опять удержалъ насъ, обѣщая «настоящій танецъ пустыни—танецъ рукъ», и на этотъ разъ не обманулъ. Это было интересно,—болѣе похоже на народную пляску. Танцовщица, закрывъ лицо прозрачнымъ покрываломъ, медленно и плавно скользила взадъ и впередъ, протянувъ руки, то какъ бы притягивая, то отталкивая. Эти движенія были красивы, хотя очень однообразны, прерываясь только неожиданными, короткими прыжками и отрывочными восклицаніями. Музыка шла все время въ разрѣзъ съ танцемъ, по потомъ, сразу, неизвѣстно какъ, они догоняли другъ друга, и являлось впечатлѣніе, что, дѣйствительно, они другъ другу необходимы; получалось въ этой дисгармоніи своего рода гармонія и стройность.

— Теперь все...—сказалъ Sallah, провожая насъ до гостиницы:—завтра я покажу вамъ пустыню.

Но ему пришлось горько разочароваться: мы уѣхали одни и видѣли пустыню безъ «объясненій» гида, видѣли ее въ часъ заката, безмолвную и полную неразгаданной тайны. И отдались ея очарованію... Описать ее? Песокъ, то ровный и волнистый, то буграми,

на которыхъ растетъ жесткая, сухая трава... ничего больше... Удаляющіеся караваны верблюдовъ...

Почему же здѣсь хочется молиться, такъ хочется остаться одному съ своими сокровенными думами, слушать эту тишину и дышать этимъ удивительнымъ воздухомъ, и смотрѣть на небо долго, долго, лицомъ къ лицу со звѣздами? Почему нельзя передать этихъ красокъ, этого богатства тѣней, ярко-оранжевыхъ облаковъ съ золотыми просвѣтами; нѣжныхъ, зелено-голубыхъ полосъ неба, синевы горъ, цвѣта безпредѣльной дали,—ничего этого нельзя передать, а можно только помнить, что видѣлъ ихъ въ какомъ-то волшебномъ снѣ, въ сказочной странѣ, гдѣ столѣтія проходятъ, какъ мгновенія, гдѣ чудеса совершаются до сихъ поръ,—чудеса, подобныя этой незамѣтно надвинувшейся ночи съ ея неземнымъ, захватывающимъ душу величіемъ.

Да, Аллахъ не могъ выбрать себѣ «сада» болѣе роскошнаго, болѣе чарующаго, чѣмъ пустыня....

VII.

А л ж и р ь .

Мы снова на берегу моря, среди шума и суеты портового города. Нѣтъ покоя ни днемъ, ни ночью: звенятъ и скрипятъ трамваи, грохочутъ нагруженныя фуры, раздаются тревожные гудки автомобилей, протяжно свистятъ приходящіе и отходящіе пароходы. Нужна громадная привычка и крѣпчайшіе нервы, чтобы не замѣчать нестройную симфонію всѣхъ этихъ рѣзкихъ звуковъ и быть въ состояніи заснуть и проспать три часа подъ рядъ подъ аккомпаниментъ несмолкаемаго уличнаго шума, долетающаго съ раздражающей настойчивостью до самыхъ отдаленныхъ комнатъ гостиницы сквозь запертыя двери, окна и ставни. А на улицахъ васъ уже окончательно оглушаютъ продавцы всевозможныхъ товаровъ, чистильщики сапогъ, газетчики.

Кстати, о газетахъ; вы выходите утромъ изъ дома въ полномъ убѣжденіи, что сегодня, напримѣръ, суббота, 7-го января. Покупаете газету и недоумѣваете: газета отъ воскресенья, 8-го. Въ воскресенье вамъ дадутъ номеръ отъ понедѣльника и т. д.—всегда однимъ днемъ и числомъ впередъ. Объясняется это тѣмъ, что арабскій день начинается по нашему времени въ шесть часовъ вечера, а редакціи ходятъ для себя удобнымъ отодвинуть это начало еще на нѣсколько часовъ, чтобы послѣ шести часовъ вечера не продавать мусульманамъ «вчерашнихъ» газетъ. И такимъ образомъ журнальный міръ живетъ всегда по собственному календарю, и вамъ очень трудно рѣшить, прочтя, напримѣръ, о смерти знакомаго и о томъ, что его похорони

«сегодня»,—какъ это понять: сегодня—въ день выхода газеты, или сегодня—въ число, которымъ она помѣчена? Недаромъ говорится: что городъ, то норовъ.

Алжиръ живописнѣе Туниса, расположенный террасами надъ моремъ, съ красивой каймой бѣлой пѣны, бьющей у его ногъ; но въ немъ уже значительно утраченъ колоритъ арабскаго города, несмотря на его изящныя мечети, на выдержанный стиль аркадъ его дворцовъ и на запутанный лабиринтъ «старога Алжира», гдѣ улицы похожи на лѣстницы и дома—на разбойничьи притоны. Слишкомъ все здѣсь смѣшано, восточное и западное, слишкомъ заполнено завоевателями, положившими свои миллионы на «культуру» края съ тѣмъ, чтобы вернуть ихъ себѣ сторицей. Лихорадочное движеніе чувствуется всюду; мудрая поговорка Востока: «не дѣлай сегодня того, что можешь сдѣлать завтра», забыта,—люди торопятся жить... И тишина царитъ только въ глубинѣ мечетей и на кладбищѣ, гдѣ задумчиво качаются пальмы и дрожатъ мимозы надъ бѣлыми каменными плитами. и куда приходятъ по пятницамъ закутанныя женщины отдохнуть отъ своего затворничества и подышать влажнымъ воздухомъ моря, послушать пѣсни его прибоя и щебетаніе птицъ въ заросляхъ олеандра. Онѣ сидятъ кучками на землѣ у родныхъ могилъ, и когда мы проходимъ, провожаютъ насъ внимательнымъ, серьезнымъ взглядомъ своихъ продолговатыхъ, подведенныхъ глазъ. На улицахъ ихъ почти не видно, даже въ арабскомъ кварталѣ, гдѣ непрерывная сутолока; развѣ изрѣдка быстро и безшумно промелькнетъ тѣнью бѣлая фигура съ кувшиномъ въ рукахъ, почерпнетъ воду въ каменномъ бассейнѣ фонтана и незамѣтно исчезнетъ въ одномъ изъ узкихъ, темныхъ проходовъ, раздѣляющихъ дома, или за тяжелой, желѣзной дверью, которую захлопнетъ за ней невидимая рука. Окна крошечныя—щели, въ верхнемъ этажѣ. Улицы тѣсныя, съ тяжелымъ запахомъ скверной кухни. Дома громоздятся другъ на друга, не давая доступа ни воздуху, ни свѣту. Иногда верхній этажъ выдается впередъ и поддерживается деревянными стропилами. Внизу лавочки, гдѣ бойко торгуютъ голубоглазые кабилы, и дешевыя кафе, всегда полныя посетителями. Кричатъ дѣти, обгоняя другъ друга и натываясь на сидящихъ у порога кафе игроковъ въ домино; кричатъ погонщики ословъ, заворачивая свой маленькій караванъ въ переулокъ, къ крутому каменному спуску, ведущему въ сторону порта. Въ углубленіи крыльца одного изъ домовъ, сумрачныхъ, похожихъ на старинные остроги, полулежитъ группа женщинъ съ несчастливо черными, соединенными дугой бровями, съ открытыми лицами, въ яркихъ платьяхъ. И рядомъ—тихий, красивый старикъ, прислонясь къ грязной стѣнѣ, сладко дремлетъ, равнодушный ко всему окружающему. Мы въ самомъ сердцѣ арабскаго квартала,— въ «Газбѣ», единственномъ уголкѣ Алжира, еще почти не тронutomъ

«цивилизацией», если не считать новенькихъ фонарныхъ столбовъ и дощечекъ съ названіями на углахъ улицъ; и, пожалуй, двухъ жан-дармовъ въ шляпахъ съ плюмажемъ, важно проходящихъ дозоромъ отведенный ихъ вѣдѣнію участокъ.

Спускаемся къ трамваю и ѣдемъ въ Jardin d'Essai полюбоваться аллеями мелколистныхъ фикусовъ, юккъ и платановъ. Желтыя и бѣлыя розы вьются по стволамъ пальмъ; золотыми пятнами горять на солнцѣ зрѣющіе апельсины. Но и здѣсь дожди не были очень давно, и на всей листвѣ лежитъ налетъ пыли, какъ въ Бискрѣ. И нѣтъ сочности и свѣжести тунисскихъ газоновъ, и нѣтъ панорамы, единственной по своей красотѣ и по своему величавому спокойствію, развертывающейся съ высоты Бельведера на «Бѣлый городъ, подобный раскинутому бурнусу», на залитую солнцемъ дремлющую скалу, гдѣ молился св. Людовикъ, на печальныя развалины, бывшія свидѣтельницами того, какъ любила и страдала Саламбо... Они далеко...

Но зато передъ нами море, мое любимое море, съ причудливой игрой его наскაკивающихъ другъ на друга волнъ, съ брызгами, отражающими радугу и драгоценные камни. Стаей чаекъ кажутся несущіяся къ берегу парусныя суда; едва замѣтной точкой—удаляющійся пароходъ, съ тонкой струйкой тянущагося за нимъ чернаго дыма. Еще мгновенье,—и онъ исчезнетъ, какъ, на дняхъ, исчезнемъ и мы изъ глазъ сидящихъ здѣсь рыбаковъ, увозя съ собой неизгладимое воспоминаніе о чудной странѣ Солнца и мечту снова вернуться, чтобы разгадать тайну ея очарованія,—если эта тайна можетъ открыться намъ—чужестранцамъ.

Е. В. Молоцова.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

- М. Н. Писаревъ. Въ память Отечественной войны. 1812—1912. Изданіе воронежской ученой архивной комиссіи подъ редакціей Н. П. Михневича. Съ 18 рисунками. Заставки и карты М. К. Паренаго. Москва. 1912. Стр. 40. Цѣна 10 коп.
- М. Васильевъ. Отечественная война (1812 годъ). Изданіе казанскаго учебнаго округа. Казань. 1912. Стр. 127. Цѣна 30 коп.
- Народная война 1812 года. Постоянная комиссія народныхъ чтеній. Спб. 1912. Стр. 103. Цѣна не обозначена.
- Н. Ф. Хованскій. Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года. Съ 22 рисунками. Изданіе саратовской ученой архивной комиссіи. Саратовъ. 1912. Стр. 296. Цѣна 1 рубль.
- С. Чижовъ. Медали въ память столѣтія Отечественной войны. (Критическая замѣтка). Москва. 1912. Стр. 9. Цѣна не обозначена.
- Н. Ф. Рыбчинскій. Пѣснь о Наполеонѣ, императорѣ французовъ (на 1812 годъ). Спб. 1912. Стр. 20. Цѣна 10 коп.

ВЪ ДОПОЛНЕНІЕ къ тѣмъ отзывамъ о книгахъ, посвященнымъ событіямъ 1812 года, которые уже появились на страницахъ «Историческаго Вѣстника», мы въ настоящей замѣткѣ ознакомимъ читателей съ нѣкоторыми новыми сочиненіями, обязанными своимъ появленіемъ въ свѣтъ тоже столѣтнему юбилею великой Отечественной войны. Какъ явленіе очень отрадное, мы должны отмѣтить, во-первыхъ, выходъ въ свѣтъ въ громадномъ количествѣ дешевыхъ популярныхъ книгъ и брошюръ о 12-мъ годѣ, предназначенныхъ для народа и учащихъся, и, во-вторыхъ, появленіе трудовъ разныхъ провинціальныхъ ученыхъ обществъ, которыя разрабатываютъ вопросъ о томъ, какое участіе приняла данная область въ Отечественной войны, въ чемъ это участіе выразилось, опубликовываютъ интересный архивный матеріалъ, описываютъ памятники и трофеи той достопамятной эпохи и т. д. Кромѣ того, названныя общества не забыли среди своихъ специальныхъ занятій и простого народа,

главнаго героя великой войны, и откликнулись на столѣтній юбилей выпускомъ дешевыхъ общедоступныхъ брошюръ и книжекъ для народа, учащихся и солдатъ. Такова, на примѣръ, книжка г. Писарева «Въ память Отечественной войны», изданная воронежской ученой архивной комиссией.

Эта небольшая книжечка обнимаетъ собою только событія одного 1812 года. Не нагромождая излишнихъ подробностей, авторъ просто и общепонятно выясняетъ дѣйствительныя причины войны, слѣдитъ за настроеніемъ и движеніями русской и французской армій, не оставляя въ то же время безъ вниманія и того, что происходило въ ту достопамятную годину въ «глубинѣ» Россіи, въ нѣдрахъ ея народа, единодушно поднявшагося по призыву государя на защиту своей родины отъ гордаго, всесильнаго Наполеона. «Сила русской арміи соединилась съ силою всего народа»,—говоритъ авторъ брошюры. И вотъ эта-то помощь народная и сыграла рѣшающую роль въ послѣдней трагедіи Наполеона. Въ главѣ «Народная война» подробно сообщается о подвигахъ многихъ партизановъ, о геройской кончинѣ П. И. Энгельгардта, о партизанахъ-мужикахъ, о знаменитой старостихѣ Василисѣ и т. д. Хороши заключительныя страницы этой брошюры, посвященныя выясненію послѣдствій для Россіи незабвеннаго 12-го года. Книга украшена многими рисунками, портретами, изящными виньетками и отчетливыми картами. Портретъ Наполеона, главнаго виновника всѣхъ событій, почему-то отсутствуетъ.

Болѣе подробное и обстоятельное описаніе событій Отечественной войны, предназначенное для учащихся, представляетъ собою работа г. Васильева, изданная казанскимъ учебнымъ округомъ. Названная книга обнимаетъ не только событія 12-го года, но сообщаетъ и о предшествовавшихъ годахъ, даетъ довольно подробную біографію и характеристику Наполеона, рисуетъ отношенія Франціи и Россіи при Павлѣ I и, наконецъ, подходит къ выясненію непосредственныхъ причинъ вспыхнувшей войны. Далѣе слѣдуетъ подробное изложеніе событій той эпохи. Вся книга написана простымъ яснымъ языкомъ и проникнута хорошимъ патріотическимъ настроеніемъ, чуждымъ того «кваснаго патріотизма», который часто можно встрѣтить въ подобныхъ книжкахъ для народа. Описаніе Бородинскаго боя прямо поражаетъ отчетливостью и живостью всего хода сраженія. Книга г. Васильева вполне подходитъ подъ общій уровень развитія учащихся средняго возраста и надо надѣяться, что будетъ прочитана ими съ большимъ интересомъ и пользой. Изданіе богато иллюстрировано; въ концѣ книги помѣщены стихотворенія Лермонтова, Пушкина, Глинки, Майкова и одна басня Крылова, относящаяся къ 12-му году и главному герою его—Наполеону. Цѣна книжки чрезвычайно низка.

Вполнѣ подходитъ для учащихся младшаго возраста интересная книжка «Народная война 1812 года», раздававшаяся въ видѣ подарка отъ с.-петербургской городской думы учащимся въ городскихъ начальныхъ училищахъ. На пространствѣ какихъ-нибудь 100 страничекъ, при большомъ обиліи рисунковъ, эта книжечка даетъ полное понятіе о пережитомъ Россіей въ 1812 году. Главное вниманіе составителей этой работы обращено на анекдотическую сторону дѣла, что много способствуетъ возбужденію интереса маленькихъ читателей этой книжки. И это вполнѣ правильно: дѣтей интересуетъ только ярко-красочное,

фантастически захватывающее, дающее движеніе ихъ воображенію, а не сухое, серьезное, хотя и научное, изложеніе историческихъ событій. Въ первомъ случаѣ будетъ увлекательное чтеніе, беллетристика, во-второмъ—учебникъ.

Таковы разсмотрѣнныя нами популярныя книжки для народа и учащихся, явившіяся откликомъ недавно отпразднованнаго всей Россіей столѣтняго юбилея народной войны 1812 года.

Къ этому же юбилею приурочено изданіе саратовской ученой архивной комиссіей интереснаго сборника подъ заглавіемъ: «Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года», составленнаго Н. Ф. Хованскимъ, правителемъ дѣлъ этой комиссіи. «Связь Саратовскаго края съ событіями Отечественной войны,—говорится въ предисловіи къ этому сборнику,—замѣтна и въ массѣ видныхъ участниковъ въ этой войнѣ, участниковъ изъ тѣхъ дворянскихъ родовъ, которые были и теперь остаются мѣстными землевладѣльцами, мѣстными работниками въ земскомъ и городскомъ самоуправленіяхъ и на административныхъ постахъ въ предѣлахъ нашей губерніи, какъ, напимѣръ, графъ Орловъ-Денисовъ, Давыдовъ, графъ Уваровъ и другіе потомки героевъ войны 1812 года». «Нашей задачей,—говорится далѣе,—было представить въ объективномъ изложеніи степень участія саратовскаго дворянства и вообще мѣстнаго населенія въ Отечественной войнѣ и въ событіяхъ, предшествовавшихъ ей; приложили мы стараніе перенести по возможности читателя въ описываемую эпоху, для чего мы даемъ въ полной неприкосновенности извлеченія изъ тогдашней переписки и обращеній официальныхъ лицъ. Содержаніемъ своимъ эти документы обрисовываютъ существовавшія въ тѣ времена взаимоотношенія властей и общества и существовавшихъ тогда порядковъ».

Сборникъ открывается извлеченіями изъ дневника Н. Г. Скопина, мѣстнаго протоіерея, отъ простыхъ лѣтописныхъ записей котораго вѣтъ такимъ простодушіемъ, искренностью и правдивостью, что читатель можетъ самъ ясно представить переживанія той достопамятной эпохи, необычныя событія которой такъ волновали и потрясали чуткаго захолустнаго іерея. За нѣкоторыми замѣчаніями Скопина, не представляющими особой новизны, все же нужно признать большую, такъ сказать, подтвѣдительную историческую цѣнность. Таковы, напимѣръ, его сообщенія о послѣдствіяхъ континентальной системы для Саратовскаго края, объ охлажденіи общества ко всему французскому, о настроеніи провинціи и т. д. Все это очень интересно въ бытовомъ отношеніи.

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію участія Саратовской губерніи въ самой Отечественной войнѣ, составитель предпосылаетъ статью «Сборъ на милицію 1807 г.». Эта милиція (земское войско) участвовала въ войнѣ Россіи съ Наполеономъ въ 1807—1808 гг. и сдѣлала походъ за предѣлы границы. Саратовская губернія отъ сбора людей для составленія этой милиціи была освобождена, но зато должна была помочь въ вооруженіи ея взносомъ денежныхъ суммъ и натурой: хлѣбомъ, оружіемъ, аммуниціей и пр. Къ этому были призваны высочайшимъ указомъ какъ «благородное дворянство», такъ и прочее населеніе этого края; въ числѣ жертвователей значились нѣсколько старообрядческихъ монастырей. Общій итогъ всѣхъ этихъ пожертвованій былъ 371,214 рублей. Вообще нужно

замѣтить, что, начиная съ 1811 года и въ продолженіе всей Отечественной войны, непосредственное участіе Саратовской губерніи выразилось въ обильномъ потокѣ пожертвованій, о чемъ настоящій сборникъ и даетъ много любопытныхъ сообщений, при чемъ безызыскно, что пожертвованія производились какъ деньгами, такъ и просто натурою. Составитель сборника Н. Ф. Хованскій замѣчаетъ по этому поводу: «при преобладаніи тогда на Руси натурального хозяйства такая поставка вещей въ войска со стороны помѣщиковъ не представляла ничего особеннаго и странную представляется лишь теперь на нашъ взглядъ. Конечно, и матеріаль для вещей требовался не нынѣшняго фабричнаго сорта, и качествомъ онъ не удалялся особенно отъ того, что имѣлось въ существовавшихъ хозяйствахъ». Но отступленіе нашей арміи передъ грозными полчищами Наполеона и тревожное состояніе духа императора Александра отразились болѣе чувствительно и на отдаленномъ Саратовскомъ краѣ. Согласно манифесту 6-го іюля 1812 года было послѣдно приступлено къ организаціи саратовскаго ополченія; губернаторъ Алексѣй Давыдовичъ Панчулидзевъ съ лихорадочной быстротою, энергично принялся за дѣло, по всей губерніи поскакали курьеры, поднялась горячка, оказавшаяся въ концѣ концовъ ненужной: саратовскаго ополченія пока не требовалось. Московскій главнокомандующій, которому Панчулидзевъ сообщилъ объ окончаніи сбора, писалъ, благодаря саратовское дворянство: «рвеніе саратовскаго благороднаго дворянства всеми средствами содѣйствовать общему дѣлу, столь близко трогающему всякаго вѣроподданнаго россійскаго, конечно, удостоится вниманія нашего всемилостивѣйшаго государя». Такимъ образомъ, не имѣя возможности послужить въ саратовскомъ ополченіи, многіе мѣстные дворяне приняли участіе въ симбирскомъ и пензенскомъ ополченіяхъ, чему посвящена большая статья сборника (стр. 41). Далѣе нужно отмѣтить обширную обстоятельную статью «Участники войны 1812 года изъ Саратовской губерніи», составленную по матеріаламъ саратовскаго дворянскаго депутатскаго собранія и другимъ мало извѣстнымъ источникамъ; здѣсь сообщаются цѣнныя фактическія данныя о 239 участникахъ войны. Затѣмъ идетъ статья «О военно-плѣнныхъ въ Саратовѣ» съ биографическими очерками наиболѣе выдающихся изъ нихъ и спискомъ всѣхъ плѣнныхъ французскихъ офицеровъ, бывшихъ въ 1812 году въ Саратовѣ. Заканчивается сборникъ описаніемъ памятниковъ 12-го года въ Саратовской губерніи.

Небезызыскна также брошюра С. Чижова, посвященная медалямъ въ память столѣтія Отечественной войны. Къ юбилейнымъ празднествамъ вышли двѣ медали: одна большая, настольная; другая—нагрудная, для ношенія въ петлицѣ. Еще въ 1817 году А. И. Оленинъ, другъ Державина, Крылова, Пушкина, Гибдича и извѣстный общественный дѣятель и ученый, выпустилъ въ свѣтъ серію рисунковъ для медалей на тему о различныхъ событіяхъ 1812 года. Одинъ изъ этихъ рисунковъ Оленина и взятъ для настоящей юбилейной медали, но съ нѣкоторыми измѣненіями, при чемъ, сравнивая мелкія детали новаго рисунка, отступающія отъ Оленинскаго оригинала, г. Чижовъ приходитъ къ слѣдующему любопытному заключенію: эти отклоненія, служащая далеко не въ пользу новаго рисунка, совершенно тождественны съ рисункомъ жетона, выпущеннаго въ

свѣтъ по случаю юбилея одной нѣмецкой фирмой. Вотъ этотъ-то нѣмецкій жетонъ и послужилъ, по мнѣнію автора, образцомъ для нашей медали. Такимъ образомъ, творцы новой медали не сумѣли даже правильно скопировать уже сдѣланнаго ранѣе и обойтись безъ нѣмецкой указки.

Какъ курьезъ «юбилейной литературы», отмѣтимъ еще одну ничтожную маленькую брошюрку подъ громкимъ заглавіемъ: «Пѣсь о Наполеонѣ, императорѣ французовъ». Открывается «Пѣсь о Наполеонѣ» портретомъ... Н. Ф. Рыбчинскаго, автора этой поэмы. Содержаніе ея слѣдующее: «исполняя Цезаря велѣнія», идетъ на Русь «великая армія»; «развилися шумны знамена подъ Велеса свѣтлыми лучами»; однажды передъ боемъ императоръ произнесъ рѣчь: «Цѣль близко; здорово, солдаты»; солдаты отвѣтили: «Ур-ра, императоръ; живи: рана мѣ рады». Затѣмъ, когда «Россь вѣрный напору врага уступая», оставилъ на волю Божию не только свои хижины, села, деревни, но и даже Москву, «древній пріютъ славяннина», которую заняли французы, начались великіе пожары и холода, и полчища Наполеона со стыдомъ пошли домой. Но тутъ предоставимъ слово самому поэту. Вотъ его картинное описаніе отступленія Великой арміи отъ «Россовъ вѣрныхъ»:

Толпами бѣжали враги въ безпорядкѣ;
Усѣяли трупами путь;
Морозко гналь шибко: что толку то въ пряткѣ?
Ни часу не даль отдохнуть!
И самъ императоръ, малюточка властный
(Прощай зайка сѣрый, косою!),
Бѣжалъ безъ оглядки, спасаясь, несчастный;
Рать—сгибла подъ смерти косою;
Гордыню безумную дерзкихъ твореній
Морозъ-удалецъ укротилъ;
Безъ шубки хромать сталъ преступный ихъ геній:
Источникъ изсякъ живыхъ силъ... и т. д.

Чѣмъ объяснить появленіе такой «поэмы»? Было бы, пожалуй, понятно, еслибъ это былъ первый опытъ какого-нибудь юноши, воображившаго себя поэтомъ, но съ первой страницы «Пѣсни о Наполеонѣ» смотритъ такое солидное лицо пожилого мужчины, съ большой бородой, въ очкахъ и чуть ли не въ мундирѣ полковника!

Д. М.

Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Историческая монографія. Часть первая. Стр. IX + 219. Часть вторая. Стр. 319. Спб. 1912. Цѣна не обозначена.

Юбилейные дни достопамятнаго 1812 года замѣтно подняли волну патріотизма въ рускомъ обществѣ. На книжномъ рынкѣ это сказывается въ появленіи цѣлаго ряда сочиненій, посвященныхъ великой эпопее 1812 г., а также вообще различныхъ изданій патріотическаго характера. Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и книга бывшаго государственнаго контролера В. Череванскаго. Цѣль ея, по словамъ автора, заключается въ томъ, чтобы въ наше безвременье, въ дни массоваго унынія, вызваннаго и неудачной вой-

ной съ Японіей, и революціонными вспышками, показать, что «Россіи приходилось уже не разъ переживать подобныя эпохи, изъ которыхъ она вышла съ честью и достоинствомъ». «Прошлое говоритъ за то, что русское творчество не ослабнетъ, если даже и вновь встрѣтится съ тяжелыми испытаніями». Творчество для автора не отвлеченное понятіе, а нѣчто живое, реально существующее, въ родѣ «народнаго духа» школы германистовъ. Всѣ событія русской исторіи происходятъ, по его мнѣнію, исключительно подъ вліяніемъ этого творчества, а не какихъ-либо другихъ причинъ; историческіе дѣятели являются какъ бы марионетками въ рукахъ этой силы. «Славяне подъ наитіемъ своего творчества рѣшились прогнать варяжскихъ сборщиковъ» (стр. 27). «По велѣнію творческой силы князь Юрій ставилъ городъ за городомъ» (стр. 128). «Русская творческая сила, можно сказать, подремала основаніе орденовъ Ливонскаго и Тевтонскаго» (стр. 131) и т. п. По поводу оперированія автора съ «русскимъ творчествомъ» можно сказать, что это вещь обоюдоострая. Програна кампанія—виноваты не государственные дѣятели, не полководцы, не интенданты, а «творчество», идетъ въ государствѣ разруха, взяточничество, растаскиваніе казеннаго пирога,—опять-таки творчество оплошало. Но, обращаясь ко второму тому монографіи, можно заключить, что подъ «творчествомъ» авторъ разумѣетъ уже не какую-то невѣдомую силу, а сознательную дѣятельность выдающихся дѣятелей русскаго народа въ области государственнаго строительства, религіи, промышленности, науки и искусства.

Авторъ назвалъ свой трудъ «исторической монографіей», но вѣрнѣе было бы назвать его справочникомъ или краткой энциклопедіей по исторіи и культурѣ Россіи. Историческія же данныя, сообщаемыя г. Череванскимъ, не идутъ далѣе свѣдѣній, даваемыхъ каждымъ учебникомъ для средней школы. Въ авторѣ сильно преобладаетъ публицистическая жилка: отъ событій прошлаго онъ постоянно отвлекается въ область настоящаго: историческіе факты служатъ лишь канвой для его выводовъ и сопоставленій. Въ первомъ томѣ излагается исторія до воцаренія дома Романовыхъ. Начинается монографія съ періода болѣе ранняго, чѣмъ времена Адама и Евы или яйца Леды, а именно съ образованія нашей планеты въ составѣ солнечной системы. Далѣе сообщаются свѣдѣнія по этнографіи первобытной Россіи. Въ главѣ «о рѣчи и письменахъ» авторъ скорбитъ, что въ настоящее время объ охраненіи чистоты русскаго языка заботится шведъ Кельбергъ, «между тѣмъ, какъ представители русской культуры начинаютъ щеголять одинъ передъ другимъ адекватностью, детерминизмомъ, интеллектуально-эмоціонно-психологической мотивацией, репульсией, атрибутивной эмоціей, одиозностью и проч. и проч.» (стр. 36) ¹⁾.

Затѣмъ слѣдуютъ очерки, посвященные крещенію Руси, удѣльной системѣ, отношеніямъ церкви къ государству, миссіонерству, униі, главенству Москвы, эпохъ Грознаго и Смутному времени.

Второй томъ монографіи г. Череванскаго интереснѣе и содержательнѣе перваго. Въ немъ идетъ изложеніе русской исторіи отъ воцаренія дома Романовыхъ и до нашихъ дней. Рядъ очерковъ посвященъ окраинамъ Россіи: Фин-

¹⁾ Перлы изъ курса энциклопедіи права Петражицкаго.

ляндін, Западному краю, Кавказу, Средней Азій и Дальнему Востоку. Авторъ убѣжденный противникъ автономіи Финляндіи и Польши. О первой онъ говоритъ, что враждебность къ Россіи едва ли можетъ привести ее къ хорошимъ результатамъ: «финляндской народной массѣ не лишне помнить, что по величію великаго князя сотня русскихъ полковъ можетъ занять въ нѣсколько дней не одну старорусскую Вотскую пятину, по и всѣ округа шведоманіи. И это не потому, что Финляндія составляла бы украшеніе русской короны, а потому, что она служитъ географическимъ преддверіемъ къ русской столицѣ, чрезъ которое могутъ измѣнически пройти хотя бы авангарды желтой расы» (стр. 132). Природныя богатства Кавказа и Средней Азій авторъ считаетъ колоссальными и настаиваетъ на необходимости болѣе интенсивной разработки ихъ. Кромѣ того, во второмъ томѣ отдѣльные очерки посвящены промышленности и торговлѣ Россіи, ея путямъ сообщенія, бюджету, просвѣщенію и искусству. Очень тепло написанъ очеркъ «Русская женщина»; авторъ симпатизируетъ послѣдней; по его словамъ, «въ трудовой сферѣ нѣтъ болѣе сомнѣнія, что женщина выдержала уже, въ предѣлахъ общественнаго и государственнаго значенія, конкурсный экзамень. Государственныя власти все шире и шире открываютъ ей свои служебныя двери» (стр. 68). Болячками русской жизни г. Череванскій считаетъ еврейскій вопросъ, алкоголизмъ, дѣтскую смертность, эпидеміи, самоубійства, возрастающія хулиганство и нищенство и т. п. Изъ предстоящихъ русскому творчеству задачъ выдвигаются имъ на первый планъ оборона страхи и разрѣшеніе земельного вопроса въ смыслѣ колонизаціи Сибири, затѣмъ поднятіе торговли и промышленности и развитіе экспорта.

Къ книгѣ приложено 15 рисунковъ, выполненныхъ художникомъ Малышевымъ.

Въ исторію книга г. Череванскаго не внесетъ новой лепты, но ея настоящее мѣсто въ библиотекѣхъ среднихъ школъ, гдѣ она явится хорошимъ подспорьемъ къ курсу русской исторіи, сообщая тѣ данныя по русской культурѣ, которыя не затрагиваются въ нашихъ учебникахъ. Недостаткомъ книги являются частыя повторенія одного и того же въ разныхъ мѣстахъ, но это все искупается громаднымъ достоинствомъ ея, а именно горячею любовью автора къ Россіи и ея прошлому и стремленіемъ его возбудить такую же любовь къ родинѣ и въ его читателяхъ.

В. Троицкій.

Ключевскій, В. О. Опыты и изслѣдованія. М. 1912. Стр. 551 + XXIV. Ц. 2 р. 50 коп.

Уже нѣсколько лѣтъ ученый міръ съ большимъ нетерпѣніемъ ожидалъ обѣщаннаго изданія сборника статей нашего несравненнаго историка, покойнаго В. О. Ключевскаго, который еще при жизни подготовлялъ это изданіе. Въ настоящее время вышелъ первый томъ, подъ названіемъ: «Опыты и изслѣдованія», куда вошло 6 отдѣльныхъ небольшихъ по объему, но чрезвычайно важныхъ по содержанію изслѣдованій, а именно:

1. Хозяйственная дѣятельность Соловецкаго монастыря въ Бѣломорскомъ краѣ;
2. Псковскіе споры (стр. 37—122);
3. Русскій рубль XVI—XVIII вв. въ его отношеніи къ нынѣшнему;
4. Происхожденіе крѣпостного права въ Россіи (212—310);
5. Подушная подать и отмѣна холопства въ Россіи;
6. Составъ представительства на земскихъ соборахъ древней Руси (417—551).

Въ концѣ сборника въ видѣ приложений помѣщены приготовленные къ печати А. А. Кизеветтеромъ дополнительныя замѣтки покойнаго историка къ тремъ послѣднимъ статьямъ. Замѣтки содержатъ въ себѣ либо варианты, либо дальнѣйшее развитіе отдѣльныхъ мѣстъ первоначальнаго печатнаго текста статей. Онѣ интересны въ томъ отношеніи, что отчасти вводятъ въ научную лабораторію историка и приподнимаютъ край завѣсы, обычно скрывающей процессъ научнаго творчества Ключевского.

Въ настоящемъ сборникѣ статей собраны, помимо диссертаций, важнѣйшія изслѣдованія В. О. Ключевского, каждое появленіе которыхъ въ свое время было—пользуясь выраженіемъ М. М. Богословскаго—«завоеваніемъ науки», какъ бы новымъ откровеніемъ. Можно порадоваться тому, что эти перлы русской исторической науки, разсыпанные по многимъ изданіямъ, собраны въ одной книгѣ.

М. К.

Картины церковной жизни черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи. Кіевъ. 1911. In folio. 8 нум. + 207 стр. и 58 отдѣльныхъ таблицъ иллюстрацій. Цѣна 11 рублей.

Настоящее изданіе возникло всецѣло по счастливой иниціативѣ нынѣшняго черниговскаго архипастыря Василія (Богоявленскаго) при думахъ о достойной встрѣчѣ Государя Императора, соизволившаго выразить желаніе побывать въ Черниговѣ и помолиться у мощей святого Θεодосія Углицкаго, черниговскаго чудотворца.

На первомъ листѣ, передъ заглавнымъ, красиво напечатано слѣдующее: «Всепресвѣтлѣйшему Державнѣйшему Великому Государю Императору Самодержцу Всероссійскому Николаю II. Картины церковной жизни черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи всеподданнѣйше посвящаетъ черниговская епархія». Далѣе слѣдуетъ обращеніе епископа къ Государю Императору (5—8 стр. нум.) и на 207 стр. самый текстъ съ массой иллюстрацій—на отдѣльныхъ таблицахъ и среди текста.

Весьма удачно настоящей трудъ названъ «Картинами», такъ какъ, безусловно онъ не представляетъ собою полной, научно составленной церковной исторіи черниговской епархіи, а лишь только отдѣльные эпизоды многовѣковой сложной жизни ея, хотя и въ преемственной связи. Да и мудро было бы за небольшой промежутокъ времени создать что-либо научное, строго обоснованное, при отсутствіи необходимыхъ матерьяловъ и руководствъ,—среди другихъ заботъ и тревоженій черниговцевъ, давно жаждавшихъ видѣть своего Государя и обрадованныхъ надеждой скорого исполненія своего вполне законнаго же,

лания. И на общем фонѣ тусклой черниговской жизни яркимъ костромъ вспыхнуло хорошее дѣло—дѣло созданія настоящей книги-«альбома», поднесенной затѣмъ особой депутацией отъ епархіи Его Величеству Государю Императору на память о посѣщеніи Чернигова.

Спѣшная подготовка матерьяла, коллективный трудъ (кажется, трехъ особыхъ комиссій), а, быть можетъ, и то обстоятельство, что самое печатаніе происходило въ Кіевѣ, на сторонѣ, а не въ Черниговѣ,—сдѣлали настоящее изданіе не свободнымъ, къ сожалѣнію, отъ ошибокъ, досадныхъ корректурныхъ, искажающихъ смыслъ опечатокъ, которыхъ мы, ревнуя о старинѣ черниговской епархіи, не можемъ не указать, касаясь, главнымъ образомъ, въ изобилии помѣщенныхъ иллюстрацій, кетати сказать, въ большей своей части относящихся къ современной намъ эпохѣ.

Такъ, напримѣръ, на отдѣльномъ листѣ (4) помѣщены два снимка одной и той же капители черниговскаго кафедральнаго собора, только съ разныхъ сторонъ, но съ надписью: «капители», что можетъ весьма легко ввести въ заблужденіе всякаго, тогда какъ эта капитель (XI—XII в.в.), насколько намъ извѣстно, является своего рода «уникой», и профессору Д. В. Айналову, заинтересовавшемуся ею, послѣ тщательныхъ поисковъ, удалось найти нѣчто подобное только, если не ошибаемся, въ Равеннѣ.

Невѣрно датирована таблица натѣльныхъ крестовъ (стр. 21)—XI вѣкомъ: эволюціи относятся къ XII—XIII в.в. (одинъ даже къ XV вѣку), а серебряные крестики къ XV—XVI в.в. На стр. 64 приложенъ снимокъ иконостаса Рыхловскаго собора, но съ надписью, что это иконостасъ «Рыльскаго» собора, а на стр. 168—Воскресенская церковь города Остра названа «Вознесенскою» и пр.

Но особенно невѣрно, даже произвольно, датированы нѣкоторые клише черниговскихъ типографій, что мы лично объясняемъ новизной предмета для черниговскихъ изслѣдователей. Не только гравировальное дѣло этихъ типографій (черниговскихъ, новгородъ-сѣверскихъ и клинцовскихъ), но и самая исторія ихъ почти что вовсе не обследованы, хотя и составляютъ, безусловно, одну изъ самыхъ интересныхъ страницъ исторіи Черниговщины. Интересуясь черниговской старопечатью и собирая матерьялы по исторіи ея, мы не можемъ согласиться, что клише, оттиски съ коихъ сдѣланы на стр. 55, 56 и 74, датируются 1674 г. и принадлежали новгородъ-сѣверской типографіи. Съ достовѣрностью можно сказать, что всѣ они относятся къ началу XVIII вѣка, такъ какъ помѣщены въ «Новомъ Завѣтѣ» 1717 года (стр. 477 и др.) черниговской печати, гдѣ въ одномъ апокалипсисѣ помѣщено около двадцати гравюръ. Датированы же указанныя клише, очевидно, на основаніи только надписи на первомъ изъ нихъ, что оттиснуто на стр. 55, сдѣланной на оборотной сторонѣ прот. А. Страдомскимъ, сподвижникомъ Филарета Гумилевскаго и прежнимъ владѣльцемъ этого клише.

Нельзя также согласиться, что помѣщенные на стр. 8, 9, 11, 25 и 48 «снимки съ клише изображеній»—именно «иконы Елецкой Богоматери».

Въ иллюстраціяхъ есть пропуски, напримѣръ, нѣтъ ни одного снимка старопечатныхъ книгъ черниговскихъ, ихъ шрифта, заглавныхъ и выходныхъ листовъ; нѣтъ снимковъ Покровской церкви села Романовки, Мглинскаго уѣзда,

съ ея иконостасомъ кисти знаменитаго В. Д. Боровиковскаго, Трехсвятительской церкви села Лемешей Козелецкаго уезда (родина графа Разумовскаго) съ иконами Воскобойникова и проч. Вообще слѣдуетъ признать, что та масса иллюстрацій, которая помѣщена въ настоящемъ изданіи, является все-таки неполной, тогда какъ снимки нѣкоторыхъ гравированныхъ досокъ повторяются, повидимому, безъ достаточныхъ къ тому оснований, напрасно только занимая мѣсто (сравни стр. 8 и 106, 159; 9 и 25, 48 и 106; 72 и 95).

Въ заключеніе считаемъ долгомъ сказать, что настоящее роскошное изданіе, достойное всяческаго подражанія, должно порадовать сердце каждаго любящаго старину вообще, въ особенности же церковную, и во всякомъ случаѣ въ церковно-общественной жизни черниговской епархіи оно займетъ подобающее ему значеніе и мѣсто.

Д. Вочковъ.

А. Н. Филипповъ, проф. Учебникъ исторіи русскаго права. Ч. I. Изд. 4-ое. Юрьевъ. 1912. Стр. 794. Ц. 4 руб.

Курсъ исторіи русскаго права проф. Филиппова впервые вышелъ 7 лѣтъ тому назадъ въ трехъ отдѣльныхъ выпускахъ, слитыхъ въ послѣдующихъ изданіяхъ въ одну книгу. Уже тогда этотъ курсъ отличался простотой конструкціи, дѣловитостью и ясностью изложенія. Въ свое время и въ нашемъ журналѣ былъ охарактеризованъ трудъ проф. Филиппова, съ указаніемъ нѣкоторыхъ, неизбѣжныхъ во всякомъ общемъ курсѣ недочетовъ.

Первое изданіе «Учебника» имѣло успѣхъ, и за короткое сравнительно время проф. Филипповъ выпускаетъ свою книгу четвертымъ изданіемъ, въ нѣсколько измѣненномъ и дополненномъ видѣ. Въ новомъ изданіи слѣдуетъ отмѣтить то, что въ текстъ и въ примѣчанія книги обильно введены указанія на прежнія и новѣйшія изслѣдованія и статьи въ области исторіи русскаго права, благодаря чему, такъ сказать, улавливается бѣненіе пульса науки. Можно смѣло рекомендовать трудъ проф. Филиппова не только учащимся, но и всякому интересующемуся исторіей русскаго права.

М. К.

И. А. Базановъ. Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19-го февраля 1861 года. Томскъ. 1911.

Настоящая статья почтеннаго ученаго, профессора и ректора томскаго университета И. А. Базанова представляетъ собою рѣчь, произнесенную авторомъ въ торжественномъ засѣданіи томскаго губернскаго правленія 19-го февраля 1911 года, въ пятидесятилѣтнюю годовщину освобожденія крестьянъ.

Задачею своей статьи г. Базановъ поставилъ «обрисовать то правовое положеніе, которое реформа отводила освобожденнымъ крестьянамъ, вмѣстѣ съ тѣмъ прослѣдить, какъ это положеніе мѣнялось въ теченіе пятидесяти лѣтъ, отдѣляющихъ насъ отъ освободительной эпохи» (стр. 3).

Два первых десятилѣтїя по освобожденїи крестьянъ,—говоритъ профессоръ Базановъ,—законодательство 19-го февраля 1861 года примѣнялось въ общемъ освободительномъ духѣ. Община не заявляла себя господиномъ отдѣльныхъ крестьянъ, семья крестьянская сближалась съ общегражданской семьей, личность пользовалась въ деревнѣ свободой самоопредѣленїя какъ въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, такъ и въ вопросахъ о выборѣ занятїй, рода жизни, объ отлучкахъ и даже выходѣ изъ общины. А вслѣдствїе сравнительной простоты сельскаго быта того времени не заявляла неудобствъ и организація крестьянскаго самоуправленїя и волостного суда. Но вотъ въ восьмидесятыхъ годахъ замѣчается разстройство нашей деревни, объяснявшееся многими причинами, въ томъ числѣ, несомѣнно, и тѣмъ, что, по освобожденїи крестьянъ, правительство отвернулось отъ деревни, забросило ее и почти ничего не дѣлало для ея культурнаго преуспѣянїя. Обычай, съ осложненїемъ жизненныхъ отношенїй, съ дифференціаціей крестьянства на экономической почвѣ и т. д. превращается въ ширму произвола, волостной судъ—въ искаженїе идеи правосудїя, сельское самоуправленїе проявляетъ черты полнаго безпорядка и т. д. и т. д.

Когда разстройство деревни стало обращать на себя вниманїе правительства, послѣднее начало изыскивать мѣры къ ея упорядоченїю и, въ духѣ того времени, обратило вниманїе на содержавшїеся въ самыхъ положенїяхъ 19-го февраля намеки строя, обратнаго освободительнымъ тенденціямъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ вырабатывало новыя начала строгаго вѣдущаго контроля надъ жизнью и дѣятельностью крестьянства, не только въ области публичнаго, но и въ области частнаго права (стр. 8).

Съ 1903 года и до сихъ поръ политика правительства по крестьянскому вопросу снова возвращается къ освободительнымъ тенденціямъ законодательства шестидесятыхъ годовъ. Такъ, именнымъ высочайшимъ указомъ 26-го февраля 1903 года отмѣняется круговая порука, служившая оправданїемъ всѣхъ вмѣшательствъ общины въ частную жизнь крестьянина. Какъ слѣдствїе этихъ мѣръ, высочайшїй указъ 5-го октября 1906 года отмѣняетъ разнаго рода ограниченїя въ правахъ сельскихъ обывателей, между прочимъ вмѣшательство общины въ семейные раздѣлы и т. д. Вѣнцомъ же новаго освободительнаго направленїя въ крестьянскомъ законодательствѣ явился высочайшїй указъ 9-го ноября 1906 года, вышедшїй въ порядкѣ 87 ст. осп. зак. и позднѣе одобренный третьей государственной думой. Этотъ указъ возстановляетъ предписанїе 36 ст. общаго положенїя 1861 года о свободномъ выходѣ крестьянъ изъ общины съ укрѣпленїемъ въ собственность отдѣльныхъ домохозяевъ, переходящихъ къ личному владѣнїю, участковъ изъ мірекаго надѣла (стр. 12).

Такъ, заканчиваетъ свою весьма интересную статью профессоръ Базановъ, въ отношенїи гражданскаго быта крестьянство вступаетъ въ наши дни на общее положенїе гражданъ русскаго государства.

Профессоръ М. Красноженъ.

С. Н. Сивицкій. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912. Изданіе рижскаго педагогическаго общества. Стр. 223.

Книга г. Сивицкаго, подъ приведеннымъ выше названіемъ ¹⁾, заслуживаетъ особаго вниманія среди прочихъ изданій, вышедшихъ въ свѣтъ по случаю юбилея Отечественной войны. Въ своемъ сочиненіи авторъ поставилъ себѣ задачею выяснитъ значеніе этой войны въ жизни нашей прибалтійской окраины и, надо отдать ему справедливость, выполнилъ ее съ большимъ успѣхомъ.

Книга г. Сивицкаго раздѣляется на двѣ части: первая (меньшая) содержитъ въ себѣ «Историческій очеркъ Прибалтійскаго края въ XVIII столѣтіи. Первый вѣкъ русскаго господства» (стр. 3—96); во второй, подъ заглавіемъ «Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ» (стр. 97—223), значительно болѣе обширной, чѣмъ первая, представляются событія, совершившіяся въ 1812 году въ Прибалтійскомъ краѣ, и указывается на тѣ послѣдствія, какія имѣла Отечественная война для этого края.

Первая часть книги, въ свою очередь, распадается на два отдѣла: 1) «Періодъ невмѣнательства» русской правительственной власти во внутреннюю жизнь края въ первыя пятьдесятъ лѣтъ русскаго господства» (стр. 3—44) и 2) «Эпоха правительственныхъ реформъ 1762—1804 г.г.» (стр. 44—96), противъ которыхъ всѣми силами боролось господствующее нѣмецкое населеніе.

Изъ представленнаго авторомъ историческаго очерка видно, что Прибалтійскій край въ XVIII вѣкѣ жилъ своею обособленною жизнью, чуждою національнымъ и культурнымъ интересамъ Россіи. Всѣ стремленія господствующаго класса прибалтійскихъ жителей состояли въ сохраненіи, во что бы то ни стало, старинныхъ учреждений и привилегированнаго положенія ихъ въ странѣ. Господствующія сословія съ поразительнымъ упорствомъ отстаивали свои сословные интересы и права, принося имъ въ жертву благо всей страны. Особенно дворянство, въ сознаніи своего преобладающаго положенія, упорно держалось за малѣйшую черту своихъ привилегій. Городекіе бюргеры удалялись отъ всякихъ чужихъ элементовъ, жестоко притѣняли иностранныхъ и русскихъ купцовъ и свою гордость ставили въ томъ, чтобы во всемъ имѣть другіе взгляды, чѣмъ дворянство. Каждое сословіе дѣлилось еще на мелкія группы и корпораціи, которыя спорили и враждовали между собой. Враждебныя партіи всѣми мѣрами старались вредить другъ другу и вмѣшивали въ свои споры русскую правительственную власть: неудачи одного сословія вызывали радость въ другомъ. Самымъ же главнымъ зломъ прибалтійской жизни было крѣпостное право съ полнымъ безправіемъ и чрезмѣрнымъ обремененіемъ помѣщиками крестьянъ.

Во второй половинѣ XVIII вѣка Прибалтійскій край постепенно освобождается отъ недостатковъ сословно-корпоративнаго и крѣпостнаго строя и выходитъ на путь свободнаго развитія общественныхъ и экономическихъ силъ.

¹⁾ Перу г. Сивицкаго принадлежитъ также работа, подъ заглавіемъ: «Жъ двухсотлѣтію русскаго владычества въ Прибалтійскомъ краѣ». Рига. 1910.

Это прогрессивное движеніе зависѣло главнымъ образомъ отъ двухъ причинъ: распространенія образованія среди господствующаго нѣмецкаго населенія и преобразовательной дѣятельности русскаго правительства. Уже императрица Екатерина II, хотя при своемъ вступленіи на престолъ и утвердила привилегіи дворянства и городовъ, однако признавала, что отчужденность окраинъ не соотвѣтствуетъ интересамъ русскаго государства и свои взгляды ясно высказала въ инструкціи генераль-прокурору сената князю Вяземскому при назначеніи его на должность (въ февралѣ 1764 г.): «Малая Россія, Лифляндія и Финляндія суть провинціи, которыя правятся подтвержденными ихъ привилегіями. Сии провинціи, также и Смоленскую, надлежитъ легчайшимъ способомъ привести къ тому, чтобы онѣ обрусѣли и перестали бы глядѣть, какъ волки въ лѣсу. Къ тому приступъ весьма легкій, если разумные люди избраны будутъ начальниками въ тѣхъ провинціяхъ». Однако та же императрица писала князю Вяземскому о «лифляндской замашкѣ» прибалтійскихъ депутатовъ, участвовавшихъ въ законодательной комиссіи 1767 года: «они хотятъ быть нашими законодавателями, а не отъ насъ получить узаконеній». Когда прибалтійскіе депутаты, помимо комиссіи, представили императрицѣ проектъ законовъ для Лифляндіи и Эстляндіи, она тщательнымъ образомъ занялась разборомъ этого проекта и довольно рѣзко критиковала образъ мыслей остзейскихъ депутатовъ. Въ заключеніе она выразилась такъ: «Я ничего подтвердить не буду, что не въ силѣ обряда мнѣ поднесется. Они подданные Россійской имперіи, а я не лифляндская императрица, а всероссійская».

Въ декабрѣ 1785 года послѣдовало введеніе общаго дворянскаго и городского положенія въ Прибалтійскомъ краѣ. Новыя губернскія и сословныя учрежденія Екатерины II заключали въ себѣ многія прогрессивныя начала, а именно уничтоженіе рѣзкихъ сословныхъ границъ и болѣе справедливое распредѣленіе правъ и обязанностей. Несмотря на это, они возбудили неудовольствіе среди правящихъ классовъ (особенно въ Ригѣ), которые теряли сословныя права и прежніе доходы. Самимъ же важнымъ событіемъ въ Прибалтійскомъ краѣ въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX вѣка былъ крестьянскій вопросъ, закончившійся освобожденіемъ крестьянъ.

«Въ такомъ положеніи и настроеніи, — заканчиваетъ г. Сивицкій первую часть своего труда, — находился Прибалтійскій край въ 1812 году, и мы не въ правѣ ожидать здѣсь такого общенароднаго патріотическаго движенія, какое проявлялось во всей Россіи въ этотъ тяжелый годъ русской исторіи» (стр. 96).

Тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ тотъ же авторъ во второй части своего труда ¹⁾, неожиданное нашествіе враговъ возбудило въ прибалтійскомъ населеніи чув-

¹⁾ Эта часть, подъ заглавіемъ: «Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ», составляющая большую часть книги г. Сивицкаго, раздѣлена на слѣдующіе шесть отдѣловъ: 1) «Причины и подготовка войны» (стр. 97—115) 2) «Нашествіе французовъ, Рига въ опасности» (стр. 116—147). 3) «Военныя дѣйствія близъ Риги. Отступленіе французовъ» стр. 148—173). 4) «Лифляндское дворянское ополченіе. Событіе въ Дерптѣ» (стр. 173—186) 5) «Французы въ Курляндіи» (стр. 187—207); 6) «Таурогенская конвенція. Заключеніе» стр. (208—223).

ство единенія съ Россіей и вызвало патриотическое движеніе, хотя, можетъ быть, въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ въ остальной Россіи. Прибалтійскій край принесъ значительныя матеріальныя жертвы на пользу отечества; многіе балтійскіе уроженцы служили въ русской арміи и проливали кровь за русское дѣло, а мирные жители внимательно слѣдили за ходомъ военныхъ дѣйствій, радовались русскимъ успѣхамъ и печалились о неудачахъ. Даже Курляндская губернія, недавно присоединенная къ Россіи, не проявила никакой привязанности къ родственнымъ врагамъ-пруссакамъ и не измѣнила Россіи.

Но Отечественная война обнаружила одинъ печальный фактъ прибалтійской жизни,—это полное равнодушіе и безучастіе къ судьбѣ общаго отечества среди туземнаго латышскаго и эстонскаго населенія. Закрѣпощенные нѣмецкимъ дворянствомъ и обремененные непосильной работой, туземные крестьяне были преданы исключительно матеріальнымъ интересамъ: они мало знали о Россіи и плохо сознавали свои гражданскія обязанности. Изъ этого обстоятельства вытекала неотложная задача русской государственной политики XIX вѣка: освободить и улучшить положеніе крестьянскаго населенія Прибалтійскаго края. Хотя эта задача осуществилась не сразу и со многими ошибками, но все-таки несомнѣнно, что въ XIX вѣкѣ происходитъ постепенно развитіе туземнаго крестьянства какъ въ матеріальномъ, такъ и въ культурномъ отношеніяхъ. Въ этомъ поднятій низшихъ классовъ прибалтійскаго населенія и въ единеніи всего края съ великой Россіей, въ общей готовности снова пожертвовать всею для блага отечества, и заключается, по мнѣнію автора, завѣтъ, оставленный намъ печальными и въ то же время великими событіями 1812 года (стр. 223).

Къ книгѣ приложены четыре карты и плана и семнадцать очень удачно исполненныхъ портретовъ дѣятелей Прибалтійскаго края и Отечественной войны. Прилагаемые портреты большею частью взяты изъ старинныхъ гравюръ бібліотеки «общества исторіи и древностей прибалтійскихъ губерній и рижской городской бібліотеки, а нѣкоторые сняты съ большихъ портретовъ, находящихся въ рижскомъ замкѣ и домскомъ музеѣ.

Книга г. Сивичкаго написана живымъ литературнымъ языкомъ и издана весьма изящно.

М. К.—въ.

**Русь въ ея столицахъ. Е. Нелидова. Старая Ладога. 1912 г. Цѣна 30 коп.
Стр. 118.**

Названная книжка г-жи Нелидовой представляетъ собою очень симпатичный по задачѣ и интересный по исполненію трудъ.

Небольшой, но всесторонне исчерпывающій исторію перваго на Руси стольнаго города очеркъ «Старая Ладога» является первымъ шагомъ по пути симпатичной задачи издательства представить «Русь въ ея столицахъ» рядомъ выпусковъ подобныхъ же описаній остальныхъ русскихъ столицъ (Новгородъ, Кіевъ, Мѣсква, Петербургъ) по матеріаламъ историческаго и археологическаго характера.

Не случайно Старая Ладога была избрана резиденціей перваго русскаго князя Рюрика.

Самое положеніе Ладоги въ 13 верстахъ отъ устья рѣки Волхова и Ладожскаго озера издревле дѣлало ее для сѣверныхъ племенъ главнѣйшимъ пунктомъ на великомъ пути «изъ варягъ въ греки»: «путь древній: изъ грекъ черезъ море Понтійское до Днѣпра; вверхъ же Днѣпра волокъ есть до Волоти (рѣка Ловать) и по Волоти внити въ Ильмень озеро, великое озеро Невъ, его же устье входитъ въ море Варяжское, и по тому морю идти даже до Рима, а отъ Рима прійти моремъ же къ Царюграду (Константинополю) отъ Царяграда въ Понтъ, въ него течеть Днѣпръ рѣка».

Много кровавыхъ битвъ и тяжкихъ превратностей вынесла Ладога за свое положеніе на пути великой артеріи, питавшей связь между сѣверомъ и югомъ Европы. Черезъ Ладогу же поддерживались торговья сношенія Руси и съ западными странами. Ея значеніе въ этомъ отношеніи слабѣетъ лишь въ XVI вѣкѣ, при Іоаннѣ Грозномъ, съ открытіемъ англичанами новаго морского пути въ Россію черезъ Вѣлое море.

Самыя же страшныя бѣдствія тернить Ладога въ смутное время; она безпрестанно осаждается и занимаетъ то однимъ, то другимъ непріателемъ. Искони стемлились наши западные враги выкинуть насъ съ великаго пути изъ «варягъ въ греки» и оттолкнуть отъ западнаго моря.

Столѣтіями длилась эта борьба съ перемѣннымъ счастіемъ для противниковъ, пока не была окончательно развѣшена и уничтожена гениемъ Петра Великаго, придвинувшаго русскую торговлю къ самымъ берегамъ Балтійскаго моря.

Рѣшивъ такимъ образомъ большой вопросъ Россіи, Петръ вовсе уничтожилъ Старую Ладогу и уцѣлѣвшіе останки ея перенесъ въ новый уѣздный городъ «Новую Ладогу», расположивъ его на 12 верстъ ближе къ устью Волхова и къ Ладожскому озеру.

Въ 1719 году начали рыть между Волховомъ и Невой первый обходный Ладожское озеро каналъ, положившій начало открытой при Александрѣ II въ 1866 году Маріинской водной системѣ.

Нынѣ Новая Ладога представляетъ собою обычную картину лѣсной пристани. Войко оживленная, грязная и шумная по набережнымъ каналовъ, Новая Ладога на отдаленныхъ отъ пристаней улицахъ представляетъ собою типъ обычнаго глухого запыленного провинціального городка.

Въ Старой же Ладогѣ идутъ интересныя археологическія раскопки, раскрывающія цѣлыя страницы жизни отдаленныхъ дней нашей исторіи.

«Старая Ладога», представленная въ популярно изложенномъ и солидно обоснованномъ очеркѣ можетъ быть предложена самой широкой публикѣ, интересующейся какъ исторіей, такъ и современнымъ состояніемъ «Руси въ ея столицахъ».

А. М. Нечаева.

**Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія
Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912. Стр. XXIII+725.**

Все содержаніе разсматриваемаго нами четвертаго тома «Архива Раевскихъ» раздѣляется на двѣ неравныя части: въ первой, меньшей (всего около ста писемъ и документовъ, за 1841—1843 годы) помѣщена служебная, дѣловая переписка Н. Н. Раевского младшаго, представляющая продолженіе того, что напечатано въ третьемъ томѣ «Архива». Н. Н. Раевскій, состоявшій тогда начальникомъ Черноморской береговой линіи и успѣвшій уже основать Новороссійскъ и другіе населенные пункты, испытывалъ постоянное и упорное сопротивленіе своей мирной дѣятельности по заселенію Черноморскаго побережья и поднятію его благосостоянія путемъ торговыхъ сношеній, со стороны военныхъ командировъ: Е. А. Головина и П. Х. Граббе, подавнившихъ «общему влеченію къ мнимымъ военнымъ подвигамъ», и, увидѣвъ, наконецъ, себя выраженнымъ въ «колесницу, которую везутъ три упряжи въ три разныя стороны», сталъ просить увольненія отъ должности начальника и назначенія по кавалеріи. Желаніе его вскорѣ было исполнено (6-го февраля 1841 года); тогда онъ окончательно уволился въ отставку и поселился въ воронежскомъ имѣніи своей жены, погруженный въ хозяйственныя дѣла. Но недолго прожилъ онъ здѣсь: въ іюнѣ 1843 г. захворалъ, а черезъ мѣсяцъ и скончался, на рукахъ своихъ слугъ и выписаннаго изъ Москвы доктора Дитриха, которые и описали его предсмертную болѣзнь и кончину (стр. 203—207 и 208—220). Жена Н. Н. Раевского Анна Михайловна (рожденная Бороздина) узнала о смерти лишь черезъ нѣсколько дней. На ея попеченіи остались два сына, изъ которыхъ старшему, Николаю, было около четырехъ лѣтъ, а младшему, Михаилу, всего полтора года. Имъ-то она, при содѣйствіи ихъ крестнаго отца и опекуна А. И. Казначеева, посвятила всю свою жизнь.

Вторая, большая часть настоящаго тома занята перепискою А. М. Раевской съ ея родными и близкими (всего около двухсотъ писемъ, за время съ 1843 по 1857 гг.). Хотя она переписка носитъ преимущественно семейный характеръ, но въ ней въ то же время немало цѣнныхъ бытовыхъ подробностей современной корреспондентамъ жизни и любопытныхъ замѣчаній объ историческихъ событіяхъ эпохи. Въ частности не безъ интереса прочтутся письма А. М. Раевской къ профессору Т. Н. Грановскому, котораго она привлекла къ занятіямъ съ своими сыновьями, письма В. В. Ганки, профессора П. Н. Кудрявцева (и его рѣчь при погребеніи Грановскаго—316—318 стр.), профессора П. М. Леонтьева, Ѳ. Я. Эванса, А. И. Казначеева и др. Любопытны свѣдѣнія для исторіи возвращенія изъ Сибири престарѣлаго декабриста князя С. Г. Волконскаго и его жизнь съ семьей въ Москвѣ послѣ коронаціоннаго манифеста 1856 года.—которыя находимъ въ обширной перепискѣ А. М. Раевской съ княгиней М. Н. Волконской, женой декабриста, и Еленой Сергѣевной Молчановой, его дочерью.

Въ «дополненіяхъ» къ этому обширному тому помѣщены: прошеніе Е. П. Давыдовой о выдѣлѣ имѣнія Н. Н. Раевскому, переписка между С. А. Раевской и С. И. Миницкимъ, по поводу сооруженія въ Архангельскѣ памятника

Ломоносову, который приходился С. А. Раевской дѣдомъ, и духовное завѣщаніе Е. А. Константиновой, рожденной Ломоносовой.

Въ текстѣ находимъ до десяти прекрасно исполненныхъ рисунковъ, въ томъ числѣ семь портретовъ: Николая Николаевича Раевского младшаго, А. М. Раевской, С. А. Раевской, матери П. П. Раевского, Ел. Н. Раевской, Ек. П. Раевской и графини А. А. Ностицъ, рожденной Раевской.

Примѣчанія къ тексту, особенно обильныя къ дѣловой перепискѣ, попрежнему отличаются точностью, и вообще изданіе выполнено безукоризненно.

В. Р—въ.

Я. Микетовъ. Что сдѣлало народное представительство третьяго созыва. Спб. 1912. Стр. 248 Ц. 60 к.

Еще недавно жизнь третьей думы катилась шумно, «волнуясь, какъ море океанъ», теперь она безмолвна и спокойна, вся вылившись на страницы парламентскихъ отчетовъ и тѣхъ повременныхъ изданій, которыя въ свое время ее различно отражали на своихъ столбцахъ. Дѣянія третьей думы—уже достояніе исторіи. Хотя еще не пришло время давать полную оцѣнку дѣятельности народнаго представительства и третьяго созыва, но уже кой-какія работы въ этомъ отношеніи появились на свѣтъ. Въ томъ числѣ книжка г. Микетова. Отъ другихъ подобныхъ же опытовъ произведеніе названнаго автора отличается тѣмъ, что оно пыгается охватить не какую-либо часть работы третьей думы, а всю ее цѣлкомъ; съ другой же стороны книжка г. Микетова представляет не сухое изложеніе, а живое образное обозрѣніе съ характеристиками отдѣльныхъ парламентскихъ дѣятелей, партій и наиболѣе выдающихся моментовъ изъ жизни новаго государственнаго учрежденія. Можно не соглашаться съ воззрѣніями и оцѣнкой авторомъ людей и дѣлъ третьей думы, но нельзя отказать ему въ яркости и изобразительности изложенія; нельзя отказать и въ извѣстной государственно-политической подготовкѣ; г. Микетовъ обнаруживаетъ знакомство съ литературой государственнаго права; между прочимъ, пользуется книгой профессора Грибовскаго «Государственное устройство и управленіе Россійской имперіи» для выясненія поднимаемыхъ въ думѣ спорныхъ государственно-правовыхъ вопросовъ. Книга г. Микетова распадается на три части: первая посвящена обрисовкѣ дѣйствующихъ лицъ, такъ сказать, актеровъ парламентской сцены, во второй части находится общая оцѣнка того, что и какъ было сдѣлано народнымъ представительствомъ третьяго созыва; въ третьей части содержится самый репертуаръ парламентскаго театра съ подлинными рѣчами депутатовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣчей приведены въ отрывкахъ, другія—полностью. По своимъ политическимъ воззрѣніямъ, авторъ книги, по-видимому, примыкаетъ къ центру; поэтому и большинство приводимыхъ рѣчей принадлежитъ прогрессистамъ, октябристамъ и націоналистамъ, но не забыты и другія партіи. Впрочемъ, можетъ быть, даже преобладаніе рѣчей опредѣленнаго направленія въ книгѣ г. Микетова обусловливается и составомъ третьяго думскаго руководящаго большинства.

Для характеристики самой книги необходимо добавить, что помимо думскихъ отчетовъ авторъ широко пользовался и разнаго рода инымъ печатнымъ

материаломъ. Порою сдается, что онъ самъ былъ личнымъ свидѣтелемъ многаго изъ передаваемого, — такъ живо и съ такимъ знаніемъ среды изображаетъ онъ описываемыя событія. Безъ этого приходится предположить въ г. Микетовѣ очень живое воображеніе и тщательное изученіе обстановки думскихъ работъ. Этой стороною трудъ автора очень выгодно отличается отъ другихъ работъ подобнаго же характера. При такомъ приѣмѣ изложенія вполнѣ понятна нѣкоторая горячность, страстность, вносящая картинность даже въ очеркъ сухой бюджетной думской работы. У автора имѣются свои излюбленные герои, на которыхъ онъ останавливается съ особой внимательностью. Помимо указанія и выясненія значенія важнѣйшихъ законопроектовъ, прошедшихъ черезъ третью думу, г. Микетовъ останавливается на запросной работѣ, освѣтившей многіе тайники нашего управленія; въ особенности удалось автору изображеніе запросовъ морскому министерству и министерству внутреннихъ дѣлъ. Заключивъ г. Микетовъ свою интересную книгу обрисовкой русской правотѣрпной интеллигенціи и того перелома, который замѣчается въ ней подъ вліяніемъ новыхъ условий государственной жизни и поднявшейся волны русскаго національнаго чувства.

Гр.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга четвертая, двѣсти тридцать девятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911. Стр. XIV + 228 + XXXV + 180 + VIII + 266 + V + 78 + 52. Цѣна 3 рубля.

Разсматриваемая нами четвертая книга «Чтеній» за 1911 г. особенно богата матеріалами и почти исключительно касающимися отечественной исторіи. Во главѣ ея находимъ продолженіе работы С. Б. Веселовскаго, посвящей общее заглавіе: «Смутное время Московскаго государства 1604—1613 гг. Матеріалы, изданные императорскимъ обществомъ исторіи и древностей руссійскихъ при московскомъ университетѣ», именно пятый выпускъ «Матеріаловъ», въ который вошли: «Акты подмосковныхъ ополченій и земскаго собора 1611—1613 гг.». Большая часть этихъ актовъ относится къ дѣлопроизводству Владимирской и Галицкой четвертей и заимствована изъ московскаго отдѣленія архива императорскаго двора. Наибольшую цѣнность С. Б. Веселовскій приписываетъ дѣламъ казанскаго двора и Галицкой и Владимирской четвертей за первые годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, какъ заключающіе въ себѣ значительный матеріаль для освѣщенія матеріальной стороны государственной жизни, составлявшей при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ самое большое мѣсто государственнаго управленія. Большой интересъ для бытовой исторіи тогдашняго времени представляютъ и многочисленныя челобитныя разныхъ лицъ и грамоты бояръ по «челобитчиковымъ дѣламъ».

Далѣе слѣдуетъ восьмой выпускъ «Матеріаловъ смутнаго времени въ Московскомъ государствѣ», озаглавленный такъ: «Земельныя пожалованія въ Московскомъ государствѣ при царѣ Владиславѣ. 1610—1611 гг.», подъ редакціей и съ предисловіемъ члена-соревиователя Л. М. Сухотина. Въ этотъ сборникъ вошли: I. Дѣла московскаго помѣстнаго приказа 1611 г. II. Отрывки изъ литовской

метрики-реестръ челобитій королю Сигизмунду отъ русскихъ людей о вотчинахъ и помѣстьяхъ и два реестра пожалованій отъ короля Сигизмунда. III. Указатель личныхъ именъ къ реестру пожалованій отъ короля Сигизмунда, напечатанному въ IV томѣ актовъ Западной Россіи подъ № 183. IV. Указатели: предметный, географическихъ названій и личныхъ именъ къ предлагаемому изданію.

Представляя въ довольно пространномъ предисловіи обзоръ содержанія дѣлъ помѣстнаго приказа, Л. М. Сухотинъ говоритъ о челобитныхъ, по которымъ возбуждались самыя дѣла (всего дѣлъ 49), и которыя заключаютъ очень интересный матеріалъ для внутренней исторіи; затѣмъ о помѣтахъ на челобитныхъ дьяковъ, о докладахъ, о боярскихъ приговорахъ и весьма подробно о дѣлѣ думнаго дьяка Чичерина, а въ заключеніе доказываетъ, что всѣ пожалованія польскихъ королей, равно какъ и тушинскаго вора, не были признаны московскимъ правительствомъ еще при царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ.

Третьимъ номеромъ «историческихъ матеріаловъ» являются обширные «Матеріалы по Москвѣ и Московской епархіи за XVIII вѣкъ. Выпускъ первый», съ предисловіемъ члена-соревнователя протоіерея Н. А. Скворцова, который извлекъ ихъ изъ архива московской св. синода конторы, оказавшагося и древище архива московской духовной консисторіи и полнѣе его. Въ этихъ «матеріалахъ» имѣются точныя данныя объ очень многихъ церквахъ, ихъ строеніи, учрежденіи и т. д., о синодальныхъ владѣніяхъ, вотчинахъ монастырей, церковныхъ земляхъ, а также и о правовомъ положеніи духовенства. За первымъ выпускомъ послѣдуетъ второй, къ которому и будетъ приложенъ общій указатель.

Въ отдѣлѣ «матеріаловъ историко-литературныхъ» находимъ работу М. А. Голубцовой—«Къ вопросу объ источникахъ древне-русскихъ хожденій во св. землю. «Поклоненіе св. града Іерусалима» 1531 г.» Издавая въ свѣтъ найденный покойнымъ ея отцомъ, извѣстнымъ профессоромъ А. П. Голубцовымъ памятникъ, носящій названіе «Поклоненіе св. града Іерусалима» и оставшійся до сихъ поръ неизвѣстнымъ даже специалистамъ, М. А. Голубцова предпослала довольно большое введеніе, гдѣ подвергла изслѣдованію вопросъ о вліяніи греческихъ проскитинаріевъ на русскую паломническую литературу, преимущественно въ XV—XVI вв. Въ частности по поводу издаваемого памятника авторъ замѣчаетъ, что «Поклоненіе св. града Іерусалима» или «Путеводитель» (1517—1531 гг.)—трудъ компилятивнаго характера, но довольно стройно сформированный; написанъ человѣкомъ очень свѣдущимъ, очевидцемъ св. мѣсть, что придаетъ достовѣрность сообщаемымъ свѣдѣніямъ; переводъ «Поклоненія» сдѣланъ въ Волоколамскомъ монастырѣ въ 1531 г. ученымъ инокомъ, «возможно ученикомъ Максима и съ участіемъ»

Наконецъ, въ отдѣлѣ «Смѣсь» обращаетъ на себя вниманіе статья М. Боголѣпова—«Колебанія климата и историческая жизнь». Въ ней авторъ пытается изслѣдовать двѣ фазы жизни, которыя являются наиболѣе стихійными—голодь и война, заимствовавъ для этого матеріалъ исключительно изъ русскихъ хроникъ. Въ заключительномъ своемъ выводѣ онъ говоритъ: «Итакъ, кажется, эволюція жизни подчинена невѣдомому космическому началу, и народы всѣхъ странъ міра съ незапамятныхъ временъ уловили эту невѣдомую причинную связь между

катастрофами въ природѣ съ одной стороны и потрясеніями въ жизни человѣческихъ массъ съ другой, опредѣляя словомъ «знаменіе» (signum) приближеніе такой эпохи. И гдѣ граница между суевѣріемъ и выраженіемъ народной мудрости—трудно сказать» (стр. 22).

Необходимо упомянуть еще въ томъ же отдѣлѣ напечатанныя: 1) «Разрядную записку начала XVII ст.», принадлежащую перу псковскаго воеводы Ѳемена Дементьевича Яковлева и заключающую въ себѣ подробныя записи особо выдающихся событій и списокъ служившихъ людей, бывшихъ у автора записи, въ 1614—1619 гг. (Сообщена Н. Мятлевымъ). 2) «Добавленіе къ исторической запискѣ о дѣлѣ С.-Петербургскаго университета 1821 г.», сообщаемое Н. Кащиннымъ, въ которомъ «разъясняется исторія подлоговъ», совершенныхъ въ этомъ дѣлѣ помощникомъ Рунича Д. А. Кавелинымъ, отцомъ извѣстнаго профессора и публициста К. Д. Кавелина; и 3) «Новые матеріалы для біографіи перваго русскаго доктора П. В. Постникова. (Письма его къ Петру Великому за 1695 и 1696 г.)». Сообщившій ихъ П. А. Вычковъ говоритъ, что эти письма, числомъ пять, восполняютъ замѣчавшійся до сихъ поръ пробѣлъ въ біографіи Постникова за 1695—1697 гг.

В. Р—въ.

Отчетъ императорской публичной бібліотеки за 1905 годъ. Спб. 1912. Стр. VII+208.

Такого интереснаго отчета петербургской публичной бібліотеки не было давно. При чтеніи его невольно вспоминаются тѣ годы въ жизни нашего богатѣйшаго книгохранилища, когда въ него поступали собранія рукописей Погодина, епископа Порфирія Успенскаго, архимандрита Антонина, Гильфердинга, Корабанова, Трехлѣтова, Сахарова, Богданова, Буслаева и т. д. Бібліотека приобрѣла въ 1905 году сравнительно небольшую коллекцію рукописей отъ Шибанова; удалось ей сдѣлать такую цѣнную покупку, несмотря на очень скромныя суммы, которыя отпускаются на расширеніе рукописнаго отдѣленія,—и этотъ фактъ надо отмѣтить съ особой признательностью.

Эти рукописи составляли часть собранія саратовскаго купца Плигина. Здѣсь находимъ три пергаменные рукописи: Служебникъ XIV вѣка, съ записью о кончинѣ княгини Маріи Домонтовой въ 1317 году, и двѣ богослужебныя рукописи. Обращаетъ на себя вниманіе Пятикнижіе Моисея XVI вѣка, южно-русскія Діоптра инока Филиппа 1646 года, Кормчая XVI вѣка, святцы начала XVII вѣка, съ интереснымъ предисловіемъ царскаго книгочія Софронія 1581 года и съ замѣтками лѣтописнаго характера, Великій міротворный кругъ XVI вѣка новгородскаго происхожденія. Въ сборникахъ, очень богатыхъ и разнообразныхъ по содержанію,—много агиографическихъ русскихъ памятниковъ: житіе Іоанна новгородскаго, Ѳеодора Смоленскаго, Михаила Черниговскаго, Гурія Казанскаго, Авраамія Ростовскаго, Варлаама Хутынскаго и чудо его въ Новгородѣ въ 1460 году, Димитрія Прилуцкаго, митрополита Алексія, Стефана Пермскаго, Леонтія Ростовскаго, Никиты Перяславскаго и другихъ. Въ одномъ изъ сборниковъ сохранилась съ неизвѣстными до сихъ поръ подробностями статья о приходѣ Исаи подолянина въ Москву, повидимому, съ куль-

турными цѣлями, и его злоключеніяхъ въ шестидесятыхъ годахъ XVI вѣка, его «Плачь и утѣшеніе», написанные въ темнищѣ въ Ростовѣ, какъ мы думаемъ, въ подражаніе подобному «Плачу» Максима Грека. Въ другомъ— посланіе къ патріарху Гермогену по поводу церковнаго пѣнія; рядъ историческихъ матерьяловъ, изъ нихъ большое собраніе относится къ польскому возстанію 1863 года (описаніе его сдѣлано В. В. Майковымъ).

Интересна, напримѣръ, одна изъ тетрадей этого отдѣла. Въ ней помѣщены воззванія, постановленія, распоряженія, инструкціи и приказы жонда народоваго за время съ 23-го августа 1862 года по 12-ое ноября 1863 года, съ распоряженіями объ устройствѣ административныхъ властей въ части Польши, находящейся подъ управленіемъ Россіи, о городскомъ управленіи, объ организаціи гражданской администраціи уѣзда, о лечебномъ устройствѣ, о революціонномъ судопроизводствѣ, съ переводомъ письма Гарибальди къ Сѣраковскому, съ подробной инструкціей для окружныхъ и приходскихъ властей, регламентомъ, опредѣляющимъ атрибуціи и взаимныя отношенія всѣхъ народныхъ властей въ предѣлахъ Волыни, Подоліи и Украины и другихъ.

Интересны и отдѣльныя пріобрѣтенія отдѣленія и пожертвованія. Отмѣтимъ копію проекта отношенія А. П. Ахматова, оберъ-прокурора св. синода, къ министру внутреннихъ дѣлъ по вопросу о печатаніи на малорусскомъ нарѣччіи книгъ духовнаго содержанія, учебныхъ и предназначаемыхъ для первоначальнаго чтенія, а также о переводѣ Новаго Завѣта на малорусскій языкъ. Въ запискѣ «доказывается вредъ изданія книгъ на малорусскомъ языкѣ, въ особенности же перевода Новаго Завѣта, и высказывается мнѣніе, что поощреніе правительствомъ изданія такихъ книгъ послужитъ къ поддержанію и развитію среди малороссовъ идеи сепаратизма». Въ концѣ копіи сдѣлана приписка Т. И. Филипповымъ отъ 20-го августа 1866 года: «Этотъ отвѣтъ составленъ былъ мною, по порученію бывшаго оберъ-прокурора св. синода А. П. Ахматова, и былъ одобренъ какъ имъ, такъ и нѣкоторыми членами св. синода; но отправленіе его по назначенію отчего-то замедлилось и послѣдовало уже по выходѣ моемъ изъ духовнаго вѣдомства. Нѣкоторыя мѣста этого отношенія были, какъ мнѣ передавали потомъ, нѣсколько смягчены (какія и какъ, не знаю); но что касается до сущности выраженныхъ въ немъ мнѣній, то никакой не будетъ ошибки, если принять ихъ за мнѣнія духовнаго вѣдомства. Если бы знакомство съ этимъ воззрѣніемъ духовнаго вѣдомства на что-нибудь пригодилось редакціи «Московскихъ Вѣдомостей», то для меня было бы большою радостью думать, что я хоть чѣмъ-нибудь могъ быть ей полезенъ».

Рукописный сборникъ конца XVIII и начала минувшаго столѣтія, переданный изъ русскаго отдѣленія публичной библіотеки, переноситъ насъ въ характерный для эпохи литературный жанръ—стихотворныя посвященія и поздравленія, иногда съ отвѣтами. Изъ нихъ остановимся на нѣкоторыхъ. «Его высокородію Дмитрію Прокофьевичу Троцинскому, коллежскому совѣтнику, находящемуся при кабинетѣ, главнаго почтовыхъ дѣлъ правленія члену и ордена святаго равноапостольнаго князя Владимира кавалеру. На день тезоименитства всеусерднѣйше подноситъ питомецъ его С. В. 1786 года, 26-го октября». Стихи принадлежатъ Степану Вороженку и начинаются словами:

Природа и законъ повелѣвають всѣмъ
Духъ благодарности свидѣтельствовать тѣмъ,
Которые любовь намъ чистую являютъ.

Слѣдующіе стихи—«Отъ конныхъ артиллерійствова къ господину Ю. Н. М.» (Юрію Нелединскому-Мелецкому). При печатномъ экземплярѣ стиховъ, подъ которыми поставлены инициалы автора С. Т., находится и рукописный отвѣтъ Нелединскаго-Мелецкаго:

Въ васъ даръ пинтета блещеть;
Вашъ громъ враговъ страшить.
Такъ Фебъ и стрѣлы мечеть,
И шпрой слухъ плѣнить.

Характерна ода (Павла Сумарокова) государю императору Александру Павловичу на всерадостный день восшествія на престолъ:

Утѣштесь, Россы! не скорбите,
Вашъ гласъ услышатъ въ небесахъ...

Длинное заглавіе имѣть «Изліяніе души россиянина, торжественная пѣснь его императорскому величеству всепресвѣтлѣйшему, державнѣйшему императору Павлу Петровичу, самодержцу всероссійскому, государю всемилостивѣйшему, кою съ возшествіемъ на всероссійскій наследственный прародительскій престолъ его императорское величество отъ сердца чистаго и благоговѣнія исполненнаго всеусердно поздравляетъ къ освященнымъ стопамъ повергающийся въриноподаннѣйшій Иринархъ Завалишинъ, подполковникъ Фанагорійскаго гранадерскаго полка и Санктпетербургскаго Вольнаго Экономическаго общества членъ, въ 1 день генваря 1797 года. Тулчинъ».

Греми, отечество драгое!
Се въ Павлѣ Петръ воскресъ! воскресъ!

Далѣ идетъ ода Маріи Поспѣловой на вѣздъ ихъ величествъ въ Москву въ 1797 году и другія. Отмѣтимъ еще «Пѣснь росса Александру Первому», подполковника Перевлоцкаго, съ эпитафюмъ изъ Буало: «Qui ne sent point l'effet de tes soins généreux? L'univers sous ton règne a-t-il des malheureux?»

Свойствъ дивныхъ восхищенный слухомъ
Обширныхъ Норда странъ царя...

Въ томъ же родѣ—«Sechs Serenaden für Tenor mit Begleitung der Harf. und des Hornes. In Musik gesetzt von Adolph Herrstell, Mitglied der Kurf. Hesse Hofkapelle», посвященныя супругѣ императора Николая I, императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. На ноты положены стихотворенія Гете, Шютца, Левальда, Блуменгагена, Вагнера и Реллштаба. Рукопись «въ бѣломъ атласномъ переплетѣ, на верхней крышкѣ котораго помѣщенъ инициалъ императрицы А подъ императорскою короною, вышитый золотомъ; на нижней крышкѣ вышита золотомъ же лира, окруженная лавровыми вѣтвями». Каждый листъ окаймленъ красивой, печатанной золотомъ, узорчатой рамкой.

Въ томъ же году поступили бумаги М. П. Погодина, М. М. Сперанскаго, стихи въ честь дочери академика Д. И. Языкова, написанные извѣстнымъ трагикомъ В. А. Каратыгинымъ 18-го февраля 1847 года, сто двадцать четыре письма и записки, на французскомъ языкѣ, фрейлины императрицы Маріи Ѳеодоровны княжны Варвары Ильиничны Туркестановой (1775—1819 гг.) къ Елизаветѣ Ивановнѣ Полянской, рожденной Рибопьеръ. «Эти письма и записки носятъ частный характеръ,—читаемъ въ «Отчетѣ».—Лишь на немногихъ выставленъ годъ написанія (1796, 1801 и 1802); судя по прежней нумераціи писемъ, а частью и по бумагѣ, значительное число и остальныхъ писемъ относится къ 1801 и 1802, а также къ 1805 гг.»

Особый отдѣлъ поступленій въ отчетномъ году составляетъ собраніе «такъ называемыхъ казы-эскерскихъ книгъ, то есть реестровъ, въ которые вносились, большею частью въ извлеченіяхъ, а иногда и полностью, всѣ юридическія и административныя дѣла, подлежащія вѣдѣнію казы-эскеровъ (верховыхъ судей) при диванѣ (судилищѣ) бывшихъ крымскихъ хановъ (хранилось въ симферопольскомъ губернскомъ архивѣ). Рукописи на турецкомъ языкѣ, числомъ 121, обнимаютъ періодъ времени отъ 1017 (1608 по Р. Х.) до 1201 (1786 по Р. Х.) года, т. е. до самаго присоединенія Крыма къ Россіи, и представляютъ собою остатокъ архива Крымскаго ханства. Эти казы-эскерскія книги, въ которыхъ содержатся протоколы судебныхъ разбирательствъ по гражданскимъ и уголовнымъ дѣламъ, охранительныя описи имущества умершихъ, духовныя завѣщанія, раздѣльные акты, межевые акты, правительственныя распоряженія по финансовой части и общественному благоустройству, смѣты по сооруженію общественныхъ построекъ: крѣпостей, мечетей и т. п., представляютъ чрезвычайно важный матерьялъ для изученія историческаго прошлаго Крымскаго ханства и всевозможныхъ сторонъ быта его населенія. Особенно цѣнно въ этихъ книгахъ является масса данныхъ о положеніи и судьбѣ нашихъ русскихъ колонизаторовъ, въ огромномъ количествѣ попадавшихъ въ Крымъ, служившихъ въ тѣ времена работорговческимъ рынкомъ». Богатое собраніе передано было въ публичную библіотеку по распоряженію министерства внутреннихъ дѣлъ на основаніи ходатайства В. Г. Глазова.

Для исторіи отдѣла «Rossica», которымъ въ правѣ гордиться публичная библіотека, будетъ цѣннымъ матерьяломъ алфавитный каталогъ книгъ отдѣленія иноязычныхъ писателей о Россіи библіотеки, составленный въ 1850-хъ и началѣ 1860-хъ годовъ нѣсколькими лицами; многія заглавія написаны рукою директора библіотеки барона М. А. Корфа и библіотекарей—В. И. Соболевскаго, А. Д. Ивановскаго, Е. Е. Беркгольца и А. А. Стойковича. На первомъ листѣ сдѣлана слѣдующая надпись: «A Monsieur le Docteur Tschybylski—homage de Giustiniani. St.-Petersbourg, 10 Janvier 1864».

Заканчивая обзоръ богатаго матерьяла, поступившаго въ публичную библіотеку въ 1905 году, нельзя не повторить пожеланіе, ставшее у насъ почти «хроническимъ». Желательно, чтобы отчеты появлялись въ печати возможно скорѣе. Семь лѣтъ—слишкомъ длинный срокъ, и въ интересахъ самой библіотеки, чтобы новыя поступленія, всегда цѣнныя, сейчасъ же дѣлались бы достояніемъ русской науки и общества.

А. И.

Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборник. Спб. 1891. К. Леонтьевъ о Владимирѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). М. 1912.—К. Леонтьевъ. Собрание сочиненій. Томы II и III. М. 1912.

Жалобамъ, что Леонтьева не хотятъ знать, замалчиваютъ, обводятъ китайской стѣной равнодушія и отдаляютъ отъ читателя, теперь пришелъ конецъ. Широкая, всенародная извѣстность ему не нужна: онъ, съ одной стороны, слишкомъ высокъ, съ другой—слишкомъ колючъ, чтобы быть доступнымъ для всѣхъ и каждаго, и справедливо назвалъ его недавно одинъ критикъ писателемъ «огромной трудности». Но немногіе, которые тѣми или иными, большей частью запутанными тропинками придуть къ Леонтьеву, получать его всего и не будутъ принуждены собирать по частямъ, каждый для себя въ отдѣльности, *metu disiecta* его разнообразнаго и богатаго наслѣдія и свѣдѣнія объ его богатой событіями внѣшней жизни. Кругокъ его поклонниковъ и лично знавшихъ его современниковъ посвятилъ его памяти ко дню двадцатилѣтія его кончины (12 ноября 1891 г.) специальный сборникъ, а какой-то богатый почитатель далъ средства на изданіе его произведеній. Къ этому же времени I. И. Фудель издалъ отдѣльной брошюрой два замѣчательныя письма Леонтьева. Радуюсь оживленію интереса къ Леонтьеву, мы не возлагаемъ на это оживленіе никакихъ общественныхъ надеждъ. Розановъ назвалъ Леонтьева «неузнаннымъ феноменомъ». Въ обоихъ этихъ словахъ сущая правда. Леонтьевъ дѣйствительно феноменъ въ исторіи русской общественной мысли, явленіе совсѣмъ особенное, безпримѣрной оригинальности, и въ самомъ дѣлѣ до сихъ поръ не выясненъ его подлинный ликъ.

О Леонтьевѣ не мало писали. Одни, какъ, напримѣръ, Рззиковъ, которому принадлежитъ самое лучшее до сихъ поръ изложеніе исторіософской системы Леонтьева, или Вл. Соловьевъ, давшій его хорошую общую характеристику (въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза-Ефрона), занимались популяризацией его идей; другіе пытались объяснить, что онъ такое. К. М. Аггеевъ выяснилъ его отношеніе къ христіанству; П. Н. Милюковъ причислялъ его къ славянофиламъ; князь С. Н. Трубецкой соглашался съ этимъ, но называлъ его славянофиломъ «разочарованнымъ», а А. А. Кирѣевъ категорически заявлялъ: «Леонтьевъ не славянофиль»; Д. С. Мережковский назвалъ его «Кассандрой самодержавной Россіи». Такимъ образомъ, передъ нами писатель необычайно интересный, интригующій, захватывающій и если не вполне загадочный, то во всякомъ случаѣ еще далеко не разгаданный.

Трудно даже назвать Леонтьева писателемъ. Въ словѣ «писатель» есть что-то профессиональное, ремесленное, скучное, узкое. Пророкъ, проповѣдникъ, мудрецъ, «Кассандра»—вотъ названія, болѣе идущія къ этому величайшему «сово-проснику вѣка» своего. Его духовная свѣжесть, бодрость не похожа на обыкновенное писательство. Его напряженная страстность поражаетъ даже тѣхъ, кому близки Вѣлинскій и Аполлонъ Григорьевъ, а Добролюбовъ и Чернышевскій такъ относятся къ Леонтьеву, какъ холодная прѣсная водица къ раскаленной, плотной вулканической лавѣ. Его по истинѣ «ужасающая» серьезность (счастливое выраженіе Карлейля) до такой степени по-русская черта, что его

одною объясняется его непопулярность в родной странѣ, самой бѣдной самобытными идеями во всемъ культурномъ мѣрѣ.

По нѣкоторымъ бѣднымъ, виѣшнимъ признакамъ правый лагерь призналъ въ Леонтьевѣ своего. Онъ былъ цензоромъ и монахомъ, редактировалъ «Варшавскій Дневникъ», гдѣ подѣ видомъ передовыхъ статей пѣлъ свои гимны фатализму жизни творящей, и сотрудничалъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ подѣ флагомъ консерватизма съ безпощадной простотою ратовалъ за «безконечныя права человѣческаго духа» противъ государственнаго суда. Онъ былъ дѣйствительно «Кассандрой», но не самодержавной Россіи, а всякой Россіи, и съ безпощадностью ученаго діагноста, которой не мѣшала скорбь романтика, констатировалъ ся безповоротное вступленіе на тотъ путь, который ведетъ къ одному концу—безславной гибели. Ему хотѣлось «подморозить Россію, чтобы она не гнила», но онъ понималъ, что гніеніе давно началось, и что нѣтъ ни той силы, которая могла бы помѣшать усиливающей разложению «веснѣ», ни, главное, высокаго принципа, во имя котораго и за жестокое подмораживаніе можно взяться. Мы прожили много, сдѣлали духомъ мало—и теперь стоимъ у нѣкоего рокового предѣла, говорилъ онъ. Поставивъ свой діагнозъ, онъ отказался лечить—и за нимъ искуда итти. Вотъ первая причина, почему Леонтьевъ никогда не будетъ нуженъ. Вотъ почему онъ не только не будетъ любимъ никѣмъ, кромѣ очень немногихъ, кому дорого это удивительное психологическое явленіе, кто можетъ дышать однимъ съ нимъ воздухомъ,—но толпѣ, которой не надо смотрѣть въ глаза солнцу правды, будетъ прямо ненавистенъ. Слишкомъ многихъ обидѣлъ онъ, словно въ стѣну замуровалъ. «Онъ ихъ отвергнулъ всѣхъ, исполненный презрѣнья, и самъ отвергнутъ былъ невнемлющей толпой».

Тяготѣніе къ Леонтьеву «правыхъ», вполне удовлетворившихся «флагомъ» и не расчухавшихъ, какой подѣ нимъ грузъ, будетъ когда-нибудь учтено историкомъ, какъ одинъ изъ забавнѣйшихъ примѣровъ огульнаго непониманія и даже невѣжества. «Лѣвымъ», за исключеніемъ самыхъ крайнихъ, до идеальнаго анархизма, съ Леонтьевымъ дѣлать нечего, но «правымъ» онъ уже никакъ не товарищъ. Стремясь «подморозить Россію», онъ бессильно хватался—и въ этомъ его непослѣдовательность, личная непослѣдовательность, дѣло «человѣческаго, слишкомъ человѣческаго» темперамента, потому что самая теорія его не оставляетъ въ этомъ отношеніи никакихъ сомнѣній—за самодержавіе и православіе, но ни за тѣмъ, ни за другимъ не признавалъ оправдывающей и осмысливающей идеи. «Поздно!» сказалъ онъ, какъ честный врачъ у постели умирающаго, но по-человѣчески грустилъ о гибели того, что, не расцвѣтши, отцвѣло. Писанія Леонтьева—похоронный звонъ надъ трупомъ Россіи, звонъ тѣмъ болѣе страшный, что зазвучалъ онъ у постели больного, а не надъ умершимъ. Былъ ли правъ Леонтьевъ, который съ такой трогательной искренностью говорилъ, что «праздновалъ бы великій праздникъ радости», если бы сама жизнь или чьи-нибудь убѣдительные доводы доказали ему, что онъ заблуждается,—объ этомъ мы здѣсь судить не будемъ. Намъ занимаетъ только, каковъ онъ былъ. Растерявшійся, испугавшійся, онъ бросился въ монастырь, подѣ строгую ферулу старческаго авторитета, но христіаниномъ это его не сдѣлало. Никому еще не удалось стать христіаниномъ путемъ насилія надъ своей душой. и отвратительный ме-

ханической рецептъ Паскаля («берите освященную воду, заказывайте обѣдни: это васъ заставитъ вѣрить») никогда никому не пригодился; не вытанцовалось христіанство и у Леонтьева. Ничто не могло быть ненавистнѣе этому язычнику по духу, влюбленному въ аристократизмъ, въ бесконечно-сложное цвѣтеніе жизни, чѣмъ конечный идеаль христіанства: едино стадо и единый пастырь, и адскія муки онъ предпочелъ бы блужданію среди сытаго стада по всѣмъ одинаково доступному, плоскому пастбищу. Чѣмъ дорогъ Леонтьевъ «правымъ», это мудро понять.

Между тѣмъ въ Леонтьевскій сборникъ вошли дані, принесенныя памяти Леонтьева сплошь правыми, за исключеніемъ В. В. Розанова, слишкомъ особеннаго и оригинальнаго, чтобы быть причтеннымъ къ этому лику (и къ тому же только позволившаго перепечатать свою старую статью). Гг. Анат. Александровъ, Б. В. Никольскій, Е. Поселянинъ, архіепископъ Антоній волинскій— вотъ имена наиболѣе усердныхъ вкладчиковъ. К. А. Губастовъ и Ю. С. Карцовъ сообщили свои личныя воспоминанія о Леонтьевѣ и нѣкоторыя документальныя данныя. Самая крупная статья принадлежитъ А. М. Коноплянцеву: «Жизнь К. Н. Леонтьева въ связи съ развитіемъ его міросозерцанія». Заглавіе оправдано, и то кое-какъ, лишь на половину. Это плохенькая компиляція, въ которой переданы внѣшніе факты жизни Леонтьева; что касается исторіи развитія міросозерцанія Леонтьева, то объ этомъ изъ безучастно и холодно написанной статьи г. Коноплянцева вы ничего не узнаете. Покушенія г. Коноплянцева на анализъ и оцѣнку бывають просто комичны. Напримѣръ, очень сложный вопросъ о связи леонтьевского консерватизма съ эстетизмомъ г. Коноплянцева рѣшаетъ коротко, хотя не особенно ясно: «эстетическій складъ сознанія Леонтьева самъ по себѣ былъ среденъ (?) охранительнымъ началамъ и неизбѣжно (?) приводилъ къ нимъ»,—т. е. вмѣсто отвѣта на вопросъ авторъ обращаетъ вопросъ въ утвержденіе и наивно выдаетъ его за отвѣтъ («онъ умъ усыпляетъ потому, что обладаетъ усыпительной силой»). Въ первыхъ разсказахъ Леонтьева изъ греческой жизни глубокомысленный критикъ увидѣлъ только «красоту греческаго патріархальнаго быта и критской природы», не замѣчая самаго главнаго—осмысливающаго эту красоту природы и быта протеста противъ всенивелирующей европейской буржуазной культуры. Но за отсутствіемъ какой бы то ни было біографіи Леонтьева пріемлема и эта слабая работа, имѣющая нѣкоторое значеніе, впрочемъ, только для тѣхъ, которые еще не знакомы съ произведеніями и перепиской Леонтьева и небогатыми біографическими матеріалами. Составленная г. Коноплянцевымъ же библиографія сочиненій Леонтьева и литературы о немъ—не безъ пропусковъ. Такъ, въ ней не указана его комедія «Трудные дни», помѣщенная въ «Отечественныхъ Запискахъ» (т. СХХ, 1858 г., сентябрь); пропущена статья Розанова «Европейская культура и наше къ ней отношеніе» («Московск. Вѣдом.» 1891 г., августъ; на нее ссылается самъ авторъ въ «Русскомъ Вѣстникѣ» 1903 г., июнь, 426). Не отмѣченъ романъ Боборыкина «Переваль», въ которомъ выведенъ въ грубо карикатурномъ видѣ Леонтьевъ, вѣское возраженіе Боборыкину, помѣщенное въ «Русскомъ Обзорѣніи» 1894 г.; интересная статья А. Кирѣева «Споръ съ западниками настоящей минуты» («Русское Обзорѣніе», 1895 г., май), замѣтка Л. Т. (Тихомирова).

«Новое заявленіе славянофиловъ» и («Русское Обозрѣніе», 1894 г., апрѣль), упоминаія И. С. Тургенева о Леонтьевѣ въ письмахъ къ П. В. Анненкову («Русское Обозрѣніе», 1894 г.), знаменитый отказъ всепрозвывающей академіи наукъ отъ изданія сочиненій Леонтьева (ея «Извѣстія» 1910 г., № 13), любопытный отзывъ Ив. Аксакова о Леонтьевѣ («Берлинскій Листокъ», изд. В. Θ. Пуцъковича, 1903 г., № 1), библиографическія данныя Д. Языкова (см. его «Обзоръ», вып. XI; статья Розанова о Леонтьевѣ въ «Торгово-Промышленной Газетѣ» 1899 г.; замѣтка Анат. Александрова въ «Нивѣ» 1892 г., кн. 2. Вообще журналистика обследована въ библиографическомъ отношеніи очень небрежно.

Архіепископъ Антоній Волинскій, справедливо называя Леонтьева «искренней душой», находитъ, что «возвышеннаго, просвѣщеннаго христіанина» Леонтьева «надо отыскивать (!) во множествѣ его произведеній», и тутъ же прибавляетъ: «а не учитывать ему всего тамъ написаннаго». Прибавка далеко не лишняя, такъ какъ при добросовѣстномъ «учетѣ» отъ леонтьевскаго христіанства немного останется. А. В. Королевъ взялъ на себя совершенно излишній трудъ—изложить «Культурно-историческія воззрѣнія К. Н. Леонтьева». Кто читалъ самого Леонтьева, тому эта статья не нужна, а кто еще не читалъ, тому, конечно, полезнѣе познакомиться съ обоими томами «Востока, Россіи и славянства». А. А. Александровъ весьма сомнительно почтилъ память Леонтьева очень плохими стихотвореніями. Сборникъ, повидимому, не имѣлъ редактора. Такъ, г. Поселянинъ пишетъ, что Леонтьевъ былъ «формально женатъ, но въ сущности холостъ» (стр. 389), а самъ Леонтьевъ пишетъ (стр. 197): «мнѣ кажется, что жена беременна... дай Богъ дочь...» Самое цѣнное въ сборникѣ—письма Леонтьева, такія любяція и задушевные, воспоминанія о немъ К. А. Губастова и Ю. С. Карцова и нѣсколько его портретовъ. Въ общемъ же сборникъ не только не ведетъ къ реализаціи идей Леонтьева, но даже лишенъ значенія для ихъ популяризаціи.

Въ послѣднемъ смыслѣ гораздо полезнѣе изданіе І. И. Фуделя, опубликовавшаго отдѣльной книжкою два письма къ нему Леонтьева и предпринявшаго теперь полное собраніе его сочиненій и писемъ. Два письма, относящіяся къ 1891 г., стоятъ въ близкой связи съ письмами къ Розанову того же года, давно извѣстными въ печати, но нѣкоторыя мысли получили въ бесѣдѣ съ І. И. Фуделемъ болѣе сильное и яркое выраженіе. Собраніе сочиненій Леонтьева І. И. Фудель началъ съ его художественныхъ произведеній, которыми восхищался такой великій цѣнитель прозы, какъ Левъ Толстой. Они займутъ еще два тома. Всѣхъ будетъ двѣнадцать; одинъ томъ будетъ посвященъ критическимъ статьямъ, одинъ—воспоминаніямъ, три—историческимъ и политическимъ произведеніямъ и три—перепискѣ. Въ добрый часъ! Не всякій читатель совладеетъ съ Леонтьевымъ цѣликомъ, но всякій кое-что получитъ на свою долю отъ его богатства.

«У меня свое ученіе,—сказалъ въ концѣ своей жизни Леонтьевъ:—но я положилъ ему только основаніе, и другіе должны провѣрять и разрабатывать его. А гдѣ они, эти другіе?» Вопросъ такъ и остается вопросомъ до сихъ поръ. Но мало этого: еще не рѣшено, что такое самъ Леонтьевъ. Онъ слыветъ, напрямѣръ,

аморалистомъ («эстетическій аморализмъ»), и никто не подумалъ, что это за странный аморализмъ, имѣющій въ виду устройство человѣческой жизни, хотя бы на основѣ принципа сложности и красоты, т.-е. посильное благо чело-вѣчества. Въ его судьбѣ чувствуется страшная трагедія, но еще не выяснено съ достаточной опредѣленностью, въ чемъ она заключалась, какъ не выяснено ни отношеніе его ученія къ его личной жизни, ни связь этого ученія съ современными ему теченіями русской и европейской общественной мысли. Оно безпросвѣтно мрачно, но, если нельзя жить по Леонтьеву, то нельзя не учиться у него безмѣрной серьезности требованій, предъявляемыхъ мыслящимъ чело-вѣкомъ къ жизни, нельзя достаточно надивиться грозному величію его исторіо-софской концепціи. Онъ могъ ошибаться, но не умѣлъ лгать и въ самой безднѣ отчаянія неизмѣнно обращался къ солнцу добра.

Н. Л.

Э. П. фонъ-Бергъ. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава. 1912. Стр. 399.

На страницахъ «Историческаго Вѣстника» (іюль, 1912) уже было высказано мнѣніе о работѣ г. фонъ-Берга, печатавшейся въ одномъ изъ специальныхъ журналовъ. Выходъ этой работы отдѣльно, въ окончательномъ видѣ, нашего мнѣнія не измѣнитъ. Начавъ пересказами содержанія комедій XVIII вѣка, авторъ кончаетъ работу элементарными характеристиками героевъ Грибоѣдова и Гоголя, что не хуже дѣлаютъ гимназистки. Городничій «человѣкъ по природѣ неглупый, ловко умѣетъ обдѣлывать дѣла»; Анна Андреевна—«жеманная, пожилая кокетка провинціи»,—и такъ далѣе, все въ этомъ же родѣ. «Если подобные этюды ученость, то избави насъ Богъ отъ такой учепости! Мы и безъ того богаты ею»,—писалъ Бѣлинскій о quasi-ученыхъ статьяхъ, помѣщенныхъ Гоголемъ въ его «Арабескахъ». Этими словами и мы закончимъ нашу замѣтку о книгѣ г. фонъ-Берга.

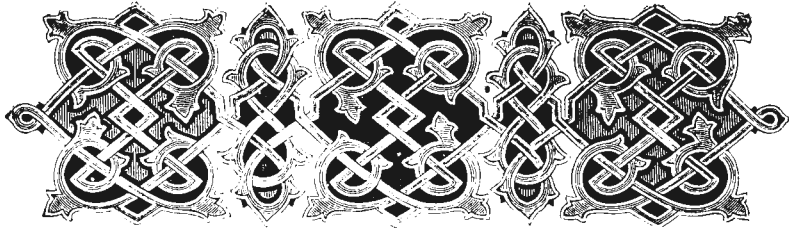
Д.

Baltische Landeskunde. Im Verein mit mehreren Mitarbeitern. Изд. Н. Купфера. Рига. 1910. Съ атласомъ изъ 28 таблицъ и 6 картъ.

Эта книга съ многочисленными чертежами и картами въ текстѣ, написанная совокупными трудами нѣсколькихъ ученыхъ (Л. Арбузовъ, А. и Э. ф.-Валь, А. Вегнеръ, А. Вернеръ, Р. Гаусманъ, К. Гершельманъ, К. Греве, К. Купферъ, К. ф. Ловисъ-офъ-Менаръ, А. ф.-Миквиць и І. Микutowичъ) и сочувственно встрѣченная, является новѣйшимъ и при томъ единственнымъ въ своемъ родѣ описаніемъ Прибалтійскаго края, учебникомъ «Отечественвѣдѣнія». Вотъ краткій перечень содержанія того обширнаго (до 600 стр.) труда: часть I. Физическая географія. Часть II. Геологія. Часть III. Климатъ. Часть IV. Растительный и животный міръ. Часть V. Доисторическая археологія и историческая географія. Часть VI. Политическая географія.

Было бы очень желательно имѣть и русскій переводъ этой работы, такъ какъ у насъ нѣтъ даже сноснаго описанія нашихъ прибалтійскихъ губерній.

А. Мальмгрезъ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

ВЫДАННЫЯ воспоминанія о походѣ французовъ въ Россію въ 1812 году.— Въ этомъ отдѣлѣ за прошедшій мѣсяць мы привели «Воспоминанія Пасторэ о походѣ 12-го года»¹⁾, гдѣ между прочимъ онъ говоритъ о своей трудной роли въ качествѣ интенданта въ занятыхъ французами губерніяхъ. Главнымъ тормозомъ для успѣшнаго выполненія своей обязанности, какъ мы уже говорили, Пасторэ считалъ поляковъ. Разумѣется, онъ смотрѣлъ на поведение поляковъ со своей точки зрѣнія, не считаясь съ ихъ крайне щекотливымъ положеніемъ, съ необходимостью лавировать между загадочнымъ исходомъ войны и непріятной дѣйствительностью.

«Я не сумѣлъ бы сказать, какова была ихъ тайная мысль, потому что трудно было проникнуть ее у людей, когда главная черта ихъ характера—скрытность. Но, кромѣ того, нельзя удержаться, чтобы не замѣтить шокирующее противорѣчіе между ихъ рѣчами и дѣйствіями. Когда имъ говорятъ о причинахъ и событіяхъ войны,—съ ихъ губъ слетаютъ слова: «побѣды, возрожденіе, свобода, преданность». Если дѣло шло о принесеніи какой-нибудь жертвы, то тѣ же самые люди, когда-то такіе пылкіе, теперь оставались глухи къ просьбамъ или отвѣчали только извиненіями, ибо у нихъ даже не было смѣлости отказывать. Безусловно необходимо было наконецъ установить, какія жертвы должны быть принесены». Поляки,—по его словамъ,—вооружились силой безнадежной бездѣятельности, все замедляли, на каждый доводъ отвѣчали

¹⁾ Amédée de Pastoret. Souvenirs Inédits de la Campagne de 1812. «Revue Bleue», Juillet—Août.

ложью, на каждую угрозу—жалобой и лишь тогда исполняли то, что прежде всего должны были дѣлать, когда сила орудія принуждала ихъ къ этому».

Такъ было, когда русскіе удалялись, но когда врагъ снова появлялся,—все измѣнялось. Руководимые страхомъ и дрожавшіе при малѣйшемъ извѣстїи, поляки снова бросались къ Пасторэ, прося поддержки, умоляли о покровительствѣ, дѣлали помпезную выставку всего, что могли предоставить въ распоряженіе французовъ, клялись отдать своимъ защитникамъ все, чѣмъ располагали, и переходили всѣ границы съ поспѣшностью, которой иные алчные агенты не преминули злоупотребить. Опасность миновала, и они забывали о своихъ обѣщанїяхъ или высококомѣрно обвиняли себя въ трусости. «Прибавлять ли къ этой картинѣ нѣкоторыя другія обстоятельства?—спрашиваетъ Пасторэ.—Говорить ли, что тѣ же самые люди, которымъ мы обезпечивали торговлю, водворяли спокойствіе и обезпечивали безопасность имущества, выказывали себя готовыми на возстаніе, лишь только они считали насъ наиболѣе слабыми? По секретному соглашенію, за которымъ не могла услѣдить никакая длительность полиціи, они предавались, чтобы предать насъ самимъ врагамъ, которыхъ боялись и которыхъ имъ было чего опасаться; но когда тѣ удалялись, они казались имъ менѣе опасными». «Обращайтесь съ бѣлоруссами, какъ съ союзниками, а не какъ съ подданными,—сказалъ мнѣ императоръ:—впрочемъ, дѣлайте, какъ лучше». Такова была инструкція Наполеона, данная Пасторэ и поставившая его въ затруднительное положеніе. «Никогда не давалась болѣе широкая свобода дѣйствія и никогда инструкціи не были болѣе трудными для исполненія,—говорить Пасторэ.—Это не значитъ, что полякамъ не хватало храбрости. Я былъ бы неправъ, сказавъ это, ибо у меня нѣтъ причины это думать. Они участвовали въ сраженїяхъ съ непреодолимой флегматичностью русскихъ, а иногда съ блестящей отвагою французовъ. День битвы для нихъ день триумфа и если желательно смотрѣть на нихъ съ наиболѣе благопрїятной точки зрѣнїя, то особенно въ эту минуту надо ихъ видѣть. Но въ ихъ отвагѣ нѣтъ стремительности, они сражаются съ большимъ самоотреченіемъ, но зранѣе разсчитавъ, за кого выгоднѣе сражаться».

Подобное мнѣніе о полякахъ Пасторэ высказывалъ во многихъ письмахъ. Въ примѣчанїи къ статьѣ говорится, что, безъ сомнѣнїя, письма перехватывались русскими. Между прочимъ одно изъ нихъ оказалось въ бумагахъ Нессельроде. Оно помѣчено 26-го октября 1812 года и адресовано одному изъ виленскихъ интендантовъ.

«Вамъ тоже иногда приходится переносить безпокойства, волноваться изъ-за продовольствія. Это доказательство, что неудачи присущи всѣмъ интендантамъ; но изъ всѣхъ, извѣстныхъ мнѣ, думаю, я—самый несчастный. Императоръ Франціи отдалъ подъ мое управленіе десять округовъ; но императоръ Россіи нашель умѣстнымъ управлять восемью самъ или передавъ генераламъ, а что еще хуже—онъ не оставляетъ меня въ покоѣ въ другихъ передовыхъ постахъ. Витгенштейнъ, котораго вы знаете, находится въ шести верстахъ, и на дняхъ казки въ третій разъ явились завтракать въ предмѣстьѣ Витебска. Правда, что у меня имѣются невдалекѣ два маршала Франціи, три корпуса арміи, но посудите немного, сколько весь этотъ людъ истребитъ всего,

Мои храбрые подданные совсѣмъ не желали драться; имъ не нравится доставлять свои товары и ихъ мало озабочиваетъ доставлять деньги. Я мало рассчитываю дожидаться отъ нихъ помощи. Съ другой стороны, административная коммиссія, которую императоръ поставилъ подъ мое президентство, богато составленная изъ графовъ и князей, исчезла, какъ тѣнь, которая проходитъ, но болѣе не возвращается. Представьте себѣ бѣднаго человѣка, совсѣмъ одинокаго, въ странѣ почти для него неизвѣстной, поставьте его во главѣ враговъ, не имѣющаго ничего за спиною; предположите, что у него нѣтъ ни денегъ, ни военной силы, что вокругъ себя онъ не находитъ ни старанія, ни доброжелательства,—и у васъ будетъ небольшое представленіе о нашемъ положеніи. Я не преувеличиваю, вѣрьте моей чести, но я съ большимъ трудомъ это выношу».

Изъ всего этого видно, какая для Пасторэ была трудная задача преобразовать форму правленія въ довѣренныхъ ему провинціяхъ. Нарисовавъ прежнюю форму правленія, обычаи и права шляхты и второго класса общества, евреевъ, являвшихся единственными купцами и промышленниками,—Пасторэ останавливается на послѣднихъ: «Такъ же, какъ и нѣмецкіе евреи—польскіе грязны, согласно своему вкусу и жадности, алчны изъ корысти, плуты по природѣ; они повсюду самые дѣятельные, самые ловкіе и наименѣе деликатные изъ гражданъ. Въ Вѣлоруссіи все попало въ ихъ руки: сапожникъ, обувашій васъ, врачъ, испѣляющій васъ, барышникъ, у котораго вы нанимаете лошадь, банкиръ, учитывающій ваши векселя,—всѣ евреи. Правительство, которое ихъ всегда притѣсняетъ и въ нихъ всегда нуждается, сохраняетъ ихъ и покровительствуетъ имъ, какъ источнику, изъ котораго оно по своему желанію извлекаетъ огромныя суммы. Послѣдній классъ крестьяне,—они возбуждаютъ болѣе состраданіе, чѣмъ любопытство, и болѣе отвращеніе, чѣмъ состраданіе».

Для Пасторэ тѣмъ болѣе было трудно исполнить свою задачу, что непріятель удалялся отъ Витебска не далѣе, какъ на пятнадцать верстъ, и часто производилъ атаку. Помощи ожидать не было никакой надежды, да и не отъ кого. Забытымъ главной арміей и не получавшимъ отъ нея никакихъ свѣдѣній Пасторэ и находившимся съ нимъ французамъ пришлось бороться со всякаго рода препятствіями. Витгенштейнъ располагалъ снова взять Полоцкъ и ежедневно получалъ черезъ Цевель и Великія Луки новыя подкрѣпленія, тогда какъ графъ Гувьонъ все болѣе ослабѣвалъ. Среди нѣмецкихъ солдатъ появилась какая-то эпидемическая болѣзнь, и они гибли въ большомъ количествѣ.

Насколько ужасно было положеніе на чужбинѣ несчастныхъ солдатъ, хорошо не понимавшихъ, за что приходится переживать такія лишенія и несчастья, краснорѣчиво рисуетъ Пасторэ. «Затруднительно выразить природу чувствъ, испытываемыхъ нѣмецкими отрядами. Тутъ было разомъ утомленіе и любовь къ родинѣ, слабость, когда касалось опасности, и сила въ борьбѣ со смертію. Но эти чувства существовали въ дѣйствительности и по мѣрѣ того, какъ ихъ все болѣе раздѣляли, проявлялась болѣзнь, въ которой нравственные чувства играли большую роль. «Wo ist die Hause wo sterbt man?» (Гдѣ домъ, гдѣ умираютъ?) спрашивали одинъ у другаго баварскіе солдаты, уже знавшіе, что многіе изъ ихъ товарищей окончили жизнь въ одномъ и томъ же мѣстѣ. Имъ

указывали на этот домъ, и они направлялись туда, входили, садились рядомъ съ умиравшими товарищами, оставались съ ними и кончались съ одинаковымъ равнодушіемъ и такимъ же хладнокровіемъ. Другіе, забывъ обо всѣхъ соображеніяхъ и о всякомъ страхѣ, просто поддавались желанію возвратиться къ себѣ домой. Шестъ тысячъ тѣхъ же баварцевъ одинъ за другимъ перешли Мейненъ въ полномъ вооруженіи. Куда вы идете?—спрашивали ихъ на многочисленныхъ постахъ.—Я иду въ Баварію.—Но вы дезертируете?—Нѣтъ, я иду въ Баварію! И они туда шли; полиція, всегда дурно составленная въ тылу арміи, потому что она всегда слаба, не могла ихъ остановить.

Напротивъ, русскіе, по словамъ Пасторэ, привычныя къ самому тяжелому рабству, вели себя иначе. Къ тому же, возбужденные правдивыми или ложными извѣстіями изъ Петербурга, съ каждымъ днемъ становились отважнѣе. Ихъ полоцкая армія увеличилась легкой кавалеріей, а это давало имъ средства производить многочисленныя экскурсіи внутрь страны, и они ловко этимъ пользовались. «Шестъ разъ мы были вынуждены держаться въ нашихъ предмѣстьяхъ, какъ на аванпостахъ,—говоритъ Пасторэ.—Послѣ долгаго бездѣйствія, казавшагося, будто оно происходитъ изъ боязни, но которое было лишь благоразумнымъ замедленіемъ одного генерала, потребовавшаго себѣ новыя подкрѣпленія и затягивавшаго врага до того момента, когда онъ сталъ жертвой немилосердія природы, Витгенштейнъ перенесъ свое правое крыло, приблизилъ свой центръ чрезъ Ромчино и придвинулся къ Полоцку. Аванпосты маршала Гувьона отступили въ городъ и дѣлали все для его защиты. Битва была ужасная. Побѣдители русскіе уже льстили себя хозяевами Полоцка, и ихъ допустили туда броситься; но едва они вошли,—сраженіе возобновилось съ новой яростью. Каждая улица была полемъ сраженія, каждый домъ становился недоступной крѣпостью съ того момента, какъ туда попадало нѣсколько французовъ. Между тѣмъ русскіе угрожали: вдругъ улицы освободились, дорога казалась свободной, непріятель выстроился въ боевомъ порядкѣ и двинулся къ большой площади, правильной конструкціи, съ одной стороны украшенной большою церковью іезуитовъ, съ другой—стариннымъ дворцомъ, окруженнымъ довольно красивыми домами, и сообщавшейся съ мостомъ чрезъ Двину, сдѣлавшимся важной позиціей. Русскіе прибывали съ боковыхъ улицъ и какъ будто собирались занять спокойное положеніе. Въ тотъ моментъ, когда они вышли, широкая улица, ведущая къ мосту, огласилась поспѣшными выстрѣлами и съ трехъ батарей разомъ раздалась оглушительные выстрѣлы. Ихъ освѣтилъ цѣлый рядъ пулъ; роты солдатъ съ неистовствомъ бросились на русскіхъ, и тѣ на минуту отступили. Вскорѣ, однако, они снова возобновили попытку. Генераль, жадно оберегавшій старыхъ солдатъ, поставилъ во главѣ атаки новыхъ рекрутовъ: раздалась оживленная перестрѣлка. Вдругъ показалось пламя; многіе дома сдѣлались его жертвой, часть монастыря іезуитовъ взлетѣла на воздухъ; враги продолжали сражаться на развалинахъ, но наконецъ перешли на большую улицу. Здѣсь французы отступили на свои батареи; ужасный огонь картечи истреблялъ всякаго, кто осмѣливался приблизиться. Три раза русская милиція, составлявшая фронтъ атаки, бросалась на пушки. Три раза ее отталкивали; такая ярость ее исто-

щала; наконец она остановилась и отказалась идти далѣе; тогда одинъ изъ русскихъ генераловъ въ негодованіи отъ ея упорства прибѣжалъ и приказалъ поставить свою артиллерію съ тылу и открыть по нимъ огонь.

Находясь между двумя смертями, побиваемые съ одной стороны своими пушками, съ другой—оглушенные двойной линіей непріятельскихъ пушекъ, русскіе съ отчаянія попытались сдѣлать новое усиліе: ихъ старые отряды бросились рядомъ съ новыми; они ихъ увлекли и уже взяли нѣсколько французскихъ пушекъ. Огонь захватилъ мостъ, и страшный взрывъ внесъ еще большій безпорядокъ среди нихъ. «Но это ничего: они побѣдители, —говоритъ Пасторэ:— наши солдаты, истощенные отъ усталости или отъ физической необходимости, покрытые ранами, отступили, но не обратились въ бѣгство. Генераль Гувьонъ, занявшій позиціи позади Двины, еще не сдавался и, бросивъ нѣсколько свѣжихъ отрядовъ на аванпосты, соединилъ между Селонцомъ и Рашишками весь остатокъ солдатъ, показавъ себя непріятелю въ угрожающемъ видѣ».

Борьба длилась три дня и дорого стоила обѣимъ сторонамъ. Какова была потеря французовъ Пасторэ не говорить, но знать, что чрезъ три дня Витгенштейнъ получилъ сначала 15,000 человекъ новой милиціи, на другой же день сраженія предъ Полоцкомъ или въ немъ находилось 12,000 убитыхъ солдатъ, не говоря уже о потеряхъ въ другихъ корпусахъ.

Интриги генераловъ, ради своихъ личныхъ расчетовъ ставившихъ на карту благополучіе родины, происходили во французской арміи съ тѣмъ же успѣхомъ, какъ и въ арміяхъ другихъ государствъ. Пасторэ говорить, что если бы герцогъ Беллюнъ тотчасъ двинулся по направленію, указанному ему чрезъ Поржежи, Віелы и Иваносово—русской арміи не сдобровать бы: съ вера ее атаковалъ бы герцогъ Тарантъ, съ юга Гувьонъ, съ востока—герцогъ Беллюнъ, и, остановленная на западѣ Литвою, находившейся во власти французовъ, она была бы принуждена сложить оружіе. Но герцогъ Тарантъ не получилъ своевременно увѣдомленія, а герцогъ Беллюнъ завидовалъ славѣ Гувьона, которую онъ стяжалъ 18-го августа, и побѣдѣ, достигнутой имъ тогда. Онъ послалъ ему отряды, сказавъ, что ничего не можетъ сдѣлать безъ приказанія императора. Такъ прошли двѣ недѣли; наконецъ русскіе узнали, что Москва эвакуирована, и поспѣшили снова атаковать французовъ. Въ этотъ моментъ герцогъ Беллюнъ, получивъ отъ Наполеона строгій выговоръ, рѣшился двинуться, но, вѣрный своему плану помогать Гувьону, а не поддерживать его, онъ взялъ путь, по его словамъ, самый короткій и направился чрезъ Вабиновичъ и Сѣнно. Гувьонъ это узналъ: руководимый тѣмъ же чувствомъ, онъ опасался, что будетъ вынужденъ вручить прежнему подчиненному командованіе и самостоятельно рѣшилъ вступить въ сраженіе съ русскими, чего именно они и хотѣли.

Едва прибыли двѣ бригады арміи герцога, какъ началось сраженіе близъ Ушаць. Гувьонъ потерпѣлъ неудачу. Пораженіе было полное, и едва хватило всего таланта генерала, чтобы отступить не съ чрезмѣрнымъ безпорядкомъ, сначала чрезъ Каманъ, потомъ чрезъ Лепель; герцогъ же Беллюнъ помѣстилъ свою главную квартиру въ Сѣнно.

Тѣмъ временемъ Пасторэ въ октябрѣ 1812 года находился все еще въ Витебскѣ въ самомъ незавидномъ положеніи и въ полномъ невѣдѣніи, что творится. Это незнаніе втайнѣ его тревожило, но въ то же время давало возможность успокаивать умы. «Торговый міръ, всегда лучше освѣдомленный, распространялъ слухи въ нашу пользу,—говоритъ Пасторэ.—Взятіе Полоцка, сначала произведшее сильное впечатлѣніе, показалось менѣе значительнымъ, когда онъ разувѣрилъ жителей, что Гувьонъ отдалъ Полоцкъ съ умысломъ, прижавъ непріятеля къ рѣкѣ. Повсюду рассказываютъ о побѣдахъ Наполеона. Не такъ давно насъ увѣряли, что авангардъ вошелъ въ Тверь; затѣмъ намъ сказали, что онъ былъ въ Новгородѣ; наконецъ стали говорить о Истербургѣ. Вскорѣ смутные слухи превратились въ положительныя подробности: уже было извѣстно, откуда была сдѣлана атака, наконецъ кончили тѣмъ, что называли портъ, чрезъ который вошелъ Наполеонъ, и даже назвали день. Сначала я не вѣрилъ, хотя самъ пустилъ эти слухи, потомъ удивился, затѣмъ сталъ сомнѣваться, и, наконецъ, очутился въ положеніи человѣка, которому говорятъ объ осуществившемся желаніи. Я былъ близокъ повѣрить, какъ и другіе, когда увидѣлъ, что русскія бумаги, которыя я съ трудомъ поддерживалъ въ обычной цѣнѣ 75 за 100, вдругъ поразительно поднялись до 87—89. Этого было достаточно, чтобы вызвать подозрѣнія». Въ то же самое время онъ узналъ, что Гувьонъ довольно быстро отступилъ, а непріятель двигался по обоимъ берегамъ Двины. «Я просилъ маршала не бросать насъ безъ защиты и заставилъ наблюдать за непріятелемъ чрезъ многочисленныхъ шпионовъ, насколько это было мнѣ возможно. Уже часть его овладѣвала Городекомъ на правомъ берегу и большая часть арміи стояла въ Бешенковски. Атака была неизбежна и казалась близкой; мы считали долгомъ усилить заботы и бдительность».

Какъ трудно было бороться съ охватившей жителей тревогой и какъ произошла осада Витебска, Пасторэ передаетъ слѣдующимъ образомъ. «Однажды, 3-го ноября, возвратившись съ личнаго осмотра пути и передовыхъ позицій города, я увидѣлъ губернатора, бригаднаго генерала Пуже, который сообщилъ мнѣ, что герцогъ Беллюнъ приказалъ эвакуировать площадь. «Ну, такъ что же, сударь, вы будете дѣлать?» спросилъ Пасторэ.—«Я буду повиноваться». — «Вы выйдете изъ города прежде, чѣмъ его атакуютъ?» — «Такъ надо. А вы развѣ съ нами не пойдете?» — «Мнѣ, — отвѣтилъ Пасторэ:—по счастью, не отъ кого ждать приказаній, какъ только отъ императора. Онъ меня сюда помѣстилъ, онъ мнѣ довѣрилъ Витебскъ, и я не выйду изъ Витебска, пока меня отсюда не выгонитъ непріятель».

Они оба остались, но непріятель выгналъ ихъ обоихъ. Шпионы, которымъ французы хорошо платили, дали имъ довольно точныя свѣдѣнія. Русскіе находились въ восьми верстахъ. Беллюнъ, отступая, оставилъ бригаднаго генерала Касте съ двумя полками легкой кавалеріи для выясненія движенія русскихъ. Онъ сказалъ, что если 6-го вечеромъ онъ не будетъ въ Витебскѣ или ничего не напишетъ, то они должны думать, что онъ принужденъ отступать.

Положеніе становилось критическимъ: оставалось лишь восемьсотъ солдатъ гарнизона—всѣ изъ полка Берга; армія, которая должна была ихъ поддерживать, отступила; непріятель наступалъ съ двухъ сторонъ. Надежда оставяла

нихъ, и въ такомъ настроеніи они провели всю слѣдующую ночь. Вскорѣ послѣдовала развязка: въ семь часовъ утра раздались довольно сильные ружейные залпы, разбудивъ тѣхъ изъ нихъ, кто рѣшилъ немного отдохнуть послѣ всѣхъ тревоженій. Пасторэ вскочилъ на лошадь, но, выѣзжая, увидѣлъ, что большинствомъ польскихъ чиновниковъ овладѣлъ страхъ, совершенно естественный для такого момента. «Я успокаивалъ ихъ, какъ могъ, — говорить онъ:—велѣлъ позвать начальника полиціи и спросилъ у него отчетъ обо всемъ происходящемъ».

«Непріятель въ окрестностяхъ праваго берега, —сказалъ онъ:—евреи провели его сегодня ночью: онъ расположился на мосту и атакуеть насъ». Его слова вполне подтвердили свистѣвшія пули. Въ это время прибѣжалъ генераль и замѣтилъ Пасторэ: «Видите, вы помѣшали мнѣ очистить площадь, а непріятель заставитъ насъ покинуть ее».

«Атакуя насъ, онъ дѣлаетъ то, что долженъ дѣлать: оставаясь и защищаясь, мы сдѣлали бы то, что должны были бы сдѣлать», отвѣтилъ Пасторэ.

Въ тотъ же моментъ онъ приказалъ вывезти изъ города остатки экипажей; сокровища и часть амбулаторіи еще наканунѣ были вывезены съ агентами военной администраціи. Русскіе съ другого берега обстрѣливали французовъ съ тѣмъ большей легкостью, что послѣдніе были безъ прикрытія. Напротивъ, французскія орудія были слишкомъ высоко нацѣлены и совсѣмъ не попадали въ русскіхъ. Пасторэ подозревалъ пушкаря, чтобы сдѣлать ему замѣчаніе, но когда тотъ приближался къ нему, его поразила пуля, и онъ упалъ мертвый. Тогда къ нимъ приблизился генераль съ своимъ адъютантомъ; потеря площади несказанно его волновала. «Сожгли мостъ?» спросилъ Пасторэ.—«Я отдалъ приказъ». — «Но, повидимому, его совсѣмъ не исполнили?» — «Онъ долженъ быть исполненъ».

«Мало успокоенный такимъ отвѣтомъ, я сошелъ внизъ, чтобы убѣдиться лично. Пули свистѣли уже среди города. Я поѣхалъ на мостъ, онъ былъ совершенно цѣлъ». На вопросъ Пасторэ, почему не исполнили приказа и не сожгли моста, ему отвѣтилъ командующій постомъ: «Это дѣло артиллерійскаго офицера, а не мое». И онъ тутъ же упалъ, пораженной пулей.

Мостъ былъ совершенно прямой, и русскіе, находившіеся на другомъ концѣ, въ упоръ стрѣляли въ французовъ. Пасторэ удалился, чтобы присоединиться къ Пужэ; хотя онъ хотѣлъ еще защищаться, но было уже поздно. Французскихъ солдатъ было всего лишь двѣнадцать кавалеристовъ, а пушками были снабжены только иностранцы, поэтому приходилось сдаться. Все, повидимому, благопріятствовало отступленію. Пасторэ тревожило одно: въ госпиталяхъ находилось двѣсти больныхъ, а различныя событія на войнѣ доказывали, что на войнѣ было не до снисхожденія. Сначала онъ рѣшился остаться съ больными, но французы и жители емя отсѣвѣвали.

— Вы знаете, что за вашу голову назначена плата?—спросилъ одинъ изъ нихъ:—а васъ всѣ знаютъ: первый ударъ шпаги или пистолета предназначается для васъ и васъ разорвутъ на части прежде, чѣмъ вы будете полезны больнымъ.

Пасторэ послушался. Въ то время, какъ они покидали площадь, изъ церкви іезуитовъ вышли главные жители города. Они сказали Пасторэ: «Мы возвра-

щаемся къ правительству, которое мы любимъ, но мы пришли помолиться за васъ Богу. Спрячьтесь отъ непріятели, который сейчасъ будетъ васъ преслѣдовать, и вспомните о насъ. Мы никогда васъ не забудемъ». Пасторэ отвѣтилъ, что если Витебскъ ему обязанъ какой-нибудь благодарностью, то онъ попросить тотчасъ же доказательства, состоящаго въ томъ, что онъ оставитъ на его попеченіи двѣсти больныхъ, которыхъ надо кормить и защищать. «Вспомните, — сказалъ Пасторэ:— что они въ восьмистахъ верстахъ отъ ихъ родины, что у нихъ нѣтъ поддержки, средствъ, и если они шли на всѣ опасности, то чтобы васъ освободить и защитить». — «Клянусь, — отвѣтилъ городской голова: — что пока меня не захватятъ силой, мы будемъ пещись обо всѣхъ ихъ нуждахъ!» Пасторэ удовлетворилъ такой отвѣтъ, и онъ покинулъ ихъ. «Многіе изъ нихъ плакали, — говоритъ Пасторэ, — и я тоже». Хотя ему не очень нравилось пребываніе въ Витебскѣ, гдѣ онъ былъ только несчастенъ и всегда тревожился, но въ этотъ моментъ онъ считалъ, что это было доказательство ихъ расположенія.

При выходѣ изъ Витебска, Пасторэ замѣтилъ какихъ-то людей, повидимому, прятавшихся отъ него. Онъ подбѣжалъ къ нимъ, и что же увидѣлъ. Это были агенты и санитары, именно тѣ, на которыхъ указалъ военный комиссаръ, оставленный для ухода за оставшимися больными.

«Вы здѣсь?» — спросилъ ихъ Пасторэ. — «Что вы здѣсь дѣлаете?» — «Всѣ покидаютъ городъ, и мы тоже», послѣдовалъ отвѣтъ. — «Но больные?» — «Они въ госпиталѣ». На вопросъ, кто же о нихъ позаботится, они ничего не отвѣтили, а на замѣчаніе, что имъ отданъ приказъ остаться, поляки отвѣтили отрицательно. «Военные комиссары должны были вамъ его дать. Если они этого не сдѣлали, то я отдаю вамъ приказъ — вы останетесь». — «Совсѣмъ нѣтъ, не оставемся, — воскликнули они разомъ: — рисковать жизнью совсѣмъ не нашъ долгъ». Къ этимъ словамъ директора госпиталя присоединилась тысяча смутныхъ криковъ. Пасторэ вытаскивалъ пистолетъ и, приложивъ его къ груди директора, произнесъ: «Еще одинъ шагъ, и я убью; перваго, кто попытается за нами слѣдовать, разстрѣляемъ. Вернитесь на вашу постъ». Они вернулись на свой постъ, а мы приступили къ отступленію».

Изъ Витебска они вышли въ достаточномъ порядкѣ. Приблизительно въ четырехъ верстахъ предъ ними отрядъ въ двѣсти человекъ сопровождалъ обозъ, отправленный утромъ Пасторэ. Они послѣдовали по тому же пути, единственному оставшемуся свободнымъ для выхода изъ Витебска на Смоленскъ чрезъ Рюдишки и Юково. За версту отъ города они увидѣли скакавшаго галопомъ жаандарма. Онъ сообщилъ имъ, что всѣ, кто остался тамъ, захвачены, мостъ не сожгли въ-время и непріятель преслѣдуетъ. Дѣйствительно, нѣсколько минутъ спустя они увидѣли непріятельскую кавалерію. Французы собрались въ колонну. Непріятель приблизился и хорошо разсмотрѣлъ насъ, заставивъ свою кавалерію вытянуться направо, чтобы принудить насъ повернуться. Въ концѣ концовъ изъ людей Пасторэ осталось всего нѣсколько человекъ, остальные всѣ разбѣжались. Вскорѣ появился одинъ изъ солдатъ и сообщилъ, что евреи, во множествѣ распространившіеся по деревнямъ, узнали мундиръ Пасторэ и указали русскимъ дорогу, по которой онъ слѣдовалъ. Пасторэ взялъ одного крестьянина въ проводники и отправился. Была полночь;

восемнадцатиградусный морозъ такъ сковаль снѣгъ, что невозможно было различить путь.

Настроение Пастора было угнетенное: всё упало духомъ и всёми овладѣло отчаяніе: шопоть сталъ переходить въ жалобу и даже угрозы. Проводникъ легъ на снѣгъ и палкою пробоваль найти дорогу, которую даже при дневномъ свѣтѣ совершенно нельзя было опредѣлить, настолько ее затушило обледенѣвшимъ снѣгомъ. Пасторъ, измученный безсонными ночами и недостаткомъ пищи, преслѣдуемый непріателемъ, затерявшійся въ снѣжныхъ сугробахъ, почти въ полномъ отчаяніи молча велъ этотъ отрядъ бѣглецовъ. Наконецъ проводникъ объявилъ имъ объ ихъ спасеніи: онъ отыскалъ дорогу, и они отправились въ сосѣдній замокъ просить себѣ убѣжища. Ихъ приняли, но чрезъ два часа они должны были его покинуть. Казаки нашли бы ихъ тамъ. Но былъ ли имъ указанъ ложный путь, или имъ показалась плата въ пятьсотъ дукатовъ за голову Пастора недостаточной сравнительно съ предстоящимъ утомленіемъ, но они ихъ покинули въ пятнадцать верстахъ отъ Витебска.

Оттуда Пасторъ направился въ Смоленскъ по незнакомой дорогѣ, питаясь подаеніемъ крестьянъ, которые то его принимали, то съ презрѣніемъ отталкивали, когда онъ просилъ немного хлѣба себѣ и пищи своей лошади. Но онъ утѣшалъ себя, что хорошее время вернется. О Наполеонѣ онъ ничего не зналъ и думаль, что онъ все еще въ Москвѣ. Но въ нѣсколькихъ часахъ отъ Смоленска рассказы крестьянъ навели его на путь. Немного далѣе онъ встрѣтилъ отрядъ вице-короля, который направлялся на Витебскъ. «Мы поспѣшили отправиться въ Смоленскъ, вошли на эти на половину разрушенные валы, прошли мимо когда-то блестящихъ домовъ, которые теперь представляли развалины. Наконецъ мы пришли, и министръ сейчасъ же повелъ меня къ Наполеону», заканчиваетъ этотъ отрывокъ Пасторъ.

— Борьба за культуру Финляндіи. — Подъ такимъ заглавіемъ появилась въ «Revue Bleue»¹⁾ статья финляндца Вернера Седерхельма, гдѣ онъ даетъ очеркъ ея культурнаго развитія. Въ виду интереса, который возбуждаетъ въ публикѣ финляндскій вопросъ и его разрѣшеніе, мы приводимъ эти свѣдѣнія.

Семьсотъ лѣтъ Финляндія составляла часть Швеціи, заимствуя у нея культуру и въ шагъ съ нею идя по пути развитія, поэтому шведскій языкъ былъ языкъ культурной части Финляндіи. Въ 1640 году въ Або былъ основанъ первый университетъ по образцу нѣмецкихъ. Преподаваніе въ немъ долгое время велось подъ вліяніемъ либеральнаго теченія, возникшаго благодаря трудамъ реформаторовъ сѣверныхъ странъ. Нѣмецкое вліяніе было не единственное: англійская философія и французскіе мыслители XVIII вѣка имѣли въ немъ свою долю. Но финляндскій языкъ, финляндская литература оставались пока въ тѣни. Въ концѣ XVIII вѣка подъ давленіемъ Генриха-Габріеля Порта ученые обратили свое вниманіе на историческіе вопросы Финляндіи, финлянд-

¹⁾ La lutte pour la civilisation en Finlande. Par W. Söderhjelm. «La Revue Bleue». 7 Septembre 1912.

скій языкъ и финляндскую поэзію. Финляндія унаслѣдовала отъ Швеціи не только основу своей культуры; но также и шведскіе законы.

Когда въ 1809 г. Финляндія была присоединена къ Россіи, одинъ финскій патріотъ сказалъ: «Мы болѣе не шведы,—будемте же финляндцами!» Эти слова стали девизомъ націи. Мы болѣе не шведы; не желая отрицать, насколько цѣненъ даръ, полученный нами,—говорить Седерхельмъ:—не забывая о значеніи языка культурныхъ классовъ, все-таки не можетъ быть вопроса объ умственной зависимости отъ шведовъ, какая была до тѣхъ поръ. Мы никогда не будемъ русскими: это старая ненависть—наслѣдственная, глубокая разниа расъ, взглядовъ, сужденій и т. д. Будемте же финляндцами; націи ничего болѣе не остается, какъ отыскать въ себѣ самой поддержку для наступающихъ дней, сосредоточить и развить то, чѣмъ она обладаетъ». Сколько разъ люди видѣли, какъ у народовъ происходили катастрофы, войны, которыя обязывали ихъ сосредоточить свои силы, и сколько разъ это было для нихъ настоящимъ возрожденіемъ. Но случалось, что проходили годы, пока не водворялось спокойствіе. Такъ было и съ Финляндіей. Новый порядокъ вещей вводилъ безпорядокъ и смуту. Не знали, какъ все организуется; часть профессоровъ колебалась между желаніемъ остаться на родинѣ и удаленіемъ въ Швецію: ничего не было стойкаго. Едва жизнь абоскаго университета потекла обычнымъ порядкомъ, какъ большая часть города была разрушена пожаромъ и двадцать лѣтъ спустя, по заключеніи мира, университетъ былъ переведенъ въ Гельсингфорсъ. Теперь онъ былъ основанъ на національномъ чувствѣ, и въ немъ стала развиваться новая интеллектуальная дѣятельность, стремившаяся къ новымъ горизонтамъ.

Въ подобныхъ случаяхъ, какъ и во многихъ другихъ обстоятельствахъ, литература отражаетъ и отмѣчаетъ интенсивность умственной жизни народа. Въ такіе моменты внезапнаго пробужденія и неопредѣленности въ литературныхъ произведеніяхъ не выдѣляется никакихъ окончательныхъ тенденцій. У однихъ поэтовъ послѣднихъ дней абоской академіи замѣчается блѣдное отраженіе романтическаго пламени. Но все это вскорѣ измѣняется: финскій народъ попадаетъ въ шведскую поэзію, благодаря Рунебергу, здоровый простой умъ котораго предпочитаетъ античную эпоху, Гете и примитивную жизнь народа.

Почти одновременно съ появленіемъ первыхъ поэмъ Рунеберга Ленротъ печатаетъ свою знаменитую финскую эпопею «Калевала». Совпаденіе въ появленіи обоихъ произведеній самымъ благоприятнымъ образомъ послужило для возвышенія чисто финскаго народа. Въ Германіи появился переводъ Шифнера, во Франціи Леузонъ Ледюка. Иностранцы заинтересовались до тѣхъ поръ неизвѣстнымъ финскимъ народомъ. Произведеніе Ленрота являлось зеркаломъ финской души, обычаевъ, нравовъ, въ которое до тѣхъ поръ никто не заглядывалъ. Друзья развитія финской культуры еще болѣе воодушевились: повсюду родился интересъ къ финляндцамъ и желаніе способствовать ихъ развитію и процвѣтанію. Одной изъ самыхъ интеллигентныхъ, сильныхъ и энергичныхъ личностей въ этомъ дѣлѣ являлся Шнелльманъ. Онъ вложилъ въ него массу труда, своими многочисленными работами подготовилъ финскому языку поло-

женіе равное шведскому языку и открылъ путь къ культурѣ финскимъ народнымъ классамъ. Этимъ не ограничилась его дѣятельность. Выйдя изъ очень скромнаго положенія въ обществѣ, онъ мало-по-малу пріобрѣтаетъ вліяніе, наконецъ становится членомъ правительства. Однако, несмотря на такое воодушевленіе, и съ появленіемъ «Калевалы» задача финской культуры прогрессировала медленно въ половинѣ этого вѣка. Съ воцареніемъ императора Николая I Финляндія пережила періодъ политической реакціи, что отозвалось во всѣхъ проявленіяхъ соціальной жизни страны. Однако была одна вещь, до которой Николай I не дотрогивался,—это конституція, гарантированная Финляндіи императоромъ Александромъ I и которую самъ Николай I, несмотря на свой антиконституціонный характеръ, не нарушалъ. Это была тяжелая долгая эпоха,—говоритъ Седерхельмъ.—Не было вопроса о созывѣ сейма, за всякое проявленіе индивидуальной жизни приходилось бороться, всякій проблескъ либеральнаго духа преслѣдовался. Власть цензуры была неограниченна и причиняла неисчислимое зло; наконецъ, всякая попытка къ воспитанію народа задерживалась. Въ 1850 г., напримѣръ, было предписано, что печатать по-фински можно лишь религіозныя сочиненія и касавшіяся домашняго обихода. Несмотря на все, финляндцы не теряли духа и всѣ эти мѣры принимали за исключительное проявленіе бюрократическаго духа, надѣясь на лучшія времена. И самое любопытное, что ни бюрократии, ни цензурѣ не удалось погасить патріотическаго чувства, проявлявшагося со всѣхъ сторонъ. Ничто не помѣшало Рунебергу напечатать въ 1848 г. первую часть своихъ «Faurik Staals sägna» (Разсказы лейтенанта Сталя)—картину войны 1808—1809, гдѣ воспѣвалась храбрость финскихъ солдатъ. Въ свою очередь, Шнелльманъ, несмотря на подозрительные взгляды правительства и вѣчную борьбу съ цензурой, продолжалъ свою работу съ не меньшимъ жаромъ. Финляндскіе поэты продолжали воспѣвать народъ и природу Финляндіи, а ученые старались добиться чести въ наукѣ для финляндскаго имени. Ленротъ съ Кастреномъ посѣщали финскія племена на западѣ и сѣверѣ и даже на окраинѣ Россіи, основательно изучая исторію финскихъ языка и мифологіи. Это стоило здоровья Кастрену, зато имъ такъ восторгались, что ему поручили основать кафедру финскаго языка, и первымъ профессоромъ былъ назначенъ онъ самъ. Оказанію такой почести много способствовалъ наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Николаевичъ, который во время одного своего посѣщенія вручилъ Кастрену титулъ профессора. Еще будучи наслѣдникомъ престола, Николай I былъ канцлеромъ университета. На этотъ постъ онъ назначилъ своего сына цесаревича Александра, и, благодаря ему, университетъ находился, съ одной стороны, подъ его защитой относительно обысковъ, хотя между студентами и случались безпорядки, и въ нѣкоторомъ отношеніи требовались строгія репрессивныя мѣры. «Такимъ образомъ,—говоритъ Ленротъ,—эти первыя дупоженія враждебной реакціи по отношенію цивилизаторской работы не могли погасить маленькаго пламени новой жизни. Древняя культура наслѣдія Швеціи не была затронута бюрократическимъ духомъ, а та, что родилась съ воцареніемъ финскаго языка, медленно, но увѣренно двигалась по пути, начертанному ей исторіей».

Высшая власть сама признала это поражение, и когда, годъ спустя послѣ воцаренія, императоръ Александръ II прѣѣхалъ въ Гельсингфорсъ, онъ обратился къ финскому правительству съ рѣчью, къ которой между прочимъ самъ рекомендовалъ заботиться о народномъ образованіи. Въ 1863 г. было возстановленъ сеймъ: для финскаго народа вспыхнула новая заря, горѣвшая почти тридцать пять лѣтъ безъ перерыва и давшая Финляндіи матеріальное положеніе и интеллектуальную силу, благодаря которымъ страна могла позже устоять противъ всевозможныхъ ужасныхъ нападеній.

Въ этотъ моментъ финляндская нація впервые настоящимъ образомъ сознала свою обязанность по отношенію къ себѣ и научилась регулировать свое развитіе согласно своимъ силамъ. Внутренняя независимость, гарантированная актами 1809 г., сдѣлалась дѣйствительностью. Что касается точки зрѣнія интернаціональной, что Финляндія находится въ зависимости отъ Россіи, то нація не испытывала нетерпѣнія, потому что она не преслѣдовала другой побѣды, какъ завоеваніе права и культуры. Лелѣжали мечту, что такое положеніе будетъ длиться всегда, и вся жизнь этой эпохи носить отпечатокъ прекраснаго оптимизма. И съ этого момента народному образованію посвящаются все усилія, и это было характеристичной чертой той эпохи. До тѣхъ поръ народное образованіе было въ рукахъ духовенства, какъ и во всѣхъ протестантскихъ странахъ. Въ общемъ оно справлялось съ этой задачей хорошо. Во многихъ мѣстностяхъ секта піэтистовъ заботилась объ умственномъ развитіи крестьянъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и о нравственномъ. Піэтисты запрещали легкомысленныя удовольствія, даже такія пещинныя, какъ танцы, направляли волю на развитіе личности и національнаго благополучія. Несмотря на узкость ихъ взгляда, они играли значительную роль въ борьбѣ финляндцевъ за культуру. Строгія требованія, предъявляемая ими къ остальнымъ членамъ относительно чистоты нравовъ, благородства характера, имѣли большое вліяніе на нравственное развитіе народа. Финляндскій писатель Юхани Ахо, бывшій на одномъ изъ собраній, рассказываетъ, какъ его удивили необычайная любезность и гостепріимство піэтистовъ, ни за что не бравшихъ вознагражденіе. Одинъ изъ членовъ общества объяснилъ ему: «Мы къ этому привыкли; никогда мы не беремъ денегъ за пищу или провозъ съ тѣхъ, кто путешествуетъ, чтобы двинуть впередъ дѣло усовершенствованія духовной жизни народа. Когда писатель уѣзжалъ, то другой членъ, указавъ ему на телѣжку и лошадь, произнесъ: «Возьмите вожжи, отвезите ваши вещи на вокзалъ, привяжите лошадь къ дому священника, мы придемъ за ней». Такъ онъ и сдѣлалъ. Между этими людьми все основывалось на совѣсти. Эти черты сохранились у финновъ независимо отъ піэтистовъ».

Дѣло образованія народа перешло изъ рукъ духовенства къ общинѣ. Школы вполне организовались по новому, но это произошло не безъ того, чтобы церковь вступила въ живую оппозицію съ новыми теченіями. Это преобразование произвелъ человекъ съ широкими современными взглядами Уно Цигнаеусъ. Народныя школы сдѣлались вполне независимыми отъ духовенства и превратились, такъ сказать, въ высшія. Онѣ были присоединены къ общинѣ и поддерживались государствомъ. За ихъ дѣятельностью слѣдили общинные инспекторы. Эти народныя школы такъ умно-

жились, что въ 1908 г. ихъ было 2788 на 120.000 учениковъ. Въ эту цифру не входятъ городскія школы, въ которыхъ учится 36.000 учениковъ. Ихъ содержаніе въ тотъ годъ обошлось государству около восьми съ половиною милліонъ марокъ, включая сюда содержаніе добавочныхъ курсовъ для окончившихъ и желающихъ высшаго образованія по нѣкоторымъ отраслямъ. Эта реформа, заимствованная въ Даніи, имѣла большой успѣхъ среди финляндцевъ. Прежде, чѣмъ признать такую школу официально, ее поддерживали на частныя средства. Хотя образованіе не было обязательнымъ въ Финляндіи, по закону 1908 г. общины были обязаны раздѣлиться на извѣстное количество школьных округовъ, такъ чтобы дѣти могли посѣщать школу, не дѣлая болѣе пяти километровъ. Все-таки почти половина дѣтскаго населенія деревень не обладала даже элементарнымъ образованіемъ. Тогда сеймъ принялъ законъ объ обязательномъ обученіи, но вслѣдствіе теперешняго режима этотъ законъ еще не получилъ высочайшаго разрѣшенія. «Не надо думать, — говоритъ Седерхельмъ: — что всѣ эти дѣти не знаютъ ни писать, ни по крайней мѣрѣ читать. Этому ихъ учатъ въ передвижныхъ школахъ и въ Финляндіи на сто жителей, быть можетъ, найдется одинъ, который былъ бы безграмотенъ. Большинство безграмотныхъ выпадаетъ на православныхъ жителей юго-восточной Финляндіи. Ученики сообщаютъ деревенскимъ жителямъ интересъ къ общимъ вопросамъ, къ пѣнію, чтенію и т. д. Въ школѣ они знакомятся со многими предметами, какъ національное земледѣліе, домашняя промышленность и т. д. Финская литература распространена по всѣмъ деревнямъ, какъ и первая финская большая «энциклопедія», которой обзавелись въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ деревни, въ самыхъ бѣдныхъ семьяхъ».

Насколько народъ интересуется литературой, доказываетъ тотъ фактъ, что молодые люди безъ всякой научной предварительной подготовки принимаются за описаніе окружающихъ ихъ условій существованія. Съ 1870—80 г. эти народные писатели составляли цѣлую группу. Они являлись отчасти предтечами, отчасти подражателями школы реалистовъ. Изъ этихъ писателей вышелъ одинъ изъ лучшихъ финскихъ писателей. Точно также одинъ слуга, съ восторгомъ читавшій книги своего молодого хозяина, послѣдовалъ его примѣру и завоевалъ себѣ видное мѣсто среди новыхъ реалистовъ.

Этотъ періодъ времени былъ также плодотворенъ для высшихъ научныхъ школъ и университета. Но въ этотъ моментъ послѣдовала борьба шведовъ и финновъ на почвѣ вопроса культуры. Тѣ, что стояли за финновъ, сталкивались со шведами, опасавшимися, чтобы шведская культура и языкъ не пострадали отъ столь быстраго развитія чисто финской культуры. Этотъ конфликтъ придалъ особый характеръ всему интеллектуальному развитію Финляндіи во вторую половину XIX вѣка. Онъ продолжается еще и теперь, прерываемый время отъ времени, когда крупная политическая опасность соединяетъ всѣ партіи. Однако финскій языкъ въ настоящее время преобладаетъ, и семь восьмыхъ населенія говорятъ по-фински. Цѣлая современная литература возникаетъ на этомъ языкѣ, лучшія иностранныя произведенія переведены на финскій языкъ. Самъ языкъ былъ предметомъ ученаго изслѣдованія, такъ что тремъ профессорамъ поручено преподаваніе въ университетѣ финскихъ языка и литературы. Уже сорокъ лѣтъ

существует финскій театр; въ высшихъ школахъ преподають по-фински, газеты, курсы и лекціи на финскомъ языкѣ съ каждымъ днемъ увеличиваются. Если со многихъ точекъ зрѣнія конфликтъ между шведами и финнами достоинъ сожалѣнія, то, какъ всякая конкуренція между двумя партіями, онъ произвелъ счастливый результатъ. Дѣло въ томъ, что обѣ лингвистическія партіи идутъ рука въ руку не только во внѣшней политикѣ, но даже въ общеэкономическихъ вопросахъ: «глубокая любовь къ родинѣ одушевляетъ ту и другую,—говоритъ Седерхельмъ.—Каждый знаетъ, что наша культура зависитъ цѣликомъ отъ нашей политической независимости».

Въ настоящее время высшее образованіе обезпечено 140 школами. Государство вѣдаетъ однѣ и оказываетъ денежную помощь другимъ. Смѣшанныя школы составляютъ третью этого числа. Идея совмѣстнаго воспитанія дѣвочекъ и мальчиковъ имѣла большой успѣхъ въ Финляндіи и дала хорошіе результаты у финской молодежи. Школьное помѣщеніе соответствуетъ современнымъ требованіямъ и въ методѣ преподаванія стараются слѣдовать тому, что за границей находятъ цѣлесообразнѣе, примѣняясь, конечно, къ обстоятельствамъ. Каждый долженъ знать по крайней мѣрѣ относительно хорошо два языка страны и болѣе того русскій, если еще не два иностранныхъ, то легко понять, какое большое мѣсто занимаетъ преподаваніе языковъ въ школьной программѣ и всегда ведетъ къ хорошимъ результатамъ. Университетъ развивается пропорціоноально остальнымъ школамъ. Весною 1912 г. насчитывали 3.200 студентовъ, изъ которыхъ 800 женщинъ. Родной языкъ около трехъ четвертей студентовъ—финскій. Преподаваніе поручено пятидесяти профессорамъ и другимъ преподавателямъ. Кромѣ того, молодежи предоставлена высшая техническая школа.

Матеріальное развитіе въ такомъ же утѣшительномъ положеніи. Промышленность и торговля процвѣтають. Водяное сообщеніе съ заграницей и внутри страны прекрасно организовано. Желѣзныя дороги тянутся на 3600 километровъ. Телефонъ соединяетъ самыя отдаленныя деревеньки. Для улучшенія народной гигиены дѣлается все возможное и ведется успѣшная борьба съ холерой, постоянно угрожающей съ запада, и туберкулезомъ, уносящимъ ежегодно тысячи жертвъ. Въ странахъ мало населенныхъ къ сѣверу эта культурная работа встрѣчается громадныя препятствія. Работѣ по развитію культуры очень долго благоприятствовали политическія обстоятельства, но зато въ эту эпоху не было удачи въ матеріальномъ отношеніи. Тогда страна страдала отъ неурожая, но, благодаря упорной работѣ, земледѣліе все прогрессировало, а за послѣдніе годы и промышленность стала процвѣтать.

Въ заключеніе авторъ касается современныхъ политическихъ теченій въ Финляндіи и высказываетъ осужденіе русскому правительству за его борьбу съ автономными теченіями и тенденціями въ пользу признанія за Финляндіей самостоятельнаго государственнаго значенія.

— Новыя теченія въ обществѣ и литературѣ Стараго и Новаго Свѣта ¹⁾.—Въ настроеніи общества Стараго Свѣта и даже Новаго за послѣдніе годы замѣтна какая-то тревога, душевная смута. Окунувшись по горло въ

¹⁾ *Misticismo Mazziniano*. «Nuova Antologia» 16 Luglio 1912. Maeterlinck e l'idea mistica». «Nuova Antologia» 16 Gennaio 1912.

материализмъ и реализмъ, оно, не дождавшись отъ науки вполне яснаго и опредѣленнаго отвѣта о тайнѣ нашего бытія, снова бросилось къ бессознательному, въ надеждѣ подойти ближе къ этой мучительной разгадкѣ. Такое явленіе не новость, но оно проявлялось прежде не такъ интенсивно: мистикомъ былъ и Маццини, но между его мистицизмомъ и Метерлинка—разница. Изъ обзорѣнія иностранныхъ журнальныхъ статей на эту тему получается представленіе, что будто общество болѣе и болѣе расположено раздѣлить мнѣніе Кольриджа, что «все результаты чистаго разума носятъ въ себѣ сѣмя смерти и подобны сучьямъ и хворосту, производящимъ сухой трескъ зимою». Холодные расчетливые американцы пытаются найти отвѣтъ на мучительный вопросъ въ различныхъ религіозно-философскихъ системахъ. Для этого они не жалѣютъ средствъ и тратятъ болѣе 20,000 стерлинговъ ежегодно на содержаніе различныхъ религіозныхъ миссій. Болѣе всего сторонниковъ среди американцевъ находятъ восточныя религіи. Американцы ставятъ индусскія божества выше Христа и Библіи и старательно изучаютъ восточныя священныя писанія и мистическія книги. По свѣдѣніямъ изъ «Methodist Quarterley Review»¹⁾, въ большей части крупныхъ городовъ Америки, къ величайшему ужасу моралистовъ и современныхъ философовъ, развивается буддійская религія. Въ Англіи, Германіи и Италіи то же явленіе.

Первыя свѣдѣнія о буддизмѣ завезъ въ Европу Марко Поло въ XIII вѣкѣ, косвенныя же проникли туда чрезъ Персію и Аравію; затѣмъ нѣмецъ Фридрихъ Шпигель познакомилъ Западъ съ индійской философійю. «Пѣсня о блаженномъ» была напечатана въ Европѣ съ латинскимъ текстомъ, и съ тѣхъ поръ индійская филологія одерживала побѣду за побѣдой. Предпочтеніе, оказываемое буддійской религіи, зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что индусы вѣрятъ въ существованіе души, будущую жизнь и даютъ возможность посредствомъ различныхъ приемовъ мысленно уноситься въ невѣдомый для насъ міръ. Сущность этой религіи приблизительно передаетъ А. Герина въ «Revue Bleue». Во всѣхъ древнихъ текстахъ говорится, что индивидуальная душа (атманъ) является поддержкой всѣхъ жизненныхъ функций человѣка. Душа—то же самое «я», принципъ психологическихъ операций и сущность, которую можно познать. Она находится въ тѣлѣ и проникаетъ его все, локализуясь преимущественно въ сердцѣ. Душа растяжима, матеріальна, однимъ словомъ—субстанція и при усиліи буддистскаго размышленія и созерцанія ее можно довести до непрерывнаго ряда внутреннихъ явленій. Душа это «я», высшее безконечное существо. Ея индивидуализмъ, т. е. существованіе въ данномъ тѣлѣ, является для нея ограниченіемъ. Соединяясь съ матеріей, она попадаетъ въ границу конца. Связанная съ тѣломъ, она подчиняется желанію (камъ) и дѣйствію (карманъ). Желанія и дѣянія приковываютъ душу къ тѣлу. Желаніе порождаетъ дѣяніе, а дѣянія возрождаютъ желанія. Такимъ образомъ, карманъ для души причина и условіе рабства. Она безпрестанно возобновляетъ и стягиваетъ узы, соединяющія душу съ матеріей. Карманъ причина настоящаго су-

¹⁾ «Methodist Quarterley Review». Buddha ei dogmi del Buddhismo. Nuovi studi sul buddhismo. A. M. Pizagalli. «Nuova Antologia». 16 Luglio 1912.

ществованія, и знаменитая книга «Брамана стоголосовая» объясняет это словами: «Таково желаніе человѣка, таково его воля, таковы его стремленія, таковы его дѣянія, таково существованіе, выпавшее на его долю». Карманъ не только регулируетъ настоящее существованіе, оно также опредѣляетъ ходъ переселенія душъ. Настоящая жизнь лишь временное присоединеніе души къ опредѣленному тѣлу. Но уже эта жизнь чревата будущими возрожденіями. Душа будетъ воплощаться въ другія тѣла согласно предыдущимъ вашимъ дѣяніямъ. Смерть не конечное пресѣченіе: это только переходъ отъ однихъ условій въ другія—заря новой жизни. Смерть—возрожденіе и оживленіе. Отсюда исходитъ источникъ ученія о переселеніи душъ. Пережитіе души все равно, что и существованіе этой души, для индуса не простое суевѣріе, вѣра, а фактъ неоспоримый, дѣйствительный фактъ. Онъ выросъ изъ старинной, старинной вѣры, проявившейся много, много вѣковъ тому назадъ и, наконецъ, съ вѣками мало-помалу изъ нея выработалось цѣлое ученіе самсара, т. е. «круговоротъ существованія».

Но это переселеніе душъ—страданіе; карма (дѣяніе) производитъ новое существованіе, а карма для души условіе страданія, горя. Подъ какой бы ни было формой—жизнь все-таки горе, а такъ какъ жизнь все возобновляется, то горе постоянно. Сколько разъ возродится душа, столько разъ она страдаетъ, что ее ограничили, что ее связали съ міромъ страданій и невѣжества.

Оттѣнокъ пессимизма въ религіозной мысли Индіи обезпечиваетъ успѣхъ буддизма на Западѣ. Переселеніе душъ—страданіе; надо его избѣгать. Какъ достичь освобожденія? На самомъ дѣлѣ никакое дѣяніе не освободитъ души отъ связывающихъ ее узъ. Дѣйствіе и освобожденіе два противорѣчивые термина, потому что «дѣйствіе» является причиной, дѣлающей душу рабыней матеріи. Для достиженія свободы надо оторваться отъ свѣта, изгнать дѣятельность, убить желаніе. Поэтому единственный путь къ освобожденію—аскетизмъ.

Чтобы убить желаніе и уничтожить дѣйствіе, необходимо знать, что то и другое—корни зла и страданій; чтобы измѣрить тщету вещей, надо изслѣдовать существованіе, познать его глубокія причины и смыслъ. Однимъ словомъ, достичь освобожденія можно путемъ пріобрѣтенія познанія, чрезъ которое мудрецъ избавляется отъ узъ матеріи и добивается увѣренности, что навсегда избавился отъ «круговорота существованія», отъ двигающейся волны послѣдовательныхъ возрожденій и достигъ послѣдняго покоя Nirваны или «мокши», «мукти», т. е. освобожденія.

Въ эпоху Упадишадъ мудрецы не такъ довѣряли ритуальнымъ пріемамъ: для нихъ спасеніе не было плодомъ литургизма; къ освобожденію вела наука, ибо познавать значитъ становиться тождественнымъ предмету познавательному. Мудрецъ созерцаніемъ схватывалъ истину, реальность существа. Онъ открывалъ единственную душу, имманентную во всѣхъ существахъ, которыя для нея лишь проходящія формы. Поэтому условіемъ спасенія является познаніе, конечно, не чувственное, послѣднее вредно; оно разсѣиваетъ душу и волнуется ее. Согласно Упадишаду, для общенія съ высшимъ существомъ нуженъ экстазъ—путь къ освобожденію. Для этого существуетъ цѣлая система дыханія и пріемовъ.

Браминское ученіе прошло цѣлый періодъ испытаній, изслѣдованій прежде, чѣмъ прійти къ систематизаціи извѣстныхъ философій, какъ Веданда, Самкія и

Йога. Въ цѣломъ рядѣ древнихъ текстовъ, называемыхъ Упанишадъ, находятся ихъ первые элементы. Въ VI вѣкѣ до христіанской эры Индія была потрясена сильнымъ религознымъ движеніемъ. Браманизмъ впалъ къ крайній формализмъ и вызвалъ расколъ. Это породило множество сектъ, но больше всего сторонниковъ оказалось у буддистовъ, имѣвшихъ близкое отношеніе къ югѣ. Йога имѣетъ много сторонниковъ среди американцевъ и европейцевъ, благодаря заманчивой перспективѣ выйти изъ скучной, повторяющейся изъ вѣка въ вѣкъ дѣйствительности и познать незримый міръ, незримыя вещи и вмѣстѣ съ тѣмъ развить необычайное самообладаніе. Въ Америкѣ основались храмы, куда устремляется молодежь для усвоенія этого восточнаго ученія, хотя конечный финалъ нашего бытія и у Будды неясенъ. «Вопросъ, какъ Будда смотрѣлъ на нирвану, остается открытымъ, — какъ говорить Герино. — Въ разныхъ трактатахъ ученики выражаютъ нѣкоторое неудовольствіе, что Будда оставилъ ихъ въ невѣдніи относительно этого вопроса. Одинъ изъ нихъ пишетъ: «Блаженный не объясняетъ мнѣ: представляетъ ли нирвана существованіе, или несуществованіе». Другой говоритъ: «Блаженный не открылъ мнѣ, существуетъ или не существуетъ по ту сторону смерти совершенство или несовершенство». А третій говоритъ: «Будда, не научилъ насъ, будетъ ли продолжать жизнь святой послѣ смерти». Эта недомолвка Будды породила множество гипотезъ относительно буддистской нирваны. Изъ всѣхъ ихъ должно считать, по словамъ Герино, единственную наиболѣе вѣроятную: нирвана—небытіе.

Немного трудно представить, какъ могли дѣятельные янки согласиться съ такимъ исходомъ. Не лучше ли страданія, но жизнь, чѣмъ небытіе, полное безсиліе, религія усталыхъ. Вѣрнѣ всего, что и вѣра требуетъ эволюціи, къ тому же ихъ соблазнили въ этой религіи нѣкоторыя системы экстаза, живой полетъ фантазіи подалше отъ надѣвшей дѣйствительности, а также увлекательный, энергичный молодой индусскій священникъ Баби Бхарати. Это бывший тибетскій отшельникъ, пріѣхавшій въ Америку пять лѣтъ тому назадъ и уже собравшій многочисленныхъ сторонниковъ. Впрочемъ, одинаковымъ благоволеніемъ пользуется у нихъ и божество Мадза, культъ котораго состоитъ изъ поклоненія солнцу. Храмъ солнца находится въ Lake Park и насчитываетъ сотни поклонниковъ. Одной изъ наиболѣе усердныхъ считается красивица мистрисъ Хольтонъ, женщина съ большимъ образованіемъ. Сторонники этого ученія также воздерживаются отъ мяса, на завтракъ довольствуются свѣжими фіалками, а вмѣсто чая пьютъ чай изъ заваренныхъ лепестковъ розъ.

Но этого мало: теперь американцы хотять ввести другую вѣтвь индусской религіи—возстановленіе культа Ваала и Молоха, какъ было у древнихъ ассирійцевъ. Несмотря на всѣ эти разновидности системъ, основаніемъ всѣхъ индійскихъ религій является одинъ принципъ—радикальное зло существованія. Всякое существованіе—страданіе. Трудно представить, чтобы американцы могли впасть въ сильнѣйшій экстазъ, какъ это происходитъ съ одной американской миссъ Рейсъ. Она такъ горячо молилась предъ храмомъ солнца, что въ экстазѣ кричала и ее пришлось заключить въ домъ умалишенныхъ. И такихъ жертвъ этой философской системы множество.

Такое же тревожное настроеніе мысли и въ Старомъ Свѣтѣ. То же исканіе разрѣшить великую міровую задачу помимо науки. Такъ же, какъ въ Александріи въ первыя времена христіанства, экстазъ и мистическая восторженность кажутся высшимъ средствомъ достигъ познания.

Какъ волна, ударяясь о берегъ, отбрасывается обратно въ пучину, сливаясь съ общей массой воды, такъ и человѣческая мысль, коснувшись какой-нибудь области, силой инерціи уходитъ въ общую пучину неизвѣднаго, затянутаго завѣсой тайны. Подобный приливъ и отливъ человѣческой мысли отражается и на литературѣ, придавая ей тотъ или другой характеръ и колоритъ. Послѣ культа индивидуализма, культа человѣческаго «я», въ челоѣчествѣ про-
снулся мистицизмъ. Сначала эта тенденція наблюдалась въ поэзіи (Фрэнсисъ Джемсъ, Адольфъ Ретэ, позже Жанъ Люннэ, Валери Радо, Жанъ Лафонъ и т. д.), но затѣмъ мистическое настроеніе общества проникло и въ прозу. Это пробужденіе мистицизма, спиритуализма изъ философіи мало-по-малу перешло въ литературу. Во Франціи Барресъ, подмѣтившій это настроеніе общества послѣ индивидуальнаго синтеза культа «я» «Energie nationale» и «Jardin de Berenice», написалъ «Coline inspirée», гдѣ вывелъ трехъ священниковъ въ борьбѣ съ религіозными затрудненіями теперешняго времени. Рядомъ съ этимъ появился романъ «Cité des Lampes», въ которомъ авторша вводитъ читателя въ міръ экстаза и спиритуальныхъ наслажденій, описывая все, что испытывала молодая неофитка Жема во весь жизненный путь, ведущій ее къ подножію Распятія. Другая книга «Le Verger, le temple et la cellule» Ольмона изучаетъ всѣ чувственныя наслажденія испытываемыя мистичной христіанкой во время своего подвига. Къ этой книгѣ написалъ предисловіе современный французскій философъ Эмиль Бутру. Онъ говоритъ, что современные умы, утомившись матеріализмомъ, наукой и всѣми работами разума, возвращаются къ неисчерпаемому источнику—сердцу и чувствамъ, которыя имъ помогаютъ жить и найти въ жизни счастье. Поэтому авторъ статьи въ «La Revue» обѣщаетъ обильную жатву религіозныхъ и экстаическихъ романовъ. По его словамъ, мы, быть можетъ, переступаемъ новый этапъ по дорогѣ романтизма, который европейская литература пробѣгаетъ болѣе вѣка. «Не надо себя обманывать,—говоритъ онъ далѣе:—снова расцвѣтшій мистицизмъ и религіозная ностальгія расцвѣли изъ старыхъ вѣтвей большаго романтическаго дерева. Если бы дѣйствительно захотѣли схватить главные темы, вдохновенныя XIX вѣкомъ, то отмѣтили бы три. Сначала экзальтацію чувствъ, затѣмъ культъ природы и наконецъ атавическую повелительную необходимость преклонить колѣно, обожать и вѣрить. Мистицизмъ уже проглядывалъ на нѣкоторыхъ страницахъ «Vicaire savoyard». Нельзя отрицать, что Руссо слышалъ евангеліе, говорившее его сердцу. Затѣмъ Шатобрианъ болѣе холодно и искусственно возбуждалъ эстетическій источникъ христіанской религіи. Наконецъ религіозныя и мистическія фибры можно найти у всѣхъ крупныхъ романистовъ, прозаиковъ и поэтовъ, съ Виктора Гюго до Верлена, отъ Мэстра до Гюисмана, отъ Бальзака въ «Séraphite» до Барбей д'Орвилля Пел-

1) Les Mysticisme litteraire par Nicolas Ségur «La Revue» 15 Aout 1912.

ладана и Виллье-де-Лилль-Адана. Такое явление было замѣтно особенно въ сѣверныхъ странахъ и въ скандинавскихъ націяхъ: въ Россіи—Гоголь, Толстой; въ Германіи—Новалисъ; въ Англійи—Кольриджъ, Уордсуордъ, Шелли. У нихъ мистицизмъ былъ неразрывнымъ звеномъ связанъ съ романтизмомъ. Вся англійская поэзія прошедшаго вѣка и почти всѣ романы вертѣлись вокругъ «тихой и печальной музыки человѣчества», какъ сказалъ Уордсуордъ, утверждая, какое сладкое трогательное чувство вѣра. Но между прежнимъ мистицизмомъ и тѣмъ, что проснулся въ литературѣ, есть разница. Теперешній указываетъ на необычайную тревогу современной души и обладаетъ особеннымъ чистосердечіемъ. Англійскіе романы Гюго Бенсона и послѣднее собраніе Фрэнсиса Джемса, какъ и «Cité des lampes»,—всѣ они кажутся пламенными и правдивыми, волнуютъ читателя своимъ фанатизмомъ, иллюминатизмомъ. И особенно въ этихъ мистическихъ тенденціяхъ теперешней литературы видно, какъ тревожно настроена душа современнаго человѣка. Въ своемъ предисловіи къ роману Ольмона «Le Verger, le temple et la cellule» Бутру говорить: «Вопросъ о судьбѣ человѣчества ведетъ къ тому, чтобы узнать, нѣтъ ли для человѣчества другой дѣйствительности, которой бы онъ овладѣлъ, кромѣ данной, осязаемой дѣйствительности, или не можетъ ли онъ посредствомъ какого-нибудь не матерьяльнаго органа и какихъ-нибудь внутреннихъ чувствъ, какъ думаютъ мистики, вступить въ общеніе съ невидимымъ намъ міромъ, но не менѣе реальнымъ, чѣмъ видимый. Къ такому высшему познанію ведутъ два пути съ помощью чувствъ и знанія (разума), но присоединяя ихъ къ предчувствію божественнаго, находящагося въ насъ и стараясь прогрессивно подыматься».

И не только въ философіи, но во всѣхъ проявленіяхъ интеллектуальной дѣятельности все болѣе и болѣе видно утомленіе матеріализмомъ, пессимизмомъ и реализмомъ, увѣряетъ Сегюръ. «Наши отцы жили слишкомъ мозгами; они слишкомъ доискивались на трудномъ пути истины, прибавляя по одному камню къ великому памятнику науки, и кончилось тѣмъ, что онъ закрылъ имъ небо и лишилъ ихъ утѣшенія. Молодежь хочетъ жить сердцемъ, хочетъ отвѣдать другой жизни, теплѣе, счастливѣе, богаче идеаломъ. Этотъ вѣкъ какъ бы оправдалъ слова Ницше, что правда хороша, когда она помогаетъ жизни и что, если ложь представляетъ болѣе шансовъ на счастье, болѣе успѣха въ жизни,—надо не колеблясь принять и усвоить ее».

Такое оскуднѣніе мысли, такое отчаянное забрасываніе истины и науки и возвращеніе къ старымъ привычкамъ Сегюръ находитъ хотя и печальнымъ для прогресса и движенія впередъ человѣчества, но не для литературы. Съ чисто матерьяльной точки зрѣнія эти спиритуально-религіозныя и мистическія тенденціи его радуютъ: литература растетъ въ кризисѣ и питается тревогами. Образцовыя произведенія могутъ родиться только въ состояніи наивности и въ великой бурѣ чувствъ. Во всѣ времена вѣра была источникомъ юности для литературнаго вдохновенія, и одно изъ крупныхъ качествъ Génie du christianisme было доказательство, что религіозный ферментъ, а также мистическій повлекли въ древности, какъ и въ позднѣйшія времена, самыя крупныя возрожденія—религіозныя, художественныя и литературныя. «Надо признаться,—говоритъ Сегюръ,—что со времени вымиранія натурализма и крушенія симво-

лизма французская и европейская литература вообще казалась какъ бы остывшей и пораженной бесплодіемъ. Все, что наука книги Клодь Бернара и Дарвина могла дать для вдохновенія и питанія литературы, Ренанъ, Тэнъ, Зола и др. вполне использовали. Но наука, къ несчастію, мало способна согрѣть сердце поэта и вдохновить ему новый тонъ. Для оплодотворенія литературной почвы требуется новый подъемъ эмотіи. Вотъ почему нѣтъ ничего невозможнаго, что эта постанглія по спиритуальному созерцанію, молитвѣ, мистическому экстазѣ, эта потребность вѣрить въ сверхъестественное, которыя мы видимъ восторжествовавшими въ литературѣ,—являются знаменіемъ небольшого литературнаго возрожденія. Они будутъ плодотворными, прекрасными, наивными и горячими произведеніями». И, по его мнѣнію, это желательное явленіе.

Это новое вѣяніе замѣчается во всѣхъ областяхъ мысли, но особенно въ литературѣ. Послѣ времени мертвой зыби, сухости въ области мысли проявился вѣтерокъ, хотя слабый, тревожный, болѣзненный, но онъ все-таки всколыхнулъ застоявшуюся воду. Если даже считать вреднымъ для ума аскетизмъ, отреченіе и набожность, то напрасно желать противнаго: поэтическія произведенія—неизбѣжный продуктъ тысячи различныхъ вліяній.

Вмѣстѣ съ мистицизмомъ въ нѣмецкой литературѣ проснулся шовинизмъ. По словамъ «Nineteenth Century», за два послѣдніе года нѣмецкая литература поражаетъ шовинистской ноткой. Прежняго соперничества между сѣвромъ и югомъ или между нѣмцами и австрійцами какъ не бывало,—все они сплотились. Все германцы—братья, которымъ суждено защищать одно дѣло, осуществить одинъ и тотъ же идеалъ и сражаться съ однимъ и тѣмъ же непріателемъ. Они должны сомкнуть ряды противъ низшихъ расъ, которыя хотятъ противостоять ихъ прогрессу или сбросить съ себя ихъ плодотворный гнетъ. Славяне, латины и англичане—вотъ враги нѣмцевъ; противъ нихъ надо вести непрерывный добрый цивилизаторскій крестовый походъ. «Германія, Германія—выше всего!»

Одинъ изъ романовъ «Das deutsche Leid» такъ и брызжетъ пангерманизмомъ. Авторъ его, бывший австрійскій офицеръ Рудольфъ Гансъ Барчъ, дебютируетъ въ литературѣ, сразу прославился. Въ его пангерманизмѣ не находится и атома австрійскаго патріотизма. Онъ проводитъ мысль, что прусскіе нѣмцы самые дорогіе изъ его соотечественниковъ, австрійскіе же славяне—самые непримиримые враги, наслѣдственные враги. Но изъ всѣхъ славянъ самые ненавистные враги—словенцы. За каждое оскорбленіе, за каждую несправедливость со стороны славянъ онъ предлагаетъ отвѣтить основаніемъ нѣмецкой школы. Романическій элементъ въ этомъ произведеніи довольно скудный: герой заводитъ сентиментальный романъ со словенской крестьянкой, которую старается онѣмчить, потомъ испытываетъ романическую любовь къ одной чахоточной и затѣмъ женится въ самомъ мѣщанскомъ духѣ. Послѣ женитьбы влюбляется въ молодую дѣвушку на двадцать пять лѣтъ моложе его, которая готова отдать ему свое сердце. Послѣ тяжелой моральной борьбы онъ благодушно отсылаетъ ее къ кукламъ. Другой романъ «Liebe Vaterland» Рудольфа Штратца также съ патріотическимъ настроеніемъ. Здѣсь героиня, дочь прус-

скаго генерала Маргарита фонъ-Тейфернъ, невѣста симпатичнаго лейтенанта Люнеманна, изъ расчета выходитъ замужъ за финансиста Карла Феддерсена, нѣмца, натурализовавшагося въ Россіи и поселившагося въ Парижѣ. Здѣсь она очень несчастлива. У нея двѣ невѣстки—русская и американка; но ужасные французы ей противны, русскіе и англичане ей не нравятся и не умѣютъ понять ея великую нѣмецкую душу. Затѣмъ она разводится съ мужемъ, выходитъ за своего нѣмецкаго лейтенанта и живетъ счастливо.

Другой вопросъ, волнующій нѣмцевъ,—дѣти. Онъ разсматривается въ романѣ «Послѣ третьяго ребенка». У нѣмецкаго офицера трое дѣтей. Содержать семью на жалованье чрезвычайно трудно, и вдругъ его жена Роза замѣчаетъ, что предстоитъ появленіе четвертаго ребенка. Роза въ отчаяніи; совершенно обезумѣвъ, она принимаетъ радикальныя мѣры, чтобы избавиться отъ четвертаго ребенка. Ея мужъ, узнавъ объ этомъ, сначала ее выгоняетъ, затѣмъ прощаетъ. Онъ соображаетъ, что виновница не она, что нѣмецкая родина не можетъ дать достаточно хлѣба всѣмъ своимъ слугамъ. Последніе, чтобы поддерживать семью, часто принуждены удалиться изъ родины и служить ей за морями. Но что дѣлать въ этихъ жалкихъ колониальныхъ имперіяхъ, нездоровыхъ и пустынныхъ? И потому съ горечью въ сердцѣ приходится отправляться въ Америку. «Когда же, наконецъ, Германія будетъ имѣть свои прекрасныя колоніи, куда можетъ переселять свое чрезмѣрное народонаселеніе?» ропщетъ онъ въ заключеніе. Другой романъ изъ военной жизни Вальтера Блэма «Годъ желѣза». Здѣсь авторъ рисуетъ такія картины сраженія, каковыя мы видимъ на лучшихъ картинахъ Верещагина. Вообще въ большинствѣ нѣмецкіе романы выдѣляются патріотическимъ и даже воинственнымъ настроеніемъ.

Вторая особенность въ литературѣ послѣднихъ лѣтъ, обратившая на себя вниманіе критиковъ и отмѣченная въ «Athenaeum», это появленіе множества негодныхъ романовъ. Здѣсь происходитъ тотъ же обманъ зрѣнія, что и въ природѣ: рядомъ съ бѣлымъ грибомъ вырастаетъ поганка, способная обмануть внѣшнимъ видомъ любого грибовика. Такого рода произведенія въ напечатанномъ видѣ способны обмануть Сентъ-Бева на разстояніи трехъ шаговъ, говоритъ критикъ «Athenaeum». Подобный романъ, по его словамъ, менѣе дуренъ потому, что авторъ плохо выражаетъ то, о чемъ онъ хочетъ сказать, чѣмъ потому, что, по правдѣ, и сказать-то ему нечего. По большей части, дурной романъ зарождается изъ случайности; какой-нибудь смутный толчокъ, случайно подмѣченное явленіе, часокъ лѣности—вотъ и родился дурной романъ. Авторъ будущаго дурнаго романа думаетъ: «Прекрасно было бы написать исторію!» или «Вотъ великолѣпная идея для разсказа! Почему бы не попробовать! Попробую!» Обыкновенно мы воображаемъ, что писателя на это натолкнуло любопытство самому извѣдать, что значитъ быть писателемъ, а не желаніе облечь идею въ литературную форму; онъ находитъ забавнымъ дѣлать то, что дѣлалъ Теккерей. Прекрасныя идеи придутъ уже потомъ, вынужденныя существовать противъ самой природы, благодаря раздраженному желанію. Вотъ бумага и перо—и романъ начатъ.

Обыкновенно дурные романисты люди довольно измѣнчивые, гибкіе, одаренные нѣкоторой изворотливостью. Конечно, совсѣмъ не трудно разсказать

исторію! Всѣ мы, не подозрѣвая того, въ письмахъ рассказываемъ исторію. Если все это раздѣлить на главы и т. д., а затѣмъ напечатать, то это будетъ романъ и одинаково, какъ и дурной романъ, обманеть глазъ своего автора на разстояніи одного фута. Авторъ подбодряется, продолжаетъ... Онъ все продолжаетъ и оканчиваетъ. Одинъ разъ на сто, по какой-то ошибкѣ судьбы, его произведеніе напечатано. По расчету, — говоритъ авторъ статьи, — дурные романисты Соединеннаго королевства, подталкиваемые любопытствомъ или силой какой-нибудь идеи, а быть можетъ бѣдностью, каждую недѣлю производить нѣсколько сотенъ романовъ неисправимо слабыхъ. И онъ дѣлаетъ подробный анализъ способа дурныхъ романистовъ излагать романы и зарожденіе у нихъ мысли. вмѣсто того, чтобы найти центральную идею для мѣста, такой романистъ неизбѣжно находитъ мѣсто для центральной идеи. Для него идея — самое существенное. Его импульсъ смутно творческій не является результатомъ долгаго наблюденія, обдумыванія, но онъ хочетъ рассказать что-нибудь необыкновенное, странное, удивительное. У дурнаго романиста тотъ же взглядъ на искусство, что у кружка любезныхъ друзей хорошаго романиста, котораго они осаждаютъ фразами: «Я встрѣтилъ страннаго субъекта; я слышалъ, какъ рассказывали объ удивительномъ случаѣ! Надо бы это помѣстить въ книгѣ!»

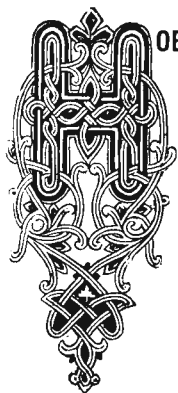
Они не угадали, что цѣлю романиста открывать красоты въ томъ, что нормально, а не въ составленіи какого-нибудь капризнаго зрѣлища. Въ дѣйствительности, настоящаго романиста столь же мало привлекаютъ ненормальныя вещи, какъ мало привлекаетъ художника женщина о двѣнадцати пальцахъ или женщина съ бородою. Другой романистъ ищетъ странной идеи, если только не она имъ овладѣваетъ, и чѣмъ она страннѣе, тѣмъ онъ болѣе ею удовлетворень.

Литературная форма, примѣняемая такими романистами, характеристична тѣмъ, что они привыкли писать фразами, а не словами. О такихъ писателяхъ Шопенгауэръ сказалъ: «Они комбинируютъ скорѣе фразы, чѣмъ слова, пошлыя фразы. Только способные писатели согласуютъ ансамбль словесныхъ индивидуальностей, вполне сознавая ихъ смыслъ. Привычка думать фразами ведетъ къ привычкѣ соображать эпизодами или нагромождать событія подробностями. Дурной романистъ при описаніи обстановки не ограничится, напримѣръ: комната была меблирована со вкусомъ, а напишетъ на эту тему еще девять страницъ. Дурной романистъ, безусловно, неспособенъ сказать, что онъ хотѣлъ бы сказать; но это рѣдко у него найдется что-нибудь особенное сказать. Опытный романистъ часто сознаетъ, что онъ не можетъ вполне выразить свою мысль, что онъ пропустилъ что-нибудь, хотя не цѣликомъ. Дурной же романистъ, просто любитель, никогда не приближается къ своей настоящей мысли, онъ проводитъ время, обезличивая себя, поддѣлывая самъ себя, выдавая себя за сумасшедшаго, гораздо больше сумасшедшаго, чѣмъ онъ на самомъ дѣлѣ. Такова трагедія, которой онъ даже не подозрѣваетъ!»

С М Ъ С Ъ.

ОВЫЯ археологическія находни и клады. Въ Воронежской губерніи, недалеко отъ города, въ группѣ частыхъ кургановъ были произведены раскопки мѣстными археологами. Въ одномъ изъ кургановъ совершенно случайно наткнулись на срубъ, оказавшійся скиѣской могилкой, и изъ нея была вышута цѣлая скиѣская обстановка. По мнѣнію археолога Н. Е. Макаренка, этотъ курганъ, судя по находившимся въ немъ вещамъ, служилъ могилкой одного изъ военачальниковъ. Археологи относятъ скиѣскіе курганы къ VII вѣку до Рождества Христова и не позже III вѣка по Рождествѣ Христовомъ, и потому новый кладъ можно отнести къ рѣдчайшимъ. Наибольшій интересъ изъ вещей принадлежитъ серебряной вызолоченной вазѣ съ барельефными изображеніями сценъ изъ скиѣской жизни. Слѣдуетъ отмѣтить, что Россія особенно богата скиѣскими древностями, и двумя вазами владѣетъ Эрмитажъ. Скиѣскихъ вазъ не имѣетъ ни одно изъ хранилищъ міра. Одна изъ нашихъ вазъ называется кульобской отъ кургана того же названія, находящагося въ шести верстахъ отъ города Керчи, и найдена въ 1831 году, а вторая Чертомлыцкая изъ кургана въ двадцати верстахъ отъ мѣстечка Никополь на правомъ берегу Днѣпра, найденная въ 1862 г. во время раскопокъ подъ руководствомъ знаменитаго русскаго ученаго И. Е. Забѣлина. Насколько цѣнятся наши вазы, можно привести слѣдующій случай. Одинъ французскій ученый и политическій дѣятель, обозрѣвая Эрмитажъ, шутливо замѣтилъ, что для полученія такого сокровища можно даже объявить и войну. Теперь въ эрмитажное собраніе поступаетъ и третья ваза, совершенно отличная и оригинальная по рисунку и изображеннымъ на ней сценамъ. Къ сожалѣнію, она немного сдвлена, вѣроятно, благодаря упавшему срубѣ, но это поврежденіе будетъ исправлено, и отъ него не останется

никакихъ слѣдовъ. Когда археологическая коммиссія получила снимокъ съ вазы, благодаря ея неясности, было высказано предположеніе объ ея поддѣльности, но въ настоящее время установлено, что она подлинная. Вышина вазы до четверти аршина, а вѣсъ еще не определенъ. Кромѣ вазы, среди клада находится рядъ другихъ интересныхъ скиѣскихъ вещей: золотая оковка, какъ предполагаетъ археологъ Макаренко, отъ деревяннаго сосуда, съ превосходными изображеніями лошадей, мезвѣдей и другихъ животныхъ, золотыя пряжки съ схематическими изображеніями лошадиной головы, скиѣскія копья, кольца и много другихъ вещей. Весь этотъ кладъ былъ поднесенъ въ даръ Государю Императору, а Государь Императоръ передалъ его въ археологическую коммиссію для Эрмитажа. Въ скоромъ времени всѣ вещи будутъ переписаны и научно обследованы, а затѣмъ выставлены для публичнаго обозрѣнія. Очень жаль, что до сихъ поръ въ археологической коммиссіи существуетъ странный порядокъ: снимки съ поступающихъ вещей не выдаются до изданія ихъ археологической коммиссіей. Такимъ образомъ публика, особенно провинціальная, еще не скоро увидитъ новое приобрѣтеніе Эрмитажа. Второй кладъ найденъ въ Аккерманскомъ уѣздѣ Бессарабской губерніи, при рытвѣ рабочими канавы. Кладъ весьма необыченъ и является новостью не только для Россіи, но и для заграницы. Среди вещей находятся копья съ золотыми насѣчками и подѣлки изъ серебра съ золотомъ. Н. Е. Макаренко говоритъ, что археологи относятъ подобныя вещи къ періоду за два тысячелѣтія до Рождества Христова, т.-е. почти къ каменному вѣку. Также этотъ кладъ содержитъ удивительной красоты и превосходно полированные монетки изъ нефрита, употреблявшася въ доисторическое время для приготовления различныхъ предметовъ. Новозеландскіе дикари употребляютъ нефритъ и въ настоящее время для выдѣлки топоровъ, ножей, наконечниковъ для стрѣлъ и т. д. Въ Россіи нефритовые молотки найдены впервые. На Штигирскомъ озерѣ въ Пермской губерніи за Ураломъ при обработкѣ торфяниковъ найдена цѣлая серія костяныхъ скульптурныхъ вещей до VIII вѣка. Всѣ вещи поражаютъ своей тонкой выдѣлкой и красотой. Среди нихъ имѣются лошадиныя головы, стрѣлы, пилы, гарпуны, различныя принадлежности охоты и т. д. Профессоръ Спицынъ демонстрировалъ часть этого клада на прошедшемъ стокгольмскомъ съѣздѣ и привелъ въ восторгъ шведскихъ ученыхъ. Въ четырехъ верстахъ отъ города Тамбова, при пересѣченіи Рязанско-Уральской желѣзной дорогой рѣки Цны, у сельца Перикса, располагаются типичныя дюны, песокъ которыхъ эксплуатируется желѣзной дорогой, ради балласта. Какъ въ искусственныхъ выемкахъ желѣзнодорожныхъ вѣтокъ, направленныхъ къ срединѣ дюнныхъ холмовъ, такъ и въ обширныхъ естественныхъ обнаженіяхъ дюны почти всюду ярко выступаетъ темный, углистый, культурный слой, достигающій отъ двухъ до двѣнадцати вершковъ толщины. Обнаженія слоя сопровождаются болѣе или менѣе обильными скопленіями обломковъ весьма древней глиняной посуды, осколками обгившихъ, иногда же обугленныхъ костей животныхъ, остатками кострищъ и обугленными деревьями. Особенно много такихъ явленій открывается по южному склону дюны, обращенному къ озеру «Петрухино поле». Собрана любопытная коллекція древностей, состоящая изъ памятниковъ каменнаго періода, неолитической и желѣзной эпохи. Къ

составу первыхъ принадлежатъ кремневая и однокварцитовое орудіе; а къ составу вторыхъ—большое количество обломковъ глиняной посуды, слѣпленной безъ помощи гончарнаго круга изъ глины, смѣшанной съ крупными зернами кварцеваго песка. Судя по этимъ обломкамъ, можно заключить, что поверхность сосудовъ иногда покрывалась примитивнымъ геометрическимъ орнаментомъ, воспроизведеннымъ то ногтемъ руки, то круглыми, то зубчатыми чеканами и шнурами. Формы и размѣры сосудовъ также разнообразны: встрѣчаются очень крупные экземпляры, но встрѣчаются и совершенно миниатюрные, изъ которыхъ одинъ, несомнѣнно, служилъ тиглемъ для отливки мелкихъ металлическихъ, вѣроятно всего бронзовыхъ или серебряныхъ вещицъ. По своему общему типу, главная масса посуды относится ко времени древнѣйшихъ среднерусскихъ городищъ. Огромное количество и планировка этой посуды на южномъ склонѣ дюны указываетъ на существованіе когда-то въ данной мѣстности значительнаго поселенія. На ряду съ обломками отыскались нѣсколько глиняныхъ пряслицъ, въ видѣ кружковъ, выточенныхъ изъ обломковъ той же посуды, одна глиняная пуговица, обломокъ каменной булавы съ цилиндрической сверлиной и нѣкоторые другіе предметы. Археологическія раскопки древней Ольвиі текущею осенью посѣтилъ предсѣдатель императорской археологической комиссіи членъ государственнаго совѣта графъ А. А. Бобринскій. Въ некрополѣ была вскрыта могила. Въ этой могилѣ были найдены золотыя и разныя другія бусы отъ ожерелья, золотыя и серебряныя кольца, довольно массивныя; у ногъ умершаго—хорошо сохранившееся массивное бронзовое зеркало съ рельефной ручкой, съ пантерой на концѣ, а также различныя самосскіе сосуды. Могила, судя по найденнымъ вещамъ, относится къ половинѣ VI вѣка до Рождества Христова. Вскрытая другая могила, къ сожалѣнію, оказалась ограбленной еще въ древности; въ ней найдены обломки разныхъ сосудовъ и великолѣпный черно-фигурный лекидъ съ изображеніемъ Геракла, борющагося съ быкомъ, спутника его Юлая, развѣсившаго свои одежды и др. Сюда пріѣхала для производства раскопокъ подъ наблюденіемъ профессора В. В. Фармаковского любительница археологіи С. А. Половцева. Въ некрополѣ въ послѣднее время поражаетъ обиліе могилъ съ закладомъ, состоящимъ изъ множества амфоръ; многія изъ нихъ имѣютъ на горлышкахъ клейма и надписи.

Юбилейная выставка картинъ въ гор. Смоленскѣ ¹⁾. Въ Смоленскѣ, одновременно съ торжествами памяти 1812 г., въ только что отстроенномъ каменномъ училищѣ, посвященномъ памяти этой великой эпохи, на вновь спланированномъ бульварѣ, въ виду памятника геройски павшаго П. И. Ангельгардта, открылась первая въ Россіи провинціальная выставка картинъ, исключительно посвященныхъ мѣстной, областной исторіи и написанныхъ мѣстнымъ же уроженцемъ и жителемъ—художникомъ В. И. Мушкетовымъ. Выставка занимаетъ четыре комнаты. Направо отъ входа виситъ небольшая картинка «Гуслиарь». На вершинѣ зеленаго холма, подъ сѣнью деревъ густолистныхъ съдокудрый баянъ поетъ подъ звонъ яровчатыхъ гуслей. Нѣсколько дѣвицъ-красавицъ слушаютъ пѣсню. А вдали видны башни и зубцы стараго рубленнаго го-

¹⁾ Сообщено Е. Клетновой.

рода. И все это подернуто дымкой ярко-алого заката. Хорошее настроеніе навѣваетъ эта картинка и служитъ отличнѣмъ вступленіемъ къ серіи остальныхъ. Тутъ же висятъ нѣсколько эскизовъ къ картинамъ «Убіеніе Глѣба», совершенное именно на Смядыни въ 1015 году, подъ Смоленскомъ. Эта картинка положительно хороша, какъ по компановкѣ, такъ ровно и по экспрессіи изображенныхъ на ней лицъ. Хорошъ и фонъ ея: густолѣсные холмы днѣпровскихъ береговъ въ яркомъ осеннемъ уборѣ. Это, несомнѣнно, то, что называютъ «гвоздемъ» выставки. Рядомъ висящій, почти равный по величинѣ и названный художникомъ «эскизъ» къ первой картинѣ, въ сущности, также интересенъ, представляя нѣсколько иную компановку лицъ. Даже, пожалуй, Горяефръ, убійца Торчинъ, выхватывающій ножъ, и испуганный отрокъ на ней лучше, по зато фигура, а главное выраженіе лица молящагося Глѣба являются, несомнѣнно, болѣе продуманными и лучше переданными, чѣмъ на эскизѣ, на главной картинѣ. Въ обѣихъ картинахъ необыкновенно тщательно выписаны узоры одеждъ и уборъ «пасада» (лодки) св. Глѣба, такъ какъ художникъ стремился въ нихъ возстановить тѣ фрески, которыя были открыты раскопками храма XII вѣка, произведенными на мѣстѣ убіенія св. Глѣба смоленской ученой архивной комиссіей въ 1909 году. Эта эпоха древнѣйшаго Смоленска запечатлѣна еще тремя картинами: когда Смядынь была «пусто-мѣсто» и служила «уложьями» и «звѣриными ловами» для его первыхъ насѣльниковъ. Затѣмъ «Смядынь» въ цвѣтушій, торговый періодъ ея, XII—XIII вѣка, когда заводи днѣпровскія полны были «учанами», «пасадами», «ладьями» и надъ ними развѣвались яркія полотна парусовъ. Наконецъ, когда «св. Меркурій» въ ненастный осенній день шествуетъ къ рубленнымъ воротамъ стараго Смоленска, неся въ рукахъ отсѣченную голову свою. Отъ этой картины такъ и вѣетъ мощью древней христіанской легенды. Двѣ картины изъ жизни преподобнаго Авраамія, когда онъ жаркой молитвой испрашиваетъ дождь на изсушенную землю, хотя тоже относятся къ XIII вѣку, но являются болѣе реальными. «Торжественный въѣздъ великаго князя московскаго Василія III въ Смоленскъ 1514 г.» хороша своимъ жизнерадостнымъ освѣщеніемъ утренней зари, какъ бы говорящей о новой зарѣ для Смоленска, возгорѣвшейся послѣ паденія 110-лѣтняго литовскаго владычества. Затѣмъ три картины относятся ко времени осады Смоленска поляками 1609—1611 г. Изъ этихъ картинъ особенно хороша по настроенію изображающая застѣнный ровъ пылающаго города и валъ, усѣянный мертвыми тѣлами. Тучи и дымъ застилаютъ небо, заволакиваютъ потухающую вечернюю зарю—зарю поработеннаго города. Послѣдняя историческая картина «Петръ Великій въ Смоленскѣ 1698 г.» изображаетъ тотъ моментъ, когда настоятельница Вознесенскаго монастыря, Марѳа Рыванская, умоляетъ царя прекратить казнь стрѣльцовъ. Въ этой комнатѣ помѣщаются еще три своеобразно и удачно написанныя картины: «Видъ древняго Смоленска» съ иконы, находящейся въ селѣ Сверчковѣ, Смоленскаго уѣзда, живописная копія замѣчательной шитой плащаницы XVI вѣка московской работы, отбитой казаками у французовъ и пожертвованной ими Смоленскому собору въ 1812 году; наконецъ «Перенесеніе иконы Вожіей Матери Одитиріи въ 1456 г. изъ Москвы въ Смоленскъ», писанная съ миниатюрнаго древ-

няго рисунка, хранящагося въ церковно-археологическомъ музеѣ. Двѣ комнаты заняты картинами изъ эпохи Отечественной войны, среди коихъ особенно выдѣляется «Смерть П. И. Энгельгардта», какъ выпиской своей, такъ и продуманностью. Интересенъ по мысли эскизъ для обложки «Смоленской Старины». «Двѣ величины»: смоленскій соборъ вдали во всемъ его величїи и голова Наполеона на первомъ планѣ. По положенію онъ какъ бы созерцаетъ соборъ съ Воскресенской горы. Надо, однако, сознаться, что именно Наполеонъ менѣе всего удастся художнику, но все же лучшимъ изображеніемъ его слѣдуетъ признать на картинѣ «Вѣздъ Наполеона въ Смоленскъ 6-го августа». Изъ прочихъ картинъ этой эпохи наибольшее впечатлѣніе производитъ «Выносъ иконы Одигитрии въ ночь на 6-е августа артиллерійскою ротою капитана Глухова», «Казакъ у собора», объявляющій, что мостъ подоженъ: здѣсь хороша толпа въ полномъ отчаяніи и самый соборъ весь въ «пламенѣ розѣ», какъ говорится древними лѣтописцами. Хороши «Партизаны» (старостиха Василиса), въ морозный вечеръ пробирающіеся съ «дрекольемъ»; еще «Лагерь французской арміи подъ Краснымъ», «Безмолвіе» — поле битвы подъ Молоховскими воротами, «Отъздъ Наполеона съ гвардіею» и др. Четвертая комната занята прекрасными этюдами смоленскихъ стѣнъ, башенъ и окрестностей, увѣковѣчивающими въ небольшихъ полотнахъ, къ несчастью, мало еще нами цѣнимое и оберегаемое «драгоценное ожерелье Руси». Каталогъ картинъ этой выставки весьма интересенъ и обстоятельно составленъ мѣстнымъ историкомъ Н. Н. Рѣдковымъ.

Часовня-музей въ память Отечественной войны. 9-го сентября съ большою торжественностью совершено въ Москвѣ освященіе часовни-музея въ память Отечественной войны. Часовня сооружена обществомъ хоругвеносцевъ храма Христа Спасителя и обошлась въ 50,000 рублей. Въ музеѣ будетъ помѣщаться большая часть реликвій Отечественной войны, находящихся въ настоящее время въ Кутузовской избѣ. Въ будущемъ предполагается часовню перестроить въ храмъ во имя св. Архистратига Михаила, имя котораго носилъ знаменитый полководецъ М. И. Кутузовъ. Въ 9 часовъ утра изъ кремлевскихъ соборовъ и храма Христа Спасителя торжественно отправился крестный ходъ къ Кутузовской избѣ. Во главѣ многочисленнаго духовенства слѣдовали престарѣлый преосвященный Мисаилъ, настоятель Симонова монастыря. Крестный ходъ достигъ мѣста торжества въ 12 часу дня. Одновременно въ храмѣ села Покровскаго Фили было совершено торжественное богослуженіе преосвященнымъ Анастасіемъ, епископомъ серпуховскимъ, соборнѣ. Отсюда также двинулся крестный ходъ къ мѣсту торжества. Преосвященный Анастасій, соборнѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ, совершилъ чинъ освященія часовни. Затѣмъ, выйдя на крыльцо часовни, преосвященный произнесъ предъ многочисленною толпой народа глубоко прочувствованное слово, посвященное памяти военнаго совѣта на Филяхъ. Торжество закончилось завтракомъ въ Кутузовской избѣ. Былъ произнесенъ рядъ тостовъ и рѣчей.

Закладка памятника М. Б. Барклаю-де-Толли. Рижское городское управленіе рѣшило ознаменовать столѣтіе Отечественной войны постановкою въ Ригѣ памятника одному изъ героевъ ея, князю М. Б. Барклаю-де-Толи, отпустить на это 25,000 рублей. Затѣмъ для памятника была открыта мѣстная подписка,

давшая значительную сумму. 9-го сентября состоялась закладка памятника, для которого избрано прекрасное мѣсто—въ скверѣ возлѣ кафедральнаго собора, со стороны Елизаветинской улицы (говорять, что по другую сторону собора въ томъ же мѣстѣ будетъ поставленъ памятникъ другому прибалтійцу—графу Тотлебену). По окончаніи церемоніи закладки данъ былъ парадъ войскамъ мѣстнаго гарнизона. Парадъ принималъ командиръ 20-го армейскаго корпуса генераль-отъ-инфантеріи Смирновъ. Въ парадѣ участвовали пѣхотные полки 115-й Вяземскій и 116-й Малоярославскій, 29-я артиллерійская бригада, 20-я мортирная бригада и пограничная стража. Затѣмъ въ Верманскомъ паркѣ состоялся завтракъ. Устроено было торжественное шествіе обществъ, цеховъ и пожарныхъ организаций. Уже съ трехъ часовъ всѣ организациі стали выстраиваться по составленному городской управой церемоніалу. Ровно въ 4 часа дня загремѣла музыка, и шествіе тронулось. Во главѣ шествія была городская управа и дума. Нѣкоторыя организациі привлекли вниманіе публики своими оригинальными эмблемами. Шествіе растянулось на двѣ версты и насчитывало не менѣе десятка оркестровъ и до 170 знаменъ и значковъ. По пути слѣдованія процессіи собрались тысячи зрителей. На Замковой площади общества продефилировали мимо памятника 1812 года. Товарищъ городского головы фонъ-Бульмерингкъ вмѣстѣ съ очереднымъ ландратомъ Шталемъ фонъ-Гольштейномъ отъ имени собравшихся обществъ просили начальника губерніи повергнуть къ стопамъ Государя Императора вѣрноподданническія чувства.

Портфель императора Наполеона. Въ Кіевѣ у г. Лотоцкаго находится рѣдкій памятникъ 1812 года—портфель Наполеона. Портфель—бархатный, красный, уже основательно выцвѣтшій. Лицевая и задняя стороны портфеля украшены серебрянымъ дорогимъ шитьемъ, изображающимъ лавровый вѣнокъ, среди вѣтвей котораго блестятъ звѣзды и пчелы, а по угламъ вышиты буквы I. N. (Императоръ Наполеонъ). На внутренней сторонѣ портфеля находится надпись слѣдующаго содержанія: «Despille M-d de rapiers au Coin de la rue des Matrins rue du Mont Blanc». Портфель этотъ запирается серебрянымъ замкомъ, на которомъ, въ свою очередь, красуются лавровыя листья, пчелы и звѣзды. Портфель этотъ принадлежалъ Наполеону I, что удостовѣряютъ: инициалы I. N., наполеоновскія пчелы и слѣдующій за подписью винницкаго нотаріуса Алексѣя Чагина актъ: «Я, нижеподписавшаяся, помѣщица Подольской губерніи, Ямпольскаго уѣзда, С. С. Ю—чь, продала дворянину Лотоцкому портфель съ буквами по угламъ I. N. императора Наполеона I, въ которомъ онъ хранилъ планъ войны. Портфель этотъ былъ отнятъ отъ французовъ однимъ казацкимъ полковникомъ во время перехода черезъ Березину въ 1812 г. На другой день, когда планы были переданы высшему начальству, портфель купилъ отъ полковника офицеръ русской службы графъ Ксаверій Дунинъ, помѣщикъ имѣнія Стрѣльники, Подольской губерніи, дядя моего перваго мужа, графа Феликса Ледоховскаго. Около 1852 года графъ Шембекъ желалъ приобрѣсти этотъ портфель для Наполеона III, предлагая за него 1,000 полуимперіаловъ, но графъ Дунинъ былъ самъ богатъ и продавать портфеля не желалъ. Нынѣ этотъ портфель принадлежитъ мнѣ, и я, С. С. Ю—чь, продала его г. Лотоцкому за сумму 500 рублей».

Въ академіи наукъ. 12-го сентября, подъ предѣдательствомъ вице-президента академіи наукъ П. В. Никитина, состоялось первое послѣ лѣтнихъ ваканцій засѣданіе историко-филологическаго отдѣленія академіи. Обсуждался вопросъ объ учрежденіи при академіи наукъ новаго отдѣленія по юридическимъ и экономическимъ наукамъ. Экстренное общее собраніе академіи, состоявшееся 1-го сентября, постановило поручить историко-филологическому отдѣленію представить по этому вопросу свои соображенія. Въ засѣданіи 12-го сентября историко-филологическое отдѣленіе рѣшило передать вопросъ объ учрежденіи новаго отдѣленія по юридическимъ и экономическимъ наукамъ на заключеніе специальной комиссіи. Въ составъ комиссіи избраны: вице-президентъ П. В. Никитинъ, А. И. Япжугъ, А. С. Лаппо-Данилевскій и А. М. Дьяконовъ. Собранію далѣе было доложено, что намѣстникъ на Кавказѣ не встрѣтилъ препятствій къ названію предполагаемаго къ открытію въ городѣ Ани археологическаго института «Анійскимъ археологическимъ институтомъ академіи наукъ». Вопросъ о наименованіи археологическаго института возникъ еще въ прошломъ году. Намѣстникъ на Кавказѣ высказался за наименованіе института «Кавказскимъ», академія же наукъ считала болѣе цѣлесообразнымъ вышеприведенное названіе. Въ скоромъ времени академія наукъ представитъ въ министерство народнаго просвѣщенія докладную записку объ учрежденіи въ Ани археологическаго института и возбудитъ ходатайство о выработкѣ соответствующаго законопроекта. Въ томъ же засѣданіи состоялись, согласно одобренному законодательными учрежденіями закону о штатахъ академіи, выборы новыхъ должностныхъ лицъ по азіатскому музею и по музею антропологіи и этнографіи имени Петра Великаго. На новую штатную должность по азіатскому музею избранъ Ф. А. Розенбергъ, а на новыя штатныя должности по музею антропологіи и этнографіи—Э. К. Пекарскій и г-жа Петри.

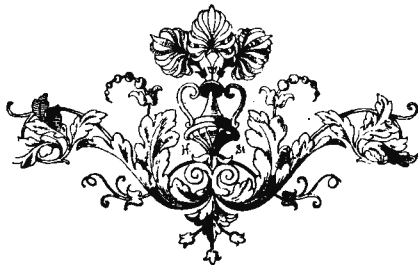
Историческая реликвія. Въ Славянскѣ, въ Вознесенской церкви, что на Солянскихъ заводахъ, находится катафалкъ, или, какъ говорятъ въ народѣ, «наръ»; на которыхъ покоилось тѣло императора Александра I при перенесеніи его изъ Таганрога въ Петербургъ. Теперь на этомъ мѣстѣ находится плащаница Славянской Вознесенской церкви. Катафалкъ представляетъ собою столъ подъ балдахиномъ съ четырьмя позолоченными колонками. На лицевой сторонѣ его надпись: «На семь пьедесталѣ, имѣющемъ плащаницу Господа нашего Иисуса Христа, въ 1825 году, ноябрю—дня, стоялъ гробъ съ тѣломъ въ Возѣ почившаго императора Александра I при перенесеніи онаго изъ Таганрога въ С.-Петербургъ». Надъ этой надписью застекленная круглая серебряная медаль, изображающая главу императора Александра I, увѣнчанную лавровымъ вѣнкомъ. Вокругъ медали выбиты слова: «Александръ I Благословенный скончался въ Таганрогѣ 19-го ноябрю 1825 года».

Гибель исторической крѣпости. Къ числу забытыхъ и, какъ водится, разрушающихся историческихъ памятниковъ принадлежитъ и знаменитая крѣпость Псково-Печерскаго монастыря. Въ продолженіе многихъ лѣтъ крѣпость выдерживала непрерывныя осады враговъ, но теперь сдается передъ неумолимымъ временемъ. Грустное впечатлѣніе получается при взглядѣ на эти когда-то грозныя твердыни въ 380 сажень длины и свыше пяти—вышины. Правда, импе-

раторъ Николай I обратилъ вниманіе на разрушеніе и приказалъ произвести реставрацію стѣнъ и башенъ. Но реставрація вышла неудачной. Во многихъ мѣстахъ были замазаны ворота, задѣланы амбразуры и слуховыя окна, уничтожены выходы, ведшіе къ землянымъ укрѣпленіямъ за стѣной, рушащіяся стѣны были подперты контрфорсами, искажившими архитектуру. Но и произведенная реставрація мало помогла сохраненію крѣпости. Башни разрушаются и угрожаютъ паденіемъ. Огромныя, до полутора-двухъ аршинъ щели раздирають башни, падаетъ сверху камень за камнемъ, и исчезаетъ очертаніе зубцовъ. Рухнули рѣшетки на внутренней стѣнѣ, шатровыя кровли для стражи, уничтожена треугольная стѣна, образующая при входѣ такъ называемой «острогъ». Особенно сильно пострадала восточная башня подъ потолкомъ, запиравшимся подъемной рѣшеткой. Полуразрушенная Литвой въ 1611 году, она теперь настолько обезобразилась, что о ней трудно составить представленіе. Не сегодня-завтра отъ высокой живописной руины останется груда обломковъ. Мало того, что крѣпость заброшена,—она еще и оскверняется. Въ башнѣ, около святыхъ воротъ, устроено настоящее отхожее мѣсто, если не официальное, то терпимое монастыремъ, и войти въ башню нельзя, не испачкавшись объ обильныя человѣческія нечистоты.

Юбилей протоіеря А. А. Ставровскаго. 14-го сентября военно-морское духовенство съ особой торжественностью отпраздновало полулѣтній юбилей служенія выдающагося столичнаго пастыря, настоятеля адмиралтейскаго во имя св. Спиридонія собора и благочиннаго военно-морскихъ церквей, митрофорнаго протоіеря А. А. Ставровскаго. Утромъ въ соборѣ торжественную литургію совершалъ протопресвитеръ военнаго и морскаго духовенства митрофорный протоіерей отецъ Г. Шавельскій въ сослуженіи съ юбиляромъ и настоятелями полковыхъ церквей, митрофорными протоіереями о. Кондратовымъ, о. Голубовымъ и о. Журавскимъ. По окончаніи литургіи духовенство, свыше 70 человѣкъ, протянулось линіей по обѣ стороны до солеи. Вышедшій изъ алтаря протопресвитеръ о. Шавельскій обратился къ юбиляру съ словомъ, въ которомъ отмѣтилъ его пастырскую дѣятельность. Вслѣдъ за этимъ былъ отслуженъ молебенъ о здравіи юбиляра, и къ юбиляру потянулась длинная цѣпь депутацій. Первой привѣтствовала депутація отъ морскаго министерства въ составѣ командира петербургскаго порта генераль-майора Хомутова, директора канцеляріи дѣйствительнаго статскаго совѣтника Ратковича и ктитора храма генераль-майора Ларіонова; депутація передала изящный адресъ въ серебряномъ футлярѣ, на верху котораго изображенъ андреевскій флагъ. Затѣмъ шли привѣтствія отъ военнаго и морскаго духовенства, отъ прихожанъ во главѣ съ сенаторомъ Мамонтовымъ, вручившимъ юбиляру роскошную митру, украшенную драгоценными камнями. Митру тутъ же возложили на голову юбиляра. Поочередно подходили депутаціи отъ клиническаго военнаго госпиталя, гдѣ о. протоіерей священствовалъ, военно-фельдшерской школы, совѣта челоѣколюбиваго общества и его учебныхъ заведеній съ дѣтьми, отъ благочинія петербургскихъ морскихъ и военныхъ церквей, исаакіевскаго четырехкласснаго училища, общества попеченія о бѣдныхъ военно-морскаго духовенства, причта собора и причта гаванской Троицкой церкви и др. Въ залѣ собора тепло встрѣтили юбиляра дѣти

церковно-приходской церкви при соборѣ. Изъ храма всѣ перешли на квартиру юбиляра. А. А. Ставровскій обратился къ собравшимся депутациямъ съ теплымъ словомъ, отвѣтомъ на которое была трижды прочтѣнъ гимнъ. Въ теченіе дня на квартиру къ юбиляру заѣзжало много почитателей съ поздравленіями. Въ храмъ были морской министръ адмиралъ Григоровичъ, его товарищъ вице-адмиралъ Бубновъ, за начальника главнаго морского штаба генераль-майоръ Зилоти, главный медицинскій инспекторъ флота тайный совѣтникъ Зуевъ, адмиралъ Рейценштейнъ, генераль-лейтенантъ Зеленой, директоръ морского корпуса вице-адмиралъ Русинъ, начальникъ рѣчной полиціи генераль-лейтенантъ Наумовъ, директоръ канцеляріи императорскаго человеколюбиваго общества дѣйствительный статскій совѣтникъ Билибинъ и много почетныхъ прихожанъ. Въ этотъ день юбиляромъ получено свыше ста телеграммъ, въ томъ числѣ изъ Кисловодска отъ митрополита Антонія и отъ преосвященнаго гдовскаго Веніамина. Въ тотъ же день юбиляръ удостоился получить портретъ Ея Величества Государыни Императрицы Маріи Феодоровны съ собственноручною надписью.

НЕКРОЛОГИ.

АРШЕВА, К. Н. 24-го августа на 57-мъ году жизни скончалась предсѣдательница общества покровительства безпризорныхъ и освобождаемыхъ изъ мѣстъ заключенія несовершеннолѣтнихъ К. Н. Баршева. К. Н. въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ состояла членомъ общества. А шесть лѣтъ назадъ, послѣ смерти своего мужа, В. С. Баршева, предсѣдателя общества, она была избрана предсѣдательницей. Покойная много способствовала развитію общества. Она на свои средства построила большое зданіе для пріюта имени своего умершаго мужа. И съ тѣхъ поръ пріютъ сталъ призрѣвать уже 60 воспитанниковъ вмѣсто 30-ти, какъ было ранѣе. За свои заслуги обществу покойная нѣсколько лѣтъ назадъ была избрана почетнымъ членомъ. (Некрологъ ея: «Русское Слово», 1912 г., № 197).

† **Высокоостровскій, А. П.** 29-го августа въ Петербургѣ скончался одинъ изъ выдающихся представителей русской богословской науки, бывший профессоръ петербургской духовной академіи Александръ Павловичъ Высокоостровскій. Покойный, уроженецъ новгородской епархіи и питомецъ петербургской академіи, пользовался громаднымъ авторитетомъ въ философско-богословскихъ вопросахъ, считаясь въ этой области прямымъ продолжателемъ извѣстнаго профессора-философа Карпова, теоріямъ котораго онъ посвятилъ массу ученыхъ изслѣдованій. Несмотря на исключительную глубину и обширность своихъ познаній, покойный, вслѣдствіе какого-то фатальнаго стеченія обстоятельствъ, не могъ проявить свои дарованія во всей полнотѣ. Началось съ того, что въ то самое время, какъ покойный писалъ магистерскую диссертацию на тему «О свободѣ воли съ философской точки зрѣнія», іеромонахъ Антоній Храповицкій (нынѣ архіепископъ волынской) написалъ такую же диссертацию на тему «О свободѣ воли съ психологической точки зрѣнія». Такъ какъ послѣдняя диссертация была представлена ранѣе и принесла автору искомую ученую сте-

пень, то работа А. П. была отклонена, хотя совѣтъ профессоровъ и призналъ за ней выдающееся ученое значеніе, допустивъ покойнаго къ чтенію лекцій въ академіи по кафедрѣ логики и метафизики. Двадцать слишкомъ лѣтъ занималъ А. П. эту кафедру, привлекая въ свою аудиторію массу студентовъ, по три года назадъ состоялась смѣна академическаго устава, и покойный, какъ не имѣющій степени магистра, долженъ былъ покинуть кафедру. По оставитъ совсѣмъ родную академію А. П. не могъ и принялъ скромную должность секретаря совѣта и правленія академіи. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13100).

† **Голубининъ, Л. Е.** 10-го сентября скончался экстраординарный профессоръ московскаго университета дѣйствительный статскій совѣтникъ Леонидъ Ефимовичъ Голубининъ. Покойный, сынъ дворянина Екатеринославской губерніи, родился въ 1858 году и воспитывался въ екатеринославской гимназіи, изъ которой поступилъ на медицинскій факультетъ московскаго университета. По окончаніи курса лекаремъ (1880 г.), онъ занялъ мѣсто земскаго врача въ Наровчатскомъ уѣздѣ (Пензенской губерніи), но скоро перешелъ въ младшіе надзиратели Звенигородскаго округа питомцевъ московскаго воспитательнаго дома и затѣмъ въ ординаторы Шеметевской больницы, состоя съ 1894 году врачомъ Екатерининскаго и Александровскаго институтовъ. Удостоенный степени доктора медицины (1896 г.), Л. Е. былъ зачисленъ въ привать-доценты московскаго университета, а съ 1907 года занималъ кафедру экстраординарнаго профессора и былъ директоромъ терапевтической факультетской клиники. Покойному принадлежали: докторская диссертация—«Клиническое значеніе количественныхъ измѣненій красныхъ шариковъ и гемоглобина при нѣкоторыхъ болѣзняхъ» (М. 1896 г.) и цѣлый рядъ специальныхъ статей въ медицинскихъ журналахъ. Кромѣ того, имъ написанъ очеркъ: «Физическое воспитаніе и лазаретъ», помѣщенный въ книгѣ «Московское училище ордена св. Екатерины въ Москвѣ» (М. 1903 г., стр. 375—397). (Некрологъ его: «Московскія Вѣдомости», 1912 г., № 211).

† **Кардиналовскій, П. М.** Въ Одессѣ скончался гласный одесской городской думы, отставной генералъ-лейтенантъ П. М. Кардиналовскій. Онъ родился въ 1841 г. Покойный принималъ участіе въ кампаніи 1863—1864 гг. Прослуживъ въ строю 10 лѣтъ, П. М. поступилъ въ военно-юридическую академію, курсъ въ которой онъ окончилъ по первому разряду. До возникновенія русско-турецкой войны П. М. занималъ различныя должности по военно-судебному вѣдомству, а въ 1878 году былъ назначенъ военнымъ судьей одесскаго военно-окружнаго суда. Въ этой должности онъ пробылъ почти 30 лѣтъ. Въ 1906 году вышелъ въ отставку. Съ этого момента начинается его общественная дѣятельность. П. М. весьма близко интересовался славянскимъ вопросомъ и одно время мечталъ объ основаніи въ Одессѣ славянскаго органа, посвященнаго вопросамъ о судьбѣ славянъ, и въ различныхъ изданіяхъ помѣщалъ статьи по этимъ вопросамъ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13111).

† **Колаковскій, А. А.** 15-го сентября, въ 5 часовъ утра, въ Петербургѣ скончался скоропостижно (отъ кровоизліянія въ мозгъ) талантливый виртуозъ-скрипачъ, профессоръ петербургской консерваторіи Алексѣй Антоновичъ Колаковскій. Родившись въ Подольской губерніи въ 1856 году, онъ пер-

выми музыкальными познаніями обязанъ своему отцу, рано угадавшему музыкальное призваніе сына и отдавшему его для дальнѣйшаго образованія въ кievское музыкальное училище. Но даровитый юноша этимъ не ограничился и по окончаніи училища поступилъ въ петербургскую консерваторію, куда за свои блестящія способности былъ принятъ стипендіатомъ. Здѣсь, будучи однимъ изъ самыхъ раннихъ учениковъ Л. С. Ауэра, онъ еще въ ученическіе годы успѣлъ обратить на себя вниманіе. Онъ окончилъ консерваторію съ золотой медалью и на казенный счетъ былъ отправленъ для виртуознаго усовершенствованія за границу. Выступая очень много въ концертахъ и пользуясь блестящимъ успѣхомъ не только въ Россіи, но и за границей, въ Лондонѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ и другихъ городахъ, Колаковскій рано отдался и педагогической дѣятельности. Въ самыхъ молодыхъ годахъ мы его видимъ преподавателемъ въ московской консерваторіи, что не мѣшало ему одновременно успѣшно занимать полученный по конкурсу постъ перваго солиста-виртуоза въ оркестрѣ императорскаго балета въ московскомъ Большомъ театрѣ. Этотъ постъ онъ вынужденъ былъ покинуть только въ виду усилившейся болѣзни глазъ. Затѣмъ долгое время онъ преподавалъ скрипичную игру въ музыкальномъ училищѣ кievскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества. Лѣтъ семь назадъ онъ былъ приглашенъ профессоромъ скрипки въ петербургскую консерваторію. Послѣдніе годы А. А. выступалъ на концертной эстрадѣ довольно рѣдко, и то больше въ камерномъ ансамблѣ, чѣмъ въ качествѣ солиста-виртуоза. Такимъ образомъ, петербургская публика успѣла нѣсколько забыть его. Молодое же поколѣніе вовсе не могло оцѣнить его выдающихся достоинствъ, какъ скрипача, такъ какъ въ послѣдній періодъ его жизни его игра уже далеко не была такой блестящей и яркой, какъ прежде. Но артистическій міръ хорошо зналъ А. А. и помнилъ его лучшее время виртуоза, когда онъ поражалъ, играя первый концертъ Венявскаго,—это былъ его конекъ,—сильнымъ, красивымъ тономъ, колоссальной техникой и удивительно строгой художественной законченностью передачи. Прекрасный музыкантъ, пользовавшійся большимъ уваженіемъ, А. А. Колаковскій завоевалъ себѣ большія симпатіи и какъ человекъ добрый и отзывчивый, и кончина его горько отзовется въ сердцахъ его многочисленныхъ друзей и всѣхъ лично его знавшихъ. (Некрологъ его: «Рѣчь» № 254, 1912 г.).

† **Коль-Якимова, Н. К.** 13-го августа послѣ продолжительной, тяжелой болѣзни скончалась во Франкфуртѣ-на-Майнѣ Нина Карловна Коль-Якимова. Имя покойной пользовалось среди микробиологовъ большой, вполне заслуженной извѣстностью. Она напечатала рядъ цѣнныхъ изслѣдованій по гематологіи и кровепаразитамъ (трипанозомы у различныхъ животныхъ, лейшманіозъ у дѣтей). Извѣстны также ея работы по химиотерапіи («О вліяніи салъварсана на африканскій возвратный тифъ» и «О вліяніи эндотоксиновъ на дѣйствіе салъварсана»). Покойная работала долгое время въ институтѣ экспериментальной медицины, а затѣмъ, сопровождая мужа въ заграничной научной командировкѣ, во всѣхъ лучшихъ лабораторіяхъ Западной Европы: на зоологической станціи въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Тулузѣ, въ Пастеровскомъ институтѣ въ Парижѣ и въ Тунисѣ и, наконецъ, съ юня 1911 года во Франкфуртѣ въ лабораторіи

профессора Эрлиха, гдѣ съ октября того же года занимала штатное мѣсто ассистентки. Работая повсюду вмѣстѣ со своимъ мужемъ, она была для него не только драгоценной помощницей и сотрудницей, но часто и вдохновительницей его работъ. Покойная Н. К. обладала также недюжиннымъ художественнымъ талантомъ, которымъ пользовалась для иллюстраціи работъ своего мужа и своихъ собственныхъ. Ея талантливые рисунки поражали среди обыкновенныхъ бездарно-ремесленныхъ научныхъ иллюстрацій. Но не за однѣ только научныя заслуги цѣнили покойную всѣ знавшіе его. Ее любили за необычайную кротость и скромность. Всегда веселая, привѣтливая, услужливая, она была общей любимицей во всѣхъ лабораторіяхъ, гдѣ работала. (Некрологъ ея: «Рѣчь», 1912 г., № 231).

† **Лемерсье, К. А.** Московскій художественный мірокъ понесъ крупную потерю: 2-го сентября тихо скончался отъ паралича сердца Карлъ Августовичъ Лемерсье. Покойному было всего 40 лѣтъ, до послѣдней минуты онъ располагалъ хорошимъ здоровьемъ и строилъ, въ связи съ своей галереей, широкіе планы будущаго. Между прочимъ, готовился открыть первую въ этомъ сезонѣ выставку, посвященную произведеніямъ скульптора Жукова и графическимъ произведеніямъ англійскихъ, германскихъ и французскихъ художниковъ. Кромѣ того, однимъ изъ его завѣтныхъ желаній было сосредоточить вокругъ себя ядро молодыхъ русскихъ художественныхъ силъ и создать періодическія всероссійскія выставки, которыя помогли бы имъ сбывать свои произведенія. К. А. по происхожденію былъ бельгіецъ, но родился и выросъ въ Россіи. Въ художественной жизни Москвы онъ принялъ активное участіе послѣ смерти Н. О. Аванцо, отъ котораго получилъ популярный художественный магазинъ. Покойный расширилъ это дѣло учрежденіемъ художественной галереи, открытой имъ четыре года назадъ и успѣвшей завоевать популярность среди нашего общества. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912 г., № 204).

† **Черновъ, В. Е.** 9-го сентября въ Кіевѣ скончался извѣстный! городской и общественный дѣятель профессоръ Василій Егоровичъ Черновъ, въ лицѣ котораго многія ученія, общественныя и благотворительныя учрежденія понесли тяжелую утрату. Покойный, сообщаетъ «Кіевлянинъ», уроженецъ Тифлисской губерніи, сынъ солдата, родился въ 1852 году. Получивъ среднее образованіе въ воронезской гимназіи, В. Е. перешелъ въ императорскую медико-хирургическую академію, которую окончилъ со степенью лекаря въ 1877 году и въ томъ же году былъ опредѣленъ военно-медицинскимъ служащимъ, съ оставленіемъ при клиникѣ военнаго госпиталя. Молодымъ лекаремъ онъ принималъ дѣятельное участіе въ санитарныхъ отрядахъ общества Краснаго Креста въ дѣйствующей арміи во время русско-турецкой войны съ 1877—1878 гг. Въ 1887 году В. Е. былъ назначенъ приватъ-доцентомъ при московскомъ университетѣ, а въ 1889 году—экстраординарнымъ профессоромъ при университетѣ св. Владимира по кафедрѣ дѣтскихъ болѣзней. Съ 1897 года В. Е. занималъ ту же кафедру въ качествѣ ординарнаго профессора. Перу покойнаго принадлежитъ рядъ научныхъ трудовъ. Покойный былъ однимъ изъ учредителей кіевского бактериологическаго института и директоромъ его со дня основанія института до смерти. Первоначально институтъ имѣлъ только пастеровское и сывороточ-

ное отдѣленія, помѣщавшіяся въ одноѣмъ зданіи. Въ настоящее время зданія бактериологическаго института разрослись въ цѣлый городокъ. Покойный принималъ дѣятельное участіе въ учрежденіи въ Кіевѣ женскаго медицинскаго института и самаритскихъ женскихъ курсовъ общества трудовой помощи интеллигентнымъ женщинамъ. Кромѣ постоянныхъ заботъ о расширеніи и развитіи разныхъ вспомогательныхъ медицинскихъ учреждений, покойный былъ виднымъ общественнымъ и земскимъ дѣятелемъ. Съ 1905 года онъ показалъ себя горячимъ сторонникомъ правыхъ организаций, въ дѣятельности которыхъ постоянно принималъ живое участіе. При возникновеніи въ Кіевѣ клуба русскихъ націоналистовъ В. Е. занялъ въ немъ видное положеніе руководителя этого клуба и оставилъ предѣлательствованіе въ немъ лишь весной текущаго года. Въ качествѣ крупнаго землевладѣльца Кіевской губерніи, покойный много лѣтъ состоялъ земскимъ дѣятелемъ. Онъ состоялъ также членомъ строительныхъ комитетовъ, сначала по сооруженію памятника императору Александру II, а въ послѣднее время—П. А. Столыпину. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13112.

† **Чудновскій, С. Л.** Въ Одессѣ скончался 23-го августа Соломонъ Лазаревичъ Чудновскій. Перестало биться горячее сердце стараго идеалиста-народника 70-хъ годовъ, до конца дней своихъ сохранившаго юношескую душу и свѣтлый умъ. Съ раннихъ лѣтъ онъ вошелъ въ кружокъ южныхъ народниковъ, и закалъ, который онъ получилъ въ обществѣ обвиняемыхъ по процессу 193-хъ, остался у него на всю жизнь. Съ годами зрѣли его убѣжденія, становился болѣе ровнымъ его порывистый характеръ, но основной тонъ жизни—глубокая честность и кристальная чистота—остались неизмѣнными до могилы. Каторжная тюрьма, ссылка въ Сибирь, годы странствованій по етапу—сквозь все это С. Л. пронесъ свои идеалы, не согнулся, не уступилъ. Въ Сибири, выйдя изъ тюрьмы, онъ дѣятельно отдался литературной и статистической работѣ. Лучшія сибирскія газеты созидались при его участіи; и на ряду съ другими политическими ссыльными С. Л. много сдѣлалъ для этнографическаго изученія совершенно неизвѣстнаго въ то время края. С. Л. былъ однимъ изъ тѣхъ сибирскихъ политическихъ ссыльныхъ перваго періода, которые способствовали высокому подъему авторитета «политиковъ» не только среди сибирскаго населенія, но и среди администраціи, часто прибѣгавшей къ ихъ услугамъ во всякомъ требующемъ умственной работы предпріятіи. По возвращеніи изъ ссылки С. Л. поселился въ Одессѣ, гдѣ принималъ большое участіе въ мѣстной прессѣ и въ общественной жизни. Онъ былъ членомъ «союза освобожденія», а затѣмъ и мѣстнаго комитета конституціонно-демократической партіи. О своей жизни, полной приключеній и знакомствъ со многими выдающимися людьми, покойный составилъ интересныя воспоминанія. Отрывки изъ нихъ подъ заглавіемъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» недавно печатались въ «Вѣстникѣ Европы» и обратили на себя вниманіе печати. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912 г., № 231).

† **Шершеневичъ, Г. Ф.** Въ Рукавишниковской больницѣ въ Москвѣ скончался извѣстный русскій ученый, юристъ, профессоръ Г. Ф. Шершеневичъ. Родился онъ въ 1863 году въ Казани. Послѣ окончанія юридическаго факультета казанскаго университета Г. Ф. былъ оставленъ при университетѣ. Послѣ

защиты имъ диссертациі въ 1888 году на тему «Система торговыхъ дѣйствій», удостоенной магистерской степени, онъ читаетъ лекціи на юридическомъ факультетѣ въ качествѣ приватъ-доцента. Въ 1892 году защищаетъ докторскую диссертацию «Авторское право на литературныя произведенія» и получаетъ каѳедру гражданскаго права. Труды его многочисленны и посвящены вопросамъ торговаго и гражданскаго права. Главнѣйшіе изъ нихъ: «Курсъ торговаго права», въ двухъ выпускахъ, выдержавшій четыре изданія, «Наука гражданскаго права въ Россіи», «Курсъ гражданскаго права» и др. Кромѣ того, покойный неутомимо работалъ надъ отдѣльными вопросами права, помѣщая свои изслѣдованія въ разныхъ повременныхъ юридическихъ изданіяхъ. Въ Казани въ теченіе ряда лѣтъ онъ былъ предсѣдателемъ юридическаго общества, которое своему процвѣтанію обязано энергіи и способностямъ покойнаго; состоялъ гласнымъ казанской городской думы и дѣятельнымъ членомъ общественныхъ организацій. Въ декабрѣ 1905 года онъ подаетъ въ отставку въ виду избранія его отъ города Казани въ депутаты первой государственной думы, гдѣ онъ примкнулъ къ фракціи кадетовъ. Послѣ роспуска первой думы покойный въ 1906 году приглашается въ московскій университетъ на каѳедру торговаго права, которую и занимаетъ до извѣстнаго конфликта въ московскомъ университетѣ, вынудившаго покойнаго вмѣстѣ съ другими оставить университетъ. Одновременно онъ занимаетъ каѳедры гражданскаго права и торговаго права въ коммерческомъ институтѣ съ момента его функціонированія съ семинаріями по этимъ предметамъ. Съ прошлаго года онъ сталъ читать лекціи и въ городскомъ университетѣ имени Шанявскаго и велъ семинаріи. Г. Ф. являлся однимъ изъ основателей общества народныхъ университетовъ въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 202).

† **Энгельманъ, И. Е.** 6-го сентября въ гор. Юрьевѣ (Дерптѣ) опустили въ могилу тѣло старѣйшаго русскаго цивилиста, И. Е. Энгельмана. Въ русской юридической наукѣ ему принадлежитъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ. Долгіе и долгіе годы онъ былъ авторитетнымъ руководителемъ русской судебной практики и строгимъ учителемъ многихъ поколѣній юристовъ. Въ лицѣ И. Е. ушелъ изъ міра послѣдній могиқанъ русской вѣтви исторической школы, ведущей свое происхожденіе отъ Савиньи и Неволіна. Покойный профессоръ принадлежитъ къ той группѣ ученыхъ этой школы, которая, оставивъ въ сторонѣ политическія тенденціи основателя школы и строго различая понятія закона и права, находила свою задачу въ томъ, чтобы создать изъ положительнаго законодательства послѣдовательную правовую систему, учить юристовъ видѣть въ законѣ отраженіе права, а не случайныхъ и временныхъ тенденцій, заставляетъ ихъ перерабатывать законъ въ право. Труды И. Е., и историческіе, и догматическіе, проникнуты этой основной мыслью. Всякія уклоненія судебной практики при толкованіи закона съ пути права встрѣчали въ И. Е. рѣзкое и рѣшительное осужденіе. Другой характерной чертой дѣятельности покойнаго было то, что онъ, будучи нѣмцемъ по происхожденію, связямъ и симпатіямъ, всю жизнь свою посвятилъ изученію исторіи и теоріи русскаго права. Глубокій и тонкій знатокъ западно-европейской теоріи, И. Е. изслѣдуетъ русскіе источники права, изучаетъ и исправляетъ русскую судебную практику, читаетъ въ

Дерптѣ русское право. Вопреки огромному большинству русских ученых юристовъ, смотрящихъ на русское право сквозь призму западной теории, И. Е. строить систему русскаго права прежде всего изъ него самого, наглядно показывая возможность обособленнаго изученія русскаго положительнаго права. Въ этомъ отношеніи его труды служатъ не превзойденнымъ никѣмъ изъ русскихъ цивилистовъ образцомъ того, какъ нужно изучать русское право... И. Е. родился въ 1832 году въ гор. Митавѣ, воспитывался въ мѣстной гимназій и петербургскомъ университетѣ, гдѣ былъ ученикомъ Певоліна. По полученіи магистерской степени онъ получаетъ приглашеніе занять кафедру въ Ришельевскомъ лицѣ въ Одессѣ, училищѣ правовѣдѣнія и Александровскомъ лицѣ въ Петербургѣ, но этимъ предложеніямъ онъ предпочелъ Ruf изъ Дерпта, гдѣ въ теченіе 40 лѣтъ занималъ кафедру русскаго, а затѣмъ гражданскаго права, занимая часто должность декана факультета. Умѣлый преподаватель своей науки, достойный и независимый носитель профессорскаго достоинства, И. Е. отличался неутомимой научной дѣятельностью, прекратившейся лишь теперь, съ его смертью. Почти наканунѣ ея, весь прошлый и начало текущаго года покойный работалъ надъ третьимъ изданіемъ своего «Учебнаго русскаго гражданскаго судопроизводства». Изъ трудовъ И. Е. пользуются научной извѣстностью: «Систематическое изложеніе гражданскихъ законовъ, содержащихся въ псковской судебной грамотѣ» (напечатано на счетъ петербургскаго университета 1855 г.); «О приобрѣтеніи права собственности на землю по русскому праву» (Спб., 1859); «О давности по русскому гражданскому праву» (Спб. 1868). Оба удостоены уваровскихъ премій по отзывамъ Ѳ. М. Дмитріева и Н. В. Калачева. «Происхожденіе и прекращеніе крѣпостнаго права въ Россіи» (1880—1881), упомянутый выше «Учебникъ русскаго гражданскаго судопроизводства» и рядъ весьма цѣнныхъ юридическихъ статей по русскому праву въ журналахъ. Другой рядъ трудовъ покойнаго имѣлъ задачей ознакомленіе съ русскимъ правомъ Запада Европы. Перу И. Е. принадлежитъ рядъ обзоровъ различныхъ частей русскаго права и монографій, посвященныхъ отдѣльнымъ страницамъ русской исторіи и русскихъ историческихъ дѣятелей. Въ теченіе долгихъ лѣтъ покойный сотрудничалъ въ нѣмецкомъ библиографическомъ изданіи «Centralblatt für Rechtswissenschaft», систематически знакомя Германію съ русской юридической литературой. (Некрологъ его: «Рѣчь», № 245, 1912 г.).

ЗАМѢТКИ И ПОПРАВКИ.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь въ статьѣ «Протодіаконъ всяя Россіи», я учился въ нижегородской гимназій и хорошо помню, что по прибытіи И. А. Тихомирова въ Нижній говорили, что онъ сосланъ изъ Петербурга потому, что на молебнѣ, вмѣсто многолѣтія государю Николаю Павловичу, провозгласилъ «вѣчная память»; вѣроятно, память на этотъ разъ измѣнила отцу протодіакону, такъ какъ онъ (по свѣдѣніямъ, помѣщеннымъ на стр. 536 «Историческаго Вѣстника») не сдержался и на утро чувствовалъ себя не по себѣ.

Жившій въ то время въ Нижнемъ князь Грузинскій выпросилъ у мѣстнаго архіерея Іереміи (впослѣдствіи сосланнаго на житье въ Печерскій монастырь сначала, а затѣмъ въ Благовѣщенскій монастырь, гдѣ онъ и скончался въ началѣ восьмидесятихъ годовъ) отца протодіакона къ себѣ, въ имѣніе Лысково, находящееся на правомъ берегу Волги, противъ монастыря въ Старомъ Макарьевѣ, куда, вѣроятно, и былъ зачисленъ монахомъ отецъ Арсеній. Въ Нижнемъ, въ соборѣ, ему не было разрѣшено служить и только разъ онъ служилъ въ церкви Покрова, вблизи которой находился дворъ князей Грузинскихъ.

М. Фирсовъ.

была для него всё—его восторгомъ, его счастьемъ, его гордостью, любовью, страданіемъ и пыткой, судьбой его юности... и все-таки!..

Мраморъ былъ тяжелъ, и у него дрожали руки.

Онъ сталъ на окно и разжалъ руки, которыя не могли удержать женщину.

Крикъ вырвался у него.

Тяжело ударился мраморъ о жесткія плиты двора и со звономъ разлетѣлся на тысячу кусковъ.

Часовой очнулся отъ своей задумчивости.

Изъ кордегардіи выбѣжалъ дворцовый караулъ.

Альфредъ исчезъ въ окнѣ.

Счастье герцога, разбитое, валялось на глазахъ простыхъ людей изъ народа.

Черезъ часъ гофмаршалъ получилъ краткій приказъ:

«Герцогскій дворъ безотлагательно переносится на неопредѣленное время изъ Кронбурга въ Гогенарбургъ».

XXV.

Недалеко отъ замка Гогенарбурга, въ стѣнахъ котораго, украшенныхъ сказаніями, шесть столѣтій тому назадъ Конрадинъ прощался съ своей матерью Елизаветой, сестрой одного изъ отдаленныхъ предковъ Альфреда, на высотѣ сотни метровъ надъ бурнымъ пѣнистымъ ручьемъ, мчащимся по раздавшимся въ этомъ мѣстѣ скаламъ, вьется въ тиши горнаго лѣса одинокая тропинка. Альпійскіе жители зовутъ ее охотничьей тропой. Тянется она до южнаго отвѣса горъ. Альпійскія фіалки и альпійскія розы растутъ здѣсь подъ ногами путника, передъ которымъ, послѣ утомительнаго восхожденія на вершины скалъ, открывается несравненный видъ.

Въ зеленой безконечной глубинѣ, далеко простираясь на сѣверъ, дремлетъ равнина съ ея деревьями и городками. Стражи герцогства и его границъ поднимали на югѣ горныя кручи, свои головы, съ которыхъ только на нѣсколько недѣль въ самый разгаръ лѣта сходили снѣгъ и ледъ. Въ голубомъ небѣ одиноко кружился королевскій орелъ, увѣренно описывая круги, да ловко и проворно карабкались дикія козы по почти отвѣснымъ скаламъ.

Шумъ водопада, который свергался отсюда въ глубину расщелины, одинъ прерывалъ возвышенную тишину. На покрывалѣ его ниспадающихъ струй солнце играло всеми цвѣтами радуги, отливая расплавленнымъ серебромъ и золотомъ.

Отсюда хорошо видно замокъ Гогенарбургъ. Словно на зеленой пышной бархатной подушкѣ лежитъ онъ въ глубинѣ со своими садами. Словно драгоценные камни въ его коронѣ, изумрудъ и сапфиръ, блестятъ отсюда оба великолѣбныя его озера.

А тамъ, на другой сторонѣ долины, гдѣ постепенно сходятся горы и равнина, по ту сторону водопада, вдругъ почти отвѣсно поднимается со дна долины огромная мѣловая скала въ нѣсколько сотъ метровъ высотой. На первый взглядъ на ея вершинѣ нѣтъ мѣста, но если присмотрѣться къ ней, то можно замѣтить, что на этой уединенной недоступной людямъ вершинѣ можетъ умѣститься, какъ гнѣздо орла, жилище человѣка—замокъ, крѣпость, дворець. Онъ будетъ возвышаться здѣсь упрямо, одиноко, почти недоступно, и будетъ далеко и грозно озирать свою страну. Позолоченный утреннимъ солнцемъ, смѣлый видъ, которому едва ли можно выдумать что-нибудь равное по красотѣ.

На вершину скалы должна была вести улица, извинаяся змѣю и обнесенная исполинской стѣной. Здѣсь на вершинѣ воздвигнется замокъ, хранитель и стражъ, свидѣтель его величія, окаменѣвшая мечта его фантазіи.

Охваченный фантазіями и планами, одинокій Альфредъ каждый Божій день ходитъ изъ Гогенарбурга по этой тропѣ. Лютая зима, наступившая послѣ разрыва съ Адельгейдой, которую онъ провелъ почти въ полномъ отчаяніи въ украшенныхъ картинами покояхъ замка, всецѣло уйдя въ свои фантазіи и планы на будущее, теперь миновала.

Подъ поцѣлуями весны расцвѣла и распустилась въ наступающемъ году тихая мѣстность, гдѣ онъ провелъ свое дѣтство.

На южномъ отвѣсѣ горной стѣны, какъ разъ на томъ мѣстѣ, откуда открывается далекій видъ на Гогенарбургъ, его озера, на мѣловую скалу и гдѣ далекая равнина смыкается на сѣверѣ съ горами, стоитъ вывѣтрившаяся отъ бурь каменная скамейка подъ изображеніемъ Божіей Матери, укрѣпленнымъ на древнемъ дубѣ.

Здѣсь Альфредъ замедляетъ ходъ, садится и, глядя на мѣловую скалу, погружается въ свои гигантскія мечты.

«Въ далекой странѣ, — думалъ онъ, — воздвигнется замокъ св. Грааля, цѣль моихъ желаній и помысловъ, гордая мечта царственного величія, воплотившаяся однимъ словомъ моихъ устъ въ золотѣ и камнѣ, королевскій залъ съ трономъ Пречистаго, на главу котораго будетъ взирать самъ Господь Богъ и надъ которымъ будетъ кружиться бѣлый голубь».

Вдругъ онъ вскакиваетъ. Нетерпѣніе окрыляетъ его шаги. Но онъ стремился не въ Гогенарбургъ.

Сегодня были здѣсь прибывшіе изъ Кронбурга архитекторы, на которыхъ, по приказанію его высочества, возложено было осуществленіе его великаго плана.

Пройдутъ недѣли и даже, можетъ быть, мѣсяцы прежде, чѣмъ его министру-президенту фонъ-Галлереру удастся добиться отъ сейма необходимаго для этой постройки увеличенія цивильнаго листа, прежде, чѣмъ тамъ, на вершинѣ скалы и у подножія ея, будетъ положено основаніе будущаго герцогскаго замка и улицы!

Какъ медлительны люди! И эти архитекторы!

Онъ поручилъ исполненіе этой работы сразу троицъ, и каждый изъ нихъ медлительнѣе и опасливѣе другихъ!

Онъ непремѣнно построить этотъ замокъ св. Грааля тамъ, падѣ гремящимъ водопадомъ, на уединенной скалѣ, на краю равнины и горъ. Черезъ шумное ущелье будетъ перекинута смѣлый мостъ, еще смѣлѣе и красивѣе, чѣмъ тотъ, который долженъ былъ соединять въ Кронбургѣ герцогскіе сады съ противоположнымъ берегомъ рѣки.

За каменной скамейкой шумящій ручей углубляется въ лѣсъ.

Альфредъ поворачиваетъ здѣсь назадъ. Онъ идетъ между высокими елями по почвѣ, усыпанной иглами и покрытой мохомъ. Она мягче и пышнѣе, чѣмъ великолѣпные ковры его Кронбургскаго и Гогенбургскаго дворцовъ. Ничто не нарушаетъ торжественной тишины среди древняго лѣса. Переливаясь, скользитъ золотой лучъ солнца между темно-красными стволами и отбрасываетъ колеблющееся отраженіе на тропинку.

— Какъ хорошо!—срывается съ губъ герцога.

Почти часъ идетъ онъ почти по ровной почвѣ между стволами елей своей родины. Въ концѣ лѣса лежитъ небольшая деревенька Гогенвальдъ. Здѣсь тропа идетъ по берегу ручья, который бурнымъ потокомъ изливается въ далекое смарагдовое озеро.

Альфредъ любитъ это озеро. На южномъ берегу его поднимается крутая, почти недоступная гряда скалъ. Оно глубоко, его вода голубого цвѣта, чистая, какъ волны свѣтлаго ээира, какъ горный снѣгъ, ярко отражающійся въ гладкомъ зеркалѣ.

Въ Гогенвальдѣ герцогъ садится верхомъ. Въ стойлахъ деревенской гостиницы стоитъ его любимый конь Рустанъ. Хозяинъ гостиницы, его жена и дочь знаютъ своего посѣтителя. Бѣлокурая Христина каждое утро подаетъ ему кружку свѣжей воды изъ горнаго источника и букетъ цвѣтовъ, которые она сама набираетъ для него по краямъ горнаго обрыва.

Альфредъ носить костюмъ охотника, хотя онъ ни разу не могъ принудить себя выстрѣлить по какому-нибудь невинному животному, обитающему въ этихъ горахъ. На немъ замшевыя брюки въ сапоги и куртка изъ зеленаго бархата. вмѣсто голубого теперь у него свѣтло-зеленый плащъ. Его шляпа, съ пучкомъ подснѣжника, украшена драгоцѣнной брильянтовой пражкой—единственный знакъ его высокаго положенія, который онъ позволяетъ себѣ въ этихъ горахъ.

Бѣлокурая Христина, дѣлая глубокой реверансъ, приноситъ ему обычную кружку, потомъ втыкаетъ цвѣты въ его шляпу, которую онъ милостиво протягиваетъ. Свѣтло-голубые цвѣты, такіе же почти, какъ ея глаза, которые она едва осмѣливается поднять на его мужественное прекрасное лицо.

Она знаетъ, что онъ недоступенъ, этотъ строитель замка св. Гра-
аля, его посланецъ и король.

Передъ гостиницей деревеньки Готенвальдъ, гдѣ обыкновенно
дождался герцога конюхъ, держа поводья Рустана, стоитъ старая
липа, которой почти тысяча лѣтъ. Она, казалось, благоговѣнно
прислушивалась, когда онъ приближался. Когда же онъ сѣлся
подъ ней и приказывалъ бѣлокурой Христинѣ принести себѣ хлѣба
и молока и сѣсть не рядомъ съ нимъ, а поодаль, такъ, чтобы онъ
могъ ее видѣть и любоваться ея юношеской красотой,—тогда липа
начала рассказывать. И онъ внималъ ея лепету о далекихъ,
безвозвратно ушедшихъ столѣтїяхъ.

Вдругъ онъ вскакивалъ, подзывалъ конюха, бросался на сѣдло
и галопомъ мчался черезъ Готенвальдъ.

Крестьяне толпились на улицахъ, появлялись у оконъ и долго
смотрѣли ему вслѣдъ.

Альфредъ скачетъ вдоль потока, все болѣе и болѣе углубляясь
въ лѣсъ, въ которомъ стоятъ, какъ на стражѣ, столѣтнїе великаны—
дубы и сосны. Течение ручья сопровождаетъ его, оживляя лѣсъ—
самый лучший, какой только есть у него въ горахъ. Здѣсь и деревья
совершенно иныя, чѣмъ въ другихъ лѣсахъ. Благодаря сырости
равнины, на нихъ повисли длинныя гирлянды мха. Слово давно
исчезнувшїе люди—мужчины и женщины, словно герои и героини
давно минувшихъ столѣтїй, смотреть они изъ этой зеленой глубины,
озаряемой меркнувшими здѣсь лучами солнца.

Альфредъ приказалъ построить по срединѣ лѣса хижину, въ ко-
торой онъ отдыхаетъ въ полуденную пору. Онъ называетъ ее своимъ
«уединеннымъ убѣжищемъ». Никто не ждетъ его здѣсь. Однако въ
прохладные дни въ каминѣ пылаетъ яркїй огонь, въ углу лежитъ
вязка еловыхъ дровъ, которыя онъ самъ бросаетъ въ пламя. Около
камна на столѣикѣ придворный поваръ готовитъ заранѣе закуску.
Пустынникъ завтракаетъ здѣсь одинъ. Затѣмъ онъ выходитъ изъ
хижины, пускаетъ Рустана пастись на травѣ въ лѣсу или кормитъ
остатками своего завтрака. Лошадь ѣсть прямо изъ его рукъ, не
отлучается далеко отъ хижины и, какъ собака, приходитъ на его
зовъ.

Громко кукують въ лѣсу кукушки и отчетливо доносятся до
слуха воркованїе дикихъ голубей.

«Королевскїй орелъ вершинъ, голубка равнины»—проносится у
него въ мозгу.

Онъ положилъ руку на шею лошади. Вѣрное животное стоитъ
рядомъ съ нимъ, наклонивъ голову; оно любитъ нѣжное прикосно-
венїе мягкой, маленькой руки своего хозяина. Потомъ герцогъ бро-
сается на траву, смотритъ на голубое небо, на зеленое море и ду-
маетъ. Онъ могъ бы построить и другую хижину въ глубинѣ этого
сказочнаго лѣса!

Онъ снова возвращается въ хижину и вскорѣ возвращается съ тетрадкой исписанныхъ листковъ. Маэстро прислалъ ему ихъ въ Кронбургъ, а оттуда гофмаршальская часть переслала ихъ ему въ его уединенное жилище.

Онъ читаетъ и предается счастливымъ мечтамъ. Обѣими руками хватаетъ онъ золотисто-зеленый воздухъ лѣса, окрашенный листвою и солнечнымъ свѣтомъ, какъ будто онъ можетъ его схватить!

Наконецъ онъ ѣдетъ дальше черезъ волшебный лѣсъ. Открывается лѣсная долина, давно затопленная лучами вечерняго солнца. А кругомъ почтенный, молчаливый лѣсъ!

— Здѣсь это могло бы быть,—вдругъ сказалъ онъ:—именно здѣсь. А не на скалѣ, такой близкой къ Гогенарбурту и къ людямъ, не на вершинѣ, которая такъ гордо взираетъ на равнину. Именно здѣсь, въ лонѣ этого лѣса, непроницаемаго, какъ сами первобытные лѣса древнихъ германцевъ.

О, эти утра и полдни, насыщенные расплавленнымъ свѣтомъ, эти вечера, озаренные пурпуровыми лучами, эти ночи, наводненные серебрянымъ свѣтомъ луны! Великолѣпно здѣсь лѣтомъ, великолѣпно и зимою, когда чистый снѣгъ горныхъ вершинъ покрываетъ своимъ горностаевымъ плащомъ луга и лѣса, когда замолкаетъ даже журчащій ручей, стиснутый желѣзными объятіями мороза.

Домъ, замокъ, небольшой и уютный, для него одного—вотъ что нужно. Вѣло-голубой, съ золотомъ—какъ онъ любитъ. Изъ этой зеленой пронасти должны брызнуть шумящія фонтаны и водопады, чтобы утолить его жажду, освѣжить ему горячій лобъ. Статуи изъ бѣлаго мрамора въ паркѣ! Золотистые и темно-синіе, зеленые и серебристые фазаны! Но тише, тише, чтобы они не мѣшали ему своими хриплыми голосами, какъ на Островѣ Розъ, чтобы они не напоминали ему объ Адельгейдѣ и о томъ, что она сказала про нихъ! Тутъ долженъ быть рай, входитъ въ который могъ бы только онъ одинъ. Здѣсь вотъ долженъ возникнуть гротъ, въ глубинѣ скалы, гротъ еще великолѣпнѣе, чѣмъ въ зимнемъ саду въ его дворцѣ! Гротъ съ синеватой водой и съ настоящими живыми лебедями, а на заднемъ планѣ—картина мирнаго покоя и удовольствія, которую онъ напрасно ищетъ въ грубой дѣйствительности повседневной жизни.

Онъ весь уходитъ въ мечты. Тамъ, въ Кронбургѣ, они неутомимо работаютъ надъ планами его замка св. Грааля на мѣловой скалѣ. Старый Галлереръ ломаетъ себѣ голову, какъ добыть отъ ландтага милліоны, нужные для его государя. А онъ самъ ушелъ теперь еще дальше. Въ глубинѣ волшебнаго лѣса онъ построитъ для себя золотой дворецъ, гдѣ бы онъ могъ погружаться въ сладкіе сны небытія, въ ширвану, заставляющую его забыть все—страну и народъ, тропь и обязанности, Кронбургъ и министровъ, князя Филиппа и Адельгейду и наконецъ даже самого маэстро.

Празднество на озерѣ—ничто въ сравненіи съ этимъ. Здѣсь, въ волшебномъ лѣсу, будетъ волшебный садъ, скрытый въ немъ отъ всѣхъ, затѣмъ волшебный замокъ съ волшебнымъ гротомъ, съ котораго, какъ съ неба, будетъ падать вода и при мягкомъ свѣтѣ луны изливаться въ мраморные бассейны. Изъ лѣса розъ и апельсинныхъ деревьевъ привѣтливо киваютъ мраморныя статуи. Въ темныя лѣтнія ночи море благоуханія будетъ врываться черезъ высокое мраморное окно и обвѣвать его ложе изъ золота и драгоценныхъ камней!

Золотой павлинь, глаза котораго будутъ сдѣланы изъ смарагда и изумруда, будетъ стоять въ передней дворца, стѣны и колонны котораго исчезаютъ въ царствѣ сказокъ и фантазій!

Великолѣпно будетъ здѣсь днемъ, но еще лучше ночью! Тысячи свѣчъ будутъ лить свой кроткій свѣтъ между золочеными колоннами, которыя онъ видитъ уже духовнымъ окомъ совсѣмъ готовыми. Фонтаны будутъ тихо журчать въ паркѣ, надъ темными вершинами котораго взойдетъ полный мѣсяцъ. Вода его грота будетъ отливать всѣми цвѣтами радуги—синимъ, краснымъ, зеленымъ—словно рубины, бирюза, изумрудъ на герцогскихъ регаліяхъ въ Кронбургѣ. И только тогда, когда онъ будетъ тихо скользить между живыми лебедями по темносинимъ волнамъ такой окраски, которая никогда еще не встрѣчалась въ природѣ,—только тогда онъ будетъ наконецъ счастливъ!

Вдругъ онъ вскакиваетъ. Дѣйствительность охватываетъ его снова, и на бѣломъ конѣ онъ другимъ путемъ несется назадъ въ Гогенарбургъ, боязливо избѣгая волшебнаго лѣса.

XXVI.

Неожиданная новость изъ горъ испугала Кронбургъ и всю страну.

Съ вокзала маленькой, расположенной около Гогенарбурга горной деревеньки герцогъ куда-то уѣхалъ, уѣхалъ безъ всякихъ приготовленій, въ сопровожденіи лишь одного Ласфельда. Курьеръ, прискакавшій въ столицу, передалъ министру-президенту распоряженіе герцога, чтобы государственныя дѣла во время его отсутствія были сосредоточены въ рукахъ министерства.

Фонъ-Галлереръ не знаетъ, что ему дѣлать. О цѣли этого путешествія никто въ Гогенарбургѣ ничего не знаетъ. Даже самъ фонъ-Ласфельдъ не имѣлъ никакого представленія о томъ, куда идетъ поѣздъ, заказанный лично герцогомъ.

Вѣшенымъ темпомъ, далеко огибая Кронбургъ, мчался поѣздъ къ сѣверу, къ границѣ герцогства. За быстроту Альфредъ щедро наградилъ изъ личныхъ своихъ средствъ машинистовъ.

Бурно восторженная душа Альфреда мечтала осуществить въ нѣсколько недѣль два гигантскіе замысла, исполненіе которыхъ

на самомъ дѣлѣ требовало многихъ лѣтъ: построить новый герцогскій замокъ на мѣловой скалѣ высоко надъ ревущимъ ручьемъ и соорудить герцогскую виллу въ равнинѣ недалеко отъ его волшебнаго лѣса.

Было яркое солнечное утро, когда герцогъ Альфредъ въ сопровожденіи своего адъютанта прибылъ на вокзалъ города Эйзенаха. Высоко поднимаясь надъ долинами и домами, его привѣтствовало великолѣпное средневѣковое сооруженіе, величайшее въ нѣмецкой землѣ. То былъ прообразъ замка св. Грааля, который будетъ стоять въ Гогенарбургѣ на вершинѣ скалы, гдѣ онъ выбралъ себѣ любимое мѣстопробываніе.

Словно художникъ и архитекторъ, Альфредъ цѣлыми днями безъ усталы ходилъ по Вартбургу, дѣлая замѣтки и набрасывая чертежи. Замокъ св. Грааля также долженъ состоять изъ трехъ этажей, но онъ будетъ болѣе роскошнымъ, блестящимъ, болѣе красивымъ и достойнымъ и его и св. Грааля!

Его собственное помѣщеніе въ новомъ замкѣ должно быть похожимъ на жилище старинныхъ ландграфовъ, только выше, больше, могучѣе, свѣтлѣе и великолѣпнѣе—такое, какого не имѣлъ ни одинъ человекъ на обоихъ полушаріяхъ. Должна быть зала цѣлцовъ съ эстрадой, наподобіе той, съ подмостковъ которой Вольфрамъ и Вальтеръ приводили въ восторгъ ландграфскій дворъ далекаго XIII вѣка.

Да, изъ золота, лазури и бѣлизны должны воздвигнуться въ Гогенарбургѣ на почти недостижимой скалѣ изумительныя творенія. Маэстро, его маэстро, оскорбленный кронбуржцами, отринутый другъ его души, гений, указавшій ему путь къ свѣтлымъ вершинамъ, долженъ ожить въ своихъ твореніяхъ среди этихъ золотыхъ колоннъ несслыханной роскоши! Внѣшній видъ онъ заимствуетъ у этого великолѣпнаго Вартбурга, но и только. Внутреннее содержаніе его творенія должны дать маэстро и онъ самъ.

Его дворецъ долженъ быть выше Вартбурга на четыре этажа и поднимется онъ надъ скалой. Тамъ въ горахъ никто не будетъ обращаться съ рѣчами, не будетъ никакого представительства, города Кронбурга, ни министерства, ни ландтага!

Галлереръ сумѣетъ добыть денегъ, онъ долженъ сдѣлать это, хотя бы для этого пришлось заложить герцогство, которое онъ въ глубинѣ души ненавидѣлъ такъ же, какъ и населявшихъ его лакеевъ.

Могучія ступени—штукъ сто—должны вести съ башни въ жилище, изъ оконъ котораго онъ могъ бы окинуть взглядомъ страну и господствовать отсюда надъ городами и селеніями равнины, надъ озерами и скалами горъ. Несслыханную внутреннюю роскошь этого жилища, мебель, картины, gobлены, предметы искусства, ковры, статуи—порожденія его царственной воли—не долженъ видѣть никто,

кромѣ его одного. Никто по всей странѣ не долженъ строить чего-либо, что могло бы стать рядомъ съ его замкомъ. Даже этотъ Вартбургъ, съ котораго будетъ снятъ вѣншній планъ, не сравнится съ нимъ!

Измѣряя за эти нѣсколько дней въ сотый разъ размѣры Вартбурга, онъ уже видѣлъ духовнымъ окомъ гордо поднимающіяся золоченныя колонны новаго герцогскаго замка. Ему мерещилось, какъ они вмѣстѣ съ маэстро будутъ украшать ихъ! Съ этихъ стѣнъ его должны привѣтствовать Зигурдъ, носитель свѣта, и его рыцарь съ лебедемъ, который долженъ имѣть черты его лица. Далѣе—Вольфрамъ и Вальтеръ, пѣвшіе здѣсь когда-то передъ ландграфами, Гансъ Саксъ, мейстерзингеры, Тристанъ и Изольда и, наконецъ, самъ Парсиваль и священный Грааль!

Вотъ его мечта. При взглядѣ на эту средневѣковую постройку Вартбурга въ его фантазіи поднялись образы перваго творенія маэстро.

Вѣнцомъ этого идеальнаго царственнаго жилища будетъ тронный залъ. Подъ куполомъ этого зала будетъ стоять тронъ изъ золота и слоновой кости—сѣдалище чистѣйшаго изъ королей подъ всевидящимъ окомъ Божіимъ и бѣлаго голубя, несущаго съ собой освобожденіе отъ ига грѣховъ.

Этотъ тронный залъ! Онъ долженъ быть его собственнымъ твореніемъ, дѣтищемъ его души. Расписанный потолокъ будетъ поддерживаться въ немъ мраморными колоннами. На немъ будутъ изображены Богъ Отецъ, Св. Троица, сидящая на престолѣ со всеми ангелами и святыми. Все это будетъ изображено въ свѣтло-синихъ тонахъ. Божья милость, давшая ему положеніе выше всехъ смертныхъ, должна быть представлена въ цѣломъ рядѣ картинъ и статуй этого единственнаго зала въ его новомъ замкѣ. Небо съ изображеніемъ всевидящаго ока и бѣлаго голубя будетъ сдѣлано изъ золота и слоновой кости надъ его трономъ. Религія и его герцогскій санъ должны быть слиты воедино на стѣнной росписи зала. Въ качествѣ хранителей его трона должны стоять въ пишахъ семь свѣтлыхъ добродѣтелей христіаннѣйшаго изъ всехъ королей, воплощенныхъ въ образѣ героевъ религіи: милосердіе и доброта, правосудіе, храбрость, правдивость, мудрость и, наконецъ, божественная милость.

Такъ разрабатывалъ онъ все до мелочей. Изъ Вартбурга непрерывно давались указанія въ Кронбургъ строительному комитету герцогскихъ дворцовъ—учрежденію, вызванному къ жизни прошлой зимой. Туда пересылались его приказанія, чертежи, проекты и наброски.

Почти мѣсяцъ пробылъ Альфредъ близъ Вартбурга, пока не изучилъ его во всехъ подробностяхъ. Потомъ поѣздъ помчалъ его и Ласфельда дальше на западъ.

Въ одно прекрасное утро, позлащенное лучами осенняго солнышка, Альфредъ прибылъ въ Парижъ.

— Подъ строжайшимъ инкогнито, — послѣдовалъ его рѣшительный приказъ.

Но портретъ этого «красивѣйшаго изъ королей» былъ распространенъ и во французской столицѣ. Когда онъ сталъ по вечерамъ появляться въ Большой оперѣ и слушать образцовое исполненіе «Донъ-Карлоса», «Миньоны», «Африканки», «Ромео и Юлія», его скоро узнали.

Онъ обошелъ и тщательно осмотрѣлъ Тюльери, Лувръ, Компьенъ. Могучій соборъ въ Реймсѣ своимъ мистическимъ и династическимъ очарованіемъ приковалъ къ себѣ его впечатлительную душу. Наконецъ, въ одинъ ясный осенній денекъ онъ стоялъ передъ дивнымъ созданіемъ Людовика XIV—Версальемъ.

Баснословные рассказы, связанные съ возникновеніемъ въ песчаной пустынѣ, передъ воротами Парижа этого творенія короля-Солнца, болѣе всего обворожили Альфреда, захватили все его помыслы, разбудили въ немъ фантастическія представленія о могуществѣ короля, о себѣ самомъ и своемъ герцогскомъ величіи. Здѣсь цѣлую рѣку заставили течь по другому руслу. Тридцать шесть тысячъ человѣкъ и тысяча лошадей были заняты безъ перерыва земляными работами въ садахъ, проложеніемъ дороги въ Парижъ, устройствомъ водопровода Менгеновъ.

Если бы онъ могъ сдѣлать что-нибудь подобное! Его замокъ св. Грааля и маленькій герцогскій замокъ въ глубинѣ волшебнаго лѣса были ничто въ сравненіи со всемъ этимъ! Въ короткое время этимъ королемъ королей были построены на его изумительный дворецъ, его парки и водопроводы—пятьсотъ милліоновъ франковъ. Что такое его маленькіе планы въ сравненіи съ этимъ гигантскимъ твореніемъ, съ этимъ истинно-царскимъ раемъ. Нужно было полмилліона франковъ, чтобы только поддерживать этотъ дворецъ въ теченіе года!

Благоговѣніе и острое жало зависти, стыдъ за свою собственную слабость и ничтожность—вотъ чувства, волновавшія Альфреда, когда онъ въ первый разъ встрѣтился съ «могущественнѣйшимъ изъ могущественныхъ на землѣ». Найдется ли гдѣ-нибудь въ герцогствѣ мѣсто, гдѣ могъ бы воплотиться второй разъ такой царственный замыселъ? Удастся ли ему найти въ себѣ силу и величіе, волю и денегъ, чтобы рѣшиться вторично на такое неслыханное дѣло, которое исполнилось только однажды? Десять тысячъ людей свободно находили себѣ жилище въ этомъ дворцѣ.

Дворъ, министры и дворянство Франціи постоянно окружали здѣсь короля, который сумѣлъ вызвать къ жизни цѣлый міръ роскоши и великолѣвія, наслажденій, празднествъ, любви. Можетъ ли онъ сдѣлать нѣчто подобное? Гдѣ, въ какомъ мѣстѣ гер-

цогства можетъ возникнуть такой же дворець? Удастся ли ему сломить вѣднннго врага тамъ въ столицѣ—побороть жадность ландтага и министровъ, и внутренняго—въ своей душѣ, который постоянно гналъ его отъ баснословной роскоши истинно-королевскаго двора въ уединенную тишь его горныхъ лѣсовъ?

Найдеть ли онъ силы?! Здѣсь, въ Версали, передъ воротами Парижа, въ эти дни онъ былъ вѣ себя, чувствовалъ себя выше своихъ слабостей. Что такое были Кронбургъ, герцогство и его маленькій мірокъ въ сравненіи съ этимъ? Въ сравненіи съ нимъ, подражать которому, сравняться и даже превзойти котораго вдругъ стало самымъ сильнымъ желаніемъ.

Уже на дворѣ замка Альфредъ остановился, какъ вкопанный. Золотая статуя короля-Солнца верхомъ, окруженная своими великими шестнадцатью государственными мужами,—это зрѣлище очаровало, захватило его!

Затѣмъ онъ вошелъ въ позлащенные апартаменты короля, расположенные въ нижнемъ этажѣ. Они должны послужить для него образцомъ, хотя бы для этого ему пришлось толкнуть герцогство на край гибели! Это было нѣчто невиданное, что трудно себѣ представить, что далеко оставляло за собой самые смѣлые полеты его фантазіи.

Альфредъ пробылъ въ Парижѣ нѣсколько недѣль. Каждый день ѣздилъ онъ въ Версаль. Зеркальная галерея этого дворца, виды парка, самый паркъ и фонтаны, взлетающіе голубыми струями на высоту почти тридцати метровъ,—все это приворожило его къ себѣ. Музей искусства всѣхъ временъ и народовъ, сказочное царство красоты изъ золота, мрамора и красокъ—вотъ что такое покои короля и изумительные апартаменты королевы. А эти картины надъ позолоченными дверями и на стѣнахъ, изображающія побѣды этого «единственнаго короля» и его царственное положеніе превыше всѣхъ обитателей земли!

Альфредъ опьянялся ими.

«Король править самодержавно, самъ собою», «государство—это я», «моя воля—высшій законъ»—такъ гласилъ изумленной землѣ посланникъ боговъ Меркурій на этихъ картинахъ и изображеніяхъ.

Найдеть ли онъ въ себѣ силы и величія стать такимъ вѣстникомъ для вассаловъ и подданныхъ своего герцогства?

Озаренный чувствомъ королевскаго величія, никогда еще не испытаннымъ имъ въ такой мѣрѣ, онъ всѣ эти недѣли бродилъ среди раззолоченной роскоши. Королевство бѣлой лиліи однимъ ударомъ захватило его здѣсь, въ этихъ чудныхъ апартаментахъ Версаля, и мечта, которую онъ началъ обдумывать передъ воротами Парижа, оказалась ему не по силамъ.

Мечта бурбонской лиліи! Парижъ и Версаль въ уединенныхъ горахъ, фонтаны и паркъ Трианона гдѣ-нибудь тамъ, гдѣ растутъ

горные цвѣты и бѣгутъ подъ ногами быстрые горные ручьи! Родная страна, которую онъ зналъ, которую онъ любилъ больше всего, горы съ ихъ тихими долинами и озерами здѣсь стали исчезать изъ глазъ его фантазій! Онъ искалъ и искалъ!

Еще не было брошено ни одной лопаты земли ни на мѣловой скалѣ, ни надъ расщелиной дикаго ручья, ни около его волшебнаго лѣса, а его подвижная душа была уже занята другимъ.

Милліоны, которыхъ онъ требовалъ отъ Галлерера для начатія постройки, еще не были даны ландтагомъ, а онъ здѣсь мечтаетъ о новыхъ постройкахъ, неслыханныхъ, которыя должны оставить въ тѣни и его замокъ ев. Грааля, и его маленькую герцогскую виллу въ тиши его волшебнаго лѣса. Какъ осуществится все это и гдѣ именно—этого онъ не зналъ и самъ.

Но легкое предчувствіе подсказало ему, что это должно быть огромнымъ дворцомъ, въ родѣ этого, на переднемъ его дворѣ будутъ стоять его собственная конная статуя. Всему этому онъ дастъ названіе «Герцогское озеро», ибо этотъ замокъ, какъ сказка, какъ видѣн е, выплывалъ изъ голубыхъ волнъ передъ очами его фантазій. Фонтаны должны бить въ гигантскихъ резервуарахъ, переливаясь на чудномъ солнышкѣ его горной страны, въ серебристомъ волшебномъ свѣтѣ луны въ безсонныя ночи. Надъ всѣмъ этимъ должна высится золотая фигура Фортуны въ нѣсколько метровъ высотой.

Какъ и гдѣ все это явится? Онъ еще и самъ не зналъ этого! Но здѣсь онъ уже зналъ одно—что это осуществится, что это должно осуществиться непременно. Король королей, чистый, какъ посланецъ св. Грааля и въ то же время похожій на того, чей духъ выступаетъ изъ неслыханной роскоши этихъ раззолоченныхъ палатъ, какъ тотъ, который осмѣлился возвѣстить лежащему у его ногъ въ пыли міру, что король самодержавенъ и управляетъ самъ собою.

Въ немъ онъ нашелъ, наконецъ, свѣтлый прообразъ. Его предки исчезли передъ нимъ. Въ сравненіи съ тѣмъ, что онъ хотѣлъ сдѣлать, они какъ-то съеживались вмѣстѣ съ своимъ Кронбургомъ: передъ нимъ стоялъ теперь ореолъ короля-Солнца и его всемогущей воли.

XXVII.

Мирная тишина окрестностей Гогенарбурга была вдругъ нарушена. Альфредъ самъ пожелалъ этого.

Ежедневно поѣзда привозили сюда тысячи рабочихъ, и грохотъ динамитныхъ взрывовъ, при помощи которыхъ въ груди мѣловой скалы проводили новую улицу, заглушалъ шумъ падающихъ въ пропасть обломковъ камней.

Министръ-президентъ фонъ-Галлереръ сдержалъ слово, данное герцогу на аудіенціи въ Гогенарбургѣ незадолго до отъѣзда его въ

Парижъ. Ландтагъ ассигновалъ на постройку герцогскаго дворца на первый разъ пятнадцать милліоновъ марокъ. Такимъ образомъ можно было безотлагательно приступить къ работамъ.

Расположенную у подножья Гогенарбургга деревеньку, всё окрестные мѣстечки и города нельзя было узнать. Они были похожи на лагерь, куда постоянно приливали новые и новые отряды изъ Кропбурга и разныхъ частей королевства. Альфредъ торопился. То, что онъ одобрялъ на чертежахъ его строителей, то должно было возникнуть какъ можно скорѣе. Но то обстоятельство, что для этого нужны были люди, которыхъ онъ ненавидѣлъ, возбуждало въ немъ отвращеніе. Почему онъ не волшебникъ, почему онъ не можетъ вызвать маповеніемъ волшебнаго жезла изъ голыхъ скалъ его горъ этотъ волшебный міръ его фантазіи?

Онъ рѣшился примириться съ этимъ. Нужно быть терпѣливымъ. Даже ему! И король-Солнце въ Версалѣ долженъ быть ждать, пока камень на камнемъ не закончилась вся эта постройка.

Герцогскіе покои въ Гогенарбургѣ превратились въ мастерскую царственнаго художника, въ которой геній воли обдумывалъ свои грандіозные планы.

Отсюда шли его рѣдкія распоряженія въ Кропбургъ, въ управленіе его частными дѣлами, въ гофмаршалъскую часть, въ министерство, въ президіумъ ландтага.

Ни Галлереръ, ни кто-либо другой изъ министерства, ни одинъ чиновникъ или дворцовый чинъ не могли добиться пріема. Всѣ государственныя и частныя дѣла разрѣшались путемъ переписки, доставлявшейся особыми курьерами. Герцога могли видѣть только архитекторы, художники, живописцы и ремесленники.

Его твердая воля, направленная на единственную цѣль—какъ можно скорѣе закончить постройку герцогскаго дворца и виллы, заставляла его оставаться здѣсь не только въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но и въ продолженіе цѣлыхъ лѣтъ.

Рѣдко появлялся онъ въ Кропбургѣ для пріема какого-нибудь иностраннаго короля или на официальное торжество. Народъ видѣлъ его лишь издали на военныхъ парадахъ, при выступленіи войскъ на маневры, на орденскихъ празднествахъ и на религиозныхъ церемоніяхъ.

Словно грозное облако нависло надъ столицей! Онъ проводилъ здѣсь обыкновенно нѣсколько часовъ, рѣдко нѣсколько дней, чтобы съ быстротой молніи исчезнуть опять въ свои горы, гдѣ со дня на день росли и рѣсли творенія его воли и его фантазіи.

Въ эти годы онъ сіялъ довольствомъ, ибо онъ чувствовалъ себя чужимъ, рѣдкимъ гостемъ Кропбурга и своего народа. А этотъ народъ съ изумленіемъ смотрѣлъ на него.

Вокругъ этого герцога, который жилъ въ полномъ одиночествѣ на краю горъ, рядомъ съ которымъ не было ни одной женщины на

землѣ, о жизни котораго не только въ Кронбургѣ, но и по всему герцогству разсказывали столько удивительныхъ вещей, стала складываться своего рода романтика.

«Мы привыкнемъ къ тому, чтобы управлять издали, подобно свѣтлымъ облакамъ, которыя скрываютъ въ себѣ проклятiе и благословенiе»,—эти слова въ связи съ уединеннымъ образомъ жизни окружили его личность неслыханнымъ ореоломъ.

Всякій разъ, какъ онъ на нѣсколько дней или часовъ спускался съ своихъ горъ къ людямъ въ Кронбургъ, его появленiе производило такое впечатлѣнiе, какъ будто онъ явился изъ другого мiра. Словно какое-нибудь божество, спускался онъ съ чистыхъ высотъ, и все преклонялось передъ нимъ! Предостерегающiе голоса его совѣтниковъ и министровъ, которые они осмѣливались поднимать въ его отсутствiе, теперь замерли сами собой при его лучезарномъ видѣ, его красоты еще не прошедшей молодости.

Словно богъ, идетъ онъ въ средневѣковомъ одѣянии по срединѣ церкви св. Гавріила въ день орденскаго праздника. Вотъ онъ посвящаетъ рыцарей ударомъ меча, идетъ за святѣйшимъ тѣломъ Короля всѣхъ королей, а народъ кричитъ «осанна» и усыпаетъ ему путь цвѣтами. Волны оймiама обвиваютъ его всякій разъ, какъ онъ является изъ своего уединенiя, пока онъ снова не исчезаетъ, подобно прекрасной звѣздѣ, которая свѣтитъ издали.

Никто не рѣшался спорить съ нимъ, никто не могъ противостоять его по истинѣ покоряющей силѣ и красотѣ. Народъ, которому онъ въ гнѣвѣ показывалъ кулакъ, любилъ и боготворилъ его. Горные жители готовы были подложить ему подъ ноги свои руки, чтобы онъ, святой и непорочный, перешелъ по нимъ. Это лишало его послѣдней мѣры, чтобы судить о своей личности и знать границу своимъ желанiямъ.

Пятнадцать милліоновъ марокъ, которые ему въ порывѣ великодушiя ассигновалъ ландтагъ на его гигантскiя постройки, были уже давно истрачены. Послѣдовала вторая, затѣмъ третья, четвертая ассигновка въ такомъ же размѣрѣ, народъ несъ эти тяжести съ легкимъ ропотомъ, но все же несъ. Ни одинъ министръ, ни одинъ чиновникъ въ герцогствѣ не рѣшался противорѣчить категорическимъ распоряженiямъ герцога.

Его дѣло росло и росло... А вмѣстѣ съ тѣмъ росли и небывлицы, которыя разсказывали про него не только въ герцогствѣ, но и во всемъ свѣтѣ. Сiяніе славы и величiя стало окружать его голову, не уступавшую по красотѣ самому Аполлону! Въ нѣсколько лѣтъ онъ сдѣлался самымъ знаменитымъ государемъ на землѣ, онъ, забившійся въ уединенiе горъ, въ глубь недоступныхъ равнинъ!

Горные крестьяне знали его. Они видѣли его ежедневно, и новости о немъ переходили изъ устъ въ уста, доходили до Кронбурга, а оттуда распространялись по герцогству и по всему свѣту!

Говорили, что онъ появляется въ этихъ горахъ лѣтомъ и зимой въ глубокую полночь, словно яркая звѣзда, неожиданно, нежданно, ѣдетъ въ золотой каретѣ, запряженной шестеркою бѣлыхъ, какъ снѣгъ, лошадей. Впереди несется форейторъ, освѣщающій путь факеломъ. Затѣмъ это блестящее видѣніе скрывается за ближайшимъ поворотомъ дороги въ темныхъ еляхъ лѣса, оставляя въ глазахъ тѣхъ, кому удалось его видѣть, болѣзненное ощущеніе неожиданнаго быстрого счастья.

Онъ не говорилъ ни съ однимъ сановникомъ изъ тѣхъ, которые были при немъ. Онъ обѣдалъ всегда одинъ за золотымъ столомъ, который беззвучно поднимался изъ-подъ пола и такъ же беззвучно опускался обратно. Герцогъ удаивалъ говорить только съ какимъ-нибудь конюхомъ, садовникомъ, крестьянскія дѣвушки приносили ему цвѣтовъ, какой-нибудь уличный деревенскій мальчишка нерѣдко получалъ отъ него фіалку, чего не удаивалась ни одна красавица при кронбургскомъ дворѣ.

Говорили, что въ глубокую полночь онъ выходилъ въ лѣсу изъ своей золотой кареты, шель одинъ-одинешенекъ по пушистому мху, который придворный садовникъ изъ Гогенарбурга предварительно украшалъ цвѣтами изъ дворцовыхъ оранжерей. Альфредъ доходилъ до блестящихъ при серебристомъ лунномъ освѣщеніи озеръ и ѣхалъ здѣсь въ лодкѣ по водѣ, въ зеркалѣ которой отражались одинокія гигантскія скалы.

На потолкѣ его одинокой спальни въ Гогенарбургѣ были изображены солнце, луна и звѣзды. Ни одна женщина не переступала порога этой спальни. Мечтая о ней, онъ не спалъ цѣлыя ночи, пока солнце не восходило надъ чистыми высотами. Лишь подъ самое утро тяжелый сонъ падалъ на его отяжелѣвшія вѣки.

Днемъ онъ работалъ неутомимо. Курьеры такъ и летали съ приказаніями и депешами въ Кронбургъ. На листкѣ, собственноручно написанномъ герцогомъ, бывало не менѣ дюжины самыхъ разнообразныхъ и серьезныхъ распоряженій. Вотъ приказъ объ открытіи ландтага, вотъ одобреніе проекта тронной рѣчи, вотъ важная переѣмна въ арміи, почти равняющаяся по важности цѣлой реформѣ, вотъ проектъ картины для будущаго дворца, вотъ заказъ французскаго романа, вотъ распоряженіе о томъ, чтобы придворный курьеръ немедленно ѣхалъ въ Парижъ и въ двадцать четыре часа доставилъ ему фотографію среднихъ воротъ парижской *salle de garde*.

«Я желаю, чтобы мнѣ были доставлены безотлагательно изъ всѣхъ придворныхъ и городскихъ библіотекъ сочиненія, касающіяся Людовика XIV», и такъ далѣе.

Горе курьеру, который вызывалъ противъ себя необузданный гнѣвъ Альфреда при малѣйшемъ упущеніи даже въ самыхъ мелкихъ его распоряженіяхъ. Неожиданно появлялся онъ въ Кронбургѣ, и надъ головою министра-президента разражалась гроза его герцогскаго гнѣва.

Какъ молнія, озарялъ онъ архитекторовъ, художниковъ, рабочихъ, работавшихъ надъ новымъ герцогскимъ дворцомъ вверху или трудившихся тамъ внизу, около волшебнаго лѣса, надъ герцогской виллою—точнымъ воспроизведеніемъ Трианона.

Затѣмъ наступалъ нѣкоторый періодъ, въ теченіе котораго его не видалъ никто.

На Альфреда находили часы, когда онъ не могъ видѣть лица человѣческаго. Министры, являвшіеся на пріемъ, становились за стѣной. Фонтъ-Галлереръ или начальникъ гражданскаго кабинета, не достаивавшіеся видѣть лица своего государя, лишь слышали его голосъ, доходившій до нихъ какъ будто издали. Входя въ покои герцога, слуги должны были надѣвать маски. Затѣмъ Альфредъ вдругъ исчезалъ куда-то иногда на нѣсколько дней, чаще на нѣсколько недѣль, пока ему не удавалось съ помощью своей желѣзной воли преодолѣть такой припадокъ человѣконеаппетитности.

На такіе періоды Альфредъ приказалъ построить для себя охотничій домикъ надъ расщелиной у подошвы высокой скалы, на верхушкѣ которой собирались облака. Онъ ненавидѣлъ охоту. Ни одно животное въ лѣсахъ, ни одна птица въ горахъ не пали жертвою его выстрѣла. Ибо горныя животныя для него были выше, чѣмъ люди тамъ, на равнинѣ. Но этотъ охотничій домикъ, въ которомъ жили одинъ-одинешенекъ старый лѣсникъ, былъ самымъ высокимъ, самымъ тихимъ и уединеннымъ убѣжищемъ, гдѣ затихали его безпокойныя мысли, убаюкиваемые сладкими снами прошлаго, куда не проникалъ шумъ работъ надъ дворцомъ и виллою.

Въ сопровожденіи лишь одного крестьянскаго мальчика изъ Гогенвальда, Альфредъ одиноко бродилъ по прохладной, удивительно красивой и богатой свѣтовыми эффектами расщелинѣ. Сначала дорога шла къ деревенской гостиницѣ, затѣмъ она спускалась все ниже и ниже между стремящимися къ небу скалами, пока не доходила до подножія одинокаго прохода! Здѣсь стоялъ охотничій домикъ герцога—свидѣтель самыхъ тяжелыхъ и самыхъ возвышенныхъ его часовъ, когда онъ боролся съ демонами глубочайшей ночи.

Простой домикъ былъ скромно меблированъ столами и стульями. Его спальня представляла по своей простотѣ разительную противоположность съ раззолоченными апартаментами съ роскошными кроватями въ Кронбургѣ и Гогенарбургѣ. Комнаты домика были украшены драгоценностями, которыя могли доставить эти уединенныя высоты: букетами горныхъ цвѣтовъ, поденѣжниковъ, рогами дикихъ оленей и сернь, которыя были добыты не имъ, а его любимыми охоту, веселыми, жестокими и жизнерадостными предками.

Здѣсь онъ записался, здѣсь онъ держалъ и читалъ наиболѣе любимыя свои книги: «*Siècle de Louis XIV*» Вольтера, «*Князь*» Маккиавелли, данную ему маэстро рукопись «*Паренвала*», Шиллера и драмы Корнеля и Расина.

По ночамъ онъ здѣсь сидѣлъ и читалъ. Дверь охотничьяго домика, выходящая прямо въ дикую горную расщелину прохода, была въ это время открыта настежь, и до его уха долетали крики совы, зовъ сына да томный ревъ горнаго оленя. Въ каминѣ ярко пылалъ огонь, разведенный имъ самимъ. Вѣчныя звѣзды двигались надъ одинокими горными вершинами, на которыя не ступала еще нога человѣческая.

Когда тамъ внизу овладѣвало имъ отчаяніе, надоѣдали приставація разныхъ придворныхъ чиновъ и министровъ, становились противны скрытыя подъ масками лица его лакеевъ и служителей, раздражала медлительность архитекторовъ и голоса рабочихъ, доносившіеся сюда съ новыхъ построекъ, которыя росли все выше и выше, тогда онъ спасался сюда и находилъ здѣсь покой и тишину.

Здѣсь онъ могъ снова сосредоточиться, заставить умолкнуть голосъ преисподней, здѣсь онъ проводилъ одинокія ночи на самомъ краю міра, соприкасающагося съ оцѣпенѣвшими въ вѣчномъ снѣгу горами.

Его взглядъ падалъ прямо на кручи горнаго обрыва, который, казалось, поднимался въ ночной мглѣ до самаго неба.

Тихо проходили наверху облака и звѣзды подъ этимъ міромъ смерти. Они также были одиноки и, казалось, раздѣляли его судьбу. Цѣлыми часами по ночамъ смотрѣлъ онъ на нихъ до тѣхъ поръ, пока въ необъятной выси не загоралась заря, пока всемогущее солнце не давало наконецъ поцѣлуя и суровой скалѣ, возвышавшейся на краю обрыва.

Тогда онъ поднимался наконецъ. Онъ выходилъ изъ охотничьяго домика и смотрѣлъ, какъ наступавшій день боролся здѣсь въ горахъ съ демонами равнины. Клубы тумана неслись, словно кѣмъ-нибудь гонимыя и подстегиваемыя тѣни, черезъ гребень холмовъ тамъ въ глубинѣ. Они зацѣплялись и останавливались въ расщелинахъ, пока сами скалы, какъ будто въ дикомъ отчаяніи, не разрывали ихъ на куски, пока синева горнаго неба, похожая на матовыя незабудки около Гогенарбурга, не становилась темнѣе и темнѣе и золотые лучи солнца не пробивали наконецъ этихъ ночныхъ тумановъ.

Эти лучи отражались въ тысячахъ кристалловъ, въ милліонахъ капель, блестящихъ на лиственницахъ и соснахъ въ глубинѣ горъ и на травѣ возлѣ него.

Тутъ старикъ-лѣсничій, который никогда не долженъ былъ говорить съ нимъ, приносилъ ему стаканъ парнаго козьяго молока, кусокъ черстваго хлѣба, который онъ пекъ самъ. Если онъ былъ въ силахъ съѣсть это, то его воля и единеніе горъ еще разъ заставляли замолкнуть жестокихъ демоновъ, поднимавшихся изъ глубины еще души.

КНИЖНЫЯ НОВОСТИ

МАГАЗИНОВЪ

„НОВАГО ВРЕМЕНИ“

А. С. СУВОРИНА

С.-Петербургъ, Москва, Харьковъ, Одесса, Саратовъ и Ростовъ н.-Д.
«Книжныя Новости» магазиновъ «Новаго Времени» (ежемѣсячные списки вновь поступающихъ въ магазины «Новаго Времени» книгъ) выдаются въ магазинахъ и изъ шкафовъ А. С. Суворина на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ бесплатно, пересылка въ теченіе года 25 коп. (можно марками).

Нижепоименованныя, а также и другія, находящіяся въ продажѣ русскія книги можно выписывать черезъ книжные шкафы А. С. Суворина на желѣзныхъ дорогахъ.

ВЪ СЕНТЯБРѢ 1912 г. ПОСТУПИЛИ НОВЫЯ КНИГИ.

№ 9-й.

Богословіе.

ИВАНОВСКІЙ, Н. Руководство по исторіи и обличенію старообрядческаго раскола. Ч. 2-я и 3-я. Казань. 1912. Ц. 1 р. 20 к. | ПЕТРУШЕВСКІЙ, П. О женской діаконіи и діакониссахъ въ древней христіанской церкви. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.

Философія, психологія, логика.

ИЗОРСКІЙ, Н. Введеніе въ теорію метафизическаго знанія. Проблема чужой одушевленности. Спб. 1912. Ц. 50 к.

Словесность, исторія литературы, критика и библіографія.

ЛЕОНТЬЕВЪ, К. Собраніе сочиненій. Т. 1-й. М. 1912. Ц. 1 р. 75 к. | ПЬТУХОВЪ, Е. Русская литература, историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. I. Введеніе. Древнѣйшая эпоха. Средніе вѣка. Переходное время. Юрьевъ. 1912. Ц. 4 р.

ПОГОДИНЪ, А. Адамъ Мицкевичъ, его жизнь и творчество. Т. 1—2. М. 1912. Ц. за оба тома 4 р.

Беллетристика, поэзія и драматическія произведенія.

АМФИТЕАТРОВЪ, А. Книгиня Настя и другія драматическія сочиненія. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к. | ГЮИ-ДЕ-МОПАСАНЪ. Онп и онъ. Сборникъ рассказовъ. Ц. 50 к.

АНДРЕЕВЪ, Л. Собраніе сочиненій. Т. 12-й. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к. | — Полное собраніе сочиненій. Т. 30-й. Ц. 1 р. 25 к.

«истор. вѣстн.», октябрь 1912 г., т. сxxix.

1/229

- ДИТРИХШТЕЙНЪ, В. Стихотворенія. Одесса. 1912. Ц. 75 к.
- ДМИТРИЕВЪ, В. Червоный хуторъ. Романъ. Ц. 1 р. 25 к.
- ДОРЪ, О. Смѣхъ среди руинъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- ДРАГЕЙМЪ-СРЪТЕНСКАЯ, I. Поздно. Повѣсти и рассказы. Томъ 2-й. Спб. 1912. Ц. 1 руб.
- ЗОЛА, Э. Собрание сочиненій. Т. 9-й. Нана. Ц. 1 р. 50 к.
- ИЗМАЙЛОВЪ, А. Рассказы. Спб. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- КОПШЕ, Ф. Виновный. Спб. 1912. Ц. 30 коп.
- КРЫЖАНОВСКАЯ, В. (Рочестеръ). Болотный пѣвѣтокъ. Сборникъ разсказовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ЛЕЙКИНЪ, Н. Неунывающие россияне. Рассказы и картины съ натуры. Изд. 2-е. Спб. 1912. Ц. 2 р.
- МИХАЭЛИСЪ, С. 1812 г. Вѣчный сонъ. Романъ. М. 1912. Ц. 75 к.
- НАРБУТЪ, В. На охотѣ. Рассказы. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.
- НЕМИРОВИЧЪ - ДАНЧЕНКО, В. Собрание сочиненій. Томъ 9-й. Живые псы и мертвые герои. Ц. 1 р. 50 к.
- ПУЧКОВЪ, А. Юные аккорды. Стихи. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- СБОРНИКЪ 24 иностранныхъ юмористовъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Исторія, біографія и археологія.

- АПУХТИНЪ, В. Симбирское дворянское ополченіе 1812—1814 гг. Матеріалы для исторіи дворянства Симбирской губерніи. М. 1912. Ц. 1 р.
- Рязанское дворянское ополченіе. Очеркъ и матеріалы о формированіи и передвиженіи въ 1812 г. и о военныхъ дѣйствіяхъ рязанскаго ополченія за границей въ 1813 г. Ц. 1 р. 25 к.
- АРКАС, М. Історія україни Русі з малюнками. Краків. 1912. Ц. 2 р. 60 к.
- БАЮВЪ, А. Г. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ. Біографическій очеркъ. Спб. 1912. Ц. 50 к.
- БОРИНЪ, Я. За родные очаги. Война 1812 года. М. 1912. Ц. 50 к.
- ВАСЮТИНСКІЙ, А. и ДЖИВЕЛЕГОВЪ, А. Французы въ Россіи. 1812 г. Ч. II. М. 1912. Ц. 1 р.
- ЕЛЕЦЪ, Ю. Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Съ 10 рис., картой и нотами. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- КОРОЛЬКОВЪ, Н. Событія смутнаго времени на Руси. Воцареніе Дома Романовыхъ. Ц. 60 к.
- ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА и русское общество. Юбилейное изданіе по подпискѣ. Вышелъ т. 6-й. Цѣна за 7 т. въ переплетѣ. 30 руб.
- РОДИНА. Военно-историческій альманахъ. 1812—1912 гг. Одесса. 1912. Ц. 2 р.
- САНИНЪ, Н. Село Ныроби и его древности. 1912. Саратовъ. Ц. 30 к.
- СИВИЦКІЙ, С. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Рига. Ц. 80 к.
- СИНГАЛЕВИЧЪ, С. Критъ въ началѣ историческаго существованія. Казань. 1912. Ц. 30 коп.
- СЛАВЧЕНКО, М. Матеріалы по малорусской сфрагистикѣ. Одесса. 1912. Ц. 20 к.
- СОНЕВИЦКІЙ, П. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912. Ц. 65 к.
- ТРУДЫ московскаго отдѣла Императорскаго Русскаго военно-историческаго общества. Т. I. Росписной списокъ гор. Москвы. 1638 г. М. 1911. Ц. 4 р.
- Томъ 2-й. Матеріалы объ Отечественной войнѣ. Ц. 4 р.
- ФОНЪ-ГЕЛИНЪ, Записки офицера арміи Наполеона. М. 1912. Ц. 25 к.
- ШОСТАЦКІЙ, Е. Отечественная война. Спб. 1912. Ц. 30 к.

Правовѣдніе, общественныя науки и публицистика.

- АЛЕКСАНДРОВСКІЙ, Ю. Законъ объ устройствѣ кредита для городовъ и земствъ. Уставъ кассы городского и земскаго кредита. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- АФЕНДИКЪ, Н. Къ вопросу о привлеченіи частныхъ капиталовъ къ оборудованію портовъ и устройству сѣти элеваторовъ. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- БЕЛЬМОНТЪ, J. Развязка тайны дѣла графа Роникера. Варшава. 1912. Ц. 1 р.
- БОГОНОСЪ, А. Какъ уничтожить узкопослуду. М. 1912. Ц. 15 к.
- БЫХОВСКІЙ, В. Бракъ и разводъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.
- ГОРЕВЪ, В. Сборникъ задачъ по русскому условному праву и процессу. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ГУДВАНЪ, А. Законодательная охрана труда праначиковъ. Одесса. 1912. Ц. 40 коп.
- ГУЛЯЕВЪ, А. Векселя. Общее ученіе о векселяхъ. Вексельный уставъ съ разъясненіемъ. М. 1912. Ц. 80 к.
- ГУРСКІЙ, П. Новый уставъ о пенсіяхъ и единовременныхъ пособіяхъ чинамъ военнаго вѣдомства и ихъ семействамъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.
- ДАВИДОВИЧЪ, М. Петербургскій текстильный рабочій въ его бюджетахъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.
- ДАШКЕВИЧЪ, В. Переселеніе въ Сибирь. Спб. 1912. Ц. 30 к.
- ЛАВРЕЦКІЙ, Гр. Законъ 26 іюня 1912 г. Объ устройствѣ кредита для городовъ и земствъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.
- ЛИТВИНОВЪ - ФАЛИНСКІЙ, В. Какъ и для чего страхуются рабочіе. Полный текстъ новыхъ законовъ о страхованіи рабочихъ съ объясненіями. Спб. 1912. Ц. 35 к.
- Новые законы о страхованіи рабочихъ. Текстъ законовъ съ мотивами и подробными разъясненіями. М. 1912. Ц. 3 р.
- ЛОПАТИНЪ, Н. Справочникъ для временныхъ членовъ военно-окружныхъ и временно-военныхъ судовъ мирнаго и военнаго времени. Съ допол. и разъясненіемъ. по 1 янв. 1912 г. Кіевъ. 1912. Ц. 75 к.
- НАЗАРОВСКІЙ, М. Очерки по исторіи тероріи коллективно-капиталистическаго хозяйства. Т. 1-й. Ч. 1-я. Сидячаты, тресты и комбинированныя предпріятія. М. 1912. Ц. 2 р. 80 к.
- НЕВСКІЙ, А. Ленскія событія и ихъ причины. Спб. 1912. Ц. 60 к.
- НЕДОШИВИНЪ, А. О Международной монетной системѣ и эсперантскомъ чекон-

вомъ банкѣ въ гор. Лондонѣ. Ковно. 1912. Ц. 10 коп.

НОВЫЙ ЗАКОНЪ о воинской повинности, Высочайше утвержденный 23 июня 1912 г. Правительственное изданіе. Цѣна 10 к., съ налож. плат. 30 к.

ОТЧЕТЪ о VII всемирномъ конгрессѣ эсперантистовъ въ гор. Антверпенѣ, съ 7 по 14 авг. 1911 г. Ц. 50 к.

РАБИНОВИЧЪ, А. Родители, дѣти и родственники. Очеркъ русскаго законодательства. Текстъ закона съ разъясн. Образы документовъ и бумагъ. Таблица родства. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

РУДИНЪ, Н. Законъ 5 июня 1912 г. о преобразованіи мѣстнаго суда. Спб. 1912. Ц. 3 р.

СВОДЪ ЗАКОНОВЪ т. 10-й ч. 3-я. Положеніе о землеустройствѣ, оффиц. изданіе, 1912. Ц. 6 к.

СИКОРСКІЙ, И. Основы алкогольной политики въ Россіи. Кіевъ. 1912. Ц. 20 к.

СТАТИСТИКА долгосрочнаго кредита въ Россіи. 1912 г. Вып. 1-й. Подъ ред. А. К. Голубева. Спб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

СТРАХОВЫЕ законы 23 июня 1912 г. Вып. 1-й. Объ обвѣщеніи рабочихъ на случай болѣзни, о страхованіи рабочихъ отъ несчастныхъ случаевъ и проч. Спб. 1912. Ц. 20 к.

СЫРОМЯТНИКОВЪ, А. Новый законъ о пенсіяхъ для служащихъ въ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ Мин. Нар. Пр., вводимый въ жизнь съ 1 июля 1912 г. Одесса. Ц. 30 к.

— Новые штаты, вводимые съ 1 июля 1912 г. въ мужскихъ гимназіяхъ, прогимназіяхъ и реальныхъ училищахъ. Ц. 30 к.

ТЮТЧЕВЪ, А. П. Правила и порядокъ взысканія съ крестьянъ долговъ частныхъ и казенныхъ. Спб. 1912. Ц. 65 к.

УСКОКОВИЧЪ, М. Завѣтъ русскому народу. Одесса. 1912. Ц. 1 р.

ЧИСТЯКОВЪ, И. Страхованіе рабочихъ въ Россіи. Опытъ исторіи страхованія рабочихъ, въ связи съ нѣкоторыми другими мѣрами ихъ обезпеченія. М. 1912. Ц. 3 р.

Искусство.

ЕЖЕГОДНИКЪ Императорскихъ Театровъ. Вып. III. 1912. Ц. 1 р.

ЛУКОМСКІЙ, Г. Наши архитектурные вандализмы. I. Исторія рѣшетки Казанскаго собора. Ц. 75 к.

— О древне-русскомъ зодствѣ Чернигова. Ц. 1 р.

ОБЩЕСТВО художниковъ «союзъ молодежи». №№ 1-й и 2-й. Ц. по 50 к.

ПАМЯТНИКИ музея изящныхъ искусствъ имени Императора Александра III въ Москвѣ. Выпуски I—II. М. 1912. Цѣна съ атласомъ 16 р.

Естествознаніе и математика.

БАРЗИЛОВСКІЙ, Я. Конспектъ лекцій по неорганической химіи. Кіевъ. 1912. Ц. 80к.

ГАГАРИНЪ, А. Приборы, дающіе зависимость между усилиями и деформациями во время удара. Спб. 1912. Ц. 2 р.

КИСТЯКОВСКІЙ, В. Электрохимія. Ч. 1-я. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

МИТКЕВИЧЪ, В. МАГНЕТИЗМЪ И ЭЛЕКТРИЧЕСТВО. СЪ 144 РИС. СПБ. ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА. 1912. Ц. ВЪ ПЕРЕПЛ. 2 р. 25 к.

НЕВЯДОМСКІЙ, Р. Свойства рядовъ Фибоначчи. Новый методъ разложенія чиселъ на первоначальные множители. М. 1912. Ц. 1 р.

ПУШКИНЪ - БАЧИНСКІЙ, В. Извращеніе предмета физической химіи на почвѣ Аристотелевской метафизики. Спб. 1912. Ц. 20 к.

ТРЕЛЬБ - ЛУНДЪ. Небо и міровозарѣніе въ кругоротѣ времени. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

УСПѢХИ биологій. Сборникъ статей о важнѣйшихъ изстѣдованіяхъ послѣдняго времени. Вып. 1-й. Одесса. 1912. Ц. 1 р. 50 к

ФИЛИПНОВЪ, А. Четыре ариеметическія дѣйствія. Числа натуральныя. Одесса. 1912. Ц. 70 к.

ФУРНЬЕ, Э. Теорія электроновъ. Общедоступное изложене современной теоріи электричества и магнетизма. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ШЛЕЙЕРЪ, А. и НЕЙНЦИГЪ, К. Жужки Европы, съ 465 рис. въ краскахъ на 20 табл. М. 1912. Ц. 3 р.

— Птицы земного шара. Съ 239 рис. въ краскахъ на 30 таблицахъ. М. 1912. Ц. 3 р.

Географія, этнографія, антропология, путешествія.

БРЯНЧАНИНОВЪ, Н. Востокъ и Западъ. Въ автомобильѣ по Франціи. Англійская Ривьера. М. 1912. Ц. 1 р.

НЕКАРСКІЙ, Э. и ЦВѢТКОВЪ, В. Прианскіе тунгусы. Спб. 1911. Ц. 50 к.

САПОЖНИКОВЪ, В. В. Пути по русскому Алтаю. Томскъ. 1912. Ц. 2 р. 25 к.

ТОЛМАЧЕВЪ, И. П. По Чукотскому

побережью Ледовитаго океана. Спб. 1911. Ц. 1 р.

ТРОЩАНСКІЙ, В. Ф. Наброски о якутахъ Якутскаго округа. Казань. 1911. Ц. 1 р.

ХОЛЬЦОВЪ, Л. Современная Америка. Историко-географія, политич. и экономич. очеркъ Сѣв.-Амер. Соедин. Штатовъ. Спб. 1912. Ц. 3 р.

Сельское хозяйство и домоводство.

ВАРЕНЬЯ, наливки, конфеты и пр. Практическ. руководство къ приготовленію домашнихъ способомъ. Ц. 50 к.

ВИНОГРАДНИЦА, фруктовая и ягодная

вина. Натуральныя и искусственныя Практич. руководство. Ц. 50 к.

ГЕРТОПАНЪ, А. Кукуруза, какъ ее воздѣлывать и какую пользу отъ нея можно

1/229*

получать въ хозяйствахъ. М. 1912. Цѣна 12 коп.

ГОЛЬДЕНЪ, П. Г. Азбука культуры кукурузы. Кишиневъ. 1912. Ц. 2 р.

ГУРИНЪ, Г. Какъ устраиваются помѣщія для животныхъ. Конюшни, скотные дворы, овчарни и свинарни. М. 1912. Ц. 30 к.

ЛЪСА СЪВЕРА и ихъ главнѣйшія нужды. Спб. 1912. Ц. 60 к.

НЕВЪЖИНА, К. Полная поваренная вегетарианская книга. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЯ шипучія минеральныя и фруктовыя воды и другіе напитки. Ц. 50 к.

РАЙКОВСКІЙ, В. Промысловое пчеловодство. Спб. 1911. Ц. 1 р.

РЕЙСИХЪ, В. Помолы русскихъ мельницъ. Одесса. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

РУССКІЙ шипучій квасъ и домашнее пивовареніе. Ц. 40 к.

СИНИЦЫНЪ, П. В. Убойныя качества мясного откормленнаго скота русскихъ и иностранныхъ породъ, разводимыхъ въ Россіи. М. 1912. Ц. 60 к.

Торговля и промышленность. Счетоводство.

БОГДАНОВЪ, Е. А. и СИНИЦЫНЪ. Мясной вопросъ въ Россіи и современное положеніе ското- и мясопромышленности въ Россіи. Ц. 1 р. 50 к.

МЕЩЕРСКІЙ, А. Новая лень и его борьба съ хлопкомъ. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Технологія, строительное и инженерное искусство. Ремесла.

БОГДАНОВЪ, Н. С. Желѣзобетонныя сооруженія изъ кладной. Спб. 1912. Ц. 85 к.

ГРИНЕВЕЦКІЙ, В. Тепловыя силовыя станціи. Повторительный курсъ для инженеровъ. М. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

МОЧАРУКЪ, И. Судовые двигатели внутренняго сгорания. Съ 154 чер. и рис. Кронштадтъ. 1911. Ц. 2 р. 50 к.

НИХОН, W. Морскія паровыя турбины Парсона. Управление и уходъ за ними. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

СОКОЛЬСКІЙ, В. Принципы экономичности въ строительномъ дѣлѣ. Спб. 1912. Ц. 2 р. 50 к.

СПРАВОЧНАЯ КНИГА мыловара и мыло-заводчика. Составлена при участіи инж.-хим. И. Гальперина, доктора И. Да-

видсонъ, М. Зильбергелъ, П. Злобинскаго и др., подъ редакц. Б. Пантелеймонова. Съ 86 рис. Спб. 1912. Ц. 1 р.

СЫРОМЯТНИКОВЪ, М. Справочная книга по технике сахарнаго производства. Кіевъ. 1912. Ц. въ перепл. 1 р. 60 к.

ФЛЕККЕЛЬ, О. Кровельное желѣзо въ сельскомъ огнестроительствѣ. Спб. 1912. Ц. 20 к.

ШМИДТЪ, К. КОНДЕНСАЦІЯ ПАРОВЫХЪ МАШИНЪ И ПАРОВЫХЪ ТУРБИНЪ. ПОСОБІЕ ДЛЯ СТУДЕНТОВЪ И КОНСТРУКТОРОВЪ. СЪ 137 ФИГ. ПОДЪ РЕД. А. РАДЦИГА. СПБ. ИЗД. А. С. СУВОРИНА. 1912. Ц. ВЪ ПЕРЕПЛ. 2 р. 25 к.

Медицина, гигиена, анатомія, физиологія и хирургія. Ветеринарія.

ЖУКЪ, В. Н. Роды безъ болей. Какъ достигнуть безболѣзненныхъ для матери и безопасныхъ для ребенка родовъ. Спб. 1912. Ц. 30 к.

КРАТКІЙ курсъ судебной медицины. Кіевъ. 1912. Ц. 55 к.

МАКСИМОВЪ, Е. Краткій курсъ ученія о вывихахъ, переломахъ и повязкахъ. Съ 86 рис. Спб. 1912. Ц. 60 к.

МАЛЫЦЕВЪ, А. Ф. Курсъ психіатріи для помощниковъ врачей и учащихся. Полтава. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

МАРГОЛИНЪ, Д. Краткій курсъ фармаціи и фармакогнозіи для студентовъ-медиковъ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

МИКЯЛЭНЪ - МИКАЛОВСКІЙ, П. П. Какъ получать желаемый полъ и масть потомства и улучшать породу. Спб. 1912. Ц. 75 к.

SUWARS, F. Хирургическая помощь въ неотложныхъ случаяхъ. 2 тома. М. 1912. Ц. 8 р.

СВРНОВОДСКІЙ. Курортъ Сѣвернаго Кавказа. Ц. 55 к.

ТЮТЧЕВЪ, А. П. Цѣлительныя силы курорта Елпаторіи. Спб. 1912. Ц. 50 к.

ШМИДТЪ, Г. и ФРИДГЕЙМЪ, Л. Valdemusim по діагностикѣ и терапіи. Кіевъ. 1912. Ц. въ переплѣ 1 р. 50 к.

Военное и морское дѣло.

ГОЛОВИНЪ, Н. Служба Генеральнаго Штаба. Вып. 1. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

ПИСАРЕВЪ, А. Подробное извѣстіе о лейбъ-гвардіи Семеновскомъ полку. Спб. 1912. Ц. 1 р.

Воспитаніе и обученіе. Учебныя руководства.

АБРАМОВЪ, С. Начальный курсъ гигиены. Спб. 1912. Ц. 80 к.

АРБАТСКІЙ, Е. и ТЮЛЕЛЕВЪ, К. Vestibulum Linguae Latinae. Грамматика и

хрестоматія латинскаго языка. Ц. 1 р. 25 к.

ГАНЪ, И. Правила и программа для поступающихъ въ приготовительный классъ

мужских гимназий и прогимназий. Ц. 0 к.
— То же для поступающих въ 1-й классъ. Ц. 10 к.

— Программы городскихъ училищъ. Ц. 20 к.

GIFFON-KOTELNIKOFF, N. Сокращенная французская грамматика, составлена примѣнительно къ правиламъ русской грамматикѣ. Спб. 1913. Ц. 60 к.

ГОЛОЖОБОВЪ, К. Законовѣдѣніе. Курсъ среднихъ учебныхъ заведеній. Саратовъ. 1912. Ц. 1 р. 80 к.

ГОНЧАРОВЪ, П. Коммерческая арифметика. Ц. 1 р. 25 к.

ДЕМКОВЪ, М. Старые и новые педагоги. Ихъ жизнь, мысли и труды. М. 1912. Ц. 75 к.

ДОРОФЬЕВЪ, Н. К. Школьный музей. Опытъ программы и способа составленія школьнаго музея. Люблинъ. 1912. Ц. 50 к.

ДРУЖОКЪ, календарь для учащихся въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ, на 1912—13 учебн. годъ. Ц. 15 к.

ЖИВОЙ РОДНИКЪ, третья книга для чтенія въ школѣ и дома. М. 1912. Ц. 75 к.

КНИГА О РЕБЕНКѢ. Коллективный трудъ спеціалистовъ по вопросамъ воспитанія дѣтей и ухода за ними. Ч. 2-я. Воспитаніе ребенка. М. 1912. Ц. 3 р.

КОРОЛЬКОВЪ, Д. Практическій курсъ начальнаго природовѣдѣнія. Ч. I. Начальная свѣдѣнія изъ физики и химіи. М. 1912. Ц. 60 к.

КРАСНОВСКІЙ, А. Экспериментальное направленіе въ педагогикѣ. Казань. 1912. Ц. 30 к.

ЛАЗАРЕВЪ, I. Новѣйшія программы мужскихъ гимназий и прогимназий. Мин. Нар. Пр. Одесса. 1912. Ц. 60 к.

ЛУКАШЕВИЧЪ, К. Первое словечко. Хрестоматія для мальчиковъ отъ 3 до 8 лѣтъ. М. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

МИРЛЕСЪ, А. Темникъ-хрестоматія, «важнѣйшія темы». Ч. I. и II. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

— Сборникъ алгебраическихъ задачъ съ рѣшеніями, разрѣшаемыхъ при помощи искусственныхъ приемовъ. Кіевъ. 1912. Ц. 1 р.

НАГУЕВСКІЙ, Д. Энеида, пѣсь VI, съ введ. и примѣч. Казань. 1912. Ц. въ перел. 70 к.

НЕЧАЕВЪ, А. и ЗАЛЕНСКІЙ, В. Краткій курсъ естественной исторіи для городскихъ училищъ. Ч. 2. Краткій курсъ ботаники. Кіевъ. 1912. Ц. 60 к.

НИКОЛАЕВЪ, А. А. Учебникъ русской исторіи для младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній и городскихъ училищъ. М. 1912. Ц. 85 к.

ПАСЫНКОВЪ, Н. В. Очерки по исторіи новой русской литературы. В. I. Полоцкъ. 1912. Ц. 80 к.

— То же. В. II. Полоцкъ. 1912. Ц. 1 р. 20 к.

— Иванъ Сергѣевичъ Тургеневъ. Биографія и разборъ его произведеній. Полоцкъ. 1912. Ц. 40 к.

ПОСТНИКОВЪ, А. Учебникъ физики. Ч. I-я. Для среднихъ учебныхъ заведеній, съ 146 черт. М. 1912. Ц. 1 р. 40 к.

ПРАВИЛА ДЛЯ УЧАЩИХСЯ. Одесса. 1912. Ц. 4 к.

ПЪШКОВА, Н. Разборный глобусъ. Описание и наставленіе для склеиванія. Спб. 1912. Ц. 4 р.

СМОЛИНСКІЙ, С. Краткая теорія пѣнія съ приложеніемъ ивковыхъ свѣдѣній изъ гармоніи для учащихся. Кіевъ. 1912. Ц. 50 к.

СПРАВОЧНЫЙ указатель учебныхъ заведеній города Москвы, въ которыхъ могутъ поступать дѣти, окончившія курсъ городскихъ начальныхъ училищъ. Ц. 25 к.

ТРОЯНОВСКІЙ, И. Курсъ природовѣдѣнія. Ч. III. Человѣкъ и животныя. М. 1912. Ц. 95 к.

ЮНГЪ, В. Какъ преподавать математику. Преподаваніе въ средней и начальной школѣ. Спб. 1912. Ц. 1 р. 50 к.

Книги для дѣтей и юношества.

АЛЕКСѢЕВЪ, П. Маленькимъ друзьямъ. Рассказы и очерки для дѣтей. М. 1912. Ц. 45 к.

АМИЧИСЪ, Э. Сердце. Школьные товарищи. М. 1912. Ц. 85 к.

АМИЧИСЪ-де, Э. Дневникъ школьника. Редакция перевода В. Крестовскаго (псевдонимъ). Съ 60 рис. Изд. 6-е. Спб. 1912. Ц. 1 р. 60 к.

АНТОНОВЪ, П. и ОРЛОВЕЦЪ, П. Нашъ врагъ и другіе рассказы. М. 1912. Ц. 30 к.

АНТОНОВЪ, П. Подъ крыломъ. Очерки и рассказы. М. 1912. Ц. 35 к.

— Приключенія бѣлки бобочки. Рассказъ для дѣтей. М. 1912. Ц. 30 к.

БУШЪ, В. Дочь мельника. Подарокъ въ складчину и другія забавныя приключенія. Перев. въ стихахъ Н. Ратомскаго, съ 210 рис. Спб. 1912. Ц. 60 к.

ВЕРНЪ, Ж. Деревня въ воздухѣ. Повесть. М. 1912. Ц. 40 к.

ДУДОРОВЪ, П. Минувшее. Историческіе рассказы для дѣтей. М. 1912. Ц. 45 к.

— Изъ давняго прошлаго. Бытовые рассказы изъ смутнаго времени на Руси. М. 1912. Ц. 25 к.

— Изъ родной старины. Историческіе рассказы. М. 1912. Ц. 45 к.

— Сказанія минушаго. Бытовые рассказы изъ русской исторіи временъ царя Гоавна IV Васильевича Грознаго. М. 1912. Ц. 40 к.

— Старина и новизна. Бытовые рассказы изъ русской исторіи XVII и XVIII вѣвовъ. М. 1912. Ц. 60 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, С. Дружба съ царствомъ растений. Первое знакомство дѣтей съ растительнымъ царствомъ среди природы. Ц. 75 к.

ЛЕБЕДЕВЪ, П. Книжечъ. Историческій рассказъ. М. 1912. Ц. 30 к.

НАУЧНО-ЗАБАВНАЯ БИБЛИОТЕКА ДЛЯ СЕМЬИ И ШКОЛЫ. Выпускъ 9. Игра въ шапки. М. 1912. Ц. 20 к.

— Выпускъ 10. Любопытная перемена. М. 1912. Ц. 20 к.

СМИРНОВЪ, И. Дѣтскіе годы. М. 1912. Ц. 80 к.

СЫСОЕВЪ, С. М. Сказки животныхъ. Вып. I. Сказки звѣрей. М. 1912. Ц. 30 к.

— Вып. II. Сказки птицъ и рыбъ. М. 1912. Ц. 25 к.

ЧЕРСКІЙ, JI. Дѣтскіе годы Александра Благословеннаго. М. 1912. Ц. 25 к.

— Изъ исторіи и жизни. Рассказы для дѣтей. М. 1912. Ц. 45 к.

ЧИСТЯКОВА-ВЪРЪ, Е. Морскія приключенія. Крушеніе и гибель судовъ. Пожаръ на кораблѣ. Битвы съ морскими разбойниками-пиратами. Торговля перлами. Искатели жемчуга и пр. Съ 80 рис. Спб. 1912. Ц. 1 р. 35 к.

ШВЕДЕРЪ, Е. Мальчиши. Рассказы для дѣтей. М. 1912. Ц. 45 к.

Спортъ охота и игры.

НАГЕЛЬ, А. П. Ежегодникъ автомобилизма и воздухоплавания. Сиб. 1912. Ц. 3 р. 50 к.

УЧЕБНИКЪ шведскаго общества спасенія на водахъ. Обученіе плаванию. Спасеніе утопающихъ и пр. Ц. 40 к.

Справочныя книги.

ГАВРИЛОВЪ, М. Почтовые правила о подачѣ въ почтово-телеграфныя учрежденія отправителями и адресатами прошений, заявленій и довѣренностей, съ формами ихъ—о возвращеніи, измѣненіи адреса, задержаніи, разъясненіи, полученіи вознагражденія за утраченную корреспонденцію и т. д. Сиб. 1911. Ц. 35 к.

КАБАНОВЪ, Н. Краткій русско-эсперантскій словарь. М. 1912. Ц. 40 к.

КЛЯЧКО, В. Сборникъ готовыхъ разстояній между всеми станціями русскихъ желѣзныхъ дорогъ по кратчайшимъ направленіямъ. Ч. 1-я. 1912. Ц. 6 р.

СПИСОКЪ фабрикъ и заводовъ Россійской Имперіи, со включеніемъ Сибири, Средней Азійи и Кавказа. Сиб. 1912. Ц. 5 р. 50 к., въ перепл. 6 р.

Разныя книги.

ИВАНЬКОВИЧЪ, Н. Какъ узнать тайны другихъ. Полная теорія для психическаго саморазвитія чувствъ при помощи

десяти Сефиротъ и лучей, читать таинственное. Сиб. 1912. Ц. 20 к.

ЮЛАНДА, Что привлекаетъ къ женщинамъ. Совѣты и правила. М. 1912. Ц. 1 р. 25 к.

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ „НОВАГО ВРЕМЕНИ“

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

сочиненіе Н. К. ШИЛЬДЕРА

**ИМПЕРАТОРЪ
НИКОЛАЙ ПЕРВЫЙ**

ЕГО ЖИЗНЬ И ЦАРСТВОВАНИЕ.

Цѣна за два тома, объемомъ болѣе 100 печатныхъ листовъ, съ 252 хромолитографіями, фототипіями, гравюрами, цинкографіями и автографами, двадцать пять рублей. Въ переплетѣ 30 рублей. Пересылка поразстоянію.

ИЗДАНИЕ А. С. СУВОРИНА

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ И РАЗСКАЗЫ

С. Н. ШУБИНСКАГО

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

СЪ 89 ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

КНИГА ЗАКЛЮЧАЕТЪ ВЪ СЕБѢ 45 ПЕЧАТНЫХЪ ЛИСТОВЪ УБОРИСТАГО ШРИФТА;
КРОМѢ ТОГО, КЪ НЕЙ ПРИЛОЖЕНЪ «УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ И РИСУНКОВЪ»

Цѣна 4 рубля. За пересылку по вѣсу.

СОДЕРЖАНІЕ: Шведское посольство въ Россіи въ 1674 году. — Петръ Великій въ Дефтпортѣ. — Петръ Великій въ Гаагѣ. — Двухсотлѣтіе Заандамскаго домика. — Вѣнценосный хирургъ. — Императорскій титулъ. — Первые балы въ Россіи. — Лѣтній садъ и лѣтнія петербургскія увеселенія при Петрѣ Великомъ. — Свадьба карликовъ. — Московскій маскарадъ 1722 года. — Память Петра Великаго въ Сестрорѣцкѣ. — Первый петербургскій генераль-полиціймейстеръ. — Княгиня Волконская и ея друзья. — Придворный и домашній бытъ императрицы Анны Ивановны. — Березовскіе ссыльные. — Дочь Бирона. — Убійство Синклера. — Холмогорская старина. — Тайный бракъ. — Императрица Екатерина II и ея два статъ-секретаря. — Домашній бытъ Екатерины II. — Исторія мѣднаго всадника. — Тульскій хлѣбъ и калужское тѣсто. — Потемкинскіе проценты. — Столѣтіе кончины Г. А. Потемкина-Таврическаго. — Графъ К. Г. Разумовскій. — Русскій помѣщикъ XVIII столѣтія. — Русскій чудакъ XVIII столѣтія. — Вельможа Екатерининскаго времени. — Одинъ изъ Екатерининскихъ орловъ. — Одинъ изъ авантюристовъ XVIII столѣтія. — Самодуръ прошлаго столѣтія. — Богомъ данный генераль-прокуроръ. — Жена Суворова. — Пѣвица Габриелли. — Аристократка Александровскаго времени. — Молодость графа Аракчеева. — Сынъ Аракчеева. — Подпоручикъ Федосѣевъ. — Семейное преданіе. — Забытый Филантропъ. — Послѣдній графъ Головкинъ. — Одинъ изъ грибоѣдовскихъ типовъ. — Общество танцоровъ поневолѣ. — Дуэль Шереметева съ Завадовскимъ. — Дуэль Новосильцева съ Черновымъ. — Княгиня Ловичъ. — Кирьяново, дача княгини Дашковой. — Александрова дача. — Англичане въ Камчаткѣ въ 1779 году. — Мнимо завѣщаніе Петра Великаго. — Кладбищенская литература. — Указатель личныхъ именъ. — Указатель портретовъ и рисунковъ.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ
ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, «Новое Время»

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ПЕРІОДЪ **РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)**

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за нарожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развѣтывается дѣятельность «землевольческихъ» и «народовольческихъ» группъ и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимыя для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

ЖЕНА МИНИСТРА ¹⁾.

(Романъ).

IV.

ВЕЧЕРОМЪ въ небольшой, уютной столовой Данцовой сидѣлъ Башиловъ и, грузно опершись обоими локтями о столъ, отпивалъ медленными глотками чай изъ стакана въ серебряномъ подстаканникѣ, который подавался только ему; онъ рассказывалъ Данцовой объ удачахъ сегодняшняго дня со всѣми подробностями служебныхъ дѣлъ. Она слушала, не спуская съ него глазъ, въ которыхъ Башиловъ читалъ прежнюю любовь и восхищеніе.

— А я тебѣ не говорилъ, что отъ генерала Берга письмо на дняхъ было. Пишетъ, что вскорѣ предвидится у нихъ вакансія губернатора, такъ что, если бы тутъ кое-какія пружины нажать, то онъ беретъ это дѣло устроить. Оно, конечно, было бы недурно, но я, вѣроятно, откажусь.

— Отчего, Володя?

— Да видишь ли, другъ мой, не люблю я этихъ мѣстъ по протекціи; начнутъ болтать, что генераль-губернаторъ своего товарища посадилъ, еще, пожалуй, по просьбѣ супруги, а здѣсь изволь ѣздить да кланяться, да пороги обивать. Я привыкъ, чтобы другіе на меня указывали, какъ на пужнаго и полезнаго служаку, а самому о себѣ говорить—это ронять себя.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 5.

— А я придумала очень удобную для тебя комбинацію, и если хочешь, я могу помочь тебѣ и сдѣлаю такъ, что ты и знать ничего не будешь.

— Какъ же ты это сдѣлаешь?

— Лучше ты ничего меня не спрашивай и вѣрь, что я буду очень осторожна и тактична.

— Ну, изволь. Во всякомъ случаѣ къ этому дѣлу я отношусь довольно равнодушно, и пусть тебя не волнуетъ, если потерпишь фіаско. Мои акціи стоятъ и здѣсь высоко, и я жду въ скоромъ будущемъ движенія впередъ... Однако одиннадцать часовъ, мнѣ пора; дома еще много бумагъ ждетъ не просмотрѣнныхъ.

— Какъ? уже? Володя, ты и безъ того не балуешь меня свиданіями; я такъ мечтала провести съ тобой весь вечеръ, а ты опять куда-то спѣшишь.

— Что дѣлать, голубчикъ! Отъ дѣлъ не убѣжишь. Ну, изволь, полчаса посижу.

Они прошли въ голубой будуаръ, гдѣ лампа подъ широкимъ шелковымъ абажуромъ освѣщала симпатичную, изящную комнатку блѣднымъ матовымъ свѣтомъ. Башиловъ сѣлъ на низенькій диванчикъ и, притянувъ къ себя Данцову, посадилъ рядомъ съ собой и обнялъ за талію.

— Въ корсетѣ? Знаешь, вѣдь, что не люблю...

— Володя, ты же забываешь, что есть горничная.

— Ну, что же изъ этого?.. надѣла бы своей голубой пеньюаръ; не станешь же прислугѣ отчетъ отдавать.

— Что ты говоришь: точно она и сама не пойметъ, что въ пеньюарѣ гостей не принимаютъ.

— Ну, такъ давай губы... нѣтъ, такъ неудобно, садись на колѣни.

— Нѣтъ, нѣтъ, Володя, ради Бога только не у меня... я боюсь... прислуга любопытна... милый, ну, поѣдемъ къ тебѣ, если хочешь, но тутъ я боюсь...

Евгенія Михайловна вся вспыхнула, сорвалась съ мѣста и, отбѣжавъ въ сторону, смотрѣла на Башилова умоляющимъ взглядомъ.

— Ну, ужъ это глупо, Женька. Ты дуришь; иди сюда... я хочу тебя цѣловать... ты слышишь?

— Володя, но развѣ ты не понимаешь, что для меня ты не долженъ такъ рисковать. Мало ли что: горничная можетъ за тѣмъ-нибудь войти...

— Иди сюда.

— Володя, перестань... я не хочу...

— А я хочу!..

Съ этими словами Башиловъ быстро поднялся со своего мѣста и, охвативъ станъ Евгеніи Михайловны, довольно грубо, съ силой посадилъ себѣ на колѣни и долго цѣловалъ ее въ губы.

— Ну, вот, а теперь и довольно. Можешь смиренно сидеть подлѣ меня и благоправно разговаривать.

Но Данцова, глотая подступившія слезы, молчала, стараясь совладѣть съ охватившимъ ее чувствомъ обиды. Въ этомъ поступкѣ ей почудилось что-то новое, непріятное въ отношеніяхъ Башилова къ себѣ. Ничего подобнаго онъ не позволялъ себѣ прошлую зиму. Въ его тонѣ звучала какая-то нотка безцеремонности собственника, слишкомъ увѣреннаго и уже мало оберегающаго хрупкость любовныхъ отношеній. Онъ никогда раньше не называлъ ее «Женька», никогда не проявлялъ свою силу такимъ грубымъ образомъ.

— Ты разобидѣлась, Женичка?

— Да, почти...

— Ну, въ такомъ случаѣ прости.

Онъ протянулъ ей руку, которую она слабо пожала. Чтобы сладить непріятное впечатлѣніе, Башиловъ опять принялся рассказывать ей о своихъ проектахъ. Она слушала молча, охваченная тоской. Наконецъ, отдаваясь нахлынувшему настроенію, она вдругъ прижалась головой къ его плечу, крѣпко сжала его руку и тихо заплакала.

— Что съ тобой, голубчикъ?.. Слезы!.. Ну, вотъ этого я ужъ не переношу; ради Бога не плачь... Все, что хочешь, но не слезы.

— Тоска, Володя, тоска...

— Съ чего жъ это у тебя тоска?

— Володя, ты не тотъ... ты съ осени не тотъ...

— Какой же я сталъ? Ей-Богу, все тотъ же самый.

— Володя, я ѣхала сюда изъ Крыма такая счастливая, такая радостная. Думала, что опять все будетъ попрежнему; надѣялась, что и видѣться будемъ чаще, никого изъ знакомыхъ еще не было, было меньше риска, и вдругъ оказалось все иное, мы видимся мало, ты все спишишь, ты какъ будто не радъ меня видѣть, у тебя иной тонъ... Ахъ, Володя, дорогой мой, я ничего не прошу и не требую; я давно ничего не желаю, кромѣ любви твоей; я вся въ плѣну этого ужаснаго, непреодолимаго чувства...

— Да ты сперва, голубчикъ мой, успокойся и тогда поговоримъ резонно.

Данцова вытерла тоненькимъ надушеннымъ платкомъ крупныя неудержимыя слезы и, кусая губы, подавляла подступившія рыданія.

— Такъ, значитъ, я, по-твоему, не тотъ? Вотъ и ты, Женичка, какъ всѣ женщины, страхъ какъ любишь разводить любовную антимионію. А любовь для каждаго серьезнаго, занятого мужчины—дѣло побочное. Есть свободная минута, ну, и любишь; а если дѣломъ захваченъ, то забываешь, что и женщина существуетъ. Пусть женщина становится въ роль товарища, помощника, чтобы общность мысли и труда была; тогда, кромѣ любви, будетъ и интересъ къ ней, а вмѣстѣ

съ нимъ и новое звено. Была у меня одна такая связь, много лѣтъ тому назадъ... Эта женщина чуть ли не лучше меня самого мои дѣла знала, и видѣлись мы съ ней по дѣламъ почти ежедневно, а выходило такъ, что какъ начнемъ цѣловаться, будто Богъ знаетъ сколько времени не видались. Прожили мы съ ней долго, и если бы замужъ не вышла, и еще бы жили. Во всѣхъ моихъ остальныхъ связяхъ, а было ихъ много на моемъ вѣку, всегда кончалось тѣмъ, что не пройдетъ и году, какъ женщины начинали плакать и жаловаться, что мало видимся, что я холоденъ, что я мало люблю. А я совсѣмъ, пожалуй, любить не умѣю. Что такое любовь? Есть привычка, есть дружба...

— Къ чему ты мнѣ все это говоришь, Володя? Прошлую зиму я слыхала отъ тебя не о привычкѣ и дружбѣ, а о чувствѣ любви. Но не въ этомъ дѣло. Я не хочу насиловать никакихъ твоихъ чувствъ, но прошу тебя, дай мнѣ слово, что ты честно и откровенно, не жалѣя меня, скажешь мнѣ, когда твое чувство ко мнѣ угаснетъ. Это будетъ для меня роковой день, но не хочу выпрашивать любви твоей, какъ милостыни, я слишкомъ люблю тебя, чтобы мириться съ твоимъ охлажденіемъ.

— Изволь, скажу... я тебѣ это обѣщаю. А пока не сказалъ, зачѣмъ же слезы и всѣ эти печали?!..

— Тебѣ, милый Володя, видно, очень мало понятно женское сердце.

— Да какъ тебѣ сказать... Съ женщинами я дѣла имѣлъ не мало: и я ихъ любилъ, и онѣ меня любили, въ общемъ всегда ладилъ съ ними, но чтобы заниматься разработкой психологіи и ихъ сердца, на это, признаюсь, времени у меня не доставало. Такъ-съ, хоть мнѣ и грустно оставлять тебя въ такомъ невеселомъ настроеніи, однако мнѣ все-таки пора ѣхать домой, а ты послѣзавтра протелефонируй мнѣ; кажется, я буду свободенъ, и ты сможешь провести вечеръ у меня. Ну, до свиданія. Ты настоящая *mater dolorosa* съ этими заплаканными глазами...

Когда Башиловъ уѣхалъ, Данцова долго еще сидѣла въ застывшей позѣ на томъ же диванчикѣ и старалась успокоить себя и оправдать, быть можетъ, кажущуюся перемѣну въ отношеніяхъ къ себѣ Башилова. Она убѣждала себя, что онъ слишкомъ занятой, слишкомъ погруженный въ дѣловыя комбинаціи человѣкъ, чтобы всегда быть равнымъ и отзывчивымъ въ дѣлахъ любви. Но вѣщее женское сердце не поддавалось доводамъ разума, и она провела бессонную ночь, возстановляя въ своемъ воображеніи картины недавно минувшихъ счастливыхъ дней, когда Башиловъ такъ много говорилъ ей о своемъ къ ней увлеченіи, такъ не скупился на выраженіе поклоненія ея красотѣ и изяществу, и сравненіе съ теперешними короткими свиданіями, въ которыхъ ея сердцу удѣлялось слишкомъ малая толика, подтверждало роковое предчувствіе.

— Неужели может совѣмъ разлюбить?.. И тогда бросить?!.. Какъ же я буду жить? Ну, пусть и не женится... ахъ, теперь мнѣ это все равно, но только быть ему близкой... — поблѣднѣвшими губами шептала Евгенія Михайловна въ сотый разъ одну и ту же навязчивую, какъ кошмаръ, мысль и въ полумракѣ спальни, озаренной колеблющимся огнемъ лампы, одиночество, казалось, надвигалось на нее громадной давящей тучей; она тихо стонала, молилась и плакала, какъ дѣвочка, прижавъ лицо въ уголь подушки. На утро она встала съ головной болью, блѣдная и морально-разбитая. Вспомнивъ о своемъ намѣреніи похлопотать о Башиловѣ, она немного ободрилась; мысль быть ему полезной, заслужить его признательность предстала ей въ видѣ связующаго звена.

Что жъ, если дѣло удастся и онъ получить желаемое назначеніе, ему придется уѣхать, и тогда она поѣдетъ вслѣдъ за нимъ, скажетъ ему откровенно, что разстаться съ нимъ свыше ея силъ. Къ чему ей теперь жизнь безъ него, къ чему общество и свѣтскія удовольствія? Вся ея жизнь слилась съ его интересами...

Евгенія Михайловна, несмотря на головную боль, поѣхала къ Еленѣ, чувствуя, что заботой о любимомъ человѣкѣ она можетъ облегчить тяжесть унылой тоски.

— Женя, на кого ты похожа? Что съ тобой? Ты больна?

— Я вчера поздно вернулась, меня одолѣла бессонница, и сегодня до того голова болитъ, что я мѣста себѣ не нахожу. Нарочно поѣхала прокатиться, надѣясь, что будетъ легче. Ты куда не собираешься?

— Никуда. Садись поудобнѣе. Я велю подать чай, ты согрѣешься, и все пройдетъ.

Обо многомъ переговорили прежде, чѣмъ Данцова рѣшилась заговорить о томъ, для чего она пріѣхала.

Она сдѣлала это съ видомъ спокойнаго равнодушія.

— Вчера въ гостяхъ я слышала, что нашего общаго знакомаго Башилова прочать на губернаторское мѣсто; о немъ тамъ отзывались, какъ объ очень толковомъ и нужномъ человѣкѣ, но говорятъ, что если тутъ этому дѣлу не дать ходъ, если о немъ никто изъ вліятельныхъ лицъ не похлопочетъ, то, вѣроятно, ничего не выйдетъ. Мнѣ, знаешь ли, пришло въ голову попросить тебя негласнымъ образомъ помочь. Онъ былъ такъ любезенъ по отношенію меня и такъ много помогъ въ моемъ дѣлѣ, что я была бы рада быть ему, въ свою очередь, полезной, хотя бы косвенно. Къ тому же онъ, дѣйствительно, производитъ впечатлѣніе серьезнаго и умнаго человѣка, и, думаю, будетъ на мѣстѣ въ должности губернатора. Ты какъ объ этомъ думаешь?

— Я думаю, что онъ и самъ не промахнется и похлопочетъ гдѣ надо.

— Представь себѣ, тамъ говорили, будто бы онъ отказывается о себѣ хлопотать: находить это унижительнымъ.

— Это онъ правъ... Такъ ты думаешь, что я могу быть полезной? Хорошо, я подумаю...

— Тутъ и думать нечего: обратись къ Орлову. Вѣдь Михаилъ Михайловичъ хорошъ съ министромъ...

— Вѣрно. Изволь, я попрошу, но, конечно, Женичка, я буду дѣйствовать отъ твоего имени, ты ничего не имѣешь противъ?

— Пожалуйста. Я не скрываю, что онъ сдѣлалъ мнѣ большую услугу, и, я думаю, каждому понятно мое желаніе отплатить тѣмъ же. Не откладывая въ долгій ящикъ, ты окажешь услугу мнѣ.

— Я надѣюсь, что на дняхъ Орловъ заѣдетъ ко мнѣ, и я поды шумокъ съ нимъ переговорю. Во всякомъ случаѣ, обещаю быть энергичной, во-первыхъ, въ угоду тебѣ, а, во-вторыхъ, почему и не помочь умному человѣку. Мало ли карьеръ создано черезъ женщинъ? Я думаю, больше половины.

Въ слѣдующій пріемный день у Елены между многочисленными посѣтителями былъ и генералъ Орловъ.

Онъ старался имѣть беззаботный видъ, но кто его зналъ хорошо, не могъ не замѣтить грустнаго выраженія глазъ и частой задумчивости. Улучивъ свободную минуту, Елена попросила его подождать къ ней и вкратцѣ передала просьбу подруги. Орловъ криво усмѣхнулся и подозрительно посмотрѣлъ на Елену:

— Это что же еще за господинъ? Не ваша ли новая симпатія?

— Удивительный вы человѣкъ, Михаилъ Михайловичъ, всюду вамъ мерещатся коварныя подкладки.

— Что дѣлать, Елена Павловна, видно, отъ старости становлюсь подозрительнымъ. Такъ кто же, все-таки, просить за этого господина Башилова: вы или Евгенія Михайловна?

— Я же вамъ сказала, что это Женина просьба.

— Ага! Значить, вамъ угодно, чтобы я это сдѣлалъ для нея?

— Не совѣмъ такъ. Если вы это сдѣлаете, то я буду считать услугу, сдѣланную лично мнѣ.

— Елена Павловна, ваше желаніе для меня законъ. Сдѣлаю все, что отъ меня будетъ зависѣть.

Послѣ этого разговора прошло очень мало дней, какъ къ Еленѣ заѣхала Людомирова въ неурочный часъ, впопыхахъ и не въ духѣ.

— Я къ тебѣ на минуту и по дѣлу. Пожалуйста, дорогая, не откажи въ содѣйствіи... Изъ рукъ вонъ, какъ я загонялась и устала. Пріѣхалъ Оттонь Александровичъ Бергъ... Его пріѣзды становятся для меня невыносимы; воображаетъ, что, кромѣ него, у меня никакихъ дѣлъ, никакихъ обязанностей нѣтъ. Ахъ, я болтаю, а главнаго еще и не сказала. Оттонь Александровичъ, между прочимъ, мнѣ сказалъ, что Башиловъ можетъ получить мѣсто губернатора, и что онъ будетъ доволенъ, если это дѣло устроится, такъ какъ онъ это давно обѣщалъ Любѣ. И въ то же время я получаю отъ Любы письмо, въ которомъ она меня умоляетъ найти возможность затор-

мозить это назначеніе. Конечно, послѣ происшедшаго съ нимъ разрыва ей совсѣмъ неинтересно съ нимъ встрѣчаться, и вообще она не желаетъ никакихъ съ нимъ соприкосновеній. Я на ея мѣстѣ ему бы еще и напортила хорошенько, чтобы пожалѣть и берегъ бы въ другой разъ свои отношенія къ женщинамъ. Я вспомнила, что ты это можешь сдѣлать и черезъ Орлова, и черезъ Рихтера, который, кажется, не совсѣмъ къ тебѣ равнодушенъ.

— Позволь, Мариша, неужели ты думаешь, что я способна портить карьеру человѣку, который ничего сквернаго мнѣ не сдѣлалъ и вообще никакого отношенія ко мнѣ не имѣетъ?

— Если онъ никакого отношенія къ тебѣ не имѣетъ, то нечего было за него хлопотать...

— Что ты хочешь этимъ сказать?

— А то, что совершенно случайно мнѣ передали, что вчера Орловъ говорилъ съ министромъ о Башиловѣ, и тотъ навѣрное исполнить просьбу Михаила Михайловича. Понятно, что Орловъ просилъ по твоему порученію. Во всякомъ случаѣ, ты скверную услугу оказала Любѣ и именно послѣ того, какъ я тебѣ рассказала объ его продѣлкѣ. Согласись, что это странно.

— А у меня могли быть мотивы тебѣ неизвѣстные и ничего общаго съ Любовью Ивановной не имѣющіе.

— Ну, словомъ, я замѣчаю, что ты, кажется, начинаешь ему слишкомъ симпатизировать и не желаешь исполнить моей просьбы. Прекрасно, не надо, но въ такомъ случаѣ я найду иной путь и все равно добьюсь своего и ему напорчу: губернаторства онъ не увидитъ, какъ своихъ ушей; я не могу не сочувствовать Любѣ и, разумѣется, ему напорчу. Ты это такъ и знай.

— Я вижу, Мариша, что приѣзды Берга на тебя дѣйствуютъ очень скверно. Дѣлай, что хочешь. Но только врядъ ли акціи Башилова такъ низко стоятъ, чтобы твои хлопоты могли ему очень повредить.

— Это мы еще посмотримъ!

Людомирова уѣхала очень раздраженная, а Елена успѣшила вызвать къ себѣ Орлова, чтобы знать опредѣленно, какъ обстоятъ дѣла.

— Видите ли, въ чемъ тутъ дѣло,—заговорилъ Орловъ, усаживаясь въ кресло и скрещивая свои худыя длинныя ноги.—Иванъ Ларионовичъ ничего не имѣетъ противъ его назначенія и, узнавъ, что я оказываюсь посломъ прелестной женщины, позавидовалъ господину Башилову, который, впрочемъ, у нихъ тамъ на очень хорошемъ счету; отъ себя я долженъ вамъ сказать, что врядъ ли вы дѣлаете ему хорошую услугу, отиравая губернаторствовать въ тотъ край; губернія, говорятъ, прескверная, лѣвая партія очень сильна, направленіе крайне либеральное, и для вновь испеченнаго губернатора положеніе покажется крайне труднымъ. Мнѣ это и Иванъ Ла-

ріоновичъ высказалъ. Я завтра опять съ нимъ увижусь и, если хотите, то могу еще съ нимъ переговорить на эту тѣму.

Елена задумалась.

— Михайлъ Михайловичъ, дорогой мой. Ужъ разъ я рѣшилась васъ беспокоить, то буду съ вами откровенна: дѣла приняты такой оборотъ, что, если бы вмѣсто губернаторства вашъ другъ Иванъ Ларіоновичъ предложилъ ему иное, равносильное этому, мѣсто, ну, что-нибудь въ родѣ управляющаго канцеляріей министра или директора департамента, то это было бы большимъ для меня удовольствіемъ. Скажу вамъ по секрету, что у меня была только что Мариша и объявила мнѣ, что она напортитъ Башилову, потому что противъ него имѣеть зубъ и она сама и ея подруга—Любовь Ивановна Бергъ. Такъ какъ Женя знаетъ, что я уже васъ просила, то если Мариша дѣйствительно сумѣеть напортить Башилову, это будетъ имѣть видъ, что мои хлопоты испортили все дѣло; это задѣваетъ мое самолюбіе, и, кромѣ того, я нахожу просто гнуснымъ, чтобы Мариша и Бергъ влетали свои личные съ нимъ счеты въ судьбу его карьеры. Будьте милый, переговорите еще съ вашимъ другомъ, пусть онъ двинетъ Башилова и какъ можно скорѣе, а то чего добраго или Мариша дѣйствительно ему теперь же напортитъ, или, что еще хуже, напортитъ Любовь Ивановна тамъ, гдѣ онъ будетъ назначенъ губернаторомъ.

— Елена Павловна, если я за что-нибудь берусь, то всегда довожу свое дѣло до конца, а въ особенности, если исполняю ваше желаніе. Будетъ жаль, если Иванъ Ларіоновичъ повидаетъ этого вашего протеже до вторичнаго со мной свиданія. Онъ записалъ у себя и обѣщалъ мнѣ не откладывать его назначенія.

— Да, это будетъ жаль,—обдумывая что-то про себя, разсѣянно отвѣтила Елена.

— Итакъ, Елена Павловна, я замѣчаю, что вы начинаете интересоваться политикой, хотите содѣйствовать чьей-то карьерѣ, а я для васъ отошелъ совсѣмъ на задній планъ... грустное это сознаніе! Давно ли все было иначе, когда я счастливый летѣлъ мыслью къ моей принцессѣ грезѣ и чувствовалъ, что и я для нея что-то значу... Да, все измѣнилось... слишкомъ скоро и казалось бы, что и безъ причины.

Голосъ Орлова дрогнулъ и, боясь не совладѣть съ охватившимъ его волненіемъ, онъ быстро поднялся и сталъ прощаться.

— Если бы вы знали, дорогой Михайлъ Михайловичъ, какъ мнѣ больно васъ слушать...

— Извольте, я буду молчать... «но пусть любовь моя васъ не тревожить, я не хочу печалить васъ ничѣмъ...»—старческимъ, дребезжащимъ голосомъ прогѣлъ Орловъ на старинный мотивъ, съ молитвеннымъ жестомъ поднявъ руку въ бѣлой перчаткѣ, какъ бы призывая само небо въ свидѣтели.

Какъ только Орловъ ушелъ, Елена послѣ короткаго размышленія написала Башилову записку и велѣла немедленно ее отправить. Когда она къ обѣду вернулась домой, лакей подалъ ей отвѣтъ. Елена внимательно посмотрѣла на красивый увѣренный почеркъ лиловыми чернилами.

«Многоуважаемая и очаровательная уника!

«Не знаю, что за важныя дѣла породили въ васъ счастливую мысль призвать меня хоть на полчаса, какъ вы пишете. Къ счастью, я сегодня имѣю въ своемъ распоряженіи эти полчаса и съ удовольствіемъ буду у васъ въ означенное время.

«Цѣлую ваши милыя ручки. Искренно и неизмѣнно вамъ преданный В. Башиловъ».

Елена наскоро пообѣдала, чтобы успѣть одѣться въ театръ до прихода Башилова.

— Какая вы интересная!—воскликнулъ онъ, когда Елена вышла къ нему въ гостиную въ черномъ бархатномъ платьѣ съ вырѣзомъ на груди.—Позвольте же на васъ сперва полюбоваться. Я, изволите ли видѣть, безумно люблю женщину въ нарядномъ туалетѣ, а вы обладаете рѣдкимъ талантомъ одѣваться такъ, что на васъ самое скромное платье имѣетъ какой-то особенный видъ. Настоящая королева.

— Однако садитесь. Чѣмъ васъ угощать? Хотите вина? фруктовъ, конфетъ?

— Покорно благодарю-сь, кромѣ вашего присутствія, я ничего не хочу.

— Въ такомъ случаѣ, Владимиръ Ивановичъ, я приступаю прямо къ дѣлу, а вы будьте серьезны, на меня такъ не смотрите, а вникните во все, что я вамъ скажу.

— Слушаю-сь, я очень заинтересованъ.

— Такъ вотъ въ чемъ дѣло: если не завтра, то со дня на день можетъ васъ призвать министръ и, ужъ не знаю въ какой формѣ, вѣроятно, предложитъ вамъ мѣсто губернатора, на что вы должны ему отвѣтить, не знаю, въ какихъ тамъ вы найдете нужнымъ выраженіяхъ, что, во-первыхъ, губернія эта вамъ не по сердцу въ виду несимпатичнаго и труднаго направленія, и что, во-вторыхъ, ваши дѣла васъ привязываютъ къ Петербургу и если бы движеніе впередъ было возможнымъ, но безъ необходимости выѣзда отсюда, то вы были бы счастливы, и такъ далѣе, и такъ далѣе.

— Ровно ничего не понимаю. Могу ли полюбопытствовать, какимъ образомъ вамъ это все извѣстно и почему вы мнѣ диктуете, что я долженъ сказать.

— Владимиръ Ивановичъ, вы отлично знаете, что если я говорю съ вами, то только съ чувствомъ доброжелательства. Промаха здѣсь быть не можетъ. Я говорю лишь то, въ чемъ очень увѣрена, но больше сказать вамъ ничего не могу, и ужъ вы, пожалуйста, меня

ничего не спрашивайте. Вы должны же понимать, что, вращаясь въ обществѣ, имѣя друзей, мало ли что можешь услышать... Вѣдь не вѣдь же извѣстно, что мы съ вами въ хорошихъ отношеніяхъ, а тѣмъ болѣе не придетъ никому въ голову, что я стану съ вами дѣлиться слышаннымъ. Кто умѣетъ молчать, тотъ многое и знаетъ. Быть можетъ, я и ослышалась, но мнѣ почудилось что-то въ родѣ управляющаго канцеляріей министра... или директора департамента.

— Ну, это вамъ, очевидно, почудилось. Я, какъ говорится, еще не доросъ до этого; а что касается губернаторства, то съ благодарностью цѣлую вашу ручку за совѣтъ, но, изволите ли видѣть, я, пожалуй, и самъ бы отъ него отказался, такъ какъ въ данную минуту такое назначеніе меня не особенно устраиваетъ. Помимо нѣкоторыхъ соображеній, я, видите ли, того мнѣнія, что губернаторствовать холостому человѣку какъ будто бы и не такъ удобно. Тутъ нужны и приемы, и умѣнье наладить домъ, и всѣ эти тонкости, съ которыми великолѣпно умѣетъ справляться женщина. Губернаторша, да если еще умная и интересная, даетъ извѣстный тонъ, и безъ этого никакъ нельзя-съ. Поѣдешь бобылемъ, и какъ разъ привяжется какая-нибудь баба, сама же и растрепитъ по всей губерніи, а мамы, у которыхъ взрослыя дочки, начнутъ фыркать и негодовать, на ушко рассказывать про губернатора скандальныя небылицы. Это я знаю доподлинно-съ. Во всякомъ случаѣ сердечно благодаренъ, что мои дѣла васъ интересуютъ.

— Да, да, Владимиръ Ивановичъ, ужасно интересуютъ, и, знаете, вѣдь у меня необыкновенно счастливая рука, какъ говорятъ французы, *j'ai une chance contagieuse*¹⁾, вотъ вы поддержите хорошенько мою руку, и я увѣрена, что вашъ визитъ къ министру ознаменуется чѣмъ-нибудь выдающимся.

Елена протянула Башилову руку; онъ крѣпко ее сжалъ, поцѣловалъ и, поглаживая, ласково проговорилъ:

— А славная у васъ ручка, такъ бы и унесъ съ собой навсегда. Однако я не хочу васъ задерживать, вамъ пора въ театръ; разрѣшите васъ подвести—меня ждетъ автомобиль:

Елена согласилась. Въ передней лакей набросилъ ей на плечи длинную плюшевую шубку, отороченную прекрасномъ мѣхомъ, и Елена, довольная своимъ днемъ, смѣясь и весело болтая, спустилась съ лѣстницы въ то время, какъ Башиловъ, слегка поддерживая ее за локоть, съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя ароматъ ея духовъ и, искренно любуясь ея подвижнымъ, очень выразительнымъ лицомъ, не столько слушалъ то, что она говорила, какъ прислушивался къ низкимъ груднымъ ноткамъ ея мелодичнаго голоса. Всю дорогу до театра Башиловъ мучительно боролся съ желаніемъ привлечь ее къ себѣ и цѣловать

¹⁾ Заразительный шансъ.

ся губы и глаза, но разсудокъ опять-таки одержалъ верхъ надъ страстью, и онъ ограничился только тѣмъ, что почти всю дорогу не выпускалъ ея руки и безпрестанно прикасался къ ней губами.

— Опасная вы женщина, Елена Павловна: чаруете и мучаете, какъ русалка.

— Чѣмъ же я васъ мучаю?—разсмѣялась Елена.

— Очень ужъ вы меня на благородной дистанціи держите; если не ошибаюсь, вы изволили изъ-за границы вернуться почти мѣсяць тому назадъ, а вижу я васъ всего третій разъ. Живете за семью замками.

— Это я за семью замками? Ну, что вы рассказываете! Моя дверь всегда и для всѣхъ открыта.

— А это и еще хуже, если для всѣхъ. Иной разъ, сознаюсь вамъ, у меня мелькала мысль заѣхать къ вамъ вечеркомъ чашку чаю выпить, посидѣть часовъ до одиннадцати, отдохнуть подлѣ васъ и опять къ дѣламъ, но ѣхать къ вамъ, чтобы расшаркиваться съ незнакомыми кавалерами или дамами,—на это у меня охоты нѣтъ-съ; ну, я и не ѣду.

— Такъ вѣдь существуетъ телефонъ для этого; не полѣнитесь спросить, одна ли я, и вѣрьте, что буду вамъ очень рада. Я тоже нахожу, что мы съ вами мало видимся, если принять въ соображеніе...—Елена запнулась.

— Договаривайте, прошу васъ.

— Ваше желаніе сократить разстояніе, насъ раздѣляющее.

— А оно еще не сократилось? Ну, будьте же откровенны.

— Немножко...

— Немножко?! А вотъ бы взять васъ сейчасъ за плечи, стиснуть хорошенько и зацѣловать бы въ уста сахарныя, и исчезло бы всякое разстояніе.

— Владимиръ Ивановичъ, не смѣйте.

Елена инстинктивно прижалась въ другой уголокъ автомобиля, въ тонѣ Башилова ей послышались опасныя потки.

— Да я и не смѣю. Покорень, какъ рабъ. Сижу со сложенными руками и чту васъ, какъ Богородицу.

Когда подъѣзжали къ театру, Елена, переведя разговоръ на дѣловую почву, между прочимъ сообщила Башилову, что положеніе генерала Берга очень непрочное и что съ отставкой премьеръ-министра, о которой очень поговариваютъ, его карьера будетъ окончена, такъ какъ его находятъ мало самостоятельнымъ, лишеннымъ всякой индивидуальности, неспособнымъ шагу ступить безъ чужихъ указаній.

«Оттого и отъ губернаторства совѣтуетъ отказаться. Умная баба, все сообразила... Откуда она всѣ эти свѣдѣнія имѣетъ?»—подумалъ про себя Башиловъ.

— Конечно, Владимиръ Ивановичъ, никто не долженъ знать нашего разговора и вообще никому нѣтъ дѣла, о чемъ бы и когда бы мы съ вами ни говорили.

— Мудрое правило-съ, и я его придерживаюсь всю жизнь. Веселитесь, всего хорошаго! А чай пить я, значить, къ вамъ на дняхъ же заѣду, если разрѣшите.

Елена распростилась съ Башиловымъ у подъѣзда опернаго театра, а онъ отправился на засѣданіе, слегка взволнованный сообщенной ему новостью. Говоря Еленѣ о своемъ яко бы желаніи отказаться отъ губернаторскаго мѣста, Башиловъ лгалъ и сдѣлалъ это инстинктивно, чувствуя необходимость дать ей понять, что онъ хорошо знаетъ себѣ цѣну и не падохъ на повышенія, расходящіяся съ его убѣжденіями, и что совѣтъ Елены не имѣетъ рѣшающаго значенія въ дѣлѣ, которое онъ будто бы уже обдумалъ самъ въ отрицательномъ смыслѣ. Ему очень бы хотѣлось знать, какую роль во всемъ этомъ дѣлѣ играла Елена: принимала ли она активное участіе, или, дѣйствительно, только умѣло воспользовалась слышаннымъ, чтобы заранѣе предупредить его?

До крайности самолюбиваго Башилова слегка коробила мысль о возможности быть обязаннымъ женщиנѣ въ своей удачѣ. Не взирая на разговоры о равноправіи, онъ бы не потерпѣлъ близости женщины, которой открыто былъ бы чѣмъ-нибудь обязанъ. Онъ слишкомъ привыкъ импонировать и внушать поклоненіе къ своей силѣ и энергіи, чтобы согласиться на роль товарища съ равными силами.

«Какъ бы то ни было, а баба ловкая и умѣлая... повозиться съ ней придется... не очень податлива... а интересна, въ ней что-то есть!» думалъ про себя Башиловъ, пока автомобиль мчалъ его на засѣданіе.

V.

Прошло нѣсколько дней. Елена съ большимъ интересомъ ожидала результатовъ своихъ хлопотъ по дѣлу Башилова, какъ къ ней неожиданно заѣхалъ Орловъ и объявилъ, что желаніе «принцессы грезы», какъ онъ любилъ называть Елену, исполнено въ точности, такъ какъ министръ, желая уважить его просьбу и считая Башилова человѣкомъ выдающихся способностей, такъ или иначе въ самомъ скоромъ будущемъ выдвинетъ его по службѣ; вскорѣ послѣ визита Орлова пріѣхалъ вечеромъ пить чай и Башиловъ, предварительно удостовѣрившись, что Елена одна и никто имъ не помѣшаетъ. Онъ очень обстоятельно посвятилъ Елену во всѣ подробности своего визита къ министру. Какъ и предполагалось, ему было предложено мѣсто губернатора, отъ котораго онъ отказался, а послѣ

продолжительной бесѣды ему было объявлено, что вскорѣ онъ получить назначеніе на должность директора департамента. Онъ хотѣлъ и старался казаться совершенно спокойнымъ, но отъ него вѣяло радостью заслуженной удачи и сознаниемъ своей силы.

— Разрѣшите мнѣ маленькую вольность: вы спокойно пейте свой чай, а я, пока мой остынетъ, буду по комнатѣ ходить. Такая ужъ привычка глупая. Я логичнѣе думаю и говорю, если нахожусь въ движеніи. Такъ вотъ-съ, Елена Павловна, мнѣ и не мнилось, что наединѣ съ вами, въ вашей красивой столовой я буду переживать чувство удовлетворенія по поводу крупнаго движенія по службѣ. Да-съ, лѣтъ десять тому назадъ такое назначеніе могло бы мнѣ казаться конечнымъ этапомъ моей карьеры, а теперь, долженъ вамъ признаться, что меня точить червь честолюбія, и я спрашиваю себя: ну, и что же дальше?

— Какъ что дальше? Впередъ, все впередъ...

— А знаете ли вы, очаровательная уника, что значитъ для меня впередъ? Знаете ли вы, перспектива какого конечнаго пункта можетъ теперь удовлетворить меня?

— У васъ есть данныя, чтобы желать многого. Вы должны проложить себѣ путь и въ концѣ концовъ добиться министерскаго поста.

— Вы меня поняли. Добиться товарища министра это не карьера.

— Ну, что жъ, вы и добьетесь желаемаго.

— Вы думаете?

— Увѣрена. И вы должны быть увѣрены.

— Я не увѣренъ.

— Это скверно. Я убѣждена, что тотъ создаетъ свою судьбу, кто твердо и неуклонно вѣритъ въ свою силу и смѣлость. У васъ есть и то, и другое.

— У меня есть еще и третье—чутье, которое иногда подсказываетъ мнѣ, что для достиженія именно этой конечной цѣли у меня недостаетъ пороку.

— Что за ерунда! Какъ вы можете поддаваться навѣтамъ слабости? Жизнь это бурный океанъ, судьба—челнѣ, на которомъ я стою и твердой рукой управляю парусомъ. Если я смѣла, если рука моя не дрогнетъ, если я не страшусь дикихъ волнъ, налетающихъ на мою ладью, то, взбираясь на пѣнистые гребни или падая въ бездну пучины, я все-таки доплыву до берега; но бѣда, если рука дрогнетъ и сомнѣніе затуманитъ острый направленный въ пространство взоръ: парусъ пригнется къ водѣ, бѣшенная волна захлестнетъ мою ладью, и я стану игрушкой непокорной стихіи.

— Все это вы очень картинно изволили нарисовать, и все-таки я не знаю, гдѣ тѣ борцы, у которыхъ никогда не дрогнула рука въ борьбѣ съ жизнью. Я не умаляю своихъ достоинствъ, я цѣню себѣ

знаю-съ, но не въ этомъ дѣло. Мало ли было случаевъ, что портфель министра оказывался во власти бездарностей, неспособныхъ на отвѣтственный постъ; одного родня, другого протекція, третьяго женщины вывозили на широкій путь: у меня нѣтъ и не можетъ быть ничего подобнаго. Я горжусь силой своей личной энергіи, и никакія почести для меня не имѣли бы цѣны, если бы я достигъ ихъ не исключительно самостоятельнымъ завоеваніемъ, а черезъ протекцію или женщинъ.

— Я васъ отлично понимаю,—сказала Елена, склонивъ лицо надъ чашкой чая. Едва уловимая лукавая улыбка чуть-чуть скользнула у нея по лицу. «Если ты хочешь научить меня, какъ обманывать тебя, то я это и сама знаю», пронеслось у нея въ головѣ.

— Вы принадлежите именно къ тѣмъ людямъ, сила которыхъ заключается только въ нихъ самихъ, а не въ умѣніи использовать удобныя обстоятельства. Вы идете впередъ съ поднятымъ забраломъ, и, увѣряю васъ, добьетесь своего. Вѣрь въ себя, и я въ тебя увѣрю, а въ данномъ случаѣ, кажется, я буду говорить: я въ тебя вѣрю— вѣрь въ себя.

— Красно вы говорите. Ну, что можетъ быть лучше умной женщины? Какъ есть любители тонкихъ сигаръ и дорогихъ винъ, такъ для меня высшее удовольствіе въ родѣ кейфа поговорить съ умной женщиной.

Въ одиннадцать часовъ Башиловъ посмотрѣлъ на часы и сказалъ, что ему пора домой къ занятіямъ; Елена его не удерживала, но онъ заговорилъ на тему проекта, который онъ готовитъ къ засѣданію, увлекся разговоромъ и просидѣлъ до полуночи.

Съ этого вечера Башиловъ сталъ отъ времени до времени заѣзжать къ Еленѣ по вечерамъ, чтобы поболтать и выпить чашку чаю; такъ какъ онъ пріѣзжалъ не иначе, какъ если Елена была совершенно одна, то эти часы недолгихъ, но интересныхъ и задушевныхъ бесѣдъ порождали во взаимныхъ отношеніяхъ интимность, о которой никто не подозрѣвалъ и которая мало-по-малу начала пріучать ее къ мысли, что дѣйствительно Башиловъ становился ей близкимъ человѣкомъ, привязанность котораго основана не на пустомъ увлеченіи. Держалъ онъ всегда себя строго и серьезно, вносилъ живую волну кипучей жизненной борьбы, и обликъ этого человѣка, въ которомъ Елена начинала видѣть друга, вырисовывался для нея все ярче и ярче, именно въ тѣхъ краскахъ, въ которыхъ Башилову угодно было себя выставить. Такъ какъ мѣсто губернатора, предназначавшееся Башилову, было вскорѣ занято другимъ, и такъ какъ Людомирова черезъ Берга узнала, что Башиловъ самъ отъ него отказался, то ей не пришлось особенно хлопотать, чтобы ему напортичь, но она была глубоко поражена и ея мыслямъ былъ данъ новый толчокъ ко всевозможнымъ догадкамъ и комбинаціямъ, когда Башиловъ получилъ официальное назначеніе директора департамента.

— Каково! Башиловъ не даромъ отказался отъ губернаторства. Этакъ онъ, пожалуй, выше Рихтера прыгнетъ,—говорила она направо и налево.—Тутъ не безъ женщины... Удивляюсь вкусу! Онъ вульгаренъ и грубоватъ; Рихтеръ и умнѣе и салоннѣе его... Bravo, Елена! Ты превзошла всѣ мои ожиданія. Если ты будешь продолжать въ томъ же духѣ, то этакъ мы Башилова, пожалуй, и въ роли министра увидимъ.

— А я-то тутъ причемъ? Ты вѣдь знаешь, что Башиловъ талантливъ и ловокъ...

— Я думаю, что ты и умнѣе, и талантливѣе его. Недаромъ кто-то недавно совѣтоваль Рихтеру пріударить за тобой; тебя считаютъ типомъ женщины, на которой долженъ жениться умный человѣкъ, стремящійся сдѣлать блестящую карьеру. Что жъ, Рихтеръ былъ бы для тебя недурной партией; ты бы его въ нѣсколько прыжковъ сдѣлала министромъ.

— Въ концѣ концовъ кого же мнѣ надо дѣлать министромъ—Рихтера или Башилова?

— Разумѣется, Рихтера. Во-первыхъ, если ужъ говорить серьезно, Рихтеръ ему этого назначенія не проститъ, и ногу въ свое время подставить, а, во-вторыхъ, совѣтую тебѣ все-таки обратить вниманіе на Рихтера; я знаю, что онъ о тебѣ всегда очень восторженно отзывался и если смекнетъ, что въ назначеніи Башилова ты сыграла нѣкоторую роль, то, повѣрь мнѣ, онъ еще больше тебя оцѣнитъ. Зачѣмъ упускать хорошую партію?

— Да ты, кажется, Мариша, въ свахи записалась! Съ чего ты вздумала, что я замужъ за него пойду?

— Не за Башилова же тебѣ итти!.. Мнѣ говорили, что онъ влюбленъ въ тебя, что онъ для тебя, кажется, и въ Крымъ ѣздилъ.

Елена разсмѣялась.

— То ты говорила, что онъ влюбленъ въ Женю, а теперь въ меня...

— И въ тебя, и въ Евгенію Михайловну, и въ какую-нибудь актрису, и въ свою экономку, если она у него есть,—въ этомъ направленіи онъ можетъ дробиться до безконечности. Люба мнѣ писала, что онъ теперь возится съ какой-то шансонеточной пѣвицей.

— А почему же ему и не возиться—вѣдь онъ холостой человѣкъ!

Какъ Людомирова ни подводила разговоръ, однако ей не удалось опредѣлить, есть ли у Елены хоть доля увлеченія къ Башилову, и она обратилась за справками къ барону Штадену, который за послѣднее время раза два столкнулся съ Башиловымъ у Елены, былъ крайне раздосадованъ этой встрѣчей, убѣдившей его, что Елена не на шутку ему симпатизируетъ. Была минута, когда у барона мелькнуло желаніе осторожно навести Елену на мысль о связи ея подруги съ Башиловымъ, но, вѣрный своему правилу уважать чужія тайны и ни при какихъ обстоятельствахъ не выходить изъ

роли только зрителя, онъ и тутъ не измѣнилъ себѣ, предоставляя судьбѣ спутывать или развязывать жизненные нити. Отъ Штадена Людомирова, конечно, ничего узнать не могла и стала прислушиваться къ тому, что въ гостиныхъ говорилось или предполагалось, вставляя два-три полупутливыхъ, полужазвительныхъ слова, которыя незамѣтно вливали ядъ и злобу недоброжелательства. За послѣднее время Людомирова не пропускала случая бросить Еленѣ какую-нибудь колкость или двусмысленный намекъ то на Башилова, то на Орлова, то на Юрьева, котораго, впрочемъ, Елена совсѣмъ мало видѣла. Она отмалчивалась или слегка высмѣивала Людомирову, отгадывая, что та вымещала на ней свои недоразумѣнія и ссоры съ барономъ.

Вскорѣ баронъ пріѣхалъ къ Еленѣ и сообщилъ ей о своемъ окончательномъ разрывѣ съ ея подругой Людомировой.

— Прошу васъ меня считать вернувшимся изъ кратковременнаго отпуска, — смѣясь говорилъ онъ, — и вступившимъ вновь въ должность сторожа вашего психологическаго момента, близость котораго, мнѣ помнится, вы предвидѣли въ недалекомъ будущемъ. Я упоренъ и постояненъ и никому не уступлю своего сторожевого пункта; теперь я удвою свою наблюдательность изъ чувства эгоизма и изъ чисто альтруистическихъ побужденій.

— А-а! Благovolите ихъ выяснить, это очень интересно.

— Вы, *mon ange*, хоть и прикрываетесь тогой добродѣтельной безстрастности, но я вамъ не вѣрю и очень боюсь, что съ наступленіемъ психологическаго момента вы натворите всякихъ чудесъ, а потому я, вашъ вѣрный и бдительный другъ, постараюсь, чтобы этотъ психологическій моментъ...

— Сосредоточился бы на васъ, *cher Baron*...

— Совершенно вѣрно! то есть вы просто читаете мои мысли. Bravo! И что же, вы согласны?

— Ну, еще бы! Развѣ вы не понимаете, что я только ждала вашего возвращенія изъ кратковременнаго бѣгства.

— Pardon—отпуска, такъ какъ вы сами его налаживали. Чтобы начать свои обязанности стражника, позвольте быть нескромнымъ и предупредить васъ, что вамъ приписываютъ злые языки уже не двоихъ поклонниковъ, а трехъ: Орлова, Юрьева и Башилова. Послѣднимъ очень заинтригованы; кто-то пустилъ слухъ, что вы ему карьеру хотите сдѣлать, а затѣмъ удостоить чести сдѣлаться его женою.

— А-а-! Узнаю Маришинъ языкъ... Ну, милый баронъ, теперь стоитъ вамъ почаще ко мнѣ заѣзжать, чтобы вы оказались четвертымъ поклонникомъ.

— А я это непременно и сдѣлаю, потому что къ Башилову васъ ревную и ни за что не хочу, чтобъ васъ соединяли съ его именемъ,

— Спасибо за услугу; меня это не устраиваетъ, такъ какъ если мнѣ кто-нибудь можетъ нравиться, то это будетъ навѣрное онъ. Что? Не ожидали?

— Вы шутите?..

— Совершенно серьезно.

— Въ такомъ случаѣ это очень прискорбно.

— Даже прискорбно? Но я васъ утѣшу тѣмъ, что пока это еще мое предположеніе, и, какъ другъ, вы будете au courant всѣхъ серьезныхъ событій, если имъ суждено когда-нибудь случиться.

— А я вотъ начну за вами хорошенько ухаживать и отважу его.

— Сдѣлайте одолженіе, вѣдь я еще не влюблена.

Однажды Людомирова встрѣтила Башилова у общихъ знакомыхъ, подѣла къ нему и начала слегка его язвить и дѣлать намеки, что она знаетъ какія-то его тайны. Башиловъ поддавался очень туго и, предполагая, что она намекаетъ на ссору съ Любовью Ивановной, и желая переменить разговоръ, спросилъ, давно ли она видѣла Елену. Людомировой этого только и надо было.

— Это время я ее вижу очень мало, потому что она такъ занята своими флиртами, что ей, конечно, не до меня.

— Помилуйте, Марія Константиновна, могутъ ли быть флирты у Елены Павловны? Я не встрѣчалъ болѣе холодной и безстрастной женщины, чѣмъ она.

— Елена безстрастна? Ого! Откуда вы это можете знать? Удивляюсь! Вы такой опытной въ дѣлѣ съ женщинами!.. Вѣроятно, вы неумѣло взялись. Рѣшивъ, что Елена слишкомъ умна, вы начали съ психологіи, а женщина, какъ бы она умна ни была, въ дѣлахъ любви все-таки остается женщиной, а не философомъ... Философія расхолаживаетъ.

Людомирова смѣялась и кокетничала, стараясь отвлечь вниманіе Башилова отъ своей главной цѣли—выставить пріятельницу въ невыгодномъ свѣтѣ. Башиловъ, любопытство котораго было задѣто по отношеніи Елены, попался на эту удочку и, въ свою очередь, желая выпытать отъ Людомировой то, что его въ данную минуту интересовало, искалъ способа, какъ бы замаскировать свое намѣреніе.

— Я, изволите ли видѣть, всегда руководствуюсь примѣромъ умныхъ людей. Александръ Александровичъ Рихтеръ тихонько и умненько бесѣдуетъ съ Еленой Павловной и успѣхъ, кажется, имѣть будетъ.

— Ну, будетъ ли еще имѣть—это вопросъ! Вы бы лучше поучились у Юрьева; онъ умомъ, кажется, не блещетъ, а успѣхъ имѣетъ колоссальный.

— Ужъ и колоссальный! Позволила барынька ручку поцѣловать, а онъ и затрубилъ побѣду. Это по молодости лѣтъ и по неопытности-съ.

— Ну, извините! я сама была свидѣтельницей, какъ однажды въ чадѣ умопомрачительнаго кокетства Елены Юрьевъ самымъ безсовѣстнымъ образомъ расцѣловаль ее.

— Да, это ужъ очень рѣшительно!.. Такой примѣръ даже и опасенъ.

Башиловъ почувствовалъ раздраженіе противъ Людомировой, сразу испортившей ему настроеніе, но вмѣсто того, чтобы прервать разговоръ, на зло самому себѣ ждалъ дальнѣйшаго.

— Въ такомъ случаѣ поучитесь у барона Штадена. Это, повѣрьте мнѣ, артистъ. И онъ знаетъ прелесть Еленинаго поцѣлуя; эготъ, пожалуй, еще рѣшительнѣе, чѣмъ Юрьевъ... Изъ всѣхъ обожателей Елены самый слабый Орловъ,—но вѣдь его пѣсня, кажется, спѣта; она выжала изъ него послѣдніе соки и теперь держитъ на веревочкѣ для количества... Ну, разумѣется, надо имѣть умъ и смѣлость Елены, чтобы такъ бравировать и такъ смѣло афишировать свои связи; каждая изъ насъ трепещетъ лишняго пожатія руки, боясь, чтобы не раздули и изъ мухи слона не сдѣлала, а она, молодець, очень ловка; ничего не боится, зато ей прощается многое. Я люблюсь такими женщинами, а вы?

— Если я люблюсь Еленой Павловной, то главнымъ образомъ за то, что никогда отъ нея ни о комъ дурнаго слова не слышала,—сдерживая раздраженіе, отвѣтилъ Башиловъ.

— Это что же? Камень въ мой огородъ?

— Помилуйте, имѣю ли я право...

Башиловъ уѣхалъ домой сильно не въ духѣ, озабоченный слышаннымъ, взбѣшенный на Елену при мысли, что она, быть можетъ, его дурачить, его, привыкшаго насквозь видѣть каждую женщину. И въ то же время чуть подсказывало ему, что Елена слишкомъ цѣльный и благородный характеръ для мелкихъ интригъ. Ему хотѣлось откровенно переговорить съ ней, но онъ предпочелъ пока молчать, наблюдать, насколько возможно, и ничего не измѣнять въ ихъ отношеніяхъ. Благодаря новымъ обязанностямъ службы, онъ имѣлъ очень мало времени и съ большимъ удовольствіемъ отдавалъ свободные вечера на посѣщенія Елены, чѣмъ на свиданія съ Данцовой, которая начинала ему мѣшать и не на шутку озабочивать. Тихая, покорная и любящая, она мирилась съ необходимостью рѣже видѣться, вѣря, что служба отнимаетъ у него почти все время. Она не высказывалась, но была часто грустна, и зачастую Башиловъ видѣлъ, какъ она глотала слезы, силясь улыбаться.

Такъ прошло время до новаго года. Башиловъ служилъ и много работалъ, Елена много выѣзжала, но жизнь казалась ей полнѣе, и тоска рѣже закрадывалась въ ея душу съ тѣхъ поръ, какъ ея мысли стали сосредоточиваться на интересахъ жизненнаго успѣха чело-вѣка, судьба котораго становилась ей все ближе и ближе. Людомирова давала балы и обѣды. Послѣ долгой переписки и перегово-

ровъ она все-таки добилась наружнаго примиренія съ барономъ, которое ей было необходимо для декорума передъ обществомъ; но баронъ держалъ себя такъ холодно, что вернуть его сердце оказалось невозможнымъ.

Башилову удалось найти свободный вечеръ и поѣхать къ Аннѣ Ивановнѣ, предупредивъ ее съ утра о своемъ посѣщеніи. Занесенный большими хлопьями снѣга, онъ отряхивалъ бобровый воротникъ и протиралъ мокрое пенснэ въ маленькой передней, куда навстрѣчу ему вышла Анна Ивановна, кутаясь въ большой вязанный платокъ.

— Здравствуйте, моя красавица; вы что кутаетесь?... Неужели прозябли? У васъ тепло.

— Здравствуйте. Давненько не видались. Что-то знобитъ меня; вѣрно, простудилась.

— Это не полагается. Вотъ я, погодите, отогрѣю васъ.

— Развѣ что такъ... по старой памяти. Да вы что такъ поздно? Девять часовъ. Я думала, что ужъ и не пріѣдете.

— Занять я, голубчикъ, до такой степени, что ей-Богу какимъ-то фокусомъ урвалъ сегодня часъ-другой, чтобы къ вамъ пріѣхать. Работаю по семнадцати часовъ въ сутки.

— А незамѣтно. Выглядите молодцомъ. Ей-Богу, будто и помолодѣли. Пройдите въ столовую; самоваръ совсѣмъ простылъ, васъ дожидаясь. Что и говорить, рѣдкій гость! Безъ дѣла не заглянете.

— Ну, ну, голубчикъ, полно вамъ. Зато пріѣхалъ и весь вашъ, будто пять лѣтъ тому назадъ. Время-то бѣжитъ! Шутка сказать—пять лѣтъ прошло! А хорошо бывало. Любилъ я вотъ такъ отдыхать у васъ вечерами и чай съ малиновымъ вареньемъ пить.

— И сейчасъ малиновое варенье подано; видите—не забыла.

— Ну, расскажите о себѣ. Вижу, что живется хорошо.

— Да что о себѣ рассказывать?—Живется разное: когда хорошо, а когда неважно. Иной разъ и поплачу.

— У васъ вѣдь глаза на мокромъ мѣстѣ, вамъ не поплакать нельзя.

— Ладно, ладно. Старое вспоминать не будемъ, а то, пожалуй, не трудно будетъ найти, кто и плакать-то выучилъ. Давайте лучше о другомъ говорить.

Пока пили чай, Анна Ивановна постепенно отогрѣвалась и скинула свою шаль. Башиловъ съ удовольствіемъ поглаживалъ всегда соблазнявшія его пухлыя бѣлыя руки Анны Ивановны, упизанныя прекрасными кольцами. Въ широкой кофточкѣ безъ корсета, съ пышной грудью, съ большими голубыми глазами, бѣлолицая, она по-немногу будила въ Башиловѣ воспоминанія былой связи, и онъ, слушая ее, улыбался своимъ мыслямъ.

Послѣ чая Анна Ивановна принесла карты и, оставивъ въ сторону чашки, принялась ихъ раскладывать.

— Теперь полно ужь вамъ всякое тамъ думать. Я вѣдь васъ пасквозь вижу; думайте про свое и не отвлекайтесь. Постоите-ка, ужь я лучше шаль пока одѣну. Ужь какія карты, на подборъ... Да вы никакъ назначеніе получили? И не такъ давно... былъ разговоръ съ важнымъ лицомъ; о васъ говорили... разговоръ серьезный былъ. Ну, такъ и есть, у васъ повышеніе по службѣ и полное удовлетвореніе. Вѣрно?

— Вѣрно-съ.—Вашиловъ улыбался.

— Ишь вѣдь какой! Хотъ бы слово черкнули старому другу, что предсказанія сбываются. Всегда говорила вамъ, что по службѣ везетъ, будете вы вскорѣ очень крупная штука.

— Зачѣмъ мнѣ писать вамъ, коли вы и безъ меня по картамъ все отгадываете!

— Поѣздка была... далекая и удачная; и для кармана и для самолюбія вашего ненасытнаго... А это же что выходитъ?.. Опять на сердцѣ дама, да только не та, что я вамъ въ жены прочила. Къ той сердце ваше остыло... Что же это за исторія такая?.. подождите-ка, разберусь я сперва... Конечно... вотъ опять эта дама подлѣ, очень вы къ ней льнете и карты хорошія, очень хорошія; она благосклонна къ вамъ и... просто и словъ не нахожу, выходитъ такъ, что ваша удача какъ будто бы и отъ ея счастливой руки зависитъ. Силы въ ней много. Жаль мнѣ очень эту вашу прошлогоднюю дамочку, а пѣсня ея спѣта... спѣта, и ничего тутъ ужь не выйдетъ... дороги идутъ врозь и не сойдутся... нѣтъ, нѣтъ, не сойдутся. А та-то,—ухъ, что за карта подлѣ нея и подлѣ васъ! Мѣшай, не мѣшай, все то же... Много вамъ на роду написано, и все сбудется, какъ я говорила.

Вашиловъ просилъ разложить карты на Елену. Вышло то же. Анна Ивановна покачала головой и, подперевъ ладонью подбородокъ, безошибочно обрисовала характеръ и жизнь Елены.

— А кавалеровъ и поклонниковъ у нея много?

— Не меньше, какъ у васъ разныхъ дамъ, а только чудно выходитъ: всѣ они паравнѣ стоятъ, а сердце ея къ вамъ обращено.

Долго еще гадала Анна Ивановна и много правды сказала Вашилову.

— Что тамъ карты ни говори, а отольются вамъ когда-нибудь слезы этой бѣдной дамочки. Неутомное сердце у васъ и жадное: всего вамъ мало! Любитъ она васъ до смерти, пожалуй, никто такъ не любилъ, и любить не будетъ. Ваша новая пассія сердцемъ куда холоднѣе и гордая, а летаетъ высоко; карты какъ на подборъ.

Окончивъ гаданье, Анна Ивановна скрестила на столѣ руки.

— Такъ-то, ваше превосходительство, глубоко вы плаваете и шибко идете въ гору, но и обидъ наносите не мало. Чужая душа вамъ ни по чемъ. За это я и разлюбила васъ; будь я чародѣйка, научила бы вашу бѣдную тихую дамочку не слезы лить, а отойти отъ васъ подалеже и отыскать другого, да подобрѣе.

— Экая вы умница! Каждому дано свое; я не умѣю совмѣстить холодный разсудокъ съ жалостью къ плачущимъ. Начну утѣшать да слезы осушать и пропущу пужную минуту. Не могу я изъ одной жалости свою волю насиловать. Пока любитса, люблю, а большаго никогда и не обѣщаю.

— Такъ, такъ!.. Не мнѣ васъ учить... А только все же выходить, что жизнь за любовь къ себѣ губите.

— Позабудеть! Поплачетъ и позабудеть.

— Это еще неизвѣстно.

— А вотъ вы позабыли?

— То я, а то она. Не у всѣхъ сила одинаковая.

— Такъ вы меня совсѣмъ позабыли? Такъ-таки на чистоту?

— А что же мнѣ: вспоминать и печалится прикажете?

— Итакъ, выходить, что я добрѣе васъ. Вотъ каждый разъ, какъ приѣду, и потянетъ къ тебѣ... слышишь.... къ тебѣ потянетъ. Славныя руки твои... и вся-то ты аппетитная и заманчивая...

Данцова весь день была въ приподнятомъ настроеніи. Вечеромъ ей предстоялъ большой bal-roulé, на который она ѣхала съ охотой, такъ какъ Башиловъ уступилъ ея настоятельной просьбѣ и согласился передъ баломъ заѣхать къ ней, чтобы выпить вмѣстѣ чай и посмотрѣть на нее въ бѣломъ парикѣ. Последнее свиданіе онъ былъ съ ней очень ласковъ, и Данцовой показалось, что въ немъ вспыхнула къ ней прежняя горячая страсть.

«Да, какъ женщина, ты владѣешь мной, и я въ твоей власти»,— эти слова наполнили ея наболѣвшее сердце гордостью и надеждой. Прощаясь, онъ подтвердилъ свое обѣщаніе непременно приѣхать передъ баломъ.

— Ты должна быть очень пикантна въ бѣломъ парикѣ съ открытой шеей; къ тебѣ и заѣзжать будетъ опасно: только взбудоражишь меня, а у меня въ этотъ вечеръ будетъ много работы передъ докладомъ.

Данцова была счастлива чувствовать себя красивой, молодой, имѣющей власть надъ чувствомъ любимаго человѣка. Она знала, что въ парикѣ съ обнаженными плечами она будетъ хороша и что Башиловъ будетъ любоваться ею и пожалѣетъ, что они должны будутъ разстаться. Въ восемь часовъ она была уже причесана и съ чуть подрисованными глазами и легкимъ искусственнымъ румянцемъ на щекахъ, въ красивомъ декольтированномъ голубомъ туалетѣ, очень выдѣлявшемъ ея граціозную фигурку, съ нѣжной линіей плечъ, она съ волненіемъ въ послѣдній разъ оглядывала себя въ зеркало, улыбаясь своему плѣнительному отраженію. Оставался цѣлый часъ до приѣзда Башилова. Она рѣшила вызвать его, прося приѣхать сейчасъ же. Лихорадочно возбужденная при одной мысли, что пройдетъ какихъ-нибудь четверть часа, и онъ войдетъ въ этотъ самый голубой будуарчикъ и увидитъ ее—такую

красивой, какой никогда еще не видѣла, она въ волненіи подошла къ телефону и съ легкой дрожью въ голосѣ, съ улыбкой на оживленномъ лицѣ, ставшемъ отъ парика и румянъ совсѣмъ инымъ, вызвала Башилова.

— Хорошій, дорогой, пріѣзжайте сейчасъ. Я совсѣмъ готова; будемте раньше чай пить. Я очень жду васъ.

— Извиняюсь, очень извиняюсь, но пріѣхать не могу никакъ. Только что самъ собирался протелефонировать вамъ.

Голосъ Башилова звучалъ какъ-то странно сухо.

— Какъ не можете? вы вѣдь обѣщали...

— Такъ точно-съ, но у меня неожиданное засѣданіе.

— Ну, хоть на полчаса... Я умоляю, Володя...— чуть слышнымъ шопотомъ докончила она фразу.

— Никакъ не могу-съ.

Данцова почувствовала, что все настроеніе радостной приподнятости мгновенно исчезло и сердце забилося тревогой и страхомъ.

— Володя, Владимиръ Ивановичъ, здѣсь что-то кроется, я это чувствую.

— Да ровно ничего не кроется.

— Скажи мнѣ правду: не хочу или не могу пріѣхать, но ради Христа только правду, ты не долженъ говорить одно, а думать другое.

— Въ такомъ случаѣ извольте: не хочу.

— А-а-а-хъ, Боже мой! Что же случилось?

— Ничего ровно.

— Въ чемъ-нибудь я виновата? Я что-нибудь сдѣлала?

— Нисколько. Но сознаюсь вамъ, что когда мы съ вами видѣлись послѣдній разъ, то я чувствовалъ, что у меня къ вамъ чего-то нѣтъ... и выходитъ, значитъ, какъ будто бы обманъ по отношенію васъ же... Я обѣщалъ быть вполнѣ съ вами откровеннымъ, и, какъ видите, слово свое сдерживаю. Я долженъ провѣрить себя.

— Боже мой, чего-то нѣтъ?! А десять дней тому назадъ еще было. Вѣдь было же?

— Да видите ли, вѣдь я, коли сознаться, желаю каждую женщину, буквально каждую-съ... Ну, и вы все-таки, какъ женщина, силу надо мной имѣете... Это осталось, но вѣдь это еще не все...

— Такъ... такъ... понимаю... теперь я понимаю... значитъ, прощайте...

Данцова, смертельно блѣдная, вся похолодѣвшая, съ перекосившимся отъ страданія лицомъ, схватилась рукой о близъ стоящій стулъ.

— До свиданія... пока...—еще разслышала она отвѣтъ.

— Прощайте...—сдавленнымъ шопотомъ отвѣтила она; вырвавши трубку и тяжело опустившись на стулъ, она глухо застонала, положивъ голову на скрещенныя на столѣ руки.

— Барыня, голубушка, что съ вами? Ахъ, бѣда, бѣда!...

Изъ сосѣдной комнаты прибѣжала горничная, преданная, давно служившая Евгеніи Михайловнѣ, уже немолодая дѣвушка.

Евгенія Михайловна продолжала беззвучно рыдать; обнаженные плечи содрогались, прелестная головка въ бѣломъ парикѣ конвульсивно билась, вся поза была олицетвореніемъ невыносимаго душевнаго страданія.

— Барыня милая, да вы не плачьте, обойдется, ей-Богу обойдется... съ кѣмъ не бываетъ... передумаетъ... можетъ, и свои дѣла у него... вѣдь я васъ какъ родную люблю... сердцемъ за васъ болѣю... простите, что осмѣлилась сказать... Господи, Мати Божья... да что же мнѣ сказать вамъ... барыня, голубушка... что съ вами? опомнитесь!..

Данцова неожиданно вся выгнулась назадъ и, сдавливая виски сжатыми кулаками, глухо стонала... Заплаканное лицо съ кокетливой мушкой на щекѣ, искаженное страданьемъ, было картинно трагичнымъ.

— Не могу, не могу, Даша... Мутится разумъ, я погибаю... Даша милая, если бы ты знала.

— Знаю, все знаю, милая барыня... Развѣ, думаете, у меня сердца нѣтъ? Доля-то наша женская все одинаковая. Вижу давно, что мучитесь, голубушка вы моя, родная! Я вамъ капель дамъ валеріановыхъ, или прилягьте: Богъ дастъ, завтра они и сами спохватятся; помяните меня, что и цвѣты пришлютъ, и сами приѣдутъ.

— Нѣтъ, Даша, нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ... ахъ, проводи меня въ будуаръ, убери все... никуда не поѣду.

— Раздѣньтесь, парикъ я вамъ помогу снять... И что было пождать до завтра! Днемъ-то легче какъ будто, а на ночь и все страшнѣе.

— Оставь меня, нѣтъ силъ, потомъ раздѣнусь. Подложи подушку подъ голову. Я позвоню тебѣ, милая... уходи.

Едва Даша ушла, осторожно заперевъ за собой дверь, какъ Евгенія Михайловна сорвалась съ диванчика, на которомъ прилегла, и стала метаться по комнатѣ, какъ подстрѣленная птица. Слезъ не было; отчаяніе сдавило сердце стальными клещами, холодъ роковой развязки, сознаніе, что зіяющая пропасть разверзлась и что бороться уже не съ чѣмъ, ледянымъ ужасомъ глядѣло въ помутившіеся, широко открытые зрачки. Какъ сомнамбула, она подошла къ столику, открыла маленькую шкатулку, достала пригоршню облатокъ хинина, которыя часто принимала, и, наливъ воды изъ хрустальнаго графинчика, начала ихъ глотать одну за другой. Она ихъ глотала безъ счету; ни минуты не закрался къ ней въ душу страхъ смерти или тяжелыхъ послѣдствій отъ отравленія хининомъ въ видѣ пожизненной слѣпоты или глухоты. Рука, нѣжная, съ тонкими пальцами, ни разу не дрогнула. Когда въ шкату-

лочкѣ не оказалось больше облакокъ,—Елена приняла болѣе семидесяти грань,—она подошла къ столику изъ краснаго дерева, похолодѣвшими пальцами достала листокъ бумаги и написала отчетливымъ почеркомъ: «умираю, потому что нечѣмъ жить». Постояла неподвижная и жуткая въ своемъ торжественно-спокойномъ ожиданіи смерти и вдругъ схватилась за слабое отъ природы сердце: оно начало биться, руки затрепетали, ноги слабѣли, въ глазахъ стоялъ туманъ, вся комната начала куда-то уплывать, мысль о смерти медленной грузной тяжестью вдругъ откуда-то выползла и придавила мозгъ и все ея существо страннымъ дикимъ ощущеніемъ безповоротнаго конца. Хватаясь за стулья, она еле дотачилась до дивана, который, казалось, ускользалъ отъ нея, неестественно осторожно легла, вся вытянулась, опустила руки и широко открытыми, расширенными до невѣроятія глазами и съ конвульсіями въ лицѣ уставилась на голубой абажуръ лампы, слѣдя, какъ онъ уплывалъ и таялъ гдѣ-то все дальше и дальше. Въ вискахъ стучали тысячи молотовъ, въ ушахъ стоялъ дикій звонъ, конечности трепетали, сердце уже не билось, а непрерывно колотилось, заполняло ощущеніемъ безумнаго біенія все существо. Данцова хотѣла приложить къ нему руку, но тонкая, красивая рука безвольно повисла, трепеща пальцами, какъ трепещутъ листья подъ вихремъ налетающей бури.

Тихо скрипнула дверь: вошла Даша, чуть слышными шагами приблизилась къ дивану и отшатнулась съ перепуганнымъ лицомъ.

— Что съ вами, голубушка барыня? Что съ вами? Вамъ худо?

— Даша... нагнись,—зашептала она.—Я вѣрила всегда твоей привязанности... голубушка, поклянись мнѣ... во имя Спасителя, что никому не скажешь, никогда никому не намекнешь, что я... любила барина Вашилова... поклянись...

— Клянусь вамъ именемъ Господа...

— И что въ телефонъ я говорила съ нимъ, никому не скажи. Скажешь, что я... я... тосковала... Даша... умираю... позвони Елену Павловну...

Теперь передъ глазами Данцовой разстилалась темная ночь, въ ушахъ стоялъ звонъ, и она едва улавливала Дашинъ голосъ.

— Господи, Пресвятая Мати Божья! Да что же вы съ собой сдѣлали?! Барыня, ради Христа! Что вы сдѣлали? руки на себя наложили?! Пресвятая Богородица... доктора надо...

— Елену... позови...

Даша кинулась къ телефону. Срывающимся отъ рыданія голосомъ она вызвала Елену, собиравшуюся на тотъ же балъ, и сказала ей, что надо спѣшить и вызвать немедленно доктора. Но Данцова не ошиблась: было уже поздно. Когда Елена, тоже въ бѣломъ парикѣ, въ первомъ попавшемся капотѣ, страшно взволнованная, вбѣжала въ будуаръ и опустилась передъ диваномъ на колѣни, то

въ безумно расширенныхъ глазахъ нарядной женщины съ кокетливой мушкой на блѣдномъ лицѣ, окаймленномъ сѣдыми локонами, отражался вѣчный и неразгаданный вопросъ смерти; съѣсившіяся руки были холодны, и пальцы, унизанные кольцами съ любимой бирюзой, уже не трепетали, а навѣки замерли, не сумѣвъ защитить слабого сердца отъ налетѣвшей бури.

VI.

Стояло сѣрое, немного туманное утро. Черезъ распахнутыя на широкую лѣстницу двери, негромко переговариваясь, толпясь, осторожно поддерживая бѣлый нарядный гробъ, медленно выходила толпа изъ беспорядочно-опустѣвшей квартиры, пропитанной ладаномъ и сыростью утренняго воздуха. За гробомъ шелъ высокій, блѣдный, съ сѣдой бородой старикъ, отецъ Данцовой, очень похожая на нее, но менѣе красивая, полная, еще молодая женщина—ея сестра, и братъ инженеръ, статный, очень красивый, слегка фатоватый господинъ. Много дамъ въ траурѣ, военные мундиры, щеголеватые штатскіе, два-три придворныхъ чина,—все та же элегантная, всегда окружавшая Данцову толпа спустилась внизъ и, пожимая другъ другу руки, продолжая шопотомъ начатый до панихиды разговоръ, не спѣша двинулась за пышной погребальной колесницей. На улицѣ всемъ стало легче на душѣ послѣ скорбнаго напѣва панихиды въ завѣшенной бѣлыми простынями опустѣвшей гостиной, гдѣ только что нарядная гробовая крышка навѣки сомкнулась надъ блѣднымъ, торжественно-спокойнымъ и милымъ лицомъ никому не сдѣлавшей въ своей жизни зла, но слишкомъ много и глубоко любившей женщины. Елена, потрясенная неожиданной и трагической смертью подруги, шла рядомъ съ барономъ. Онъ былъ печаленъ и почти не разговаривалъ, Людомирова, шедшая подъ руку съ Рихтеромъ, не разъ бросала въ сторону Елены и барона недружелюбные взгляды, которыхъ они не замѣчали. Генералъ Орловъ, осунувшійся, постарѣвшій, шелъ по другую сторону Елены и то поддерживалъ ее за локоть, то поправлялъ падающее боа, то уговаривалъ виолголосо сѣсть въ карету и не переутомлять себя. Во всехъ слѣдующихъ за колесницей группахъ разговоръ вертѣлся на тему трагической и преждевременной кончины усопшей. Никто не зналъ ничего положительнаго, но все искали ключа разгадки, и одни близко къ ней подходили, другіе ее отгадывали.

— Ахъ, голубчикъ, не то ужасно, что она умерла, все вѣдь туда уйдемъ, а ужасна мысль о томъ душевномъ и одинокомъ страданіи, которое довело ее до рѣшимости покончить съ собой. И никогда ни намекъ! хотя нѣтъ... позвольте, я вспомнила!.. Не

такъ давно она поразила меня словами, что не видитъ своей дальнѣйшей жизни и что у нея есть предчувствіе близкой смерти.

— Ну, вотъ видите! Значить, она готовила себя къ этой мысли, и ея смерть не была внезапнымъ и необдуманномъ рѣшеніемъ, какъ вы предполагали.

— Тѣмъ хуже, тѣмъ хуже! Значить, ее что-то давно мучило и угнетало, и она, не имѣя поддержки и утѣшенія, заблудилась и не находила выхода изъ окутавшаго ее мрака отчаянія. И сказать, что вѣдь я была близкимъ ей другомъ!.. Ахъ, баронъ, какъ мы все одиноки, какъ великъ трагизмъ нашего духовнаго одиночества въ минуты скорби и отчаянія. Когда я думаю объ этомъ, мнѣ кажется, что изъ-подъ ногъ моихъ срывается послѣдній камень и я лечу въ бездонную пропасть. Замѣьте, что вѣдь каждый изъ насъ окруженъ тѣсной толпой родныхъ и друзей, которымъ онъ и близокъ, и дорогъ и за привязанность которыхъ мы все цѣпляемся; но въ минуты затопившаго душу горя и отчаянія мы ясно сознаемъ, что въ этой жизни мы брошены, какъ въ пустынѣ одинокіе и слабые. И силенъ тотъ, кто, познавъ это отчаяніе одиночества, останется безстрашнымъ до конца, найдя точку опоры хотя бы въ миражѣ, созданномъ нашимъ мозгомъ. Нѣтъ, нѣтъ, лучше не думать, не беречь этихъ вѣчно открытыхъ ранъ.

— Мнѣ очень жаль, что не удалось быть вчера вечеромъ на панихидѣ,—говорила Людомирова Рихтеру. — Рассказываютъ, что Башиловъ держалъ себя, какъ ни въ чемъ ни бывало; познакомился съ сестрой Евгеніи Михайловны, выражалъ соболѣзнованіе, такъ что ввелъ въ заблужденіе многихъ, подозрѣвающихъ причину смерти. А я ни минуты не сомнѣваюсь, что виноватъ онъ. Она была вѣдь такая овечка.

— Во всякомъ случаѣ не пара ему. Повѣрьте, что я совершенно индифферентенъ къ успѣхамъ господина Башилова и ужъ, конечно, ему не завидую, но ни минуты не сомнѣваюсь, что онъ кому угодно горло перерѣжетъ, если ему это окажется полезнымъ, и даже не оглянется. Я смотрю на его повышенія совершенно спокойно: все равно сломаешь себѣ шею. Въ послѣдней комиссіи онъ проявилъ много безтактности, подчеркивая то право своего голоса, то какія-то тамъ свои заслуги, кипятился, язвилъ и произвелъ впечатлѣніе очень невыгодное; набрался, что называется, перцу, не успѣвъ ощупать еще и почвы, на которую попалъ. Настоящихъ административныхъ способностей у него нѣтъ, а соваться впередъ и кричать о себѣ—это онъ умѣетъ. Ну, да вѣдь раскусятъ въ свое время...

Рихтеръ, изящный, красивый и надменный, пересыпалъ свою рѣчь французскими фразами, говорилъ спокойнымъ, хладнокровнымъ голосомъ, но въ его холодныхъ глазахъ мелькалъ огонекъ злобнаго чувства.

— Oh, la pauvre femme! Si jolie, si douce ¹⁾, и такая трагическая, непонятная кончина,—говорила баронесса Кнорпъ, кокетливо подобравъ черное платье и выставляя изящно обутую маленькую ножку, которой охотно любовался ведшій ее подъ руку высокій красивый уланъ, любитель женщинъ, вина и лошадей. Онъ крѣпче, чѣмъ это полагалось, прижималъ локтемъ ручку маленькой хорошенькой черноглазой баронессы, съ которой наканунѣ сидѣлъ рядомъ за ужиномъ послѣ блестящаго бала и находилъ ее сегодня такой же свѣжей и хорошенькой, какъ и вчера.

— Говорятъ, что она отравилась, qu'elle avait un chagrin d'amour ²⁾. Вы не слышали? Это правда?

— Все можетъ быть, баронесса; потому-то я и говорю, что надо пользоваться жизнью и отвѣчать на любовь, когда насъ хотятъ любить.—Уланъ осторожно, но выразительно прижалъ покрѣпче ручку своей дамы, слегка покраснѣвшей и прищурившей съ лукавой улыбкой красивые большіе глаза.

— Пройдемте еще до слѣдующей улицы, Аркадій Евгеньевичъ, а тамъ сядемте ко мнѣ въ карету, а то ноги забнуть начинаютъ, да и вамъ, думаю, не очень-то полезно съ ревматизмомъ по снѣгу итти,—обратилась къ сѣдненькому генералу шедшая съ нимъ рядомъ пожилая дама, знавшая Данцову съ дѣтства, любившая ее и теперь негодовавшая на покойницу за ея поступокъ, противный христіанскому ученію.

— Да ужъ! Не думалъ, что придется и мнѣ провожать покойницу въ лавру. Вѣдь молода была еще, жить бы да жить!..

— Да какъ же можно! Я просто въ себя не могу прийти отъ этого ужаса. Вѣдь Женичка была всегда такая спокойная, религіозная, такая разсудительная. Если бы вы знали, какъ она мучилась вопросомъ развода, котораго требовалъ отъ нея супругъ. Воспитанная въ такой патриархальной семьѣ, такихъ строгихъ правилъ и вдруг!.. Вы слышали: говорятъ, будто бы у нея былъ романъ?

— Да ужъ надо полагать, что тутъ не безъ любви, если это вѣрно, что она отравилась.

— Мнѣ называли какого-то Башилова. Вы не знаете, кто онъ? Я вѣдь, въ свѣтъ теперь не выѣзжая, никого тамъ не знаю...

Послѣ обѣдни въ уютной, убранной зеленью церкви гробъ понесли по покрытымъ неутоптаннымъ яркимъ снѣгомъ дорожкамъ и, окруженный тѣснымъ кольцомъ притихшихъ людей, надъ которыми будто пролетѣла какая-то черная большая птица и задѣла ихъ своимъ мрачнымъ крыломъ, подъ скорбный ропотъ послѣдняго земного напѣва молитвы, онъ медленно соскользнулъ въ глубину темной холодной могилы...

¹⁾ О, несчастная женщина! Такая красивая и кроткая.

²⁾ У нея было сердечное горе.

Елена только что вернулась съ похоронъ; вся въ черномъ, блѣдная, съ темными кругами подь слегка подпухшими печальными глазами, она налила кофе изъ маленькаго серебрянаго кофейника и протянула чашку сидящему подлѣ нея барону. Нервная дрожь передергивала ея плечи, и она куталась въ широкое мѣховое боа. Оба молчали; баронъ казался тоже разстроеннымъ и сосредоточенно курилъ.

— Это ужасно, ужасно!..—прошептала Елена, закрывая лицо руками и облокачиваясь на край стола.—Я чувствую, что она унесла съ собой какую-то тайну... Такая слабая и безвольная, она сумѣла ее скрыть даже отъ меня. Женя, Женя... зачѣмъ она это сдѣлала?

Елена неожиданно уронила голову на столъ и тихо зарыдала.

— Полно, дорогая... теперь все кончено. Конечно, больно думать о безвременной и, вѣроятно, ненужной кончинѣ вашего друга, но... судьба, видно, судьба... Не философствуйте, еще хуже запутаетесь.

— Олегъ Владимировичъ, вѣдь надо же жить, а чѣмъ? чѣмъ жить? Женя не умѣла философией и великими софизмами заниматься и не выдержала.

— Бросьте вы, пожалуйста!.. Такія несложныя и кроткія женщины, какъ Евгенія Михайловна, не умираютъ надъ разгадкой міровыхъ вопросовъ.

— А вотъ же и умерла.

— Не отъ того.

— Какъ не отъ того?

— У нея было сердечное горе, и она его не перенесла...

— Что такое? Откуда вы это можете знать?

— Я не говорю, что знаю, я предполагаю.

— А я глубоко сомнѣваюсь. Какъ бы Женя ни была осторожна, но какъ-нибудь прорвалось бы. Еще въ прошломъ году Мариша какъ-то увѣряла меня, что ей достовѣрно извѣстно, будто бы у нея романъ съ Башиловымъ. Я очень была встревожена, такъ какъ существовали факты, о которыхъ Женя могла не знать, мѣшавшіе возможности для нея полнаго счастья. Я тогда же съ Женей поговорила откровенно. Она даже разсмѣялась: ничего подобнаго.

— Положимъ, у нея могли бы быть причины скрывать даже и отъ васъ свое чувство.

— Никакихъ. Вѣдь я съ Башиловымъ тогда еще знакома не была и даже не видала его. Вѣдь случалось же раньше, что она дѣлилась со мной своими маленькими, невинными флиртами.

— То-то и дѣло, что тутъ былъ, весьма возможно, не флиртъ, а романъ.

Елена на секунду глубоко задумалась. Баронъ внимательно слѣдилъ за выраженіемъ ея лица и былъ очень серьезенъ.

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Этого быть не могло. Вѣдь въ Ялтѣ мы столкнулись съ Башиловымъ и пробыли въ одномъ отелѣ почти двѣ недѣли. Я бы замѣтила. Наконецъ, если говорить правду, Башиловъ слегка ухаживалъ за мной и если бы въ вашемъ предположеніи была хоть доля правды, могла ли быть Жена такой безмятежно-веселой и ровной? Прорвалась бы во взглядѣ, въ тонѣ голоса.

— Кто знаетъ, моя дорогая, не игралъ ли Башиловъ двойной игры...

— Башиловъ?! Да что вы думаете о немъ? Это человѣкъ рѣшительно неспособный даже на тѣнь хитрости. Онъ до смѣшного прямолинеенъ.

— Кто знаетъ!..

— Вы меня пугаете. Баронъ, отчего мнѣ кажется, что въ вашихъ словахъ кроется какой-то скрытый смыслъ. Ради Бога скажите, если что-нибудь знаете. Это для меня важнѣе, чѣмъ вы думаете.

— Если бы я и зналъ, то вѣдь прошлаго не вернешь и Евгениі Михайловны тоже.

— Да, но остался Башиловъ... и я.

— Башиловъ и вы? Это сильно сказано; я могу подумать, что онъ въ вашей жизни играетъ серьезную роль.

— И вы не ошибетесь.

— Вы его любите?

— Почти...

— А онъ васъ?

— Очень.

— Этого, сознаюсь, я не ожидалъ. Кое-что мнѣ пришлось слышать, но я не придавалъ значенія; думалъ, сплетни... Такъ вотъ онъ—психологическій моментъ!.. Елена Павловна, не прійти ли мнѣ на помощь? Подумайте... узнайте получше Башилова...

— О, я его знаю отлично...

— И что же: безповоротно?

— Еще нѣтъ, потому что сердце и мозгъ въ плѣну, но страсти по обыкновенію молчатъ.

— Придетъ время, и страсти заговорятъ.

— Не знаю,—тихо отвѣтила Елена.— Баронъ, скажите, что вы знаете о смерти Жени.

Баронъ одну минуту, какъ бы затягиваясь дымомъ папиросы, молчалъ, затѣмъ спокойно взглянулъ на Елену и рѣшительно отвѣтилъ:

— Ничего не знаю, положительно ничего; я высказывалъ одни предположенія.

— А о Башиловѣ что слышали?

— Очевидно, то же, что и вы отъ Маріи Константиновны.

— Ну, на Маришины слова полагаться не слѣдуетъ; она вѣчно изъ мухи слона дѣлаетъ,

— Это возможно.

Опять оба умолкли и долго сидѣли, погруженные каждый въ свои мысли.

— А-а-ахъ!—болѣзненно застонала Елена.

— Что съ вами?

— Я не могу отогнать отъ себя воспоминаній страшной картины, когда я прѣѣхала къ ней и застала ее уже мертвой. Была какая-то трагическая, жестокая насмѣшка жизни надъ человѣческой судьбой. Она лежала въ своей нарядной комнаткѣ, вся въ голубомъ шелку, съ открытыми плечами, въ бѣломъ парикѣ, удивительно ей шедшемъ, точно слетѣла съ полотна картины *Vatteau*, и эта мушка на щекѣ, и хорошенькія въ голубыхъ туфелькахъ ножки, а лицо— скорбное, широко открытые глаза, полные застывшего недоумѣнія, неразрѣшенной страшной загадки... Меня преслѣдуетъ эта страшная картина, въ ней чувствуется чья-то властная сила, намѣренно ее создавшая, чтобы наполнить ужасомъ и сомнѣніемъ живого человѣка. Неужели навсегда останется тайной, что могло случиться съ ней въ тотъ моментъ, когда она, нарядная и веселая, собиралась ѣхать на балъ? Что же произошло въ душѣ ея, что, не снявъ даже пѣрика и румянъ, она, готовая къ танцамъ, бросилась въ объятія смерти. Кто толкнулъ ее въ эту пропасть? Кто запугалъ и обманулъ ее душу?

— Да, милыя женщины! Всѣ вы или не въ мѣру коварны, или довѣрчивы, какъ дѣти, — проговорилъ баронъ, подымаясь со своего мѣста и протягивая руку за шляпой.

Быль довольно поздній вечерній часъ, когда лакей постучалъ къ Еленѣ въ комнату и доложилъ, что Юрьевъ проситъ ее на одну минуту. Елена очень обрадовалась этому неожиданному визиту, такъ какъ давно не видала Юрьева и не знала, что съ нимъ дѣлается. Не найдя его ни въ одной изъ гостиныхъ, она прошла въ переднюю. Онъ стоялъ у входной двери, облокотясь о косякъ, съ фуражкой въ рукѣ.

— Что же вы здѣсь стоите? Заходите, снимайте пальто.

— Невозможно, *mon ange*, какъ говоритъ вашъ другъ баронъ, я на одну единственную минуту...

Юрьевъ улыбался и не выпускалъ руки Елены, которую какъ будто бы бессознательно цѣловалъ и пожималъ.

— Да все равно заходите, хотя и на минутку; не будемъ же мы здѣсь разговаривать.

— Именно здѣсь, *mon ange*, какъ выражается вашъ другъ, вашъ уважаемый другъ баронъ... дальше этой двери мнѣ итти невозможно, ибо я могу быть слишкомъ веселъ и вамъ будетъ не такъ легко захопнуть передъ моимъ носомъ дверь..., а я хочу сказать вамъ два слова, два очень важныхъ слова... но вы не думайте, что я опечаленъ и пушу себѣ пулю въ лобъ... о, нѣтъ!.. я знаете, раскланялся,

даже ручку поцѣловаль, направо кругомъ маршь, и прямо съ мѣста въ карьеръ къ «Медвѣдю» и того...

Юрьевъ щелкнулъ себя по воротничку и бессмысленно засмѣялся. Тутъ только Елена замѣтила, что у него неестественнымъ, возбужденнымъ огнемъ горѣли глаза и яркій румянецъ покрываль щеки.

— Юрочка, поѣзжайте домой; вамъ надо лечь спать.

— Никакъ нѣтъ! Если вы не желаете со мной говорить, несмотря на то, что мнѣ это очень надо и что я вполне приличенъ, то я сейчасъ же покачу опять къ Мишкѣ и буду пить до утра... въ лоскъ, до безчувствія...

Еленѣ удалось съ большимъ трудомъ заставить его снять пальто и пройти съ ней въ маленькую гостиную.

— Рассказывайте, что случилось?

— Отставка, полная отставка... не гожусь, значить... есть лучше меня...

Юрьевъ всталъ съ дивана, провелъ рукой по волосамъ, взъерошилъ ихъ, хотѣлъ еще что-то сказать, но стиснулъ зубы, заскрежеталъ ими и опять опустился на диванъ; досталь папиросу, хотѣлъ закурить, но руки дрожали, и онъ съ досадой швырнулъ ее.

— Расскажите толкомъ: какъ, почему?

— А чортъ его знаетъ, какъ и почему! Думала, говорить, что правитесь, что полюблю, а, оказывается, ошиблась, потому что влюбилась въ другого и уже невѣста... Простимся, говорить, друзьями. Ну, я и простился... ни слова не сказалъ, потому что, согласитесь, что же мнѣ теперь говорить осталось? Невѣста, значить, крышка... позволяю вамъ выйти вонъ... я и вышелъ... Навсегда... и ѣздить туда не буду, и никогда не увижу... Все пошло къ чорту... ну, и напился... и еще напьюсь... А-хъ!..—вдругъ застоналъ Юрьевъ, повалился ничкомъ на диванъ, зарылся лицомъ въ шелковую подушку и громко зарыдалъ.

По лицу Елены пробѣжала тѣнь; она сѣла рядомъ съ нимъ и молча долго гладила его курчавые волосы. Онъ плакалъ безутѣшно, и у Елены не было словъ, чтобъ его утѣшить.

— Простите... я передъ вами плачу, какъ мальчишка; зато тамъ... тамъ не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. О, какъ вы были правы!... у нея нѣтъ сердца, а я былъ слишкомъ довѣрчивъ, и теперь моя жизнь—ненужный хламъ.

— Полно, голубчикъ: кто не переживаль бурь въ ваши годы? Обойдется, забудется, васъ полюбитъ другая, и вы будете счастливы.

— Нѣтъ, нѣтъ. Вы не знаете, что я принадлежу къ тѣмъ людямъ, которые носятъ названіе однолюбовъ. Я не могу и не хочу два раза любить. Она не поняла, сколько сокровищъ тайлось для нея въ моемъ сердцѣ... Ну, да, я не богатъ, не блещу показнымъ умомъ, я, быть можетъ, и не очень уменъ, но для счастья, для жизни у меня достало бы и ума, и сердца.

— Возьмите себя въ руки, голубчикъ; нельзя же изъ чувства любви закладывать фундаментъ всей жизни; есть иные запросы, болѣе глубокіе и болѣе прочныя.

— А чортъ съ ними!.. я не братъ Александръ; я еще не умеръ и хотѣлъ жить... Проклятая судьба! Пустить бы и ей, и себѣ пулю въ лобъ и крышка всему.

— Вы разпервничались. Что за манера напиваться, когда душа потрясена горемъ! Это недостойно культурнаго человѣка. Почему мы, женщины, не прибѣгаемъ къ вину, а переносимъ въ здоровомъ разсудкѣ всѣ разочарованія и жизненные обиды? Неужели мы сильнѣе васъ? Примите эти капли, успокойтесь и давайте логично переговоримъ и поищемъ выхода... Вы знаете, голубчикъ, что я люблю васъ, потому что чувствую вашу глубокую и хорошую душу. Протяните мнѣ руку, я хочу быть вашимъ другомъ въ горѣ, хочу поддержать и помочь вамъ.

— Спасибо вамъ, дорогая. Вѣдь къ вамъ, только къ вамъ я понесъ свое горе, но помочь мнѣ вы не въ силахъ: я глубоко и смертельно раненъ, потому что, повторяю, я однолюбивъ. Хотѣлъ напиться, и, видите, хмель съ меня соскочилъ; я слишкомъ сейчасъ трезвъ; неудержимое бѣшенство начинаетъ просыпаться въ моей душѣ. Пустите меня, дорогая, если я сейчасъ не поѣду и не напьюсь до обморока, то я способенъ на преступленіе и на самоубійство.

Елена поняла, что въ налетѣвшемъ порывѣ бури ея слабый голосъ затеряется, какъ далекое эхо, и не долетитъ до оглушенной и смятенной отчаяніемъ души.

— Христось съ вами, мой бѣдный другъ. Вамъ нужно итти не въ кабакъ, а въ церковь; вашей душѣ нужна молитва, а не наркозъ, вы берете невѣрный путь.

— Ахъ, Елена Павловна. Каждому свои пути; коли суждено, дойду и я.

Юрьевъ, сразу осунувшійся, поблѣднѣвшій, твердой походкой прошелъ въ переднюю, поспѣшно надѣлъ пальто, крѣпко поцѣловалъ руку Елены и уѣхалъ.

— Дайте о себѣ знать поскорѣе,—крикнула ему вдогонку Елена и, вернувшись въ свою комнату, надолго задумалась надъ тяжелой проблемой жизни.

«И этотъ, видно, одинокъ... Душа смята отчаяніемъ и тоской, и пути къ ней замечены житейскою пылью. Какъ въ пустынѣ раненая птица, она мечется и бьется, а кругомъ нея пусто, одиноко».

Въ этотъ часъ горькаго раздумья Елена ощутила ту же роковую пустоту и одиночество, и сердце сжалось тоской унынія. Закрывъ лицо похолодѣвшими руками, она соскользнула съ кресла, упала на колѣни, уронила голову на мягкое сидѣніе и долго пролежала такъ неподвижно, будто застывшая. Но душа ея въ эти минуты, трепеща отяжелѣвшими крыльями, пыталась подняться надъ мі-

ромъ скорбныхъ и темныхъ переживаній. Запуганная и одинокая, она то билась на одномъ мѣстѣ, то порывисто искала выхода къ свѣту, къ теплымъ лучамъ простой и мудрой правды, затерянной въ хаосѣ туманныхъ и лживыхъ понятій. Опять Еленѣ почудилось, что кто-то неслышный и невѣдомый близко подошелъ къ двери ея духовной темницы и, суровый въ своей непреклонной волѣ, прислушивается къ ея страданіямъ и сомнѣніямъ надъ исканіемъ вѣчной проблемы: въ чемъ жизнь?

Прошло нѣсколько дней, когда она получила открытку съ подписью Юрьева и съ грустью прочла слѣдующее:

«Пилъ, пью и буду пить».

Онъ пересталъ показываться въ обществѣ и про него стали говорить, что онъ сильно закутилъ.

VII.

Башиловъ перенесъ смерть Евгеніи Михайловны съ поразительнымъ самообладаніемъ. Онъ выказалъ артистическое чувство мѣры и въ проявленіяхъ своего сочувствія горю Елены, и въ умѣннн поговорить о ея загадочной смерти не слишкомъ много и не слишкомъ мало. Былъ на одной изъ панихидъ, на похоронахъ въ виду служебныхъ дѣлъ быть не могъ и просилъ Елену возложить на свѣже засыпанную могилу великолѣпный вѣнокъ изъ живыхъ бѣлыхъ розъ. Елена передала Башилову свой разговоръ съ барономъ и его предположеніе относительно ея смерти Онъ развелъ руками, задумался и отвѣтилъ безъ тѣни смущенія:

— Да кто васъ, женщину, отгадаетъ? Можетъ, и отъ любви, да только не ко мнѣ. Какъ-то, помнится, Любовь Ивановна хотѣла, вѣрно, подразнить мое самолюбіе и прошлась, полушутя, въ такомъ духѣ, будто Евгенія Михайловна мною увлекается. Кто не грѣшнень! Каждому лестно, если говорятъ, что красивая женщина насъ выдѣляетъ, —я не то, чтобы повѣрилъ, а такъ—подчеркнулъ это у себя въ памяти и какъ-то, знаете, будучи у нея съ визитомъ, думалъ почву прозондировать. Такъ не вышло-съ: удивленно брови подняла и, что называется, холодкомъ обдала. Ну, я и ретировался на благородную дистанцію. Рѣшилъ, что мѣсто занято. Насколько могъ судить по наружнымъ даннымъ, она была очень выдержанная и, вѣроятно, умѣла оградить свои чувства отъ любопытства окружающихъ. Признаться, и я склоненъ думать, что тутъ было не безъ сердечной драмы.

Тонъ Башилова былъ простъ и искренень, и Елена не имѣла данныхъ, чтобы ему не вѣрить.

Однажды онъ заѣхалъ къ ней сильно не въ духѣ и съ первыхъ же словъ объявилъ, что долженъ имѣть съ ней серьезный разговоръ и надѣется на ея полную откровенность.

— Я получилъ, изволите видѣть, анонимное письмо. Анонимнымъ письмамъ довѣрять не слѣдуетъ, и я не придалъ бы и этому ровно никакого значенія, если бы до ушей моихъ не дошло кое-что похोजее. Вѣроятно, Елена Павловна, вы имѣли случай убѣдиться, что я человѣкъ дѣла, а не слова. Всѣ эти распаркиванья, миндаляничанья и сладкія слова я не ставлю ни въ грошъ, но если разъ скажу женщинѣ, что она влечетъ меня и я жажду ея близости, то отъ словъ своихъ не отступаю и иду къ ней навстрѣчу съ опредѣленными и твердыми намѣреніями. За эти полгода я отдаю вамъ почти все свое свободное время, и моя жизнь должна быть вамъ ясна, какъ на ладони: съ одной стороны—неутомимый, такъ сказать, идейный трудъ, съ другой—привязанность къ вамъ съ надеждой, что вы ее оцѣните и вознаградите. Я желалъ бы отъ васъ услышать правду: сталъ ли я для васъ близкимъ человѣкомъ и придете ли вы къ рѣшенію соединить нашу судьбу въ какой вамъ будетъ угодно формѣ?

Башиловъ взялъ руку Елены и, ожидая отвѣта, сталъ ее тихонько гладить.

— На ваши оба вопроса я отвѣчу: да.

— Ну, вотъ, благодарю васъ за эти милыя слова. Теперь я могу перейти къ нѣкоторымъ деталямъ анонимнаго письма. Правда ли, что вы были близки съ генераломъ Орловымъ и держите его, по какимъ-то вашимъ соображеніямъ, про запасъ, подогрѣвая его влюбленностью частыми свиданіями?

— Я думаю, что въ данный моментъ для васъ важно не то, что было, а что есть, и до моего прошлаго вамъ, по моимъ убѣжденіямъ, дѣла нѣтъ. Въ жизни каждой женщины могутъ быть страницы, которыя она не обязана давать на судъ ни близкому человѣку, ни даже жениху. Имѣя такой взглядъ на вещи, я могла бы отвѣтить лишь на вторую половину вашего вопроса, но не хочу напрасно наводить васъ на сомнѣнія и потому отвѣчу вамъ, что къ Орлову у меня было очень сѣрдечное чувство и если бы не встрѣча съ вами, то, быть можетъ, въ будущемъ я могла бы дать ему согласіе на бракъ, о которомъ онъ такъ долго мечталъ...

— И мечтаетъ?..

— Не думаю. Онъ слишкомъ чутокъ и прекрасно понимаетъ, что я отъ него отхожу. Отношенія наши были всегда чисты и скрывать въ нихъ было нечего.

— Такъ-съ. Ну, а Юрьевъ? Что у васъ съ нимъ за странныя отношенія?

— Чѣмъ странныя?

— Мнѣ случайно извѣстно, что вы бываете у него, то-есть на его холостой квартирѣ.

— Не бываю, а была.

— Извините-съ, вы были опять на дняхъ и до очень поздней ночи.

— Это что еще за шпионство? Ну, да, была. Что тут особеннаго? Мнѣ не шестнадцать лѣтъ...

— И не семьдесят!

— Юрьевъ мой другъ; онъ близокъ душѣ моей, я отношусь къ нему какъ къ брату; надъ нимъ стряслось несчастье, бѣдняга голову потерялъ, запилъ и падаетъ внизъ. Мнѣ его страшно жаль и хочется спасти; отъ нервнаго разстройства и кутежей онъ заболѣлъ; совсѣмъ одинокій, несчастный и больной; разумѣется, узнавъ объ его болѣзни, я поѣхала къ нему, сидѣла съ нимъ, утѣшала и успокаивала. Можно ли думать, чтобы я поступила иначе?

— Не резонъ-съ. Люди на такіе визиты смотрятъ иначе. Вотъ я и получилъ анонимное письмо съ грязными намеками. Согласитесь, что мнѣ и за васъ, и за себя обидно и больно.

— Крайне удивляюсь вашей мелочности. Люди злы и рады случаю бросить комокъ грязи. Вы забываете, Владимиръ Ивановичъ, что я совершенно свободна и ни передъ кѣмъ не отвѣчаю за свои поступки.

— Какъ же-съ. Эту теорію я уже имѣлъ удовольствіе слышать отъ васъ въ Ялтѣ. Вы попрежнему игнорируете чувство близкаго къ вамъ человѣка. А если бы я былъ вашимъ женихомъ или мужемъ?

— Тогда дѣло другое. Я не имѣю право подставлять подъ комки грязи имя человѣка, не раздѣляющаго моихъ свободныхъ взглядовъ.

— Справедливо-съ. Въ такомъ случаѣ, Елена Павловна, чтобы оградить и ваше имя, и мое къ вамъ чувство отъ этихъ комковъ грязи, не проще ли намъ подать другъ другу руку и по-хорошему соединить нашу судьбу? Я васъ и цѣню, и уважаю, и люблю. Богъ дастъ, не обидимъ другъ друга и сумѣемъ найти счастье? Что вы на это скажете? Вѣдь все равно окончимъ этимъ.

Елена взволнованно поднялась съ кресла:

— Пойдите, пойдите, Владимиръ Ивановичъ... Зачѣмъ же такъ скоро? Надо еще ближе сойтись, еще глубже заглянуть другъ другу въ душу.

— Полно, дорогая уника! Къ чему тутъ мудрить?

— Нѣтъ, нѣтъ... такъ сразу это не слѣдуетъ.

— Какое же сразу? Послѣ нашей встрѣчи въ Ялтѣ почти полгода прошло. Развѣ вы не достаточно меня узнали?

Елена молчала и, перейдя на другой конецъ гостиной, задумалась и разсѣянной рукой перебирала листы иллюстрированнаго журнала. Молчаніе длилось нѣсколько минутъ. Наконецъ Башиловъ молча поднялся, подошелъ къ Еленѣ вплотную, взялъ ее за обѣ руки, крѣпко сжалъ ихъ и, смотря на нее глазами, въ которыхъ вспыхнулъ еще незнакомый Еленѣ огонекъ, проговорилъ почти шопотомъ:

— Вы не ребенокъ, вы должны же наконецъ понять, что, кромѣ любви, у меня можетъ быть и чувство страсти. Съ каждымъ свиданіемъ

нiемъ я желаю васъ все больше и больше. Бываютъ дни, когда я долженъ призывать всю силу своей воли, чтобы работать и сосредоточить мысль на дѣлахъ. Я увѣренъ, что и вы безразличны ко мнѣ, что и въ васъ бушуютъ страсти; женщина съ такой наружностью, какъ вы, не можетъ быть безстрастной. Иначе я и не полюбилъ бы васъ такой сильной любовью; женщины съ холоднымъ темпераментомъ мнѣ были всегда антипатичны, одна красота меня не влекла, — это пустоцвѣты, неспособны зажечь пожаръ въ мужской груди. Женщина создана не только для любви, но и для страсти. Зачѣмъ мучить и меня и себя? Во имя какой узкой морали? Вы же умница и свободная. Я предлагаю вамъ бракъ, и клянусь честью, клянусь, чѣмъ хотите, что только отъ васъ зависитъ назначить день свадьбы; но если вы еще боитесь соединить судьбу вашу съ моей, если хотите убѣдиться, насколько прочно мое чувство, то извольте — я согласенъ ждать этого дня, но для чего же намъ мучить одинъ другого? Отчего вы не можете стать моей? Я этого хочу безумно, и если вы любите, то поймете меня... Дорогая, хорошая... дай поцѣловать хоть разъ... одинъ разъ... глаза, ну, дай хоть глаза...

Башиловъ обвилъ станъ Елены желѣзной рукой, побѣдилъ ее сопротивленiе и, отбросивъ по отношенiю ея свою всегдашнюю поддержку, безъ счету покрывалъ поцѣлуями ея глаза и уста.

Елена, взволнованная и испуганная, вырвалась изъ объятiй Башилова, отстранила его и скрылась за дверь. Онъ грузно опустился въ кресло, сiясь побороть бѣшеной волной охватившее его чувство страсти. Сопротивленiе Елены разожгло его еще сильнѣе, и была минута, когда у него мелькнула мысль броситься вслѣдъ за ней, смять ее, бросить передъ собой на колѣни, дать почувствовать свою власть и покорить ее силой своей стихiйной страсти, которой онъ всегда привыкъ давать широкiй просторъ и волю. Прошло нѣсколько минутъ, и вошла Елена, слегка поблѣднѣвшая, но спокойная.

— Обо всемъ, что вы сказали мнѣ, я серьезно подумаю и обещаю вамъ дня черезъ два дать опредѣленный отвѣтъ.

— Слушаюсь и покоряюсь, на этотъ разъ, вашему рѣшенiю, будучи увѣренъ, что вашъ свѣтлый умъ подскажетъ вамъ правильный путь, по которому мы и пойдемъ. А пока позвольте мнѣ удалиться, я слишкомъ взволнованъ и смогу, чего добраго, не выдержать роли подсудимаго, которому судья готовить приговоръ. Могу взбунтоваться и все дѣло испортить, не такъ ли? Поѣду работать и вершить дѣла иной важности.

Выйдя на улицу, Башиловъ подставилъ морозному воздуху разгоряченное лицо, слегка распахнулъ шубу и, послѣ минутнаго размышленiя, велѣлъ ѣхать извозчику въ «Акварiумъ». Онъ занялъ отдѣльный кабинетъ и, написавъ нѣсколько строчекъ на визитной

карточкѣ, послалъ ее черезъ лакея за кулисы. Черезъ нѣсколько минутъ съ нимъ рядомъ сидѣла уже исполнившая свои номера шансонеточная пѣвничка цыганскаго типа. Башиловъ наливалъ ей шампанское въ узкій бокалъ, и она, задорно смѣясь, подставила подъ янтарную струю свои пальцы, унизанные фальшивыми брильянтами; Башиловъ перелилъ вино, пѣна бѣжала черезъ край бокала, а онъ осушалъ шаловливые пальчики жадными поцѣлуями, и въ глазахъ его загорѣлись тѣ же искорки бѣшеной страсти, что съ трудомъ удалось ему потушить часъ тому назадъ.

Въ эту ночь Елена долго не могла заснуть; мысли кружились вихремъ въ ея разгоряченной головѣ. Ее начинала захватывать ярко выраженная сила въ характерѣ Башилова, опредѣленность его воли и стремленій, и, кромѣ того, впервые поцѣлуй, такъ неожиданно и насильно взятый съ ея устъ, пробудилъ въ ней что-то новое, до сихъ поръ ей невѣдомое. Неужели этотъ человѣкъ сумѣетъ разбудить въ ней чувства, до сихъ поръ всегда дремавшія, чувства, которыя, какъ она считала, ея природѣ были несвойственны? Его поцѣлуй не возбудилъ въ ней ни чувства насмѣшки, ни легкаго отвращенія, какъ это случилось давно въ Парижѣ; онъ только затуманилъ ея мозгъ. Значить, и въ ней можетъ проснуться женщина... Но слѣдуетъ ли этого желать? Она слышала и читала, что страсть, охватившая женщину въ ея годы, бываетъ безразсудна и слѣпа. Ей тридцать четыре года, ему сорокъ пять, для брака—годы подходящія, но она сознаетъ, что если она потеряетъ надъ собой узду и впервые отдастся невѣдомому бурному потоку, то этотъ человѣкъ съ желѣзной волей, съ привычкой повелѣвать можетъ пригнуть ее къ землѣ и она, вмѣсто равноправнаго товарища, подруги, совѣтчика, завоевателя жизни, обратиться въ рабу, жаждущую его поцѣлуевъ и ласкъ, упоенія которыхъ она всю жизнь не понимала и потому отклоняла отъ себя. И если теперь ее охватитъ этотъ пожаръ, огонь котораго пожираетъ логику мозга, то въ бракѣ съ этимъ человѣкомъ она найдетъ не счастье, а двойную муку: сознаніе своего рабства и его пренебреженія къ женщинѣ, въ которой онъ предполагаетъ мощь и мужской умъ, а не жаждущую наслажденій куртизанку. Онъ предполагаетъ въ ней страстную женщину и потому, конечно, допускаетъ, что въ жизни ея были романы, что для нея не новы эти вспышки чувственности, могущія служить украшеніемъ жизни, а не ея доминирующей силой. Почему, когда Башиловъ поднялся со своего мѣста, чтобы уходить, у нея забилося сердце, и она стиснула зубы, чтобы промолчать: ей хотѣлось, чтобы онъ остался, ей хотѣлось смотрѣть на эти губы, впервые давшія ей новое, невѣдомое ощущеніе... И теперь, и сейчасъ она чувствуетъ ихъ прикосновеніе, и, какъ у неопытной, юной дѣвочки, у нея кружится голова... а онъ, сильный, прекрасно владѣющій собой, удѣляющій этимъ страстямъ крохи отъ своей полной дѣль и заботъ жизни, онъ,

нѣроятнo, сидитъ въ своемъ кабинетѣ, склоняясь надъ дѣловыми бумагами въ то время, какъ она не можетъ успокоиться отъ новыхъ ощущеній «перваго» поцѣлуя. Дать согласіе на бракъ теперь, не справившись съ налетѣвшей бурей, это значило бы погубить счастье. Въ супружеской жизни все зависитъ отъ первыхъ шаговъ, отъ обоюднаго желанія оградить свою индивидуальность отъ вторженія чужой воли. Именно теперь, въ ея годы, она могла бы спокойно протянуть руку супругу, увѣренная въ своемъ достаточномъ знаніи жизни и людей... И вдругъ это непрошенное, ненужное пробужденіе страсти, съ которой она никогда не имѣла дѣла и не знаетъ, не затопитъ ли она все ея существо, не сдѣлаетъ ли изъ нея, до сихъ поръ свободной, здравомыслящей, безвольную рабу. Елена знаетъ, что въ концѣ концовъ утихаютъ и страсти, но для брака съ человѣкомъ, подобнымъ Башилову, этого допустить невозможно, потому что, спустившись на нѣсколько ступеней ниже его, будетъ потомъ невозможно заставить его смотрѣть на себя, какъ стоящую на равной съ нимъ плоскости. Но что же тогда? Просить отсрочить бракъ и силой воли и мысли убить пробудившееся чувство? Или, наоборотъ, допустить близость? То, что не прощается женѣ, простится любовницѣ... Дать этому чувству возможность перегорѣть въ его объятіяхъ и тогда... что тогда? Бракъ? Но вѣдь мужчинъ, закрѣпляющихъ бракомъ свободныя связи, очень мало. Разойтись? Но если предвидѣть возможность разрыва, то для чего же искать связи, чтобы дать удовлетвореніе страстямъ? И это сдѣлаетъ она? Тогда Орловъ будетъ правъ, говоря, что женщина, выдавая такіе виды, какъ она, отъ перваго невѣрнаго шага въ сторону можетъ упасть въ глубокую пропасть...

Такъ думала Елена, напрасно ища выхода изъ запутаннаго лабиринта своихъ мыслей. Усталая, она подъ утро заснула тревожнымъ сномъ. Прошло два дня, и она все еще не нашла того опредѣленнаго отвѣта, котораго ждалъ Башиловъ, и за которымъ онъ въ указанный вечеръ пріѣхалъ.

— Я знаю, что вы быстро пойдете въ гору и добьетесь власти; эта борьба за цѣль мнѣ нравится и притягиваетъ къ вамъ,—говорила Елена:—потому что и во мнѣ есть тѣ же черты; но несходство нашихъ характеровъ заключается въ томъ, что вы не могли бы существовать, вычеркнувъ изъ вашихъ мыслей эту цѣль жизни, я же свободно могу отъ нихъ отрѣшиться и найти исходную точку своихъ стремленій въ чисто отвлеченныхъ идеалахъ, ничего общаго съ общественной жизнью не имѣющихъ.

Елена слегка путалась и искала яркихъ и опредѣленныхъ выраженій, могущихъ помочь ей быть логичной и убѣдительною.

— Такъ-съ. Но это что-то туманное и для меня не вполне ясное. Мнѣ интересна ваша заключительная мысль.

— Такимъ, какъ вы есть сейчасъ, я васъ знаю хорошо и, конечно, не боялась бы соединить наши жизни, но власть и могущест-

ство сильно деморализуютъ человѣка, дѣлаютъ его непохожимъ на самого себя. Я хочу знать васъ въ силѣ и могуществѣ, и если и тогда наша природа не окажется чуждой другъ другу, тогда я безъ страха готова стать вашей женой.

— Такого рѣшенія я отъ васъ не ожидалъ, Елена Павловна. Вы говорите, какъ институтка, не знающая жизни и ея требованій. Если бы я васъ меньше зналъ, то могъ бы предположить, что въ васъ говорить алчность честолюбія и неувѣренность въ моей карьерѣ; вамъ угодно остаться госпожой Карцовой, независимой и свободной, или, если отдать свою свободу, то не иначе, какъ ставши женой сановника. Если бы я вздумалъ упорствовать на этомъ предположеніи, то въ видѣ лишняго аргумента могъ бы припомнить ухаживанія товарища министра Орлова и моего соперника Рихтера, про которыхъ говорятъ, что вы ихъ держите въ резервѣ.

— А-а-а! И вы слышали, что про меня такъ говорятъ?..

— Оставимъ пока въ сторонѣ, что говорятъ и чего не говорятъ, а перейдемте лично къ моимъ чувствамъ, Елена Павловна. Ну, а если мои стремленія окажутся тщетными, и я не добьюсь вскорѣ ни силы, ни власти?

— Тогда вы останетесь тѣмъ, что вы есть, и я, конечно, съ радостью буду вашей женой; мы найдемъ общій и полезный трудъ и будемъ завоевывать жизнь иными путями,—съ улыбкой отвѣтила Елена.

— Такъ-съ. А сколько же времени полагается мнѣ на достиженіе высшихъ ступеней, и пока я ихъ достигну, въ какой роли прикажете мнѣ посѣщать васъ, и какая гарантія, что ни Орловъ, ни Рихтеръ, ни, можетъ быть, какой-нибудь иной претендентъ не завладѣетъ вашимъ сердцемъ?

— Надѣюсь, что для этого достаточно одного моего слова, Владимиръ Ивановичъ

— Положимъ, что и такъ, но существуетъ вопросъ, надъ которымъ вы, очевидно, не задумывались или намѣренно его игнорируете.

Елена вопросительно смотрѣла на Башилова. Въ его же глазахъ, пристально на нее устремленныхъ, опять началъ загораться безпокойный, жадный огонекъ. Оба молчали. Елена чувствовала, какъ этотъ огонекъ, разгораясь, окутывалъ ее и зажигалъ въ ея крови до сихъ поръ невѣдомыя ей ощущенія. Внезапно она вздрогнула и закрыла на минуту глаза.

— Не смотрите на меня такими глазами, я не хочу,—тихо прошептала она, проводя рукой по глазамъ, какъ бы стараясь снять съсебя очарованіе взгляда. Башиловъ близко нагнулъ къ ней, взявъ эту руку и крѣпко сжалъ.

— А вотъ объ этомъ вы подумали?

— Да, я думала,—едва внятно отвѣтила Елена.

- И что же?
- Сама не знаю.
- Если вы еще бонтаете меня, какъ мужа, то вы должны же пойти на уступки, иначе вы меня не любите.
- Ни за что!..
- Это ваше рѣшительно слово?
- Да.
- Вы меня не любите. Я ошибся.
- Башиловъ всталъ.
- Пойдите. Куда вы?
- Вы передумали?
- Нѣтъ, но вѣдь это же странно такъ разстаться...
- Это логично. Я не люблю неопредѣленныхъ положеній. Если я добьюсь власти и если до тѣхъ поръ у обоихъ насъ не потухнетъ взаимное чувство, то тогда я явлюсь склонить передъ вами мою заслуженную голову, до тѣхъ же поръ самое благоразумное разстаться, такъ какъ я не намѣренъ мучить и волновать себя близостью женщины, которую я люблю и желаю и которая...
- Которая и васъ любить.
- Этого я не сказалъ бы...
- Опять воцарилось молчаніе. Елена напряженно думала, закрывъ лицо руками; Башиловъ сидѣлъ, заложивъ ногу на ногу, и не спускалъ съ нея горячаго, тяжелатаго взгляда.
- Довольно, довольно...
- Онъ рѣшительно подошелъ къ ней, отвелъ руку, обнялъ за шею и хотѣлъ поцѣловать.
- Нѣтъ... Не надо.
- Елена съ силой высвободилась и вся изогнулась, отстранила Башилова.
- Елена Павловна, позвольте откланяться.
- Онъ быстро поцѣловалъ ея руку и прежде, чѣмъ она успѣла опомниться, скрылся за дверью гостиной.

VIII.

Прошло больше мѣсяца. Елена вела съ собой отчаянную борьбу. Каждое утро, когда горничная отдергивала тяжелыя драпировки большого венеціанскаго окна и погруженная во мракъ спальня наполнялась робкими лучами мартовскаго солнца, Елена открывала глаза, и первую ея мыслью былъ все тотъ же мучившій ея вопросъ: сумѣетъ ли она и сегодня справиться съ собой и не призоветъ ли къ себѣ Башилова, который упорно ея избѣгалъ со дня послѣдняго разговора? Призвать его—значило бы пойти на уступку, которой Елена боялась именно потому, что чувствовала къ Башилову серъ-

езную и прочную привязанность, дорожила его уваженіемъ и чутьемъ отгадывала, что чѣмъ сильнѣе окажется сопротивленіе, тѣмъ прочнѣе привяжетъ его къ себѣ. Но разлука съ нимъ ее мучила до такой степени, что бывали дни, когда ей приходилось призывать всю силу воли, чтобы не поддастся искушенію и не позвонить къ нему въ телефонъ. Башиловъ, привыкшій къ быстрымъ побѣдамъ, давно поджидалъ этого звонка и удивлялся, раздражался и наконецъ началъ негодовать на упорство Елены, мысль о которой не разъ мѣшала ему работать. Онъ искалъ развлеченія въ обществѣ другихъ, легко доступныхъ женщинъ, но образъ Елены упорно овладѣвалъ мозгомъ и мучилъ его. И все-таки онъ былъ увѣренъ, что побѣда будетъ на его сторонѣ, и терпѣливо ожидалъ этой минуты.

Въ голубой гостиной Людомировой, убранной прихотливой рукой хозяйки букетиками живыхъ фіалокъ, наполнявшихъ тонкимъ ароматомъ немного душную атмосферу, пріемный день приходилъ къ концу. Хозяйка дома, по обыкновенію очень оживленная, слегка утомленная большимъ количествомъ перебивавшихъ гостей, удобно расположилась въ креслѣ, допивала маленькими глотками ликеръ и вызывающе кокетничала съ Рихтеромъ. Онъ сидѣлъ близко подлѣ нея на низенькомъ пуфикѣ, рассматривалъ выставленные ему на показъ изящно обутыя ножки и хотя и отвѣчалъ въ тонъ, но слегка сдерживалъ заигрыванья хозяйки въ удобныхъ для себя границахъ. Онъ собирался улучшить подходящую минуту и раскланяться, какъ запахнулась дверь и лакей пропустилъ Елену.

Карцова дала Людомировой обнять и расцѣловать себя, съ привѣтливой улыбкой протянула руку Рихтеру, которую тотъ поцѣловалъ съ особеннымъ удовольствіемъ, и опустилась въ кресло. Разговоръ продолжался въ томъ же игривомъ тонѣ, и Рихтеръ его охотно поддерживалъ, замѣтно подчеркивая свое вниманіе къ Еленѣ.

— Послушай, Леночка,—обратилась Людомирова къ подругѣ, когда Рихтеръ распрощался:—я хотѣла серьезно поговорить съ тобой насчетъ Александра Александровича. Не такъ давно въ полушутливой формѣ онъ намекнулъ мнѣ, что изъ всѣхъ дамъ нашего общества онъ считаетъ тебя наиболѣе интересной и что онъ серьезно не ухаживаетъ за тобой потому только, что щадить свое самолюбіе, боясь твоего невниманія. Я знаю достовѣрно, что товарищъ министра уходитъ; если умѣло нажать пружинку, то его мѣсто займетъ Рихтеръ. Онъ на виду, и ему пора получить этотъ постъ; у него есть враги и необходимо, чтобы Иванъ Ларіоновичъ былъ бы на его сторонѣ. Будь благоразумна, устрой ему это назначеніе, не отвергай его ухаживанья и выходи за него замужъ. Я ручаюсь, что Рихтеръ съ его государственнымъ умомъ далеко пойдетъ, но ему необходимо умную и ловкую жену вродѣ тебя, чтобы смягчить его враговъ...

Елена молчала и улыбалась.

— Что же ты молчишь? Я говорю совершенно серьезно и, право, буду удивлена, если ты, умная женщина, пропустишь во всёхъ отношеніяхъ выгодную партію для того, чтобы возиться съ этимъ кутилкой Юрьевымъ или нахаломъ Вашиловымъ, который, по правдѣ сказать, своими несалонными манерами очень напоминаетъ лабазника. Онъ тебѣ не пара... да его и не пустять далеко: тотъ же Рихтеръ затретъ.

— Ну, и что же дальше?

— Дальше то, что похлопочи за Рихтера и выходи за него замужъ. Скажи Орлову, чтобы попросилъ Ивана Ларионовича.

— Это невозможно: Орловъ дуется на меня.

— Еще бы не дуться: закрутила ему голову, а ласки расточаешь другимъ.

— Марина, ты говоришь вздоръ!

— Ну, оставимъ. Не въ этомъ дѣло. Такъ, значить, Орлова пригнать къ этому дѣлу нельзя? Очень жаль. Изволь, я придумала иную комбинацію: на будущей недѣлѣ я обѣдаю у Гагариныхъ. Иванъ Ларионовичъ будетъ тоже, я его позову обѣдать къ себѣ, посажу рядомъ съ тобой и не сомнѣваюсь, что, если ты захочешь, то къ концу обѣда онъ совсѣмъ разсахарится, будетъ смотрѣть на тебя масляными глазами и съ восторгомъ исполнить, что бы ты ни попросила. Ты что на это скажешь?

— Пожалуй... попробуй его позвать.

— Такъ ты согласна? Вотъ молодець. Повѣрь мнѣ, Елена, что Рихтеръ, если сумѣетъ его забрать въ руки, премилый человѣкъ. А что онъ карьеристъ...

— И бездушный, черствый эгоистъ...

— Нисколько не больше всѣхъ остальныхъ.

Людомирова была безконечно довольна, что ей удалось уговорить Елену; она была увѣрена, что ей удастся выдать ее за Рихтера и тѣмъ насолить и Вашилову, которому она мстила за Любовь Ивановну, и барону, котораго безсильно ревновала къ Еленѣ. Мысль, что та будетъ женой Рихтера, котораго она не любила и не уважала за его черствую, расчетливую натуру, ее радовала, какъ своего рода мечь самой Еленѣ.

Прошла недѣля, и предполагаемый обѣдъ состоялся. Иванъ Ларионовичъ, еще не старый, очень неглупый сановникъ, типъ довольнаго жизнью барича, воспитаннаго въ традиціяхъ рыцарскаго поклоненія женщинѣ, производилъ съ перваго раза крайне выгодное впечатлѣніе, благодаря обходительной, всегда привѣтливой манерѣ въ общеніи съ людьми, къ какому бы соціальному положенію они ни принадлежали. Онъ былъ всѣми любимъ и, хотя не обладалъ способностями государственнаго человѣка, однако карьеру сдѣлалъ шутя, никогда не задавался честолюбивыми замыслами, ни въ комъ не заискивая и никому не вредя.

Послѣ обѣда, въ то время, какъ въ голубой гостиной пили кофе и ликеры, продолжали оживленную бесѣду, подогрѣтую утонченными винами, и слушали бравурный вальсъ, который хозяйка дома сама исполняла, кокетливо склонивъ голову на бокъ и прислушиваясь къ любезностямъ подсѣвшаго къ ней кавалера въ моноклѣ, съ преждевременно облысѣвшимъ черепомъ и выхолонными, женственно-красивыми руками,—въ это время Елена, сидя въ отдѣльномъ, слегка заставленномъ растеніями уголкѣ, съ затаеннымъ интересомъ слѣдила, какъ у Ивана Ларіоновича постепенно разгорались глаза и, казалось, въ эту минуту онъ никого не знаетъ и ничего не слышалъ, кромѣ словъ Елены:

— Удивительно вы милый человѣкъ. Мнѣ понятны тѣ «gavages», которые вы дѣлали и, вѣрно, дѣлаете въ сердцахъ дамъ.

— Нѣтъ, Елена Павловна, мое время прошло. Угодить милымъ дамамъ еще могу, а что касается «gavages», то и не пробую.

— Иванъ Ларіоновичъ, а вы не забудете вашего обѣщанія ни однимъ словомъ не напоминать ему о нашемъ разговорѣ?

— Разумѣется... пусть думаетъ, что въ его карьерѣ женщины ни при чемъ. Долженъ сознаться, что съ удовольствіемъ исполню вашу просьбу, такъ какъ она вполне соответствуетъ заслугамъ этого человѣка: онъ удивительно работоспособенъ и энергиченъ. Такихъ людей надо выдвигать, они полезны Россіи.

— А какъ скоро можетъ состояться назначеніе?

— Вѣроятно, къ концу этого мѣсяца вы прочтете въ газетахъ, что вашъ протеже Владимиръ Ивановичъ Башиловъ назначается товарищемъ министра.

Елена крѣпко и съ благодарностью пожала руку очарованному ея граціей сановнику и уѣхала одна изъ первыхъ, чтобы избѣжать подробныхъ разспросовъ Людомировой.

Елена въ душѣ смѣялась, а Людомирова считала дѣло Рихтера выиграннымъ и съ этого дня, заводя съ нимъ разговоръ о подругѣ, принимала конфиденціально-покровительственный тонъ, давая понять, что она что-то знаетъ и чему-то можетъ помочь.

Со дня разрыва съ Башиловымъ прошло уже полтора мѣсяца. Елена сильно стосковалась и, вѣря, что и онъ страдает не менѣе ея, ставила ему въ заслугу выдержку характера, съ которой онъ исполнялъ разъ принятое рѣшеніе. Она винила себя въ томъ, что не сумѣла облечь временный отказъ въ болѣе мягкую форму, что не сумѣла удержать его подлѣ себя, и теперь ждала съ нетерпѣніемъ и волненіемъ обѣщаннаго назначенія, чтобы имѣть возможность позвонить къ нему въ телефонъ, поздравить и вызвать на новое объясненіе.

Наконецъ ожидаемый день насталъ. Елена уже три раза подходила къ телефону, получая одинъ и тотъ же отвѣтъ, что «генерала нѣтъ дома». Наконецъ до ея слуха долетѣлъ такъ хорошо зна-

комый высокій тембръ голоса; она съ трудомъ подавила волненіе.

— Хочу васъ лично поздравить.

— Прикажете пріѣхать?

— Жду сегодня же вечеромъ...

— Слушаю-сь.

«Значить, я его сама призвала... что же я ему скажу? Дамъ согласіе на бракъ? Буду его женой? Такъ скоро? Нѣтъ, пусть еще подождетъ, но какъ же это сказать?..—разсердится, обидится... Лучше не думать: само выяснится...»

Такъ думала Елена, лихорадочно поджидая назначеннаго часа. Лицо ея, всегда матово-блѣдное, теперь покрылось румянцемъ, и глаза горѣли влажнымъ блескомъ, что придавало ей чарующую прелесть. Былъ уже довольно поздній часъ, когда она услышала шумъ остановившагося у подъѣзда автомобиля, и черезъ нѣсколько минутъ въ ея гостиную входилъ Башиловъ съ лицомъ, озареннымъ радостной, торжествующей улыбкой.

— Какъ я рада за васъ!—проговорила Елена, подымаясь ему навстрѣчу и протягивая обѣ руки съ нервно вздрагивавшими пальцами.

— Спасибо, дорогая моя, спасибо...

Они прошли въ сосѣднюю маленькую гостиную и остановились посреди, оба взволнованные, не находя словъ для охватившаго радостнаго чувства.

— Я рада видѣть васъ... я соскучилась въ долгой разлукѣ.

— А почему же раньше не призвали? Ждали высокаго назначенія?.. И меня мучили...

— Я ничего не ждала... сама мучилась... а сегодня придралась къ случаю: не могла больше.

— Не могли?.. И давно бы такъ... вѣдь все равно не уйдешь: не отпущу...

Башиловъ неожиданнымъ, порывистымъ жестомъ закинулъ голову Елены, такъ что она пошатнулась и чуть не упала, быстро обнялъ за талію и сталъ неудержимо цѣловать въ губы; теперь она не сопротивлялась, и онъ чувствовалъ, съ какой неожиданной страстью она отдавала ему поцѣлуи.

— Знаешь что? Поѣдемъ ужинать. Отпразднуемъ два крупныхъ для меня событія: твой первый поцѣлуй и мое неожиданное назначеніе. Согласна?

— Согласна, на все согласна, милый...

Елена была какъ въ полуснѣ. Ее подхватила какая-то еще невѣдомая ей волна и понесла въ открытое море, къ широкому простору блаженныхъ чувствъ, и она съ радостью отдавала себя этой новой волнѣ, послушно повинуюсь ея теченію.

— Ну, голубчикъ мой, я просто глазамъ своимъ не вѣрю, что это ты тутъ сидишь подлѣ меня,—говорилъ Башиловъ, когда ла-

кей скрылся за дверью и передь ихъ приборами пѣнясь и искрясь играло шампанское въ высокихъ бокалахъ.—Думаль, что совсѣмъ ускользнула,—словно змѣя; иной разъ казалось, вотъ-вотъ поймалъ, завладѣлъ... не тутъ-то было. Вотъ что значить получить постъ товарища министра: и мужчины привѣтливѣ руку жмутъ, и гордыя женщины становятся благосклоннѣ. А вѣдь ты горда. Такъ и отсадишь на свое мѣсто... люблю такихъ... королева... Дай руку, дай пальчики поцѣловать. Повезло же мнѣ! Не ожидалъ я этого повышенія...

— А я ожидала. Я была увѣрена и продолжала вѣрить, что вы пойдете впередь гигантскимъ шагомъ.

— Не говори мнѣ «вы»—не хочу.

— Я не могу... надо привыкнутьъ.

— Привыкай... привыкай скорѣе.

Башиловъ завладѣлъ обѣими руками Елены и жадными поцѣлуями покрывалъ ладони и изящные розовые пальчики.

Елена вдругъ вся преобразилась и стала необыкновенно красива: казалось, подъ кистью художника ожило прелестное лицо, и мертвыя краски зардѣлись румянцемъ и огнемъ страстной жизни.

— Боже, но что же это творится со мной?—порывистымъ движеніемъ она поднялась со стула, закинула обѣ руки за голову, широко открыла горячіе глаза и, тяжело дыша, стояла нѣсколько мгновеній, точно застывъ въ порывѣ напряженнаго недоумѣнія; сквозь полукрытыя алыя губы блестѣли красивыя, плотно сжатыя зубы.—Или я пьяна, или... или...

— Доканчивай... я жду... что: или?—едва владѣя собой, переспокоилъ Башиловъ.

— Или... я люблю тебя... страстно люблю,—чуть слышно говорила Елена.

— Наконецъ-то!—сорвалось торжествующимъ голосомъ съ устъ Башилова, и онъ, не помня себя, забывъ всякую выдержку; обнялъ Елену и, цѣлуя ея губы до боли, сжимая пальцы, опустил ее передь собой на колѣни и, приподнявъ за подбородокъ поблѣднѣвшее, совершенно измѣнившееся отъ впервые охватившаго чувства страсти лицо, долго смотрѣлъ въ глубину невѣроятно расширившихся затуманенныхъ зрачковъ.

— Моя,—чуть слышно, но отчетливо долетѣло до слуха Елены.

— Да,—скорѣе угадалъ, чѣмъ услышалъ онъ отвѣтъ.

Была поздняя ночь, когда они вышли изъ ресторана, разгоряченные виномъ, съ распаленнымъ отъ давно сдерживаемой страсти мозгомъ. Башиловъ предложилъ проѣхать по островамъ, и Елена съ радостью согласилась. Она чувствовала потребность освѣжиться отъ горячихъ впечатлѣній нахлынувшего счастья. Велѣли спустить верхъ автомобиля, и зимняя почъ, морозная и безвѣтряная, пахнула въ ихъ разгоряченныя лица острой свѣжестью. Слегка распах-

нубъ мѣховую шубу и откинувшись назадъ, Елена, замороженная красотой зимней петербургской ночи, мчалась къ островамъ по опустѣлому широкому и прямому, какъ стрѣла, проспекту. Съ безумной скоростью мелькали высокіе электрическіе фонари, красивыя пышныя зданія и покрытыя инеемъ, ярко вырисовывающіяся при электричествѣ деревья парка. Въ молчаливомъ и пышномъ покоѣ строгаго и стройнаго вида спала суетливая и шумная столица. Быстрый поворотъ, и дома исчезли. Фонари замелькали рѣже. Кругомъ тѣснились густыя кущи деревьевъ и слои бѣлаго, осыпаннаго брильянтами снѣга, живописно драпируя тяжелые стволы и вѣтки, придавали сказочную прелесть окружающей природѣ.

— Какая тишина, какая красота!—вырвалось изъ устъ Елены, и она тихонько сжала руку Башилову, которую все время не выпускала изъ своихъ горячихъ рукъ.

— Закройся, ты простудишься... Вѣдь у тебя вся шея открыта... ласково запахивая шубку и близко заглядывая ей въ глаза, проговорилъ Башиловъ.

— Нѣтъ, нѣтъ. Этотъ морозный воздухъ, эта красота грѣютъ меня. Мнѣ такъ хорошо. Смотри туда... вдаль; точно хрустальное царство... Сколько снѣга. А эта полянка бѣлая и позади нея точно сѣдое чудовище стоитъ... Ухъ... какая быстрота...

Съ ними вмѣстѣ какъ будто мчалось ясное, далекое звѣздное небо и густой паркъ съ причудливыми фантастическими бѣлыми дубами, березами и елями. Вѣтеръ, то ласковый, то жестокій, цѣловалъ и обжигалъ лицо, и воздухъ наполнялъ грудь живой струей бодрости и жизни.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕТРЪ ЕФИМОВИЧЪ КУЗМИНСКІЙ.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЬ ¹⁾.

I.

Появленіе въ Варшавѣ туркестанскаго героя П. Е. Кузьминскаго.—Ура-Тюбе и Джизакъ.—Отзывы знаменитыхъ инженеровъ о постройкѣ этихъ крѣпостей.—Роль генерала Романовскаго въ Средней Азій.—Взятіе Ура-Тюбе.—Приказъ генерала Крыжановскаго.—Прощальный приказъ генерала Романовскаго.—Характеристика этого генерала.

ВЪ НАЧАЛѢ 1874 года, послѣ неожиданной кончины намѣстника царства Польскаго и главнокомандующаго войскъ варшавскаго военнаго округа генераль-фельдмаршала графа Фёдора Фёдоровича Берга, въ Варшаву былъ назначенъ генераль-губернаторомъ и командующимъ войсками округа генераль-адъютантъ Павелъ Евстафьевичъ Коцебу. До этого назначенія онъ занималъ постъ новороссійскаго генераль-губернатора и командующаго войсками одесскаго военнаго округа. Перемѣна эта вызвала появленіе въ польской столицѣ массы совершенно новыхъ лицъ—генераловъ, штабъ и оберъ-офицеровъ, гражданскихъ сановниковъ и чиновниковъ; между прочимъ, съ конца перваго же года пребыванія генерала Коцебу на новомъ посту началъ появляться въ Варшавѣ молодой, красивый, южнаго типа брюнетъ, офицеръ Волынскаго уланскаго полка Петръ Ефимовичъ Кузьминскій. Орденъ св. Георгія 4-ой степени украшалъ его грудь, а ко-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 37.
«Истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. СХХХ.

стыли, на которыхъ онъ едва передвигался, давали намекъ на то, что высокая награда эта досталась ему нелегко.

Варшава очень заинтересовалась появившимся «героемъ», въ особенности дамы, относящіяся, какъ извѣстно, всегда крайне участливо къ человѣку, которому въ жизни довелось пострадать. О томъ, что онъ былъ изъ числа таковыхъ, показывали не только поддерживавшіе его костыли, но давно зажившіе, слегка замѣтные шрамы, покрывавшіе его измученное, исхудалое, задумчивое лицо.

Довольно долго никто не зналъ, почему онъ вдругъ попалъ въ одинъ изъ полковъ варшавскаго военного округа; а такъ какъ полкъ былъ расположенъ внѣ Варшавы, то и не пришлось что-либо узнать объ этомъ до тѣхъ поръ, пока не начали, съ наступленіемъ лагернаго времени, появляться въ городѣ однополчане таинственнаго незнакомца, заинтересовавшаго всѣхъ.

Тогда же стало ходить много разсказовъ объ его прошломъ. Не имѣя ни претензій, ни нужды, ни возможности дать полную біографію этого заслуженнаго, особо отличившагося боевого офицера, я передаю въ возможно болѣе связномъ видѣ все то, что о немъ въ тѣ времена разсказывалось въ отрывочной формѣ.

Съ теченіемъ времени опредѣлилось, что Кузьминскій, начавъ службу юнкеромъ въ названномъ полку и опоздавъ попасть въ этомъ званіи въ своей части къ боевому времени—усмиренія польскаго мятежа 1863 года,—тотчасъ послѣ производства въ офицеры въ 1864 году временно отчислился отъ полка и полетѣлъ туда, куда неотступно звала его жажда кипучей дѣятельности—въ Среднюю Азію.

Тамъ, въ Туркестанѣ, отчаянно храбрый молодой человѣкъ очень скоро своими подвигами обратилъ на себя общее вниманіе и пріобрѣлъ репутацію отличнаго боевого офицера; во всѣхъ серьезныхъ дѣлахъ его посылали впередъ, и онъ всегда сложныя порученія исполнялъ съ той отвагой, которая свойственна выходящимъ изъ ряду храбрецамъ-головорѣзамъ; онъ нигдѣ, ни въ чемъ не зналъ преградъ, а самопожертвованію его не было предѣловъ.

Послѣ многихъ крупныхъ дѣлъ и мелкихъ стычекъ съ туркменами поручику Кузьминскому довелось, осенью 1866 года, принять дѣятельнѣйшее участіе и сыграть очень важную, выдающуюся роль въ двухъ, послѣдовавшихъ одно за другимъ, дѣлахъ—взятія нашими войсками сильно укрѣпленныхъ пунктовъ Ура-Тюбе и Джизака.

Въ сущности, каждое изъ этихъ укрѣпленій представляло собой старинную крѣпость, раскинутую на прекрасно избранной въ боевомъ отношеніи, пересѣченной мѣстности; обѣ эти крѣпкія позиціи, каждая сама по себѣ, были снабжены высокими, отмѣнно прочно построенными стѣнами, внушительной профили валами и глубокими, прекрасно укрѣпленными рвами; все это въ нихъ было расположено съ замѣчательнымъ искусствомъ, по всѣмъ правиламъ старинной фортификаціи.

Не только преданія, но и тамошнія, считающіяся вполне достоверными свѣдѣнія говорятъ, что обѣ крѣпости построены въ концѣ XVII столѣтія по системѣ Вобана какимъ-то случайно забравшимся въ тѣ края путешественникомъ-французомъ, ученикомъ этого знаменитаго, крайне авторитетнаго военнаго инженера.

Извѣстный бельгійскій военный инженеръ и военный писатель Бриальмонъ, вскорѣ послѣ взятія русскими войсками цѣлаго ряда средне-азиатскихъ крѣпостей, каковы Нау, Ташкентъ, Чимкентъ, Ходжентъ, Чиназь, Аулія-Ата, Ура-Тюбе, Джизакъ, Самаркандъ и др., описывая ихъ, между прочимъ, выразилъ убѣжденіе, что нѣкоторыя изъ нихъ, несомнѣнно, построены по системамъ европейскихъ инженеровъ XVI и XVII столѣтій.

Нашъ талантливый военный инженеръ генераль-адъютантъ Эдуардъ Ивановичъ Тотлебенъ, разсмотрѣвъ тогда представленные ему подвѣдомственными инженерами подробные планы Ура-Тюбе и Джизака и выслушавъ докладъ о томъ, что ходитъ молва, будто бы крѣпости тѣ построены французскимъ инженеромъ, придерживавшимся системы Вобана ¹⁾, сказалъ: «Судя по планамъ, я опровергать это предположеніе не взялся бы; полную же увѣренность въ этомъ имѣть нельзя только потому, что не имѣется удостоверяющихъ документовъ; все остальное можетъ говорить за утвержденіе справедливости такой легенды».

Весной 1866 года наши войска подъ главнымъ руководительствомъ оренбургскаго генераль-губернатора генераль-адъютанта Николая Андреевича Крыжановскаго, при особо избранномъ имъ самимъ отрядномъ начальникѣ свиты его величества генераль-майорѣ генеральнаго штаба Романовскомъ, нанесли сильныя

¹⁾ Маршалъ Себастьянъ ле-Претръ-де-Вобанъ, гениальный французскій инженеръ, родился въ Бургундіи въ 1633 году. Всѣ сохранившіяся о немъ воспоминанія, а также его жизнеописанія—біографіи, некрологи, какъ изданные отдѣльно, такъ и помѣщенные въ различныхъ сборникахъ, газетахъ, журналахъ, энциклопедіяхъ, словаряхъ,—въ одинъ голосъ сообщаютъ, что онъ въ теченіе своей долгой жизни превосходно укрѣпилъ границы Франціи,—при этомъ ему пришлось совершенно перестроить до 300 старыхъ крѣпостей; онъ построилъ по своей системѣ и по своимъ собственнымъ планамъ до 40 новыхъ крѣпостей, участвовалъ на своемъ вѣку въ 140 сраженіяхъ, подъ его руководствомъ велось болѣе 50 осадъ большихъ крѣпостей. Людовикъ XIV возвелъ его въ маршалы Франціи. Признательное отечество поставило ему прекрасный памятникъ. Маршалъ Вобанъ умеръ въ Парижѣ въ 1707 году.

Авт.

4*

пораженія бухарскимъ полчищамъ въ долинь Сыръ-Дарьи, на Ирджарѣ при Нау и Ходжентѣ; вся эта мѣстность была тогда присоединена къ нашимъ владѣнiямъ.

Хотя эмиръ бухарскій, сознавая невозможность продолженiя дальнѣйшей борьбы съ войсками Бѣлаго царя, какъ будто бы выражалъ покорность, но въ сущности продолжалъ вооружаться и вель себя по отношенiю къ намъ въ теченiе лѣта того года съ крайнимъ вѣроломствомъ. Поэтому, послѣ многихъ предостереженiй и предупрежденiй, русскiя власти, по иниціативѣ генерала Романовскаго и по его плану, рѣшили осенью двинуться дальше вглубь Средней Азiи, при чемъ намѣтили присоединить къ Россiи область, находящуюся между тогдашними русскими и бухарско-кокандскими владѣнiями; этотъ районъ земли представлялъ собою для эмира бухарскаго послѣднiй къ сторонѣ нашихъ владѣнiй оплотъ, укрѣпленный двумя вышеназванными крѣпостями—Ура-Тюбе и Джизакомъ (по мѣстному Ора-Тепе и Жузакъ); отнятіе этого района являлось для насъ чрезвычайно важнымъ,—оно должно было совершенно ослабить эмира, что было крайне существенно именно въ виду постоянно проявлявшагося съ его стороны по отношенiю къ населенiю сосѣднихъ съ нимъ нашихъ владѣнiй явнаго вѣроломства.

20-го сентября всѣ наши войска расположились лагеремъ въ семи верстахъ отъ Ходжента, а затѣмъ часть ихъ подъ командой генерала Романовскаго подошла къ Ура-Тюбе—укрѣпленiю, которое всегда представляло собой главную опору владычества эмира бухарскаго въ долинь Сыръ-Дарьи. Оно расположено на сѣверной покатости снѣгового хребта Тянь-Шань, отдѣляющаго долину Сыръ-Дарьи отъ прочихъ бухарскихъ владѣнiй, кои расположены на Аму-Дарьѣ. Черезъ Ура-Тюбе проходитъ направляющiйся вдоль подошвы горъ путь, который тогда вель изъ Бухары въ Кокандъ. Опираясь на эту крѣпость, владетели Бухары не разъ успѣвали распространять свое владычество на Кокандъ, Ходжентъ и Ташкентъ. Все это побудило генерала Романовскаго предпринять осаду крѣпости Ура-Тюбе. Для этого сначала была произведена подробная рекогносцировка тѣми частями, которыми командовали флигель-адъютантъ полковникъ графъ Ив. Илар. Воронцовъ-Дашковъ и подполковникъ Барановъ. Эти два штабъ-офицера оставались начальниками частей отрядовъ до 2-го октября—дня взятiя этой крѣпости. 30-го сентября артиллерiя подъ начальствомъ начальника артиллерiи оренбургскаго военнаго округа генераль-майора Кондратьева произвела артиллерiйскiй обстрѣлъ крѣпости; съ брешь-батареи были пробиты бреши въ стѣнахъ той крѣпости; 1-го октября была произведена фальшивая атака южной стороны крѣпости, 2-го штурмовали ее съ этой стороны тремя колоннами и съ сѣверо-восточной—двумя.

Во главѣ штурмовыхъ колоннъ были поставлены съ южной стороны майоръ 5-го Туркестанскаго линейнаго батальона Назаровъ, бывшій офицеръ Нижегородскаго драгунскаго полка, и причисленные къ генеральному штабу, только что окончившіе тогда курсъ академіи генеральнаго штаба штабсъ-ротмистры полковъ Его Величества—л.-гв. уланскаго Шауфусъ и л.-гв. кирасирскаго Глуховской; съ сѣверо-восточной стороны—поручикъ Морозовъ и штабсъ-капитанъ Конопельскій; резервами командовали съ южной стороны капитанъ л.-гв. Преображенскаго полка Мантейфель, а съ сѣверо-восточной—Волынскаго уланскаго полка поручикъ Кузьминскій; на его обязанности лежало охранять позицію со стороны Джизака, въ который все время свободно прибывали войска, посылавшіяся эмиромъ бухарскимъ.

Начавшій штурмъ сѣверо-восточной стороны во главѣ авангарда, составленнаго изъ охотниковъ, капитанъ Плецъ въ самомъ началѣ боя былъ убитъ пулей въ голову наповаль; его мѣсто занялъ капитанъ Гриппенбергъ ¹⁾.

Скоро сдѣлалось извѣстнымъ, что къ концу боя въ стѣнахъ Ура-Тюбе оказались ранеными Шауфусъ, Глуховской, генеральнаго штаба поручикъ Комаровъ и молодые, только что произведенные изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища въ офицеры Оренбургскаго стрѣлковаго батальона подпоручики Плѣшковъ и Кончиць; послѣдніе трое черезъ полтора часа умерли отъ ранъ. Позиція была взята; окрестности Ура-Тюбе были усыяны непріятельскими трупами, въ крѣпости ихъ было, кромѣ того, погребено болѣе двухъ тысячъ. У насъ, кромѣ названныхъ раненыхъ, были сильно контужены Барановъ, Шороховъ, Кузьминскій, пор. Аленичь и кн. Барятинскій ²⁾, адъютантъ наслѣдника цесаревича; онъ состоялъ тогда въ чинѣ поручика Преображенскаго полка и командовалъ 1-ю казачьею Уральскою сотней. Въ каждомъ отрядѣ выбыло изъ строя нижнихъ чиновъ около 25⁰/₀.

Генераль-адъютантъ Крыжановскій, приказомъ по войскамъ Туркестанской области 3-го октября 1866 года, между прочимъ, объявилъ: «Вчера 2-го октября сильная бухарская крѣпость Ура-

---

¹⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, извѣстный вообще, какъ боевой генераль. Въ 1877 г., командуя л.-гв. Московскимъ полкомъ, онъ въ чинѣ полковника получилъ орденъ св. Георгія 3-ей степени за лихое отнятіе у очень сильнаго непріятели взятой имъ наканунѣ отъ насъ съ боя позиціи—на Шандорникѣ въ Балканахъ въ отрядѣ генерала-адъютанта Гурко. Особую извѣстность генераль Гриппенбергъ получилъ въ 1905 г. при Сандепу, состоя въ должности начальника одной изъ манчжурскихъ армій у генерала Куропаткина.

²⁾ Нынѣ генераль-адъютантъ, состоятъ при Государынѣ Императрицѣ Маріи Теодоровнѣ.

Тюбе, весьма важная для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, послѣ восьмидневной осады взята штурмомъ. Ея гарнизонъ защищался упорно. У непріятеля отбито нами 5 знаменъ, 16 орудій, взято много плѣнныхъ и оружія. Крѣпостные рвы и окрестности завалены сотнями непріятельскихъ труповъ. Побѣда эта стоила намъ трехъ офицеровъ и до ста нижнихъ чиновъ убитыми.

Далѣе генераль Крыжановскій благодаритъ полковника графа Воронцова - Дашкова, подполковника Баранова и начальника своего штаба подполковника Троцкого, который, какъ выражено въ приказѣ, «былъ главнымъ, прямымъ и ближайшимъ моимъ помощникомъ по отданію всѣхъ моихъ предварительныхъ распоряженій».

Свиты Его Величества генераль-майоръ Романовскій благодарности вовсе не удостоился, и на это тогда же указывалось, такъ какъ войска искренно считали его и главнымъ руководителемъ, и главнымъ виновникомъ взятія той сильной крѣпости.

Среди офицеровъ и вообще въ частяхъ войскъ въ то время ходили толки, будто бы между генералами Крыжановскимъ и Романовскимъ возникли крупныя несогласія и, — какъ всегда у насъ въ подобныхъ случаяхъ на Руси водится, — изъ-за мелочей; а кто былъ правъ, кто виноватъ, — разобрать не было возможности.

Вскорѣ послѣ того генераль Романовскій былъ отчисленъ отъ должности и вынужденъ былъ выѣхать въ Россію. Говорили, что его поразилъ ударъ; но осталось неизвѣстнымъ, было ли просто прямымъ послѣдствіемъ этого отставленіе его отъ должности, или же, наоборотъ, результатомъ несогласій и основанныхъ на нихъ несправедливостей, принятыхъ имъ близко къ сердцу, явилось пораженіе параличомъ, послѣ котораго онъ уже не могъ оставаться въ должности на боевомъ посту въ такое горячее время?

Приказъ, изданный генераломъ Романовскимъ 14-го апрѣля 1867 года, въ свою очередь, какъ рассказывали впоследствии разсѣявшіеся по землѣ русской ташкентцы, показался нѣсколько страннымъ: въ немъ нашли очень мало того, что должно было отвѣчать боевому духу молодецкихъ войскъ и слишкомъ много личнаго; такъ, между прочимъ, подчеркивали, что, разставаясь съ бывшими боевыми товарищами своими, генераль «просилъ всѣхъ и каждаго принять его усердную благодарность за совершенныя ими боевыя отличія, которыя доставили ему много царскихъ наградъ»; въ заключеніе онъ говорить, что будетъ всегда съ гордостью вспоминать о времени своего начальствованія надъ храбрыми туркестанцами и будетъ себя считать счастливымъ, если Богъ когда-нибудь приведетъ его еще разъ покомандовать такими же молодцами.

Однако я забѣжалъ далеко впередъ.

Въ бытность генерала Романовскаго командующимъ войсками въ покоренной тогда Черняевымъ Туркестанской области у него въ должности начальника штаба состоялъ подполковникъ Виталій Николаевичъ Троцкій, впоследствии генераль-адъютантъ, виленскій, ковенскій и гродненскій генераль-губернаторъ ¹⁾. Онъ вообще нерѣдко вспоминалъ Романовскаго и говорилъ о немъ; при чемъ, всегда отзываясь о немъ, какъ о человѣкѣ хорошемъ, честномъ, добромъ и способномъ, не могъ не подчеркнуть одного—это черту, бросавшуюся въ глаза при первомъ знакомствѣ съ Романовскимъ: о чемъ онъ ни говорилъ, всегда умудрялся такъ обставить свой рассказъ, что самъ являлся исключительнымъ центромъ описываемаго.

Во всякой средѣ можно встрѣтить такихъ людей, которые какъ бы безсильны свести разговоръ съ собственной персоны; чего бы они ни коснулись, она всегда у нихъ на первомъ мѣстѣ; всякія событія, всевозможныя дѣйствующія лица заслоняются въ ихъ рассказѣ ею.

Черта, быть можетъ, и извинительная, говаривалъ В. Н. Троцкій, но не въ военномъ, а главное не въ полководцѣ; для него является болѣе чѣмъ обязательнымъ взять привычку отрѣшаться отъ своего «я», дабы имѣть возможность обращать сосредоточенное вниманіе свое на все, кромѣ себя.

По этому поводу вспоминается одинъ мелкій, но очень характерный эпизодъ, случившійся во время турецкой войны 1877—78 гг. Ординарецъ великаго князя Николая Николаевича Старшаго штабсъ-ротмистръ Е. былъ командированъ въ отрядъ, дѣйстви-

¹⁾ Занимая съ 1870 года постъ начальника штаба войскъ туркестанскаго военнаго округа, при командовавшемъ тѣми войсками генераль-адъютантѣ Константинѣ Петровичѣ фонъ-Кауфманѣ, онъ при немъ же въ 1873 году исполнялъ должность начальника штаба отряда во время хивинскаго похода; вскорѣ послѣ смерти генерала Кауфмана былъ назначенъ начальникомъ штаба кавказскаго военнаго округа, а затѣмъ перемѣщенъ на должность помощника генераль-адъютанта Михаила Ивановича Драгомирова по должности командующаго войсками кievскаго военнаго округа. М. И. Драгомировъ очень цѣнилъ его, какъ опытнаго, военновременнаго и боевого генерала, прекрасно знавшаго бытъ солдата и нужды частей войскъ всѣхъ трехъ родовъ оружія, а также незамѣнимаго помощника вообще; отличалъ онъ въ немъ также основательность, положительность, устойчивость характера и рѣдкую тактичность. 25-го марта 1896 года на прощальномъ обѣдѣ, которымъ военное общество въ Кіевѣ чествовало генерала Троцкаго, провожая его изъ Кіева въ Вильну, куда онъ былъ назначенъ командующимъ войсками округа, Михаилъ Ивановичъ, протянувъ къ нему бокаль свой, между прочимъ, сказалъ: «не завидую я тебѣ; ты будешь тамъ такъ же безъ помощника, какъ я остаюсь теперь здѣсь; я—потому что лишаюсь тебя, а ты по той причинѣ, что настоящаго помощника,—такого, какимъ самъ умѣешь быть, не найдешь; и не ищи, братъ,—не найдешь, развѣ когда-нибудь впоследствии наживешь, создашь»... Генераль Троцкій былъ моложе Драгомирова на шесть лѣтъ; онъ воспитывался въ первомъ московскомъ кадетскомъ корпусѣ; скончался въ Вильнѣ весной 1901 года на 66-мъ году жизни.

А в т.

вавшии на правомъ флангѣ общей позиціи, занятой противъ Мегмета-Али-паши, который только что наканунѣ учинилъ по всей линіи наступленіе на наши силы. Явившись къ начальнику отряда генералу Д.,—Е. спрашиваетъ, что прикажетъ генераль доложить главнокомандующему относительно выдержаннаго наканунѣ натиска, окончившагося отраженіемъ вражеской атаки.

«Двое сутокъ съ лишнимъ я ожидалъ этой атаки, — началъ свой рассказъ генераль Д., — всѣ свѣдѣнія, получавшіяся съ аванпостовъ, указывали мнѣ, что я долженъ быть готовъ къ встрѣчѣ сильнаго наступленія врага; двѣ ночи я не спалъ вовсе; четыре раза мнѣ довелось объѣхать рѣшительно всѣ позиціи; въ день атаки я выѣхалъ вновь на позиціи въ пятомъ часу утра; дождь меня промочилъ насквозь; двухъ адъютантовъ своихъ я послалъ на лѣвый флангъ, самъ съ начальникомъ своего штаба оставался въ центрѣ, зорко присматриваясь къ тому, что происходило противъ него и наблюдая за правымъ флангомъ. Въ-время я замѣтилъ скопленіе турецкихъ войскъ противъ этого фланга и, если бы не случилось мнѣ быть въ этомъ пунктѣ, Богъ знаетъ, чѣмъ окончилось бы дерзкое намѣреніе паши обойти насъ справа; я отдалъ тотчасъ распоряженіе о немедленномъ и быстромъ передвиженіи одной конной, именно 18-ой батареи изъ центра на крайній правый флангъ, правофланговую пѣхотную бригаду я въ-время подкрѣпилъ полкомъ изъ резерва, который вообще поспѣшилъ приблизить къ флангу, обезпечивъ его бригадой кавалеріи. Благодаря всему этому, непріятель вынужденъ былъ отступить съ громадными потерями. Вотъ все, что я могу вамъ рассказать для доклада его высочеству, а что будетъ дальше—обо всемъ я, въ связи съ этимъ, изложу въ реляціи. Поѣзжайте съ Богомъ».

— Слушаю, ваше пр—ство, — отвѣтилъ ординарецъ:—но не прикажете ли доложить великому князю что-нибудь и о войскахъ? Его высочество всегда о нихъ разспрашиваетъ въ большихъ подробностяхъ.

— Ну, конечно, и о войскахъ, конечно...

Этотъ рассказъ приводится, какъ курьезъ; онъ не имѣетъ цѣли умалить вообще боевыя и служебныя достоинства генерала Д., который всегда, еще съ молодыхъ лѣтъ, выдѣлялся изъ среды своихъ сверстниковъ; это былъ блестящій гвардейскій офицеръ, потомъ обращавшій на себя вниманіе эскадронный и полковой командиръ, а также замѣтный начальникъ дивизіи.

За время этой войны онъ получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени; этимъ крестомъ было отмѣчено то самое дѣло, которое онъ, немного неловко, по-своему, типично описалъ въ рассказѣ ординарцу для доклада великому князю главнокомандующему. Кромѣ того, за другую, блестяще одержанную въ концѣ кампаніи побѣду онъ былъ награжденъ, какъ признавали всѣ, совершенно заслуженно, золотою, брильянтами украшенною саблей.

II.

Взятіе Джизака.—Геройскій подвигъ Кузьминскаго.—Роль графа И. И. Воронцова-Дашкова въ боевыхъ событіяхъ.—Его отношеніе къ подвигамъ Кузьминскаго.—Государь Александръ Николаевичъ обращаетъ особое вниманіе на судьбу офицеровъ и нижнихъ чиновъ, раненныхъ въ Средней Азіи.—Особое участіе къ тяжело раненому Кузьминскому.—Отправленіе этого офицера, по волѣ государя, въ Парижъ для леченія.

Подвиги генерала Романовскаго такъ же, какъ и заслуги генерала Д., нисколько не уменьшаются въ своихъ достоинствахъ разсказомъ генерала Троцкаго о характерѣ свойственной имъ слабости,—довольно, впрочемъ, вообще распространенной.

Послѣ взятія генераломъ Романовскимъ крѣпости Ура-Тюбе, въ рукахъ эмира бухарскаго остался къ осени 1866 года лишь одинъ пунктъ, владѣя которымъ онъ могъ разсчитывать удерживать за собой долину рѣки Сыръ-Дарьи; это Джизакъ—крѣпость, расположенная въ ущельи на единственномъ пути, удобномъ для прохода къ Самарканду и къ Бухарѣ.

Блестяще окончивъ штурмъ Ура-Тюбе, отрядъ долженъ былъ приготовиться къ взятію Джизака. Эта крѣпость, болѣе сильная вообще, была гораздо лучше вооружена; она считалась въ тѣхъ краяхъ наиболѣе серьезною крѣпостью. Бекъ Джизакскій, подкрѣпленный въ концѣ лѣта десятью тысячами отборныхъ войскъ, присланныхъ эмиромъ бухарскимъ при 53-хъ орудіяхъ большого калибра, приготовился дать отчаянный, жесточайшій отпоръ.

Укрѣпленный съ давнихъ поръ цитаделью и городской стѣной, Джизакъ въ послѣдніе восемь мѣсяцевъ передъ его осадой былъ много и искусно усиленъ; нѣсколько тысячъ человѣкъ ежедневно работали на его укрѣпленіяхъ; они возвели тройной рядъ стѣнъ, одна надъ другою возвышавшихся; изъ нихъ наружная, въ томъ году вновь выстроенная, имѣла 3½ сажени вышины и 4 сажени толщины; ихъ же трудами крѣпость была усилена тройнымъ рядомъ рововъ, изъ коихъ передній имѣлъ мѣстами 11 аршинъ глубины; ко всему этому въ этихъ старыхъ крѣпостяхъ, построенныхъ, какъ гласитъ преданіе, европейцами, въ послѣднее время было добавлено много такого, что дѣлало крѣпость грозною и совершенно неприступною.

Войска, присланныя эмиромъ, были набраны изъ храбрѣйшихъ племенъ—афганцевъ, персіянъ и туркменъ; все ихъ вооруженіе, не исключая артиллерійскаго, напоминало европейское; для распоряженія обороною эмиръ выслалъ наиболѣе способныхъ и предприимчивыхъ сподвижниковъ своихъ—Перваначи-Аллаяра, бывшаго джизакскаго же бека Якуба и еще до 18 бековъ.

Понятно, почему русскіе сочли долгомъ поторопиться взятіемъ этого серьезнаго пункта и почему генералъ Романовскій, напрягая

всю свою энергію, тотчасъ послѣ взятія Ура-Тюбе, направилъ туда войска, успивъ и укомплектовавъ ихъ въ мѣрѣ возможности. Начальствованіе надъ передовыми частями было ввѣрено графу Воронцову-Дашкову.

Отъ Ура-Тюбе до Джизака считается 100 верстъ.

«Джизакская артиллерія во всѣхъ мелочахъ, болѣе существенныхъ, представляла собой типъ англійской»,—писалъ впослѣдствіи генералъ Крыжановскій въ своихъ официальныхъ донесеніяхъ. Самъ онъ былъ въ свое время выдающійся артиллеристъ и глубокоученый военный писатель; онъ считался специалистомъ по части артиллеріи; ему не трудно было опредѣлить, какого происхожденія вооруженіе и матеріальная часть была добыта и прислана эмиромъ. Но мы тогда еще пребывали въ наивномъ невѣдѣніи того, что тайное участіе коварныхъ англичанъ въ дѣлѣ оказанія помощи эмирамъ афганскому, бухарскому, хану хивинскому и другимъ правителямъ народовъ Средней Азіи,—было самое широкое, дѣятельное и постоянное.

Для самаго штурма войска были сосредоточены опять подъ общимъ начальствомъ генерала Романовскаго; самъ Крыжановскій произвелъ главную рекогносцировку; частныя же были сдѣланы Романовскимъ и графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ. Колонны были назначены подъ начальствомъ подполковниковъ Михайлова и Григорьева, надъ устройствомъ брешъ-батарей старательно работали военные инженеры—подполковникъ Яблонскій, шт.-капит. Свищевскій и поручикъ Пріоровъ. Передъ началомъ боя графъ Воронцовъ-Дашковъ принялъ подъ свою команду резервъ.

По самому характеру своему Кузьминскій не могъ оставаться вообще спокойнымъ въ минуты приближенія боя; онъ вѣчно рыскалъ по окрестностямъ, тщательно осматривая все то, что нужно было осмотрѣть, а иногда и то, до чего ему вовсе не было никакого дѣла,—это ни въ какомъ случаѣ не исключало возможности во-время досмотрѣть что-либо чрезвычайно важное и существенное.

Вскорѣ послѣ взятія Ура-Тюбе, не успѣвъ еще оправиться отъ сильной контузіи, полученной въ этомъ дѣлѣ, онъ взялся всесторонне осмотрѣть укрѣпленія Джизака. Охотники знали его и всегда готовы были итти съ нимъ въ огонь и въ воду; онъ обыкновенно подбиралъ ихъ себѣ самъ и между ними старшимъ ставилъ обыкновенно унтеръ-офицера Теренія Соинова, безшабашнаго, удалого храбреца, котораго вообще охотники любили за предприимчивость, находчивость, неутомимость и за легкое отношеніе ко всему, не исключая и невзгодъ; его охотно слушались и исполнѣ ему подчинялись.

Сохранился рассказъ о томъ, что, отправившись на измѣреніе глубины рвовъ и высоты стѣнъ той стороны, съ которой предполагалась атака Джизака, лихой маленькій отрядъ Кузьминскаго

въ ночной тишинѣ наткнулся на непріятельскихъ лазутчиковъ выползшихъ изъ крѣпости; изъ нихъ двухъ удалось захватить и «хорошо допросить»; пойманные не дали много работы надъ собой, — они оказались не изъ очень упорныхъ: скоро они показали, что непріятелю было хорошо извѣстно о предстоящемъ штурмѣ, знали онъ, противъ какой стороны рѣшено было вести атаку, и эту сторону онъ крайне старательно минировалъ.

Окончивъ со своими удальцами производство подробныхъ ночныхъ измѣреній, Кузьминскій въ большихъ подробностяхъ доложилъ обо всемъ графу Воронцову-Дашкову и генералу Романовскому, а затѣмъ твердо настаивалъ на томъ, чтобы штурмъ Джизака былъ произведенъ со стороны ура-тюбинскихъ воротъ, откуда, по его убѣжденію, взять крѣпость было и легче и безопаснѣе въ отношеніи потерь, которыя предстояло понести. Графъ Воронцовъ-Дашковъ помогъ ему настоять на этомъ; самъ же Кузьминскій при этомъ просилъ разрѣшенія начать штурмъ лично во главѣ роты охотниковъ. Такъ и было рѣшено. Живо были отданы всѣ распоряженія и лишь вмѣсто того, чтобы, какъ всегда, начать штурмъ рано утромъ, въ тѣ часы, когда восточные люди болѣе всего выказываютъ безопасность, постановлено было начать его въ 12 часовъ дня.

Это вышло къ лучшему еще съ одной стороны: непріятель, имѣвшій вѣрныя свѣдѣнія о томъ, что штурмъ долженъ произойти 18-го октября, могъ быть увѣренъ въ томъ, что если въ обыкновенный ранній часъ штурмовать въ тотъ день не начали, то, значить, уже отложили до другого дня; врагъ успокоился на этомъ и такимъ образомъ совершенно прозѣвалъ послѣдовавшее въ тотъ же день начало боя.

Очевидцы этого дѣла такъ описываютъ его. Пропустивъ раннее утро 18-го числа, мы какъ бы неожиданно открыли штурмъ въ 12 часовъ дня; первымъ двинулся въ атаку уланскій поручикъ Кузьминскій со своей ротой охотниковъ. Красавицъ-командиръ своимъ лихимъ видомъ ободрялъ роту такихъ же удальцовъ, какъ онъ самъ: начавшаяся сперва отъ артиллерійскаго огня, а потомъ отъ ружейныхъ пуль убыль не останавливала молодцовъ. Кузьминскій какъ будто кокетничалъ со смертью; вотъ онъ, въ уланской формѣ, молодцовато прошелъ самыя спасныя мѣста, вотъ спустился въ ровъ, — въ тотъ самый ровъ, который, быть можетъ, за 12 часовъ передъ тѣмъ, въ ночной мглѣ и тишинѣ, самъ онъ въ точности измѣрилъ; вотъ ровъ перейденъ, удальцы стали подниматься на эскарпъ; только что поднялись, на гребнѣ эскарпа произошелъ взрывъ фугаса; штурмовавшихъ скрылъ густой дымъ, — казалось, не всѣ ли они погибли въ этомъ взрывѣ; однако дымъ разсѣялся, видно, что рота, оставивъ въ немъ двухъ-трехъ человекъ, быстро, съ уланскимъ киверомъ во главѣ поднялась на валъ. Но вотъ бодро поднявшійся первымъ Кузьминскій взлетаетъ на воздухъ, поднятый на вражескихъ пи-

какъ; сброшенный со стѣны, онъ всталъ и попытался вновь ринуться на врага, но тутъ же упалъ приколотый: сартъ, нанося ему рану пикой, прокололъ его въ поясницу, — какъ тогда издали въ сумбурѣ боя показалось и какъ поэтому изъ устъ въ уста передавалось, — насквозь; въ ротѣ это не произвело никакого смятенія; она вся, какъ одинъ, положивъ на мѣстѣ толпу сартовъ, кинувшихся было добывать ея командира, лежавшаго, повидимому безъ дыханія, прикрыла его собой и по разрушенной нашими снарядами стѣнѣ взобралась наверхъ, а тамъ начала жестокою рѣзню. Все снова закрылось дымомъ новаго взрыва фугаса и несмолкаемой пальбой ружейной, пистолетной, артиллерійской; въ одну минуту подошли всѣ штурмовыя колонны, пошла рукопашная схватка въ стѣнахъ крѣпости; тутъ же рядомъ со штурмомъ идутъ фальшивыя атаки для отвлеченія вниманія вошедшаго въ ражъ врага; его сотни валяются штыкомъ, пикой, саблей... адъ...

Къ двумъ часамъ дня въ крѣпость вошелъ и частный резервъ графа Воронцова-Дашкова; туго пришлось бы, если бы онъ не подо-спѣлъ: уже спѣшенные казаки и конно-артиллеристы отважно дрались въ пѣхотномъ строю, и далеко не стройнымъ началъ представляться этотъ строй.

Между тѣмъ джизакскій бекъ, увидѣвшій съ самаго начала лихо разгоравшагося боя, насколько ему довелось обмануться и во времени атаки и въ выборѣ фронта штурма, взбѣщенный тѣмъ, что не удался его адскій планъ сплошного взрыва всѣхъ штурмовыхъ колоннъ на подступахъ, приготовилъ всю свою энергію и все свое бѣшенство для отбитія атаки съ полнѣйшею азіатскою жестокостью: онъ заперъ всѣ ворота, объявивъ, что ни выхода изъ цитадели, ни отступленія не будетъ, всякъ долженъ самъ защищаться. Врагъ дрался геройски; изъ 18 бековъ 16 погибли, при чемъ 12 пали въ рукопашномъ бою.

Къ четыремъ часамъ дня вошелъ въ крѣпость генералъ Крыжановскій съ главнымъ резервомъ. Побѣда была полная. Показавшаяся верстахъ въ пяти свѣжая, вновь высланная эмиромъ изъ Бухары колонна въ 2,500 человекъ съ 18-ю орудіями, почувствовавъ огонь, направленный на нее, и узнавъ объ участи Джизака, разбѣжалась, спасаясь отъ насѣдавшихъ на нее резервовъ. Скоро къ генералу Крыжановскому явились двое посланныхъ отъ главнаго бека съ просьбой разрѣшить ему предстать передъ сердаремъ ¹⁾; онъ былъ раненъ тремя пулями и истекалъ кровью, при чемъ, умирая, успѣлъ лишь поздороваться и сказать: «послѣдняя твердыня наша, волею Аллаха, пала къ ногамъ Акъ-падишаха» (Бѣлаго царя).

Въ этомъ дѣлѣ намъ досталось болѣе трехъ тысячъ плѣнныхъ, много знаменъ, ружей, пикъ, пистолетовъ, 23 большихъ, 18 сред-

¹⁾ Сердарь—главнокомандующій.

нихъ и 30 малыхъ орудій; выбывшихъ изъ строя у насъ оказалось болѣе 30 процентовъ; много убитыхъ, между ними немало было такихъ, у которыхъ раны оказались отравленными.

Поздно вечеромъ опредѣлилось, что тяжело раненый, или, вѣрнѣе, израненный и пулями, и осколками гранатъ, и саблями, и пиками поручикъ Кузьминскій еще живъ, но находится въ агоніи или, какъ докладывали начальству и говорили между собой солдаты, «при послѣднемъ издыханіи».

Только черезъ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ его жизнь, видимо, угасала, обозначилось, какая участь ожидала штурмовавшихъ, если бы онъ не настоялъ на томъ, чтобы штурмъ повели на ура-тюбинскія ворота, а не на тотъ фасъ, который атаковать предполагалось и съ котораго бекъ такъ тщательно приготовился не только дать отпоръ, но и погубить нашъ отрядъ; всѣ колонны были бы сметены взрывомъ—до такой степени искусно были устроены и приспособлены минныя горны подъ всѣми подступами, а въ особенности на тѣхъ мѣстахъ, на которыхъ части войскъ должны были при веденіи штурма по расчету задерживаться и усиленнымъ дождемъ перекрестнаго огня, и свойствами препятствій, представлявшихся неприступностью фортификаціонныхъ приспособленій, возведенныхъ для усиленія крѣпости.

Такимъ образомъ, поручикъ П. Е. Кузьминскій не только геройски, всецѣло пожертвовалъ лично собой, но и предупредилъ неминуемую гибель отряда, чѣмъ спасъ его и обезпечилъ все дѣло захвата столь важнаго для врага опорнаго пункта. Онъ открылъ намъ глаза на эти мины.

Не скоро онъ очнулся и не скоро представилось возможнымъ получить хотя бы намекъ на то, что спасеніе его жизни не представлялось несбыточнымъ; только поэтому не скоро могло дойти до него, а главное до его сознанія горестное извѣстіе о томъ, что близкій ему боевой спутникъ Терентій Соиновъ, съ которымъ онъ въ неимоверныхъ опасностяхъ сроднился, былъ пиками приколотъ на смерть подлѣ него въ тотъ самый моментъ, когда врагъ считалъ и его, начальника грозной горсти храбрецовъ, скошеннымъ на смерть.

Вотъ за какое дѣло этотъ бравый штабъ-ротмистръ получилъ самый дорогой для каждаго офицера орденъ св. Георгія и вотъ какое недавнее боевое прошлое считалось за этимъ человѣкомъ въ то время, когда вся Варшава такъ сильно и живо заинтересовалась имъ.

Всѣ эти факты, освѣщавшіе все бурно пережитое имъ, становились извѣстными массѣ понемногу,—по мѣрѣ передачи ихъ изъ устъ въ уста. Можно себѣ представить, въ какой мѣрѣ то или другое въ нихъ прикрашивалось и преувеличивалось; однако достаточно было рассказывать сухую и чистую правду объ его подвигахъ для

того, чтобы онъ сталъ въ глазахъ толпы и публики героемъ; но по обыкновенію нѣкоторые находили нужнымъ, съ умысломъ или безъ него, прославить тѣ подвиги выше мѣры, чѣмъ, безъ сомнѣнія, достигали лишь умаленія его истинныхъ заслугъ; это, прежде всего, находилъ онъ самъ. И по привычкѣ, и по врожденной скромности, свойственной вообще героямъ, онъ о своихъ подвигахъ никогда ничего не говорилъ; если для освѣщенія тѣхъ или иныхъ событій ему приходилось касаться своихъ дѣяній или соприкасаться съ ними, онъ умѣлъ избѣгать излишнихъ подробностей. Въ этомъ отношеніи,—надо отдать ему полную справедливость,—онъ, видимо, не былъ изъ числа тѣхъ выскочекъ, кои имѣютъ обычай выхваляться и, не ожидая оцѣнки своихъ дѣяній другими, сами какъ бы торопятся сдѣлать эту оцѣнку.

Изъ устъ Кузьминскаго лицамъ, съ коими болѣе всего приходилось мнѣ тогда сноситься, довелось слышать лишь довольно подробный разсказъ о томъ, какое близкое участіе въ его судьбѣ со времени его раненія принималъ покойный императоръ Александръ Николаевичъ. При этомъ герой всегда говорилъ, что государь узналъ мельчайшія подробности,—и о состояніи его здоровья, и объ обстоятельствахъ происхожденія болѣзней,—очевидно, отъ графа Ив. Ил. Воронцова-Дашкова, который, проѣхавъ изъ Ташкента въ Петербургъ хотя бы на побывку, имѣлъ случай и былъ обязанъ доложить его величеству обо всемъ, что важнаго онъ видѣлъ и слышалъ, а главное—въ чемъ самъ принималъ дѣятельное участіе. Болѣе важнымъ предметомъ доклада его представлялось, безъ сомнѣнія, взятіе крѣпостей Ура-Тюбе и Джизака, такъ какъ въ обоихъ дѣлахъ тѣхъ онъ явился однимъ изъ главнымъ дѣйствовавшихъ лицъ.

Каждый возвращающійся при подобныхъ обстоятельствахъ изъ командировки обязанъ представить государю полный докладъ обо всемъ стоящемъ вниманія съ различныхъ дѣловыхъ точекъ зрѣнія; помимо того графъ Воронцовъ-Дашковъ имѣлъ возможность сдѣлать это съ большою обстоятельностью, такъ какъ былъ то время однимъ изъ самыхъ приближенныхъ къ наслѣднику цесаревичу Александру Александровичу лицъ и пользовался полнѣйшимъ, дружескимъ довѣріемъ его высочества.

За дѣятельное участіе въ дѣлѣ взятія крѣпости Джизакъ и «за распорядительность, которая привела къ блестящей побѣдѣ», графъ Воронцовъ-Дашковъ также получилъ орденъ св. Георгія 4-ой степени. Нѣкоторое время онъ, произведенный въ генераль-майоры съ зачисленіемъ въ свиту его величества, занималъ должность помощника начальника туркестанской области генерала Романовскаго, который съ тѣмъ вмѣстѣ командовалъ войсками области. Вскорѣ, однако, графъ былъ отозванъ въ Петербургъ и

тамъ назначенъ командиромъ лейбъ-гвардіи гусарскаго ево величества полка, которымъ прокомандоваль съ 1867 года по 1874 годъ, когда былъ назначенъ на должность начальника штаба сформированнаго въ томъ году гвардейскаго корпуса, врученнаго тогда молодому командиру—наслѣднику цесаревичу.

Впослѣдствіи графъ Воронцовъ-Дашковъ, пробывъ нѣкоторое время начальникомъ 2-ой гвардейской пѣхотной дивизіи, занялъ въ 1881 году постъ министра двора, а въ этой должности оставался все время царствованія покойнаго государя Александра III.

Нынѣ графъ состоитъ намѣстникомъ Ево Императорскаго Величества на Кавказѣ.

Государь императоръ Александръ Николаевичъ, по выслушаніи словеснаго доклада, представленнаго графомъ Воронцовымъ-Дашковымъ въ присутствіи наслѣдника цесаревича, приказалъ немедленно же телеграфировать командовавшему войсками оренбургскаго военнаго округа генераль-адъютанту Крыжановскому о томъ, чтобы на леченіе раненыхъ въ послѣднихъ бѣгахъ денежный отпускъ былъ увеличенъ; объ офицерахъ и нижнихъ чинахъ, требующихъ особаго ухода и вниманія къ ихъ тяжкому раненію, немедленно представить ево величеству особыя именные списки и принять относительно тѣхъ лицъ всѣ тѣ чрезвычайныя мѣры, кои, по тщательномъ осмотрѣ, окажутся необходимыми. Къ этому государь велѣлъ добавить, что средства высылаются личнымъ ево величества распоряженіемъ; въ той же телеграммѣ, посланной за подписью военнаго министра генераль-адъютанта Дмитрія Алексѣевича Милютина, было предписано: «нынѣ войти съ подробнымъ представленіемъ соображеній о томъ, что необходимо предпринять для вѣрнѣйшаго обезпеченія чиновъ, пострадавшихъ въ томъ отдаленномъ краѣ отъ ранъ и увѣчій и лишившихся возможности впредь зарабатывать средства личнымъ трудомъ и службой своей».

Вслѣдствіе этого, заботами генерала Крыжановскаго и непосредственнымъ трудомъ приставленнаго къ этому дѣлу генеральнаго штаба подполковника Виталія Николаевича Троцкаго, всѣ раненые были соединены въ различныхъ курортахъ, тогда же созданныхъ въ удобныхъ для того мѣстахъ и въ здоровой мѣстности, удовлетворявшей всѣмъ требованіямъ климатическихъ условій и, сообразно съ тѣмъ, отвѣчавшей условіямъ правильнаго леченія.

По мѣрѣ улучшенія состоянія здоровья въ отношеніи собственно хода заживленія ранъ, больные, въ цѣляхъ улучшенія питанія организма и ускоренія для каждаго изъ нихъ возможности окрѣпнуть, были направляемы въ наново устроенныя и разсѣянныя по ввѣренному генералу Крыжановскому краю кумысолечебныя заведенія; они были оборудованы стараніями того же подполковника Троцкаго и имъ поставлены на такую ногу, что начавшійся пріѣздъ изъ Рос-

сіи больныхъ—худосочныхъ, туберкулезныхъ, анемичныхъ и вообще истощенныхъ—очень скоро разслабилъ эти заведенія и усилилъ наплывъ въ нихъ лицъ, жаждавшихъ восстановленія силъ, потерянныхъ отъ самыхъ разнообразныхъ причинъ и условій жизни.

Благодаря тому, что генераль-адъютантъ Крыжановскій отнесся къ этому важному дѣлу съ особымъ горячимъ участіемъ и принялъ на себя близкое личное руководство имъ,—не была пропущена забота о своевременномъ пополненіи громаднаго недостатка во врачахъ; хлопотами этого генерала край наводнился массой докторовъ, между которыми оказалось не мало искусныхъ, а главное самоотверженныхъ хирурговъ, беззавѣтно и всецѣло отдавшихъ дѣлу спасенія людей, жестоко пострадавшихъ въ борьбѣ съ дикими озвѣрѣвшими племенами ¹⁾.

Крайне благодѣтельными явились мѣры, принятыя тогда Дмитриемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ къ поощренію переѣзда молодыхъ врачей въ тотъ край и къ облегченію—дарованіемъ разнаго рода льготъ—ихъ служебнаго, а съ тѣмъ вмѣстѣ и жизненнаго положенія на той далекой окраинѣ.

Хотя болѣзненное состояніе изрѣзаннаго, исколотатаго, изрубленнаго и пронизаннаго пулями Кузьминскаго бросалось въ глаза, но все же онъ былъ особо выдѣленъ не сразу и не просто; понадобились крайне участливыя хлопоты о немъ въ Петербургѣ очевидца его лихихъ подвиговъ графа Воронцова-Дашкова и неустанныя указанія на мѣстѣ врача, предавашагося съ самозабвеніемъ и со всестороннимъ вниманіемъ заботамъ о леченіи молодого изувѣченнаго офицера-героя и объ уходѣ за нимъ. Врачъ этотъ безпрестанно представлялъ генералу Крыжановскому подробные доклады о ходѣ этого леченія; онъ обращалъ вниманіе генерала на то, какъ въ виду крайней сложности раненій, такъ и по ходу изнурявшей организмъ молодого человѣка болѣзни, болѣе и болѣе осложнявшейся, положеніе его являлось не только выходящимъ изъ ряда, но представлялось феноменальнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, а между прочимъ и въ научномъ. Нельзя, по словамъ врача, не поражаться, какъ больной еще живъ, какъ переноситъ ужасную болѣзнь свою; онъ такъ израненъ пиками, саблями и пулями, что нѣтъ въ немъ положительно ни одного органа цѣлаго, не задѣтаго и не поврежден-

¹⁾ Среднеазиатскій народъ всегда выказывалъ отчаянную храбрость, обусловливанную фанатизмомъ и поддерживавшуюся фатализмомъ; онъ дрался стойко, доходя въ своемъ упорствѣ до безумія. А въ то время онъ понялъ и почувствовалъ, что съ потерей такого оплота и такого убѣжища, какимъ являлся Джизакъ, онъ обрекаетъ дорогой ему край отдачь на разореніе ненавистнымъ войскамъ державы Бѣлаго царя; понятенъ проснувшійся въ немъ звѣрь, яростно защищающій насиженное вѣками логовище свое.

наго; это обусловило параличъ рукъ и ногъ, и лишь одно питаніе крѣпкаго въ основѣ организма идетъ въ такой степени удовлетворительно, что, цѣпляясь за это показаніе, врачи считали себя въ правѣ дѣлать выводъ о нѣкоторомъ отдаленномъ намекѣ на возможность излеченія или, скорѣй, улучшенія.

Но и то и другое, докладываль врачъ, возможно, по мнѣнію медиковъ, лишь при наличности всѣхъ медициной доставляемыхъ средствъ и клиническихъ приспособленій; только при научно обставленномъ леченіи возможна надежда на облегченіе тяжкихъ страданій этого искалѣченнаго человѣка и на сохраненіе его жизни. Кстати, такое клиническое леченіе можетъ и самой наукѣ дать массу матерьяла, — такъ какъ это крайне рѣдкій и исключительный случай въ медицинской практикѣ многихъ десятковъ лѣтъ.

Генераль Крыжановскій представляль государю обо всемъ слышанномъ имъ официально отъ врачей, дѣлаль это часто и, безъ сомнѣнія, широко пользовался для этого услугами телеграфа.

Получивъ массу донесеній, государь составилъ полное и ясное понятіе о томъ, что и какъ несчастный, угнетенный, изувѣченный больной, находившійся на краю гибели, переносить; а между тѣмъ еще возможно было его спасеніе.

Лучшіе петербургскіе врачи, съ которыми государь призналь нужнымъ поговорить и приказаль посоветоваться, доносили черезъ Дмитрія Алексѣевича Милютина свое заключеніе о томъ, что ни Москва, ни Петербургъ помочь бѣдѣ въ этомъ сложномъ дѣлѣ не смогутъ, — во-первыхъ, за неимѣніемъ того богатства, которое, въ клиническомъ отношеніи, могло бы дать гарантію возможности направленія хода болѣзни на путь благополучнаго теченія, а во-вторыхъ, — и это главное, — за невозможностью положиться на нашъ слишкомъ суровый и крайне измѣнчивый климатъ, который легко сразу, во всякую минуту можетъ въ конецъ испортить дѣло старательнаго, методическаго врачебнаго ухода. Все, по мнѣнію высказавшихся тогда врачей, должно было бы свестись къ тому, чтобы больной былъ перевезенъ въ Парижъ; въ этомъ можно было бы видѣть вѣрное ручательство спасенія его; но, не видя его, трудно что-либо заглазно сказать относительно возможности для него столь дальняго переѣзда. Поэтому надо въ этомъ дѣлѣ, для безошибочнаго рѣшенія его, положиться на врачей, имѣющихъ ближайшій за нимъ присмотръ, и предоставить имъ бережно перевезти несчастнаго пока хоть въ Вѣну, выяснивъ имъ, что желательнѣе всего было бы и конечною цѣлью должно явиться доставленіе страдальца въ Парижъ.

Въ началѣ января 1867 года послѣдовало приказаніе государя: «такъ и сдѣлать», тщательно принявъ при этомъ всѣ необходимыя мѣры предосторожности; «средствъ же вообще на это дѣло не жалѣть».

Разсказывая обо всемъ этомъ, Кузьминскій рѣшительно отказывался приложить даже малѣйшее стараніе къ тому, чтобы припомнить подробности своего длиннаго путешествія изъ Оренбургской губерніи въ Вѣну. Но онъ смутно припоминалъ себя въ Вѣнѣ, въ какой-то клиникѣ, въ которой ему довелось до нѣкоторой степени опомниться; съ этимъ, по его словамъ, совпало начало полученія чувствительнаго облегченія и прибавленія силъ; затѣмъ онъ также вспомнилъ то горькое чувство, которое овладѣло имъ, когда онъ, какъ-то случайно, узналъ о томъ, что вѣнскіе врачи ¹⁾ наотрѣзъ отказались взять его на свою отвѣтственность и порекомендовали отправитъ въ Парижъ, гдѣ научная обстановка клиникъ, лечебницъ и госпиталей могла бы дать все то, о чемъ въ Вѣнѣ въ ту пору не было и намека. Отдохнувъ въ столицѣ Австріи нѣсколько дней, пока врачъ, сопровождавшій его, спесся телеграммами съ начальникомъ штаба оренбургскаго военнаго округа, несчастный вновь почувствовалъ всѣ муки тяжелаго путешествія; съ того дня онъ помнитъ одно свое искреннее желаніе: какъ можно скорѣй умереть. Доктору и тремъ фельдшерамъ, ѣхавшимъ съ нимъ, Кузьминскій отдастъ полную справедливость, — они ухаживали за нимъ съ полнѣйшимъ заботливымъ стараніемъ, предупреждая всякую малѣйшую случайность, которая могла бы нарушить его покой и такъ или иначе утягичить его путешествіе, крайне мучительное само по себѣ.

Уже позднѣе Кузьминскій узналъ, что въ Парижъ онъ прибылъ въ день Благовѣщенія 25-го марта 1867 года, и собственно съ этого дня пошло для него болѣе спокойное проживаніе, а затѣмъ началось правильное, основанное на глубокихъ научныхъ познаніяхъ тамошнихъ врачей леченіе его сложныхъ недуговъ. Врачи, пользовавшіеся міровою извѣстностью, съ первыхъ же дней приняли въ больномъ, чуждомъ имъ офицерѣ горячее участіе; они прилагали всю свою энергію и всѣ знанія къ тому, чтобы неустанно облегчать его страданія. Этого мало, они поставили для себя задачей и вопросомъ чести возможно скорѣе приведеніе нарушившей все въ его организмѣ сложной болѣзни къ благополучному исходу.

Все здѣсь приводимое я разсказываю со словъ самого Кузьминскаго, при этомъ не могу пропустить, что болѣзнь, само собой разумѣется, въ сильной мѣрѣ отняла у него память, которая если и возвратилась, то лишь отчасти и гораздо позднѣе, — уже черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ относительнаго излеченія. Этимъ объясняется проявленіе въ его разсказахъ отсутствія наблюдательности и точности; онъ вспоминалъ все лишь въ общихъ чертахъ и, по большей части, безсвязно. Представлялось бы, безъ сомнѣнія, очень интереснымъ

¹⁾ По нѣкоторымъ даннымъ, обозначившимся позже, представителемъ ихъ тогда явился докторъ Думмрейхеръ—впослѣдствіи знаменитый хирургъ.

знать фамиліи вѣнскихъ и парижскихъ знаменитостей, приставленныхъ къ нему; оказывается, что онъ ихъ фамилій вовсе не могъ называть, онѣ исчезли изъ его ослабѣвшей памяти; такъ же точно онъ не запомнилъ, а потому никогда не упоминалъ фамиліи того нашего врача, который спасалъ его своимъ болѣе чѣмъ внимательнымъ уходомъ со дня полученія имъ ранъ, а затѣмъ своею настойчивостью и своевременностью своихъ заботливыхъ допесеній и предстательствъ передъ генераломъ Крыжановскимъ, въ концѣ концовъ, спасъ его тогда отъ вѣрной гибели, сохранивъ его жизнь, державшуюся много мѣсяцевъ на волоскѣ.

По нѣкоторымъ мало, однако, обоснованнымъ даннымъ это былъ докторъ Суворовъ, впоследствии военно-медицинскій инспекторъ туркестанскаго военнаго округа.

III.

Пріѣздъ въ Парижъ государя въ 1867 году.—Покушеніе Березовскаго на его жизнь.— Недостойное поведеніе парижскихъ адвокатовъ и французской печати по отношенію къ высокому «гостю» Франціи.—Сужденіе врача, который лечилъ Кузьминскаго.— Отношеніе министровъ Наполеона къ событію.

Приведа это необходимое поясненіе, считаю долгомъ добавить, что и въ дальнѣйшемъ разсказѣ своемъ я многое, касающееся Кузьминскаго, буду излагать прямо его словами, но, конечно, далеко не все.

Въ самомъ началѣ мая, когда онъ, хотя далеко еще не чувствовалъ себя здоровымъ, но какъ бы началъ уже ко многому относиться сознательно, болѣе и болѣе подвигаясь къ тому, чтобы отдавать себѣ отчетъ во всемъ происходившемъ, докторъ-французъ, придя однажды къ нему для присутствованія при утренней перевязкѣ, сообщилъ съ первыхъ словъ, что, по свѣдѣніямъ, которыя онъ совершенно случайно получилъ изъ вполне освѣдомленныхъ кружковъ, «ожидается пріѣздъ въ Парижъ русскаго императора; его величество изъявилъ желаніе посмотрѣть всемірный городъ, взглянуть на нашу выставку и явиться гостемъ нашего императора».

Это сообщеніе произвело на больного такое впечатлѣніе, что самъ докторъ какъ будто испугался; внезапное полученіе разстроеннымъ человѣкомъ такого извѣстія, несказанно обрадовавшаго его, чуть не явилось причиной новаго сильнаго расстройства, а потому, въ глазахъ доктора, чуть не рушились всѣ надежды, поданныя неустанными трудами, положенными въ основаніе леченія и начинавшими давать благіе результаты; докторъ, сочтя свой поступокъ неумѣстнымъ и легкомысленнымъ, очень пожалѣлъ о томъ, что проявилъ такую неосмотрительность,

Обыкновенно при сильных нервных расстройствахъ, изводящихъ организмъ, а также при болѣзняхъ сердца, одинаково гибельно можетъ подѣйствовать на страдающаго этими расстройствами,—и большое горе, внезапно возвѣщенное, и сильная радость, неожиданно обозначившаяся.

«Правая сторона, начавшая у меня приходитъ въ нѣкоторое, близкое къ нормальному, движеніе, —разсказывалъ Кузьминскій, —вдругъ опять отнялась отъ волненія, которое сначала какъ будто вовсе не показалось очень сильнымъ; надо было видѣть, въ какое отчаяніе впалъ докторъ при дальнѣйшихъ, ясно для него обозначившихся ухудшеніяхъ.

«Видимо, задавъ себѣ задачу во что бы то ни стало укрѣпить мой разбитый организмъ и, если не исцѣлить меня, то въ возможной скорости облегчить мои страданія, докторъ, дѣйствительно, горячо принявъ къ сердцу это ставшее для него обязательнымъ дѣло, считая, что тѣмъ или инымъ разрѣшеніемъ его онъ ставитъ, какъ въ вопросѣ чести, на карту все, независимо отъ какихъ бы то ни было формальныхъ къ тому побужденій, а тѣмъ болѣе понужденій.

«Съ большимъ любопытствомъ слушалъ я извѣстія и разговоры о предстоящемъ пріѣздѣ государя въ Парижъ,—говорилъ Кузьминскій.—Докторъ сначала рѣшилъ не сообщать мнѣ дальнѣйшихъ новостей, такъ какъ боялся моихъ первовъ, которые были не только въ сильной степени разстроены, но, попросту сказать, истрепаны. Какъ-то въ разговорѣ, всегда съ его стороны любезномъ и ласковымъ, онъ сказалъ: «Напугали вы меня, а потому не хотѣлъ я вамъ ничего сообщать о вашемъ императорѣ; слишкомъ близко къ сердцу русскіе принимаютъ все касающееся ихъ царя, но боюсь, какъ бы не вышло хуже. О! я только теперь узналъ, какъ можно любить своего монарха и какъ любить его подданные, когда онъ дѣлаетъ все къ тому, чтобы имъ хорошо жилось, и когда онъ печется о нихъ неустанно,—какъ это дѣлаетъ на глазахъ всего міра императоръ Александръ II.

«Прежде всего этотъ докторъ былъ французъ до глубины души и до мозга костей; поэтому не въ его силахъ было удержаться отъ сообщенія всякихъ новостей и отъ свойственной этой націи привычки къ аффекту; во всемъ этомъ онъ не принадлежалъ себѣ.

«На третій или на четвертый день по пріѣздѣ государя во всемірную столицу докторъ съ большимъ оживленіемъ и волненіемъ сообщилъ о томъ, что государь собирается заѣхать въ больницу, дабы повидать «своего паціента».

«Иначе, какъ «паціентомъ царя», докторъ меня не называлъ.

«Скоро это извѣстіе заглушилось разными другими сообщеніями, главнымъ же образомъ и больше всего проникавшими съ улицы въ госпиталь разсказами о произведенномъ тогда покушеніи на жизнь государя. Все померкло передъ этимъ событіемъ; не

только мой докторъ, но и вообще все врачи больницы, фельдшера, сестры милосердія и служители очень волновались, передавая разные подробности гнусной продѣлки безумнаго юноши, который оказался полякомъ, по фамиліи Березовскимъ. Докторъ, особенно возмущаясь поступкомъ мальчишки, съ тѣмъ вмѣстѣ по-своему преклонялся передъ величіемъ государя.

«—Знаете ли,—разсказывалъ докторъ на разные лады:—царь насколько не потерялся, ходитъ всюду одинъ, отказывается отъ какой бы то ни было охраны и старается только о томъ, чтобы сыновья его—цесаревичъ Александръ и великій князь Владимиръ, не были при немъ во время его прогулокъ по улицамъ и при посѣщеніи имъ общественныхъ мѣстъ; онъ опасается лишь того, что при новомъ покушеніи на его жизнь они могутъ вновь подвергнуться опасности. А можетъ ли быть новое покушеніе? Застрахованнымъ противъ этого царь, къ стыду нашему, врядъ ли можетъ себя считать. О! нѣтъ, нѣтъ,—горячился французъ:—помилуйте, наши министры представлялись ему въ Елисейскомъ дворцѣ и не нашли лучшаго разговора, какъ выражать царю въ глаза свое удивленіе по поводу того, что онъ рѣшается ходить по улицамъ Парижа одинъ, безъ всякой охраны!

«Наша судьба, какъ и все, находится въ рукахъ Промысла Божія», отвѣтилъ имъ царь.—И это очень поучительно. Да, —говорилъ докторъ съ большимъ воодушевленіемъ,—царь во всѣхъ отношеніяхъ поражаетъ своимъ величіемъ; ни на одинъ часъ онъ не сократилъ предназначеннаго имъ срока пребыванія своего въ гостяхъ у Наполеона и у насъ—у Франціи, ни на іоту не измѣнилъ намѣченнаго имъ строя своей жизни здѣсь. Мы не дали ему ни малѣйшаго основанія вѣрить въ насъ; но онъ съ великимъ, свойственнымъ ему благородствомъ души, старается вѣрить; если же это ему не удастся, то онъ, во всякомъ случаѣ, заглушаетъ это глубокою вѣрою въ охрану Промысла Божія. Онъ не нашелъ нужнымъ нисколько измѣнить въ себѣ ничего въ такую минуту и при тѣхъ обстоятельствахъ, когда гостепріимные хозяева столицы великой Франціи не могутъ приложить заботу къ огражденію такого гостя своего отъ оскорбленій, безпрестанно наносимыхъ ему не только малодушными людьми улицы, но и болѣе солидными, стыдно сказать, членами общества. Правда, все это представляется слишкомъ мелочнымъ для царя, который великъ своимъ снисхожденіемъ; онъ умѣетъ стать и стоять выше всего этого; но это никоимъ образомъ не возвышаетъ тѣхъ гражданъ, которые, встрѣчая дорогого и почетнаго гостя мирно входящимъ въ какой-либо музей, пантеонъ, во дворецъ юстиціи или во дворецъ, отведенный для его пребыванія,—съ озвѣрѣніемъ бросаютъ ему бессмысленный упрекъ въ видѣ избитой, стремящейся задѣть его фразы: «да здравствуетъ Польша!» Не простые уличные мальчишки дѣлаютъ это, —разсказывалъ докторъ,

а такіе люди, которые должны быть и считаются людьми дѣла, науки, идеи; ушодобляясь уличнымъ бездѣльникамъ, они поносятъ, унижаютъ и грязнятъ оскорбленіемъ званіе французскаго гражданина и обликъ честнаго человѣка. Посмотрите, при входѣ императора всероссійскаго въ судъ, въ домъ правосудія (palais de justice), нѣсколько человѣкъ силятся оскорбить его этими возгласами, при чемъ оказываются они представителями высокаго, во всѣхъ странахъ пользующагося большимъ почетомъ сословія адвокатовъ! Можетъ ли служить намъ утѣшеніемъ то, что государь не подозреваетъ истиннаго общественнаго положенія ихъ и, быть можетъ, принимаетъ ихъ за какихъ-нибудь безпутныхъ людей, не тронутыхъ ни восхитаніемъ, ни образованіемъ, ни—главное—обязательностью и для нихъ честью!»

«Такими и подобными простыми сужденіями почтенный докторъ пересыпалъ свои ежедневные разговоры и бесѣды въ часы осмотра и перевязыванья больныхъ.

«— А печать,—говорилъ онъ:—загляните въ наши журналы и газеты, какъ и чѣмъ они угощаютъ гостя! Ихъ понятія представляются совершенно неизменными; они не могутъ постичь настоящаго положенія, не понимаютъ того, что въ настоящую минуту царь является гостемъ великой націи французской; а вѣдь печать обязана являться отголоскомъ понятій, сужденій и чувствъ народа. Какого сорта благородство по отношенію къ царю проявляютъ органы этой печати! Вспоминая слова государя о томъ, что Промысломъ Божиимъ охраняются правители народовъ такъ же, какъ и всѣ и все, можно выразить пожеланіе, чтобы этотъ же Божій Промыселъ, въ премудрости своей, не допустилъ на его свѣтлыя царскія очи нашихъ газетъ, роняющихъ себя до уровня простыхъ уличныхъ листовъ, вовсе не отличающихся даже намекомъ на нравственную чистоту, ужъ не говоря о солидности и рыцарствѣ!

«Какимъ живымъ укоромъ служить имъ то, что сыны той самой Польши, именовъ которой они силятся оскорбить царя, сами отъ себя, по своей благородной инициативѣ, представили Наполеону адресъ съ живымъ протестомъ противъ преступнаго покушенія Березовскаго, котораго они искренно считаютъ отщепенцемъ, а себя стыдятся считать солидарными не только съ его продѣлкой, но и съ нимъ вообще. Будьте добры, прочтите въ «Moniteur» имена этихъ благородныхъ людей—имена сыновъ Польши, — продолжалъ докторъ:—сердца ихъ немало наболѣли и продолжаютъ болѣть изъ-за того положенія, которое досталось въ удѣлъ ихъ великой родинѣ,—однако они успѣли въ этихъ наболѣвшихъ сердцахъ съ полнымъ разумомъ разграничить, что такое историческій ходъ событій, приведшихъ ихъ отчизну къ печальному положенію, и что такое представляетъ собой образъ великаго царя, только что

снявшаго оковы съ миллионовъ населенія своей державы, а въ данный моментъ явившагося гостемъ Франціи. Прочтите имена представителей Польши, далеко не доверлившей своего прекраснаго прошлаго, своей прекрасной исторіи и далеко не отказывающейся отъ дальнѣйшаго хода ея. Вотъ списокъ этихъ именъ: Платеръ, Лангевичъ, Александровичъ, Рупрехтъ, Савинскій, Веромскій, Анборскій, Кисенловскій, Получисскій; съ какимъ открытымъ благородствомъ они довели о своемъ протестѣ до свѣдѣнія хозяина Франціи—Наполеона!

«Съ другой стороны, какъ благородно они выражаютъ свой протестъ черезъ посредство газеты «Temps». Съ какою ясностью они укоризненно подчеркиваютъ въ обращеніи своемъ къ ней то обстоятельство, что она, вмѣстѣ съ такими органами печати, какковы «Opinion», «Nationale», «Siècle», умалчивая о самомъ актѣ покушенія безголоваго мальчишки, поддерживаетъ и не только оправдываетъ, но и восхваляетъ поведеніе наглецовъ, рѣшающихся дѣлать царю дерзкую встрѣчу, чуть ли не въ минуту входа его въ православную церковь для принесенія молитвы передъ престоломъ Всевышняго, къ Которому онъ съ горячѣй вѣрой обращается и съ неимовѣрной трогательностью отдаетъ всего себя.

Вспомняя всѣ эти рассказы своего доктора, Кузьминскій приходилъ въ восторгъ и умиленіе отъ такого благороднаго отношенія его къ Россіи и къ нашему великому государю. Цѣня въ докторѣ симпатичныя и сочувственныя заключенія его, онъ не могъ, однако, сладить съ тѣмъ, чтобы опредѣлить, насколько вообще благожелательныя Россіи и ея царю сужденія доктора были вѣрны съ фактической стороны: проболѣвъ столько времени, онъ не сумѣлъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что происходило; газетъ ему давно не доводилось читать, а все прочитанное когда-нибудь прежде, несомнѣнно, оказалось позабытымъ.

Поэтому поверхностно выхваченные французомъ-докторомъ факты онъ считалъ непреложно вѣрными; не замѣчая ихъ дѣтской наивности, онъ принималъ на вѣру, будто бы неизменныя въ разсказѣ доктора полячки были изъ числа такихъ представителей, подписи которыхъ подъ адресомъ имѣли какое-либо значеніе, а самый текстъ адреса могъ оказаться цѣннымъ выраженіемъ правдивыхъ чувствъ сыновъ Польши.

Онъ восторгался, но такъ же, какъ и докторъ, не зналъ и не могъ знать о томъ, что настоящіе, вліятельные поляки передъ прибытіемъ ихъ законнаго государя въ столицу Франціи демонстративно скрылись изъ нея, посѣявъ ту позорную программу, которая во время ихъ отсутствія исполнялась въ мелочахъ противъ особы цря по ихъ настоянію. Ни докторъ, ни Кузьминскій не

знали и рѣшительно не могли сообразить того, что люди, подписавшіеся подъ адресомъ и подъ письмомъ къ редактору газеты «Temps», были отчасти сжившіеся съ Франціей профессора, учителя и вообще дѣятели польскихъ школъ, открытыхъ въ Парижѣ на счетъ мутившихъ противъ Россіи французскихъ состоятельныхъ людей, — остальные же въ большинствѣ пройдохи, собравшіеся подъ крыло бывшего самозваннаго диктатора Лангевича, соучастники только что тогда усмиреннаго послѣдняго мятежа, чуть ли не жандармы-вѣшатели, благополучно ускользнувшіе въ свое время отъ нашихъ войскъ, преслѣдовавшихъ и разсѣивавшихъ крамольно дѣйствовавшія мятежныя шайки.

Не получивъ ни малѣйшей возможности дать собѣ отчетъ во всемъ этомъ, ни Кузьминскій, ни докторъ, ни многіе другіе, искренно и наивно вѣрившіе тому, будто бы тѣ люди являлись честными и правдивыми сынами Польши, не могли добраться и до смысла самаго адреса, а между тѣмъ въ немъ тѣ сыны, въ сущности, опять дерзко подносили и царю и его здравомыслящимъ подданнымъ старое, избитое, порожденное ихъ тупоуміемъ оскорбленіе, подчеркивавшее долгъ и обязанности Россіи возвратить вѣроломной, мятежной Польшѣ ни больше, ни меньше, какъ все земли, заключавшіяся когда-то въ границахъ «крулества» между Балтійскимъ и Черными морями... ¹⁾.

Ясно было, что наводнявшіе Францію поляки, своими несолидными и имѣвшими мало общаго съ честью искательствами, проявили тогда большое умѣнье и искусство въ дѣлѣ возбужденія сочувствія къ своимъ поступкамъ, какъ будто выражавшимъ передъ Наполеономъ брезгливость по отношенію къ тому, что взялъ на себя юный безмозглый полячокъ; эти поляки, лукаво упоминая о томъ, что ни царь, ни Россія не хотятъ внимать покаянію ихъ, привлекали будто бы вниманіе сочувствовавшихъ намъ сердецъ, а въ сущности, черезъ ихъ посредство, вербовали большее и большее число враговъ державы царя.

Навсегда останется непонятнымъ, какъ среди французовъ, ополчившихся противъ Россіи въ защиту поляковъ, почти не находилось людей, которые, по зрѣломъ размысленіи о томъ, чѣмъ собственно Польша заслуживала ломанья копій изъ-за нея, могли бы понять ужасъ противорѣчія, въ которое сами они впадали: защищая Польшу, они поощряли и поддерживали принципы, отвергнутые, затоптанные и забракованные людьми 89-го и 93-го годовъ, а силясь оскорбить царя—гостя Франціи—въ сущности дѣлали это по отношенію къ царю-человѣку, только что передъ тѣмъ добровольно и великодушно разорвавшему такія самыя рабскія цѣпи,

¹⁾ Пресловутыя границы 1772 года.

какія ихъ предки въ тѣ годы хода великой революціи усиливались разорвать, проливая на баррикадахъ свою «дорогую» кровь.

И вотъ эта Франція второй половины XIX столѣтія, со своимъ проходимцемъ императоромъ, упрямо брала подъ свою защиту топтанье «великихъ» принциповъ, топтанье, которое открыто, но крайне лукаво, практиковала польская нація, закусившая удила «въ придавливаньи личности вообще, на основахъ сословныхъ привилегій и широкаго «ультрамонтанства».

Какъ прекрасно все это чувствовалъ и сознавалъ императоръ Александръ II и какъ терпѣливо, по-христіански онъ сносилъ все это передъ лицомъ всего міра! Кому неизвѣстно, какъ онъ былъ готовъ каждую минуту снизойти къ примиренію съ этой націей и какъ тщетно онъ ожидалъ въ пей замѣны вѣроломства чистою искренностью, подобною той, которая переполняла все помышленія и чувства его высокоблагородной натуры.

Продолжаю рассказъ Кузьминскаго о наивныхъ, но не менѣе честныхъ, разговорахъ француз-доктора.

Равнодушно и хладнокровно офиціозная трибунальная газета сообщила о дерзости господъ адвокатовъ и подтвердила, что совершить ее они вышли «въ присвоенной имъ судебной формѣ». Оказывается, что они не погнушались для своей малодушной продѣлки надѣть на себя атрибуты своихъ присяжныхъ, священныхъ обязанностей.

Одна лишь газета «Раусъ», на другой день послѣ покушенія, нашла нужнымъ и сумѣла сказать гостю Франціи нѣсколько благородныхъ и въ высшей степени симпатичныхъ словъ утѣшенія; она обратилась къ царю съ такой просьбой: «Государь, не судите Франціи по тому, что происходило здѣсь вчера!»

Если государь, хотя немного вдавался въ огорченіе по поводу тѣхъ оскорбленій, которыми безумцы, съ назойливостью мелкой мошки усиливались ему досадить и отравить время пребыванія въ нашей столицѣ, то онъ все-таки увидѣлъ не мало утѣшенія во многомъ, что проявлялось со стороны благомыслящихъ людей, умѣвшихъ уважать себя и относиться съ достоинствомъ ко всему, касавшемуся великаго царя великой державы.

— Завтра, о! завтра будетъ для насъ особый день,—сообщилъ докторъ 28-го мая со свойственнымъ французамъ азартомъ:—завтра императоръ россійскій посѣтитъ нашу больницу; онъ выразилъ желаніе навѣстить своего пациента, дабы не только повидать его вообще, но и посмотреть, какъ мы его оберегаемъ и лечимъ.

IV.

Осмотръ государемъ больницъ и казармъ въ Парижѣ.—Посѣщеніе раненаго Кузьминскаго.—Упущеніе, обнаружившееся передъ тѣмъ.—Нашъ посолъ Будбергъ.—Военный агентъ князь Витгенштейнъ.—Разсказъ его помощника Джуліани.—Наши заграничныя миссіи сорокъ лѣтъ назадъ.

Во всѣхъ большихъ русскихъ газетахъ послѣднихъ дней мая 1867 года была напечатана изъ Парижа отъ 29-го числа телеграмма, въ которой Сѣверное агентство сообщало о томъ, что «государь императоръ Александръ Николаевичъ въ тотъ день осматривалъ парижскія больницы и казармы».

Это случилось черезъ три дня послѣ покушенія Березовскаго на жизнь государя; поэтому русская публика, ловившая въ печати подробности извѣстій объ ужаснувшемъ Россію и весь міръ событіи, врядъ ли обратила вниманіе на сообщеніе объ осмотрѣ больницъ; она не показала интереса къ этой вѣсти, тѣмъ болѣе, что на краткомъ сообщеніи объ этомъ посѣщеніи всѣ свѣдѣнія рѣшительно оборвались; подробностей не было дано ни тогда, ни послѣ.

«29-го мая, среди дня, императоръ Александръ Николаевичъ дѣйствительно доставилъ намъ счастье посѣщеніемъ нашей больницы,—разсказывалъ Кузьминскій:—я ожидалъ этого посѣщенія не только съ большимъ нетерпѣніемъ, съ большой радостью, но и съ большимъ смущеніемъ; меня, между прочимъ, неотступно занимала мысль о томъ, какъ я, въ моментъ этого посѣщенія, встану передъ государемъ; меня просто безпокоило то, что я принужденъ буду оставаться въ томъ положеніи, въ которомъ нахожусь по цѣлымъ днямъ уже съ самаго начала леченія; дѣло въ томъ, что особенности моихъ ранъ, поразившихъ, главнымъ образомъ, спинной хребетъ, обусловили необходимость такъ называемаго подвѣшенья меня на обручахъ; это единственное положеніе, при которомъ, въ подобныхъ случаяхъ, всѣ манипуляціи хирургическаго леченья могли производиться совершенно свободно и безпрепятственно. Смущеніе, овладѣвшее мною, конечно, зависѣло отъ угнетенности нервнаго состоянія моего; будь я здоровъ, я понималъ бы, что государь, всегда въ самой высокой степени снисходительный, найдетъ бы возможнымъ оказать снисхожденіе и той позѣ, въ которой я вынужденъ былъ его встрѣтить при его посѣщеніи.

«Смутно припоминаю я,—разсказывалъ Кузьминскій:—какъ государь, котораго я привыкъ видѣть только въ военной формѣ, вошелъ къ намъ въ штатскомъ сюртукѣ; его сопровождали нѣсколько человѣкъ, изъ коихъ двое-трое были одѣты во французскіе мундиры, остальные пришли также въ штатскомъ платьѣ. Я никого изъ нихъ не зналъ и потому рѣшительно на всѣхъ смотрѣлъ безразлично;

это, впрочемъ, не могло быть иначе даже и въ томъ случаѣ, если бы я кого-нибудь изъ нихъ и зналъ,—государь, конечно, всѣхъ затмевалъ, и мое вниманіе всецѣло приковывалъ къ своей фигурѣ; не до разсматриванья другихъ было мнѣ въ тѣ незабвенныя минуты.

«Поздоровавшись съ докторомъ, котораго одинъ изъ военныхъ французовъ представилъ, государь, со своей безконечно пріятливой улыбкой, сказалъ ему:

«— Я пришелъ осмотрѣть ваше заведеніе; съ тѣмъ вмѣстѣ прошу дозволенія взглянуть на раненаго офицера, котораго я направилъ въ столицу Франціи искать чудеснаго исцѣленія во всемірномъ городѣ чудесъ.

«Докторъ тотчасъ же разсыпался въ массѣ поклоновъ; видимо, государь, сразу очаровалъ француза.

«— Поддается ли мой больной вашему искусству?—спросилъ государь и, получивъ кучу отвѣтныхъ фразъ, сказалъ:

«— Я очень радъ случаю васъ лично поблагодарить; а теперь, повидавъ васъ, больного и всю обстановку, въ которую онъ здѣсь попалъ, могу сказать вамъ, что я выйду отсюда вполне спокойнымъ за дальнѣйшую участь моего израненнаго героя. Я также очень доволенъ тѣмъ, что удалось повидать тебя; я непременно хотѣлъ также лично поблагодарить тебя за твою службу, которая завершилась геройскимъ подвигомъ, во всѣхъ подробностяхъ мнѣ извѣстнымъ и меня много порадовавшимъ. Помогли, Господи, тебѣ поправиться

«Помолчавъ немного, государь спросилъ: «Чего ты желалъ бы въ дальнѣйшемъ?» При этомъ государь протянулъ мнѣ руку, а въ отвѣтъ на мои несвязно произнесенныя слова о томъ, что у меня есть одно лишь желаніе; имѣть счастье до конца жизни служить ему беззавѣтно, государь нагнулся, поцѣловалъ меня въ лобъ и сказалъ:

«— Конечно, это такъ и будетъ; повторяю, далъ бы Господь тебѣ только скорѣе выздороветь; объ этомъ докторъ, въ руки котораго тебѣ посчастливилось попасть, приложить всѣ свои мудрыя заботы, а мы вмѣстѣ съ тобой будемъ молить Всевышняго.

«Сказавъ это, государь опять обратился къ доктору и, снова пожавъ ему руку, произнесъ:

«— Я боюсь обезсилить больного и потому долго оставаться у васъ не буду; теперь вы покажете мнѣ ваше заведеніе, а потомъ кто-нибудь изъ моихъ объяснитъ вамъ все, что я здѣсь вынужденъ былъ говорить на своемъ, непонятномъ для васъ, языкѣ.

«— Джуліани,—сказалъ государь, обратившись къ одному изъ находившихся при немъ, совершенно молодому человѣку,—ты расскажешь доктору дословно обо всемъ, что я здѣсь говорилъ и что случится мнѣ еще говорить по-русски при осмотрѣ больницы.

«— Благословить тебя Господь, — сказалъ государь, вновь подавъ мнѣ руку, а затѣмъ перекрестилъ меня и поцѣловалъ въ голову.

«Докторъ, видя все это, расчувствовался и, какъ потомъ не разъ со слезами на глазахъ говорилъ, едва удержался отъ того, чтобы не разрыдаться».

Вотъ все, что сохранилось у Кузьминскаго сравнительно въ связанной формѣ изъ его воспоминаній объ этомъ, какъ онъ всегда говорилъ, «великомъ въ его жизни днѣ».

Много онъ еще рассказывалъ отрывочнаго; кое-что я постараюсь привести при случаѣ въ своемъ мѣстѣ, а здѣсь нахожу болѣе подходящимъ изложить, въ возможно сжатомъ видѣ, то, что мнѣ довелось впоследствии не разъ слышать именно отъ того самаго Джуліани, которому государь, движимый всегда и во всемъ высокою степенью деликатности, заботливо поручилъ поставить доктора въ извѣстность обо всемъ произнесенномъ имъ въ больницѣ.

Джуліани, Владимиръ Юліевичъ, въ то время былъ поручикомъ гвардейской конно-артиллерійской бригады и состоялъ въ прикомандированіи къ нашей миссіи въ Парижѣ въ качествѣ помощника нашего военнаго агента; должность агента въ то время занималъ флигель-адъютантъ полковникъ свѣтлѣйшій князь Эмануилъ Людвиговичъ Зейнъ-Витгенштейнъ-Берлебургъ; за время пребыванія государя въ Парижѣ онъ получилъ орденъ св. Владимира 3-ей степени и произведенъ въ генераль-майоры съ назначеніемъ въ свиту его величества, а Джуліани былъ произведенъ въ штабс-капитаны и награжденъ орденомъ св. Владимира 4-ой степени.

Я лично въ то время, только что выпущенный (1866 г.) изъ Михайловскаго артиллерійскаго училища, служилъ въ арміи—подпоручикомъ въ третьей конно-артиллерійской бригадѣ, стоявшей въ царствѣ Польскомъ въ городѣ Радинѣ Сѣдлецкой губерніи; черезъ два съ половиною года послѣ того я былъ переведенъ въ гвардейскую конную артиллерию (1868 г.)—въ третью батарею, которая, со времени польскаго возстанія 1863 года, была расположена въ Варшавѣ въ Лазенкахъ. Такимъ образомъ, пришлось мнѣ сдѣлаться сослуживцемъ В. Ю. Джуліани по бригадѣ; хотя онъ собственно въ строю въ то время уже не состоялъ, но числился въ бригадѣ, носилъ ея славный мундиръ, бывалъ въ ней въ Петербургѣ и связи съ сослуживцами не терялъ, а при частыхъ, по дѣламъ службы, изъ Франціи въ Россію поѣздкахъ неизмѣнно каждый разъ оставался въ Варшавѣ у нихъ.

Прошли года; Джуліани, оставивъ военную службу, занимался обширными частными дѣлами своими; мнѣ случалось съ нимъ нерѣдко встрѣчаться, при чемъ онъ не разъ въ своихъ рассказахъ касался всегда занимавшаго меня трогательнаго эпизода посѣщенія

императоромъ Александромъ Николаевичемъ больницы въ Парижѣ и пребыванія государя въ этомъ чудномъ городѣ вообще.

Джуліани, къ слову сказать, вообще говорилъ очень красно, отличался большою наблюдательностью, начитанностью и считался человѣкомъ прекрасно образованнымъ. Языки французскій, англійскій, нѣмецкій и итальянскій онъ зналъ въ совершенствѣ.

Вотъ, съ нѣкоторыми пропусками, рассказъ, записанный мною тогда за нимъ:

«20-го мая 1867 года государь пріѣхалъ въ Парижъ и былъ встрѣченъ на дебаркадерѣ Сѣверной желѣзной дороги Наполеономъ III, который прибылъ на вокзалъ въ сопровожденіи маршала Канробера, всѣхъ министровъ, съ тогдашнимъ министромъ внутреннихъ дѣлъ Реньо во главѣ, а также начальника города Парижа барона Османа (Hausmann) и другихъ лицъ

«Занимавшій тогда постъ російскаго посла въ Парижѣ баронъ Андрей Ѳедоровичъ Будбергъ выѣзжалъ для встрѣчи государя на границу Французской имперіи. На Сѣверный вокзалъ выѣзжалъ также весь составъ высшихъ чиновъ нашего посольства вмѣстѣ съ пріѣхавшимъ въ Парижъ за два дня до пріѣзда его величества шефомъ жандармовъ графомъ Петромъ Андреевичемъ Шуваловымъ; къ этимъ лицамъ присоединился военный агентъ князь Витгенштейнъ, пригласившій съ собой и меня.

«Съ государемъ прибыли также великіе князья: наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и Владимиръ Александровичъ, а также министръ двора, командовавшій императорской главной квартирой, завѣдывавшій военно-походной государевой канцеляріей генераль-адъютантъ графъ Александръ Владимировичъ Адлербергъ.

«Въ тотъ же день мы представлялись государю въ Елисейскомъ дворцѣ, гдѣ его величеству и великимъ князьямъ были отведены апартаменты.

«Здѣсь случилось нѣчто такое, что потомъ долго оставалось крайне непріятнымъ для барона Будберга, а отчасти и для князя Витгенштейна. Государь спросилъ:

«— Гдѣ лечится уланскій офицеръ Кузьминскій, присланный сюда по моему распоряженію оренбургскимъ генераль-губернаторомъ генераль-адъютантомъ Крыжановскимъ?

«Ни тотъ, ни другой не могли дать на это отвѣта; я тоже не имѣлъ объ этомъ понятія. Государь, видя общее смущеніе, сказалъ со всегдашнею, отличавшею его лаской:

«— Вѣрно, еще не успѣли дать вамъ о немъ свѣдѣній. Ты узнай,— обратился государь ко мнѣ,—и доложи подробно барону.

«Не прошло и получаса, какъ я уже имѣлъ всѣ свѣдѣнія черезъ Османа; очень досадно было, что раньше эти обстоятельства оста-

лись неизвѣстными намъ. Еще больше мы досадовали, когда оказалось, что въ посольствѣ имѣлись свѣдѣнія объ этомъ отъ врача, по фамиліи, насколько я припоминаю,—сказалъ Джуліани,—Суворова, сопровождавшаго раненаго и сдавшаго его въ больницу на излеченіе. Онъ, явившись весной въ посольство, оставилъ объ этомъ увѣдомленіе, которому, къ сожалѣнію, не дали значенія. Ничего не всплыло бы до тѣхъ поръ, пока у бѣдняги раненаго не явилась бы какая-либо нужда, съ которой ему пришлось бы обратиться въ посольство. Нужно полагать, что тогда ее удовлетворили бы съ грѣхомъ пополамъ, а затѣмъ забыли бы или спохватились бы объ ней только въ случаѣ его смерти, когда мѣстные власти, поневолѣ, принуждены были бы искать содѣйствія посольства въ столь важный моментъ по такому серьезному дѣлу.

«Что дѣлать, надо признаться, въ нашихъ заграничныхъ миссіяхъ вообще, если служащіе, быть можетъ, и переживаютъ съ большимъ вниманіемъ все относящееся до лежащихъ на нихъ обязанностей по части служебно-дипломатической, то ко всему касающемуся нуждъ частныхъ лицъ русскихъ поданныхъ вниманія искать не приходится, такъ какъ все равно его не найти. Правда, для этихъ нуждъ и дѣлъ должно быть по закону приспособлено не само посольство, а подвѣдомственное и частью подчиненное ему консульство, но и въ немъ вообще тщательнаго удовлетворенія всевозможныхъ частныхъ искательствъ по нуждамъ, нерѣдко вопіющимъ, врядъ ли можно спрашивать съ надеждами на полученіе болѣе или менѣе осязательныхъ результатовъ съ смысломъ успѣшности».

Такое мнѣніе и такія сужденія сорокъ пять лѣтъ тому назадъ не стѣсняясь высказывалъ человѣкъ, которому, такъ или иначе, пришлось окунуться въ жизнь нашего заграничнаго представительства и нѣсколько лѣтъ прожить въ средѣ лицъ, служившихъ въ немъ. Не хотѣлось бы вѣрить, чтобы могло быть такъ, а не вѣрить нельзя. Неприятность этого случая совершенно загладилась и прошла безслѣдно, конечно, лишь благодаря безконечной снисходительности государя.

Когда ему доложили, гдѣ и въ какой обстановкѣ находится раненый, его величество сказалъ:

— Въ такомъ случаѣ къ числу мѣсть, которыя намѣчено мнѣ показать, надо добавить больницы; передайте объ этомъ Канроберу, онъ, въ полной мѣрѣ любезно, предложилъ мнѣ посѣтить казармы,—это будетъ кстати.

Такъ вышло, что государь рѣшилъ сдѣлать осмотръ больницъ; днемъ же осмотра его величество назначилъ 29-ое число.

Больница, о которой идетъ рѣчь, помѣщается недалеко отъ Университетской набережной, въ Латинскомъ кварталѣ, въ улицѣ Бакъ. Не мало удивило всѣхъ то обстоятельство, что въ назначен-

ный день и часъ государь, съ полнѣйшей довѣрчивостью, пріѣхалъ туда одинъ, въ то время, когда всѣ лица, коимъ было назначено присутствовать при осмотрѣ, уже собрались и ожидали на мѣстѣ.

Въ числѣ этихъ лицъ были: занимавшій постъ парижскаго воинскаго генераль-губернатора маршалъ Канроберъ, префектъ парижской полиціи Пьетри, префектъ департамента Сены баронъ Гаусманъ, старшій медицинскій инспекторъ городскихъ врачевныхъ заведеній, одинъ изъ высшихъ чиновъ полиціи Латинскаго квартала, а также наши — посолъ баронъ Будбергъ, графъ Адлербергъ, графъ Шуваловъ, князь Витгенштейнъ и я.

Государь съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ въ тотъ день три больницы и пять казармъ, при чемъ, — несмотря на то, что очень утомился, — сдѣлалъ массу замѣчаній обо всемъ найденномъ имъ достойнымъ вниманія и не прекратилъ своихъ посѣщеній до тѣхъ поръ, пока не осмотрѣлъ все намѣченное. Послѣ осмотра первой казармы государь сказалъ князю Витгенштейну:

— Запиши все, на что мы обратимъ вниманіе, не пропусти ничего, здѣсь очень много поучительнаго можно заимствовать; надо будетъ потомъ переслать, вмѣстѣ съ другими твоими донесеніями, въ главный штабъ для передачи Дмитрію Алексѣевичу ¹⁾.

V.

Посѣщеніе государемъ оперы.—Допросъ Березовскаго слѣдователемъ.—Участіе въ немъ французскихъ мяштровъ.—Руэра и Бароша.—Приглашеніе графа П. А. Шувалова къ участію.—Поведеніе Наполеона III.—Баль, данный государемъ въ русскомъ посольствѣ.—Разсказъ шталмейстера Фирлона Рембо.—Награжденіе его государемъ и Наполеономъ.—Заботы государя о Кузьминскомъ.—Государь объ умѣтности и своевременности коронованія Франца-Иосифа венгерскою короною.—Государь о судьбѣ Максимилиана и о вмѣшательствѣ Наполеона въ дѣла Мексики.—Рембо о Чисельгерстѣ.

Дня черезъ два послѣ осмотра казармъ и больницъ былъ назначенъ отъѣздъ государя изъ Парижа. Со всегдашнимъ громаднымъ вниманіемъ своимъ, государь, — какъ рассказывалъ Джуліани, — не упустилъ назначить и посольству, и чинамъ военнаго представительства часы прощанія передъ отъездомъ. Приблизительно за часъ до времени, назначеннаго для прощальнаго представленія, всѣ собрались въ Елисейскомъ дворцѣ и сгруппировались возлѣ шефа жандармовъ графа Петра Андреевича Шувалова. Онъ долженъ былъ сопровождать государя въ его обратномъ путешествіи и хотѣлъ въ дорогѣ представить его величеству докладъ обо всемъ,

¹⁾ Военному министру генераль-адъютанту Милютину, продолжавшему въ тѣ времена заниматься усиленной передѣлкой всего нашего въ военной системѣ на французскій ладъ.

что оказалось по дѣлу покушенія, но за два дня до отъѣзда государь сказалъ ему:

— Обо всемъ этомъ ты мнѣ расскажи лучше здѣсь передъ моимъ отъѣздомъ на вокзалъ; можетъ быть, представится необходимымъ сказать что-нибудь императору Наполеону.

Слѣдователь дѣлалъ допросъ Березовскому въ присутствіи министровъ Руэра и Бароша; графъ Шуваловъ, конечно, не могъ считать себя въ правѣ въ это дѣло вмѣшиваться, но министры предложили ему присутствовать при допросѣ, а во время производства самаго допроса не разъ обращались къ нему съ предложеніемъ,—не пожелаетъ ли и онъ спросить что-либо.

Извѣстно, что государь черезъ день послѣ пріѣзда въ Парижъ посѣтилъ оперу, при чемъ находился въ императорской ложѣ, куда прибылъ пѣшкомъ одинъ къ девяти съ половиною часамъ, за полчаса до прибытія императрицы Евгеніи и Наполеона. Березовскій, между прочимъ, далъ показаніе о томъ, что намѣтилъ выстрѣлить въ государя въ оперѣ и, передъ прибытіемъ государя туда, встрѣтилъ его величество.

Царь на меня взглянулъ такъ презрительно, какъ будто бы въ умѣ его сложилась мысль: вотъ одинъ изъ поляковъ.

Это, очевидно, горячечный бредъ больного юноши, задумавшаго ужасное преступленіе, и, какъ по нѣкоторымъ даннымъ допроса можно заключить, не рѣшившагося произвести выстрѣлъ подъ впечатлѣніемъ взгляда государя.

— Взглядомъ этимъ онъ, видимо, былъ очень смущенъ и обезкураженъ,—сказалъ графъ Шуваловъ, вспоминая и перебирая эпизоды, происходившіе при допросѣ.

Графъ Шуваловъ рассказывалъ, что Наполеонъ очень взволновался покушеніемъ; до момента выстрѣла, не подозрѣвая предстоявшаго, онъ держалъ себя съ полнѣйшимъ спокойствіемъ и даже съ достоинствомъ.

Покушеніе, какъ извѣстно, было произведено у каскада въ аллеѣ Булонскаго лѣса, близъ Лоншана, на пути слѣдованія императорскаго кортежа со смотра войскъ, которыя Наполеонъ заранѣе намѣтилъ показать во всемъ блескѣ нашему государю и прусскому королю; онъ былъ очень доволенъ исходомъ блестящаго парада. Съ нимъ въ четырехмѣстномъ экипажѣ ѣхали государь императоръ, наслѣдникъ цесаревичъ Александръ Александровичъ и великій князь Владимиръ Александровичъ; король Вильгельмъ ѣхалъ за ними поодаль въ экипажѣ съ императрицей Евгеніей. Наполеонъ, послѣ выстрѣла, послѣдовавшаго съ его стороны, сразу засуетился; пуля Березовскаго попала въ морду лошади шталмейстера Рембо, ѣхавшаго рядомъ съ экипажемъ подлѣ Наполеона; много крови отъ

лошади попало въ экипажъ; обиліе крови объяснялось и тѣмъ, что пистолеть въ рукахъ преступника разорвался и у безумца оторвало два или три пальца правой руки. Наполеонъ каждому изъ своихъ гостей-спутниковъ задалъ вопросъ: у васъ кровь, не ранены ли вы? А убѣдившись, что всѣ невредимы, поднялся въ экипажъ и объявилъ объ этомъ стоявшей по пути публикѣ; послѣ этого онъ высказалъ увѣренность въ томъ, что стрѣлялъ непременно итальянецъ въ него; когда же государь отвѣтилъ категорически, что, вѣрнѣе, полякъ въ него, — Наполеонъ не возразилъ, но какъ-то суетливо сказалъ: «Ваше величество, мы вмѣстѣ были въ огнѣ». На это государь совершенно спокойно отвѣтилъ:

— Благодарю Бога, что онъ васъ сохранялъ; вотъ, однако, до какой степени никому нельзя ни на минуту быть увѣреннымъ въ цѣлости своей жизни, — все въ рукахъ Божіихъ...

При допросѣ очень хорошо держалъ себя приглашенный для представленія своихъ показаній шталмейстеръ Наполеона Фирлонъ Рембо. По всѣмъ даннымъ онъ, прослышавъ ранѣе о томъ, что готовится какое-то покушеніе, во все время сопровожденія императорскаго экипажа былъ на чеку; увидѣвъ въ Березовскомъ что-то подзрительное, онъ налетѣлъ на него всѣмъ грузомъ своего коня. Березовскій былъ сбитъ съ ногъ, отъ этого послѣдовалъ въ тотъ же моментъ выстрѣлъ, но зарядъ попалъ въ морду лошади Фирлона Рембо и такимъ образомъ оказался безопаснымъ для тѣхъ или для того, кому предназначался и въ кого былъ направленъ.

Это самое можно было заключить изъ несвязнаго разсказа преступника; давая свое показаніе, онъ со злобой сказалъ:

— Если бы сѣдокъ, ѣхавшій съ лѣвой стороны экипажа, не наскочилъ на меня, — результатъ былъ бы совсѣмъ иной, чортъ возьми, но вотъ что, къ несчастію, вышло; объ этомъ мнѣ остается только пожалѣть; это обидно, но непоправимо.

Фирлонъ Рембо, видимо, былъ вполне убѣжденъ въ томъ, что все это произошло именно такъ; изъ скромности онъ, однако, не говорилъ объ этомъ вполне ясно.

— Я хотѣлъ этого чедовѣка сбить или подмять, дабы онъ не произвелъ выстрѣла, но это мнѣ не удалось, — твердилъ онъ.

Императоръ Наполеонъ сидѣлъ въ экипажѣ съ лѣвой стороны, противъ него находился послѣдникъ русскаго престола; государь, сидя съ правой стороны, имѣлъ противъ себя великаго князя Владимира. Рембо ѣхалъ со стороны Наполеона: исполняя приказанія своего императора, онъ устремился отдать распоряженіе о томъ, чтобы, въ виду страшной давки, экипажъ свернулъ на боковую аллею; въ эту-то минуту онъ замѣтилъ показавшуюся ему подозрительною фигуру и въ одинъ мигъ рѣшилъ направить своего коня на нее.

Грянувшій выстрѣль скорѣй напоминалъ какой-то взрывъ; Рембо думалъ, что взорвалась бомба; эскортъ въ паническомъ испугѣ остановился; у наслѣдника цесаревича виднѣлась кровь на бѣлыхъ перчаткахъ; взглянувъ на кровавое пятно, его высочество сказалъ Фирлону Рембо: «Это отъ вашей лошади, посмотрите, она ранена въ ноздри». У царя была обрызгана кровью голубая орденская лента.

— Въ самый моментъ выстрѣла, — говорилъ Рембо, — я почувствовалъ ожогъ шеи; лошадь моя долго бѣжать не могла, я принужденъ былъ ее оставить, почему и передалъ одному изъ солдатъ; меня же, въ то время уже спѣшившагося, пригласилъ къ себѣ въ коляску ѣхавшій за экипажемъ Евгеніи и короля прусскаго Вильгельма племянникъ императора Александра принцъ Николай Максимилиановичъ Лейхтенбергскій, старшій сынъ сестры его величества Маріи Николаевны, состоявшей въ замужествѣ за герцогомъ Максимилианомъ Лейхтенбергскимъ.

— Мнѣ лично, — говорилъ Джуліани, — пришлось въ послѣдствіи нерѣдко въ Парижѣ встрѣчаться съ Рембо; это былъ скромный, набожный человѣкъ и вѣчный труженикъ; онъ съ особенной трогательностью вспоминалъ все здѣсь рассказанное и вообще весь этотъ ставшій, несомнѣнно, достояніемъ исторіи эпизодъ изъ его немудреной жизни.

— Происходя изъ старой дворянской фамиліи, — рассказывалъ онъ, — я служилъ во время крымской кампаніи простымъ рядовымъ въ одномъ изъ кавалерійскихъ полковъ въ корпусѣ генерала Канробера и лишь къ концу войны дослужился до званія унтеръ-офицера; императоръ Наполеонъ, возведя меня въ свои шталмейстеры, не забывалъ того, что я въ военной службѣ дальше званія нижняго чина не пошелъ; даже пожелавъ наградить меня въ этотъ день ужаснаго покушенія, произведеннаго голоднымъ безумцемъ - полякомъ, онъ предназначилъ мнѣ пятую степень ордена Почетнаго Легіона, — кавалерскій крестъ, полагающійся для награжденія лицъ неофицерскаго званія.

Извѣстно, что государь заранѣе, на дни своего пребыванія въ столицы Франціи, назначилъ балъ въ посольствѣ; когда оказалось, что въ день бала утромъ случилось покушеніе Березовскаго, Наполеонъ просилъ объ отмѣнѣ этого бала, но государь не призналъ нужнымъ отмѣнять что-либо; все должно было идти въ томъ порядкѣ, какъ было намѣчено; поэтому балъ въ тотъ день вечеромъ состоялся; императоръ Александръ поражалъ всѣхъ своимъ полнымъ спокойствіемъ и необычайною пріятливостью гостепріимнаго хозяина, — это въ одинъ голосъ сообщали со словъ своихъ рецензентовъ газеты всѣхъ партій, фракцій и оттѣнковъ,

— Императоръ Александръ, приказавъ пригласить меня на балъ, — говорилъ Рембо, — тронулъ и меня и всѣхъ необыкновенною сердечностью своего ко мнѣ отношенія.

«Прибывъ на балъ за полчаса до прибытія Наполеона и Евгенія, я былъ встрѣченъ въ первомъ залѣ министромъ двора графомъ Адлербергомъ; онъ тотчасъ же вручилъ мнѣ пожалованный русскимъ императоромъ орденъ св. Станислава съ короною; я его тотчасъ, по указанію графа, надѣлъ на себя. Въ слѣдующей комнатѣ царь, поздоровавшись со мною, забросалъ меня такой массой благодарностей, что мнѣ оставалось только смущаться и конфузиться; но императоръ Александръ какъ будто бы задался задачей больше и больше вводить меня въ смущеніе: его величество, взявъ меня подъ руку, провелъ черезъ помѣщеніе посольства, видимо, съ тою цѣлью, чтобы для разговоровъ со мною посадить меня возлѣ себя на виду у всѣхъ кавалеровъ, уже находившихся въ залѣ, и покинуть меня лишь черезъ нѣсколько минутъ, когда было доложено, что начали приѣзжать дамы.

«Императоръ Наполеонъ, узнавъ обо всемъ этомъ, не пожелалъ сдѣлать пеловкости противъ своего высокаго гостя и въ тотъ же вечеръ, вмѣсто предназначенной, но еще не переданной мнѣ пятой степени ордена, передалъ четвертую, т. е. офицерскій крестъ».

Наполеонъ никогда не разлучался съ этимъ своимъ слугою, которому внослѣдствіи довелось въ числѣ другихъ выдержать большое испытаніе: онъ сопровождалъ императора изъ Седана въ Вильгельмсгеэ; правда, это было соединено съ большимъ для него счастьемъ—продолжать служить Наполеону и въ этомъ замкѣ во время плѣненія и долго еще послѣ того—во время тяжелаго, поневолѣ бездѣльнаго, проживанія въ Англіи—въ Числьгёрстѣ.

— Приблизительно черезъ часъ послѣ того, какъ мы собрались,—разсказывалъ Джуліани,—государь потребовалъ къ себѣ князя Витгенштейна и меня.

«Поблагодаривъ насъ и сообщивъ о назначенныхъ намъ наградахъ, государь сказалъ, обращаясь къ намъ обоимъ:

«— Вы, конечно, не будете забывать Кузьминскаго; навѣщайте его; тебѣ, Витгенштейнъ, я поручаю сообщать мнѣ о ходѣ его леченія, о всѣхъ нуждахъ, какія у него могутъ оказаться, а также о средствахъ, какія надо будетъ ему назначить пожизненно; онъ искалѣченъ совершенно, лечиться ему придется всю жизнь; я полагаю назначить ему аренду въ 1000 рублей ежемѣсячнаго дохода; но окажется ли этого достаточно для будущаго,—присмотришь и мнѣ сообщи при первомъ же удобномъ случаѣ».

«Князь Витгенштейнъ, по своему происхожденію, считался въ родствѣ съ императрицей Маріей Александровной; государь относился къ нему очень хорошо и съ большимъ довѣріемъ.

«Среди разговора о пребываніи своемъ въ Парижѣ государь съ грустнымъ видомъ упомянулъ о томъ, что, посѣтивъ сестру свою

Марію Николаевну въ «Грандъ-Отелѣ», онъ вспомнилъ съ ней о происходившихъ въ тѣ дни въ Пештѣ торжествахъ коронаванія австрійскаго императора Франца-Иосифа короною короля Венгріи.

«Какимъ фатальнымъ является совпаденіе этихъ празднествъ съ ужаснымъ концомъ только что въ эти же дни трагически разрѣшившейся въ Мексикѣ участи младшаго брата его — австрійскаго эрцгерцога Максимилиана, котораго наполеоновскія продѣлки сдѣлали императоромъ.

«— Я много объ этомъ говорилъ съ императоромъ Наполеономъ,—сказалъ государь:—зачѣмъ было ему вмѣшиваться въ эту аферу? Наше ли дѣло было непрошено стремиться осчастливить мало-вѣдомую, шедшую своей собственной жизнью заокеанскую республику. Въ императорѣ Наполеонѣ это похоже на какое-то влеченіе подражать своему дядѣ въ дѣлѣ могущественной раздачи коронъ и троновъ. Теперь, когда Наполеону пришлось «созданнаго императора» оставить, затѣмъ забросить безъ поддержки на произволь судьбы и полудикихъ властей,—сколько придется ему имѣть на совѣсти самаго тяжелаго, угнетающаго чувства!»

«Этотъ весь разговоръ,—говорилъ Джуліани,—рѣзко запечатлѣлся въ моей памяти; послѣднія слова государь произнесъ со слезами на добрыхъ, привѣтливыхъ глазахъ».

Послѣ смерти Наполеона Рембо возвратился въ Парижъ, гдѣ Джуліани и встрѣчался съ нимъ въ концѣ 1873 года. Много рассказывая о жизни своихъ повелителей, совершенно состарившіяся шталмейстеръ всегда особо подчеркивалъ то, что оба они—Наполеонъ съ большой грустью, а Евгенія съ досадою,—во время частыхъ ссоръ своихъ, въ одинаковой степени признавали одною изъ самыхъ важныхъ и грубыхъ ошибокъ своего, только что тогда минувшаго прошлаго, громадное пренебреженіе, съ которымъ они во все время своего царствованія ¹⁾ относились къ Россіи, къ ея правительству, а главное къ ея великому, благороднѣйшему императору.

Рембо воспроизводилъ происходившія перѣдко между супругами сцены, которыхъ ему приходилось быть свидѣтелемъ или о которыхъ онъ слышалъ отъ людей еще болѣе приближенныхъ и интимныхъ.

Стоило Евгенин отъ чего бы то ни было прійти хотя бы въ малѣйшее первное раздраженіе,—а это съ самаго начала ихъ жизни въ Англій стало дѣломъ обыденнымъ,—она немедленно, съ одина-

---

¹⁾ «Царствовали они оба вмѣстѣ», говаривалъ простякъ Рембо.

ковой злобой и почти всегда въ однихъ и тѣхъ же выраженіяхъ, начинала преназойливо выставлять мужу своему упреки въ томъ, съ какимъ тупымъ упорствомъ (*entêtement stupide*) онъ нападалъ и всѣхъ, съ какой-либо стороны причастныхъ къ дѣлу управленія несчастной Франціей, увлекалъ къ бессмысленнымъ нападкамъ на императора Александра II.

Наполеонъ обыкновенно усиливался возражать съ полной сдержанностью; онъ спокойно стоялъ на томъ, что вообще не нападалъ, а если говорилъ,—не противъ императора Александра, а противъ Россіи,—то меньше всего говорилъ безъ государственной къ тому нужды, вызывавшейся явнымъ со стороны правительства той державы стремленіемъ портить хорошія отношенія съ Франціей.— «Нельзя,—говорилъ ех-императоръ,—ставить мнѣ въ укоръ то, что приходилось говорить и дѣлать въ минуты разлада добрыхъ отношеній съ Александромъ II и при явномъ проявленіи со стороны его правительства отсутствія корректности въ дѣлахъ и сношеніяхъ съ Франціей».

Подробностямъ одной изъ такихъ ссоръ суждено было навсегда врѣзаться въ память и остаться въ сердцѣ крайне впечатлительнаго шталмейстера. Это произошло въ концѣ ноября 1872 года.

— Нѣтъ, нѣтъ,—не слушая спокойныхъ возраженій мужа, вдругъ злобно затвердила Евгенія въ тотъ день:—вы всегда бессмысленно нападали на царя,—это впечатлѣніе моихъ первыхъ дней знакомства съ вами, тѣхъ дней, въ которые я, въ свою очередь, относилась къ вамъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ, какъ къ повелителю Франціи; вы одинаково, безъ разбора относились и въ тяжелые для Россіи дни нашихъ предсвадебныхъ компіенскихъ торжествъ¹⁾, и позже, въ дни появленія на свѣтъ нашего Лулу,—когда Россія усиливалась, хоть сколько-нибудь успокоившись, воспользоваться плодами только что заключеннаго съ Франціей мира²⁾. Еще мать моя говорила, что вы одинаково жестоко на-

¹⁾ Въ 1852 г. императоръ Наполеонъ на одной изъ большихъ охотъ какъ будто случайно встрѣтилъ семью маркиза Монтихо гр. де Теба и сразу былъ обвороженъ молодой графиней Евгеніей: онъ не хотѣлъ допустить мысли о томъ, что она не будетъ ему принадлежать. Все это было подстроено крайне искусно. Въ 1853 г. происходили на охотахъ въ Компіенѣ пиры, которые Евгенія въ передаваемомъ разговорѣ назвала предсвадебными торжествами; въ томъ же году Наполеонъ сочетался съ нею бракомъ. Это былъ годъ начала турецкой войны, скоро обратившейся въ Крымскую кампанію.

А в т.

²⁾ Въ 1856 г., въ годъ заключенія парижскаго мира у французской императорской четы родился сынъ Наполеонъ-Людвикъ-Евгеній; въ 1874 г. бонапартисты объявили его императоромъ подъ именемъ Наполеона IV, а въ 1879 году императрица, жаждавшая карьеры, согласилась отправить сына въ африканскую экспедицію англичанъ противъ зулусовъ; въ этой войнѣ онъ былъ убитъ, причемъ официально было объявлено, что Лулу не могли уберечь, на самомъ же дѣлѣ врядъ ли кто и старался его беречь.

А в т.

падали на своего врага, когда онъ, послѣ геройской защиты своего отечества, былъ притиснуть, прижать вами, такъ же, какъ и тогда, когда, отдавши вамъ все, онъ имѣлъ полное право отдохнуть отъ тяготы своихъ печалей; моя мать изумлялась вашей безтактности и отсутствію въ васъ благороднаго великодушія къ врагу, когда вы, послѣ заключенія съ нимъ мира, продолжали издѣваться надъ нимъ воспоминаніями о томъ, какъ вы разгромили сѣвернаго колосса, притомъ увѣряли, что готовитесь его вновь разгромить, дабы совсѣмъ уничтожить, стереть съ лица земли—шутка сказать—кого! великую, мощную Россію!...

Вдругъ Наполеонъ, всегда спокойный, гнѣвно засверкалъ своими обычно тусклыми глазами, а затѣмъ, задыхаясь отъ волненія и гнѣва, громко, но отрывисто произнесъ:

— Недоставало еще, чтобы вы приписывали мнѣ то, въ чемъ виновата была именно ваша мать; эта женщина съ какимъ-то необъяснимымъ безуміемъ, свойственнымъ сынамъ легкомысленной испанской націи, нападала не только на Александра II и Россію, на Вильгельма и Пруссію, но и на всѣхъ, съ кѣмъ моя страна приходила или въ конфликтъ или въ какія бы то ни было частыя сношенія. Я васъ разъ навсегда приглашаю не думать впредь сваливать на меня результаты всѣхъ тѣхъ безтактностей, которыя графинѣ Монтихо де-Теба угодно было себѣ позволять въ ея малодушныхъ порывахъ. Она, всю жизнью своей при моемъ дворѣ, заслужила полную ненависть и презрѣніе французовъ; теперь вамъ, только вамъ, слѣдовало бы если не уничтожить,—такъ какъ уничтожить это уже невозможно,—то, по крайней мѣрѣ, хоть сколько-нибудь умѣрить или смягчить въ близкихъ людяхъ эту ненависть, а ужъ никакъ не разжигать ее больше и больше; слушать ваши бредни я вовсе не расположенъ и не буду,—закончилъ Наполеонъ свою рѣчь и рѣзко вышелъ изъ зала.

Не ожидала ея-императрица такого крутого и грубаго поворота, а потому въ истерикѣ вдругъ свалилась въ обморокъ, послѣ котораго была врачами уложена въ постель и окружена самымъ заботливымъ уходомъ.

И въ ней и въ ея мужѣ, какъ видно, все дошло до той крайности, которая должна была вызвать ужасный кризисъ. Послѣ того они вовсе не видѣлись больше мѣсяца. Евгенія лежала, Наполеонъ въ теченіе этого времени старался бодриться, но его силы, видимо, угасали, бодрость болѣе и болѣе покидала его, и въ то время, когда все вниманіе врачей было обращено на состояніе здоровья слабой императрицы,—сахарная и каменная болѣзнь императора совершенно неожиданно для всѣхъ, а для докторовъ болѣе, чѣмъ для кого-либо, сдѣлала сразу большіе успѣхи, и 9-го января 1873 года Наполеона не стало. Послѣ Седана онъ прожилъ три года, пять мѣсяцевъ и три дня.

Безплодные споры привели къ такому печальному концу; Евгенія раньше не думала, что потеря мужа для нея была потерей всего; только тогда она это сознала, когда его не стало,—тогда она поняла, что пропала и та надежда, которой, впрочемъ, ни у кого, кромѣ нея, не было—надежда вернуть престоль.

— Спорить было поздно, и о чемъ было спорить?—говорилъ Рембо:—нужно было раньше думать о томъ, чтобы не испортить въ конецъ свои отношенія именно съ повелителемъ той державы, которая одна могла укрѣпить навсегда положеніе Франціи и императора французовъ; императрица спорила съ императоромъ, забывая, что собственнаго локтя не укусишь.

— Изъ всѣхъ разсказовъ Рембо,—говорилъ Джуліани,—видно было, что онъ больше держалъ сторону Наполеона, чѣмъ Евгеніи; это было вполнѣ естественно; а вообще этотъ преданный ех-императору слуга съ полнѣйшей, свойственной ему простотой какъ бы застылъ на чувствѣ самой глубокой и почтительно-признавательной преданности нашему государю; иначе о немъ онъ не упоминалъ, какъ именуя его: гуманнѣйшій рыцарь, царь-освободитель и благодѣтель своего народа.

Всю жизнь Рембо выражалъ желаніе во что бы то ни стало побывать въ Россіи, но это у него такъ и осталось навсегда мечтой.

VI.

Отъѣздъ государя изъ Парижа.—Молва объ его отношеніи къ Березовскому и къ покушенію.—Защитникъ Араго и обвинитель де-Марна.—Роль Жюль Фавра въ дѣлѣ Орени.—Французскія газеты о законахъ, карающихъ покушеніе на жизнь главы государства.—Частный отзывъ Виктора Гюго.—Полковникъ Гальяръ.—Воспоминанія Джуліани объ адресѣ проживавшихъ въ Парижѣ поляковъ.—Маневры 1878 г. во Франціи.—Маршалъ Капроберъ.—Отзывъ государя о немъ и о сенскомъ префектѣ Гаусманѣ.

«Прощаясь съ нами,—продолжалъ Джуліани свой разсказъ,—государь, между прочимъ, сказалъ:

«— Передайте Кузьминскому мое пожеланіе ему скорого выздоровленія; пусть продолжаетъ имѣть то же терпѣніе, какимъ до сихъ поръ отличался, и пусть бережетъ себя. Доктору я назначилъ крестъ въ награду; Наполеонъ далъ согласіе на награжденіе этого симпатичнаго, самоотверженнаго и дѣльнаго врача; барону Будбергу я передалъ объ этомъ, онъ распорядится».

«По отъѣздѣ государя до насъ дошла, распространившаяся въ столицѣ Франціи молва о томъ, будто бы при прощаньи онъ обратился къ Наполеону съ просьбой,—въ случаѣ, если Березовскому судомъ будетъ назначена смертная казнь,—оказать съ своей стороны мощное содѣйствіе тому, чтобы онъ отъ нея былъ избавленъ».

Трудно вѣрится этому, — весьма вѣроятно, что государь не желалъ казни этого преступника-безумца, но ходатайствовать за прохо́ду не сталъ бы; молва добавляла, что Наполеонъ обѣщаль и будто бы «несомнѣнно искренно».

Однако подпольныя интриги революціонныхъ элементовъ приготовили изъ этого дѣла совсѣмъ другое: несомнѣнно, въ насмѣшку, ходъ судебного разбирательства былъ такъ подстроенъ, что Березовскаго какъ будто бы хотѣли приговорить къ особой наградѣ за это дѣло; оно ему было поставлено почти въ заслугу; обвиняемымъ чуть ли не явился нашъ государь, а Наполеонъ, конечно, былъ и безсиленъ противъ этого и слишкомъ равнодушенъ вообще ко всему, что, съ какой бы то ни было стороны, касалось хотя бы такого его гостя.

Всѣмъ памяты рѣчи Араго, Флоке и другихъ рисовавшихся въ этомъ процессѣ своими крайними убѣжденіями и безумно бравировавшихъ всѣмъ тѣмъ, что было всегда дорого для христіанина, а также для людей разума и чести.

Не въ одной изъ русскихъ и иностранныхъ газетъ того времени было сообщено, что, къ прискорбному удивленію, и государственннй генеральный прокуроръ де-Марна, обвинявшій Березовскаго въ судѣ, скорѣй вторилъ защитникамъ, чѣмъ исполнялъ свой святой долгъ безпристрастнаго обвинителя.

Защитникъ Березовскаго Араго, какъ бы возражая людямъ, пытавшимся признать дѣяніе этого безумца преступнымъ, прямо съ наглостью говорилъ, что онъ ни одной секунды не считаетъ себя въ правѣ думать о какихъ-то смягчающихъ вину обстоятельствахъ или надѣяться на нихъ: «вины нѣтъ, я ея не вижу; въ дѣйствіяхъ Березовскаго, — этого патріота Польши, — нѣтъ ничего такого, что даже можно было бы смягчать, а потому я, какъ защитникъ, требую полнаго оправданія, — не говорю и не нахожу нужнымъ сказать — виновнаго, нѣтъ, не виновнаго, а просто моего кліента, случайно, по какому-то произволу, попавшаго въ обвиняемые. Не знаю, доколѣ еще во Франціи будутъ возможны и терпимы эти и подобныя насмѣшки надъ людьми!» воскликнулъ съ паѳосомъ этотъ слуга сплошнаго беззаконія. Печать, почти сплошь вся, вторила этому, она не видѣла преступленія въ дѣйствіяхъ полячка, записавшагося въ спасители «ойчизны». Присяжные, также не признававшіе слишкомъ криминальнымъ поступокъ его, не рѣшились, однако, высказать то, что Араго имъ старательно внушалъ, — они все-таки, съ нѣкоторымъ намекомъ на участіе въ этомъ дѣлѣ совѣсти, въ окончательномъ словѣ признали смягчающія вину обстоятельства, значить, нашли эту вину.

Араго много потомъ писалъ объ этомъ, изливая желчь и извергая ругательства на этихъ, по его словамъ, тупоумныхъ присяжныхъ.

Тогда же многіе вспомнили, что за девять лѣтъ передъ тѣмъ знаменитый Жюль Фавръ ¹⁾, такой же, въ сущности, республиканецъ-адвокатъ, какъ и Араго, защищая извѣстнаго Орсини, бросившаго въ 1858 году бомбу подъ экипажъ Наполеона, взялъ такую середину въ дѣлѣ защиты, что вся тогдашняя печать признала его слова за «простой пріемъ, стремившійся увеличить витіеватость адвокатской рѣчи»; онъ упомянулъ въ ней, что его кліенту надлежитъ рядомъ съ эшафотомъ поставить навѣки его статую, т.-е. воздвигнуть памятникъ. Памятника этому Орсини рядомъ съ эшафотомъ не воздвигли, а то обстоятельство, что эшафотъ былъ поставленъ, дало каждому право сказать, что адвокатъ, какъ бы то ни было, высказался, въ согласіи съ прокуроромъ, за смертную казнь, которая и постигла этого преступника.

Нѣкоторыя газеты живо припомнили этотъ случай и, комментируя его въ дни горячихъ разговоровъ о дѣлѣ Березовскаго, отважились высказать, что, выстрѣливъ въ царя, онъ явился преступникомъ, заслужившимъ высшую кару по закону. Къ этому, однако, какъ бы стоворившись, всѣ онѣ спѣшили добавлять массу фразъ, разсужденій и оговорокъ о томъ, что во всякомъ случаѣ законы Франціи не позволяютъ за такое преступленіе примѣнять кару, которая подходила бы подъ понятіе о высшей мѣрѣ наказаній вообще. Все это продѣлывалось чисто въ духѣ французовъ: съ тою отмѣнною, изворотливою фальшью, которую въ этой славной націи всѣ ненавидятъ.

Одна лишь газета «*Paus*» однажды попробовала смѣло высказать совершенно прямой взглядъ на это дѣло, заклеивъ продѣлку безумца; но ее заставили замолчать и много тяжелаго она перенесла отъ тѣхъ самыхъ властей, которыя должны были бы благородно стоять на стражѣ въ такое время общей распущенности.

Многія изъ газетъ, стоявшихъ на томъ, что законъ не позволяетъ къ дѣянію Березовскаго примѣнить высшую кару, ядовито добавляли: «къ сожалѣнію».

¹⁾ Тотъ самый Жюль Фавръ, который послѣ Седана явился въ германскую главную квартиру уполномоченнымъ уже отъ правительства установившейся накануне республики для переговоровъ объ условіяхъ мира и пережившій всю жестокость предложеній побѣдителя въ лицѣ безжалостнѣйшаго Бисмарка. Разсказывали, что настойчивостью желѣзнаго канцлера и насмѣшливостью его тона было со стороны Жюль Фавра вызвано замѣчаніе, произнесенное сквозь горькія слезы: «Вы болѣе жестоки, чѣмъ былъ въ свое время жестокъ членъ конвента Жозефъ Лебонъ...» На это Бисмаркъ будто бы съ презрительностью въ тонѣ отвѣтилъ: «Я вашихъ членовъ конвента не знаю, не зналъ и знать не хочу; время не ждетъ, будемъ говорить о дѣлѣ, или разоидемся».

Упомянутый членъ конвента, терроризируя Аррасъ, главный городъ департамента Па-де-Кала на сѣверѣ Франціи въ Нормандіи, отправлялъ на эшафотъ безъ разбора всѣхъ, кто ему попадался подъ руку, и дошелъ въ своемъ звѣрствѣ до того, что, получивъ доносъ о нахожденіи въ одномъ семействѣ того города полугая, который выкрикивалъ слова: «*vive le roi*»,—велѣлъ казнить всю семью и непремѣнно вмѣстѣ съ преступной птицей.

А в т.

Всѣ онѣ, во всякомъ случаѣ, дозволили себѣ передержку и умышленную подтасовку: не могли же всѣ онѣ забыть о томъ, что за двѣнадцать лѣтъ передъ тѣмъ былъ казненъ покушавшійся на жизнь Наполеона итальянецъ ПIANORI (1855 г.); очевидно, помнили онѣ и приведенный ими же по поводу воспоминанія о рѣчи Жюльи Фавра фактъ казни тоже итальянца—Орсини (1858 г.).

«Законы съ тѣхъ поръ не были измѣнены», напомнила тогда нѣсколько разъ газета «*Revue*».

Надо помнить, что большая часть статей, появлявшихся тогда во французской печати, предназначалась, съ одной стороны, для назиданія нашей отечественной печати, единодушно ополчившейся, а съ другой—для поднесенія пріятнаго букета правительству Наполеона, котораго власть въ тотъ годъ поднялась на зенитъ, какъ бы собираясь съ силами къ 1870 году для совершенія болѣе эффектнаго спуска, т.-е. попросту позорнаго паденія...

Не только интересно, но и поучительно вспомнить исторію закона, на который такъ робко ссылалась часть печати. Эта исторія должна до нѣкоторой степени выяснить, какимъ образомъ газеты могли найти себѣ лазейку для обхода здравости взгляда на все это дѣло,—печальное само по себѣ и ставшее рѣшительно прискорбнымъ въ виду проявленнаго всѣми слоями общества Франціи стремленія «отвернуться отъ добрыхъ указаній совѣсти».

Вотъ краткое изложеніе этой исторіи.

Послѣ революціи 1789 года, при введеніи во Франціи въ 1791 году конституціи, въ законѣ было отмѣнено особое дѣлопроизводство по дѣламъ о преступленіяхъ противъ особы государя ¹⁾ и уничтожена исключительность наказаній за такія преступленія. Въ 1810 году Наполеонъ I возстановилъ полностью прежніе законы на этотъ счетъ, поставивъ, однако, тѣ преступленія наравнѣ съ отцеубійствомъ. Правительство Людовика-Филиппа въ 1832 году приравняло цареубійство къ обыкновеннымъ убійствамъ.

Наполеонъ III, тотчасъ по укрѣпленіи своей власти, попытался въ 1853 году возстановить все установленное на этотъ счетъ его дядей; но законодательное собраніе отвергло правительственное предложеніе объ этомъ. Не взирая на то, правительство тотчасъ же «велѣло» судамъ «ввести въ практику дѣйствій своихъ часть распоряженій 1810 года и признавать покушеніе на убійство государя равносильнымъ отцеубійству.

Покорный Наполеону III судъ безпрекословно подчинился этому велѣнію. И вотъ два покушенія на жизнь императора Наполеона,—въ 1855 году покушеніе итальянца ПIANORI, который,

¹⁾ Или вообще главы государствъ.

въ исходѣ суда надъ нимъ, оказался графомъ Винерани, и въ 1858 году итальянца же Орсини,—кончатся смертною казнью обоихъ преступниковъ.

Раздавались во Франціи смѣлые, хотя п одинокіе голоса, поучавшіе тому, что съ одинаковымъ правомъ можно было бы примѣнить это наказаніе къ русскому поляку, какъ и къ тѣмъ итальянцамъ-пьемонтцамъ; разницы не было, хотя полякъ стрѣлялъ во Франціи въ чужого для нея государя —однако въ своего...

Но безумцы, а главное люди безсовѣстные, не придерживались того, чтобы эти разсужденія опаривать или опровергать,—они просто, забывъ честь, кричали и повторяли, что покушеніе именно на жизнь русскаго императора не есть преступленіе.

Въ то время одинъ считавшійся и считающійся крайне достойнымъ высокаго уваженія человѣкъ, «гражданинъ французской республики», эмигрантъ, замѣтилъ изъ своего изгнанія, что такое беззаконіе, какое было учинено надъ Орсини и надъ Піанори-Винерани, скорѣе могло бы найти—не снисхожденіе, нѣтъ, но нѣкоторое объясненіе «безправности права» для примѣненія къ дѣянію русскаго подданнаго Березовскаго, стрѣлявшаго во Франціи, во-первыхъ, въ своего законнаго государя, во-вторыхъ, въ почетнаго гостя Франціи, въ-третьихъ, въ царя великой души—Освободителя; тогда какъ оба итальянца стрѣляли въ нашей странѣ въ чужого имъ государя, а для самой страны нашей незаконнаго, узурпировавшаго власть и основавшаго въ 1851 году какъ эту власть, такъ и всю силу свою на фундаментъ, обильно—вслѣдствіе переданныхъ черезъ Сентъ-Арно ¹⁾ его велѣній,—пропитанномъ кровью честныхъ сыновъ нашего отечества.

Съ начала семидесятыхъ годовъ въ теченіе почти десяти лѣтъ у насъ въ Россіи пребывалъ въ качествѣ военнаго агента Французской республики полковникъ Гальяръ, очень сжившійся съ нашимъ отечествомъ и отъ всей души его полюбившій. Однажды, во время войны за освобожденіе Болгарин, случилось мнѣ, по порученію главнокомандующаго великаго князя Николая Николаевича Старшаго, выѣхать изъ главной квартиры, находившейся въ Горномъ Студнѣ,—на Плевну, изъ-за которой тогда началась усиленная

¹⁾ Маршалъ Сентъ-Арно—тотъ самый, который не далѣе, какъ черезъ два года послѣ вѣроломнаго подвига 2-го декабря 1851 года былъ назначенъ главнокомандующимъ французской арміи, дѣйствовавшей противъ насъ въ Крыму; тамъ онъ вскорѣ и умеръ. Въ 1851 году онъ занималъ постъ начальника парижскаго гарнизона и въ ночь на второе декабря дѣйствовалъ крайне энергично, какъ противъ революціонеровъ, укрѣпившихся на баррикадахъ, такъ и противъ членовъ національнаго собранія при роспускѣ и арестованіи ихъ. Наполеонъ III считалъ его своимъ «благодѣтелемъ», вынесшимъ на своихъ плечахъ весь переворотъ и помогшимъ ему провозгласить Францію имперіей, а себя императоромъ.

А в т.

борьба между сосредоточивавшейся въ ту пору у этого пункта арміей Османа-паши и нашимъ девятымъ корпусомъ, состоявшимъ подъ командой генераль-лейтенанта Криденера. Къ нему я, какъ ординарецъ главнокомандующаго, и былъ командированъ ¹⁾).

Только что я успѣлъ проѣхать пять-шесть верстъ, — меня нагналъ ѣхавшій въ коляскѣ Гальяръ.

— Какъ я радъ, что мнѣ удалось догнать васъ, — сказала онъ любезно: — услышавъ, что вы выѣхали, я поторопился за вами. — Теперь у меня большая просьба къ вамъ, — если бы вы были добры обождать нѣсколько минутъ, пока подойдут мои верховыя лошади, я пересею на коня и тогда буду вамъ спутникомъ въ болѣе пріятномъ путешествіи — верховомъ; погода чудная, — восторгался французъ, — можно, ею наслаждаясь, наговориться вдоволь.

Я съ большимъ удовольствіемъ согласился обождать, сошелъ съ коня, и мы, въ ожиданіи конвоя и лошадей полковника, пошли пѣшкомъ, а затѣмъ стали скоро продолжать свой путь на коняхъ.

Разговорившись въ пути и бесѣдуя о нашемъ государѣ, котораго Гальяръ обождалъ, мы затронули время и обстоятельства пребыванія его въ Парижѣ въ 1867 году; цѣлый десятокъ лѣтъ отдѣлялъ насъ отъ того года. Мало-по-малу я рассказалъ многое изъ того, что здѣсь изложено; не успѣлъ я окончить рассказъ объ отзывѣ «гражданина-республиканца», какъ симпатичный «colonel» приподнялся на стремена и съ крайнею живостью произнесъ:

— Mais oui, oui, justement; c'était bien Victor Hugo qui l'a dit; et ces paroles de notre grand homme, — ne sont elles pas la vérité même?...²⁾

Глубже вдумываясь въ это сообщеніе, не приходится ли давать этимъ словамъ большее и большее значеніе при воспоминаніи о томъ, что произнесъ ихъ старецъ-поэтъ, не столько осуждавшій

¹⁾ Именно во время этой командировки мнѣ довелось, временно состоя при генералѣ Криденерѣ, участвовать въ большомъ сраженіи, которое тогда въ дѣйствующей арміи получило оставшееся за нимъ названіе «вторая Плевна» (18-го іюля).

Тогда при генералѣ Криденерѣ состояли, между прочимъ, свиты его величества генераль-майоры свѣтлѣйшій князь А. К. Имеретинскій и графъ Н. А. Протасовъ-Бахметевъ. Предвидя по ходу дѣла или, быть можетъ, получивъ въ главной квартирѣ свѣдѣнія о томъ, что сраженіе это должно было состояться, — ко дню его съѣхались въ корпусъ генерала Криденера почти всѣ состоявшіе при главной квартирѣ великаго князя Николая Николаевича Старшаго иностранные военные агенты; такъ, во время хода этого боя съ нами находились: французскій агентъ полковникъ Гальяръ, прусскіе подполковникъ графъ Ведель и майоръ Вельомъ, австрійскій подполковникъ фонъ-Болла, румынскій генералъ Зефкаръ, черногорскій воевода Станко Радовичъ, японскій Ямазава, къ вечеру того дня прибылъ и засталъ конечные эпизоды боя претендентъ на испанскій престолъ инфантъ донъ-Карлосъ.

Авт.

²⁾ Да, да, именно; Викторъ Гюго сказалъ это; и эти слова нашего великаго чело-вѣка — не являются ли они самбою правдою?..

примѣненіе смертной казни, сколько отвергавшій право людей произвольно отнимать, при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ, жизнь у подобныхъ себѣ; онъ отвергалъ то, что съ такою наглостью уже давно присвоили себѣ террористы.

Здѣсь кстати будетъ вспомнить о томъ, что слышалъ Джуліани въ тѣхъ кружкахъ, въ которыхъ ему приходилось вращаться въ Парижѣ, и о чемъ онъ не разъ рассказывалъ среди своихъ знакомыхъ и товарищей по поводу адреса, поданнаго проживавшими въ Парижѣ поляками.

Лечившій Кузьминскаго докторъ, восторгаясь съ искренностью простого человѣка поступкомъ поляковъ, подписавшихся подъ адресомъ, и восхваляя ихъ благородство, перечислялъ ихъ по фамиліямъ, которыя онъ могъ, нѣсколько коверкая и переиначивая, позаимствовать и изъ газетъ и изъ устной передачи молвы, ходившей тогда въ Парижѣ. Почти всѣ эти фамиліи были переданы также въ нѣкоторыхъ русскихъ газетахъ.

Находилось, однако, въ столицѣ Франціи не мало лицъ, которыя, вслѣдствіе своей освѣдомленности, имѣли на это дѣло совершенно иной взглядъ. Джуліани, по версіямъ, слышаннымъ имъ тогда, былъ твердо убѣжденъ въ томъ, что, во-первыхъ, адресъ, поданный Наполеону, имѣлъ въ виду обезпеченіе подписавшихъ его лицъ отъ какихъ бы то ни было обвиненій на случай возникновенія таковыхъ въ посягательствѣ Березовскаго на Наполеона и въ солидарности тѣхъ лицъ съ этимъ безумцемъ. Составителямъ адреса хотѣлось лишь подладиться подъ тонъ того, будто бы они осуждаютъ покушеніе на жизнь нашего государя; поэтому адресъ былъ составленъ въ такихъ выраженіяхъ, будто бы онъ имѣлъ въ виду выставить овладѣвшее подавшими его чувство возмущенія по поводу покушенія, котораго цѣль выяснилась изъ показаній Березовскаго при слѣдствіи, т.-е. покушенія на жизнь царя. Въ адресѣ это было не досказано, но могло быть такъ понято; конечно, двусмысленностью большинство вводилось въ обманъ, а потому видѣло и признавало въ томъ адресѣ порицаніе именно этого покушенія; во-вторыхъ, весь адресъ, отъ начала до конца, представлялся иезуитскимъ, смѣшливаго характера, измышленіемъ и наивно было бы въ немъ искать хоть каплю искренности, такъ какъ о трехъ изъ числа лицъ, подписавшихъ его, объ Рупрехтѣ, Кисенловскомъ и Получисскомъ, было извѣстно всѣмъ и каждому, что они издавна принадлежали къ составившемуся въ концѣ сороковыхъ годовъ въ Швейцаріи, имѣвшему массу приверженцевъ въ Италіи и во Франціи «обществу изведенія коронованныхъ особъ» (въ Женевѣ, въ Цюрихѣ, въ Неаполѣ, въ Римѣ, въ Парижѣ, въ Страсбургѣ, въ Ліонѣ и т. д.).

Всѣмъ памятенъ вышедшій вскорѣ послѣ покушенія Березовскаго, воззванія извѣстнаго французскаго эмигранта-революціонера Феликса Пиа (Piat), который въ Лондонѣ, въ воспоминаніе славныхъ дней 1848 года, между прочимъ, поставилъ и объявилъ Наполеона III внѣ закона, «предоставивъ каждому право лишить его жизни».

Тогда же газета «Pays», которая, какъ сказано выше, одна рѣшилась обратиться къ императору Александру, гостю Франціи, съ теплыми, симпатичными словами, если не оправданія всего того, что происходило тогда въ Парижѣ, то нѣкотораго смягченія,—эта газета съ ужасомъ привела по поводу сообщеній о воззваніи Феликса Пиа извѣстія о воззваніяхъ другихъ демагоговъ; они восхваляли Каракозова, Орсини, Березовскаго, Зифелоге ¹⁾, Любени ²⁾, Пиа-нори ³⁾, Белламоге ⁴⁾, Беккера ⁵⁾, а также убійць сербскаго князя Михаила Обреновича въ саду топчидерскаго дворца, и при всемъ этомъ разстрѣль императора Максимилиана они выставили, какъ особый, высокій подвигъ мексиканскаго президента Хуареса, зачтя ему его въ громадную заслугу.

Если Феликса Пиа и другихъ авторовъ этихъ «оцѣнокъ» считали дѣятельными членами «общества изведенія коронованныхъ особъ», а Рупрехтъ стоялъ съ ними въ однихъ рядахъ, то какое же значеніе могла имѣть его подпись подъ адресомъ, о которомъ идетъ рѣчь!

Присутствовавшіе на первоначальномъ слѣдствіи министры Руэръ и Барошъ поразились, увидѣвъ между прочей перепиской, найденной у Березовскаго во время обыска, записку, въ которой кто-то его увѣдомляетъ, что въ 1865 году на конгрессѣ въ Дрезденѣ созрѣло рѣшеніе отправить въ три страны убійць и поручить имъ убійство коронованныхъ правителей тѣхъ странъ.

Въ какія государства были назначены тѣ наемники, а также кто авторъ той записки,—осталось не выясненнымъ; председательствовалъ на дрезденскомъ конгрессѣ князь Сапѣга, по всѣмъ даннымъ тотъ самый, который проживалъ въ Парижѣ и, въ числѣ другихъ польскихъ аристократовъ, выѣхалъ изъ этого города чуть ли не наканунѣ прибытія туда нашего государя.

Кромѣ разныхъ записокъ и рукописей, у Березовскаго были подвергнуты выемкѣ нѣсколько книгъ, дававшихъ цѣлое ученіе

¹⁾ Баварець артиллеристъ, ранившій въ Берлинѣ короля Фридриха-Вильгельма IV въ правую руку выстрѣломъ изъ пистолета въ 1857 году.

²⁾ Венгерець, ранившій въ 1853 году въ Прессбургѣ австрійскаго императора Франца-Иосифа въ шею.

³⁾ Въ 1855 году въ апрѣлѣ на Монмартрѣ далъ два выстрѣла въ Наполеона III.

⁴⁾ Въ томъ же году 8-го сентября выстрѣлилъ въ Наполеона III.

⁵⁾ Выстрѣлилъ два раза изъ ружья въ только что вступившаго на престолъ короля Вильгельма I, при чемъ король былъ легко раненъ въ затылокъ (въ Баденѣ-Баденѣ 1861 года).

о царевубійствѣ. Такимъ образомъ, господа министры знали объ этомъ обстоятельствѣ, но ни они, ни слѣдователи, ни судьи не дали значенія ему, хотя, казалось бы, оно могло съ достаточною опредѣленностью выяснить, какое участіе въ дѣлѣ направленія полуголоднаго, полоумнаго мальчика-неврастеника на гнусное преступленіе принимали тѣ, отъ кого онъ получилъ эти изданія, судя по виду и по содержанію, стоившія не дешево; на деньги, полученныя отъ заклада рваннаго пальто, Березовскій не могъ ихъ купить; бѣдные родители также не имѣли возможности ему ихъ подарить; очевидно, вручили ему ихъ кто-то во всемірной столицѣ при окончательной отполировкѣ этого юноши-идіота, жаждавшаго сдѣлаться спасителемъ отечества и искавшаго возможности этого спасенія въ покушеніи на жизнь монарха, у котораго одинъ за другимъ назрѣвали рыцарскіе планы самыхъ разнообразныхъ освобожденій.

Одного не могли взять себѣ въ толкъ и не взяли эти «добрые люди», занявшіеся обработкой своего несчастнаго земляка,—что, желая навредить Россіи и стремясь принести ей самое большое горе и несчастье — лишить ее благороднѣйшаго царя, — они вредили гораздо больше и, конечно, больше всего, — своей «отчизнѣ», которая, по свойственной сынамъ ея фальши, съ фальшью понимала и свои пльзы и пользы великой братской державы, своей сосѣдки, уже имѣвшей громадное несчастье въ томъ, что она получила во владѣніе «крулество», вѣчно мутившее Россію и вѣчно тѣмъ самымъ въ конецъ портившее больше всего свою же собственную исторію.

Джуліани, приводя свои полныя интереса воспоминанія о малѣйшихъ подробностяхъ пребыванія государя въ Парижѣ, между прочимъ, рассказывалъ о томъ, какъ его величество отнесся къ Канроберу, которому, благодаря занимавшемуся имъ высокому посту—начальника парижскаго гарнизона,—счастливый случай далъ возможность приблизиться къ «великодушнѣйшему монарху», какъ самъ Канроберъ называлъ государя.

Услышавъ предложеніе маршала сопровождать его величество при осмотрѣ казармъ и другихъ учрежденій, государь принялъ это предложеніе; оно ему показалось простымъ, безхитростнымъ и искреннимъ, и онъ остался имъ «въ полной мѣрѣ» довольнымъ. Во время производства осмотра государь былъ крайне любезенъ съ маршаломъ, а по окончаніи осмотра сказалъ ему:

— Я очень благодаренъ вамъ за то, что вы—военный хозяинъ Парижа, какъ начальникъ его гарнизона,—сочли возможнымъ занять меня на цѣлый день осмотромъ въ высшей степени интересныхъ статей подвѣдомственной вамъ части; съ истиннымъ удивленіемъ осмотрѣвъ все, благодарю васъ за то, что вы не задумались пожертвовать мнѣ свое время; я очень заинтересовался всѣмъ видѣннымъ;

искренно сожалѣю, что въ настоящую минуту мое истинное наслажденіе окончилось и что я долженъ разстаться съ такимъ дорогимъ спутникомъ, какимъ вы сумѣли сдѣлаться для меня!»

Старый воинъ былъ крайне тронутъ этой любезностью государя, и, низко поклонившись, сказалъ:

— Ваше величество, изъ моей благодарной памяти никогда не изгладится этотъ счастливый день высокомиловитивой ласки вашей ко мнѣ и ко всѣмъ учрежденіямъ, которыя вы осчастливили своимъ посѣщеніемъ; позвольте мнѣ засвидѣтельствовать то, что я глубоко чувствую своимъ тронутымъ сердцемъ: на всю жизнь я останусь почтительнѣйше преданнымъ и приверженнымъ вамъ слугою....

— А я только что сейчасъ подумалъ и приготовился сказать вамъ, что я никогда этого всего не забуду и что мы навсегда останемся друзьями,—почти перебилъ государь слова старика-маршала.

Канроберъ ¹⁾ былъ на девять лѣтъ старше государя, но на видъ онъ казался гораздо старѣе своихъ лѣтъ и разницу въ ихъ годахъ можно было признать лѣтъ въ двадцать.

Черезъ одиннадцать лѣтъ послѣ этого эпизода, въ 1878 году, мнѣ случилось, по волѣ государя Александра Николаевича, находиться на маневрахъ во Франціи. Прибывъ въ Везуль—главный городъ департамента Верхней Соны (Haute Saone), мы, иностранные офицеры, послѣ представленія командиру корпуса герцогу Омальскому, пожелали представиться прибывшему туда на маневры по приглашенію герцога маршалу Канроберу. Старика это очень тронуло; выйдя къ намъ въ садъ герцогскаго дома въ старенькомъ, заношенномъ мундирѣ и въ запыленной маршальской шляпѣ, какъ будто прямо изъ траншеи, онъ былъ со всѣми нами въ высшей

---

¹⁾ Франсуа-де-Канроберъ—маршалъ имперіи Наполеона III; это былъ очень способный и храбрый боевой генералъ; практической школой для него, какъ и для многихъ видныхъ французскихъ генераловъ тѣхъ временъ, служилъ Алжиръ. Случается слышать, что этотъ маршалъ во время Крымской войны былъ главнокомандующимъ французской, дѣйствовавшей противъ насъ арміи; на самомъ дѣлѣ онъ лишь временно принялъ командованіе арміей по случаю смерти главнокомандующаго Сентъ-Арно; по пріѣздѣ же новаго начальника арміи Пелиссье сдалъ ему должность и остался попрежнему командиромъ 3-го корпуса; какъ при Сентъ-Арно, такъ и при Пелиссье на Канробера было возложено выполненіе въ деталяхъ дѣла осады Севастополя.

Всей французской арміи извѣстенъ воспроизведенный тогда въ средѣ иностранныхъ офицеровъ прусскимъ артиллерійскимъ капитаномъ фонъ-Генцгофомъ рассказъ объ этомъ маршалѣ. Однажды, во время обхода имъ рядовъ арміи, одинъ кавалерійскій солдатъ, представивъ ему двустольный пистолетъ почти въ упоръ, спустилъ курокъ. «Ну, дальше», остановился и произнесъ Канроберъ, услышавъ осѣчку. Когда раздался звукъ второй осѣчки, онъ сказалъ: «Судь, въ свое время, скажетъ рѣшеніе, а пока за неисправность оружія выдержать этого бездѣльника недѣлю на хлѣбѣ и водѣ въ темномъ подвалѣ».

А в т.

степенн любезенъ и пропзвелъ на всѣхъ, не исключая и пруссаковъ, очень хорошее впечатлѣнiе.

Въ тотъ годъ пруссаки были въ первый разъ послѣ войны 1870 года приглашены во Францію для присутствованiя на маневрахъ; этотъ тактичный, вполне оцѣненный и императоромъ Вильгельмомъ и германской армiей шагъ былъ предпринятъ по твердому настоянiю тогдашняго президента республики маршала Макъ-Магона, герцога Маджентскаго, который на своемъ посту замѣстилъ, какъ извѣстно, Тьера.

Обходя во время нашего представленiя въ Везулѣ офицеровъ всѣхъ армiй, Канроберъ подошелъ особо ко мнѣ и сказалъ:

— Мнѣ очень прiятно пожать руку молодому представителю армiи всѣмъ сердцемъ глубокопочитаемаго мною императора все-россiйскаго; я ни на минуту не забываю и никогда не забуду того высокомилостиваго отношенiя, которое его величеству, великодушнѣйшему монарху, угодно было проявить по моему адресу уже болѣе десятка лѣтъ тому назадъ, когда государь, какъ гость покойнаго императора Наполеона, осчастливилъ Парижъ своимъ въ немъ пребыванiемъ; не буду вспоминать, какъ болѣзненно отозвалось въ сердцѣ всѣхъ благородныхъ людей ужасное преступленiе, которымъ для парижанъ было отравлено пребыванiе у нихъ высокопочитаемаго гостя, царя-Освободителя!

Затѣмъ маршаль отъ слова до слова воспроизвелъ приведенный выше со словъ Джулиани рассказъ объ эпизодѣ, столь тронувшемъ и осчастливившемъ его, маршала,—лично.

Когда, по возвращенiи моемъ изъ-за границы, мнѣ довелось доложить объ этомъ государю, его величество, милостиво выслушавъ, задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ, а затѣмъ сказалъ относительно Канробера:

— Достойный человекъ, честный, умный старикъ и, главное, въ полной мѣрѣ скромный; я такъ и буду всегда къ нему относиться неизмѣнно дружески. Кромѣ того, что онъ доставилъ мнѣ много хорошихъ минутъ при осмотрѣ мною показанныхъ имъ мнѣ учрежденiй, онъ много порадовалъ меня тѣмъ, что не забылъ моего больного, тяжело раненаго героя взятiя Джизака—Кузьминскаго; по моемъ отъѣздѣ изъ Парижа онъ нѣсколько разъ навѣстилъ его; это, съ его стороны, высокоблагородный поступокъ.

— Ты помнишь ли Кузьминскаго?—спросилъ затѣмъ государь и, на мой утвердительный отвѣтъ, немного помолчавъ, добавилъ съ большой печалью въ голосѣ и въ выраженiи лица:—Очень грустно кончилъ бѣдняга свою жизнь уже въ Молдавіи въ прошедшемъ году, во время моего проѣзда черезъ Яссы въ Плоэшти¹⁾.

При этомъ государь набожно перекрестился.

¹⁾ См. дальше, гл. VIII.

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

По должности префекта Сенскаго департамента, къ которому принадлежит Парижъ, государя сопровождалъ при осмотрѣ больницъ баронъ Георгъ Гаусманъ. Должность эту онъ занималъ съ 1853 по 1870 годъ. Во время управленія этимъ департаментомъ онъ энергично занимался перестройкой города Парижа по планамъ и непосредственнымъ указаніямъ Наполеона; всю древнюю часть города, съ узкими улицами и проулками, они, какъ бы по волшебству, обратили въ роскошную столицу съ широкими, длинными, прямыми улицами, авеню, бульварами, обширными площадями; несомнѣнно, съ точки зрѣнія навѣщающаго эту столицу обывателя это было прекрасно; самый прїѣздъ въ нее и простое краткое обозрѣніе ея доставляетъ громадное удовольствіе и наслажденіе. Но сколькихъ небогатыхъ домовладѣльцевъ эта перестройка разорила и пустила по міру; Наполеонъ, а по его волѣ и Гаусманъ, руководились, повидимому, тѣмъ и придерживались того, что «гдѣ рубятъ, тамъ и щепки летятъ». Между прочимъ городское хозяйство приведено было этими милліардными перестройками въ полное разореніе; городъ былъ втянутъ въ баснословные, рѣшительно неплатные долги.

По нѣкоторымъ даннымъ, Гаусманъ происходилъ изъ нѣмецкой семьи, процвѣтавшей въ эльзась-лотарингскихъ провинціяхъ; это былъ офранцузившійся нѣмецъ, фамилію котораго французы произносили Османъ (Hausmann); названный въ честь его большой бульваръ, идущій отъ Большой оперы къ Триумфальной аркѣ, такъ до сихъ поръ и величается «Бульваръ Османъ» ¹⁾.

Парижъ, доставшійся весной 1871 года на разграбленіе коммунаровъ, безъ сомнѣнія, былъ ими «доразоренъ»; они разрушили безъ разбора и часть случайныхъ остатковъ древняго «темнаго» города и многое изъ построеннаго Гаусманомъ. Когда, по усмирении коммуны, пришлось все приводить въ порядокъ, этотъ дѣлецъ, уже не состоявшій въ должности префекта, былъ, какъ извѣстно, уполномоченъ оказать своимъ громаднымъ опытомъ содѣйствіе «достройкѣ» всемірной столицы: правительство третьей республики, съ президентомъ Тьеромъ во главѣ, оказало ему столько довѣрія, что рѣшилось привлечь его къ участию въ производствѣ необходимыхъ работъ, тѣмъ болѣе, что онъ въ теченіе этого времени сумѣлъ пристроиться къ службѣ по кредитнобанковой части, явившейся чувствительно необходимою въ ту именно пору—изысканія возможности скорѣйшей уплаты чудовищнаго бисмарковскаго пяти-милліарднаго штрафа, наложеннаго «за слишкомъ смѣлые шаги Наполеона и его клеветовъ въ дѣлѣ вызова войны и за робость, проявленную этими авантюристами въ дѣлѣ веденія той войны».

¹⁾ Перестройка города не была закончена къ моменту начала войны 1870 года.

Впослѣдствіи Гаусманъ нѣсколько лѣтъ подъ рядъ попадалъ въ палату депутатовъ; многіе объясняли это тѣмъ, что, давая массѣ народа громадныя заработки по перестройкѣ города, онъ являлся благодѣтелемъ немущаго класса и такимъ образомъ привлекалъ большое расположеніе лично къ себѣ, а также преданность къ проходивцу Наполеону. Выставляя цѣлью производства этихъ работъ всевозможныя удобства населенія столицы, а отчасти и доставляя такія удобства (хорошая вода, ширь движенія по улицамъ, улучшенный воздухъ), въ сущности Наполеонъ и Гаусманъ, главнымъ образомъ, достигали при этомъ того, что держали въ рукахъ успокоенное населеніе, такъ какъ сотни тысячъ ремесленниковъ и поденщиковъ, обеспеченные заработкомъ, почти два десятка лѣтъ кричали «vive l'Empereur», и смута имъ не лѣзла въ голову; кстаті, большія, прямыя, широкія улицы, авеню, проспекты затрудняли возможность хода уличныхъ возстаній, которымъ всегда помогаетъ тѣснота и загроможденность. Несомнѣнно, проведеніемъ хорошей воды и освѣженіемъ воздуха былъ сильно пониженъ процентъ смертности въ городѣ.

Вотъ почему избраніе депутатомъ явилось для Гаусмана вознагражденіемъ послѣ паденія имперіи; а въ какой степени много оставалось сторонниковъ у нея,—это многіе усматривали въ томъ, что въ депутаты Гаусманъ при республикѣ попадалъ по избирательному округу бонапартистовъ,—по городу Аяччіо на островѣ Корсикѣ. Этимъ, въ нѣкоторой степени, подтверждались слухи, ходившіе насчетъ того, что Гаусманъ вообще издавна пристроился къ семьѣ Бонапартовъ и ихъ средствами прокармливался; это дало ему случай особо прислужиться Наполеону III 2-го декабря 1851 года. Немало остатковъ силы низвергнутаго императора многіе видѣли въ томъ, что съ первыхъ же дней водворенія республики изъ года въ годъ по его «лейбъ-округу» избирался нѣсколько лѣтъ угодный ему прислужникъ—уроженецъ Лотарингіи.

Когда маршалъ Макъ-Магонъ, послѣ итальянской войны 1859 года, за одержанную побѣду былъ возведенъ въ герцоги ¹⁾ (duc), нѣкоторые балагуры, очевидно, изъ его завистниковъ, говорили при дворѣ, что скорѣй слѣдовало дать этотъ высокій титулъ Гаусману.

— За что?—спросилъ самъ Гаусманъ.

— За украшенія и преобразованія всемірной столицы.

— Какимъ же герцогомъ вы меня прочили бы сдѣлать?

— Парижскимъ.

— Нѣтъ, Парижъ не герцогство, а лишь графство; вы знаете, что уже имѣется принцъ крови, которому присвоенъ титулъ графа Парижскаго...

¹⁾ Онъ, какъ извѣстно, получилъ титулъ герцога Маджентскаго за побѣду, одержанную при Маджентѣ.

— Ну, все равно, васъ можно сдѣлать герцогомъ Булонскимъ или Венсенскимъ, или, наконецъ, еще болѣе по достоинству—«герцогомъ Дюисскимъ».

Дюиссъ—название небольшой, но крайне быстрой рѣчки, протекающей въ окрестностяхъ Парижа; изъ нея Гаусманъ снабдилъ водой бѣднѣйшія части города; эта вода, будучи взята изъ самыхъ холодныхъ ключей рѣки Дюисса, была самою чистою и здоровою для питья.

Вспоминая объ этой своей заслугѣ, Гаусманъ говорилъ:

— Если искать награды за Дюиссъ, то мнѣ мало одного титула герцога (duc).

— Чего же вы хотите еще,—князя, что ли?

— Нѣтъ, я объ этомъ не помышляю, а горю нетерпѣніемъ скорѣй получить aqueduc (водопроводъ).

Наполеону эта шутка показалась очень находчивою и остроумною; онъ много смѣялся; кромѣ того, онъ изъ нея заключилъ, будто Гаусманъ, не думая о себѣ и о своихъ благахъ, помышляетъ лишь о нуждахъ общественныхъ и о благосостояніи города; поэтому, обратившись къ нему, онъ сказалъ:

— При всей похвальности вашихъ заботъ о городѣ, я не могу вамъ предоставить придуманной вами награды, не могу дать вамъ титулъ акведука; съ вашимъ умѣньемъ, несомнѣнно, вы его доставите Парижу, я же вамъ придумалъ другое: отнынѣ пусть самый большой бульваръ, идущій отъ Оперы до Триумфальной арки, носитъ ваше имя на память.

Вотъ какъ объясняютъ парижане происхожденіе этого названія, оставшагося за бульваромъ и понынѣ, и, повидимому, закрѣпленнаго за нимъ навсегда, несмотря на то, что были моменты, когда злоба, кипѣвшая въ націи противъ Евгеніи и Наполеона, не въ меньшей степени изливалась противъ ихъ слуги—Гаусмана (Османа)¹⁾.

Императоръ Александръ II, повидавъ нѣсколько разъ Гаусмана, при специальныхъ представленіяхъ и аудіенціяхъ, а также при осмотрѣ больницъ, когда съ нимъ, какъ съ гражданскимъ хозяиномъ города, приходилось вести бесѣды, высказалъ впослѣдствіи о немъ такое заключеніе: энергіей онъ кипитъ, человекъ способный и распорядительный; при этомъ ясно видно, что въ его жилахъ течетъ много семитской крови.

Дѣйствительно, можно было про него прямо сказать, что во всемъ его существѣ было видно много не только еврейскаго, но и

¹⁾ Французы, какъ извѣстно, не могутъ произносить иностранныя слова и фамиліи такъ, какъ они произносятся на томъ языкѣ, которому принадлежать. Изъ насъ четверыхъ, посланныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое удостоились того, что ихъ фамиліи были исковерканы: вмѣсто графъ Игнатьевъ французы говорили Иньятевъ, а вмѣсто Энденъ—Анданъ (colonel Enden). Авт.

жидовскаго. Несмотря на это, а, можетъ быть, именно благодаря этому, онъ окончилъ свою, полную превратностей и изворотливости жизнь въ высокомъ званіи сенатора.

— Ни въ чемъ у него нельзя усмотрѣть ничего общаго съ Канроберомъ,—сказалъ государь;—а меньше всего въ присущей маршалу скромности.

VII.

Маневры 1878 года во Франціи.—Герцогъ Омальскій.—Его жизнь и служба.—Разсказы, характеризующіе его отношенія къ Наполеону III, къ бонапартистамъ, къ Франціи, къ Россіи и къ императору Александру II.—Герцогъ Омальскій, какъ командиръ корпуса.—Пріѣздъ Кузьминскаго изъ Парижа въ Петербургъ ко дню столѣтняго юбилея ордена св. Георгія.—Вниманіе государя къ нему; отправленіе его въ Крымъ.—Государь широко, по-царски обезпечиваетъ его въ матеріальномъ отношеніи.—Непріятности въ Варшавѣ.—Своеобразная американская дуэль.

Изъ лицъ, командированныхъ въ 1878 году на маневры во Францію, двое — командиръ Кавалергардскаго его величества полка свиты его величества ген.-майоръ графъ А. П. Игнатьевъ и л.-гв. Павловскаго полка полковникъ флигель-адъютантъ П. П. Энденъ — должны были пробыть въ два срока по двѣ недѣли въ двухъ корпусахъ, а начальникъ 29-ой пѣхотной дивизіи, бывшій воспитатель великаго князя Николая Константиновича ген.-лейт. А. Ф. Мирковичъ 1-й и я въ двухъ другихъ корпусахъ. На нашу долю выпало пробыть вторую половину августа въ Везулѣ въ VII корпусѣ герцога Омальскаго, а первую половину сентября въ Аррасѣ, въ I корпусѣ генерала Кленшана (Klinchan). Генералъ Мирковичъ опоздалъ прибытіемъ во Францію и попалъ только въ корпусъ генерала Кленшана; въ корпусъ же герцога прибылъ съ нѣкоторымъ опозданіемъ замѣставшій свѣтлѣйшаго князя Ватгенштейна въ должности нашего военного агента въ Парижѣ генеральнаго штаба полковникъ баронъ Л. А. Фредериксъ.

Принцъ Евгений-Людовикъ Орлеанскій герцогъ Омальскій былъ четвертый сынъ Луи-Филиппа I, короля Франціи (1830—1848); онъ родился въ 1822 году, съ юныхъ лѣтъ служилъ въ Алжирѣ, гдѣ стяжалъ себѣ славу прекраснаго боевого офицера. Когда въ 1847 году алжирскому военному губернатору Ламорисьеру случился знаменитый предводитель арабскихъ племенъ Абдъ-эль-кадэръ, въ теченіе многихъ лѣтъ упорно сопротивлявшійся французамъ, — двадцатипятилѣтній командиръ полка и полковникъ генеральнаго штаба герцогъ Омальскій былъ признанъ однимъ изъ главныхъ виновниковъ блестящей побѣды; герой былъ награжденъ чиномъ генерала, командорскимъ крестомъ ордена Почетнаго Легіона, назначенъ бригаднымъ генераломъ, а затѣмъ вскорѣ замѣстилъ Ламорисьера. Рассказываютъ, что онъ съ большимъ упорствомъ и съ

не меньшею искренностью отказывался отъ наградъ, выставляя прямо и откровенно, что является крайне неловкимъ сыну короля получать сразу столько боевыхъ отличій; потребовалось вмѣшательство отца его для того, чтобы устранить возникшія затрудненія.

Вспыхнувшая въ слѣдующемъ 1848 году революція заставила Луи-Филиппа отказаться отъ престола; вслѣдъ затѣмъ и сынъ его, покинувъ свой постъ, удалился въ Англію, гдѣ занялся литературой.

Это былъ очень способный, высокообразованный, начитанный человѣкъ; онъ отличался гуманностью взглядовъ и крайнимъ благородствомъ души. Написанная имъ въ 1861-мъ году противъ сенатской рѣчи Наполеона III рѣзкая статья, изданная въ видѣ отдѣльной брошюры «Lettre sur l'histoire de France», въ свое время произвела большую сенсацію во Франціи и долго шумѣла; другое рѣзкое сочиненіе его «Qu'a-t-on fait de la France» увидѣло очень мало свѣта во Франціи: какъ запрещенное и преслѣдовавшееся судебнымъ порядкомъ въ имперіи, оно было сразу «при вѣздѣ» конфисковано и предано уничтоженію.

Находившійся въ 1878 году между прочими иностранными офицерами въ Везулѣ на маневрахъ отъ Пруссіи капитанъ Генцгофъ, очень способный и серьезно образованный артиллеристъ, рассказывалъ, что Наполеонъ III, снаряжая въ 1853 году свою армію въ Крымъ, предложилъ герцогу Омальскому, котораго способности были ему хорошо извѣстны, должность командира одного изъ корпусовъ. Многіе французскіе офицеры и нѣкоторые генералы, изъ числа находившихся въ Везулѣ, подтверждали это сообщеніе. Состоявшій же при насъ прекрасно владѣвшій русскимъ языкомъ французскаго генеральнаго штаба майоръ Кардо, не опровергая въ цѣломъ сообщенія Генцгофа, далъ подробное освѣщеніе этой исторіи.

Извѣстно, что Наполеонъ былъ большой руки фокусникъ и интриганъ; у него дѣйствительно могла созрѣть всякая продѣлка, имѣющая въ основѣ что-либо дурное и низменное; его вообще направленный къ низкому умъ могъ додуматься до предложенія—ввѣрить командованіе бонапартовскими войсками во время войны одному изъ самыхъ видныхъ представителей Орлеанскаго дома. Пустивъ украдкой слухъ объ этомъ своемъ планѣ, онъ его нигдѣ не рѣшился сразу поддержать, такъ какъ долженъ былъ чувствовать и предвидѣть, что такое предложеніе было заранѣе обречено на полный провалъ. Не такой былъ человѣкъ герцогъ Омальскій, чтобы повѣрить въ искренность чего бы то ни было, исходившаго отъ «булонско-гаврскаго заговорщика и арестанта»; герцогъ отказался бы, о чемъ прямо и говорилъ, слыша вѣсти о пущенномъ тайкомъ слухѣ, добавляя, что во всякомъ предложеніи этого «узурпатора» всегда можно заподозрѣть какую угодно ловушку и западню.

Капитанъ Генцгофъ увѣрялъ, будто бы Наполеонъ все-таки сдѣлалъ предложеніе герцогу Омальскому черезъ кого-то изъ своихъ приближенныхъ и будто бы герцогъ отказался поотрѣзъ, сказавъ, что предложеніе командовать корпусомъ онъ счелъ бы лестнымъ, какъ отданіе долга его военнымъ заслугамъ; для Франціи онъ готовъ всегда беззавѣтно и всецѣло жертвовать собой и, конечно, охотно взялся бы за оружіе, но никогда не рѣшился бы стать въ ряды бонапартовской арміи, въ особенности противъ Россіи.

— Кто не знаетъ, — добавилъ Генцгофъ: — что и Орлеаны и Бурбоны считаютъ себя обязанными Россіи за 1814 годъ, когда императоръ Александръ I, послѣ сверженія Наполеона I, не только посадилъ на французскій престолъ Людовика XVIII, но совершенно дружески руководилъ имъ, а затѣмъ оказалъ ему мощную поддержку въ 1815 году, когда Наполеонъ, поднявшійся съ острова Эльбы и высадившись на берегъ въ Провансѣ, пошелъ на Парижъ.

Выслушавъ все разсказанное пруссакомъ, майоръ Кардо вскопчилъ и горячо, съ нѣкоторою запальчивостью возразилъ:

— Нѣтъ, нѣтъ, герцогъ Омальскій вовсе не изъ числа тѣхъ людей, которые не понимаютъ всей громадности развѣдающаго Францію несчастья, держащагося на томъ, что «всѣ отношенія у насъ теперь складываются мелочами политики», подмѣшиваемой нами во все безъ разбора и въ ущербъ всякому, самому серьезному дѣлу. Герцогъ лучше всѣхъ понимаетъ, что все орлеанское, бонапартистское, бурбонское и всякое иное должно сглаживаться, стираться и уничтожаться, когда вопросъ идетъ о чести отечества. Я уже слышалъ раньше о томъ, что Наполеонъ нашелъ-таки способъ дойти со своимъ предложеніемъ до герцога, — сказалъ дальше Кардо: — и я знаю и то, что не такой отвѣтъ далъ герцогъ, рѣзко указавшій Наполеону въ своемъ отпорѣ на то, чего Наполеонъ никакъ не ожидалъ услышать, въ особенности отъ него; вотъ его отвѣтъ:

«Я никогда не стану во главѣ какой бы то ни было части и не стану въ ряды арміи, — будь она бонапартовская или какая бы то ни было иная, когда, толкаемая своимъ представителемъ, она позорно идетъ противъ святого дѣла, предпринятаго великой державой и ея цѣремъ въ защиту христіанъ, угнетаемыхъ грубою силою полумѣсца. Изъ-за чего, въ сущности, армія сыновъ Франціи идетъ на эту борьбу? Она поневолѣ топчетъ честь отечества неключительно изъ-за меркантильныхъ расчетовъ людей, коимъ посчастливилось 2-го декабря захватить власть, получивъ такимъ образомъ возможность заглушать, давить, уничтожать и душить все чистое, честное, великое для осуществленія того, что обуславливается ихъ мелкими вождельніями...».

— Вотъ что отвѣтилъ герцогъ Омальскій, если вы хотите знать истину, — нояспилъ Кардо: — ничто узкое бонапартовско-орлеанское тутъ значенія не имѣло и роли не играло. Чести Франціи и за-

щитѣ благородныхъ порывовъ Россіи съ царемъ во главѣ дать первое мѣсто благородный принцъ...

Такъ майоръ Кардо закончилъ свое возраженіе, ярко охарактеризовавшее герцога Омальскаго.

Въ 1871 году, послѣ отмѣны правительствомъ третьей республики изданнаго въ 1848 году декрета объ изгнаніи изъ Франціи Бурбоновъ и Орлеановъ, герцогъ Омальскій возвратился во Францію, призналъ республику и былъ допущенъ въ національное собраніе; въ 1873 году онъ предѣлательствовалъ въ засѣдавшемъ въ Трианонѣ судѣ надъ маршаломъ Базеномъ; съ 1875 года—командовалъ VII корпусомъ въ Везулѣ.

Иностранныхъ офицеровъ, прибывшихъ къ нему въ 1878 году, онъ очаровалъ своею любезностью; эта ровная серьезная любезность, общительность, деликатнѣйшее обращеніе герцога, неприужденность простоты этого обращенія были тогда отмѣчены и подчеркнуты всѣми иностранными офицерами, даже чопорно-грубые пруссаки приходили въ восторгъ, насколько вообще способность восторгаться доступна ихъ характеру и нраву.

Его крайне привлекательная любезность изобличала въ немъ человѣка самаго высшаго круга прежнихъ французскихъ салоновъ; тончайшею обходительностью своею онъ дѣлалъ то, что каждому казалось, будто онъ именно къ нему относится съ особымъ расположеніемъ; а между тѣмъ въ его обращеніи не было видно ни особаго старанія быть любезнымъ, ни даже усиленія какой-либо ласки; еще меньше проявлялось чего-либо дѣланнаго или фальшиваго, словомъ, такого, что, не будучи способно привлечь, обманываетъ лишь самого расточающаго фальшь и полагающаго вызвать ею чувства расположенія къ себѣ, въ сущности же достигающаго совершенно противоположныхъ результатовъ.

Во все время нашего десятидневнаго пребыванія въ Везулѣ мы пользовались широкимъ гостепримствомъ герцога; ежедневно рано утромъ мы выѣзжали на маневры въ его разнообразныхъ экипажахъ до намѣченнаго пункта, на которомъ герцогъ, его начальникъ штаба, лица свиты и всѣ мы пересаживались на коней.

Тамъ въ полѣ, около полудня, въ боевой обстановкѣ, среди войскъ, которымъ на это время давался перерывъ, мы у него завтракали, располагаясь для этого въ шатрѣ или просто въ прохладѣ лѣса на чистомъ воздухѣ. По возвращеніи съ маневровъ, обыкновенно около восьми часовъ вечера, обѣдали у него въ домѣ; затѣмъ онъ насъ приглашалъ къ разбору происшедшихъ за день движеній и дѣйствій войскъ, при чемъ просилъ каждого высказываться просто, прямо, откровенно обо всемъ, что было замѣчено относительно войскъ.

Нѣсколько разъ, въ общемъ разговорѣ, герцогъ Омальскій обращался къ своимъ воспоминаніямъ о государѣ Александрѣ Николаевичѣ, которому давно, «въ юности своей, въ Лондонѣ, имѣлъ счастливый случай и высокую честь представиться—тогда еще наслѣднику престола».

Однажды среди обѣда герцогъ совершенно неожиданно всталъ и, провозгласивъ тостъ за здоровье государя императора, сказалъ:

— Я знаю, что сегодня день тезоименитства его величества, и помню это со дня лондонскаго представленія моего; оно случилось въ этотъ же день 30-го августа стараго стilia; это день святого, имя котораго носить царь.

Занявъ послѣ тоста свое мѣсто, герцогъ снова разговорился объ государѣ, вселившемъ въ немъ самыя лучшія воспоминанія, «постоянно согрѣвающіяся, по словамъ герцога, непрерывными извѣстіями о реформахъ, которыя вызываютъ сплошное преклоненіе передъ гуманнымъ царемъ, такъ легко и неустанно во все время своего царствованія осчастливливающимъ свой народъ и свою необъятную страну. Богъ дастъ, мнѣ удастся осуществить свое задушевнѣйшее желаніе—еще разъ представиться «этому великому человѣку и величайшему изъ государей нынѣшняго вѣка».

Сидѣвшій рядомъ съ герцогомъ маршалъ Канроберъ сказалъ:

— Ваше высочество испытаете совершенно особое, не поддающееся описанію чувство, которымъ чаруетъ сердечная мягкость обращенія государя.

— Я прошу васъ, если это возможно, вмѣстѣ съ представленіемъ его величеству чувствъ просившаго васъ объ этомъ достоуважаемаго маршала, представить также засвидѣтельствованіе моей почтительнѣйшей преданности.

Эти слова герцогу невольно пришлось обратить ко мнѣ, такъ какъ никъ то тамъ больше не находилось, кто вскорѣ долженъ былъ возвращаться въ Россію.

Герцогъ наговорилъ столько любезностей и такъ много занялся государемъ и Россіей, что поневолѣ приходилось озираться,—не задѣнетъ ли это кого-либо; но ни одинъ баварецъ, ни одинъ пруссакъ и даже ни одинъ австріецъ нисколько не насупилъ бровей...

При герцогѣ въ теченіе всего времени маневровъ состоялъ и исполнялъ службу ординарца его племянникъ—старшій сынъ его старшаго брата, уже тогда покойнаго герцога Орлеанскаго, графъ Парижскій, къ которому дядя относился какъ къ нѣжно любимому сыну. Графъ въ то время считался самымъ старшимъ представителемъ Орлеанскаго дома, имѣлъ всѣ права на занятіе французскаго королевскаго престола, а въ семьѣ и среди партіи считался кандидатомъ на него.

Представивъ государю кратко то, о чемъ просилъ герцогъ Омальскій, я выслушалъ отъ государя въ высшей степени привѣтливья слова:

— Я очень радъ, что ты вспомнилъ объ этомъ,—сказалъ государь:—герцогъ меня тогда же очень тронулъ своей телеграммой, а затѣмъ и письмомъ; я отвѣтилъ ему, прося его списаться со мной о томъ, гдѣ и когда намъ удобнѣе было бы свидѣться; я очень радъ былъ бы его повидать.

Свиданію, однако, не суждено было состояться: въ слѣдующемъ 1879 году интриги выставили противъ герцога подозрѣніе въ честолюбивыхъ проискахъ и въ концѣ того года онъ былъ уволенъ отъ службы на 57-мъ году жизни; это такъ удручило его, что онъ очень долго проболѣлъ тяжелою болѣзнью; а затѣмъ всякія надежды оборвались 1-мъ марта 1881 года.

Герцогъ Омальскій былъ на пять лѣтъ моложе государя; онъ умеръ въ 1897 году 75-ти лѣтъ отъ роду.

Послѣ длиннаго перерыва продолжаю разсказъ о Кузьминскомъ.

По отъѣздѣ государя онъ оставался на излеченіи въ Парижѣ до конца мая 1868 года; лѣтомъ его отправили въ предѣлахъ Франціи на воды; въ теченіе зимы 1868—9 продолжали лечить въ той же больницѣ улицы Бакъ; лѣто 1869 года ему пришлось провести на водахъ, сначала во Франціи, а потомъ въ Теплицѣ.

Какова была его радость, когда къ столѣтію со дня учрежденія великою Екатериною ордена св. Георгія онъ получилъ возможность прибыть въ Петербургъ и, хотя на костыляхъ, представиться государю въ самый день принятія царемъ званія гроссмейстера ордена и возложенія имъ на себя ленты св. Георгія 1-й степени, согласно статута, установленнаго учредительницей.

Пребываніе въ сѣверной столицѣ, рѣзкость переменъ погоды, различныя пиршества, вызывавшіяся чествованіями при встрѣчахъ со старыми знакомыми, съ товарищами и друзьями, а также необходимость подвергать себя вліянію жестокихъ морозовъ,—все это обусловило большое и замѣтное ухудшеніе здоровья израненнаго страдальца.

Государь, узнавъ о послѣдовавшемъ ухудшеніи, огорчился и очень заботливо поручилъ лейбъ-медикамъ Эдекауэру, Цицурину и Боткину, осмотрѣвъ его внимательно, избрать ему мѣсто жительства. Доктора склонялись къ тому, чтобы отправить его въ Каиръ, но онъ взмолился и просилъ, въ видѣ милости, оставить его въ Россіи.

— Истосковавшись по родинѣ,—сказалъ онъ:—я отъ одной тоски могу умереть на чужбинѣ.

Это было доложено государю съ приложеніемъ того мѣнія, что, если выбрать мѣстность въ Россіи, то лучше всего остановиться на назначеніи южнаго берега Крыма.

Тогда государь велѣлъ немедленно отправить его въ Крымъ, тамъ начать правильно производить ему ту ренту, о которой его величество говорилъ въ Парижѣ князю Витгенштейну и которую велѣлъ пазначить ему пожизненно, отпустивъ разомъ всю сумму, причитающуюся ему по расчету со дня полученія имъ ужасныхъ въ конецъ искалѣчившихъ его ранъ, т. е. со дня совершенія имъ геройскаго подвига.

Не остановившись на этомъ, государь, съ тѣмъ вмѣстѣ, велѣлъ сохранить ему тотъ мундиръ, въ которомъ онъ былъ въ моментъ совершенія подвига—мундиръ Волынскаго уланскаго полка, а командующему войсками одесскаго военнаго округа генераль-адъютанту П. Е. Коцебу лично приказалъ считать Кузьминскаго состоящимъ при немъ, оберегать его и обо всѣхъ нуждахъ его, когда такія окажутся, всеподданнѣйше доносить.

Послѣ того Кузьминскій пробылъ пять лѣтъ въ Крымѣ, пользуясь въ лѣтніе мѣсяцы то сакскими грязями, то одесскимъ лиманомъ, то водами липецкими или старорусскими.

Вотъ послѣ чего онъ, надумавъ вернуться въ свой полкъ, появился лѣтомъ 1874 года въ привѣтливой Варшавѣ. Оставленіе ему дорогаго мундира славнаго Волынскаго полка онъ считалъ самою высокою царскою милостію и самою большою, послѣ георгіевскаго креста, наградою.

Ходилъ онъ при помощи костылей, однако по временамъ позволялъ себѣ, съ разрѣшенія врачей, ѣздить верхомъ; при этомъ лишь было поставлено условіемъ стараться избѣгать очень большихъ переходовъ и не утомлять себя движеніемъ крушной рысью.

Вообще можно сказать, житье его было полудоровое, а здоровье полукрѣпкое; хотя оно съ теченіемъ времени физически укрѣплялось, но въ первомъ отношеніи — сильно ухудшалось; болъной дошелъ почти до той высшей степени раздражительности, какаѣ у него замѣчалась только во времена пачала постановки правильнаго научнаго метода леченія въ парижской больницѣ улицы де-Бакъ.

Ко времени, о которомъ предстоитъ рѣчь, со дня раненія прошло болѣе восьми лѣтъ; года эти Кузьминскій прожилъ почти въ полномъ одиночествѣ, отъ людей отвыкъ, одичалъ и огрубѣлъ. Первый годъ его пребыванія въ Варшавѣ прошелъ, можно сказать, почти благополучно, но слѣдующій годъ сразу сталъ чревать разнообразными неприятностями, или, вѣрнѣе сказать, «исторіями», изъ которыхъ каждая представляла собой нѣчто подобное тому, что можно назвать «уличнымъ скандаломъ».

Вдругъ сдѣлалось извѣстнымъ, что Кузьминскій изъ-за какой-то мелочи задрался съ какимъ-то очень мелкимъ обывателемъ во время обычнаго концерта Штрауса «въ Швейцарской долигѣ», при чемъ онъ пригрозилъ какому-то «пану добрдзію» костылями; въ другой разъ, когда бравому офицеру случилось, промчавшись на великолѣпной русской тройкѣ своей, кого-то сшибленнаго ею съ ногъ переѣхать, онъ, на требованіе городского назвать себя для составленія протокола, опять отвѣтилъ обѣщаніемъ познакомить съ расправой костылями; по счастью, оба раза это осталось простой угрозой.

Однако третье столкновеніе прямо началось съ костылей. Кузьминскій на той же своей бросавшейся въ глаза и славившейся среди варшавянъ тройкѣ подѣхалъ къ одному изъ театровъ и, подойдя къ каскѣ, спросилъ себѣ нѣсколько билетовъ въ кресла.

— Кресла всѣ распроданы, — отвѣтилъ кассиръ.

— Неправда, я вижу, что билеты еще остались.

— Эти уже запроданы по особому заказу.

— Сейчасъ подай! — потребовалъ онъ грозно и громко.

— Нѣтъ, я не могу ихъ дать, не смѣю...

— Не можешь, не смѣешь! Повторяю: подай сію секунду, негодяй.

— Алезъ не, нѣдамъ, — имѣлъ кассиръ неосторожность отвѣтить по-польски.

— Какъ! ты осмѣливаешься отвѣчать мнѣ не на томъ языкѣ, на которомъ я съ тобой говорю!..

Опершись крѣпко на одинъ костыль, Кузьминскій просунулъ другой въ маленькое окошко кассы и прижалъ имъ бѣднягу кассира, припилилъ его къ стѣнѣ на манеръ того, какъ припиливаютъ бабочекъ и жучковъ при составленіи коллекціи насѣкомыхъ.

Несчастный кассиръ отдѣлался отъ большой бѣды, но какъ вышло, что онъ остался живъ, цѣлъ и невредимъ, — это одинъ Богъ вѣдаетъ. Черезъ нѣсколько дней произошло подъ рядъ нѣсколько исторій, относительно которыхъ приходилось удивляться тому, какъ самъ Кузьминскій оставался въ нихъ цѣлымъ. Натолкнувшись въ комендантскомъ управленіи на отказъ или на промедленіе въ выдачѣ ему какого-то документа или въ помѣщеніи снѣжной отмѣтки въ таковомъ, онъ схватилъ со стола довольно увѣсистую хрустальную песочницу и бросилъ ее пиесу въ голову; этотъ чиновникъ управленія получилъ разсѣченную рану и едва отдѣлался отъ сильныхъ припадковъ нервнаго расстройства. Генераль-адъютантъ Коцебу, не признавъ возможнымъ оставить этотъ случай безъ вниманія, велѣлъ арестовать Кузьминскаго и продержать его трое сутокъ на гауптвахтѣ; тамъ онъ придрался къ сторожу и побилъ его костылемъ.

Отбывъ это наказаніе, герой Ура-Тюбе и Джизака уѣхалъ въ началѣ лѣта сравнительно на долгій срокъ въ какой-то курортъ, изъ котораго вернулся лишь осенью.

Надо замѣтить, что онъ особенно любилъ поухаживать за хорошенькими дамами и никакъ не могъ себѣ представить, чтобы противъ его обаятельной, мужественной красоты можно было устоять. Случилась ему на пути очень молодая, красивая, миниатюрная, въ видѣ прелестной куколки, брюнетка, русская, за годъ передъ тѣмъ вышедшая замужъ и поселившаяся въ Варшавѣ съ мужемъ, также чисто русскимъ человѣкомъ, только что начавшимъ тогда свою ученую карьеру; она съ такимъ твердымъ упорствомъ показывала полнѣйшее равнодушіе въ отвѣтъ на начатыя имъ съ весны ухаживанья за ней и увиванья возлѣ нея, что его это стало серьезно озабочивать; выказывалъ онъ свою озабоченность первнымъ раздраженіемъ, легко переходившимъ въ ражъ; онъ злобствовалъ и безумствовалъ въ такой степени, что всѣ его исторіи можно было приписать этому неудачному ходу его романическаго похаживанія. Спокойствіе молоденькой красавицы его бѣсило; онъ готовъ былъ ея индифферентное къ нему отношеніе приписать чему угодно, но не могъ постичь того, что она могла питать къ мужу тѣ чувства, которыхъ онъ, герой, требовалъ по отношенію къ себѣ, и, кромѣ того, что она могла просто держаться прежде и больше всего чувства долга. Ни она, ни ея мужъ не усмотрѣли необходимости какъ-либо отдѣлаться отъ такого знакомаго, тѣмъ болѣе, что, вымещая свои неудачи на другихъ, онъ умѣлъ держать себя въ ихъ домѣ совершенно корректно и прилично. Что въ его поведеніи имѣлась какая-то неловкость, всѣмъ близкимъ къ дому пришлось почувствовать только тогда, когда всѣ увидѣли, насколько съ его отъѣздомъ изъ Варшавы всѣмъ сразу стало легче и какъ-то свободнѣе, — точно всѣ избавились отъ тяжелаго стѣсненія.

По своемъ возвращеніи Кузьминскій не могъ ни въ толкъ себѣ взять, ни простить дамѣ, когда увидѣлъ, что она не только продолжала упорствовать въ своемъ нежеланіи отвѣчать ему взаимностью, но какъ будто за время его отсутствія усвоила себѣ привычку отъ него совершенно отворачиваться и его персону рѣшительно игнорировать.

Испробовавъ все, чтобы вернуть хотя бы прежнюю степень ея внимательности къ нему, — если ужъ исканіе расположенія являлось невозможнымъ, — Кузьминскій съ досадою увидѣлъ безуспѣшность предпринятаго и потому совершенно просто рѣшилъ, что происходитъ все изъ-за ея чувствъ къ какому-нибудь другому, болѣе счастливому ухаживателю.

Такъ рисовалось дѣло въ его больномъ, разстроенномъ воображеніи.

Сложнаго въ этой исторіи онъ не усмотрѣлъ ничего, а, понаблюдавъ въ тоскѣ дня три-четыре, подкараулилъ незнакомаго ему молодого гвардейскаго офицера при выходѣ его изъ квартиры красавицы и, остановивъ его, предъявилъ ему обвиненіе въ томъ, что, заходя къ дамѣ во время отсутствія ея мужа, офицеръ компрометируетъ ее и

оскорбляетъ мужа, — онъ же, Кузьминскій, какъ другъ мужа, обязанъ оберегать его честь, почему требуетъ отъ офицера удовлетворенія.

Нечего было вдумываться въ то, чтобы усмотрѣть, насколько разстроилась въ несчастномъ способность думать и разсуждать; измышленіе такого поворота дѣла дало ему полный аттестатъ; несмотря на это, не далѣе, какъ черезъ два-три часа, секунданы гвардейскаго офицера явились въ назначенное мѣсто. Не найдя секундантовъ Кузьминскаго и прождавъ ихъ напрасно до вечера, они рѣшили разойтись по домамъ и увѣдомить объ этомъ уполномочившаго ихъ товарища.

Оказалось, что тѣмъ временемъ какъ бы разыгралось продолженіе этой «исторіи». Молодой гвардеецъ, прождавъ напрасно возвращенія своихъ пріятелей-секундантовъ, отправился искать ихъ, а кстатѣ рѣшилъ зайти куда-либо наскоро пообѣдать. Дома денщику своему онъ объяснилъ, что очень скоро возвратится, а если, до своего возвращенія, онъ понадобится кому бы то ни было, то искать его въ ресторанѣ Стемповскаго на Театральной площади.

Только что онъ началъ обѣдать, какъ въ залъ небольшого ресторана вошелъ Кузьминскій и, оглядѣвшись, направился прямо къ своему сопернику съ видимымъ намѣреніемъ заговорить, при чемъ смущенно произнесъ:

— Я къ вамъ...

— Что вамъ угодно?—сказалъ офицеръ, какъ бы перебивъ подошедшаго:—дѣло свое мы передали секундантамъ, а потому никакихъ разговоровъ между нами быть не можетъ и не должно.

— Я васъ очень прошу,—запинаясь проговорилъ Кузьминскій:—выслушайте меня; я весь день старался найти секундантовъ, но это мнѣ не удалось; прошу васъ, возьмите одинъ изъ этихъ билетовъ.

Онъ раскрылъ руку; на его ладони оказались двѣ тщательно свернутыя въ трубочку записки, очевидно, нарочно заготовленныя раньше.

Гвардейскій офицеръ, совершенно машинально, взялъ одинъ изъ билетовъ и развернулъ; онъ оказался чистымъ; на другомъ билетѣ, который развернулъ Кузьминскій, было крупно написано какое-то слово,—онъ какъ бы поторопился скомкать его и спрятать въ карманъ съ очевидною цѣлью не дать никому разобрать это слово...

— Ну,—сказалъ онъ въ растерянномъ раздумьи:—мнѣ, по обыкновенію, одинъ удѣлъ...

Тутъ только молодой офицеръ догадался, что создалось нѣчто подобное американской дуэли.

— Нѣтъ, нѣтъ,—торопливо произнесъ онъ:—это напрасно; если бы мнѣ достался вашъ билетъ, я не исполнилъ бы никакой надписи, говорю и утверждаю прямо; наше дѣло передано въ руки довѣренныхъ лицъ—секундантовъ, и мы должны ожидать окончанія ихъ переговоровъ; надо надѣяться, что вы наконецъ найдете секундантовъ...

— Прощайте,—грубо перебилъ Кузьминскій:—живите счастливо, а ей скажите, что я за нее погибаю совершенно спокойно; мнѣ не въ первой...

Онъ быстро вышелъ, сѣлъ на извозчика и умчался.

Случайно присутствовавшіе при этой сценѣ два артиллерійскихъ офицера и одинъ пѣхотный, а также трое штатскихъ ничего не поняли въ ней, тѣмъ не менѣе всѣмъ она показалась какою-то дѣланною, театральною, аффектированою, или, просто сказать, похожею на пошлую комедію.

Секунданты, которымъ ихъ довѣритель поторопился рассказать все происшедшее, нашли въ этомъ много смѣшного и, сопоставляя случившееся съ тѣмъ, что секунданты джизакскаго героя въ теченіи цѣлаго дня не были присланы для переговоровъ,—сочли всю эту выходку его за ясный признакъ исчезновенія въ немъ мощнаго духа, когда-то подвигавшаго его на подвиги богатырскаго мужества и колоссальнаго молодечества.

— Духъ героизма,—говорили они,—пропалъ въ Кузьминскомъ.

— Нельзя такъ просто осуждать, надо знать всю суть дѣла; можетъ быть, оно не такое простое, мало ли что можетъ въ немъ скрываться,—возражалъ молодой гвардейскій офицеръ, но самъ чувствовалъ, что возраженіе его не имѣетъ твердаго основанія.

Казалось, что вообще все продѣланное Кузьминскимъ за послѣднее время въ Варшавѣ было подчинено тому мозговому расслабленію, которое людямъ свѣдущимъ могло указать на ясные признаки явившагося у несчастнаго героя самой сложной формы разжиженія мозга и прогрессивнаго паралича.

Въ теченіе слѣдовавшаго за этимъ вечеромъ дня вся Варшава была занята толками о подвигѣ героя и пересудами объ этой странной исторіи съ бѣгствомъ его.

Среди разговоровъ, между прочимъ, громко объяснялось, что тяжкія раненія, вынесенныя въ свое время страдальцемъ, лишили его, какъ тогда выражались, радостей жизни; говорили, будто бы парижскій врачъ, ясно видѣвшій все безжалостно произведенное въ организмѣ ужаснымъ искалѣченіемъ, съ грустью констатировалъ полную безвозвратную импотенцію, о которой, взывая къ благоразумію своего пациента, прямо и честно освѣдомилъ его.

Обо всемъ, что произошло въ теченіе дня вызова, было подлежащею властью фORMALЬНО доведено до свѣдѣнія генераль-адъютанта графа Коцебу; онъ призналъ нужнымъ взять и съ гвардейскаго офицера и съ Кузьминскаго подписку въ томъ, что они обязуются честнымъ словомъ ничего не предпринимать для осуществленія какой бы то ни было дуэли—«настоящей или хотя бы изобрѣтенной кѣмъ-либо изъ нихъ». Давъ коменданту генераль-лейтенанту графу Развадовскому распоряженіе объ исполненіи этого, П. Е. Коцебу, однако, при всей своей серьезности, много смѣялся, когда до его

свѣдѣнія было доведено обо всемъ томъ, что произошло вечеромъ, въ особенности, когда тотъ же графъ Развадовскій послѣднюю сцену разсказалъ въ шутивомъ и забавномъ тонѣ, съ дополненіемъ заключенія о театральности, проявленной Кузьминскимъ.

— Совсѣмъ развинулся бѣдный Кузьминскій,—добавилъ графъ Коцебу серьезно:—вѣдь это все въ немъ творять болѣзни; онѣ его извели и совершенно исковеркали; надо непремѣнно поручить врачамъ внимательно освидѣтельствовать его и слѣдить за состояніемъ его здоровья; оно совершенно пропадаетъ.

Сколько впоследствии случаевъ представилось всѣмъ знавшимъ джизакскаго героя пожалѣть о томъ, что эти слова остались не исполненными; комендантъ графъ Развадовскій за дряхлостью и разбитостью могъ не разслышать ихъ или не взять въ толкъ; самому же командующему войсками, графу Коцебу, входитъ во всѣ подобныя мелочи не представлялось возможнымъ. Такъ все и осталось втуне.

Можно себѣ представить, какъ всѣ много толковавшіе обо всей этой исторіи были поражены, когда на другой день къ вечеру графъ Коцебу получилъ изъ мѣстечка, въ которомъ стоялъ Волынскій уланскій полкъ, телеграмму съ официальнымъ донесеніемъ о томъ, что «штабъ-ротмистръ Кузьминскій, желая лишить себя жизни, выстрѣлилъ изъ револьвера себѣ въ лѣвое легкое; пуля, пройдя насквозь, пробила легкое и вышла въ спину подъ лопаткой; положеніе его признано крайне тяжкимъ и опаснымъ».

Это произошло въ концѣ октября 1875 года, а въ первый день новаго 1876 года раненый уже бодро развѣзжалъ по Петербургу. Этотъ случай еще разъ съ полной несомнѣнностью доказалъ, въ какой степени отъ природы натура этого человѣка отличалась живучестью и могучей силой.

Пробывъ въ Петербургѣ мѣсяца два, Кузьминскій возвратился въ полкъ, гдѣ въ отношеніи службы вообще, а въ особенности верховой ѣзды сталъ проявлять гораздо больше выносливости, чѣмъ до случая съ прострѣломъ легкаго. Мозговые затменія, однако, у него въ сильной степени стали увеличиваться.

VIII.

Болѣзни подточила организмъ Кузьминскаго.—Изъ ряда выходящее воинское преступленіе его.—Арестъ.—Побѣгъ съ гауптвахты.—Кузьминскій на сербскомъ театрѣ войны 1876 г.—Новый подвигъ.—Яссы 1877 г.—Ходатайство передъ великимъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ.—Обращеніе къ государю.—Расчетъ съ жизнью.

Всѣ эти исторіи достаточно выяснили, что жестокія раненія оставили большой слѣдъ въ организмѣ этого человѣка; чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе въ немъ развивалась та ненормальность, которая въ дальнѣйшемъ привела его къ гибели. Всѣ, знавшіе его, замѣчали,

что онъ сдѣлался до невозможности раздражительнымъ, мелочно-обидчивымъ, болѣзненно-щепетильнымъ и вообще во всѣхъ отношеніяхъ сталъ неузнаваемъ. Не всѣ его столкновенія здѣсь разсказаны; массу его «исторій» не стоило запоминать, а тѣмъ болѣе записывать; въ частыхъ столкновеніяхъ многое ему извинялось, въ особенности въ тѣхъ случаяхъ, когда лица, на которыхъ онъ наталкивался, знали его прошлое въ отношеніи здоровья. Но вотъ случилась исторія, которая ни въ какомъ случаѣ не могла пройти безслѣдно; она, въ сущности, его и погубила.

Выше сказано, что онъ иногда ѣздилъ верхомъ; вообще въ полку онъ несъ фронтную службу очень старательно. Случалось иногда его избавлять отъ этой службы, — когда заранѣе предвидѣлись трудные походы; дѣлать это, однако, надо было какъ-нибудь незамѣтно и осторожно съ тѣмъ, чтобы онъ этого не уловилъ, на это не обратилъ бы вниманія и не обидѣлся бы — иначе, Боже избави, — изъ-за пустяка онъ могъ прійти въ бѣшенство и трудно было предвидѣть все то, что могло произойти, во что могла обратиться его внутренняя буря.

Весной 1876 года въ мѣсто расположенія полка прибылъ начальникъ 6-й кавалерійской дивизіи свиты его величества генералъ-майоръ Э—нъ; это былъ честнѣйшій и добрѣйшій человѣкъ, всю собственно строевую службу прослужившій въ гвардіи на виду и окончившій ее въ Петергофѣ въ должности командира лейбъ-гвардіи уланскаго полка, котораго шефомъ состоялъ великій князь Николай Николаевичъ Старшій.

Вообще въ командиры гвардейскихъ полковъ, какъ извѣстно, выбираются лучшіе штабъ-офицеры. Генералъ-инспекторъ кавалеріи, несомнѣнно, въ должность командира своего шефскаго полка обычно избиралъ совершенно особо того, кого хорошо, близко зналъ и признавалъ во всѣхъ отношеніяхъ достойнѣйшимъ.

И вотъ на такомъ прекрасномъ командирѣ Кузьминскому довелось жестоко и безбожно сорвать свой безразсудный гнѣвъ.

Генералъ Э—нъ считалъ для себя за особую честь поддерживать ту репутацію, которую стяжала принятая имъ кавалерійская дивизія; поэтому онъ во всемя, касавшемся службы, проявлялъ особую требовательность и безъ строгихъ указаній не оставлялъ ничего изъ того, что случалось ему замѣчать. Въ тотъ разъ, о которомъ идетъ разсказъ, дѣлая смотръ Волынскому уланскому полку въ конномъ строю, онъ увидѣлъ, что одинъ офицеръ, стоявшій передъ своимъ взводомъ въ первомъ эскадронѣ, обернулся къ фронту и дѣлаетъ замѣчанія нижнимъ чинамъ. Начальникъ дивизіи спросилъ громко полкового командира, какъ фамилія офицера, который вмѣсто того, чтобы при встрѣчѣ стоять смиренно, позволяетъ себѣ оборачиваться къ фронту и потому встрѣчаетъ начальника чуть не спиной? Получивъ отъ командира полка отвѣтъ, онъ обратился издали къ офицеру и замѣтилъ ему:

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

— Штабъ-ротмистръ Кузьминскій, вы не знаете, какъ надо стоять, когда скомандовано смирно; какой примѣръ вы подаете нижнимъ чинамъ?

Тогда Кузьминскій, несомнѣнно, застигнутый въ ту минуту однимъ изъ тѣхъ припадковъ, которые въ послѣднее время стали его одолѣвать чаще и чаще, повернулся въ сторону начальника дивизіи и, потрясая въ воздухѣ кулакомъ, громко произнесъ:

— Я вотъ тебѣ покажу примѣръ.. мнѣ передъ фронтомъ замѣчаній никогда не приходилось выслушивать, я ихъ никогда не заслуживалъ; вишь, нашелся ..

Несомнѣнно, продѣлалъ онъ это въ припадкѣ нашедшаго на него помѣшательства. Телеграммой было донесено объ этомъ случаѣ генераль-адъютанту Коцебу, и Кузьминскій получилъ приказъ явиться въ Варшаву; тамъ онъ былъ посаженъ на главную гауптвахту (на Саксонской площади), послѣ чего ему было объявлено, что онъ предается суду.

Въ дивизіи генералъ Э—нъ былъ совершенно новый человѣкъ, офицеровъ онъ не зналъ; о болѣзни Кузьминскаго слышалъ, но не успѣлъ узнать силы этой болѣзни; узнавъ же офиціально о чудовищно-болѣзненномъ состояніи его здоровья, онъ, какъ тогда рассказывали, пытался просить командующаго войсками оказать этому офицеру снисхожденіе; но генераль-адъютантъ графъ Коцебу отвѣтилъ, что никакимъ образомъ не волея въ этомъ по закону и просьбу генерала считаетъ неудобноисполнимою, такъ какъ, если онъ «Н. А.» Э—нъ лично находитъ въ себѣ внутреннюю силу и право, погасивъ всякія другія чувства, простить въ душѣ офицеру его въ высшей степени дерзкую, оказанную передъ фронтомъ продѣлку, то раздѣльно — «генералъ» Э—нъ на это не имѣетъ никакого права.

Хотя генераль-адъютантъ Коцебу высказалъ все это въ мягкой, деликатной формѣ, но для генерала Э—на урокъ тотъ явился очень тяжелымъ; онъ даже вознамѣрился тотчасъ же выйти въ отставку; и только одинъ изъ добрыхъ, старыхъ друзей уговорилъ его забыть объ этой исторіи, въ которой онъ не былъ виноватъ, такъ какъ причиною послужило сумасбродство находившагося дѣйствительно въ убійственно-болѣзненномъ состояніи, тяжело раненаго и изувѣченнаго офицера.

— Что касается отзыва генерала Коцебу, то думаю, что его взглядъ ты самъ считаешь вполне правильнымъ и обиднаго для себя въ немъ видѣть, конечно, ничего не можешь, —отечески пояснилъ генералу Э—ну его другъ ¹⁾.

¹⁾ Здѣсь будетъ ксати замѣтить въ скобкахъ, что такимъ другомъ для генерала Э—на явился великій князь Николай Николаевичъ Старшій. Такъ умѣлъ онъ своимъ отеческимъ наставленіемъ приходить на помощь подчиненнымъ.

Продѣлка Кузьминскаго, или, вѣрнѣе, печальная исторія съ Э—номъ, поразила, огорчила и возмутила тогда всѣхъ офицеровъ не только подчиненной генералу Э—ну кавалерійской дивизіи и всего варшавскаго военнаго округа, но и всей арміи.

Не долго виновный просидѣлъ подъ арестомъ: не далѣе, какъ черезъ недѣлю, онъ вдругъ ночью сбѣжалъ съ гауптвахты и неизвѣстно куда исчезъ.

Съ точки зрѣнія чисто военной, онъ совершилъ громадное преступленіе, оскорбивъ такимъ образомъ начальника дивизіи передъ фронтомъ и усугубивъ вину бѣгствомъ изъ-подъ ареста, съ явнымъ намѣреніемъ отдѣлаться отъ суда и наказанія; тяжкое наказаніе ожидало его по суду, въ случаѣ поимки или даже явки. Конечно, можно было надѣяться на участіе суда къ состоянію его здоровья; съ этой стороны судъ могъ взглянуть на дѣло такъ, что все преступленіе было обусловлено неизлечимою, тяжкою, болѣе и болѣе развивавшеюся болѣзнью и исключительно ею было вызвано; судъ,—но только судъ,—могъ взяться за то, чтобы облегчить его участь; только судъ могъ направить дѣло сначала къ врачебно-медицинскому испытанію обвиняемаго, а потомъ къ новому леченію, которое остановило бы дальнѣйшее разстройство его организма и только судъ же могъ въ концѣ концовъ обратить дѣло къ монаршему милосердію. Но именно того, что въ данномъ случаѣ единственно могло оказаться благотѣльнымъ,—суда,—больной герой постарался избѣжать и тѣмъ самымъ пресѣкъ себѣ путь къ чему-либо иному, кромѣ гибели. Сдѣлалъ онъ это, безъ сомнѣнія, только вслѣдствіе безумія, имъ въ послѣднее время безысходно овладѣвавшаго.

Толки по поводу этого пошли повсюду громадные; несчастный же, вызвавшій ихъ цѣлымъ рядомъ не менѣе нашумѣвшихъ поступковъ, исчезъ безслѣдно; не представлялось никакой надежды привлечь его къ суду и тѣмъ спасти.

Въ тотъ годъ лѣтомъ возгорѣлась война Турціи съ Сербіей; главное командованіе надъ сербской арміей принялъ на себя нашъ боевой генералъ Черняевъ, самостоятельно и самоотверженно въ 60-хъ годахъ положившій смѣлое начало завоеванію обширнаго Туркестанскаго края и, въ сущности, присоединившій его къ владѣніямъ имперіи Бѣлаго царя. Со всей Россіи въ Бѣлградъ, столицу Сербіи, подъ его начальство стекались большія массы добровольцевъ.

Какъ-то среди хода сербской кампаніи въ газетахъ появилось извѣстіе о томъ, что одною изъ дружинъ подъ Дзюнишемъ командуетъ Кузьминскій, что онъ играетъ видную роль въ этой неравной борьбѣ мелкаго сербскаго княжества съ гигантской Оттоманской имперіей, отличается большой храбростью, предприимчивостью и

туркамъ очень досаждаеть; прошелъ слухъ, что въ одномъ мѣстѣ онъ, въ разгарѣ боя, взялся взорвать мостъ, который бдительно караулили и защищали сильные турецкіе отряды; невозможнаго для него попрежнему не было, онъ блестяще исполнилъ намѣченное; туркамъ была отрѣзана всякая возможность отступленія, и они въ томъ мѣстѣ потерпѣли сильное пораженіе. Вскорѣ, однако, тѣ же газеты стали настойчиво утверждать, будто бы это былъ вовсе не тотъ Кузьминскій, не уланскій офицеръ, не герой Джизака.

Оказалось, что въ этомъ опроверженіи было проявлено стремленіе не обнаружить мѣсто его пребыванія.

Прошли мѣсяцы; наступила пора нашей мобилизаціи; въ Кишиневѣ помѣстилась главная квартира арміи великаго князя Николая Николаевича; пошла кипучая работа подготовки этой арміи; наконецъ, послѣ долгаго выжиданія, послѣдовало объявленіе войны, и потянулись наши войска за границу. Въ концѣ апрѣля и въ первыхъ числахъ мая многіе изъ направлявшихся къ Дунаю встрѣчали на желѣзнодорожной станціи Яссы вооруженнаго съ ногъ до головы красиваго bruneta-черкеса съ окладистой черной бородой, сурово, недружелюбно взираваго на всѣхъ большими, неестественно увеличенными зрачками своихъ черныхъ, лихорадочныхъ глазъ.

При проѣздѣ великаго князя главнокомандующаго этотъ черкесь протиснулся сквозь толпу и прямо сталъ на томъ пути, которымъ его высочество пошелъ по выходѣ изъ вагона; когда главнокомандующій остановился, онъ сказалъ:

— Ваше высочество, позвольте мнѣ просить васъ неходатайствовать мнѣ помилованіе, я хочу драться съ врагомъ, буду служить вѣрой и правдой...

— Кто ты такой?

— Кузьминскій, штабъ-ротмистръ Вольнскаго уланскаго полка...

Великій князь, какъ прямой начальникъ всей кавалеріи, безъ сомнѣнія, зналъ исторію Кузьминскаго; кромѣ того, онъ зналъ ее, какъ начальникъ, благоволившій къ генералу Э—ну; да и кто ее тогда не зналъ.

— А! Кузьминскій, вотъ ты гдѣ; тебя такъ ищутъ вездѣ... Ну, братъ, немного еще подожди; здѣсь скоро проѣдетъ государь; обратишься къ нему съ просьбой. Жаль, жаль, что ты такъ оплошалъ и именно въ строю, а затѣмъ на такой долгій срокъ затянулъ свое дѣло; уже ему давно было бы пора окончиться; проси государя, онъ, конечно, помнитъ твои заслуги, можетъ быть, и смилуется; жаль, что ты такъ много напортилъ себѣ...

24-го мая государь переѣхалъ границу Россіи въ Бессарабін, въ Унгенахъ; царскій поѣздъ на нѣсколько минутъ остановился въ Яссахъ. Выйдя на платформу, государь былъ встрѣченъ черкесомъ, въ которомъ, конечно, такъ же, какъ и великій князь, не могъ сразу

признать хорошо ему извѣстнаго Кузьминскаго, составлявшаго такъ долго предметъ его заботъ. Прошло уже много лѣтъ съ того времени, когда государь его видѣлъ. Въ послѣдній разъ Кузьминскій представлялся его величеству случайно въ Ливадіи черезъ годъ послѣ франко-прусской войны; на чистомъ лицѣ его красовались лишь черные, красиваго рисунка усы; а тутъ предсталъ и опустился передъ государемъ на колѣни загорѣлый, обросшій окладистой, почти сѣдой бородой, огрубѣвшій мужчина въ черкескѣ.

— Что это? Кто ты?—спросилъ государь, разглядывая его лицо почти въ упоръ...

— Я Кузьминскій... виновать, простите, государь...

Можетъ быть, великій князь и написалъ государю о немъ послѣ своей съ нимъ встрѣчи; несомнѣнно, однако, государь и такъ не забылъ о немъ.

— Я помню твои подвиги и отличія, но дѣло твое должно быть разсмотрѣно судомъ,—сказалъ государь:—когда судъ опредѣлитъ свое рѣшеніе, тогда я скажу свое слово; теперь же ты отправись въ Кишиневъ и будешь судиться.

Сказавъ это, государь направился въ вагонъ. Кузьминскій же, не поднимаясь на ноги, выхватилъ изъ-за пояса кинжалъ и пырнулъ имъ въ наболѣвшее сердце свое. Государю уже на одной изъ слѣдующихъ станцій доложили телеграмму о томъ, что несчастный послѣ этого скончался на мѣстѣ...

— Жаль его,—сказалъ государь, получивъ печальное извѣстіе:—могъ бы еще показать себя молодцомъ въ дѣлахъ, и я очень радъ былъ бы слышать объ его боевыхъ успѣхахъ; но рѣшить его дѣло безъ того, чтобы судъ сказалъ свое слово, не приходилось: слишкомъ много онъ самъ себѣ натворилъ бѣдъ. Жаль, что же дѣлать, — такъ же дурно кончилъ жизнь, какъ, къ сожалѣнію, вель ее въ послѣдніе годы... Царствіе ему небесное,—сказалъ государь, прослѣдившись и осѣнивъ себя знаменіемъ креста.

Рѣшительно никто раньше не догадался доложить подробно ни государю, ни великому князю и не поддержалъ блеснувшую у генерала Коцебу мысль о томъ, что не Кузьминскій продѣлывалъ такіе непопозволительные поступки, а болѣзнь, гнѣздившаяся въ немъ, заѣдавшая всѣ его соображенія, помыслы и всю работу его мозга... Обо всемъ этомъ нельзя было не пожалѣть.

Быть можетъ, удалось бы спасти его и изъ его боевыхъ качествъ извлечь громадную пользу, если бы представилось возможнымъ продолжить его лихую, незамѣнимую службу противъ врага.

Разсказываютъ, что главнокомандующій сербскою арміею генералъ Черняевъ, обративъ вниманіе на подвиги этого героя и узнавъ о прошлыхъ его дѣйствіяхъ въ дорогомъ его сердцу Турке-

станскомъ краѣ, пригласилъ его къ себѣ. Тамъ, подь Алексианцемъ, вручая ему крестъ Такова, онъ посовѣтовалъ ему ѣхать прямо въ Варшаву, явиться съ повинной, итти подь судъ и ожидать милостей царя-батюшки. Внялъ онъ благому совѣту родного русскаго вождя, поѣхалъ съ повинной, но не нашелъ никого, кто могъ бы, настаивая надъ его больной, истрепавшейся волей, свезти его прямо къ цѣли—къ суду. Самъ же онъ предпочелъ иной путь, показавшійся ему болѣе вѣрнымъ, но оказавшійся менѣе правильнымъ и болѣе медленнымъ, а также скользкимъ.

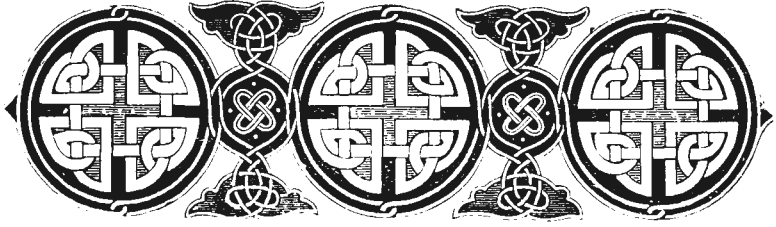
Такъ погибъ истинный герой; сторѣла его жизнь, погибла его много набурлившая и накипѣвшая натура.

Сколько такихъ героев-богатырей родишь ты, матушка Русь! Не даетъ имъ жизнь прямого и гладкаго пути; сворачиваетъ она ихъ, гибнуть они не отъ того, такъ отъ другого, подвертывающагося подь ихъ могучія ноги и разбивающаго ихъ крѣпкія неизносимыя силы!..

Е. К. Андреевскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

СВОБОДА ДУХА ¹⁾.

(Повѣсть).

Х.

ВЪ БЛИЖАЙШЕЕ воскресенье, въ солнечное, яркое утро, Егоръ Карапетычъ выбрился особенно тщательно. Предъ небольшимъ складнымъ зеркаломъ въ деревянной оправѣ онъ долго корчилъ гримасы, водя старой бритвой по шеѣ и подбородку. Бритвѣ этой было много лѣтъ, она пріѣхала еще изъ Россіи и была шведской работы. Она была по рукѣ Егору Карапетовичу, и онъ ее любилъ гораздо болѣе, чѣмъ Генриеттѣ, одѣвавшуюся въ той же комнатѣ. По крайней мѣрѣ, если бы ему предложили потерять жену или бритву, онъ, ни секунды не задумываясь, остановился бы на женѣ: старья привязанности много значать!

Онъ трижды намыливалъ себѣ щеки облѣзшей кисточкой и трижды соскабливалъ острымъ лезвиемъ душистую пѣну, обтирая ее о полотенце, лежавшее тутъ же возлѣ зеркала. Увидя, что Генриеттѣ облачается въ новое платье, онъ спросилъ ее:

— Куда это? Спозаранку ты уже одѣваешься въ изысканный туалетъ?

— Я общала мамѣ быть у нея сегодня въ Венсенѣ,—проговорила Генриеттѣ, держа въ зубахъ металлическую шпильку.

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 83.

Жоржъ брезгливо выдвинулъ нижнюю губу, протеръ полотенцемъ намоченнымъ арникой сдѣланный на щекѣ порѣзъ и саркастически освѣдомился:

— Одна?

Она молчала и усердно хлопотала о завязкахъ узкихъ лентъ на высокой талии.

— Я тебя спрашиваю, ты ѣдешь одна?—строго повторилъ мужъ.

— Меня обѣщали проводить Жюль,—небрежно замѣтила она.

Жоржъ захохоталъ дѣланно, деревянно, какъ хохочутъ плохіе комикъ на сценѣ.

— Я такъ и думалъ,—проговорилъ онъ, злобно поводя близорукими глазами.—Не знаю, что мѣшаетъ мнѣ зарѣзать васъ обоихъ? Вотъ этой бритвой провести и тебѣ и ему по лицу кровавые кресты?

— Въ тебѣ нѣтъ и на это храбрости!—сказала она.—Ты способенъ что-нибудь сдѣлать подлое и гадкое, но безнаказанно. А за это тебя пошлютъ на галеры.

— Ты ошибаешься!—сказалъ онъ и взялъ въ руки бритву.

Теперь она захохотала, но смѣхъ ея былъ гораздо искреннѣе его. Ея бѣлые зубы блистали на солнцѣ, и все здоровое лицо такъ и дышало молодостью и беззаботностью. Егоръ Карапетовичъ скрипнулъ зубами и точно про себя сказалъ:

— Рукъ не стоитъ марать о такую дрянь!

— Не стоитъ,—подтвердила та.

Съ улицы послышался стукъ. Иветтъ, должно быть, отворила дверь и долго съ кѣмъ-то разговаривала.

— Это твой Жюль, должно быть?—сказалъ мужъ.

— Нѣтъ, это не Жюль,—отвѣтила она.

Вошла Иветтъ и подала Егору Карапетовичу письмо.

— Тотъ мальчикъ, что вы посылали, воротился съ отвѣтомъ,—сказала она.

— А!—обрадовался онъ и, сломивъ сургучъ, сталъ читать писанное мелкимъ почеркомъ съ хитрыми завитушками на подписи посланіе. Онъ прочелъ его внимательно, издалъ радостный звукъ и сложилъ письмо, какъ оно было.

— Сейчасъ я мальчику дамъ за его комиссію,—сказалъ онъ и всталъ изъ-за зеркала.

— Вы получили пріятное письмо?—спросила жена.

— Да, любовное. Мнѣ тоже назначаютъ свиданіе,—проговорилъ онъ, придавая себѣ озабоченный видъ. Онъ посмотрѣлъ на плоскіе золотые часы, висѣвшіе надъ бюро въ бисерномъ подчасникѣ, что-то сообразилъ, сжалъ губы и, отворивъ шкафъ, началъ дѣловито копаться въ своихъ платьяхъ. Выбирая то, что ему нужно, онъ прошелъ въ сосѣднюю комнату, бросивъ на жену загадочный, по его мнѣнію, взглядъ, заставившій ее только улыбнуться. И не то, чтобы ей было особенно весело, но она знала, что его болѣе всего бѣсятъ ея

чудесные зубы, поэтому она показывала ихъ при каждомъ случаѣ. Теперь, смотря въ овальное ручное зеркало на отраженіе въ трюмо своего затылка, она продолжала улыбаться. Такъ ее и застала Иветтъ.

— Какъ жаль, дурочка, что перестали носить тѣ платья, что носили при восшествіи на престоль,—сказала она.—Я говорю о чистѣйшихъ еприге, узкихъ, открытыхъ, съ застѣжками отъ плеча до локтя. Мнѣ тогда было пятнадцать лѣтъ, я шла замужъ въ первый разъ. Ко мнѣ удивительно шла эта мода.

— Я думаю, сударыня,—сказала Иветтъ.

— Теперь шею закрываютъ все выше, стали закрывать даже горло. Кончится тѣмъ, что воротникъ дойдетъ до самаго носа. Я предпочла бы, чтобъ это случилось съ мужскими модами. По крайней мѣрѣ тогда съ мосье можно будетъ показываться на улицу. Теперь у насъ въ модѣ даже длинные рукава. Но я попрежнему буду носить короткіе. Закрывать руки нужно тѣмъ, у кого онѣ худы и некрасивы.

Она вытянула во всю длину свою красивую бѣлую руку. Иветтъ посмотрѣла искоса на свои пухленькія ручки и рѣшила, что она тоже не будетъ носить модныхъ рукавовъ. Она достала барынѣ шляпку изъ большой полосатой картонки и спросила:

— Шаль возьмете зеленую?

— Конечно,—отвѣтила она.—Въ ридикюлѣ есть пудра? Омбрель я не возьму: солнце осеннее грѣетъ мало, а у меня зонтикъ стараго фасона—съ высокой ручкой. Теперь никто такихъ не носить.

Вошелъ Егоръ Карапетовичъ. Онъ былъ въ шляпѣ, въ пальто съ цѣлымъ рядомъ капюшоновъ и съ палкой. Его кривыя ноги въ обтянутыхъ желтыхъ панталонахъ были засунуты въ черные сапоги съ коричневыми отворотами. Съ болтавшимся двойнымъ лорнетомъ, онъ былъ похожъ на того карикатурнаго петиметра, котораго такъ любили изображать художники начала девятнадцатаго вѣка.

— Ты обѣдаешь у маман?—сердито спросилъ онъ.

— Да. У насъ обѣда сегодня не готовятъ. Иветтъ тоже не будетъ дома. Она уходитъ къ своей крестной.

— А ты ѣдешь къ своей драгоценной мамашѣ, и тамъ будетъ совокупно съ Жюлемъ семейный совѣтъ, какъ поступить далѣе? Я же буду обѣдать въ улицѣ Ришелье. Теперь я иду по дѣламъ. Пока ты будешь наслаждаться жизнью и праздникомъ, я буду добывать хлѣбъ, который необходимъ для того, чтобъ не умереть съ голода. Онъ необходимъ вотъ для этихъ тряпокъ.

Послѣднюю угрозу онъ крикнулъ на весь домъ и трагически потрясъ складку ея платья. Затѣмъ онъ надѣлъ цилиндръ и вышелъ на улицу, взявъ съ собою ключъ отъ квартиры. Тамъ, у дверей, ждалъ его мальчикъ, принесшій письмо. На немъ была разорванная жокейская шапочка, полосатая, желтая съ краснымъ и съ синей пуговицей наверху, и разорванные сѣрые сапоги.

— Ты еще здѣсь?—строго спросилъ Жоржъ.

— Я еще не получилъ за комиссію, — отвѣтилъ мальчикъ и снялъ свою каскетку.

Онъ запустилъ руку въ карманъ, вынулъ завернутыя въ обрывокъ синей бумаги деньги и бросилъ ихъ мальчику. Тотъ развернулъ бумагу и увидѣлъ нѣсколько мѣдныхъ су. Онъ изумился щедрости господина и, побѣжавъ за нимъ слѣдомъ, сказалъ:

— Если хотите, я могу прослѣдить madame и monsieur Жюля, — проговорилъ онъ.

Палка Жоржа поднялась, чтобы ударить мальчика, но тотъ увернулся. Жоржъ хотѣлъ обругать его за нахальство, но воздержался: пусть отъ себя мальчикъ дѣлаетъ, что хочетъ. Можетъ быть, ему пригодится его служба.

Вскорѣ гаменъ отсталъ отъ него, перейдя на другую сторону улицы, къ знакомому мальчугану, и Егоръ Карпетовичъ одинъ продолжалъ дорогу.

День только что начинался. Магазины еще были открыты до окончанія обѣдни, кромѣ тѣхъ изъ нихъ, которые съ утра по праздникамъ закрыты и торгуютъ только въ будни. По троттуарамъ уже двигалась толпа, шурша ногами по опадавшимъ съ молодыхъ каштановъ листьямъ. Стало на улицѣ точно свѣтлѣе отъ этой порѣдѣвшей зелени. Осеннее солнце ярко заливало одну сторону бульваровъ. Жоржъ поднимался все выше въ гору—ему надо было въ ту мѣстность, которая называлась Chateau d'eau и которая помѣщается сѣвернѣе большихъ бульваровъ. На углу одной изъ улицъ, гдѣ выставлены были на витринѣ магазина разныя мелкія вещи, онъ заинтересовался новыми маленькими записными книжками и карманными карандашами. Онъ зашелъ въ лавочку и купилъ двѣ книжки и два карандаша. Онъ былъ очень доволенъ покупкой: и дешево было, и ему нравились эти «бездѣлушки». «Можетъ быть, кому сегодня подарю», подумалъ онъ.

XI.

Въ одномъ изъ переулковъ близъ Шато-д'О онъ поднялся на нѣсколько ступеней по темной узкой лѣстницѣ и трижды стукнулъ у двери.

Издали послышался голосъ:

— Войдите!

Онъ вошелъ въ крохотную полутемную комнату, болѣе похожую на курятникъ, чѣмъ на жилое помѣщеніе, освѣщенное дверью, открытою въ сосѣдній свѣтлый аппартаментъ.

— Мосье Жоржъ?—спросилъ тотъ же голосъ.

— Онъ самый! — весело отозвался вошедшій. — Надѣюсь, позволается войти?

Онъ вошелъ въ палатку, но снялъ шляпу. По серединѣ комнаты стоялъ бѣлокурый одутловатый молодой человекъ въ восточномъ халатѣ и фескѣ, кисточка которой свѣшивалась назадъ.

— У меня впереди есть полчаса времени, — проговорилъ хозяинъ. — Поэтому садитесь и рассказывайте, въ чемъ дѣло. Надѣюсь, madame Жоржъ чувствуетъ себя хорошо?

Егоръ Карапетовичъ сказалъ, что надежда не обманула его и что сегодня madame уѣхала въ Венсенъ къ мамашѣ, что рисуетъ миниатюры.

— Праздникъ, — подтвердилъ хозяинъ.

Егоръ Карапетовичъ, какъ былъ въ палатку, такъ и сѣлъ въ кресло, только разстегнулся, и заложилъ нога на ногу.

— Я знаю, Горшельдъ, вамъ время дорого, и потому я не медля приступлю къ дѣлу. Дѣло касается нашего милѣйшаго князя.

Горшельдъ, встрѣтившій гостя небрежно, сталъ внимательнѣе, но при этомъ сказалъ:

— Я пойду за ширмы и буду одѣваться, а вы рассказывайте.

Онъ разстегнулъ петли шлафрока, посмотрѣлъ, прищурившись, на гостя и, шлепая туфлями по ковру, скрылся за ширмы.

Егоръ обвелъ глазами комнату. Здѣсь все было попрежнему. Тотъ же коверъ внизу, то же бюро съ дѣлами, уложенными въ систематичномъ порядкѣ, тѣ же Діана и Актеонъ въ англійской гравюрѣ, висящей надъ софой въ золоченой рамѣ. Тѣ же профильные черные силуэты въ рамахъ краснаго дерева, — все попрежнему. Онъ втянулъ въ себя воздухъ и, протирая свой лорнетъ, сказалъ:

— Нашъ милѣйшій князь, кажется, лѣзетъ въ силокъ.

— Вы про кого говорите? — спросилъ хозяинъ изъ-за ширмы.

— Про очаровательнаго Boris.

— Почему же онъ лѣзетъ въ силокъ?

— Онъ сидитъ безъ денегъ.

Ширмы вдругъ пошатнулись, какъ будто Горшельдъ собрался упасть въ обморокъ. Но онъ удержалъ «параванъ» за одно изъ копій, которыя составляли, по замыслу художника, главную ихъ основу, и спокойнымъ голосомъ сказалъ:

— Продолжайте, это интересно.

— Онъ сидитъ безъ денегъ, — продолжалъ Жоржъ, — и обратился ко мнѣ съ просьбою достать по крайней мѣрѣ пятьдесятъ тысячъ франковъ.

— Вы что же сдѣлали?

— Я къ вамъ пришелъ.

— Дальше что?

— Что дальше? Мнѣ кажется, это ясно безъ моихъ объясненій. Я далъ вамъ слово сообщать все интересное о князѣ. Вы — управля-

ете всѣми имѣніями его тестя, который ненавидитъ его. Вы каждое воскресенье ѣздите къ нему съ докладомъ.

— Да, я поѣду черезъ двадцать пять минутъ,—сказалъ Горшельдъ.

— Поэтому я и сообщилъ вамъ эту новость. Что такое пятьдесятъ тысячъ франковъ! Для вашего патрона это все равно, что для меня пятьдесятъ сантимовъ. Быть можетъ, онъ дастъ эти деньги, конечно, черезъ подставное лицо, и князь будетъ въ его рукахъ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ. Слышно было, какъ онъ согнулъ носомъ, натягивая, должно быть, сапоги. Потомъ онъ спросилъ:

— Это все, что вы мнѣ хотѣли сказать?

Егоръ Карапетовичъ скорчилъ гримасу, но, подумавши, что хозяинъ можетъ за нимъ слѣдить въ щель между створками ширмъ, замѣтилъ:

— Развѣ эта новость такъ незначительна?

— Нѣтъ, она значительна!—почти про себя буркнулъ хозяинъ.

— Крестьяне сосѣдняго селенія,—продолжалъ Жоржъ,—относятся къ князю подозрительно. Хотя онъ скрываетъ, что онъ бывший русскій офицеръ и русскій подданный, но въ немъ гдтovy ваши добрые крестьяне видѣтъ чуть ли не шпиона. Они если не считаютъ его за русскаго, то во всякомъ случаѣ знаютъ, что онъ не французъ.

— Откуда вамъ все это извѣстно?

— Не все ли вамъ равно?

Горшельдъ вышелъ изъ-за ширмъ. На немъ были узкіе свѣтло-сиреневые штаны, къ которымъ онъ пристегивалъ бретели. Онъ подошелъ къ зеркалу и не торопясь сталъ прицѣплять ихъ, нисколько не стѣсняясь своимъ гостемъ.

— Мнѣ все равно, откуда вы это знаете,—проводя пальцами по мягкому подбородку съ ямочкой, проговорилъ онъ.—Но насколько эти свѣдѣнія достовѣрны?

— Они достовѣрны,—серьезно сказалъ Жоржъ.— Я развѣ приносилъ когда-нибудь ложныя свѣдѣнія?

Въ его голосѣ звучала отчасти обида на то, что ему не повѣрили. Но Горшельдъ не обратилъ на это вниманія.

— Очень важно, это очень важно!—только сказалъ онъ.—Вы не можете себѣ представить, насколько это важно!

Сказавъ это, онъ опять ушелъ за ширмы.

Егоръ Карапетовичъ изумленно похлопалъ вѣками. Онъ именно послѣднему сообщенію и не придавалъ значенія. Впрочемъ, онъ зналъ, что хозяинъ не скажетъ причину важности, и потому направилъ теченіе разговора въ прежнее русло.

— Деньги нужны на неопредѣленный срокъ. Вотъ это такъ важно. Тутъ надо запутать князька. Какъ широкая натура, онъ свысока подпишетъ обязательство, не входя въ детали.

Горшельдъ опять вышелъ изъ-за ширмъ, уже въ бѣломъ жилетѣ.

— И вы хотите его подвести?—пронически спросилъ онъ.

— Я ничего не хочу, мнѣ все равно до него, какъ до того снѣга, который былъ причиной гибели великой арміи.

Горшельдъ похлопалъ себя по жирнымъ бокамъ ладонями и спросилъ:

— Что же, по-вашему, я долженъ сказать моему патрону?

— Вы ему должны дать совѣтъ.

— Какой?

— Вы должны посовѣтовать ему, чтобъ онъ непременно одолжилъ князю просимую сумму. Вы должны нарисовать ему какую хотите картину, положительную или отрицательную, но такъ ли, иначе ли, деньги должны быть.

Горшельдъ надѣлъ голубой фракъ и сталъ выправлять свое жабо.

— Вы ѣдете верхомъ?—спросилъ Егоръ Каранетовичъ, смотря на его шпоры.

— Да,—отвѣтилъ онъ, опрокидывая флаконъ съ духами на платокъ.—До замка всего полтора часа ѣзды средней рысью, а галопомъ можно доѣхать менѣе, чѣмъ въ часъ. Мнѣ надо къ обѣду быть уже въ Парижѣ.

— А если васъ оставить обѣдать патронъ?

— Я извинюсь, и скажу, что занятъ.

— Я бы на вашемъ мѣстѣ не отказывался.

— Когда вы будете на моемъ мѣстѣ, тогда и обѣдайте.

— Я? на вашемъ?—съ дѣланымъ изумленіемъ спросилъ гость.

— О, господинъ Жоржъ, да неужели я не знаю, вы едите и видите, какъ бы сѣсть на мое мѣсто и грабить направо и налево. Вы знаете, что годовой оборотъ, проходящій черезъ мои руки, достигаетъ четырехъ милліоновъ франковъ?

Жоржъ невольно издалъ восклицаніе.

— Ничья смерть васъ не порадовала бы такъ, какъ моя,—останавливаясь предъ нимъ, сказала хозяйинъ.—Но, другъ мой, никогда и ни въ какомъ случаѣ васъ не возьметъ Сенъ-Дизье своимъ управляющимъ.

Онъ подошелъ къ окну и посмотрѣлъ на улицу.

— Мнѣ уже привели лошадь,—сказалъ онъ.—А потому я сажусь и подвожу итогъ нашему разговору.

Онъ сѣлъ на свое мѣсто у бюро.

— Князь нуждается въ деньгахъ, ему нужно пятьдесятъ тысячъ. Хорошо, я передамъ это моему патрону и безо всякаго давленія съ моей стороны. Онъ отвѣтитъ мнѣ, какъ найдетъ нужнымъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ не отвѣтитъ.

Онъ началъ натягивать желтыя перчатки и, натянувъ, взялъ въ руки хлысть.

— О результатѣ моего сегодняшняго разговора вы будете знать завтра,—сказаль онъ.

Жоржъ тоже всталъ и потрепаль Горшельда по плечу.

— Хе-хе! я зналь, что васъ обрадуетъ моя новость,—сказаль онъ.

— Да, я очень обрадованъ,—сказаль хозяинъ и повернулъ свое каменное, неподвижное лицо съ пухлыми глазками къ гостю.— Только я удивляюсь одному: за что вы хотите мстить князю? У васъ есть старые счеты?

Жоржъ опустилъ глаза.

— Есть,—сказаль онъ.—Но объ этомъ да позволено мнѣ будетъ умолчать.

— Пожалуйста!—отвѣтилъ хозяинъ.—Между нами та разница, что вы хотите не только сдѣлать дѣло, но и отомстить за что-то прошлое, а я только исполняю свой долгъ.

Онъ не торопясь повернулъ ключъ въ замкъ двери, для чего взяль хлысть подъ мышку. Потомъ онъ попробоваль, хорошо ли заперъ дверь, и спустился вмѣстѣ съ гостемъ на крыльцо. Рослый малый съ утинымъ лицомъ подвелъ ему вороную лошадь. Горшельдъ протянулъ гостю руку и сказалъ:

— Завтра я извѣщу васъ.

Потомъ онъ вложилъ лѣвую ногу въ стремя, оттолкнулся и перекинулъ ногу черезъ англійское сѣдло. По тому приему, съ какимъ онъ разобраль поводья и попятилъ коня назадъ, видно было, что онъ опытный ѣздокъ и дальняя дорога въ замокъ патрона для него дѣло привычное.

Онъ слегка тронуль шпорой бокъ лошади и съ мѣста подняль ее галопомъ. Сдѣлаю это было для Жоржа, или такая была у него привычка,—трудно сказать. Легкое облако пыли закрутилось за нимъ и исчезло. Жоржъ какъ-то встряхнулся и пошелъ своей дорогой, помахивая палкой.

Въ сущности, ему рѣшительно не за что было мстить князю. Онъ никогда не видѣль отъ князя презрительнаго отношенія ни къ себѣ, ни къ своимъ поступкамъ. И даже, когда въ Петербургѣ князь уплатилъ своимъ кредиторамъ нѣсколько тысячъ процентныхъ денегъ, никогда ни словомъ ни намекомъ онъ не выказаль своего недовольства. Правда, нажившій кое-что на этомъ займѣ Егоръ Карапетовичъ считаль, что князь ему долженъ хоть немного быть дать «ну, тыщенку, ну, хотя бы пятьсотъ рублей», но не въ этомъ заключалась причина его ненависти. Ему казалось, что Борисъ, какъ прирожденный баринъ, ничего не заслуживаетъ, кромѣ эксплоатаціи.

Онъ вышелъ на бульвары и пошелъ внизъ, помахивая палкой и слегка посвистывая. Визитъ къ Горшельду не привелъ его въ хорошее настроеніе, но увеличилъ ту желчь, что съ утра поднималась

въ немъ. Онъ завидоваль сегодня всѣмъ, въ томъ числѣ и пухлому блондину.

— Обворовываетъ этого стараго идиота,—шепталь онъ.—Не менѣе тысячъ тридцати франковъ ежегодно прилипаетъ къ его ладонямъ. А туда же корчитъ честнаго малаго! Знаемъ мы этихъ честныхъ. Ужъ если честный хапнетъ, такъ ужъ такъ, что только перья полетять... Хорошо, что я ему не отдалъ записную книжечку. Пригодится кому-нибудь другому.

ХІІ.

Между тѣмъ, «честный человѣкъ», покачиваясь на ворономъ иноходцѣ, ѣхаль по версальской дорогѣ въ превосходномъ настроеніи. Онъ былъ очень доволенъ визитомъ Жоржа, и если не показаль ему этого, то потому, что вообще не любилъ показывать своихъ чувствъ другимъ. Причинъ этого довольства было много. Во-первыхъ, Жоржъ, очевидно, въ немъ нуждался, это разъ. Второе—пахло въ воздухѣ жаренымъ, и можно было хапнуть и много. Въ-третьихъ, можно было доставить патрону удовольствіе; пусть патронъ не покажетъ что онъ радъ, но все это будетъ большой плюсъ въ пользу управляющаго. Въ-четвертыхъ,—а это чуть ли не самое главное,— онъ позоветъ при первомъ удобномъ случаѣ кривого Пишо, и съ нимъ устроить такое дѣло, что чертямъ въ аду будетъ тошно, если вообще тошнить когда-нибудь чертей, и если они существуютъ гдѣ-нибудь во вселенной, и если это мѣсто называется адомъ.

Онъ вспоминаетъ, какъ еще мальчикомъ онъ здѣсь, по этой самой дорогѣ, вмѣстѣ съ ватагой мужчинъ и женщинъ, сидѣвшихъ верхомъ по-мужицки на упряжныхъ лошадяхъ, и съ цѣлой оравой пѣвшихъ сопровождалъ карету послѣдняго короля, котораго везла чернь въ Парижъ съ требованіями отчета. Онъ помнитъ, какъ онъ долго бѣжалъ возлѣ самой королевской кареты и какъ видѣлъ ясно рыхлое лицо толстаго короля, повидимому, спокойно относившагося къ этой шумихѣ. Тогда онъ бѣжалъ въ коротенькихъ штанахъ и кричаль что-то вмѣстѣ съ революціонерами. Ему было весело, какъ бываетъ всегда весело подростку, когда онъ бѣжитъ и кричитъ со всѣми, безразлично будь то революціонеры или роялисты.

А теперь? какая разница! Онъ ѣдетъ на своемъ, на своемъ собственномъ скакунѣ. На немъ отличный синій фракъ, за который заплачено портному все до послѣдняго сантима. Онъ никому не долженъ, а сколько у него есть золота и бумагъ въ банкѣ, про это знаетъ только кассиръ банка и онъ самъ.

Онъ вдохнулъ полной грудью живительный осенній воздухъ и громко сказалъ:

— Да, теперь лучше, чѣмъ тогда, когда везли короля.

Потомъ онъ перешелъ мыслями на будущее, на то будущее, что сейчасъ предстояло ему. Онъ обдумывалъ докладъ патрону, обдумывалъ тѣ выраженія, въ какихъ придется ему изложить извѣстіе объ его зятѣ, и думалъ: сумѣетъ патронъ скрыть на своемъ лицѣ радость, или нѣтъ? Онъ бы сумѣлъ скрыть. Но вѣдь онъ только ученикъ своего патрона, не больше.

Ровно въ опредѣленный часъ онъ вѣхалъ во дворъ стариннаго замка. Его поросшія мохомъ башни помнили не только короля-Солнце, но и Карла Седьмого, который когда-то ночевалъ здѣсь.

Горшельдъ сдалъ лошадь на руки красно-ливрейнаго стремяннаго и вошелъ въ вестюбилъ замка. Помощникъ швейцара смахнулъ съ него щеткой насѣвшую на дорогѣ пыль и сдалъ на руки старому лакею, который повелъ его наверхъ, показывая давно знакомый путь, но совершая этотъ обрядъ съ такою торжественностью, точно гость былъ впервые въ замкѣ.

Гость слѣдовалъ за нимъ, сжавъ губы, взглядывая мимоходомъ въ зеркала и видя отраженіе своего круглаго блѣднаго лица. Сѣдой лакей, мягко поскрипывая башмаками съ пряжками, велъ его изъ залы въ залу, мимо севрскихъ и китайскихъ фарфоровъ, мимо саксовъ, черезъ старую оружейную комнату.

Въ знакомой пріемной, что была передъ кабинетомъ, представительный лакей повернулся и важно сказалъ:

— Я сейчасъ доложу.

Дверь неслышно отворилась и неслышно затворилась. Сейчасъ же лакей появился снова. Онъ съ глубокимъ поклономъ прошепталъ:

— Просятъ подождать нѣсколько минутъ, они изволятъ заканчивать свои занятія.

Горшельдъ мотнулъ головой и сталъ мѣрить комнату по топкому выпѣвшему ковру. Часы съ изображеніемъ барана задорно тикали на каминѣ.

Онъ остановился у окна. Запущенный, угрюмый садъ разстилался передъ домомъ. Каскады молчали. Тѣнь отъ деревьевъ была угрюма, какъ сами деревья, и весь садъ казался кладбищемъ. И здѣсь провела свои юные годы Клеръ, отсюда она поѣхала вѣнчаться съ любимымъ человѣкомъ! Отецъ остался одинъ въ огромномъ замкѣ...

Изъ кабинета донесся звукъ колокольчика. Старый лакей опять появился и, распахнувъ двери розоваго дерева съ бронзой, радостно оповѣстилъ:

— Просятъ.

Управляющій вошелъ въ кабинетъ.

По бритому лицу старика Горшельдъ сразу увидѣлъ, что онъ въ духѣ. Онъ сидѣлъ за большимъ рабочимъ столомъ, обложенный

бумагами, въ просторномъ домашнемъ шлафрокѣ. Онъ только что получилъ сообщеніе, что войска Наполеона еще отступили, и это привело его въ прекрасное настроеніе. Чѣмъ большее униженіе суждено его Франціи, тѣмъ лучше. Какъ онъ ни разу не показался при дворѣ корсиканца, онъ, представитель вымиравшаго французскаго рода, такъ онъ готовъ былъ на всякое униженіе передъ своимъ «несчастливымъ другомъ» Людовикомъ Шестнадцатымъ. Онъ терпѣть не могъ этого несчастнаго друга. Это широкое лицо, глупый профиль, ватная безхарактерность, все говорило противъ него. Но онъ былъ представитель королевской власти, и этого довольно. И потому Шарль Сень-Дизье готовъ былъ склонить передъ нимъ колѣна и развязать ремень его салюга, въ знакъ того, что онъ преданный ему вассаль, что не даромъ кровь величайшихъ родовъ Франціи, не даромъ кровь дѣвственницы Іоанны лилась въ защиту призрака священной власти. Но теперь онъ предоставилъ мѣсто тѣмъ «выскачкамъ», тѣмъ, кого его учитель ксендзъ называлъ *homo novus*, и которые не имѣли ничего общаго съ величіемъ Франціи. Пусть это были люди талантливые, даже геніальные, но между великимъ полководцемъ и императоромъ огромное разстояніе и совмѣстить геній правителя съ геніемъ главнокомандующаго нельзя.

Онъ слѣдилъ по огромной картѣ средней Европы за всѣми движеніями французскихъ войскъ; какъ французъ, онъ желалъ имъ побѣды, какъ внукъ того дѣда, который стоялъ возлѣ трона короля-Солнца, весь осіянный его лучами, онъ былъ радъ за это униженіе.

Онъ встрѣтилъ Горшельда восклицаніемъ:

— А! а я васъ задержалъ на пять минутъ.

Горшельдъ сказалъ что-то вродѣ того, что онъ можетъ и подождать и что Сень-Дизье можетъ не стѣсняться.

Сень-Дизье сдвинулъ свои черныя брови, какъ два жирныхъ черныхъ червяка, расположившіяся внизу его лба.

— Я знаю, мой милый, что мнѣ можно и чего нельзя, — нраво-учительнымъ тономъ сказалъ онъ: — кого я могу заставить ждать, кого не могу. Не вамъ давать мнѣ уроки: вы слишкомъ молоды.

Кровь бросилась въ голову пухлаго блондина. Даже шея его, съ большимъ прыщомъ сбоку, покраснѣла.

— Если вы изволили извиниться предо мной, — сказалъ онъ: — то я изъ чувства деликатности и уваженія къ вамъ нашелъ нужнымъ вамъ отвѣтить.

Старикъ посмотрѣлъ на него и такъ собралъ носъ въ сборки, точно почувствовалъ запахъ чего-то прѣлаго. Но онъ сложилъ руки, пальцами другъ въ друга, и проговорилъ:

— Ну, хорошо. Имѣете ко мнѣ дѣла какія-нибудь?

— Дѣлъ никакихъ нѣтъ, — сказалъ Горшельдъ. — Продажа сѣна для арміи приостановлена согласно вашему приказанію. Хоть я боюсь...

— Чего?

— Если непріятель вступитъ въ наши предѣлы, то запасы достанутся имъ даромъ. Впрочемъ, мы бы успѣли ихъ истребить.

Сень-Дизье засмѣялся.

— Если императоръ Александръ,—не безъ ироніи сказалъ онъ,—найдетъ возможнымъ взять мое сѣно для арміи и ничего не заплатитъ мнѣ—это его дѣло. Я не варваръ и жечь сѣно не буду, такъ какъ не веду борьбы съ животными.

Горшельдъ покорно наклонилъ голову.

— А еще что?—спросилъ старикъ.

— Ничего. Я узналъ, Впрочемъ, одну новость, и достовѣрную.

Глаза старика поднялись съ ожиданіемъ на управляющаго. Онъ видѣлъ по равнодушному тону докладчика, что новость важная.

— Ну?—спросилъ онъ.

Горшельдъ будто внезапно подавился.

— Князь ищетъ денегъ,—сказалъ онъ, дѣлая виноватое лицо, точно извиняясь за него.

— Какой князь?

— Вашъ зять. Онъ ищетъ пятьдесятъ тысячъ франковъ. Очевидно, ему нужно,—такъ какъ за процентами, какъ я узналъ, онъ не стоитъ.

Старикъ помолчалъ. Онъ медленно вертѣлъ своей табакеркой и спокойно смотрѣлъ куда-то въ пространство.

— У него долги?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ, имѣніе чистое,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Пятьдесятъ тысячъ... это такіе пустяки... А говорили, что онъ богатъ?..

Онъ опять помолчалъ, пожевавъ губами, и вдругъ спросилъ у управляющаго:

— А его супруга получила свои семьдесятъ пять тысячъ франковъ, что завѣщаны были ей крестной матерью и достались ей, когда она была лѣтъ десяти?

Глаза Горшельда забѣгали.

— Семьдесятъ пять тысячъ?—спросилъ онъ.—Я никогда даже о нихъ не слышалъ.

— Мало ли, мой милый, о чемъ вы не слышали!—пренебрежительно проговорилъ Сень-Дизье.—Значитъ, ей не выданы онѣ?

— Сколько я знаю—нѣтъ,—отвѣтилъ Горшельдъ.

— Завтра вы лично свезете ихъ къ владѣтельницамъ. У насъ путаются чужія деньги, а вы даже не знаете?..

— Я къ новому году провѣрялъ всѣ бумаги,—серьезно сказалъ управляющій:—даже слѣда нѣтъ суммъ, о которыхъ вы изволили сказать...

— Это не ваша вина, а вашего предшественника.

— Княгинѣ Клэръ извѣстно объ этомъ наслѣдствѣ?

Старикъ вытянулъ губы.

— Почему мнѣ знать, извѣстно ей это, или нѣтъ! Вы свезете завтра ей семьдесятъ пять тысячъ.

— Если это было болѣе двѣнадцати лѣтъ назадъ, то съ тѣхъ поръ успѣли нарасти проценты,—проговорилъ управляющій.

— Вы свезете семьдесятъ пять тысячъ,—крикнулъ старикъ:— и ни о какихъ процентахъ ни она, ни вы говорить не будете. Если эти деньги лежали у насъ въ замкѣ золотомъ, то... Но во всякомъ случаѣ, это не ваше дѣло...

— Слушаю,—проговорилъ Горшельдъ.

— У васъ новый фракъ!—вдругъ воскликнулъ старикъ.—Мнѣ нравится этотъ цвѣтъ.

Горшельдъ отдулся и не сказалъ ни слова.

— Хорошій фракъ,—повторилъ Сень-Дизье и, помолчавъ, прибавилъ:

— Я могу не видѣть мою дочь, не видѣть своего зятя. Но моя дочь не можетъ нуждаться.

Онъ ударилъ тетрадкой по столу.

— Моя дочь, отрасль нашего рода, не можетъ не только отказывать себѣ въ необходимомъ, но не можетъ себѣ отказывать даже въ прихотяхъ.

Онъ строго посмотрѣлъ на управляющаго.

— У нихъ нѣтъ дѣтей?—спросилъ онъ.

— Нѣтъ.

— Мой сынъ, Франсуа, умеръ,—продолжалъ старикъ. Но потомъ вдругъ остановился и повторилъ:

— Завтра же вы поѣдете и свезете семьдесятъ пять тысячъ.

Онъ открылъ ящикъ стола, нашель какую-то засаленную старую книжку, всю исписанную цифрами, нашель что-то, надѣвъ очки и проводя вылощеннымъ ногтемъ по какимъ-то графамъ.

— Клэръ получила въ наслѣдство семьдесятъ тысячъ,—сказалъ онъ.—Но я сказалъ семьдесятъ пять... Вы свезете семьдесятъ пять и возьмете расписку въ семидесяти пяти... А теперь—все. Вы можете идти. Завтра предъ обѣдомъ вы заѣдете ко мнѣ и сообщите, какъ исполненъ мой приказъ. До свиданія!

Старикъ сдѣлалъ что-то вродѣ кивка своей лысой головою. Управляющій поклонился и вышелъ.

ХІІІ.

Утромъ на слѣдующій день вороная лошадь, взмыленная и потная,—должно быть, всадникъ сегодня пускалъ въ ходъ и хлысть и шпоры,—остановилась предъ крыльцомъ маленькаго замка.

— Могу я видѣть кого-нибудь изъ хозяевъ?—спросилъ всадникъ выбѣжавшему на стукъ подковъ груму.

— Какъ о васъ сказать?—спросилъ мальчикъ, взявшись за удила лошади.

Горшельдъ не торопясь слѣзъ съ сѣдла, назвалъ свою фамилію и прибавилъ мальчику, повернувшемуся, чтобъ итти:

— По важному дѣлу, прошу немедленно принять.

Онъ заставилъ вороного фыркнуть два раза и тѣмъ освободить ноздри отъ набившейся при скачкѣ пыли. Потомъ онъ перекинулъ черезъ голову ему поводъ и не безъ любопытства осмотрѣлся. Онъ былъ здѣсь впервые. Все обличало порядокъ и полное довольство.

— Барскія прихоти!—подумалъ онъ про деньги и пощупалъ свой карманъ, гдѣ онѣ лежали, нѣсколько оттопыривая одну сторону фрака.

— Просятъ въ садъ,—сказалъ лакейченокъ, показывая на калитку сада.—По аллеѣ сейчасъ направо,—прибавилъ онъ, и самъ пошелъ съ лошадыю къ службамъ, гдѣ былъ конюхъ.

Горшельдъ направился по аллеѣ, потомъ направо. Среди цвѣтника, на большой каменной скамьѣ сидѣлъ князь и держалъ въ рукахъ старую книжку съ краснымъ обрѣзомъ. Онъ вопросительно посмотрѣлъ на приближающагося гостя и, видя, что онъ снялъ шляпу, всталъ со скамьи и спросилъ:

— Чѣмъ могу служить?

— Робертъ Горшельдъ, по важному дѣлу,—сказалъ онъ.

Борисъ показалъ ему на скамью возлѣ себя. Но гость не сѣлъ. Онъ вынулъ пакетъ изъ кармана и не торопясь освободилъ его отъ бумаги.

— Я управляющій всѣми дѣлами вашего тестя, господина Сенъ-Дизе,—сказалъ онъ,—и пріѣхалъ сюда, чтобы сообщить княгинѣ, не можетъ ли она получить тѣ семьдесятъ пять тысячъ ея денегъ, которыя до сихъ поръ находятся у насъ, но принадлежать ей по завѣщанію графини Шантильи?

Борисъ удивленно повелъ головою.

— Мнѣ жена никогда о нихъ даже не говорила,—сказалъ онъ.

— Княгиня, можетъ быть, не знаетъ о нихъ даже,—усмѣхаясь возразилъ Горшельдъ.—Вчера, на докладѣ, мнѣ настоятельно приказано сегодня же покончить этотъ вопросъ. Деньги я привезъ съ собою. Ваша супруга благоволитъ пересчитать ихъ и выдать расписку въ полученіи.

Управляющій протянулъ князю свертокъ. Но князь его не взялъ.

— Княгиня одѣвается,—сказалъ онъ.—Я передамъ ей о вашей миссіи, и пусть она считается съ вами.

Онъ пошелъ къ дому, не позвавъ за собою гостя. Песъ выбѣжалъ ему навстрѣчу и подозрительно сталъ обнюхивать гостя. Горшельдъ не любилъ собакъ и поднялъ руки, чтобы онѣ остались въ цѣлости. Что же касается ногъ, онъ о нихъ не особенно безпо-

коился, такъ какъ ботфорты, по его мнѣнію, были надежной защитой отъ собачьихъ попытокъ. Невдалекѣ онъ увидѣлъ стараго садовника, что-то подвязывавшаго на клумбахъ. Потомъ онъ сѣлъ на скамью и сталъ посвистывать. Небо было голубое, погода для осени великолѣпная. Цвѣты еще цвѣли пышно. Гортезін большими шапками окружали его; настурціи вились по самой скамьѣ, и ихъ огненные фіалы безстрашно смотрѣли на приближавшуюся осень.

Опять появился мальчикъ. Онъ предложилъ Горшельду пройти въ домъ, сказавъ, что его «просяютъ».

Въ кабинетѣ онъ увидѣлъ за столомъ князя и стоящую по срединѣ комнаты Клэръ. Она была одѣта въ утренній розовый пеньюаръ, подъ самую грудь перехваченный лентой, концы которой шли до самаго пола.

— Давно не видались, — сказала она гостю, кивая ему головою. — О какихъ деньгахъ вы говорите, Горшельдъ? Я ничего не знаю.

Пухлыя вѣки заморгали, маленькіе глаза зорко посмотрѣли на молодую женщину.

— Я такъ и думалъ, это вы не знаете, — развязно заговорилъ онъ. — Вашъ достопочтенный батюшка поручилъ мнѣ эти деньги свезти къ вамъ сегодня же, чтобъ онѣ не путались между другими. Я исполнилъ его волю, или, вѣрнѣе, его приказъ, — вотъ и все. А что, какъ и почему, — этого я не знаю и не желаю знать. У меня столько дѣлъ, что я не могу вдаваться въ подробности, которыя меня не касаются.

Онъ положилъ пакетъ на край стола.

— Какого рода расписку княгиня должна дать? — спросилъ Борисъ. — Продиктуйте, я напишу, а она подпишетъ.

— Въ какой угодно формѣ, но чтобы изъ нея было видно, что отъ меня деньги такими-то бумагами получены. Не угодно ли посмотреть.

Князь небрежно взглянулъ на бумаги и началъ писать. Горшельдъ посмотрѣлъ на княгиню.

— Вы очень поправились, — сказалъ онъ фамиллярно. — Счастливъ, что засталъ васъ въ полномъ здоровьѣ.

Она окинула его удивленнымъ взглядомъ и ничего не сказала. Она слѣдила за мужемъ, что писалъ онъ. Потомъ подошла къ столу, подписала новымъ, только что очиненнымъ перомъ свою фамилію, — и спросила:

— Больше вамъ ничего не надо?

— Ничего.

Онъ провелъ платкомъ по блѣдному, толстому лицу, прищурившись, внимательно прочелъ расписку, не торопясь положилъ ее въ карманъ и проговорилъ:

— Имѣю честь кланяться!

«Даже не предложили сѣсть,—косо усмѣхаясь, подумалъ онъ, выѣхавъ изъ воротъ замка.—Они взяли семьдесятъ пять тысячъ франковъ, точно выпили стаканъ воды,—точно это дѣлается ежедневно, точно они привыкли къ этому».

Онъ повернулъ не къ Парижу, а направо, къ небольшому селенію, что виднѣлось своею церковкою изъ-за холмовъ. Да и было время, потому что изъ города къ замку ползло новое облачко пыли. Это ѣхалъ его знакомый, мосье Жоржъ, съ которымъ онъ сейчасъ не имѣлъ нужды и никакой охоты встрѣчаться.

Когда онъ вышелъ изъ кабинета, Клэръ сказала мужу:

— Я ничего не понимаю. Настоящія это бумаги, не фальшивыя? Князь улыбнулся.

— Настоящія. Онѣ кстати пришли. Тебѣ нужны деньги?

Она отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, возьми ихъ себѣ, мнѣ ничего не надо. Будетъ надо, спрошу,—отвѣтила она.

Онъ положилъ конвертъ въ стѣнной шкапъ. Теперь эти деньги избавляли его отъ необходимости займа и давали возможность расплатиться съ мелкими долгами, образовавшимися за послѣдній годъ, и прожить пока, не думая о будущемъ.

Когда онъ убиралъ деньги въ бюро, во дворѣ опять послышался топотъ.

— Сегодня, кажется, здѣсь раутъ?—замѣтилъ онъ женѣ:—опять пріѣхалъ кто-то.

Въ дверяхъ показалась фигура Боклевскаго. Онъ недовольнымъ голосомъ заявилъ:

— Эготъ, какъ его,—черноногій, маленькій, что въ Петербургѣ все виляя, Егоръ Карпычъ, что ли,—пріѣхалъ.

Теперь, послѣ того, какъ деньги были въ шкапу, этого гостя можно было и не принять. Но онъ, какъ бы то ни было, хлопоталъ по его дѣлу и пріѣхалъ за двѣнадцать лье. Поэтому Борисъ велѣлъ его просить въ кабинетъ.

Егоръ Карапетовичъ вошелъ съ неизбѣжной счастливой улыбкой на гладко пробритомъ лицѣ, съ височками и хохолкомъ, во фракѣ и желтыхъ панталонахъ. Онъ успѣлъ сказать два-три пріятныхъ слова Боклевскому и нѣсколько разсѣять то непріятное впечатлѣніе, которое смутно осталось въ немъ отъ прежняго времени, связанное съ проигрышемъ барина, какими-то деньгами и хмурой петербургской погодой.

Клэръ уже вышла, когда Егоръ Карапетовичъ вступилъ въ комнату. Онъ радостно привѣтствовалъ хозяина:

— Какъ вы поживаете? Супруга что? Ну, очень радъ!

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ monsieur George, въ немъ появилась какая-то фамильярность. Попрежнему тонъ его былъ почтитель-

лень, но въ немъ сквозило какое-то «амикошонство», какъ принято тогда было говорить.

— Ну, драгоценный мой, весь я Парижъ обрыскалъ по вашему дѣлу. Сказать, что успѣшно—не могу,—началь онъ.—И главная причина временнаго неуспѣха заключается въ томъ, какъ я и предупредалъ васъ,—въ нашей національности.

— Въ нашей?—переспросилъ съ удивленіемъ князь.—Развѣ мы съ вами одной національности?

— Конечно, мы оба русскіе!—воскликнулъ Егоръ Карапетовичъ.—То-есть были оба русскими. Я перешелъ въ католичество и принялъ здѣшнее подданство.

Онъ захохоталъ, точно провелъ все человѣчество.

— Нашелъ это нужнымъ. Мнѣ все равно—быть грекомъ, русскимъ, англичаниномъ... Я космополитъ и отечества не признаю. Гдѣ я сейчасъ живу,—тамъ мое отечество.

Егоръ Карапетовичъ опять захохоталъ. Онъ былъ, повидимому, счастливъ, несмотря на распри съ женой и на то, что вчера она, выйдя изъ дома утромъ, вернулась только поздно ночью. Правда, она была, по ея словамъ весь, день, въ Венсенѣ у мамашч, но это не помѣшало ему во второмъ часу ночи разыграть бурную сцену. Такія сцены повторялись регулярно раза три въ недѣлю, и послѣ нихъ Егоръ Карапетовичъ, повидимому, былъ лучше настроенъ.

— Я въ своихъ убѣжденіяхъ считаю себя совершенно свободнымъ человѣкомъ,—продолжалъ онъ, закладывая ногу на ногу и отваливаясь въ сафьянномъ креслѣ. Онъ теперь сознавалъ себя по отношенію князя нужнымъ человѣкомъ и потому держалъ себя независимо. Онъ вѣрилъ своему *scredo* и считалъ, что долгъ со-вѣсти обязываетъ его открыто исповѣдывать свою вѣру.

— Революція тѣмъ велика, тѣмъ значеніе ея для человѣчества громадно, что она на первый планъ поставила разумъ. Разумъ одинъ можетъ руководить дѣйствіями человѣка. Если бываютъ несчастья, то оттого только, что люди недостаточно дѣйствуютъ разумно.

— Итакъ, вы денегъ не достали?—спросилъ Борисъ.

— Пока мои поиски были почти безплодны.

— Что значитъ «почти»?

— Почти—такъ какъ не иначе вамъ предлагаютъ денегъ, какъ подъ залогъ недвижимости. Но такъ какъ у васъ недвижимости нѣтъ...

— Да, этотъ замокъ принадлежитъ княгинѣ,—подтвердилъ Борисъ.

— Ну, вообще подъ залогъ такой недвижимости денегъ не дадутъ на обыкновенныхъ условіяхъ,—продолжалъ Егоръ Карапетовичъ.—Замокъ лежитъ какъ разъ на пути союзныхъ войскъ къ Парижу. Кто поручится, что онъ не будетъ сожженъ союзниками?

Кто поручится, что въ эти картины и вазы не будутъ отъ нечего дѣлать стрѣлять изъ пистолетовъ русскіе и нѣмецкіе офицеры?

— Такъ вы пріѣхали ко мнѣ только затѣмъ, чтобы сообщить о безуспѣшности вашихъ розысковъ?—перебилъ его князь.

— Не совсѣмъ такъ,—отвѣчалъ гость.—Я, конечно, пріѣхалъ къ вамъ сообщить о результатахъ поисковъ,—потому что общалъ сообщить ихъ вамъ. Достать деньги можно, давъ документъ на большую сумму, чѣмъ вы получите.

— Въ два раза?

— Около того.

— Вы бы ѣхали домой.

Егоръ Карапетовичъ покраснѣлъ.

— Вамъ, значить, не очень нужно, если вы сердитесь?

— Я нисколько не сержусь.

— Ваше предложеніе мнѣ ѣхать домой доказываетъ, что вы сердитесь. Кто даетъ вамъ денегъ, тотъ рискуетъ.

— Чѣмъ?

— Тѣмъ, что онъ не получитъ денегъ обратно... Пойдите, не дѣлайте трагическихъ жестовъ, князь. Я говорю, не получить въ назначенный срокъ, а значительно позже. Вы можете получить не скоро ваше наслѣдство. Наконецъ,—извините за откровенность,—васъ могутъ... Ну, какъ это сказать деликатнѣе... убить.

— Кто же меня убьетъ?

— Патриоты. Словомъ, кто даетъ, тотъ рискуетъ. Я знаю, что вы не согласитесь на тѣ условія, что вамъ предлагаютъ,—это ваше дѣло. Но я счелъ своимъ долгомъ передать вамъ.

— Это все?

— Не совсѣмъ. Дня чрезъ два я жду одного человѣчка изъ Брюсселя. Быть можетъ, онъ предложитъ болѣе легкія условія.

Въ кабинетъ вбѣжала собака и зарычала на гостя.

— Она не кусается?—спросилъ онъ.

— Вы ее не укусите, а она не укуситъ,—отвѣтилъ Борисъ.

Егоръ Карапетовичъ хотѣлъ обидѣться,—но, раздумавъ, дѣлanno засмѣялся.

— Это очень остроумно,—сказалъ онъ.—Но я не люблю собакъ. У всѣхъ есть свои пристрастія, чудачества и склонности. Я не люблю собакъ.

— А я не люблю людей,—проговорилъ князь.

— То-есть вы ихъ презираете?—подхватилъ гость.—Я тоже ихъ презираю, особенно женщинъ. На что онѣ нужны и чего достойны? Я не средневѣковый рыцарь...

Онъ увидѣлъ, что князь встаетъ, и тоже всталъ.

— Забылъ совсѣмъ,—жена просила вамъ кланяться,—продолжалъ онъ.—Я хотя поздно, но передалъ ей порученіе, и совѣсть моя спокойна.

Онъ посмотрѣлъ въ окно на желтѣющіе листья и сказалъ:

— А помните, князь, Петербургъ? Фонтанку, Новый мостъ? Ха-ха! Хорошее время было. Какъ гвардія шла тогда, какъ кутила! Ну-съ, до свиданія. Я сообщу вамъ, если что будетъ...

— Да вы не хлопочите, не стойте,—проговорилъ князь.

Егоръ Карапетовичъ удивился и спросилъ: почему не стойте? Князь ему не отвѣтилъ: онъ стоялъ у окна и задумчиво смотрѣлъ въ садъ. Monsieur Жоржъ вышелъ, надѣлъ въ вестибюль плащъ и уже за оградой проговорилъ:

— Аристократы проклятые!

XIV.

Надъ Парижемъ еще висѣло сѣрое утро, еще магазины только отворялись, и одни газетчики, повара, кухарки и служащіе въ лавкахъ шаркали ногами по тротуару, когда три удара въ дверь квартиры въ переулкѣ близъ Шато д'О, усиленно повторяемые черезъ каждыя двѣ минуты, разбудили Горшельда. Онъ надѣлъ туфли и не одѣваясь подошелъ къ двери.

— Кто тамъ ломится?—сердитымъ и хриплымъ со сна голосомъ спросилъ онъ.

— Гаспаръ Пишо,—послышалось въ отвѣтъ:—я уже съ полчаса стучу здѣсь подъ дверью.

Горшельдъ откинулъ мѣдный крючокъ затвора.

— Чортъ возьми!—сказалъ онъ вошедшему кривому мужчине, которому на видъ было лѣтъ шестьдесятъ. Если бы я зналъ, что это вы, я бы еще спалъ.

— Солнце уже давно взошло,—пробормоталъ вошедшій.

— Вы бы вломились часа въ четыре!—продолжалъ хозяинъ.— Ну, входите же! Вы вчера были пьяны?

— Я каждый день пьянъ къ вечеру, ваша милость!—не смущаясь отвѣтилъ кривой.

— Поэтому вчера вы и не пришли на мой зовъ?

— О томъ, что ваша милость были у меня, мнѣ сказали только поздно ночью, когда я вернулся домой. На зарѣ я сейчасъ же побѣжалъ къ вамъ.

— Я такъ и думалъ,—сказалъ Горшельдъ и, приподнявъ крышку кофейника, посмотрѣлъ внутрь и поставилъ его на таганъ.— Теперь вы трезвы?

— Я по утрамъ настолько же трезвъ, насколько пьянъ по вечерамъ,—отвѣтилъ Пишо.

— Вы мнѣ нужны.

— Къ вашимъ услугамъ. Такъ какъ у меня нѣтъ теперь работы, то я весь въ распоряженіи вашей милости.

— Я что-то не помню, чтобы у васъ была когда-нибудь работа,— пробормоталъ сквозь зубы хозяинъ.

— Такъ, иногда... съ большими промежутками бываетъ...

— Большіе промежутки. Когда вы сидите въ тюрьмѣ?

— Не всегда я сижу тамъ,—обидчиво сказалъ Пишо.—Всего я былъ приговоренъ къ тюрьмѣ шесть разъ, и четыре изъ нихъ совершенно несправедливо.

— А два раза по заслугамъ?

— Объ этомъ можно спорить. Все зависитъ отъ того, какъ посмотрѣть на то, что они называли преступленіемъ.

— Кто они?

— Судьи.

— Вы во время террора только случайно не были вздернуты за поджоги?

— Случайно, мосье.

— Вы очень находчивы. Говорятъ вы служили тѣмъ, съ кѣмъ васъ судьба сталкивала? Сегодня за однихъ, завтра за другихъ?

— Я человѣкъ неграмотный, мосье.

— Изъ всѣхъ правъ человѣка вы, кажется, свободу дѣйствій признавали выше всего и дѣйствовали, какъ въ данную минуту находили нужнымъ?

— Вы удивительно вѣрно, мосье, поняли мой характеръ.

Горшельдъ ничего не отвѣтилъ на этотъ комплиментъ, а, поднявъ крышку, сталъ мѣшать въ кофейникъ. Совершивъ эту операцію, онъ откинулся на спинку мягкаго кресла и спросилъ:

— Возлѣ вашего селенія живетъ князь Вязьмитиновъ?

— Живетъ, мосье.

— Имъ довольны или недовольны?

— Кто, мосье?

— Не стройте дурака,—я спрашиваю про крестьянъ?

Пишо скорчилъ удивленную гримасу.

— Быть довольными или недовольными княземъ у крестьянъ нѣтъ причинъ, мосье. Если бы это была эпоха славной революціи, быть можетъ, его бы повѣсили на воротахъ его замка. Но такъ какъ,—слава тебѣ Господи,—времена террора миновали, то онъ живетъ спокойно со своей молодой женой.

— Онъ бываетъ въ церкви?

— Рѣдко, мосье. Чаще моего, но рѣдко.

— Прошу васъ говорить болѣе опредѣленно.

— Я никогда не бываю.

— А онъ?

— Онъ раза два былъ у обѣдни.

— Вы знаете, что онъ не католикъ?

Сѣрый, заплывшій глазъ Пишо остановился на Горшельдѣ.

— А кто же онъ, мосье?

- Онъ греческой вѣры.
- Но онъ полякъ, мосье, а всѣ поляки католики.
- Онъ русскій,—а всѣ русскіе принадлежать восточной церкви. Пишо даже попятился.
- Русскій? Мосье ошибается.
- Я никогда не ошибаюсь.
- Горшельдъ поднялъ на него свои глазки и внимательно посмотрѣлъ на своего гостя.
- Ваши финансы плохи?—спросилъ онъ.
- Всегда плохи.
- Отчего?
- Я уже сказалъ, мосье, что въ настоящее время лишень работы.
- Вязьмитиновъ—русскій.
- Пишо переступилъ съ ноги на ногу.
- Не понимаете? Это для васъ источникъ дохода?
- Я глупъ сталъ отъ времени, мосье, а потому прошу васъ объяснить мнѣ, что вы хотите сказать?
- Гмъ... Вы слышали, что русскіе стоятъ во главѣ союзной арміи?
- Слыхаль, мосье.
- Слышали, что армія эта не сегодня-завтра вступитъ въ предѣлы Франціи?
- Слыхаль, мосье.
- Знаете ли вы, что она подступитъ, быть можетъ, къ Парижу?
- И это тоже говорили, мосье.
- Что же вы скажете?
- Я думаю, что этого не допустить,—чтобы варвары заняли такую столицу, какъ Парижъ, когда у насъ во главѣ войска стоитъ геніальный императоръ.
- Давно ли, Пишо, вы стали монархистомъ?
- Пишо на это ничего не отвѣтилъ.
- Горшельдъ началъ наливать въ стаканъ ароматную горячую жидкость. Ноздри Пишо раздулись, и онъ, точно замороженный, сталъ внимательно слѣдить за паромъ, клубившимся надъ кофейникомъ.
- Итакъ,—началь Горшельдъ, ударяя себя ладонью по правому колѣну, въ тактъ своимъ словамъ,—русскіе, пруссаки и всякое отрепье надвигается на насъ. Мы должны дать отпоръ. Мы должны положить свою жизнь, чтобы спасти дорогую родину. Мы должны сжечь наши жилища, и пусть враги встрѣтятъ однѣ развалины. Такъ сдѣлали русскіе—и такъ поступимъ и мы.
- Такъ поступимъ и мы!—какъ эхо, отозвался Пишо.
- Но вѣдь у васъ нѣтъ своего дома?
- Я живу у своего дяди. Но это ничего не значитъ; если явится необходимость, я могу поджечь его домъ.

— Я нисколько, мой другъ, не сомнѣваюсь въ этомъ. Но гораздо лучше, если вы сожжете виллу князя.

Горшельдъ глотнулъ изъ большой чашки.

— Неужели ваши односельцы такъ глупы,—спросилъ онъ:— что не понимаютъ, кто такой Вязьмитиновъ?

— Что же его понимать, мосье?

— Это шпионъ, русскій обыкновенный шпионъ. Ему такъ хорошо и удобно шпионить, сидя въ частъ ѣзды отъ Парижа и посылая условныя письма въ армію.

— Едва ли это такъ, мосье. Нашъ духовникъ отецъ Жозефъ утверждаетъ, что князь не только полякъ, но и превосходный во всѣхъ отношеніяхъ человѣкъ. Когда въ мартѣ умерла старуха Бюветъ, онъ похоронилъ ее на свой счетъ и поставилъ крестъ на ея могилѣ. Э? не всякій сдѣлаетъ это!

— Ну, Пишо, я думаю, вы дали бы су за то, чтобы васъ похвалилъ отецъ Жозефъ въ воскресной проповѣди? А погребеніе Бюветъ для князя было то же, что вамъ затратить одно су.

Онъ опять глотнулъ кофе и блаженно улыбнулся.

— Да, хорошо быть богатымъ,—сказалъ онъ:—лежать въ теплой комнатѣ, въ тепломъ халатѣ и пить горячій кофе. И какъ судьба несправедлива: однимъ дала все, а другимъ ничего. Одни—по пяти разъ въ день могутъ пить кофе. Другіе не могутъ его пить въ пять дней разъ.

Онъ зажмурился и опять глотнулъ.

XV.

— Это вѣковѣчный вопросъ!—продолжалъ онъ:—равномѣрное распредѣленіе богатствъ должно соответствовать равномѣрному распредѣленію труда.

— Я знаю, ваша милость цѣлые дни въ работѣ,—замѣтилъ Пишо.

— Я цѣлые дни полонъ трудовъ и заботъ,—строго сказалъ Горшельдъ.—Вы уйдете, я сяду за книги. Видите вы эту кучу записокъ и счетовъ? Ихъ надо разнести по счетамъ и графамъ. И это не грошевыя счета. Тутъ есть одинъ въ семьдесятъ пять тысячъ. Что вы на это скажете?

— Это большой капиталъ.

— Я думаю. А знаете ли вы, гдѣ онъ теперь находится? Возлѣ васъ въ замкѣ. Вамъ ничего не стоитъ собраться двумъ десяткамъ человѣкъ и взять эти деньги. Въ кабинетѣ сзади бюро есть вдѣланный въ стѣнѣ ящикъ съ старой дверцей. Два-три удара хорошимъ ломомъ, и дверца не выдержитъ.

— У мосье есть нѣсколько пистолетовъ,—сказалъ задумчиво Пишо.—Я самъ видѣлъ, какъ лѣтомъ князь стрѣлялъ въ цѣль.

— Пусть у него будетъ цѣлый арсеналь пистолетовъ, но болѣе двухъ за разъ онъ не возьметъ. Ну, убьетъ онъ двоихъ, что же такое?

Пишо похлопалъ глазами.

— Надо будетъ дѣлиться съ меньшимъ числомъ участниковъ, вотъ и все! — продолжалъ пухлый молодой человекъ. — Семьдесятъ пять тысячь большая сумма.

— Нынче правительство очень строго относится къ насилію! — перѣшительно сказалъ Пишо. — Солдаты могутъ въ завоеванномъ городѣ грабить и жечь. А честнымъ гражданамъ это запрещено.

— Вы считаете себя честнымъ гражданиномъ? — спросилъ удивленно Горшельдь.

— Я никого не обманулъ, мосье. Да, я убилъ въ то время, когда брали Бастилію и казнили Капета, двадцать восемь человекъ, — но они или первые начали драку, или принадлежали къ аристократическому роду.

— Въ этомъ была ихъ вся вина? — спросилъ Горшельдь.

— Въ этомъ, мосье... Они являлись представителями неправильнаго распредѣленія имуществъ. Они являлись жертвами съ одной стороны, а я — мстителемъ съ другой.

— Такъ что вы не прочь были бы съ головой княгини на палкѣ обойти съ пѣснями вокругъ замка?

Пишо безпокойно сталъ перебирать поля шляпы, что держалъ въ рукахъ.

— Разсчитываться съ женщинами — это дѣло бабъ, — проговорилъ онъ. — Я никогда не посягалъ на ихъ жизнь.

Его взглядъ вдругъ упалъ на стопку пятифранковиковъ, лежавшую возлѣ кофейника и прикрытую до сихъ поръ носовымъ платкомъ Горшельда.

— Вы смотрите на деньги, Пишо? — спросилъ хозяинъ. — Я приготовилъ ихъ для васъ. Возьмите изъ нихъ, сколько вамъ нужно. Тутъ двадцать пять франковъ...

Пишо приблизился, взялъ задумчиво одну монету, потомъ другую.

— Мнѣ довольно десять франковъ, мосье, — сказалъ онъ.

— Вы очень скромны, — замѣтилъ Горшельдь и распустилъ длинный кошелекъ съ кольцомъ, повидимому, почти пустой. — Я хочу вамъ сдѣлать подарокъ, Пишо, — сказалъ онъ, вытаскивая оттуда большой золотой. — Я хочу подарить вамъ сорокъ франковъ. Посмотрите, какой блестящій червонецъ, съ профилемъ императора и съ отмѣткой 1812. Это великій годъ похода на Москву. Возьмите эту монету, я ничего не имѣю, если вы ее не размѣняете, а по завѣщанію оставите дѣтямъ.

— У меня нѣтъ дѣтей, мосье, — конфузливо замѣтилъ Гаспаръ: — то есть, можетъ быть, они и есть, только я про нихъ никогда ничего не слышалъ.

Молодой человекъ нахмурился,

— Я повторяю,—проговорилъ онъ:—что князь русскій. Если вы не только возьмете всѣ деньги, находящіяся въ замкѣ, или, говоря безъ обиняковъ, ограбите его,—но если даже убьете его, когда онъ будетъ стрѣлять въ васъ, убьете, конечно, для самозащиты, всякій судъ васъ оправдаетъ потому уже, что онъ русскій и въ васъ говорилъ болѣе патріотизмъ, чѣмъ звѣрскіе инстинкты. Кто заставляетъ васъ рассказывать вашимъ сообщникамъ, что въ стѣнѣ есть восемьдесятъ тысячъ франковъ? Скажите просто: вѣроятно, тамъ есть деньги.

Пишо переступилъ съ ноги на ногу. Это всегда обозначало у него нерѣшительность.

— Вы какъ будто хотите что сказать, Пишо?—спросилъ хозяинъ и опрокинулъ въ ротъ чашку съ остатками кофе.

— Я хотѣлъ сказать, мосье, что я... окончательно хотѣлъ пойти по пути блаженныхъ...

— Что вы называете путемъ блаженныхъ?

— Путь вѣчнаго спасенія, про который всегда говоритъ отецъ Жозефъ.

— Вы, мой другъ, на это не способны. Довольно того, что у васъ появилось доброе желаніе исполнить это. Удовольствуйтесь только намѣреніемъ.

Пишо положилъ золотой за щеку.

— Вы хорошо дѣлаете, что, какъ мандрилъ, прячете лакомый кусокъ въ укромное мѣсто. Только не проглотите его, а то придется вамъ долго возиться съ нимъ,—онъ достаточно великъ, даже для вашего горла.

— Зачѣмъ глотать, мосье,—отвѣтилъ Пишо.

Хозяинъ всталъ и отряхнулъ крошки булки съ колѣнъ.

— Я очень заинтересованъ, чтобъ вы исполнили то, о чемъ я говорилъ,—сказалъ онъ.—Нѣсколько десятковъ тысячъ франковъ будутъ болѣе способствовать къ приведенію васъ на путь истинный, чѣмъ отдавать отъ него. Подумайте хорошенько о всемъ, что я вамъ сказалъ. Помните, что вы будете дѣйствовать въ силу величайшей правды—уравненія правъ человѣка. Нельзя вѣчно лежать на канapé, не пахать, не жать, не рубить,—и наслаждаться жизнью. Откуда деньги у князя? Отъ его предковъ. А кѣмъ добыты эти деньги? Жалкими рабами, кровавымъ потомъ... Положимъ, Пишо, вы тоже ничего не дѣлаете. Но вы часто спите на навозной соломѣ, и въ правѣ возмущаться существующими порядками.

— Я и возмущаюсь, мосье.

— Я вижу по вашему лицу, что вамъ хочется выпить стаканъ добраго краснаго вина?

— Если мосье будетъ такъ добръ.

— Вы у меня его не получите, Пишо. У меня слишкомъ дорогое вино, и оно вамъ не по рылу. Вы можете зайти въ любую лавочку

и выпить, сколько захотите, да кстати размѣнять сорокъ франковъ. Но вотъ вамъ мой совѣтъ.

Онъ положилъ руку ему на плечо.

— Не напейтесь.

— Я пью, мосье Горшельдъ, только отъ бездѣлья; когда же я занять дѣломъ, то не болѣе, какъ подкрѣпляюсь.

— Хорошо, вы подкрѣпитесь, и идите щупать почву среди вашихъ односельчанъ. Да не замедлите,—чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Теперь вы идите,—у меня много дѣла. Въ это время вы всегда меня застанете. Приходите,—вы еще получите столько же, сколько получили сегодня. А теперь убирайтесь.

— Счастливо оставаться,—сказалъ Пишо.—Я постараюсь. Не знаю, что выйдетъ, но постараюсь.

Онъ ухмыляясь вышелъ въ переднюю и отперъ дверь на лѣстницу. Хозяинъ вышелъ за нимъ и крикнулъ ему въ щель прежде, чѣмъ захлопнулъ крюкъ.

— Смотрите же, не напейтесь!

Пишо обѣщалъ и, стуча своими подошвами, спустился по каменной лѣстницѣ. Горшельдъ вошелъ въ свою комнату, сдѣлалъ два пируэта, такъ что полы халата раздулись кругомъ его, потомъ упалъ, залился хохотомъ и проговорилъ:

— Вотъ дуракъ-то! Вотъ прирожденный идиотъ!

XVI.

Борисъ, проснувшись утромъ, отдернулъ занавѣсъ окна. Хмурое небо посмотрѣло на него. Нѣсколько золотыхъ листьевъ порхая летѣло съ деревьевъ. Онъ вспомнилъ про вчерашніе два визита,—и ему стало какъ будто свѣтлѣе на душѣ.

Воклевскій, подавая ему сапоги, замѣтилъ:

— Осень начинается, ваше сіятельство.

— Осень,—отвѣтилъ онъ.

— Теперь у насъ въ Знаменскомъ русаковъ травяты.

— Травяты,—подтвердилъ князь. Ему показалось, что еще что-то хотѣлъ прибавить его слуга, да не сказалъ.

Клэръ, блѣдная, но, какъ всегда, свѣжая, чистая, сидѣла въ столовой. Онъ наклонился къ ней, цѣлуя ея нѣжную щечку. Ея рука обвила его шею, и она сказала:

— Ты хорошо спалъ, Борисъ?

— Хорошо,—отвѣтилъ онъ.

— Я такъ рада, что ты получилъ вчера эти деньги,—проговорила она.—Мнѣ показалось, что въ послѣднее время ты сталъ безпокоенъ и задумчивъ именно потому, что у тебя не было денегъ и ты не зналъ, откуда взять,

Онъ поцѣловаль ея руку.

— Я гораздо богаче твоего отца,—смѣясь сказалъ онъ.

— Ты не знаешь, какъ богатъ онъ,—возразила Клэръ.—У него есть нѣсколько замковъ, много земель, много денегъ и въ Лондонѣ и здѣсь.

— Ты не знаешь, какъ мы богаты,—въ свою очередь, сказалъ онъ.—У насъ тоже много замковъ, только они называются помѣстьями... У насъ есть и дома въ Петербургѣ и въ Москвѣ, и тысячь пятнадцать крестьянъ...

— И у тебя есть крестьяне?—спросила Клэръ.

— Есть.

— Они платятъ тебѣ подати?

— Платятъ. И я могу сдѣлать съ ними, что хочу: могу отдать ихъ въ солдаты, могу сослать ихъ, могу продать.

Брови ея дрогнули.

— Ты можешь продавать людей?

— Могу. У насъ еще есть рабы.

— Значитъ, вы—рабовладѣльцы?

— Мы—рабовладѣльцы. Мы не только можемъ мучить рабовъ и убивать, но и отпускать на свободу.

— Есть такіе, что отпускають?

— Есть.

— А ты?

Борисъ молчалъ, помѣшивая въ чашкѣ ложечкой.

— Я слишкомъ молодымъ покинулъ семью,—сказалъ онъ.—

Но теперь, когда ворочусь,—я раскрѣпощу своихъ крестьянъ. Здѣсь, живя во Франціи, я многому научился и на многое сталъ смотрѣть иначе. Заря людской свободы поднялась здѣсь... Во Франціи еще есть остатки феодаловъ... тѣхъ же нашихъ помѣщиковъ, но только подкрашенныхъ цивилизаціей Запада. У нихъ были тѣ же нечеловѣческія права, что и у насъ. Какъ у насъ молодую отъ вѣнца крѣпостные должны были приводить къ помѣщику, такъ и у васъ во Франціи было такое право у феодаловъ. У васъ, можетъ быть, все это было раньше, чѣмъ у насъ, но было...

Большіе глаза Клэръ съ изумленіемъ остановились на мужѣ.

— У насъ тоже это было?—спросила она.—Я никогда объ этомъ не слыхала.

— Радость моя,—всюду и вездѣ одно и то же. Вотъ дождь льется, и по стекламъ нашихъ оконъ бѣгутъ потоки. Въ Россіи такой же дождь,—и также онъ идетъ и въ Китаѣ, и въ Америкѣ, и въ Италіи. Такія же драмы разыгрываются, также воздѣ людей мучають, убивають и жгутъ,—вездѣ одинаковы несчастья и радости...

Онъ замолчалъ. Собака лежала подъ столомъ и изрѣдка вздыхала. Сѣрый день хмурился все больше. Дождь стучалъ по крышѣ и

смачиваль сбоку веранду. Часы мѣрно тикали во всѣхъ комнатахъ. Въ углахъ собиралась темнота, точно былъ вечеръ, а не полдень. Холодомъ вѣяло отъ оконъ. Мокрыя вѣтки тихо качались въ саду. Рафаэлевская Мадонна смутно проступала изъ полутьмы, и два младенца—Христосъ и Иоаннъ—бѣлѣли по бокамъ сидящей въ полѣ дѣвушки. Осеннія астры увядали въ стеклянной подставкѣ съ водой на его письменномъ столѣ: ихъ Клэръ еще три дня назадъ поставила сюда.

Онъ развернулъ книгу съ краснымъ обрѣземъ. Это былъ подарокъ Жакелинъ, что онъ нашелъ въ своемъ кабриолетѣ, когда воротился изъ Парижа. Книга была на латинскомъ языкѣ и представляла сводъ сочиненій Плинія Младшаго. Борисъ зналъ латинскій языкъ и здѣсь во Франціи еще больше, отъ нечего дѣлать, освоился съ нимъ. Онъ свободно читаль теперь, и отецъ Жозефъ помогалъ ему своимъ отличнымъ знаніемъ.

Теперь князь принялся за письмо Плинія къ Тациту, гдѣ онъ описываетъ смерть своего дяди и разрушеніе Помпей. Съ первыхъ строкъ авторъ захватилъ его. Дядя Плинія, извѣстный естествоиспытатель, сталъ звать племянника поѣхать съ нимъ смотрѣть изверженіе вулкана. Издали оно казалось тучей, то молочной, то желтой съ грязными подпалинами, то пепельной, то коричневой,—и она имѣла форму гигантской пинні. Плинію-дядѣ показалось такое явленіе знаменательнымъ, онъ взялъ либурнскій корабль и думалъ ѣхать съ племянникомъ...

— Ваше сіятельство, патеръ Жозефъ пришелъ,—сказаль Болевскій, входя въ кабинетъ.—Къ вамъ просится.

— Жозефъ?—удивился князь.

Жозефъ никогда не бываль безъ приглашенія. Должно быть, было что-нибудь важное. Вдобавокъ у Плинія одна фраза оказалась запутанной и непонятной. Борисъ велѣлъ просить его.

Лицо Жозефа было возбуждено, губы судорожно поджимались. Онъ вытираль мокрыя руки платкомъ и говорилъ:

— Хотя я въ плащѣ и перчаткахъ, но промокъ.

— Очень радъ васъ видѣть,—сказаль князь:—какъ вы переведете эту фразу?

Жозефъ прищурился, сразу перевелъ и сказалъ:

— Это Плиній. Превосходная латинская проза.

Онъ закрылъ книгу, какъ бы показывая этимъ, что теперь имъ заниматься не время, и спросилъ:

— Вы, князь, когда думаете ѣхать?

Борисъ не ожидаль такого вопроса.

— Куда?

— Въ Англию.

— Зимой... какъ-нибудь.

Жозефъ потупилъ глаза и закусилъ нижнюю губу.

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

— Обстоятельства идутъ быстрѣе, чѣмъ я думалъ,—сказалъ онъ.—И вамъ ѣхать придется немедленно.

— То есть?—спросилъ князь.

— Чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

— Объяснитесь.

Жозефъ оглянулся кругомъ.

— У насъ непокойно въ селеньѣ. Сейчасъ ко мнѣ приходили выборные. Они кричали и махали руками. Знаете, зачѣмъ они ворвались ко мнѣ? Узнать правду, какъ говорили они. И правда эта касается васъ. Они спрашивали: русскій вы или нѣтъ?

Князь захлопнулъ словарь и сталъ внимательнѣе.

— Русскій ли я?

— Они васъ считали за поляка, и я поддерживалъ эту увѣренность. Видя васъ въ церкви, зная, что княгиня, ваша жена, отроslъ стараго французскаго рода,—васъ они считали католикомъ. Теперь откуда-то до нихъ дошло сообщеніе, что вы православный, и они явились ко мнѣ.

— А что же вы?

— Я сказалъ, что навѣрно не знаю.

— Вы же знаете.

— Мнѣ нужно выиграть время и предупредить васъ. Я считаю своимъ долгомъ остеречь васъ отъ этихъ сумасшедшихъ людей. Что сказать имъ?

— Скажите правду.

— Что вы принадлежите къ восточной церкви? Это невозможно.

— Почему?

— Они потребуютъ, чтобы вы уѣхали отсюда. И это въ лучшемъ случаѣ.

— А въ худшемъ?

— Вы должны быть ко всему готовы. У насъ вообще населеніе деревни настроено противъ васъ.

— Почему же? Что я имъ сдѣлалъ?

— А все это отрывка революціи. До сихъ поръ девяностые годы еще памятны многимъ. Расчетныя книжки, что установлены для рабочихъ императорскимъ правительствомъ, породили недовольство. Неуспѣхъ французскихъ войскъ—толчокъ для всякихъ беспорядковъ. Если они окончательно убѣдятся, какой вы націи,—ваше дѣло проиграно. Бѣжать въ Англію вы должны и должны немедленно, или...

— Ну?

— Или то, что я говорилъ вамъ раньше,—принять католичество.

Борисъ наклонился къ духовнику своей жены и сказалъ:

— Никогда!

Жозефъ пожалъ плечами,

— Какъ хотите! Но вамъ надо предпринять какое-нибудь рѣшеніе, и немедля.

— Благодарю васъ, отецъ Жозефъ, за предупрежденіе. Я поговорю съ женою.

Жозефъ поднялся.

— Вы въ закрытомъ экипажѣ?—спросилъ Борисъ.

— Я пѣшкомъ, но подъ зонтикомъ,—отвѣтилъ священникъ.

— Я велю сейчасъ заложить.

— Не трудитесь, я скорѣе дойду—тутъ десять минутъ, если итти не торопясь.

Онъ пожалъ руку князю и еще разъ сказалъ:

— Не медлите...

Дождь лилъ какъ изъ ведра. Деревья гнулись, стѣны замка казались насквозь промоченными. Отецъ Жозефъ подобралъ полы своей сутаны, хорошенько закутался въ плащъ и, раскрывъ зонтикъ, смѣло пошелъ по грязи. Онъ шелъ большими шагами, выставляя свои длинные ноги въ черныхъ чулкахъ и башмакахъ. Онъ былъ озабоченъ и все бормоталъ:

— Какое легкомысліе, ахъ, какое легкомысліе!

Подходя къ своему дому, стоявшему возлѣ церковки, онъ увидѣлъ небольшой крытый экипажъ, запряженный парой. Онъ удивился, кто могъ пріѣхать къ нему въ такую погоду, и ускорилъ шагъ. Подойдя къ крыльцу, онъ спросилъ:

— Чей экипажъ?

— Капелланъ monsieur Сень-Дизье,—отвѣтилъ кучеръ.

Отецъ Жозефъ еще выше приподнялъ полы и взбѣжалъ по крыльцу, складывая мокрый зонтикъ.

XVI.

Дождь лилъ не переставая. Когда туча набѣгала, дѣлалось темнѣе; когда она проходила, большой свѣтъ проникалъ сквозь небольшіе промежутки тяжелыхъ оконныхъ портьеръ.

Борисъ ходилъ по кабинету. Его безпокоило будущее. Та «недвижимость», которая, повидимому, принадлежала ему, теперь вдругъ какъ будто ускользала отъ него. Будь онъ одинъ—онъ ни на минуту не задумался бы и смотрѣлъ въ будущее такъ же спокойно, какъ всегда. Но теперь онъ связанъ судьбою съ этой маленькой стройной женщиной и онъ долженъ охранять ея покой. Особенно теперь, когда она должна стать матерью. И въ первый разъ онъ почувствовалъ всю тяжесть брачныхъ узъ.

Обѣдъ какъ будто разсѣялъ его. Осунувшееся блѣдное личико Клэръ показалось ему такимъ роднымъ и близкимъ. Онъ не могъ оставаться одинъ въ своемъ кабинетѣ — и долго они вдвоемъ хо-

дили по комнатамъ. Онъ обнялъ ее, и они, крѣпко прижавшись другъ къ другу, все ходили, ходили. Они любили другъ друга, и дождь, стучавшій въ окно, не могъ нарушить ихъ праздничнаго настроенія. И холодъ и мокрые цвѣты на куртинахъ—все было далеко отъ нихъ, а они все ходили по мягкимъ коврамъ по теплымъ комнатамъ.

Сумерки смѣнились тьмою. Вѣтеръ вылъ и гнулъ деревья. Зажглись лампы и свѣчи. Занавѣски плотно задернулись у оконъ.

Вошелъ Боклевскій.

— Дозвольте въ деревню сбѣгать—тамъ пожаръ,—вдругъ сказалъ онъ.

Борисъ отдернулъ драпировку. Зарево играло сквозь деревья. Огненный столбъ дыма вздымался къ небу. Трепетно дрожали въ ночномъ мракѣ вспышки огня. Должно быть, занялось высушенное сѣно,—потому что дымъ былъ полонъ искръ и галокъ.

— Можетъ, помочь надо,—я пожары тушить смолода лють,—проговорилъ Лука.

Борисъ отослалъ его. Онъ стоялъ у окна съ женою. Зарево все разрасталось. Остроконечный куполь деревенской церковки какъ огненный столбъ рисовался на темномъ фонѣ. Теперь ясно слышался неясный говоръ толпы и тотъ шумъ, который всегда сопутствуетъ пожарамъ.

— Я пойду туда,—сказалъ Борисъ.

Онъ накинулъ плащъ и шляпу. Дождь прошелъ. Во дворѣ никого не было,—ворота замка были полуоткрыты. Дорога слабо освѣщалась мерцающимъ отблескомъ пожара. Навстрѣчу ему попалось человѣкъ десять. Они зачѣмъ-то шли съ зажженнымъ фонаремъ и двумя желѣзными ломами. Тотъ, кто несъ фонарь, поднялъ и освѣтилъ лицо князя. Никто не поздоровался, не сказалъ ничего: и князь и они прошли мимо другъ друга молча.

Пройдя нѣсколько шаговъ, Борисъ почему-то остановился. Ему пришла мысль: куда они идутъ? Онъ сталъ смотрѣть. Они подошли къ открытымъ воротамъ замка и остановились. Потомъ они медленно вошли одинъ за другимъ въ ограду.

Князь повернулъ назадъ. Ясно всплыло впечатлѣнiе, что во дворѣ никого нѣтъ. Онъ позволилъ Боклевскому пойти на пожаръ, но пошли все—ушла вся прислуга. Дома оставалась одна Клэръ.

У воротъ стояло двое молодыхъ, совсѣмъ ему незнакомыхъ крестьянъ. Онъ посмотрѣлъ на нихъ, они молча посторонились и пропустили его. Во дворѣ сновало шесть-восемь человѣкъ. Они остановились, когда онъ вошелъ.

— Что вамъ надо?—громко спросилъ онъ.

Они молчали. Если бы прислуга была дома, онъ велѣлъ бы имъ уйти прочь. Но прислуги не было. Онъ уже поднялся на третью ступеньку, когда сзади послышался голосъ:

— Пойдите!

Онъ вполборота остановился и сказалъ:

— Что вамъ надо?

— Мы пришли говорить съ вами.

— Кто вы такіе?

— Не все вамъ равно? Мы крестьяне здѣшняго селенья.

— Вамъ мѣсто на пожарѣ, а не здѣсь.

— Мы знаемъ, гдѣ наше мѣсто, не хуже васъ.

— Ну, мы завтра поговоримъ, теперь темно,—сказалъ Борисъ и сдѣлалъ еще два шага къ двери.

Рослый плечистый малый въ толстой курткѣ удержалъ его за плащъ.

— Мы съ тобой должны сейчасъ побесѣдовать,—проговорилъ онъ.

Борисъ поглядѣлъ на темныя фигуры и сказалъ:

— Хорошо. Будемъ говорить. Я сейчасъ приду.

Онъ отстегнулъ воротъ плаща, бросилъ его на руки плечистаго малаго и вошелъ въ домъ.

— Я воротился,—сказалъ онъ женѣ.

— Съ кѣмъ ты говорилъ?—спросила она.

— Крестьяне о чемъ-то хотятъ спросить меня.

— О чемъ?

— Почему я знаю!

Онъ прошелъ въ кабинетъ и снялъ со стѣны два пистолета.

— Зачѣмъ?—спросила Клэръ.

— Они не любятъ огнестрѣльнаго оружія,—больше ничего.

Наружная дверь отворилась, и тяжелые шаги послышались въ вестибюлѣ.

— Ты пойдѣ къ себѣ и запишись,—сказалъ онъ.

— Я останусь здѣсь —проговорила она.

— Какъ хочешь.

Онъ пошелъ навстрѣчу доносившихся шаговъ. Въ гостиную вошли люди, мокрые, распространяя вокругъ запахъ вина. Борисъ присѣлъ на край стола и взвелъ курки.

— Это что жъ такое?—спросилъ плечистый малый.

— Я у себя дома,—отвѣтилъ Борисъ,—и могу дѣлать, что угодно мнѣ, никому, и особенно вамъ, не отдавая отчета.

За рослымъ малымъ стоялъ Пишо. Онъ мутнымъ единственнымъ глазомъ поводилъ по стѣнамъ и тихо повторялъ:

— Вотъ они, пропріетеры-то! Ахъ, какъ живутъ!

— Спрашивайте или убирайтесь вонъ!—крикнулъ Борисъ.

Длинный, худой, съ просѣдью человекъ, державшій въ рукахъ ломъ, засмѣялся.

— Какъ поговариваетъ!—сказалъ онъ.

— Мы долго будемъ вздоръ болтать?—спросилъ князь.

— Мы пришли сказать тебѣ, чтобъ ты проваливалъ къ чорту отсюда,—сказалъ рослый малый.—Мы даемъ тебѣ три дня сроку: въ три дня ты долженъ убраться отсюда.

— Ого! вы смѣло предписываете. По какому праву?

— По тому праву, что мы французы. Мы бы могли тебя повѣсить на первомъ деревѣ, какъ во время революціи перевѣшано много вашихъ братьевъ. Но мы хотимъ показать все наше великодушіе. Теперь князь засмѣялся.

— Ну, а если я не уѣду черезъ три дня?

— Замокъ будетъ сожженъ. Ночью онъ займется съ четырехъ сторонъ.

— Вы не крестьяне, а бродячіе разбойники!—сказалъ Борисъ.

— Мы не разбойники!—возразилъ старикъ съ ломомъ.—Мы истые граждане. У насъ есть дома жены, дѣти и скотъ. Но мы не желаемъ, чтобъ ты оставался здѣсь. Твоя жена можетъ остаться, но ты долженъ уѣхать.

— Это все?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, извините —не все,—возразилъ Пишо, какъ-то присѣдая и разводя руками.—Вы должны намъ дать денегъ.

— Сколько?

— Онъ спрашиваетъ: сколько?—засмѣялся Пишо и обратился къ своимъ спутникамъ.—Почемъ мы знаемъ, сколько.

Его смѣхъ не нашель отвзвукъ въ его товарищахъ.

— Вы живете въ сто разъ лучше, чѣмъ мы,—сказалъ старикъ.—Мы хотимъ жить въ другихъ условіяхъ. Мы не хотимъ спать на полу и сидѣть въ полутемныхъ сырыхъ комнатахъ, когда у васъ свѣтло и сухо.

— Кто же вамъ мѣшаетъ быть чистоплотными?—иронически спросилъ Борисъ.

— Нужда,—отвѣтилъ старикъ и, поднявши ломъ, ударилъ по близъ стоявшей лампѣ. Ударъ пришелся по самой горѣлкѣ и, раздробивъ ее, погасилъ фитиль.

Это было точно сигналомъ. Одинъ даже сталъ засучивать рукавъ, а Пишо крикнулъ:

— Молодецъ, Жакъ, ей-Богу, молодецъ!

Князь крѣпко сжалъ ручку пистолета, но сдержался и сказалъ:

— Я прощаю, что вы испортили мнѣ лампу. Но если еще кто подниметъ ломъ, я убью его на мѣстѣ.

Онъ поднималъ дуло на уровень ихъ головъ.

— Опустите ваше оружіе, мы его не боимся,—продолжалъ Жакъ, прямо смотря въ маленькое черное отверстіе дула.—Вы лучше подѣлитесь съ нами своими деньгами.

— Повторяю, сколько вамъ надо?

— На все селеніе намъ надо тысячь двадцать франковъ,—весело сказалъ Пишо.

— Отчего же не тридцать и не сорокъ?—усмѣхнулся Борисъ.— Просите больше.

— Зачѣмъ намъ сорокъ, когда нужно двадцать?—сказалъ Жакъ.

— Вообще,—заговорилъ рослый,—вы дадите намъ все, что теперь найдется у васъ въ домѣ.

Князь пожалъ плечами.

— Почему же вамъ, а не той деревнѣ, что за рощей? Почему мнѣ не отдать деньги бѣднымъ Парижа, которые въ десять разъ больше нуждаются, чѣмъ вы? У васъ есть дома и земли, а у столичной голи этого нѣтъ.

— Столичная голь!—закричалъ рыжеволосый горбунъ, у котораго все лицо было въ какихъ-то красныхъ пятнахъ.—Я хорошо знаю, что такое парижская голь! У меня сынъ тамъ. Его затянуло въ ихъ топъ. Если бъ они всѣ передохли, люди вздохнули бы покойнѣе. А ты хочешь ихъ поддерживать своими деньгами.

XVIII.

— Дѣти наши спятъ на полу,—повторилъ Жакъ.—Дочери наши въ грязныхъ хлѣвахъ встрѣчаютъ своихъ возлюбленныхъ, и потомъ выходятъ за нихъ замужъ. Когда у нихъ родятся дѣти, они бросаютъ ихъ на рожокъ и уходятъ въ замки въ кормилицы. Ихъ мужья, не стѣсненные женами, безпутничаютъ и пьютъ на тѣ деньги, что добываетъ жена собственнымъ молокомъ. Наши сыновья работаютъ на фабрикахъ. Мои оба сына ушли въ Лионъ и тамъ на станкахъ ткуть шелковую матерію. Третьему моему сыну оторвало руку на фабрикѣ, потому что теперь дьяволъ выдумалъ паровые котлы и теперь колеса сами вертятся. На фабрикахъ и заводахъ, кромѣ разврата, ничего нѣтъ,—намъ они не нужны.

— Поэтому я долженъ вамъ отдать свои деньги?—спросилъ князь.

— Поэтому вы намъ должны отдать свои деньги,—проговорилъ весело Пишо.—Мы знаемъ, мы хорошо знаемъ, что у васъ много есть. Такъ много, что намъ и не поднять. Когда насыплемъ въ карманы, они прорвутся отъ тяжести!.. Ха-ха!

Онъ опять сталъ приплясывать и опять повернулся къ спутникамъ, но встрѣтилъ серьезныя лица. Жакъ даже сказалъ:

— Чего ты ломаешься! Не такое время. Мы за дѣломъ пришли. Намъ некогда. Давай намъ деньги сейчасъ же.

— Нѣкоторые изъ васъ пьяны,—возразилъ князь.—Вы протрезвитесь къ завтраму и приходите. Мы поговоримъ и поладимъ. Денегъ у меня нѣтъ, но жена можетъ вамъ дать, сколько захочетъ....

— Если у твоей жены есть деньги, такъ онѣ, значить, и у тебя есть,—закричалъ дюжій царень.—Такъ мы и повѣримъ, что ты не

можешь распоряжаться жениными деньгами! Посмотрѣлъ бы я, какъ моя жена не позволила бы мнѣ распоряжаться ея имуществомъ.

Его словамъ, очевидно, нашлось сочувствіе среди толпы. Двое улыгнулись: дескать, все это одна отговорка, и то, что принадлежитъ женѣ, принадлежитъ и мужу.

Но Борисъ стоялъ на своемъ.

— Повторяю,—сказалъ онъ:—что денегъ у меня нѣтъ.

— Мы заставимъ тебя показать, гдѣ онѣ спрятаны,—весело сказалъ Пишо.—Ты думаешь, мы не знаемъ, кто у тебя былъ вчера утромъ на вороной лошади и сколько привезъ денегъ? Ты думаешь, мы не видали расписки въ полученіи денегъ?

Борисъ почувствовалъ, что банда, ворвавшаяся въ замокъ, организована заранѣе. Что дѣло было не безъ участія Горшельда, было ему ясно. Онъ рѣшилъ бить крестьянъ тѣмъ же оружіемъ, съ какимъ нападали на него.

— Я думалъ, что вы придете раньше,—сказалъ онъ.—Ждалъ васъ съ утра, но не думалъ, что вы вернетесь ночью, да еще во время пожара, когда каждый порядочный гражданинъ долженъ помогать своему сосѣду.

— Ты насъ не учи, какъ намъ поступать,—сказалъ Жакъ.— Мы поступаемъ такъ, какъ надо, какъ подсказываетъ намъ совѣсть. Если бъ дѣло было двадцать лѣтъ назадъ, ты давно бы болтался на первомъ сучкѣ.

— Ты чего стращаешь насъ пистолетами,—вдругъ заоралъ Пишо.—Не видали мы пистолетовъ! Стрѣляй! Ну, убьешь одного, ну, двоихъ убьешь... Трoихъ! А насъ здѣсь одиннадцать. Остальные восемь тебя придушатъ... Стрѣляй! боимся мы тебя, какъ же!

Жакъ взялъ за плечо Пишо и отстранилъ его.

— Мы хорошо знаемъ, кто ты такой,—проговорилъ онъ и усталъ прямо на князя.

Тотъ въ первый разъ дрогнулъ.

— Мы знаемъ, что ты русскій—не полякъ, не нѣмецъ, а русскій. Ты изъ племени тѣхъ, что идутъ сюда, что вносятъ сюда весь ужасъ войны. Мой братъ утонулъ при какой-то переправѣ великой арміи. И виновники его смерти были тѣ же проклятые русскіе, что шли противъ насъ. И много десятковъ тысячъ французовъ легло костями на вашихъ степяхъ. И какой же результатъ всего этого? Мы, непобѣдимая армія, валяемся на соломѣ, а ты—живешь, какъ Лазарь богатый, въ виссонѣ одѣваешься?..

— Слышалъ я уже это!—проговорилъ князь.

— Мы вѣдь не шутимъ,—продолжалъ Жакъ.—Сначала многіе думали тебя придушить, какъ кошку. Но какая намъ польза въ твоей смерти? Терпѣть тебя, русскаго шпіона, подъ бокомъ у нашего селенія мы не хотимъ. А потому рѣшили, что ты долженъ отсюда убраться.

— Кланяйся и благодари, что на это тебѣ даютъ время,—проговорилъ дюжій.

— Но чтобъ денегъ ты не скрылъ куда, не положилъ ихъ въ банкъ въ Парижѣ, ты долженъ намъ ихъ отдать сейчасъ.

— Да, ты долженъ ихъ отдать намъ сейчасъ!—повторилъ Пишо, приплясывая на мѣстѣ.

— Возьмите все, но уходите сейчасъ вонъ!—прозвучалъ голосъ сзади.

Борисъ оглянулся. Это жена съ горящими глазами стояла въ дверяхъ и, вся дрожа, вызывающе смотрѣла на крестьянъ.

— Съ тобой, гражданка, мы не говоримъ,—весело крикнулъ Пишо.—Мы пришли объясняться съ твоимъ мужемъ. Но ежели ты дашь намъ двадцать тысячъ, мы возьмемъ.

За окнами послышался крупный разговоръ и топанье шаговъ, въ переднюю кто-то вошелъ. Шаги стали звучать ближе и ближе. На порогѣ остановилась костлявая фигура Жозефа; онъ былъ весь мокрый отъ воды и черный отъ сажи. Онъ поводилъ длиннымъ носомъ направо и налево, шапки на головѣ не было.

— Ну, я такъ и зналъ, что вы здѣсь!—крикнулъ онъ.

Изъ-за его спины показался Боклевскій, онъ перешелъ на сторону барина, взявъ пистолеть со стола и сказалъ:

— Чего это челядь сюда навалила?

— Они пришли требовать денегъ и того, чтобы я уѣхалъ немедленно,—съ кривой улыбкой сказалъ князь и повторилъ послѣднюю фразу для священника по-французски.

— Черезъ три дня,—поправилъ его Жакъ.

— Кромѣ того, они требуютъ немедленно дать имъ денегъ. Жена общала,—продолжалъ Борисъ.

— Ты бы, святой отецъ, шелъ молиться,—посоветовалъ Жакъ:—а не путаться, куда тебя не спрашиваютъ.

Жозефъ такъ сжалъ кулаки, какъ того не долженъ бы былъ дѣлать служитель алтаря, и сказалъ:

— Я сейчасъ переговорю съ вами. Но попрошу князя и его супругу оставить насъ глазъ на глазъ.

— Да мы съ вами не хотимъ говорить,—сказалъ Пишо.

Жозефъ шагнулъ къ нему.

— Что ты сказалъ?—сдавленнымъ голосомъ зашипѣлъ онъ.—Ты не хочешь говорить со мною, со мною, твоимъ духовникомъ?.. Да знаешь ли ты, что я нахожусь подъ сѣнью святѣйшей римской церкви, а ты—порожденіе дьявола, достойное ада.

— Ну, что жъ—ада, такъ ада!—добродушно рѣшилъ Пишо.—Коли мнѣ адъ назначенъ,—я заслужилъ его, туда мнѣ и дорога. А теперь намъ деньги надо.

— Прежде я вамъ отвѣчу на тотъ вопросъ, что вы мнѣ поставили утромъ, и на который я вамъ могу отвѣтить те-

перъ. Уйдите, князь, и вы, княгиня... Мнѣ нужно поговорить съ ними.

Жозефъ точно выросъ. Онъ выпрямился. Его талія, гибкая не по лѣтамъ, колыхалась, туго перетянутая поясомъ. Разорванная, должно быть, на пожарѣ, сутана волочилась сзади шлейфомъ, отчего онъ только выигрывалъ и во всемъ его видѣ было что-то театральное.

Онъ вывелъ за дверь князя и его жену.

— Ты будешь стоять здѣсь, мой сынъ!—сказалъ онъ Боклевскому и поставилъ его у двери. Тотъ понялъ и остался.

Услышавъ, какъ шаги хозяевъ замолкли въ залѣ, Жозефъ обратился къ крестьянамъ.

— Какія вы деньги требуете себѣ?—спросилъ онъ, скрепящая руки и смотря на нихъ сверху.

— Которыя намъ принадлежать!—сурово отвѣтилъ Жакъ.

— Вы ихъ заработали?

— Ихъ заработали такіе же, какъ мы, земледѣльцы. Да не въ этомъ дѣло. Достаточно того, что онъ русскій и что онъ греческой вѣры,—для того, чтобы онъ былъ нашимъ врагомъ.

— Кто вамъ сказалъ, что онъ греческой вѣры?—спокойно спросилъ священникъ.

— Мы знаемъ.

— Отвѣчайте на мой вопросъ: отъ кого вы это слышали?

Жакъ запнулся на секунду, а потомъ сказалъ:

— Пишо это знаетъ изъ вѣрныхъ источниковъ.

— Пишо?—удивился Жозефъ.

Пишо выступилъ.

— Да, отецъ, я знаю это изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ.

— Развѣ въ чемъ-нибудь ему можно вѣрить?

— Мнѣ ни въ чемъ нельзя вѣрить,—вы правы. Но въ данномъ случаѣ...

— Въ данномъ случаѣ ты такъ же лжешь, какъ во всѣхъ остальныхъ.

Крестьяне переглянулись.

— Онъ сегодня клялся намъ, что это вѣрно,—сказалъ Жакъ.

— Онъ солгалъ.

— Кто же такой этотъ молодчикъ?—спросилъ дюжій малый.

— Не знаю его происхожденія,—проговорилъ Жозефъ:—но что онъ принадлежитъ къ святѣйшей католической церкви, я это знаю. Сегодня былъ у меня капелланъ, который былъ свидѣтелемъ его присоединенія. Я видѣлъ подпись, подтверждающую, что онъ состоитъ на лонѣ римской церкви.

Жакъ обернулся къ Пишо.

— Это что же такое?—спросилъ онъ.

Пишо совсѣмъ размокъ. Онъ потерянно стоялъ и шурился, какъ отъ сильнаго свѣта.

— Это что такое, я тебя спрашиваю?—повторилъ Жакъ.

Пишо развелъ руками.

— Я нагло обмануть!—проговорилъ онъ.—Если святой отецъ говорить правду...

— Вонъ!—загремѣлъ Жозефъ, ударяя кулакомъ по столу и поднимаясь.—Вытолкайте эту пьяную образину, потерявшую образъ человѣческій!

Пишо сопротивлялся, но его спровадили не только во дворъ, но и за ворота замка.

— Ты меня попомнишь, минога!—крикнулъ онъ и рысцой кинулся къ деревнѣ.

— Итакъ, вы вовлечены въ обманъ,—заговорилъ отецъ Жозефъ оставшимся.—Завтра княгиня дастъ крестьянамъ денегъ на поправку уничтоженныхъ пожаромъ зданій и на возстановленіе сгорѣвшаго имущества. За это я вамъ ручаюсь.

— Это насъ не касается!—упрямо смотря въ землю, сказалъ малый.

— То есть, какъ это не касается?—спросилъ священникъ.—Какъ же васъ не касается, что у вашихъ односельчанъ сгорятъ дома, и что имъ дадутъ нѣсколько тысячъ франковъ на постройку?

— Отъ русскаго мы не возьмемъ,—возразилъ малый.

— Это надо спросить тѣхъ, кто погорѣли,—сказалъ Жозефъ.— Да и дастъ не князь, а княгиня, такая же французенка, такая же вѣрная католичка, какъ и вы. Не принимать отъ нея денегъ... это вздоръ, нелѣпость. Во имя дѣтей и внуковъ, наконецъ, во имя общины вы не имѣете право протестовать. Я, вашъ духовный отецъ, настаиваю на этомъ.

Взглядъ его упалъ на разбитую лампу.

— Кто это сдѣлалъ?—строго спросилъ онъ.

— Это ударилъ я ломомъ,—сказалъ Жакъ.

— Зачѣмъ?

— Я не хотѣлъ, чтобъ она горѣла.

— Вы знаете, что такая лампа стоитъ нѣсколько сотъ франковъ?

— Я и знать не хочу.

— Зачѣмъ же ты билъ?

— Я хотѣлъ бить, и билъ. Если бъ она стояла въ тридцать разъ дороже, я и тогда не остановился бы.

— Это содержаніе крестьянской семьи въ теченіе года,—сказалъ священникъ.

Всѣ молчали.

— Если бъ вы отнимали, грабили,—это было бы осмысленнѣе,—продолжалъ Жозефъ.—Продавъ вещи, вы могли жить на вырученные деньги. Но истреблять добро,—это достойно животныхъ, а не людей.

— Или людей свободныхъ!—сказаль Жакъ.

— Повторяю: животныхъ!—повторилъ священникъ.—Свободные люди неспособны на насиліе.

Страсти понемногу стали утихать. Отецъ Жозефъ думаль уже спровадить буяновъ и пойти къ Борису, который ходилъ молча по кабинету. Княгиня сидѣла въ креслахъ и все повторяла:

— Что мы имъ слѣдали?

Борись, подойдя къ стеклянной двери, выходящей на веранду, вдругъ замѣтилъ, что церковь какъ-то неестественно свѣтится внутри. Онъ крикнулъ Боклевскому.

— Скажи отцу Жозефу,—сказаль онъ, показывая ему на занявшійся костель.—Скажи ему: *l'église brule*.

Башиловъ потащилъ отца Жозефа къ окну и повторилъ два раза слова князя. Священникъ глянулъ въ окно, но только усмѣхнулся.

— Французскіе крестьяне!—сказаль онъ.—Кто-то поджегъ вашу церковь. Бѣгите ее тушить. Я буду влѣдъ за вами.

Онъ отворилъ дверь къ князю и крикнулъ ему:

— Завтра утромъ я приду къ вамъ.

ХІХ.

Ночь прошла тревожно. Хотя пожаръ вскорѣ прекратился, чему содѣйствовало и то, что затихъ вѣтеръ и опять начался дождь, но до утра еще слышался шумъ, долетали крики. Утро застало выжженнымъ большое пространство, на которомъ сгорѣло шесть домовъ, плотно прилѣпленныхъ другъ къ другу. Черная, мокрая масса углей и обгорѣлыхъ головешекъ шипя дымилась и наполняла гарью воздухъ. Печи уныло возвышались среди пожара и торчали, какъ опаленные въ огнѣ трупы, своими полуобвалившимися трубами. Черные кольца, какъ одинокіе пальцы гигантскихъ рукъ, протягивали кверху обуглившіеся концы. Погорѣльцы бродили унылые, запачканные; убогій скарбъ былъ сваленъ кучами на мокрой землѣ, въ сторонѣ отъ пожара, и какая-то старуха громко кричала и жаловалась на пропавшіе лохмотья.

Отецъ Жозефъ пришелъ въ замокъ утромъ, съ блѣднымъ лицомъ отъ бессонной ночи, но чистый, вымытый, строгій. Борисъ съ Клэръ тоже не спали,—ихъ лица тоже носили слѣды бессонницы.

— Двѣнадцати тысячъ франковъ довольно за глаза,—сказаль онъ.—Да тысячи на двѣ кое-что сгорѣло въ церкви, которую вовремя успѣли отстоять.

— А причина пожара?—спросилъ Борисъ.

— Поджогъ, конечно.

— Хорошо, княгиня дастъ пятнадцать тысячъ. Они правы,—прибавилъ онъ.

— Кто?

— Крестьяне. Мы должны помочь имъ, это наша обязанность. Отецъ Жозефъ скорчилъ гримасу.

— Если вы говорите о той любви, которую мы должны проявлять къ ближнему, то правы.

— Нѣтъ, я не про то,—сказаль князь.—Я говорю, что они въ правѣ требовать, чтобъ Клэръ вознаградила имъ убытки пожара.

— Почему?

— Потому что огромное состояніе ея отца сложилось вѣками, при помощи тѣхъ же поселянъ. Она отдасть деньги потомкамъ тѣхъ, которые когда-то работали на ея предковъ.

— Охъ, какая коммунистическая теорія!—сказаль Жозефъ.

— Эти крестьяне такіе же люди, какъ и предки княгини. Развѣ вы дѣлаете различіе между ними?

— О, и большое. Отъ хорошей охотничьей собаки родятся щенки, за которыхъ платять дорого, потому что они навѣрно будутъ превосходны на охотѣ, тогда какъ отъ дворняжки, кромѣ глупыхъ псовъ,—но, быть можетъ, вѣрныхъ сторожей,—ничего иного нельзя ожидать. Отъ арабской лошади можетъ родиться только арабская лошадь. Я вѣрю въ кровь и ея силу.

— А почему вы думаете, что наша кровь выше, чѣмъ кровь этихъ крестьянъ? Почему вы думаете, что, благодаря инстинктамъ вашихъ феодаловъ и нашихъ помѣщиковъ, ихъ кровь не разбавлена въ достаточной степени «благородной» кровью?

— Вы социологъ!—воскликнулъ Жозефъ.—Ну, объ этомъ говорить не будемъ, а вотъ что вы скажите: вы внимательно читали то, что прописывали въ церковной книгѣ въ день вѣнчанья?

Борисъ пожалъ плечами.

— Я, кажется, совсѣмъ не читаль.

Брови Жозефа сдвинулись.

— Вамъ могли подсунуть то, что вы не хотѣли.

— То есть?

— Ну, скажемъ, обязательство на миллионъ франковъ?

Борисъ засмѣялся.

— Это было въ замкѣ моего тестя. Тамъ на мошенничество не способны. Говорите прямо, если хотите что-нибудь сказать.

— Я ничего не знаю, но ко всему я отношусь осторожно и подозрительно.

Онъ ушелъ. Безотчетное беспокойство еще болѣе овладѣло княземъ.

Онъ рѣшилъ переселиться въ Англію, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Жакелинъ, получившая утромъ отъ Клэръ письмо, тоже пріѣхала къ нимъ и сказала, по обыкновенію одновременно произнося три слова:

— Все цѣнное, все немедленно ко мнѣ, на парижскую квартиру. Картины, всё библо, все ко мнѣ, — и поѣзжайте въ Лондонъ. Я буду вслѣдъ за вами, и мы отлично проведемъ зиму. Извѣстія, что приходятъ съ театра войны, — ужасны.

Она побыла съ полчаса, повертѣлась, обошла весь домъ, садъ, сказала, что она ужаснулась, увидя пожарище въ деревнѣ; дала племянницѣ двадцать франковъ для покупки гостинцевъ погорѣвшимъ дѣтямъ и сказала, что необходимо деньги изъ парижскихъ банковъ перести въ лондонскій.

— Я не люблю англичанъ, — сказала она: — но не могу не отдать имъ справедливости, — они положительнѣе французовъ.

Все окрасилось въ другой цвѣтъ. И садъ, и самый замокъ потеряли сразу всю прелесть. Холодный вѣтеръ колыхалъ послѣдніе цвѣты. Они пугливо жались къ стѣнамъ дома и къ землѣ. Точно гнѣздо змѣй завелось возлѣ: — за ворота замка перестали выходить иначе, какъ за очень важнымъ дѣломъ. Наняли трехъ ночныхъ сторожей, по рекомендаціи Жозефа, и они ходили всю ночь вокругъ замка, стуча въ желѣзную доску, что повѣсилъ на дворѣ князь. Эти заунывные звуки, разносившіеся гулко въ свѣжемъ, ночномъ воздухѣ, не успокаивали обитателей дома, а, казалось, говорили:

«Не спите, близка опасность!»

Вставали раньше, — какъ только начинало свѣтать. Вытряхали ковры, портьеры, завертывали и укладывали вещи. Изъ Парижа пріѣхалъ человекъ, котораго прислала Жакелинъ и который назвался специалистомъ по укладкѣ. Онъ укладывалъ посуду, вазы, фарфоръ, вездѣ набросалъ соломы и сѣна, стучалъ молоткомъ по гвоздямъ, заколачивая ими ящики. Деревья все болѣе облетали въ сонномъ, застывшемъ воздухѣ; князь разбиралъ свой столъ, приводилъ въ порядокъ бумаги и полузабытыя дѣла. Онъ чувствовалъ, что большой перегонъ жизненнаго пути пройденъ и заканчивался съ ихъ отъѣздомъ отсюда. Иногда глаза его останавливались на окнахъ, откуда издали была видна деревня, и онъ повторялъ:

— Да, они правы!

XX.

Сундуки были уже всё уложены. Картины, статуи и вазы въ ящикахъ поѣхали уже въ Парижъ. Пять парныхъ подводъ тихимъ шагомъ двинулись къ городу. Солнце золотыми волнами обливало окутанные бѣлыми брезентами возы.

Теперь садъ стоялъ полузабытымъ, осиротѣлымъ. Смятая пожелтѣвшая зелень проглядывала на куртинахъ то тамъ, то тутъ, не убранная садовникомъ. Уголь большой вазы отколотый лежалъ у ея подножья. На дорожкахъ сверкали осенніе опавшіе листья.

Они горѣли на солнцѣ и золотомъ и кровью, сухо шуршали подъ ногами. Иногда по утрамъ ночной иней сверкалъ на нихъ, какъ мелкія розы ювелира. И сердце Клэръ сжималась невольно: не то она вспоминала невозвратное прошлое, не то боялась за неизвѣстное будущее.

Домъ тоже принялъ новый, незнакомый ей видъ. Гдѣ висѣли портреты и картины, остались темные четырехугольники и овалы невыгорѣвшихъ стѣнъ. Висѣли на гвоздяхъ шнурки. Шкапы, люстры, диваны, стулья окутались въ саваны чехловъ. Шторы были сняты съ оконъ, и было непривычно свѣтло въ комнатахъ. За окнами деревья казались задумчивыми, грезившими о какихъ-то кровавыхъ сказкахъ. Казалось, видѣли они далекую змѣю вооруженныхъ людей, медленно ползшую съ востока все ближе и ближе къ Парижу...

Въ кабинетѣ сидѣлъ Борисъ. Передъ нимъ стоялъ Боклевскій. Онъ былъ, противъ обыкновенія, серьезень и сосредоточень.

— Ну, такъ что же?—спрашивалъ Борисъ.

— А то, что мнѣ въ Петербургъ надо пробираться,—отвѣчалъ Боклевскій.

— Безъ языка?

— Зачѣмъ мнѣ языкъ? Сытъ буду и безъ языка. А только безпремѣнно мнѣ надлежитъ къ тетушкѣ вашей явиться. Изготовьте вы мнѣ письмецо. Съ чего къ вамъ письма не доходятъ? Что такое? Почему?

— Куда ты поѣдешь, дуракъ?—спросилъ Борисъ.

— Дуракъ—это совсѣмъ другое дѣло,—возразилъ Боклевскій.— Можетъ, я и дуракъ, только никакого прикосновенія къ нашему разговору это не имѣетъ.

— Ты понимаешь, что я привыкъ къ тебѣ?

Лука переступилъ съ ноги на ногу.

— Я это знаю и очень твердо,—не смущаясь отвѣтилъ онъ.— А только при вашемъ капиталѣ невозможно въ такихъ стѣсненіяхъ быть?

Борисъ посмотрѣлъ на него.

— Почему ты знаешь мой капиталъ?

— Мнѣ капиталовъ вашихъ не знать?—укоризненно завопилъ Боклевскій.— А Захарьевское? А Марьино? А Знаменская мыза? Нешто это не ваше все? Въ Захарьевскомъ въ одномъ округѣ осемьсотъ душъ. И души-то еще отъ дѣдиньки Василья Никитича, родо-вья. А Знаменская мыза?

— Цѣлы ли они?—спросилъ задумчиво Борисъ.

Онъ, въ знакъ полного несогласія съ бариномъ, даже руками шлепнулъ по бедрамъ.

— А съ чего жъ имъ не цѣлыми быть? Господи! то есть, что вы говорите!

— Мало послѣ похода французскаго разорено?

— Это что пожжено-то было? Все, что получше, чай, въ землю зарыли, ушли на недѣльку, на три, а потомъ назадъ воротились и откопали. И деревни, и села не сплошь, должно, жгли. Ну, десять избъ сгорѣло, а остальные цѣлы остались.—Дяденька вашъ, Микита Васильчъ, коли ополченіе собиралъ на свои деньги,—такъ очень они за тѣмъ постоятъ, чтобъ на каждый сгорѣвшій дворъ лѣса дать... И какъ они померли весною, должны же вы отъ нихъ капиталъ получить? А гдѣ онъ, капиталъ? И не иначе, какъ тутъ задержка какая изъ-за военныхъ дѣйствій.

— Зачѣмъ же тебѣ ѣхать?—спросилъ Борисъ.

— Чтобъ все какъ на ладонькѣ выложено было, и все въ полной ясности стало. Пуцай деньги пришлютъ... А такъ невозможно.

Борисъ посмотрѣлъ на корявый, изрытый лобъ Луки. Онъ стоялъ передъ нимъ въ рабочей курткѣ и въ темныхъ штанахъ, засунутыхъ за голенища сапогъ. Онъ стоялъ спокойно. Его нисколько не пугали тѣ тысячи верстъ, которыя онъ долженъ былъ проѣхать отъ Франціи до Россіи. Онъ зналъ, что ему надо пробраться въ Петербургъ, и этого «надо» было для него совершенно довольно.

— Хорошо, я подумаю,—сказалъ Борисъ.

— Тутъ чего жъ думать,—возразилъ онъ.—Какъ вы двинетесь, такъ и я. Вы только напишите адресокъ вашъ, куда писать. Я какъ приѣду, въ тотъ же моментъ рапортую вамъ.

Лицо Боклевскаго было еще загорѣлымъ отъ лѣта. Онъ по военному, по старой привычкѣ, все еще держалъ руки по швамъ. Глаза смотрѣли на барина зорко и какъ-то вызывающе. Борисъ понималъ, что онъ все выполнитъ и сдѣлаетъ лучше, чѣмъ десятки писемъ.

— Я и мѣшокъ сложилъ свой,—прибавилъ онъ.—Мнѣ хоть сейчасъ итти, такъ впору.

— Ты развѣ пѣшкомъ пойдешь?—спросилъ Борисъ.

— Гдѣ и подвезутъ,—философически замѣтилъ ех-денщикъ.

Вечеромъ въ тотъ же день, когда луна уже глядѣла съ южной стороны замка и набрасывала желтые квадраты оконъ на незакрытый коврами полъ кабинета, Борисъ позвалъ Луку.

Тотъ вошелъ. Борисъ сидѣлъ за длиннымъ письменнымъ столомъ. Круглый подсвѣчникъ въ восемь свѣчей подъ синимъ колпакомъ горѣлъ передъ нимъ. На маленькой свѣчѣ онъ зажигалъ сургучъ и капалъ имъ на только что конченное и свернутое конвертомъ письмо. Онъ освѣщался и этой свѣчкой и горящимъ сургучомъ снизу, и это огненное освѣщеніе напоминало ту картину, изображающую голландца съ кружкой пива, что висѣла у нихъ въ столовой.

— Я рѣшилъ,—сказалъ Борисъ:—что ты съ нами поѣдешь въ Англію.

Лука вскинулъ на него глазами, но ничего не возразилъ.

— Когда мы устроимся въ Лондонѣ, я посажу тебя на корабль, и ты поплывешь либо въ Кёнигсбергъ,—откуда ужъ недалеко до нашей границы,—либо прямо на Либаву, а не то и въ Ригу поѣдешь, коли не замерзло еще.

Боклевскій хлопнулъ глазами, хотѣлъ что-то сказать, но удержался.

— Ты что?—спросилъ Борисъ.

— Потонуть можно...—подумавъ, сказалъ Лука.

— Какъ потонуть? Съ чего ты?

— Вода—она глупая. Захлестнетъ волной, и поминай, какъ звали. Ежели по серьезному дѣлу, такъ черезъ нѣмцевъ по сухому пути лучше. Вѣрнѣе.

Борисъ потушилъ свѣчку.

— Глухой ты, глухой!—сказалъ онъ.—Вѣдь тамъ война. Еще попадешься, вздернуть тебя на сукъ.

— Чего меня вздергивать, что я такое сдѣлалъ?—недовольно отозвался онъ.

— За шпиона примутъ.

— Невозможно. Я сторонкой обойду.

— Ты поѣдешь съ нами въ Лондонъ. Я сказалъ, такъ будетъ,—закончилъ Борисъ.

— Какъ угодно,—недовольно отозвался Лука.

Прошло съ минуту. Борисъ отвалился въ креслѣ и задумчиво смотрѣлъ въ открытыя двери, за которыми смутно рисовалась анфилада уходящихъ вдаль комнатъ. Свѣчи потрескивали подъ колпакомъ, въ каминѣ догорали дрова. Борисъ поднялъ глаза и встрѣтился со взглядомъ денщика.

— Ты сказать еще что хочешь?—спросилъ онъ.

Лука ступилъ два шага къ нему и протянулъ небольшой помятый листокъ съ акварельнымъ видомъ.

— Что это такое?—спросилъ Борисъ, взявъ листокъ въ руки:—кто это рисовать?

— Сергѣй Николаичъ,—вдругъ распускаясь въ улыбку, сказалъ Боклевскій.—А потомъ выбросили. Я изъ сора вынулъ.

На продолговатомъ доскуткѣ бумаги былъ изображенъ пейзажъ. Подъ густо-синимъ небомъ, между зелени виднѣлась крыша барскаго большого дома. Лѣвѣе, тоже изъ-за деревьевъ, болѣе напоминавшихъ своей формою кочни капусты, глядѣли главы церкви съ колоколенкой и тщательно вырисованными перышкомъ крестами.

— Это Знаменское!—не безъ удовольствія замѣтилъ князь.

— Знаменское?—точно удивился Боклевскій.—То-то я смотрю, какъ быдто знакомое что...

— Зачѣмъ же ты принесъ мнѣ это?..

— Укладывалъ я скарбъ свой, и нашель... Такъ, можетъ, вамъ пріятно, какъ братца вашего... Годовъ ужъ пятнадцать у меня

картинка это валявшисѣ... Все не къ чему мнѣ. А теперь, такъ какъ въ Знаменское я ѣду... Дозвольте вамъ, какъ сувениръ...

Борисъ понялъ, что это былъ вѣжливый подарокъ. По смущенному лицу Луки онъ видѣлъ, какъ онъ боится, что этотъ подарокъ не будетъ принятъ. Онъ всталъ, отодвинулъ кресло, подошелъ къ нему и положилъ руки на плечи. Посмотрѣвъ ему въ глаза, онъ вдругъ поцѣловалъ его, сказалъ:

— Зачѣмъ ты врешь? Ты всегда зналъ, что это Знаменское. Иди!

Боклевскій повернулся налѣво кругомъ и вышелъ. Входя въ свою каморку, подъ лѣстницей, онъ протеръ грязнымъ платкомъ свои глаза: ихъ все застирало чѣмъ-то постороннимъ, ненужнымъ...

XXI.

Рѣшено было ѣхать на разсвѣтъ въ наемныхъ экипажахъ до моря, гдѣ легко было найти корабли, шедшіе въ Дувръ. Патеръ вызвался нанять лошадей и устроить все къ ихъ отъѣзду.

Раннія осеннія сумерки уже наступили, когда наканунѣ отъѣзда, усталый, запыленный, въ маленькой телѣжкѣ подѣхалъ онъ къ замку. Невзбѣжный шелковый зонтикъ былъ съ нимъ. Не было той чистоты и порядка, которые всегда встрѣчали посѣтителей замка. На полу валялись обрывки веревокъ и смятая бумага. Только собака попрежнему мокрымъ носомъ ткнулась въ его костлявую руку и понюхала его пахнувшіе телѣжкой и новой кожей башмаки.

— Мы думали, вы пріѣдете къ обѣду,—сказала Клэръ.

— Я хотѣлъ видѣть содержателя здѣшняго тракта,—сказалъ священникъ въ свое оправданіе.—Онъ былъ въ Парижѣ, и мнѣ пришлось его долго ждать.

— Я вамъ велю сейчасъ накрыть,—предложила хозяйка.

— О, нѣтъ, нѣтъ!—остановилъ ее Жозефъ.—Если вы мнѣ дадите стаканъ лафита и нѣсколько гренковъ или бисквитовъ, съ меня будетъ совершенно довольно.

Но, однако, несмотря на свой отказъ, онъ съѣлъ цѣлую тарелку пюре и огромный кусокъ тетерева, что принесъ наканунѣ егеръ. Служитель алтаря, должно быть, былъ очень голоденъ, потому что его кадыкъ такъ и прыгалъ отъ его непрерывнаго глотанія. Между глотками онъ успѣлъ сказать нѣсколько комплиментовъ и супу, и тетереву. Онъ доѣлъ салатъ, что подали ему, самъ приготовивъ его полную тарелку, обильно посоливъ и обливъ прованскимъ масломъ. Онъ выпилъ и мадеры и лафиту, не отказался отъ кофе и пришелъ изъ перваго въ спокойное состояніе только тогда, когда осушилъ три чашки.

— Вы ѣдете въ самый подходящій моментъ,—сказалъ онъ, въ послѣдній разъ усаживаясь въ свое обычное кресло въ кабинетѣ.

— А что?—спросилъ князь.

Патеръ, какъ всегда, на всякій случай оглянулся.

— Дѣла Франціи совершенно проиграны, — трагическимъ шепотомъ сказалъ онъ: — и одинъ Господь вѣдаетъ, чѣмъ это кончится.

Онъ посмотрѣлъ на потолокъ, за которымъ, по его представленію, находился Звѣздитель міра, и сложилъ руки на животикѣ.

— Вы имѣете какія-нибудь новыя свѣдѣнія?—освѣдомился Борисъ.

— И, какъ всегда, самыя достовѣрныя, — замѣтилъ Жозефъ, — прихлебывая бенедиктинъ. — Скоро союзники подступятъ сюда. Вопросъ быстроты ихъ движенія зависитъ отъ множества случайностей. Можетъ быть, это будетъ чрезъ полгода, а, можетъ быть, черезъ нѣсколько недѣль. Они будутъ сидѣть на тѣхъ самыхъ стульяхъ и въ тѣхъ креслахъ, гдѣ сидимъ мы... Вы хорошо сдѣлали, что все отправили въ Парижъ, хотя...

Онъ остановился—или отъ избытка патріотизма, или для того, чтобы выпить новую рюмку бенедиктину.

— Вы не кончили вашу мысль, — сказала Клэръ.

— Я не кончилъ свою мысль, потому что она такъ ужасна, — сказалъ отецъ Жозефъ.

Князь сказалъ спокойно:

— Все равно, вы ее скажите.

— Я боюсь, что русскія пушки не пощадятъ сокровищъ Парижа, — сказалъ онъ, — и что въ огнѣ пожаровъ сгоритъ и то, что вы перевезли въ домъ madame Жакелинъ.

— А я не боюсь, — сказалъ Борисъ. — До сихъ поръ русскіе безцѣльно ничего не разрушали и не жгли. Здѣсь больше опасности со стороны крестьянъ.

— Но русскіе сожгли сами себя, начиная съ Москвы и кончая Березиной?

— На всю огромную Россію сожжена только смоленская дорога.

— Но какова дикость самосожженія!—воскликнулъ Жозефъ.

— Это входило въ наши стратегическіе планы. Отступленіе врага было задумано по опустошенной мѣстности. Крестьянамъ, которые не хотѣли, было приказано все сжечь. Если бы они не сожгли, сожгли бы русскіе солдаты.

Жозефъ вытянулъ губы.

— Почему, князь, вы знаете? Почему вы думаете, что это не былъ порывъ патріотизма?

Борисъ пожалъ плечами.

— Потому что мнѣ писали объ этомъ. Потому что русскому духу чужда всякая аффектація, даже патріотическая. Народъ нашъ покоренъ. Онъ перенесъ даже реформы Петра, что было не менѣе тяжело, чѣмъ война прошлаго года. Въ новомъ городѣ умерло столько народа, среди его финскихъ топей, что...

Онъ остановился и началъ ходить.

— Недавно былъ пугачевскій бунтъ,—продолжалъ онъ.—Этотъ бунтъ былъ противъ помѣщиковъ. Это зарница далекой свободы. Если туча прошла мимо, то изъ этого не слѣдуетъ, что она навсегда разсѣялась. Рано или поздно, она палетить и многое опустошить.

Жозефъ сдѣлалъ значительную мину.

— Ваша страна молодая,—сказалъ онъ:—ей суждено занять видную роль въ концертѣ Европы.

Борисъ опять остановился и сказалъ:

— Будетъ о политикѣ, давайте лучше сыграемъ въ послѣдній разъ въ шахматы.

При свѣтѣ двухъ свѣчей, тускло озарявшихъ кабинетъ, они сѣли за свою обычную игру. Клэръ, усталая, въ новой, непонятной ей истомѣ, легла на софу. Она видѣла игроковъ, какъ они передвигали слоновъ, пѣшки, офицеровъ, шурилась на огонь свѣчей, который лучами расходился во всѣ стороны, точно сіяніе отъ святыхъ въ церквахъ. Два луча—одинъ длинный, другой короткій—задѣвали Жозефа, и лицо его за ними совсѣмъ терялось.

Боклевскій, стараясь не стучать, прошелъ по лаковому полу, и замѣтилъ мимоходомъ, что свѣчи послѣднія, а новыхъ теперь взять неоткуда.

Борисъ ничего не сказалъ и потушилъ одну свѣчку. На каминныхъ часахъ пробило одиннадцать, потомъ и двѣнадцать. Клэръ заснула въ глубинѣ дивана. Жозефъ, отвалившись на спинку кресла, тоже клевалъ носомъ. Борисъ прошелъ къ своему столу. Онъ въ послѣдній разъ отодвинулъ всѣ ящики, посмотрѣлъ, не осталось ли тамъ чего-нибудь важнаго, имѣющаго значеніе.

Темная почъ надвинулась и обняла все вокругъ. Какой-то неясный шумъ послышался на дворѣ. Онъ всталъ и вышелъ на крыльцо. Это говорили бубенчики пріѣхавшихъ четверокъ.

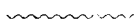
Начались послѣдніе сборы. Баулы, ларцы и ящики размѣстились въ двухъ дорожныхъ каретахъ. Собака, обезпкоенная необычнымъ ночнымъ движеніемъ, недоумѣвая, ходила взадъ и впередъ за людьми, что послали вещи, и иногда рычала. Часы попрежнему тикали и отбивали уплывавшее въ вѣчность время.

Наконецъ всѣ усѣлись въ экипажи. Жозефъ сдѣлалъ видъ, что разстроенъ разлукой. Онъ сказалъ небольшую рѣчь. Упомянулъ о лучшихъ временахъ, говорилъ о счастья, котораго вполне достойны князь и его супруга. Ему въ подарокъ Борисъ далъ пятьсотъ франковъ, прося охранять замокъ и писать въ Лондонъ, если встрѣтятся нужда. Когда карета двинулась, онъ крикнулъ:

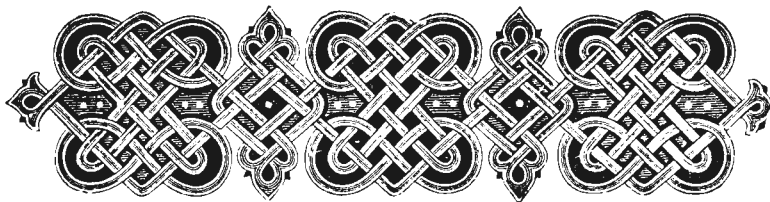
— Желаю вамъ маленькаго князя!

П. П. Гнѣдичъ.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ¹⁾.

(Литературныя характеристики и курьезы).

VII.

В. О. Португаловъ и Ломоносовъ.—В. П. Острогорскій и выразительное чтеніе.—Незловивый рецензентъ.—Два тенора.—Недостроенная Вавилонская башня.—Железно-дорожный обличитель.—На юбилей А. И. Поповицкаго.—Покровитель «несчастненькихъ» и «многострадальныхъ».—Репортеръ въ роли лакея.—Фабрика новостей.—Мнимыя филантропы.—Авторепортерское свидѣніе.—Литературныя обфды.—Споръ о Пушкинѣ.

ПОРТУГАЛОВЪ, В. О.—публицистъ, гигиенистъ, популярный врачъ, боровшійся съ пьянствомъ, и ярый шестидесятникъ. Его статьями молодежь и даже гимназистки зачитывались. Говорятъ, что одна гимназистка на экзаменѣ на вопросъ: какихъ она читала авторовъ?—отвѣтила: «Ломоносова, Фьльвизина и Португалова».

Идеалы шестидесятыхъ годовъ Португаловъ проводилъ въ своихъ статьяхъ въ «Новостяхъ». Онъ оставался вѣрнѣе имъ до конца дней, хотя немало выстрадалъ за нихъ.

Не выходя почти изъ-подъ надзора самарской полиціи, Португаловъ доставлялъ большія огорченія администраціи своими протестами противъ незаконій провинціальныхъ Держимордь и угрозами поднять на ноги «весь Петербургъ», «всю Европу».

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 122.

— Помилуйте!—жаловался однажды губернаторъ прибывшему изъ Петербурга писателю, заинтересовавшемуся португаловскими разоблаченіями въ печати. — Я назначилъ заслуживающаго довѣрія чиновника для производства дознанія, а Португаловъ мнѣ заявляетъ: «Я тогда только успокоюсь, когда вы и меня приобщите къ слѣдствію, иначе подниму шумъ на весь міръ...»

Только безвременная кончина и успокоила неугомоннаго борца за правду.

В. П. Острогорскій — симпатичнѣйшій педагогъ, писатель-гражданинъ и общій любимецъ: онъ былъ любимъ своими многочисленными учениками, какъ педагогъ, любимъ въ журнальныхъ и художественно-литературныхъ кружкахъ. Въ «Новостяхъ» помѣщала иногда литературно-юбилейные очерки.

На литературно-юбилейныхъ обѣдахъ и поминкахъ на В. П. возлагали характеристики чествуемыхъ выдающихся писателей.

Обладая скудными голосовыми средствами,—у Острогорскаго былъ сильный голосъ,—онъ составилъ прекрасную книгу о выразительномъ чтеніи и ратовалъ за обученіе юношества такому чтенію.

Н. Ѳ. Соловьевъ—композиторъ, профессоръ музыки и самый неслобивый изъ музыкальныхъ критиковъ. Свою неслобивость Соловьевъ объяснялъ тѣмъ, что критикъ долженъ быть учителемъ и другомъ артистовъ, а не хулителемъ *quand même*, что самый голосистый пѣвецъ можетъ отъ волненія лишиться голоса, если изо дня въ день ругая ругать его, а второстепенный артистъ можетъ развить свои артистическія данныя, если относиться къ нему благосклонно и доброжелательно и въ безобидной формѣ указывать ему на недочеты. Свои взгляды Соловьевъ иллюстрировалъ фактами изъ артистической жизни.

Вспоминается анекдотъ о двухъ артистахъ-пѣвцахъ—М., обладателѣ дивнаго, чарующаго голоса и плохомъ актерѣ, и Ф., умѣвшемъ владѣть своимъ небольшимъ голосомъ и обладавшемъ большимъ драматическимъ талантомъ.

— Если бы,—сказалъ однажды Ф. М.—ву,—я имѣлъ твой голосъ, то покоришь бы міръ.

— А если бы я,—возразилъ тотъ,—при своемъ неумѣннѣ играть имѣлъ еще твой голосъ, то ходилъ бы по міру...

Ф. сдѣлалъ блестящую карьеру и теперь антрепренерствуетъ, а М. умираетъ съ голоду, и въ его пользу устраиваются концерты.

Въ «Новостяхъ» о музыкальномъ легкомъ жанрѣ давалъ рецензіи одновременно съ Соловьевымъ солидный государственный мужъ, тайный совѣтникъ Я. И. Плющикъ-Плющевскій, онъ же Дельбергъ, передѣлавшій романы Достоевскаго въ драмы.

За суровые отзывы Плющика-Плющевскаго о подвизавшейся въ Кононовскомъ залѣ опереточной труппѣ покойнаго Г. Г. Сѣтова редакція была лишена рецензентскаго ырсла. В. О. Михневичъ

разразился тогда по этому поводу остроумнымъ фельетономъ, гдѣ заявилъ, что рецензентъ, дѣйствительно, не подходитъ для сътовской оперетки, и редакція отнынѣ будетъ посылать въ театръ своего сторожа Онуфрія, который будетъ доводить составомъ труппы бывшаго артиста русской оперы Сътова: по Сенькѣ и шапка...

О балетѣ писалъ хорошо извѣстный въ свое время Д. Д. Коровьяковъ. Юристъ по образованію и лекторъ въ драматической школѣ, гдѣ читалъ о декламациі, Коровьяковъ лучше всего интересовался балетомъ. Надо было видѣть, съ какимъ увлеченіемъ толстый съ горбомъ балетоманъ изображалъ «элевациі» прославленныхъ танцовщицъ!

Въ беллетристическомъ отдѣлѣ газеты участвовали два литературныхъ Аякса — покойный Альбовъ и К. С. Баранцевичъ. Они приступили было къ печатанію писавшагося въ четыре руки романа «Вавилонская башня», гдѣ выведены были дѣятели Пушкинскаго клуба. Впрочемъ, канва романа принадлежала Баранцевичу. Это была беспощадная карикатура на тогдашнихъ поэтовъ, беллетристовъ и критиковъ: Фофанова, Соймонова, Алѣева, Скабичевского, Оболенскаго и другихъ. Даже себя авторы романа не пощадили. Въ литературныхъ кружкахъ произведеніе Баранцевича и Альбова вызвало такое неудовольствіе, что пришлось конецъ его скомкать. Такимъ образомъ, и литературная «Вавилонская башня» осталась не достроенной...

Талантливый Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, тогда еще молодой писатель, помѣщалъ въ «Новостяхъ» превосходные очерки «Съ Урала».

Въ «Новостяхъ» участвовала масса женщинъ. Достаточно назвать госпожь Адавъ, Цебрикову, Кашеварову-Рудневу, Клемансъ-Ройе, Бартеневу, Назарьеву, Давыдову, Ламанскую, Некрасову и др. Это былъ цѣлый феминистскій клубъ.

— — — — —

Въ газетѣ участвовали и лица, которыя, строго говоря, къ сонму писателей причислены быть не могутъ. Это были скорѣе поставщики матеріала для статей: ихъ произведенія приходилось облекать въ литературную форму. Нерѣдко такіе авторы не узнавали своихъ произведеній, предполагая, что помѣщенные въ газетѣ статьи доставлены другими лицами, предвосхитившими ихъ идеи.

Къ числу такихъ авторовъ слѣдуетъ отчасти отнести К. О. де-Скроховскаго, занимавшаго впоследствии должность главнаго контролера Привислинскихъ желѣзныхъ дорогъ.

К. О. де-Скроховскій былъ желѣзнодорожный обличитель.

Онъ всегда изобличалъ желѣзныя дороги, или, вѣрнѣе, бывшее главное общество російскихъ желѣзныхъ дорогъ, вель процессъ съ

этимъ обществомъ изъ-за конейки, перебранной у него, и довелъ его до высшей судебной инстанціи. Книга его «Желѣзнодорожное хозяйство и бюрократія», напечатанная въ восьмидесятыхъ годахъ, была сожжена.

Своими разоблаченіями, печатавшимися, кромѣ «Новостей», въ «Гражданинѣ» и «Виржевыхъ Вѣдомостяхъ», де-Скροховскій спасъ, какъ онъ говорилъ, не одинъ миллионъ казнѣ и находился поэтому подъ особымъ покровительствомъ покойнаго Т. И. Филиппова, государственнаго контролера. Наградой за обличительную дѣятельность послужила казенная служба съ хорошимъ окладомъ...

Статьи де-Скροховскаго и инженера Т—го были причиною процесса о диффамаци, затѣяннаго противъ «Новостей» желѣзнодорожнымъ королемъ Ададуровымъ, представителемъ котораго явился князь А. И. Урусовъ, самъ сотрудникъ «Новостей». Редактору газеты, помнится, инкриминированы были какъ разъ фразы, которыя принадлежали мнѣ и написаны были на основаніи разсказаннаго однимъ изъ инженеро-въ, поставлявшихъ обличительный матеріаль.

Разумѣется, Урусовъ порвалъ тогда съ редакціею, куда являлся иногда корректировать свои рѣчи, внося большое оживленіе. Слушать его было истинное наслажденіе. Онъ чарующе дѣйствовалъ на васъ своимъ симпатичнымъ баритономъ.

Помню, когда Урусовъ корректировалъ свою знаменитую рѣчь по дѣлу людинскихъ евреевъ, обвинявшихся въ ритуальномъ убійствѣ, онъ съ такимъ негодованіемъ говорилъ объ этомъ и другихъ поклексахъ, что Хотовичъ, замѣтилъ:

— Я не удивлюсь, если евреи изберутъ васъ въ раввины...

Какъ человѣкъ непрічастный къ литературѣ, де-Скροховскій на редакціонныхъ собраніяхъ попадалъ иногда въ комическое положеніе.

Вся почти редакціонная семья участвовала въ юбилейномъ чествованіи покойнаго редактора «Паломника» А. И. Поповицкаго, издававшаго до того и «Театральный Листокъ». Поповицкаго уважали и любили, какъ добраго и симпатичнаго человѣка.

Въ юбилейный день явился случайно въ редакцію де-Скροховскій.

— Вы обѣдаете съ нами сегодня у Понсэ?—спросилъ его кто-то.

— Съ удовольствіемъ,—отвѣтилъ онъ.

Народу собралось много. Де-Скροховскій былъ немного изумленъ при видѣ массы незнакомцевъ, изъ коихъ большинство были во фракахъ. Отправляясь на обѣдъ, онъ полагалъ, что многочисленная дружина «Новостей» рѣшила просто отобѣдать и провести хорошо время. Но вотъ, когда, по выраженію обѣденныхъ репортеровъ, въ бокалахъ заискрилось шампанское и кто-то сталъ гово-

рѣчь, упоминая про уважаемаго всѣми «Александра Ивановича», де-Скροховскій, недомѣвая, обратился къ своему сосѣду:

— Скажите на милость, что это за Александръ Ивановичъ и по какому случаю что-то объ немъ тутъ говорить?

— Да вѣдь это юбиляръ.

— Какой такой юбиляръ?

— Котораго мы сегодня чествуемъ—Поповицкій.

— Ничего не понимаю. Кто это «мы» и кто Поповицкій? Никогда не слыхиваль. Что онъ сдѣлалъ?

— Онъ писатель.

— А что онъ писалъ?

Оказалось, что и сосѣдъ былъ не изъ особенно свѣдущихъ людей по части литературы. И онъ, какъ и де-Скροховскій, былъ зѣло сконфужень. На выручку де-Скροховскому явился болѣе знакомый съ заслугами юбиляра Г. К. Градовскій.

Конторою газеты «Новости» завѣдываль В. Н. Никитинъ, извѣстный писатель, тюремвѣдъ и специально тюремный филантропъ, авторъ «Многострадальныхъ» и другихъ произведеній изъ быта всевозможныхъ «многострадальныхъ» кантонистовъ, тюремныхъ обитателей и вообще всякихъ униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Ратуя за интересы этихъ послѣднихъ, Никитинъ вступалъ въ драку со всѣми, кто покушался на благополучіе покровительствуемыхъ имъ «несчастненькихъ».

Въ «Новостяхъ» Никитинъ помѣщаль статьи по тюремнымъ и другимъ вопросамъ.

Обладая несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, Никитинъ, какъ бывший кантонистъ, учившійся чему-нибудь да какъ-нибудь, не всегда писалъ въ согласіи съ Гротомъ.

Въ качествѣ тюремнаго филантропа, онъ однажды обвиняль профессора-филантропа чуть ли не въ присвоеніи филантропической копейки...

По репортерской части подвизался въ «Новостяхъ» въ мое время король репортеровъ Юлій Шрейеръ.

Чинъ статскаго совѣтника, прежняя служебная карьера (Шрейеръ занималь въ Варшавѣ постъ предсѣдателя цензурнаго комитета) и почтенный уже возрастъ не мѣшали королю репортеровъ изгибаться въ три погибели, когда нужно было добыть какое-нибудь цѣнное свѣдѣніе.

Однажды Шрейеръ узналь, что заправили одного акціонернаго учрежденія, желая скрыть отъ печати свой обмѣнъ мнѣніями, рѣшили собраться въ ресторанъ на якобы товарищескій обѣдъ.

— Отчетъ будетъ своевременно вамъ доставлень,—заявилъ онъ редактору газеты.

И участники конспиративнаго обѣда на слѣдующій день, къ изумленію своему, прочитали въ одной газетѣ всѣ свои сужденія и дебаты. Оказалось, что среди прислуживавшихъ офиціантовъ за обѣдомъ затесался какими-то судьбами «король репортеровъ».

По репортерской части, кромѣ «короля репортеровъ» Ю. О. Шрейера, подвизался и «вице-король» Животовъ, авторъ цѣлаго ряда уголовныхъ романовъ, онъ же редакторъ «Вѣстника общества покровительства животнымъ», устроитель въ Нижнемъ Новгородѣ лоттерей въ пользу общества покровительства животныхъ, за которую генераль Барановъ отнесся весьма немилостиво къ покровителю животныхъ, державшемуся завѣта: «блаженъ, иже скоты милуетъ». Барановъ усмотрѣлъ какіе-то недочеты въ кассѣ и дефекты въ устройствѣ лоттерейныхъ урнъ.

Голова Животова—была настоящая фабрика новостей. У него всегда имѣлись въ записной книжкѣ и въ карманахъ огромные запасы свѣдѣній. Стоило сказать ему, что хроника скудная, и Животовъ садился за столъ и фабриковалъ новости, пока его не просили «заткнуть фонтанъ».

Среди репортеровъ попадались интересные экземпляры. Поставлялъ въ газету или, вѣрнѣе, во всѣ газеты небольшія замѣтки ибкто Волокитинъ. Когда-то Волокитинъ былъ юркій и шустрый репортеръ. Но по старости лѣтъ или другимъ причинамъ, онъ сократилъ свою репортерскую дѣятельность и сталъ ограничиваться измышленіемъ слуховъ. Онъ свелъ знакомство съ двумя спившимися субъектами изъ захудалыхъ купцовъ и приписывалъ имъ, съ ихъ согласія, всякія затѣи, которыя имъ и въ голову не приходили, вродѣ учрежденія разныхъ обществъ, благотворительныхъ пріютовъ и т. п. Ни одна изъ этихъ затѣй, разумѣется, осуществлена не была. Такъ какъ фамиліи и званіе мнимыхъ филантроповъ назывались полнотью, то газеты попадались на удочку.

Были у Волокитина еще поставщики матеріала въ лицѣ «угличанъ». Дѣло въ томъ, что въ Петербургъ прибыло ибсколько угличанъ съ цѣлью хлопотать о возвращеніи изъ ссылки изъ Тобольска знаменитаго углическаго колокола. «Ходоки» или депутаты застряли въ Петербургѣ, обивали пороги всевозможныхъ канцелярій и разныхъ лицъ, и о каждомъ ихъ шагѣ Волокитинъ исправно оповѣщаль читающую публику. Это было выгодно и для Волокитина, и для депутатовъ, получавшихъ средства отъ пославшихъ ихъ въ столицу земляковъ. Къ депутатамъ примкнули случайно жившіе въ Петербургѣ угличане, возникло цѣлое общество или колонія угличанъ, и съ ихъ жизнью и знакомилъ Волокитинъ. Газеты скоро раскусили недоброкачественность волокитинскихъ свѣдѣній, и его свели на нѣтъ.

Такая же судьба постигла и ибкогого Э.—поставщика административныхъ новостей, зарабатывавшаго по шестидесяти и болѣе ко-

пеекъ за строчку, смотря по количеству столичныхъ и провинціаль-ныхъ изданій, печатавшихъ сообщенія этого писателя. У него даже была дома цѣлая канцелярія, гдѣ фабриковались эти сообщенія, а фабриковались они такимъ образомъ.

Э. пріобрѣталъ въ государственномъ контролѣ или другомъ учрежденіи проектъ какой-нибудь предполагаемой и часто не осуществляемой реформы и выкраивалъ изъ него замѣтки. Сегодня сообщитъ сущность проекта, завтра отзывъ одного вѣдомства, запрошеннаго по предмету реформы, затѣмъ другого, третьяго и т. д. Такъ какъ въ проектахъ приводились и мнѣнія губернаторовъ, то Э. и ихъ приводилъ, а затѣмъ сталъ варьировать свои прежнія сообщенія. Въ однѣхъ только «Новостяхъ» Э. зарабатывалъ 100—150 руб. въ мѣсяць, а когда раскрылся секретъ фабрикаціи имъ сообщеній, то заработокъ его палъ до 20—30 руб. въ мѣсяць. И въ другихъ газетахъ стали слѣдовать примѣру «Новостей», и Э. занялся другими дѣлами, сталъ ѣздить по выставкамъ и писать въ газеты отчеты объ экспонатахъ и экспонентахъ, выпускавшіеся потомъ въ видѣ роскошныхъ книгъ и альбомовъ.

Были и репортеры вполне добросовѣстные, честно зарабатывавшіе свои скромные гонорары. Припоминаю такой эпизодъ.

Явившемуся въ редакцію К—скому я заявилъ, что онъ давно уже не доставлялъ ни одного интереснаго свѣдѣнія.

— Что же? Прикажете мнѣ утопиться или утопить кого-нибудь и затѣмъ описать вамъ это?—заявилъ въ шутку К—скій.

На слѣдующій день К—скій явился въ редакцію блѣдный, точно въ воду опущенный.

— Ну, вотъ и накаркали мнѣ!

— Что случилось?

— А случилось то, что я и цѣлая компанія отправились кататься по Невѣ, лодку накренило, всѣ очутились во водѣ, присяжный повѣренный Гребенщиковъ утонулъ, а мы всѣ спаслись; вотъ вамъ и интересное свѣдѣніе очевидца, которое вы желали имѣть...

Поставляли репортерскія свѣдѣнія и извѣстные писатели, и даже именитые обыватели не гнушались заниматься репортерствомъ, т. е. описывать факты и событія, очевидцами коихъ они являлись, и затѣмъ предъявлять требованія объ уплатѣ соотвѣтственнаго гонорара.

Одно время предполагалось распредѣлить репортерскія обязанности между «набольшими».

Отчеты о засѣданіяхъ кредитнаго общества писалъ В. О. Михневичъ, о философскихъ и филологическихъ докладахъ—профессоръ Модестовъ, о врачебныхъ засѣданіяхъ врачи и т. д. Реформа эта не привилась.

Вообще Нотовичъ былъ неистощимъ по части реформъ въ газетѣ, заведенія новыхъ рубрикъ и т. п., но все это не спасало «Новостей» отъ хроническихъ дефицитовъ и полнаго крушенія въ осво-

бодительные дни, когда Нотовича покинули все сотрудники, не сошедшие с ним во взглядах на тогдашние события.

Нотовичъ не вѣрилъ въ близкое торжество всехъ конституціонныхъ свободъ, а молодая редакція была другого мнѣнія на этотъ счетъ. Не послѣднюю роль играли и личные недоразумѣнія съ не особенно уживчивымъ редакторомъ.

Получивъ тогда отъ Нотовича телеграмму съ просьбою захватить въ редакцію, я не заставилъ себя долго ждать.

— Вернитесь ко мнѣ и сформируйте мнѣ новую редакцію, — обратился ко мнѣ О. К. Нотовичъ.

Я поблагодарилъ за добрую память, обѣщавъ направить къ нему нѣкоторыхъ товарищей по «Биржевымъ Вѣдомостямъ», оставшихся не у дѣлъ съ переходомъ газеты въ руки кадетовъ, но самъ не пожелалъ фигурировать въ роли «шрейкбрехера». Обѣщаніе я выполнилъ, но, на бѣду, забастовалъ и фактическій издатель покойный Н. П. Бакъ, отказавъ въ отпускѣ средствъ. «Новости» исчезли навсегда съ журнальнаго горизонта.

Въ то время, къ которому относятся мои воспоминанія, стали прививаться литературные обѣды, устранивавшіеся ежемѣсячно сотрудниками «Новостей» по инициативѣ И. О. Василевскаго и В. О. Михневича.

Къ участию въ обѣдахъ привлекались и сотрудники другихъ изданій. Тутъ можно было встрѣчать и престарѣлаго В. П. Безобразова, и В. Д. Спасовича, Е. И. Утина, В. Д. Стоюнина, С. В. Максимова, П. В. Гайдебурова, В. А. Полетику, С. Н. Шубинскаго, И. О. Горбунова и всю дружину «Новостей». На обѣдахъ произносились рѣчи, говорились экспромты, читались стихотворенія, смѣшались всехъ неистощимый генераль Дитятинъ.

Обѣды, какъ нельзя болѣе, способствовали сближенію писателей.

Нѣкоторые обѣды носили характеръ чествованій или поминокъ.

Съ большою торжественностью были обставлены поминки по А. С. Пушкинѣ, по случаю пятидесятилѣтія со дня его кончины.

Помню, какое сильное впечатлѣніе произвела на всехъ присутствовавшихъ фраза прекрасной рѣчи Г. К. Градовскаго:

«А вѣдь, господа, Пушкинъ могъ бы быть среди насъ, и мы чествовали бы его по какому-либо другому случаю».

На этомъ же обѣдѣ произошелъ крупный инцидентъ, вызванный рѣчью В. Д. Спасовича. Послѣдній сравнилъ Пушкина съ Альфредомъ Мюссе, Гейне и еще какимъ-то второстепеннымъ польскимъ писателемъ, фамиліи котораго теперь не помню. За обиженную память Пушкина заступился В. А. Полетика и особенно В. В. Комаровъ. Въ спорѣ принялъ участіе и В. И. Модестовъ и другіе, но противники остались при своихъ мнѣніяхъ.

VIII.

Возвращеніе въ Одессу.—Редакціонное прононціаменто.—П. А. Монтеверде.—Терніи провинціального журналиста.—Недоразумѣнія съ цензурой и администраціей.—Запретныя темы.—Запрещеніе писать о кафешантаннхъ этуаляхъ.—Распря газетъ и ея родоначальникъ въ Одессѣ.—Газетная конкуренція на почвѣ народнаго голода.—Сборникъ «Откликъ» и его сотрудники.—Заключенное общежитіе имени Пушкина для немощныхъ труженниковъ печати.—Какъ чествовали П. И. Чайковскаго въ Одессѣ.—С. Г. Рубинштейнъ и Чайковскій.—В. И. Стасовъ объ одеситахъ.

Въ концѣ 1888 года я получилъ приглашеніе черезъ композитора Н. Ѳ. Соловьева взять на себя завѣдываніе газетою «Одесскій Листокъ», покинутою всѣмъ редакціоннымъ составомъ. «Пронунціаменто» произошло изъ-за вмѣшательства редактора-издателя въ литературную часть. Не желая выступать въ роли «штрейкбрехера»,—этого моднаго нынче слова тогда еще не было въ нашемъ обиходѣ,—я отклонилъ сдѣланное мнѣ предложеніе. Приглашенъ былъ П. А. Монтеверде, который черезъ нѣкоторое время долженъ былъ уложить свои чемоданы и вернуться въ Петербургъ. Тѣмъ временемъ старая редакція въ полномъ составѣ пристроилась въ другомъ мѣстномъ изданіи.

Получивъ вторичное приглашеніе, я далъ свое согласіе, соблазненный лучшими климатическими условіями и болѣе самостоятельнымъ положеніемъ въ газетѣ.

Въ «Историческомъ Вѣстникѣ» въ статьѣ «Журнальное страстотерпство» мною было уже рассказано отчасти, при какихъ цензурныхъ условіяхъ и административномъ гнетѣ приходилось мнѣ работать въ Одессѣ. Отъ услугъ откликнувшихся на мое приглашеніе петербургскихъ писателей и бывшихъ моихъ коллегъ по «Новостямъ» пришлось скоро отказаться.

Въ Одессѣ, конечно, оказалось немало талантливыхъ и честныхъ писателей и дѣльныхъ газетныхъ работниковъ. Одесса снабжала и столицы своими писательскими силами.

Многострадальнымъ одесскимъ журналистамъ приходилось выбирать темы для своихъ статей съ большою опаской. Имъ разрѣшалось писать только о погодѣ, о внѣшней политикѣ, о театральныхъ зрѣлищахъ и ругать думу и городскую управу. Впрочемъ, и въ этой узкой, отмежеванной журналистамъ области ими встрѣчались большія затрудненія. Нельзя было, напримѣръ, порицать исполненіе кафешантанной «этуали» или артистки, пользовавшейся благоволеніемъ мѣстнаго градоправителя П. А. Зеленаго или правителя его канцеляріи. Зато одесскіе журналисты могли безпрепятственно смѣшывать другъ друга съ грязью.

Существовавшій много лѣтъ въ Одессѣ «Новороссійскій Телеграфъ» велъ нескончаемую полемику со своими конкуррентами, возводя на нихъ самыя нелѣпыя обвиненія, хотя формуляръ самого издателя этой газеты не изобиловалъ большими подвигами.

Если престижъ журналиста въ Одессѣ стоялъ не особенно высоко, если въ мѣстной думѣ то и дѣло обзывали мѣстныхъ писателей «шантажистами» и «проходимцами», то это всецѣло заслуга издателя «Новороссійскаго Телеграфа» М. Л. Озимидова, немало постаравшагося для умаленія довѣрія къ печатному слову своими полемическими выпадами.

Публика, воспитанная на газетной ругани, скучала, когда въ номерѣ газеты кого-нибудь не раздѣльвали подъ орѣхъ. Когда въ Одессѣ говорили о журналистѣ, что онъ хорошо пишетъ, то это означало, что онъ мастеръ ругаться.

Чаще всего объектами полемики являлись евреи. Направленіе газеты Озимидова по еврейскому вопросу достаточно извѣстно. Статьи «Новороссійскаго Телеграфа» писались такимъ тономъ, что, какъ выяснилось на судѣ изъ показанія свидѣтеля-священника, наканунѣ погрома въ мѣстечкѣ Ширяевъ мѣстный корреспондентъ читалъ ихъ толиѣ, какъ правительственныя распоряженія.

Если одна какая-нибудь газета отзывалась хорошо объ игрѣ артиста, то можно было быть заранѣе увѣреннымъ, что ея конкуррентка разругаетъ его въ пухъ и прахъ. Даже общенародныя бѣдствія и имена выдающихся людей не могли объединять одесскихъ журналистовъ.

Когда въ 1891 году въ Россіи всыхнулъ голодъ со всѣми его ужасами, редакція «Одесскаго Листка» предложила мѣстнымъ журналистамъ выпустить литературный сборникъ въ пользу голодающихъ. Предложеніе это сочувствія не встрѣтило. Издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій предпринялъ тогда изданіе на свои личныя средства. На мои приглашенія откликнулись присылкою своихъ произведеній и автографовъ писатели самыхъ противоположныхъ направленій: Вл. Соловьевъ, П. Боборыкинъ, В. Буренинъ, Я. Полонскій, Лѣсковъ, Португаловъ, П. Вейнбергъ, Шеллеръ, Острогорскій, профессоръ Вагнеръ (Коть-Мурлыка), академикъ Я. Гротъ, профессоръ Н. Гротъ, Иловайскій, Вльбасовъ, П. Менделѣевъ, бывший военный министръ графъ Д. А. Милютинъ, графъ Л. Н. Толстой, приславшій свою «Суратскую Кофейню», нѣсколько другихъ своихъ произведеній и выдержку изъ статьи «О голодѣ», не поавшія въ сборникъ, по милости одесской цензуры.

Сборникъ, вышедшій подъ заглавіемъ «Отклики», разошелся весь и доставилъ голодающимъ пару тысячъ.

Чтобы помѣшать распространенію «Откликовъ», нѣкоторые одесскіе журналисты выпустили заднимъ числомъ, подъ фирмою обще-

ства вспоможенія литераторамъ другой сборникъ, не имѣвшій успѣха.

На юбилей «Одесскаго Листка» рѣшено было соорудить въ Одессѣ общежитіе имени Пушкина для немощныхъ тружениковъ печати съ просвѣтительными учрежденіями: школами, аудиторіей, библіотекой и т. п. Дѣло быстро подвинулось впередъ. Собрано было пожертвованій, отъ спектаклей, концертовъ, лоттерей, что-то около двухсотъ тысячъ рублей.

Городъ назначилъ ежегодную субвенцію въ пять тысячъ рублей и отвелъ бесплатно мѣсто, на которомъ выросло огромное роскошное зданіе общежитія. Претендентовъ на комнаты въ общежитіи изъ писателей было немного: преобладали наборщики, печатники и т. п.

Одного того обстоятельства, что инициаторомъ дѣла явился издатель «Одесскаго Листка» Навроцкій, было достаточно, чтобы нѣкоторые писатели еще до сооруженія общежитія отнеслись къ нему отрицательно. Впослѣдствіи выяснилось, что затѣя была неудачная. Русскій писатель самолюбивъ, независимъ и въ богатѣльню не идетъ даже тогда, когда ему негдѣ голову приклонить на старости лѣтъ. Нынѣ зданіе Пушкинскаго общежитія заколочено. Въмѣсто писателей тамъ свили гнѣзда вороны, голуби и галки. Впрочемъ, не послѣднюю роль въ крахѣ учрежденія играло немѣлое хозяйничанье.

Еще примѣръ.

Нездолго до кончины своей гостилъ въ Одессѣ знаменитый нашъ композиторъ П. И. Чайковскій, приглашенный для постановки его оперъ. Покойный адвокатъ-писатель Л. А. Куперникъ за свою подписью и за подписью автора этихъ строкъ разослалъ редакціямъ одесскихъ газетъ приглашенія примкнуть къ чествованію особымъ банкетомъ П. И. Чайковскаго, являющагося и донныѣ красой и гордостью родного искусства. На приглашенія изъ всѣхъ одесскихъ газетъ,—а ихъ было нѣсколько,—откликнулись «Вѣдомости Градоначальства» и листокъ нѣмецкихъ колонистовъ юга—«Odessaer Zeitung».

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе произвело на покойнаго композитора такое отношеніе къ нему представителей прессы.

Кстати любопытная подробность, къ моему разсказу прямого отношенія не имѣющая.

Одною изъ первыхъ подписалась на ужинѣ Чайковскаго С. Г. Рубинштейнъ—сестра знаменитыхъ пианистовъ и популярная мѣстная преподавательница пѣнія.

С. Г. сдѣлала соотвѣтствующій взносъ, засвидѣтельствовала своею подписью уваженіе П. И. Чайковскому, но на банкетъ не явилась, не пожелавъ, какъ говорили, обидѣть память своего знаменитаго брата А. Г. Рубинштейна, который находился въ дурныхъ отношеніяхъ со своимъ бывшимъ питомцемъ П. И. Чайковскимъ.

Такъ какъ въ сферѣ театральныхъ вопросовъ печатное слово пользовалось относительной свободой, то и туда одесскіе писатели вносили полемическій тонъ. Не послѣднюю роль играло тутъ то обстоятельство, у какого издателя-типографа данный антрепренеръ печаталъ афиши.

До какой безпардонности доходили «рецензи» «Новороссійскаго Телеграфа», показываетъ слѣдующій фактъ.

Подвизалась въ Одессѣ труппа популярнаго въ свое время Н. К. Милославскаго. По какому-то случаю на сцену выведенъ былъ осель, вмѣсто обѣщанныхъ въ афишѣ звѣрей. Въ рецензи «Новороссійскій Телеграфъ» заявилъ, что, кромѣ «осла Милославскаго», другихъ звѣрей не было.

На слѣдующій день Милославскій въ отдѣлѣ объявленій пустилъ публикацію о томъ, что, кромѣ его осла, на сценѣ находился еще одинъ осель—на рецензентскомъ мѣстѣ «Новороссійскаго Телеграфа».

Одесситы были воспитаны на отличной итальянской оперѣ, что подало однажды поводъ пропагандисту русской музыки покойному В. В. Стасову въ письмѣ ко мнѣ (отъ 13-го апрѣля 1889 года) выдать всѣмъ одесситамъ такую нелестную аттестацію: «Одесская публика въ музыкальномъ отношеніи такъ мало образована, что никакая опера, кромѣ итальянской, ей не можетъ быть надобна».

Какъ бы то ни было, успѣхомъ могли пользоваться въ Одессѣ только выдающіеся пѣвцы.

Одному импрессарию вздумалось удивить одесситовъ пѣніемъ Мазини, когда отъ его нѣкогда дивнаго голоса осталось одно лишь воспоминаніе. Миѣнія одесскихъ газетъ объ итальянской знаменитости раздѣлились. «Одесскій Листокъ», издатель котораго имѣлъ отношеніе къ устройству концерта, такъ какъ откупилъ сборъ у импрессарию и поднялъ цѣны, авансомъ восторгался голосомъ артиста. «Одесскимъ Новостямъ», которыми я тогда завѣдывалъ, градоначальникъ Зеленой запрещалъ писать о Мазини, угрожая всевозможными административными карами за, якобы, возбужденіе умовъ сдержанными отзывами о пѣвцѣ и указаніемъ на необычайно высокія цѣны за билеты на концертъ. Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» былъ сдѣланъ тогда же доносъ на меня, что я, лишенный возможности касаться концертовъ Мазини въ мѣстной газетѣ, посылалъ, будто бы, возбуждающаго свойства телеграммы въ петербургскую газету «Новости».

Болѣе подробно о моихъ злословіяхъ по поводу концертовъ Мазини рассказано извѣстнымъ писателемъ г. Діонео въ сборникѣ «Въ защиту слова», вышедшемъ въ 1905 году.

Инцидентъ по поводу Мазини—одинъ изъ многихъ. Онъ характеренъ въ томъ отношеніи, что къ этому «дѣлу» приложили свои руки мѣстные журналисты.

IX.

Типы и силуэты одесскихъ издателей, редакторовъ и писателей.—Издатель съ тремя отчествами.—Голодающая редакція.—Забракованный «Челкашъ» М. Горькаго.—Война издателя и градоначальника.—Градоначальникъ въ роли-редактора.—Издатель-самородокъ.—Изъ развозчика сельтерской воды въ редакторы.—Какъ чествовали уѣзжавшаго писателя.—Отець фельетонистовъ.—Популяризація великихъ писателей.—Уроды журнальной семьи.

Среди редакторовъ-издателей одесскихъ газетъ были люди, далекіе отъ меркантильныхъ и любостыжательныхъ стремленій, смотрѣвшіе на служеніе печатному слову, какъ на нѣкое священнодѣйствіе. Но были и такіе, которые торговали оптомъ и въ розницу печатнымъ словомъ.

Много лѣтъ тому назадъ я помѣстилъ въ нынѣ не существующей газетѣ обличительную замѣтку, направленную противъ одного дѣятеля М—на, у котораго рыльцо было въ пуху. На слѣдующій день меня останавливаетъ на улицѣ М—нѣ.

— Ну, милый человекъ, ваше обличеніе не достигло цѣли. Вы меня только разорили на пятьдесятъ рублей, которые я долженъ былъ уплатить за письмо въ редакцію.

Въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» была особая рубрика въ текстѣ «За и противъ», гдѣ можно было печатать все, что угодно, уплачивая по таксѣ. Въ этой рубрикѣ, какъ выяснилось на судѣ въ 1887 году при разборѣ дѣла двухъ издателей Навроцкаго и Озмидова о клеветѣ, обѣляли за деньги подрядчиковъ, обиравшихъ русскаго солдата во время русско-турецкой войны. Какъ заявилъ допрошенный въ качествѣ свидѣтеля журналистъ С. Т. Герцовиноградскій, ему предложили три тысячи рублей за статью въ защиту поставщиковъ Грегера, Горвица и Когана. Предложеніе было отвергнуто, и статья появилась въ «Новороссійскомъ Телеграфѣ» за плату въ пять тысячъ рублей.

Въ текстѣ газетъ попадались иной разъ рекламы пріятелямъ издателя, торговцамъ, рестораторамъ, антрепренерамъ, особенно за хорошо оплачивавшіяся объявленія.

Завѣдывавшимъ газетами журналистамъ приходилось часто вести упорную борьбу со вторженіемъ лавочническаго элемента въ литературу. Мнѣ самому пришлось просить цензора зачеркнуть замѣтку о полученномъ однимъ мануфактуристомъ транспортѣ заграничнаго бархата, на помѣщеніи которой сильно настаивала контора.

— Но я не въ правѣ это дѣлать,—взмолился цензоръ: —тутъ ничего нецензурнаго нѣтъ.

— Въ такомъ случаѣ, очеркните только злополучную замѣтку краснымъ карандашомъ...

Цензоръ согласился, и неудобная замѣтка не пошла.

Апеллировать къ цензору пришлось мнѣ и въ другой разъ по поводу открытія новаго ресторана.

Дружескія рекламы и сведеніе личныхъ счетовъ широко практиковались на столбцахъ «Новороссійскаго Телеграфа». Но издатель этой нѣкогда либеральной газеты, какъ я уже говорилъ, занимался, главнымъ образомъ, травлей разныхъ инородцевъ. Это не мѣшало нѣкоторымъ утверждать, что, выражаясь словами историка Устрялова, онъ едва ли не былъ жидъ. У Озмидова было цѣлыхъ три «отчества»: Львовичъ, Лукничъ и Павловичъ. Метаморфозу въ направленіи газеты Озмидова приводили въ связь съ недоразумѣніемъ съ мѣстнымъ финансистомъ евреемъ Бродскимъ, лишившимъ его теплаго мѣста въ одномъ изъ банковъ.

Озмидовъ сослужилъ городу службу, какъ гласный, находившійся въ оппозиціи, и немало содѣйствовалъ городскому благоустройству. Онъ былъ по специальности архитекторъ, но и его архитектурская и служебная дѣятельность также являлась не разъ предметомъ обличенія въ печати и на судѣ.

Въ одесской печати Озмидовъ не былъ «уникумомъ».

Одинъ, нынѣ покойный, одесскій издатель расплачивался со своими должниками старыми чеками по текущему счету, который былъ раньше исчерпанъ полностью.

Издатель «Одесскихъ Новостей» Старковъ обрекалъ своихъ сотрудниковъ на жизнь впроголодь. Онъ забиралъ не только доходы газеты, но и авансы у объявителей подъ будущія объявленія. Бумагу, отпускавшуюся ему въ кредитъ, С—въ закладывалъ въ ломбардѣ, и ее приходилось выкупать катушками для очередныхъ номеровъ, закладывая кольца и часы сотрудниковъ.

Благодаря такимъ убыточнымъ операціямъ и перенлатамъ, бумага обходилась издателю втридорога. И совершенно правъ былъ С—въ, когда онъ однажды воскликнулъ:

— Я единственный издатель въ мірѣ, который не желаетъ распространения своей газеты: каждый лишній подписчикъ, т. е. потребитель бумаги, приноситъ мнѣ ущербъ...

Когда запасъ бумаги истощился, издатель раздобылъ гдѣ-то оберточную бумагу розоватаго цвѣта и сталъ печатать на ней газету. Въ объявленіи отъ редакціи перемѣна бумаги объяснялась стремленіемъ охранять зрѣніе читателей отъ порчи.

На весь редакціонный составъ выдавалось, послѣ цѣлаго ряда домогательствъ, отъ пятидесяти до семидесяти пяти рублей въ недѣлю. Одинъ изъ главныхъ сотрудниковъ, довольно извѣстный журналистъ П. Р., получалъ — и весьма неаккуратно — пять-

десять рублей въ мѣсяцъ за ежедневныя политическія передовицы, переводы изъ газетъ и литературные обзоры.

Для приглашенія новаго сотрудника, извѣстнаго фельетониста и публициста С. С. Г—ва, потребовавшего авансъ, завѣдующій редакціей долженъ былъ заложить у своего пріятеля купчую крѣпость на домъ издателя.

Когда завѣдующаго кто-то обвинилъ въ печати, что онъ забраковалъ присланнаго ему М. Горькимъ для напечатанія «Челкаша», тотъ отвѣтилъ:

— М. Горькій, вѣроятно, потребовалъ бы за свою повѣсть какой-нибудь гонораръ, а таковой редакция предложить ему не могла бы: въ лучшемъ случаѣ ему платили бы двѣ копейки за строчку. Но М. Горькій былъ предусмотрителенъ и повѣсти своей въ газету не прислалъ.

Издатель часто уѣзжалъ надолго, забирая всю свободную личность въ кассѣ, и оставлялъ газету на произволь судьбы. Много-страдальныя сотрудники безропотно покорялись этой судьбѣ и даже не проявляли враждебныхъ чувствъ къ издателю, отличавшемуся большимъ добродушіемъ и незлобивою.

Старковъ жилъ подолгу въ Петербургѣ. Здѣсь онъ однажды нашумѣлъ докладомъ въ астрономическомъ обществѣ о борьбѣ съ наводненіями въ Петербургѣ, какъ явленіемъ, періодически повторяющимся. Онъ совѣтовалъ лить масло въ Неву. Предложеніе это вышутили, какъ нелѣпое.

При всемъ томъ Старковъ, по прежней профессіи—штурманъ дальняго плаванія и учитель математики, былъ человекъ съ большими познаніями по астрономіи и математикѣ и хорошей синологъ. Объ его познаніяхъ и умственныхъ запросахъ свидѣтельствовала библіотека, пожертвованная имъ императорской публичной библіотекѣ незадолго до кончины: Старковъ умеръ въ одной изъ петербургскихъ больницъ для душевно-больныхъ.

Въ дурныхъ отношеніяхъ находился постоянно Старковъ съ цензурой и градоначальникомъ Зеленымъ. Въ отсутствіе Старкова Зеленой вымещалъ свою злобу на пишущемъ эти строки, завѣдывавшемъ тогда газетою. Старковъ въ письмахъ своихъ изъ Петербурга успокаивалъ меня сообщеніями, что дни Зеленого сочтены, что въ бытность его въ столицѣ его нигдѣ не принимали, что въ высшемъ «свѣтѣ» извѣстны-де произволъ и чудачества градоначальника.

Находясь въ Одессѣ, Старковъ готовъ былъ лѣзть въ драку съ градоначальникомъ за обиду, нанесенную его сотрудникамъ, и ни за что не уступилъ бы его требованію объ удаленіи изъ редакціи кого-либо изъ нихъ. Кромѣ Старкова, я зналъ еще одного издателя, который имѣлъ мужество противостоять требованію начальства объ

удаленіи сотрудника. Это былъ В. А. Полетика, редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» и «Молвы». Когда, послѣ закрытія «Голоса», Г. К. Градовскій былъ приглашенъ Полетикой, начальникъ главнаго управленія Абаза потребовалъ его устраненія.

— Приглашеніе сотрудниковъ—мое личное дѣло, а не ваше!—отвѣтилъ Полетика Абазѣ.

Рѣшительный отвѣтъ возымѣлъ дѣйствіе: на слѣдующій день Абаза явился съ визитомъ въ редакцію, гдѣ Полетика представилъ ему сидѣвшаго у него въ кабинетѣ «революціонера» Градовскаго...

Не легко дышалось журналистамъ и тогда, когда генераль Зеленой уѣзжалъ въ отпускъ и его замѣщаль братъ издателя В. П. Старковъ.

Исправлявшій обязанности градоначальника акушеръ Старковъ также сносился съ редакціей родственной газеты чрезъ посредство приставовъ. Онъ выступалъ и въ роли редактора, требовалъ къ себѣ на просмотръ значительную часть матеріала и производилъ въ немъ большія опустошенія, зачеркивая и вставляя цѣлыя замѣтки на правахъ градоначальника и издательскаго брата. Вчера еще Старковъ любезно пожималъ вамъ руки, а сегодня, въ качествѣ исполняющаго обязанности градоначальника, давалъ чувствовать свою силу. Даже отношенія къ женѣ мѣнялись, когда начальникъ карантиннаго округа превращался въ градоначальника...

Скончавшійся два года назадъ редакторъ-издатель «Одесскаго Листка» В. В. Навроцкій былъ самородокъ въ полномъ смыслѣ этого слова, какъ и назвалъ его И. Н. Потапенко въ посвященномъ ему очеркѣ въ одномъ журналѣ.

Навроцкій никогда ничему не учился, не умѣлъ почти писать, но это не помѣшало ему около сорока лѣтъ издавать газету и быть ея руководителемъ и вдохновителемъ.

— Если бы вы, Василій Васильевичъ,—сказалъ ему на одномъ чествованіи покойный адвокатъ-публицистъ Куперникъ,—родился въ Америкѣ, то, при вашихъ талантахъ, непременно достигли бы наивысшаго въ государствѣ поста—президентскаго.

И надо отдать справедливость Навроцкому: если онъ сдѣлался чуть ли не первымъ лицомъ въ Одессѣ, если весь городъ его зналъ, цѣнилъ, избиралъ на почетныя должности гласнаго и другія, если онъ съ дырявымъ двугривеннымъ въ карманѣ нажилъ крупное состояніе на созданной имъ газетѣ, то всѣмъ этимъ былъ обязанъ своей необычайной энергіи и издательской сноровкѣ.

Навроцкій прибылъ въ Одессу изъ Полтавской губерніи, служилъ мальчикомъ въ типографіи, былъ развозчикомъ сельтерской воды

фирмы «Водолей», а во время франко-прусской войны продавалъ на улицѣ телеграммы о прусскихъ побѣдахъ.

— Базень взять въ плѣнь!—выкрикивалъ будущій издатель, собирая пяточки.

Для увеличенія своихъ заработковъ Навроцкій, какъ онъ самъ мнѣ потомъ рассказывалъ, купилъ гдѣ-то мышеловку, въ которой сидѣла фигурка, изображавшая Наполеона III, заказалъ фотографическій снимокъ и пустилъ его въ продажу.

Въ 1873 году Навроцкому пришла въ голову мысль заняться издательствомъ. Имѣя всего нѣсколько рублей въ карманѣ, онъ отправился къ покойному городскому головѣ извѣстному Н. А. Новосельскому и просилъ его выхлопотать ему разрѣшеніе на изданіе «Листка объявленій». Тотъ обѣщалъ, и черезъ нѣкоторое время на стѣнахъ одесскихъ домовъ и заборахъ стала расклеиваться газета, заключавшая, кромѣ объявленій, городскія происшествія. Послѣднія собиралъ самъ редакторъ по городу, записывая ихъ на своихъ манжетахъ. Навроцкій самолично собиралъ и объявленія для своей газеты по магазинамъ.

Прошло нѣсколько лѣтъ, и «Одесскій листокъ объявленій» превратился въ большую политическую и литературную газету—«Одесскій Листокъ», существующую и теперь. Не будучи писателемъ, Навроцкій привлекалъ въ газету лучшія провинціальныя и столичныя силы. Успѣхъ газеты способствовалъ и вѣщей популярности ея издателя. «Ваську»—какъ звали Навроцкаго—знала вся Одесса, отъ мала до велика. Его немало побаивались дѣльцы, у которыхъ рыльца были въ пуху.

Въ своей газетѣ Навроцкій интересовался преимущественно злобами дня, театальной хроникой и городскими происшествіями. Незнаніе грамоты не мѣшало ему вдохновлять своихъ сотрудниковъ, давать имъ темы и находиться постоянно на стражѣ интересовъ газеты. Работая самъ съ пяти часовъ утра до поздней ночи, онъ требовалъ и отъ сотрудниковъ преданности его дѣлу.

Когда онъ находилъ въ газетѣ невѣрное сообщеніе, то дѣлалъ на ней свои собственноручныя отмѣтки: «чипуха и юрунда, штрафъ въ три рубля».

Система штрафовъ и выговоровъ широко практиковалась въ одесскихъ редакціяхъ. Озмидовъ разсылалъ ежедневно по редакціи, типографіи и конторѣ особые приказы и наказы.

Навроцкій былъ самый усердный читатель своей газеты, которая явилась для него и школой грамоты.

Одинъ изъ вновь назначенныхъ въ Одессу генераль-губернаторовъ, кажется, графъ Тотлебенъ полюбопытствовалъ, гдѣ кто изъ представлявшихся ему редакторовъ одесскихъ газетъ учился.

Редакторъ «Одесскаго Вѣстника» П. А. Зеленой заявилъ, что онъ питомецъ университета, Озмидовъ кончилъ строительное училище.

— А вы?—обратился генераль-губернаторъ къ Навроцкому,— гдѣ кончили?

— Въ Полтавской губерніи!—быль отвѣтъ.

Питомецъ Полтавской губерніи поразилъ однажды своею начитанностью одну даму. Газета была пріостановлена, и Навроцкій отправился въ Петербургъ хлопотать о снятіи съ него кары. Хлопоты его не увѣнчались успѣхомъ, и онъ рѣшилъ испробовать послѣднее средство, чтобы умиловить начальника главнаго управленія по дѣламъ печати Θεоктистова. Онъ отправился къ нему на квартиру и вступилъ въ переговоры со швейцаромъ, которому сунуль на чай пять рублей. Рассказываю объ этомъ со словъ самого Навроцкаго.

— А скажи-ка, любезный, что больше всего любить твоя барыня?—спросилъ издатель.

— Кажись, цвѣты, потому давеча ей все цвѣты приносили... (повидимому, Θεоктистова была именинница).

И Навроцкій отправился въ цвѣточный магазинъ, купилъ роскошный букетъ и предсталъ предъ свѣтлыя очи Θεоктистовой.

— Ваше превосходительство,—обратился къ ней Навроцкій,— разрѣшите поднести вамъ въ знакъ моего глубочайшаго почтенія...

— Очень вамъ благодарна, но чему я обязана такимъ вашимъ вниманіемъ и чѣмъ я могу быть полезна?—недоумѣвала супруга начальника печати.

— Вы все можете, ваше превосходительство. О, женщины!—сказалъ Шекспиръ...

Цитируя великаго классика по фельетонамъ своего фельетониста барона Икса, Навроцкій упустилъ изъ виду конецъ шекспировской фразы: «ничтожество вамъ имя». Если супруга начальника печати была знакома съ Шекспиромъ, то эффектъ цитаты издателя долженъ былъ быть большой.

Какъ бы то ни было, супруга начальника сумѣла, по словамъ Навроцкаго, убѣдить мужа переложить гнѣвъ на милость...

Насколько Навроцкій былъ нетвердъ въ грамотѣ, свидѣлствуютъ, напимѣръ, слѣдующіе факты.

Одному изъ своихъ фельетонистовъ, подписывавшемуся Осой, онъ рекомендовалъ однажды отмѣтить въ своей бесѣдѣ заслуги старѣйшаго присяжнаго повѣреннаго Ш—ва, баллотировавшагося на должность первоприсутствующаго сиротскаго суда.

— Вы такъ и пишете: онъ былъ «ветеринаромъ» сословія присяжныхъ повѣренныхъ (читай: ветераномъ)...

Фельетонисту-стихотворцу Маркяруну Навроцкій совѣтуетъ поговорить о пріѣздѣ въ Одессу цирка Труцци и новаго капельмейстера городского театра Труффи.

— У васъ и приема готова: Труффи—Труцци...

Въ вопросахъ политическихъ, экономическихъ и литературныхъ Навроцкій считалъ себя малосвѣдущимъ и предоставлялъ въ нихъ своему фактическому редактору и сотрудникамъ наибольшую свободу.

Разрѣшалъ онъ раздѣлывать подъ оружье мѣстныхъ городскихъ дѣятелей и даже подбадривалъ въ такихъ случаяхъ сотрудниковъ. Чѣмъ больше «раздѣлывали», тѣмъ больше было шансовъ на хорошую розницу, по мнѣнію Навроцкаго.

Въ первый день моего пріѣзда въ Одессу, подписавъ договоръ, въ силу котораго онъ предоставилъ мнѣ фактическое редактированіе газеты, Навроцкій заявилъ мнѣ:

— Раздѣлывайте въ газетѣ, кого хотите, даже меня, пощадите мнѣ одного только человѣка: моего доктора Вдовиковскаго. Касперовской иконѣ Божіей Матери да Вдовиковскому я обязанъ тѣмъ, что, будучи приговоренъ уже къ близкой смерти всѣми врачами и причастившись, я ожилъ снова.

Навроцкій былъ глубоковѣрующій, и въ редакціи служились молебны по случаю каждаго крупнаго событія въ жизни газеты, юбилея сотрудниковъ и т. п.

Не былъ Навроцкій свободенъ отъ нѣкоторыхъ суевѣрій. На обѣдѣ сотрудниковъ въ ресторанѣ оказалось 13 человѣкъ. Навроцкій ни за что не хотѣлъ садиться за столъ и потребовалъ, чтобы привлекли къ литературному обѣду ресторатора, который и возсѣдалъ среди пишущей братіи...

Начальство Навроцкій всегда почиталъ и злѣо боялся его. Зная эту его боязнь, одесскій градоначальникъ, знаменитый Зеленой, не разъ измывался надъ Навроцкимъ, обращался съ нимъ довольно безцеремонно и грубо, требовалъ къ себѣ почти весь газетный матеріалъ, вычеркивалъ и задерживалъ значительную часть его, высылалъ сотрудниковъ за мнимыя провинности, не имѣя на то никакого права.

Особенно огорченъ былъ Навроцкій незаконною высылкой талантливаго фельетониста В. М. Дорошевича, который первымъ дебютнымъ своимъ фельетономъ, въ которомъ разнесъ одесскаго лордъ-мэра Маразли, сразу завоевалъ себѣ успѣхъ. Впрочемъ, Зеленой поспѣшилъ переложить гнѣвъ на милость, но г. Дорошевичъ отвергъ эту милость и лишь въ послѣдствіи вернулся въ Одессу, гдѣ еще болѣе выдвинулся, особенно своими талантливыми сахалинскими письмами, такъ очаровавшими Л. Н. Толстого.

Дорошевичъ пользовался среди одесситовъ рѣдкою популярностью. Когда онъ однажды выступилъ съ воззваніемъ о помощи семьѣ умершаго репортера, то въ редакцію посыпались пожертвованія, достигшія въ нѣсколько дней крупной цифры—что-то около 12.000 рублей!.. Это былъ не единственный читательскій откликъ на обращенія и воззванія писателя...

Трепеща передъ начальствомъ, Навроцкій въ сношеніяхъ съ людьми равными обнаруживалъ большую прямоту и излишнюю подчасъ откровенность.

Когда сотрудники собрались чествовать уѣзжавшаго изъ Одессы фельетониста, беллетриста и поэта К—ва, Навроцкій сказалъ чествуемому слѣдующее привѣтствіе:

— А, знаете, вы у меня задаромъ деньги брали, такъ какъ со-всѣмъ не умѣли потрафлять публикѣ, писали все больше о необходимости распространять полезныя книжки и бороться съ пьянствомъ.

Всѣ были такъ смущены этимъ неожиданнымъ привѣтствіемъ, что словно воды въ ротъ набрали, а самъ чествуемый поглядывалъ на двери.

— Что же это, господа,—прервалъ молчаніе самый скромный изъ репортеровъ:—мы звали человѣка въ ресторанъ подь предлогомъ чествованія и попросту высѣкли его. Вотъ ужъ благодарю, не ожидалъ!..

Присутствовавшій на чествованіи Л. Е. Оболенскій пытался за-гладить впечатлѣніе издательской рѣчи, замѣтивъ, что задачи писателя не только потрафлять улицѣ, что чествуемый служилъ газетѣ вѣрою и правдою, будилъ въ читателяхъ хорошія чувства, любовь къ добру, просвѣщенію и т. д.

Среди туземныхъ журналистовъ, какъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ воспоминаній, пользовался большою популяриностью С. Т. Герцо-Виноградскій, писавшій подь псевдонимомъ «Баронъ Иксъ».

Молодежь на рукахъ носила любимаго писателя, котораго можно было встрѣчать постоянно въ обществѣ студентовъ...

Вся Одесса буквально зачитывалась фельетонами Икса. Одно время онъ редактировалъ и юмористическо-иллюстрированное приложение въ газетѣ—«Пчелку» и надѣлалъ немало шума, когда въ день Пушкинскихъ поминокъ счелъ умѣстнымъ изобразить жену поэта и у ногъ ея—его убійцу Дантеса. Вызванное этимъ рисункомъ негодованіе доставило писателю не мало огорченій.

При цензурныхъ условіяхъ въ провинціи и при одесскомъ «без-темьѣ» талантъ барона Икса зачахъ. Онъ переходилъ постоянно изъ газеты въ газету въ погонѣ за независимостью сужденій. Большой театраль, Герцо-Виноградскій бросалъ насиженное мѣсто и обре-калъ себя на временную безработицу изъ-за вычеркнутой фразы въ его театральной рецензіи. Редакторы-издатели, которые въ театраль-ныхъ дѣлахъ преслѣдовали свои интересы афишно-типографскаго свойства, не задумывались жертвовать цѣннымъ сотрудникомъ ради интересной прибыли.

Помню такое недоразумѣніе изъ-за замѣтки объ итальянской пѣвицѣ Аркель.

Барону Иксу наканунѣ бенефиса пѣвицы приснился сонъ, что весь городъ у ногъ его любимицы и подноситъ ей цѣлые ювелирные и цвѣточные магазины.

Издатель, который не ладилъ съ антрепренеромъ І. І. Сѣтовымъ, запротестовалъ противъ воспроизведенія въ газетѣ гиперболическаго сна.

— Пусть состоится бенефисъ,—заявилъ онъ барону Иксу,—и тогда пишите правду...

Но фельетонистъ былъ неумолимъ и перенесъ свою дѣятельность въ другую газету.

Столкновенія съ цензурой и издателями не оставались безъ вліянія на психику впечатлительнаго журналиста. За отсутствіемъ матеріала, баронъ Иксъ все чаще и чаще сталъ злоупотреблять цитатами изъ Гейне, Берне, Виктора Гюго, Шекспира и др., способствуя вѣдшей ихъ популярности.

Въ старѣйшей одесской бібліотекѣ Бортневскаго долго выдавали этихъ авторовъ безъ многихъ вырванныхъ страницъ:

— Это все ушло въ фельетоны Икса,—объясняли вамъ бібліотекарь.

Баронъ Иксъ преждевременно состарился и умеръ 50-ти лѣтъ пенсионеромъ писательскаго фонда при академіи наукъ.

Баронъ Иксъ по праву считается отцомъ одесскихъ фельетонистовъ и журналистовъ, воспитывавшихся на его талантливыхъ фельетонахъ.

Въ одесской печати принималъ дѣятельное участіе старый заслуженный писатель С. І. Сычевскій. Это былъ рѣдкій знатокъ европейской и русской литературы. Сычевскій наизусть читалъ цѣлыя страницы изъ Шекспира, Шиллера, Виктора Гюго, Алексѣя Толстого и др. Онъ имѣлъ всѣ права на болѣе широкую извѣстность, но, къ сожалѣнію, былъ подверженъ пороку, преждевременно сведшему въ могилу не одного талантливаго русскаго писателя: Сычевскій умеръ въ больницѣ, куда мнѣ пришлось свезти его, когда недугъ его обострился.

С. І. Сычевскій былъ очень близокъ съ однимъ виднымъ желѣзнодорожнымъ дѣятелемъ, занимавшимъ впослѣдствіи высокій административный постъ. По его порученію, Сычевскій составлялъ какія-то записки и однажды предъявилъ мнѣ толстую рукопись имъ написанной работы, вышедшей потомъ за подписью будущаго государственнаго дѣятеля.

Въ теченіе 40 лѣтъ неумоимо проработалъ въ одесскихъ газетахъ, въ качествѣ политическаго обозрѣвателя и фактическаго редактора, скончавшійся въ 1910 году А. С. Попандопуло, который былъ руководителемъ и учителемъ многихъ одесскихъ журналистовъ. Это былъ человѣкъ очень мирный и покладистый, за что его особенно цѣнилъ издатель.

Помню, когда мы съ нимъ помѣнялись ролями, и я изъ завѣдующаго превратился временно въ передовика и фельетониста, онъ передавалъ мнѣ, скрѣпя сердце, директивы, о чемъ и какъ писать или о чемъ совсѣмъ не писать...

— Баронъ Каульбарсъ (командующій войсками) рекомендуетъ объ «измѣнникѣ» Дрейфусѣ отнюдь не писать въ благопріятномъ для него смыслѣ...

— Но развѣ эта «рекомендація» для насъ обязательна?

— Почти... что прикажете дѣлать!

Другая мѣстная газета сумѣла стяжать себѣ симпатіи читающей Одессы своими смѣлыми статьями и сообщеніями въ защиту «измѣнника» и отодвинуть «Одесскій Листокъ» на второй планъ...

С. Т. Герцо-Виноградскій, С. И. Сычевскій и А. С. Попандопуло не единственные одесскіе писатели, которыхъ можно помянуть добрымъ словомъ. Но многіе и посейчасъ подвизаются въ одесской и столичной печати, и для ихъ характеристики не наступило еще время.

Существовала еще въ Одессѣ газета «Южное Обзорѣніе», которая была предпринята мною вмѣстѣ съ покойнымъ профессоромъ Чижевскимъ. Я далъ газетѣ названіе, выработалъ программу, послалъ ее на утвержденіе, составилъ объявленіе о подпискѣ, которое уже было разослано въ газеты. Когда надо было приступить къ дѣлу, то Чижевъ заявилъ, что своихъ денегъ на газету не дастъ, и предложилъ кому-нибудь изъ насъ обратиться за субсидіею къ одесскому милліонеру Г. Г. Маразли. Я отклонилъ отъ себя это посредничество. Къ тому же переговоры по дѣламъ газеты Чижевъ назначалъ въ ресторанахъ и пивныхъ и приступалъ къ нимъ послѣ изрядной выпивки, когда у него языкъ заплетался.

Я поспѣшилъ уклониться отъ новой газетной затѣи, и «Южное Обзорѣніе» стало переходить изъ рукъ въ руки, и теперь существуетъ подъ другимъ названіемъ.

Освободительное движеніе произвело большую пертурбацію въ одесской печати. Появились новыя, преимущественно колеечныя газеты, народились новые писатели. Читательскій элементъ сильно увеличился, и тиражъ газетъ достигаетъ небывалыхъ раньше цифръ.

Журнальная семья въ Одессѣ, какъ и всякая другая, не была свободна отъ уродовъ. Долго работавшій въ Одессѣ журналистъ, сотрудничавшій и въ московской газетѣ, учелъ однажды въ мѣстномъ банкѣ вексель за подписью своего издателя. Когда наступилъ срокъ платежа и вексель былъ предъявленъ издателю, тотъ призналъ подпись подложной: она была поддѣлана рукою сотрудника. Инцидентъ былъ улаженъ мирно, и издатель, вознамѣрив-

шійся было посадить сотрудника на скамью подсудимыхъ, удержалъ его въ составѣ редакціи.

Среди одесскихъ журналистовъ были и такіе, которые занимались побочными дѣлами, отнюдь не гармонировавшими съ почетнымъ писательскимъ званіемъ.

Одинъ занимался поставкою куръ въ мѣстную больницу и надувалъ эконома, предъявляя ему для оплаты однѣхъ и тѣхъ же куръ по нѣскольکو разъ.

Подвизались въ одесской печати и люди, побывавшіе въ тюрьмѣ. Я зналъ писателя Л—ра, который двукратно судился за подлогъ. Другой, побывавшій въ тюрьмѣ, К—въ изобличенъ былъ въ шпионствѣ.

Журналистъ Л—скій въ замѣткѣ о торжественномъ молебствіи въ кафедральномъ соборѣ, просмотрѣнной редакторомъ, сдѣлалъ въ оригиналѣ заднимъ числомъ каверзную поправку такого сорта, что газетѣ угрожала опасность быть закрытой или, въ лучшемъ случаѣ, лишиться своего ни въ чемъ не повиннаго редактора. Поправка была во время замѣчена и исправленное мѣсто возстановлено, но объ этомъ какими-то судьбами стало извѣстно жандармскому управленію. Произведено было дознаніе. Допрошенная управляющая типографіе йподтвердила инкриминировавшуюся Л—му поправку, которую она, какъ и другіе, объяснили его стремленіемъ подвести фактическаго редактора и занять его мѣсто.

По счастью, все кончилось къ общему благополучію и для редактора и для конкуррента, получившаго скоро службу по одному вѣдомству.

На ряду съ туземными уродами, среди журнальной семьи время отъ времени появлялись пришлые писатели съ подмоченными репутаціями. Видное мѣсто въ одной газетѣ занялъ высланный изъ другого города за уголовно-журнальные дѣянія писатель. Появленіе его вызвало уходъ главныхъ сотрудниковъ и автора этихъ строкъ. Изъ сотрудниковъ, жившихъ въ Одессѣ, покойный В. В. Чуйко извѣстилъ меня, что онъ совершенно индифферентенъ къ составу редакціи и отвѣчаетъ только за свои статьи. Жившій тогда въ Кишиневѣ Л. Е. Оболенскій, подвизавшійся вмѣстѣ съ г. Гофштеттеромъ въ либеральномъ «Бессарабскомъ Вѣстникѣ», прилетѣлъ въ Одессу, чтобы учинить протестъ противъ приглашенія въ «Одесскій Листокъ» неудобнаго сотрудника и примкнуть къ протестантамъ, но остался въ газетѣ на новыхъ условіяхъ.

Если экземпляры съ подмоченной репутаціею выступали на столбцахъ газетъ въ роли моралистовъ, то неудивительно, что менѣе отвѣтственные газетныя функціи исполняли еще болѣе сомнительные субъекты.

Такъ, различной продажей въ газетѣ завѣдывали сыновья содержательницы пансіона безъ древнихъ языковъ Вайсманъ. Изъ

нихъ одинъ, Александръ Вайсманъ, прославился своею сыщицко-провокаторскою дѣятельностью на Балканскомъ полуостровѣ, за которую награжденъ орденами и другими знаками отличія. Последніе его не избавили отъ скамьи подсудимыхъ, на которую онъ попалъ за свои уголовныя преступленія. Онъ былъ лишень всѣхъ своихъ отличій и правъ состоянія и приговоренъ къ тюремному заключенію...

Вотъ съ какими экземплярами приходилось встрѣчаться на провинціальной журнальной почвѣ!

Гдѣ свѣтъ, тамъ и тѣни...

Много терній по пути провинціального журналиста. Ихъ не перечесть: административный гнетъ, цензурная опека, борьба съ внутренними врагами, въ лицѣ журналистовъ же, и съ виѣшними—обывателями и т. д., и т. д. Все это пришлось мнѣ испытать за мою многолѣтнюю журнальную дѣятельность. Изъ огня тотъ выйдетъ невредимъ, кто побывалъ въ шкурѣ русскаго журналиста.

Обыватель—тотъ чаще всего сутяжничалъ, тянулъ редактора въ судъ, а сотрудникамъ угрожалъ расправами. Продѣлывалъ это иногда и незаурядный обыватель.

Хорошо извѣстный малороссійскій артистъ Садовскій выступилъ съ угрозами по моему адресу за не совѣсьмъ благосклонное отношеніе къ его театру. Когда труппа талантливаго Кропивницкаго раскололась на дюжину отдѣльныхъ труппъ, и публикѣ набилъ оскомину старый репертуаръ съ его пьесами, въ которыхъ мужчины пьютъ «горілку» и «таньцуютъ» гопака, а женщины—льютъ «слізи»,—малороссы принялись сначала за Шекспира, и украинскій Гамлетъ восклицалъ: «чи буты, чи ни буты. Отъ-то заковыка»; затѣмъ стали давать на языкѣ Шевченка «Прекрасную Елену», «Птичекъ пѣвчихъ» и «Гейшъ». Я отмѣтилъ не совѣсьмъ желательную эволюцію малороссійскаго театра. И въ результатѣ—издатель газеты Навроцкій получилъ ругательное письмо отъ Садовскаго, а я—не менѣе грозныя письма отъ другихъ почитателей малороссійскаго жанра.

Однажды я получилъ требованіе объ удовлетвореніи—до дуэли включительно. Впрочемъ, на этотъ разъ дѣло шло не о литературномъ моемъ преступленіи, и угроза исходила отъ небезызвѣстнаго поэта Б—ва.

Гипнотизеръ Фельдманъ устроилъ гипнотическій сеансъ въ частномъ кружкѣ журналистовъ. Въ состояніе гипноза приведена была молодая, талантливая писательница, страдавшая истеріею.

— Не хотите ли вы внушить спящей сюжетъ для разсказа или что-либо другое?—обратился ко мнѣ гипнотизеръ.

Я согласился и предложилъ писательницѣ написать разсказъ, случайно проронивъ слова: «она, онъ, вагонъ, гробъ». Тутъ же я предложилъ больной избѣгать сношеній съ дѣйствовавшими угнетающимъ образомъ на ея психику, по отзывамъ близкимъ, неуравновѣшеннымъ поэтомъ Б., фельетонистомъ В. и журналистомъ Г.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ прекрасный разсказъ, гдѣ фигурировала молодая женщина, сопровождающая въ фамильное имѣнiе гробъ своего только что скончавшагося мужа и влюбляющаяся въ интереснаго попутчика, сумѣвшаго расположить ее въ свою пользу своимъ сочувствiемъ къ ея утратѣ. Такимъ образомъ, одна часть моего внушенiя спавшей писательницѣ (она, онъ, вагонъ, гробъ) была блестяще выполнена. Другая часть и повлекла за собою грозныя требованiя со стороны поэта дать ему удовлетворенiе. До барьера дѣло не дошло, поэтъ удовлетворился моимъ объясненiемъ и сталъ присылать мнѣ въ газету свои поэтическiя и прозаическiя произведенiя.

Изъ огня провинциальной журналистики я снова попалъ въ пылыя столичной,—незадолго до зарожденiя освободительнаго движенiя. Здѣсь уже не приходилось имѣть дѣло ни съ административнымъ гнетомъ, ни съ цензурой, ни съ сутяжничающимъ обывателемъ, но зато пришлось посидѣть двукратно на скамьѣ подсудимыхъ по 129 статьѣ, и было многое другое, о чемъ будетъ разсказано въ слѣдующемъ номерѣ «Историческаго Вѣстника»...

А. Науфманъ.

(Окончанiе въ слѣдующей книжкѣ).

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ ¹⁾,

(Изъ человѣческихъ документовъ).

VII.

Графинюшка.

1.

ОЛЗУТЬ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками...

Въ непроглядные дни петербургской осени, когда по цѣлымъ недѣлямъ не показывается солнце, а вмѣсто синяго неба висятъ какіе-то сѣрые лохмотья облаковъ и въ промозгломъ воздухѣ всѣ окружающіе предметы точно плачутъ беззвучными слезами, —невольнo хочется свѣтлаго, радостнаго хоть на короткое время. И любой человѣкъ, въ комъ еще теплится искра жизни, создаетъ себѣ розовую легенду, старается ей вѣрить и ревниво укрываетъ ее отъ чужихъ мыслей и взоровъ.

Ползутъ сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и вдругъ, словно молнія, загорится что-то яркое, откроются на мигъ прекрасныя дали, забьется сердце предчувствіемъ близкаго счастья... Это—розовая легенда; это—чары

---

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX стр. 150.

ея обмана, а потомъ опять—свинцовое небо, мокрыя улицы, блѣдныя, измученныя лица и только тамъ, гдѣ-то далеко, смутное воспоминанье и робкая надежда... пока не оборвутся и они.

Грушу Портновскую называли «графинюшкой» отчасти по созвучію имени, отчасти за изящество, умѣнье одѣваться и вообще держать себя въ каждомъ кругу.

— Изъ благородныхъ. Панская кровь!—говорили о ней подруги и явно завидовали.

Свое прошлое ей удавалось прятать, и эта таинственность еще больше выдвигала ее.

Полгода какъ появилась Груша въ столицѣ, но о ней уже ходила молва, искали ея знакомства и съ ея прозвищемъ связывали всевозможныя небылицы.

— Если послушать Золя, во всякой модисткѣ скрывается въ зародышѣ герцогиня, а тутъ—несомнѣнное *сіятельство*, ручается моя опытность!.. Портновская—вымышленная кличка,—утверждалъ свѣтскій франтъ, который давно искалъ случая сблизиться съ какой угодно любительницей приключеній, лишь бы она имѣла фамиліиные гербы:—мы натолкнулись на интересную тайну, вотъ и все...

Такъ создавалась слава «графинюшки».

Стройная, съ притягивающей загадочностью въ глазахъ, съ безукоризненно очерченнымъ профилемъ, она гордо проходила въ толпѣ, какъ бы не замѣчая взглядовъ, заранѣе убѣжденная, что побѣдитъ, и на губахъ у нея пробѣгала мимолетная усмѣшка презрѣнья, когда попадавшіеся навстрѣчу мужчины и женщины неотступно впились въ нее безчисленными черными точками зрачковъ, то блестящихъ, то поддержутыхъ старческой мутью, то негодующихъ, то полныхъ ласки и робкихъ ожиданій или дерзкаго вызова.

«Мошкара!» вертѣлось на языкѣ сравненье, и Груша ускоряла шаги.

Она не сомнѣвалась, что на житейскомъ аукціонѣ первенство за тѣмъ, кто цѣнить не покупаемую на торгахъ вещь, а возможность отбить ее у соперника.

«Можетъ ли такой покупатель заслуживать уваженья? Тысячу разъ нѣтъ!..»—рѣшила она въ умѣ и навсегда выработала для всѣхъ общее правило: «ты съ ложью, и я съ ложью; у тебя деньги, у меня тѣло; но о душѣ и не заикайся, самъ выворачивай ее, если есть охота, и я посмѣюсь надъ тобой за свое униженье, за свои обиды... И моихъ думъ ненужно тебѣ знать,—получай пустыя слова. Пускай они тебя потѣшаютъ, коль ты довѣрчивъ. Твой-то все равно мимо меня пройдутъ!.. Такъ и запомни. Дружба? любовь? Ладно, пощи-ка ихъ!..»

Размышляла и тихо посмѣивалась. Сладость мести утѣшала ее

2.

Ползуть сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками... Груша поздно ложится спать и, поэтому, встаетъ не раньше часу-двухъ.

Ея небольшая квартира въ первомъ этажѣ съ окнами на улицу прекрасно обставлена.

Нѣтъ роскоши, но много вкуса.

Фрося приходитъ будить, приноситъ кофе.

Груша быстро вскакиваетъ, умывается, набрасываетъ пеньюаръ на плечи.

Постоянная, неотвязчивая, какъ муха, въѣдливая мысль беспокоитъ ее. Она пробуетъ ее пересилить, нерѣшительно беретъ ломтикъ булки съ масломъ, хочетъ ѣсть и вдругъ останавливается съ застывшимъ лицомъ, схватываетъ порывистымъ жестомъ тарелку съ гренками и бутербродами, подбѣгаетъ къ окошку.

— Опять, Аграфена Семенна! Да что вы, креста на васъ нѣту!.. Не ѣмши, не пимши...—ворчить Фрося, выглядывая изъ-за дверей.

— Уйди въ кухню. Нечего бурчать! Не умру съ голоду. Чепуху мелешь... Все тебѣ жалко.

Отворяетъ форточку, становится на подоконникъ, всматривается.

На мокромъ тротуарѣ, дрожа отъ холода, лежитъ косматая собака, калачомъ свернулась.

Груша зоветъ ее:

— Мохнатка, Мохнатка... На хлѣба, на...

А вотъ еще какой-то заброшенный, голодный фоксъ, живой скелетъ, тихо плетется, испуганно оглядывается. Ни въ настоящемъ, ни въ прошломъ уже ничего для него не осталось.

Его тоже кличетъ Груша.

Недовѣріе озлобленнаго, покинутаго пса смѣняется жалобнымъ визгомъ собаки, разучившейся радоваться.

Тартинки розданы и гренки тоже.

Закрывается форточка.

Фрося не въ силахъ ворчать.

— Добренькая вы, Аграфена Семенна! Страсть, какая добренькая! Господь наградитъ васъ на томъ свѣтѣ,—причитаетъ она, съ рѣсницъ смахивая слезу.

— Ступай, ступай!... Плакса...

Ушла Фрося, но Грушѣ какъ-то жутко. Она задумывается, запрокинувъ голову на спинку кресла, и смотритъ вверхъ, словно тамъ, на лѣпныхъ украшеньяхъ потолка, разбираетъ невидимыя надписи:

«Бездомныя собаки... бездомныя дѣти... бродячія женщины... За что эти пытки, за что эти мученья!.. Отвратительный, прожор-

ливый городъ! О, какъ я тебя ненавижу, какъ проклиная тебя съ твоимъ золотомъ, съ твоей ненасытной похотью! Пей нашу кровь, ушивайся!.. Палачь...»

Встала передъ окномъ, забрызганнымъ каплями дождя.

Тащ тея закрытыя извозничьи пролетки, запачканныя грязью; снуютъ мелкіе продавцы съ лотками; спѣшаютъ какія-то пасмурныя фигуры пѣшеходовъ...

Ни свѣтлаго луча, ни улыбки. На всемъ отпечатокъ унынія и жалкой покорности судьбѣ.

Минута слабости, и Груша топаетъ ногой.

«Въ руки себя бери, въ руки, негодница! Не себѣ, такъ другимъ нужна... Еще рано падать...—шенчетъ ей чей-то голосъ:—что толку, если станешь такой же бродячей собакой, какими полны улицы и закоулки! Сволокутъ на Горячее поле, зароютъ въ навозную кучу и сказкѣ конецъ... Глупая!..»

— Фрося, одѣваться!—кричить уже окрѣпшій, властный голосъ Портновской, и тутъ же мысленно подбадриваетъ себя Груша: «крѣпись, рабыня! допину, что ли, тебѣ надо? крѣпись!..»

И Фрося тоже отвѣчаетъ совсѣмъ инымъ голосомъ:

— Слушаю-съ, милая барышня... сейчасъ... А тутъ письмецо къ вамъ, доложить давеча не осмѣлилась... и корзинка съ цвѣточками.

Втащила цвѣты, записку подала, егозить.

Уже не Груша, а «графинюшка» передъ ней.

Развернула, прочла страницу, скомкала, нахмурилась.

— Не будетъ отвѣта... и цвѣты обратно...

— Слушаю-съ, милая барышня... Какъ прикажете... Только человѣка нѣту-съ, не дождался...

— Выбросить... Одѣваться, я вамъ сказала! Черное бархатное...

Фрося летаетъ отъ шкапа къ комоду, отъ комода къ туалетному столу.

Шуршатъ шелковыя юбки. Пахнеть духами. Корзина съ розами и лиліями еще не унесена и наполняетъ комнату запахомъ оранжерей.

— Я сказала—унести цвѣты! Точно покойникъ въ домѣ... Мерзость.

Фрося кряхтитъ надъ тяжелой ношей и не противорѣчить.

Она прекрасно изучила свою госпожу и знаетъ безошибочно, когда она—барышня, когда Аграфена Семенна, а когда и просто—«родненькая».

3.

Рѣдко получаютъ извѣстія изъ другого города, но когда почтальонъ приноситъ конвертъ съ семикопеечной маркой со штемпелемъ изъ какой-то далекой станціи, «графинюшка» опять становится тихой, доброй, бесконечно-ласковой Грушей, гладитъ по рукѣ

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

13

Фросю, иногда даже поцѣлуетъ въ щеку и просить оставить ее одну «на часокъ». Потомъ весь день ходить съ заплаканными глазами.

Сегодня пришло такое же письмо, скорѣй, чѣмъ ожидала его Груша. Это почему-то встревожило ее. Она побѣжала въ спальню, заперлась, нервно разорвала конвертъ, стала читать.

«Милая дочечка, спасибо, что не забыла, изъ бѣды выручаешь. Стыдно обижать тебя, да безъ твоей помощи не обойтись. Маня подрастаетъ, за Колюшу платить въ гимназію. Жизнь все труднѣй. А тутъ, какъ на зло, мать расхворалась. Когда же съ тобой-то увидимся? Все только обѣщаешь пріѣхать. Пишешь, что дѣла твои хорошо обстоятъ, что на государственной службѣ тебя любятъ и дорожатъ тобою. Это за наши молитвы тебя Богъ награждаетъ, славная моя дочечка. А теперь прощай, будь здорова и весела. Мы всѣ тебя обнимаемъ и цѣлуемъ. Стариковская память! И писать вѣдь сѣлъ, чтобы сообщить пріятную вѣсть. Ты помнишь Степу, а теперь Степана Марковича Подлетаева? Собирается въ Питерь по какимъ-то дѣламъ (получилъ наслѣдство тысячь двадцать съ хвостикомъ!) и къ тебѣ хочетъ вернуться. Чуетъ моя душа, что онъ и по сію пору не охладѣлъ къ тебѣ, все справляется, какъ да что. Любящій тебя отецъ, Семень Портновскій».

На этотъ разъ не было слезъ, съ сухими, лихорадочными глазами дважды перечитала она родительскія строки.

Знакомый почеркъ, крупный, неустойчивый, скользящій книзу, точно язвиль ее, и, машинально подчиняясь первому порыву, Груша, старательно расправивъ и сложивъ помятый почтовый листокъ, спрятала его въ шкатулку съ прежней перепиской.

«Такъ лучше... Подальше...» И заперла на ключъ.

«Графинюшка» поймала себя на бессознательномъ страхѣ, что въ эту тревожную минуту, когда ея сердце горитъ отъ жгучаго стыда за умышленную ложь и въ рукѣ письмо,—мысль невольно летитъ туда, къ бѣдной семьѣ, живущей на ея деньги, и, почему знать, можетъ быть, какъ беспроводный телеграфъ, передать отцу частицу ея думъ и зародить въ немъ сомнѣнье, котораго уже ничѣмъ не заглушить...

Долго сидѣла съ напряженнымъ, остановившимся взглядомъ.

«И зачѣмъ онъ ѣдетъ сюда?... Однимъ ударомъ все разрушаетъ. Какъ будто такъ-таки и не было ничего!... *Облетѣли цвѣты, догартли огни...* Всюду пойдесть справляться, знаю его... Придира... А можетъ, уже все извѣстно и Степа давно здѣсь?.. Вотъ и расплата!.. Еще и зданія настоящаго нѣтъ, а кругомъ обломки»...

Неудержимое желанье—скрыть свой позоръ, свою страшную тайну разурмянило ее. Она неувѣренно позвонила и обратилась къ Фросѣ совѣмъ новымъ, необычнымъ голосомъ, словно въ груди у нея что-то обрывалось, а нельзя было показывать, что невыносимо больно:

— Фрося, ты жалѣешь меня, любишь, бережешь?

Какая-то жалобная струнка звучала въ тихихъ, почти робкихъ, неувѣренныхъ словахъ.

— Ой, родненькая! Да неужто жъ я когда съ тобой...

— Полно, Фрося, стой... я вѣрю... Слушай... Есть такой мужчина... Ахъ, какъ же тебѣ описать-то! Запомни, Фрося, запомни!—говорить Груша съ дрожью, съ пылающимъ, сосредоточеннымъ взоромъ:—средняго роста, невысокій, русакъ... на лбу глубокой шрамъ... Понимаешь? Запомни же, Фрося! Если придетъ, подъ шляпу загляни, а узнай... Сразу въ глаза бросится шрамъ... Не пускай ко мнѣ, ради всего святого... выдумай что-нибудь... Усы или онъ съ бородой—не знаю, не помню, а по шраму догадаешься... И пятно родимое возлѣ носа... пятно...

Торопилась, припоминала, наводила Фросю на догадки, вырисовывала портретъ товарища своего дѣтства.

— Слушаю, барышня, слушаю,—отвѣчала перепуганная, сбивая съ толку Фрося:—и на порогъ-то негодяя не пущу.

— Ругаться не надо. Не заслуживаетъ онъ. Негодяемъ не за что называть... Онъ, пожалуй-то, и не очень дурной, а не пускай, если добра мнѣ желаешь. Награду получишь,—сестрой моей будешь. Прошу тебя.

Наклонилась, поцѣловала низенькую, толстую Фросю, посадила рядомъ съ собой, гладила по рукѣ и нѣжно приговаривала:

— Обѣ мы—несчастныя, обѣ мы—бѣдныя... Жалко мнѣ тебя, Фрося... Есть у тебя кто-нибудь изъ родныхъ?

И ярославка Фрося долго разсказывала ей о деревнѣ, о матери, пока совсѣмъ не стемнѣло. Груша любила сумерничать.

Было нѣсколько звонковъ. Всѣмъ пришлось услышать одинъ отвѣтъ:

— Нѣту дома барышни и не сказывали, когда вернутся.

4.

Недѣля прошла, другая, третья... Мѣсяць промелькнулъ. Страшный кошмаръ начиналъ тускнѣть, исчезать и мало-по-малу почти растаялъ. Только по временамъ еще оставалась какая-то смутная тѣнь тревоги и то больше по ночамъ, когда не спалось и нервы пошаливали. Правда, бывало какъ-то и днемъ на прогулкахъ, и однажды въ театрѣ ощущеніе чьихъ-то въ упоръ зорко смотрѣвшихъ глазъ, настойчивыхъ, рѣжущихъ, притягивающихъ, такъ что замирало сердце и точно голова кружилась; но едва Груша поворачивалась по направленію этого загадочнаго взора,—все пропало.

«Фантазія!—утѣшала она себя:—разстроенное воображеніе... Онъ забылъ обо мнѣ, это ясно. Получилъ деньги и до меня ли ему

теперь! Да и слава Богу! Спасена, спасена!.. Приѣхалъ, пожилъ, погулялъ и обратно... Такъ естественно».

Хотѣлось вѣрить возможнымъ мечтамъ, но все-таки надолго послѣ такихъ переживаній оставался слѣдъ безотчетной боязни и, возвращаясь домой, Груша опять говорила Фросѣ объ особыхъ примѣтахъ Степы и въ сотый разъ брала съ нея клятву, что не впустилъ его ни подъ какимъ видомъ.

Въ концѣ концовъ Фрося больше начинала бояться ужаснаго незнакомца со шрамомъ на лбу и родимымъ пятномъ возлѣ носа, чѣмъ сама Портновская.

Въ уютной квартиркѣ словно поселилось безплотное существо, незамѣтный, но ощущаемый призракъ, который каждую минуту могъ отравить покой хозяйки и ея прислуги.

Настоящаго страха передъ нимъ не было, но было какъ бы предвидѣнiе этого страха, ожиданiе его.

— Пропаду на него, окаяннаго, нѣту!—бурчала Фрося:—и не згинеть... Накликалъ кто-то...

Осунулась, загрустила, тайкомъ отъ Груши ходила къ гадалкѣ и, послѣ возвращенiя отъ нея, стала еще печальнѣе.

— Ежели бъ не вы, роденькая моя барышня, ушла бы я въ деревню, ей-ей говорю... Вотъ крестъ святой. Ну его къ Богу!—призналась она тутъ въ своихъ сокровенныхъ помыслахъ и разсердилась даже:—трепалка я, что ли!

— Что ты, что ты!.. съ ума сошла...—испугалась Груша:—развѣ теперь могу безъ тебя обойтись? Не всегда же такъ... дай отдышаться... Скоро сама тебя отправлю, снаряжу въ путь, отдохнешь.... Уже недолго, очень недолго... Видишь, я повеселѣла. плюю на него, не боюсь нисколько, изъ одного упрямства впустилъ къ себѣ не желаю... смѣюсь надъ нимъ. А ты думала? Да и не придетъ вовсе, уѣхалъ давнымъ-давно. Ты что молчишь?... Я не шучу...

Покачала головой Фрося, направилась въ кухню, не повѣрила, что барышня не боится, не такой она раньше бывала, точно подмѣнилъ ее кто или «хвостъ подрѣзалъ», какъ выражалась она по своему, безконечно обсуждая на разные лады событiя послѣдняго мѣсяца.

Затѣмъ точно сжалась, вернулась и, стоя въ дверяхъ, сказала, запинаясь:

— Простите, Аграфена Семевна, дуру, Христа ради... Никуда-то я безъ васъ не поѣду. Болтаю все понутому. Вѣчно за васъ Богу молюсь. Никакъ къ подушечкѣ прилегли?.. А я-то и не запримѣтила. Ухожу, ухожу...

Ни сонъ ни явь, ни дремота, томленiе какое-то охватывало. Груша полудежала, смотря въ окошко.

Уже мгла повисла. Надвигались вечернiя сумерки.

По занесенной снѣгомъ улицѣ чертили темный узоръ мелькающія тѣни.

Фонари еще не зажжены.

Пробѣжала собака, лаяла.

Чей-то надрывающій голосъ тянулъ пьяную пѣсню.

Груша по обыкновенію думала:

«Сестру поставлю, брата выведу въ люди... Года четыре—пять, и цѣль моей жизни закончена... Не все ли равно, на какія деньги!.. Вздорь!.. Деньги не краденныя,—заработаны. Кто смѣетъ упрекать? Кто судья?... Но старики не должны знать, старики не поймутъ... За стариковъ, какъ кошка, глаза выцарапаю... Не всякая правда—правда; иная, вѣдь, такая, что хуже обмана. Я и спряталась въ скорлупу со своей правдой... Никому жить не мѣшаю, а лѣзутъ»...

Вскочила, прошлась по комнатѣ, облокотилась о подоконникъ.

Опять назойливыя думы...

«Судьба шагаетъ безъ разбора и по живымъ бьющимся тѣламъ, и по гниющимъ трунамъ, гнететъ слабыхъ, не бережетъ сильныхъ, не замѣчаетъ, кого давить, кого тѣснить... Ей безразлично, кому что... Пускай! Я не сдамся, поборемся... О, многимъ гораздо тяжелѣй, чѣмъ мнѣ. Я, по крайней мѣрѣ, сознаю, куда иду и зачѣмъ. А грязью все равно закидаютъ... Гм... Сколько этихъ лицемѣровъ, обивающихъ порогъ моей спальни! Двуногіе волки... Унижаются, размѣниваютъ душу, никого не щадятъ, совѣстью торгуютъ, и ихъ деньги—честныя, а мои, отъ нихъ же полученныя,—запачканныя!.. Они воруютъ все, даже имя, чужое счастье, продаютъ убѣжденія, мысли и это—ничего, а я за то, что ихъ же тѣшу, не жалью своей молодости, я—не человѣкъ, я—внѣ ихъ круга, я—ничто передъ ихъ женами, сестрами, дочерьми, которыя такъ же лгутъ, какъ и я... Я не имѣю права быть счастливой; не смѣю рассчитывать на ничтожную долю снисхожденія; меня не прощаютъ... Клеймятъ и сейчасъ же ползаютъ у моихъ ногъ, у ногъ *графинюшки*... Неужели моя ложь страшнѣе ихъ лжи? Стоитъ кому-нибудь, вродѣ папوماзенаго Степы, явиться ко мнѣ, бросить косою взглядъ, а потомъ пустить сплетню, и всѣ ему повѣрятъ, а не мнѣ... Для меня нѣтъ оправданья»...

Ноздри раздуваются. Въ глазахъ — огонекъ затравленнаго звѣрка.

«Стереть бы ихъ,—стереть съ лица земли!..»

Но брызнулъ свѣтъ; на улицѣ вспыхнули фонари, и погасли грезы, навѣянные сумерками.

5.

Послѣ нѣкотораго перерыва Портновская вновь стала всюду появляться, точно вырвавъ изъ памяти всякое воспоминаніе о Степѣ.

Попрекшему принимала и у себя старых и новых знакомых, ищущих у нея минутнаго забвенія отъ будничныхъ работъ, отъ разочарованій, отъ лжи, которую наивно замѣняли такою же ложью. Здѣсь, можетъ быть, иные изъ нихъ видѣли въ гордой, обаятельной «графинюшкѣ» хоть слабое воплощеніе той именно розовой легенды, что даетъ человѣку намекъ на счастье...

Звонокъ—нетерпѣливый, быстрый, нервный.

Груша только что покормила у форточки своихъ любимцевъ—бродячихъ, бездомныхъ собакъ, едва сдѣлала прическу. По характеру звонка, она порою угадываетъ, кто пришелъ.

«Навѣрно, художникъ», мелькаетъ догадка, и на губахъ уже сплсходительная полуулыбка.

Это дѣйствительно Укладовъ, мечтательный, блѣдный, увлекающійся.

— Такъ рано?.. Я еще едва съ постели,—разочарованно бросаетъ она вскользь и протягиваетъ руку, которую тотъ покрываетъ пальцами.

— Рано? Я только тогда и живу, когда солнце... Насыщаюсь его лучами, ловлю тончайшіе оттѣнки переливовъ...—заговорилъ онъ съ обычной горячностью, размахивая руками и откидывая густые, непослушные кудри, но вдругъ остановился, выражая восторгъ—взглядомъ, движеніемъ, всей своей живописной фигурой:—вы такъ колоритны, такъ стильны... Не хочу сказать «красивы»... Въ словѣ «красивая» что-то банальное, избитое...

— Вѣчные комплименты... Живя въ Петербургѣ, я научилась дѣлать ихъ не особенно высоко,—отозвалась Груша, стоя возлѣ зеркала и поправляя волосы.

— Вѣрите—не вѣрите, а я буду говорить. Знаете, какъ я васъ называю? «Мистическая дѣвушка Россетти». Странно, но вы—лицетвореніе этого знаменитаго типа... Тамъ, въ европейскихъ галереяхъ я видѣлъ уже ваши черты на его холстахъ. Конечно, лишённые эстетической тенденціи, можетъ, пройдутъ мимо...

Она обернулась и смѣрила его долгимъ, насмѣшливымъ взоромъ.

— Вамъ что-нибудь нужно?.. Вѣдь не мнѣ одной вы такъ поете!.. Насквозь вижу... не первый вы... Натурщицу прискиваете для новенькой картины?.. э?..

Укладовъ немного смутился.

— Восторгъ мой—искренній, Агриппина Семеновна... Но и натурщица нужна. Гдѣ же противорѣчіе?..

Еще двѣ-три фразы, и опять звонокъ, но робкій, едва слышный.

«Камбалинъ... вырвался со службы...»—рѣшаетъ въ умѣ Портновская и сердито сдвигаетъ брови.

— Вотъ и поболтать не удалось, а вы кричали: «рано!» Постоянно такъ. Значить, позировать ни-ни?

— Н-не знаю... подумаю... Надѣйтесь.

— И за то спасибо. Ручку!

— Сюда, сюда, въ боковую дверь... осторожнѣй!—торопить Груша, и велѣдъ ему произноситъ вполголоса:—сумасшедшій!

Портновская и на этотъ разъ угадала: пугливо изъ-за портьеры выглянуло полное, бритое лицо пожилого мужчины, съ бородавкой на вискѣ.

— Кажется, тутъ постороннихъ нѣтъ?—спрашиваетъ Камбалинъ, и его потѣшный фальцетъ заставляетъ Грушу расхохотаться.

— А зачѣмъ ходишь, если трусишь! Жена воображаетъ, что въ засѣданіи, а господинъ вице-директоръ...

Приземистая фигура, наконецъ, рѣшается выйти изъ-за дверей.

— Здравствуй, милочка... Ну, чмокъ-чмокъ,—говоритъ онъ теперь совершенно спокойно и выпячиваетъ губы, желая сочно поцѣловать ее, но Груша отстраняется, и поцѣлуй виснетъ въ воздухъ:—потерянное удовольствіе!—жалуется онъ, словно про себя:—какая ты сварливая! и чего разсердилась? Нельзя же мнѣ на показъ! Я—человѣкъ, извѣстный въ обществѣ, и дорожу семейнымъ очагомъ...

Портновская упала въ кресло, залилась смѣхомъ, а потомъ вдругъ смѣхъ этотъ словно застылъ, и она слегка нахмурилась.

— Я терпѣть не могу никакихъ нотацій... слышите?

— М-м... да здѣсь кто-то былъ сейчасъ!.. окурокъ?..—съ неудовольствіемъ визжитъ голосъ вице-директора, пропускающаго мимо ушей ея восклицанье относительно нотацій.

— Да, былъ... обойщикъ... Я позволила выкурить папироску. Даже къ нему ревнуете?..—и, видя, что онъ еще продолжаетъ оставаться въ дурномъ расположеніи духа, принимаетъ выраженье томной усталости:—фи, какъ скучно, дугикъ! Все ты дуешься... Иди поближе, сядь... Я, право, буду думать, что ты меня больше не любишь, дѣдка.

Камбалинъ расплывается въ довольной усмѣшкѣ.

— Ей-Богу, ты—такая странная дѣвчурка! Что же меня влечетъ, какъ не любовь, въ этотъ мятежный пріютъ?.. Да, именно мятежный! Ты—нимфа, увлекающая хитроумнаго Улисса...

Не въ выгодахъ Груши разубѣждать вице-директора въ правотѣ его высокаго мнѣнія о своихъ достоинствахъ, но она все-таки не можетъ удержаться, чтобы не уронить исподтишка:

— А трудолюбивая Пенелопа?.. Работаетъ?.. э?..

На полномъ, бритомъ лицѣ снова—отраженье испуга, обиды.

— Я просилъ уже... Вонъ Поликарповъ, мой бывшій сослуживецъ, отравился, когда до него дошло, что жена живетъ съ начальникомъ отдѣленія. Видишь! Семейный очагъ—моя святыня неприкосновенная.

— Святыня, святыня! чистѣйшая правда...—комически подхватываетъ Портновская, но сейчасъ же мѣняетъ тонъ и роняетъ тихо,

едва слышно:—бѣдный мой, бѣдный Одиссей, какъ мнѣ тебя жалко!.. бездомникъ!.. Я жалѣю всѣхъ бездомныхъ, всѣхъ бродячихъ...

И приземистая фигура съеживается, будто осѣдаетъ, и суживаются глазки, точно готовые расплакаться, часто моргаютъ, и зрачки бѣгаютъ по сторонамъ, какъ мышки, попавшія въ ловушку.

— Грушенька... Я не къ тому... Я такой несчастный,—такой несчастный...

«Графинюшка» уже забыла всякое сожалѣнье и сердится.

— А, «надоѣли вы до смерти!»—вырываются у нея слова цыганской пѣсни:—и безъ того горько, скука одолеваетъ, а тутъ вы все ко мнѣ... со своими печалями, жалобами, да еще пюни распускаете... Ступай-ка къ своей Пенелопѣ! Ждетъ—не дожидется тебя... съ женихами сидитъ...

— Зачѣмъ такъ жестоко, зачѣмъ!.. О ней не нужно... не нужно... О тебѣ поговоримъ... Я помню, что обѣщаль. Вотъ въ конвертѣ, возьми...—и онъ разстегиваетъ сюртукъ дрожащими пальцами, топчется, вынимаетъ и кладетъ на столъ измятый пакетикъ:—я еще немножко посижу... посижу и уйду... Я тамъ, въ сторонкѣ, у камелька... Вѣдь, довольно бранились, теперь и помириться въ пору... Ну, чмокъ-чмокъ...

Сегодня Грушѣ никакъ не удастся идти на обычную прогулку. Не успѣла выпроводить вице-директора, явился Вершинскій—худощавый, жилистый, съ мясистыми, чрезмѣрно большими ушами, съ нависшимъ лбомъ и впалыми щеками.

Въ гимназій, гдѣ онъ преподаетъ исторію и географію, его называютъ Аракчеевымъ.

И въ характерѣ Вершинскаго тоже что-то отъ его двойника: мрачность и грубая чувственность.

— Не догадалась, что вы, г. педагогъ, а то не велѣла бы принимать,—съ отвращеніемъ восклицаетъ Груша, когда его длинная, тонкая шея, прорѣзанная синими жилками, выдѣлилась на зеленомъ фонѣ обоевъ.

— Ругайся, ругайся! Я люблю, когда меня ругаютъ. Въ гимназій, видишь ли, я издѣваюсь надъ школьниками, а сюда когда прихожу—разрѣшаю, чтобы надо мной издѣвались... Но не очень!.. понимаешь? Не очень... до предѣла... ибо разгнѣваться могу, ха-ха-ха-ха-ха,—и онъ разразился удивительнымъ хохотомъ, не то напоминающимъ странный звукъ поскрипывающихъ качелей, не то заглушенный плачъ совы.

Фрося часто говорила объ этомъ смѣхѣ:

— Какъ лѣшій, прости Господи, заливается,—и всегда крестилась втихомолку.

— И водкой отъ васъ пахнетъ, какъ изъ бочки... Спички нельзя поднести—вспыхнетъ,—продолжаетъ Груша, отмахиваясь носовымъ платкомъ, сильно продушеннымъ, и закашлялась.

— Какой тамъ водкой! Пойди ты, небось, много понимаешь... Ликеры, видишь ли, выпивали, «плошку» смастерили съ мандаринами, коньякомъ и малиновымъ вареньемъ, а теперь, какъ слыхаль отъ господъ офицеровъ, легкій «дрыгансъ» въ пожкахъ, ха-ха-ха-ха-ха... У насъ мѣстный праздникъ, — престольный, такъ сказать.

— И не стѣсняетесь? Уходите-ка... Я не люблю пьяныхъ.

— И что ты, грѣшная весталка, можешь со мной подѣлать?.. Издѣвайся, издѣвайся!.. Я—ничего... терпѣливъ. Эхъ, да и чертовка же ты! Люблю такихъ... А то какая-нибудь рухлядь, дрыгалка, тѣфу!.. Ударь меня плеткой... Я ничего... терпѣливъ. Не хочешь?.. Слушай, за пивомъ можно послать?.. полдюжины, а? Да я съ презрѣннымъ металломъ, не воображай!.. Рѣдко пью, но ужъ если напиюсь—не подходи, —кто мнѣ не по селезенкѣ, первому же понавшемуся—по физии... А ты меня плеткой стегай, и я—ничего... Но не очень, понимаешь? ха-ха-ха-ха-ха...

Только когда раздался еще одинъ звонокъ и злѣмъ въ передней зазвенѣли шпоры, Груша вздохнула свободнѣй.

— Кто это?—кисло спросилъ Вершинскій и судорожно сморщилъ подбородокъ:—теперь, значить, вонь? адью?

— Ваше дѣло. Непрошаннымъ пришли, безъ разрѣшенія и уйдете.

Глаза ея горѣли лихорадочнымъ блескомъ. Темные круги легли подъ ними, оттѣняя блѣдное, измученное лицо «мистической дѣвушки».

— Не солоно хлебавши?.. здорово!.. Эхъ, чертовка!.. Попадешься мнѣ когда-нибудь...

На порогѣ встрѣтился съ кавалеристомъ, но никакихъ столкновений не было.

— Pardon, какъ будто я неудачно?.. А, впрочемъ, куда ни шло!..

Груша приняла беззаботный видъ.

— Не стѣсняйтесь, будьте, какъ дома, ротмистръ.

— Жаль, что этотъ болванъ прилѣзъ... разогналъ иллюзію, а, впрочемъ, куда ни шло!.. Я сяду... Я люблю, знаешь, тишину, полумракъ, крѣпкіе духи, кружева, шуршащіе шелка и пылающій, жаркій каминь... И цвѣты... цвѣты... царство грезъ... Это—восхитительно, восхитительно!.. Но ты—не Груша, нѣтъ! Я буду звать тебя Кларой... Милая Клара...

Онъ закатилъ свѣтлые глаза и погрузился въ мечты.

«Однако, денекъ!—думаетъ Портновская:—часъ отъ часу хуже... Что они? Притворяются или взаправду спятили?..»

Привычная Фрося растапливаетъ каминь.

Офицеръ медленно куритъ тонкую египетскую папироску.

Голубой дымокъ змѣйкой расплывался и таялъ, смѣшиваясь съ запахомъ ириса и опопанакса.

6.

Груша почти готова.

Оставалось надѣть только мѣховой токъ, отдѣланный по модѣ «старымъ золотомъ», и котиковое пальто, принесенные Фросей.

У подъѣзда ожидала тройка, фыркала, и лѣвая пристяжная копытами вздымала снѣгъ, смѣшанный съ пескомъ.

Звенѣли бубенчики. Ямщикъ дремалъ и сквозь сонъ покрикивалъ на лошадей.

Студенты университета, Ветошниковъ и Михаленко, два земляка, увозили «графинюшку» на открытіе загороднаго уголка.

Пригласилъ, собственно, первый—веселый, безшабашный трап-жиря, которому пока все удавалось въ жизни; второй—былъ иного склада: онъ приберегалъ каждую копейку, сознавая, что «судьба-злюка» зорко слѣдитъ за нимъ и жадно ждетъ малѣйшаго промаха, чтобы схватить его желѣзными когтями и не выпускать.

Ветошниковъ смѣялся.

— Ёдемъ въ значныя мѣста, а вы оба точно на панихиду собрались.

Михаленко вспыхнулъ и внимательно поглядѣлъ на Грушу.

— Ты знаешь, что я для компаніи, чтобы не разстраивать. Я не люблю кабаковъ... Скучаю въ нихъ.

— Трезвенникъ и цѣломудренникъ!.. Однако посматриваешь направо... Гм... вкусъ у тебя все же хорошъ...—продолжалъ по-смѣиваться Ветошниковъ и хлопалъ по плечу, боясь, что онъ разсердится, потомъ порывисто поднялся и подошелъ къ Портновской:—шикъ да и только!.. изумрудное вельветиновое платье... вѣдь такъ?.. мѣхová отдѣлка... матовое личико... Ты просто обворожительна сегодня! Боже!.. Я погибъ.

— Не дурачься,—прошептала Груша, застегивая перчатки и продолжая сохранять серьезность:—у меня плохое предчувствіе, а вотъ ёду,—наперекоръ здравому смыслу ёду.

— Чепуха! Вери примѣръ съ меня. Поэтъ сказалъ:

«Я—сынъ моей поры. Она развратна;
Въ ней тлѣнь и прахъ и мало хрустало...
Я—сынъ ея, и въ ней люблю всѣ пятна,
Весь ядъ ея люблю»¹⁾).

— Нашель, чѣмъ гордиться!—съ досадою подхватила Михаленко, и въ мягкомъ, женственномъ голосѣ его что-то дрогнуло:—постыдился бы Агрипины Семеновны... Она—славный, милый товарищъ. Надо се уважать, а ты... И твой поэтъ никуда не годится.

¹⁾ Владимиръ Ж.

Писателю не мѣшало бы пробуждать въ насъ, читателей, бодрья чувства... надо...

— Не ссориться, иначе я не ѣду,—рѣшительно заявила Груша:— Фрося, одѣваться!

Черезъ нѣсколько минутъ тройка неслась по освѣщеннымъ улицамъ, то пугая, то веселя прохожихъ, у иныхъ вызывая зависть, у другихъ невольный приливъ радости, у третьихъ забывая воспоминанья, а нѣкоторые даже не замѣчали ея, не слышали ея рѣзвато звона, поглощенные собственными мыслями и тревогами...

Балагуриль все больше Ветошниковъ.

Михаленко, когда было удобно, подавалъ свои излюбленныя реплики.

— Оглянитесь назадъ, Агриппина Семеновна, на пройденный путь и сбросьте всю эту лживую мишуру... Вы—достойны лучшей доли... Какъ знать? Не суждены ли вамъ великіе порывы?.. Вы—энергичная, смѣлая, бодрая, прекрасная дѣвушка. Передъ вами—будущее...

— Окончится тѣмъ, что ты посватаешься,—небрежно перебилъ его жизнерадостный пріятель и захохоталъ.

— На такихъ, какъ я, не принято жениться! Не беспокойтесь!—рѣзко оборвала Груша и вдругъ наклонилась къ Михаленку близко-близко:—а васъ благодарю, Ваня... да... Рѣдко слышу то, что вы сказали, и вѣрю, что вы—по прямотѣ, вѣрю... дайте, пожаму вашу руку... Вы—честный.

— Нѣтъ, господа, такъ не подобаетъ!—возмутился Ветошниковъ:—сегодня съ вами даже пошутить невозможно, сейчасъ контры, недоразумѣнія... высокія фразы,—и онъ затынулъ себѣ подъ носъ:

«Ну же, ямщикъ, погоняй свою троечку!
Ну же, ямщикъ, поскорѣй...»

Заль, въ который они вошли, казалось, былъ созданъ для «радостей бытія»: ласкающая музыка, нарядная толпа петербургскихъ «открывателей» и «открывательницъ», обиліе цвѣтовъ, много свѣту...

И все-таки чувствовалось, что это все напускное, придуманное, насильно притянутое сюда, что не праздникъ здѣсь, а ползуть сѣрые будни, надвигаются тяжелыми призраками, и что не здѣсь царство розовой легенды...

Грушу опять мучило ощущение чьихъ-то острыхъ, рѣзущихъ глазъ, неотступно манящихъ, пронизывающихъ, и оно не проходило, какъ прежде, напротивъ, усиливалось, причиняя прямо физическую боль...

И она рѣшилась, наконецъ, пойти на этотъ упрямый, настойчивый зовъ и взглянуть въ упоръ на невѣдомаго друга или врага, хотя безотчетно и боялась его.

«Нѣтъ, это—врагъ... Друзья такъ не смотрятъ».

- - Куда же ты?

- - Куда же вы?

И Ветошниковъ, и Михаленко вмѣстѣ обратились къ ней съ одинаковымъ вопросомъ,—такъ поразила она ихъ напряженнымъ выраженіемъ поблѣднѣвшаго лица и страннымъ, сухимъ блескомъ въ глазахъ.

--- Я провожу,—добавилъ второй и всталъ.

— Нѣтъ, я не согласна! Посидите. Я скоро вернусь. Оставайтесь, говорю вамъ!

Оба студента застыли подъ звукомъ ея ледяного голоса, и даже Ветошниковъ не пытался, по обыкновенію, вышучивать.

Все же они невольно слѣдили за ней, пока Груша не скрылась за поворотомъ, гдѣ стояли пальмы, и видѣли, минуту спустя, какъ неизвѣстный какой-то мужчина тоже поднялся изъ-за столика и пошелъ за ней.

«Можетъ, случайно?»—подумалъ Михаленко.

«За ней или самъ по себѣ?»—мелькнуло въ мозгу Ветошникова.

Груша очутилась въ гостиной, прошла до трельяжа, затѣмъ быстро повернулась и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Подлетаевымъ.

Навѣрно не узнала бы его, такъ онъ возмужалъ, измѣнился, обросъ рыжеватой бородой, но глубокой шрамъ выдавалъ его и темное пятно возлѣ ноздри.

«Лицо дикой рыси и на лбу—Каинова печать»...—пробѣжалъ, какъ молнія, зигзагъ мысли.

Она вздрогнула и зажмурилась, но черезъ секунду уже поборола волненіе и отвѣчала твердымъ взглядомъ на его неподвижный взглядъ.

Заговорили, не здороваясь, словно только что видѣлись.

— Миѣ писали, что вы пріѣдете,—безучастно первая обратилась она къ нему, и не было на лицѣ ея ничего, промѣ отчужденности.

Онъ, не отрываясь, продолжалъ разглядывать ее съ ногъ до головы и молчалъ, а когда Груша предложила сѣсть на диванъ, чтобы не обращать вниманія постороннихъ, Подлетаевъ неохотно повиновался и присѣлъ бокомъ, нѣсколько поодаль отъ нея, будто стѣсняясь близкаго сосѣдства.

— Да, я давно въ Петербургѣ, больше мѣсяца, а завтра уѣзжаю,—протянулъ онъ и опустил рѣсеницы:—я узналъ всю твою подноготную... Справлялся и на службѣ... дуракъ! Думалъ, глупая деревенщина, что дѣйствительно ты служишь. Разъ десятокъ подходилъ къ твоей двери и не рѣшался позвонить. Однажды, какъ мальчишка, потащился за тобой по пятамъ и даже звалъ тебя по имени, но голосъ оборвался, слова застряли въ горлѣ, и ты не услы-

хала. Сколько разъ хотѣлъ заставить твои безстыжіе глаза увидѣть меня и не могъ... Недѣли двѣ шлялся по улицамъ и закоулкамъ, какъ шальной,—себя винилъ, а потомъ отрезвился. «Что ей!—думаю:—дослужилась до *графинюшки*... Чего же еще?..»

Начавъ почти шопотомъ, онъ все возвышалъ голосъ, горячился, и щеки его то блѣднѣли, то краснѣли. Шрамъ ярко выступалъ багровой впадиной, и Груша почему-то не спускала съ него глазъ. Это еще болѣе раздражало Подлетаева.

— Хорошо,—процѣдила она сквозь зубы, когда онъ примолкъ:— съ какой же цѣлью вы такъ долго приемотривались ко мнѣ? Развѣ эти восемь лѣтъ вы неинтересовались когда-нибудь моею участію?.. Развѣ я обязана давать вамъ отчетъ въ своихъ поступкахъ?..

— Не мнѣ, а тому, кто поручилъ мнѣ узнать, какъ ты живешь... Неужели ты хотѣла бы, чтобы о немъ говорили: «отецъ той самой, которая...».

— Остановитесь же, довольно! слишкомъ довольно!—вскрикнула Груша и чувствовала, что кровь отливаетъ отъ мозга и голова кружится:—зачѣмъ отца вспомнить!.. И такъ вдосталь натѣшились... его-то не трогайте, по крайней мѣрѣ! Слышите вы, рыцарь?..

«Лицо дикой рыси», какъ подумала о немъ Груша, загорѣлось отъ задѣтого самолюбія.

— А, вы не просите, вы требуете!.. Вы въ самомъ дѣлѣ—*графинюшка*,—перешелъ онъ на «вы» и выпрямился:—я, стало быть, правильно поступить... совѣтъ моя теперь чиста.

Они сразу оба поднялись съ дивана, и Портновская вплотную приблизилась и заглянула къ нему прямо въ глаза, безпокойные, бѣглющіе (еще недавно съ неподвижнымъ взглядомъ), и сердитые, и точно сконфуженные, такъ что онъ отступилъ на шагъ. И вдругъ поняла... Углы рта какъ-то опустились; мускулы лица ослабѣли; муть заслонила зрѣніе.

— Думаль, у твоихъ ногъ буду валяться, милости вымаливать?.. Написалъ отцу?.. да?

— Да... какъ честный человѣкъ... не могъ смолчать.

— Такъ ты бы меня лучше убилъ, а то старика!.. Честный человѣкъ!..—и засмѣялась вдругъ такимъ тихимъ, чужимъ смѣхомъ, въ которомъ вылились и отчаянье, и страданье, и презрѣнье, и пережитыя горести, и разбитая вѣра; по глаза были сухіе и не могли плакать.

Веселый мотивъ несся изъ сосѣдней залы, точно дразнилъ воображенье, обѣщая утѣхи. Мелькали фигуры пріѣзжающихъ и уходящихъ.

— Я знаю,—такъ лучше,—сказалъ Подлетаевъ глухимъ, упавшимъ голосомъ:—ты полагаешь, мнѣ легко?.. Я во имя справедливости, не по злобѣ... Старикѣ надо было прозрѣть... Твои деньги—нехорошія деньги... Согласна?

— Эхъ ты, честный человѣкъ съ хорошими деньгами! А помнишь, когда я ходила въ епархіальное училище и ты еще называлъ меня «паршалочкой», кто общалъ братомъ моимъ быть, горой за меня стоять, э?..

— Сама виновата... ушла отъ насъ... Отрѣзанный ломоть.

— Ушла въ искупительную даль, а ты этого и не понялъ своимъ лбомъ... Лгала передъ отцомъ святой ложью,—ты и этого не уразумѣлъ, сираведливый человѣкъ. Всю себя въ жертву принесла, ничего для себя не оставила, кромѣ одинокой муки,—ты и тутъ заклеилъ меня... Проходи же, проходи, Степа!.. Нѣтъ у меня словъ для тебя... Все сказано...

— Груша...—что-то вродѣ стопа вырвалось у него, когда онъ услышалъ свое имя.

Но она ускользнула отъ него, когда онъ пытался ее удержать, и направилась въ залу, гдѣ Ветошниковъ уже сидѣлъ съ какой-то пѣвичкой, а Михаленко мрачно посматривалъ по направленію идущей Груши и волновался.

— Опоздала!.. твое мѣсто занято... Бросила насъ... я обидѣлся... Ну, присядь, все-таки... я шучу...

Замѣтно было, что Ветошниковъ подвыпилъ и говорилъ нетвердо.

Михаленко вскочилъ, какъ ужаленный.

— Агриппина Семеновна, видите, куда вы попали!—вскричалъ онъ, еле сдерживая возмущенье и гнѣвъ на товарища, и тутъ только обратилъ вниманіе на перемѣну ея лица:—что съ вами, Бога ради?.. вамъ нездоровится?

— Проводите меня,—съ трудомъ отвѣчала она и, не смотря на Ветошникова, который въ это время любезничалъ съ новой своей избранницей, повернулась и пошла.

Перекрестные взгляды сопутствовали ей, улыбки, замѣчанія.

Она двигалась, какъ въ туманѣ. «Волки... волки...»—мелькнуло у нея въ мозгу.

— Сядемъ на простого извозчика... Мнѣ, Ваня, много,—много нужно вамъ поразсказать.

Полусонная лошадь бѣжала легкой рысцой.

— Вы обидѣлись на Володю?—спросилъ студентъ, еще не понимая, въ чемъ дѣло:—не стойте!.. по пьяному дѣлу.

— На Володю? Кто это—Володя?.. Охъ, я такъ далека и отъ него, и отъ всего этого міра... Они позади остались, на тысячу версть... Какъ вы говорили на тройкѣ?... Да, да, помню: «передъ вами—будущее... вы достойны лучшаго... вы—энергичная, смѣлая... прекрасная»... Благодарю васъ, благодарю! Если бы не вы, не ваша вѣра въ меня, можетъ, я бы теперь на себя руки наложила... а вы согрѣли мою душу... благодарю.

Еще недавно гордая, неприступная «графинюшка»,—она пристолонилась къ его плечу и заплакала тѣми почти беззвучными,

чистыми слезами, которыми плачутъ иногда дѣти послѣ какой-нибудь горькой обиды.

И Михаленко невольно обнялъ ее и старался, какъ могъ, утѣшить, когда она, вздрагивая и всхлипывая, рассказывала повѣсть своей жизни.

— Вы не забыли Некрасова?

«Идите, идите! Вы сильны душой,
Вы—смѣлымъ терпѣньемъ богаты;
Пусть мирно свершится вашъ путь роковой,
Пусть васъ не смущаютъ утраты!»

Вотъ и я вамъ скажу: бѣгите отсюда, бѣгите изъ этого звѣринаго логовища!.. Я придумаю что-нибудь для васъ... Я и отцу вашему напишу, хоть и незнакомъ съ нимъ... даже поѣду къ нему, если нужно... Успокойтесь!

Не прошло и недѣли, какъ «графинюшка» скрылась съ петербургскаго кругозора, и никто не зналъ, куда.

Одинъ Михаленко, можетъ быть, зналъ.

Онъ твердо вѣрилъ, что Груша не изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыя погибають.

— Если она вернется,—вы не узнаете ея.

Такъ говорилъ онъ Ветошикову и другимъ, и глаза у него сіяли, точно онъ вспоминалъ или видѣлъ что-то свѣтлое, хотя кругомъ ползли сѣрые будни, надвигались тяжелыми призраками...

VIII.

В ъ с ѣ т я х ъ .

1.

Французская гражданка Сюзаннъ Пье имѣла роскошную квартиру, занимавшую цѣлый этажъ на одной изъ боковыхъ улицъ, прилегавшихъ къ главному проспекту.

Комнаты были изысканно меблированы. Все свидѣтельствовало объ утонченномъ вкусѣ хозяйки.

Почти ежедневно у нея—наплывъ гостей, которыхъ, однако, впускаетъ горничная не иначе, какъ по особому паролю. Это правило распространялось на всѣхъ, за исключеніемъ князя Караксари.

Его блестящій военный мундиръ, обходительность, красивая наружность и связи въ обществѣ служили необходимымъ украше-
нiемъ салона французженки.

Иные приносили сюда деньги, князь—давалъ вывѣску. Одно
другого стоило.

Сюзаннъ, съ своей стороны, предлагала гостямъ то, что они
искали и къ чему неудержимо стремились, т. е. игрокамъ—возмож-
ность попытать счастья у «золотого стола», любителямъ и люби-
тельницамъ приключенiй—соотвѣтствующя встрѣчи и знакомства.

Въ распоряженiи французженки имѣлись опыты посредники и
посредницы, доведшіе до ея свѣдѣнiя о новыхъ лицахъ, которыхъ
желательно было бы привлечь въ салонъ.

Разумѣется, глубокая тайна покрывала каждую встрѣчу.

Допускались одинаково и подростки, и старики.

Сюзаннъ Пье богатѣла.

Даже иностранныя конторы обращались иногда къ ней насчетъ
поставки «живого товара».

Дѣло расширялось.

Любя искусство, Сюзаннъ устраивала разъ въ мѣсяць «эстетич-
ескіе вечера», на которые приглашала «избранныхъ».

Князь всегда бывалъ среди нихъ и, когда чувствовалъ себя въ
ударѣ, танцевалъ лезгинку съ кинжаломъ.

Тутъ впервые увидѣлъ онъ танцовщицу Мерседесъ.

Она исполняла рѣдкій танецъ, вывезенный съ Востока, «Ночь
одалиски».

Подъ нѣжные звуки рыдающихъ скрипокъ склонялись ея ко-
лѣни, и танцовщица замирала, потомъ вдругъ зажигались ея глаза,
распускались волосы, руки простирались и начинали метаться,
словно въ ужасѣ отгоняя кого-то... Послѣ безчисленныхъ отбѣн-
ковъ страха и гнѣва, Мерседесъ тихо поднималась, расправляла
гибкій станъ, мчалась, ускользала, вертѣлась вихремъ и падала
въ изнеможенiи на пушистый коверъ, а музыка продолжала свой
надрывающій душу мотивъ.

Восхищенный князь сидѣлъ затѣмъ между Сюзаннъ и Мерсе-
десъ и, поглядывая на обѣихъ любвеобильными глазами, напѣ-
валъ вполголоса:

«Entre les deux mon coeur balance
Et je ne sais le quel aimer».

2.

Поездъ приближался къ городу * * *.

Въ вагонѣ 1-го класса мало пассажировъ: какой-то старикъ,
не расстающійся съ газетой и гитарой, военный докторъ съ книгой

въ рукѣ и видный мужчина въ штатскомъ, широкоплечій, высокій, съ отличнымъ цвѣтомъ лица, пышачій здоровьемъ.

Онъ медленно пускалъ кольца дыма и о чемъ-то думалъ или просто имѣлъ видъ размышляющаго.

На послѣдней остановкѣ въ вагонъ вошли двѣ французенки въ сопровожденіи офицера, внося крѣпкую струю духовъ, оживленіе и веселость.

Нарядныя, всегда готовыя фразы такъ и полетѣли, закружились, заполнили купе для курящихъ.

Обѣ французенки не отличались красотой, но изящные костюмы, удивительныя шляпы и художественный гримъ дѣлали свое дѣло.

По крайней мѣрѣ ихъ кавалеръ, жгучій брюнетъ южнаго типа, небольшой, но прекрасно сложенный, казался очарованнымъ, и тенорокъ его звучалъ такъ же пронзительно, какъ звучитъ зурна подъ небомъ его родины.

«Актерки!» съ пренебреженіемъ рѣшили въ умѣ штатскій и беззаботно покуривали, словно не замѣчая вошедшихъ.

Обѣ громко и свободно разговаривали, не стѣсняясь присутствіемъ постороннихъ.

Старикъ пріостановилъ чтеніе газеты и бросалъ на нихъ недовольные взоры.

Одна, которую офицеръ называлъ Сюзаннъ, довольно беззапѣчливо, точно дама, нанимающая въ конторѣ выѣздного лакея, разглядывала въ лорнетъ широкоплечаго сосѣда и наконецъ сказала, почти не понижая голоса и, вѣроятно, рассчитывая, что онъ не понимаетъ по-французски, или нарочно прикидываясь наивной, чтобы поставить незнакомца въ неловкое положеніе:

— Какой красавецъ! Интересно, кто онъ...

— Шведъ,—отвѣчала другая:—посмотри, навѣрно, силачь... О, mon Dieu! Любить такого мужчину...

Всѣ трое расхохотались.

Старикъ опять сердито обернулся, и только докторъ не отрывался отъ книги.

Штатскій равнодушно закуривалъ новую папиросу, стараясь войти въ роль не понимающаго.

Бываютъ нерѣдко мужчины, не принадлежащіе къ женскимъ поклонникамъ, проходящіе мимо самыхъ обольстительныхъ красавицъ съ видомъ спокойныхъ наблюдателей.

Онъ именно былъ такимъ, хотя и носилъ обручальное кольцо, слѣдовательно, отдалъ дань увлеченію, можетъ быть, разсудочному, холодному, но все-таки увлеченію.

— Прекрасенъ, какъ Аполлонъ... N' est ce pas? И, вообрази, женатъ!.. какая глупость!—вновь подхватила Сюзаннъ.

— Однако, ma chérie, если онъ пойметъ,—прокартавилъ офицеръ.

Но та снова зашебетала:

— Давай держать пари, что онъ атлетъ изъ цирка?... Что ты скажешь, Мерседесъ?

— Скорѣй массажистъ...—и, наклонившись къ самому уху Сюзаннъ, что-то прибавила, но такъ осторожно, что даже офицеръ не разобралъ, и обѣ сейчасъ же залились увлекающимъ хохотомъ.

Штатскій не выдержалъ и посмотрѣлъ на нихъ въ упоръ.

Въ это время и старикъ съ газетой метнулъ по направленію штатскаго недоумѣвающей взглядъ, полный соболѣзнованія, точно пытаясь внушить ему на разстояніи какую-то мысль; даже докторъ сталъ прислушиваться и отложилъ книгу.

— Mesdemoiselles,—заговорилъ вдругъ широкоплечій красавецъ на великолѣпномъ французскомъ языкѣ, и чувствовалось, что онъ плѣненъ пѣвучестью собственнаго баритона:—я не имѣю чести принадлежать къ вашей изысканно-вѣжливой національности; я—*русскій* и нисколько отъ этого не страдаю, такъ какъ держу себя въ обществѣ, даю вамъ слово, не хуже нѣкоторыхъ иностранцевъ, и, хотя массажемъ не занимаюсь и въ циркѣ не состою борцомъ, какъ вы полагаете, тѣмъ не менѣе, надѣюсь, вы не возьмете назадъ вашего лестнаго мнѣнія обо мнѣ...

Говорилъ онъ съ достоинствомъ и какъ будто немного сердился и задиралъ, но глаза сохраняли попрежнему пріятное выраженіе самодовольства.

Лицо старика съ газетой сіяло искреннимъ восхищеніемъ. Онъ, видимо, былъ вполнѣ удовлетворенъ.

Француженки лукаво перемигнулись и, пожалуй, готовились продолжать легкую бесѣду съ красавцемъ, но ихъ кавалеръ сразу какъ-то поблѣднѣлъ, началъ шептаться съ ними, и, видя, что поѣздъ уже подходитъ къ платформѣ, рѣзко всталъ и съ вызовомъ обратился къ штатскому по-русски, при чемъ слова произносилъ хотя и правильно, но съ акцентомъ:

— Съ незнакомыми я обыкновенно не разговариваю, но вы позволили себѣ вступить въ бесѣду съ моими дамами, которымъ вы не были представлены...

Голосъ его дрожалъ отъ волненія и въ глазахъ пылали угольки.

— Совершенно вѣрно. Я тоже не бесѣдую съ незнакомыми, а обыкновенно попросту учу ихъ, если они не умѣютъ себя прилично держать.

Офицеръ вспыхнулъ и вынулъ порывистымъ движеніемъ визитную карточку.

Поѣздъ остановился.

Бѣжали носильщики. Мелькали фигуры жандармовъ, таможенныхъ, начальника станціи.

— Прощу покорно... Я къ вашимъ услугамъ.

— Не угодно ли, если такъ, и мою...—и, обращаясь къ старику, который съ окуркомъ сигары въ зубахъ поровнялся съ нимъ, штатскій процѣдилъ, но такъ, что офицеръ, бывшій у дверей, могъ слышать:—громкая фамилія и хорошій мундиръ, а поступки...

— Милостивый государь, я не позволю!.. Вы мнѣ отвѣтите!..— взвизгнувъ офицеръ и хотѣлъ броситься назадъ, но французенки схватили его подъ руки, стараясь успокоить, хотя онъ и упирался, и вытащили изъ вагона.

На визитныхъ карточкахъ были слѣдующія имена:

- 1) Князь Эсперъ Эсперовичъ Караксари, N-скаго полка.
- 2) Ксенофонтъ Максимовичъ Гавриловъ, отставной полковникъ.

3.

Черезъ два-три дня состоялась дуэль, на которой князь былъ смертельно раненъ, а Гавриловъ принужденъ былъ поторопиться отъѣздомъ въ далекое путешествіе «съ научной цѣлью».

Караксари былъ популярнымъ, въ особенности среди дамскаго круга, и его смерть встрѣчена была взрывомъ негодованія по адресу Гаврилова и французенокъ.

Было много опечаленныхъ. Надѣли трауръ.

На французенокъ чуть не показывали пальцами, и въ обществѣ невольно стали интересоваться тѣмъ, кто онѣ такія.

Если профессія Мерседесъ, какъ танцовщицы, не внушала особенныхъ подозрѣній, то положеніе Сюзаннъ, дѣятельность которой обставлялась какой-то тайной полишинеля, развязывало языки и заставляло строить различныя легенды на ея счетъ.

Все это было невыгодно ей, и Сюзаннъ Пье, скрѣпя сердце, рѣшила временно перенести свое учрежденіе въ другой городъ.

Исчезла и Мерседесъ, чтобы не возбуждать излишнихъ толковъ. Имя «убійцы князя» запечатлѣлось въ памяти Сюзаннъ огненными буквами, какъ имя человѣка, который не только лишилъ ее близкаго и очень нужнаго друга, но и разрушилъ ея выгодное дѣло.

Она кипѣла негодованіемъ и дала себѣ слово отомстить «русскому медвѣдю».

Своей довѣренной экономкѣ, Марьѣ Петровнѣ, она оставила рядъ наставленій:

1) слѣдить за настроеніемъ въ городѣ, чтобы, при первой возможности, когда утихнутъ сплетни, вызвать ее обратно;

2) открыть меблированныя комнаты, куда пускать только желательныхъ лицъ, чтобы постоянно имѣть наготовѣ надежный уголокъ;

3) если вернется Гавриловъ, безъ вѣсти пропавшій, немедленно донести ей объ этомъ.

И вотъ роскошная квартира въ бельэтажѣ въ одинъ прекрасный день оказалась запертой.

Швейцарь всѣмъ объявлялъ: «Барыня уѣхали за границу и неизвѣстно, когда изволятъ вернуться».

Золотой столъ пересталъ собирать звонкую жатву.

Заль не оглашался больше звуками рояля и скрипокъ.

Въ укромныхъ гостиныхъ не раздавалось влюбленнаго шепота.

Еще наканунѣ состоялся «эстетическій вечеръ», привлекшій нарядную публику. Правда, въ пѣніи и въ декламации, въ разговорахъ чувствовалась элегія, и приглашенные чутьемъ угадывали, что среди нихъ должна незримо присутствовать тѣнь князя; но никто не предполагалъ, что это послѣдній вечеръ.

А черезъ мѣсяць уже распродавались вещи.

Теперь не сомнѣвались, что Сюзаннѣ Пье не вернется назадъ.

Общество, привыкшее скоро забывать самыя дорогія имена, еще разъ на минуту вспомнило князя Караксари и сдало его въ архивъ, гдѣ хранятся милліоны другихъ позабытыхъ именъ...

4.

Прошло нѣсколько лѣтъ.

Гавриловъ снова появился на горизонтѣ.

Любитель сильныхъ ощущеній, онъ не только извѣздилъ разныя экзотическія страны въ качествѣ путешественника, но и принималъ близкое участіе въ войнѣ буровъ съ англичанами.

Избытокъ силъ, бывшихъ ключомъ, заставлялъ отставного полковника искать для нихъ выхода то въ томъ, то въ другомъ предпріятіи, подчасъ рискованномъ, которое, однако, давало нѣкоторое удовлетвореніе его мятущейся душѣ.

Понадаются иногда мощныя натуры, созданныя какъ бы для героическихъ подвиговъ, но современная тусклая жизнь, чуждая понятій о сказочныхъ богатыряхъ, не открываетъ имъ подходящей обстановки, и витязей мы что-то не замѣчаемъ.

Среди повседневной суеты, они теряютъ все свое эпическое обаяніе и перѣдко вызываютъ у насъ улыбку, вмѣсто восторга.

Можетъ быть, въ эпоху былинъ Гавриловъ занялъ бы мѣсто рядомъ съ Алешей Поповичемъ или кѣмъ-нибудь инымъ, но теперь онъ просто казался «человѣкомъ со странностями», «войкой», «бреттеромъ», даже «авантюристомъ»... Особенно доставалось ему, когда вспоминали случай съ княземъ Караксари... Впрочемъ, сейчасъ же объ этомъ забывали.

Жена Гаврилова, миловидная шатенка съ нѣжными чертами грустнаго лица, хрупкая, скромная, была рада, что мужъ опять вмѣстѣ съ нею...

Подвижной нравъ не позволялъ ему, однакожь, отдыхать, и вотъ «бурскій герой», какъ окрестили его друзья и недруги, началъ читать публичныя лекціи о видѣнномъ и пережитомъ, о Трансваалѣ и пр.

Любопытные переполняли аудиторію.

«Читаетъ *тогъ* Гавриловъ!»—этого было достаточно для матеріальнаго успѣха лекцій.

Какъ-то утромъ пріѣхалъ къ нему на квартиру невысокій блондинъ, лѣтъ тридцати—тридцати пяти, съ рыжеватой бородкой и закрученными кверху жидкими усиками. Занкаясь и, повидимому, конфузясь, онъ разсыпался въ похвалахъ.

— Не пропускалъ ни одного вашего собесѣдованія... Изумительная манера передачи! Радъ представиться вамъ...—торопливо громоздиль онъ фразу на фразу, искательно улыбался, сверкалъ зрачками и ежеминутно шаркалъ правой ногой.

На лесть надки не одни мелкіе и слабые. Лесть побѣждаетъ крѣпкихъ и сильныхъ съ той же изобрѣтательной находчивостью.

И Гавриловъ увлекся похвалами.

Новый знакомый, Графининъ, занялъ въ его сердцѣ маленькій, но вѣрный уголокъ. Завязалась, если не настоящая дружба, то теплая привязанность.

У сильныхъ—много довѣрчивости.

Графининъ началъ заѣзжать къ нему все чаще и чаще подъ различными предлогами: то осмотрѣть коллекцію вывезенныхъ предметовъ, то получить какое-нибудь разъясненіе.

Въ концѣ концовъ онъ нерѣшительно заявилъ:

— Ксенофонтъ Максимовичъ, я довольно васъ эксплуатировать. Больше не въ могу!.. Хотите или нѣтъ читать мнѣ лекціи на дому, давать уроки?.. Я собираюсь въ Трансвааль и въ Абиссинію поѣду (поэзія моей жизни!)... Множество плановъ!! Ожидается сближеніе Россіи съ Менеликомъ... Сколько перспективъ! Вы понимаете меня? Я—человѣкъ особаго уклада... Желаю выдвинуться... Понимаете меня? Вы—единственный, кто дастъ мнѣ нужную подготовку...

Графининъ точно гипнотизировалъ его узкими, зелеными глазами, какъ-то тревожно бѣгающими по сторонамъ.

Гавриловъ отиѣкивался, потомъ согласился.

Предложенная сумма вознагражденія вполне устраивала его. Онъ любилъ деньги.

Два раза въ недѣлю онъ неизмѣнно посѣщалъ своего слушателя, вводя его въ курсъ этнографіи, исторіи, географіи, даже политики тѣхъ странъ, которыя такъ привлекали Графинина.

Отъ полковника страшно, при этомъ, доставалось сенть-джеремскому кабинету, и уроки воспринимались съ явнымъ удовольствіемъ.

— Хорошо вы говорите, Ксенофонтъ Максимовичъ! Если бы мнѣ да вашъ языкъ...—подшучивалъ Графининъ и какъ-то криво усмѣхался.

Иногда въ его комнату заходила хозяйка квартиры, уже не особенно молодая, но еще не лишенная возможности нравиться.

Въ углахъ ея рта лежало что-то чувственное, и это отталкивало отъ нея Гаврилова... И въ глазахъ ея не было доброты, хотя она и старалась быть доброй.

5.

Лекціи читались мѣсяца полтора.

— Я къ вамъ съ просьбой,—вскричалъ какъ-то Графининъ, обращаясь къ Гаврилову:—завтра у моей хозяйки, Марьи Петровны, праздничная вечеринка. Именинница и васъ будетъ просить къ себѣ... Не ушрайтесь!.. Я знаю васъ...

Когда онъ что-нибудь говорилъ и въ глазахъ его вспыхивалъ зеленоватый огонекъ,—всегда казалось отставному полковнику, что тамъ гдѣ-то глубоко, внутри, у этого невзрачнаго человѣка идетъ какая-то постоянная творческая работа и что слова только мѣшаютъ ее разгадать. Эта будто вдавленная въ плечи голова точно находилась во власти гнетущихъ думъ.

— Нѣтъ, спасибо, не буду... Я не пью, не играю въ карты, за женщинами не ухаживаю... Я—скучный въ веселомъ обществѣ,—подбиралъ доводы Гавриловъ, хотя ему было и неловко отказывать въ просьбѣ.

Вошла Марья Петровна, на этотъ разъ немного изможденная, можетъ—отъ бессонной ночи, можетъ—отъ нездоровья, и зажурчала, складывая губы бантикомъ, словно приготовляясь къ поцѣлюю:

— И не прощу вамъ этого!.. Въ кои-то вѣки собралась... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!..

— Да вы развѣ подслушивали?—съ неудовольствіемъ спросилъ Графининъ, дѣлая непріятную гримасу.

— Такъ и стану подслушивать, еще бы! Кричите на весь коридоръ, а я проходила...

Въ ея сердитомъ возгласѣ уже не было прежняго журчанья. Чтобы прекратить непріятную сцену, Гавриловъ, неожиданно для самого себя, принялъ приглашеніе.

— Такъ и быть, на часокъ... Не хочу васъ обидѣть,—протянулъ онъ, съ видимымъ усиліемъ, стараясь притвориться любезнымъ, и сейчасъ же подумалъ: «И зачѣмъ я ломаюсь!.. дурака свалить... что общаго между мной и этой старой куклой?».

— Вотъ славно!.. Благодарствую... Дайте ручку пожать... Безъ васъ былъ бы и вечеръ не вечеръ.

А Графининъ сверкалъ зрачками и потиралъ ладони.

— Впередъ, Марья Петровна, возьмите себѣ за правило: стучать, когда входите,—бросидь онъ ей вслѣдъ и усмѣхнулся.

— Ладно ужь!.. Такой стукъ подыму, что останетесь рады... хоть святыхъ выносить...

«Какъ будто ссорятся и какъ будто забавляются», размышлялъ Гавриловъ, когда они перекидывались колкими фразами. Съ каждымъ днемъ онъ подмѣчалъ разныя странности въ ихъ домѣ, въ которыхъ не отдавалъ себѣ яснаго отчета, и то хорошее чувство, что сначала вызвалъ въ немъ Графининъ, мало-по-малу замѣнялось смутнымъ сомнѣніемъ, недоумѣніемъ... Лекціи стали его тяготить, представлялись ему совершенно ненужными, и онъ уже мечталъ о прекращеніи ихъ.

«Даромъ деньги беру».

Когда, вернувшись, рассказалъ женѣ о приглашеніи, она пожала плечами.

— Охота!.. какой-нибудь игорный притонъ... Еще попадешься!..

Ему захотѣлось подразнить ее.

— Ну, что жъ, опущусь на колѣни передъ твоей кроватью и со слезой жалобно начну ныть: «прости, жэнюшка, твой муженекъ *продувекался*»... — но не выдержалъ и тутъ же засмѣялся.

— Шутка—шуткой, а мнѣ почему-то непріятно, что ты туда идешь.

— На предчувствіяхъ, Настя, нельзя строить жизнь... Гавриловъ не утонетъ и въ огнѣ не сгоритъ... «Рожденный женщиной меня не покоритъ», съ улыбкой перефразировалъ слова Шекспира.

— Это тоже предчувствіе?

— Нѣтъ, это—увѣренность сильнаго,—гордо вскричалъ Гавриловъ и вдругъ задумался.

6.

Въ квартирѣ Марьи Петровны было сильно натоплено и накурено. Маленькія комнаты, убранныя «случайной» мебелью и различными безвкусными бездѣлушками, казались еще меньше, когда (довольно поздно) появилась рослая, широкоплечая фигурка Гаврилова.

Гости, какъ сонныя мухи, бродившіе изъ угла въ уголъ или сидѣвшіе за картами, тоже имѣли отпечатокъ какой-то бутафорской случайности. Исключеніе составляли оживленно бесѣдовавшіе о чемъ-то Графининъ и Туликовъ,—худой старикъ съ длинной сѣдою бородой, кокетливо подвитой. Изъ-подъ его нависшихъ черныхъ бровей свѣтились смѣющіеся, хитрые глазки, ежеминутно скользяшіе по лицу отставного полковника, когда тотъ этого не замѣчалъ.

Именинница юлила, стараясь угодить каждому изъ «почетныхъ» гостей. На остальныхъ не обращала вниманія, точно они служили живой декораціей «безъ рѣчей».

Гавриловъ не зналъ, какъ себя держать, и, немного поболтавъ, порывался уйти, но его не пускали. Особенно лѣзли изъ кожи Графининъ и Тушиковъ, чтобы всячески занять его, и ледь, наконецъ, сломался.

Ксенофонтъ Максимовичъ непрекословно усѣлся за карты.

«Э, да все равно!—подумалъ онъ:—держу себя недотрогой... Надо же и ихъ пожалѣть... Надоѣлъ имъ порядкомъ... Какіе любезные, а я—настоящій индѣйскій пѣтухъ...»

— Какъ стоитъ барометръ?—таинственно спросила Марья Петровна, когда Тушиковъ подошелъ къ ней и не было постороннихъ свидѣтелей.

Лицо его вдругъ приняло непріятный видъ, точно онъ проглотилъ что-то невкусное, но глазки неизмѣнно посмѣивались.

— Все хорошо, что хорошо кончается, — еле слышно процѣдилъ онъ, держа въ зубахъ папиросу и усиленно дымя:—Сусаннѣ Карловнѣ заготовилъ телеграмму...

— Я боялась, что не придетъ... Помните одно: мы обѣщали и намъ обѣщали...

— Дѣйствуйте по хозяйству... Такъ-то лучше!—перебилъ онъ ее и повернулся къ окну.

Марья Петровна проплыла въ сосѣдную комнату, и черезъ нѣсколько минутъ донесся стукъ тарелокъ.

Графининъ игралъ сосредоточенно и дѣлалъ недовольное лицо, когда подходилъ Тушиковъ.

— Вы — положительно «porte-malheur», — съ досадою шептала онъ.

Подали вино и разлили по стаканамъ. Одинъ Гавриловъ не пилъ, даже губами не притронулся.

Ему необыкновенно везло, и щеки его разгорались румянцемъ. Старикъ съ длинной бородой похаживалъ около играющихъ и загадочно улыбался.

— Новичковъ Богъ любить,—приговаривалъ онъ.

— Вы еще поиграйте. Тѣ отужинаютъ, а потомъ и мы сядемъ, а иначе тѣсно, вернуться негдѣ... — оправдывалась хозяйка, ежеминутно перебѣгавшая изъ комнаты въ комнату, и томно поглядывала на полковника.

Игра шла съ повышеннымъ азартомъ.

Графининъ проигрывалъ и волновался.

Уже было довольно поздно, когда положили карты и перекочевали въ столовую.

— Не подозрѣвалъ, что я увлекусь зеленымъ полемъ... Ахъ, какъ я засидѣлся! Что-то небывалое... Жена беспокоится... Да я и не ужинаю, — сказалъ Гавриловъ, пытаясь ускользнуть въ переднюю:—видите, уже многіе уѣхали, пока мы картежничали!

— Совсѣмъ нѣтъ!—немного смутившись, преувеличенно горячо запротестовала Марья Петровна, становясь въ дверяхъ и не пропускающая его:—кто, правда, ушелъ, а кто—въ сосѣдней квартирѣ, банчокъ открыли... тоже, вѣдь, моя! Не слышали развѣ? Первая очередь откушала, теперь очередь для второй, болѣе почетной, а вы—наипочетнѣйшей. Выпейте же хоть рюмку за мое здоровье.

— О, я—непьющій!... Горбатаго могила исправитъ.

Тупиковъ замахалъ руками.

— Полковникъ, дама проситъ, а вы... не вѣрю, не вѣрю! Незачѣмъ водки, вина выпейте... а то вотъ этого... моего... какъ, бишь, его?.. Марья Петровна, забыли? а? Еще просили... я старался, стариной тряхнуть. Признаться, давно оставилъ всѣ хозяйственные заготовки... Гдѣ мнѣ, старику! Ну, ради именинъ почтенной Марьи Петровны...

— Господи, въ самомъ дѣлѣ!.. Эка память!..

Всплеснула руками и убѣждала.

Графининъ и Тупиковъ пересмѣивались не то лукаво, не то сконфуженно.

— Пальчики оближете!

— Превкусно!

Въ одинъ голосъ протянули оба.

— Да что это такое?—заинтересовался Гавриловъ.

— Умственная штука!—подтвердилъ старикъ, поглаживая бороду:—мы называемъ «лампоцб...» У Даля, конечно, нѣтъ подобнаго слова. На корку, видите ли, солдатскаго хлѣба съ мукой наливается пиво, и все это ставится въ духовку часа на два... Попробуйте! Я отъ одного офицера научился. Гурманъ былъ!

Говорить, а у самого плотоядное выраженье и губы прищмокиваютъ.

Тутъ и Марья Петровна пришла съ глинянымъ сосудомъ.

Въ комнатѣ запахло пивомъ и еще чѣмъ-то, чего не могъ разобратъ Гавриловъ.

«Какіе домовитые!»—подумалъ онъ.

— Покушайте балычка, ветчинки... А это на закусочку... за мое здоровье,—пѣла Марья Петровна, какъ-то избѣгая его взгляда.

Ксенофонтъ Максимовичъ сознавалъ, что находится точно подъ какимъ-то назойливымъ гипнозомъ.

Невѣдомый кругъ словно замкнулъ его и все суживался и суживался.

Всѣ были до крайности предупредительны, всѣ улыбались и съ заискивающимъ видомъ угощали его и смотрѣли на него масляными глазами.

Именинница налила въ стаканъ таинственное «лампопо» и поднесла полковнику.

— За мое здоровье, господинъ герой (при этомъ она бросила вызывающій взоръ, но сейчасъ же отвела глаза), а то я могу подумать, что вы не такой храбрець, какъ о васъ ходять слухи... На дуэляхъ сражались, на войнѣ бились, а здѣсь... —и, не договоривъ, она сдѣлала презрительную гримасу и опустила стаканъ.

Руки Графинина и Тупикова потянулись къ недопитому вину. Гавриловъ нервно повелъ бровями. Малѣйшій намекъ на то, что онъ трусливъ, раздражалъ его. Уравновѣшенный и невозмутимый, онъ мгновенно терялъ обычное самообладаніе.

Впрочемъ, на этотъ разъ Гавриловъ сдержался, и только бѣглая усмѣшка искривила линію рта.

— Хорошо, я сдѣлаю исключеніе, разъ вы почему-то требуете... А вы что же, господа, этого самаго «лампопо?» Эге, да и вы не пьете!

— Мы—подъ конецъ, у насъ еще рюмочныя недоимки,—отшучивался Тупиковъ и покраснѣлъ:—это вѣдь моя стряпня... Ее не слѣдуетъ мѣшать съ другими напитками.

— За ваше здоровье, Марья Петровна.

Гавриловъ мигомъ осушилъ стаканъ, но не успѣлъ чокнуться: что-то густое, туманное залило ему зрачки. Казалось, будто потухло электричество и какая-то свинцовая тяжесть опустилась на голову и придавила все тѣло.

Онъ потерялъ сознаніе...

7.

Тревога Настасьи Николаевны, жены Гаврилова, росла съ каждымъ часомъ.

Три часа... половина... четыре... половина... пять...

Она не ложилась спать, ходила по освѣщеннымъ комнатамъ и строила самыя ужасныя предположенія относительно мужа: и хулиганы-то его убили, и ограбили-то его, и разрывъ-то сердца съ нимъ приключился, и многое другое. Лишь въ началѣ шестого, когда на дворѣ еще было совсѣмъ темно, Гаврилова, сидя въ прихожей съ измученнымъ, осунувшимся лицомъ уловила чуткимъ слухомъ отдаленные, а затѣмъ болѣе близкіе шаги по лѣстницѣ, громкіе голоса.

Не ожидая звонка, она уже сама отворила дверь, выскочила на площадку и ахнула: Графининъ и швейцаръ осторожно несли полковника.

Настасья Николаевна взялась за голову, и сдавленный крикъ замеръ у нея на губахъ.

Медленно двинулись въ комнаты точно съ покойникомъ. Укладывая Ксенофонта Максимовича на кушетку въ гостиной, Графининъ говорилъ вкрадчиво и сладко:

— Ради Создателя, не беспокойте и его не беспокойте. Не привыкъ пить, а его уговорили, не понимаю—зачѣмъ... Это бы-

ваеть съ нашимъ братомъ! Сномъ все пройдетъ... Повѣрьте опытности, голубушка! Ему дано успокоительное... Больше ничего не требуется. Пускай онъ спитъ! Я загляну провѣдать. До вечера...

Настасья Николаевна не удерживала. Его странная фамильярность, эта «голубушка»—совсѣмъ ей не нравились.

Слезы катились у нея по щекамъ. Она не желала даже смотрѣть на мужа, «такъ грубо оскорбившаго вдругъ лучшія чувства». «Пьяницъ» ненавидѣла и не оправдывала.

Потушила лампу, присѣла въ углу комнаты, задумалась, вздохнула и, противъ собственнаго желанія, задремала въ креслѣ.

Проснулась, когда было свѣтло, и вотъ сразу вспомнила, какъ принесла Ксенофонта Максимовича.

Обида поднялась въ душѣ...

Подскочила Гаврилова къ кушеткѣ, заглянула мужу въ лицо, стала расталкивать, звать по имени.

Отставной полковникъ не подавалъ никакихъ признаковъ жизни.

Тогда негодованье, гнѣвъ, досада смѣнились бурнымъ отчаяньемъ и, пока не прибѣжала заспанная прислуга, она, какъ потерянная, металась и кричала:

— Умерь, умерь... Господи!... помогите же!... доктора!... Оноили, проклятые... умерь...

Дальнѣйшія звенья нисколько не разъяснили Настасьѣ Николаевнѣ, скорѣй запутали эту темную страницу изъ жизни ея мужа.

Явившійся врачъ заподозрѣлъ отравленіе.

Изъ кармана сюртука больного вынули толстый бумажникъ съ деньгами, часы... Все было въ сохранности. Слѣдовательно, корысть исключалась изъ поводовъ къ преступленію.

Была еще найдена тутъ же съ бумажникомъ визитная карточка покойнаго князя Караксарн съ траурной каймой.

Гаврилова отвезли въ больницу, гдѣ подтвердили фактъ отравленія какимъ-то ядомъ и переломъ двухъ реберъ. Положеніе признали серьезнымъ, но не безнадежнымъ.

Пока Ксенофонтъ Максимовичъ находился на излеченіи, ничего не помня изъ того, что произошло съ нимъ послѣ выпитаго стакана страшной настойки, Настасья Николаевна съ знакомымъ адвокатомъ отправилась къ Графинину, который ни разу больше не заѣзжалъ.

Добытыя свѣдѣнія оказались мало утѣшительными: Марья Петровна куда-то совсѣмъ уѣхала, распродавъ обстановку на другой же день послѣ именинъ, а Графининъ никогда и не жилъ у нея, по сообщенію домовой конторы; даже фамиліи такой никто не слышалъ.

О Тупиковѣ тоже не имѣли понятія.

Гавриловъ, поправившись, наотрѣзъ отказался начинать уголовное дѣло.

— Местъ за князя?.. Но кто мститъ?— только разъ вырвалось у него восклицаніе, когда жена вспомнила о таинственной визитной карточкѣ.

Вскорѣ началась русско-японская война, и неутомимый Гавриловъ поступилъ въ дѣйствующую армію, но въ первомъ же сраженіи какая-то шальная пуля положила его на мѣстѣ.

Осторожная Сюзаннъ Пье такъ и не возобновляла своихъ «эстетическихъ вечеровъ» въ городѣ * * *.

Повидимому, другое мѣсто, гдѣ она обосновалась, не было для нея убыточнымъ.

У нея опять видѣли въ качествѣ экономки Марью Петровну, но она уже имѣла гораздо болѣе независимую осанку.

В. Умановъ-Каплуновскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ)

ОДИНЪ ИЗЪ ЛИТЕРАТУРНЫХЪ МОГИКАНЪ.

ОДИНЪ изъ крупныхъ по таланту и рѣзко выдающихся литературныхъ дѣятелей современнаго мнѣ литературнаго кружка былъ Петръ Ивановичъ Кичеевъ, многосторонняя дѣятельность котораго выдвинула бы его несомнѣнно, ежели не на первый, то на очень видный планъ въ средѣ его литературныхъ современниковъ, ежели бы не его до крайности тревожная натура, внесшая столько драматическихъ и даже трагическихъ моментовъ въ его кипучую, полную волненій жизнь.

Кичеевъ былъ прекрасный поэтъ и владѣлъ стихомъ, какъ мало кто имъ владѣеть... Театръ онъ зналъ въ совершенствѣ, и ежели никогда самъ не написалъ ничего выдающагося для сцены, то былъ исключительно умѣлымъ и всегда почти безпристрастнымъ цѣнителемъ какъ драматическихъ произведеній, такъ и ихъ исполнителей на всѣхъ сценахъ.

Къ критическимъ статьямъ его артисты относились съ большимъ вниманіемъ и его безцеремонной и ѣдкой сатиры боялись, какъ огня.

Кромѣ того, вслѣдствіе своего подробнаго знакомства со сценою, онъ былъ такимъ преподавателемъ сценическаго искусства, о ка-

кихъ наши быстро расплодившіеся драматическіе классы и школы и понятія не имѣють!

Ко всему этому онъ былъ человѣкъ рѣдкой души и отзывчивости, и попавшій въ бѣду товарищъ ни у кого не могъ встрѣтить ни того братскаго участія, ни той братской помощи, которую онъ встрѣчалъ у Петра Кичеева, а между тѣмъ никто не пережилъ такихъ громкихъ и вѣскихъ скандаловъ, какіе пережилъ онъ, испытавшій на своемъ вѣку все невзгоды, начиная отъ мелкихъ столкновеній съ администраціей, вплоть до лишенія правъ и ссылки въ каторжныя работы включительно.

Началомъ всехъ его бѣдствій и злоключеній была его горячая любовь къ красавицѣ-сестрѣ, увлеченной какимъ-то студентомъ, бросившимъ ее въ ту минуту, когда она готовилась быть матерью. Узнавъ о положеніи сестры, Кичеевъ не сталъ ее упрекать, отъ души посовѣтовалъ ей не бросать ни въ чемъ неповиннаго ребенка, и когда она назвала ему имя соблазнителя, то Кичеевъ вскользь вспомнилъ, что онъ его какъ-то разъ или два видѣлъ и встрѣчалъ съ сестрою. На вопросъ, гдѣ въ настоящую минуту отецъ несчастнаго ребенка, сестра отвѣтила, что онъ уѣхалъ и неизвѣстно, когда вернется, и собранныя Кичеевымъ на сторонѣ справки подтвердили это сообщеніе. Нечего было дѣлать, приходилось покориться горькой участи, и когда у молодой красавицы Екатерины Ивановны родилась дочь, то мать самоотверженно стала сама кормить ее, не имѣя средствъ для найма кормилицы. Такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, когда однажды Кичеевъ издали увидѣлъ на Тверскомъ бульварѣ гнуснаго соблазнителя сестры. Въ привычкахъ Кичеева было всегда носить съ собой въ карманѣ револьверъ. При видѣ ненавистнаго ему студента онъ вскочилъ, не задумываясь, быстро догналъ врага и почти въ упоръ выстрѣлилъ въ него. Выстрѣлъ былъ мѣткій, пуля попала въ цѣль, студентъ былъ убитъ наповаль. На выстрѣлъ сбѣжалась публика, подбѣжали дежурные чины полиціи, словно изъ-подъ земли выросли два доктора, но имъ уже нечего было дѣлать, и сбѣжавшійся народъ живымъ кольцомъ оцѣпилъ и убійцу и жертву убійства.

Схваченный за руки, Кичеевъ и не пробовалъ защищаться. Онъ убѣжденно сказалъ, что совершилъ актъ высшей справедливости, и, самъ отдаваясь въ руки полиціи, ни на минуту не отрекаясь отъ совершеннаго преступленія, выразилъ желаніе только прямо въ лицо взглянуть сраженному врагу. Едва сдерживаемый полиціантами, онъ ринулся впередъ и быстро нагнулся надъ лежавшимъ еще на аллеѣ трупомъ убитаго студента, но тутъ изъ его груди вырвался нечеловѣческій крикъ, и онъ, до той минуты сохранявшій полное спокойствіе, внезапно истерически зарыдалъ.

— Ошибся!... ошибся!... Не онъ!... Я не того убилъ!.. — въ глубокомъ, невыразимомъ отчаяніи повторялъ несчастный Кичеевъ,

дѣйствительно въ порывѣ слѣпнго гнѣва выстрѣлившій въ совершенно ему незнакомаго человѣка, обманутой наружнымъ сходствомъ.

Тутъ же на мѣстѣ арестованный, Кичеевъ былъ препровожденъ въ одиночную камеру Тверскаго частнаго дома, и здѣсь подавленное состояніе его было такъ сильно, что по приговору мѣстнаго врача ему угрожало безповоротное безуміе.

Его успокаивали, какъ могли, но изъ-подъ ареста его было невозможно освободить, и докторъ могъ только настоять на томъ, чтобы допросъ его былъ отложенъ на болѣе или менѣе продолжительное время, и чтобы до тѣхъ поръ къ нему положительно никого не допускали. Допущены были только посѣщенія сестры, но и то не иначе, какъ съ разрѣшенія каждый разъ частнаго врача и въ присутствіи прокурора или его помощника.

Всѣ эти подробности я позднѣе слышала отъ самого Кичеева, который между прочимъ передавалъ мнѣ слѣдующій курьезный случай.

Однажды въ его камеру явился дежурный старшій городовою (то же, что въ настоящую минуту околоточный надзиратель) и передалъ ему, что его въ пріемной спрашиваетъ какой-то господинъ, заручившійся пропускнымъ билетомъ отъ прокурора для свиданія съ нимъ. Кичееву этотъ визитъ нимало не улыбался, онъ никого къ себѣ не вызывалъ, никого положительно не ждалъ, и отвѣтилъ, что онъ не желаетъ никого видѣть и отъ всякаго свиданія наотрѣзъ отказывается. Тогда явился уже дежурный офицеръ, который и уговорилъ Кичеева принять пріѣхавшаго къ нему посѣтителя, убѣждая его, что отказать неловко и что отказъ этотъ можетъ пасть на нихъ и надѣлать имъ непріятностей.

— Газеты тутъ, батюшка, запутаны!..—прибавилъ онъ:—а намъ, какъ вы сами знаете, съ газетами ссориться не расчесть.

Нечего было дѣлать, пришлось покориться необходимости и выйти къ досадному посѣтителю, который оказывался именно тѣмъ непрошеннымъ гостемъ, что хуже татарина считается. Пройдя вмѣстѣ съ дежурнымъ офицеромъ черезъ дворъ, на которомъ возвышалось зданіе полицейской тюрьмы, Кичеевъ вошелъ въ канцелярію частнаго дома, гдѣ ему навстрѣчу всталъ совершенно ему незнакомый человѣкъ, фамильярно протянувшій ему руку. Видъ непрошеннаго посѣтителя, очевидно, пришедшаго только изъ любопытства, взбѣсилъ Кичеева, и онъ, не подавая ему руки, рѣзко, почти грубо спросилъ его:

— Кто вы и что вамъ угодно?..

— Я глубоко интересуюсь вами, Петръ Ивановичъ! — развязно отвѣтилъ незнакомецъ.—Я принимаю въ васъ искреннее участіе и пріѣхалъ, чтобы своимъ присутствіемъ доказать это вамъ!

— Это все, что вам нужно?..—тѣмъ же непривѣтливимъ тономъ продолжалъ свой допросъ, Кичеевъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. Я хотѣлъ дать вамъ доказательства моего участія, и вотъ привезъ вамъ... небольшое стихотвореніе, которое я завтра же напечатаю вмѣстѣ съ тѣми біографическими свѣдѣніями, въ которыхъ вы мнѣ, надѣюсь, не откажете?..

И прежде, нежели озадаченный Кичеевъ успѣлъ опомниться, незнакомецъ сталъ въ позу и трагическимъ тономъ, съ легкимъ завываніемъ началъ:

«Нашла виноватаго пуля,
«Погибъ въ половинѣ поля...»

Дальше, по его собственному сознанию, Кичеевъ уже ничего не слышалъ. Онъ успѣлъ только громко воскликнуть: «дуракъ», и впалъ въ такой истерическій припадокъ, что пришлось немедленно вызвать доктора и почти на рукахъ отнести его обратно въ одиночную камеру.

Впослѣдствіи Кичееву приходилось не разъ встрѣчаться съ этимъ господиномъ въ московскихъ редакціяхъ, и никогда ни при какихъ встрѣчахъ оригинальный посѣтитель не получалъ отъ него иного привѣтствія, какъ: «Здравствуй, дуракъ!» Онъ увѣрялъ, что этотъ непризнанный стихотворецъ былъ глупъ «до святости», и въ минуты особо тяжкихъ испытаній,—а такихъ минутъ въ многострадальной жизни Кичеева встрѣчалось не мало,—онъ пресерьезно обращался къ своему «дураку» съ просьбой помолиться за него.

— Ты блаженный!—говорилъ онъ:—ты святой!.. Ты только по оплошности и недосмотру не взятъ живымъ на небо!.. Ты что ни скажешь, тебя, дурака, на небѣ послушаютъ, потому что ты нищій духомъ, а это, братъ, степень высокая!

Вообще оригинальнѣе и самобытнѣе Петра Кичеева трудно было себѣ что-нибудь представить, и судьба, выпавшая ему на долю, была такъ же оригинальна, какъ и онъ самъ.

Сосланный за убійство на каторгу, Кичеевъ бѣжалъ, затѣмъ былъ амнистированъ, послѣ этого вновь попалъ подъ судъ по какому-то политическому дѣлу и долгое время содержался въ московскомъ тюремномъ замкѣ, въ такъ называемой Пугачевской башнѣ, гдѣ, по преданію, нѣкоторое время содержался Пугачевъ. Одно это указаніе уже достаточно поясняетъ ту степень строгаго ареста, который выпалъ долю на Кичеева, и онъ, даже объ этомъ говорившій въ шутиломъ тонѣ, передавалъ страшныя подробности о своемъ сидѣніи въ Пугачевской башнѣ. По его словамъ, тѣсная, какъ гробъ, камера и вышиной немногимъ отличалась отъ гроба, и въ ней во весь ростъ встать было невозможно. Воздухъ въ ней былъ такой спертый, что имъ трудно было дышать, а крысы, разгу-

ливавшія по ней, были такъ смѣлы, что бороться съ ними было совершенно невозможно, и Кичееву приходилось, довольствуясь только корками приносимаго ему хлѣба, весь мякишъ оставлять крысѣ, которая приходила къ нему за этой ежедневной данью съ аккуратностью самаго безпощаднаго кредитора. На полу стоять было и холодно и страшно потому, что крысы приходили по нѣсколько разомъ, и несчастный, завидѣвъ ихъ, вскакивалъ на своихъ нарахъ и стоялъ тамъ, согнувшись почти вдвое, такъ какъ выпрямиться во весь ростъ на нарахъ было нельзя.

Какъ ни закалила его жизнь, но объ этой эпохѣ онъ вспоминалъ съ ужасомъ и прямо говорилъ, что ежели бы что-либо въ этомъ родѣ повторилось, то онъ непременно бы лишилъ себя жизни.

Изъ этого заключенія онъ опять усланъ былъ куда-то далеко и, возвратясь въ Москву, опять отданъ былъ за что-то подъ судъ. Здѣсь въ его положеніе вошелъ членъ окружнаго суда Сумбуль, человекъ необыкновенно добрый и гуманный и къ тому же или съ дѣтства знавшій Кичеева, или даже бывшій съ нимъ въ какомъ-то отдаленномъ родствѣ.

Желая дать ему возможность хоть немножко отдохнуть въ антрактахъ между всѣми судами, на которыхъ ему предстояло фигурировать, онъ взялъ его на поруки, внеся за него залогъ въ 10,000 рублей. Кичеевъ далъ ему слово никуда не отлучаться безъ разрѣшенія суда, а самъ тѣмъ временемъ уѣхалъ въ Нижній-Новгородъ на ярмарку и оттуда вскорѣ получено было извѣстіе объ его самоубійствѣ. Въ пригородной мѣстности, на крутомъ берегу рѣки, найдено было платье несчастнаго, и въ карманѣ его записка съ просьбой никого въ его смерти не винить, такъ какъ жить онъ болѣе не въ силахъ. О самоубійствѣ его было сообщено въ московскій окружный судъ, гдѣ находилось въ производствѣ дѣло о немъ, а добрякъ Сумбуль былъ поставленъ въ горькую необходимость поплатиться внесеннымъ имъ залогомъ.

Сумбулу въ уваженіе того положенія, какое онъ занималъ въ судѣ, обѣщано было, что часть его залога будетъ возвращена, и всѣ мало-по-малу начали забывать о талантливомъ и неутомномъ неудачникѣ, когда изъ Сербіи, которая въ это время вся кишѣла русскими добровольцами, получена была корреспонденція, сообщавшая о томъ, что въ крагуевацкомъ госпиталѣ лежитъ опасно раненый русскій поэтъ Кичеевъ, за нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ зачислившійся въ ряды сербской арміи и выказавшій чудеса храбрости. Онъ былъ опасно раненъ въ одной изъ смѣлыхъ вылазокъ, въ которыхъ принималъ участіе охотникомъ.

Въ ту минуту, когда получена была эта корреспонденція, больной герой уже поправлялся и надѣялся скоро выписаться изъ больницы. Въ армію онъ зачислился подъ какимъ-то вымышленнымъ именемъ, но его тотчасъ узнали по прекраснымъ стихамъ, ка-

кіе онъ посвящаль Черняеву и его сподвижникамъ, и, узанный, онъ уже пересталь скрыватья.

Корреспонденція эта, полученная и прочитанная въ Москвѣ, надѣлала много переполоха, въ Сербію послано было распоряженіе объ арестѣ Кичеева, и онъ, на время болѣзни изолированный отъ остальныхъ больныхъ и окруженный особо приставленнымъ къ нему карауломъ,—тотчасъ по выпискѣ изъ больницы препровожденъ былъ въ Москву и здѣсь снова подвергнутъ аресту.

Чѣмъ окончился судъ надъ нимъ, я хорошенько не знаю, я познакомила съ нимъ уже послѣ всѣхъ этихъ горькихъ перипетій, но самъ онъ рассказываль о подробностяхъ суда съ тѣмъ юморомъ, который былъ ему одному присущъ. Между прочимъ онъ совершенно серьезно увѣряль, что вызванные на судъ эксперты-психіатры единодушно признали его ненормальнымъ и одержимымъ именно той формой сумасшествія, какой до него страдали Магометъ, Наполеонъ, Неронъ и, кажется, еще Христофоръ Колумбъ.

Откуда у него въ мозгу сложился такой сумбуръ именъ и представлений, одинъ Богъ вѣдаеть, но рассказываль онъ весь этотъ вздоръ съ такимъ серьезнымъ видомъ, что трудно было разобрать, шутить онъ, или на самомъ дѣлѣ вѣрить въ то, что говорить.

Рѣзокъ онъ былъ до крайности, и я знала людей, почти ни передъ кѣмъ и ни передъ чѣмъ не пассивавшихъ, которые готовы были отстуниться отъ крупныхъ интересовъ, лишь бы не вступать въ пререканія въ Петромъ Ивановичемъ.

Нуждался онъ всегда страшно, но знамя своей рѣзкой правды держаль высоко и всегда смѣло отстаиваль все разъ высказанныя имъ мнѣнія, какъ бы они не были странны и необычайны.

Въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности онъ былъ редакторомъ созданной въ Москвѣ докторомъ Раммомъ газеты «Новости сезона», и хотя это редакторство давало ему возможность существовать въ такую минуту, когда никакихъ другихъ ресурсовъ у него не было, это все-таки не мѣшало ему самымъ безцеремоннымъ образомъ относиться къ Рамму, котораго онъ пресерьезно увѣряль, что у него «мозги бараньи».

— Хорошій вы человекъ, Владимиръ Ивановичъ, и душа у васъ хоть и жидовская, а есть, ну, а мозги у васъ бараньи!..—сокрушеннымъ тономъ говорилъ онъ, не стѣсняясь многочисленной аудиторіей, при которой ему приходилось исповѣдывать эти нелестныя истины.

Ежели Раммъ пробоваль протестовать противъ такого прямолинейнаго убѣжденія, Кичеевъ убѣдительно качаль головой и настойчиво повторяль:

— Нѣтъ, нѣтъ и не говорите!.. Бараньи, положительно бараньи!..

Послѣдствія показали, что онъ жестоко ошибался... Издатель всяческихъ изданій Раммъ еще о сию пору продолжаетъ часто на-

помянуть о себѣ публикѣ, терпящей немало отъ его изобрѣтательности.

Умеръ Кичеевъ въ Петербургѣ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ полнѣйшемъ забвеніи и, конечно, въ самой непроглядной бѣдности, и проводить его въ могилу не нашлось охотниковъ, несмотря на то, что при жизни онъ всегда братски шелъ на выручку всякаго, кто обращался къ нему съ какой бы то ни было просьбой.

Какъ литераторъ и въ особенности какъ поэтъ, Кичеевъ былъ человѣкъ способный, но его участіе въ періодической прессѣ ограничивалось всецѣло театальной критикой, которую онъ, постоянно нуждаясь въ деньгахъ, низводилъ до такого мизернаго заработка, что не только себя обезцѣнивалъ, но и другимъ работать мѣшалъ. Какъ велико было его семейство, я въ точности сказать не умѣю, я лично помню только его дочь, маленькую и очень способную бѣлокуренькую дѣвочку, которую онъ почему-то называлъ Сарра Бернаръ и которую любилъ до обожанія.

По поводу этой маленькой Сарры Бернаръ мнѣ припоминается одна изъ невозможныхъ выходокъ Петра Ивановича, едва очень дорого не поплатившагося за свою дерзкую находчивость. При помѣщеніи Сарры Бернаръ въ одну изъ московскихъ гимназій потребовалось свидѣтельство о званіи родителей, и какому-то остроумному учрежденію пришло въ коллективную голову выдать дѣвочкѣ удостовѣреніе въ томъ, что она «дочь ссыльно-каторжнаго». Такая непоумѣрная глупость, само собой разумѣется, взбѣсила Кичеева, который и отправился по начальству, съ цѣлью по возможности исправить такую целестную аттестацію. Въ числѣ лицъ, къ которымъ ему пришлось обратиться, былъ одинъ изъ многочисленныхъ на Руси князей Голицыныхъ, имѣвшій прямое касательство къ тому учрежденію, изъ котораго выдано было остроумное свидѣтельство. Онъ думалъ, что князь, какъ человѣкъ развитой, пойметъ всю несообразность такой официальной бумаги и распорядится ея измѣненіемъ, тѣмъ болѣе, что «ссыльно-каторжнымъ» Кичеевъ уже давнымъ-давно не былъ, даже получилъ разрѣшеніе на повсемѣстное жительство во всей Россійской имперіи.

Но его надеждѣ на просвѣщенную гуманность князя не суждено было оправдаться. Князь принялъ его свысока и съ видимымъ недоумѣніемъ спросилъ:

— Что же вамъ угодно? И въ чемъ заключается ваша претензія?

Кичеевъ взбѣсился и, сверкнувъ глазами, отвѣтилъ:

— Мнѣ угодно, чтобы дочери моей, по крайней мѣрѣ, не ставилось въ вину несчастіе ея отца.

— Но... ежели то, что написано... дѣйствительная правда?

— Во-первыхъ, это не такъ, потому что ежели бы я былъ ссыльно-каторжный, то въ данную минуту я находился бы въ сибирскихъ

рудникахъ, а не въ кабинетѣ вашего сіятельства, но, предположивъ даже, что я каторжникъ, не вижу, почему мое прошлое должно быть полностью «прописано» въ свидѣтельствѣ моей дочери? Такое наслѣдственное опельмованіе, сколько мнѣ извѣстно, не практикуется. Въдѣ исторически извѣстно, напримѣръ, что одинъ изъ князей Голицыныхъ былъ придворнымъ шутомъ, а между тѣмъ я никогда не видалъ, чтобы его потомки на визитныхъ карточкахъ своихъ представляли: «Князь Голицынъ, прямой потомокъ придворнаго шута».

Легко себѣ представить то впечатлѣніе, какое было произведено на князя этой необычайной выходкой, и всѣ принимавшіе участіе въ судьбѣ Кичеева сильно испугались за него, но онъ всѣхъ ободрялъ, увѣряя, что князь Голицынъ не будетъ такъ глупъ, чтобы придать извѣстность своему разговору съ нимъ и, навѣрное, догадается промолчать. Предположеніе его оказалось справедливымъ, и князь дѣйствительно догадался промолчать.

Въ послѣдніе годы литературной дѣятельности Кичеева у него произошло знаменитое столкновеніе съ женой трагика Россова, которая, въ отмщеніе за строгій отзывъ театральнаго критика объ игрѣ ея супруга, ударила Кичеева наотмашъ по лицу бывшимъ у нея въ рукахъ мѣшечкомъ, въ которомъ, по несчастной случайности, въ это время лежалъ бинокль. Ударъ былъ настолько силенъ, что Кичеевъ чуть не лишился глаза, но никакого дѣла не затѣялъ и никакого преслѣдованія противъ не въ мѣру воинственной дамы не возбудилъ, найдя, что съ бабой связываться не стоитъ.

— За глупость не судятъ!..—презрительно отозвался онъ, великодушно и совершенно справедливо рассуждая, что умная женщина никогда не дошла бы до такого поступка.

Щедрый самъ въ тѣ рѣдкія минуты, когда судьба давала ему возможность быть щедрымъ, Кичеевъ и самъ не находилъ ни неловкимъ, ни обиднымъ для себя обращаться за матерьяльными услугами къ другимъ, и въ театральномъ мірѣ всегда носились слухи о томъ, что онъ прибѣгалъ къ богатымъ артистамъ за посильной помощью въ особенно трудныя минуты. Ежели это и правда, то въ укоръ это ему поставлено быть не можетъ, потому что на его рецензіи и отзывы объ артистахъ это не вліяло, и кредитора своего, ежели бы онъ дурно исполнилъ роль, Кичеевъ разругалъ бы такъ же беспощадно, какъ и самаго яраго своего врага.

Въ антипатіяхъ своихъ Кичеевъ былъ беспощаденъ и, нуждаясь и почти голодая, онъ демонстративно не подавалъ руки богатымъ и вліятельнымъ газетнымъ сотрудникамъ, дѣятельность которыхъ казалась ему предосудительной и несогласной съ достоинствомъ литератора.

Глубокій и убѣжденный атеистъ въ теченіе всей своей долгой жизни, онъ, въ виду надвигавшейся смерти, измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія, и я помню, какъ мы всѣ, въ бытность его еще

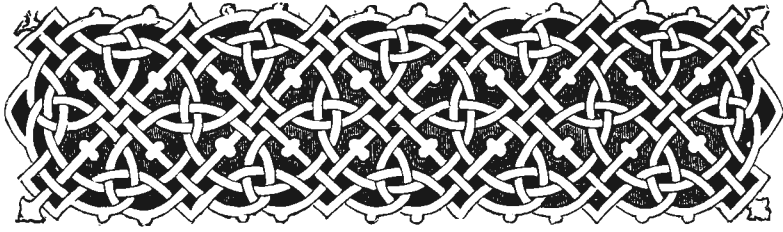

редакторомъ «Новостей сезона», были обрадованы извѣстіемъ, что Кичеевъ, лежавшій въ самомъ помѣщеніи редакціи, готовится къ исповѣди и причастію и что ожидается прибытіе священника со св. дарами. Отъ этой болѣзни онъ выздоровѣлъ совершенно и мнѣ неизвѣстно, вернулся ли онъ затѣмъ къ прежнему безвѣрію, или остался при вновь сложившихся христіанскихъ убѣжденіяхъ.

Въ общемъ итогъ русская литература въ лицѣ П. И. Кичеева похоронила крупную, не использованную литературную силу и товарища, отзывчиваго и сердечнаго человѣка.

А. Соколова.

АНЕКДОТИЧЕСКІЙ АРХІЕПИСКОПЪ.

(Изъ недавняго прошлаго).

ДНОЙ изъ небольшихъ и захолустныхъ сѣверныхъ епархій—Олонецкой—въ концѣ шестидесятыхъ и въ началѣ семидесятыхъ годовъ управлялъ замѣчательный въ своемъ родѣ архіепископъ Аркадій. Получивъ только семинарское образованіе, онъ выдвинулся модною тогда миссіонерскою дѣятельностью среди старообрядцевъ, удостоенъ былъ архіерейскаго сана и, прослуживъ на епархіи десять лѣтъ съ небольшимъ, оставилъ по себѣ—какъ объ администраторѣ—такую память, что среди духовенства и до сихъ поръ разсказывается о немъ множество анекдотовъ и даже передаются цѣлыя легенды о владыкѣ «сфинксѣ».

Дѣятельность владыки Аркадія была настолько выдающеюся, что онъ награжденъ былъ саномъ архіепископа и высочайше пожалованъ брильянтовымъ крестомъ для ношенія на клобукѣ, что еще—въ то недавнее время—было чрезвычайною рѣдкостью и для лицъ съ академическимъ образованіемъ и высокими учеными степенями, присужденными за выдающіяся научно-богословскія изслѣдованія. Человѣкъ абсолютно безкорыстный, преданный своему служенію до самозабвенія, безусловно умный, владыка Аркадій представлялъ въ своей дѣятельности, дѣйствительно, живой ходячій анекдотъ, такъ что свѣжій человѣкъ, особенно не принадлежавшій къ духовному званію, и тогда на многія дѣйствія владыки не могъ смотрѣть иначе, какъ на совершенно непонятныя. Всѣ тогда признавали его умъ, и никто не сомнѣвался въ томъ, что

онъ все совершалъ для достиженія благихъ цѣлей, но нерѣдко самыхъ дѣйствій владыки рѣшительно никто не понималъ. Эти дѣйствія часто казались очень странными, неодобрительными, даже иногда жестокими.

Лишь только теперь, когда улеглись страсти, нерѣдко возбуждавшіяся дѣйствіями владыки Аркадія, можно съ достовѣрностью опредѣлить, что странность и неодобрительность многихъ его дѣйствій обуславливались исключительно горячимъ желаніемъ владыки—сдѣлать всѣхъ такими же дѣятельными, до забвенія личной жизни, какъ и онъ самъ. Владыка Аркадій съ ранняго утра и до поздняго вечера былъ въ трудахъ исполненія своего долга, можно сказать—горѣлъ въ работѣ. Много сдѣлалъ онъ для просвѣщенія вѣреннаго ему темнаго края и, прежде всего, требовалъ отъ духовенства истоваго—безъ всякихъ пропусковъ—совершенія богослуженія и твердаго знанія церковнаго устава. Самъ же онъ зналъ наизусть всю Библію и рѣшительно всѣ многочисленныя церковно-богослужебныя книги. Располагалъ, затѣмъ, владыка Аркадій подчиненное ему духовенство къ обученію своихъ дѣтей грамотѣ и поощрялъ всякаго хотя бы и за малые труды въ этомъ направленіи. И если много страннаго, рѣзкаго, а, можетъ быть, и жестокаго обнаруживалось иногда въ дѣйствіяхъ владыки Аркадія, то да проститъ ему это Богъ за то неизмѣримое добро, какое сдѣлалъ онъ для епархіи! Да и времена тогда были суровыя, нравы и обычаи тяжелые, а потому, при всемъ своемъ умѣ, и выдающійся среди другихъ архіереевъ владыка Аркадій былъ все-таки человѣкомъ своего времени и, желая достигъ—во что бы то ни стало—намѣченныхъ имъ цѣлей, естественно, не чуждъ былъ и ошибокъ.

Теперь жизнь духовенства далеко ушла отъ анекдота. Въ средѣ духовенства идетъ дѣятельный процессъ зарожденія и развитія новыхъ духовныхъ силъ. За послѣднія пять-шесть лѣтъ духовенство пережило и измѣнилось больше, чѣмъ въ обычное время за десятки лѣтъ. Рѣзко измѣнились также условія его жизни и дѣятельности. Пронесшіеся бурные «освободительные» годы оставили неизгладимый слѣдъ на духовенствѣ и взаимоотношеніяхъ между нимъ и паствою. Появились запросы, какихъ не было, пробудилось критическое отношеніе къ дѣйствительности, сознаніе необходимости пересмотра привычнаго уклада жизни. Правда, періодъ увлеченія смѣнился теперь затишьемъ, но это—не мертвенный покой бездѣятельности, а спокойное начало строительства, спокойный, безъ излишней торопливости, пересмотръ недостатковъ и несовершенствъ жизни церковной и личной. Опытъ послѣднихъ лѣтъ—повторяемъ—многому научилъ, далъ незабываемый урокъ, пробудилъ сознаніе необходимости работы и стремленіе къ ней.

Но, съ другой стороны, и «анекдотическое» прошлое жизни духовенства не является безынтереснымъ: оно даетъ тоже много очень

хорошихъ уроковъ, небезполезныхъ при началѣ новаго строительства. И въ этомъ отношеніи жизнь и дѣятельность такихъ типичныхъ лицъ изъ эпохи духовнаго «анекдота», каковъ архіепископъ Аркадій,—помимо возбуждаемаго ими историческаго интереса, представляются безусловно не лишенными глубокаго значенія: многому могутъ научить онѣ тѣхъ, кому предстоитъ руководящая роль въ жизни духовенства.

Я не задаюсь цѣлью дать полную характеристику или оцѣнку жизни и дѣятельности архіепископа Аркадія, такъ какъ для этого было бы слишкомъ мало размѣра обычной журнальной статьи. У архіепископа Аркадія, несомнѣнно, будетъ свой историкъ, который и оцѣнитъ всесторонне этого огромнаго «анекдотическаго» владыку. Я же, въ рядѣ очерковъ, не связанныхъ между собою какимъ-либо опредѣленнымъ планомъ и не облеченныхъ въ строго литературную форму, постараюсь обрисовать архіепископа Аркадія такъ, какъ представляется онъ мнѣ самому и какъ рассказываютъ о немъ въ епархіи, которою онъ управлялъ.

I.

К а в е р з ы.

Такъ назывались странныя и совершенно непонятныя, а также, повидимому, жестокія дѣйствія владыки Аркадія.

Не получивъ высшаго богословскаго образованія, владыка Аркадій личною жизнью старался показать, что никакой дипломъ не достаточенъ для того, чтобы сдѣлать человѣка совершеннымъ, а что, напротивъ—чѣмъ выше дипломъ, тѣмъ больше требуетъ онъ отъ человѣка труда и усилій для своего оправданія, какъ показателя научныхъ знаній, съ одной стороны, и осуществленія ихъ въ самой жизни человѣка, съ другой. Онъ смотрѣлъ на всѣхъ дѣятелей духовно-учебныхъ заведеній, какъ на неуспѣшныхъ тружениковъ, обязанныхъ заботиться, прежде всего, о своемъ собственномъ совершенствованіи и въ наукахъ, какіякто преподааетъ, и непремѣнно—въ жизни, чтобы служить безукоризненнымъ примѣромъ для своихъ питомцевъ—будущихъ пастырей церкви.

Зная глубоко человѣческую природу, склонную слѣдовать въ своей дѣятельности наличнымъ впечатлѣніямъ окружающей обстановки и, по этой причинѣ, въ большинствѣ случаевъ мало расположенную къ самоуглубленію и усовершенствованію въ научномъ и религіозно-нравственномъ отношеніи, владыка Аркадій велъ преподавателей духовной семинаріи къ приобрѣтенію знаній въ области преподаваемыхъ ими наукъ противъ ихъ воли, такъ сказать, силою, въ то же время и виду не показывая, что онъ сознаетъ

Архієпископъ олонецкій Аркадій.

свое насиліе надъ ними. Въ этомъ случаѣ онъ употреблялъ обыкновенно слѣдующій оригинальный пріемъ.

Владыка выписывалъ рѣшительно все, что выходило тогда въ духовной литературѣ. И вотъ получалась съ почты какая-либо книжка богословскаго содержанія. Владыка оставлялъ всякія текущія занятія и основательно знакомился съ полученною книгою. Надѣлаеть разныхъ замѣтокъ, наставитъ на поляхъ всевозможныхъ знаковъ, своимъ быстрымъ и пронизательнымъ умомъ опредѣлитъ общія достоинства и недостатки книги, глубину или по-

верхностность отдѣльныхъ мыслей. Проходило, обыкновенно, два-три дня и, наконецъ, владыка, кончивъ работу, хлопаетъ въ ладоши. Выбѣгаетъ изъ служительской комнаты келейникъ и, остановившись, какъ статуя, зампраетъ на одномъ мѣстѣ.

— Живой ногой, Карпушка, въ семинарію!—приказываетъ владыка.—Пять минутъ осталось до конца уроковъ... какъ пробыть звонокъ, пригласи ко мнѣ профессора Завулонова! Да скорѣй бѣги, время уходитъ...

Келейникъ исчезаетъ, какъ духъ, а владыка, потирая руки, съ загадочной улыбкой быстро ходитъ по комнатѣ, живо представляя себѣ, какую недовольную фізіономію скорчитъ профессоръ Завулоновъ...

Преподаватель церковной исторіи Завулоновъ держалъ себя съ достоинствомъ и терпѣть не могъ, если кто начиналъ при немъ обнаруживать претензію выказывать знанія по церковной исторіи, почему-либо неизвѣстныя ему, Завулонову. Въ разговорахъ онъ всегда держалъ себя такъ, словно дѣлалъ великое одолженіе своему собесѣднику, и въ то же время показывалъ видъ, что умъ его занятъ чѣмъ-то болѣе важнымъ и что поэтому время ему очень дорого. Владыкѣ все это было хорошо извѣстно.

— А, Дмитрій Ивановичъ, Дмитрій Ивановичъ!—раскрывая, какъ бы для объятія, руки, встрѣчалъ Завулонова владыка.—Книжку вотъ я получилъ! Читалъ, читалъ... Зачитываюсь, а многого не понимаю, многого не знаю... Гдѣ мнѣ, убогому... Ученье мое, сами знаете, недалекое... Дай, думаю, попрошу-ка я Дмитрія Ивановича! Онъ знатокъ въ этомъ дѣлѣ! Ну, и вотъ—ужь не поскучайте со старикомъ!

— Карпушка!—звалъ владыка келейника:—обѣдъ готовъ? Подавай...—и, радушно обращаясь къ Завулонову, приглашалъ:

— Пока пойдемте-ка, Дмитрій Ивановичъ, пообѣдаемъ вмѣстѣ по-монашески! А тамъ и за дѣло...

Обѣдъ всегда простой—уха да каша, въ скоромные дни еще стаканъ молока—быстро проходитъ въ отрывочныхъ разговорахъ о семинарской жизни, объ урокахъ, объ успѣхахъ и поведеніи воспитанниковъ, вскользь о семинарскомъ начальствѣ и преподавателяхъ и порядкахъ въ семинаріи. И надо было быть очень опытнымъ и искуснымъ, чтобы не выдать въ разговорѣ чего-либо, набрасывающаго тѣнь на семинарію и на семинарскіе порядки... Вывѣдывать владыка умѣлъ!

— Итакъ, за дѣло, Дмитрій Ивановичъ!—скажетъ владыка послѣ обѣда и, подавъ Завулонову книгу, велитъ читать вслухъ. А самъ сядетъ въ кресло, подопретъ голову рукой, закроетъ глаза и слушаетъ.

— А вотъ, вотъ! Мысль-то какая! Смотрите, какъ тонко и какъ вѣрно и глубоко! Вѣдь эта мысль у Григорія Богослова въ шестомъ

огласительномъ словѣ есть...—перебѣтъ владыка и опять слушаешь, закрывъ глаза.

А затѣмъ снова на чемъ-нибудь остановить чтенія и снова восхищается или глубиною, или формою изложенія, или вообще тонкостью оборотовъ рѣчи. И такъ за четыре-пять часовъ обратить вниманіе чтенія на всѣ отмѣченныя имъ заранѣе въ книгѣ чѣмъ-либо замѣчательныя мѣста.

— Вотъ, мы и поработали...—вставая, говорить владыка.— Да, ай-ай, какъ времени-то ужъ много! Да ладно—не даромъ времечко-то пропало! Не потеряли мы его съ вами, Дмитрій Ивановичъ. Слава Богу!

— Ну, и спасибо вамъ, что не отказались посидѣть со мной,—ласково говоритъ, прощаясь съ Завулоновымъ, владыка.

Усталый, разбитый, въ отвратительномъ настроеніи духа уходитъ изъ архіерейскаго дома Завулоновъ, а владыка, оставшись одинъ, загадочно повторяетъ:

— Не даромъ провели время! Не потеряли времени...

А у самого уже опять играетъ на лицѣ загадочная улыбка. Это значитъ, что опять кому-либо готовится каверза...

Семинарія находилась недалеко—минутахъ въ пяти ходьбы—отъ архіерейскаго дома, а потому тамъ всѣ были въ постоянной тревогѣ, ожидая то самого владыку, который иногда по нѣсколькимъ дней подъ рядъ бывалъ въ семинаріи, то келейника съ какимъ-нибудь приказаніемъ. И лишь только показывалась на семинарскомъ дворѣ долговязая фигура келейника Карпушки, какъ кто-либо изъ преподавателей съ тоскою говорилъ:

— По чью-то душу сегодня посоль идеть?

И всѣ ждали, въ какомъ-то тупомъ состояніи,—точно неизбѣжность какая надвигается и нѣтъ способовъ отъ нея избавиться.

— Ивана Петровича владыка проситъ сейчасъ къ себѣ,—докладываетъ явившійся въ учительскую комнату семинарскій служитель.

У всѣхъ вырывается вздохъ облегченія. А преподаватель священнаго писанія Иванъ Петровичъ Гуцинъ краснѣетъ до корней волосъ,—точно онъ Богъ знаетъ какое предосудительное дѣло сдѣлалъ,—срывается съ мѣста и быстро уходитъ.

Гуцинъ былъ знающій и опытный преподаватель, но любилъ ежедневно за обѣдомъ искусственно возбуждать аппетитъ... Владыка зналъ это и, по всей вѣроятности, имѣлъ благое намѣреніе—излечить Гуцина отъ указанной привычки. Призоветъ его къ себѣ и дастъ какую-либо новую богословскую книгу, комично извиняясь, что онъ хочетъ воспользоваться знаніями и опытомъ Ивана Петровича.

— Ужъ простите, ради Бога, старика, Иванъ Петровичъ,—заговоритъ владыка:—самому рѣшительно пѣтъ времени ознакомиться

съ книгой, а по первымъ страницамъ, которыя я просмотрѣлъ, вижу, что книга достойна вниманія. Прочитайте, пожалуйста, а потомъ, какъ-нибудь на досугѣ, и передадите мнѣ ея содержаніе... Что будешь дѣлать? Все охота знать, а времени ни на что не хватаетъ...

— Такъ ужъ, этакъ денька черезъ три, сами и приходите, а то забыть могу о книгѣ-то...—говорить владыка, провожая Ивана Петровича.—Старъ сталъ и память хромать начинаетъ! А бывало, еще лѣтъ десятокъ тому назадъ, все, что прочитаешь, что увидишь или услышишь, все вотъ какъ на ладони написано! А теперь часто забываюсь... Вотъ, чего ужъ—въ семинаріи давно не былъ! А почти каждый день собираюсь. Утромъ встаю и думаю—сегодня ужъ непременно схожу! А тамъ то одно, то другое—и забудешь. Плоха память стала! Плоха...

А между тѣмъ эта плохая память все записала, чтобы ужъ никогда не забыть: и болтающуюся пуговицу на виць-мундирѣ Ивана Петровича, и грязноватую манишку, и потъ, начавшій выступать на его лицѣ, и то, что лицо это давно совсѣмъ не брито... Все это, при случаѣ, будетъ припомнено и высказано семинаристамъ, съ приравою злѣйшаго сарказма, на тему: «О, будущіе пастыри, апостолы Христовы! Блудитесь! Все доброе, что рекуютъ вамъ челоувѣцъ-книжницы,—слушайте, но по дѣламъ ихъ не поступайте! Вѣдь, если вѣшность челоувѣка неисправна, то въ душѣ у него—тѣма кольми?»

Иногда только что уйдетъ отъ владыки кто-либо изъ преподавателей, совершенно переконфуженный и мокрый отъ испарины, какъ тотъ опять кричитъ келейнику:

— Карпушка! Рабе лукавый и лѣнивый! Гдѣ ты тамъ?

Является Карпушка, какъ встрепанный, пережевывая кусокъ чего-либо, схваченнаго на ходу.

— Сбѣгай-ка въ семинарію, позови отца ректора! Да не окошеливайся! Знаю я тебя, лодыря... Пожалуй, сначала пообѣдаешь, а сходить потомъ удосужишься... У-у, лѣнивецъ...

Звонокъ. Владыка, жизнерадостный, въ выпцвѣтшей коричневой ряскѣ нараспашку, въ сдвинутой на затылокъ черной скуфеечкѣ, быстрыми шагами идетъ навстрѣчу ректору семинаріи.

— Отецъ архимандритъ, отецъ архимандритъ! Какъ я радъ видѣть васъ! Садитесь-ка, садитесь,—любезно приглашаетъ онъ ректора.—А я вотъ только что докончилъ чтеніе книжки... Замѣчательная и достойная, чтобы ее прочелъ всякій профессоръ. Я, при особомъ отношеніи на имя семинарскаго правленія, приношу ее въ даръ семинарской библиотекѣ. Вотъ, люди пишутъ, да еще какъ пишутъ! Что бы и нашимъ профессорамъ пробудиться? Уснули вѣдь... Уснули вѣдь, добрѣйшій отецъ ректоръ! Разбудите-ка, разбудите своихъ соратниковъ! Вспомните, какое выраженіе-то у

святого отца сильное, обращенное къ лѣнливцамъ: «иди, лѣнливце, ко мравію (муравью) и научися»...

— Вотъ хоть бы этотъ Иванъ Петровичъ Гущинъ: неглухой вѣдь человекъ. Могъ бы и самъ что-нибудь написать... А опустился! Въ самомъ дѣлѣ, что у васъ въ семинаріи? Профессора отбываютъ повинность... Мертвечина! Вотъ и будите-ка, будите сонливыхъ и лѣнливыхъ! Дѣлайте, доколѣ день есть, а то придетъ ночь—и тогда дѣлать никто же можетъ...

— Такъ вотъ, возьмите-ка книжку-то, и съ Богомъ!—встаетъ владыка, показывая, что аудіенція копчена.—А у меня тутъ на сегодня еще дѣлъ—во-о сколько!

Возвратясь въ семинарію, ректоръ тотчасъ же читаетъ учителямъ отношеніе владыки. Въ отношеніи владыкою написанъ похвальный отзывъ о книгѣ, въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ, а въ концѣ приписано: «Хорошо люди пишутъ! И находятъ время писать. А *professores seminarii dormiunt!*»

Одно время ректоръ и инспекторъ семинаріи—оба были въ санѣ архимандрита, и между ними не существовало должныхъ отношеній. Инспекторъ былъ постояннымъ антагонистомъ ректора, и, кажется, никто не помнилъ случая, когда бы они были въ чемъ-нибудь согласны. Инспекторъ страдалъ запоями и потому былъ далеко не безупреченъ въ служебномъ отношеніи. Особенно во время своей «болѣзни» онъ былъ для ректора сущимъ наказаніемъ. Рыжій, свирѣпый, растрепанный, инспекторъ какъ разъ въ эти болѣзненные періоды и дѣлалъ попытку показать свои педагогическіе таланты и «мудрую» инспекторскую дѣятельность. И ничего другого нельзя было съ нимъ подѣлать въ такихъ случаяхъ, какъ зализать въ отдѣльной комнатѣ.

Владыка очень хорошо зналъ недружелюбныя отношенія архимандритовъ и,—Богъ знаетъ для чего, да самому ему вѣдомо было объ этомъ,—постоянно натравливалъ ихъ одного на другого. Случалось, что владыка такъ раздувалъ непріязнь между архимандритами, что они не находили болѣе возможнымъ и служить вмѣстѣ, ибо дѣло доходило до открытой вражды. А это-то [и доставляло, повидимому, великое удовольствіе владыкѣ, и онъ ни которому изъ нихъ рѣшительно не позволялъ оставить службу въ семинаріи.

Одинъ разъ ректоръ былъ по дѣлу у владыки. Поговорили. Благодарно простились. При уходѣ ректора, владыка, словно что-то вспомнивъ, и говорить:

— Кстати, отецъ ректоръ! Пришлите-ка ко мнѣ отца инспектора.

А самъ такъ многозначительно посмотрѣлъ на ректора, что у того пошли по спинѣ мурашки...

«Ужъ устроить каверзу,—думалъ ректоръ по дорогѣ въ семинарію.—Владыка хорошъ, да и инспекторъ—штука!»

Отець инспекторъ не замедлилъ явиться къ владыкѣ. Войдя въ пріемную, онъ вразвалку направился къ нему со сложенными для принятія благословенія руками.

— Ну, что у васъ тамъ такое вышло опять, отецъ инспекторъ?— почти шопотомъ, таинственно заговорилъ владыка.— Былъ сейчасъ отецъ ректоръ... Ужъ такого-то наговорилъ на васъ, что волосъ дыбомъ становится! Отець инспекторъ, говоритъ, и такой-то и сякой-то... И не архимандритомъ бы ему быть и не инспекторомъ семинаріи! Да ему бы, говоритъ, самое подходящее мѣсто тамъ, куда Макарь и телятъ не гоняетъ...

— Ой-ой-ой, отецъ инспекторъ, отецъ инспекто-о-оръ!— зажимая виски ладонями, восклицалъ владыка.— Какъ же мы жить-то теперь станемъ, бѣдный отецъ инспекторъ?!

Инспекторъ, блѣдный, со сжатыми кулаками, едва сдерживаясь, началъ ворочать налившимися кровью глазами и хрипло бормотать по адресу ректора: «Ахъ, онъ! Князь тьмы... Да я ему... Не ругаюсь за себя...»

— Не поддавайтесь, не поддавайтесь, отецъ инспекторъ!— подливалъ масла въ огонь владыка.— Этакъ вамъ, пожалуй, и житья не будетъ... Долго ли вѣдь, обидѣть человѣка-то?

Разозленный до крайности, инспекторъ, по возвращеніи въ семинарію, набрасывался на ректора и до изступленія поносилъ его самымъ беспощаднымъ образомъ, не стѣняясь въ выраженіяхъ. Ректоръ, разобитый до слезъ, снова идетъ къ владыкѣ, чтобы разъяснить причину гнѣва инспектора и спросить совѣта, какъ ему теперь быть.

А владыка уже давно ждетъ у окна и высматриваетъ изъ-за шторы.

«Прибѣжить, обязательно прибѣжить...— думаетъ онъ, весело хихикая. А самъ съ воодушевленіемъ читаетъ какую-то книгу богословскаго содержанія, вслухъ произнося слова. И все-таки посматриваетъ на улицу.

— Началось!— отложивъ книгу и потирая отъ удовольствія руки, со смѣхомъ заговорилъ владыка.— Отець ректоръ бѣжить... Будетъ теперь потѣха. Баталія настоящая! Такъ его! Отець инспекторъ умѣетъ ругаться... А отецъ ректоръ ученъ больно... А мы вотъ его и поскребемъ скребочкомъ... Горденекъ ученостью-то, а мы тебя и поучимъ добродѣтели братолюбія! И потерпи отъ брата своего! А братъ-то тебѣ—отець инспекторъ... Хи-хи-хи, любезнѣйшій! А и лють отецъ инспекторъ! Свяжись-ка съ нимъ...

Какъ ни въ чемъ не бывало, съ удивленіемъ встрѣтилъ владыка ректора семинаріи.

— Сейчасъ были и опять?— и, не давая ректору заговорить, какъ бы опасаясь, чтобы тотъ его не перебилъ, началъ съ крайнимъ изумленіемъ сообщать:— А отецъ инспекторъ-то мнѣ на васъ чего только и не наговорилъ! Ужасъ беретъ! И вы такой и вы сякой...

— И даже знаете, что говорилъ?—принимая таинственный видъ и подходя вплотную къ ректору, спросилъ владыка.—Что будто вы употребляете всевозможные способы тамъ, въ Петербургъ, черезъ знакомыхъ, чтобы меня удалили на покой, а вамъ самимъ бы на мое мѣсто...

Ректоръ, пораженный и красный, какъ ракъ, стоитъ, не зная, что сказать. А владыка весело продолжаетъ:

— Вотъ вѣдь, бѣдный отецъ ректоръ, какъ можно наговорить на человѣка-то! А вы его по-начальнически, отца инспектора-то! Нечего церемониться... Рапортецъ на него, да и все тутъ. Иначе вѣдь житья вамъ не дастъ... И не дастъ! Я самъ его боюсь. О, свирѣпъ онъ!

— Ну, подите, отецъ ректоръ,—прощается владыка:—да построже съ инспекторомъ-то! Я васъ въ обиду не дамъ... Развѣ я васъ не знаю? Нѣтъ, отецъ инспекторъ, руки коротки да и зубы худы, чтобы тебѣ поймать и съѣсть отца ректора! Такихъ отцовъ инспекторовъ-то цѣлые запасы валяются по разнымъ захоlustьямъ... Ну ихъ къ Богу! Нѣтъ, нѣтъ, отецъ ректоръ,—построже, построже! Да и посмѣлѣе!

Такъ и раздуваль постоянно владыка «огонь», и это какъ будто доставляло ему великое удовольствіе.

Въ захоlustномъ городишкѣ, какъ водится, не существовало въ то, хотя и недавнее еще, время, рѣшительно никакихъ разумныхъ развлеченій—въ видѣ театровъ, концертовъ и т. п., гдѣ бы можно было отдохнуть отъ обычной служебной дѣятельности. Поэтому служилое населеніе пользовалось всякимъ ничтожнымъ случаемъ, чтобы гдѣ-нибудь собраться и провести вечеръ за картами, танцами и другими незатѣйливыми увеселеніями. И учителя духовно-учебныхъ заведеній держались плотнымъ кружкомъ и въ именины—свои и своихъ женъ, а также и по нѣкоторымъ другимъ, иногда совершенно пустымъ поводамъ, устраивали,—какъ попросту тогда называлось,—пирушки.

Соберутся гости иной разъ сразу послѣ уроковъ. Пируютъ сначала осторожно, ибо знаютъ, что владыкѣ извѣстно ихъ времяпровожденіе,—онъ всегда за нѣсколько дней узнавалъ, гдѣ и по какому поводу устраивается пирушка,—а потому и не позволяютъ себѣ лишней свободы въ употребленіи питей, такъ какъ владыка можетъ «потревожить» во всякое время. Подобные случаи бывали нерѣдки...

Но владыка очень хорошо зналъ эту осторожность педагоговъ и «тревожилъ» ихъ совѣмъ не тогда, когда они этого ожидали. Обыкновенно онъ въ семь часовъ уже ложился спать. Это знали

всѣ, а потому часовъ съ восьми пирушка начинала принимать болѣе непринужденный характеръ. Педагоги становились шумливѣе и въ разговорѣ смѣлѣе. Къ десяти же часамъ веселье достигало своего апогея. Раздавались уже пестройныя пѣсни подвыпившихъ и неистовые крики и пьяный хохотъ успѣвшихъ упиться.

И вотъ въ это-то самое «горячее» время, какъ снѣгъ на голову, вдругъ появлялся среди пирующихъ долговязый Карпушка и передавалъ приказаніе: безотлагательно пожаловать къ владыкѣ по важному дѣлу такому-то преподавателю... Начиналось неопишемое смятеніе, ибо владыка зналъ, кого позвать: всегда звалъ непременно того, кто не могъ явиться. А на другой день владыка обязательно проводилъ на семинарскихъ урокахъ почти все учебное время. И на каждомъ урокѣ, призывая учениковъ къ болѣе усерднымъ занятіямъ науками, громогласно восклицалъ:

— О, юноши духовные! Трезвитесь и бодрствуйте, ибо супостать вашъ діаволь ищетъ, кого поглотити-и... А трезвитесь и бодрствовать теперь легко намъ, когда ветхій завѣтъ, какъ тѣнь грядущихъ благъ, прошелъ и на помощь намъ пришла Божія благодать... Такъ-то, други мои-и!—И, какъ бы въ подтвержденіе своихъ словъ, начиналъ пѣть догматикъ: «прейде сѣнь законная, благодати пришедши»...

Ни одному же изъ преподавателей владыка ничего не говорилъ. А между тѣмъ своими восторженными восклицаніями и вдохновеннымъ пѣніемъ церковныхъ пѣснопѣній буквально рыматовалъ за день душу у каждого изъ нихъ.

Эти восклицанія владыки и особенно его старческое, дребезжащее пѣніе, которымъ онъ всегда любилъ подкрѣплять свои рѣчи, терзали, какъ скрипъ пилы по желѣзу, всѣ внутренности не въ мѣру повеселившихся накануне педагоговъ.

При всякомъ удобномъ случаѣ владыка давалъ понять, что какъ начальствующіе, такъ и учащіе въ духовно-учебныхъ заведеніяхъ непременно всегда и вездѣ обязаны показывать воспитанникамъ примѣръ доброй христіанской жизни. Поэтому онъ строго требовалъ, чтобы они обязательно присутствовали во всѣ воскресные и праздничные дни въ кафедральномъ соборѣ за богослуженіями, которыя почти всегда совершалъ онъ самъ и при томъ рѣшительно безъ всякихъ сокращеній. Всенощная поэтому продолжалась не менѣе четырехъ часовъ, а иногда и дольше. Простому народу это нравилось, и онъ охотно выстаивалъ всю службу до конца. Чиновники же, которыхъ въ городѣ было сравнительно немного, если и заходили ко всенощной въ соборъ, то обыкновенно стояли гдѣ-нибудь въ углу или около стѣны, чтобы, въ случаѣ усталости, можно было привалиться, и при первой возможности уходили...

Одни только педагоги духовно-учебныхъ заведеній, какъ непосредственно и безусловно зависимые отъ архіерея, не дерзали явно выходить изъ церкви, а придумывали всевозможныя «хитрости». Изобрѣтательность же въ этомъ отношеніи была далеко не легкой: владыка употреблялъ разные способы для провѣрки того, аккуратно ли посѣщаютъ духовные педагоги богослуженія...

Никому не было въ диковинку, если владыка на другой день послѣ какого-либо праздника вызывалъ къ себѣ то одного, то другого преподавателя: къ этому всѣ привыкли, какъ къ явленію, ставшему вполнѣ естественнымъ. Напротивъ, если послѣ праздника проходилъ день или два, и владыка никого не потревожилъ, событіе это считалось изъ ряда вонъ выходящимъ, и всѣ были увѣрены, что это не просто.

— Готовится, вѣрно, за что-нибудь разнести или каверзу опять какую-нибудь придумаль...—тоскливо говорили въ такихъ случаяхъ въ учительской комнатѣ.

И вотъ при обычномъ теченіи жизни вызываетъ къ себѣ владыка кого-либо изъ преподавателей, по самому, повидимому, пустѣйшему поводу, на дѣлѣ же, чтобы удостовѣриться, былъ ли тотъ за всенощной подъ воскресенье и всю ли службу выстоялъ... Вызывалъ онъ для этой цѣли большею частью тѣхъ преподавателей, относительно исправности которыхъ въ этомъ отношеніи закрадывалось въ его душу сомнѣніе. И всегда владыка умѣлъ придумать поводъ къ вызову преподавателя. Кажется, въ голову никому бы не пришло, а онъ умѣлъ воспользоваться всякимъ предметомъ и обстоятельствомъ...

— Такъ, такъ... Гос-по-ди, прежде, даже до конца не погибну, спа-а-си мя...—тихо мурлычетъ про себя владыка, медленно показывая взадъ и впередъ по кабинету и обѣими руками перебирая связанная изъ черной шерсти узловатая четки... Точно весь онъ объятъ молитвеннымъ настроеніемъ... На самомъ же дѣлѣ—на умѣ у него совсѣмъ не то... Вдругъ, остановившись, онъ хлопаетъ въ ладоши и кричитъ своимъ рѣзкимъ голосомъ:

— Карпушка-а!

— Сбѣгай въ семинарію,—приказываетъ онъ явившемуся келейнику: — попроси ко мнѣ профессора Егора Васильевича Оглоблина!

Оглоблинъ—преподаватель греческаго языка, трезвой жизни и во всемъ порядочный человекъ—находился у владыки въ подозрѣніи относительно исполненія требованій христіанской жизни. Единственною причиною этого было то, что онъ переводилъ съ учениками съ греческаго языка на русскій «Иліаду» Гомера. «А тамъ, въ этой самой Иліадѣ,—говаривалъ владыка,—ой, что говорится, и про боговъ языческихъ богомерзкихъ... и про войну изъ-за безнравственной причины... и прочее»...

Оглоблинъ, коренастый, пышашій здоровьемъ человекъ, чистенькій, опрятный, нѣсколько свободный въ манерахъ,—чего владыка терпѣть не могъ въ духовныхъ педагогахъ,—скоро является на зовъ.

— Егоръ Васильевичъ! Егоръ Васильевичъ!—точно какого задушевнаго пріятеля, встрѣчаетъ его владыка, еще издали идя ему навстрѣчу.

— Ну, здравствуйте, здравствуйте!—благословляя Оглоблина, говоритъ онъ.—Какъ васъ Богъ хранить? Какъ идутъ у васъ успѣхи въ греко-эллинской премудрости?

— Да ничего, ваше высокопреосвященство!—стараясь быть развязнымъ, но смущенно отвѣчаетъ Оглоблинъ.—Слава Богу, учимся помаленьку! Особенно блестящихъ успѣховъ нѣтъ, чтобы сказать на отлично, а на добропорядочно и иные на довольно хорошо—всѣ ученики стараются. Лѣнивыхъ, смѣю доложить, нѣтъ...

— Ой-ой-ой! А, впрочемъ, въ скромномъ смиреніи великая похвала себѣ,—не то укоризненно, не то шутливо, какимъ-то плачевнымъ голосомъ говоритъ владыка.

— А я, знаете, и пригласилъ-то васъ къ себѣ,—продолжалъ онъ,— по поводу преподаванія греческаго языка... Сокровище вѣдь я нашель настоящее! Рылся тутъ, въ библиотекѣ, въ старомъ книжномъ хламѣ и вотъ что нашель!—указалъ владыка на лежавшую на столѣ почернѣвшую отъ времени толстую, въ папковыхъ коркахъ книгу.

— Вѣдь, это Шервеллій! Лексиконъ, въ которомъ можно разыскать всѣ основные корни словъ греческаго языка-а! Вѣдь это неоцѣненная книга для пониманія священнаго писанія Новаго Заветъа, написаннаго первоначально на греческомъ языкѣ... Вѣдь это, Егоръ Васильевичъ, прямо талисманъ, который небесную радость можетъ возбудить въ душѣ благочестиваго христіанина, любящаго размышлять о глаголахъ живота вѣчнаго.

— Вотъ я,—подойдя къ столу, положилъ владыка руку на книгу,—читаю, напимѣрь, всегда чудное, всегда восхищающее, все существо охватывающее страхомъ и трепетомъ, до забвенія всякаго личнаго бытія, зачаровывающее событіе о благовѣщеніи архангела Гавріила Пресвятой Дѣвѣ о рожденіи отъ Нея Предвѣчнаго Бога Слова... С м у т и с я о с л о в е с и... Что это такое смутися? Мы понимаемъ, что значить — смутиться въ обычномъ значеніи. Но что значить смущеніе Пресвятой Дѣвы отъ словъ архангела? Она жила при храмѣ на половину небесною жизнію и не знала смущенія въ нашемъ смыслѣ. Въ Назаретѣ, у старца Іосифа, Она оставалась такою же полунебесною и смущеніе въ человѣческомъ смыслѣ для Нея было неизвѣстно. Что же значить смутися?—поднимаетъ владыка глаза на покраснѣвшаго, какъ ракъ, Оглоблина.—А вотъ надо справиться въ греческомъ! Тамъ это слово обо-

значается *діетарасте*... Вотъ Шервеллій-то и помогъ! По коренному составу, это слово значить: ужасомъ была объята, была испугана... Да! Все въ душѣ Ея перевернулось отъ словъ архангела. И смѣшались вмѣстѣ страхъ предъ Богомъ-Вседержителемъ и радость отъ предсказанія о рожденіи отъ Нея Мессіи Спасителя...

— А хорошо третьяго дня за всенощной догматикъ пѣли!—неожиданно перемѣнили владыка разговоръ.—А канонархъ-то какъ выкрикивалъ! Слышали? Ну, и голосъ! Какъ по-вашему?—обратился онъ къ Оглоблину.

— Да, голосъ хорошій...—замаялся тотъ.

— Годился бы въ протодіаконы? По-моему, такъ очень подходящъ... Стараго-то ужъ пора на покой: худъ сталь... Такъ подходящъ?—хитро посмотрѣлъ владыка на Оглоблина.—Согласны вы со мной, Егоръ Васильевичъ?

— Да... согласенъ...—едва пробормоталъ совсѣмъ какъ-то опустившійся отъ смущенія Оглоблинъ.

— Такъ... такъ...—весело потирая руки, говорилъ владыка, провожая Оглоблина.—Неужели вы гдѣ-нибудь видѣли, чтобы протодіакономъ былъ теноръ! Хе-хе-хе...

На такихъ неожиданныхъ вопросахъ часто попадались въ разставленную владыкой «ловушку» не бывшіе за богослуженіемъ или ушедшіе раньше времени изъ церкви учителя семинаріи. А такъ какъ выстоять всю службу было трудновато, да иногда и некогда почему-либо было итти въ церковь, то учителя и придумали «хитрость», чтобы къ отвѣту на неожиданные вопросы владыки всякому быть всегда готовымъ. Они устроили дежурства поочередно ходить въ соборъ къ службамъ. Часто ходили по двое: одинъ простоить половину службы, а затѣмъ его смѣняетъ другой, который и доставляетъ до конца. Дежурные эти должны были утромъ въ первый учебный послѣ праздника день давать полный отчетъ о всемъ видѣнномъ и слышанномъ ими за богослуженіемъ: кто служилъ, какое Евангеліе читалось, на какой гласъ пѣли «Господи воззвахъ», что пѣлось по нотамъ и что простымъ напѣвомъ, о чемъ говорилось въ проповѣди и прочее т. п.

Въ общемъ, это хорошо помогало. Правда, невозможно было предвидѣть всякій вопросъ; какой могъ предложить владыка, а потому въ отвѣтахъ промахи были неизбежны. Но неправильный отвѣтъ на какой-нибудь частный вопросъ изобличалъ вопрошаемаго большею частью лишь въ разсѣянности и недостаточной внимательности во время богослуженія. А это уже было полбѣды.

Введеніе во храмъ Богородицы—храмовой праздникъ въ крестовой церкви. Такъ какъ крестовая церковь—это домовая церковь владыки, то послѣ торжественной литургіи и молебна у него всегда

полагалось «утѣшеніе братіи», какъ называлъ владыка обѣдъ. Къ обѣду вмѣстѣ съ другими гостями приглашались обязательно и всѣ сослужившіе ему за богослуженіемъ.

Послѣ общей молитвы и благословенія стола владыкой всѣ садятся и чинно закусываютъ. Бутылокъ со всевозможными питіями много, но никто къ нимъ не прикасается; всѣ чувствуютъ какую-то неловкость... И владыка это хорошо знаетъ.

Наконецъ онъ, видя, что неловкость эта достигла достаточной степени, обращается, какъ бы спохватившись, къ ректору семинаріи:

— Ахъ, отецъ архимандритъ! Что же это вы? Ключите-ка, ключите!— указывая на бутылки, говоритъ онъ.—А мнѣ это и ни къ чему...

— Да клевать-то нельзя,—невозмутимо отвѣчаетъ отецъ ректоръ:—бутылки-то, ваше высокопреосвященство, не откупорены даже...

— Карпушка! Ахъ, злодѣй! Ахъ, душегубъ! Что ты со мной только ни продѣлываешь, нечестивецъ...—горячится владыка, хотя по его строгому наказу ни одна бутылка и не была откупорена келейникомъ. Ахъ, лиходѣй! И присрамилъ же для такого праздника! Откупоривай скорѣе, бестія! Вѣдь у порядочнаго человѣка нынѣ и аппетита не бываетъ безъ возбужденія! Развѣ не знаешь этого?

Намекъ на возбужденіе аппетита относился къ страдавшему извѣстной «келейной болѣзью» инспектору семинаріи, тоже архимандриту.

Наконецъ бутылки откупорены. Отецъ ректоръ семинаріи наливаетъ себѣ рюмку водки, выпиваетъ и основательно принимается за закуску. Владыка же паливаетъ себѣ полный стаканъ воды и, впадая въ лирической тонъ, обращается къ ректору:

— Вотъ напитокъ богоданный, чистый и безпримѣсный, какъ хрусталь! Въ немъ оживленіе тѣлесныхъ силъ, врачевство противъ всякихъ болѣзней, очищеніе всего вредоноснаго въ организмѣ... О, уважаемый отецъ ректоръ! Вода—вѣдь это восхищеніе, это божественный нектаръ, вѣдь она кровь очищаетъ... веселитъ все существо человѣка и къ Богу, Творцу вселенныя, неудержимо влечетъ нашу грѣховную душу-у...

— Воду-то, ваше высокопреосвященство, и звѣри пьютъ,—по-прежнему невозмутимо говоритъ ректоръ, продолжая закусывать:—а вино—и въ писаніи сказано—веселитъ сердце человѣка...

— Ну, ну, отецъ ректоръ! Я вѣдь человѣкъ неученый, гдѣ мнѣ? Всякаго звѣря не вспомнишь во время...—ехидно отражаетъ ударъ владыка.—Кушайте-ка, кушайте, братіе, во славу Божию, и не осудите меня убогаго.

А самъ въ это время смотритъ на всѣхъ такимъ взглядомъ, который ясно говоритъ: «Ужъ и напьетесь же вы, голубчики, сегодня гдѣ-нибудь! А мнѣ все это будетъ извѣстно отъ вѣрныхъ»

людей... И видно будетъ, что цѣннѣе: ваша ли ученость, или мое убожество?»

Наушничество и доносы владыкѣ были развиты до крайнихъ размѣровъ и доходили иногда до удивительныхъ курьезовъ. Случилось разъ ректору семинаріи поѣхать на ревизію духовнаго училища въ отдаленный уѣздный городъ. На пути туда онъ остановился ночевать въ другомъ уѣздномъ городѣ, у знакомаго протоіерея—настоятеля городского собора. Была суббота, и потому ректоръ присутствовалъ за всенощной въ алтарѣ. На другой день онъ распростился съ гостепріимнымъ хозяиномъ и уѣхалъ по назначенію.

По возвращеніи съ ревизіи ректоръ явился къ владыкѣ, какъ водится, съ докладомъ.

— А, отецъ ректоръ! Съ пріѣздомъ, съ пріѣздомъ... — весело встрѣтилъ его владыка.—Все ли благополучно? Какъ ѣздило? А вотъ тутъ про васъ что пишутъ!—вдругъ, взявъ со стола письмо, продолжалъ владыка.—Читайте-ка, вотъ! Читайте!

Въ письмѣ сообщалось, что отецъ ректоръ, въ бытность его за всенощнымъ бдѣніемъ въ городѣ N—скѣ, стоя въ алтарѣ, многократно нюхалъ за богослуженіемъ табакъ. Авторъ письма, совершавшій богослуженіе, возмущался этимъ, какъ дѣйствиємъ, не только позорнымъ, но и грѣховнымъ и для духовной особы, стоящей во главѣ духовной семинаріи, воспитывающей будущихъ пастырей церкви, совершенно не извинительнымъ...

— А что?—заговорилъ владыка, когда ректоръ дочиталъ письмо.— Вотъ вѣдь какъ надо быть осторожнымъ, отецъ архимандритъ! И соблазнились малыи сии... А вѣдь знаете—аще кто соблазнитъ единаго стъ малыхъ сихъ—лучше бы ему камень на шею, да въ пучину морскую. Да и сами посудите, отецъ ректоръ! Что за мерзкая привычка пристрастіе къ табаку...—И на лицѣ владыки появилось презрительное, смѣшанное съ брезгливостью выраженіе, точно предъ нимъ было, дѣйствительно, что-то очень скверное.—А тутъ еще этого мерзкаго дѣла не стыдятся и передъ людьми... Да еще въ святѣйшемъ мѣстѣ-ѣ! Э-эхъ, ужъ! И вправду вѣдь,—стоите во главѣ заведенія, воспитывающаго будущихъ священниковъ... О, о, какъ надо заботиться о семинаріи-то!..

И самъ владыка въ своихъ заботахъ буквально допекалъ семинарію. И въ урочное, и не въ урочное время нѣсколько разъ въ недѣлю бывалъ онъ въ семинаріи. Иногда придетъ запросто, неофициально, чтобы никто изъ начальствующихъ и не зналъ...

Вотъ, на примѣръ, случай, которому трудно повѣрить. А между тѣмъ случай этотъ, дѣйствительно, былъ и есть еще много старцевъ-священниковъ, помнящихъ этотъ случай и даже принимавшихъ въ немъ участіе.

Было время экзаменовъ передъ лѣтними каникулами. А тутъ владыка особенно изощрялся, чтобы «перехитрить» учащихся и ярко отмѣтить тѣ или другіе недочеты въ ихъ учебной дѣятельности. Въ день, назначенный для экзамена въ выпускномъ классѣ по нравственному богословію, которое преподавалъ ректоръ семинаріи, владыка явился въ семинарію ровно въ пять часовъ утра, когда все еще спало крѣпкимъ сномъ. Въ легкой ряскѣ, съ палочкой въ рукѣ, въ скуфьѣ вмѣстѣ клобука вошелъ онъ на семинарскій дворъ. Только что вставшій швейцаръ вышелъ въ это время со шваброй, чтобы подмести соръ на парадной лѣстницѣ. Увидавъ владыку, онъ бросился было бѣжать—доложить начальству.

— Эй, слышь ты!—закричалъ владыка:—не валяй дурака! Слушай хорошенько... Ступай въ спальню богословскаго класса и тихонько всѣхъ перебуди. Скажи, чтобы сейчасъ же въ классъ, по одному, безъ шума шли... Архіерей, молъ, стоитъ у дверей. Да помни, чтобы никакого шума! А самъ тамъ и стой—ни шагу! Если же вздумаешь улизнуть и разбудить начальство или хоть кого-нибудь—будетъ плохо!..

Десяти минутъ не прошло, какъ весь богословскій классъ былъ за партами, а дрожащій отъ страха швейцаръ стоялъ въ коридорѣ у дверей, не смѣя сдѣлать шага въ ту или другую сторону. Во всей семинаріи—гробовая тишина...

Владыка вынулъ изъ портфеля списокъ учениковъ и началъ экзамень.

— Ну, скажи, *juvenis*,—обращается онъ къ одному изъ учениковъ:—что есть нравственность?

— Нравственность, или этика,—отъ греческаго эфосъ—нравъ обычаев,—есть отличительный признакъ духовно-нравственныхъ существъ отъ всѣхъ земныхъ твореній,—скороговоркой затараторилъ семинаристъ,—и постолько возвышаетъ его надъ всѣми земнородными живыми тварями, что это духовно-нравственное существо—человѣкъ—малымъ чѣмъ умалень отъ ангеловъ и славою и честію вѣнчаецъ отъ Бога, но такъ какъ...

— Постой, постой,—замахалъ руками владыка.—Все это, можетъ быть, и очень хорошо... А вотъ скажи-ка мнѣ: скверными словами ругаешься?

— Бываетъ...—смущенно и какимъ-то упавшимъ голосомъ проговорилъ семинаристъ.

— Ну, такъ вотъ, это и есть нравственность твоя,—поучаетъ владыка:—стыдно—это значить, что совѣсть твоя признала твой поступокъ сквернымъ, да еще и подсказала тебѣ, что этимъ ты унижаешь свое человѣческое достоинство и самъ себя топчешь въ грязь. А вотъ и въ лекціяхъ-то у тебя говорится, что Господь малымъ чѣмъ умалилъ человѣка, сравнительно съ ангелами... А ты, вопреки Божію милосердію, позоришь самого себя, когда произносишь скверныя слова! Противникомъ Божіимъ являешься...

— О, всемилосердный Господи! Прости ты этихъ неразумныхъ юношей, готовящихся служить Тебѣ и вести къ Себѣ людей, какъ-хъ Ты поручишь имъ... Просвѣти Ты ихъ, Свѣтъ истинный!..

Долго такъ молитвенно восклицалъ владыка. Любилъ вездѣ воодушевленіе... Каждый семинариста спросилъ, съ каждымъ поговорилъ, какъ и съ первымъ, поставилъ всемъ баллы и, благословивъ каждого, пошелъ домой. А на прощанье сказалъ:

— Экзамень у васъ кончился и больше не будетъ! Никому не говорите, что я былъ тутъ... Смотрите, узнаю—бѣда!

Утромъ, въ половинѣ девятого, ректоръ торжественно, при орденахъ, отправился къ владыкѣ съ приглашеніемъ на свой экзамень.

— Ну, что, любезнѣйшій *pater rector*, чѣмъ порадуете?—весело встрѣтилъ ректора владыка.

— А благодать-то на улицѣ какая!..—благословляя его, продолжалъ онъ:—жаворонки поютъ. Всякая птичка Божія... О, Господи, какъ ты милостивъ къ намъ, грѣшнымъ! Хорошо-о! Сидитесь-ка да выкладываете, съ чѣмъ пожаловали?

— Покорнѣйше прошу на экзамень, выше высокопреосвященство!—съ низкимъ поклономъ произнесъ ректоръ.—Сегодня по нравственному богословію... мой экзамень...

— Хе-хе, любезнѣйшій о. архимандритъ! Это ужъ кого другого приглашайте, а не меня! Экзамень уже давно кончился и больше не будетъ!

Съ этими словами владыка всталъ, подошелъ къ столу и, взявъ экзаменаціонный списокъ съ выставленными имъ баллами и уже имъ подписанный, подаль его оторопѣвшему ректору.

Ректоръ посмотрѣлъ на списокъ и, совершенно обезкураженный, заговорилъ:

— Да какъ же это, владыко! Что же теперь дѣлать? Вѣдь профессора придутъ на экзамень!

— Э, добрѣйшій о. ректоръ! Спать намъ некогда и дважды экзамень производить совсѣмъ неразумно. Помните-ка, что Петръ-то Великій въ это время уже обѣдать садился, наработавшись вволю, а мы только съ постели встаемъ и на экзамень собираемся. Работайте, работайте-е, дондеже день есть...

— А теперь простите, почтеннѣйшій, мнѣ надо своими дѣлами заниматься,—рѣшительно благословилъ владыка окончательно сконфуженнаго ректора...

Случаи, подобные описаннымъ, передаются цѣлыми десятками. Но и того, что приведено, вполне достаточно, чтобы понять, насколько мѣры, принимавшіяся владыкой Аркадіемъ въ цѣляхъ воспитанія духовныхъ педагоговъ, могли казаться этимъ послѣднимъ странными и не только совершенно непонятными, а даже и бессмысленными.

Но въ то время, какъ «каверзы» владыки Аркадія по отношенію къ духовнымъ педагогамъ носили, въ общемъ, добродушный характеръ и рѣдко шли дальше сарказмовъ и легкихъ издѣвательствъ,—воздѣйствіе его на подчиненное духовенство было со всѣмъ инымъ: оно носило уже ярко выраженный характеръ тяжелаго гнета.

II.

Гнетъ.

Чтобы приучить духовенство къ тщательности въ исполненіи служебнаго долга и особенно къ смиренію, главному, по его мнѣнію, качеству священнослужителя, владыка Аркадій былъ особенно строгъ и чрезмѣрно требователенъ. Еще при опредѣленіи на мѣста онъ употреблялъ всевозможные способы, чтобы «испытать терпѣніе» желающаго получить священный санъ или занять мѣсто причетника.

И, дѣйствительно, надо было запастись невѣроятнымъ терпѣніемъ, чтобы безропотно перенести иногда очень продолжительный и въ высшей степени унижительный искусь. Владыка тонко умѣлъ угадать наиболѣе чувствительныя струны въ душѣ просителя и мѣтко ударялъ по нимъ самымъ безцеремоннымъ образомъ. И чѣмъ безропотнѣе и терпѣливѣе былъ испытываемый, тѣмъ ожесточеннѣе и грубѣе становились испытанія... Вотъ, въ общемъ, примѣръ того, какъ обычно происходило при архіепископѣ Аркадіи назначеніе на священнослужительскія мѣста и самое посвященіе въ духовный санъ.

Является окончившій курсъ семинаріи, съ прошеніемъ объ опредѣленіи на свободное священническое мѣсто. Владыка, благословивъ просителя, дружескимъ тономъ спрашиваетъ:

— Ну, что, за какимъ дѣломъ пожаловалъ? Не обижаютъ ли кто, храни Богъ, тебя, беспомощнаго? Въ обиду не дамъ! Ну, что же?

— Священническое мѣсто занять желаю...—отвѣчаетъ проситель, ободренный покровительственнымъ отношеніемъ владыки.

— А, вотъ, хорошо! Вотъ-то хорошо!—съ восторгомъ восклицаетъ владыка.—Будущій пастырь—служитель Христовъ! О, боголюбезнѣйшій, гряди во имя Господне... А куда просишься?

— Въ Козій Рогъ, ваше преосвященство...

— Ну, вотъ, и слава Богу! А то, вѣдь, туда не скоро найдется охотникъ... Далеко очень, да и дорогъ-то лѣтомъ нѣтъ... Похвально, очень похвально! А ты кончилъ курсъ или не изъ кончалыхъ?

— Кончилъ, нынѣшнимъ лѣтомъ...

— Слава тебѣ, Господи!—восклицаетъ владыка.—Въ Козьемъ-то Рогѣ будетъ священникъ изъ кончившихъ курсъ! Да тамъ еще

и не бывало такихъ... Ну, слава Богу, слава Богу. Давай прошеніе...

— Такъ, такъ...—разматриваетъ владыка прошеніе.—Добре... А спой-ка на седьмой гласъ догматикъ! Вотъ обиходъ... —подаетъ владыка, взявъ со стола всегда лежавшій тамъ «Обиходъ», книгу церковнаго потнаго пѣнія.

Проситель старательно пѣлъ. И если гдѣ дѣлалъ ошибку, владыка начиналъ охать и стонать, сѣтуя на то, что почти некого въ священники ставить:

— Присяга, а сами пѣть не умѣютъ! Что же это за пастырь будетъ? Какъ же онъ будетъ отъ причетниковъ требовать правильнаго пѣнія или чтенія? А вѣдь безъ этого что же и за служба будетъ? О, Господи, доколѣ-ѣ?...

И на прошеніи владыка тутъ же писалъ резолюцію, опредѣляющую просителя въ монастырь на мѣсяць, для наученія церковному пѣнію. Если же испытуемый пропѣлъ требуемое правильно,—ему давалось пропѣть другое, затѣмъ третье. А потомъ владыка заставлялъ читать что-нибудь по богослужебнымъ книгамъ. Если и чтеніе оказывалось правильнымъ,—чего, однако, почти никогда не бывало,—то проситель опредѣлялся на искомую должность.

Но, повторяемъ, этого почти никогда не бывало: владыку удовлетворить было трудно. Въ самомъ лучшемъ случаѣ дѣло кончалось тѣмъ, что проситель прикомандировывался на недѣлю ежедневно ходить ко всѣмъ службамъ въ крестовую церковь и пѣть на клиросѣ. А большею частію для наученія пѣнію просители отсылались куда-нибудь въ монастырь, на мѣсяць и на два. Да еще и послѣ этого иногда снова должны были возвращаться на новый срокъ въ тѣ же монастыри.

По выдержаніи новаго испытанія въ пѣніи, въ знаніи священной исторіи и богословія и многихъ другихъ отраслей человѣческаго вѣдѣнія, проситель опредѣлялся наконецъ на мѣсто.

Послѣ исполненія всевозможныхъ формальностей, консисторскихъ справокъ, присяги, исповѣди у духовника назначался и день посвященія ставленника въ архіерейской церкви. И тутъ ставленнику все нужно было разузнать отъ келейника, чтобы посвященіе прошло благополучно, ибо это послѣднее случалось очень рѣдко: и тутъ владыка продолжалъ учить ставленника и смиренію и бодрствованію. Бывали, напримѣръ, такіе случаи.

Наканунѣ посвященія владыка призываетъ къ себѣ ставленника и говорить:

— Завтра въ это время благодать діаконства уже будетъ почи-
вать на главѣ твоей! Готовься усердно къ сему великому дару, къ воспріятію божественной благодати! Туне пріясте—туне дадите...

На другой день—для ставленника великій день—приходитъ онъ въ крестовую церковь, гдѣ назначено архіерейское служеніе,—

приходить ровно въ девять часовъ, когда только что долженъ начаться звонъ къ обѣднѣ... И—о, ужасъ! Обѣдня уже началась... Читаютъ Апостоль... Несчастнѣйшій ставленникъ чуть въ обморокъ не упадетъ... Дрожащій, весь въ холодномъ поту, онъ упадетъ на колѣни и въ изнеможеніи прислоняется къ стѣнѣ, тутъ же, у дверей церковныхъ. Народу въ церкви почти никого нѣтъ; день будній. Старушекъ десятокъ—вотъ и всѣ богомольцы.

А владыка служить, какъ всегда—воодушевленный, сіяющій, изрѣдка поглядывая на ставленника.

Кончается служба... Владыка торжественно идетъ домой... Ставленникъ въ ноги...

— Надо въ свое время приходить, голубчикъ!—говоритъ владыка.— Я вотъ для тебя нарочно служилъ! Думаешь, у меня дѣла нѣтъ, отъ нечего дѣлать служу?.. А я думалъ: вотъ посвящу тебя поскорѣй—поскорѣе и въ приходъ пріѣдешь... Тамъ тоже давно ждутъ... А ты вотъ видишь—не торопись, знать, въ городѣ пожить хочется подольше... А я все-таки постараюсь тебя поскорѣе отсюда отправить на приходъ, жаль прихожанъ... Приходи послѣзавтра, въ субботу. Ужъ отслужу для тебя другой разъ на недѣлѣ...

Въ субботу ставленникъ приходитъ въ церковь въ восемь часовъ—по обыкновенному расчету за часъ до звона къ обѣднѣ. Увы! Уже поютъ «Херувимскую»...

Ставленникъ не входитъ и въ церковь, ибо его бьетъ лихорадка. Послѣ обѣдни та же сцена съ владыкой.

— О, вы лѣнливѣе, о, нерадивѣе!—восклицаетъ онъ.—Что же мнѣ дѣлать то-о? Второй разъ на недѣлѣ служу, чтобы поскорѣе пастыря послать на приходъ, а пастырь не радить, не торопится! О, Иисусе сладчайшій, вразуми Ты неразумн-ы-ыхъ!..

— Ну, завтра въ соборъ приходи ужъ,—обращается владыка къ ставленнику:—звонъ въ девять часовъ.

Въ соборѣ время службы мѣнять было неудобно, и владыка туда прибывалъ всегда аккуратно, въ половинѣ десятаго. Наконецъ-то ставленникъ получалъ благодать діаконства. Тутъ же владыка послѣ обѣдни объявлялъ ему день для посвященія въ священники, въ крестовой церкви, на предстоящей же недѣлѣ.

И начиналась опять «исторія». Въ семь часовъ иногда придетъ ставленникъ въ церковь, а уже обѣдня къ концу! Въ половинѣ пятаго часа утра иногда владыка начиналъ литургію.

Если же ставленникъ приходилъ къ обѣднѣ рано, когда владыка еще не выходилъ изъ своихъ покоевъ, то, узнавши отъ келійника, что ставленникъ уже тутъ, владыка иногда объявлялъ, что ему что-то нездоровится и что служить поэтому онъ не можетъ...

Бывали случаи, что ставленники тутъ гдѣ-нибудь и ночевали у слугъ архіерейскихъ. Въ такихъ случаяхъ владыка обыкновенно былъ милостивъ, ибо любилъ «бдительныхъ»...

Можно себѣ представить, какія муки переживалъ ставленникъ за двѣ-три недѣли своего посвященія въ священныя степени... Иногда, буквально, едва душа въ тѣлѣ держится...

Былъ даже такой случай. Послѣ инспектора семинаріи архимандрита инспекторомъ состоялъ свѣтскій человѣкъ изъ учителей семинаріи, уже пожилой—лѣтъ сорока пяти, магистръ богословія. Почему-то владыка пожелалъ, чтобы инспекторъ принялъ священныи санъ, а такъ какъ насильно сдѣлать это было нельзя, то онъ и началъ соблазнять инспектора хитростью. Раза четыре на недѣлѣ позоветъ за какимъ-нибудь дѣломъ, переговорить, а затѣмъ и начнетъ насѣдать:

— Почтеннѣйшій Петръ Васильевичъ, будьте вы священникомъ! Что прекраснѣе для семинаріи—какъ инспекторъ священникъ? Я и протоіереемъ сразу же сдѣлаю, а вѣдь до протоіерейства-то люди десятки лѣтъ служатъ! Соглашайтесь, будете довольны!

И такъ каждый разъ. Инспекторъ едва отговорится.

Наконецъ владыка началъ настойчиво просить:

— Ну, сдѣлайте это для меня, уважаемый Петръ Васильевичъ! Утѣшите стараго человѣка,—успокойте! Я и за семинарію буду спокоенъ,—ректоромъ сдѣлаю! И супруга ваша рада будетъ...

Согласился наконецъ инспекторъ. Посвященіе въ священники состоялось въ Вербное воскресенье. Послѣ обѣдни владыка въ восторгѣ поздравляетъ новорукоположеннаго съ благодатію священства и, напоминая ему слова изъ апостольскаго чтенія на тотъ день, говоритъ, обнимая и лобызая:

— О, іерее! Елика суть честна, елика суть праведна, елика пречиста, елика доброхвальна,—еще кая добродѣтель, и еще кая похвала—сія помышляйте-е! Вотъ тебѣ программа на всю жизнь... Въ сихъ поучайся, въ сихъ пребывай...

Для захолустнаго городка цѣлое событіе совершилось: инспекторъ семинаріи принялъ священныи санъ. Значить, ректоромъ будетъ.

А между тѣмъ этого самаго инспектора въ тотъ же вечеръ зоветъ владыка къ себѣ и безъ церемоніи говорить:

— Были у меня тутъ мужички. Тридцать пять верстъ отсюда церковь есть, приписная къ Векшинскому приходу. Просили меня прислать къ нимъ священника, послужить въ Страстную недѣлю и Пасху. Ахъ, думаю, вотъ я удружу вамъ, мужички! Есть, говорю, священникъ, да еще какой! Во всей губерніи нѣтъ такого—ученый... Вотъ и поѣзжай-ка завтра, отецъ Петръ, и утѣшь сѣрую братію...

У инспектора въ головѣ помутилось.

— Не могу, владыка,—забормоталъ онъ.—Я инспекторъ семинаріи, а потомъ—семья у меня... Какъ же такіе великіе дни да и св. Пасху семья безъ меня встрѣтитъ?..

— Ой-ой-ой, сколько наговорилъ,—возразилъ владыка.—Ой, какой великій человѣкъ... Инспекторъ семинаріи, вишь!.. Да, вчера былъ инспекторъ, а сегодня іерей,—и инспекторомъ всякую минуту можешь перестать быть! А за непослушаніе епископу іерей да извержется изъ сана... Слыхалъ такое правило-то? Такъ завтра утромъ поѣзжай...

— У меня малютка сынъ очень нездоровъ, безъ меня помереть можетъ,—попытался еще о. Петръ.

— Этого не знаю,—сказалъ владыка:—а завтра ты поѣзжай... Не забывай правила, какія я сказалъ...

И поѣхалъ о. Петръ въ глухую деревню на всю Страстную недѣлю и Пасху, а дороги уже рушились, ростепель... А дома въ семьѣ оставилъ слезы и тоску... Сынъ больной, дѣйствительно, безъ него умеръ...

Это былъ единственный сынъ у о. Петра. А ректоромъ о. Петра владыка все-таки сдѣлалъ.

Любилъ учить смиренію владыка Аркадій и высшее епархіальное духовенство, особенно ученыхъ, т.-е. лицъ съ академическимъ образованіемъ. Вотъ два случая.

Въ Великій четвергъ на Страстной недѣлѣ назначено торжественное служеніе литургіи въ крестовой, архіерейской церкви. Въ числѣ сослужащихъ владыкъ за богослуженіемъ—и ректоръ семинаріи, архимандритъ.

Всѣ священнослужители выходятъ для встрѣчи владыки къ дверямъ его покоевъ. Стоять пять минутъ, десять... Нѣтъ и нѣтъ владыки... Наконецъ отворяется дверь, и келейникъ объявляетъ:

— Владыка служить не будетъ, а просить о ректора облачиться и начинать литургію.

Священнослужители уходятъ къ царскимъ дверямъ, читаютъ входныя молитвы, уходятъ въ алтарь и облачаются въ ризы. А владыка въ это время зорко слѣдитъ изъ своихъ комнатъ черезъ щель двери, ведущей въ церковь. И—только бы начинать литургію,—какъ въ алтарѣ появляется келейникъ.

— Владыка надумалъ самъ служить!—объявляетъ онъ.

Всѣ въ смущеніи разоблачаются и снова идутъ къ дверямъ архіерейскихъ комнатъ, встрѣчать—по чину—владыку.

Стоять и ждутъ. И опять вмѣсто владыки появляется келейникъ и говорить:

— Нѣтъ, владыка не осмѣливается служить! Вѣрно, что ли, нездоровится... Просилъ служить безъ него.

Всѣ опять съ конфузомъ удаляются въ алтарь, въ высшей степени дивятся поведенію владыки, но облачаются къ служенію... и только бы начинать литургію, какъ снова является келейникъ

— Владыка просить обождать... Рѣшилъ служить...

Снова идетъ разоблаченіе служащихъ, снова ожиданіе архіерея у дверей и та же исторія: келейникъ заявляетъ, что владыка извиняется и просить служить безъ него...

Почти до слезъ разобиженные служащіе входятъ въ алтарь, облачаются и готовы начать литургію, а келейникъ опять тутъ, какъ тутъ.

— Владыка будетъ служить...

Опять всё разоблачаются и идутъ встрѣчать владыку. Но первенствующій изъ служащихъ, архимандритъ, ректоръ семинаріи, одѣваетъ шубу и идетъ, вмѣсто встрѣчи архіерея, къ выходу.

Видя это, разгнѣванный владыка отворяетъ дверь и кричитъ:

— Куда ты? Куда ты, ослушникъ? Какъ осмѣлился отъ службы уйти! Я вотъ тебя!

Но ректоръ ушелъ. Владыка же вышелъ и служилъ литургію. А на ослушника онъ донесъ въ синодъ. Вскорѣ ректоръ семинаріи «за ослушаніе епископа» былъ переведенъ въ число братіи одного изъ захолустныхъ монастырей.

А вотъ другой случай.

Ректору семинаріи нужно было говорить въ каедральномъ соборѣ очередную проповѣдь, которую онъ представлялъ по обыкновенію на предварительную цензуру самому владыкѣ. Просмотрѣвъ проповѣдь, владыка призвалъ къ себѣ цензора проповѣдей, протоіерея, преподавателя семинаріи, и приказалъ ему раскритиковать ректорскую проповѣдь, указавъ, гдѣ и въ какихъ выраженіяхъ это сдѣлать.

— Хорошенько его, хорошенько, о. Ѳедоръ!—говорилъ владыка.—Не бойся! Ты, какъ профессоръ семинаріи, подчиненъ ректору, но, какъ цензоръ проповѣдей, имѣешь право и зачеркнуть его проповѣдь...

— Вотъ такъ!—показалъ владыка, дѣйствительно, поставивъ крестъ на всѣхъ страницахъ проповѣди.

— Да какъ же, владыко святой?—дѣлая послѣднюю попытку отказать отъ критики ректорской проповѣди, замѣтилъ цензоръ.—Вѣдь проповѣди отца ректора у меня въ цензурѣ никогда не бывали.

— А вотъ теперь пусть отецъ ректоръ знаетъ, что цензоръ и надъ его проповѣдями есть...—хитро посмѣиваясь, говорилъ владыка.

По настоянію владыки, цензоръ написалъ неодобрительную рецензію и не призналъ проповѣдь годною къ произнесенію. Проповѣдь же владыка оставилъ у себя, тогда какъ, обыкновенно, отсылалъ проповѣднику дня за два до произнесенія.

Ректоръ ждетъ проповѣдь отъ владыки, а ея нѣтъ какъ нѣтъ! «Что же это значить?» думаетъ ректоръ. Нѣтъ проповѣди и наканунѣ произнесенія... «Ну,—думаетъ ректоръ,—вѣрно, послѣ всеобщей приплетъ»... Прошла и всеобщая—проповѣди нѣтъ...

Сильное безпокойство овладѣваетъ ректоромъ. «Что за искушеніе! Завтра служить литургію съ владыкой въ кафедральномъ соборѣ... Вѣрно, пришлетъ утромъ»...

Но вотъ и утро, а проповѣди нѣтъ! Поѣхалъ ректоръ въ соборъ къ обѣднѣ... «Значить, отдасть тамъ», думаетъ.... Вскорѣ прибылъ и владыка. Поздоровались... Служать обѣдню, а проповѣди ректору владыка не даетъ... Наконецъ служащіе причастились и ректору надо идти произносить проповѣдь...

Владыка вынимаетъ изъ кармана тетрадку и, указывая на нее пальцемъ подошедшему ректору, съ язвительной улыбкой говоритъ: — Смотрите-ка, о. ректоръ, — всю, вѣдь, проповѣдь исчеркалъ о. Ѳеодоръ! А на поляхъ-то что написалъ! А резолюція-то какая! Не одобряетъ къ произнесенію... Хе-хе-хе...

А о. Ѳеодоръ стоитъ тутъ же, по другую сторону престола, не смѣя глазъ поднять на своего начальника, ректора.

Глѣвъ овладѣлъ ректоромъ, и неизвѣстно, что бы могло тутъ произойти, но ректоръ сдержался и, не ожидая окончанія литургіи, уѣхалъ домой. А на другой день онъ написалъ въ синодъ жалобу на владыку, приложивъ къ ней и злополучную проповѣдь.

Жалоба эта была оставлена безъ послѣдствій и отослана владыкѣ вмѣстѣ съ проповѣдью. Долго послѣ этого при всякомъ удобномъ случаѣ подсмѣивался владыка надъ ректоромъ и намекалъ на «неудачную попытку»...

Въ высшей степени строго былъ владыка Аркадій къ провинившемуся духовенству. Онъ не стѣснялся наказывать назначеніемъ на «черныя работы» даже священниковъ.

Рядомъ съ городомъ, въ дремучемъ лѣсу, тянушемся на десятки верстъ, и сейчасъ находится архіерейская дача, съ хуторскимъ хозяйствомъ. На этомъ хуторѣ, обыкновенно, и работало провинившееся чѣмъ-либо духовенство. Лѣтомъ владыка всегда жилъ на этой дачѣ и любилъ гулять по двору, гдѣ работали провинившіеся... Ходитъ и распѣваетъ церковныя пѣснопѣнія, время отъ времени обращаясь къ работающимъ съ ѣдкими замѣчаніями.

— Что, отецъ Кузьма, вспотѣлъ? — скажетъ, бывало, владыка. — Здѣсь чарочки не дадутъ, а работать заставляютъ? Хи-хи... то-то и оно-то...

Отецъ Кузьма угрюмо молчитъ, обѣими руками опершись на навозныя вилы, которыми онъ накладывалъ на телѣгу навозъ.

— Да-а-а! — вздыхалъ владыка, сдвигая на затылокъ скуфью. — Вотъ іерей Божій! Служить бы ему у престола Господня, таинства небесныя совершать... А онъ вотъ навозъ ковыряетъ... Ай, стыдъ какой!

— Владыко святой,—не выдерживаетъ о. Кузьма:—я вѣдь и дома тоже работаю! Также навозъ ковыряю... Семью кормлю трудами рукъ своихъ...

— А, ты вошь какой! Еще и съ языкомъ безъ привязи...—начиналъ горячиться владыка.—Да понимаешь ли ты, несчастный, что дома ты работаешь во славу Божию, а здѣсь ты въ умѣ ругаешь меня на чемъ свѣтъ стоитъ? И на работѣ твоей нѣтъ благословенія Божія!

— Богъ съ вами, владыко,—утирая заскорузлымъ рукавомъ балахона неволью скатившуюся слезу, говоритъ о. Кузьма.—Я и здѣсь работаю во славу Божию, какъ нѣкогда пастыри-мученики въ каменоломняхъ... Съ тою только разницею, что во время работы вспоминаю и слезы своей жены, которая принуждена теперь вмѣсто меня ковырять навозъ... Время-то вездѣ одно... А она не праздна...

— Ладно... Знаю васъ, пьяницъ...—махнетъ рукою владыка и, смущенный, убѣгаетъ. «Вретъ все Кузьма», думаетъ онъ.—«А ну, какъ правду говорить?» точно подсказываетъ кто владыкѣ...

— Э-эхъ! Вскую мя отринуть еси отъ лица Твоего, Свѣте незаходимый... И покрыла мя есть чуждая тьма, окаяннаго...—мурлычетъ въ раздумьи, владыка, точно силясь разгадать, что же это за тьма покрыла его...

Очень часто, усмотрѣвъ какія-либо упущенія въ кафедральномъ соборѣ или узнавъ о несправности въ службѣ соборянъ, владыка перемѣщаль соборныхъ священниковъ въ самыя бѣдныя села, а на ихъ мѣсто переводилъ священниковъ изъ сель.

III.

Благорасположеніе.

Насколько владыка Аркадій строгъ и суровъ былъ къ несправнымъ, нерадивымъ и провинившимся, настолько онъ былъ ласковъ и снисходителенъ къ людямъ усерднымъ и выдающимся какою-либо дѣятельностью. Особенно любилъ онъ и всегда отличалъ заботящихся о просвѣщеніи народа черезъ обученіе его грамотѣ.

Узнать, напримѣръ, владыка, что понамарь какого-нибудь захолустнаго села учить въ своей избѣ по знимать деревенскихъ ребятъ грамотѣ, и пишетъ ему собственноручное писъмо, въ родѣ слѣдующаго:

«Достойнѣйшій Платонъ Петровичъ! Какъ сердце мое разыгралось радостію, когда мнѣ довелось узнать, что у тебя школа... О, какое великое дѣло ты дѣлаешь! Ты научишь читать десятокъ дѣтей, а они своимъ чтеніемъ доставятъ радость сотнямъ безграмотныхъ. Ты выучишь другой десятокъ дѣтей, а они будутъ утѣшать новыя

сотни... За всю-то жизнь ты сколькимъ тысячамъ безграмотныхъ людей доставишь духовную радость черезъ выученныхъ тобою грамотѣ! А самъ ты, безвѣстный труженикъ, даже и не догадываешься о своемъ удивительно великомъ дѣлѣ...

«О, святая простота! Трудись, и помогай тебѣ Богъ! Благословеніе Божіе да почиетъ на твоёмъ домѣ! Какъ-нибудь прїѣзжай ко мнѣ. Хочется тебя видѣть и расцѣловать. Молись и за меня, грѣшника, а я тебя въ молитвахъ поминаю»...

Захолустный понамарь, получивши такое письмо, вставляетъ его въ рамку, за стекло, и привѣшиваетъ на стѣнѣ около божницы. И каждый день, какъ молится Богу, поминаетъ въ молитвахъ, обливаясь слезами умиленія, «милостиваго владыку»... А надъ обученіемъ ребятъ трудится онъ послѣ этого съ удвоеннымъ рвеніемъ.

Обученіе тогда совершалось въ самой простой обстановкѣ обыденной деревенской жизни и въ теченіе всего дня. Въ единственной комнатѣ, правильнѣе — въ простой деревенской избѣ, гдѣ и хлѣбы и всякую стряпню жена понамаря готовитъ и поило для скота, въ переднемъ углу, за большимъ обѣденнымъ столомъ сидятъ съ букварями и деревянными указками ученики и твердятъ во весь голосъ заданныя упражненія. Понамарь Платонъ Петровичъ прилежалъ тутъ же, рядомъ со столомъ, у окна, и занимается своимъ дѣломъ. Онъ чеботарь—шьетъ сапоги. Время отъ времени онъ покрикиваетъ на школьничковъ, замѣтивъ у кого-либо изъ нихъ ошибку въ «затверживаніи». А ошибокъ случалось немало!

Возлѣ Платона Петровича на скамейкѣ всегда лежала «шелопуга»—ремень съ широкимъ кускомъ кожи на концѣ. Это для того, чтобы когда кто-либо изъ учениковъ заглядится въ окно или на другое что—хлопнуть его по спинѣ и тѣмъ привести къ порядку.

И выучивалъ Петровичъ ребятъ «мараковать», т.-е. разбирать по складамъ грамоту, вытверживать часословъ и два или три псалма изъ псалтири, медленно списывать изреченія съ прописей, писать цифры до сотни и пѣть нѣсколько церковныхъ пѣснопѣній. Учиться ребята ходили сколько кому вздумается. Иной ходитъ зиму, другой—двѣ, три, а то и четыре.

Такъ просвѣщали тогда темный народъ церковники и почти всѣ на одинъ манеръ и по одной программѣ. Вотъ такихъ-то педагоговъ и любилъ и отмѣчалъ владыка Аркадій, будь это священникъ, дьяконъ или причетникъ и даже понамарь. Если кто-нибудь изъ такихъ являлся къ владыкѣ по какому-нибудь дѣлу, тотъ былъ очень радъ и всегда угощалъ явившагося обѣдомъ.

Сидитъ гдѣ-нибудь въ углу владычной пріемной какой-нибудь понамарь и жмется. У него и дѣла никакого нѣтъ до владыки. Онъ просто привезъ батюшкина сына въ семинарію: батюшкѣ некого больше было послать въ городъ съ лошадыю... И домой бы сразу надо, да не посмѣлъ не явиться, потому—въ письмѣ ему,

понамарю, десницею самого владыки написано: «Будешь въ городъ—смотри, зайдѣ ко мнѣ». Какъ же можно не зайти? Вотъ и зашелъ, и сидитъ въ темномъ углу, точно для того, чтобы никто его не увидѣлъ...

— Понамаръ изъ Заозерья... Платонъ Свистуновъ...—точно нехотя роняетъ, между прочимъ, келейникъ, переставляя стулья и обтирая съ нихъ пыль.

— Какой Свистуновъ? гдѣ онъ?..—сердито спрашиваетъ владыка.

— Давно ужъ сидитъ въ приемной... Что приросъ къ мѣсту... не шевельнется...—ухмыляясь отвѣчаетъ келейникъ.

— Свистуновъ? Платонъ Свистуновъ...

Минуты двѣ-три владыка стоитъ въ раздумьи.

— Ахъ, ты, бестія!—наконецъ въ гнѣвѣ набрасывается владыка на опѣшавшаго келейника.—Что ты дѣлаешь, закоснѣлый нерадивецъ? Да вѣдь это—Платонъ Петровичъ, котораго пальца ты не стоишь! Вотъ кто тамъ у тебя сидитъ...

И владыка бросается въ приемную встрѣчать понамаря Свистунова, точно мать родную, съ которою лѣтъ десять не видался...

— Ужели я удостоился такой милости Божіей, что Платонъ Петровичъ навѣститъ меня, убогаго, вздумалъ?—неподдѣльно радостнымъ голосомъ кричитъ онъ.—Да за что же это мнѣ счастье такое, милосердный Господи-и?..

А Платонъ Петровичъ, поклонившись по обычаю того времени въ ноги, такъ и лежитъ на полу, вздрагивая отъ рыданій всею своимъ мощнымъ тѣломъ. Владыка наклоняется надъ нимъ и, похлопывая его по широкой спинѣ, говоритъ прерывающимся отъ волненія голосомъ:

— Да встань же, Платонъ Петровичъ! Полно! Этакъ, пожалуй, мы съ тобой ничего и не поговоримъ...

Поднимается понамаръ весь заплаканный. Силится онъ засунуть руку въ карманъ подрясника, чтобы вынуть оттуда бумажный платокъ и утереть носъ, и не можетъ.

А владыка уже цѣлуетъ его, со смѣхомъ приговаривая:

— Вонъ ты какой, Платонъ Петровичъ! Я думалъ, что ты въ родѣ меня, сухой старикашка, а ты Голиафъ! Ну, пойдемъ-ка, дорогой, побесѣдуемъ! У меня, братъ, такіе дорогіе гости не часто бываютъ.

— Ты, Карпушка, обѣдь торопи! Сегодня мы пораньше обѣдать будемъ съ гостемъ...—скажетъ владыка келейнику, а понамаря посадить на диванъ, самъ сядетъ рядомъ, и начнется бесѣда. Да еще какая! При простотѣ и ласкѣ владыки понамаръ скоро увлекается и, забывая, что съ нимъ разговариваетъ архіерей, начинаетъ спорить, доказывать что-нибудь и утверждать, что онъ лучше это знаетъ, чѣмъ тотъ, кто самъ не учитъ ребятъ.

— Да какъ же, — разводя руками, непринужденно ораторствуетъ понамарь: — ему, канальцу, мальчишкѣ-то, твердыш, твердыш: ангель, ангельскій, архангель, архангельскій, Богъ, Божество, Богородица... А онъ, шельмецъ, за тобой-то повторяетъ, а самъ такъ и впился глазами въ таракана и руку протянулъ, чтобы, значить, стреконуть его... Ну, и тутъ самое что ни на есть время — тяпнуть его по спинѣ шелопугой...

— Ха-ха-ха... Платонъ Петровичъ! — по-дѣтски хохочетъ владыка за обѣдомъ, угощая Свистунова. — Кушай на здоровье! Каша добрая! Я такъ люблю такую... Да кушай досыта! Обѣдь вѣдь у меня простой... Люблю картошку, грибки... Такъ шелопугой, говоришь? — онять хохочетъ владыка. — Ха-ха-ха...

— Да ужъ вѣрнѣе нѣтъ ничего... — говоритъ сконфуженный понамарь.

Послѣ обѣда владыка наберетъ въ подарокъ гостю разныхъ книгъ, прикажетъ келейнику увязать ихъ въ холстину и затѣмъ распростится съ гостемъ, точно съ роднымъ или близкимъ ему человѣкомъ.

И такіе труженики никогда не забывались владыкою. Онъ при всякомъ удобномъ случаѣ писалъ имъ одобрительныя и благодарственныя письма, посылалъ книги и просто поклоны и, наконецъ, опредѣлялъ на священническія мѣста.

Вотъ еще примѣръ простого, дружелюбнаго отношенія владыки Аркадія къ «работающему» духовенству.

Пріѣхалъ въ городъ по дѣлу священникъ, а также зашелъ и къ владыкѣ. Владыка былъ лѣтомъ у этого священника въ селѣ и всѣмъ остался очень доволенъ. Священникъ, пожилой, обстоятельный и серьезный, дѣйствительно былъ выдающимся дѣятелемъ.

— А, о. Матвѣй! Вотъ удружилъ! — встрѣтилъ его съ распростертыми объятіями владыка. — Спасибо, что вспомнилъ меня, грѣшнаго. Обѣдать со мною будешь! Ужъ никакъ не увернешься! Въ кои-то вѣки удостоилъ...

За обѣдомъ — самый разнообразный разговоръ. Между прочимъ, владыка вдругъ и говоритъ:

— Ну, о. Матвѣй, не могу я забыть, какъ въ церкви-то у тебя. Ужъ такъ хорошо! И служишь ты прекрасно... А знаешь ли ты уставъ-то церковный?

— Полноте глупости-то говорить, владыка! — совершенно спроста возразилъ ему о. Матвѣй. — На что мнѣ знать уставъ? Уставъ у меня всегда передъ глазами лежитъ въ алтарѣ на столикѣ... Какъ нужно, сейчасъ и посмотрю... Вотъ и все!

Владыка, требовавшій отъ духовенства точнаго знанія устава и ссылавшій за незнаніе его въ монастыри на тяжкія работы, только ухмыльнулся и какъ-то извинительно сказалъ:

— Ну, ну... Вишь, ты какой занозистый, о. Матвѣй!..

Придетъ къ владыкѣ какая-либо духовная вдова съ прошеніемъ о пособіи или объ опредѣленіи въ просфорни—всякую обласкаеть, посочувствуетъ ей, поохаетъ, ободритъ...

— Ахъ, ты, болѣзная моя...—говоритъ онъ.—Такъ дѣтокъ-то, говоришь, трое у тебя осталось?

— Трое владыка, три дѣвочки...—съ рыданіемъ выговариваетъ вдова.—Какъ я съ ними жить буду? Ужъ и сама не знаю...

— Ну, ну... Промыслъ Божій помни, матушка-а! Ужъ если о птицахъ небесныхъ заботится Господь, то кольми паче о васъ, маловѣри-и? Пособьишко-то, вѣдь, малое дадутъ... Рублей десять въ годъ, не больше... А ты въ просфорни поступаи! Ужъ я тебя устрою! Вотъ и сыта будешь...

Просфорни при сельскихъ церквахъ жалованье получали тогда ничтожное—отъ шести до десяти рублей въ годъ. Но осенью онѣ собирали по всему приходу такъ называемую «новъ»—зерновой хлѣбъ, ленъ, шерсть и проч., какъ добротное даваніе. Во всѣ же праздники, когда духовенство ходитъ по приходу, вмѣстѣ съ нимъ и просфорня собирала въ свою пользу пироги и печеный хлѣбъ. Въ Петровъ постъ просфорня производила сборъ «петровщины»—яйца и сметану съ каждаго дома. Кромѣ того, причтъ церковный давалъ просфорнѣ небольшой кусокъ усадебной земли подъ огородъ, а иногда полоску и въ полѣ. Такимъ образомъ, просфорнямъ жилось довольно сносно; особенно, если приходъ былъ побогаче.

Потому-то владыка и старался устраивать осиротѣвшія семьи духовенства на мѣста просфоренъ.

IV.

Снисхожденіе.

Весьма интересны были отношенія владыки Аркадія къ духовной консисторіи. И въ настоящее время консисторская волокита всѣмъ извѣстна и—нечего грѣха таить—взяточничество, подъ разнообразными деликатными видами, и нынѣ преспокойно продолжаетъ существовать, какъ чуть ли не главный двигатель дѣла на тѣхъ или другихъ консисторскихъ стадіяхъ. А въ описываемое время консисторіи вообще представляли собою такія учрежденія, въ которыхъ безъ взятокъ не дѣлалось рѣшительно ничего.

А владыка Аркадій, какъ человекъ своего времени, самъ будучи безсребренникомъ, на консисторское взяточничество смотрѣлъ какъ на нѣчто не только не предосудительное, но даже какъ бы узаконенное. Взяточничество представлялось ему не какъ зло, — проявленіе преступной воли.—и вошедшее въ пословицу выраже-

ніе взяточниковъ «сухая ложка ротъ дереть»—не какъ проявленіе дурныхъ наклонностей, а какъ нѣчто неизбежное со стороны принимающаго взятку и похвальное со стороны дающаго. Въ послѣднемъ случаѣ взятка даже поощрялась владыкою.

Одинъ разъ, на шестой недѣлѣ Великаго поста, пришелъ къ владыкѣ по дѣлу ректоръ семинаріи. Владыка былъ занятъ съ экономомъ архіерейскаго дома. Поздоровавшись съ ректоромъ, онъ сказалъ:

— Ужь извините, о. ректоръ! Я минуточку докончу тутъ нужное дѣло съ экономомъ. Посидите пока, а я сейчасъ...

— Ну, такъ пиши, о. экономъ, какъ я началъ диктовать: пудъ, значить, секретарю... По десяти фунтовъ столоначальникамъ... Ну, а писцамъ я пошлю деньгами по полтинѣ... Записаль?

— Записаль, владыка,—отвѣтилъ экономъ.

— Такъ завтра непременно пошли... Ну, а пока ступай!

— Пасха святая близко,—обратился владыка по уходѣ эконома къ ректору:—такъ я вотъ консисторцамъ гостинцы посылаю... Секретарю пудъ коровьяго масла изъ хозяйства архіерейскаго хутора, а столоначальникамъ по десяти фунтиковъ... Остальной мелкой братіи деньжишекъ малую толику...

— Нельзя, знаете!—продолжалъ владыка.—Жалованьишко малое получаютъ, а жить надо чѣмъ-нибудь... Да и призадобрить не мѣшаетъ... Съ секретаремъ консисторіи надо въ ладахъ жить, а нѣтъ—подведетъ такую штуку, что и-и! Вѣдь онъ у насъ все равно, что прокуроръ... Да и примѣръ другимъ надо подать! Самъ будешь добрымъ, и къ тебѣ будутъ все добры... Вездѣ даютъ, вездѣ и берутъ... Да и спасибо, что берутъ,—возьмутъ, такъ и сдѣлаютъ, что тебѣ нужно. И при томъ безъ задержки... О-охъ, о. ректоръ, безъ этого нельзя!

— Такъ-то оно такъ, ваше высокопреосвященство, но давать-то за то, что и такъ должны дѣлать,—преступно...—замѣтилъ внимательно слушавшій ректоръ.

— Кто же этого не знаетъ?—замахалъ руками владыка.—Да, ваше высокопреподобіе! Да не дайте вы гривенника моему келейнику Карпушкѣ о праздникѣ, такъ онъ отъ васъ и рыло свое отворачивать будетъ, а въ другой разъ и шубу съ васъ не сниметъ и калоши не подастъ! Будетъ услуживать въ это время другимъ, а если никого нѣтъ, то представится, что чѣмъ-то неотложнымъ занять и вамъ услужить не можетъ... Кто его знаетъ? Возьметъ да при вашемъ входѣ руку въ трубу по самое плечо и запикаетъ. И будетъ еще ворчать: «ахъ разбойники, ахъ, душегубы! а вѣдь пожаръ могъ случиться»...

— Нѣтъ, о. ректоръ! Дать вездѣ надо...—закончилъ владыка.

И консисторія брала и ничего безъ «даяній» не дѣлала. Брала, правда, по нынѣшнимъ временамъ—пустяки, но вѣдь тогда и

времена были другія и цѣна деньгамъ была нета, да и жизнь недорого стоила. Три рубля составляли въ то время большія деньги, которыми секретарь консисторіи вполне удовлетворялся въ безконечномъ множествѣ случаевъ.

Система взятокъ въ консисторіи, благодаря естественной наблюдательности чиновниковъ и развитію у нихъ чуткя въ этомъ направленіи, достигала такого совершенства, что каждый большой и маленькій чиновникъ безошибочно угадывалъ, что именно онъ, лично, можетъ получить съ того или иного просителя. Какъ только проситель вступалъ въ консисторію, такъ съ перваго же шага мытарства и начинались. И счастливы были тотъ, кто зналъ, какъ и чѣмъ могъ откупиться на каждой ступени этихъ мытарствъ. Неопытные и недогадливые или же черезчуръ скупые теряли время не сутками, а недѣлями—и то никакого толку не добивались. Дѣло ихъ лежало безъ движенія, изъ-за «собиранія» справокъ...

При входѣ въ консисторію просителя встрѣчалъ сторожъ, который сразу же опредѣлялъ, что за птица проситель и по очень ли нужному дѣлу онъ явился, или такъ, по пустяковому. Сторожъ угадывалъ, надо ли просителю поклониться и если надо, то какъ... и какъ нужно спросить: «къ кому пожаловали», или «что надо», или просто—только посмотрѣть на вошедшаго и показать видъ, что у него дѣла много... Если проситель вынималъ изъ кармана кошелекъ и подавалъ семитку или гривну, то сторожъ подобострастно суетился и моментально убѣгалъ докладывать. Онъ и секретарю сообщалъ, что посѣтитель—человѣкъ стоящій...

Секретарь принималъ въ кабинетѣ обязательно одинъ на одинъ. При входѣ посѣтителя,—если послѣдній уже бывалъ здѣсь и ублаговворялъ секретаря, лично или черезъ чьи-либо руки,—секретарь любезно шелъ къ нему навстрѣчу и привѣтствовалъ. А потомъ, усадивъ посѣтителя на стулъ, вступалъ съ нимъ въ интимную бесѣду—и дѣло скоро налаживалось...

— Для васъ все сдѣлаемъ наискорѣйшимъ образомъ...—увѣрялъ секретарь посѣтителя.

Если же посѣтитель вступалъ въ консисторію въ первый разъ, то секретарь, не отрываясь отъ перебирания и разсматриванія бумагъ, сухо спрашивалъ: «Что, отче, скажете? Я васъ слушаю»...

Смотря по важности дѣла, посѣтитель, наученный заранѣе кѣмъ-либо, тоже за «благодарность»,—дѣйствовалъ навѣрняка, и—какъ бы иногда худо дѣло его ни было—благополучно выкручивался. Даже за большія преступленія отдѣлывался пустякомъ, денежнымъ штрафомъ въ нѣсколько рублей или монастырскимъ послушаніемъ на извѣстный срокъ, который во время самага отбыванія могъ быть и укороченъ.

— Ужъ иначе нельзя!—любезно говорилъ секретарь.—Сами знаете, что за это полагается? Посидите немного въ монастырѣ,

а тамъ мы васъ и изведемъ оттуда за хорошее поведеніе! Дадимъ знать настоятелю, чтобы заготовилъ хорошій отзывъ...

— Да ужъ не оставьте...—кланяясь, говорилъ благодарный проситель.—Вѣкъ не забуду вашу услугу...

Насколько консисторскіе чиновники были безцеремонны воспользоваться хоть чѣмъ-нибудь, можно видѣть изъ слѣдующаго случая.

Дьяконъ одного бѣднаго села, привезшій послѣ каникулъ своего сына въ духовное училище, зашелъ въ консисторію по просьбѣ вдовы псаломщика—справиться о назначеніи ей пособія. Чиновникъ, къ которому онъ обратился за справкой, вдругъ спросилъ:

— Что у тебя карманъ оттопырился? Что тамъ?

— Да два огурца... Домой поѣду, такъ дорогой закусить...

— Давай ихъ сюда!—властно сказалъ чиновникъ.—Ты себѣ купишь снова...

И дьяконъ безпрекословно отдалъ просимое...

Все это владыка хорошо зналъ и не считалъ особенно предосудительнымъ.

— И вездѣ это есть и нигдѣ безъ этого не обходится,—говорилъ онъ, вздыхая, когда кто-нибудь заговаривалъ случайно о разныхъ поборахъ съ просителей въ консисторіи.—Да вѣдь говорится же: худа безъ добра не бываетъ...—какъ бы въ оправданіе присовокуплялъ владыка:—дѣла скорѣе дѣлаются, да и чиновники добрѣе къ просителямъ.

Такое снисходительное отношеніе владыки Аркадія къ консисторскимъ поборамъ объясняется, по всей вѣроятности, еще и тѣмъ, что эти поборы не представляли, въ большинствѣ случаевъ, большой тяжести для дающихъ. Главные подарки были натурою, т.-е. тѣмъ, что у духовенства было не покупное, а свое. Въ подарокъ «нужному человѣку» привозилось обычно—лукошко рѣпы или картофеля, грибы, ягоды, коровье масло и т. п.

Но, допуская мелкіе поборы, какъ необходимое и всеобщее тогда зло, владыка, однако, зорко слѣдилъ, чтобы поборы не превратились въ лихоимство и вымогательство.

Какъ памятникъ своего служенія въ епархіи, архіепископъ Аркадій воздвигъ величественный кафедральный соборъ рѣшительно изъ ничего. Денегъ на постройку не было никакихъ. Рѣшено было учинить сборъ и для сбора послать кафедральнаго протоіерея по веѣмъ городамъ, куда только онъ вздумаетъ... И тутъ мудрый владыка, съ одной стороны, подъ вліяніемъ, можетъ быть, мысли: «сухая ложка ротъ дереть», а съ другой—изъ опасенія не ввести сборщика въ искушеніе утаить часть сбора, — официально назна-

чилъ въ пользу сборщика пять процентовъ съ собранной на соборъ суммы.

На закладку собора владыка привлекъ весь городъ, заявивъ, что всякій личнымъ трудомъ долженъ принять участіе въ основаніи соборнаго храма. И, дѣйствительно, явились и старый и малый, съ различными орудіями для работы. По окончаніи молебна владыка сказалъ одушевленную рѣчь и въ концѣ ея громогласно воскликнулъ:

— Гдѣ моя любезная мотыга? Дайте мнѣ мотыгу-у! Своими руками мы будемъ строить храмъ Создателю вселенной... О, Господи, благослови!

Съ этими словами владыка, въ полномъ облаченіи, взялъ въ руки желѣзную лопату и началъ копать землю. За нимъ принялся за работу и народъ—рыть ровъ подъ фундаментъ, по намѣченной архитектуромъ чертѣ...

Владыка работаль минутъ десять, а потомъ, молча благословивъ всѣхъ общимъ осѣненіемъ рукъ, тихо возвратился въ старый деревянный соборъ и оттуда отбылъ въ раздумьи домой, точно предчувствуя, что подъ воздвигаемымъ соборомъ не приведетъ ему Богъ сложить свои кости...

Дѣйствительно, скоро онъ былъ уволенъ на покой, споткнувшись наконецъ на одной изъ своихъ «каверзъ», доложенной Синоду однимъ изъ ректоровъ, назначеннымъ въ архіереи.

Скончался владыка Аркадій на покоѣ, въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, близъ города Олонца, гдѣ и погребенъ на монастырскомъ кладбищѣ. Келіи владыки, съ небольшою домовою церковью,— гдѣ онъ жилъ на покоѣ,—остаются въ неприкосновенности, со всею скромнѣйшею обстановкою, какъ было при немъ.

Х. Толшемскій.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ О ПОЭТЪ-САТИРИКЪ П. В. ШУМАХЕРЪ.

МЕНЯ есть одна знакомая старуха-генеральша, которая постоянно беретъ у меня книги для чтенія.

— Вы не можете себѣ представить, какая гора воспоминаній выросла передо мной, когда я прочитала статью А. М. Вѣлова «Забытый поэтъ-сатирикъ»,—сказала она мнѣ, возвращая книжку «Историческаго Вѣстника».—Петръ Васильевичъ Шумахеръ былъ мой хорошій знакомый. Въ Иркутскѣ, когда онъ состоялъ при генералѣ-губернаторѣ Корсаковѣ, онъ у насъ бывалъ чуть ли не каждый день. Какъ много я могла бы рассказать о немъ!

— Такъ расскажите.

— Стара я очень стала. Житейскія невзгоды отшибли память. Когда читала о Шумахерѣ, онъ стоялъ передо мной, какъ живой, и картины пережитого проносились одна за другой. Прошло нѣсколько дней, и то, что такъ живо и яркими красками рисовалось мнѣ, исчезло изъ моей памяти. Повседневная жизнь съ ея заботами о насущномъ хлѣбѣ все ненасытно поглощаетъ. Постараюсь припомнить и разобрать въ моихъ воспоминаніяхъ, хотя теперь это мнѣ и трудно будетъ. Такъ какъ я буду рассказывать о жизни Шумахера въ Иркутскѣ, я по необходимости должна буду коснуться и тогдашней общественной жизни въ этотъ городъ.

Какъ вамъ извѣстно, мой мужъ былъ военнымъ,—послѣ нѣкотораго молчанія начала она.—Въ 1865 году, въ чинѣ полковника, онъ былъ назначенъ въ Иркутскъ на одну изъ видныхъ должностей по военному вѣдомству.

Послѣ долгаго и утомительнаго путешествія пріѣхали мы, наконецъ, въ Иркутскъ. Первое впечатлѣніе на меня, коренную жительницу Петербурга, въ которомъ я родилась и жила до замужества, городъ произвелъ болѣе, чѣмъ неблагопріятное. Со слезами на глазахъ я разсматривала деревянные домишки на узкихъ и грязныхъ улицахъ и думала только объ одномъ, долго ли мнѣ придется жить въ этомъ скверномъ, скучномъ городѣ. Въ это время мое вниманіе привлекли люди въ какихъ-то странныхъ костюмахъ, которые сидѣли на землѣ на площади и ѣли, повидимому, съ величайшимъ наслажденіемъ что-то бѣлое, длинное. На мой вопросъ, что это за люди, ямщикъ объяснилъ, что это буряты и что ѣдятъ они салныя свѣчи. Меня это обстоятельство и поразило и забавило. Долго не мѣгла я забыть объ этомъ бурятскомъ лакомствѣ и поэтому, при всякомъ удобномъ случаѣ, разспрашивала о бурятахъ и объ ихъ правахъ и обычаяхъ. Къ сожалѣнію, теперь все перезабыла. Помню только о довольно странномъ способѣ леченія ими лихорадки. Больного раздѣваютъ догола, привязываютъ къ нему большой камень и на веревкѣ опускаютъ его въ рѣку или озеро нѣсколько разъ, до тѣхъ поръ, пока онъ не посинѣетъ отъ холода. Тогда его завязываютъ въ шкуры и накладываютъ на него теплыя одежды, подъ которыми держатъ до появленія у него сильнѣйшей испарины, съ появленіемъ которой болѣзнь безслѣдно исчезаетъ.

Не подумайте, однако, что въ Иркутскѣ были одни буряты. Въ то время было тамъ очень много интеллигентныхъ людей, благодаря большому количеству сосланныхъ туда послѣ возстанія образованныхъ поляковъ. Въ числѣ ихъ были помѣщики, литераторы, доктора, музыканты. На всѣхъ балахъ и въ театрѣ игралъ прекраснѣйшій оркестръ изъ тридцати поляковъ. Жили всѣ очень весело. По крайней мѣрѣ, я была въ этомъ увѣрена. Я была молода, веселилась и мнѣ казалось, что и всѣмъ тогда было весело.

Однако я обѣщала вамъ рассказать о Шумахерѣ и до сихъ поръ еще не упомянула о немъ.

При первой же встрѣчѣ Петръ Васильевичъ произвелъ на меня сильное впечатлѣніе. При дальнѣйшемъ знакомствѣ я усѣдилась, что это былъ не только удивительно умный, но и неимоверно хитрый человекъ. Несмотря на то, что онъ воспитывался у ксендзовъ, онъ былъ полнѣйшій атеистъ. Литературу и иностранные языки онъ зналъ великолѣпно. Для общества это былъ незамѣнимый человекъ. Онъ очень любилъ рассказывать. Когда онъ начиналъ говорить, пересыпая рѣчь шутками и остротами, всѣ умолкали. Дѣйствительно, имъ можно было заслушаться, такъ интересно онъ велъ разговоръ. Къ сожалѣнію, онъ былъ большой циникъ, и, не стѣсняясь присутствіемъ женщинъ, говорилъ неозвонительныя вещи. Утверждая, что необходимо серьезно мѣшать съ весельемъ, онъ постоянно выкидывалъ разныя дурачества. Несмотря на то, что въ Иркутскѣ

была сильно развита карточная игра, онъ никогда въ карты не игралъ, но зато пилъ, и очень много пилъ. Водку иначе онъ не пилъ, какъ большими чайными стаканами. Съ своими друзьями, фотографомъ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ и докторомъ Персинымъ, за одинъ присѣсть обыкновенно вышивали четверть ведра. Несмотря на невѣроятное количество выпиваемыхъ имъ спиртныхъ напитковъ, я пьянымъ его никогда не видѣла. Это была сильная и закаленная натура. Выходя на улицу, онъ не одѣвалъ ни шубы, ни пальто, и въ самые сильные морозы щеголялъ въ одномъ сюртукѣ. Домашній костюмъ его былъ—длинная женская рубашка и больше ничего.

Въ Иркутскѣ онъ ничего не дѣлалъ. Ежедневно кутилъ, дурачился и веселился. Говорили мнѣ, что будто бы онъ писалъ исторію Амура, но я этому не вѣрила. Иногда онъ, дѣйствительно, исчезалъ куда-то на неопредѣленное время вмѣстѣ съ Брюнъ-де-Сентъ-Ипполитомъ. Возвратившись, онъ рассказывалъ, что ѣздилъ осматривать разныя историческія мѣста. Я относилась къ этимъ рассказамъ съ большимъ недоумѣніемъ. Мнѣ казалось, что ѣздилъ онъ вовсе не съ научною цѣлью, а просто отдохнуть отъ безконечныхъ кутежей. Вообще онъ всегда такъ говорилъ, что трудно было уловить, правду ли онъ говорить, или врать.

Врать онъ любилъ вообще. Если же онъ замѣчалъ, что кто-нибудь вѣритъ его болтовнѣ, того онъ совершенно, что называется, одурачивалъ. Въ этомъ отношеніи попался къ нему въ руки адъютантъ начальника штаба Пороховъ, надъ которымъ онъ просто потѣшался. Будучи, какъ я уже сказала, атеистомъ и не вѣря нисколько въ загробную жизнь, Шумахеръ увѣрилъ Порохова, что онъ, какъ сильный медіумъ, имѣетъ постоянное общеніе съ духами. Тотчасъ же было устроено нѣсколько спиритическихъ сеансовъ при полной темнотѣ. Трескъ въ столикѣ, постукиванье и разговоръ по азбукѣ произвели на Порохова большое впечатлѣніе. Скоро Шумахеръ увѣрилъ его, что къ нему особенно благосклонно относится и покровительствуетъ ему духъ Клеопатры. Онъ такъ часто и такъ много сталъ передавать ему отъ имени духа поученій и предсказаній, что Пороховъ ничего не предпринималъ, предварительно не посоветовавшись съ Клеопатрой, конечно, черезъ Шумахера. Въ отсутствіи Порохова, рассказывая о сеансахъ, Шумахеръ съ хохотомъ передавалъ, какой именно совѣтъ дать Порохову Клеопатра на слѣдующій день.

Пороховъ безусловно подчинялся волѣ Клеопатры и исполнялъ ея совѣты. Однако въ послѣдній разъ, передъ своею трагическою смертью, онъ отнесся критически къ предсказанію Клеопатры.

Теперь я хочу вамъ рассказать о смерти Порохова.

Какъ я вамъ говорила, въ Иркутскѣ жило на свободѣ много сосланныхъ поляковъ. Еще больше ихъ было въ тюрьмахъ. По ту

сторону Байкала, на станціи Посольскѣ, ихъ было въ тюрьмѣ тысяча человѣкъ. Въ городѣ часто говорили, что тюрьма эта охраняется только десятью конвойными, и, находя такую охрану недостаточной, постоянно ждали бунта. И дѣйствительно, въ іюнѣ мѣсяцѣ дали знать, что арестанты взбунтовались. Они перебили конвойныхъ и, разломавъ окружавшій дворъ тюрьмы частокола, ушли. Вооружились они пиками, которыя смастерили изъ жердей частокола и большихъ гвоздей, которыми были утыканы доски наверху частокола.

Начальникомъ штаба въ Иркутскѣ былъ Кукель, полякъ. Всѣ служившіе у него офицеры были тоже поляки, кромѣ одного Порохова. Поэтому Кукель, посылая въ погоню за бѣжавшими арестантами казаковъ, начальствованіе надъ ними поручилъ Порохову. Извиняясь, что такое опасное порученіе онъ даетъ ему, Кукель объяснилъ, что онъ не можетъ послать въ эту командировку поляка. Отъ Кукеля Пороховъ прямо поѣхалъ къ Шумахеру. Тотчасъ же былъ приведенъ въ движеніе столикъ, и отъ имени Клеопатры Шумахеръ объявилъ, что командировка окончится вполне благополучно. Пороховъ задумался и сказалъ:

— Въ первый разъ я не вѣрю Клеопатрѣ, потому что предчувствіе мнѣ говорить совершенно иное.

Видя удрученное состояніе Порохова, многіе давали ему совѣтъ отказать отъ этой командировки, но онъ отвѣчалъ всѣмъ одною и тою же фразой, что долгъ службы для него выше всего и что если бы онъ даже зналъ, что его ждетъ тамъ смерть, онъ все-таки поѣхалъ бы. Передъ отъѣздомъ ему давали совѣты держаться самому вдаль, не горячиться и даже не брать съ собой револьвера. Онъ благодарилъ за совѣты и прощался, какъ бы отправляясь умирать. И, дѣйствительно, черезъ нѣсколько дней было получено извѣстіе, что Пороховъ убитъ.

Преслѣдуя бѣжавшихъ, онъ скоро попалъ на ихъ слѣдъ и, обогнавъ, сѣлъ въ засаду. Разсыпавъ казаковъ по опушкѣ лѣса, онъ спрятался въ кустахъ, не оставивъ около себя ни одного казака. Увидѣвъ проходившихъ вблизи четырехъ арестантовъ, Пороховъ не выдержалъ, выстрѣлилъ въ нихъ изъ револьвера и промахнулся. Тѣ бросились на него и прежде, чѣмъ подоспѣли на помощь казаки, закололи его пиками. На тѣлѣ было найдено четырнадцать ранъ.

Пороховъ былъ прекрасный человѣкъ, его всѣ любили и поэтому долго оплакивали этого «человѣка долга службы».

Часть бѣжавшихъ поляковъ была поймана, немногимъ удалось скрыться, остальные же погнбли въ тундрахъ.

Съ Шумахеромъ было много разныхъ приключеній. Я хорошо помню объ одномъ бывшемъ съ нимъ случаѣ потому, что въ теченіе долгаго времени мужчины потѣшались надъ Шумахеромъ. Обыкновенно онъ высмѣивалъ всякаго, а здѣсь онъ самъ попался на зу-

бокъ, и всѣ были рады отомстить ему. Случай былъ довольно оригинальный.

Въ февралѣ мѣсяцѣ у китайцевъ бываетъ праздникъ, носящій названіе «Бѣлый мѣсяцъ». Проѣзжавшіе изъ Маймачина въ Кяхту богатые китайскіе купцы остановились въ Иркутскѣ и устроили торжественныя празднества. Шумахеръ заинтересовался ими и отправился къ купцамъ въ гости. Его приняли очень радушно и стали поить и кормить. Шумахеръ пилъ всѣ напитки и пробовалъ всѣ китайскія кушанья. Въ особенности ему понравились какіе-то красныя шарики. Его сейчасъ же предупредили, что много шариковъ нельзя ѣсть, но онъ не послушалъ и сталъ отправлять въ свою богатырскую утробу одинъ шарикъ за другимъ. Впослѣдствіи оказалось, что это было сильное возбуждающее средство. Послѣдствія невоздержанія были для Шумахера довольно печальны. Не успѣлъ онъ доѣсть послѣдній шарикъ, какъ почувствовалъ себя нехорошо. Онъ пришелъ въ такое возбужденное состояніе, что его сначала обливали холодной водой, а потомъ должны были пригласить доктора.

Оказывалъ ему врачебную помощь докторъ Вишневскій, также сосланный полякъ. Это былъ опытный врачъ и хорошій, добрый человѣкъ, всегда готовый оказать помощь ближнему. У него на первомъ планѣ была наука, и поэтому онъ не былъ «заядымъ» польскимъ патріотомъ. Онъ рассказывалъ, и ему вѣрили, что во время польскаго возстанія онъ жилъ въ Кіевѣ, занимался наукой, практикой и не думалъ принимать какое бы то ни было, хотя бы косвенное, участіе въ польскомъ движеніи. Однажды къ нему явились неожиданно нѣсколько человѣкъ польскихъ эмигрантовъ и предложили ему отправиться съ ними «до лясу» оказывать помощь больнымъ и раненымъ. На предложеніе его откупиться деньгами онъ получилъ отказъ. Тогда онъ заявилъ, что ѣхать не желаетъ. Ко лбу былъ приставленъ револьверъ и былъ предоставленъ выборъ: или онъ сію минуту отправляется съ ними, или будетъ убитъ, какъ «измѣнникъ». Пришлось подчиниться. Черезъ мѣсяцъ онъ былъ задержанъ и затѣмъ сосланъ въ Сибирь.

Умеръ онъ также неожиданно. Въ одномъ семействѣ, гдѣ онъ былъ постояннымъ врачомъ, онъ приласкалъ комнатную собачку. Та неожиданно укусила его за палець. На небольшую ранку онъ не обратилъ вниманія. Черезъ нѣсколько дней выяснилось, что собачка эта страдала бѣшенствомъ. О прививкахъ тогда не знали, и Вишневскій сталъ замѣчать, что у него появляются всѣ признаки водобоязни. Черезъ шесть недѣль онъ потребовалъ, чтобы его связали и отправили въ больницу, гдѣ онъ и умеръ. Мужъ мой одинъ разъ навѣстилъ его въ больницу. Вишневскій его узналъ.

— Закурите папиросу, вложите ее мнѣ въ ротъ и быстро отдерните руку. Иначе я могу укусить,—сказалъ онъ.

Послѣ нѣсколькихъ затяжекъ Вишневскій крикнулъ:

— Я больше не въ силахъ себя удержатъ. Сейчасъ брошусь ку-саться. Уходите!..

Со слезами на глазахъ мужъ ушелъ и больше его уже не видѣлъ.

Теперь я вамъ расскажу объ одной изъ продѣлокъ Шумахера.

Наканунѣ какого-то торжественнаго дня, въ который обыкновенно губернаторъ Шалашниковъ бывалъ въ театрѣ, въ городѣ распространился слухъ, что на слѣдующій день Шумахеръ общалъ своимъ пріятелямъ устроить какой-нибудь скандалъ въ театрѣ. Объ этомъ знали всѣ, кромѣ, конечно, начальства, и поэтому театръ былъ полонъ. Шла «Аскольдова могила». Шумахеръ сидѣлъ въ первомъ ряду. Не успѣлъ взвиться занавѣсъ, какъ Шумахеръ началъ чихать. Прошло нѣсколько минутъ, Шумахеръ чихать не переставалъ. Публика начинаетъ волноваться и смѣяться. Губернаторъ, сидѣвшій въ своей ложѣ, морщится и дѣлаетъ знакъ полицеймейстеру Думанскому. Тотъ срывается съ мѣста, лепитъ въ ложку губернатора, получаетъ инструкціи, подбѣгаетъ къ Шумахеру и шепчетъ ему на ухо. Шумахеръ въ отвѣтъ киваетъ ему головой и чихаетъ. Думанскій начинаетъ его уговаривать. Шумахеръ безнадежно разводитъ руками, поднимается съ мѣста и, не переставая чихать на ходу, идетъ въ бельэтажъ, усаживается тамъ и продолжаетъ чихать. Губернаторъ опять зоветъ къ себѣ полицеймейстера. Публика давно уже не смотритъ на сцену, а слѣдитъ съ интересомъ за разыгрывающеюся комедіей въ партерѣ. Изъ ложи губернатора полицеймейстеръ опять бѣжитъ къ Шумахеру и ведетъ его къ губернатору. Шумахеръ входитъ въ губернаторскую ложу, почтительно кланяется и чихаетъ. Губернаторъ, повидимому, кипитъ и что-то сердито говоритъ Шумахеру. Въ отвѣтъ на это тотъ киваетъ головой и опять чихаетъ. Затѣмъ, сопровождаемый дружнымъ хохотомъ публики, продолжаетъ чихать безъ конца, медленно направляется къ выходу и уходитъ изъ театра.

А вотъ еще одна изъ его продѣлокъ. Одинъ изъ вліятельныхъ лицъ въ городѣ былъ женатъ на богатой, но малообразованной купчихѣ. Послѣ смерти мужа она стала заниматься широкой благотворительностью, пріобрѣла поэтому большую извѣстность и вездѣ была желанной гостьей.

Однажды генераль-губернаторъ Корсаковъ давалъ раутъ. Получивъ письменное приглашеніе, благотворительница попросила пришедшаго къ ней Шумахера объяснить ей слово раутъ.

— Какъ? вы не знаете, что это значить?! Это очень интересное зрѣлище, — сталъ импровизировать Шумахеръ. — Балы могутъ давать всѣ смертные, но рауты только великіе міра сего. Собственно говоря, раутъ это тотъ же балъ, но при особенной обстановкѣ. Начнется этотъ раутъ очень торжественно. На особенномъ, богато убранномъ тронѣ генераль-губернаторъ будетъ сидѣть по срединѣ зала.

Всѣ приглашенные на раутъ въ теченіе получаса будутъ ходить кругомъ парамп. Впереди всѣхъ будетъ барабанщикъ и выбиваетъ дробь, за нимъ дамы и потомъ мужчины. Передъ началомъ шествія адъютанты и чиновники особыхъ порученій устанавливаютъ пары по росту. Впереди идутъ болѣе высокаго роста и самые маленькіе сзади. Такъ какъ вы очень высокаго роста, несомнѣнно, вамъ будетъ оказана особая честь, и вы пойдете въ первой парѣ сейчасъ же вслѣдъ за барабанщикомъ.

Дама поблагодарила за объясненіе, которому безусловно повѣрила. Въ этотъ же день она написала Корсакову письмо, въ которомъ, благодаря за приглашеніе на раутъ, выразила сожалѣніе, что не можетъ быть на немъ по болѣзни.

Послѣ раута на слѣдующій же день генераль-губернаторъ заѣхалъ провѣдать больную благотворительницу. Найдя ее совершенно здоровой, Корсаковъ понялъ, что болѣзнь была фиктивная и что дама отказалась отъ приглашенія по какой-нибудь другой причинѣ. Поговоривъ немного, онъ попросилъ хозяйку сказать ему откровенно, почему она не захотѣла пріѣхать къ нему въ гости. Та обиженнымъ тономъ отвѣтила, что она не молоденькая, да если бы была и помоложе, то и тогда бы не пошла на раутъ, такъ какъ считаетъ для себя унизительнымъ ходить вслѣдъ за барабанщикомъ. Корсаковъ, что называется, раскрылъ ротъ отъ удивленія. Заподозрѣвъ, что дама сошла съ ума, онъ перемѣнилъ разговоръ. Убѣдившись, однако, что она разумно отвѣчаетъ на всѣ вопросы, онъ попросилъ объяснить ему, о какомъ она упоминаетъ барабанщикѣ. Когда, наконецъ, изъ ея дальнѣйшаго разсказа онъ понялъ, какъ подшутилъ надъ ней Шумахеръ, онъ сталъ хохотать, какъ безумный. Въ теченіе долгаго времени хохоталъ и весь городъ.

По дѣламъ благотворительности дама эта бывала часто и у архіерея. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался Шумахеръ для продолженія своихъ надъ ней насмѣшекъ по слѣдующему поводу.

Однажды архіерей въ проповѣди своей, направленной противъ безумной роскоши, привелъ не совсѣмъ удачный примѣръ, сказавъ, что дамы «даже кальсоны и тѣ шьютъ батистовыя».

Узнавъ объ этомъ, Шумахеръ, при первой же встрѣчѣ въ обществѣ съ благотворительницей, сталъ разспрашивать ее, часто ли она бываетъ у архіерея, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, спросилъ, не можетъ ли она, въ такомъ случаѣ, объяснить ему, отъ кого архіерей пріобрѣтаетъ такія подробныя свѣдѣнія о дамскомъ туалетѣ, какія даже ему, свѣтскому человѣку, неизвѣстны.

Кстати скажу еще нѣсколько словъ объ архіереѣ. Стоило ему сѣсть на пароходъ, какъ Байкалъ начиналъ волноваться. Какъ ни избѣгалъ архіерей ѣздить водою, но иногда приходилось, потому что другого пути не было. Увидѣвъ архіерея на пристани, многіе изъ отправавшихся въ путь откладывали свою поѣздку и возвра-

щались домой. И они были правы. Каждая поѣздка архіерея сопровождалась бурей. Тотъ путь, который пароходъ проходилъ обыкновенно въ теченіе девяти дней, продѣлывался около двухъ недѣль. Объяснить причину было невозможно, съ фактомъ же приходилось считаться.

Какъ я уже говорила, Шумахеръ бывалъ у насъ очень часто. О многомъ мы съ нимъ переговорили и немало поспорили. Нужна была извѣстная опытность, чтобы примѣниться къ его способу изложенія мыслей. Рассказывая что-нибудь, онъ не могъ не начать фантазировать и прибавлять отсебятину, такъ что, слушая его, необходимо было смотрѣть ему прямо въ глаза и улавливать моменты, когда онъ перестанетъ говорить правду. Спорила я съ нимъ всегда по вопросамъ религіознымъ. Какъ я уже сказала, онъ былъ атеистомъ, я же и тогда, хотя была молода, но была уже глубоко вѣрующей. Такъ какъ онъ любилъ касаться этой темы, споры у меня съ нимъ бывали чуть ли не ежедневные.

Послѣ переѣзда моего изъ Иркутска въ Петербургъ я вела съ нимъ дѣятельную переписку. Всѣ письма его были на французскомъ языкѣ. Писалъ онъ по разнымъ вопросамъ, преимущественно по тѣмъ же религіознымъ. Къ величайшему моему огорченію, вся переписка, заключающаяся въ двухъ большихъ пачкахъ его писемъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ у меня пропала. Исчезъ также и данный имъ мнѣ на память передъ моимъ отъѣздомъ изъ Иркутска его портретъ, на оборотѣ котораго имъ были написаны слѣдующіе стихи:

Желалъ бы очень посмотрѣть я,
 Какъ вы, прабабушка, шестидесяти лѣтъ,
 На рубежѣ двадцатаго столѣтя
 Съ нѣмою грустію возьмете мой портретъ;
 Какъ на него, съ улыбкой дѣтской глядя,
 Вашъ баловень, любимый внукъ,
 Васъ спроситъ: «бабушка, кто это, толстый дяди?»
 Скажите: «это былъ мой другъ».

М. Ф. Чулицкій.

ТЕАТРЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ.

(Изъ далекаго прошлаго).

I.

Провинція добраго стараго времени.—Бродячія труппы.—Выходцевъ и его антреприза.—Семья Новиковыхъ.—Харьковскій антрепренеръ Дюковъ и его актеры.

О ВТОРОЙ половинѣ шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія губернской городъ Полтава представлялъ собою порядочное захолустье. На главныхъ улицахъ—досчатые тротуары, полустгнившіе, называвшіеся на обывательскомъ языкѣ «пѣшеходами»; черезъ улицы болтались протянутыя между деревьями веревки, съ привязанными по срединѣ уличными фонарями. Губернаторъ, типичный щедринскій помпадуръ, необычайно сухой и высокій, всѣ свои помыслы сосредоточивалъ на «ввѣреніи» политической благонадежности во «ввѣренной» его превосходительству губерніи и не обращалъ никакого вниманія на все остальное. Когда ему болѣе смѣлые обыватели дерзали говорить, что не худо бы «столицѣ Малороссіи» немножко пообчиститься и облагородиться, напыщенный и въ достаточной степени злобный помпадуръ сердито отвѣчалъ, что въ другихъ губерніяхъ еще хуже.

Вотъ въ этомъ-то глухомъ провинціальномъ городкѣ интеллигенція сумѣла, несмотря на условія тогдашней жизни, жить сплоченно и весело. Зимой Полтава оживлялась стѣздомъ помѣщиковъ съ извѣстнымъ княземъ Львомъ Кочубеемъ во главѣ. На первомъ

мѣстѣ стоялъ театръ, которымъ положительно бредило мѣстное общество. Среди любителей, постоянныхъ участниковъ спектаклей, выдѣлялись: душа полтавскаго общества той эпохи А. М. Абаза съ женой, А. И. Пальмъ съ женой, Башкирцевъ (отецъ Маріи Башкирцевой), князь и княгиня Долгоруковы, двѣ дочери начальницы полтавскаго института Л. О. и Е. О. Дейтрихъ (сестры нынѣшняго члена государственнаго совѣта В. О. Дейтриха), молодой Милорадовичъ, котораго всѣ фамиллярно называли Гришей, и другіе. Когда любители однажды поставили «Женитьбу» Гоголя, на спектаклѣ присутствовала жившая въ Полтавѣ сестра великаго писателя Анна Васильевна Гоголь-Яновская.

Постояннаго театра въ городѣ не было. Наѣзжали всевозможныя бродячія провинціальныя труппы. Одна изъ такихъ труппъ была составлена мѣстнымъ учителемъ танцевъ Аведиковымъ; главный актеръ этой труппы, онъ же и декораторъ, Максимъ, игравшій первыхъ любовниковъ, выходилъ на сцену въ блестящихъ мелкихъ резиновыхъ калошахъ вмѣсто лакированныхъ ботинокъ. Пріѣзжала итальянская оперная труппа подъ управленіемъ бассобуффо Камарано. Примадонны Аббати (сопрано) и Баратти (контральто) плѣняли полтавцевъ, подѣлившихся на двѣ партіи. Самъ Камарано производилъ фуроръ въ комическихъ операхъ «Донъ-Кекко», «Фальшивые монетчики» и «Криспино и его кума». Въ первой изъ этихъ оперъ донъ-Кекко выходитъ измоченный дождемъ; Камарано, для реальности, передъ выходомъ велѣлъ себя окачивать изъ ведра настоящей водой и, появляясь передъ зрителями дѣйствительно насквозь промокшимъ, вызывалъ цѣлую бурю восторговъ.

Наѣзжалъ и пользовавшійся громадною популярностью на югѣ актеръ Выходцевъ со своею труппой, каждую роль, будь то проза или стихи, говорившій своими словами и уснащавшій ее глупыми добавленіями и пошлыми остротами на потѣху райка. Каждое свое появленіе на сценѣ Выходцевъ неизмѣнно сопровождалъ отчаянно-громкими возгласами за кулисами, напримѣръ: «Хо-хо-хо!» или «Вотъ и я иду», или «А ну-ка, нажаривай!». Раекъ узнавалъ голосъ своего любимца и встрѣчалъ Выходцева громовыми рукоплесканіями и криками «браво! браво!»

Вотъ образчики выходцевскихъ добавленій и измѣненій. Въ мольеровскомъ «Донъ-Жуанѣ», шедшемъ въ какой-то невозможной передѣлкѣ, Выходцевъ, играя Лепорелло, называвшагося почему-то Педрилло, въ сценѣ со статуей командора на кладбищѣ, каждый разъ говорилъ:

— Господинъ командиръ, пожалуйста къ моему барину кушать мятныя (!) котлеты...

Когда Выходцева спрашивали:

— Откуда вы, Григорій Алексѣевичъ, взяли мятныя котлеты?

Онъ отвѣчалъ:

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

— А что жъ, станемъ еще мы покойника кормить настоящими котлетами!

Въ концѣ пьесы, когда донъ-Жуанъ проваливался съ командоромъ, на сцену выбѣгало нѣсколько статистовъ въ костюмахъ балаганныхъ чертей; черти гонялись за Педрилло, а тотъ отъ нихъ увертывался. Въ разгарѣ бѣготни занавѣсъ надалъ; Выходцевъ, оставаясь передъ занавѣсомъ, обращался къ публикѣ, грозя пальцемъ, съ такими словами:

— И всёмъ такъ будетъ, кто не хочетъ къ намъ въ театръ ходить!

Въ сценѣ съ донъ-Жуаномъ, передъ появленіемъ статуи командора, Выходцевъ произнесилъ такую фразу... на малороссійскомъ языкѣ:

— Въ (у) Педрилло усе горло сторило,—добавляя по-русски:— Дайте, господинъ баринъ, стаканчикъ запеканки (наливки).

Играя Фамусова, въ первой сценѣ съ Лизой Выходцевъ такъ «передѣлалъ» Грибоѣдова:

— Я баринъ, а ты паршивая дѣвчонка на всю улицу гремишь и симфоніи разводишь. Брысь!

Публика гоготала, а интеллигенція смотрѣла на Выходцева, какъ на балаганнаго шута, и незлобиво смѣялась, прощая чудачку его нелѣпыя выходки. Однако и у Выходцева была роль, въ которой онъ не дѣлалъ никакихъ добавленій и, будучи, несомнѣнно талантливымъ по натурѣ комикомъ, игралъ безусловно хорошо: Левъ Гурьчъ Синичкинъ, въ водевилѣ того же названія, передѣланномъ извѣстнымъ водевилистомъ Ленскимъ изъ французской пьески «Le père de la débutante».

Выходцевъ первый поставилъ въ Полтавѣ оффенбаховскаго «Орфея въ аду». Анонсъ о постановкѣ оперетки, съ ума сводившей всю Европу, взбудоражилъ всѣхъ полтавцевъ. Мѣстный стихоплетъ, учитель гимназій Ст. Павл. Стеблинъ-Каминскій (братъ его былъ въ то время полтавскимъ полицеймейстеромъ); сейчасъ же написалъ цѣлое стихотвореніе «Посланіе къ полтавцамъ», шибко ходившее по рукамъ и начинавшееся такимъ перломъ стихокронанія стараго учителя:

«Ахъ, ахъ, ахъ, ахъ,
И въ Полтавѣ Оффенбахъ».

Постановка и исполненіе были, разумѣется, въ выходцевскомъ вкусѣ. Роль Общественнаго Мнѣнія играла маленькая дѣвчонка (лѣтъ девяти) и первый свой монологъ, съ большими сокращеніями, не декламировала, а пѣла на мотивъ русской пѣсни «Во саду ли, въ огородѣ». Выходцевъ объяснялъ эту «вольность» такъ:

— Пусть французы кургузые знаютъ, что и у насъ есть хорошія пѣсни!

Роль Купидона играла жена Выходцева, толстѣйшая немолодая особа, являющаяся въ столь откровенномъ костюмѣ, что изъ райка на первомъ представленіи дружно кричали:

— Выходцева! поди одѣнься, безстыдница!

Въ финалѣ второй картины, когда Купидонъ, сидя на табуретѣ у ногъ Юпитера, вертится, Выходцевъ, поднимая бутафорскую молнію и замахиваясь ею, кричалъ:

— Не вертись, какъ дзыга (волчокъ), а то я тебѣ всю морду сейчасъ разобью!

Въ той же картинѣ, когда Геба читаетъ стихотвореніе на молную въ тѣ времена тему о свободѣ женщинъ, Выходцевъ, послѣ декламации, обращался къ Гебѣ съ такими словами:

— Геба! Иды соби съ пѣба, памъ тоби не треба,—ищи себѣ хлѣба у другихъ антрепренеровъ, а Выходцевъ не такой дуракъ!

Актеры у Выходцева были на всѣ руки: сегодня трагикъ, завтра комикъ, сегодня драматическій любовникъ, завтра танцоръ. Напримѣръ, вотъ что гласила одна изъ афишъ временъ выходцевской антрепризы:

«Сегодня, въ бенефисъ г. и г-жи Мюдушевскихъ представлена будетъ въ первый разъ по возобновеніи историческая (!) драма въ трехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ «Тридцать лѣтъ или жизнь игрока», съ пожаромъ, разрушеніемъ и бенгальскими огнями. Роль Жоржа де-Жермани исполнить бенефициантъ, роль его страдающей жены исполнить бенефициантка. Въ заключеніе спектакля бенефицианты протанцуютъ малороссійскій танецъ «Казачекъ» съ новыми фигурами».

Конецъ шестидесятыхъ и начало семидесятыхъ годовъ ознаменовались крупнымъ переворотомъ въ полтавской театральной жизни. На смѣну балаганныхъ фиглярровъ и балаганныхъ представленій явились настоящіе артисты. Систематически посѣщали Полтаву двѣ труппы: извѣстнаго актера Никифора Ивановича Новикова и харьковскаго антрепренера Николая Николаевича Дюкова, причѣмъ труппа Дюкова пріѣзжала ежегодно во время Ильинской ярмарки. Н. И. Новиковъ, получившій впоследствии широкую извѣстность по всей Россіи и приглашенный затѣмъ въ Петербургъ на императорскую сцену, былъ, дѣйствительно, выдающимся талантомъ. Въ составѣ его труппы находились всѣ члены даровитой новиковской семьи: мать (комическая старуха), жена (водевильная актриса) и три сестры—драматическая актриса Наталья Ивановна Степанова, яркій талантъ которой захватывалъ зрителя, ingénue Варвара Ивановна Лаврова и субретка Шелехова. Мужъ Натальи Ивановны, впоследствии также извѣстный Петербургу комикъ Николай Петровичъ Никоповъ-Ивановъ, былъ цѣннымъ самородкомъ, не получившимъ, къ сожалѣнію, необходимой шлифовки. Старинный двухактный водевиль «Бродяги», съ Никифоромъ Ивановичемъ

Новиковымъ въ роли Роберта и Николаемъ Петровичемъ Новиковымъ-Ивановымъ въ роли Бертрама, не сходилъ съ репертуара. Мужъ Варвары Ивановны Лавровой, актеръ Лавровъ, былъ наименѣе талантливымъ изъ всей артистической семьи, но и онъ стоялъ неизмѣримо выше всѣхъ выходцевскихъ актеровъ, вмѣстѣ взятыхъ. Наталья Ивановна Степанова въ «Горькой судьбинѣ» (Елизавета), «Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ», «Грозѣ», мелодрамѣ «Дѣтскій докторъ» и другихъ заставляла плакать весь зрительный залъ. Однажды третій актъ «Горькой судьбины» пришлось прервать и опустить занавѣсъ, такъ какъ въ театрѣ поднялись истерическія рыданія, заглушавшія слова исполнителей. Самъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ производилъ одинаково сильное впечатлѣніе какъ въ сильно драматическихъ, такъ и въ комическихъ роляхъ. Идеальный Левъ Красновъ и Ананій Яковлевъ были въ то же время безподобнымъ Сквозникъ-Дмухановскимъ и Репетиловымъ. Даже въ такой вымученной и скучиѣйшей пьесѣ, какъ «Расточитель» Лѣскова, Новиковъ умудрился создать изъ Князева необычайно типичное, жизненное лицо. Слабенькая драма Чернышева «Отецъ семейства» съ участіемъ Новикова смотрѣлась съ напряженнымъ интересомъ. И глубоко неправы тѣ поверхностные лѣтописцы, которые утверждали, что Никифоръ Ивановичъ Новиковъ былъ раздутой провинціальной знаменитостью, сошедшей на нѣтъ при вступленіи въ ряды дѣятелей Александрійскаго театра. Это сущій вздоръ. Никогда Новиковъ въ Петербургѣ не «сходилъ на нѣтъ»; если же, подъ конецъ своей жизни, образъ его, какъ актера императорскихъ театровъ, нѣсколько и потускнѣлъ, то виноваты въ этомъ были, во-первыхъ, серьезная болѣзнь Новикова и, во-вторыхъ, тогдашній современный репертуаръ, не дававшій возможности Никифору Ивановичу развернуть во всю ширь свой мощный талантъ; да и вообще многія, чисто закулисныя обстоятельства складывались такъ, что у Новикова опускались руки.

Харьковскій антрепренеръ Николай Николаевичъ Дюковъ первый показалъ Полтавѣ правильно и солидно организованное театральное дѣло. Большая труппа, въ которой находились крупныя провинціальныя артистическія силы, тщательная срепетовка, разнообразный репертуаръ, прекрасные по тому времени костюмы и декорации—все это сразу же обратило на себя вниманіе публики, валомъ валившей въ театръ. Постановкой трагедіи Алексѣя Толстого «Смерть Іоанна Грознаго» Дюковъ произвелъ сенсацію; въ теченіе полутора мѣсяца сезона трагедія шла десять разъ при переполненномъ театрѣ,—фактъ безпримѣрный. Въ труппѣ Дюкова, насчитывавшей немало выдающихся актеровъ того времени, блистали неподдѣльнымъ юморомъ и комическимъ талантомъ комикъ Аркадій Большаковъ и молодая веселая актриса Марья Николаевна Акенфьева. Смотрѣть на эту парочку, впоследствии сочатавшуюся

законнымъ бракомъ, было истиннымъ наслажденіемъ; какой-нибудь пустынькій водевильчикъ исполнялся ими концертно. Дюковъ, отдавая дань зарождавшейся модѣ на оперетку, поставилъ, впервые въ Полтавѣ, «Прекрасную Елену», «Синюю бороду» и другія только что появившіяся въ переводѣ на русскій языкъ шедевры Оффенбаха. Въ «Птичкахъ пѣвчихъ» Акенфьева (Периккола), несмотря на маленькій голосъ, производила фуроръ. Съ постановкой «Птичекъ пѣвчихъ» не обошлось безъ курьеза. Одинъ изъ видныхъ чиновниковъ (молва упорно называла тогдашняго прокурора окружнаго суда Непорожнева, любившаго изображать изъ себя «недреманное око» и частенько отличавшагося довольно эксцентрическими выходками въ области вмѣшательства въ мирную обывательскую жизнь), присутствовавшій на первомъ представленіи оперетки, возмущенъ глумленіемъ надъ губернаторскою властью и сообщилъ объ этомъ его превосходительству начальнику губерніи. Тотъ призвалъ полицеймейстера, разнесъ его и приказалъ сдѣлать вышнее антрепренеру. Полицеймейстеръ струхнулъ и поспѣшно вызвалъ къ себѣ Дюкова.

— У васъ тамъ осмѣиваютъ губернатора! Кто это смѣетъ?—рѣзко началъ полицеймейстеръ.

Дюковъ, отличавшійся хладнокровіемъ и сдержанностью, почесалъ себѣ лѣвую бакенбарду (любимый «жестъ» Дюкова, когда бывали какія-нибудь неспріятности по театру) и замѣтилъ, что никто никого не осмѣиваетъ и что актеры говорятъ на сценѣ и дѣлаютъ только то, что разрѣшено въ цензурованномъ экземплярѣ пьесы.

— Не можетъ быть! никогда цензура не разрѣшитъ смѣяться надъ правительственной властью.

Дюковъ сказалъ, что сейчасъ привезетъ цензурованный экземпляръ, поѣхалъ въ театръ, взялъ пьесу и привезъ полицеймейстеру. Тотъ посмотрѣлъ, увидѣлъ, что фигурируетъ въ опереткѣ, дѣйствительно, губернаторъ, и поскакалъ къ начальнику губерніи съ экстреннымъ докладомъ. О чемъ совѣщались оскорбленные власти—неизвѣстно, но Дюкову было приказано, чтобы впредь, при представленіи «Птичекъ пѣвчихъ», каждый разъ, когда говорится слово «губернаторъ», непременно добавлялось: «города Лима въ Перу», чтобы публика не подумала,—добавилъ полицеймейстеръ,—что рѣчь идетъ о мѣстномъ начальникѣ губерніи. Приказаніе, конечно, исполнялось въ точности. Публика, узнавшая объ «инцидентѣ», много смѣялась и когда, на одномъ изъ представленій, актеръ, игравшій роль Панателлы, забылъ сдѣлать добавленіе и сказалъ просто «губернаторъ», то изъ райка послышались дружные голоса:

— Губернаторъ города Лима въ Перу, не забывай, а то посидишь за рѣшеткой.

Партеръ встрѣтилъ «райскіе» голоса дружными аплодисментами и смѣхомъ.

Большимъ успѣхомъ пользовался гремѣвшій по южной Россіи молодой трагикъ Любскій. Талантъ это былъ выдающійся. Однако пристрастіе къ спиртнымъ напиткамъ дѣлало то, что въ игрѣ Любскаго не было середины: или онъ игралъ вдохновенно, блестяще, потрясая весь зрительный залъ, или бормоталъ что-то подъ носъ, отбарабанивая, какъ школьникъ, заученный урокъ. Разъ, играя Франца Моора въ шиллеровскихъ «Разбойникахъ», Любскій до того увлекся, что на самомъ дѣлѣ затянулъ себѣ шелковымъ шнуркомъ, привязаннымъ къ креслу, петлю на шеѣ. Когда занавѣсъ опустился, актеры съ ужасомъ увидѣли, что Любскій лежитъ безъ движенія, съ багровымъ лицомъ, и храпитъ. Бросились къ нему.

— Онъ задушилъ себя! задушилъ! Доктора! Спасайте!..

Еле разрѣзали петлю, вынули Любскаго, начали приводить въ чувство и еле-еле спасли. При первомъ представленіи «Гамлета» Любскій, блистательно сыгравъ первые три акта, во время сцены сумасшествія Офеліи въ четвертомъ актѣ, когда Гамлетъ не появляется на сценѣ, напился мертвецки пьянымъ и свалился въ уборной подъ скамейку, гдѣ и заснулъ. Начинается пятый актъ, а Любскаго нѣтъ. Искали, искали, такъ и не нашли. Дѣлать нечего: нарядили въ костюмъ Гамлета второстепеннаго актера Малевскаго, а публикѣ анонсировали, что «по внезапной болѣзни г. Любскаго роль Гамлета докончить экспромптомъ г. Малевскій». Кончился спектакль, всѣ разошлись. Среди ночи Любскій проснулся, выпрыгнулъ изъ окна уборной въ садъ (театръ былъ въ городскомъ саду) и въ костюмѣ и гримѣ пошелъ по улицѣ искать, нѣтъ ли гдѣ кабачка или рестораника, гдѣ можно было бы опохмелиться. Въ результатѣ датскій принцъ попалъ въ полицію, гдѣ его продержали до утра, а затѣмъ на извозчикѣ повезли прямо въ театръ (актеры жили тогда въ театрѣ, гдѣ для нихъ было особое помещеніе). Шедшіе въ гимназію гимназисты, увидавъ своего любимца, подбѣжали къ извозчику, столкнули сидѣвшаго на козлахъ полицейскаго, схватили Любскаго на руки и отнесли его въ театръ. Гимназическое начальство посадило семерыхъ зачинщиковъ въ карцеръ на сутки, но затѣмъ по просьбѣ Любскаго, ѣздившаго къ директору, арестованныхъ выпустили, сбавивъ имъ въ четверти одинъ баллъ за поведеніе.

На ампулу трагиковъ съ Любскимъ пытался конкурировать трагикъ Михаилъ Ѳедоровичъ Яковлевъ, актеръ старинной школы, ни за что не хотѣвшій примириться съ мыслью, что рычанье, вмѣсто рѣчи, ворочанье бѣлками, патетическія завыванія и другіе приемы доморощеннаго «трагизма» вышли изъ моды и даже въ тѣ времена возбуждали только улыбку. Михаилъ Ѳедоровичъ, раздраженный успѣхами Любскаго, разъ до того обозлился, что въ день именинъ Любскаго послалъ ему въ подарокъ коробку ваксы и двѣ сапожныя щетки. Любскій, догадавшись, отъ кого присланъ такой подарокъ, пошелъ къ Яковлеву.

— Михаилъ Ѳедоровичъ! сердечно благодарю васъ за вниманіе и ласку. Объясните только, сдѣлайте милость, какъ понимать вашу презентъ?

— И понимать не надо, — рѣзко отвѣтилъ Яковлевъ: — ты только и годишься, какъ актеръ, чтобы чистить намъ, артистамъ, сапоги!..

Любскій, засмѣявшись, ушелъ, но не остался въ долгу у Яковлева. Въ день бенефиса Михаила Ѳедоровича «могикану русскаго театра», какъ называлъ себя Яковлевъ, Любскій поднесъ въ красивомъ картонажѣ, перевязанномъ розовой лентой, пару телячьихъ мозговъ. Яковлевъ страшно разсердился и грозилъ «убить, какъ собаку», Любскаго. Разумѣется, добродушный трагикъ никогда не привелъ бы угрозы въ исполненіе, но Дюковъ, ревниво оберегавшій свою актерскую семью отъ всякихъ скандаловъ, вмѣшался и въ тотъ же вечеръ помирилъ Любскаго съ Михаиломъ Ѳедоровичемъ. Впослѣдствіи, несмотря на разницу въ лѣтахъ, оба трагика сдѣлались пріятелями.

Яковлевъ очень часто отговаривался на сценѣ, что служило поводомъ къ Гомерическому хохоту публики. Въ драмѣ «Парижскій ветошникъ» главное дѣйствующее лицо, проводивъ любимую дѣвушку, возвращается на сцену и съ горечью восклицаетъ:

— Ахъ ты, сука, сука!

Яковлевъ, смущенный тѣмъ, что публика вызвала за удачно проведенную сцену драматическую актрису, подойдя къ авансценѣ, отговорился и патетически прокричалъ:

— Ахъ ты сука, сука!..

Весь зрительный залъ расхохотался. Въ мелодрамѣ «Лондонскій звонарь», въ сценѣ съ графомъ, на вопросъ: «Кто ты?» вмѣсто «лондонскій звонарь!» рѣзко отчеканилъ:

— Лондонскій свинарь!

И долго-долго дразнили добряка Михаила Ѳедоровича этимъ «свинаремъ». Въ драмѣ «Эсмемальда или четыре рода любви» (сценической передѣлкѣ романа Гюго «Notre Dame de Paris») Квазимодо, котораго игралъ Яковлевъ, по уходѣ Клодь-де-Фрелло, послѣ объясненія съ Эсмемальдой, угрожающе говоритъ вслѣдъ: «Трепещи меня, проклятый синдикъ!»

Яковлевъ сказалъ.

— Трепещи меня, синклятый пиндикъ!

Публика, привыкшая къ яковлевскимъ отговоркамъ, каждый спектакль съ участіемъ Яковлева ожидала, что трагикъ непременно ее насмѣшитъ, такъ оно неизмѣнно и бывало.

Когда Дюковъ въ одинъ изъ годовъ почему-то не привезъ своей труппы, Полтава была неподдѣльно оторчена. Вмѣсто Дюкова явился изъ близкаго къ Полтавѣ Кременчуга какой-то антрепренеръ Глейзманъ, юркій еврейчикъ, объявившій, что привезъ перво-классную труппу «русскихъ драматическихъ актеровъ» и что ре-

пертуаръ составленъ изъ новыхъ пьесъ, «никогда не игранныхъ предъ почтеннѣйшей полтавской публикой». Для открытія сезона поставлена была, дѣйствительно въ первый разъ въ Полтавѣ, переводная мелодрама «Дебора». Публика наполнила театръ, думая, что обѣщанія ловкаго антрепренера хоть отчасти оправдаются. Первый дебютъ вышелъ вмѣстѣ съ тѣмъ и послѣднимъ, окончившись грандіознымъ скандаломъ. «Первоклассные русскіе драматическіе актеры» оказались плохими любителями, сплошь евреями, да еще отвратительно говорившими по-русски, съ сильнымъ еврейскимъ акцентомъ. По первому же абцугу Дебора, выйдя на сцену съ отцомъ и подойдя къ стоявшей скамьѣ, сказала (словъ этихъ, кажется, въ пьесѣ не было):

— Пашматри, атець, какой ждѣсь пилъ (какая здѣсь пыль).

— Выжу, дочке, выжу,—отвѣтилъ отецъ.

Въ публикѣ начался свистъ, а затѣмъ сначала отдѣльные возгласы «вонъ», потомъ дружные крики:

— Вонъ! долой со сцены! Опустите занавѣсь!

Растерянные Дебора и ея отецъ не знали, что имъ дѣлать, поднялись со скамьи, подошли къ авансценѣ, начали размахивать руками, пытаясь что-то сказать, но въ зрительномъ залѣ бушевала такая буря, что занавѣсь опустили. Тогда публика начала вызывать антрепренера.

— Глейзмана! Глейзмана!

Глейзманъ не выходилъ. Партеръ, поддержанный райкомъ, неистовствовалъ:

— Деньги обратно! деньги обратно!

Публика хлынула къ касеѣ, гдѣ блѣдный, какъ полотно, Глейзманъ и перепуганный кассиръ, подъ наблюденіемъ полицеймейстера, начали выдавать обратно деньги за купленные билеты. Понятно, на другой же день Глейзмана и его труппы и слѣдъ простылъ.

Черезъ двѣ недѣли пріѣхалъ Никифоръ Ивановичъ Новиковъ, — и сразу глейзмановскій скандалъ былъ позабытъ. Снова восхищали всѣхъ и каждого любимые актеры и актрисы. Когда вышелъ на сцену Новиковъ—Ананій Яковлевъ (шла «Горькая судьбина»), аплодисменты и крики «браво» длились, какъ замѣтилъ по часамъ одинъ изъ театраловъ, шесть минутъ, а это цѣлая вѣчность въ театрѣ! Послѣ «Горькой судьбины» поставленъ былъ извѣстный водевиль П. Григорьева «Ямщики, или какъ гуляетъ староста Семень Иванычъ»; старосту игралъ Новиковъ, еврея-смотрителя почтовой станціи—Новиковъ-Ивановъ, ямщика Степку—жена Новикова Елизавета Николаевна. Произошелъ небывалый въ лѣтописяхъ русскаго театра случай: по окончаніи «Ямщиковъ» вся публика, какъ одинъ человѣкъ, потребовала, чтобы весь водевиль, отъ начала до конца, былъ повторенъ. Актеры подчинились энтузіазму полтав-

цевъ, занавѣсъ былъ поднять, и весь водевиль сыгранъ второй разъ. Это былъ послѣдній прїѣздъ труппы Н. И. Новикова, труппы, о которой долго воспоминала Полтава; на ея долю выпало любоваться пышнымъ расцвѣтомъ всѣхъ членовъ талантливой семьи Новиковыхъ.

На слѣдующій годъ снова прїѣхалъ Дюковъ и въ первый разъ поставилъ «Русскую свадьбу» Сухонина. Постановка этой интересной картины жизни нашихъ предковъ превзошла всѣ дюковскія постановки. На второмъ представленіи «Русской свадьбы» присутствовали прїѣхавшій въ Полтаву концертировать Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ; дня черезъ три, во время своего второго концерта, Антонъ Григорьевичъ, на одинъ изъ многочисленныхъ бисовъ, сыгралъ экспромтъ собственной композиціи на тему пѣсни шута изъ «Русской свадьбы», особенно ему поправившейся, сыгралъ, конечно, такъ, какъ всегда игралъ нашъ знаменитый пианистъ. Капельмейстеръ оркестра Дюкова, молодой и очень талантливый Лисовскій-Козловскій, рассказывая, какъ его послѣ «Русской свадьбы» позвалъ къ себѣ Антонъ Григорьевичъ, какъ спрашивалъ объ его музыкальномъ образованіи и хвалилъ, не могъ удержаться отъ волненія и восторженно повторялъ:

— Какое громадное счастье! со мной говорилъ самъ Рубинштейнъ!..

Послѣдней большою постановкою Дюкова въ Полтавѣ былъ шекспировскій «Отелло» съ Любскимъ. Роль венеціанскаго мавра совершенно не удалась талантливому трагику; Любскій такъ утрировалъ въ передачѣ моменты безумной ревности Отелло, что вызывалъ легкій смѣхъ. Послѣ перваго представленія трагедія была снята съ репертуара и больше не повторялась. Неудачу съ «Отелло» загладилъ крупный успѣхъ лермонтовскаго «Маскарада», гдѣ Любскій въ Арбенинѣ превзошелъ самого себя. Впослѣдствіи Любскій спился, скитался грязный и оборванный по провинціи, и умеръ, всѣми забытый, въ крайней бѣдности.

Въ опереткахъ пѣвучія роли исполнялись дочерью Дюкова Дубровичъ, вышедшей вскорѣ замужъ за телеграфиста Форкати, поступившаго въ дюковскую труппу, и Лентовскимъ, пользовавшимся значительнымъ успѣхомъ. Лентовскій прямо отъ Дюкова поѣхалъ въ Москву, гдѣ послѣ удачнаго дебюта былъ принятъ на императорскую сцену; но не она создала Лентовскому широкую популярность. Лентовскій, подъ фамиліей Рюбанъ, выступалъ въ концертахъ и на сценахъ клубовъ, какъ исполнитель входившихъ въ моду съ легкой руки Монахова (въ Петербургѣ) комическихъ куплетовъ, эти-то куплеты и положили начало театральнымъ триумфамъ этой талантливой натуры, отличавшейся необыкновенной энергіей и организаторскими способностями. Лентовскій первый создалъ въ Москвѣ въ широкомъ масштабѣ частный театръ и

достигъ колоссальнаго успѣха. Имя Лентовскаго въ теченіе долгаго времени гремѣло не только въ обѣихъ столицахъ, но и по всей Россіи.

У Дюкова же начиналъ свою сценическую карьеру Ивановъ-Козельскій. Изъ остальныхъ актеровъ дюковской труппы, кромѣ ранѣе упомянутыхъ, слѣдуетъ отмѣтить: Стружкина, Горева, сестеръ Фанни и Ольгу Козловскихъ, Андреева-Бурлака и другихъ. Послѣ Дюкова Харьковъ не имѣлъ, да, вѣроятно, и не будетъ имѣть такой блестящей драматической труппы, а о Полтавѣ и говорить нечего. Полтавскій театръ въ настоящее время занимаетъ одно изъ послѣднихъ мѣстъ среди провинціальныхъ театровъ. *Sic transit!*

II.

Театръ въ Самарѣ. — Антрепренеръ Нѣмовъ и его труппа. — Самарскіе театралы. — Бѣглый раскольникъ. — Антреприза пензенскаго помѣщика. — П. П. Васильевъ, П. А. Пикитинъ и П. К. Милославскій.

Въ семидесятыхъ годахъ городъ Самара былъ включенъ въ число «мѣстъ не столь отдаленныхъ», куда по приговорамъ окружныхъ судовъ ссылались обвиненные въ различныхъ «не тяжкихъ» преступленіяхъ и проступкахъ. Хотя суды ссылали «въ Самарскую губернію», но тогдашній губернаторъ, человѣкъ мягкій и сердечный, зря не свирѣпствовалъ и разрѣшалъ всѣмъ интеллигентнымъ ссыльнымъ жить въ губернскомъ городѣ. Въ тѣ времена желѣзная дорога доходила лишь до Сызрани и зимой можно было добраться до Самары только на лошадяхъ. Городъ жилъ исключительно торговлей хлѣбнымъ зерномъ, и на этой торговлѣ зиждилось все благосостояніе обывателей. Хорошій урожай, отправка зерна большая—городъ оживленъ, жизнь кипитъ весельемъ, купцы бойко торгуютъ; урожай плохъ—городъ замираетъ, все уныло, пустынно. Тонъ всей самарской жизни половины семидесятыхъ годовъ задавали г.г. «пшеничники»,—такъ назывались скупщики и оптовые торговцы пшеницей.

Кромѣ неизбѣжныхъ клубовъ, для удовольствія горожанъ имѣлись: лѣтомъ—Струковскій садъ на берегу Волги, гдѣ, какъ полагаютъ провинціальному саду, имѣлся «буфетъ», а зимой—театръ, стоявшій на площади, передѣланный изъ хлѣбнаго амбара.

Изъ антрепренеровъ симпатіями «публики» пользовался Иванъ Константиновичъ Нѣмовъ, сухощавый человѣкъ съ густыми черными усами, чахоточный, нервный и раздражительный. На афишкахъ Нѣмовъ называлъ себя «артистомъ императорскихъ театровъ», хотя на вопросы, въ какомъ именно императорскомъ театрѣ онъ служилъ и какое мѣсто занималъ,—Нѣмовъ отмалчивался. Велъ онъ театральное дѣло вполне по-провинціальному. Жена его,

Надежда Николаевна Нѣмова, довольно красивая молодая женщина, главенствовала въ женскомъ персоналѣ труппы, играя, какъ опытная лицедѣйка, исключительно выигрышныя роли. Нѣмова обладала небольшимъ симпатичнымъ голоскомъ и пѣла въ водевиляхъ и опереткахъ. Въ сезонъ 1874—1875 гг. въ составѣ труппы Нѣмова были: драматическая актриса Лаврецкая-Черкасова, мужъ ея комикъ Черкасовъ (впослѣдствіи безызывѣстный на югѣ антрепренеръ), молодая ingénue comique Лебедева, любовникъ и фатъ Аркадѣевъ (настоящая фамилія его Лангаммеръ, служилъ до Самары въ Петербургѣ въ Александринскомъ театрѣ на небольшихъ роляхъ), старый комикъ Глушковскій и другіе.

На роляхъ вторыхъ резонеровъ былъ пренеприятный типъ—прогорѣвшій помѣщикъ-аристократъ князь Иванъ Яковлевичъ Болховской, поступившій на сцену, какъ опъ увѣрялъ, изъ любви къ искусству и выбравшій себѣ псевдонимъ Далье.

— Зачѣмъ вы, Иванъ Яковлевичъ, взяли французскую фамилію?—спрашивали его.

— Ахъ, mon cher, все-таки, знаете, не могу отстать отъ барскихъ привычекъ!—отвѣчалъ опъ.

При чемъ тутъ были барскія привычки,—Далье не пояснялъ.

Всѣмъ и каждому Иванъ Яковлевичъ рассказывалъ, что онъ разводится съ женой (жившей въ Самарѣ же) и что «княгиня Болховская» выходитъ замужъ за самарскаго присяжнаго повѣреннаго Павла Аркадѣевича Андриѣвскаго, черезъ нѣсколько лѣтъ переѣхавшаго въ Кіевъ и издававшаго тамъ газету «Кіевская Заря». Какъ актеръ, Далье былъ совершеннымъ ничтожествомъ, но въ Самарѣ все его знали и поэтому добродушно аплодировали ему, хотя прогорѣвшій князь выступалъ въ самыхъ незначительныхъ роляхъ.

Въ то время въ Самарѣ жилъ сосланный туда Петръ Ивановичъ Кичеевъ, впослѣдствіи безызывѣстный поэтъ и театральный критикъ, размѣнявшій, къ сожалѣнію, свой недюжинный литературный талантъ на пяточки московской уличной прессы. Кичеевъ былъ записнымъ театраломъ, усердно посѣщалъ спектакли нѣмовской труппы и пописывалъ театральныя рецензіи въ маленькой мѣстной газетѣ «Самарскій Листокъ Объявленій». Однажды въ рецензіи о «Бѣдности не порокъ» Кичеевъ разразился громовымъ обвиненіемъ въ бездарности самого Нѣмова, игравшаго Любима Торцова. «Такъ сыграетъ каждый плохой любитель», писалъ Кичеевъ. Нѣмовъ, зная, что Кичеевъ считаетъ себя талантливымъ актеромъ на драматическія и характерныя роли, встрѣтивъ Кичеева въ театрѣ, въ антрактѣ подошелъ къ нему.

— Вотъ вы, Петръ Ивановичъ, раздѣляли меня подъ орѣхъ, а сами, поди-ка, еще хуже меня сыграете.

— Хуже васъ?—иронически отвѣтилъ Кичеевъ:—да развѣ можно сыграть хуже васъ?

— А я вамъ докажу, что можно,—отвѣтилъ Нѣмовъ.—Сыграйте-ка!.. Я специально для васъ повторю «Бѣдность не порокъ», хотя увѣренъ, что не будетъ никакого сбора.

— Вы это серьезно?—спросилъ Кичеевъ.

— Конечно, серьезно. Когда вы можете выступить?

— Да хоть черезъ недѣлю,—храбро отвѣтилъ Кичеевъ.

— Ну, по рукамъ.

Черезъ недѣлю афиша гласила, что «сегодня, для перваго дебюта Петра Иванова, представлена будетъ комедія А. Н. Островскаго «Бѣдность не порокъ». Сбору, какъ предвидѣлъ опытный Нѣмовъ, не было никакого, но Кичеевъ не унывалъ и передъ выходомъ сказалъ помощнику режисера:

— Я имъ покажу, какъ надо играть Островскаго.

Бѣдный Петръ Ивановичъ былъ жестоко наказанъ за свою самоувѣренность: онъ торжественно провалился. Человѣкъ пятьдесятъ собравшейся «публики» безжалостно опикали дебютанта. На Кичеева это такъ повліяло, что онъ до самаго отъѣзда изъ Самары больше не писалъ театральныхъ рецензій и никогда уже не дерзалъ публично выступать на театральныхъ подмосткахъ. Въ одной изъ своихъ первыхъ рецензій о нѣмовскихъ спектакляхъ Кичеевъ посвятилъ чудаку Далье слѣдующее четверостишіе:

«Въ гостиной онъ—актеръ,
Въ театрѣ—полотерь,
И авторамъ на диво
Молчитъ краснорѣчиво»...

Далье ужасно обидѣлся и просилъ передать Кичееву, что лучше краснорѣчиво молчать, чѣмъ печатно говорить глупости. Къ концу сезона Далье буквально обожалъ, какъ институтка, Кичеева и съ гордостью говорилъ:

— Петръ Иванычъ—мой лучший другъ; такихъ свѣтлыхъ головъ днемъ съ огнемъ не сыщешь. Я опустился, но Кичеевъ разбудилъ во мнѣ человѣка, и я чувствую, что ко мнѣ возвращается человѣческое достоинство.

Самымъ талантливымъ въ труппѣ Нѣмова былъ комикъ Глушковскій, несмотря на то, что талантъ его шелъ уже къ закату и что его одолѣвали физическіе недуги—глухота и ожирѣніе. Нѣкоторыя роли Глушковскій игралъ прямо-таки виртуозно. Природный юморъ въ соединеніи съ недюжиннымъ талантомъ выдвигали Глушковскаго изъ рядовъ современныхъ ему актеровъ, а между тѣмъ, благодаря скромности и робкой неувѣренности въ своихъ силахъ, Глушковскій скитался по маленькимъ провинціальнымъ городамъ, не мечтая даже о крупныхъ провинціальнхъ театрахъ, гдѣ онъ занялъ бы первое мѣсто. Въ веселой комедіи съ пѣніемъ

«Со ступеньки на ступеньку» (довольно удачной передѣлкѣ нѣмецкой *Posse mit Gesang* «*Von Stufe zu Stufe*») въ одной изъ картинъ сидитъ за столомъ въ увеселительномъ саду подвыпившій купецъ, періодически повторяющій одну и ту же фразу «Бутылку пива!» Изъ этой роли Глушковскій дѣлалъ такую крупную и интересную фигуру, что все вниманіе публики только на ней и сосредоточивалось. Курслѣпова въ комедіи Островскаго «Горячее сердце» Глушковскій игралъ въ полномъ смыслѣ слова артистически. Дикой въ «Грозѣ», Ляпкинь-Тяпкинь въ «Ревизорѣ», Ячница въ «Женитьбѣ», старый докторъ Гловъ въ водевилѣ Баженова «Вѣдовая бабушка»—были настоящими шедеврами Петра Кузьмича Глушковскаго.

Въ самарскомъ обществѣ, посѣщавшемъ усердно театръ, образовалась цѣлая группа театраловъ, считавшихся въ актерской семьѣ своими людьми. Во главѣ ихъ находился мѣстный полицеймейстеръ Иванъ Николаевичъ Пикарь, одно время служившій въ Петербургѣ, а затѣмъ за какую-то провинность переведенный въ Самару. Пикарь, образованный и общительный человѣкъ, отличался постоянно веселымъ расположеніемъ духа; онъ острилъ, балагурилъ, являлся неисчерпаемымъ источникомъ всевозможныхъ анекдотовъ. Актеры его ужасно любили, и онъ платилъ имъ тѣмъ же. На своемъ вѣку онъ перевидалъ всѣхъ лучшихъ русскихъ и иностранныхъ артистовъ и поэтому считался строгимъ цѣнителемъ театра. Пикарь довольно зло и остроумно при всякомъ удобномъ случаѣ поднималъ на смѣхъ упомянутаго выше адвоката Андріевскаго, пользовавшагося въ самарскомъ обществѣ довольно сомнительной репутаціей. Андріевскій, чванный и напыщенный, считалъ себя необыкновеннымъ знатокомъ драматическаго искусства, а на самомъ дѣлѣ ничего въ немъ не смыслилъ. Словесныя схватки между добродушнѣйшимъ Пикаромъ и зеленѣющимъ отъ злости заносчивымъ Андріевскимъ обыкновенно происходили въ театральномъ буфетѣ; Андріевскій неизмѣнно оставался побѣжденнымъ и удалялся подъ аккомпаниментъ дружнаго хохота всѣхъ присутствовавшихъ на этихъ забавныхъ турнирахъ; подливалъ масло въ огонь Кичеевъ, органически не переваривавшій нахальства и чванливой самоувѣренности. Любимымъ удовольствіемъ Пикара было въ присутствіи приглашенныхъ имъ актеровъ и театраловъ устраивать по фальшивой тревогѣ выѣзды пожарной команды!..

— Вы посмотрите, какой у меня брандмейстеръ!—самодовольно хвалился Пикарь, указывая на дюжого дѣтину въ блестяще начищенной пожарной каскѣ.—А вотъ эта парочка пѣгихъ?.. А каковъ брандспойтъ? И въ столицахъ не найдете!

Когда окружающіе поддакивали и разсыпались въ похвалахъ, Пикарь везъ всѣхъ гостей къ себѣ домой и угощалъ ихъ шампанскимъ.

Однажды, часовъ въ шесть вечера, въ двадцатинятиградусный морозъ съ вѣтромъ, когда добрый хозяинъ собаки не выгонитъ на улицу, въ уборную къ только что прїѣхавшему въ театръ Нѣмову робко вошелъ худощавый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати двухъ, безъ всякой растительности на лицѣ, одѣтый въ тоненькій рваный пиджакъ, брошенный на темносинюю косоворотку.

— Что тебѣ надо?—закричалъ разсерженный Нѣмовъ, увидавъ незнакомца.

— Я къ вамъ съ просьбой, Иванъ Константиновичъ. Слыхалъ я, что вы человѣкъ добрый. Возьмите меня!

— Куда? Полный комплектъ рабочихъ на сценѣ имѣется, каньдидинеровъ больше не надо, куда жъ я тебя возьму?

— Въ актеры.

— Что-о?

Нѣмовъ разинулъ ротъ отъ удивленія. Молодой человѣкъ, дрожа отъ холода и волненія, разсказалъ, что онъ сынъ богатаго самарскаго купца раскольника, что отецъ не позволяетъ ему учиться и заставляетъ помогать приказчикамъ въ хлѣбномъ амбарѣ, что онъ, тайкомъ отъ отца, каждый вечеръ бѣгалъ въ театръ и такъ полюбилъ театръ, что рѣшилъ во что бы то ни стало пойти въ актеры.

— Вчера отецъ уѣхалъ недѣли на три въ Бузулукъ (уѣздный городъ Самарской губерніи),—продолжалъ молодой человѣкъ:— а сегодня утромъ я совсѣмъ убѣжалъ изъ дому и больше туда никогда не вернусь. Весь день я скитался по городу, насилу дождался вечера. Если вы меня не возьмете,—я повѣшусь, другого выхода мнѣ нѣтъ. Позвольте мнѣ и жить въ театрѣ, я идѣ-нибудь найду себѣ уголочекъ.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ Нѣмовъ.

— Василій Иванычъ!

— Ну, вотъ что, Василій Иванычъ. Прежде всего—подите въ каморку къ ламповщику Семену...

— Знаю, знаю!—радостно кричалъ молодой человѣкъ.

— И погрѣйтесь, да велите, отъ моего имени, чтобы онъ васъ накормилъ, а потомъ потолкуемъ, послѣ спектакля.

— Стало быть, вы меня не выгоните? Какое счастье!—обрадовался бѣглый раскольникъ.

Черезъ два дня въ труппѣ Нѣмова прибавился одинъ актеръ «на вторыя роли»—Васильевъ. Оказалось, что у молодого человѣка, помимо страстнаго желанія поступить на сцену, былъ и несомнѣнный талантъ. Въ концѣ сезона Васильевъ началъ замѣтно выдѣляться, а черезъ два года я его видѣлъ уже настоящимъ актеромъ. Въ судьбѣ Васильева принялъ большое усердіе Пикарь. Отецъ Васильева, вернувшись въ Самару и узнавъ о бѣгствѣ сына, только рукой махнулъ и не дѣлалъ никакихъ попытокъ отыскать его.

Разумѣется, старикъ не зналъ, что сынъ пошелъ въ актеры, и не узналъ этого, какъ мнѣ потомъ рассказывалъ Василій Ивановичъ, до самой смерти.

Зимній сезонъ 1876—1877 года начался въ самарскомъ театрѣ антрепризой помѣщика Пензенской губерніи князя Кутыева. Молодой князекъ, страстный любитель театра, соблазнилъ и, забросивъ собственное хозяйство и заложивъ имѣніе, пустился въ рискованное театральное предпріятіе. Среди сезона у Кутыева не хватило денегъ, актеры начали, по обыкновенію, ссориться; Кутыеву надобли театральныя дрязги, надобли постоянныя займы, и онъ отказался, передавъ театръ самимъ актерамъ, образовавшимъ товарищество.

Театральныя дѣла шли неважно, да и не мудро: въ Самарской губерніи свирѣпствоваль голодь. Но, несмотря на рядъ неудачъ, въ теченіе этого сезона самарская публика увидѣла на сценѣ своего театра трехъ знаменитостей: артистовъ императорскихъ театровъ Павла Васильевича Васильева 2-го, Павла Александровича Никитина и Николая Карловича Милославскаго.

Павель Васильевичъ Васильевъ, имя котораго, какъ громадной театральной величины, никогда не умереть въ исторіи русскаго театра, пріѣхалъ въ Самару на четыре спектакля. Нечего и говорить, что театръ былъ переполненъ и знаменитый артистъ сдѣлался предметомъ шумныхъ овацій публики, изумленной не только талантомъ Павла Васильевича, но и невиданными до тѣхъ поръ пріемами сценическаго исполненія. Расплюевъ («Свадьба Кречинскаго») и Любимъ Торцовъ («Бѣдность не порокъ») — перлы творчества красы и гордости русскаго театра П. В. Васильева. Для третьей гастрولي Павель Васильевичъ выступилъ въ Львѣ Красновѣ («Грѣхъ да бѣда на кого не живеть»), но въ этой роли артистъ, благодаря своей смѣшной фигурѣ и тембру голоса, не производилъ цѣльнаго впечатлѣнія, хотя моментами потрясалъ своею игрой весь зрительный залъ. Павель Васильевичъ, идеальный комическій актеръ, имѣлъ удивительное пристрастіе къ трагическимъ или сильно драматическимъ ролямъ. Давно ужъ онъ лелѣялъ мысль сыграть Гамлета и не скрывалъ своего страстнаго желанія. Въ бесѣдѣ объ этомъ съ актерами Павель Васильевичъ, предупреждая весьма естественные вопросы относительно пригодности такой фигуры и такого голоса для олицетворенія мечтательнаго принца-философа, настойчиво увѣрялъ, что по Гервинусу (!) и другимъ комментаторамъ Шекспира, Гамлетъ долженъ быть небольшого роста, толстый, съ короткой шеей, выше среднихъ лѣтъ и съ хриплымъ голосомъ. По этому вопросу Павель Васильевичъ не терпѣлъ никакихъ возраженій и сурово обрывалъ спорщика возгласомъ:

— Что вы тамъ понимаете?!

Павель Васильевичъ, для прощальнаго бенефиса-гастроли въ Самарѣ, хотѣлъ во что бы то ни стало поставить «Гамлета», но недостатокъ времени помѣшалъ знаменитому комику добровольно выставить себя на публичное позорище. Въмѣсто проектированнаго «Гамлета» поставлена была модная тогда въ Петербургѣ комедія съ куплетами «Петербургскіе котти», въ которой Васильевъ морилъ со смѣху въ роли Антоши Безноженскаго, и старинная одноактная комедія-водевиль «Незнакомые знакомцы», гдѣ одно появленіе Павла Васильевича, игравшаго Дерюгина, въ коротенькомъ военномъ сюртукѣ и потертой военной фуражкѣ съ большимъ козырькомъ, вызывало гомерическій хохотъ. Васильевъ, вѣчно враждовавшій съ другимъ корифеемъ тогдашней императорской сцены Василиемъ Васильевичемъ Самойловымъ, придирался къ каждому случаю, чтобы обругать Самойлова гаеромъ, шарлатаномъ и фокусникомъ. Самойловъ платилъ Васильеву тѣмъ же. Что возбудило такую непримиримую вражду, — непонятно. Оба занимали совершенно различное амплуа, оба были одинаково крупными талантами, оба пользовались одинаковымъ успѣхомъ, и одинъ не могъ переварить другого!

При отъѣздѣ Павла Васильевича изъ Самары общество устроило столичной знаменитости торжественные проводы. Театраль-полцеймейстеръ И. Н. Пикарь, за прощальнымъ ужиномъ, привѣтствовалъ отъѣзжающаго теплой рѣчью, въ которой, между прочимъ, сказалъ:

— Примите, дорогой Павель Васильевичъ, нашу горячую любовь, вызванную близкимъ знакомствомъ съ вами, и нашу неподдѣльную скорбь, вызываемую горестной разлукой. На берегахъ Невы не забывайте о гостепріимной Волгѣ. Склоняя передъ вами голову, я отъ лица всей Самары говорю вамъ: до скораго свиданья.

Вслѣдъ за полицеймейстеромъ поднялся П. И. Кичеевъ и произнесъ слѣдующій экспромтъ:

Къ брегамъ Невы російско-финскимъ
Онъ ѣдетъ, — Волга замутилась
И предъ талантомъ исполинскимъ
Сама полиція склонилась.

Популярнѣйшій чтець-декламаторъ Павелъ Александровичъ Никитинъ, извѣданный почти всю Россію, пріѣхалъ въ Самару въ первый разъ. Какъ актеръ, онъ выступилъ въ драмѣ Дьяченка «Жертва за жертву», комедіи князя Кугушева «Корнетъ Отлетаевъ», передѣлкѣ комедіи Сарду «Nos intimes» — «Друзья-пріатели», одноактной комедіи въ стихахъ Н. И. Куликова «Которая изъ двухъ» и въ «Горѣ отъ ума». Всѣ эти роли были отдѣланы у Никитина до мелочей; Чацкаго игралъ онъ посредственно, но читалъ грибоѣдовскіе стихи удивительно, въ особенности монологи «А

судьи кто?» и «Не образумлюсь,—виновать». Успѣхъ Никитина можно назвать бѣшенымъ. Затѣмъ Никитинъ нѣсколько разъ выступалъ, въ заключеніе спектаклей, какъ чтець — и тутъ уже театръ просто ревѣлъ отъ восторга. Юмористическія стихотворенія Пушкирева, Минаева, Петра Вейнберга, Жулева, «Грѣшница» А. Толстого, «Поля» Майкова, «Парадный подъѣздъ» Некрасова — вызывали нескончаемыя рукоплесканія. Въ Самарѣ Никитинъ вздумалъ сыграть Хлестакова, но попытка оказалась неудачной. Зато въ популярной въ тѣ времена комедіи въ стихахъ «Житейская школа» Никитинъ былъ художественъ.

Актеры, получившіе передъ прїѣздомъ Никитина въ свое распоряженіе отъ Кутыева театръ и устроившіеся на товарищескихъ началахъ, упростили Петра Александровича, приглашеннаго на двѣ недѣли, стать во главѣ товарищества и остаться до конца сезона. Никитинъ согласился и повелъ дѣло блестяще: товарищи за послѣдніе полтора мѣсяца получили свое жалованье полнымъ рублемъ. Послѣднимъ спектаклемъ въ сезонѣ шла «Житейская школа»; по болѣзни одного изъ актеровъ роль его (очень маленькая) была передана за четыре дня до спектакля актеру Желѣзникову, отличавшемуся тѣмъ, что никогда не училъ ролей. «Житейская школа», какъ я сказалъ, написана стихами, а стиховъ вѣдь «своими словами» не скажешь. Однако Желѣзниковъ остался вѣренъ себѣ, и своей маленькой роли все-таки не потрудился выучить, понадѣясь на суфлера. По пьесѣ Желѣзниковъ долженъ былъ въ сценѣ съ Никитинымъ, сказать:

«Вы говорите—да, а что какъ вдругъ да пѣть?

«Что дѣлать станете? ну-съ, дайте-ка отвѣтъ!»

Желѣзниковъ, поймавъ на лету крики суфлера, сказалъ:

«Вы говорите да, а я говорю пѣть,

«Вотъ вамъ и весь отвѣтъ».

Никитинъ расхохотался и тотчасъ же отвѣтилъ Желѣзникову слѣдующимъ экспромтомъ:

«Сперва ты выучи-ка роль,

А ужъ затѣмъ играть изволь...

Для насъ же неучи—великіе нахалы,

Достоинъ свиста ты всей театральной залы».

Публика тогда сообразила, въ чемъ дѣло, и отвѣтила на никитинскую отповѣдь взрывомъ аплодисментовъ.

Третьимъ и послѣднимъ гастролеромъ сезона 1876—77 г.г. былъ Николай Карловичъ Милославскій, о которомъ во всевозможныхъ лѣтописяхъ, запискахъ, дневникахъ т. п. разсыпано множество анекдотовъ. Современники Милославскаго, рѣшившіе подѣлиться съ русскимъ читателемъ воспоминаніями объ этой оригинальной личности, словно специализировались на анекдотахъ о популярномъ южномъ антрепренерѣ и, во всякомъ случаѣ, незаурядномъ сцени-

ческомъ дѣятелѣ. И никто изъ этихъ современниковъ не разсказаль своихъ впечатлѣній о Милославскомъ-артистѣ, словно Николай Карловичъ только затѣмъ и посвятиль себя театральнымъ подмосткамъ, чтобы и на сценѣ и въ закулисной жизни разыгрывать анекдоты въ лицахъ. Милославскій, по тѣмъ временамъ, когда театры были заполнены необразованными и невѣжественными людьми, могъ считаться самымъ образованнымъ, воспитаннымъ и начитаннымъ изъ своихъ сверстниковъ. Вотъ эти-то качества Милославскій и утилизироваль, добавивъ необходимую дозу смѣлости, граничащей съ нахальствомъ. Умъ и образованіе, въ связи съ житейской ловкостью, создали Милославскому успѣхъ. Таланта же, дара Божьяго, управляющаго сердцами и чувствами зрителей, у Милославскаго не было. Поэтому смѣшно и досадно было читать нерѣдко появлявшіяся въ печати конца семидесятыхъ годовъ сравненія Милославскаго съ В. В. Самойловымъ, И. В. Самаринимъ, С. В. Шумскимъ и др. крупными талантами отечественнаго театра. Игра Милославскаго была умная, выученная; въ технику онъ достигаль виртуозности, но отсутствіе таланта сказывалось въ каждой роли, какъ бы таковая ни была детально отдѣлана. Провинціальная публика семидесятыхъ годовъ была воспитана на грубой, топорной игрѣ большинства тогдашнихъ провинціальныхъ лицедеѣвъ; образованные, умные актеры являлись единицами. Вотъ къ этимъ-то единицамъ и принадлежалъ Н. К. Милославскій. Въ «Старомъ баринѣ» и «Ришелье» Милославскій до смѣшного копироваль В. В. Самойлова, и только люди, не видавшіе оригинала, могли восхищаться блѣдной копіей.

Въ Самарѣ Николай Карловичъ выступилъ въ «Старомъ баринѣ»; для второго выхода Николая Карловича поставлена была драма «Смерть Ляпунова». Приѣзжій гость имѣль внѣшній успѣхъ, но сборовъ не дѣлаль. Третьей ролью Милославскаго былъ Жоржъ Дорси въ «Гувернерѣ» Дьяченка. Какъ бы то ни было, а знакомство самарской публики съ Милославскимъ имѣло, до извѣстной степени, воспитательное значеніе. Публика поняла, до какого совершенства можетъ доходить театральная техника и какихъ результатовъ на сценѣ можно достигнуть исключительно умомъ, образованіемъ и широкою опытностью. Наиболѣе понравилась самарскимъ театрамъ Николай Карловичъ въ роли донъ-Сезара-де-Базанъ въ комедіи «Испанскій дворянинъ»; роль эту артистъ исполняль, съ внѣшней стороны, вполнѣ артистически и даваль цѣльный, выдержанный типъ, а не карикатуру, какъ это было у другихъ провинціальныхъ исполнителей донъ-Сезара.

Послѣ «кутывескаго» сезона самарскій театръ переходилъ изъ рукъ въ руки. Одно время онъ даже вспомнилъ о былыхъ своихъ успѣхахъ, когда антрепренерствовалъ актеръ Новиковъ (однофа-

милець извѣстныхъ Новиковыхъ). Но мало-по-малу Самара, какъ театральный городъ, падала, и въ настоящее время самарскій театръ считается однимъ изъ захудалыхъ.

III.

Вершители судебъ провинціальныхъ театровъ.—Крупные и мелкіе антрепренеры.—Наплывъ новыхъ лицедѣевъ.—Какъ заманивали публику.—Ростовскій антрепренеръ Вальяно.—Крахъ провинціи.

Кто же въ семидесятыхъ и началѣ восьмидесятыхъ годовъ насаждалъ въ провинціи драматическое искусство? Въ чьихъ рукахъ находилась судьба русскаго драматическаго театра?

Наиболѣе «видными» антрепренерами той эпохи считались: Дюковъ въ Харьковѣ (о немъ говорилось уже въ первой главѣ этихъ краткихъ и отрывочныхъ воспоминаній), Смольковъ—въ Нижнемъ-Новгородѣ, Павловъ—въ Тулѣ и Калугѣ, Кастровскій—въ Саратовѣ, Медвѣдевъ—въ Казани, Лаухинъ—въ Орлѣ, Максимовъ—въ Одессѣ и Вальяно—въ Ростовѣ-на-Дону и Таганрогѣ.

Кромѣ Дюкова, наибольшую популярность пользовался казанскій антрепренеръ Петръ Михайловичъ Медвѣдевъ, изъ школы котораго (медвѣдевскій театръ былъ настоящей школой для актеровъ) вышли почти всѣ выдающіеся артисты, впоследствии составившіе себѣ крупное имя на казенныхъ и частныхъ сценахъ обѣихъ столицъ. Самъ Медвѣдевъ, на склонѣ своей дѣятельности, попалъ въ Александринскій театръ и даже одно время занималъ мѣсто режиссера, но звѣзда Медвѣдева начала тускнѣть еще до переѣзда его въ Петербургъ и быстро закатилась. Настали иныя времена, отъ театра требовалось уже не то, что десять-пятнадцать лѣтъ назадъ, и Петръ Михайловичъ очутился въ самомъ безпомощномъ положеніи.

Нижегородскій Смольковъ, орловскій Лаухинъ, саратовскій Кастровскій—всѣ были типичными провинціальными антрепренерами, преслѣдуемыми чисто коммерческіе интересы и весьма мало заботящимися объ искусствѣ, которое служило имъ источникомъ наживы. Въ труппахъ всѣхъ трехъ попадались хорошіе, талантливые актеры, но въ то время на хорошихъ актеровъ былъ большой урожай.

Михаилъ Андреевичъ Максимовъ, старый актеръ, бывшій артистъ императорскихъ театровъ, выѣзжалъ въ Одессѣ больше на опереткѣ. Мелкіе провинціальные антрепренеры—Матковскій, Семенъ Никодимовичъ Новиковъ и др.—сдѣлали изъ театровъ совсѣмъ мелочныя лавочки и своимъ веденіемъ театральнаго дѣла напоминали ловкихъ торгашей, не имѣющихъ ни малѣйшаго отношенія къ драматическому искусству.

Актеровъ съ каждымъ годомъ плодилось все больше и больше; всѣхъ неудачниковъ, выгнанныхъ за лѣнь гимназистовъ, бѣсящихся съ жиру провинціальныхъ барышенъ, мелкихъ приказчиковъ, прогнанныхъ со службы маленькихъ чиновниковъ плѣняли будущіе лавры, сравнительная незначительность предстояшаго «театральнаго» труда, абсолютная легкость заработать ежемѣсячно рублей сорокъ-пятьдесятъ, а то и болѣе, веселая жизнь театральнаго богемы и проч. Великимъ постомъ, когда, по изстари заведенному обычаю, въ Москвѣ начинается съѣздъ провинціальныхъ Гарриковъ на актерскую биржу, бритыя фізіономіи и набѣленные вызывающія женскія лица на каждомъ шагѣ попадались по улицамъ Бѣлокаменной. Въ излюбленныхъ маленькихъ актерскихъ рестораничкахъ появлялись все новые и новые служители Мельпомены.

Тульско-калужскій антрепренеръ Павловъ, прозванный въ театральныхъ кружкахъ «Червончикомъ», первый сообразилъ, что разъ предложеніе превышаетъ спросъ, то, значить, и актерское жалованье должно понизиться, а доброкачественность актера—пустое дѣло: главное—забористая афиша и заманчивыи репертуаръ. И вотъ, съ легкой руки «Червончика», на актерской биржѣ появились герои за сто рублей въ мѣсяцъ, драматическія актрисы за сто пятьдесятъ рублей въ мѣсяцъ, любовники и фаты не свыше семидесяти пяти рублей и т. д. Разумѣется, каждая пьеса проваливалась, но антрепренеръ не унывалъ, такъ какъ все равно приходилось не повторять пьесъ, ставить ежеспектакльно или новыя, или въ первый разъ возобновленныя. Сборы хоть были неважныя, но и расходы по содержанію труппы сократились по крайней мѣрѣ на половину.

Театральное дѣло мало-по-малу падало. Прогары антрепренеровъ приняли характеръ какой-то эпидеміи. Чтобы какъ-нибудь заставить публику ходить въ театръ, практиковались самыя антихудожественныя, болѣе того—шарлатанскіе приемы. Театральная провинція изощрялась въ изобрѣтательности: бенефицианты объявляли безпроигрышную лотерею, при чемъ главнымъ выигрышемъ являлась лошадь или большой серебряный самоваръ; афишки составлялись во вкусѣ захолустныхъ цирковъ; на афишкахъ пьеса расписывалась по дѣйствіямъ съ самыми кричащими названіями. Вотъ, на примѣръ, какъ была составлена афиша одного изъ спектаклей въ Воронежѣ:

«Съ новой блестящей помпезной обстановкой представлена будетъ въ первый разъ идущая съ громаднымъ успѣхомъ на императорскихъ сценахъ бытовая и салонная драма знаменитаго драматурга Николая Антиповича Потѣхица «Злоба дня» въ четырехъ дѣйствіяхъ и двѣнадцати картинахъ. Дѣйствіе первое, картина первая—«Въ нѣдрахъ генеральской семьи», картина вторая—«Блуд-

ный сынъ», картина третья—«За что же гибель?» Дѣйствіе второе, картина четвертая—«Желѣзнодорожный тузъ купеческаго званія», картина пятая—«У сына Сережи морозъ по кожѣ», картина шестая—«Помяни царя Давида и всю кротость его». Дѣйствіе третье, картина седьмая—«Роковой день», картина восьмая—«Генеральша влюбилась», картина девятая—«Попка куснулъ». Дѣйствіе четвертое, картина десятая—«Баль въ оранжереѣ», картина одиннадцатая—«Милый дороже жизни», картина двѣнадцатая—«Она застрѣлилась, бѣдная голубка!»

Провинціальный театръ возвращался къ временамъ Выходцева и ему подобныхъ!

Среди антрепренеровъ не университетскихъ второстепенныхъ провинціальныхъ городовъ рѣзко выдавался Григорій Ставровичь Вальяно, антрепренеръ-любитель, горячій поклонникъ театра, брезгливо относившійся вообще къ театральному шарлатанству, все глубже и глубже пускавшему корни.

По происхожденію таганрогскій грекъ, блестящій гусаръ, богатый помѣщикъ, Вальяно до того увлекся театромъ, что въ одинъ прекрасный день сразу порвалъ всѣ связи съ прошлымъ, бросилъ военную службу, отказался отъ общества, въ которомъ вращался, и сдѣлался антрепренеромъ и актеромъ, всецѣло отдавшись театру. Смѣлый шагъ Вальяно вызвалъ въ его роднѣ и въ обществѣ суровое осужденіе, а частью и недоумѣніе. Какъ? пренебречь будущей карьерой? промѣнять «свѣтъ» на театральные подмостки? превратиться въ жалкаго фигляра, когда въ жизни все кругомъ только улыбалось? Непонятно, необъяснимо!

Оставивъ въ сторонѣ всякія матерьяльныя соображенія, Вальяно собралъ большую и удачную по своему подбору труппу и взялъ въ аренду два театра: въ Ростовѣ-на-Дону и сосѣднемъ Таганрогѣ. Постояннымъ мѣстопробываніемъ труппы былъ Ростовъ, а въ Таганрогъ посылалась нѣсколько разъ въ мѣсяць часть труппы. Репертуаръ составлялся изъ драмъ, комедій, водевилей и, впоследствии, оперетокъ. Самъ Вальяно всѣ свои симпатіи перенесъ на оперетку. Зная хорошо музыку и отлично владѣя французскимъ и нѣмецкимъ языками, Вальяно завелъ сношенія съ Парижемъ и Вѣной, откуда, изъ первыхъ рукъ, получалъ новыя оперетки и самъ же переводилъ или передѣлывалъ ихъ для русской сцены. Кромѣ «Прекрасной Елены», «Орфея въ аду» и «Периколы», всѣ остальные оперетки ставились на русскокомъ языкѣ въ Ростовѣ у Вальяно, а затѣмъ уже на другихъ русскихъ театрахъ, включая и столичные.

Работоспособность Вальяно была изумительной. Онъ спалъ не болѣе четырехъ-пяти часовъ въ сутки, большею частью сидя въ креслѣ, а все остальное время посвящалъ работѣ. Оперетки онъ переводилъ по ночамъ и непремѣнно стоя за конторкой. Будучи недюжиннымъ художникомъ, Вальяно самъ рисовалъ модели ко-

стюмовъ, дѣлалъ макеты для декорацій, а зачастую самъ рисовалъ декораціи. Онъ не жалѣлъ денегъ на постановку и обставлялъ пьесы подчасъ роскошно. На квартирѣ его въ громадномъ залѣ цѣлые дни и вечера шлились костюмы, изготовлялись бутафорскія вещи и проч. Постановка оперетты Леккока «La fille de madame Angot» въ маленькомъ ростовскомъ зимнемъ театрѣ (нынѣ уже не существующемъ) обошлась Вальяно въ три съ половиною тысячи, что, по тѣмъ временамъ, для провинціи считалось просто сумасшествіемъ. Страстный любитель играть, Вальяно участвовалъ въ каждомъ спектаклѣ, въ то же время режиссируя, ставя лично каждую новую пьесу. Вальяно дышалъ театромъ, внѣ театра его ничто не интересовало, безъ театра онъ не могъ прожить ни одного часа.

Ростовская публика переполняла театръ, аншлаги на театральной кассѣ «всѣ билеты проданы» были почти обычнымъ явленіемъ, и тѣмъ не менѣе фанатикъ-антрепренеръ не избѣгнулъ общей антрепренерской участи: влѣзъ въ долги, спустивъ все свое состояніе въ два-три года, и прогорѣлъ... Со слезами на глазахъ покидалъ онъ любимый Ростовъ, гдѣ началась его театральная дѣятельность, Ростовъ, носившій на рукахъ своего антрепренера.

Бѣдной, съ разбитыми нервами и пустыми карманами, бѣднякъ Григорій Ставровичъ переселился въ Петербургъ и вынужденъ былъ, спрятавъ въ дальній ящикъ самолюбіе, подвизаться у Егарева, передъ полупьяной кафешантанной публикой. Затѣмъ старикъ перекочевалъ въ Москву къ пріютившему его Лентовскому. У Лентовскаго Вальяно работала, пока хватало силъ; изъ Москвы поѣхалъ опять въ Петербургъ, гдѣ пробылъ недолго, а оттуда въ провинцію, гдѣ вскорѣ и умеръ.

Богачъ-помѣщикъ, свѣтскій левъ, душа аристократическаго общества, окончилъ свое житейское поприще больнымъ, всѣми забытымъ бѣднякомъ!

По стопамъ Вальяно пошли и многіе крупнѣйшіе провинціальныя антрепренеры, не выдержавъ борьбы съ безденежемъ и равнодушіемъ загадочнаго сфинкса, называемаго публикой. Солидные антрепренеры старились, прогорали, уходили на покой, а на смѣну имъ появлялись ловкачи-шарлатаны, надувавшіе толпу и безсовѣстно эксплуатировавшіе довѣрчиваго простяка-актера. Лучшіе провинціальныя актеры потянулись къ столицамъ: часть поступила въ императорскіе театры, часть нашла широкое поле дѣятельности на частныхъ сценахъ Москвы, гдѣ появились, послѣдовательно смѣняя другъ друга, умѣлые и солидные антрепренеры: Танѣвъ, Лентовскій, Бренко и Коршъ.

Провинція переживала періодъ упадка драматическаго театра. Растерзанную драму добивали сперва оперетка, а потомъ опера, занявшая почетное мѣсто во всѣхъ крупныхъ провинціальныяхъ городахъ. Москва съ чисто русскимъ радушіемъ встрѣчала зарожде-

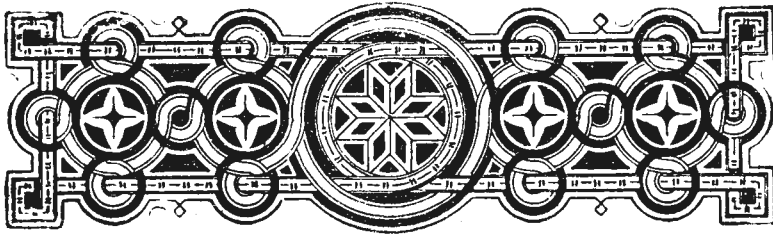
ніе частныхъ театровъ, крѣпнущихъ и развивающихся, а въ то же время въ Петербургѣ нарождался новый типъ частнаго театра—театра при буфетѣ различныхъ увеселительныхъ садовъ, со специфической буфетно-садовой публикой, собственными, по мѣткому выраженію В. П. Буренина, распивочно-бутербродными рецензентами, за извѣстную мзду возносившими до небесъ различныхъ поваровъ, буфетчиковъ и кухонныхъ мужиковъ, сдѣлавшихся театральными антрепренерами.

Театръ въ провинціи и посейчасъ находится въ критическомъ положеніи. Хорошо «работаютъ» пять-шесть провинціальныхъ городовъ, а въ остальныхъ театры влачатъ самое жалкое существованіе.

Пять-шесть на всю необъятную Русь!

Г. А. Пальмъ.

МЕРТВАЯ ЗЫБЬ.

(Путевыя впечатлѣнія).

ТОЛЬКО что вернулся изъ дѣловой поѣздки вглубь Россіи, что въ послѣднее время мнѣ случалось дѣлать много разъ и по своимъ и по служебнымъ надобностямъ.

Приходилось главнымъ образомъ заглядывать въ убогія деревни и иногда проводить по нѣскольку дней сряду въ захолустныхъ «медвѣжьихъ углахъ».

Всюду глушь необъятная, безпробудная тишь, сонное царство... Даже какъ-то странно думать, сидя въ этихъ забытыхъ небомъ уголкахъ, что, вѣдь, это страна, гдѣ толкуютъ о «парламентскихъ функціяхъ», «группахъ» государственнаго совѣта и реформъ избирательнаго права.

Приходилось бесѣдовать съ мѣстными землевладельцами... Есть милые, добрые люди, не безъ образованья, выписывающіе газеты и журналы. Чего же лучше!

— Ну, что: какъ у васъ тутъ?—спрашиваю, бывало, кого-нибудь побойчѣе.

— Да что же, ничего... Живемъ—хлѣбъ жуемъ...

— А какъ насчетъ направленья у васъ здѣсь?

— Какого то-есть направленья?—удивляется чистосердечно собесѣдникъ, и его добродушное, пухлое лицо съ русской бѣлокурой бородкой и сѣрыми обывательскими глядѣлками расплывается въ недоумѣвающую улыбку.

— Да кто вашъ депутатъ въ государственной думѣ?

— Порфирій Демьянычъ Ермошкинъ.

— Ну, вот какой же онъ партіи?

— Националисть, кажется... Да, вѣдь, это что жь, не все ли равно?

— Какъ «не все ли равно»? Да у васъ въ уѣздѣ-то направленье-то какое же?

— Да всякаго здѣсь бываетъ... А намъ вотъ главное насчетъ бы нашихъ дѣловъ здѣшнихъ... желѣзная вотъ дорога теперь...

— Да, вѣдь, ихъ, дѣла-то ваши, падо же провести въ думѣ чрезъ партію.

— А ну ихъ къ Богу, всё эти ваши партіи,—говорить, позѣвывая, другой «милый» помѣщикъ:—и къ чему это ихъ такъ много наплодили?

— А что, господа,—мѣняя тонъ, обращается онъ къ намъ обоимъ:—не пора ли и червячка заморить? Самый теперь настоящій адмиральскій часъ,—и онъ подноситъ намъ подъ носъ свой золотой хронометръ съ аккуратно стоящей на двѣнадцати стрѣлкой.

— Конечно,—любезно соглашаюсь я, но все-таки пытаюсь предложить еще вопросъ:—Ну, а скажите, вотъ этотъ самый депутатъ вашъ Ермошкинъ выступалъ уже въ думѣ? И какъ, удачно?

Собесѣдники въ перѣбшительности посматриваютъ другъ на друга, а потомъ на меня.

— А кто его тамъ знаетъ?—говорить первый. —Кажется, что-то будто говорилъ... Пишетъ онъ намъ, видите ли, рѣдко...

— А думскіе отчеты въ газетахъ? Развѣ не читаете?

Помѣщики пересмѣиваются.

— А лѣнь, батенька, все это прочитывать... Такую уйму пишутъ... иной разъ и не пересмотришь всего...

Что бы сказали на это наши Родичевы, такъ отважно утверждавшіе о полной подготовленности всей Россіи къ «новому режиму»?

Въ другой губерніи завожу разговоръ съ земскимъ начальникомъ.

— Что въ вашемъ участкѣ подѣлывается? Съ народомъ справляетесь?

— Ахъ, ужъ и не говорите!—махаетъ рукой земскій начальникъ съ краснымъ носомъ и сиповатымъ баскомъ, изъ бывшихъ военныхъ, вышедшій изъ полка «по недоразумѣнію»,—съ нимъ просто сладу нѣтъ! Тихоней прикидывается, а вы посмотрите-ка на дѣла нашихъ канцелярій: все сплошь завалено дѣлами о конокрадствѣ и лѣсопорубкахъ... И при этомъ всё пьютъ, каналы, поголовно, даже дѣтей малыхъ спиваютъ!

— Зачѣмъ же дѣтей-то?

— Да ужъ повѣрьте,—любой крестьянскій мальчишка 12—14 лѣтъ прецѣправно тянетъ сивуху... И бабы тоже...

— Неужели и бабы?

— И бабы и дѣвки—всѣ пьютъ-съ!

— А вотъ вы бы ихъ, по возможности, просвѣтили: разъясняли бы имъ понемножку ихъ дикость, школку бы, что ли, устроили, — говорю я не безъ колебанія.

— Да что вы?!—хочетъ земскій.—Развѣ что съ этими пропойцами можно сдѣлать? Въ холодную при волости посадить, — тамъ очухается... Жаль, что пороть этихъ мерзавцевъ нельзя!

И это говорить при всѣхъ чиновникъ, назначенный законодателемъ быть попечителемъ народнымъ, судьей праведнымъ, защитникомъ, добрымъ совѣтникомъ!..

Другой земскій начальникъ за большимъ ужиномъ у мѣстнаго «воротилы» громогласно утверждалъ:

— Никакого интереса въ народѣ къ думѣ нѣтъ! Ему поставьте ведро водки, — вотъ и все, что ему надо. И всѣ эти грабежи, разбои, осады дворянскихъ усадебъ, поджоги, — все это вовсе не было «революціоннымъ движеніемъ», какъ наивно предполагаютъ господа «эсеры» и «эсдеки», а просто жаждой легкой наживы, зуломъ попользоваться чужимъ добромъ, побарствовать на даровщинку, всѣ барскія снѣди пожрать, всѣ вина осушить, а усадьбу и домъ спалить, чтобъ и «духу барскаго» не оставалось...

Ему, конечно, возражали:

— Позвольте, вы слишкомъ мрачно рисуете нашего крестьянина! Конечно, въ то время, о которомъ вы говорите, въ немъ проснулись дикіе инстинкты, но, вѣдь, это подъ вліяніемъ пропаганды...

— Ахъ, оставьте, пожалуйста, эту «пропаганду» и этихъ всѣхъ «анархистовъ», приписывающихъ себѣ подготовку событій 1905—1906 годовъ, — возражалъ земскій начальникъ:—это все вздоръ, самообманъ. Раскидывались по деревнямъ прокламаціи, а ихъ крестьяне на «цыгарки» употребляли. Ходили сюда разные «соціалисты» и пытались толковать нашимъ мужикамъ объ ихъ общественныхъ и иныхъ правахъ, но чѣмъ же это обыкновенно кончалось?..

— Чѣмъ же?—полюбопытствовали присутствовавшіе.

— А вотъ-съ чѣмъ: поговорить, поговорить этотъ самый «соціалъ-демократъ» доморощенный, мужикъ его будто слушаетъ, а потомъ и преподнесетъ: «это точно что... правильно, значить, а твоя милость на косушку намъ, значить, пожалуйста, — за твое здоровье выпьемъ».

Вице-губернаторъ, исполнявшій обязанности начальника губерніи, съ торжествомъ рассказывалъ мнѣ о только что подавленномъ имъ въ зародышѣ рабочемъ бунтѣ на фабрикѣ.

— Дѣло теперь передано судебной власти, — закончилъ онъ свой разговоръ:—и виновные будутъ наказаны... Да это, вѣдь, имъ какъ съ гуся вода... А жаль, — прибавилъ онъ вдругъ, помолчавъ:—что до нихъ теперь нельзя пальцемъ дотронуться, а то бы вотъ ихъ, до суда-то, выпоротъ бы нещадно...

И полная рука юнаго «администратора» съ короткими пальцами, украшенная рубиномъ на мизинцѣ, сложилась въ напряженный кулакъ и съ шумомъ опустилась на зеленое сукно письменнаго стола.

Это «нещадно» рѣзнуло по ушамъ чѣмъ-то давно прошедшимъ. Нашихъ рабовъ безправныхъ били «нещадно» только до Александра I, и въ его царствованіе это ужасное слово было уже со-всѣмъ исключено изъ нашего кодекса.

У меня не нашлось словъ продолжать бесѣду съ этимъ представителемъ правительственной власти XX вѣка, сладко мечтающимъ о нещадной поркѣ.

Провинціальные «батюшки», съ которыми мнѣ доводилось встрѣчаться,—въ уныніи и тяготѣ... Безспорно, ихъ положеніе до такой степени трудно и безвыходно, что дальше итти некуда, и нужно только удивляться, что находятся еще люди, которые добровольно подвергаютъ себя безконечной пыткѣ быть въ порабощеніи у прихода и существовать съ презрѣніемъ бросаемой имъ, наравнѣ съ нищими, милостыней, подъ лицемѣрнымъ названіемъ «доброхотнаго даянія».

Главнымъ образомъ, конечно, страдаетъ деревенское духовенство, такъ какъ быть въ матеріальной зависимости отъ нашего мужика—это чего-нибудь да стоитъ! Священники особенно жалуются на молодое крестьянское поколѣніе, отъ котораго имъ приходится терпѣть всевозможныя издѣвательства и самую отборную брань.

У деревенскаго причта есть, правда, свой «церковный надѣлъ», но мало того, что эти надѣлы въ огромномъ большинствѣ случаевъ запольные, никогда не видавшіе удобренія,—какъ трудно найти въ наше время дешевый и добросовѣстный земледѣльческій трудъ и до какихъ баснословныхъ цѣнъ доходятъ кормовые продукты! Содержать собственный скотъ для деревенскаго причта становится совершенно немыслимымъ, и священникъ поневолѣ радъ уступить свой надѣлъ въ аренду или въ «испольную» обработку, но въ послѣднемъ случаѣ, при современномъ развращеніи деревни, «церковныя копны» то и дѣло таинственно исчезаютъ съ поля, а какъ причту за ними усмотрѣть?

— Одна была у насъ надежда—на государственную думу, но до сихъ поръ она не оправдалась,—съ скорбной улыбкой сказалъ мнѣ одинъ уѣздный священникъ изъ Пензы.—Да и можно ли чего отъ думы ждать для нашего брата? Тамъ, вѣдь, все больше о правахъ челоѣчества разсуждаютъ, кадетскую «тактику» преподносятъ да хохочутъ надъ добровольнымъ комикомъ Пуришкевичемъ...

И священникъ, съ нервнымъ молодымъ лицомъ и добрыми глазами, въ которыхъ уже виднѣлась тоска и покорность своей горькой долѣ, безотрадно махнулъ рукой.

— Потерпите,—сказаль я:—все по-хорошему устроится...

— А развѣ мы не терпимъ? Всю жизнь только и терпимъ...

И, прощаясь и крѣпко пожимая мнѣ руку, прибавилъ:

— Пока солнце взойдетъ, роса глаза выѣсть!

Вотъ она, эта «матушка Русь»—безконечныя поля направо и налево, убогiя селенiя, церкви на курьихъ ножкахъ, угрюмые лѣса и столь же угрюмыя лица крестьянъ съ выраженiемъ при-тупленности и равнодушiя.

Повсюду безнадежность, унынiе, апатiя...

Но заѣзжайте въ самую деревенскую глубь, гдѣ я только что побываль, и тамъ васъ ожидаютъ уже такiе неожиданныя и до трагизма грустные «курьезы», что диву дивнiшься и невольно опускаются руки.

Вотъ что мнѣ рассказываль одинъ мѣстный помѣщикъ, гостепрiимствомъ котораго я пользовался въ теченiе нѣсколькихъ дней.

— Наступило холодное время, начались заморозки, надо и топить печи, а подходящихъ дровъ въ нашихъ мѣстахъ не сразу шой разъ добудешь... Случайно купилъ я прекрасныя бревна, но претолстѣйшiя, а наколотъ некому,—прислугѣ не подъ силу. Ну, что жъ, думаю, надо кого-нибудь съ деревни позвать помочь. Зову кухарку. Сходи, говорю, сейчасъ, пожалуйста, въ деревню и попроси кого знаешь прiйти къ намъ эти бревна вотъ на дрова наколотъ; скажи,—за чай баришъ хорошо каждому заплатитъ. Черезъ малость времени кухарка возвращается... но одна. «Никто,—говорить,—не идетъ».—Неужели некому?—«Какъ некому?! А вотъ не идутъ: неохота имъ, значить».—Да почему же? За работу, вѣдь, заплатимъ.—«Говорила я, а имъ все одно,—никто не идетъ, не нужно имъ...»

Помѣщикъ остановился и недоумѣвающе посмотрѣлъ на меня.

— Вы слышите: «не нужно имъ»? Деньги въ руки суютъ, приди только на какiе-нибудь полчаса,—вотъ работа, но никто не идетъ... И денегъ не надо: работать неохота! Какъ вамъ вотъ это поправится?

Я тоже въ недоумѣнiи молчалъ.

— И такъ теперь у насъ во всемъ,—продолжалъ мой собесѣдникъ.—Деревенька у насъ бѣдная,—никакихъ постороннихъ заработковъ, никакихъ отхожихъ промысловъ и въ поминѣ нѣтъ. Вѣдь, вотъ тутъ, кажется, какъ не дорожить, коли какая ни на есть работишка подвернется,—вѣдь, каждый лишнiй грошъ здѣсь пригодится... И вотъ какая картина: никому ничего не нужно! Дровъ за деньги наколотъ,—ужъ это ли не пустяки?—и того не хотятъ! И денегъ вашихъ не надо,—работать, молъ, не хотимъ... Пальцемъ шевельнуть не хотятъ: всѣ въ какой-то дремѣ. Нѣтъ энергiи, нѣтъ воли, нѣтъ самостоятельности, предпрiимчивости!

Ничего никому не нужно! Какая-то безконечная, за душу щемящая обломовщина... Какая-то мертвая зыбь!..

Да, дѣйствительно, что за спящее царство эта наша русская деревня, которой рѣшительно ни до чего пѣть дѣла! Иной разъ въ ней и купить что-нибудь крайне трудно. Никто не старается продать, и вотъ вся эта живность и молочные продукты остаются безъ потребления. Предложеніе играетъ въ прятки, а спросъ долженъ его самъ всюду разыскивать съ большими хлопотами.

Недавно на то же самое горько жаловались въ газетахъ съ сѣвера, изъ Архангельской губерніи, и съ Поволжья.

И не въ одной, конечно, деревнѣ бьетъ въ глаза это большое равнодушіе къ собственнымъ нуждамъ и чисто обломовское отношеніе къ окружающему міру, а вообще внутри страны. Вездѣ все та же невозможность достать просто, удобно и легко все то, что въ данную минуту требуется, при несомнѣнной, однако, наличности требуемаго гдѣ-то тутъ же вблизи, и то же странное равнодушіе населенія къ заработку, рядомъ съ вопіющей нуждой.

Нигдѣ никому ничего не нужно!

Благодаря нашимъ писателямъ-классикамъ, мы издавна привыкли смотрѣть на русскаго «барина», только какъ на лѣнивца и лежебоку. Цѣлый рядъ мастерски нарисованныхъ портретовъ у насъ предъ глазами... Обломовы, Райскіе, Маниловы, Тентетниковы, Рудины, Веретьевы, Потугины, Литвиновы, Лежневы—одинъ другого стоятъ. Одновременно господа «народники» усердно рекомендовали намъ «русскаго мужичка» съ самой похвальной стороны, какъ нашего поильца и кормильца и трудолюбивую пчелку, волею злого рока поставленнаго въ невозможность развернуть свою кипучую энергію, которой, будто бы, пѣть предѣловъ.

Конечно, все это было предвзятой утрировкой, но мы, однако, наивно вѣрили въ барскую «обломовщину» и мужицкую мощь.

И вотъ какъ теперь все измѣнилось и обпаружилось.

Обломовы, истративъ выкупные платежи, вскочили-таки наконецъ съ своихъ мягкихъ пуховиковъ и пошли въ земскіе начальники, Райскіе стали земцами, Рудины заняли кафедры въ университетахъ, Веретьевы, бросивъ гитару и водку, занялись хозяйствомъ, Потугины пошли въ чиновники, а Литвиновы и Лежневы стали строить винокуренные заводы... Однакоже наша родная лѣнь, наша врожденная обломовщина не перевелась, но давно засѣла и сидитъ тамъ, гдѣ ее прежде не хотѣли видѣть!..

Загляните-ка хорошенько въ русскую деревню,—да развѣ это не самая настоящая обломовщина? Тысячу лѣтъ живемъ мы на свѣтѣ, а правильно пахать до сихъ поръ еще не научились,—самаго что ни на есть нужнѣйшаго для себя дѣла за тысячу лѣтъ дѣлать не приноровились!

И как теперь чувствуют себя «великія тѣни» sentimentalнаго Добролюбова и скороспѣло мыслившаго Писарева? Гдѣ же онѣ, эти народныя силы? Гдѣ же онѣ, этотъ дивный мужичокъ, который однимъ своимъ видомъ долженъ жестоко стыдить баръ-лежебокъ?

Гдѣ? Онѣ лежатъ полупьяный въ своей убогой хибаркѣ, а когда придуть и позовуть на какой-нибудь заработокъ и предложить деньги, въ которыхъ онѣ всегда такъ нуждается, онѣ только лѣниво отмахнется: работать ему неохота и ничего ему не нужно...

Теперь уже нечего все сваливать на «соціальный строй». Онѣ перемѣнился кореннымъ образомъ, и тотъ, кто вправду хочетъ работать, можетъ всюду приложить свои силы, свою энергію и Богомъ данныя таланты.

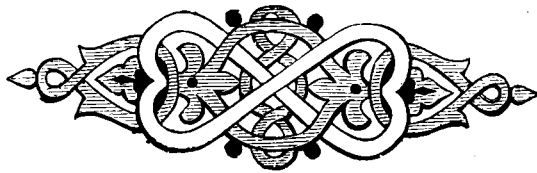
Но развѣ можно работать съ пользой для страны съ такой обломовщиной? Ее прежде всего надо искоренить, съ ней прежде всего надо бороться!

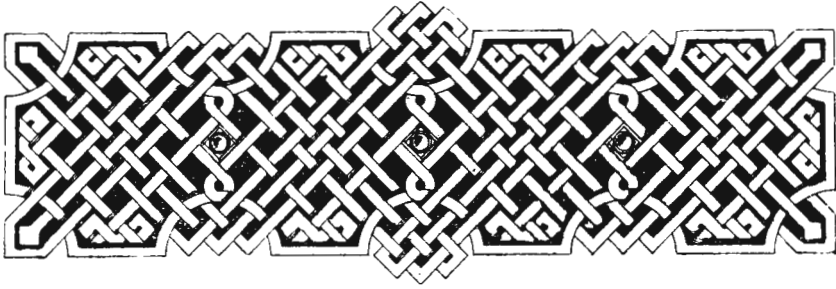
И это въ XX вѣкѣ, наканунѣ уже четвертой государственной думы съ ея «фракціями» и при наличности либеральныхъ группъ въ государственномъ совѣтѣ!

Наверху—дикость, втайнѣ мечтающая о «вещадной» поркѣ, внизу—безпробудный сонъ, апатія, полное отвращеніе что-либо дѣлать, чего-либо добиваться.

Певеселая картина...

С. У—ць.

КНЯЗЬ Д. М. ПОЖАРСКІЙ И ЕГО УСЫПАЛЬНИЦА.

ВЪ НОЯБРЬ настоящаго года исполняется триста лѣтъ со времени окончательнаго освобожденія Москвы отъ поляковъ, а 21-го февраля 1913 г.—триста лѣтъ со дня избранія на русскій престолъ Михаила Ѳеодоровича, родоначальника нынѣ царствующаго дома Романовыхъ. Однимъ изъ главныхъ вершителѣй этихъ двухъ важнѣйшихъ и тѣсно связанныхъ между собою историческихъ событій былъ князь *Дмитрій Михайловичъ Пожарскій*. Вполнѣ естественно, на нашъ взглядъ, вспомнить въ настоящій моментъ объ этомъ великомъ народномъ вождѣ, и мы, желая это сдѣлать, вовсе не имѣемъ въ виду повторять всѣмъ извѣстные историческіе факты, въ которыхъ участвовалъ князь Д. М. Пожарскій, а сообщимъ лишь нѣкоторыя, мало доступныя широкой публикѣ свѣдѣнія объ его родичахъ и о знаменитой обители, пользовавшейся большимъ вниманіемъ князей Пожарскихъ въ XVI и XVII вв. и хранящей прахъ народнаго вождя и великолѣпный памятникъ надъ нимъ, воздвигнутый въ 1885 году, обители, бывшей многою годы «монастыремъ-крѣпостью».

Обитель эта—*Спaso-Евѡиміевъ* монастырь въ гор. Суздалѣ, основанный въ 1350-хъ годахъ современникомъ и «близкимъ духовнымъ собесѣдникомъ» преподобнаго Сергія Радонежскаго—инокомъ *Евѡиміемъ*. За 50 лѣтъ своего управленія Спасскимъ монастыремъ

архимандритъ Евѳимій построилъ въ немъ три церкви: 1) храмъ въ честь Преображенія Господня, ставшій главнымъ соборнымъ храмомъ и сохранившій архитектурный стиль храмовъ второй половины XVI в. до нашихъ дней; 2) каменную церковь во имя преподобнаго Иоанна Лѣстничника и 3) деревянную во имя св. Николая Чудотворца. Будучи самъ великимъ подвижникомъ, онъ и жизнь монастырской братии довелъ до извѣстнаго идеала, благодаря чему основанная имъ обитель вскорѣ стала какъ бы мѣстной святыней для всѣхъ классовъ населенія бывшаго Суздальскаго княжества. Но особенными ревнителями и щедрыми жертвователями были потомки суздальскихъ и стародубскихъ удѣльныхъ князей и нѣкоторые частные вотчинники. Обрѣтеніе мощей преподобнаго Евѳимія въ 1507 году, во время перестройки Спасо-Преображенскаго храма, и затѣмъ канонизація ихъ на Московскомъ соборѣ 1547 года еще болѣе подняли значеніе обители, куда теперь потянулось все, что такъ или иначе тяготѣло къ Суздалью, и понесло свои разнообразныя жертвы. Немудрено, поэтому, что Спасскій монастырь уже къ концу XVI в. былъ богатѣйшимъ монастыремъ на Руси.

Одними изъ щедрыхъ жертвователей его въ XVI вѣкѣ и потомъ въ XVII вѣкѣ были князья *Пожарскіе*. Потомки князей Стародубскихъ, князья Пожарскіе получили свое прозваніе отъ вотчины «Пожаръ», первымъ владѣльцемъ которой и вмѣстѣ первымъ княземъ Пожарскимъ былъ *Василій Андреевичъ*. Сынъ его *Данило* послѣ 1438 года промѣнялъ «Пожаръ» на «Мугрѣво», а внукъ *Федоръ Даниловичъ* къ послѣднему имѣнію вернулъ часть бывшей вотчины — с. Троицкое съ деревнями, и, благодаря этому, уже въ началѣ XVI вѣка у князей Пожарскихъ были вотчины въ двухъ пунктахъ бывшаго Стародубскаго княжества — въ «Пожарѣ» и «Мугрѣвѣ», по сосѣдству съ Суздалемъ. Послѣдняя вотчина была въ родѣ прямыхъ предковъ князя Д. М. Пожарскаго, каковыми были слѣдующія лица: прадѣдъ *Иванъ Третьякъ*, по очень правдоподобному предположенію Л. М. Савелова ¹⁾, одно лицо съ инокомъ Елизаріемъ, по душѣ котораго дѣлалъ вкладъ его сынъ въ Спасо-Евѳиміевъ монастырь; дѣдъ *Федоръ Ивановичъ Ньмой*, въ иночествѣ Феодоритъ, бывшій въ 1550 г. въ числѣ боярскихъ дѣтей 3-й статьи и въ составѣ московскаго дворянства, и отецъ *Михаилъ Федоровичъ Глухой*, умершій въ 1588 году. Кромѣ Дмитрія Михайловича, по прозвищу Хромого (род. 1-го ноября 1578 г.; ум. 20-го апрѣля 1642 г.), у Михаила Федоровича были еще дѣти: *Василій Михайловичъ*, бывшій стольникомъ въ 1588 г. и умершій инокомъ Вассіаномъ, *Юрій Михайловичъ*, о которомъ ничего не-

¹⁾ См. родословіе князей Пожарскихъ, сост. Л. М. Савеловымъ въ «Лѣтописи историко-родословнаго общества въ Москвѣ», 1906 г., вып. 2—3.

Видъ Спасскаго монастыря.

извѣстно, и *Дарья Михайловна*, род. въ 1753 г. и бывшая замужемъ за княземъ Никитой Андреевичемъ Хованскимъ. Самъ Дмитрій Михайловичъ имѣлъ троишь сыновей: стольника и воеводу *Петра*, имѣвшаго только двухъ дочерей; стольника и рынду при пріемахъ и отпускахъ иностранныхъ пословъ *Федора*, умершаго въ 1633 г. безпотомно, и воеводу и окольного, вѣдавшаго челобитнымъ приказомъ, *Ивана Дмитріевича*, сыновья котораго Семень и Юрій Ивановичи скончались безпотомно, а съ ними прекратился и родъ князей Пожарскихъ въ 1685 году.

Въ моментъ прибытія пословъ изъ Нижняго Новгорода князь Д. М. Пожарскій проживалъ въ своей вотчинѣ—Мургѣевѣ. Здѣсь, по свѣдѣніямъ писцовыхъ книгъ 1628—1630 г.г., было тогда двѣ церкви: одна во имя св. Николая Чудотворца, «древяна вверхъ шатровая», съ придѣлами Иліи пророка, св. благовѣрныхъ князей Бориса и Глѣба, Никиты переяславскаго чудотворца и мученика Лупша, и другая, тоже деревянная, теплая, въ честь Пресвятыя Троицы, съ придѣлами во имя св. Алексія, митрополита московскаго, и преподобнаго Сергія Радонежскаго. По смерти Дмитрія Михайловича Мургѣевская вотчина перешла къ его старшему сыну Петру, а въ 1653 г. была дана въ приданое дочери князя Петра Дмитріевича—Аннѣ, при выходѣ ея замужъ за Аѳ. Бор. Репнина и во второй разъ въ 1655 г. за Ивана Андреевича Милославскаго. Въ 1669 г. Мургѣево перешло въ приданое другой дочери Петра Дмитріевича Евдокіи при выходѣ ея замужъ за второго мужа, князя Юрія Алексѣевича Долгорукова. Въ родѣ князей Долгоруковыхъ оно оставалось до второй четверти XVIII в., а потомъ стало переходить къ разнымъ владѣльцамъ.

Изъ сородичей князя Д. М. Пожарскаго, въ качествѣ болѣе или менѣе крупныхъ дѣятелей, можно назвать лишь трехъ лицъ: *Дмитрія Петровича*, по прозванію *Лопата*, участвовавшаго въ 1612 году при занятіи Ярославля и Москвы, бывшаго воеводою въ Самарѣ (1614 г.), Твери (1618—1619 гг.), на Двинѣ (1621—1623 гг.), въ Верхотурьѣ (1625—1627 гг.) и Псковѣ (1628—1629 гг.) и умершаго въ званіи московскаго дворянина въ 1641 г.; брата предыдущаго, *Романа Петровича*, по прозванію *Перелыга*, подписавшаго въ 1613 г. грамоту объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича и бывшаго воеводою въ Брянскѣ (1626—1628 гг.) и Вязьмѣ (1631—1632 гг.) и межевымъ судьей въ Брянскѣ (1634 г.) и сына послѣдняго *Семена Романовича*, окольного и воеводу, плѣнннаго въ Конотопскомъ бою и убитаго, по приказанію крымскаго хана, въ 1659 г. Недаромъ же въ мѣстническихъ спорахъ съ Д. М. Пожарскимъ противники утверждали: «Князья Пожарскіе при прежнихъ государехъ опричь городничихъ и губныхъ старость нигдѣ не бывали».

Спасо-Преображенскій храмъ въ Спасскомъ монастырѣ.

Князья Пожарскіе, какъ уже сказано выше, были очень щедрыми жертвователями въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь, какъ вотчинами, деревнями, пустошами и проч., такъ и разными цѣнными предметами, но прежде, чѣмъ говорить объ этихъ пожертвованіяхъ, — «вкладахъ по душѣ», — продолжимъ вкратцѣ исторію Спасо-Евѣиміева монастыря. Въ годину лихолѣтя богатѣйшая обитель подверглась жестокому разоренію. Ею овладѣлъ Лисовскій со своею пайкой и обратилъ въ укрѣпленный лагерь, обнеся новымъ острогомъ. Разоривъ монастырь, его шайка сильно пограбила и разрушила монастырскія вотчины. Понадобилось не мало времени и трудовъ, чтобы оправиться отъ такого разоренія; однако уже по описи монастыря 1660 г. видно, что храмы его въ то время были богато украшены святыми иконами, утварью и ризницей; при монастырѣ была богатая по тому времени библіотека, состоявшая изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ; въ «казенной кельѣ» было много дорогой серебряной посуды. Большая часть келій и другихъ монастырскихъ построекъ были каменные. Въ монастырѣ было 118 человекъ монашествующей братіи¹⁾.

По переписнымъ книгамъ 1678 г. въ вотчинахъ Спасо-Евѣиміева монастыря насчитывалось 2936 дворовъ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ населеніемъ въ 10.300 душъ мужского пола. Нѣсколько лѣтъ спустя въ монастырѣ выстраивается новая каменная церковь во имя святого Николая Чудотворца и при ней больничныя каменные кельи; самый монастырь обносится высокою каменною оградой съ двѣнадцатью башнями. Ограда эта въ настоящее время имѣетъ въ окружности 542 сажени, высотой въ три съ половиной — четыре аршина; толщина стѣнъ около трехъ аршинъ. Изъ двѣнадцати башенъ наиболѣе высокая надъ святыми воротами, болѣе одиннадцати сажень высоты, четырехугольная башня съ бойницами и окнами, имѣвшая назначеніе сторожевого пункта. Какъ ограда, такъ и башни придаютъ монастырю видъ крѣпостного сооруженія для защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ. Такою крѣпостью была и Троице-Сергіева лавра, выдержавшая шестнадцатимѣсячную осаду поляковъ.

Съ первыхъ годовъ XVIII вѣка положеніе монастырей, какъ извѣстно, мѣняется; призываемые указами Петра Великаго на службу государству, они несутъ разныя повинности, отзывавшіяся тяжело на ихъ благосостояніи. Введеніемъ въ 1764 г. для монастырей штатнаго содержанія Спаса-Евѣиміева обитель перестаетъ быть монастыремъ-вотчинникомъ и зачисляется во второй классъ, съ братіей въ семнадцать человекъ. Хотя въ 1865 г. монастырь

¹⁾ См. «Суздаль и его достопамятности» въ XIV книгѣ «Трудовъ владимирской ученой архивной комиссіи» (М. 1912.).

Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго.

и былъ возведенъ на степень первокласснаго, но теперь является богатымъ болѣе историческими преданіями.

Главную святыню соборнаго Спасо-Преображенскаго храма составляютъ мощи преподобнаго Евѳимія, хранящіяся въ особой ракъ, деревянной, обложенной внутри и снаружи серебромъ съ серебряно-позолоченными клеймами. При ракъ находятся и вещи, принадлежавшія, по преданію, святому Евѳимію: желѣзные вериги, мѣдный крестъ напрестольный, митра, шитая золотомъ и серебромъ по вишневому атласу, и евангеліе. Въ храмѣ находится и Корсунская икона Божіей Матери, почитаемая чудотворною далеко за предѣлы Суздаля. Кромѣ этого собора, въ монастырѣ имѣются еще церкви Успенская, святого Николая Чудотворца и Благовѣщенская и оригинальной архитектуры звонница (колокольня).

Особенное вниманіе обители преподобнаго Евѳимія князья Пожарскіе стали оказывать со второй четверти XVI столѣтія, послѣ открытія мощей преподобнаго и съ началомъ церковнаго его прославленія. Въ 1527 г. князь Данило Семеновичъ далъ въ монастырѣ «по душѣ его» свою вотчину (четыре деревни) и, дѣлая этотъ вкладъ, прибавилъ, что, если данныя деревни архимандриту «не полюбятся», то вмѣсто нихъ онъ дастъ «мѣринъ сѣръ, сани да два рубля денегъ». Далѣе, начиная съ 1557 г., почти ежегодно текли пожертвованія деревнями, пустошами и даже селами отъ князей Пожарскихъ. Въ частности Дмитрій Михайловичъ впервые пожертвовалъ монастырю деревню Три Дворища въ 1587 г. Въ 1604 г. «приложилъ» паникадило, хранящееся и понынѣ въ монастырской ризницѣ; въ 1608 г. по зятѣ своему Никитѣ Хованскомъ онъ далъ деревню Елисеѣву и половину деревни Череповой въ Мугрѣвѣ; въ 1615 г. — напрестольное евангеліе въ серебряномъ вызолоченномъ окладѣ и украшенномъ драгоценными камнями и жемчугомъ. Къ концѣ евангелія имѣется собственноручная надпись Дмитрія Михайловича такого содержанія: «лѣта 7123 году октября въ 14 день при державѣ великова государя и великова князя Михаила Ѳеодоровича всея русіи царства его въ лѣта при архимандритѣ Митрофанѣ далъ въ домъ Всемиловому Спасу и великому чудотворцу Евѳимію бояринъ князь Дмитрей Михайловичъ Пожарской съ матерью своею со княгиню Марією Ѳеодоровною сію книгу глаголемое святое Евангеліе». Въ 1618 г. на средства его былъ перелитъ разбившійся въ пожарѣ 1610 г. поліелейный колоколъ вѣсомъ въ 335 пудовъ. Въ 1633 г. было дано «по душѣ» сына его Ѳедора село Петроково, и, кромѣ того, въ разное время «приложены»: образъ Преображенія Господня, серебряный золоченый съ драгоценными украшениями, сохранившійся доннынѣ; книги: уставъ новой печати, прологъ, толкованіе на Дѣянія апостоловъ, Потребникъ, Маргеритъ, Многосложный свитокъ объ иконномъ поклоненіи и Миней мѣсячная.

Символическое изображение князя Пожарскаго, находящееся въ кельѣ настоятеля Спасскаго монастыря.

Послѣ смерти Дмитрія Михайловича отъ семьи его поступили въ монастырь слѣдующіе вклады: образъ Казанской Богоматери въ кіотѣ, богато украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; образъ митрополита Алексія московскаго; «ризѣ—бархатъ золоченой цвѣтной персидской, ердань и крестъ и звѣзда шиты золотомъ и серебромъ, по червчатому бархату (бархатъ взятъ съ его вкладной шубы); плащаница, шитая золотомъ и серебромъ по червчатому атласу; шапка серебряная (митра) низана жемчугомъ; ризы, «камка двоеличная пидѣйская»; палица, «на ней Нерукотворенный образъ Спасовъ шитъ золотомъ и серебромъ» и много другого.

Какъ личныя пожертвованія Дмитрія Михайловича, такъ и его женъ и сыновей, свидѣтельствующія о весьма благоговѣнномъ отношеніи ихъ къ обители проподобнаго Евѣимія, дали возможность историкамъ, начиная съ А. Ѳ. Малиновскаго, предположить, что эта обитель, въ которой еще въ XVI вѣкѣ погребались члены рода князей Пожарскихъ, и была мѣстомъ «упокоенія» нашего великаго вождя народнаго ополченія 1612 г. Въ 1852 г. графъ А. С. Уваровъ, слѣдуя монастырской описи 1660 г., нашель въ Преображенскомъ храмѣ мѣсто разобранной, по приказу архимандрита Ефрема, въ 1766 г. «полатки», т. е. общей родовой усыпальницы князей Хованскихъ и Пожарскихъ, которая была устроена Ив. Никит. Хованскимъ и Ив. Дм. Пожарскимъ, сыномъ Дмитрія Михайловича; вскрыль эту «полатку» и въ числѣ находившихся въ ней труповъ особая коммиссія признала и трупъ народнаго вождя. Тогда же императоръ Николай Павловичъ повелѣль соорудить на мѣстѣ могилы надгробный памятникъ и открыть съ этой цѣлью по всей имперіи добровольную подписку. Къ 1858 г. подписка дала 75,000 рублей; немедленно было приступлено къ сооруженію памятника, но послѣдній, по всегдашнему обычаю нашихъ строительныхъ коммиссій, былъ оконченъ и освященъ лишь въ 1885 году. «Памятникъ построенъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора въ стилѣ надгробныхъ палатокъ XVII вѣка, со входомъ съ восточной стороны. Входъ закрывается тяжелою бронзовою дверью художественной работы, съ рельефными изображеніями Минина и Пожарскаго. Въ верхней части двери изображенъ торжественный моментъ призванія князя Пожарскаго нижегородскими послами на великое дѣло освобожденія отечества отъ враговъ; въ нижней части изображенъ моментъ битвы на Срѣтенкѣ, въ Москвѣ, 19-го марта 1611 г., когда онъ былъ раненъ. По краямъ двери вязью написаны слова его, сказанныя на призывѣ Минина: *«Мужаемся и укрѣпимся о людехъ нашихъ и о градехъ Бога Нашего и Господь сотворитъ благое очами своими»*. Надъ дверною аркою написаны слова: *«боярину князю Дмитрію Михайловичу Пожарскому благодарное потомство»*. На фронтонѣ помѣщено мозаичное изображеніе Спасителя, сидящаго на престолѣ. На наружныхъ стѣнахъ памятника славянскими буквами вырѣзано крат-

кое сказаніе о подвигахъ князя Пожарскаго, взятое изъ лѣтописи о мятежахъ. Внутри надъ могилою сдѣлано небольшое мраморное надгробіе; на западной стѣнѣ помѣщена мозаичная икона Казанской Богоматери, съ которой онъ выступилъ въ походъ; предъ иконою поставленъ массивный бронзовый вызолоченный подсвѣчникъ художественной работы. Въ этомъ подсвѣчникѣ должна теплиться неугасимая лампада, для чего былъ присланъ въ монастырь особый капиталъ въ тысячу рублей ¹⁾).

Памятникъ, обнесенный чугуною оградой, сооруженъ по проекту академика Горностаева; всѣ работы производились подъ наблюдениемъ академии художествъ, въ вѣдѣніи которой памятникъ находится и въ настоящее время. По устройствѣ памятника были приняты мѣры и къ охраненію различныхъ священныхъ предметовъ, пожертвованныхъ самимъ княземъ Дмитріемъ Михайловичемъ и его семьей, а именно устроенъ массивный дубовый шкафъ съ зеркальными стеклами.

Въ кельи архимандрита монастыря находится еще символическое изображеніе князя Пожарскаго, очевидно, недавняго времени. Послѣдній представленъ на немъ вручающимъ скипетръ дому Романовыхъ, что явствуетъ изъ надписи наверху: «Царствующій домъ Романовыхъ». Внизу изображенія неискусно скопированная подпись Пожарскаго.

Въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о той печальной извѣстности, какую имѣлъ Спасо-Евѣиміевъ монастырь, какъ «крѣпость», какъ мѣсто заключенія, въ теченіе почти ста сорока лѣтъ, начиная съ 1766 г. по 1905 годъ.

Первоначально, до 1764 г., въ Спасо-Евѣиміевъ монастырь, равно и какъ и въ другіе монастыри, заключали только «безумствующихъ колодниковъ», содержащихся на монастырскія средства. Съ учрежденіемъ же въ этомъ году монастырскихъ штатовъ, монастыри не могли уже содержать колодниковъ на свои средства; были назначены особыя суммы отъ правительства, но въ то же время избрали для этой цѣли лишь нѣкоторые, болѣе укрѣпленные монастыри; для средней Россіи центральнымъ пунктомъ оказался суздальскій Спасо-Евѣиміевъ монастырь. Къ 1 января 1767 г. сюда были присланы изъ разныхъ монастырей первые десять «безумствующихъ колодниковъ». Помѣщены они были въ больничныхъ кельяхъ при Никольской церкви; для надзора за ними былъ представленъ военный караулъ, подчиненный архимандриту. Впослѣдствіи, съ увеличеніемъ числа заключенныхъ, для нихъ были отведены другія зданія, а во второй половинѣ XIX столѣтія всѣ заключенные

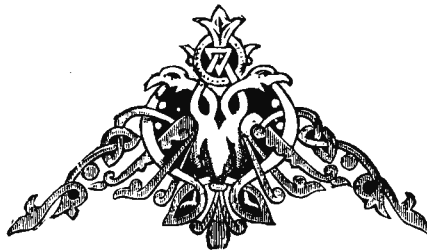
¹⁾ См. «Суздаль и его достопамятности», стр. 72—73.

были сосредоточены въ одномъ низкомъ и длинномъ каменномъ зданіи, гдѣ была для нихъ устроена и особая каменная церковь въ честь Кореунской иконы Божіей Матери. Зданіе это было обнесено высокою каменною оградою съ крѣпкими воротами. Въ концѣ зданія находились камеры для «секретныхъ арестантовъ».

За сто сорокъ лѣтъ въ крѣпости перебувало 380 заключенныхъ, изъ которыхъ 63 присланы были до 1800 г., а остальные въ теченіе XIX и перваго пятилѣтія XX столѣтія. Изъ этихъ заключенныхъ около трети были лица духовнаго званія, представители чернаго и бѣлаго духовенства, сосланные въ крѣпость за уклоненіе отъ православнои вѣры или за дурное поведеніе, уже послѣ испытанія всѣхъ мѣръ церковной дисциплины. Заключались въ крѣпость, по просьбѣ родителей, и свѣтскіе молодые люди, за позорное и развратное поведеніе, а также по волѣ начальства офицеры и гражданскіе чины. Значительную долю составляли «безумствующие» разныхъ категорій, ненормальные въ разныхъ формахъ люди. Были здѣсь и старообрядческіе епископы, представители молоканства, шундизма и среди нихъ начальникъ скопческой секты Кондратій Селивановъ; наконецъ, сюда попадали священники, подозрѣвавшіеся въ участіи въ польскомъ мятежѣ, въ имеретинскомъ возстаніи на Кавказѣ, въ сношеніяхъ съ политическими эмигрантами и прочіе.

Къ сожалѣнію, любопытный архивный матеріалъ по «крѣпости» еще не разобранъ. Едва ли не единственный Н. Маклаковъ опубликовалъ два дѣла за 1820 и 1821 гг. о буйныхъ арестантахъ («Труды Владимирской архивной комиссіи», т. II, 1901 г.), но и изъ нихъ видно, какія хлопоты и безпокойство доставляли монастырскимъ и губернскимъ властямъ эти «безумствующие», безусловно вліявшіе и на уменьшеніе числа богомольцевъ въ монастырѣ.

В. Рудаковъ.

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ПЕТЕРГОФСКОЙ ДАЧИ № 2.

ВЪ АВГУСТОВСКОЙ книжкѣ «Историческаго Вѣстника» за текущій годъ я прочелъ статью «Петергофская дача № 2» и у меня невольно явилось желаніе написать продолженіе ея исторіи.

Дачѣ этой посчастливилось. Имѣя, по словамъ г-жи Маринной, своимъ архитекторомъ государя Николая Павловича, она очень недолго, послѣ продажи семьею Соломко, находилась въ рукахъ какихъ-то нѣмцевъ-сапожниковъ, не успѣвшихъ испортить ее выжиманіемъ возможныхъ доходовъ, и уже въ 1875 г. вновь перешла къ старой дворянской семьѣ, поддерживавшей добрыя традиціи симпатичной старинны до сего времени.

Родоначальницей новыхъ владѣльцевъ являлась вдова генераль-адъютанта генерала-отъ-кавалеріи барона Ивана Карловича Сталь-фонъ-Гольштейнъ ¹⁾ баронесса Марья Карловна, урожденная Гербель.

Оставшись послѣ смерти мужа съ многочисленной семьей и имѣя двухъ сыновей въ Уланскомъ Ея Величества полку ²⁾, Марья

¹⁾ Началъ службу въ гвардейской конно-артиллерійской бригадѣ. Командовалъ лейбъ-гвардіи Драгунскимъ полкомъ, 2-й легкой кавалерійской дивизіею, 6-мъ армейскимъ корпусомъ. Умеръ въ 1868 году членомъ Александровскаго комитета о раненыхъ.

²⁾ Старшій сынъ Владимиръ Ивановичъ, теперь генераль-лейтенантъ, помощникъ коменданта петербургской крѣпости; младшій—Алексѣй Ивановичъ, генераль-майоръ, завѣдующій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

Карловна переѣхала въ Петергофъ и жила тамъ зиму и лѣто до тѣхъ поръ, пока болѣзни и необходимость въ постоянной медицинскій помощи не заставили ее переселиться въ Петербургъ всего за нѣсколько лѣтъ до кончины, послѣдовавшей въ 1895 году.

Теперь этой дачей владѣютъ дочери ея — баронесса Александра Ивановна и вдова генераль-адъютанта Бобрикова ¹⁾ Елизавета Ивановна.

Дача, судя по описанію г-жи Мариной, осталась почти такою же. Существуетъ и бельведеръ съ цвѣтными стеклами, существуютъ старыя тѣнистыя деревья, существуетъ и прудъ, въ которомъ до сихъ поръ «будто бы водятся караси».

Какъ въ былое время Агнія Львовна являлась главой семьи и блюстительницей семейныхъ традицій, такъ и позднѣйшая владѣтельница дачи баронесса Марья Карловна проживала здѣсь счастливые дни, окруженная многочисленными дѣтьми, внуками и внучками, сохранившими до сихъ поръ теплое чувство къ доброй и милой бабушкѣ Машѣ. Любя свою дачу, имѣя какъ бы прирожденныя способности къ хозяйству и домоводству, баронесса Марья Карловна все время заботилась объ ея благоустройствѣ и усовершенствованіи. Какъ только подъ лучами весенняго солнца подсыхали огромный окружающій дачу садъ, она съ корзинкой для неизмѣннаго вязанья на рукѣ и въ сопровожденіи дворника Кирилла обходила свои владѣнія, указывая, что пересадить, что посадить, что подчистить. Результатомъ этихъ хлопотъ вскорѣ явился обширный садъ, разведенный на пустырь, примыкающемъ къ дачѣ по Александрійской улицѣ, новые кусты крыжовника, черной смородины, образцовый порядокъ въ саду и огородѣ. Внуки и внучки не отставали отъ бабушки и, подражая ей, развели въ углу сада маленькій садикъ изъ папоротниковъ, извѣстный въ семьѣ подъ именемъ «симбирскаго», такъ какъ устраивали его дѣти симбирскаго вице-губернатора В. А. Тройницкаго ²⁾, женатаго на дочери Марьи Карловны—Софій Ивановнѣ.

Тамъ, гдѣ былъ птичникъ, т. е. подъ окнами столовой, превращенной теперь въ классную, уже въ позднѣйшее время, маленькой дочерью Елизаветы Ивановны былъ устроенъ тоже небольшой садикъ, названный «французскимъ».

Симбирскій садъ до сихъ поръ существуетъ, папоротники достигли огромныхъ размѣровъ, а забота объ его благоустройствѣ переходитъ преименно на очередныхъ младшихъ представителей семьи.

¹⁾ Н. И. Бобриковъ—филиандскій генераль-губернаторъ. Предательски убитъ Шауманомъ въ 1904 году.

²⁾ Нынѣ членъ совѣта министра народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ. Дочь его Марія Владимировна замужемъ за подполковникомъ генеральнаго штаба Ю. Н. Плещевскимъ-Плющикомъ, авторомъ этой замѣтки.

Никаких построекъ въ новомъ декадентскомъ стилѣ на мѣстѣ старой дачи не возведено, но кухня съ людской и баней баронессой Марьей Карловной передѣлана въ уютную маленькую дачу, въ которой она жила съ младшей дочерью Елизаветой Ивановной, вышедшей замужъ за Н. И. Бобрикова уже послѣ ея кончины.

Эта маленькая дача до сихъ поръ еще носить слѣды хлопотъ и заботъ бабушки. Каждая вещь здѣсь имѣетъ свою исторію. Портреты родственниковъ и друзей въ красивыхъ генеральскихъ мундирахъ николаевского и александровскаго времени, старая бронза, старая мебель, старинная, потемнѣвшая отъ времени картина въ столовой, не то произведеніе одного изъ фламандскихъ мастеровъ, не то работа крѣпостного живописца, выпѣвшіе дагеротипы, являются какъ бы живыми свидѣтелями давно минувшаго, даютъ неувольнимый уютъ, свойственный обстановкѣ и людямъ начала и середины минувшаго вѣка.

Къ этой дачѣ была придѣлана выходившая въ садъ огромная стеклянная веранда, исполнявшая роль гостиной, и только нѣсколько лѣтъ назадъ къ ней же пристроили двѣ небольшихъ комнаты.

Хозяйственные постройки, заботами все той же Маріи Карловны, также нѣсколько измѣнились. На мѣстѣ стараго развалившагося сарая возвели новый съ помѣщеніемъ для дворника, которое вышло столь обширнымъ и красивымъ, что его передѣляли въ дачу, выстроивъ для дворника отдѣльную избу. Крытый ходъ изъ кухни сняли, частью за ветхостью, а главное потому, что самая кухня превратилась въ самостоятельную дачу.

Все остальное почти не измѣнилось. Комнаты, конечно, распланированы иначе, но въ нихъ можно узнать и прежнее распредѣленіе. Узкій балконъ по лицевому фасаду существуетъ, а вмѣсто прежняго широкаго крыльца, выходящаго въ садъ, устроена крытая стеклянная веранда.

Верхній этажъ попрежнему остался низкимъ, но имѣетъ самостоятельный парадный ходъ со двора.

Жизнь на старой дачѣ, повидимому, тоже сохранила свой прежній, какъ бы заповѣдный характеръ. Центромъ, все объединяющимъ, была Марія Карловна. Вокругъ нея собиралось, развивалось и росло многочисленное поколѣніе ея внуковъ и внучекъ, которые то временно, то постоянно проживали въ Петергофѣ.

Здѣсь жила ея вторая дочь, княгиня Гагарина¹⁾, съ мужемъ, двумя дочерьми и двумя сыновьями, сюда пріѣхала, овдовѣвъ, ея

---

¹⁾ Князь Василій Владимировичъ Гагаринъ долгое время былъ чиновникомъ особыхъ порученій при государственномъ контролѣрѣ.

старшая дочь графиня де-Тулузъ-Лотрекъ ¹⁾ съ четырьмя дочерьми, сюда же прїѣзжала гостить изъ Симбирска и Софья Ивановна Тройницкая съ мужемъ и дѣтьми.

Все это многочисленное поколѣніе находило прїютъ, уютъ и ласку подъ гостепрїимнымъ кровомъ. За столъ садилось до тридцати человѣкъ, и баронессѣ Вѣрѣ Ивановнѣ (четвертая дочь) приходилось немало хлопотать въ качествѣ завѣдующей хозяйствомъ, чтобы удовлетворить и ублажить всѣхъ.

А что происходило 22-го іюля, въ день именинъ хозяйки!

Многочисленные гости увеличивали и безъ того огромную семью. Многіе прїѣзжали съ почевкой. Всѣхъ надо было устроить, размѣстить. Много было шуму, бѣготни, много было и веселья. До сихъ поръ вспоминаютъ, какъ одному изъ племянниковъ, огромнаго роста, досталось, въ качествѣ одѣяла, куцое куврѣ-шье, къ немалому удивленію ночевавшаго съ нимъ въ одной комнатѣ другого свойственника, небольшого и кругленькаго, который, закутавшись въ одѣяло нормальныхъ размѣровъ, издѣвался надъ нимъ, не выражая ни малѣйшаго желанія помѣняться.

Молодежь веселилась во-всю, старички играли въ преферансъ, до котораго Марія Карловна была большая охотница. Вечеромъ составлялись танцы подъ звуки стараго рояля, на которомъ всегда съ удовольствіемъ играла баронесса Александра Ивановна.

Этотъ рояль, за его почтенный возрастъ, извѣстный таперъ Алькивистъ называлъ Ноевымъ ковчегомъ. Иногда ставились любительскіе спектакли. Играли водевили, легкія пьесы. Мечтали поставить и оперу, въ которой долженъ былъ участвовать извѣстный артистъ императорскихъ театровъ Яковлевъ, бывшій тогда уланскимъ офицеромъ. Роль театра исполнялъ старый сарай, пришедшій въ концѣ концовъ въ такую ветхость, что, по выраженію князя Гагарина (*beau-fils* Маріи Карловны), угрожалъ рухнуть отъ однихъ ашлодисментовъ.

Генераль Баумгартенъ—тогдашній завѣдывающій петергофскимъ дворцовымъ управленіемъ, безъ разрѣшенія котораго не могли производиться постройки въ районѣ города, будучи самъ большой театралъ, въ шутку увѣрялъ послѣ замѣны стараго сарая новымъ, что онъ утверждалъ постройку театра, а возведеніе столь прозаическаго строенія является для него сюрпризомъ.

Зимой жизнь гостепрїимной дачи измѣнялась мало. Петергофская молодежь, уланы и конно-гренадеры пѣнили домъ баронессы за ласковый прїемъ и за возможность весело провести время среди ея

---

¹⁾ Графъ де-Тулузъ-Лотрекъ былъ начальникомъ 4-й Кавказской кавалерійской дивизіи. За годъ до смерти (1881 г) былъ назначенъ состоять при великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

взрослыхъ дочерей и подрастающихъ внучекъ, а постоянные обитатели города, среди которыхъ Марья Карловна считалась почетной представительницей, собирались къ ней по вторникамъ повѣстити и поболтать.

Самое распредѣленіе комнатъ мѣнялось сравнительно часто, въ зависимости отъ даннаго состава семьи. При полномъ комплектѣ внизу жила Марія Карловна сама съ незамужними дочерьми и сыномъ Алексѣемъ Ивановичемъ—уланскимъ офицеромъ, а наверху помѣщались Гагарины и Лотреки; при уменьшенномъ составѣ—поставлялъ то верхъ, то низъ, а находившіеся налицо перемѣщались въ маленькія дачи. Иногда освободившееся помѣщеніе на лѣто сдавалось.

Въ то время, когда низъ дачи занималъ генераль-адъютантъ Семско съ женой, къ нему неоднократно пріѣзжали великій князь Михаилъ Николаевичъ съ великой княгиней Ольгой Феодоровной. Въ одно изъ посѣщеній великой княгини такъ поправился тогда еще не передѣланный въ веранду балконъ-крыльцо, что она, обращаясь къ мужу, въ шутку просила построить ей такой же въ Михайловкѣ.

Послѣ смерти Маріи Карловны незамужнія дочери ея переселились окончательно въ Петербургъ и пріѣзжали въ Петергофъ только на лѣто. Въ этотъ періодъ времени низъ большой дачи сдавался на круглый годъ, какъ зимняя квартира; сами баронессы, пріѣзжая лѣтомъ, занимали маленькую, такъ называемую бабушкину дачу, а верхъ и другая дача либо сдавались, либо уступались тѣмъ изъ членовъ семьи, кого Петергофъ, какъ дачное мѣсто, въ данное время устранивалъ.

Послѣ трагической кончины Николая Ивановича Бобрикова и послѣ смерти баронессы Вѣры Ивановны произошло послѣднее перемѣщеніе, и теперь на большой дачѣ обыкновенно живетъ Елизавета Ивановна Бобрикова съ дочерью и баронесса Александра Ивановна, а на маленькой—семья Софіи Ивановны Тройницкой.

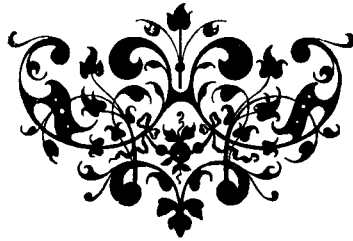
Большая дача, какъ ей и подобаетъ, стоитъ во главѣ колоніи. Здѣсь проводятъ лѣто двѣ княжны Гагарины, дочери Елены Ивановны, сюда ежегодно на іюль и часть августа пріѣзжаетъ изъ Ревеля отдохнуть племянница барона Ивана Карловича—баронесса Елизавета Густавовна фонъ-деръ-Ховенъ, пользующаяся въ Прибалтійскомъ краѣ большимъ уваженіемъ за свою педагогическую дѣятельность, сюда постоянно пріѣзжаетъ со Знаменки (четыре версты отъ Петергофа) кто-нибудь изъ семьи Алексѣя Ивановича, который живетъ тамъ, какъ управляющій дворомъ великаго князя Петра Николаевича.

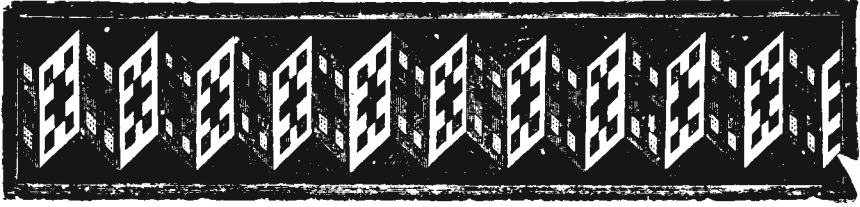
Въ праздники и въ дни семейныхъ торжествъ большая дача особенно оживаетъ. Попрехнему за столъ садятся до сорока—пятидесяти

человѣкъ Сталевскаго потомства съ мужьями и женами, попрежнему здѣсь бываетъ шумно и весело.

Вотъ въ краткихъ словахъ продолженіе «Исторіи Петергофской дачи № 2». Хорошая, прочная дача не только сохранилась въ полномъ порядкѣ, но ей удалось удержать въ своихъ стѣнахъ славныя традиціи симпатичной дворянской старины почти на протяжении вѣка.

Ю. Плющевскій-Плющикъ.

ПЕРИОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ.

XXXII.

СЛИ ГРАФЪ Д. А. Толстой и К. П. Побѣдоносцевъ являлись своего рода идейными вдохновителями внутренней политики Россіи въ описываемую эпоху, то и остальные сотрудники и сподвижники императора Александра III въ достаточной послѣдовательности проводили въ своихъ вѣдомствахъ тѣ начала порядка и твердой власти, осуществленіе которыхъ Царь-Миротворецъ поставилъ ближайшею задачею своимъ министрамъ въ интересахъ успокоенія Россіи послѣ смутныхъ годовъ предыдущаго царствованія. Всѣ эти сподвижники представляли собою то однородное единство, которое въ государственной жизни восьмидесятихъ годовъ давало ей вполне опредѣленный отцвѣтъ, внося сюда каждый въ отдѣльности свою любопытную индивидуальность, съ которою верховный правитель Россіи легко мирился и которую въ послѣдовательномъ рядѣ реформъ умѣлъ подчинять цѣлостности своей программы государственнаго управленія. Изъ числа такихъ дѣятелей мы остановимся на своеобразныхъ фигурахъ Тертія Ивановича Филиппова, графа Ивана Давидовича Делянова и Михаила Николаевича Островскаго. Всѣмъ имъ суждено было въ тотъ періодъ играть вы-

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣсти.», т. СXXX, стр. 297.

«Истор. вѣсти.», ноябрь 1912 г., т. СXXX.

дающіяся роли въ дѣлахъ внутренняго управленія и ближайшимъ образомъ осуществлять программу своего повелителя.

Какъ свидѣтельствуется юбилейное изданіе «Государственнаго Контроля» ¹⁾, послѣ Дмитрія Мартыновича Сольскаго государственнымъ контролеромъ былъ назначенъ 26-го іюля 1889 года товарищъ государственнаго контролера сенаторъ Тертій Ивановичъ Филипповъ, снискавшій себѣ еще въ молодые годы широкую извѣстность, какъ литераторъ и публицистъ, а въ болѣе зрѣлые—и какъ видный общественный дѣятель.

Т. И. Филипповъ получилъ образованіе въ императорскомъ московскомъ университетѣ, по историко-филологическому факультету. Въ 1850 году онъ поступилъ на службу въ 1-ю московскую гимназію старшимъ учителемъ русской словесности и въ томъ же году, вмѣстѣ съ А. Н. Островскимъ, принялъ энергичное участіе въ журналѣ «Москвитянинъ», издававшемся въ то время извѣстнымъ профессоромъ русской исторіи М. П. Погодинымъ, а также въ «Московскомъ Сборникѣ». По предложенію оберъ-прокурора святѣйшаго синода графа А. П. Толстого, Тертій Ивановичъ перешелъ на службу по вѣдомству святѣйшаго синода и съ увлеченіемъ отдался церковному дѣлу, принявъ самое близкое участіе въ разработкѣ многихъ церковныхъ вопросовъ—въ частности вопросовъ раскола и старообрядчества и положенія православной церкви на Востокѣ. За защиту первенствующаго положенія іерусалимской церкви Т. И. Филипповъ въ 1883 году получилъ, по грамотѣ іерусалимскаго патріарха Никодима, званіе епитропа Гроба Господня и представителя іерусалимскаго патріаршаго престола. По приглашенію государственнаго контролера В. А. Татарина, Тертій Ивановичъ перешелъ въ 1864 году на службу въ государственный контроль на должность помощника управляющаго временною ревизіонною комиссіею, а черезъ семь лѣтъ, будучи уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, былъ сдѣланъ управляющимъ этою комиссіею. Въ 1878 году Т. И. Филипповъ былъ назначенъ товарищемъ при государственномъ контролерѣ статсъ-секретарѣ Д. М. Сольскомъ и въ этой должности оставался все время пребыванія во главѣ вѣдомства Дмитрія Мартыновича, являясь, такимъ образомъ, его ближайшимъ сотрудникомъ. Кромѣ того, на него было возложено предсѣдательствованіе въ особой организационной комиссіи, учрежденной для предварительнаго обсужденія вопросовъ по улучшенію кассоваго и ревизіоннаго порядка и существующей системы счетоводства и отчетности. Принималъ онъ также участіе въ качествѣ члена отъ государственнаго контроля и въ комиссіяхъ подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта статсъ-секретаря Каханова по преобразованію губернскаго и уѣзднаго администра-

¹⁾ «Государственный контроль. 1811—1911».

тивнаго управленія и подъ предѣдательствомъ варшавскаго архіепископа Леонтія по вопросу объ обезпеченіи за духовенствомъ надлежащаго участія въ дѣлѣ народнаго образованія.

Произведенный въ 1889 году въ дѣйствительные тайные совѣтники, Т. И. Филипповъ въ томъ же году, 26-го іюля, былъ назначенъ государственнымъ контролеромъ, а вскорѣ и членомъ комитета финансовъ. Званіе же сенатора было ему пожаловано въ 1883 году. Вступивъ въ управленіе вѣдомствомъ, Тертій Ивановичъ обратилъ прежде всего вниманіе на необходимость составленія новыхъ ревизіонныхъ руководствъ, такъ какъ нѣкоторые, составленные еще при В. А. Татариновѣ, инструкціи не отвѣчали измѣнившимся и усложнившимся послѣ реформы условіямъ ревизіи. При Т. И. Филипповѣ были сдѣланы нѣкоторые преобразованія въ центральныхъ учрежденіяхъ. Такъ, по закону 9-го іюня 1896 г. былъ образованъ департаментъ желѣзнодорожной отчетности изъ бывшаго желѣзнодорожнаго отдѣла, а по закону 12-го февраля 1896 года въ составѣ департамента гражданской отчетности было учреждено особое отдѣленіе для ревизіи государственныхъ кредитныхъ учреждений; съ 1892 года начала дѣйствовать, какъ постоянное учрежденіе, комиссія для повѣрки денежной и матеріальной отчетности управленій государственнаго контроля. При Тертіи Ивановичѣ былъ между прочимъ разрѣшенъ доступъ на вольнонаемную службу по учрежденіямъ государственнаго контроля и лицамъ женскаго пола.

Служебная дѣятельность не мѣшала Тертію Ивановичу принимать живое участіе во многихъ обществахъ, поставившихъ себѣ цѣлью интересы научные, литературные, художественные или религіозные. Такъ, онъ состоялъ дѣятельнымъ членомъ славянскаго благотворительнаго комитета, общества любителей духовнаго просвѣщенія, союза ревнителей чистоты русскаго языка и др. Но особенную память онъ оставилъ по себѣ въ императорскомъ географическомъ обществѣ по собранію русскихъ пѣсенныхъ напѣвовъ. По его почину при географическомъ обществѣ въ 1884 году возникла особая пѣсенная комиссія, и по его же ходатайству этой комиссіи были дарованы средства для снаряженія особыхъ экспедицій по собранію русскихъ пѣсенъ съ напѣвами въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи. Признательное общество избрало за это Т. И. Филиппова въ 1882 году въ свои почетные члены. Такимъ же избраніемъ въ почетные члены академіи наукъ, московской духовной академіи и общества исторіи и древностей російскихъ были почтены и другія заслуги Т. И. Филиппова въ области исторіи, литературы и искусства. Кромѣ того, онъ состоялъ почетнымъ членомъ константинопольскихъ филологическаго и средневѣковаго археологическихъ обществъ, археологическаго общества въ Аѳинахъ и др. Изъ сочиненій его наиболѣе извѣстны: «Сборникъ о старообрядчествѣ», «Современные церковные вопросы» и «Сборникъ Т. И. Филиппова».

Скончался Тертій Ивановичъ на посту государственнаго контролера 30-го ноября 1899 года.

Таковъ сухой перечень фактовъ изъ жизни и послужнаго списка Т. И. Филиппова, изъ какового перечня на насъ выглядываетъ характерный образъ мецената-сановника, придававшего своимъ участиемъ въ дѣлѣ государственнаго управления послѣднему особый народно-націоналистическій отгѣнокъ, столь родственнѣй и близкѣй самому тогдашнему вершителю судебъ Россіи.

Обращаясь отъ этого перечня къ живымъ воспоминаніямъ о Т. И. Филипповѣ, мы отмѣтимъ прежде всего уже знакомыя намъ воспоминанія князя В. П. Мещерскаго, дающія такой богатый матеріалъ для характеристики эпохи императора Александра III. Издатель «Гражданина» повѣствуетъ слѣдующее ¹⁾:

«Тертій Ивановичъ Филипповъ былъ очень интересной и оригинальной личностью въ созвѣздіи нашихъ выдававшихся государственныхъ людей. Рядомъ съ Вышнеградскимъ онъ, подобно ему, сталъ подниматься кверху съ самыхъ скромныхъ ступеней жизненной лѣстницы. Онъ былъ уроженецъ Ржева, Тверской губерніи, сынъ, сколько помнится, мѣстнаго аптекаря, и съ перваго до послѣдняго шага своей поднимавшейся въ гору жизни онъ былъ обязанъ исключительно самому себѣ, то-есть труду, энергіи и своимъ способностямъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ нашихъ близкихъ отношеній я не запомню, чтобы хоть разъ Т. И. Филипповъ у кого-нибудь заискивалъ или творилъ себѣ компромиссами и уступками въ угоду сильнымъ друзьямъ отъ мамы. По окончаніи курса въ московскомъ университетѣ онъ жилъ въ бѣдности и поддерживалъ свое существованіе частными уроками и затѣмъ литературною работою. На этомъ поприщѣ онъ успѣлъ создать себѣ имя. Съ молодыхъ лѣтъ онъ уже считался авторитетомъ въ знаніи русской словесности и въ церковныхъ вопросахъ. Знаніе первой ему доставило мѣсто преподавателя въ одной изъ гимназій московскаго учебнаго округа. Потомъ знаніе церковныхъ вопросовъ было причиною начала его карьеры на государственной службѣ. Его успѣлъ узнать и оцѣнить одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей того времени, графъ Александръ Петровичъ Толстой, который, по назначеніи его оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода послѣ генерала Ахматова, пригласилъ Филиппова въ директоры своей канцеляріи. Графъ А. П. Толстой былъ не легкаго характера, и, не взирая на это и на то, что должность начальника канцеляріи при немъ не допускала проявленія инициативы, Т. И. Филипповъ сумѣлъ своимъ тактомъ и своею ревностью къ интересамъ православной церкви создать себѣ и авторитетное положеніе и имя. Послѣ ухода графа Толстого Т. И. Филипповъ оставилъ службу въ вѣдомствѣ святѣйшаго синода и перешелъ, по

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881—1894 г.).

странной случайности, въ вѣдомство, къ которому онъ всего менѣе былъ подготовленъ. Казалось, его призваніемъ было двигаться на службѣ или педагогической, или въ вѣдомствѣ церкви, но и съ тою и съ другою областями онъ простился навсегда и пошелъ на зовъ создателя новаго учрежденія—государственного контроля—Татаринова, который для своего новаго и труднаго дѣла искалъ, какъ Діогенъ съ фонаремъ, наиболѣе способныхъ людей и въ числѣ таковыхъ остановился на Т. И. Филипповѣ. Когда я узналъ отъ Т. И. о поворотѣ его на служебномъ пути, я ему сказалъ: «Не хочется васъ поздравлять, Тертій Ивановичъ!».—«Отчего такъ?» спрашиваетъ онъ.—«Оттого, что вы мѣняете столь полныя жизнью поприща дѣятельности для ума и для души—церковь и школу—на мертвыя цифры, для которыхъ всегда найдутся способные люди, а для церкви или для школы вы очень нужны, и Филипповыхъ не скоро найдешь».—«Спасибо за ваши слова,—отвѣтилъ мнѣ Филипповъ:—правда, что сердце мое лежитъ къ тѣмъ двумъ вѣдомствамъ, которыя я оставилъ: къ школѣ, съ которой я началъ свою жизненную дѣятельность, и къ церкви, на службѣ которой я отдавалъ всю свою душу, по я иду, куда Богъ ведетъ, и, къ тому же, знаю, что въ тѣхъ двухъ вѣдомствахъ у меня врагъ; врагъ этотъ—мой языкъ, онъ мнѣ не далъ бы тамъ ни простора, ни успѣха, а въ государственномъ контролѣ языкъ можно держать за зубами».

«Въ Россіи это явленіе нерѣдкое,—говоритъ князь Мещерскій:—человѣкъ, подготовленный образованіемъ и призваніемъ къ извѣстной дѣятельности, случайно попадаетъ на поприще совершенно ему чужое. Т. И. Филипповъ былъ призванъ или къ должности оберъ-прокурора синода, или къ должности министра народнаго просвѣщенія, а попалъ въ государственный контроль и дошелъ въ немъ до должности государственнаго контролера. Хорошо, что онъ, съ его способностями, справился и съ этою дѣятельностью, а вѣдь вѣроятно было предвидѣть, что онъ именно потому не справился бы съ дѣятельностью въ совсѣмъ чужомъ ему вѣдомствѣ, что совсѣмъ не былъ къ ней подготовленъ. Въ началѣ своей новой дѣятельности онъ еще настолько былъ духомъ близокъ къ церковному міру, что, во всеоружіи своихъ познаній и вдохновленный догматическою правдою, выступилъ въ печати обличителемъ самовольнаго отдѣленія болгарской церкви отъ константинопольскаго патріархата и этимъ вызвалъ къ себѣ сочувствіе всѣхъ восточныхъ патріарховъ, болѣе теплое и искреннее, чѣмъ то, съ которымъ отнесся къ его труду нашъ святѣйшій синодъ. Этотъ трудъ былъ лебединою пѣснью Т. И. Филиппова въ области церковной, и талантливое перо его, столь ярко проявившееся на зарѣ его жизни въ московской «Бесѣдѣ» славянофиловъ и гораздо позже въ «Гражданинѣ», навсегда перешло къ корректурамъ и къ подписямъ по государственному контролю. На моихъ литературныхъ средахъ Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ пріятнѣйшихъ собесѣд-

никовъ и, какъ пріятель Достоевскаго, Майкова, Полонскаго, Писемскаго, Страхова и другихъ моихъ гостей, привѣтствовался ими съ самымъ искреннимъ радушіемъ. Онъ услаждалъ насъ своимъ остроуміемъ, изумлялъ своею памятью и внушалъ къ себѣ уваженіе своими непоколебимо твердыми убѣжденіями и принципами во всѣхъ вопросахъ, какъ церковныхъ, такъ политическихъ и литературныхъ. И подчасъ, когда онъ уходилъ раньше другихъ моихъ гостей, всѣ въ одинъ голосъ говорили: какъ жаль, что государственный контроль отняли у Россіи такой крупный талантъ и такую мощную умственную силу. Сколько бы онъ могъ создать прекраснаго своимъ умомъ, своими знаніями и своимъ талантомъ!

«Но, увы, пришла минута, когда іерархическое возвышеніе Филиппова до министерскаго поста начало свое психическое дѣйствіе и на его духовную личность; съ одной стороны, мало-по-малу началъ проникать въ него ядъ самообольщенія отъ власти и отъ поклоненія отъ него зависѣвшихъ людей, а съ другой стороны, у него явилась слабая струна—избытокъ самолюбивой чувствительности. Онъ обижался отъ каждаго малѣйшаго укола своего самолюбія, даже въ мелочахъ будничныхъ, какъ, напримѣръ, если кто-нибудь слишкомъ неглиже ему поклонится или скажетъ недостаточно почтительное слово. А за оскорбленіе въ служебной сферѣ онъ мстилъ. Помню, какъ вчера, маленькій образчикъ проявленія оскорбленнаго самолюбія въ пустякахъ, во время игры у меня въ винтъ. Одинъ изъ игравшихъ, въ отвѣтъ на довольно жесткій упрекъ Филиппова по адресу его партнера за неправильный ходъ, отвѣтилъ ему: «Вольно же было вамъ лѣзть». Гляжу, нашъ Тертій Ивановичъ вздрогнулъ, какъ ужаленный въ своемъ величіи этими словами, и мы услышали, какъ онъ произнесъ дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ: «Позвольте вамъ замѣтить, что государственный контролеръ никогда нигде не лѣзетъ». Его злосчастный партнеръ погибъ въ его глазахъ навсегда. Но, увы, рядомъ съ этимъ комическимъ мимолетнымъ эпизодомъ я запомнилъ цѣлую политическую драму, въ которой палъ одинъ изъ министровъ жертвой мести Филиппова за обиду, имъ нанесенную его самолюбію. Это было въ послѣдніе годы жизни Т. И. Филиппова. Жертвою его мести палъ назначенный Александромъ III министромъ путей сообщенія А. К. Кривошеинъ. Назначенный въ 1892 году, онъ въ концѣ 1894 года былъ удаленъ отъ должности по представленію Филиппова, обвинявшаго его въ некрасивыхъ злоупотребленіяхъ властью, между прочимъ въ томъ, что онъ принялъ на себя поставку дровъ изъ своей дачи на одну изъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ по возвышенной цѣнѣ. Это обвиненіе не было доказано; впоследствии я узналъ, что данныя, приведенныя въ основу этого обвиненія, были невѣрны, но, само собою разумѣется, въ виду официального представленія государственнаго контролера, увольненіе Кривошеина было неизбѣжно. Такой конецъ краткой дѣятельности Кривошеина

въ должности министра я предвидѣлъ рано или поздно и предупреждалъ его объ опасности отъ мести Филиппова, ибо отъ него слыхалъ, что онъ не могъ простить Кривошеину его черезчуръ абсолютное неухаживаніе за нимъ, которое называлъ *игнорированіемъ его личности*. Кривошеинъ былъ способный человѣкъ, онъ успѣлъ сдѣлать немало хорошаго и полезнаго на посту министра и общалъ многое еще сдѣлать, а въ такомъ грубомъ проявленіи корыстолюбія, какъ то, въ которомъ его обвинилъ Филипповъ, онъ уже потому не могъ быть виновнымъ, что не могъ въ такихъ жидовскихъ аферахъ нуждаться, ибо имѣлъ большое собственное состояніе. Незадолго до смерти Филиппова я съ нимъ видѣлся и сказалъ ему: «На вашей душѣ тяжкій грѣхъ, Тертій Ивановичъ: вы оклеветали Кривошеина». — «Я исполнилъ свой долгъ», отвѣтилъ онъ. «Нѣтъ, — сказалъ я: — вашъ долгъ былъ провѣрить строго и всесторонне обвиненіе; вы этого не сдѣлали, а основали обвиненіе на непровѣренныхъ данныхъ». Это было одно изъ послѣднихъ моихъ свиданій съ Филипповымъ. Какъ далеко онъ былъ въ то время отъ Филиппова своей весны!»

XXXIII.

Т. И. Филипповъ въ своей религіозно-философской и просвѣтительной дѣятельности приходился не по душѣ всевластному оберъ-прокурору святѣйшаго синода, и его назначеніе на высокій отвѣтственный постъ государственнаго контролера произошло помимо воли К. П. Побѣдоносцева. Въ данномъ случаѣ Александръ III не послѣдовалъ указаніямъ своего постоянного совѣтника, проводившаго на эту должность другого кандидата. Побѣдоносцевъ въ своемъ нежеланіи дать ходъ Филиппову какъ будто руководился эгоистическимъ чувствомъ соревнованія, не желая терпѣть рядомъ съ собою на верхахъ бюрократической лѣстницы такого же знатока церковныхъ вопросовъ, каковымъ былъ онъ, и притомъ въ освѣщеніи этихъ вопросовъ болѣе мягкимъ и теплымъ свѣтомъ.

Его исповѣданіе вѣры наиболѣе полно представлено въ статьяхъ и замѣткахъ, ему посвященныхъ Аѳ. Вас. Васильевымъ въ его книгѣ «Міру — народу мой отчетъ за прожитое время»¹⁾. Извѣстный славянофилъ и видный общественный дѣятель г. Васильевъ на разныхъ ступеняхъ русской жизни имѣлъ возможность поработать совмѣстно съ Тертіемъ Ивановичемъ, слизко его изучить и, благодаря этому, въ любовь и теплымъ чувствомъ нарисовать его духовный обликъ безъ наличія на своей красочной палитрѣ той «пыли земли», которую подсыпалъ въ свои воспоминанія князь Мещерскій во имя обѣленія

¹⁾ Сборникъ статей, докладовъ, рѣчей, стиховъ и замѣтокъ по вопросамъ христіанской нравственности, права, государственнаго управленія и хозяйства. Сиб. 1908 г.

министра Кривошеина, съ коимъ былъ связанъ узами дружбы и выгодныхъ себѣ дѣловыхъ отношеній.

Характеризуя Филиппова въ статьѣ «Памяти Тертія Ивановича Филиппова», Аѳ. Вас. Васильевъ говоритъ:

«Это былъ прежде всего искренній, не по имени только, христіанинъ; и не мертва, но дѣятельна была его вѣра. Онъ непостыдно исповѣдывалъ ее и жилъ по ней: ею опредѣлялъ онъ свои отношенія и обязанности къ церкви, къ государству, обществу и отдѣльнымъ людямъ.

«Вотъ, въ 1854 г., слѣдовательно, въ началѣ своего почти полу-вѣкового жизненнаго подвига, учитель русской исторіи и словесности первой московской гимназіи, Т. И. Филипповъ произноситъ въ торжественномъ собраніи гимназіи замѣчательную рѣчь «О началахъ русскаго воспитанія», въ которой онъ такъ впервые исповѣдалъ намъ свою задушевную мысль, свое твердое убѣжденіе въ томъ, что религія, и именно христіанство и православіе, есть единственно прочная и вѣрная основа истинно человѣческаго воспитанія и единственно вѣрное руководящее начало жизни и для отдѣльнаго человѣка, и для цѣлаго народа:

«Основаніемъ дѣлу воспитанія служить религія: она воспитываетъ въ насъ тѣ общія вѣчныя, всеобщія стихіи духа, которыя необходимы всякому человѣку безъ различія мѣста, времени и народности. Хотя она собственно приготовляетъ насъ къ жизни, ожидающей человѣка по ту сторону гроба, но въ ней находится единственное руководство и для нашего земного пути: ибо только тотъ способенъ пройти безпреткновенно путь земной жизни, кто видитъ въ ней пріуготовленіе къ вѣчности, а не заключаетъ въ ея тѣсныя предѣлы всѣхъ своихъ ожиданій. Науки и искусства суть цвѣтъ человѣческой дѣятельности: онѣ не только украшаютъ и услаждаютъ нашу жизнь, но и составляютъ существенную ея принадлежность, безъ коей нѣтъ полноты жизни; однако благо человѣку и народу, который отводитъ имъ въ составѣ своей жизни принадлежащее имъ мѣсто и не теряетъ изъ виду ихъ отношенія къ высшей, духовной дѣятельности человѣка—религіозной. Въ противномъ случаѣ изъ орудій блага онѣ становятся источникомъ частнаго и общественнаго зла, разрушаютъ внутренній міръ человѣка и благосостояніе общества.

«Мы знаемъ, что Западъ стоитъ во главѣ человѣчества въ дѣлѣ знаній и искусства, однако замѣчаемъ тамъ крайнее смущеніе совѣсти въ отдѣльныхъ лицахъ и страшное колебаніе всѣхъ общественныхъ основъ въ государствахъ. Причины тому очевидны. Оторвавшись отъ истинныхъ начала жизни, проповѣданныхъ Евангеліемъ, западный человѣкъ ищетъ для нея новыхъ основаній и, разумѣется, не находитъ: ибо ихъ нѣтъ. Все, что бы ни создалъ человѣкъ самъ отъ себя, взаимно отвергнутой имъ истины, все будетъ

ложь: до истинныхъ законовъ человѣческаго естества не можетъ возвыситься наше поврежденное умствованіе,—они открыты только божественному вѣдѣнію. Итакъ, въ основаніе христіанскаго воспитанія должно положить ученіе христіанское: оно одно можетъ указать человѣку, въ чемъ состоитъ истинное просвѣщеніе, истинная добродѣтель и истинное счастье, безъ него онъ нигдѣ и ни въ

Тертій Ивановичъ Филипповъ.

какомъ случаѣ не можетъ быть ни счастливъ самъ, ни полезенъ другимъ.

«Но, говоря о христіанскомъ воспитаніи, мы не должны забывать и того, что оно должно быть не какое иное, какъ предлагаемое православною церковью: ибо единственная и неизмѣнная хранительница правой вѣры въ то же время есть по необходимости и единственная сокровищница истиннаго разумѣнія вещей и чистыхъ нравственныхъ понятій. Кромѣ исключительной истины и чистоты

своего ученія, православіе дорого русскому народу и по безчисленнымъ благодѣяніямъ, которыя оно оказало ему въ теченіе его исторіи... Оно и до конца жизни нашего народа да будетъ ея неизмѣннымъ основаніемъ, источникомъ нашего величія и славы, нашею первою похвалою!»

«Эта глубокая преданность православію и «похвала» имъ не имѣли въ Т. И. ничего общаго съ встрѣчающимися нерѣдко у насъ самолюбіемъ и самохвальствомъ своею вѣрою, или съ пренебрежительнымъ отношеніемъ къ другимъ, хотя бы и уклонившимся отъ истины, исповѣданіямъ. Въ напечатанной имъ въ 1862 году въ «Русскомъ Вѣстникѣ» статьѣ «О несторіанахъ» Т. И., порицая наше собственное сонливое равнодушіе и бездѣйствіе, съ величайшимъ уваженіемъ и похвалою отзываясь о миссіонерской, благотворительной и просвѣтительной дѣятельности на азіатскомъ Востокѣ протестантовъ американскихъ. «Во имя христіанской любви они распространяютъ между этими забытыми міромъ людьми свѣтъ знанія и блага гражданственности, предоставляя дѣло единомыслія и согласія въ предметахъ вѣры свободному произволению самихъ несторіанъ». Съ такимъ же уваженіемъ и похвалой говоритъ онъ и о представителяхъ англиканской, такъ называемой «высокой церкви», о ихъ горячемъ участіи въ судьбѣ всѣхъ древнихъ неправославныхъ исповѣданій Востока и о глубокомъ изслѣдованіи ими писаній древнихъ отцовъ церкви и вообще церковныхъ древностей. Не одобряя, наоборотъ, нетерпѣливую релігіозную жадность латинскихъ миссіонеровъ, которую, скажемъ мы отъ себя, наши братья галичане такъ образно называютъ «душехватствомъ», Т. И. говоритъ, что такая «релігіозная жадность должна быть чужда всякому, кто въ отношеніяхъ съ разномыслящими христіанами желалъ бы прійти къ успѣшному и въ то же время достойному концу. Между посѣвомъ и жатвою должно быть порядочное разстояніе времени, въ подобныхъ дѣлахъ неблагоразумно и недостойно просвѣщеннаго духовнаго правительства желать непремѣнно полнаго и немедленнаго успѣха. Немалый успѣхъ слѣдуетъ видѣть и въ томъ, если между разномыслящими церквами устанавливаются братолюбивыя и довѣрчивыя сношенія». Но осторожное отношеніе къ убѣжденіямъ иновѣрцевъ не должно переходить въ полное равнодушіе къ ихъ релігіозному состоянію. «Мы далеки отъ ласкательства или ослѣпленія и признаемъ не только ложною, но и совершенно безнравственною мысль, которую, впрочемъ, имѣютъ нѣкоторые члены нашей церкви: будто бы обладающимъ истиною довольно стоять въ ней и вѣтъ обязанности ходить съ ея благовѣствованіями по всему лицу земли». «Даръ истины и вѣры дается не для скупого храненія, а для независтнаго сообщенія всѣмъ, кто по судьбамъ Промысла еще не озаренъ ихъ свѣтомъ».

Продолжая свои воспоминанія, г. Васильевъ повѣствуетъ:

«Въ 1862 году изданъ Третьимъ Ивановичемъ первый сборникъ его статей, посвященныхъ современнымъ церковнымъ вопросамъ, и именно: греко-болгарской церковной распрѣ, или, какъ самъ онъ говоритъ, точнѣе опредѣляя свою мысль, — «болгарской церковной смутѣ», и — «нуждамъ единовѣрія». «Не побѣднн ищемъ, — говоритъ онъ въ эпиграфѣ къ этой книгѣ словами Григорія Бого- слова: — но пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся». Эгими словами какъ нельзя лучше опредѣлены цѣль и духъ посвященныхъ церковнымъ вопросамъ статей, которыя покойный Т. И. считалъ едва ли не важнѣйшимъ дѣломъ своей жизни. Не «побѣднн», т. е. не мѣрами внѣшняго принужденія заставить смолкнуть церковныя несогласія, но справедливымъ изъясненіемъ истины и каноническимъ постановленіемъ единственно законной въ подобныхъ дѣлахъ власти — церковнаго собора — надѣялся онъ достигнуть возжеланнаго мира церковнаго — «пріяти братію, ихже разлученіемъ терзаемся...»

«Не буду долго останавливаться на отношеніяхъ Т. И. къ государству и на его служебныхъ передъ нимъ заслугахъ. Онѣ у всѣхъ, имѣвшихъ очи и уши, чтобы видѣть и слышать, — на памяти и на виду. Замѣчу только, что и въ этихъ, зачастую трудныхъ дѣлахъ онъ, ополчась за правое дѣло, прислушивался только къ голосу своей христіанской совѣсти и совѣтамъ тѣхъ людей, въ которыхъ ощущалъ присутствіе той же вѣрующей совѣсти, и не справлялся съ числомъ и силами противоборствовавшихъ ему и потворствовавшихъ злу враговъ, вѣруя, что Богъ не въ силѣ, а въ правдѣ.

«Въ вопросахъ государственной и народной жизни Т. И. Филипповъ, по собственному его свидѣтельству, являлся сторонникомъ «охранительныхъ началъ». Обязанностью каждаго убѣжденнаго чело- вѣка выходить на защиту этихъ началъ, побѣда коихъ недоста- точно еще въ общественномъ сознаніи утверждена и обезпечена, — объясняетъ онъ, между прочимъ, изданіе второго своего сборника. «Обязанность эту, — говоритъ онъ въ предисловіи къ этому сбор- нику, — я признаю во всей ея силѣ, и кто удостоитъ взглянуть въ издаваемую мною книгу, тотъ увидитъ, что въ теченіе слишкомъ сорока лѣтъ я служилъ этимъ пачаламъ неизмѣнно, въ свободѣ не- крепнаго исповѣданія, и не тогда только, когда это было покойно и выгодно, но и въ самый разгаръ бѣшеныхъ противъ нихъ опол- ченій, когда борьбу съ ними вели не одни Чернышевскіе и Благо- свѣтловы, но и разные Савлы, выжидавшіе лишь благопріятныхъ для себя обстоятельствъ, чтобы объявить себя внезапно обращенными Павлами... И вотъ я предстою передъ моимъ благосклоннымъ и небла- госклоннымъ читателемъ, какъ давній, убѣжденный и вѣрный послѣ- дователь направленія охранительнаго. Считаю, однако, нужнымъ оговориться: есть охранитель и охранитель. Вѣдь и опричникъ го- воритъ, что онъ охранитель, и даже гордится тѣмъ, что онъ песь. «Ни! но и худшій пса», сказалъ бы я такому охранителю, который

своимъ нечистымъ прикосновеніемъ оскверняетъ непорочное само по себѣ исповѣдываніе.

«Я имѣю основаніе надѣяться, что даже недоброжелательно относящіяся къ моему направленію судьи не пожелаютъ обидѣть меня смѣшеніемъ съ такими охранителями, но, чтобы еще болѣе оберечь себя отъ опасности подобнаго смѣшенія, я укрылъ свои произведенія подъ сѣнь имени И. В. Кирѣвскаго. Это имя крѣпкій и надежный щитъ... Онъ былъ надо мной отъ дней моей юности, онъ освѣнялъ первыя незрѣлыя попытки моей литературной дѣятельности. И если отъ юности до перваго псаломскаго предѣла жизни (котораго я уже достигъ) я оставался неизмѣнно вѣренъ своему образу мысли, то право на посвященіе моей книги непорочной памяти Ивана Васильевича Кирѣвскаго я могу счесть за мною. Могу съ тѣмъ вмѣстѣ выразить надежду, что вѣрность исповѣданію, котораго я держался всю жизнь, сохранится и до ея не очень уже далекаго конца».

«И эта надежда остаться вѣрнымъ тому направленію, которое Т. И. называетъ охранительнымъ и которое мы, не обинуясь, назовемъ славянофильскимъ, въ первоначальномъ, чистомъ его значеніи,—направленію Хомякова, К. Аксакова, Самарина, Кирѣвскаго,—эта надежда пребывала съ нимъ неизмѣнно, и онъ не измѣнилъ ей»,—свидѣтельствуешь г. Васильевъ.

«Есть охранитель и охранитель,—говоритъ онъ.—Не къ охранителямъ, исполненнымъ зложелательства и проповѣдующимъ всякую опрочину и косность, принадлежалъ Т. И. Филипповъ. Можно охранять драгоценныя историческія національныя преданія и завѣты и въ то же время въ нихъ самихъ черпать указанія и силу для движенія впередъ.

«Въ повизнахъ твоего царствованія,—говорятъ типичные представители охранительныхъ началъ, наши старовѣры, императору Александру II, — наша старина намъ слышится». Не охранители ли историческихъ нашихъ началъ—славянофилы Хомяковъ, Юр. Самаринъ, Н. Милютинъ и другіе сотрудники Т. И. Филиппова по «Русской Бесѣдѣ» и прилагавшемуся къ ней «Сельскому Благоустройству»,—явились дѣятельнѣйшими сотрудниками императора Александра II въ его вѣчно благословенномъ дѣлѣ—освобожденіи крестьянъ и надѣленіи ихъ землею.

«Къ такимъ именно охранителямъ принадлежитъ и незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ. Охраняя то, что есть въ русской жизни дѣйствительно цѣннаго, онъ радовался всякой хорошей новизнѣ и готовъ былъ не только содѣйствовать, но первый двинуть впередъ всякое благое начинаніе.

«Онъ первый широко открылъ двери подвѣдомственнаго ему правительственнаго учрежденія женскому труду, и едва ли не послѣднимъ его значительнымъ дѣломъ передъ кончиною были послан-

ныя имъ государственному совѣту замѣчанія на первую главу проекта уголовного уложенія, гдѣ онъ рѣшительно высказался противъ оставленія въ числѣ уголовныхъ наказаній, даже за политическія преступленія, смертной казни.

«Если смертная казнь,—говорится въ этихъ замѣчаніяхъ,—безполезна въ смыслѣ устрашенія и отклоненія отъ общихъ преступленій, не удерживая даже отъ мелкихъ кражъ у самой висѣлицы казимыхъ за кражу,—то тѣмъ болѣе она не только недѣйствительна, но прямо вредна въ примѣненіи къ преступленіямъ государственнымъ, ибо въ однихъ случаяхъ она надѣваетъ на дѣйствительныхъ преступниковъ, въ глазахъ ихъ единомышленниковъ, вѣнецъ мученичества, а въ другихъ отымаетъ у самого же государства и у человѣчества преданнѣйшихъ добру слугъ.

«Смертная казнь Казеріо, убійцы Карно, не удержала его современника Лукези отъ убійства Елизаветы Австрійской. Последній, какъ сообщали телеграммы, выразилъ даже сожалѣніе, что швейцарскій законъ, оставляя ему жизнь, лишаетъ его тѣмъ самымъ возможности показать примѣръ своимъ единомышленникамъ, какъ надо умирать. Достоевскій же былъ судимъ, какъ государственный преступникъ, и приговоренъ къ смерти, теперь же къ памяти его благоговѣнно относится не только русское общество, но и русская государственная власть: если бы онъ былъ казненъ, какая была бы это огромная потеря для Россіи! Голгоа—вѣчный укоръ и осужденіе смертной казни. Изъ трехъ на ней распятыхъ одинъ былъ Богочеловѣкъ, незаконно осужденный, другой осужденъ былъ справедливо по дѣламъ своимъ, но нравственное его существо уже переродилось, и онъ во время совершенія надъ нимъ казни былъ праведникомъ, достойнымъ быть въ раю со Христомъ.

«И Моисей былъ политическимъ убійцей, и Савль—злodeмъ, и по человѣческому суду они справедливо могли подвергнуться казни; но не была ли бы ихъ казнь величайшимъ злodeяніемъ въ отношеніи всего человѣчества!

«Лучшія преданія отдаленнѣйшей русской старины, связанныя съ священою для Россіи памятью двухъ Владимировъ:—Равноапостольнаго и Мономаха, побуждаютъ исключить изъ издаваемаго на порогѣ двадцатаго вѣка закона такую безполезнаю и противохристіанскую мѣру взысканія, какъ смертная казнь».

XXXIV.

Обращаясь къ характеристикѣ его, какъ дѣятеля Славянскаго благотворительнаго общества, А. Вас. Васильевъ свидѣтельствуетъ:

«Т. И. Филипповъ былъ однимъ изъ учредителей петербургскаго отдѣла славянскаго комитета, до переѣзда же своего въ Петербургъ стоялъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ съ такими основопо-

ложниками и отцами славянофильства, какъ Хомяковъ и Кирѣевскіе, и руководилъ важнѣйшимъ изъ славянофильскихъ изданій— «Русскою Бесѣдою». Когда же на славянскомъ югѣ разыгралась гроза, и для нашихъ славянскихъ комитетовъ настала пора рѣшительно дѣйствовать, беря при этомъ на себя всю полноту ответственности, такъ какъ приходилось дѣлать то, что требовали общественный долгъ и чувство, но на что нельзя было просить разрѣшеній и указаній,—тогда стоявшее во главѣ славянскаго комитета «исполнительное присутствіе» сочло себя не въ силахъ справиться съ поставленной временемъ задачей и само отошло въ сторону, а на его мѣсто стала избранная въ сентябрѣ 1875 года общимъ собраніемъ «комиссія для сбора пожертвованій», которая, просуществовавъ тринадцать мѣсяцевъ, собрала на славянское дѣло болѣе милліона рублей, напечатала и разбросала по лицу всей земли Русской болѣе милліона листовъ разнаго содержанія и вида воззваній, накормила и одѣла тысячи несчастныхъ нашихъ братій за Балканами и Дунаемъ и выслала на помощь имъ тысячи русскихъ добровольцевъ—вольныхъ ратниковъ за славянскую свободу. Словомъ, за годъ времени эта комиссія по сбору сдѣлала для славянскаго дѣла и русскаго самосознанія неизмѣримо больше, нежели славянскіе комитеты и общества за все остальное время ихъ существованія, и, что особенно важно, она впервые призвала къ самоопредѣляющему и рѣшающему участию въ политическомъ событіи русской народъ послѣ двухвѣкового, полного, хотя и невольнаго отчужденія его отъ всякой политики.

«Дѣятельнѣйшимъ членомъ, а затѣмъ предсѣдателемъ этой, скажу не обинуясь, знаменитой комиссіи по сбору былъ незабвенный нашъ Т. И. Филипповъ, не побоявшійся и въ этомъ, какъ и въ церковномъ дѣлѣ, взять на себя odium всякаго рода подозрѣній и превратныхъ толкованій, которымъ подвергалась комиссія по сбору и ея предсѣдатель и со стороны органовъ петербургской печати, изъ которыхъ одни, какъ «Биржевыя Вѣдомости» (Полетики) или «Голосъ» Краевскаго, враждебно относились вообще къ славянскому дѣлу или къ тому направленію, какое оно приняло, другіе—свора мелкой печати—сводили путемъ нападокъ на комиссію чьи-то старые счеты съ однимъ изъ ея членовъ, заправлявшимъ прежде дѣлами одного клуба ¹⁾).

«... Не слѣдуетъ забывать, что по отношенію къ славянскому движенію и дѣятельности нашихъ славянскихъ комитетовъ правительство тогда двоялось. Одни изъ сотрудниковъ императора Александра II, какъ, напримѣръ, Абаза и Милютинъ, съ наследникомъ цесаревичемъ во главѣ, сочувствовали славянскому движенію, другіе близкіе къ государю люди, едва ли не большинство,

¹⁾ В. И. Аристовымъ.

относились враждебно и къ самому движенію, и къ участвовавшимъ въ немъ и до нѣкоторой степени руководившимъ имъ комитетамъ. Въ числѣ этихъ лицъ были такіе могущественные въ то время люди, какъ министры: Горчаковъ, Валуевъ и начальникъ Третьяго Отдѣленія графъ Шуваловъ; самъ императоръ Александръ II долгое время смотрѣлъ на славянское дѣло одинаково съ ними. И вотъ, даже въ то время, какъ наши мобилизованные полки стояли уже близъ границы, въ правительственныхъ кругахъ все еще держалась, трудно, впрочемъ, сказать, на чемъ основанная, увѣренность, что войны не будетъ, и шла рѣчь о закрытіи славянскихъ комитетовъ.

«Для того, чтобы такъ бодро итти противъ этой волны во главѣ встрѣчнаго ей теченія, какъ шель Тертій Ивановичъ, требовалось большое гражданское мужество. При оцѣнкѣ этого его подвига не забудемъ и того, что въ то время Т. И. занималъ второстепенное, хотя и видное, служебное положеніе, что его непосредственный начальникъ А. С. Грейгъ неодобрительно относился къ участию Т. И. въ славянскомъ дѣлѣ, и что у него на рукахъ была семья, и онъ былъ въ сущности ничего не имѣвшимъ, кромѣ небольшого домика въ глухомъ уѣздномъ городѣ бѣднякомъ, который жилъ однимъ двадцатымъ числомъ...

«Я сказалъ только о трехъ важныхъ сторонахъ дѣятельности Т. И. Филиппова, но остается еще много другихъ, быть можетъ, не менѣе важныхъ ея сторонъ. Слѣдовало бы сказать еще, и именно о взглядѣ его на задачи, способы и программы воспитанія, о значеніи въ дѣлѣ воспитанія церковно-славянскаго языка, о томъ, какъ глубоко зналъ Т. И. этотъ языкъ и особенно языкъ русскій, какъ проникновенно и вмѣстѣ художественно изъяснялъ онъ смыслъ отдѣльныхъ его реченій, напримѣръ, въ спорѣ съ Буслаевымъ—объ истолкованіи имъ слова «миръ», тождественнаго съ греческимъ «космосъ»,—какъ совмѣщающаго въ себѣ понятія мѣры, порядка и красоты, о глубокомъ знаніи имъ русской пѣсни и вообще народнаго творчества въ области звуковъ и слова, и о томъ, какъ много сдѣлано имъ для сохраненія уцѣлѣвшихъ еще драгоценныхъ его остатковъ и слѣдовъ. Слѣдовало бы сказать о необыкновенной его отзывчивости на всякую обращенную къ нему просьбу о помощи, и особенно о той сильной поддержкѣ, какую оказывалъ онъ вдохновеннымъ труженикамъ, работавшимъ въ одномъ съ нимъ направленіи на пользу народной жизни и народнаго творчества. Кто, какъ не онъ, оказалъ могущественную поддержку В. В. Андрееву? Такъ же задушевно отнесся онъ и къ дѣлу трудовыхъ артелей Н. В. Левицкаго. Познакомленный мною съ нимъ, онъ готовился оказать такую же поддержку и артельному дѣлу, какая была имъ оказана народной музыкѣ и пѣсни».

Показанія г. Васильева, особенно въ той ихъ части, которая касается вопроса о смертной казни, чрезвычайно характерны, какъ

равно характерно и отношеніе Филиппова къ вопросу о привлеченіи къ государственной службѣ представителей писательскаго сословія ¹⁾, женщинъ, о его меценатствѣ и дѣятельности на пользу укрѣпленія и развитія народнаго творчества.

Въ лицѣ Филиппова, такимъ образомъ, русская государственность имѣла типичнаго представителя, который какъ бы разряжалъ сухую бюрократичность, вливая въ нее интеллигентныя струи и специально-націоналистическія начала, благодаря чему она теряла свою сухость и въ ней начинала чувствоваться пульсація жизни. Въ немъ государственность какъ бы сливалась съ общественностью и рождалась съ коренными устоями русской жизни, которые онъ утверждалъ изъ быта, преданій и лѣтописей русской исторіи. Человѣкъ живой, отзывчивый и многосторонній, онъ, правда, давалъ нерѣдко пищу злымъ языкамъ, и съ его именемъ сплошь и рядомъ связывались анекдоты, почерпавшіе свое происхожденіе изъ свойствъ его характера, привычекъ и вкусовъ. Но эти анекдоты задѣвали его преимущественно какъ частнаго человѣка, но ни малѣйшимъ образомъ не набрасывали на него тѣнь, какъ на государственнаго дѣятеля. По должности государственнаго контролера онъ стоялъ на высотѣ призванія, и никакія соображенія «кумовства», угодлиности и дружбы не останавливали его начинаній тогда, когда нужно было поднять свой «контрольный» голосъ. Благодаря этому, въ его лицѣ императоръ Александръ III имѣлъ вѣрнаго слугу, который работалъ на пользу Россіи и для упорядоченія ея государственнаго хозяйства не только за страхъ, но и за совѣсть.

Не столь яркимъ и многостороннимъ былъ и другой представитель тогдашней государственности, министръ государственныхъ имуществъ, Михаилъ Николаевичъ Островскій, полавшій также на верхи іерархической лѣстницы изъ нѣдръ государственнаго контроля.

Родной братъ извѣтнаго нашего драматурга А. Н. Островскаго, онъ родился въ Москвѣ въ 1827 году. Первоначальное образованіе онъ получилъ въ московской первой гимназій; въ 1849 году, по окончаніи московскаго университета со степенью кандидата, покойный состоялъ чиновникомъ особыхъ порученій при симбирскомъ гражданскомъ губернаторѣ. Съ 1864 года, уже въ чинѣ дѣйствительнаго статскаго совѣтника, онъ получалъ командировки въ города Псковъ, Ревель, Митаву и губерніи: Тамбовскую, Воронежскую, Харьковскую и др., для собиранія необходимыхъ свѣдѣній по образованію мѣстныхъ контрольныхъ учреждений. Въ тайные совѣтники М. Н. произведенъ въ 1871 году, а въ слѣдующемъ назначенъ товарищемъ государственнаго контролера, въ 1882 году сенаторомъ.

¹⁾ Объ этомъ у Аѳ. В. Васильева имѣются особыя указанія въ той же статьѣ.

Въ стать-секретари его императорскаго величества покойный пожалованъ въ 1876 году; въ 1878 году назначенъ членомъ государственнаго совѣта. Опреѣленный къ присутствованію въ департаментѣ государственной экономіи, М. Н. въ 1879 году былъ назначенъ предсѣдателемъ особой комиссіи, учрежденной для пересмотра узаконеній о казенныхъ заготовкахъ для арміи и флота, почетнымъ опекуномъ опекунскаго совѣта учреждений императрицы Маріи и

Михаилъ Николаевичъ Островскій.

членомъ особыхъ комиссій для разсмотрѣнія всеподданнѣйшихъ отчетовъ, совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и комитета призрѣнія заслуженныхъ гражданскихъ чиновниковъ. Въ 1881 году М. Н. получилъ отвѣтственный постъ министра государственныхъ имуществъ, съ оставленіемъ въ прежнихъ званіяхъ.

М. Н. Островскій, человѣкъ высокихъ нравственныхъ качествъ, былъ назначенъ министромъ государственныхъ имуществъ въ такое время, когда это министерство заставляло говорить о себѣ

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

22

не въ связи съ нуждами сельскаго хозяйства, а скорѣе въ связи съ такъ называемыми «уфимскими хищеніями». Крупною заслугою покойнаго является упорядоченіе оброчныхъ статей и установленіе выгоднаго какъ для казеннаго, такъ и для народнаго хозяйства порядка отдачи ихъ въ аренду. М. Н. Островскому принадлежитъ также заслуга относительно проведенія закона 1-го апрѣля 1888 года объ охранѣ лѣсовъ. Особенно ярко выдѣлялись его заботы о сельско-хозяйственномъ образованіи, въ связи съ общей тогдашней тенденціей къ упроченію у насъ профессиональнаго образованія.

Мы уже знаемъ, что въ началѣ царствованія Александра III М. Н. Островскому суждено было сыграть рѣшающую роль на томъ историческомъ засѣданіи подъ предѣдательствомъ государя императора, гдѣ слушался проектъ графа Н. П. Игнатьева по созыву земскаго собора. Онъ былъ тотъ, который выступилъ оппонентомъ министру внутреннихъ дѣлъ и, какъ знатокъ русскаго государственнаго права и русскаго исторіи, нанесъ этому проекту такіе сильные удары, послѣ чего идея этихъ соборовъ, какъ государственнаго установленія, была навсегда похоронена. Ему же суждено было, какъ увидимъ далѣе, играть и нѣкоторую роль въ обсужденіи вопроса о борьбѣ противъ шумныхъ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, разыгравшихся съ особенною силою въ періодъ 80-хъ годовъ.

XXXV.

На ряду со всѣми очерченными выше дѣятелями государственнаго механизма при императорѣ Александрѣ III чрезвычайно оригинальною фігурою рисуется личность министра народнаго просвѣщенія графа Ивана Давидовича Делянова, назначеннаго въ 1882 году на смѣну барону Николаи. Деляновъ былъ свой человѣкъ въ бюрократическомъ мірѣ, пережилъ вмѣстѣ съ нимъ разныя вѣянія и, имѣя за собою громаднѣйшій опытъ жизни, отлично умѣлъ приспособляться и къ тѣмъ многочисленнымъ служебнымъ постамаъ, которые ему въ разные періоды его службы приходилось занимать, и къ той общественной средѣ, въ которой суждено было дѣйствовать.

И. Д. Деляновъ родился въ 1818 году и, получивъ прекрасное для своего времени домашнее воспитаніе, впоследствии поступилъ въ московскую гимназію, а затѣмъ въ московскій же университетъ на юридическій факультетъ, гдѣ былъ на счету трудолюбиваго и прекраснаго занимающагося студента. Такъ, въ 1835 году онъ участвовалъ совмѣстно съ другими товарищами по факультету въ переводѣ съ французскаго языка «Исторіи среднихъ вѣковъ» профессора Демиселя, изданномъ Погодинымъ на слѣдующій годъ отдѣльною книгою. Сверстниками его и товарищами по университету были

студенты-словесники, столь извѣстные впоследствии въ исторіи нашей науки и литературы—М. Н. Катковъ и Ѳ. И. Буслаевъ, съ конми покойный И. Д. Деляновъ сохранилъ наилучшія отношенія на всю жизнь; также былъ его товарищемъ по факультету извѣстный директоръ Публичной библіотеки А. Ѳ. Бычковъ. По окончаніи университета, 20 лѣтъ отъ роду, первымъ кандидатомъ, онъ въ 1838 году поступилъ на службу въ бывшее II отдѣленіе собственной его величества канцеляріи, гдѣ подъ руководствомъ графа Блудова занимался работами по составленію уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ. Эти работы, гдѣ онъ проявилъ отличныя способности и которыя имъ были прекрасно исполнены, обратили на него особенное вниманіе графа Блудова, и онъ сталъ съ тѣхъ поръ возлагать самыя разнообразныя и отвѣтственныя порученія на своего молодого подчиненнаго, дѣлая его участникомъ на засѣданіяхъ многочисленныхъ въ то время комиссій. Благодаря этому, онъ скоро выдѣлился изъ среды петербургскихъ чиновниковъ, и уже въ 1854 г. мы видимъ его въ отвѣтственномъ званіи управляющаго дѣлами секретнаго комитета о раскольникахъ. Гуманное и просвѣщенное отношеніе къ раскольничьему вопросу имѣло слѣдствіемъ постановленіе о допущеніи раскольниковъ имѣть свои училища или же учиться въ общихъ школахъ, посѣщая уроки православнаго законоучителя или не посѣщая. На либеральный складъ образа мыслей молодого петербургскаго администратора имѣла въ тотъ періодъ времени особенное вліяніе атмосфера гостиниой графини А. Д. Блудовой, гдѣ онъ встрѣчался съ представителями тогдашняго славянофильства, а также его близость съ извѣстнымъ профессоромъ и цензоромъ А. В. Никитенкомъ, съ которымъ онъ сошелся послѣ своего назначенія членомъ главнаго цензурнаго управленія. Здѣсь онъ, подобно Никитенку, былъ врагомъ крайности въ ту или другую сторону и былъ проникнутъ идеей взаимнаго довѣрія и дружнаго взаимодействія власти и печати на пользу благоразумнаго и умѣреннаго прогресса.

На сороковомъ году жизни, уже въ чинѣ тайнаго совѣтника, онъ перешелъ на службу по вѣдомству народнаго просвѣщенія, гдѣ на первыхъ порахъ занялъ постъ попечителя с.-петербургскаго учебнаго округа. По этому поводу ректоръ здѣшняго университета Плетневъ писалъ князю Вяземскому: «Нашъ Деляновъ вышелъ прекрасный попечитель. Онъ добръ, откровененъ и во всемъ дѣйствуетъ, какъ надобно благородному, скромному и честному чловѣку». Дѣйствительно, новый попечитель какъ нельзя больше являлъ своей личностью полное согласіе съ тогдашнимъ настроеніемъ правящихъ классовъ и въ своей дѣятельности, въ качествѣ руководителя учебнаго округа, вполне отвѣчалъ освободительнымъ и либеральнымъ вѣяніямъ, которыя въ такомъ изобиліи носились въ воздухѣ того историческаго періода нашей жизни. Иванъ Давидо-

вичь по своему назначеніи на новый постъ проявилъ кипучую дѣятельность по управленію обширнымъ тогда петербургскимъ учебнымъ округомъ, непрестанно посѣщая столичныя и провинціальныя подвѣдомственные учебныя заведенія, знакомясь лично съ составомъ учащихся и учащихся. Мягкій отъ природы, съ добрымъ, отзывчивымъ сердцемъ, онъ дѣйствительно любилъ молодежь и, благодаря своему тогдашнему нескрываемому свободомыслию, пользовался среди студентовъ широкою популярностью. Насколько силенъ былъ въ немъ тогда духъ либерализма, показываетъ то, что онъ считалъ даже профессора Ор. Миллера слишкомъ консервативнымъ, а потому и нежелательнымъ членомъ профессорской корпораціи. Черезъ тридцать лѣтъ тотъ же Деляновъ, уже на посту министра народнаго просвѣщенія, подписалъ тому же Ор. Миллеру отставку за вредное политическое направленіе! *Tempora mutantur et nos mutamur in illis!*

Студенты часто искали защиты попечителя противъ придирчивыхъ требованій старой инспекціи и нерѣдко ее находили: попечитель становился на ихъ сторону, искусно предупреждая серьезныя столкновенія. По поводу тогда ужъ возникшихъ студенческихъ волненій онъ, подобно Никитенку, полагалъ, что эти безпорядки и волненія суть печальныя послѣдствія прежняго крайняго угнетенія и что они могутъ быть устранены только лучшею организаціею университетскаго преподаванія и всей вообще университетской жизни. Начала, которыя потомъ легли въ основу устава 1863 года, постепенно вырабатывались въ комиссіяхъ, собиравшихся подъ предсѣдательствомъ Делянова. Впослѣдствіи ему же пришлось объявить войну этому уставу и высказаться рѣшительно противъ тѣхъ началъ, которыя онъ защищалъ въ 1863 году.

Избранный въ 1859 г. академіею наукъ почетнымъ членомъ, онъ въ томъ же году въ первый разъ вступилъ временно въ завѣдываніе, вмѣсто А. С. Норова, учебною частію нѣкоторыхъ женскихъ институтовъ. Съ этихъ поръ и до назначенія его директоромъ департамента народнаго просвѣщенія дѣятельность его была всецѣло посвящена воспитанію и образованію юношества. Въ 1865 году, при Головинѣ, не было товарища министра, и управленіе министерствомъ, за отсутствіемъ Головина, было ввѣрено Делянову, который удостоился за это высочайшей признательности. Тогда же состоялось его назначеніе сенаторомъ, а годъ спустя онъ занялъ постъ товарища министра народнаго просвѣщенія, оставаясь директоромъ Публичной бібліотеки (въ эту должность онъ вступилъ еще въ 1860 г.) и присутствуя постоянно въ собраніяхъ первыхъ трехъ департаментовъ и департамента герольдіи правительствующаго сената. Являясь въ теченіе восьми лѣтъ ревностнымъ помощникомъ министра графа Д. А. Толстого по введенію у насъ классической системы образованія, И. Д. Деляновъ нерѣдко въ отсутствіи министра

замѣнялъ его и въ общей сложности за этотъ періодъ времени управлялъ самостоятельно министерствомъ три года. Помимо этихъ обязанностей, онъ въ 1871 г. былъ назначенъ членомъ совѣта Павловскаго института по учебной части и принималъ весьма близкое участіе въ разныхъ комиссіяхъ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія и IV отдѣленія собственной его величества канцеляріи. Въ 1867 г. Деляновъ былъ назначенъ статсъ-секретаремъ, а въ 1874 — членомъ государственнаго совѣта съ увольненіемъ отъ должности товарища министра народнаго просвѣщенія. Съ этого времени до 1882 г. дѣятельность его сосредоточивалась, съ одной стороны, въ государственномъ совѣтѣ и въ Публичной библиотекѣ, а съ другой — въ вѣдомствѣ учреждений императрицы Маріи, гдѣ въ 1877 г. онъ исполнялъ обязанности, особымъ высочайшимъ повелѣніемъ на него возложенныя, а съ 1880 г. управлялъ этимъ вѣдомствомъ на правахъ главноуправляющаго. Въ 1882 г. онъ былъ назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Вспоминая объ этомъ назначеніи, князь В. П. Мещерскій говоритъ ¹⁾:

«Послѣ неудачи назначенія Н. М. Баранова градоначальникомъ вторая неудача оказалась въ выборѣ министра народнаго просвѣщенія въ лицѣ барона Николаи. Я имѣлъ случай только разъ бесѣдовать съ барономъ Николаи во время его управленія министерствомъ, и, признаюсь, все время, пока сидѣлъ у него, доискивался въ его разговорѣ узнать: кто онъ по убѣжденіямъ своимъ, и такъ и не могъ доискаться. Это впечатлѣніе врѣзалось мнѣ въ память, какъ нѣчто рѣдкое, ибо трудно себѣ представить въ роли министра человѣка, про котораго нельзя сказать, какихъ онъ убѣжденій. Словоохотливымъ онъ не былъ, но все же говорилъ и высказывалъ мысли; по временамъ казалось, что онъ будто не изъ либераловъ того времени, а потомъ скажетъ что-то такое, что свидѣтельствуетъ объ его неохотѣ быть консервативнаго направленія. Его уволили въ началѣ 1882 года, и на его мѣсто назначенъ былъ всѣмъ извѣстный и симпатичный Иванъ Давыдовичъ Деляновъ, человѣкъ не новый для вѣдомства, такъ какъ онъ долго былъ попечителемъ петербургскаго учебнаго округа. Еще задолго до его назначенія я видѣлся съ нимъ послѣ моей бесѣды съ барономъ Николаи и высказалъ ему мои впечатлѣнія объ этомъ человѣкѣ. Деляновъ тонко-насмѣшливо меня слушалъ и затѣмъ съ своимъ мѣткимъ юморомъ опредѣлилъ барона Николаи такъ: «онъ умный человѣкъ, все понимаетъ, и благонамѣренный, но, какъ бы вамъ сказать, онъ не умѣетъ быть министромъ». Затѣмъ, когда назначили Делянова министромъ на мѣсто барона Николаи, я къ нему явился и, припомнивъ нашъ разговоръ о Ни-

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». Ч. III. (1881—1894 гг.).

колаи, говорю ему: «Ну, а вы, Иванъ Давыдовичъ, сумѣете быть министромъ?»

«— Ну, не знаю,—отвѣтилъ милый старикъ;—попробую; вѣдь критиковать министра легко, быть министромъ трудно, особливо просвѣщенія... Ну, какое у насъ нынче просвѣщеніе, тьма кромѣшная повсюду да либеральная слякоть.... Вѣдь Лорисъ-Меликовъ и школу-то всю испакостилъ, людей съ панталыку сбиль. Надо съ азбуки начинать... Ну, Богъ дастъ, какъ-нибудь справимся.

«Разговоръ былъ прерванъ появленіемъ лакея.

«— Что?

«— Студентъ, ваше выс—ство, желаетъ видѣть.

«Министръ сморщился.

«— Скажи, что я утромъ принимаю.

«— Онъ говоритъ, что очень нужно.

«— Ну, пускай подождетъ въ гостиной, приду къ нему.

«Припоминаю эту сцену потому, что въ ней вылился весь милый, добрый и простой Деляновъ. Ну, какой бы министръ принялъ какого-то студента въ четвертомъ часу дня? А онъ, какъ сказали: очень нужно,—сейчасъ же принялъ.

«Самая обстановка Ивана Давыдовича отличалась своей простотой отъ обстановокъ всѣхъ другихъ министровъ. Во-первыхъ, у него не было даже пріемной комнаты, а просители принимались въ гостиной. Затѣмъ не было курьера, а когда уходилъ лакей, то пришедшій входилъ въ кабинетъ министра прямо безъ доклада, и изъ глубины кабинета раздавалось удивленное, но всегда гостепрѣимное, ласковое: «А!» Кабинетъ представлялъ узкую комнату въ одно окно, выходящее на дворъ, гдѣ по срединѣ стоялъ письменный столъ, у окна кресло, въ которомъ сидѣлъ спрятанный имъ министръ, два-три стула, шкапы съ книгами, масса книгъ, разбросанныхъ по столамъ и на полу, и больше ничего.

«Бывало, войдешь къ нему и застанешь картину: за столомъ сидитъ министръ, передъ нимъ стоитъ студентъ или курсистка.

«— Здравствуйте,—говоритъ онъ входящему.—Вотъ пишу записку рекомендательную, не знаю, выйдетъ ли прокъ, а все-таки пишу.

«И такихъ записокъ онъ писалъ десятки въ день, никогда никому не отказывая.

«Потомъ бывала такая сцена. Одинъ изъ важныхъ лицъ въ министерствѣ былъ Георгіевскій. Министръ пишетъ ему записку и даетъ ее просителю.

«— Ну, вотъ, идите: онъ бѣдовый, и я даже его боюсь,—говорилъ, улыбаясь, министръ про своего подчиненнаго:—но, Богъ дастъ, смилуется.

«Тутъ кстати припомнить прелестный эпизодъ съ однимъ студентомъ, пришедшимъ къ министру просить о помилованіи, такъ какъ онъ былъ исключенъ изъ университета.

«— А за что васъ исключили?—спросилъ министръ.

«— Право, не знаю, ваше в—ство.

«— Ужь чѣмъ-нибудь да провинились?

«— Ей-Богу, не помню...

«— Ну, припомните хорошенько; можетъ быть, вы были въ компаніи товарищей, весело поужинали, развязался языкъ и, когда къ слову пришлось, вашего министра старымъ дуракомъ назвали?

«Когда министръ кончилъ свои слова, передъ нимъ уже стояло другое лицо, въ видѣ бѣлой мраморной статуи, у которой единственными признаками жизни были капли холоднаго пота, выступившія на лбу.

«Студентъ схватилъ себя за голову...

«— Ваше в—ство... простите... Ваши слова во мнѣ вдругъ пробудили совсѣмъ забытое воспоминаніе; да, я былъ однажды пьянъ и говорилъ что-то противъ васъ... я смутно помню... Да, это было... Простите...

«— Ну, вотъ видите, мораль та, что лучше слишкомъ много не пить. А вѣдь я могъ бы обидѣться,—прибавилъ, добродушно-лукаво улыбаясь, министръ:—потому пословица говоритъ: «что у пьянаго на языкѣ, то у трезваго на умѣ».

«— Простите. Больше ничего не могу сказать,—прошепталъ студентъ, возвращенный къ жизни добротою министра.

«— Ну, идите, я васъ вѣлю принять въ московскій университетъ.

«И такихъ жизней много спасъ на своемъ вѣку Иванъ Давыдовичъ Деляновъ и какъ попечитель округа, и какъ министръ народнаго просвѣщенія.

«Оттого назначеніе Делянова министромъ народнаго просвѣщенія было встрѣчено съ огромнымъ сочувствіемъ во всѣхъ слояхъ общества. Либералы одни поморщились, потому что Деляновъ былъ другомъ Каткова, а Катковъ изображалъ собою двойной столпъ: консерватизма и классицизма.

«Но, радуясь назначенію Делянова, никто изъ знавшихъ его не дѣлалъ себѣ иллюзій и не ждалъ отъ него ни крутыхъ и крупныхъ дѣйствій, ни подвиговъ энергіи».

XXXVI.

При назначеніи на постъ министра народнаго просвѣщенія И. Д. Делянову было преподано высочайшее указаніе дѣйствовать въ подвѣдомственной ему области согласно съ духомъ мѣропріятіи министерства внутреннихъ дѣлъ, проводимыхъ въ то время графомъ Д. А. Толстымъ. По сему предмету онъ удостоился рескрипта отъ 15-го мая 1882 года, гдѣ, между прочимъ, говорилось: «Призвавъ васъ на тяжелый отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія, я не сомнѣваюсь, что многолѣтняя на этомъ поприщѣ

опытность ваша, искреннее ваше усердіе помогутъ мнѣ, въ пользу грядущимъ поколѣніямъ и во славу отечества, окончательно установить дѣло народнаго образованія на прочныхъ основахъ и не только одного расширенія научныхъ средствъ, но еще и яснаго пониманія достигаемыхъ этимъ истинно-человѣческихъ цѣлей: правды, добра и любви къ ближнимъ». Оцѣнивая черезъ шесть лѣтъ службу министра народнаго просвѣщенія и возводя его въ графское достоинство, императоръ Александръ III всемилостивѣйше сказалъ ему въ высочайшемъ на его имя рескриптѣ: «Опытность ваша на учебно-административномъ поприщѣ, ваша справедливость и человѣколюбіе побудили меня съ полнымъ довѣріемъ поручить вамъ важный и отвѣтственный постъ министра народнаго просвѣщенія. Обдуманно и неуклонно устрояемое дѣло университетскаго образованія служить предметомъ особыхъ заботъ вашихъ. Вами обращено должное вниманіе на устройство техническихъ и профессиональныхъ училищъ, столь необходимыхъ на пользу нашего отечества. По указаніямъ вашимъ, начальное обученіе въ народныхъ школахъ въ духѣ постоянного общенія съ церковью направляется къ одной цѣли съ недавно возникшими на благо народа церковно-приходскими школами. Постепенное, но непреклонное направленіе, даваемое подъ руководствомъ вашимъ устройству учебнаго дѣла на одинакихъ началахъ во всей Россіи, упрочиваетъ въ будущемъ господство русскаго языка на всѣхъ окраинахъ нашей имперіи».

Мѣропріятія министерства народнаго просвѣщенія за время его управленія графомъ Деляновымъ въ ихъ послѣдовательномъ порядкѣ сводились къ слѣдующимъ даннымъ ¹⁾.

Въ 1887 году составленъ новый уставъ русскіихъ императорскихъ университетовъ; открытъ университетъ въ Томскѣ; пересмотрѣны (въ 1890 г.) учебные планы классическихъ гимназій, причемъ главныя перемѣны коснулись древнихъ языковъ: на счетъ послѣднихъ расширено преподаваніе русскаго языка; ограниченъ процентъ евреевъ, допускаемыхъ въ высшія и среднія учебныя заведенія; открытъ харьковскій технологическій институтъ; измѣненъ уставъ петербургскаго технологическаго института и утвержденъ уставъ коммерческаго училища въ Харьковѣ; затѣмъ были расширены и организованы: Комиссаровское техническое училище въ Москвѣ, красноуфимское Пермской губерніи реальное училище, приспособленное къ сельско-хозяйственнымъ потребностямъ, иркутское техническое училище; пересмотрѣнъ уставъ реальныхъ училищъ 1888 года; выработано положеніе о среднихъ и низшихъ техническихъ и промышленныхъ училищахъ и образована особая комиссія для дальнѣйшаго направленія дѣла; открыто нѣсколько

¹⁾ Настоящія свѣдѣнія заимствованы изъ нашего некролога гр. И. Д. Делянова, напечатаннаго въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за 1988 г., № 2.

такихъ училищъ: въ Казани, Екатеринославѣ, Петрозаводскѣ, Златоустѣ, Брянскѣ; въ посадахъ Павловѣ, Клинцахъ и др. Закрытыя въ 1886 году высшіе женскіе курсы были вновь открыты въ 1889 г. на измѣненныхъ основаніяхъ; пересмотрѣно положеніе объ учительскихъ семинаріяхъ и, наконецъ, въ видахъ объединенія

Графъ Иванъ Давидовичъ Деляновъ.

окраинъ съ иновѣрнымъ населеніемъ, въ вѣдомство министерства народнаго просвѣщенія приняты изъ министерства внутреннихъ дѣлъ до 2.000 сельскихъ школъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Для управленія этими школами образованы дирекціи и нѣсколько инспекцій, и выработаны особыя правила для завѣдыванія этими училищами. Въ прибалтійскихъ же губерніяхъ преобразованы и открыты вновь болѣе двадцати городскихъ училищъ, открыты

русскія прогимназіи въ Полаугенѣ, русскія реальныя училища въ Ригѣ и другихъ городахъ; введено обязательное преподаваніе на русскомъ языкѣ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, пользующихся правами казенныхъ училищъ. Въ томъ же духѣ произведены весьма значительныя преобразованія въ императорскомъ Юрьевскомъ университетѣ, рижскомъ политехническомъ и многихъ другихъ училищахъ; въѣдомству министерства народнаго просвѣщенія при графѣ И. Д. Деляповѣ подчинены всѣ школы, существующія при протестантскихъ церквяхъ, а также всѣ шовѣрческія школы Юго-Западнаго края; издано новое положеніе о городскихъ училищахъ варшавскаго учебнаго округа; къ въѣдомству министерства народнаго просвѣщенія присоединены послѣдовательно: кавказскій учебный округъ, кавказскій музей, тифлисская публичная бібліотека и физическая обсерваторія и городскія школы Терской области.

Изъ разсмотрѣнія этихъ главныхъ моментовъ жизни министерства народнаго просвѣщенія при покойномъ графѣ Деляновѣ мы убѣждаемся, что наибольшее вниманіе тутъ обращалось на преобразование окраинныхъ школъ, на подчиненіе ихъ министерскому надзору, что находилось въ непосредственной связи съ общей программой внутренней политики прошлаго царствованія. Кромѣ того, большинство мѣропріятій по своему характеру носятъ здѣсь ограничительный отпечатокъ, придающій дѣятельности министра какъ бы иное освѣщеніе, нежели оно носило на себѣ въ предыдущіе годы его дѣятельности, какъ попечителя округа. Это объясняется опять-таки всѣми авторами некрологовъ почившаго графа тѣми общими вліяніями, которыя наступили въ нашемъ отечествѣ въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, когда во внутренней политикѣ произошелъ крутой переломъ, и правительство отъ принциповъ «диктатуры сердца» перешло къ усиленію власти и строгому административному режиму. Силою вещей, И. Д. Деляновъ какъ бы былъ унесенъ потокомъ времени отъ тѣхъ основъ, коимъ служилъ до 1880 годовъ, но было бы жестокою несправедливостью утверждать, будто онъ цѣликомъ невозвратно ушелъ отъ стараго къ новому и не дѣлалъ попытокъ примиренія былаго съ настоящимъ, нѣтъ, такія попытки именно имъ дѣлались во все время своего министерства, а потому придаютъ этому времени, если въ него всмотрѣться внимательнѣе, въ высшей степени любопытный, оригинальный характеръ. Правильнѣе всего это время было бы назвать періодомъ ликвидаціи наслѣдія, оставленнаго Россіи графомъ Д. А. Толстымъ и его единомышленникомъ, знаменитымъ публицистомъ Страстного бульвара. Ликвидация эта, правда, совершалась чрезвычайно медленно, осторожно, но во всякомъ случаѣ совершалась, и ходъ ея довольно удачно обрисованъ въ статьѣ г. Н. А. «Наши гимназіи и графъ Деляновъ», напечатанной вскорѣ послѣ смерти министра ¹⁾.

¹⁾ «Новое Время», № 7851.

«Дѣйствующая нынѣ система нашей средней школы, какъ извѣстно, была унаслѣдована графомъ Деляновымъ отъ его предшественника по управленію министерствомъ, графа Толстого,—говорить авторь.—Нужно сознаться, это наслѣдіе было не изъ особенно пріятныхъ, потому что введенная въ 1871 году графомъ Толстымъ система была выкроена изъ чужого матеріала, по готовымъ шаблонамъ, не пришлась намъ впору и потому прививалась туго, какъ нѣчто чуждое и пасильно навязанное. Широкообразованный и въ высшей степени гуманный, покойный графъ Деляновъ, можетъ быть, болѣе, чѣмъ кто-либо другой, чувствовалъ несовершенство этой системы, но, признавая вредъ радикальной ломки, такъ сказать, основы народнаго просвѣщенія, онъ избралъ другой путь и въ теченіе всего времени своего управленія министерствомъ (16 лѣтъ) старался постепенно сгладить крайности толстовскаго (вѣрнѣе—«катковскаго») классицизма. Это дѣлалось сначала, такъ сказать, административнымъ путемъ, при посредствѣ циркуляровъ, которыми дѣлались «разъясненія», «дополненія» и, наконецъ, «упрощенія» въ дѣйствующей системѣ, пока, наконецъ, не назрѣла реформа, осуществленная въ 1890 году извѣстною комиссіей изъ спеціалистовъ, профессоровъ и учителей, подъ предсѣдательствомъ князя Волконскаго (тогда товарища министра народнаго просвѣщенія). На обязанность комиссіи возлагалось: 1) Сохраняя нынѣ дѣйствующую систему классическаго образованія, сократить и упростить программы, съ цѣлью облегченія учениковъ при прохожденіи ими курса, безъ ущерба, однако, для основательности образованія, причемъ главное вниманіе должно быть обращено на необходимость исключенія изъ программъ подробностей, составляющихъ излишнее обремененіе для учащихся. 2) Сосредоточить изученіе грамматическаго матеріала языковъ въ низшихъ классахъ (до V включительно) и посвятить большее количество времени на чтеніе древнихъ авторовъ въ старшихъ классахъ (VI, VII и VIII), чтобы ученики гимназій, окончивая курсъ, могли понимать и толково переводить тѣхъ латинскихъ и греческихъ писателей, произведенія коихъ составляли предметъ занятій въ гимназій. 3) Облегчить домашнюю подготовку уроковъ. 4) Обсудить вопросъ о совершенномъ устраненіи изъ употребленія тѣхъ учебниковъ, которые, по своей обширности и обилію излишняго для средней школы матеріала, значительно затрудняютъ прохожденіе курса, и о мѣрахъ къ тому, чтобы вызвать появленіе учебныхъ руководствъ, сколь можно болѣе упрощенныхъ и сокращенныхъ, но не въ ущербъ основательности образованія, и при томъ по цѣнѣ своей возможно дешевыхъ. 5) Устроить классныя занятія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ съ такихъ расчетомъ времени, чтобы ученики могли заниматься гимнастикой и, если возможно, музыкой и рисованіемъ,—и 6) распредѣлить болѣе правильно и равномерно занятія по днямъ недѣли, причемъ коснуться вопроса о классныхъ

наставникахъ, а равно и результатовъ, достигнутыхъ институтомъ классныхъ наставниковъ въ періодъ семнадцатилѣтняго существованія его. Въ результатѣ двухлѣтнихъ трудовъ этой комиссіи въ зиму 1888—1889 годовъ явились новыя, нынѣ дѣйствующіе планы и программы, въ которыхъ подверглись наибольшему измѣненію именно классическіе языки; былъ сокращенъ въ значительной степени грамматическій матеріалъ и классное время, отводившееся ранѣе на долю древнихъ языковъ. Такимъ образомъ, реформа 1890 года объединила прежнія распоряженія и, казалось, подвинула въ значительной степени разрѣшеніе вопроса о нашей средней общеобразовательной школѣ въ желательномъ направленіи».

Но реформа 1890 года не удовлетворила ни общества, ни самого министерства, которое нѣсколько времени спустя рѣшительно высказалось за необходимость кореннаго «органическаго» преобразованія нашей средней школы. По этому предмету мы читаемъ въ «Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія»¹⁾, что многіе профессора университетовъ жалуются на неподготовленность студентовъ къ университетскому ученію: «филологи—на неподготовленность ихъ къ филологическимъ студіямъ; естественники—на неподготовленность ихъ къ наблюденіямъ изучаемыхъ явленій, на неумѣніе ихъ ни видѣть, ни слышать, ни обонять; историки—на неподготовленность ихъ къ историческому пониманію; иные—на неумѣніе ихъ излагать свои мысли на родномъ языкѣ, такъ что профессоръ не хуже учителя родного языка принужденъ скучать за исправленіемъ письменныхъ работъ студентовъ по наукамъ; всѣ же вообще—на ученическое отношеніе къ дѣлу, на механическое усвоеніе знаній и равнодушіе къ интересамъ науки... Явно, что между гимназіей и университетомъ существуетъ теперь какъ бы нѣкоторая пропасть, которая замѣтно все болѣе и болѣе увеличивается».

Чтобы сгладить эту рѣзкую аномалію въ соотношеніяхъ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, были министерствомъ въ послѣднее время выработаны новыя программы, гдѣ сдѣланы существенныя измѣненія сравнительно съ программами 1890 года. «Такъ, по древнимъ языкамъ главнѣйшею задачею поставлено чтеніе авторовъ и переводъ ихъ на толковый русскій языкъ; грамматикѣ же отведено второстепенное мѣсто, и она будетъ впредь проходиться въ размѣрѣ, какой безусловно необходимъ для вышеуказанной основной задачи изученія древнихъ языковъ. Наиболѣе же симпатичною стороною перемѣнъ въ методахъ и способахъ преподаванія этихъ предметовъ слѣдуетъ признать совершенное устраненіе такъ называемыхъ экстемпоралій, имѣвшихъ не дидактическій, а экзаменаціонный характеръ. Взамѣнъ экстемпоралій вво-

¹⁾ 1895 года, № 5.

дятся письменныя упражненія въ классѣ, выполняемыя при помощи пособій (словарей и текста съ толкованіями) и при дѣятельномъ участіи въ работѣ самого преподавателя.

«По русскому языку и словесности, кромѣ сокращенія (особенно въ области древней словесности), дано новое распредѣленіе учебнаго матеріала по классамъ, болѣе соответствующее раціональной постановкѣ изученія этого предмета, и обращено особенное вниманіе на письменныя работы. Что же касается до церковно-славянскаго языка, то изученіе этого предмета поставлено въ надлежащія рамки, потребность въ которыхъ давно чувствовалась въ виду отсутствія удовлетворительныхъ учебниковъ по этому предмету и увлеченія филологическими подробностями нѣкоторыхъ, особенно молодыхъ преподавателей. Обращено, наконецъ, вниманіе на возобновеніе литературныхъ бесѣдъ, которыя, помимо своего общеобразовательнаго значенія, много способствуютъ знакомству съ избранными произведеніями классической литературы.

«По географіи и исторіи признано возможнымъ сдѣлать тоже весьма существенныя сокращенія, для избѣжанія обремененія памяти учениковъ совершенно излишними подробностями, а также сдѣланы значительныя измѣненія и въ постановкѣ изученія этихъ предметовъ.

«По математикѣ и физикѣ сдѣланы существенныя измѣненія, особенно въ теоретической сторонѣ предмета, предложеніемъ нѣкоторыхъ упрощенныхъ выводовъ. Наиболѣе же симпатичнымъ является рекомендація преподавателямъ разучивать предметъ въ классѣ, особенно въ младшемъ возрастѣ.

«Одновременно съ введеніемъ новыхъ программъ въ петербургскомъ учебномъ округѣ, министерство народнаго просвѣщенія образовало особую комиссію для разсмотрѣнія этихъ программъ, въ видахъ введенія ихъ въ остальныхъ округахъ имперіи. Названная комиссія успѣла до рождественскихъ каникулъ разсмотрѣть только программы по русскому языку, исторіи и математикѣ».

Такимъ образомъ, если сопоставить первоначальное состояніе нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній, относящееся къ началу семидесятыхъ годовъ, съ тѣмъ же состояніемъ, въ коемъ мы находимъ ихъ ко дню смерти графа Делянова, мы увидимъ, что въ классической системѣ графа Толстого сдѣлано уже немало существенныхъ измѣненій, въ значительной степени придающихъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ уже иной характеръ, нежели тотъ, который желалъ видѣть создатель знаменитой системы.

То же самое можно сказать и про университетскій уставъ 1884 г., который былъ введенъ въ началѣ министерства графа Делянова и который имъ же съ теченіемъ времени былъ понемногу реформированъ. «При вступленіи его въ министерство сохранили свое положеніе ближайшіе сотрудники графа Толстого,—читаемъ мы

по этому предмету въ официальномъ некрологѣ министерскаго журнала.—Тѣмъ не менѣе онъ не безъ колебанія рѣшился на внесеніе проекта въ государственный совѣтъ; московскому другу ¹⁾ пришлось печатно дѣлать строгія напоминанія о послѣдовательности и соединенныхъ съ нею обязательствахъ. Когда реформа прошла, то уже на первыхъ порахъ она была проводима не съ тою суровостью и непреклонностью, какъ сначала предполагалось, затѣмъ послѣдовали измѣненія, устраняющія то, что въ ней было наиболее тягостнаго. Здѣсь сказался личный характеръ министра, примирительный и смягчающій. Государственные экзамены сближены съ университетскимъ преподаваніемъ и связаны непосредственно съ окончаніемъ четырехлѣтняго курса, не требуя еще новой затраты времени и обыкновенно скудныхъ матеріальныхъ средствъ у нашей учащейся молодежи. Теперь поставленъ на очередь вопросъ о гонорарѣ, имѣющій весьма существенное значеніе и касающійся самыхъ основъ реформы».

Постепенное смягченіе классической системы и возвращеніе университетамъ ихъ прежняго значенія, съ одной стороны, и съ другой—насажденіе въ нашемъ отечествѣ преимущественно разсадниковъ опытнаго знанія, вотъ тотъ ликвидаціонный ходъ наслѣдія графа Д. А. Толстого, руководить которымъ выпало на долю графу Делянову. Полной ликвидаціи и созданія на опустѣломъ мѣстѣ чего-нибудь новаго, живого, согласнаго съ духомъ времени и громкими запросами общества И. Д. Делянову не суждено было увидать, какъ равно мы не видимъ полного упрядоченія нашего школьнаго дѣла и о сю пору, какъ въ высшихъ, такъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

XXXVII.

Изъ всѣхъ заботъ и мѣропріятій по учебному дѣлу въ ту эпоху особеннымъ вниманіемъ министерства и его главы пользовался вопросъ о высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, гдѣ въ теченіе всѣхъ восьмидесятихъ годовъ шли непрерывные безпорядки, имѣвшіе подъ собою, какъ на то указывалось неоднократно въ нашихъ очеркахъ, политическую подкладку. Объ этихъ безпорядкахъ мы въ свое время еще будемъ говорить въ связи съ революціонными теченіями того времени, какъ равно у насъ будетъ описано участіе здѣшняго студенчества въ дѣлѣ 1-го марта 1887 года, котораго я уже касался въ своей статьѣ: «Въ тюремномъ заключеніи» ²⁾.

Безпорядки эти въ 1881 году связывались съ царевубійствомъ на Екатерининскомъ каналѣ, и въ результатъ ихъ, однако, ока-

¹⁾ То-есть Каткову.

²⁾ «Историческій Вѣстникъ», 1906 г. іюнь.

залось не столь много пострадавшихъ, какъ того можно было ожидать. Осенью 1882 года эти беспорядки возобновились, охватили собой не только университеты, но и спеціальныя высшія учебныя заведенія и особенно шумно проявились въ петербургскомъ Лѣсномъ институтѣ. Тогда, по всеподданнѣйшему докладу министра государственныхъ имуществъ М. Н. Островскаго, послѣдовало высочайшее повелѣніе: «вопросъ о томъ, какія общія мѣры могутъ быть приняты къ устраненію на будущее время подобныхъ прискорбныхъ явленій въ стѣнахъ учебныхъ заведеній, разсмотрѣть въ совѣщаніи г.г. министровъ народнаго просвѣщенія, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и государственныхъ имуществъ, а также управляющаго морскимъ министерствомъ и оберъ-прокурора святѣйшаго синода». На этомъ совѣщаніи К. П. Побѣдоносцевымъ было предложено ¹⁾ отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты тѣхъ изъ воспитанниковъ высшихъ учебныхъ заведеній, которые за свое дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству не только заслуживаютъ исключенія, но и требуютъ особыхъ мѣръ для ихъ исправленія. Предложеніе это было сдѣлано уже послѣ того, какъ первоначальная мысль, на которой останавливалось совѣщаніе, именно о принудительномъ привлеченіи къ отбыванію воинской повинности, съ лишеніемъ всѣхъ льготъ по оной, молодыхъ людей, уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за беспорядки, встрѣтила сильнѣйшія возраженія со стороны представителей военнаго и морского вѣдомствъ—генераль-адъютантовъ П. С. Ванновскаго и И. А. Шестакова. Совѣщаніе г.г. министровъ постановило поручить особой комиссіи, подъ предѣтельствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія, изъ представителей отъ министерства народнаго просвѣщенія, государственныхъ имуществъ, военнаго и внутреннихъ дѣлъ подробно разсмотрѣть и окончательно разработать вышеозначенную мѣру. Комиссія эта, состоявшая подъ предѣтельствомъ князя М. С. Волконскаго, изъ тайныхъ совѣтниковъ В. И. Вешнякова и А. И. Георгіевскаго, генеральнаго штаба генераль-майора Н. И. Петрова и дѣйствительнаго статскаго совѣтника В. К. Плеве, въ засѣданіяхъ 27-го ноября, 1-го, 3-го, 7-го и 15-го декабря 1882 года, подвергла обстоятельному разсмотрѣнію вопросъ объ отдачѣ уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за беспорядки въ дисциплинарные батальоны, нашла эту мысль непримѣнимою, особенно же къ массѣ участниковъ въ студенческихъ беспорядкахъ, выяснила, благодаря особенно заявленіямъ В. К. Плеве, весь вредъ, причиняемый студенческими беспорядками и ихъ послѣдствіемъ—исключеніемъ

¹⁾ «Матеріалы по исторіи студенческаго движенія въ Россіи». Выпускъ I. Матеріалы эти извлечены изъ книги А. И. Георгіевскаго: «Краткій очеркъ правилъ степенныхъ мѣръ и предначертаній противъ студенческихъ беспорядковъ».

виновныхъ изъ учебныхъ заведеній, и подвергла подробному разсмотрѣнiю мысль о привлеченiи исключаемыхъ за безпорядки студентовъ тотчасъ же къ исполненiю воинской повинности, съ лишенiемъ льготъ, которыя вообще уставомъ объ оной.

Но, отклонивъ мысль объ отдачѣ уволенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за безпорядки въ дисциплинарные батальоны, комиссія испросила себѣ разрѣшенiе разсмотрѣть вопросъ о привлеченiи означенныхъ лицъ въ ряды войскъ для отбыванiя общей для всѣхъ гражданъ воинской повинности, но безъ вынута жребiя, хотя и на положенiи жеребьевыхъ. Мысль эта возникла въ министерствѣ народнаго просвѣщенiя, какъ свидѣтельствуя указанныя «Материалы по исторiи студенческаго движенiя въ Россiи», еще въ 1879 году при обсужденiи вопроса объ устройствѣ университетской инспекцiи на предложенныхъ въ то время основанiяхъ. Она была заявлена тайнымъ совѣтникомъ Георгiевскимъ тѣмъ изъ генералъ-губернаторовъ, которые командовали и войсками соответственныхъ военныхъ округовъ, и нѣкоторые изъ нихъ не были противъ осуществленiя этой мѣры, особенно въ мѣстахъ казарменнаго расположенiя войскъ. Затѣмъ въ 1880 г. главнымъ начальникомъ верховной распорядительной комиссiи графомъ М. Т. Лорисъ-Меликовымъ былъ возбужденъ довольно близко соприкасающiйся съ этою мѣрою вопросъ объ образованiи изъ лицъ, подлежащихъ, вслѣдствiе своей политической неблагонадежности, надзору полицiи, особыхъ военныхъ командъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперiи; но военное министерство признало неудобнымъ учреждать команды изъ нижнихъ чиновъ, завѣдомо неблагонадежныхъ, такъ какъ подобныя команды не могутъ быть полезны ни для какого рода военной службы, не говоря уже о томъ, что собранныя въ такiя команды лица, оставаясь постоянно въ обществѣ людей одинаковаго превратнаго образа мыслей, могутъ не только поддерживать, хотя и въ тайнѣ, эти убѣжденiя, но и измышлять систематическiя правила для преступнаго осуществленiя ихъ убѣжденiй по окончанiи службы. Въ концѣ 1880 г., именно 24-го декабря, состоялось высочайшее повелѣнiе, установившее слѣдующiя временныя правила о порядкѣ отбыванiя воинской повинности лицами, высланными за участiе въ революцiонной пропагандѣ административнымъ порядкомъ подъ надзоръ полицiи: 1) лица эти не принимаются на службу ни въ сухопутныя войска, ни во флотъ на правахъ вольноопредѣляющихся, но привлекаются къ исполненiю воинской повинности исключительно жеребьевымъ порядкомъ; 2) тѣ изъ означенныхъ лицъ, которыя, по доставшемся имъ номеру жребiя, будутъ подлежать поступленiю на службу, зачисляются въ части войскъ отдаленныхъ округовъ, при чемъ наиболѣе упорные изъ пропагандистовъ назначаются въ

войска, расположенныя въ Туркестанскомъ краѣ; 3) за ними вообще устанавливается особо бдительный надзоръ со стороны военного начальства, и 4) начальники частей, при увольнении въ запасъ означенныхъ лицъ, сообщаютъ о томъ мѣстному губернатору, вмѣстѣ со свѣдѣніями о ихъ поведеніи во время состоянія на службѣ. Губернаторъ со своей стороны входитъ въ сношеніе съ гражданскимъ начальствомъ тѣхъ мѣстностей, куда отправляются такія лица, для установленія надъ ними негласнаго наблюденія въ теченіе одного года, не стѣсня ихъ, однако, ни въ свободѣ передвиженія, ни въ способахъ пріисканія занятій и средствъ къ жизни.

Высочайшее повелѣніе это не было обнародовано во всеобщее свѣдѣніе и повлекло за собою лишь секретныя распоряженія. Высочайше назначенная 25-го мая 1881 г. комиссія подъ предсѣдательствомъ графа И. Д. Делянова, со своей стороны, «признавая, что высшую, во многихъ случаяхъ неизбѣжную и единственную мѣру наказанія, зависящую отъ власти учебнаго начальства, составляетъ удаленіе виновныхъ изъ учебнаго заведенія, обратила вниманіе на опасность и вредъ празднаго блужданія удаленныхъ и высказала желаніе, чтобы приняты были мѣры для своевременнаго и даже ускореннаго отбыванія таковыми лежащей на нихъ воинской повинности, касательно же лишенія наиболѣе виновныхъ такихъ льготъ, которыя имъ предоставлены, и сосредоточенія таковыхъ въ отдаленныхъ мѣстностяхъ государства предполагала войти въ дальнѣйшее обсужденіе; но въ виду заявленія одного изъ своихъ членовъ, что вопросъ этотъ уже обсуждается въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, комиссія воздержалась отъ дальнѣйшаго разсмотрѣнія. И дѣйствительно, 19-го сентября 1881 г. министерство внутреннихъ дѣлъ сдѣлало на этомъ пути дальнѣйшій шагъ, войдя, съ высочайшаго разрѣшенія, въ сношеніе съ военнымъ министерствомъ объ отбываніи поднадзорными воинской повинности на правахъ вынужденныхъ жребій, съ лишеніемъ ихъ льготъ по образованію и семейному положенію. Проводя то начало, что высланный за политическую неблагонадежность тѣмъ самымъ лишается нѣкоторыхъ правъ, министерство внутреннихъ дѣлъ полагало вполне соотвѣтственнымъ измѣнить, по отношенію къ административно-ссылнымъ, общеустановленную форму отбыванія воинской повинности въ томъ смыслѣ, что всякое лицо, подвергнутое за политическую неблагонадежность полицейскому надзору и подлежащее отбыванію воинской повинности, перестаетъ пользоваться льготами, указанными въ уставѣ по воинской повинности, по семейному положенію, а также по образованію, и обязательно зачисляется, на правахъ вынужденныхъ жребій, въ опредѣленные военнымъ начальствомъ части войскъ или же въ особыя военныя команды въ отдаленныхъ мѣстностяхъ. Со введеніемъ такой мѣры, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, правительство имѣло

бы возможность, съ одной стороны, сократить въ значительной степени весьма обременительную для него административную ссылку, а съ другой—сдѣлать военную службу для упомянутыхъ лицъ наилучшимъ средствомъ исправленія.

Военное министерство не нашло возможнымъ согласиться съ такимъ предположеніемъ министерства внутреннихъ дѣлъ, въ виду того, что «лишеніе поднадзорныхъ, отбывающихъ воинскую повинность, дарованныхъ закономъ правъ на льготы по образованію и семейному положенію, имѣя характеръ карательной мѣры, обратить тѣмъ самымъ военную службу въ наказаніе. Въ такомъ видѣ предполагаемая мѣра должна поколебать законъ о воинской повинности въ самомъ существенномъ основаніи его, ибо эта повинность не есть наказаніе, а священная обязанность каждаго русскаго подданнаго (ст. 1 уст. о воинск. пов.) и притомъ такая обязанность, къ исполненію которой не допускаются порочные люди, лишенные правъ состоянія или особенныхъ правъ и преимуществъ, лично и по состоянію присвоенныхъ (№ 16 уст. о воинск. пов.). Сверхъ того означенная карательная мѣра была бы въ противорѣчій со ст. 2115 ч. кн. 1 св. воен. пост., на основаніи которой состоящіе на службѣ въ военномъ вѣдомствѣ сохраняютъ права состоянія и присвоенныя имъ преимущества по образованію и учеными степенями пріобрѣтенныя. Кромѣ того, военное министерство указало на то, что по ст. 36 правилъ, приложенныхъ къ указу правительствующему сенату отъ 4-го сентября 1881 г., административная ссылка назначается на время отъ одного года до пяти лѣтъ, по уставу же о воинской повинности срокъ службы въ войскахъ, расположенныхъ въ Европейской Россіи, опредѣленъ въ 6 лѣтъ, а въ дальнихъ областяхъ въ 7 лѣтъ, а потому, при отбываніи воинской повинности высланными административнымъ порядкомъ безъ права на сокращенные сроки, всѣ они, оставаясь одинаковые сроки въ рядахъ войскъ, подверглись бы такимъ образомъ одинаковому наказанію, несмотря на различіе своей виновности. Отклоняя затѣмъ вопросъ объ образованіи особыхъ военныхъ командъ изъ лицъ, политически неблагонадежныхъ, по соображеніямъ, которыя были приведены выше, генераль-адъютантъ Ванновскій высказалъ, что если, по мнѣнію министерства внутреннихъ дѣлъ, военная служба для означенныхъ лицъ признается средствомъ исправленія, то было бы послѣдовательнѣе сформировать изъ нихъ не обыкновенныя воинскія команды, а дисциплинарныя или, по крайней мѣрѣ, одинаково съ дисциплинарными организованныя команды, съ особымъ наблюдательнымъ составомъ изъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ, что, кромѣ увеличенія военныхъ расходовъ, не можетъ представить какихъ-либо особыхъ затрудненій. Впрочемъ, приводя доводы противъ образованія изъ политически неблагонадежныхъ лицъ

особыхъ командъ (обыкновенныхъ), военное министерство высказывало ту мысль, что «лица, политически неблагонадежныя, при распредѣленіи ихъ по различнымъ частямъ войскъ, подъ строгимъ надзоромъ и подъ вліяніемъ войсковой среды, скорѣе могутъ измѣнить свои неразумныя убѣжденія», нежели будучи собраны въ отдѣльныя, только изъ нихъ однихъ составленныя команды. Какъ бы то ни было, однакоже бывший министръ внутреннихъ дѣлъ генераль-адъютантъ графъ Игнатъевъ въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 25-го октября 1881 г. высказался въ томъ смыслѣ, что, «будучи поставленъ въ необходимость не настаивать на своемъ предположеніи объ обращеніи въ ряды войскъ лицъ поднадзорныхъ, въ видѣ карательной для нихъ мѣры», онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ полезнымъ осуществленіе предположенія относительно зачисленія подвергнутыхъ полицейскому надзору лицъ, поступившихъ уже въ военную службу на общемъ основаніи, въ особыя дисциплинарныя команды, сформированныя въ отдаленныхъ мѣстностяхъ имперіи съ тѣмъ, чтобы мѣра эта была примѣнена также ко всѣмъ, состоящимъ подъ надзоромъ полиціи за политическую неблагонадежность лицамъ, которыя впредь будутъ поступать въ войска. Эту же мѣру, въ письмѣ своемъ къ военному министру отъ 4-го декабря 1881 г., графъ Игнатъевъ считалъ полезнымъ распространить и на увольняемыхъ за безпорядки изъ высшихъ учебныхъ заведеній. «Характеръ безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ,—писалъ графъ Игнатъевъ,—нерѣдко бываетъ таковъ, что эти безпорядки являются результатомъ дѣятельности тѣхъ злоумышленниковъ, которые стремятся къ ниспроверженію существующаго государственнаго порядка и находятъ между воспитанниками учебныхъ заведеній лицъ, имъ не только сочувствующихъ, но и начинающихъ проявлять свое сочувствіе въ формѣ подстрекательства къ различнымъ волненіямъ среди своихъ сотоварищей, причѣмъ волненія эти служатъ для многихъ первымъ шагомъ на пути къ дѣятельности, направленной прямо къ колебанію существующаго порядка. Посему къ воспитанникамъ высшихъ учебныхъ заведеній, замѣшаннымъ въ подобныя волненія, вполнѣ примѣнима мѣра, соответствующая вышеприведенной, а именно для молодыхъ людей, уволенныхъ изъ учебныхъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ или признанныхъ въ университетахъ университетскимъ судомъ въ сихъ безпорядкахъ виновными въ качествѣ зачинщиковъ или подстрекателей, данныя имъ для окончанія образованія отсрочки немедленно прекращаются, и они немедленно, не ожидая общаго срока, призываются въ войска. Мѣра сія для осуществленія своего требуетъ лишь, чтобы военное министерство для подобныхъ молодыхъ людей назначало особыя части, образованныя по типу, указанному въ отношеніи военнаго министра отъ 6-го октября 1881 г. за № 419, и отданныя подъ управле-

ніе особо надежныхъ начальниковъ, способныхъ къ тому особому надзору, который необходимъ для командованія частями, пополняемыми вышеозначеннымъ порядкомъ». Наконецъ, министромъ народного просвѣщенія 14-го мая 1882 г. были утверждены правила, въ силу коихъ: 1) воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, арестованные по какому-либо политическому дѣлу и затѣмъ освобожденные безъ всякихъ послѣдствій съ выдачею о томъ удостовѣренія подлежащей властью, безпрепятственно допускаются къ продолженію курса ученія; 2) признанные участвовавшими въ тайныхъ обществахъ, но по легкомыслію, безъ обдуманнаго намѣренія, могутъ быть, по усмотрѣнію начальства высшаго учебнаго заведенія, уволены изъ заведенія на одинъ, на два или на три года, съ правомъ или безъ права тотчасъ же вступить въ другое учебное заведеніе, и, наконецъ, 3) избличенные въ злонамѣренномъ участіи въ тайномъ противоправительственномъ сообществѣ или въ политической противоправительственной агитаціи, и при томъ или преданные въ обычномъ порядкѣ суду и признанные въ какомъ-либо государственномъ преступленіи виновными, или за преступленія того же свойства подвергнутые взысканію въ административномъ порядкѣ, т.-е. по соглашенію министровъ внутреннихъ дѣлъ и юстиціи, удостоенному высочайшаго утвержденія, или понесшіе за доказанную политическую ихъ неблагонадежность взысканіе въ порядкѣ закона о государственной охранѣ, подвергаются со стороны учебнаго начальства исключенію навсегда изъ учебнаго заведенія, съ лишеніемъ права поступать въ какія бы то ни было учебныя заведенія, но могутъ быть вновь приняты въ то же или въ другое высшее учебное заведеніе, равно какъ и лица вышеозначенной второй категоріи, по сношенію подлежащаго министра съ министромъ внутреннихъ дѣлъ и по испрошеніи на то высочайшаго соизволенія и при соблюденіи еще двухъ слѣдующихъ условій: а) если исключенный изъ заведенія въ теченіе не менѣе двухъ лѣтъ послѣ окончательнаго освобожденія отъ наложеннаго на него подлежащею властью взысканія и притомъ непременно послѣ отбытія воинской повинности докажетъ, что онъ вполне раскаялся и порвалъ всякія связи съ сообщниками, и б) если кто-либо изъ преподавателей или чиновъ инспекціи приметъ его подъ ближайшій свой надзоръ и руководство. Отбытіе воинской повинности во всѣхъ подобныхъ случаяхъ признавалось какъ бы средствомъ къ исправленію и какъ бы ручательствомъ, что исправленіе дѣйствительно достигнуто; такую силу и значеніе придаютъ вообще правительственныя лица, болѣе, впрочемъ, гражданскаго, чѣмъ военнаго вѣдомства, военной дисциплинѣ и военной средѣ, какъ бы способнымъ отрезвить и охладить самыя разгоряченныя головы. Лица же военнаго вѣдомства, скорѣе, напротивъ, опасаются, какъ бы отъ вліянія этихъ сравнительно

весьма немногочисленныхъ горячихъ головъ не пострадало правственное здоровье самой этой среды. Такъ, между прочимъ, и въ комиссіи конца 1882 г. при министерствѣ народнаго просвѣщенія представитель военнаго министерства генераль-майоръ Н. И. Петровъ высказывался все время самымъ рѣшительнымъ образомъ противъ принудительнаго привлеченія въ армію студентовъ, уволенныхъ за участіе въ беспорядкахъ, и, по приказанію г. военнаго министра, отказался отъ участія въ обсужденіи подробностей этой мѣры и отъ подписанія относящагося къ сему журнала, но изъявилъ готовность быть въ самомъ засѣданіи и давать объясненія комиссіи по вопросамъ, касающимся военнаго вѣдомства.

XXXVIII.

Убѣждаясь доводами комиссіи, особое совѣщаніе гг. министровъ съ участіемъ въ этотъ разъ министра юстиціи, въ засѣданіи своемъ 18-го марта 1883 г., отказалось отъ первоначальной своей мысли отдавать въ дисциплинарные батальоны и роты всѣхъ исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за дерзкое поведеніе и грубое неповиновеніе начальству и рѣшилось предложить эту мѣру лишь для случаевъ исключительныхъ, когда проступокъ выходитъ изъ ряда обыкновенныхъ и требуетъ примѣрнаго наказанія, распространить ту же мѣру взыскація и въ тѣхъ же исключительныхъ случаяхъ и на воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, если они не моложе 18-ти лѣтъ. По отношенію же къ массѣ молодыхъ людей, увольняемыхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній за беспорядки, управляющій морскимъ министерствомъ предложилъ, а военный министръ генераль-адъютантъ П. С. Ванновскій, съ своей стороны, одобрилъ нижеслѣдующую мѣру: «Воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за дерзкое поведеніе, за грубое неповиновеніе начальству, за подготовленіе беспорядковъ или производство ихъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если при этомъ они не изобличаются въ участіи въ противозаконныхъ тайныхъ сообществахъ или въ политической противоправительственной агитаціи, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію и хотя бы даже они вынули по жеребью освобождающій отъ повинности номеръ, обращаются къ вынутію жеребья, при чемъ въ случаѣ поступленія на службу обязаны прослужить шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать, въ случаѣ одобрительнаго поведенія, о сокращеніи этого срока». Хотя нѣкоторые члены совѣщанія оставались неизмѣнно при томъ убѣжденіи, которое было высказано ими еще 20-го ноября 1882 г., что обязательное «привлеченіе участниковъ въ беспорядкахъ къ

отбыванію воинской повинности безъ вынута жеребья болѣе всего могло бы воздерживать и постороннихъ агитаторовъ, и болѣе испорченныхъ изъ студентовъ отъ организаціи безпорядковъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а всѣхъ другихъ студентовъ отъ участія въ оныхъ, въ случаѣ же принятія въ нихъ участія и затѣмъ исключенія изъ учебнаго заведенія могло бы наиболѣе содѣйствовать ихъ отрезвленію и огражденію отъ окончательнаго вовлеченія въ ряды крамольниковъ», и большинство совѣщанія было того же мнѣнія, тѣмъ не менѣе, «желая по возможности достигнуть соглашенія съ военнымъ министромъ и съ управляющимъ морскимъ министерствомъ, совѣщаніе рѣшилось воспользоваться для настоящаго времени, впредь до указанія дальнѣйшаго опыта, предложенію генераль-адъютантами Ванковскимъ и Шестаковымъ мѣрою. Особое совѣщаніе не отрицало возможности, что опасеніе подвергнуться лишенію льготъ по образованію и по семейному положенію, а въ случаѣ особенно дерзкихъ поступковъ и быть отдану въ дисциплинарные батальоны, до нѣкоторой степени въ состояніи будетъ образумить учащуюся молодежь и воздержать ее отъ безпорядковъ скопомъ или заговоромъ. Но при этомъ совѣщаніе не скрывало отъ себя многихъ неудобствъ этой полумѣры, а именно, что по жеребью поступаютъ въ армію не болѣе $\frac{1}{4}$ всѣхъ вынимающихъ оной, что обстоятельство это, извѣстное и всѣмъ учащимся, значительно будетъ ослаблять дѣйствіе на нихъ этой мѣры, что положеніе трехъ четвертей всѣхъ привлеченныхъ къ жеребью и оставшихся свободными отъ поступленія въ армію будетъ представлять всѣ тѣ же неудобства и опасности, какъ и нынѣшнее положеніе исключенныхъ изъ высшихъ учебныхъ заведеній, что жребій можетъ поблагопріятствовать наиболѣе участвовавшимъ въ организаціи и производствѣ безпорядковъ и, напротивъ, оказаться неблагопріятнымъ для лицъ, наименѣе виновныхъ. Тѣмъ не менѣе и эта мѣра въ видѣ опыта могла бы быть испробована».

Совѣщаніе затѣмъ опредѣлило, что отдача въ дисциплинарные батальоны или роты можетъ состояться лишь по рѣшенію особаго совѣщанія, состоящаго при департаментѣ полиціи изъ представителей отъ министровъ юстиціи, военнаго, внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и того вѣдомства, къ которому принадлежитъ исключаемый (п. 1-й), при чемъ постановленіе сего совѣщанія подлежитъ утвержденію министра внутреннихъ дѣлъ по соглашенію съ тѣмъ изъ министровъ, въ вѣдѣніи коего находится учебное заведеніе, къ коему принадлежитъ исключаемый (п. 6-й); что порядокъ содержанія исключенныхъ молодыхъ людей въ этихъ батальонахъ опредѣляется особыми правилами, которыя устанавливаются военнымъ министромъ примѣнительно къ общему положенію о дисциплинарныхъ батальонахъ (п. 2-й); что дѣла по разсмотрѣнію проступковъ, подвергающихъ воспитанниковъ исклю-

ченію изъ учебныхъ заведеній, съ обращеніемъ ихъ въ дисциплинарные батальоны и роты или къ отбыванію воинской повинности съ лишеніемъ всѣхъ льготъ, разсматриваются порядкомъ, указаннымъ комиссіей князя Волконскаго въ п. 6-мъ ея положеній, и что мѣры эти распространяются и на всѣхъ нынѣ состоящихъ во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ (п. 4-й). На журналѣ особаго по сему предмету совѣщанія гг. министровъ государю императору благоугодно было собственноручно написать (въ Москвѣ, 27-го мая 1883 г.): «Я согласенъ на эти мѣры въ видѣ опыта, но полагаю, что онѣ будутъ недостаточны и не принесутъ той пользы, которую ожидаютъ», и возвратить оный министру государственныхъ имуществъ. При этомъ, въ виду выраженного статсъ-секретаремъ Островскимъ сомнѣнія, чтобы комитетъ министровъ рѣшился принять предлагаемыя особыя совѣщаніемъ мѣры, когда онѣ самимъ государемъ императоромъ признаются недостаточными, а также и вслѣдствіе заявленія, что и большинство совѣщанія рѣшилось принять мѣры, предложенныя военнымъ министромъ и управляющимъ морскимъ министерствомъ лишь во избѣжаніе разногласія съ ними, а не по убѣжденію въ ихъ достаточности и практичности, его императорское величество всемилостивѣйше разрѣшилъ особому совѣщанію подвергнуть вновь эти вопросы обсужденію, не стѣняясь положенною на журналѣ высочайшею резолюціей, и объ окончательномъ заключеніи совѣщанія представить на высочайшее усмотрѣніе.

20-го іюня 1883 г. состоялось третье совѣщаніе гг. министровъ, которое, за исключеніемъ лишь военнаго министра и управляющаго морскимъ министерствомъ, взамѣнъ сдѣланнаго имъ 18-го марта предложенія, постановило, что «воспитанники высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній за нанесеніе оскорбленія начальству дѣйствіемъ подвергаются отдачѣ въ дисциплинарные батальоны и роты» (п. 1-й); «воспитанники высшихъ учебныхъ заведеній, исключаемые изъ оныхъ за грубое неповиновеніе начальству и за производство безпорядковъ скопомъ въ стѣнахъ заведеній и внѣ оныхъ, если притомъ они не изобличаются въ принадлежности къ противозаконнымъ тайнымъ сообществамъ, лишаются всѣхъ пріобрѣтенныхъ уже ими льготъ по образованію, а равно и принадлежащихъ имъ по семейному положенію, и хотя бы даже оны вынули уже по жеребью освобождающій отъ повинности номеръ, обращаются принудительно, вслѣдъ за исключеніемъ, къ отправленію воинской повинности, безъ вынутія жеребья, и на положеніи жеребьевыхъ правилъ они обязаны прослужить въ военной службѣ шесть лѣтъ; но военному начальству предоставляется ходатайствовать въ случаѣ одобрительнаго ихъ поведенія о сокращеніи имъ этого срока» (п. 2-й). «О принужденныхъ къ обязательному отбыванію воинской повинности, безъ жеребья, съ лишеніемъ пріобрѣтен-

ныхъ уже льготъ по образованію и по семейному положенію, сообщаются подробные списки подлежащимъ министромъ военному министру съ обозначеніемъ имени, отчества, фамилій и проступковъ каждаго лица, дабы военное начальство могло установить должное наблюденіе за поведеніемъ таковыхъ молодыхъ людей въ арміи». Прочіе пункты были сохранены въ прежней ихъ редакціи. По прочтеніи журнала совѣщанія по сему предмету и приложеннаго къ нему особаго мнѣнія генераль-адъютантовъ Ванновскаго и Шестакова, его императорское величество 30-го января 1884 г. высочайше повелѣть соизволилъ разсмотрѣть это дѣло въ комитетѣ г.г. министровъ съ приглашеніемъ въ это засѣданіе великихъ князей Владимира Александровича, Алексѣя Александровича и Николая Николаевича Старшаго. Засѣданіе по сему дѣлу состоялось въ февралѣ 1884 г. 14 особъ (ихъ императорскія высочества великіе князья Владимиръ Александровичъ, Алексѣй Александровичъ, Николай Николаевичъ Старшій и Михаилъ Николаевичъ, генераль-адъютантъ Барановъ, статсъ-секретари: баронъ Николаи, Сольскій и Гротъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Стояновскій, генераль-адъютантъ Ванновскій, дѣйствительный тайный совѣтникъ Фришъ, генераль-адъютантъ Шестаковъ и тайные совѣтники Бунге и Влангали) высказались противъ предложенной большинствомъ совѣщанія мѣры, а предсѣдатель комитета министровъ графъ Н. Хр. Рейтернъ и пять членовъ (дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Толстой, статсъ-секретари: Деляновъ, Островскій и Набоковъ и генераль-адъютантъ Посеть) за оную.

Когда журналъ засѣданія комитета министровъ по настоящему предмету былъ представленъ государю императору, на немъ послѣдовала 20-го февраля 1884 г. собственноручная его императорскаго величества резолюція: *«Не раздѣляя опасеній и мнѣній четырнадцати особъ, полагаю отложить окончательное рѣшеніе этого дѣла до утвержденія новаго университетскаго устава»*.

Этотъ уставъ былъ высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 года, но дѣло о лишеніи виновныхъ въ студенческихъ беспорядкахъ льготъ по воинской повинности болѣе не возобновлялось.

Новый университетскій уставъ, какъ равно и нѣкоторыя дополненія къ нему, послѣдовавшія въ 1887 году, являлся для первой половины восьмидесятыхъ годовъ своего рода боевымъ вопросомъ въ нашей литературѣ, усматривавшей въ немъ посягательство на тѣ общественныя свободы, которыя были завоеваны въ эпоху великихъ реформъ». Когда новый университетскій уставъ былъ высочайше утвержденъ, гдѣ былой автономіи университета наносился опредѣленный ударъ, главный лидеръ этого устава въ нашей литературѣ М. Н. Катковъ усматривалъ въ этомъ громкую и славную побѣду правительства надъ обществомъ и либеральной бюрократіей. Привѣтствуя начинанія правительства въ этомъ направленіи,

онъ бросилъ свою крылатую фразу: «Итакъ, господа, встаньте, правительство идетъ, правительство возвращается!.. Не вѣрите?» Онъ считалъ новый университетскій уставъ первою органическою мѣрою новаго царствованія по проявленію въ странѣ началъ сильной и твердой власти, причемъ рекомендовалъ продолжать слѣдовать тѣмъ же путемъ въ мѣропріятіяхъ по отношенію земства и судебныхъ учреждений.

Университетскія преобразованія, осуществленныя графомъ И. Д. Деляновымъ, согласно идейной программѣ графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева, были дѣйствительно тѣмъ рубежомъ, за которымъ послѣдовали реформы земская и судебная, и, такимъ образомъ, ему, бывшему либералу шестидесятыхъ годовъ, пришлось первому изъ министровъ вести борьбу противъ тѣхъ началъ русской жизни, которымъ двадцать лѣтъ назадъ онъ такъ горячо сочувствовалъ. Но эти преобразованія не достигли своей прямой политической и культурной задачи, подъ эгидой которой онѣ проводились. Во все пребываніе графа Делянова у власти безпорядки во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ непрерывно продолжались. Явно было, что корень ихъ лежитъ не въ организаціи академической жизни, а въ чемъ-то, покоящемся за предѣлами ея, куда власть министра народнаго просвѣщенія не распространялась.

Если Т. И. Филиповъ на своемъ посту вносилъ въ окружающую его бюрократическую жизнь и сферы, такъ или иначе съ нею соприкасающіяся, элементъ меценатской культурности, то графъ Деляновъ распространялъ вокругъ себя элементы человѣческаго доброжелательства, мягкости и гуманности, о которыхъ уже упоминалъ князь Мещерскій и которыя очень ярко сказались въ его рѣчи къ молодежи, произнесенной при открытіи реформированнаго Ново-Александрійскаго института сельскаго хозяйства и лѣсоводства. Обращаясь и къ учащимъ, и къ учащимся сдѣсь, онъ говорилъ ¹⁾:

«Привѣтствую край съ этою новою дарованною ему монаршею милостью и, покорнѣйше прося его высокопревосходительство г. начальника края принять институтъ въ его обновленномъ составѣ подъ свое высокое покровительство, поручаю это заведеніе попеченію и охранѣ попечителя варшавскаго учебнаго округа, ближайшаго начальства и членовъ учебнаго состава. Уповаю, что единомысленная единоклюнная охрана эта поставитъ институтъ на высоту его призванія. Среди заботъ и трудовъ нашего служенія будемъ воодушевляться христіанскою любовью, которая не ищетъ своего и требуетъ, чтобы знающіе и сильные помогали незнающимъ и слабымъ, а не себѣ угождали. Пусть ввѣренное намъ юношество видитъ въ насъ образецъ усердія къ дѣлу, доброжелательство, справедливость, готов-

¹⁾ «С.-Петербургскія Вѣдомости», .897 года, № 376.

ность содѣйствовать его благу всѣми зависящими отъ насъ способами. Будемъ помнить, что мы всѣ—дѣти одного Творца вселенной, сыны одного отца-государя, сердцу коего одинаково близки и высокіе и низкіе, имущіе и неимущіе, и учащіе и учащіеся, къ какому бы роду или племени они ни принадлежали, лишь бы они были вѣрными подданными и исполняли долгъ свой не за страхъ, а за совѣсть. Призываю на институтъ миръ, тишину, спокойствіе, безъ которыхъ немислимо преуспѣяніе никакого учебнаго заведенія. Обращаюсь теперь къ вамъ, молодые люди, и, въ лицѣ вашемъ, ко всѣмъ тѣмъ, которые поступаютъ въ институтъ послѣ васъ. Вы поступили сюда для пріобрѣтеній знаній въ разныхъ отрасляхъ сельскаго хозяйства, не только полезныхъ для васъ, но даже необходимыхъ для всѣхъ народовъ, обитающихъ въ Россіи. Все, что здѣсь вы пріобрѣтете хорошаго для себя, будетъ полезно и для общества. При вступленіи сюда вамъ были предъявлены правила, въ коихъ опредѣлены ваши обязанности. Вы дали обязательство въ точномъ ихъ выполненіи. Между институтомъ и вами заключенъ нѣкоторымъ образомъ договоръ, но договоръ для васъ самый легкій и льготный: институтъ требуетъ отъ васъ исполненія извѣстныхъ правилъ, пока вы въ немъ находитесь, а вы, съ своей стороны, имѣете право во всякое время, безъ задержки и стѣсненія, оставить его, если, по мнѣнію того или другого изъ васъ, заведеніе налагаетъ на васъ бремя неудобноносимое. Оставаясь же въ институтѣ, помните, друзья мои, говорю вамъ силою души моей, помните, что вы здѣсь не кто другіе, какъ учащіеся, подчиненные начальству и наставникамъ вашимъ, что вы поступили сюда не для веселья, но для борьбы съ невзгодами жизни,—отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!—для того, чтобы работать надъ умственнымъ и нравственнымъ своимъ развитіемъ, подъ руководствомъ людей знанія и опыта научнаго и житейскаго. Знаю, друзья мои, что въ молодыхъ лѣтахъ люди часто увлекаются и принимаютъ воображаемое за дѣйствительное и желаемое за существующее или легко осуществимое. Прошедшее многихъ нашихъ учебныхъ заведеній и тяжелыя времена, которыя они переживали, ясно показываютъ, какъ опасны бываютъ иногда увлеченія. Посему не давайте слишкомъ много воли воображенію; въ особенности же удаляйте отъ себя въ высшей степени ложную мысль о какомъ-то государственномъ значеніи студенчества, о томъ, что вы будто бы имѣете право устраивать жизнь учрежденія по собственнымъ планамъ. Друзья мои, говорю съ вами не какъ министръ, не какъ человѣкъ съ силою и властію, потому что все это преходяще: сегодня полонъ жизни, а завтра хладенъ и бездыханенъ. Говорю вамъ это просто, какъ отецъ, радѣющій о дѣтяхъ своихъ, говорю отъ полноты сердца, любящаго человѣчество вообще и молодежь въ особенности, говорю по участію и состраданію къ вашимъ родителямъ, которые перѣдко жертвуютъ послѣдними рублями, да хорошо

когда они есть, а то и послѣдними копейками, обращая въ деньги домашній скарбъ, лишая себя всего необходимаго, чтобы только дать вамъ средства къ образованію. Имѣйте всегда передъ умственнымъ взоромъ вашимъ отчаянную скорбь родителей, которые нерѣдко вмѣсто ожидаемой отъ дѣтей радости и помощи видятъ ихъ гибнущими въ безднѣ грѣха и преступленій. Не забывайте словъ поэта:

«Не долженъ сынъ смотрѣть спокойно
На слезы матери родной».

«Въ заключеніе выражаю не только увѣренность, но и убѣжденіе, что всѣ добрыя стремленія ваши найдутъ въ начальникахъ и наставникахъ вашихъ оплотъ и поддержку, какъ въ стѣнахъ института, такъ и внѣ оныхъ, что они употребятъ всѣ усилія, чтобы обогатить васъ познаніями, чтобы утвердить васъ въ покорности Провидѣнію, въ безпредѣльной преданности престолу, что они внесутъ въ жизнь вашу тотъ свѣтъ и ту теплоту, которые освѣжаютъ и ободряютъ молодое сердце, и постараются влить въ душу вашу силу и энергію для достиженія намѣченныхъ благихъ цѣлей и для борьбы съ невзгодами жизни, отъ которыхъ да избавитъ васъ Господь Богъ!»

Въ заключеніе общей характеристики Ивана Давидовича приведемъ эпизодъ изъ его жизни, въ свое время рассказанный княземъ В. П. Мещерскимъ. Эпизодъ этотъ относится къ царствованію государя Александра III, когда въ петербургскомъ университетѣ шли непрерывные беспорядки, направленные главнымъ образомъ противъ личности тогдашняго ректора М. И. Владиславлева. Одинъ изъ министровъ дѣйствительно подалъ государю записку, въ которой излагалъ свое мнѣніе по университетскимъ беспорядкамъ и совѣтовалъ государю смѣну ректора, въ видахъ успокоенія молодежи. Государь передалъ эту записку И. Д. Делянову, тогда еще не бывшему графомъ, и спросилъ его мнѣнія по этому вопросу.

— Что жь, — отвѣтилъ министръ: — если вашему величеству угодно, я смѣну ректора, это очень легко, и, пожалуй, студенты на время успокоятся, но только на время и потомъ хуже будетъ, молодежь легкомысленна, скажутъ себѣ: мы смѣнили ректора, такъ мы, значитъ, сила, кого захотимъ, того и смѣнимъ. И чуть что—они и на новаго ректора пойдутъ походомъ... Ну, а про меня скажутъ: ишь подлець какой, предалъ, какъ Пилать, своего честнаго подчиненнаго, чтобы подслужиться; да я и самъ про себя это скажу.

— Нѣтъ, — сказалъ государь:—этого не будетъ; пусть ректоръ остается.

Наступилъ 50-лѣтній юбилей Делянова; вѣрный своей скромности, онъ уѣхалъ въ провинцію прятаться отъ чествованія... Получилъ онъ графскій титулъ и говорить государю: «Ваше величество,

не по дѣламъ моимъ вы меня наградили, какія у меня заслуги, и какой я графъ!»

— Нѣтъ, по дѣламъ вашимъ я васъ наградилъ, графъ,—отвѣтилъ государь:—я цѣню въ васъ вашу честность и стойкость. А помните, два года назадъ эпизодъ съ Владиславлевымъ... Я его не забылъ...

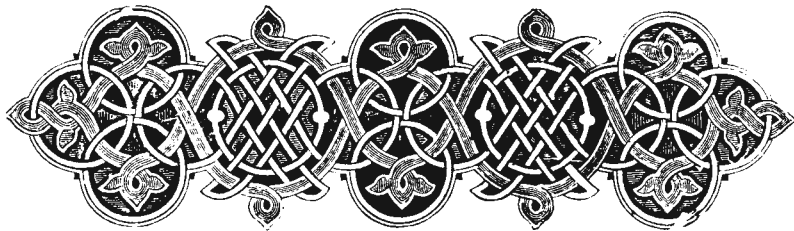
Эти бесѣды между царемъ и его министромъ очень характерны и рисуютъ обоихъ въ удивительно симпатичномъ, тепломъ освѣщеніи.

Б. Глинскій.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

ПЕРВЫЙ ГОСПИТАЛЬ ВЪ АБИССИНИИ.

(Изъ личныхъ воспоминаній).

ЕЩЕ ПЕРЬ, когда русскій госпиталь въ Аддисъ-Абебѣ (столицѣ Абиссиніи) прекратилъ свою дѣятельность, когда постоянная миссія наша въ Абиссиніи, съ особымъ медицинскимъ при ней отдѣломъ, свелась къ пребыванію тамъ лишь одного повѣреннаго въ дѣлахъ и одного же врача, съ дѣятельностью специально для потребностей состава миссіи (повѣренный въ дѣлахъ, его жена, драгоманъ, два-три русскихъ слуги, нѣсколько десятковъ абиссинскихъ слугъ), когда дѣло, потребовавшее значительныхъ расходовъ, но зато блестяще поставленное и приносившее громадную пользу, помимо специально медицинской, еще какъ свѣточъ знаній и разсадникъ культуры и гуманныхъ идей, исходящихъ изъ единовѣрной Россіи, сошло почти на нѣтъ, — теперь, можетъ быть, наступило время рассказать исторію возникновенія, роста и жизни перваго госпиталя въ Абиссиніи и перваго, вѣроятно, и единственнаго, русскаго лечебнаго заведенія въ Африкѣ.

Къ сожалѣнію, цифровыя данныя будутъ лишь обнимать періоды съ 1898 по 1900 г. и съ 1903 до 1905 г., т. е. тѣ годы, въ теченіе которыхъ въ госпиталѣ работали авторъ настоящей замѣтки и д-ръ Бровцынъ, такъ какъ матеріалы за промежуточные годы въ госпиталѣ не сохранились, а имѣются ли данныя за 1905 г. (вторая половина) и за 1906 и часть 1907 г., намъ неизвѣстно.

Въ началѣ марта 1896 г. въ Европѣ было получено извѣстіе о разгромѣ, которому подверглась въ Восточной Африкѣ итальянская армія въ сраженіи съ абиссинцами подъ городомъ Адудей. Маленькій городокъ въ сѣверной Абиссиніи въ провинціи Тигрѣ (14° 10' сѣв. широты и 36° восточной долготы отъ Парижа), до этого времени почти никому неизвѣстный, привлекъ къ себѣ вниманіе всего міра. Въ Россіи тогда мало кто интересовался тѣмъ, что гдѣ-то въ далекой Африкѣ итальянцы ведутъ какую-то войну, еще менѣе интересовались, чѣмъ была вызвана эта война и что за люди абиссинцы, и только, когда эти абиссинцы разбили прекрасно организованную европейскую армію, заговорили и въ Россіи объ этомъ интересномъ, родственномъ намъ по вѣрѣ черномъ народѣ и объ его славномъ вождѣ-побѣдителяхъ Менеликѣхъ.

Правда, лѣтомъ 1895 года въ Петербургъ пріѣзжало посольство отъ императора Эѳіопіи негуса Менелика съ подарками къ Государю Императору, пробыло оно въ Петербургѣ около мѣсяца, пробыло почти незамѣтно и также почти незамѣтно уѣхало въ свою далекую таинственную страну.

Извѣстіе о томъ, что снабженная всѣми новѣйшими усовершенствованіями въ области военной техники, хорошо дисциплинированная итальянская армія, со всею артиллеріею, подверглась почти полному уничтоженію со стороны людей, вооруженныхъ лишь копьями, саблями и щитами (тогда не знали, что у абиссинцевъ имѣлись и винтовки, правда, въ очень небольшомъ количествѣ и далеко несовершенныя) поразило всѣхъ, какъ громомъ.

Такъ какъ, по дополнительнымъ свѣдѣніямъ, выяснилось, что потери съ обѣихъ сторонъ были громадныя ¹⁾, а медицинская помощь на сторонѣ абиссинцевъ совершенно отсутствовала, то русское общество Краснаго Креста рѣшило немедленно организовать и выслать санитарный отрядъ для обѣихъ воюющихъ сторонъ съ цѣлью оказанія пособія пострадавшимъ.

Тогда еще никто не зналъ и даже не могъ предполагать, что битва подъ Адудей была финаломъ борьбы, борьбы, которую велъ за свою независимость и самостоятельность маленькій геройскій на-

---

¹⁾ Считаю не лишнимъ привести данныя о числѣ участвовавшихъ въ бою и о потеряхъ убитыми, ранеными и взятыми въ плѣнъ (бѣжавшихъ, во главѣ съ начальникомъ арміи генераломъ Бараттери, было всего около 500) съ обѣихъ сторонъ: со стороны итальянцевъ принимало участіе около 17.000 при 62 орудіяхъ; убито, ранено и взято въ плѣнъ два генерала (?), 296 офицеровъ и 14.275 нижнихъ чиновъ (Н. Орловъ. «Итальянцы въ Абиссиніи»); два генерала, 383 офицера и 11.000 нижнихъ чиновъ убитыхъ и тяжело раненыхъ, одинъ генералъ, 41 офицеръ и 3.600 нижнихъ чиновъ—плѣнныхъ (Елецъ. «Императоръ Менеликъ и война его съ Италіей»); число абиссинцевъ, принимавшихъ участіе въ сраженіи, надо считать около 80.000, что же касается потерь, то точно опредѣлить число невозможно, слѣдуетъ считать убитыхъ отъ 4 до 5 тысячъ и раненыхъ отъ 6 до 10 тысячъ; плѣнныхъ, по понятнымъ причинамъ, не было.

родъ, вооруженный копьемъ и мечомъ, противъ одной изъ великихъ европейскихъ державъ, имѣвшей въ своемъ распоряженіи все, что могъ придумать человѣческой умъ для истребленія себѣ подобныхъ.

Посылка отряда Краснаго Креста и послужила началомъ правильныхъ сношеній Россіи съ Абиссиніей, причемъ спустя шесть лѣтъ, въ 1902 году, учреждена и постоянная миссія.

Отрядъ, снаряженный Краснымъ Крестомъ, на что, благодаря крайней энергіи участниковъ экспедиціи, потребовалось всего десять дней, отправился изъ Петербурга 25-го марта и состоялъ изъ семи врачей, одного фармацевта, четырехъ студентовъ-медиковъ старшихъ курсовъ, четырехъ классныхъ фельдшеровъ, двадцати сестеръ милосердія и шестнадцати санитаровъ изъ нижнихъ воинскихъ чиновъ.

Такой же отрядъ одно время предполагалось отправить и въ распоряженіе главнокомандующаго итальянской арміей, но Италия категорически отказалась отъ всякой помощи и даже, разрѣшивъ вначалѣ отряду, предназначенному для Абиссиніи, прослѣдовать на театръ военныхъ дѣйствій черезъ принадлежащій ей на Красномъ морѣ портъ Массову, затѣмъ совершенно неожиданно, когда отрядъ находился въ Александріи, отказала въ томъ.

Такъ какъ другіе пути были въ то время мало извѣстны, а для Россіи и вовсе почти неизвѣстны, а между тѣмъ приближался періодъ дождей, когда передвиженія въ тропическихъ странахъ становятся крайне затруднительными, — часть отряда, а именно всѣхъ сестеръ милосердія, пришлось изъ Александріи отправить обратно въ Россію.

Несмотря, впрочемъ, на это, отрядъ Краснаго Креста, высадившись во французскомъ портѣ Джибути (за Бабъ-Эль-Мандебскимъ проливомъ, на южномъ берегу Таджурскаго залива), т.е. уже на совершенно противоположномъ концѣ театра военныхъ дѣйствій, послѣ тяжелаго пути чрезъ Сомалійскую пустыню и Данакильскую степь, благополучно прибылъ въ столицу Абиссиніи Аддисъ-Абебу. Въ предѣлахъ Абиссиніи отряду пришлось перенести всѣ трудности пути вслѣдствіе того, что подошло время большого періода дождей ¹⁾, бывшее особенно тяжелымъ въ этомъ году. По пути отрядъ выдѣлилъ часть своего персонала для оказанія пособія больнымъ и раненымъ изъ арміи раса Маконена, правителя Харрарійской области, и оставилъ его въ городѣ Харрарѣ, резиденціи раса (350 километровъ отъ Джибути, около 600 отъ Аддисъ-Абебы).

Санитарный отрядъ пробылъ въ Абиссиніи около полугода. Дѣятельность его была очень разнообразна и плодотворна. Полный

---

¹⁾ По-абиссински «кромтъ». Охватываетъ наши лѣтніе мѣсяца съ мая по сентябрь, оканчиваясь около 17-го сентября (весенній абиссинскій праздникъ Маскаля—Воздвиженіе св. Креста).

отчетъ о ней представилъ бы громаднѣйшій интересъ, и остается только пожалѣть, что до сихъ поръ онъ не составленъ и не изданъ ¹⁾.

По отъѣздѣ отряда Краснаго Креста негусъ Менеликъ началъ тотчасъ же хлопотать передъ русскимъ правительствомъ о присылкѣ изъ Россіи вновь врачей, взазмѣнъ уѣхавшихъ, такъ какъ онъ самъ и народъ, впервые познакомившіеся съ методами леченія и увидавшіе блестящіе результаты леченія и операцій, были поражены всѣмъ ими видѣннымъ.

Просьба его была уважена. Въ составъ чрезвычайной миссіи, отправившейся по высочайшему повелѣнію въ Абиссинію въ октябрѣ 1897 года, вошелъ особый отдѣлъ—санитарный, состоявшій изъ двухъ врачей, одного фармацевта и двухъ классныхъ фельдшеровъ. Во главѣ посольства находился П. М. Власовъ, почти всю свою жизнь проведеній въ Персіи и отлично изучившій Востокъ, его потребности и нужды ²⁾. Онъ понималъ все громадное значеніе, которое могутъ и должны имѣть врачи въ Абиссиніи въ дѣлѣ распространенія русскаго вліянія, и сдѣлалъ все, чтобы медицинскій отдѣлъ былъ обставленъ и снабженъ, насколько возможно, богато.

Миссія прибыла въ Джибути 8-го ноября. Здѣсь въ ожиданіи снаряженія каравана пришлось прожить около мѣсяца, и здѣсь уже началась дѣятельность отряда.

За помощью обращалось все мѣстное и окрестное населеніе, европейцы и туземцы-сомали, но въ широкихъ размѣрахъ она проявилась по вступленіи миссіи въ предѣлы Абиссиніи, такъ какъ во время пути ежедневно приходилось оказывать врачебную и хирургическую помощь значительному количеству являвшихся изъ окрестныхъ мѣстностей туземныхъ жителей

Мѣсяць спустя по прибытіи миссіи въ Аддисъ-Абебу, резиденцію негуса Менелика, въ началѣ марта 1898 года былъ открытъ госпиталь съ амбулаторіей, хотя пріемъ и оказаніе помощи больнымъ и раненымъ не прерывались почти вовсе.

Санитарный отдѣлъ миссіи расположился въ томъ же самомъ помѣщеніи, гдѣ находился ранѣе и отрядъ Краснаго Креста, на западной окраинѣ города, у подножья горнаго хребта Экка-Марьямъ на высокомъ склонѣ берега горной рѣки Кабаны, притока Акакэ, впадающей въ Авашь, въ верстѣ разстоянія отъ помѣщенія миссіи, находящейся на другомъ берегу рѣки Кабаны.

Для нуждавшихся въ госпитальномъ леченіи больныхъ и раненыхъ были поставлены оставленные отрядомъ Краснаго Креста наши

¹⁾ Въ 1897 г. вышелъ краткій отчетъ главноуполномоченнаго въ Абиссиніи Н. К. Шведова: «Русскій Красный Крестъ въ Абиссиніи въ 1896 году».

²⁾ Умеръ въ Тегеранѣ въ 1903 году отъ крупознаго воспаленія легкихъ, будучи нашимъ посланникомъ въ Персіи.

У перехода через р. Эреръ.

Въ заросляхъ около Мулю.

«Истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

русскія палатки офицерскаго образца; для большаго удобства палатки эти были соединены по двѣ и по три вмѣстѣ.

Для амбулаторіи негусь Менеликъ предоставилъ большую, круглой формы, абиссинскую палатку, діаметромъ около шести метровъ; двумя перегородками изъ бумажной ткани (абужедди) палатка эта была раздѣлена на три части: въ средней производилась запись больныхъ, выдача имъ очередныхъ билетовъ и лекарствъ, а изъ боковыхъ — въ одной принимались большыя, требовавшіе хирургическаго леченія, а въ другой съ внутренними, венерическими, кожными, ушными и глазными болѣзнями.

Подъ операціонную также была дана императоромъ Менеликомъ такого же типа палатка, но меньшихъ размѣровъ, около четырехъ метровъ въ діаметрѣ.

До наступленія періода дождей, абиссинской зимы, т. е. до второй половины мая, дѣло шло сравнительно благополучно, но вотъ дожди пошли каждый день, пошли настоящіе тропическіе ливни, съ грозами по цѣлымъ часамъ, и скоро земля превратилась въ жидкую кашу, а сама мѣстность въ болото; палатки перестали просыхать и начали пропускать черезъ себя воду и гнить.

Во время пріема толпы больныхъ, укрываясь отъ дождя и непогоды, стали наполнять амбулаторную палатку, — нечѣмъ было дышать, невозможно становилось работать.

А въ палаткахъ, гдѣ лежали больные и оперированные, было и того хуже: тамъ стояла сплошная, непролазная грязь. Чтобы согрѣться, больные разводили костры, въ палаткахъ стояли чадъ и дымъ; тутъ же они готовили себѣ пищу, тутъ хранили убитыхъ барановъ и запасы провизіи; тутъ же, не желая мокнуть подъ дождемъ и стыть отъ холода, отправляли всѣ свои естественныя потребности, выкапывая для этой цѣли въ землѣ ямку (айн-мэдыръ — земляной глазъ).

Въ операціонной палаткѣ часто во время производства операціи дождь пробивалъ матерію и вода каплями падала и на оперируемаго, и на оперирующаго; и на присутствующихъ.

Всѣ эти неудобства, а съ ними и много другихъ привели къ концѣ концовъ къ тому, что негусь Менеликъ послушался совѣтовъ и убѣжденій врачей о необходимости выстроить постоянный госпиталь, гдѣ бы больные не подвергались вліянію переменъ погоды и который въ то же время стоилъ бы дешевле, нежели палатки, выдерживавшія только одинъ періодъ дождей.

Въ октябрѣ 1898 года, съ уходомъ Менелика въ походъ противъ возставшаго раса Мангаша, сына покойнаго императора Іоанна, и приступлено было къ постройкѣ перваго въ Абиссиніи госпиталя, причемъ имѣлось въ виду всѣ постройки закончить къ марту слѣдующаго 1898 года.

Миллозы в Данакильской степи.

Канделябровидные молочаи на Манджирѣ.

Госпиталь былъ построенъ на томъ же мѣстѣ, гдѣ въ 1896 г. находился временный госпиталь русскаго Краснаго Креста, рядомъ съ помѣщеніемъ санитарнаго отдѣла русской миссіи, ея временнымъ госпиталемъ и амбулаторіей, на берегу рѣки Кабаны.

Постройка госпиталя не мѣшала правильному теченію дѣлъ, и только пришлось убрать двѣ палатки, т. е. уменьшить число коечныхъ больныхъ, что не легло особенной тяжестью на населеніе, такъ какъ съ уходомъ Менелика въ походъ городъ совершенно опустѣлъ.

Домъ построенъ по плану швейцарскаго инженера Ильга, проживавшаго въ Абиссиніи, при дворѣ негуса, свыше двадцати лѣтъ и занимавшаго тогда постъ совѣтника по иностраннымъ дѣламъ.

Къ сожалѣнію, добрыя отношенія между посланникомъ Власовымъ и Ильгомъ во время постройки госпиталя были нарушены, почему, при составленіи плана и расчетахъ, русскіе врачи не принимали участія, и для насъ явилось неожиданностью, что на другой день по отбытіи императора въ походъ прибылъ министръ двора Азагъ Гезау съ заявленіемъ, что со слѣдующаго дня начнется, по приказанію негуса, постройка госпиталя.

Впослѣдствіи, благодаря этому обстоятельству, многое пришлось передѣлать и измѣнить, такъ какъ многое не соотвѣтствовало требованіямъ и назначенію.

Госпитальное зданіе построено абиссинскими рабочими такъ, какъ строятъ всѣ дома въ Абиссиніи, но по наружному виду оно явилось совершенно новымъ и произвело переворотъ въ постройкѣ домовъ въ Аддисъ-Абебѣ.

Построено оно было изъ камня, тутъ же ломаемаго, очень рыхлаго и легко вывѣтривающагося известняка; вмѣсто извести при постройкѣ служила жидкая липкая грязь, смѣшанная съ тонкой, нѣжной соломой тѣфа (наиболѣе распространенное хлѣбное растеніе изъ семейства просовыхъ), для чего солома замѣшивалась тутъ же въ ямкахъ вмѣстѣ съ грязью и подвергалась броженію.

Домъ одноэтажный, имѣющій форму длиннаго четырехугольника съ закругленными углами; размѣры его по длинѣ 24,5 метра, по ширинѣ 9,5 метра. Въ средней части помѣщаются шесть отдѣльныхъ квадратныхъ комнатъ по четыре метра въ длину и ширину, по три комнаты съ каждой стороны коридора въ 1,5 метра ширины, идущаго по серединѣ; каждая комната имѣетъ дверь въ коридоръ и большое окно: отдѣлены комнаты одна отъ другой деревянными перегородками изъ расколотыхъ на щепы тиссовыхъ досокъ, вымазанныхъ глиной съ тѣфовой соломой; перегородки вышиною въ три метра и не доходятъ до потолка.

Полъ въ зданіи изъ толстаго слоя известняка, разбитаго на мелкія части, плотно утрамбованнаго; потолка, какъ и во всѣхъ абиссинскихъ постройкахъ, начиная съ дворцовъ вельможъ и кончая хижинной бѣдняка, не имѣется. Крыша соломенная, изъ очень тол-

Рѣка Кабана, протекающая между миссіей и госпиталемъ.

Въездъ въ госпиталь.

стаго слоя особой высохшей на корню травы, причемъ отдѣльные пучки переплетены узкими лентами разноцвѣтныхъ матерій и привязаны такими же лентами къ поперечнымъ тонкимъ лучинамъ изъ тиссоваго дерева, со свойственнымъ въ дѣлѣ покрытiя крышъ абиссинцамъ искусствомъ.

Домъ снаружи и внутри выбѣленъ бѣлою клеевою краской.

Въ каждой палатѣ поставлено по четыре кровати (альга); по двѣ вдоль боковыхъ стѣнъ. Кровати абиссинскаго типа: на рамѣ изъ деревянныхъ брусевъ, шириною около двухъ вершковъ, укрѣпленной на четырехъ толстыхъ точеныхъ ножкахъ, натянута частая сѣтка изъ переплетающихся воловьихъ сыромятныхъ ремней, шириною въ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ пальца ¹⁾; поверхъ сѣтки обыкновенно кладется коверъ. Въ госпиталѣ, вмѣсто ковровъ, положены парусинные мѣшки, набитые сѣномъ, а поверхъ простыни, подушки и одѣяло. Кровать описаннаго типа довольно удобна и покойна, и въ достаточной степени гигиенична.

Такимъ образомъ, въ шести комнатахъ имѣлось 24 кровати, въ случаѣ необходимости число это могло быть увеличено до 30, такъ какъ у стѣны съ окномъ вполне свободно можно было поставить еще по одной кровати въ каждой комнатѣ, тѣмъ болѣе, что высота оконъ отъ полу была одинъ метръ.

Изъ краевыхъ помѣщенiй во время постройки госпиталя одно предназначалось для амбулаторiи, а другое для операцiонной, причемъ имѣлось въ виду послѣднюю отдѣлить плотною дверью. Впослѣдствiи прибывшему изъ похода негусу были выяснены всѣ неудобства такого совмѣстительства въ одномъ зданiи и амбулаторiи, и госпитальныхъ палатъ, и операцiонной,—и для послѣдней было рѣшено выстроить отдѣльное помѣщенiе, что и было вскорѣ исполнено.

Амбулаторiя устроена по тому же типу, какъ и прежняя въ палаткѣ, т. е. комната двумя перегородками изъ абуведди раздѣлена на три части. Средняя для записи больныхъ, здѣсь же имѣется большой столъ съ необходимыми растворами и лекарствами въ жидкомъ видѣ и мазями, шкапъ съ прочими медикаментами и умывальникъ.

Одна изъ боковыхъ частей приспособлена для прiема хирургическихъ больныхъ, а также для оказанiя первой помощи приносимымъ раненымъ и для производства различныхъ легкихъ операцiй; другая для прiема съ внутренними и прочими болѣзнями.

Крыша поддерживается внутренними стѣнами, отдѣляющими коридоръ отъ палатъ, а снаружи деревянными столбами, поставлен-

¹⁾ Ремень вырѣзывается изъ цѣлой шкуры одинъ; шкура намачивается и растягивается на землѣ, причемъ плотно прибивается къ ней кольщиками; ремень начинаютъ вырѣзывать отъ середины, идя концентрическими кругами къ наружнымъ частямъ кожи,

ными вокругъ всего дома на разстояніи отъ него на 1,5 метра и между собою на два метра. Пространство между стѣнами дома и этими столбами все заполнено мелкимъ камнемъ и плотно утрамбовано. Такимъ образомъ получается нѣчто вродѣ веранды; въ ненастное время года здѣсь же прогуливаются больные, находящіеся въ госпиталь, а во время амбулаторныхъ пріемовъ ожидаютъ своей очереди приходящіе за помощью.

Другое краевое помѣщеніе двумя бамбуковыми перегородками раздѣлено на три части:—средняя является продолженіемъ кор-

Видъ госпиталя со стороны города.

дора, расположеннаго по срединѣ зданія, а изъ боковыхъ—одна предназначалась для помѣщенія больныхъ, другая для хранения расходнаго бѣлья и различныхъ принадлежностей ухода за больными.

Вскорѣ послѣ окончанія постройки госпиталя было приступлено къ постройкѣ отдѣльной операціонной: на разстояніи восьми метровъ отъ госпиталя выстроены небольшой круглой формы деревянный домъ, абиссинскаго типа.

Стѣны изъ толстыхъ щепъ тиссоваго дерева (*taxus baccata*), врытыхъ на поларшина въ землю; снаружи и внутри залѣплены жидкой грязью съ тѣфовой соломой и вымазаны гладко жидкой гли-

ной, точно также смѣшанной съ мелко-изрубленной соломой тѣфа и затѣмъ выбѣлены, полъ цементный, крыша соломенная, потолка не имѣется. Съ трехъ сторонъ дома подъ прямымъ угломъ другъ къ другу имѣется три небольшихъ окна со стеклами, на четвертой сторонѣ дверь. Внутри всѣ деревянныя части, а равно поддерживающій крышу проходящій по срединѣ столбъ выкрашены бѣлой эмалевой краской.

Въ операціонной имѣется составной изъ двухъ частей столъ для производства операцій, шкапъ для инструментовъ, столъ для растворовъ, столъ для необходимыхъ при операціи инструментовъ и столъ, гдѣ помѣщается умывальный приборъ. Всѣ столы и шкапы со всѣхъ сторонъ выкрашены бѣлымъ ринолиномъ.

Почти всѣ инструменты и приборы пріобрѣтены на заводѣ военно-врачебныхъ заготовленій.

По окончаніи постройки госпиталя и операціонной имѣлось въ виду приступить тотчасъ же къ постройкѣ новаго помѣщенія для аптеки, отдѣльныхъ помѣщеній для кухни, для прислуги, а также кладовыхъ для храненія запаснаго бѣлья, различныхъ госпитальныхъ принадлежностей, перевязочнаго матеріала и проч., но, въ силу различныхъ условій, планъ этотъ былъ приведенъ много позднѣе, а именно въ 1903—1904 годахъ.

Постройка госпитального зданія, помимо цѣли, для которой оно строилось, представляла еще особенный интересъ въ томъ отношеніи, что домъ этотъ является новшествомъ въ строительномъ дѣлѣ.

Обыкновенно дома въ Абиссиніи строятся одноэтажные, круглые, различныхъ размѣровъ, — изъ дерева или камня. Есть, правда, нѣсколько церквей въ покинутой столицѣ Энтото двухъэтажныхъ не круглой формы, но выстроены они индусами по индусскимъ же образцамъ; есть и продолговатые дома, но комнаты въ нихъ расположены въ одинъ рядъ, а не въ два, какъ въ госпитальномъ зданіи.

Не даромъ негусъ Менеликъ очень гордился своею новою постройкой и каждому прибывавшему въ Аддисъ-Абебу знатному челоуку настоятельно совѣтовалъ посмотрѣть на госпиталь.

Негусъ Годжама, блестящій Текля-Хайманотъ, съ любопытствомъ осматривалъ постройку, восхищался ею, но тутъ же прибавилъ:

— А все-таки въ такомъ домѣ я бы не согласился жить, мнѣ бы все казалось, что онъ упадетъ.

Вся европейская колонія пріѣзжала смотрѣть новый домъ-госпиталь, и всѣ поражались и удивлялись тому, чего достигли русскіе врачи.

Только челоукъ, жившій въ Абиссиніи и хорошо ознакомившійся съ мѣстными условіями и укладомъ жизни, можетъ понять, насколько дѣйствительно трудно было выполненіе сдѣланнаго,

Императоръ Менеликъ по выходѣ изъ операціонной.

Зданіе миссіи.

Профессоръ медицинскаго факультета парижскаго университета Р. Вюрцъ, прибывшій въ столицу Эѳіопіи со спеціальною цѣлью организовать на широкихъ началахъ оспопрививаніе и предохранительную прививку чумы рогатаго скота, въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ едва могъ добиться кое-какихъ передѣлокъ въ отведенномъ ему помѣщеніи: около двухъ мѣсяцевъ онъ ожидалъ, неоднократно обращаясь съ просьбами даже къ самому императору, чтобы ему увеличили оконное отверстіе и вставили рамы въ два маленькихъ стекла; столько же времени ему пришлось ожидать изготовления двухъ небольшихъ столовъ, необходимыхъ для лабораторной работы.

Прибывъ въ русскій госпиталь, онъ былъ пораженъ видѣннымъ и высказалъ прямо:

— Да я вижу, что отношенія Менелика къ русскимъ врачамъ совершенно инныя, чѣмъ къ кому-либо, и вы можете этимъ гордиться.

Много лестнаго для имени русскаго врача пришлось выслушать отъ посѣтившаго госпиталь англійскаго врача Р. Кетлица и члена германской научно-дипломатической миссіи д-ра Фольбрехта.

Фактически госпиталь началъ функціонировать съ лѣта 1899 г., хотя капитальныя работы были закончены лишь къ осени этого года, а внутренняя отдѣлка потребовала еще значительнаго времени.

Конечно, далеко не совершененъ былъ этотъ первенецъ Абиссиніи, далеко ему до европейскихъ собратьевъ, но важенъ былъ починъ, важно начало.

Россія можетъ гордиться: принесенная ею крупная жертва не пропала даромъ, она дала богатый плодъ. Пройдутъ года, много, можетъ, будетъ въ Абиссиніи лечебныхъ заведеній, но первый госпиталь есть всецѣло дѣло Россіи, русскихъ врачей. Въ темное сознаніе людей она внесла свѣтъ, не путемъ насилія, а путемъ разума и высокой гуманной идеи оказанія помощи больному и раненому.

Къ глубокому сожалѣнію, впоследствии многое измѣнилось. Дѣло, богатое по идеѣ и по его первоначальному осуществленію, дѣло, которое, казалось бы, имѣло все данныя, чтобы окрѣпнуть и разрастаться все болѣе и болѣе, по прошествіи уже нѣсколькихъ лѣтъ пострадало въ самой основѣ своей, и въ 1907 году госпиталь закрылся, имущество его частью было перевезено въ распоряженіе миссіи, частью распродано, а само помѣщеніе было передано императору Менелику, распоряженіемъ котораго завѣдывающимъ госпиталемъ былъ назначенъ уроженецъ острова Мартиники, французскій врачъ Витальень. Русская миссія спокойно отошла отъ своего дѣтища, передавъ его въ чужія руки, и какъ будто никогда не была хозяйкой великаго дѣла.

Здѣсь считаю не лишнимъ привести списокъ лицъ медицинскаго персонала, работавшихъ въ Абиссиніи,

Въ экспедиціи Краснаго Креста 1896 г. приняли участіе слѣдующія лица: врачи Г. В. Бобинъ, Н. П. Бровцынъ, Л. Д. Глинскій, Ф. Ф. Гольцингеръ, М. А. Перфильевъ, Б. А. Родзевичъ, К. А. Якса-Быковский, фармацевтъ А. П. Вильде; студенты-медики (нынѣ врачи) К. Н. Кречунеско, П. П. Миллеръ, Г. Г. Федоровъ, П. В. Щусевъ; классные фельдшера и кандидаты на классную должность—П. К. Кузнецовъ, С. Э. Сасонъ, П. Рошковскій, В. Филипповъ и Ф. Павловъ.

Медицинскій отдѣлъ чрезвычайной миссіи, отправившейся въ октябрѣ 1897 года, составляли врачи: Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій, фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классные фельдшера П. К. Кузнецовъ и С. Э. Сасонъ.

Въ началѣ 1901 года означенныхъ лицъ смѣнили вновь прибывшіе врачи А. Н. Коріандеръ и А. Е. Корсунскій и фельдшера-кандидаты на классную должность А. П. Ниловъ и А. А. Пѣтуховъ.

Въ 1903 году (въ началѣ) вновь прибыли врачи Н. П. Бровцынъ и М. И. Лебединскій, фармацевтъ Б. Г. Лукьяновъ и классный фельдшеръ С. Э. Сасонъ, причемъ изъ находившихся ранѣе остался классный фельдшеръ Пѣтуховъ, перешедшій на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ.

Всѣ выше перечисленныя лица были командиремы изъ состава чиновъ военнаго вѣдомства, кромѣ врачей Гольцингера и Быковского.

Въ 1905 году прибыли въ Аддисъ-Абебу лица постояннаго состава миссіи, зачисленные по министерству иностранныхъ дѣлъ, врачъ Н. А. Владыкинъ и фармацевтъ Б. Э. Бушманъ, пробывшіе—первый около двухъ лѣтъ, второй немного больше года.

Въ настоящее время находится въ Аддисъ-Абебѣ врачъ А. И. Кохановскій.

Дѣятельность госпиталя распадается на два самостоятельныхъ отдѣла: собственно госпиталь и амбулаторіи при немъ.

За періодъ времени съ 5-го марта 1898 г. по 20-е января 1900 года, т. е. за одинъ годъ и 10 мѣсяцевъ въ госпиталѣ находилось на излеченіи 338 человекъ, а съ 1-го апрѣля 1903 г. по 18-е февраля 1905 г., т. е. за одинъ годъ и десять съ половиною мѣсяцевъ—355; входящихъ больныхъ принято въ первый періодъ 10,237 (не считая повторныхъ), а за второй 21,237, повторныхъ за первый періодъ принято 15,589 въ Аддисъ-Абебѣ (въ 1898 г.—4,489 и въ 1899 г.—10,600), сверхъ того тогда же, во время похода негуса Менелика въ Тигрэ противъ раса Мангаши, принято 6,219 человекъ; за второй періодъ число повторныхъ 27,916 (въ 1903 г.—9,816 и въ 1904 г.—18,100). Число оспопрививаній за второй періодъ—1,754.

Приведенныя цифры слѣдуетъ считать ниже дѣйствительныхъ, такъ какъ въ книги о больныхъ рѣдко заносились тѣ больные изъ болѣе или менѣе знатныхъ людей, которые, пріѣзжая на домъ къ вра-

чамъ съ визитами, въ сопровожденіи иногда большой свиты, обращались за помощью для себя, своихъ близкихъ и слугъ. А такихъ посѣтителей бывало въ день иногда по нѣсколько человекъ.

Операций сдѣлано за первый періодъ 629, изъ нихъ подъ хлороформеннымъ наркозомъ 160, подъ мѣстной анестезіей 184, а за второй періодъ 581, причемъ 194 подъ хлороформомъ и 259 подъ мѣстной анестезіей.

Въ виду небольшихъ размѣровъ госпиталя и ограниченнаго числа кроватей, въ госпиталь на излеченіе принимались главнымъ образомъ требовавшіе хирургическаго вмѣшательства (въ первый періодъ многіе раненые въ битвѣ подъ Адуей), а съ внутренними болѣзнями или очень тяжелые, или когда имѣлось достаточное количество свободныхъ мѣстъ.

Услугами госпиталя пользовалось въ широкихъ размѣрахъ все населеніе Абиссиніи, безъ различія сословій и классовъ, начиная съ императора, императрицы, ихъ родственниковъ и лицъ приближенныхъ, митрополитовъ и кончая полуголодными, полуголыми поденщиками гурауги и неграми-рабами.

Вся европейская колонія, отъ посланниковъ великихъ державъ до послѣднихъ ихъ слугъ, частныя лица всѣхъ державъ: французы, англичане, итальянцы, греки, армяне, индусы, всѣ обращались постоянно къ помощи русскихъ врачей и русскаго госпиталя. Двери госпиталя были широко открыты для всѣхъ ночью и днемъ.

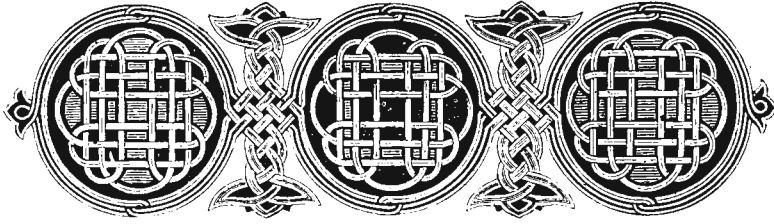
Госпиталь видѣлъ въ своихъ стѣнахъ людей всевозможныхъ религій: за помощью шли и христіане, и мусульмане, и послѣдователи ученія браминовъ, и язычники. Главный контингентъ стационарныхъ больныхъ состоялъ изъ людей средняго и низшаго класса, но ложились часто въ госпиталь, какъ больные или для производства операций, и люди богатые или высокаго положенія, даже главный священникъ всего абиссинскаго духовенства, лицо наиболѣе почитаемое всей страной, Ичачэ-Габро-Сэлясіе, старикъ 95 лѣтъ, по личному совѣту и настоянію негуса Менелика, заболѣвъ тяжело, легъ въ госпиталь, гдѣ и пробылъ свыше мѣсяца, выйдя изъ него совершенно оправившимся и сохранивъ о госпиталѣ почти благоговѣйное воспоминаніе.

Императоръ Менеликъ былъ очень частымъ посѣтителемъ госпиталя, присутствуя многократно при производствѣ операций; всѣ знатныя лица считали своимъ долгомъ навѣщать госпиталь, знакомиться съ постановкой дѣла, методами леченій и производствомъ операций.

М. И. Лебединскій.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Smolensk. Les origines. L'épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Par le baron de Baye. Paris. Librairie académique. Perrin et Cie. 1912. Prix 5 franc.

Смоленскъ, его возникновеніе. Эпопея 1812 года. По неизданнымъ документамъ составилъ баронъ де-Бэ. Парижъ. 1912.

АРОНЪ де-Бэ, очень хорошо владѣющій русскимъ языкомъ и въ своихъ изслѣдованіяхъ о нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Россіи всегда очень безпристрастно относящійся къ Россіи, ко дню столѣтней годовщины жестокихъ битвъ подь Смоленскомъ 4—6 августа 1812 года составилъ очень любопытную и живо написанную книгу, подь выше приведеннымъ заглавіемъ, которая собственно раздѣляется на двѣ главныя части. Первая, составленная преимущественно по русскимъ изслѣдованіямъ (какъ-то: Никитина, «Исторія города Смоленска»; Грачева, «Путеводитель по Смоленску»; Мурзакевича, «Исторія города Смоленска»; «Историческое обозрѣніе города Смоленска». С.-Петербургъ. 1894 г. и многихъ другихъ), имѣеть предметомъ краткій историческій очеркъ самаго города Смоленска, упоминаемаго лѣтописцами уже въ десятомъ вѣкѣ, въ которомъ княжившій съ 1078 года около 38 лѣтъ Владимиръ Мономахъ, основалъ въ 1101 году церковь на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время возвышается извѣстный Успенскій соборъ, заложенный въ 1677 году и оконченный лишь въ 1772 году. Въ эту церковь Владимиръ Мономахъ поставилъ икону Божіей Матери, такъ называемой Одигитріи (что значить: укрывающая путь). По преданію, этою иконою, принадлежавшею императору Константину Багрянородному, была благословлена имъ его дочь Анна при отъѣздѣ ея въ Россію

для вступленія ея въ предстоявшій бракъ съ отцомъ Владимира Мономаха великимъ княземъ Всеволодомъ. Равнымъ образомъ де-Вэ, посѣтившій лично Смоленскъ, съ большимъ сочувствіемъ говоритъ и о другихъ достопримѣчательностяхъ города и особенно довольно много объ его знаменитыхъ стѣнахъ въ $2\frac{1}{2}$ сажени толщины и въ три яруса, такъ сказать, сооруженныхъ еще Борисомъ Годуновымъ въ 1602 году на протяженіи пяти верстъ вокругъ города. Въ виду важности его въ стратегическомъ отношеніи Смоленскъ являлся въ то время сильнымъ оплотомъ противъ Польскаго королевства, у котораго онъ былъ отвоеванъ царемъ Василіемъ Іоанновичемъ въ 1514 году. Во время наступившаго позднѣе смутнаго времени король польскій Сигизмундъ, желая пріобрѣсти себѣ этотъ городъ, осадилъ его 29-го сентября 1609 года, при чемъ мужественною обороною Смоленска прославились бояринъ Михаилъ Борисовичъ Шейнъ и его товарищъ князь Петръ Горчаковъ. Шейнъ оборонялся въ теченіе двухъ лѣтъ. Посланный ему на подкрѣпленіе отрядъ войска въ 38 тысячъ человекъ подъ начальствомъ князя Дмитрія Шуйскаго, брата царя Василя, былъ разбитъ гетманомъ Жолкевскимъ, но Шейнъ и обыватели Смоленска не падали духомъ и съ успѣхомъ отбивали неоднократные приступы поляковъ, даже на двадцатомъ мѣсяцѣ осады. Осажденные наконецъ стали терпѣть отъ недостатка продовольствія, наличный составъ гарнизона очень уменьшился, къ тому же среди его появилась цынга (скорбутъ), такъ что число здоровыхъ было не болѣе 400 человекъ. Въ это время при содѣйствіи измѣнника, указавшаго полякамъ наиболѣе слабую часть стѣны, имъ удалось пробить въ ней брешь, черезъ которую и ворвались въ городъ 30-го іюня 1611 года. Тогда началась страшная борьба холоднымъ оружіемъ на улицахъ и стѣнахъ города, по трупамъ поляки дошли до большой церкви Вожьей Матери, гдѣ укрывались семейства храбрыхъ защитниковъ съ ихъ имуществомъ, тутъ же были и склады пороха. Видя, что нѣтъ спасенія, укрывшіеся въ храмъ зажгли эти склады и взлетѣли все на воздухъ. Шейнъ тѣмъ не менѣе съ небольшимъ числомъ войновъ держался въ башнѣ (получившей названіе Шейна башня), не желая пережить паденія Смоленска. Только по усиленнымъ просьбамъ жены и дочери онъ наконецъ сдался Потockому. Позднѣе, въ 1630 году, Шейнъ и окольникій Измайловъ были отправлены отвоевать этотъ городъ. Но Шейнъ, столь доблестно оборонявшій городъ, не могъ имъ овладѣть въ то время и только гораздо позднѣе, въ 1654 году, царь Алексѣй Михайловичъ при содѣйствіи казаковъ возвратилъ себѣ Смоленскъ послѣ двухмѣсячной осады съ бомбардированіемъ и нѣсколькихъ приступовъ. Съ тѣхъ поръ Смоленскъ непрерывно принадлежитъ Россіи, и стѣны его оказали не малую ему услугу и въ войнѣ 1812 года при попыткѣ Наполеона I овладѣть имъ. Извѣстно, что при вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи въ 1812 году наши обѣ арміи, Багратіона и Барклая-де-Толли, стоявшія близъ западной границы, стали отходить въ предѣлы отечества съ намѣреніемъ также соединиться въ одну армію, но этого послѣдняго долго не могли достигнуть, потому что Наполеонъ предупреждалъ ихъ соединеніе, занимая ранѣе своими войсками назначенныя къ тому мѣста, какъ-то: Минскъ, Борисовъ, Могилевъ. Императоръ Александръ I въ письмѣ къ адмиралу Чичагову не одобрялъ образа дѣйствій ни Багратіона,

ни Барклая (это письмо въ «Воспоминаніяхъ адмирала Чичагова». Лейпцигъ. 1862 года. стр. 126, на французскомъ языкѣ) и въ то же время находилъ, что Наполеонъ сдѣлалъ большую ошибку, допустивъ ихъ соединеніе въ Смоленскѣ, которое онъ былъ въ состояніи не допустить, направившись самъ на Смоленскъ изъ Могилева и Орши. Подойдя къ Смоленску, армія Наполеона, какъ сообщаетъ Ланжеронъ, имѣла только треть своего первоначальнаго состава; кромѣ того, отъ непрерывныхъ дождей съ начала выступленія изъ Ковны до Вильны въ теченіе трехъ недѣль ощущался недостатокъ въ продовольствіи и въ фуражѣ для лошадей, отъ котораго погибло до 30.000 лошадей. Въ Смоленскѣ Наполеонъ имѣлъ въ строю только 150.000 человекъ, при Бородинѣ—только 134.000 человекъ, такъ что его армія на пути отъ Ковны до Бородина потеряла болѣе 125.000 человекъ. Предоставляя читателямъ непосредственно самимъ ознакомиться съ подробнымъ и притомъ безпристрастнымъ изложеніемъ барона де-Бэ всѣхъ военныхъ дѣйствій, происходившихъ въ первыхъ числахъ августа подъ Смоленскомъ и ближайшихъ къ нему мѣстахъ, что составляетъ вторую часть его любопытнаго труда,—мы упомянемъ лишь, что подъ Смоленскомъ произошли упорныя и кровопролитныя сраженія, покрывшія славою Дохтурова, Невѣровскаго и Раевского,—Наполеонъ, несмотря на упорныя атаки корпусовъ Нея и Даву, не могъ овладѣть городомъ. Онъ возымѣлъ намѣреніе обойти Смоленскъ съ другой стороны, наведя мостъ, чтобы отрѣзать русскимъ отступленіе къ Москвѣ, но это намѣреніе не было приведено имъ въ исполненіе, и битва вокругъ Смоленска снова возобновилась. Наполеонъ надѣялся, что въ ней приметъ участіе вся русская армія, но она ограничилась только обороною города съ большимъ ожесточеніемъ и удержала за собою всѣ предмѣстья города до вечера. Но ночью русскія войска получили приказаніе очистить городъ, что и исполнили безъ затрудненія и на другой день утромъ французы вступили въ Смоленскъ, почти весь зажженный непріятельскими снарядами. Множество труповъ покрывали улицы и площади; большинство жителей покинули городъ. Наполеонъ назначилъ сперва генерала Делаборда, а потомъ Шарпантье управлять городомъ и всею областью, приказавъ привести городъ въ оборонительное положеніе и вытребовать цѣлый артиллерійскій полкъ и три осадныя батареи изъ Магдебурга. Замѣчательно, что въ это почти время генераль Шварценбергъ, бывший въ войскахъ Наполеона, писалъ въ великой тайны Меттерниху что «положеніе великой арміи безвыходное», а извѣстный Дюрокъ, оберъ-гофмаршалъ Наполеона, немного ранѣе писалъ: «Императоръ не добьется мира ни въ Смоленскѣ, ни въ Москвѣ, онъ только будетъ находиться въ большемъ отдаленіи отъ Франціи. Миръ будетъ ускользать отъ насъ, какъ и русская армія отъ сраженія съ нами, но когда непріятель увидитъ, что мы обезсилены походомъ, когда большая часть нашей кавалеріи очутится безъ лошадей, русскіе попытаются дать намъ большое сраженіе; потерпѣвъ пораженіе, они спокойно отойдутъ еще далѣе, не будучи преслѣдуемы нами, быстро соберутъ подкрѣпленія, потому что они у себя дома, тогда какъ мы...» и т. д.

По словамъ де-Бэ, многіе генералы совѣтовали не итти далѣе въ глубь Россіи, при приближающейся осени, но остановиться на Днѣпрѣ, сдѣлавъ Смо-

ленскъ главнымъ центромъ зимняго расположенія войскъ, заняться устройствомъ арміи и заготовленіемъ всего для нея необходимаго ко второй кампаніи, которую должно въ 1813 году начать съ наступленіемъ хорошей погоды, а тѣмъ временемъ поднять Польшу, откуда можно было бы достать армію въ сто тысячъ человѣкъ. Но польскіе генералы, пользовавшіеся въ то время большимъ расположеніемъ Наполеона, побуждали его, по словамъ герцога Невшательскаго, итти въ Москву, чтобы этимъ прежде всего облегчить страну отъ тягостей, которыя она испытала бы при расположеніи французской арміи въ предѣлахъ Польши; они же завѣрили Наполеона, что онъ свободно, безъ выстрѣла, вступить въ первопрестольную столицу, а разъ Москва въ его рукахъ,—русскіе принуждены будутъ заключить миръ съ нимъ. По словамъ же другихъ, предположеніе ограничиться въ первую кампанію достиженіемъ истоковъ Двины и Днѣстра обсуждалось еще ранѣе, до начала войны, въ Парижѣ. Наполеонъ, любившій вести войну непродолжительно и быстро заключать миръ, не согласился съ подобнымъ предположеніемъ. Поэтому въ Смоленскѣ такое и не обсуждалось, а только шла рѣчь о томъ, двинуться ли на Москву, или Петербургъ. Какъ извѣстно, Наполеонъ пошелъ въ Москву скоро и возвращался въ бѣдственномъ положеніи чрезъ тотъ же Смоленскъ, имѣя не болѣе 42.000 солдатъ. При этомъ онъ приказалъ разстрѣлять подъ стѣнами Смоленска полковника Энгельгардта и дворянина Шубина, двухъ помѣщиковъ Смоленской губерніи, составившихъ партизанскіе отряды, которые были захвачены въ плѣнъ французами. Позднѣе императоръ Николай I приказалъ соорудить памятникъ этимъ вѣрнымъ сынамъ отечества. Описаніемъ этого послѣдняго пребыванія Наполеона въ Смоленскѣ и заканчивается любопытное и прекрасно изложенное изслѣдованіе барона де-Бэ, которое снабжено весьма интересными приложеніями, а также очень хорошими гравюрами, преимущественно относящимися къ Смоленску.

П. Майковъ.

Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи. (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Ч. I, съ 40 портретами и иллюстраціями. Стр. 528. Ч. II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Стр. 554. Изд. т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1913. Цѣна за обѣ части 5 руб. 50 коп.

Русское общество двухъ послѣднихъ десятилѣтій съ особымъ вниманіемъ обращалось къ «60-мъ» годамъ XIX в., интересуясь всякимъ проявленіемъ тогдашней общественной мысли и настроенія, знакомясь и съ революціонными выступленіями того времени, которыя до событій 1905 года пріобрѣтали для многихъ идейно-симпатичный характеръ. Послѣ недавней революціи отношеніе къ революціоннымъ и террористическимъ актамъ стало совершенно инымъ, однако вниманіе и интересъ къ 60—80-мъ годамъ хотя и ослабѣли, но все же продолжали быть весьма значительными. Къ тому же годы смягченія цензурныхъ условій сдѣлали возможнымъ появленіе множества новаго, весьма любопытнаго и важнаго матеріала, освѣщающаго недавнюю, но подернутую туманомъ конспирацій и запретовъ эпоху: появились рассказы и воспоминанія стариковъ,

уцѣлѣвшихъ еще отъ того времени (Пантелѣева, Обручева и др.), напечатанъ богатый матеріалъ изъ слѣдственныхъ дѣлъ надъ революціонными дѣятелями и лицами, привлекавшимися къ суду по обвиненію ихъ въ политическихъ преступленіяхъ (дѣла «великорусцевъ», «воскресниковъ», «Чернышевскаго», «193-хъ», «1-го марта» и проч.).

Уже были попытки связать имѣющійся въ печати разрозненный матеріалъ въ одно послѣдовательное историческое изложеніе. Таковы, напримѣръ, книги: Туна, «Исторія революціонныхъ движеній въ Россіи»; Сватикова, «Общественное движеніе въ Россіи»; Лемке, «Очерки освободительнаго движенія шестидесятихъ годовъ» (ср. его же, «Политическіе процессы Михайлова, Писарева и Чернышевскаго») и наиболѣе обработанная книга А. А. Корнилова «Общественное движеніе при Александрѣ II (1855—1881 гг.)». Этими книгами намѣчены были основныя вѣхи въ изображеніи общественнаго и революціоннаго движенія 60—80 годовъ XIX вѣка. Но онѣ или давали сырой матеріалъ въ мало обработанной формѣ, какъ, напримѣръ, книги Лемке, или давали схемы, которыя недостаточно вводили читателя въ живую, конкретную обстановку, съ бытовыми подробностями.

Примирить схемы съ бытомъ, объединить въ одинъ общій рассказъ событія 60—80-хъ годовъ, собрать многочисленныя разбросанныя по отдѣльнымъ изданіямъ свѣдѣнія объ этой эпохѣ и беретъ на себя авторъ «историческихъ очерковъ» г. Глинскій. «Не претендуя на оригинальность своей работы,—читаемъ въ предисловіи первой части,—авторъ отводитъ ей скромное мѣсто популяризаціи уже имѣющихся въ печати источниковъ, разбросанныхъ въ многочисленныхъ журналахъ, книгахъ и брошюрахъ, вышедшихъ по преимуществу въ 1905—1906 гг., доступъ къ которымъ по большей части для читателя затруднителенъ или почти невозможенъ; онъ исходитъ изъ того, что «популярная компоновка обширнаго матеріала необходима, дабы не только специалисты по исторіи и любители ея, знакомые со всѣми источниками ея, но и широкая читающая публика имѣла правильное пониманіе о судьбахъ родной земли за вторую половину XIX столѣтія». Историческіе очерки г. Глинскаго первоначально печатались на страницахъ «Историческаго Вѣстника», а теперь вышли отдѣльнымъ изданіемъ въ видѣ двухъ, обширныхъ по объему, частей.

Не пытаюсь изложить содержаніе обширной работы В. В. Глинскаго, я напомию основную манеру рассказа и характеристикъ, къ которымъ прибѣгаетъ авторъ. Онъ противопоставляетъ двѣ силы: правительство и общество, и въ «реальныхъ фактахъ русской жизни» слѣдитъ за взаимоотношеніемъ и борьбой этихъ силъ, останавливаясь даже и на крайнихъ, порой жестокихъ и кровавыхъ, выпадахъ той и другой стороны. Предъ взоромъ читателя проходитъ рядъ правительственныхъ дѣятелей (Валуевъ, графъ Д. Толстой, Лорисъ-Меликовъ и др.) съ ихъ программами реформъ, съ одной стороны, съ ихъ медлительностью, колебаніями и боязнью, съ другой, боязнью передъ «конституціей», которая казалась ненужной и несвоевременной, противъ которой боролись мѣрами репрессій. Предъ читателями проходитъ также длинный рядъ либеральныхъ и революціонныхъ дѣятелей: Герценъ, Бакунинъ, Чернышевскій, Михайловъ, Писаревъ, Серно-Соловьевичъ, «воскресники», «печасевцы», Лавровъ, Ткачевъ, «чайковцы»,

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

25

Кравчинскій, народники, пропагандисты, «террористы», Вбра Засуличъ, Морозовъ, Желябовъ, Перовская, Рысаковъ и множество другихъ. Книга заканчивается разсказомъ объ ужасномъ событіи 1-го марта, которое унесло въ могилу императора Александра II, но оно же ризвѣло и уничтожило самихъ террористовъ.

Приступая къ разбору книги г. Глинскаго, укажу на нѣкоторые неизбѣжные во всякой работѣ недочеты. Прежде всего отмѣчу, что авторъ не пользуется всей той литературой, которая имѣется о времени Александра II, что ведетъ къ нѣкоторой неясности и неполнотѣ изложенія. Такъ, напримѣръ, относительно виднѣйшихъ публицистовъ того времени Чернышевскаго и Добролюбова г. Глинскій лишь кратко, и то объ одномъ Чернышевскомъ, замѣчаетъ, что онъ былъ «поклонникомъ нѣмецкаго философа Фейербаха» (стр. 72), тогда какъ извѣстно, что горячимъ поклонникомъ того же философа былъ и Добролюбовъ; извѣстно и то, что Фейербахъ, вообще, оказалъ сильнѣйшее вліяніе на мысль и настроеніе передовыхъ круговъ общества (Собр. соч. Н. А. Добролюбова, изд. «Дѣятель», подъ ред. Е. Аничкова, т. I, 56, 68). Кстати отмѣчу маленькій курьезъ: на слѣдующей страницѣ (73) г. Глинскій, цитируя Иванова-Разумника, пишетъ: «по словамъ г. Разумника»... Разумникъ не фамилія, а имя. О Герценѣ авторъ не цитируетъ статей Н. А. Котляревскаго (печатались въ «Вѣстн. Европы»), превосходно разъяснивашаго упадокъ популярности Герцена.

Затѣмъ укажу, что г. Глинскій написалъ книгу собственно не на основаніи «источниковъ» только, но и на основаніи пособій историческихъ и литературныхъ, изъ которыхъ онъ часто беретъ свѣдѣнія, не прибѣгая къ первоисточникамъ. У него цитируются работы С. А. Венгерова, Н. И. Карѣева, Е. Соловьева (Андреевича), Русанова (Н. Кудрина), Лемке, Корнилова, Татищева и др. Иногда же авторъ нейдетъ къ самому источнику, а заимствуетъ выдержку изъ него по другой книгѣ, впрочемъ, указывая на это въ примѣчаніи (напримѣръ, стр. 258, 381). Наконецъ отмѣчу излишнее увлеченіе автора цитатами и выдержками изъ другихъ книгъ.

Но всѣ эти недочеты съ избыткомъ покрываются тѣми значительными достоинствами, которыя имѣютъ историческіе очерки г. Глинскаго. Если имѣтъ въ виду ту главную цѣль, которую поставилъ себѣ авторъ, то она имъ вполне достигнута. Имъ собранъ живой и богатый фактический матеріалъ, онъ широко захватилъ намѣченную имъ эпоху, далъ фактически полное, мѣстами очень яркое изображеніе правительственныхъ мѣропріятій, общественныхъ настроеній и революціонныхъ выступленій за два послѣднихъ десятилѣтія царствованія императора Александра II; изложены событія съ возможной объективностью, въ мягкихъ тонахъ, безъ особыхъ нападокъ, порицаній и похвалъ той или другой изъ борющихся сторонъ; съ внѣшней стороны изложеніе—ясное и живое. Очерки иллюстрированы многочисленными хорошо исполненными портретами и снимками (около 100), набраны отчетливымъ шрифтомъ и оттиснуты на хорошей бумагѣ. Книгу Б. Б. Глинскаго можно смѣло рекомендовать широкому кругу читателей, которые прочтуть ее съ пользой и интересомъ.

М. Ключковъ.

Курскій Сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, под редакціей секретаря комитета Н. Н. Златоверховникова, выпускъ VII. Курскъ. 1912. Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ Н. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912.

При поразительной бѣдности не только историческихъ сочиненій и изданій, но даже статей въ періодическихъ изданіяхъ о Курскомъ краѣ появленіе въ свѣтъ двухъ книгъ одного изъ выдающихся мѣстныхъ дѣятелей на научномъ поприщѣ представляетъ отрадное явленіе. Благопріятное впечатлѣніе усиливается вслѣдствіе ближайшаго ознакомленія съ новымъ выпускомъ «Курскаго Сборника» и «историческаго очерка». Здѣсь находимъ нѣсколько работъ сотрудниковъ «Сборника», которыя заключаютъ въ себѣ данныя интересныя не только для курянъ, но и для другихъ читателей. Во главѣ «Сборника» находимъ статью «Годъ священной памяти», гдѣ сообщены новыя свѣдѣнія изъ исторіи Отечественной войны, въ особенности о проявленіи горячаго патриотизма населенія. Такъ, напримѣръ, курскій помѣщикъ, офицеръ Флоръ Михайловичъ Абросимовъ писалъ курскому губернатору А. Н. Нелидову: «Я за всеавгустѣйшаго всероссійскаго императора и за всю царскую фамилію и за все отечество желаю вступитъ въ ополченіе и стать охотно въ шеренгу подъ ружье; когда двинется ополченіе въ походъ, то и меня послать туда въ первомъ отрядѣ, ибо я—русскій человѣкъ, а русское имя есть твердая вѣрность, желаю служить на собственномъ моемъ коштѣ». Курское дворянство послѣ 1812 года не пожелало избрать въ губернскіе предводители иного лица, кромѣ героя Бородинскаго боя, генералъ-майора Ивана Михайловича Ушакова, раненаго въ этомъ бою и получившаго орденъ святого Георгія Побѣдоносца, который, будучи предводителемъ, оставленъ былъ самимъ государемъ Александромъ I на дѣйствительной военной службѣ, что представляетъ чрезвычайно рѣдкій случай въ исторіи русскаго дворянства. Интересенъ также тотъ фактъ, что всѣ сословія Курской губерніи приписывали благоразумнымъ, корректнымъ и гуманнымъ дѣйствіямъ губернатора Нелидова легкость, съ которою населеніе Курской губерніи выполнило многочисленныя и тяжелыя повинности для содѣйствія успѣху борьбы съ Наполеономъ. «Въ другихъ губерніяхъ, гдѣ мы владѣемъ имѣніями,—сказано было въ приговорѣ курскихъ дворянъ,—мы не видѣли такихъ благодѣтельныхъ распоряженій, какія видимъ здѣсь, какъ несравненное противъ прочихъ губерній облегченіе, такъ и самое правосудіе, оказываемое А. И. Нелидовымъ съ человѣколюбіемъ и кротостью». Ему были поднесены адресъ и особая золотая медаль дворянствомъ, серебряное блюдо купечествомъ. Какимъ чувствомъ любви окружали А. И. Нелидова купеческое и мѣщанское общества городовъ Курской губерніи, видно изъ того, что черезъ десять лѣтъ послѣ Отечественной войны, когда Нелидовъ былъ уже давно частнымъ человѣкомъ, эти общества не забыли его, поднесли ему прекрасный портретъ съ надписью и постановили помѣстить его въ думѣ. «Если кто-либо,—писалъ Нелидову городской голова,—прежде могъ заподозрѣть лезть въ поступкѣ нашемъ, то пусть нынѣшній нашъ поступокъ подтвердитъ искрен-

ность наших чувствъ. Дѣти наши должны узнать благодѣтеля отцовъ своихъ». Портретъ Нелидова былъ написанъ извѣстнымъ художникомъ Рембауромъ.

Для біографіи безсмертнаго Пушкина весьма цѣнно въ «Сборникѣ» сообщеніе, доселѣ неизвѣстное, взятое изъ фамильныхъ бумагъ состоявшаго при государѣ наследникѣ цесаревичѣ Александрѣ Николаевичѣ генераль-лейтенанта С. А. Юрьевича объ отношеніи цесаревича къ смерти А. С. Пушкина. Въ дневникѣ Юрьевича за январь 1837 года было написано:

«29, пятница. Поэтъ нашъ А. Пушкинъ умеръ сегодня около полудня (онъ третьяго дня былъ раненъ на дуэли съ Дантесомъ). Жуковскій сообщилъ эту вѣсть великому князю съ подробностями о его кончинѣ и причинѣ дуэли. Великій князь искренно пожалѣлъ о невозвратной потерѣ необыкновеннаго таланта, общаваго много еще для русской литературы». Весьма интересны матеріалы для этнографіи Курскаго края, напримѣръ, «приказка» подъ заглавіемъ: «Чого люди не роблять по праздникамъ», полный ритуалъ народной современной свадьбы, изложенный В. В. Таряниковымъ. Ограничиваясь, въ виду краткости замѣтки, только упоминаемъ объ этихъ матеріалахъ, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе всѣхъ провинціальныхъ дѣятелей по мѣстной исторіи на ученый архивъ императорскаго русскаго географическаго общества. Этотъ архивъ обыкновенно остается виѣ вѣдѣнія ихъ, вслѣдствіе незнанія того, что въ указанномъ архивѣ хранятся, въ большемъ числѣ, рукописи для исторіи, географіи и этнографіи разныхъ мѣстностей Россіи, гдѣ находится множество данныхъ для исторіи нашихъ провинцій. Такъ, напримѣръ, авторъ статьи объ архивѣ императорскаго русскаго географическаго общества Д. К. Зеленинъ даетъ описаніе 44-хъ рукописей о Курской губерніи, поступившихъ въ ученый архивъ въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ отъ разныхъ лицъ, къ торымъ имѣли въ виду подѣлиться своими историко-этнографическими изслѣдованіями съ географическимъ обществомъ. Содержаніе этихъ рукописей въ большинствѣ случаевъ оказывается неизвѣстнымъ для людей, хорошо знающихъ и систематически изучавшихъ прошлое Курскаго края... То же, разумѣется, должно сказать и о другихъ краяхъ нашего обширнаго отечества. Описи ученаго архива, говорить г. Зеленинъ, до сихъ поръ не существуетъ, и богатѣйшій матеріалъ, заключающійся въ немъ, доступенъ и извѣстенъ весьма немногимъ. «Краткій историческій очеркъ Курскаго края» представляетъ первый опытъ изложенія, въ конспективномъ видѣ, прошлой жизни этого края и можетъ быть прочтенъ съ интересомъ для знакомства съ нѣкоторыми болѣе или менѣе значительными событіями Курской исторіи.

А. Танковъ.

С. Горяиновъ. 1812. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1912. 19+562+184 стр. Ц. 5 руб.

Среди многочисленныхъ изданій матеріаловъ и документовъ, относящихся къ «священной памяти двѣнадцатому году», изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ, внимательно приготовленное къ печати С. М. Горяиновымъ, занимаетъ

одно из видных мѣстъ. Въ немъ въ хронологическомъ порядкѣ кратко описано громадное число, именно 15.171 номеръ документовъ, хранящихся въ государственномъ и петербургскомъ главномъ архивахъ, и напечатаны въ подлинникъ: 1) 140 записокъ Александра I къ канцлеру графу Румянцову; 2) два проекта рескриптовъ графу Голенищеву-Кутузову, рапортъ послѣдняго императору Александру I (отъ 20-го апрѣля); 3) проектъ «инструкціи новому главнокомандующему (Чичагову) и 24 письма изъ переписки Александра I съ адмираломъ Чичаговымъ; 4) письмо Наполеона изъ Москвы 8 (20-го сентября) Александру I, просьба Мюрата Наполеону и перехваченное письмо неаполитанской королевы ему же, и 5) вѣдомость о числѣ истребленныхъ труповъ по изгнаніи непріятеля изъ Россіи (430.707 человѣческихъ труповъ, 230.677 скотскихъ).

Въ концѣ книги приложенъ алфавитный указатель личныхъ именъ, облегчающій справку и розыски нужныхъ документовъ. М. К.

В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ. Перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1912. Стр. XIV+534. Цѣна 3 рубля.

При изученіи литературы русскаго старообрядчества изслѣдователю приходится разыскивать интересующія его произведенія въ рукописныхъ собраніяхъ, для чего необходимо пересматривать описанія рукописей; описанія эти часто находятся съ трудомъ; кромѣ того, нужно имѣть въ виду также собранія, еще вовсе не описанныя. Указатель г. Дружинина имѣетъ свою цѣлью облегчить работу изслѣдователя, представляя свѣдѣнія о памятникахъ старообрядческой литературы изъ напечатанныхъ описаній рукописей. Для этого составитель воспользовался всѣми извѣстными ему, какъ историку раскола, описаніями рукописей и отчетами общественныхъ книгохранилищъ. Въ основу его труда положены описанія: Хлудовскаго собранія рукописей, сдѣланное А. Н. Поповымъ, и собранія Богданова, описанное И. А. Бычковымъ. Изъ ненапечатанныхъ описаній г. Дружининъ воспользовался лишь 1) рукописнымъ описаніемъ собранія рукописей Рогожскаго кладбища въ Москвѣ, составленнымъ о. Власовымъ, и 2) указаніями на нѣкоторыя рукописи изъ собранія, принадлежащаго изслѣдователю (въ библіотекѣ г. Дружинина въ настоящее время находится 680 старообрядческихъ рукописей).

Перечень состоитъ изъ двухъ частей.

Въ первой помѣщены сочиненія въ алфавитномъ порядкѣ именъ ихъ авторовъ; во второй—перечислены сочиненія безыменные по алфавиту перваго слова заглавій, а гдѣ заглавій нѣтъ, то по первому слову начала текста. Письма и посланія соединены и расположены по именамъ ихъ отправителей или адресатовъ. Для облегченія находженія текстовъ приложенъ указатель, въ которомъ помѣщены начальныя строки памятниковъ, расположенныя въ алфавитномъ порядкѣ перваго слова строки.

Почтенный труд г. Дружинина, без сомнѣнія, облегчитъ и упроститъ работы изслѣдователей старообрядчества. Иллюстрируемъ это примѣромъ. Положимъ, изслѣдователю попадаетъ въ пріобрѣтенномъ имъ рукописномъ сборникѣ статья, авторъ коей ему неизвѣстенъ, начинающаяся со словъ: «Человѣкъ есть вещь дивна велія и прекрасная». Обращаясь къ указателю начальныхъ строкъ, изслѣдователь видитъ, что свѣдѣнія объ этой статьѣ можно найти на стр. 117-й труда г. Дружинина. На данной страницѣ онъ усматриваетъ, что указанными словами начинается «Слово о человѣкѣ», принадлежащее перу Андрея Денисова, которое находится также въ сборникѣ № 268 Хлудовскаго собранія, начинаясь на л. 123, и въ сборникѣ № 531 собранія В. Г. Дружинина на л. 136. Такимъ образомъ опредѣляется сразу авторъ статьи, и указываются для могущаго понадобится сравненія тѣ сборники, въ коихъ она также встрѣчается, и книгохранилища, гдѣ эти сборники находятся. Какъ изданіе справочное и библиографическое, книга г. Дружинина является цѣннымъ вкладомъ въ литературу вопроса о старообрядчествѣ.

В. В. Т.

И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Слб. 1912. Стр. 53. Цѣна 65 коп.

Въ числѣ законопроектвъ, вызвавшихъ при своемъ прохожденіи въ законодательныхъ учрежденіяхъ большой интересъ всего общества, былъ благополучно завершившійся законопроектъ объ учрежденіи особой Холмской губерніи. Исторія этой древне-русской окраины для очень многихъ совершенно неизвѣстна, а если и имѣются кой-какія свѣдѣнія, то, почерпнутыя изъ періодической печати и обработанныя подъ извѣстнымъ угломъ зрѣнія, они носятъ узко-партийный характеръ. Первой болѣе или менѣе непристрастной попыткой напомнить прошлое забытаго края являются очерки г. Соневицкаго, знакомящіе читателя въ легкой и живой формѣ съ событіями развитія Холмщины, имѣвшими мѣсто въ теченіе послѣдняго полустолѣтія. Въ предисловіи авторъ заявляетъ, что его очерки «не имѣютъ характера компилятивнаго труда. Составляя ихъ, авторъ не пользовался ни печатными, ни рукописными источниками, а описалъ лишь то, что ему сдѣлалось извѣстнымъ изъ официальныхъ источниковъ за время продолжительной государственной службы въ губерніяхъ Царства Польскаго, причемъ съ нѣкоторыми изъ дѣятелей Холмщины, положившихъ не мало заслугъ для ея обновленія, былъ знакомъ лично и по ихъ разсказамъ составилъ настоящее, далеко не полное описаніе ея судьбы».

На ряду съ положительными сторонами исторіи Холмщины авторъ не замалчиваетъ и отрицательныхъ; такъ, на примѣръ, мы узнаемъ объ участіи военной силы въ 1875 г. въ дѣлѣ насажденія православія среди униатовъ и въ увѣщеваніи «упорствующихъ» и т. п. Это непристрастіе автора въ изложеніи историческихъ фактовъ подкупаетъ читателя, и книга прочитывается съ большимъ интересомъ, тѣмъ болѣе, что самый вопросъ о Холмщинѣ еще до сихъ поръ не потерялъ своей остроты.

М—о.

**Н. Н. Соболевъ. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работы. Москва. 1912.
Стр. 107. Цѣна 75 коп.**

Считая Индію «классической страной набивного дѣла», авторъ распространіе послѣдняго ведетъ черезъ Финикію, Палестину, Египеть, Византію въ Италію, Францію, Германію и Англію, полагая, однако, что «въ Россіи возникновеніе набивного дѣла не было зависимо отъ тѣхъ причинъ, которыя оказывали свое вліяніе на Западъ». Въ этомъ дѣлѣ Россія всецѣло находилась подъ вліяніемъ Востока «не только вслѣдствіе политической зависимости, но и вслѣдствіе постояннаго оживленнаго товарообмѣна. Продукты, вывозимые русскими изъ своей страны, обмѣнивались на товары, зачастую вызывавшіе у насъ подражаніе».

До нашего времени набоекъ сохранилось главнымъ образомъ въ музеяхъ и церквахъ сравнительно много, хотя и болѣе поздняго происхожденія. «Что окрашиваніе тканей и набойка существовали уже въ XII вѣкѣ на Руси, на это указываютъ намъ части церковной одежды, оставшейся послѣ святителя Варлаама Хутынскаго (умершаго 1193 г.). Одежды эти подложены лазоревой крашеной».

Переносъ иностранный рисунокъ на отечественную почву, наши набойщики перерабатывали его согласно своему національному творчеству и такимъ образомъ создавали все новыя и новыя композиціи. И дѣйствительно, многочисленныя названія показываютъ, насколько разнообразны были самыя рисунки. Да оно и понятно, такъ какъ не только иностранное вліяніе давало темы и матеріалъ для тѣхъ или иныхъ рисунковъ набойки, но и окружающая природа, животный и растительный міръ, вышивки одежды, деревянная рѣзьба домовыхъ украшеній, творческія произведенія народной фантазіи, первыя лубочныя картины, узорныя кафели печей, украшенія рукописей и первыхъ печатныхъ книгъ, — все это нашло откликъ въ рисункахъ набивныхъ тканей.

Вообще настоящую книгу можно порекомендовать любителямъ нашей древнерусской старины, владѣльцамъ коллекцій набоекъ и хранителямъ музеевъ, такъ какъ почти въ каждомъ изъ нихъ (музеевъ) сохранились или набивная доска, или же образцы набойки. А если вовсе не имѣется этого, то настоящая книга, можетъ быть, толкнетъ на собраніе образцовой коллекціи набоекъ, которую и въ наши дни, хотя и съ большимъ трудомъ, но возможно все-таки еще составить, и которая, по нашему мнѣнію, все же необходима почти для каждаго музея.

Съ внѣшней стороны книга производитъ прекрасное впечатлѣніе, а недорогая цѣна даетъ возможность болѣе широкимъ кругамъ ознакомиться съ нею. Масса снимковъ (есть и въ краскахъ) съ набоекъ, раскрашенныхъ матерій и моментовъ набойнаго производства. Кстати маленькая подробность: обложка книги также представляетъ собою одинъ изъ многочисленныхъ образцовъ набивной матеріи натурального цвѣта.

Д. Вочковъ.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ. Замятка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ. Петербургъ. 1911. Стр. 20 Цѣна не обозначена.

Среди обширной литературы, вызванной юбилеемъ 1812 года, нельзя не обратить вниманія на изданную подъ редакціей извѣстнаго историка событій наполеоновскихъ войнъ г. Военскаго брошюру графа К. А. Хрептовича-Бутенева о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Ошмянскаго уѣздовъ, гдѣ расположены имѣнія автора брошюры, чѣмъ отчасти и объясняется его интересъ къ событіямъ, разыгравшимся въ 1812 году именно въ указанной мѣстности.

Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ сынъ извѣстнаго дипломата первой половины прошлаго вѣка А. П. Бутенева, современника и очевидца-участника кампаніи 1812 года, оставившаго объ этой эпохѣ любопытные мемуары, напечатанные въ «Русскомъ Архивѣ» въ 1881—1884 гг.; кромѣ того, авторъ названной выше брошюры приходится внучатнымъ племянникомъ другому выдающемуся дѣятелю того же времени, графу Адаму Хрептовичу, стоявшему во главѣ временнаго правительства, избраннаго французами для гражданскаго управленія Литвой.

На основаніи печатныхъ матеріаловъ и вообще литературы, посвященной знаменательной эпохѣ 1812 года, а также по даннымъ семейнаго архива и документамъ хозяйственнаго управленія своихъ имѣній Щорсь, Вишнева и Башенковичей, около которыхъ разыгрывались крупныя событія кампаніи 1812 года, авторъ освѣщаетъ детально военныя дѣйствія, происходившія въ предѣлахъ Ошмянскаго и Новогрудскаго уѣздовъ, исправляя по этимъ новымъ, неизвѣстнымъ еще въ исторической литературѣ матеріаламъ ошибки такихъ авторитетныхъ изслѣдователей, какъ Михайловскій-Данилевскій, Богдановичъ, Харкевичъ и другіе.

Между прочимъ авторъ брошюры «О военныхъ дѣйствіяхъ въ Новогрудскомъ и Ошмянскомъ уѣздахъ» даетъ отвѣты на слѣдующіе вопросы, имѣющіе весьма существенное значеніе для правильнаго пониманія движенія нашихъ армій послѣ перехода Наполеона черезъ Нѣманъ, для сосредоточенія у Смоленска, а именно: 1) дѣйствительно ли 21-го іюня присоединился къ Ваграціону въ Новогрудкѣ генераль Невѣровскій съ 27-й пѣхотной дивизіей? На этотъ вопросъ, пользуясь записями въ хозяйственныхъ книгахъ своей Щорсовской экономіи, графъ Хрептовичъ-Бутеневъ отвѣчаетъ, что въ дѣйствительности дивизія Невѣровскаго присоединилась ко второй арміи, слѣдуя форсированными маршами изъ Минска, около Кореличей, т.-е. за Новогрудкомъ, при томъ двумя днями позднѣе.

2) Былъ ли князь Ваграціонъ съ VII пѣхотнымъ корпусомъ на ночлегѣ въ Новомъ Сверженѣ съ 24-го на 25-ое іюня? На этотъ вопросъ, на основаніи чисто топографическихъ данныхъ указанной мѣстности и другихъ соображеній и сопоставленій, авторъ брошюры даетъ отрицательный отвѣтъ, устанавливая, что князь Ваграціонъ лично произвелъ лишь кавалерійскую рекогносцировку въ направленіи Новаго Сверженя, для соединенія съ отрядомъ Дорохова, а

вторая армія двинута была имъ 25-го іюня изъ Мира прямимъ путемъ на Песвижъ, по столбовой дорогѣ.

3) Какимъ именно путемъ присоединился къ арміи князя Вагратіона атаманъ Платовъ, прибывшій изъ Ивья въ Бакинты 23-го іюня? Руководствуясь детальнымъ знаніемъ мѣстности, гдѣ совершились упомянутыя событія, авторъ брошюры даетъ объясненіе, какъ именно совершилось внезапное появленіе казаковъ Платова около Вишнева, едва не окончившееся плѣненіемъ маршала Даву, а затѣмъ устанавливаетъ движеніе отряда Платова не черезъ болота и лѣса, пересѣченные массою рѣчекъ у Волжина черезъ Камень и Хатово, а изъ Викишъ къ Николаеву и далѣе тѣмъ же путемъ, по которому двигалась и вся вторая армія.

Нельзя не поблагодарить графа Хрептовича-Бутенева за его изслѣдованіе, основанное, какъ мы сказали, на неизвѣстныхъ до сихъ поръ еще архивныхъ матеріалахъ, и не пожелать, чтобы побольше появилось такихъ изслѣдованій, освѣщающихъ детали военныхъ дѣйствій великой эпохи 1812 года, необходимыхъ для правильнаго пониманія крупныхъ событій приснопамятной борьбы съ Наполеономъ въ предѣлахъ Россіи.

В. Мустофинъ.

Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ XIV (1734). Спб. 1910 г. VI+1128 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Томъ XX (1740 г.). Спб. 1908 г. VII+1216 стран. Цѣна 3 руб. 50 коп.—Томъ XXIII (1743 г.). Спб. 1911 г. VII+1120 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXVI (1746 г.). Спб. 1907 г. VIII+874 стран. Цѣна 3 руб. 25 коп.—Т. XXXI (1751 г.). Спб. 1909 г. III+806 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910 г. VII+848 стран. Цѣна 2 руб. 75 коп.

(Сущствующая съ 1865 года и состоящая нынѣ подъ предѣдательствомъ академика тайнаго совѣтника А. И. Соболевскаго высочайше учрежденная при святѣйшемъ синодѣ коммисія по описанію синодальнаго архива издаетъ томъ за томомъ «Описаніе хранящихся въ архивѣ документовъ и дѣлъ» и имѣетъ въ настоящее время вышедшими изъ печати 21 томъ, печатающимися въ четырехъ типографіяхъ 15 томовъ и готовящимися къ печати такое же количество томовъ. Всѣ эти томы содержатъ въ себѣ массу не использованнаго еще, въ большинствѣ случаевъ чрезвычайно важнаго, а иногда и единственнаго церковно-историческаго матеріала. Матеріалы эти имѣютъ громадное значеніе для составленія біографій выдающихся лицъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ духовному вѣдомству, для исторіи епархій, ихъ административныхъ органовъ, церквей, монастырей, духовно-учебныхъ заведеній и миссій, для исторіи раскола, ересей, сектъ и т. д. Разсматривая вышеперечисленные томы «Описанія документовъ и дѣлъ», мы переносимся въ отдаленныя времена царствованія императрицъ Анны Іоанновны и Елизаветы Петровны, совершенно противоположныя по характеру правленія одно другому. Присутствуемъ на судѣ и допросахъ длиннаго ряда духовныхъ лицъ, начиная съ епископовъ и кончая церковниками, обвиняемыхъ въ измѣнѣ, въ неотправленіи положенныхъ бого-

служеній, въ уклоненіи отъ присяги, въ ложномъ сказываніи «слова и дѣла», въ нарушеніи указовъ о непостриженіи въ монашество, въ волшебствѣ, колдовствѣ, въ почитаніи за святого юродиваго и т. п.; видимъ и помилованіе всѣхъ этихъ безъ вины виноватыхъ лицъ, начавшееся сряду послѣ кончины Анны Иоанновны. Путешествуемъ вмѣстѣ съ миссіонерами въ Осетію, Якутскъ, Камчатку, Китай; ѣдемъ по Волгѣ и встрѣчаемся съ калмыками, мордвою, чувашами, черемисами, вотяками, лопарями, самоѣдами и раскольниками всѣхъ толковъ и согласій. Слышимъ стоны родителей при тяжелыхъ разборахъ дѣтей духовенства во время аннинскаго правленія, читаемъ и о прекращеніи это й жестокой мѣры собиранія войска; узнаемъ о секуляризациі церковныхъ и монастырскихъ имуществъ, длившейся около года и какъ бы предвозвѣстившей законодательный актъ екатерининскаго времени; о защитѣ православныхъ въ Польшѣ отъ притѣсненія униатовъ; объ устройствѣ православныхъ церквей во вновь завоеванныхъ городахъ Кенигсбергѣ, Пиллау и Мемелѣ; видимъ распоряженія святѣйшаго синода объ улучшеніи нравственнаго состоянія духовенства, а также по дѣламъ брачнымъ, заботы объ улучшеніи иконописанія; получаемъ интересныя свѣдѣнія объ издательской дѣятельности святѣйшаго синода (закончено начатое въ 1712 году печатаніе библиі); встрѣчаемъ извѣстіе, какъ благочестивые цари пріобщались святыхъ тайнъ; знакомимся съ началомъ дѣятельности знаменитаго борца за права церкви митрополита Арсенія Мацѣевича; находимъ осмотръ и описаніе всѣхъ петербургскихъ и московскихъ церквей того времени и проч. и проч.

Къ сожалѣнію, нѣкоторые предшествующіе перечисленнымъ томы «Описанія» составляютъ уже библиографическую рѣдкость, а иные, какъ съ II-го по VIII-й, продаются съ уступкою до 75 проц., такъ какъ печатались въ большомъ количествѣ экземпляровъ.

М—ловъ.

Бытъ и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала Фези изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рѣдкой рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жилинскій. Изданіе В. Березовскаго. 1912 Стр. 208. Цѣна 1 руб. 20 коп.

Подъ этимъ заглавіемъ г. Жилинскимъ изданъ сборникъ писемъ извѣстнаго русскаго генераль-лейтенанта Фези, швейцарца по происхожденію, поступившаго на русскую службу и весьма успѣшно, благодаря своей ловкости и способностямъ, сдѣлавшаго военную карьеру. Письма эти, обнимающія періодъ съ 1813 по 1844 г., адресованы къ отцу Фези, жившему въ Швейцаріи, отличаются искренностью и правдивостью и характеризуютъ бытъ, нравы, мирную службу и боевую дѣятельность нашихъ войскъ въ Польшѣ и на Кавказѣ. Въ 1816 году, по ходатайству графа Каподистрія и цесаревича Константина Павловича, швейцарской службы майоръ Фези, по высочайшему повелѣнію, былъ принятъ капитаномъ въ квартировавшій тогда въ Варшавѣ первый батальонъ Финляндскаго полка, изъ котораго былъ вслѣдъ засиимъ сформированъ лейбъ-гвардіи Волынской полкъ. Двадцати пяти лѣтъ отъ роду Фези уже былъ полковникомъ, а въ двадцать восемь лѣтъ командовалъ Житомирскимъ полкомъ и притомъ командо-

валъ настолько хорошо, что постоянно получалъ высочайшія благодарности, въ 1830 году онъ уже произведенъ въ генералы и въ этомъ чинѣ участвовалъ въ польской войнѣ. Такая быстрая карьера Фези объясняется тогдашними порядками, легкостью, съ которою онъ усвоилъ себѣ русскій языкъ, а также умѣньемъ сойтись съ товарищами и понравиться великому князю Константину Павловичу, который, главнымъ образомъ, и вывелъ его въ люди. «Сегодня, въ часъ дня,—пишетъ Фези,—я далъ чудный завтракъ въ честь моихъ обоихъ полковниковъ и также многихъ другихъ офицеровъ и двухъ адъютантовъ великаго князя, завтракъ съ бѣлымъ и краснымъ бордо, мадерою, шамбергеномъ, шампанскимъ, ликерами и кофе, причѣмъ всѣ подвыпили»... и далѣе: «вообще говоря, я со всѣми старшими офицерами въ хорошихъ отношеніяхъ, но моя главная опора самъ великій князь, который чрезвычайно пришелся мнѣ по сердцу; вы не можете себѣ представить, какъ онъ привѣтливъ и добрѣ; онъ можетъ сердиться, но скоро успокаивается»... Этотъ бойкій фронтовикъ настолько успѣлъ ознакомиться съ нашими порядками и со всею обстановкой, что далъ слѣдующую характеристику своихъ новыхъ соотечественниковъ: «русскіе, при обычной обстановкѣ, предаются лѣни и всѣмъ ея послѣдствіямъ; они избѣгаютъ всякой работы, требующей терпѣнія и настойчивости; только чрезвычайныя событія могутъ пробудить русскаго отъ его глубокаго сна; тогда имъ овладѣваетъ неудержимый порывъ, и онъ побѣждаетъ непреодолимые препятствія. Но потомъ онъ снова предается праздности и лѣни, и въ этомъ состояніи главною забавою являются карты и женщины, въ жертву которымъ онъ приноситъ все свое достояніе. Лишь только у русскаго завелся грошъ въ карманѣ, онъ кутитъ во всю, не заботясь о будущемъ». Отсюда ясно, съ безпощадною логикою прибавляетъ Фези, что не потребуются ни большого ума, ни большого таланта, чтобы выдѣлиться среди русскихъ, причѣмъ приводитъ въ примѣръ цѣлый рядъ иностранцевъ, занимавшихъ въ то время высшія государственныя должности. Но, кромѣ свѣтскаго доска и умѣнья ладить съ людьми, молодой швейцарецъ въ теченіе своей карьеры выказалъ немало боевыхъ достоинствъ въ польскую войну и въ дѣлахъ съ горцами на Кавказѣ; всегда лично храбрый и распорядительный, онъ кончилъ свою карьеру въ чинѣ генераль-лейтенанта, въ должности начальника дивизіи и имѣя орденъ св. Георгія 4-й степени и ленту Вѣлаго Орла. Вообще въ предлагаемой небольшой книжкѣ найдется немало матеріала для характеристики того времени. Переводъ обработанъ тщательно; книжка снабжена портретами и рисунками.

Л. Н.

Я. Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ тринадцатью таблицами снимковъ. Спб. 1912. Стр. XVI + 426. Цѣна 2 рубля.

Въ 1834 г. при учрежденіи государственнаго архива въ него поступили драгоценныя историческія матеріалы изъ комнатъ Зимняго дворца и дѣла давно упраздненныхъ учреждений, какъ, напримѣръ, тайнаго приказа или тайной канцеляріи. Ранѣе дѣла эти болѣе ста лѣтъ хранились въ кладовыхъ петровскихъ коллегій, помѣщавшихся въ зданіи, занимаемомъ нынѣ петербургскимъ

университетомъ. При передачѣ ихъ въ государственный архивъ «многія дѣла представляли собою или вороха легкой трухи, или увѣсистыя глыбы, распадавшіяся на мелкія части при попыткѣ отдѣлить плотно прилежавшіе одинъ къ другому листы».

При посѣщеніи государемъ императоромъ 8-го марта 1900 г. государственнаго архива Его Императорское Величество изволилъ обратить свое вниманіе на ветхія дѣла, пострадавшія отъ наводненія 1824 года. Началась кропотливая работа по расчлененію и раскладкѣ полуистлѣвшихъ бумагъ, которая производилась однимъ изъ дѣлопроизводителей архива г. Цитовичемъ. Когда послѣдній приступилъ къ составленію описи документовъ по карточной системѣ, онъ столкнулся съ группой докладовъ и челобитныхъ на имя царя Алексѣя Михайловича. За разъясненіями по поводу найденнаго г. Цитовичъ обратился къ Я. Л. Барскову, который и опредѣлилъ, что эти документы представляютъ не что иное, какъ рѣдкостные автографы дѣятелей старообрядчества XVII вѣка и нѣкоторыхъ ихъ православныхъ противниковъ, какъ, напримѣръ, письма протопопа Аввакума, митрополита Газскаго Пансія Лигарида, патріарха Никона, митрополита Іоакима и другихъ, допросы разныхъ лицъ, челобитныя, житіе протопопа Аввакума, житіе инока Епифанія,—частію извѣстные наукѣ только по спискамъ, по большей части вновь открытыя. Г. министръ иностранныхъ дѣлъ разрѣшилъ г. Барскову напечатать эти списки въ «Лѣтописи занятій императорской археографической комиссіи».

По мнѣнію г. Барскова, изъ памятниконъ, которые впервые становятся доступны изслѣдователямъ, наибольшаго вниманія заслуживаютъ письма. Для изученія XVII вѣка русскіе историки обладаютъ богатомъ матеріаломъ рукописнымъ и печатнымъ, но матеріалъ этотъ по преимуществу дѣловой, актовъ или книжный; письма же въ немъ встрѣчаются очень рѣдко. Напечатанныя г. Барсковымъ нѣкоторыя письма поборницъ старообрядчества, боярынь Ѳ. П. Морозовой и Е. И. Леонтьевой и братьевъ послѣдней представляютъ образцы интимной переписки русскаго дворянскаго круга XVII вѣка; написаны они не книжнымъ, а живымъ русскимъ слогомъ. Они, кромѣ того, расширяютъ извѣстный наукѣ кругъ единомышленниковъ Аввакума и даютъ картину сношеній «пустозерскихъ узниковъ» съ Москвою, Мезенью и Соловками. Памятники «Извѣтъ старца Серапіона» и «Посланіе инока Аврамія» содержатъ въ себѣ новыя извѣстія о послѣдователяхъ одного изъ учителей старообрядчества Капитона.

Къ памятникамъ приложено одиннадцать таблицъ снимковъ и указатель, въ который внесены имена личныя и названія географическія.

В. В. Т.

Памятники древне-русской литературы. Выпускъ I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1912. Стр. XXVI+166. Цѣна 2 руб.

Изданіемъ текстовъ житія Авраамія Смоленскаго древнѣйшей редакціи открывается новая серія памятниковъ древне-русской письменности, давно уже задуманная академіей наукъ. Если не считать издаваемыхъ археографической комиссіей Миней-Четьихъ митрополита Макарія (главнымъ образомъ по одному списку), то «Памятники» являются полной научной новостью въ изученіи старинной русской литературы, и наша академія въ данномъ случаѣ слѣдуетъ примѣру юго-славянской, загребской академіи, давно уже давшей единственную въ своемъ родѣ серію—«Хорватскіе писатели». Объ изданіи отдѣльныхъ памятниковъ и цѣлыхъ группъ ихъ, конечно, мы не говоримъ. Они были и раньше. Новостью же оказывается здѣсь извѣстная система, и можно только привѣтствовать начинаніе академіи и выразить пожеланіе поскорѣе видѣть окончаніе изданія памятниковъ XI—XIV вѣковъ.

Редакторомъ «Памятниковъ древне-русской литературы» приглашенъ академикъ В. М. Истриинъ, одинъ изъ наиболѣе авторитетныхъ специалистовъ въ данной области, и, судя по первому выпуску, имъ приняты всѣ мѣры, чтобы изданіе академіи наукъ стояло на высотѣ.

На основаніи агіографическихъ памятниковъ, С. П. Розановъ даетъ въ предисловіи характеристику замѣчательнаго святителя XII—XIII в. «Игумень одного изъ монастырей города Смоленска, Авраамій явился крупнымъ дѣятелемъ въ современной ему церковно-общественной жизни. Человѣкъ способный, самостоятельный и съ сильнымъ характеромъ, онъ не умѣстился въ обычныя, установившіяся тогда рамки церковной дѣятельности, и не только столкнулся съ толпой другихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, но и сталъ центромъ интересовъ и борьбы всѣхъ слоевъ современнаго ему смоленскаго общества. И въ концѣ концовъ, послѣ ряда поражений, униженій, страданій, вышелъ полнымъ побѣдителемъ, а по смерти былъ увѣнчанъ званіемъ небеснаго покровителя града и земли Смоленской». Дѣятельность преподобнаго Авраамія и описана въ его житіи, составленномъ приблизительно около половины XIII столѣтія ученикомъ его Ефремомъ. «Для такой древней эпохи мы и вообще владѣемъ очень небольшимъ количествомъ памятниковъ,—продолжаетъ С. Розановъ:—если же принять во вниманіе, что этотъ памятникъ вскрываетъ намъ интереснѣйшія страницы изъ жизни не только самого Авраамія, для котораго, кстати, этотъ источникъ и единственный, но и цѣлаго центрального областного города, то цѣнность этого памятника становится вполне очевидной. Вотъ почему его не обходилъ и не обойдетъ ни одинъ изъ историковъ не только Смоленска, но и вообще русской церковно-общественной жизни той эпохи. Къ сожалѣнію, до насъ не дошелъ не только подлинникъ этого житія, но и ни одинъ изъ его списковъ ранѣе начала XVI столѣтія. Тѣмъ не менѣе всѣ извѣстные теперь списки XVI и XVII столѣтій представляютъ собою въ общемъ одну редакцію, восходящую, несомнѣнно, къ Ефремовской. Четыре пред-

шествующія издания этого житія (въ «Прав. Собес.» за 1858 годъ; въ «Смол. Епарх. Вѣд.» за 1875 годъ; тамъ же за 1905 годъ и въ «Смол. Стар.» вып. 1, 1909 годъ) основывались на спискахъ случайныхъ и при томъ то дефектныхъ, то въ смѣшеніи съ позднѣйшими передѣлками. Впрочемъ, ни одинъ изъ извѣстныхъ списковъ не сохранилъ намъ текста житія его въ первоначальномъ, не искаженномъ видѣ: есть темныя мѣста, не поддающіяся возстановленію и при сравненіи всѣхъ извѣстныхъ списковъ». При такихъ условіяхъ, работа представляла большія затрудненія.

Прежде всего, для работы приведены въ извѣстность всѣ списки агиографическихъ памятниковъ, посвященныхъ Авраамію. Эта часть изданія составлена очень внимательно: кромѣ общихъ свѣдѣній, сообщаются и мелкія, въ большинствѣ случаевъ характерныя особенности списковъ, а иногда и описки. Изъ такихъ списковъ подведены варианты къ основнымъ. О житіи, какъ литературномъ памятникѣ, говорится немного, именно, что «по содержанію оно основывается на сообщеніяхъ очевидцевъ и собственныхъ воспоминаніяхъ автора; въ обработкѣ же видно вліяніе житій: Авраамія Затворника, Θεодосія Печерскаго, Саввы Освященнаго, сочиненій Ефрема Сирина, Іоанна Злаотустаго и нѣкоторыхъ учительныхъ сборниковъ».

Очень цѣнны свѣдѣнія объ изображеніяхъ Авраамія (часто вмѣстѣ съ Меркуриемъ Смоленскимъ). Пять изъ нихъ изданы на отдѣльныхъ листахъ изъ рукописи XVII вѣка и по иконамъ XVII—XVIII вв. Цѣнны и свѣдѣнія о болѣе позднихъ передѣлкахъ житія Авраамія Смоленскаго. Первая изъ нихъ, изъ сборника бывшей Новгородско-Софійской бібліотеки XVI вѣка, «довольно тщательная и совершенна, повидимому, въ Богородицкомъ Аврааміевскомъ монастырѣ. Судя по тому, что здѣсь вмѣсто Ефремовской похвалы читается другая, вновь составленная похвала, а авторъ передѣлки называетъ себя составителемъ житія, можно предполагать, что здѣсь мы встрѣчаемся съ обновленіемъ житія послѣ какого-то, повидимому, неблагопріятнаго для города Смоленска періода, когда едва нашелся лишь одинъ ветхій экземпляръ житія, безъ похвалы, «да не въ конецъ забвенію сія предана будутъ». Авторъ говоритъ, что онъ написалъ, «елика слышахъ отъ добрыхъ вѣдающихъ его житіе и терпѣніе», но новыхъ фактовъ здѣсь мы не находимъ, кромѣ общихъ свѣдѣній, что «въ самый часъ исхода... (Авраамій) святыхъ и пречистыхъ таинъ... причастіся... и, еще молитвъ въ устѣхъ его суще, предастъ Госпведи душу свою», да что ему «отъ Бога даровашеся изрядная чудеса: лукавыхъ духовъ отгнаніе, недугомъ различнымъ исцѣленіе, слѣпымъ прозрѣніе...» Стилъ переработки и слѣды книжныхъ вліяній какъ въ текстѣ самаго житія, такъ и особенно въ похвалѣ, составленной въ духѣ старыхъ житій, по мнѣнію С. Розанова, говорятъ за то, что, авторъ былъ человѣкъ не только начитанный, но и имѣлъ навѣкъ въ литературной работѣ».

Кромѣ житій полной и сокращенной редакцій и передѣлокъ, въ первый выпускъ «Памятниковъ древне-русской литературы» вошли и богослужебные тексты, «Молитва св. Авраамія» и выписки изъ иконописнаго подлинника.

Начало сдѣлано, и можно ожидать выхода дальнѣйшихъ выпусковъ «Памятниковъ», которые должны положить прочное основаніе для серьезнаго изученія древне-русской письменности домонгольскаго періода. **И. А.**

Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1911 г. Тома XVI-го книжка 1-я. Спб. 1911. Стр. 350. Тома XVI-го книжка 2-я. Спб. 1911. Стр. 351. Цѣна каждой книжки 1 р. 50 к.

Объ книжки названныхъ «Извѣстій» представляютъ большой научный интересъ, хотя первая изъ нихъ посвящена работамъ болѣе историко-филологическаго характера, имѣющимъ специальное назначеніе. Только одна статья «Раннія этнографическія работы Н. И. Костомарова», принадлежащая перу А. С. Грушевскаго, имѣетъ болѣе широкій общественный интересъ. Не перечисляя здѣсь всѣхъ работъ, напечатанныхъ въ первой книжкѣ «Извѣстій», мы назовемъ, по крайней мѣрѣ, болѣе крупныя изъ нихъ. Таковы, по нашему мнѣнію: 1) «Изъ исторіи Кіева и Днѣпра въ былевомъ эпосѣ», Станислава Рожницкаго, который усматриваетъ тѣсную связь древне-скандинавскаго Каспугардт съ былинными: Кіянь-городомъ, Кіянь-градомъ, Кіяновымъ градомъ и Кіевомъ-градомъ и затѣмъ варяжскихъ Нѣпръ и Нѣпровскій городъ съ Днѣпромъ и Кіевомъ, и 2) «Источники, время составленія и личность составителя еоодосіевской редакціи «Житія Саввы Сербскаго», С. П. Розанова. На поставленные вопросы изслѣдователь резюмируетъ свой отвѣтъ въ такихъ словахъ: «Такимъ образомъ, представляется, что Θεодосій, родомъ изъ Солуни, около 1322 г. приходитъ въ Хиландарскій монастырь. Какъ человекъ образованный, съ одной стороны, и знакомый съ неизвѣстными хиландарцамъ болгарскими преданіями о жизни Саввы Сербскаго, онъ обращаетъ на себя вниманіе старца Θεодула, давно уже искавшаго новаго біографа для Саввы. Θεодулъ и поручаетъ ему составить новое житіе Саввы, давъ ему тѣ матеріалы, которые, повидимому, были собраны еще при Никодимѣ, включая сюда и тѣ преданія, которыя слышалъ Θεодулъ еще отъ Доментіана, ученика св. Саввы. Θεодосій, повидимому, собиралъ преданія и по другимъ монастырямъ Аѳона и вмѣстѣ провѣрилъ, исправилъ и дополнилъ свой основной источникъ «Житіе Доментіана».

Что же касается второй книжки (стр. 181) «Извѣстій», то она должна возбуждать къ себѣ особое вниманіе не только нашихъ историковъ литературы, но и широкихъ круговъ общества. Во главѣ ея находимъ неизвѣстнаго доселѣ и впервые печатаемаго стихотворенія Н. М. Языкова и В. А. Жуковскаго. Напечатавшія ихъ съ своими примѣчаніями И. А. Бычковъ говоритъ въ предисловіи слѣдующее: «Въ 1902 г. императорская публичная бібліотека приобрѣла цѣлый рядъ стихотвореній Н. М. Языкова, частью въ подлинникахъ, частью въ спискахъ, а также копіи съ нѣсколькихъ произведеній В. А. Жуковскаго. Эти рукописи нѣкогда принадлежали Маріи Николаевнѣ Дириной, бывшей съ 1827 г. замужемъ за профессоромъ русскаго права въ дерптскомъ университетѣ Александромъ фонъ-Рейтцемъ; отъ нея онѣ перешли къ ея дочери М. А. Сарычевой, въ имѣнни которой (въ Гдовскомъ уѣздѣ) долго и хранились. Н. М. Языковъ, въ бытность свою студентомъ дерптскаго университета, увлекался нѣкоторое время М. Н. Дириной и, какъ извѣстно, воспѣвалъ ее въ своихъ стихотвореніяхъ. Нѣсколько новыхъ его стихотвореній, посвященныхъ М. Н. Дириной, нашлось и въ бумагахъ, поступившихъ въ бібліотеку. Въ этихъ же бума-

гахъ имѣются и другія стихотворенія Языкова, относящіяся къ дерптскому періоду его жизни, оставшіяся доселѣ не изданными. Новое пріобрѣтеніе библиотеки, содержитъ такимъ образомъ цѣнныя дополненія къ печатнымъ изданіямъ стихотвореній Языкова, имѣеть значеніе и въ другихъ отношеніяхъ. Оно является важнымъ для хронологіи произведеній Языкова, такъ какъ на многихъ его стихотвореніяхъ означено время ихъ написанія. Къ тексту извѣстныхъ въ печати стихотвореній Языкова рукописи его изъ собранія М. Н. Дириной даютъ немало вариантовъ и возстановляютъ первоначальное чтеніе стиховъ, измѣненныхъ по цензурнымъ соображеніямъ, а также пропуски, иногда въ нѣсколько строкъ, допущенные по тѣмъ же соображеніямъ... Стихотворенія Жуковского, хранящіяся въ бумагахъ М. Н. Дириной, за исключеніемъ двухъ, въ печати тоже не появлялись. Мы не встрѣчались указаній, чтобы гдѣ-либо имѣлись подлинники этихъ неизданныхъ стихотвореній; тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ дошедшіе до насъ ихъ списки.

Изъ стихотвореній Н. М. Языкова напечатаны: 1) «Пѣсни», 2) «Островокъ», 3) «Поздравленіе Маріи Николасвнѣ», 4) стихотвореніе, «писанное, очевидно, къ ней же», 5) «Мой апокалипсисъ», большое стихотвореніе съ стихотворными «примѣчаніями» и «эпилогомъ», и 6) «Вторая присяга» (1826 г.).

А изъ стихотвореній В. А. Жуковского находимъ, во-первыхъ, большую шуточную пьесу или «греческую балладу»—«Муретово. 1811.», два небольшихъ стихотворенія: «Призваніе» и «Персидская пѣсня», «Посланіе» (въ 170 строкъ) и два небольшихъ стихотворенія, по поводу найденнаго имъ перстня—Аполлонова голова.

Любопытно самое заглавіе «греческой баллады» — «Муретово». Вотъ оно: «Елена Ивановна Протасова, ино Дружба, нетерпѣніе и каюста. Греческая баллада, предложенная на русскіе нравы Маремьяномъ Даниловичемъ Жуковятниковымъ (т. е. самимъ В. А. Жуковскимъ), председателемъ комиссіи о постростіи муретовскаго дома, авторомъ тѣсной конюшни, огнедышащимъ экс-президентомъ стараго огорода, кавалеромъ ордена трехъ печенокъ и командиромъ Галиматъи».

Далѣе, въ своемъ довольно пространномъ изслѣдованіи «Кольцовъ и народная лирика (Опытъ параллельнаго анализа)» А. И. Некрасовъ, рѣшая вопросъ объ отношеніи пѣсенъ Кольцова къ народной лирикѣ, приходитъ къ такому выводу: «Въ Кольцовѣ вовсе не было той народной непосредственности, о которой хочется думать, имѣя въ виду форму и языкъ его пѣсенъ. Ихъ содержаніе говоритъ намъ противное. Кольцовъ стоитъ подъ вліяніемъ основныхъ теченій русской литературы и гораздо ближе къ сентиментально-романтическому, чѣмъ къ реалистическому ея лагерю. Налетъ сентиментальныхъ и романтическихъ чертъ сильно сказывается во всѣхъ его стихотвореніяхъ вплоть до послѣдняго. Кольцовъ взялъ у народа форму пѣсенъ и часть ихъ содержанія. Послѣднее онъ добавилъ и переработалъ соответственно своему складу и вкусу, довольно далекимъ отъ склада и вкуса народа, и лишь въ такомъ видѣ пѣсни Кольцова стали достояніемъ русской литературы» (стр. 134—135).

Наконецъ, любопытными для историка литературы являются и небольшія статьи: «Гоголь въ славянскихъ переводахъ (Библиографическая замѣтка)»,

П. А. Заболотскаго и «Къ литературной исторіи «Горя отъ ума». (Несостоявшееся изданіе комедіи подъ редакціей П. Е. Басистова, 1857 г.)» Н. К. Пиканова, автора недавно вышедшей книжки «А. С. Грибоѣдовъ. Біографическій очеркъ. (Съ иллюстраціями). Отдѣльный оттискъ изъ перваго тома «Полнаго собранія сочиненій А. С. Грибоѣдова», изд. разряда изящной словесности императорской академіи наукъ».

Послѣ всѣхъ этихъ весьма интересныхъ сообщеній, касающихся новой русской литературы въ ея лучшихъ представителяхъ, помѣщены, въ концѣ книжки, «Мелкіе тексты и замѣтки по старинной славянской и русской литературамъ. LVI—LXX», А. И. Яцимирскаго, составляющіе продолженіе его кропотливой и цѣнной работы, печатающейся въ «Извѣстіяхъ» уже нѣсколько лѣтъ.

В. Рудаковъ.

В. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, библиографическимъ указателемъ, примѣчаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе шестое, исправленное и дополненное. Редакція изданія П. В. Быкова. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. С.-Петербургъ. 1912. Стр. XLVII+694. Ц. 3 р.

Со времени послѣдняго изданія сочиненій Тютчева прошло 12 лѣтъ, но оно уже съ половины 900-хъ годовъ стало библиографической рѣдкостью, и случайные экземпляры, попадавшіе къ букинистамъ, продавались по цѣнѣ, во много разъ выше номинальной. Такой не прекращающійся спросъ на сочиненія Тютчева въ наше время представляется понятнымъ. Путь, по которому пошла русская поэзія, во многихъ отношеніяхъ воспитанная на тютчевскихъ образцахъ, подготовилъ читателя къ пониманію какъ философской и художественной стороны тютчевскаго творчества, такъ и своеобразныхъ техническихъ его приемовъ.

Тютчевъ подлинно одинъ изъ «вѣчныхъ спутниковъ» всякаго литературно-образованнаго человѣка. Несмотря на то, что начало его творческой дѣятельности восходитъ къ 1820 году, онъ не устарѣлъ и способенъ въ полной мѣрѣ отвѣчать наиболѣе глубокимъ запросамъ современной души. Въ этомъ отношеніи характерно, что средній читатель склоненъ относить поэзію Тютчева къ эпохѣ его позднѣйшихъ современниковъ Майкова, Фета и Полонскаго, забывая или не зная, что наиболѣе проникновенныя стихотворенія Тютчева, какъ «Silentium», «О чемъ ты воешь, вѣтръ ночной», «Не то, что мните вы—природа»... и т. д. появились въ печати въ 30-хъ гг. при жизни и съ благословенія Пушкина.

Самобытный политическій мыслитель, заставлявшій своими публицистическими выступленіями въ заграничной прессѣ прислушиваться къ своему голосу дипломатическіе круги Европы,—Тютчевъ отзывался въ своей поэзій и на политическія темы. Неизмѣнно остроумный, владѣвшій въ совершенствѣ язвительной мѣткостью стиха, онъ былъ любимцемъ тогдашняго образованнаго общества, ловившаго на лету и восторженно повторявшаго его злободневныя строфы. Но этой стороной творчества Тютчевъ принадлежитъ уже

исторіи, и правъ былъ редакторъ настоящаго изданія, выдѣливъ тютчевскія политическія стихотворенія, равно какъ и его политическія статьи, въ особый отдѣлъ.

Возрожденіе интереса къ Тютчеву въ наше время замѣчается не только среди поэтовъ и цѣнителей поэзіи, но также и въ средѣ ученыхъ изслѣдователей литературы и психологій художественнаго творчества. Не говоря о нынѣ здравствующихъ Д. Н. Овсяннико-Куликовскомъ, А. Г. Горнфельдѣ и др., посвятившихъ много вниманія Тютчеву, его поэзіей съ увлеченіемъ занимался, какъ достовѣрно извѣстно пишущему эти строки, знаменитый лингвистъ, покойный профессоръ А. А. Потебня, оставившій о Тютчевѣ драгоцѣнныя замѣтки, къ сожалѣнію, до сихъ поръ еще полностью не изданныя.

Такимъ образомъ, принимая во вниманіе несомнѣнное значеніе Тютчева для нашего времени, нельзя не привѣтствовать намѣренія редактора новаго изданія сочиненій Тютчева какъ бы подвести имъ итоги тютчевской роли въ нашей литературѣ.

Изданіе открывается вступительной статьею г. Брюсова, которая распадается на двѣ далеко не равноцѣнныя части: насколько блѣденъ и вялъ очеркъ жизни Тютчева, настолько, наоборотъ, блестяща характеристика его творчества, столь близкаго многимъ мотивами поэзіи самого г. Брюсова.

Вполнѣ добросовѣстно, хотя и безъ живого участія къ личности характеризуемаго писателя, г. Брюсовъ излагаетъ біографическія данныя о Тютчевѣ, причемъ наиболѣе интересными здѣсь являются страницы, посвященныя позднему увлеченію Тютчева г-жою Денисьевою, съ такою яркостью озарившему послѣднимъ свѣтомъ поэзію Тютчева. Впрочемъ, первыя свѣдѣнія объ этомъ романѣ появились въ 1903 году на страницахъ «Историческаго Вѣстника» (Т. ХСІІІ, № 7, іюль, О. Т. «Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.—Матеріалы къ его біографіи»),—намекъ же на это событіе можно найти еще въ воспоминаніяхъ А. А. Фета.

Нѣкоторыя частности въ очеркѣ г. Брюсова вызываютъ возраженія. Такъ, напримѣръ, едва ли правильно видѣть въ довольно двусмысленномъ стихотвореніи «Декабристамъ»—проявленіе юношескаго свободомыслія Тютчева. Сомнительно также предположеніе г. Брюсова о томъ, что статья Некрасова о творествѣ Тютчева оказала такое вліяніе на поэта, что онъ сталъ охотнѣе появляться въ печати. Сомнительнымъ это является потому, что въ свое время на Тютчева не оказалъ такого вліянія даже отзывъ Пушкина. Болѣе, чѣмъ кто-либо изъ русскихъ лириковъ, Тютчевъ былъ «самъ свой высшій судъ».

Что касается характеристики поэзіи Тютчева, то ее безъ преувеличеній слѣдуетъ признать блестящею. Съ чуткой тонкостью вскрываетъ г. Брюсовъ роковую антитезу поэзіи Тютчева: съ одной стороны—пантеистическое обоженіе природы и вызываемое ею воспѣваніе «блеска проявленій» дневнаго міра, съ другой же—проникновеніе въ «ночной хаосъ», рождающій тѣ «страшныя пѣсни», которыя взрываютъ въ смятенномъ сердцѣ «порой неистовые звуки». Г. Брюсовъ не дѣлаетъ вывода, который напрашивается самъ собою: быть можетъ, именно этою-то раздвоенностью и близка намъ особенно «вѣщая», какъ самъ онъ называлъ ее, душа поэта.

Въ стремленіи систематизировать поэзію Тютчева г. Брюсовъ не останавливается на тѣхъ,—мы сказали бы,—«срывахъ», когда Тютчевъ бывалъ одинаково далекъ какъ отъ пантеистическаго воспріятія міра, такъ и отъ чувства хаоса и когда струны его души звучали тѣмъ, что Ницше называетъ «Menschliches, allzu Menschliches». Эти «срывы», минуты человѣческой слабости и безнадежности, отражены въ стихотвореніяхъ «Слезы», «Не разсуждай, не хлопочи» и, въ особенности, «О этотъ югъ, о эта Ницца». Въ послѣднемъ—г. Брюсовъ напрасно видитъ проявленіе безсилія передъ прелестью природы,—оно продиктовано поэту чувствомъ горя отъ потери любимаго человѣка. Въ пользу этого предположенія говорятъ какъ дата написанія стихотворенія, такъ и свидѣтельство А. А. Фета.

Въ послѣдней главѣ очерка о тютчевскомъ творествѣ г. Брюсовъ останавливается на литературныхъ вліяніяхъ въ поэзіи Тютчева, на приемахъ его творчества и, въ частности, на формахъ и структурѣ его стиха. Эти замѣчанія г. Брюсова отличаются особенною цѣпностью.

Очень интересны приводимые г. Брюсовымъ примѣры звукоподражательности въ стихахъ Тютчева. Къ нимъ хочется прибавить еще кощунственно пропускаемую въ хрестоматіяхъ послѣднюю строфу «Весенней грозы».

Переходимъ къ тексту сочиненій Тютчева.

Нужно отдать справедливость редактору настоящаго изданія, онъ положилъ на него много трудовъ. Текстъ стихотвореній дѣйствительно провѣренъ и тщательно исправленъ. Кромѣ того,—что крайне важно,—дано много неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ вариантовъ. Изданіе обогащено пятнадцатью новыми стихотвореніями, среди которыхъ встрѣчаются истинные шедевры, какъ, напримѣръ: «Вотъ бреду я вдоль большой дороги», или «Опять стою я надъ Невой». Кстати, принадлежащее къ этому циклу стихотвореніе «Сегодня, другъ, пятнадцать лѣтъ минуло...» очень напоминаетъ по настроенію одинъ изъ сонетовъ Петрарки.

Заслуживаютъ самой горячей похвалы мастерски составленныя и подробныя примѣчанія, въ которыхъ встрѣчаются чрезвычайно интересные комментарии къ стихотвореніямъ и политическимъ статьямъ. Весьма полезна извлеченная изъ печатныхъ источниковъ «Тютчевіана»: это—первый опытъ и, конечно, онъ не можетъ быть исчерпывающе полнымъ. Въ заключеніе дана заботливо собранная библиографія произведеній Тютчева. Въ ней отмѣтимъ одинъ пропускъ: составителемъ забытъ прекрасный сборникъ нѣмецкихъ переводовъ изъ Тютчева, сдѣланныхъ Ф. Ф. Фидлеромъ.

Вообще же сочиненія Тютчева въ изданіи т-ва Марксъ, несмотря на частичные недосмотры и промахи, являются настоящимъ подаркомъ для любителей русской поэзіи и почитателей Тютчева. Можно радоваться, что редація этого изданія попала въ руки такихъ глубокихъ знатоковъ нашей литературы, какими являются г. г. Брюсовъ и Быковъ, не пожалѣвшіе трудовъ и времени и сдѣлавшіе дѣйствительно все возможное, чтобы дать намъ изданіе сочиненій Тютчева, достойное имени этого великаго поэта.

Сергѣй фонъ-Штейнъ.

Наталія Грушко. Стихи. Спб. 1912 г. Стр. 78. Цѣна 1 руб.

Поэтическое дарованіе госпожи Грушко виѣ сомнѣній, но ему подчасъ недостаѣтъ продуманности и ровности въ исполненіи. Это, конечно, объясняется молодостью поэтессы. Наибольше закончены въ ея стихахъ образы изстрадавшагося «Безсилья», скрываемаго гордымъ видомъ челоуѣка, боящагося выдать свое горе толпѣ; въ томъ же духѣ хороша «Волна», гдѣ авторъ сравниваетъ насмѣшливо душу съ пескомъ и, бравируя, замѣчаетъ: что напишете въ ней одна жизненная волна—безслѣдно сотрете другая... Недурно опозитизирована борьба трезваго разума со сказкой земли и ея иллюзіями; хороша у поэтессы и жажда счастья, солнца, пѣсенъ и цвѣтовъ; ея робкое влеченье «къ сильной, ласковой рукѣ» или грѣшная и злобная страсть «съ улыбкою святой»... Поэтично воспроизведены ею «Малороссійскіе мотивы», страсти «Послушницы» и собственные признанія въ томъ, что «жизнь безъ счастья надоѣла» и что, отвертываясь отъ пріятнаго друга, она ищетъ съ другимъ «прежней яркой ласки».

Кромѣ лирики, молодой поэтессѣ прекрасно удаются и бытовые стихи: «Няница», «На улицѣ», «Призывъ», «Предатель» и т. д.

Но рядомъ съ красивыми поэтическими стихотвореніями у госпожи Грушко мѣются стихи послабѣе и, такъ какъ въ юности полезнѣе самокритика, чѣмъ сплошныя похвалы, то укажемъ ей на цѣлый рядъ милыхъ бездѣлушекъ, навѣянныхъ какъ будто музой К. М. Фофанова. Всѣ эти ея «утра» и «вечера», съ блѣдными туманами, съ поющими по рѣкѣ тростниками о заповѣдныхъ сказкахъ, зори лучистыя, одежды серебристыя, дымка прозрачной вуали, бѣлыя ночи съ брачными пѣснями въ воздухѣ—прямое наслѣдіе Фофановской поэзіи. Слабы и произведенія, о внутреннемъ смыслѣ которыхъ поэтесса, повидимому, мало думаетъ. Напримѣръ: свиданіе во время снѣжной мятели, гдѣ «ей» на снѣгу «вкусить отъ жизни древа не помогъ премудрый змѣй», потому что «мятель съ разгульнымъ свистомъ слѣдъ «его» замела... Видимо, что когда «ея» душа «слиться жаждала съ его», онъ просто струсилъ и убѣжалъ... Ну, можно ли одухотворять подобныя картины поэтическимъ настроеніемъ? А между тѣмъ, къ сожалѣнію, у госпожи Грушко попадаются такіе образцы, ничтожныя по содержанію. Конечно, при большей вдумчивости за работой и большей требовательности къ своему дарованію, поэтесса легко избѣгнетъ указанныхъ недостатковъ, такъ какъ всѣ они только ошибки молодости.

А. Фаресовъ.

Извѣстія общества Толстовскаго музея. 1911. №№ 3, 4 и 5. Цѣна 3 р.

«Извѣстія» Толстовскаго музея, хотя и вышли объемистымъ томомъ съ многочисленнымъ перечнемъ отдѣльныхъ статей въ оглавленіи,—въ общемъ представляютъ мало разнообразія.

Большинство матеріаловъ, какъ-то: письма Толстого и къ Толстому, газетныя извѣстія, сгруппированныя по поводу отдѣльныхъ эпизодовъ жизни или

смерти великаго писателя, выставочные отчеты—все это въ свое время, въ той или иной мѣрѣ, уже было извѣстно въ публикѣ.

Наибольшій интересъ настоящихъ «Извѣстій» представляетъ собою корректурный текстъ очерка «Севастополь въ августъ 1855 года» съ поправками И. С. Тургенева и Чернышевскаго. Большинство поправокъ принадлежитъ перу Чернышевскаго, и характеръ ихъ сводится въ общемъ къ сокращеніямъ въ обрисовкахъ деталей того или иного художественнаго образа. Поправки эти немногочисленны и никакого существеннаго вліянія въ характеръ произведенія Л. Н. Толстого не вносятъ.

Далѣе, очень полно представлены отчеты о толстовскихъ выставкахъ въ Петербургѣ и Москвѣ,—съ приложеніемъ двадцати трехъ недурно исполненныхъ фотографическихъ снимковъ съ отдѣльныхъ уголковъ выставокъ. Весьма подробно также приведена и отчетность посѣщаемости петербургскаго Толстовскаго музея. За время съ 27-го марта 1911 года по 1-е января 1912 года музей посѣтило болѣе пяти тысячъ человекъ.

Но все это въ настоящее время не представляетъ собою уже интереса свѣжей новости и служить лишь залогомъ памяти для потомства. Съ этой только точки зрѣнія и можно цѣнить громадный, исполненный съ величайшей любовью и тщательностью трудъ общества Толстовскаго музея.

А. Печаева.

А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголинъ и его роли». Отзвы и портреты. Изданіе 3. Элькиндъ. Спб. 1912. Стр. 44. Съ 23 рис.

Изъ молодыхъ актеровъ нашего времени Глаголинъ, безспорно, выдающійся сценическій талантъ, при томъ талантъ, который, не надѣясь на одно вдохновеніе, совершенствуется замѣтно и въ технику своего искусства.

Вотъ именно это качество его, какъ артиста, и даетъ ему полное право на вниманіе критики и общества.

Данная книга представляетъ собою краткую біографію артиста, пришедшаго къ извѣстности совершенно самостоятельнымъ путемъ, благодаря лишь упорному труду надъ своими способностями и истинному актерскому таланту, рядъ отзывовъ объ исполненіи имъ нѣкоторыхъ ролей, какъ, на примѣръ, Дмитрія Самозванца, Орлеанской Дѣвы, Хлестакова, Бальзамина, маркиза Позы и многихъ другихъ, и статьи А. М. Брянскаго, кратко, но мѣтко опредѣлившаго дарованіе Глаголина.

Между прочимъ авторъ только что вышеупомянутой статьи совершенно справедливо отмѣчаетъ, что «Шерлокъ Холмсъ» и «Милый Жоржъ», за которые артистъ въ свое время получилъ немало упрековъ, съ точки зрѣнія чисто театральнаго остаются блестящими созданіями Глаголина.

А. М. Брянскій находитъ даже историческое оправданіе для Глаголина: «развѣ не получалъ такіе же упреки великій Мартыновъ? А между тѣмъ въ водевиляхъ Мартыновъ оставилъ цѣлую галерею блестящихъ артистическихъ созданій, въ которыхъ со всею щедростью проявилъ божественный даръ своей актерской души».

Простота, естественность, замѣчательная способность быть разнообразнымъ въ творчествѣ, полное перевоплощеніе въ изображаемую личность, блестящая внутренняя и внѣшняя техника, чуждая рутины, банальности и пошлости— вотъ яркія, характеристическія черты таланта Глаголина, выдѣленные этою книгою.

Слабая сторона книги заключается въ томъ, что отзывы не полны и расположены не хронологически, что не даетъ возможности послѣдовательно прослѣдить ростъ таланта артиста. Надо оговориться, что отзывы собраны только болѣе основательные и похвальные, что, конечно, сдѣлано не безъ умысла. Составители книги, видимо, разумно воспользовались благороднымъ совѣтомъ французскаго драматурга Мари-Жозефъ-Шенье, сказавшаго, что «невѣжда не видитъ красотъ, хулитель не хочетъ ихъ видѣть, критикъ ихъ видитъ и указываетъ на нихъ».

Приложенные къ книгѣ рисунки изображаютъ артиста въ различныхъ роляхъ и въ жизни. Особенно хорошъ портретъ, выполненный пастелью художникомъ П. Шмаровымъ и прекрасно переданный въ краскахъ искусною на этотъ счетъ типографіею Вильборгъ и Голике.

А. Рябовъ.

Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 г.г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Изданіе переселенческаго управленія главнаго управленія землеустройства и земледѣлія. Спб. 1911. Стр. 501, съ 12 картами.

Внушительный фоліантъ, составленный учрежденіемъ, вѣдающимъ переселеніе, детально знакомитъ съ дѣятельностью правительства въ области переселенія за послѣднія пять лѣтъ. Послѣднее пятилѣтіе, по словамъ составителей отчета, является наиболѣе характернымъ періодомъ переселенческаго движенія на Уралѣ. Періодъ этотъ ознаменовался осуществленіемъ закона 6-го іюня 1904 года о свободѣ переселенія сельскихъ обывателей и мѣщнъ-землепашцевъ на казенныя земли Азіатской Россіи, вызвавшего небывалый подъемъ переселенія. Такъ, въ 1906—1910 г.г. прослѣдовало въ Сибирь переселенцевъ 2.516,075 душъ обоюго пола (въ четыре сибирскія губерніи—1.485,143, или 59 процентовъ, въ Степной край—770,211, или 31 процентъ и въ области Дальняго Востока—260,721, или 10 процентовъ). Насколько увеличилась волна переселенія, видно, напримѣръ, изъ того, что въ теченіе предшествующаго десятилѣтія 1896—1905 г.г. переселенцевъ прослѣдовало только 1.279,909 душъ.

Однако, не всѣ эти переселенцы нашли подходящія для себя земли и прочно осѣли на новыхъ мѣстахъ. Трудныя условія водворенія вынуждали многихъ, даже уже начавшихъ обзаводиться хозяйствомъ, возвращаться обратно на родину, и за періодъ 1906—1910 г.г. возвратилось 264,031 человекъ.

Между прочимъ, замѣчается увеличеніе движенія переселенцевъ въ Степной край, объясняемое тѣмъ, что послѣ недавнихъ обслѣдованій хозяйственнаго

быта киргизовъ обращены подъ переселеніе крестьянъ значительные излишки годныхъ для земледѣльской культуры государственныхъ земель, находившихся въ пользованіи кочевниковъ. Отведенный для переселенцевъ за послѣдніе годы земельный фондъ въ степныхъ областяхъ исчисляется милліонами десятинъ. Переселенческое вѣдомство находитъ, что киргизы утратили нужду въ тѣхъ огромныхъ земельныхъ пространствахъ, на которыхъ раньше бродили стада кочевниковъ... Въ видѣ же компенсаціи киргизамъ отводились надѣлы для занятія ихъ земледѣліемъ. Однако переходъ киргизовъ къ осѣдности происходилъ довольно медленно и, какъ отмѣчаетъ само вѣдомство, «для большей части многоскотныхъ киргизскихъ хозяйствъ, еще далеко не приспособившихся къ интенсивному использованию степныхъ пространствъ, такой переходъ на ограниченные осѣдлые надѣлы представляется пока преждевременнымъ. Они не научились еще заготовлять запасовъ сѣна для скота, травосѣяніе же имъ недоступно. Невольно, поэтому, напрашивается вопросъ, не преждевременно ли вообще было изыятіе изъ киргизскаго землепользованія земельныхъ «излишковъ». По крайней мѣрѣ въ періодической прессѣ указывалось на болѣзненность подобной земельной операціи, къ тому же грозящей паденіемъ скотоводства. Точно такія же заявленія раздавались въ печати по поводу землеустройства въ Восточной Сибири, гдѣ изъ пользованія буряты были изытаны огромные участки земли. Возволнованные и обиженные буряты посылали депутаціи въ Петербургъ, ходатайствуя не уменьшать ихъ доли, такъ какъ иначе имъ грозитъ разореніе. Какъ извѣстно, результатомъ землеустроительныхъ работъ было то, что инородцы массами переселялись на Витимъ, несмотря на суровый климатъ (въ концѣ мая выпадаютъ иней).

Не одни, однако, инородцы оставались недовольны работами землеустроительныхъ комиссій. Стоитъ припомнить исторію землеустройства села Павловскаго на Алтаѣ. Здѣсь, какъ извѣстно, на почвѣ недовольства землеустройствомъ русское населеніе произвело крупныя безпорядки, за которые около двухсотъ человекъ заключены въ тюрьму. Впослѣдствіи же выяснилось, что протесты крестьянъ села Павловскаго были совершенно правильны.

Къ сожалѣнію, переселенческое вѣдомство въ своемъ отчетѣ обходитъ молча тѣневныя стороны дѣятельности его чиновъ; тѣмъ не менѣе появленіе въ печати изданія, подобнаго этому, нельзя не привѣтствовать.

Въ немъ заключаются всѣ мѣропріятія правительства къ содѣйствію переселенію, къ улучшенію перевозокъ переселенцевъ въ новую для нихъ страну и вообще по устройству ихъ на новомъ мѣстѣ. Цѣлый рядъ діаграммъ и таблицъ наглядно показываетъ, что именно сдѣлано правительствомъ для переселенцевъ во всѣхъ областяхъ жизни и, въ связи съ этимъ, по землеустройству старожиловъ, надѣлы которыхъ приводились въ извѣстность поземельно-устроительными комиссіями въ виду стремленія старожиловъ къ внутринадѣльному межеванію, такъ какъ порядокъ общиннаго землепользованія, вредно отражавшійся на условіяхъ ихъ быта, вызывалъ общее недовольство.

Для всѣхъ, интересующихся вопросами колонизаціи Сибири, для которой главнѣйшимъ двигателемъ экономической жизни является именно переселеніе, — рецензируемое изданіе представляетъ значительную цѣнность. Но оно, пови-

димому, въ продажу не предназначается и, къ сожалѣнію, не для всѣхъ будетъ доступно.

Въ книгѣ много картъ, фотографій и плановъ, исполненныхъ въ высшей степени художественно.

Вит. Ткачукъ.

В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912.

Въ русской литературѣ не существуетъ спеціальнаго изслѣдованія о культѣ римскихъ императоровъ, который при посредствѣ Византіи отразился на Московской Руси. Этотъ пробѣлъ до извѣстной степени пополняетъ маленькая книжка г. Мелихова. Поклоненіе императору началось со времени Августа III. Въ организованномъ при Августѣ почитаніи божественности императорской особы основная религіозная идея была почерпнута изъ древняго вѣрованія римлянъ въ геніевъ и мановъ. Кромѣ того, въ культѣ императоровъ отразилось и вліяніе Востока, гдѣ почитаніе правителей играло видную роль въ Египтѣ и азіатскихъ монархіяхъ. Съ Востока же была воспринята и политическая идея культа, по возможности приспособленная къ римскимъ понятіямъ. Впослѣдствіи религіозное и государственное значеніе императорскаго культа тѣсно переплелись другъ съ другомъ и образовали настолько прочную религіозно-политическую идею, что она, преобразованная подъ вліяніемъ христіанства, въ видѣ пережитковъ продолжала существовать много вѣковъ спустя послѣ окончательнаго упраздненія божественнаго почитанія императоровъ.

П. В.

Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской національ-демократіи. Спб. 1911 Стр. 240. Ц. 1 р. 25 к.

Сборникъ Ладо (славянское—согласіе) представляетъ собою знаменательное и любопытное явленіе нашихъ дней. Не даромъ онъ привлекъ къ себѣ вниманіе всей печати, а въ лѣвой ея части удостоился ярыхъ нападокъ. Идеи, заложенные въ этомъ сборникѣ, отнимаютъ у враговъ русской національной мысли поводъ къ нападкамъ, будто бы русскому націонализму сочувствуютъ лишь нѣкоторые помѣщичьи и чиновные круги, будто бы въ русскомъ націонализмѣ нѣтъ творческихъ демократическихъ началъ. Ладо состоитъ изъ двухъ частей: беллетристической и публицистической. Въ послѣдней развивается широкая послѣдовательная національ-демократическая программа въ рядѣ очерковъ, написанныхъ съ пониманіемъ и знаніемъ дѣла, талантливо и мѣстами даже вдохновенно. Русской космополитической и потерявшей чувство здоровой государственности интеллигенціи сказано немало горькихъ истинъ и отдана справедливость честнымъ журналистамъ оппозиціоннаго лагеря Струве и Булгакову вмѣстѣ съ остальными сотрудниками столь нашумѣвшихъ «Вѣхъ». «Ладо» исходитъ изъ общеславянской идеи, но державной русской народности отводитъ подобающее ей господствующее мѣсто. Свѣтлое будущее русскаго народа зависитъ отъ силы возрождающагося національнаго чувства. «Націонализмъ,—говоритъ одинъ изъ

сотрудниковъ «Ладо» г. Бялясный,—это культъ всего лучшаго на Руси, соединенный со стремленіемъ обновить, просвѣтить, возвеличить свой народъ и родину и закрѣпить за формами ея государственнаго и народнаго бытія русскія начала». Съ прозорливостью историка и общественнаго дѣятеля вкладываетъ руки въ наши общественныя язвы и указываетъ путь лучшаго будущаго г. Владимиръ Онежскій. Графъ В. А. Бобринскій и Д. Н. Вергунъ въ сжатой, но очень содержательной формѣ касаются существа и значенія современныхъ русско-славянскихъ отношеній въ ихъ различныхъ видахъ. Жаль, что сборнику не предпослано обобщающаго введенія, которое облегчило бы читателю образование цѣльности впечатлѣній отъ книги. Любопытно участіе въ беллетристической части «Ладо» почтеннаго профессора Вехтерева, давшаго прочувствованное стихотвореніе «Идеаль»; здѣсь же обращаетъ на себя особое вниманіе въ ряду другихъ политическій сатирикъ и памфлетистъ Иванъ Пересвѣтовъ, недавно выпустившій сборникъ своихъ талантливыхъ стихотвореній. Производить сильное впечатлѣніе статья І. В. Никанорова, разрабатывающаго основы возрожденія русской національной церкви, и изящный очеркъ «Соколиныя слеты» г. Воронова.

В. Гр--скій.

**Митрополитъ Антоній. Рѣчи. слова и поученія. Изданіе третье. Спб. 1912 г.
Стр. 527.**

Съ исполненнымъ въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года двадцатипятилѣтіемъ служенія владыки митрополита Антонія въ епископскомъ санѣ совпало третье, дополненное изданіе его «Рѣчей, словъ и поученій». Изящно-красивая обложка обнимаетъ 527 страницъ глубоко-интереснаго текста, прекрасно во всѣхъ отношеніяхъ отпечатаннаго на лучшей бумагѣ. Въ книгѣ содержится сто двадцать четыре рѣчи, четырнадцать словъ, пятнадцать поученій, одна бесѣда, два привѣтствія, два письма и два разсужденія. Высокопреосвященный авторъ, какъ бывший профессоръ церковнаго краснорѣчія на академической кафедрѣ, строго различаетъ перечисленные сейчасъ виды ораторскаго слова и съ точностью отмѣчаетъ соотвѣтствующимъ названіемъ каждую изъ своихъ проповѣдей. По его собственнымъ словамъ, только небольшая часть помѣщенныхъ въ книгѣ проповѣдей сказана по назначенію начальства на заранѣ опредѣленные темы, всѣ же остальные рѣчи произнесены по непосредственному побужденію и настроенію, или, лучше сказать, по вдохновенію, и вызваны разными особенными обстоятельствами и событіями двадцатипятилѣтней академической, столичной, церковной и общественной жизни. Это особенно важно и дорого, придаетъ книгѣ живой интересъ и вызываетъ въ памяти читателей минувшія событія за цѣлую четверть вѣка. Такъ, семь рѣчей, произнесенныхъ на славленіи Христа у Ихъ Императорскихъ Величествъ и нѣсколько рѣчей по поводу различныхъ событій въ царствующемъ домѣ переносятъ насъ въ царскій дворецъ, и мы слышимъ первоіерарха русской церкви, искренно-патріотически говорящаго тамъ о великихъ событіяхъ государства. Рѣчи, сказанныя въ государственной думѣ и въ государственномъ совѣтѣ, въ предсоборномъ присутствіи при св. синодѣ,

предъ присягою дворянъ и др., знакомятъ читателей съ законодательными и правительственными учрежденіями и происходящею въ нихъ работою. Тридцать четыре рѣчи при врученіи жезловъ цѣлому сонму російскихъ архипастырей, въ большинствѣ нынѣ здравствующихъ, а также—архимандритамъ и игуменамъ, и шестнадцать рѣчей къ новопостриженнымъ инокамъ вводятъ въ міръ монашества и церковнаго пастырства съ ихъ идеалами и стремленіями, и слышенъ здѣсь убѣжденный голосъ архипастыря, прошедшаго всѣ ступени іерархической лѣстницы и перечувствовавшаго всѣ волненія и тяготы жизни ипока и церковнаго пастыря. Нѣсколько десятковъ рѣчей, сказанныхъ въ учебныхъ заведеніяхъ—духовной академіи, университетѣ, пажескомъ корпусѣ, женскихъ институтахъ, клиническомъ повивальномъ институтѣ, на актахъ городскихъ училищъ и другихъ, влекутъ въ шумную среду многолюдной учащейся молодежи съ ея радостями, заботами, надеждами и ожиданіями. Слова и рѣчи въ дни праздничные, воскресные, высокаторжественные и въ дни Страстной седмицы, а также сказанныя при освященіи церквей и при заупокойныхъ богослуженіяхъ по выдающимся ученымъ и общественнымъ дѣятелямъ, ведутъ въ храмъ, оживляютъ давно минувшія событія церковной исторіи, воскрешаютъ ихъ дѣятелей и въ то же время напоминаютъ о скоропреходящей нынѣшней жизни и пріоткрыгаютъ завѣсу жизни загробной. Наконецъ, цѣлый рядъ рѣчей, произнесенныхъ по особымъ случаямъ—при открытіи братствъ, съѣздовъ, при вступленіи въ управление и при обзорѣ епархій, при юбилеяхъ, при встрѣчѣ финляндскаго генералъ-губернатора, при встрѣчѣ и проходахъ французскаго президента, къ рабочимъ Путиловскаго завода и много другихъ,—всѣ такъ живы, вдохновенны, интересны и впечатлительны, что читатели какъ бы вновь присутствуютъ на минувшихъ, волновавшихъ и интересовавшихъ въ свое время общество событіяхъ. Читая эти краткія, но всегда содержательныя и прекрасно отдѣланныя рѣчи маститаго первосвятителя русской церкви, не можешь оторваться и жалѣешь, что книга имѣетъ конецъ. Въ прибавленіи къ книгѣ помѣщены: всеподданнѣйшее письмо владыки по случаю японской войны, разсужденіе по поводу войны—«Настоящее горе Россіи», необходимое разъясненіе по поводу открытія мощей преподобнаго Серафима Саровскаго и отвѣтъ графинѣ С. А. Толстой по поводу отпаденія ея мужа отъ церкви. К. З.

Э. Дюркгеймъ, проф. соціологіи. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Перев. съ франц. А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изд. Н. П. Карбасникова. Спб. 1912. Стр. 541. Цѣна 3 р. 50 к.

Участившіеся за послѣднее время случаи самоубійства во всѣхъ уголкахъ русской жизни невольно обратили на себя вниманіе нашего нервнаго общества. Въ газетахъ стали появляться краткія и длинныя статьи, заговорили даже о какихъ-то таинственныхъ клубахъ самоубійць. Почувствовалась настоятельная потребность разобраться въ этомъ мрачномъ явленіи. Это создало спросъ на соотвѣтствующую литературу, а создавшійся спросъ, въ свою очередь,

заставил книжных издателей выпустить на рынок, за истощением оригинальных трудов, и переводные, почерпнутые в иностранных литературах.

Вот условия, при которых появилась в русском переводе книга известного французского социолога Дюркгейма. Несмотря на сложность темы, труд этот написан так, как умѣют писать только французы, т.-е. understandably и ясно. Автор каждый свой вывод иллюстрирует богато и разносторонне подобранным фактическим материалом. Перед читателем проходит целый калейдоскоп чрезвычайно любопытных фактов, раскрывается такой уголок жизни человеческой, куда, быть может, ему никогда прежде не доводилось заглядывать. Извлекая из этих фактов свои заключения, Дюркгейм облачает их в точно и ясно сформулированные положения, а прекрасное предисловие к русскому переводу, написанное доктором Гордопомъ, как бы дает ключ к уразумѣнию всей схемы Дюркгейма.

Таким образом, чтение этой книги не только не отпугнет читателя своею трудностью, но, наоборот, способно заинтересовать его своею темой еще шире, еще глубже.

Но, как всегда бывает, и относительно книги Дюркгейма имѣются свои но...

Прежде всего французский подлинник вышел в свѣтъ уже лѣтъ 15 тому назадъ. Слѣдовательно, всѣ статистическія и цифровыя данныя, приводимыя в книгѣ Дюркгейма, теперь устарѣли и в настоящее время, может быть, не только не подтверждают, но даже опровергают его взгляды. Во-вторыхъ, труд Дюркгейма написан до известной степени *ad majorem gloriam sociologiae*—науки, которая до сих поръ не сумѣла ни опредѣлить своего объема, ни установить своихъ методовъ изслѣдованія. Вместо того, чтобы взглянуть на самоубійство, какъ на явленіе страшно сложное, зависящее отъ множества причинъ самаго разнообразнаго порядка—психическихъ, физиологическихъ, экономическихъ и т. п., авторъ беретъ самоубійство исключительно какъ явленіе социологическое, объясняемое характеромъ отношеній единичнаго лица къ обществу. Если индивидуумъ развивается чересчуръ быстро, опережаетъ общество, связи его съ этимъ обществомъ разрушаются, и это разрушеніе можетъ вызвать самоубійство носителя такого крайняго индивидуализма. По схемѣ Дюркгейма это будетъ типомъ самоубійства эгоистическаго. Противоположнымъ ему типомъ будетъ самоубійство альтруистическое, т.-е. добровольный уходъ изъ жизни во имя блага другого. Таковы самоубійства неизлечимыхъ больныхъ, стариковъ, ставшихъ въ тягость другимъ, или—въ болѣе замаскированномъ видѣ—самоубійства женъ послѣ смерти мужей, рабовъ послѣ смерти господъ и т. д. Третій, смѣшанный типъ самоубійства будетъ самоубійство аномичное, вызываемое всякаго рода общественными неурядицами и потрясеніями. Внутри намѣченной общей схемы Дюркгеймъ проводитъ множество дѣленій и подраздѣленій, выясняя, на примѣръ, такія частныя новоды къ самоубійству, какъ всемірныя выставки или вліяніе температуры и т. п. Но и здѣсь авторъ, вѣрный своей социологической доктринѣ, старается наблюдать дѣйствіе каждаго фактора на увеличеніе или уменьшеніе числа самоубійствъ отдѣльно, беретъ каждый факторъ изолированно, закрывая глаза

на то, что въ дѣйствительной жизни бываетъ совсѣмъ не такъ, и человекъ каждую минуту находится подъ дѣйствіемъ цѣлаго комплекса силъ, равнодѣйствующая которыхъ и опредѣляетъ его поведеніе. Но схематичность—это ужъ общій грѣхъ современной соціологіи.

А. В.

Актовые книги Полтавскаго городского уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Черниговъ. 1912. Стр. 4 + 216 + 19.

Въ музеѣ украинскихъ древностей В. В. Тарновскаго черниговскаго губернскаго земства уже нѣсколько лѣтъ хранятся полтавскія актовые книги, нѣкѣмъ еще изъ историковъ Полтавщины не использованныя. Нынѣ В. Л. Модзалевскій, разсмотрѣвшій ихъ, извлекъ изъ первой части книги подъ № 54 судебные акты и на средства полтавской ученой архивной комиссіи предалъ ихъ тисненію. Эти акты, цѣнные уже потому, что относятся къ интереснѣйшему времени прошлаго Гетманщины—эпохѣ «Руины», когда гетманствовали Иванъ Мартыновичъ Брюховець и Демьянъ Многогрѣшный,—раскрываютъ за цѣлыхъ семь лѣтъ (1664—1671 гг.) все то, что творилось въ городской жизни самой Полтавы и въ жизни ближайшихъ къ ней селъ, нерѣдко съ любопытнѣйшими бытовыми подробностями. Кромѣ того, въ нихъ нашли отраженіе нѣкоторыя политическія событія того времени; по нимъ можно судить о степени участія на судѣ и особенно въ постановкѣ «декретовъ» московскихъ властей и городского суда «товариской рады»; наконецъ въ нихъ немало данныхъ для исторіи собственно уряда, т.-е. мѣстной власти, его состава, формъ и т. п. и исторіи языка.

Акты напечатаны съ соблюденіемъ орфографіи подлинника, съ примѣчаніями редактора и съ приложеніемъ къ нимъ, для удобства пользованія, двухъ алфавитныхъ указателей: именъ личныхъ и географическаго. Съ виѣнней стороны изданіе выполнено вполнѣ удовлетворительно, и остается только пожелать, чтобы полтавская ученая архивная комиссія не замедлила печатаніемъ дальнѣйшихъ выпусковъ этихъ интереснѣйшихъ матеріаловъ для бытовой исторіи Малороссіи.

В. Р—въ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСТИ И МЕЛОЧИ.

АЛЕКСАНДРЪ И баронесса Крюденеръ. — Уже слишкомъ много появилось статей объ отношеніяхъ императора Александра I и баронессы Крюденеръ, чтобы не вызвать невольнаго вопроса: что новаго можетъ сообщить Пьеръ Рэнъ въ своей статьѣ «Alexandre I et Madame de Krudener»¹⁾? И, дѣйствительно, онъ ничего не сообщаетъ новаго, развѣ только, разсматривая эти отношенія съ опредѣленной точки зрѣнія, онъ, между прочимъ, спрашиваетъ: въ какую именно вѣру увлекала г-жа Крюденеръ Александра?—и при этомъ подробно критикуетъ Священный союзъ.

Ея успѣхъ зависѣлъ отъ удачно выбраннаго момента для вліянія на императора: почва для этого была уже подготовлена. «Я вижу по всему происходящему, что Провидѣніе требуетъ большихъ жертвъ. Я готовъ подчиниться его волѣ!»—сказалъ Александръ Павловичъ Мишо, когда тотъ явился къ нему съ донесеніемъ о взятіи Москвы и о пожарѣ. Необъятность этого несчастія настолько его поразила, что онъ обратился къ послѣднему прибѣжищу—религіи. Съ нимъ произошелъ кризисъ, и изъ ученика Лагарпа онъ превратился въ мистика.

Александръ пожелалъ ознакомиться съ Библіей, которую попросилъ у императрицы Елизаветы. Въ Библии все ему казалось любопытной новинкой и пророчествомъ, и онъ объявилъ, что до тѣхъ поръ его жизнь была бесполезна и пуста, потому что въ ней онъ не давалъ мѣста для великихъ задачъ жизни. Всю отвѣтственность за свое незнаніе Бога и несовершенство религіознаго воспитанія онъ слагалъ на Екатерину: «святая сущность христіанства укрылась отъ ея взглядовъ», говорилъ онъ.

¹⁾ «La Revue hebdomadaire», 14 Septembre 1912.

Въ ноябрѣ 1813 года адмиралъ Чичаговъ написалъ исторію русскаго похода, пересыпанную евангельскими изреченіями, согласно которымъ Александру предназначалось играть мистическую роль въ Европѣ. Читая эту исторію, онъ заливался слезами. Въ томъ же году послѣдовало открытіе въ Петербургѣ библейскаго общества, состоящаго изъ трехсотъ комитетовъ и сектъ различныхъ вѣроисповѣданій. Цѣлью открытія такого общества было распространеніе среди народа истинъ христіанской религіи. Мысль этой христіанской пропаганды была нѣсколько химерична, говоритъ авторъ, и потому въ 1818 году царь самъ же упразднилъ эту группировку всѣхъ религій, которую съ такимъ жаромъ создавалъ за пять лѣтъ передъ тѣмъ.

Одна дама изъ Риги преподнесла ему копію съ псалма ХСІ, и Александръ нашель въ немъ много намековъ на его собственную судьбу. Этотъ псаломъ сдѣлался излюбленнымъ его чтеніемъ.

Такое религіозное настроеніе все увеличивалось до самаго заключенія мира. Александръ хотѣлъ себя убѣдить, какъ это было съ Наполеономъ, что онъ идетъ къ побѣдѣ, въ сопровожденіи Бога, и свою побѣду онъ приписывалъ Ему. Свои религіозныя чувства онъ доводилъ до крайности, какъ вообще во всемъ свои чувства.

Неизбѣжно было, чтобы этимъ настроеніемъ кто-нибудь воспользовался и создалъ себѣ роль, которая прославила бы его возлѣ посредника Европы. Эту роль взяла на себя баронесса Крюденеръ, вѣрно предсказавъ Александру два событія. Въ то время, какъ въ Вѣнѣ всѣ были увѣрены въ окончательномъ возстановленіи Бурбоновъ, она предсказала въ январѣ 1815 года, что «лимія только покажется и опять исчезнетъ». Когда Александръ отказался дать свое согласіе на перемѣщеніе Наполеона на островъ св. Елены, чтобы сдержать слово, данное павшему сопернику,—обезпечить ему пребываніе на островѣ Эльбѣ,—баронесса предсказала, что держать «корсиканскаго людоѣда» такъ близко къ континенту будетъ пагубно для Европы. Въ сущности, въ этихъ предсказаніяхъ не было ничего необыкновеннаго, однако, когда они сбылись, Александръ вспомнилъ о пророчицѣ и пожелалъ познакомиться съ нею.

Посвятивъ нѣсколько страницъ пространной и уже давно извѣстной русскому читателю біографіи баронессы Крюденеръ, Рэнъ переходитъ къ обстоятельствамъ, при которыхъ произошла ихъ первая встрѣча, а затѣмъ къ лучшимъ мѣсяцамъ жизни баронессы, въ качествѣ друга Александра. Здѣсь авторъ также не даетъ ничего новаго, а затѣмъ задаетъ вопросъ: въ какую именно религію баронесса хотѣла обратить Александра? Сама она официально была православная, но воспитывалась въ основахъ лютеранской религіи. Сопровождавшій ее повсюду пасторъ Эмпейтацъ былъ протестантъ. Оба они черпали свои доводы изъ Библии, но въ своихъ комментаріяхъ они развивали мысль Кальвина и такъ ее преобразовывали, что она приближалась къ квіетизму Фенелона и г-жи Гюонъ. Имъ все-таки не удалось установить формулу для своего ученія, и они только проповѣдывали духовную набожность, полетъ души къ Богу и полное врученіе своей судьбы его волѣ. вмѣстѣ съ тѣмъ они хотѣли сдѣлать каждаго послѣдователя ихъ ученія апостоломъ, способнымъ увлечь массы, вдохнуть въ него то восторженное настроеніе, которымъ сами были

переполнены. Они вездѣ видѣли Христа, и Меттернихъ передавалъ графу Сентъ-Оларъ слѣдующій анекдотъ. Александръ пригласилъ Меттерниха обѣдать втроемъ съ баронессой Крюденеръ и сказалъ ему: «Мы будемъ безусловно втроемъ и одинъ приглашенный, котораго вы, навѣрно, не узнаете». Дѣйствительно, на столѣ было четыре прибора. Добавочный приборъ былъ накрытъ для «нашего Господа Бога Иисуса Христа».

Въ одномъ письмѣ къ г-жѣ Сталь баронеса Жерандо писала ей, что секретъ баронессы Крюденеръ привлекать къ себѣ людей состоитъ въ необыкновенной добротѣ. На это г-жа Сталь отвѣтила: «Я вѣрю въ мистицизмъ, т. е. религію Фенелона, святилище которой находится въ сердцѣ, и которая присоединяетъ любовь къ дѣлу; я вѣрю въ реформацію реформаци, развитіе христіанства, которое соединило бы то, что хорошо въ католичествѣ и протестантствѣ, что вполне отдѣляетъ религію отъ политическаго вліянія священниковъ. Какая прекрасная вещь для императора Александра,—сказала она въ заключеніе,—быть во главѣ двухъ благородныхъ усовершенствованій чловѣческаго рода: внутренней душевной религіи и представительнаго правительства».

Хотя баронесса Крюденеръ и посѣщала православныя церковныя службы въ присутствіи государя, но своимъ послѣдователямъ не указывала на нихъ, какъ на необходимую церемонію. Она надѣялась добиться соединенія церквей, на что Александръ охотно согласился бы, но ей не удавалось осуществить эту мечту. Александръ каждый вечеръ посѣщалъ пророчицу, и при его появленіи она падала на колѣни и принималась молиться, остальные присутствовавшіе всѣ сидѣли. Затѣмъ составлялся кругъ, и Александръ садился рядомъ съ баронессой и подолгу разговаривалъ съ нею. Пасторъ Эмпейгазъ также вмѣшивался въ разговоръ, затѣмъ всѣ расходились, «пораженные всѣмъ и въ восторгѣ».

Сближенію императора съ пророчицей помогло еще слѣдующее обстоятельство. Въ 1814 году, во время своего пребыванія въ Англии, Александръ вступилъ въ сношенія съ многими религіозными обществами и между прочимъ съ нѣкоторыми квакерами. Онъ задалъ имъ вопросъ: какъ они смотрятъ на женскую миссію и ихъ дѣятельность въ церкви? Тѣ отвѣтили: «Во Христѣ женщина и мужчина—одно, и женщинъ съ соотвѣтствующими способностями мы допускаемъ примѣнять ихъ таланты въ качествѣ священнослужителя, какъ это было въ первоначальной церкви». Этотъ отвѣтъ послужилъ еще однимъ толчкомъ къ сближенію съ баронессой Крюденеръ. «Александръ избранъ Богомъ,—писала баронесса своей подругѣ 30-го августа 1815 года:—онъ идетъ по пути отреченія. Я знаю каждую подробность его жизни, скажу даже—почти каждую его мысль; онъ всегда неизмѣнно приходитъ сюда, и эти духовныя узы, созданныя Богомъ, все болѣе и болѣе крѣпнутъ. Когда онъ долженъ иногда посѣщать общество, то никогда не бываетъ, чтобы онъ отправился въ театръ или на балъ: онъ говоритъ мнѣ, что онъ болѣе не можетъ постичь свѣтскихъ людей, которые предлагали ему увеселенія».

Эти слова баронессы вызываютъ со стороны Рэна замѣчаніе, что она, какъ и многіе другіе, сама подпала подъ чары этого «несравненнаго чародѣя, безсознательно лукаваго». Кто могъ прочесть сущность его мысли подъ этой загадочной улыбкой! Увлеченный порывомъ, онъ иногда казался завоеван-

нымъ, въ самомъ же дѣлѣ онъ бывалъ полузавоеванъ и тотчасъ же ускользаль, какъ только проходилъ порывъ. Баронесса Крюденеръ имѣла на него вліяніе въ августѣ 1815 года, быть можетъ, болѣе сильнѣе, чѣмъ кто-либо другой, но и она окончила такъ же, какъ Чарторыжскій, Сперанскій, Нарышкина, Наполеонъ. Если она преувеличивала, хвастаясь, что знаетъ его каждую сокровенную мысль, то говорила правду, что ея религиозное вліяніе на императора распространялось и на область политики.

Не будемъ останавливаться на эпизодѣ въ Вертю во время смотра войскъ, на восторженной брошюрѣ баронессы Крюденеръ и перейдемъ къ Священному союзу. Рэнъ рисуетъ сцену, когда Александръ въ сопровожденіи баронессы Крюденеръ отправился къ лонскому философу и ученику Месмера Николая Бергасу совѣтоваться о Священномъ союзѣ. Прямой, гордый и желчный, благодаря пережитымъ несчастіямъ, шестидесятилѣтній философъ, жившій въ скромномъ домикѣ, казался восьмидесятилѣтнимъ. При его появленіи Бергасъ едва приподнялся со стула. Госпожа Крюденеръ усѣлась на другой стулъ, а Александръ удовольствовался табуретомъ и протянулъ свои длинныя ноги подъ стулъ философа. Между пророчицей и политическимъ философомъ начался разговоръ, касавшійся нравственныхъ, психологическихъ и соціологическихъ задачъ. Авторъ «Закона существъ и ихъ судьбы» развивалъ свою мысль, а императоръ молча прислушивался къ разговору, и текстъ манифеста о священномъ союзѣ понемногу приготавливался въ его головѣ. «Въ свое время много спорили о томъ, кто былъ редакторъ этого текста», говоритъ Рэнъ. Паскъ думалъ, что онъ написанъ рукою Бергаса. Баронесса Крюденеръ, конечно, вставила нѣкоторыя изъ своихъ любимыхъ выраженій, а императоръ, если не самъ продиктовалъ, то, конечно, вставилъ нѣсколько параграфовъ.

Дипломаты были очень недовольны, когда императоръ Александръ I сообщилъ имъ свой манифестъ. Австрійскій императоръ и прусскій король не хотѣли его подписывать, не посовѣтовавшись съ министрами. Александръ предвидѣлъ это и предупредилъ Меттерниха. Послѣдній въ своихъ мемуарахъ говоритъ, что попробовалъ убѣдить Александра, что подобный политически-религіозный манифестъ бесполезенъ и даже опасенъ, но Александръ такъ горячо отстаивалъ этотъ манифестъ, что императоръ Австріи не могъ отказать отъ подписи акта, который не обявываетъ ни къ чему опредѣленному. Фридрихъ-Вильгельмъ тѣмъ менѣе могъ отказать своему союзнику и покровителю, и 26-го сентября 1815 г. трактатъ былъ подписанъ тремя государями.

«Никогда союзъ не былъ болѣе священнымъ, но менѣе понятнымъ,—говоритъ Рэнъ:—никогда политическая система не была болѣе смутно опредѣлена, а между тѣмъ никогда международный актъ не былъ возведенъ на высоту принципа: задача Священнаго союза была въ глазахъ публики борьбой противъ революціонныхъ идей, которыя въ теченіе тридцати лѣтъ пропагандировались въ Германіи, Испаніи, Италіи и въ самой Франціи. Это было вмѣшательствомъ государей въ дѣла народовъ; это былъ режимъ конгрессовъ, на которыхъ обсуждались и рѣшались различныя вмѣшательства. Конечно, эта система европейскаго правительства не вся оборудована мозгами пророчицы. Мало-по-малу она нагромождалась подъ вліяніемъ Меттерниха, который въ нѣсколько лѣтъ

преобразоваль Священный союз до такой степени, что сдѣлалъ изъ него орудіе и символъ политическаго самовластія».

Александръ былъ въ 1815 году либераломъ и убѣжденнымъ конституціоналистомъ, поэтому манифестъ былъ привѣтомъ Провидѣнію и пѣсней всемірнаго братства. Представляя міру этотъ манифестъ, Александръ думалъ увѣнчать свои ниспосланныя Провидѣніемъ дѣянія. Два раза Провидѣніе побѣдоносно приводило его въ Парижъ. Въ 1814 году, ослѣпленный своей побѣдой, онъ упустилъ случай установить на солидной основѣ общій міръ и конституціонный режимъ французамъ. Въ 1815 году, съ согласія соперниковъ, онъ окончательно отстранилъ Наполеона, послѣдняго предводителя революціи и беспорядка. Онъ основалъ въ Парижѣ наблюдательный совѣтъ изъ посланниковъ побѣдоносныхъ державъ для руководства первыми шагами возстановленнаго правительства. 13 октября онъ вернулся въ Петербургъ, съ рѣшеніемъ составить счастье своего народа.

Дальнѣйшая судьба баронессы Крюденеръ уже не разъ была описана. Она умерла въ одноиъ и томъ же году съ императоромъ въ Карасу-Базарѣ, невдалекѣ отъ Таганрога, гдѣ скончался Александръ I.

— К о с е т о о В а г н е р ѣ. — «Нѣтъ, не жалѣй о тѣхъ ласкахъ, которыми ты украсила мнѣ жизнь. Я не зналъ этихъ благоухающихъ цвѣтовъ, сорванныхъ съ дѣвственной почки благородной любви. Итакъ, мечта поэта должна измѣниться въ чудную дѣйствительность. Эта роса доврѣчивой радости должна хотя разъ упасть на неблагоприятную почву моеи земной жизни. Теперь я получилъ мое званіе рыцаря. Я былъ освобожденъ отъ міра твоимъ сердцемъ, твоими глазами, твоими губами. Я еще дышаю магическія благоуханія этихъ цвѣтовъ, сорванныхъ тобою для меня на твоемъ сердцѣ. Это не ростокъ земной жизни: это благоуханіе сверхъестественныхъ цвѣтовъ божественной смерти, вѣчной жизни. Нѣкогда эти цвѣты украшали тѣла героевъ предъ тѣмъ, какъ огонь превращалъ ихъ въ пепель. Возлюбленная бросалась въ эту могилу пламени и благоуханій, соединяя свой пепель съ пепломъ возлюбленнаго. Тогда они составляли одно! Нѣтъ, не раскаивайся. Это сжигаетъ пламя, блестящее и чистое. Никакой мрачный пылъ, никакое пламя томленія не оскорбитъ его ясности. Эти ласки любви—вѣнецъ моеи жизни, розы радости, расцвѣтшія на моемъ терновомъ вѣнцѣ. Я гордъ и счастливъ! Болѣе никакихъ хотѣній, никакихъ желаній! Наслажденіе, высшее сознаніе и сила. Сила не страшится никакихъ жизненныхъ бурь. Нѣтъ, нѣтъ, не раскаивайся!»

«О ночь безмѣрная, ночь любви, спустись и излей полное забвеніе. О ненависть къ неумолимому ненавистному дню. Будь проклятъ вѣроломный день! А ты, ночь, святая ночь любви, священная ночь сладострастія, восхитительное желаніе вѣчнаго сна, прими насъ въ твои объятія, на твою ложе. Освободи меня отъ вселенной».

Всѣ, кто помнитъ эту музыку души геніальнаго Вагнера и ожидалъ появленія третьяго тома его воспоминаній, которыя по времени совпадаютъ съ пережитой эпохой любви къ г-жѣ Везендонкъ, будутъ разочарованы. Въ Берлинѣ вышелъ третій томъ, но въ немъ лишь сдержаннымъ, холоднымъ тономъ Вагнеръ сообщаетъ о г-жѣ Везендонкъ: «Одно семейство Везендонкъ, только что

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

27

поселившееся в Цюрихъ, добилось знакомства со мною при посредничествѣ Маршала-фонъ-Виберштейна, моего стариннаго пріятеля по дрезденской революціи. Тогда моя жизнь вступила въ фазу, которая сама по себѣ не имѣла большого значенія, но все-таки повела за собою значительныя перемены въ моемъ существованіи, вслѣдствіе моихъ сношеній съ этой дружественной семьей. Ежедневныя свиданія, доставляемая сосѣдствомъ, невольно сдѣлали эти сношенія болѣе интимными. Тогда я замѣтилъ уже нѣсколько разъ, что Везендонкъ, по своей честной откровенности, началъ проявлять нѣкоторое безпокойство, что я становлюсь такъ близокъ къ его дому. Необходимо было объясниться. Въ результатѣ послѣдовало болѣе или менѣе молчаливое соглашеніе, которое со временемъ приняло особое значеніе въ глазахъ другихъ людей, такъ что въ наши отношенія мы должны были внести известную сдержанность, что часто надобно обоимъ». Замѣчательная вещь!—Эта близость сосѣдей началась именно съ созданіемъ «Тристана». Послѣ вышеприведенныхъ страстныхъ строкъ, третій томъ воспоминаній кажется холоднымъ, пустыннымъ, при отсутствіи самыхъ красивыхъ страницъ изъ жизни гениальнаго автора—его душевныхъ переживаній.

Вдохновительницѣ «Тристана», которой самъ Вагнеръ написалъ: «создавъ «Тристана», я тебѣ навѣкъ имъ обязанъ», посвящены такимъ образомъ лишь эти холодныя слова. Вопросъ, что заставило Вагнера такъ поступить, вызываетъ различныя предположенія. Одно изъ нихъ кажется правдоподобнымъ Полю Фля, и онъ его приводитъ въ «Revue Music». Описывая, какъ Гансъ Бюловъ разыгрывалъ первые два акта «Зигфрида», еще только набросаннаго карандашомъ, Вагнеръ прибавляетъ: «Тогда у насъ бывало нѣсколько слушателей, чаще всего г-жа Везендонкъ. Козима слушала, склонивъ голову, и ничего не говорила, а когда настаивали, чтобы она разговаривалась,—она принималась плакать!»

Очевидно, въ эту эпоху Козима была уже увлечена, и присутствіе г-жи Везендонкъ ее волновало. Диктуя ей свои мемуары, Вагнеръ изъ чувства деликатности сдерживался. Превзятая страсть замѣнилась новой—къ Козимѣ. Если ревность считать проявленіемъ сильной страсти, то Вагнеръ очень любилъ эту женщину, и она послужила причиной разрыва между нимъ и Ницше. Это заключеніе сдѣлалъ Гансъ Белартъ въ своемъ трудѣ, недавно вышедшемъ въ Берлинѣ.

Авторъ выясняетъ причины, создавшія разрывъ между Ницше и Вагнеромъ. Какъ извѣстно, они были лучшими друзьями на свѣтѣ, и вдругъ между ними произошелъ разрывъ. Причиной его все считали интеллектуальное противорѣчіе обоихъ гениальныхъ людей, но Белартъ серьезно принялся за выясненіе этого вопроса и вынесъ убѣжденіе, что причиной размовки была женщина и эта женщина была Козима Вагнеръ, хотя сестра Ницше горячо это отрицаетъ.

Когда Ницше вошелъ въ домъ Вагнера, ей была тридцать одинъ годъ. Эта дочь Листа и графини д'Агу умѣла очаровывать и была сама грація. Въ своихъ письмахъ Ницше восторженно отзывался о ней съ перваго дня знакомства. Для него г-жа Козима Вагнеръ была единственная женщина высокаго стиля. «Козима,—писалъ онъ,—самая обожаемая женщина моего сердца». Съ ея стороны тоже проявлялась симпатія, и, прочитавъ его «Происхожденіе траге-

дѣй», она написала Ницше: «Не могу вамъ выразить, насколько меня привело въ восторгъ чтеніе этой книги, гдѣ такъ просто и точно вы опредѣляете трагедию въ нашей жизни и такъ глубоко вникаете въ самыя серьезныя задачи». Ницше далъ отчетъ о драмѣ «Тристанъ и Изольда», и Козима написала, что онъ освѣтилъ самое глубокое чувство въ ея жизни. Нерѣдко Козимѣ приходилось брать подъ свою защиту Ницше, когда окружающіе нападали на него, и самъ онъ писалъ одному своему другу 31-го января 1873 года: «Въ Лейпцигѣ все еще неистовствуютъ противъ меня: г-жа Козима Вагнеръ выдержала изъ-за меня большое сраженіе со старымъ Брокгаузомъ».

Собственно разрывъ произошелъ въ 1877 году, когда Ницше напечаталъ свое «Человѣческое слишкомъ человѣческое», и тогда Козима возстала противъ него вмѣстѣ съ другими. Недоразумѣнія изъ-за «Парсиваля» были вымышлены; настоящая причина размолвки между великимъ музыкантомъ и великимъ мыслителемъ иная: Ницше было болѣе не подъ силу имѣть какія-либо отношенія съ Вагнеромъ, онъ слишкомъ увлекся Козимой, и этотъ крикъ сердца вырвался у него 4-го января 1889 года въ четырехъ словахъ: «Аріана, я тебя люблю!»

— Театръ и цензура XIX вѣка въ Италіи.—Двадцатый вѣкъ—вѣкъ исканій, изслѣдованій, какъ впечатлѣній, такъ и чувствъ, наслажденій, одинаково умственныхъ и эстетическихъ. Не только писатели, но и сама публика стремится давать себѣ отчетъ во всемъ переживаемомъ матеріально и духовно, даже въ наслажденіяхъ. Театръ во все время являлся эстетическимъ удовольствіемъ: имъ наслаждались, не слишкомъ задаваясь вопросомъ: полезенъ ли онъ и можетъ ли онъ служить мѣриломъ прогресса и упадка общества? Въ наше время вопросъ этотъ возникаетъ во всехъ цивилизованныхъ странахъ. Французскіе писатели, по словамъ журнала «Les Marges», смотря на театръ различно: только двое изъ современныхъ писателей—Поль Зудэ и Мазель—признаютъ, что любовь къ театру служитъ серьезнымъ доказательствомъ прогресса въ умственномъ развитіи. Два другіе писателя, Дюкотэ и Виннэ Вальмеръ, воздерживаются высказать свое мнѣніе, опасаясь ошибиться. Большинство же французскихъ писателей, касаясь этихъ вопросовъ, отрицательно относятся къ театру, а также къ тому, что театръ возбуждаетъ въ современной массѣ страсти. Буалевъ не только отрицаетъ, но онъ смотритъ на театръ, какъ на доказательство нашей лѣности. Кромѣ того, онъ видитъ въ этомъ проявленіе у современниковъ общительности: въ театръ идутъ не для того, чтобы испытать эстетическое наслажденіе, но для того, чтобы почерпнуть въ немъ сюжеты для салонной болтовни. Кольра утверждаетъ, что театра вовсе не существуетъ, а только спектакли. Пеляданъ вполне съ нимъ соглашается и допускаетъ только трехъ авторовъ греческихъ, одного англійскаго, двухъ французскихъ и двухъ нѣмецкихъ. Напротивъ, Пьеръ Милль признаетъ, что публика, заплативъ за свое мѣсто въ театръ, болѣе обезпечиваетъ себѣ удовольствіе, чѣмъ покупая книгу, потому что импрессарио, подвергаясь большому риску, старается сдѣлать лучший выборъ, чѣмъ издатель.

О степени умственного прогресса и упадка публики судить по ея любви къ театру довольно рискованно. Монтескье говоритъ, что публика, наслаждающаяся «S. Sebastian», «Viel Homme», «Femme nue», одинаково достойна ува-

женія, какъ и почитатель «*Torse che si*», «*Desenchantées*» и «*Secret de Toledo*». Но тотъ, кто читаетъ до упоенія «*Souffles*» герцогини Роганъ, не возвышеннѣе, не низменнѣе того, кто рукоплещетъ пьесѣ «*Un Cas*» герцогини Узесъ. Писатель Винсенъ д'Инди даже въ музыкѣ предпочитаетъ чтеніе—представленію. Того же мнѣнія и Эдмонъ Цилонъ: онъ стоитъ за книгу, которая можетъ продолжить удовольствіе настоящаго театра. Страсть Расина, грація Мариво, пропія Бомарше, томность Мюссе, каламбуры Банвилля, горькое вдохновеніе Бека лучше понятны при молчаливомъ созерцаніи, чѣмъ при блестящемъ освѣщеніи люстръ.

Вообще большинство писателей отмѣчаютъ, что тяготѣніе публики къ легкому театру, который становится на скользкій путь по направленію къ *café-concert* и кинематографу, указываетъ на склонность публики какъ можно менѣе дѣлать умственныхъ усилій. О воспитательномъ значеніи театра французскіе писатели не высказались въ этомъ запросѣ, но общее впечатлѣніе получается то, что современный театръ ихъ не удовлетворяетъ.

Напротивъ, изъ итальянскихъ журналовъ видно, что на театръ возлагаются большія надежды въ дѣлѣ воспитанія и образованія народа. Это мнѣніе высказывается въ «*Umanitaria*», въ статьѣ, посвященной открытію народнаго миланскаго театра, давашаго блестящіе результаты за первый годъ своего существованія. Въ этомъ театрѣ, вѣрнѣе, большомъ народномъ домѣ, отводится мѣсто какъ для драматическихъ спектаклей, такъ и для музыкальнаго отдѣленія. Въ послѣднемъ большими концертами будутъ руководить лучшія силы Туллио Серафинъ, нашъ соотечественникъ Сафоновъ и Гвидо ди-Мондроне. Какъ въ театрѣ, такъ и въ концертахъ будутъ участвовать лучшіе артисты. Вообще этотъ театръ будетъ объявленъ въ программѣ, какъ «школа художественнаго и нравственнаго воспитанія народа», говорится въ «*Nuova Antologia*».

Но итальянцевъ смущаетъ вообще цензура и система ея дѣятельности. Этому вопросу посвятилъ статью въ другой книжкѣ «*Nuova Antologia* 2) Уго Императори, гдѣ даетъ очеркъ итальянской цензуры XIX вѣка до нашихъ дней. Обрисовавъ ея смѣшныя, иногда даже цѣльныя стороны и указавъ на ея большое зло—децентрализацию, вызывающую самыя противорѣчивыя распоряженія въ столицѣ и провинціяхъ, Императори желаетъ ея полнаго уничтоженія.

Въ первой половинѣ восьмисотыхъ годовъ итальянская комедія пришла въ упадокъ; вмѣсто нея побѣду одержали историческая трагедія и драма, по рольшей части лишеныя художественной цѣнности. Въ этомъ торжествѣ историческихъ драмы и комедіи немалую роль играла политическая восторженность. Часто средневѣковые герои говорили со сцены либеральнымъ языкомъ, за которымъ, по выраженію автора, такъ гонятся театральные зрители. Нерѣдко было достаточно одной фразы для возбужденія патріотическаго воодушевленія народа, какъ случилось во Франціи въ концѣ XVIII вѣка.

1) Il teatro del popolo a Milano. «*Nuova Antologia*». 1 Settembre 1912.

2) La liberta e le censura. Ugo Imperatori. «*Nuova Antologia*». Febbraio 1912.

Короли принимали болѣе или менѣе строгія мѣры противъ свободы въ театральной литературѣ, согласно болѣе или менѣе свободѣ, предоставленной гражданамъ. Въ этомъ отношеніи они все сходились во мнѣніи, что цензура нужна болѣе для историческаго театра, основавшаго свой успѣхъ, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ, чѣмъ для бытового, который при своемъ возрожденіи уже встрѣтилъ препятствіе со стороны французскихъ водевилей. Поэтому вниманіе цензоровъ сосредоточивалось, главнымъ образомъ, на политическихъ намекахъ.

Въ Пьемонтѣ первой половины восьмидесятыхъ годовъ театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, въ свою очередь, поручившаго ее довѣренному лицу. Тогдашній министръ графъ Таонъ-ди-Ревельди-Пралунго передалъ завѣдываніе цензурой профессору Фачелли, человѣку довольно образованному, но строго придерживавшемуся установленныхъ правилъ.

Появленіе на сценѣ историческихъ пьесъ осложнялось всякими предосторожностями. Не достаточно было добиться разрѣшенія поставить на сценѣ ту или другую пьесу, необходимо было еще подвергать ее новой цензурѣ. Главное вниманіе, какъ мы уже упоминали, сосредоточивалось на одномъ пунктѣ: какъ бы не пропустить какого-нибудь политическаго намека. Даже въ Римѣ, гдѣ жилъ викарій Христа, папа, цензора скользили по вопросамъ морали и на общественныхъ спектакляхъ допускали скорѣе оскорбить нравственное чувство, чѣмъ задѣть самый невинной фразой восторженный патриотизмъ народа.

Въ туринскихъ театрахъ часто разыгрывали вульгарно-шутовскіе французскіе водевили, допускаемые цензурой. Когда же въ нихъ рядомъ съ вульгарными шутками стали появляться политическіе намеки—эти водевили цензура подвергла запрету.

Историческая драма и лирическія произведенія стали такъ изобиловать намеками на политику, что пьемонтская цензура устала слѣдить за ними. Къ политикѣ стали примѣшиваться еще случайныя сходства характера героевъ съ характеромъ современныхъ и политическихъ дѣятелей и высокопоставленныхъ лицъ, чего не допускала цензура. Иногда шепетильность цензуры доходила до смѣшнаго. Напримѣръ, Лукрецію Вурджіа пришлось окрестить «Eustorgia da Romana», въ «Elisir d'amor» («Любовный напитокъ») цензура нашла невозможнымъ допустить, чтобы фигурировала дочь сенатора, и потому послѣдняго превратили въ профессора. Слово «свобода» (*liberta*) цензоръ также не допускалъ и обращалъ его въ слово «lealta», прямодушіе. Когда до короля доходили свѣдѣнія о чрезмѣрной шепетильности цензоровъ, то онъ самъ исполнялъ ихъ работу. Напримѣръ, Анжело Брофферіо представилъ въ цензуру свои «Scene elleniche» (древне-греческія сцены), и цензоръ потребовалъ, чтобы Санторре ди-Сантораза не назывался своимъ именемъ; онъ предложилъ другое имя—Энторэ ди-Сантъ-Эльмо. Но Карлъ-Альбертъ указомъ 30-го декабря 1844 года не позволилъ умалчивать имя героя. Однако это были исключительные случаи; обыкновенно король не вмѣшивался въ дѣла столичныхъ цензоровъ, и послѣдніе изъ этого дѣлали политическое оружіе. Они не довольствовались исканіемъ фразъ въ историческихъ трагедіяхъ, но часто даже вовсе запрещали ставить

ихъ на сценѣ. Такова была судьба трагедіи «*Bianca di Burbone*» (Біанка Бурбонская) и «*La Congiura di Fiesche*». Первая уже давалась во многихъ уголкахъ Италіи, даже въ Генуѣ, и во всѣхъ городахъ цензура слегла ее измѣнила. Вторая была представлена въ Римѣ, но въ Туринѣ запрещена. Цензура нашла ее «скандальнымъ, нелѣпымъ и нечистымъ произведеніемъ, оскорбляющимъ здравый смыслъ и нравственность» ихъ.

Кромѣ того, отъ 23-го декабря 1846 года по 13-го февраля 1847 года въ Италіи существовала странная цензура для драматическихъ произведеній, по счастью длившаяся недолго, всего два мѣсяца. Всѣ драматическія произведенія доставлялись на просмотръ гофмаршалу двора, который одобрялъ или запрещалъ ихъ.

Въ Римѣ той эпохи цензура не отличалась отъ существующей въ остальной части Италіи. Строгость цензоровъ и тамъ проявлялась, главнымъ образомъ, по отношенію политической свободы и лицъ вліятельныхъ въ данный моментъ. Вдобавокъ римская цензура строго преслѣдовала либерализмъ въ религіи, а также въ любви. Часто случалось, что цензора придирались къ какой-нибудь фразѣ, которую едва ли можно было бы признать смѣлой, а за нею уничтожали все, что казалось имъ двусмысленнымъ или непристойнымъ. Такая строгость была, конечно, понятна въ городѣ папы, гдѣ особенно заботились, чтобы безнравственныя слова не достигали уха зрителей. Поэтому цензора должны были подписывать на послѣдней страницѣ всякаго драматическаго сочиненія, что оно просмотрѣно цензурой и разрѣшено къ представленію. Уцѣлѣвшіе экземпляры даютъ идею, какъ хозяйничали надъ ними цензора въ началѣ XIX вѣка. Однимъ изъ знаменитыхъ цензоровъ былъ аббатъ Сомаи, и Уго Императори приводитъ нѣкоторые примѣры его дѣятельности. Когда въ Римѣ должны были появиться на сценѣ «Пуритане», въ то время носившіе названіе «*Elisa Walton*», этотъ цензоръ передѣлалъ все либретто и слово «*liberta*» (свобода) повсюду замѣнилъ словомъ «*lealta*». Мало того, онъ не могъ равнодушно слышать слово парламентъ «*il parlamento*» и потому замѣнилъ его словомъ «*regimento*» полкъ, а вмѣсто Стюартовъ поставилъ слово «*nemici*» (враги).

Другой, не менѣе извѣстный цензоръ былъ Руджіери. Когда въ декабрѣ 1840 года давали фарсъ Скриба «*La soffita degli artisti*», шепетильность цензора дошла до того, что онъ нашелъ неприличнымъ слово *amica* (подруга), *angiolitta* (ангелочекъ), *mogliа* (жена) и замѣнилъ ихъ словами *carina* (дорогая) и *sorella* (сестра), а фразу «*O dio, dio!* (о Боже, Боже) превратилъ въ *cielo, cielo!* (О небо, небо!). Въ произведеніи Росси «*Una comedia per la poste*», появившейся въ 1858 году, Руджіери немилосердно искажилъ фразу «*nemo propheta in patria*», уничтожилъ слово *cielo*, бывшее въ милости у цензоровъ ранѣе восемнадцать лѣтъ предъ тѣмъ, а слово «*esposta*» (подкидышь) замѣнилъ словомъ «*orfano*» (сирота). Но особенно очевиднымъ примѣромъ строгаго надзора цензора служила популярная драма «*Giosue il grandacosto*». Въ ней по желанію цензора слово «*governatore*» (губернаторъ) превратилось въ «*comandante*» (командиръ), чтобы публикѣ не напомнило это о губернаторѣ Рима. Фраза «*Ah, quelli era il bel tempo*» (ахъ, какое это было хорошее время) совсѣмъ вычеркнута изъ опасенія, какъ бы не намекнуть на 1848 годъ. Въ «*Francesco da Rimini*»

цензоръ уничтожилъ фразу: «Я буду сражаться за тебя, за тебя, моя Италия, которой измѣнили граждане». Сцену дуэли Паоло Феррари перенесли въ Лондонъ и всѣмъ персонажамъ дали англійскія имена.

Такова была цензура въ Италиі первой половины восьмисотыхъ годовъ. Признаки либерализма впервые появились при министрѣ Гальваньо, признававшемъ, что охраненіе нравственности важнѣе охраненія народа отъ политическихъ намековъ. Въ циркулярѣ отъ 1-го января 1852 года находятся его слѣдующія слова: «Принципы морали должны быть охраняемы театральной цензурой болѣе, чѣмъ политическіе принципы, потому что первые составляютъ основу вторыхъ». А еще ранѣе онъ сказалъ: «Искренно либеральное правительство, пріобрѣтшее полную увѣренность, что оно основано на слишкомъ надежномъ фундаментѣ, не боится радикальныхъ стремленій какой-нибудь драмы». Не менѣе замѣтный прогрессъ проявился и по отношенію народныхъ театровъ. Между тѣмъ, какъ въ остальной Италиі театральная цензура дѣйствовала по старой системѣ злоупотребленій властью и придирокъ, пьомонтскій театръ тоже сдѣлалъ шагъ къ свободѣ. Согласно указу 1850 года и закону 13-го ноября 1859 года театральная цензура находилась въ вѣдѣніи министра внутреннихъ дѣлъ, поэтому въ Неаполѣ, Флоренціи и Палермо спеціальные чиновники исправляли должность цензоровъ. Но указомъ отъ 4-го января 1864 года власть разрѣшать театральныя представленія въ соответственныхъ провинціяхъ переходила въ руки префекта.

Въ 1865 году плачевное положеніе цензуры усложнилось закономъ общественной безопасности, указывавшимъ въ статьѣ 32 на спеціальную норму. Согласно второй части статьи 35 этого закона, никакое театральное произведеніе не могло быть представлено или декламировано безъ письменнаго разрѣшенія провинціальныхъ властей общественной безопасности. Власти мѣстной общественной безопасности, однако, могли всегда разрѣшить и запретить постановку такого произведенія, одинаково какъ и декламацию, если какія-нибудь обстоятельства требовали этого запрещенія во избѣжаніе публичныхъ волненій и безпорядка. Это вызвало цѣлую серію противорѣчивыхъ мѣръ, составлявшихся въ различныхъ провинціяхъ и въ различныхъ общинахъ той же самой провинціи. Министръ Риказоли попытался ограничить, если не совсѣмъ уничтожить эту неурядицу, издавъ 4-го апрѣля 1867 года инструкцію, гдѣ выяснилъ случаи, которые вызываютъ запрещенія театральныхъ произведеній. Эти причины: посягательство на принципы нравственности и стыда, возстановленіе одного класса общества противъ другого, оскорбленіе величества, парламента и представителей дружественныхъ державъ, подстрекательство презирать законъ и уставы, возмущать общественный порядокъ, оскорбительно клеветать на частную жизнь личностей и затрогивать семейные принципы, даже намеками. Другой циркуляръ отъ 9-го февраля 1874 года запрещалъ авторамъ задѣвать публично и оскорблять военный мундиръ.

Но Риказоли, по мнѣнію Уго Императори, пренебрегъ другимъ ограниченіемъ свободы театра, быть можетъ, наиболѣе полезнымъ, чѣмъ ограниченіе свободы относительно политическихъ намековъ, особенно въ настоящее время—запрещать пьесы, гдѣ выставляются факты, которые своей

мерзостью волнуютъ общественное мнѣніе, или которыми заняты судебныя власти.

Эта новая норма укрѣпляла циркуляръ 22-го марта 1879 года и дополнила тотъ, которымъ уже въ концѣ 1852 года министръ Гальваньо произвелъ переворотъ въ народномъ театрѣ, давъ ему воспитательное значеніе, въ чемъ давно нуждался народъ. Такимъ образомъ, цензура набралась силъ, чтобы дать народу воспитательный театръ, противоположный прежнему, гдѣ долго царило презрѣніе къ закону и судебнымъ лицамъ, покровительство общественному преступленію, прикрытому вредной сентиментальностью. Планъ новаго закона общественной безопасности 1889 года устанавливалъ 40 статью, по которой оперы, драмы, хореографическія представленія или декламации не могли быть исполняемы на сценѣ безъ разрѣшенія префекта. Противъ этой нормы возмутились многіе депутаты. Они отстаивали убѣжденіе, что всѣ театральныя произведенія должны быть предоставлены свободному приговору публики, которая своимъ здравымъ смысломъ сумѣетъ оцѣнить ихъ художественную и моральную стоимость и защитить общественную нравственность.

Въ это время министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ Криспи, а докладчикомъ этого проекта въ палатѣ депутатовъ Курціо, человекъ либеральный. И вотъ между ними возникъ странный ультра-либеральный разговоръ. Курціо настаивалъ на единственной цензурѣ для театра—общественномъ мнѣніи. Криспи стоялъ на своемъ, чтобы въ проектѣ сохранили норму относительно театральной цензуры согласно 40 статьи, которая обезпечивала свободу для итальянскаго театра. Онъ упорствовалъ, однако, на томъ, что къ театру надо относиться одинаково строго, какъ и къ печати, и написалъ на статьѣ 40 свое рѣшеніе: «Префектъ можетъ запретить представленіе или декламацию по причинѣ нравственнаго и общественнаго безпорядка». И цензура очутилась въ рукахъ полиціи.

Далѣе авторъ переходитъ къ современной цензурѣ въ Итали. Онъ разсматриваетъ, насколько она дѣйствительно достигаетъ намѣченной цѣли и насколько примѣнимы слова Криспи объ ея равноправіи съ печатью при существующемъ порядкѣ. Въ подготовительныхъ работахъ закона общественной безопасности 1889 года говорится: префектъ можетъ запретить представленіе, когда находить въ пьесѣ что-нибудь противъ уголовнаго кодекса и противъ нравственности. Къ первому относятся причины общественнаго порядка, ко второму—нравственнаго. Префектъ прочитываетъ пьесу и усматриваетъ въ ней преступленіе или объективные элементы преступленія и, опасаясь, чтобы появленіе на сценѣ не нарушило публичнаго порядка, долженъ ее запретить. А между тѣмъ Криспи поддерживалъ мнѣніе, что театръ не заслуживаетъ болѣе строгой цензуры, чѣмъ печать. Для печати же давно отмѣнены предварительные аресты, тогда какъ театръ до сихъ поръ подвергается предварительной цензурѣ.

Если Криспи въ то время былъ убѣжденъ, что не считаетъ моментъ удобнымъ для отнятія права театральной цензуры безъ ущерба и опасности для политическаго авторитета, то подавно теперь, когда свобода печати настолько ушла впередъ сравнительно съ существовавшей въ 1889 году.

Новая норма, хотя уничтожила предварительную цензуру въ театрѣ, но оставила авторитетъ общественной безопасности въ силѣ. Онъ всегда могъ

примѣнить ее прямо на спектакль, когда въ пьесѣ появлялся элементъ преступленія, согласно статьѣ 41.

Если одинаково относиться къ театру и печати, какъ хотѣлъ Криспи, сохраняя предварительную цензуру лишь относительно непристойныхъ пьесъ, то надо такъ же поступать и съ порнографіей въ печати.

Если ради сохраненія нравственности народа преобразовать законъ общественной безопасности, то театръ можно обратить въ настоящую педантичную школу благонавія и безукоризненности и т. д., какъ намѣревались прежніе цензора. Современныя государства не могутъ насильно принудить гражданъ подчиниться нравственному воспитанію. Но если необходимо ограничить свободу гражданъ, чтобы побѣдить безнравственность даже въ далекомъ будущемъ, къ этому слишкомъ трудно приступить, не нарушая свободы личности, что можетъ имѣть плачевныя послѣдствія.

Императоры находятъ, что децентрализація цензорскаго авторитета—большое зло, такъ часто порождающее притворчивыя мѣры цензоровъ согласно закону 1865 года, благодаря которому драматическое произведеніе, просмотрѣнное либеральнымъ префектомъ, умно исполнившимъ свою обязанность, совсѣмъ не обезпечено, что провинціальныя цензора разрѣшать поставить его на провинціальной сценѣ. Такимъ образомъ, это произведеніе то одобряется къ постановкѣ, то запрещается и искажается. Мѣстныя власти общественной безопасности могутъ произвести и вторую цензуру, послѣ которой воспретятъ ставить пьесу на сценѣ, хотя ее разрѣшилъ въ столицѣ префектъ. Но едва ли не хуже случается, когда цензору покажутся особенно опасными тѣ или другія слова или фразы, и онъ не запрещаетъ пьесы, а уничтожаетъ слова и цѣлыя фразы. При этомъ онъ такъ ее искажаетъ, что она теряетъ весь художественный и этический смыслъ.

Если въ Италіи теперь рѣдко запрещаютъ драматическія произведенія, то очень часто случается, что цензора дѣйствуютъ двойственно, какъ это было съ извѣстной сатирической комедіей Родольфа Лотара «Arlecchino Re»—(Король Арлекинъ), которую разрѣшили играть по всей Италіи послѣ того, какъ ее исказили въ цензурѣ и между прочимъ выбросили три фразы: «Хорошій арлекинъ самое важное лицо въ королевствѣ: онъ говоритъ вамъ правду безнаказанно. Его убѣжище—сцена». Цензура выбросила эти три фразы, но оставила ту, гдѣ арлекинъ продолжаетъ прославлять возможность говорить правду, даже въ тронномъ залѣ. «Я не могу жить безъ правды,—говоритъ онъ:—если я долженъ закрыть ротъ,—я захохочусь. Я могу говорить правду здѣсь, въ этомъ залѣ, гдѣ воняетъ хищничествомъ, грабежомъ, убійствомъ, сластолюбивыми животными и похотливыми женщинами».

Чѣмъ руководилась цензура, выбрасывая первыя три фразы и оставивъ послѣднюю, гдѣ заключаются оскорбительныя слова относительно родственниковъ короля,—необъяснимо.

Такимъ образомъ, часто наблюдалось, что авторамъ предоставляется свобода, даже когда у нихъ попадается фраза, опасная для морали и общественнаго порядка, ускользающая отъ вниманія цензора.

Но зато итальянская цензура въ послѣднее время пренебрегала народнымъ театромъ. Изъ всѣхъ нормъ, вышедшихъ въ Италіи для урегулированія вмѣшательства государства въ жизнь театра, кажется самой благородной и полезной та, что находится въ циркулярѣ отъ января 1852 года и марта 1879 года, относительно народнаго театра. Но эта норма наименѣе примѣнима вслѣдствіе того, что на сценѣ народнаго театра, по словамъ Императори, очень часто ставятся произведенія безнравственныя, порочныя, возбуждающія къ преступленію: скандалы дня, сенсаціонные процессы, возбуждающіе низкіе инстинкты. Если, дѣйствительно, желательно, чтобы театръ не былъ академическимъ, снотворной школой добродѣтели, то не слѣдуетъ изъ этого, что онъ долженъ быть школой безнравственности и преступленій. Не легко, чтобы смѣлыя шутки художественной комедіи, предназначенной для избранной публики, посѣщающей первыя представленія первоклассныхъ театровъ, могли возбуждать опасныя чувства юридическаго порядка; но, напротивъ, вульгарныя драмы, написанныя «густыми красками», легко возбуждаютъ болѣзненную чувствительность плебея и подготовить ему печальное будущее. Итакъ, если 40-я статья тепершняго закона общественной безопасности, содержащая слишкомъ серьезныя ограниченія индивидуальной свободы, не представляетъ гарантіи въ жизни современнаго театра, то, по мнѣнію Императори, лучше театръ освободить отъ мало умѣстныхъ и мало полезныхъ узъ, предлагаемыхъ 40-й статьей. Противъ злоупотребленій и вольностей на сценѣ достаточно карательной системы, заботливо и умно примѣняемой, и если даже среди роскошной жатвы великаго искусства распусать свои отпрыски плевелы, посѣянные ремесленниками сцены, мы должны послѣдовать притчѣ Христа: «Оставьте расти вмѣстѣ то и другое до жатвы, чтобы, выбирая плевелы, вы не выдергали съ ними пшеницы».

— Новая наука о возстановленіи красоты человѣческаго рода.—Ученый міръ Стараго и Новаго Свѣта обогатился еще одной наукой, стремящейся къ развитію красоты, къ улучшенію расъ, названною создавшимъ ее англійскимъ ученымъ Френсисомъ Гальтопомъ «Eugenique». Сущность этой науки ея авторъ опредѣлилъ слѣдующими словами: «Eugenique»—изученіе причинъ, подчиненныхъ соціальному контролю и могущихъ улучшить или ослабить качество расы будущаго поколѣнія, умственно или физически». Первый международный конгрессъ этой науки состоялся въ Лондонѣ подъ предѣлательствомъ майора Дарвина. Въ программу его входило: законъ наследственности, наследственность алкоголизма, эпилепсіи, ограниченіе права на бракъ, пейтрализация нежелательныхъ, вліяніе неомальтузіанизма на гигиену расъ и т. д.

Многочисленные доклады, поданные на конгрессъ, раздѣлялись на двѣ категоріи. Нѣкоторые изъ нихъ, принадлежавшіе въ большинствѣ случаевъ американцамъ, придерживались точки зрѣнія Дарвина, доказывавшаго существованіе недостатка, порока, передачи его согласно закону Менделя, но не домогавшагося поразить его въ зародышѣ. Онъ надѣется очистить человѣчество отъ этого ущерба, препятствуя такому выродку воспроизводить себѣ подобныхъ.

Другая категория—послѣдователи Ламарка, который безпокоился прежде всего и особенно о передачѣ недостатка, то есть объ условіяхъ, среди которыхъ онъ появился. Думаютъ, что можно достигъ той же цѣли, дѣйствуя скорѣе на среду, чѣмъ на самого человѣка, уничтожая скорѣе недостатки, чѣмъ ихъ жертву. Фредерикъ Уссе, профессоръ факультета академіи наукъ, въ своемъ докладѣ выразилъ идею послѣдней группы о передачѣ недостатковъ. Но оба эти теченія могутъ существовать вмѣстѣ, улучшая разомъ наследственность и среду.

Докторъ Мануври нашель, что смыслъ этой науки долженъ быть расширенъ. Тогда eugénique будетъ означать какія бы то ни было средства, имѣющія цѣлью омоложеніе и улучшеніе, даже тѣ, что ускользаютъ отъ социального контроля, такъ какъ можетъ существовать благоприятное и неблагоприятное вліяніе въ образѣ предыдущей жизни. Профессоръ біологіи въ Кембриджъ Поннетъ высказалъ мнѣніе, что, за исключеніемъ малаго количества случаевъ, наше познаніе о наследственности у человѣка въ дѣйствительности очень слабо, чтобы служить основой законоположенія. Докторъ Апертъ далъ объясненіе, почему законъ наследственности, установленный у животныхъ Нодэномъ и Менделемъ, не вполне подтверждается у людей: онъ нарушенъ элементами возмутителями, и сначала надо уничтожить ихъ вліяніе. Такая работа можетъ быть исполнена для многочисленныхъ семейныхъ болѣзней, гдѣ нѣкоторыя фізіологическія соотношенія (поль, годы) мѣшаютъ проявленію болѣзней. Тогда будетъ видно, что законъ наследственности замаскированъ, но существуетъ. Онъ подтверждается у людей, и, благодаря ихъ сознанію, въ нѣкоторыхъ случаяхъ возможно помѣшать появленію наследственности, даже кажущейся роковою.

Докторъ Антоніо Марро, директоръ дома умалишенныхъ въ Туринѣ, сообщилъ о вліяніи возраста родителей на психо-фізическій характеръ дѣтей. Въ качествѣ тюремнаго врача онъ изслѣдовалъ преступниковъ, чтобы открыть, существуетъ ли отношеніе между преступленіемъ, за которое они были подвергнуты заключенію, и годами ихъ родителей въ моментъ зачатія. Онъ замѣтилъ, что посягательства противъ собственности совершались сыновьями молодыхъ родителей; праздность, непредусмотрительность и любовь къ удовольствіямъ—привилегія молодыхъ лѣтъ—порождаютъ воровство. Мошенничество, требующее предварительнаго обдумыванія, скорѣе преступленіе зрѣлыхъ лѣтъ. Но особенно въ статистикѣ преступленій противъ личности господствуютъ дѣти родителей въ зрѣломъ возрастѣ.

Докторъ Мари-де-Вилльжуа высказалъ мнѣніе, что годы производителя имѣютъ нѣкоторое вліяніе на психопатическую наследственность. Послѣднее замѣчаніе имѣетъ большое біологическое значеніе. Согласно Уссе, это отъ недостатка производителя, который продолжаетъ все болѣе подвергаться отравленію токсиномъ, и, какъ доказательство, докторъ сообщилъ, что куры, которыхъ онъ кормилъ сырымъ мясомъ, становились все менѣе и менѣе плодовиты. Докторъ Моттъ, врачъ въ домѣ душевно-больныхъ въ Лондонскомъ графствѣ, представилъ сообщеніе объ отношеніи наследственности къ безумію, которое онъ опредѣлилъ: сумасшедшій—это индивидуумъ, который болѣе не можетъ ни чувствовать, ни думать согласно привычкамъ и обычаю, среди которыхъ онъ живетъ.

Статистика указывает, что количество сумасшедших увеличилось въ Лондонѣ, тогда какъ народонаселеніе осталось прежнее. Этотъ приростъ болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный. Природа стремится уничтожить выродившіяся семьи, когда ее заставляютъ молчать. Ребенокъ, наследственный невропатъ, унаследовавшій недостатокъ съ обѣихъ сторонъ, въ четыре раза болѣе имѣетъ шансовъ стать сумасшедшимъ, чѣмъ если бы больнымъ былъ только одинъ изъ родителей. Докторъ Уикъ высказалъ, что ребенокъ обѣихъ родителей-эпилептиковъ роковымъ образомъ эпилептикъ. Онъ опасается, что въ скоромъ времени эпилептики составятъ большую часть населенія, и въ своемъ докладѣ нарисовалъ печальную картину.

Докторъ Мьоненъ изъ Христианіи, въ докладѣ о дѣйствіи алкоголя на плазму зародыша, доказывалъ, что алкоголь вредитъ качеству поколѣнія, у отца измѣняя клѣточки зародыша, а у матери вліяя на развитіе зародыша. Для борьбы съ алкоголемъ онъ предложилъ систему, по которой такса на спиртъ поднимается вмѣстѣ съ усиленіемъ градусовъ спирта. Директоръ убѣжища для душевно-больныхъ докторъ Маньянъ и докторъ Филасье воспользовались статистикой отъ 1867—1912 годовъ, чтобы изучить вырожденія у алкоголиковъ. Болѣе половины ежегодно рождаемыхъ дѣтей рождаются отъ алкоголиковъ. Дѣти, рожденныя отъ такихъ родителей, умираютъ преждевременно или влечатъ самое плачевное существованіе. Главный виновникъ въ этомъ несчастіи—государство: оно или остается бездѣятельнымъ, или, видя это несчастіе, поддерживаетъ его, увеличивая количество заведеній и поддерживая ихъ на свои средства. Но особенно печальное явленіе—алкоголизмъ, повсюду развивающійся среди женщинъ.

Доклады изъ Америки свидѣтельствуютъ о вредномъ вліяніи на поколѣніе, родившееся отъ браковъ между двоюродными сестрами и братьями. Это вліяніе настолько отражается на будущемъ поколѣніи, что государство издаетъ законъ о запрещеніи такихъ браковъ.

— Отовсюду.—Кингъ-Пао, самая древняя газета, выходившая въ Китаѣ тысячу пятьсотъ лѣтъ, прикончила свое существованіе. Когда европейцы еще не имѣли мысли издавать газетъ, китаецъ Гу-Кунгъ нашелъ способъ сдѣлать шрифтъ изъ свинца и серебра. Свое изобрѣтеніе онъ примѣнилъ для печатанія газеты, которую основалъ въ четырехсотомъ году до Рождества Христова. Она существовала до нашихъ дней и состояла изъ десяти шелковыхъ страницъ желтаго цвѣта, сшитыхъ вмѣстѣ. Сначала ее разсылали высокопоставленнымъ лицамъ въ имперіи, но мало-по-малу она сдѣлалась самой распространенной газетой въ Китаѣ. Въ императорской библиотекѣ находятся интересные документы, относящіеся до ея исторіи. Главные ея редакторы время отъ времени выказывали отважный патріотизмъ. Такъ, въ XIII вѣкѣ редакторъ Ф. Мо-Хинга былъ обвиненъ въ измѣнѣ императорскому величеству и подвергнутъ пыткѣ, а затѣмъ сожженъ живымъ. Эти документы, кромѣ того, представляютъ интересъ тѣмъ, что въ нихъ девятьсотъ лѣтъ тому назадъ находились идеи, которыя мы считаемъ современными, напримѣръ, въ XI вѣкѣ главный редакторъ этой газеты, знаменитый китайскій поэтъ Гурь-Нонъ-Чангъ осмѣлился настаивать предъ правительствомъ, чтобы распростились со старыми

традиціями и церемоніями и послали въ Европу способнаго человѣка для изученія какъ новыхъ костюмовъ, такъ и всего, что дѣлается въ Европѣ. За этотъ совѣтъ редактору отрѣзали уши, вырвали языкъ и обезглавили, а затѣмъ выставили голову на посмѣшище во всѣхъ городахъ сѣвернаго Китая.

— Магзосса—имя незамѣтной героини крымской кампаніи, которой Англія на дняхъ отпраздновала девяностилѣтній юбилей. Марія Станислава-Жозефина—была правой рукой извѣстной Флоренціи Найтингэльтъ въ ея благотворительной дѣятельности. Въ 1846 г. она поступила въ монастырь, но въ октябрь 1854 г. отправилась въ качествѣ помощницы Флоренціи Найтингэльтъ въ Крымъ. Здѣсь она съ рѣдкой самоотверженностью ухаживала за ранеными. Часто ее видѣли возлѣ раненыхъ сидѣвшей прямо на землѣ или отбывающей отъ крысь, въ большемъ количествѣ наполнявшихъ палату. Теперь уже глухая и почти слѣпая, она находится въ Лондонѣ, въ монастырь св. Іоанна и св. Елизаветы и впервые рѣшилась покинуть келью, только чтобы принять поздравленія въ день юбилея.

— «Semaine litteraire» 28-го сентября передаетъ перипетіи, пережитыя несчастной великой арміей во время похода 1812 года, и между прочимъ отмѣчаетъ замѣчательную отвагу швейцарцевъ. Наполеонъ цѣнилъ швейцарскихъ солдатъ, и когда его братъ Іосифъ вступалъ на неаполитанскій престолъ, то императоръ говорилъ ему: «Ты возьмешь съ собою первый швейцарскій полкъ. Это отважные люди. Ты можешь положиться на нихъ. Они никогда тебѣ не измѣнятъ!» Онъ такъ былъ увѣренъ въ швейцарцахъ, что взявъ въ русскій походъ четыре швейцарскихъ полка, около 7,265 солдатъ, и не раскаялся: настолько ихъ поведеніе было образцово во время этого несчастнаго для французовъ похода. Особенно злополучны были для нихъ два дня, 18-го октября и 28-го ноября; первое было особенно смертоносно, когда они прикрывали отступление Сепъ-Сирскаго отряда въ Полоцкѣ и этимъ мѣшали русскимъ его раздавить, а 28-го ноября при переходѣ Березины они выдерживали въ теченіе десяти часовъ натискъ обѣихъ русскихъ армій и этимъ спасали остатки Великой арміи. Вообще швейцарцы всегда предпочитали оборонительную войну, но при случаѣ умѣли перейти и въ наступательную, какъ случилось въ Полоцкѣ. Они выказали столько отваги во время несчастнаго похода, что французскій генералъ Мерль, поздравляя полковника одного полка, участвовавшего въ полоцкомъ бою, писалъ: «Невозможно выказать болѣе отваги и хладнокровія». А когда Тьеръ обвинялъ швейцарцевъ, что они выказали слишкомъ много пыла, воздузскій капитанъ Луи Вего, одинъ изъ героевъ того дня, вспоминая эти слова, написалъ въ своихъ мемуарахъ: «Слишкомъ много пыла! Но, г. Тьеръ, вы забываете, что надо было воспрепятствовать, чтобы остатки Великой арміи не нашли могилу въ Березинѣ». Швейцарцы ни разу не потеряли ни одного орла, ни одного знамени.

Когда швейцарцы служили въ иностранныхъ арміяхъ, замѣчаетъ авторъ статьи Гильянтъ, они приносили съ собою любовь къ родинѣ на знаменахъ, подъ которыми сражались. Это утверждаютъ всѣ швейцарскіе офицеры, написавшіе воспоминанія. «Страдали за родину,— писалъ поручикъ Пьеръ-де-Шалле:—за родину дрались!» А другой капитанъ, невшателецъ Россль, эту отвагу

и любовь къ родинѣ объясняетъ тѣмъ, что швейцарцы хотѣли доказать, что они не выродились и берега Двины и Березины надолго еще удержатъ память о славѣ швейцарскаго имени.

— «*Rivista di Roma*» рассказываетъ любопытный эпизодъ изъ жизни Наполеона I, переданный сенаторомъ Габба со словъ восьмидесятилѣтней Лены Виньяни. Это была въ свое время красавица, и въ ея жизни, разумѣется, было не мало пикантныхъ анекдотовъ. Среди нихъ одинъ случившійся на празднествѣ въ честь Наполеона, устроенномъ миланскими купцами. Императору были представлены дамы, присутствовавшія на празднествѣ, и между ними синьора Виньяни. Наполеонъ почти ко всемъ обращался съ какими-нибудь вопросами, съ нею разговоръ былъ болѣе продолжительнымъ. Спросивъ ее объ ея имени, мѣстѣ рожденія и социальномъ положеніи, онъ прибавилъ: «Никогда не забуду вашихъ глазъ!» Затѣмъ онъ спросилъ: замужемъ ли она? есть ли у нея сыновья? На ея утвердительный отвѣтъ онъ сказалъ ей: «Если вы хотите хорошо воспитать сыновей, исключите изъ вашего жилища диваны».

— Письма Коклэна и Зоненталя.—Въ Германіи, Австріи и даже во Франціи были распространены слухи, что извѣстный нѣмецкій актеръ Ларошъ—сынъ Гете. Эти слухи основывались не на солидномъ фундаментѣ, а теперь ихъ сомнительность еще болѣе увеличивается, благодаря словамъ извѣстнаго нѣмецкаго трагика Зоненталя, скончавшагося въ Прагѣ 4-го апрѣля 1909 года. Въ октябрьскомъ «*Deutsche Revue*»¹⁾ находится его переписка съ различными выдающимися лицами и между прочимъ съ французскимъ актеромъ Коклэномъ.

Послѣдній въ своемъ письмѣ къ Зоненталю какъ разъ поднимаетъ этотъ вопросъ. Онъ проситъ сообщить ему свѣдѣнія о «вашемъ Ларошѣ». Онъ былъ французскаго происхожденія, и генералъ Раппъ предложилъ ему подготовиться для поступленія во «Французскую Комедію». «Я слышалъ,—пишетъ Коклэнъ:—что подозрѣваютъ, будто Гете его отецъ. Мнѣ хотѣлось бы имѣть относительно этого кое-какія подробности: я хочу написать небольшую повѣсть, которую у меня просятъ уже давно, и мнѣ кажется, что она была бы интересна съ Ларошемъ—героемъ».

На это Зоненталь отвѣтилъ, что объ этомъ столько басенъ пушено въ ходъ, что затруднительно добраться до истины. Онъ, наприимѣръ, слышалъ, что это басня, будто Ларошъ сынъ Гете и, вѣроятно, это результатъ случайнаго сходства съ великимъ поэтомъ. Въ 1822 году Ларошъ былъ приглашенъ въ Веймаръ, гдѣ именно онъ познакомился съ Гете и подъ его руководствомъ изучалъ «Фауста». Вотъ настоящая правда, остальное досужій-вымыселъ.

Въ своемъ письмѣ Коклэнъ говоритъ, что онъ попрежнему намѣревается исполнить роль Мефистофеля. Но такъ какъ онъ не могъ добиться, чтобы «Фауста» дали на сценѣ «*Théâtre Français*», то рѣшилъ отправиться въ Америку для исполненія этой роли и рассчитываетъ, что по его возвращеніи «Фауста» поставятъ на французской сценѣ. Коклэнъ выражалъ желаніе имѣть старый текстъ «Фауста», какъ его играли прежде, чѣмъ была поставлена вся поэма.

¹⁾ Briefe von Adolf v. Sonnenthal. «*Deutsche Revue*», October 1912.

На это Зоненталь выражает радость, что Кокленъ хочет сыграть Мефистофеля. «Я не отрицаю, что для васъ это будетъ двойная и тройная громадная работа; вѣдь «Фаустъ» специфически нѣмецкая пьеса. Самому вамъ еще легче играть Мефистофеля, такъ какъ чортъ подходитъ ко всякой нации; но Грехень, этотъ трогательный прототипъ нѣмецкой дѣвушки, и особенно самого Фауста—трудно». «Только хватитъ ли терпѣнія у французской публики, чтобы понять нѣмецкаго поэта?» спрашиваетъ онъ.

— «Hebdo-Debat» въ нѣсколькихъ словахъ передаетъ исторію въ свое время излюбленнаго танца «польки». Въ Россіи принято считать «польку» польскимъ танцемъ, благодаря его названію. Между тѣмъ онъ чешскаго происхожденія и означаетъ полу-па, «полка», что по-чешски половина. Исторія этого танца слѣдующая. Одна прислуга какъ-то, соскучившись въ своей кухнѣ, принялась плясать, выдѣлывая па, какія ей вбредли въ голову, подпѣвая себя какой-то мотивъ ея родины. Хозяева, заставъ служанку за пляской, позвали ее въ гостиную и заставили проплясать этотъ танецъ предъ однимъ музыкантомъ, по имени Неруда, который записалъ какъ мотивъ, такъ и па. Прошло немного времени, и на балу одной буржуазной семьи впервые протанцовали этотъ танецъ. Это произошло въ 1830 году. Черезъ пять лѣтъ этотъ же самый танецъ, состоящій изъ полу-па, появился въ Прагѣ, гдѣ его назвали «полка» половица. Четыре года спустя, въ 1839 году, онъ появляется уже въ Вѣнѣ. Здѣсь онъ произвелъ положительный фуроръ, и композиторы принялись наперебой сочинять для него мотивы. Въ 1840 году пражскій танцоръ Роабъ впервые протанцовалъ польку въ Парижѣ въ театрѣ «Одеонъ»; съ этого момента слава о немъ обѣжала Европу, и со сцены онъ попалъ въ салоны.

— «Excelsior» передаетъ анекдотъ, рассказанный однимъ членомъ нѣмецкаго яхтъ-клуба. Когда однажды «Hohenzollern» вошелъ въ норвежскій портъ, то императоръ Вильгельмъ, которому надоѣлъ медленный ходъ яхты, выйдя изъ терпѣнія, самъ позвонилъ въ колоколь, чтобы прибавить ходу. Но, къ его великому удивленію, пилотъ, старый норвежець, по имени Нардунъ, бросился къ телефону и закричалъ механикамъ: «Замедлите, не обращайтесь вниманія на звонъ». Вильгельмъ смѣрилъ взглядомъ дерзкаго, осмѣливагося такъ говорить въ его присутствіи и произнесъ: «Пилотъ... ступайте и прикажите себя арестовать». — «Я не покину этого мѣста, — возразилъ старый пилотъ, не сморгнувъ глазомъ. — Судно подъ моимъ управленіемъ, и никто, даже императоръ не можетъ отдавать мнѣ приказаній».

Присутствовавшіе офицеры молча переглянулись, зная, что на сторонѣ пилота всѣ морскія правила. Они очень удивились, увидя, что Вильгельмъ покинулъ мостикъ и предоставилъ пилоту, какъ ему угодно управлять яхтой.

На другой день дурное расположеніе духа Вильгельма разсѣялось, онъ вознаградила стараго пилота орденомъ и назначилъ его своимъ официальнымъ пилотомъ въ норвежскихъ водахъ.

— «Nuova Antologia» приводитъ выдержки изъ статьи въ «Gazette de Lausanne», посвященной Льву Николаевичу Толстому, въ которой дается очеркъ его военной дѣятельности. Собственно очеркъ не представляетъ для русскихъ новинки, какъ заимствованный изъ русскихъ источниковъ. Можно отмѣтить только иска-

женія русских именъ и названій. «Современникъ» обращенъ въ «Surimmenikъ» Татьяна Александровна (невѣстка Толстого) въ «Taziane Alexandrovka».

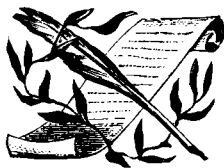
— «Literarische Echo» помѣстило цѣлую серію статей Ансельмо Гейне, посвященныхъ «колоніи писателей». Нѣмецкіе писатели сдѣлали оригинальную попытку обособиться собственнымъ кружкомъ, и въ 1910 году эту мысль осуществили братья Гартъ вмѣстѣ съ своими товарищами, положивъ начало колоніи индивидуалистовъ. Извѣстное число сторонниковъ этой идеи собралось въ нанятомъ помѣщеніи, какъ въ сборномъ мѣстѣ. Гейне такъ рисуетъ впечатлѣніе, произведенное на него этой общиной. Что-то мистическое витало надъ этими людьми, собиравшимися на большія празднества посвященія (пріемъ новыхъ членовъ), гдѣ проповѣдывалось «новое ученіе». Сущность его состояла въ культѣ героевъ. Въ конференціяхъ членовъ разъяснялись различныя обстоятельства, при которыхъ проявлялся героизмъ. Въ этой новой манерѣ жить и дѣйствовать долженъ былъ господствовать и идеаль, также какъ религія, наука и искусство. Братья Гартъ, а также ихъ сторонники съ такимъ жаромъ, серьезностью и авторитетомъ проводили свою идею, сила внушенія была такъ велика, что даже проникла въ ряды буржуазіи и увлекла многихъ изъ ихъ среды.

Новая община не хотѣла слышать ни о правящихъ, ни о повинующихся; главы и руководители должны были являться пионерами, пролагающими новый путь. Одинаково среди нихъ не было и судей. Вмѣсто «брака крови», представляющаго союзъ чувственности и случая, явился бракъ ума (интеллектъ). Весною 1900 г. справлялся праздникъ весны, и во время ночной прогулки члены кружка пѣли и мечтали,—настолько они были поклонники природы. Но все это еще слишкомъ чувствовалось мозгами; все, что до тѣхъ поръ было лишь просто словами, должно было сдѣлаться фактомъ.

Съ этой цѣлью была панята старая санаторія «Schlochtensee» съ паркомъ и полемъ. Предполагалось существовать общиной, не только во время какихъ-нибудь собраній, но ежедневно чтобы вмѣстѣ совершать необходимыя работы, какъ, напримѣръ, содержать домъ, садъ. Но здѣсь именно проявилась блестящая безпечность братьевъ Гартъ. Братъ Генрихъ возился въ нижнемъ этажѣ въ кухнѣ съ кухоннымъ персоналомъ и въ то же время велъ бесѣду по телефону, соединявшему его съ берлинскимъ издательскимъ домомъ Шерль, которому онъ попрежнему давалъ критическія статьи и фельетоны. Сестры общины, а также жены и ихъ подруги поочередно брали на себя роль хозяекъ и заботились о хозяйствѣ. Явившіеся въ колонію гости думали, что жили въ старинной сказкѣ. Члены общины жизнерадостно веселились вмѣстѣ, одѣтые безъ различія пола въ фантастическія туники яркихъ цвѣтовъ. Въ полѣ нѣжная какаинибудь дорафаэльская мадонна дѣлала попытки посѣять рѣпу; въ паркѣ находился театрикъ, гдѣ всегда что-нибудь разыгрывали. Кушанье приносилъ первый встрѣчный прямо на листьяхъ растений. Расчетъ велся за все не деньгами а билетиками и фишками общины. И надъ всѣмъ этимъ парилъ аромать юности, довѣрія и производилъ впечатлѣніе опьяняющаго и увлекающаго чуда. Здѣсь было и безумное веселье, и смѣшеніе самыхъ разнообразныхъ элементовъ,

мечта и тѣлесныя упражненія. Но это была пока попытка, которая имѣла свой скорый конецъ.

— «Deutsche Revue» за сентябрь мѣсяцъ, говоря о внѣшней политикѣ Германіи («Hindernisse auf dem Wege deutscher aus würdiger Politic» (Препятствія на пути нѣмецкой внѣшней политики), старается увѣрить, что сама Германія настроена самымъ миролюбивымъ образомъ, а сѣмя вражды расбрасываютъ пангерманисты. Они сѣютъ недовѣріе къ Германіи или, вѣрнѣе, къ ея политикѣ. Они вызываютъ конфликты, грозящіе войной, и если бы германское правительство хотѣло ея, то использовало обстоятельства. Германія хочетъ одного: сближенія съ Англіей; однако это сближеніе немыслимо, пока существуетъ обоюдная вражда—въ сердцѣ германцевъ ненависть къ англичанамъ, въ сердцѣ англійскаго народа—недовѣріе къ нѣмцамъ. Правда, имъ нужны колоніи, но не настолько велика эта надобность, чтобы изъ-за этого заводить войну. Напротивъ, для этого именно и слѣдуетъ сблизиться съ Англіей: это будетъ способствовать удержанію прежнихъ колоній и, быть можетъ пріобрѣтенію другихъ. Такого мнѣнія придерживался и Бисмаркъ. Поэтому Германія должна стремиться и поставить себѣ цѣлью разсѣять недовѣріе англичанъ. Но этому мѣшаютъ пангерманисты.

С М Ъ С Ъ.

УБЛИЧНОЕ собрание императорской академіи наукъ. 25-го сентября, подъ предѣдательствомъ вице-президента императорской академіи наукъ П. В. Никитина, состоялось публичное засѣданіе академіи для присужденія наградъ графа Уварова. Непременный секретарь академикъ С. Ф. Ольденбургъ прочиталъ отчетъ о присужденіи премій, изъ котораго видно, что всего къ конкурсу было представлено 8-ю авторами 9 сочиненій. Большую награду въ 1.500 рублей особая коммиссія постановила присудить П. Ф. Кантереву за сочиненіе его «Патріархъ Никонъ и царь Алексѣй Михайловичъ». Какъ видно изъ отзыва о сочиненіи, данаго заслуженнымъ профессоромъ П. В. Знаменскимъ, трудъ этотъ, посвященный обзорѣню прогрессивныхъ движеній въ патріаршество Юсифа и устанавливающій историческое значеніе

времени Никона и царя Алексѣя Михайловича, какъ времени, когда у русскихъ людей стала укрѣпляться мысль о необходимости обратиться за образованіемъ къ Западу, — трудъ весьма полезный не только въ научномъ, но и въ практическомъ отнесеніи — для противораскольнической полемики. Малая награда въ 500 рублей присуждена А. Л. Петрову за его «Матеріалы для исторіи Угорской Руси». Давая отзывъ объ этомъ трудѣ, заслуженный профессоръ Т. Д. Флоринскій видитъ главное значеніе его въ обнародованіи извлеченныхъ изъ архивовъ новыхъ, весьма важныхъ документовъ, проливающихъ свѣтъ на экономическое положеніе крестьянъ въ Угріи въ XVIII вѣкѣ и на состояніе книжной и устной рѣчи угороруссовъ въ ту же пору, что въ цѣломъ вноситъ нѣчто новое, весьма цѣнное въ изученіе Угорской Руси. Въ частности, рецензентъ отмѣчаетъ широкую эрудицію автора, его начитанность въ мадьярской научной литературѣ и въ высшей степени добросовѣстное, любовное отношеніе его къ процессу работы и къ предмету его трудныхъ, кропотливыхъ изысканій. Та-

кая же малая награда въ 500 рублей присуждена труду И. И. Лапко «Великое княжество Литовское во второй половинѣ XVI вѣка. Литовскій-русскій повѣтъ и его сеймикъ». Авторъ стремится къ изслѣдованію и изображенію социально-политическаго строя великаго княжества Литовскаго въ эпоху заключенія и реализація уніи его съ короною польскою. Авторъ дѣлаетъ починъ въ изслѣдованіи и изображеніи тѣхъ учреждений, которыя можно назвать политическими органами шляхетской демократіи, т.-е. сеймика, съѣзда великаго княжества и вольнаго сейма. Автору, по отзыву профессора М. К. Либавскаго, удалось выполнить только часть задуманной имъ программы, но авторъ обнаружилъ огромную начитанность въ первоисточникахъ, далеко выходящую за предѣлы эпохи, къ которой ближайшимъ образомъ относятся его изслѣдованія. Недостатками труда являются: преобладаніе простаго описанія надъ историческимъ, отсутствіе сопоставленія литовско-русскаго повѣтоваго сеймика съ польскимъ, повторенія, длинноты, излишнія подробности. Тѣмъ не менѣе, для всѣхъ, кто будетъ изучать внутренній строй литовско-русскаго государства въ эпоху установленія и осуществленія его уніи съ Польшей, книга эта дастъ богатый, надежный матеріалъ и руководство. Наконецъ, за неимѣніемъ болѣе въ своемъ распоряженіи денежныхъ наградъ, коммисія постановила присудить почетный отзывъ изслѣдованію священника М. С. Попова «Арсеній Мацѣвичъ и его дѣло». Первая часть книги посвящена первому періоду жизни Арсенія, до его назначенія на ростовскую кафедру, вторая—періоду служенія Арсенія на этой кафедрѣ и имѣетъ не столько біографическій, сколько общій церковно-историческій интересъ, сообщая богатый матеріалъ какъ для мѣстной ростовской церковной исторіи, такъ и для исторіи русской церкви вообще. По отзыву рецензента, профессора Б. В. Титлинова, авторомъ затронуто много историческихъ фактовъ и вопросовъ, касающихся не только одного Арсенія Мацѣвича, но, конечно, центральной фигурой является и долженъ быть послѣдній, такъ какъ личность и «дѣло» Арсенія тѣсно сплетаются между собою, такъ что освѣщеніе той и другой становится въ неизбѣжную взаимную зависимость. По отзыву рецензента, изъ всѣхъ существующихъ работъ объ Арсеніи Мацѣвичѣ трудъ М. С. Попова, безспорно, самый обстоятельный и научный, и со стороны фактовъ едва ли остается желать чего-либо большаго. Въ изъявленіе своей признательности рецензентамъ за понесенные ими труды академія постановила благодарить ихъ и назначила имъ установленныя для постороннихъ ученыхъ золотыя Уваровскія медали.

Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ. 7 октября состоялось подъ предѣлательствомъ Я. Н. Колубовскаго собраніе членовъ кассы. Около 3 часовъ времени собравшіеся посвятили дебатамъ по вопросу объ экономкѣ дома писателей имени В. Ф. Голубева, Ивановой, остающейся еще до сихъ поръ въ этой должности, несмотря на протесты представителей кассы въ совѣтъ по управленію означеннымъ домомъ. Въ концѣ концовъ вопросъ попрежнему остался открытымъ. Въ коммисію по измѣненію устава о недоимкахъ избраны: Колубовскій, Линевъ, Коровиченко, Кремлевъ и Либровичъ; въ ревизионную коммисію Я. Н. Колубовскій, Линевъ, Михайловъ, Пекарскій и Коровиченко. По вопросу о завѣщаніи умершаго члена кассы К. В. Скурховича собраніе

постановило, согласившись съ мнѣніемъ правленія, оставленные завѣщателемъ около 2,000 рублей причислить къ ссудному капиталу. Въ заключеніе избраны 22 новыхъ члена кассы.

Музей училища правовѣдѣнія. Немногіе знаютъ о существованіи интереснѣйшаго музея при императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія, куда собрано, если и не все, то очень многое, что можетъ напомнить о жизни училища и о знаменитыхъ правовѣдахъ-законодателяхъ, ученыхъ, писателяхъ, музыкантахъ и особенно объ основателѣ училища принцѣ П. Г. Ольденбургскомъ. Музей основанъ по инициативѣ графа Г. П. Сюзора и главнымъ образомъ его стараніями, при содѣйствіи принца А. П. Ольденбургскаго. Еще раньше по мысли Г. К. Рѣпинскаго была учреждена библіотека изъ сочиненій бывшихъ правовѣдовъ или изъ такихъ произведеній, которыя освѣщали бы жизнь и дѣятельность училища и его питомцевъ. Библіотека занимала уголь въ фундаментальной библіотекѣ училища. Для музея тамъ стало тѣсно (а музей открытъ въ день семидесятипятилѣтняго юбилея училища въ 1910 году), почему съ разрѣшенія директора подъ музей была отведена часть дортуара старшаго курса. Въ музей между прочимъ имѣются нѣкоторыя вещи изъ рабочаго кабинета композитора А. Н. Сѣрова, его портреты и его дѣтскіе фантастическіе рисунки, какъ, напримѣръ, «Буря»—съ надписью: «моей первой учительницѣ музыки Жибелсвой». Музею обѣщанъ братомъ покойнаго В. А. Сѣровымъ рояль композитора, за которымъ онъ создавалъ свои гениальныя произведенія. Слабо представленъ П. И. Чайковскій, такъ какъ братомъ композитора М. И. устроенъ музей въ гор. Клину, куда собрано все, что только можно было раздобыть. Въ 1905 году, во время аграрныхъ безпорядковъ, музей былъ перевезенъ въ Москву, а теперь онъ опять въ Клину. Приходится жалѣть, что музей не въ Петербургѣ или Москвѣ, гдѣ онъ былъ бы доступенъ для широкой публики. Много собрано реликвій поэта Апухтина, несмотря на то, что братомъ его были ликвидированы сейчасъ же послѣ смерти поэта всѣ его вещи. Имѣется маска, полученная отъ профессора Баха, шапка, которую онъ носилъ двадцать лѣтъ, палка, съ которой онъ не разставался до послѣднихъ дней, и портреты. Особенно интересенъ портретъ поэта въ то время, когда онъ былъ худенькимъ правовѣдомъ. Благодаря содѣйствію дочерей А. М. Жемчужникова, удалось получить большой портретъ его и фотографію домика въ Тамбовѣ, гдѣ поэтъ спялъ на балконѣ. Имѣются портреты композитора Г. А. Липина, извѣстнаго судебнаго дѣятеля, поэта и художника А. А. Маркова и В. Н. Энгельгардта, извѣстнаго астронома, жившаго въ окрестностяхъ Дрездена, гдѣ онъ имѣлъ свою обсерваторію. (Онъ же на свои средства выстроилъ въ Казани обсерваторію и пожертвовалъ въ университетъ свою богатѣйшую библіотеку; а въ Суворовскомъ музеѣ есть цѣлая комната его имени). Исключительный интересъ представляютъ письма правовѣда перваго выпуска Барановскаго и его дневникъ, который будетъ отпечатанъ только послѣ смерти жертвователя. Барановскій пріѣзжалъ на юбилейное торжество училища и всѣхъ поразилъ своею бодростью и живостью ума, несмотря на свои девяносто пять лѣтъ. Во главѣ музея стоитъ цѣлый совѣтъ, предсѣдателемъ котораго состоитъ сенаторъ Н. Д. Чаплинъ, который относится къ музею съ огромнымъ интересомъ и любовью; секретаремъ и главнымъ дѣятелемъ является графъ Г. П. Сюзоръ.

Чеховскій уголокъ. Чеховскій уголокъ въ «комнатѣ сороковыхъ годовъ» въ Румянцовскомъ музеѣ понемногу пополняется. Въ настоящее время этотъ уголокъ представляетъ одну витрину, заполненную изданіями, письмами, фотографіями и т. п.; вокругъ витрины—серебряные, числомъ шестнадцать, вѣйки съ гроба А. П. Чехова, хранившіеся прежде въ историческомъ музеѣ, теперь переданные сюда. Какъ въ свое время сообщалось, непосредственную заботу объ устройствѣ въ Румянцовскомъ музеѣ комнаты имени Чехова и ея пополненіе взяли на себя М. П. Чехова, И. П. Чеховъ, О. Л. Книпперъ и В. В. Каллашъ. Помимо нихъ, музей поручилъ этотъ вновь организующійся чеховскій уголокъ наблюденію одного изъ хранителей музея, А. А. Борзову. За лѣто въ комнату поступила цѣлая коллекція новыхъ фотографій А. П. Чехова. Есть, напримѣръ, интересная серія фотографій, изображающая писателя на лонѣ природы, въ дачной мѣстности, въ обществѣ жены, К. С. Станиславскаго, нѣсколькихъ «дачницъ» и одного друга. Повидимому, снимки дѣлались въ веселый часъ. Вся группа на цѣломъ рядѣ снимковъ позируетъ вокругъ одного и того же стога сѣна. Лица у всѣхъ веселыя, за исключеніемъ лица самого А. П. Но подъ конецъ эта фотографическая забава развеселила, повидимому, и его: на послѣдней фотографіи онъ—съ милой, веселой улыбкой. Подарена фотографія А. П. Чехова въ молодости съ Т. Щепкиной-Куперникъ и Яворской. Поступили фотографіи А. П. Чехова въ молодости въ семейномъ кругу. Устроители комнаты приступили къ собиранію коллекцій фотографій друзей покойнаго писателя. Есть уже нѣсколько очень интересныхъ группъ. Поступили уже и письма Чехова, но пока въ небольшомъ количествѣ. А. П. Веселовскій передалъ сюда письма Чехова къ издателю журнала «Артистъ» Ѳ. А. Куманину. Г. Безносцовъ прислалъ серію писемъ Чехова, сохраненныхъ его покойнымъ братомъ-врачомъ. Общество любителей россійской словесности прислало свои изданія, въ которыхъ вошли произведенія Чехова. Подаренъ суфлерскій экземпляръ пьесы «Лѣшій» въ изданіи Разсохина въ весьма скромномъ литографированномъ видѣ, цѣлая серія программъ юбилейныхъ и иныхъ чеховскихъ спектаклей и др. Чешскій писатель Геромиръ Поѣздный, большой поклонникъ и пропагандистъ на своей родинѣ Чехова, прислалъ произведенія Чехова въ его переводѣ на чешскомъ языкѣ и др. Но по настоящему комната имени А. П. Чехова въ Румянцовскомъ музеѣ обогатится и расширится, когда М. П. Чехова и О. Л. Книпперъ передадутъ въ нее, что ими съ большой любовью собрано о покойномъ писателѣ.

Гдѣ родился Пушкинъ? Общество любителей россійской словесности, получивъ отъ городского управленія предложеніе установить точно мѣсто, гдѣ родился А. С. Пушкинъ, поручило заняться этимъ вопросомъ своимъ членамъ—В. В. Каллашу и В. Я. Брюсову. В. В. Каллашъ и В. Я. Брюсовъ выяснили, что доска на домѣ Ключина на Нѣмецкой улицѣ съ указаніемъ на то, что въ этомъ домѣ родился великій поэтъ, помѣщенная нѣкогда московскимъ городскимъ управленіемъ, поставлена, безусловно, по недоразумѣнію. Дома, въ которомъ родился Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ, и единственная задача, которую придется выполнить,—только точно установить ту

усадебу, на которой когда-то стоялъ этотъ домъ. Это будетъ сдѣлано по старымъ планамъ Москвы и другимъ многочисленнымъ матеріаламъ, имѣющимся въ распоряженіи общества любителей россійской словесности.

Столѣтній юбилей церкви Покрова Пресвятыя Богородицы (въ Большой Коломнѣ). Въ воскресенье 30-го сентября исполнилось ровно сто лѣтъ со дня освѣщенія, въ 1812 году, главнаго алтаря Покровской церкви. Она была основана въ 1798 году въ мѣстности, съ 1740-хъ годовъ носившей имя «Коломны» (отъ слова «Колоніе») и населенной по преимуществу адмиралтейскими служащими, корабельщиками, мелкими чиновниками, переведенными сюда изъ погорѣвшихъ во время большихъ пожаровъ 1736 и 1737 годовъ морскихъ и адмиралтейскихъ свободъ, расположенныхъ по Мойкѣ. Церковь строилась по плану и рисункамъ И. Г. Старова (1743—1808), знаменитаго зодчаго того времени, строителя Троицкаго собора, Александро-Невской лавры и зданія Таврическаго дворца. Средства на постройку и украшеніе церкви составились исключительно изъ пожертвованій мѣстнаго приходскаго населенія. Церковь Покрова тѣсными узами связана съ жизнью Коломны,—увеличеніе численности и благосостоянія жителей увеличивало и размѣры, и благолѣпіе храма. Онъ былъ дважды расширенъ: въ 1848—1850 годахъ, ровно черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ основанія, и вторично, еще черезъ пятьдесятъ лѣтъ, въ 1899—1902 годахъ,—заботами нынѣшняго своего настоятеля протоіерея В. А. Акимова. Зданіе храма, вся утварь и убораство—все это есть жертва народной вѣры и любви къ церкви. Къ юбилею вышли въ свѣтъ иллюстрированная «Исторія Покровско-Коломенской церкви», составленная І. Д. Туренскимъ, и «Краткое сказаніе о построеніи и благоуукрашеніи» ея, составленное настоятелемъ протоіереемъ В. А. Акимовымъ.

Юбилей профессора В. С. Серебrenикова. Петербургская духовная академія праздновала 1-го октября двадцатипятилѣтній юбилей ординарнаго профессора по кафедрѣ опытной психологіи В. С. Серебrenикова. Въ 1882 году В. С. поступилъ въ духовную академію, гдѣ уже, будучи студентомъ, обнаружилъ особенную склонность къ психологіи и для лучшаго ознакомленія съ новѣйшими сочиненіями по этому предмету проходилъ практическій курсъ подъ руководствомъ профессоровъ военно-хирургической академіи Грубера и Лестафта. Юбиларъ имѣетъ высшую ученую степень доктора за сочиненіе «Лейбницъ и его ученіе о душѣ чловѣка». Между прочимъ, В. С., не удовольствовавшись работами въ Россіи, отправился за границу, гдѣ ознакомился съ институтами экспериментальной психологіи въ Лейпцигѣ, Геттингенѣ, Парижѣ, Боннѣ, Гейдельбергѣ и Берлинѣ и прослушалъ полный курсъ у знаменитыхъ Вундта и Гюльпе. Юбиларъ, помимо академіи, преподаетъ въ императорскомъ училищѣ правовѣдѣнія исторію философіи въ связи съ исторіей философіи права (съ 1897 года) и состоитъ много лѣтъ членомъ совѣта петербургскаго философскаго общества, товарищемъ предѣдателя русскаго общества нормальной и патологической психологіи при военно-медицинской академіи и въ рядѣ другихъ обществъ. Среди служащихъ и учащихся академіи юбиларъ пользуется самыми искренними симпатіями.

Археологическія развѣдки въ Вяземскомъ уѣздѣ ¹⁾. Въ началѣ мѣсяца сего года по неоднократной и настойчивой просьбѣ мѣстнаго учителя П. С. Кириллова мною были произведены археологическія развѣдки и раскопки въ окрестностяхъ села Стараго Меншикова Вяземскаго уѣзда, давшія весьма интересные результаты. Въ верстѣ отъ села, при впаденіи рѣчки Боровки въ рѣку Вязьму, скрытое въ словѣмъ лѣсу, раскинулось обширное поле кургановъ, гдѣ ихъ принято свыше семидесяти пяти. Урочище это называется въ одной части «Маденово», въ другой—«Семичастное». Здѣсь были разрыты три кургана, давшіе погребенія съ трупосожженіемъ XI—XII вѣковъ, сопровождаемыя обычными могильными украшеніями: золотисто- и серебристо-стеклянными бусами, височными кольцами, гривнами, привѣсками, перстнями, курганными ножнами, погребальными урнами и проч. При опредѣленіи положенія кургановъ по отношенію рѣчки Вязьмы были усмотрѣны курганы среди распаханныхъ полей, частью заѣзженные прелегающей здѣсь дорогой, гдѣ пробныя раскопки обнаружили необычайно мощный зольный слой и никакихъ остатковъ ни вещей, ни костяка. Эти послѣдніе курганы вывели къ самому берегу рѣки Вязьмы, къ высокой песчаной дюнѣ, совершенно лишенной растительности, но именуемой «Боромъ». Дюна эта дала самое неожиданное и дѣльное открытіе: на ней обнаружены и по возможности тщательно изслѣдованы двѣ другъ подле другомъ залегающія неолитическія стоянки, при чемъ верхняя характеризовалась тонкимъ зольнымъ слоемъ—слоемъ не толще вершка, болѣе культурными и лучше обожженными черепками, а также и очень маленькими желѣзными обломками, тогда какъ нижній зольный слой, залегающій на глубинѣ пяти вершковъ отъ перваго, доходилъ мощностью до трехъ—трехъ съ половиной вершковъ и обнаруживалъ множество древнѣйшихъ горшечныхъ обломковъ весьма плотной обжиги съ примѣсью крупнаго кварцеваго песку. Этотъ послѣдній слой далъ въ одномъ, хотя уже попорченномъ «вывѣйкой» мѣстѣ цѣлое скопленіе ядрищъ (нуклеусовъ) кремневыхъ осколковъ и различныхъ каменныхъ орудій, характерную особенность конхъ составляетъ ихъ необычайная миниатюрность. Орудія являются сколотыми, но безо всякой ретуши (послѣдующей обивки), что даетъ право отнести ихъ къ самому раннему «неолиту», можно сказать, связываютъ его съ «мезолитомъ». Къ сожалѣнію, по самой дюнѣ проходить дорога и, вѣроятно, брался песокъ для строительныхъ надобностей, вслѣдствіе чего и образовалась вышеупомянутая «вывѣйка». Кроме того, эта дюна уже на половину сползла въ рѣку Вязьму, ежегодно подмывающую ея пятнадцатисажженный обрывъ, и на днѣ рѣки, вѣроятно, погребено множество каменныхъ орудій. Далѣе, по берегу той же рѣчки Вязьмы, въ четырехъ верстахъ отъ Стараго Меншикова была произведена раскопка (одной поперечной траншеей въ двадцать пять аршинъ длины и три аршина ширины) городища при деревнѣ Тупичино, давшая обычные желѣзные предметы, массу черепковъ, какіе-то особые глиняные рюмкообразные сосуды, но самое интересное—остатки глинобитныхъ и затѣмъ обожженныхъ сооружений квадратной формы съ входами на югъ. Тутъ же, шагахъ въ семидесяти отъ городища,

¹⁾ Сообщила Е. Клеглова.

произведена пробная раскопка одного изъ цѣлой группы кургановъ, обнаружившая болѣе древнее и бѣдное погребеніе съ неполнымъ трупосожженіемъ, приблизительно IX—X вѣковъ, чѣмъ дали вышеописанныя раскопки въ урочищахъ Маденово и Семичастное.

Раскопки, произведенныя профессоромъ Брауномъ. Лѣтъ восемнадцать назадъ профессоръ Браунъ, производя раскопки въ пещерномъ городѣ Мангупъ-Кале, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Бахчисарая, открылъ древній христіанскій храмъ византійской эпохи. Раскопки эти были прекращены и только въ настоящее время возобновились и производятся подъ наблюденіемъ Р. Х. Леппера, ведущаго раскопки въ Херсонесѣ. Подъ храмомъ, обнаруженнымъ профессоромъ Брауномъ, г. Лепперъ открылъ другой храмъ—болѣе древней постройки. Вокругъ храма оказалось кладбище, много могильныхъ христіанскихъ памятниковъ съ красивыми орнаментами и съ греческими надписями. Въ нѣкоторомъ отдаленіи открытъ еще храмъ малаго размѣра, съ древними гробницами и барельефомъ, изображающимъ св. Георгія Побѣдоносца. Раскапывая курганъ, изслѣдователь открылъ еще одно древнее сооруженіе—это дворецъ князя Алексѣя, что видно изъ греческой надписи на каменной плитѣ съ воротъ дворца. На этой плитѣ, помимо надписи, оказался хорошо сохранившійся византійскій двуглавый орелъ и орнаменты, мастерски выполненные. Дворецъ относятъ къ X вѣку до покоренія Мангупъ-Кале турками. Въ одномъ ближайшемъ ущельѣ обнаружено древнее кладбище и нѣсколько памятниковъ съ надписями на древне-еврейскомъ языкѣ. Памятники эти трехъ видовъ—двугорбые, одnogорбые и гладкія плиты. Судя по датамъ, они относятся къ X и XII вѣку. На нѣкоторыхъ плитахъ высѣчены инструменты, указывающіе на профессію покойнаго. При вскрытіи гробницъ древне-еврейскаго или караимскаго кладбища—въ одной оказался деформированный черепъ, въ другой—въ зубахъ черепа серебряная монета, но настолько стертая, что невозможно опредѣлить, къ какому времени она относится. Подобные черепа находили при раскопкахъ въ Херсонесѣ, Керчи и другихъ мѣстахъ.

Древній крестъ. Въ церкви погоста Унжи, Меленковского уѣзда Владимирской губерніи, особенное вниманіе обращаетъ на себя древній панагійный крестъ изъ чистаго червоннаго золота съ изображеніями на обѣихъ сторонахъ. Въсю въ крестѣ четырнадцать золотниковъ семьдесятъ пять долей; крестъ этотъ на серебряной цѣпи; онъ вложенъ въ серебряно-вызолоченный ковчегъ, украшенный жемчугомъ. На верхней доскѣ ковчега по краю вырѣзано вглубь вязью: «Спаси, Богъ, люди своя и благослови достояніе Свое, побѣды благовѣрному царю и великому князю Михаилу на сопротивныя даруяи и Своя сохраняя крестомъ люди». На задней доскѣ также вязью вырѣзано: «Повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Михаила Феодоровича всея Русіи самодержца и матери его государыни инокини Марѣы Ивановны, здѣланъ сей ковчегъ животворящему Кресту Господню въ Муромѣ въ соборную церковь архистратига Михаила въ третье лѣто государства его, лѣто 7123 Оевр. 4». Къ этому кресту издревле питали особенное благоговѣніе русскіе цари и народъ. Изъ подписи на богослужебныхъ книгахъ, пожалованныхъ царями Иоанномъ Алексѣевичемъ и Петромъ Алексѣевичемъ въ Унженскую Архангельскую

церковь, видно, что этотъ панагійный крестъ «приносимъ былъ въ Москву, въ царскій дворець, въ великимъ государямъ каждагодно». Такъ, въ Цвѣтной Трїоди по листамъ (на 53) надписано: «7200 года октября въ 20 день, по указу великихъ государей царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцевъ, дана сія книга Треодъ Цвѣтная изъ приказа Большого дворца въ Муромскій уѣздъ въ Унженскій станъ къ церкви Воздвиженія честного креста Господня, который приносится къ нимъ, великимъ государямъ, къ Москвѣ, на вся годы».

Россійская лига равноправія женщинъ. Лига равноправія женщинъ созываетъ, съ разрѣшенія правительства, первый всероссійскій съѣздъ по образованію женщинъ въ Петербургѣ съ 26-го декабря 1912 года по 4-е января 1913 года. Членами съѣзда могутъ быть: а) академики, профессора и всѣ преподающіе въ высшихъ, среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеніяхъ; б) завѣдующія этими заведеніями лица; в) члены ученыхъ, педагогическихъ и просвѣтительныхъ обществъ; г) дѣятели по образованію; д) всѣ члены Россійской лиги равноправія женщинъ и ея отдѣлений Членскій взносъ пять рублей. За всѣми справками, заявленіями объ участіи въ съѣздѣ просятъ обращаться въ россійскую лигу равноправія женщинъ (Знаменская, 20, кв. 22) на имя предсѣдательницы доктора П. Н. Шишкиной-Явейнъ.

НЕКРОЛОГИ.

БЫХОВЕЦЪ-САМАРИНЪ, Я. В. Въ четвергъ 27-го септября въ Лиговѣ въ часъ дня скончался старѣйшій артистъ Литературно-Художественнаго общества (Малый театр) Яковъ Васильевичъ Васютинскій, по сценѣ Быховецъ-Самаринъ. Покойный родился въ Одессѣ, въ 1848 году, происходилъ изъ потомственныхъ дворянъ Херсонской губерніи. Будучи студентомъ харьковскаго университета, увлекся сценой, въ молодыхъ годахъ служилъ еще у извѣстнаго Милославскаго, играя даже его репертуаръ—любовниковъ и героевъ. Въ Петербургѣ впервые въ 1889 году служилъ у Бабикова. Въ Тифлисѣ у Форкати былъ режиссеромъ тифлискаго музыкальнаго кружка, гдѣ впервые выступали гг. Шаляпинъ, Съверскій и др. Въ театр Литературно-Художественнаго общества Я. В. былъ приглашенъ Е. Н. Карповымъ, дебютировалъ въ «Норѣ», играя характерную роль прокурора-шантажиста, и затѣмъ принималъ участіе почти во всѣхъ послѣдующихъ спектакляхъ. Его дѣловитость, распорядительность, аккуратность и знаніе сцены выдвинули его въ новомъ театрѣ: послѣ г. Федорова-Юрковскаго онъ принялъ въ свое вѣдѣніе режиссерскую часть театральнаго предпріятія. Режиссеромъ покойный былъ четыре сезона и въ этотъ періодъ явился дѣятельнѣйшимъ исполнителемъ руководящихъ указаній А. С. Суворина. Затѣмъ снова сдѣлался рядовымъ артистомъ на характерныя роли, исполняя ихъ съ успѣхомъ. При его участіи были поставлены впервые «Юлій Цезарь», «Царь Феодоръ Іоанновичъ», «Максимъ Сумбуловъ». «Измилъ» и многія пьесы Островскаго. Наибольшей удачей онъ пользовался въ роляхъ Суворова («Измилъ») и пана Валевскаго («Наполеонъ и пани Валевская»). Послѣдняя роль была впервые исполнена имъ въ бенефисъ, данный ему дирекціей въ прошломъ году по случаю сорокалѣтія его артистической дѣятельности. Покойный только наканунѣ участвовалъ въ утреннемъ спектаклѣ «Пись» Островскаго въ роли Милоцова. И внезапная кончина

его опечалила товарищей, чтенших покойнаго, какъ хорошаго интеллигентнаго артиста и отзывчиваго чловѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).

† **Виноградскій, А. Н.** Телеграфъ принесъ печальную вѣсть о большой потерѣ, понесенной нашимъ музыкальнымъ міромъ, о кончинѣ послѣ продолжительной болѣзни Александра Николаевича Виноградскаго, энергичнаго и талантливаго дирижера, много содѣйствовавшаго распространенію русской музыки за предѣлами своего отечества. Уроженецъ Кіева, А. Н. тамъ же окончилъ сначала гимназію (вторую), а потомъ университетъ по юридическому факультету; но съ малыхъ лѣтъ его тянуло къ музыкѣ, которую онъ обожалъ (прекрасно игралъ на роялѣ); состоятельные родители поддерживали въ немъ это чувство, давая возможность посѣщать всѣ лучшіе концерты. По окончаніи образованія А. Н. сталъ изучать теорію композиціи (у профессора Соловьева); карьеру дирижера началъ онъ, когда былъ директоромъ саратовскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества (1884—1886 гг.). Послѣ того, какъ А. Н. былъ избранъ предсѣдателемъ кіевского отдѣленія названнаго общества, онъ здѣсь сталъ во главѣ симфоническихъ концертовъ, число которыхъ поднялъ съ 2—3 до 8—9; благодаря его таланту, энергіи и любви къ дѣлу, концерты эти имѣли большой успѣхъ, и Кіевъ занялъ одно изъ крупнѣйшихъ, послѣ столицъ, мѣстъ по своей музыкальной жизни. Слава его быстро выросла, и онъ сталъ получать приглашенія на гастролы, и не только отъ нашихъ музыкальныхъ центровъ (Петербургъ, Москва, Одесса и др.), но и отъ заграничныхъ, гдѣ онъ исполнялъ исключительно русскихъ авторовъ, знакомя иностранную публику съ лучшими образцами нашей симфонической музыки и пользуясь здѣсь выдающимся успѣхомъ. Въ Парижѣ онъ выступалъ три раза и между прочимъ на всемірной выставкѣ 1900 года, дирижировалъ онъ также на всемірной выставкѣ въ Антверпенѣ, филармоническими концертами въ Вѣнѣ и Берлинѣ (1899 г.). Покойный А. Н. между прочимъ первый исполнялъ первую симфонію преждевременно скончавшагося талантливаго композитора Калинникова, и не только въ Кіевѣ, но и повсюду, гдѣ онъ выступалъ въ качествѣ дирижера въ Россіи и за границей, завоевавъ такимъ образомъ признаніе этого дарованія. Вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ А. Н. сравнительно недавно оставилъ свою дирижерскую дѣятельность въ Кіевѣ, и значеніе этихъ концертовъ змѣтно уменьшилось. А. Н. умеръ далеко не старымъ (родился въ 1856 году), и смерть его огорчила всѣхъ любящихъ родное искусство и лично знавшихъ этого симпатичнаго и добраго чловѣка. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13138).

† **Гожевъ, А. Н.** 11-го октября скончался сенаторъ, присутствовавшій въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ, Александръ Константиновичъ Гожевъ. Покойный родился 6-го октября 1847 года и вскорѣ по окончаніи курса въ московскомъ университетѣ кандидатомъ правъ опредѣлился на службу въ сенатъ. Съ 1868 года его срокачетырехлѣтняя дѣятельность была сосредоточена по преимуществу въ гражданскомъ кассационномъ департаментѣ, гдѣ онъ занималъ должности секретаря, товарища оберъ-прокурора и съ 1901 года былъ сенаторомъ. Два разѣ онъ временно удалялся изъ сената, будучи

назначенъ въ первый разъ членомъ с.-петербургскаго окружнаго суда и въ 1899 году председателемъ департамента кievской судебной палаты. Покойный считался дѣльнымъ и знающимъ цивилистомъ. При составленіи гражданскаго уложенія онъ былъ привлеченъ въ особую комиссію по этой работѣ, въ 1878 г. составилъ и издалъ «Систематическій сборникъ рѣшеній гражданскаго кассационнаго департамента», въ двухъ томахъ: «Матеріальное право» и «Судопроизводство», въ 1885 году въ сотрудничествѣ съ г. Цвѣтковымъ—«Сборникъ гражданскихъ законовъ». Онъ принималъ также дѣятельное участіе въ эмеритальной кассѣ министерства, будучи членомъ совѣта этой кассы. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13143).

† **Гоппе, Э. Д.** 9-го октября скончался Эдуардъ Дмитріевичъ Гоппе, бывшій издатель «Всемирной Иллюстраціи», журналовъ «Грудь» и «Модный Свѣтъ», «Всеобщаго Календаря» и другихъ изданій, предпринятыхъ его братомъ Германомъ Гоппе. Покойный вошелъ въ это дѣло, какъ его главный руководитель, послѣ смерти своего брата. Богатыя средства позволили ему улучшить эти изданія и довести ихъ до уровня лучшихъ заграничныхъ иллюстрацій. Однако затраты покойнаго не окупились. Ежегодный убытокъ вызвалъ въ 1898 г. полную ликвидацію дѣлъ; Э. Д. разорился и провелъ послѣдніе годы своей жизни, нуждаясь въ необходимомъ. Какъ человекъ, онъ отличался замѣчательной трудоспособностью, скромностью и добродетельностью. Умеръ 71 года. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13141),

† **Михайловскій, П. М.** Въ часъ ночи на 27-е сентября въ Ново-Екатериинской больницѣ скончался отъ рака желудка присяжный повѣренный Петръ Михайловичъ Михайловскій. Покойный происходилъ изъ духовнаго званія. Отецъ его былъ священникомъ села Брыкова Звенигородскаго уѣзда. Первоначальное образованіе П. М. получилъ въ вѣнсанской духовной семинаріи, а по окончаніи курса поступилъ въ московскую духовную академію. Это было въ началѣ 70-хъ годовъ, когда волна общественаго движенія подъ вліяніемъ реформъ 60-хъ годовъ проникла и въ духовныя учебныя заведенія, вызывая сочувствіе къ новымъ идеямъ среди учащейся молодежи. Волна эта захватила и П. М., котораго не удовлетворяла схоластическая наука духовныхъ учебныхъ заведеній, какъ и предстоявшая дѣятельность въ духовномъ вѣдомствѣ, и онъ искалъ болѣе живого знанія и иной работы. Пробывъ въ духовной академіи годъ, онъ поступилъ на юридическій факультетъ московскаго университета. П. М. блестяще окончилъ курсъ и былъ оставленъ профессоромъ Павловымъ при университетѣ для подготовки къ профессорскому званію по к. оедрѣ каноническаго права. Вскорѣ затѣмъ П. М. зачислился помощникомъ присяжнаго повѣреннаго къ А. Е. Носу. Какъ часто бываетъ, молодому адвокату пришлось искать и другихъ заработковъ. Въ началѣ 1881 года онъ нашелъ работу въ редакціи газеты «Московскій Телеграфъ», издававшейся И. И. Родзевичемъ. Черезъ годъ изданіе было прекращено, и П. М. поступилъ въ канцелярію комитета художественно-промышленной выставки 1882 г., а по окончаніи выставки онъ занялъ мѣсто корректора «Русскихъ Вѣдомостей». Съ тѣхъ поръ въ теченіе 30-ти лѣтъ П. М. безъ перерыва работалъ въ газетѣ, занимаясь, кромѣ корректуры, составленіемъ замѣтокъ и статей по московской хроникѣ, библио-

графических замѣтокъ и отдѣльныхъ статей по юридическимъ вопросамъ. Много лѣтъ подъ рядъ онъ работалъ по выпуску номеровъ «Русскихъ Вѣдомостей». (Некрологъ его: «Рус. Вѣдом.», 1912 г., № 223).

† **Наумовъ, Я. Н.** 7-го октября скончался бывший директоръ петербургскаго учительскаго института Яковъ Николаевичъ Наумовъ. Покойный вскорѣ по выходѣ изъ петербургскаго университета кандидатомъ физико-математическихъ наукъ былъ приглашенъ преподавателемъ физики въ только что открытый с.-петербургскій учительскій институтъ. Съ этого 1872 года дѣятельность его всецѣло и тѣсно была связана съ институтской жизнью. Преподавая физику и естествовѣдѣнiе, анатомiю и физиологiю, онъ одновременно несъ обязанности воспитателя, еженедѣльно проводившаго цѣлый день въ средѣ воспитанниковъ института. При К. К. Сентъ-Илерѣ онъ былъ помощникомъ директора и затѣмъ его преемникомъ по должности директора. Какъ педагогъ, покойный вкладывалъ въ дѣло воспитанiя и образованiя будущихъ учителей городскихъ училищъ все свои знанiя и силы. Онъ, отличаясь сердечностью и доброжелательствомъ, близко зналъ каждого изъ институтскихъ воспитанниковъ и своими совѣтами и указанiями старался создать изъ нихъ будущихъ дѣятелей, стойкихъ по нравственному складу и чуткихъ къ идеямъ правды и справедливости. Изъ числа первыхъ институтскихъ преподавателей онъ оставался въ 900-хъ годахъ единственнымъ и, какъ директоръ, хранилъ въ институтскомъ учебномъ обиходѣ завѣты хорошаго прошлаго. Одновременно предсѣдательствовалъ въ обществѣ вспомошествованiя бывшимъ воспитанникамъ института и дѣятельно заботился о своевременной матеріальной и моральной помощи въ трудную минуту учительскихъ невзгодъ. Особенно тяжелая задача выпала на его долю во время такъ называемаго освободительнаго движенiя, когда духъ общаго протеста проникъ въ школьную среду. Покойный—сторонникъ порядка и законности—принялъ съ своей стороны всевозможныя мѣры къ недопущенiю беспорядковъ и дѣйствовалъ неустанно въ духѣ миролюбiя и успокоенiя. Благодаря ему, волненiя воспитанниковъ, нашедшихъ поддержку нѣкоторыхъ институтскихъ преподавателей, не вылились въ уродливыя формы. Этотъ тяжелый годъ сильно подорвалъ здоровье покойнаго, и въ 1906 году онъ по болѣзни покинулъ учительскій институтъ. Будучи директоромъ, Я. Н. особенно много сдѣлалъ для образцовой постановки мастерской ручнаго труда, какъ расадника будущихъ руководителей по ручному труду. Помимо петербургскаго института, онъ состоялъ преподавателемъ въ кадетскомъ корпусѣ и въ Маринскомъ институтѣ. Имъ составленъ въ двухъ изданiяхъ—болѣе подробномъ и сжатомъ—учебникъ по анатомiи и физиологiи, получившiй широкое распространенiе въ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведенiяхъ. Я. Н. скончался 68 лѣтъ, оставивъ по себѣ хорошую память среди всехъ знавшихъ его, всегда скромнаго, доброжелательнаго и отзывчиваго. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13139).

† **Пассекъ, Е. В.** Въ Москвѣ скончался 1-го октября бывший ректоръ юрьевскаго университета Евгенийъ Вячеславовичъ Пассекъ. Покойный учился въ московскомъ лицѣе цесаревича Николая, затѣмъ получилъ отъ московскаго университета степень кандидата правъ и сталъ читать въ качествѣ приватъ-доцента

въ этомъ университетѣ лекціи по римскому праву. Въ 1892 г. онъ перешелъ въ юрьевскій университетъ на кафедру римскаго права и съ этого времени сосредоточилъ свою профессорскую дѣятельность въ Юрьевѣ, защитивъ въ 1893 г. диссертацию «Неимущественный интересъ въ обязательствахъ» на степень магистра римскаго права. Въ 1905 г. при веденіи университетской автономіи покойный былъ избранъ ректоромъ юрьевскаго университета. Принявъ на себя административныя обязанности, Е. В. при возникновеніи студенческихъ безпорядковъ настолько оказался немощнымъ для ихъ прекращенія, что противъ него было возбуждено уголовное преслѣдованіе въ непринятіи своевременныхъ мѣръ противъ безпорядковъ. Въ 1910 г. Е. В. покинулъ профессуру. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13133).

† **Сацъ, И. А.** 11-го октября, около 11 часовъ утра, въ лечебницѣ доктора А. В. Тихоновича скончался молодой талантливый музыкантъ Илья Александровичъ Сацъ, пользовавшійся въ Москвѣ большою извѣстностью, благодаря своей музыкѣ, исполнявшейся въ спектакляхъ Художественнаго театра. Смерть его поразила всѣхъ, его знавшихъ, своею большою неожиданностью. Правда, И. А. всегда былъ здоровья хрупкаго, съ плохимъ сердцемъ и съ расшатанными нервами. Но ничего угрожающаго въ состояніи его здоровья, казалось, не было. Меньше недѣли назадъ онъ былъ на одной изъ закрытыхъ генеральныхъ репетицій «Пера Гинта», жаловался тогда на ознобъ и на недомоганіе. Въ воскресенье болѣзнь вдругъ проявилась съ грозной силой. Поздно вечеромъ больного въ 40-градусномъ жару пришлось перевезти въ лечебницу. Былъ созванъ консилиумъ врачей, который констатировалъ острое воспаленіе почекъ, принявшее характеръ нефрита. Болѣзнь шла стремительно впередъ. Впрочемъ, третьяго дня больному стало какъ будто лучше, затеплилась надежда. Она оказалась обманчивой. Вчера съ утра температура опять пошла круто въ гору. Слабое сердце не выдержало. Около 11 часовъ утра И. А. не стало. И. А. съ его красивымъ, искреннимъ дарованіемъ долго оставался въ Москвѣ въ полной неизвѣстности. Его зналъ лишь очень тѣсный кружокъ его молодыхъ друзей и товарищей. Здѣсь его очень цѣнили, особенно увлекались имъ какъ музыкантомъ-пародистомъ. Задолго до появленія такъ прославившейся «Вампуки» написалъ онъ пародію на оперу, на пошлые приемы ея исполненія и постановки, и эта пародія, названная «Местъ любви», исполнялась въ интимномъ кружкѣ. Въ пародіи было нѣсколько жемчужинъ музыкальнаго шаржа. Одинъ изъ товарищей провелъ И. А. въ студию К. С. Станиславскаго, тогда только что открывшуюся. И. А. принялъ живое участіе въ ея работѣ, въ ея исканіяхъ. Черезъ студию попалъ онъ въ Художественный театръ, и скоро почти ни одна постановка этого театра уже не обходилась безъ музыки Саца. Первый опытъ музыкальной работы для Художественнаго театра былъ сдѣланъ для «Драмы жизни» Кнута Гамсуна. У публики эта музыка имѣла большой успѣхъ. И такой же успѣхъ имѣли всѣ послѣдующія композиціи Саца, сопровождавшія спектакли художественниковъ. Цѣлый рядъ музыкальныхъ нумеровъ былъ написанъ И. А. для «Жизни человѣка», метерлинковской «Синей птицы», для «Анатемы», для «Miserege» С. Юшкевича, для «У жизни въ лапахъ». Хороводъ въ «Анатемѣ», вальсъ въ послѣднемъ актѣ драмы Юшкевича приобрѣли боль-

шую популярность и, изданные отдѣльно, получили широкое распространѣніе въ публикѣ. Въ послѣдній разъ И. А. писалъ для Художественнаго театра для «Гамлета». Неизвѣстною публикѣ осталась музыка И. А. къ «Смерти Тен-тажиля». Смертью прервана работа И. А. надъ большою симфоніей «Смерть». Любовь къ музыкальному шаржу, къ пародіи никогда не покидала И. А. Для «Кривого зеркала» имъ была написана пародія на русскія оперы «Не хвались, идучи на рать», для «Летучей Мыши» — нѣсколько небольшихъ вещей того же жанра пародіи. Въ предстоящемъ въ концѣ этого мѣсяца открытіи «Летучей Мыши» долженъ исполняться его маленькій балетъ. Въ семьѣ Художественнаго театра И. А. пользовался общою любовью, какъ рѣдкій товарищъ, чуткій человекъ и талантливый музыкантъ. (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912 г., № 235).

† **Тихоплесець, М. А.** Умеръ писатель-народникъ М. А. Тихоплесець (Сюгиновъ). Родился онъ въ 1871 году въ деревнѣ Казанской губерніи, и на восьмомъ году его отдали въ науку къ старообрядческому начетчику, гдѣ узакна и греча для стоянія на колѣняхъ, славянская азбука и псалтирь были единственными учебными пособиями. Когда ему минуло 10 лѣтъ, его пришлось въ голодный годъ сбыть на мельницу — съ хлѣба долой. До 13 лѣтъ онъ прожилъ у татарина-мельника, не слыша почти русскаго слова. Затѣмъ онъ въ Казани судомойкой въ трактирѣ, тамъ зимогорить по Волгѣ босякомъ и все время читаетъ каждую попавшуюся книжку, учится. Изъ Рыбинска добирается до Петербурга, торгуетъ съ лотка, въ 1890 году перебирается въ Москву, учится живописи, пишетъ полуграмотные стихи и торгуетъ посуднымъ клеємъ, который изобрѣлъ самъ. Пособравъ деньжонокъ, въ 1896 году уѣзжаетъ въ Парижъ, чтобы поступить куда-нибудь простымъ рабочимъ и только бы изучить французскій языкъ и познакомиться съ картинными галереями. Пробуетъ писать красками и продаетъ двѣ свои картины за 20 франковъ. Въ концѣ концовъ, полуголодный, возвращается въ Москву, работаетъ свой клей и весь отдается народному писательству. Выпускаетъ книжку «Пробные аккорды», сотрудничаетъ въ «Правдѣ Божіей», «Народной Газетѣ», «Москвичѣ», «Лѣтописи», редактируетъ журналы «Мужицкая Правда», «Звѣзда Утренняя» и «Думы Народныя». Членъ Суриковского кружка и послѣдователь Сурикова. Трезвый и работающій, бѣдный и больной. Послѣдніе годы у него развился туберкулезъ, который и свелъ его въ могилу. М. А. умеръ въ ночь на 7-е октября въ Бѣсманной больницѣ въ Москвѣ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 232).

Щукинъ, П. И. 12-го октября скончался Петръ Ивановичъ Щукинъ, основатель извѣстнаго Щукинскаго музея въ Москвѣ и издатель цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. Большой любитель и знатокъ русской старины и искусства, покойный принадлежалъ къ ревностнымъ собирателямъ ея памятниковъ и предметовъ искусства. Безъ официальной поддержки, незамѣтно и малъ-помалу создалъ онъ свой музей, представляющій обширное собраніе, чрезвычайно цѣнное въ отношеніи культурномъ и художественномъ. Въ музеѣ П. И. Щукина находятся произведенія русскаго искусства, главнымъ образомъ — древняго его періода, предметы стариннаго русскаго быта, картины современныхъ французскихъ и итальянскихъ художниковъ, различные художе-

ственные предметы персидскаго, японскаго, китайскаго и индiйскаго искусство, затѣмъ старинныя русскія рукописи, архивныя бумаги, старопечатныя книги и разныя сочиненiя по русскому искусству и археологiи. Кромѣ того, въ музеѣ имѣются рукописныя книги, писанныя на пергаментѣ, берестѣ и бумгѣ, изъ которыхъ инныя восходятъ къ XIII вѣку. Здѣсь можно видѣть: псалтыри, евангелiя, апостолы, апокалипсисы, нотныя книги, сборники словъ и поученiй, книги по географiи, путешествiя, сказки, басни, повѣсти, стихи и прочее. Изъ печатныхъ книгъ между прочимъ составляютъ собственность музея такiя книги, какъ библiя, напечатанная въ Острогѣ повелѣнiемъ князя Константина Константиновича Острожскаго, евангелiе московской печати 1606, 1627 (мѣстами напечатано золотымъ шрифтомъ), 1688, 1697, 1740 и 1741 годовъ, нюрнбергская хроника 1493 года, апокалипсисъ 1498 года. Обширныя коллекцiи Щукинскаго музея размѣщены въ двухъ домахъ, находящихся на одномъ участкѣ земли и соединенныхъ подземнымъ тоннелемъ. Этотъ участокъ былъ приобрѣтенъ покойнымъ П. И. Щукинымъ, и оба дома сооружены на его же средства. Въ 1905 году эти оба дома съ землею и всѣ свои собранiя покойный принесъ въ даръ русскому историческому музею въ Москвѣ. Согласно желанiю жертвователя его музей получилъ названiе «отдѣленiя императорскаго русскаго историческаго музея имени императора Александра III—музея Петра Ивановича Щукина». Съ благодарностью былъ принятъ этотъ даръ управленiемъ историческаго музея. Историческiй музей въ томъ же 1905 г. избралъ П. И. Щукина своимъ почетнымъ членомъ. Покойнымъ на собственные средства изданы: «Краткое описанiе Щукинскаго музея въ Москвѣ, составленное П. И. Щукинымъ», «Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ томъ же музеѣ» въ 10-ти частяхъ, «Бумаги, относящiяся до Отечественной войны 1812 года, собранныя П. И. Щукинымъ», въ 10-ти частяхъ, «Русскiе портреты изъ собранiя П. И. Щукина», въ 4 частяхъ и др. (Некрологъ его: «Русскiя Вѣдомости», 1912 г., № 237).

† **Яблонскiй, П. О.** Въ Царскомъ Селѣ скончался 27-го сентября Петръ Осиповичъ Яблонскiй, бывший гласный и членъ управы петербургской думы. Въ дѣятельности городского управленiя онъ принималъ видное участiе съ 1877 г. по 1893 г. въ бытность городскимъ головою И. И. Глазунова и В. И. Лихачева. Въ то же время онъ основалъ въ Лештуковомъ переулкѣ свою типографiю, поставилъ ее сравнительно образцово и предпринялъ изданiе справочной книги «Весь Петербургъ». Покинувъ общественную дѣятельность, покойный почти всецѣло отдался типографскому дѣлу, устроивъ при типографiи цинкографiю и переплетную мастерскую. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912 г., № 13129).

XXVIII.

По истинѣ царственная мечта герцога стала дѣйствительностью. Съ безпримѣрной преданностью министерство, ландтагъ и народъ помогали своему обожаемому государю. Тратились милліоны за милліонами. Бюджетъ герцогства испытывалъ небывалую еще тяжесть государственнаго долга. Цѣлыя десять лѣтъ въ тихихъ горахъ шла неутомимая работа по планамъ герцога и его архитекторовъ.

Герцогская вилла, эта позолоченная игрушка, второй Трианонъ въ сказочной глубинѣ волшебнаго лѣса, была окончена, дворецъ былъ готовъ, гроты построены, парки разбиты, фонтаны начали дѣйствовать.

На мѣловой скалѣ, стоявшей на самой границѣ горъ, гордо и смѣло возвышался, далеко глядя на стлавшуюся у его ногъ равнину, герцогскій замокъ, истинное чудо строительнаго искусства. Онъ былъ готовъ только на половину, но снаружи онъ производилъ впечатлѣніе вполне законченнаго. Надъ бушующей пропастью, метрахъ въ ста отъ подошвы дикаго ущелья, былъ переброшенъ легко и красиво мостъ, съ котораго можно было вполне видѣть эту копию средневѣковаго Вартбурга. Отсюда же открывался головокружительный видъ въ сѣдую глубину чернѣющей пропасти. Но внутри этого замка святого Грааля съ его четырьмя этажами, съ сотнями комнатъ, были готовы лишь апартаменты для жилья самого герцога, отдѣланные съ неслыханной роскошью. Въ большой залѣ пѣвцовъ съ эстрадой, въ тронной залѣ съ Всевидящимъ Окомъ и фигурами христіанскихъ добродѣтелей работы еще производились, а между тѣмъ финансы сравнительно небольшой страны, видимо, истощались.

Но Альфредъ, словно подгоняемый какимъ-то демономъ, толкалъ себя и другихъ впередъ и впередъ. Онъ устроилъ теперь постоянное мѣстопробываніе свое въ раззолоченныхъ покояхъвиллы среди волшебнаго лѣса. Здѣсь бродилъ онъ въ одиночествѣ, сопровождаемый лишь немногими вѣрными служителями. Здѣсь сидѣлъ онъ цѣлыя ночи, словно какой-то сказочный король. Большую часть дня онъ спалъ или мечталъ, лежа въ раззолоченной постели, стоявшей на эстрадѣ съ золотой рѣшеткой въ залитой золотомъ комнатѣ. Поднимался онъ тогда, когда солнце уже заходило. Лѣтній вѣтерокъ тянулъ прохладой съ горъ, гигантскіе фонтаны приводились въ дѣйствіе, цвѣты парковъ посылали къ нему свой одуряющій аромать.

Одиноко садился онъ за обѣдъ въ золотой столовой, за золотымъ столомъ, на золотыхъ блюдахъ. Безмолвно, не встрѣчая нигде привѣтствій, невидимая никѣмъ, пробиралась его высокая

фигура черезъ эти комнаты, залитыя свѣтомъ и золотомъ. Былъ отданъ строжайшій приказъ, чтобы никто не попадался навстрѣчу и не смотрѣлъ на герцога, ни адъютантъ, ни служитель, безъ особаго на то приказанія.

Въ часъ сумерекъ Альфредъ входилъ въ столовую. Здѣсь онъ садился на золотой стулъ, нажималъ кнопку, и стоявшій передъ нимъ столъ безшумно опускался подъ полъ. Онъ нажималъ еще разъ, и столъ поднимался, съ лихорадочной быстротой нагруженный въ кухню вѣсмъ, что онъ любилъ. Онъ съѣдалъ все поспѣшно, послѣ чего столъ съ остатками ѣды беззвучно опускался.

Герцогъ подходилъ къ окну. Съ счастливой улыбкой на прекрасномъ лицѣ онъ блуждалъ взоромъ по фонтанамъ, по деревьямъ парка, по горамъ и глубокому лѣсу, гдѣ, казалось, исполнились наконецъ его давно желанныя мечты.

Зажигались свѣчи, тысячи свѣчъ. Въ ихъ ровномъ свѣтѣ золото, которымъ были отдѣланы комнаты, какъ будто согрѣвалось, получало жизнь. Что днемъ имѣло тусклый и взлупившійся видъ, теперь преображалось. Вся эта своеобразная, воплотившаяся въ золотѣ мечта получала въ этомъ тихомъ свѣтѣ какой то сказочный видъ.

Закутавшись въ свѣтло-голубой плащъ, который онъ носилъ въ своей юности, Альфредъ обходилъ весь дворецъ, комнату за комнатой, одну другой роскошнѣе. Такъ бывало каждую ночь въ первый часъ послѣ его ужина.

Нѣжно гладила его рука золотые предметы искусства и мебель, которую онъ особенно любилъ, и настоящее чувство счастья наполняло его грудь—это, по крайней мѣрѣ, хоть это исполнено!

Съ изображеній стѣнъ его привѣтствовали портреты тѣхъ, которые были нарисованы на стѣнахъ Трианона рядомъ съ королемъ Солнцемъ, свидѣтели иныхъ, лучшихъ, по его мнѣнью, временъ.

Съ ними велъ онъ тайные разговоры, всецѣло погружаясь въ дивный сонъ, будто бы и онъ сталъ здѣсь господиномъ земли, абсолютнымъ королемъ, который царствовалъ въ силу своего собственнаго права.

Такъ медленно шла ночь. Изъ-за горъ показывалась блѣдная полная луна и лила свой серебряный свѣтъ на цвѣты и деревья парка, на серебристыя струи фонтановъ, которыя, казалось, падали съ неба. И плеску этихъ струй внималъ одинокій герцогъ.

Облокотившись на окно, онъ вematривался въ ночь своими большими черными глазами, искалъ сказочнаго царства силы и сверхчеловѣческаго величія, которое было не отъ міра сего. Даже золотая Венера, которой онъ въ дѣйствительности не смѣлъ даже коснуться, живо улыбалась ему изъ-за зеленыхъ вѣтвей деревьевъ его виллы.

Паркъ начиналъ оживать. Друзья и близкіе Людовика XIV, галантныя дамы минувшаго вѣка, казалось, гуляли по аллеямъ,

подстриженнымъ на манеръ Трианона, за этими боскетами изъ деревьевъ и кустовъ какъ бы слышался шопоть. Онъ былъ король-Солнце. Одурающий ароматъ несся отъ тысячъ цвѣтовъ герцогскихъ садовъ. А тамъ на вершинѣ вѣковой липы ночной вѣтеръ легкимъ дуновениемъ рассказывалъ его чуткому уху исторію о неслыханной мощи и сладкомъ чувствѣ, гнаться за которымъ составляло его роковую судьбу.

Пришло время и для его волшебнаго лѣса. Лакей съ маской на лицѣ освѣщаль ему путь факеломъ. Онъ уходилъ въ самую глубь лѣса, который былъ теперь живъ,—его оживляли карлики, эльфы, могучіе герои германскихъ сказаній. Путь велъ его къ хижинѣ, а отсюда въ тихое уединеніе его равнины, гдѣ онъ отпускалъ лакея.

Дверь этого маленькаго зданія, гдѣ не одну ночь проводилъ онъ въ смѣлыхъ мечтахъ и жестокихъ страданіяхъ, была открыта настежь. Какъ и въ своемъ охотничьемъ домикѣ у подошвы горной стѣны, но не такой радостный, онъ сѣлся здѣсь, и тутъ его посѣщали Воданъ и Зигурдъ, Брунгильда и рыцарь лебеда, Тристанъ и Торъ.

Большую часть своихъ одинокихъ, страшныхъ ночей онъ могъ проводить, погружившись въ чтеніе. Или онъ часами смотрѣлъ въ лѣсъ, изъ мха котораго гогенарбургскій садовникъ сдѣлалъ цвѣтной коверъ, изъ чащи котораго медленно, одно за другимъ, выходили животныя, которыхъ онъ болѣе всего любилъ, и, казалось, привѣтствовали царя уединенія и пустыни, какъ своего владыку и защитника.

На крышѣ этой уединенной хижины висѣлъ серебряный колокольчикъ. Герцогъ самъ звонилъ въ него. Его чистый звонъ звалъ слугу, который долженъ былъ снова свѣтить ему черезъ волшебный лѣсъ.

Погрузившись въ свои мысли, Альфредъ возвращался на герцогскую виллу. По крутымъ дорожкамъ парка онъ пробирался къ гроту, въ которомъ исчезалъ на цѣлые часы. Чудо красоты открывалось его восхищеннымъ глазамъ. Словно голубой сапфировый свѣтъ его озеръ, такъ блестѣла въ гротѣ вода, озаренная какимъ-то волшебнымъ голубымъ свѣтомъ всякій разъ, какъ онъ посѣщалъ этотъ уголокъ, устроенный изъ камней. Входъ сюда былъ строго запрещенъ всѣмъ.

Какъ будто въ неизмѣримой глубинѣ здѣсь царилъ темно-голубой свѣтъ, и двигались тихо серебряные лебеди, какихъ нѣтъ въ дѣйствительной жизни. Альфредъ сѣлся на тронъ изъ темно-красныхъ коралловъ. Въ спинкѣ его была сдѣлана кнопка, съ помощью которой онъ могъ мѣнять игру цвѣтовъ въ фонтанахъ. Его гротъ могъ освѣщаться во всѣ цвѣта радуги. Движеніе руки, и новый міръ съ новымъ освѣщеніемъ поднимался передъ его глазами, ненасытно ищущими свѣта и красоты.

Когда искусственно возбуждаемыя волны въ бассейнахъ начали шумѣть, онъ, какъ Афродита, сѣлся на раковину и сидѣлъ беззвучно, неподвижно, какъ царь вымершихъ глубинъ, какъ владыка царства тѣней. Задній фонъ этой грандіозной декораціи составляла огромная картина: рыцарь въ Герзельбергѣ.

«Они могутъ спать въ объятіяхъ нѣжныхъ бѣлыхъ, обнаженныхъ рукъ...» вспоминалось ему, который не долженъ былъ знать любви.

Его фонтаны, волны, колонны грота, все было залито такимъ же темно-голубымъ свѣтомъ, какимъ свѣтились на берегахъ почти забытаго Лаубельфингенскаго озера глаза Адельгейды. Весь гротъ былъ словно одинъ гигантскій сапфиръ, словно очи любимой, навсегда потерянной дѣвушки, словно перья его великолѣпныхъ павлиновъ, которыхъ онъ такъ любилъ на своемъ островѣ розъ и которыхъ она такъ ненавидѣла.

Вдругъ картина перемѣнилась. Вмѣсто лазури кроваво-красный свѣтъ, рубины въ глубинѣ воды, рубины, словно капли крови, падали сверху со скалъ на чувственную, блестящую плотью статую. Венера ожила, пустынный протягивалъ руки, готовясь обнять это цвѣтущее тѣло, ставшее живымъ благодаря искусству художника и свѣтовымъ эффектамъ.

Минуты двѣ она была жива въ его фантазіи, пока сводъ грота не потонулъ въ темно-зеленомъ свѣтѣ. Все какъ бы перенеслось въ лѣсъ его родныхъ горъ. Этотъ свѣтъ дѣйствовалъ на небо, какъ золото солнца, пробивающееся сквозь майскія вѣтви. Потомъ онъ погрузилъ все въ страшный, ледяной, смертью вѣющей бѣлый свѣтъ. Погухла жизнь въ гротѣ, явилось царство смерти, все превратилось въ ледъ. Настала словно одна изъ зимнихъ ночей въ горахъ, когда онъ, гонимый впередъ фуріями, лишенный покоя, мчался въ раззолоченныхъ саняхъ.

По вотъ надъ этимъ подземнымъ ледянымъ дворцомъ смерти и ужаса играла уже всѣми семью цвѣтами радуга. Альфредъ съ ужасомъ бѣжалъ изъ грота отъ этого зрѣлища, придуманнаго его раздраженной фантазіей. Скорѣе назадъ, въ сады виллы, къ portalу его блага дворца, подъ высокимъ навѣсомъ котораго, въ стилѣ барокко, ждалъ его золотой экипажъ, запряженный шестью бѣлоснѣжными лошадьми. Онъ не зналъ усталости. Такія ночи видѣли его лихорадочную подвижность, съ которой онъ старался разсѣяться, изгнать демоновъ пучины, мчатся впередъ и впередъ до самаго утра, пока не восходило солнце и сонъ не падалъ ему на вѣки.

На башенкѣ герцогской виллы бьетъ полночь. Форейторъ въ бѣломъ парикѣ, въ парадной ливреѣ временъ короля-Солнца, вскакиваетъ на сѣдло. Факелы ярко вспыхиваютъ, бѣлоснѣжные кони готовы въ дорогу.

Герцогъ сѣдится въ экипажъ, которой мчится съ быстротою вѣтра.

Черезъ ближайшую деревню! Яростно заливались собаки, крестьяне бросались къ окнамъ. Словно привидѣніе, пронеслась мимо золотая карета съ бѣлыми конями, красными лакеями, факелами и герцогомъ, который, глубоко забившись въ мягкія подушки, пристально смотритъ своими черными глазами въ бездонную ночь— его друга и утѣшительницу, его побѣдительницу и владычицу. Онъ предчувствуетъ, что когда-нибудь она совершенно поглотитъ его навсегда. Онъ несется къ озеру, которое онъ любитъ больше всего изъ всѣхъ горныхъ озеръ.

Словно изумрудъ, лежитъ оно, темно-зеленое, огромное. Великолѣпно оно въ эту ночь, когда полная луна отражается на его волнахъ. Бѣшеная скачка продолжается сквозь волшебный лѣсъ его мечты. Бѣлые арабскіе кони герцогскаго экипажа пролетаютъ въ нѣсколько минутъ разстояніе, на которое пѣшеходъ употребилъ бы по крайней мѣрѣ полчаса. Озеро уже блеститъ въ концѣ лѣса. Видна уже темно-зеленая его поверхность, а сзади его, какъ фонъ картины, поднимается отвѣсная недостижимая гряда скалъ.

Весна, май! Міръ живетъ и просыпается... все ликуетъ и цвѣтеть... и онъ... выходитъ изъ своего золотого экипажа.

На берегу озера онъ съ рыданіемъ бросается на землю въ лѣсу, изъ котораго ему свѣтятся тысячи звѣздочекъ. Онъ не можетъ ихъ ловить, у него нѣтъ силы, жизнь и красота слишкомъ сильны, слишкомъ!...

Безцѣльно и безпокойно скользятъ герцога въ лодкѣ по этому озеру. Вдругъ въ ночной тиши раздается его звучный голосъ: «Дальше! Дальше!»

Онъ бросается въ экипажъ, фореиторъ съ факеломъ впереди, лошади трогаютъ и несутся галопомъ. Онъ хочетъ быть въ своемъ новомъ, еще недостроенномъ дворцѣ въ ту же ночь, пока не взошло солнце.

Лошади летятъ, а онъ, который такъ ихъ любитъ, и не думаетъ пожалѣть ихъ. Снова несутся онъ черезъ спящую деревеньку, черезъ Гогенвальдъ, мимо знакомой деревенской гостиницы. Бѣлокурая Христина, которая уже въ теченіе многихъ лѣтъ привѣтствуетъ здѣсь проезжающаго герцога, теперь уже не подаетъ ему букета цвѣтовъ. Дальше и дальше мчатся лошади!

Онъ хочетъ только бросить взглядъ на смѣлое воплощеніе своей мечты. Наконецъ до его ушей долетаетъ дикій ревъ потока въ ущельѣ, наконецъ показывается скала, на которой стоитъ новая мечта герцога—его дворець.

Какъ сіяетъ онъ при свѣтѣ луны, этотъ замокъ Спасенія и Искушенія!

Кони съ трудомъ поднимаются по широкой новой улицѣ вверхъ на скалу.

Альфредъ подъѣзжаетъ къ замку. Тысячи огней вспыхиваютъ

разомъ. Изумительное освѣщеніе замка, о которомъ говоритъ весь свѣтъ, какъ бы привѣтствуетъ его. Онъ не хочетъ входить сегодня въ комнаты, которыя кажутся ему святыми, онъ желаетъ взглянуть лишь издали на чудесное твореніе святого Грааля. Сегодня онъ безпокоенъ, нѣтъ міра въ его душѣ, его что-то гонитъ впередъ, онъ бѣжитъ, какъ отлученный, которому запрещено переступить порогъ этихъ чертоговъ. И вотъ онъ забирается все выше и выше въ горы, къ мосту, который ведетъ черезъ страшную пропасть надъ бушующимъ потокомъ. Отсюда онъ смотритъ внизъ на замокъ Искушенія, залитый по его приказанію моремъ свѣта.

Часами стоитъ на мостикѣ этотъ герцогъ-пустынникъ, пока не догоритъ послѣдняя изъ тысячи свѣчей, пока медленно не исчезнетъ изъ глазъ величавая картина его дворца среди роскошнаго ландшафта его юности и изъ горныхъ расщелинъ не явится сѣрый, робкій день.

Золотая карета несется обратно. Его манитъ на виллу роскошная кровать, въ которой онъ будетъ искать убѣжища отъ страшнаго вида этого дня, гдѣ онъ будетъ мечтать и ждать, пока солнце не спрячется за горами и вечернія тѣни не лягутъ на виллу, когда снова зашумитъ вода въ его фонтанахъ.

XXIX.

Уединеніе его волшебнаго лѣса и его горъ было неожиданно нарушено жалобой, поступившей къ Альфреду изъ юго-западнаго угла его герцогства. Герцогъ отчетливо услышалъ этотъ настойчивый голосъ и весь превратился въ слухъ. Словно указаніе судьбы, прозвучалъ для него этотъ волшебный голосъ! То былъ соблазнъ, которому онъ не могъ не поддаться. Словно голосъ какихъ-то волшебныхъ существъ звучалъ издали и тянулъ его къ себѣ.

У подножія его могучихъ горъ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ вдругъ соприкасаются съ необъятной и болотистой равниной, лежало величайшее изъ его озеръ, «синее море», какъ его прозвалъ народъ, видя, какъ исчезаютъ его берега въ утреннемъ туманѣ и въ удивительномъ вечернемъ освѣщеніи. Беззвучно скользилъ одинокій челнокъ бѣднаго рыбака по этой безконечной, ярко блестящей на солнцѣ поверхности воды, направляясь къ поросшимъ соснами и буками островамъ.

Тысячелѣтняя исторія сдѣлала святымъ и озеро и его острова.

Въ началѣ здѣсь была священная дубовая роща изъ временъ древнихъ германцевъ. Въ средніе вѣка на роскошномъ зеленомъ коврѣ возникъ здѣсь сѣрый монастырь, стѣны котораго не могли, впрочемъ, оказать никакого сопротивленія дикимъ шайкамъ хищныхъ мадьяровъ. Мѣсто благочестія покрылось развалинами, дикой калиной заросъ разрушенный соборъ. Только въ срединѣ XIII вѣка монастырь снова поднялся на ноги и достигъ небывалаго расцвѣта.

На одинокомъ островѣ голубого озера появились монастырскія постройки, зданія для князей и прелатовъ, по срединѣ его возникъ новый, великолѣпный соборъ. Далеко разносились по поверхности воды мѣдныя голоса его колоколовъ.

Прошло нѣсколько столѣтій, исчезло могущество епископа, исчезъ и монастырь. Его священныя мѣста потеряли значеніе, и теперь уже тянутся жадныя руки покушчиковъ къ чуднымъ мѣстамъ острова.

И вотъ окрестные обитатели подали жалобу.

Сокровищу красоты, уцѣлѣвшимъ остаткамъ тысячелѣтняго прошлаго, грозитъ опасность. Только отъ одного человѣка можно было ждать спасенія, и этотъ человѣкъ былъ герцогъ. Умоляя о помощи, его подданные обратились прямо къ нему. Передъ его глазами вдругъ раскрылась вся картина.

Одно названіе, о которомъ онъ давно мечталъ и которое онъ, увлекшись постройкой новаго дворца и виллы, почти забылъ, но которое уже много лѣтъ сидитъ у него въ головѣ, вдругъ отодвинуло назадъ и замокъ св. Грааля и его Трианонъ и овладѣло его мыслью и чувствомъ: озеро герцога!

Среди бумагъ, доставленныхъ ему въ уединенный волшебный лѣсъ изъ его кабинета въ Кронбургъ, онъ нашелъ и прошеніе жителей окрестностей озера и немедленно распорядился, чтобы всѣ острова Синяго озера съ ихъ лѣсами были пріобрѣтены для него на его личный счетъ.

Словно крикъ спасенія, прокатилась эта новость по берегамъ озера. Рыбаки и окрестное населеніе ликовали.

Прошло немного времени, и въ одну прекрасную сентябрьскую ночь на уединенномъ постояломъ дворѣ на берегу Синяго озера остановился поѣздъ придворныхъ экипажей. Сопровождаемый камеръ-лакеями, нѣсколькими художниками, взятыми со стройки новаго дворца, и адъютантомъ фонъ-Ласфельдомъ, Альфредъ покинулъ свой волшебный лѣсъ и пріѣхалъ сюда, никто не зналъ, съ какими намѣреніями.

Какъ тамъ, въ лѣсахъ, такъ и здѣсь, на берегу озера, мчался въ глухую осеннюю ночь золотой экипажъ, передъ которымъ ѣхалъ съ факеломъ фореиторъ.

Экипажъ остановился на берегу тихой бухты, залитой яркимъ луннымъ свѣтомъ. Здѣсь Альфредъ сѣлъ въ лодку, отдѣланную золотомъ и голубымъ бархатомъ, и поѣхалъ къ острову, который теперь сталъ его собственностью.

Много дней провелъ онъ тамъ. Въ старинномъ замкѣ монастырскихъ властей онъ приказалъ устроить свою главную квартиру. Во время его прогулокъ по великолѣпнымъ развалинамъ острова его сопровождали художники и архитекторы, а онъ все смотрѣлъ и мечталъ!

И вдругъ передъ его глазами возсталъ идеаль всѣхъ его цѣрковенныхъ сооруженій—то, что онъ видѣлъ у порога Парижа, гигантскій дворецъ короля-Солнца, перенесенный на этотъ островъ голубого озера.

Улыбка побѣдителя скользнула по его лицу при этой грандіозной мысли.

— Король царствуетъ самодержавно, —вполголоса произнесъ онъ.

Отсюда онъ отправился къ себѣ въ кабинетъ, который наскоро соорудили для него въ одномъ изъ помѣщеній бывшаго монастыря, и отправилъ отсюда приказъ фонъ-Галлереру, управлявшему министерствомъ финансовъ, —выпустить заемъ въ сто милліоновъ марокъ для постройки новаго дворца на Герцогскомъ озерѣ.

Въ тотъ же день герцогскій курьеръ поскакалъ съ этимъ приказомъ въ Кронбургъ.

Альфредъ словно чудомъ преобразился. Вся его ненависть къ людямъ, боязнь окружающихъ разомъ исчезла въ немъ, какъ только онъ спустился изъ уединеннаго горнаго лѣса на берегъ этого озера.

Вечеромъ пріѣхалъ Галлереръ.

— Это невозможно, ваше высочество, —былъ его отвѣтъ. —Далеко еще не погашены долги, сдѣланные на постройку новаго дворца и виллы.

— Невозможнаго на свѣтѣ нѣтъ, —заявилъ герцогъ своему министру финансовъ, посѣдѣвшему на военной службѣ. —Это будетъ сдѣлано, хотя бы для этого мнѣ пришлось заложить все герцогство!

Фонъ-Галлереръ не нашелся, что отвѣтить.

— Ну-съ, господинъ министръ, медлитель, человекъ, не знающій выхода, —издѣвался надъ нимъ Альфредъ.

— Ваше высочество изволите знать, что я преданнѣйшій слуга престола, но сто милліоновъ... никогда ландтагъ...

— Мнѣ дѣла нѣтъ до ландтага, —закричалъ герцогъ. —Я хочу этого!

— Въ такомъ случаѣ...

— Извольте исполнить это, господинъ министръ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Я знаю, что вы хотите сказать. Я принимаю вашу отставку.

Фонъ-Галлереръ удалился.

Черезъ четверть часа герцогскій курьеръ скакалъ съ Сянго озера на станцію желѣзной дороги.

Ему велѣно было передать собственноручное письмо герцога банкиру Гринбергу, богатѣйшему человеку въ герцогствѣ.

На слѣдующій день Гринбергъ уже стоялъ передъ герцогомъ.

Альфредъ принялъ его съ изысканной любезностью.

— Заемъ въ сто милліоновъ, ваше высочество? —переспросилъ финансистъ. —Сто милліоновъ!

— Для самого герцога,—перебилъ его Альфредъ, котораго уже охватило нетерпѣніе.—Согласны вы или нѣтъ? Государственная казна, уваженіе страны, финансы всего герцогства—вотъ вамъ ручательство.

— Такъ стремительно, ваше высочество, даже безъ...

— Что такое это: даже безъ?

— Даже безъ согласія министерства?

— Государство—это я, —загремѣлъ Альфредъ.—Я даю вамъ мое герцогское слово.

— А какимъ образомъ добыть эти деньги, эту огромную сумму?

— Это ваше дѣло, —отвѣчалъ Альфредъ.—За этимъ я и позвалъ васъ сюда. Вы должны знать сами. Галлереръ этого не зналъ. Сотни милліоновъ находятся въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ. Я хочу изъ этихъ сотенъ милліоновъ получить всего одну сотню. Здѣсь, по срединѣ этого острова долженъ возникнуть новый Версаль—не болѣе, не менѣе!

— Однако... сто милліоновъ!

— Дворецъ короля Солнца поглотилъ ихъ тысячу, а я требую отъ васъ только сотню. Я назначу васъ министромъ герцогства, если вамъ удастся въ непродолжительномъ времени осуществить этотъ заемъ! Понимаете?

— Можно попробовать въ Австріи и Франціи, въ Америкѣ и въ Англии.

— Ваши источники меня не касаются, —леденящимъ тономъ сказалъ Альфредъ.—Можете вы добыть сто милліоновъ марокъ или нѣтъ?

— Обаяніе герцогскаго имени... величина страны...

— Можете вы или нѣтъ?

— Постараюсь.

Альфредъ милостиво протянулъ финансисту руку.

Гринбергъ удалился. Назначеніе его министромъ финансовъ, на которое ему намекнулъ герцогъ, совершенно ошеломило его. Онъ былъ собственникомъ международнаго банка, имѣвшаго свои отдѣленія въ Петербургѣ, Берлинѣ, Вѣнѣ, Парижѣ, Лондонѣ и Нью-Йоркѣ. Онъ имѣлъ сношенія и съ милліардерами Соединенныхъ Штатовъ и съ Гиршемъ, Ротшильдомъ, Блейхредеромъ и Мендельсономъ. Въ концѣ концовъ это значило съ помощью финансовой знати вызвать къ жизни гигантскіе замыслы этого герцога, о которомъ по всей странѣ рассказываютъ такія удивительныя вещи! А онъ? Онъ можетъ вѣдь стать всемогущимъ въ этой странѣ, сдѣлаться неограниченнымъ владыкой кронбургской биржи. Стоитъ только достать денегъ для этого герцога.

Онъ попытается достичь этого, хотя подобный заемъ, о которомъ мечталъ герцогъ, совершенно испортилъ бы финансовое положеніе герцогства, поглотилъ бы огромное состояніе герцогскаго дома.

Въ концѣ концовъ противъ неудержимаго стремленія Альфреда къ тратамъ возстанетъ народъ и страна. Но онъ самъ могъ бы съ большой выгодой ворочать милліонами на международномъ денежномъ рынкѣ.

Нетерпѣливо ждалъ Альфредъ отвѣта Гринберга. Великолѣпный Версаль уже стоялъ готовый передъ его глазами, съ шумящими фонтанами и невиданными доселѣ бассейнами. Золото, чистое золото! Еще больше, возвышеннѣе, великолѣпнѣе, чѣмъ настоящій Версаль, на который онъ смотрѣлъ опянѣвшими отъ восторга глазами!

Гринбургъ достанетъ для него денегъ. Гринбергъ будетъ его новымъ министромъ финансовъ, управляющимъ состояніемъ герцогскаго дома. Онъ будетъ давать деньги на осуществленіе его плановъ, которые затмятъ всѣхъ владыкъ міра и всѣ ихъ дѣла. Золото и золото должно озарить, какъ солнце, этотъ островъ! И черезъ эти будущіе покои и апартаменты будетъ проходить онъ—новый, истинный владыка страны, какого еще никто не видалъ.

Какъ зеркало, свѣтилась передъ нимъ бѣлая поверхность Синяго озера. Отчего онъ раньше не подумалъ объ этомъ единственномъ сокровищѣ, объ этомъ величавомъ озерѣ своего далеко раскинушагося герцогства!

Въ зеркалѣ этого озера онъ ужъ видѣлъ законченную постройку новаго Версаля, съ которымъ не можетъ сравниться ни одинъ дворецъ на землѣ, не исключая и дворца короля-Солнца.

Альфредъ былъ въ восторгѣ. О томъ, съ какою трудностью можно достать почти обѣщанныя ему деньги, онъ не думалъ. Онъ весь ушелъ въ мечты. Чистыя высоты замка св. Грааля, мирное спокойствіе волшебнаго лѣса, жуткая тишина его охотничьяго домика на краю горнаго обрыва—все это было вдругъ забыто.

Изъ оконъ бывшаго жилища пріора, въ которомъ онъ теперь помѣщался, его взоръ блуждалъ по синеватой дали озера. Въ эти странныя недѣли онъ, усиліями своей непреклонной воли, чувствовалъ себя почти здоровымъ и могъ переносить присутствіе людей и ихъ голоса. То, что природа его горной страны давала ему даромъ, далеко оставляло за собой настоящій Версаль съ его искусственными прудами, появившимися среди песчаной пустыни съ такимъ трудомъ и съ такимъ напряженіемъ.

Прошла недѣля съ тѣхъ поръ, какъ Гринбергъ, по порученію герцога, отправился въ Парижъ и Вѣну, а Альфредъ уже измучился отъ нетерпѣнія. Сто милліоновъ! Какъ будто недостаточно его герцогскаго слова, чтобы получить эти деньги по мановенію руки. Достаточно топнуть, и изъ-подъ земли должно явиться золото, которымъ онъ зальетъ свой будущій волшебный дворецъ.

Да, этотъ дворецъ будетъ изъ одного золота, чистаго золота, съ сотнями залъ и апартаментовъ—залы для герцога, для герцогини, апартаменты для свиты, для гостей, комнаты для служителей, для

караула! Золотой домъ, мраморъ котораго будетъ закрытъ одеждой изъ драгоцѣннѣйшаго изъ всѣхъ металловъ.

Этотъ золотой дворецъ будетъ стоять среди парковъ невиданныхъ еще размѣровъ и великолѣпія. О громадности и царственномъ величіи этого дворца будутъ съ почтеніемъ говорить по всей землѣ.

Отъ берега Синяго озера до гигантскаго передняго фасада этого длиннаго зданія будутъ вести широкія лѣстницы изъ бѣлаго мрамора. Все зданіе будетъ въ одинъ этажъ, ибо несомвѣстно съ достоинствомъ герцога подниматься по лѣстницамъ. Дворъ будетъ вымощенъ плитами изъ мрамора, съ фронтона будутъ привѣтствовать его статуи, роскошь дворца будетъ свѣтиться въ тысячахъ зеркалъ, и тихіе бассейны у подножія его будутъ отражать эту невиданную еще людьми постройку!

Кромѣ всего этого—группы гигантскихъ фонтановъ, которые будутъ хранить блескъ его имени, истинно царственную славу.

Такова была новая мечта Альфреда въ эти дни.

XXX.

То, что для фонъ-Галлера представлялось невозможнымъ, удалось Гринбергу. Его связи облегчили ему путь. Международные денежные короли, до которыхъ дошелъ слухъ о любви герцога къ роскоши и страсти къ тратамъ, охотно выслушали его. Одни въ надеждѣ пріобрѣсти вліяніе, получить орденъ, повышенія, другіе въ томъ предположеніи, что въ одинъ прекрасный день герцогство будетъ вынуждено взять на себя уплату долговъ своего государя.

Когда Гринбергъ привезъ столь благопріятныя извѣстія, Альфредъ былъ внѣ себя отъ счастья. Онъ обнялъ финансиста, поручилъ ему управленіе своими личными дѣлами и сдѣлалъ его министромъ финансовъ.

То же самое, что происходило вверху надъ ущельемъ и внизу у волшебнаго дѣса, началось теперь на тихомъ островѣ Синяго озера, къ развалинамъ котораго никто не прикасался въ теченіе цѣлыхъ столѣтій. Теперь тутъ работали тысячи прилежныхъ рукъ. Явился новый дворецъ—«Герцогское озеро».

Архитекторы, разработавшіе планъ и руководившіе постройкой далеко еще не законченнаго новаго дворца и герцогской виллы, уже не удовлетворяли Альфреда. Ему вдругъ стало казаться мелкимъ все то, что онъ сдѣлалъ до сихъ поръ, мелкимъ въ сравненіи съ тѣмъ, что должно было возникнуть теперь и отражаться въ темно-голубыхъ водахъ острова, который, казалось, нарочно былъ созданъ для этой цѣли.

Видъ острова былъ довольно пустынный. Здѣсь валялся мусоръ, накопившійся столѣтїями, руины вспоминали о давно прошедшихъ временахъ и ждали ихъ возвращенїя.

Альфредъ опять жилъ въ старинномъ замкѣ и всецѣло погрузился въ работу съ вновь назначеннымъ архитекторомъ и его художниками.

Его пламенная душа стремилась впередъ. Опять все шло для него слишкомъ медленно. Однѣ предварительныя работы по расчисткѣ мѣста, на которомъ долженъ былъ возникнуть будущій дворецъ изъ мрамора и золота, заняли нѣсколько мѣсяцевъ. Нужно было свести сначала лѣса, сравнять холмы прежде, чѣмъ думать о закладкѣ новаго дворца.

Эти огромныя работы уже поглотили сотни тысячъ марокъ. Но Гринбергъ не унывалъ. Его источники были, повидимому, неистощимы; а герцогъ не спрашивалъ, откуда берутся эти огромныя средства.

Спустя много мѣсяцевъ, изъ которыхъ сложились уже цѣлые годы, покончили наконецъ съ этими предварительными работами. Началась постройка самаго дворца. Тяжело нагруженныя барки, буксируемыя небольшими пароходами, оживляли Синее озеро. Онѣ везли дорогой строительный матеріалъ, изъ котораго долженъ былъ воздвигнуться дворецъ Альфреда—мраморъ и золото. Съ берега острова шла въ глубь желѣзная дорога. Этотъ непрерывный подвозъ матеріаловъ стоилъ огромныхъ денегъ.

Альфредъ торопился. Со времени закладки дворца прошелъ уже годъ, передній фасадъ колоссальной постройки былъ уже выведенъ подъ крышу. Послѣ этого началось внутреннее украшеніе комнатъ. Въ это время рабочіе закончивали чернѣ постройку двухъ боковыхъ флигелей...

Черезъ каждыя двѣ недѣли Альфредъ прїѣзжалъ сюда лично, поселялся въ старинномъ помѣщенїи монаховъ и опянѣвшими отъ красоты глазами смотрѣлъ, какъ подвигается впередъ его изумительная затѣя. А дворецъ росъ и росъ!

Въ темную ночь герцогскій поѣздъ вдругъ появлялся у постоялаго двора, расположеннаго въ глубинѣ лѣса, на берегу Синяго озера. Здѣсь уже стоялъ наготовѣ золотой экипажъ, въ который быстро зпрягались бѣлоснѣжные кони, и при свѣтѣ факеловъ съ быстротой молніи ѣхали дальше, къ длинному мысу, далеко вдававшемуся въ озеро.

Здѣсь стояла наготовѣ герцогская лодка для переѣзда на островъ. Колоссальный фронтонъ новаго зданїя ярко отражался въ серебряной водѣ, освѣщенный тысячами свѣчей.

Лодка съ герцогомъ-художникомъ скользитъ по водѣ. Громко шумятъ фонтаны, окны освѣщены безчисленными свѣчами, зажженными въ залахъ изъ чистаго золота и мрамора.

Герцогъ вступаетъ въ свое новое царство черезъ золотыя двери, которыя широко распахиваются передъ нимъ, какъ по волшебству. Задумчиво поднимается онъ вверхъ по мраморной лѣстницѣ, устланной пурпуровыми коврами. Золоченый бронзовый павлинъ съ глазами изъ сапфира и изумруда встрѣчаетъ его на лѣстницѣ этого изумительнаго зданія, созданнаго его творческой фантазійей. Къ его приему придворный садовникъ превратилъ лѣстницу въ цвѣточный лугъ, но золотыя стѣны, висящія на нихъ картины, великолѣпіе ея ступеней и периль, яркій свѣтъ тысячи свѣтильниковъ—все это затмеваетъ цвѣты, дѣлаетъ ихъ чѣмъ-то второстепеннымъ.

Послѣ семилѣтней напряженной работы средняя часть дворца наконецъ готова. Теперь тысячи рукъ возводятъ боковые флигеля.

При появленіи герцога они перестаютъ работать. Ни одинъ рабочий не долженъ попадаться ему на глаза. Его страхъ передъ людьми, его ненависть къ медлительнымъ исполнителямъ его плановъ заставляютъ ихъ держаться отъ него по возможности дальше. Комната за комнатой, залъ за заломъ раскрывается передъ нимъ, передъ нимъ однимъ, сіяя неслыханной роскошью, обнаруживая такія драгоценности, которыми не владѣлъ на землѣ ни одинъ Крезъ.

Задумчиво проходитъ Альфредъ двадцать залъ. Болѣе десяти тысячъ свѣчей освѣщаютъ ему путь. Залы, одна другой богаче, великолѣпнѣе, открывались передъ нимъ.

Въ большой зеркальной галереѣ онъ останавливается. Эго вѣнецъ его созданія. Болѣе тридцати люстръ свѣшиваются съ потолка, болѣе сорока канделябровъ стоятъ въ нишахъ. Зеркала отбрасываютъ ихъ свѣтъ, и кажется, что ихъ здѣсь нѣсколько тысячъ. Галерея дѣлается безконечной, какъ безконечная мечта истинно-королевскаго величія, какъ то, что онъ задумалъ создать. Ибо духъ его не знаетъ и не будетъ знать покоя!

Его высокая, стройная фигура останавливается у круглаго угольнаго окна стеклянной галереи. Онъ мечтаетъ. Когда это будетъ окончено черезъ нѣсколько лѣтъ,—что же дальше? Милліоны Гринберга неистощимы, должны быть неистощимы, а его творческая сила и гений не знаютъ теперь никакой границы.

Одна за другой начинаютъ погасать свѣчи, какъ въ замкѣ Грааля. Въ ночной тьмѣ эта мечта изъ золота и мрамора исчезаетъ изъ глазу герцога, и его необузданная фантазія снова принимается за работу.

По его знаку, гигантскіе фонтаны останавливаются, свѣжій утренній вѣтерокъ пробѣгаетъ по верхушкамъ деревьевъ острова. Луна зашла. Сѣрый полумракъ лежитъ на серебристой поверхности широкаго озера.

Огромная гряда скалъ вырисовывается вдали, окрашенная пурпуровымъ свѣтомъ. Утро побѣдоносно поднимается надъ горными ущельями. Съ колокольни сосѣдняго острова несется колокольный звонъ.

Альфредъ думаетъ.

Великолѣпна была мечта—мелко и ничтожно ея осуществленіе, даже и это, начавшееся много лѣтъ тому назадъ и поглотившее столько миліоновъ, это чудо изъ чистаго золота и мрамора, даже оно мелко и ничтожно, какъ вся его жизнь—это непрерывное исканіе и борьба за красоту.

Одинокая фигура герцога вся ушла въ себя. Свѣжій утренній вѣтеръ треплетъ его темные волосы и освѣжаетъ его высокій, бѣлый, какъ мраморъ, лобъ. Большіе черные глаза широко распахнуты, губы открыты и шепчуть:

— Эта золотая мечта недостижимой роскоши и величія была такъ прекрасна!

Но нѣтъ здѣсь довольства, спокойствія, счастья, убѣжища отъ страха, которому нѣтъ названія. Ни здѣсь, ни въ замкѣ Грааля, даже ни на виллѣ!

Печально смотреть онъ передъ собой. Какъ все это холодно и мертво! Этотъ мраморъ и золото, эти картины его художниковъ, вся эта мечта о королевскомъ величіи и власти—все холодно, мертво!

Внезапная дрожь, словно въ лихорадкѣ, охватываетъ его. Снова даютъ себя знать головныя боли, давно уже не появлявшіяся. Онъ боленъ, несмотря на это бѣгство отъ самого себя въ уединенныя горы, несмотря на бѣгство отъ людей, несмотря на осуществленіе своей мечты изъ золота и мрамора.

Какъ могло случиться, что онъ, поддавшись увлеченію и зову прибрежныхъ обитателей, возымѣлъ мысль построить сказочный замокъ здѣсь, на этомъ островѣ, такъ близко отъ людей равнины и такъ далеко отъ его уединенныхъ горъ, въ которыхъ онъ жилъ, какъ горный орелъ на недосягаемой высотѣ?

Мирныя веселія деревеньки жалась на цвѣтущемъ берегу темно-синяго озера, блестящаго подъ лучами солнца. Люди весело шли по своимъ дорогамъ. Что нужно здѣсь ему, отшельнику, почти погрузившемуся уже во мракъ ночи съ своими грезами о неслыханной красотѣ и роскоши?

Никто не войдетъ въ это царство красоты—за это онъ ручается... Да и онъ самъ... сегодня, можетъ быть, онъ здѣсь въ послѣдній разъ, ибо онъ не отъ міра сего!

Онъ вдругъ вспомнилъ о Лаубельфингенѣ, объ Адельгейдѣ, о счастьѣ, разбившемся о каменныя дворовыя плиты его кронбургскаго дворца.

Онъ запретъ эти золотые залы и аппартаменты и убѣжить обратно въ горы, куда не посмѣютъ слѣдовать эти веселія, смѣющіяся лица долины.

Вдругъ ему пришло въ голову другое.

Нѣсколько недѣль тому назадъ въ глубокую ночь онъ мчался

въ золотомъ экипажѣ, запряженномъ бѣлоснѣжными конями, на западъ. И вдругъ передъ его глазами открылась одинокая скала, еще выше, чѣмъ его замокъ Грааля, еще круче, еще недоступнѣе. Она упрямо возвышалась на равнинѣ. На ея вершинѣ виднѣлись развалины какаго-то стариннаго замка.

Это орлиное гнѣздо будетъ отнынѣ называться Скалой Герцога. Никто не проберется туда, никто не приблизится тамъ къ нему. Никто, никто! Тамъ онъ будетъ въ безопасности отъ своихъ враговъ. О, у него враги есть!

Онъ рѣшилъ завтра же утромъ переговорить съ Гринбергомъ и сдѣлать распоряженіе архитектору относительно этой новой постройки.

Она должна быть крѣпостью, оплотомъ противъ всѣхъ тѣхъ, кто вздумаетъ съ какими бы то ни было цѣлями приближаться къ нему. Это должно быть чѣмъ-то недоступнымъ, въ этихъ стѣнахъ онъ долженъ имѣть возможность расположить цѣлую армію.

Онъ отлично зналъ, какъ на него смотреть, какъ за нимъ слѣдить по пятамъ. Ему было небезызвѣстно, что многіе его поступки и привычки считаются неподобающими. Вѣроломные слуги, которые лѣстятъ ему въ глаза, разглашаютъ всѣ подробности его ночной жизни, безотлагательно сообщаютъ въ Кронбургъ объ его привычкахъ. Многіе были удалены наобумъ, но и тѣмъ, которые остались на службѣ, онъ уже давно не довѣрялъ. А князь Филиппъ, возненавидѣвшій его со времени его разрыва съ Адельгейдой, и тѣ, которые должны его ненавидѣть—уволненный Бауманнъ - фонъ-Брандтъ, попавшій въ немилость Галлереръ, Монтебелло, фонъ-Глаубахъ, Пфистерманъ, испытавшіе то же самое! Нужно быть на сторожѣ противъ нихъ, нужно жить не по сосѣдству съ ними, въ равнинѣ, а на недосыгаемой скалѣ, въ орлиномъ гнѣздѣ, которое онъ построитъ на Скалѣ Герцога въ горахъ и которое принесетъ ему счастье.

Узкій дворъ замка будетъ запирается желѣзными воротами. Тамъ съ нѣсколькими вѣрными друзьями можно будетъ оказать сопротивленіе цѣлой арміи!

Страшна пропасть, низвергающаяся съ Герцогской скалы въ равнину, и непобѣдимы окрестныя скалы!

Въ эту-то пропасть онъ и столкнетъ своихъ враговъ, если они рѣшатся приблизиться къ нему. А въ одинъ прекрасный день они непременно придутъ, чтобы испытать его силу и могущество. И тогда онъ сброситъ ихъ всѣхъ съ высоты Герцогской скалы и раздавитъ ихъ!

Отчего онъ только сегодня подумалъ объ этой опасности?

Ему стало страшно.

Всѣ свѣчи въ залахъ были потушены, и возвышенная мечта о величїи, красотѣ, мраморѣ, золотѣ, великолѣпїи и счастьѣ снова по-

грузилась во мракъ! А онъ опять вытолкнуть, преслѣдуемый фу-
ріями.

Онъ опять подошелъ къ окну. Паркъ лежалъ въ глубокомъ мракѣ. Утромъ онъ тайно отъ всѣхъ переговорить съ архитекторомъ, чтобы онъ выстроилъ ему на скалѣ неприступное убѣжище!

Фонтаны не шумятъ, не блеститъ золото. Онъ отдалъ распоряженіе о томъ, что проведетъ сегодняшнюю ночь въ золотой спальнѣ новаго дворца.

Ему опять стало страшно. Достаточно ли безопасенъ этотъ дворецъ? Не можетъ ли кто-нибудь, по порученію князя Филиппа или Бауманна-фонъ-Брандта, тайкомъ забраться сюда изъ Кронбурга?

И вдругъ съ дьявольской силой его поразила страшная мысль о томъ, что, несмотря на все свое могущество, онъ нигдѣ не свободенъ отъ преслѣдованій!

Да, онъ непременно долженъ построить себѣ замокъ, который нельзя было бы взять, къ которому не могли бы приблизиться измѣнники. Широкія извилистыя улицы, проложенныя для его золотой кареты въ Герцогбургѣ, были смѣшны. Смѣшно было и оставаться на этомъ озерѣ, голубыя воды котораго были доступны любому рыбацъему челну.

Отъ страха дрожь пробѣжала по его тѣлу. Онъ не могъ больше оставаться въ золотомъ дворцѣ, великолѣпіе котораго представлялось ему когда-то чудесной мечтой. Онъ долженъ бѣжать отъ преслѣдователей, которые гонятся за нимъ по пятамъ, бѣжать отъ нихъ и отъ самого себя.

Онъ немедленно садится въ лодку. Онъ снова на материкѣ, и бѣлоснѣжные кони мчатся въ горы.

XXXI.

Альфредъ заперся въ золотыхъ палатахъ своего новаго дворца Герцогбурга надъ шумящими потоками ущелья. Конечно, дворецъ св. Граала не могъ доставить такой безопасности, какъ замокъ на Герцогской скалѣ, о которомъ онъ теперь мечталъ. Однако мѣловая скала все-таки поднималась отвѣсно, почти неприступно, надъ равниной. Теперь къ ея уединенной вершинѣ могучими изгибами поднималась удобная проѣзжая дорога, которая, по его приказанію, была проложена въ самой массѣ горъ при помощи динамита.

Динамитъ!.. Онъ вдругъ вздрогнулъ. Развѣ одинъ изъ его камердинеровъ не рассказывалъ ему еще недавно, что значительное количество этого страшнаго вещества было украдено при постройкѣ дороги и исчезло какимъ-то таинственнымъ образомъ. Куда дѣвался этотъ динамитъ? Что задумали съ этимъ страшнымъ разрушительнымъ средствомъ? Зачѣмъ было красть динамитъ.

А что, если его враги?— князь Флиппъ, Монтебелло, уволенный Бауманнъ-фонъ-Брандтъ!... О, у него есть враги въ Кронбургѣ, да и по всему герцогству, это ему хорошо извѣстно. Что, если динамитъ украли съ единственною цѣлью пустить его въ ходъ противъ него, противъ его герцогской мощи и величія!

Онъ былъ одинъ. Даже самому вѣрному своему слугѣ, старому другу Ласфельду онъ велѣлъ сказать черезъ лакея, чтобы онъ сегодня не попадался на глаза его высочеству.

Страхъ охватилъ его.

Никто не принимаетъ въ немъ участія. Нѣтъ ни любви, ни дружбы... одна роскошь, пурпуровая мантия и тронъ изъ золота и слоновой кости, воздвигнутый въ тронномъ залѣ подъ всевидящимъ окомъ Божіимъ.

И вдругъ его охватилъ какой-то странный страхъ передъ этимъ заломъ.

Что ему предсказалъ маэстро много лѣтъ тому назадъ?

— Ни одинъ смертный не дерзнетъ построить замокъ для св. Грааля.

А онъ отважился.

Даже день, превращенный по его желанію въ ночь, не далъ ему на этотъ разъ сна. Безпокойный, какъ Агасееръ, внезапно охваченный страхомъ, что преслѣдователи гонятся за нимъ по пятамъ, Альфредъ бѣжалъ изъ комнаты въ комнату. Онъ не могъ нигдѣ сосредоточиться.

Комната адъютанта была пуста. Его строгій приказъ заставилъ вѣрнаго Ласфельда держаться вдали. Въ кабинетѣ онъ остановился передъ картинами, изображавшими приключенія рыцаря Грааля. Того, какъ и его самого, преслѣдовали, но тотъ нашелъ избавленіе у папы, и рисъ началъ снова расти.

А онъ? Его не влекло уже въ гротъ. Онъ напоминалъ ему гротъ въ новомъ дворцѣ, гдѣ онъ мечталъ о неземной красотѣ, наслаждаться которой онъ оказался сегодня не въ состояніи.

Что такое? Не послышались ли ему шаги, вдругъ громко раздавшіеся въ этихъ золотыхъ залахъ, куда входъ былъ строжайше запрещенъ для всѣхъ? Не ворвались ли туда подъ предводительствомъ его дяди-князя Фалиппа солдаты, возмущившіеся противъ него?

Какъ сумасшедшій, бросился Альфредъ къ окну. Ничего не было видно, онъ обманулся. И, однако, онъ такъ ясно слышалъ все, его ухо отчетливо уловило лязгъ оружія и хриплые голоса ворвавшихся людей. И ничего этого не было. Что это было за привидѣніе среди бѣла дня, что за галлюцинація чрезмѣрно раздраженной фантазіи? Онъ слышалъ голоса, которые не говорили, видѣлъ солдатъ, которыхъ тамъ не было, и отчетливо слышалъ лязгъ оружія?

Холодъ пробѣжалъ у него по спинѣ. Что такое съ нимъ?

«истор. вѣстн.», ноябрь 1912 г., т. сxxx.

Снова быстрымъ шагомъ прошелъ онъ по всѣмъ комнатамъ. Онъ уже не замѣчалъ ни картинъ, ни золота и его сверкающаго великолѣпія. Передъ алтаремъ, стоявшимъ въ нишѣ, онъ бросился на колѣни и пробормоталъ нѣсколько бессмысленныхъ отъ страха словъ, но молиться онъ не могъ. Его мозгъ былъ какъ бы выжженъ, голова пуста, могучая фантазія истощилась.

И вдругъ у него вырвался смѣхъ надъ самимъ собой и надъ царствомъ сказочной красоты, которое онъ создалъ тамъ въ своихъ уединенныхъ горахъ. Онъ танцевалъ въ золотомъ залѣ, хлопая въ ладоши. Затѣмъ вдругъ остановился и долго стоялъ на одномъ мѣстѣ. Какъ долго онъ стоялъ—этого онъ не зналъ. Проходили минуту, протекали часы, а Альфредъ все стоялъ, не двигаясь, смотря въ полъ, безъ мыслей, безъ чувствъ. Представленіе о самомъ себѣ, о мірѣ, о людяхъ, о своихъ планахъ, о всемъ—какъ будто погасло у него въ головѣ.

Наконецъ онъ пришелъ въ себя.

Опомнившись, онъ позвонилъ. Теперь, должно быть, уже вечеръ. Въ золотыхъ комнатахъ стало смеркаться. Онъ былъ голоденъ. Прошло не менѣе двадцати четырехъ часовъ съ тѣхъ поръ, какъ въ послѣдній разъ онъ ѣлъ на поднимающемся столѣ въ своемъ новомъ дворцѣ.

Робко вошелъ слугитель.

Увидѣвъ человѣка, Альфредъ громко разсмѣялся. Что съ этимъ малымъ?

У него на лбу ярко-красная печать.

То былъ его собственный приказъ. Всѣ головы, которымъ извѣстны тайны его уединенной прекрасной и страшной жизни, должны носить на лбу печать, какъ герцогское письмо.

Альфредъ, не говоря ни слова, показалъ на столовую.

Слуга понялъ его и вышелъ.

Черезъ пять минутъ онъ голодный сѣлъ за свой обѣдъ. Онъ ѣлъ безъ вилки и ножа, прямо руками.

Рѣзче и рѣзче выяснялись очертанія событій, которыя, словно туманные призраки, гнѣздились въ его головѣ. Онъ сталъ опять думать — къ удивленію ясно и логично, какъ онъ думалъ прежде нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ снова овладѣлъ своими силами. Онъ пришелъ къ заключенію, что это онъ съ голоду впалъ въ такое странное загадочное состояніе, состояніе какой-то апатии и страшныхъ галлюцинацій.

Онъ приказалъ позвать къ себѣ фонъ-Ласфельда.

Тотъ зналъ своего государя. Его нигдѣ не было видно и тѣмъ не менѣе онъ незамѣтно для Альфреда былъ всегда около него наготовѣ.

Малѣйшее промедленіе въ исполненіи приказанія могло вызвать приступъ жесточайшаго гнѣва. Настроеніе герцога нельзя было учесть заранѣе.

— Какія дѣла сегодня, Ласфельдъ?—спросилъ его герцогъ. Ласфельдъ одну секунду изумленно посмотрѣлъ на него.

Какъ онъ можетъ быть спокоенъ и такъ владѣть собою послѣ того, что случилось утромъ, послѣ всего того, что рассказывала прислуга новаго дворца.

— Я спрашиваю, какія дѣла у насъ?—услышалъ онъ вторично голосъ Альфреда.

— Все готово, все лежитъ въ кабинетѣ вашего высочества.

Альфредъ всталъ и пошелъ. Ласфельдъ двинулся за нимъ.

Герцогъ сѣлъ за свой письменный столъ и пробѣжалъ телеграммы и отчеты, пришедшіе за истекшій день изъ Кронбурга.

— Извольте, ваше высочество, принять сегодня кого-либо?—спросилъ адъютантъ.

— Нѣтъ, никого,—вскричалъ герцогъ.

Его губы дрожали, ноздри раздувались отъ ярости.

— Я думалъ...

— Что такое вы думали?

— Его превосходительство министръ финансовъ г. Гринбергъ...

— Гринбергъ?

Это имя поразило теперь Альфреда, какъ будто онъ слышалъ его сегодня въ первый разъ. Наконецъ онъ вспомнилъ, кто доставилъ ему милліоны на постройку Герцогштейна и о комъ онъ совсѣмъ забылъ.

— Гринберга, говорите вы? Я приму его. Подождите, Ласфельдъ. Пусть онъ пройдетъ въ комнату адъютанта. Я не могу его видѣть, но хочу переговорить съ нимъ. Онъ долженъ говорить со мной черезъ полуотворенную дверь, предупредите его, Ласфельдъ. Гдѣ онъ?

— Все будетъ исполнено, какъ изволили приказать. Онъ находится внизу въ Гогенарбургѣ и уже три дня тщетно ждетъ аудіенціи. Я сейчасъ предупрежу...

— Нѣтъ, нѣтъ! Онъ долженъ быть въ адъютантской, понимаете, Ласфельдъ.

— Какъ прикажете, ваше высочество. Онъ находится въ Гогенарбургѣ потому, что въ Кронбургѣ не знаютъ, что ваше высочество изволили переѣхать въ Герцогсбургъ.

— И не должны знать. Какъ вы думаете, Ласфельдъ, могутъ солдаты моей арміи взобраться на эту гору.

— А какъ вы сами полагаете, ваше высочество?

— Никакъ, позовите Гринберга.

— Но...

— Что вы медлите?—загремѣлъ голосъ герцога.

— Я всеподданнѣйше позволю себѣ возразить...

— Мнѣ—никакихъ возраженій!

— Въ вашихъ же собственныхъ интересахъ. Его превосходительство давно не получалъ никакой милости. Въ цѣляхъ достиженія

вашихъ желаній! Я позволю себѣ настоятельно просить принять его превосходительство лично и не разговаривать съ нимъ черезъ дверь.

Результатъ отъ этихъ словъ получился самый неожиданный.

— Хорошо, я переговорю съ Гринбергомъ глазъ на глазъ, Ласфельдъ,—сказалъ Альфредъ совершенно спокойно.—Да, вы правы: въ цѣляхъ достиженія моихъ собственныхъ желаній.

— Въ такомъ случаѣ, я сейчасъ увѣдомлю его превосходительство.

Фонъ-Ласфельдъ удалился.

Альфредъ совершенно овладѣлъ собою. Онъ прочелъ письма, лежавшія передъ нимъ на золотомъ столикѣ, спокойно, одно за другимъ и дѣлалъ, по своему обыкновенію, отмѣтки на поляхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ сопровожденіи адъютанта явился Гринбергъ.

— Оставьте насъ однихъ, Ласфельдъ.

Адъютантъ вышелъ.

— Садитесь, ваше превосходительство,—началъ Альфредъ:— я долженъ сообщить вашему превосходительству нѣчто весьма важное. Вы знаете развалины на островѣ Герцогштейнѣ?

— Нѣтъ, ваше высочество.

— Это ничего не значить. Я рѣшилъ выстроить тамъ новый дворецъ.

Министръ измѣнился въ лицѣ. Это не укрылось отъ Альфреда.

— Ну-съ, ваше превосходительство.

— Ваше высочество изволите видѣть, что я совершенно изумленъ. Оба дворца, тамъ и на островѣ, еще далеко не закончены, а вы изволите говорить...

— Да, о новой постройкѣ. Вы на то и министръ и должны достать мнѣ денегъ. Я закончу то, что уже начато, и начну новое, что я теперь проектирую.

Словно какое-то глухое рычаніе слышалось въ сильномъ голосѣ герцога.

— Я не знаю, ваше высочество...

— Чего вы не знаете?

— Я не знаю, какъ ландтагъ и народъ внесетъ проценты за занятые милліоны, несмотря на повышение налоговъ, и вдругъ...

— А мои личные средства, мой цивильный листъ?

— Насколько я знаю, личные средства вашего высочества въ настоящее время истощены.

— Истощены!

Это страшное слово прозвучало въ ушахъ Альфреда, какъ крикъ боли.

— Что вы сказали? Истощены?

— Да, я сказалъ это, я долженъ былъ сказать это! Каждый день въ гофмаршалскую часть въ Кронбургъ постунаютъ счета, по ко-

торымъ нечѣмъ платить. Къ вашему высочеству начинаютъ приставать, какъ къ самому обыкновенному должнику.

— Что?!—загремѣлъ Альфредъ.—У кого хватить духа приставать ко мнѣ, герцогу? Кто это смѣетъ?

— Поставщики вашего высочества.

— Неблагодарные!

Альфредъ былъ внѣ себя. Крупная дрожь прошла по его тѣлу. Онъ зарыдалъ, какъ дитя.

— Что же мнѣ дѣлать, Гринбергъ? Посоветуйте, помогите мнѣ?

— Вашему высочеству въ самомъ дѣлѣ угодно выслушать мой совѣтъ?

— Да.

— Хорошо. Нужно вернуться въ Кронбургъ, во дворець, приостановить всѣ дальнѣйшія постройки. Истрачено уже нѣсколько миліоновъ, и нужно сначала ихъ заплатить.

— Вернуться въ Кронбургъ! Никогда! Приостановить постройки! Никогда! Такова моя воля! Я герцогъ!

— Ваше высочество спрашивали у меня совѣта, и я повиновался вашему желанію! Такъ дальше не можетъ продолжаться. Страна наканунѣ финансоваго краха.

Альфредъ горько разсмѣялся.

— Это говорите мнѣ вы, взявшій на себя обязательство изъ земли достать милліоны. Ха-ха-ха! Вы плохой финансовый геній. Я буду строить дальше. Будутъ выпущены новые займы, и я dokonчу всѣ дворцы, поняли? Пусть продадутъ коронныя драгоценности, пусть обратятся къ иностраннымъ дворамъ съ просьбою о займѣ. Я отдамъ въ залогъ герцогство, распушу армію, если безъ этого нельзя будетъ обойтись, но все-таки буду продолжать постройки. Нужно умѣть доставать мнѣ деньги! На дняхъ въ ландтагъ будетъ внесено мною предложеніе объ увеличеніи гражданского листа и объ отнискѣ перваго взноса въ тридцать милліоновъ, для начала построекъ въ Герцогштейнѣ.

— Въ такомъ случаѣ...

— Знаю, знаю! Я найду другихъ! Я знаю, знаю! Хоть сегодня! Гринбергъ отвѣсилъ глубокій поклонъ.

Альфредъ усмѣхнулся про себя.

— Кого же вы намѣтили себѣ въ преемники, ваше превосходительство?

— Ваше высочество, во всей странѣ я знаю только одного человѣка, который способенъ привести ваши дѣла въ порядокъ

— Единственный человѣкъ?

— Да, ваше высочество.

— Кто же это?

— Я не рѣшаюсь назвать здѣсь его имя.

— Я приказываю вамъ.

— Это Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

Альфредъ отвѣтилъ:

— Никогда!—такимъ страшнымъ голосомъ, котораго потомъ министръ никогда не могъ забыть.

— Лучше пусть гибнетъ герцогство, чѣмъ онъ!

Аудиенція была кончена.

XXXII.

Почти въ то же самое время, когда министръ Гринбергъ былъ уволенъ въ отставку, въ Кронбургъ прискакалъ курьеръ. Онъ направился въ соединенное министерство и вручилъ тамъ строгій приказъ, чтобы долги, вызванные постройкою двухъ дворцовъ, были уплачены безотлагательно и чтобы въ ландтагъ внесено было предложеніе объ отпускѣ дальнѣйшихъ тридцати милліоновъ для герцогскихъ построекъ.

Внизу энергичными, крупными буквами было написано: «Пребываю къ вамъ неблагосклонный! Альфредъ».

Гринбергъ и его министры не знали, что дѣлать. Они послали извѣщеніе князю Филиппу, который одиноко жилъ въ своемъ Филиппсбургѣ съ тѣхъ поръ, какъ Адельгейда нѣсколько лѣтъ тому назадъ вышла замужъ за одного иностраннаго принца. Подъ предсѣдательствомъ князя состоялось экстренное засѣданіе коронныхъ чиновъ и министровъ.

Вся столица пришла въ невиданное до сихъ поръ волненіе. Газеты печатали длинныя статьи и злыя замѣтки о совершенно неслѣпомъ финансовомъ хозяйничаньѣ герцога; невѣроятные слухи о его ночномъ образѣ жизни, о которомъ приходилось слышать изъ устъ придворныхъ слугъ, распространялись во все стороны и передавались изъ устъ въ уста.

Ужась, предчувствіе того, чего еще никогда не приходилось переживать, охватило всю страну.

Князь Филиппъ колебался и не могъ рѣшиться на что-нибудь. Онъ былъ единственнымъ братомъ покойнаго герцога Бернарда, на немъ, какъ на главѣ герцогскаго дома, лежала теперь обязанность принять нужныя мѣры. Онъ же долженъ былъ принять вмѣсто племянника бразды правленія, и это обстоятельство значительно затрудняло его дѣйствія. Взоры страны и народа были устремлены на него, давно державшагося вдали отъ дѣлъ, а теперь вдругъ ставшаго центромъ всего.

Первое засѣданіе прошло безрезультатно. Князь Филиппъ уклонялся, говоря, что нужно назначить комиссію и послать ее въ Гогенарбургъ къ его высочеству. Нужно всеподданнѣйше просить его отказаться отъ его плановъ, вернуться въ Кронбургъ и тамъ

вести очень строгій образъ жизни, чтобы мало-по-малу погасить огромные долги.

Это щекотливое порученіе было возложено, по желанію князя Филиппа, на личнаго секретаря герцога и двухъ коронныхъ сановниковъ.

Черезъ двадцать четыре часа они вернулись въ Кронбургъ ни съ чѣмъ. Они не были приняты ни днемъ, ни ночью. Ворота новаго дворца были заперты.

Князь Филиппъ рѣшился на чрезвычайный шагъ. Онъ обратился за совѣтомъ къ своему старому другу Бауманну-фонъ-Брандту, который стоялъ во главѣ правительства при его братѣ и котораго Альфредъ съ такимъ легкимъ сердцемъ устранилъ отъ дѣлъ.

И вотъ этотъ человѣкъ, съ лицомъ хищной птицы, наводившій страхъ на Матильду въ Лаубельфингенѣ, сидѣлъ лицомъ къ лицу съ княземъ въ его Филиппсбургѣ.

— Ваша свѣтлость приказали явиться?—спросилъ онъ.

— Я пригласилъ васъ, ваше превосходительство, въ качествѣ стариннаго совѣтника моего покойнаго брата. Скажите, что дѣлать?

— Ваше свѣтлость желаете оставаться на почвѣ конституціи этой страны?

— Конечно.

— Хорошо. Конституція нашей страны гласитъ: если царствующій герцогъ по болѣзни или другимъ причинамъ не можетъ исполнять своихъ обязанностей болѣе, чѣмъ въ теченіе одного года, то назначается регентство. Этимъ какъ разъ разрѣшается настоящій случай. На васъ, ваша свѣтлость, лежитъ обязанность безотлагательно увѣдомить ландтагъ черезъ министерство и коронныхъ чиновъ о вступленіи въ силу закона о регентствѣ.

Князь Филиппъ невольно отступилъ шагъ назадъ.

— Ваше превосходительство!—въ испугѣ вскричалъ онъ:—а какъ же онъ?

— Онъ боленъ. Его образъ жизни даетъ неопровержимое тому доказательство. Его стремленіе уединяться, страсть къ роскоши и тратамъ, которая не соображается съ имѣющимися средствами, показаніе дворцовыхъ служителей, странное устройство его дворцовъ—все это даетъ достаточно поводовъ для того, чтобы ваша свѣтлость могли выступить.

Лицо князя Филиппа сдѣлалось блѣдно, какъ полотно.

— Вы говорите, что я долженъ, что я обязанъ выступить?

— Вы обязаны сообщить странѣ, что его высочество герцогъ Альфредъ, вслѣдствіе помраченія умственныхъ способностей, по рѣшенію царствующаго дома, министерства и коронныхъ чиновъ устраняется отъ престола и что дѣла правленія переходятъ въ руки вашей свѣтлости, какъ законнаго регента.

— А кто возьметъ на себя отвѣтственность за этотъ важный шагъ? Кто знаетъ, какія онъ будетъ имѣть послѣдствія?

— Я, ваша свѣтлость, если вы мнѣ дадите соответствующія полномочія. Одного освидѣтельствованія состоянія здоровья герцога будетъ достаточно въ виду характера его заболѣванія.

— Ужасно... свидѣтельство... смертный приговоръ, хотите вы сказать! Есть у васъ подъ рукой врачи, которые рѣшатся объявить царствующаго государя помраченнымъ, врачи, у которыхъ хватить духа совлечь съ недосягаемой высоты любимца народа, его обожаемаго герцога?

— Да, у меня есть врачи. Я проведу это дѣло, если ваша свѣтлость немедленно объявите регентство и назначите меня вашимъ отвѣтственнымъ министромъ-президентомъ. Ибо только въ качествѣ министра-президента я могу взять на себя отвѣтственность за все.

— Нѣтъ, нѣтъ. Я не могу объявить регентство прежде, чѣмъ я не увѣдомлю моего племянника, законнаго государя этой страны.

— Вамъ такъ же мало посчастливится въ Гогенарбургѣ, какъ и комиссіи, ваша свѣтлость. Вчера она вернулась въ Кронбургъ ни съ чѣмъ. Ее заставили простоять напрасно передъ запертыми воротами его дворца. Хорошо еще, если васъ не прогоняютъ силой.

— Силой! Ваше превосходительство рисуете мнѣ призраки революціи.

— И съ возможностью революціи надо считаться, ваша свѣтлость. Нельзя считаться только съ одними горными крестьянами. Герцогъ долженъ быть устраненъ отъ престола и, какъ больной, переданъ въ руки врачей. Иначе я ни за что не ручаюсь.

— Какой ужасъ! Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Это нападеніе изъ-за угла! Нѣтъ! Что скажетъ свѣтъ, что подумаетъ Кронбургъ и горные жители! Нѣтъ, онъ долженъ оставаться герцогомъ, пока не узнаемъ о рѣшеніи герцогской семьи, коронныхъ чиновъ и министерства.

— Какъ прикажете, ваша свѣтлость. Но я не ручаюсь ни за что. Я позволю себѣ дать вамъ еще одинъ благой совѣтъ: какъ можно скорѣе привести гарнизонъ Кронбурга къ присягѣ на ваше имя и распорядиться, чтобы онъ держался наготовѣ... ибо... его высочество, въ своемъ болѣзненномъ состояніи, способенъ на все!.. Измѣна! Революція! Я очень совѣтую вамъ быть осторожнымъ!

— Я соглашаюсь съ вами. Манифестъ долженъ быть написанъ на основаніи врачебнаго освидѣтельствованія и рѣшенія герцогскаго дома и министерства. Но ни подъ какимъ видомъ я не соглашусь дѣйствовать безъ официальнаго увѣдомленія моего племянника. Пусть будетъ, что будетъ. Онъ долженъ узнать объ этомъ прежде, чѣмъ будетъ извѣщена страна. На кого бы мнѣ возложить это порученіе?

— Я предложилъ бы вашей свѣтлости назначить, въ качествѣ регента, особую государственную комиссію. Она могла бы соста-

виться изъ министра-президента новаго министерства, двухъ членовъ изъ коронныхъ чиновъ, двухъ штабъ-офицеровъ герцогской арміи и, наконецъ, изъ врачей, которымъ будетъ поручено леченіе герцога. Эта комиссія могла бы произвести освидѣтельствованіе его высочества, а затѣмъ перевезти его и заключить въ какой-нибудь изъ дворцовъ.

— Это ужасно!—повторялъ безпрестанно князь Филиппъ.

Онъ подошелъ къ окну и закрылъ лицо обѣими руками. Неумолимый Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, который, повидимому, уже давно обдумалъ этотъ ужасный планъ, казалось, не замѣчалъ его слезъ.

— Какой же дворецъ ваше превосходительство намѣтили для заключенія, какъ вы выражаетесь, моего несчастнаго племянника?

— Можно, пожалуй, въ Герцогсбургѣ... нѣтъ... его положеніе слишкомъ опасно... на виллѣ... нѣтъ, слишкомъ далеко отъ Кронбурга... Позвольте... Для этой цѣли лучше всего былъ бы Турмъ, ваша свѣтлость.

— А озеро, Лаубельфингенское озеро!—воскликнулъ князь Филиппъ, объятый смертельнымъ страхомъ.

— Его будутъ внимательно стеречь. Слишкомъ близко отъ Кронбурга, мнѣ бы этого не хотѣлось, но и слишкомъ далеко гдѣ-нибудь среди горныхъ крестьянъ—тоже нежелательно. Турмъ какъ разъ годится. До него легко добраться и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ достаточно далеко отъ Кронбурга. Главный докторъ и его ассистенты будутъ отвѣтственны за него передъ вами и мной, его жизнь должна быть неприкосновенна.

— И когда вы думаете осуществить все это?

— Безотлагательно, ваша свѣтлость, сегодня же ночью. Прежде, чѣмъ учрежденіе регентства не будетъ совершившимся фактомъ, и прежде, чѣмъ отзывъ моихъ врачей не будетъ безусловно не въ пользу герцога, никто не долженъ даже догадываться объ этомъ въ Гогенарбургѣ, никто не долженъ знать объ этомъ въ Кронбургѣ.

— Уже сегодня ночью?

— Да. Онъ имѣетъ обыкновеніе обѣдать около полуночи. Если я явлюсь съ членами комисіи въ Герцогсбургѣ часа въ три ночи, то есть надежда, что онъ насъ приметъ. Я прошу полномочій вашей свѣтлости, какъ регента этой страны...

— Вы слишкомъ торопитесь, ваше превосходительство. Онъ еще пока герцогъ.

— Въ силу этихъ отзывовъ, не слишкомъ.

И съ этими словами Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вынулъ изъ кармана нѣсколько бумагъ.

— Это отзывы первыхъ медицинскихъ авторитетовъ нашего герцогства, данные подъ личною ихъ отвѣтственностью,—произнесъ онъ, подавая бумаги князю Филиппу.

Тотъ углубился въ чтеніе.

— Вы быстро обдѣлываете дѣла, — горько сказала онъ, — очень быстро. Герцогъ Альфредъ всегда долго колебался подписать смертный приговоръ, хотя преступленіе и было доказано, онъ не хотѣлъ умерщвлять кого бы то ни было, а вы...

— Мой благой совѣтъ остается только совѣтомъ, ваша свѣтлость. Пока еще зависитъ отъ васъ и отъ членовъ государственнаго совѣта считать герцога Альфреда здоровымъ. Я только не понимаю въ такомъ случаѣ, для чего меня сюда вызвали. Назначьте министромъ Гринберга или еще лучше упросите герцога, чтобы онъ вернулъ ему свою милость. Послѣдствіемъ этого будетъ новый заемъ, разореніе отечества и гибель герцога, предотвратить которую невозможно, по мнѣнію моихъ медицинскихъ авторитетовъ.

— Мнѣ трудно понимать васъ, ваше превосходительство.

— Согласенъ. Итакъ, все выяснено?

— Кромѣ формы.

— Что значитъ: кромѣ формы?

— Съ его высочествомъ будутъ обходиться, какъ съ герцогомъ, а не какъ съ больнымъ, пока онъ не получитъ извѣщенія о назначеніи регентства.

— Ваша свѣтлость, очевидно, недостаточно освѣдомлены о характерѣ этого заболѣванія.

— Что вы хотите сказать?

— Его высочество, по заключенію врачей специалистовъ, не всегда боленъ.

— Не всегда боленъ? А что если вы... если мы... здороваго.. какой ужасъ!

— Я сказала «не всегда». Здоровое состояніе духа уравниваетъ въ немъ больное. Онъ думаетъ логично, дѣйствуетъ послѣдовательно, онъ въ состояніи принимать нужныя мѣры, которыя такъ же разумны, какъ мѣры здоровыхъ людей. Онъ принадлежитъ къ числу высокоодаренныхъ государей, въ нѣкоторыхъ вещахъ онъ прямо гений, умница, съ которымъ нельзя обращаться, какъ съ больнымъ. Такъ говорятъ мои доктора!

— И на основаніи такого отзыва нужно совершить нѣчто неслыханное?

— Нужно это совершить, ваша свѣтлость, въ интересахъ цѣлой страны, которая пришла на край гибели, благодаря болѣзненнымъ наклонностямъ своего государя. Его склонность къ уединенію, его нежеланіе имѣть дѣло съ отвѣтственными чинами правительства, своеобразность его обхожденія съ народомъ и слугами, припадки ярости, поѣздки въ золотомъ экипажѣ, исчезновенія въ подземный гротъ или на эти покрытыя льдомъ горы—все это достаточно говорить за себя.

— Но, можетъ быть, это въ концѣ концовъ причуды великаго чловѣка, котораго положеніе ставитъ выше милліоновъ людей?

— Можно называть и такъ, ваша свѣтлость, и тѣмъ не менѣе... Его манія величія, его страхъ преслѣдованія! Я не вижу другого спасенія для страны. Соберите государственный совѣтъ, ваша свѣтлость, и объявите регентство.

— Я прошу дать мнѣ два часа на размышленіе. Потомъ я сообщу вашему превосходительству о моемъ рѣшеніи

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ удалился.

Потрясенный князь Филиппъ опустился въ кресло.

Долго сидѣлъ онъ передъ своимъ письменнымъ столомъ и думалъ. Долженъ ли онъ, смѣетъ ли онъ, вопреки народу, міру, человѣчеству, самой исторіи, низвергнуть съ высоты знаменитѣйшаго изъ современныхъ государей, передъ которымъ преклоняются въ прахъ милліоны народа? Что изъ этого выйдетъ, чѣмъ все это кончится? Ненадеженъ казался ему Альфредъ, ненадеженъ народъ и горные крестьяне, взиравшіе на герцога, какъ на нѣкое божество.

Онъ былъ истинный король въ царствѣ духа, искусства, всего прекраснаго въ области высшихъ человѣческихъ благъ, обожаемый женщинами, носимый на рукахъ мужчинами,—и вдругъ... Слѣдуетъ ли ему довѣрять Бауманну-фонъ-Брандту?

Да, довѣрять ему нужно. Въ этотъ часъ отечество повелительно требовало отъ него этой жертвы.

Самый прекрасный, самый гениальный изъ людей послѣдней четверти вѣка долженъ былъ пасть съ своей солнечной высоты, какъ Икаръ, предпринявшій полетъ по слѣдамъ колесницы божества.

Князь Филиппъ заплакалъ. Онъ плакалъ о своемъ племянникѣ. Чего только онъ не задумалъ, чего только не настроилъ! Какое сказочное царство красоты! И тѣмъ не менѣе!

И онъ отдалъ приказъ о томъ, чтобы собрали совѣтъ, который долженъ былъ принять окончательное рѣшеніе.

XXXIII.

Тяжелыя дождевыя облака ранняго лѣта нависли надъ изумительной постройкой новаго дворца—Герцогсбурга. Словно фантастическія туманныя чудовища, приплыли они съ запада, остановились на отвѣсныхъ скалахъ высоко поднявшихся горъ, надъ потускнѣвшей поверхностью обоихъ озеръ и набросили на голову горныхъ великановъ причудливый уборъ. Уже три дня не было видно солнца. Непрерывно шелъ дождь. Лиственницы и сосны волшебнаго лѣса плакали тысячами капель слезъ. Молча, беззвучно, мрачно стояло огромное сѣрое зданіе. Передъ его крѣпко запертыми воротами взадъ и впередъ шагали часовые съ заряженными ружьями и съ примкнутыми штыками.

— Не пропускать никого!

Таковъ былъ послѣдній строгій приказъ герцога, который онъ отдалъ Ласфельду.

Въ этотъ туманный день, который съ трудомъ можно было отличить отъ ночи, по извилистой дорогѣ, шедшей отъ деревни на вершину горъ, приближалась къ воротамъ дворца женская фигура. Чтобы защититься отъ дождя, она накинула кашюшонъ своего платья на бѣлокурую голову. Видимо, она пришла издалека, она приближалась медленными, усталыми шагами.

Наконецъ она достигла мѣста, гдѣ стоялъ часовой.

— Стой! Нельзя итти!

Солдаты загородили ей путь ружьемъ.

Она опустила кашюшонъ, показалось свѣжее, милое, раскраснѣвшееся отъ возбужденія личико, обрамленное густыми, бѣлокурыми волосами, съ двумя огромными голубыми глазами.

— Я Христина, дочь содержателя гостиницы въ Обервальдѣ,— сказала она солдату.—Герцогу грозитъ опасность, я знаю это навѣрно. Онъ знаетъ меня, я поила всегда его коня и подносила ему букеты цвѣтовъ. Пропусти меня!

— Проходи дальше,—упрямо сказалъ часовой.—Намъ данъ строгій приказъ не пропускать никого.

— Нѣтъ,—твердымъ тономъ возразила дѣвушка.—Я уже нѣсколько часовъ въ дорогѣ. Нашъ крестьянинъ Зепфъ, который служитъ на военной службѣ въ Кронбургѣ, пришелъ къ намъ вчера вечеромъ. Онъ уволенъ въ отпускъ на праздники, понимаешь?

— Ну?—спросилъ, заинтересовавшись, солдатъ.

— Онъ рассказывалъ въ Обервальдѣ, что герцога хотять схватить, что они уже двинулись въ путь, что они добьются пропуска во дворецъ и силою овладѣютъ герцогомъ.

— Неужели?—сказалъ солдатъ.

— Нашъ землякъ знаетъ это навѣрно. Полки, стоящіе въ Кронбургѣ, получили приказъ быть готовыми къ выступленію. Только очень немногіе, для отвода глазъ, получили отлускъ. Князь Фалингъ хочетъ занять престолъ. Это будетъ объявлено, а герцога куда-то увезутъ.

Часовой подошелъ къ воротамъ и далъ звонокъ.

Появился караульный офицеръ, которому Христина рассказала то же самое.

Офицеръ послалъ за фонъ-Ласфельдомъ.

Черезъ нѣсколько минутъ адъютантъ явился. Онъ увелъ Христину въ кордегардію.

Около одного изъ оконъ дворца была видна высокая фигура. Окно было открыто настежь.

— Ласфельдъ,—раздался голосъ Альфреда на тихомъ дворѣ. Адъютантъ вошелъ вмѣстѣ съ дѣвушкой.

Острый взоръ Альфреда тотчасъ узналъ дочь обервальдскаго трактирщика. Цѣлый рядъ воспоминаній хлынулъ на него.

Онъ сдѣлалъ знакъ.

— Позовите ко мнѣ эту дѣвушку, Ласфельдъ.

Бѣлокурая Христина шла за офицеромъ, какъ ослѣпленная роскошью этихъ апартаментовъ, о которыхъ столько говорили не только въ Обервальдѣ, но и повсюду въ горахъ.

Наконецъ она очутилась передъ герцогомъ.

— Христина!—вскричалъ Альфредъ и протянулъ ей руку.— Сегодня ты не принесла мнѣ букета горныхъ цвѣтовъ!

— Нѣтъ, ваше высочество, дороги въ горы теперь непроходимы. Я едва добралась сюда. Вмѣсто цвѣтовъ я сегодня принесла вамъ нѣчто, что доказываетъ мою преданность вамъ. Будьте на сторожѣ, ваше высочество, они хотятъ схватить васъ.

Крикъ отчаянiя и ярости вырвался у Альфреда.

— Они? Кто они?—загремѣлъ онъ.

— Князь Филиппъ, вашъ дядя. Онъ хочетъ взойти на тронъ.

— Кто тебѣ это сказалъ, Христина.

— Нашъ землякъ Зеппъ принесъ эту новость изъ Кронбурга. Тогда, несмотря на туманъ и ночное время, я сейчасъ же пустилась въ дорогу. Будьте на сторожѣ, ваше высочество.

Альфредъ въ отчаянiи билъ руками по воздуху. Онъ былъ внѣ себя. Что дѣлать?

— Это возможно, это правда, Ласфельдъ,—бормоталъ онъ.

— Ваше высочество, я, право, не знаю... опредѣленность, съ которой эта дѣвушка...

— Они явятся сегодня же,—повторяла бѣлокурая Христина:— будьте на сторожѣ.

Альфредъ уже не слушалъ ея. Онъ даже не смотрѣлъ на нее.

— Государственная измѣна,—прохрипѣлъ онъ.—Измѣна герцогу, Ласфельдъ. Дайте мнѣ совѣтъ, помогите мнѣ!

Съ минуту Ласфельдъ оставался въ глубокомъ молчанiи.

Тутъ герцогъ опять замѣтилъ Христину, которая стояла передъ нимъ ни жива, ни мертва.

— Благодарю тебя, Христина, —сказалъ онъ.— Надо дать ей что-нибудь съѣсть. Слышите, Ласфельдъ.

— Слушаю, ваше высочество.

Ласфельдъ повелъ дѣвушку въ боковую дверь и приказалъ лакею накормить ее.

Когда онъ вернулся, Альфредъ сидѣлъ на своемъ золотомъ креслѣ передъ письменнымъ столомъ, погружившись въ свои мысли.

— Что мнѣ дѣлать, Ласфельдъ?—забормоталъ онъ опять.

— Ваше высочество, мой совѣтъ—воспользоваться временемъ. Если тѣ, о комъ говорить эта дѣвушка, уже въ дорогѣ, то тутъ уже не простые слухи, порожденные вполне понятнымъ опасенiемъ за

безопасность вашего высочества. Въ такомъ случаѣ время не терпитъ и надо дѣйствовать.

— Какъ дѣйствовать?

— Прикажите, ваше высочество, сейчасъ же приготовить поѣздъ, и прежде, чѣмъ они подѣдутъ ко дворцу...

— И...

— Поѣзжайте сейчасъ же въ Кронбургъ, покажитесь вашей столицѣ, князю Филиппу, министрамъ, членамъ совѣта и своимъ появленіемъ разсѣйте всѣ слухи, которые ходятъ насчетъ вашего высочества. Мнѣ кажется,—это единственный путь къ спасенію.

— Къ спасенію? Почему вы сказали: къ спасенію? А кромѣ того—слухи... Какіе такіе слухи могутъ ходить обо мнѣ? Что вы разумѣете подъ этими слухами? Что я трачу деньги, что я строю дворцы, что для меня эти горы и ихъ жители пріятнѣе, чѣмъ Кронбургъ и его населеніе? Да, это всѣ знаютъ. Что же еще про меня говорятъ? Что они хотятъ сдѣлать со мной?

Большіе глаза Альфреда были пристально устремлены на поблѣднѣвшее лицо адъютанта. Ласфельдъ невольно отступилъ назадъ и сказалъ:

— Я не знаю, какія мѣры хотятъ принять противъ вашего высочества. Но, кажется, что-то затѣвается. Поэтому мой благой, мой, да позволено мнѣ будетъ сказать, дружескій и всеподданнѣйшій совѣтъ—распорядитесь немедленно объ отъѣздѣ въ Кронбургъ и покажите тамъ, что все то, что говорятъ о васъ, неправда.

— А что говорятъ обо мнѣ? Подъ страхомъ моей герцогской немилости приказываю вамъ дать мнѣ немедленный отвѣтъ.

— Я не могу дать опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ, ваше высочество, ибо уже нѣсколько недѣль я нахожусь безвыѣздно здѣсь, а не въ Кронбургѣ. Но если придавать вѣру намекамъ заграничныхъ газетъ, которыя иногда попадаются мнѣ на глаза...

— Ну, что же тамъ такое?—загремѣлъ Альфредъ.

— Конституція этой страны знаетъ только одну причину, на основаніи которой возможно низложеніе царствующаго государя. Вашему высочеству конституція наша извѣстна—вы изволили присягать ей.

— Только одну причину?

И вдругъ все стало ясно Альфреду.

— Они хотятъ объявить меня идиотомъ, Ласфельдъ,—закричалъ онъ.—Возможно ли это? Смѣютъ ли они это? Кто въ цѣломъ герцогствѣ осмѣлится на это? Пусть подадутъ мнѣ вина! Что вамъ объ этомъ извѣстно, Ласфельдъ?

— Мнѣ извѣстно очень немного, ваше высочество. Я только знаю, что это по конституціи есть единственный поводъ и...

— И?

— И что къ числу совѣтниковъ князя Филиппа принадлежит уволенный министр-президентъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ.

Альфредъ вдругъ разсмѣялся.

— Вѣрно! Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. Я долженъ былъ приказать, чтобы ему перерѣзали горло. Лисицы, которыя попадають въ капканъ, щадить нечего, это напрасная сентиментальность.

Адъютантъ въ ужасѣ посмотрѣлъ на герцога.

Неужели онъ опять?.. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ недѣль онъ былъ такъ тихъ и разуменъ. Днемъ онъ оживалъ, предпринималъ далекія прогулки въ горы, и мрачные демоны пережитой, по мнѣнію Ласфельда, эпохи какъ будто отступили отъ него. И вдругъ...

— Да, да, слѣдовало перерѣзать горло этой лисицѣ, — снова повторилъ Альфредъ. — Измѣнникъ, который злоумышляетъ противъ меня вмѣстѣ съ моимъ дядей.

— Что вашему высочеству угодно будетъ рѣшить? Я жду немедленнаго приказа. Поѣздъ въ Кронбургъ... Стоитъ сказать одно слово начальнику станціи...

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ! Мы ихъ встрѣтимъ пулями, мы дадимъ имъ достойный герцога отвѣтъ, другъ мой.

Голосъ Альфреда звучалъ, какъ ревъ бури, которая клонить долу гигантскія деревья его горнаго лѣса.

— Я не знаю, ваше высочество, не будетъ ли этотъ способъ...

— О, замокъ достаточно крѣпокъ! Они даже не предчувствуютъ, какъ онъ крѣпокъ! А моя армія присягала мнѣ! Горные жители, жандармы, пожарные окрестныхъ деревень всѣ должны смотаться вокругъ меня. Я сейчасъ напишу самъ приказъ. Посмотримъ, насколько хватить смѣлости у этихъ измѣнниковъ. Пошлите по телеграфу приказъ ближайшему батальону, чтобы онъ выступилъ на защиту своего герцога и занялъ Гогенарбургъ и этотъ дворець.

— Распоряженіе вашего высочества будетъ немедленно исполнено. Клянусь до самой смерти сохранять вѣрность вашему высочеству.

— Смерть до гроба, — сказалъ Альфредъ. — Благодарю васъ, Ласфельдъ. Ни въ горахъ, ни въ этомъ дворцѣ не найдется никого, кто бы нарушилъ эту вѣрность. Я встрѣчу ихъ пулями. Мой замокъ неприступенъ и можетъ пасть только путемъ измѣны.

Альфредъ ходилъ по раззолоченному кабинету, какъ будто онъ уже одержалъ полную побѣду. Здѣсь онъ издалъ приказъ, чтобы его дворець заняли жандармы изъ окрестныхъ мѣстностей, а батальонъ былъ мобилизованъ.

— Они ошибутся, кронбургскія лисицы и змѣи, — шепталъ онъ.

Потомъ онъ подошелъ къ окну. Стѣны этого дворца, сложенные изъ квадратныхъ плитъ, взятыхъ изъ его любимыхъ горъ, дадутъ ему надежную защиту, если только въ этихъ стѣнахъ не найдется измѣнниковъ. Не найдется измѣнниковъ? Но развѣ онъ можетъ быть увѣренъ въ нихъ, начиная отъ Люфельда и кончая послѣднимъ конюхомъ, которому поручено чистить серебряныя копыта его стараго Рустана?

Да, да! Тѣ, которые сидятъ въ Кронбургѣ, ненавидятъ его, они не понимаютъ его, да и не могутъ понять. Но вѣрный его народъ въ горахъ, голубоглазый народъ, для котораго онъ былъ богомъ? Только по грудѣ ихъ труповъ можно будетъ войти въ замокъ, онъ увѣренъ въ этомъ!

Они принесутъ послѣднія ружья изъ своихъ хижинъ, достанутъ послѣдніе топоры съ своихъ дворовъ и поспѣшатъ изъ своихъ норъ на его защиту и сложать въ окопахъ свои головы за герцога! Онъ представлялся себѣ въ этотъ день, въ этотъ рѣшительный часъ, настоящимъ героемъ, въ первый разъ—военнымъ героемъ!

И его замокъ святого Грааля представлялся ему теперь неприступнымъ для злыхъ силъ, живущихъ тамъ, въ глубинѣ.

Они придутъ сюда, и онъ встрѣтитъ ихъ, какъ встрѣчали своихъ враговъ, измѣнниковъ Неронъ и Калигула, Иванъ Грозный, султаны османскаго царства. О, онъ такъ ждетъ ихъ прибытія. Они должны узнать, кто царствуетъ надъ этимъ золотымъ царствомъ, кто повелитель этой задохнувшейся равнины.

— Узнаютъ они горнаго орла!

И онъ смѣялся отъ какого-то дикаго сладострастія.

Онъ придумаетъ для нихъ такія пытки, какихъ не сумѣлъ еще придумать ни одинъ государь и какихъ не придумаетъ и послѣ ни одинъ изъ нихъ. Онъ броситъ ихъ тѣла въ пищу дикимъ птицамъ своихъ горъ, украситъ стѣны замка вѣнкомъ изъ ихъ окровавленныхъ головъ, вырветъ еще при жизни ихъ фальшивые языки и прикажетъ ихъ жарить долго, долго на очагѣ своего дворца. Да, непременно. Пусть только они придутъ. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, этотъ человѣкъ съ лицомъ хищной птицы, котораго онъ ненавидѣлъ, вотъ онъ-то и придетъ! Онъ будетъ держать его въ клѣткѣ, какъ дикаго звѣря, и будетъ его пытать, пытать каждый день, пока смерть отъ руки палача не покажется ему истинной милостью. Такъ онъ поступитъ со всѣми тѣми, которые отважатся посягнуть на величіе его личности, на его высокое положеніе, на него, помазанника Божія, государя, который царствуетъ самодержавно!

— Ха, ха, ха!—громко разсмѣялся онъ.

Онъ былъ одинъ. И все-таки пусть они придутъ, здѣсь, въ неприступномъ замкѣ, онъ готовъ ихъ встрѣтить!

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

Основанъ А. С. Суворинымъ въ 1880 г.

Библиотека "Руниверс"

СОДЕРЖАНІЕ СТО ТРИДЦАТАГО ТОМА.

ОКТЯБРЬ, НОЯБРЬ, ДЕКАБРЬ 1912 года.

	СТРАН.
Жена министра. (Романъ). (Окончаніе). Н. А. Лаппо-Данилевской.	5, 449, 895
Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ. Е. К. Андреевскаго.	37, 495, 939
иллюстрація: Самсонъ Георгіевичъ Аленичъ.	
Свобода духа. (Повѣсть). П. П. Гнѣдича.	83, 565, 979
Изъ журнальныхъ воспоминаній. (Литературныя характеристики и курьезы). А. Е. Кауфмана.	122, 611, 1067
Двуногій звѣрь. (Изъ человѣческихъ документовъ). (Окончаніе). В. В. Уманова-Каплуновскаго.	150, 636, 1079
За тридцать лѣтъ. (Листки изъ воспоминаній). (Окончаніе). В. Б. Бертенсона.	167
Нѣсколько встрѣчъ съ А. С. Суворинымъ. (По личнымъ воспоминаніямъ). В. М. Грибовскаго.	181
Воспоминанія инсургента. (Окончаніе). С. С. Окрейца.	191
Новый литературный портретъ императора Александра I. Б. Г.	221
Отголоски смуты. (1905—1906 гг.). Н. Н. Оглоблина.	249
Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ. В. Я. Кричевскаго.	283
Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки). I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятихъ годовъ. (Окончаніе). Б. Б. Глинскаго.	297, 767, 1164
иллюстраціи: 1) К. П. Побѣдоносцевъ. — 2) Тертій Иванъвичъ Филипповъ. — 3) Михаилъ Николаевичъ Островскій. — 4) Графъ Иванъ Давидовичъ Десяновъ.	

Бородинскія торжества.	325
Изъ Туниса въ Алжиръ. (Путевые наброски). Е. В. Молоствовою.	353
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Тунисъ.—2) Еврейки въ Тунисѣ.—3) Раскопки въ Кароагенѣ.—4) Константина.—5) Оазисъ Эль-Кантара.—6) Въ пустынь Сахары.—7) Алжиръ.—8) Улица Казба въ Алжирѣ.	
Одинъ изъ литературныхъ могиканъ. А. И. Соколовой.	667
Анекдотическій архіепископъ. (Изъ недавняго прошлаго). Х. Толшемскаго.	676
<i>Иллюстрація:</i> Архіепископъ одонецкій Аркадіѣ.	
Изъ воспоминаній о поэтѣ-сатирикѣ П. В. Шумахерѣ. М. Ф. Чулицкаго.	710
Театръ въ провинціи. (Изъ далекаго прошлаго). Г. А. Пальма.	718
Мертвая зыбь. (Путевыя впечатлѣнія). С. У—ца.	742
Князь Д. М. Пожарскій и его усыпальница. В. Е. Руданова.	749
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Видъ Спасскаго монастыря.—2) Спасо-Преображенскій храмъ въ Спасскомъ монастырѣ.—3) Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго.—4) Символическое изображеніе князя Пожарскаго, находящееся въ кельѣ настоятеля Спасскаго монастыря.	
Продолженіе исторіи Петергофской дачи № 2. Ю. Н. Плющевскаго-Плющина.	761
Первый госпиталь въ Абиссиніи. (Изъ личныхъ воспоминаній). М. И. Лебединскаго.	811
<i>Иллюстраціи:</i> 1) У перехода черезъ р. Эзеръ.—2) Въ заросляхъ около Мулю.—3) Милюзы въ Данакильской степи.—4) Канделябровидные молочай на Манджирѣ.—5) Рѣка Кабана, протекающая между миссіей и госпиталемъ.—6) Въездъ въ госпиталь.—7) Видъ госпиталя со стороны города.—8) Императоръ Менеликъ по выходѣ изъ операціонной.—9) Зданіе миссіи.	
Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ). С. У.	1013
Покушеніе на поѣздъ. К. И. Путилина.	1100
<i>Иллюстрація:</i> Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.	
Семинаристъ у А. В. Сухово-Кобылина. (Изъ воспоминаній). И. А.	1123
Петръ Ивановичъ Бартеневъ. (Некрологъ). Г. Л. И.	1129
<i>Иллюстрація:</i> Петръ Ивановичъ Вартеневъ.	
Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка. Б. Б. Глинскаго.	1138
<i>Иллюстрація:</i> Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.	
Памяти В. С. Новицкаго. Князя Б. А. Щетинина.	1160
Городъ Александровскъ на Мурманѣ. А. Д. Григорьева.	1191
<i>Иллюстраціи:</i> 1) Карликовыя березы.—2) Лапландскій пейзажъ.—3) Лоцарская вѣжа.—4) Входъ въ Екатерининскую гавань.—5) Набережная города Александровска.—6) Биологическая станція въ Екатерининской гавани.—7) Екатерининская гавань.—8) Видъ Фюрда на Мурманѣ.	

Въ Новомъ Аѳонѣ. (Изъ моихъ скитавій). Г. Т. Сѣверцева-Полилова. . . 1207

Иллюстраціи: 1) Архимандритъ Геронъ.—2) Видъ монастыря изъ гостиницы.—3) Кипарисная аллея.—4) Пальмы въ лимонномъ саду.—5) Соборъ съ сѣверо-восточной стороны.—6) Видъ съ озера на часовню.—7) Кипарисная аллея къ храму св. Симона Кananита.—8) Древній храмъ св. Симона Кananита.

Критика и библиографія. 382, 822, 1242

1) М. Н. Писаревъ. Въ память Отечественной войны. 1812—1912. Подъ редакціей Н. П. Михневича. Съ 18 рисунками. Заставки и карты. М. К. Паряного. Москва. 1912.—М. Васильевъ. Отечественная война (1812 годъ). Казань. 1912.—Народная война 1812 года. Постоянная комиссия народныхъ чтеній. Спб. 1912.—Н. Ф. Хованскій. Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года. Съ 22 рисунками. Саратовъ. 1912.—С. Чижевъ. Медали въ память столѣтія Отечественной войны. Критическая замѣтка. Москва. 1912.—Н. Ф. Рыбчинскій. Пѣснь о Наполеонѣ, императорѣ французовъ (на 1812 годъ). Спб. 1912. Д. м.—2) Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Историческая монографія. Спб. 1912. в. Троицнаго.—3) Ключевскій, В. О. Опыты и изслѣдованія. М. 1912. м. н.—4) Картины церковной жизни черниговской епархіи изъ IX-вѣковой ея исторіи. Кіевъ. 1911. Д. Бочнова.—5) А. Н. Филиповъ, проф. Учебникъ исторіи русскаго права, ч. I. Юрьевъ. 1912. м. н.—6) И. А. Вазановъ. Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19-го февраля 1861 года. Томскъ. 1911. профессора М. Красножена.—7) С. Н. Сивидицкій. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912. м. н.—на.—8) Русь въ ея столицахъ. Е. Нелидова. Старая Ладога. 1912. А. М. Нечаевой.—9) Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Редакція и приобщанія В. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912. в. Р—ва.—10) Я. Микетовъ. Что сдѣлало народное представительство третьяго созыва. Спб. 1912. гр.—11) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга четвертая, двѣсти тридцать девятая. М. 1911. в. Р—ва.—12) Отчетъ императорской публичной библиотеки за 1905 годъ. Спб. 1912. А. н.—13) Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборникъ. Спб. 1891.—К. Леонтьевъ о Владимирѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). М. 1912.—К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. Томы II и III. М. 1912. н. л.—14) Э. П. фонъ-Вергъ. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава. 1912. д.—15) Baltische Landeskunde. Im Verein mit mehreren Mitarbeitern. Съ атласомъ изъ 28 таблицъ и 6 картъ. Рига. 1910. А. Мальмгрена.—16) Smolensk. Les origines. L'épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Le baron de Baye. Paris. Librairie academique. Perrin et Cie. 1912. Prix 5 francs. (Смоленскъ, его возникновеніе. Эпопея 1812 года). По неизданнымъ документамъ составилъ баронъ де-Ва. Парижъ. 1912. п. Майнова.—17) В. В. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи (1861—1881 гг.). Историческіе очерки. Ч. I, съ 40 портретами и иллюстраціями. Ч. II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Изд. т-ва А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912. м. Ключова.—18) Курскій сборникъ. Подъ редакціей Н. Н. Златоверховникова, выпускъ VII. Курскъ. 1912.—Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ Н. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912. А. Танкова.—19) С. Горайновъ. 1812. Документы государственнаго и петербургскаго главнаго архива. Спб. 1912. м. н.—20) В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старобрядцевъ, Перечень списковъ, составленныхъ по печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній. Спб. 1912. в. в. т.—21) И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912. м—с.—22) Н. Н. Соболевъ. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работы. Москва. 1912. Д. Бочнова.—23) Графъ К. А. Хрептовичъ-Бутеневъ. Замѣтка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новгородскаго и Опшянскаго уѣздовъ. Петербургъ. 1911. в. Мустофина.—24) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ свѣтѣйшаго правительствующаго синода. Т. XIV (1734). Спб. 1910. Т. XX (1740 г.). Спб. 1908. Т. XXIII

- (1743 г.). Спб. 1911. Т. XXVI (1764 г.). Спб. 1907. Т. XXXI (1751 г.). Спб. 1909. Т. XXXIX (1759 г.). Спб. 1910. М—лова.—25) Выть и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала Фезі изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рѣдкой рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жилинскій. 1912. л. н.—26) Я. Л. Барсковъ. Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ тринадцатую таблицами снимковъ. Спб. 1912. в. в. т.—27) Памятники древне-русской литературы. Вып. I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Спб. 1912. и. а.—28) Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ 1911. Т. XVI книжка 1-я. Спб. 1911. Т. XVI книжка 2-я. Спб. 1911. в. Рудакова.—29) О. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, бібліографическимъ указателемъ, прилѣжаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Спб. 1912. Сергѣя фонъ-Штейна. — 30) Наталія Грушко. Стихи. Спб. 1912. А. Фаресова.—31) Извѣстія общества Толстовскаго музея. 1911. А. Нечаевой.—32) А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголанъ и его роли». Отзыви и портреты. Спб. 1912. А. Рябова.—33) Переселеніе и землеустройство за Ураломъ въ 1906—1910 гг. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910 годъ. Спб. 1911. Вит. Ткачука.—34) В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912. п. б.—35) Лудо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской національ-демократіи. Спб. 1911. в. Гр—скаго.—36) Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Спб. 1912. к. з.—37) Э. Дюргеймъ, проф. социологіи. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ франц. А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гердона. Спб. 1912. А. Б.—38) Актовыя книги Полтавскаго городского уряда XVII вѣка. Вып. I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и прилѣжанія В. Л. Модзалевскаго. Черниговъ. 1912. в. Р—ва.—39) Новинки пожара Москвы въ 1912 году. Ганса Шмидта. Рига, у Киммеля. 1912. п. Майнова.—40) Н. К. Писановъ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и бібліографія. Спб. 1912. м. Ключкова.—41) Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Спб. 1912. А. Фаресова.—42) Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей російскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Дѣвѣти тридцатъ шестая. М. в. Рудакова.—43) Описание рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Т. II. Вып. II. Съ семью снимками рукописей. Спб. 1910. М—лова.—44) Московское дворянство въ 1812 году. М. 1912. Съ портретами и иллюстраціями. — Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «Духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912. в. Р—ва.—45) Гербовникъ Анисима Титовича Князевъ 1795 г. Спб. 1912. с. в. л.—46) Кавказскій сборникъ. Т. XXX. Подъ редакцію генералъ-лейтенанта Потто. Тифлисъ. 1911. Бэр, Городецаго.—47) В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912. А. Измайлова.—48) Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 138. Юрьевъ. 1911. Т. 140. Спб. 1912. А. Б.—49) Систематическій указатель журнала «Кіевская Старина» (1882—1906 г.г.). Составленъ членами комиссіи: П. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ В. Д. Чигринцевымъ. В. Данилова.—50) С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 г. и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб. 1912. л. н.—51) Русскій біографическій словарь. Суворова—Ткачевъ. Спб. 1912. с. ш.—52) Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Ю. Л. Елецъ. Съ десятию рисунками, картой и нотами. Спб. 1912. л. н.—53) М. К. Соколовскій. I. Памятка вознесенскаго улана. II. Памятка копорца. л. н.—54) Вл. Крымовъ. О рулеткѣ Монтъ-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Спб. 1912. М—о.—55) Сводъ законовъ Россійской Имперіи въ пяти книгахъ. Подъ редакціей и съ приложеніемъ И. Д. Мордухай-Болтовскаго. Спб. 1912. г. Гинса.—56) С. И. Масловъ. Новый списокъ «Словъ постническихъ» Исаака Сирина древнѣйшей славянской редакціи. Кіевъ. А. Я.—57) Н. Н. Гусевъ. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Москва. 1912. А. М. Нечаева.—58) С. А. Соболевскій. Эпиграмы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912. н. л.—59) М. Е. Васильева. Записки крѣпостной

дѣвд. Новгородъ. 1912. и. г.—60) В. Шипмаревъ. Лирика и лирики позд-
няго средневѣковья. Парижъ. 1911. п. б. — 61) Н. Houssaye. Клеопатра.
Переводъ А. Захарова. Спб. 1911. пачт.

Заграничныя историческія новости и мелочи. 410, 859, 1272

1) Неизданныя воспоминанія о походѣ Французовъ въ Россію въ
1812 году.—2) Борьба за культуру Финляндіи.—3) Новыя течения въ об-
ществе и литературу Стараго и Новаго Свѣта.—4) Александръ I и баро-
несса Крюденеръ.—5) Кое-что о Вагнерѣ.—6) Театръ и цензура XIX вѣка
въ Италіи.—7) Новая наука о возстановленіи красоты человѣческаго
рода.—8) Отговсюду.—9) Народныя итальянскія суевѣрія.—10) Чернышевъ
и Наполеонъ.—11) Пѣсни русскихъ каторжанковъ.—12) Отзывы англича-
нина о русской драмѣ.—13) Отговсюду.

Смѣсь. 432, 880, 1292

1) Новыя археологическія находки и клады.—2) Юбилейная выставка
картинъ въ городѣ Смоленскѣ.—3) Часовня-музей въ память Откровен-
ной войны.—4) Звѣздка памятника М. В. Барклаю де-Толли.—5) Портфель
императора Наполеона.—6) Въ академіи наукъ.—7) Историческая релик-
вія.—8) Гибель исторической крѣпости.—9) Юбилей протоіерса А. А.
Ставровскаго.—10) Публичное собраніе императорской академіи наукъ.—
11) Собраніе членовъ кассы взаимопомощи литераторовъ и ученыхъ.—
12) Музей училища правовѣднія.—13) Чеховскій уголокъ.—14) Гдѣ ро-
дился Пушкинъ?—15) Столѣтній юбилей церкви Покрова Пресвятыя Бого-
родицы въ Большой Коломнѣ.—16) Юбилей профессора В. С. Серебрен-
никова.—17) Археологическія развѣдки въ Вяземскомъ уѣздѣ.—18) Раскопки,
произведенныя профессоромъ Брауномъ. 19) Древній крестъ.—20) Россій-
ская лига равноправія женщинъ.—21) Въ литературномъ фондѣ.—
22) Двадцатипятилѣтіе нижегородской ученой архивной комиссіи.—23) От-
крытие археологическаго института въ Ярославѣ.—24) Толскій доль
науки.—25) Юбилей высшихъ женскихъ курсовъ.—26) Юбилей И. А. Бу-
нина.—27) Десятилѣтній юбилей журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ».—
28) Новые академики.—29) Запорожскія древности въ Херсонѣ.

Некрологи 441, 888, 1301

1) Баршева, К. Н.—2) Высокоостровскій, А. П.—3) Голубининъ, Л. Е.
4) Кардиналовскій, П. М.—5) Колаковскій, А. А.—6) Коль-Якимова, Н. К.—
7) Лемерсье, К. А.—8) Черновъ, В. Е.—9) Чудновскій, С. Л.—10) Шерше-
невичъ, Г. Ф.—11) Энгельманъ, И. Е.—12) Выховель-Самаринъ, Я. В.—
13) Виноградскій, А. Н.—14) Гожевъ, А. К.—15) Годне, Э. Д.—16) Михай-
ловскій, П. М.—17) Наумовъ, Я. Н.—18) Пассекъ, Е. В.—19) Сацъ, И. А.—
20) Тихоплесецъ, М. А.—21) Щукинъ, П. И.—22) Яблонскій, П. О.—
23) Антоній, митрополитъ.—24) Козыревъ, М. А.—25) Лалаевъ, М. С.—
26) Лисенко, Н. В.—27) Митинскій, Н. Н.—28) Мысовская, А. Д.—29) На-
зарьянцъ, Э. П.—30) Паладопуло-Керамевъ, А. И.—31) Тиллингъ, Г. Ф.—
32) Трновскій, А. К.—33) Цюнь, И. Ф.

Замѣтки и поправки. 447

1. Къ статьѣ «Протодіаконъ всея Россіи». М. Фирсова.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портр-ты: 1) Николай Григорьевича Столѣтова.—2) Петра
Ефимовича Кузьминскаго.—3) Николая Николаевича Сполатбога.—4) Пурпуръ.
Историческій романъ Эдварда Штильгеблера. Переводъ съ нѣмецкаго А. Б. Ми-
хильлова. (Окончаніе).—5) Указатель личныхъ именъ, упоминаемыхъ въ четырь-хъ
томахъ «Историческаго Вѣстника» 1912 года, и указатель гравюръ, помѣщенныхъ
въ эти томахъ.

Въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ поступила въ продажу новая книга

И. Богдановъ.

**КРАТКІЙ КУРСЪ
ВЪ ВОПРОСАХЪ
И ОТВѢТАХЪ**

ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ

исправленное

и

дополненное

Допущенъ Ученными Комитетами: Министерства Народнаго Просвѣщенія и Министерства Торговли и промышленности «въ качествѣ учебнаго пособия въ промышленныхъ и профессиональныхъ учебныхъ заведеніяхъ въ курсъ коихъ входитъ изученіе печатнаго дѣла».

НАБОРНО-ТИПОГРАФСКОЕ ДѢЛО

Цѣна въ переплетѣ 1 руб.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ

Открыта подписка на роскошный художественно-литературный журнал по образцу большихъ заграничныхъ иллюстрацій

„ЕВРОПЕЙСКАЯ ЖИЗНЬ“

Вѣстникъ русской и заграничной жизни, политики, литературы, путешествій, искусства, театра и модъ.

ПРОГРАММА ИЗДАНІЯ:

Жизнь Европы. Парижъ, Берлинъ, Петербургъ, Вѣна, Римъ, Нью-Йоркъ и т. д. — Придворный и парламентскій бытъ. — Великосвѣтское общество. — Литература, искусство, ученые, артисты. — Уголки русской жизни за границей. — Путешествія, романы, повѣсти. — Миръ изящнаго. — Красота на сценѣ и въ жизни. — Портреты артистокъ, балеринъ и красавицъ, рисунки, сцены. — Огдѣль парижскихъ модъ. — Веселые наброски, юмористика. — Театры. — Особый отдѣль: изъ міра таинственнаго, необычныя явленія, загадки бытія. — Миръ духовъ.

Галлерей картинъ „ПАРИЖСКАГО САЛОНА“

12 ежемѣсячныхъ богато-иллюстрированныхъ выпусковъ журнала въ видѣ роскошныхъ большихъ тетрадей парижскаго образца — составляютъ цѣнное художественное украшеніе гостиной, салона, кабинета, собраній, читаленъ.

ГODOBЫМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ

◆ ДВѢ ПРЕМІИ ◆ въ 1913 году ◆ ДВѢ ПРЕМІИ ◆

I. Знаменитый романъ „ПАРИЖЬ“ Эм. Золя или (на выборъ) „ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ДРУГІЕ МІРЫ“, таинственный романъ, посвященный разрѣшенію проблемъ міра, Д. Эстора, съ иллюстраціями заоблачнаго царства.

◆ При подпискѣ обязательно указывать, какую изъ этихъ двухъ премій желаютъ получить ◆

II. „Всеобщій Иллюстрированный Путеводитель“. Новое изданіе. Лѣтнія повѣдки на 1913 г.

Подписная цѣна: въ годъ съ преміями 4 р., на полгода 2 р.
За границу 6 р. въ годъ (съ преміями).

Особенно роскошные (веленевые) экземпляры 6 р. въ годъ (съ преміями).

Форматъ журнала увеличенъ. Подписка принимается въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» и въ редакціи «Европейской Жизни»:

С.-Петербургъ, Невскій пр., № 94.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПРОДАЕТСЯ

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ Т-ва А. С. Суворина—, „Новое Время“

КНИГА

Б. Б. ГЛИНСКАГО:

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРІОДЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ (1861-1881 гг.)

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ.

Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 к.

Въ этой книгѣ изложены историческія событія въ Россіи послѣ освобожденія крестьянъ и вплоть до мученической кончины Императора Александра II. Въ первой части авторъ слѣдитъ за рожденіемъ оппозиціи внутренней политикѣ правительства и по преимуществу сосредоточиваетъ свое вниманіе на борьбѣ либеральныхъ общественныхъ элементовъ съ консервативными тенденціями правящихъ сферъ. Событія революціоннаго порядка отмѣчаются, какъ явленія единичныя, безъ поддержки ихъ значительнымъ количествомъ соучастниковъ. Во второй части передъ читателями развертывается дѣятельность «землеволецкихъ» и «народовольческихъ» группъ и на сцену выступаютъ фанатизированные террористы, жертвою преслѣдованія со стороны которыхъ является Царь-Освободитель. Обѣ части книги обильно иллюстрированы портретами русскихъ государственныхъ, общественныхъ и революціонныхъ дѣятелей второй половины XIX вѣка.

ТОГО ЖЕ АВТОРА продается книга:

БОРЬБА ЗА КОНСТИТУЦІЮ

(1612-1861 гг.).

Историческіе очерки

СЪ ПОРТРЕТАМИ И ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Цѣна 3 р. 50 коп.

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ СПОЛАТБОГЪ.

ЖЕНА МИНИСТРА.

(Романъ ¹⁾).

Х.

В ЭТОГО вечера не только наружная, но и вся внутренняя жизнь Елены совершенно измѣнилась: проснулась дремавшая, кѣмъ-то убаюканная страстная натура, забурлила кровь, ударила тысячью молотовъ, застучала въ сердцѣ, и горячій пожаръ охватилъ мозгъ до сихъ поръ уравновѣшенной, спокойной женщины. Елена стала неузнаваема; въ ней ожилъ каждый фибръ, она вся рвалась навстрѣчу горячему солнцу, сжигающему, палящему, прекрасному своей мощной непосредственной силой. Проснувшійся бѣсъ дразнилъ всѣхъ окружающихъ своей дерзкой, вызывающей смѣлостью, своей счастливой свободной мыслью, и прошло очень немного времени, какъ отношенія Елены къ Башилову сдѣлались достоянiемъ общества; она же со своей непосредственно свободной, прямой натурой не искала ширмъ для огражденiя своего имени отъ пересудовъ.

Людомирова была внѣ себя. Назначенiе Башилова товарищемъ министра еще разъ доказало ей, что Елена всегда останется самостоятельно мыслящей и дѣйствующей; желая вредить ей, она всего больше вредила себѣ, играя смѣшную роль неудачно мстящаго

¹⁾ Окоцзанiе, См. «Историческiй Вѣстникъ», т. СХХХ, стр. 449,

врага. Теперь она вознаграждала себя тѣмъ, что направо и налево рассказывала, якобы съ добродушнымъ юморомъ, продѣлку Елены по отношенію Рихтера, котораго она, Людомирова, будто бы всегда такъ высоко цѣнила, что готова была сама просить министра объ его назначеніи, но довѣрилась Еленѣ, которая такъ горячо взялась помочь ей въ этомъ дѣлѣ, и вдругъ оказалось... Людомирова громко хохотала, затѣмъ внезапно переходила на серьезный тонъ и выражала глубокое сожалѣніе, что бѣдная Елена такъ неумѣло отдала свое чувство человѣку, на совѣсти котораго немало пятенъ; она упоминала имя Любови Ивановны и безвременно погибшей Данцовой. Ей пришло въ голову поговорить однажды на эту тему съ самой Еленой, но вмѣсто сконфуженнаго лица на нее прямо глядѣли загорѣвшіеся искристымъ смѣхомъ глаза.

— Да ты, Мариша, говори безъ предисловія: что ты хочешь знать? Люблю ли я Башилова? Да, люблю и не скрываю.

— Такъ выходи за него замужъ...

— Еще не хочу.

— Но вѣдь это же скандально. Богъ знаетъ, что говорить о тебѣ: что ты въ связи съ нимъ...

— Пусть говорятъ. А если бы и въ связи?—я свободна.

— Не проще ли тогда обвиняться? Или ты ждешь, пока пристроишь его на мѣсто Ивана Ларионовича?

— Bravo, Мариша, ты угадала: не иначе, какъ жена министра!

— Смотри, не промахнись...

Съ этого дня съ улыбкой прони Людомирова не иначе называла Елену, какъ «жена министра»; это прозвище какъ-то сразу привилось. Чтобы не сказать «любовница Башилова», общество забавлялось съ ноткой насмѣшки величать ее женой будущаго министра.

Огорченный и раздосадованный баронъ нѣсколько разъ принимался урезонивать Елену, прося ее щадить свое доброе имя передъ злоязычной толпой. Елена негодовала:

— Молчите, баронъ, ради Бога, молчите и слушайте, что я вамъ скажу: никогда, слышите ли, никогда не подарю я клочка моего счастья въ угоду всей этой сѣрой толпѣ. Я счастлива, я пьяна, пьяна до потери своего я, потому что я люблю... наконецъ-то я люблю! Что вы хотите, чтобы я сдѣлала: вышла за него замужъ? Да, да, но не сейчасъ. Пусть пройдетъ этотъ бѣшенный угаръ, который туманитъ мнѣ разсудокъ. Такая, какъ я сейчасъ, я могу быть любовницей и хочу быть только ею. Вѣдь вы, мужчины, съ вашими узкими моральями, ползаютъ и пресмыкаются у такихъ любовницъ, какой я стала сейчасъ, но женъ съ такимъ вулканомъ вы бросаете къ своимъ ногамъ, смотрите на нихъ сверху внизъ и ставите себя въ роль владыки, господина, благосклонно принимающаго этотъ заслуженный пожаръ любви. О, я васъ знаю всѣхъ, потому что сама никогда не любила, а только наблюдала. Теперь—

я любовница, я дарю мою любовь, потому что я свободна и вольна подарить ее кому угодно, и тот, кого я выбрала, гордится ею и трепещет от страха, чтобы не потерять ее. Но с момента, как я стану законной женой,—моя страсть обезцвѣнится. Страсть любовницы—завидный и цѣнный товаръ, не всякому доступный, страсть жены—вещь для домашняго обихода, обезцвѣченная, подчасъ докучливая... И вы думаете, что я такъ глупа, что собственной властью выну драгоцѣнный камень изъ дорогой оправы и брошу ее въ мусоръ? Никогда! Пусть пройдетъ угаръ и охладится кровь, тогда бодро взгляну въ глаза любовнику и если найду въ ихъ глубинѣ залогъ дружбы и уваженія къ себѣ, то не побоюсь итти рука объ руку, какъ равная ему подруга, напоминающая ему изрѣдка, что я могу быть и любовницей моего мужа, но не иначе, если сама этого захочу. Понимаете ли вы теперь, почему я не хочу быть женой Башилова? Потому, что я пьяна, и разсудокъ мой помяченъ.

— Да, я это вижу: вы захлебнулись; но берегите себя, чтобы и въ роли любовницы этотъ человѣкъ васъ не обезцвѣнилъ.

— Что такое? Что вы сказали? Баронъ, я хочу знать, что вы думаете? Объясните, что значитъ эта фраза.

— Mon ange, что бы я ни говорилъ вамъ теперь, это бесполезно; пусть вамъ покажется страннымъ, но мнѣ очень больно, что вы потеряли ваше обычное равновѣсіе въ объятіяхъ именно этого несимпатичнаго мнѣ человѣка.

— Но почему? Чѣмъ онъ провинился передъ вами?

— Ничѣмъ, и все-таки онъ мнѣ антипатиченъ.

— Милый баронъ, это ревность.

— Не только ревность...

Жизнь текла своимъ обычнымъ порядкомъ, но Елена совершенно отошла отъ нея и въ своемъ любовномъ экстазѣ витала надъ жизненной пошлостью и прозой, не замѣчая ея, отдаваясь счастьемъ любить и быть любимой. Она не видѣла, какъ постепенно расплзлась злая молва, опутывая ея имя за то, что она смѣло и высоко держала знамя любви, не ища снисхожденія у толпы, не прячась за лживыя ширмы. Смѣлыхъ люди не любятъ потому, что они напоминаютъ имъ ихъ слабость; они любятъ роль покровителей, прощающихъ якобы содѣянные противъ нихъ ошибки; это даетъ обманчивую иллюзію силы. Елена оказалась слишкомъ дерзка, и ее наказывали злословіемъ и насмѣшливымъ порицаніемъ. Языкъ развязался даже у самыхъ сдержанныхъ, и однажды въ присутствіи Орлова было безцеремонно говорено объ Елениной связи съ Башиловымъ и другихъ подробностяхъ ея жизни.

Случилось это такъ. На Англійской набережной, въ просторной квартирѣ холостого сановника собралась небольшая компанія мужчинъ, друзей и знакомыхъ хозяина. Очень обширный кабинетъ, сплошь устланный по полу и стѣнамъ прекрасными восточными ков-

рами, быть обставленъ съ умѣлымъ комфортомъ располагающаго хорошими средствами человѣка. На двухъ низкихъ восточныхъ диванахъ были разбросаны кожаня и громадныя шелковыя подушки. Великолѣпный секретеръ краснаго дерева съ бронзой, массивный и стильный, съ откидывающейся письменной доской такого же стиля столъ и вокругъ стулья—останавливали на себѣ вниманіе любителя старины. Громадное полотно въ широкой золоченной рамѣ занимало одну изъ стѣнъ; это была работа извѣстнаго стариннаго мастера французской школы, изображавшая обнаженную, прекрасную, въ дѣйствительный ростъ нимфу у пруда и приближающагося къ ней фавна. Картина была съ двухъ боковъ ярко освѣщена и притягивала къ себѣ взоры. Нагая нимфа, съ распущенными золотистыми волосами, съ пышными упругими грудями, съ розоватыми пятнами стройныхъ нервныхъ ногъ, была соблазнительно прекрасна. Очевидно, хозяинъ былъ любитель «nudité», и, кромѣ нимфы, на стѣнахъ красовались еще двѣ-три полотна того же жанра.

Посреди кабинета свитскій генералъ съ длинными сѣдыми усами и живыми карими глазами раскатисто смѣялся, слушая плотнаго и подвижнаго инженера, умѣвшаго рассказывать съ серьезнымъ видомъ самыя смѣшныя вещи. На тахтѣ, полулежа и протянувъ ноги въ элегантныхъ лакированныхъ ботинкахъ, красивый брюнетъ съ глазами слегка навывкатъ курилъ сигару и сосредоточенно разглядывалъ нимфу, висѣвшую противъ.

— Павелъ Игнатьевичъ, un jour constater le vol de votre belle nymphe—sachez que c'est moi le voleur¹⁾),—обратился онъ къ хозяину дома.

— Cher ami, оставьте мнѣ на старости лѣтъ хоть эту иллюзію женщины; il ne me reste que ça! ²⁾). Отдайте мнѣ одно изъ вашихъ свиданій съ живой женщиной со всѣмъ пыломъ вашихъ лѣтъ, и я пожертвую и нимфой, и моимъ положеніемъ, и всѣми регаліями,— съ легкой грустью въ голосѣ отвѣчалъ хозяинъ, большого роста сухощавый старикъ съ зачесанными назадъ длинными прядями сѣдыхъ волосъ, мигающими близорукими и добродушными глазами, слегка глуховатый, съ мягкимъ тембромъ пѣвучаго голоса; страдающій подагрой, онъ добродушно острилъ и надъ своей старостью, и надъ старческими недугами. Радужный хозяинъ, онъ умѣлъ и любилъ принимать гостей, и у него часто и запросто собирались поиграть въ карты, покурить тонкія сигары и выпить хорошаго, дорогого вина. Въ сосѣдней комнатѣ—просторной библіотекѣ—усаживались за карточный столъ; въ ожиданіи партіи небольшого роста

¹⁾ Если вы когда-нибудь замѣтите исчезновеніе вашей прекрасной нимфы, знайте, что воръ—я.

²⁾ Мнѣ остается только это.

брюнетъ съ просѣдью, *viveur* и страстный любитель женщинъ, наигрывалъ на роулѣ модный шансонеточный мотивъ. Генераль Орловъ перелистывалъ, стоя неподалеку отъ двери, великолѣпное изданіе заграничнаго журнала; изъ кабинета его не было видно.

— Ah, le Beau-ris...—раздался возгласъ хозяина навстрѣчу входившему тучному толстяку съ бритой обрюзглой фізіономіей и мясистыми отвислыми губами. Это былъ извѣстный собиратель новостей, сплетень, беззастѣнчивый рассказчикъ самыхъ скабрзныхъ анекдотовъ, гастрономъ, циникъ и миллионеръ.

— Пріѣхалъ къ тебѣ, Павелъ Игнатьевичъ, отдохнуть отъ вина и женщинъ; куда ни поѣдешь сегодня—или пьютъ, или съ женщинами возятся, чортъ знаетъ, что такое! Здравствуйте, генераль... давненько не видались; третьяго дня поджидали васъ въ Англійскомъ клубѣ для партіи въ бриджъ, а вы не изволили пожаловать.

— Да, да... Вотъ и сегодня не попалъ.

— А я прямо оттуда. Слышали новость? На мѣсто товарища министра назначенъ какой-то Башиловъ.

— Это кто такой?

— А чортъ его знаетъ! Какъ и всегда, бессмысленное назначеніе. Опять кто-то ногу подставилъ Александру Александровичу Рихтеру. Очень жалко.

— Да, Рихтеру ходу не даютъ, а ему давно пора бы дать портфель министра: государственный умъ, хоть и шельма,—добродушно отозвался хозяинъ.—Откуда этотъ Башиловъ взялся?

— *Hystoire de femme* ¹⁾...—продолжалъ толстякъ, грузно усаживаясь въ кресло.—Говорятъ, это любовникъ Елены Павловны Карцевой; она его тащитъ за уши, *lui fait la reclame* ²⁾, онъ ей обязанъ этимъ назначеніемъ.

— Да вѣрно ли это?

— Съ двухъ сторонъ слышалъ... Карцева ловкая и умница, знаетъ, гдѣ сказать, гдѣ улыбнуться, гдѣ приласкать... *elle doit être joliment vicieuse* ³⁾... я кое-что слышалъ объ ея похожденияхъ въ Парижѣ... Пикантная, очень пикантная бабенка... Башиловъ, видно, не дуракъ, толкъ понимаетъ. *Mais savez-vous ce qu'on raconte de cette liaison* ⁴⁾?

Толстякъ перегнулся въ сторону сидящаго на диванѣ брюнета и вполголоса началъ рассказывать ему всѣ сплетни, ходившія насчетъ Елены. Орловъ, стоявшій за дверью и слышавшій весь разговоръ отъ слова до слова, чуть не выронилъ отъ волненія книгу, страшно поблѣднѣлъ и, не будучи въ силахъ владѣть собой,

¹⁾ Замѣшана женщина.

²⁾ Рекламируетъ его.

³⁾ Она должна быть очень порочна.

⁴⁾ Знаете ли вы, что говорятъ объ этой связи?

вскорѣ распростился съ хозяиномъ и, весь дрожа отъ гнѣва и обиды, поѣхалъ прямо къ Еленѣ. Страшно нервный, впечатлительный, вспыльчивый и не справляющійся съ собой въ проявленіяхъ гнѣва и печали, онъ совершенно обезумѣлъ отъ неожиданно раскрывшейся передъ нимъ тяжелой картины Елениныхъ къ нему отношеній; не ожидая доклада, онъ вошелъ въ маленькую гостиную, гдѣ она въ эту минуту писала записку Башкилову, полную жгучихъ выраженій своего любовнаго экстаза. Орловъ остановился въ дверяхъ и, чувствуя, какъ подкашиваются его ноги, схватился за притолку.

— Боже мой, что случилось? Вы больны?—тревожно поднялась со своего мѣста Елена.

— Я раненъ... смертельно раненъ...

Елена не поняла истиннаго смысла словъ и въ ужасѣ бросилась къ нему. Онъ слегка отстранилъ ее рукой.

— Душевно раненъ.

Елена поблѣднѣла. Она ожидала этой развязки, содрогалась при мысли о ней и изъ чувства жалости оттягивала неминуемо-тяжелое объясненіе. Оба молчали. Орловъ смотрѣлъ на нее скорбнымъ, полнымъ упрека и отчаянія взглядомъ.

— Неужели это правда?...—наконецъ тихо проговорилъ онъ. Елена закрыла глаза и закусилла губы, не рѣшаясь нанести самый страшный, рѣшительный ударъ: въ его вопросѣ еще чуялась надежда.

— Вы молчите? Такъ это, значитъ, правда?..

— Да...

— О, Боже!—Орловъ закрылъ лицо руками, пошатнулся и вдругъ зарыдалъ, какъ ребенокъ. Еленѣ съ трудомъ удалось усадить его въ кресло. Онъ рыдалъ неудержимо, захлебываясь, не находя силъ справиться съ горемъ. Прошло много мучительныхъ минутъ. Блѣдный, какъ полотно, съ дрожащей челюстью, онъ хотѣлъ подняться, чтобы уйти, но страшная слабость сковала его члены, и онъ безсильно вновь опустился въ кресло.

— Что вы сдѣлали съ моимъ сердцемъ? За что вы такъ глумились надо моей любовью? Я вѣрилъ въ васъ, какъ въ идеалъ, какъ въ святыню, а вы... вы только развратная женщина...

— Михаилъ Михайловичъ... что вы говорите...

— Да, вы жестокая и развратная женщина... Я все слышалъ и все узналъ. Въ то время, какъ я до поздней ночи молился передъ вашимъ портретомъ, считая васъ чистой, далекой отъ плотскихъ желаній, странной, но честной и благородной натурой, въ то время вы посѣщали холостую квартиру этого пьяницы-мальчишки, цѣловались съ нимъ, не маскируя своихъ отношеній, и одновременно вели интригу съ барономъ, имя котораго повсюду соединяется съ вашимъ; вѣдь, я васъ спрашивалъ... вы солгали, и я повѣрилъ...

— Я не лгала.

— Вы лгали... я вамъ больше не вѣрю, потому что въ своемъ жестокомъ глумленіи надъ моимъ святымъ идеаломъ вы заставили меня просить и хлопотать о вашемъ... не знаю, которомъ по счету любовникѣ, и я просилъ въ угоду вамъ, вѣря, что исполняю просьбу несчастной Евгеніи Михайловны, которую этотъ подлець бросилъ, не знаю ужъ теперь, съ вашего или безъ вашего вѣдома... Вы безпощадно толкнули ее въ могилу, какъ толкаете теперь и меня... О, пусть будетъ проклятъ ужасный день нашей встрѣчи!.. Вы убили во мнѣ все чувства и желанія; я, какъ песъ, смотрѣлъ въ ваши глаза, готовъ былъ лизать слѣды вашихъ ногъ... Вы чудовищны... Парижъ, Pierre Raquin и все эти притоны разврата, и ваше безстыдство,— теперь я все понимаю... въ груди моей я отогрѣвалъ змѣю... Боже, Боже, нечѣмъ жить, мнѣ нечѣмъ жить теперь, убито все!..

Орловъ былъ страшенъ. Мертвенно-блѣдный, худой, длинный, съ голымъ, трясущимся отъ волненія черепомъ, съ искаженнымъ отъ страданія и безнелюбной злобы лицомъ, онъ подошелъ къ Еленѣ и, тяжело дыша, уставился помутившимся взглядомъ въ ея широко открытые отъ ужаса глаза.

— Прощайте... Я васъ проклинаяю...

Елена не слышала и не видѣла, какъ онъ вышелъ. На нее напалъ столбнякъ. Схватившись за голову, она въ позѣ внезапно поразившаго ея ужаса долго стояла окаменѣлая, точно лишилась разсудка. Вдругъ изъ устъ ея вырвался крикъ отчаянія: медленно, медленно, сперва въ туманѣ, потомъ яснѣе и отчетливѣе выплылъ нѣжный, прелестный обликъ маленькой маркизы съ картинъ Watteau въ бѣломъ парикѣ, съ мушкой на щекѣ, съ безжизненно свѣсившейся рукой и протянутыми вдоль дивана кокетливыми ножками въ голубыхъ туфелькахъ, которыя, не успѣвъ сдѣлать и первого па менуэта, кѣмъ-то спугнутыя съ жизненнаго пира, покорно и безстрашно перешагнули таинственную черту невѣдомаго міра. Еленѣ показалось, что проклятіе изступленнаго въ своемъ горѣ старика легло на ея голову всей тяжестью суровой мести. Ночью у нея сдѣлался сильный бредъ и жаръ; это спасло ее отъ новаго страшнаго удара: утромъ разнеслась вѣсть о внезапномъ самоубійствѣ Орлова. Онъ застрѣлился поздней ночью, сидя въ своемъ кабинетѣ передъ письменнымъ столомъ, не оставивъ никакой записки, никакого указанія на причину смерти.

XI.

Было около семи часовъ вечера, когда Башиловъ, бодро, однимъ махомъ взбѣжавъ по своей лѣстницѣ, поспѣшно сбрасывалъ на руки лакея пальто.

— Переодѣться и давать обѣдъ,—почти машинально произнесъ онъ обычную фразу, весь погруженный въ дѣловыя мысли и пере-

живанія минувшаго дня. Съ момента назначенія товарищемъ министра у Башилова точно выросли крылья: онъ ощущалъ подъ ногами твердую почву, и пространство, отдѣлявшее его отъ высококружательныхъ высотъ величія и власти, казалось ему теперь такъ ничтожно, что онъ съ улыбкой представлялъ себѣ тотъ гордый и рѣшительный взмахъ крыльевъ, которымъ онъ его уничтожитъ. Во взглядѣ его прищуренныхъ близорукихъ глазъ появилось новое дерзновенное выраженіе, а въ интонаціяхъ голоса—металлическая нотка; осанка сдѣлалась внушительнѣе, движенія плавнѣе. Башилову стало казаться, что его личность внушаетъ окружающимъ глубокое удивленіе и преклоненіе, а въ подчиненныхъ—почти раболѣбный страхъ. Ни своихъ промаховъ, ни снисходительнаго тона высшихъ онъ не замѣчалъ, не понимая, что на него смотреть, какъ на «мелкую сошку», какимъ-то фокусомъ взлетѣвшую наверхъ. Онъ не отдавалъ себѣ отчета, что не только сдѣлать шагъ впередъ, но даже удержаться на существующей позиціи представляетъ для него громадную трудность.

Стоя передъ умывальникомъ въ уборной и обтирая полотенцемъ сильныя, съ короткими пальцами пухлыя руки, онъ съ удовольствіемъ припоминалъ какъ нѣсколько часовъ тому назадъ, выслушавъ въ думѣ проектъ тюремныхъ преобразованій, онъ объявилъ его «неприемлемымъ», не подозревая, что однимъ этимъ словомъ сталъ въ оппозицію съ людьми, съ которыми ему необходимо было ладить. Въ его мозгу постепенно развивались картина того суроваго и непреклоннаго политическаго строя, борцомъ за который онъ объявитъ себя.

— Распушенность... неуваженіе къ властямъ... не смягченіе тюремнаго режима, а тѣлесныя наказанія намъ нужны... я докажу, что только суровый и даже жестокий режимъ можетъ спасти расшатавшіеся устои историческихъ традицій...

Смѣнивъ мундиръ на домашнюю бархатную куртку, Башиловъ вошелъ въ кабинетъ; первое, что ему бросилось въ глаза,—это было три громадныхъ портфеля, лежавшихъ на полу подлѣ рабочаго стола и напоминавшихъ по объему небольшіе чемоданы; остановившись передъ ними, онъ даже слегка присвистнулъ, покачавъ головой: въ нихъ были бумаги, которыя сегодня же вечеромъ онъ долженъ былъ подписать для отправки завтра по всевозможнымъ инстанціямъ Россійской имперіи. На столѣ лежали кипы бумагъ, присланныя для прочтенія и резолюцій; нѣсколько телефонограммъ, запрашивающихъ, ждущихъ немедленнаго отвѣта. Одна изъ нихъ вызвала тѣнь на лицѣ Башилова; онъ нервно отодвинулъ мѣшавшее кресло и стоя принялся просматривать бумаги, лежавшія отдѣльно и предназначенныя еще три дня тому назадъ для отправки министру.

— Чортъ возьми, какъ это я могъ упустить!..—недовольно проговорилъ онъ вслухъ, перелистывая докладъ.

Пообѣдалъ Башиловъ наспѣхъ и разсѣянно: онъ обдумывалъ, припоминалъ и отмѣчалъ въ записной книжкѣ все, что требовалось выполнить безотлагательно. Послѣ обѣда онъ вдругъ почувствовалъ непреодолимую усталость и на четверть часа съ сигарой во рту опустился въ глубокое мягкое кресло, на которомъ давно ли впервые сидѣла Данцова и, слегка краснѣя, излагала ему затрудненія своего бракоразводнаго дѣла. Башиловъ откинулъ голову на спинку кресла и закрылъ глаза; передъ нимъ потянулася вереница воспоминаній недавняго прошлаго, замелькали образы Любови Ивановны Бергъ съ ямочками на розовыхъ щекахъ и всегда улыбающимися пухлыми губами; чистая, преданная, смертельно раненая имъ Данцова и Елена—гордая, непреклонная, наконецъ подчинившаяся ему. Потомъ стали выплывать еще и еще образы какихъ-то другихъ женщинъ, сердцами которыхъ онъ игралъ мимоходомъ. Вѣки начинали тяжелѣть, дѣйствительность уплывала.

— Довольно... Надо работать!

Башиловъ страхнулъ съ себя сонныя грезы, рѣшительно поднялся съ кресла, зажегъ большую электрическую лампу на рабочемъ столѣ и при видѣ всей груды бумагъ, предназначенныхъ для подписи на сегодняшній вечеръ, въ немъ сразу проснулась бодрость и сознание важности и отвѣтственности своего положенія. Работа закипѣла. Только скрипъ пера отъ безконечно повторяющагося одного и того же росчерка нарушалъ тишину обширнаго кабинета или вдругъ неожиданно врывался трескъ телефоннаго аппарата, стоящаго тутъ же на столѣ. Башиловъ быстро снималъ трубку и, не отрываясь отъ дѣловой бумаги, боясь потерять хотя бы одну минуту, пробѣгалъ ее глазами и въ то же время давалъ лаконическіе, толковые отвѣты на всевозможные запросы. Были телефоноады, которыя онъ рѣзко обрывалъ:

— Извините, голубчикъ, не могу съ вами бесѣдовать: у меня сидитъ секретарь по срочнымъ дѣламъ... цѣлую ваши ручки-съ...

Или же морщась и слегка раздражаясь:

— Сколько разъ, матушка, я просилъ тебя не тревожить меня вечерними звонками... Что такое?.. Какіе тамъ ужины!.. тапчись на нихъ сама и съ кѣмъ хочешь... некогда, некогда... до свиданія-съ...—И онъ съ сердцемъ макалъ въ чернильницу перо.—Чортъ ихъ подери, этихъ бабъ!... Лѣзутъ, какъ пиявки...

Часы бѣжали за часами. Въ столовой и одновременно въ кабинетѣ пробило три, а Башиловъ все еще сидѣлъ у стола, не допивъ остывшаго чая и почти не чувствуя усталости. И такихъ вечеровъ потянулася въ жизни Башилова цѣлая длинная вереница; личная жизнь отодвинулася на задній планъ, и только вспышки страсти отрывали его отъ дѣла на короткіе часы.

Когда Елена, оправившись объ болѣзни, узнала о самоубійствѣ Орлова, ее охватилъ страхъ одиночества и ужасъ, что проклятіе

оскорбленного старика будетъ тяготѣть надъ всей ея жизнью. Потрясенная нервной болѣзнію, съ испуганнымъ взглядомъ въ расширенныхъ зрачкахъ, Елена, сильно ослабѣвшая, лежала цѣлыми днями на кушеткѣ, сляясь читать или работать, но работа и книга валились изъ рукъ, и неотвязныя мысли давили мозгъ. Кромѣ барона, она почти никого не хотѣла видѣть; онъ, какъ всегда, крайне осторожный, избѣгалъ всякихъ разговоровъ на тему происшедшаго печальнаго событія, и ему удавалось иногда отвлекать ея мысли. Башилова она долго отказывалась принять, не находя въ себѣ силы приступить къ объясненію, которое могло привести ее къ полному душевному краху. При одной мысли, что изъ устъ Башилова она можетъ услышать подтвержденіе словъ оскорбленного старика, ею овладѣвало тупое отчаяніе. Орловъ ушелъ въ иной міръ, не оставивъ возможности выяснить, были ли его слова объ Евгеніи Михайловнѣ брошены въ минуту злобы, какъ предположеніе, или же какъ достовѣрный фактъ. Елена не могла совмѣстить гнусный и жестокій поступокъ съ личностью Башилова; все существо ея было во власти очарованія, которымъ непонятнымъ образомъ онъ сумѣлъ окутать и Елену, а могучая страсть, вдругъ всколыхнувшаяся въ до сихъ поръ дремавшей природѣ, держала ее въ такомъ плѣну, что она, не находя исхода отъ противорѣчивыхъ мыслей и желаній, рѣшила призвать къ себѣ наконецъ Башилова и покончить эту муку. Онъ пріѣхалъ по первому же зову. Болѣзнь Елены его огорчила, лишая его тѣхъ часовъ опьянѣнія страстью, которыя она ему дарила; она наполняла пѣнящійся кубокъ такъ, что вино широкой струей лилось черезъ край. Привыкшій владѣть женщинами, Башиловъ, насколько это было въ его натурѣ, былъ и самъ захваченъ могучей и непосредственной страстью, которой обдавала его Елена. Его поразили измученный видъ больной, и онъ сочувственно поглаживалъ ея блѣдныя и похудѣвшія руки. Она, плохо владѣя собой отъ волненія, закрывъ глаза, тихо лежала, тяжело дышала и едва внятно отвѣчала на вопросы. Но когда онъ, прижавъ обѣ ея руки къ губамъ, началъ покрывать ихъ поцѣлуями, она вся содрогнулась и тихо застонала: страсть, подобно яду, разлитому въ крови, начинала зажигать ее и туманить разумъ; ей стало ясно, что, если она сейчасъ не выяснитъ положеніе, то, отдавшись силѣ вновь овладѣвающихъ чувствъ, позже не найдетъ въ себѣ мужества взглянуть правдѣ въ глаза. Съ усиленіемъ она отняла руки:

— Мнѣ надо съ вами говорить...

— Съ вами? Это что значить? Говори мнѣ ты.

— Хорошо, Володя, но я спрошу тебя нѣчто очень для меня страшное, и ты мнѣ отвѣтишь только правду.

— Объясненіе, значить? Изволь, отвѣчу правду, какъ и всегда это дѣлаю. Только, долженъ тебѣ сознаться, голубчикъ, что страсть

какъ не люблю всѣхъ этихъ объясненій съ женщинами. Изволь... изволь... я слушаю.

Елена молчала. Она страшилась отвѣта и сжимала въ подавляемомъ волненіи пальцы своихъ рукъ.

— Ну-съ. Въ чемъ же дѣло?—Вашиловъ улыбался.

— Володя, мнѣ страшно задать тебѣ этотъ вопросъ, но я должна, наконецъ, знать правду... скажи: въ какихъ отношеніяхъ ты былъ съ Женей, съ моей несчастной подругой?

— То есть про какія собственно отношенія ты говоришь? Ей-Богу, я и отвѣтить затрудняюсь. Въ симпатичныхъ, если можно такъ выразиться. Я ей былъ кое-чѣмъ полезенъ, какъ сама это знаешь, въ дѣлѣ ея развода съ шалопаемъ-супругомъ, она даже преувеличивала мою услугу, ну, и была мнѣ признательна, благодарна,—ужь не знаю, какъ это назвать. Славная была... Я и приударить былъ бы, пожалуй, не прочь и даже какъ-то рискнулъ однажды намекнуть ей нѣчто въ такомъ духѣ, но она очень рѣшительно отсадила меня, ну, я и успокоился: значить, не въ-время попалъ; мѣсто занято. Да я, кажется, уже тебѣ докладывалъ на эту тему. Почему тебѣ пришла въ голову эта мысль?

— Я измучена ею, Володя... Въ моей душѣ такая двойственность по отношенію тебя, что, ты видишь, я больна... я ночи не сплю...

— Полно, моя дорогая, просто нервы расходились. И чего ради далась тебѣ эта мысль? Ну, если бы и былъ у меня романъ съ твоей Женичкой, такъ что же тутъ за грѣхъ? Лежалъ бы у ея ногъ, цѣловался бы съ ней и, вѣроятно, пропустилъ бы счастье обладать тобой. Чего же тутъ страдать и ночи не спать?

— Не то, не то... Передо мной неотступно стоятъ двѣ тѣни: Орлова и Жени... Орловъ за нѣсколько часовъ до смерти вѣдь былъ у меня. Это было нѣчто ужасное... Я причиной его смерти... Я не думала, что онъ до такой степени любить меня. Онъ былъ страшень, Володя... И его слезы, и его гнѣвъ были потрясающіе. Онъ сказалъ, что я была причиной смерти Жени, что ты ее бросилъ изъ-за меня... Боже мой, неужели это правда? Неужели я виновница ея отчаянія?..

— Понетинѣ старый дуракъ этотъ твой Орловъ. И сажаютъ же такихъ ословъ въ товарищи министра! Во-первыхъ, откуда онъ могъ бы знать о моихъ отношеніяхъ къ Евгеніи Михайловнѣ? Развѣ она была съ нимъ близко знакома?

— Нѣтъ. Встрѣчалась у меня.

— Откуда же онъ высосалъ всю эту ахинею? Сказалъ на зло тебѣ, чтобы отомстить.

— Онъ не способенъ былъ на ложь: это былъ рыцарь.

— А поступилъ не по-рыцарски. Да онъ въ какихъ же собственно отношеніяхъ состоялъ при тебѣ?

— Онъ меня страшно любилъ и, очевидно, не терялъ надежды, что я исполню когда-нибудь мое обѣщаніе быть его женой. Кто-то подслужился и открылъ ему глаза на наши съ тобой отношенія.

— Такъ-съ. Не смѣю тебѣ не вѣрить, но думаю, что если пустилъ сдуру себѣ пулю въ лобъ, то, вѣрно, ты его слишкомъ къ себѣ близко подпускала.

— Володя, прошу тебя вѣрить тому, что я говорю.

— Да я вѣрю, какъ не вѣрить, а все же довѣряться вамъ, женщинамъ, слишкомъ не слѣдуетъ, чтобы не попадать въ дурацкія роли. Орловъ, какъ никакъ, а прикончилъ съ собой, довѣрясь женщинѣ. Исторія, конечно, для тебя непріятная, но болѣть и ночи не спать, голубчикъ мой, изъ-за людской глупости не стоитъ. Ему бы на старости лѣтъ Богу молиться надо, а не за женскія юбки цѣпляться. А про Женю свою ты и думать оставь. Былъ бы романъ съ ней, повѣрь мнѣ, я бы давно повинную принесъ и сознался бы въ этомъ прелюбодѣянніи, какъ только ты въ сердце мнѣ заглянула. Пора тебѣ знать меня: я не терплю никакихъ двусмысленныхъ положеній, а ужъ съ женщинами и подавно; съ дѣтства меня учили, что у женщинъ гдѣ любовь, такъ и драма, а драмъ я боюсь ужасно, хуже чумы. Такъ вотъ-съ! Закончимъ на этомъ наше страшное объясненіе; отправь съ миромъ тѣнь безпокоящаго тебя старца и подруги, которая, повидимому, сдѣлала ошибку, отсадивъ меня; я бы былъ ей вѣрнымъ поклонникомъ и травиться не позволилъ бы, да она со мной этого и не захотѣла бы. Поправляйся, голубчикъ, вставай скорѣе и приѣзжай ко мнѣ. Не только я, а и кабинетъ мой совсѣмъ по тебѣ стосковались...

Вашиловъ опять цѣловалъ Еленины руки, и она, прислушиваясь къ горячему ощущенію его ласки, отгоняла страшныя сомнѣнія, и снова душой ея овладѣвала довѣрчивая любовь и гордость, что этотъ родной ея убѣжденіямъ и принципамъ человекъ ей близокъ и она ему дорога.

Вскорѣ послѣ объясненія съ Вашиловымъ Елена была обрадована и тронута визитомъ Юрьева. Онъ узналъ объ ея болѣзни и приѣхалъ къ ней вечеромъ, предварительно сговорившись, что у нея никого не будетъ.

— Боже мой, Юрочка, на кого вы похожи? Что вы сдѣлали съ собой?—съ горечью проговорила Елена, протягивая ему еще слабую и блѣдную руку. Юрьевъ опустился въ стоящее рядомъ съ диваномъ кресло.

— Пью, Елена Павловна. Море вина и водки выпилъ, а толку мало.

— Бѣдный вы мой, бѣдный. Видите, и меня буря подломила.

Юрьевъ, совершенно отошедшій отъ общества и проводившій все время въ кутежахъ и безшабашныхъ попойкахъ, ничего не зналъ

объ ея жизни и лишь смутно припомнилъ, что слышалъ вскользь о смерти Данцовой и Орлова.

Онъ былъ попрежнему красивъ, но сильная блѣдность, подпухшія вѣки и морщины между бровей дѣлали его красоту суровой и печальной. Глаза, слегка померкшіе, иногда вспыхивали лихорадочнымъ, возбужденнымъ огнемъ. Онъ поминутно курилъ и морщась часто хватался за сердце. Елена съ братской откровенностью рассказала ему все пережитое за этотъ годъ. Юрьевъ сумрачно слушалъ ее, опершись локтями о колѣни и опустивъ на руки голову. Въ волнистыхъ прядяхъ его красивыхъ волосъ начинала слегка серебриться сѣдина.

— Видите, Юрочка, что со мной случилось и какъ это все мало на меня похоже.

— Этого надо было ожидать, и я нисколько не удивленъ. Но что же будетъ дальше, какой конецъ?

— Это вопросъ, который неотступно стоитъ передо мной. Разумѣется, конецъ долженъ быть, но въ душѣ моей такое смятеніе, столько яду, что я не могу, какъ прежде, здраво и логично мыслить. Юрочка, я безконечно счастлива, что вы пришли ко мнѣ сегодня; помогите мнѣ спокойно разобраться съ собой и поддержите мой сбившійся съ пути духъ.

— Елена Павловна, взгляните на меня: вѣдь я самъ сбился съ пути и, какъ видите, лечу внизъ головой; мнѣ ли указывать вамъ дорогу! Вы и умница, и сильная, а я что?

— Не въ томъ дѣло. Мнѣ нужна сила вашей доброй и простой души; вы кутите и пьете не потому, что ваша душа мрачна и порочна, а потому, что вы страдаете, ваша воля временно убита, и у васъ нѣтъ энергіи поднять опустившіяся крылья вашей души.

— Вы его любите?

— Всѣмъ существомъ люблю.

— И вѣрите ему?

— Вотъ, вотъ онъ, страшный вопросъ, который я не въ силахъ была сама себѣ задать. Слова Орлова запали мнѣ въ душу и отравили ее ядомъ сомнѣнія; съ тѣхъ поръ, вспоминая массу мелкихъ подробностей, незамѣтно скользящихъ мимо меня, мое сомнѣніе растетъ, и моя любовь бьется со сломанными крыльями во мракъ охватившей меня страсти. Вѣдь Женя отравилась внезапно, въ бальномъ платьѣ, передъ тѣмъ, какъ ѣхать веселиться. Съ ней что-то случилось, какое-то горе неожиданно сломило ее. Страшная шарада. Какъ разгадать ее? Стоитъ Башкилову заглянуть мнѣ въ глаза, какъ сила страсти заглушаетъ ропотъ сомнѣнія, и, слушая его увѣренную, бодрую, всегда веселую рѣчь, я вижу въ немъ то, что породило въ сердцѣ моемъ любовь къ нему: честную, прямую и сильную натуру борца. Но въ часы одиночества его образъ затуманивается и искажается тѣнью моихъ сомнѣній. Я могу все

понять и все простить, но любить человѣка съ кривой душой я не хочу... Юрочка, что вы думаете? Скажите, не бойтесь меня огорчить. Что бы ни было, а я должна найти исходъ, должна освѣтить всѣ эти темные углы.

— Что я думаю?... Мои слова будутъ жестоки, но я ихъ вамъ скажу: я узналъ по опыту, что если въ чувство любви заползеть змѣя сомнѣнія, то это вѣрный признакъ, что...—Юрѣвъ умолкъ, грустно покачавъ головой.

— Что любовь построена на болотѣ?...

— Да...—тихо отвѣтилъ Юрѣвъ.

— Ужасно!... Юрочка, вѣдь это моя единственная въ жизни любовь. Я отдала ей всѣ силы моей души, я построила капитальное зданіе, и если оно рухнетъ—я банкротъ. Ничего... ничего ни вокругъ меня, ни во мнѣ. Я слечу въ пропасть внизъ головой и разобьюсь на смерть.

— Не слетите. У васъ сильныя крылья; вы—не я.

— Кто знаетъ! можетъ быть, я преувеличивала силу власти надъ собой. Но все-таки что же дѣлать? Какъ разрубить этотъ Гордіевъ узелъ? Какъ узнать то, что Женья унесла въ могилу?

Долго за полночь они вели грустную бесѣду; ихъ души, потонувшія въ одномъ морѣ страданія, были такъ близки и понятны одна другой, что мозгъ не искалъ словъ для взаимнаго утѣшенія: оно выливалось въ этомъ духовномъ соприкосновеніи, въ обоюдномъ пониманіи и сочувствіи. Закутившій, безпутный въ прожиганіи опротивѣвшей жизни, слабой волей человѣкъ былъ братомъ по духу и поддержкой въ горѣ всегда сильной, трезвой умомъ, уравновѣшенной женщины; вихремъ налетѣвшая страсть опутала ея волю и мозгъ, и она протягивала руки, ища поддержки у человѣка, котораго не такъ давно сама увѣщевала и отрезвляла.

Было рѣшено, что Елена разыщетъ вѣрную слугу-горничную Дашу, служившую много лѣтъ у Данцовой, и добьется отъ нея правды.

Юрѣвъ сталъ чаще навѣщать Елену; попрежнему прячась отъ людей и затопляя въ винѣ и водкѣ свою сердечную тоску, онъ въ немногіе часы отрезвленія собиралъ остатки своей парализованной душевной силы, чтобы поддержать Елену. Она почти совсѣмъ оправилась отъ болѣзни, но сердце оставалось надтреснутымъ. Свои сомнѣнія и тоску она, подобно Юрѣву, заливала пьянствомъ, но не вина, а страсти, которую Башиловъ разжигалъ въ ней съ каждымъ свиданіемъ все сильнѣе и неуправимѣе. Елена говорила, что она чувствуетъ, какъ со всѣхъ пальцевъ его рукъ на нее устремляются горячіе электрическіе токи.

— Вы сгубите себя, Елена Павловна; на вашемъ лицѣ печать злой силы,—сказалъ ей однажды Юрѣвъ, взглядываясь въ ея лихо-

рабочно блестящіе глаза и поблѣднѣвшее лицо со вспыхивающимъ нервнымъ румянцемъ.

— Я въ чаду и знаю, что съ бѣшеной силой стремлюсь внизъ. Когда буду падать и разбиваться на смерть, будьте подлѣ меня, Юрочка: вѣдь я безнадежно-одинокъ.

Такъ прошло еще нѣсколько времени, какъ вдругъ подъ ногами Елены сорвался первый камень съ края той пропасти, въ которую она должна была упасть.

Вся закутанная въ черное, съ густой черной вуалью на лицѣ, она входила позднимъ вечеромъ въ кабинетъ Башилова, атмосфера котораго, казалось для Елены, была вся пропитана знойными желаньями.

Безъ улыбки, скользнувъ по ея лицу острымъ и холоднымъ взглядомъ, онъ молча поцѣловалъ ей руку и придвинулъ кресло.

— Садись. Я сильно разстроенъ и долженъ имѣть съ тобой очень серьезный и непріятный разговоръ. Въ искренности твоихъ отвѣтовъ, конечно, не сомнѣваюсь.

— Что за прелюдія? Ты меня пугаешь.

— Я имѣлъ сегодня утромъ бурную сцену съ сыномъ. Мальчишка ворвался ко мнѣ въ кабинетъ и со слезами объявилъ, что я причина нанесенныхъ ему товарищами оскорбленій. Они тамъ перессорились и, чтобы досадить, объявили сыну, что одинъ изъ нихъ знаетъ достоверно, будто въ обществѣ имя его отца служить мишенью злыхъ насмѣшекъ, такъ какъ моя служебная карьера не есть слѣдствіе заслуженныхъ трудовъ и энергіи, а дѣло рукъ ловкой любовницы. Что ты на это скажешь?

— Пока—ничего. Сынъ разсказалъ тебѣ подробности? Я могу ихъ знать?

— Разъ всѣ знаютъ, почему же тебѣ не знать. Мальчишка говорить, что этотъ товарищъ самъ слышалъ, какъ Рихтеръ съ большими подробностями расписывалъ наши съ тобой отношенія, въ которыхъ ты, главнымъ образомъ, играешь роль моей протектриссы, такъ какъ всѣмъ якобы извѣстно, что мѣсто директора департамента я получилъ благодаря хлопотамъ твоего поклонника Орлова, а товарища министра выхлопотала ты сама, подаривъ этому сластолюбцу Ивану Ларіоновичу нѣсколько страстныхъ улыбокъ, или ужъ тамъ не знаю чего еще. Объясненіе съ сыномъ окончилось тѣмъ, что я долженъ былъ его выгнать вонъ изъ кабинета. Желаю знать, что ты мнѣ отвѣтишь?

Елена, страшно поблѣднѣвшая, чувствуя приближающуюся страшную опасность, боролась съ нахлынувшими противорѣчивыми мыслями. Лгать она не умѣла. Оставалось подтвердить истину. Башиловъ, заложивъ руки въ карманы, нагнувъ слегка голову впередъ, смотрѣлъ сквозь пененъ суровымъ, незнакомымъ Еленѣ взглядомъ и поразилъ на мгновеніе сходствомъ съ быкомъ, который,

весь насторожась, разставивъ ноги и пригнувъ рога, ждетъ перваго удара со стороны врага.

— Лгать не хочу. Твоему сыну сказали правду: и въ первомъ и во второмъ твоёмъ назначеніи я была причастна. Но лишь насколько, чтобы навести Ивана Ларіоновича на мысль о тебѣ.

— Развѣ я тебя когда-нибудь просилъ о такой услугѣ?—сдерживая подступающее бѣшенство, спросилъ Башиловъ.—Ты обязана была спросить моего согласія.

— Это было бы слишкомъ наивно, Володя: ты бы согласія не далъ.

— Въ такомъ случаѣ, кто же далъ тебѣ право распоряжаться моей особой?

Сжатый кулакъ Башилова тяжело опустился на столъ, уронивъ хрустальную пепельницу.

— Ты съ ума сошелъ, Володя! Какъ ты смѣешь такъ разговаривать со мной?

Елена поднялась съ кресла и гордо закинула голову назадъ.

— Какое тутъ смѣешь или не смѣешь? Да вѣдь это же чортъ знаетъ, что такое! Этому словъ нѣтъ! Кто далъ вамъ, женщинамъ, право соваться въ мою службу, въ мою карьеру? Если каждая моя любовница будетъ на себя брать роли патронессы, то гдѣ же тогда моя заслуга, кто ее захочетъ признать? И безъ постороннихъ хлопотъ я получилъ бы оба назначенія; своей дикой выходкой ты дала возможность злымъ и мстительнымъ завистникамъ вродѣ Рихтера дискредитировать публично мои заслуги и обезцѣнивать мою личность. Благодарнымъ за подобную услугу я быть не могу; я чувствую себя въ положеніи чловѣка, которому связали руки и плюнули въ лицо. Положительно, самая умная женщина опаснѣе круглаго дурака... Благо бы еще жена хлопотала, а то наше вамъ—любовница!...

При послѣднихъ словахъ Башилова кровь ударила въ голову Елены, и красные круги поплыли передъ глазами.

— Молчать!... Вы забываете, что эта любовница я и что если я сохранила за собой это названіе, то лишь потому, что я сама не хотѣла назваться вашей женой.

Елена быстро вышла изъ кабинета; молча, съ лихорадочной поспѣшностью накинула на плечи мanto и, не чувствуя подъ собой ногъ, сбѣжала съ лѣстницы, сѣла на перваго попавшагося извозчика и, точно оглушенная ударомъ грома, вернулась домой, затворилась въ своей спальнѣ и безъ слезъ, съ тупымъ выраженіемъ отчаянія просидѣла всю ночь въ креслѣ.

На другой день Башиловъ былъ у нея. Онъ пріѣхалъ извиниться за сорвавшуюся съ устъ дерзость. Елена вышла къ нему съ осунувшимся и строгимъ лицомъ, молча выслушала короткое объясненіе, и ни одинъ мускуль не дрогнулъ на ея измѣнившемся,

застывшемъ лицѣ. Башиловъ какъ будто бы не замѣчалъ происшедшей въ Еленѣ перемѣны и сосредоточенно говорилъ о возникшемъ въ министерствѣ осложненіи по отношеніи думы, въ которомъ онъ сможетъ очень выдвинуться и показать свою дѣловитость, если ему удастся отпарировать несправедливыя нападки.

Елена, сидя въ креслѣ, опустивъ голову, переплетала свои тонкіе пальцы черными лентами шелкового капота и продолжала упорно молчать, совершенно безучастная ко всему, что онъ рассказывалъ. Когда онъ кончилъ и, щурясь близорукими глазами, сталъ отыскивать свою шляпу, Елена медленно подняла на него испытующіе и печальные глаза.

— Володя, отвѣть мнѣ: правда ли, что ты былъ въ связи съ покойной Женей?

Башиловъ рѣзко обернулся всѣмъ корпусомъ въ ея сторону, и лицо его какъ-то вдругъ сразу потемнѣло.

— Да что съ тобой творится? Я говорю о дѣлѣ, а ты опять съ этими дикими вопросами ко мнѣ пристаешь? Въ концѣ концовъ тебѣ-то что за дѣло, съ кѣмъ и когда я былъ въ связи?

— А если Женя отравилась изъ-за тебя?

— Какъ Орловъ изъ-за тебя пустилъ пулю въ лобъ.

— Я его любовницей не была и не...

— Однако, матушка, довольно на эту тему; ты знаешь, что я не терплю давать отчеты, когда ихъ требуютъ съ такимъ лицомъ, какъ сейчасъ у тебя. Пожалуйста, безо всякихъ скорбныхъ трагедій и драмъ, я люблю женщинъ, когда отъ нихъ вѣетъ зноемъ, а не дождливой погодой. Радъ буду видѣть тебя, когда найдешь свое обычное настроеніе; я самъ слишкомъ разстроенъ всѣмъ, что узналъ вчера, чтобы умиротворять тебя и разсѣивать твои несуразныя мысли. До свиданія, мнѣ пора. Когда захочешь, переговоримъ по телефону.

Раздосадованный и хмурый, Башиловъ холодно поцѣловалъ руку Елены и вышелъ. Она такъ же безучастно, далекая недавнему прошлому, смотрѣла ему вслѣдъ и, медленно опустивъ голову на руки, долго и неподвижно сидѣла, объята мракомъ и тоской.

ХІІ.

Цвѣтокъ Елениной радости съ каждой новой встрѣчей съ Башиловымъ вялъ и терялъ свои пышныя, радужныя краски; лепестки грустно осыпались и сохли. Она чувствовала, какъ исчерпывалась въ ней та сила, которая, пробудясь и властно заявивъ свои права, такъ недавно еще вдохновляла все существо ея и окрашивала блескомъ солнечныхъ лучей дни ея жизни. И вдругъ все померкло. Хотѣлось протянуть руки, упасть на колѣни, плакать, просить, любить и... было не передъ кѣмъ. Солнце, которымъ сама Елена озарила образъ любимаго человѣка, померкло подъ тѣнью сомнѣ-

ній, и тотъ же образъ предсталъ передъ ней лишеннымъ живительной красоты, хмурый и обиденный. Въ минуту затопившей ея душу тоски Елена, не находя себѣ мѣста, ища хоть мимолетнаго успокоенія, однажды рѣшила поѣхать къ Юрьеву и, не предупредивъ, позвонила въ его передней.

— Георгій Александровичъ дома?

— Дома-съ... только не такъ... чтобы совсѣмъ здоровы,—занимаясь, отвѣтили лакей.

Елена прошла черезъ маленькую столовую и, слегка постучавъ въ дверь пріотвореннаго кабинета, остановилась на порогѣ.

— Можно къ вамъ?

— Кто тамъ? А, это вы, моя хорошая... Ну, и скверно же вы попали: я совсѣмъ швахъ... простите, что не встаю... весь разбитъ...

Елена подошла къ письменному столу, у котораго сидѣлъ Юрьевъ въ сѣрой теплой тужуркѣ, подперевъ голову одной рукой и тщетно сляся другой сбросить пепель съ нагорѣвшей папиросы. Онъ поцѣловалъ руку Елены и указалъ ей на кресло, стоявшее по другую сторону стола.

— Я радъ, что вы пріѣхали. Посидите со мной, если можете... Э-эхъ...—онъ неожиданно вздрогнулъ и поморщился.

— Что съ вами? Вы больны?

— Ну, да, болень... Развѣ вы не видите?

Юрьевъ кивнулъ головой въ уголь стола. Елена взглянула по тому же направленію и сразу все поняла. Рядомъ съ пустымъ стаканчикомъ стояла бутылка водки, на половину опорожненная; тутъ же лежало надрѣзанное большое антоновское яблоко и косяной фруктовый ножикъ.

— Юрочка, вы пьете? Водку пьете?

— Мгм...

— Давно?

— Не все ли вамъ равно?..

— Зачѣмъ вы это дѣлаете? Неужели у васъ нѣтъ силъ воздержаться? Вѣдь вы губите себя?

— Ну, и къ чорту... и пускай... Слушайте, я вамъ противенъ?.. я это понимаю, но вы все-таки не уходите... И вы стубили чью-нибудь жизнь, нанесли рану разочарованія. Ну, такъ смотрите же, какъ гибнуть люди изъ-за женщинъ. Я хочу, чтобы вы смотрѣли... Видите?

Юрьевъ налилъ водки, всталъ, слегка пошатнулся и, невѣрной рукой поднеся стаканчикъ ко рту, быстро его опорожнилъ; поморщился, грузно опустился въ кресло и, полузакрывъ глаза, сталъ дрожащей рукой отрѣзывать отъ яблока небольшой ломтикъ. Елена смотрѣла на него испуганными глазами, полными недоумѣнія, скорби и... безгливости. Она и не подозрѣвала, что видѣтъ разумнаго, добраго, любимаго человѣка въ такомъ живот-

номъ, унижительномъ состояніи—можетъ доставить ей столько страданія.

— Зачѣмъ она стала на мой путь?—бормоталъ Юрьевъ:—зачѣмъ скомкала и разбила всю мою жизнь?.. Я этого не хочу... я хочу забыть ее, совсѣмъ забыть... Моя душа тоскуетъ... О, Господи!.. кому мнѣ отнести душу мою?..

Онъ неожиданно поднялся и, широко протянувъ руки въ пространство, тягостно вздохнулъ, но вдругъ зашатался, чуть не упалъ и повалился всѣмъ корпусомъ на столъ, какъ-то всхлипнулъ и, охваченный приступомъ кашля, съ лицомъ, налившимся кровью, весь содрогаясь, бился головой о скрещенныя на столѣ руки.

— Какой ужасъ!

Елена, безсознательно вставъ со своего мѣста, отошла въ сторону и, сжимая у подбородка похолодѣвшіе пальцы, смотрѣла на Юрьева глазами, изъ которыхъ медленно скатывались слезы... «И сотвори его Господь по образу и подобію своему...» съ грустной ироніей прошептали ея губы.

Когда приступъ кашля прошелъ, Юрьевъ заплетающимся языкомъ началъ говорить такія отвратительныя циничности, что Елена поспѣшила поцѣловать его въ голову и уѣхала, совершенно разбитая морально. Душу ее наполнилъ мракъ и одиночество. Вернувшись домой, она узнала отъ лакея, что Башиловъ просилъ увѣдомить его по телефону, когда она вернется, такъ какъ онъ желаетъ пріѣхать къ ней. Въ первый разъ она не откликнулась на его зовъ: велѣла лакею сказать, что она еще не возвращалась, въ случаѣ бы повторился телефонъ, и, пройдя въ свою комнату безъ словъ, безъ одного вздоха легла на кушетку и до глубокой ночи, неподвижная, погруженная въ безмолвіе и тишину, пролежала съ суровымъ взглядомъ устремленныхъ въ темноту глазъ.

На слѣдующій день Елена узнала, что около двухъ часовъ ночи былъ телефонный звонокъ отъ Башилова, и лакей, согласно ея приказанію, доложилъ, что она еще не возвращалась. Къ вечеру Башиловъ, какъ это случалось не разъ, пріѣхалъ безъ предувѣдомленія. Елена приняла его все въ томъ же состояніи какого-то моральнаго паралича.

— Ты какъ будто бы нездорова, голубчикъ? Что-то блѣдна...

— Я здорова.

— Вчера, значить, поздно легла. Я весь вечеръ порывался къ тебѣ; было около двухъ часовъ ночи, когда рискнулъ еще разъ позвонить, и все-таки тебя дома не было.

— Да...

— Ты гдѣ это кутила?

— У Юрьева была.

— Какъ? Въ два часа ночи у Юрьева была?

— Ну, такъ что жъ!..

— Да ты въ умѣ ли?

Елена молчала, глядя прямо передъ собой.

— Матушка, да ты, ей-Богу, ошалѣла.

— Володя, я свободна въ своихъ поступкахъ, въ нихъ порицать нечего; оставь этотъ тонъ, я его не допускаю.

— Ну, такъ и я не допускаю, чтобы моя любовница шаталась ночью по квартирамъ холостыхъ мужчинъ.

Башиловъ нагнувъ голову и поверхъ пенсне уставился на Елену потемнѣвшимъ суровымъ взглядомъ. Она поднялась и молча направилась къ двери, желая уйти. Башиловъ быстро всталъ, преградилъ ей путь и крѣпо сжалъ кисть руки.

— Я желаю кончить этотъ разговоръ... Я этого требую..

— Я слушаю,—беззвучно отвѣтила Елена, сжимая скрещенные пальцы съ такой силой, что они хрустнули.

— Довольно я слышу о твоихъ романахъ на всѣ стороны: и Рихтеръ, и баронъ, и этотъ пьяница... Если желаешь сохранить мою любовь, то я требую полного и исключительнаго послушанія моей волѣ; впредь я запрещаю всѣ эти эксцентричныя выходки, дающія поводъ къ двусмысленнымъ пересудамъ въ обществѣ. Я не Орловъ и стрѣляться не буду... Коли предпочитаешь проводить ночи съ Юрьевымъ, то наши отношенія должны быть ликвидированы. Прошу надъ этимъ подумать. А пока прощай.

— Да... прощай...

Башиловъ ушелъ; глядя ему вслѣдъ, она чуть слышно прошептала:

— Ну, вотъ и кончено.

Почти безсознательно, съ тупой болью въ сердцѣ Елена прожила еще два дня, съ нетерпѣніемъ ожидая приѣзда изъ деревни горничной Даши, которую послѣ долгихъ поисковъ ей-таки удалось найти: послѣ смерти своей любимой госпожи она проживала въ деревнѣ и, получивъ отъ Елены деньги на дорогу и письмо съ настойчивой просьбой приѣхать для нужнаго дѣла въ Петербургъ, отвѣтила ей, что на этихъ же дняхъ выѣдетъ. Елена ожидала рокового съ ней объясненія съ холоднымъ предчувствіемъ послѣдняго и неотвратимаго удара. Она не знала, куда дѣвать себя, что съ собой дѣлать, какъ получила неожиданную записку отъ Юрьева:

«Голубушка, Елена Павловна, цѣлую вашу ручку и со слезами извиняюсь за ужасный вечеръ, который вы провели у меня. Простите. Я несчастный, погибающій человекъ. Вчера, неожиданно и безъ предупрежденій, ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ братъ Александръ. Онъ пробудетъ здѣсь недолго. Помните, я общалъ васъ съ нимъ познакомиться, сдерживаю слово. Приѣзжайте, когда хотите. Я совершенно боленъ, лежу въ постели, но вѣдь вы добрая и не взыщете. Цѣлую еще разъ вашу ручку. Душой вамъ преданный другъ.

Ю. Юрьевъ».

На одно мгновение Еленѣ показалось, что свѣтъ ей ударилъ въ лицо. Въ ея меркнувшей жизни чья-то невѣдомая рука осторожно затеплила свѣтильникъ и манила слѣдовать за его трепетнымъ огонькомъ; и Елена съ тихой, нахлынувшей на нее радостью пошла за нимъ.

Ее провели въ небольшую спальню Юрьева. Небольшая комната была неярко освѣщена лампой съ зеленымъ абажуромъ; комодъ, умывальникъ, ломберный столъ у окна, диванъ, стулья все было очень просто и непрехотливо. Юрьевъ лежалъ, закинувъ руки подъ голову. Подлѣ него у самой кровати сидѣлъ братъ Александръ. Елена на секунду остановилась въ дверяхъ, чувствуя странное волнение. Оба повернули въ ея сторону головы; Юрій привѣтливо улыбнулся, братъ поднялся со своего мѣста и почтительно ей поклонился.

— Саша, это Елена Павловна; мой единственный здѣсь другъ... я ее обидѣлъ на дняхъ...

— Слышалъ, слышалъ... не повторяй. Позвольте вамъ представиться.

Передъ Еленой стоялъ высокій, хорошо сложенный человѣкъ, очень похожій на своего брата, менѣе красивый, но съ прекраснымъ, умнымъ выраженіемъ блѣднаго лица, на которомъ лежалъ отпечатокъ многихъ думъ и душевныхъ страданій. Взглядъ былъ прямой, смѣлый и въ то же время необыкновенно ласковый, завоевывающій полную симпатію. Волосы съ сильной сѣдиной были густы и вились; на немъ была плотно застегнутая тужурка брата, манеры спокойны и сдержанны, голосъ низкій, съ мягкими, ласкающими нотками.

— Какъ я рада съ вами познакомиться,—сказала Елена, крѣпко сжимая протянутую ей руку.

— Благодарю васъ. И я радъ случаю встрѣтиться съ вами, такъ какъ знаю отъ брата о душевномъ участіи, которое вы ему выказываете.

— Да, мы другъ друга утѣшали въ минуты душевнаго разлада.

Александръ уступилъ Еленѣ свой стулъ, а самъ помѣстился тутъ же рядомъ подлѣ ночного столика, на которомъ стояла полная окурковъ пепельница, бутылка, стаканъ недопитого бѣлаго вина и тарелка съ виноградомъ. У Юрьева лицо было блѣдно и истомленно: онъ потянулся за папиросами, тутъ же лежавшими въ открытомъ портсигарѣ; Александръ предупредительно подвинулъ ихъ ему и зажегъ спичку.

— Ты совсѣмъ не куришь?—обратился Юрій къ брату.

— Не курю, голубчикъ,—отвѣтилъ тотъ съ ласковой улыбкой.

— Отдохнули съ дороги?—обратилась Елена къ Александру.

— Да я не очень и усталъ.

Завязался мало значащій разговоръ, Александръ, по просьбѣ брата, распорядился, чтобы подали чай, придвинулъ къ кровати

небольшой столъ и, привѣтливо поддерживая разговоръ, поражалъ Елену своей простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ вдумчивой, спокойной манерой въ рѣчахъ.

— Мнѣ такъ странно видѣть васъ. Неужели вы тотъ самый братъ, о которомъ мы столько съ вами говорили, Юрочка?

— Да, Елена Павловна, онъ и есть тотъ самый. Мы съ нимъ всю ночь проговорили... Онъ счастливѣ насъ съ вами. Посмотрите, какіе у него спокойные, хорошіе глаза. У меня туманные, испытые, а у васъ печальные.

— Да, ваши глаза очень печальны, я это сразу замѣтилъ,—подтвердилъ Александръ.

— У меня страшная тоска въ душѣ.

— Тоска можетъ быть вѣрнымъ путемъ къ счастью.

— Счастье! Какой это обманчивый призракъ. А вы счастливы?—спросила Елена Александра.

— Я счастливъ, потому что спокоенъ душой, и если бы я могъ передать Жоржу хоть часть этого великаго покоя, я бы умеръ вполне удовлетвореннымъ.

— Протяните и мнѣ вашу руку, выведите изъ мрака, окутавшаго меня со всѣхъ сторонъ.

— Моя рука слаба, но, конечно, я готовъ протянуть ее вамъ,—ласково отвѣчалъ Александръ.

Елена ожидала встрѣтить суроваго, нелюдимаго и молчаливаго аскета, и ясная, привлекательная высокообразованная и общительная личность Александра все больше и больше ее къ себѣ располагала. Съ нимъ говорилось легко и просто и такъ же легко молчалось.

— Вы допускаете чувство любви, то есть влюбленности, страсти?—спросила его Елена послѣ довольно продолжительнаго обмѣна мыслей.

— Въ себѣ или вообще въ людяхъ?

— И въ себѣ, и въ людяхъ.

— Въ себѣ я его не то, чтобы не допускалъ, а оно исчерпалось, всегда принося мнѣ много страданія, и я съ благодарностью къ судьбѣ поддерживаю въ себѣ это отсутствіе потребности въ любви. Меня, какъ разбитое, идущее ко дну судно, волна жизни готова была совсѣмъ поглотить и уничтожить, но волей невѣдомой намъ мудрой силы выбросила на иной, далекій берегъ, и я тамъ воскресъ, но для другой жизни, ничего общаго не имѣющей съ пережитой. Въ людяхъ же я не только признаю чувство любви, но считалъ бы святотатствомъ его исключить, какъ волю опять той же мудрой силы, создавшей насъ. Но не всѣ умѣютъ пользоваться этимъ благомъ въ должной мѣрѣ. Излишнія требованія любви ведутъ къ краху, и вотъ вамъ печальный примѣръ...

Александръ повелъ глазами въ сторону брата.

— Но тому, кто, какъ вы сказали, не умѣть разумно пользоваться любовью и кому это чувство приноситъ только страданіе и отчаяніе,—тому лучше отрѣшиться отъ него, не правда ли?—спросила Елена, пытливо глядя на Александра.

— Разумѣется. Если человѣкъ, подходя къ яствамъ, предается невоздержанности, переполняетъ желудокъ и обращается въ обжору, переходя естественную границу, положенную природой, то такому человѣку лучше поститься, чтобы не терять равновѣсія и не впадать въ губительную крайность. Каждый изъ насъ долженъ сообразоваться со своей чисто индивидуальной природой и нельзя обобщать и указывать одни и тѣ же пути къ спасенію разнымъ натурамъ. Я нашелъ свой путь, нашелъ свое счастье и спокойствіе и готовъ помогать каждому, кто ко мнѣ подойдетъ, совѣтомъ и помощью, отъ меня зависящей, но указывать ему мой путь и толкать на него—я считалъ бы преступленіемъ, такъ какъ у каждой изстрадавшейся души свои, индивидуально свои, порвавшіяся струны, совершенно разныя отъ моихъ. Могу ли я измученной страданіемъ по блудномъ сынѣ матери сказать: «брось жизнь, отрекись отъ сына, приносящаго твоему сердцу однѣ муки, и уйди, затерайся, какъ я, среди обездоленныхъ и нищихъ». Нѣтъ, этого сказать я не посмѣлъ бы, такъ какъ въ сокровищахъ материнскаго сердца блудный сынъ черпаетъ, быть можетъ, единственную силу, удерживающую его отъ конечной гибели, и ея жизнь разбилась бы отъ сознанія, что она покинула свое несчастное, гибнущее дитя, и никакая обильная любовь къ человѣчеству, никакая молитва не замѣнила бы ей страдающей, но природой вложенной во всѣ нѣдра ея материнскаго сердца любви къ сыну. Или же опять, посмѣлъ ли бы я, напримѣръ, вамъ—полной еще жизни, жаждущей счастья женщинѣ указать мой путь?

— Вы не знаете моей жизни, не знаете, что я совсѣмъ затерялась въ какой-то тѣмѣ и ищу выхода, который спасъ бы меня отъ отчаянія.

— Повѣрьте мнѣ: это временное... вотъ братъ Жоржъ—тутъ другое дѣло: онъ дошелъ, что называется, до послѣдней черты отчаянія, какъ было и у меня, только въ другой формѣ. Во всей нашей семьѣ одинъ и тотъ же складъ, тѣ же струны; всѣ мы легко гибнемъ отъ отчаянія, и путь, ведущій насъ къ великому покою души, одинъ и тотъ же: отрѣшеніе отъ своего я для служенія низшему, обездоленному люду и полное отчужденіе отъ мірскихъ благъ. Такимъ натурамъ, какъ мы, нужны крайности для полнаго отрезвленія. Расскажите мнѣ вашу жизнь, и я постараюсь проникнуть въ вашъ духовный міръ и понять его.

Съ этого вечера Елена ежедневно и подолгу видѣлась и бесѣдовала съ Александромъ; онъ, какъ настоящій братъ милосердія, любовно и ласково врачевалъ ея больныя раны и открывалъ ей широкіе горизонты въ духовной области. Она переживала новую эру; постепенно раскрывалась невидимая до того дверь, и изъ нея лились

потоки живительнаго свѣта. Ея душой завладѣлъ новый учитель, и она слушала его тихія, спокойныя рѣчи, которыя баюкали наболѣвшее сердце и переутомленный разгоряченной фантазіей мозгъ. Ей хотѣлось сейчасъ порвать со всей прежней жизнью и слѣдовать по стопамъ своего учителя, но онъ ласково, но настойчиво упрашивалъ ее повременить, успокоиться, провѣрить себя и не предпринимать никакихъ рѣшеній, по крайней мѣрѣ ранѣе года. Онъ обѣщаль поддерживать ее и писать ей, но требовалъ строгаго анализа каждаго новаго побужденія, чтобы, благодаря ошибокъ и поспѣшности, не впасть въ заблужденіе.

Съ братомъ Жоржемъ было совсѣмъ иное. Энтузіазмъ и горячность Елены ясно свидѣтельствовали о ея жизнеспособности, о радости жизни, которая лишь на время, подъ давленіемъ тоски и разочарованій, затуманилась, тогда какъ у Жоржа полная инертность воли, полная атрофія всякихъ желаній и жизненныхъ запросовъ дѣлали его подобнымъ живому трупу. Откинувъ, по обыкновенію, голову на спинку кресла и скрестивъ ноги, онъ молча курилъ, пуская клубы дыма, и глядѣлъ куда-то въ пространство остановившимся взглядомъ, въ которомъ, казалось, не отражалось никакой мысли; но стоило попристальнѣе взглянуть въ эти темные, отуманенные глаза, какъ становилось жутко: изъ нихъ глядѣло отчаяніе измученной, изстрадавшейся души.

— Жоржъ, о чемъ ты все думаешь? Ты бы попробовалъ думать вслухъ: тебѣ бы легче стало,—говорилъ ему иногда братъ.

— Не могу, Саша: на мои думы нѣтъ словъ; развѣ мертвые могутъ говорить? Такъ и я.

Съ пріѣздомъ брата онъ пересталъ пить, но состояніе трезвости доставляло ему мучительную борьбу съ собой, и онъ не скрывалъ этого; однако воздерживался, насколько могъ, въ угоду брату, къ которому вдругъ почувствовалъ глубокую, сердечную дружбу, смѣшанную съ чувствомъ уваженія, почти восхищенія. Ни онъ, ни Елена не ожидали найти въ далекомъ, суровомъ къ своимъ поступкамъ отшельникѣ столько разумнаго отношенія къ слабостямъ людскимъ, столько уваженія къ личности каждаго человѣка, хотя бы ничего общаго съ его воззрѣніями не имѣющаго. Онъ пріѣхалъ въ старенькомъ пальто, которое, какъ онъ съ улыбкой объяснялъ брату, занялъ у одного бѣднаго сельскаго учителя, оставивъ ему на время свою поддевку, и сдѣлалъ это, считая гордостью и мелочнымъ хвастовствомъ всякое стремленіе выдѣлиться наружнымъ видомъ изъ общей массы людей, въ кругъ которыхъ онъ входилъ. Въмѣсто простой, сѣрой фланелевой косоворотки, которая была на немъ, онъ надѣвалъ тужурку брата, и такъ какъ рукава были слегка коротки, то онъ удлинилъ ихъ крахмальными рукавчиками, что придавало видъ элегантности его стройной и красивой фигурѣ. Съ Еленой онъ говорилъ много и охотно о своей жизни и идеяхъ:

со всѣми другими, кто заходилъ къ Юрію, говорилъ очень мало, совершенно избѣгая всякихъ разговоровъ на эту тему, но былъ такъ простъ и привѣтливъ, что невольно располагалъ къ себѣ.

ХІІІ.

Послѣ описаннаго свиданія Башиловъ съ Еленой больше не видѣлись. Онъ рѣшилъ, что она на него дуется, и хотя ему не разъ хотѣлось вызвать ее на примиреніе, однако онъ пересиливалъ себя, рассчитывая, что молчаніемъ онъ вѣрнѣе сломаетъ ея своевольный, мало подчиняющійся его требованіямъ характеръ и побѣда будетъ на его сторонѣ, когда она, истомившись, какъ это ужъ было однажды, его отдаленіемъ, вернется послушная и вполне ему подчиненная. Тѣмъ временемъ пріѣхала изъ деревни бывшая горничная Евгеніи Михайловны Даша и прямо съ вокзала пріѣхала къ Еленѣ. Узнавъ о ея пріѣздѣ, Елена сильно взволновалась; все, какъ ей казалось, отошедшее вдаль, веколхнулось; сердце забило тревогу, и она поняла, что въ немъ таится еще послѣдняя, какъ тлѣющая искра надежды, и даже почудилось, что всѣ сомнѣнія были одинъ болѣзненный бредъ. Послѣ первыхъ привѣтствій Елена, съ трудомъ владея собой, приступила къ тяжелому объясненію. Даша, опустивъ глаза, съ лицомъ, принявшимъ непроницаемо-каменное выраженіе, на всѣ вопросы покачивала головой и тихо отвѣчала:

— Не знаю, ничего не знаю, голубушка Елена Павловна... гдѣ мнѣ знать?

Тогда Елена, подойдя къ ней, положивъ ей руки на плечи и прямо смотря ей въ глаза, проговорила тономъ, въ которомъ дрожали слезы:

— Даша, да вѣдь я же все, все знаю... вѣдь Евгенія Михайловна дѣлилась со мной всѣми своими радостями и печальми; вѣдь я же понимаю, что изъ-за него, но... видишь ли, Даша... какъ бы тебѣ это объяснить? Словомъ, если бы Евгенія Михайловна могла, то она съ того свѣта сама бы мнѣ навѣрное рассказала всю правду; мнѣ ея надо знать, иначе, Даша, и я могу быть такъ же несчастна, какъ и она. Башиловъ хочетъ на мнѣ жениться. Ты понимаешь теперь.

— Онъ-то жениться? Не бывать этому, никогда не бывать! Жестокій онъ и безъ сердца человѣкъ. Мало ли слезъ изъ-за него моя барыня пролила?.. Что жъ!.. Тутъ самъ Господь развязываетъ мои уста, и покойница гнѣваться не будетъ, что нарушу свою клятву, чтобы спасти васъ отъ этого человѣка. Вѣдь я послѣ смерти барыни всю его подноготную узнала. Съ какими онъ только бабами ни вожжался: и актриски, и шавтанки, и тутъ еще гадалка была, и кого хошь, всякое есть, а самъ-то передъ барыней строгой жизни человѣка изъ вебя изображалъ. Сама разъ слышала, какъ порицалъ всякія интриги. И вѣдь какую надежду покойницѣ подавалъ! Женихъ, какъ

есть женихъ. Она, бѣдная, вѣрила, а все-таки, бывало, ночи напролетъ не спать и плачетъ. Ну, а ужъ дальше, такъ сталъ и церемониться поменьше, особливо какъ къ вамъ наѣзжать часто пристрастился. Я-то знала, а вѣдь ей, голубушкѣ, и невдомекъ.

И Даша слово за слово рассказала во всѣхъ подробностяхъ всю драму, пережитую Елениной подругой, включительно до разговора по телефону, который она слышала изъ сосѣдней комнаты. Елена все блѣднѣла и блѣднѣла. Ея сердце сжималось холодными тисками.

«Лгаль, все лгаль, всегда лгаль,—мысленно повторяла она про себя, и вся содрогалась отъ чувства гадливости, отъ оскорбленія, что этому пошлому, ходульному лгуну она подарила первые лучшіе плоды своихъ расцвѣтшихъ чувствъ. Въ концѣ концовъ Даша обѣщала прислать ей сафьяновую двойную рамку, подаренную подругѣ Башиловымъ, въ которой были портреты его и Евгениі Михайловны и которую Даша взяла себѣ на память, вынувъ изъ ночного столика госпожи, гдѣ рамка всегда хранилась. Она не осмѣлилась вынуть портретъ ненавистнаго ей Башилова, считая волю покойницы священной.

— Онѣ своими ручками вставляли, не мнѣ послѣ ихъ смерти разрушать ихъ дѣло.

Черезъ нѣсколько дней въ рукахъ Елены была сафьяновая рамка въ видѣ книжки; раскрывъ ее, Елена увидѣла съ одной стороны прелестную фотографію Евгениі Михайловны въ бальномъ платьѣ, съ нѣжной улыбкой на полуоткрытыхъ устахъ; съ другой—фотографію Башилова, точно такую же, какъ онъ преподнесъ и ей. Елена осторожно выдвинула ее и прочла на обратной сторонѣ: «Любимой женщиѣ». Всѣ сомнѣнія исчезли, и сразу ее охватило холодное, враждебное спокойствіе. Вынувъ фотографію Евгениі Михайловны, она запечатала рамку въ большой конвертъ и надписавъ на немъ: «возвращаю по принадлежности», велѣла отнести и отъ ея имени передать въ руки Башилову, не прибавивъ ни одного слова прощанія, упрека или сожалѣнія.

Александръ Юрьевъ помогъ Еленѣ стойко перенести послѣдній ударъ чувству, похоронивъ которое, она ощутила только моральную усталость: ей казалось, что надъ головой ея пронесся бѣшеный ураганъ, безжалостно смявшій ея сердце. Проводя большую часть времени въ обществѣ Александра, въ сферѣ его духовнаго величаваго спокойствія, она казалась себѣ уже чужой и далекой окружающей ее жизни; ей хотѣлось тишины, одиночества и покоя, хотѣлось новой, ничего общаго съ прошедшимъ не имѣющей жизни и, только благодаря его настойчивымъ просьбамъ, она не послушалась влеченія внутренняго голоса и не послѣдовала за нимъ.

— Духовная жизнь человѣка не можетъ развиваться скачками,—говорилъ онъ ей.—Не черезъ пропасть надо прыгать, чтобы быть

пришельцемъ того далекаго, иного берега, съ котораго говорю вамъ я и всѣ подобные мнѣ люди, разбитые жизненной бурей и отошедшіе въ нѣдра вѣковыхъ исканій великой мудрости. Надо шагъ за шагомъ, до смертельной усталости итти по узкой, извилистой тропѣ, итти безконечно долго, много страдать и лить слезъ отчаянія надъ теряющимся слѣдомъ, сбиваться съ пути и вновь его находить. И когда такого скитальца извилистая тропинка черезъ многіе годы уведетъ далеко отъ жизни, и онъ станетъ ей чужимъ, какъ давно умершій и ею позабытый, тогда онъ будетъ креститься, чтобы принять новое крещеніе, войти въ жизнь съ инымъ духовнымъ обликомъ; и тогда всѣ люди и вся ихъ жизнь глубоко войдутъ въ его душу и станутъ ему близкими, родными, безконечно милыми и любимыми. Будьте просты въ своихъ рѣшеніяхъ и не насилуйте волю судьбы вашей. Нѣтъ того жизненнаго пути, на которомъ человѣку не дано бы было совершить волю Создавшаго его.

Елена еще поддерживала связь съ обществомъ изъ чувства гордости; она была увѣрена, что ея разрывъ съ Башиловымъ вскорѣ станетъ достояніемъ всегда алчнаго ко всякимъ скандальнымъ новинкамъ свѣтскаго круга, и ей не хотѣлось играть роль замученной жертвы. Съ равнодушнымъ и строгимъ, не допускающимъ никакихъ намековъ лицомъ она посѣщала журфиксы и возвращалась съ нихъ раздраженная, ищущая забвенія въ одиночествѣ или въ бесѣдахъ съ братьями Юрьевыми.

Еленино предположеніе было вполнѣ основательнымъ: слухъ объ ея разрывѣ съ Башиловымъ началъ понемногу проникать въ общество. Людомирова не брезгала посредничества горничныхъ для удовлетворенія своего любопытства и для пищи къ интригамъ и, благодаря беззастѣнчивой нескромности челяди, ей удалось узнать почти всѣ подробности финала Елениной любви. Пользуясь правомъ подруги, она первая заговорила съ Еленой на эту тему.

— Повѣрь мнѣ, дорогая, какъ другъ, я могу только радоваться происшедшей у тебя сердечной катастрофѣ. Я много разъ предупреждала тебя, что Башиловъ мерзкій человѣкъ, относящійся къ женщинѣ съ циничной распущенностью; лжетъ на каждомъ шагу и вѣчно сухъ изъ воды выходитъ. Онъ воображаетъ, что всѣ женщины отъ него безъ ума. Благодаря Любѣ Бергъ, я многое о немъ знаю. Что ты въ немъ нашла? Вотъ уже не понимаю! Хвастунъ, не элегантенъ, совсѣмъ ужъ не такъ уменъ, въ гостиной очень теряетъ, образованъ неважно и съ прескверными манерами. Теперь ему наклеютъ носъ, и тотъ же самый Рихтеръ сдѣлаетъ это съ наслажденіемъ. Что бы тамъ ни было, а товарища министра онъ получилъ благодаря тебѣ; посмотримъ, какъ теперь будетъ? Я бы на твоёмъ мѣстѣ его съ грязью смѣшала... онъ этого стоитъ!

— Къ чему? Теперь онъ мнѣ безразличенъ.

— Да, но этот господинъ способенъ про тебя чортъ знаетъ что рассказывать, онъ это ужъ и дѣлаетъ...

— Ахъ, Мариша, перестань мучить! Ну, пусть рассказываетъ, что хочетъ. Что я его любила? Такъ вѣдь это же правда...

Людомирова уѣхала отъ Елены очень раздосадованная: она ожидала застать ее въ состояннн вражды, ненависти и желанія мести своему недавнему любовнику, и была крайне разочарована полной ея апатіей ко всему недавно минувшему. Зато съ барономъ, съ которымъ Елена давно не говорила откровенно, потому что онъ, видимо, избѣгалъ ея, разговоръ былъ сердечнѣе.

— Вы все знаете, баронъ?—прямо спросила она его.

— Да, все.

— И что же: одобряете?

— Радуюсь.

— А вѣдь я страдаю.

— Это пройдетъ. Вы скоро опять вернетесь къ жизни и будете такая же радостная, какой васъ создалъ Богъ.

Елена грустно качала головой. На ея подробные и восторженные рассказы объ Александрѣ Юрьевѣ онъ досадливо поморщился.

— Ну, вотъ, теперь недоставало, чтобъ этотъ толстовецъ васъ сбиль съ пути. Экая у васъ манера, *mon ange*, поддаваться впечатлѣнню оптомъ! Я увѣренъ, что у васъ уже работаетъ фантазія на эту тему. Берегитесь!.. Вы способны броситься изъ одной крайности въ другую: вакханка и монашенка въ васъ свободно уживаются...

Александръ, пробывъ съ своимъ больнымъ и несчастнымъ братомъ почти мѣсяцъ, мало-по-малу убѣдилъ его бросить службу и уѣхать съ сестрой къ нему въ Саратовскую губернію, гдѣ онъ работалъ надъ устройствомъ новаго типа общежитія. Такъ какъ Юрій былъ слишкомъ слабъ, чуждался людей и ждалъ полного покоя, то Александръ предлагалъ устроить его въ одной далекой усадьбѣ, гдѣ, кромѣ его и сестры, такъ же, какъ и онъ, порвавшей связъ съ мірской жизнью, никто не будетъ нарушать его спокойнаго одиночества. Юрій, совершенно безразличнн къ жизни, согласился на просьбы брата, подалъ прошеніе объ отставкѣ и, ни съ кѣмъ не простясь, никому не сообщивъ о своемъ отъѣздѣ, уѣхалъ съ Александромъ, не зная куда и зачѣмъ.

Уступивъ просьбамъ своего учителя провѣрить и испытать себя вдаль отъ людей, затворясь на годъ у себя въ имѣннн, Елена вскорѣ послѣ ихъ отъѣзда стала ранней весной собираться на добровольное изгнаніе. Сильно похудѣвшая, съ выраженіемъ сосредоточенной мысли на блѣдномъ лицѣ, она безшумно двигалась по комнатамъ, убирая всѣ мелочи своей роскошной квартиры, и ей казалось, что она уже шлетъ имъ навсегда прощальный привѣтъ.

— Какъ, вы уже уѣзжаете? Покидаете насъ?—неожиданно раздался однажды за ея спиной голосъ барона, на правахъ друга безъ доклада вошедшаго къ ней.

— Какъ вы меня испугали, баронъ! Садитесь... Да, я уѣзжаю.

— Такъ рано! И надолго?

— Не знаю.

— Елена Павловна, посмотрите мнѣ въ глаза: это что-то новое?

— Можетъ быть.

Штадень сѣлъ и нѣкоторое время молчалъ.

— Елена Павловна, а я пріѣхалъ съ вами поговорить. Можно?

— Конечно, можно.

— Такъ вотъ, сядьте и постарайтесь, слушая меня, забыть на время всѣ ваши новыя идеи.

Елена улыбнулась и послушно сѣла подлѣ него.

— Мы хорошо знаемъ другъ друга, и потому предисловія не нужны. Я пріѣхалъ просить вашей руки...

— Что такое?

— Чему же вы такъ удивляетесь? Развѣ вы не знаете, что я всегда былъ вашимъ большимъ поклонникомъ, и если, быть можетъ, казался вамъ слишкомъ спокойнымъ и даже холоднымъ, то это происходило не отъ недостатка чувствъ, а изъ опасенія быть отвергнутымъ; вѣдь вы знаете, что я слегка избалованъ благосклонностью ко мнѣ женщинъ. Нѣсколько разъ я хотѣлъ смѣнить тонъ шаловливаго флирта на болѣе искренній и серьезный, но вы поддразнивали меня, и я откладывалъ, ища болѣе удобнаго момента.

— Позвольте, баронъ, а ваше увлеченіе Маришей?

— Каюсь, увлекся... но вы отлично видѣли, что оно было и несерьезно и непродолжительно. Такихъ увлеченій въ жизни холостого мужчины бываетъ много. Вы стояли въ сторонѣ ото всѣхъ этихъ срывающихся сердечныхъ аккордовъ. Не скрою, что вся ваша исторія съ Башиловымъ подѣйствовала на меня скверно: я былъ увѣренъ, что разлюбилъ васъ и что мы останемся только друзьями, но... сердцу не прикажешь! Когда я узналъ о происшедшемъ у васъ разрывѣ, то, неожиданно для себя, испыталъ такую радость, что сомнѣній въ значеніи ея быть не могло: я продолжалъ любить васъ. Вы знаете меня, Елена Павловна: я неспособенъ расшнаться, неспособенъ безумствовать и терять голову изъ-за любви; въ моихъ жилахъ течетъ уравновѣшенная тевтонская кровь, но если я, рискуя показаться даже смѣшнымъ въ глазахъ свѣта, прошу васъ дать мнѣ право залечить незаслуженно нанесенную вамъ рану, то не есть ли это доказательство глубокаго и серьезнаго къ вамъ чувства?

— Спасибо вамъ за него, дорогой баронъ, но я теперь не гожусь въ жены ни вамъ, ни кому-либо другому. Кромѣ израненнаго сердца,

на мнѣ тяготѣеть смерть Жени, смерть Орлова, и я должна уйти куда-нибудь такъ далеко, чтобы забыть, искупить прошедшее.

— Искупить? Что искупить? Развѣ вы знали о любви Евгеніи Михайловны и развѣ предполагали, что Орловъ любилъ васъ до потери разсудка, до духовнаго банкротства? Недоставало, чтобы вы въ монахини постриглись! Что за экзальтація! Этотъ вашъ черноризецъ, видно, совсѣмъ завладѣлъ вашимъ воображеніемъ. Бросьте-ка всѣ эти идеи искупленія, отреченія и посвященія себя; живите, пока молодость не ушла.

— Знаете ли, дорогой баронъ, я нахожусь въ такомъ состояніи, что говорить со мной вашимъ языкомъ—совершенно бесполезно: я морально больна и неспособна думать о своей жизни иначе, какъ думаю теперь.

Елена сообщила барону о намѣреніи временнаго для себя изгнанія, чтобы провѣрить стойкость своихъ рѣшеній, и просила барона видѣть въ ней только преданнаго ему друга. Барону ничего не оставалось, какъ покориться ея желанію. Вскорѣ Елена уѣхала въ свое имѣніе, гдѣ большой барскій домъ привѣтливо распахнулъ передъ ней тяжелыя дубовыя двери. Старинная прадѣдовская мебель, фамиліные портреты и невидимо и неслышно витающія отжившія тѣни въ вечернемъ полумракѣ пустыхъ залъ, бильярдной и массивной библіотеки, окутали Елену соннымъ, застывшимъ царствомъ потонувшей въ безвозвратно прошедшее жизни; Еленѣ, по прошествіи нѣкотораго времени, казалось, что и она начинаетъ засыпать и погружаться въ преждевременную смерть. Тогда она стряхивала себя и вступала въ борьбу съ тѣнями мертваго царства, стараясь пробудить засыпающую энергію общеніемъ съ окружающими ея усадьбу крестьянами, которые зачастую требовали переговоровъ лично съ ней, минуя приказчика. Мало-по-малу Елена начинала входить въ ихъ жизнь и интересы; передъ ея глазами раздѣлялась новая картина, къ которой она приглядывалась все внимательнѣе и сознательнѣе. Крестьянинъ-мужикъ, къ которому раньше она относилась съ какой-то снисходительной и покровительственной не то брезгливостью, не то жалостью, обрисовывался въ форму характерной индивидуальности, въ которой должно признавать русскую коренную душу, а не утилитарный придатокъ полей и огородовъ. Наблюдательная и отзывчивая, она поняла, что причину вражды къ ея усадьбѣ, къ ея барству надо искать не въ ихъ темнотѣ и очерствѣлости, а въ зломъ сѣмени, посѣянномъ ея прадѣдами и обильно поливаемомъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Сѣмя возросло въ густой, непроницаемый лѣсъ, раздѣлившій Россію на два чуждыхъ лагеря: интеллигенцію и народъ, причѣмъ лагерь сытыхъ, богатыхъ, черпающихъ жизнь во весь размахъ широкой натуры, глумится, пренебрегаетъ и злобно угнетаетъ лагерь тѣхъ, которые со скрежетомъ зубовъ то подставляли, во времена крѣ-

постничества, свои рабскія, исхудалыя спины подъ плети и розги, то послушнымъ стадомъ загонялись въ ряды воинственныхъ полковъ, чтобы сражаться и умирать за непонятные имъ конфликты дипломатическихъ ошибокъ, то, наконецъ, служили безотвѣтнымъ орудіемъ необдуманныхъ, несозрѣлыхъ политическихъ идей и первые расплачивались за нихъ опять-таки своими спинами и даже жизнью. Все броженіе, кощунство по отношенію къ устоямъ родной страны, вся деморализація и распущенность правовъ и мысли лагеря бюрократической интеллигенціи деморализуетъ народъ, не успѣвшій еще вылить свою индивидуальность въ прочную форму. Безпринципные, съ растлѣнной совѣстью, играющіе судьбой родной страны, холодные и алчные къ наживѣ и чинамъ карьеристы, запахивающіеся въ тогу показныхъ и лицемѣрныхъ идей, берутъ на себя роль реформаторовъ и учителей народа, забывая, что не громкія рѣчи, не фейерверки красивыхъ словъ, не трактаты преобразованій, созданные въ далекихъ, роскошныхъ кабинетахъ, пріобрѣтенныхъ зачастую невѣрными, темными путями, а честный примѣръ любви къ родинѣ, къ труду, къ высокимъ идеямъ—качтиса медленной, но неудержимой волной по лѣстницѣ соціального строя и достигаетъ прибрежныхъ скалистыхъ береговъ, составляющихъ оплотъ, именуемый народомъ.

Далекій теперешней жизни и мыслямъ Петербургъ, со всей бѣшеной азартной игрой честолюбія и наживы, отчетливо предсталъ въ воображеніи Елены и ужаснулъ ее. Она сама была какой-то спицей этого огромнаго колеса и, легкомысленно шутя и смѣясь, расчищала дорогу къ власти человѣку, который алчно стремился къ ней, не отдавая себѣ яснаго отчета, что къ власти, какъ и къ славѣ, не должно прикасаться нечистыми руками и что на челѣ посвященнаго должна лежать печать душевнаго цѣломудрія. Башиловъ! Вотъ человѣкъ, которому она отдала свое святое святыхъ, на челѣ котораго ей мнилась эта печать избранника. Истинный борець за правду, за честь родины, носитель идей новыхъ преобразованій на благо Россіи—не можетъ быть мелкимъ лгуномъ. Ей стали припоминаться всышки его гнѣва, когда онъ дѣлился съ ней подробностями служебныхъ дѣлъ, въ которыхъ его враги, зачастую люди талантливые и полезные, выдвигались впередъ и какъ бы затемняли первый планъ, на которомъ хотѣлъ стоять самъ Башиловъ; ясно всплыла непріятная сцена одного разговора, въ которомъ Башиловъ довольно безцеремонно открылъ Еленѣ темную глубь своей души: онъ поддерживалъ идею провокаторства, основывая на ней успѣхъ карьеры нужныхъ людей, считалъ всякое средство для достиженія цѣли допустимымъ и обозвалъ своего принципала «старымъ дуракомъ» за то, что онъ отрицалъ и не допускалъ никакихъ кривыхъ путей въ борьбѣ со зломъ. Крестьянъ и фабричныхъ онъ именовалъ мерзавцами и подлецами, которыхъ надо пороть безъ

жалости, и когда Елена напоминала ему объ идеяхъ гуманности, онъ называлъ ихъ миндальничаньемъ, несомѣстимымъ съ задачами политическихъ преобразованій. Въ неутомимой энергій, которая, по его словамъ, заставляла его бросаться на разнаго рода предпріятія, выступилъ теперь въ ея воспоминаніяхъ невысокаго калибра инстинктъ къ паживѣ, безъ разбора путей и средствъ. И этотъ человѣкъ еще такъ недавно былъ властелиномъ ея сердца, умѣвшимъ создать предъ ея очами изукрашенный высокими идеями и побужденіями образъ государственнаго борца за благо родины!.. Гдѣ были ея глаза, отуманенные страстью? И Рихтеръ—бретеръ въ поединкахъ за власть, и самовлюбленный Бергъ, цѣпляющійся за разметающій всякія сплетни и дразги хвостъ фазаночки-Мариши, и графъ Эвенъ—царедворецъ, раздающій за деньги придворные чины, спотыкающійся и путающійся къ кружевнымъ тронахъ и воланакъ французенки-актрисы, обирающей русскихъ сластолюбцевъ... и нѣтъ, нѣтъ числа всѣмъ этимъ мужамъ, стоящимъ въ первыхъ рядахъ правленія Россіей и обманывающимъ, забываящимъ ея интересы въ угоду своихъ мелкихъ позорныхъ страстишекъ. Елену охватило чувство брезгливости, и она радовалась своему отдаленію отъ всѣхъ этихъ лживыхъ и ходульныхъ людей.

А Башиловъ тѣмъ временемъ, со дня отдаленія Елены, велъ отчаянную и ожесточенную борьбу съ врагами, которые обступали его тѣснымъ кольцомъ. Предъ нимъ стояла не тупая стнхійная толпа, психологію которой онъ давно разгадалъ и мечталъ, опираясь на нее, высоко взлетѣть, а отдѣльныя личности съ тонко разсчитанной системой вражды, умѣющія направлять противъ него острое жало злобы, умѣющія использовать каждую его ошибку, каждый необдуманнй шагъ. Рихтеръ своими дѣловыми докладами и умѣньемъ во-время и выгодно выставить свою широкую эрудицію и удивительную смѣтливость въ запутанныхъ дѣлахъ, положительно затмевалъ его, а иногда и подчеркивалъ его ошибки. Башиловъ начиналъ терять почву подъ ногами и съ ужасомъ однажды сознался себѣ, что теряетъ вѣру въ себя, въ свои административныя способности, путается, огрызается и совершенно не видитъ той перспективы, которая еще такъ недавно ему казалась совершенно опредѣленной. Его душила мелкая злоба къ врагамъ, отнимающая спокойное отношеніе къ дѣлу; все сводилось къ личнымъ интересамъ, къ страху утратить шансы на достиженіе той высокой ступени почестей, о которой онъ когда-то грезилъ маленькимъ провинціальнымъ чиновникомъ. Съ досадой онъ понималъ, что близость Елены давала ему какую-то увѣренность, что ея ловкость въ сношеніяхъ съ людьми и знаніе многихъ закулисныхъ сторонъ свѣтской жизни незамѣтно направляли его на вѣрный путь. Она зачастую остерегала его отъ необдуманныхъ выходокъ по отношенію людей, могущихъ быть ему полезными или вредными, муссировала его дѣятельность

и даже незамѣтно внушала ему ту или другую мысль, вышесненіе которой всегда оказывалось блестяще. Съ ея удаленіемъ возлѣ него образовалась пустота, постепенно увеличивающаяся; онъ чувствовалъ, что надежды, на него возлагавшіяся, сразу померкли, и никто уже не относился къ нему съ затаенной завистью, какъ къ человѣку, близкое могущество котораго раздражаетъ и вмѣстѣ съ тѣмъ импонируетъ; теперь его мнѣніе зачастую игнорировалось. Провѣрить настроеніе общества онъ не могъ, такъ какъ послѣ разрыва съ Еленой понялъ, что большую часть приглашеній получалъ благодаря тому, что ихъ связь не была тайной и его звали изъ любезности къ Еленѣ. За всю зиму Людомирова, много принимавшая, ни разу его не позвала, и, какъ онъ слышалъ стороной, сильно поддерживала сторону Рихтера. Раздувала несправедливость его назначенія на постъ товарища министра помимо Рихтера и, гдѣ только могла, вредила ему злымъ языкомъ, называя выскочкой, рагвечи и нахаломъ. У Рихтера образовалась сильная партія, бороться съ которой Башилову было совершенно не подъ силу, такъ какъ онъ потерялъ всѣ нити закулисной салонной интриги, которую Елена была такая мастерица и распутывать и парализовать гдѣ улыбкой, гдѣ открыто высказанной правдой, гдѣ добродушно-веселымъ юморомъ.

Раздраженный, хмурый, осунувшійся, онъ тайно, съ большими предосторожностями поѣхалъ къ своей старинной пріятельницѣ и совѣтницѣ въ трудныхъ минутахъ жизни—Аннѣ Ивановнѣ, неизмѣнно продолжавшей спутывать и распутывать нити судебъ довѣрчивыхъ и легкомысленныхъ посѣтительницъ ея отдаленной, полной таинственности квартиры...

Анна Ивановна, предупрежденная объ его раннемъ визитѣ, встрѣтила съ нѣкоторымъ трепетомъ человѣка, высокую судьбу котораго она предвидѣла, и силой своего убѣжденія укрѣпила вѣру въ себя и въ свое значеніе. Когда онъ вошелъ въ таинственно раскрывшуюся предъ нимъ низенькую дверь ея спальни, куда прошелъ, никѣмъ не видимый, прямо изъ полутемной передней, и молча опустился въ кресло подлѣ стола, гдѣ лежали карты и большое увеличительное стекло, Марья Ивановна чуть не ахнула:

— Что съ вами? Васъ не узнать?

— Боленъ, голубчикъ, боленъ... усталъ... терять времени не могу, видите, какую рань пріѣхалъ. Скорѣе погадайте, дѣла у меня очень важныя.

Анна Ивановна молчала, сосредоточенно разложила карты и не сразу рѣшилась заговорить.

— Что? Плохо? Говорите... не бойтесь...

Сѣрое, туманное утро глядѣло въ запотѣвшее окно маленькой комнаты и тоскливымъ, щемящимъ душу колоритомъ окрашивало всю ея внутреннюю обстановку. Неожиданно въ душу Башилова

закралась тоска предчувствія. Ему почудилось присутствіе той невѣдомой силы, которая руководитъ судьбой человѣка и, благопріятная ему, помогаетъ шутя взбираться на колесницу фортуны, или вдругъ, враждебная, бросаетъ внизъ головой, топчетъ, глумится и отходитъ навсегда прочь; и онъ понялъ, что въ эту минуту невидимая рука повернула колесо его судьбы, и оно соскользнуло въ пропасть.

— Говори, не бойся... я жду...— мрачно проговорилъ Башиловъ, устало закрывая глаза.

Онъ не ошибся: сколько разъ Анна Ивановна ни мѣшала карты, удачи не было... Отложивъ ихъ въ сторону, она просила откровенно передать ей все положеніе дѣла и, послѣ долгаго раздумья, посоветовала во что бы то ни стало вернуть Елену, счастливая удача которой могла спасти, поддержать скатывающееся въ бездну колесо его судьбы. Это былъ единственный выходъ, который она считала возможнымъ и полезнымъ, и Башиловъ, со свойственной ему быстротой рѣшенія, уѣхалъ отъ Анны Ивановны, оставивъ ей на столѣ двадцать пять рублей, и однимъ взмахомъ написалъ Еленѣ письмо, въ которомъ приносилъ повинную, звалъ ее обратно, увѣряя, что, сколько онъ ни ломалъ своей воли, но забыть ее не можетъ и не хочетъ примириться съ мыслию, что она навсегда разсталась съ нимъ. Перечитавъ, онъ остался доволенъ своимъ письмомъ: тонъ былъ простой, искренній, очень сердечный и убѣдительный. Хотя и до него дошли какіе-то смутные слухи о добровольномъ отреченіи Елены отъ свѣта, и даже увѣряли, будто она постригается въ монастырь или посвящаетъ себя бродяжнической жизни для служенія народу, но онъ относился къ нимъ недоувѣрчиво и, зная ея энергичную, кипучую натуру, былъ увѣренъ, что она вернется къ прежней жизни и, кто знаетъ, быть можетъ, и къ нему...

XIV.

Была ранняя весна. Передъ большой каменной террасой Еленина дома расчищали дорожки; снѣгъ стаялъ; лишь кое-гдѣ еще, журча и обгоняя другъ друга, пробивались подъ рыхлой землей прозрачные ручейки гдѣ-то залежалаго снѣга, теперь оттаявшаго подъ горячей ласковой улыбкой весеннихъ лучей. Отъ полей несся опьяняющій живительный воздухъ свѣжей земли, уже согрѣтой солнцемъ. Весна врывалась радостная, трепещущая свѣтомъ и тѣнями, и будила въ природѣ каждый задремавшій фибръ къ новой, всегда новой жизни. Окна Елениной усадьбы были открыты. Накинувъ на плечи бархатную пелеринку, она стояла на порогѣ широко распахнутой на террасу двери. Щуря глаза отъ ослѣпительнаго блеска лучей, она вдыхала широкой грудью пьяную струю воздуха, и на лицѣ ея играла бодрая, веселая улыбка, а глаза смотрѣли

радно, съ живымъ огнемъ въ потемнѣвшихъ отъ страннаго волненія зрачкахъ. На дняхъ отъ нея уѣхалъ Александръ Юрьевъ, прогостивъ три дня. Все прошлое лѣто и зиму она прожила въ уединеніи, обновившемъ ея душу; пріѣздъ Александра Юрьева и долгія съ нимъ бесѣды легли прочной основой для ея дальнѣйшей жизни. Она чистосердечно исповѣдывалась ему во всѣхъ мысляхъ и движеніяхъ души, которыя она пережила за эти годы, и, мудрый чистотой и простотой своего сердца, учитель понялъ ея душевный складъ и распахнулъ предъ ней дверь ея добровольной темницы.

— Есть люди берущіе, и есть люди дающіе. Вы принадлежите къ послѣднимъ. Не прячьте же вашего капитала, давайте его нуждающимся щедрой рукой, и вы исполните волю пославшаго васъ. Идите туда, откуда вы пришли съ израпленнымъ и больнымъ сердцемъ. Теперь вы здоровы и опять полны энергіи и силъ, которыя нужны на служеніе не одному только темному народу. Возьмите свѣтильникъ добра и правды и идите въ торжище совѣсти и чести, въ Вавилонъ разврата и деморализаціи высшихъ классовъ. Всѣ заблужденія вашей миновавшей жизни вы сможете искупить, задавшись цѣлью благотворнаго вліянія на людей, поставленныхъ быть мудрыми руководителями, а не купцами и ворами народнаго до- вѣрія...

И Елена преклонила предъ глубокимъ знаніемъ души чело- вѣческой отрѣшившагося отъ міра, но близкаго каждому чело- вѣку учителя и друга. Онъ не только не требовалъ и не толкалъ Елену на какіе-нибудь подвиги и отреченія, но разумно удержи- валъ ее, понимая, что не каждой природѣ даны одинаковыя сред- ства къ достиженію чистоты душевной и то, что является призваніемъ подвига для одного, для другого ложится тяжестью непо- сильнаго креста.

Послѣ свиданія съ Александромъ съ Елены какъ будто бы спали какія-то тяготящія надъ ней обязательства, и она мысленно сотни разъ посылала ему горячую благодарность, что онъ, имѣю- щій власть надъ ея волей, не придавилъ ее тяжестью, подъ кото- рой она безропотно, но съ мучительной болью уничтожила бы свое еще полное жизненныхъ запросовъ я.

Съ утренней почтой ей привезли письмо отъ Башилова; хорошо знакомый почеркъ на конвертѣ неожиданно взволновалъ ее, и рука, вскрывшая конвертъ, сильно задрожала. Нѣсколько разъ перечла письмо, не вѣря тому, что было на его страницахъ. Какъ, неужели Башиловъ любилъ ее? Звалъ къ себѣ? Тосковалъ о ней? Гдѣ же правда?.. Мало-по-малу волненіе ея стихло, и Баши- ловъ—не тотъ прежній идейный борецъ, а шаблонный и холодный карьеристъ выплылъ въ ея воображеніи, и въ его прищуренныхъ близорукихъ глазахъ она еще разъ прочла затаенную, основанную на личныхъ интересахъ мысль, которой онъ силился придать теп-

лоту сердечнаго порыва. И теперь, стоя на порогѣ террасы и отвѣчая каждый нервомъ, каждымъ биеніемъ сердца на призывъ весны, Елена мысленно переносилась въ недавно пережитое, когда такъ дурно пробудилась въ ней женщина въ объятіяхъ этого ординарнаго карьериста. Чѣмъ дольше размышляла она, тѣмъ яснѣе для нея становилось, что не рядомъ съ нимъ она сможетъ провести ту идею, о которой намекалъ ей Александръ; она чувствовала въ себѣ наплывъ новыхъ силъ, отдать которыя на служеніе узкимъ и честолюбивымъ замысламъ Башилова она считала бы кощунствомъ передъ своею совѣстью. Вечеромъ въ тишинѣ уютнаго деревенскаго кабинета Елена написала Башилову слѣдующее письмо:

«Сегодня получила ваше письмо, Владимиръ Ивановичъ, и буду отвѣчать на него чистосердечно: въ моемъ сердцѣ не осталось къ вамъ ни любви, ни страсти, ни даже сожалѣнія о минувшемъ—тамъ пусто и холодно... Ваше имя мнѣ стало чуждо. Въ васъ я любила воплощеніе благородныхъ идей, порывовъ и стремленій; я хотѣла быть подругой завоевателя власти для служенія правдѣ. Вы сами открыли мнѣ глаза... Итти рядомъ съ вами, чтобы исчерпать всю свою духовную силу на служеніе вашимъ личнымъ, глубоко-эгоистичнымъ и потому мелкимъ интересамъ, я считаю безчестнымъ, потому что кому много дано, съ того много и спросится. А вы топчете честь родины, которой будто бы служите, честь женщины, которую будто бы любите, и свою собственную честь, которую будто бы имѣете. Наши пути никогда больше не сойдутся. Я васъ разгадала.

«Елена Карцева».

Прошелъ годъ. Все было по-старому въ пріемный день у Людомировой: такъ же пахло цвѣтами и духами элегантныхъ посетительницъ, тотъ же чай, «канапэ» и «пети-фуры» предлагались гостямъ любезной хозяйкой, расточались направо и налево тѣ же дѣланья, не покидающія лица улыбки, затрагивались тѣ же темы свѣтскихъ новостей, сплетенъ или политическихъ вопросовъ. Хозяйка дома умѣло поддерживала нескончаемую нить разговора и съ каждымъ новымъ входившимъ гостемъ незамѣтно переходила съ одной темы на другую, повторяясь, противорѣча себѣ, не заботясь о логической связи всего, что ею было переговорено. Кромѣ двухъ дамъ въ громадныхъ шляпахъ, мѣшающихъ свободному повороту головы, весело щебетавшихъ о туалетахъ и балахъ, въ гостиной небольшими группами разговаривали мужчины.

— Прекрасное, прекрасное назначеніе,—раздалось изъ небольшой, неподалеку отъ хозяйки дома стоявшей группы.—Я всегда былъ увѣренъ, что Рихтеръ оправдаетъ надежды, на него возложенныя. Рѣдкій государственный умъ, удивительная дальновзоркость въ дѣлахъ политики и при томъ исключительная энергія и работо-

способность,—расправляя густыя сѣдья бакы и глядя на собесѣдника умными глазами сквозь пенсне съ черной оправѣ, говорилъ Поповъ, высокій сѣдой сенаторъ-окультистъ и прекрасный говорунъ, который принадлежалъ къ числу посѣтителей гостиницы Елены.

— Все это такъ, но я остаюсь при своемъ мнѣнїи, что онъ холодный карьеристъ высшей пробы.

Генераль Бергъ, имѣвшій какіе-то личные счеты съ Рихтеромъ, недолюбливалъ его и открыто высказывалъ свое къ нему нерасположеніе. Промелькнувъ въ роли генераль-губернатора очень недолгое время, онъ чувствовалъ нѣкоторую вражду къ людямъ, умѣвшимъ прочно держаться на своихъ высокихъ постахъ.

— Какое намъ дѣло до его личныхъ качествъ и побужденій, если вся его дѣятельность вполне соответствуетъ требованіямъ его положенія. Рихтера, господа, я знаю давно и всегда говорилъ, что съ той минуты, какъ онъ достигнетъ желаемой власти и станетъ полнымъ господиномъ своего положенія, вся мелочность его деспотической натуры уступитъ сознанію великой отвѣтственности своего назначенія, и широкимъ государственнымъ умомъ онъ пойметъ, что съ момента назначенія на постъ министра честь родины и ея интересы неотъемлемо сплетаются съ его личной честью и интересомъ. Каждый его шагъ обдуманъ, и всѣ преобразования высокой важности, могущія вызвать по своей смѣлости немало конфликтовъ, проведены съ поразительнымъ тактомъ и ловкостью. Такихъ государственныхъ людей, господа, мы должны цѣнить, оставивъ въ сторонѣ свои личные съ ними счеты и вражду.

— Bravo, bravo, Петръ Михайловичъ! Я рада, что это говорите именно вы—хорошій знатокъ людей и психологъ,—прервала свой разговоръ съ сосѣдомъ хозяйка дома, обращиваясь въ сторону неподалеку стоящей группы.—Я всегда стояла за Рихтера, всегда говорила, что онъ добьется своей цѣли и будетъ прекраснымъ министромъ. Меня возмущала несправедливость, съ которой людямъ, не могущимъ соперничать съ нимъ ни въ какомъ отношеніи, рачищали дорогу и сажали ему на голову. Прошлогоднее назначеніе Башилова можно было назвать незаслуженной пощечиной. И что же вышло? Самъ Иванъ Ларионовичъ удивлялся, насколько Башиловъ оказался бездарнымъ, даже въ такой несамостоятельной роли, какъ товарищъ министра. И при томъ эта алчность и нескрываемая погоня за властью просто отвратительны.

— Позволю себѣ, очаровательная заступница, не быть вполне съ вами согласнымъ,—слащавымъ голосомъ заговорилъ Бергъ, дѣлая шагъ къ Людомировой.—Владимиръ Ивановичъ Башиловъ выказывалъ не больше алчности къ власти, какъ вы изволили выразиться, чѣмъ ваша симпатія, которой я готовъ завидовать, Александръ Александровичъ Рихтеръ, но бѣда въ томъ, что Баши-

ловъ попалъ въ крайне для себя невыгодное положеніе: онъ былъ окруженъ врагами, искавшими случая подчеркивать каждый его неудачный жестъ, каждое его еще не вылетѣвшее изъ устъ слово. Онъ не могъ чувствовать себя ни увѣреннымъ, ни спокойнымъ.

— Ни даже толковымъ исполнителемъ порученныхъ ему дѣлъ...— громко раземѣялась Людомирова.— Нѣтъ ужъ, Оттонъ Александровичъ, вы, пожалуйста, мнѣ не противорѣчьте, потому что въ данномъ случаѣ потерпите полное пораженіе: мы всѣ апплодируемъ нашему новому министру и шикаемъ сошедшему со сцены Башилову; ваши симпатіи къ нему исключительно личнаго характера, да и тѣ, на мой взглядъ, неосновательны: я его всегда находила противнымъ.

— Скорблю за участь Владимира Ивановича Башилова и умолкаю согласно вашему велѣнію, какъ послушный рабъ прелестной женщины.

— *Toujours amoureux... cela devient chronique...*—шепнула своей сосѣдкѣ одна изъ щебечущихъ дамъ, наводя лорнетъ въ сторону Берга и Людомировой.

Въ эту минуту вошла въ гостиную Любовь Ивановна Бергъ, легка похудѣвшая, довольно интересная, въ черной шляпѣ съ громаднымъ огненнаго цвѣта панашемъ, улыбающаяся, съ неизмѣнными ямочками и румянцемъ на щекахъ. Первое время она была сильно огорчена необходимостью распоститься съ показной ролью генераль-губернаторши, но переѣздъ въ столицу, новыя знакомства, туалеты, выѣзды, шляпки съ панашами, флирты, балеты, оперы, Кюба—калейдоскопомъ завертѣлись изо дня въ день, и она примирилась съ новымъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что столица сыпала на нее изъ рога изобилія тѣ увеселенія и радости, которыхъ она была лишена въ провинціи, наложившей на нее неизгладимый отпечатокъ неуволимаго провинціализма. Она вошла, шумно шурша шелками и распространяя вокругъ себя острый запахъ модныхъ духовъ, звонко расцѣловалась съ хозяйкой дома и, смѣясь, выговорила мужу за задержанную карету.

— Какую я сейчасъ новость узнала!—обратилась она къ хозяйкѣ дома.—Я была у Гончаровыхъ, встрѣтила тамъ, между прочимъ, барона Штадена, и, представъ себѣ, тамъ говорятъ, будто бы достоверно извѣстно, что твоя подруга Карцева, вмѣсто обѣта монашества, къ которому вы всѣ ее присудили, выходитъ замужъ за Рихтера! Каково?

— Первый разъ слышу! Это не можетъ быть. Я ее не такъ давно видѣла, она ни слова объ этомъ не говорила. Кто-нибудь нарочно слухъ распустилъ.

— Я тебѣ говорю, что это такъ. Баронъ оспаривалъ, и ему сама Гончарова сказала, что кто-то видѣлъ Карцеву, поздравилъ ее, и она приняла поздравленіе.

— Но это невѣроятно! Вѣдь она никогда не симпатизировала Рихтеру... развѣ что соблазнилъ постъ министра?!

— Везетъ же Рихтеру,—отозвался опять генераль Бергъ:— Елена Павловна и интересная, и умная, и ловкая женщина.

— Если это только не пустой слухъ, то я сердечно радуюсь за нашего министра,—убѣжденнымъ тономъ заговорилъ сенаторъ съ сѣдыми баками.—Елена Павловна прямая, честная, очень благородная натура и своимъ благотворнымъ вліяніемъ въ соединеніи съ недюжиннымъ умомъ только поддержитъ еще больше престижъ супруга. Я, m sdames, всегда находилъ, что женщины играютъ слишкомъ большую роль въ судьбѣ каждой страны, чтобы игнорировать ихъ вліяніе. Супругами управителей должны быть женщины культурныя, понимающія отвѣтственность своего вліянія.

Новость, привезенная Любовью Ивановной, сильно всполошила Людомирову; она почти негодовала, что такая интересная вѣсть разлетается не изъ ея гостиной и она не имѣетъ въ своемъ распоряженіи никакихъ подробностей, которыми могла бы дѣлиться направо и налево. Къ вечеру ей удалось вызвать Елену къ телефону, и она убѣдилась, что услышанная днемъ новость не была пустой сплетней: Карцева очень спокойно подтвердила слухъ и съ улыбкой остановила потокъ упрековъ въ скрытности, предложивъ Людомировой завтра же заѣхать къ ней, чтобы сообщить всѣ интересующія ее подробности.

Часъ тому назадъ на ту же тему былъ у Елены разговоръ по телефону съ барономъ Штаденомъ, и теперь она ждала его къ себѣ съ нѣкоторымъ волненіемъ, припоминая его визитъ почти два года тому назадъ, передъ ея добровольной ссылкой въ деревню. Опъ никогда не напоминалъ ей о своемъ чувствѣ, которое, Елена была увѣрена, сумѣлъ безъ труда подавить логикой и разсудкомъ своего спокойнаго и уравновѣшеннаго темперамента. Они видѣлись попрежнему часто, и отношенія сохранились такія же дружескія, но безъ того элемента игривой влюбленности, которой баронъ маскировалъ раньше свое болѣе серьезное чувство.

Когда въ назначенный часъ онъ вошелъ въ гостиную Елены и, поцѣловавъ ея руку, удобно усаживался въ кресло, она съ удовольствіемъ отмѣтила его обычно спокойное выраженіе лица и полное отсутствіе какого-нибудь волненія или раздраженія въ тонѣ голоса.

— Итакъ, Елена Павловна, новость, поразившая меня своей неправдоподобностью, не есть вымыселъ? Вы выходите замужъ за Рихтера?

— Да, это такъ.

— Позвольте, въ такомъ случаѣ, пожелать вамъ все то, что при подобныхъ обстоятельствахъ полагается: исполненіе розовыхъ мечтаній etc, etc.

— Оставьте, баронъ, этотъ шутливый тонъ.

— Помилуйте, я пресерьезно.

— О какихъ розовыхъ мечтаніяхъ вы говорите? Шагъ, на который я рѣшилась, ничего общаго съ этимъ не имѣетъ.

Баронъ недовѣрчиво пожалъ плечами и умолкъ, сосредоточенно стяхивая пепель съ папироски.

На нѣсколько минутъ воцарилось молчаніе, тягостное для Елены.

— Баронъ, отчего вы не хотите сказать того, что у васъ на душѣ? Я жду, а вы нарочно молчите.

— Безполезно, mon ange, выворачивать свою душу передъ женщиной, которая предпочла другого.

— Вы сказали именно то, чего я ожидала и что не вѣрно. Послушайте, голубчикъ баронъ, я хочу, чтобы вы поняли меня, чтобы въ вашемъ сердцѣ не было бы противъ меня незаслуженнаго упрека. Одному вамъ я чистосердечно открою свою душу. Скажите, похоже ли на то, чтобы я была влюблена въ Рихтера?

— Откровенно говоря, нѣтъ. Вѣроятно, это бракъ по расчету, или, вѣрнѣе, — вопросъ честолюбія.

Елена отрицательно покачала головой:

— Вы ошиблись. Слава, почести, могущество, высокое положеніе, — все это слова, потерявшія для меня всякое обаяніе. Нѣтъ, дорогой баронъ, не то, совсѣмъ не то... Мой бракъ съ Рихтеромъ это то серьезное, большое, трудное и отвѣтственное, что я добровольно беру на себя, какъ идею, выполненіемъ которой оправдаю обязательства, возложенныя на меня сознаниемъ своихъ силъ. Вы не понимаете? Я объясню вамъ точнѣе и подробнѣе. Когда я уѣзжала два года тому назадъ въ деревню съ надломленной душой и израненнымъ сердцемъ, я была увѣрена, что никогда не вернусь сюда, потому что мнѣ стала противна эта бессмысленная, порочная для души жизнь: ни цѣли, ни смысла, ни радости. Любовь? Страсти? Что дали мнѣ онѣ? Одну муку. Я уѣзжала въ деревню, чтобы испытать свои силы, чтобы отдать себѣ ясный отчетъ, насколько я уже умерла для жизни. На провѣрку оказалось, что сила и энергія у меня все тѣ же, но къ жизни я отношусь уже совсѣмъ иначе, появивъ, въ чемъ долженъ заключаться для меня главный двигатель всего жизненнаго механизма. Издали передо мной одна за другой проходила жизнь людей, которые соприкасались съ моей жизнью, и я съ болью въ душѣ, но отчетливо видѣла, что многіе изъ нихъ, какъ и я два года тому назадъ, гибли подъ обломками на пескѣ сооруженнаго зданія. Есть люди спокойные, нетребовательные, холодные къ запросамъ жизни — въ родѣ васъ, мой добрый баронъ, и эти люди не создаютъ лихорадочно трепещущими руками причудливыхъ замковъ себѣ же на погибель, а идутъ ровнымъ путемъ съ компасомъ въ рукѣ. Но есть и другіе: въ тѣхъ вложенъ элементъ безпокойнаго исканія, жажда вылить въ какую-нибудь форму запасъ силъ, вложенныхъ природой, и бѣда, бѣда, если вся сила за-

топится потокомъ какой-нибудь страсти безъ урегулированія мозга и безъ вмѣшательства духовныхъ запросовъ. Крахъ неминуемъ. Вѣдная Жена—эта молчаливая и кроткая раба своей слѣпой любви, на которой она построила все свое существованіе,—не вынесла грубаго толчка отстранившей ее холодной и властной руки и соскользнула въ темную таинственную бездну съ открытыми плечиками, съ мушкой на щекѣ, въ голубыхъ туфелькахъ. Къ любви она была довѣрчива, какъ дитя, и такимъ же довѣрчивымъ ребенкомъ изъ объятій обманувшей любви бросилась въ объятія смерти. Страшный, душу леденящій трагизмъ! Орловъ, затанувшій въ сердцѣ и сосредоточившій въ немъ всю ту силу, которая озаряла свѣтомъ и облегчала тяготу его одинокой, пустой жизни, не давшей даже иллюзіи счастья, срывается съ одинокаго утеса и съ крикомъ отчаянія и проклятія летитъ въ ту же мрачную пропасть съ раздробленнымъ пулей черепомъ. Легкомысленный по виду, красавчикъ Юрьевъ топить въ разгулѣ и вишѣ, въ растлѣвающемъ образѣ человѣчскій запоемъ свою прекрасную, цѣломудренную душу, всѣ струны которой онъ далъ оборвать глупенькой и пошлой кокеткѣ, не оставивъ для своей жизни ни одной струны; расточивъ свое прекрасное богатство—силу души—въ угоду капризной куклѣ, онъ, нищій, съ искалѣченной душой уходитъ на чуждый и еще непонятный ему берегъ, влекомый сильной и кроткой рукой отошедшаго отъ жизни брата. Башиловъ, всегда сжигаемый страстію честолюбія, власти и паживы, слѣпой и глухой ко всему, что не соприкасается съ этими задачами мелкаго эгоизма, хочетъ забраться на вершину своихъ вождедѣній, забывая, что нельзя опираться на довѣріе толпы для исключительнаго служенія своимъ интересамъ. Ему повезло, игра и фразы показались естественными, ему повѣрили, но на время, и затѣмъ развѣнчали, уличивъ въ обманѣ. Для него—это равносильно тому же паденію въ темную пропасть, ибо, потерявъ вѣру людей, онъ потерялъ вѣру въ себя и подвергся полному моральному банкротству. Меня ожидало то же паденіе, то же духовное банкротство, постигшее всѣхъ этихъ людей, одаренныхъ интенсивной душевной силой, но не сумѣвшихъ разумно справиться съ ней, концентрируя всѣ лучи ея и исключительно на удовлетвореніе и на служеніе своимъ эгоистическимъ страстямъ. Меня спасъ Александръ Юрьевъ и изгнаніе, въ которомъ разумъ мало-по-малу освѣтилъ всѣ темные углы заблужденій. И вотъ я проснулась вполне. Страсть, всколыхнувшая во мнѣ горячіе инстинкты женщины, вѣроятно, потухла на всегда, а если и пробудится еще когда-нибудь, то, разумѣется, не съ такой слѣпой стихійной силой: разумъ и жизненный опытъ сумѣютъ ее урегулировать. Передо мной, дорогой баронъ, въ тишинѣ добровольнаго изгнанія постепенно и отчетливо вырисовывалась картина мутнаго потока, заливащаго строй нашей общественной жизни. Мужчины давно облеклись въ халаты передъ

ответственностью, которую они несут по отношенію своей страны; ея честь, слава, благосостояніе, культура, этика, искусство и даже любовь—все соразмѣряется со стремленіями мелкаго и пошлаго эгоизма, и невольно встаетъ трагически-унылая картина, нарисованная великимъ поэтомъ: «Толпой угрюмою и скоро позабытой надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда, не бросивши вѣкамъ ни мысли плодovitой, ни геніемъ начатаго труда». Но нашему мутному потоку суждено, взрывъ почву дна, унести иль и всю муть, поднятую напоромъ теченія, и влиться въ новые берега чистой, ключевой водой. Просыпается отъ долгой вѣковой спячки женщина, воскресаетъ ея духъ и индивидуальность, культивируется мозгъ, очищаются отъ грубыхъ предразсудковъ мысли, и скоро, скоро она обовѣетъ нѣжными, но сильными руками шею мужнины и воскликнетъ, смѣло глядя ему въ глаза: «Стыдись, вѣдь я уже не та! Давай руку, пойдемъ вмѣстѣ, и будемъ оба сильны въ исканіи идеала». Не улыбайтесь, баронъ, я не брежу и не фантазирую. Знаю, что время еще не пришло, что сами женщины еще ищутъ своихъ путей, и неувѣренными, слабыми руками ощупывая окружающій ихъ мракъ, сбиваются, падаютъ и вызываютъ насмѣшки и порицаніе толпы. Женщины какъ бы раздѣлились теперь на три группы, на три типа: женщины стараго поколѣнія «по Домострою», съ узкимъ кругозоромъ исключительнаго повиновенія желаніямъ мужа, обязанностей по отношенію семьи и полнымъ отсутствіемъ самостоятельныхъ сужденій. Свободная любовь и слово «любовникъ» порождаетъ въ ихъ мысляхъ страхъ и представляется имъ грязнымъ развратомъ, губящимъ женщину. Чужіе мужья ставятъ ихъ въ примѣръ своимъ непокорнымъ женамъ, а свои—относятся со снисходительностью старшаго къ младшему, привыкаютъ, какъ привыкаютъ къ удобнымъ вещамъ, къ мебели. Благо и этимъ терпѣливымъ носительницамъ зачастую тяжелаго креста; предъ ними должно преклониться за многовѣковое терпѣніе и служеніе прихотямъ и самодурству мужской власти. Эволюція женскаго вопроса породила новый типъ женщинъ, не признающихъ семьи, отвергающихъ всѣ обязательства по отношенію ея; онѣ ходятъ въ *jupe culotte*, громко разговариваютъ, курятъ папирсы, открыто идутъ на содержаніе, отвергаютъ материнство—эту святую лампаду чистѣйшаго угла женскаго сердца, проповѣдуютъ проституцію тѣла, не замѣчая, что добровольная, не вынужденная горькой долей и нуждой, проституція тѣла влечетъ къ проституціи души. Онѣ кричатъ о полномъ близкомъ переворотѣ соціального строя, въ которомъ женщины займутъ первое мѣсто: государственныхъ должностей, низвергнувъ мужчинъ на положеніе чуть ли не рабовъ и лакеевъ, топчутъ великую по своей гуманности идею христіанства, забывая, что мудрость и сила только въ любви. Такія женщины вызываютъ насмѣшку или сожалѣніе. Утерявъ стыдъ и женственность, онѣ нарушили гармонію красоты,

вложенной въ нихъ природой; онѣ, какъ диковинный фейерверкъ, собирають подлѣ себя толпу, но, вскорѣ наскучивъ ей трескомъ и однообразіемъ пущенныхъ въ пустое пространство огней краснорѣчія, остаются однѣ, раздраженно чего-то ищущія, даже озлобленныя. Какъ муть во всякомъ броженіи, эти женщины явленіе необходимое, и ихъ роль—разбудить дремлющія умы, вложивъ представленіе о народившемся повомъ элементѣ историческаго движенія. И этихъ женщинъ не слѣдуетъ побивать каменьями презрительной насмѣшки: онѣ жалки отступленіемъ своей уродливой крайности отъ чистаго, идейнаго типа, въ который въ концѣ концовъ выльется женщина-супруга, любовница, другъ и, конечно, честная своему сердцу мать. Это третій и желанный типъ. Онѣ не отвергають семьи, но представленіе о свободной любви и слово «любовникъ» не вызываетъ въ нихъ паническаго страха передъ обществомъ, въ дѣтяхъ онѣ видять радость жизни и глубоко задумываются надъ великой задачей вложить въ маленькія головки лучи яснаго пониманія жизненныхъ запросовъ, въ сердце—глубокую любовь къ низшимъ, обиженнымъ, обездоленнымъ и закалить волю и твердость духа для борьбы съ тупой узкостью, съ черствымъ упрямствомъ сибаритствующихъ невѣждъ. Ихъ мозгъ свободенъ отъ предрасудковъ обрядностей, но религіозная идея выливается у нихъ сама собою отношеніями къ ближнему. Эти женщины не только не отвергають красоты своей женственной стыдливости, но яркимъ интеллектомъ понимаютъ, что въ этомъ дарѣ природы вложена громадная сила вліянія, которое можно и должно использовать для благихъ цѣлей. Онѣ подымуть упавшую энергію, разбудять заснувшую честь и совѣсть, будутъ борцами за идею, активными подругами своихъ супруговъ или любовниковъ, свободными и равноправными въ вопросахъ своей личности. Вотъ, дорогой баронъ, идея моего брака. Я хочу моею жизнью набросать слабый рисунокъ той идеи, выполнить которую будетъ дано уже близко стоящему къ намъ новому поколѣнію женщинъ, сильныхъ духомъ, освободившихся отъ чуждаго и ненужнаго мужскаго вліянія. Я дѣлаюсь женой Рихтера, черстватаго, холоднаго карьериста, я отдаю на служеніе родинѣ всю силу моей духовной энергіи, всю любовь къ идеѣ добра и правды и вѣрю, что, раздѣляя жизнь съ человѣкомъ, стоящимъ во главѣ правленія, я могу влить чистую струю благотворнаго вліянія и любви къ меньшей братіи тому, кто долженъ оправдать народное къ себѣ довѣріе. Счастлива та женщина, которая сумѣетъ соединить запросы своего сердца съ долгомъ по отношенію родной страны. Въ какой бы формѣ этотъ долгъ ни выливался, но онъ долженъ жить какъ въ сердцѣ мужчины, такъ и въ сердцѣ каждой женщины.

— Богатая у васъ фантазія, Елена Павловна,—чуть-чуть насмѣшливо пожимая плечами, проговорилъ баронъ.

— Какъ? Это все, что вы находите сказать въ отвѣтъ на мои мысли?

— Рѣшительно не нахожу ничего больше... Вѣдь я не этотъ вашъ отошедшій отъ міра черноризецъ, и ваши экстазы, признаюсь, мнѣ и непонятны, и не по душѣ.

— Какіе же мы съ вами разные люди, баронъ!—грустно качая головой, проговорила Елена.

— Что дѣлать, mon ange! Я человѣкъ средній, лишенный всякихъ крайностей какъ въ сторону добра, такъ и въ сторону зла. Неспособенъ ни пустить себѣ пулю въ лобъ отъ любовныхъ разочарованій подобно Орлову, ни взбираться на кручи, чтобы потомъ внизъ головой летѣть подобно Башилову, ни уходить изъ міра, подобно Юрьеву. Я беру отъ жизни то, что она мнѣ даетъ, и большаго не ищу.

— Баронъ, кто не пробуетъ летать, у того нѣтъ крыльевъ.

— Очевидно, у меня ихъ нѣтъ. Ну-съ, будьте счастливы. Летите за облака, а я ужъ останусь пониже, оно вѣрнѣе: головы не сломишь,

Елена горько усмѣхнулась, прощаясь съ барономъ, и когда она ушла, остановилась въ глубокой задумчивости; черезъ минуту, проведя рукой по затуманившимся грустью глазамъ, какъ бы отгоняя печальныя мысли, она энергично подняла голову, и свѣтлая улыбка озарила ея лицо:

— Эти будни сѣренькой жизни и мелкихъ страстишекъ!... О, нѣтъ, лучше страданіе и сердечное одиночество, но движеніе впередъ изъ тьмы и застоя, погрузившихъ общественную мысль и волю въ состояніе спячки.

Н. А. Лаппо-Данилевская.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ ЗА СОРОКЪ СЕМЬ ЛѢТЪ ¹⁾.

IX.

Поручикъ Н. Н. Сполатбогъ; его увлеченіе Кузьминскимъ; служба въ Туркестанѣ; большой промахъ.—М. Д. Скобелевъ выручилъ.—Переводъ на Дунай; боевыя отличія. Отзывы Скобелева о Кузьминскомъ и объ Аленичѣ.—Унтеръ-офицеръ Терентій Соиновъ.—Служба Сполатбога въ болгарской арміи; большія непріятности.—Записки Сполатбога.

КОЛО того времени, когда Кузьминскій проявилъ себя въ изобрѣтенной имъ самимъ, особой формы американской дуэли, надѣлавъ ею въ Варшавѣ и въ варшавскомъ военномъ округѣ массу шума,—изъ расположеннаго въ Варшавѣ л.-гв. Литовскаго полка переходилъ на службу въ Туркестанъ поручикъ Николай Николаевичъ Сполатбогъ; разныя дѣла, главнымъ образомъ имущественныя, привели его къ тому. Это былъ воспитанный, дѣльный, полный энергіи офицеръ, подававшій съ самаго начала очень большія надежды; но судьбѣ угодно было свернуть его съ прямой дороги; онъ не пилъ, не кутилъ, не дебошничалъ,—что, однако, среди тогдашнихъ офицеровъ было въ большомъ ходу,—но ударился въ картежную игру, неподволь пристрастившись къ ней, и это его погубило; съ полнымъ сохраненіемъ своего достоинства и чести онъ, какъ въ высшей степени самолюбивый человѣкъ, не считая возможнымъ

¹⁾ См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 495.

оставаться въ той средѣ и обстановкѣ, въ которой онъ въ одинъ несчастный вечеръ проигралъ все свое состояніе, самъ рѣшилъ свою участь, честно зарубивъ узель.

Задумавъ свой переводъ и твердо рѣшивъ вопросъ о немъ, онъ познакомился очень близко съ Кузьминскимъ; спрашивая его подробно о службѣ въ тѣхъ далекихъ краяхъ, онъ хотѣлъ изучить все до мелочей и жалѣлъ, что новое знакомство, по временамъ, прерывалось отъѣздами этого полнаго боевого опыта, лихого офицера. Въ 1875 году, осенью, въ тѣ дни, когда Кузьминскій прострѣлилъ себѣ легкое, состоялся переводъ поручика Сполатбога въ одинъ изъ туркестанскихъ стрѣлковыхъ батальоновъ капитаномъ, а въ концѣ декабря онъ уѣхалъ въ Ташкентъ, причемъ, какъ самъ не разъ говорилъ, типъ, характеръ и нравъ Кузьминскаго оставили въ немъ большое и неизгладимое впечатлѣніе.

Въ Туркестанѣ Сполатбогъ—исполнительный офицеръ и образцовый ротный командиръ—на первыхъ же порахъ попался въ томъ, что, будучи со своей ротой назначенъ въ передовой отрядъ, а изъ него отправленъ для поисковъ и преслѣдованія появившихся въ нашихъ предѣлахъ шаекъ киргизовъ и туркменъ, слишкомъ понадѣялся на молодецкую лихость своей роты, вошелъ въ азартъ и углубился въ дѣло преслѣдованія врага безъ тѣхъ строжайшихъ предосторожностей, которыя въ столкновеніяхъ съ разбойниками и вообще съ непріателемъ тамошнія наши войска привычно принимали и обязательно соблюдали; поэтому въ одной перестрѣлкѣ въ горахъ онъ изъ наличнаго состава своей роты въ 250 человекъ потерялъ болѣе тридцати нижнихъ чиновъ ранеными, убитыми и безъ вѣсти пропавшими.

Такое дѣло туркестанскіе порядки считали преступнымъ, безъ наказанія не оставляли, и Сполатбогу грозила большая отвѣтственность; неизвѣстно, какъ пришлось бы ему пострадать, если бы его не взялъ подъ свою защиту Михаилъ Дмитріевичъ Скобелевъ, въ ту пору его лишь узнавшій и такимъ образомъ пришедшій ему на выручку совершенно случайно; онъ въ немъ увидѣлъ простого, честнаго, прямого офицера, не жалѣвшаго себя и попавшагося исключительно по крайней неопытности; ни распущенности, ни карьеризма въ его дѣйствіяхъ Скобелевъ не усмотрѣлъ, а этого было вполне достаточно для того, чтобы онъ, замолвивъ о немъ доброе слово передъ генераль-адъютантомъ Константиномъ Петровичемъ фонъ-Кауфманомъ, взялъ его подъ свое начальство и покровительство. Съ тѣхъ поръ Скобелевъ съ нимъ почти не разставался. Въ отрядѣ Скобелева, на виду у этой восходившей тогда боевой звѣзды, онъ провелъ цѣлый годъ въ дѣлахъ.

М. Д. Скобелевъ съ удовольствіемъ слушалъ восторженные рассказы Сполатбога Кузьминскомъ, котораго онъ лично не зналъ. Въ увлеченіи Сполатбога подвигами этого полудикаго «героя Джи-

зака» онъ видѣлъ залогъ того, что, вмѣстѣ съ памятью объ немъ, будетъ въ молодежи развиваться желаніе ему подражать. Въ описаніяхъ Сполатбога и ближайшихъ сослуживцевъ Кузьминскаго онъ видѣлъ много легендарнаго и всегда говоритъ: это настоящій типъ удалыца-туркестанца; не будь онъ «такъ рано выведенъ изъ строя»—это былъ бы изъ ряду выходящій лихой начальникъ партизанскихъ отрядовъ, которые въ этихъ краяхъ должны сослужить громадную службу.

Обо многихъ подвигахъ Кузьминскаго стоустая молва, по словамъ Скобелева, умалчивала, но не потому, что ей хотѣлось ихъ утаить, ибѣтъ; въ этомъ сказывалась та хорошая сторона нашей арміи, которая показывала, что въ ней большіе подвиги нипочемъ, они считаются дѣломъ зауряднымъ.

Въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій совершенно просто, подробнымъ ночнымъ осмотромъ, опредѣлилъ, что на намѣченномъ нами къ атакѣ фасѣ присланные эмиромъ бухарскимъ англійскіе мастера и инженеры устроили по послѣднему слову науки мины-торпедо и камнеметные фугасы, на которые джизакскій бей вполне рассчитывалъ, носясь съ ними, какъ съ залогомъ побѣды. Представивъ объ этомъ подробное донесеніе генералу Романовскому, Кузьминскій настойчиво посовѣтовалъ перемѣнить фронтъ и тѣмъ сохранить атакующія колонны отъ явной гибели.

Въ лицѣ Кузьминскаго генералъ Романовскій имѣлъ настоящаго драгоценнаго лазутчика, богатаго боевымъ чутьемъ регулярнаго развѣдчика.

Такія расточавшіяся Скобелевымъ по адресу Кузьминскаго похвалы Сполатбогъ, видимо, съ особымъ удовольствіемъ приводилъ въ своихъ запискахъ и повторялъ въ своихъ разсказахъ.

Но не только этимъ восторгался Скобелевъ.

— Миѣ довелось,—говорилъ онъ,—прочестъ въ живомъ, прекрасномъ изложеніи описаніе того, какъ въ Джизакскомъ дѣлѣ Кузьминскій шелъ богатыремъ на приступъ.—Впослѣдствіи, много лѣтъ спустя, при встрѣчѣ съ авторомъ описанія, Михаиломъ Алексѣевичемъ Зиновьевымъ ¹⁾, я спросилъ его,—разсказывалъ Скобелевъ:—почему онъ не сказалъ ни слова о той части подвига, которая собственно спасла отрядъ и въ сущности создала намъ побѣду при Джизакѣ?

— Я не зналъ тогда объ истинныхъ причинахъ отсрочки штурма и перемѣны фронта,—отвѣтилъ Зиновьевъ:—теперь же, узнавъ о нихъ отъ васъ, нахожу, что не фронтъ перемѣнить слѣдовало, а прибѣгнуть къ правильному употребленію артиллеріи; подведенныя, хотя бы и англичанами, мины не могли бы устоять противъ

¹⁾ См. «Русскій Вѣстникъ» 1867 г., статья М. Зиновьева, тогда артиллеріи поручика, принимавшаго участіе во взятіи Ура-Тюбе и Джизака.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

хорошаго обстрѣла подходящими снарядами; можно было бы все минированное пространство взорвать передъ штурмомъ.

— Но тогда артиллерія наша только что начала перевооружаться, обращаясь въ нарѣзную,—возразилъ Скобелевъ:—а простая, здравая сметка Кузьминскаго, съ безшабашною смѣлостью раскрывшаго тайну подземнаго снабженія крѣпостныхъ подступовъ смертоносными зарядами,—навсегда останется подвигомъ; онъ передалъ вамъ свои свѣдѣнія и выставилъ вамъ свои безхитростные совѣты, вы были вольны выбрать примѣненіе его совѣтовъ или нормальное употребленіе артиллеріи. Такимъ образомъ, перемѣна фронта штурма осталась его громадной, рѣдкой заслугой; эта заслуга раскрытія тайны врага не умалилась бы даже и въ томъ случаѣ, если бы вы своевременно приняли рѣшеніе «раскопать артиллеріей инженерное искусство».

— Я видѣлъ нѣсколько отчетовъ, представленныхъ Кузьминскимъ генералу Романовскому въ разное время объ рекогносцировкахъ,—говорилъ Скобелевъ:—съ формальной, нашей, регулярной стороны это образецъ всего самаго необходимаго и съ чудеснымъ искусствомъ выполненнаго; каждый изъ насъ, заработавшихъ аксельбанты у Николаевского моста, позавидовалъ бы,—до такой степени все въ нихъ изложено кратко, разумно, опредѣленно. Съ точки же зрѣнія туркестанской, сколько въ нихъ видно самобытной умѣлости,—углубиться во вражьи мѣста на десятки верстъ, пройти въ ночной темнотѣ и тишинѣ вдвоемъ съ какимъ-нибудь безшабашнымъ унтеръ-офицеромъ Терентіемъ Соиновымъ, довѣрившись взятому по чутью и довѣрію проводнику изъ мѣстныхъ жителей, и выйти оттуда съ массой такихъ свѣдѣній, какихъ и ожидать отъ простого смертнаго невозможно; воистину тѣ сокровенныя свѣдѣнія набираются чутьемъ, умомъ и ощущью; научить этому никакая академія не возьмется.

Почтительно то, что Кузьминскій, этотъ отмѣнный самородокъ, имѣвшій и выказавшій такъ много боевыхъ задатковъ, развилъ въ себѣ ихъ благодаря дружбѣ съ боевымъ товарищемъ своимъ Самсономъ Георгіевичемъ Аленичемъ ¹⁾. Въ шестнадцатилѣтнемъ возрастѣ этотъ офицеръ началъ свою кипучую дѣятельность на Кавказѣ, а затѣмъ перешелъ въ Туркестанъ въ ту самую минуту, когда Кузьминскій жадно хватался за начатіе своей боевой жизни. Георгіевскій кавалеръ, подпоручикъ Аленичъ спокойными

¹⁾ Во время празднованія столѣтія учрежденія ордена св. Георгія, 26 ноября 1869 года, Аленичъ обратилъ на себя вниманія государя и былъ переведенъ въ л.-гв. Атаманскій наслѣдника цесаревича полкъ. Двѣ тяжкія контузіи въ голову совершенно измѣнили способности, характеръ и нравъ этого боевого офицера, отнявъ у него часть врожденной энергіи. Онъ скончался въ октябрѣ 1909 года отъ артеріальнаго склероза, при чемъ послѣдніе годы служба его проходила совершенно незамѣтно. Беззавѣтно жертвуя собой въ молодости, онъ тогдаже отдалъ этой службѣ все.

разказами своимъ о безконечныхъ подвигахъ кавказцевъ воспалилъ и безъ того пылкое воображеніе Кузьминскаго, пріурочивъ его къ безотчетному стремленію искать случая выдѣлиться подвигомъ. Аленичъ, сначала разказами, а потомъ совмѣстнымъ участіемъ въ бояхъ и въ подвигахъ, увлекъ Кузьминскаго и довершилъ образованіе изъ него героя. Нерѣдко, по словамъ самого Кузьминскаго, этотъ добрый, хорошій, энергичный, мужественный и отважный человѣкъ, увлекаая его, ободрялъ на тѣ подвиги, которые, по силѣ обстоятельствъ войны, являлось для него обязательнымъ предпринять; часто рѣшимость, вообще не покидавшая Кузьминскаго, дѣлалась еще болѣе отважною въ немъ подъ впечатлѣніемъ какого-то особаго на него вліянія Аленича; часто доводилось имъ, ошастливленнымъ благополучнымъ окончаніемъ и вполне успѣшнымъ исполненіемъ совмѣстнаго подвига безумной храбрости въ отчаянной опасности, соединять въ одно свои глубоко-религіозныя чувства и мысли и осѣнять крестнымъ знаменіемъ Кузьминскому Аленича, а Аленичу Кузьминскаго съ вознесеніемъ горячей благодарственной молитвы Всевышнему. Слушая такіе рассказы Сполатбога, нерѣдко приводившіеся со словъ Кузьминскаго, М. Д. Скобелевъ, человѣкъ вообще далеко не экспансивный, но успѣвшій отъ души полюбить отличеннаго имъ и вырученнаго изъ большой бѣды офицера-сподвижника, говаривалъ ему: «Какъ Кузьминскій набрался боевой опытности и отмѣнной отваги отъ Аленича,—такъ вы часто показываете въ себѣ задатки не меньшаго мужества, перешедшаго къ вамъ и усвоеннаго вами по внушенію изъ разказовъ Кузьминскаго, закалившагося прежде всего впечатлѣніями, навѣянными на него правдивой передачей Аленичемъ кавказскихъ вліяній, глубоко зацѣвшихъ и вѣдранвшихъ въ немъ».

Вставленная сюда небольшая выдержка изъ имѣющихся въ мои х запискахъ разказовъ объ Аленичѣ введена въ извлеченіи для дополненія свѣдѣній о личности изображеннаго въ прошломъ очеркѣ ¹⁾ героя П. Е. Кузьминскаго, всегда твердившаго: «Аленичъ служилъ такимъ же дополненіемъ мнѣ, какъ я дополнялъ его».

Жаль, что этотъ товарищъ Кузьминскаго не находился при немъ въ тѣ минуты его жизни, когда ему, привыкшему пользоваться своей энергіей для совершенія подвиговъ, доводилось расходовать ее на проявленіе того озорства, которое должно было бы довести его до психіатрической больницы и привело къ самоубійству, совершенному при такой ужасной обстановкѣ.

---

¹⁾ См. «Историч. Вѣстникъ», 1912 г. ноябрь.

Передъ началомъ войны 1877 года Скобелевъ, помимо своихъ плановъ, перешелъ на службу въ дѣйствующую армію подъ команду великаго князя Николая Николаевича Старшаго; вскорѣ послѣ того, какъ онъ, ставъ лично во главѣ кавалерійскаго полка у Зимницы, переплылъ верхомъ Дунай и началъ въ служебномъ отношеніи снова становиться на ноги при такихъ обстоятельствахъ, когда «друзья» хотѣли его принизить и придавить,—онъ озаботился переводомъ изъ Туркестана въ дѣйствующую армію нѣсколькихъ человѣкъ достойныхъ офицеровъ ¹⁾ и въ числѣ ихъ Сполатбога, въ которомъ успѣлъ замѣтить массу боевыхъ задатковъ. Тамъ, въ Болгаріи этотъ, офицеръ своей ретивой службой поставилъ себя въ боевомъ отношеніи такъ хорошо, что, по представленію Скобелева же, за особое отличіе, проявленное на глазахъ Бѣлаго генерала на Зеленыхъ Горахъ подъ Кришинскимъ редутомъ, былъ произведенъ въ майоры. Онъ состоялъ въ первомъ (Владимирскомъ) полку шестнадцатой пѣхотной дивизіи, выдѣлившейся за время войны, получившей большую извѣстность и стяжавшей названіе «Скобелевской»; въ этомъ же полку онъ сдѣлалъ весь боевой походъ до конца кампаніи, пройдя за Балканы; тамъ онъ былъ довольно серьезно контуженъ въ голову. По заключеніи мира въ С.-Стефанѣ полкъ со всей дивизіей былъ оставленъ въ Болгаріи въ составѣ отряда, назначеннаго для оккупации страны подъ общимъ начальствомъ командира девятого армейскаго корпуса генерал-лейтенанта Столыпина ²⁾; при этомъ майору Сполатбогу было ввѣрено командованіе однимъ изъ батальоновъ полка.

Вскорѣ, однако, онъ попалъ въ инструкторы въ числѣ лучшихъ штабъ-офицеровъ, избранныхъ для обученія юной болгарской

¹⁾ Между ними были герои туркестанскихъ боевъ: Куропаткинъ, Масловъ (Владимиръ), Кусонскій, Грекъ, Вородаевскій, Федоровъ, Галитинъ; послѣдніе двое пали геройскою смертью подъ Эски-Загрой въ первомъ забалканскомъ походѣ генерала Гурко; майоръ Горгаловъ палъ у Скобелева при вторичномъ отпяти у турокъ Кришинскаго редута 30-го августа (во время третьей «Плевны»). Авт.

²⁾ Аркадіи Дмитріевичъ Столыпинъ, отецъ покойнаго предѣдателя совѣта министровъ, съ начала сороковыхъ годовъ служилъ въ гвардейской конной артиллеріи; состоялъ въ должности адъютанта при генералъ-адъютантѣ князѣ Горчаковѣ въ Севастополѣ; занималъ должность уральскаго военнаго губернатора и атамана Уральскаго казачьяго войска. По возникновеніи войны 1877 года онъ былъ причисленъ къ штабу дѣйствующей арміи и одно время находился въ распоряженіи начальника артиллеріи—генералъ-адъютанта князя Н. О. Масальскаго; затѣмъ, по взятіи Никополя генераломъ Криденеромъ былъ назначенъ комендантомъ этой крѣпости, а затѣмъ принялъ отъ Криденера IX корпусъ. Онъ выказалъ громадную, энергичную распорядительность, требовавшуюся въ дѣлѣ благоустройства города и окрестностей, главное же въ удовлетвореніи нуждъ проходившихъ черезъ крѣпость войскъ дѣйствующей арміи, а также союзной арміи румынской и, кромѣ того, массы плѣнныхъ турокъ, направлявшихся въ Россію черезъ крѣпость и задерживавшихся въ ней до открытія возможности дальнѣйшаго движенія черезъ Дунай. Впослѣдствіи—командиръ гренадерскаго корпуса, генералъ-адъютантъ, а затѣмъ управляющій дворцовою частью въ Москвѣ. Авт.

арміи, создавшейся тогда, или, вѣрнѣе сказать, разворачивавшейся изъ собраннаго—еще до объявленія войны—въ Кишиневѣ кадра болгарскаго ополченія.

Сполатбогъ образцово поставилъ дружинку, которою ему довелось прокомандовать почти полтора года, когда надъ нимъ и надъ его всегда корректной службой вдругъ стряслась неожиданная, лично для него громадная по послѣдствіямъ бѣда.

Наскоро и отрывочно составленные записки, оставшіяся послѣ чего, довольно связно и вполне ясно рассказываютъ, какими причинами была вызвана вопіющая бѣда; но записки говорятъ лишь о видѣвшихся причинахъ; очевидно, для того, чтобы направить всю исторію по тому пути, на который она, волею начальника, была выведена, должны были имѣться причины внутреннія, скрытыя; объ нихъ въ запискахъ, вѣроятно, случайно, умолчано, а, можетъ быть, не упомянуто изъ чувства деликатности, дабы не была выставлена слишкомъ большимъ пятномъ ложанцающаяся на требовательнаго начальника его продѣлка, увлекшая его на путь произвола.

Судя по тому, что изложено въ запискахъ Н. Н. Сполатбога, надъ нимъ была учинена одна изъ тѣхъ вопіющихъ несправедливостей, которыхъ жертвою обычно становится подчиненный въ тѣхъ случаяхъ, когда высшій начальникъ,—изъ упрямства, но большей части, имѣющаго въ основѣ лишь свое собственное ложное самолюбіе,—не только отказывается перерѣшить то, что онъ совершенно неправильно постановилъ, или сторяча въ минуту вспышки, или просто не давши себѣ труда отнестись къ дѣлу съ достаточною обдуманностью, но и не допускаетъ мысли о возможности такого перерѣшенія. Обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ такъ, что давать указанія или открывать глаза на правду никто изъ окружающихъ начальника не считаетъ себя въ правѣ,—это въ лучшемъ случаѣ; а то и просто веякій сторонится, лишь бы не побеспокоиться самому или не вызвать нареканія по отношенію къ себѣ; въ иныхъ случаяхъ начальникъ подвергаетъ себя большому непріятностямъ, когда, послѣ настоятельныхъ просьбъ и указаній подчиненнаго, выслушиваетъ отъ него доводы—правдивые, но съ тѣмъ вмѣстѣ самые рѣзкіе; такіе доводы, въ большинствѣ случаевъ, приводятъ лишь къ тому, чтобы обозлить начальника, и, думается, не встрѣчалось «въ природѣ» случая, чтобы они его, при какихъ бы то ни было обстоятельстве, образумили; тутъ вѣдь и потерпѣвшій идетъ на то, что ужъ рискнетъ все потерять, а «правду отрѣжетъ», хотя обыкновенно безъ пользы для себя.

Въ то время, о которомъ идетъ рѣчь, первый начальникъ болгарскаго ополченія, вполне кроткій и въ высшей степени справедливый, Н. Г. Столѣтовъ уже сдалъ свою должность и былъ откомандированъ, по высочайшему повелѣнію, въ Афганистанъ, какъ особо довѣрен-

ное лицо, къ эмиру Ширъ-Али-хану ¹⁾. О немъ уже остались лишь воспоминанія, въ одинъ голосъ говорившія, что онъ и въ самой большой строгости, которую приходилось ему иногда проявлять, всегда помнилъ и на первый планъ ставилъ осторожность по отношенію къ судьбѣ и къ карьерѣ каждаго подчиненнаго. Онъ и въ дѣлѣ сужденія о службѣ лицъ подвѣдомственныхъ ему не забывалъ сказать себѣ самому излюбленную имъ поговорку: «*la critique est aisée, mais l'art est difficile*», простымъ людямъ онъ неизмѣнно говорилъ: «знаю, понимаю, братъ, что мнѣ охаетъ легко, каково-то тебѣ исполнить, а ты все же старайся». Фактически высшее начальствованіе надъ болгарскими войсками въ то время находилось въ рукахъ генерала Педепе, который и нашелъ себя въ правѣ учинить подполковнику Сполатбогу громадную неприятность, въ сущности медленно отравившую все его существованіе.

Этотъ генералъ, слывшій за человѣка воспитаннаго и порядочнаго, не могъ усвоить себѣ того, что, въ случаѣ ошибки, сдѣланной въ управленіи или въ командованіи, честь состоитъ не столько въ настояніи на непремѣнномъ исполненіи отданнаго распоряженія, сколько въ томъ, чтобы, ед-время сознавшись въ замѣченной ошибкѣ, отмѣнить все причиненное ею, въ особенности если ею вызвана хотя бы малѣйшая несправедливость относительно кого-либо изъ подчиненныхъ и его судьбы. Педепе не могъ понять, что это, собственно говоря, прощисъ и что этого держаться велить азбука дѣла служебныхъ отношеній къ подчиненнымъ.

Считаю необходимымъ рассказать вкратцѣ самый тотъ эпизодъ, немало взбудоражившій въ свое время и братушекъ, служившихъ тогда въ юной, только что созданной арміи, и нашихъ офицеровъ, поставленныхъ въ ней руководителями тѣхъ братушекъ ²⁾.

Во время войны части войскъ очень рѣдко довольствуются горячей пищей изъ общаго котла; по большей части нижніе чины варятъ себѣ щи и кашу или похлебку въ маленькихъ ручныхъ котелкахъ. Такъ какъ болгарское ополченіе формировалось во время военнаго похода, то въ дружинахъ сразу котловъ и не было заведено; лишь послѣ войны онѣ, обзаведясь хозяйствомъ, приобрѣли большіе чугунные котлы, купивъ ихъ на базарахъ въ городахъ, или получивъ изъ частей нашей арміи. Мало-по-малу нѣкоторые изъ командировъ дружинъ нашли нужнымъ обзавестись дорогими мѣдными котлами; самое обзаведеніе, въ связи съ необходимостью періодическаго возобновленія полуды, обходилось сравнительно дорого, но дружины щеголяли этимъ одна передъ другой, и каждая

¹⁾ См. главу V этихъ записокъ; «Историческій Вѣстникъ», октябрь, стр. 67.

²⁾ Нылѣ въ Киркъ-Килисѣ, Чатаджѣ и подъ Адрианополемъ они показывають, до какой степени тогда все наше и все то, что они видѣли у насъ,—твердо усвоилось ими.

изъ нихъ при первой же возможности какъ бы торопилась приобрести роскошную новинку.

Однимъ изъ первыхъ продѣлалъ это бывший гвардеецъ Сполатбогъ.

Однажды въслѣдствіи явился къ нему капитанъ Кехли и заявилъ, что, прибывъ въ городъ и представившись полковому командиру полковнику К—ву, онъ получилъ отъ него распоряженіе—для продовольствія его, капитана, команды, съ которою онъ, отправляясь за покупкой ремонтныхъ для артиллеріи лошадей, находился на двѣдѣ въ томъ городѣ ¹⁾, принять отъ майора Сполатбога котель, въ которомъ и начать немедленно варку пищи. При этомъ капитанъ Кехли предъявилъ майору паскоро набросанное на его имя предписаніе полковника К—ва, который, написавъ собственноручно это предписаніе, выѣхалъ въ Разградъ навѣстѣчу генералу Педепе.

— Я не могу передать вамъ котель, — сказалъ Сполатбогъ капитану Кехли:—моя дружина останется безъ горячей пищи, а люди уже и безъ того нѣсколько дней подвергаются гастрическимъ заболѣваніямъ.

— Полковникъ сказалъ мнѣ, что у васъ два котла; что еще въ прошломъ году вы приобрѣли большой мѣдный котель, значитъ, можете передать мнѣ малый чугунный; у меня рѣшительно ничего нѣтъ, люди пятый день довольствуются сухой пищей.

— Полковникъ, вѣрно, забылъ, что въ прошломъ же году онъ приказалъ мнѣ чугунный котель передать въ Руцукъ артиллерійской же командѣ; я говорилъ полковнику еще недавно, что во время полудки мѣднаго котла вышла задержка въ изготовленіи горячей пищи. Чтобы отчасти выручить васъ, я могу вамъ передать ручные котелки, но ихъ у меня осталось всего лишь тридцать штукъ,—больше я не могу ничего сдѣлать; попробуйте, поищите въ городѣ на базарѣ чугунный котель, можетъ быть, найдете возможнымъ приобрести его покупкой. Тутъ вышло, очевидно, недоразумѣніе, его надо выяснить.

Вотъ все, что между Сполатбогомъ и Кехли произошло.

Какъ съ этимъ дѣломъ справился капитанъ Кехли, неизвѣстно; но вышла подъ Разградомъ же или подъ Руцукомъ совершенно случайная встрѣча его команды съ генераломъ Педепе, который, прибывъ въ сопровожденіи полковника К—ва на бивакъ, пожелалъ получить понятіе о качествахъ изготовляемой для команды пищи, а потому потребовалъ пробную порцію изъ котла. На объясненіе капитана Кехли, что въ его командѣ имѣется лишь небольшое число ручныхъ котелковъ, генералъ тутъ же обратился съ вопросомъ къ полковнику К—ву. Словомъ, вся исторія о котлѣ всплыла

¹⁾ Въ Шумлѣ.

и сдѣлалась извѣстною генералу; Сполатбогъ оказался не исполнившимъ категорически отданнаго ему приказанія.

— Я давно замѣчаю,—сказалъ сурово Педене:—что этотъ штабъ-офицеръ отличается строптивостью, не вяжущееся съ дисциплиной, мало внимателенъ къ приказаніямъ прямого начальства и служить плохимъ примѣромъ для подчиненнымъ ему чиновъ дружины; передайте ему мое приказаніе подать отчисленіе отъ должности командира друины; нахожу, что этотъ случай переполнилъ чашу... Быть можетъ, майоръ Сполатбогъ съ бѣльшимъ рвеніемъ примется за несеніе службы въ Россіи, а здѣсь я не признаю возможнымъ допустить ему попирать на глазахъ молодой арміи дисциплину и коверкать все заводимое нами съ такимъ большимъ стараніемъ.

Полковникъ К—въ «попробовалъ было замолвить слово», но сдѣлалъ это по-своему и очень слабо.

— Я сказалъ и требую исполненія,—съ запальчивою горячностью отвѣтилъ Педене, а затѣмъ перевелъ разговоръ на другіе предметы.

Такъ дѣло сразу и рѣшилось.

Сполатбогъ всегда съ особою горечью вспоминалъ этотъ эпизодъ, заставившій его оторваться отъ излюбленнаго имъ дѣла—воспитанія и обученія юныхъ воиновъ-болгаръ; тяжело ему было вспоминать сломавшую его жизнь несправедливость одного изъ высшихъ военныхъ чиновъ, начальствовавшихъ тогда въ юной Болгаріи.

— Положительно въ поступкахъ моихъ,—говорилъ онъ,—не было ничего такого, что могло бы вызвать по отношенію ко мнѣ такую, по истинѣ жестокою, кару, изобрѣтенную въ минуту вспышки и рѣшенную безъ суда, слѣдствія и какого бы то ни было разбора. Я просилъ и даже требовалъ того, другого и третьяго, но тщетно: произволъ надменнаго начальника доходилъ до того, что мои просьбы и настоянія оставались безъ отвѣта.

Все это происходило на глазахъ тѣхъ самыхъ воиновъ, которымъ, ко всему, между прочимъ, надлежало вселить и привычку къ строгой законности. Думается, что подобными эпизодами врядъ ли дисциплина оставалась не попрашною и врядъ ли не коверкалось «все заводившееся, хотя бы и самимъ генераломъ, съ такимъ, какъ оль выражался, большимъ стараніемъ».

— Мало назвать дѣйствія генерала Педене въ этомъ дѣлѣ пристрастными,—говаривалъ нерѣдко Сполатбогъ; это же онъ повторилъ и въ оставленныхъ имъ посмертныхъ запискахъ своихъ:—въ этихъ поступкахъ генералъ отважился отвернуться отъ доброй совѣсти и затопталъ въ себѣ всякій намекъ на порядочность. Если, положи руку на сердце, онъ находилъ меня виновнымъ вообще, то остаюсь твердо убѣжденнымъ, что и въ мысляхъ своихъ оль никогда не могъ имѣть, по чистой совѣсти, оправданія для себя въ

чемъ-либо такомъ, что могло вызвать больше выговора мнѣ по службѣ, а онъ, съ большой жестокостью, увлекся до исключенія меня изъ числа инструкторовъ, наравнѣ съ тѣми двумя офицерами, изъ коихъ, на глазахъ у всѣхъ, одинъ проявилъ большое и упорное нерадѣніе по службѣ, а другой даже недобросовѣстное отношеніе къ служебному долгу и къ казенному имуществу.

— Будучи всѣми засвидѣтельствованнымъ пристрастіемъ «генерала» поставленъ на одну доску съ этими двумя лицами, я не выдержалъ и, послѣ долгаго, настойчиваго, но оказавшагося тщетнымъ исканія суда и правды въ своемъ мелкомъ дѣлѣ, вызвавшемъ такія опозорившія меня послѣдствія, — при прощаніи съ генераломъ сорвался фразой, въ которой крайне запальчиво, почти не помня себя, порекомендовалъ ему твердо помнить, что я не желаю срамить дорогое каждому изъ насъ званіе русскаго офицера и лишь потому щажу его, генерала, здѣсь, на глазахъ освобожденныхъ нами братьевъ и въ ихъ странѣ, а въ Россіи, при первой же встрѣчѣ, я сумѣю свести съ нимъ счеты; пусть онъ знаетъ это и считаетъ меня въ долгу.

— Не собирався я метить лично за себя, — говорилъ Снолатбогъ: — дороги мнѣ были и принципы и честь оскорбленнаго въ моемъ лицѣ штабъ-офицера; сказанныя генералу въ присутствіи другихъ русскихъ офицеровъ слова всегда я считалъ съ своей стороны преступными и не разъ приходилъ къ тому заключенію, что напрасно не далъ себѣ труда твердо сдержаться.

«Впослѣдствіи же на родинѣ я, дошедши въ душѣ до полнаго раскаянія въ произнесеніи тѣхъ словъ, поражался, когда при встрѣчахъ съ тѣмъ генераломъ имѣлъ неприятность видѣть, какъ онъ, блѣднѣя и дрожа отъ страха, старался, нисколько не стѣняясь присутствіемъ другихъ, отъ меня не только спѣшно уходить или попросту убѣгать, но даже прятаться. Только тогда довелось мнѣ понять, какого сорта былъ этотъ врагъ и какимъ избыткомъ малодушія, ему присущаго, былъ вызванъ несправедливый по отношенію ко мнѣ поступокъ, немало поломавшій мою и безъ того не особенно счастливую карьеру, которою я, однако, дорожилъ и былъ въ то время счастливъ. Весь начальникъ тотъ, съ головы до ногъ, не стоилъ никакого вниманія; онъ лишь умѣлъ показать въ своихъ дѣйствіяхъ товаръ лицомъ. Все въ немъ было напускное, фальшивое, и большинство офицеровъ, служившихъ дорогой родинѣ и царю дѣломъ подготовки молодой братской арміи въ отвоеванномъ краѣ, сходилось въ томъ убѣжденіи, что не такого слабого въ дѣлахъ справедливости и доблести представителя имъ нужно было передъ лицомъ воспитывавшагося ими въ духѣ воинскаго благородства молодого поколѣнія братушекъ — офицеровъ и солдатъ.

«Такъ думалось намъ тогда.

«Впослѣдствіи я, по-христіански, забылъ этому генералу все сдѣланное имъ мнѣ зло; мало того, я тщательно много разъ пересмотрѣлъ всѣ свои записки съ тѣмъ, чтобы нигдѣ не проскользнуло имя этого генерала; пусть знаютъ его только тѣ офицеры, коимъ довелось быть невольными свидѣтелями моихъ несчастій и тогда же видѣть, отъ кого эти мои невзгоды произошли; я не хочу, — говорить Сполатбогъ въ своей пространной запискѣ, — предавать имя этого генерала, тѣмъ болѣе, что и за нимъ, быть можетъ, имѣются большія заслуги, дающія ему право на полученіе такой пощады, какой мнѣ онъ не нашелъ нужнымъ дать, хотя не могъ не вѣдать, что онъ творилъ, когда чинилъ надо мной Шемякинъ судъ.

«Такъ думается мнѣ теперь.

«Совершенно расходясь съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые, разбирая заслуги этого генерала, приписывали ихъ другимъ, — именно тѣмъ, коихъ руками онъ будто бы загребалъ жаръ, — я всегда повторю то, на чемъ стоялъ въ горячихъ спорахъ съ товарищами о томъ, что отдавать справедливость заслугамъ каждаго, даже и врага, нашъ святой долгъ. Но съ тѣмъ вмѣстѣ я никогда не замолчу того, что такіе слабые, бездушные люди, какимъ представился этотъ человѣкъ, безжалостно потоптавшій все, имѣвшее даже малѣйшій намекъ на безпристрастіе, — такіе люди неспособны понимать и чувствовать, что большая легкость прощенія ихъ вины не засчитывается въ заслугу ни имъ, ни ихъ чести. Вѣда въ томъ, что на русской службѣ онъ находился, да не былъ въ полномъ смыслѣ слова русскій, чистый человѣкъ».

Эта выдержка изъ записокъ, которыя Н. Н. Сполатбогъ велъ, — очевидно, въ минуты просвѣтлѣнія, — позднѣе, въ ту пору, когда онъ въ послѣдніе мѣсяцы своей жизни находился на излеченіи въ одной изъ кіевскихъ больницъ для душевно-больныхъ и нервно-разстроенныхъ людей, много обрисовываетъ и опредѣляетъ черты его характера и благородство его натуры.

Возвратясь въ Россію отщепленнымъ отъ состава товарищей, оставшихся при счастьи продолжать свою плодотворную дѣятельность на пользу братскаго народа, освобожденнаго волею великаго царя, — Сполатбогъ пережилъ много тяжелыхъ дней угнетеннаго состоянія и Богъ знаетъ, до чего дошелъ бы, если бы опять не пришелъ ему на выручку тотъ же М. Д. Скобелевъ, ставшій его добрымъ геніемъ.

Но объ этомъ впереди.

Х.

Сватовство Н. Н. Сполатбога въ Болгаріи.—Отъѣздъ его въ Петербургъ.—Генераль-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ.—Пріѣздъ невѣсты въ столицу.—Посѣщеніе Д. И. Скобелева (отца).—Телеграмма М. Д. Скобелева (сына).—Хлопоты о вѣнчаніи во время поста.—А. А. Боголюбовъ, К. П. Побѣдоносцевъ.—Митрополитъ Исидоръ, о. В. Б. Баженовъ, о. Менчицъ, священникъ Сергіевскаго всей артиллеріи собора; кончина его.

Во время своей службы въ болгарскомъ ополченіи майоръ Сполатбогъ, посѣщая во время служебныхъ досуговъ семью одного хорошаго, добраго, довольно зажиточнаго болгарина-патріота, задумалъ жениться на его единственной дочери, очень развитой, быстроглазой, жизнерадостной дѣвушкѣ. Родители сначала дали обѣщаніе поступить въ этомъ такъ, какъ пожелаетъ сама безумно любимая ими Фроса. Но мать, не желая разстаться съ любимымъ, единственнымъ дѣтищемъ, выставляла массу различныхъ причинъ, которыми, видимо, старалась склонить дѣвушку, если не къ отказу, то къ проволочкѣ дѣла, въ томъ расчетѣ, чтобы оставленіе ею родительскаго дома затянулось и дальнѣйшій ходъ всего затормозился.

Прежде всего мать находила, что такъ какъ дѣвушкѣ едва исполнилось пятнадцать лѣтъ, то нечего и думать о скоромъ рѣшеніи этого вопроса въ положительную сторону; затѣмъ добрая женщина прямо и просто высказывала, что не вынесетъ разлуки со своимъ ребенкомъ. Женихъ возражалъ, что видитъ въ краѣ обычай выдавать замужъ не только пятнадцати, но и тринадцатилѣтнихъ дѣвушекъ; далѣе онъ говорилъ, что разлуки не предстоитъ, такъ какъ онъ служить въ Болгаріи, объ оставленіи службы не думаетъ, будетъ себѣ жить съ Фросой возлѣ родителей, стараясь, на радость имъ, устроить ея счастье. На это мать отвѣчала очень горячо, что не желаетъ и не признаетъ возможнымъ допускать глупости, которая поддерживаются и допускаются въ другихъ семьяхъ; она уже видѣла много браковъ, коихъ несчастье обусловливалось именно тѣмъ, что они были ранніе.

— Относительно же разлуки развѣ вы вольны?—говорила она:— Великій бѣлый царь, какъ послалъ васъ сюда на наше счастье, такъ можетъ признать, что довольно вы здѣсь уже потрудились и отзоветъ васъ всѣхъ; развѣ вы скажете хоть одно слово противъ его приказа; грѣхъ былъ бы великій, вы должны точно исполнять его волю, а потому уѣдете «на Руссію та», нашу Фросу возьмете съ собой, а мы здѣсь на кого останемся?

Затѣмъ слѣдовали нескончаемыя слезы; на нихъ разговоръ прекращался. Когда Сполатбогъ возобновлялъ его, со стороны матери неизмѣнно получались тѣ же отвѣты; но съ теченіемъ времени заботливая обожавшая свое дѣтище женщина перестала дѣ-

латъ свои возраженія, у нея такъ наболѣло на сердцѣ, что на всѣ просьбы, требованія, уговариванія и доводы она отвѣчала лишь слезами и просьбой «асамъ гурката» (пожалѣйте меня, пожалуйста).

Дѣвушка, видимо, хотѣла бы со своей стороны настаивать на уступкахъ для окончанія дѣла, но и не подумала дать хоть малѣйшій намекъ на то, что она могла бы пойти противъ желанія матери, которая съ безконечной любовью вырастила ее въ тяжелой жизни во время самаго разгара жестокаго ига, давившаго страну. Отецъ—суровый воинъ, раньше времени состарившійся въ бояхъ и стычкахъ, вѣчно отбиваясь отъ нападавшихъ черкесовъ и башкибузуконъ, какъ будто не принималъ участія въ этомъ, вдругъ съ неба свалившемся, семейномъ эпизодѣ; онъ думалъ совсѣмъ другую думу, онъ ждалъ, когда-то и какъ окончится святое дѣло, задуманное царемъ-Освободителемъ, и всѣ его помыслы, всѣ чувства была заняты лишь желаніемъ и ожиданіемъ скорѣйшаго, благополучнаго окончанія этого дѣла; онъ думалъ о женѣ, о дочери, вообще о семьѣ лишь настолько, насколько семья эта выглядывала для него изъ-за другой, громадной семьи—родины¹⁾.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, опасенія матери, хотя и не въ полной точности, сбылись скорѣе, чѣмъ она могла предполагать; будущему зятю, котораго ее дочь любила до безумія, а потому и она успѣла полюбить, какъ сына,—пришлось скоро дожить до того, что надо было оставить насиженное въ странѣ освобожденныхъ братушекъ дѣло, пришлось уѣзжать «на Руссію та».

Съ большой твердостью и крайне серьезно взялся за это дѣло самъ Сполатбогъ; онъ видѣлъ, что отъѣздомъ, вызваннымъ громадной непріятностью, причиненной ему, обусловливалось лишеніе средствъ, а это вызвало необходимость заняться устройствомъ своей судьбы; понадобится много времени, энергій, силъ и усиленныхъ хлопотъ; все можно было сдѣлать лишь на свободѣ, не втягивая въ это дѣло дѣвушку и оставляя до поры, до времени ее судьбу совершенно отдѣленною отъ него; только установивши и опредѣливши свое дальнѣйшее служебное положеніе, можно было подуматъ о рѣшеніи положенія жизненнаго и семейнаго.

Въ отвѣтъ на раздиравшія душу слезы и мольбы, съ которыми пришла къ нему мать, прослышавшая о происшедшемъ, Сполатбогъ прямо серьезно объяснилъ ей, что рѣшаетъ ѣхать въ Россію одинъ и, когда все приведетъ къ порядку, тогда или немедленно пріѣдетъ самъ въ Тырновъ, или попроситъ ихъ пріѣхать къ нему въ Россію; а до тѣхъ поръ все оставляетъ неизмѣннымъ. Для матери это рѣшеніе вышло до такой степени неожиданнымъ, что она долго

¹⁾ Какъ ясно слова эти рисуютъ теперешнее положеніе братушекъ, призванныхъ тогда царемъ-Освободителемъ къ кипучей жизни, имъ, очевидно, предопредѣленной!

не только не хотѣла, но и не могла вѣрить въ дѣйствительность происшедшаго; она была счастлива тѣмъ, что срокъ разлуки съ дочерью откладывался на неопредѣленное время.

Въ назначенный день съ грустью, съ тяжелыми чувствами уѣхалъ майоръ на родину; при разлукѣ въ первый разъ довелось ему увидѣть горькія слезы, которыя тихо проливали не дрогнувшая до послѣдняго момента умная, сердечная и твердая Фроста.

По приѣздѣ въ Петербургъ пошли у Сполатбога представленія самому разнообразному начальству; вездѣ хотѣлось ему объяснить свое положеніе и доказать свою правоту; хотѣлось не проронить обвиненія противъ кого бы то ни было, но не всегда это удавалось. Нѣкоторые изъ выслушивавшихъ его лицъ находили его правымъ, другія виновнымъ, третьи, находя его правымъ, не менѣе правымъ признавали и «генерала», обрушившагося на него всею своею силою, суетно работавшею изъ-за мелкаго желанія, во что бы то ни стало, сломить волю и сорвать карьеру маленькаго дружиннаго командира, осмѣливагося имѣть свое сужденіе и твердо его держаться.

Выбиваясь вездѣ изъ силъ, волнуясь, горячась, онъ имѣлъ лишь нѣкоторое утѣшеніе выслушать безусловное оправданіе своихъ дѣйствій со стороны бывшего прямого начальника своего, генераль-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова.

Почтенный генераль, какъ извѣстно, раньше, т. е. тотчасъ по заключеніи Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, занималъ постъ генеральнаго комиссара Болгаріи и игралъ роль государева намѣстника; онъ вводилъ управленіе молодой страной и учреждалъ армію.

Несмотря на громадную массу серьезныхъ занятій и дѣлъ по проведенію въ странѣ царскихъ начертаній, онъ, этотъ старый опытный кавказецъ, умѣлъ соединять въ себѣ дѣятельность гражданскую съ военной; онъ слѣдилъ за образованіемъ учредительнаго собранія, за установленіемъ гражданскихъ властей, не пропускавая мельчайшихъ подробностей всего касавшагося юной арміи.

Когда Сполатбогъ представился ему въ Петербургѣ, онъ встрѣтилъ его ласково, какъ стараго знакомаго, котораго старательная, энергичная и плодотворная дѣятельность по службѣ на поприщѣ устроенія арміи братушекъ была ему вполне извѣстна.

Выслушавъ его, онъ изумился.

— Что сдѣлалось съ генераломъ, — говорилъ онъ: — это на него вовсе не похоже; видно, изнервничался онъ на своемъ посту; вѣдь я его знаю хорошо и никогда не повѣрилъ бы, что онъ могъ все это продѣлать, если бы не выслушалъ разсказа о немъ отъ васъ и не видѣлъ бы документовъ, ясно говорившихъ за правоту вашихъ дѣйствій. Я напишу ему и передамъ вамъ письмо, въ которомъ по-

прошу его сдѣлать то, о чемъ вы его просили и что является совершенно справедливымъ, т. е. дать вамъ возможность оправдаться судомъ.

Сполатбогъ былъ безконечно благодаренъ справедливому, разумному и великодушному начальнику, но въ волненіи не сразу сообразилъ, что изъ этого не выйдетъ ничего, такъ какъ онъ уже не былъ подчиненъ «генералу» и судить его въ Болгаріи никоимъ образомъ не могли; ему надо было просить содѣйствія князя къ опредѣленію его на какую-либо военную должность въ предѣлахъ Россіи. Упустивъ это, онъ уже не рѣшался, совѣстился вторично беспокоить крайне занятого князя. Съ другой стороны, князь могъ искать содѣйствія, быть можетъ, только черезъ тѣхъ лицъ, кои, въ сущности, не имѣли ничего общаго съ нимъ во взглядахъ на всю исторію столкновенія Сполатбога.

Вообще, вся неприглядность этого дѣла угнетала майора; онъ всегда зналъ и понималъ, что, разъ потерявъ свое положеніе, нелегко возстановить его; теперь пришлось ему это самое съ горечью почувствовать на своемъ дѣлѣ; бывали дни, часы и минуты, когда онъ предавался полному отчаянію, при чемъ не могъ отдѣлаться отъ него, несмотря на то, что самъ себя укорялъ въ малодушіи. Поддержкой ему служили лишь чувства его къ юному, чистому созданию, съ которымъ онъ стремился и надѣялся соединить свою судьбу.

Вдругъ среди мрака тяжелаго угнетенія сверкнулъ для него лучъ свѣта: дѣвушка, занявшая всѣ его мысли и все его существо, почувствовала, поняла изъ писемъ безысходность его положенія и, уговоривши мать свою ѣхать къ нему, на далекій, холодный сѣверъ, неожиданно появилась въ непривѣтливой столицѣ великой «Руссіи».

Можно себѣ представить, какъ обрадовался этому появленію измученный Николай Николаевичъ и какъ оно ободрило его.

Видя радость его и счастье своей ненаглядной Фросы, которая въ Петербургѣ какъ бы ожила и переродилась, мать дала обѣщаніе больше не разстраиваться самой и не нервить другихъ; рѣшено было безъ промедленія повѣнчаться, зажить семейною жизнью и тогда спокойно продолжать тѣ хлопоты, успѣху которыхъ неопредѣленность семейнаго положенія, безъ сомнѣнія, должна была также служить непреодолимой помѣхой.

Суета помѣшала всѣмъ отдать себѣ отчетъ въ томъ, что уже наступилъ Рождественскій постъ и что съ вѣнчаніемъ придется обождать больше шести недѣль. Потужили немного и поневолѣ рѣшили назначить днемъ свадьбы 8-е января.

Черезъ нѣсколько времени послѣ своего прїѣзда въ Петербургъ Н. Н. Сполатбогъ узналъ, что М. Д. Скобелевъ прїѣзжалъ въ столицу и что уѣхалъ лишь за нѣсколько дней до его прїѣзда. Онъ послѣшилъ разыскать его отца Дмитрія Ивановича, былъ имъ принятъ ласково, при чемъ узналъ лишь, что сынъ вновь прїѣдетъ не скоро.

Узнавъ адресъ Бѣлаго генерала, Н. Н. написалъ ему длинное письмо, въ которомъ изложилъ все случившееся съ нимъ на службѣ въ Болгаріи. Радость прибытія невѣсты омрачилась тѣмъ, что отъ М. Д. не приходилъ отвѣтъ; грусть объ этомъ по временамъ смѣнялась сожалѣніемъ о своей рѣшимости написать; Сполатбогу часто приходило на умъ, что не слѣдовало тревожить М. Д. своимъ дѣломъ оно, навѣрное, ему показалось мелкимъ, мизернымъ...

Велика же была радость, когда въ ночь на день своихъ именинъ, онъ получилъ отъ М. Д. телеграмму:

«Увѣренъ, что не поддаетесь, остаетесь твердымъ; дѣло ничего не стоитъ, еще меньше стоитъ начальникъ, такъ легко губящій заслуженныхъ подчиненныхъ; приготовляйтесь прибыть ко мнѣ по первому зову; тронемся вмѣстѣ въ походъ. Скобелевъ».

Не утерпѣлъ Николай Николаевичъ, и снова отправился къ Дмитрію Ивановичу, причемъ показалъ ему телеграмму:

— Ну, вотъ, Миша ужъ и трезвонить,—сказалъ старикъ:—еще только разговоръ одинъ идетъ о назначеніи его командующимъ, если будетъ рѣшена новая экспедиція въ Текинскій край, а онъ уже разглашаетъ.

Затѣмъ добрый старецъ самъ, видимо, не утерпѣлъ и рассказалъ обо всѣхъ назрѣвшихъ предположеніяхъ.

Оказалось, что,—какъ въ послѣдствіи сообщалъ въ своей книжкѣ лѣтописецъ ахаль-текинской экспедиціи и дѣяній Скобелева, молодой инженеръ А. Н. Масловъ¹⁾,—осенью 1879 г., во время прїѣзда М. Д. Скобелева въ Петербургъ, государь самъ поднялъ вопросъ о необходимости снаряженія въ 1880-мъ году новой экспедиціи, которая покрыла бы неудачи похода генерала Ломакина, принявшаго отрядъ послѣ смерти генераль-адъютанта Лазарева. Узнавъ объ отказѣ Тергукасова отъ командованія отрядомъ, государь намѣтилъ назначеніе М. Д. Какъ только Бѣлый генераль узналъ объ этомъ полуофициально, онъ тотчасъ же горячо «принялся ковать желѣзо»; дѣятельную работу надъ этимъ важнымъ дѣломъ и самыя разнообразныя приготовленія, соображенія, распоряженія онъ началъ задолго до выхода высочайшаго приказа объ его назначеніи; вотъ почему онъ, безъ всякаго стѣсненія, рассылая по телеграфу вызовы, приглашенія разнымъ лицамъ, которыхъ исподволь подбиралъ себѣ въ составъ служащихъ и отъ которыхъ, въ дѣлѣ под-

¹⁾ См. его «Завоеваніе Ахаль-Теке», 2-ое изд. 1887 г., изд. А. С. Суворина.

готовки, надѣялся получить энергичное содѣйствіе; многихъ онъ сразу намѣтилъ и, рѣшивъ ихъ призвать, увѣдомилъ объ этомъ; въ числѣ такихъ лицъ состояли между прочимъ генеральнаго штаба полковникъ Гродековъ, продѣлавшій походъ съ Ломакимымъ, старшій адъютантъ штаба скобелевской дивизіи Баранокъ, адъютантъ Ушаковъ, майоръ Сполатбогъ и другіе, изъ труда которыхъ онъ разсчитывалъ извлечь возможно бѣльшую пользу.

Ни одной минуты Сполатбогъ не задумался надъ тѣмъ, чтобы остановиться дать или не дать свое согласіе; объ этомъ не могло быть ни рѣчи, ни мысли; онъ прямо предложеніе Михаила Дмитриевича счелъ для себя за рѣшеніе немедленно собраться и тотчасъ же пуститься въ путь, куда бы ни призвалъ Михаилъ Дмитриевичъ.

Начавшіяся усиленныя и, безъ сомнѣнія, суетливыя приготовленія къ свадьбѣ, днемъ которой былъ назначенъ день 8-го января, оборвались полученною отъ Бѣлаго генерала телеграммой; отсрочка до 8-го января не могла быть допущена; пришлось поневолѣ столкнуться съ положеніемъ невозможнымъ къ исполненію: выѣхать непременно надо было до Рождества, а между тѣмъ наступившій постъ снова выступилъ, какъ досадное препятствіе къ совершенію вѣнчанія.

Разговорамъ и размышленіямъ не было конца; чтобы не послѣдовало какого бы то ни было разстройства въ предпринятомъ дѣлѣ соединенія ихъ судьбы, женихъ и невѣста раньше рѣшили во что бы то ни стало принять мѣры къ скорѣйшему принятію вѣнца, поэтому и послѣдовали у нихъ одно за другимъ рѣшенія—вѣнчаться немедленно, вѣнчаться скоро, вѣнчаться послѣ окончанія рождественскихъ праздниковъ:—все это рухнуло, и, что предстояло предпринять, никто не могъ себѣ этого представить.

Мать, какъ будто бы умышленно, воздерживалась отъ выраженія какихъ бы то ни было предложеній къ разрѣшенію вопроса; женихъ, если и не колебался, то и твердо на что-либо рѣшающемся въ началѣ не казался; все какъ будто затихло, замерло. Скоро, однако, невѣста начала ясно настаивать на томъ, чтобы женихъ бросилъ все, кромѣ энергичныхъ приготовленій, и выѣхалъ бы немедленно, какъ того требовалъ и желалъ Бѣлый генералъ, призывавшій къ боевой службѣ.

— Что дѣлать,—говорила она:—если Богъ рѣшитъ сохранить тебя въ бояхъ, успѣемъ составить свое счастье послѣ твоего возвращенія изъ труднаго похода, а если нѣтъ,—значить, не судьба, исполненіе же долга выше всего.

Такъ говорила дѣвушка, выросшая среди невзгодъ вѣчно боевого положенія на родинѣ и привыкшая знать, что достиженіе счастья возможно лишь при полнѣйшей точности въ дѣлѣ самаго добросовѣстнаго исполненія святого долга передъ отечествомъ.

Самсонъ Георгіевичъ Аленичъ.

Мать вторила дочери; но не долгъ службы жениха ставила она на первый планъ; со дня принятія рѣшенія покориться силѣ обстоятельствъ, не давая воли своей нервности и открыть просторъ спокойному теченію событій, которыя, по словамъ окружающихъ, должны были привести къ устройству счастья ея дочери, — она нѣтъ-нѣтъ, да всплакнетъ горько наединѣ, тщательно стараясь скрыть отъ всѣхъ проявленіе такой слабости; а тутъ материнское

«истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

5

чувство находило успокоеніе въ предвидѣннїи возможности дальнѣйшаго, по отъѣздѣ жениха, продолженія совмѣстной жизни съ дочерью; это порождало въ ней радость эгоизма, и она, не отдавая себѣ хорошо отчета во всемъ, готова была успокоиться на такой радости.

Не такъ сложилось рѣшеніе этого вопроса у самого Н. Н. Сполатбота. При помощи своихъ друзей и товарищей онъ немедленно началъ энергичныя хлопоты о невозможномъ, а именно о томъ, чтобы ему было дано разрѣшеніе, не взирая на постъ, повѣнчаться. Въ кружкѣ прїятелей рѣшено было обратиться съ просьбой по этому трудному дѣлу къ оберъ-прокурору святѣйшаго синода Константину Петровичу Побѣдоносцеву.

Навелъ на эту мысль полковникъ генеральнаго штаба Алексѣй Андреевичъ Боголюбовъ, очень способный офицеръ, подававшій въ свое время большія надежды. Окончивъ курсъ въ Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ, онъ съ 1868 года служилъ на Кавказѣ въ гренадерской великаго князя Михаила Николаевича артиллерійской бригадѣ, а въ 1872 году перешелъ на службу въ Варшаву въ третью батарею гвардейской конной артиллеріи; въ 1876 году онъ съ отличіемъ окончилъ курсъ академіи генеральнаго штаба; затѣмъ, командуя во время войны 1877 года въ чинѣ подполковника батальономъ Подольскаго, драгомировской дивизіи, полка, былъ тяжело раненъ на Шипкѣ; пуля, пущенная съ горы св. Николая, попала ему въ правый бокъ и, пролетѣвъ насквозь, вышла изъ лѣваго, при чемъ задѣла спинной хребетъ съ внутренней стороны.

Перевезенный съ Шипки въ Габрово, онъ пролежалъ тамъ сравнительно долго въ параличѣ; только голова его оставалась совершенно свѣжею и здоровою. Года черезъ два онъ поправился настолько, что началъ ѣздить верхомъ, поднимался по лѣстницѣ, немало ходилъ и опредѣлился на службу въ должность начальника таможеннаго округа на Кавказѣ. Исцѣленіемъ своимъ онъ былъ всецѣло обязанъ сестрѣ милосердія Н. А. Энгельгардтъ, которая съ рѣдкимъ самоотверженіемъ положила душу свою и отдала всѣ силы дѣлу ухода за молодымъ штабъ-офицеромъ; она, какъ онъ говорилъ, выходила его и спасла.

Первымъ дѣломъ его по возвращеніи въ Россію было жениться на ней; свадьба состоялась лѣтомъ 1879 года, при чемъ родная сестра ея, Екатерина Александровна Побѣдоносцева, была посаженою матерью ея жениха.

А. А. Боголюбовъ въ занятой имъ на Кавказѣ должности, проживъ нѣсколько лѣтъ, скончался совершенно независимо отъ раны, — его сразилъ пятнистый тифъ.

Хотя вообще К. П. Побѣдоносцевъ, этотъ серьезный государственный человѣкъ, считался въ достаточной степени доступнымъ, но, несомнѣнно, дружескія отношенія съ Боголюбовымъ дали Сполатбogu болѣе легкій доступъ къ этому рулю въ направленіи теченія жизни и службы святѣйшаго синода.

Хорошо изучивъ характеръ, нравъ и обычаи Константина Петровича, Боголюбовъ съ твердостью посовѣтовалъ не обращаться къ нему по этому дѣлу съ просьбой, а лишь попросить у него на этотъ счетъ совѣта и спросить, какъ можно вообще столь затруднительное дѣло разрѣшить и можно ли надѣяться его разрѣшить успѣшно.

Выслушавъ все съ большимъ вниманіемъ, К. П. спросилъ: «Нельзя ли обойтись безъ такого важнаго нарушенія правилъ церкви православной? Не лучше ли,—сказалъ онъ,—воспользоваться въ высшей степени благоразумнымъ совѣтомъ невѣсты-болгарки и поступить согласно этому мудрому совѣту?»

— Несомнѣнно, что если Господь захочетъ помочь вамъ въ этомъ дѣлѣ, то сохранить васъ и дать вамъ возможность вернуться; тогда вы получите все къ тому, чтобы приступить къ устройству своей судьбы и судьбы этой умной дѣвушки, такъ свѣтло смотрящей въ глаза будущему,—вамъ не понадобится ломать принятые нашею церковью обычаи, нарушать законы и обходить постановленія, которыхъ она вообще старается строго держаться.

— Я твердо рѣшилъ сдѣлать этотъ шагъ до своего отъѣзда въ скобелевскій военный походъ,—отвѣтилъ Сполатбогъ:—конечно, дѣвушка, невѣста моя, во всякомъ случаѣ останется вѣрною нашему соглашенію, но если мнѣ суждено не вернуться,—я буду болѣе спокоенъ и спокойно умру, зная, что наши взаимныя чувства скрѣплены тою же святою церковью, о правилахъ которой вы говорите и которую я почитаю...

Эти и подобные разговоры происходили ежедневно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Болѣе всего дѣйствовалъ на К. П. Боголюбовъ; К. П. вѣлъ разговоръ въ мягкой, иногда полшутливой формѣ, но, казалось, не было видно вѣроятности уступокъ съ его стороны; къ тому же дѣло это онъ все же принималъ, не какъ обращеніе за совѣтомъ, а какъ просьбу дать формально какой-либо исходъ.

Въ концѣ концовъ К. П., пересылая свои рѣчи нескончаемыми разъясненіями того, что онъ въ подобномъ дѣлѣ вовсе не компетентенъ, а еще менѣе властенъ, посовѣтовалъ съѣздить къ митрополиту Исидору и прямо его попросить дѣло это, такъ или иначе, «благословить къ доброму исходу», если это окажется возможнымъ.

На поставленный Боголюбовымъ прямо вопросъ, позволяетъ ли К. П. сослаться на него, онъ отвѣтилъ, что рекомендуетъ сдѣлать такъ, какъ обстоятельства дѣла покажутъ.

— Вѣдь надо,—сказалъ онъ, какъ бы стараясь выставить свою прямоту,—добиться достиженія цѣли, которую вы задались, тре-

буется доведеніе дѣла до вполне удовлетворительнаго результата; вѣдь не затѣмъ вы поѣдете, чтобы завѣдомо вернуться ни съ чѣмъ; поэтому попробуйте сначала обратиться также за совѣтомъ, а если увидите малую податливость митрополита или колебаніе съ его стороны, то скажите ему, что спрашивали моего совѣта и я направилъ васъ къ нему за совѣтомъ же».

Нельзя сказать, чтобы владыка Исидоръ встрѣтилъ вполне благодушно и дружелюбно прибывшихъ къ нему въ довольно поздній вечерній часъ неожиданныхъ гостей-просителей. Сполатбогъ какъ бы игнорировалъ сдержанность благоразумныхъ товарищей, взявшихся сопровождать его въ поѣздкѣ, вызванной такими непривычными обстоятельствами и создавшейся при такой странной обстановкѣ; онъ очень много волновался, горячился и нервничалъ. Все это было причиной того, что когда, при первой встрѣчѣ, митрополитчій «служка» объявилъ, что владыка въ такіе часы не принимаетъ, Сполатбогъ пробовалъ спокойно заговорить о томъ, нельзя ли все-таки доложить о нихъ; они должны передать очень важное дѣло; но не долго выдержалъ онъ этотъ тонъ и на повторенный служкой отказъ тутъ же, совершенно не помня себя, выболталъ, что пріѣхали, молъ, мы всѣ отъ оберъ-прокурора. Это, должно быть, подвинуло служку отважиться доложить.

Просители были приняты митрополитомъ, быть можетъ, и не вслѣдствіе этого указанія, но, по всеѣмъ вѣроятіямъ, именно оно было главной причиной недружелюбія со стороны владыки. Потомъ самъ Сполатбогъ говорилъ, что, какъ рѣшительно неопытный въ дѣлахъ сношенія съ высшими духовными лицами, онъ въ отвѣтъ на благословеніе, данное ему владыкой, просто пожалъ его руку, чего не можетъ себѣ простить; а затѣмъ, какъ опытности не набравшійся, онъ и послѣ этого, приписывая неудачу мелочамъ, прибавлялъ: «оттого и все не удалось».

Выслушавъ совершенно спокойно рассказъ одного изъ прибывшихъ, митрополитъ сухо спросилъ:

— Чего же вы отъ меня въ этомъ дѣлѣ ожидаете?

— Можетъ быть, ваше преосвященство разрѣшите одному изъ священниковъ вашей паствы повѣнчать меня во время текущаго поста,— нетерпѣливо вставилъ или, попросту сказать, сболтнулъ Сполатбогъ.

— То-есть какъ это разрѣшите; развѣ у васъ уже есть на примѣтѣ одинъ изъ священниковъ, которому я могъ бы разрѣшить сдѣлать это?—спросилъ владыка не безъ ядовитости.

— Нѣтъ, у насъ такого священника нѣтъ, но вы можете разрѣшить...

— Попробовали ли вы сначала поговорить о такомъ дѣлѣ въ средѣ духовенства? Знаете ли вы, что ни одинъ изъ священниковъ не рѣшится пойти на такое дѣло, хотя бы я и взялъ на себя ему это поручить или, какъ вы выражаетесь, разрѣшить?

— Мы не были ни у одного священника и вообще съ духовными лицами объ этомъ говорить намъ еще не пришлось,—заговорилъ одинъ изъ товарищей:—но, ѣхавши къ вашему высокопреосвященству, мы надѣялись, что вы благословите насъ выслушать отъ васъ такой совѣтъ, который вывелъ бы изъ затруднительнаго положенія нашего товарища; этому товарищу необходимо теперь же устроить свое семейное дѣло и ѣхать къ исполненію долга на полѣ брани совершенно свободнымъ отъ этой мірской заботы...

— Какой вамъ совѣтъ?—почти перебилъ владыка:—Весь совѣтъ все тотъ же: твердо во всемъ держаться религіи, вѣры и указаній православной нашей церкви, а потому не думать о такихъ не-суразностяхъ и не затѣвать ихъ ни подъ какимъ видомъ; экое дѣло придумали,—развѣ это возможно!...

— Что же придумали?! Насъ не осудилъ за это оберъ-прокуроръ святѣйшаго синода, онъ и далъ совѣтъ просить вашего рѣшенія,—вдругъ совершенно недержанно и почти запальчиво бухнулъ Сполатбогъ, поддавшись громадному волненію, одолѣвшему его.

Видя все неприличіе принятаго тона съ высокой особой уважаемаго архипастыря, товарищи встали, дабы прекратить разговоръ и оставить владыку, не тревожить его больше.

— Оберъ-прокуроръ,—сказалъ въ раздумьи митрополитъ, не вставая съ дивана:—вотъ вы не подумали поговорить съ духовенствомъ, а прямо пошли въ бесѣду съ оберъ-прокуроромъ; да что тутъ оберъ-прокуроръ можетъ сдѣлать или хотя бы посовѣтовать? Какой тутъ совѣтъ? Вотъ вамъ еще совѣтъ, выслушайте его: какъ вамъ не стыдно беспокоить начальство такими неподходящими дѣлами; вы должны бы знать, что за всякою прихотью нельзя идти по верхамъ; вѣдь вы хотите не только нарушенія законовъ и установленной обрядности, но требуете и забвенія святой вѣры нашей.

Владыка всталъ, каждаго молча благословилъ и направился, насколько можно скоро, въ свои внутренніе покои.

Такъ эта добрая компанія и отошла отъ владыки далеко не съ миромъ.

К. П. Побѣдоносцевъ, видимо, съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ ожидавшій ихъ возвращенія, не измѣнивъ ни одной черты лица своего, выслушалъ весь отъ слова до слова переданный ему А. А. Боголюбовымъ разговоръ, происшедшій у митрополита, и сказалъ:

— Да, онъ такой, ни на іоту не поддастся ни въ чемъ ни при какихъ обстоятельствахъ; не даромъ онъ считается столпомъ, твердымъ устоемъ нашей церкви; я только не думалъ, что онъ будетъ съ вами такъ рѣзокъ; вѣдь все же для него вы представляли собой овецъ его обширной паствы, а онъ являлся для васъ пастыремъ добрымъ... Ну, что дѣлать, больше ужъ ничего и сдѣлать нельзя; я не могу придумать ничего, кромѣ того, что и сначала сказалъ:

надо послушать мудраго совѣта невѣсты, на томъ и рѣшить; поѣзжайте съ Богомъ къ безшабашному Скобелеву, воюйте тамъ храбро, какъ полагается, а объ ухахъ Гименея подумаете по возвращеніи; дай Богъ вамъ успѣха; больше горя было бы, если бы невѣста не понимала этого; а съ такой болгарской, богатой военными доблестями дѣвушкой все дѣло ваше представляеть собой полбѣды.

Не оставилъ, однако, этого дѣла Сполатбогъ и продолжалъ со своими товарищами выискивать возможность завершить его такъ, какъ оно было имъ намѣчено тотчасъ по полученіи телеграммы Скобелева.

Больше всего онъ помнилъ, что дѣло это не можетъ длиться; оно должно быть окончено въ теченіе двухъ, самое большое трехъ дней; поэтому, посовѣтовавшись коротко съ друзьями и выслушавъ отъ нихъ разныя предложенія и предположенія, онъ въ тотъ же вечеръ слеталъ къ какому-то морского вѣдомства (флотскому) священнику отцу К., который, какъ говорили, никому не отказывалъ ни при какихъ обстоятельствахъ въ услугѣ повѣнчать. Къ сожалѣнію, Сполатбогъ не засталъ его, а на дому у него сказали, будто бы онъ только что началъ отбывать при одномъ изъ монастырей «покаяніе» за незаконное повѣнчаніе какого-то моряка, женившася такимъ образомъ на женѣ своего родного брата при жизни послѣдняго.

Затѣмъ, на общемъ совѣтѣ друзей было рѣшено отправиться къ протопресвитеру Бажанову, главному священнику гвардіи и арміи. Онъ не былъ подчиненъ митрополиту и потому, разсуждали друзья, могъ дать какое-либо самостоятельное рѣшеніе ¹⁾.

Семидесятидевятилѣтній старецъ принялъ прибывшихъ къ нему ласково и любезно, но съ первыхъ же словъ объяснилъ, что дѣло это невозможное; въ дальнѣйшей бесѣдѣ, однако, онъ смягчился, вошелъ въ положеніе воина, отъѣзжавшаго на поле брани, и сказалъ: «Врядъ ли кто-либо изъ священниковъ возьмется сдѣлать это; кромѣ большой отвѣтственности, вѣдь въ этомъ самъ по себѣ таится грѣхъ большой противъ церкви нашей православной; я вполне понимаю ваше положеніе и радъ бы вамъ помочь совѣтомъ, да ничего

¹⁾ Протопресвитеръ Василій Борисовичъ Бажановъ, управляя придворнымъ духовенствомъ, занималъ постъ главнаго священника гвардіи, арміи и гренадеръ, а съ тѣмъ вмѣстѣ состоялъ духовникомъ ихъ императорскихъ величествъ и царской семьи; это былъ высокообразованный человѣкъ; по окончаніи курса ученія въ петербургской духовной академіи онъ былъ оставленъ бакалавромъ, преподавателемъ англійскаго языка; родился онъ въ 1800 году, скончался 31-го іюля 1883 года, накануне пятидесятилѣтняго юбилея своей плодотворной службы; онъ былъ инициаторомъ и главнымъ участникомъ перевода евангелія на русскій языкъ. Авт.

не подѣлаешь; приказать или поручить, или разрѣшить я никакъ не могу, объ этомъ и слова нѣтъ...»

— Ужъ какъ-нибудь надумайте, ваше высокопреосвященство, — возвеличилъ его Сполатбогъ, все время пребывавшій въ нетерпѣливомъ желаніи, во что бы ни то ни стало, добиться благополучнаго разрѣшенія наболѣвшаго вопроса:—какъ-нибудь изыщите путь...

Василій Борисовичъ, углубившись въ свои мысли, какъ будто бы не слышалъ просьбъ и моленій, расточавшихся болѣзненно разстроеннымъ человѣкомъ, заладившимъ одно и не видѣвшимъ передъ собой ничего, кромѣ этого.

Нѣсколько минутъ казалось, что старикъ заснулъ надъ своими мыслями. Вдругъ онъ широко раскрылъ свои глаза, потухшій взоръ его просвѣтлѣлъ, и онъ произнесъ:

— Одно могу я вамъ сказать: въ Сергіевскомъ всей артиллеріи соборѣ имѣется молодой священникъ отецъ Менчицъ; онъ поступилъ изъ униатовъ; можетъ быть, поэтому ему было бы сподручнѣе это сдѣлать; идите къ нему, живетъ онъ недалеко—на углу этой улицы ¹⁾ и Литейнаго проспекта. Идите, спросите; но если укажете, что пришли отъ меня, все дѣло испортите, униаты мнительный народъ: онъ можетъ подумать, что я дѣлаю ему какое-нибудь испытаніе.

Отправившись къ нему, застали его дома, но—онъ боленъ и лежитъ въ постели,—сказалъ случайно или не случайно оказавшійся въ квартирѣ его молодой причетникъ или понамаръ.

— Пожалуйста, доложите, что на одну минуту пришли два офицера по дѣлу, по очень важному дѣлу, долго не задержимъ,—подступилъ къ нему вкрадчиво Сполатбогъ.

— Нельзя, очень крѣпко боленъ, не могу и доложить...

Вышла пожилая женщина. Выслушала.

— Видите ли, господа, батюшка очень нездоровъ, раньше, какъ черезъ недѣлю, ихъ тревожить нельзя...

— Попробуйте, матушка,—настаивалъ Сполатбогъ:—пожалуйста, доложите, спросите, вѣдь на минуту, только два слова сказать...

Старушка усердоболилась, подалась, пошла доложить.

Войдя въ спальню больного, оба посѣтителя пожалѣли о своей настойчивости: передъ ними лежалъ, разметавши свою постель, больной, изможденный, глубокой старикъ...

— Извините,—сказалъ товарищъ Сполатбога—мы, вѣрно, не туда попали; мы хотѣли видѣть молодого священника Сергіевского собора отца Менчица.

— Да, да, это я; а что вы говорите «молодого», такъ у насъ принято называть молодымъ «новаго»,—я недавно сюда опредѣленъ,—

¹⁾ Въ то время В. П. Бажановъ жилъ на Сергіевской улицѣ, въ небольшомъ одноэтажномъ казенномъ деревянномъ особнякѣ.

глухимъ, дребезжающимъ голосомъ произнесъ старикъ съ большою разстановкой, которую, очевидно, вызывала одышка.

— Нѣтъ, ужъ мы не будемъ васъ беспокоить, лучше въ другой разъ...

— Ничего, ничего, ужъ зашли, нечего дѣлать,—проговорилъ онъ, силясь приподнять голову съ низко лежавшей подушки.

— Почему же не будемъ?—сказалъ съ большимъ азартомъ Сполатбогъ, какъ бы спохватившись:—и [какой другой разъ...

— Да вѣдь батюшкѣ же нельзя, ты видишь, какъ онъ слабъ, гдѣ же ему...

— А, можетъ быть, онъ найдетъ другого, посоветуетъ, укажетъ, къ кому обратиться,—безжалостно продолжалъ свою настойчивость Сполатбогъ...

— Въ чемъ же могу быть полезнымъ, господа? Скажите.

Наскоро разсказавъ все дѣло, офицеры видѣли, какъ отецъ Менчицъ, изображая ужасъ на своемъ исхудаломъ лицѣ, болѣе и болѣе опускался въ подушку и закрывалъ свои старческіе, глубоко сидѣвшіе глаза.

— Что это вы, господа, какъ это можно; вѣдь я старикъ, мнѣ семьдесятъ восемь лѣтъ минуло, я вѣдь одной ногой уже стою въ гробу; какъ же я, сдѣлавъ такое дѣло, предсталъ бы передъ Всевышнимъ, который меня уже призываетъ къ себѣ; Боже сохрани и избави; «невозможное» дѣло затѣяли вы, господа,—сквозь силу едва произнесъ старецъ.

Сполатбогъ думалъ было все-таки спросить его, не укажетъ ли онъ, къ кому можно обратиться, но товарищъ его, извинившись передъ старцемъ, попросилъ его благословенія, пожелалъ ему скорѣе поправиться и, попрощавшись, направился вмѣстѣ съ послѣдовавшимъ, помимо своей воли, за нимъ къ выходу женихомъ, измученнымъ неудачами, постигавшими ихъ въ теченіе дня всюду. Изъ передней страшные гости послали добрую женщину къ старцу-священнику, который впалъ, повидимому, въ глубокое забытѣе, близкое къ обмороку.

Въ ночь на понедѣльникъ, т.-е. ровно черезъ трое сутокъ послѣ этого и часа черезъ четыре послѣ-таки состоявшагося вѣнчанія Сполатбога, почтенный старецъ отецъ Менчицъ тихо скончался, а въ четвергъ, въ день отъѣзда Сполатбога изъ Петербурга въ первую ахаль-текинскую экспедицію, къ Михаилу Дмитриевичу Скобелеву, состоялись похороны старца.

Поневолѣ вспомнишь:

«Мертвый мирно въ гробѣ спи, жизнью пользуйся живущій».

XI.

Случайная встрѣча Сполатбога съ С. Н. Меллеромъ-Закомельскимъ; какъ онъ помогъ бѣдѣ.—Кавалергардскаго полка священникъ А. А. Желобовскій; вѣнчаніе въ посту; болгарскіе друзья Сполатбога—Кисяковъ и Пановъ.—Позорное поведеніе Александра Баттенбергскаго; гибель Панова при стамбуловскомъ режимѣ.

Такъ окончился второй день хлопотъ о дѣлѣ, которое начало принимать видъ злополучной неудачи; женихъ уже терялся, больно было смотрѣть на него. Въ тотъ же день, въ пятницу вечеромъ, онъ встрѣтился съ однимъ старымъ знакомымъ, полковникомъ барономъ Сергѣемъ Николаевичемъ Меллеромъ-Закомельскимъ, котораго отецъ, генераль-адъютантъ, довольно долго былъ начальникомъ Сполатбога, командуя въ Варшавѣ третьей гвардейской пѣхотной дивизіей.

Флигель-адъютантъ С. Н. Меллеръ-Закомельскій, другъ, товарищъ и соратникъ М. Д. Скобелева, за ужиномъ въ модномъ ресторанѣ Палкина поразилъ всѣхъ совѣтомъ обратиться къ священнику Кавалергардскаго полка отцу А. А. Желобовскому; онъ будто бы возьмется повѣнчать; при этомъ Меллеръ добавилъ:

— Не ради выгоды, а изъ участія къ положенію твоему; это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова; ужъ если онъ не возьмется, то не ищи, не найдешь никого и тогда безъ дальнѣйшихъ хлопотъ поѣзжай въ Ахаль-теке невѣнчаннымъ; шуточное ли дѣло: отъ Миши двѣ телеграммы! Надо, братъ, скорѣй уѣзжать—торопись

— Откуда ты знаешь, Сережа, объ Желобовскомъ, кто тебѣ сказалъ; вѣдь это похоже на сказку, или ты шутишь?—началь нервно допрашивать Сполатбогъ.

— Знаю все; сегодня уже поздно, а завтра, чѣмъ свѣтъ, поѣзжай, и участь твоя рѣшится; завтра же, или, самое позднее, послѣзавтра, свадьбу сыграешь, меня зови въ число шаферовъ; повѣнчаетъ, а деньги, которыя возьметъ съ тебя, употребить на бѣдныхъ; ужъ это всѣ знаютъ тверже твердаго.

Съ большимъ недоумѣніемъ слушали присутствовавшіе все это.

Каково же было общее удивленіе, когда на другой день почтенный отецъ Желобовскій, выслушавъ всю исторію, безъ разговоровъ изъявилъ согласіе повѣнчать «хоть сейчасъ», и поставилъ лишь одно условіе къ исполненію: не въ церкви Кавалергардскаго полка и не въ какой либо приходской церкви.

— Найдите какую-нибудь частную, домовую церковь, укажите мнѣ ее, тогда я самъ переговорю со священникомъ и отвѣнчаю; не услужить нельзя, дѣло такое.

На вопросъ Сполатбога о томъ, что будетъ необходимо заплатить, отецъ Желобовскій отвѣтилъ:

— Это ваше дѣло, не мое, — сами подумайте, сами и рѣшите.

— А если я не могу дать болѣе ста рублей? — нерѣшительно спросилъ Сполатбогъ.

— Сто рублей большія деньги, — отвѣтилъ онъ: — если можете ихъ заплатить, заплатите, но только если дѣйствительно можете; вамъ вѣдь теперь въ походъ-то деньги нужны. А Скобелеву отъ меня поклонъ свезите, онъ ко мнѣ всякій разъ обязательно заѣзжаетъ, когда бываетъ въ Петербургъ; я, говоритъ, началъ военную службу подъ сѣнью вашего храма, юнкеромъ въ Кавалергардскомъ полку. Ну, торопитесь, времени-то немного, мѣшкать нельзя, поищите храмъ да вашъ адресъ запишите мнѣ на особую записочку, мало ли на что можетъ понадобится, дамъ вамъ знать; а свадьбу, имѣйте въ виду, по возможности, назначить на завтра — воскресенье; изъ документовъ, главное, представьте, что не женаты и что она не замужняя, чтобы не случилось завѣдомаго двоебрачія, а остальное прочее все послѣ передадите мнѣ.

Весь день Сполатбогъ и товарищи его просновали по Петербургу въ розыскахъ церкви, которая могла бы принять къ себѣ пару, «ищущую счастья».

Когда они къ пяти часамъ съѣхались на квартиру Сполатбога, въ Парижскую гостиницу, то застали на его имя записку, въ которой отецъ Желобовскій извѣщалъ, что церковь имъ благополучно найдена — церковь во дворцѣ графа Шереметева по Фонтанкѣ. «Больше вамъ не о чемъ хлопотать, пріѣзжайте ко мнѣ, — писалъ онъ далѣе: — условимся обо всемъ остальномъ».

Въ воскресенье 14-го декабря, къ 6^{1/2} часамъ вечера, въ освѣщенную а гогно церковь дома графа Шереметева съѣхалось нѣсколько человекъ, и отецъ Желобовскій совершилъ вѣнчаніе Сполатбога, который назначилъ свой выѣздъ на кавказскій берегъ Каспійскаго моря въ четвергъ 18-го декабря.

Маленькая задержка, происшедшая въ минуту, назначенную для вѣнчанія, произвела на жениха самое отчаянное впечатлѣніе: тотъ самый пріятель, который такъ хорошо разрубилъ безнадежный узелъ, С. Н. Меллеръ-Закомельскій, не явился въ качествѣ шафера и явиться не могъ, о чемъ, съ получасовымъ опозданіемъ, была получена отъ него записка. Не будь Сполатбогъ уже рѣшительно разстроенъ нервами, онъ взглянулъ бы на это совершенно просто, но, при его состояніи духа, это на него подѣйствовало удручающе. Очень скоро, однако, вызванное его нервностью смятеніе прошло, и все устроилось: отецъ Желобовскій объяснилъ, что роль шафера не возбраняется исполнять и женатому человѣку, поэтому находившійся въ церкви въ числѣ немногихъ приглашенныхъ А. А. Боголюбовъ замѣнилъ Меллера, и дѣло сладилось,

а такъ какъ онъ не могъ стоять, то шаферъ невѣсты держалъ два вѣнца ¹⁾.

«Посажеными родителями», какъ выражался П. Н. Сполатбогъ, были баронесса и баронъ Д—ны. Къ вѣнцу вѣнчанія подъѣхали неизвѣстно почему зачоздавше гости: находившійся на болгарской службѣ нашъ полковникъ Кисяковъ (уроженецъ Болгаріи) и молодой болгаринъ, временно проживавшій въ столицѣ и проходившій тогда курсъ академіи генеральнаго штаба, капитанъ Пановъ.

Кисяковъ, отбывъ кампанію 1877—8 гг., вмѣстѣ съ другими нашими офицерами въ «столѣтовскомъ» болгарскомъ ополченіи, удостоенъ былъ нѣсколькихъ наградъ за боевыя отличія, а послѣ кампаніи такъ же, какъ Сполатбогъ, въ качествѣ инструктора молодой болгарской арміи, былъ назначенъ командиромъ одной изъ дружинъ и прокомандовалъ ею до тѣхъ поръ, пока императоръ Александръ III не счелъ нужнымъ въ 1886 году отозвать изъ Болгаріи нашихъ офицеровъ въ наказаніе Александру Баттенбергскому, занимавшему тогда, по милости Царя-Освободителя, болгарскій княжескій престолъ. Этотъ князь, оказавшійся полуидіотомъ ²⁾, пренебрегъ, по наущенію враговъ Россіи, вниманіемъ царя и въ поведеніи своемъ проявилъ неслыханно-дерзкое противорѣчіе всему тому, что, согласно волѣ государя, долженъ былъ въ точности исполнить.

Впослѣдствіи онъ почувствовалъ весь позоръ своего положенія; онъ понималъ, что оказался игрушкой въ рукахъ тѣхъ враговъ и куклой въ глазахъ своихъ подданныхъ; позднее раскаяніе его не привело ни къ чему; онъ поселился въ Австріи и, поступивъ тамъ на службу въ кавалерію, женился, при чемъ наружно старался выказывать себя составившимъ свое счастье, котораго, въ сущности, никакъ не могъ до самой смерти своей обрѣсть, ибо его душило, мучило и угнетало презрѣніе, окружавшее его; имъ дарили

¹⁾ Протопресвитеръ Александръ Алексѣевичъ Желобовскій много лѣтъ состоялъ священникомъ Кавалергардскаго полка и настоятелемъ полковой Захарія и Елизаветы церкви. Въ 1880 году онъ получилъ повышеніе, будучи переведенъ старшимъ священникомъ въ Сергіевскій всей артиллеріи соборъ, а въ 1883 году занялъ мѣсто В. Б. Бажанова; на этомъ мѣстѣ онъ пробылъ въ энергичной работѣ на пользу церкви, а также военнаго и морского духовенства—26 лѣтъ. Съ высокою образованностью онъ соединялъ благородство души и истинно-христіанскую готовность всегда каждому прийти въ серьезномъ дѣлѣ на помощь, каждаго поддержать; онъ славился, какъ человѣкъ, умѣвшій все примирить и во всякой бѣдѣ найти успокоеніе и самое высокое утѣшеніе. Описанный случай ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ; матеріально онъ всегда широко поддерживалъ бѣдныхъ и дѣлалъ это, совершенно не выставляя и не показывая на видъ. Онъ скончался въ концѣ 1909 года; у свѣжей могилы его еще недавно было со всѣхъ сторонъ высказано о немъ очень много такого, что подтверждало отзывъ барона С. Н. Меллера-Закомельскаго, коротко сказавшаго: «это человѣкъ въ полномъ смыслѣ слова».

Авт.

²⁾ Случайная замѣтка: когда кто-то сказалъ про него въ присутствіи Драгомирова: «Это полуидіотъ»,—М. И., со свойственной ему шутиливостью, возразилъ: «Что это ты, другъ мой, и въ этомъ скуписься отдать ему полный чинъ!»

его всё честные люди, видѣвшіе и знавшіе, при какихъ обстоятельствахъ онъ втерся въ довѣріе великодушнаго монарха и съ какой беззабѣнчивой наглостью обманулъ какъ это высокое довѣріе, такъ и горячія надежды народа, который въ минуты обновленія своей жизни тщетно искалъ въ немъ благородной защиты и честной поддержки.

А между тѣмъ къ устроению своей жизни юная страна была призвана мощнымъ словомъ облагодѣтельствовавшаго ее царя.

Откомандовавъ послѣ 1886 года полкомъ въ Россіи, Кисяковъ умеръ въ чинѣ генерала-майора, занимая должность бригаднаго командира въ одной изъ пѣхотныхъ дивизій.

Пановъ же, блестяще начавъ свою военную службу въ Болгаріи, явился однимъ изъ славныхъ, наиболѣе храбрыхъ и способныхъ участниковъ печальной памяти сербско-болгарской войны; онъ быстро поднялся въ чинахъ и въ должностяхъ, но скоро карьера его была пресѣчена преждевременной насильственной смертью. Онъ былъ другомъ Н. Н. Сполатбога и находился въ постоянной перепискѣ съ нимъ. Какъ болѣе знавшій русскую жизнь и еще на школьной скамьѣ изучившій всю доведенную до утонченности фальшивость вѣчно жидовствующихъ кадетъ, онъ явился для болгарскаго деспота Стамбулова бѣльмомъ на глазу, а потому палъ одною изъ первыхъ жертвъ его предательскаго режима. Вслѣдствіе отданнаго лично Стамбуловымъ приказа во что бы то ни стало арестовать его при первомъ же случаѣ нахождения въ какой-либо толпѣ или въ сборищѣ услужливые клеветы не замедлили воспользоваться этимъ приказомъ; они захватили Панова въ ту минуту, когда онъ, какъ очень много занимавшійся вообще распространеніемъ военно-научнаго образованія между офицерами молодой болгарской арміи, читалъ въ одинъ изъ вечеровъ въ Руцукѣ лекцію при полномъ собраніи офицеровъ руцукскаго гарнизона. Онъ былъ тогда вооруженъ лишь карандашами, циркулемъ, линейкой и планами, по коимъ преподавалъ своей аудиторіи обратное изъ Россіи движеніе наполеоновской арміи черезъ Смоленскую губернію и Березину. Никто не думалъ, что этотъ захватъ лектора послужитъ къ его гибели, погубить его; однако, немедленно «преданный только суду безсовѣстности Стамбулова», онъ былъ обвиненъ въ вооруженномъ сопротивленіи и въ ту же ночь казненъ въ тѣхъ самыхъ рavelинахъ, надъ болѣе совершеннымъ укрѣпленіемъ и вооруженіемъ которыхъ въ то время работалъ на пользу родины по порученію болгарскаго военнаго министерства, получившаго на этотъ предметъ подробныя, поучительнаго характера указанія отъ нашего правительства.

Такъ этотъ молодой, блестящій офицеръ, учитель и наставникъ юной арміи братушекъ, былъ Стамбуловымъ разстрѣлянъ въ Руцукѣ вмѣстѣ съ шестью другими патріотами, коихъ, какъ и его, вся вина заключалась въ томъ, что они оставались твердыми въ са-

мой вѣрной приверженности и признательности своей освободительницѣ Россіи и ея великому царю.

Память этихъ семи мучениковъ, подвергнутыхъ казни извергомъ, Болгарія такъ же вѣрно чтить, какъ помнитъ то, что негодяй этотъ получилъ свое образованіе и всю закваску своихъ вѣроломныхъ убѣжденій въ средѣ русскихъ жидо-кадетъ, тайно практиковавшихъ уже тогда все то, что впоследствии они не разъ пытались развернуть и чуть не сдѣлали открыто исповѣдываемымъ на Руси и свободно творимымъ.

ХІІ.

Отношенія офицеровъ къ Сполатбогу.—Маленькое приключеніе съ нимъ въ варшавскомъ магазинѣ.—Служба его при Скобелевѣ въ Закаспійскомъ краѣ во время и послѣ взятія Геокъ-тепе.—Опять князь Дондуковъ-Корсаковъ.—Переводъ на Кавказъ.—Командованіе стрѣлковымъ батальономъ въ Мервѣ.—Административная служба Сполатбога.—Его чрезвычайная энергія.—Взглядъ Скобелева на него, какъ на боевого офицера.—Кончина его.

Съ молодыхъ лѣтъ, еще будучи юнкеромъ Кексгольмскаго гренадерскаго императора австрійскаго полка, а затѣмъ прапорщикомъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка, Н. Н. Сполатбогъ былъ хорошо извѣстенъ между офицерами не только гарнизона гор. Варшавы, но и войскъ варшавскаго военнаго округа, и пользовался общеою любовью, какъ веселый, открытый, жизнерадостный, доброжелательный, честный и остроумный человѣкъ.

Одинъ старый уланскаго полка штабъ-офицеръ нѣмецкаго происхожденія, плохо говорившій по-русски, изопряясь въ пустынькихъ островахъ (вицахъ), коверкалъ его фамилію и, въ сущности, не придавая этому никакого значенія, говорилъ: «вотъ какая странная фамилія—«помилуй Богъ», «Господи помилуй»; никто, кромѣ самого хохотавшаго остряка, не смѣялся на эту его острогу, но это дало поводъ другимъ варьировать измѣненіе фамиліи на разные лады и, если нѣкоторые, очевидно, изъ недруговъ носителя ея, полусути, называли его за глаза «избави Богъ», то громадное большинство всегда и вездѣ совершенно искренно говорило: подай, Боже.

Здѣсь будетъ кстати рассказать объ одномъ эпизодѣ, который случился съ нимъ въ первые годы его службы.

Въ тѣ времена между русскими, служившими въ Варшавѣ, завелось обыкновеніе—обзаводиться лавочками или небольшими магазинами, въ которыхъ дамы ихъ сердца сидѣли, ведя, для развлеченія, а отчасти и для увеличенія средствъ къ жизни, торговлю. Такъ, князь Им—ій, молодой, блестящій полковникъ генеральнаго штаба, учредилъ на главной улицѣ—Новый Свѣтъ—табачную лавочку и подарилъ ее прехорошенькому розанчику, изъ мѣстныхъ

сульфидъ—«Юзѣ», которая съ распушенной густой косой, отропченной буквально до пятокъ, сидѣла въ своей лавочкѣ, привлекая въ нее молодыхъ ухаживателей изъ числа блестящихъ гвардейскихъ офицеровъ мѣстнаго гарнизона.

Военный инженеръ Г. открылъ на той же улицѣ очень хорошій магазинъ косметическихъ товаровъ; въ немъ принялась торговать его жена, молодая, красивая, изящная брюнетка-москвичка. Однажды въ этотъ магазинъ зашли три юныхъ офицера; одинъ изъ нихъ спросилъ себѣ два куска мыла мѣстной, славящейся, кажется, и понынѣ своимъ производствомъ фабрики Пульса, а затѣмъ сказалъ:

— И дайте мнѣ кстати какихъ-нибудь духовъ.

— Какихъ же вамъ духовъ?—спросила красавица.

— Все равно, какихъ-нибудь, только модныхъ,—отвѣтилъ онъ, быть можетъ, приглядываясь къ ней болѣе, чѣмъ было нужно и можно.

— Я не знаю, какіе модные, вы потрудитесь сказать, какихъ вы желали бы,—не то запальчиво, не то сконфуженно отвѣтила она.

— Кисъ ми квикъ ¹⁾),—вдругъ произнесъ офицеръ, слыша под-сказыванье хихикавшихъ товарищей; при этомъ всѣ трое, совершенно невинно, разсмѣялись.

— Если вы пришли въ магазинъ покупать, то покупайте, а если хотите заниматься вышучиваньемъ, такъ лучше уйдите,—въ смущеніи рѣзко сказала дама, выказывая тѣмъ, что сидѣнье за торговлей является для нея дѣломъ непривычнымъ.

— Ого,—сказалъ офицеръ:—вы насъ выпроваживаете, а имѣете ли право на то?

— Прошу васъ сказать мнѣ вашу фамилію, я передамъ мужу о вашихъ неумѣстныхъ продѣлкахъ...—начала было она, уже совершенно растерявшись.

— Очень жаль будетъ, если вы дойдете до того, что рѣшитесь такъ подводить вашего супруга; не знаю, будетъ ли это умѣстно,—а фамилія моя Сполатбогъ.

— Ну, ужъ это совсѣмъ глупо,—сорвалась она, не представляя себѣ, что такая фамилія встрѣчается:—я прошу васъ серьезно отвѣтить на вопросъ, какъ ваша фамилія, и лишнихъ шутокъ себѣ не позволять...

— Какъ вамъ угодно, я же, съ своей стороны, прошу васъ передать вашему супругу вотъ эту мою визитную карточку, онъ прочтетъ и увидитъ, какія это шутки.

Съ этими словами Сполатбогъ передалъ ей свою карточку, на которой было прописано его имя, отчество, фамилія, чинъ и мѣсто

¹⁾ «Kiss me quick»—по-англійски значить «поцѣлуй меня скорѣй»; такое названіе носятъ очень хорошіе, модные до сихъ поръ еще съ тѣхъ временъ духи; кажется, ни того ни другого значенія этой фразы Сполатбогъ не зналъ.

служенія; затѣмъ всѣ три офицера вышли изъ магазина, не дождав-
шись ни того ни другаго «кисъ ми квика».

Инженеръ Г., видимо, смутился выходкой своей жены; онъ на
другой же день утромъ пріѣхалъ къ Сполатбогу съ извиненіями.

— Помилуйте,—сказалъ Сполатбогъ:—вы напрасно беспокоились;
супруга ваша, видимо, чѣмъ-нибудь раздражилась, или вообще была не въ духѣ...

Съ тѣхъ поръ Сполатбогъ бывалъ въ домѣ этой пары, такъ какъ
на пріѣздъ Г. онъ считалъ долгомъ отвѣтить ему визитомъ.

Жена инженера капитана Г. оказалась очень милой, образован-
ной и свѣтской особой; она объяснила, что сама не понимаетъ
своей выходки и не можетъ уяснить себѣ, что съ ней случилось въ
тотъ день, когда она такъ рѣзко обошлась со своими ни въ чемъ не-
повинными покупателями.

Такъ составилось доброе знакомство, не прекратившееся за все
время пребыванія Сполатбога въ Варшавѣ, до самаго отъѣзда его
въ Ташкентъ.

Больше всего офицеры цѣнили въ немъ то, что, состоя въ чинѣ
прапорщика лейбъ-гвардіи Литовскаго полка и помѣщаясь въ
теченіе нѣсколькихъ лѣтъ въ квартирѣ родного дяди своего,
полкового командира генерала Каталея, онъ никогда не проявилъ
никакой безтактности, которая могла бы вызвать хотя бы тѣнь на-
мека на недоразумѣніе между командиромъ и офицерской средой;
а между тѣмъ въ ней молодой человѣкъ проводилъ цѣлые дни во
время службы и внѣслужебные часы.

Василій Васильевичъ Каталей—съ виду очень суровый хохоль;
честнѣйшій и справедливѣйшій человѣкъ и начальникъ. Въ концѣ
шестидесятихъ годовъ онъ командовалъ лейбъ-гвардіи Литов-
скимъ полкомъ, потомъ состоялъ въ должности начальника мѣст-
ныхъ войскъ петербургскаго военнаго округа, а по объявленіи моби-
лизации, 3-го ноября 1876 года былъ назначенъ начальникомъ тыла
дѣйствующей арміи, по особому выбору великаго князя главнокоман-
дующаго Николая Николаевича Старшаго; въ августѣ слѣдующаго
года, по такому же выбору, получилъ назначеніе командовать 3-ею
гвардейскою пѣхотною дивизіей. Геройски откомандовавъ ея въ
теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, онъ въ декабрѣ того года былъ
убитъ при переходѣ черезъ Малые Балканы ¹⁾.

---

¹⁾ Рассказываютъ, что на другой день послѣ очень лихого и горячаго дѣла, въ ко-
торомъ турки потеряли большой уронъ и были отгѣснены, генералъ Каталей, высту-
пивъ во главѣ подчиненныхъ ему частей войскъ, шелъ впереди всѣхъ верхомъ во главѣ
авангардной колонны, забывъ всякія предосторожности военнаго движенія.
Съ нимъ двигался бригадный командиръ той дивизіи—генералъ-майоръ Философовъ
(бывшій адъютантъ великаго князя Михаила Николаевича); онъ будто бы пытался на-

Одну мечту лелѣялъ Н. Н. Сполатбогъ: отбывъ скобелевскій походъ, съ честью возвратиться въ Петербургъ, а потомъ зажить семейною жизнью тамъ, куда судьба его пошлетъ; ему хотѣлось отдохнуть отъ тревоженій, которыхъ послала ему жизнь слишкомъ много; а затѣмъ, посвятить себя всецѣло семьѣ, всесторонне заняться ею. Но судьбѣ и тутъ угодно было распорядиться по отношенію къ нему иначе.

М. Д. Скобелевъ проводилъ въ началѣ 1880 года время въ отдахѣ разнообразнѣйшихъ распоряженій по дѣламъ энергичной подготовки къ предстоявшему грандіозному походу; онъ уже продвинулся на западный берегъ Каспія, когда къ нему явился Н. Н. Сполатбогъ.

М. Д. принялъ его очень дружелюбно.

— Спасибо вамъ за то, что вы съ такой готовностью и спѣшностью прилетѣли ко мнѣ,—сказалъ бѣлый генераль въ отвѣтъ на раздавшіяся со стороны майора извиненія въ томъ, что онъ не сразу могъ выбраться и промедлил нѣсколько дней со времени полученія приглашенія.

Когда М. Д. замѣтилъ ему, что явиться исправнѣе было бы не только трудно, но и невозможно, Н. Н. сказалъ, что не простить себѣ происшедшаго промедленія, при чемъ рассказалъ все происшедшее съ нимъ съ момента полученія первой телеграммы.

— Ну, слава Богу,—отвѣтили Бѣлый генераль:—у насъ теперь дѣло не такъ горитъ и имѣется запасное время до нашего передвиженія за Каспійское море и за Копетдагскія горы. Поэтому я васъ теперь же посылаю за пріобрѣтеніемъ разныхъ запасовъ; вамъ придется обратно проѣхать весь сдѣланный вами сюда путь, и вы доѣдете до самаго Петрограда; теперь немного здѣсь отдохнете и двинетесь, а пока разузнайте здѣсь, какія заготовленія требуютъ болѣе напряженнаго вниманія, а также болѣе большого времени.

— Видно было, что у Мих. Дм. давно явилась потребность командировать нѣсколькихъ человѣкъ,—говорилъ потомъ Сполатбогъ:—намѣреніе же отправить меня созрѣло въ ту минуту, когда я ему рассказалъ о своей свадьбѣ и о спѣшности, съ которою пришлось ее отпраздновать; это такъ; хотя вообще въ дѣлахъ семейнаго характера нѣжностей отъ него ждать было трудно. Изъ заготовленій врядъ ли можно остановиться на такихъ, которыхъ не требовалъ

помнить Каталею, что они опередили не только авангардъ, но и развѣды. Генераль Каталей ничего не отвѣтилъ, быть можетъ, потому, что онъ имѣлъ привычку такъ двигаться всегда. Въ то время, когда они, мирно бесѣдуя, входили въ темное ущелье, обрамленное крутыми скалами, сверху раздался залпъ; вмѣсто обоихъ генераловъ остались ихъ трупы; убитыми также оказались сопровождавшіе ихъ два трубача и тяжело ранеными три казака. Съ большимъ сожалѣніемъ можно сказать, что все это были совершенно напрасныя жертвы излишней и неблагоприятной храбрости начальника.

Авт.

М. Д. Всевозможные консервы, полушубки, валенки, овесъ, бочки для пороха, инструменты, кибитки, закупка верблюдовъ, лошадей, ремни, вьюки, вьючныя сѣдла, мѣшки для земли, теплыя рубашки, фуфайки и много, много другого самаго разнообразнаго.

Многое изъ этого было поручено одному Сполатбогу, кое-что и другимъ офицерамъ. Всѣ приказанія Скобелевъ вообще отдавалъ лично.

Когда Сполатбогъ представился ему черезъ двѣ недѣли, онъ, отправляя его, сказалъ:

— Побѣжайте и благополучно возвращайтесь, времени у васъ недѣль десять-двѣнадцать; я буду васъ освѣдомлять о себѣ, вы узнаете, когда я тронусь отсюда; надо приспособить ваше возвращеніе ко времени начала моего движенія къ Бами.

Возвратясь въ-время, Сполатбогъ принялъ, такимъ образомъ, участіе собственно въ двухъ ахаль-текинскихъ экспедиціяхъ: одна лѣтняя 1880 года, закончившаяся крупной, крайне рискованной рекогносцировкой, другая зимняя, увѣнчавшаяся полнымъ успѣхомъ взятія крѣпости Денгиль-тепе и покореніемъ ахаль-текинскаго оазиса Геокъ-тепе ¹⁾, названнаго Закаспійскимъ краемъ.

Какихъ только порученій, должностей, назначеній и командировокъ не исполнялъ Сполатбогъ въ теченіе этихъ двухъ походовъ.

Послѣ взятія Денгиль-тепе, какъ бы облеченный особымъ личнымъ довѣріемъ Скобелева, онъ былъ поставленъ къ разбору и разрѣшенію мірады жалобъ, посылавшихся изъ среды побѣжденных на своихъ и на побѣдителей. Скобелевъ поставилъ себѣ въ особую честь умиротворить населеніе.

— Только этотъ путь обѣщаетъ поставить насъ здѣсь совершенно прочно,—говорилъ онъ:—я это твердо изучилъ долгими сношеніями съ азіатами. Жалобы женщинъ и людей слабыхъ вообще должны быть разобраны, разъяснены; жалующіеся должны быть успокоены; для этого нужна твердость, повелительность и, главное, справедливость.

М. Д. прямо объявилъ, что, довѣряясь вполнѣ Сполатбогу, онъ рассчитываетъ черезъ него устроить особенно прочно судьбу массы вдовъ, оставшихся съ дѣтьми, а также судьбу сотенъ тысячъ раненыхъ, больныхъ и всѣхъ тѣхъ, кои вынуждены были бѣжать безъ имущества; ихъ надо вернуть, водворить, снабдить вещами изъ всего захваченнаго нами подъ видомъ скарба; имъ надо возвратитъ кибитки, часть скота и зерна, какъ кормового, такъ и посѣвнаго.

Разоружая населеніе, дабы оно явилось безопаснымъ для арміи, необходимо смотрѣть сквозь пальцы на оставленіе у него части оружія,—въ предѣлахъ лишь того, чтобы народъ, привыкшій носить

¹⁾ Между прочимъ А. И. Масловъ въ этомъ сочиненіи прямо указываетъ, что крѣпость, взятая 12-го января 1881 года, называлась Денгиль-тепе, а вся область—Геокъ-тепе.

оружіе, не испытывалъ чувства позора въ безоружномъ видѣ; возвращеніе ему, какъ бы невзначай, части отобраннаго оружія играетъ важную роль въ дѣлѣ сношенія съ азіатами,—оно показываетъ имъ то довѣріе, которымъ поддерживается уваженіе къ намъ: надо свободно давать восточному человѣку возможность вооружаться, при этомъ отнюдь не показывая какого бы то ни было слабаго чувства и не давая этому народу обнаружить въ насъ мысль о превосходствѣ его вооруженія передъ нашимъ, котораго у насъ всегда имѣется вдоволь усовершенствованнаго, надежнаго и превосходнаго. Безконечной массы такихъ и подобныхъ наставленій наслушался майоръ Сполатбогъ отъ М. Д.; а онъ могъ широко ими снабжать вслѣдствіе богатства опыта, набраннаго имъ при покореніи Кокана, Андижана, Маргелана, Ферганы, а также въ пройденныхъ имъ походахъ—хивинскомъ 1873 года и турецкомъ 1877—8 годовъ.

За особое отличіе въ дѣлѣхъ подъ Денгиль-тепе этотъ расторопный, живой, распорядительный и храбрый майоръ былъ, согласно личнаго представленія М. Д., произведенъ въ подполковники, затѣмъ получилъ широкую власть и большія полномочія. Самостоятельно распорядаясь во всемъ порученномъ ему, быстро рѣшая спорныя дѣла, иногда очень сложныя, и подводя ихъ разъ навсегда ко взаимному удовлетворенію спорящихъ и къ удовольствію обижаемыхъ, онъ имѣлъ въ свое время доступъ къ Бѣлому генералу, который, при всей массѣ дѣлъ, заботъ и хлопотъ, находилъ время выслушивать и самолично рѣшать дѣла, особо своею запутанностью выдававшіяся, или давать указанія по дѣламъ, взятымъ на выдержку въ тѣхъ случаяхъ, когда они, по ходу своему, могли требовать его особаго участія и отдѣльной санкціи.

Очень скоро Мих. Дм. Скобелевъ, присмотрѣвшись ко всему, что дѣлалъ, исполнялъ и какъ ему помогалъ Н. Н. Сполатбогъ, отличилъ его назначеніемъ ¹⁾ на должность уже совершенно самостоятельнаго начальника военно-народнаго управленія въ ближайшей къ Каспійскому морю и къ Кавказу части вновь завоеваннаго края.

---

¹⁾ См. А. Н. Маслова «Завоеваніе Ахаль-теке», изданіе (второе) А. С. Суворина 1887 года. Все изображенное у него (между прочимъ на страницахъ 193—195) вполнѣ сходится съ тѣмъ, что содержатъ на этотъ счетъ записки Н. Н. Сполатбога. Неизвѣстно только, почему талантливый писатель фамилію этого штабъ-офицера пишетъ «Сполатбокъ»; во всѣхъ документахъ она изображалась и изображается «Сполатбогъ», также и говоромъ при склоненіи показывается въ концѣ *гъ*, а не *къ*—Сполатбогъ, Сполатбогу, о Сполатбогѣ, Сполатбогомъ. Въ общемъ, можетъ быть, въ этомъ важно только указаніе писанія на случай опредѣленія правильности тѣхъ или иныхъ документовъ послѣдственныхъ. Я прекрасно помню, что у покойнаго была собрана небольшая бібліотека, въ которой онъ особо выдѣлялъ и цѣнилъ все касавшееся какъ Ахаль-теке, такъ и вообще скобелевской боевой жизни, скобелевскаго воеводства; онъ не разъ говорилъ мнѣ, что собирается попросить Алексѣя Николаевича Маслова исправить мелкую ошибку, неизвѣстно какъ вкравшуюся въ его сочиненіе. Авт.

Выбравъ его на эту должность, какъ человѣка разумнаго и въ высшей степени энергичнаго, Михаилъ Дмитриевичъ не ошибся въ своемъ выборѣ, о чемъ самъ не разъ говорилъ. Сполатбогъ блестяще исполнилъ трудное дѣло: ему удалось скоро привести все въ порядокъ послѣ разгрома, неизбежнаго при покореніи дикаго края, установить въ немъ отношенія между мѣстнымъ населеніемъ и нахлынувшимъ въ край чуждымъ элементомъ, а также урегулировать взаимныя отношенія въ средѣ самого населенія; прошло нѣсколько лѣтъ въ сложной, крайне утомительной работѣ. Производство въ полковники явилось для него наградой за эти труды.

Служебными успѣхами своими Сполатбогъ вскорѣ обратилъ на себя вниманіе генераль-адъютанта князя Александра Михайловича Дондукова-Корсакова, который въ тѣ времена былъ назначенъ на мѣсто великаго князя Михаила Николаевича въ должность по управленію Кавказомъ ¹⁾. Князь самъ, безъ постороннихъ ходатайствъ, лишь вспомянувъ прежнія заслуги полковника, призналъ нужнымъ, по уходѣ Скобелева, назначить этого штабъ-офицера въ Кутанскую губернію начальникомъ отдѣла въ Зугдидахъ; тамъ способности его были тоже примѣнены къ дѣлу съ рѣдкимъ успѣхомъ; населеніе сразу почувствовало въ своемъ начальникѣ ту силу, которая, направляя все и всѣхъ къ законности, упраздняетъ возможность какого бы то ни было посползновенія къ проявленію привычной разнузданности.

Но годы неустанной дѣятельности на окраинахъ, полныхъ безпокойнаго элемента въ населеніи, сломили его здоровье, надорвали его силы и въ конецъ разстроили его нервы; между прочимъ, кромѣ дававшей себя знать контузіи, этому много способствовала необходимость долгаго періодическаго проживанія въ разлукѣ съ горячо любимой семьей.

Онъ задумалъ уйти на покой и просилъ уволить его въ отставку; но вполнѣ оцѣнившій способности и энергію этого въ высшей степени дѣльнаго помощника своего князь Дондуковъ-Корсаковъ, очевидно, рѣшилъ оставаться до конца покровителемъ его; онъ далъ ему совѣтъ перемѣнить родъ дѣятельности, для этого нѣкоторое время отдохнуть, а затѣмъ посвятить себя службѣ въ войскахъ, при чемъ, какъ командующій войсками кавказскаго военнаго округа, предложилъ принять командованіе одною изъ подвѣдомственныхъ ему строевыхъ частей.

---

¹⁾ Въ то время должность намѣстника его императорскаго величества на Кавказѣ была упразднена и генераль-адъютантъ князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ замѣнилъ великаго князя Михаила Николаевича, при чемъ получилъ званіе главноначальствующаго и командующаго войсками на Кавказѣ. Ахаль-текинскій оазисъ, т. е. Закаспійскій край, въ первое время послѣ его завоеванія, былъ во всѣхъ отношеніяхъ подчиненъ кавказскому начальству.

Полковникъ Сполатбогъ согласился и, такимъ образомъ, скоро оказался командиромъ 7-го Закаспійскаго стрѣлковаго батальона, который былъ тогда расположенъ въ Мервѣ, только что незадолго передъ тѣмъ покоренномъ искусными боевыми дѣйствіями генерала Александра Виссаріоновича Комарова, а волею императора Александра III присоединенномъ къ нашимъ владѣніямъ.

Какъ извѣстно, Комаровъ своими подвигами надѣлалъ большого шума и поразилъ Европу, а главнымъ образомъ устрасилъ Англію. Но еще больше можно назвать въ этомъ дѣлѣ подвигомъ всеумудрое по поводу этой исторіи обращеніе государя съ завистниками Россіи и съ ея врагами того времени.

И вотъ Сполатбогу пришлось покомандовать отдѣльною частью, состоявшею въ боевой готовности и ожидавшею движенія въ боевой походъ «на Индію», какъ тогда говорили полушутя. Не больше года стоялъ во главѣ стрѣлковаго батальона достойный служака; проболѣвъ затѣмъ слѣдующій цѣлый годъ, онъ умеръ,—лѣтъ черезъ восемь послѣ ахалъ-текинской экспедиціи, на сорокъ второмъ году своей дѣятельной, полной боевыхъ и служебныхъ тревогъ жизни,—въ присутствіи нѣжно любившей его молодой, уже извѣдавшей много горя жены и малютокъ—двухъ сыновей.

Многіе, вспоминая Н. Н. Сполатбога, высказывали, между прочимъ, сожалѣніе о томъ, что этотъ дѣятельный администраторъ практиковалъ въ сильной мѣрѣ нагайку; ему ее ставили въ упрекъ. Самъ онъ объ этой своей слабости прямо высказывалъ:

— Здѣсь, на дикой окраинѣ, состоя на военномъ положеніи и дѣйствуя около дикаго народа, безъ этого инструмента никакъ нельзя обойтись; только въ немъ и помощь; лишь бы онъ прохаживался справедливо и крѣпко по спинамъ негодяевъ, заслуживающихъ его; я широко употребляю это руссійское издѣліе, но никогда не практикую его противъ мирнаго населенія,—оно у меня въ ходу только противъ тѣхъ, кто дерзаетъ безжалостно и безъ зазрѣнія совѣсти притѣснять, обманывать да грабить безпомощный, темный народъ; а ужъ на нихъ его дѣйствіе очень старательно упражняю тѣмъ болѣе, что противъ здѣшняго дикаго народа нагайку можно зачастую считать такимъ же дѣйствительнымъ средствомъ, какимъ въ другихъ краяхъ считается огнестрѣльное оружіе; вооруженная съ ногъ до головы толпа, поднявшая свирѣпый бунтъ гдѣ-нибудь на базарѣ, быстро разсѣивается, завидѣвъ десятокъ казаковъ, налетающихъ на нее съ нагайками; та же толпа не отступитъ передъ сотней казаковъ, открывающихъ по ней огонь: видъ пролитой крови озвѣряетъ ее, она, не думая ни о чемъ, остервенѣлая, очертѣвшая, лѣзетъ на смерть. Я такъ и смотрѣлъ,—говоритъ Н. Н. Сполатбогъ въ своихъ запискахъ:—что употреблять оружіе противъ мирныхъ

горцевъ значить губить ихъ иногда попусту; употребленіе же нагайки нерѣдко охраняло ихъ отъ гибели; тамъ, гдѣ одинъ выстрѣлъ могъ вызвать кровавое побоище и потерю въ людяхъ съ обѣихъ сторонъ, нагайка лишь разгоняла бушевавшихъ тупоумцевъ. Лица, хорошо изучившія кавказскую жизнь и кавказскіе нравы, знали, что для горца вообще является крайне тяжкимъ и страшнымъ чувство срама, наносимаго нагаечной расправой. Это я всегда помнилъ и, принявъ за правило не раздражать гусей, часто выходилъ въ вооруженную толпу въ шуртукъ не при оружіи, а при нагайкѣ; толпа видѣла, что убивать мнѣ было нечѣмъ, нагайкой же я задѣть могъ и потому, не желая подвергнуть себя сраму, смирялась,—разсказывалъ не разъ Сполатбогъ.

Сослуживцы и подчиненные Н. Н. Сполатбога говорили, что у него дѣло никогда не расходилось со словомъ; какъ онъ говорилъ, такъ и дѣлалъ; чего онъ держался на словахъ, то въ точности исполнялъ на дѣлѣ.

Народъ считалъ его въ высшей степени справедливымъ человѣкомъ и начальникомъ; при этомъ простые, хорошо знавшіе его люди добавляли: нагайкой исполосуешь безпремѣнно дрянного, негоднаго человѣка или какого ни есть бѣдному простому народу кровнаго обидчика; не даромъ по фамиліи онъ былъ «Сполатбогъ», онъ и дѣйствовать поровиль въ всемъ, какъ велитъ Богъ,—только «по-Божьему, бывало, и расправляется».

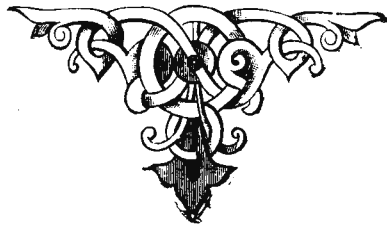
М. Д. Скобелевъ открыто одобрялъ въ немъ все это.

Онъ также цѣнилъ въ Сполатбогѣ необыкновенную способность къ языкамъ; кромѣ того, чему онъ научился на школьной скамьѣ, онъ за свою службу, по мѣрѣ перехода изъ одного края въ другой, изучилъ: во время стоянки въ Польшѣ польскій языкъ; будучи, какъ лучший офицеръ, командированъ отъ полка въ началѣ семидесятыхъ годовъ на полтора года въ учебный пѣхотный батальонъ въ Ораіенбаумъ, онъ тамъ, вращаясь среди мѣстныхъ крестьянъ при производствѣ военно-топографическихъ съемокъ, умудрился скоро научиться языку, быть можетъ, и ненужному въ общемъ, но оказавшему въ обиходѣ тогдашняго его служебнаго положенія немалую услугу и нерѣдко выручавшему изъ большого затрудненія: онъ сталъ понимать и совершенно свободно говорить по-чухонски; затѣмъ въ Туркестанѣ очень скоро сталъ свободно изъясняться по-туркменски; во время войны 1877—8 г. научился турецкому языку; по-болгарски говорилъ, какъ болгаринъ; въ Ахаль-теке скорѣе другихъ освоился съ мѣстнымъ текинскимъ нарѣчіемъ, а за время службы на Кавказѣ научился хорошо говорить по-грузински и по-армянски.

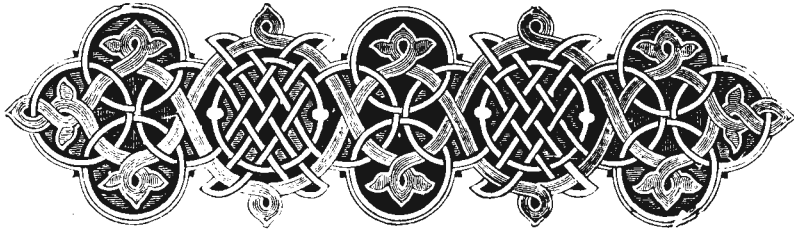
— Такой офицеръ во время военныхъ дѣйствій очень дорого цѣнится, въ особенности, если онъ къ тому же еще знающій дѣло, шустрый, выносливый и находчивый, какимъ всегда былъ Сполатбогъ,—нерѣдко говаривалъ Мих. Дм. Скобелевъ, вспоминая его

въ своихъ бесѣдахъ и отзывахъ о массѣ бывшихъ подчиненныхъ, которымъ неизмѣнно старался отдавать справедливость по личнымъ и служебнымъ достоинствамъ каждаго. Добавляю сообщеніе, переданное мнѣ на дняхъ однимъ изъ друзей Н. Н. Сполатбога, присутствовавшимъ случайно при его смерти. Находившейся все время при немъ въ минуты его кончины достойнѣйшей и горячо любимой имъ женой Н. Н. Сполатбогъ, находясь въ полной памяти, сказала: «умираю спокойно, потому что знаю, съ какимъ стараніемъ и съ какою твердостью ты изъ нашихъ малышей сдѣлаешь людей и царскихъ слугъ; да хранить тебя Богъ, вѣрую, что Онъ тебѣ поможетъ...» Съ этими словами онъ закрылъ навѣки полные слезъ глаза свои, а благородное сердце его перестало биться...

Е. К. Андреевскій.

СВОБОДА ДУХА¹⁾.

(Повѣсть).

XXII.

АСТУПИЛЪ мартъ 1814 года.

Пожеланіе Жозефа сбылось. У Вязьмитиновыхъ родился сынъ.

Объ этомъ событіи былъ извѣщенъ отецъ Клэръ. Въ одинъ прекрасный солнечный день, что большая рѣдкость въ Лондонѣ, пріѣхалъ капелланъ замка Сень-Дизье и привезъ церковныя книги.

— Принадлежащіе къ роду Сень-Дизье всегда бываютъ крещены въ капеллѣ замка,—сказалъ онъ.

Старый другъ Дизье, адвокатъ Дюпре, пріѣхавшій съ капелланомъ, подтвердилъ это.

Къ удивленію Клэръ, Борисъ не противился крещенію сына по католическому обряду.

— Вѣдь православнаго священника нѣтъ,—неопредѣленно сказалъ онъ.

Мальчика окрестили Леономъ, по-русски Львомъ.

Въ день его крещенія воротился изъ Петербурга Боклевскій. Онъ привезъ отъ тетушки письмо. Она сообщала, что мужъ ея, князь Эрастъ Григорьевичъ, скончался отъ ранъ, полученныхъ еще лѣтомъ прошлаго года подъ Смоленскомъ, когда двадцать языковъ еще шли на Москву. Весной тринадцатаго года онъ закончилъ свое земное странствованіе. Онъ оставилъ огромное состояніе, не столько

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 565.

деньгами, сколько крестьянами,—и такъ какъ онъ былъ бездѣтенъ, то многое досталось Борису.

«Пріѣзжай, Боренька, самъ, во всемъ разберешься,—писала она.—Пересылать деньги тебѣ неудобно, да и какъ это сдѣлать. Луканка говоритъ, что ты женился на французинкѣ, путаешь что-то, что она знатнаго рода и очень богата. Полагаю, что здѣсь побогаче есть невѣсты и пошли бы за тебя—даже кабы у тебя горбъ былъ, оттого, что кормилка тебя уронила въ младенчествѣ. Невѣсты любятъ богатыхъ. Коли увидишь своихъ въ Парижѣ—Авдѣю кланяйся, онъ при главной квартирѣ, либо штабѣ. Тебѣ онъ радъ будетъ».

Письмо это показало Борису, что такъ ли, иначе, а въ Петербургъ ему надо ѣхать. Но прежде всего слѣдуетъ повидаться съ дядей Авдѣемъ.

Союзники вступили въ Парижъ, и громадная армія расположилась въ городѣ, который сдался непріятелю безъ сопротивленія. По всему городу распозлились русскія войска и знаками стали объясняться съ французженками и французами. Казаки проявили не медля свои инстинкты, и покража куръ, гусей и овощей началась повсемѣтная. Это было сравнительно невиннымъ реваншемъ за то спустошеніе, которое внесли французы въ предѣлы Россіи.

Когда до Вязьмитинова дошелъ списокъ тѣхъ лицъ, которыя были во главѣ парижскаго управленія, онъ собрался ѣхать не медля. Тутъ были его старые полковые сослуживцы, съ которыми онъ столько лѣтъ не видѣлся. При помощи ихъ онъ живо могъ развязать тотъ узелъ, которымъ внезапно запуталась нить его жизни. Онъ велѣлъ Лукѣ укладываться и, первый разъ послѣ двухъ лѣтъ совмѣстной жизни оставивъ жену, поѣхалъ во Францію.

— Я тотчасъ напишу тебѣ,—говорилъ онъ, цѣлуя Клэръ.— Все уладится великолѣпно.

Онъ ѣхалъ съ Лукой. По той же дорогѣ, что ѣхали въ Англию, его помчали лошади, отъ моря къ Парижу. Пробудившаяся весна зеленѣла на поляхъ и деревьяхъ. Залитые молодымъ горячимъ солнцемъ села, города неслись ему навстрѣчу. Сердце радостно стучало, и все ликовало въ немъ.

Онъ рассчитывалъ, что заѣдетъ сперва въ свой замокъ и посмотритъ, все ли тамъ обстоитъ благополучно, живетъ ли прислуга, что подѣлываетъ отецъ Жозефъ. Но тутъ ждало его первое разочарованіе.

— Съ виду-то домъ ровно бы погорѣлъ,—сказалъ Лука, поворачиваясь къ нему съ козель, когда они подѣзжали къ знакомому мѣсту.

— Давно, еще въ декабрѣ былъ пожаръ,—отозвался кучеръ.

Болѣзненно сжалось сердце Бориса. Часть замка совсѣмъ сгорѣла, и окна насквозь сквозили своими пустыми амбразами. Закоптѣлый камень выдержалъ напоръ огня: построенъ замокъ былъ солидно. Прислуги не было никого.

Онъ обошелъ и домъ и садъ. Все деревянное сгорѣло въ домѣ. Отъ мебели не осталось и слѣда. Вѣроятно, все было растащено. Отчего же Жозефъ не написалъ ничего?

Борисъ не хотѣлъ самъ говорить съ крестьянами. Онъ послалъ въ деревню Луку. Тотъ скоро воротился и сказалъ, что Жозефа нѣтъ, что священникъ какой-то новый, пузатый, всего здѣсь какъ мѣсяць, и ничего про пожаръ дома не знаетъ.

Въ саду, межъ обгорѣлыми бревнами, росла свѣжая весенняя трава; цвѣты глядѣли изъ нея своими свѣтлыми глазками...

«Отдѣлаю все заново», подумалъ про себя князь и поѣхалъ въ Парижъ.

Жакелинъ просила остановиться въ ея домѣ и подробно все написать, какъ онъ нашелъ. Тамъ все было въ полномъ порядкѣ, и даже пыль стиралась во всѣхъ комнатахъ. Было еще утро, часовъ десять. Борисъ отпустилъ лошадей и послалъ Боклевскаго, чтобы онъ развѣдалъ, кто сейчасъ изъ прежнихъ ихъ знакомыхъ въ Парижѣ.

Онъ переодѣлся и вышелъ на бульвары. Тамъ жизнь кипѣла, точно былъ праздникъ масленичнаго *mardi-gras*. Верховые русскіе офицеры попадались ему навстрѣчу, но все были незнакомыя лица. Нѣсколько русскихъ солдатъ прошло мимо. Для нихъ онъ былъ французъ, и они безучастно смотрѣли на его статскій костюмъ, на шляпу и не знали, что онъ русскій офицеръ. Одинъ солдатикъ даже толкнулъ его: онъ шелъ съ толстой хорошенькой парижанкой.

— Ты, братецъ, полегче!—замѣтилъ ему Борисъ.

Солдатикъ, сообразивъ, что предъ нимъ кто-нибудь переодѣтый изъ начальства, вдругъ вытянулся и сказалъ:

— Виноватъ, ваше высочородіе!

У переулка, гдѣ помѣщалась контора мосье Жоржа, князь остановился и потомъ повернулъ за уголъ.

«Онъ все знаетъ,—отъ него получу кой-какія указанія», подумалъ онъ.

Дверь въ контору была не заперта. Какъ и тогда, въ углу копошилась Иветтъ. Она узнала гостя и воскликнула:

— Я сейчасъ доложу мадамъ Жоржъ!

Мадамъ Жоржъ сейчасъ же вышла къ Борису. Она была такъ же пластична и очаровательна, какъ всегда, и зубы ея такъ же блестяли. При видѣ князя она издала восклицаніе восторга и протянула ему обѣ руки, точно это былъ давно затерявшійся ея другъ.

— Наконецъ-то!—воскликнула она.

— Я былъ все время въ Лондонѣ,—отвѣчалъ онъ.—Супругъ вашъ дома?

Лицо ея вдругъ померкло и сдѣлалось грустнымъ.

— Онъ въ Лондонѣ у васъ не былъ?

Князь отвѣчалъ отрицательно.

— Онъ поѣхалъ туда,—начала она, и прибавила:—что же вы, князь, не садитесь! Онъ поѣхалъ въ Лондонъ и хотѣлъ непременно быть у васъ, если только разыщеть ваше пребываніе. Потому у него были какія-то дѣла. Проходить педѣля, двѣ, его все итъ. Наконецъ является Горшельдъ, вы знаете такого?

— Имѣю представленіе.

— Онъ сообщилъ мнѣ, что Жоржъ вмѣстѣ съ нимъ ѣхалъ на одномъ суднѣ. Была буря. И когда они прибыли къ берегамъ Франціи, его не было. Несмотря на всѣ поиски, онъ пропалъ,—вѣроятно, его смыло волной въ океанъ, такъ какъ онъ былъ на палубѣ. Его видѣлъ тамъ одинъ глухонѣмой...

Бѣлый платокъ вдругъ коснулся глазъ бѣдной женщины, а Иветтъ судорожно зарыдала въ своемъ углу.

— Онъ навѣрно живъ и въ одинъ прекрасный день къ вамъ явится,—утѣшилъ ее князь.

Утѣшеніе оказало свое дѣйствіе. Платокъ вдругъ покинулъ глаза плачущей женщины, она серьезно спросила:

— О, вы думаете, что онъ придетъ?

Въ ея вопросѣ было болѣе опасенія, чѣмъ радости. Иветтъ тоже посмотрѣла не безъ удивленія изъ своего угла. Ея глаза точно говорили:

«Да неужто онъ явится?»

Нѣсколько минутъ спустя, она пошла кофеемъ своего гостя, шутила съ бѣгавшею Иветтъ и спрашивала князя:

— Ну, а какъ вы тамъ поживаете въ вашемъ Лондонѣ?

— Чудесно!—отвѣчалъ Борисъ.—Напрасно вы такъ пренебрежительно относитесь къ этому городу. Онъ и больше и чище Парижа.

— Парижа?—съ изумленіемъ воскликнула она.—Но тамъ больше заводовъ и фабрикъ, чѣмъ жилыхъ домовъ.

— Ну, не больше, но много.

— Мнѣ представляется Лондонъ,—продолжала она,—въ видѣ однѣхъ гигантскихъ фабричныхъ трубъ и клубами черного дыма.

Князь началъ ей рассказъ о томъ, какъ живутъ въ Лондонѣ, и когда сообщилъ, что у него родился ребенокъ, она воскликнула:

— Счастливецъ! А вотъ у меня никогда не было дѣтей.

— Что же, вы жалѣете?—спросилъ князь полушутя.—Развѣ было бы вамъ пріятно, если бы у васъ была дѣвочка съ такимъ носомъ, какъ у мосея Жоржа?

— О, это было бы ужасно,—воскликнула мадамъ, а Иветтъ громко захохотала при одной мысли, что у дѣвочки будетъ такой носъ, какъ у мосея. Очевидно, обѣ хотѣли напустить на себя мрачныя мысли, и не могли.

Мадамъ Жоржъ ничего не знала о высшихъ русскихъ сапожникахъ и только говорила, что вообще русскіе держатъ себя, какъ великодушные герои. Выпивъ кофе, уже князь собирался идти далѣе, когда у самой двери послышался топотъ и звонъ подковъ по мостовой. Изъ-за зеленой занавѣски, закрывавшей нижнюю часть окна, мелькнули черные глаза и сухая морда вороной лошади съ розовыми глазами. Дверь отворилась, и пухлый Горшельдь, съ неизбѣжнымъ хлыстомъ подъ мышкой, показался на фонѣ улицы.

— Какая встрѣча!—закричалъ онъ при видѣ князя.—Давно ли вы изъ Лондона?

— Сегодня пріѣхалъ.

— Зачѣмъ?

— Мнѣ надо видѣть кое-кого изъ лицъ при главной квартирѣ,—проговорилъ онъ.

Горшельдь похлопалъ вѣчками и издалъ какой-то неопредѣленный звукъ.

— Скоро ожидается отъѣздъ императора Александра въ Лондонъ,—сказалъ онъ.—Если вамъ о чемъ-нибудь надо ходатайствовать на высочайшее имя,—вамъ надо торопиться.

Борисъ ничего не отвѣтилъ.

— А мосье Жоржъ все не отыскался?—спросилъ Горшельдь у красивой хозяйки.

— Нѣтъ.

— И ничего вы о немъ не слышали?

— Увы, ничего.

— Да, его, должно быть, унесло въ море,—задумчиво проговорилъ Горшельдь.—Я много видалъ штормовъ на морѣ, но такихъ, какъ во время нашего обратнаго переѣзда, я не запомню.

— Вы не знаете, были съ нимъ деньги?—спросила Генриетта.

— На этотъ счетъ ничего не могу сказать. А развѣ вамъ это важно?

— Очень важно! Въ домѣ было всего только около ста франковъ, и если бы не мой кузень Жюль, который довѣрчиво оказалъ мнѣ кредитъ, я бы не знала, что мнѣ дѣлать.

— Но теперь вы знаете, что вамъ дѣлать?—спросилъ, пыжась отъ смѣха, молодой человекъ.

— Благерь!—воскликнула она и ударила его по рукѣ вѣеромъ, который лежалъ тутъ же на столѣ, вѣроятно, со вчерашняго дня.

— А вы знаете, вашъ глубокоуважаемый тестъ серьезно боленъ,—замѣтилъ Горшельдь.

— Что съ нимъ?—спросилъ князь.

— Его разбили годы... Ну, и то, что мадемуазель Клэръ оставила его и вышла противъ его воли замужъ. Но самое главное—это смерть его единственнаго сына, которая произошла нѣсколько

лѣтъ тому назадъ. Онъ сразу послѣ его смерти какъ-то осунулся и постарѣлъ.

— Надо навѣстить его, — сказалъ задумчиво князь.

— Моя лошадь къ вашимъ услугамъ. Я только что на ней выѣхалъ изъ дома, — она совсѣмъ свѣжа. Она превосходно выѣзжена.

— Зачѣмъ же вамъ беспокоиться?

— Это моя обязанность. Лошадь эта завода вашего тестя, а выѣзжена его берейторомъ. Ей хорошо знакома версальская дорога, и вы въ какой-нибудь часъ съ четвертью будете въ замкѣ. Лошадь вы оставите тамъ, вамъ дадутъ другую. А я возьму потомъ эту.

Князь всталъ.

— Въ такомъ случаѣ я поѣду сейчасъ же — сказалъ онъ.

XXIII.

Какъ бывшій кавалеристъ, онъ сразу почувствовалъ, что лошадь хорошо ходитъ подъ сѣдломъ, и лошадь сразу почувствовала, что всадникъ опытный ѣздокъ. Выйдя изъ переулка, она повела ушами, словно спрашивала, куда ее направлять, и потомъ взяла палѣво, съ удовольствіемъ встряхивая головой и вся подбираясь.

У новой церкви Маделень, въ самомъ концѣ бульваровъ, онъ замѣтилъ оживленіе; какіе-то далекіе крики доносились до Бориса. Со стороны площади и Елисейскихъ полей показалась блестящая группа всадниковъ. Это ѣхалъ императоръ Александръ; Борисъ издали узналъ его посадку и ту треуголку съ плюмажемъ, который такъ картинно заканчивалъ его фигуру. Онъ сидѣлъ на лошади хорошо, не то, что Наполеонъ, въ которомъ преобладала самоувѣренность надъ настоящей выправкой. Въ свитѣ государя мелькнуло передъ нимъ нѣсколько знакомыхъ лицъ. Онъ издали смотрѣлъ на нихъ и кричалъ вмѣстѣ съ толпою, а Александръ ласково отвѣчалъ всѣмъ, поднимая руку къ шляпѣ и тихою рысью проѣзжая мимо.

У Елисейскихъ полей расположился цѣлый бивуакъ. Тутъ были и коновязи, и палатки, и козлы ружей, блестявшихъ на весеннемъ солнцѣ. Здоровыя румяныя лица казаковъ показывали, что они довольны своимъ пребываніемъ въ Парижѣ, и смотрѣли на смѣлаго всадника, который на вороной лошади ѣхалъ черезъ самый ихъ бивуакъ. Онъ, для предупрежденія могущихъ произойти случаевъ, только приговаривалъ:

— Ну-ка, ребята, дай проѣхать.

И ему давали дорогу, какъ и тамъ, на бульварахъ, думая, что это передѣтый офицеръ.

Выѣхавъ на дорогу къ Версалю, онъ пустилъ лошадь галопомъ. Проѣзжая мимо группы синихъ солдатъ, что-то галдѣвшихъ возлѣ лавчонки старухи, съ большими корзинами по бокамъ дверей и въ клѣтчатомъ передникѣ, онъ крикнулъ:

— Здорово, ребята!

И онъ видѣлъ, какъ руки опустились, и загорѣлыя лица отвѣтили:

— Здравія желаемъ, ваше благородіе?

Замокъ совсѣмъ былъ такой же, какъ и два года назадъ, когда онъ уѣзжалъ съ Клэръ послѣ свадьбы. Только онъ потемнѣлъ еще больше. Изъ-за деревьевъ блеснули стекла оранжерей, и онъ вѣхалъ на старинный дворъ.

Первый, кого онъ встрѣтилъ въ залахъ, былъ патеръ, тотъ самый, что нѣкогда вѣнчалъ его. Онъ пожалъ ему обѣ руки и сказалъ, покачивая головой:

— Плохъ онъ. Вы хорошо сдѣлали, что пріѣхали, я уже соби-
рался писать вамъ. Я сейчасъ скажу ему. Тамъ никого нѣтъ, кромѣ
его стараго пріятеля, *monsieur Шарля*.

Въ замкѣ все было тихо. Слуги скользили, какъ тѣни. Налета того
безпокойства и сумятицы, которая иногда бываютъ при внезапныхъ
заболѣваніяхъ, не было и помина. Строго выдержанный стиль жизни
только еще болѣе сталъ тусклымъ и почернѣлъ, несмотря на расцвѣтъ
весны.

Священникъ поманилъ Бориса, и самъ провелъ его въ спальню.
Старикъ Шарль сидѣлъ въ широкихъ креслахъ. Онъ былъ окутанъ
теплымъ одѣяломъ. Лицо его сильно осунулось, глаза провалились.
Но онъ, при входѣ зятя, постарался выразить оживленіе.

— Радъ видѣть, радъ видѣть!—заговорилъ онъ, не подавая руки.—
Что внукъ здоровъ ли?

— Здоровъ.

— Садитесь вотъ тутъ возлѣ. Да говорите громче,—я къ смерти
сталъ глохнуть.

— Развѣ вы собираетесь помирать?—спросилъ князь.

— Нельзя же заживаться,—пора и честь знать.

— Тогда надо бы Клэръ пріѣхать.

— Зачѣмъ?

— И вамъ и ей будетъ это пріятно.

— Не думаю. Что мы другъ другу?

— Отецъ съ дочерью.

— Ну, такъ что же? Большая важность!

— Вы въ самомъ дѣлѣ плохо себя чувствуете?

— Что я шучу съ вами? Расскажите, что внукъ?

— Что же про него рассказывать? Пока еще—кусочекъ краснаго
мяса.

— Но въ немъ течетъ кровь нашего рода?

— И моего. Князья Вязьмитиновы—древній родъ. Они еще при
Василѣ Темномъ упоминаются.

— А кто таковъ былъ Василій Темный?

— Я забылъ, что вы нашей исторіи не знаете.

Старикъ искоса посмотрѣлъ на него.

— У васъ большое состояніе?

— Большое. Во всякомъ случаѣ гораздо больше вашего. Вы удивляетесь? Но однихъ крестьянъ-рабовъ у меня тысячъ тридцать, если не больше.

— Я не вижу надобности, чтобы Клэръ была здѣсь, — заговорилъ старикъ, точно отвѣчая на волновавшія его мысли и не слушая того, что говоритъ его зять. — За мной уходи, конечно, лучший, чѣмъ можетъ дать она.

— А я думаю, дочь всегда будетъ лучше ходить, чѣмъ наемникъ, — замѣтилъ Борисъ.

Старикъ пожевалъ губами.

— Не знаю. Какая дочь?

— Въ данномъ случаѣ — Клэръ.

— Не знаю! Ей нельзя бросать ребенка, пока онъ малъ. Вести его сюда — тоже нѣтъ надобности. Она сама его кормитъ?

— Сама. Она не позволила взять кормилицу.

Ротъ старика скривился въ улыбку.

— Мои сентенціи не пропали даромъ, — сказалъ онъ.

— Ахъ, это ваши сентенціи? — спросилъ Борисъ.

— По-моему, величайшая подлость, если мать не кормитъ своего ребенка. Молоко матери — это та естественная пища, которая указана природой. Почему потомокъ нашего рода долженъ питаться хамскимъ молокомъ?

— Она сама кормитъ, — повторилъ Борисъ.

— Хорошо дѣлаетъ.

Вошелъ докторъ, человѣкъ пожилой, имѣвшій видъ опытнаго шарлатана.

— Вамъ нельзя долго говорить, — сказалъ онъ.

— Почему нельзя? — спросилъ старикъ.

— Это вредно.

— Можетъ ли въ моемъ положеніи быть что-нибудь вредно?

Докторъ взялъ его пульсъ.

— Ахъ, оставьте меня, пожалуйста! — воскликнулъ старикъ, вырывая руку. — Что за вѣчное щупанье пульса?

— Мнѣ надо знать, не повысился ли онъ.

— Ничего вамъ не надо знать. Задача ваша, чтобъ я былъ спокоенъ.

— Я къ этому и иду, — сказалъ докторъ.

— Нѣтъ, вы отъ этого идете, — возразилъ старикъ съ ироніей. — Я хочу поговорить съ мужемъ моей дочери, вы мнѣ не позволяете. Вы щупаете мой пульсъ, когда это меня сердитъ, когда мнѣ это противно. И это называется: давать больному покой.

Докторъ спокойно смотрѣлъ на этотъ припадокъ раздраженія.

— Что Бурбонъ? — вдругъ спросилъ старикъ, обращаясь къ князю. — Онъ еще въ Англіи, или ужъ выѣхалъ?

Князь сказалъ, что не знаетъ.

— Я слышалъ, что вы неодобрительно къ нему относитесь?—спросилъ старикъ.—А вотъ вашъ государь относится къ нему одобрительно. Да и я тоже.

Борисъ молчалъ.

— Я думаю,—продолжалъ старикъ:—ваше одобреніе или неодобреніе не играетъ никакой роли?

— Я тоже думаю,—сказалъ Борисъ.

— А не принять ли лекарства?—спросилъ докторъ.

— Вы думаете, оно поможетъ мнѣ?—проницательно замѣтилъ больной.

— Навѣрное, поможетъ. Вы не чувствуете, но оно поможетъ. Второй день вы уже сидите въ креслахъ, а на прошлой недѣлѣ этого не могли.

Старикъ принялъ ложку какой-то микстуры и сказалъ:

— А, пожалуй, я не доживу до той поры, что Людовикъ XVIII будетъ у насъ на престолѣ?—спросилъ старикъ.

— Онъ будетъ не сегодня—завтра,—сказалъ Борисъ.

— А Парижъ доволенъ будетъ?

— Доволенъ. И такъ всѣ уже ходятъ съ бѣлыми кокардами.

Больной потянулся и слабо шевельнулъ руками.

— Я многое помню за прошлый XVIII вѣкъ,—сказалъ онъ.—Передъ моими глазами прошелъ цѣлый рядъ событій. Мой отецъ былъ близокъ съ Помпадуръ, потому что онъ былъ близокъ съ Людовикомъ Пятнадцатымъ. Вотъ ея портретъ, посмотрите.

Онъ указалъ головой на овальный портретъ маркизы, что висѣлъ на стѣнѣ.

— Это была гениальная женщина,—прибавилъ старикъ, и глаза его съ восторгомъ остановились на ней.—Какъ она была умна, образована! Она была старше меня на двадцать лѣтъ,—я помню ее, когда ей было уже подъ сорокъ,—но это была воплощенная мечта.

— Поменьше воспоминаній!—сказалъ докторъ.—На васъ это вредно дѣйствуетъ.

Старикъ потеръ себѣ грудь и сказалъ тихо:

— Напишите Клэръ, что вы меня видѣли, что вотъ я каковъ. Напишите, чтобъ она не вздумала пріѣхать. Совѣмъ лишнее, совѣмъ! Пусть о сынѣ заботится, а не о такой рухляди, какъ я. Мнѣ пора къ намъ въ склепъ.

Докторъ дѣлалъ знаки Борнеу. Тотъ всталъ. Старикъ вдругъ протянулъ къ нему руку.

— Ну, поцѣлуй старика, если не противно,—сказалъ онъ.

Борисъ поцѣловалъ его въ мягкую дряблую щеку и чувствовалъ, какъ старческія губы коснулись его виска.

— Клэръ пишетъ, что она счастлива,—сказалъ онъ.—Ну, Богъ съ вами! Оставьте свой адресъ... Заѣзжай лучше самъ... На дняхъ...

Теперь иди. Видишь, медикъ сердится. Да, я усталъ, въ самомъ дѣлѣ...

Онъ отмахнулся рукой. Голова его упала на подушки

XXVI.

Князь узналъ, что въ штабѣ находится его родственникъ, генералъ Авдѣй Петровичъ. Именно черезъ тотъ постъ, что занималъ этотъ Авдѣй Петровичъ, и надо было дѣйствовать ему.

Онъ писалъ весь вечеръ. Измѣнивъ пять или шесть редакцій прошенія, онъ наконецъ переписалъ послѣднее начисто и поѣхалъ утромъ, въ девятомъ часу въ штабъ.

Но тамъ никого не было. Говорили, что Авдѣй Петровичъ вернется только къ вечеру. Ему оставилъ Борисъ записку и приложилъ прошеніе. «Завтра я къ вамъ заѣду», писалъ онъ.

Авдѣй Петровичъ куда-то уѣхалъ вмѣстѣ съ государемъ. Куда, — никто не могъ сказать. Борису это было непріятно. Онъ хотѣлъ лично переговорить съ дядей, — приходилось свиданіе отложить на день.

Онъ написалъ Клэръ длинное письмо. О пожарѣ даже онъ ничего не упомянулъ, писалъ только, что видѣлъ ея отца и что онъ плоховать. Онъ намекалъ, что ей недурно было бы пріѣхать, но прямо не говорилъ этого.

На утро онъ опять направился въ штабъ. Ему сказали тамъ, что его превосходительство все еще не возвращался, а вмѣсто него всѣми дѣлами вѣдаетъ его правая рука — баронъ.

— Баронъ такъ баронъ, — сказалъ онъ. И велѣлъ о себѣ доложить.

Его ввели въ пріемную. Тамъ было уже нѣсколько человѣкъ. Изъ кабинета дверь отворилась, и оттуда вылетѣлъ красный капитанъ. Проходя съ товарищемъ мимо Бориса, онъ взволнованно говорилъ:

— Ахъ, какой скотъ этотъ баронъ!

Въ эту минуту дежурный позвалъ Бориса. Онъ удивился, почему его позвали не въ очередь другихъ. Слова капитана предвѣщали мало хорошаго.

Онъ вошелъ въ кабинетъ. Тамъ изъ-за стола пошелъ ему навстрѣчу какой-то рыжій блондинъ. Кивнувъ головой, онъ важно подаль руку просителю и сказалъ:

— Кажется, знакомы?

Лицо барона было знакомо, дѣйствительно. Борису. Но какъ была фамилія этого барона, и гдѣ они встрѣчались, онъ никакъ сразу не могъ припомнить.

— Вы вчера оставили здѣсь прошеніе, — заговорилъ баронъ, отчетливо выговаривая каждое слово. — Вопросъ о возвращеніи въ

Россію и о признаніи вашего брака и вашего сына законными выходить изъ компетенціи нашего учрежденія. Но...

Онъ сдѣлалъ передышку.

— Но, конечно, если свыше прикажутъ, то дѣло можетъ устроиться очень скоро и благопріятно для васъ.

— Такъ что же вы мнѣ еще можете сказать, баронъ?

— Мы наведемъ справки, нѣтъ ли препятствій, соберемъ свѣдѣнія о вашей жизни за эти годы и этотъ формуляръ, такъ сказать, приложимъ къ вашему прошенію. Во всякомъ случаѣ, вамъ надо представиться Авдѣю Петровичу.

— Онъ мой дядя.

Баронъ вдругъ отчего-то покраснѣлъ.

— Тѣмъ лучше,—сказалъ онъ.—Завтра или послѣзавтра Авдѣй Петровичъ вернется. Дня черезъ три вы навѣдайтесь. Я съ своей стороны...

Онъ не договорилъ, что съ своей стороны: затормозить дѣло, или подтолкнуть его. Онъ сдѣлалъ два шага, провожая Бориса, и сказалъ:

— Вашъ слуга.

Уже вечеромъ, лежа въ постели, Борисъ вспомнилъ, кто такой этотъ баронъ. Воспоминаніе было таково, что онъ даже вскочилъ съ кровати.

Вотъ что припомнилось ему.

Однажды офицеры-молодежь кутили въ одномъ притонѣ на Мойкѣ въ Петербургѣ. Это была все золотая молодежь гвардіи. Тутъ же вертѣлся и рыжій длинный баронъ, недавно пріѣхавшій въ Петербургъ и переведенный въ одинъ изъ блестящихъ полковъ. У барона была громкая фамилія, но какая—Борисъ не помнилъ, и очень мало денегъ. Игралъ онъ осторожно, присматриваясь къ метавшимъ и выбирая удачные моменты. Съ собой у него было рублей сто ассигнаціями, а къ разсвѣту было тысячъ пять. Его лицо очень не понравилось князю, онъ началъ за намъ слѣдить. Разсвѣтъ уже переходилъ въ утро, и голубоватые отблески ночного неба подергивались кое-гдѣ румянцемъ. По Мойкѣ плыли послѣднія лодки, на которыхъ сидѣли женщины съ помятыми лицами и мужчины въ шляпахъ на затылкѣ. Они горланили пѣсни, несмотря на то, что бѣжавшій по берегу квартальный умолялъ ихъ быть потише. Баронъ дѣлалъ видъ, что пьетъ, а самъ больше выплескивалъ вино въ тарелки и подъ столъ. Это подмѣтилъ князь, подмѣтилъ и то, какъ баронъ стеръ въ пылу игры записъ и написалъ другую. Князь сталъ играть съ нимъ. А когда баронъ ошибкой прибавилъ къ своему выигрышу лишній ноль, Борисъ трезвымъ голосомъ попросилъ его стереть.

Баронъ прикинулся пьянымъ¹ и послушно стеръ ноль, извинившись.

— Заодно вы и Новосильцеву должны отдать восемьсотъ рублей. Вы можете это сдѣлать завтра? Это останется между нами, никто никогда не узнаетъ.

Онъ говорилъ это шопотомъ.

— Какъ понять ваши слова?—спросилъ баронъ.

— Я вамъ дамъ пощечину,—продолжалъ князь:—если вы не согласны на мои условія.

— Сколько я вамъ долженъ, по-вашему?—спросилъ баронъ и открылъ бумажникъ.

Князь подсчиталъ. Баронъ тотчасъ отдалъ ему деньги и сказалъ подвернувшемуся полковнику:

— Адски не везетъ сегодня!

Послѣ этого князь и баронъ не кланялись, когда встрѣчались одинъ на одинъ. Но въ обществѣ они были любезны другъ съ другомъ. Вскорѣ барона перевели въ московскій округъ,—и Борисъ его больше не встрѣчалъ.

Изрѣдка доходили слухи, что онъ занималъ больше штабныя должности и старался держаться дальше отъ фронта. Говорили, что на него сыплются ордена, какъ изъ рога изобилія, и прилипаютъ къ его груди не иначе, какъ парами. Но какъ его фамилія, этого никакъ Борисъ не могъ припомнить.

Онъ ходилъ цѣлый день съ какимъ-то пресквернымъ вкусомъ во рту. Точно онъ проглотилъ что-то ядовитое, и у него начиналось какое-то заболѣваніе.

День былъ сѣрый. Длинноволосые казаки въ красныхъ мундирахъ и синихъ штанахъ съ красными лампасами попадались всюду. Какіе-то генералы въ бѣлыхъ, синихъ и зеленыхъ сюртукахъ скакали по улицамъ. Отъ дамъ въ узкихъ и длинныхъ платьяхъ, съ корзинами вмѣсто шляпъ на головахъ, пахло духами. Онѣ шли весело щебеча, открывъ зонтики не то отъ дождя, не то отъ солнца,—но ни того, ни другого не было. Кое-гдѣ на улицахъ раздавались русскія пѣсни. Бѣлыя кокарды чаще и чаще попадались на гуляющихъ: онѣ были въ модѣ.

Мысли Бориса летѣли черезъ Ламаншъ. Онъ думалъ о маленькой женщинѣ, склонившейся надъ крохотнымъ ребенкомъ. Онъ сосалъ ея грудь, придавливая молочныя железы ручонками. И не было для князя никого въ мірѣ дороже этихъ двухъ существъ.

Онъ пропустилъ день, потомъ пошелъ къ Авдѣю Петровичу. Но его все еще не было. Дежурный сказалъ, что баронъ просилъ его подождать, такъ какъ имъ надо поговорить.

Борисъ вздрогнулъ. Ему это показалось сквернымъ предзнаменованіемъ. Но не ждать было неловко, и онъ вошелъ въ пріемную.

Тамъ никого не было. Онъ началъ ходить по пустой комнатѣ. Паркетъ слегка поскрипывалъ подъ его ногами. Сѣрыя портьеры висѣли надъ окнами, откуда виднѣлся куполъ Инвалидовъ, кото-

рый хотѣлъ Наполеонъ украсить мѣднымъ крестомъ съ кремлевскаго Ивана Великаго. Тысячи трубъ подымались, какъ ряды солдатъ, на крышахъ домовъ. Воздушный шаръ плавно несся въ воздухѣ, чернѣя и желтѣя своимъ шелковымъ тѣломъ среди сѣровато-палевыхъ облаковъ. Въ сосѣднемъ кабинетѣ раздавались чьи-то голоса. Кто-то громко осуждалъ что-то; другой громкій голосъ возражалъ;—третій ворковалъ, успокаивая обоихъ, и ему показало, что это былъ голосъ барона.

Ждать приходилось долго. Часы били и половину и сколько-то часовъ, а баронъ все его не звалъ. Борисъ сердился, что онъ остался,—но уйти было нельзя. И онъ все ходилъ, ходилъ по скрипучему паркету.

Наконецъ баронъ вышелъ.

— Виноватъ, я васъ заставилъ дожидаться, но у насъ была комиссія,—проговорилъ онъ.

Борисъ почувствовалъ въ своей рукѣ бѣлую мягкую руку, ту самую, что тогда приписывала къ записи.

— Сядемте здѣсь,—предложилъ баронъ и опустился на диванчикъ подъ зеркаломъ.—Въ вашемъ дѣлѣ явилось нѣкоторое осложненіе...

Баронъ нахмурился и протянулъ ему бумагу.

— Вотъ прочтите это.

Князь, сжавъ губы, почувствовалъ какую-то неприятность, но началъ читать.

Анонимный авторъ красивымъ, прямымъ почеркомъ писалъ, что считаетъ нужнымъ довести до свѣдѣнія штаба, что отставной офицеръ русской службы князь Вязьмитиновъ, обратившійся съ просьбой дозволить ему усыновить сына его Леона, а также возвратиться въ предѣлы Россіи, повидимому, скрываетъ то обстоятельство, что онъ принялъ католичество еще два года назадъ въ церкви стараго замка Сень-Дизье и утвердилъ собственноручной подписью свой переходъ на лоно святой церкви. Подтверженіемъ всему вышеизложенному могутъ быть книги капеллы замка.

Князь поднялъ покраснѣвшее лицо съ налившимися на лбу жилами и посмотрѣлъ на барона, глядѣвшаго на него съ дѣланымъ участіемъ.

— Это усложняетъ вопросъ,—повторилъ баронъ и осторожно, двумя пальцами взявъ къ себѣ обратно доносительное письмо.

— Но это ложь!—рѣшительно сказалъ князь.

— Вы не переходили въ католичество?

— Нѣтъ.

— Однако тутъ прямо указаны тѣ документы, что вы подписали, и гдѣ они находятся. Я хотѣлъ какъ можно скорѣе навести справки, такъ какъ старое знакомство меня обязываетъ...

Онъ залпулся.

— Ну, и что же?—спросилъ князь, опять стискивая зубы.

— Ну, и все сказанное въ этой бумагѣ подтвердилось. Есть три даты: ваше вступленіе въ католичество, вашъ бракъ по обряду римской церкви и крещеніе вашего сына Карла по тому же римскому обряду.

— Но, повторяю, это ложь. Ребенокъ, правда, крещенъ въ католичество, но православнаго священника тогда не было.

Баронъ насмѣшливо посмотрѣлъ на него:

— Вы изволите говорить, что не переходили въ католичество?—спросилъ онъ.—Но въ такомъ случаѣ чѣмъ же вы объясните вашу подпись?

— Я въ этотъ день вѣнчался,—возразилъ Борисъ.

— Мы все вѣнчались,—сказалъ баронъ и поправилъ свое обручальное кольцо на длинномъ пальцѣ.—Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы мы подписывали въ этотъ день фальшивые документы.

— Я бы васъ просилъ воздержаться, баронъ,—проговорилъ Борисъ.

Баронъ слегка пожалъ плечами.

— Я несколько не перехожу границъ, князь. Тутъ что-нибудь одно изъ трехъ: или подпись поддѣльная, или вы подписывали не читая, или вы католикъ.

— Последнее такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо утверждать, что вы не лютеранинъ, а православный,—сказалъ князь.

Баронъ поднялъ голову.

— Если бы я перешелъ въ православіе,—сказалъ онъ:—то несколько бы не скрывалъ этого.

— Вы думаете, я скрываю?

— У васъ жена католичка.

— Ну, такъ что же?

— Возможно, что ради ея вы приняли новую вѣру.

— Повторяю вамъ, что просилъ бы васъ, баронъ, не подчеркивать завѣдомой лжи.

— Но лицо, посланное мною,—продолжалъ баронъ,—видѣло вашу собственноручную подпись...

— Если бы я принялъ католичество, чѣмъ же вы объясните тотъ пунктъ моего прошенія, гдѣ я прошу дозволенія вступить въ бракъ по православному обряду съ дочерью одной изъ знатнѣйшихъ представителей Франціи.

Баронъ опять пожалъ плечами.

— Почему мнѣ знать зачѣмъ, князь?

Взгляды ихъ встрѣтились. Баронъ прочелъ въ глазахъ князя рѣшимость.

— Такъ вы не знаете этого? Вы не понимаете, почему я обращаюсь съ такой просьбой?

— Мнѣ непонятно, если хотите...

Князь догадался, что баронъ желаетъ вывести его изъ себя. Онъ овладѣлъ собою и, щура глаза, сказалъ:

— Мнѣ напоминаетъ это нашу первую встрѣчу, баронъ.

Баронъ невинными глазами повелъ вокругъ.

— Какую встрѣчу?—спросилъ онъ.

— Въ картежномъ притонѣ, весенней бѣлой ночью.

— Представьте,—столько бѣлыхъ ночей съ нелѣпыми попойками прошло въ моей жизни, что я забылъ ту, о которой вы говорите. Онѣ какъ двѣ капли воды, всё такъ похожи были одна на другую.

— Неужели похожи?—спросилъ князь.—Неужели каждый разъ вамъ обѣщали то же, что обѣщаль я?..

Баронъ задвигалъ ногами.

— Словомъ,—заговорилъ онъ:—я не знаю, получите ли вы благопріятный отвѣтъ на ваше прошеніе.

Князь поднялся съ дивана.

— Я это выясню сегодня же,—сказалъ онъ.— Попрошу васъ задержать мое прошеніе до выясненія мною источника этой лжи.

Баронъ слегка усмѣхнулся.

— Это не отъ меня зависитъ,—сказалъ онъ.

— А отъ кого же?

— Отъ докладчика. Попадетъ ли ваше прошеніе въ первый докладъ или нѣтъ.

— А кто докладчикъ?

— Авдѣй Петровичъ.

— Я сейчасъ ѣду въ замокъ Сенъ-Дизье.

— Да, погоропитесь. Вечеромъ можетъ возвратиться Авдѣй Петровичъ,—а завтра будетъ докладъ.

— Вечеромъ я буду у него.

— Но вечеромъ Авдѣй Петровичъ не принимаетъ.

— Меня приметъ.

— Едва ли...

Князь повернулся и вышелъ.

XXV.

Въ передней его ожидалъ Лука.

— Отъ господина Сенъ-Дизье посланецъ пріѣзжалъ, ваше сіятельство,—доложилъ онъ.—Я побѣгъ за вами, и Антону лошадь велѣлъ вамъ привести.

— Гдѣ же лошадь?—спросилъ князь, оглядываясь.

— А вотъ рыжій, ваше сіятельство. Антонъ, донъ еси! Господинъ Шарль, папенька ихъ сіятельства, должно, скончались.

Князь даже пошатнулся.

— Какъ скончались?

— Посланецъ лопоталъ таково скоро,—ничего понять нельзя. Только все твердилъ туда сюить.

— Глупый ты человекъ,—надо было меня вызвать.

— Помилуйте, нешто это возможно!—оправдывался Лука.

Но Борисъ сидѣлъ уже въ сѣдлѣ. Лошадь поджималась и прыдала ушами. Онъ поворотилъ ее къ Сенѣ и поскакалъ.

— Тише!—крикнулъ на него какой-то ротмистръ, которому, должно быть, поручено было наблюдать за охраной.—Михѣевъ, останови его.

Князь самъ задержалъ лошадь.

— Я не зналъ, что здѣсь нельзя ѣздить,—я князь Вязьмитиновъ,—прибавилъ онъ.

Ротмистръ махнулъ рукой.

— Проѣзжайте, князь. Я думалъ, вы французъ. Тутъ проѣдетъ черезъ полчаса императоръ, и потому велѣно, чтобы былъ порядокъ.

Борисъ поскакалъ дальше. Его охватывалъ рядъ мыслей, которыя, какъ волны, погоняли одна другую, разбивались другъ о друга, отступали назадъ, опять стремились впередъ. Въ головѣ точно была какая пляска чертей, точно какимъ желѣзнымъ обручемъ сдавливало его виски и затылокъ.

— Я католикъ! Это продѣлка стараго хрыча!—бормоталъ онъ.—Я докажу, что я и не думалъ мѣнять религіи.

Онъ вытягивалъ хлыстомъ жеребца, закидавшаго пѣной и свою грудь и ноги всадника. Рыжій все поровилъ зубами вцѣпиться въ его ногу, но это ему не удавалось,—а разъ даже сильно князь ударилъ его ручкой хлыста по мордѣ.

— Старикъ живъ,—повторялъ онъ про себя.—Лука что-нибудь перепуталъ. Если бы ему стало хуже, за мною послали бы еще вчера.

И онъ все погонялъ и погонялъ скакуна. Севръ уже остался позади,—домики парижскаго пригорода исчезли. Онъ свернулъ съ версальской дороги въ сторону и помчался карьеромъ.

— Ну, какъ?—спросилъ онъ швейцара въ вестибюлѣ.

— Ничего неизвѣстно,—отвѣтилъ важно онъ.

Князя встрѣтилъ старый Дюпре, что пріѣзжалъ къ нему въ Лондонъ по порученію старика, когда капелланъ прибылъ, чтобы окрестить внука. Дюпре былъ адвокат—лысый, съ сѣдыми вьющимися на вискахъ локонами, розовымъ бритымъ лицомъ и маленькими черными глазками, ласково смотрѣвшими какъ-то пощепячы. Теперь онъ былъ такъ же розовъ, но глаза не такъ оживлены и все останавливались на одной точкѣ.

— Это я за вами посылалъ,—сказалъ онъ.—Шарль лежитъ со всѣмъ какъ трупъ и хрипитъ. Я счелъ долгомъ увѣдомить васъ.

— Онъ живъ?

— Живъ. Но что въ этомъ проку?

— А что доктора говорятъ?

Адвокатъ махнулъ рукой.

— Ихъ было трое сегодня. Что они говорятъ? Даютъ каломель и кладутъ ледъ на голову да грѣлки къ ногамъ. Хотите взглянуть на него?

— А я не обезпокою его?

— Онъ ничего не слышитъ. А, впрочемъ, чего вамъ глядѣть? Изъ любопытства? Лучше напишите женѣ. Мы можемъ письмо къ ней отправить съ человѣкомъ, который говоритъ по-англійски и доѣдетъ до Лондона скорѣе почты.

Князь взялъ старика за локоть.

— У васъ есть десять минутъ?—спросилъ онъ.—Мнѣ надо поговорить съ вами по очень важному дѣлу.

Тотъ посмотрѣлъ на него удивленно и сказалъ:

— Конечно, есть.

Они пошли въ кабинетъ хозяина. Тамъ все было въ прежнемъ порядкѣ. Мебель, вещи на столѣ, бумаги, все стояло и лежало, какъ и прежде.

Князь началъ рассказывать все по очереди. Онъ волновался, дыханіе у него спиралось. Ему была гадка вся обстановка замка, и эта Помпадуръ, беззаботно глядящая изъ рамки, съ нарумяченными щегами, съ нахально-дѣтскими глазами, съ зачесанными назадъ и вверхъ волосами. Ему былъ гадокъ этотъ умирающій старикъ. Онъ болѣе потому и не захотѣлъ пойти къ нему, что не желалъ враждебно смотрѣть на оканчивающаго свой земной путь человѣка. А иначе онъ не могъ смотрѣть на него.

— Вы будьте спокойнѣе,—послышался ровный голосъ.

Маленькіе черные глаза были устремлены на него. Губы серьезно сложены.

— Не волнуйтесь. Ну, если это даже и такъ! Рассказывайте, рассказывайте.

И онъ рассказывалъ. Пульсъ игралъ и бился въ надувшейся жилѣ на вискахъ адвоката. Лысина блестѣла, точно была отполирована. Онъ нѣсколько нагнулъ голову, чтобы лучше слушать.

— Ахъ, все это вздоръ!—сказалъ онъ, когда князь кончилъ.

— Вздоръ!—воскликнулъ Борисъ.—Если бы это былъ вздоръ, я былъ бы счастливейшимъ человѣкомъ.

— Я сейчасъ пойду въ капеллу. Я посмотрю, какъ записано и что записано въ книгахъ.

— Я оставляю въ сторонѣ этической вопросъ перемѣны вѣры,—сказалъ князь.—Но я, быть можетъ, лишаюсь правъ, какъ русскій, на мое наслѣдственное имущество въ Россіи. Довольно того, что я нѣсколько лѣтъ провель за границей безъ дозволенія. А у насъ на

это смотрять косо. Теперь оказывается, что я сверхъ того переимѣнилъ тихонько вѣроисповѣданіе.

— А у васъ и на этотъ счетъ нужно дозволеніе?—иронически спросилъ адвокатъ.

— Не дозволеніе...—нѣсколько смутясь, началъ князь.

— Все равно...—перебилъ его Дюпре.—Это идетъ совершенно въ разрѣзъ съ тѣмъ убѣжденіями, что сложились у меня. Свобода совѣсти, свобода убѣжденія, свобода духа,—вотъ что надо человѣку. Если онъ не въ силу выгоды, а по убѣжденіямъ мѣняетъ вѣру, переходитъ изъ одного исповѣданія въ другое,—надо его оставить на свободѣ. Но я лично смотрю еще свободнѣе: не все ли равно, въ какой вѣрѣ я родился, въ какой вѣрѣ я умру?

— Вы атеистъ?

— Развѣ это атеизмъ? Развѣ безразличіе къ обрядности есть невѣріе? Не все ли равно, подъ какимъ видомъ... Лучше оставимъ это. Богъ одинъ для всего міра.

— И для язычниковъ?

— И для язычниковъ. Кто хочетъ молиться въ храмѣ, пусть молится въ храмѣ. Кто хочетъ молиться, запершись у себя въ комнатѣ, пусть молится такъ. Не все ли равно для вашей души, въ какую книгу и какъ вы записаны? Посмотрите, вотъ въ окно виденъ кусочекъ неба. Мнѣ меньше осталось времени на него смотрѣть, чѣмъ вамъ. Милліонъ милліоновъ людей смотрѣли на него такъ же, какъ мы сейчасъ, видѣли его таинственную глубину, эти бѣлыя облака, плывущія по немъ. Никто никогда не рѣшилъ вѣковѣчной загадки—къ чему все это, и какая цѣль руководить природой. А католикъ вы, или православный, не все ли это равно,—не одна ли великая мать-земля для всѣхъ людей, и не братъ ли русскій французу?

— *Ното homini—iuris* ¹⁾—сказалъ Борисъ.

— Эта поговорка создана язычествомъ. Христіанство создало другой тезисъ.

— Какой?

— «Братья, будемъ любить другъ друга».

— О, если бы мы любили! Если бы люди не пьянствовали, не подкапывались другъ подъ друга, не готовы были, какъ волки, перегрызть горло своему брату!

— Къ несчастію, пока это такъ.

— Пока? А въ будущемъ?

— А въ будущемъ. Будетъ время, когда люди будутъ жить «въ духѣ и истинѣ».

— Когда это будетъ, старый утопистъ?

— Будетъ!

---

¹⁾ Человѣкъ человѣку—золотъ,

Дюпре ушелъ въ камеллу, сказавъ, что скоро вернется. Князь остался одинъ, въ глубокихъ кожаныхъ креслахъ. Онъ опять перенесся мыслями къ Плинію, что читалъ осенью, передъ отъѣздомъ въ Англію.

— Но онъ, этотъ старикъ, на своей великолѣпной виллѣ развѣ онъ не былъ обуреваемъ этими проклятыми вопросами свободы духа? Развѣ онъ не караль перехода изъ язычества въ христіанство? Развѣ онъ противился мѣрамъ, что налагалъ Римъ на каждаго отпавшаго отъ вѣры отцовъ? Развѣ онъ, старый наптенствъ, не умеръ въ той религіи, въ которой родился?..

Онъ перевелъ глаза опять на Помпадуръ.

— Она вертѣла всей Франціей, быть можетъ, вліяла на политику всей Европы. А что теперь осталось отъ нея, отъ ея красоты, отъ всѣхъ тѣхъ чаръ женственности, которыми она обладала? Она гніеть гдѣ-нибудь въ склепѣ, и плѣсень равномѣрно легла и на лицо ея, и на руки, и на грудь. Слизъ и смрадъ, вмѣсто прекраснаго, нѣжнаго тѣла, что согрѣвало короля. Католичка? Не все ли равно, кѣмъ она была? И не все ли равно это для высшаго Божества, для котораго нѣсть ни эллинъ, ни іудей?

Адвокатъ воротился.

— Въ церковной книгѣ,—сказалъ онъ,—значится, что князь Вязьмитиновъ, католической вѣры, сочетался бракомъ съ дѣвицею Клэръ, католической вѣры. Проставлены годъ, число, лѣта брачующихся. Последняя запись, что у князя Вязьмитинова и жены его Клэръ, обоихъ католическаго вѣроисповѣданія, родился въ Лондонѣ тогда-то сынъ, и нареченъ при святомъ крещеніи Шарлемъ такого-то числа. Ваша подпись стоитъ и подъ той и подъ другой записью. Хотите взглянуть сами.

— О, зачѣмъ, я вамъ вѣрю!—сказалъ князь.

Онъ вспомнилъ, какъ патеръ пріѣзжалъ въ Лондонъ, собственно-ручно вписалъ дату о времени рожденія, крещенія и имя новорожденнаго, сказалъ: «а всѣ формальности я впишу потомъ,—вы же подпишите сейчасъ».

И онъ подписалъ.

— Зачѣмъ вы не читаете того, подъ чѣмъ ставите фамилію?—спросилъ адвокатъ.

Тотъ же вопросъ ему задавалъ нѣкогда отецъ Жозефъ, задавалъ недавно баронъ. Предъ нимъ мелькнулъ носъ Жозефа и мохнатая, длинная брови. Онъ, должно быть, зналъ объ исторіи его «обращенія».

Дюпре хлопнулъ его по плечу.

— Не надо думать,—сказалъ онъ.—Что случилось? Горе какое, несчастіе? Шарля вы никогда не любили,— да не думаю, что и княгиня сочтетъ его смерть такой потерей, о которой стоитъ сокрушаться.

Отець! Ну, что такое отецъ въ нашъ вѣкъ — въ вѣкъ пироскафовъ и аэростатовъ?

— У васъ нѣтъ дѣтей, *cher maître!*—сказалъ Борисъ.

Адвокатъ повелъ на него глазами.

— Почему вы думаете?—спросилъ онъ.

— Вы бы такъ не отзывались.

— А, можетъ быть, я потому такъ отзываюсь, что у меня есть дѣти? У меня сынъ инженеръ, и даже, можетъ быть, гениальный. Ему поручена постройка паровыхъ котловъ для новыхъ заводовъ. Поэтому я такъ и говорю.

Онъ взялъ князя за руку.

— Когда вамъ въ лицо,—продолжалъ онъ,—будетъ вашъ сынъ глядѣть съ сожалѣніемъ, и думать: «старый чортъ, идеалистъ, чего онъ живетъ до сихъ поръ?»—тогда вы поймете, что такое дѣти.

— Клэръ не такая,—возразилъ Борисъ.

— Такая! Всѣ такіе. Всѣ дѣти на одинъ образецъ, и мы были такими же, когда умирали наши отцы и матери. Мы тоже думали только о себѣ, и еще ихъ тѣла не остыли, а мы уже рисовали впереди счастливую жизнь безо всякой ферулы, свободную. Мы не жалѣли того, что собиралось годами... И нѣтъ ничего хуже, нѣтъ ничего безнравственнѣе, какъ обезпечивать своихъ дѣтей. Особенно если у отцовъ состояніе нажито трудомъ... Не будемъ лучше объ этомъ говорить. Пойдемъ къ нему.

Они пошли. Борисъ шелъ за нимъ, смотря на спину его коричневаго кафтана и чувствуя запахъ какихъ-то сухихъ духовъ, которыми онъ весь точно былъ пропитанъ.

Въ большой комнатѣ, изъ которой почти вся мебель была вынесена, на кровати съ пологомъ, снятымъ съ одной стороны, лежалъ больной. Онъ лежалъ навзничъ, сжавъ на груди въ кулаки обѣ руки, и хрипѣлъ, нервно поворачивая головой. На головѣ у него лежалъ ледъ, пальцы судорожно шевелились. Тишина, какъ въ склепѣ, царила вокругъ. На столикѣ возлѣ кровати стояли лекарства, а внизу въ ведрѣ—ледъ. Окно было открыто, и теплый весенній воздухъ тихо вкатывался въ комнату.

— Что?—спросилъ адвокатъ у маленькаго вертляваго челоѵка, сидѣвшаго въ углу въ креслахъ и поднявшагося при входѣ двухъ лицъ.

— Агонія,—шопотомъ отвѣтилъ онъ.—Завтра къ утру навѣрно будетъ конецъ.

Адвокатъ сжалъ губы. Онъ повернулъ свое лицо къ Борису, и на этомъ лицѣ точно было написано:

— Да, да,—я говорилъ, что надо было этого ожидать.

Въ лицѣ не было и тѣни того оживленія, смѣха, того кипѣнія жизни, что чувствовалось въ Лондонѣ: оно было точно озарено ка-

кимъ-то новымъ свѣтомъ, ничего не имѣвшимъ общаго съ обычнымъ выраженіемъ лица этого старика.

— Мое мнѣніе—написать княгинѣ осторожно, когда уже все будетъ кончено,—сказалъ онъ.—А, впрочемъ, поступайте, какъ хотите.

XXVI.

Борисъ написалъ женѣ письмо, гдѣ сообщалъ, что отецъ заболѣлъ серьезно, что ему онъ очень не нравится, и что исходъ болѣзни, по его мнѣнію, долженъ быть роковой. Впрочемъ, онъ можетъ и ошибаться.

Спаль князь плохо,—почти совсѣмъ не спалъ. Обвернутая чехлами квартира Жакелинъ казалась ему кладбищемъ. Онъ мѣрлялъ шагами небольшую анфиладу комнатъ, смотрѣлъ на завѣшанныя кисеей картины и старался угадать, что тамъ подъ кисеею. Съ улицы слышался грохотъ проѣзжавшей мимо артиллеріи. Онъ видѣлъ при свѣтѣ качающихся масляныхъ фонарей кивера ведерками солдатъ, истощенныхъ походомъ лошадей, высоко поднятые смутно чернѣющіе банники и зеленые лафеты пушекъ. Проѣхалъ мимо эскадронъ какихъ-то гусаръ,—какихъ—онъ не могъ въ сумеркахъ различить,—и опять обычный шумъ города сталъ доноситься изъ оконъ.

Если съ отъѣздомъ ихъ въ Лондонъ кончалась цѣлая эпоха жизни, то и теперь, съ сегодняшняго дня, какъ будто начинается что-то новое. Какъ будто онъ стоитъ у задернутой занавѣси, и когда она раздернется,—начнется новая полоса жизни.

«Что такое говорилъ сегодня этотъ старикъ? Онъ говорилъ, что не все ли равно, къ какой вѣрѣ ни принадлежать? Что исповѣданія можно мѣнять какъ угодно и сколько угодно?»

«Такъ ли это?»

«Вѣра—это та святая святыхъ, которая должна быть у каждаго въ душѣ, и безъ которой нельзя быть счастливымъ. Вѣроисповѣданіе—это та религія, въ которой онъ родился, и которой онъ не хочетъ измѣнять. Его религія—православіе, то православіе, что поддерживало и сплочивало Россію и при татарахъ, и при ляхахъ, и во время лихолѣтья. Зачѣмъ онъ будетъ измѣнять своему патрону, мощи котораго лежатъ въ каѳедральномъ соборѣ Владимира? Зачѣмъ онъ измѣнитъ этому сонму угодниковъ и святителей, что толпой встаетъ передъ нимъ изъ туманныхъ далей минувшаго? Во имя чего онъ перемѣнитъ православіе? Для Клэръ? Но ей все равно, къ какой вѣрѣ будетъ приписанъ ея мужъ».

Утромъ, часовъ въ шесть, неясный шумъ въ передней разбудилъ его. Онъ прислушался. Говорилъ Лука съ кѣмъ-то по-русски. Онъ открылъ свою дверь.

— Письмо, ваше сіятельство, отъ Авдѣя Петровича,—доложилъ Лука.

Онъ увидѣлъ письмо въ синемъ конвертѣ, запечатанное тѣмъ фамильнымъ гербомъ, который былъ ему знакомъ съ дѣтства: съ кудрявыми страусовыми перьями и какимъ-то дракономъ, державшимъ въ лапѣ мечъ. Вскрывъ письмо, онъ прочелъ прямыя строки, написанныя красивымъ почеркомъ съ небольшими завитушками, легко поддававшимся хорошо сдѣланному расщепу гусиного пера.

«Дорогой Боря,—читалъ онъ.—Сейчасъ, въ два ночи, поналось мнѣ твое прошеніе, а также письмо твое. Немедля завтра къ восьми будь у меня. То-есть, понимать надо, сегодня. Непремѣнно будь. Весьма важно. Искренно любящій дядя Авдѣй Т.»

Князь велѣлъ давать себѣ чая и началъ одѣваться. Онъ сталъ бриться и замѣтилъ, что рука его дрожала. Лицо было блѣдно, подъ глазами выступила синева. Чай былъ горекъ и противенъ.

Въ половинѣ восьмого онъ поѣхалъ къ Авдѣю Петровичу. Дежурный сказалъ, что генералъ не принимаетъ, но Борисъ началъ настаивать, чтобы немедля о немъ доложили.

— Генералъ еще спитъ: онъ вчера пріѣхалъ и занимался до трехъ часовъ ночи,—сказалъ баронъ, держа обѣими руками тяжелую кипу бумагъ и потому не здороваясь съ княземъ.

— Онъ сейчасъ прислалъ мнѣ записку, чтобы въ восемь я былъ здѣсь.

— Ничего не знаю-съ,—сказалъ баронъ и прошелъ мимо.

Было четверть десятого, когда его позвали къ Авдѣю Петровичу.

Это былъ огромнаго роста старикъ, бритый вокругъ губъ, съ большими бачками, такими, какъ носилъ императоръ Александръ, съ сѣдоватыми височками и закрученнымъ хохломъ. Лицо его было необычайно добродушно, а голосъ такой низкій, что когда онъ говорилъ, казалось, кто-то игралъ на басовыхъ нотахъ органа.

— Боренька, здравствуй!—воскликнулъ онъ и трижды облобызалъ князя.—Давно не видѣлъ тебя. Садись, садись! Трубку хочешь? Василискъ, дай трубки. Эти скоты не разбудили меня,— и ты хорошъ, не велѣлъ. Ну, что ты надѣлалъ!—весело заговорилъ онъ, глядя Бориса по колѣну огромной рукой.—Что ты такое надѣлалъ? Женился на католичкѣ, и самъ католичество принялъ? Справки наводили.

— Теперь я не знаю, что дѣлать.

Авдѣй Петровичъ взялъ перо и сердито бросилъ.

— Зачѣмъ ты не обратился прямо ко мнѣ?

— Васъ не было въ Парижѣ.

— Загорѣлось! Столько лѣтъ ждалъ, а тутъ вдругъ все надо сразу рѣшать. Зачѣмъ ты полѣзъ къ барону?

— Онъ нагадилъ?

— Конечно, пагадить. Онъ образцовый служака. Сейчасъ же все обдѣлать по закону и такъ, что тебѣ ни вздохнуть, ни охнуть. Что жъ теперь дѣлать?

— Я докажу вамъ, что въ католичество я не переходилъ.

— И докажи, милый. Только торопись. Мы долго здѣсь прокляжаться не будемъ.

— Постараюсь.

Дверь отворилась, и баронъ вошелъ.

— Вы знакомы?—спросилъ Авдѣй Петровичъ.

Баронъ скорчилъ любезное лицо и протянулъ руку Борису.

— Давно,—сказалъ онъ.

— Давно,—подтвердилъ князь.—Съ Петербурга.

— Тамъ ординарецъ отъ великаго князя прѣхалъ,—сказалъ баронъ.

— Знаю. Пусть подождетъ. Онъ по своему дѣлу.

— А!—протянулъ баронъ и съ важнымъ видомъ вышелъ изъ кабинета. На лицѣ его такъ и было написано: «ты въ насъ нуждаешься, а не мы въ тебѣ,—ну, такъ вотъ мы заняты—жди».

— Вы, кажись, не въ ладахъ?—спросилъ Авдѣй Петровичъ.

— Съ кѣмъ?

— Съ барономъ. Сычами другъ на друга смотрѣли?

— Онъ меня не любить.

— А ты его?

— Взаимно.

— За что?

— Не все ли вамъ равно? Впрочемъ, пожалуй, скажу: я бить его хотѣлъ.

— За что?

— Принисывалъ въ картахъ.

— О! За это стоитъ. А служака хорошій. Такъ, собака, бумаги пишеть, что отдай два алтына послѣдніе,—и то мало. А что въ карты принисываетъ, это бываетъ. У насъ всегда такъ. Честнѣйшій человекъ, нищихъ одѣляетъ, на монастырь жертвуетъ, бѣдныхъ родственниковъ содержитъ, взятокъ не беретъ, а въ карты къ со-сѣдямъ подглядываетъ. Что ты хочешь—и расчетъ грошевый, а не можеть: въ крови ужъ у него это, понимаешь, сидитъ. Коли въ карты проиграетъ большой кушъ—въ куски разсыплется, а на другой день къ полудню долгъ привезетъ. А такъ у пріятеля займетъ тысячи двѣ—никогда не отдасть.

— Да что же онъ можеть мнѣ сдѣлать?

— Что? Онъ записалъ за очереднымъ номеромъ твое дѣло къ докладу.

— Ну, такъ что же?

— Надо доложить.

— А вы не докладываете.

Авдѣй Петровичъ съ изумленіемъ посмотрѣлъ на него.

— Да развѣ это можно?

— Конечно, можно. Справки фальшивыя.

— Гм... Развѣ фальшивыя? Вѣдь тутъ, вонъ, видѣли твою подпись. Кабы подписи не было, — еще туда-сюда. А разъ подпись есть — ничего не подѣлать.

— Откажутъ?

— Мало того. Воспретятъ навсегда возвращаться.

— За что?

— За ложь.

Князь чувствовалъ, что кровь опять кидается ему въ лицо.

— Говорю же вамъ, что не я лгу, а ваши бумаги.

— Бумаги не лгутъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ. Бумаги никогда не лгутъ.

— Авдѣй Петровичъ, голубчикъ, да вы не контужены въ голову?

— Ахъ ты, несчастный! да я лѣтъ на двадцать тебя старше, да и двоюроднымъ братомъ твоей матери прихожусь. А ты смѣешь...

Онъ захохоталъ и выставилъ свои пожелтѣвшіе отъ вѣчнаго куренія зубы.

— Я думалъ, что вы благоразумнѣе, Авдѣй Петровичъ. На бумагѣ можно написать что угодно.

— На бумагѣ — да, но на казенномъ бланкѣ? Или ежели печать приложена? Это, душенька, документъ. Документально доказываютъ, что ты въ басурманскую вѣру перешелъ, и что сынъ твой тоже басурманъ. Вотъ ты противъ документа представь документъ, — тогда другое дѣло будетъ. А такъ, на словахъ — тала-бала, — это, миленькій, все равно, что ничего.

Князь потеръ себѣ голову.

— Значить, вы мнѣ не вѣрите?

— Да я-то, голубчикъ, тебѣ вѣрю.

XXVII.

— Се дило треба разжуваты... — заговорилъ онъ, почесывая за ухомъ, и посмотрѣлъ на часы, гдѣ звонко ударило половина десятого.

— Эти минутъ на десять еще отстоютъ, — сказалъ онъ, показывая на черные мраморныя часы, стоявшіе на столѣ. Онъ позвонилъ въ колокольчикъ, ручка котораго изображала охотника, въ страхѣ влѣзшаго на дерево отъ свирѣпаго вепря, что внизу возился съ собаками. Василискъ появился у двери.

— Къ часовщику ходилъ? Что жъ онъ не пришелъ до сихъ поръ?

— А кто его знает! Можетъ, не понялъ. Здѣсь съ ними трудно: по-нашему не говорятъ.

— Тащи его за шиворотъ,—пошелъ.

Князь смотрѣлъ на Авдѣя Петровича и думалъ:

«Здѣсь дѣло такое важное—а онъ о часахъ!»

— Часы должны минута въ минуту точное время показывать,—отозвался Авдѣй Петровичъ, будто отвѣчая на его мысли.—Я по нимъ доклады дѣлаю. Ну, такъ это дѣло надо разобрать. Ты, милочка, православный, по твоимъ словамъ, а по бумагамъ—католикъ. У тебя бумаги сохранились какія—русскія?

— Въ походахъ все пропало.

— Ну, видишь, пропало!

— Такъ новыя соорудите.

— Да и соорудили бы, кабы ты прошенія не подавалъ, да еще этому дьяволу барону!

— Если все дѣло въ моемъ прошеніи, разорвите его. Дайте сюда; не бойтесь, я не разорву.

Авдѣй Петровичъ протянулъ ему бумагу. Князь посмотрѣлъ на помѣтки и, сложивъ, спряталъ ее въ карманъ.

— Что ты глупости дѣлаешь—давай сюда,—ужаснулся Авдѣй Петровичъ.

— Ни за что.

Опять дверь отворилась, и вошелъ баронъ.

— Я прошеніе назадъ взялъ,—сказалъ ему князь.

Баронъ передернулся.

— Этого нельзя, оно зарегистрировано,—проговорилъ онъ.

— Я другое подамъ.

— Это подлогъ,—возразилъ баронъ и протянулъ начальнику пакетъ съ большой красной печатью.

— Слышишь,—подлогъ,—отозвался Авдѣй Петровичъ.

— Ну, кабы все были такіе подлоги,—пробормоталъ князь.

— Пакетъ изъ канцеляріи губернатора,—сказалъ баронъ.

— Хорошо, иди, голубчикъ,—проговорилъ Авдѣй Петровичъ.

— Если ты не докажешь,—обратился онъ къ племяннику:—что ты обманомъ вовлеченъ въ новую вѣру и подписалъ бумаги, не читая, по взволнованности чувствъ,—то дѣло приметъ для тебя скверный оборотъ.

— Да какой скверный?

Генераль прожевалъ булку, отпилъ изъ стакана огромный глотокъ чая, долилъ его молокомъ и объяснилъ:

— Во-первыхъ...

Онъ загнулъ толстый короткій волосатый палецъ на лѣвой рукѣ.

— Во-первыхъ, тебѣ будетъ трудно перебраться въ Россію. Ну, это какъ-нибудь устроимъ. Во-вторыхъ, со службой. Не знаю, можешь ли ты ее продолжать.

— Да вѣдь я раненый боевой офицеръ?

— Лапочка моя,—мало ли теперь раненыхъ? Ты пять лѣтъ въ строю не былъ? Докторскія свидѣтельства нынче ничего не стоятъ,—ими хоть прудъ пруди. Доктора тоже отъ кампаніи двухгодовой обалдѣли, и пишутъ такія бумаги, что только ими печи растапливать...

— То у васъ бумага все, то ничего,—проговорилъ князь.

— Погоди, не перебивай. Да это все, что я сказала, еще въ полгоря. Ну, царь на тебя разгнѣвается, ну, удалять тебя,—все еще можно какъ-нибудь жить, потому что честолюбія этого самаго въ тебѣ нѣтъ. Вотъ у барона: въ немъ такой червякъ сидитъ и точитъ, точитъ: ему бы только орденковъ побольше, а онъ готовъ для этого винтомъ скрутиться...

— Да бѣда-то въ чемъ?—нетерпѣливо спросилъ Борисъ.

— Бѣда въ томъ, — проговорилъ, снова втягивая въ себя, какъ лошадь, огромный потокъ, Авдѣй Петровичъ:—что скажетъ объ этомъ Прасковья Львовна.

— Ей что?

— Ей? Ей до всего дѣло. Она оракуль. Что она скажетъ, такъ тому и быть, какъ печать приложить. Ты знаешь ея приверженность къ церкви? У нея одиѣхъ домашнихъ церквей въ разныхъ мѣстахъ не перечесть. Весь постъ постнымъ питается. На грибки у нея отдѣльная экономка взята, подаренная графомъ Орловымъ полтавская. И вдругъ узнаетъ она, что ты католической вѣры! Да еще и младенецъ католикъ. Да вѣдь она въ постель брякнется, три дня лежать будетъ въ слезахъ. Она тебѣ какъ приходится?

— Одной изъ тетокъ. У меня ихъ больше десяти.

— Она не позволитъ тебѣ ничего завѣщать. Даже самымъ б изкимъ.

— Какъ же можетъ она не позволить?

— А кто же ей помѣшать можетъ? Скажетъ: не хочу,—и всѣ затрясутся вокругъ. Она всѣхъ ругаетъ. Министры ея боятся. Что ты отъ нея ни шиша не увидишь,—это ужъ несомнѣнно, да и другимъ она не позволитъ... Вотъ ее-то, эту Прасковью Львовну, надо первымъ дѣломъ обойти.

Онъ позвонилъ и допилъ стаканъ.

— Еще чаю да молока еще,—приказалъ онъ, обтирая губы.

— Ну, какъ же мы резюмируемъ бесѣду нашу?—спросилъ князь.

— Ты какъ сказалъ,—повтори,—проговорилъ Авдѣй Петровичъ. Борисъ повторилъ.

— Ахъ, модники проклятые!—задыхаясь отъ смѣха, воскликнулъ генераль.—Ну, давай дѣлать выводъ. По-твоему, какой?

— По-моему, бумага васъ заѣла.

— Охъ, заѣла!—согласился Авдѣй Петровичъ.

— Так надо все это стряхнуть съ себя; я думаю, во французской арміи такого дѣлопроизводства и помина нѣтъ.

— Вотъ потому-то они намъ Парижъ и сдали.

— Ой, потому ли? Соскоблить бы съ насъ эту подбачую труху.

— А барону нравится.

— Баронъ на то и созданъ. Онъ ходячая буква закона.

— Ходячая, братецъ. Мнѣ онъ иногда ять напоминаетъ; знаешь, бываетъ такой длинный, съ раздвоеніемъ наверху.

— А вѣдь вы его боитесь, Авдѣй Петровичъ?

— Боюсь. Это ты вѣрно сказала—боюсь. У него на все есть статья закона. Чихнетъ—статья закона. Плюнетъ—статья закона.

— Запись сотретъ въ картахъ...

— Ну, по рожѣ побьютъ,—а тамъ опять для всѣхъ онъ честный человѣкъ. И боятся у насъ его больше, чѣмъ меня. Аспидъ!

— Ну, да ужъ коли вы боитесь!... Резюмируемъ же.

— Давай. Прошенье твое не идетъ. А дальше что?

— Дальше, я вѣнчаюсь. Попа давайте.

— Поповъ сколько хочешь. Я и благословлю.

Онъ понизилъ голосъ и наклонился къ князю:

— Только, чтобъ баронъ не зналъ.

Князю хотя было не до того, онъ улыбнулся.

— Знаете, Авдѣй Петровичъ, такъ я отвыкъ, живя въ эти годы за границей, отъ нашей жизни, что она мнѣ дикой кажется.

— Дико, милочка, дико. А у насъ все такъ. Ежели человѣкъ работающій,—значить, изъ нѣмцевъ. Я спокойно спать могу на обихъ ушахъ, зная, что баронъ работаетъ до трехъ часовъ. Я знаю, что онъ не продастъ меня. Никакого ему расчета нѣтъ: онъ прямо мѣтитъ на важный постъ. И погоди, онъ еще будетъ такимъ лицомъ, что всѣ ему кланяться будутъ.

— Ахъ, дядя, напоминаете вы мнѣ ту старушку, что чорту свѣчку передъ образомъ страшнаго суда ставила и умоляла: «чортушка пренеподобный, не мучь ты мой кости старья, когда до меня очередь дойдетъ».

Авдѣй Петровичъ опять засмѣялся.

— А вѣдь это ты справедливо подмѣтилъ! Я о будущемъ нѣтъ-нѣтъ и подумаю. Отъ него, ты полагаешь, пенсіи зависѣтъ не будутъ? Все будетъ, все будетъ зависѣтъ. И сами мы, и сердца наши, и дѣти,—все отъ него!

— Зачѣмъ вамъ все это? Не вашъ вѣкъ и на дѣтей вашихъ хватить.

— Хватить! Да служить-то отечеству надо?

— Вы «служить» это называете?

— Я замѣчаю, что ты либо якобинцемъ сталъ, либо вольтеріанцемъ.

Часы пробили опять.

— Ну, одѣваться пора. Прощай, голубчикъ.

«истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

Авдѣй Петровичъ опять трижды облобызался съ племянникомъ.

— Намъ на дняхъ повидаться надо. Выписывай жену, мы обвиняемъ васъ по военному, живо—разъ, два, и готово. Такого попа найду, что въ четверть часа все дѣло сдѣлаетъ... А теперь некогда. Цѣлуй еще разъ старика. Господь съ тобой.

— А все же Русь отъ канцелярщины гибнетъ,—сказалъ Борисъ.

— Не нами, душенька, это заведено, не нами и кончится. И черезъ сто лѣтъ то же будетъ: тѣ же пункты, крючки и параграфы. И у нѣмцевъ то же, и у австрійцевъ. Говорятъ, нашу армію обкрадываютъ. Во всѣхъ арміяхъ то же воровство. Я думаю, и у французъ немногомъ лучше.

— Надо, чтобъ убѣжденія измѣнились...

— Убѣжденія! Какъ же ты убѣжденіе измѣнишь въ томъ, что грабить казну можно? Отъ дѣдовъ это къ намъ перешло, и ничѣмъ этого не выкурить. Года пройдутъ, вѣка,—и все воровать будутъ. Воровъ осудятъ, постегаютъ, сошлютъ,—а новые опять воровать начнутъ... Вѣчный круговоротъ, ничего не подѣлаешь. Ну, прощай, прощай.

Онъ бѣгомъ бросился къ себѣ въ уборную. Князь вышелъ. Въ пріемной стоялъ баронъ и, отставивъ ногу, свысока говорилъ съ ординарцемъ. Ординарецъ былъ ниже барона орденами, и потому баронъ могъ поднимать передъ нимъ носъ. Онъ сдѣлалъ видъ, что не видитъ князя, и стоялъ къ нему спиною, когда тотъ проходилъ мимо.

XXVIII.

Кларъ съ теткой и маленькимъ князькомъ, укутаннымъ въ цѣлый ворохъ батиста, шелка и кружевъ, пріѣхали въ Парижъ. Князь встрѣтилъ ихъ далеко за городомъ.

Кларъ похудѣла, поблѣднѣла послѣ родовъ. Она казалась еще стройнѣе и гибче. Князь смотрѣлъ на нее и думалъ:

«Да ради ея я готовъ на какія угодно испытанія. Только бы вѣчно, вѣчно быть съ нею».

Первымъ ея вопросомъ было:

— Что отецъ?

— Плохъ,—отвѣтилъ онъ и опустилъ глаза.

— Онъ умеръ, я знаю,—сказала она.

Онъ обнялъ и прижалъ ее крѣпко, крѣпко къ своей груди. Она заплакала, но не объ отцѣ, а о томъ, что у нея онъ есть,—онъ, хорошій, добрый, умный. Жакелинъ тоже плакала, неизвѣстно о чемъ, и все повторяла:

— Бѣдная родина, бѣдная родина!

Когда они вѣхали въ Парижъ, и знакомые желто-сѣрые дома съ красно-бурыми крышами замелькали передъ ней, она все искала признака русской арміи, и все спрашивала:

— Гдѣ же казаки, гдѣ же?

Мимо ихъ проѣхала группа оборванныхъ и грязныхъ нѣмцевъ. Она высунулась изъ окна кареты и воскликнула:

— Вотъ они какіе, наконецъ я видѣла русскихъ!

Черезъ два дня какой-то сѣденькій пухлый священникъ, въ очкахъ на носу, обвинялъ князя и Клэръ. Благословляя ихъ зажженными свѣчами, онъ говорилъ:

— Вѣнчается раба Божія Клара рабу Божию Борису,—и ни за что не хотѣлъ сказать: Клэръ.

— Да вѣдь это правильно—по-французски,—убѣждали его.

— А по-русски—Клара,—стоялъ на своемъ священникъ.

Авдѣй Петровичъ благословлялъ передъ вѣнцомъ образомъ новобрачныхъ. Образъ былъ тотъ самый, который совершилъ весь походъ съ нимъ: старинный, почернѣвшій Спасъ, вывезенный еще изъ Византіи при царѣ Алексѣѣ.

Послѣ вѣнца онъ поцѣловалъ губки новой племянницы и на скверномъ французскомъ языкѣ сказалъ:

— Ву з'емре муа, паръ се ке же сюи вотръ онкль,—е же сюи бравъ хомъ. Конъ ву серре анъ Русси, ву верре, кель дине же ву доннере ¹⁾.

Со стороны невѣсты была Жакелинъ, двѣ какихъ-то дамы и адвокатъ, опять порозовѣвшій послѣ похоронъ друга. Шаферами были старые товарищи князя по полку. Они расписались, какъ свидѣтели обряда, а на первомъ мѣстѣ расписался Авдѣй Петровичъ, поставивъ свои крючки и круглый росчеркъ въ церковной книгѣ.

— Меня пугалъ какой-то барончикъ,—говорилъ на другой день послѣ свадьбы пошъ, къ которому князь зашелъ за бумагами.—Онъ пріѣхалъ ко мнѣ еще утромъ и сталъ клясться, что вы католикъ. Я говорю: «божиться нехорошо». А онъ опять. Вы, говорить, подѣ суду попадете. Я говорю: «не попаду,—мнѣ Авдѣй Петровичъ приказалъ».

Рѣшено было, что прошеніе Борисъ подастъ, когда его полкъ вернется въ Россію. Тогда поднимется вопросъ и о его пріѣздѣ и о его вѣрѣ.

Петръ Авдѣевичъ настаивалъ, чтобъ младенца немедля перевели въ православіе.

— А то, понимаешь, чепуха какая!—говорилъ онъ.—У тебя вдругъ сынъ католикъ! За это, душенька, можно отвѣчать.

Повліялъ ли на крохотнаго ребенка морской переѣздъ, или это была переменна воздуха, но онъ заболѣлъ передъ самымъ тѣмъ днемъ, когда назначена была свадьба. Старикъ священникъ охотно

¹⁾ Вы меня полюбите, потому что я вашъ дядя и славный малый. Когда вы будете въ Россіи, ужъ угощу же я васъ обѣдомъ, увидите!

соглашался совершить надъ младенцемъ какой угодно обрядъ, такъ какъ онъ полагалъ, что онъ «полковой» и можетъ дѣлать что угодно.

Жакелинь тотчасъ пригласила дѣтскаго доктора необычайныхъ знаній. Докторъ необычайныхъ знаній пріѣхалъ, подробно разспросилъ обо всемъ и задумался.

— Надо на затылокъ ему пиявку, — сказалъ онъ.

И ребенку поставили на затылокъ пиявку. Клэръ видѣла, какъ черная короткая змѣйка набухала и толстѣла, вытягивая кровь младенца. Докторъ самъ наблюдалъ за дѣйствіями фельдшера. Потомъ пиявку отняли, и Клэръ увидѣла крохотное красное пятнышко въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ укусъ.

Прошла еще безпокойная ночь. А къ утру въ кроваткѣ лежалъ уже мертвый ребенокъ.

— Не надо было поднимать вопроса о перемѣнѣ вѣроисповѣданія, — говорила Жакелинь. — И не надо было говорить, что вы хотѣли дѣвочку.

Смерть крохотнаго существа поразила князя и Клэръ больше, чѣмъ его появленіе на свѣтъ. Жакелинь распорядилась всѣмъ, чѣмъ нужно, и гробикъ былъ поставленъ въ фамильномъ склепѣ Сенъ-Дизье.

Но иногда мертвые встаютъ. То есть не тѣ мертвые, которыхъ свозятъ на кладбище, а тѣ, о которыхъ распространяются слухи, что они умерли.

Разъ Лука доложилъ князю, что его спрашиваетъ Егоръ Карапетовичъ.

— Да вѣдь онъ умеръ, утонулъ въ морѣ, — сказалъ Борисъ.

— Должно, пѣтъ, — отвѣчалъ Лука. — Живехонекъ стоитъ, и ноги кривыя, какъ всегда.

Борисъ подумалъ, и велѣлъ его пустить.

— Драгоценный князь! — завопилъ по-русски мосье Жоржъ, растопыря на порогѣ руки. — Давно не видались! Какъ поживаете? Еще разъ женились, по-нашему? Слышали, слышали.

— Откуда вы слышали?

— На улицѣ слышалъ. А вы—хе-хе! — думали, что я погибъ въ водѣ. Увы! на зло и на горе многимъ, — въ томъ числѣ моей супругѣ и мосье Жюлю, остался живъ.

Онъ самодовольно посмотрѣлъ въ лорнетъ на собесѣдника.

— Я, знаете, къ счастью, плаваю, какъ окунь. Меня вытащили. Два часа я проплавалъ, а тамъ вытащили. Я не торопился сюда лвиться. А теперь явился... Возвращаюсь домой, какъ нѣкій Одиссей, и застаю супругу съ Жюлемъ. Сначала они подумали, что это призракъ, но я доказалъ, что я живъ: Жюля и супругу — ту и другого — вытолкалъ на улицу. Затѣмъ поѣхалъ къ тещѣ и покорнѣйше просилъ болѣе не посылать дочку обратно. Она воскликнула «*helas!*» и

упала въ обморокъ. Она думала, что я буду приводить ее въ себя, — слуга покорный!...

Онъ засмѣялся и поднялъ руки, когда собака вбѣжала и стала обнюхивать его колѣна.

— Вы удивляетесь, что я поднимаю руки?—спросилъ Жоржъ.— Да, это вы просили меня не укусить ее?.. Ну, а вы знаете, чему я обязанъ, что явился къ вамъ? Моей женѣ. У нея на туалетѣ я нашелъ вашъ адресъ. Зачѣмъ она записала его, я не знаю. Но во всякомъ случаѣ я далеко отъ ревности. Пришелъ я къ вамъ по двумъ дѣламъ.

Онъ сдунулъ пушинку съ рукава своего гранатнаго фрака и спросилъ:

— Бываетъ у васъ господинъ Горшельдъ?

— Зачѣмъ?

— Онъ былъ бухгалтеромъ у вашего тестя. Теперь, когда часть имѣній перешла къ княгинѣ, онъ, я думалъ, остался у васъ служить, или хотя бы сдать вашему управляющему дѣла.

— А княгиня получила часть имѣній въ наследство?

— Развѣ завѣщанія вы не вскрывали?

— Нѣтъ.

— Не удивляюсь тогда, что вы подписали не читая вашъ переходъ въ католичество.

— А это откуда у васъ?

— Отъ милѣйшаго барона. Мы съ нимъ встрѣтились на улицѣ. Обнялись, расцѣловались, какъ закадычные друзья. Онъ угостилъ меня на радостяхъ отвратительнѣйшимъ виномъ гдѣ-то въ кафе, тамъ его звали «экселансъ», а онъ все поправлялъ и говорилъ: «зовите просто баронъ». Я ему предлагалъ денегъ по пяти процентовъ годовыхъ. Онъ благородно отказался. И тутъ же все рассказалъ про васъ. Вы точно у него поперекъ горла сидите, покраснѣлъ даже и, какъ верблюды, сталъ слюною брызгать.

— Что же онъ говорилъ?

— Говорилъ, что вы по уши залѣзли въ тряпину, и теперь вамъ не выкарабкаться. Понимаете, это о томъ, что вы будто католикъ и это скрываете. Онъ говорилъ: и чиновъ-то васъ лишать, и права вѣзда въ Россію, и вы, какъ католикъ, не имѣете права на майораты, которые есть у васъ въ роду и которые вамъ приходится. Говорилъ, а у самого отъ счастья слюнки текли. Такъ бы онъ собственноручно зажарилъ васъ и скушалъ: съ косточками, съ перьями совѣмъ. Ахъ, какой онъ мерзавецъ! По лицу видно... И не подозреваетъ онъ, что, коли нужно, можно сотню паспортовъ сейчасъ же достать.

— А вы не знаете, куда отецъ Жозефъ дѣвался?—спросилъ князь, небрежно слѣдя за ходомъ мыслей гостя.

— Знаю. Онъ поѣхалъ въ Вергамъ: тамъ скончалась какая-то старушка и завѣщала ему какіе-то виноградники. Ну, онъ отрясъ прахъ отъ своихъ башмаковъ, навсегда распростился съ Франціей и покатилъ въ Италію.

— Онъ даже не написалъ мнѣ...—удивился князь.

— Фу! Когда получаютъ солидный капиталъ, никогда не пишутъ своимъ прежнимъ знакомымъ, а друзей даже не узнаютъ при встрѣчахъ.

— А почему домъ мой сгорѣлъ?

— Почему домъ сгорѣлъ? Да почему жъ ему было не сгорѣть, если хозяинъ его русскій, а Горшельдъ крестьянъ все науськивалъ? Я какъ-то встрѣтилъ у него кривого прохвоста, которому онъ весьма прозрачно намекалъ, что пора, молъ, жечь замокъ. А онъ весьма не прозрачно говорилъ, что денегъ надо. Вѣдь Горшельдъ всёми разсказывалъ, что вы русскій.

— Такъ это отсюда идетъ?—сказалъ князь.

— Натурально, отсюда,—подтвердилъ Егоръ Карапетовичъ и довольно заготовалъ, запрокидывая голову назадъ.

XXIX.

Время шло, тянулось, иногда бѣжало, иногда, какъ будто, опять останавливалось.

Дряблый, толстый, апатичный Людовикъ XVIII правилъ Франціей. Когда онъ ѣхалъ по Тюильри, народъ, съ передѣтыми полицейскими во главѣ, радостно его привѣтствовалъ. Союзники давно уже выступили изъ Парижа.

Виллу подъ городомъ не обстраивали и не отдѣлывали. Взъимтиновы переѣхали въ замокъ, лье сто отъ Парижа къ востоку. Тамъ все дышало старой Франціей.

Сзади замка тянулася густой садъ. Въ немъ разбили великолѣпные цвѣтники. Фонтаны, какъ и въ прежніе годы, залепетали свою гармоничную сказку. Теперь они лепетали о томъ, что великій императоръ, оскорбленный, живетъ въ одиночествѣ на островѣ среди океана. Они лепетали, какъ онъ, по вечерамъ, на закатѣ, ходитъ по устроенной для него аллеѣ и, смотря на солнце, вспоминаетъ то Аустерлицъ, то соборныя колокольни Москвы, то пирамиды стараго Египта, лотосъ, папирусъ, саркофаги фараоновъ, муміи, товарищей дѣтства на Корсикѣ...

Онъ все ходитъ, все ходитъ, и чудятся ему холодные снѣга Россіи, и тысячи, десятки тысячъ французскихъ труповъ, навшихъ тамъ, на этихъ снѣжныхъ поляхъ. Во имя чего? Во имя политическаго равноправія Европы?

Лепечуть струи фонтана о томъ, что тамъ, въ далекой Россіи, все гремятъ роскошныя пиры. Стучать о серебро и золото тарелокъ

серебряные и вызолоченные пожи. Льетса пѣна шампанскаго, и несмѣтныя богатства, добываемыя рабами, не дають изсякнуть источнику этихъ пировъ. Гремить музыка, слышатся хоры, танцуютъ крѣпостные балеты... Крѣпостное право царить попрежнему, всѣ мечты о свободѣ рухнули, теперь кажутся золотыми снами юности... А надо всѣмъ этимъ встаетъ маленькая, демоническая фигура Аракчеева...

Здѣсь уже не миниатюрный шато, здѣсь настоящій замокъ. Главная его прелесть, что онъ такъ далекъ отъ Парижа и Версаля, что лѣса и поля обступили его, и старая Франція здѣсь, въ сторонѣ отъ политики и всякихъ волненій, цвѣтетъ пышно, богато и счастливо.

Иногда сельская тишина нарушается прїѣздомъ Жакелинъ, адвоката Дюпре и парижскихъ друзей. Иногда русскіе друзья заглядываютъ въ этотъ уголокъ. И хотя звонятъ къ завтраку, обѣду и ужину, но привольная, спокойная жизнь напоминаетъ имъ далекую отчизну.

Когда зима съ ея дождями, иногда снѣгами, пролетитъ, и опять фіалки начнутъ сморгѣть изъ травы,—замолкшія за зиму струи фонтана опять зазвучать и опять начнутъ нашептывать сказки.

Князю официально не разрѣшено возвращенія на родину. Онъ смѣется надъ этимъ. У него въ столѣ лежитъ для прѣѣзда въ Россію документъ на имя приписаннаго къ городу Ригѣ Августа Штоль. Но онъ никогда имъ не воспользуется.

Иногда маленькая Ирэлъ играетъ у фонтана и смотритъ на его алмазныя калли, и слушаетъ его сказки. Долго, долго онъ что-то нашептываетъ ей. Дѣти лучше взрослыхъ понимаютъ саги природы.

Разсказываетъ онъ ей, какъ былъ у нея старшій братъ и умеръ крохотнымъ ребенкомъ, и летаетъ теперь въ синей лазури неба,—а, можетъ быть, этой хорошенькой птичкой сидитъ на вѣткѣ и смотреть на нее блестящимъ глазкомъ.

Иногда въ глубинѣ аллеи показывается Клэръ,—въ полномъ расцвѣтѣ красоты и молодости. Она цѣлуетъ дочку, сажаетъ ее возлѣ себя и играетъ съ нею.

А когда замолкаютъ опять фонтаны, и дрова начинаютъ трещать въ старыхъ огромныхъ каминахъ,—папа беретъ Ирэнъ къ себѣ на колѣни, и подъ звуки зимней бури тоже разсказываетъ ей про сѣраго волка, про Красную Шапочку, про лютые морозы далекой страны, окутанной какой-то сѣрою, грозною тучей,—тамъ гибли всѣ, кто осмѣлился подойти къ ней близко,—и даже Наполеонъ, тотъ бронзовый въ треуголкѣ Наполеонъ, что стоитъ въ углу на тумбѣ, и тотъ долженъ былъ бѣжать въ ужасѣ оттуда, проникнувъ въ его таинственныя нѣдра.

Журчатъ и рассказываютъ фонтаны о веселой свадьбѣ Ирэнъ, о гостяхъ, что пріѣхали со всѣхъ сторонъ и шумно кричатъ и пѣнять бокалы,—о красивомъ молодомъ женихѣ, что въ жены беретъ красавицу-дѣвицу, въ которой слилась кровь князей Вязмитиновыхъ и Сень-Дизье.

Старый Лука, во фракѣ и перчаткахъ, бритый, какъ будто и не вспоминаетъ Россіи. Онъ съ княземъ и княгиней ѣздитъ въ Парижъ и тамъ живетъ иногда три-четыре мѣсяца, въ большомъ ихъ домѣ за Сеной. Онъ посѣдѣлъ, сѣдѣтъ и князь. У князя ужь внуки. Они католики. Да объ этомъ не поднимается даже вопроса,— Ирэнъ вѣдь тоже католичка.

Особенно князь Борисъ привязанъ къ старшему внуку. Ему уже пятнадцать лѣтъ, онъ хорошо читаетъ по-русски, — но онъ почему-то интересуется догматикой и хочетъ избрать своей дѣятельностью духовное поприще. Ни отецъ, ни дѣдъ не стѣсняють Шарля.

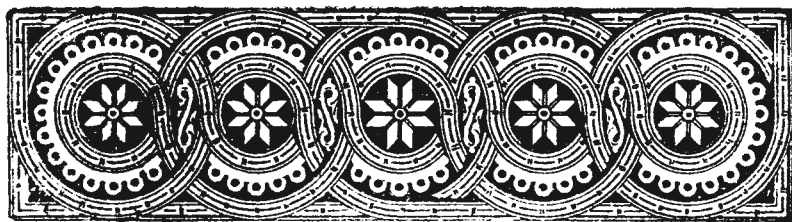
И когда восьмидесятилѣтній князь Борисъ умиралъ на рукахъ своей дочери (онъ уже давно схоронилъ жену),—то сказалъ Шарлю:

— Какъ хочешь поступиай, но помни: свобода духа выше всего!

А фонтаны все попрежнему журчали и рассказывали новья и новья сказки.

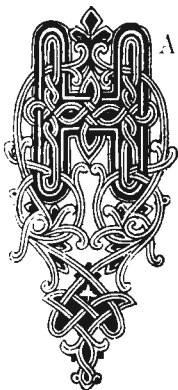
П. П. Гнѣдичъ.

МОЗАИКА.

(Изъ старыхъ записныхъ книжекъ).

МАШИ ПРАБАБУШКИ и прадѣдушки имѣли прекрасный, усвоенный имъ изъ-за границы обычай записывать все, что останавливало ихъ вниманіе изъ лично видѣннаго, слышаннаго и пережитаго. Исполдволь составлялись интереснѣйшіе дневники и записки, цѣнные своей непосредственной постепенностью составленія, и тѣмъ самымъ сохраняющіе удивительную яркость колорита событій и обстановки, при которой внимательная рука набрасывала бывшее на золотообрѣзные листы шагреновыхъ альбомовъ съ секретнымъ ключикомъ.

Теперь, въ нашъ нервный, торопливый, на декадентской подкладкѣ, демократическій вѣкъ, тоже пишутъ воспоминанія, и даже, въ послѣднее время, въ весьма изрядномъ количествѣ,—но совершенно иначе: сразу, огуломъ припоминая то, что случилось наиболѣе интереснаго и выпуклаго въ жизни автора записокъ. Поэтому теперешніе мемуары всегда уступаютъ прежнимъ—многое уже забылось, многое представляется вовсе не такъ, чрезъ десятки лѣтъ, какъ было въ данную минуту на самомъ дѣлѣ, многое же, подъ вліяніемъ времени и накопленныхъ за годы впечатлѣній, принимаетъ совсѣмъ невѣрную окраску...

Я совершенно случайно, вовсе не думая о напудренныхъ предкахъ, слѣдоваль ихъ примѣру: записываль кое-что изъ моей богатой встрѣчами и впечатлѣніями жизни именно въ то время, когда

достойное отмѣтки случалось. Оттого моя «Мозаика» носитъ свѣ-
жесть красокъ совершившагося за много лѣтъ, представляя все
такъ, какъ оно было въ тотъ день, когда я занесъ что-либо въ мой
дневникъ.

Читатели, какъ я надѣюсь, найдутъ въ моей «лѣтописи» нѣчто
интересное и доселѣ въ печати не бывшее.

I.

И въ наше время также бывали, и довольно часто, разныя «сту-
денческія исторіи» и непріятности въ учебной жизни высшей и сред-
ней школы, неизбѣжныя забастовки и демонстраціи, которыя
тогда еще не назывались «обструкціями» и отнюдь не бывали «хи-
мическими». До этого тогда еще не доходили.

Я былъ еще мальчикомъ, въ пятомъ классѣ московскаго лицея
цесаревича Николая (Катковскаго), когда въ 1874—75 году крас-
нощекіе приказчики Охотнаго ряда, центрального рынка въ Москвѣ,
вдругъ стали, въ одинъ прекрасный день весной, «избивать» сту-
дентовъ, нападая на нихъ на улицахъ возлѣ рынка и въ универ-
ситетскомъ дворѣ (по близости, на Моховой), куда неожиданно яви-
лись «на расправу»... Незадолго предъ тѣмъ среди студентовъ были
обыски, обнаружившіе, какъ всегда, какія-то социальныя брошюрки
и неизбѣжныя прокламаціи. Кто-то, кому это было нужно, подбили
охотнорядскихъ мужиковъ «наказать бунтарей»,—и вотъ было
устроено побоище, которое разгоняла полиція.

У князей Львовыхъ, Трубецкихъ, Кугушевыхъ, у Зиновьевыхъ
и Дубовицкихъ, куда мы съ братомъ постоянно ходили къ нашимъ
школьнымъ друзьямъ, очень возмущались и волновались этой
«исторіей» и преувеличивали ее довольно изрядно.

— А вы слышали, какое сегодня побоище было у Охотнаго
ряда и въ университетѣ?—взволнованно спрашивали одинъ дру-
гого въ старо-московскихъ гостиныхъ грибоѣдовскаго типа, гдѣ
Скалозубы, Фамусовы, а особенно Репетилоры и Загорѣцкіе
были во время моего отрочества еще обычными фигурами и сво-
ими людьми.—Какъ студентовъ-то «пробрали»! И по дѣломъ этимъ
буянамъ!

— Этого мало: крамольникамъ-съ,—вставляли Загорѣцкіе.

— Все время норовятъ смутьянить, ничѣмъ имъ не угодишь!—
книпались Фамусовы и Скалозубы.

— Ужъ, кажется, имъ ли свободы еще мало? Нѣтъ, давай ре-
волюцію устраивать...—шептали Молчалины.

— Позвольте, господа,—вмѣшивались Чацкіе:—экая бѣда, что
молодежь волнуется? На то она и молодежь, чтобы волноваться,—

пусть бурлить. «Блаженъ, кто смолоду былъ молодъ!» И какія тамъ революціи? Съ чего вы взяли, какой вздоръ!

— Ну, ужъ вы всегда за всякое буйство заступаетесь... Еще недавно Катковъ...

— Вашъ Катковъ обскурантъ!

— Да позвольте же договорить...

— Конечно, безбожники наши студенты, утверждала Хлестова:—все лягушекъ рѣжутъ, а въ церковь ни ногой!

— И моего племянника Федора совершенно въ университетѣ съ толку сбили,—жаловалась графиня-бабушка.—Изъ рукъ отбился и все какого-то Маркса читаетъ.

— Но онъ такой всегда былъ,—поправляла графиня-внучка:—изъ-за-границы такимъ вернулся...

— Не смѣй меня учить, слушай, что старшіе говорятъ.

— Ну, а сколько же студентовъ-то потрепали въ свалкѣ?—любопытствовали москвичи.

— Какъ! вы не знаете? Нѣсколько тысячъ!—оповѣщали Репетиловы, но имъ даже и москвичи не хотѣли вѣрить.

Вотъ какое отношеніе въ обществѣ къ студентамъ царило въ 70-хъ годахъ. Прошли безслѣдно тѣ прекрасныя времена, о которыхъ я съ благоговѣніемъ внимала отъ моего отца и дяди, слушателей Т. Н. Грановскаго, когда слово «студентъ» было чуть не священнымъ, и когда предъ любымъ студентомъ всюду открывались настежь двери, какъ предъ самымъ дорогимъ гостемъ.

Это было очень печально, но это было такъ, и, несомнѣнно, наше студенчество въ сказанномъ явленіи не совсѣмъ неповинно. Конечно, множество студенческихъ волненій возникало исключительно на почвѣ разныхъ недоразумѣній съ начальствомъ, которое никогда у насъ не умѣло ладить съ молодежью и само же раздувало эти волненія, вмѣсто того, чтобы ихъ скорѣй закончить, но, къ сожалѣнію, окраска иныхъ студенческихъ броженій, охватывавшихъ наши университеты 25—30 лѣтъ назадъ, носила и политическій характеръ.

Что творится въ нашихъ университетахъ теперь, происходило и тогда, въ нѣсколько меньшемъ масштабѣ. Съ одной стороны всегдашняя неустойчивость нашего министерства народнаго просвѣщенія въ вопросахъ русской школы, съ другой—естественная жажда, обуявшая наше юношество, жить полной общественной жизнью, принимать реальное участіе въ окружающихъ событіяхъ, всецѣло сливаться съ ними—и, значить, задаваться социальными запросами, устраивать политическіе митинги, зачитываться «нелегальной» литературой и тѣмъ самымъ имѣть дѣло съ начальствомъ, а затѣмъ съ полиціей.

И, однако, какъ это ни прискорбно, все это совершенно, какъ я сказалъ, естественно, иначе не могло быть, и является результатомъ нашей русской дѣйствительности.

Эпоха великихъ реформъ вызвала собой всеобщій подъемъ общественной мысли и самодѣятельности и создала незабываемую страницу русской жизни, названную «шестидесятыми годами». Могли ли отзывчивыя сердца молодежи не волноваться вмѣстѣ со всѣми тѣми же гуманными идеями, которыя, по мапію Царя-Освободителя, вызвали Россію къ жизни изъ мрачныхъ тучъ предшествовавшаго царствованія? Конечно, нѣтъ. Молодежь зажглась благородными порывами, и вотъ началось памятное «хождение въ народъ», съ цѣлью расшевелить эту спавшую вѣковѣчнымъ сномъ темную массу вчерашнихъ рабовъ.

Несомнѣнно, на этой зыбкой и скользкой почвѣ произошло немало прискорбныхъ уклоненій отъ прямого пути, и вмѣсто просвѣщенія народа стала нарождаться оппозиція правительству.

Надо было, конечно, принять немедленно мѣры къ искорененію зла, но ужъ, разумѣется, не тѣми хитрыми способами, какіе тогда же придумало правительство, введя классицизмъ въ гимназіяхъ и вручивъ заботу о русскомъ юношествѣ графу Д. А. Толстому, который былъ столько же педагогъ и классикъ, сколько любой чиновникъ, дослужившійся несокрушимой поясницей до чина «его превосходительства».

Изъ нашихъ мужскихъ гимназій съ позоромъ изгнали тогда естествовѣдѣніе, какъ опасный путь къ «крамолѣ», и замѣнили интересныя и развивающіе уроки по естественной исторіи совѣтскимому ненужной и мало продуктивной, какъ отдѣльный предметъ, латинской и греческой грамматикой и наводящими на однихъ сонъ, на другихъ прямо маразмъ переводами изъ навсегда отжившей классической мертвечины.

Графъ Д. А. Толстой съ такими соратниками, какъ А. И. Георгиевскій, котораго называли злымъ гениемъ Толстого, М. Н. Катковъ и П. М. Леонтьевъ, которые были даны ему въ подмогу, фанатически исполняли то, что ему было свыше приказано: онъ систематически заколачивалъ головы русскихъ мальчиковъ классическимъ балластомъ, чтобы они поскорѣе тупѣли и не думали о крамолѣ и хожденіяхъ въ народъ.

Именно въ этомъ, конечно, и была главнѣйшая и затаенная цѣль введенія классицизма въ Россіи, но эта затѣя не имѣла успѣха: классицизмъ поднялъ противъ себя все русское общество, раздражилъ и озлобилъ молодежь и сталъ готовить студентовъ съ затаенной въ душѣ ненавистью къ учебному начальству и естественной склонностью ко всякимъ оппозиціямъ и обструкціямъ.

Вотъ естественный генезисъ университетскихъ волненій, первые шаги которыхъ проходили за много лѣтъ назадъ предъ моими глазами.

Графа Д. А. Толстого я видалъ въ Москвѣ у его родственниковъ Блбиковыхъ и въ лицѣ.

Это была подвижная, низенькая фигурка на коротеньких и тоненьких ножкахъ, съ большой головой, мало выразительной физиономіей и непріятнымъ голосомъ. Въ гостинныхъ онъ говорилъ много о себѣ и своей цѣли ввести въ Россіи «англійское воспитанье», создавъ изъ гимназій тишь колледжей, гдѣ изучаютъ усердно классицизмъ. Его слушать было только смѣшно, такъ какъ классицизмъ въ англійской школѣ издавна поставленъ умѣло и прочно, отданный въ руки опытныхъ и достойныхъ довѣрія лицъ, въ нашихъ же гимназіяхъ преподавали тогда древніе языки невозможные чехи, выписанные для этого изъ-за-границы, которые, помимо плохого знанія самихъ классиковъ, переводили ихъ на такой отчаянный, будто бы русскій, языкъ, что воспитанники съ трудомъ немного начинали понимать своихъ педагоговъ лишь послѣ продолжительныхъ вопросовъ и переговоровъ. Бѣдные русскіе гимназисты бывали поражены, когда вдругъ узнавали на урокахъ отъ своихъ преподавателей чеховъ, что великій Цезарь о б о д р а л ь (ободрялъ) солдатъ, л у л и л ь (любилъ) походы, никогда не ходилъ въ ретираду (никогда не отступалъ), бывалъ всегда п о б ѣ д н ы м ь (побѣдителемъ), не любилъ брать въ залоги (въ заложники) и т. д. и т. д.

Врядъ ли съ такимъ прекраснымъ персоналомъ преподавателей древнихъ языковъ можно было когда-нибудь превратить наши гимназіи въ англійскіе колледжи...

Въ лицей цесаревича Николая, гдѣ я учился, графъ Д. А. Толстой пріѣзжалъ въ 1877 году, весной, вмѣстѣ съ бывшимъ бразильскимъ императоромъ дономъ-Педро, ученымъ филологомъ, тонкимъ классикомъ и полиглотомъ, путешествовавшимъ тогда по Европѣ инкогнито подъ именемъ герцога Алькантара.

Въ лицей, основанномъ М. Н. Катковымъ, классицизмъ былъ поставленъ совершенно иначе, чѣмъ въ прочихъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ. У насъ были отборные преподаватели древнихъ языковъ, и самая система преподаванія отличалась отъ гимназической: насъ не мучили грамматикой и вводили въ изученіе классиковъ очень умѣло и успѣшно. Насъ постепенно пріучали читать латинскій и греческій текстъ *à livre ouvert*, и мы уже въ VI классѣ изрядно разбирали Горация. Конечно, этимъ мы были всецѣло обязаны М. Н. Каткову.

Бразильскій императоръ донъ-Педро, высокій, осанистый, полный старикъ, съ краснощекимымъ лицомъ и сѣдой окладистой бородой, пріѣхалъ къ намъ въ лицей совершенно неожиданно, рано утромъ. Онъ тотчасъ же пошелъ по классамъ. Его сопровождалъ министръ народнаго просвѣщенія графъ Д. А. Толстой и директоръ лицея М. Н. Катковъ.

Донъ-Педро, герцогъ Алькантара, былъ, какъ странствующій по Европѣ монархъ, «инкогнито», въ простомъ, очень длинномъ

черномъ сюртукѣ, съ орденомъ Золотого Руна. Графъ Толстой и Катковъ въ мундирахъ.

Когда высокій путешественникъ появился на порогѣ нашего класса, мы занимались съ нашимъ преподавателемъ (со временемъ директоромъ лицея), профессоромъ московскаго университета Г. А. Ивановымъ, латинскимъ языкомъ и переводили Горація.

Герцогъ Алькантара привѣтливо намъ поклонился, подошелъ къ профессору, пожалъ ему руку, а потомъ, сѣвъ на предложенный стулъ, между Катковымъ и Толстымъ, взялъ съ пюпитра книжку, открылъ ее наобумъ и предложилъ одному изъ насъ переводить.

И тутъ на первыхъ же порахъ случился казусъ.

Ода начиналась такъ: «*Dianam tenerae dicite virgines!*» Воспитанникъ перевелъ по-французски: «Діану нѣжныя воспѣвайте вы, дѣвицы!

— *Très bien* (очень хорошо),—сказалъ донъ-Педро.—*Continuez* (продолжайте).

— *Intantum pueri dicite Cynthium!*—прочелъ ученикъ и началъ было: «вы, отроки, воспѣвайте»... какъ вдругъ запнулся, не зная, очевидно, что значить «*Cynthius*».

Профессоръ Ивановъ уже готовъ былъ прийти на помощь своему питомцу и объяснить, кто такой *Cynthius*, но какъ разъ графъ Толстой недовольнымъ голосомъ произнесъ:

— Развѣ это такъ трудно? Ну, и переводите: «вы, отроки, воспѣвайте юнаго Цинтія».

Но король-классикъ весело разсмѣялся и, обратившись въ сторону Толстого, перебилъ его:

— *Mais non, cher comte,*—*Cynthius c'est un des noms d'Apollon* (нѣтъ, милый графъ, Кинтій—это одно изъ именъ Аполлона).

Всѣмъ сразу стало неловко, а графъ насупился и отвернулся отъ коронованнаго филолога. М. Н. Катковъ съ легкой улыбкой, въ которой мелькала иронія, пришелъ намъ на помощь.

— Возьмите другую оду, гдѣ нѣтъ именъ и разныхъ названій, которыхъ воспитанники естественно могутъ не знать,—ну, вотъ, напримѣръ, хоть эту,—и дажь намъ переводить оду, гдѣ старый Горацій вѣщаетъ много высокихъ и прекрасныхъ мыслей и которая начинается словами «*Aequam memento rebus in arduis servare mentem*» (въ часы тяжелыхъ дней спокойный духъ старайся сохранить и т. д.).

Это небольшое стихотвореніе мы перевели вполнѣ изрядно (участвовалъ и я), за что и получили одобреніе высокаго гостя.

Графъ Толстой, однако, все время сидѣлъ насупленный и не обронилъ намъ на прощаніе ни одного слова.

Если въ московскомъ лицѣѣ, какъ я сказалъ, классицизмомъ насъ совсѣмъ не мучили, и онъ примѣнялся тамъ въ предѣлахъ разумнаго, то въ другихъ гимназіяхъ, вплоть до 80-хъ годовъ,

онъ былъ какимъ-то Минотавромъ, пожиравшимъ бѣдныхъ мальчиковъ, а выпускные экзамены по древнимъ языкамъ происходили тогда зачастую въ совершенно исключительной и прямо сказочной по своей утонченной жестокости обстановкѣ.

Представьте себѣ, что въ 4-ой московской гимназiи, напримѣръ, выпускныя испытанiя по древнимъ языкамъ происходили такимъ образомъ.

По распоряженiю начальства заказывались узенькiя, съ однимъ окномъ будки, наподобiе теперешнихъ телефонныхъ, по числу выпускныхъ воспитанниковъ VIII класса. Эти будки разставлялись въ огромномъ актовомъ залѣ гимназiи, на извѣстномъ разстоянiи другъ отъ друга. Въ будки ставили стулъ, столъ съ письменными принадлежностями, стаканъ и графинъ съ водой (на случай обморока, что было очень предусмотрительно), и въ нихъ наглухо запирали гимназистовъ, сообщивъ имъ предварительно текстъ, который они должны были перевести на латинскiй или греческiй языкъ. Раньше, чѣмъ приступить къ переводу и быть запертыми на нѣсколько часовъ въ экзаменацiонныя будки, кончающимъ курсъ юношамъ громкогласно сообщались тѣ ужасныя послѣдствiя, которымъ они подвергались, если бы было замѣчено, что они дѣлаютъ работу при помощи какихъ-либо вспомогательныхъ приспособленiй, чего, конечно, никакъ не могло быть, такъ какъ испытуемыхъ предъ выпускомъ въ актовiй залъ раздѣвали донага и осматривали, не принесли ли они изъ дома карманныхъ словарей и чего-либо подобнаго. Послѣ этой устрашительной процедуры юныхъ страдальцевъ втискивали въ будки, запирали на замокъ и заставляли исполнить extempore, т.-е. письменную работу по древнимъ языкамъ, въ то время какъ у оконъ будокъ то и дѣло шмыгаль классный наставникъ и заглядывалъ туда, чтобы знать, исправно ли пишутъ свой переводъ неповинные узники...

Вамъ это кажется совершенно невѣроятнымъ, похожимъ на анекдотъ, но все это было и примѣнялось къ воспитанiю русскаго юношества въ эпоху «расцвѣта» классицизма.

Согласитесь, что такiе психопатическiе приемы воспитанiя съ неизбежной изъ года въ годъ 14-часовой въ недѣлю долбней латинскихъ и греческихъ грамматикъ должны были дѣйствительно вызывать только ненависть и отвращенiе нашей учащейся молодежи къ учебному начальству и къ гимназическому преподаванiю, и революционизированiе нашихъ университетовъ со времени «классической системы» пошло настолько быстро и удачно, что теперь нѣтъ въ Россiи ни университета, ни гимназiи, ни другого какого-либо учебнаго заведенiя, гдѣ бы не прiютилась подпольная пропаганда и нелегальная литература.

Мнѣ всегда казалось удивительно страннымъ, чѣмъ-то даже прямо роковымъ, что въ нашемъ учебномъ вѣдомствѣ въ теченiе

десятковъ лѣтъ совсѣмъ не было мало-мальски сносныхъ руководителей, ужъ не говоря о педагогахъ вообще, большинство которыхъ у насъ было и есть ниже самой слабой критики.

Кажется, послѣ Головнина вы не отыщете у насъ ни одного министра народнаго просвѣщенія, который бы отвѣчалъ своему назначенію и пользовался авторитетомъ среди учащаго и учащагося персонала.

Въ 1880 году, подъ вліяніемъ «либеральныхъ» идей графа Лорисъ-Меликова, злополучный графъ Д. А. Толстой (который долгое время самъ бралъ уроки латинскаго языка у какого-то чеха, но не выучился даже правильно склонять слова *mensa*) былъ, при всеобщемъ ликованіи Россіи, удаленъ отъ должности, и на его мѣсто назначенъ тогдашній попечитель дерптскаго учебнаго округа, нынѣ здравствующій А. А. Сабуровъ. Однако дѣло не пошло лучше. Сабуровъ не могъ исполнить всего того, что хотѣлъ и что обѣщаль учащейся молодежи, и вскорѣ принужденъ былъ уйти, послѣ устроеннаго ему студентами на университетскомъ актѣ громкаго скандала.

Мнѣ все время казалось и, припоминая прошлое, кажется и теперь, что самымъ подходящимъ министромъ народнаго просвѣщенія былъ бы у насъ М. Н. Катковъ, который п о к а з а л ъ на своемъ лицѣ, какъ нужно и должно преподавать классицизмъ въ средней школѣ, если ужъ безъ него совсѣмъ нельзя обойтись. Я знаю, что Каткову предлагали этотъ постъ, но онъ отъ него уклонялся, и это вполне понятно, такъ какъ онъ былъ, по существу, гораздо болѣе публицистъ, чѣмъ педагогъ, и не хотѣлъ оставлять редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей».

Про Каткова въ свое время очень много писали и говорили. Ставши изъ ревностнаго англomана, друга Герцена и Бакунина и либеральнаго профессора московскаго университета, лишеннаго за «излишнее свободомысліе» кафедры, представителемъ архиправаго направленія и редакторомъ офиціоза,—Катковъ, естественно, возбуждалъ пареканія въ «измѣнѣ» своимъ прежнимъ убѣжденіямъ, при чемъ злобно утверждали, что онъ сталъ «правымъ» изъ-за матеріальныхъ расчетовъ, получивъ выгодную аренду на «Московскія Вѣдомости». Въ московскомъ Англійскомъ клубѣ кто-то сострилъ про Каткова: «онъ былъ сначала красный, потомъ вдругъ сталъ бѣлый, а теперь сдѣлался ужъ грязный». Это злобно и невѣрно.

Я съ юныхъ лѣтъ былъ близокъ къ семьѣ Каткова, съ младшими сыновьями котораго былъ товарищемъ по лицу, и много разъ въ теченіе многихъ лѣтъ видѣлъ и слышалъ Каткова въ разныхъ обстоятельствахъ и обстановкахъ. Мнѣ лично всегда казалось, что его консерватизмъ былъ не лживымъ. Я не разъ слышалъ, какъ Катковъ развивалъ мысль о невозможности оставаться всю

жизнь на одной точкѣ зрѣнія, что надо плыть по волнамъ жизни, а не безцѣльно бороться съ ними, что часто то, что кажется въ молодости «святыней», представляется потомъ только «красивыми словами», и что суровая дѣйствительность требуетъ жертвъ и отреченій отъ несбыточныхъ утопій...

Во всякомъ случаѣ консерватизмъ Каткова былъ окруженъ ореоломъ недюжиннаго философскаго ума и яркаго литературнаго таланта, и его передовыя статьи читались всегда со вниманіемъ и удовольствіемъ; онѣ имѣли вліяніе въ «сферахъ», и къ нимъ прислушались даже за границей.

Однако Катковъ никогда не пользовался симпатіями широкихъ круговъ, и на него охотно писались разные памфлеты. Вотъ одинъ, записанный мною въ 1875 г. и не бывшій въ печати:

Кто всей Россіей управляетъ,
Министровъ ставитъ и смѣняетъ?
Кто насъ сберегъ отъ разныхъ ковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто усмирилъ сепаратистовъ
И въ грязь втопталъ всѣхъ нигилистовъ?
Кто русскихъ спасъ отъ поляковъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, убоясь естествознанья,
Какъ страшной гидры отрицанья,
Спасъ отъ него насъ, дураковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто придумалъ для спасенья
Латинскихъ классиковъ творенья,
Поднявши мертвыхъ изъ гробовъ?
М. Н. Катковъ.

Кто основалъ лицей, въ которомъ,
Классическимъ питая вздоромъ,
Готовятъ родинѣ сыновъ?
М. Н. Катковъ.

Кто, увлеченъ единоборствомъ,
Дрался съ Искандеромъ ¹⁾ съ упорствомъ,
Чуть не дойдя до кулаковъ?
М. Н. Катковъ.

И кто вдругъ сталъ изъ англomана
На стражѣ русскаго дурмана,
Плетей, доносовъ, кабаковъ?..
М. Н. Катковъ.

По намъ всего не перечестъ,
Что дѣлаетъ Каткову честь...
Итакъ, не тратя лишнихъ словъ,
Кричите всѣ: ура, Катковъ!..

¹⁾ Псевдонимъ А. И. Герцена.

М. Н. Каткова обыкновенно считают у нас творцом классицизма и изливают на него одного свое негодование.

Это не совсем так и потому несправедливо.

Катковъ участвовалъ въ разработкѣ общей системы введенія классицизма въ нашихъ гимназіяхъ, въ смыслѣ постановки древнихъ языковъ краеугольнымъ камнемъ программы средней школы, какъ это издавна практикуется въ Англіи, не возбуждая собой неудовольствія. Однако самое примѣненіе системы и ея выполненіе всецѣло уже зависѣло отъ другихъ лицъ и главнымъ образомъ отъ графа Д. А. Толстого, сдѣлавшаго изъ классицизма, въ порывѣ излишняго рабскаго усердія, какое-то жестокое чудовище, наводящее, какъ очковая змѣя, паническій ужасъ и на воспитанниковъ, и на ихъ несчастныхъ родителей!

Повторяю, я глубоко увѣренъ, что если бы въ годину введенія классической системы въ Россіи министромъ народнаго просвѣщенія былъ не кто иной, какъ Катковъ, то посажденіе въ нашей школѣ языковъ Греціи и Рима не вызвало бы никакихъ недоразумѣній. Доказательство налицо: въ созданномъ Катковымъ лицей классики проходились не только не въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ прочихъ нашихъ гимназіяхъ, а, наоборотъ, въ большемъ (въ VIII классѣ мы могли болѣе или менѣе свободно понимать любого древняго автора à livre ouvert, чего гимназисты никогда не достигали), и тѣмъ не менѣе въ лицей классицизмъ рѣшительно никогда не вызывалъ ровню никакихъ неудовольствій или оппозицій и въ это прекрасно поставленное учебное заведеніе родители очень охотно отдавали своихъ дѣтей, несмотря даже на очень высокую плату за ученіе.

Въ частной жизни М. Н. Катковъ былъ человѣкомъ большихъ личныхъ достоинствъ.

Прежде всего это былъ гуманный и заботливый хозяинъ своей типографіи. Вся редакція «Московскихъ Вѣдомостей» и наборщики его буквально боготворили. Это что-нибудь значить.

Въ своей семьѣ ¹⁾ М. Н. Катковъ былъ радушный и привѣтливый хозяинъ, хотя, конечно, больше сидѣвшій у себя въ кабинетѣ за статьями и корректурами. Воспитанники лицея также его уважали и, будучи въ старшихъ классахъ, постоянно бывали у него въ домѣ на Страстномъ бульварѣ, который былъ, конечно, одинъ изъ интереснѣйшихъ въ Москвѣ.

Послѣ смерти Каткова, въ 1883 г., редактированіе «Московскихъ Вѣдомостей» перешло сначала къ С. А. Петровскому, сотруднику

¹⁾ Мать М. Н. Каткова была грузинка (О. Тулаева), и женатъ онъ былъ на грузинкѣ—княжнѣ С. П. Шаликовой, отецъ которой, князь П. И. Шаликовъ, издавалъ дамскій журналъ, вызывавшій очень злыя насмѣшки А. С. Пушкина.

названной газеты, а затѣмъ къ другому ся бывшему сотруднику— В. А. Грингмуту.

Послѣ Каткова «Московскія Вѣдомости», разумѣется, сразу же утратили свою прежнюю физиономію и все прежнее значеніе. Навсегда замолкъ въ нихъ горячій, рѣзкій и смѣлый голосъ его передовыхъ статей, доставлявшій нѣкогда ихъ автору такую массу тайныхъ и явныхъ враговъ, и замелькали скромныя передовицы на разныя благонамѣренныя темы, напоминавшія собою какія-то ученическія упражненія, а не газетныя статьи. При С. Петровскомъ изданіе велось все-таки весьма изрядно, но когда оно понало затѣмъ въ руки В. А. Грингмуту, то измѣнилось къ худшему до неузнаваемости.

С. А. Петровскій держалъ себя скромно и непритязательно, съ тактомъ и достоинствомъ; что же касается В. Грингмута, то, получивъ аренду «Московскихъ Вѣдомостей», онъ одновременно получилъ и «манію величія».

Будучи совершенно бездарнымъ сотрудникомъ «Московскихъ Вѣдомостей» и столь же неудачнымъ педагогомъ, В. Грингмутъ вдругъ задался мыслию сдѣлаться «вторымъ Катковымъ».

Изъ этой посылки, разумѣется, ровно ничего не вышло: могъ ли замѣнить безталантный человѣкъ, лишенный при этомъ всякаго литературнаго дарованія, умнаго и талантливаго публициста, хотя бы и ультра-консерватора, какимъ былъ Катковъ, статьи котораго вызывали нерѣдко одобреніе даже среди его политическихъ враговъ? Конечно, нѣтъ.

«Московскія Вѣдомости» при Грингмутѣ стали все больше и больше терять значеніе и приняла постепенно ту антипатичную окраску, которую теперь обыкновенно принято называть «черно-сотенной». Съ ними давно уже перестали считаться, и онѣ, перейдя послѣ Грингмута къ «раскаившемуся» бывшему революціонеру Льву Тихомирову, существуютъ, кажется, только по инерціи: ихъ все равно никто не читаетъ.

Въ «сферахъ» В. Грингмутъ никогда не имѣлъ никакого значенія. Однако бывший министръ внутреннихъ дѣлъ И. Л. Горемыкинъ предлагалъ ему, будто бы, какъ миѣ лично рассказывалъ самъ Грингмутъ, постъ начальника главнаго управленія по дѣламъ печати, освободившійся послѣ ухода Е. М. Феоктистова.

— Я категорически отъ этого отказался, — передавалъ миѣ Грингмутъ: — обративъ вниманіе министра на то, что я человѣкъ извѣстной партіи и поэтому не могу быть руководителемъ печати, такъ какъ каждый мой шагъ будетъ вызывать нареканія и неудовольствія.

Министръ на это возразилъ, что правое направленіе не можетъ еще быть причиной исключительныхъ нареканій и что начальникъ печати вообще долженъ быть охранительнаго направленія и инымъ даже не можетъ быть.

— Я, однако, настаивалъ на своемъ, —разсказывалъ Грингмутъ:— заявивъ, что у меня своя особая роль въ печати и что моя партія исключительно патріотическая, а потому такой человѣкъ, какъ я, не можетъ быть чиновникомъ, но только—публицистомъ! Конечно, это предложеніе было сдѣлано, чтобы навсегда оторвать меня отъ «Московскихъ Вѣдомостей»: я это прекрасно понялъ! Но я не сдался.

Послѣ этого разговора начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати былъ назначенъ М. П. Соловьевъ.

Про Грингмута, державшаго себя съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ редакторомъ, очень важно и, дѣйствительно, кажется, серьезно воображавшаго, что онъ спасаетъ отъ чего-то или кого-то отечество и исполняетъ какую-то особую миссію, ходило въ Москвѣ немало разныхъ анекдотовъ и на него писали шуточные стишки. Его фамилію, напримѣръ, шутя объясняли двумя нѣмецкими словами *ge-ting* и *muth*, т.-е. «малохрабрый».

Вотъ одно изъ такихъ стихотвореній, относящееся къ болѣе позднему времени и наиболѣе удачное.

Грингмутъ, чухна пль іудей
 (Намъ съ нимъ не удалось знакомство),
 Рѣшилъ Катковымъ стать, ей-ей,
 Чтобы вѣрнѣй спастъ потомство.
 Онъ за статью каталъ статью,
 Взоръ обращалъ горѣ и долу,
 И самъ перстами десятью
 Казнилъ измѣну и крамолу!
 Онъ обливался, какъ водой,
 Въ борьбѣ съ врагомъ обильнымъ потомъ—
 И прихлебателей гурьбой
 Былъ названъ «первымъ патріотомъ».
 «Вѣдомостей Московскихъ» соль
 Онъ разбавлялъ лимоннымъ сокомъ
 И, плохо вызубривши роль,
 Игралъ ее не впрямь, а бокомъ,—
 Но, ахъ, мороча простаковъ
 Въ своемъ органѣ пресловутомъ,
 Онъ все жъ не сталъ второй Катковъ
 И оставался лишь Грингмутомъ.

II.

Въ послѣднее время опять заговорили объ И. С. Тургеневѣ... Еще недавно были напечатаны въ «Историческомъ Вѣстникѣ» прекрасныя страницы, посвященныя А. Г. Олсуфьевой послѣднимъ днямъ Тургенева, который, будучи славой Россіи и творцомъ «Записокъ охотника», ставшихъ зарею освобожденія крестьянъ, медленно и мучительно умиралъ въ 1883 г., одинокій и всеми брошенный, въ мансардѣ роскошнаго отеля своей французской возлюблен-

ной, всю жизнь неустанно эксплуатировавшей этого ручного «русского медвѣдя».

Всѣмъ, кто лично знавалъ Тургенева, всегда казалось до послѣдней степени страннымъ и совершенно необычнымъ, какъ онъ, такой нравственно-чистоплотный и въ жизни и въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ, создавшій чистѣйшій образъ Лизы «Дворянскаго гнѣзда» и никогда и нигдѣ не шокировавшій ни однимъ вульгарнымъ словомъ своихъ читателей, могъ всю свою долгую жизнь покорно мучиться унижительной ролью фаворита Полины Віардо и разыгрывать тріо подъ одной кровлей съ ея почтеннымъ супругомъ.

Это пикантное «ménage à trois» до такой степени не вязалось съ понятіемъ о высокой порядочности Тургенева, что даже его многочисленные парижскіе друзья, которые ко всякимъ семейнымъ фокусамъ съ дѣтства привыкли и которымъ ничто не въ диковинку, искренно удивлялись этой непонятной и несчастной сторонѣ существованія Тургенева и отъ души его жалѣли.

Самая жизнь Тургенева у Віардо была какая-то удивительная: его все куда-то прятали и помѣщали чуть не на чердакѣ. Отчасти, впрочемъ, это происходило, можетъ быть, и не безъ воли самого Тургенева, которому всегда было нѣсколько стыдно той высокодвусмысленной роли, которую онъ сознательно игралъ въ семействѣ Віардо, и вотъ онъ какъ бы невольно прятался отъ постороннихъ глазъ.

Я сказалъ «высокодвусмысленной», такъ какъ, въ сущности, онъ никогда не былъ Антоніемъ, какъ и Віардо—Клеопатрой... Не забывайте, что она была испанкой съ еврейской кровью, для которой матеріальный расчетъ былъ превыше всякихъ иныхъ соображеній. Видя безграничную привязанность къ себѣ русскаго богача, Віардо сообразила всѣ выгоды ихъ «дружбы», позволяла себя любить и извлекала изъ своей жертвы пользу до самой смерти несчастнаго писателя. Иногда, конечно, она снисходила до игры въ стрѣлы Амура, но это, по мѣткому выраженію Д. В. Григоровича, бывало такъ же рѣдко и исключительно, какъ звѣзды и табакерки, которыми награждаютъ за вѣрную службу.

Объ отношеніяхъ Віардо къ Тургеневу, попавшему въ когти хитрой еврейки, всѣ въ Парижѣ прекрасно знали, и мой покойный отецъ, который не разъ бывалъ въ Парижѣ по дѣламъ, подробно мнѣ объ этомъ рассказывалъ именно такъ, какъ самъ слышалъ (въ семидесятыхъ годахъ) отъ парижскихъ знакомыхъ.

Совершенно невѣроятно, чтобы Тургеневъ не чувствовалъ всего этого самъ, не тяготился, не мучился этимъ униженіемъ, которое, какъ я сказалъ, ни для кого въ Парижѣ не было секретомъ, но тѣмъ не менѣе влачилъ свое жалкое существованіе въ пятомъ этажѣ дома Віардо (имъ же для нея и ея почтеннаго супруга купленнаго и ей подареннаго) на улицѣ Донэ, а лѣтомъ въ Буживалѣ, на ея дачѣ,

въ покупкѣ которой онъ тоже участвовалъ (Villa les Trênes), гдѣ у него былъ свой особый крошечный домикъ, столь же бѣдно и неуютно меблированный, какъ и парижская мансарда.

Гдѣ же ключъ къ этой загадкѣ?

Его надо искать глужбе, чѣмъ бы казалось. Есть, конечно, люди до того слабovolные, что любая женщина, которая имъ понравится, можетъ, если пожелаетъ, привязать ихъ къ себѣ на всю жизнь и всецѣло овладѣть ихъ существомъ.

Въ данномъ случаѣ, однако, этого объясненія врядъ ли достаточно, чтобы понять ту роковую привязанность, которая держала умнаго, тонкаго и корректнаго Тургенева всю жизнь въ цѣпяхъ у Віардо, при невозможной и для каждаго унижительной обстановкѣ.

Я касался не разъ этой деликатной и любопытной темы въ откровенныхъ разговорахъ съ Я. П. Полонскимъ, котораго я хорошо зналъ и который съ юности былъ неразрывно друженъ съ Тургеневымъ и постоянно велъ съ нимъ интимную переписку.

Вотъ что я слышалъ по этому поводу въ разное время отъ Полонскаго.

— Отношенія Тургенева къ Віардо были, дѣйствительно, исключительныя, и я самъ не разъ надъ ними задумывался... Я касался иногда этого вопроса и въ бесѣдахъ съ Иваномъ Сергѣевичемъ, но бѣдно и съ величайшей осторожностью, чтобы какъ-нибудь невольно не уколоть его самолюбіе, и безъ того наболѣвшее. Иногда онъ просто отмалчивался, а иной разъ говорилъ, что всякій долженъ кого-нибудь разъ навсегда полюбить въ своей жизни и что онъ, еще будучи совсѣмъ молодымъ, привязался къ Віардо потому, что былъ глубоко несчастливъ въ своей семьѣ съ такой ужасной матерью-психопаткой, какова была пресловутая Варвара Петровна, и такимъ отцомъ, какъ Сергѣй Николаевичъ Тургеневъ, который буквально продалъ себя за долги богатой Варварѣ Петровнѣ, никогда не былъ ей вѣренъ и всю жизнь развратничалъ направо и налево... Вы знаете, конечно, что повѣсти «Первая любовь» и «Три портрета»—фотографіи съ Тургеневыхъ и Лутовиновыхъ. Однако бывало, что Тургеневъ признавался мнѣ, что Віардо имѣетъ надъ нимъ какое-то особое вліяніе, держа его у своихъ ногъ какими-то будто чарами, словно колдовствомъ, что онъ, когда ее видитъ, физически не можетъ не подчиниться ей, что это выше его силъ и что онъ находится въ ея присутствіи какъ бы подъ сильнѣйшимъ гипнозомъ... И это правда: стоило только Тургеневу уѣхать куда-нибудь изъ Парижа хоть не надолго,—въ Баденъ-Баденъ пить воды или къ себѣ, въ Спасское-Лутовиново, какъ этотъ «гипнозъ» постепенно исчезалъ и онъ говорилъ тогда о Віардо спокойно и даже критиковалъ ее! Но по возвращеніи въ Парижъ—все начиналось по-старому, и онъ опять попадалъ подъ гипнозъ... Какъ-то разъ онъ серьезно увѣрялъ меня, что Віардо колдунья, и говорилъ это до та-

кой степени убѣжденно, что я былъ пораженъ и сталъ возражать. смѣясь надъ суевѣріемъ Тургенева. «Ты напрасно смѣешься, Яковъ Петровичъ,—возразилъ онъ мнѣ:—колдуны всегда были и будутъ: у нихъ какая-то особая внутренняя сила надъ людьми, что бы тамъ ни говорили, и съ этимъ ничего не подѣлаешь». Въ другой разъ, когда я навѣщалъ его, больного, въ Парижѣ, Тургеневъ по уходѣ Віардо, которая долго съ нами сидѣла у его постели и была въ высшей степени мила и любезна, притянулъ меня къ себѣ за руку и прошепталъ мнѣ на ухо, какъ бы боясь звука своихъ собственныхъ словъ: «Ничему не вѣрь, что она говоритъ,—вѣдь это леди Макбетъ!» Это меня страшно поразило, но большой, какъ бы недовольный тѣмъ, что вдругъ сорвалось съ его языка, рѣзко перемѣнилъ разговоръ и сталъ давать мнѣ разныя маленькія порученія на завтра...

— Въ свой послѣдній прїѣздъ въ Спасское, въ 1880 г., незадолго до смерти, когда я съ моею семьей гостилъ у него въ деревнѣ, вдругъ получилось изъ Парижа отъ Віардо письмо, что ее укусила какая-то злокачественная муха и что щека страшно вздулась и болитъ. Боже мой, какъ заволновался бѣдный Тургеневъ! Должно быть, таинственный гипнозъ продолжался и на разстояніи... Онъ хотѣлъ немедленно летѣть въ Буживаль, но, на счастье, пришло новое извѣстіе, что Віардо лучше, что опухоль не опасна и проходить,—и онъ остался...

— А скажите, Яковъ Петровичъ,—спросилъ я:—какое лично на васъ производила впечатлѣніе Віардо?

Полонскій довольно долго молчалъ, тихо шевеля полупотухшей сигарой въ зубахъ и задумчиво глядя на догоравшее пламя камина, и наконецъ медленно произнесъ:

— На меня она тоже, надо признаться, дѣйствовала всегда какъ-то особенно. Я приходилъ къ Тургеневу возмущенный Віардо въ глубинѣ души (какъ и многіе русскіе) и всякій разъ хотѣлъ быть съ ней какъ можно холоднѣе и даже сказать ей что-нибудь колкое, язвительное, но, представьте себѣ: стоило ей только показаться и взглянуть на меня своими громадными черными глазами, какъ я дѣлался послушенъ, какъ ягненокъ, и никакія колкости не сходили съ языка. А когда она смѣялась чуднымъ заразительнымъ смѣхомъ, то и я принимался смѣяться и былъ съ ней не только не холодею, но, напротивъ, очень любезенъ...

— Значить, гипнозъ дѣйствовалъ и на другихъ?

— Очевидно... Не забывайте, что Віардо была натура исключительная. Не даромъ она была такъ горячо любима публикой, имѣла повсюду громадный успѣхъ и просто обожаема своими учениками и ученицами. Съ Тургеневымъ, при мнѣ, по крайней мѣрѣ, она обращалась, какъ съ добрымъ, старымъ другомъ и близкимъ роднымъ. Общеніе съ такой женщиной, передъ которой преклонялась толпа, что-нибудь да значить... Геній покоряеть.

И Полонскій сталъ раскуривать совѣмъ потухшую сигару.

Про Полину Віардо-Гарчіа мнѣ приходилось говорить также съ ея бывшими ученицами, моими соотечественницами. Одна изъ нихъ, г-жа М., особенно много рассказывала мнѣ про знаменитую пѣвицу, вспоминая о ней съ большой симпатіей. Она говорила, что у Віардо былъ, правда, довольно тяжелый характеръ отъ разстройства нервной системы, вслѣдствіе преподавательской дѣятельности, но что въ интимной обстановкѣ она была очаровательна и по натурѣ добра и отзывчива. Г-жа М. вспоминала, конечно, и про Тургенева, для котораго Віардо играла и пѣла русскіе романсы, переводимые Тургеневымъ по-французски. Въ ея домѣ бывали интересные вечера и домашніе маскарады, на которые собирались корифеи художественнаго и свѣтскаго Парижа. Тамъ разыгрывались веселыя шарады въ лицахъ, или какое-нибудь слово загадывалось и представлялось въ дѣйствиіи и надо было его отгадать. Г-жа М. хорошо помнила, какъ однажды долго не могли разгадать простого слова *oxigène* (кислородъ), которое изображали трое: г-нъ Віардо, Э. Ренавъ и Тургеневъ. Г-нъ Віардо долженъ былъ при разговорѣ съ нимъ ловко вставлять слогъ *ос* (т.-е. «да» въ нарѣчій *langue d'os*), Э. Ренавъ—*сі* (но отнюдь не сказать *оші*), а Тургеневъ ходилъ, прихрамывая, по залѣ, охая и кряхтя, молча, комическимъ жестомъ указывая на больную ногу, потомъ усѣлся на диванъ и, при общемъ веселомъ смѣхѣ, сталъ стягивать съ себя сапогъ, такъ какъ онъ стѣсняетъ больную ногу (*gène*).

Съ И. С. Тургеневымъ я лично встрѣчался у Полонскихъ во время его прїѣздовъ изъ Франціи въ Петербургъ, потомъ видѣлъ его раза два на литературныхъ вечерахъ и, наконецъ, въ Москвѣ, кажется, въ 1880 году на очень торжественномъ утреннемъ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности (или, какъ говорили обыкновенно въ Москвѣ, «губителей россійской словесности»). Засѣданіе было особенно многолюдно, такъ какъ всѣ знали, что будетъ Тургеневъ, и въ актовъ залъ московскаго университета, гдѣ всегда происходили эти засѣданія, ломила вся Москва. На эстрадѣ засѣдали «губители»,—между прочимъ С. А. Юрьевъ съ необычайно эффектной сѣдой головой, профессоръ Стороженко, П. А. Безсоновъ, А. Э. Писемскій и пр. Настроеніе было нѣсколько приподнятое: ждали съ нетерпѣніемъ Тургенева и не открывали засѣданія. Наконецъ на порогѣ зала показалась его колоссальная фигура ярко-славянскаго типа, съ красивой головой, обрамленной бѣлой густой шевелюрой, и мощными плечами. Ему сразу зааплодировали, но тутъ совершенно неожиданно произошелъ инцидентъ; въ конецъ испортившій прекрасное настроеніе толпы: какой-то студентъ (какъ оказалось потомъ, юристъ четвертаго курса Викторъ) вдругъ сталъ читать съ хоръ, переполненныхъ студентами и вообще учащейся молодежью, рѣчь, обращенную къ Тургеневу, въ

которой довольно сердито журиль знаменитаго писателя за его будто бы не совсѣмъ ясное пониманіе «русской молодежи», выразившея въ его романахъ «Отцы и дѣти» и «Новь». Этотъ безтактный пассажъ былъ для всѣхъ сюрпризомъ... Тургеневъ, хотѣвшій было уже сѣсть на приготовленное ему мѣсто въ первомъ ряду, въ смущеніи остановился и выслушалъ неожиданную на себя критику стоя. Члены совѣта «общества словесности», которые тоже хотѣли привѣтствовать дорогаго гостя словомъ, поневолѣ принуждены были молчать и тоже слушать критическія упражненія Викторова. Университетское начальство немедленно распорядилось послать на хоры и задержать фонтанъ краснорѣчія словоохотливаго студента. Кажется, это воздѣйствовало, и ораторъ замолкъ. Тургеневъ, по-прежнему смущенный, раскланялся по направленію говорившаго, устремивъ глаза на университетскіе хоры, и усѣлся на свое кресло. Засѣданіе наконецъ началось, но настроеніе присутствующихъ было, какъ я сказалъ, уже испорчено. Тургенева, оказалось, встрѣтили не привѣтственнымъ словомъ, а безтактною выходкою зеленаго студента.

Про Тургенева часто говорили, что онъ себя держалъ, будто бы, «литературнымъ генераломъ». Это неправда. Конечно, будучи прирожденнымъ бариномъ-аристократомъ, онъ не былъ похожъ на литературную болему, къ которой принадлежали и принадлежатъ многіе представители нашей «пишущей братіи», и отсюда эти разговоры о его «генеральствѣ». Тургеневъ, напротивъ, держалъ себя со всѣми и всегда очень просто и привѣтливо, будучи прекрасно воспитаннымъ и по натурѣ чрезвычайно добрымъ и отзывчивымъ человекомъ, и въ немъ никогда не замѣчалось ни чванливости, ни напыщенности. Между прочимъ Ф. М. Достоевскій, не любившій Тургенева, въ виду большого несходства ихъ талантовъ и характеровъ, желалъ вышутить его въ лицѣ писателя Кармазинова въ романѣ «Вѣсы», но эту злую попытку никакъ нельзя назвать удачною, — Кармазиновъ ничѣмъ не напоминаетъ Тургенева: это какой-то моветонъ, а не баринъ, какимъ Тургеневъ прежде всего былъ.

Въ домѣ Полонскихъ И. С. Тургеневъ чувствовалъ себя, конечно, наиболѣе по себѣ. Кто изъ петербуржцевъ не помнитъ этихъ знаменитыхъ «пятницъ» Я. П. Полонскаго, гдѣ можно было встрѣтить литературно-художественныя сливки? Здѣсь всегда велись непринужденныя и интересныя бесѣды, и люди, часто весьма различныхъ направленій, мирно обмѣнивались здѣсь мыслями, въ той прелестной атмосферѣ культурной незлобивости и терпимости къ чужимъ убѣжденіямъ, которую удалось создать у себя въ домѣ нашему симпатичнѣйшему изъ поэтовъ послѣдняго времени.

Между прочимъ постояннымъ гостемъ на упомянутыхъ «пятницахъ» былъ нѣкто Владимиръ Дмитріевичъ Аленицынъ, нынѣ уже умершій, близкій знакомый Полонскихъ, служившій въ статисти-

ческомъ комитетѣ, очень образованный и ученый (магистръ зоологiи) и симпатичный человекъ, по отличавшійся вмѣстѣ съ тѣмъ и необычайными странностями. Такъ, увидѣвши всего одинъ разъ въ жизни известную въ свое время весьма талантливую петербургскую актрису Кадмину, Аленицынъ вдругъ въ нее безумно влюбился и, вѣрнѣе, представилъ себѣ, что онъ въ нее влюбленъ. Не перемолвившись съ ней ни единымъ словомъ, да и не ища, кажется, свиданья со своимъ кумиромъ, Аленицынъ безъ усталы писалъ и посвящалъ избранницѣ своего сердца всевозможныя стихотворенiя и написалъ даже цѣлую пьесу подъ названiемъ «Актрисы», въ которой героиней является, конечно, Кадмина. Съ этой пьесой онъ ходилъ по знакомымъ и читалъ свое произведенiе, которое было весьма слабымъ. Мало того, не будучи вовсе музыкантомъ и не имѣя ни малѣйшаго понятiя о композици, поклонникъ Кадминой посвящалъ ей романсы и печаталъ ихъ на веленовой бумагѣ съ изображенiемъ актрисы на заглавномъ листѣ. Можете представить, что это была за музыка! Послѣ внезапной смерти Кадминой, окончившей жизнь самоубiйствомъ, Аленицынъ долгое время былъ въ глубокой меланхоли и повѣсилъ предъ своимъ письменнымъ столомъ громадный фотографическiй портретъ актрисы въ черной бархатной рамѣ. Этотъ портретъ долго висѣлъ въ его кабинетѣ и былъ имъ снятъ только тогда, когда своеобразный поклонникъ Кадминой наконецъ женился и забылъ о своемъ горѣ.

Объ этой удивительной исторiи Тургеневъ слышалъ отъ Полоцкихъ, у которыхъ встрѣчался и съ В. Д. Аленицынымъ, и она послужила сюжетомъ его повѣсти «Клара Милитъ».

III.

У Я. П. Полонскаго я видѣлъ и О. М. Достоевскаго. Это былъ человекъ, который могъ мгновенно, отъ одного не поправившагося ему слова своего собесѣдника, вдругъ сразу закипятиться и наговорить ему кучу непрiятныхъ вещей. Въ немъ сказывался вездѣ и во всемъ его врожденный недугъ (эпилепсiя), наложившiй на всѣ его произведенiя большой художественный недочетъ и особый отпечатокъ болѣзненности, дѣлающей ихъ интересными, главнымъ образомъ, съ психопатологической точки зрѣнiя. Въ послѣднiе годы жизни Достоевскiй, какъ и графъ Л. Н. Толстой, сталъ впадать въ «проповѣдническiй» тонъ. Это особенно рѣзко сказалось на Пушкинскомъ юбилеѣ въ Москвѣ, гдѣ Достоевскiй произнесъ вдохновенную рѣчь, посвященную великому поэту, и прочелъ его стихотворенiе «Пророкъ» такъ, какъ никто никогда его не читалъ и не прочитаетъ. Я былъ на этомъ историческомъ юбилеѣ, и до сихъ поръ не могу забыть ни этихъ удивительныхъ глазъ, загадочно устремленныхъ куда-то вгiр мiра, ни этого то полусшепота, то звенящаго

призыва послѣднихъ строкъ, полного заразительной экзальтаціи! Громадный залъ Дворянскаго собранія былъ снизу доверху переполненъ тысячной толпой, которая переживала вмѣстѣ съ Достоевскимъ всѣ тѣ мучительныя и вмѣстѣ сладкія минуты вдохновенія, которыя онъ самъ тогда въ глубинѣ души испытывалъ, становясь какъ бы дѣйствительно пророкомъ, ведущимъ толпу къ высочайшему подъему духа и жегшимъ сердца людей. Тутъ же въ залѣ со многими дѣлалось дурно, нѣсколько дамъ впади въ глубокій обморокъ, съ однимъ юношей, на моихъ глазахъ, сдѣлался припадокъ надучей... Такъ была потрясена толпа, наградившая писателя безконечно бурными рукоплесканіями.

Какъ жаль, что въ этотъ счастливѣйшій для Достоевскаго день съ нимъ не была въ Москвѣ его вдова, пылѣ здравствующая А. Г. Достоевская, вѣрный другъ и неустанная помощница своего знаменитаго мужа, бывшая его гениемъ-хранителемъ до самыхъ послѣднихъ минутъ его тяжелой и омраченной страданіями жизни.

Въ домѣ графини С. А. Толстой, вдовы графа Алексѣя Константиновича Толстого, О. М. Достоевскій былъ также всегда желаннымъ гостемъ. Онъ издавалъ тогда свой «Дневникъ писателя», имѣвшій успѣхъ, и сталъ принимать тотъ проповѣдническій тонъ, которымъ кончали многіе наши писатели, впадая въ какой-то особый славянскій мистицизмъ. Въ аристократическомъ салонѣ графини, въ которомъ собирався цвѣтъ столичнаго общества и который удостоивали своимъ посѣщеніемъ августѣйшія особы, Достоевскій горячо развивалъ свою излюбленную теорію о «всечеловѣчествѣ» Пушкина (которой онъ такъ увлекъ присутствовавшихъ на Пушкинскомъ юбилеѣ) и міровой роли Россіи.

Эта фантастическая и самолюбивая теорія никогда не исчезала у насъ въ Россіи, старательно поддерживаемая московскими славянофилами, которые устами А. С. Хомякова и И. С. Аксакова увѣряли, что Россія велика своимъ «смиреніемъ», бѣдностью, темнотой, т. е. именно всѣми тѣми врядъ ли цѣнными качествами, которыя всегда такъ рѣзко отличали ее отъ культуры Западной Европы и держали въ отсталости и оскудѣніи.

Отчасти къ пионерамъ этой же самой тормозящей русскую жизнь «славянскои идеи», по существу приносившей намъ всегда одинъ только вредъ и ослабѣвшей лишь недавно, съ введеніемъ у насъ новаго строя, сблизившаго Россіи въ Западомъ, принадлежалъ и Вл. Серг. Соловьевъ.

Хотя Вл. Соловьевъ постоянно полемизировалъ съ славянофильскими идеями Н. Н. Страхова, носившагося съ пресловутой книгой Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа», противопоставляя имъ западную цивилизацію, но тоже проповѣдывалъ о какомъ-то особомъ въ исторіи назначеніи Россіи. Онъ говорилъ, что Россія когда-то скажетъ міру какое-то особое слово. Когда къ Соловьеву

приступали съ разспросами, что же это за «слово», онъ не открывалъ этой тайны и переводилъ разговоръ на другія темы.

Самое увлеченіе его католичествомъ, о которомъ такъ много говорили, называя его почему-то даже «Соловьевъ-католикъ», носило совсѣмъ не тотъ характеръ, который ему придавали. Я никогда не слышалъ изъ устъ Вл. Соловьева особыхъ восторговъ по адресу католичества; хотя, конечно, онъ не могъ, какъ и всякій образованный человѣкъ, отрицать благотворное значеніе католичества для западной цивилизаціи, но онъ ставилъ задачей своей жизни вовсе не обращеніе Россіи на путь католицизма, какъ опять-таки, по недоразумѣнію (столь свойственному нашему обществу), многіе предполагали, а, наоборотъ, соединеніе католической церкви съ нашей путемъ разныхъ компромиссовъ съ обѣихъ сторонъ въ сферѣ папскаго цезаризма. Этой симпатичной идеей онъ былъ, дѣйствительно, поглощенъ, но никакого преклоненія предъ католичествомъ и, еще того менѣе, иезуитизмомъ въ Вл. Соловьевѣ никогда не было.

Появившееся не такъ давно въ газетахъ сообщеніе русскаго католическаго священника Толстого о томъ, что Соловьевъ причащался у него на квартирѣ, въ Москвѣ, по католическому обряду, было для всѣхъ, хорошо знавшихъ Соловьева, большимъ сюрпризомъ, такъ какъ никто никогда объ этомъ случаѣ при жизни Соловьева не зналъ и не слышалъ ни отъ самого Соловьева, ни отъ его друзей и близкихъ знакомыхъ. Товарищъ Соловьева по университету московскій профессоръ Левъ Лопатинъ печатно заявилъ, что никогда сообщеннаго инцидента не слышалъ. Допустимъ, однако, что Вл. Соловьевъ дѣйствительно причастился когда-нибудь по католическому обряду, т. е. принялъ изъ святой чаши облатку при чтеніи соответствующей молитвы, но это еще очень далеко до «перехода» Вл. Соловьева въ католичество, какъ заговорили въ обществѣ послѣ упомянутаго сообщенія патера Толстого: переходъ въ другое исповѣданіе совершается совсѣмъ иными путями и при иной обстановкѣ.

Личность нашего русскаго фалософа, ставшаго въ двадцать одинъ годъ профессоромъ и написавшаго замѣченную всѣмъ ученымъ міромъ книгу «Кризисъ западной философіи», была въ высокой степени оригинальная, но совершенно неуравновѣшенная и до такой степени болѣзненно-нервная, особенно въ послѣдніе годы жизни, что о Соловьевѣ нельзя судить, какъ о нормальномъ субъектѣ.

Его увлеченіе спиритизмомъ и поѣздка, въ молодые годы, на Востокъ, вслѣдъ за какой-то «розовой тѣнью», которая его туда манила, чего стоить! А его наивная вѣра въ «чертей», каковыя его всюду сопровождали, о чемъ нашъ ученый радѣтель о соединеніи церковей Россіи и Запада ничуть не стѣнялся печатать на страницахъ толстыхъ журналовъ, что совершенно недопустимо у здороваго человѣка, а его психопатическая лекція объ антихристѣ,

о которомъ онъ также, безъ малѣйшаго колебанія, толковалъ, какъ о реальномъ существѣ,—развѣ все это не мѣшаетъ судить о Соловьевѣ серьезно и говорить о немъ безъ многочисленныхъ отговорокъ?

Я былъ знакомъ съ Вл. Соловьевымъ много лѣтъ и всегда искренно удивлялся изумительной измѣнчивости его натуры: то онъ подчинялъ себя аскетическимъ подвигамъ, сидѣлъ на строгой діетѣ, то усердно пилъ мозельвейнъ, такъ какъ въ немъ, будто, много фосфора, а это полезно отъ анеміи мозга, которой Соловьевъ, по его собственному признанію, постоянно страдалъ, то отрицалъ женщинъ и женскій вопросъ, то, казалось, былъ не прочь ими увлекаться, то виталъ въ высочайшей мистикѣ, то рассказывалъ довольно скоромные анекдоты... Въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми это былъ довольно пріятный и обязательный человѣкъ, но, въ сущности, въ немъ было немного внутренней теплоты и сердечной привязчивости, что видно и изъ недавно изданныхъ въ свѣтъ его писемъ.

Я помню слѣдующій любопытный случай, который произошелъ на моихъ глазахъ съ Вл. Соловьевымъ въ 1890 или 1891 году.

Въ этотъ годъ по Петербургу ходила по рукамъ, для собиранія подписей, петиція на имя государя о предоставленіи евреямъ въ Россіи тѣхъ же гражданскихъ правъ, которыми пользуются коренные русскіе люди.

Происходя самъ, по матери, изъ еврейскаго племени, Вл. Соловьевъ очень сочувствовалъ этому вопросу, принималъ въ немъ живѣйшее участіе и чрезъ своихъ высокопоставленныхъ знакомыхъ всячески старался провести петицію въ благопріятномъ смыслѣ.

Разъ какъ-то я зашелъ навѣстить Соловьева въ «Европейскую гостиницу», гдѣ онъ подолгу жила въ пріѣзды свои въ Петербургъ изъ Москвы или Финляндіи и засталъ его въ большомъ волненіи: на дняхъ должна была рѣшиться участь еврейской петиціи.

Мы едва перемолвились нѣсколькими фразами, какъ въ дверь постучались: вошелъ слуга-нѣмецъ и, сообщая, что отецъ Іоаннъ Кронштадтскій только что вошелъ въ одинъ изъ номеровъ нашего коридора, любезно предложилъ намъ выйти и воспользоваться этимъ удачнымъ моментомъ, чтобы получить его благословеніе.

Мы сейчасъ же вышли и, вмѣстѣ съ другими жильцами коридора, стали дожидаться у дверей одной изъ комнатъ.

Черезъ нѣкоторое время дверь открылась, и на порогѣ появился отецъ Іоаннъ, сопровождаемый прощавшейся съ нимъ четой, по видимому, мужемъ и женою.

Мы оба лично знали отца Іоанна, и онъ, издали насъ завидя, направился къ намъ съ ласковой улыбкой.

Мы подошли подъ его благословеніе.

— Ну, что же, Владимиръ Сергѣевичъ, какъ ты теперь поживаешь?—спросилъ онъ прівѣтливо у нашего философа.

Соловьевъ какъ будто нѣсколько смутился и вдругъ, какъ бы побѣждая въ себѣ нѣкоторое колебаніе, сказалъ отцу Иоанну:

— Миѣ бы очень хотѣлось, батюшка, узнать ваше мнѣніе по одному дѣлу, которое теперь всего меня занимаетъ.

— Что же это за дѣло?—полюбопытствовалъ отецъ Иоаннъ и отошелъ съ нами немного въ сторону.

— Это дѣло великой важности и касается очень, очень многихъ,—я не могу сказать пока больше, но вы, отче, вы въ силахъ сказать миѣ, удастся ли оно?

Отецъ Иоаннъ молча воззрися на Соловьева, который почему-то еще болѣе смутился, подъ вліяніемъ ли этого взгляда, или, можетъ быть, въ виду присутствія постороннихъ, хотя ихъ, впрочемъ, было немного.

— Нѣтъ, мой другъ, ничего изъ твоей затѣи не выйдетъ!—рѣшительно произнесъ отецъ Иоаннъ.—Ты напрасно началъ свою затѣю—все это построено на пескѣ и никому отъ нея никакой пользы не жди... А затѣмъ да благословить тебя Господь въ путяхъ твоихъ!

И отецъ Иоаннъ торопливо, какъ всегда, перешелъ къ другимъ ожидавшимъ возлѣ насъ его слова и благословенія.

Изъ еврейской петиціи, дѣйствительно, ничего не вышло, что и обнаружилось черезъ день или два послѣ этой интересной встрѣчи. Государь Александръ III былъ крайне недоволенъ вмѣшательствомъ въ нее Вл. С. Соловьева, которому симпатизировалъ лично и въ память его знаменитаго отца-историка, и, только благодаря этому обстоятельству, Соловьева не постигла никакая кара. Его пригласилъ только къ себѣ тогдашній градоначальникъ П. А. Грессеръ и передалъ, по распоряженію свѣше, что въ случаѣ повторенія чего-либо подобнаго ему, Соловьева, удалять изъ Петербурга на болѣе или менѣе продолжительное время.

По этому поводу одинъ свѣтскій острословъ написалъ шуточные стихи, которые назывались «Сладостное свиданіе» и начинались такъ:

Ахъ, былъ въ этотъ день цвѣтъ небесъ сѣръ,
Когда вызывалъ его Грессеръ!..

На «пятницахъ» Полонскаго я встрѣчался съ А. Г. Рубинштейномъ.

Между прочимъ, баронъ Б. А. Фитингофъ, выдающійся композиторъ-диллетантъ, ученикъ знаменитаго Гензельта, обвинялъ А. Г. Рубинштейна въ томъ, что онъ воспользовался написанной имъ партитурой «Демона», которую баронъ отдалъ лишь на просмотръ А. Г., и поставилъ оперу на сцену подъ своимъ именемъ, выдавъ ее за свое собственное произведеніе.

Многіе говорили тогда, что это фантазія барона Фитингофа, отличававшаяся, дѣйствительно, склонностью, безъ малѣйшей злой

воли или каких-нибудь расчетов, къ преувеличеніямъ, но въ данномъ случаѣ баронъ былъ безусловно правъ, и я самъ слышалъ, какъ на одномъ свѣтскомъ благотворительномъ концертѣ, въ курительной комнатѣ, Антонъ Григорьевичъ говорилъ одному музыкальному критику слѣдующее. Я уже засталъ конецъ разговора.

— Конечно, я не стану отрицать, что основа «Демона» написана Фитингофомъ, но мнѣ пришлось надъ ней очень посидѣть, такъ какъ были длинноты, хромали хоры, нагроможденіе неразрѣшенныхъ мелодій задерживало одна другую, словомъ, разные были недочеты... Такъ что «Демонъ» столько же мой, сколько и Фитингофа... Къ тому же, давая оперу мнѣ, онъ по-дружески просилъ отшлифовать ее и поставить на сцену, такъ какъ не хотѣлъ съ ней больше возиться и не надѣялся на ея постановку. Я вовсе не похитилъ у барона «Демона» и онъ напрасно меня обвиняетъ, но я такъ много вложилъ въ него своего, что никакъ не могу допустить, что это опера Фитингофа. Я никогда въ жизни не занимался платіатомъ и никто не можетъ поставить мнѣ этого въ упрекъ!

Князей Шаховскихъ, Льва, Сергѣя и Николая Владимировичей, я знавалъ издавна, встрѣчая двухъ первыхъ еще студентами въ бывшей мнѣ близкой семьѣ князей Кугушевыхъ, въ Москвѣ, на Никитскомъ бульварѣ.

Тогда и Левъ и Сергѣй Шаховскіе весьма либеральничали, а младшій, князь Николай Владимировичъ, кончалъ гимназію и усердно сотрудничалъ въ клерикальныхъ «Современныхъ Извѣстіяхъ» у популярнаго тогда въ Москвѣ Никиты Петровича Гилярова-Платонова.

Затѣмъ Левъ Владимировичъ сильно поправѣлъ, сошелся съ Катковыми, женился, но страстной любви, на Варварѣ Михайловнѣ Катковой, старшей дочери М. Н. Каткова, служилъ по министерству иностранныхъ дѣлъ, психически хворалъ и умеръ сравнительно не старымъ человѣкомъ.

Князя Сергѣя я зналъ гораздо ближе. Это былъ талантливый и прямодушный, добрый и мягкій человѣкъ, но, къ величайшему сожалѣнію, слабый и неустойчивый, какъ большинство русскихъ людей. Будучи черниговскимъ губернаторомъ, онъ отличался свободомысліемъ, но, переведенный на тотъ же постъ въ Ревель, значительно измѣнился и возмнилъ себя «обрусителемъ» балтійскихъ окраинъ и насадителемъ тамъ несуществующей русской «культуры». Въ этомъ ultra-руссофильствѣ усердно помогала ему его супруга, лѣтъ на пятнадцать старше мужа, Елизавета Дмитриевна, дочь графа Д. А. Милютина, необычайное благочестіе и «патріотизмъ» которой получили себѣ достойную оцѣнку.

Съ княземъ С. Шаховскимъ въ Ревелѣ то и дѣло происходили всевозможные курьезы на почвѣ «борьбы» съ мѣстными баронами и пасторами.

Такъ, князь, будучи недоволенъ, что, прѣхавъ неожиданно съ визитомъ къ предводителю дворянства барону Э. А. Майделю, былъ встрѣченъ имъ въ домашней тужуркѣ, не замѣненной по недосугу болѣе торжественной одеждой, принялъ, въ свою очередь, предводителя, прѣхавшаго съ отвѣтнымъ визитомъ, чуть ли не въ халатѣ. Вице-губернаторъ А. П. Василевскій вель ту же «линію», и его жена, напримѣръ, дѣлая визиты, послала съ лакеемъ свою визитную карточку предводительшѣ, подѣхавъ къ ея дому въ каретѣ, когда отлично знала, что баронесса Майдель дома и принимаетъ.

Можете представить, какія отношенія существовали при такихъ «пассажахъ», совсѣмъ лишнихъ и никѣмъ не требуемыхъ изъ Петербурга, между Шаховскимъ и мѣстнымъ нѣмецкимъ обществомъ.

Система «обрусенія» князя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы дѣлать «нѣмцамъ» всякія непріятности, какъ будто отъ этого могло хоть на шагъ выиграть русское дѣло въ краѣ, которое постоянно хромало и хромаетъ на окраинахъ именно вслѣдствіе подобныхъ «обрусителей».

Такъ, въ Ревелѣ, на Вышгородѣ, среди старинныхъ историческихъ кирокъ былъ, благодаря настоятельнымъ хлопотамъ Шаховскихъ въ Петербургѣ, совершенно безъ всякой видимой надобности, возведенъ еще одинъ лишній православный храмъ, совершенно загородившій собою и безъ того крошечную площадку, на которую его втиснули. До того въ Ревелѣ было немало русскихъ церквей, и нужды въ новой не ощущалось, но это было нужно, чтобы сдѣлать «на зло нѣмцамъ».

При жизни Шаховской не увидѣлъ окончанья этой постройки: онъ скоропостижно скончался отъ болѣзни сердца, о наличности которой, кажется, самъ никогда не подозрѣвалъ.

Однако, при нѣкоторыхъ своихъ отрицательныхъ качествахъ администратора, занимавшагося исключительно раздраженіемъ ввѣреннаго ему района, князь Сергѣй Шаховской былъ добрый русскій баринъ, талантливый, неглупый и любознательный человекъ. Мѣстное русское общество ему симпатизировало, а нѣмецкое, признавая въ немъ все-таки корректнаго человека, принимало всѣ вышеприведенныя и другія подобныя его выходки за «политику».

Самымъ неудачнымъ изъ трехъ братьевъ былъ послѣдній—князь Николай Шаховской. Я бы совсѣмъ не сталъ говорить о немъ (такъ какъ онъ рѣшительно ничѣмъ, кромѣ удивительнаго двуличія, не замѣчателенъ), если бы онъ не былъ нѣкоторое время начальникомъ главнаго управленія по дѣламъ печати.

Нельзя не удивляться невольно, какъ такой во всѣхъ отношеніяхъ незначительный человекъ могъ сдѣлаться вдругъ вершителемъ судебъ русской прессы, но тогда придется еще больше изу-

миться, какимъ образомъ могъ попасть въ министры внутреннихъ дѣлъ назначившій его Д. С. Сипягинъ?

Появленіе князя Н. В. Шаховского во главѣ цензурнаго вѣдомства производило особенно отрицательное впечатлѣніе еще и потому, что онъ занялъ непосредственно кресло Михаила Петровича Соловьева, человека, можетъ быть, и не совсѣмъ иногда пріятнаго своимъ тяжелымъ характеромъ, но самобытнаго, европейски-образованнаго, умнаго и одареннаго большимъ художественнымъ талантомъ.

Если М. П. Соловьевъ собирался дѣлать то, чего ему совсѣмъ не слѣдовало, — самому «руководить» всей печатью въ Россіи и быть какъ бы «редакторомъ всѣхъ нашихъ изданій», то князь Николай Шаховской не задавался никакими планами и былъ въ полномъ восторгѣ, что, при помощи К. П. Побѣдоносцева, къ которому постоянно забѣгалъ со всѣхъ крылецъ, сѣлъ на хорошій «окладъ». Онъ жилъ въ свое удовольствіе, развѣзжалъ по всѣмъ театрамъ и одоужалъ казенными цензорскими креслами своихъ знакомыхъ, на службу являлся поздно и безцеремонно задерживалъ приходившихъ къ полудню чиновниковъ до восьмого часа, ведя въ своемъ кабинетѣ безкончныя бесѣды виѣлужебнаго характера со своими пріятелями, въ числѣ которыхъ былъ первѣйшимъ нынѣ уже умершій драматическій цензоръ С. С. Трубачевъ, игравшій при немъ роль «докладчика» (при чемъ онъ не только клалъ, но и носилъ). Въ сношеніяхъ съ цензорами князь былъ крайне безтактенъ, требуя къ себѣ ихъ донесенія комитету и дѣлая на поляхъ ихъ рапортовъ разныя насмѣшливыя замѣчанія по ихъ адресу, совершенно нетерпимыя въ служебной практикѣ. Многіе изъ обиженныхъ цензоровъ хотѣли было жаловаться на это министру, но отдумали, когда сообразили, кто былъ у насъ тогда министромъ внутреннихъ дѣлъ и чего можно было отъ него ожидать.

Когда вы входили въ кабинетъ къ начальнику печати и видѣли предъ собой его низенькую фигурку съ толстымъ брюшкомъ, по которому онъ часто похлопывалъ, жалуясь на ожирѣніе, на его красноватую безусую физиономію съ бороденкой голландскаго шкипера, рыжей шевелюрой и необычайно развязными манерами, то предъ вами невольно вставалъ образъ скорѣе какого-то провинціального буржуа, чѣмъ петербургскаго сановника. На своихъ красивыхъ, изящныхъ братьевъ князь Н. Шаховской былъ всего менѣе похожъ, ни лицомъ, ни манерами, ни характеромъ, такъ что, видя его вмѣстѣ съ ними, вы ни за что не приняли бы его за ихъ брата.

Его скандальная отставка была результатомъ его халатности въ отношеніи своихъ обязанностей. Оправдываясь въ пропускѣ извѣстнаго фельетона Амфитеатрова въ «Россіи», Н. Шаховской утверждалъ, что этотъ фельетонъ былъ такъ написанъ, что нельзя было сразу догадаться, о комъ шла рѣчь. Совсѣмъ наоборотъ — фельетонъ по

наглости тона и грубой прозрачности намековъ былъ именно таковъ, что на него нельзя было не обратить вниманія, — но его, конечно, никто не читалъ, а между тѣмъ за всѣми петербургскими изданіями наблюдать самъ князь Шаховской.

Князь Н. Шаховской умеръ трагически и такъ же неожиданно и скоропостижно, какъ и его братъ Сергѣй. Князь погибъ во время взрыва на Аптекарскомъ островѣ, у П. А. Столыпина. Онъ получилъ сильныя ушибы и кажется, трещину въ черепѣ. Его привезли домой и стали лечить. Появилось сначала нѣкоторое улучшеніе, и жаръ спалъ, но скорѣе болѣзнь повернула къ худшему, и его не стало.

Время князя Н. Шаховского въ цензурномъ вѣдомствѣ было, безспорно, самымъ глухимъ временемъ, какимъ вообще было и все министерство Снягина, который, еще будучи курляндскимъ губернаторомъ, удивлялъ своей фанатической «правостью» даже тогдашнихъ чиновъ департамента полиціи и корпуса жандармовъ...

IV.

Съ А. Н. Майковымъ я встрѣчался многіе годы подъ рядъ, по понедѣльникамъ, зимой, въ существовавшемъ въ 1888—1900 гг. въ Петербургѣ «русскомъ литературномъ обществѣ», которое сосредоточивало въ себѣ въ то время всѣ наши лучшія писательскія силы.

Майковъ былъ тамъ всегда первымъ изъ корифеевъ, пользовавшимся всеобщимъ уваженіемъ. Когда какой-нибудь начинающій молодой литераторъ скромно являлся въ «литературное общество», чтобы прочесть тамъ предъ «столами» литературы свое только что выношенное имъ дѣтисце, то онъ съ тревогой взиралъ на Майкова и ему подобныхъ «олимпійцевъ» или устремлялъ свой взоръ на «критиковъ» (чего стоилъ одинъ Н. Н. Страховъ!).

Майковъ былъ вообще съ виду весьма снисходительнымъ судьей въ такихъ случаяхъ и охотно говорилъ поощренія и любезности, но въ то же время это былъ человѣкъ всего менѣе сердечный, какимъ былъ наоборотъ, А. Н. Плещеевъ или Я. П. Полонскій.

Если вы внимательно перечтете всѣ поэтическія произведенія Майкова, крупныя и мелкія, поэмы и стихотворенія, то найдете въ нихъ, конечно крупныя литературныя и высокохудожественныя достоинства, много ума, тонкости и своеобразной оригинальности мысли, много «аттической соли» и глубокаго изученія античнаго міра, которымъ всю жизнь особенно прилежно интересовался Майковъ, — но вамъ не посчастливится найти въ этомъ обширномъ и прекрасномъ матеріалѣ ни одного стихотворенія, которое хотя бы сколько-нибудь затронуло внутреннія струны вашей души. Даже стихи, посвященные дѣтямъ, которые носятъ названіе «В и А», т. е.

Владимиру и Аполлону (такъ лично мнѣ объяснилъ авторъ эти инициалы), и тѣ носить чисто разсудочный колоритъ.

Подобно поэтамъ отдаленной отъ насъ классической эпохи, изъ области которой Майковъ оставилъ намъ такіе дивные образцы, какъ «Два міра», поэтъ всегда и вездѣ работалъ чисто разсудочно и холодно и отдѣлывалъ свои произведенія подчасъ съ добросовѣтнѣйшей прилежностью ювелира, но... не ищите у него внутренняго огня и того подъема духа которые могутъ однимъ какимъ-нибудь, какъ бы незначащимъ, простымъ стихотвореніемъ навѣять на васъ мысли и образы, которымъ почти иногда не найдешь опредѣленія, но которые навсегда живутъ въ вашей душѣ и звучать въ ней никогда незабываемыми аккордами.

Прибавьте къ этому отчужденную, ничѣмъ непогрѣшимую, самую прописную благонамѣренность мотивовъ, а также цѣломудріе сюжетовъ и тотъ специфическій «патріотизмъ», который дѣлалъ изъ Майкова высокочтимаго «лауреата», своего рода русскаго Теннисона, которому заказывали патріотическія оды на подобающіе случаи общественной жизни,—и передъ вами совершенно ясно вырисовывается почтеннѣйшая фигура нашего своеобразнаго Горация, вѣщавшаго благороднѣйшія мысли, всю свою долгую жизнь усердно прослужившаго сначала цензоромъ, а потомъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры, умершаго тайнымъ совѣтникомъ и членомъ совѣта главнаго управленія по дѣламъ печати и никогда не забывавшаго своего «превосходительства».

Въ своей частной жизни поэтъ былъ совершенно недосыгаемъ. Въ противоположность А. Н. Плещееву и Я. П. Полонскому, сдѣлавшимъ изъ своихъ домовъ тѣсныя кружки, куда охотно шли, зная, что тамъ встрѣтятъ всегда дружескій пріемъ и участливую рѣчь, Майковъ никого у себя не принималъ, за исключеніемъ самыхъ близкихъ родныхъ и знакомыхъ, и жилъ замкнуто. Иногда, впрочемъ, по утрамъ, по особому специальному приглашенію къ нему робко заходили между десятью и одиннадцатью часами юные, а подчасъ и великовозрастные «поэты», которыхъ всегда и вездѣ пропасть и которые считаютъ за особую для себя «честь», когда какая-нибудь «знаменитость» просмотритъ изъ жалости бездарный зудъ ихъ сомнительнаго «творчества» и, возвращая имъ исписанную дѣтскимъ почеркомъ тетрадку, скажетъ изъ состраданья: «ну, что жъ, пишите, у васъ есть нѣкоторая форма и какъ будто проблески дарованья,—можетъ быть, что-нибудь изъ васъ со временемъ и выйдетъ». Врядъ ли такіе визиты къ «олимпійцу» можно считать общеніемъ поэта съ молодежью, которое постоянно существовало и било ключомъ въ сношеніяхъ нашихъ другихъ поэтовъ и начинающихъ беллетристовъ.

Въ нашей журналистикѣ почти нѣтъ совсѣмъ воспоминаній объ А. Н. Майковѣ, которыя сказали бы о немъ хоть что-нибудь дѣйствительно теплое, задушевное, и изданная тотчасъ послѣ его смерти

его ближайшим товарищем по службѣ, добрейшимъ М. М. Златковскимъ изящная книжка (съ прекрасно исполненными портретами Майкова) все время какъ бы усиленно вылавливаетъ болѣе или менѣе «симпатичныя» черты его личности. Несомнѣнно, въ каждомъ писателѣ есть кое-что и симпатичное и сердечное въ сношеніяхъ съ близкими ему людьми, но это не составляетъ его общей характеристики, являясь частными страницами его интимной жизни.

Во всякомъ случаѣ А. Н. Майковъ представляетъ собою явленіе отъѣсно оригинальное и незаурядное. Будучи всеми признанный «классикъ» въ поэзіи и подаривъ обществу перлы превосходныхъ, глубокихъ по содержанію, превосходно отшлифованныхъ и въ высшей степени гармоничныхъ стихотвореній, легендъ, балладъ, поэмъ, тонкихъ миниатюръ изъ эпохи расцвѣта Греціи и Рима (которые поэтъ обыкновенно подписывалъ псевдонимомъ «Аполлодоръ Гностикъ»), Майковъ всегда, повторяю, оставался холоднымъ, недоступнымъ настоящимъ страстямъ олимпійцемъ, творящимъ дивные образы, восхищающіе своей глубиной и художественностью, по отношенію не трогающіе толпы. Ему можно было поклоняться, какъ крупнейшему таланту послѣпушкинской эпохи, но врядъ ли за нимъ можно было идти, какъ за Достоевскимъ.

То, что я сейчасъ сказалъ, далеко не мое личное мнѣніе: я постоянно въ теченіе многихъ лѣтъ слышалъ его изъ устъ многихъ совершенно различныхъ по духу и вкусамъ людей разныхъ укладовъ и убѣжденій, когда рѣчь заходила о Майковѣ.

Въ только что упомянутомъ мною «русскомъ литературномъ обществѣ», которое одно время, какъ я сказалъ, очень процвѣтало въ Петербургѣ и исчезло само собой въ началѣ девятисотыхъ годовъ, когда въ беллетристику появились многія новыя теченія, разединившія писателей, можно было встрѣтить немало интересныхъ фигуръ.

Тамъ часто можно было видѣть Д. В. Григорьевича, Н. Н. Стрехова, А. А. Фета-Шеншина (когда онъ пріѣзжалъ въ Петербургъ изъ своего курскаго имѣнія), А. Н. Плещеева, А. П. Чехова, В. М. Гаршина, П. И. Вейнберга, И. О. Горбунова, Д. В. Аверкіева.

Д. В. Григоровичъ въ самыя послѣдніе годы очень напоминалъ внѣшностью И. С. Тургенева, конечно, въ самыхъ общихъ чертахъ. Высокій, широкоплечій, съ большимъ, нѣсколько румянымъ лицомъ славянскаго типа, сѣдой бородой (которую онъ отпустилъ вмѣсто прежнихъ бакенбардъ) и превосходной густой, бѣлоснѣжной шевелюрой (которую сталъ подстригать по-тургеневски), красиво обрамлявшей его лобъ, Григоровичъ представлялся издали какъ бы декорацией Тургенева, воспроизводившей въ памяти образъ незабвеннаго писателя. Будучи искони глубокимъ поклонникомъ И. С. Тургенева, Григоровичъ, кажется, не безъ тайнаго умысла придавалъ своей красивой внѣшности этотъ тургеневскій пріятный

колорить и, когда ему на это шутя указывали, говорить, улыбаясь:

— Ну, что жь, если хоть ланомшаю немножко нашу русскую славу, дорогого Ивана Сергѣевича Тургенева, такъ и слава Богу! Пусть его лишній разъ вспомнить...

При несомнѣнномъ живомъ литературномъ талантѣ Григоровичъ отличался необычайнымъ легкомысліемъ и полнымъ отсутствіемъ какихъ бы то ни было правилъ этики... Расцѣловать васъ по-пріятельски, наговорить вамъ въ глаза кучу самыхъ горячихъ изліяній и чрезъ десять минутъ ругнуть васъ же съ другимъ «пріятелемъ» было для Д. В. Григоровича совершенно обычнымъ и естественнымъ дѣломъ, все неприличіе котораго онъ совершенно не сознавалъ. Будучи сыномъ вѣчно кутившаго гусара-помѣщика и француженки съ парижскаго бульвара, которая его на себѣ женила, Григоровичъ воспитался въ той сферѣ безшабашнаго вранья, гасретва, микшонства и безпринципности, гдѣ слово «порядочность», понимается совершенно на особый ладъ, въ смыслѣ кого-нибудь «порядочно на чьемъ-нибудь нагрѣтъ»...

Я думаю, не было ни одного человѣка въ Петербургѣ, который бы рѣшился серьезно повѣрить хоть одному слову Григоровича: до такой степени онъ непрерывно «фантазировалъ», и развѣ въ этомъ дарѣ могъ съ нимъ поспорить другой извѣстный нашъ литераторъ-романистъ Г. П. Данилевскій, котораго за скорость вымысла называли обыкновенно не иначе, какъ «скоробрешка».

Григоровичъ ничуть не стѣснялся описывать въ своихъ романахъ живыя лица своихъ добрыхъ знакомыхъ и всѣ событія такъ, какъ они на самомъ дѣлѣ происходили, и при этомъ придавалъ фабулѣ юмористическій и обидный для дѣйствующихъ лицъ оттѣнокъ. Такъ, въ своемъ романѣ «Проселочныя дороги» онъ описалъ весь Кширскій уѣздъ Тульской губерніи съ такой фотографической точностью, что мѣстные помѣщики, у которыхъ Григоровичъ жилъ и чьимъ гостепрѣимствомъ такъ дурно воспользовался, рѣшили его за это хорошенько проучить и дѣйствительно «проучили» такимъ образомъ, который онъ долго не могъ забыть.

Для того, чтобы совершенно охарактеризовать, что такое былъ Григоровичъ, стоитъ еще добавить, что, будучи женатъ самымъ законнымъ образомъ на весьма почтенной нѣмкѣ изъ Вѣны, онъ ее ни съ кѣмъ не знакомилъ, какъ съ женой, держа гдѣ-то подъ сурдиной вѣгъ Петербурга, а если кому и показывалъ, то не какъ жену, а какъ... содержанку, для пущаго шика...

А. А. Фэтъ былъ съ виду русскимъ помѣщикомъ средней полосы, толстый, неповоротливый и въ достаточной степени ожирѣвшій. Только черты лица изобличали въ немъ его семитическое происхожденіе. Онъ былъ очень богатъ чрезъ бракъ на московской кучихѣ М. И. Щукиной, жилъ всегда въ своемъ роскошномъ помѣстьи

и ни въ чемъ не нуждался. Когда сталъ приближаться его пятидесятилѣтній юбилей, вскорѣ послѣ литературныхъ «именинъ» Я. П. Полонскаго и А. Н. Майкова (отпразднованныхъ при непосредственномъ участіи «русскаго литературнаго общества»), то А. Фетъ вдругъ сдѣлался чванливъ и сталъ усиленно хлопотать о полученіи... камергерства. Въ «сферахъ» это всѣхъ очень удивило. «Зачѣмъ, — говорили тамъ, — Фету камергерство? Вѣдь у насъ камергеровъ масса, а Фетъ одинъ на всю литературу?»

Какъ-то разъ Фета въ тѣсномъ кружкѣ друзей откровенно спросили, что именно его прельщаетъ въ камергерствѣ?

— Ну, я еще понимаю, — сказала кто-то, — мечтать о томъ, чтобы быть въ первыхъ чинахъ двора, быть оберъ-штабмейстеромъ, оберъ-гофмейстеромъ, а вѣдь званіе камергера весьма скромное и заурядное.

— Или вамъ нравится, Аѳанасій Аѳанасевичъ, распитый золотомъ мундиръ?

А. А. Фетъ молчалъ, улыбался, комически морщился и махалъ рукой.

— Ахъ, это все не то.

— Такъ что же?

— А миѣ, знаете ли, вотъ что будетъ пріятно: чтобы надъ моимъ именемъ и фамиліей, на моей визитной карточкѣ, стояло: «камергеръ высочайшаго двора».

Его желаніе было исполнено: его къ юбилею пожаловали придворнымъ званіемъ камергера и утѣшили на всю жизнь.

Какъ подумаешь, какъ мелко тщеславны люди и какія мелочи ихъ могутъ серьезно осчастливить!

Домъ А. Н. Плещеева, стараго вдовца, настоящаго радушнаго москвича, былъ очень пріятный и гостепріимный. Онъ жилъ съ сыномъ и красавицей-дочерью (которая потомъ, по полученіи Плещеевымъ большаго наслѣдства, вышла замужъ за гвардейца князя Сталь-фонъ-Гольштейна) и у нихъ собиралось иногда много любопытной литературной молодежи. Я заходилъ къ Плещееву, когда онъ жилъ въ первомъ этажѣ стараго дома Лисицына, у Спаса Преображенья, и встрѣчался тамъ съ многообщавшимъ, но умершимъ въ юномъ возрастѣ поэтомъ С. Я. Надсономъ. Это былъ очень скромный молодой человекъ, прекрасно воспитанный, умный и симпатичный въ сношеніяхъ. Его красивое лицо съ грустными задумчивыми глазами носило явные слѣды чахотки. Поэтъ (съ большимъ дарованіемъ) ясно это сознавалъ, и это его угнетало. «Зачѣмъ мнѣ работать надъ своими вещами? Меня все равно скоро здѣсь не станеть»...—слышали отъ него частенько эту ужасную по трагизму фразу.

Съ извѣстнымъ нашимъ «критикомъ», «философомъ» и «славянофиломъ» Николаемъ Николаевичемъ Страховымъ я былъ довольно близко знакомъ. Страховъ занималъ на Крюковомъ каналѣ двѣ боль

пихъ комнаты въ высочайшемъ пятомъ этажѣ, подъ небесами, въ квартирѣ своего стараго друга, нынѣ здравствующаго (въ Крыму) романиста Д. И. Стахѣва. Комнаты были заполнены книгами. Книжные шкапы и полки загораживали все стѣны и углы. Одна изъ комнатъ была пріемной, а другая кабинетомъ и спальней. Потолокъ висѣлъ надъ самой головой, какъ въ мансардѣ, поражая своей чернотой, годами накопившейся отъ непрерывной табачной копоти лампы и пыли, но Страховъ ни за что не позволялъ производить у себя ремонта и бѣлить потолка и очень сердился, когда кто-нибудь обращалъ его вниманіе на прѣсловутый черный потолокъ его жилища и вообще на невѣроятную повсюду пыль, лежавшую на всѣхъ предметахъ его помѣщенія. Визитныя карточки, напримѣръ, на большомъ майоликовомъ блюдѣ у него на столѣ были всегда покрыты такимъ слоемъ пыли, что, дотронувшись до нихъ, чувствовалась потребность сполоснуть руки.

Страховъ былъ сухой, скучный, «размѣренный» человекъ, никого въ жизни не согрѣвший и самъ, конечно, никѣмъ не согрѣтый. Это происходило отъ необычайной фальшивости этого ученаго натуралиста, который почему-то считалъ необходимымъ упорно скрывать свои мысли и чувства и никогда никому и нигдѣ не высказывать того, что онъ думаетъ о данномъ событіи, лицѣ, обстоятельстве, книгѣ и т. п. Все его писанія были таковы, что могли быть свободно поняты и толкуемы на разные лады, по вкусу каждаго, и вообще критическія и полемическія статьи Страхова никогда не выражали опредѣленно, ясно и точно выводовъ самого автора. Я, не стѣняясь, звалъ Страхова въ глаза и при всѣхъ послѣдователемъ «римскихъ авгузовъ», которые говорили исключительно двусмысленныя рѣчи, чтобы всегда имѣть возможность сказать именно то, что въ данное время было нужно, и ловко отказаться отъ нежелательнаго смысла словъ.

Страховъ всегда осторожно ходилъ вокругъ да около каждаго сужденія и не было никакой возможности заставить его рѣшиться повѣдать міру его собственное мнѣніе о чемъ-либо.

Вышелъ, напримѣръ, его сборникъ статей о спиритизмѣ, писанныхъ въ разное время.

Въ одну изъ средъ, когда у Страхова собирались его добрые знакомые, я нарочно попросилъ хозяина сказать мнѣ, что онъ самъ думаетъ о спиритизмѣ: отрицаетъ его или признаетъ? За такія выходы уклончивый хозяинъ меня очень не любилъ. Я зналъ, что Страховъ ни за что не рѣшится прямо отвѣтить на ребромъ поставленный вопросъ, но, признаюсь, находилъ подчасъ грѣшное удовольствіе сердить подобными разговорами этого сухого, лицемѣрнаго и совершенно безсодержательнаго, въ сущности, «философа», всю свою долгую жизнь поддѣлывавшагося къ сильнымъ міра и желавшаго быть угоднымъ и пріятнымъ «и нашимъ и вашимъ».

— Сами-то вы, добрѣйшій Николай Николаевичъ, вѣрите въ спиритизмъ?—домогался я.

— Но прочтите мою книжку, и вы увидите,— елеино улыбаясь, посмѣиваясь и расправляя рукой свою протоіерейскую бороду, отвѣчалъ уклончиво хозяинъ.

— Я внимательно читалъ вашу книжечку, но совершенно не понималъ, какого именно вы сами мнѣнія о спиритизмѣ. Вы приводите о немъ разныя мнѣнія, совершенно противоположныя другъ другу, и притомъ лишь соприкасаетесь съ предметомъ, не разматриваете его по существу.

— Нѣтъ,—у меня тамъ все въ точности обозначено.

— Да вы скажите намъ вотъ теперь, что вы думаете о спиритизмѣ. Признаете ли вы его особой какой-нибудь силой внѣ насъ, или просто самогипнозомъ. Или вѣрите въ мнѣнія мистиковъ о сверхчувственной духовности спиритизма?

— Какъ вамъ сказать? Это вопросъ очень сложный,—увиливалъ отъ отвѣта нашъ философъ, отъ времени до времени посмѣиваясь и покуривая одну за другой папиросы.

— Однако вы занимались же и лично спиритизмомъ, бывали на опытахъ, присутствовали на сеансахъ?—спросилъ кто-то изъ гостей.

— Да, это бывало...

— Ну, и что же, какое впечатлѣніе оставляли на васъ обыкновенно эти сеансы?

— Я пришелъ къ мысли, что слѣдуетъ заниматься изслѣдованіемъ неизвѣстныхъ областей знанія и что въ этомъ—служеніе Богу. Вы читали эпиграфъ моего сборника? *Philosophare nihil aliud est quam Deum amare* (философствовать — не что другое, какъ любить Бога).

— А откуда вы взяли этотъ эпиграфъ?—спросилъ бывший при этомъ драматургъ Д. В. Аверкіевъ.

— Ужъ, право, не знаю, не помню...

— Ужъ не сами ли вы его и сочинили? Признавайтесь, Николай Николаевичъ,—и Аверкіевъ звонко засмѣялся своимъ искреннимъ, добродушнымъ смѣхомъ. Страховъ молчалъ, продолжая только улыбаться и поглаживать свою длинную сѣдую бороду, на половину закрывавшую его красноватое широкое лицо.

Такъ я и не добился, что думаетъ Страховъ о спиритизмѣ.

Когда я потомъ передавалъ объ этомъ разговорѣ Вл. С. Соловьеву, тотъ сталъ весело хохотать.

— Ни за что вы этого хитраго старца не поймаете, какъ ни ловите! Это какой-то необыкновенно скользкій вьюнъ!

Это была очень вѣрная характеристика Страхова.

На его среды собиралось немало интереснаго народа. Тутъ бывали и его юные поклонники изъ учащейся молодежи, безуспѣшно

искавшіе у «маститаго» ученаго авгура совѣтовъ и указаній, отъ которыхъ онъ, конечно, ловко отвиливалъ, литераторы, журналисты и люди совсѣмъ другой категоріи — его личные знакомые изъ чиновнаго міра.

Тамъ я видѣлъ между прочимъ братьевъ П. П. и Н. П. Семеновыхъ, такъ много поработавшихъ въ свое время надъ нерукотворнымъ памятникомъ освобожденія крестьянъ въ Россіи. Они охотно рассказывали о редакціонныхъ комиссіяхъ по составленію законовъ о крестьянахъ и съ восторгомъ вспоминали о личныхъ трудахъ въ этомъ достойномъ безсмертія дѣлѣ самого государя Александра II, собственная инициатива котораго была неизмѣнно одушевлявшей всѣхъ участниковъ великой реформы яркой путеводной звѣздой, освѣщавшей кремнистый путь ко благу миллионовъ нѣкогда безправныхъ и безличныхъ дѣтей нашей великой Россіи.

Я встрѣчалъ также у Страхова бывшаго тогда министра финансовъ И. А. Вышнеградскаго, его товарища по ученью, съ которымъ Страховъ былъ на ты. Вышнеградскій держалъ себя всегда чрезвычайно просто, умно шутилъ, охотно спорилъ, ловко играя афоризмами, и всегда рассказывалъ много интереснаго. Страховъ, изъ врожденнаго чувства низкопоклонства, робѣлъ предъ своимъ высокопоставленнымъ пріятелемъ и до того, что не смѣлъ говорить съ нимъ попросту.

Разъ какъ-то Страховъ получилъ звѣзду, за которую, какъ это у насъ водится, ему надобно было внести въ казначейство извѣстную сумму денегъ чрезъ министерство народнаго просвѣщенія, гдѣ Страховъ служилъ, будучи членомъ ученаго комитета и бібліотекаремъ Публичной бібліотеки. Страхову очень не хотѣлось платить этихъ денегъ, такъ какъ онъ жилъ на весьма ограниченныя средства, и онъ поѣхалъ къ своему «другу» Вышнеградскому съ тайнымъ намѣреніемъ попросить его, какъ министра финансовъ, нельзя ли какъ-нибудь освободиться отъ платежа требуемой за звѣзду суммы. Но Страховъ попалъ въ недобрый часъ, — Вышнеградскій былъ чѣмъ-то въ тотъ день раздраженъ и, хотя и прінялъ, конечно, Страхова очень любезно, но все какъ-то не давалъ ему ни времени, ни случая высказать своей просьбы, а самъ Страховъ не рѣшился заговорить объ этомъ и направить разговоръ на нужную тему. Просидѣвъ въ кабинетѣ министра битый часъ, Страховъ такъ и вернулся домой ни съ чѣмъ, не найдя въ себѣ смѣлости сказать Вышнеградскому, что ему хотѣлось и за чѣмъ онъ къ нему нарочно пріѣзжалъ.

Столь же заносчивыми были у Страхова и его отношенія къ К. П. Побѣдоносцеву, у котораго онъ бывалъ какъ будто бы «запросто», но предъ которымъ забывалъ свое почтенное имя ученаго и чисто бюрократически трусилъ какъ предъ «его высокопревосходительствомъ».

Изъ литературнаго міра у Страхова я чаще другихъ встрѣчалъ драматурга Аверкіева, поэта Платона Кускова, Героглифова (фамилію котораго министръ И. Д. Деляновъ упорно считалъ за псевдонимъ и постоянно, при встрѣчѣ, спрашивалъ его: «а какъ же ваша настоящая-то фамилія?»), Вл. Соловьева (они постоянно спорили со Страховымъ о славянствѣ и сущности значенія западной и восточной церкви на страницахъ либеральнаго и ученаго «Вѣстника Европы» и узко-консервативнаго «Русскаго Вѣстника»), Э. Л. Радлова, П. Г. Моравека, О. Н. Берга (редактора въ тѣ времена «Русскаго Вѣстника»), профессора-слависта В. И. Ламанскаго и кое-кого другихъ.

Разговоръ былъ по средамъ разнообразный, но всегда до приторности «благонамѣренный», при чемъ излюбленными были двѣ темы, къ которымъ постоянно и возвращались: это извѣстная книга Н. Я. Данилевскаго «Россія и Европа» и графъ Левъ Толстой.

Тенденціозную книгу Н. Я. Данилевскаго, проританную извѣстной славянофильской идеей о какой-то и почему-то «особой» міровой роли Россіи среди западныхъ государствъ, Страховъ упорно пропагандировалъ гдѣ и какъ могъ и прямо даже упрасивалъ своихъ многочисленныхъ знакомыхъ приобрести эту книгу.

Графъ Левъ Толстой былъ для Страхова настоящимъ кумиромъ. Онъ до такой степени предъ нимъ ложился ницъ и благоговѣлъ, что малѣйшее несогласіе во взглядахъ по этому поводу считалъ личнымъ для себя оскорбленіемъ и даже поводомъ къ ссорѣ. Изъ Льва Толстого Страховъ сдѣлалъ себѣ особый культъ и очень ловко грѣлся и блестялъ самъ въ лучахъ славы своего знаменитаго «друга». Портреты Льва Толстого—въ крестьянской рубахѣ, босякомъ и за плугомъ—красовались, конечно, на первомъ мѣстѣ. Съ величайшимъ восхищеніемъ передавалъ Страховъ своимъ гостямъ о своихъ поѣздкахъ въ Ясную Поляну, куда онъ ежегодно благоговѣйно паломничалъ и гдѣ его Л. Н. Толстой охотно принималъ, пользуясь его знаніями при составленіи своихъ статей. Что сказали Толстой Страхову тогда-то, какое у него было при этомъ лицо и почему онъ промолчалъ на такой-то вопросъ,—все это передавалось по средамъ и поневолѣ должно было приниматься на вѣру.

Конечно, это претило очень многимъ изъ страховскихъ пріятелей, такъ какъ чувствовалось, что вѣчные разговоры о Толстомъ и спеціальныи «культъ» Толстого придуманъ Страховымъ для самовосхваленія и самопрославленія. Никто изъ насъ съ нимъ въ Ясной Полянѣ не бывалъ и мы не знали, какъ именно принималъ его тамъ и «чествовалъ» графъ Толстой, но, судя по прямому и всегда открытому характеру нашего великаго писателя и его простымъ отношеніямъ къ людямъ, мнѣ, по крайней мѣрѣ, совершенно не вѣрилось, чтобы Страховъ игралъ такую исключительную роль въ Ясной Полянѣ, гдѣ постоянно бывали иностранцы, литераторы, ученые, путешественники, художники, люди во всякомъ случаѣ не менѣе

интересные, чѣмъ Страховъ. Мнѣ всегда представлялось поэтому, что о своихъ яснополянскихъ торжествахъ Страховъ пренебрежительно сочинялъ и что на самомъ дѣлѣ онъ держалъ себя съ Толстымъ такъ же низкопоклонно, какъ и съ прочими своими высокими друзьями.

V.

Очень интересный и совершенно своеобразный типъ представляла собой въ семидесятые годы весьма тогда популярная, извѣстная всему Петербургу редакторъ-издательница дѣтскаго журнала «Игрушечка» Татьяна Петровна Пассекъ, которая была моею крестною матерью.

Двоюродная сестра и подруга юныхъ дней А. И. Герцена, которую онъ съ шутливой нѣжностью называлъ «кузина Темира изъ Корчевы», всю жизнь носила на себѣ какъ бы его прекрасный отблескъ, какъ бы его отраженье, будучи вся переполнена «Сашей», которымъ когда-то жила вся Россія, прислушиваясь къ негодующему и свободному «Колоколу», мощно гремѣвшему изъ Лондона.

Извѣстныя воспоминанія Т. П. Пассекъ, подъ названіемъ «Изъ дальнихъ лѣтъ» (недавно вышедшія новымъ изданіемъ), имѣли выдающійся успѣхъ въ свое время, такъ какъ художественно дополняли собой «Былое и думы» Герцена и заставляли лучше и глубже понимать ихъ.

Т. П. Пассекъ была женщина исключительнаго для женщины ума, гибкаго и тонкаго, мыслящая съ поразительной логичностью и прямою, что придавало бесѣдѣ съ нею необычайную прелесть, такъ какъ съ ней всегда можно было говорить какъ съ женщиной, а не «взрослымъ ребенкомъ», какими являются въ области мышленія женщины. Прибавьте къ этому прекрасное домашнее образованіе, большую начитанность, при этомъ задушевность, доброту и отзывчивость характера—и вы поймете, какой по истинѣ кладъ представляла собой Т. П. Пассекъ въ петербургскомъ обществѣ, скучномъ и безталантномъ сорокъ лѣтъ назадъ такъ же, какъ и въ данное время.

Къ ней пріѣзжали посовѣтоваться по серьезному дѣлу и выслушивали всегда логическій и толковый совѣтъ; являлись за техническими справками по литературно-типографскому дѣлу, какъ къ издательницѣ журнала, и получали желаемое; къ ней шли «отвести душу», и уходили отъ нея успокоенные и обрадованные.

Т. П. Пассекъ была рѣдкій у насъ своеобразный типъ самобытной русской женщины съ отзывчивой душой и свободнымъ образомъ мыслей. Конечно, это вовсе не была та ужасная «свобода», которая такъ долго служила заѣзженной темой первыхъ двухъ государственныхъ думъ, а та свобода, которая даетъ силу мыслить безъ условностей и имѣть смѣлость говорить, во что вѣришь и за чѣмъ хочется идти. Вотъ почему въ ея домѣ вы могли встрѣтить и высокаго

дипломата, какъ нашъ посоль въ Парижѣ князь Николай Алексѣевичъ Орловъ, съ которымъ Т. Пассекъ была въ тѣсной дружбѣ многіе годы, и самороднаго поэта-крестьянина Спиридопа Дрожжина, робко искавшаго у Т. П. Пассекъ поддержки въ своихъ первыхъ литературныхъ шагахъ, и чопорную свѣтскую даму съ твердо изученнымъ «протоколомъ» свѣтскихъ обычаевъ и правилъ, и курситокъ съ развязными манерами и ребячливо-шумливыми голосами, съ тетрадкаи подъ мышкой.

Какъ это часто въ жизни встрѣчается, природный умъ и настоящее просвѣщеніе не мѣшали Т. П. вѣрить въ «сверхчувственное» и быть въ добрыхъ сношеніяхъ съ нашими выдающимися въ то время спиритами, какъ А. Н. Аксаковъ, проф. А. М. Бутлеровъ, проф. Н. П. Вагнеръ и мистеръ Юмъ.

Ихъ всѣхъ и я видалъ, чаще другихъ Н. П. Вагнера, который, бывая въ Москвѣ, заѣзжалъ къ моей матери, старой пріятельницѣ его сестры Е. П. Китарры.

Про всѣхъ этихъ корифеевъ спиритизма много въ свое время писано. Конечно, самымъ серьезнымъ изъ нихъ былъ А. Н. Аксаковъ, написавшій немало книгъ о спиритизмѣ и много разъ приглашавшій въ Россію на свой счетъ изъ-за границы медіумовъ. Это былъ добро-совѣстный «искатель», весь поглощенный занимавшимъ его вопросомъ. Къ этому же кружку слѣдуетъ отнести и покойнаго Виктора Ивановича Прибыткова, редактора понынѣ существующаго спиритическаго журнала «Ребусъ», средства на изданіе котораго давалъ опять все тотъ же А. Н. Аксаковъ.

Т. П. Пассекъ очень интересовалась «иннымъ міромъ», присутствовала иногда на сеансахъ, которые были тогда очень въ модѣ, и у себя, въ самомъ тѣсномъ кружкѣ, устраивала бесѣды съ «духами».

Одинъ разъ какъ-то, послѣ неудачнаго сеанса, когда мы остались съ Т. П. Пассекъ вдвоемъ, я полюбопытствовалъ, вѣрилъ ли А. Н. Герценъ въ спиритизмъ и не являлся ли онъ когда-нибудь къ ней, когда она, можетъ быть, вызывала его на сеансахъ?

— Представь себѣ, никогда не являлся, а вѣрить,—конечно, онъ вѣрилъ... Да развѣ умный человѣкъ можетъ совсѣмъ не вѣрить чему-то иному, чѣмъ мы, что самостоятельно существуетъ и окружаетъ насъ? Непремѣнно, хоть немного, да вѣрить... А знаешь, какой со мной случай былъ года два тому назадъ—и все по поводу спиритизма и Сашинъ...

— Случай на сеансѣ?

— О, нѣтъ, совсѣмъ не на сеансѣ, а лично со мной,—вотъ въ этой самой комнатѣ, въ этомъ самомъ углу, гдѣ стоитъ моя постель и столикъ, на которомъ я занимаюсь.

— Что же именно случилось?

— Стучилось что-то очень странное и кошмарное... После смерти моего мужа, харьковского профессора Вадима Васильевича Пассека, я стала одно время очень часто видѣть его во снѣ. Я отслужила панихиду, и сны прекратились... Затѣмъ, много лѣтъ спустя, я стала вдругъ видѣть Сашу и какъ-то все странно: онъ мнѣ представлялся необычайно грустнымъ, растеряннымъ. Я вотъ и рѣшила, что ему, — если загробный мѣръ существуетъ, — живется тяжело и онъ приходитъ къ близкой ему при жизни душѣ, ища облегченья. Но какъ же его успокоить? Конечно, помолиться о немъ, и я собралась въ одинъ день утромъ выйти пораньше изъ дому, войти въ ближайшую церковь и отслужить панихиду по рабѣ Божіемъ Александрѣ, который никогда не былъ атеистомъ, такъ же, какъ и я, хотя и не изучала катехизиса... И вотъ наканунѣ того самаго дня, когда я рѣшила это сдѣлать, не говоря объ этомъ никому изъ постороннихъ, произошло нѣчто изумительное, чего со мной больше въ жизни никогда не повторилось...

И Татьяна Петровна задумалась.

— Представь себѣ слѣдующее. После вечерняго чая я отпустила мою старую прислугу спать, просмотрѣла корректуру для ближайшаго номера «Игрушечки», написала два дѣловыхъ письма и въ совершенно спокойномъ настроеніи духа собралась было уже спать. Я не думала ни о чемъ таинственномъ и завтрашней панихидѣ не придавала какого-нибудь особаго значенія. Я нѣсколько разъ въ жизни служила панихиды по роднымъ и близкимъ и въ этихъ молитвахъ объ усопшихъ, какъ бы устанавливающихъ душевную связь между ними и нами, не видѣла чего-нибудь исключительнаго. Голова уже давно клонилась на подушку, свѣча была погашена, но сонъ не шель почему-то. Самыя разнообразныя мысли лѣзли въ голову и мѣшали забыться... Все было тихо кругомъ, и я старалась упорно навѣять сонъ. Мои часы съ кукушкой (я люблю часы съ кукушкой) пробили половину перваго, и вотъ вдругъ гдѣ-то вдали-вдали чуть-чуть послышались какіе-то звуки... Кто-то шель по направленію ко мнѣ, по комнатамъ, минуя коридоръ, направляясь въ мою спальню, вотъ сюда, гдѣ мы теперь сидимъ съ тобой. Шель не одинъ. Я явственно различала стукъ множества ногъ о паркетъ—это была цѣлая толпа. Первою мыслью мелькнуло: это воры, но я сейчасъ же вспомнила, какъ старательно моя горничная усердно накладывала часъ тому назадъ цѣль на крючокъ двери въ передней. Воры не могутъ пробраться—я бы услышала взломъ дверей... А шумъ шаговъ (какая-то рѣзкая противная топотня) все приближался. Я быстро протянула было руку къ столику за свѣчкой, но уронила отъ испуга спички на коверъ и, какъ ни шарила, не могла ихъ найти.

«А около меня, надо мной впотьмахъ уже стояли, вплотную наполняя мою спальню, и громко смѣялись... Боже, какъ смѣялись!

Что это былъ за ужасный смѣхъ! Тутъ были и раскатистыя ноты гнѣва, и ехидный дѣскантикъ, и исполненный злобой хохоть ненависти, и какія-то насмѣшливыя всхлипыванія... Словомъ, вокругъ меня хохотало море голосовъ на разные лады, и я, представъ себѣ, внутренно понимала, что это смѣются «они», отверженные духи, надъ моею завтрашней молитвой... за Сашу. И они хохотали, какъ бы желая унижить меня, осмѣять, оскорбить, оплевать мою будущую панихиду. Я хотѣла крикнуть, но ужасъ сковалъ мои члены, и я не могла шевелиться. Однако я напрягла силы и крикнула, зови прислугу. Никакого отвѣта: онѣ мирно спали вблизи кухни и ничего не слышали... Но вотъ кукушка грустно прокуковала четыре раза, и затѣмъ пробило часъ... И вдругъ застучали обратно громкіе шажки, и хохоть сталъ тише. Толпа повалила вонъ изъ моей комнаты, и звуки мерзкаго хохота постепенно затихли.

— Какъ это фантастически-странно и какъ это напѣминаеть стихотворенье В. Гюго «Джинны»!—сказать я.

— Да, но это было ужасно и эту ночь нельзя забыть всю жизнь.

— А прислуга ничего не слышала?

— Ровно ничего и на мои возгласы явилась очень скоро. Но дѣло не въ этомъ, а вотъ что ужасно,—и Т. П. грустно и какъ-то укоризненно и жалобно улыбнулась:—это то, что ни на другой день, ни послѣзавтра, ни на третій, ни на четвертый, ни чрезъ недѣлю, словомъ, никогда и до сегодняшняго дня я не исполнила моего желанія... помолиться за него, за Александра Ивановича...

И Татьяна Петровна поскорѣе смахнула, какъ бы конфузясь, концомъ платка набѣжавшія слезы.

— Неужели изъ-за этого смѣха? Но, согласитесь, здѣсь были все признаки кошмара.

— Ужъ, право, я не знаю, кошмаромъ, вѣдь, все можно назвать... Однимъ словомъ, признаюсь тебѣ:—я не помолилась, я испугалась (и она опять грустно улыбнулась), что опять услышу этотъ смѣхъ!..

— А не являлся больше во снѣ Александръ Ивановичъ?

— Являлся, но все рѣже и рѣже. Теперь я его не вижу.

Однажды я засталъ у Т. П. блондина средняго роста, который рассказывалъ ей что-то по-французски, сердито, съ сильнымъ англійскимъ акцентомъ.

Это былъ Д. Юмъ.

Онъ передавалъ, какъ петербургскіе профессора пригласили его на «испытательный сеансъ» днемъ, въ холодную, нетопленную аудиторию университета, гдѣ проморозили его битый часъ и гдѣ, конечно, ничего необыкновеннаго, кромѣ естественнаго озноба, не испытавши, рѣшили, что спиритизмъ—игра фантазіи.

— Прощаясь,—говорилъ Юмъ,—я имъ предлагалъ себя во всякое время, но не въ холодильникъ, гдѣ мерзнуть мысли и желанія, и чтобы они не ждали непремѣнно чего-нибудь чудснаго, такъ какъ

спиритическій сеансъ не есть химическій процессъ, который долженъ дать извѣстный результатъ при сліяніи или разъединеніи извѣстныхъ элементовъ.

И онъ уже добродушно засмѣялся.

Юмъ былъ женатъ на русской, родственницѣ извѣстнаго въ свое время рамолника-богача графа Г. А. Кушелева-Безбородко, которая женила на себѣ Л. И. Голубцова, рожденная Кроль.

Я уже говорилъ, что домъ Т. Н. Пассекъ былъ тѣмъ интересенъ, что тамъ можно было встрѣтить лицъ разныхъ направленій, общественныхъ группъ и категорій, такъ какъ все они, какова бы ни были лагеря, равно цѣнили замѣчательную женщину, широко отзывавшуюся на запросы жизни.

Довольно часто встрѣчалъ я здѣсь нашего извѣстнаго русскаго художника Харламова, всегда жившаго въ Парижѣ, но постоянно пріѣзжавшаго погостить въ Петербургъ, особенно въ рождественскіе праздники.

Онъ много любопытнаго рассказывалъ о жизни русской колоніи въ Парижѣ и особенно объ извѣстныхъ литературныхъ «обѣдахъ братьевъ Гонкуровъ» (на которыхъ ему удавалось участвовать), періодически устраиваемыхъ въ складчину дважды въ мѣсяцъ, гдѣ собирався блестящій цвѣтъ парижской беллетристики, изящно смѣшанный съ представителями художественнаго, артистическаго, музыкальнаго и даже ученаго міра.

Выдающейся фигурой на этихъ обѣдахъ былъ, конечно, нашъ Тургеневъ, за которымъ все коллеги дружески ухаживали, стараясь посадить поудобнѣе и такъ, чтобы около него сидѣлъ пріятный ему сосѣдъ, какъ, напримѣръ, Флоберъ, котораго Тургеневъ очень любилъ.

— За этими единственными въ своемъ родѣ обѣдами возникали иногда прелюбопытные разговоры, — рассказывалъ художникъ Харламовъ: — и очень жаль, что все эти бесѣды пропали для общества почти безслѣдно, такъ какъ, конечно, участники обѣдовъ ни за что не соглашались допустить стенографистовъ въ свою дружескую компанію. Разъ, напримѣръ, вдругъ зашла рѣчь о такъ называемой «потусторонней» нравственности, и г. Галеви заявилъ: «О, въ этомъ отношеніи извѣстный англійскій поэтъ Свинборнъ (Swinburn) побьетъ рекордъ всеѣмъ нашимъ развратникамъ! Недавно я познакомился съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который ѣздилъ купаться на островъ Уайтъ. Тамъ, во время прогулки онъ случайно встрѣтился съ Свинборномъ, который жилъ на морскомъ берегу, въ походной палаткѣ, одинъ, съ обезьяной, одѣтой въ женское платье, служившей ему прислугой. Свинборнъ пригласилъ юношу къ себѣ въ палатку. Обезьяна приготовила завтракъ. Во время трапезы Свинборнъ началъ проповѣдывать свободную теорію «однополюй» любви и сталъ ухаживать за молодымъ человѣкомъ. Обезьяна на-

супилась, начала скалнить зубы и выражала всё признаки мучившей ее ревности... Свинборнъ не обращалъ на это вниманія и ударилъ обезьяну хлыстомъ, а потомъ сталъ обнимать молодого человѣка. Обезьяна подняла ревъ и, въ бѣшенствѣ бросившись на юношу, вцѣпилась ему когтями въ горло съ намѣреніемъ задушить. Пришлось оттащить ее съ большимъ трудомъ, а гостю быстро ретироваться... Однако Свинборнъ и молодой человѣкъ продолжали видаться, но уже не въ присутствіи ревнивой обезьяны-служанки. Какъ-то разъ Свинборнъ опять пригласилъ къ себѣ своего пріятеля въ береговую палатку къ завтраку. Имъ уже служилъ въ этотъ разъ пожилой лакей-ирландецъ. Во время завтрака подали жареное мясо, вкусъ котораго юношѣ показался какимъ-то страннымъ. «Что это за мясо?» спросилъ онъ у Свинборна. — «А помните обезьяну, которая хотѣла васъ хорошенько поцарапать? Это я изъ нея велѣлъ приготовить это блюдо», преспокойно объяснилъ англійскій поэтъ. — Какъ вамъ, господа, это нравится?

«Разсказъ Галеви произвелъ на всѣхъ ужасное впечатлѣніе. Поднялся шумъ, горячіе споры, многіе стали осаривать возможность съѣсть свою любовницу, даже если бы она была только обезьяной, другіе говорили, что это выдумка молодого человѣка. Въ разговоръ между прочимъ вмѣшался и И. С. Тургеневъ.

«— Вы напрасно такъ волнуетесь, господа,—сказалъ Тургеневъ съ дивана, сидя въ сторонѣ за чашкой кофе:—отъ Свинборна, котораго я лично и довольно хорошо знаю, рѣшительно всего можно ожидать, такъ какъ, конечно, это врядъ ли нормальный человѣкъ... Какъ-то я шутя спросилъ его: что бы вамъ очень хотѣлось, любезный Свинборнъ, испытать вотъ сейчасъ наиболѣе оригинальнаго и несбыточнаго? «А вотъ что,—отвѣтилъ Свинборнъ:—посягнуть на св. Женевьеву во время ея самаго пламеннаго молитвеннаго экстаза, но при этомъ съ ея тайнаго согласія!..»

— Ну, а еще не было ли чего интереснаго на этихъ обѣдахъ?—спросили мы.

— Былъ еще въ другой разъ, напримѣръ, разговоръ о спиритизмѣ...

— Разскажите,—попросили мы всѣ:—что толковали у Гонкуровъ о спиритизмѣ. Это любопытно!

— Дѣйствительно, вышло любопытно, —раземѣялся Харламовъ,—и вотъ почему. Флоберъ и Эрнестъ Ренанъ стали разсказывать о необычайномъ какомъ-то медіумѣ, вызвавшемъ въ одномъ важномъ салонѣ тѣнь императора Нерона, которая явилась предъ всѣми, вся сіявшая фосфорическимъ свѣтомъ...

«Тутъ вдругъ вмѣшался въ разговоръ одинъ молодой лейтенантъ, только что вернувшійся изъ дальняго плаванія.

«— Позвольте вамъ заявить, господа, что это не что иное, какъ простой гипнозъ и что на Востокѣ это дѣлается очень просто.

«Ему стали, конечно, возвращать.

«— Господа, вот вамъ то, что недавно еще было со мной,— сказалъ лейтенантъ.— Это было въ Александріи. Я гулялъ въ сопровожденіи моего денщика-матроса по городу и случайно попалъ на базаръ. Въ пестрой, разукрашенной флагами палаткѣ факиръ давалъ представленія. Я взялъ билетъ и зашелъ внутрь, а мой денщикъ остался у входа. Было много народа. На красномъ коврикѣ сидѣлъ въ зеленомъ халатѣ и маленькомъ разныхъ цвѣтовъ тюрбанѣ арабъ и поражалъ насъ чудесами. Онъ бросалъ палочку вверхъ, и она предъ нашими глазами безъ поддержки долго висѣла въ воздухѣ; онъ прокалывалъ себя насквозь и сухую шпагу вытаскивалъ изъ спины; онъ отрубалъ себѣ руку, которая потомъ сама прирастала и дѣйствовала; онъ пускалъ по палькѣ вверхъ цѣлый эскадронъ мышей, которыя, одна велѣдъ за другой, добравшись до вершины палочки, безслѣдно исчезали въ воздухѣ, и разныя другія головокружительныя вещи. Прогремѣлъ звонокъ, представленіе окончилось, и я вышелъ на воздухъ. Денщикъ меня ждалъ у входа.

«— Ты видѣлъ, какія тамъ чудеса творились?—спросилъ я его, возвращаясь на фрегатъ.

«— Ничего особеннаго, сударь, я не видѣлъ,—отозвался матросъ.

«— Но, вѣдь, ты же смотрѣлъ, что факиръ показывалъ?

«— Смотрѣлъ, да онъ ничего не показывалъ,—онъ пускалъ мышей по палочкѣ, а потомъ, когда мышь была наверху, онъ ее снималъ и пряталъ себѣ за пазуху...

«— Ну, а какъ онъ себя прокололъ, ты видѣлъ?

«— Да онъ просто приложилъ шпагу къ груди—и только, а потомъ засунулъ ее подъ коверъ, а изъ-за спины вытащилъ другой ножъ.

«— А какъ руку себѣ отрубалъ—видѣлъ?

«— Нѣтъ-съ, этого не было; онъ просто ударилъ себѣ чѣмъ-то по рукѣ и спряталъ руку въ рукавъ халата—вотъ и все-съ...

«— Однимъ словомъ, факиръ за деньги меня гипнотизировалъ, а денщикъ, не заплатившій за это, былъ виѣ гипноза и ничего не видѣлъ... Какъ можно послѣ этого толковать о чудесахъ спиритическихкихъ сеансовъ!?»

VI.

Мнѣ было въ 1874 году семнадцать лѣтъ, когда скоропостижно умеръ мой отецъ, извѣстный въ свое время въ Москвѣ присяжный повѣренный, и, по просьбѣ моей матери, нынѣ также покойной, ко мнѣ и моему младшему брату былъ назначенъ опекуномъ редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій» Никита Петровичъ Гиляровъ-Платоновъ.

Въ свое время это былъ очень замѣтный въ Москвѣ человекъ, уважаемый вообще всѣмъ русскимъ обществомъ, фигура крупная, съ своеобразнымъ міровоззрѣніемъ и недюжиннымъ умомъ.

Первый воспитанникъ московской духовной академіи, окончившій съ золотой медалью и получившій поэтому прибавленіе «Платоновъ» къ своей фамиліи (въ честь митрополита московскаго Платона, оставившаго особый капиталъ на лучшихъ по ученію стипендіатовъ его имени), затѣмъ самъ профессоръ той же академіи, потомъ цензоръ и, наконецъ, самостоятельный общественный дѣятель въ роли редактора собственной газеты, всюду и всегда Гиляровъ выдавался своей оригинальной личностью и необычайной научной эрудиціей.

Профессуру онъ оставилъ изъ-за придирокъ начальства, или, вѣрнѣе, митрополита Филарета московскаго, органически не терпѣвшаго свободной мысли и упорно гнавшаго отъ себя все оригинальное, все свѣжее и свободное отъ клерикализма. Обладая, несомнѣнно, большимъ умомъ, ученостью, необычайной силой воли и настойчивостью характера, митрополитъ Филаретъ былъ схоластикомъ самой чистой воды, не допускавшимъ никакихъ «повшествъ» въ богословской сферѣ и даже въ жизни вообще и съ наслажденіемъ культивировавшимъ средневѣковыя, никому непонятныя богословскія отвлеченности, достойный примѣръ которыхъ мы видимъ въ его пресловутомъ катехизисѣ, осилить который составляетъ особый подвигъ. Насколько Филаретъ былъ всегда чуждъ окружавшей его жизни, видно изъ того, что онъ упорно не хотѣлъ проѣхать по впервые при немъ въ Россіи проведенной желѣзной дорогѣ изъ Петербурга въ Москву, совершенно при этомъ серьезно утверждая, что локомотивъ, движущій поѣздъ сгущеннымъ паромъ, есть «навозденъ лукаваго», а потому пользоваться имъ «грѣховно». Несмотря ни на какія убѣжденія и научные доводы, почтенный іерархъ остался «при своемъ мнѣніи» и ни разу не проѣхался по Николаевской желѣзной дорогѣ, не желая соприкоснуться съ чертовщиной.

Можно ли было либеральному профессору, какимъ былъ Н. П. Гиляровъ, служить въ духовной академіи при такой своеобразной атмосферѣ?

Митрополитъ Филаретъ былъ необычайнымъ деспотомъ, и предъ нимъ московское духовенство въ прямомъ смыслѣ трепетало. Не даромъ про него въ Москвѣ и сложилась поговорка: «Владыка за трапезой пискарикъ скушаетъ, а цѣлымъ попомъ закусываетъ!» Духовенство его ненавидѣло, но его авторитетъ былъ такъ силенъ, что ни о какой оппозиціи ему нельзя было и думать, и вся церковная жизнь московской митрополіи безропотно ему подчинялась. Филаретъ былъ своего рода маленькимъ римскимъ папой, который, на манеръ папы римскаго, самовольно и совершенно безконтрольно распоряжался всѣми церковными дѣлами своего округа и держалъ

московское духовенство, и высшее и низшее, въ желѣзныхъ тискахъ, ничуть не страшась синода, который не смѣлъ поднять противъ него голоса.

Не довольствуясь своими семинаріями и церковно-приходскими школами, Филареть хотѣлъ вмѣшиваться и въ свѣтскую область и прїѣзжалъ въ московскій университетъ, присутствуя на экзаменахъ по богословію.

Это наконецъ надоѣло студентамъ, которыхъ Филареть безжалостно «рѣзалъ», ехидно предлагая самые головоломные вопросы изъ дебрей богословской премудрости, мало понятной для простаго мірянина.

Разъ какъ-то владыка прїѣхалъ въ университетъ во время испытаній по Закону Божію. Экзаменовавшійся студентъ прекрасно отвѣтилъ по билету, но Филарету захотѣлось его сбить, и онъ вдругъ предложилъ ему своимъ необычайно-тихимъ и «елейнымъ» голосомъ вопросъ:

— А не было ли какихъ святоотеческихъ пророчествъ въ отношеніи новѣйшей нашей исторіи?

Студентъ попался не изъ робкихъ.

— Конечно, были,—отвѣчалъ онъ авторитетнымъ тономъ.—На всякое событіе можно подыскать пророчество!

— А вотъ, напримѣръ,—допытывался владыка:—какое бы вы указали пророчество по поводу двѣнадцатаго года и нашествія на Россію иноплемениковъ?

Студентъ оказался не только смѣлымъ, но и находчивымъ.

— А вотъ хоть бы, напримѣръ, такое: «раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій...».

Сидѣвшій рядомъ съ экзаминаторомъ, университетскимъ протоіереемъ, свѣтскій ассистентъ-профессоръ невольно фыркнулъ, сдерживая смѣхъ, а веселый студентъ еще громче повторилъ:

— Раздраша ризы моя и объ одеждѣ моей меташа жребій... Это предсказаніе вполне подходит...

Филареть покраснѣлъ и, совершенно позабывъ искусственно усвоенный имъ полушопотъ, громко и гнѣвно прокричалъ на всю аудиторію:

— Это ересь!

Затѣмъ быстро поднялся съ мѣста и уѣхалъ съ экзамена.

Съ этихъ поръ, къ радости студентовъ, онъ пересталъ бывать у нихъ на экзаменахъ богословія, а если когда изрѣдка и заѣзжалъ, то ужъ не предлагалъ такихъ вопросовъ.

Будучи мальчикомъ, я нѣсколько разъ былъ у митрополита Филарета въ Троице-Сергіевской лаврѣ, подъ Москвой, гдѣ онъ чаще всего жилъ.

Мой отецъ, вовсе не будучи исключительно набожнымъ человекомъ, очень, однако, симпатизировалъ митрополиту Филарету

за его умъ и ученость, какъ и многія лица изъ московскаго общества (какъ, напримѣръ, П. В. Сушковъ, написавшій даже цѣлый восторженный панегирикъ о Филаретѣ), не знавшія близко всѣхъ отрицательныхъ сторонъ владыки и не испытавшія на себѣ его желѣзнаго и безсердечнаго деспотизма. Отецъ лично зналъ митрополита, ѣзжалъ къ нему и подолгу съ нимъ бесѣдовалъ; къ тому же онъ велъ какое-то гражданское дѣло одного дальняго его родственника и сообщалъ ему о положеніи процесса. Иногда онъ бралъ и меня съ собою.

Я еще былъ тогда совсѣмъ ребенкомъ, но твердо помню весь оригинальный обликъ этого любопытнаго монарха, котораго не трогалъ и слушался даже такой всевластный государь, какъ Николай Павловичъ. Филаретъ былъ очень низенькаго роста и худъ, какъ скелеть, такъ какъ дѣйствительно велъ строго-аскетическую жизнь и питался въ самомъ дѣлѣ, кажется, однимъ пискарникомъ и чашечкой ухи съ кускомъ сухой просфорки. Говорилъ онъ очень тихо, почти шепталъ (этого шопотъ очень удачно называлъ Н. С. Лѣсковъ «тихоструй»), но не отъ слабости голоса, а нарочно, съ расчетомъ, желая произвести впечатлѣніе въ конецъ изнуреннаго постомъ и молитвой. Говорю такъ потому, что при мнѣ онъ довольно-таки громко покрикивалъ на келейника и забывалъ о своемъ «тихоструѣ». Что было особенно типично во внѣшности владыки—это его маленькія, тонкія руки замѣчательной красоты и бѣлизны, словно точенныя изъ слоновой кости, напоминающія холенныя руки какого-нибудь католическаго монсиньора-аристократа. Откуда могли взяться у Филарета, если онъ былъ дѣйствительно сыномъ простаго сельскаго дьячка, такія образцово-породистыя руки? Бываютъ, впрочемъ, иногда удивительные сюрпризы природы, на которую все можно легко сваливать... Но самое главное, что поражало въ митрополитѣ, это глаза его—стальные, безучастис-холодные и писквозъ пронизывающіе бѣднаго субъекта, имѣвшаго несчастье стать предметомъ ихъ вниманья. Я никогда больше не видѣлъ такихъ ужасныхъ глазъ. Когда я мальчикомъ впервые увидѣлъ Филарета, онъ, строго взглянувъ на меня, положилъ мнѣ на голову, благословляя, свою классически-взящную руку и спросилъ: «молитву Господню твердо знаешь?» Я почувствовалъ, какъ какой-то холодъ прошелъ у меня по всему тѣлу... И всегда затѣмъ, когда я видѣлъ владыку и онъ устремлялъ на меня свой взоръ, иногда даже довольно благосклонный, такъ какъ я на зубокъ зналъ всѣ тѣ молитвы, которыя онъ велѣлъ мнѣ выучить, я чувствовалъ какой-то страхъ, будто я въ чемъ-то провинился.

Когда впоследствии я рассказалъ объ этомъ Н. П. Гилярову, съ которымъ былъ очень близокъ, какъ съ моимъ опекуномъ, то онъ громко смѣялся и говорилъ:

— Хорошъ отшельникъ и святой, какимъ его называли почитатели, когда онъ до смерти пугаетъ людей своими глазами! Глаза—

зеркало души, а если душа добрая и благостная, какая должна быть у святого, то и взоръ будетъ такой же...

Домъ Никиты Петровича былъ преинтересный. Хотя въ немъ и не было того, что мы называемъ «домашнимъ очагомъ», но и безъ этого личность хозяина была настолько симпатична, оригинальна и привлекательна, что сюда всё охотно шли и прекрасно здѣсь себя чувствовали. Не было же, какъ я сказалъ, очага не по какимъ-нибудь очень серьезнымъ или особенно печальнымъ причинамъ, а просто въ виду характера супруги Никиты Петровича, всю жизнь не умѣвшей какъ-то «хозяйничать», уклонявшейся очень охотно отъ всякихъ практическихъ дѣлъ и смотрѣвшей на очень многое нѣсколько врозь съ мужемъ. Зато въ близкомъ общеніи съ отцомъ были постоянно оба его сына, Алексѣй и Николай. Алексѣй былъ богато одаренная натура. Онъ шелъ первымъ въ гимназін, прекрасно окончилъ университетъ по филологическому факультету и избралъ себѣ ученую карьеру, ставъ со временемъ профессоромъ одного изъ нашихъ провинціальныхъ университетовъ. Николай, въ виду врожденной слабости здоровья на почвѣ общаго рахитизма, выразившейся въ довольно значительной хромотѣ, очень во многомъ, конечно, уступалъ своему исключительно талантливому младшему брату и, къ сожалѣнію, не могъ докончить своего образования, ограничившись гимназіей. Однако и онъ былъ по природѣ развитой молодой человѣкъ и помогалъ отцу по конторѣ и редакціи «Современныхъ Извѣстій».

Эта газета шла первое время прекрасно и имѣла большой успѣхъ. Гиляровъ затѣялъ ее, покинувъ цензорство, гдѣ, по самостоятельности характера и прогрессивности мысли, имѣлъ, конечно, массу всевозможныхъ неприяностей, и всецѣло отдался общественной дѣятельности. «Современныя Извѣстія» носили до извѣстной степени характеръ славянофильскаго органа, причемъ очень серьезно разрабатывали церковные вопросы. Эти послѣдніе порой до того загромождали собой газету, что она принимала характеръ чисто клерикальной, что очень не нравилось юной и даровитой плеядѣ сотрудниковъ, группировавшейся вокругъ Никиты Петровича и искренно ему преданной. Между ними выдѣлялся тогда совсѣмъ еще въ то время юноша г. Эфронъ-Литвинъ, человѣкъ большихъ познаній въ богословской области и горячаго темперамента.

Въ одной изъ своихъ брошюръ, подъ заглавіемъ: «Миссіонеры и начетчики», онъ, между прочимъ, даетъ чрезвычайно колоритно написанную характеристику Н. П. Гилярова и его редакціоннаго кружка. Въ «Современныхъ Извѣстіяхъ» пописывалъ иногда и князь Николай Шаховской, ставшій впоследствии начальникомъ цензурнаго вѣдомства. Въ тѣ времена онъ былъ еще не кончившимъ курса гимназистомъ, очень льнувшимъ къ литературнымъ кружкамъ. Князь Шаховской питалъ къ Гилярову горячую симпатію

за его «славянскія идеи», глубоко его уважалъ и составилъ о немъ впоследствии интересную монографію (кажется, не законченную), главнымъ образомъ на основаніи переписки Гілярова, которую онъ старательно и кропотливо собиралъ и классифицировалъ. Предисловіе къ этой монографіи было напечатано въ московскомъ журналѣ «Русское Обозрѣніе», въ редакторство Анатолія Александрова.

Я упомянулъ, что клерикализмъ «Современныхъ Извѣстій» не очень нравился ближайшимъ сотрудникамъ Н. П. Они мало интересовались церковной жизнью и хотѣли бы видѣть газету исключительно общественно-политической. На этой почвѣ частенько по воскресеньямъ, за «редакціонными» обѣдами у Н. П., происходили между нимъ и его ближайшими сотрудниками горячіе споры и разсужденія. Однако Н. П. не сдавался, и его симпатичный органъ всегда былъ и оставался до извѣстной степени оппозиціонно-клерикальнымъ. Это вполне понятно. Гіляровъ готовился къ профессурѣ въ академіи, но не могъ осуществить своей мечты изъ-за тогдашняго церковнаго начальства и мстилъ ему въ своей газетѣ. Дѣйствительно, московское духовенство, съ Филаретомъ во главѣ, чутко прислушивалось къ «Современнымъ Извѣстіямъ» и даже побаивалось его языка.

Будучи глубокимъ богословомъ и церковникомъ, Гіляровъ не могъ, конечно, не интересоваться нашимъ расколомъ никогда, къ сожалѣнію, толкомъ не изученнымъ и по сей часъ не имѣющимъ о себѣ хотя бы только обстоятельныхъ монографій, если не серьезныхъ научныхъ изслѣдованій. Мы узнаемъ обыкновенно о нашихъ многочисленныхъ раскольничьихъ сектахъ и согласіяхъ изъ газетныхъ случайныхъ корреспонденцій, съ не провѣренными и зачастую прямо фантастическими свѣдѣніями. Есть статьи о нашихъ «религіозныхъ отщепенцахъ» А. С. Прутавина, тщательно изучавшаго судебныя дѣла о раскольникахъ, за что нельзя не сказать ему большое спасибо. Ему же принадлежатъ живо написанные очерки нашего «свѣтскаго» раскола. Имѣется нынѣ ставшая археологической рѣдкостью книга Ѳ. В. Ливанова «Раскольники и острожники», полная «страшныхъ» разсказовъ о скопцахъ, весьма сомнительной цѣнности и болѣе годная для чтенія московскихъ купчихъ, чѣмъ для серьезнаго знакомства съ расколомъ. Есть кое-какія отдѣльныя монографіи профессоровъ духовныхъ академій... Все это, не будучи лишено интереса, недостаточно полно, случайно, поверхностно и вовсе не рисуетъ намъ той внутренней духовной области русскаго сектантства, гдѣ возникали и развивались міровоззрѣнія и догмы нашихъ религіозныхъ новаторовъ.

Расколь читается у насъ съ кафедръ духовныхъ академій, но не надо забывать, что читающіе о расколѣ академическіе профессора обязательно представляютъ его своимъ слушателямъ въ отри-

дательномъ свѣтѣ. Могутъ ли они поступать иначе, дорожа своими мѣстами и положеніемъ? Конечно, нѣтъ! Тѣ изъ нихъ, кто смѣлъ говорить свободное и справедливое слово о расколѣ, бывалъ принужденъ оставить свою должность. Одинъ изъ такихъ либераловъ былъ очень извѣстный въ свое время въ Москвѣ протоіерей Сергій Николаевичъ Терновскій, читавшій нѣкогда исторію раскола въ московской духовной академіи и за «свободомысліе» уволенный Филаретомъ отъ профессуры. Протоіерей Терновскій былъ затѣмъ долгое время приходскимъ священникомъ при церкви Успенія на Могилыцахъ, гдѣ былъ очень любимъ и уважаемъ своей паствою.

Въ описываемую мною эпоху, т.-е. лѣтъ тридцать назадъ, въ Москвѣ появились «сютаевцы», послѣдователи секты крестьянина Тверской губерніи Сютаева, учившаго «жить по-Божьему». Сютаевцы не терпѣли иконъ, не ходили въ церковь, не признавали таинствъ и церковныхъ обрядовъ, не совершали браковъ, не хотѣли знать никакого начальства (подчиняясь мѣстной администраціи лишь въ силу необходимости), не имѣли никакой духовной іерархіи, жестоко критикуя наше духовенство, представители котораго въ деревняхъ являли собой, дѣйствительно, безобразные типы. Сютаевцы очень близко подходили къ толстовцамъ въ исканіи истины путемъ отрицательнаго отношенія ко всякому проявленію виѣшней символики церкви, хотя вліянія на нихъ графа Л. Н. Толстого, уже начавшаго тогда свою «проповѣдническую» дѣятельность, совсѣмъ не было, и Сютаевъ, мирно проживая въ селѣ своемъ Шевелинѣ, совсѣмъ не зналъ даже о существованіи Толстого и толстовцевъ. Точно также не имѣлъ онъ яснаго представленія и о В. А. Пашковѣ, хотя жившіе въ Петербургѣ въ работникахъ сыновья Сютаева рассказывали ему кое-что о молитвенныхъ собраніяхъ «генерала Пашкова».

Близъ Петровскаго-Разумовскаго, подъ Москвой, гдѣ Н. П. Гилярровъ живалъ обыкновенно лѣтомъ, на своей красивой оригинальной постройки дачѣ, имѣвшей со всѣхъ четырехъ сторонъ совершенно особыя стили, съ огромнымъ садомъ и отличнымъ ягоднымъ огородомъ,—появились тогда сютаевцы, скромно пріютившись гдѣ-то въ поселкѣ, между Петровскимъ-Разумовскимъ и Петровскимъ паркомъ.

Я раза два-три заходилъ къ нимъ, чтобы лично имѣть понятіе объ этихъ сектантахъ. Ихъ было нѣсколько семей ремесленниковъ. Въ одной изъ нихъ старикъ-дѣдъ производилъ пріятное впечатлѣніе грамотея-пачетчика, умѣвшаго поговорить и поспорить.

Однако, кромѣ вообще порицаній церкви и ея обрядовъ, я ничего иного отъ него не могъ извлечь и никакой творческой мысли въ его словахъ и въ разсужденіяхъ его товарищей не находилъ. При этомъ мнѣ немалого труда стоило убѣдить мирныхъ искателей истины, что я не сыщикъ и не предамъ ихъ въ руки полиціи.

Тогда исканіем истинъ заниматься запрещалось, и всё должны были хочешь не хочешь вѣрить по катехизису.

Въ настоящее время секта Сютаева совсѣмъ почти исчезла. Онъ самъ, будучи совершенно темнымъ и непросвѣщеннымъ человекомъ, давно умеръ; его дѣти не были способны продолжать дѣло отца. Теперь на родинѣ сютаевского согласія—въ селѣ Шевелинѣ Тверской губерніи—можно встрѣтить лишь нѣсколько отдѣльныхъ семействъ, принадлежащихъ къ этому ученію.

Гораздо интереснѣе была секта «немоляковъ», появившаяся въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія въ землѣ войска Донского. Одинъ изъ представителей этой секты, казакъ Ефимовъ, пріѣзжалъ по дѣламъ своего толка въ Москву и заходилъ не разъ къ Гилярову, гдѣ я съ нимъ и познакомился. Я разговорился съ нимъ и такъ какъ всегда очень интересовался вообще всякимъ сектантствомъ, то и сталъ частенько посѣщать его. Онъ жилъ въ скромныхъ меблированныхъ комнатахъ на Никитской улицѣ (поближе къ Гилярову, нанмавшему большой барскій особнякъ въ Ваганьковскомъ переулкѣ, на Знаменкѣ), былъ очень гостеприименъ и радушенъ и, встрѣчаясь со мной въ домѣ такого уважаемаго всѣми въ Москвѣ и извѣстнаго лица, какъ Гиляровъ, не считалъ меня за человека «опаснаго» и велъ со мной откровенную бесѣду.

Главной основой секты «немоляковъ» было ученіе о «временахъ вѣка». Такихъ «временъ вѣка», по ихъ ученію, четыре, а именно отъ сотворенія міра до Моисея—весна, отъ Моисея до Иисуса Христа—лѣто, отъ Рождества Христова до 1666 года—осень, а отъ 1666 (года клятвъ) и до нашихъ дней—зима, или «вѣкъ святаго Духа».

По ученію «немоляковъ», истина давно погасла на землѣ и такъ какъ уже наступилъ вѣкъ святаго Духа, то одно спасеніе—понимать жизнь духовно. Поэтому все Священное Писаніе сектанты толковали иносказательно, въ духовномъ смыслѣ, основываясь въ этомъ на словахъ самого же Писанія: «отверзу уста моя въ притчахъ». Идя по этому пути, немоляки толковали всю жизнь Иисуса Христа, Его рожденіе, страданія, смерть, воскресеніе и вознесеніе духовно, мистически: Дѣва Марія между прочимъ есть благое дѣло, отъ котораго родилось слово Божіе, то-есть Иисусъ Христосъ, сынъ Божій; таинство рожденія Христа они не признавали; Богъ-Отець, въ ихъ представленіи,—«отеческое правило», бывшее до Рождества Христова, Бѣгъ Сынъ—«сыновнее правило», имѣвшее силу отъ Рождества Христова до 1666 года, а Святой Духъ—существующее нынѣ правило, послѣднія времена. По ученію секты, со времени окончанія седьмой тысячи лѣтъ (отъ сотворенія міра) всё церковныя власти и церковное богослуженіе потеряли всякое значеніе, велѣдствіе чего немоляки совершенно отрицаютъ духовную іерархію, а храмы приравниваютъ къ простымъ домамъ. Таинства, по словамъ

немоляковъ, совершались правильно, въ угоду Богу, только до седьмой тысячи лѣтъ, а въ подтвержденіе такого взгляда приводятъ иносказательное мѣсто Священнаго Писанія: «премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь», объясняя по-своему эти слова въ томъ смыслѣ, что все, созданное семью вселенскими соборами, существовало въ надлежащей чистотѣ и цѣлости лишь до исхода седьмой тысячи лѣтъ.

Никакихъ, поэтому, таинствъ секта не признаетъ, дѣтей не крестить, браковъ не совершаетъ, иконы, посты, праздники отвергаетъ, никакихъ поповъ не имѣетъ, ни даже выборныхъ старѣйшинъ, какіе существуютъ у молоканъ и штундистовъ, опредѣленныхъ молитвъ не знаетъ, а каждый молится по-своему, духовно, а правилъ церкви и законовъ гражданскихъ исполнять не считаетъ нужнымъ.

Духовныя толкованія правилъ вѣры у немоляковъ вообще крайне слабы, и, доискиваясь, до «духовнаго» смысла Священнаго Писанія, они доходили до абсурдовъ. Такъ, напримѣръ, вышеупомянутый казакъ Ефимовъ такое простое и всѣмъ понятное мѣсто Евангелія, какъ «вниди въ клѣтъ твою, затвори двери твоя и помолись втайнѣ», толковалъ (какъ и его единомышленники) въ томъ смыслѣ, что «войти въ клѣтъ» значить умолкнуть, а «затворить дверь»—закрывать уста.

Помимо всего это настойчивое исканіе въ Священномъ Писаніи цифры 7 (семь свѣтильниковъ, семь очей, семь столповъ, семь ангеловъ, семь дѣвъ и т. д.) и попытки построить на этомъ теорію о прекращеніи «правильной жизни» на землѣ послѣ седьмой тысячи лѣтъ отдастъ такой притянутой за волосы схоластикой, что невольно удивляешься, откуда основатель секты, донской казакъ Гаврила Зиминъ, взявъ эту неудачно придуманную теорію религіознаго міровоззрѣнія. По всей вѣроятности, на Зимины, прежняго старообрядца, затѣмъ поповца, а вслѣдъ за тѣмъ безпоповца, немало повліяли разныя старопечатныя старообрядческія книги и всевозможныя рукописи, во множествѣ ходившія по рукамъ на Дону среди тамошнихъ раскольниковъ.

Помню, какъ казакъ Ефимовъ усердно хлопоталъ въ Москвѣ о полученіи рекомендательныхъ писемъ къ тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода К. П. Побѣдоносцеву, при чемъ Гиляровъ, лично знавшій всеильнаго тогда сановника (котораго шутя называли «въ свѣтѣ» le cardinal, а среди духовенства капѣ), наотрѣзъ отказалъ дать свое письмо.

— Изъ моего письма (миѣ, вѣдь, написать не трудно!) вамъ только хуже выйдетъ,—убѣждалъ онъ Ефимова.—Меня Побѣдоносцевъ не переноситъ, да къ тому же и моя рекомендація, въ сущности, нуль! Развѣ я человѣкъ сильный?

— Да вѣдь онъ, я слышалъ, человѣкъ не злой,—простодушно возражалъ казакъ.

— Не только не злой,—соглашался Гиляровъ:—по въ личныхъ сношеніяхъ съ людьми прямо даже добрый и отзывчивый; но у него, батюшка, свои «убѣжденія»—хотя бы, грѣшнымъ дѣломъ, и самыя обскурантныя—и онъ за нихъ цѣлко держится... При этомъ и того не забывайте, что, вѣдь, онъ и по службѣ своей—на стражѣ у православія. Какъ же это онъ станетъ любезничать съ раскольниками?

— Такъ чѣ же письмо подѣйствуетъ?—домогался Ефимовъ.

— Въ дѣловомъ смыслѣ—рѣшительно ничѣ, такъ и знайте! Но чтобы васъ поскорѣе приняли и внимательно выслушали, попросите дать вамъ письмо Каткова. Вѣдь вы его уже знаете и къ нему заходили... Это, батенька, сила не чета мнѣ!

Ефимовъ такъ и сдѣлать.

М. Н. Катковъ, какъ философъ, ничего не имѣлъ вообще противъ религіозныхъ исканій; къ тому же онъ очень цѣнилъ въ нашихъ раскольникахъ охранительныя начала старо-русскихъ устоевъ и не разъ указывалъ, что ни въ одномъ политическомъ процессѣ, которые безконечной вереницей тянулись въ семидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка, вы не встрѣтите ни одного раскольника. Онъ дружелюбно принялъ Ефимова и охотно далъ ему просимое письмо.

Казакъ укатилъ въ Петербургъ хлопотать о своихъ единомышленникахъ, которымъ, по приказу «пачальства», чинили разныя непріятности, хотя въ описываемое время ихъ было вообще немного. Большинство немоляковъ переселено было на Кавказъ, а за «упорствующими» былъ учрежденъ надзоръ. Теперь, кажется, ни на Кавказѣ, ни въ землѣ Донского войска представителей этой секты совсѣмъ нѣтъ. По крайней мѣрѣ, въ бытность мою недавно на службѣ на Кавказѣ, въ 1900—1903 г., я ничего не слышалъ про «немоляковъ»; точно также я не получилъ о нихъ никакихъ свѣдѣній и отъ станичниковъ, когда заглядывалъ въ казацкія поселенія войска Донского. Говорили, что есть кое-гдѣ отдѣльныя семьи «немоляковъ» въ станицѣ Прохладной, на примѣръ, но никакихъ подробностей о нихъ я получить не могъ.

Ефимовъ вернулся изъ Петербурга совершенно разстроенный. К. П. Побѣдоносцевъ его принялъ очень любезно, даже въ особой аудіенціи, и даже бесѣдовалъ съ нимъ на сектантскія темы, поразивъ темнаго казака своей эрудиціей и прекрасной памятью, но при этомъ заявилъ, что, какъ представитель синодальнаго вѣдомства, онъ не считаетъ себя въ правѣ хлопотать за «отщепенцевъ» отъ православной церкви.

— Ну, и что же вы ему возражали?—спросили мы.

— А что же я такому ученому челоѣку возражать могу?!—грустно отвѣтилъ казакъ.—Однако я сказалъ, что мы дурного не дѣлаемъ и на землѣ истину ищемъ.

— Ну, а онъ на это что?

— А онъ на это разсмѣлся, да и говорить: а зачѣмъ вамъ знать истину-то? Много будете знать—скоро состаритесь! Чѣмъ дольше ее не узнаете, тѣмъ лучше... Странный такой у васъ этотъ самый генераль Побѣдоносцевъ,—вздыхнулъ казакъ, разводя руками.

Историческій обскурантизмъ «кардинала» показался чудовищнымъ простосердечному человѣку, а между тѣмъ этотъ «генераль Побѣдоносцевъ» такъ долго игралъ выдающуюся роль въ судьбахъ Россіи, послѣ кроваваго 1-го марта и паденія графа Лорисъ-Меликова.

И этимъ мы были обязаны кучкѣ безумцевъ съ Перовской и Желябовымъ во главѣ!

Такъ и уѣхалъ бѣдный казакъ ни съ чѣмъ обратно на свой «тихий Донъ», уничтоженный въ конецъ неожиданными откровеньями изъ устъ великаго обскуранта земли русской.

Что, однако, самое курьезное въ только что описанной встрѣчѣ «охранителя» православія съ представителемъ раскола, такъ это то, что въ то самое время, когда Побѣдоносцевъ былъ глухъ и нѣмъ къ нуждамъ «отщепенцевъ» отъ православія, въ качествѣ стража интересовъ господствующей церкви, онъ позволялъ другимъ сектамъ совершенно свободно проповѣдывать свое ученіе и совершать свой культъ въ русской столицѣ, и не гдѣ-нибудь на ея окраинѣ, а въ лучшей части города.

Я говорю про извѣстную секту ирвингіанъ, получившихъ это названіе отъ имени своего основателя, шотландскаго пастора В. Ирвинга, задавагоса цѣлью возстановить древне-христіанскую общину апостольскихъ временъ со всѣми подробностями ея внутренняго строя. Такъ, мы видимъ у ирвингіанъ всю ея прежнее іерархію, съ пресвитерами, діаконами, діакониссами, ангелами (то есть епископами) и, наконецъ, даже апостолами, которыхъ у ирвингіанъ двѣнадцать. Поэтому сами ирвингіане называютъ свою общину «каѳолическая апостольская церковь». Эта секта, представителемъ которой былъ у насъ (и понынѣ есть) докторъ-гомеопатъ Викторъ Александровичъ Дитманъ, издавна существовала въ Петербургѣ и свободно пропагандировала свое ученіе, благодаря сильной поддержкѣ со стороны своихъ прозелитовъ, принадлежавшихъ къ высшему обществу. Достаточно сказать, что однимъ изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ ирвингіанской секты въ Петербургѣ былъ тогда не кто иной, какъ генераль-адъютантъ О. Б. Рихтеръ, бывший въ то время командующимъ императорскою главной квартирой, очень близкій къ государю Александру III человѣкъ, а также самъ директоръ департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій гофмейстеръ графъ Эммануилъ Сиверсъ. Оба они занимали высокое положеніе при дворѣ, и, конечно, синодальный оберъ-прокуроръ не считалъ для себя удобнымъ играть въ

данномъ случаѣ роль стража интересовъ православія и подвергать себя ихъ опасному гнѣву, а поэтому и «не замѣчалъ» существованія въ столицѣ аристократическаго кружка ирвингянъ, еженедѣльно собиравшихся въ свою «капеллу», помѣщавшуюся тогда на Сергіевской улицѣ, въ домѣ австрійскаго посольства, въ сдаваемомъ внаймы надворномъ флигелѣ.

Во время этихъ богомоленій въ ирвингянской церкви, устроенной на манеръ лютеранской церкви, съ ритуаломъ, напоминающимъ протестантскую мессу (пресвитерствовалъ В. Дитманъ), иногда на кого-нибудь изъ присутствовавшихъ здѣсь «просвѣтленныхъ» вдругъ находилъ «даръ языковъ» (какъ было съ апостолами, шедшими проповѣдывать слово Божье во всѣ концы земли), и онъ начиналъ лепетать невнятные и непонятныя слова, которыя должны были изображать тотъ никому невѣдомый языкъ, на которомъ со временемъ онъ станетъ проповѣдывать ирвингианство, если только кто-либо его уразумѣетъ.

Самая месса ирвингянъ, съ банальной проповѣдью и пѣніемъ всѣми присутствующими псалмовъ и особыхъ религіознаго содержания пѣсенъ, очень, какъ я сказала, была похожа на лютеранское богослуженіе или, вѣрнѣе, баптистскія и штундистскія богомоленія, и совсѣмъ не напоминала собой тайныя собранія христіанъ въ апостольскія времена.

Секта не заключала въ себѣ рѣшительно ничего вреднаго. Она и по сей часъ существуетъ, съ капеллой въ Царскомъ Селѣ и В. Дитманомъ въ роли пресвитера и, можетъ быть, теперь ужъ и «ангела», но самое возмутительное было то, что одновременно съ пышнымъ процвѣтаніемъ ирвингянъ въ Петербургѣ другая секта, не пользовавшаяся расположеніемъ и поддержкой придворныхъ кавалеровъ, подвергалась упорнымъ гоненіямъ и преслѣдованію.

Я говорю о пашковцахъ, во главѣ которыхъ стоялъ человекъ, дѣлавшій много реального добра и помогавшій ближнимъ своими личными средствами въ очень большихъ размѣрахъ, устраивая дешевыя столовыя для столичной бѣдности, которая съ радостью стекалась къ нему искать утѣшенія и поддержки.

В. А. Пашковъ былъ замѣчательно цѣльнымъ типомъ христіанина, проповѣдывающаго дѣятельную любовь къ окружающимъ и учившаго своимъ личнымъ примѣромъ.

Богатый баринъ, бывшій гвардеецъ, помѣщикъ, принадлежавшій по родству и связямъ къ избранному обществу, сталъ проповѣдывать и толковать Евангеліе въ своемъ роскошномъ домѣ на Гагаринской набережной (теперь эта набережная носитъ названіе Французской, а въ прежнихъ хоромахъ Пашкова помѣщается французское посольство) и принимать у себя всѣхъ, желавшихъ его слушать и совмѣстно молиться. На эти молитвенныя собранія ходила масса всякаго люда. Вы могли встрѣтить здѣсь представителей аристо-

кратческаго круга и самаго темнаго простонародья, сумѣвшихъ сразу оцѣнить и полюбить Пашкова, какъ дѣйствительно добраго и убѣжденнаго человѣка, сердечно и просто, безъ всякой претензіи на возстановленіе древне-христіанской общины съ ангелами и діакониссами, учившаго понимать слово Божіе и помогавшаго ближнему съ любовью и охотно изъ своихъ достатковъ.

Захоти Пашковъ поискать себѣ поддержки у вліятельныхъ чиновъ двора, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что ему не пренятствовали бы дѣлать свое доброе и похвальное дѣло, и тотъ же Побѣдоносцевъ, отличавшійся необыкновеннымъ умѣніемъ примѣняться къ обстоятельствамъ, такъ же снисходительно не замѣчалъ бы пашковскаго кружка, какъ онъ дѣлалъ это въ отношеніи ирвингіанъ. Однако у Пашкова такихъ лицъ не было. Онъ ни въ комъ не заискивалъ, шелъ прямо своей дорогой, открыто и благородно...

И что же? Въ ирвингіанской капеллѣ на Сергіевской безпрятственно собиравшійся по воскресеньямъ бомондъ ждалъ нашествія на «избранника» пресловутаго «дара языковъ», а В. А. Пашкову была категорически запрещена его горячая проповѣдь и его молитвенныя собранія.

Министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ въ то время графъ Д. А. Толстой, о которомъ я уже говорилъ въ началѣ моихъ бѣглыхъ воспоминаній. Помню, какъ вдругъ по всему Петербургу стала ходить изъ устъ въ уста настойчивая новость: «графъ Толстой приглашалъ сегодня къ себѣ Пашкова и запретилъ ему проповѣдывать». Одни рассказывали объ этомъ съ удовольствіемъ, другіе (такихъ было большинство) съ огорченіемъ и открытымъ негодованіемъ. Къ общей ненависти всего порядочнаго русскаго общества къ графу Д. А. Толстому прибавился еще одинъ большой плюсъ.

Я былъ лично знакомъ съ В. А. Пашковымъ, постоянно бывалъ въ воскресные вечера на его молитвенныхъ собраніяхъ и встрѣчался еще съ нимъ въ одномъ знакомомъ домѣ. Тамъ именно я и встрѣтился съ нимъ вскорѣ послѣ его свиданія съ министромъ.

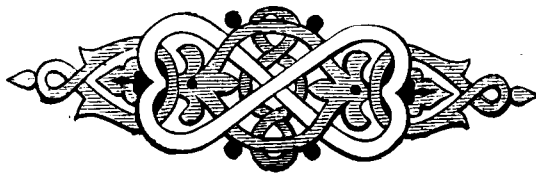
— Что жъ дѣлать,—говорилъ онъ съ огорченіемъ:—придется уѣхать изъ Россіи, гдѣ не позволяется совмѣстно молиться, читать слово Божіе и толковать о прочитанномъ... Мнѣ сказано, что я «соврацаю», но какъ и во что? Графъ Толстой не могъ мнѣ на это ничего отвѣтить, но я ему подсказалъ: я «соврацаю» христіанъ въ христіанство; не въ этомъ ли ужъ моя вина?—«Вы проповѣдуете ересь», докторальнымъ тономъ возвѣстилъ мнѣ графъ мое прегрѣшеніе. «Въ чемъ же моя «ересь»?—спросилъ я.—Если я распространяю «ересь», то будьте добры привлечь меня къ уголовной отвѣтственности по суду: за ереси строго наказываютъ; но я заранѣе увѣренъ въ побѣдѣ»... Министру, конечно, этого совсѣмъ не хотѣлось... Онъ категорически предложилъ мнѣ отказаться отъ своей дѣятельности. Я сказалъ, что дѣлать этого не могу, такъ какъ считаю свой путь

правымъ и Божескимъ, и не хочу... «Однако, графъ, скажите же мнѣ теперь, въ чемъ именно состоитъ моя «ересь»? допытывался я, смотря на министра въ упоръ. Толстой смѣшался и покраснѣлъ; вся его коротенькая фигурка выражала замѣшательство. «Значить, вы отказываетесь отъ своего обвиненія?» спросилъ я снова, давая ему время оправиться. Чувствуя всю неловкость своего положенія, графъ началъ сердиться. «Такъ что же вы теперь намѣрены предпринять?» спросилъ онъ меня, не давая отвѣта на вопросъ. «Что предпринять?—удивился я.—Неужели, ваше сіятельство, вы не догадываетесь сами, зная меня хоть немного? Неужели вы думаете, что я подчинюсь вашему распоряженію? Я немедленно, конечно, уѣду изъ Петербурга и поневолѣ покину Россію, мою родину, которую горячо люблю, но будьте увѣрены, графъ, никогда въ жизни не оставлю моего дѣла, добрые плоды котораго явно ощущаю.. Сѣмя брошено—съ помощью Божіей оно укрѣпится и возрастетъ пышнымъ колосомъ, гдѣ бы я ни былъ, здѣсь ли, или за границей. Въ этой области, Дмитрій Андреевичъ, ни вы, ни г. Побѣдоносцевъ не властны». На этомъ закончилась наша бесѣда. Мы разошлись, не прощаясь.

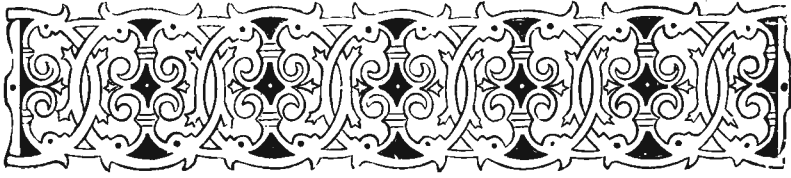
Вскорѣ В. А. Пашковъ уѣхалъ съ семьей за границу. Большую часть времени онъ провелъ въ Базелѣ. За границей онъ и умеръ.

Дѣло его не погибло, и предвидѣніе сбылось. Пашковцы слились съ баптизмомъ и въ такомъ видѣ продолжаютъ существовать. Теперь они носятъ названіе «евангельскихъ христіанъ».

С. У.

ИЗЪ ЖУРНАЛЬНЫХЪ ВОСПОМИНАНІЙ ¹⁾.

Х.

Сахарозаводчикъ-меценатъ.—Газета для пріятелей.—Два взноса по церковнымъ вопросамъ.—Прочвѣтаніе и гибель газеты.—Биржа и литература.—С. Ю. Витте и издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей».—За и противъ реформъ С. Ю. Витте.—Подставной составитель отчета о засѣданіи государственнаго совѣта.—С. Ю. Витте, лишенный довѣрія.—Писатель Далинъ въ роли генерала на купеческой свадьбѣ.—Вынужденная отставка.—Мнимая психическая болѣзнь Д. А. Линева.—Экспроприація газеты.—9-ое января.—Убитый при исполненіи обязанностей журналистъ.—Ультиматумъ сотрудниковъ.—Свобода печати явочнымъ порядкомъ.—Свобода печати и скамья подсудимыхъ.—Издатель-буржуа—государственный преступникъ.—Редакціонная конституція.—Союзъ съ кадетами.—«Свободный Народъ» и «Народная Свобода».—Неудавшаяся кандидатура въ государственную думу.—Изъ кадетовъ въ мирнооблеченцы.—Застольный спичъ В. П. Далматова.—Заключеніе.

ДНАЖДЫ я получилъ срочную телеграмму отъ извѣстнаго сахарозаводчика и благотворителя, нынѣ покойнаго Л. И. Бродскаго, съ просьбой выѣхать немедленно въ Кіевъ для переговоровъ о газетномъ дѣлѣ. Подъ телеграммой красовалась фамилія мало знакомаго мнѣ Р—га.

Въ «Одесскихъ Новостяхъ», перешедшихъ въ руки кредиторовъ издателя, московскихъ писчебумажниковъ, мѣнялись завѣдующіе хозяйственной частью, а вмѣстѣ съ ними и составъ редакціи. Приглашеніе Бродскаго застало меня въ этой газетѣ на амплуа поставщика статей и замѣтокъ по мѣстнымъ вопросамъ, и я, не долго думая, отправился въ Кіевъ по указанному мнѣ въ телеграммѣ адресу.

Я очутился въ квартирѣ, уставленной массой шкаповъ и полокъ съ книгами на разныхъ языкахъ. Скоро явился и владѣлецъ

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 611.

библіотеки, представительный мужчина съ необычайно длинною, выхолоною бородою съ просѣдью, въ большихъ черепаховыхъ очкахъ. Это былъ докторъ философіи и юриспруденціи заграничныхъ университетовъ Р—гъ, занимавшійся, какъ я потомъ узналъ, сахарными и другими коммерческими операціями и славившійся въ Кіевѣ своими конюшнями и пекарней. Р. былъ большой оригиналь. Его можно было часто встрѣтить на Крещатикѣ въ высокомъ кабріолетѣ, запряженномъ парой пони, или наоборотъ: сидя въ маленькомъ, чуть ли не дѣтскомъ кабріолетѣ, Р. правилъ парой породистыхъ рысаковъ. Пѣшкомъ онъ гулялъ нерѣдко въ сопровожденіи цѣлой своры собакъ различныхъ породъ. Кромѣ собакъ да еще орденовъ, коихъ у него было отъ нѣмецкихъ владѣтельныхъ князей нѣсколько десятковъ, Р. любилъ, по его словамъ, и газетное дѣло. Онъ обзавелся типографіей, гдѣ печаталась мѣстная газета «Жизнь и Искусство».

— Намъ нуженъ, — объявилъ мнѣ Р., — фактической редакторъ для погибающей газеты «Жизнь и Искусство», которую мы желали бы сохранить, какъ единственный порядочный органъ въ нашемъ краѣ. Проф. Г. Е. Афанасьевъ, управляющій у насъ государственнымъ банкомъ, зная вашу журнальную дѣятельность въ Одессѣ, указалъ Бродскому на васъ, какъ на человѣка, который можетъ поднять газету...

Для дальнѣйшихъ переговоровъ я былъ приглашенъ къ Л. И. Бродскому въ его палатцу.

Прежде всего я пытался выяснить, будетъ ли газета независима отъ субсидирующаго ее сахарозаводчика и вообще отъ кіевскихъ дѣльцовъ.

— Въ томъ-то и дѣло, — отвѣтилъ Бродскій: — что зависимость отчасти и погубила газету. Нынѣшній ея издатель Кр—скій, какъ городской юрисконсультъ и старшина клуба, связанъ многими личными отношеніями, отражающимися на направленіи газеты; она избѣгаетъ касаться многихъ фактовъ и дѣятелей или говорить о нихъ не такъ, какъ слѣдовало бы. Чтобы обезвредить нынѣшняго редактора, онъ, въ силу нашего соглашенія съ нимъ, долженъ на нѣсколько лѣтъ ступешаваться, снять свою фирму и уступить свое мѣсто другимъ.

На вопросъ, что имъ руководить въ заботахъ о сохраненіи и улучшеніи «Жизни и Искусства», Бродскій отвѣтилъ:

— Я поддерживаю газету единственно изъ желанія спасти ее, какъ прогрессивный органъ. Лично меня вы можете ругать, сколько вамъ угодно, можете писать противъ моей дѣятельности, противъ сахарной нормировки, въ которой мы, сахарозаводчики; заинтересованы. Если мнѣ нужно будетъ провести въ печати что-либо, меня интересующее, то, повѣрьте, я сумѣю это сдѣлать безъ васъ: къ моимъ услугамъ вліятельная газета моего друга Дмитрія Ивановича Пихно — «Кіевлянинъ».

Вислѣдствіи я имѣлъ возможность узнать, что еврея Бродскаго и гонителя евреевъ Пихно соединяла самая трогательная дружба. По мысли Пихно, Бродскій соорудилъ въ Кіевѣ стоявшій не одну сотню тысячъ бактериологическій институтъ, въ которомъ редакторъ «Кіевлянина», по желанію учредителя, состоялъ безсмѣнно много лѣтъ членомъ правленія. Когда Пихно покупалъ имѣнія, то эти покупки не обходились безъ участія Бродскаго, уступившаго даже своему другу одно изъ своихъ имѣній въ Подольской губерніи.

Получивъ успокоительныя завѣренія насчетъ независимости «Жизни и Искусства» отъ кіевскаго мецената-сахарозаводчика, я далъ согласіе принять на себя завѣдываніе редакціей. Предварительно я долженъ былъ отправиться въ Петербургъ, вмѣстѣ съ кіевскимъ присяжнымъ повѣреннымъ Орловымъ, хлопотать объ утвержденіи его отвѣтственнымъ редакторомъ и задно пригласить петербургскихъ сотрудниковъ. Орловъ былъ человекъ, далекій отъ литературы, и обязался не вмѣшиваться въ редакціонныя дѣла. Взаимныя отношенія наши, права и обязанности были оформлены домашнимъ условіемъ.

Утвержденіе новаго редактора послѣдовало скорѣе, чѣмъ это обычно дѣлалось въ то время—въ 90-хъ годахъ. Оказалось, что будущій редакторъ, какъ многолѣтній повѣренный монастырей и церковей Юго-Западнаго края, былъ большой знатокъ церковнаго вопроса. Этимъ вопросомъ, какъ извѣстно, очень интересовался и тогдашній начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьевъ, бывшій раньше присяжнымъ повѣреннымъ и имѣвшій также практику по церковнымъ дѣламъ.

— Господи, да вѣдь мы съ вами коллеги!—радостно воскликнулъ Соловьевъ.

У обоихъ «коллеговъ» нашлась общая почва для продолжительной бесѣды, закончившейся обѣщаніемъ Соловьева утвердить Орлова редакторомъ, послѣ соблюденія нѣкоторыхъ необходимыхъ формальностей, въ видѣ запроса генераль-губернатору, и т. п.

Тѣмъ временемъ въ редакціи реформированной газеты закипѣла работа, появились именитые сотрудники, столичные и мѣстные, заведены были новыя рубрики, форматъ увеличили въ три раза, текстъ иллюстрировался часто рисунками, что было тогда вновь. Тиражъ газеты, которая раньше издавалась какъ будто спеціально для пріятелей, сослуживцевъ и партнеровъ редактора, росъ не по днямъ, а по часамъ. Чувствовалось большое оживленіе и въ отдѣлѣ объявленій.

Всему этому, казалось бы, долженъ былъ радоваться Курскій, который сразу избавился отъ надоедливыхъ кредиторовъ и которому улыбалась возможность получить черезъ нѣсколько лѣтъ обратно реформированную газету, очищенную отъ долговъ. Но на

бѣду, у Кр—скаго была большая пишущая семья, всѣ члены которой исполняли въ газетѣ всевозможныя функціи. Опасаясь, что съ устраненіемъ его отъ газеты лишатся доходовъ его присныи и домочадцы, Кр—скій отказался снять свою фирму, когда пришло утверждение Орлова редакторомъ, и сталъ претендовать на вмѣшательство въ редакціонныя дѣла. Повторить старые, неудачные опыты Л. И. Бродскій не пожелалъ и предложилъ мнѣ предоставить Кр—скаго его собственной судьбѣ и оставить газету, на которую щедрый меценатъ успѣлъ уже потратить немало денегъ. Я отрясъ прахъ съ ногъ своихъ, извѣстивъ приглашенныхъ мною сотрудниковъ о своемъ уходѣ. Тѣ поспѣшили снять свои фамиліи съ объявленій о подпискѣ, газета пошла на убыль, просуществовала еще нѣсколько мѣсяцевъ и навсегда прекратила свое существованіе. А счастье было такъ близко, такъ возможно!..

Приглашенный В. В. Навроцкимъ обратно въ «Одесскій Листокъ», я вернулся въ Одессу, гдѣ пробылъ безвыѣздно пять лѣтъ.

Въ 1904 году я переѣхалъ въ Петербургъ, куда былъ приглашенъ С. М. Пропнеромъ въ «Биржевыя Вѣдомости» на амплуа ночного редактора-выпускателя.

С. М. Пропнеръ—человѣкъ съ большими организаторскими способностями, съ несомнѣннымъ издательскимъ чутьемъ. Онъ создалъ нѣсколько изданій, завоевавшихъ себѣ большое распространеніе преимущественно въ провинціи, будившихъ наше сонное провинціальное царство отъ летаргическаго сна и служившихъ въ болѣе благопріятныя для печати времена дѣлу просвѣщенія массъ и прогрессу. Успѣхъ издательскихъ предпріятій г. Проппера тѣмъ болѣе достоинъ примѣчанія, что онъ началъ ихъ, по его собственнымъ словамъ, безъ всякихъ почти средствъ, будучи, какъ иностранный подданный, мало знакомъ съ русскою жизнью и литературою.

Въ свое время любопытное во многихъ отношеніяхъ прошлое «Биржевыхъ Вѣдомостей», карьера и дѣятельность основателя и издателя газеты найдутъ своего историка, въ лицѣ долго и близко стоявшихъ къ изданію журналистовъ. Я могу рассказать здѣсь лишь нѣсколько не лишенныхъ интереса эпизодовъ изъ болѣе или менѣе отдаленнаго и недавняго прошлаго газеты.

«Биржевыя Вѣдомости», возникшія 32 году тому назадъ, долгое время посвящали преимущественно вниманіе биржѣ, желѣзнодорожнымъ, страховымъ и вообще финансовымъ вопросамъ. При «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» выходили тиражные, страховые и желѣзнодорожные листки и прибавленія. Подписчиками шестнадцатирублевой газеты являлись почти исключительно банковскіе и промышленные дѣятели: одно названіе ея, не говоря уже о высокой подписной платѣ, мѣшало ея проникновенію въ широкія

массы. Тиражъ былъ незначителенъ. Но у г. Проппера, какъ я говорилъ, было хорошее издательское чутье. Онъ рѣшилъ завоевать провинцію, иначе говоря, обзавестись дешевымъ изданіемъ, по образцу Комаровскаго «Свѣта», по ему въ разрѣшеніи было отказано. Г. Пропперъ не сложилъ оружія. Онъ обратился за содѣйствіемъ къ С. Ю. Витте. Надо сказать, что «Биржевыя Вѣдомости» стояли всегда горю за всѣ реформы и мѣропріятія С. Ю., отстаивая винную монополію, золотую валюту и т. п. Къ десятилѣтію государственной дѣятельности бывшаго министра путей сообщенія и финансовъ редакцію «Биржевыхъ Вѣдомостей» была выпущена объемистая книга, посвященная ему.

Благодаря письму С. Ю. Витте къ бывшему министру внутреннихъ дѣлъ И. Н. Дурново, съ 1893 года стало выходить четырехрублевое второе изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей», предназначавшееся исключительно для провинціи. Въ этомъ второмъ изданіи подвергались порою критикѣ нѣкоторыя виттевскія реформы.

Однажды «Биржевыя Вѣдомости» едва не заплатились тяжелою карою за изложеніе взглядовъ С. Ю. Витте.

Витте произнесъ въ старомъ государственномъ совѣтѣ большую рѣчь по крестьянскому вопросу, вызвавшую всеобщіе аплодисменты, не совсѣмъ обычные въ этомъ высшемъ государственномъ учрежденіи. Отчеты о засѣданіяхъ государственнаго совѣта въ доконституціонное время въ газетахъ не печатались. Между тѣмъ въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» была воспроизведена полностью рѣчь С. Ю. Витте. Это вызвало большой переполохъ въ сферахъ. Цензурное начальство потребовало, чтобы редакторъ назвалъ лицо, доставившее рѣчь. Издатель кинулся къ С. Ю. Витте.

— Изворачивайтесь уже какъ-нибудь сами,—заявилъ С. Ю.:— а меня въ эту исторію не впутывайте!.. Впрочемъ,—успокоилъ онъ встревоженнаго издателя:—если вамъ будетъ угрожать серьезная опасность, я приду къ вамъ на помощь.

Одинъ изъ постоянныхъ сотрудниковъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ себя авторомъ отчета о засѣданіи государственнаго совѣта,—и инцидентъ удалось кое-какъ замять.

С. Ю. Витте не былъ избалованъ особенно благожелательнымъ отношеніемъ къ нему печати. Исключеніе составляли «Биржевыя Вѣдомости». Еще въ 1903 году, когда Витте попалъ въ немилость, вслѣдствіе интригъ его «сферныхъ» недруговъ, главнымъ образомъ, В. К. Плеве, «Биржевыя Вѣдомости»—не безъ основанія—объясняли неудачи С. Ю. его отказомъ въ финансовой поддержкѣ предпріятій гг. Безобразова и К^о.

Второе провинціальное изданіе «Биржевыхъ Вѣдомостей» сразу получило широкое распространеніе въ провинціи, проникая въ самые отдаленные медвѣжьи углы. Своимъ завоеваніемъ русской провинціи газета почти всецѣло обязана была Д. А. Линеву, его

ежедневнымъ бесѣдамъ, за подписью «Далинъ», и смѣнившему потомъ Далина—І. І. Ясинскому.

Бесѣды Далина, писавшіяся съ большимъ паѳосомъ, который въ наше время показался бы нѣсколько наивнымъ, затрагивали всѣ современные «проклятые вопросы», будили общественную совѣсть горячимъ заступничествомъ за униженныхъ, оскорбленныхъ и обездоленныхъ.

Л. Н. Толстой въ своемъ романѣ «Воскресеніе» (въ лондонскомъ изданіи В. Г. Черткова и въ сохранившихся въ гранкахъ журнала «Нива» цензурныхъ купюрахъ) дѣлаетъ ссылку на Далинскіе очерки «По этапу», отзываясь о нихъ съ похвалой.

Бесѣды Далина въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» являлись чаще всего откликами на обывательскія жалобы, на притѣсненія и обиды со стороны провинціальныхъ Держимордъ. И всякій чѣмъ-либо обиженный смѣло шелъ къ Далину, увѣренный въ томъ, что найдетъ заступника въ его лицѣ и что далинскія безпощадныя обличенія не останутся безъ вниманія. И не одно обличеніе писателя служило поводомъ для официальнаго дознанія и слѣдствія!..

Какъ велика была популярность Далина, доказываетъ слѣдующій непримѣрный въ лѣтописяхъ журналистики курьезъ.

Однажды г. Линева получилъ по почтѣ письмо со вложенными въ него 300 рублями, адресованными ему почитателемъ, богатымъ донскимъ казакомъ. Сообщая Далину, что выдаетъ дочь замужъ, казакъ просилъ писателя сдѣлать ему честь и почитать своимъ присутвіемъ его семейное торжество. Далинъ долженъ былъ сыграть роль генерала на купеческой свадьбѣ. Разумѣется, онъ поблагодарилъ за честь, вернулъ присланныя деньги и на свадьбу не поѣхалъ.

Несмотря на популярность Линева, издателю «Биржевыхъ Вѣдомостей» пришлось разстаться съ нимъ, по совершенно незаконному требованію начальника главнаго управленія по дѣламъ печати М. П. Соловьева.

Кое-что объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ уходъ Д. А. Линева, рассказано было въ «Историческомъ Вѣстникѣ» І. І. Ясинскимъ, утверждаемымъ тогда редакторомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», подписывавшихся долгое время двумя не утвержденными «за-редакторами» (Исполатовымъ и Коншинымъ). Узнавъ случайно о личномъ знакомствѣ Ясинскаго съ М. П. Соловьевымъ, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» и выдвинулъ его кандидатуру, сочувственно встрѣченную бывшимъ начальникомъ главнаго управленія. І. І. Ясинскій замѣнилъ одновременно Далина, помѣщая провинціальныя бесѣды за подписью «Независимый».

Исчезновеніе Далина со столбцовъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» обратило на себя вниманіе провинціальныхъ читателей. Стали получаться запросы о причинѣ неоявленія Далинскихъ бесѣдъ. О характерѣ отвѣтовъ можно судить по слѣдующему факту.

Къ Линеву является начальникъ депо отдаленной желѣзной дороги, выписывавшій газету во многихъ экземплярахъ для своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ.

— Пришелъ навѣстить больного Даллина!—заявить онъ открывшему ему дверь Д. А. Линеву.

— Даллинъ предъ вами и, какъ видите, совершенно здоровъ...

Гость сразу не повѣрилъ. Оказалось, что онъ справлялся о причинѣ неоявленія Даллинскихъ бесѣдъ и ему заявили, что бѣдный Даллинъ психически заболѣлъ и писать теперь не можетъ. Огорченный болѣзнию своего любимого писателя, подписчикъ счелъ своимъ долгомъ посѣтить его и проявить свое участіе къ постигнутому его горю.

Какъ видите, не всегда читатель ограничивается тѣмъ, что «почитываетъ»!

Когда повѣяло весной, въ 1904 году, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» поспѣшилъ снова залучить Д. А. Линева...

«Путь прочищенъ,— писалъ въ сентябрѣ 1904 года С. М. Проперъ своему старому сотруднику:—препятствій нѣтъ никакихъ и нѣтъ опасеній насильственного завладѣнія газетой элементами, столь мало общаго имѣвшими со всѣмъ тѣмъ, что мы вмѣстѣ создавали, что мы растили и любили»...

Издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», какъ я уже говорилъ, чутко прислушивался всегда къ вѣяніямъ свыше. Въ эпоху В. К. Плеве онъ соблюдалъ благоразумную цензурную осторожность, а во дни свободы смѣло шелъ въ ногу съ самыми непримиримыми протестантами. Кто работалъ въ суровое плевенское время, помнить, какъ третировались редакторы, вызывавшіеся для «внушеній» самимъ министромъ или начальникомъ главнаго управленія.

Я началъ свою работу въ «Биржевыхъ Вѣдомостяхъ» въ плевенскую эпоху, когда издатель, какъ я говорилъ, особенно боялся за свою газету. Даже уѣзжая за границу, онъ время отъ времени напоминалъ въ письмахъ и телеграммахъ оттуда о необходимости беречь газету пуще зѣницы ока: въ моемъ архивѣ случайно сохранился одинъ такой любопытный документъ, полученный мною въ не столь суровое цензурное время.

Кто пережилъ въ Петербургѣ событія 9-го января, помнить, какое волненіе умовъ они вызвали. Въ редакціяхъ газетъ атмосфера была особенно густо насыщена электричествомъ. Самые мирные журналисты встрепенулись. Редакція «Биржевыхъ Вѣдомостей» получила тогда боевое крещеніе. Молодой симпатичный сотрудникъ Баранскій, подвизавшійся, между прочимъ, на сценѣ въ

театръ Л. В. Яворской, погибъ отъ шальной пули при исполненіи имъ своихъ газетныхъ обязанностей.

Въ редакціи, естественно, возникъ вопросъ, какъ реагировать на событія 9-го января. На своихъ редакціонныхъ собраніяхъ, происходившихъ въ моей квартирѣ, по сосѣдству съ редакціей, сотрудники выработали съ рѣдкимъ единодушіемъ рядъ требованій-ультиматумовъ, предъявленныхъ издателю. О событіяхъ газета не должна была помѣщать официальныхъ сообщений. Въ редакціонной статьѣ слѣдуетъ дать надлежащую оцѣнку событіямъ. Отнынѣ руководящія статьи должны проходить черезъ особый редакціонный комитетъ и т. д...

С. М. Пропперъ согласился не воспроизводить официального сообщенія о 9-мъ января; вопросъ же о руководящихъ статьяхъ въ редакціонномъ комитетѣ остался открытымъ. Тѣмъ временемъ возникшій тогда союзъ печати выработалъ однообразное заявленіе для всѣхъ газетъ, гласившее: «О событіяхъ 9-го января и послѣдующихъ дней мы имѣемъ возможность печатать только правительственныя сообщенія, официальные свѣдѣнія и извѣстія, пропущенныя цензурой г. спб. генераль-губернатора».

Въ то время, когда «начальство ушло», и печать явочнымъ порядкомъ завоевала себѣ значительную свободу, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» отнюдь не шель позади другихъ. Да и не могъ онъ отстать отъ другихъ въ то памятное время всеобщаго подъема, когда въ редакціи «Новаго Времени» собирались редакторы-протестанты, когда покойный А. С. Суворинъ предлагалъ залъ Малаго театра для митинга протеста по поводу закрытія типографіи «Трудъ» и т. д.

Съ 19-го октября по 24-е ноября 1905 года, до обнародованія временныхъ правилъ о печати, журналисты и цензора были въ полномъ невѣдѣніи о томъ, что дозволено и что запрещено. Съ одной стороны, манифестъ 17-го октября призналъ свободу слова; циркулярно же было объявлено 19-го октября главнымъ управленіемъ по дѣламъ печати, что всѣ правила цензурнаго устава остаются въ силѣ, рекомендуется лишь цензорамъ кореннымъ образомъ (?) измѣнить свое отношеніе къ печати.

Когда я въ 20-хъ числахъ октября вернулся изъ отпуска, издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» объявилъ, что законы о печати временно упразднены, что отнынѣ не слѣдуетъ фильтровать матеріаль съ точки зрѣнія цензурности, ибо теперь у насъ свобода.

— Да здравствуетъ свобода!..—сказалъ я и въ тотъ же день помѣстилъ воззваніе почтово-телеграфныхъ забастовщиковъ, напечатанное одновременно и въ другихъ изданіяхъ и приведенное редактора-издателя «Биржевыхъ Вѣдомостей», а за компанію и меня на скамью подсудимыхъ по 129 статьѣ.

Не подписывая газеты, я, разумѣется, никакой юридической ответственности не подлежалъ. Но слѣдовательно было заявлено, что С. М. Пропперъ стоялъ въ сторонѣ отъ газеты по болѣзни, а фактически редактировалась она мною. На судѣ редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» высказалъ свое полное недоумѣніе по поводу привлеченія меня къ суду.

Разсчитывая на свои собственные силы, редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» пригласилъ себѣ въ помощь родственника-адвоката, мало свѣдущаго въ уголовныхъ дѣлахъ, и неважнаго оратора. Мой выборъ палъ на присяжнаго повѣреннаго З. Л. Раппопорта.

Своею талантливою защитою мой адвокат сумѣлъ добиться оправданія не только для своего подзащитнаго, но и для редактора газеты.

Оправдательный приговоръ особаго присутствія судебной палаты съ сословными представителями былъ опротестованъ прокуроромъ. Снова мы очутились на скамьѣ подсудимыхъ. У юпитровъ для защитниковъ тѣ же лица.

Еще въ своемъ послѣднемъ словѣ при первомъ разборѣ дѣла я указалъ, что въ теченіе трехъ десятковъ лѣтъ завѣдывалъ газетами и ни разу не привлекался къ суду, ибо законъ знаетъ только отвѣтственныхъ редакторовъ. Очевидно, и прокуроръ сталъ на ту же точку зрѣнія и при вторичномъ разборѣ нашего дѣла отказался поддерживать обвиненіе противъ меня.

— Скажите вашему защитнику, чтобы онъ отказался отъ своей защитительной рѣчи, — шепнулъ мнѣ г. Пропперъ,

— Какъ вамъ угодно! — отвѣтилъ защитникъ, когда я передалъ ему желаніе издателя: — но я долженъ васъ предупредить, что для суда необязательно заявленіе прокурора, и судъ и послѣ отказа прокурора отъ обвиненія можетъ вынести обвинительный приговоръ.

— Въ такомъ случаѣ, прошу васъ, исполните вашъ долгъ... — сказалъ я.

Присяжный повѣренный Раппопортъ, котораго я не могъ, разумѣется, ограничивать въ способахъ защиты, построилъ послѣднюю на томъ, что по 129 ст., карающей бунтарей, не можетъ быть судимъ такой мирный человѣкъ, какъ С. М. Пропперъ. Доказывая далѣе, что помѣщеніе въ хроникѣ замѣтки о почтово-телеграфной забастовкѣ не можетъ быть приравнено къ потрясенію основъ государства, защитникъ заявилъ:

— Ни съ какой стороны патронъ моего подзащитнаго, издатель-редакторъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», не похожъ, право, на потрясателя основъ и революціонера. Онъ издаетъ много лѣтъ не отличавшуюся никогда революціоннымъ направленіемъ газету. Взгляните на него, и вы, г.г. судьи, убѣдитесь, что это совершенно мирный буржуа, а отнюдь не революціонеръ...

Въ дальнѣйшей части своей рѣчи защитникъ доказывалъ, что, разъ не виноватъ отвѣтственный редакторъ, то еще менѣе основанія обвинить его помощника, не поснвшаго по газетѣ никакой юридической отвѣтственности.

Я былъ оправданъ, а редакторъ-издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» приговоренъ къ заключенію на годъ. Впослѣдствіи сенатъ отмѣнилъ этотъ обвинительный приговоръ.

С. М. Прошперу злополучный процессъ помѣшалъ попасть въ выборщики и баллотироваться въ депутаты отъ Петербурга въ государственную думу...

Въ концѣ 1905 года издатель «Биржевыхъ Вѣдомостей» вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ своихъ изданій. Ближайшимъ поводомъ для этого союза послужило слѣдующее обстоятельство.

Сотрудниками газеты выработана была въ концѣ 1905 года цѣлая редакціонная конституція, въ силу которой, вслѣдствіе измѣнившихся условій русской жизни, образуется редакціонный совѣтъ, зорко слѣдящій за направленіемъ газеты и ограничивающій права и прерогативы редактора-издателя. Отказъ сотрудниковъ и приглашеніе новыхъ завязать отъ редакціоннаго совѣта и т. д.

Конституція была предъявлена г. Прошперу, при участіи коего приступлено было къ ея обсужденію. Тѣмъ временемъ издатель, при посредничествѣ одного изъ сотрудниковъ, вступилъ въ переговоры съ кадетами о передачѣ имъ газеты. Обсужденіе редакціонной конституціи кончилось тѣмъ, что издатель заявилъ однажды сотрудникамъ:

— Вы признали, господа, необходимымъ ограничить мои редакторскія прерогативы, считая меня недостаточно подготовленнымъ для веденія газеты при новыхъ условіяхъ русской жизни. Отлично!.. Я рѣшилъ послѣдовать вашему совѣту. Я отказываюсь совѣмъ отъ своихъ редакторскихъ правъ, но не въ вашу пользу, а въ пользу тѣхъ новыхъ лицъ, съ которыми я вошелъ нынѣ въ соглашеніе. Газета становится органомъ кадетской партіи...

Въ результатъ—почти весь редакціонный составъ перемѣнился.

«Биржевыя Вѣдомости» были переименованы въ «Свободный Народъ», первый номеръ котораго вышелъ 1-го декабря 1905 года. Всѣ изданія С. М. Прошпера перешли къ тріумвирату, состоявшему изъ П. Н. Милюкова, І. В. Гессена и М. И. Ганфмана. Въ силу договора С. М. Прошперъ самъ устранился отъ какого-либо вмѣшательства въ редакціонныя дѣла и отчасти въ издательскія. Былъ выработанъ бюджетъ, въ предѣлахъ котораго кадеты могли распоряжаться по своему усмотрѣнію.

За мною были сохранены прежнія обязанности, и я не безъ удовольствія вспоминаю о своихъ сношеніяхъ съ нѣкоторыми изъ новыхъ распорядителей газеты.

«Свободный Народъ» просуществовалъ недолго, всего два дня. Въ первомъ номерѣ помѣщена была немало огорчившая издателя суровая критика дѣятельности премьера графа С. Ю. Витте.

Въ номерѣ второмъ «Свободнаго Народа» напечатанъ былъ манифестъ совѣта рабочихъ депутатовъ, и газета была прекращена.

Черезъ двѣ недѣли, вмѣсто «Свободнаго Народа», стала выходить «Народная Свобода», при томъ же составѣ сотрудниковъ. Черезъ нѣсколько дней, 20-го декабря, была напечатана статья П. В. Струве о московскомъ вооруженномъ возстаніи, повлекшая за собою закрытіе и «Народной Свободы». Судь впоследствии оправдалъ редактора и автора инкриминированной статьи, снявъ арестъ съ конфискованнаго номера «Народной Свободы», но газета возобновлена не была.

По договору, кадеты имѣли право требовать возобновленія газеты подъ новымъ названіемъ, но г. Пропперъ не склоненъ былъ продолжать союзъ съ кадетами, которымъ давно тяготился, тѣмъ болѣе, что его издательско-редакторское самолюбіе, какъ онъ жаловался не разъ, подвергалось уколамъ. Дошло до того, рассказывалъ онъ, что молодой человѣкъ, исполнявшій секретарскую обязанность, обратился къ нему однажды:

— Прикажете, пожалуйста, починить форточку въ секретарской.

— Объ этомъ заявите редакціонному сторожу!—рѣзко отвѣтилъ издатель.

Въ моихъ замѣткахъ, посвященныхъ «Виржевымъ Вѣдомостямъ», имѣются, безъ сомнѣнія, весьма важные пробѣлы. Я далъ лишь нѣкоторые камешки для картины-мозаики, составленіемъ которой займется кто-нибудь другой. Я, поэтому, воздерживаюсь здѣсь отъ какихъ-либо обобщеній и выводовъ изъ рассказанныхъ мною эпизодовъ. Одно несомнѣнно: «Виржевыя Вѣдомости» въ нѣкоторые трудные періоды русской жизни служили дѣлу прогресса. Своимъ успѣхомъ изданія С. М. Проппера обязаны его энергіи, предпримчивости, чуткости и нѣсколькимъ поколѣніямъ писателей и журналистовъ, изъ коихъ иныхъ уже нѣтъ, а тѣ далече. Въ самое послѣднее время г. Пропперъ рѣшилъ воздать должное своимъ помощникамъ и сотрудникамъ, сдѣлавъ однихъ «сосѣтерами», а другихъ—участниками въ прибыляхъ...

Если бы этотъ планъ издательскаго великодушія имѣлъ мѣсто двумя-тремя годами раньше, то покойный В. П. Далматовъ, отличавшійся большою язвительностью, не выступилъ бы, быть можетъ, на банкетѣ у своего давнишняго знакомаго С. М. Проппера со слѣдующимъ застольнымъ спичемъ:

— Вся эта роскошь, господа, которую мы видимъ здѣсь вокругъ себя, всё эти серебряные сервизы, фарфоровыя вазы, художественныя люстры, позолоченная мебель, дорогія картины,—все это создано скудно оплачиваемымъ трудомъ тѣхъ маленькихъ людей, которые скромно сидятъ вотъ тамъ, въ сторонѣ, или отсутствуютъ, находясь либо въ мѣстахъ болѣе или менѣе отдаленныхъ, либо тамъ, гдѣ нѣтъ ни издателей, ни газетъ...

Надо отдать справедливость С. М. Пропперу: онъ отнесся весьма незлобиво къ ораторской вольности своего гостя, чокнувшись съ нимъ... Добрыя отношенія между ними сохранились до самой кончины Далматова.

На столбцахъ «Биржевыхъ Вѣдомостей» приходилось за время ихъ существованія встрѣчать статьи писателей, направлявшихъ неоднократно свои перья противъ газеты и лично противъ издателя...

А. Кауфманъ.

ДВУНОГІЙ ЗВѢРЬ¹⁾.

(Изъ человѣческихъ документовъ).

IX.

Медуница.

Есть сильныя звѣри и есть слабыя животныя.

С. Юшкевичъ («Король»).

1.

НА и сама хорошо не помнитъ, какъ это могло произойти. Вспоминаетъ, вспоминаетъ, — нѣтъ, рѣшительно сгладились всѣ подробности первой встрѣчи.

Быль, кажется, воскресный или праздничный день.

Въ конторѣ пусто.

Тихонъ подметалъ и, по обыкновенію, ворчалъ.

Елагина сидѣла у аппарата Витстона, передавая какую-то срочную телеграмму въ Сибирь, а она, Маня Густышъ, занималась у прибора Бодо, принимая депешу изъ Москвы.

Стукъ... стукъ-стукъ... стукъ... Больше ни одного звука.

Вдругъ хлопнула дверь. Зазвенѣли шпоры.

— Возьмите пожалуйста, — раздался чей-то пріятный, мягкій голосъ.

Маня невольно повернулась и встрѣтилась взглядомъ съ красивымъ, молодымъ брюнетомъ въ офицерской формѣ.

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX, стр. 636.

Такъ какъ Груздевская вышла куда-то, она встала, взяла изъ его рукъ листъ почтовой бумаги, приклепла къ бланку и стала считать слова. При этомъ пальцы ея почему-то дрожали.

— Шестьдесятъ три копейки, — сказала она и подняла рѣсницы.

Офицеръ улыбался и покручивалъ усы.

Дальше Густышъ рѣшительно не отдастъ себѣ отчета въ томъ, какимъ образомъ произошло, что Казарухинъ (фамилія офицера) приблизился къ ней, когда она выходила изъ конторы, раскланялся и заговорилъ, какъ знакомый.

Видимо, онъ былъ увѣренъ, что его не оттолкнуть и не назовутъ нахаломъ.

У нея осталось неизгладимое впечатлѣнiе какой-то музыки словъ.

О чемъ-то беззаботно весело говорилось.

Фразы такъ и лились неудержимымъ, увлекающимъ потокомъ. Потому нѣсколько разъ ночью, лежа на кровати съ открытыми глазами, она старалась воспроизвести этотъ разговоръ, полный для нея загадочнаго обаянiя, и была не въ силахъ.

Въ почтово-телеграфной конторѣ Густышъ на хорошемъ счету, какъ аккуратная работница.

Если такъ будетъ продолжаться и впредь, то скоро попадетъ въ помощницы завѣдующаго отдѣломъ, т. е. въ инструкторы. По крайней мѣрѣ, она такъ мечтаетъ.

Это кстати, такъ какъ у нея на плечахъ—старушка-мать и сестра, а средствъ почти никакихъ.

Маня знаетъ себѣ цѣну. Она можетъ правиться.

Сколько разъ подѣзжалъ къ ней начальникъ, засматриваясь масляными зрачками, и отсталъ.

Грубый и насмѣшливый, онъ былъ побѣжденъ ея непреклонной гордостью и чистотой.

У него и языкъ даже не поворачивался говорить съ ней такъ же, какъ съ другими ея товарками:

— Ну, вы, Елагина, не глазѣть по сторонамъ! Тутъ вамъ не кофейня.

Или:

— Груздевская, что вамъ вздумалось притащиться намазанной? Развѣ отсюда прямо на Невскій?

Никто не смѣлъ возражать, иначе можно было вылетѣть съ мѣста въ двадцать четыре часа.

Въ хорошія минуты, наоборотъ, онъ приставалъ къ нимъ всеѣмъ по-иному.

— Танечка, сегодня вечеркомъ у меня непреодолимое желанiе выпить съ вами чашку чаю,—шепнетъ Елагиной и выскалитъ рѣдкіе, желтые зубы:—тащите и Груздевскую съ собой. Пряниками угощу, ей-Богу.

О Манѣ выразался осторожно, не безъ затаенной досады:

— Вертихвостка, а ходить павой... и не приступить къ ней... Недотрога, подумаешь... А пріятно бы узнать, кто съ ней живетъ... Чертовка! Не проведешь меня! Навѣрно, имѣется уважатель, только не изъ нашихъ почтовыхъ.

Смотрить на нее и втихомолку посмѣивается.

Густышъ чувствуетъ это, но и не обернется—«нуль вниманья», какъ говоритъ Власовъ (начальникъ).

Маню всегда влекло къ блестящему, красивому, нарядному.

И вотъ Казарухинъ, великолѣпный, избалованный гвардейскій конно-артиллеристъ, сразу овладѣлъ ея мыслями.

Какимъ послѣ него смѣшнымъ и жалкимъ казался Власовъ со своими грубыми приставањями: всегда грязный, неуклюжій, пахнушій табакомъ...

Она не понимаетъ ни Елагиной, ни Груздевской, хотя и дружить съ ними.

«Я тоже бѣдная, какъ и онѣ, а вѣдь не позволила же этому водолазу... бр... какая гадость! Надо не имѣть никакого достоинства... значить—ставить себя ни въ грошъ».

2.

Въ конторѣ Власова мало порядка. Чиновники, остающіеся на ночное дежурство, особенно, конечно, барышни, проклинаятъ судьбу: на диванъ невозможно прилечь—клоповникъ какой-то.

Пыль, нечистота...

Самъ начальникъ на это не обращаетъ вниманья, больше привязывается къ публикѣ: то не такъ, да это не по правиламъ.

Иногда происходятъ стычки. Ему-таки изрядно подчасъ попадаетъ, если налетитъ на какого-нибудь горячаго.

Послѣ подобныхъ сценъ Власовъ долго дуется на всѣхъ служащихъ, точно это они его подвели подъ непріятность.

Густышъ старается не замѣчать придирокъ, сдерживаетъ великую вепшыку.

Иногда закипаетъ въ груди слѣпая злоба; Маня чувствуетъ, что порой такъ бы и швырнула ему въ лицо чѣмъ попало, но она и пикнуть не смѣетъ, знаетъ, какъ «тяжело дѣвушкамъ честнымъ трудомъ зарабатывать хлѣбъ».

Сумеречныя прогулки въ ожиданіи случайныхъ встрѣчъ... Профили улицъ съ мелькающими жепеками силуэтами... Этотъ кошмаръ города пугаетъ ее и заставляетъ обдумывать каждый шагъ.

Она и сама видитъ, что бываетъ порою слишкомъ благоразумна и предусмотрительна, такъ что, можетъ быть, отдаляетъ собственное счастье, но что же дѣлать, если она—«трусиха»!

Неожиданное появленье офицера внесло новое въ ея кругозоръ.

«Довольно мѣщанства!—сказала она самой себѣ:—попробую быть такою, какова я есть...»

Въ ней проснулись увѣренность въ себѣ и жажда личной жизни, въ которой она до сихъ поръ отказывала себѣ.

Черезъ недѣлю ее трудно было узнать,—такъ она перемѣнилась.

— Наша-то медуница!—говорила Елагина и подмигивала.

Всѣ замѣчали; но Густышъ ни съ кѣмъ не была откровенной. Свою тайну она ревниво берегла и на разспросы отвѣчала пожатіемъ плечъ.

Власовъ молча, съ усмѣшкой наблюдалъ и кусаль ногти; но не къ чему было подкопаться.

Его просто злило, что она приходитъ нарядной, что отъ нея пахнетъ какими-то духами, что она кому-то принадлежит чужому, а не ему, ея начальнику, отъ котораго зависитъ до извѣстной степени ея участь.

3.

Солнце зашло, и низкія тучи, залитыя краснымъ отсвѣтомъ, казались дымящимся Везувіемъ.

Маня гуляла съ Казарухинымъ по песчаному пляжу, слушая шопотъ моря.

Какъ далеки отъ нея были всѣ эти «Клопферы», «Витстоны», «Юзы»!..

Имѣя полтора дня свободы, она, послѣ нѣкоторой борьбы съ собою, приняла приглашеніе офицера—поѣхать въ загородный дачный уголокъ.

Двѣ недѣли они знакомы, и все ограничивалось встрѣчами на улицахъ и проводами домой или на службу.

Онъ, наконецъ, не на шутку разсердился.

— Марья Харитонна, похоже на то, что вы меня считаете способнымъ кусаться. Зову обѣдать—не хотите, въ театр—заняты... Клянусь, я—безобидный! Вѣдь это только въ Конго туземцы занимаются людоедствомъ... Я на ихъ взглядъ—чистѣйшій вегетаріанецъ. Вы улыбаются?.. Итакъ?..

Она посмѣялась и поспѣшила согласиться, чтобы самой себѣ отрѣзать возможность отступленія (давно отмѣченный признакъ трусости!).

Въ его обществѣ день проходилъ незамѣтно.

Офицеръ былъ поверхностно-начитанъ, утонченно-вѣжливъ, увлекателенъ въ разговорѣ, нѣжно-ласковъ, немного насмѣшливъ и, главное, умѣлъ дѣйствовать на сердца неопытныхъ дѣвушекъ и женщинъ.

Опытныя не доставляли ему удовольствія; онъ любилъ «сырой матеріалъ». Литературный типъ донъ-Жуана былъ особенно близокъ

его душѣ. Вѣроятно, онъ представлялъ себя однимъ изъ преемниковъ завѣтовъ великаго севильскаго обольстителя.

Неудивительно, поэтому, что онъ зачастую говорилъ о немъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Расхаживая по пляжу, а затѣмъ присѣвъ къ столику, онъ и теперь касался близкой ему темы, и Маня слушала съ напряженнымъ вниманьемъ эти бойкія разсужденія, къ которымъ не привыкла еще.

— Марья Харитонна... ваше имя—длинное и строгое. Позвольте, когда мы вдвоемъ, называть васъ—миссъ Мэри... Вы не сердитесь? Такъ вотъ, миссъ Мэри, донъ-Жуанъ это— крупный человекъ, а вовсе не какой-нибудь вертопрахъ, какъ выразились вы. Поэтъ Бальмонтъ правъ, причисляя его къ «вѣчнымъ жидамъ любви»¹⁾. Желая небеснаго, онъ всегда достигалъ лишь земнаго и потому всегда хотѣлъ новой красоты и новой любви. Это объясненіе жизненной и куда правильнѣй, чѣмъ философствованіе Бердяева, что «донжуанство—потеря личности въ любви, сила любви безъ смысла любви».

— Однако, Платонъ Ѳедорычъ, какъ вы досконально изучили все, что касается донъ-Жуана! Это подозрительно,—перебила Маня, смотря на него большими, зелеными глазами, недовѣрчивыми и вмѣстѣ восторженными.

Онъ выдержалъ ея взглядъ и, не отвѣчая, мечтательно продекламировалъ, подражая манерѣ французскихъ артистовъ:

«Elle avait une voix étrange,
Musical de fée ou d'ange,
Des yeux verts sous leur noir frange...»²⁾

Она вспыхнула, растерялась.

«Что это? признанье?..»

— Не заговаривайте зубовъ... Мой голосъ, мои глаза не относятся къ нашему разговору. Мы говорили, вѣдь, о донъ-Жуанѣ и только.

— Какъ поклонникъ его, я не могъ, конечно, промолчать, не воздавъ долгаго вашему чудному голосу и вашимъ дивнымъ зеленымъ глазамъ. Мэри, дорогая, неужели вы не понимаете, что я мучусь съ первой нашей встрѣчи?

Она боязливо осматрѣлась по сторонамъ, и онъ, точно обрадованный этимъ, прикоснулся къ ея рукѣ.

— Прелестъ моя, я велю все это перенести туда, въ кабинетъ?— тихо спросилъ онъ, показывая головой куда-то неопредѣленно вверхъ:—сами видите, здѣсь нельзя по душѣ поговорить. Каждый

¹⁾ Типъ донъ-Жуана въ міровой литературѣ. («Міръ Искусства» 1903).

²⁾ Charles Graux.

старается подслушать. Или васъ музыка интересуесть? Она къ намъ и туда долетить, не безпокойтесь.

Густышъ не успѣла его остановить, какъ онъ уже всталъ, звеня шпорами, и сказалъ что-то лакею; она машинально послѣдовала за нимъ. Кругомъ безцеремонно глазѣли, и ей было неловко; пришлось ускорить шаги.

4.

Маня въ отдѣльномъ кабинетѣ въ первый разъ въ жизни.

Ее страшно волнуетъ это и занимаетъ.

Но, видя ея смущеніе, Казарухинъ старается вначалѣ показать, что ничего не замѣчаетъ и умышленно говорить о постороннихъ вещахъ, чтобы дать ей возможность овладѣть собой, оправиться.

«Совсѣмъ еще глупенькая», думаетъ онъ и нервно потираетъ руки.

Окно открыто; видна морская даль; видно небо, которое мѣстами очистилось отъ тучъ. Доносятся звуки бравурной музыки румынъ. Вѣтъ тепломъ.

— Скушайте кусочекъ... Право, очень вкусно!.. И виномъ займите. Вино настоящее.

Голосъ офицера мягкій, съ нѣжными оттѣнками.

Ей пріятно, что Платонъ Федоровичъ такъ внимателенъ, и мало-помалу она снова становится прежней «миссъ Мэри», то съ вызовомъ, то нерѣшительно поглядываетъ на офицера и подаетъ болѣе смѣлыя реплики.

— Значитъ вы—не донъ-Жуанъ?—вырывается у нея, когда шампанское немного развумянило ей щеки:—я начинала побаиваться.

Казарухинъ разсмѣялся и подсѣлъ къ Манѣ совсѣмъ близко, плечомъ къ плечу, забавляясь, съ какой сосредоточенностью разсматриваетъ она висящую на стѣнѣ гравюру.

— Дался вамъ донъ-Жуанъ!—протянулъ онъ, размышляя совсѣмъ о другомъ:—если вамъ онъ не нравится, тогда, конечно, я—не онъ... Но, все-таки скажу въ защиту, что въ немъ ничего нѣтъ дурного. Развѣ дурно—бѣжать отъ пресыщенія страсти, чтобы сохранить свѣжесть чувства, какъ это дѣлаетъ донъ-Жуанъ въ поэмѣ Ленау? Великолѣпенъ донъ-Жуанъ, какъ дерзкій покоритель сердецъ, у Тирсо-де-Молины, но, по-моему, отвратителенъ у Меримэ, когда онъ умираетъ въ «благуханіи святости».

Онъ вдругъ засмѣялся почти надъ самымъ ухомъ Мани, такъ что она вздрогнула и встрѣтилась съ его веселыми, откровенными глазами.

— Чего вы заливаесть?—спросила она, прикусивъ губу, чтобы не улыбнуться, стараясь оставаться серьезной, хотя было весело.

— А развѣ вамъ не кажется смѣшнымъ, что мы столько времени, милая Мэри, ходимъ вокругъ да около и говоримъ совсѣмъ не о

томъ, о чемъ думаемъ? При чемъ тутъ Ленау, при чемъ донъ-Жуанъ и все прочее? Самое важное то, что я...—онъ сталъ растягивать слова и понижать голосъ до шопота:—люблю мою чудную, зеленоглазую Мэри...

Казарухинъ осторожно коснулся ея талии и приблизилъ вылающія губы къ ея похолодѣвшей щекѣ, но не цѣловаль, а только смущаль ея горячимъ дыханіемъ.

Каждый шагъ онъ дѣлаль съ большой выдержкой, такъ какъ искренно боялся попасть въ неловкое положеніе. Этого онъ ни за что не простилъ бы себѣ.

Густышъ держалась такъ, что онъ до послѣдней минуты не зналь, можетъ онъ или не можетъ позволить съ ней нѣкоторую вольность.

Онъ приостановился и ожидаль.

— Объясненіе донъ-Жуана?—вырвалось у нея:—какого только—грѣховнаго или святого?...

Казарухинъ сжалъ ея за талию.

— О, мое милое, ѣдкое созданье!.. И того, и другого вмѣстѣ... Вотъ же тебѣ, вотъ за недовѣріе, за сомнѣнье... Прелесть моя!—и онъ покрыль ея лицо жгучими поцѣлуями.

Слишкомъ бурное проявленіе страсти уже не пугало Маню.

Какая-то незнакомая волна далеко унесла всѣ мысли, всѣ умные доводы, всю теорію прожитой въ строгости двадцатитрехлѣтней жизни.

Налетѣвшій шкваль разрушилъ и разломаль всѣ предрасудки.

— Говори еще, говори и цѣлуй!—отвѣчала она на его ласки.

И Казарухинъ сіяль восторгомъ и говорилъ безконечно много, увлекаясь собственнымъ краснобайствомъ.

Онъ говорилъ больше парадоксами и не даваль своей собесѣдницѣ времени уловить слабую сторону красиво построенныхъ фразъ.

— Люблю и не знаю до сихъ поръ, что такое—любовь, но знаю зато, что безъ наслажденія нѣтъ любви. Иногда случается одерживать маленькія побѣды, но, право же, затрудняюсь опредѣлить, что такое—побѣда, хотя убѣжденъ въ томъ, что безъ обладанія нѣтъ и побѣды. Читаль у Карины Михаэлисъ, что тайна замужества—ужаснѣ гроба, и все-таки вотъ сейчасъ готовъ стать на колѣни и назвать мою зеленоокою фею своей невѣстой!... Во всемъ, во всемъ контрасты, золотая моя Мэри!..

Незамѣтно летѣло время...

Они задумчиво стояли, обнявшись, у открытаго окна и смотрѣли на луну, выглянувшую вдругъ изъ-за облаковъ. Море ожило.

Съ нижней веранды доносилась какая-то вакхическая музыка. Страстно визжала панова дудка, рыдали скрипки, звенѣли кимвалы...

Чудилось, что гдѣ-то вдали проходить пережившая вѣка дикая ватага сатировъ, силеновъ и менадъ съ изступленными криками:

«эвой!» въ звѣрныхъ шкурахъ, съ тирсомъ, разукрашеннымъ зеленью плюща, съ остатками растерзаннаго быка и среди нихъ вѣчно-юный богъ, ищущій покинутую Ариадну...

Оборвалась музыка, и пѣть иллюзиѳн...

5.

Мчались трудовые дни попеременно съ беззаботно-веселыми, когда душа Мани какъ бы погружалась въ легкій, пріятный сонъ, отдаляющій мелочи и тоску жизни.

Но въ конторѣ за упорной работой спадала съ глазъ розовая, сказочная пелена, какое-то смутное предчувствіе поднималось въ груди и почему-то хотѣлось плакать.

На службѣ Густышъ оставалась прежней неизмѣнно-аккуратной, но внѣ этого круга все шло по-иному. Каждый шагъ приносилъ новую фальшь и не было смѣлости выбраться изъ нея. Ложь затягивала, какъ тина, связывая по рукамъ и по ногамъ.

Матери она говорила, что выходитъ замужъ, но женихъ упорно не показывался, и она объясняла это его временной отлучкой.

Казарухинъ чаще началъ опаздывать на свиданія, иногда совсѣмъ не пріѣзжалъ. Взоръ его и слова становились болѣе разсѣянными, характеръ—болѣе раздражительнымъ.

— Что съ тобой, мой соколь?—спрашивала Маня какъ бы въ шутку, но сверлила его, словно буравчикомъ, испытующимъ, тревожнымъ и все еще влюбленнымъ взглядомъ.

— Да ничего себѣ... Милліонъ дѣлъ, тысяча заботъ плюсъ отвратительное настроеніе духа, сообразно осенней погодѣ. У насъ, у мужчинъ, все въ-открытую, какъ на ладони, а вотъ у васъ, у женщинъ, ничего не узнаешь и съ микроскопомъ. Я вѣрю старичку Мавру Юкаю, что никто не вѣдаетъ, какая-то такая штучка кроется на днѣ женскаго сердца,—при этомъ онъ такъ посмотрѣлъ на Маню, точно дѣйствительно подозрѣвалъ ее въ чемъ-то неблаговидномъ.

Тонкая паутина «любви» какъ будто понемногу разрывалась.

Густышъ терялась въ догадкахъ. Не хватало мужества задать прямой вопросъ и... отступитъ. Боялась такого же прямого отвѣта и хваталась за призрачное счастье, какъ за соломинку.

Хуже всего, что сложилось въ мозгу убѣжденіе въ собственной глупости.

«Развѣ не тупоуміе,—размышляла она, облокотившись на спинку стула, въ часы дежурства, когда и работы не было, и нельзя было отлучиться:—не дурь—повѣрить, что гвардеецъ можетъ любить несчастную, бѣдную, никому неизвѣстную телеграфистку? Хотя, почему знать, не мнительность ли моя виной!.. вѣдь, пока нѣтъ ничего плохого»...

Маню мучило еще одно: у нея имѣлись маленькія сбереженія «на черный день».

Теперь отъ нихъ остались лишь слабыя воспоминанія; все было потрачено за эти три мѣсяца знакомства съ блестящимъ офицеромъ.

Нашло странное затменіе: всѣ деньги поглотили наряды.

Явилась безумная мечта: не быть хуже другихъ, чтобъ офицеръ не стыдился показаться съ ней въ обществѣ тѣхъ дамъ, къ которымъ онъ привыкъ.

Власовъ ехидно посмѣивался.

— Никакъ, госпожа Густышъ-Недотрогина, пригорюнились? Что-то съ личика спали?.. Эхъ, вы!

Маня не отвѣчала.

Елагина и Груздевская жалѣли подругу, какъ добраго, отзывчиваго товарища.

А помощникъ завѣдывающаго, Гребенкинъ, румяный, мечтательный провинціалъ, втайнѣ вздыхающій по комъ-то, часто вторялъ затверженный стихъ Тютчева и смотрѣлъ въ сторону Мани:

«И кто въ избыткѣ ощущеній,
Когда кипитъ и стынетъ кровь,
Не вѣдалъ вашихъ искушеній,
Самоубійство и любовь!»

Последнюю строчку онъ произносилъ съ особеннымъ удареніемъ и закатывалъ водянистые глаза (разумѣется, если отсутствовалъ начальникъ).

6.

Въ ясный октябрьскій день, когда явился неожиданный поворотъ къ теплу, Маня, сидя въ конторѣ, думала о томъ, что хорошо было бы завтра съѣздить на «острова».

— Вамъ заказное, госпожа Густышъ-Недотрогина,—какъ всегда, подсмѣивался Власовъ и протягивалъ ей знакомый синій конвертъ съ гербомъ, окаливая рѣдкіе зубы.

Она покраснѣла, хотѣла кинуться, вырвать письмо, прижать къ губамъ, но выдержка взяла свое. Медленно подошла, нехотя точно разрѣзала конвертъ и вынула продушенный листъ толстой бумаги, чувствуя, что всѣ служащіе слѣдятъ за каждымъ ея движеніемъ; но уже первыя строки захватили ее настолько сильно, что она не помнила, какъ дочитала, какъ имѣла силы подойти къ начальнику и ледянымъ голосомъ попросить отпуска до завтра по крайне важному дѣлу.

Слишкомъ была она блѣдна и серьезна, будто окаменѣла, и Власовъ, вопреки обыкновенію, воздержался отъ какихъ-либо шуточекъ, отпустилъ и даже пытался успокоить ее:

— Да вы того... не волнуйтесь, не стойте!.. Что тамъ!..

Вышла изъ конторы, кое-какъ второпяхъ надѣвая пальто, и еще разъ на улицѣ перечитала письмо Казарухина:

«Сегодня—дорогая Мэри, завтра—многоуважаемая Марія Харитоновна.

«Мнѣ тяжело писать это вынужденное объясненіе, но я, признаться, надѣялся, что ты сама поймешь суть вещей... Однако вижу, надо выяснить положеніе. Мои слова, сказанныя въ такую минуту, когда возможны нѣкоторые преувеличенія («я готовъ назвать тебя невѣстой»), приняты были тобою за чистую монету. «День стираетъ данныя ночью слова»—афоризмъ изъ *1001-й ночи*, несмотря на всю его мудрость, не повліялъ на тебѣ. Прошло много дней послѣ той ночи на берегу моря, а ты продолжаешь держать меня надъ гипнозомъ неосторожной фразы. Право, я заслуживаю прощенья! Къ тому же бываютъ обстоятельства, противъ которыхъ нѣтъ борьбы. Короче: я долженъ жениться. Не сердись на меня. Я крѣпко любилъ тебѣ лѣтомъ, но «прощай вино въ началѣ мая, а въ октябрѣ прощай любовь!» Тутъ ужъ нечего не подѣлаешь, разъ вмѣшался въ нашу судьбу Беранже. Цѣлую тебя. Если можешь, прости. Прежній твой Платонъ».

Много было думъ, одна нелѣпѣе другой; подкараулить его невѣсту и все ей выложить, глаза ей выжечь, застрѣлить обманщика, въ судъ подать, но онѣ растаяли, какъ дымъ, и вдругъ выплыла новая... и простая, и страшная.

Вспомнился куплетъ Тютчева, который такъ любилъ громко повторять инструкторъ Гребенкинъ, и въ особенности заключительный стихъ:

«Самоубійство и любовь!..»

Онъ заслонилъ всю прожитую жизнь, все будущія надежды, заботы о любимой семьѣ, жалость къ самой себѣ...

И съ этой минуты она уже знала, что дѣлать... безповоротно! Съ того времени, когда Маня раздобыла и вышила растворъ сулемы и затѣмъ была перевезена въ казенную больницу, не прошло и сутокъ, но ей казалось, что тянутся долгіе годы.

Иногда она забывалась тяжелымъ сномъ, и ей представлялось тогда, что ее живую замуравили въ каменную стѣну безъ свѣта и воздуха.

Пріѣзжалъ Казарухинъ послѣ настойчивыхъ просьбъ Елагинной и отлично разыгралъ роль огорченного, а, можетъ, страдальческаго вида умирающей подѣйствовалъ на его нервы.

Въ душѣ Мани не было злобы противъ него, и на лицѣ покойницы запечатлѣлась улыбка...

Въ день похоронъ контора работала.

Румяный инструкторъ съ трагическимъ оттѣнкомъ въ голосѣ шепталъ, пользуясь отсутствіемъ Власова, тютчевскіе стихи и неоднократно повторялъ, отбивая тактъ:

«Самоубійство и любовь!..»

Грузевская не выдержала.

— Зачѣмъ каркаете? Уже накаркали... Нѣтъ медуницы, а трутней сколько угодно,—живуть... Я бы ихъ!..—но не договорила и задумалась, впрочемъ, ненадолго.

Стукъ-стукъ-стукъ... стукъ... стукъ... Аппаратъ Клопфера особенно усиленно дѣйствовалъ.

По проволокѣ, стягивающей улицы, города и страны, съ одинаковой поспѣшностью передавались скорби и радости.

Равнодушная барышня безъ малѣйшаго волненія изъ черточекъ и точекъ составляла слова и фразы, писанія подчасъ кровью сердца, и телеграфистъ беззаботно разносилъ ихъ изъ дома въ домъ.

Колесо жизни вертѣлось.

X.

Страница незамѣтной жизни.

1.

Когда гости разошлись, оставался еще Спиридоненко,—молодой естественникъ, склонный вообще къ нѣкоторымъ увлеченіямъ.

Хозяева, Лида и его жена, устали (было уже довольно поздно—третья часть ночи); но онъ точно и не замѣчалъ этого, подливалъ себѣ остатки мадеры, пива, ликеровъ и говорилъ, говорилъ безъ конца.

Въ широкое окно глядѣло яркое, звѣздное небо и двурогая луна.

Столъ, за которымъ только что ужинали, опустѣлъ и представлялъ жалкую картину. Скатерть, еще недавно такая бѣлоснѣжная, въ нѣсколькихъ мѣстахъ была покрыта жирными пятнами и залита краснымъ виномъ.

Спиридоненко вытащилъ изъ бокового кармана скомканный номеръ вечерней газеты и хлопнулъ по ней рукой.

— Я вамъ оставляю, прочтите на сонъ грядущій,—сказалъ онъ слегка хриповатымъ, сдавленнымъ голосомъ:—дѣйствительно замѣчательно!.. Ха-ха-ха... Ну, да и штука, чтобъ ее!..

Хохоталъ онъ до упаду и становился пунцовымъ.

Глядѣть на этотъ смѣхъ и сдерживать улыбку было очень трудно.

— Не помню, гдѣ ужъ тамъ... какъ бишь это?.. да, кажись, не у Флобера ли?... Ну, разумѣется, у него написано насчетъ прогресса, что вся суть въ томъ только, чтобы стать менѣ жестокосерднымъ... гм... какъ бы не такъ! дождешься этакого прогресса!..

Врачъ-эмбриологъ, Дювернуа... слышали, небось, а? Нѣ-ѣтъ?!. да ну?.. Апри-Луи Дювернуа... знаменитость!.. Ну-съ, такъ вотъ онъ увѣряетъ, будто эволюція мозго-мѣшечныхъ уродовъ идетъ впередъ поразительно-быстрымъ шагомъ и новый повелитель вселенной это—не больше, не меньше, какъ безголовый, безформенный полуслизнякъ, удивительно-зоркій и необычайно-чуткій, съ громаднымъ запасомъ мозга (вѣрите ли, чуть не семь восьмыхъ объема всего тѣла!), безпредѣльно-злой и жадный, какъ плѣсневый грибокъ. Вотъ-съ вамъ и прогрессъ по Флоберу, чтобъ его!.. Новый царь природы!.. Ха-ха-ха... дожили! Пожалуй, лучше умереть, пока не поздно. Хотя я и не особеннаго мнѣнія о современномъ человѣкѣ, по все же чортъ съ ними, съ предстоящими гениальными уродцами. Какъ-то за себя обидно, Константинъ Ивановичъ.

Линда переглянулся съ женой, Софьей Петровной, точно въ ту минуту они оба вспомнили объ одномъ и томъ же.

— Что тамъ заглядывать впередъ, пророчествовать!—замѣтилъ онъ, вставая изъ-за стола и потягиваясь:—наше время тоже не безъ уродовъ... да еще какихъ!.. Прошлымъ лѣтомъ подъ Конотопомъ натолкнулся мой братъ на диковинное зрѣлище (диковинное, конечно, для него, а въ сущности—почти заурядное)... Лугъ... сочная, высокая трава... синее небо и среди этой цвѣтущей великолѣпной природы—жалкая, изувѣченная лошадь, ожидающая смерти, какъ милости. Живодеры, видите ли, стащили съ нея шкуру и даже не нашли нужнымъ убить... И стоитъ она день, другой, всю ее сводить отъ мелкой дрожи, отъ невыносимой муки... глаза—черные, горящяе, полные ужаса... Ни ѣсть, ни ходить, ни лежать... Ахъ, какое звѣрство, милый мой Спиридоненко! И это, вѣдь, практикуется вездѣ, не въ одномъ захолустѣ, даже въ Одессѣ, на примѣръ, на Жеваховой горѣ... Эхъ, все только ради наживы!.. Шкура, видите ли, отъ этого лучше... Мерзавцы!..

Софья Петровна громко вздохнула и поспѣшно вышла изъ комнаты.

Линда постучала пальцами по тарелкѣ, потомъ опять заговорилъ послѣ минутнаго молчанія:

— А вотъ хотя бы мои достопочтенные сосѣди,—увѣряю васъ, поразительный подборъ: самъ, жена и ребятишки. По внѣшнему виду, какъ будто бы и люди, стало-быть, не для вашего Дювернуа, но по внутренней складкѣ—ой-ой-ой!..

Протяжно свистнулъ, покачалъ головой, затѣмъ заговорилъ о чемъ-то постороннемъ, желая переменить разговоръ.

Спиридоненко собрался-таки уходить.

Его провожалъ Линда, чтобъ освѣжиться передъ сномъ.

Тихія голубыя тѣни лежали на ровномъ снѣжномъ пологѣ.

Вѣтки деревьевъ были покрыты пушистымъ инеемъ, словно кружевомъ. Изрядно морозило, и снѣгъ поскрипывалъ подъ ногами, упругій и чистый, выпавшій всего наканунѣ.

Вдали свѣтились фонари, гдѣ начиналась людная часть города, а здѣсь, возлѣ нѣсколькихъ двухъ-и трехъэтажныхъ домиковъ, гдѣ, между прочимъ, жилъ Линда, было совсѣмъ по-иному: не горѣли фонари, не было ни дворниковъ, ни городскихъ, да и прохожихъ не замѣчалось...

Линда любилъ природу, предпочитая жить поближе къ ея первобытнымъ красотамъ и, по возможности, дальше отъ городской толчи съ ея пятыми этажами, скученностью, неутомимымъ трамвайнымъ звономъ и нестерпимымъ стукомъ телегъ. Тамъ, среди высокихъ зданій безъ свѣта и воздуха, въ душливомъ чаду тусклыхъ дней онъ терялъ теплую вѣру въ лучшее будущее и чувствовалъ, что можетъ возненавидѣть жизнь.

Прощаясь, Спиридоненко оглядывалъ широкую пустынную поляну безпокойными, влажными глазами.

Константинъ Ивановичъ тотчасъ же уемѣхнулся, едва услышалъ вопросъ гостя:

— А у васъ тутъ, на милой окраинѣ, не пошаливаютъ?..

— Что вы хотите сказать?—вырвалось у Линды съ искреннимъ изумленіемъ, и улыбка все еще играла у него на губахъ.

— Я насчетъ послѣдней людской разновидности — хулиганства, чтобъ его!.. Всѣ эти разные тамъ московскіе «жулики», петербургскіе «мазурики», харьковскіе «раклы», варшавскіе «лобузы» и прочіе (чтобъ ихъ!) какъ-то незамѣтно слились въ общее родовое понятіе «хулигановъ», присосались къ обществу, какъ чужезяды, и положительно угрожаютъ намъ среди всѣхъ слоевъ...

— Ахъ, батенька!—перебилъ его Линда и вдругъ нахмурился:— плюньте!.. Не они вовсе... Мы сами во всемъ виноваты... Все отъ нашей собственной распущенности. Идите себѣ съ Богомъ, вамъ никто здѣсь не угрожаетъ... Угроза вотъ въ этихъ господахъ...—и онъ указалъ пальцемъ на нижній этажъ дома, гдѣ жилъ его сосѣдъ Русь:—этихъ бойтесь... опасные...

— Ну, отъ этихъ мы-то авось убережемся!.. Ха-ха-ха... Однако спокойной ночи, дружище,—спокойной! Закормили меня и опили, а теперь запугиваете, чтобъ васъ!..

Спиридоненко залился обычнымъ богатырскимъ смѣхомъ и быстро зашагалъ. Его плотная фигура скоро превратилась въ неясный, колеблющійся силуэтъ и растаяла у поворота къ мосту.

Линда постоялъ немного, сопутствуя пріятелю задумчивымъ взглядомъ, повернулся и вошелъ во дворъ.

Окна нижняго этажа сразу,вдругъ освѣтились. Зажигались одна за другой электрическія лампы, и видно было, какъ изъ комнаты въ комнату перебѣгала, размахивая руками, длинная, несуразная тѣнь Руса.

И Линда, и его жена долго не могли уснуть.

Внизу раздавались крикливые голоса, стукъ падающихъ предметовъ, плачь и шумная бѣготня, точно тамъ отражалось что-то

дикое нашествіе, но все покрывалъ скрипучій, истеричный тепо-рокъ Руса, тянувшій рѣзкую поту. Остатокъ ночи прошелъ спокойно. Невольно въ груди просыпалась тревога. Чувствовалась нелѣпая власть какого-то грубаго насилія, и это разстраивало нервы Софьи Петровнѣ, женщинѣ мягкой и впечатлительной.

Утромъ Катюша, служившая у нея одной прислугой, захлебываясь, сообщала подробности разыгравшихся ночныхъ событий.

— Нижній жилецъ выгналъ Полю и всю худобу за дверь выкинулъ на морозъ... Озорникъ! Извѣстно, у нихъ никто не живетъ (и кормятъ тухлятиной, и ругаются черными словами), но чтобы ночью, въ глухое время... да за эти дѣла и отвѣтить можно, ежели не побоятся кому слѣдуетъ жалобу заявить... Вотъ бы, примѣрно, на меня наскочилъ...

Катюша такъ разсердилась, что отъ нея никакъ не удавалось добиться толковаго отвѣта.

— Нижній хотя и въ чиновникахъ,—дальше поясняла она:—а вродѣ какъ бы углового жильца,—занимается не господскими дѣлами, барышничаетъ, лошадокъ продаетъ, скупааетъ, плугуетъ... ну, и на бѣгахъ тоже орудуетъ съ полупочтенными... Не повезетъ, и глядять тогда чортъ-чортомъ. Вотъ и жена у нихъ—изъ садовыхъ танцорокъ, а тоже носъ задираетъ... особливо передъ нашей сестрой, прислугой...

— Да вы все о пустякахъ!—обрываетъ ее съ досадою Софья Петровна:—что же вышло съ Полей? Право, ничего у васъ не разберешь... болтовня какая-то.

— А то вышло, барыня, что придрались они къ ней, почему деньги украдала, а никакихъ денегъ-то и не было вовсе. Подкинули ей тишкомъ да тайкомъ тряпочки разныя и говорятъ: уворовала... Все, чтобы жалованья не платить, ироды! Завсегда такъ... Приѣхалъ это нижній жилецъ съ бѣговъ, злющій-презлющій, впухъ и впрахъ проигравшій; танцорка шушукается съ нимъ... Слово за слово, поругались, по угламъ разсѣлись. Вотъ нижній-то сейчасъ за водочку; напившись въ самоту, вспомнилъ, что наговорила ябеда (водочка, значить, ударила ему въ башку), и пошелъ онъ къ Полѣ на кухню, браниться началъ по-мужицки; танцорка тоже выскочила; кутерьму подняли, чуть не до драки дошло. Поля—тихая, смарная и мухи не обидить. Кричатъ, а она хотя бы словечко... безсловесная! Тутъ дѣлать промежь себя стали Полину худобу,—бурнусъ взяли, взамѣнъ, значить, украденныхъ ею денегъ, корзину, а узелъ съ тряпьемъ, что полегче, за дверь выкинули и три рубля за прожитое не отдали, вытолкали въ шею. Пошла это она къ дворнику ночлега просить, а Федоръ—и руками, и ногами. «Мое дѣло—сторона»,—отпѣкивается. Боятся, что Русь осерчаетъ. У него всѣ мужики подкуплены, никто въ свидѣтели не идетъ. Звонится ко мнѣ.

Я тоже подневольная, не госпожа, спрашиваю: «А пачпортъ, милая, есть?»—«Нѣту, не отдали господя»... Плачетъ. И жалко мнѣ, и боязно (какъ же безъ пачпорта?) Не впустила на кухню. Такъ она и осталась на лѣстницѣ сидѣть...

Говорить Катюша, а сама слезами заливаается и видно, что не притворяется, огорчена.

Софья Петровна изъ себя вышла, покраснѣла до корней волосъ, брови сдвинула.

— Какъ же ты смѣла! Темная ты еще, Катя,—совсѣмъ темная! Книжки читаешь, а не поумнѣла. Этакъ и утопающихъ ты оттолкнешь отъ берега, будешь паспортъ спрашивать. Чтобы не было больше этой дуря!.. Слышишь?... Накорми, когда Поля придетъ, и приютн. Поняла?.. Другихъ осуждаешь, а подругу на морозѣ оставила... Хорошая голова у тебя, нечего сказать.

— Извините, барыня... Вижу, что глупая я, а тоже, вѣдь, боязно, ежели безъ пачпорта... Съ меня бы спрашивали, ежели...

Линда только рукой махнула и вышла изъ кухни, стукнувъ дверью.

2.

У Руса такая уже привычка: чуть свѣтъ подняться и сейчасъ же— въ конюшню провѣрять, все ли у кучера въ порядкѣ.

Сегодня проснулся онъ позже обыкновеннаго, съ тяжелой головой.

Тусклые судачьи глаза вращались съ какимъ-то недоумѣниемъ, точно не узнавали окружающихъ предметовъ.

Вскочилъ съ постели, сталъ звать Полю все нетерпѣливѣй и громче, пересыпая окрики любимыми слов чками.

Вбѣжалъ Шурикъ, восьмилѣтній мальчикъ, избалованный и непослушный.

— Папа, ты выгналъ Полю, а теперь зовешь. Какой ты!.. Поля— грязная, воночая кухарка... Поля...—и онъ повторилъ одно изъ тѣхъ именъ, которыя только что выкрикивалъ отецъ.

Русъ минуту-двѣ казался изумленнымъ.

— Что-о?! Ахъ, ты, паршивецъ! Молоко на губахъ не обсохло, а туда же! Мало ли что я говорю!.. Пикни у меня и я въ тебя—баць, трахъ-таррарахъ... Да если ты еще хоть про себя, негодяй этакій, повторишь—уничтожу-у!—и затопалъ босыми ногами по полу.

Шурикъ съ хохотомъ бросился изъ комнаты и визжалъ на всѣ лады: «баць!.. трахъ-таррарахъ!..» а вдогонку ему уже летѣлъ прерывающийся, дребезжащій смѣхъ Руса (у него переходы отъ гнѣва къ веселости были зауряднымъ явленіемъ).

«Молодчица! весь въ меня»,—подумалъ онъ съ явнымъ удовольствіемъ.

Христина Русь въ то же самое время съ невозмутимымъ спокойствіемъ и полнымъ равнодушіемъ къ окружающему играла, какъ автоматъ, въ миллионъ первый разъ съ тѣми же ошибками, какъ и всегда, вальсъ «Сфинксъ» и что-то бравурное изъ Годара.

Когда эта игра особенно назойливо проникала сквозь потолокъ въ верхній этажъ и сверлила, какъ винтикомъ, въ мозгу Линды и его супруги, Константинъ Ивановичъ хваталъ альпійскую палку съ металлическимъ наконечникомъ и съ ожесточеніемъ стучалъ въ полъ надъ самой головой госпожи Русь, которую называлъ не безъ умысла «пьянисткой» (отъ слова пьяный).

Разсерженный ночной сценой, онъ и теперь уже съ самаго утра взялся за палку и не выпускалъ ея изъ рукъ.

— Опять сумасшедшій расхотился!—ворчала Христина и сердито захлопнула крышку рояля.

Между тѣмъ самъ Русь, устроивъ разносъ кучеру за какія-то упущенія и объявивъ ему, что продаетъ щенка за хорошія деньги, хотя не онъ вовсе его вскормилъ, а жена кучера на собственный счетъ, съ бранью налетѣлъ на дворника, что тотъ осмѣлился припятъ за него повѣстку отъ мирового судьи по иску за неплатежъ мяснику, и, накричавъ еще по какому-то случаю, уѣхалъ на пролеткѣ «въ городъ».

Вскорѣ, точно по уговору, осторожно приблизилась къ черному ходу и стукнула въ кухонное окошко невзрачная, бѣдно одѣтая, сморщенная, хромая старушонка.

— Христя, а Христя!—повторяла она вполголоса и терпѣливо ожидала.

Дверь пріоткрылась.

— Это вы, мать?

— Я, я, Христя... Ушелъ твой-то? Провѣдать притащилась.

— Нѣту чорта!.. ушелъ чортъ!..—пищали дѣти:—иди, бабушка, въ комнаты.

— И когда сдохнетъ разбойникъ, прости Господи!—вырвалось у Христины:—вѣкъ мой заѣдаетъ... Вы очень даже кстати объявились... Я опять безъ прислуги... Дряни все, воровки... Вотъ что, мать, ступайте-ка въ лавку за провизіей да уберите спальню, пока Демьянъ не вернется. Сами знаете—не позволилъ васъ принимать («сѣрая»—говорить)... А я, какъ дочь, не могу безъ васъ... Все же вы—мать... Известно—привыкла!

— «Сѣрая»!.. Онъ-то, небось, бѣлый... У, святая Владычица!—шопотомъ ворчала старуха, но съ опаской, чтобы никто не разслышалъ, и переминалась съ ноги на ногу,

Звукъ «Сфинкса» снова огласилъ гостиную и стали лукаво пробираться сквозь толщу потолка въ квартиру Линды, назойливо шпиваясь незримыми щупальцами въ мозгъ и нервы Константина Ивановича.

— Вѣдь, какъ вретъ, проклятая!—не выдержалъ онъ и забѣгалъ по кабинету.

Изо дня въ день весь обиходъ повторялся съ неизмѣнной послѣдовательностью: брань, драки, исковерканный «Сфинксъ», изувѣченный Годаръ, ссора съ прислугой и т. д., и т. д. до безконечности.

Страница обывательской жизни упорно не желала перевернуться и открыть что-нибудь новое.

Такъ же, какъ вчера, едва къ вечеру возвращался Русъ, Христина одѣвалась, подвивала кокетливо волосы, раскрашивала губы, подрисовывала брови и рѣсницы и, преображенная, спѣшила куда-то улетучиться, а когда приходила обратно,—стучала полѣномъ въ дверь кухни (звономъ пренебрегала), такъ что Софья Петровна постоянно вздрагивала и просыпалась.

Слышно было, какъ Русъ посылалъ громкое неслестное привѣтствіе, и этимъ обыкновенно заканчивался его боевой день.

Глухая вражда затихала до слѣдующаго утра.

Было что-то драматическое въ ихъ тускломъ прозябаніи, словно какая-то невѣдомая тѣнь лишила ихъ бодрящихъ лучей солнца, дающаго радость примиренья.

3.

Поля, недавно пріѣхавшая изъ деревни, чувствовала себя какъ потерянной, когда очутилась безъ пристанища въ непривѣтливую, морозную ночь.

Кое-какъ до утра пробыла она, закованъ въ, на холодной лѣстницѣхъ возлѣ теплой Катюшиной кухни; но ни злобы, ни досады не было въ ея наивномъ сердцѣ; скорѣи одно недоумѣніе, которое какъ-то вдругъ зародилось въ немъ, засѣло и надоѣдливо гвоздило, не находя желаннаго отвѣта.

Несмотря на восемнадцатилѣтній возрастъ, ея мозгъ еще плохо поддавался разсужденьямъ.

Кутаясь въ платокъ, въ полудремѣ, Поля видѣла фантастическіе узоры ледяныхъ сновъ, переносилась мысленно домой, вздрагивала и просыпалась на той же лѣстницѣхъ, а когда услышала шаги Катюши и ея покашливаніе, второпяхъ вскочила, сунула подъ мышку узелокъ и побѣжала со двора, боясь, что ее увидятъ и поднимутъ на смѣхъ, обзовутъ воровкой. Въ эту минуту, можетъ быть, впервые зашевелилось у нея въ груди что-то похожее на незаслуженную обиду, и хотѣлось плакать, такъ что она кусала до боли губы и безъ оглядки шла,—шла, куда глаза указывали.

Громадный чужой городъ давить ее своимъ каменнымъ величіемъ. На освѣщенныхъ улицахъ еще пугливо дрожали ночныя тѣни, хотя

дѣловой и рабочій людъ уже стягивался изъ своихъ угловъ къ кипящимъ центрамъ. Дымились трубы заводовъ и фабрикъ, шумѣли мастерскія. Свѣтились окна лавокъ.

Жизнь росла съ каждой секундой.

Началось утомительное, безцѣльное хожденіе изъ конторы въ контору. Вездѣ спрашивали паспортъ и требовали внести вступительную плату. Ни того, ни другого у Поля не было и ее отправляли обратно, а объясненій не слушали.

По дорогѣ, измученная голодомъ и усталая, она зашла къ дальпей родственницѣ и долго ожидала, пока не вернулась тетка Лукерья, но та, узнавъ ея исторію, закричала и почти выгнала вонъ, не давъ даже поѣсть.

— Коли воровка—проходи, проходи мимо, не замай, а то утюгомъ огрѣю. Моя хата съ краю, ничего не знаю... Тихоня какая подыскалась!..

Забрела Поля въ участокъ.

Тамъ уже слышали отъ дворниковъ о недавнемъ происшествіи. Имя Руся было хорошо извѣстно мѣстной полиціи.

Околоточный, слышій за покорителя слабыхъ сердець, осмотрѣлъ Полю съ ногъ до головы и усмѣхнулся какъ-то въ сторону.

— Да ты не пропадешь... только не будь душой,—благосклонно ронялъ онъ милостивыя слова, довольный отсутствіемъ пристава и его помощника:—паспортъ мы вытребуемъ, это—точно, ну, а насчетъ того, будто ты стибрила малую толику—тутъ пойдетъ иной разговоръ... Русь чуть что—свидѣтелей выставить. У него на откупъ всякій сбродъ... О, гроши—всему голова! Мирошкѣ жаловаться не совѣтую... Ты ко мнѣ забѣгай-ка завтра подъ вечерокъ (направо—съ угла), потолкуемъ, какъ что и прочее... Да ты, глупая, не дрожи,—не укусимъ.. Боже царя храни!.. Какая пугливая! Я по-холостому живу, шито—крыто...

Въ такихъ томительныхъ скитаньяхъ прошелъ день. А Поля все бродила, теряясь въ догадкахъ, къ кому обратиться за помощью.

Чуть стемнѣло,—усилились назойливыя приставанья мужичинъ. Хищный городъ ловилъ новую жертву.

Подкашивались ноги. Сосало подъ ложкой. Но не было смѣлости зайти къ Катюшѣ и попросить хлѣба.

Пробираясь украдкой, чтобъ остаться не замѣченной еще хоть одну ночь, пока все паладится,—Поля остановилась у отпертаго сарая, рядомъ съ конюшней, гдѣ помѣщались лошади Руся.

«Была—не была,—подумала она, слегка приотворяя дверь:—тута и сосну».

Сарай показался ей дворцомъ. Изнутри заперла на задвижку и успокоилась.

Мысли быстро разбѣгались. Дѣйствительность и безсвязные образы перемѣшивались и уплывали куда-то въ свѣтлую, манящую даль.

Но холодъ крѣпчалъ и пронизывалъ насквозь. Потрескивали разошшіяся доски сарая.

Что-то скреблось и сверкало двумя изумрудными точками, сперва издали, потомъ ближе.

Ежеминутно просыпавшаяся Поля услышала вдругъ ласковое мурлыканье и звонъ маленькаго бубенчика, хорошо знакомый ей.

— Свѣрокъ, Свѣрокъ! — тихо позвала она, дотадываясь, что это Катюшинъ любимецъ, и обрадовалась, какъ близкому: — какъ ты забрался, путаникъ?

Котъ, видимо, узналъ ее, такъ какъ сейчасъ же довѣрчиво прыгнулъ къ ней, продолжая пѣть и вилять хвостомъ.

Лежа на вязкѣ дровъ, покрытыхъ какимъ-то рядомъ, пахнущимъ дегтемъ, она прижалась къ неожиданному другу, согрѣлась немного и стала опять засыпать. Жизнь уже не казалась такой страшной и одинокой, и не пугали ночныя тѣни...

Не помнила, сколько проспала.

Сначала насторожился котъ, съ ворчаньемъ соскочилъ на землю и куда-то исчезъ; затѣмъ кто-то подошелъ, потрогалъ дверь сарая, выругался про себя и вотъ съ громкой бранью сталъ вызывать кучера и дворника.

Испуганная Поля спросонья не сразу дотадалась, что это Русь, но невольно застыла отъ неясной, смутной тревоги.

«Пропала моя головушка!...»

Втроемъ горланили на разные голоса и кучерь, и дворникъ, и Русь, стучали кулаками, дергали дверь; въ концѣ концовъ кто-то принесъ ломъ.

Не откликнулась Поля, спряталась подъ рядно и крестилась мелкими, частыми крестами.

«Головушка моя, головушка!..» — другихъ словъ не было у нея.

Русь изступленно кричалъ, дико вращая зрачками:

— Я—одинъ, я—одинъ!.. Всѣ къ чорту! Гойда, сарынь на кичку!..

Вычитанный гдѣ-то въ старинныхъ романахъ этотъ окрикъ волжскихъ разбойниковъ почему-то полюбился ему, и онъ часто въ опьянѣніи гнѣва вспоминалъ его и пускалъ въ обращенье среди другихъ излюбленныхъ словечекъ.

— Выходи, воръ или душегубъ! Всѣхъ переловлю собственными руками... Никому пощады не дамъ. Кто здѣсь хозяинъ? Я—хозяинъ. Нѣтъ втораго хозяина, — не унимался Русь, приходя все въ большее и большее раздраженіе.

Задышался, едва могъ выговаривать лишнія, никому ненужныя угрозы... Заплетался языкъ...

Въ окнахъ сосѣднихъ домовъ показывались испуганные жильцы, уже, впрочемъ, привыкшіе къ выходкамъ Руса.

Когда съ лязгомъ и скрипомъ подалась дверь, Ѳедоръ осторожно закинулъ спичку за спичкой, а кучеръ съ плотояднымъ лицомъ мясника шарилъ по сараю, пока не вытащилъ за плечи изъ-подъ рядна дрожащую, блѣдную Полю и съ гиканьемъ поволокъ плѣнницу во дворъ.

— Бачъ, яка краля!—и, подмигнувъ, сочно расхохотался.

— Въ участокъ ее, дрянъ! Обворовать пришла?.. Лошадей моихъ высмотрѣть?.. поджечь?..—не унимался Русъ, комкалъ слова и лѣзъ къ ней съ кулаками:—убью, негодяйка!

Ничего не могла сказать Поля,—издавала какіе-то непонятные звуки и всхлипывала.

Но вдругъ откинулась назадъ; что-то пристушило у нея къ горлу, потемнѣло, закружилось передъ глазами, зазвенѣло въ ухахъ, и она, какъ подрѣзанный колосъ, упала въ снѣгъ къ ногамъ Руса, все еще продолжавшаго кричать и махать руками.

— Злякалась дивчина...—примирительно замѣтилъ кучеръ:—хиба такъ можно!..

— А вотъ я ее снѣгомъ по мордвороту...

— Нѣтъ, баринъ, такъ не тае!.. неровень часъ, сами знаете...—остановилъ его дворникъ Ѳедоръ.

— Да какъ ты смѣешь, мерзавецъ!..—взвигнулъ Русъ, но тутъ же и осѣкся, такъ какъ увидѣлъ неподвижное, безжизненное лицо Поли съ открытымъ, помертвѣвшимъ ртомъ и убѣдился, что это не шутка.

«А если умерла, гадина этакая?..»—мелькнуло у него въ мысляхъ.

Это дало имъ неожиданный оборотъ, и онъ подтянулся.

— Ну, чортъ съ ней... Прощаю... шлюха! Приходи, Ѳедька, за ея паспортомъ... Ну ее къ лѣшему! Не желаю связываться зря.

Беззаботно расхохотавшись, повернулся и зашагалъ домой.

— Варинъ, а коли дуба дастъ?—нерѣшительно спросилъ Ѳедоръ, подбѣгая къ нему.

— Дуракъ! На то ты и дворникъ. Кто тебя просилъ ее толкать. Дѣвка—сырая... Ты думаешь, я не покажу на судѣ? Дудки! Въ тюрьму тебя унеку. Всѣ вы—олухи.

Ѳедоръ смѣрилъ его злыми глазами.

— Ладно, а я нешто тоже не скажу? Держи карманъ шире!..—только и отвѣтилъ онъ, но очень нерѣшительно, и погрозилъ кулакомъ куда-то въ пространство.

Кучера уже не было. Несмотря на свою громоздкость, онъ ловко умѣлъ ускользать, если это представлялось ему почему-либо необходимымъ или выгоднымъ.

«Весь въ пана!» подумалъ на его счетъ дворникъ и плюнулъ.

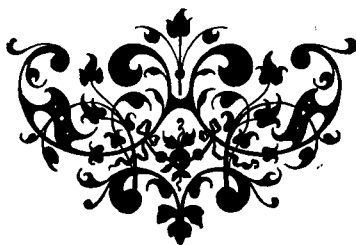

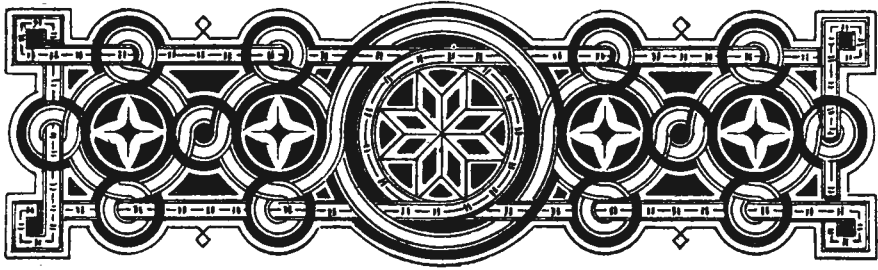
Перенесенная въ квартиру Линды, Поля наконецъ очнулась и черезъ какой-нибудь часъ, сытая и счастливая, хотя блѣдная, со слѣдами пережитыхъ волненій, уже рассказывала возмущенной Софьѣ Петровнѣ и заплаканной Катюшѣ о своихъ недавнихъ горестяхъ и обидахъ.

Внизу Христина Русь съ особенной настойчивостью отбивала вальсъ «Сфинксъ», неизмѣнно повторяя прежнія ошибки.

Страница ея жизни снова перечитывалась съ того же мѣста, что и вчера...

В. Уманозъ-Каплуновскій.

ПОКУШЕНИЕ НА ПОБѢДѢ.

РОСМАТРИВАЯ какъ-то бумаги моего покойнаго отца И. Д. Путилина, перваго начальника петербургской сыскной полиціи со дня ея учрежденія въ 1866 г., я нашелъ небольшую записную книжку, гдѣ его рукой мелкимъ, крайне неразборчивымъ почеркомъ, занесенъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ, воскресившихъ въ моей памяти знакомые образы и обстановку цѣлаго ряда преступныхъ дѣлъ, типичныхъ по замыслу и выполненію, другихъ — по приѣмамъ раскрытія преступленій, не отмѣченныхъ до сего времени въ печати.

Одна изъ его замѣтокъ раскрываетъ драму семейнаго разлада тайнаго совѣтника Н. И. Т—ва, занимавшаго въ восьмидесятыхъ годахъ видный служебный постъ въ столицѣ.

Покушеніе на жизнь этого дѣятеля было произведено при исключительной обстановкѣ и при томъ на моихъ глазахъ, почему всѣ его детали ярко запечатлѣлись въ моей памяти.

Двадцатипятилѣтняя давность позволяетъ теперь поднять завѣсу въ этомъ дѣлѣ, не называя настоящей фамиліи объекта преступленія, сошедшаго съ жизненнаго пути лишь нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

.....

I.

Въ богато обставленномъ кабинетѣ за орѣховымъ письменнымъ столомъ, сидѣль, углубясь въ чтеніе бумагъ, Иванъ Васильевичъ Карасевъ, управляющій удѣльными имѣніями въ Астраханской губерніи.

Вошелъ курьеръ и на подносѣ передалъ только что полученное съ вечерней почтой письмо со штемпелемъ изъ Петербурга.

Иванъ Васильевичъ нервно разорвалъ конвертъ съ хорошо знакомымъ ему женскимъ почеркомъ. По мѣрѣ чтенія письма выраженіе красиваго лица управляющаго становилось все мрачнѣе и мрачнѣе.

«Сегодня ровно три мѣсяца,—читалъ Карасевъ:—какъ мы съ тобой разстались, мой горячо любимый другъ Ваня!.. Я думала, что скоро справлюсь со своимъ чувствомъ и подавлю въ себѣ порывы угасающей молодости... Увы!—въ этомъ я глубоко ошиблась!.. и убѣдилась, какъ невѣрна пословица: «съ глазъ долой—изъ сердца прочь?» Ты не можешь себѣ представить, какъ стало мнѣ тяжело и невыносимо жить въ послѣднее время; прежде хоть мимолетныя свиданія съ тобой, твои ласки и горячая привязанность поддерживали во мнѣ вѣру и надежду на лучшее будущее... Но вотъ осталась я одна, бокъ-о-бокъ съ человѣкомъ-извергомъ, ставшимъ мнѣ, какъ ты знаешь, ненавистнымъ съ перваго же года нашей свадьбы, и тутъ вся жизненная энергія во мнѣ сразу погасла... Зачѣмъ дольше жить, на что еще впереди надѣяться?.. Кругомъ мертво... пусто... Николай Ивановичъ, какъ человѣкъ умный, отлично понимаетъ, насколько его жизнь отравляетъ мою, и мститъ мнѣ методически на каждомъ шагу. Его постоянныя придирки, двусмысленные намеки на наши съ тобой отношенія и насмѣшки надъ каждымъ моимъ словомъ, жестомъ—дошли до апогея... «Я знаю,—съ кривой усмѣшкой сказалъ онъ мнѣ какъ-то на дняхъ, не стѣняясь присутствія сына: — вы все мечтаете о разводѣ и раѣ съ любимымъ человѣкомъ... но, помните, никогда, никогда я развода вамъ не дамъ... Ваша свобода—когда вы овдовѣете; десятокъ-другой лѣтъ надо еще подождать, я надѣюсь пожить; а потомъ, когда сами сдѣлаетесь старымъ, морщинистымъ грибомъ,—падайте въ объятія гашего Адониса!.. вѣдь старая любовь, говорятъ, не ржавѣетъ!..» Ужасно выносить такую пытку: раздвини, убей, но не мучь такъ жестоко почти каждый день. Дѣти наши всецѣло на моей сторонѣ: они никогда не видятъ отъ него ни ласки, ни добраго слова. Вчера я видѣла сонъ: вагонъ, въ которомъ возвращался изъ имѣнія Николай Ивановичъ, упалъ съ высокой насыпи и разбился вдребезги; въ это утро я проснулась въ счастливомъ настроеніи.—Настя, баринъ вернулся?—«Нѣтъ, его превосходительство еще не пріѣхали»... Боже!—подумала я:—не-

ужели само Провидѣніе, къ моему счастью, разрубило Гордіевъ узелъ! Увы, мечты скоро разсѣялись: послышался въ передней звонокъ, подали открытое письмо отъ мужа: «дѣла по хозяйству задержали, выѣду чрезъ недѣлю, съ пятницы на субботу». Вотъ что я прочла, невольно содрогаясь отъ ужаса разбитой иллюзіи. Прощай мечты и надежды!.. Опять чрезъ семь дней возобновится для меня прежняя пытка! Нѣтъ, тысячу разъ нѣтъ, я не могу больше терпѣть и ждать, ждать безъ всякой надежды на избавленіе... Лучше каторга, чѣмъ эта агонія, продолжающаяся и такъ болѣе десяти лѣтъ. О, если бы ты могъ заглянуть въ мою душу, то содрогнулся бы отъ той рѣшимости, которая у меня созрѣла; двоимъ намъ не жить на свѣтѣ, кто-нибудь долженъ уступить дорогу!.. онъ или я!.. До свиданія, скорѣе прощай, мой дорогой Ваня, пожалѣй твою несчастную Варю. В. Т.».

Въ сосѣдней комнатѣ, столовой, пробило десять часовъ.

Бой часовъ вывелъ Ивана Васильевича изъ глубокой задумчивости.

— Да, выхода другого нѣтъ!.. Варя для меня и нашей дѣвочки должна жить!.. Надо поспѣшить отдѣлаться отъ этой гадны, — глухо проговорилъ Карасевъ, порывисто отодвигая отъ стола кресло.

Подойдя къ боковому столу, Иванъ Васильевичъ залпомъ выпилъ два стакана холодной воды и, пройдясь нѣсколько разъ по кабинету, вновь присѣлъ къ письменному столу и углубился въ составленіе письма.

Нервное подергиваніе мускуловъ лица и капли холодного пота, выступившія на лбу, свидѣтельствовали о сильной душевной борьбѣ автора письма.

— Снеси это письмо немедленно въ почтовый ящикъ, — приказалъ Карасевъ вошедшему на звонокъ курьеру.

На конвертѣ крупнымъ, рѣшительнымъ почеркомъ былъ написанъ адресъ: «Петербургъ, Моховая, 6. Инженеръ-технологу Антону Антоновичу Шиманскому».

— Рубиконъ перейденъ... или пропасть!.. — тихо проговорилъ Иванъ Васильевичъ, какъ только слуга затворилъ за собой дверь кабинета.

II.

— Если ты не очень занятъ своими лекціями, то завтра утромъ поѣдешь со мною на станцію Бо—гое, предстоитъ интересное дѣло; лично ты миѣ нуженъ для обстановки; замѣшано лицо, о которомъ ты, конечно, много слышалъ... Случай далеко не легкій: малѣйшая оплошность можетъ повлечь за собой роковой для насъ исходъ... Такъ, подумай!.. ѣдешь или нѣтъ?

Такими словами встрѣтилъ меня отецъ, когда я вернулся домой съ лекціи изъ института инженеровъ путей сообщенія.

— Да, конечно, ѣду!—поспѣшилъ я дать согласіе, соображая, что наука не волкъ, въ дѣбъ не убѣжитъ, а тутъ живое дѣло, пожалуй, еще ночное нападеніе бандитовъ, въ маскахъ... Нѣтъ, такого интереснаго случая нельзя пропустить.

— Долго продлится наше отсутствіе?

— Сутки,—коротко отрѣзалъ отецъ.

— Что собственно предстоитъ намъ дѣлать? Какую роль я долженъ играть, кто съ нами еще поѣдетъ?—закидалъ я вопросами отца, ходившаго крупными шагами вдоль моей комнаты.

— По дорогѣ въ вагонъ ты обо всемъ узнаешь, а теперь никому не болтай о нашей завтрашней поѣздкѣ,—и, съ этими словами отецъ, круто повернувшись, вышелъ изъ моей комнаты. Плохо спалось мнѣ въ эту ночь...

III.

Проѣхали станцію Колпино, а отъ отца ни слова разъясненія мотива нашей поѣздки.

— Можетъ быть, мы ѣдемъ только до Волхова, въ Оснечки (наше имѣніе на рѣкѣ Волховѣ)?—попробовалъ я навести отца на разговоръ.

— Дальше,—получилъ я лаконическій отвѣтъ. И вотъ когда я потерялъ уже надежду узнать что-нибудь въ дорогѣ и сталъ слегка придремывать, подъ вліяніемъ безсонной ночи и дорожной качки, я услышалъ надъ самымъ моимъ ухомъ голосъ отца:

— Мы доѣдемъ чрезъ два часа до станціи Бо—гое; слушай же внимательно!—цѣль этой поѣздки—предупредить покушеніе на жизнь Тургасова, мало того, товарищъ министра поручилъ мнѣ создать такую обстановку, при которой Николай Ивановичъ не могъ бы подозрѣвать, какая катастрофа ожидаетъ его въ дорогѣ, на поѣздѣ.

— Странно, зачѣмъ такая таинственность?

— Не знаю, вѣроятно, замѣшаны личныя отношенія, а, можетъ быть, щадятъ слабое, больное сердце Николая Ивановича...

— Но не въ этомъ дѣло, важно выполнить то, чего отъ насъ требуютъ, а потому не перебивай праздными вопросами,—строгимъ тономъ замѣтилъ отецъ.—Само собою разумѣется, если на станціи встрѣтится со мной Николай Ивановичъ, у него сейчасъ зародится подозрѣніе...

— Значить, нуженъ отводъ?

— Да...

— Я и Ольга Семеновна (моя мачеха, ѣхавшая также съ нами) должны сыграть какую-нибудь роль, чтобы разсѣять подозрѣніе Тургасова? Не такъ ли!..

— Да, ты угадалъ...

— Но я на артистическомъ поприщѣ еще никогда не подвизался!..

— Не боги горшки обжигаютъ, да и роль для тебя пустая,— сухо замѣтилъ отецъ, видимо, недовольный моимъ сомнѣніемъ.

— Конечно, я постараюсь оправдать твои надежды...

— Въ этомъ я не сомнѣваюсь, иначе обошелся бы безъ тебя.

— Въ сорока пяти верстахъ отъ станціи находится имѣніе полковника Варнавина,—продолжалъ отецъ послѣ небольшой паузы:— этимъ лѣтомъ у него гостила племянница, только что окончившая Смольный институтъ...

— Ну, а мнѣ-то до всего этого какое дѣло?—не вытерпѣлъ я.

— Не перебивай, слушай дальше?.. Ты, находясь лѣтомъ на техническихъ работахъ на рѣкѣ Вишеркѣ, около станціи Малая Вишера, познакомился съ племянницей Варнавина Надей и...

— Влюбился въ нее по уши... Такъ вѣдь...

— Она также отвѣтила на твое чувство, ты сдѣлалъ недѣлю тому назадъ предложеніе, вызвавъ меня телеграммой на обрученіе, которое и состоялось сегодня днемъ.

— Значитъ, вы прикатили сюда, чтобы благословить «влюбленныхъ дѣтей!»... Весьма трогательно... но повѣрить ли всей этой баснѣ Тургасовъ?.. Вотъ въ чемъ я весьма сомнѣваюсь!..

— Надо, чтобы онъ повѣрилъ; приложимъ всѣ старанія и все искусство, а иначе...

— Мы рискуемъ?..

— Дурака сыграть!—перебилъ меня отецъ.—Осложнить и на половину испортить дѣло, для котораго мы сюда пріѣхали.

— На станціи мы встрѣтимся съ Николаемъ Ивановичемъ, онъ, очевидно, будетъ спѣшить къ двѣнадцатичасовому поѣзду; встрѣча наша должна быть совершенно неожиданный... Твоя задача обратить его вниманіе на себя и тѣмъ отвлечь его подозрѣніе на мой счетъ. Ольга Семеновна также постарается отвлечь его вниманіе отъ дѣловыхъ соображеній и догадокъ не въ пользу нашу. Я думаю,—продолжалъ отецъ:—наша бесѣда на станціи не затянется болѣе, чѣмъ на полчаса; подойдетъ московскій поѣздъ, и мы разсядемся по вагонамъ; Тургасовъ поѣдетъ, по обыкновенію, въ первомъ классѣ, ты и Ольга Семеновна во второмъ...

— А ты?..—прервалъ я отца.

— Смотря по обстоятельствамъ. Николай Ивановичъ не долженъ замѣтить, что я его охраняю въ дорогѣ.

— Дальше, дальше!..

— На одной изъ промежуточныхъ станцій войдетъ въ первый классъ одно лицо, которое...

Отецъ сдѣлалъ паузу. На самомъ интересномъ мѣстѣ.

— Ну, ради Бога, договаривай до конца...

Иванъ Дмитріевичъ Путилинъ.

— Изволь... если мы своевременно не примемъ мѣръ, то Николай Ивановичъ не дождеть до столицы живымъ, да и намъ, пожалуй, не сдобровать!..

— Съ нами ѣдутъ агенты?

— Двое: Руткевичъ и Сѣренко...

— Что же собственно можетъ произойти въ вагонѣ?— недоумѣвалъ я.

— А вотъ прочти это письмо, переданное мнѣ товарищемъ министра,—ты тогда уловишь нити...

Съ этими словами отецъ передалъ мнѣ обугленное, съ обгорѣлыми концами письмо; съ большимъ трудомъ я могъ разобрать его содержаніе:

«Милостивый Государь

Антонъ Антонович!

«Въ ночь съ пятницы на субботу, 30-го сентября, выѣзжаетъ со станціи Бо—гое въ Петербургъ изъ своего имѣнія Н. И. Представляется весьма удобный случай отдѣлаться разъ навсегда, вамъ отъ заклятаго врага вашей политической партіи, немало погубившаго ея горячихъ адептовъ (Машурину, Колобова, Глѣбова и др), а мнѣ—отъ ненавистнаго человѣка, ставшаго на дорогѣ къ личному счастью... Помните нашъ послѣдній разговоръ у Палкина, передъ самымъ моимъ отъѣздомъ: «я вамъ обязанъ своею свободою и готовъ всегда на какую угодно для васъ услугу, даже пойду на преступленія, конечно, идейнаго характера». Таковы были ваши заключительныя слова... не правда ли?.. И вотъ часъ насталъ, услуга за услугу, и мы съ вами не только будемъ квиты, но я останусь въ долгу предъ вами на цѣлую мою жизнь. Перейдите же отъ словъ къ дѣлу. Книжаль, ядъ, пироксилинь... въ формѣ небольшой бомбочки, выбирайте, по вашему усмотрѣнію; окраска, конечно, политическая. Завтра перевозю на ваше имя чрезъ учетный банкъ 5.000 рублей, для переѣзда вашего въ Америку, хотя бы на время, въ случаѣ удачи, въ которой я не сомнѣваюсь, зная вашу рѣшимость и твердость воли. Вашъ К. Р. S. Письмо сожгите»,

— Какъ это письмо уцѣлѣло? Вѣдь оно было въ печкѣ... частью ужъ обгорѣло... Право, для меня это загадка?..

— Однако все случилось очень просто,—замѣтилъ отецъ.—Сам собою разумѣется, Шиманскій, по прочтеніи письма, бросилъ его въ печь, но само письмо по легкости осталось по близости дверецъ...

— Но кто же могъ его откуда вынуть?..

— Очевидно, прислуга—кухарка Марья.

— Ничего не понимаю!..

— Я считалъ тебя болѣе догадливымъ,—недовольнымъ тономъ проговорилъ отецъ. — Устроилось это такъ: моментъ вспышки

письма былъ предупрежденъ появленіемъ въ кабинетѣ Марьи съ кочергой въ рукахъ... Сырыя дрова плохо горятъ, естественно, надо помѣшать дрова въ печкѣ... Кажется, теперь понятно?..

— Да, теперь мнѣ ясно: Марья—шпіонила!.. Она, слѣдовательно, состояла на службѣ у охраннаго отдѣленія... Не такъ ли?..

— Шиманскій принадлежалъ къ партіи социаль-демократовъ, и за нимъ былъ учрежденъ надзоръ,—пояснилъ мнѣ отецъ.

— Прекрасно,—замѣтилъ я:—гдѣ же подтвержденіе о готовности Шиманскаго на преступленіе?

— Въ дальнѣйшемъ поведеніи инженера, — сухо замѣтилъ отецъ.—Послѣ полученія инкриминируемаго письма Шиманскій съ лихорадочной поспѣшностью по цѣлымъ днямъ занимался химическими опытами, покупая бертолетову соль, азотную кислоту и другія вещества, входящія въ составъ взрывчатыхъ снарядовъ; далѣе, три дня тому назадъ Шиманскій купилъ небольшой, желтаго цвѣта, ручной саквояжъ, и прислуга видѣла въ замочную щель, какъ инженеръ положилъ туда какой-то круглый предметъ, величиною съ апельсинъ, отъ котораго шли желтые шнуры... послѣ чего заперъ саквояжъ на ключъ...

— Почему же Шиманскаго не арестовали... чего же еще было ждать?..

— Промахнулись! — съ досадою въ голосѣ отвѣтилъ отецъ.

— Какъ, какимъ образомъ?..

— Третьяго дня Шиманскій ушелъ въ десять часовъ утра изъ дома, сказавъ, что возвратится не раньше двухъ часовъ; какъ только онъ вышелъ изъ подъѣзда, за нимъ сталъ слѣдить агентъ; на углу Михайловскаго и Невскаго подошелъ къ агенту его товарищъ по службѣ и довольно громко сказалъ: «Это онъ—Шиманскій». Последній, повидимому, услышавъ сзади свою фамилію, догадался, что за нимъ слѣдятъ по пятамъ... вотъ тутъ-то онъ и выкинулъ фортель!..

— Какой? Эго крайне интересно!..

— Зайдя въ магазинъ Чуркина, онъ вышелъ оттуда въ новой поярковой шляпѣ, оставивъ котелокъ свой въ лавкѣ...

— Хитрость довольно прозрачная...

— Слушай дальше... Отъ Чуркина Шиманскій прямо пошелъ въ булочную Филиппова и здѣсь, просидѣвъ съ полчаса за стаканомъ кофе, онъ внезапно всталъ съ мѣста, оставивъ на столѣ свою шляпу, и направился въ кабинетъ уединенія...

— И больше не вернулся къ столику?

— Да, очевидно, Шиманскій чрезъ проходной дворъ вышелъ на Владимирскую улицу, тогда какъ его стерегли у выходовъ на Невскій и Троицкій переулочки и въ самой булочной.

— Ловко надуть, но вѣдь онъ вышелъ съ голой головой. Какъ это-то не замѣтили?

— Нѣтъ, онъ вышелъ въ фуражкѣ, иначе его бы не пропустилъ дворникъ, дежурившій у воротъ.

— Фуражка? Да откуда же она у него взялась? Неужели въ самой булочной Шиманскій на ходу ее стибрилъ?..

— Нѣтъ, все это много проще случилось: Шиманскій, какъ оказалось впоследствии, купилъ у Чуркина вмѣстѣ съ поярковой шляпой еще шелковую дорожную фуражку и послѣднюю спряталъ на всякій, очевидно, случай, въ карманъ... Этотъ случай скоро и представился...

— А саквояжъ?

— Увы! и онъ исчезъ съ содержимымъ.

— Шиманскій изъ булочной на лихачѣ заѣхалъ на свою квартиру и, отперевъ своимъ ключомъ дверь, прошелъ въ кабинетъ, гдѣ, забравъ свой саквояжъ, не тронулъ ничего изъ другихъ вещей...

— И скрылся?.. Митькой звали!..

— Да, скрылся безслѣдно, никакіе розыски не могли обнаружить его настоящее мѣстопробываніе.

— А гдѣ же была кухарка Марья?

— Ушла въ отдѣленіе съ докладомъ о поведеніи ея питомца!.. — насмѣшливо досказалъ отецъ.

— Ты думаешь, Шиманскій сядетъ въ вагонъ на станціи Б—гое?

— Скорѣе на одной изъ промежуточныхъ станцій... До Петербурга ихъ немало!

— Неужели Шиманскій рѣшится пожертвовать и своею жизнью: взрывомъ снаряда онъ самъ легко можетъ быть убитъ или, въ лучшемъ случаѣ, тяжело раненъ?.. Вотъ почему я думаю, что онъ скорѣе прибѣгнетъ къ удару кинжала...

— Ты забываешь, что моментъ взрыва можно разсчитать довольно точно, если снарядъ будетъ снабженъ часовымъ механизмомъ; я ни минуты не сомнѣваюсь въ предусмотрительности Шиманскаго; конечно, онъ не будетъ ставить свою жизнь на карту! Положить снарядъ и спрыгнуть съ поѣзда за нѣсколько минутъ до взрыва— вотъ планъ злоумышленника!.. Хотя а ргіогі нельзя этого утверждать—возможны варіаціи: пистолетный выстрѣлъ, ударъ кинжала... все въ его распоряженіи... Я объ этомъ думалъ...

— И нашель средства предупредить?..

— Да...—коротко замѣтилъ отецъ, давая, по тону, понять объ окончаніи разговора.

Впереди замелькали станціонные огоньки; раздался протяжный свистокъ, и поѣздъ медленно подошелъ къ дебаркадеру.

Мы вышли на станцію Бо—гое. «Здѣсь должна разыгратъ комедія, не дай Богъ, чтобы конецъ ея былъ трагическій»,—невольно подумалъ я.

На станціи было пусто; до прихода московскаго поѣзда оставалось болѣе трехъ часовъ времени. Кромѣ насъ, поодаль, за отдѣль-

нымъ столикомъ, спиною къ намъ, сидѣли какіе-то два индивидуума, на которыхъ я не обратилъ вниманія, занявшись пожарной котлетой,

Подали чай; отецъ, выпивъ полстакана, какъ-то внезапно всталъ со стула и направился къ двери; тотчасъ же отодвинулись стулья отъ сосѣдняго стола, и два незнакомца направились, не спѣша, по слѣдамъ отца.

— Ба, да это вѣдь Руткевичъ, а за нимъ агентъ Сѣренко,—не правда ли, Ольга Семеновна?

Та молча кивнула головой.

На Руткевичѣ былъ одѣтъ щегольской охотничій костюмъ, на головѣ красовалась поярковая шляпа съ синимъ перомъ, этотъ костюмъ весьма шель къ тонкому профилю его лица, окаймленнаго роскошной, старательно расчесанной черной бородою. Никто бы не могъ заподозрѣть въ этомъ баринѣ-охотникѣ—чиновника сыскной полиціи.

Я понялъ, что отецъ вышелъ для разработки плана предстоящей «кампаніи» и распредѣленія ролей между его помощниками, и мнѣ не слѣдовало мѣшать.

Прошелъ добрый часъ времени, пока, наконецъ, не вернулся къ намъ отецъ.

По его озабоченному виду можно было судить о той тяжелой мыслительной работѣ, которая припала на его долю за этотъ небольшой промежутокъ времени.

Время тянулось безконечно долго.

Однако, по мѣрѣ движенія впередъ часовой стрѣлки на большихъ станціонныхъ часахъ, мною стало овладѣвать все больше и больше какое-то смутное безпокойство за нашу участь.

«А что, если на поѣздъ мы взлетимъ на воздухъ?» задавалъ себѣ я тысячу разъ этотъ вопросъ, содрогаясь отъ ужаса.

Крѣпился, крѣпился, но въ концѣ концовъ не выдержалъ и сообщилъ свои опасенія отцу.

— Если ты такъ трусишь, то поѣзжай-ка лучше на второмъ поѣздѣ, пріѣдешь только на шесть часовъ поздиѣ... Вотъ Ольга Семеновна не соглашается послѣдовать голосу благоразумія, а лучше бы, вмѣстѣ бы вы и поѣхали...

Послѣ этихъ словъ отца мнѣ стало какъ-то обидно за свое малодушіе...

— Нисколько я не трушу!.. И, конечно, не останусь до второго поѣзда... Я только такъ, отъ нечего дѣлать, высказалъ, полусути, свои соображенія, а ты понялъ ихъ всерьезъ, поспѣшилъ я завѣрить отца и съ этого момента пересталъ думать объ опасности, видя на лицѣ отца полное спокойствіе и увѣренность въ себѣ.

— Папа, сорокъ пять минутъ осталось до поѣзда, а Николая Ивановича все нѣтъ...

— Слышишь?..

— Да.

Я уловилъ шумъ быстро ѣдущаго къ станціи экипажа.

«Онъ или не онъ», подумалъ я, не спуская глазъ отъ двери.

Легкій толчокъ подъ столомъ заставилъ меня переѣмнить позу, обернуться спиной къ двери. Я почувствовалъ на себѣ стальной взглядъ отца.

Дорожный тарантасъ подкатилъ къ подъѣзду. Я взглянулъ на отца... О, Боже, какая переѣмна: вмѣсто холоднаго взгляда умныхъ сѣрыхъ глазъ на меня глядѣли веселые, добрые глаза добродушнаго буржуа, рассказывающаго что-то очень веселое своей собесѣдницѣ...

«Итакъ, комедія началась, и мнѣ пора вспомнить мою роль», невольно подумалъ я.

— А, Иванъ Дмитриевичъ, вы здѣсь? Вотъ не ожидалъ. Конечно, по служебной надобности. Ну, ну, рассказывайте скорѣе... все это меня очень интересуетъ!..

Всю эту тираду проговорилъ средняго роста господинъ съ желтымъ лицомъ, цѣлуя руку Ольги Семеновны и здороваясь съ отцомъ, какъ со старымъ знакомымъ!..

— Нѣтъ, ваше превосходительство, вы не угадали: я здѣсь по личному, семейному дѣлу...

— Ну, полноте... такъ я вамъ и повѣрилъ!..—запротестовалъ Николай Ивановичъ, садясь рядомъ съ Ольгой Семеновной.

— Въ столицѣ нашей случилось кровавое, загадочное преступленіе, и самъ шефъ полиціи прибылъ инкогнито въ Богородское для поимки убійцы!.. Правда, что-нибудь въ этомъ стилѣ, я вѣдь въ деревнѣ газетъ не читаю...—не унимался Т—въ.—Конечно, уже попали на вѣрный слѣдъ?..

— Больше, больше, Николай Ивановичъ!

— Схватили?..

— Да, преступникъ налицо, пойманъ и не запирается!—шутливымъ тономъ всгавилъ слово отецъ.

— Да вы не шутите,—гдѣ же онъ?...—въ рукахъ жандармовъ?.. молодъ?.. изъ какого сословія?..

— Нѣтъ, онъ пока на свободѣ—сидитъ противъ васъ...

— Какъ, этотъ молодой человекъ?..

Взглядъ холодныхъ глазъ со вниманіемъ остановился на мнѣ.

— Онъ самый... Позвольте вашему превосходительству представить: мой старшій сынъ Константинъ, студентъ института инженеровъ путей сообщенія.

— А... а!..—протянулъ Т—въ, какъ-то нерѣшительно протягивая мнѣ руку.

— Надѣюсь, преступленіе не очень тяжелое?... вѣроятно, на политической почвѣ?.. не такъ ли?—обратился статскій генералъ ко мнѣ съ вопросомъ.

— Жениться собрался, не кончивъ курса въ институтѣ...—отвѣтилъ за меня отецъ и сталъ подробно, съ присущимъ ему талантомъ образно рассказывать исторію моего увлеченія, вызовъ его телеграммой сюда и состоявшееся сегодня обрученіе...

«Чортъ возьми!.. Кольца-то я не надѣлъ, вдругъ Т—въ обратитъ на это вниманіе!.. вотъ такъ промахъ...» подумалъ я, пряча правую руку подъ столъ.

— Такъ вы, дѣйствительно, по личному дѣлу сюда пріѣхали,—разочарованнымъ тономъ проговорилъ Т—въ, выслушавъ съ разсѣяннымъ видомъ эту «небылицу въ лицахъ».

— Не хочу учиться, а хочу жениться!.. рано, очень рано... молодой человѣкъ!..

— Я то же самое ему говорилъ!..—въ этомъ же тонѣ замѣтилъ отецъ.

— Въ институтѣ порядочно женатыхъ студентовъ, и всѣ они занимаются весьма прилежно, да и Надя, моя невѣста, такая прелестная и къ тому же благоразумная дѣвушка, что никогда не станетъ помѣхой миѣ на пути къ высшему образованію!—не безъ пафоса произнесъ я свою реплику.

Отецъ, въ знакъ одобренія, прищурилъ лѣвый глазъ, примѣта давно миѣ знакомая.

— Гадательныя, романическія идеи...—и съ этими словами Т—въ повернулъ голову къ Ольгѣ Семеновнѣ, и между ними завязался разговоръ о хозяйствѣ; видимо, моя особа перестала его интересовать, чему, конечно, я былъ очень радъ.

Подали ужинъ, отецъ рассказалъ нѣсколько петербургскихъ новостей, время шло незамѣтно въ веселой болтовнѣ.

Мало по-малу и Николай Ивановичъ оживился; выраженіе глазъ перемѣнилось, взглядъ сталъ болѣе добродушнымъ и довѣрчивымъ, по крайней мѣрѣ такъ миѣ казалось, по наблюденіямъ за его лицомъ.

Я взглянулъ на часовую стрѣлку, до поѣзда оставалось пятнадцать минутъ.

Слава Богу!—звонокъ, поѣздъ вышелъ съ ближайшей станціи.

— Однако пора и садиться, ужъ и поѣздъ подходитъ,—заторопился Т—въ. А вы, Иванъ Дмитріевичъ?..

— Я тоже съ семьею ѣду на этомъ поѣздѣ.

— Ну, и прекрасно... въ вагонѣ еще поговоримъ...

— Вы въ вагонѣ спите, Николай Ивановичъ?

— Всегда прекрасно высыпаюсь!.. я ѣзжу съ этимъ поѣздомъ много лѣтъ подъ рядъ и постоянно удачно: публики въ первомъ классѣ мало, никто не мѣшаетъ спать.

У вагона перваго класса мы распрощались; отецъ пошелъ проводить Николая Ивановича до его купе.

На подножкѣ вагона стоялъ бравый кондукторъ; лицо его показалось мнѣ весьма знакомымъ...

Какъ это я сразу не узналъ», подумалъ я, когда кондукторъ-агентъ Сѣренко подмигнулъ мнѣ глазомъ.

Я съ Ольгой Семеновной помѣстились въ сосѣднемъ ближайшемъ вагонѣ второго класса; скоро присоединился къ намъ и отецъ; видимо, его что-то сильно беспокоило.

— Ты видѣлъ Сѣренко?

— Да.

— Незамѣтно, знакомъ, вызови его и передай ему о необходимости удалить во второй вагонъ первого класса даму съ двумя дочерьми-подростками...

— Но подъ какимъ предлогомъ?

— Пусть скажетъ, что на этой станціи сѣлъ съ ними рядомъ господинъ психически-больной, съ буйными порывами... почему, ради ихъ же спокойствія, предлагается перейти въ слѣдующій вагонъ того же класса, тоже почти пустой,—я сейчасъ лично осматривалъ.

— Успѣю ли я?..

— Поѣздъ простоятъ еще десять минутъ...—усиѣешь; только поспѣши!..

Безъ особеннаго труда я выполнилъ порученіе отца. Прошло минутъ пять; кто-то слегка стукнулъ въ окно вагона.

Я вышелъ.

— Скажите начальнику, что все улажено: дама съ дѣтьми переведена въ другой вагонъ.

— А кто, Сѣренко, еще остался въ вагонѣ?

— Старый гвардейскій полковникъ, спитъ, какъ мертвый, и охотникъ...

— Руткевичъ?

— Да, да... вообще, ничего подозрительнаго еще нѣтъ, я прешелъ по всему поѣзду... такъ и передайте начальнику.

— А Т—овъ?

— Улегея спать, даже снялъ сапоги... не велѣлъ запереть дверей у купе...—душно ужъ очень, говорить... намъ это на руку... истопникъ хорошо получилъ на чай!—и постарался на совѣсть.

— А Руткевичъ гдѣ?

— Рядомъ въ купе...

— А вы?

— Кондукторское отдѣленіе въ десяти шагахъ отъ купе Т—ва.

— Не прозѣваемъ!—самоувѣренно докончилъ шопотомъ Сѣренко, поспѣвая къ своему вагону. Да и пора была,—поѣздъ ужъ тронулся.

Какъ только я занялъ свое мѣсто, немедленно передалъ шопотомъ отцу весь мой разговоръ съ агентомъ.

— Это хорошо!—одобрилъ онъ.

Каждый изъ насъ углубился въ свои думы; о снѣ, конечно, и въ голову не приходило. Настроеніе было у меня приподнятое; отецъ съ виду казался совершенно спокойнымъ.

Поѣздъ замедлилъ ходъ: приближались къ станціи.

Не ожидая остановки, я на ходу прыгнулъ на перронъ.

— Такъ можешь легко ногу сломать,—услышаль я сзади строгое замѣчаніе отца, стоявшаго на подножкѣ и выжидающаго полной остановки.

Прошелъ разъ, два... десять вдоль платформы, зорко всматриваясь въ спѣшащихъ въ вагоны—все больше простонародье, ни одного пассажира ни въ первый, ни во второй классы; спѣшу по третьему звонку въ свой вагонъ, удовлетворенный результатами осмотра, по пути едва не сбивъ съ ногъ отца, идущаго съ другого конца перрона.

Вотъ и вторая станція; я и отецъ въ томъ же порядкѣ первыми сходимъ на перонъ и послѣдними садимся въ нашъ вагонъ.

— Однако, что же это: шесть станцій уже проѣхали отъ Бо—гое, а положеніе дѣла не измѣнилось?... Гдѣ же, наконецъ, сидитъ этотъ таинственный пассажиръ въ дорожной фуражкѣ? Не напрасно ли вся наша тревога?..

— Почему же въ дорожной фуражкѣ, а не въ поярковой круглой шляпѣ?—съ ироніею въ голосѣ замѣчаетъ отецъ.—Имѣй терпѣніе, еще станцій немало осталось!..

Начало чуть-чуть свѣтать.

Приближались къ станціи Померанье; поѣздъ здѣсь стоитъ всего двѣ или одну минуту.

По обыкновенію, соскочили съ отцомъ на станціонную площадку.

Не миражъ ли это?.. Нѣтъ, ясно вижу приближеніе человѣческой фигуры... теперь различаю форменную фуражку инженера путей сообщенія и въ рукѣ небольшой саквояжъ.

Высокая фигура незнакомца приближалась все ближе и ближе...

Пройдя вагонъ второго класса, этотъ господинъ сталъ съ осторожностью, не спѣша, подыматься на подножку вагона перваго класса.

Поѣздъ тронулся...

— Ты видѣлъ, отецъ?.. это онъ?

— Несомнѣнно, ростъ, черты лица Шиманскаго, я сейчасъ же узналъ его.

— А инженерная фуражка?

— Это новая его остроумная выдумка: послѣ катастрофы легче будетъ скрыться... Кому придетъ въ голову заподозрѣть на первыхъ порахъ инженера?..

— Ну, разговаривать теперь некогда... надо дѣйствовать... Я чрезъ буфера перейду къ дверямъ перваго класса, а ты можешь

наблюдать съ этой площадки нашего вагона... и при случаѣ помочь...

Съ этими словами отецъ перешелъ чрезъ желѣзный мостикъ въ вагонъ перваго класса, задвинувъ за собою на половину дверь, откуда былъ выходъ на буферную площадку, а затѣмъ на площадку втораго класса, гдѣ помѣстился я.

Насъ отдѣляла лишь буферная площадка, и я хорошо видѣлъ, какъ отецъ прежде всего заперъ ключомъ обѣ боковыя выходныя двери и самъ плотно прижался къ стѣнкѣ вагона въ правомъ углу.

Дальнѣйшія событія въ эту памятную для меня ночь чередовались въ такомъ порядкѣ.

Незнакомецъ, войдя въ вагонъ, прошелъ отъ начала до конца, заглядывая въ каждое кунѣ; при обратномъ слѣдованіи онъ остановился нѣсколько дольше въ дверяхъ отдѣленія, гдѣ спалъ Тур—въ и здѣсь чиркнулъ спичку, внимательно вглядываясь въ спящаго.

— Пожалуйте въ свободное кунѣ!!—проговорилъ подошедшій сзади кондукторъ, указывая на сосѣднее отдѣленіе, рядомъ съ занятымъ Руткевичемъ.

Инженеръ послѣдовалъ за кондукторомъ.

— Изволите ѣхать до С.-Петербурга?

— Да, вотъ билетъ...

— Позвольте повѣстить вашъ саквояжъ,—услужливо предложилъ кондукторъ, протягивая руку за вещью.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. оставьте, не троньте!..—съ замѣшательствомъ запротестовалъ пассажиръ, отстраняя жестомъ руку кондуктора.

— Скажите, кондукторъ, вамъ неизвѣстенъ господинъ, спящій въ первомъ отъ входа кунѣ?.. лицо мнѣ его что-то знакомое... Кажется, это подрядчикъ... Шлыковъ, ставившій мнѣ въ прошломъ году на дорогу шпалы...

— Никакъ-съ нѣтъ, этотъ господинъ владѣлецъ имѣнія близъ станціи Бологое, откуда они и ѣдутъ; фамилія, генерала, кажется... Тургасовъ.

— Скажите, какое сходство!.. Вы больше мнѣ не нужны, разбудите меня, когда будемъ подъѣзжать къ столицѣ,—и съ этими словами пассажиръ задвинулъ входную дверь у кунѣ, передъ носомъ кондуктора.

Кондукторъ, однако, не спѣшилъ отойти отъ двери и, напротивъ, плотнѣе прижался къ ней, приложивъ ухо къ замочной скважинѣ; минутой спустя онъ явственно услышалъ слабый звукъ пружиннаго замка.

— Мерзавецъ!.. заряжаетъ!.. прошепталъ Сѣренко, отходя отъ двери, гдѣ столкнулся съ охотникомъ.

— Это онъ?..

— Да, онъ, и при немъ адская машина, онъ, очевидно, ее теперь заряжаетъ... сейчасъ я чрезъ скважину слышалъ, какъ онъ открывалъ свой саквояжъ.

— Надо донести начальнику?..

— Не надо, онъ знаетъ и караулитъ злодѣя у выходной площадки... помни, Сѣренко, данную тебѣ инструкцію...—протворилъ паскоро Руткевичъ, отходя отъ Сѣренка, такъ какъ въ купе, занятомъ инженеромъ, что-то звякнуло, заскрипѣло.

Поѣздъ шель полнымъ ходомъ; рѣшительная минута приближалась; я впился глазами въ противоположную площадку вагона, гдѣ въ четырехъ-шести шагахъ стоялъ отецъ; сердце билось ускореннымъ темпомъ... Боже! чѣмъ все это кончится... Какъ мучительно ожиданіе, минуты кажутся часами. Что-то чувствуетъ отецъ: не покинуло ли его обычное самообладаніе... Онъ, видимо, взялъ на себя самую трудную задачу—лично задержать Шиманскаго, подвергая при этомъ свою жизнь опасности,—вихремъ пронеслись у меня эти тревожныя мысли.

Поѣздъ сталъ замедлять ходъ, —приближались къ станціи Померанье.

«Выйдетъ онъ здѣсь или проѣдетъ до слѣдующей станціи?»

Какъ бы въ отвѣтъ на мою мысль донесся легкій скрипъ отъ открывающейся двери, и на площадку стремительно вышелъ изъ вагона перваго класса—Шиманскій.

Толчокъ ногой въ дверь, ведущую на подножку вагона, второй, третій,—все безрезультатно. Видя неудачу, инженеръ сталъ бѣшено вертѣть за ручку двери—дверь не поддавалась, такъ какъ была заперта на ключъ.

— Вы саквояжъ въ вагонѣ забыли!..—донеслась до меня фраза отца, произнесенная нѣсколько въ насмѣшливомъ тонѣ.

Шиманскій быстро обернулся назадъ, при этомъ взглядъ его скользнулъ по двери на буферную площадку, которая на половину была раздвинута..

Замѣтивъ вмигъ это обстоятельство, инженеръ со страшной стремительностью бросился къ якорю спасенія, но въ тотъ моментъ, когда Шиманскій, добѣжавъ до двери, просунуть уже голову въ ея пролетъ,—вокругъ его туловища обвилились и сомкнулись двѣ сильныя руки, затормозившія дальнѣйшее его движеніе впередъ.

«Мышь попалась въ западню!» — сообразилъ я, слѣдя за борьбой.

Двѣ человѣческія фигуры сомкнулись въ одну... тяжелое прерывистое дыханіе, слабый хрустъ костей и наконецъ глухой звукъ отъ паденія чего-то тяжелаго на желѣзную площадку вагона... Оба противника, не устоявъ на ногахъ, свалились на полъ въ самомъ пролетѣ двери, касаясь головами самаго края буферной площадки, ежеминутно рискуя вылетѣть на рельсы.

Шиманскій, не обращая вниманія на эту опасность, дѣлалъ нечеловѣческія усилія сползти съ площадки, видимо, предпочитая лучше свалиться на полотно или откосъ дороги, чѣмъ оставаться на поѣздѣ, въ вагонѣ онъ ждалъ взрыва.

Въ этой ужасной борьбѣ былъ моментъ, когда я считалъ отца погибшимъ, видя, какъ онъ свѣсился за край площадки, отрывая руки Шиманскаго отъ желѣзной вертикальной стойки зонта.

Невольно вырвался у меня крикъ ужаса, и я едѣлалъ шагъ впередъ...

— Назадъ, упадешь!—услышалъ я грозный окрикъ отца.

Я остановился и тутъ сразу замѣтилъ, что отцу удалось отодвинуться отъ края буферной площадки, но въ тотъ же мигъ въ правой рукѣ Шиманскаго сверкнуло дуло револьвера...

«Убейте, убейте!.. Теперь все пропало!..» и я замеръ въ ожиданіи смертельнаго выстрѣла. Прошла секунда, другая... вѣстрѣла не послѣдовало: рука, державшая оружіе, опустилась внизъ, какъ плеть...

— Сѣренко, бросьте давить ему шею!..—иначе его задушите!..

— Прикажете вязать, господинъ начальникъ?..

— Да, но не очень усердствуйте... ему и такъ досталось отъ вашихъ медвѣжьихъ лапъ; онъ теперь въ обморокъ и намъ удобнѣе перенести его въ кондукторское отдѣленіе.

— Почему вы такъ замѣшались, Сѣренко?..

— Я помогалъ Руткевичу разрѣзать саквояжъ.

— Ну, а снарядъ?..

— Обезвреженъ, но хлопотъ съ фитилемъ и раскрытіемъ сака было много...

— Тургасовъ проснулся?..

— Никакъ нѣтъ, спятъ крѣпко, глазъ не раскрывалъ...

При помощи подошедшаго Руткевича Шиманскій былъ перенесенъ на рукахъ въ служебное отдѣленіе вагона 2-го класса.

Обморочное состояніе все еще продолжалось; лицо Шиманскаго было страшно блѣдно, даже желто; лишь слабое колебаніе грудной клѣтки указывало на искру жизни.

— Сѣренко, веревки снимите долой, принесите скорѣе воды, сердце работаетъ очень слабо... боюсь, чтобы обморокъ не затянулся, пульсъ все слабѣетъ и слабѣетъ...—съ отгѣнкомъ безпокойства проговорилъ отецъ...

Смочили грудь и голову водой... лицо начало понемногу розовѣть... наконецъ плѣнникъ открылъ глаза, и блуждающій взоръ остановился на черной бородѣ Руткевича. Сознаніе возвращалось... онъ весь содрогнулся и какъ бы въ забытіи, слабымъ голосомъ прошепталъ: «Все погибло»...

— Выпейте глотокъ коньяку!.. это васъ подкрѣпитъ,—и съ этими словами Руткевичъ поднесъ ему дорожную фляжку.

Коньякъ произвелъ магическое дѣйствіе... Два-три глубокихъ глотка сразу поставили на ноги Шиманскаго и вернули его къ дѣйствительности.

— Скажите же мнѣ скорѣе... уцѣлѣлъ ли кто-нибудь тамъ... въ вагонѣ?..—страшно волнуясь, проговорилъ Шиманскій.

— Слава Богу, обошлось безъ жертвъ...—отвѣтилъ ему Руткевичъ.

— А развѣ онъ... не погибъ?.. Не вѣрю!..

— Вы, конечно, спрашиваете про Тургасова,—вставилъ отецъ:—онъ невредимъ и спитъ сномъ праведника, не подозрѣвая о вашемъ адскомъ замыслѣ...

— Значитъ, зарядъ не взорвался?.. Но почему, почему... Точно колдовство какое-то!..

— Нѣтъ, все обошлось просто, безъ помощи нечистой силы... О вашемъ замыслѣ мы знали давно, но я все же думалъ, что въ послѣднюю минуту вы образумитесь,—не пойдете на столь ужасное преступленіе... Вы, однако, не уклонились отъ преступной цѣли, ну, тогда и намъ пришлось дѣйствовать... и мой чиновникъ съ опасностью для жизни успѣлъ обезвредить снарядъ, можетъ быть, за секунду до взрыва, заботливо положенный вами у изголовья Тургасова, и теперь вы въ рукахъ правосудія...

— Кто, кто меня предалъ?—ломая руки, воскликнулъ Шиманскій.

— Вы сами себя выдали: письмо изъ Астрахани открыло намъ глаза... Но довольно, Сѣренко, обыщите преступника, — строго закончилъ отецъ.

— Зачѣмъ это новое издѣвательство надъ моей личностью?.. Вѣдь огнестрѣльное оружіе отъ меня отобрано... Кажется, могли бы меня и оставить въ покоѣ,—закапризничалъ инженеръ, отодвигаясь отъ агента.

Но Сѣренко, не обращая вниманіе на эти протесты, энергично принялся за дѣло...

— Перочинный ножикъ, кошелекъ, носовой платокъ и бумажникъ...—пересчитывалъ агентъ, передавая эти вещи въ руки отца.

— Ого!.. 1,650 рублей кредитными билетами, 110 рублей золотомъ и въ кошелекѣ мелкой серебряной монеты на рубль 85 копеекъ; въ общемъ сумма порядочная... вполне достаточная для заграничной поѣздки... на примѣръ, до Гамбурга, а затѣмъ... въ Америку...

— А гдѣ же остальные 3,500 рублей?.. Развѣ успѣли уже перевести на заграничные бабки?.. Предусмотрительно!—замѣтилъ отецъ, пряча вещи и деньги, отобранныя у Шиманскаго.

— Вамъ это очень интересно знать... господинъ Леокъ?.. Ищите верхнимъ чутьемъ... и обращайтесь, а я вамъ все равно ничего не скажу... да и зачѣмъ буду откровенничать?...

— Вамъ будетъ облегчено наказаніе...

— Вздоръ!.. меня повѣсятъ: это такъ же вѣрно, какъ вамъ выдать награду за поимку преступника... сирѣчь меня... а теперь оставьте меня въ покоѣ... — и съ этими словами Шиманскій повернулся лицомъ къ стѣнѣ.

Отецъ поднялся съ мѣста.

— Сѣренко, вы останетесь здѣсь... въ купе!.. При малѣйшей попыткѣ Шиманскаго къ бѣгству мы надѣнемъ на него кандалы... Руткевичъ будетъ здѣсь по близости... помните, преступникъ остается всецѣло на вашей отвѣтственности!..

— Господинъ начальникъ, я ручаюсь головой, что отъ меня этотъ господинъ не уйдетъ!..

Передъ выходомъ я еще разъ взглянулъ на Шиманскаго; выраженіе его лица не предвѣщало ничего хорошаго; злая улыбка искривила его губы, въ глазахъ свѣтлѣлась рѣшимость...

Я подблизился со своими впечатлѣніями съ Руткевичемъ, когда захлопнулась за нами дверь купе,—недоброе онъ замышляетъ!..

— Весьма возможно, Шиманскій ни передъ чѣмъ не остановится, чтобы получить свободу...

— Вы увѣрены, что Сѣренко не выпуститъ его изъ рукъ?

— О, да, Семенъ Семеновичъ обладаетъ желѣзными мускулами и большой прозорливостью... эти качества хорошо извѣстны начальнику, иначе бы онъ велѣлъ связать руки Шиманскому, предосторожность, пожалуй, не лишняя, даже при такомъ партнерѣ, какъ Сѣренко... Инженеръ, вы сами замѣтили, какимъ онъ звѣремъ смотритъ... Такъ и жди, что выкинетъ какой-нибудь кунштюкъ... Ну, Богъ не выдастъ, свинья не съѣстъ,—да и я рядомъ тутъ буду, не мальчики мы... провести насъ не такъ просто!.. видали виды.

— Ну, желаю вамъ всякаго успѣха!—и, пожавши руку Руткевичу, я отправился на свое мѣсто въ сосѣдній вагонъ, гдѣ нашелъ отца, заносащаго замѣтки въ свою записную книжку; лицо его было совершенно спокойно и даже не утомлено, несмотря на пережитыя имъ въ эту ночь тревоги и опасность...

Мнѣ не хотѣлось спать; нервное возбужденіе еще не прошло...

— Господинъ начальникъ, у васъ ключъ отъ входныхъ дверей 1-го класса, мы подъѣзжаемъ къ Колпину... могутъ быть на станціи пассажиры.

— Да, у меня, возьмите, теперь онъ мнѣ не нуженъ...

— Отецъ, ты нарочно оставилъ полуотворенной вторую выдвижную дверь на буферную площадку?

— Да...

— Съ каксю цѣлью?

— Шиманскому, чтобы выскочить изъ вагона послѣ оставленія снаряда у изголовья Тургасова, оставалось одно изъ двухъ:

или разбить окно у запертой мною заранѣе входной двери вагона, или же пробраться на площадку 2-го класса черезъ дверь у буферовъ, откуда уже легко было прыгнуть на откосъ полотна; разбей окно и выскочи онъ, мнѣ, конечно, пришлось бы послѣдовать за нимъ тѣмъ же способомъ и, кто знаетъ, при счастіи для него, мой прыжокъ могъ быть неудаченъ, и тогда все шансы оказались бы на его сторонѣ, слѣдовательно, прямой для меня былъ расчетъ натолкнуть Шиманскаго на другой путь къ бѣгству, и вотъ въ эту-то западню онъ и попалъ... соблазнившись легкимъ и болѣе удобнымъ способомъ покинуть вагонъ, гдѣ ежеминутно ожидался взрывъ.

— Я видѣлъ, съ какою страшною стремительностью бросился инженеръ къ этому выходу...

— Этого можно было ожидать, и полуотворенная дверь сыграла роль тормоза...

— Отчего ты такъ рѣшительно запретилъ мнѣ подать помощь, когда Шиманскій толкнулъ тебя на самый край площадки?

— Благодарю Бога, что ты послушался!.. Площадка слишкомъ узка и не могла служить ареной для борьбы трехъ лицъ, и, при твоей горячности, ты неминуемо бы свалился на полотно дороги или на рельсы; положеніе же мое было не столь уже безнадежное, какимъ себѣ ты представилъ...

— Но Шиманскій досталъ револьверъ!..

— Да, а я держалъ наготовѣ кастеть... и, не поспѣй Сѣренко, мнѣ, по необходимости, пришлось бы парализовать его руку, чтобы предупредить выстрѣлъ...

Спокойное выраженіе лица внезапно у отца измѣнилось, лобъ сморщился, уголки рта слегка искривились,—эти признаки душевнаго безпокойства были мною хорошо изучены.

Я, обернувшись назадъ, увидалъ приближающагося къ намъ Руткевича; одежда на немъ была порвана, борода вклокочена.

— Бѣжалъ?...—задалъ ему вопросъ отецъ, едва сдерживая свое бѣшенство...

— Пытался бѣжать!...—поспѣшилъ успокоить чиновникъ...

— Расскажите, при какихъ обстоятельствахъ?..

Послѣ небольшой паузы, какъ бы собираясь съ духомъ, Руткевичъ началъ свой докладъ:

— Какъ только поѣхали Колшино, Сѣренко условнымъ стукомъ вызвалъ меня къ себѣ... Шиманскаго я нашелъ въ большой агитаціи. «Помилуйте, этотъ зулусъ не хочетъ выпустить меня на минуту... я изнываю отъ боли въ желудкѣ... и если меня сейчасъ же не выпустить, то зловоиѣмъ я заражу воздухъ... бр... бр... Какая гадость!.. войдите въ мое положеніе,—жаловался мнѣ инженеръ, корчась отъ боли, которой я мало вѣрилъ:—какое я, человѣкъ интеллигентный, переживаю ужасное состояніе изъ-за дурацкаго

каприза вашего сотоварища... Ну, чего онъ бонется?.. Или же онъ настолько дикарь и мало культуренъ, что предпочитаетъ запахъ человѣческихъ экскрементовъ... любимъ английскимъ духамъ?.. Зовите вашего начальника, если вы оба столь трусливы и лишены инициативы!.. Въ противномъ случаѣ я сейчасъ разможжу себѣ башку объ стѣну... Пусть будетъ это на вашей отвѣтственности, совѣсти!..»

«Въ глазахъ Сѣренка я прочелъ сомнѣнiе, какъ поступить: пустить или не пустить?... А вдругъ онъ, дѣйствительно, выполнить свою угрозу! подумалъ я, всматриваясь въ рѣшительное, налитое кровью лицо инженера.

«И вотъ, г. начальникъ, подчиняясь какому-то внушенiю, а можетъ быть, и магнетизму глазъ Шиманскаго, не спускавшаго съ меня взгляда, я уступилъ...

«— Хорошо,—отвѣтилъ я инженеру:—если кабинетъ свободенъ, то вашимъ страданiямъ мы положимъ конецъ... Обождите, я сейчасъ посмотрю.

«Черезъ минуту я вернулся, объявивъ о необходимости немого выждать, такъ какъ оба кабинета въ данный моментъ заняты...

«Не теряя времени, я принялъ надлежащiя мѣры».

— Вы, конечно, отверткой испортили замокъ,—перебилъ отецъ.

— Такъ точно.

-- Что вы еще предприняли?

-- Я затворилъ наглухо въ окнѣ лѣтнюю и зимнюю рамы, обрѣзавъ спускные ремни; затѣмъ вызвалъ кондуктора, приказавъ не отходить отъ автоматическаго тормоза и по свистку моему моментально остановить поѣздъ.

— Это дѣльно,—одобрилъ отецъ:—ну, дальше?

— Принявъ эти мѣры предосторожности, я съ Сѣренкомъ проводили Шиманскаго до дверей ватерклозета, а сами остались въ коридорѣ.

Отецъ сморщилъ брови.

— Какъ только вошелъ туда инженеръ, онъ началъ вертѣть дверную ручку, стараясь запереть, но, убѣдившись въ порчѣ замка, Шиманскiй подошелъ къ умывальнику; прошла минута, другая, изнутри ни звука... Мнѣ показалось это подозрительнымъ... Я окликнулъ... «Сейчасъ выйду, только руки вымою», послышался плескъ воды и почти одновременно зазвенѣли упавшiя на полъ стекла... Я отдернулъ дверь... Шиманскiй ужъ сидѣлъ на окнѣ, свѣсивъ ноги на воздухъ и готовая выпрыгнуть на полотно, но въ этотъ рѣшительный моментъ Сѣренко успѣлъ схватить его за талию, не обративъ вниманiя на руку преступника, державшаго наготовѣ деревянную вѣшалку, спящую имъ со стѣны; вотъ этимъ-то орудiемъ онъ и воспользовался для обороны... Къ счастью, я во-время замѣтилъ опасность и задержалъ на лету ударъ, иначе черепъ товарища

неминуемо былъ бы проломленъ... Не безъ труда мы обезоружили противника... намъ досталось-таки порядочно, но, слава Богу, кости цѣлы, а ушибы заживуть, не въ первый это разъ... Послѣ отчаяннаго сопротивленія, мы надѣли на Шиманскаго наручники и въ такомъ видѣ водворили на старое мѣсто.

«Въ купе Шиманскій продолжалъ ругаться и бѣшевать... мало того, ударилъ довольно сильно ногой въ животъ Сѣренка со словами: «вотъ тебѣ лампоно на придачу...» Пришлось связать ноги, и только тогда онъ утомился—закончилъ свой докладъ Руткевичъ.

— А почему же вы не сняли вѣшалки? Отчего одинъ изъ васъ не вошелъ въ ватерклозетъ вмѣстѣ съ Шиманскимъ? Въ первомъ случаѣ была опрометчивость, во второмъ — неизвинительная самонадѣянность и безпечность, что ставлю вамъ обонмъ на видъ, —строгимъ тономъ замѣтилъ отецъ.

— Виновать, —упавшимъ голосомъ проговорилъ чиновникъ съ видомъ побитой собаки.

— Идите теперь на ваше мѣсто и никакой просьбы, ни требованія Шиманскаго отноудъ не исполнять до личнаго о томъ доклада миѣ.

— Слушаюсь, теперь достаточно выучень, —съ огорченіемъ въ голосѣ произнесъ Руткевичъ, отходя отъ насъ.

Остальная часть пути до Петербурга прошла безъ всякихъ приключеній, но этотъ случай испортилъ хорошее настроеніе отца, видимо, ставившаго и себѣ въ вину излишнюю мягкость къ Шиманскому, которому слѣдовало бы сразу надѣть наручники, какъ опасному преступнику, откинувъ въ сторону всякую гуманность.

При выходѣ изъ вагона на петербургскомъ вокзалѣ мы случайно столкнулись съ Тургасовымъ.

— Хорошо ли спали почъ, ваше превосходительство?

— Превосходно, Иванъ Дмитріевичъ, хотя въ исходѣ, должно быть, пятого часа разбудилъ меня подозрительный шорохъ у изголовья дивана. Помнится миѣ теперь, какъ въ полумракѣ обрисовалась во весь ростъ фигура какого-то господина въ форменной фуражкѣ, съ очень блѣднымъ лицомъ и тяжелымъ взглядомъ черныхъ глазъ, какъ бы меня гипнотизировавшихъ... «Зачѣмъ этотъ индивидуумъ въ моемъ купе, что ему здѣсь надо?» мелькнула у меня тревожная мысль, тогда какъ глаза мои смыкались, противъ воли, но безпокойство вмигъ отлетѣло, когда я вспомнилъ, что тутъ, вблизи меня, сидитъ гроза и бичъ всякаго преступнаго люда, самъ Путилинъ! «Шалишь, —подумалъ я: —при немъ ужъ не убьютъ и не ограбятъ... не посмѣютъ!» Эта увѣренность въ вашъ геній подѣйствовала лучше лавро-вишневыхъ капель, и благодѣтельный сонъ сковаль мой вѣки влоть до прихода кондуктора съ извѣщеніемъ о пріѣздѣ, —полусутиа, полусерьезно закончилъ свою тираду Тургасовъ, направляясь къ своей каретѣ.

— Весьма вамъ признателенъ за ваше ко мнѣ довѣріе,—довольно сухо проговорилъ отецъ, прощаясь со статскимъ генераломъ.

Наконецъ мы дома. Въ кабинетѣ лежала телеграмма изъ Астрахани.

«Вчера мною арестованъ Карасевъ, обыскъ на квартирѣ далъ благоприятные результаты. Выѣзжаемъ первымъ поѣздомъ. Костинъ».

— Ну, отъ этого не убѣдишься!—увѣренно проговорилъ отецъ.

На другой день въ сыскное отдѣленіе былъ доставленъ подъ стражей Карасевъ; держалъ онъ себя настоящимъ баринкомъ, предупредивъ о своемъ нежеланіи отвѣчать на какіе-либо вопросы, и такимъ рѣшительнымъ тономъ, что его немедленно оставили въ покоѣ... Оставалось одно—отправить его въ домъ предварительнаго заключенія, какъ это и сдѣлали.

Въ числѣ конфискованныхъ бумагъ нашли между прочимъ и послѣднее письмо къ нему жены Тургасова, содержаніе котораго было передано въ началѣ настоящаго разсказа.

Съ Тургасовымъ отцу пришлось встрѣтиться на второй день послѣ пріѣзда; высшее начальство поручило ему «подготовить» Николая Ивановича...

Отецъ частнымъ письмомъ вызвалъ его на свиданіе въ Лѣтній садъ и здѣсь объяснилъ всю исторію покушенія на его жизнь въ поѣздѣ.

При заключительныхъ словахъ Тургасовъ, поднявшись съ мѣста, горячо поблагодарилъ отца.

— Не знаю, какъ васъ благодарить, дорогой Иванъ Дмитріевичъ, за избавленіе отъ калѣчія, а можетъ быть и мучительной смерти!... Не оправдываю я и себя въ своихъ отношеніяхъ къ моей женѣ: ну, вотъ и получилъ урокъ, урокъ тяжелый, неизгладимый!...—глухо произнесъ Тургасовъ и, отвернувшись, чтобы скрыть навернувшіяся на глаза слезы, первыя, вѣроятно, въ его жизни, быстро направился къ выходу.

Этотъ драматическій эпизодъ въ семьѣ Тургасова произвелъ большую сенсацію въ высшихъ сферахъ петербургскаго общества, гдѣ Варвара Ивановна, по служебному положенію мужа и аристократическому родству, была, такъ сказать, «своей человѣкъ».

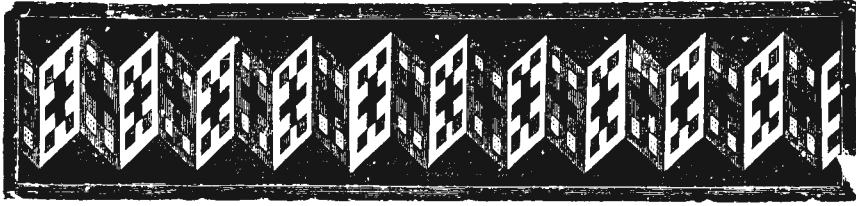
Судили вкривъ и вкосъ, день на день ожидая катастрофы съ «бѣдной Варей», какъ о ней отзывались жены, и «извергомъ-сатанною», какъ прозвали ее мужья.

Ожиданія, однако, свѣтскихъ кумушекъ не оправдались: трагическаго ничего не случилось, и даже, чего ужъ никто не ожидалъ, супруги не развѣхались на разныя квартиры.

Напротивъ, съ теченіемъ времени, видимо, послѣдовало сближеніе враждующихъ сторонъ на почвѣ уступокъ и общности интересовъ по воспитанію дѣтей—этого самаго прочнаго звена въ эластичной цѣпи взаимныхъ отношеній между мужемъ и женой, отношеній, гдѣ и самъ Соломонъ отказался бы взять на себя роль судьи въ рѣшеніи вопроса: кто правъ, кто виноватъ?..

К. И. Путилинъ.

СЕМИНАРИСТЪ У А. В. СУХОВО-КОБЫЛИНА.

(Изъ воспоминаній).

КОРО исполнится десять лѣтъ со дня смерти (11-го марта 1903 года) Александра Васильевича Сухово-Кобылина, автора извѣстной комедіи «Свадьба Кречинскаго», почти шестьдесятъ лѣтъ не сходящей съ репертуара русскаго театра.

Въ настоящей замѣткѣ я передаю одинъ мелкій штрихъ, пожалуй, анекдотическаго характера, изъ жизни этого писателя.

Разсказъ этотъ мнѣ пришлось слышать лѣтъ за шесть до смерти Александра Васильевича, когда я былъ студентомъ духовной академіи.

Среди товарищей былъ одинъ N. N., родомъ тулякъ, по характеру человѣкъ малообщительный, часто меланхолически настроенный, иногда, казалось, настолько погружавшійся въ свои думы, что для него переставало существовать окружающее. Онъ долго сторонился насъ, жилъ самъ по себѣ и большинству казался какимъ-то загадочнымъ существомъ. Но совмѣстная жизнь мало-по-малу сблизила его съ нашей крѣпкой товарищеской семьей, и этотъ нелюдимъ оказался во многихъ отношеніяхъ весьма интересной личностью.

Прежде всего, онъ былъ землякъ Льва Николаевича Толстого. Его родители жили въ томъ же уѣздѣ, гдѣ находится Ясная Поляна, и ему приходилось на пути изъ родного села въ Тулу много разъ проѣзжать по яснополянской границѣ къ той самой желѣзнодорожной станціи Засѣка, которая теперь извѣстна всей читающей Россіи. Узнавши объ этомъ, мы набросились на своего коллегу

съ вопросами: не приходило ли ему видѣть Льва Николаевича? каково отношеніе къ яснополянскому учителю мѣстнаго простого населенія? и т. п.

Н. Н. весьма охотно дѣлился съ нами тѣмъ, что видѣлъ и слышалъ, и, между прочимъ, разсказалъ о своемъ оригинальномъ знакомствѣ съ творцомъ «Свадьбы Кречинскаго» и «Веселыхъ Расплюевскихъ дней».

Разъ одинъ изъ товарищей, вернувшись съ прогулки въ академію, сообщилъ, что на дняхъ въ театрѣ ставится извѣстная комедія Сухова-Кобылина «Свадьба Кречинскаго».

Услыхавъ объ этомъ, нашъ меланхоликъ Н. Н. («равнодушный», какъ мы его называли въ товарищескомъ кругу), привскочилъ со стула и заявилъ:

— А знаете, господа, я вѣдь лично знакомъ съ Сухово-Кобылинымъ.

— Какъ такъ? Разскажи—посыпалось на него со всѣхъ сторонъ.

— Это было любопытное знакомство кутейника-бурсака съ извѣстнымъ писателемъ,—началъ разсказчикъ.—Я тогда перешелъ въ пятый классъ тульской семинаріи. Послѣ утомительныхъ экзаменовъ пріѣхалъ въ родное село, чтобы отдохнуть, освѣжиться, набраться силами. Но долго кейфу предаваться не приходилось. Семья наша не богата, лишній ротъ сказывался; я это отлично сознавалъ и сталъ подыскивать какихъ-либо занятій. Репетиторство, чѣмъ обычно приходилось зарабатывать средства на ваканціяхъ, почему-то въ тотъ годъ долго не находилось. Я, было, совсѣмъ приунылъ. Но вотъ однажды къ отцу заѣзжаетъ его знакомый—становой приставъ. Разговорились. Становой узнаетъ, что я ищу работу.

— Отлично, молодой человекъ, я васъ устрою. Вы вѣдь знаете языки: французскій и нѣмецкій?

Я смутился. Учить-то я ихъ и училъ, но говорить о знаніяхъ было рискованно. Даю отвѣтъ неопредѣленный. Мое затрудненіе замѣтилъ собесѣдникъ.

— Собственно, не требуется отъ васъ и особенныхъ знаній, а лишь умѣніе переписывать рукопись съ нѣмецкими и французскими цитатами.

— Ну, это-то смогу,—заявилъ я,—и съ удовольствіемъ возьму бы подобное занятіе. Только гдѣ?

— Я, видите ли, имѣю порученіе отъ одного помѣщика найти переписчика, умѣющаго разбираться въ рукописяхъ на иностранныхъ языкахъ.

При этомъ онъ назвалъ Сухова-Кобылина, имѣніе котораго находилось верстахъ въ сорока отъ нашего села.

— На дняхъ я буду у него, и если онъ согласится взять васъ, извѣщу.

Дня черезъ четыре пришло желаемое извѣщеніе; впрягаемъ лошадь, и я съ работникомъ отправляюсь въ неизвѣстное мнѣ досель имѣніе. О самомъ Сухово-Кобылинѣ я также не имѣлъ никакихъ представлений, кромѣ свѣдѣній, данныхъ становымъ, что это старый баринъ, занимается писательствомъ.

Къ вечеру мы были въ имѣніи. Барскій каменный домъ съ двумя флигелями стоялъ въ довольно красивой мѣстности, окруженной лѣсомъ. Я разыскалъ управляющаго или, какъ все звали его на барскомъ дворѣ, «дворецкаго». Дворецкій оказался на видъ человекомъ простымъ, — повидимому, изъ бывшихъ дворовыхъ.

Узнавъ, что я пріѣхалъ въ качествѣ переписчика къ барину, онъ тотчасъ же проводилъ меня въ мезонинъ одного изъ флигелей, гдѣ уже была отведена для меня квартира. Это была небольшая свѣтлая комната съ кроватью, столомъ, двумя стульями и умывальникомъ, около котораго висѣло свѣжее полотенце и лежалъ кусокъ мыла.

— Завтра, въ десять часовъ утра вы должны явиться къ барину, — заявилъ мнѣ дворецкій: — обѣдъ и чай вамъ будутъ подавать сюда; за переписку получите двадцать рублей въ мѣсяцъ.

Первое впечатлѣніе было болѣе чѣмъ пріятно. Съ нѣкоторымъ волненіемъ я ждалъ лишь завтрашней встрѣчи.

Утромъ въ назначенный часъ, въ сопровожденіи того же дворецкаго, я вошелъ въ просторный кабинетъ Сухова-Кобылина. За письменнымъ столомъ, заваленнымъ бумагами и книгами, сидѣлъ высокаго роста сѣдой старикъ съ интеллигентнымъ, выразительнымъ лицомъ. Тогда Александру Васильевичу было болѣе семидесяти лѣтъ. Я вѣжливо поклонился. Окнувъ меня съ ногъ до головы испытующимъ взглядомъ, Александръ Васильевичъ сказалъ.

— Такъ вы желаете быть моимъ переписчикомъ? Дайте мнѣ образчикъ вашего почерка.

При этомъ подаль мнѣ листъ бумаги, рукопись и указалъ мѣсто, куда присѣсть. Нѣсколько минутъ я писалъ. Почеркъ Александра Васильевича былъ для меня не особенно разборчивъ, но все же моя проба удовлетворила автора.

Просмотрѣвъ сквозь пенснэ образецъ моей работы, Александръ Васильевичъ сказалъ:

— Ступайте сейчасъ къ себѣ; начнете переписывать вотъ эту тетрадь. Прошу васъ быть внимательнѣе, особенно съ цитатами и иностранными словами. Утромъ въ такое же время будете приносить сюда свою переписку.

Снова раскланявшись, я вышелъ. На обратномъ пути замѣтилъ, что рядомъ съ кабинетомъ была довольно обширная комната, вся заставленная шкапами, полными книгъ. Книги помѣщались и на особо устроенныхъ полкахъ, закрытыхъ отъ пыли шторами. Такая

масса книгъ въ домѣ частнаго человѣка меня поразила. Раньше съ чѣмъ-либо подобнымъ встрѣчаться мнѣ нигдѣ не приходилось.

Работа моя началась. Сидя у открытаго окна мезонина, чрезъ которое лились знойныя волны лѣтняго воздуха, я старательно принялся за дѣло. Послѣ обѣда захотѣлось пройтись. Во дворѣ встрѣтилъ меня дворецкій, который, справившись, откуда я, чей, — какъ-то участливо замѣтилъ:

— А скучно у насъ вамъ будетъ, молодой человѣкъ. Людей-то подходящихъ для васъ въ имѣніи у насъ нѣтъ.

Я успокоилъ его, что не для развлеченій и пріѣхалъ сюда, а для заработка. Отъ дворецкаго я узналъ, что въ верстѣ отъ усадьбы находится небольшой винокуренный заводъ, принадлежащій барину. Къ заводу вела узкая живописная дорога, просѣкающая лѣсъ. Эта дорога сдѣлалась для меня любимымъ мѣстомъ прогулокъ.

На другой день я снова былъ въ кабинетѣ Александра Васильевича. Онъ, взявши мою рукопись, началъ внимательно просматривать ее. Я въ выжидательной позѣ остановился около дверей: приглашенія сѣсть не было. Простоявъ безъ дѣла нѣсколько минутъ, я рѣшилъ отступить въ смежную съ кабинетомъ библіотеку и отъ нечего дѣлать началъ читать сквозь стекла шкаповъ заголовки книгъ. Онѣ почти всѣ были на иностранныхъ языкахъ, и я съ трудомъ и то лишь у нѣкоторыхъ улавливалъ ихъ названія. Большинство попадавшихся на глаза было по философіи и естественнымъ наукамъ.

Изъ кабинета мои занятія въ библіотекѣ были видны Александру Васильевичу. Онъ нѣсколько разъ поднималъ отъ рукописи свою голову и довольно пристально наблюдалъ за мной, но я, по свойственной мнѣ разсѣянности, его взглядамъ не придавалъ никакого значенія, считая, что въ моихъ дѣйствіяхъ предосудительнаго ничего нѣтъ.

Окончивъ провѣрку моей переписки, Александръ Васильевичъ позвалъ меня.

— Господинъ Х., возьмите слѣдующую тетрадь и займитесь своей работой.

О качествахъ же моего письма не сказалъ ни слова.

На утро повторилась та же исторія. Въ кабинетѣ Сухово-Кобылинъ занялся чтеніемъ моей переписки, а въ библіотекѣ переписчикъ обозрѣніемъ его книгъ.

Замѣтивъ, что нѣкоторые шкапы не заперты, я рискнулъ пріотворить одинъ и взять съ полки для просмотра книгу, обратившую на себя мое вниманіе своимъ золотообрѣзнымъ переплетомъ. Владѣлецъ снова бросалъ въ мою сторону свои, повидимому, недовольные взгляды, но я ихъ, по своей неопытности, не понималъ.

На третій день мое безплодное любопытство (книгъ на иностранныхъ языкахъ понимать я не могъ) продолжалось. Старикъ, повидимому, былъ выведенъ изъ терпѣнія бурсацкой неделикатностью.

Отодвинувъ штору, закрывавшую полку съ книгами, корешки которыхъ я еще до сихъ поръ не свидѣтельствовалъ, слышу изъ кабинета голосъ:

— Господинъ Х.!

Тотчасъ же ставлю обратно вынутую книгу и иду на зовъ.

— Господинъ Х.,—сухо, какъ бы отчеканивая каждое слово, заявляетъ мнѣ Александръ Васильевичъ:—я пригласилъ васъ заниматься перепиской, а не разборомъ моей библіотеки... Можете идти къ себѣ...

Я, какъ ошаренный, вышелъ изъ кабинета и направился въ свой мезонинъ. Здѣсь сталъ раздумывать надъ происшедшимъ и никакъ не могъ понять своей вины.

Но вотъ принесли обѣдъ. Къ концу его явился и дворецкій и, неопредѣленно ухмыляясь себѣ въ бороду, началъ:

— Баринъ приказали вамъ передать, что въ услугахъ вашихъ больше не нуждаются; домой васъ свезетъ кучеръ; лошадь уже заложена; а вотъ это за работу вамъ отъ барина,—сказалъ онъ, подавая мнѣ десятирублевую бумажку.

Мнѣ было крайне досадно и обидно, что такъ печально и быстро кончилась моя работа и я съ позоромъ (это я чувствовалъ) долженъ былъ вернуться домой. Но дѣлать было нечего. Пришлось собрать свои небольшія пожитки и разстаться съ уютнымъ мезониномъ.

У крыльца дѣйствительно стояла уже впряженная лошадь; на козлахъ, улыбаясь, какъ казалось мнѣ, сидѣлъ молодой парень. Мнѣ думалось, что и парень этотъ знаетъ, что меня благороднымъ образомъ «выставляютъ». Въ скверномъ настроеніи я размѣщался въ экипажѣ.

Но заключительный моментъ моего выѣзда изъ усадьбы Сухова-Кобылина разсѣялъ мое мрачное настроеніе и заставилъ долго смѣяться.

Когда возница готовъ былъ уже выѣхать со двора, слышу сзади голосъ дворецкаго: «остановитесь!» Я оглянулся. Дворецкій, спустившись съ крыльца, чуть не вприпрыжку сбѣжидъ къ тарантасу, въ рукахъ у него была четвертная бутылка водки.

— Это баринъ велѣлъ вамъ передать,—говорилъ онъ, передавая мнѣ четверть завода Сухова-Кобылина.

— Я не пью; скажите барину, что мнѣ это не нужно,—началъ было я.

— Нельзя, нельзя,—слышу въ отвѣтъ:—какъ хотите: баринъ приказалъ.

Пришлось подчиниться. Странный презентъ былъ взятъ, и я отъ души расхохотался.

Сухова-Кобылинъ, награждая меня четвертью водки, вѣроятно, думалъ, что этимъ доставитъ семинаристу большое удовольствіе, предполагая, что всякій бурсакъ непременно горькій пьяница.

Вотъ каково было мое знакомство съ авторомъ той пьесы, которая скоро пойдетъ въ театрѣ.

Мы, конечно, тоже немало смѣялись, выслушавъ эту курьезную повѣсть.

— А что же ты переписывалъ у Сухова-Кобылина?—кто-то спросилъ разсказчика.

— А вотъ ужъ, господа, право, забыть. Что-то только, казалось мнѣ тогда, очень мудреное, такъ что, переписывая, понималъ изъ пятого въ десятое, а теперь совсѣмъ не помню... Потомъ мнѣ приходилось читать, что Сухово-Кобылинъ еще съ юности, вращаясь въ домѣ отца среди московскихъ профессоровъ сороковыхъ годовъ: Погодина, Надеждина и другихъ, увлекался философіей, занятія которой не прекращалъ до своей смерти. Вѣроятно, какой-либо философскій трактатъ его, не увидавшій свѣта, какъ большинство подобнаго рода произведеній этого автора, я и переписывалъ.

— Теперь,—закончилъ свой разсказъ X.,—мнѣ извѣстно, что усадьба Сухова-Кобылина, въ которую случайно занесла меня судьба, сгорѣла; огнемъ уничтожена была и та, вѣроятно, цѣнная бібліотека, которую такъ охранялъ отъ моего ребяческаго любопытства покойный Александръ Васильевичъ. Сгорѣлъ и уже не былъ возстановленъ и винокуренный заводъ, четверть водки котораго я бережно довезъ до дому и подарилъ своему отцу.

И. А.

ПЕТРЪ ИВАНОВИЧЪ БАРТЕНЕВЪ.

(Некрологъ).

ВЪ МОСКВѢ 22-го октября скончался Несторъ русской исторической журналистики—основатель и редакторъ-издатель «Русскаго Архива» Петръ Ивановичъ Барте-невъ. Недѣли полторы назадъ П. И. простудился, заболѣлъ плевритомъ, который затѣмъ осложнился воспаленіемъ легкихъ; восьмидесятитрехлѣтній орга-низмъ не могъ перенести этого, и скоро П. И. больше не стало... Десять лѣтъ назадъ П. И. Барте-невъ отпраздновалъ пятидесятилѣтній юбилей своей учено-литературной дѣятельности въ области изуче-нія отечественной исторіи. Тогда же В. Е. Руда-ковымъ былъ сдѣланъ на страницахъ «Историческаго Вѣстника»¹⁾ обстоятельный обзоръ всего, что совер-шено покойнымъ основателемъ «Русскаго Архива» за его долготѣтную жизнь для русской исторіи и исторіи русской литературы, глубокимъ знатокомъ и истиннымъ безкорыстнымъ труженникомъ которой онъ оставался со студенческой скамьи и до глубокой старости. Данными этой статьи мы и воспользуемся въ настоящемъ некрологѣ.

П. И. Барте-невъ происходилъ изъ старинной дворянской фа-миліи, представителей которой мы видимъ на царской службѣ еще въ XVI вѣкѣ. Одинъ изъ Барте-невыхъ былъ воеводою при взятіи Грознымъ царемъ Казани. Отецъ Барте-нева, Иванъ Осиповичъ, подполковникъ Арзамаскаго конно-егерскаго полка, участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ и походахъ, имѣвшихъ мѣсто въ бурное,

¹⁾ «Истор. Вѣстн.». 1902 г., январь.

безпокойное царствованіе Александра I, и вышелъ въ отставку въ 1818 году. И въ настоящее время нѣкоторыя лица изъ рода Бартепевыхъ занимаютъ довольно крупныя должности въ сферѣ какъ административной, такъ и придворной. Но Петръ Ивановичъ сдѣлалъ совершенно иной выборъ своей карьеры: онъ съ молодыхъ лѣтъ сталъ скромно, безкорыстно и неустанно работать на пользу родной исторіи, и среди этой работы скосила его смерть. Покойный незадолго до смерти отпечаталъ одинадцатую книжку текущаго года своего журнала и почти половину двѣнадцатой. Предчувствуя приближающуюся смерть, онъ сказалъ своему сыну Сергію Петровичу:

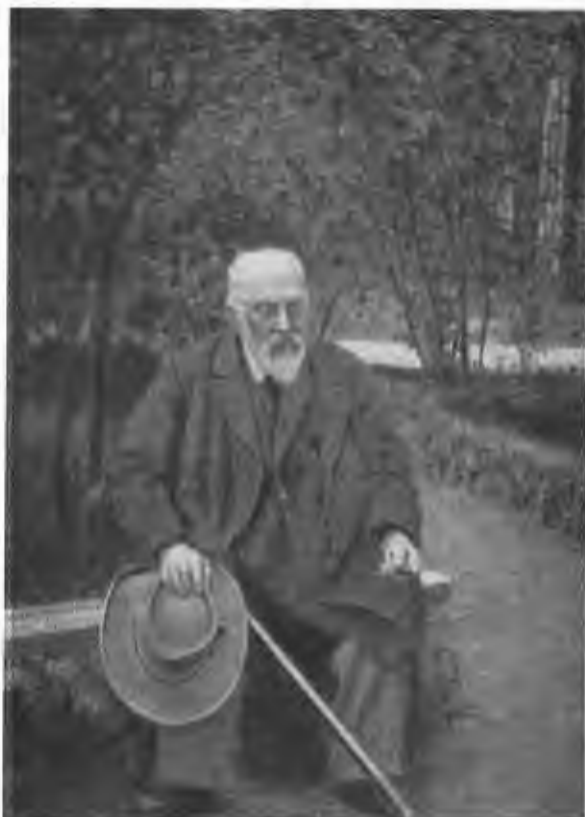
— Вотъ я приготовилъ половину двѣнадцатой книжки. Другую половину заполни моимъ некрологомъ.

П. П. Бартепевъ родился 1-го октября 1829 года въ родовомъ имѣніи своей матери, въ селѣ Королевщинѣ Липецкаго уѣзда Тамбовской губерніи. Окончивъ «благородный пансіонъ» при рязанской гимназіи, восемнадцатилѣтній Бартепевъ поступилъ въ московскій университетъ, на словесное отдѣленіе историко-филологическаго факультета, гдѣ слушалъ профессоровъ Грановскаго, Буслаева, Шевырева, Леоптьева, Каткова, Соловьева и другихъ, а также «пользовался ихъ личною бесѣдою», чему всегда при жизни онъ придавалъ большое значеніе и о которой до послѣднихъ дней сохранилъ благоговѣйное воспоминаніе. Въ университетѣ же онъ сходится съ Хомяковымъ, братьями Кирѣевскими, Елагиными, семейю Аксаковыхъ. Эту дружбу Бартепевъ, по собственному его выраженію, счастіемъ «почиталъ своей литературной и общественной жизни». Друзья-славянофилы оказали на него большое вліяніе, которое, безъ сомнѣнія, отразилось и на усиленныхъ трудахъ молодого студента по древней русской исторіи, плодомъ которыхъ явились «Словарь къ памятникамъ русской письменности до XIII вѣка» и изслѣдованіе «Объ языкѣ и слогѣ Несторовой лѣтописи». Молодого любителя родной старины замѣтилъ самъ М. П. Погодинъ, знаменитый изслѣдователь русской исторіи, обладалъ его, лично одобрилъ его работы, поддержалъ и согрѣлъ въ немъ страсть къ наукѣ и, въ заключеніе, подарилъ нѣсколько десятковъ томовъ своего «Москвитянина». Вскорѣ затѣмъ Бартепевъ приступаетъ къ переводу нѣмецкаго сочиненія «Göthe's Selbstcharacteristik aus seinen Briefen». «По поводу этого перевода, — говоритъ г. Рудаковъ, — профессоръ Шевыревъ еще 26-го января 1851 года писалъ М. П. Погодину: «Посылаю тебѣ переводъ одной нѣмецкой брошюры объ нѣмецкой литературѣ, сдѣланной студентомъ Бартепевымъ. Переводъ хорошъ, и брошюра интересна. Ты его наградишь немногимъ: онъ бѣдный человѣкъ». Но Погодинъ почему-то не нашелъ возможнымъ напечатать его въ «Москвитянинѣ», и переводъ остался въ рукописи».

Таково начало плодотворной учено-литературной дѣятельности будущаго основателя «Русскаго Архива».

Въ 1851 году П. И. Бартецевъ окончиваетъ университетъ. Начинается «настоящая жизнь»; нужно подумать и о дальнѣйшей карьерѣ, нужно понемногу устраниваться. И первые шаги въ этой новой жизни необычайно счастливы для молодого ученаго: случайно онъ полу-

Петръ Ивановичъ Бартецевъ.

часть должность учителя въ богатомъ аристократическомъ домѣ Л. Д. Шевичъ, урожденной графини Блудовой; это обстоятельство сближаетъ его съ графомъ Д. П. Блудовымъ, который становится далѣе «живымъ источникомъ» для «Русскаго Архива», затѣмъ П. И. знакомится съ другомъ А. С. Пушкина П. В. Нащокинымъ, который даетъ ему возможность воспользоваться письмами къ нему его знаменитаго друга-поэта. Въ это же время онъ знакомится съ С. А. Соболевскимъ. При содѣйствіи этихъ новыхъ знакомыхъ

П. И. Бартеневъ получаетъ возможность дебютировать на журнальномъ поприщѣ, на которомъ впоследствии онъ создалъ себѣ и выдающееся, заслуженное имя, и среди котораго застала его смерть. Онъ умеръ на своемъ любимомъ посту.

Въ декабрьской книжкѣ погодинскаго «Москвитянина» за 1851 г. появляются отрывки писемъ Пушкина изъ Нащокинскаго архива, но безъ фамиліи Бартенева, извлекашаго ихъ. Объясняется это слѣдующей запиской его къ П. М. Погодину: «Изъ писемъ Пушкина, — писалъ, онъ — сообщенныхъ мнѣ Нащокинымъ, несмотря на весь интересъ ихъ, къ сожалѣнію, кажется, почти ничего не можетъ пойти въ печать. Посылаю вамъ для пополненія вашего собранія». Но Погодинъ все-таки напечаталъ ихъ, не назвавъ, впрочемъ, имени Бартенева. Поэтому С. А. Венгеровъ, а за нимъ и другіе, неправильно относятъ начало литературной дѣятельности не къ 1851 году, а къ 1853 году. Правда, *постоянная* его работа на нивѣ русской ученой журналистики начинается съ этого года.

Въ это время П. И. Бартеневъ настолько близко сходится съ М. П. Погодинымъ и тотъ настолько цѣнитъ его, что поручаетъ ему, во время своего отъѣзда за границу, завѣдываніе журналомъ «Москвитянинъ». Въ этомъ же 1853 году Бартеневымъ исполнена интересная статья о Василіи Андреевичѣ Жуковскомъ, составленная на основаніи писемъ поэта и свѣдѣній, собранныхъ молодымъ біографомъ на родинѣ покойнаго. По нѣкоторымъ причинамъ чисто денежнаго характера эта статья не была напечатана въ «Москвитянинѣ», а вышла въ свѣтъ въ № 18 «Московскихъ Вѣдомостей» за тотъ же 1853 годъ. Статья называлась «О сочиненіяхъ В. А. Жуковскаго». На столбцахъ этой же газеты появилась и другая статья П. И. Бартенева «Еще нѣсколько словъ о В. А. Жуковскомъ», имѣвшая серьезный полемическій характеръ по отношенію къ А. Д. Галахову, который тоже въ то время печаталъ свои работы о Жуковскомъ. Какъ были приняты замѣчанія Бартенева Галаховымъ, доказываютъ слѣдующія, очень характерныя слова послѣдняго. Онъ писалъ: «Мнѣ тѣмъ пріятнѣе было вызвать замѣчанія Бартенева, что въ авторѣ ихъ вижу человѣка, занимающагося исторіей отечественной словесности и обладающаго основательными въ ней свѣдѣніями... Я прошу г. Бартенева сообщать свои замѣчанія и на слѣдующія статьи мои о Жуковскомъ».

Бесѣды съ новыми знакомыми, Нащокинымъ, Соболевскимъ, княземъ П. А. Вяземскимъ и другими современниками Пушкина, наводятъ Бартенева на мысль объ изученіи біографіи Пушкина, которая тогда находилась въ самомъ первичномъ періодѣ. Въ 1853 году на страницахъ «Отечественныхъ Записокъ» появляется его первая работа о поэтѣ: «Родъ и дѣтство Пушкина». Затѣмъ, въ слѣдующемъ году появляется его обширный трудъ, напечатанный въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» за 1854 и 1855 годъ: «Александръ Сергѣевичъ

Пушкинъ. Матеріалы для его біографіи». Здѣсь и въ другихъ мелкихъ замѣткахъ о поэтѣ Бартепевъ сообщаетъ много совершенно новыхъ данныхъ, основанныхъ на обработанныхъ имъ, доселѣ неизвѣстныхъ матеріалахъ; эти работы о Пушкинѣ до сихъ поръ еще не утратили своего значенія въ качествѣ первоисточника, къ которымъ обращаются почти все имѣющіе дѣло съ изученіемъ А. С. Пушкина. Характеристику отношенія Бартепева къ памяти Пушкина и ко всему, что связано съ его именемъ, даетъ извѣстный знатокъ Пушкинской литературы и эпохи Н. О. Лернеръ. Онъ пишетъ въ своей статьѣ, посвященной памяти П. И. Бартепева («Рѣчь», 1912 г., № 292): «къ Пушкину Бартепевъ впослѣдствіи возвращался не разъ, но характеръ изслѣдованія носила лишь одна его работа, самая крупная: «Пушкинъ въ Южной Россіи» («Русская Рѣчь», 1861 года, отдѣльное изданіе 1862 года, и «Русскій Архивъ», 1866 г.); другія его работы, посвященныя Пушкину, сводятся преимущественно къ опубликованію сырыхъ матеріаловъ. Имя величайшаго поэта въ глазахъ Бартепева было окружено ореоломъ благоговѣнія, и на страницахъ «Русскаго Архива» онъ старательно собиралъ и документы, относящіеся къ Пушкину, и воспоминанія о немъ, и анекдоты, и охотно печаталъ пушкинскія научныя изслѣдованія (пишущаго эти строки, Брюсова и другихъ)».

Въ своихъ личныхъ бесѣдахъ Петръ Ивановичъ всегда съ особенною охотою обращался къ личности нашего великаго поэта и его времени, непрестанно цитировалъ его, и видимо было, что все, имѣющее то или иное отношеніе къ Пушкину, было его родною стихіею. Онъ являлся какъ бы живымъ свидѣтелемъ этого блестящаго періода русской жизни и ставилъ Пушкина и его школу критеріемъ для сужденій и оцѣнки всей нашей послѣдующей литературы. Можно по всей справедливости сказать, что послѣ П. А. Ефремова Петръ Ивановичъ былъ вторымъ знаткомъ нашей «пушкинианы». Насколько достоверно, трудно сказать, но молва гласила, что въ архивѣ Бартепева хранилось кое-что драгоцѣнное изъ черновыхъ набросковъ автора «Евгенія Онегина», что онъ ревниво берегъ и почему-то не рѣшался опубликовать.

Мы не будемъ повторять здѣсь всего того, что В. Е. Рудаковъ помѣстилъ въ литературномъ *curriculum vitae* П. И. Бартепева, но отмѣтимъ лишь главнѣйшее. Съ 1856 года начинается опубликованіе на страницахъ разныхъ журналовъ всевозможныхъ историческихъ матеріаловъ съ его обстоятельными примѣчаніями, объясненіями и т. п. Такъ, въ 1856 г. появляется «Собраніе писемъ царя Алексѣя Михайловича, съ приложеніемъ уложенія сокольничьяго пути, съ пояснительною къ нему замѣткою С. Т. Аксакова и съ портретомъ царя и снимками его почерка». Затѣмъ П. И. посчастливилось разыскать нѣсколько любопытныхъ писемъ этого государя къ П. С. Хомякову, относящихся къ 1656—

1657 г. Наиболъе привлекаль вниманіе Бартепева XVIII вѣкъ и послѣдующее время, поэтому и въ журналахъ, которыми онъ завѣдывалъ («Русская Бесѣда» и основанный имъ «Русскій Архивъ»), гораздо болѣе имѣется матеріаловъ, относящихся именно къ этой эпохѣ. О донетровской эпохѣ въ «Русскомъ Архивѣ» имѣется весьма немного, а именно: «Путешествіе по Россіи голландца Стрѳюйса» (1880 г. т. I), нѣсколько матеріаловъ о Никонѣ и знаменитая «Челобитная Вас. Вас. Полозова царю Ѳедору Алексѣевичу»; въ отдѣлѣ статей и изслѣдованій мы находимъ нѣсколько больше матеріала; здѣсь имѣются: «Правда о Лжедмитріи», Н. Павлова (1886 г., т. II), «Мининъ и Пожарскій», И. Е. Забѣлина (1872 г.), «Яицкое войско», В. Витевскаго (1879 г.), нѣсколько статей Д. И. Иловайскаго и нѣкоторыхъ другихъ.

Съ 1859 до 1873 г. Бартепевъ, во время своего управленія знаменитой Чертковской библіотекой, весьма упорядочилъ ее и издалъ три части ея каталога. Къ этому же времени относится его работа по завѣдыванію «Русской Бесѣдой» и изданіе имъ переводовъ «Исторіи Сербіи» Ранке, «Исторіи Германіи съ древнѣйшихъ временъ до 1851 г.» Кольрауша.

Въ 1863 г. появился первый номеръ «Русскаго Архива», издававшася при Чертковской библіотекѣ П. И. Бартепевымъ, по совѣту Хомякова и другихъ. Журналъ поставилъ себѣ задачей особенно яркое освѣщеніе русской исторіи XVII—XIX вѣковъ, причемъ преимущественною любовью почтеннаго издателя были періоды царствованія Петра I, Екатерины II и начало XIX вѣка. «Русскій Архивъ» въ русской жизни явился обширнѣйшей исторической энциклопедіей, безъ которой нынѣ не можетъ обойтись ни одинъ, занимающійся нашей исторіей. Бартепевъ отличался удивительной способностью разыскивать матеріалы для своего изданія; къ нему ихъ несли, можно сказать, со всѣхъ концовъ Россіи, подобно тому, какъ это было нѣкогда съ покойнымъ Погодинымъ, причемъ вкладчики въ его журналъ, какъ бы сознавая всю полезность работы издателя, не предъявляли къ нему особыхъ гонорарныхъ требованій. Большою поддержкою ему были лица, стоящія во главѣ нашего управленія, благодаря чему Петръ Ивановичъ часто заполучалъ для своего журнала такіе статьи и мемуары, которые никонимъ образомъ не могли бы попасть въ руки другихъ редакторовъ и издателей. Въ этихъ видахъ Бартепевъ часто наѣзжалъ въ нашу сѣверную столицу, откуда и увозилъ цѣлыя груды драгоценнаго историческаго достоянія. Напечатанное пока въ 598 книгахъ этого архива только часть того, что Бартепеву удалось заполучить для своего «Русскаго Архива». Многое еще поконтся въ его папкахъ, и, несомнѣнно, продолжатели его дѣла получать возможность еще много лѣтъ вести завѣщанную имъ историческую энциклопедію. Аккуратность его издательства была образцовая; за много впе-

редъ книжки журнала были имъ скомплектованы, набраны въ листахъ, прокорректированы и снабжены его цѣнными примѣчаніями. Самъ лично онъ мало выступалъ въ своемъ журналѣ съ самостоятельными статьями, но его примѣчанія, порою фактическаго характера, порою полемическаго, составляютъ богатѣйшее наслѣдіе нашей исторической литературы. Въ нихъ весь Петръ Ивановичъ съ его громадными свѣдѣніями, съ страстною любовью къ Россіи, съ свособразно насмѣшливымъ умомъ и тонкимъ критическимъ талантомъ. Если бы собрать одни эти примѣчанія его по всеѣмъ эпохамъ русской жизни, то они одни составили бы не одинъ томъ, за который въ любой культурной странѣ ему присудили бы высокое ученое званіе. Но Петръ Ивановичъ всю жизнь пребывалъ простымъ редакторомъ-издателемъ, хотя и популярнаго, но сравнительно мало распространеннаго изданія, являющагося неотъемлемой принадлежностью каждаго ученаго кабинета, каждой цѣнной библіотеки.

Единственныя общества, въ которыхъ онъ принималъ участіе, были научно-литературныя общества, какъ, на примѣръ: общество любителей россійской словесности и императорское историческое общество, которое онъ охотно ежегодно посѣщалъ, за исключеніемъ послѣднихъ лѣтъ своей жизни, когда старческая слабость не могла и не позволяла ему предпринимать дальняго путешествія. Вообще вся жизненная дѣятельность Бартенева заключилась въ тиши кабинетной работы, и въ этой области онъ оставилъ по себѣ дѣйствительно видный слѣдъ.

За исключеніемъ 598 книгъ «Русскаго Архива» имъ изданы въ 1868 году четыре книги цѣннаго историческаго сборника «Осьмнадцатый вѣкъ», за которыми послѣдовали два тома «Девятнадцатаго вѣка». Большое значеніе для нашей исторической литературы имѣютъ и редактированные имъ сорокъ томовъ (съ 1870—1895 гг.) «Архива князя Воронцова» и множество другихъ работъ. Онъ принималъ участіе и въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», гдѣ помѣщалъ преимущественно свои воспоминанія о почившихъ дѣятеляхъ литературы и науки: на примѣръ, объ А. П. Львовой (1891 г., № 323), князѣ П. Г. Волконскомъ (1896 г., № 254), О. К. Рейтернѣ (1898 г., № 10), княгинѣ М. А. Голицыной-Прозоровской (1901 г., № 324), А. С. Хомяковѣ (1910 г., № 218), Н. И. Пироговѣ (№ 263) и патріархѣ Гермогенѣ (1911 г., № 38).

Первое изданіе «Войны и мира» вышло также при содѣйствіи редактора «Русскаго Архива», который тщательно продержалъ всю корректуру этого безсмертнаго произведенія; равнымъ образомъ имъ впервые были изданы стихотворенія Тютчева и Аксакова, точно также въ свое время онъ же помогъ Шевыреву составить и издать «Исторію» и «Словарь профессоровъ московскаго университета».

До послѣднихъ дней своихъ Бартеневъ продолжалъ трудиться надъ лѣтописью русской жизни. Согласно некрологу его, напеча-

танному въ «Русскомъ Словѣ» (№ 245), онъ уже давно чувствовалъ слабость и часто болѣлъ, но до послѣднихъ дней интересовался судьбою своего дѣтища — «Русскаго Архива», и даже въ предсмертномъ бреду спрашивалъ, отправлены ли гранки въ типографію...

21-го октября П. И. Бартенева не стало.

Послѣ него осталась большая библіотека. Въ ней много ученыхъ сочиненій по исторіи Россіи XVIII и XIX вѣковъ. Многія книги имѣютъ на поляхъ замѣтки авторовъ. Покойный началъ собирать библіотеку съ 21-го года, когда окончилъ московскій университетъ. Библіотека завѣщана сыну С. П. Бартенева, извѣстному музыканту, помощнику отца въ послѣднее время по веденію журнала.

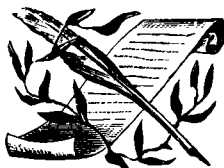
Вѣрно характеризуетъ старика Бартенева въ своемъ некрологѣ («Рѣчь», № 292) Н. Лернеръ, говоря: «какъ личность, Бартенева былъ чрезвычайно своеобразенъ, стиличенъ, такъ сказать, «историченъ». Это былъ человѣкъ-документъ, живая историческая достопримѣчательность, типичный обломокъ николаевской эпохи, когда сложились и отвердѣли навсегда его историческія и общественныя воззрѣнія. Отъ него такъ и вѣяло стариной, добродушной, растрепанной, богобоязненной и къ властямъ почтительной, хотя немного фрондирующей, Москвой времянь супруговъ Закревскихъ. Любопытны были его воспоминанія. Кого только не знавалъ онъ на своемъ долгомъ вѣку, съ кѣмъ только не встрѣчался! К. С. Аксаковъ былъ для него «Константинъ Сергѣевичъ», и какъ-то странно и жутковато-забавно было слышать, какъ вспоминалъ онъ о Чаадаевѣ: «прихожу однажды на Басманную къ покойнику Петру Яковличу»... Архаиченъ былъ стиль его писемъ и бесѣдъ. Помню, какъ онъ однажды извинялся, что не могъ отдать мнѣ визитъ: «не прогнѣвайтесь, батюшка, что изъ-за хвори не могъ взаимодействовать вамъ посѣщеніемъ»... Никогда не забуду, съ какимъ чисто-юношескимъ увлеченіемъ читалъ онъ наизусть своимъ глуховатымъ, но твердымъ голосомъ пророческіе, гениальные стихи Пушкина: «Стамбуль гяуры нынче славять»..., какъ упивался ихъ полнотонностью и сладостью, какіе вкусные рассказывалъ анекдоты... Да, интересный это былъ человѣкъ и большой дѣятель. Въ русской исторіографіи и литературѣ онъ воздвигъ себѣ несокрушимый памятникъ».

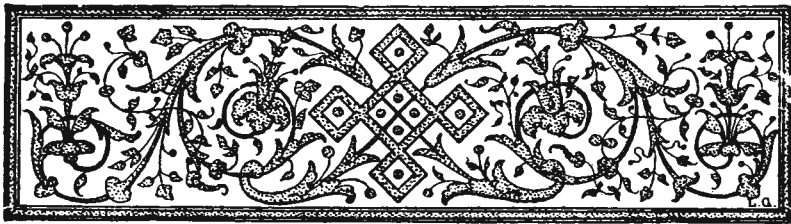
Да, дѣйствительно, Петръ Ивановичъ былъ во всемъ своеобразенъ: въ своей личной жизни, въ своихъ работахъ, въ своей рѣчи, въ своихъ взглядахъ. Это былъ типичный москвичъ, москвичъ былого времени, для котораго исторія Бѣлокаменной была живой лѣтописью, гдѣ все ему было близко, родное и милое. Москву повѣйшаго, революціоннаго періода онъ даже не признавалъ. Для него тутъ было что-то непонятное, какое-то историческое недоразумѣніе, что-то преходящее, наносное. Когда, въ дни 1905 года, на улицахъ первопрестольной раздавались выстрѣлы и стронлись

баррикады, хромой старичокъ съ костылемъ подъ мышкой не допускать для себя объ мысли и опасности выходить за порогъ дома, и на этой почвѣ между нимъ и его родными происходило немало курьезовъ.

Съ кончиной этого своеобразнаго ученаго москвича отошла въ вѣчность какъ бы цѣлая эпоха, давшая Россіи столько талантливаго, прекраснаго, что мы вѣчно будемъ изучать и чему учиться, какъ равно не забудемъ и того, кто былъ послѣднимъ, такъ сказать, живымъ лѣтописцемъ своего культурнаго времени.

Г. Л. И.

ПАМЯТИ Д. Н. МАМИНА-СИБИРЯКА.

ЯДЫ русских беллетристовъ, вышедшихъ на широкую литературную дорогу въ періодъ 70—80-хъ годовъ, рѣдѣютъ: въ короткое время не стало И. Л. Леонтьева-Щеглова, М. Н. Альбова, 2-го ноября текущаго года скончался Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, по случаю 40-лѣтняго юбилея котораго еще такъ недавно газеты помѣстили рядъ статей, гдѣ, наконецъ-го, замолчанному критикой талантливому писателю воздали должное. Маминъ уже нѣсколько лѣтъ какъ бы пребывалъ на положеніи литературнаго инвалида, и только повторныя отдѣльныя изданія его многочисленныхъ произведеній напоминали публикѣ объ этомъ выдающемся представителѣ нашей беллетристики. Тяжелый недугъ съ неумолимой послѣдовательностью подтачивалъ его богатырскій организмъ, и въ послѣднее время онъ все рѣже и рѣже появлялся въ писательской средѣ, которая его лично любила, какъ великолѣпнаго товарища, занятаго и веселаго собесѣдника, вносящаго въ окружающую среду запасъ задумчивости, безобидной шутки и незлобиваго смѣха.

Пишущій настоящій очеркъ состоялъ съ покойнымъ писателемъ въ близкихъ и дружескихъ отношеніяхъ, начиная съ 1890 года, когда Дмитрій Наркисовичъ появился въ редакціи «Сѣвернаго Вѣстника» съ объемистой рукописью, предназначенною для областного отдѣла журнала и посвященною описанію добычи на Уралѣ золота и платины. Желаніе Мамина принять участіе въ журналѣ доставило мнѣ немалую радость, и между мною и этимъ, тогда уже

извѣстнымъ писателемъ скоро завязались дружескія отношенія. Высокій, статный, съ умнымъ красивымъ лицомъ, выразительными глазами, его импонирующій образъ сразу располагалъ къ себѣ, вызывалъ симпатію и естественно заставлялъ думать, что предъ тобою находитесь отмѣченный божественною печатью человѣкъ съ большимъ талантомъ и широкою, любвеобильною душою. Съ тѣхъ поръ наши отношенія съ Маминымъ бывали временами очень тѣсными, и мнѣ приходилось въ разные періоды его жизни становиться къ нему въ особенную близость.

Свѣжій холодъ могилы не позволяетъ мнѣ повѣдать здѣсь много интимное, что мнѣ извѣстно изъ жизни этого выдающагося человѣка, и рассказать то близкое и сердечное участіе, которое онъ мнѣ выказывалъ въ разные тревожные періоды моей жизни. Тутъ пришлось бы вѣдаться въ область автобіографическую, гдѣ обоюдныя наши драмы и комедіи смѣшивались и переплетались, гдѣ между собесѣдниками лились долгія рѣчи и оказывались другъ другу тѣ или инныя услуги. Все это главнѣйше имѣло мѣсто въ первую половину 90-хъ годовъ, когда и въ жизни Мамина разыгралась большая семейная трагедія и когда и надъ моей судьбою висѣли сѣрыя тучи.

Какъ живой, стоитъ передо мной Дмитрій Наркисовичъ по прибытіи въ 1890 году въ Петербургъ, когда онъ рука объ руку съ артисткой М. М. Абрамовой свивалъ свое уютное гнѣздышко на Миліонной улицѣ, гдѣ чувствовалось столько задушевнаго тепла и гдѣ взоръ съ любовью останавливался на этой красивой парочкѣ изъ литературно-артистическаго міра, передъ которой, казалось, развертывалась такая широкая, свѣтлая жизненная дорога. Но горе подкралось неожиданно, и преждевременная смерть унесла подругу жизни нашего писателя, оставивъ на его попеченіе малютку-дочь, которой онъ и отдалъ всю силу своей любящей души, всю силу своихъ думъ и заботъ. Тяжелый періодъ жизни наступилъ у него; горе могло его совершенно поглотить, но близкіе люди, успѣвшіе къ тому времени полюбить этого выходца изъ Урала, сумѣли его поддержать и въ томъ числѣ, главнымъ образомъ, тоже нынѣ ужъ покойные Александра Аркадьевна Давыдова и Н. К. Михайловскій. Давыдова на первыхъ же порахъ приняла на себя попеченіе и заботу объ осиротѣвшей Аленушкѣ, — такъ звали дочь Мамина, — и избавила его отъ тѣхъ хлопотъ, которыя не всегда бываютъ подъ силу мужчинамъ. За эти услуги Маминъ чувствовалъ себя безконечно обязаннымъ Давыдовой, и когда она основала журналъ «Міръ Божій», впоследствии переименованный въ «Современный Міръ», онъ оказалъ ей своимъ художественнымъ перомъ сильную поддержку, работая на изданіе на самыхъ льготныхъ условіяхъ.

Я помню посѣщеніе Маминымъ издательницы «Міра Божьяго» въ Лѣсномъ въ 1895 г. и видѣлъ всюту безконечную признательность, кото-

рую онъ ей дарилъ въ отвѣтъ за все то доброе, что когда-то Давыдова сдѣлала и для него, и для его дочери. Равнымъ образомъ отдавалъ онъ и свои лучшія чувства Михайловскому, котораго высоко ставилъ и какъ писателя, и какъ общественнаго дѣятеля, и какъ человѣка.

Когда на послѣднемъ писательскомъ съѣздѣ среди нѣкоторыхъ литературныхъ кружковъ говорили, что на съѣздѣ не участвуютъ крупныя литературныя силы, Маминъ, обращаясь къ своимъ провинціальнымъ коллегамъ, говорилъ:

— А гдѣ онѣ, крупныя-то силы? За свою многолѣтнюю литературную дѣятельность я зналъ только одного крупнаго писателя—и этимъ писателемъ былъ покойный Николай Константиновичъ Михайловскій.

Послѣдній питалъ къ Сибиряку чувство большой любви, высоко ставилъ его «стихійный талантъ» и всегда любовался проявленіемъ его оригинальнаго ума, мѣткостью его опредѣленій и живописностью его рѣчи, какъ въ личной бесѣдѣ, такъ и въ писаніи. Но рядомъ съ этимъ за Михайловскимъ передъ Маминымъ былъ тяжкій грѣхъ: онъ не удосужился въ своихъ критическихъ работахъ дать должную характеристику литературнаго творчества Мамина, поставить его въ нашей журналистикѣ на надлежащее мѣсто и тѣмъ самымъ своимъ авторитетомъ критика-публициста освободить его отъ того замалчиванія и непониманія нашей общей критикою, которыми она провинилась передъ почившимъ писателемъ.

Кромѣ личной раны, о которой упомянуто выше, замалчиваніе Мамина критикою было также больнымъ мѣстомъ въ его жизни, и иногда въ этомъ отношеніи при всей скрытности своего характера, скупого на автобіографическій матеріалъ, онъ невольно давалъ волю своему накинѣвшему больному чувству. Такъ, въ одну изъ нашихъ послѣднихъ встрѣчъ въ Павловскѣ у умирающаго А. М. Скабичевского онъ прорвался послѣ лишняго выпитаго стакана вина. Вспоминая свое прибытіе въ Петербургъ и «представленіе» корифеямъ нашей критики, Маминъ со смѣхомъ, въ которомъ, однако, слышались ноты не то обиды, не то сарказма, отмѣтилъ, какъ нѣсколько свысока отнесся къ нему Скабичевскій и какъ послѣдній пришилъ къ нему кличку «беллетриста-этнографа». Эта кличка казалась ему обидною, и онъ раздражался, что критика въ его произведеніяхъ не находитъ ничего болѣе замѣчательнаго, какъ элементъ этнографіи. Болѣе сдержанно отнесся онъ къ тому, что Михайловскій просто замолчалъ его, отмѣтивъ лишь «стихійность» его дарованія, и однажды въ бесѣдѣ со мною въ Москвѣ, гдѣ мы одновременно очутились по литературнымъ дѣламъ, уже послѣ смерти знаменитаго социолога-публициста, Маминъ просто съ огорченіемъ подчеркнул этотъ фактъ. Узнавъ, что Михайловскій какъ-то въ разговорѣ со мной удивлялся даровитости автора

Д. Н. Маминъ-Сибирякъ.

«Уральскихъ разсказовъ» и выдвигалъ съ особенною силою своеобразность его таланта, не укладывавшагося ни въ какія шаблонныя рамки, онъ упорно требовалъ отъ меня возстановить въ памяти все то, что редакторъ «Русскаго Богатства» про него говорилъ. Видно было, что онъ дорожилъ каждымъ его словомъ, какъ словомъ не только выдающагося писателя, но и человѣка, къ которому онъ крѣпко былъ привязанъ. Мнѣ кажется, что, останься живъ

Михайловскій еще нѣкоторое время, и жизнь Мамина не скоро прекратилась бы; онъ сумѣлъ бы удержать своего младшаго друга отъ тѣхъ грѣховъ и ошибокъ, въ которые онъ впадалъ все чаще и чаще въ послѣдніе годы и которые ускорили его роковую развязку жизни.

Человѣкъ удивительно общительный, стоявшій внѣ всякихъ партій, нашъ беллетристъ имѣлъ много пріятелей, но друзей, настоящихъ друзей у него было мало, передъ которыми бы онъ развертывалъ всю широту своей прекрасной души, и одиночество въ идейномъ, культурномъ смыслѣ было, на мой взглядъ, несомнѣннымъ спутникомъ его жизни. При всей шумности своего поведенія на людяхъ, шумности, покрытой постояннымъ смѣхомъ, бравурными рѣчами, вѣчными шутками и прибаутками, въ немъ таилась какая-то тоска, которую онъ глубоко оберегалъ въ своей душѣ, не давая къ ней прикасаться чужимъ рукамъ. Его произведенія, разсмотрѣнныя подъ этимъ угломъ зрѣнія, могутъ дать въ распоряженіе изучающихъ ихъ богатый матеріалъ. Въ обиліи вы найдете этотъ матеріалъ и въ автобіографическомъ романѣ «Черты изъ жизни Пепко», гдѣ авторъ нарисовалъ немало страницъ изъ раннихъ лѣтъ своей жизни перваго періода пребыванія въ Петербургѣ, нѣкоторыми страницами котораго мы въ дальнѣйшемъ воспользуемся для характеристики писательской фізіономіи почившаго беллетриста.

Дмитрій Наркисовичъ Маминъ родился въ 1852 году въ Екатеринбургѣ въ духовной средѣ. Я помню большой портретъ, висѣвшій въ 90-хъ годахъ надъ его письменнымъ столомъ, изображавшій собою почтеннаго іерея, — это было изображеніе его отца. Среднее образованіе прошелъ онъ въ той же родной духовной средѣ, а для полученія высшаго пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ учился то въ ветеринарномъ институтѣ, то въ университетѣ, но ни въ одномъ изъ заведеній курса не окончилъ, — того не позволили ему средства, и онъ съ молодыхъ лѣтъ погрузился въ тяжелую мелкую газетную работу. Каждый день брался съ бою построчной платой мелкаго репортажа, который изсушалъ силы, но не давалъ необходимой пищи молодому организму. «Какая это ужасная вещь — голодь, особенно въ молодые годы, когда организмъ такъ настойчиво предъявляетъ свои права на питаніе, — говоритъ онъ въ своемъ автобіографическомъ романѣ «Черты изъ жизни Пепко». — Среднимъ числомъ мнѣ пришлось прожить впроголодь около десяти лѣтъ, и я отлично понимаю, что значить вѣчно недоѣдать». Вспоминая объ этомъ репортерскомъ періодѣ своей жизни, писатель далѣе повѣствуетъ: «Мое репортерство быстро пошло въ ходъ, и въ какой-нибудь мѣсяць я превратился въ зауряднаго газетнаго сотрудника. Меня уже не смущала больше моя пестрая визитка, потому что были и другіе репортеры, ко

торые настойчиво желали быть репортерами. Громадное неудобство этой работы заключалось въ томъ, что она отнимала ужасно много времени. Приходилось въ день засѣданія уходить изъ дому въ семь часовъ вечера и возвращаться въ часъ, а затѣмъ утромъ писать отчетъ и нести его въ трактиръ. Однимъ словомъ, уходилъ почти цѣлый день. Такая работа въ результатѣ давала отъ рубля до двухъ за отчетъ. Считая отъ десяти до пятнадцати ученыхъ засѣданій въ мѣсяцъ, мой заработокъ колебался между двадцатью и тридцатью рублями. Цифра для меня являлась громадной, особенно принимая во вниманіе, что это были первые заработки, дававшіе извѣстную самостоятельность и нѣкоторое уваженіе къ собственной особѣ. Да, я уже являлся составной частью того живого цѣлага, которое называется ежедневной газетой. Про себя я очень гордился своей первой литературной работой и былъ радъ, что началъ службу простымъ рядовымъ. Теперь для меня раскрывалась другая сторона жизни газетнаго дѣла, которая для обыкновеннаго газетнаго читателя не существуетъ,—за этими печатными строчками открывался оригинальный живой міръ: органически связанный вотъ именно съ такимъ печатнымъ листомъ бумаги. Настоящій газетный сотрудникъ, въ общежитіи своемъ смыслѣ, погибшій человекъ, потому что послѣ пяти-шести лѣтъ газетной работы онъ настолько въѣдается въ свое дѣло, что теряетъ всякую способность къ другой работѣ. Я видѣлъ настоящихъ фанатиковъ газетнаго дѣла, какъ тотъ же полковникъ Фрей ¹⁾. Меня поразила прежде всего его изумительная аккуратность,—аккуратность настоящаго стараго газетнаго солдата, который зналъ только одно, что «газета не ждетъ». Мнѣ пришлось проработать съ нимъ вмѣстѣ около трехъ лѣтъ, и не было случая, когда бы онъ опоздалъ хотя на пять минутъ.

«Газетное братство» распадалось на цѣлый рядъ категорій: передовики, фельетонисты, хроникеры, завѣдывающіе отдѣлами вообще и просто мелкая газетная сошка. Въ сущности получались двѣ неравныхъ «половины»: съ одной стороны газетная аристократія, какъ модные фельетонисты, передовики и «наши уважаемые сотрудники», а съ другой стороны—безыменная газетная челядь, ютившаяся на послѣднихъ страницахъ, въ отдѣлѣ мелкихъ извѣстій, замѣтокъ, слуховъ и сообщеній. Особенно сильная борьба шла именно въ этомъ послѣднемъ отдѣлѣ микроорганизмовъ, гдѣ каждая напечатанная строка являлась синонимомъ насущнаго хлѣба. Я быстро понялъ эту газетную философію: каждая напечатанная мной строка отнимала у кого-нибудь его кусокъ хлѣба. Отсюда своя подводная борьба за существованіе, свои бури въ стаканѣ воды, свои интриги, симпатіи и антипатіи».

¹⁾ Фамилія вымышлена. Б. Г.

Одновременно съ этой репортерской работой Маминъ задумывалъ и писаніе романа и все въ тѣхъ очеркахъ «Изъ жизни Пепко» даетъ характерныя страницы процесса своего творчества и отмѣчаетъ, какимъ путемъ и какимъ методомъ работы онъ шелъ къ намѣченной цѣли. Онъ повѣствуетъ: «Мои занятія шли своимъ чередомъ. Все свободное время, которое у меня оставалось, шло на писаніе романа. То была работа Сизифа, потому что приходилось до десяти разъ передѣлывать каждую главу, мѣнять планъ, вводить новыхъ лицъ, вставлять новыя описанія и т. д. Недоставало прежде всего знанія жизни и технической опытности... У этого перваго произведенія прежде всего было одно достоинство: оно дало привычку къ упорному самостоятельному труду. Да, труда было достаточно, а главное—была цѣль впереди, для которой стоило поработать. Время отъ времени наступали моменты глухого отчаянія, когда я бросалъ все. Ну, какой я писатель? Вѣдь писатель долженъ быть чуткимъ человѣкомъ, впечатлительнымъ, а я чувствовалъ себя самымъ зауряднымъ, среднимъ рабочимъ — и только. Я перечитывалъ русскихъ и иностранныхъ классиковъ и впадалъ въ еще большее уныніе. Какъ у нихъ все просто, хорошо, красиво и, главное, какъ легко написано, точно взялъ бы и самъ написалъ тоже самое. И какъ понятно—вѣдь я тоже самое думалъ и чувствовалъ, что они писали, а они умѣли угадать самыя сокровенныя движенія души, самыя тайныя мысли, всю ложь и неправду жизни. Что писать послѣ этихъ избранниковъ, съ которыми говорила морская волна и для которыхъ звѣздная книга была ясна...

«Первоначальная форма романа была совершенно особенная, безъ главъ и частей. Кажется, чего проще—разбить поэму на части и главы, а между тѣмъ это представляло непреодолимыя трудности—дѣйствующія лица никакъ не укладывались въ предлагаемыя рамки, и само дѣйствіе не поддавалось расчлененію. Однимъ словомъ, мнѣ приходилось писать такъ, какъ будто это былъ первый романъ въ свѣтѣ и до меня никто не написалъ ничего похожего на романъ. Дѣйствіе получалось самое запутанное, такъ что изъ каждой главы можно было сдѣлать самостоятельный романъ. А затѣмъ дѣйствующія лица такъ мало походили на живыхъ людей, начиная съ того, что рѣзко разграничивались на два разряда—собственно героевъ и мерзавцевъ по преимуществу. Это было то же, если бы въ мірѣ было всего два цвѣта—бѣлый и черный, а спектръ не существовалъ. Настоящая жизнь еще не давала красокъ. Да и какая это была жизнь: описывать свое родное гнѣздо, когда Гоголь уже навѣки описалъ югъ, описывать свою школу, студенчество, репортеровъ, Оедосью, Пепку, фельдшера, какъ онъ жужжитъ мухой, пухленькую Надю,—все это было такъ сѣро, заурядно, и не давало ничего. Вообще было достаточно оснований для отчаянія... Да и что можно было написать, сидя въ нашей проклятой мурѣ? Я

началь ненавидѣть свою комнату, Оедосью, всѣхъ квартирантовъ; это была та стѣна, которая заслоняла отъ меня настоящую жизнь. Оставалась надежда на будущее, и я хватался за нее, какъ утопающій хватается за соломинку.

«Впрочемъ, была одна область, въ которой я чувствовалъ себя до извѣстной степени сильнымъ и даже компетентнымъ: это—описание природы. Вѣдь я такъ ее любилъ и такъ тосковалъ по ней, придавленный петербургской слякотью, сыростью и вообще мерзостью. У меня въ душѣ жили и южное солнце, и высокое синее небо, и широкая степь, и роскошный южный лѣсъ... Нужно было только перенести все это на бумагу, чтобы и читатель увидѣлъ и почувствовалъ величайшее чудо, которое открывается каждымъ восходящимъ солнцемъ, и къ которому мы настолько привыкли, что даже не замѣчаемъ его. Вотъ указать на него, раскрыть всѣ тонкости, всю гармонию, все то, что благодаря этой природѣ отливается въ національныя особенности, начиная пѣсней и кончая общимъ душевнымъ тономъ. Свои описанія природы я началъ съ подражанія тѣмъ образцамъ, которые помѣщены въ хрестоматіяхъ, какъ образцовые. Сначала я писалъ напыщенно-реторическимъ стилемъ à la Гоголь, потомъ старательно себя усвоилъ манеру красивыхъ описаній à la Тургеневъ и только подъ конецъ понялъ, что и Гоголевская природа и Тургеневская—обѣ не русскія, и подъ ними можетъ смѣло подписаться всякая другая природа, за очень немногими исключеніями. Настоящая равнинная Русь чувствуется только у Л. Толстого, и горная—у Лермонтова,—эти два автора навсегда остались для меня недосягаемыми образцами. Надъ выработкой пейзажа я бился около двухъ лѣтъ, причемъ мнѣ много помогли русскіе художники-пейзажисты новаго реальнаго направленія. Я не пропускалъ ни одной выставки, подробно ознакомился съ галереями Эрмитажа и только здѣсь понялъ, какъ далеко ушли русскіе пейзажисты по сравненію съ литературными описаніями. Они схватили ту затаенную, скромную красоту, которая навѣваетъ специально русскую хорошую тоску по сѣверѣ; они поняли чарующую прелесть русскаго юга, того юга, который въ концѣ концовъ подавляетъ роскошью своихъ красотъ и богатствомъ свѣтотѣни. И тамъ, и тутъ разливалась специально наша русская поэзія, оригинальная, мощная, безграничная и безъ конца родная... Красота, вообще, вещь слишкомъ условная, а красота типичная—вещь опредѣленная. Сѣверные сумерки и разсвѣты съ шелковымъ небомъ, молочной мглой и трепетнымъ полусвѣщеніемъ, сѣверныя бѣлыя ночи, кровавыя зори, когда въ іюнь утро съ вечеромъ сходится,—все это было наше родное, отъ чего поетъ и горитъ огнемъ русская душа; бархатныя снѣжныя южныя почвы съ золотыми звѣздами, безбрежная даль южной степи, захватывающій просторъ снѣга южнаго моря—тоже наше и тоже съ оттѣнкомъ какого-то глубоко

неудовлетвореннаго чувства. Блѣдная сѣверная зелень — скоро-спѣлка, блѣдные сѣверные цвѣтки, контрастирующая траурная окраска вѣчно зеленаго хвойнаго лѣса съ его молитвенно-строгими готическими линіями, унылая средне-русская равнина съ ея врачующимъ просторомъ, разливы могучихъ рѣкъ,—все это только служило дополненіемъ могучей южной красоты, горѣвшихъ тысячью яркихъ живыхъ красокъ—цвѣтовъ, смуглой, кожистой, точно лакированной южной зеленью, круглившимися купами южныхъ деревьевъ. Съ какимъ удовольствіемъ я провѣрялъ описанія природы по лучшимъ картинамъ, сравнивалъ, исправлялъ и постепенно доходилъ до пониманія этого захватывающаго чувства природы. Мнѣ много помогло еще то, что я съ дѣтства бродилъ съ ружьемъ по степи и въ лѣсу и не одинъ десятокъ ночей провелъ подъ открытымъ небомъ на охотничьихъ привалахъ. Надъ рукой былъ необходимый живой матеріалъ, и я разрабатывалъ его съ упоеніемъ влюбленнаго, радуясь каждому удачному штриху, каждому удачному эпитету или сравненію».

Возвращаясь въ другомъ мѣстѣ къ первымъ шагамъ на пути своей беллетристической работы, Маминъ говоритъ: «Я опять перечитывалъ свой романъ и начиналъ находить въ немъ нѣкоторыя достоинства, какъ описанія природы, двѣ-три удачныхъ сцены, двѣ-три характеристики. Есть авторы, которые выступаютъ сразу въ своемъ настоящемъ амплуа, и есть другіе авторы, которые поднимаются къ этому амплуа точно по лѣсенкѣ. Вдумываясь въ свое сомнительное дѣтище, я отнесъ себя къ послѣднему разряду. Да, впереди предстоялъ цѣлый рядъ неудачъ, разочарованій и ошибокъ, и только этимъ путемъ я могъ достигнуть цѣли. Я нисколько не обманывалъ себя и видѣлъ впереди этотъ тернистый путь. Что же, у всякаго своя тернистая дорога.. Вѣдь музыкантъ прежде, чѣмъ перейти къ композиторству, долженъ пройти громадную школу, художникъ то же, и одна теорія ни тому, ни другому не даетъ ничего, кромѣ знанія. Автору приходится сразу выступать композиторомъ, и въ этомъ громадная разница. Конечно, и у автора есть свой подражательный періодъ, который только постепенно смѣняется тѣмъ *своимъ*, что одно только и дѣлаетъ автора. Въ этомъ *своемъ*, какъ бы мало оно ни было, заключается весь авторъ; разница только въ степени. Есть свои рядовые, офицеры, генералы и даже фельдфебеля и унтеръ-офицеры.

«Всѣ эти мысли и чувства проходили у меня довольно безсвязно, путались, сбивали другъ друга и производили тотъ хаосъ, въ которомъ трудно разобраться. А нужно было жить, нужно было работать...»

Изъ приведенныхъ выдержекъ мы усматриваемъ, какъ бережно, благоговѣнно нашъ писатель готовился къ своему служенію печатному слову, для котораго у него въ душѣ создалось и окупилось на-

стоящее «какое-то мистическое уваженіе». Онъ съ особенною поэтому любовью вспоминалъ первыя свои появившіяся въ печати произведенія и говорилъ по поводу нихъ: «Первыя печатныя сроки... Сколько въ этомъ прозаическомъ дѣлѣ скрытой молодой поэзіи, какое пробужденіе самостоятельной дѣятельности, какое окрыляющее сознаніе своей силы! Объ этомъ много было написано, какъ о самомъ поэтическомъ моментѣ, и эти первые поцѣлуи остаются навсегда въ памяти, какъ полуистлѣвшія отъ времени любовныя письма».

И благоговѣніе къ писательству, какъ къ цѣломудренному долгу передъ родиной, Маминъ сохранилъ до конца своихъ дней. Для характеристики этой черты жизни почившаго романиста приведемъ любопытную сценку изъ фельетона Гр. Петрова («Русское Слово», № 245), посвященнаго юбилейнымъ днямъ Мамина-Сибиряка. Сотрудникъ этой газеты вспоминаетъ:

«Лѣтъ десять тому назадъ въ Петербургѣ образовались и лѣтъ пять продолжались товарищескіе литературныя обѣды. По средамъ собирались наиболѣе крупныя писатели-художники, жившіе въ столицѣ. Случалось, навертывались дорогими гостями и пріѣзжіе изъ Москвы или провинціи писатели.

«Помню, въ серединѣ одного изъ такихъ обѣдовъ кто-то изъ служащихъ сообщаетъ, что пришло нѣсколько студентовъ, которые желаютъ видѣть господъ писателей.

«— Кого именно?—спросило нѣсколько недоумѣвающихъ господовъ.

«— Всѣхъ вообще,—пояснилъ докладчикъ.

«— Попросите войти,—чуть не въ одинъ голосъ радушно пригласили всѣ обѣдавшіе.

«Были покойный романистъ-историкъ Д. Л. Мордовцевъ, В. И. Немировичъ-Данченко, Д. Н. Маминъ-Сибирякъ, гг. Потапенко, Баранцевичъ, еще человекъ десять писателей съ именами на всю Россію.

«Минуть черезъ пять явились гости, три-четыре франтоватыхъ, молодыхъ безусыхъ студента. Непринужденно раскланялись, назвали свои фамиліи и съ большою развязностью заявили:

«— Мы къ вамъ, господа, представителями. Отъ молодежи, студенчества. Назрѣваютъ событія, нужны вѣскія слова. У студенчества также есть что сказать, и мы рѣшили говорить: хотимъ издавать журналъ. Обсуждая программу и вообще веденіе журнала, мы, между прочимъ, и надумали, что не лишнее было бы пригласить и писателей съ именами. Направились сегодня, навѣдались въ двухъ-трехъ мѣстахъ,—нѣтъ никого дома. Спрашиваемъ: гдѣ? Говорятъ: «на литературномъ обѣдѣ». Мы и рѣшили.

«Дай,—думаемъ,—сразу захватимъ всѣхъ.

«Потому и рѣшились побеспокоить васъ здѣсь.

«Писатели съ именами» любезно пригласили молодежь къ столу, охотно общались свое содѣйствіе.

«— Тогда наша миссія исполнена,—быстро поднялись юные гости.—Мы торопимся далѣе по дѣламъ. Приносимъ благодарность.

«Бойкіе молодые люди вышли, а писатели остались въ какомъ-то недоумѣніи. Чувствовалась въ душѣ легкая горечь. Всѣ молчали,—кто потупясь въ раздумѣ, кто оглядывая исподлобья сосѣдей.

«— Каково?—тряхнувъ головою и съ искрами юмора въ живыхъ глазахъ, глянулъ Д. Н. Маминъ вслѣдъ ушедшимъ.—Какой смѣлый народъ пошелъ! На губахъ материно молоко не обсохло, усами еще не обзавелись, а уже журналъ свой затѣваютъ, собираются говорить свое слово на всю Россію и, между прочимъ,—замѣтите—между прочимъ, считаютъ нелишнимъ пригласить нѣсколько писателей съ именами. Осчастливили, удостоили, а затѣмъ мотнули хвостиками и адью: имъ некогда!

«— Да я въ ихъ годы, на ихъ мѣстѣ, попади студентомъ въ общество, подобно енашему теперь,—я бы подъ столъ спрятался отъ смущенія, не зналъ бы, куда притулиться, сидѣлъ бы хоть сутки, а тутъ, глядите-ка, какіе моншеры: сразу не меньше, какъ съ журнала, и всю крупную литературную рыбу только на пристяжку. Эти далеко пойдутъ. Не догонишь. Свезти,—ничего не свезутъ, ничего и не вывезутъ, но сами далеко проберутся. Рѣзваци!—посвисталъ Дмитрій Наркисовичъ Маминъ.

«Я вспомнилъ эту сцену наканунѣ литературнаго праздника Дмитрія Наркисовича Мамина-Сибиряка не для опредѣленія развязныхъ молодыхъ людей, которые ничего и не сказали, и не написали, и даже не начинали, а для выясненія настроенія заслуженнаго литературнаго гвардейца, стараго писателя дѣйствительно добраго стараго литературнаго времени.

«— Имѣйте уваженіе къ литературѣ и къ вашей литературной работѣ,—писалъ В. Вѣлинскій Ѳ. М. Достоевскому въ началѣ литературной дѣятельности послѣдняго.—Только уважая сами литературу и вашу творческую работу въ литературѣ, вы сможете заслужить уваженіе читателя къ вамъ.

«И вотъ въ горькомъ юморѣ Д. Н. Мамина по поводу нежданнаго налета развязной молодежи неожиданно сказалось глубокое уваженіе истиннаго писателя къ великому служенію художественнымъ словомъ.

«Сами мы, какъ люди, какъ человѣки Божьи, обшитые кожей, можетъ быть, и такіе, и сякіе,—можно сказать въ духѣ добродушнаго юмора Дмитрія Наркисовича,—по наше творчество, наша литературная работа, писательство, это, это... это—служеніе, священнодѣйствіе: ни наѣздничества, ни паскока, ни базара, ни забѣганья напоказъ тутъ быть не можетъ.

«И если бы въ поясненіе приведенныхъ словъ пужна была живая иллюстрація, то, какъ примѣръ строгаго литературнаго цѣломудрія, смѣло можно было бы привести Д. Н. Мамина, автора «Золота», «Приваловскихъ милліоновъ», «Чертъ изъ жизни Пепко» и чудныхъ «Аленушкиныхъ сказокъ».

Эти слова Гр. С. Петрова какъ нельзя лучше характеризуютъ Мамина, какъ писателя-профессіонала, и, быть можетъ, этимъ свойствомъ его литературнаго дарованія и литературнаго міровоззрѣнія и объясняется то, что количество созданнаго имъ не совсѣмъ соразмѣрно съ тѣми мощными силами, которыя были заложены въ него природою. Онъ не размѣнивался на мелкую монету, былъ щепетилень въ выборѣ себѣ мѣста сотрудничества и отдавалъ въ печать только тогда свое произведеніе, когда оно было имъ всесторонне обдуманно и конструировано въ воображеніи во всѣхъ его подробностяхъ. Тогда онъ садился за работу (по преимуществу по утрамъ) и создавалъ его на бумагѣ почти безъ всякихъ поमारокъ и поправокъ. Работа шла у него удивительно легко, и просто можно было любоваться, съ какою быстротою исписывались имъ листы почтовой бумаги большого формата.

Вносивъ и воспитавъ въ себѣ перворазряднаго беллетриста, онъ въ 1882 году дебютируетъ сначала въ журналѣ «Дѣло», а затѣмъ переходитъ въ «Отечественныя Записки», гдѣ появляются его большія произведенія: «Бойцы», «Золотуха», «Горное гнѣздо», «Приваловскіе милліоны» и другіе рассказы. Въ концѣ 80-хъ годовъ количество имъ написаннаго достигаетъ такого размѣра, что его рассказы выходятъ отдѣльно въ двухъ томахъ («Уральскіе рассказы»), куда, однако, не вошли большіе романы. Такимъ образомъ, крупное литературное имя было создано, и писатель послѣ многихъ лѣтъ мыканья по газетнымъ задворкамъ вышелъ на широкую дорогу, гдѣ судьба увѣнчала его извѣстностью и почетомъ. Но жизнь и работа въ столичномъ городѣ не могла давать духовнаго удовлетворенія бывшему провинціалу: его изъ городскихъ тѣсныхъ каменныхъ гробовъ съ ихъ трактирной обстановкой, являющейся удѣломъ, по большей части, нашихъ начинающихъ писателей, борющихся за право жизни и право творчества, тянуло на просторъ, въ тайгу, въ лѣсъ, въ степь, на лоно природы. Все въ томъ же автобіографическомъ романѣ онъ по этому предмету пишетъ: «Я мечталъ лѣтомъ пробраться въ свои степи: это повторялось каждую весну, и каждую весну эта надежда разбивалась о главное препятствіе: не было денегъ на поѣздку. Такимъ образомъ мнѣ пришлось провести два ужасныхъ лѣта въ Петербургѣ, и я утѣшалъ себя только расчётами на третье. Но, увы!—этой мечтѣ не суждено было сбыться... Какъ разъ передъ послѣднимъ экзаменомъ я получилъ письмо отъ отца, въ которомъ было такъ много хорошихъ совѣтовъ и не было денегъ на поѣздку. Деньги, проклятыя деньги! онѣ отнимаютъ у

насъ даже родное небо, родное солнце, ласки любимыхъ людей,— однимъ словомъ, все хорошее и самое дорогое. Я очень любилъ и уважалъ отца. Это былъ простой и добрый, но строгій человѣкъ, смотрѣвшій на жизнь серьезно. «Перебейся какъ-нибудь лѣто въ Питеръ,—писалъ онъ:—конечно, это тебѣ покажется скучнымъ, но пужно примириться... Сколько есть людей, которые всю жизнь мечтаютъ попасть въ Петербургъ, чтобы посмотрѣть своими глазами на его чудеса, да такъ и остаются въ глуши. Пользуйся случаемъ... Кончишь курсъ, поступишь въ провинцію на службу, и еще неизвѣстно, удастся ли тебѣ въ другой разъ видѣть эту знаменитую столицу». Милый старикъ, какъ онъ мило ошибался.. Чудеса Петербурга—верхъ наивности. Съ какой радостью я послалъ бы къ чорту эти чудеса, чтобы умчаться туда, на дорогую родину».

И вотъ, что было для него недосыгаемымъ въ дни студенческаго ботемства и репортерскаго мыканья, становится достижимымъ съ пріобрѣтеніемъ литературнаго имени: онъ посылаетъ къ чорту наши столичные чудеса и присоединяется снова къ той уральской жизни, гдѣ у него были такъ живы и святы всѣ впечатлѣнія молодого бытія, гдѣ передъ нимъ снова въ величественной панорамѣ предсталъ Уралъ съ его своеобразной жизнью, людьми, правами и бытомъ, откуда онъ почерпалъ широкую рукою содержаніе и темы для своего творчества. Уралъ, рядомъ съ своеобразиемъ своей бытовой жизни, далъ ему богатое поле наблюденія надъ коренными типами русской жизни, изъ которыхъ одна часть явилась представителями дореформенной Россіи, другая — новаго уклада вещей. Эта дореформенная Россія, примитивная, наивная, своеобразная, неповоротливая и непріимчивая, ярко нарисована имъ въ цѣломъ рядѣ произведеній въ моментъ ея распадѣнія подъ напоромъ новыхъ вѣяній, взявшихъ свое происхожденіе изъ тѣхъ началъ цивилизаціи, которую принесли съ собою освободительные шестидесятые годы. И рядомъ съ этой отживающей стариной онъ поставилъ типы новѣйшей формаціи, жаждущіе, нищущіе, часто хищные и неприглядные, для которыхъ ничто въ старомъ не было дорого и которые старательно сметали это старое, не умѣя, однако, на очищенномъ мѣстѣ создать ничего положительнаго, устойчиваго и красочнаго, что бы привлекло глазъ и вызывало сочувствіе къ своей внѣшней и внутренней сторонѣ. Между этими двумя сторонами старой и новой Россіи онъ вывелъ рядъ промежуточныхъ типовъ, «неготовыхъ къ сильной борьбѣ» и гибнущихъ въ своемъ безсиліи завоевать себѣ право жизни. Всѣ эти стороны русской жизни и типы выведены имъ въ рядѣ романовъ, къ главнѣйшимъ изъ которыхъ относятся «Три конца», «Золото», «Хлѣбъ», «Приваловскіе милліоны», «Охонины брови», «Братья Гордѣевы» и цѣлый рядъ другихъ болѣе мелкихъ произведеній, вошедшихъ въ отдѣльные сборники.

Творчество Мамина приковало къ себѣ вниманіе читателей, и онъ уже къ концу восьмидесятыхъ годовъ сталъ однимъ изъ любимыхъ русскихъ беллетристовъ, чьего сотрудничества старательно искала наша ежемѣсячная журналистика, но о которомъ «парти́йная» критика не находила сказать ничего живого и оригинальнаго. Онъ, печатаемый въ нашихъ журналахъ лѣваго лагеря («Вѣстникъ Европы», «Дѣло», «Отечественныя Записки», «Устои», «Русская Мысль», «Русское Богатство», «Миръ Божій», «Русскія Вѣдомости»), стоялъ совершенно независимо въ роли художника-моралиста безъ крикливаго завыванія и заигрыванія съ прихотливыми вкусами публики и живописалъ свои широкія полотна свободной кистью, выбирая краски не изъ заказныхъ редакціонныхъ ящиковъ, а замѣствуя изъ той сокровищницы, которою одарила его книга жизни.

Рядомъ съ перечисленными романами большого бытового значенія онъ далъ серію произведеній съ болѣе суженной сферой дѣйствія и берущихъ свое содержаніе, изъ жизни русской интеллигенціи. Таковы «На улицѣ», «Первые студентъ», «Надо поощрять искусство», «Ученое горе», «Черты изъ жизни Пепко», «Дѣтскія тѣни» и другіе. И въ этой серіи произведеній мы видимъ все того же писателя-гуманиста, вырисовывающаго рядомъ съ типами сильными и слабыхъ людей, которыхъ онъ призывалъ щадить, любить, жалѣть. Эпоха семидесятыхъ-восьмидесятыхъ годовъ дала ему въ распоряженіе богатый матеріалъ, анализируя который, историкъ того времени уловить живое дыханіе жизни, вѣянія времени и все то смутное, неопредѣленное, что понемногу подготовило буйное и развалочное время текущаго столѣтія.

Возвращеніе на родину оживило Мамина; онъ, подобно миѳическому герою, прикоснулся къ лону родной земли и быстро всталъ во весь свой могучій ростъ, какъ областникъ и бытописатель коренной Россіи. Эта послѣдняя переливалась въ его произведеніяхъ всѣми своими причудливыми красками, ярко сказывалась въ личныхъ свойствахъ его характера и создавала изъ него тотъ притягательный типъ, который нельзя было не любить всякому, кто къ нему вплотную, близко-близко подходилъ. Живя на родинѣ, онъ принялъ на себя поддержку своей осиротѣвшей семьи и предоставилъ изъ своего заработка средства къ полученію образованія младшими ея членами. Онъ помогалъ всѣмъ обращающимся къ нему, зная по опыту, какъ тяжело живетъ людямъ въ матеріальной неволѣ.

Въ девяностыхъ годахъ, послѣ вторичнаго возвращенія въ столицу, вмѣстѣ съ артисткой Абрамовой, мы видимъ его ревностнымъ сотрудникомъ «Русской Мысли», гдѣ тогдашніе руководители журнала, въ лицѣ Лаврова, Гольцева и Ремизова (все также нынѣ покойные) высоко цѣнили талантливаго бытописателя Урала. Позднѣйшіе эпитоны этого журнала уже на нашихъ глазахъ, забывъ свое литературное родство, вмѣстѣ съ тѣмъ за-

были и Мамина, упуская из виду то многое и цѣнное, что имъ въ свое время было сдѣлано для московскаго изданія. Онъ съ горечью говорилъ мнѣ, что ему даже перестали высылать журналъ, точно его нѣтъ въ спискахъ живыхъ писателей. «Коммерческіе люди,—съ обидной улыбкой говорилъ онъ.—Боленъ, не работаю, ну—и за окно, какъ выжатый лимонъ». И онъ комически дѣлалъ одинъ изъ своихъ любимыхъ жестовъ и присвистывалъ.

Послѣ своей драмы семейной жизни и послѣ услугъ, оказанныхъ ему Давыдовой, онъ становится дѣятельнымъ сотрудникомъ «Міра Божьяго», а также «Дѣтскаго Чтенія» Д. И. Тихомирова, журналъ котораго снабжаетъ своими прелестными дѣтскими рассказами. Но дружеская его близость съ Давыдовой и съ официальнымъ редакторомъ «Міра Божьяго» В. П. Острогорскимъ не распространяется на прочій редакціонный составъ, отъ котораго онъ становится въ изолированное положеніе, какъ бы усматривая въ его отношеніяхъ къ себѣ недостаточную оцѣнку и чувство дружбы. То же самое мы видимъ въ его отношеніяхъ къ «Русскому Богатству», гдѣ онъ близко стоялъ только лично къ Михайловскому, ради котораго онъ готовъ былъ при всякихъ условіяхъ нести свое сотрудничество въ этотъ журналъ. Ему редакціонная кружковщина просто претила; здѣсь онъ видѣлъ партійную узость, которая во имя извѣстныхъ программъ готова уложить и его самобытный талантъ на Прокрустово ложе. Исключеніемъ былъ въ его глазахъ лишь С. Н. Южиковъ, тоже стоявшій въ послѣдніе годы въ сторонѣ отъ «молодой» редакціи «Русскаго Богатства».

Создавъ себѣ выдающееся имя бытописателя-романиста, Маминъ послѣ постигшаго его семейнаго горя, подъ вліяніемъ обожанія своей осиротѣлой дочки, съ особенной любовью отдаетъ свое перо на служеніе дѣтской литературѣ, создаетъ свои знаменитыя «Аленушкины сказки» и прочую серію дѣтскихъ рассказовъ, становясь настоящимъ другомъ и учителемъ маленькаго народа.

— Я ѣхалъ изъ Петербурга въ Москву. Тоска охватила душу въ вагонѣ, хотѣлось плакать, и слезы подступали къ горлу. Я вышелъ на платформу и задумался. И вотъ на изукрашенномъ морозными узорами стеклѣ оконной рамы, въ сіяніи лунныхъ лучей мнѣ какъ бы предстала покойная жена. Она мнѣ точно заказала беречь Аленушку и работать для нея. Я задумался: что же я могъ бы дать своей голубкѣ?—отсюда эти сказки.

Таковъ былъ отвѣтъ скончавшагося писателя автору настоящаго очерка на его вопросъ о происхожденіи его «дѣтской литературы», которая стоитъ такъ особо, такъ внѣ общей связи со всей его прочей писательской дѣятельностью. Эта *литература* Маминна-Сибиряка такъ свѣтла, красива, гуманна и поэтична, что, можно сказать, ничего другаго равнаго ей въ нашемъ книжномъ дѣтскомъ дѣлѣ нѣтъ. Это по всей справедливости наша родная гордость, уже

достаточно отмѣченная критикой. Недаромъ же эта категория литературнаго творчества почившаго писателя такъ пришлась по душѣ нашимъ маленькимъ читателямъ, что «Аленушкины сказки» и другіе дѣтскіе сборники вызвали уже не одно повторное изданіе. Психологъ и гуманистъ, Маминъ-Сибирякъ, чистый своею душою и прямодушіемъ, сумѣлъ близко подойти къ дѣтской природѣ и явиться для своихъ многочисленныхъ маленькихъ читателей первымъ учителемъ и проповѣдникомъ этическихъ началъ жизни. Такое положеніе могъ занять только дѣйствительно хорошій человекъ и талантливый Божіею милостію писатель.

Другой нашъ гуманистъ и дѣтскій писатель А. В. Кругловъ въ «Голосѣ Москвы» (№ 255), поминая своего почившаго собрата подъ угломъ зрѣнія его заслугъ передъ маленькимъ народомъ, справедливо говоритъ:

«У насъ вообще не цѣнится дѣтскій писатель. Такъ же у насъ съ непоправимымъ пренебреженіемъ относятся къ дѣтской литературѣ, и заслуги въ этой области не встрѣчаютъ къ себѣ должнаго вниманія. Почившій писатель любилъ дѣтей и умѣлъ бесѣдовать съ ними. И онъ серьезно смотрѣлъ на свои рассказы для дѣтей.

«Помню, какъ онъ сказалъ мнѣ въ одну изъ встрѣчъ:

«— Вы стали въ послѣднее время мало писать для дѣтей. Отчего?.. Для нихъ надо и стоитъ писать. Вѣдь насъ такъ немного—друзей ихъ. Не будемъ ихъ забывать!

«Я отвѣтилъ ему, что и не думаю «забывать», но другія причины временно мѣшаютъ мнѣ писать для дѣтей.

«— Да, ихъ надо любить, нельзя не любить!—задумчиво промолвилъ Дмитрій Наркисовичъ.

«Это было въ началѣ настоящаго столѣтія, въ одинъ изъ пріѣздовъ Мамина-Сибиряка въ Москву.

«Онъ любилъ дѣтей и умѣлъ писать для нихъ. Его «Аленушкины сказки»—прекрасны, и ихъ можно назвать *классическими* въ дѣтской литературѣ. Не всѣ его рассказы для дѣтей одинаковаго достоинства, но всѣ они прекрасны, всѣ доступны, интересны и поучительны безъ поученія, т.-е. поучительны своимъ содержаніемъ, своею идеей. Въ лицѣ почившаго Мамина-Сибиряка русскія дѣти, еще любящія свою *литературу*, а не воспитывающіяся на бульварно-уличной стряпнѣ, потеряли добраго друга-писателя. Но сочиненія его остались. Пусть же ихъ читаютъ «маленькіе люди» и воспитываются для будущей «большой работы и службы» на пользу народа, быть котораго такъ ярко и художественно изображалъ почившій въ своихъ романахъ и очеркахъ для взрослыхъ. Онъ любилъ этотъ народъ, училъ любить его и свою юную публику, которой рассказывалъ чудныя сказки, просто и сердечно говорилъ о людяхъ труда, о ихъ жизни, радостяхъ и скорбяхъ».

Не будетъ преувеличеніемъ, если я скажу, что Маминъ-Сибирякъ поднялъ до высокой художественности нашу оригинальную дѣтскую литературу, облагородилъ ее и поставилъ своимъ преемникомъ въ этомъ родѣ такой уровень требованій, при выполненіи которыхъ мы съ нашей оригинальной дѣтской литературой можемъ стать на ряду съ первоклассными произведеніями западно-европейскаго пера. Онъ съ любовью и тщательно выбиралъ иллюстраціи для своихъ дѣтскихъ рассказовъ и сборниковъ, внимательно слѣдилъ, чтобы его «маленькая» аудиторія, обширная по размѣру, не только находила въ его книжкахъ и брошюрахъ, ей посвященныхъ, достойную ея духовную пищу, но и ту внѣшнюю оправу, которая содѣйствовала бы развитію ея эстетическаго вкуса. Любовь къ дочери была исходною точкою этой литературы, и именовъ ея же—Аленушки—онъ украсилъ одинъ изъ лучшихъ сборниковъ своихъ дѣтскихъ повѣствованій, наименовавъ его «Аленушкины сказки», и, такимъ образомъ, связалъ имя боготворимой имъ дочки навсегда съ русской литературою.

Безсемейная одинокая жизнь была не въ его природѣ, и онъ вторично женился и именно на той, которая отдала его дочери всѣ свои заботы и попеченія, замѣнивъ въ ея жизни роль второй матери. Это была извѣстная въ литературныхъ кружкахъ «тетя Оля», или иначе Ольга Францовна Гувале.

Событія жизни нашего писателя, относящіяся къ послѣднимъ десяти-двѣнадцати годамъ, не блещутъ ни разнообразіемъ фактовъ, ни плодovitостью творчества, а въ послѣднія пять-шесть лѣтъ онъ явно клонился къ закату и сходилъ, какъ писатель, на нѣтъ. Если литературная среда продолжала его радостно встрѣчать, какъ добраго товарища, если издатели его книжекъ, изъ которыхъ почти каждая выдержала по нѣскольку выпусковъ, дорожили имъ, какъ прибыльнымъ авторомъ, то редакціи журналовъ и газетъ какъ будто начали его забывать. Его имя, когда-то громкое и звучное, отошло куда-то вдаль, и образъ писателя-бытовика и областника все больше тускнѣлъ. А тутъ подкрался тяжелый недугъ, который нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ окончательно свалилъ его на одръ тяжелыхъ страданій. Послѣдніе дни этихъ страданій совпали съ сорокалѣтіемъ его литературной дѣятельности, и только тутъ широкіе общественные и журнальные круги встрепенулись и дали себѣ ясный отчетъ, какому крупному русскому таланту грозитъ серьезная опасность; тогда рѣшено было среди друзей отмѣтить этотъ день, выпадавшій на день его ангела, скромнымъ домашнимъ торжествомъ съ принесеніемъ ему надлежащихъ привѣтствій и поздравленій. Вотъ то трагическое, что сообщилъ въ «Русскомъ Словѣ» (№ 254) объ этомъ юбилейномъ праздникѣ А. А. Измайловъ, состоявшій въ той депутаціи, которая должна была привѣтствовать опасно больного Мамина. Онъ повѣствуетъ:

«Когда мѣсяца полтора назадъ среди друзей Мамина возникла мысль озаглавить его юбилей, Дмитрій Наркинсовичъ уже лежалъ, разбитый параличомъ.

«— Скажите,—спросили доктора:—не окажется это чувствованіе вреднымъ для него?

«— Наоборотъ,—говорилъ врачъ:—это его поддержать; онъ не такъ плохъ; отъ радости не умираютъ.

«Такъ создавалась та мысль о чувствованіи, которое потомъ прозвучало печальнымъ сарказмомъ надъ писателемъ, такъ мало вкусившимъ меда славы при жизни и увидѣвшимъ почетъ тогда, когда мозгъ его уже не осмысливалъ зрительныхъ впечатлѣній.

«За недѣлю до юбилея большой, старый другъ Мамина Фидлеръ спросилъ его:

«— Можно къ тебѣ **прійти** на именины поздравить тебя?

«Маминъ уже давно лежалъ на одрѣ послѣдней болѣзни. Временами онъ не узнавалъ самыхъ близкихъ, но Фидлера онъ узналъ и ясно отвѣтилъ:

«— Всегда.

«— Но я приду не одинъ; придутъ и еще нѣкоторые изъ твоихъ друзей.

«— Всегда,—повторилъ Маминъ, и было ясно, что полное сознаніе при немъ.

«Еще наканунѣ юбилея и именинаго дня Маминъ говорилъ своимъ близкимъ:

«— Узналъ и обладалъ своего стараго друга и земляка, художника Денисова-Уральскаго, прослушавши отрывокъ изъ одной статьи о немъ.

«Но потомъ положеніе ухудшилось. Мы, принесшіе ему привѣтъ литературныхъ собратій, не знали, удастся ли даже войти къ нему? Но на вопросъ жена Д. Н. отвѣтила:

«— Хорошо.

«И мы вошли въ его спальню, гдѣ пахло наркотиками. Ему выпрыскивали морфій и кокаинъ. Боже мой, и это былъ юбиляръ! На постели съ приподнятой головой лежалъ Маминъ,—тѣнь прежняго Мамина,—больной старикъ съ большой головой на тонкой, дѣтской шеѣ, на которой жалко обрисовывались мускулы, судорожно и напряженно двигающій брови, точно онъ хотѣлъ что-то вспомнить и понять и не могъ. Тутъ были старые, прошедшіе рядомъ съ нимъ жизни друзья его Потапенко, Карповъ, Венгеровъ, Овсяннико-Куликовскій. Онъ смотрѣлъ на насъ, кажется, никого не узнавая. Фидлеръ бережно присѣлъ на его кровать и ласково, какъ ребенка, спросилъ его о здоровьѣ.

«— Можно тебѣ прочитать нѣсколько словъ?

«Фидлеръ, потомъ Венгеровъ прочитали отрывки адресовъ. Онъ молчалъ, только напряженно поднималась и опускалась посѣдѣвшая бровь. Дошло ли до сознанія его то, что ему говорили? Понялъ ли онъ, что его чествуютъ, что къ нему слетѣлись сотни телеграммъ? Ничего нельзя сказать. Только, когда жена спросила его, не усталъ ли онъ, онъ ясно сказалъ:

«— Очень усталъ.

«Такъ кончилось это чествованіе, которое было репетиціей похоронъ. Всѣ вышли отъ него, всѣ нескладно жались по угламъ. Кромѣ комитета, было здѣсь нѣсколько редакторовъ-издателей, друзей его, знакомыхъ дамъ, была группа свѣжей, веселой молодежи—депутация отъ сибирскаго студенческаго землячества, пришедшая поздравить своего земляка. Въ сосѣдней столовой былъ накрытъ столъ, но почти никому не шель кусокъ въ горло; а телеграммы шли и шли, и росла ихъ горка, и были здѣсь всѣ имена: отъ Короленко, отъ Горькаго и всевозможныхъ учреждений, отъ академіи наукъ и литературнаго фонда до далекихъ сибирскихъ редакцій.

«Какъ жутко было смотрѣть на эти запоздалые привѣты, которые были бы еще года два назадъ такой радостью для этого умирающаго, а теперь звучали бессмысленной и злой насмѣшкой. Кому они были нужны? Ни ему, ни семьѣ, ни свидѣтелямъ похороннаго праздника...

«Не могло быть юбилея печальнѣе. Мы расходились съ него, какъ расходятся съ похоронъ. Было ясно, что пѣсня бѣднаго Дмитрія Наркисовича спѣта».

Вотъ тексты адресовъ, поднесенныхъ умиравшему юбиляру. Отъ собратій и почитателей:

«Дорогой Дмитрій Наркисовичъ! 40 лѣтъ назадъ нога ваша робко вступила на путь литературы, и вотъ сегодня вы и мы, друзья ваши, оглядываемся на пройденное вами многотрудное, но и многоотрадное поприще большого художника, имя котораго приходитъ въ голову, когда хочется назвать имена тѣхъ, къ которымъ гордится литература. Свѣтлomu богу правды и красоты вы служили съ доблестью былого великаго русскаго искусства, безъ суетливости и уступокъ духу времени. Назвать имя Мамина-Сибиряка значить поддаться очарованію вѣковой русской были, размаху и силѣ широкаго и мятежнаго русскаго человѣка и то тихой, то мощной прелести нашей природы. Вольный мастеръ, чуждый предвзятыхъ тенденцій, вы дали намъ на своихъ живописныхъ полотнахъ безконечное разнообразіе типовъ народа и интеллигенціи. Вы первый пододвинули къ намъ далекій Уралъ, заставили насъ жить его жизнью, познакомили насъ съ его своеобразными обитателями, донесли до насъ его своеобразный говоръ. Этими художественными произведеніями вы восхищали насъ, взрослыхъ и нашихъ дѣтей, плѣненныхъ поэтической сказкой, дышащей жизненной правдой. Вы открыли свою душу нашимъ дѣ-

тямъ, и они открыли вамъ свою. Вы поняли и полюбили ихъ, и они поняли и полюбили васъ. У васъ существуетъ неразрывная связь, и «Аленушкины сказки» будутъ читаться, пока на Руси не переведутся «сибирскій котъ-Васька-лохматый и деревенскій песь «Постойко», и сѣрая мышка-норушка, и сверчокъ за печкой, и нестрый скворецъ въ клѣткѣ, и забіяка-пѣтухъ». Спасибо вамъ, дорогой писатель и сердечный товарищъ, и пошли вамъ Богъ здоровья и счастья на многія-многιά лѣта!» Адресъ покрытъ многочисленными подписями.

Всероссійское литературное общество съ своей стороны поднесло Мамину-Сибиряку слѣдующій адресъ:

«Общество привѣтствуетъ васъ съ 40-лѣтнемъ вашей литературной дѣятельности. Давно стало дорогимъ ваше имя широкому кругу вашихъ читателей и почитателей. Тепло и любовно описывали вы жизнь далекихъ маленькихъ людей, ставшихъ намъ близкими и понятными въ художественномъ воплощеніи внимательнаго и зоркаго наблюдателя. Вы приобщили уральскую окраину къ общей русской жизни единеніемъ интеллектуальныхъ и духовныхъ интересовъ. Вездѣ—свѣтъ и тѣни и много поучительнаго въ вашихъ повѣствованіяхъ, въ вѣчной борьбѣ между исканіями наживы и человѣческими чувствами. Ярко свѣтится въ васъ это искреннее человѣческое чувство и душевная чистота въ общеніи съ природой, которую вы такъ чудесно умѣли описывать, и съ дѣтскимъ міромъ, который не потому ли вамъ такъ близокъ и доступенъ, что сердцемъ вы были и остались чистымъ наперекоръ всѣмъ жизненнымъ испытаніямъ. Желаемъ вамъ бодрости и долгихъ лѣтъ жизни и чтобы ни вамъ, ни всей Россіи не быть «въ худыхъ душахъ».

Были присланы привѣтственныя телеграммы и адреса, въ томъ числѣ отъ разряда изящной словесности академіи наукъ, наконецъ-то вспомнившей того, кто уже давно по всѣмъ своимъ литературнымъ правамъ могъ составить украшеніе ея состава.

Репетиція похоронъ состоялась 26-го октября, а 3-го ноября обширная толпа писателей, учащихся, читателей и почитателей молилась на краю могилы объ упокоеніи души усопшаго раба Божія Дмитрія.

Особыхъ специально литературныхъ рѣчей сказано не было; только личный другъ почившаго, извѣстный художникъ А. К. Денисовъ-Уральскій помянулъ со слезами на глазахъ своего земляка, и Ап. Коринфскій прочиталъ слѣдующее стихотвореніе, посвященное памяти почившаго:

Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка¹⁾.

Съ далекихъ горъ угрюмага Урала,
 Изъ глубины сибирскихъ деревень
 Онъ къ намъ пришелъ, какъ витязь безъ забрала;
 Избыткомъ силъ душа его играла,
 Въ его груди лежалъ талантъ-кремьень.
     Огнивомъ бодрой самобитной воли
     Ударилъ онъ по этому кремню,—
     И сотни искръ, предвѣстницъ лучшей доли,
     Усѣяли родное наше поле—
     Навстрѣчу солнцемъ рдѣющему дню.
 Сверкаль талантъ и сыпаль самоцвѣты,
 Не изсякала мощная руда
 Во дни, когда закаты и разсвѣты
 Смѣнялися, борьбой страстей согрѣты,
 Надъ поприщемъ свободного труда.
     Размаха ширь, захватъ сердець глубокихъ,
     Стихійная народная душа
     Сказались въ немъ, нашли истокъ широкій
     И ринулись, какъ горныхъ водъ потоки,
     Въ русло живого творчества спѣша.
 Онъ съ нами жилъ, и жизнь вокругъ кипѣла,
 Жизнь—полная больныхъ, тяжелыхъ сновъ;
 Толпа рабовъ оковами гремѣла,—
 А передъ нимъ—и здѣсь тайга шумѣла,
 Звала мечту въ родную глушь лѣсовъ.
     И взоръ вперялъ въ далекія онъ дали,
     Туда, гдѣ мысли первое зерно
     Взошло въ душѣ, гдѣ очи увидали
     На утрѣ лѣтъ всю глубь, всю ширь печали.
     Гдѣ понялъ умъ, какъ людямъ жить темно.
 И перенесъ—случайный гость столицы—
 Отъ Чусовой, съ Тагила синихъ водъ
 На яркія и сочныя страницы
 Кряжистыя героевъ вереницы
 Сибиряковъ привѣтливый народъ.
     По рудникамъ, по шахтамъ, по заводамъ,
     По гребнямъ горъ, по стойбищамъ лѣснымъ,
     По мощныхъ рѣкъ волнующимся водамъ,
     Среди прогалинь, по троамъ и бродамъ
     Пошли его читатели за нимъ.
 Сроднилъ онъ съ нами чуждое намъ небо;
 Сроднилъ своихъ героевъ навсегда—
 Отъ скромнаго отца «Послѣдней требы»
 До сильныхъ душъ изъ «Золота» и «Хлѣба»,
 До коршунувъ изъ «Горнаго гнѣзда».
     Устой быта въ ихъ разладѣ съ новью,
     Бой «Милліоновъ» съ хмурой нищетой
     Запечатлѣлъ живою сердца кровью,

¹⁾ Напечатано одновременно съ симъ въ декабрьской книжкѣ издаемаго Дм. П. Тихомировымъ журнала «Педагогическій Листокъ».

И красоту съ «О х о и н о ю б р о в ь ю»,
 И даже «С ч а с т ь я д и к а г о» прибор,—
 Все вызвалъ онъ изъ думъ завѣтныхъ сѣни...
 А годы шли да шли путемъ своимъ,
 Зоя на жизнь рядъ новыхъ поколѣній;
 И «Д ѣ т с к і я» оплаканныя «Т ѣ н и»,
 Какъ стоя птицъ, взлетѣли передъ нимъ.
 Открылся міръ пытливыхъ свѣтлыхъ глазокъ,
 Міръ замысловъ наивныхъ и простыхъ,—
 Чуждаяся затверженныхъ указокъ,
 Завѣтный міръ «А л е н у ш к и н ы хъ с к а з о къ»
 Онъ воплотилъ въ созданіяхъ своихъ.
 Недугъ подкрался тяжкій и сурово
 Холодное забвенье наложилъ
 На все, чѣмъ жить, чѣмъ жить хотѣлъ онъ снова;
 Последнее думъ заповѣдныхъ слово,—
 Не лучшее ль?—онъ дѣтямъ посвятилъ...
 Его посѣвовъ не заглохнетъ нива,
 Какъ ни темнить ее туманный день,
 Какъ ни глушить бурьянъ ее ревниво,
 Не даромъ било звонкое огниво
 Въ былые дни въ его талантъ-кремень!
 Терялся въ тревогахъ и въ сомнѣньяхъ,
 Мы забываемъ зори свѣтлыхъ лѣтъ,
 Мѣняемся во вкусахъ и во мнѣньяхъ;
 Но вѣрю я: въ грядущихъ поколѣньяхъ
 Ты будешь жить, уральскій самоцвѣтъ!..

Затѣмъ рядомъ съ могилой Гончарова Александро-Невское кладбище украсилось новымъ литературнымъ крестомъ—Димитрія Наркисовича Мамина-Сибиряка...

Б. Глинскій.

ПАМЯТИ В. С. НОВИЦКАГО.

РУДНО представить себѣ человѣка, воспоминаніе о которомъ менѣе укладывалось бы въ рамки опредѣленнаго образа, чѣмъ скончавшійся недавно директоръ народныхъ училищъ Московской губерніи Викторъ Станиславовичъ Новицкій. Хорошій ли это былъ человѣкъ или дурной, умный или глупый, честный или безчестный—никто изъ близко знавшихъ его людей не могъ бы дать категорическаго отвѣта. Однако всякій, кто только ни входилъ съ нимъ въ тѣсное соприкосновеніе, послужбѣ ли, или въ простой домашней обстановкѣ, невольно отмѣчалъ въ немъ такія нравственныя качества, которыя едѣлали бы честь, пожалуй, и общепризанному «герою добродѣтели». Взять, хотя бы, это глубокое, почти безпримѣрное сознаніе долга, которымъ былъ весь проникнуть покойный съ головы до ногъ и которое не покидало его никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ жизни. Строгое, неуклонное, часто даже педантическое исполненіе всего того, что было связано, по его мнѣнію, съ долгомъ службы и вѣрнопопданнической присягой, онъ ставилъ неизмѣримо выше своихъ личныхъ интересовъ или выгодъ, выше блага близкихъ ему людей, выше всего на свѣтѣ. И въ этомъ обстоятельствѣ, можетъ быть, заключается разгадка, почему Викторъ Станиславовичъ, въ сущности, *добрый малый* отъ природы, такъ часто казался окружающимъ мелочно-придирчивымъ, сухимъ, надменнымъ, а подѣ конецъ жизни даже и суровымъ старикомъ. Въ немъ какъ бы сидѣло два человѣка, перѣдко

находившихся между собою въ полномъ антагонизмѣ: одинъ былъ *просто* Новицкій, добродушный весельчакъ и говорунъ, неистощимый въ разсказахъ о своемъ прошломъ, милѣйшій собесѣдникъ и гостепріимный хозяинъ, другой—*только директоръ*, чиновникъ, кичащійся своимъ генеральствомъ, чопорный и непривѣтливый, съ сердито сдвинутыми бровями и вообще съ такимъ видомъ, какъ будто онъ вѣчно собирается кого-то распечь или кому-то сдѣлать выговоръ. *Просто* Новицкій зачастую оказывалъ покровительство и поддержку лицамъ, не заслуживавшимъ ровно никакого довѣрія, но почему-либо вызвавшимъ въ данный моментъ его сочувствіе, хлопоталъ за нихъ передъ «сильными міра» и въ подобныхъ случаяхъ не лѣнился писать своимъ дрожащимъ старческимъ почеркомъ длиннѣйшія письма, восхваляя мнимыя достоинства случайно подвернушагося ему просителя. *Генералъ* Новицкій, наоборотъ, отличался неумолимой требовательностью, въ особенности, если замѣчалъ съ чьей-либо стороны малѣйшее нарушеніе служебнаго долга,—онъ готовъ былъ поставить провинившемуся «каждое лыко въ строку» и уже не давалъ пощады никому.

Возможно, что эта двойственность психики и была причиной различнаго отношенія къ нему со стороны окружающихъ, ибо одни хвалили его, другіе порицали, третьи просто видѣли въ немъ безличную фигуру, о которой нельзя дать никакого опредѣленнаго отзыва. Сплошь и рядомъ слышались о немъ такіа разнорѣчивыя сужденія:

— Да, разумѣется, Новицкій добрый человѣкъ, но онъ способенъ обидѣть васъ безъ всякой причины....

— Новицкій человѣкъ безупречной честности, но онъ легко можетъ оклеветать кого угодно....

— Викторъ Станиславовичъ... о, конечно, это человѣкъ умный и тактичный,—но онъ сдѣлалъ на дняхъ удивительно нелѣпое распоряженіе...

И этихъ «но» въ отзывахъ о покойномъ было безъ конца.

У В. С. Новицкаго, дѣйствительно, была несчастная слабость къ безпричинному злословію, которая, между прочимъ, и создавала ему лишнихъ враговъ и недоброжелателей. Злословилъ же онъ безъ всякаго непріязненнаго чувства къ кому бы то ни было, а просто изъ любви къ искусству или, какъ говорится, для «краснаго словца». Бывало, разсказываетъ о комъ-нибудь невѣроятные ужасы, послушать—прямо диву даешься, какъ такой-то (имя рекъ) ходитъ еще на свободѣ вмѣсто того, чтобы сидѣть гдѣ-нибудь въ рудникахъ или даже болтаться на висѣлицѣ, а Викторъ Станиславовичъ все время говоритъ о немъ съ самой добродушнѣйшей улыбкой, да еще прибавить въ концѣ концовъ:

— Впрочемъ, вѣдь онъ милый человѣкъ, и мы съ нимъ большіе пріятели...

А то вспомнить кого-нибудь изъ своихъ прежнихъ знакомыхъ и начнетъ ругаться:

— Такая скотина этотъ Z., мы съ нимъ часто встрѣчались въ Смоленскѣ, даже вмѣстѣ участвовали въ концертахъ ¹⁾... На видъ такой ихонькій да скромный—настоящая красная дѣвица, а вотъ подите же—жену дочиста обобралъ, дѣтей отъ перваго брака пустилъ по міру... Эдакій свинья,—я ему потомъ руки не подаль... А вѣдь большіе были пріятели...

Больше всего любилъ вспоминать покойный «доброе старое время», въ особенности службу свою въ Коломенскомъ уѣздѣ, гдѣ онъ былъ долгое время исправникомъ. Тутъ его расскажем не было конца. Бывало, слушаешь его, даже слова не промолвишь, потому что его рѣчь въ подобныхъ случаяхъ лилась «вольно и плавно», какъ неумолчно журчащій гдѣ-то вдали ручеекъ,—слушаешь,—и въ воображеніи рисуются любопытныя картинки изъ далекаго прошлаго, всплываютъ разные дореформенные типы, въ родѣ Ноздревыхъ и Коробочекъ, которые, къ стыду нашему, еще доживали въ то время на Руси свой безконечно длинный вѣкъ.

Года три тому назадъ Викторъ Станиславовичъ Новицкій справлялъ полувѣковой юбилей своей государственной службы. Легко сказать: прослужить болѣе пятидесяти лѣтъ и изъ нихъ около сорока на одной и той же должности! Поневолѣ покроешься «казенной плѣсенью» и даже съ трудомъ будешь волочить ноги. Но Викторъ Станиславовичъ съ поразительной легкостью несъ бремя службы. Онъ никогда не чувствовалъ усталости или потребности отдохнуть, напротивъ, именно на службѣ, особенно во время разъѣздовъ по губерніи, онъ и находилъ лучшей для себя отдыхъ,—и отъ домашнихъ дразгъ, и отъ суетоки жизни вообще. Рѣдко приходилось слышать отъ него жалобы даже на обиліе канцелярской работы, которой такъ завалены у насъ директора народныхъ училищъ. Сидя у себя въ кабинетѣ за письменнымъ столомъ, среди бумажнаго царства «входящихъ» и «исходящихъ», онъ чувствовалъ себя, какъ рыба въ водѣ: внимательно прочитывать каждую бумажку и затѣмъ тщательно, съ любовью подписывать ее прыгающими въ разныя стороны буквами, повидимому, было пріятнѣйшимъ для него времяпровожденіемъ. Въ сущности, онъ до такой степени былъ поглощенъ канцелярскимъ дѣломъ, что его мозгъ весьма часто работалъ надъ «исходящими» даже... во снѣ.

— А вы знаете, чортъ васъ обдери,—шутилъ онъ утромъ со служащими своей канцеляріи:—я изъ-за васъ плохо спалъ ночь: проснулся и вдругъ вспомнилъ, что кредиторскіе списки еще не отосланы въ контрольную палату, а нынче послѣдній день,—такъ

¹⁾ В. С. былъ въ молодости отличнымъ скрипачомъ и неоднократно выступалъ въ концертахъ въ качествѣ солиста, Авт.

меня въ жаръ и бросило... Ворочался, ворочался на постели—до самаго утра не могъ заснуть...

Подъ конецъ жизни Викторъ Станиславовичъ Новицкій жилъ исключительно однѣми только «радостями и печалями» службы, которыя рѣшительно заслоняли отъ него всякіе другіе интересы. Но, хотя онъ и отдавалъ всего себя, цѣликомъ и безъ остатка, служебной дѣятельности, все же онъ далеко не чувствовалъ себя удовлетвореннымъ; напротивъ, въ голосъ его съ каждымъ днемъ все чаще и чаще слышались ворчливыя нотки и какая-то глухая, затаенная обида: ему все казалось, что его не достаточно цѣнятъ, что начальство оказываетъ ему мало знаковъ вниманія, что оно даже преслѣдуетъ его.

И всякій разъ, когда въ минуту откровенныхъ изліяній старикъ начиналъ горько жаловаться на свою судьбу и на выпцвѣтшихъ, старческихъ глазахъ его понемногу наворачивались слезы, становилось искренно жаль его. И невольно думалось при этомъ: «вотъ она гдѣ иронія жизни,—человѣкъ, въ сущности, *такъ мало* желалъ, однихъ только внѣшнихъ знаковъ вниманія и отличія, которыхъ онъ видѣлъ и имѣлъ на своемъ вѣку чрезвычайно много и въ которыхъ, тѣмъ не менѣе, не переставалъ нуждаться, вѣчно, до самой гробовой доски ощущая въ нихъ обидный недостатокъ».

Да, это была иронія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и трагедія его жизни.

Князь Б. А. Щетининъ.

ПЕРИОДЪ ТВЕРДОЙ ВЛАСТИ ¹⁾.

(Историческіе очерки).

I. Внутренняя политика Россіи въ эпоху восьмидесятыхъ годовъ.

XXXIX.

ВЪ ЦАРСТВОВАНИЕ Александра III во главѣ вѣдомства министерства юстиціи стояли по очереди трое министровъ: Д. Н. Набоковъ, Н. А. Манасеинъ и Н. В. Муравьевъ. Первый изъ нихъ стоялъ во главѣ вѣдомства съ 1878 по 1885 годъ и, такимъ образомъ, прослужилъ дѣлу русской юстиціи въ теченіе двухъ царствованій, захвативъ три года царствованія Александра II и нѣсколько менѣе четырехъ лѣтъ новаго царствованія. Николай Авксентьевичъ Манасеинъ былъ министромъ въ теченіе восьми съ половиной лѣтъ съ 1885 по 1-е января 1894 года, когда на его мѣсто былъ назначенъ Николай Валеріановичъ Муравьевъ, извѣстный въ свое время оберъ-прокуроръ, немало поработавшій по политическимъ процессамъ, которому, слѣдовательно, пришлось при императорѣ Александрѣ III состоять министромъ юстиціи всего въ теченіе лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Изъ этой хронологической справки усматривается, что главная доля работы по реформамъ вѣдомства выпала Н. А. Манасеину, который, благодаря этому, и является ти-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. СXXX. стр. 769.

пичнымъ министромъ и представителемъ періода твердой власти, о коемъ идетъ рѣчь въ нашихъ очеркахъ. Тѣмъ не менѣе опредѣленныя реформы по вѣдомству юстиціи начались уже при Д. Н. Набоковѣ, показывавшія наступленіе новаго курса, послѣдовательно проведеннаго во всемъ государственномъ управленіи при императорѣ Александрѣ III.

Прежде всего при немъ въ 1882 году были введены новыя судебныя установленія въ пяти сѣверо-восточныхъ уѣздахъ Вологодской губерніи. Вслѣдъ за симъ въ министерство юстиціи стали поступать ходатайства мѣстнаго начальства о введеніи общихъ судебныхъ мѣстъ въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ. По свидѣтельству виленскаго, ковенскаго и гродненскаго генераль-губернатора графа Тотлебена ¹⁾ отсутствіе въ означенныхъ губерніяхъ судебныхъ учреждений, образованныхъ по уставамъ императора Александра II, «составляло одну изъ причинъ, препятствовавшихъ приливу въ край лицъ русскаго происхожденія изъ внутреннихъ губерній имперіи, гдѣ они пользуются выгодами правильно устроеннаго суда. Неустройство судебной части въ краѣ, отражаясь крайне неблагоприятно на развитіи въ немъ русскаго землевладѣнія, вмѣстѣ съ тѣмъ вредно вліяло на успѣшность дѣйствій администраціи вообще, такъ какъ при существовавшемъ тогда формальномъ судопроизводствѣ многія преступленія оставались тогда совершенно безнаказанными. Признавая, съ своей стороны, что дальнѣйшая отсрочка судебной реформы въ пограничномъ съ Западной Европою краѣ съ семимилліоннымъ населеніемъ и развитою торговлею и промышленностью представляется крайне нежелательною, министерство юстиціи вошло съ представленіемъ въ государственный совѣтъ о введеніи общихъ судебныхъ установленій въ шести сѣверо-западныхъ губерніяхъ, и въ силу высочайше утвержденного 9-го ноября 1882 года мнѣнія государственнаго совѣта мѣра эта была осуществлена въ послѣдней четверти 1883 года». Въ томъ же году на министерство юстиціи было возложено завѣдываніе въ Кавказскомъ и Закавказскомъ краѣ судебною частью, которая до того времени, наравнѣ со всѣми другими отраслями государственнаго управленія, была подчинена непосредственно намѣстнику. Что же касается Сибири, то тутъ введеніе судебныхъ установленій по уставамъ императора Александра II было признано по соображеніямъ практическаго характера преждевременнымъ, и министерство юстиціи остановилось на мысли постепеннаго примѣненія къ Сибири съ степными областями, Туркестанскому краю и Архангельской губерніи отдѣльныхъ постановленій судебныхъ уставовъ, дабы путемъ медленнаго и послѣдовательнаго проведенія частичныхъ процессуальныхъ

¹⁾ «Министерство юстиціи за сто лѣтъ. 1802—1902 гг.» Историческій очеркъ. «Истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

улучшеній подготовить мѣстное населеніе къ воспріятію дальнѣйшихъ усовершенствованій.

Рядомъ съ постепеннымъ распространеніемъ уставовъ императора Александра II во всѣхъ болѣе или менѣе областяхъ Россіи было обращено также вниманіе на усиленіе штатовъ дѣйствовавшихъ уже новыхъ судебныхъ установленій, такъ какъ личный составъ ихъ и матеріальное ихъ обезпеченіе въ виду огромнаго увеличенія числа судебныхъ дѣлъ были недостаточны для скорого отправленія правосудія. Какъ свидѣтельствуемъ юбилейный историческій очеркъ министерства, статсъ-секретарь Набоковъ, усматривая въ надлежащемъ матеріальномъ обезпеченіи лицъ судебного вѣдомства одну изъ гарантій правильной и успѣшной дѣятельности новыхъ судебныхъ установленій, «придавалъ въ этомъ отношеніи столь же важное значеніе и правильной постановкѣ надзора за чинами этого вѣдомства. Между тѣмъ постановленія по этому предмету судебныхъ уставовъ страдали нѣкоторою неполностью и неясностью, не замедлившими породить на практикѣ весьма существенное неудобство.

«Одна изъ главныхъ причинъ обнаружившейся недостаточности надзора за судебными установленіями заключалась въ чрезмѣрной централизациі его въ вѣдѣніи министра юстиціи и правительствующаго сената. Хотя направленіе и разрѣшеніе всѣхъ главнѣйшихъ вопросовъ, возникающихъ въ жизни судебного вѣдомства, должно принадлежать поставленнымъ во главѣ его центральнымъ органамъ, но при обширности государства и многочисленности судебныхъ мѣстъ распространеніе судебного надзора на всѣ второстепенныя уклоненія судебныхъ чиновъ отъ законнаго порядка неизбежно должно было приводить къ медленности и слабости въ проявленіи начальственной власти. Для этихъ послѣднихъ случаевъ необходимъ болѣе близкій органъ надзора, который, постоянно слѣдя за ходомъ судебного дѣла въ опредѣленной мѣстности, быстро и безъ всякихъ излишнихъ формальностей пресѣкалъ бы усматриваемыя неправильности. Вслѣдствіе этого министр юстиціи Набоковъ пришелъ къ заключенію, что такую надзирательную власть въ округѣ каждой судебной палаты надлежало бы предоставить старшему ея предсѣдателю, который въ силу принадлежащаго ему первенствующаго положенія въ судебной іерархіи пользуется особымъ авторитетомъ среди всѣхъ прочихъ судебныхъ чиновъ.

«Независимо отъ того власть министра юстиціи по надзору за судебными установленіями была опредѣлена въ судебныхъ уставахъ недостаточно полно и ясно. Учрежденіе судебныхъ установленій, сосредоточивая въ лицѣ министра юстиціи общій надзоръ за судебными установленіями и должностными лицами судебного вѣдомства, ограничивало предметы его наблюденія безостановочнымъ теченіемъ дѣлъ и соблюденіемъ правилъ внутренняго устройства и дѣлопроизводства въ судебныхъ мѣстахъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ не

содержало въ себѣ точныхъ опредѣленій относительно формъ и способовъ, посредствомъ которыхъ можетъ проявляться принадлежащій генераль-прокурору общій надзоръ. Такимъ образомъ, законъ какъ бы устранялъ министра юстиціи отъ надзора за всѣми тѣми сторонами отправленія правосудія, которыя не могутъ имѣть своимъ послѣдствіемъ медленности въ ходѣ судопроизводства или нарушенія внутренняго распорядка, и лишалъ его права дѣлать непосредственныя указанія судебному мѣсту или лицу, въ дѣятельности котораго замѣчены неправильности. Въ виду такой неполноты судебныхъ уставовъ Набоковъ признавалъ необходимымъ предоставить министру юстиціи, какъ высшему представителю судебного вѣдомства, несущему отвѣтственность передъ верховною властью за неправильный ходъ правосудія въ имперіи, право требовать отъ чиновъ этого вѣдомства доставленія пужныхъ свѣдѣній и объясненій, предлагать принятіе мѣръ къ отвращенію замѣченныхъ безпорядковъ или неправильностей и дѣлать надлежащимъ лицамъ соотвѣтственныя напоминанія и указанія.

«Наконецъ, министръ юстиціи Набоковъ обратилъ также вниманіе на недостаточность тѣхъ мѣръ взысканія, коимъ по судебнымъ уставамъ могутъ быть подвергаемы чины судебного вѣдомства въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности. Въ стремленіи обезпечить личный составъ судебныхъ установленій достойными дѣятелями и въ видахъ предоставленія судьямъ полной независимости, судебными установленіями было установлено, что судья за служебныя проступки можетъ быть уволенъ отъ занимаемой имъ должности не иначе, какъ по приговору уголовного суда, а за дѣянія, не относящіяся къ службѣ,—только въ случаѣ личнаго задержанія за долги, объявленія несостоятельнымъ должникомъ или осужденія за общее преступленіе. Между тѣмъ министръ юстиціи Набоковъ находилъ, что, въ виду высокаго положенія судьи, для охраненія чести и достоинства судебного вѣдомства необходимо допустить возможность удаленія отъ должности и такихъ лицъ, которыя, хотя и не совершили никакого преступленія, но цѣлымъ рядомъ упущеній или неправильныхъ дѣйствій доказали полную свою непригодность къ исполненію возложенныхъ на нихъ обязанностей или же явное къ нимъ пренебреженіе. Независимо отъ того, по мнѣнію Набокова, въ порядкѣ дисциплинарной отвѣтственности должна быть допущена возможность увольненія судьи и въ тѣхъ случаяхъ, когда, внѣ служебной своей дѣятельности, судья дозволитъ себѣ такіе противныя правственности или предосудительныя поступки, которые, получивъ огласку, лишаютъ его въ средѣ мѣстнаго общества довѣрія и уваженія, необходимыхъ для дѣятеля, призваннаго творить судъ и расправу именемъ верховной власти.

Въ виду приведенныхъ соображеній въ министерствѣ юстиціи былъ выработанъ проектъ цѣлаго ряда правилъ, существенно

измѣнявшихъ первоначальныя постановленія судебныхъ уставовъ о надзорѣ за судебнымъ вѣдомствомъ и о дисциплинарной отвѣтственности судебныхъ чиновъ. Согласно этому проекту, въ составѣ правительствующаго сената было предположено образованіе вышшаго дисциплинарнаго присутствія для разсмотрѣнія возбуждаемыхъ министромъ юстиціи дѣлъ объ увольненіи отъ должности судей въ порядкѣ дисциплинарнаго производства. Къ числу дисциплинарныхъ мѣръ, которыя могутъ быть примѣняемы означеннымъ присутствіемъ, отнесено, сверхъ увольненія отъ должности, между прочимъ, и перемѣщеніе судей на другую равную должность. Примѣненіе этой мѣры предполагалось, однако, допускать лишь въ исключительныхъ случаяхъ, когда возникаетъ основательный поводъ сомнѣваться въ томъ, что судья въ мѣстѣ своего служенія будетъ отправлять свои обязанности съ должнымъ спокойствіемъ и безпристрастіемъ, въ виду особенностей его семейнаго или имущественнаго положенія, или же въ виду неблагопріятно сложившихся отношеній его къ своимъ сослуживцамъ или къ мѣстному обществу.

XI.

Усиленный походъ противъ новыхъ судебныхъ учреждений былъ поднятъ М. Н. Катковымъ на страницахъ «Московскихъ Вѣдомостей» уже въ исходѣ 70-хъ годовъ. Онъ находилъ, что и самые уставы Александра II, и ихъ исполнители, а также вся «политика» вѣдомствъ юстиціи съ сенатомъ во главѣ не соотвѣтствуетъ устоямъ русской жизни, является враждебнымъ *status in statu* общегосударственнаго порядка вещей. Такъ, въ 1880 году онъ писалъ ¹⁾:

«Перестоявъ критическое время, новое судебное сословіе стало быстро возрастать и усиливаться, чему много способствовало то, что ядромъ его были главнымъ образомъ питомцы привилегированнаго училища, вдвойнѣ солидарные между собою и какъ товарищи по воспитанію, и какъ дѣятели одного поприща. Мало-по-малу эти новые люди, при громаднхъ правахъ своего учрежденія, поставленнаго подъ открытымъ небомъ, при солидарности своихъ членовъ сверху донизу, совѣмъ одолѣли своихъ противниковъ и стали могуществомъ. Такъ называемая консервативная администрація, собиравшаяся ограничить эту новую политическую силу и поставить ее на мѣсто, сама подчинилась ей и способствовала ея возвеличенію и преобладанію. Появленіе этихъ новыхъ людей производило, съ точки зрѣнія старыхъ порядковъ, странное дѣйствіе. Въ два-три прыжка они достигали вершины той же іерархической лѣстницы, чиновъ и отличій, по которой шагъ за шагомъ взбирались люди старымъ порядкомъ. Правительствующій сенатъ, какъ высшее судебное учрежденіе, радикально измѣнился въ своемъ характерѣ и составѣ. Судебные дѣятели массами производились въ *patres conscripti* и становились сановниками имперіи. Но, овладѣвъ полемъ,

¹⁾ «Катковъ и его время». С. Невѣденскаго.

они, отчасти по самому характеру своего учрежденія, все же находились какъ бы въ оппозиціи къ правительству, которое, разумѣется, принадлежитъ къ старымъ порядкамъ. Пользуясь государственными отличіями, но не неся никакой отвѣтственности въ дѣлѣ государства, эти люди чувствовали себя только критиками въ вопросахъ политическихъ. Духъ антагонизма росъ съ ихъ усиленіемъ. Несостоятельность, неумѣлость и ошибки, которыхъ они были свидѣтелями, оправдывали ихъ въ собственной совѣсти. Критика начала выражаться практически въ ходѣ и исходѣ судебныхъ процессовъ, и судъ становился какъ бы дѣломъ партіи. Когда судебные люди были слабы, мы были постоянно на ихъ сторонѣ; когда они стали сильны, намъ поневолѣ приходилось говорить не за нихъ, за что подвергались мы въ печати поруганію и выставлялись ненавистниками рода человѣческаго» («Московскія Вѣдомости», 1880 г., № 212).

Биографъ Каткова С. Невѣденскій, касаясь публицистической дѣятельности редактора «Московскихъ Вѣдомостей» въ кругу вопросовъ, имѣвшихъ то или иное отношеніе къ судебному вѣдомству, говорить: «Кому не памяты нападки публициста на судебную дѣятельность, длинный рядъ процессовъ, по которымъ онъ писалъ страстные, всегда преувеличенныя, а часто и совершенно неосновательныя филиппики противъ дѣйствій различныхъ судебныхъ органовъ? Дѣла Свиридова, Мельницкаго, Скарятина, Зографа, Бузова, Пейтъ, Федорова, Андреевскаго и Кулишера, объ убійствѣ Гиждеу, о беспорядкахъ на Никольской фабриктѣ и друг. служили почвой для его нападокъ.

«Попрежнему доставалось отъ Каткова суду присяжныхъ. По дѣлу Скарятина, онъ выразилъ недоумѣніе, неужели бывшаго губернатора будетъ за преступленія по должности судить «улица». Какъ-то въ 1883 году «Русскія Вѣдомости» напомнили Каткову его прежнее сочувствіе къ суду присяжныхъ. Вѣроятно, недоразумѣніемъ слѣдуетъ объяснить отвѣтное указаніе Каткова, будто онъ съ самаго начала рекомендовалъ единогласіе въ постановленіи присяжными рѣшеній («Московскія Вѣдомости», 1883 г., № 44). Заявленіе о единогласіи встрѣчается въ 1875 году и стояло въ связи съ мнѣніемъ Гнейста, высказаннымъ этимъ ученымъ въ полемикѣ противъ суда шеффеновъ. Катковъ теперь слѣдилъ за возраженіями, дѣлаемыми противъ суда присяжныхъ въ германскомъ ученомъ мірѣ; останавливался на германскомъ правительственномъ проектѣ объ измѣненіи суда присяжныхъ и съ торжествомъ заявилъ, рассказывая о разсужденіяхъ на 18-мъ висбаденскомъ конгрессѣ германскихъ юристовъ, что происходилъ судъ надъ судомъ присяжныхъ («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 79; 1886 г., № 274).

«Катковъ рисуетъ слѣдующую картину дѣятельности суда: независимый судъ—это судебная республика; вполнѣдствіи онъ пріискалъ новое названіе: орденъ правовѣднія, судей же онъ титуловалъ рыцарями этого ордена, сравнивая ихъ съ остзейскими баронами («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 318). Министру

юстиціи предоставлена только безобидная роль экзекутора въ притворахъ храма Феиды и обязанность состоять дипломатическимъ агентомъ судебнаго вѣдомства при дворѣ императора всероссійскаго. Онъ утверждаетъ, что все оппозиціонное примкнуло къ судебнымъ учрежденіямъ. По его мнѣнію, это стратегическій базисъ противниковъ правительства. Попадаются и тамъ достойные люди, но ихъ ожидаютъ ужасы нравственной пытки, ихъ выбрасываютъ за бортъ, безславятъ, клеветуютъ на нихъ предъ цѣлымъ міромъ («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 12). Онъ увѣряетъ, будто дѣло доходило до того, что министръ, какъ представитель судебной республики при русскомъ государѣ, могъ сказать ему: «Вы не имѣете права смѣнить должностное лицо судебнаго вѣдомства» («Московскія Вѣдомости», 1885 г., № 11). Онъ заявляетъ, что только «недомолвки и нѣкоторыя неясности новыхъ судебныхъ уставовъ послужили основаніемъ для возмутительной въ своей цѣлности доктрины о независимости судовъ отъ правительства въ его высшемъ выраженіи, о несмѣняемости, объ абсолютной непрерываемости окончательныхъ судебныхъ рѣшеній» («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 70). Но не самъ ли Катковъ превозносилъ эти начала и объявлялъ ихъ противниковъ врагами Россіи?.. Теперь онъ смѣется надъ ними, характеризуя начало несмѣняемости, какъ теорію, «по которой судебной чинъ, еще не зарѣзавшій челоуѣка или не совершившій другого подобнаго скандала, подлежащаго суду, не можетъ быть удаленъ отъ должности, при какой бы то ни было неспособности и негодности, что онъ неотвратимъ, какъ Божій гнѣвъ» («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 24). Теперь онъ указываетъ на тексты молитвъ при помазаніи государя на царство «яко *подчиненные* суды его немздомны и нелицепріятны сохранить» и т. д. («Московскія Вѣдомости», 1884 г., № 112). Но развѣ судъ не подчиненъ верховной власти и развѣ онъ не дѣйствуетъ именемъ Его Величества? Если же независимость суда противорѣчитъ началамъ нашего государственнаго строя, то какъ же Катковъ могъ этого не замѣтить въ продолженіе длиннаго теченія шестидесятихъ и семидесятихъ годовъ?

«Послѣ совершенной въ 1884 году ревизіи нѣсколькихъ судебныхъ учреждений, бывший министръ юстиціи ¹⁾ счелъ нужнымъ опровергнуть въ рѣчи, произнесенной въ Екатерининскомъ залѣ въ Москвѣ, «пападки и общія нареканія на судебное вѣдомство». Катковъ замѣтилъ по этому поводу: «Неужели министру требовалось проѣхаться по округамъ для повѣрки сужденій о судахъ? Неужели посидѣть на дѣлѣ Свиридова въ Кіевѣ, послушать рѣчи прокурора и защитника, посмотреть, какъ сидятъ на своихъ мѣстахъ присяжные засѣдатели... значитъ въ чемъ-либо убѣдиться

¹⁾ Д. Н. Набоковъ.

или разубѣдиться? Ясно безъ всякаго объѣзда, что въ государствѣ, которое хочетъ жить, не можетъ быть двухъ самодержавій»—прибавляетъ онъ («Московскія Вѣдомости», 1884 г., №№ 313, 315, 316).

«Когда назначенъ былъ нынѣшній министръ (Н. А. Манасеинъ), Катковъ, отдавая справедливость его уму, патриотизму и живому національному чувству и вспоминая о совершенной имъ ревизіи Прибалтійскаго края, выразилъ пожеланіе, чтобы государственной власти безусловно были подчинены судебныя установленія. Онъ сравнивалъ положеніе послѣднихъ съ положеніемъ учрежденій Прибалтійскаго края, обособившихся отъ русскаго правительства.

«Чего же требовалъ Катковъ въ видѣ преобразованія суда? Обращенія судей въ зависимыхъ отъ министра юстиціи чиновниковъ; упраздненія суда присяжныхъ; установленія какого-то не вполне яснаго контроля надъ сенатомъ; отмены кассационной процедуры; дозволенія приносить всеподданнѣйшія прошенія на рѣшенія судовъ... Вотъ содержаніе этой программы».

Катковъ былъ не единственнымъ, который упрекалъ вѣдомство юстиціи въ излишнемъ либерализмѣ и проповѣдывалъ необходимость очищенія его отъ вольностей, дарованныхъ ему «эпохою великихъ реформъ». Такъ, и князь Мещерскій въ своихъ воспоминаніях¹⁾, рисуя портреты обоихъ министровъ юстиціи, и Набокова, и Манасеина, аттестуетъ ихъ, какъ представителей именно либерализма, причемъ отъ него особенно достается Набокову. Дабы не возвращаться болѣе къ этой темѣ—о либерализмѣ министерства юстиціи—приводимъ здѣсь эти его воспоминанія. Онъ говоритъ:

«Въ концѣ 1885 года совершилось назначеніе, про которое давно всѣ въ чиновныхъ сферахъ говорили, это—назначеніе Манасеина. Министерство юстиціи уже давно нуждалось въ новомъ министрѣ. Про это говорили всѣ и вездѣ, даже въ самомъ судебномъ вѣдомствѣ. Но для покойнаго государя Александра III смѣна министра являлась подчасъ непріятнымъ дѣломъ, потому что онъ во всемъ, а слѣдовательно и въ этомъ вопросѣ, обязывалъ себя быть строго добросовѣстнымъ и не прежде смѣнять министра, какъ съ увѣренностью его замѣнить лучшимъ. Какъ только состоялось назначеніе Набокова взаменъ графа Палена, такъ многіе изъ тѣхъ, которые увѣряли, что хуже графа Палена не можетъ быть министра юстиціи, стали находить, что надо жалѣть объ уходѣ графа (графъ Паленъ имѣлъ свои слабыя стороны, но всѣ его цѣнили за высокую честность *en gros* и *en détails* и за живое участіе къ каждому дѣлу). При покойномъ государѣ Александрѣ II, надо правду сказать, назначенія министровъ дѣлались очень легко въ смыслѣ необдумыванія... Набоковъ дѣлалъ блестящую карьеру благодаря великому князю Константину Николаевичу, который его ввелъ въ кружокъ

¹⁾ Кн. В. П. Мещерскій. «Мои воспоминанія». (1881—1894 гг.). Часть III,

своихъ избранниковъ. По странной случайности, всѣ избранники были выдающагося ума и способностей, и единственный, который ровно ничѣмъ не выдавался, кромѣ доброты и любезности, былъ Д. Н. Набоковъ. Тѣмъ не менѣ великій князь Константинъ Павлолаевичъ его двигалъ и довелъ до сравнительно высокаго поста по тогдашнему управленію царства Польскаго, въ началѣ 60-хъ годовъ, со званіемъ уже статсъ-секретаря. Въ 1865 года въ Скевенингѣ, гдѣ купался въ морѣ покойный цесаревичъ Николай Александровичъ, однажды, во время утренней съ нимъ прогулки по берегу моря, мы встрѣтили Набокова. Поговоривъ минуты двѣ съ нимъ, цесаревичъ отошелъ. «Это одинъ изъ будущихъ нашихъ министровъ,—сказалъ онъ мнѣ,—увидите». Его поразительно мѣткое пророчество сбылось. Въ день, когда я узналъ про назначеніе Набокова, я вспомнилъ пророчество покойнаго цесаревича, но въ то же время, какъ всѣ, и я задавалъ себѣ вопросъ: что общаго между министерствомъ юстиціи и Набоковымъ? И вотъ—шутка сказать—онъ пробылъ министромъ юстиціи въ самые безпокойные и трудные послѣдніе годы царствованія, при немъ разыгралась судебная драма оправданія Засуличъ, имѣвшая для нашей революціи значеніе взятія Бастиліи для французской, при немъ свершилось «первое марта», и затѣмъ онъ оставался на своемъ посту цѣлыхъ четыре года! Увы, особливо въ первые годы своего управленія министерствомъ юстиціи Набоковъ не мало содѣйствовалъ своимъ либерализмомъ—вѣрнѣе пассивнымъ, чѣмъ активнымъ,—извращенію нравственнаго уровня въ личномъ составѣ своего вѣдомства. Въ то же время онъ съ какимъ-то фанатизмомъ, который казался добродушнымъ, отстаивалъ безответственность каждаго чина своего вѣдомства, находя оправданіе даже для такихъ молодцовъ, которые изъ суда позволяли себѣ дѣлать арену революціонной пропаганды. Въ минуту такого фанатическаго преклоненія передъ своимъ вѣдомствомъ Набоковъ прославилъ себя, какъ авторъ знаменитаго *стекляннаго колпака*, подъ прикрытіемъ котораго ярко видны для каждаго красота и совершенства этого учрежденія.

«Манасеинъ выступалъ на государственную арену крупною личностью, какъ относительно ума, такъ и относительно нравственности. Побѣдоносцеву принадлежитъ главная роль въ карьерѣ Манасеина. Онъ его указалъ государю и онъ же на немъ настаивалъ, какъ на лицѣ, способномъ повести столь трудное дѣло, какъ введеніе новыхъ судебныхъ учреждений въ Остзейскомъ краѣ. Дѣло это требовало, кромѣ знанія, практическаго ума, громаднаго такта для того, чтобы отъ насажденія новыхъ судебныхъ учреждений въ Остзейскомъ краѣ отстранить всякій малѣйшій поводъ къ возбужденію политической розни или нарушенію бытовыхъ основъ и, наоборотъ, сразу подчинить край благопріятному впечатлѣнію отъ реформы. Все столь нужное для такого труднаго дѣла имѣлъ Манасеинъ и

имѣло еще то, что тоже имѣло большое значеніе. Я помню его еще съ эпохи правовѣдской скамьи, когда онъ былъ изъ большихъ, а я былъ изъ маленькихъ въ классѣ по возрасту; помню его лицо: какъ очень умное, оно всегда обращало на себя вниманіе, но иногда оно внушало извѣстный страхъ, а иногда, когда на умномъ лицѣ его заигрывалъ лучъ солнца, въ видѣ улыбки и свѣтлаго, привѣтливаго взгляда, это лицо внушало очарованіе. Когда его назначили въ Остзейскій край, я подумалъ: коли онъ явится туда только съ тѣмъ лицомъ, которое освѣщаютъ улыбка и взглядъ, онъ покоритъ весь Остзейскій край. Оказалось, что мое желаніе сбылось. Манасейнъ, со свойственнымъ ему умомъ и пониманіемъ возложенной на него царемъ задачи, сдѣлалъ подборъ лицъ для предстоящаго дѣла особенно внимательный, и не прошло двухъ недѣль послѣ прибытія *грознаго* Манасейна (его тогда такъ звали) въ Остзейскій край, какъ нѣмецкіе бароны и интеллигенты безъ всякаго самоограниченія перешли отъ настроенія недовѣрчиваго къ самому благопріятному и стали глядѣть на Манасейна не сверху внизъ, а снизу вверхъ. Этимъ возложеннымъ на него царемъ порученіемъ Манасейнъ вызвалъ въ царѣ къ себѣ глубокую признательность, и съ довѣріемъ къ нему онъ назначилъ его министромъ юстиціи.

«Странная вещь: вѣдь въ сущности и Манасейнъ былъ либеральнымъ человѣкомъ по своимъ политическимъ взглядамъ, но его либерализмъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣмъ либерализмомъ напрокатъ и сезоннымъ, которымъ запасались люди для добыванія грошовой популярности. Манасейнъ былъ либераломъ отъ юности своей, но необыкновенно высокая честность этого человѣка до гробовой доски не дозволила ему либерализмъ благороднаго закала промѣнять на безшабашность демагога: его либерализмъ мирился съ всепреданною и всевѣрною службою царю, но строго обязывалъ къ честности, и это-то давало его личности столько обаянія и столько силы. Онъ сіялъ, какъ алмазъ, между многими, называвшими его гордую самостоятельность чуть ли не демагогизмомъ. Его пребываніе во главѣ вѣдомства, увы, продлилось слишкомъ недолго. Рокъ не любитъ такихъ монолитовъ. Пришло переутомленіе, потомъ пришли болѣзнь и преждевременная кончина. Но, умирая, Манасейнъ могъ сказать, что онъ не даромъ прожилъ, ибо поднялъ нравственный уровень своего вѣдомства, облагородилъ его и сдѣлалъ менѣе глупо либеральнымъ».

XLI.

Обвиненіе вѣдомства юстиціи въ излишкѣ либерализма не прошло даромъ, и если до 1885 года мы не встрѣчаемъ ярко подчеркнутыхъ тенденцій къ обузданію этого либерализма, то въ дальнѣйшемъ періодѣ мы видимъ, что свобода судебныхъ учрежденій нѣ-

сколько сокращается и характеръ ихъ дѣятельности согласуется съ тѣми общими административными вѣяніями, которыя такъ ярко сказывались въ политикѣ управленія графа Д. А. Толстого и К. П. Побѣдоносцева.

На первыхъ порахъ была проведена мѣра, касающаяся права отвода присяжныхъ засѣдателей, благодаря чему въ дѣлѣ отвода прокуратура и защита были поставлены въ одинаковое положеніе. За симъ были введены весьма существенныя измѣненія, относящіяся къ порядку составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей въ цѣляхъ призыва лучшихъ и вполне надежныхъ элементовъ общества. Поэтому Набоковъ, не посягая на реформу судебныхъ установленій по существу, ограничился принятіемъ лишь мѣръ къ улучшенію состава присяжныхъ путемъ нѣкоторыхъ измѣненій въ организаци комиссій, на которыя возложено составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Съ этою цѣлью въ составъ упомянутыхъ комиссій были, между прочимъ, введены предсѣдатель сѣзда мировыхъ судей и мѣстный товарищъ прокурора. вмѣстѣ съ тѣмъ, «дабы дать этимъ комиссіямъ возможность включить въ списки присяжныхъ лишь наиболѣе достойныхъ представителей общества, общее число лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, было сокращено въ значительной мѣрѣ».

На недостатки въ дѣятельности суда присяжныхъ и несовершенство нашего уголовного законодательства было обращено вниманіе еще въ 70-хъ годахъ, почему тогда же было образовано нѣсколько комиссій для пересмотра установленной у насъ лѣстницы наказаній. Приступлено было къ изготовленію проекта новаго уголовного уложенія, а тѣмъ временемъ въ нѣдрахъ самого министерства юстиціи былъ выработанъ рядъ законопроектовъ, имѣвшихъ цѣлью внести нѣкоторыя дополненія, поправки и улучшенія въ дѣйствовавшія постановленія уложенія о наказаніяхъ, скорѣйшее осуществленіе которыхъ требовалось практикою жизни. Къ числу такихъ постановленій относилось предположеніе объ измѣненіи наказаній для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ. Согласно этому предположенію, высочайше утвержденному 27-го октября 1881 года, для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ привилегированныхъ сословій ссылка на житье въ Сибирь или отдаленныя губерніи замѣнялась срочнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Далѣе, обращено было вниманіе на несоотвѣтствіе установленнаго въ законѣ наказанія за присвоенія и растраты по сравненію съ значеніемъ и важностью этого преступнаго дѣянія. Эта сторона дѣла была разрѣшена закономъ 16-го іюня 1884 г., согласно которому не только вообще усилено было наказаніе за эти преступленія, но и сдѣлано болѣе дѣйствительнымъ для лицъ привилегированныхъ состояній, виновныхъ въ служебной растратѣ, такъ какъ въ силу упомянутаго закона лица эти до ссылки въ Сибирь подлежали заключенію въ тюрьмѣ на извѣстные сроки.

Весьма важный законъ былъ обнародованъ 26-го мая 1881 года, измѣнившій порядокъ исполненія приговоровъ о смертной казни. Какъ читатели нашихъ очерковъ помнятъ изъ нѣкоторыхъ сдѣланныхъ нами описаній этихъ казней, таковыя приводились всегда въ исполненіе публично при очень сложной и торжественной обстановкѣ. Съ теченіемъ времени правительство пришло къ убѣжденію, что эта публичность, долженствовавшая по своему сокровенному смыслу имѣть устрашающее впечатлѣніе, не только не производила его, но, напротивъ, «давая лишь пищу для удовлетворенія празднаго и грубаго любопытства толпы, имѣла на нее глубоко развращающее вліяніе». Эта же публичность давала возможность единомышленникамъ казнимыхъ сказать имъ послѣднее «прости» и повѣдать потомъ въ интересахъ пропаганды и противоправительственной агитации о страданіяхъ и геройскомъ поведеніи «пострадавшихъ». Чтобъ парализовать сказанныя послѣдствія публичныхъ казней, еще въ 1876 году въ министерствѣ юстиціи былъ возбужденъ вопросъ объ ихъ отмѣнѣ, но тогда этотъ вопросъ былъ признанъ несвоевременнымъ и ему не было дано хода. Но въ началѣ царствованія Александра III высочайше было повелѣно безотлагательно приступить къ пересмотру узаконеній, устанавливающихъ публичное исполненіе смертной казни. Во исполненіе этого повелѣнія въ министерствѣ были выработаны правила, въ силу которыхъ все приговоры о смертной казни, не исключая и тѣхъ случаевъ, когда съ высочайшаго соизволенія смертная казнь замѣняется такъ называемою «политическою смертью», приводятся въ исполненіе въ оградѣ тюрьмы, въ присутствіи нѣкоторыхъ должностныхъ лицъ и 10 мѣстныхъ обывателей «изъ заслуживающихъ общественнаго довѣрія домохозяевъ». Не приходится много говорить о томъ, что этотъ законъ имѣлъ главнѣйше въ виду борьбу съ политическимъ терроромъ.

Въ области гражданскаго права въ министерство Набокова было обращено особое вниманіе на составленіе правилъ о порядкѣ укрѣпленія правъ на недвижимое имущество, а 12-го мая 1882 года послѣдовало высочайшее повелѣніе объ учрежденіи особаго комитета изъ 12 лицъ для коренного пересмотра дѣйствовавшихъ гражданскихъ законовъ и составленія проекта новаго гражданскаго уложенія. Въ то же министерство Набокова была учреждена касса вѣдомства министерства юстиціи, что было особенно важно въ виду недостаточнаго матеріальнаго обезпеченія чиновъ этого вѣдомства. Проектъ кассы былъ высочайше утвержденъ 3-го іюня 1885 года.

6-го ноября, послѣ семилѣтняго пребыванія на посту юстиціи, статсъ-секретарь Набоковъ былъ уволенъ отъ этой должности, и управленіе министерствомъ было ввѣрено сенатору Николаю Авксентьевичу Манасеину, выдѣлившемуся особенно по выполненному имъ высочайшему порученію обревизовать Лифляндскую и Курляндскую губерніи по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія.

Н. А. Манасеинъ, по происхожденію своему, принадлежалъ къ числу дворянъ Казанской губерніи. Окончивъ въ 1854 г. курсъ императорскаго училища правовѣдѣнія, онъ началъ службу въ канцеляріи правительствующаго сената—вначалѣ въ должности помощника секретаря, а затѣмъ въ должности секретаря. Въ 1860 году Н. А. Манасеинъ вышелъ въ отставку, но, спустя три года, когда начались работы по практическому примѣненію крестьянской реформы, онъ снова поступилъ на службу въ качествѣ исправляющаго должность мирового посредника въ Мещовскомъ уѣздѣ Калужской губерніи, и въ этой должности оставался до 7-го іюля 1866 года, когда послѣдовало назначеніе его на постъ товарища прокурора въ московскій окружный судъ. Благодаря блестящимъ способностямъ, обнаруженнымъ имъ на новой должности, Н. А. Манасеинъ сталъ быстро подвигаться по ступенямъ служебной іерархіи. Въ октябрѣ мѣсяцѣ того же года онъ былъ назначенъ прокуроромъ калужскаго окружнаго суда, черезъ годъ получилъ должность товарища прокурора московской судебной палаты, а 2-го іюля 1870 г. состоялось назначеніе его на должность прокурора этой палаты. Обративъ на себя вниманіе министра юстиціи графа Палена своею энергіей и настойчивостью, Н. А. Манасеинъ, въ качествѣ выдающагося судебного дѣятеля, былъ призванъ 15-го декабря 1877 года на постъ директора департамента министерства юстиціи, а 8-го сентября 1880 года назначенъ сенаторомъ.

Порученная ему ревизія Остзѣйскаго края была выполнена имъ чрезвычайно удачно. Со свойственной ему энергіей приступилъ онъ къ выполненію этой задачи, трудность которой усугублялась дружнымъ противодѣйствіемъ цѣлямъ ревизіи со стороны всѣхъ мѣстныхъ общественныхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ дальнѣйшемъ сохраненіи прежняго феодально-сословнаго строя жизни въ прибалтійскихъ губерніяхъ. Послѣ двадцатимѣсячной работы ревизія была закончена, и добытыя ею данныя представили собою яркую картину того безправія и произвола, которые господствовали въ обревизованныхъ губерніяхъ. О результатахъ ревизіи Манасеинъ представилъ въ 1884 г. всеподданнѣйшій отчетъ, и этотъ его трудъ, содержащій въ себѣ подробныя указанія на ненормальность установившихся въ Прибалтійскомъ краѣ порядковъ, послужилъ затѣмъ основаніемъ для осуществленія цѣлаго ряда правительственныхъ мѣропріятій и реформъ въ этомъ краѣ.

XLII.

Вступивъ въ управленіе министерствомъ юстиціи, Н. А. Манасеинъ прежде всего занялся введеніемъ новыхъ судебныхъ уставовъ на Валтійскомъ побережьи. Сложившись исторически подъ вліяніемъ политическаго прошлаго, судебный строй здѣсь не представлялъ

собою цѣльной системы судоустройства, дѣйствіе которой распро-
странялось бы на всѣ прибалтійскія губерніи. Напротивъ того,
каждая изъ нихъ имѣла свои особыя судебныя установленія, су-
щественно отличавшіяся отъ учреждений, дѣйствовавшихъ въ дру-
гихъ губерніяхъ. Какъ свидѣтельствуетъ юбилейная исторія ми-
нистерства юстиціи: «При всемъ разнообразіи въ организаціяхъ
судебныхъ мѣстъ Прибалтійскаго края, всѣ онѣ отличались, однако,
общими присущими имъ недостатками, заключающимися въ замѣ-
щеніи судебныхъ должностей по выбору дворянства, въ разграни-
ченіи подсудности между судами въ зависимости отъ принадлежно-
сти участвующихъ въ дѣлѣ лицъ къ тому или другому сословію,
въ чрезвычайномъ разнообразіи и неопредѣленности примѣняв-
шихся въ судахъ процессуальныхъ правилъ и, наконецъ, въ край-
ней сложности и медленности судебной процедуры. Убѣдившись
лично еще во время сенаторской ревизіи въ крупныхъ недостаткахъ
въ прибалтійскихъ губерніяхъ судебного устройства, министр
юстиціи Манасеинъ, въ виду обнаруженныхъ этою ревизією данныхъ,
пришелъ къ заключенію, что введеніе въ этомъ краѣ выборнаго ин-
ститута на началахъ, которыя были указаны въ законѣ 28-го мая
1880 г., состоявшемся по представленію графа Палена, не достигало
бы цѣли существеннаго улучшенія дѣйствовавшихъ тамъ судебныхъ
порядковъ. По его мнѣнію, представлялось настоятельно необходи-
мымъ приступить къ безотлагательному переустройству всей су-
дебной части въ прибалтійскихъ губерніяхъ и съ этою цѣлью вы-
работать предположеніе о введеніи въ этихъ губерніяхъ судебныхъ
уставовъ 20-го ноября 1864 года въ полномъ объемѣ и съ тѣми лишь
измѣненіями, какія вызывались бытовыми и политическими усло-
віями края. Работы, предпринятыя министерствомъ юстиціи по этому
предмету, представлялись въ высшей степени сложными и трудными.
Трудность ихъ заключалась не только въ особенностяхъ мѣстнаго
матеріальнаго права, вызывавшихъ необходимость согласованія съ
нормами этого права судопроизводственныхъ правилъ, но и въ томъ,
между прочимъ, обстоятельствѣ, что на мѣстныхъ судебныхъ уста-
новленіяхъ прибалтійскихъ губерній, независимо отъ судебныхъ
функцій, лежали также разнообразныя обязанности административ-
ныя, сословныя, полицейскія, опекунскія и по надзору за крестьян-
скимъ общественнымъ управленіемъ, которыя, конечно, не могли
быть перенесены на новыя судебныя мѣста.

«Благодаря неутомимой энергіи министра юстиціи, сложный
трудъ разработки проекта преобразованій судебной части въ при-
балтійскихъ губерніяхъ былъ законченъ менѣе чѣмъ въ два года.
Главнѣйшія особенности проектированной организаціи суда въ
Прибалтійскомъ краѣ заключались въ опредѣленіи мировыхъ су-
дей къ должности не по выбору, а по назначенію отъ правительства,
и въ учрежденіи института присяжныхъ засѣдателей. Первое изъ

этихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г. объяснялось необходимостью оградить мировую юстицію отъ вліянія мѣстнаго дворянства, которое, занимая преобладающее положеніе въ средѣ мѣстнаго населенія, при замѣщеніи судей по выборамъ могло бы обратить мировой институтъ въ орудіе мѣстныхъ національныхъ и сословныхъ цѣлей. Что же касается суда присяжныхъ, то примѣненіе его къ прибалтійскимъ губерніямъ признавалось невозможнымъ въ виду разноплеменности мѣстнаго населенія, говорящаго различными нарѣчіями и живущаго въ разнообразныхъ бытовыхъ условіяхъ. Независимо отъ этихъ отступленій отъ судебныхъ уставовъ, при устройствѣ судебныхъ мѣстъ въ прибалтійскихъ губерніяхъ предполагалось также, въ связи съ дѣйствовавшею въ краѣ ипотечною системою, учредить при окружныхъ судахъ, вмѣсто нотаріальныхъ архивовъ, особыя крѣпостныя отдѣленія для завѣдыванія поземельно-ипотечною частью.

«Въ области уголовного судопроизводства министерство юстиціи проектировало для прибалтійскихъ губерній немногія отступленія отъ судебныхъ уставовъ 20-го ноября 1864 г., при чемъ главнѣйшія изъ нихъ обусловливались невведеніемъ суда присяжныхъ въ этихъ губерніяхъ. Напротивъ того, постановленія судебныхъ уставовъ, касающіяся гражданскаго судопроизводства, подверглись весьма тщательному пересмотру въ видахъ приспособленія дѣйствующаго у насъ гражданскаго процесса къ чуждымъ нашему законодательству правовымъ нормамъ, примѣняемымъ въ Прибалтійскомъ краѣ. При выполненіи этого труда выяснилось, между прочимъ, что цѣлый отдѣлъ устава гражданскаго судопроизводства не можетъ имѣть никакого примѣненія въ названномъ краѣ, такъ какъ заключающіяся въ этомъ отдѣлѣ правила находятся въ тѣсной непосредственной связи съ дѣйствующими у насъ гражданскими законами, представляющими во многихъ отношеніяхъ весьма существенныя отличія отъ мѣстныхъ гражданскихъ законовъ прибалтійскихъ губерній. Вслѣдствіе этого министерство юстиціи было поставлено въ необходимость не только проектировать для этихъ губерній рядъ особыхъ процессуальныхъ правилъ въ отличіе отъ общепринятаго въ имперіи порядка веденія въ судебныхъ мѣстахъ спорныхъ судебныхъ дѣлъ, но, сверхъ того, взамѣнъ устава охранительнаго судопроизводства, составить проекты особыхъ производствъ, устанавливающихъ процессуальныя формы для тѣхъ допускаемыхъ гражданскими мѣстными законами правоотношеній, которыя вовсе чужды русскому законодательству или же регулируются общими законами имперіи на иныхъ основаніяхъ, чѣмъ мѣстными законами края. Наконецъ, хотя въ прибалтійскихъ губерніяхъ издавна существуетъ ипотечная система, главнѣйшія основанія коей указаны въ сводѣ мѣстныхъ гражданскихъ узаконеній, по всѣмъ тѣмъ правиламъ, которыя должны быть соблюдаемы при самомъ укрѣпленіи правъ на недвижимыя имущества, не были вовсе кодифицированы и въ каждой

изъ юридическихъ территорій, на которыя распадается Прибалтійскій край, представлялись существенно различными. Вслѣдствіе этого министерство юстиціи было поставлено въ необходимость составить сверхъ того особый проектъ правилъ о порядкѣ производства крѣпостныхъ дѣлъ, а также дѣлъ о несостоятельности.

«Въ связи съ предполагаемою судебною реформою министерство юстиціи выработало также предположенія о преобразованіи крестьянскихъ установленій въ Прибалтійскомъ краѣ. Разбирательство мелкихъ имущественныхъ споровъ крестьянскаго населенія и разрѣшеніе дѣлъ о маловажныхъ проступкахъ крестьянъ предоставлено было здѣсь волостнымъ судамъ, которые въ отношеніи апелляцій и надзора за ними были подчинены мѣстнымъ судебнымъ организаціямъ—приходскимъ и уѣзднымъ судамъ. Составляя высшія инстанціи для волостныхъ судовъ, приходскіе и уѣздные суды исполняли также различныя обязательства по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ и за примѣненіемъ законовъ о поземельномъ устройствѣ крестьянъ. Вслѣдствіе этого при начертаніи проектовъ судебного преобразованія въ Прибалтійскомъ краѣ былъ составленъ проектъ правилъ объ устройствѣ крестьянскихъ судовъ, а также о порядкѣ производства ими дѣлъ—примѣнительно къ началамъ, содержащимся въ общихъ уставахъ 20-го ноября 1864 г.—и о наказаніяхъ, налагаемыхъ волостными судами. Всѣ эти правила были соединены въ одинъ волостной судебный уставъ. Сверхъ того, надлежало разработать предположенія объ организаціи крестьянскихъ присутственныхъ мѣстъ, къ которымъ должны были перейти административныя обязанности упраздненныхъ приходскихъ и уѣздныхъ судовъ. Первоначально разработку этихъ послѣднихъ предположеній приняло на себя министерство внутреннихъ дѣлъ, но затѣмъ оно не нашло возможнымъ составить проектъ окончательнаго устройства крестьянскихъ учрежденій въ Прибалтійскомъ краѣ ко времени предстоявшаго тамъ введенія судебной реформы, и потому въ министерствѣ юстиціи былъ выработанъ проектъ временныхъ правилъ о передачѣ обязанностей по надзору за крестьянскимъ общественнымъ управленіемъ единоличнымъ органамъ, назначаемымъ отъ правительства. Наконецъ, тѣмъ же министерствомъ проектировано на одинаковыхъ съ имперіею основаніяхъ устройство опекунской части Прибалтійскаго края.

«Всѣ эти предположенія, которыя, по мысли министра юстиціи Манасеина, должны были не только оказать благотворное вліяніе на отправленіе правосудія въ Остзейскомъ краѣ, но и послужить къ достиженію политическихъ цѣлей первостепеннаго государственнаго значенія, были внесены 31-го декабря 1887 г. на уваженіе государственнаго совѣта. Въ теченіе всей сессіи 1888—1889 г.г. разсматривалъ государственный совѣтъ этотъ проектъ; предположенія министерства юстиціи были одобрены и 9-го іюля 1889 г. удостоились высочайшаго утвержденія».

XLIII.

Послѣ осуществленія судебной реформы въ прибалтійскихъ губерніяхъ судебные уставы были распространены съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и процессуальными сокращеніями на сѣверныя губерніи, степныя области и Туркестанскій край. Особенное вниманіе Манасейна было обращено на дѣятельность суда присяжныхъ, вызывавшаго, какъ это мы видѣли изъ статей Каткова и его единомышленниковъ, постоянныя рѣзкія на нее нападки. Не раздѣляя крайности этихъ взглядовъ, министръ юстиціи внесъ нѣкоторыя поправки въ права и обязанности присяжныхъ засѣдателей, а также намѣтилъ рядъ измѣненій въ дѣйствовавшихъ постановленіяхъ судебныхъ уставовъ, какъ относительно условій, которымъ должны удовлетворять лица, призываемыя къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, такъ и относительно органовъ, вѣдающихъ составленіе списковъ присяжныхъ засѣдателей. Прежде, независимо отъ опредѣленнаго имущественнаго ценза, судебные уставы предъявляли къ лицамъ, призываемымъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, лишь слѣдующія положительныя требованія: русское подданство, знаніе русскаго языка, возрастъ отъ 25 до 70 лѣтъ и не менѣе какъ двухгодичное пребываніе въ уѣздѣ. Между тѣмъ, по мнѣнію министерства юстиціи, «перечень этотъ надлежало дополнить требованіемъ знанія читать по-русски, такъ какъ такое знаніе является во многихъ случаяхъ необходимымъ условіемъ для правильнаго пониманія вопросовъ, предлагаемыхъ на разрѣшеніе присяжныхъ засѣдателей. Самые размѣры имущественнаго ценза, установленнаго закономъ для лицъ, призываемыхъ къ исполненію обязанностей присяжныхъ засѣдателей, по мнѣнію министерства юстиціи, надлежало также подвергнуть существеннымъ измѣненіямъ. Установивъ слишкомъ высокій размѣръ ценза для владѣльцевъ недвижимаго имущества, судебные уставы опредѣлили вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ низкій цензъ для лицъ, живущихъ жалованьемъ или доходомъ отъ капитала, занятія, ремесла либо промысла. Между тѣмъ опытъ показалъ, что лица, не связанныя съ мѣстностью обладаніемъ недвижимостью и матеріально скудно обезпеченныя, представляютъ собою въ составѣ присяжныхъ засѣдателей элементъ малонадежный и недостаточно серьезно относящійся къ возлагаемымъ на нихъ обязанностямъ. Вслѣдствіе этого министръ юстиціи Манасейнъ призналъ желательнымъ повысить въ значительной мѣрѣ подходящий цензъ, необходимый для избранія въ присяжные засѣдатели и, напротивъ того, понизить размѣръ ценза для владѣльцевъ недвижимой собственности».

Что касается порядка составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей, то, принявъ здѣсь въ основаніе правила, намѣченныя еще

Набоковымъ, Манасеинъ расширилъ составъ комиссиі, включивъ сюда всѣхъ участковыхъ мировыхъ судей уѣзда, а равно предоставилъ право председателю комиссиі приглашать на засѣданіе мѣстныхъ судебныхъ слѣдователей и податныхъ инспекторовъ.

Подвергнувъ тщательному и подробному изслѣдованію результаты 25-лѣтней дѣятельности суда присяжныхъ, министръ юстиціи пришелъ, между прочимъ, къ заключенію объ отсутствіи у насъ правильнаго соотношенія между кругомъ компетенціи этого суда и свойствами, присущими той части общества, изъ коей, главнымъ образомъ, призываются присяжные засѣдатели. Поэтому онъ къ тѣмъ коррективамъ, которые были сдѣланы его предшественникомъ, добавилъ слѣдующее: Манасеинъ нашелъ, что присяжные засѣдатели, принадлежащіе въ большинствѣ къ крестьянской и мѣщанской средѣ, то есть къ наименѣе просвѣщенной части общества, исполняютъ вполнѣ удовлетворительно возложенныя на нихъ обязанности лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда разрѣшенію ихъ подлежатъ дѣла о простѣйшихъ по своей обстановкѣ преступныхъ дѣяній, къ числу которыхъ должна быть отнесена большая часть преступленій, совершаемыхъ частными лицами въ нарушеніе правъ частныхъ же лицъ. Что же касается такихъ преступныхъ посягательствъ, значеніе которыхъ въ достаточной степени можетъ быть усвоено лишь при извѣстномъ знакомствѣ съ устройствомъ, назначеніемъ и условіями дѣятельности органовъ, вѣдающихъ непосредственные интересы государства и общества, или же при наличности познаній, хотя бы самыхъ элементарныхъ, но дающихъ возможность понимать объясненія экспертовъ и сторонъ по техническимъ вопросамъ, — то въ большинствѣ случаевъ отнесеніе этого рода дѣлъ къ предметамъ вѣдѣнія суда присяжныхъ не ограждаетъ въ достаточной мѣрѣ интересовъ правосудія. Вслѣдствіе этого Манасеинъ полагалъ необходимымъ устранить присяжныхъ засѣдателей отъ участія въ разрѣшеніи дѣлъ о всѣхъ видахъ сопротивленія властямъ, о насильственныхъ посягательствахъ на представителей власти при исполненіи или по поводу исполненія ими служебныхъ обязанностей, о преступленіяхъ по службѣ государственной и общественной и о цѣломъ рядѣ такимъ правонарушеній, которыя имѣютъ характеръ, средний съ указанными группами преступленій.

Кромѣ этихъ категорій дѣлъ, министерство юстиціи признало необходимымъ изъять изъ вѣдѣнія присяжныхъ засѣдателей всѣ дѣла о такихъ преступленіяхъ, за которыя въ видѣ высшей карательной мѣры установлены въ законѣ наказанія, соединенныя съ ограниченіемъ нѣкоторыхъ правъ состоянія. Такое же ограниченіе было распространено и на извѣстныя категоріи дѣлъ, гдѣ фигурируютъ малолѣтніе или несовершеннолѣтніе. Далѣе, было предположено передать всѣ дѣла о преступленіяхъ противъ порядка управленія, о преступленіяхъ по должности, подвѣдомыхъ окружному

суду, и нѣкоторыя другія на разсмотрѣніе усиленнаго присутствія окружнаго суда, состоящаго изъ предсѣдателя и двухъ членовъ суда, мѣстнаго уѣзднаго предводителя дворянства, мѣстнаго городского головы и одного изъ волостныхъ старшинъ мѣстнаго уѣзда. Къ этой категоріи дѣлъ К. П. Побѣдоносцевъ прибавилъ еще дѣла о многобрачїи, мотивируя свое дополненіе тѣмъ соображеніемъ, что зачастую по таковымъ дѣламъ, даже при признанїи самихъ подсудимыхъ, присяжные все же выносили имъ оправдательные приговоры.

При разсмотрѣнїи этого проекта въ государственномъ совѣтѣ онъ не былъ утвержденъ въ первоначальной редакціи, и высшее государственное установленіе постановило не измѣнять подсудности дѣлъ о малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступникахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ государственный совѣтъ также не нашелъ возможнымъ подчинить дѣла, подлежащія изыятію изъ вѣдѣнїя суда присяжныхъ, вѣдомству особаго присутствія окружнаго суда, а призналъ болѣе соответственнымъ передать эти дѣла въ судебную палату съ участіемъ въ ней такихъ сословныхъ представителей, которые занимаютъ сравнительно болѣе высокое и независимое отъ мѣстныхъ вліяній общественное положеніе. Въ измѣненномъ видѣ проектъ Манасеина удостоился высочайшаго утвержденія 7-го іюля 1889 года.

Одной изъ важнѣйшихъ поправокъ, внесенныхъ въ уставъ уголовного судопроизводства, было ограниченіе публичности судебныхъ засѣданій по уголовнымъ дѣламъ. «Манасеинъ нашелъ необходимымъ установить въ законѣ правило, дозволяющее не допускать въ судебныя засѣданія несовершеннолѣтнихъ, учениковъ, воспитанниковъ и слушателей учебныхъ заведеній, а также лицъ женскаго пола, когда это требуется свойствомъ разсматриваемаго дѣла, и сверхъ того расширить предусмотрѣнное закономъ число случаевъ, когда дозволяется непубличное разсмотрѣніе дѣла, отнесеніемъ къ ихъ числу такихъ дѣлъ, гдѣ гласное разслѣдованіе преступленія можетъ нарушить требованія нравственности, оскорблять религіозное чувство, имѣть вредное вліяніе на самый ходъ правосудія, а также угрожать возбужденіемъ умовъ, или же не должно быть допускаемо въ интересахъ огражденія общественнаго порядка или достоинства государственной власти. По общему правилу постановленіе о разсмотрѣнїи того или иного дѣла при закрытыхъ дверяхъ присутствія должно исходить отъ суда, разсматривающаго дѣло по существу; но въ тѣхъ исключительныхъ случаяхъ, когда закрытіе дверей засѣданія оказывается необходимымъ для огражденія достоинства государственной власти или въ интересахъ общественнаго порядка, право принять упомянутыя мѣры предполагалось предоставить министру юстиціи».

По предмету настоящаго представленія Манасеина въ той его части, которая касалась правъ министра юстиціи, не состоялось

единогласнаго постановленія, и большинство высказалось противъ проектированныхъ правъ министра. Когда означенный вопросъ взошелъ на высочайшее утвержденіе, то Александръ III согласился съ мнѣніемъ меньшинства, и предположеніе Манасеина, такимъ образомъ, получило осуществленіе.

Мѣсто не позволяетъ намъ прослѣдить всѣ остальные начинанія въ области нашего судопроизводства, выполненныя, согласно высочайшей волѣ, министромъ Манасеинымъ; онѣ многообразны, нѣкоторыя изъ нихъ отличались большой гуманностью, широко охватили жизнь и работу нашего суда, причемъ практика жизни при томъ или иномъ проектированіи новаго начинанія ставилась подчасъ выше теоріи права, и, такимъ образомъ, наше судопроизводство въ значительной мѣрѣ подгонялось подъ тѣ требованія усиленія административной государственной власти, которыя были поставлены въ угольвсей внутренней политики той эпохи.

Немало выпало также работы на долю министерства юстиціи того времени при приведеніи въ извѣстныя соотношенія дѣятельности судебныхъ органовъ съ тѣмъ новымъ земскимъ и крестьянскимъ строемъ жизни, который былъ устанавливаемъ административными реформами графа Д. А. Толстого. Не во всемъ и не всегда министръ юстиціи сходилъ въ мнѣніи съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, но подъ вліяніемъ личной воли монарха эти разногласія были сглаживаемы, и въ конечномъ результатѣ въ нашемъ отечествѣ установился тотъ административный и судебный порядокъ вещей, который съ нѣкоторыми видоизмѣненіями несущественнаго въ немъ, впрочемъ, характера просуществовалъ до 17-го октября 1905 года. Въ настоящей части мы не будемъ касаться, какъ скомбинировались интересы правосудія съ интересами административной жизни уѣздовъ; объ этомъ у насъ уже достаточно было говорено, когда шла рѣчь о введеніи реформы земскихъ начальниковъ.

XLIV.

Мы дали на протяженіи настоящихъ очерковъ за текущій годъ обзоръ всѣхъ главнѣйшихъ мѣропріятій царствованія императора Александра III, представили рядъ портретовъ его сподвижниковъ и, такимъ образомъ, передъ читателями должна обрисоваться вся картина той эпохи, которую мы наименовали «периодомъ твердой власти». Вопросовъ внѣшней политики, вопросовъ, связанныхъ съ устроеніемъ могущества нашей арміи и флота, здѣсь мы не касались, — объ этомъ было говорено въ очеркахъ за прошедшій годъ, — и полагаемъ, что сказаннаго достаточно, чтобы получить опредѣленное понятіе, какъ во время съ 1881 по 1894 годъ приводился государственный аппаратъ въ необходимый порядокъ, дабы онъ

быль дѣйствительно мощенъ, незыблемъ и содѣйствоваль развитію матеріальныхъ силъ страны. Нами было отмѣчено, поскольку печать иностранная, а также та часть отечественной, которая тоже признавала необходимымъ, что все должно быть принесено въ жертву силѣ и могуществу государства, сочувственно относились къ изображеннымъ мѣропріятіямъ царя-освободителя. Для полноты, однако, нашей исторической лѣтописи отмѣтимъ здѣсь вмѣстѣ съ тѣмъ и ту критику этихъ мѣропріятій, раздавшуюся немедленно вслѣдъ за кончиною Александра III со страницъ той части нашей либеральной печати, которая въ первые дни по его воцареніи выступила съ отмѣченными нами совѣтами по адресу новаго самодержца и чья программа не только не была принята къ свѣдѣнію и руководству, но осуществлена въ совершенно обратномъ направленіи. Устами внутренняго обозрѣвателя «Вѣстника Европы» К. К. Арсеньева было сказано: ¹⁾ «Первый періодъ царствованія императора Александра III былъ во многихъ отношеніяхъ непосредственнымъ продолженіемъ предшествовавшей эпохи. Изъ двухъ теченій, ею созданныхъ, въ особенности посчастливилось тому, которое сосредоточивалось въ области финансовой и экономической. Пониженіе выкупныхъ платежей (1882), отмѣна подушной подати (1882), налогъ на наслѣдства (1882) и на процентныя бумаги (1885), повышеніе промыслового обложенія (1884), учрежденіе крестьянскаго поземельнаго банка и фабричной инспекціи (1882), ограниченіе фабричной работы малолѣтнихъ (1882) и ночной работы подростковъ и женщинъ (1885), устройство тѣхъ категорій сельскихъ обывателей (чиншевикова, вольныхъ людей и др.), поземельный бытъ которыхъ оставался еще не обезпеченнымъ (1882 и позже), совокупность мѣръ, направленныхъ къ облегченію арендованія казенныхъ земель (1881, 1884),—все это было прямымъ исполненіемъ программы, начертанной въ 1880 г. и не случайно, конечно, главнымъ исполнителемъ ея явился министръ, именно въ 1880 г. призванный изъ міра науки въ сферу высшаго государственнаго управленія ²⁾. Послѣднія волны могучаго теченія достигаютъ берега много лѣтъ спустя (законъ 3-го іюня 1886 года о фабричной работѣ, законъ 13-го іюля 1889 г. о переселеніи),—но чѣмъ дальше отъ источника, тѣмъ больше количество постороннихъ примѣсей... Не сразу исчезло и другое теченіе завѣщанное послѣднимъ годомъ царствованія Александра II; непосредственно связаны съ нимъ двукратный призывъ свѣдущихъ людей (1881), учрежденіе такъ называемой кахановской комиссіи (1881), узаконеніе школъ грамоты (1882), учрежденіе комиссій для составленія уложеній уголовнаго и гражданскаго (1881 и 1882), новыя льготы раскольникамъ (законъ 3-го мая 1883 г.).

¹⁾ «Вѣстникъ Европы», 1894 г. № 12.

²⁾ Т.-е. Н. Х. Бунге.

«Одновременно съ осуществленіемъ нѣкоторыхъ изъ числа задачъ, стоявшихъ на очереди въ моментъ воцаренія новаго государя, ставятся и выдвигаются на первой планъ другія цѣли, идущія въ разрѣзъ не только съ «диктатурой сердца», но и съ «эпохой великихъ реформъ». Прежде всего, какъ это всегда бываетъ, переменна настроенія отражается на печати. Въмѣсто облегченій, проектированныхъ въ 1880 г., она подвергается, въ силу *временныхъ* правилъ 1882 г. (дѣйствующихъ, однако, и по настоящую минуту), новымъ, весьма существеннымъ ограниченіямъ, влекущимъ за собою не только прекращеніе многихъ изданій («Голосъ», «Страна», «Отечественныя Записки»), но и суженіе области, доступной для всѣхъ остальныхъ. Временными (ни въ чемъ до сихъ поръ не измѣненными) правилами о публичныхъ библіотекахъ и кабинетахъ для чтенія (6-го января 1884 г.) создается новая категорія книгъ и изданій, *отчасти* запрещенныхъ. Положеніе о чрезвычайной и усиленной охранѣ, также имѣющее временный характеръ и также слишкомъ десять лѣтъ остающееся въ полной силѣ, распространяется, на практикѣ, далеко за предѣлы той сферы, которая имѣлась въ виду при его изданіи. Въ 1883 г. законъ о дворянскихъ выморочныхъ имуществѣхъ и рѣчь, обращенная къ волостнымъ старшинамъ, открываетъ собой длинный рядъ мѣръ, направленныхъ къ расширенію дворянскихъ правъ и преимуществъ. «Свѣдущіе люди», приглашенные министерствомъ внутреннихъ дѣлъ (лѣтомъ 1882 г. перешедшимъ въ руки графа Д. А. Толстого) въ составъ кахановской комиссіи, стоятъ за преобразование мѣстнаго управленія въ духѣ сословности и соединенія властей; въ томъ же смыслѣ высказываются нѣкоторыя дворянскія собранія; кахановская комиссія, большинство которой не поддавалось новымъ вѣяніямъ, сходитъ со сцены (май 1885 г.), и продолженіе не оконченной ею работы возлагается на министерство внутреннихъ дѣлъ. Въмѣсто проектированнаго Н. Х. Бунге государственнаго поземельнаго банка, общаго для всѣхъ сословій, учерждается въ то же время (апрѣль 1885 г.) государственный *дворянскій* земельный банкъ, открывающій, на льготныхъ основаніяхъ, долгосрочный кредитъ для однихъ только дворянъ-землевладѣльцевъ. Принципъ опеки надъ крестьянами находитъ для себя первое выраженіе въ законѣ 18-го марта 1886 г. о крестьянскихъ семейныхъ раздѣлахъ; въ положеніи о наймѣ сельскихъ рабочихъ (12-го іюня того же года) къ этому принципу присоединяется усиленное попеченіе объ интересахъ землевладѣльцевъ. Оба начала осуществляются вполнѣ въ узаконеніяхъ 12-го іюля 1889 г., отмѣняющихъ одну изъ основъ судебной реформы 1864 г.—раздѣленіе властей административной и судебной—и одно изъ главнѣйшихъ учрежденій, ею созданныхъ,—выборный міровой судъ. Новымъ земскимъ положеніемъ (12-го іюня 1890 г.) сословное земство ставится въ зависимость отъ администраціи, новымъ городо-

вымъ положеніемъ (12-го іюля 1892 г.) та же зависимость распространяется и на городскія думы и управы. Рядомъ послѣдующихъ узаконеній уменьшается, съ одной стороны, кругъ дѣйствій и самостоятельность органовъ самоуправленія (законъ 8-го іюня 1893 г. о земскихъ оцѣнкахъ, болыпичный уставъ 10-го іюня того же года, законъ 6-го іюня 1894 г. о страховомъ комитетѣ), съ другой—самостоятельность крестьянской общины (законъ 8-го іюня 1893 года о передѣлахъ) и на ближайшую очередь ставятся законопроекты, направленные къ тѣмъ же цѣлямъ (напримѣръ: продовольственный уставъ, законъ о составѣ сельскихъ сходовъ).

«Преобразования, связанныя съ устройствомъ новаго суда и управления, далеко не единственные, коснувшіяся судебныхъ уставовъ 1864 года. Принципъ несмѣняемости судей поколебленъ закономъ 20-го мая 1885 года. Ограниченіе судебной гласности предоставлено, закономъ 12-го февраля 1887 года, усмотрѣнію судебной администраціи. Закономъ 7-го іюля 1889 года значительно суженъ кругъ дѣйствій суда присяжныхъ, въ пользу одной изъ наименѣе удачныхъ формъ суда—суда съ сословными представителями. Еще раньше обратное движеніе совершается въ области народнаго просвѣщенія; университетскій уставъ 1863 года—первый изъ крупныхъ законодательныхъ актовъ предыдущаго царствованія—уступаетъ мѣсто противоположному порядку (23-го августа 1884 года). Хотя многія изъ числа мѣръ, принятыхъ въ дополненіе и развитіе новаго университетскаго устава, берутся назадъ или обращаются въ мертвую букву, но въ положеніи университетовъ происходитъ, тѣмъ не менѣе, коренная перемѣна, обусловливаемая отмѣной университетскаго самоуправления. Не воплѣ осуществившимися, но весьма знаменательными представляются министерскіе циркуляры (1887 года), имѣвшіе въ виду затруднить доступъ въ среднюю школу. Правилами 13-го іюня 1884 года, вновь организующими церковно-приходскую школу, только что узаконенная школа грамотности отдается всецѣло въ вѣдѣніе духовенства. Льготы по образованію при отбываніи воинской повинности уменьшены закономъ 10-го февраля 1886 года; въ настоящее время проектировано новое ихъ ограниченіе.

«Финансовая политика, со второй половины восьмидесятыхъ годовъ, разрываетъ связь съ стремленіями предшествовавшаго періода. Мысль о подоходномъ налогѣ откладывается въ сторону; новые налоги упадаютъ преимущественно на предметы первой необходимости; возникаетъ мысль о возстановленіи соляного акциза; протекціонизмъ находитъ крайнее выраженіе въ тарифѣ 1891 года, и нѣкоторый поворотъ въ другую сторону становится замѣтнымъ только въ самое послѣднее время (квартирный налогъ, торговый договоръ съ Германіей). Конверсіи не приносятъ съ собою никакого облегченія податнаго бремени для массы народа. Крестьян-

скій поземельный банкъ все болѣе и болѣе уклоняется отъ своей первоначальной задачи. Фабричная инспекція теряетъ свою первоначальную энергію, дѣятельность ея—свою первоначальную гласность. Усиленнымъ вниманіе пользуются, кромѣ фабрикантовъ, болѣе крупные землевладѣльцы, въ особенности землевладѣльцы-дворяне, въ интересахъ которыхъ пересматривается едва вошедшій въ силу уставъ дворянскаго банка и заключается новый заемъ съ выигрышами (1889 годъ). Въ желѣзнодорожной политикѣ открываетъ эру общій желѣзнодорожный уставъ 1885 года—прямой результатъ работъ такъ называемой барановской комиссіи, учрежденной еще въ царствованіе Александра II. Параллельно съ переходомъ многихъ желѣзныхъ дорогъ въ руки казны, другія желѣзнодорожныя линіи переходятъ, наоборотъ, изъ рукъ казны въ руки частныхъ обществъ. Во всякомъ случаѣ, однако, въ области желѣзнодорожнаго хозяйства совершилась большая перемѣна къ лучшему. Полезными представляются, безспорно, и мѣры противъ совмѣстительства (1884 годъ), и законы объ акціонерныхъ и городскихъ банкахъ (1882 годъ), усилившія правительственный контроль надъ банковымъ дѣломъ; необходимо только помнить, что онѣ состоялись въ то самое время, когда произведены всѣ прогрессивныя финансовыя реформы первыхъ годовъ минувшаго царствованія. Тогдашнему финансовому управленію принадлежитъ и заслуга учрежденія податной инспекціи, во многомъ съ тѣхъ поръ отклоненной отъ своего первоначальнаго назначенія, но задуманной совершенно правильно и необходимой какъ орудіе для дальнѣйшихъ преобразованій... Безспорно, цѣнными пріобрѣтеніями являются, наконецъ, законъ о лѣсоохраненіи (1888 годъ), законъ о промышленныхъ училищахъ (1888 годъ), законъ объ узаконеніи и усыновленіи (1891 годъ), законъ о ростовщичествѣ (1893 годъ), законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ (1894 годъ).

«Длинный рядъ мѣръ, относящихся къ нашимъ «инородцамъ» и «иновѣрцамъ», начинается съ временныхъ (въ извѣстномъ намъ уже, весьма условномъ смыслѣ этого слова) правилъ 3-го мая 1882 года о евреяхъ. Вмѣстѣ съ послѣдующими узаконеніями и распоряженіями, они могутъ быть формулированы такъ: сосредоточеніе евреевъ въ городахъ и мѣстечкахъ внутри черты осѣдлости; устраненіе ихъ отъ пріобрѣтенія и арендованія поземельной собственности и вообще отъ всякихъ занятій, кромѣ промышленныхъ и торговыхъ; фактическое закрытіе передъ ними государственной службы и адвокатуры; затрудненіе для нихъ доступа къ образованію. Въ остзейскихъ губерніяхъ восстановлено, прежде всего, не дѣйствовавшее при Александрѣ II правило о смѣшанныхъ бракахъ; въ связи съ непрочными обращеніями къ православію, это влечетъ за собою массу дѣлъ объ отпаденіи въ лютеранство или такъ называемыхъ пасторскихъ процессовъ. Не обошлось безъ

обращенія къ суду и введеніе русскаго суда въ управленіе и въ школу, коснувшееся, въ послѣднее время, и юрьевскаго (дерптскаго) университета. Введеніе въ Остзейскомъ краѣ новыхъ полицейскихъ, административныхъ и судебныхъ учреждений (1888 и 1889 г.г.) составляетъ несомнѣнную перемѣну къ лучшему; успѣла, однако, вотчинная полиція, судъ присяжныхъ замѣненъ судомъ короннымъ, туземные языки, вопреки закону 1888 года, сохранили нѣкоторое мѣсто только въ судахъ крестьянскихъ. Въ Западномъ краѣ и губерніяхъ привислинскихъ обрусеніе менѣе замѣтно лишь потому, что оно было начато здѣсь еще при Александрѣ II; стѣсненіе народнаго языка, закрытіе католическихъ монастырей и костеловъ; включеніе въ число православныхъ по имени католиковъ на самомъ дѣлѣ—все это не имѣло здѣсь характера новизны. На Дальнемъ Востокѣ—за Волгой, въ Сибири—формальная принадлежность къ православной церкви, идущая рука объ руку съ внутреннею преданностью язычеству или магометанству, приводитъ къ послѣдствіямъ, аналогичнымъ съ тѣми, какія мы видимъ на Западѣ между католиками и лютеранами. Внутри Россіи принимаются строгія мѣры противъ пашковцевъ и штундистовъ. Въ Финляндіи, наконецъ, распространеніе противъ правъ сейма (дарованіе ему законодательной инициативы, въ 1886 году) уступаетъ мѣсто ихъ ограниченію (манифестъ 1890 года о финляндской почтѣ и другія аналогичныя мѣры).

Указавъ далѣе на усиленіе сословныхъ началъ въ разсматриваемый періодъ и отмѣтивъ, что народное хозяйство въ то же время далеко не поднялось, а просвѣтительныя тенденціи понизились, К. К. Арсеньевъ заканчиваетъ свою статью указаніемъ, какъ отразилась эпоха на общественномъ настроеніи, т. е. на настроеніи той части народа, которая привыкла слѣдить за событіями и судить о нихъ на основаніи болѣе или менѣе вѣрныхъ понятій о прошедшемъ и болѣе или менѣе ясныхъ представленій о будущемъ. По сему предмету онъ говоритъ: «Сравнительно недавно начавъ жить сколько-нибудь самостоятельной жизнью, русское общество столь же недавно приступило къ выработкѣ въ самомъ себѣ основныхъ условій правильнаго развитія, немислимыхъ при господствѣ крѣпостнаго права: уваженія къ законности и уваженія къ человѣку. Подвинулась ли эта работа за послѣднее время? Едва ли. Разрѣшеніе законодательныхъ вопросовъ внѣ законодательнаго порядка, многочисленныя отступленія отъ дѣйствующихъ постановленій, распространеніе и обостреніе дискреціонной власти, въ разныхъ ея видахъ и формахъ, широко практикуемыя административныя взысканія, начиная съ денежнаго штрафа и кратковременнаго ареста до ссылки въ Сибирь (даже за общія преступленія, напримѣръ, за ростовщичество) и не предусмотрѣнныхъ никакими правами тѣлесныхъ наказаній—все это не могло укрѣпить въ нашемъ

обществѣ уваженія къ закону, какъ къ непоколебимой, для всѣхъ одинаково обязательной нормѣ государственной и частной жизни. Уваженіе къ личности подрывалось съ одной стороны воскресающими взглядами на крестьянъ, какъ на низшій родъ людей, съ другой—возрастающею нетерпимостью ко всему инородному и иновѣрному. Національное самосознаніе превращалось у многихъ въ національное самомиѣніе и самовосхваленіе. Стремленіе къ внѣшнему единообразію развивалось въ ущербъ внутреннему сближенію. Весьма можетъ быть, что между поверхностью общества, рѣзко бросающейся въ глаза, и его глубиною, менѣе доступною для изслѣдованія, существуетъ, въ этомъ отношеніи, значительное различіе; весьма можетъ быть, что намѣченные нами явленія вовсе не такъ распространены и не такъ интенсивны, какъ кажется съ перваго взгляда. Безошибочно судить объ этомъ можно будетъ только тогда, когда различные отбѣнки общественнаго миѣнія получаютъ большій просторъ, когда право высказываться вполне и до конца перестанетъ быть монополіей немногихъ. Большимъ шагомъ впередъ, съ этой точки зрѣнія, было бы даже простое восстановленіе закона 6-го апрѣля 1865 года, т. е. отмѣна «временныхъ» правилъ 1882 года и другихъ новеллъ, еще раньше парализовавшихъ дѣйствіе основного законодательства о печати. Само собою разумѣется, что голосъ печати, болѣе или менѣе свободный,—только одна изъ формъ общественнаго содѣйствія, необходимаго для прочнаго успѣха преобразовательной работы. А такой работы предстоитъ, очевидно, очень много: чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить о пересмотрѣ судебныхъ уставовъ, предпринятомъ министерствомъ юстиціи, о пересмотрѣ положеній 1861 года, предпринятомъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, о приближающемся къ концу составленіи новаго уголовного уложенія. Для всѣхъ этихъ трудовъ, затрагивающихъ самые насущные интересы русскаго народа, недостаточно одной технической разработки, недостаточно обычнаго прохожденія по іерархической лѣстницѣ инстанцій».

Мы не послѣдуемъ дальше за разсужденіями нашего публициста: приведеннаго достаточно, чтобы понять значительную разность между взглядами на задачи государственнаго управленія, высказанными имъ и единомышленниками, коихъ онъ явился лидеромъ, и тѣми начинаніями, которыя Царь-Миротворецъ съ громадной послѣдовательностью провелъ въ тринадцать лѣтъ своего короткаго царствованія. Подчеркнемъ лишь то нами высказанное предположеніе, когда шла рѣчь о мѣропріятіяхъ С. Ю. Витте по фабричному законодательству, что, повидимому, императоръ Александръ III считалъ свои административныя мѣропріятія настолько укрѣпленными и осуществленными, что неуклонно слѣдовать по старому пути онъ не находилъ уже настоятельнымъ. Государственный аппаратъ былъ признанъ какъ бы обновленнымъ и укрѣпленнымъ

противъ всякихъ на него поползновеній. К. П. Побѣдоносцевъ, какъ равно и И. Д. Деляновъ, въ его глазахъ являлись дѣятелями, какъ бы устарѣвшими для новаго курса. Но каковъ долженъ былъ быть этотъ курсъ—намъ остается неизвѣстнымъ. За вѣса смерти прикрыла собою загадочное будущее. Быть можетъ, продлись дни Александра III для дальнѣйшаго благополучнаго царствованія,—тонъ либеральной критики получилъ бы болѣе смягченный характеръ и для нѣкоторыхъ укоровъ ея не нашлось бы мѣста въ исторіи.

На этомъ мы заканчиваемъ настоящую часть нашихъ «очерковъ» подъ наименованіемъ «Періодъ твердой власти» и вновь обратимся къ разсмотрѣнію того, какъ жилось и что предпринималось за тотъ же періодъ дѣятелями нашей революціонной доктрины. Такое разсмотрѣніе составитъ тему нашей работы 1913 года.

Б. Глинскій.

ГОРОДЪ АЛЕКСАНДРОВСКЪ НА МУРМАНЬ.

В 1912 году минуло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ на высокомъ гранитномъ берегу одного изъ мурманскихъ фюрдовъ было основано скромное городское поселеніе, получившее тѣмъ не менѣе официально наименованіе «города и коммерческаго порта». Такое громкое названіе объясняется исключительно тѣми надеждами, которыя возлагались на вновь основанный поселокъ въ дѣлѣ оживленія нашей европейской полярной окраины.

Отличительною чертою періода восьмидесятыхъ и девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія, совпавшаго съ царствованіемъ императора Александра III, нельзя не признать развитіе націоналистическихъ идей, неуклонно проводившихся во внѣшней и внутренней политикѣ. Несмотря на противоположную работу скрытыхъ революціонныхъ элементовъ, такое направленіе приносило свои плоды. Такъ, на ряду съ повышеніемъ международнаго авторитета Россіи и укрѣпленіемъ въ обществѣ увѣренности въ государственномъ могуществѣ, сталъ широко проявляться интересъ къ отдѣльнымъ сторонамъ русскаго народнаго быта и жизни государства.

Несомнѣнно, такимъ общественнымъ настроеніямъ обязаны хорошо извѣстныя всѣмъ явленія того времени, хотя и не крупнаго порядка, но имѣющія значеніе и понынѣ, какъ, на примѣръ, разработка вопроса о кустаряхъ или удачныя попытки возродить старинныя русскіе музыкальные инструменты. На томъ же базисѣ покоилось развитіе широкой финансовой политики и даже укоровив-

шеся въ русскомъ обществѣ представленіе о полной своевременности для Россіи выйти на просторъ открытаго океана.

Достиженіе этихъ послѣднихъ цѣлей велось въ двухъ направленіяхъ: на берегахъ Великаго океана и Студенаго моря.

Возникшій отсюда дальневосточный вопросъ принесъ пока лишь разочарованіе и много горя. Къ не оправдавшимъ себя мѣропріятіямъ приходится также отнести и основаніе на Мурманѣ города Александровска.

Однако по отношенію къ послѣднему нельзя не обратить вниманія, что само по себѣ основаніе этого города еще не давало права на какія-либо крупныя ожиданія, такъ какъ оно могло имѣть значеніе лишь въ связи въ такими послѣдовательными мѣрами, какъ соединеніе Мурмана съ материкомъ желѣзною дорогою, правильная колонизація Дальняго Сѣвера и щедрая поддержка русской сѣверной промышленности. Вслѣдъ за основаніемъ города Александровска ничего этого до сихъ поръ не сдѣлано въ достаточной мѣрѣ, хотя такія намѣренія въ свое время и были проявлены ¹⁾. Такимъ образомъ нельзя не замѣтить и разницы между осуществленіемъ плана оживленія Сѣвера и стремленіемъ на Дальній Востокъ, гдѣ былъ выполненъ почти весь циклъ государственныхъ мѣропріятій, закончившійся для насъ такъ неудачно.

Въ настоящее время вниманіе вновь устремлено на Дальній Сѣверъ. Пробудившаяся вновь національная мысль не можетъ мириться съ тѣмъ, какъ этотъ богатѣйшій по природнымъ ресурсамъ край все болѣе подпадаетъ хозяйничанью постороннихъ намъ элементовъ, хищнически истощающихъ русское достояніе на Сѣверѣ и угрожающихъ даже праву державнаго обладанія этою исконною русскою территоріею.

Вѣроятно, въ скоромъ времени законодательнымъ учрежденіямъ будетъ предстоять разсмотрѣть законопроектъ о мѣрахъ по улучшенію условій колонизаціи нашего Сѣвера и объ установленіи границъ территоріальныхъ водъ. Кромѣ того, въ газетахъ промелькнуло извѣстіе о рѣшеніи начать изысканія предполагаемой къ постройкѣ казенной Московско-Мурманской желѣзной дороги.

Въ виду этого казалось бы небезынтереснымъ возстановить въ памяти тѣ обстоятельства и надежды на оживленіе нашего Дальняго Сѣвера, которыя сопутствовали основанію единственнаго на Мурманѣ портового города, быть можетъ, еще имѣющаго сыграть значительную роль въ исторіи не только нашего Сѣвера.

¹⁾ Непонятно, почему къ колонизаціи Мурмана не примѣнена раздача земли, которая была осуществлена на черноморскомъ побережьѣ. Являясь невыгодною для государства на берегу Чернаго моря, она способствовала бы на Мурманѣ упроченію жизни и интереса къ сѣверу, вообще обладающему удивительными притягательными чарами.

Какъ ни была подготовлена въ свое время почва для основанія на берегу открытаго моря, въ не замерзающей гавани, города и порта, осуществленіе этой мѣры на отдаленномъ Мурманѣ, быть можетъ, и не удалось бы, если бы къ началу пятидесятихъ годовъ на должности архангельскаго губернатора не оказался энергичный А. П. Энгельгардтъ. Этотъ человекъ, несмотря на недолговременное пребываніе на Сѣверѣ, оставилъ много памятниковъ своей дѣятельности по оживленію края и добрую о себѣ славу.

А. П. Энгельгардтъ, соединявшій въ себѣ пылкость изслѣдователя-этнографа съ недюжинными способностями администратора, сумѣлъ увлечь много умовъ мыслью о производительномъ ис-

Карликовые березы.

пользованіи Сѣвера. Оглядывая и изучая подвластную ему губернію, въ полтора раза превышающую по размѣрамъ Францію, А. П. Энгельгардтъ не отступалъ передъ переходами въ 200 верстъ пѣшкомъ по Лапландской тундрѣ и во много разъ болѣе длинными поѣздками на почтовыхъ. Заброшенность богатой территоріи, пренебреженіе ея не замерзающими гаванями не могли не останавливать его вниманія.

Результатомъ первой же поѣздки А. П. Энгельгардта на Мурманъ въ 1892 г., предпринятой для ознакомленія съ морскими промыслами, явилось возбужденіе имъ вопроса о скорѣйшемъ устройствѣ на Мурманѣ телеграфа, который могъ бы быть включенъ въ

общую телеграфную сѣть, и о привлеченіи на Мурманъ колонистовъ изъ южныхъ уѣздовъ Архангельской губерніи путемъ выдачи въ широкихъ размѣрахъ ссудъ на переселеніе.

Устройство телеграфа вдоль Мурманскаго берега, служащаго пристанищемъ для многочисленныхъ поморскихъ флотилій во время лѣтнаго промысла трески, представлялось одною изъ элементарнѣйшихъ потребностей для этого богатаго промысловаго района. Русскіе промышленники на Мурманѣ за отсутствіемъ тамъ телеграфа сносились съ нашими сѣверными рынками кружнымъ путемъ черезъ Норвегію. Въ лѣтнюю пору они заваливали своими телеграммами ближайшую телеграфную станцію въ пограничномъ норвежскомъ портѣ Варде.

Къ 1892 году вопросъ о телеграфной линіи на Мурманѣ уже имѣлъ свою исторію. Онъ возбуждался еще въ 1878 году въ обществѣ содѣйствія русскому торговому мореходству, а затѣмъ вновь возникалъ въ 1880 году въ особой комиссіи для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края.

Проектъ устройства мурманской телеграфной линіи, горячо поддерживаемый А. П. Энгельгардтомъ, встрѣтилъ сочувствіе со стороны бывшаго въ то время министромъ финансовъ С. Ю. Витте, только что совершившаго высочайше разрѣшенную ему поѣздку вдоль Мурмана для ознакомленія съ нуждами нашего Сѣвера и для изысканія мѣръ къ упроченію и развитію мурманскихъ промысловъ. Во время этой поѣздки, подробно описанной сопутствовавшимъ министру нынѣ покойнымъ Е. Л. Кочетовымъ (Русскій Странникъ — Евгеній Львовъ) въ книгѣ «По студеному морю», между С. Ю. Витте и А. П. Энгельгардтомъ установилось единство взгляда на необходимость колонизаціи Мурмана.

Послѣ того, какъ судьба Мурманскаго побережья оказалась въ столь надежныхъ рукахъ, не только былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ проектъ о телеграфѣ и о привлеченіи переселенцевъ, но затѣмъ всплылъ и вопросъ объ устройствѣ на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана русскаго городского поселенія и коммерческаго порта, а на будущее время намѣчено было проведеніе къ новому городу отъ Петербурга желѣзнодорожной колеи. Было бы ошибкою все-таки думать, что основаніе новаго города обошлось безъ всякихъ колебаній въ выборѣ мѣста и вообще безъ колебаній и сомнѣній по поводу возможности такой мѣры.

Параллельно съ начавшеюся перепискою заинтересованныхъ вѣдомствъ на страницахъ газетъ того времени ¹⁾ возникла горячая полемика о намѣченномъ къ основанію городѣ. Общество должно было раздѣлиться на два лагеря подъ вліяніемъ обнаружившихся по этому вопросу двухъ главныхъ теченій, изъ которыхъ защитни-

¹⁾ «Новое Время», «Гражданинъ», «Русское Судоходство» и др.

комъ одного былъ тотъ же Русскій Странникъ, а другого — нынѣ здравствующій А. К. Вѣломоръ.

Въ получившейся разногласиѣ крылась опасность оттяжки въ осуществленіи проектированной мѣры, но зато изъ газетной полемики общество, не отвыкшее вполне и до сихъ поръ считать Сѣверный Ледовитый океанъ за страну вѣчныхъ льдовъ и мрака, могло узнать, что этотъ дѣвственный изобилующій многочисленными бо-

Лапландскій пейзажъ.

гатствами край находится въ какихъ-нибудь 3.000 верстъ отъ столицы и можетъ служить отечеству своими не замерзающими гаванями.

Въ то время, какъ газетныя статьи безгранично расширяли рамки проекта, рисуя весьма отдаленныя перспективы, для инициаторовъ устройства города на Мурманѣ главными основаніями служили соображенія о необходимости созданія на океанскомъ побережьѣ коммерческаго порта въ цѣляхъ торгово-промышленнаго развитія края.

Казалось, дѣло говорило само за себя. Кольскій полуостровъ издавна уже находился въ сферѣ русскаго вліянія. Упомянутія о немъ встрѣчаются въ документахъ, относящихся къ половинѣ тринадцатаго вѣка. Этотъ край окончательно вошелъ въ составъ Русскаго царства при Іоаннѣ Грозномъ, пожаловавшемъ землями въ Лапландіи преп. Трифона, лопарскаго апостола, основателя Печенгскаго монастыря. Къ сожалѣнію, несмотря на это, укорененіе культуры на нашемъ Сѣверѣ не пошло далѣе Соловокъ и Архангельска. Между тѣмъ эти пункты, находясь въ районѣ суроваго Бѣлаго моря, являются менѣе удобными въ климатическомъ отношеніи, чѣмъ сѣверо-западное побережье Кольскаго полуострова (Мурманъ), омываемое Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ.

Теплыя струи гольфстрема, обогнувъ Скандинавскій полуостровъ, протекають вдоль значительной части Мурманскаго берега и позволяютъ довести этотъ край до степени процвѣтанія сосѣднихъ норвежскихъ владѣній. Существованіе на Мурманѣ коммерческаго порта, гдѣ могла бы сосредоточиться торгово-промышленная дѣятельность края, способствовало бы правильной разработкѣ естественныхъ богатствъ его и организациі вывоза за границу. Повышеніе спроса вызвало бы усиленный приливъ на Мурманъ энергіи и капитала и вмѣстѣ съ тѣмъ открывало бы для эксплуатаціи все новые районы въ заброшенномъ дотолѣ краѣ.

Казалось, задержка въ развитіи нашей сѣверной окраины произошла вслѣдствіе отсутствія одного лишь звена въ исторической цѣли событій. Этимъ недостававшимъ звеномъ являлся удобный въ гидрографическомъ и коммерческомъ отношеніяхъ населенный пунктъ на берегу океана.

Правда, на Кольскомъ полуостровѣ уже издавна существовалъ городокъ Кола. Въ эпоху еще Великаго Новгорода это поселеніе играло роль крѣпостцы, подъ защитою которой производилась мѣновая торговля съ лопарями. Значеніе свое Кола не утратила и позже, служа въ шестнадцатомъ и семнадцатомъ вѣкахъ для Московскаго государства форпостомъ противъ набѣговъ норманновъ и финскихъ шаекъ. Даже въ девятнадцатомъ столѣтіи Кола привлекла на себя вниманіе англичанъ, разорившихъ этотъ городъ въ 1809 г. и вновь бомбардировавшихъ его въ 1854 г. Однако въ концѣ девятнадцатаго вѣка этотъ городокъ-ветеранъ, расположившійся въ мирной глуши живописной Лапландской тундры, служилъ лишь мѣстомъ нахожденія нѣсколькихъ административныхъ учрежденій края, въ родѣ казначейства, полицейскаго управленія, почтово-телеграфной конторы и т. п.

Приспособить Колу, совершенно утратившую торговое значеніе, для коммерческихъ цѣлей представлялось невозможнымъ вслѣдствіе удаленности ея отъ открытаго моря на 65 верстъ, мелководности фюрда, въ глубинѣ котораго раскинулся этотъ городокъ, и, главное, въ виду того, что Кольская губа зимою замерзаетъ.

Надо было искать удобнаго мѣста для основанія новаго города. Такимъ пунктомъ А. П. Энгельгардтъ и С. Ю. Витте признавали Екатерининскую губу, пользовавшуюся на Мурманѣ извѣстностью, какъ одинъ изъ не замерзающихъ фюрдовъ.

Вотъ этотъ-то выборъ мѣста и обсуждался въ полемикѣ между Русскимъ Странникомъ и А. К. Бѣломоромъ, въ которой послѣдній не соглашался съ цѣлесообразностью такого плана и указывалъ для основанія города другой пунктъ Мурманскаго побережья, извѣстный подъ названіемъ «Озерко» или «Гавань Новой Земли».

Лопарская вѣжа.

Разногласіямъ по этому поводу въ прессѣ соотвѣтствовали колебанія вѣдомственныхъ учреждений.

Вспомнили, что еще въ 1870 году, по иниціативѣ архангельскаго губернатора Качалова, возникалъ вопросъ объ учрежденіи коммерческаго порта на Мурманѣ, и что послывшаяся въ 1872 году на сѣверъ для рѣшенія этого дѣла особая экспедиція изъ представителей министерствъ финансовъ, внутреннихъ дѣлъ, морского и государственныхъ имуществъ остановилась на мысли объ учрежденіи порта въ Монастырской губѣ на южномъ берегу острова Кильдина. Этотъ большой островъ, отдѣленный отъ материка достаточно широкимъ проливомъ, расположенъ недалеко отъ Екатерининской гавани на востокъ. Планъ основанія города на островѣ Кильдинѣ раздѣляла и состоявшая при министерствѣ финансовъ коммисія для изысканія мѣръ къ экономическому развитію Сѣвернаго края.

А. П. Энгельгардтъ и прочіе сторонники Екатерининской гавани, съ своей стороны, старались доказать преимущества послѣдняго пункта. Для этого дѣлались ссылки на предоставляемые этою гаванью для судовъ удобства, признанныя еще со временъ Петра Великаго; напоминали о томъ, что Екатерининская гавань неоднократно служила убѣжищемъ для нашего военного и торговаго флотовъ: въ 1741—1744 годахъ здѣсь зимовала эскадра адмирала Бредваля и Льюиса, въ 1764 году провела зиму морская экспедиція адмирала Чичагова, снаряженная для изслѣдованія полярныхъ странъ, въ 1802 году въ этой гавани обосновались суда и береговыя сооружеія Бѣломорской торговой компаніи, наконецъ—Екатерининская гавань извѣстна по зимовкамъ судовъ—Архангельско-Мурманскаго пароходства и административнаго парохода «Мурманъ», а также по стоянкѣ въ ней военныхъ крейсеровъ, посылаемыхъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ для охраны нашихъ рыбныхъ промысловъ.

При отсутствіи полнаго единодушія въ выборѣ мѣста канцелярская машина работала очень осторожно. Иногда эта осторожность принимала довольно непонятныя формы. Изъ Петербурга А. П. Энгельгардтъ получалъ либо невыполнимыя требованія, либо запросы, обнаруживавшіе полную неосвѣдомленность петербуржцевъ въ условіяхъ жизни за полярнымъ кругомъ на берегу Сѣвернаго Ледовитаго океана. Такъ, почему-то петербургскія канцеляріи интересовались вопросомъ, имѣются ли вблизи будущаго поселенія выгоны для скота, и могутъ ли тамъ по мѣстнымъ условіямъ произрастать какіе-либо огородные овощи.

На это А. П. Энгельгардту приходилось отвѣчать, что для коммерческаго порта вопросъ объ огородахъ не имѣетъ крупнаго значенія, что на Мурманѣ онъ видѣлъ растущей лишь одну рѣпу, а мѣстные выгоны далеко не напоминаютъ альпійскихъ пастбищъ. Вѣроятно, для окончательной характеристики флоры полярной области въ Петербургъ было сообщено также, что и дровъ по близости не найдется, но что отъ всего этого положеніе не будетъ безнадежнымъ, судя по благополучію, въ какомъ обрѣтаются расположенныя на побережьѣ того же Ледовитаго океана норвежскія поселенія.

Между тѣмъ полемика въ печати между сторонниками того и другого мѣстоположенія постепенно достигла апогея. Противники перешли на почву разработки жгучаго вопроса объ устройствѣ на Мурманѣ военнаго порта и, защищая намѣченные ими для порта мѣста, по русскому обычаю не скупились на взаимныя уязвленія по мѣрѣ силъ и возможности.

Несмотря на компетентность А. К. Бѣломора въ вопросахъ о нашемъ Сѣверѣ, чего не отрицалъ за нимъ и Русскій Странникъ, сраженіе первымъ было проиграно. Екатерининская гавань

Входъ въ Екатери́нинскую гавань.

Набережная города Александровска.

20*

восторжествовала и надъ губою Монастырскою и надъ залпемъ Озерко.

За одну изъ причинъ неуспѣха г. Вѣломора нельзя не признать преобладаніе въ его соображеніяхъ по этому вопросу идей почти исключительно военно-морского характера, тогда какъ противникъ его держался болѣе мирнаго образа мыслей, что ближе отвѣчало и намѣреніямъ правительства, выработавшаго программу устройства города въ интересахъ, главнымъ образомъ, торговли и промышленности на русскомъ сѣверѣ.

Въ концѣ 1895 года въ государственный совѣтъ было внесено совмѣстное представленіе министерствъ финансовъ и внутреннихъ дѣлъ о перенесеніи административныхъ учреждений и гор. Колы въ Екатерининскую гавань.

Государственный совѣтъ, однако, также изъ осторожности не нашелъ возможнымъ предрѣшать вопросъ о перенесеніи уѣзднаго центра Кольскаго полуострова въ тотъ или другой пунктъ Мурманскаго побережья и выразилъ согласіе лишь на отпускъ въ 1896 г. 150.000 рублей на производство техническихъ работъ для устройства въ Екатерининской гавани городского поселенія и коммерческаго порта.

Вотъ какими словами напутствовалъ въ книгѣ «По Студеному морю» зарожденіе новаго города Русскій Странникъ, очевидно, пережившій то очарованіе, которое внушаетъ всякому туристу нашъ Мурманъ лѣтомъ, въ пору не заходящаго круглыя сутки теплаго, яркаго солнца:

«Пройдутъ вѣка, и на прибрежныхъ Екатерининскихъ скалахъ или на одной изъ площадей будущаго города потомки наши воздвигнутъ памятникъ святителю Трифону ¹⁾, подобный монументу другого святителя—собирателя земли русской, отражающему свой крестъ въ сѣдыхъ водахъ Днѣпра».

Развивая далѣе мысль о необходимости перевести на Мурманъ нашъ военный флотъ, тотъ же авторъ рисовалъ картину будущей жизни новаго города въ такихъ выраженіяхъ:

«Лѣтъ черезъ двадцать пять, — говоритъ онъ: — екатерининская дума заговорить о канализаціи города, а репортеры «Екатерининскаго» или вообще «Мурманскаго Вѣстника» будутъ сообщать мѣстнымъ читателямъ объ оленьихъ бѣгахъ на островѣ Кильдинѣ и о томъ, что тотализаторъ вчера за такого-то оленя-побѣдителя выдалъ выигравшимъ такую-то сумму».

¹⁾ Преподобный Трифонъ (1523—1583)—лопарскій апостолъ, закрѣпившій Кольскій полуостровъ за Россією.

Биологическая станція въ Екатерининской гавани.

Екатерининская гавань.

Екатерининская губа, врѣзывающаяся въ материкъ недалеко при входѣ въ самый крупный изъ мурманскихъ фюрдовъ—Кольскій заливъ,—на первый взглядъ казалась не слишкомъ привлекательною. Высокій гористый берегъ изъ сплошнаго гранита, слабая растительность на тонкомъ тундровомъ слоѣ, одѣвающимъ каменные массивы, не могли ласкать глазъ, въ особенноти въ сравненіи съ гор. Колою, расположенною въ мѣстности, изобилующей лѣсною и травянистою растительностью. Но соображенія практическаго характера и энергіи инициаторовъ проекта сдѣлали свое дѣло.

20-го іюля 1896 года было намѣчено на прибрежныхъ массивахъ мѣсто для будущаго города. Эта обязанность была возложена на особую комиссію въ составѣ архангельскаго губернатора, врачебнаго инспектора, старшаго врача архангельской губернской больницы, губернскаго архитектора, директора порта и мола въ гор. Варде—норвежскаго инженера г. Ольсена, русскаго горнаго инженера г. Сухоневича, уѣзднаго землемѣра, кольскаго исправника и командира административнаго парохода «Мурманъ» г. Таратина.

Вскорѣ приступили къ работѣ. Начали съ осушки и нивелировки. На первое время для землекопныхъ работъ были привезены изъ Шенкурскаго уѣзда Архангельской губерніи двѣнадцать рабочихъ. Для проложенія дороги въ скалахъ и для устройства набережной, требовавшихъ взрывныхъ работъ, пользовались двадцатью шестью норвежскими рабочими подъ руководствомъ упомянутаго выше инженера Ольсена. На работахъ находились и плотники въ числѣ шестидесяти четырехъ человекъ. Строительный матеріалъ возили изъ Архангельска.

Кромѣ оборудованія города набережною, пристанью, дековилевскою желѣзною дорогою, водопроводомъ и товарными складами, надлежало озаботиться сооруженіемъ зданій какъ для размѣщенія административныхъ учреждений и лицъ, такъ и для жилья будущихъ частныхъ гражданъ новаго города, получившаго названіе «Александровскъ». Поэтому въ концѣ 1896 года и въ 1897 году было возведено вчернѣ тридцать общественныхъ зданій: церковь, училище, казначейство, больница и т. п. Кромѣ того, построено восемнадцать домовъ для квартиръ служащихъ. Эти квартиры соответствовали рангу хозяевъ: въ четыре комнаты съ кухнею—для священника, доктора, исправника и казначея, въ три комнаты съ кухнею—для бухгалтера казначейства, въ двѣ комнаты съ кухнею—для полицейскаго надзирателя и т. д. Затѣмъ въ 1898 году были устроены общественныя бани, лавки, амбары и зданія для частныхъ колонистовъ.

По характеру грунта работы обошлись не безъ затрудненій. Такъ, для проложенія шоссе и дековилевской колен. а также для закладки фундаментовъ пришлось взорвать динамитомъ свыше трехъ тысячъ кубическихъ метровъ гранита; самъ грунтъ потребовалъ изслѣдованія при помощи сорока двухъ буровыхъ скважинъ.

Первоначальное населеніе исчислялось въ триста человекъ, въ томъ числѣ болѣе половины приходилось на лицъ служащихъ и команды зимующихъ въ гавани париходовъ. Интересно, что самъ А. П. Энгельгардтъ проектировалъ для управленія портомъ учредить особый совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ исправника, въ составѣ помощника исправника, мирового судьи, акцизнаго надзирателя, командира административнаго парохода и священника. Однако въ виду незначительности населенія признано болѣе удобнымъ управленіе городомъ оставить на чинахъ полиціи.

Видъ фіорда на Мурманѣ.

Окончательно приспособленіе новаго города и порта къ перенесенію въ него уѣзднаго административнаго центра изъ Колы потребовало расхода въ 25.000 рублей, которые и были отпущены изъ казны на основаніи высочайше утвержденного 16-го февраля 1898 года мнѣнія государственнаго совѣта.

Какъ во время устройства города Александровска, такъ еще и теперь въ печати нѣтъ-нѣтъ и мелькнетъ мнѣніе о томъ, что по условіямъ мѣстности и климата Александровску не суждено сдѣлаться сосредоточіемъ городской и торгово-промышленной жизни на нашемъ сѣверѣ. Скептики указываютъ на сравнительную уда-

ленность города Александровска отъ открытаго моря, на сырой лѣтомъ и холодный зимой климатъ, на долгую зимнюю ночь и т. п. Нѣкоторые изъ нихъ, между прочимъ, отрицательно относятся къ мысли объ устройствѣ въ городѣ Александровскѣ базы для нашего военнаго флота.

— Кто же, — спрашиваютъ они, — выдержать добровольно тягостныя условія жизни?

Мнѣніе это, высказываемое, безъ сомнѣнія, людьми, или совершенно не освѣдомленными въ истинномъ положеніи дѣла, или же избалованными утонченною обстановкою жизни въ столичныхъ центрахъ, встрѣчаетъ горячую отповѣдь со стороны мѣстныхъ жителей и лицъ, изучившихъ и любящихъ наши заброшенный Сѣверъ.

Образцомъ такой отповѣди можетъ служить напечатанное въ газетѣ «Россія» (1907 годъ, 16-го іюня, № 477) письмо игумена Трифоно-Печенгскаго монастыря на Мурманѣ, отца Іонафана, который, по личному опыту, свидѣтельствуетъ объ удивительно здоровомъ климатѣ данной части Мурманскаго побережья и объ отсутствіи вообще какихъ-либо угнетающихъ условій для жизни на Мурманѣ.

Д. Островскій въ своемъ «Путеводителѣ по Сѣверу Россіи», ссылаясь на соотвѣтственные источники, указываетъ, что морозы на Мурманѣ зимою въ 10—15 градусовъ R—рѣдкость, средняя же температура зимы только на 6 градусовъ ниже нуля по R.

Если, дѣйствительно, съ 13-го ноября по 9-е января на Мурманѣ не восходитъ солнце и стоитъ непрерывная ночь, то не слѣдуетъ забывать, что эта ночь часто лунная, освѣщаемая великолѣпнымъ сѣвернымъ сіяніемъ. Но этого мало, — какъ хорошій бухгалтеръ, полярная природа въ результатѣ подводитъ балансъ свѣту—тѣни: пусть два съ половиною мѣсяца стоитъ сумракъ, зато съ іюня до августа солнце и ночью не опускается ниже горизонта, обливая побережье и океанъ то мягкимъ, розоватымъ, то яркимъ, слѣпящимъ глаза свѣтомъ. Стоянка на пароходѣ въ Кольскомъ заливѣ въ одинъ изъ іюльскихъ вечеровъ 1905 года памятна автору этихъ строкъ тѣмъ, что вплоть до трехъ часовъ ночи высокіе гранитные берега этого фіорда, накаленные днемъ горячимъ солнцемъ и окрашенные въ фіолетовые тона косыми лучами не заходящаго солнца, отражали на пароходъ громадное количество тепла. Жара же утромъ въ тотъ день была настолько сильна, что надъ палубою пришлось подвѣсить тентъ. Въ каютѣ трудно было дышать. Положительно можно было забыть, что это—уголокъ Сѣвернаго Ледовитаго океана.

Городъ Александровскъ, повидимому, хотя и медленно, но развивается. Къ тѣмъ однообразнымъ казеннаго вида постройкамъ, которыя возникли пятнадцать лѣтъ тому назадъ, прибавились новые домики позднѣйшихъ колонистовъ, правда, не столь основательно выстроенные, какъ казенныя зданія. На противоположной городу сторонѣ

бухты раскинулось нѣсколько красивыхъ построекъ научно-промысловой экспедиціи, долго, по, къ сожалѣнію, безъ особаго практическаго успѣха работавшей въ нашихъ сѣверныхъ водахъ. Ближе къ устью гавани расположились зданія біологической станціи, переведенной сюда изъ Соловецкаго монастыря.

При высадкѣ съ парохода на набережную города Александровска вась удивить присутствіе въ толпѣ мѣстныхъ обывателей нѣсколькихъ татаръ въ ихъ національныхъ тюбетейкахъ. Эти какимъ-то непонятнымъ образомъ попавшіе на сѣверъ сыны приволжскихъ губерній, несомнѣнно, руководятся своимъ коммерческимъ шухомъ. Татары встрѣчаются и въ Архангельскѣ. Они ведутъ торговлю фруктами. Конечно, такихъ членовъ городского поселенія на Мурманѣ не могъ учесть даже самъ А. П. Энгельгардтъ, горячо вѣрившій въ оживленіе Сѣвера ¹⁾.

Въ заключеніе хотѣлось бы отмѣтить, что городъ ли Александровскъ, или какой-нибудь другой пунктъ на Мурманѣ будетъ служить конечною станціею проектируемой Сѣвероокеанской желѣзной дороги, необходимо сплѣснуть какъ съ проведеніемъ дороги, такъ и съ принятіемъ мѣръ къ промышленному и колонизаціонному оживленію Мурмана.

Вложенныя въ Мурманъ и вообще Кольскій полуостровъ деньги, повидимому, могутъ быть извлечены сторицею при рациональномъ израсходованіи ихъ: край достаточно богатъ для этого. Каждый же мигъ промедленія приноситъ лишь выгоду иностраннымъ хищникамъ, безцеремонно грабящимъ пока еще лишь рыбныя богатства нашего Сѣвера.

Если не торопиться, то очередь въ потеряхъ можетъ дойти и до другихъ сокровищъ Сѣвера.

Трудно въ краткомъ очеркѣ останавливаться на описаніи природныхъ ресурсовъ Кольскаго полуострова, въ виду чего мы можемъ лишь сообщить интересующимся нѣсколько свѣдѣній о литературѣ по данному вопросу ²⁾

¹⁾ Въ настоящее время удобное и не очень дорогое сообщеніе Архангельска съ Мурманомъ поддерживается лишь въ теченіе трехъ лѣтнихъ мѣсяцевъ прекрасными пароходами Архангельско-Мурманскаго общества; въ остальное же время года Мурманъ совершенно лишень не только возможности торговыхъ сношеній, но и простыхъ удобныхъ путей сообщенія съ русскими городскими и торговыми центрами.

²⁾ «Русская Лапландія и ея промыслы»—Вл. Гуревичъ, 1891 г., «По Студеному морю»—Евг. Львовъ, 1895 г.; К. К. Случевскій—«По сѣверо-западу Россіи», Т. I; А. П. Энгельгардтъ—«Русскій Сѣверъ», 1897 г.; Д. Островскій—«Путеводитель по Сѣверу Россіи», Спб., 1899 г.; А. Д. Григорьевъ—«Полярная обитель»—«Историческій Вѣстникъ», 1907 г.; А. Григорьевъ—«Забытый край», журналъ «Море», 1906 г.; «Портъ на Мурманѣ»— о. Ионафанъ, «Россія», 1907.; П. О. Корольковъ, «Трифано-Печенгскій монастырь», Спб., 1908 г.; Василій Альбицкій, заслуженный профессоръ харьковскаго технологическаго института,—статья въ «Новомъ Времени» 4-го января 1909 года, за № 11787.

Во всякомъ случаѣ надо имѣть въ виду, что тамъ, на сѣверѣ, у насъ не замерзающія гавани, тамъ еще—только на Бѣломъ морѣ и Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ—окончательно не упало, но близко уже къ этому наше отечественное коммерческое судоходство. Едва ли не одинъ только Ледовитый океанъ у Мурмана представляетъ не исчерпанную еще до дна сокровищница животной жизни. Надлежащая постановка добычи минеральныхъ богатствъ и промысловъ звѣря, рыбы и моллюсковъ (съѣдобныхъ) на Мурманѣ и на всемъ Кольскомъ полуостровѣ должна представить крупный ресурсъ народнаго благосостоянія.

Арк. Д. Григорьевъ.

ВЪ НОВОМЪ АФОНѢ.

(Изъ моихъ скитаній).

I.

ВИРА ПО МАЛЕНЬКУ!—слышится съ пристани голосъ грузовщика-абхазца, быстро закрѣпившаго тяжелую цѣпь паровой лебедки за толстый тросъ, плотно охватившій цѣлую груду громаднхъ ящичковъ съ какою-то мебелью.

Механикъ, стоящій на подвижной площадкѣ паровой лебедки, тронулъ рукоятъ двигателя, все-сильный паръ ворвался, задвигались поршни, за-вертѣлось колесо, наматывающее цѣпь, послѣдняя съ шуршаньемъ вытянулась, подхватила, какъ перышко, грузъ и, высоко поднявъ его, повернула свою изгибистую шею и повѣсила ящички надъ зіяющимъ отверстіемъ глубокаго трюма.

— Майна!—крикнули снизу пріемщики, и громадныя ящички, тихо опускаясь, скрылись въ нѣдрахъ парохода.

Время отхода парохода изъ Новороссійска давно уже прошло, а грузъ все подвозили и подвозили.

Мебель смѣнили кипы прессованнаго сѣна, за ними въ трюмъ полѣзли пузатые, сорокаведерныя бочки, загрохотали жестяныя ведра, желѣзные котелки, лопаты, какія-то распорки, спрятались внизъ безголовыя туши свѣжаго мяса, ящички большіе, маленькіе, мѣшки...

«Вира, майна, молодець!» — однообразно звучить у меня въ ушахъ; оба помощника капитана замѣтно утомились отъ этой сутолки, машутъ записными книжками, торопятъ грузчиковъ, недовольно ворчатъ, замѣтивъ все прибывающій и прибывающій новый грузъ.

— Довольно, будетъ, больше брать некуда, да время и отваливать! — въ свою очередь, протестуетъ солидный капитанъ: — и такъ вмѣсто четырехъ въ восемь уходимъ!

Но грузчики все подносятъ, «вира и майна» не умолкаютъ. Стоящіе на верхней палубѣ повожены-супруги утомлены этой сценой, супругъ зоветъ пить чай.

— Нѣтъ, подождемъ, я хочу посмотрѣть, какъ будемъ отходить, это такъ поэтично, городъ, скрывающійся во мглѣ! — отключается отъ его приглашенія жена.

Легкая дымка сумерекъ начинаетъ слабо окутывать пристань, пароходъ и окрестности. По берегамъ кое-гдѣ вспыхиваютъ огоньки, шипя проснулись электрическіе фонари на пристани и пролили молочно-блестящія дороги, отбрасывая рѣзкія тѣни.

Все кругомъ сразу стало темно, контрастъ яркаго, искусственнаго свѣта не послужилъ на пользу угасающему дневному.

Раздражающе-хрипло, но въ то же время рѣзко заревѣла сирена-свистокъ «Князя Александра» и сейчасъ же рявкнула вторично. На высокоомъ пригоркѣ, доминирующемъ въ лежащемъ на правой сторонѣ бухты городѣ, заблестѣли огоньки свѣчъ, изъ городского собора вынесли плащаницу, мерцающіе огоньки длинной лентой потянулись вокругъ храма. Полились протяжные, рѣдкіе удары колокола...

Его перебила снова заревѣвшая наша сирена, короткіе звуки ея пропадали сразу гдѣ-то въ горахъ лѣваго берега.

Скинули сходни, стоявшій на верхнемъ мостикѣ капитанъ что-то кричалъ агенту.

Тяжело вздохнули колосники, глухо застучали машины, вспѣнивъ воду, заработалъ винтъ, потухли огни на палубѣ, засвѣтился на бортахъ красный и зеленый глазъ, и пароходъ отошелъ заднимъ ходомъ отъ пристани, чтобы повернуться еще до выхода изъ бухты, не доходя стѣнокъ мола.

Совсѣмъ стемнѣло, ушедшее ввысь небо робко засвѣвалось звѣздами, протянулись по немъ блѣдныя, фосфорическія линіи млечнаго пути, луны не было.

Прошли створки мола, вертящійся маякъ кинулъ на пароходъ красную полосу свѣта, порывисто задулъ надоѣдливый нордъ-остъ. Корпусъ нашего судна замѣтно качнуло, плеснула волна, вспѣнившійся бѣлый гребень ея прошумѣлъ подъ кормой.

Свѣтлая линія городскихъ огней уходила все дальше и дальше. На палубѣ стало свѣжо.

II.

Качало не долго, въ открытомъ морѣ nordъ-ось не беспокоить, опъ злится только у береговъ,—тѣмъ не менѣе жертвы его уже имѣлись: новобранная и какой-то геморoidalный пожилой чи-

Архимандритъ Геронъ.

новникъ, ѣхавшій съ семьею въ Сочи, гдѣ у него имѣлся большой клочокъ земли, беспомощно лежали на койкахъ въ каютахъ п, проклиная коварное море, каждую минуту поминали Фридриха... Около супруги сидѣлъ молодой мужъ, пытаясь ее успокоить, но она, пользуясь минутнымъ отдыхомъ, сердито повторяла:

— Ты виноватъ, нарочно выбралъ такую погоду, тебѣ пріятно видѣть, что я страдаю.

— Это еще пустяки,—презрительно замѣтилъ франтоватый господинъ въ форменной фуражкѣ:—а вотъ если бы «морякъ» задулъ, тогда другое бы дѣло,—мѣста отъ большихъ на пароходѣ не хватило бы!

Мало-по-малу все успокоилось, вечеръ хотя и холодный, но на верхнюю палубу выползли чуть ли не всѣ пассажиры и, кутаясь въ пальто и пледы, разсѣлись по скамейкамъ. Явилась сюда и примирившаяся молодая парочка.

На темной палубѣ свѣтятся красныя точки закуренныхъ сигаръ и напирось, слышатся тихіе разговоры, однообразно гудитъ пароходный винтъ, слабо плещетъ о бортъ разсѣкаемая судномъ волна. Качки нѣтъ. Очень прохладно. Мы идемъ верстахъ въ двухъ отъ берега, остающагося у насъ слѣва, контуры горной цѣпи, тянущейся вдоль него, чуть замѣтны при мерцаніи звѣздъ.

Скоро на «Великомъ Князѣ Александрѣ» все укладывается спать, только стоящій на вахтѣ помощникъ, рулевые, два дежурныхъ матроса и офиціантъ не спятъ.

Просыпаюсь отъ неприятнаго рева сирены, могущаго разбудить даже мертваго. Гдѣ-то пронзительно закричаль, заплакалъ ребенокъ.

Снова реветъ сирена и опять, опять...

Ребенокъ тоже не унимается, кричитъ, какъ зарѣзанный, плачетъ какой-то истерическій, забѣгали люди, тревожный разговоръ.

Пытаюсь снова заснуть, но сна нѣтъ.

— Нѣтъ, вы поймите только, какіе здѣсь невыносимые порядки,—слышу раздраженный женскій голосъ:—я бѣгала сейчасъ къ дежурному помощнику, просила перестать давать эти ужасные свистки, ребенокъ пугается, плачетъ до истерики, икать даже началъ. А онъ: «Невозможно, мы стоимъ въ туманѣ, нужно себя и другіе пароходы оградить». Невѣжа!

«Туманъ. Вотъ причина остановки», невольно приходитъ мнѣ въ голову. Я поднялся и вышелъ на палубу, сырой пронизывающій туманъ охватилъ согрѣтое теплою каютою тѣло. Кругомъ грязно-бѣлая завѣса, точно откуда-то пролили молоко, колыхающееся въ воздухѣ.

— Гдѣ мы?—громко спрашиваю, не ожидая отвѣта.

— Съ часъ, какъ отошли отъ Туапсе,—слышу съ изумленіемъ чей-то отвѣтъ откуда-то изъ тумана. Иду на голосъ. На скамьѣ у одной изъ перилъ сидитъ пароходный врачъ, кончающій этой весной курсъ въ новороссійскомъ университетѣ.

— Сейчасъ пойдемъ, звонокъ въ машину уже данъ, туманъ рѣдѣетъ, вонъ, смотрите, берегъ виднѣется,—указаль онъ мнѣ на блѣдно-зачерченную вершину голой горы.

Медленно пошли, туманъ рѣдѣлъ и рвался клочьями причудливой формы. На востокѣ блеснулъ лучъ солнца, панорама берега прояснилась, пароходъ просыпался.

Какіе-то странные, неподвижные безформенные клубки, валявшіеся повсюду на палубѣ, въ особенности на задраенномъ и покрытомъ брезентомъ люкъ зашевелились, показались руки, ноги, головы...

— Проснулись,—замѣтилъ студентъ:—сейчасъ утренній намазъ стануть совершать, а тамъ и пѣсню свою затянуть.

Онъ оказался правъ. Не прошло и часу, какъ собравшіеся кучкою третьеклассники однообразно затянули:

«Отъ Сухума до Батума, вай, вай, вай,
«Отъ Батума до Сухума, вай, вай, вай,
«Бѣжалъ мальчикъ, тащилъ ящикъ, вай, вай, вай,
«Упалъ мальчикъ, сломалъ ящикъ, вай, вай, вай,

И все въ этомъ же родѣ.

Длинный, худой, какъ жердь, горбоносый армянинъ-рестораторъ покрикиваетъ на официантовъ, его хозяйскій глазъ недоволенъ, зачѣмъ наливаютъ много кофе, молока...

Въ одиннадцать часовъ подходимъ къ Сочи.

Зелень на берегу еще скупо распускается. Пароходъ стоитъ здѣсь около двухъ часовъ. Сажусь на фелюгу, ѣду на берегъ.

Громадное зданіе гостиницы «Черноморская Ривьера» приткнулось къ берегу, сѣрая грязноватая окраска ея неприятно диссоциируетъ съ зеленоватымъ моремъ. Кругомъ вездѣ еще пустынно, неуютно. Немного погулявъ по берегу, я возвратился на пароходъ.

III.

Съѣзжали на берегъ въ Сочи и новобрачные супруги, они успѣли уже помириться и ворковали голубками.

Онъ—молоденькій нѣмецъ изъ средней Германіи, сынъ состоятельныхъ родителей, присланный ими сюда въ коммерческую контору для изученія русскаго языка и коммерческой дѣятельности, она—одесситка, ловко опутавшая и женившая на себѣ простодушнаго нѣмчика.

Она капризничала надъ тихимъ мужемъ и командовала имъ, какъ хотѣла; бѣдняжка покорно несъ непосильную для него ношу женатаго человѣка, порой тяжело вздыхая.

— Я страстно люблю цвѣты, ты долженъ достать мнѣ ихъ, Карлъ, гдѣ хочешь!—властно приказала супругу молодая, когда мы причалили къ берегу.

Пришлось взять фэтонъ и отправиться на рысяхъ въ самый городъ отыскивать дѣтей Флоры.

Увы, несмотря на первую педѣлю апрѣля, когда, по укоренившемся у всѣхъ мнѣнію, на Кавказскомъ побережьѣ все цвѣтеть и благоухаетъ, цвѣтовъ въ Сочи удалось найти только съ трудомъ и то... на выставкѣ оранжерейныхъ растений... въ пожарномъ депо.

Цвѣты были изъ обыденныхъ: нарцисы, тюльпаны, а главное гіацинты, луковичной выгонки и дороже, чѣмъ въ любомъ петербургскомъ цвѣточномъ магазинѣ.

Фрау Лидія, недавно еще Лія, была довольна и ими и съ сознаниемъ своего достоинства, важно замѣтила мужу:

— Ты такъ милъ, Карль, что я непременно напишу моему дядѣ Натану Мироновичу Айзенштейну, онъ очень важный господинъ и скоро будетъ министромъ, и онъ будетъ давать тебѣ хорошую концессию!

Я не имѣю чести знать ея дядю, но, судя по тому уваженію, съ которымъ она про него говорила, я невольно проникся весь почтениемъ къ человѣку, «который скоро будетъ министромъ и даже крестился по этому случаю».

Наше знакомство, случайно завязавшееся въ фелюгѣ при перѣздѣ съ парохода, осталось незыблемымъ во все время нашего путешествія по Кавказскому побережью.

Скоро будущая Ницца Черноморья, Сочи, осталась за нами, снова потянулась линія горъ, но не такая голая, какъ раньше, суровый нордъ-остъ не посѣщаетъ этихъ береговъ, растительность здѣсь богаче и самыя горы выше. Культурные участки, помѣстья еще не вполнѣ благоустроенныя, смѣняли одинъ другого.

Новая остановка у стариннаго мѣстечка Адлеръ, широко раскинувшася у самаго берега, неизбежная выгрузка, и нашъ «Великій Князь Александръ» снова застучалъ машиной.

Одинъ изъ богатыхъ москвичей, извѣстный чаеоторговецъ, желаетъ пить свой чай, онъ къ нему привыкъ, требуетъ въ буфетѣ только кипятку. Суровый отказъ армянина-ресторатора, разыгрывается цѣлый скандалъ, и только послѣ многочисленныхъ жалобъ капитану желаніе москвича съ трудомъ удовлетворяется. Побѣжденный армянинъ разсерженно скрывается въ свою каюту, мы съ удовольствіемъ пьемъ ароматный напитокъ.

Изъ третьяго класса, расположеннаго на носу судна, доносится недовольное мычаніе скота, отгороженнаго отъ пассажировъ пустыми ящиками, и несмолкаемое пѣніе «Отъ Сухумы до Батума», продолжается безъ умолку.

Одинъ изъ туземцевъ рассказываетъ другимъ третьеклассникамъ о мальчикѣ-танцорѣ и фокусникѣ, котораго онъ везетъ въ Батумъ для представленій, и настойчиво предлагаетъ праздно

Видъ монастыря изъ гостиницы.

глазѣющему люду испытать искусство его малолѣтняго «артиста» уплативъ каждый «съ морды», по его выраженію, по «десаты копеекъ». Желających мало, вѣрнѣе сказать, пикого.

Тогда бывалый антрепренеръ пытался заставить мальчика про-танцовать даромъ,—зрители приготовили уже ладони и глотки, по артистъ что-то заартачился и наотрѣзъ отказался танцовать...

— Вотъ и Гагры показались,—замѣтилъ какой-то высокій, одутловато-полный субъектъ въ легкой фуражкѣ изъ модной парусины.

Навожу бинокль. За круглымъ изгибомъ берега выпырнула цѣлый рядъ построекъ климатической станціи, привлекающей за послѣднее время много пріѣзжихъ, благодаря своему хорошему климату и благоустройству.

У меня мелькнула мысль остаться здѣсь и провести пасхальную ночь. Едва я успѣлъ ее выразить, какъ ко мнѣ примкнули и другіе. Трапъ былъ спущенъ, и въ подѣхавшую съ берега фелюгу усѣлось человекъ двѣнадцать; быстро перетасили съ парохода нашъ багажъ, и фелюга, подѣ сильными ударами весель мускулистыхъ грековъ и турокъ, стала нырять по волнамъ капризнаго прибоя.

На легкой желѣзной пристани, далеко выдвинувшейся въ море, стояла небольшая кучка военныхъ.

— Его высочество принцъ самъ встрѣчаетъ пріѣзжихъ,—сообщилъ кто-то изъ бывавшихъ здѣсь ранѣе.

Высадились. Нѣсколько автомобилей и извозчиковъ развезли прибывшихъ по гостиницамъ.

Стоялъ сѣренный прохладный денекъ, вдоль берега тянулся длинный рядъ погибшихъ во время нынѣшней суровой зимы высокихъ эвкалиптовъ; зелени и здѣсь было очень мало, тополя не распустились.

«Вотъ такъ пресловутый югъ, у насъ на сѣверѣ, пожалуй, теперь не хуже», невольно пришло мнѣ въ голову, когда я водворился въ уютномъ номерѣ Приморской гостиницы.

IV.

За полчаса до полуночи раздался пушечный выстрѣлъ, глухо звякнувшій и сразу потухшій, спустя немного второй. Нужно было итти къ Свѣтлой утренѣ.

Маленькій, очень древній храмъ переполненъ, кто-то монотонно читаетъ «дѣянія» передъ плащаницей. Третій пушечный удар—двинулся крестный ходъ вокругъ старой крѣпости. Замелькали огоньки свѣчекъ, церковь почти опустѣла.

— Нашъ храмъ очень древній, построенъ византійцами въ VI вѣкѣ,—объяснилъ мнѣ свѣчникъ;—до 1902 года лежалъ въ развалинахъ, однѣ стѣны только и оставались, крыши не было, въ

Кипарисная аллея.

немъ самомъ росли высокія деревья. Его высочество принцъ Ольденбургскій реставрировалъ его, теперь у насъ хоть помолиться есть гдѣ.

Дѣйствительно, храмъ реставрированъ стильно, суровые лики византійскаго письма глядятъ съ иконостаса; самъ новый иконостасъ не нарушаетъ цѣльности впечатлѣнія, онъ сложенъ тоже изъ камня, алтарь не великъ, имѣются маленькіе хоры, гдѣ поютъ гѣвчіе, воспитанницы мѣстнаго пріюта.

Путь крестнаго хода былъ не близко, наконецъ за закрытыми дверями зазвучало пѣніе «Христосъ воскресе...» Въ древній храмъ влилась плотная струя молящихся. Началась утренняя...

Снаружи снова спустился туманъ, падавшій дождемъ. Я вернулся къ себѣ и нашелъ приглашеніе высокаго хозяина Гагръ на общее разговѣніе во Временной гостиницѣ.

Освѣщенная а гіогно большая столовая послѣдней была переполнена приглашенными. Кого-кого тутъ не было! Много москвичей-милліонеровъ, за послѣдніе годы считающихъ обычаемъ встрѣчать и проводить Пасху въ Гаграхъ, блестящіе военные, служащіе здѣшніе, чиновники...

Мы, поселившіеся въ Приморской, направились спать часа въ три, туманъ разсѣялся, было теплѣе, но тучи попрежнему затягивали небо. Роскошный паркъ передъ гостиницей опустошенъ суровой зимою, погибли великолѣпныя пальмы, краса Гагръ, лимонныя, апельсинныя деревья, уцѣлѣлъ только мясистый бананъ.

Печально стоятъ громадныя эвкалипты, утренній вѣтерокъ шелеститъ ихъ пожелтѣвшей мертвой листвою, они погибли, сохранился только слабый запахъ въ помертвѣвшихъ листьяхъ, когда ихъ растереть пальцами, прежній бальзамическій аромать, кружившій голову, исчезъ.

Въ первый день Пасхи солнце боязливо выглянуло, оживило унылую картину, стало тепло, въ паркѣ и на берегу появились гуляющіе. Въ полдѣнь жарко, всѣ террасы расцвѣтились роскошными дамскими костюмами, московскія купчихи обрадовались хорошей погодѣ. довольныя, что могутъ показать свои тысячныя наряды.

Ровно въ полночь я и многіе мои спутники уѣхали со слѣдующимъ пароходомъ въ Новый Афонъ.

V.

Снова плыву по волнамъ Понта Эвксинскаго. Волна не колыхнетъ нашего «Святителя Николая», на удобныхъ койкахъ спится настолько крѣпко, что всѣ наши мирно проспали Новый Афонъ, волей-неволей пришлось сойти на берегъ только въ Сухумѣ, находящемся въ восемнадцати верстахъ отъ монастыря.

Пальмы въ лимонномъ саду.

Снова солнечный день. Фелюга быстро доставила насъ на берегъ; вдоль него тянется бульваръ, обрамленный маленькими турецкими кофейнями.

Въ одной изъ нихъ собралась вся наша компанія, новороссійскіе новобрачные и полицеймейстеръ съ женою. Еще очень рано, всего шесть часовъ, до обратнаго парохода времени немало, онъ идетъ только въ полдень. Рѣшили поѣхать въ Синопъ, превосходный цвѣточный садъ великаго князя Александра Михайловича, славящійся великолѣпною, чуть не тропическою растительностью; онъ въ трехъ верстахъ отъ города.

Молодоженъ Карлуша, членъ какого-то турнъ-ферейна, захотѣлъ размять ноги, пройтись пѣшкомъ. Мы ускользнули съ нимъ отъ дремлющаго ока его строгой супруги и чуть не бѣгомъ отправились *per pedes apostolorum*, но, увы, бѣгство Карлуши было скоро обнаружено, тихія улочки Сухумъ-Кале огласились недовольными криками его супруги.

— Карлъ! куда ты бѣжишь? Пстой, поѣдемъ вмѣстѣ!—кричала она супругу, догоняя его на фаэтонѣ, но Карлъ мужественно выдерживалъ натискъ и шагала по пыльнымъ улицамъ, не останавливаясь.

— Ну, подожди, дай только пріѣхать домой, я припомню тебѣ эти штуки!—грозно крикнула супруга и внушительно погрозила зонтикомъ бѣдному нѣмчику.

Фаэтонъ, въ которомъ вмѣстѣ съ нею возсѣдали полицеймейстеръ съ супругой, промчался мимо. Мы трое: Карлъ, я и его собака Милордъ, довольные, что болѣе не слышимъ грозныхъ окриковъ, пошли бодрѣе дальше.

Синопъ—это роскошно расцвѣтшій садъ, отовсюду глядятъ головки цвѣтовъ; купы разноцвѣтныхъ камелій, магнолій, точно красиво вкрапленные яркіе рисунки, выдѣляются на ровной зелени громадныхъ кипарисовъ.

Мирно дремлетъ этотъ цвѣтушій уголокъ, перекрещенный рядомъ длинныхъ, тянущихся до прибрежной дороги аллей растительныхъ исполиновъ.

Наши дамы накупили цѣлый ворохъ цвѣтовъ, такъ что нѣмецъ, все-таки водворенный въ экипажъ вопреки желанію, представлялъ собою какую-то походную оранжерею, на колѣняхъ Карла помѣщались горшки съ пальмами, въ обѣихъ рукахъ по цвѣтушему букету камелій и азалий...

Бѣлѣвшія на углахъ улицъ печатныя объявленія отъ мѣстной администраціи о распространившейся въ городѣ эпидеміи сыпного тифа спугнули насъ скорѣе на пристань, и какъ только прибывшій изъ Батума пароходъ сталъ на якорь, мы перебрались первыми на фелюгу, чтобы ѣхать въ Новый Аѳонъ.

VI.

До монастыря пароходъ идетъ меньше часа...

Скоро выплывалась вершина Иверской горы, блеснула крыша построенной тамъ часовни, еще немного, и передъ нами показалось самое зданіе монастыря, раскинувшееся на склопѣ величественныхъ горъ грандіознымъ бѣлымъ четырехугольникомъ, напоминающимъ крѣпость. Среди частой зелени предгорья тоже бѣлѣли строенія, сбѣгавшія къ самому берегу и здѣсь сгрудившіяся. Одинокое сверкали подъ лучами солнца золотые кресты церквей, спрятавшихся въ густыя кущи рощъ и садовъ.

Направо на невысокой скалѣ прилѣпился небольшой домикъ, точно висѣвшій надъ пропастью.

Красивая панорама Новаго Аѳона становилась все яснѣе, чѣмъ ближе пароходъ подходилъ къ берегу.

Отдали якорь, нѣсколько фелюгъ подлетѣли къ опущенному трапу. Гребцами здѣсь не турки или греки, а русскіе лодчики, на кормѣ стоялъ за рулемъ монахъ, другой, сидѣвшій вмѣстѣ съ пассажирами, прибывшими на пароходѣ, оказался мѣстнымъ агентомъ, привезшимъ корреспонденцію.

Опъ поднялся первымъ на пароходъ, поздоровался со стоящимъ у входа на трапъ помощникомъ капитана и прошелъ въ капитанскую каюту. За нимъ потянулись новые пассажиры, большинство изъ нихъ были типичныя богомолки, всю жизнь бродящія изъ одной обители въ другую. Все это бабы изъ средней полосы Россіи, большинство въ лаптяхъ, въ сермяжныхъ зипунахъ, нѣкоторыя изъ нихъ пытаются тащить сами изъ фелюги большіе заплатанные мѣшки.

— Брось, не тащи, безъ тебя возьмутъ!—сурово окрикиваетъ ихъ стоящій внизу трапа матросъ, помогающій пассажирамъ выйти изъ лодки:—еще въ воду свалишься съ мѣшками-то, ишь набрали какую невидаль! Камни! Мало этой дряни на берегу валяется!

— Эхъ, паренъ, неладно ты сказываешь, камень камню рознь!—укоризненно возражаетъ пожилая богомолка, грузно входя по зыбкой лѣстницѣ:—святые камешки тутъ-то, въ обители, море повыбросило!

Матросъ скептически смѣется.

Скоро все свободное пространство третьяго класса заполняется скарбомъ и мѣшками богомолокъ.

— Кто на берегъ—прошу выходить!—звучнымъ голосомъ приглашаетъ пассажировъ помощникъ капитана.

Полилась внизъ по трапу новая струя, изъ богомолокъ вернули одну старуху, у ней нѣтъ денегъ на проѣздъ. Баба мало смущается и, ползя обратно съ нами къ фелюгѣ, что-то плететь о имѣющемся

у нея за пазухой какомъ-то губернаторскомъ предписаніи возить ее даромъ, куда она захочетъ.

— Ты бы вотъ и показала его капитану, онъ тебя въ первый классъ и посадилъ бы,—съ усмѣшкой замѣтилъ пожилой военный докторъ.

— Посмотрю я на тебя, господинъ офицеръ, и смыслу: больно ты прытокъ!—огрызнулась старуха:—да какъ же я, къ примѣру сказать, въявь такую бумагу объявлю, ежели мнѣ, можетъ, приказано потайно ее держать! Вишь, дѣло-то какое, понялъ, баринъ?

— Ты показала бы все-таки, хотъ однимъ глазкомъ посмотрѣть ее хочется,—не унимался докторъ.

— И думать не смѣю, за семью печатями въ конвертѣ запечатана.

— Ну, тетенька, этакъ ты до самой смерти отсюда не выберешься.

— Пѣхотью думала уйти, ноги старыя, не шагаютъ!

— Слушайте ее, господинъ честной,—вмѣшался въ разговоръ монахъ-агентъ:—уходить она отсюда не хочетъ, вольготно ей у насъ жить-то, вотъ и весь сказъ!

Баба, сурово поджавъ губы, молчала, не зная, что возразить иноку.

— Убѣгла бы отсюда хотъ сейчасъ, да денегъ на дорогу нѣтъ,—неволью вырвалось у ней:—замолилась здѣсь.

— Такъ бы и говорила,—добродушно замѣтилъ какой-то господинъ, похожій на купца и, вытащивъ изъ кармана толстый бумажникъ, отслоилъ отъ пачки трехрублевку, отдалъ старухѣ:—на, возьми, помани рабъ Божіихъ Аверьяна, Анну и семерыхъ чадъ ихнихъ.

— Спасибо, милостивецъ, что высвободилъ,—нараспѣвъ сказала баба, низко кланяясь щедрому дателю:—теперь бы еще рублевку найти бы, съ завтрашнимъ пароходомъ убѣгла бы!

Докторъ вручилъ недостающій ей рубль. Старуха чуть руку у него не поцѣловала.

— Эхъ, зря деньги старухѣ отпустили, господинъ купецъ,—шопотомъ проговорилъ, наклонившись къ нему, одинъ изъ дюжихъ гребцовъ:—все равно не уѣдетъ, здѣсь оболты битъ попрежнему будетъ! Намъ бы кругляшокъ пропожертвовали, вотъ ужъ мы бы за ваше здоровье постарались,—еще тише промолвилъ онъ.

Купецъ «незримо» передалъ гребцу рубль.

VII.

Лодка скоро подошла къ пристани.

Дорога отъ послѣдней до монастырскихъ воротъ не длинна. По лѣвой сторонѣ ея раскинулась водная гладь цѣлаго ряда чистыхъ прудовъ, тянущихся вдоль моря.

Соборъ съ сѣверо-восточной стороны.

— Къ чему понадобилась вамъ ихъ выкапывать?—изумленно спросилъ я какого-то монашка, пробѣгавшаго мимо.

Привѣтливо осклабился и отвѣтилъ:

— Отецъ архимандритъ для нуждъ обители нашей завсе радѣеть, а тутъ и о богомольцахъ заботу понимѣть, рыбную сажалку устроилъ.

— Море подъ бокомъ, ловить можно всегда...

Монашекъ покачалъ головой.

— Теперь мало у нашихъ береговъ ловится, больше турки изъ другихъ мѣстъ доставляютъ, а то на Каспійскомъ у обители свои ловы имѣются, оттуда везутъ. Прежде, сказываютъ, рыбы больше здѣсь было, объ этомъ и преданіе даже существуетъ.

Каждое преданіе имѣетъ свою прелесть, тѣмъ болѣе монашеское, въ которомъ реальное тѣсно сплелось съ фантастическимъ, я попросилъ монаха рассказать.

Словоохотливый инокъ охотно мнѣ его повѣдалъ.

— Когда надумали въ 1876 году освящать первый здѣсь построенный храмъ во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, отецъ игумень пригласилъ на освященіе многихъ посѣтителей изъ Сухума, для угощенія которыхъ всего было приуготовлено, а рыбки свѣжей не имѣлось, рыбаковъ по близости не жило, а иноки по новости,— только вѣдь еще въ январѣ сюда прибыли, мрежами не обзавелись. Скорбѣла братія, не имѣя возможности почтенныхъ господъ, что сюда припожаловали какъ слѣдъ угостить... И что жъ вы, господинъ, думаете, подулъ это южный вѣтеръ, вспѣнилось море, волны такъ и хлещутъ, а съ ними принесло видимо-невидимо рыбы и малой и большой, наподобіе судака. Такъ и лѣзетъ, такъ и претъ она сама на берегъ. Иноки наши подивились такому Божьему предопредѣленію и просто руками, безо всякихъ мрежъ, столь много наловили, что всѣ бывшіе на освященіи гости и прочій людъ насытились, да еще болѣе четырнадцати пудовъ осталось!—восторженно закончилъ рассказчикъ.

— Особаго чуда тутъ нѣтъ,—скептически отнесся я къ его разсказу:—должно быть, это обычное здѣсь явленіе, періодически повторяющееся...

— Въ томъ-то и дѣло, что нѣтъ,—какъ-то побѣдоносно возразилъ монахъ:—жители, что жили здѣсь много лѣтъ раньше, чѣмъ нашъ монастырь построенъ, сказывали: никогда этакого случая не бывало, отъ отцовъ и дѣдовъ своихъ даже не слыхивали! Особый промыслъ и попеченіе Царицы Небесной о нашей обители это доказываетъ,—увѣренно сказалъ онъ и, снявъ съ головы вытертую скуфейку, истово перекрестился на образъ Богоматери, написанный на монастырскихъ воротахъ, къ которымъ мы подошли.

Мой спутникъ указалъ мнѣ на входъ въ гостиницу и, низко поклонившись, пошелъ дальше.

Просторныя свѣтлыя комнаты на четырехъ человѣкъ, чисто выбѣланныя стѣны, ложе довольно твердое, иноческое. Много воздуха. Въ общемъ недурно. Длинная столовая, на стѣнахъ навѣшаны наивныя, сдѣланныя неопытной рукой марины, царскіе портреты и настоятеля—архимандрита Иерона.

— Обѣдъ теперъ ужъ покончился,—отвѣтили одинъ изъ гостинниковъ на просьбу объ обѣдѣ:—потерните немного, господа почтенныя, въ три чай пить позовемъ, бѣлаго хлѣбца отрѣжемъ, а немощнымъ яичекъ сваримъ.

До трехъ часовъ времени еще было достаточно, я рѣшилъ не терять его и пошелъ бродить.

VIII.

Я направился мимо прудовъ, вдоль берега, по широкой аллеѣ, обсаженной высокими кипарисами и ведущей куда-то въ гору.

Перегналъ еще нестарога послушника-блондина: онъ безцѣльно брелъ по аллеѣ, меланхолично вертя въ рукахъ сорванный имъ листикъ. Его полувыцветшіе глаза съ любопытствомъ на мнѣ остановились.

Невольно завязался разговоръ. Мы пошли рядомъ.

— Любопытствуете, господинъ?—спросилъ монашекъ и, не давъ мнѣ времени отвѣтить, продолжалъ:—здѣсь у насъ дѣйствительно любопытно посмотришь, только ужъ больно много народу, молиться трудно...—тяжело вздохнувъ, прибавилъ онъ.

— А почему же?

— Вамъ не понять этого, господинъ, суетно ужъ больно, житейскаго много, два года прожилъ я въ пустынѣ, и опять туда тянетъ...

— Развѣ здѣсь есть пустынники?—невольно вырвался у меня вопросъ.

— Много народу въ пустынѣ спасаются, версть сто-полтораста, а то всѣ двѣсти отсюда въ горы уходятъ, заберутъ съ собой мѣшокъ съ кукурузой, хлѣбушка на дорогу, малую одененную справу, топорикъ, и уйдутъ повыше куда. Кой-какой срубикъ справятъ, гдѣ ближе ручейка, аль источника, зерно посѣютъ и зачнутъ пустынное житіе вести, только о Страстную недѣлю сюда въ монастырь поговѣтъ приходять.

— Изъ простыхъ все больше?—спросилъ я.

— Всякіе бывають, вотъ я съ пустынникомъ, отцомъ Павломъ, два года жилъ, такъ онъ невѣдомо изъ какого рода, а должно изъ большихъ господъ. Сейчасъ въ монастырѣ находится, въ свѣтлую заутреню приобщался, завтра опять въ пустыню уходитъ. Прошусь я съ нимъ вмѣстѣ, не знаю,—потуился онъ,—благословить ли о. настоятеля—и боязливо прибавилъ:—душа мятется, томленіе духа какое-то, мѣста себѣ не найду. Орловскій я, а домой не тя-

неть, не прилежить душа къ родному дому. Поранѣ еще кой-когда думалось объ отцѣ, онъ у меня прасольскимъ дѣломъ занимается, съ братьями въ достаткѣ живетъ, а мнѣ торгъ претить.

Монашекъ искося взглянулъ на залитое солнцемъ море, махнулъ рукой и проговорилъ:

— Эхъ, не стоитъ говорить объ этомъ, пройдемте повыше къ пещеркѣ Симона Кананита, а по дорогѣ я вамъ все наши чудеса покажу.

И показалъ.

Выходящая изъ густого поросшаго ущелья рѣка Псыртсха сперва мирно протекаетъ по ровному мѣсту отъ сѣвера къ югу, зарывшись среди увѣсистыхъ деревьевъ и густой поросли.

Практической умъ творца всего этого монашескаго поселка, явившагося здѣсь пионеромъ, дѣятельнаго отца Иерона ¹⁾, сразу понялъ, какую пользу можетъ принести эта богатая водой горная рѣчка, до сихъ поръ безцѣльно сбѣгавшая къ морю по крутымъ скаламъ. Въ мѣстѣ ея паденія онъ устроилъ прочную каменную запрудуплотину, вслѣдствіе чего вмѣсто ровной долинки образовалось глубокое озеро, воды котораго, переливаясь стремительнымъ шумнымъ, жемчужнымъ каскадомъ черезъ плотину, бѣгутъ по трубамъ и приводятъ въ движеніе турбины мельницы, молотилки, алебастроваго завода и станціи электрическаго освѣщенія. Машины для послѣдней пожертвованы Государемъ Императоромъ послѣ перестройки станціи въ Зимнемъ дворцѣ.

Престарѣлый строитель—это природный талант-самородокъ, онъ умѣлъ использовать Псыртсху еще больше, она питаетъ массу фонтановъ, снабжаетъ монастырь превосходной водой, орошаетъ все сады, огороды, виноградники и посредствомъ особыхъ каналовъ сноситъ въ море все нечистоты. Затѣмъ по чугуннымъ трубамъ, проложеннымъ на двѣ версты, бѣжитъ на кирпичные заводы.

Нужно изумляться, какъ удалось о. Иерону примѣнить силы горной рѣчки ко всякому дѣлу, такъ полезно использовать ея свѣтлыя струи.

Другими же стоками изъ того же озера вода проведена къ морю и здѣсь, у самаго берега наполняетъ ряды вышеописанныхъ прудовъ съ прѣсноводной рыбой. Пруды устроены террасой, такъ что вода здѣсь не застаивается, а постепенно сбѣгаетъ все ниже и ниже съ тѣмъ, чтобы въ концѣ концовъ излиться въ море. Здѣсь когда-то находилось болото отъ застоявшейся воды, отъ котораго распространялась лихорадка (малярія), страшный мѣстный бичъ, но съ устройствомъ этихъ прудовъ эта болѣзнь совершенно исчезла.

---

¹⁾ Скончавшагося въ минувшемъ сентябрѣ 1912 г.

Видъ съ озера на часовню.

IX.

Мы поднялись съ послушникомъ Алексѣемъ до пещеры Симона Кананита, глубокаго природнаго углубленія въ обрывистой скалѣ. Крутой подъемъ по краю пропасти ведетъ къ ней. Красивая картина лежащей подъ ногами густой, колышущейся зелени осоки, громаднѣхъ орѣховъ, дубовъ раскинулась передо мною, гдѣ-то въ глубинѣ ея звонко бесѣдовала со скалами болтливая Псыртсха, ея неумолчный шумъ гармонично сливался съ дикою природою. Въ пещерѣ, кромѣ нѣсколькихъ образовъ, ничего не было. Высокій сводъ гулко повторялъ звонъ каждой падающей на камешный полъ капли сырости. Какое-то странное чувство отчужденности отъ всего міра невольно овладѣло мною.

Мой спутникъ молчалъ; повидимому, и онъ тоже отдался этому навѣянному одиночествомъ настроенію.

— Пойдемте,—точно сквозь дремоту услышалъ я его тихій голосъ.

Мы снова стали спускаться.

За плотиною находится реставрированная церковь во имя святаго апостола Симона Кананита.

Здѣсь когда-то была древняя колонія римлянъ «Анакопія», развалины крѣпости которой, основанной въ III вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ императоромъ Траяномъ, существуютъ еще до сихъ поръ. Нѣкоторые изъ древнихъ писателей IV вѣка: епископы Дороеей и Софроній, называютъ ее «Аспарой» или «Апсарой», самъ же городъ при императорѣ Константинѣ Порфиреносцѣ именовался Никополій. Въ настоящее время въ реставрированной церкви остались только древнія стѣны, все остальное вновь устроено.

По преданію, здѣсь былъ похороненъ самъ святой апостоль.

Особыхъ украшеній въ церкви нѣтъ, все здѣсь просто, отсутствуетъ позолота; нѣтъ никакого блеска, только струйки воды, вытекающія изъ креста надъ водоемомъ, нарушаютъ мирную тишину.

— Это потоки, веселящіе святое жилище Всевышняго,—услышалъ я мягкій голосъ пожилого монаха, хранителя церкви, сидящаго подъ большимъ орѣховымъ деревомъ около фонтана.

Повидимому, среди здѣшнихъ иноковъ имѣются люди, обладающіе большимъ художественнымъ вкусомъ, иначе ничѣмъ нельзя объяснить красиво поставленнаго каменнаго креста въ самомъ руслѣ бѣшено несущейся Псыртсхи, сорвавшейся съ плотины.

Мы обошли съ послушникомъ рядъ прудовъ, на нихъ плавало много бѣлыхъ лебедей. Нѣсколько мостиковъ и хижинъ, разбросанныхъ по разнымъ мѣстамъ, а точно также пирамидальные тополя и ивы, растущіе по берегамъ, чрезвычайно украсили ихъ. Я невольно

обратилъ вниманіе на рельсы узкоколейной дороги, разбѣгавшіяся по разнымъ направлеціямъ. Спутникъ мой поспѣшилъ мнѣ объяснить:

— Это все труды дорогого нашего отца архимандрита, онъ позаботился, чтобы всѣмъ было удобно. Рельсы эти идутъ вокругъ всего монастыря, захватываютъ и складъ съѣстныхъ продуктовъ, и мельницу, и хлѣбопекарню, поднимаются и къ лѣсопилкѣ, къ каменоломнѣ и на кирпичный заводъ. Когда батюшка строилъ нагорный монастырь, немало было помощи отъ этой дороги.

— А чѣмъ же передвигаются у васъ вагонетки!

— Какъ придется,—то съ помощью лошадей, а то и люди сами катятъ. Если вы, господинъ, не особенно устали, не желаете ли подняться на Иверскую гору, оттуда полюбуетесь прекраснымъ видомъ,—предложилъ мнѣ послушникъ.

Я хотѣлъ уже охотно согласиться на его предложеніе, но, вспомнивъ, что въ три часа въ гостиницѣ будутъ давать чай, поблагодарилъ его, отказался и медленно пошелъ снова въ гостиницу.

Х.

Взобраться на Иверскую гору нелегко; хотя проложенная шюками дорога довольно удобна, но высота все-таки остается высотой.

Тяжелый подъемъ вполне искупается чудными картинами, открывающимися сверху на широкой просторъ моря, на лежащей внизу бѣлокаменный монастырь, на зеленныя кушы его садовъ.

Стѣны древней башни, по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, храма, сохранились еще довольно хорошо, хотя все обросли зеленью и деревьями, зимнія непогоды и осенніе штормы пощадили старательно сложенную постройку.

— Возьмите вашъ бинокль и посмотрите сюда,—услышалъ я голосъ одного изъ моихъ спутниковъ, указывавшаго мнѣ по направлецію моря.

Черезъ стекла бинокля я увидѣлъ очень слабое, но все-таки замѣтное, точно туманъ, очертаніе суши.

— Это Трапезундъ, на турецкомъ берегу,—объяснилъ мнѣ тотъ же спутникъ:—въ хорошую погоду, какъ сегодня, его видно отсюда, а вѣдь больше ста верстъ.

Я невольно подивился такой необычной прозрачности воздуха, тѣмъ болѣе, что стекла моего бинокля были не изъ важныхъ.

— При хорошемъ зрѣніи, Трапезундъ виденъ и простымъ глазомъ,—пояснилъ какой-то монахъ.

Какое богатство красокъ, переливовъ свѣта, игры легкихъ тѣней можно наблюдать отсюда съ вершины! Сейчасъ море зеленое,

пробѣжала волна—загорѣлось разливнымъ золотомъ, перенесъ взоръ дальше—затемнѣли глубины...

Надъ нами солнце, оно жжетъ, палитъ, слѣпитъ глаза, аhalbво широкая лощина уже полита лиловой таинственной дымкой еще далекихъ сумерекъ.

Смѣется природа, не переставая ни на секунду дѣятельно работать, расцвѣчивать, одѣвать листьями, цвѣтами иззябшія за долгую, суровую нынѣшнюю зиму деревья, растенія, разстилать изумрудные ковры по скатамъ горъ, по узкимъ долинамъ. Тучная дѣвственная почва послушно питаетъ корни растительнаго царства, производительность ея здѣсь, на Черноморскомъ побережьи, рѣдкая, погромъ нынѣшней морозной зимы скоро забудется...

Недалеко отъ часовни, подъ прикрытіемъ сложены черепа и кости скончавшихся иноковъ. Трогательно-наивная надпись гласитъ:

«Посмотрите на насъ, мы были такими же, какъ вы, и подумайте, что вы сами будете такими, какъ мы».

Чудно-хорошо здѣсь, но нужно возвращаться и въ монастырь, тѣмъ болѣе, что оттуда доносятся рѣдкіе удары колокола.

Нѣкоторые изъ моихъ спутниковъ остаются еще наслаждаться чудной картиной, но я пошелъ обратно.

На этотъ разъ я направился прямо въ нагорный монастырь, представляющій собою громадное бѣлое трехэтажное карре, посреди котораго построены красивый, большой соборъ.

Спускаться легче, минутъ черезъ двадцать я уже проходилъ кипарисной аллеей, снова поднимаясь на пригорокъ, на которомъ расположено новое зданіе.

По лѣвой сторонѣ широкаго, выложеннаго мѣстнымъ камнемъ тротуара тянется рядъ величественныхъ кипарисовъ, правая сторона подъема занята проѣзжей, очень удобной дорогой, окаймленной цвѣтущими олеандрами, немного выше изъ-за каменнаго невысокаго парапета свѣшиваются нѣжныя головки розъ. Дорога эта носитъ названіе «Царской».

Обогнувъ у церкви Покрова фруктовый садъ, я продолжалъ путь выше.halbво отъ дороги раскинулся ботанической садъ съ оранжереей.

Почти у самаго конца этого красиваго подъема меня поразила масса пеньковъ отъ срубленныхъ деревьевъ, я невольно обратился къ стоявшему у парапета молодому краснощекому послушнику.

— Въ январѣ морозы побили лимонныя и апельсинныя деревья, о. Тиверій съ благословенія о. архимандрита и посрубилъ ихъ, вотъ пеньки-то и остались.

— А плоды бывали?

Послушникъ широко открылъ глаза, его изумилъ мой вопросъ.

— А то какъ же, господинъ честной, многія тыщи. У насъ дома, въ Воронежской губерніи, столь много яблокъ и дуль не насбиры-

Кипарисная аллея къ храму св. Симона Кананита.

вали, какъ лимоновъ и апельсиновъ здѣсь! Братія вся ими пользовалась, на сторону продавали еще.

— Какъ же теперь безъ нихъ будете обходиться, не скоро вѣдь такія большія деревья вырастятъ?

— Отсадки у о. Тиверія порядочны имѣются, посадить, а тамъ, глядишь, къ двумъ годамъ опять плодъ дадутъ!—увѣренно сказалъ инокъ.

Дѣйствительно, въ здѣшнемъ тепломъ климатѣ, превосходящемъ массою осадковъ и тепломъ побережье Средиземнаго моря, посаженные въ грунтъ плодовые деревья быстро растутъ и даютъ плоды.

XI.

Рѣдкіе удары колокола, было умолклие, снова понеслись съ колокольной.

— Монаха умершаго хоронить выносятъ,—объяснилъ послушникъ:—вчера умеръ въ больницѣ.

Меня заинтересовалъ обрядъ монашескихъ похоронъ, и я, быстро поднявшись по ступенямъ братскаго корпуса, вошелъ во внутренній дворъ.

По каменной лѣстницѣ въ лѣвомъ углу бѣлаго зданія, гдѣ помѣщалась монастырская больница, спускался длинный рядъ черныхъ фигуръ, несшихъ простой деревянный гробъ съ умершимъ инокомъ. У паперти собора его встрѣтили хоругви и предшествующій фонаремъ крестъ.

Отслужили литію, и при пѣніи пасхальнаго канона процессія направилась черезъ святые ворота на кладбище.

Неширокая дорожка шла изгибами въ гору, провожающимъ пришлось растянуться длинной черной лентой, отчетливо выдѣлявшейся на бѣлыхъ стѣнахъ монастырскаго корпуса. Особою кучкою тянулись неизбежныя богомолки въ бѣлыхъ платкахъ, повязанныхъ на головѣ, и съ опущенными книзу глазами. Плелся тутъ же и старикъ въ рваномъ подрясникѣ, въ вытертой до нельзя казинетовой скуфейкѣ и рыжихъ стоштаныхъ сапогахъ. Онъ нерѣшительно поглядывалъ на меня и, вздохнувъ, проговорилъ:

— Горѣлъ свѣчкой молитвенной въ обители честной иконѣ, пришла смередушка, длинная, костлявая, дунула на огарочекъ, и потухъ онъ! Такъ-то, господинъ милостивый, вотъ мы «яко трава, яко цвѣтъ сельный» скошены ейной рукой будетъ и не познаемъ мѣста своего!

Говоръ его былъ чисто крестьянскій, съ замѣтнымъ удареніемъ на «о». Я кивнулъ головой въ подтвержденіе его словъ.

— Охъ, исходилъ я по всѣмъ святынямъ росейскимъ и Сибири, въ обители монахомъ былъ...

— Отчего же ушли оттуда?—неволью вырвалось у меня.

Странникъ недоумѣвающе взглянулъ на меня.

— Не могу оставаться долго на одномъ мѣстѣ, кровь такая бродячая у меня,—тихо отвѣтилъ старикъ:—взялъ я у о. игумена отпускъ на годъ и сюда перемахнулъ.

Похоронное шествіе подошло къ кладбищу, лежавшему высоко на предгорьѣ.

— Ты пойми, мать, инока-то не какъ насъ, мірянъ грѣшныхъ, на тотъ свѣтъ снаряжаютъ,—слышу около себя старческій голосъ, старуха-богомолка рассказываетъ другой: — возьмутъ манатею-то его, разорвутъ на четыре части, да, какъ младенца, покойника-то спеленаютъ и въ гробъ...

Пришли, остановились. Съ деревянной платформы носилокъ съ рѣшетками, которыя несли за ручки иноки, сняли гробъ и медленно опустили въ могилу. Пронѣли литію, въ могилу носыпался песокъ. Іеромонахъ отчетливо повторялъ:

— Помяни Господи новопреставленнаго раба твоего инока Кирика!

Металлически звенѣлъ его голосъ среди тишины мирнаго кладбища въ тепломъ вечернемъ воздухѣ...

Послѣ каждаго возгласа монахъ дѣлалъ земной поклонъ.

— Сотню ихъ положить по уставу полагается,—подсказалъ мнѣ старикъ-странникъ.

Снова раздался ударъ колокола и, глухо прокатившись по водной глади, тихимъ эхомъ замеръ въ горныхъ ущельяхъ. Стрижи съ пронзительными криками носились надъ нами.

Кладбище понемногу пустѣло.

— Яко кринь, яко цвѣтъ сельный... — жужжалъ надъ моимъ ухомъ странникъ.

ХІІ.

Громадный храмъ былъ еще пустъ, когда я вошелъ въ него, за свѣчнымъ ящикомъ стояли монахъ въ клобукѣ, съ большой сѣдой бородой и другой помоложе.

— Отъ чего скончался монахъ, котораго сейчасъ похоронили?—спросилъ я у старшаго свѣчника.

Подозрительно-сурово посмотрѣли на меня его темные глаза изъ-подъ густыхъ насупленныхъ бровей.

— Отъ смерти,—коротко кинулъ онъ мнѣ.

— Старъ ужъ былъ, лѣтъ пятидесяти, поди,—откликнулся тонкимъ теноромъ его высокій помощникъ.

— Не такія еще старья лѣта...—возразилъ я монахамъ.

— Вы что же полагаете, отъ эпидеміи какой умеръ?—недовольно замѣтилъ старикъ: — никакихъ эпидемій у насъ нѣтъ!

Начиналась служба, на амвонѣ появились монашескія фигуры.

— Сегодня у насъ малая вечерня, потому что будетъ совершаться всенощное бдѣніе,—проговорилъ ласково другой свѣчникъ, точно стараясь замѣть суровыя замѣчанія старшаго:—пожалуйте къ восьми часамъ, тогда службѣ нашей торжественной соприсутствуете.

Посмотрѣть на аеонское служеніе всенощной, воспроизведеніе точной службы стараго Аеона, было интересно, и я вышелъ изъ собора, чтобы побродить до восьми часовъ, осмотрѣть самый монастырь.

Противъ храма помѣщалась въ братскомъ флигелѣ трапеза, красивое большое помѣщеніе въ два свѣта.

Стѣны ея были расписаны картинами на евангельскіе сюжеты, повидимому, опытною кистью.

Небольшой притворъ, служащій входомъ въ трапезу въ торжественные дни, на стѣнахъ его тоже двѣ картины, сочетаніе красокъ и тоновъ очень хорошо, но что всего лучше, это «затѣйливые» узоры и арабески, окружающіе ихъ. Очевидно, писалъ талантливый человѣкъ, оригинальность поразительная.

— Иноки наши же,—спокойно отвѣтилъ помощникъ трапезника, грузный монахъ, показывавшій мнѣ трапезу:—раньше въ Москвѣ, въ школѣ живописи учились. Ужъ больно хорошо «травку» здѣсь они пустили, многимъ богомольцамъ правится, хвалятъ очень.

Послушники подъ его руководствомъ «снаряжали къ ужину» протянувшіеся по трапезной длинныя столы; послѣ вечерни монастырская братія сейчасъ же ужинала.

Въ кухнѣ, помѣщавшейся внизу подъ трапезной многочисленныя «кухари»-послушники торопливо мѣшали въ двухъ громаднхъ котлахъ, въ одномъ ишенную кашу, обильно насыщенную постнымъ масломъ, а въ другомъ щи съ мелкой рыбой.

— Попробуйте, господинъ, нашей монастырской пищи,—тихимъ голосомъ предложилъ мнѣ одинъ изъ кухарей.

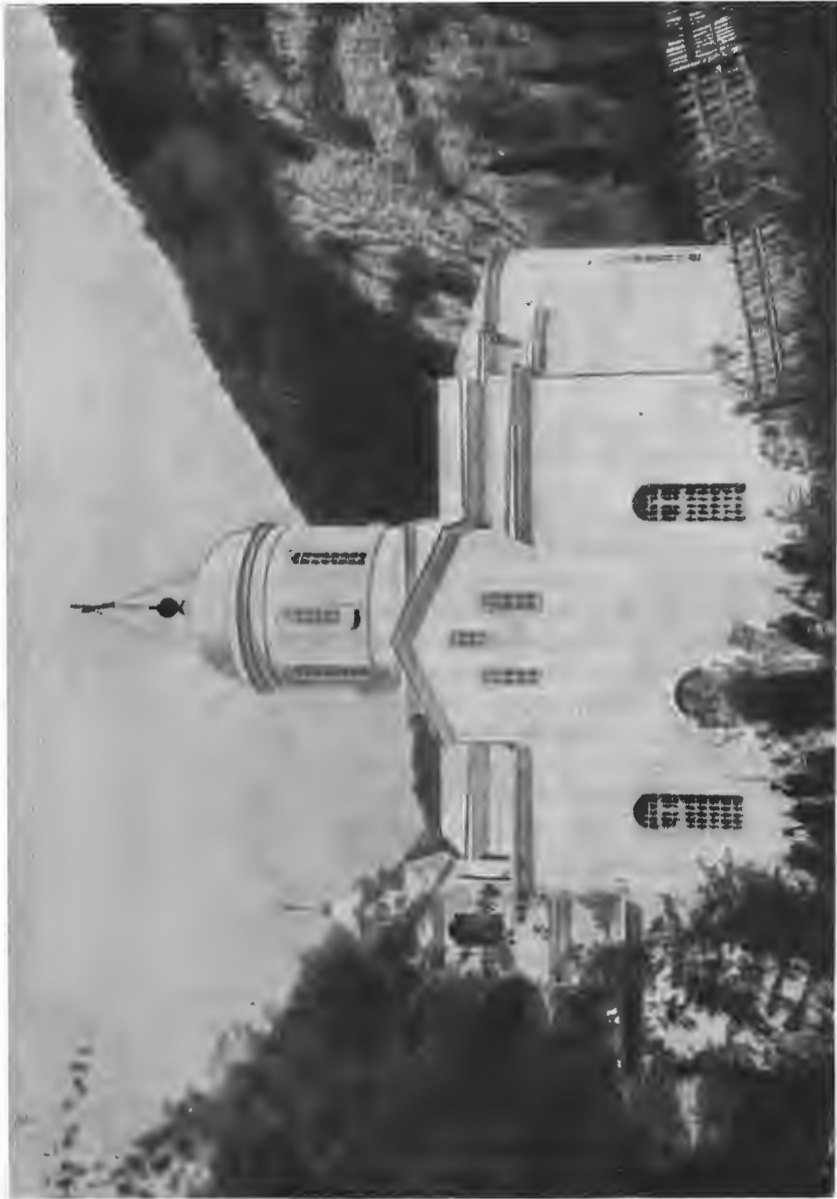
Передъ образами въ углу іеромонахъ правилъ вечерню, ее служили здѣсь для кухарей, чтобы не отрывать ихъ отъ работы.

Я хлебнулъ изъ ложки, щи были очень вкусны, жирная каша тоже мнѣ понравилась.

Сверху раздался звонъ колокола, братія сходилась въ трапезу. Дюжій послушникъ старательно завертѣлъ колесо, платформа, заставленная оловянными мисками, медленно пошла вверхъ.

На столахъ, кромѣ нарѣзаннаго большими ломтями хлѣба, стояли кувшины съ мѣстнымъ виномъ и водою, квасу здѣсь не варятъ.

Послышалось чтеніе молитвы...

Древній храмъ св. Сихона Кананита.

XIII.

Солнце уже замѣтно склонялось къ западу, когда я вышелъ изъ монастырскаго зданія и медленно побрелъ налѣво, минуя кладбище.

Дорога, обсаженная кипарисами, вела меня все выше и выше, скоро она окончилась, потянулася извилистая тропа, тоже все въ гору.

— Куда ведетъ эта дорога?—спрашиваю встрѣчнаго послушника.

— Къ «Ласточкину гнѣзду», домикъ о. Тиверія.

— А, монастырскаго садовника!

— О. Тиверій за всѣми произрастаніями въ обители наблюдаетъ,—недовольно отвѣтилъ монашекъ, обидѣвшійся, что я назвалъ его начальника садовникомъ: — немало его трудовъ здѣсь положено, онъ и сады садитъ и виноградники разводитъ!

— Въ этомъ домикѣ онъ и живетъ?—снова спросилъ я послушника, указывая на домикъ, точно приклеившійся къ скалѣ.

— О. Тиверій раньше проживалъ въ немъ, да приходилось на дню не одинъ разъ туда взбираться, моложе былъ—все ничего, а теперь слабѣть сталъ, ноги ужъ не тѣ, о. архимандритъ благословилъ ему другой домикъ поставить пониже, надъ самымъ садомъ, вопъ тотъ,—указалъ онъ на небольшое жилое строеніе:—а когда къ намъ въ обитель епископъ пріѣзжаетъ, то любитъ въ этомъ домикѣ останавливаться, ну, ужъ тогда нашъ старецъ опять въ свое прежнее жилище перебирается.

— А можно туда пройти?

— Пожалуйте, такъ этой тропкой и ступайте, до самаго домика дойдете,—промолвилъ монахъ и, низко поклонившись, юркнулъ въ садъ.

«Ласточкино гнѣздо» оправдываетъ свое названіе: на маленькой платформѣ скалы, точно къ ней прижавшись, помѣстился домикъ; небольшой деревянный помостъ виситъ надъ крутымъ обрывомъ.

Внизу раскинулись сады, фруктовый и цвѣточный, лѣвѣе тянется роща маслинъ, а дальше ровно разбитыми рядами идутъ виноградники, мягко сливающиміся въ легкихъ тонахъ весеннихъ сумерекъ съ зеленоватымъ морскимъ просторомъ.

Отсюда, какъ заботливый управитель, о. Тиверій могъ наблюдать все порученное ему хозяйство.

Я сѣлъ на имѣвшійся здѣсь стулъ и невольно залюбовался чудной панорамой раскинувшейся передо мною обители съ ея цвѣтущими угольями.

Тихо, еле слышно рокоталъ вдали прибой, на недалекой колокольнѣ собора висѣли умолкшіе колокола, звонкая мѣдь ожидала, когда привычная рука звонаря-монаха вызоветъ ихъ изъ состоянія покоя.

Налюбовавшись красивымъ зрѣлицемъ, я уже хотѣлъ уходить, какъ деревянныя ступени лѣсенки, ведущей книзу, слабо закрипѣли подъ шагами кого-то.

Я обернулся. Въ проемѣ лѣстницы показалась голова стараго монаха.

— А вотъ и я къ вамъ пришелъ,—ласково проговорилъ появившійся инокъ:—послушникъ сказывалъ мнѣ, что вы садами нашими интересуетесь.

Мы познакомились, это былъ самъ отецъ Тиверій, сумѣвшій покорить и заставить съ пользой работать мѣстную буйную природу.

— Стараемся во славу Божию, и апельсинъ и лимонъ завели, особенно здѣсь хорошо поспѣваютъ мандарины японскіе, да и на лимоны и апельсины жаловаться нельзя, всего въ достаткѣ бываетъ,—добродушно рассказывалъ мнѣ монастырскій Цинцинатъ:—вотъ только посѣтилъ насъ Господь нынѣшній годъ испытаніемъ, срубить пришлось всѣ апельсинныя да лимонныя деревья, пальмы, которыя также померзли, ужъ больно жалко эвкалиптовъ, духовиты они очень, да и масло давали, тоже ихъ подсеѣкли. Вы откуда будете?

Я сказалъ.

— Въ вашихъ краяхъ такихъ растений не садятъ, а у насъ и маслины выживаютъ, прошлый годъ много ихъ сняли.

— Масло изъ нихъ бьете?—спросилъ я.

— Нѣтъ еще, такъ потребляемъ, продаемъ, а масло для лампадъ со стараго Аeона пока выписываемъ, думаемъ вскорѣ и сами маслины давить, дѣло не хитрое, да надо приспособиться.

Разказалъ старый монахъ мнѣ и о виноградномъ хозяйствѣ, и о другихъ плодовыхъ деревьяхъ, не забылъ и о цвѣтахъ, которые онъ очень любитъ.

— Иные толкуютъ: «какая такая отъ нихъ польза, зрѣніе человѣческое только утѣшаютъ», а я такъ думаю иначе: каждый цвѣтокъ, что свѣчка передъ Богомъ, хвалу Ему, Всевышнему, воздаетъ благоуханіемъ своимъ, красуется во славу Творца своего, видомъ своимъ людямъ показываетъ, сколь великъ и дивенъ Господь Вседержитель въ своихъ твореніяхъ.

Старикъ приложилъ ладонь надъ глазами, посмотрѣлъ на солнце, склоняющееся все ниже, и торопливо промолвилъ:

— А вы что же не идете? Сейчасъ по гостиницамъ ужинать зачнутъ, поспѣшайте, не то опоздаете!—и онъ, предупредительно пропустивъ меня впередъ, сталъ вмѣстѣ со мною спускаться по лѣстницѣ.

XIV.

Дѣйствительно, я чуть было не опоздалъ къ ужину. Подавали ужъ второе блюдо, когда я сѣлся за столъ.

Гостиничникъ укоризненно замѣтилъ:

— Хорошо, что поспѣшили, господи́нь почтенный, а то опоздали бы, а позднѣе ужъ негдѣ и достать.

Трое изъ нашей гостиницы заинтересовались вечернею службою и рѣшились итти вмѣстѣ со мной, остальные предпочли прогулку по берегу и вокругъ прудовъ.

— Только ужъ пожалуйста возвращайтесь до десяти часовъ,— предупредилъ ихъ гостиничникъ:—въ десять ровно монастырскія ворота закрываются, никого не впускаютъ.

— А мы по веревкѣ черезъ балконъ влѣземъ,—бойко возразила жена нѣмчика.

— Неладное вы, госпожа, сказываете, не гоже въ честной обители безчинства такія творить,—внушительно сказалъ другой гостиничникъ, высокій здоровый монахъ съ красивыми русыми волосами.

— Придемъ, придемъ во время, не бойтесь, отецъ Авениръ,—успокоили его остальные.

Въ нагорномъ монастырѣ ударили въ колоколь ко всенощной...

Гулко прокатился отзвукъ мѣднаго глашатая и умолкъ.

— Идемте, что ли,—предложилъ кто-то изъ нашихъ:—интересно посмотрѣть самое начало службы.

Мы отправились.

Солнце уже зашло. Небесную пелену прорѣзали первыя звѣзды. Сумракъ усилился, но дорога была еще видна.

По длинной аллеѣ кипарисовъ виднѣлись темныя фигуры монаховъ, спѣшившихъ въ соборъ изъ разныхъ мѣстъ монастыря, гдѣ они совершали назначенныя имъ послушанія.

Мы вошли въ храмъ, мракъ царилъ въ немъ, только горѣли небольшія восковыя свѣчки въ подсвѣчникахъ у мѣстныхъ иконъ, самыя свѣчи лампадъ въ нихъ не были зажжены.

Согласно обычаю, всѣ находящіяся въ храмѣ сидѣли, гдѣ кто могъ, никто не обмолвился словомъ, царило гробовое молчаніе. Изъ алтаря медленно вышелъ высокій сѣдой монахъ, старшій екселеархъ въ мантии, съ зажженной свѣчой въ большомъ подсвѣчникѣ. Дойдя до середины церкви, онъ поставилъ передъ собою подсвѣчникъ и громко провозгласилъ:

— Возстаните!

Во мракѣ собора послышалось, какъ быстро стали подниматься иноки, точно шумъ листьевъ.

Изъ сѣверныхъ и восточныхъ вратъ вышли ва другихъ екселеарха, тоже въ мантияхъ, въ рукахъ у нихъ находились фарфоровыя раскрашенные сосуды съ душистой розовой водой.

Они молча начали обходить молящихся, окропляя ихъ ею для ободренія къ предстоящему долгому богослуженію.

Все это происходило при томъ же полномъ безмолвіи. Невольно охватывало мистическое настроеніе.

Когда экклеіархи удалились въ алтарь, отворились царскія врата, оттуда показался служащій іеромонахъ въ мантии и эпитрахили, съ ручной кадильницей, онъ держалъ ее въ рукѣ, покрытой платкомъ, конецъ котораго былъ прикрѣпленъ на правомъ плечѣ.

Какъ мнѣ послѣ объяснили, подобная кадильница называется «кацея».

Іеромонахъ медленно шелъ, кадя, вокругъ всей церкви, бубенчики, прикрѣпленные къ «кацеѣ», слабо-гармонически звенѣли, нарушая продолжавшее царить въ храмѣ безмолвіе. Обойдя всю церковь, онъ остановился передъ амвономъ и, приподнимая кадильницу, громко провозгласилъ:

— Господи благослови!

Гдѣ-то въ глубинѣ, на клиросахъ слабо прозвучала задача тона, и всенощная началась.

Оставаться до конца долгой службы, которая должна была продлиться за полночь, я не предполагалъ, и, немного пробывъ въ церкви, вмѣстѣ со спутниками вышелъ наружу.

Остальныхъ нашихъ пассажировъ, когда мы вернулись въ гостиницу, еще не было, но все-таки къ десяти часамъ они пришли и, усѣвшись на балконѣ, выходящемъ на берегъ, мы долго еще разговаривали о дневныхъ впечатлѣніяхъ.

XV.

Пароходъ долженъ былъ прійти не особенно рано, часовъ въ восемь утра, но такъ какъ нѣсколько дней, благодаря Пасхѣ, не принимали груза, количество его въ Ватумѣ и на другихъ пристаняхъ значительно скопилось, то пароходъ ожидался съ большимъ опозданіемъ.

Это дало мнѣ возможность, поднявшись рано, осмотрѣть еще кое-что въ монастырѣ.

— Сейчасъ архимандритъ вернулся на лошадяхъ изъ Сухума, — сообщилъ мнѣ гостиничникъ Авениръ.

— А можно его посѣтить? — спросилъ я послѣдняго.

— Отецъ архимандритъ принимаетъ всѣхъ охотно, пожалуйте, о пароходѣ не беспокойтесь, уснѣете.

Не долго думая, я отправился въ зданіе нагорнаго монастыря, гдѣ жилъ его строитель отецъ Іеронъ.

Въ длинныхъ коридорахъ братскаго корпуса мнѣ указали пріемную отца архимандрита.

Келейникъ любезно мнѣ сообщилъ:

— Отецъ архимандритъ занятъ сейчасъ съ однимъ морскимъ офицеромъ, а затѣмъ ваша очередь, если пожелаете.

Но почему-то онъ все-таки пошелъ самъ къ архимандриту и, выйдя оттуда обратно, сообщилъ мнѣ:

— Пожалуйте, отецъ архимандритъ просить.

Вхожу въ просторную келью съ видомъ на море, залитую свѣтомъ. Навстрѣчу ко мнѣ поднимается изъ-за круглаго стола сидящій на диванѣ небольшого роста сухощавый старичекъ съ большою сѣдою окладистой бородой. Темные умные глаза привѣтливо на меня смотрять.

— Христось Воскресе!—привѣтствуетъ меня отецъ архимандритъ и, благословивъ, усаживаетъ на кресло.—Откуда? Куда?—разспрашиваетъ меня старецъ.

— Изъ Петербурга, посмотрѣть черноморскій берегъ, полюбоваться имъ!

— Нынѣшняя зима сильно повредила его красѣ,—вмѣшался въ нашъ разговоръ молчавшій до сихъ поръ морякъ.

— Богъ милостивъ, поправимся,—какъ-то пророчески-увѣренно замѣтилъ отецъ Иеронъ:—жаль, что отецъ Тиверій всѣ эвкалипты срубилъ, въ Сухумѣ мнѣ теперь говорили, что они отжить могли, тамъ ихъ не срубили.

Темные глаза его снова устремлены на меня.

— Понравилось вамъ у насъ?

— Очень хорошо, а главное много сдѣлано, нельзя подумать, чтобы въ такой короткій срокъ въ такой дикой странѣ возникъ подобный культурный уголокъ, прямо какой-то рай!—неволью вырвалось у меня.

Скромная улыбка показалась на лицѣ архимандрита.

— Слава Творцу небесному, по Его милости и благодати все здѣсь процвѣтаетъ! Когда я по благословенію нашихъ, почившихъ теперь ужъ, старцевъ со Старого Аѳона, отца архимандрита Макарія и іеромонаховъ Иеронима и Арсенія, сюда прибылъ съ частью братіи въ 1875 году, одинъ пустырь здѣсь былъ, одна сакля абхазца Арана всего здѣсь, у рѣки Псыртси и находилась. Пусто, дико, непривѣтливо. Помолившись Богу, приступили, начали строиться. 327 десятинъ утвердилъ за нами его высочество покойный намѣстникъ кавказскій, великій князь Михаилъ Николаевичъ, а послѣ нарѣзали еще 1000 десятинъ для угодій. Такъ все и началось.

— Золотое у васъ здѣсь мѣсто, отецъ архимандритъ,—замѣтилъ морякъ и, обратившись ко мнѣ, быстро проговорилъ:

— Истинно золотое! Когда возобновили они древнюю церковь апостола Симона Кананита, одинъ мѣстный торговецъ, еврей, постоянно гонявшій скотъ въ Батумъ по берегу на продажу, остановился на полянѣ передъ церковью и сталъ пасти своихъ быковъ, какая-то невидимая сила прогнала его отсюда. Перепуганный этимъ, онъ самъ не разъ потомъ рассказывалъ, что слышалъ слова: «уйди, здѣсь схищено золото».

— Въ переносномъ смыслѣ должно это разумѣть—подтвердилъ разсказъ моряка отецъ Геронъ и продолжалъ прерванный разсказъ.

— Вырубили мы лѣсъ, расчистили мѣсто, устроили два шалаша, одинъ для себя, другой для рабочихъ, ни печей, ни очаговъ у насъ не было, раскладывали огонь посреди шалаша. Прибыли мы сюда 2-го января, а ужъ къ марту и апрѣлю наготовили достаточно извести, такъ что могли заложить на берегу, у самыхъ развалинъ древней греческой крѣпости четыре зданія съ церковью во имя Покрова Пресвятыя Богородицы, а къ октябрю ужъ закончили, 17-го освятили одновременно и школу для двадцати абхазскихъ дѣтей, круглыхъ сиротъ, также открыли. Сколь радостно и отрадно было нашимъ сердцамъ услышать колокольный звонъ въ первый разъ въ этой пустынѣ. Тогда же благословили мы и четырехъ русскихъ волонтеровъ, шедшихъ на сербско-турецкую войну.

Отецъ Геронъ замолчалъ. Легкое облако грустныхъ воспоминаній затуманило на минуту его привѣтливое лицо.

— Недолго пришлось послѣ этого здѣсь пожить нашей братіи, 29-го ноября всѣхъ переселили въ Кутаисскую губернію, въ Гелатскій монастырь, остались здѣсь для присмотра за обителью только монахъ Иоаннъ, два послушника да я, а 7-го апрѣля и мы отсюда уѣхали, не успѣли и церковь святого Симона возобновить.

— А почему же, отецъ Геронъ, пришлось вамъ отсюда уѣзжать?

— Началась война съ Турціей, мѣстные мусульмане враждовать противъ насъ стали. Неисповѣдимъ промыселъ Божій, какъ листья осенніе, разлетѣлась братія повсюду. Семь нашихъ иноковъ съ примѣрнымъ усердіемъ и любовью ухаживали за больными и ранеными воинами. Заплакалъ я, горько заплакалъ, когда вернулся сюда въ маѣ 1878 года, все, что мы здѣсь построили, возвели, все турки пожгли или растаскали, только однѣ обгорѣлыя каменныя стѣны остались, даже двери и окна повывломали, полъ сняли, а съ древней генуэзской башни желѣзную крышу сорвали и увезли.

Тяжело вздохнулъ отецъ архимандритъ и снова замолчалъ.

XVI.

— Прибыли мы сюда только вдвоемъ, рабочій, матросъ Савва Кокенидисъ да я. Стали сами собирать растащенный абхазцами строевой матеріалъ, башню череницей покрыли, кое-какое жильѣ въ ней справили для себя и для пріѣзжихъ, ну, а потомъ начала собираться братія, и, какъ трудолюбивые муравьи, принялись возстановлять обитель. Тридцать три года прошло съ тѣхъ поръ, Господь не оставилъ насъ своею милостью, сами видите, обитель наша процвѣтаетъ, земли достаточно намъ прірѣзали, а въ 1885 году государь соизволилъ присовокупить и Пицундскій храмъ съ земельнымъ надѣломъ, больше 1000 десятинъ въ немъ.

— Хорошее мѣсто!— снова замѣтилъ капитанъ.— Чудная сосновая роща, рыбное озеро Никиты, храмъ очень древній, въ VI вѣкѣ воздвигнутъ былъ императоромъ Юстиніаномъ для принявшихъ православіе абхазцевъ. Съѣздить туда бы вамъ не мѣшало, отсюда шестьдесятъ верстъ, а отъ Гагръ всего двѣнадцать.

Я обратилъ вниманіе на вислѣйшій на стѣнѣ, на самомъ видномъ мѣстѣ какой-то листъ съ надписями.

— Дорогое для меня воспоминаніе,— отвѣтилъ на мой вопросъ отецъ Іеронъ и подошелъ къ стѣнѣ:— покойный государь Александръ III былъ у насъ въ 1888 году, 24-го сентября съ супругою и дѣтьми, всю обитель осматривалъ, на плотину ходилъ и дальше по ущелью, любовался всей мѣстностью,— оживленно проговорилъ старецъ:— долго со мной бесѣдовалъ, когда лично закладывалъ главный соборъ. «Легко у васъ дышится здѣсь, отдыхаю невольно». Братъя наша поднесла ему разныя рѣзныя изъ дерева вещи и двѣ вѣтки, одну съ шестью крупными лимонами, а другую съ громадными померанцами. Подивился на нихъ государь. А тутъ передъ самымъ отъѣздомъ его величества министръ мнѣ на ухо шепчетъ: «Дайте, говорить, книгу, чтобы государь расписался». Схватился я, принесъ книгу для посѣтителей, уже отчасти исписанную, недоумѣлъ, что нужно было совершенно новую, чистую. Улыбнулся государь и съ улыбкой мнѣ сказалъ: «Ничего, отецъ Іеронъ, и здѣсь расписемся».

«Опять, Господи Боже мой, какое искушеніе случилось, государь-то простымъ перомъ не расписывается, гусиное нужно! Такая тревога поднялась, всѣхъ разослалъ я по обители гусиное перо отыскивать. Нашлось, слава Богу, гдѣ-то. А тѣмъ временемъ государь все ожидалъ, а я стою, книгу трепеща въ рукахъ держу. Расчеркнулся государь всемилостивѣйшій, а за нимъ и всѣ другіе расписались. Отлегло у меня отъ сердца. Провожали мы высокихъ нашихъ гостей до берега. Когда государь въ баркасѣ сѣлся, изволилъ протянуть мнѣ руку, словами ошачливилъ: «Въ памяти у меня останется это посѣщеніе вашей обители».

Радостное воспоминаніе охватило отца архимандрита, въ темныхъ глазахъ загорѣлся огонекъ, согбенный станъ выпрямился, отецъ Іеронъ точно сразу помолодѣлъ...

Я случайно взглянулъ въ окно. Вдали у маяка показалась черная точка парохода, нужно было спѣшить.

— Не беспокойтесь, еще успѣете,— замѣтилъ онъ, когда я сообщилъ, что мнѣ нужно уѣзжать:— у васъ еще болѣе часу времени.

Я распрощался съ привѣтливымъ отцомъ архимандритомъ, онъ благословилъ меня и на прощаніе повторилъ слова стихири, которая ежедневно здѣсь поется по окончаніи вечерни:

«Никто же притекаяй къ Тебѣ посрамленъ отъ Тебе исходитъ, Пречистая Богородица Дѣва»...

Увы, мое свиданіе съ этою замѣчательною личностію было послѣднимъ, 7-го минувшаго сентября о. Геронъ скончался.

Находясь уже на палубѣ парохода и окидывая въ послѣдній разъ на прощаніе бѣлоснѣжныя зданія и золотыя кресты обители, ея темнозеленыя аллеи кипарисовъ, красивый коверъ виноградниковъ, таинственныя ущелья, вершину Иверской горы со старинной башней, я невольно думалъ:

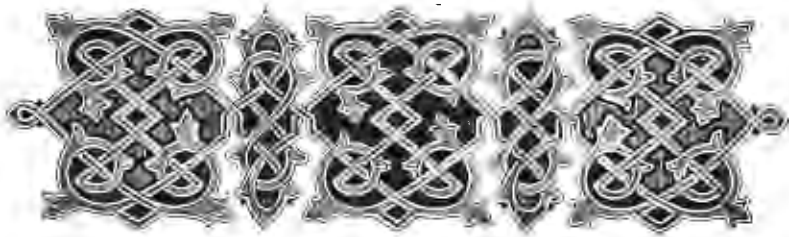
«Какое громадное культурное значеніе имѣеть для края этотъ монастырь! Сколько настойчиваго труда положено здѣсь иноками, большинство изъ которыхъ—наша черноземная Русь.

«Глубоко ошибаются тѣ, которые не вѣрятъ въ творческую жизненность, въ духъ этой великой націи.

«Нѣтъ, великій удѣлъ предстоитъ еще для Руси, недалеко то будущее, когда она снова окрѣпнетъ и, какъ фениксъ, возродится къ изумленію тѣхъ, кто не вѣритъ въ ея свѣтлую будущность...»

Г. Сѣверцевъ-Полиловъ.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

**Виновники пожара Москвы въ 1812 году. Ганса Шмидта. Рига. 1912 годъ.
Цѣна не обозначена.**

ЛАВНЫЙ интерес этого сочиненія заключается въ первыхъ восемнадцати страницахъ, на которыхъ въ алфавитномъ порядкѣ пересчитаны сочиненія и статьи, относящіяся болѣе или менѣе къ предмету изслѣдованія г. Шмидта. При этомъ, между прочимъ, включены и такія, въ которыхъ, по словамъ же автора, ничего не говорится о Москвѣ, какъ, на примѣръ, Ахшарумова «Историческое описаніе войны 1812 года. С.-Петербургъ, 1813 г.», Харкевича «1812 годъ въ дневникахъ запискахъ и воспоминаніяхъ современниковъ». Вильна. 1900. Кромѣ того, помѣщено не мало сочиненій, о которыхъ г. Г. Шмидтъ заявляетъ: *простая болтовня*, какъ, на примѣръ, *Beitrage zu dem Ruchzug der Franzosen aus Moskau*, или *очень глупая книга*—«Förster Friedrich. Napoleons I russischer Feldzug. Berlin». 1856. Указаны также источники съ отмѣткою: *не пригодился*, или *не можетъ имѣть примѣненія*, или не имѣеть значенія; такихъ не мало, а потому мы ихъ и не перечисляемъ. Любопытенъ отзывъ о книгѣ Ker-Porter. «Der russische Feldzug. 1812. Aus dem Englischen von Kirtz. Leipzig und Altenburg»: *страшно плохая книга, сплошныя выдумки!!!* Впрочемъ, указано не мало сочиненій и съ одобрительными отзывами со стороны г. Шмидта, который свое изслѣдованіе изложилъ въ четырехъ главахъ. Въ первой говорится объ участіи въ пожарѣ Москвы графа Ѳ. В. Ростопчина, при чемъ авторъ высказываетъ въ заключеніе главы (на стр. 47), что Ростопчинъ никогда не могъ свалить съ себя подозрѣнія въ винѣ (что сжегъ Москву, конечно), которе всякій долженъ былъ питать, кто въ послѣдніе дни старой Москвы

встрѣчался съ губернаторомъ (т.-е. съ Ростопчинымъ). Почему это—не объяснено. При этомъ Шмидтъ заявляетъ, что надо вѣрить словамъ дневника Штейна, въ которомъ записано, что Ростопчинъ поджегъ Москву, но отказывается пользоваться однимъ мѣстомъ изъ записокъ Варнгагена фонъ-Энзе, въ которомъ также записаны извѣстные слова графа Ростопчина: «я зажегъ души людей, а этимъ страшнымъ огнемъ зажигаются факелы смоляные». Конечно, всякій вѣрить по-своему и какъ ему угодно, а потому мы позволимъ себѣ вѣрить совершенно обратно тому, чему въ данномъ случаѣ вѣрить г. Шмидтъ, тѣмъ болѣе, что и допустить не можемъ, чтобы Ростопчинъ въ буквальномъ смыслѣ самъ поджегъ Москву; этого никто не видѣлъ и никто не заявлялъ, между тѣмъ какъ души людскія онъ не только могъ зажечь, но и на самомъ дѣлѣ воспламенилъ своими приказами и знаменитыми афишами къ отчаянной войнѣ на смерть съ французами; а въ число пріемовъ этой войны входило, очевидно, истребленіе мечомъ и огнемъ всего, что только могло какимъ-либо образомъ способствовать дѣйствіямъ французской арміи. Затѣмъ во второй главѣ г. Шмидтъ говоритъ объ участіи русскаго народа въ пожарѣ Москвы и приходитъ къ заключенію (стр. 67), что русскій народъ (почему не обыватели Москвы?—это не разъяснено) самостоятельно участвовалъ въ сожженіи города. Начало этому положили люди, патріотически настроенные Ростопчинымъ, а затѣмъ продолжали преступники и низшая чернь, независимо отъ всякой агитаціи Ростопчина, изъ личныхъ побужденій, при чемъ ихъ участіе въ пожарѣ было гораздо больше, чѣмъ участіе губернатора,—таковыхъ лицъ было очень много, и между ними были отчаянныя головы. Къ сожалѣнію, высказываемое г. Шмидтомъ не подтверждается положительными данными; участіе въ пожарѣ русскаго народа является совершенно голословнымъ, да и едва ли возможно предъ-являть подобное огульное обвиненіе всему народу. Также и устанавливаемая г. Шмидтомъ постепенность участія лицъ въ поджогѣ является дѣломъ фантазіи. Кто ее наблюдалъ съ достовѣрностью? Очень легко возможно, что поджигали одновременно лица разныхъ категорій. Третья глава посвящена участію великой арміи французовъ въ пожарѣ Москвы. Г. Шмидтъ принимаетъ, что намѣренные поджоги со стороны французовъ являлись въ видѣ исключеній; но они оставались совершенно спокойными зрителями пожара или предавались грабежу и разгулу тамъ, гдѣ слѣдовало напрягать всѣ усилія, чтобы потушить пожаръ. Но попустительство, въ реальной жизни, по словамъ г. Шмидта, представляетъ такую же вину, какъ и совершеніе преступленія, а потому и на великой арміи лежитъ едва ли меньшая часть вины въ пожарѣ Москвы, чѣмъ на русскомъ народѣ? (стр. 80). Не касаясь высказываемаго г. Шмидтомъ взгляда на попустительство, обратимъ вниманіе только на то, что пожаръ Москвы, уничтожившій массу всякихъ вещей, всякихъ запасовъ, необходимыхъ арміи, было всего менѣе желателенъ для французовъ, и, конечно, они никогда не имѣли намѣренія сжечь Москву. Но, предаваясь грабежамъ и разгулу, французскіе солдаты легко могли заронить искры, отъ которыхъ могли возникнуть въ разныхъ мѣстахъ пожары, принявшіе громадныя размѣры, между прочимъ и потому, что не было средствъ къ тушенію пожара и не было лицъ, заинтересованныхъ непосредственно въ ихъ тушеніи; владѣльцы домовъ, даже

обыватели отдѣльныхъ квартиръ большею частью, если не всё, покинули Москву. Постороннія же лица, а тѣмъ болѣе французы и не обязаны были вовсе тушить пожаръ. Есть нравственная обязанность, христіанскій долгъ, такъ сказать, помогать ближнему, спасать его отъ опасности и т. д., но закона, принуждающаго это дѣлать, никогда не существовало, а потому неисполненіе подобной обязанности нравственной не можетъ быть поставлено французамъ въ вину, караемую закономъ положительнымъ. Въ четвертой главѣ авторъ пожаръ Москвы исключительно приписываетъ стихіямъ. 4-го (16) сентября поднялась сильная буря, скоро обратившая всю Москву въ море пламени, всё увидѣли невозможность спасти городъ, большая часть зданій котораго были деревянныя, и къ тому же въ послѣдніе дни стояла большая засуха. Это понятно и бесспорно. Г. Шмидтъ, конечно, это признаетъ и добавляетъ (стр. 82): «я не думаю, чтобы въ тѣ дни, когда свирѣпствовала буря, особенно способствовало пожару то, что отдѣльныя зданія были подожжены необузданною чернью и солдатами». Остается только спросить, зачѣмъ было огородъ городить?! Прямо на первой же страницѣ заявить, что виновники пожара Москвы въ 1812 году огонь и вѣтеръ. Коротко и ясно.

П. Майковъ.

Н. К. Пиксановъ. Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская. Темы и библиографія. Спб. 1912. Стр. 67. Цѣна 35 коп.

Въ послѣднія десять лѣтъ преподаваніе гуманитарныхъ наукъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко ушло впередъ сравнительно съ недавнимъ прошлымъ, когда профессоръ только читалъ лекціи, а студентъ слушалъ и готовился къ экзаменамъ по рекомендованнымъ учебникамъ. Въ настоящее время, кромѣ лекцій, существенную сторону преподаванія составляютъ такъ называемые «семинаріи и просеминаріи», въ которыхъ, какъ въ лабораторіяхъ, учащіеся должны, подъ руководствомъ профессора, знакомиться съ приемами научнаго анализа и синтеза, съ процессомъ научной работы, чтобы пріобрѣсти навыкъ къ самостоятельной работѣ въ избранной социальности.

Въ семинаріяхъ, хотя на время, учащіеся пріобщаются къ общему ходу коллективной мысли, восходятъ къ первоисточникамъ, надъ которыми напряженно работаютъ многіе ученые изслѣдователи, широко знакомятся съ литературой по опредѣленному вопросу, участвуютъ въ живомъ обмѣнѣ мнѣній, видятъ наглядно и успѣхи и промахи дѣятелей науки, начинаютъ цѣнить всякое новое завоеваніе, пріучаются къ самостоятельности въ оцѣнкѣ книгъ и фактовъ и подготавливаются къ тому, чтобы потомъ, по выходѣ изъ школы, умѣть найти среди многочисленныхъ книгъ и изданій нужные и полезные. Если такова задача практическихъ занятій, то отсюда понятна отвѣтственность руководителя семинаріемъ, который прежде всего долженъ заинтересовать учащихся работой, а затѣмъ открыть имъ методологическіе приемы, благодаря которымъ можно лучше и ближе подойти къ научной истинѣ.

Исходя изъ подобныхъ соображеній о задачахъ практическихъ занятій, Н. К. Пиксановъ издалъ въ качествѣ пособія при семинарской работѣ по исто-

рѣи русской литературы книжку, подъ названіемъ: «Три эпохи: Екатерининская, Александровская, Николаевская» (темы и библиографія). Книжка эта складывалась, по объясненію автора, постепенно, съ расширеніемъ его преподавательской дѣятельности (на высшихъ женскихъ курсахъ, въ педагогической академіи). Въ ней авторомъ «въ хронологическихъ предѣлахъ трехъ смежныхъ царствованій формулированы темы, захватывающія (безъ претензій на исчерпывающую полноту) разнообразныя явленія эпоса, лирики, драмы, критики и публицистики. Однѣ изъ нихъ вводятъ слушателей въ социальную разработку мало или совсѣмъ не обследованныхъ вопросовъ, другія знакомятъ съ готовыми результатами литературныхъ изслѣдованій».

Темъ, данныхъ г. Пиксановымъ, всего 65: для Екатерининской эпохи 16, Александровской 21, Николаевской 28.

Чтобы имѣть понятіе, каковы эти темы, приведу формулировку нѣкоторыхъ: «Античная стихія въ русской лирикѣ Екатерининскаго времени», «Щеголи и щеголихи въ русской сатирѣ XVIII вѣка», «Культурно-историческое значеніе русскаго масонства», «Петербургскіе театры Александровскаго времени», «Грибоѣдовъ и декабристы», «И. А. Гончаровъ, какъ критикъ», «Н. А. Полевой, какъ публицистъ» и др. Ко всѣмъ 65 темамъ, къ каждой въ отдѣльности, подобрана авторомъ главнѣйшая литература въ видѣ отдѣльныхъ изслѣдованій, главъ какой-нибудь книги и журнальныхъ статей. Таково въ основѣ содержаніе работы г. Пиксанова.

Переходя къ разбору книжки, я сдѣлаю одно общее замѣчаніе. По моему наблюденію, въ ней нѣтъ отчетливо проведенной грани между источниками въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. основными матеріалами, изъ которыхъ участники семинарія должны прежде всего знакомиться съ предметомъ темы, и пособіями, т. е. тѣми мнѣніями, характеристиками и изслѣдованіями, которыя написаны по поводу этихъ матеріаловъ и самостоятельно разобраться въ которыхъ при разнорѣчьи въ пособіяхъ возможно лишь при непосредственномъ обращеніи къ самому источнику. Ввиду этого къ темѣ, напримѣръ, «Отечественная война 1812 г. въ оцѣнкѣ современной ей русской публицистики» указано семь разныхъ пособій (Оглоблинъ, Дубровинъ, Военскій и др.) и лишь случайно упомянутъ одинъ «русскій памфлетъ 1812 года» (помѣщенный въ «Русской Старинѣ» за 1908 г.); тогда какъ я представляю себѣ такой порядокъ, чтобы въ библиографическомъ списокѣ къ данной темѣ подобраны были наиболѣе яркія произведенія изъ современной 1812 году публицистики ради непосредственнаго ознакомленія съ ними учащіяся, а затѣмъ указаны были и пособія.

Въ иныхъ случаяхъ (и довольно часто) эта отсылка учащіяся къ первоисточнику у составителя книги имѣется налицо (темы о Фонвизинѣ, Радищевѣ, Лукинѣ, Грибоѣдовѣ, Пушкинѣ, Гоголѣ), но и здѣсь желательный принципъ не доведенъ до конца, въ особенности въ историко-литературныхъ параллеляхъ. Напримѣръ, тема «Радищевъ и декабристы» по указателю г. Пиксанова должна изучаться въ отношеніи къ Радищеву по полному собранію сочиненій А. Н. Радищева и семи пособіямъ, что совершенно правильно, но въ отношеніи декабристовъ ихъ «религіозно-философскіе» и «соціально-политическіе взгляды» для параллели изучаются по одной книгѣ В. И. Семевского, «Общественныя и по-

литическія идеи декабристовъ», что мнѣ представляется неправильнымъ: книга В. И. Семевскаго очень тщательно составлена, Семевскій—лучшій въ Россіи знатокъ декабристовъ, но систематичность его книги иногда наводитъ на мысль, была ли такая стройная и отчетливая система въ головахъ самихъ декабристовъ? Это во-первыхъ, а во-вторыхъ, ради нѣкоторой самостоятельности выводовъ учащіяся, по моему мнѣнію, должны итти къ первоисточникамъ, каковыми являются, напримѣръ, «Русская Правда» Пестеля» (отд. изд. 1906 г.), проектъ конституціи Н. Муравьева (напечатанъ у Довнаръ-Запольскаго, мемуары декабристовъ, въ книгѣ Якушкина «Государственная власть и проекты государственной реформы въ Россіи», Петербургъ, 1906 г.) и записки декабристовъ, изъ которыхъ нѣкоторыя должны быть указаны и въ этой темѣ, разъ задачи ея не одинъ Радіщевъ, но и декабристы, иначе параллель будетъ несоразмѣрной.

Къ числу достоинствъ г. Пиксанова, какъ автора указанной выше книжки, нужно прежде всего отнести то умѣнье, съ которымъ онъ ставитъ вопросы и зоветъ къ работѣ. Многія изъ предложенныхъ имъ темъ весьма интересны и могутъ съ перваго же момента захватить учащихя, что очень важно для начала работы. Въ качествѣ примѣра укажу на слѣдующія темы: «Русскій романи XVIII вѣка, его идейное содержаніе и культурное значеніе»; «Элементы народности въ театральныхъ пьесахъ Екатерининскаго времени», «Историческая параллель: князь Щербатовъ и Карамзинъ», «Эволюція общественныхъ взглядовъ Пушкина», «Художественные приемы Гоголя: романтика, реализмъ, элементы фантастики, карикатуры и гиперболизма», «Западно-европейскія вліянія и аналогіи въ славянофильствѣ», «Мотивы міровой скорби въ поэзіи Тургенева въ связи съ его міросозерцаніемъ». Подобныя темы, несомнѣнно, должны притягивать учащуюся молодежь; нужды нѣтъ, что она не разрѣшитъ столь сложные вопросы, но важно заинтересовать учащихя темой, направить жаждущій знаній умъ къ книгамъ и черновой работѣ, результатъ же, при опытномъ руководствѣ, будетъ налицо.

Затѣмъ, на мой взглядъ, темы, предложенныя въ книжкѣ, весьма разнообразны и достаточно полно охватываютъ главныя теченія русской литературы второй половины XVIII вѣка и первой половины XIX. Если же къ этому прибавить то, что для каждой изъ 65 темъ тщательно указаны отъ 5 до 10 и болѣе книгъ или статей изъ самыхъ разнообразныхъ изданій, извѣстныхъ только ученому специалисту и хорошему библиографу, то станетъ понятнымъ и то, что данная книжка, составленная главнымъ образомъ для учащихя, можетъ быть превосходнымъ пособіемъ и справочникомъ для всякаго, занимающагося новой русской литературой.

М. Клочковъ.

Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Спб. 1912. Стр. 175. Цѣна 65 коп.

Археологическія познанія о нашемъ прошломъ распространены въ публикѣ весьма слабо, и потому книга г. Абрамова прочтется большинствомъ съ удивольствіемъ, несмотря на ея явно компилятивный характеръ. Разрытыя могилы,

съ черепками незатѣйливой посуды и каменными орудіями, позднѣе—съ мѣдными, свидѣтельствуютъ о каменномъ и бронзовомъ періодахъ человѣческаго существованія. Позднѣйшія могилы, уже болѣе сложной культуры, извѣстны подъ именемъ доленовъ, пещерь-катакомбъ и степныхъ кургановъ съ каменными бабами и т. д. По этимъ остаткамъ старины легко возстановить картину жизни и похоронъ нашихъ предковъ, жившихъ подъ именемъ скиѳовъ и сарматовъ прежде, чѣмъ принять имъ имя славянъ. Еще болѣе поздніе памятники о жизни предковъ представляютъ древнія городища. Авторъ «Забытыхъ могилъ» совершенно справедливо замѣчаетъ, что знакомство съ доисторическими памятниками наглядно показываетъ намъ, какъ улучшается жизнь человѣчества, улучшается медленю, но неуклонно. «Въ душѣ человѣка живетъ неугасимое стремленіе къ самоусовершенствованію и улучшенію окружающей его жизни. Жалкими дикарями были когда-то наши предки... А теперь человѣкъ не даромъ носитъ почетное званіе вѣнца творенія и царя природы. Есть люди, которые не сознаютъ, что человѣческая жизнь совершенствуется, и боятся всякихъ новшествъ. Но если бы все боялись новшествъ, то люди до настоящаго времени жили бы въ каменномъ вѣкѣ. Путь прогресса безграниченъ. Однако люди не могли бы оцѣнить всѣхъ преимуществъ современнаго состоянія, если бы не знали своего скромнаго прошлаго».

Познаніе этого «прошлаго» скрыто въ «могилахъ», которыя подъ раскопками археологовъ становятся все болѣе и болѣе краснорѣчивыми. На сѣздѣ учителей и дѣятелей средней школы въ Петербургѣ профессоръ Багалѣй совершенно справедливо сказалъ, что территория Россіи представляетъ для развитія археологіи прекрасную почву. Здѣсь находятся остатки различныхъ эпохъ: богатые памятники каменнаго вѣка, болѣе скромные—мѣдно-бронзовой культуры, памятники желѣзнаго вѣка, такъ называемой скиѳо-сарматской эпохи, о которой извѣстно изъ историческихъ документовъ. Переселеніе народовъ оставило свои слѣды въ видѣ готскихъ памятниковъ; прекрасно представлена и славяно-русская эпоха. Памятники послѣдней культуры особенно цѣнны для историка, такъ какъ безъ нихъ многія свидѣтельства лѣтописи были бы неправильно поняты или оставались бы загадочными. Благодаря археологіи, совершенно въ иномъ видѣ, чѣмъ у Шлецера, рисуется картина быта первыхъ славянъ. Интересъ къ археологіи въ Россіи постепенно растетъ, что выразилось на устройствѣ цѣлаго ряда музеевъ и сѣздовъ.

А. Фаресовъ.

Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей россійскихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Двѣсти тридцать шестая.

**Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. Стр. 89 + IV + 140 +
+ VIII + 376 + 50. Цѣна 3 рубля.**

Разсматриваемая нами первая книга «Чтеній» за 1911 годъ представляетъ по своему содержанію исключительный интересъ и имѣетъ высоко-научное значеніе. Напечатанныя въ ея первомъ отдѣлѣ «Десятни Московскаго уѣзда 7086 (1578) и 7094 (1586) гг.», сообщенныя г. Е. Сташевскимъ, и «Десятни по

Владимиру и Мещерѣ 1590 и 1615 гг.», сообщенныя Ю. В. Готье, любопытны, во-первыхъ, потому, что за XVI вѣкъ такихъ десятиенъ сохранилось очень мало, и, во-вторыхъ, что онѣ заключаютъ цѣнный и новый матеріалъ о верстаніи боярскихъ дѣтей, о службѣ ихъ и происхожденіи. «Для Московскаго уѣзда, — говоритъ г. Е. Сташевскій, — не только не встрѣчалось ни одной десяти, но даже не было до сихъ поръ указаній на то, что онѣ составлялись. Наиболѣе любопытна десятиа 1578 г., которая «даетъ совершенно новое освѣщеніе вопросу о московскихъ окладахъ дѣтей боярскихъ». До сихъ поръ объ этихъ окладахъ изслѣдователи судили по указу 1550 года объ испомѣщеніи избранной тысячи и полагали, что за весь промежутокъ времени отъ него и до указа царя Θεодора Ивановича, 1587 г., нормы окладовъ оставались неизмѣнными. Между тѣмъ изъ данныхъ десятиа 1578 г. очевидно, что видоизмѣненія послѣдовали вскорѣ послѣ 1550 г. и были довольно значительны. Какъ въ десятиѣ 1578 г., такъ и въ десятиѣ 1586 имѣются указанія объ окладчикахъ и поручителяхъ. Наконецъ, въ десятиѣ 1615 г. сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія, не находящіяся въ другихъ источникахъ, «объ участіи мещерскаго дворянства въ событіяхъ смутнаго времени».

Въ отдѣлѣ «историко-литературныхъ матеріаловъ» находимъ вторую книгу «Домостроя по Коншинскому списку и подобнымъ» А. С. Орлова (первая книга была напечатана въ «Чтеніяхъ» же, во второй книгѣ за 1908 г.). Въ ней изслѣдователь сообщаетъ довольно подробный анализъ семи рукописныхъ списковъ «Домостроя», посвящая почти каждому изъ нихъ особую главу. Въ 1908 г. А. С. Орловъ представилъ изслѣдованіе лишь пяти списковъ, которые хранятся въ императорской публичной библиотекѣ.

Центральное и главное мѣсто въ разсматриваемой книгѣ «Чтеній» должна занять обширная работа профессора М. К. Любавскаго, подъ заглавіемъ: «Очеркъ исторіи Литовско-Русскаго государства до Люблинской уніи. Съ приложеніемъ текста хартій, выданныхъ великому князеству Литовскому и его областямъ». Въ виду того, что «Очеркъ» вышелъ въ свѣтъ уже отдѣльнымъ изданіемъ, мы посвятимъ ему и специальный отзывъ.

Въ заключеніе необходимо остановиться на цѣломъ, можно сказать, изслѣдованіи Н. Н. Глубоковскаго, помѣщенномъ въ отдѣлѣ «Смѣсь», подъ скромнымъ заглавіемъ: «Родословіе Смарагда (Крыжановскаго), архіепископа рязанскаго». Здѣсь, ради выясненія родословія знаменитаго іерарха или скорѣе опроверженія брошенныхъ нѣкогда имъ самимъ «крылатыхъ словъ»: «дѣдъ мой еврей, отецъ іерей, а я архіерей», авторъ прослѣдилъ всю многочисленную литературу о Смарагдѣ Крыжановскимъ, подвергъ критическому анализу многочисленныя положительныя утвержденія изслѣдователей и біографовъ и, пользуясь нѣкоторыми новыми документами, привелъ слѣдующую, наиболѣе достовѣрную, родословную покойнаго архіепископа рязанскаго, умершаго въ 1863 году.

Дѣдъ его былъ священникъ, сначала уніатскій, а потомъ православный, отецъ Михаилъ Крыжановскій, умершій въ апрѣлѣ 1776 г. и бывшій, по свидѣтельству напечатаннаго Н. Н. Глубоковскимъ документа, «дворянскаго происхожденія отъ предковъ». Отецъ—Петръ Михайловичъ, тоже священникъ,

бывшій настоятелемъ березинской церкви. У Петра Михайловича и Анны Васильевны Крыжановскихъ были дѣти: единственная дочь Фекла и четыре сына: Гавріиль, Александръ, Константинъ и Семень. Второй изъ сыновей, Александръ, и былъ епископомъ Смарагдомъ.

В. Рудаковъ.

Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ святѣйшаго правительствующаго синода. Томъ II. Выпускъ II. Спб. 1910 г. XIV+957+170 стран., съ семью снимками рукописей. Цѣна 7 рублей.

Настоящимъ выпускомъ оканчивается печатное описаніе рукописей архива святѣйшаго синода въ количествѣ 4065. Исторія этого собранія рукописей изложена въ первомъ томѣ «Описанія». Въ разсматриваемомъ томѣ описано 2187 рукописей, распредѣляемыхъ по слѣдующимъ отдѣламъ: правовѣдѣніе (преимущественно церковное право), богословіе (отчасти и церковная исторія), описи и реестры церковнаго имущества монастырей, соборовъ и церквей, вѣдомости упраздненныхъ монастырей, описныя книги существующихъ монастырей, соборовъ и церквей, каталоги библиотекъ и смѣсь; въ дополненіи—помѣщено описаніе 597 рукописей, поступившихъ въ синодальный архивъ послѣ 1906 года изъ 22 монастырей, трехъ соборовъ и трехъ церквей. По времени написанія нѣкоторыя рукописи относятся къ XIV вѣку, 25 рукописей XV вѣка, 40—XVI вѣка и остальные болѣе поздняго времени. «Описаніе рукописей» составлено по всѣмъ правиламъ науки. Каждая рукопись обследована съ внѣшней и съ внутренней стороны, заномерована по листамъ, указано ея содержаніе, сличена (если только была возможность) съ существующими и доступными другими ея списками, съ печатными ея изданіями и изслѣдованіями о ней, отмѣчены разности, особенности и проч. Большое разнообразіе содержанія рукописей, иногда собственноручно писанныхъ Стефаномъ Яворскимъ, Теофилактомъ Лопатинскимъ, Каріономъ Истоминымъ, Посошковымъ и др. выдающимися лицами того времени, увеличиваетъ научный интересъ и цѣнность этого рукописнаго собранія, которое пріобрѣтаетъ извѣстность въ ученomъ мѣрѣ и посѣщается изслѣдователями. Ко всему собранію рукописей напечатаны алфавитные указатели предметовъ, лицъ и мѣстъ, значительно облегчающіе отысканіе и пользованіе рукописями. Въ приложеніи къ тому помѣщено «Слово святителя Тихона Задонскаго о покаяніи» и семь снимковъ съ рукописей, представляющихъ интересъ въ палеографическомъ отношеніи: грамота царя Петра I архимандриту Питириму, страница изъ духовнаго регламента съ поправками Теофана Прокоповича, Синтагма Матвѣя Властаря, штатъ святѣйшаго синода, булла папы Александра VII, гласы седми громовъ и страница изъ Паремійника 1585 года. Солидный трудъ «Описаніе рукописей» весьма обстоятельно исполненъ архивариусомъ синодальнаго архива А. И. Никольскимъ подъ руководствомъ академика А. И. Соболевскаго. Такимъ образомъ разобрано, описано и опубликовано новое собраніе рукописей, доселѣ мало извѣстныхъ, двери хранилища коихъ широко и радушно открыты для людей науки.

М—ловъ.

Московское дворянство въ 1812 году. Изданіе московскаго дворянства. М. 1912. In 4°. Стр. 105+509+III. Съ портретами и иллюстраціями. Цѣна не обозначена.—Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «Духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912. Стр. I+III+195. Цѣна 1 рубль.

Москва и Московская губернія пострадали отъ нашествія Наполеона и пребыванія въ нихъ французовъ болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ, за исключеніемъ, конечно, Смоленска. Призванные манифестомъ 6-го іюля 1812 г. «излить изъ нѣдръ своихъ смертоносную на враговъ силу»—московскіе жители должны были пожертвовать очень многимъ: и денежными средствами, и недвижимымъ имуществомъ, и людьми. Дворяне, купцы, мѣщане, крестьяне и духовенство—всѣ должны были внести свою лепту на борьбу съ ужаснымъ врагомъ. Изъ всѣхъ этихъ сословій извѣстными дѣлаются труды и жертвы лишь дворянства, благодаря тому, что дворянскія депутатскія собранія, на основаніи имѣющихся въ ихъ архивахъ документовъ, издали къ 1912 г. свои «Дворянскія ополченія». Въ большинствѣ случаевъ, какъ извѣстно, этимъ ополченіямъ не пришлось много поработать, а нѣкоторыя даже и не выступали. Въ совершенно особомъ положеніи, по естественному ходу событій, оказалось московское дворянское ополченіе; оно участвовало въ Бородинскомъ бою, въ составѣ не менѣе 20.000 человекъ, много поработало по доставкѣ провіанта для войска и по очисткѣ Москвы и окрестностей отъ труповъ. «Ни одинъ городъ,—говоритъ въ заключеніи авторъ очерка «Московское дворянство въ 1812 г.», Л. М. Савеловъ,—не пострадалъ такъ, какъ пострадала Москва, нигдѣ не погибло столько драгоценностей, какъ въ Москвѣ, ни одинъ городъ не подвергся такимъ ужасамъ, какіе пережила Москва, нигдѣ такъ не оскверняли народныя святыни, какъ въ Москвѣ. вмѣстѣ съ Москвою пострадало и московское дворянство, и теперь, когда прошло цѣлое столѣтіе послѣ всѣхъ ужасовъ Отечественной войны, оно съ гордостью можетъ оглянуться на свое прошлое и громко и смѣло повторить слова, начертанныя на медали, учрежденной въ память 1812 года:

«Не намъ, не намъ, а Имени Твоему». (стр. 86).

Обращаясь къ самому изданію «Московское дворянство въ 1812 году», мы должны сказать, что оно представляетъ собою полный и провѣренный по первоисточникамъ сводъ свѣдѣній, касающихся московскаго дворянскаго ополченія: здѣсь, начиная съ императорскихъ манифестовъ, полностью приведены журналы комитетовъ (I и II), списки помѣщиковъ, ставившихъ воиновъ, списки пожертвованій, списки сожженныхъ непріателемъ селъ и деревень и проч. Обычно губернскія дворянскія собранія публиковали только вышепоименованный матеріалъ, но московское дворянство предпослало этихъ матеріаламъ цѣлой очеркъ, въ которомъ Л. М. Савеловъ въ живыхъ и яркихъ картинахъ обрисовалъ участіе московскаго дворянства въ Отечественную войну. Роскошно изданный обширный томъ снабженъ еще двѣнадцатю портретами и пятью иллюстраціями, выполненными съ рѣдкимъ изяществомъ, особенно портреты, которые мы и назовемъ: 1) императоръ Александръ I, 2) В. Дм. Арсеньевъ (тогдашній московскій губернскій предводитель дворянства), 3) князь

Мих. Ил. Кутузовъ, 4) графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, 5) графъ И. И. Морковъ, 6) С. С. Апраксинъ, 7) П. Х. Обольяниновъ, 8) Н. В. Обресковъ, 9) А. А. Куманинъ, 10) князь Н. В. Юсуповъ, 11) И. П. Архаровъ, и 12) А. И. Арсеневъ.

О роли духовенства въ Отечественную войну вышеназванный очеркъ прот. Александра Никольскаго является едва ли не единственнымъ во всей нашей литературѣ по данному вопросу. Что пастыри духовные много сдѣлали въ эту страшную годину, особенно своею нравственною поддержкою, объ этомъ говорятъ и общіе источники, иногда выдѣляя и отдѣльныхъ лицъ; но такого біографическаго свода по цѣлой епархіи, какой дается въ книгѣ протоіерея Никольскаго, мы не встрѣчали. Начиная свое изложеніе съ московскаго митрополита Платона (ум. 11-го ноября 1812 г.), авторъ даетъ обзоры патриотической и самоотверженной дѣятельности слѣдующихъ лицъ «духовнаго чина»: 1) архіепископа московскаго и коломенскаго Августина, особенно много сдѣлавшаго для спасенія святынь Москвы и ихъ возстановленія и по призрѣнію разореннаго духовенства; 2) казначея іеромонаха Аарона, претерпѣвшаго «страшные побои» за «сокрытіе» монастырскихъ сокровищъ; 3) прот. Петра Симеонова, спасшаго свою Преображенскую церковь отъ сожженія; 4) свящ. Алексѣя Маркса, несмотря на «побои» сохранившаго церковную утварь отъ расхищенія; 5) свящ. Георгія Семенова, сумѣвшаго совершать всѣ требы; 6) свящ. Василия Гаврилова, сохранившаго свою церковь «отъ оскверненія»; 7) свящ. Григорія Гаврилова, пріютившаго у себя «сытыхъ и голодныхъ»; 8) свящ. Исидора Димитрева, не покидавшаго больничнаго храма все время и «вспомоществовавшаго» больнымъ; 9) свящ. Максима Иоаннова, сохранившаго все имущество своей церкви, и 10) казначеи Новодѣвичьяго монастыря монахини Сарры, спасшей вмѣстѣ съ монахинями монастырь отъ взрыва, въ ознаменованіе чего ежегодно 9-го октября совершается вокругъ монастыря крестный ходъ. Вслѣдъ за этимъ авторъ повѣствуетъ о подвигахъ нѣсколькихъ сельскихъ священниковъ.

В. Р—въ.

Гербовникъ Анисима Титовича Князева 1785 г. Издалъ С. Н. Троицкій. Спб. 1912.

Долгое время отечественная геральдика оставалась наукой слишкомъ мало разработанной, но за послѣднее время рядъ серьезныхъ изслѣдованій и статей, посвященныхъ гербовѣднію вообще, обнаруживаетъ, что возрастающій интересъ къ геральдическимъ вопросамъ, какъ со стороны научной, такъ и художественной, пробуждается въ переживаемое нами дни не только у отдѣльныхъ лицъ, но охватываетъ собою значительную часть общества. Поэтому любители родной старины и родного искусства не могутъ не привѣтствовать съ особеннымъ радушіемъ появленіе въ свѣтъ «Гербовника Анисима Титовича Князева», изданнаго С. Н. Троицкимъ.

Составитель этого гербовника, А. Т. Князевъ, «большой любитель до книгъ и до ученыхъ» и «знатокъ архивнаго дѣла», какъ характеризуетъ его извѣстный Волотовъ, былъ однимъ изъ первыхъ по времени (онъ родился въ 1716 г., умеръ

въ 1790 г.) изслѣдователей отечественной генеалогіи и геральдики. Имъ составленъ, по повелѣнію императрицы Екатерины, «Выборъ изъ законовъ о дворянствѣ», затѣмъ въ 1776 г. онъ собралъ и представилъ генераль-прокурору князю Вяземскому свѣдѣнія о происхожденіи 754 княжескихъ и дворянскихъ фамилій и послѣдніе годы своей жизни посвятилъ составленію «Гербовника». Собирая отовсюду съ большими усиліями и затрудненіями дворянскія печати, Князевъ не подвергалъ критическому анализу ни встрѣчавшіеся на нихъ рисунки, ни право дворянскихъ родовъ на пользованіе той или другой печатью, аккуратно помѣщая ихъ все въ свой «Гербовникъ», но тѣмъ не менѣе «Гербовникъ» этотъ, составленный Князевымъ сравнительно задолго до появленія высочайше утвержденного общаго гербовника является блестящей для этого времени попыткой въ дѣлѣ собранія русскіихъ дворянскихъ гербовъ. Его практическаго значенія нельзя отрицать и въ настоящее время, — бывали случаи, когда представители дворянскихъ родовъ лишь благодаря «Гербовнику» Князева могли установить гербъ, употреблявшійся ихъ предками, по забытый впоследствии. Такъ было, между прочимъ, съ гербомъ Аничковыхъ и другихъ. Подлинная рукопись «Гербовника» составляетъ собственность казанскаго университета, и потребовалось долгихъ сто двадцать семь лѣтъ, протекшихъ со времени его составленія, для того, чтобы «Гербовникъ» этотъ появился на свѣтъ и то лишь благодаря необычайной энергіи С. Н. Тройницкаго и исключительному интересу его къ отечественной геральдикѣ.

Въ этой цѣльной рукописи все рисунки, снятыя съ печатей, исполнены отъ руки. Помѣстивъ въ своемъ изданіи точныя контурныя, художественно исполненныя ихъ изображенія, помѣстивъ безъ всякихъ сокращеній текстъ къ нимъ самого Князева, г. Тройницкій снабдилъ каждый изъ гербовъ соотвѣтствующимъ необходимымъ описаніемъ и подробными примѣчаніями, полными глубокаго знанія геральдики и тѣсно соприкасающейся съ ней генеалогіи. Въ данномъ случаѣ мало отмѣтить эти знанія, эрудицію, серьезность и вниманіе, проявленныя издателемъ, — справедливость требуетъ указать еще и на то, что въ лицѣ г. Тройницкаго чувствуется не случайный любитель, но тонкій знатокъ предмета, — изслѣдователь, проникнутый искреннимъ и горячимъ интересомъ къ трактуемымъ имъ вопросамъ.

Но и не касаясь совершенно внутренняго содержанія «Гербовника» Князева, необходимо замѣтить, что изданіе г. Тройницкаго представляетъ особенную цѣнность со стороны чисто художественной. Томъ большого 4^о, изданный на прекрасной бумагѣ, отпечатанный стильнымъ шрифтомъ, съ точно и изящно выполненными снимками рисунковъ, прекрасными фототипіями заглавнаго листа, страницъ предисловія, алфавита и перваго листа рукописи, является цѣннымъ художественнымъ трудомъ, посвященнымъ мало изслѣдованной у насъ отрасли искусства — геральдикѣ, полной условностей, заключенной въ тѣсныя рамки, но представляющей несомнѣнный интересъ своеобразиемъ рисунка и орнамента.

Наша геральдическая литература бѣдна, — она не можетъ сравниться съ обиліемъ геральдическихъ изданій, — руководствъ, гербовниковъ, монографій и т. п., — которыми обладаютъ не только западно-европейскія страны, но также

Польша и наши прибалтійскія провинціи; бѣдна и наша художественная литература. Образцовое изданіе С. Н. Тройницкаго и въ той и въ другой области должно занять по праву видное мѣсто.

С. В. Л.

Кавказскій сборникъ. Томъ XXX. Подъ редакціею генераль-лейтенанта Потто. Тифлисъ. 1911. Стр. 59 + 50 + 88 + 214 + 72.

«Кавказскій Сборникъ», издающійся въ Тифлисъ по иниціативѣ бывшаго главнокомандующаго кавказскою арміею великаго князя Михаила Николаевича, давно уже пользуется заслуженною извѣстностью среди лицъ, интересующихся исторіею Кавказа, такъ какъ сосредоточиваетъ въ себѣ массу военно-историческихъ документовъ, комментированныхъ, по большей части, опытною рукою скончавшагося въ концѣ прошлаго года извѣстнаго мѣстнаго историка генераль-лейтенанта В. Потто.

Недавно вышедшій въ свѣтъ 30-й томъ «Сборника» является однимъ изъ посмертныхъ редакторскихъ трудовъ этого историка. Томъ этотъ заключаетъ въ себѣ часть архива кавказскихъ военныхъ дѣятелей князей Бековичей-Черкасскихъ, обработанную по неизданнымъ запискамъ «природнаго бжедуха» князя Хаджимукова статью «Народы западнаго Кавказа», біографію одного изъ могикановъ крымской войны генерала-отъ кавалеріи А. П. Кульгачева и рядъ матеріаловъ по исторіи персидской и турецкой войнъ.

Изъ архива князей Бековичей-Черкасскихъ въ «Сборникѣ» напечатано собраніе писемъ, предписаній и донесеній разныхъ военныхъ дѣятелей. Большую часть этого собранія, а вмѣстѣ съ тѣмъ и наибольшій историческій интересъ представляютъ письма А. А. Вельяминова, знаменитаго на Кавказѣ сподвижника и друга Ермолова. Они относятся, главнымъ образомъ, къ 1825 году, когда Вельяминовъ временно командовалъ войсками на Кавказской линіи, а князь Ѡ. А. Бековичъ-Черкасскій дѣйствовалъ съ отрядомъ на Кубани. Въ тонѣ писемъ сказывается дружеское, можно даже сказать, отеческое расположеніе Вельяминова къ князю Ѡ. А. Бековичу. Вмѣстѣ съ тѣмъ письма даютъ полное представленіе и о самомъ Вельяминовѣ: его ясномъ и пронизательномъ умѣ, его пониманіи горцевъ и горской войны, его слогъ, простомъ, чуждомъ прикрасъ и риторики.

Собранію писемъ предпосланъ біографическій матеріалъ о родѣ князей Бековичей-Черкасскихъ, обработанный Е. Г. Вейденбаумомъ.

Статья «Народы западнаго Кавказа», по существу, касается исторіи черкесовъ, народа, состоящаго, какъ извѣстно, изъ нѣсколькихъ племенъ, пережившихъ въ своемъ развитіи много различныхъ стадій, переходя постепенно изъ дикаго состоянія въ болѣе культурное, и сдѣлавшихся извѣстными всему міру своею необузданною отвагою и горячею любовью къ свободѣ; большая часть статьи посвящена бжедухскому племени, обитающему частью въ предѣлахъ Кубанской области, частью въ Турціи.

Въ слѣдующей статьѣ «Сборника» В. Потто отчасти по личнымъ воспоминаніямъ, отчасти по имѣвшимся въ его распоряженіи матеріаламъ, изобразилъ главнѣйшія черты боевой жизни участника колоссальныхъ битвъ подъ Башъ-

Кадыкларомъ, Кюрюкъ-дара и Кирсомъ—ген. Кульгачева. Донской кзакъ по рожденію, Кульгачевъ былъ однимъ изъ тѣхъ самородковъ, которые, подобно Платову, Бакланову и цѣлой плеядѣ донскихъ героевъ, обязаны были своимъ возвышеніемъ и своей славой только личнымъ заслугамъ, да, пожалуй, тѣмъ характернымъ чертамъ, которыя вырабатывала въ нихъ суровая обстановка стараго Дона. Въ общемъ г. Потто въ своей статьѣ даетъ не только біографію Кульгачева, но и цѣлый рядъ картинокъ изъ исторіи великой эпопеи Крымской войны.

«Матеріалы къ исторіи персидской войны (1826—1828) гг.», занимающіе въ «Сборникѣ» свыше двухсотъ страницъ и служащіе продолженіемъ «Матеріаловъ», напечатанныхъ въ предыдущемъ томѣ этого изданія, представляютъ огромный интересъ уже потому, что въ значительной своей части относятся къ дѣятельности извѣстнаго писателя Грибоѣдова, въ качествѣ полномочнаго министра въ Персіи. Въ этихъ матеріалахъ, между прочимъ, напечатано извѣстное «доношеніе» Грибоѣдова Паскевичу, которое бывший министръ иностранныхъ дѣлъ Сениавинъ, не взирая на просьбу бывшаго кавказскаго намѣстника князя Воронцова, не нашелъ удобнымъ обнародовать, т. е. напечатать въ газетѣ «Кавказъ», такъ какъ это «было бы,—по мнѣнію его,—противно тѣмъ правиламъ, коими въ подобныхъ случаяхъ руководствуется министерство иностранныхъ дѣлъ». Кромѣ того, въ тѣхъ же «Матеріалахъ» полностью помѣщена «Записка о переселеніи армянъ изъ Персіи въ наши области», которая, какъ можно съ нѣкоторою вѣроятностью заключить, судя по тому, что упоминаемый въ ней переводчикъ Дадашевъ былъ переводчикомъ у Грибоѣдова, принадлежитъ перу знаменитаго писателя. Архивное дѣло «о смерти полномочнаго министра въ Персіи статскаго совѣтника Грибоѣдова» использовано въ «Матеріалахъ», какъ видно, тоже полностью. Всѣ такіе сырые матеріалы заслуживаютъ вниманія историковъ русской литературы, занимающихся составленіемъ подробностей біографіи автора безсмертнаго «Горя отъ ума».

«Матеріалы къ исторіи турецкой войны», которыми заключается 30-й томъ «Кавказскаго Сборника», представляютъ собою перепечатку журналовъ о военныхъ дѣйствіяхъ 1828—29 годовъ.

Въ заключеніе настоящей рецензіи мы не можемъ не высказать сожалѣнія, что къ «Кавказскому Сборнику» не прилагаются указатели личныхъ именъ, которые всегда значительно облегчаютъ всякаго рода справки и которыми нынѣ сопровождаются почти всѣ научные и историческіе труды.

Вор. Геродецкій.

В. Всеволодскій (Гернгрессъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны.
Спб. 1912. Стр. 198. Цѣна 3 руб. 75 коп.

Жаловаться на скудость въ Россіи литературы по исторіи театра значить повторять общее мѣсто. Въ этой области, въ самомъ дѣлѣ, мы не скудны, а нищи. Вотъ почему книгу г. Всеволодскаго, хотя бы въ ней театральная жизнь была втиснута въ узкія рамки всего нѣсколькихъ лѣтъ, любитель театра не только пробѣжитъ, но и съ удовольствіемъ поставитъ въ свою бібліотеку.

По прямому замыслу автора, изслѣдованію подлежатъ всего лишь семь лѣтъ—отъ 1807 по 1814 г. На дѣлѣ не совѣмъ такъ, и эта оговорка, конечно, увеличиваетъ цѣнность книги. Выхватывая изъ исторіи русскаго театра одно семилѣтіе, авторъ долженъ былъ, разумѣется, захватить и дѣятели тогдашняго театра не только въ этомъ краткомъ отрывкѣ жизни но и во всемъ ихъ прошломъ, а отчасти и въ будущемъ. А если пояснить, что въ эту портретную галерею Всеволодскаго попали такія фигуры русскаго театра, какъ князь А. А. Шаховской, Н. И. Гнѣдичъ изъ писателей, знаменитая француженка Жоржъ Веймеръ, композиторъ Кавось и балетмейстеръ Дидло изъ иностранцевъ, достопамятныхъ въ исторіи русскаго театра и, наконецъ, Семенова, Вальберхова, Дмитревскій, Плавильщиковъ, Яковлевъ, Шушеринъ, Мочаловъ и Рыкаловъ изъ столповъ русской сцены, то читателю станетъ яснымъ, какая интересная полоса захвачена новой книгой.

Г. Всеволодскій ни съ какой стороны не принадлежитъ къ тѣмъ авторамъ, десятки которыхъ прошли передъ нами въ недавнее время юбилейныхъ воспоминаній Отечественной войны. Его книга не скороспѣлая компиляція, обусловленная единственнымъ желаніемъ дать къ юбилейному дню ходкую книгу и удовлетворить поверхностному запросу читателей изъ толпы. Въ немъ чувствуется настоящій любитель и знатокъ нашей старой театральной исторіи, способный поэтически воспринимать красивые и величественные образы былыхъ мастеровъ театра и чувствовать прелесть какой-нибудь старинной литографіи, чудомъ уцѣлѣвшей отъ глазъ и рукъ нашихъ книжныхъ варваровъ.

Надо дѣйствительно полюбить старину, чтобы съ интересомъ, а не съ убійственной скукой перелистывать пожелтѣвшіе листы булгаринской «Сѣверной Пчелы» или стариннаго «Вѣстника Европы», выскрывать въ библиотекахъ запыленные «Драматическіе Вѣстники» или «Аглаи», добывая буквально по крупницамъ драгоценныя штрихи и блестяшки, характеризующіе старую жизнь русскаго театра.

Примѣчанія къ книгѣ выдаютъ такую добросовѣстную работу г. Всеволодскаго по первоисточникамъ. Лѣтопись Арапова, мемуары Аксакова, Жихарева, Вигеля, Булгарина, Каратыгина, Глинки, Вяземскаго старательно имъ изслѣдованы и отовсюду высканы золотиносныя крупинки. Избавляя читателя отъ постоянныхъ экскурсій въ книги театральныхъ воспоминаній, авторъ даетъ стройную картину русской сцены начала девятнадцатаго вѣка.

Вы узнаете здѣсь о тѣхъ примитивныхъ развлеченіяхъ и зрѣлищахъ, которыя предшествовали на Руси настоящему театру, о старыхъ театральныхъ администраторахъ, драматургахъ и актерахъ, окруженныхъ своеобразнымъ стариннымъ анекдотомъ, о нашихъ иноземныхъ учителяхъ театальному искусству, о первыхъ пробужденіяхъ русскаго сценическаго таланта—одинаково въ оперѣ, драмѣ и балетѣ, о нашихъ закулисныхъ нравахъ, о бытѣ и обычаяхъ старыхъ театральныхъ училищъ.

На протяженіи разсматриваемаго періода времени г. Всеволодскій старается подчеркнуть побѣду русскаго актера надъ иноземнымъ, освобожденіе его отъ подражательности, проявленіе имъ подлинныхъ національныхъ чертъ, и это даетъ его книгѣ идейный смыслъ. Держась тона серьезнаго и спокойнаго

изслѣдованія, авторъ не чуждается анекдота, и на основаніи его книги можно было бы составить увлекательный фельетонъ о бывшихъ экономныхъ драматургахъ, дѣлавшихъ одно и то же стихотворное посвященіе актеру и актрисѣ, о столкновеніи самолюбій первыхъ нашихъ актеровъ, объ отважныхъ канцеляристахъ и поручикахъ, съ наклеенными бородами проникавшихъ на репетиціи театральнаго училища и передававшихъ записочки прелестнымъ фигуранткамъ и будущимъ актрисамъ.

Въ нѣкоторыхъ отдѣлахъ своей книги автору буквально приходилось прокладывать первыя тропинки. Такова, напримѣръ, глава о русскомъ провинціальному театрѣ, гдѣ г. Всеволодскимъ добросовѣстно и едва ли не впервые даны свѣдѣнія о частныхъ помѣщичьихъ театрахъ въ Орлѣ, Пензѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Курскѣ, Вяткѣ, Харьковѣ, Полтавѣ и т. д.

Прямымъ отвѣтомъ на тему, означенную въ заглавіи, являются въ книгѣ двѣ послѣднія главы, гдѣ освѣщена жизнь московскаго театра въ дни нашествія Наполеона и разсказана горькая исторія французской труппы, игравшей въ присутствіи французскаго императора и офицерства и раздѣлившей ихъ трагическую участь.

Печальную эпопею о французскихъ актерахъ и актрисахъ, съ отмороженными носами, руками и ногами выбирающихся изъ чужой страны, страдающихъ и гибнущихъ на пути, о беременныхъ актрисахъ, разрѣшающихся мертвымъ ребенкомъ у воротъ Смоленска, — нельзя читать безъ жалости къ этимъ ни въ чемъ неповиннымъ жертвамъ несчастной войны, какъ нельзя безъ улыбки читать разсказъ о какомъ-нибудь пѣвцѣ Тарквиціо, приятномъ русскими варварами за женщину и встрѣтившемъ вполне галантное и даже обожательное отношеніе нашихъ казаковъ.

Изящно и солидно изданный томъ г. Всеволодскаго украшенъ 33-мя портретами дѣятелей стараго театра и снимками со старыхъ гравюръ и литографій, иллюстрировавшихъ отдѣльныя сцены старыхъ трагедій Озерова и его современниковъ. Снимки очень чисто воспроизведены на мѣловой бумагѣ, и цѣнность ихъ увеличивается тѣмъ, что очень многіе изъ нихъ взяты изъ книгъ и альбомовъ, являющихся теперь совершенною библиографическою рѣдкостью.

А. Измайловъ.

Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 138. Юрьевъ. 1912. Т. 140. Петербургъ. 1912.

Сто тридцать восьмой томъ сборника, изданный подъ наблюденіемъ юрьевскаго профессора А. Н. Филиппова, является продолженіемъ тома сто тридцатаго и содержитъ въ себѣ бумаги кабинета министровъ императрицы Анны Иоанновны за первые пять мѣсяцевъ 1740 года. Съ юридической точки зрѣнія опубликованные документы интересны тѣмъ, что въ нихъ ясно проявляется тенденція кабинета, предварительно рѣшенія восходившихъ къ нему дѣлъ, передавать ихъ на разсмотрѣніе сената, который и долженъ былъ возвращать ихъ обратно въ кабинетъ съ своимъ заключеніемъ. Кромѣ этого общаго интереса нѣкоторыя дѣла представляютъ, несомнѣнно, большой историко-бытовой ин-

тересъ, какъ черты тогдашнихъ нравовъ. Такъ, любопытныя свѣдѣнія мы находимъ о содержаніи въ Усть-Вилуйскѣ Санти, бывшаго при Екатеринѣ I оберъ-церемоніймейстеромъ и сосланнаго за участіе въ заговорѣ графа П. А. Толстого, стремившагося послѣ смерти Екатерины возвести на престолъ ея дочь Анну Петровну. Не лишено интереса донесеніе кievскаго архіепископа о первыхъ шагахъ на духовномъ поприщѣ извѣстнаго впоследствии духовнаго писателя Симона Тодорскаго, бывшаго духовникомъ великаго князя Петра Федоровича и его супруги Екатерины Алексѣевны. Здѣсь же находятся нѣсколько дѣлъ, дающихъ матеріалъ по финансовой исторіи Россіи, по исторіи крѣпостного права, по исторіи дворцоваго хозяйства и т. п.

Сто сороковой томъ занятъ весь дипломатической перепиской французскихъ представителей при дворѣ императрицы Екатерины II. Эта переписка охватываетъ время съ 1762 года по 1765 годъ. Напечатана она по двумъ спискамъ: по копіямъ съ подлинниковъ, хранящихся въ парижскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, которыя были переданы при Наполеонѣ III тогдашнему нашему послу въ Парижѣ князю П. А. Орлову, и тѣмъ копіямъ и извлеченіямъ, которыя въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія сдѣлалъ для себя А. И. Тургеневъ. Эти копіи и извлеченія были въ 1839 году поднесены имъ императору Николаю Павловичу, который велѣлъ ихъ положить въ особый пакетъ и сдѣлалъ на немъ собственноручную надпись о томъ, что этотъ пакетъ можетъ быть вскрытъ только по высочайшему повелѣнію. Копіямъ Тургенева пришлось пролежать болѣе полулѣта прежде, чѣмъ они попали на страницы сборника.

Въ 140 томѣ сборника напечатаны письма двухъ чрезвычайныхъ французскихъ посланниковъ—барона де-Бретеля и маркиза де-Боссе, повѣреннаго въ дѣлахъ Беранже и консула Россиньоля.

Послѣдній былъ тайнымъ агентомъ самого Людовика XV и состоялъ съ нимъ въ непосредственной перепискѣ.

Французы были хорошо освѣдомлены о всемъ, что происходило при русскомъ дворѣ, хотя сначала не умѣли оцѣнить Екатерину, какъ слѣдуетъ, и не вѣрили въ успѣхъ ея дѣла и въ возможность для нея упрочиться на престолѣ. Сборникъ открывается донесеніемъ Беранже герцогу Шуазелю отъ 2 (13) іюля 1762 года, въ которомъ онъ живо и подробно описываетъ совершившійся переворотъ. Письмо это было, впрочемъ, приведено въ свое время покойнымъ Вильбасовымъ въ его «Исторіи Екатерины II». Въ дальнѣйшихъ сообщеніяхъ французскихъ дипломатовъ рисуется такая картина, что Екатерина сама чувствовала себя случайной гостей русскаго престола, ежеминутно опасалась переворота въ пользу сына, но должна была скрывать свой страхъ подъ личиной полного счастья и величія. Видно, что первые годы своего царствованія Екатерина была въ рукахъ у своихъ сообщниковъ-участниковъ переворота въ ея пользу. Ей приходилось не только терпѣть ихъ, но и заискивать до поры до времени передъ ними.

Изданные документы, не прибавляя ничего особенно крупнаго къ тому, что уже извѣстно объ этомъ періодѣ русской исторіи, даютъ, однако, множество любопытныхъ подробностей, новыхъ камешковъ для мозаичной картины первыхъ лѣтъ царствованія Екатерины II.

А. В.

Систематическій указатель журнала «Кіевская Старина» (1882—1906 г.). Составленъ членами комиссіи: И. Ф. Павловскимъ, В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Б. Д. Чигринцевымъ. Изданіе полтавской архивной комиссіи. Стр. 219. Цѣна 1 руб.

Первый «некрологъ» прекратившейся въ 1906 году «Кіевской Старины» появился въ «Историческомъ Вѣстникѣ» за іюль 1907 годъ. Небольшая замѣтка, касающаяся исторіи изданія «Кіевской Старины», появилась тогда же въ газетѣ «Кіевская Мысль» (иллюстрированное приложение). Теперь полтавской архивной комиссіей изданъ указатель покойнаго историческаго журнала, въ теченіе двадцатипятилѣтняго существованія давшаго богатый архивъ истиннонаучнаго матеріала и серьезныхъ изслѣдованій по исторіи, археологіи, этнографіи и литературѣ Южной Руси. Достаточно указать такихъ сотрудниковъ журнала, какъ В. Б. Антоновичъ, Д. И. Багалъй, П. Голубовскій, Н. Дашкевичъ, М. П. Драгомановъ, И. Зытецкій, Н. И. Костомаровъ, А. Лазаревскій, О. И. Левицкій, В. П. Науменко, А. Потебня, А. А. Русовъ, Н. О. Сумцовъ, Д. И. Эварницкій, чтобы представить цѣнность «Кіевской Старины» для историковъ и этнографовъ.

Въ указателѣ «Кіевской Старины» потребность была давно, такъ какъ прекратившійся или долго существующій журналъ безъ указателя—мертвый капиталъ для науки и литературы. Полтавская архивная комиссія поэтому заслуживаетъ большой благодарности за составленный ею трудъ. Конечно, какъ всегда, въ немъ найдемъ ошибки. Главною надо считать алфавитный указатель авторовъ и замѣтокъ. Вѣдь пользующійся указателемъ не только можетъ интересоваться, что помѣстилъ въ данномъ журналѣ тотъ или иной авторъ, но чаще тѣмъ, что имѣется въ немъ относительно извѣстнаго лица. Поэтому необходимо было составить index omnium nominum, встрѣчающихся въ заглавіяхъ статей, какъ это сдѣлано, напримѣръ, въ указателѣ «Русскаго Архива» и «Историческаго Вѣстника».

В. Даниловъ.

С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 г. и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Слб. 1912. Стр. 144. Цѣна 1 р. 50 к.

Цѣль автора книги—документально доказать, что во время Отечественной войны русскіе евреи были на нашей сторонѣ и оказали значительную помощь нашимъ войскамъ шпионствомъ, своей еврейскою почтой и значительными денежными пожертвованіями. Евреи съ самаго начала кампаніи сознательно отвернулись отъ Наполеона, въ виду его намѣренія возстановить въ старыхъ предѣлахъ царство Польское, въ которомъ они чувствовали себя въ большомъ униженіи, лишенными гражданскихъ правъ и ограниченными въ торговлѣ и промыслахъ. Отъ Россіи же, въ виду нѣкоторыхъ послабленій въ началѣ царствованія Александра I, они могли надѣяться на лучшія времена. Въ доказательствахъ преданности евреевъ русскому дѣлу въ войну 1812 г. нѣтъ недостатка, это засвидѣтельствовано и официально, и во многочисленныхъ мемуарахъ участниковъ, причемъ отмѣчаются даже случаи смѣлости и самопожертвованія евреевъ. Въ награду за свою преданность Россіи евреи ожидали улучшенія своего

положенія, по надеждамъ этимъ не суждено было сбыться, такъ какъ взгляды Александра къ концу его царствованія приняли реакціонное направленіе съ оттънкомъ мистицизма, что выразилось, съ одной, стороны, въ уничтоженіи всякихъ послабленій, а съ другой, въ попыткахъ къ обращенію евреевъ въ христіанство и въ образованіи особаго «общества израильскихъ христіанъ», состоявшаго подъ покровительствомъ государя и имѣвшаго цѣлью, посредствомъ весьма значительныхъ льготъ—привлечь въ это общество евреевъ, принявшихъ христіанство. Льготы были весьма велики: «израильскимъ христіанамъ» предполагалось отвести въ вѣчное владѣніе казенныя земли, дозволить имъ образовывать селенія, мѣстечки и города, съ правомъ варить пиво и курить вино, освободить ихъ на 20 лѣтъ отъ платежа податей и повинностей, имѣть свое управленіе и даже полицію и т. д. Для руководительства обществомъ и попеченія о немъ учреждался въ столицѣ особый «комитетъ опекунства израильскихъ христіанъ», который долженъ былъ о своихъ дѣйствіяхъ докладывать государю чрезъ посредство министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, извѣстнаго князя А. Н. Голицына. Эти огромныя льготы не достигли, однако, своей цѣли: спустя нѣсколько лѣтъ, князь Голицынъ, убѣдившись въ рѣшительной невозможности устройства проектированныхъ поселеній, представилъ государю докладъ объ упраздненіи «комитета опекунства израильскихъ христіанъ», который и былъ упраздненъ, не успѣвъ, какъ говоритъ авторъ, за все время своего существованія водворить ни одного израильскаго христіанина. Книга издана тщательно, снабжена рисунками и портретомъ и заключаетъ въ себѣ нѣсколько интересныхъ писемъ и документовъ, характеризующихъ вообще эпоху Отечественной войны.

Л. Н.

Русскій біографическій словарь. Суворова—Ткачевъ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1912.

Каждый новый томъ «Русскаго біографическаго словаря» вноситъ цѣнный вкладъ въ нашу историческую литературу. По обыкновенію, многія біографіи представляютъ обширныя и обстоятельныя изслѣдованія. Укажемъ на біографію Суворова, занимающую нѣсколько печатныхъ листовъ, на обширныя біографіи князей Суздальскихъ, князей Тверскихъ, Татищевыхъ. Особенно важно, что при каждомъ жизнеописаніи подробно перечисляются всѣ источники, какъ печатные, такъ и архивные, относящіеся къ данному лицу. Благодаря этому, «Словарь» является превосходнымъ справочнымъ изданіемъ. Такъ, напримѣръ, авторъ біографіи Сусанина, сопоставляя всѣ имѣющіяся о немъ свѣдѣнія, доказываетъ дѣйствительность его подвига, который отрицалъ въ своихъ монографіяхъ Н. И. Костомаровъ. Къ сожалѣнію, въ «Словарѣ» находятся нѣкоторые пробѣлы. Напримѣръ, въ него включена біографія пейзажиста Сухова-Кобылина и неизвѣстно, почему обойдена біографія Сухова-Кобылина, автора «Свадьбы Кречинскаго». Въ біографіяхъ Татищевыхъ не упомянутъ извѣстный историкъ С. С. Татищевъ. Обойденъ талантливый писатель Терпигоревъ (Сергій Атава). Всѣ они умерли уже давно и имѣютъ полное право быть включены въ «Словарь».

С. Ш.

Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Ю. Л. Елецъ. Съ десятью рисунками, картой и нотами. Спб. 1912. Стр. 155. Цѣна 1 руб.

Кульневъ, какъ извѣстно, никогда не командовалъ большими частями, и дѣйствія его не могли оказать вліянія на ходъ войны; несмотря на это, изъ всѣхъ дѣятелей двѣнадцатаго года онъ былъ наиболѣе популярнымъ, любимымъ народнымъ героемъ. Необыкновенная простота, безумная храбрость безъ малѣйшей рисовки, гроза на службѣ и на полѣ сраженія и золотое сердце, проникавшее въ душу солдата и простолюдина, — вотъ тѣ родныя русскія черты, которыя народъ въ немъ учуялъ, сдѣлалъ его своимъ героемъ и свято чтить его имя. Авторъ умѣло воспользовался собраннымъ имъ матерьяломъ и въ особенности подлинной перепиской Кульнева и далъ живой образъ «этого рыцаря безъ страха и упрека», былиннаго русскаго богатыря, достойнѣйшаго сына своей родины, «льва съ сердцемъ ангела», какъ его характеризуетъ авторъ въ заключительныхъ словахъ біографіи. Дѣйствительно, это была личность необыкновенная; надо только вспомнить, что въ тѣ времена въ гусарахъ служили люди богатые и что кутежи и попойки были обычнымъ провозженіемъ времени, что Кульневъ былъ бѣденъ въ настоящемъ смыслѣ этого слова, ѣлъ солдатскія щи и кашу и ходилъ въ старенькомъ долманѣ, и что при этихъ условіяхъ и при крайней служебной требовательности онъ успѣлъ заслужить любовь и уваженіе товарищей и обожаніе солдатъ. Въ огнѣ онъ былъ неподражаемъ и всѣхъ увлекалъ за собой, а приказы его дышали благородствомъ и суровой отвагой: «имѣть всегда въ памяти повторяемая мною слова: предпочитать честную смерть безчестной жизни». Шведы и финны, которыхъ онъ гналъ и рубилъ безпощадно въ теченіе войны въ Финляндіи, сохранили о немъ самую теплую память, а извѣстный поэтъ Рунебергъ посвятилъ его имени цѣлую поэмю. При скудости біографій знаменитыхъ дѣятелей двѣнадцатаго года очеркъ г. Ельца составитъ значительный вкладъ въ литературу этой эпохи и прочтется съ не ослабѣвающимъ интересомъ широкими кругами общества. Книга издана изящно и снабжена портретами и рисунками.

Л. Н.

М. К. Соколовскій. I. Памятка вознесенскаго улана. Спб. 1912. Стр. 43. Цѣна не обозначена. II. Памятка копорца. Спб. 1912. Стр. 60. Цѣна не обозначена.

Обѣ названныя книжки составлены членомъ императорскаго русскаго военно-историческаго общества М. К. Соколовскимъ, первая по порученію шефа 8-го уланскаго Вознесенскаго полка ея императорскаго высочества великой княжны Татіаны Николаевны и вторая по порученію командира 4-го пѣхотнаго Копорскаго полка. Обѣ книжки заключаютъ въ себѣ краткое изложеніе исторіи и подвиговъ полковъ и изданы замѣчательно изящно: все, начиная съ обложки и кончая рисунками, шрифтомъ и бумагой, исполнено въ высшей степени художественно. Полагаемъ, что нашъ нынѣшній солдатъ сумѣетъ оцѣнить изящество изданія и будетъ свято хранить «памятку», выдаваемую каждому, выходящему въ запасъ. Художественная часть изданія выполнена типографіей Голике и Вильборга.

Л. Н.

Вл. Крымовъ. О рулеткѣ Монте-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Изданіе второе. С.-Петербургъ. 1912. Стр. 320. Цѣна 1 р. 25 к.

Фельетоны г. Крымова не претендуютъ на историко-политическое значеніе; авторъ далекъ отъ политики. Онъ туристъ и при томъ туристъ внимательный. И его фельетоны только та внѣшняя форма, въ которую онъ облачаетъ рассказы, главнымъ образомъ о своихъ странствіяхъ по бѣлу свѣту.

Было бы очень жалко, если бы эта правдивая регистрація любопытнѣйшихъ жизненныхъ явленій такъ мало знакомой намъ страны затерялась на страницахъ старыхъ газетъ. Поэтому, собравъ и издавъ свои фельетоны отдѣльной книжкой, г. Крымовъ значительно облегчилъ для своихъ читателей пользованіе ими. Два первыхъ изданія этой книги, разошедшіяся въ самое короткое время, показываютъ, что широкая масса читающей публики уже обратила вниманіе на эти талантливые очерки молодого журналиста. Въ скоромъ времени выйдетъ въ свѣтъ третье изданіе этой книги.

Спѣшно, на ходу, въ поѣздѣ, на пароходѣ заноситъ г. Крымовъ въ записную книжку свои впечатлѣнія, наблюденія, случайные разговоры, описываетъ проносящіяся мимо мѣстности, города, людей, природу. Начинается книга описаніемъ знаменитой рулетки Монте-Карло, этого царства азарта и людского безумія. Затѣмъ нѣсколько очерковъ посвящено Испаніи и Португаліи, откуда авторъ на океанскомъ пароходѣ отплылъ въ Южную Америку. Г. Крымовъ обстоятельно знакомитъ читателя съ оригинальнымъ образомъ жизни на океанскомъ пароходѣ, съ тамошними забавами и развлеченіями, съ типами путешественниковъ, среди которыхъ самую значительную часть составляютъ, конечно, англичане. Въ Парижѣ, въ Патогоніи, въ Португаліи, въ Венеціи—ездѣ можно видѣть англичана и слышать англійскую рѣчь. Англичанинъ—прирожденный туристъ. Русскій же путешественникъ, отправляющійся не по предписанію врача въ какой-нибудь заграничный курортъ, это что-то совершенно случайное, исключительное. «Сколько я ни читалъ пароходныхъ списковъ на океанѣ,—замѣчаетъ г. Крымовъ,—ни разу не встрѣтилъ русской фамилии. Вѣдять, вѣроятно, когда-нибудь и русскіе, но встрѣтить ихъ такъ же трудно, какъ выиграть 200,000».

Далѣе идетъ описаніе совершенно невѣдомой намъ Южной Америки; это наиболѣе интересная часть книги. Лѣтъ, пожалуй, двадцать тому назадъ у насъ появилась великолѣпная, огромная, почти въ 2,000 страницъ, книга Юнина «По Южной Америкѣ», но теперь она уже устарѣла, да и не всякій рѣшится застѣсть за такой томъ. Маленькія же популярныя брошюрки, посвященныя этому предмету, представляютъ собою компіляціи. Г. Крымовъ же въ легкой формѣ путевого фельетона знакомитъ русскаго читателя съ совершенно новымъ міромъ, который онъ видѣлъ своими глазами и съ которымъ непосредственно ознакомился, проживая тамъ. Вотъ почему его фельетоны должны заслуживать вниманія общества.

Кромѣ путевыхъ фельетоновъ, г. Крымовъ даетъ еще много очерковъ и на другія темы самаго разнороднаго характера, напримѣръ, о модахъ, балетѣ, гастрономіи, литературѣ «и о прочемъ», но все же предпочтеніе, по нашему мнѣнію, нужно оказать путевымъ очеркамъ.

М—о.

«Истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

24

**Сводъ законовъ Россійской Имперіи въ пяти книгахъ. Неофіціальное изда-
ніе товарищества «Дѣятель» подъ редакціей и съ приложеніемъ И. Д. Морду-
хай-Болтовского. Цѣна 6 руб. 50 коп. за каждую книгу. Спб. 1912.**

Среди неофіціальныхъ изданій свода законовъ первое мѣсто въ настоящее время, какъ по полнотѣ, обдуманности и тщательности составленія, такъ и по внѣшности, заняло изданіе, предпринятое подъ редакціей юриконсультъ министерства юстиціи И. Д. Мордухай-Болтовского. Вышедшія пока двѣ книги (томы I—VIII ч. 1. св. зак.) свидѣтельствуютъ, что на правильность и полноту этого неофіціального изданія можно вполне положиться. Помимо полного текста офіціальныхъ изданій отдѣльныхъ частей свода и многочисленныхъ продолженій, такъ затрудняющихъ цитированіе и справки въ законѣ, новое изданіе обнимаетъ также постановленія, изданныя въ порядкѣ ст. 87 основныхъ законовъ и позднѣйшія узаконенія. Чрезвычайноуказное право, опирающееся на ст. 87 законовъ основныхъ, офіціально не кодифицируется, а между тѣмъ въ порядкѣ этой статьи издано много законовъ, имѣющихъ громадное жизненное значеніе: укажемъ хотя бы на высочайшій указъ 5 октября 1906 г. «объ отмѣнѣ нѣкоторыхъ ограниченій въ правахъ сельскихъ обывателей и лицъ бывшихъ податныхъ состояній», или указъ 14 марта 1911 г. о введеніи земствъ въ губерніяхъ Витебской, Волынской и др. Эти указы по существу своему временные, но получившіе въ дѣйствительности длительное значеніе законы, какъ справедливо полагаютъ составители, должны быть введены въ частныя изданія свода законовъ, поскольку послѣднія претендуютъ на полноту, желая создать возможность быстрого и легкаго установленія дѣйствующаго въ настоящее время текста нашихъ законовъ.

Изданіе свода законовъ, о которомъ идетъ рѣчь, представляетъ для пользова- нія не только то удобство, что въ одной книгѣ соединяетъ законы, находящіеся въ различныхъ томахъ продолженія къ офіціальному своду. Составители сдѣ- лали больше: они въ огромномъ большинствѣ случаевъ ввели новые законы въ старый текстъ, такъ что при чтеніи закона можно видѣть, какія измѣненія произведены новыми узаконеніями. При этомъ всѣ статьи, взятая изъ продол- женій, и всѣ дополненія, заимствованныя изъ указовъ, изданныхъ въ порядкѣ ст. 87 законовъ основныхъ,—особо обозначены. Все то, что принадлежитъ самимъ составителямъ, а не заимствовано изъ офіціального текста, напечатано курсивомъ. Такимъ образомъ, при большихъ удобствахъ для справокъ, устраи- вается возможность недоразумѣній или неправильныхъ ссылокъ.

Для юристовъ-практиковъ, для дѣловыхъ людей, для казенныхъ учрежде- ній и для библиотекъ «сводъ законовъ» въ изданіи «Дѣятеля» будетъ цѣннымъ справочникомъ и пособіемъ, открывающимъ большую экономію времени и помо- гающимъ безошибочно опредѣлить дѣйствующее право. Цѣна каждой книги, превосходно изданной, въ дорогомъ переплетѣ, и обнимающей при этомъ нѣ- сколько томовъ свода законовъ съ массой добавленій, невелика. Издательство предполагаетъ закончить печатаніе свода къ концу 1912 г., а въ 1913 выпустить «Указатель къ своду законовъ». Несмотря на оглавленія къ каждому тому, указатель крайне необходимъ. Кто догадается искать указъ 17 октября 1906 г.

«о порядкѣ образованія и дѣйствія старообрядческихъ и сектантскихъ общинъ» въ «неофициальныхъ приложеніяхъ» къ общему учр. губ.? Если указатель, на что вполне можно разсчитывать, будетъ составленъ съ той же добросовѣстностью, какъ и сводъ, то это новое частное изданіе свода будетъ по истинѣ драгоценнымъ.

Г. Гяновъ.

С. И. Масловъ. Новый списокъ «Словъ постническихъ» Исаака Сирина древнѣйшей славянской редакціи. Кіевъ. 1912. Стр. ХІІ—28. Цѣна 50 к.

С. И. Масловъ подробно изслѣдовалъ главнымъ образомъ одинъ кіевскій списокъ аскетическихъ словъ сирийскаго писателя V или VI вѣка, очень популярнаго на славянскомъ югѣ и у насъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій. Рукопись принадлежитъ кіевскому университету, относится, по наблюденіямъ автора очерка, къ XIII—XIV вѣку, состоитъ изъ восьми пергаменныхъ листовъ, написана такъ называемымъ «средне-болгарскимъ» правописаніемъ. Подробныя свѣдѣнія о рукописи, анализъ графическихъ приѣмовъ, языка, перевода, изданіе текста всего отрывка съ вариантами изъ двухъ другихъ той же редакціи (съ сербскимъ правописаніемъ), хорошо исполненный снимокъ одной страницы, перепечатка соответствующихъ греческихъ главъ изъ изданія Никифора Θεотоки,—все это исполнено съ той внимательностью, какая замѣтна и въ другихъ работахъ С. И. Маслова, относящихся къ литературнымъ памятникамъ болѣе поздней эпохи.

Но главную цѣнность работы молодого ученаго составляетъ не анализъ отрывка, а два вводные очерка: «Исаакъ Сиринъ и его литературное наслѣдіе» и «Творенія Исаака Сирина въ славянской письменности». Первый—компилятивнаго характера, второй представляетъ довольно серьезную работу на основаніи рукописей. Если бы подобную работу кто-нибудь предпринялъ и надъ остальнымъ переводными памятниками византійской литературы,—задача исторіи славяно-русской письменности была бы много облегчена. Замѣчанія вызываютъ нѣсколько мѣстъ въ очеркѣ С. Маслова. На стр. XIII авторъ упоминаетъ о переводѣ, сдѣланномъ «какимъ-то Закхеомъ Вагилломъ», и говоритъ: «когда жилъ этотъ Вагиль и когда возникла редакція опредѣленно сказать трудно». Прежде всего, С. Масловъ не обратилъ вниманіе на очень цѣнный вариантъ Уваровскаго списка: «послѣжде же мужемъ етеромъ христолюбивомъ, Закхеомъ нарицаемѣмъ, истолкованна отъ греческихъ въ нашу словенскую слогу» (а въ той записи, которую приводитъ С. Масловъ,—другой терминъ: «изложено... изъ греческихъ на болгарская»). О первомъ терминѣ, какъ спеціально болгарскомъ XIV вѣка, съ обычной авторитетностью говоритъ А. И. Соболевскій («Переводная литература Московской Руси», стр. 35—36), что С. Масловъ напрасно упустилъ изъ виду. Во-вторыхъ, онъ не знаетъ другого перевода, сдѣланнаго тѣмъ же лицомъ, а именно, Похвалы Николаю Мирликійскому Андрея Критскаго, о которой въ извѣстныхъ намъ спискахъ сохранилось свѣдѣніе, что она «изложена Закхеомъ Вагилломъ». Рукописи, содержащія это произведенія, какъ оказывается, восходятъ къ болгарскому оригиналу, напримеръ, сборникъ 1445 года Троице-Сергіевой лавры № 180 (Описание іером.

Арсенія, I, стр. 173), сборникъ той же библиотеки XV вѣка № 755 (тамъ же, III, стр. 157), наконецъ, сборникъ XVI вѣка синодальнаго архива № 3921 (описание А. И. Никольскаго, часть II, вып. II, стр. 730). Изслѣдованіе языка перевода этой похвалы и словъ Исаака Сирина ясно показываетъ, что сдѣланъ онъ въ XIV вѣкѣ, скорѣе всего въ первой половинѣ его, и такимъ образомъ, и Захелъ Вагила слѣдуетъ считать болгарскимъ книжникомъ этого именно времени.

Перечень славянскихъ списковъ словъ Исаака Сирина также не полонъ. Мы могли бы указать три сербскихъ списка бѣлградской народной библиотеки XIV—XVI вѣковъ, подробно описанныхъ Л. Стояновичемъ (стр. 139—169 и 179), списокъ XVI вѣка, со слѣдами болгарскаго, казанской духовной академіи № 268 (описание, т. I, стр. 356), и др. Необходимо было бы указать еще списокъ въ Минеяхъ митр. Макарія подъ 31 мая. Оговорку автора, что онъ называетъ здѣсь только тѣ списки словъ, «редакція которыхъ можетъ быть болѣе или менѣе точно установлена по описаніямъ рукописныхъ собраній» (стр. XIV), мы принимаемъ, конечно, во вниманіе. Но не надо забывать, что въ «Оглавленіи» Юсифа на стр. 190—202 подробно перечислены всѣ заглавія словъ Исаака Сирина въ спискахъ Макарьевскихъ Миней, а также начала ихъ, — и на основаніи этихъ отрывковъ не трудно сдѣлать опредѣленіе относительно редакціи перевода.

Будемъ ожидать отъ С. И. Маслова продолженія изслѣдованія памятниковъ старой славяно-русской письменности, начатыхъ такъ основательно.

А. Я.

**Н. Н. Гусевъ. Два года съ Л. Н. Толстымъ. Москва. 1912. Стр. 305.
Цѣна 1 р. 20 к.**

Живыя рѣчи Л. Н. Толстого съ пріятелями и друзьями всегда были интересны, какъ болѣе яркіе и удобопонятные комментарии къ его философскимъ произведеніямъ.

Записки бывшего секретаря Л. Н. Толстого, Н. Н. Гусева, въ формѣ дневника, не только интимны, но и исполнены поучительной философіи о краеугольныхъ камняхъ толстовской этики.

Въ устныхъ бесѣдахъ Л. Н. Толстого обращаютъ на себя вниманіе руководящія начала въ его ученіи: а) принципъ «непротивленія злу насиліемъ», при условіи любви къ ненавидящимъ насъ, и б) отрицаніе у человѣка права распоряжаться другими людьми во имя государственныхъ идеаловъ.

Находясь въ тюрьмѣ, Гусевъ получилъ отъ Л. Н. характерное письмо для міросозерцанія «толстовца»: «Помоги вамъ Богъ перенести ваше испытаніе, не измѣнивъ самаго драгоцѣннаго для васъ вашего любовнаго отношенія къ людямъ, которые по какимъ бы то ни было мотивамъ дѣлаютъ или стараются дѣлать больно своему любящему ихъ брату».

Еще характернѣе говорилъ Л. Н. о христіанствѣ, диктуя Гусеву слѣдующія слова: «Ничто лучше не показываетъ того, какъ можно изъ тѣлесныхъ страданій и униженій сдѣлать радость, какъ тѣ слова, которыя сказалъ Францискъ Ассизскій, со своимъ ученикомъ подходя къ монастырю, усталые и мок-

рые. Онъ сказалъ, что когда они останутся подъ дождемъ у воротъ монастыря, и привратникъ скажетъ имъ недоброе слово, что если они не нарушатъ въ сердцѣ своемъ любовь ко всѣмъ людямъ и къ этому привратнику, только тогда будетъ радость совершенная».

Эту «радость совершенную» Л. Н. готовъ рекомендовать и въ тѣхъ случаяхъ, если бы низшія расы завоевали высшія и увели бы у послѣднихъ въ плѣнъ женъ, дочерей, перебили бы сыновей и т. д. Онъ полагаетъ, что борьба войною и насиліемъ умножила бы и продолжила зло. Между тѣмъ, показавъ любовь къ обижающимъ, легче обезоружить и перевоспитать врага. Какъ только будешь перебирать въ мысляхъ людей, къ которымъ имѣешь недоброе чувство, и думать о нихъ съ любовью, стараться выискнуть въ причины и мотивы, которые привели ихъ къ тѣмъ, а не инымъ поступкамъ, такъ и въ мысляхъ скоро не будешь осуждать этихъ людей.

По второму пункту въ ученіи Л. Н. Толстого знаменательны его слова о томъ, что большинство хорошихъ людей грѣшатъ тѣмъ, что они не хотятъ въ борьбѣ съ злыми людьми обратиться къ тѣмъ орудіямъ, надъ которыми они властны, а властенъ человекъ только надъ однимъ: надъ своей особой. И для достиженія этой цѣли нужна большая работа надъ собой, чтобы подавлять свое животное существо духовнымъ. А какъ только будешь въ этомъ направленіи работать надъ собою, такъ неизбѣжно будетъ вліяніе на другихъ. Это единственное средство, по мнѣнію толстовцевъ, вліять на другихъ людей. А вліять тѣмъ, чтобы проповѣдывать ненависть къ врагамъ и говорить, что ненависть святое дѣло—значить отталкивать другихъ.

«Я никогда,—говорилъ Толстой о себѣ,—не рѣшусь сказать, что я обладаю такой правдой, которую я всѣми силами (а тѣмъ болѣе насиліемъ) стараюсь передать другимъ, и устраивать для этого какой-нибудь планъ дѣйствій (уставъ и организацію)—считаю совершенно неправильнымъ. Это какое-то безуміе думать, что я могу устраивать жизнь другихъ людей. Я только свою жизнь могу устраивать. А если нужно сближеніе съ людьми, то вотъ такая-то жизнь и даетъ возможность сближенія, а дѣятельность, направленная на принудительное устройство жизни другихъ, напротивъ, разобщаетъ меня со всѣми: съ китайцемъ, съ японцемъ, съ союзомъ русскаго народа, съ эсдеками... Это прямо суевѣріе, что одни люди считаютъ, что они могутъ и должны руководить другими людьми. Этому суевѣрію подлежатъ одинаково и реакціонеры, и всѣ революціонеры. У христіанина есть власть надъ своей собственной особой, и эта особа очень несовершенна. Чѣмъ больше я буду работать надъ собою, тѣмъ больше я буду имѣть вліянія на другихъ. Цѣль у всѣхъ одна—улучшеніе жизни. Средство для этого есть—не участвовать въ томъ насиліи, отъ котораго страдаютъ люди; не принимать самому участія въ худыхъ дѣлахъ... А между тѣмъ люди постоянно что-то учреждаютъ, заботятся о народѣ, а сами не могутъ обойтись безъ казеннаго мѣста или частной эксплуатаціи того же народа. Безпомощные безъ двадцатаго числа интеллигенты все время хлопочутъ о богатыряхъ-крестьянахъ и рабочихъ массахъ вмѣсто того, чтобы заботиться прежде всего о принесеніи пользы не другимъ, а себѣ самому. Избавить другихъ отъ насилій—не избавляя себя самого отъ условій насилія—очень мудро. Двигается человѣче-

ство только тѣмъ, что нравственно движется впередъ. Это не революція, а мирное развитіе нравственнаго чувства. Оно отвращаетъ меня отъ насилій и говорить мнѣ о главномъ законѣ человѣческой жизни: о любви ко всемъ людямъ безъ различія и отсутствіи у меня права, изъ-за моей увѣренности въ прогрессъ, руководить волей и жизнью другихъ людей насильемъ надъ ними».

Чтеніе книги г. Гусева о Толстомъ все время держитъ вниманіе читателя около самыхъ крупныхъ вопросовъ души человѣка и его общественныхъ идеаловъ.

А. М. Печаева.

С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912. Цѣна 1 р. 25 к.

По истинѣ великій человѣкъ на малыя дѣла былъ этотъ Соболевскій, веселый другъ и собутыльникъ Пушкина. Ему было дано и остроуміе, и вкусъ, и поэтическое чутье, и вѣрный общественный тактъ, и онъ истратилъ ихъ буквально на пустяки. И все же ему нельзя отказать не только въ своеобразіи, но даже въ исторической значительности: безъ этого говоруна, беззаѣтно-веселаго остряка и присяжнаго бонмотиста были бы какъ-то неполны наши представленія о пушкинской эпохѣ. То, что въ душевной полнотѣ всеотзывчиваго Пушкина жило какъ намекъ, какъ маленькая частность, въ Соболевскомъ получило усиленное выраженіе. П. И. Бартеневъ однажды назвалъ его «русскимъ Марціаломъ». Это, конечно, невѣрно. У Соболевскаго нельзя найти ни картинъ нравовъ, ни бичующей сатиры, продиктованной возмущеннымъ общественнымъ чувствомъ: все пески на случан, болѣе или менѣе незамѣчательныя, да добродушная шутка, да незлобныя, скорѣе просто юмористическія эпиграммы на друзей и недруговъ, поскольку могъ имѣть недруговъ добродушный сангвиникъ,—но все это большею частью такъ мило, такъ весело и остроумно, такъ забавно, что даже въ наши дни, далеко за предѣлами времени и ограниченаго круга, въ которомъ рѣзвилась безпардонная муза Соболевскаго, даже съ неизбѣжными объясненіями и примѣчаніями, пріятно перечитывать собраніе школьническихъ выходокъ умнаго человѣка.

Соболевскій—весьма колоритная и типическая фигура русскаго общества первой половины XIX вѣка, и Ростопчина, нѣсколько преувеличивая его достоинства, въ общемъ вѣрно сказала о немъ:

Онъ баринъ въ полномъ смыслѣ слова,
Зато и барски либераль;
Свѣтло уменъ, въ борьбу готовый
За святость умственныхъ началъ;
Ученъ какъ старый докторъ-нѣмецъ,
А духомъ юнъ, какъ кандидатъ...

Въ замкнутыхъ интересахъ нѣсколькихъ столичныхъ гостиныхъ, въ непринужденной свѣтской болтовнѣ Соболевскій разбрасывалъ искры своего стихотворнаго остроумія. Изъ нихъ многія угасли безслѣдно, но многія не затерялись, и ихъ стоило собрать. В. В. Каллашъ внимательно и трудолюбиво

исполнилъ эту пріятную работу и извлекъ изъ рукописныхъ и печатныхъ источниковъ болѣе восьмидесяти эпиграммъ и экспромптовъ Соболевскаго. Къ сожалѣнію, ему не удалось воспользоваться бумагами Соболевскаго, хранящимися у графа С. Д. Шереметева. Кое-какими пустяками, къ тому же неудачными, слѣдовало поступиться и не вносить ихъ въ сборникъ, завѣдомо для редактора, хоть не по его вишѣ, неполный. Не обошлось безъ ошибокъ. Первая же пьеса, которою открывается сборникъ, эпиграмма на князя П. И. Шаликова («Князь Шаликовъ, газетчикъ нашъ печальный»...) принадлежитъ не Соболевскому, а Пушкину и Боратынскому, сочинившимъ ее вмѣстѣ (см. «Рѣчь» 1911 г., № 9, и Сочиненія Пушкина, изд. С. А. Венгерова, томъ V, стр. XLIX). Не попала въ сборникъ несомнѣнно принадлежащая Соболевскому эпиграмма на Ф. Ф. Вигеля: «Для чего, скажи, о Вигель»...

Такъ какъ г. Каллашъ заявляетъ, что ему не удалось ее разыскать, при водимъ ее здѣсь:

Для чего, скажи, о Вигель,
Шьетъ тебѣ штанишки Бригель
Съ гульфомъ назади?
— Для того онъ шьетъ ихъ съ гульфомъ,
Чтобъ, когда я буду съ Вульфомъ,
Быть миѣ впереди.

Эпиграмма на Кетчера, переводчика Шекспира, быть можетъ, не Соболевскаго; она приписывается И. С. Тургеневу. Издана книжка красиво, но корректура небрежна.

Н. Л.

**М. Е. Васильева. Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ. 1912. Стр. 121.
Цѣна 50 коп.**

Автору, какъ онъ заявляетъ въ коротенькомъ предисловіи, нѣсколько лѣтъ тому назадъ достался по наслѣдству отъ старой родственницы домъ въ одномъ изъ губернскихъ городовъ. На чердакѣ этого дома была найдена, между прочимъ, пожелтѣвшая отъ времени и сырости тетрадь, на обложкѣ которой значилось: «Въ эту тетрадь Акулька, крѣпостная дѣвка, записала свою жизнь; а теперь я странница и всѣ зовутъ меня Акулиной Никифоровной. 1859 года, гор. Осташковъ, Знаменскій монастырь, келья матери Валентины».

Изъ этой найденной тетради г-жа Васильева взяла содержаніе для своей въ высшей степени интересной книжки, отрывки изъ которой уже были помѣщены въ одномъ изъ журналовъ въ прошломъ году, когда праздновалось пятидесятилѣтіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного ига.

«Записки крѣпостной дѣвки» даютъ правдивую, яркую картину былого рабства на Руси и безграничнаго владычества помѣщиковъ. Акулька вспоминаетъ, какъ передъ пріѣздомъ къ веснѣ изъ Москвы въ деревню господъ началась спѣшка по осмотру и приведенію въ порядокъ барскаго дома. Управляющій ходилъ по всѣмъ комнатамъ съ молоткомъ и всѣ стѣны остукивалъ—крѣпка ли штукатурка. Въ кабинетѣ замѣчено было, что одна стѣна треснула и выдалась

впередъ; тотчасъ же послали въ городъ нарочнаго за каменщиками. Когда тѣ стали ломать стѣну, то увидѣли между кирпичами замурованного человѣка. Каменщики испугались, побросали работу и побѣжали къ управляющему. Управляющій распорядился послать за священникомъ. Священникъ былъ древній старичокъ и помнилъ отца Акулькинаго барина. Отецъ Василій перекрестился и указалъ на большой портретъ въ золотой рамѣ:

— Это бояринъ Георгій (покойный баринъ), я помню, какъ онъ своихъ крестьянъ до смерти засѣкалъ. Господь одинъ вѣдаетъ грѣхи людскіе, а мы, православные, помолимся за обоихъ—за убіеннаго и за убіицу.

Послѣ панихиды священникъ приказалъ вынуть изъ стѣны кости, сложить ихъ въ ящикъ и нести на кладбище, а самъ, какъ былъ въ ризѣ и съ кадиломъ въ рукахъ, пошелъ впереди. Въ тотъ же день управляющій собралъ всѣхъ дворовыхъ людей и строго наказалъ имъ, чтобы обо всемъ случившемся они свои языки держали на привязи.

Дальше Акулька вспоминаетъ привычки помѣщичьяго сына, который въ дѣтствѣ забавлялся тѣмъ, что посѣщалъ дѣвичью, залѣзалъ подъ пяльцы и колотъ булавкою босыя ноги дѣвкамъ, или же забирался въ людскую, гдѣ спали лакеи, новара и другіе и поджигалъ имъ волосы на головѣ. Выросши, этотъ барчукъ ходилъ по двору съ плеткой съ желѣзнымъ концомъ и ловкими ударами укладывалъ на мѣстѣ собакъ, кошекъ и прочихъ животныхъ. Любилъ онъ также приходить въ садъ съ ружьемъ и подстрѣливать птицъ; именно подстрѣливать, но не убивать, чтобы наслаждаться ихъ предсмертными мученіями.

На Акульку обратили вниманіе и взяли ее въ комнаты. Здѣсь она проводила все время съ младшей дочкой господъ, вмѣстѣ съ послѣдней ее обучали грамотѣ и танцамъ. Барышня учиться не любила и часто не знала урока. За это, однако, наказывали не ее, а Акульку, которую барыня, бывало, зажавъ ей голову въ своихъ колѣнкахъ, сбѣчетъ ремнемъ или розгою до крови. Случалось при этомъ, что старшая барышня замѣтитъ:

— Стыда у васъ, мамепька, нѣтъ, сестрица лѣнится, а вы Акульку сбѣчете.

Въ отвѣтъ барыня отпускала своей дочери такую оплеуху, что та долго послѣ того ходила съ перевязанной щекой. Однажды Акулька присутствовала при томъ, какъ барыня принимала ванну. Въ комнату зашелъ баринъ, посмотрѣлъ на стоявшую возлѣ ванны въ костюмѣ Евы супругу, взглянулъ на толпившихся кругомъ лакеевъ и ласковымъ голосомъ сказалъ:

— Ты бы, Варвара Ивановна, хоть простыню на себя накинула.

— Зачѣмъ? Въ комнатахъ тепло,—отвѣтила барыня.

— Да видишь ли, тутъ на тебя мужчины смотрять,—замаялся баринъ, указывая на лакеевъ. Но барыня вполнѣ серьезно доказала, что крѣпостные—не мужчины, что они для нея все равно, что комнатная мебель, или прочіе предметы.

Нельзя безъ содроганія читать рассказъ Акульки о трагическомъ концѣ двороваго мальчишки, сироты Сережки. Послѣдній однажды помогалъ садовнику пересаживать на клумбы какіе-то цвѣты. Садовникъ куда-то отлучился, а Сережка остался одинъ въ саду недалеко отъ дома; въ это время барыня сидѣла у одного изъ оконъ и пила чай со сдобными булочками. Дѣтей, жившихъ

для чего-то при господствомъ дворѣ, морили голодомъ, и они перѣдко тайкомъ ходили по деревнѣ собирать милостыню. Неудивительно поэтому, что Сережка теперь, какъ голодная собака, глазъ не спускалъ съ барыни, которая съ аппетитомъ доѣдала свою сдобную булку, запивая чаемъ со сливками. Тутъ, какъ на грѣхъ, барыня отошла на минутку отъ окна, оставивъ на подоконникѣ недоѣденный кусокъ булки. Сережка не утерпѣлъ, подбѣжалъ и схватилъ лакомый кусокъ, но не успѣлъ еще отправить его въ ротъ, какъ вернулась барыня. Мальчишка окаменѣлъ отъ страха, но скоро опомнился и бросился бѣжать, а барыня закричала изъ окна: «Дѣвки, люди, ловите мальчишку, наломать мнѣ розогъ!» Но мальчишка перепрыгнулъ черезъ заборъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ былъ глубокий колодець, и, спасаясь отъ погони и предстоящей расправы, бросился въ объятія смерти. Пока принесли багры и вытащили Сережку, онъ успѣлъ отдать Богу душу. Кулачекъ оказался у него зажатымъ и въ немъ оказался кусочекъ булки. Всѣ дворовые, забывъ страхъ передъ барыней, плакали навзрыдъ и въ одинъ голосъ повторяли: «погибъ человекъ изъ-за крошки булки». Сама Акулька тоже чуть не погибла жестокой смертью. Обвиненная бариномъ въ колдовствѣ, она была живо зарыта въ могилу, которую ее самое заставили предварительно выкопать. Нѣсколько жуткаго времени провела она въ этой собственноручно вырытой ямѣ, пока одинъ изъ дворовыхъ, рискуя самъ заплатить жизнью, ее не освободилъ. Таковы «записки крѣпостной дѣвки» Акульки, читающіяся въ изложеніи г-жи Васильевой съ захватывающимъ интересомъ. Вся книжка дышитъ жизненной правдой, языкъ легокъ, образенъ и мѣтокъ, и развертываемыя авторомъ одна за другою картины поражаютъ яркостью и свѣжестью красокъ.

И. Г.

В. Шишмаревъ. Лирика и лирики поздняго средневѣковья. Парижъ. 1911.

Такъ какъ главнымъ содержаніемъ лирики во всѣ времена служила любовь, изслѣдованіе г. Шишмарева, кромѣ изложенія различныхъ формъ и стиля поэзіи, даетъ намъ интересную главу изъ исторіи любви. Въ концѣ среднихъ вѣковъ аскетическіе взгляды въ значительной степени утратили свою прежнюю силу и постепенно вырабатывается современное воззрѣніе на эротику. Поэтъ пятнадцатаго вѣка Раймонъ видитъ въ совершенной любви силу, объединяющую волю двухъ существъ въ стремленіи къ нравственному совершенствованію. Такая любовь не можетъ преслѣдовать никакихъ внѣшнихъ цѣлей, такъ какъ ея главная задача осуществляется внутри нея въ самомъ процессѣ любви. Она является звеномъ, связующимъ земной міръ съ небеснымъ, такъ какъ она предваряетъ здѣсь, на землѣ, блаженство рая, гдѣ души, преданныя ей глубоко, обрѣтутъ ее снова. Любовь такъ дорога, говоритъ поэтъ, что я не умѣю вовсе повѣдать о томъ наслажденіи, которое скрыто въ ней. Я очарованъ одною мыслью о ней, ибо ничто не даетъ столько отрады, сколько любовь, ни знаніе, ни богатство, ни дочь, ни сынъ, ни жена, ни хорошее вооруженіе, ничто другое; она рай, полный радости, куда придутъ любовники, находящіеся во власти Амура. Другой поэтъ доказываетъ, что истинная любовь не только не грѣхъ, но добро-

дѣтель. Любovníки должны отъ всего сердца служить Амуру, ибо любовь добродѣтель, въ силу которой дурные люди становятся хорошими, а хорошие совершенными; любовь поучаетъ человѣка постоянно творить добро; любовь приводитъ къ цѣломудрію, потому что, кто отдается ей, не можетъ затѣмъ поступать дурно.

Въ средніе вѣка совершенно серьезно обсуждали вопросъ, есть ли у женщинъ душа, и обыкновенно рѣшали его въ отрицательномъ смыслѣ. Но въ пятнадцатомъ вѣкѣ зарождается болѣе прогрессивное направленіе, являются попытки защитить женщину. Первою феминисткой была писательница Христина Лизанская, она доказывала равноцѣнность мужчины и женщины и вообще задалась цѣлью подвергнуть переоцѣнкѣ ходячія воззрѣнія на женщину. Христина энергично отстаивала мысль, для пятнадцатаго вѣка очень передовую, что женщина должна получать одинаковое съ мужчиной образованіе. Въ книгѣ г. Шишмарева вообще много интереснаго матеріала для истории женскаго вопроса.

П. В.

Н. Houssaye. Клеопатра. Переводъ А. Захарова. Спб. 1911. Стр. 107. Ц. 70 к.

Среди читающей публики всегда много любителей историческаго чтенія, но каждая эпоха читаетъ исторію по-своему. Не развивая этой богатой темы, достаточно только упомянуть горячее увлеченіе французовъ, въ виду ихъ великой революціи, древней республиканской исторіей. Надо ли напоминать еще о тѣхъ временахъ, когда книги объ этой самой революціи жадно читались въ Россіи. Но на ряду съ читателями, которые углубляются въ исторію, чтобы найти въ ней обоснованіе своимъ надеждамъ и ожиданіямъ, на ряду съ тѣми, которые, слѣдя формуль Конта, хотятъ знать, чтобы предвидѣть, и предвидѣть, чтобы дѣйствовать, замѣтно обозначилась новая широкая группа любителей историческаго чтенія. Похоже на то, какъ будто читатель, уставъ отъ вычурности и порнографіи современной беллетристики, начинаетъ искать въ исторіи просто-напросто здоровое и занимательное чтеніе. Иначе трудно объяснить уже отмѣченное печатно возрожденіе интереса къ исторіи, ярко выражаемаго обильнымъ, но весьма безалабернымъ книгоиздательствомъ въ этой области. Кому, напримеръ, нужна книжка Houssaye о Клеопатрѣ? Съ научной точки зрѣнія работа французскаго автора, хатя и добросовѣстная, но вполне заурядная компиляція, составленная по такимъ общеизвѣстнымъ первоисточникамъ, какъ Плутархъ, Светоній, Цезарь и др. Историкамъ трудъ Houssaye совершенно не нуженъ и не для нихъ, конечно, онъ переводился. Нужна ли разбираемая работа широкимъ кругамъ читателей? Послѣ того, какъ трагическая судьба египетской царицы была гениально освѣщена Шекспиромъ и въ такомъ остроумномъ историческомъ шаржѣ изображена Шоу, изложеніе Houssaye представляется особенно блѣднымъ и больнымъ. Кто никогда не читалъ произведеній названныхъ драматурговъ, героиней которыхъ является Клеопатра («Антоній и Клеопатра» и «Цезарь и Клеопатра»), кто основательно забылъ ту историческую канву, на которой оба англичанина вышили свои замѣчательные узоры, только для такихъ малочисленныхъ читателей работа Houssaye можетъ представлять

известный интерес. Вот и все, что слѣдовало бы сказать рецензенту объ этой книжкѣ, не будь она снабжена наводящим на размышленія предисловіемъ. Въ періодъ литературной оргіи декадентовъ никто изъ нихъ на исторію не посягалъ. Теперь же, когда исторія, повидимому, дѣлается «модной», литературные наслѣдники декадентства, такъ называемые «модернисты», заигрывая съ исторической наукой, явно угрожаютъ ея достоинству. Примѣромъ именно такого посягательства на исторію представляется анонимное (переводчика?) предисловіе къ разбираемой книжкѣ. У всѣхъ въ памяти болѣе или менѣе остроумныя попытки очистить Гуду отъ его страшнаго клейма. Houssaye вовсе не беретъ за аналогичное обѣленіе своей героини, и тѣмъ болѣе странно, когда ему навязывается такая роль авторомъ предисловія. Этотъ послѣдній полагаетъ, что, благодаря работѣ Houssaye, образъ Клеопарты «очищенъ отъ грязи, которой въ теченіе многихъ вѣковъ ее такъ усердно забрасывали филистеры и лицемѣры всѣхъ странъ и народовъ». Неужели эта фраза, вульгарно выражаясь, вотреть очки тому самому читателю, который прочтетъ въ книжкѣ о необузданной чувственности Клеопарты и ея любовника (стр. 42), объ ихъ жизни, похожей на продолжительную оргію (стр. 41), и тому подобные комплименты, вполне заслуженно подносимые французскимъ авторомъ египетской царицѣ. Конечно, можно было бы цѣпью социологическихъ аргументовъ (наслѣдственность, среда и пр.) пытаться реабилитировать Клеопатру. Но Houssaye очень далеко отъ подобной попытки. Авторъ же предисловія противопоставляетъ необузданный развратъ и безмѣрную жестокость Клеопарты, какъ нѣчто положительное, грѣшкамъ современнаго человѣчества на томъ только основаніи, что царица распутничала въ красивой, красочной обстановкѣ. Что сказать о реабилитации такого рода! Какъ не слѣдуетъ ломать стульевъ по причинѣ величія Александра Македонскаго, такъ равно не надо съ извращенно-эстетическимъ и якобы антифилистерскимъ критеріемъ подходить къ историческимъ личностямъ, вѣроятно, только потому, что нѣкогда Нитше, въ своемъ гениальномъ безуміи, продѣлывалъ аналогичныя историческіе опыты. «О, презрѣнная человѣческая немощь!» восклицаетъ старикъ Плутархъ по поводу одного эпизода Клеопатриной жизни. И этой фразой, какъ 18 вѣковъ тому назадъ, такъ и теперь, исчерпывается оцѣнка жизни египетской царицы. Нѣтъ, ужъ лучше господамъ модернистамъ оставить въ покоѣ исторію! Переводчику же разбираемой книги посоветуемъ, кромѣ того, серьезно заняться изученіемъ русскаго языка, начавъ курсъ съ элементарной этимологіи. Онъ пишетъ: прикрасно (стр. 59), явно не умѣетъ обращаться съ прописными буквами (стр. 57, 7, 10, гдѣ слова «пар-яне» и «царь» пишутся имъ то съ большой, то съ малой буквы). На стр. 62 фраза построена такъ синтаксически безграмотно, что выходитъ, будто представители города тащили на себѣ повозки и множество плѣнныхъ. Далѣе, если сразу ясно, что упоминаемые въ переводѣ «антабламентъ» (стр. 6) и «боскеты» (стр. 7) есть не что иное, какъ буквально списанныя съ французскаго текста слова, означающія карнизъ и роши, то весьма трудно сообразить, что значать всѣ эти ордеры, эдекули, эпседръ. Произошли ли они оттого, что Houssaye тщательно изучалъ археологію, или потому, что г. Захаровъ очень нетщательно исполнялъ свой переводъ.

Пант.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИСТОРИЧЕСКІЯ НОВОСІИ И МЕЛОЧИ.

АРОДНЫЯ итальянскія сுவѣрія. — Тревожащій современное чловѣчество вопросъ: почему и зачѣмъ?—о который разбилося не мало чловѣческихъ умовъ и сердець, извлекъ изъ мрака забвенія заброшенныя сுவѣрія, легенды, повѣрія и другія наслѣдія сѣдой старины. Мало того, всѣ эти забытыя богатства народной морали дожили до чести послужить краеугольнымъ камнемъ для новой науки. Она встрѣтила горячій пріемъ у итальянцевъ, которые еще не подыскали для нея итальянскаго имени и позаимствовали его у англичанъ, назвавъ ее *folclore*. На открытіи этнографической выставки въ Римѣ Фердинандъ Мартино произнесъ блестящую рѣчь, которая служитъ также программой для этой науки. За послѣднее время она проложила себѣ широкій путь въ Италіи, и самымъ горячимъ ея поборникомъ считаютъ Джузеппе Питре.

Для изучающихъ происхожденіе чловѣческой морали первымъ документомъ должно быть ознакомленіе съ моралью древнихъ. Поэтому главнымъ пособіемъ являются изученіе Св. Писанія и древнія книги Востока, гдѣ зародилось первое откровеніе цивилизаціи, ибо «гдѣ восходитъ солнце, оттуда естественно вышли и первые лучи прогресса». Поэтому фольклористы, поставившіе себѣ задачей прослѣдить моральную жизнь чловѣчества, должны ознакомиться съ самыми древними обычаями, мѣами, сுவѣріями, повѣрьями, примѣтами, ладонками, амулетами, поговорками, пѣснями, прибаутками, костюмами и даже кушаньями всѣхъ національностей и народовъ. Такимъ образомъ пособіями при этомъ являются этнографія, мѣология, лингвистика и фольклоръ.

Три грозные инстинкта двигают человѣкомъ на землѣ, говоритъ Катарина Пигорини Бери въ своей статьѣ ¹⁾, касающейся новой науки и народныхъ итальянскихъ примѣтъ, суевѣрій и т.д. Эти инстинкты: питаніе, размноженіе, самосохраненіе или самозащита, и въ предѣлѣ этого круга жизни предстоитъ искать разрѣшеніе психологической задачи. Поэтому надо начать съ этихъ трехъ первыхъ инстинктовъ человѣка для иллюстраціи современной науки о народныхъ традиціяхъ. Напримѣръ, достовѣрно, что пища составляетъ обширную страницу въ книгѣ человѣчества. Далеко то время,—оно теряется во мглѣ прошедшаго,—когда человѣкъ рѣзалъ каменнымъ пожомъ и питался сырымъ мясомъ, но онъ до сихъ поръ сохранилъ глазные зубы. Поэтому, если бы инстинктъ его соблазнилъ, то онъ могъ бы полакомиться мясомъ себѣ подобныхъ, но цивилизація увлекла его къ облагораживанію вкуса, какъ относительно костюма, такъ и пищи, отличающихся теперь отъ прадѣдовскихъ. Такимъ образомъ, кухня является однимъ изъ показателей цивилизаціи и прослувавшихся чувствъ. Простой народъ, повинующійся инстинкту, живущій согласно природѣ, сохранилъ древніе обычаи относительно выбора пищи. Первый инстинктъ, первая потребность должны имѣть свою тайную философію, къ которой экспериментальная наука не можетъ оставаться чуждой. «Скажи, что ты ѣшь, и я скажу, кто ты»,—высказалъ свою мысль профессоръ Паоло Монтегацца въ одномъ изъ своихъ трудовъ. Такимъ образомъ, у человѣка относительно пищи играть большую роль выборъ и удовольствіе.

Что же касается инстинкта самосохраненія или самозащиты, то для этого человѣкъ пользовался амулетами, которые выработались въ медицину. Древніе предохранители матеріальные, моральные и религіозные, прекрасно изученные Джузеппе Белуччи, обогатили не только Италію, но весь ученый міръ самой великолѣпной страницей фольклора. Белуччи не только далъ многочисленныя изданія своихъ трудовъ, но богатую коллекцію амулетовъ, которые терпѣливо собиралъ многіе годы.

Страхъ и надежда, эти два чувства породили обширную серію амулетовъ, которые не имѣли иного значенія, какъ сохраненіе рода. мода обратила эти амулеты въ символическія украшения, которыми пользуются наши дамы. Золотыя подковы съ гвоздиками изъ драгоценныхъ камней, то въ видѣ серегъ, то подвѣсокъ и дамскихъ шпилекъ или *porte-bonheur*'овъ изъ маленькихъ каменныхъ *gobbino*, привѣшиваемыхъ къ драгоценнымъ браслетамъ, полумѣсяцы и звѣзды въ пять лучей, какъ дѣлается на современныхъ діадемахъ, все это были предохранители суевѣрные и невѣжественные, какъ и тѣ сами, кто ихъ носилъ на себѣ.

Обычаи, вѣрованія или сумасшествіе создавали символы, то позорные, мерзкіе, то жестокіе, которые находились въ почетѣ у свободныхъ отъ предрасудковъ итальянцевъ. Особенно излюбленными были рожки, въ видѣ брелока на часахъ: ихъ значеніе непристойное. Модернизированные банты, завязываемые вокругъ ворота дамъ, не что иное, какъ пережитокъ гильотиннаго укра-

¹⁾ *Costumi, miti, superstizioni popolari. Per Cater. Pigorini Bero. «Nuova Antologia» November. 1912.*

шенія; обручальное кольцо знакъ кандаловъ, ярма, примѣняемаго къ женщинамъ, ставшей собственностью мужчины.

Изучая съ точки зрѣнія морали задачу амулетовъ, нельзя не поражаться страннымъ фактомъ человѣческаго суевѣрія и предрасудковъ, даже среди знаменитыхъ людей. Они не могутъ освободить себя отъ вліянія воображенія, какъ было съ Паскалемъ, у котораго нашли амулетъ. Этотъ амулетъ состоялъ изъ кусочка пергамента, сложеннаго вчетверо, на которомъ рукою самого Паскаля были написаны точками безпорядочныя фразы, тайный смыслъ которыхъ былъ извѣстенъ только ему одному. Этотъ документъ послужилъ для его критиковъ, биографовъ и докторовъ доказательствомъ его безумія. Психіатры утверждали, что этотъ амулетъ тождественъ съ тѣми, какіе съ большою торжественностью даютъ нѣкоторые сумасшедшіе лицамъ, посѣщающимъ ихъ въ сумасшедшемъ домѣ. Конечно, это могло быть дѣломъ рукъ враговъ Паскаля, ненавидѣвшихъ автора *Provenciales* и боявшихся его. Вольтеръ и Кондорсе смѣялись надъ этими документами. Но Паскаль былъ рожденъ въ такой средѣ и въ такое время, когда вполне можно было питать безотчетный страхъ къ колдовству, даже не придавая ему никакой вѣры. Тѣмъ болѣе это могло быть съ нервнымъ и хилымъ Паскалемъ: «у сердца свои причины, которыхъ не знаетъ разумъ».

Исторія его амулета самая обыкновенная для того времени. Одна ворожея предсказала его родителямъ, что онъ умретъ въ дѣтствѣ, если они не убьютъ живого ребенка. Его можно было замѣнить животнымъ, но если они и этого не хотятъ, то слѣдуетъ произвести надъ больнымъ ребенкомъ нѣкоторые эксперименты. Въ результатъ появился амулетъ. Паскаль долженъ былъ носить его тайно, а потому онъ самъ его пришивалъ къ одеждѣ и только впоследствии его нашелъ слуга.

Если этотъ фактъ поражаетъ вниманіе въ нашъ вѣкъ, то что можно сказать о недавно разбиравшемся въ Парижѣ судебномъ процессѣ, гдѣ фигурировало сердце животнаго, проколотое 113 булавами! Въ эпоху Генриха III подобное колдовство совершалось въ болѣе изящной формѣ. Тогда вылѣпляли красивыя статуэтки изъ воска для прокалыванія имъ сердца. Теперь же въ XX вѣкѣ съ тою же цѣлью колдовства прокалываютъ сердце животныхъ, что очень возмутительно, но зато производитъ болѣе сильное впечатлѣніе. Быть можетъ, это обозначаетъ банкротство вкуса, но не банкротство значенія колдовства. Число булавокъ 113, которыя примѣнили въ Парижѣ, прокалывая сердце, лишь подтверждаетъ, что это было колдовство. Всемъ извѣстно суевѣрное значеніе этого дьявольскаго числа. Въ Италіи стараются его соединить съ религіознымъ чувствомъ и припутать покровительство св. Антонія Падуанскаго съ его тринадцатю милостями въ день. Также извѣстно, какое роковое значеніе имѣетъ тринадцать приглашенныхъ за столомъ, и это не только въ Италіи, но почти во всѣхъ странахъ. Въ 1911 г. въ London County Council долго велся споръ относительно слѣдующаго факта. Одна дама подала прошеніе въ муниципальный совѣтъ, прося измѣнить номеръ дома, гдѣ находился небольшой пансіонъ. Этотъ номеръ былъ тринадцатый и она просила замѣнить его двѣнадцатымъ, вслѣдствіе предубѣжденія публики противъ роковой цифры, лишавшей ее кліентовъ, не желавшихъ жить въ домѣ подъ такимъ номеромъ. Когда она сни-

мала помѣщеніе для пансіона, то на домѣ находился другой нумеръ, по вслѣдствіе перемѣны нумеровки появилось роковое число. Ей оставалось перемѣнить нумеръ или согласиться нарушить контракты съ жильцами. Все это странно для XX вѣка, но такія явленія особенно замѣчаются въ Италіи. Напримѣръ, въ Туринѣ, наиболѣе свободомыслящемъ городѣ, не легко видѣть занятымъ кресло № 13 въ мѣстномъ театрѣ. Уже печего говорить, что на городской площади не встрѣтится экипажъ подъ № 13. На представленіе же маріонетокъ братьевъ Луппи съ дьявольскимъ № 13 появляется экипажъ, и у его кучера мертвая голова.

Суевѣріе проникало даже въ священную обитель. Святая Екатерина Сіенская, самая великая женщина въ Италіи той эпохи, также обладала амулетомъ противъ дурного глаза, и до сихъ поръ этотъ амулетъ почитается въ Сіенѣ. Такой же славой пользуется красная лепта св. Лучіи противъ привораживанія и слеза.

Предохраняющіе и сохраняющіе амулеты представляютъ большой этническій интересъ, но самые любопытные амулеты тѣ, что касаются размноженія рода и плодовитости. Въ этихъ случаяхъ всего болѣе выразительны примѣняемые народомъ слова и мимика. Но авторъ не рѣшается приводить ихъ подробно и лишь скользитъ по мелкимъ подробностямъ этихъ живыхъ амулетовъ, опредѣляя ихъ кратко: «шутовскіе, вульгарные жесты, порывистыя, несдержанныя слова, позы, улыбка, молчаливое, но выразительное движеніе рукъ» и т. д.

Самый главный и важный нумеръ въ церемоніи колдовства отводится размноженію рода. Для этого прибѣгали къ ароматическимъ куреніямъ на сильномъ огнѣ для того, чтобы благоуханіе возбуждало тайную страсть, инстинкты и привлекало вниманіе къ влюбленнымъ. Въ этихъ случаяхъ живой итальянскій языкъ становился иногда даже нахальнымъ, но всегда оставаясь выразительнымъ, и все приводилъ къ одному знаменателю—источнику жизни. Здѣсь народная филологія полна самыхъ интересныхъ поученій и не должна ускальзывать отъ вниманія изслѣдователя. Въ этихъ случаяхъ служили и любовные напитки и волшебные корешки, приготовленные колдуньями или женщинами, обладавшими чудесной силой привлекать или отвлекать дурной глазъ, а также влюбленными дѣвушками. Эти любовные напитки дѣлались съ разными намѣреніями, добрыми или злыми, смотря по тому, кому они предназначались.

Самыя важныя въ жизни два чувства—любовь и ненависть, и этимъ двумъ рычагамъ душевнаго движенія естественно удѣлялось наиболѣе вниманія. Въ этихъ случаяхъ итальянскій языкъ становился самымъ разнообразнымъ и выразительнымъ, согласно мѣстности, откуда онъ происходилъ. Волшебные напитки, которые возбуждали любовь или ненависть, были важнымъ или торжественнымъ элементомъ въ жизни. О нихъ говорится въ легендѣ, поговоркахъ, сказкахъ, пѣсняхъ и обычаяхъ повседневной жизни, въ которой колдовство гораздо сильнѣе развито, чѣмъ думаютъ. Происхожденія такого явленія надо доискиваться въ чудесномъ, въ томъ чудесномъ, какимъ полна вся народная жизнь.

Эти напитки приготавливались во всѣхъ областяхъ Италіи, но преимущественно въ Центральной и Нижней Италіи.

— Чернышевъ и Наполеонъ. — Членъ парижскаго института Артуръ Шюкэ напечаталъ въ «La Revue» статью на основаніи еще не изданныхъ документовъ, касающихся Александра Ивановича Чернышева, адъютанта императора Александра I. Шюкэ не упоминаетъ, откуда онъ досталъ эти документы. Но всей вѣроятности, они являются результатомъ перлюстраціи, такъ какъ по большей части это именно донесенія Чернышева русскому правительству. Такимъ образомъ, изъ-подъ пера Шюкэ блестящій, изящный красавецъ Чернышевъ, для котораго раскрылись всѣ двери великосвѣтскихъ парижскихъ салоновъ, вышелъ обыкновеннымъ военнымъ шпиономъ.

Въ краткой біографіи Чернышева (или Чернышева, какъ онъ подписывался въ Парижѣ) Шюкэ сообщаетъ, что, воспитанный французскимъ эмигрантомъ Праномъ, онъ сначала находился въ качествѣ пажа при дворѣ императора. Затѣмъ въ 1802 г. его сдѣлали корнетомъ Кавалергардскаго полка, въ 1805 г. онъ присутствовалъ при Аустерлицкой битвѣ, а въ 1807 г. при главныхъ сраженіяхъ Денпена, Гейльсберга и Фридланда. Здѣсь, какъ говорятъ, онъ открылъ, гдѣ прошла кавалерія. Черезъ годъ, въ 1807 г., онъ явился въ Байону уже адъютантомъ генерала Уварова съ письмомъ отъ императора Александра I. А еще годъ спустя онъ былъ уже полковникомъ и адъютантомъ царя и въ этомъ качествѣ отъ его имени былъ посланъ съ письмомъ къ побѣдителю Аренсберга и Экмюля. Во время битвы при Ваграмѣ онъ все время находился рядомъ съ Наполеономъ, пожаловавшимъ ему крестъ Почетнаго Легіона.

Чернышевъ вернулся къ Александру съ извѣщеніемъ отъ Наполеона, что «Франція одержала побѣду одна, безъ помощи русскихъ». Наполеонъ писалъ: «Ваграмъ осуществилъ мои надежды, и вашъ адъютантъ, всегда находившійся на полѣ сраженія, можетъ дать вамъ въ этомъ отчетъ».

Молодой адъютантъ Александра совершенно обворожилъ Наполеона. Молоде всѣхъ находившихся при немъ русскихъ офицеровъ, какъ лѣтами, такъ и чиномъ, Чернышевъ, однако, единственный изъ нихъ завоевалъ его симпатію, ему одному онъ оказывалъ вниманіе. Затѣмъ до заключенія мира Александръ послалъ опять его въ Шенбрунъ, гдѣ онъ нѣсколько разъ видѣлся съ Наполеономъ, который тогда ему сказалъ: «Видите ли, несмотря на Ваграмъ, Австрія могла сохранить себѣ армію и если бы у нея не было арміи, я не согласился бы вести съ нею переговоры».

Эти слова, говоритъ Шюкэ, Александръ, въ свою очередь, такъ цитировалъ въ 1811 г.: «Я всегда сохраню хорошо организованную армію и, какъ бы ни обернулось счастье, никогда не буду вынужденъ принять миръ».

Въ это же время Александръ поручилъ Чернышеву увидѣть императора Австріи. Адъютантъ отправился съ этой цѣлью въ Доти, гдѣ укрылся австрійскій дворъ. Императоръ Австріи сказалъ ему при свиданіи: «Что бы вы ни сдѣлали, я не смотрю и никогда не буду смотрѣть на васъ, русскихъ, какъ на враговъ. У Россіи слишкомъ много интересовъ не допускать уничтоженія австрій-

¹⁾ Tchernychow et Napoléon. Par Chuquet de l'Institut. «La Revue» Septembre. 1912.

ской монархіи, которая служитъ барьеромъ между нею и Франціей. Ді, впрочемъ, я всегда довѣрялъ императору Александру. Я прибѣгнулъ къ Англіи лишь для того, чтобы имѣть субсидію, и я хотѣлъ бы сохранить достаточно силъ, чтобы имѣть возможность оказать пользу Россіи».

Чернышевъ только слушалъ рѣчи императора Австріи, самъ же ничего не отвѣчалъ, изъ боязни скомпрометировать себя.

По возвращеніи во французскій лагерь Чернышевъ замѣтилъ, что отношеніе французовъ къ нему нѣсколько измѣнилось: появилось какое-то предубѣжденіе противъ него. Но ему удалось это сгладить, и въ Петербургъ онъ написалъ, что Наполеонъ и всѣ офицеры съ нимъ очень учтивы. При этомъ онъ кстатіи передавалъ все, что видѣлъ и слышалъ во Франціи, и хотя былъ военный изъ молодыхъ, чтобы осмѣливаться высказывать свои сужденія, по все-таки при случаѣ проскальзывали его совѣты. Такъ, онъ отмѣтилъ, что австрійская армія доходить до 400.000 человекъ, считая венгерскихъ инсургентовъ; что касается французской, то она насчитываетъ до 200.000 человекъ, по большей части молодыхъ людей, на которыхъ Наполеонъ не можетъ разсчитывать, какъ на свои старые отряды; поэтому, если война возобновится, императоръ будетъ держаться оборонительной войны. Хозяинъ Брюна, Пресбурга, Рааба и Граца, онъ дождется первой ошибки, какую совершитъ противникъ, чтобы извлечь изъ нея пользу.

Наконецъ въ 1810 г. Чернышевъ появляется въ Парижѣ въ качествѣ военнаго агента и совершенно очаровываетъ Парижъ. Трудно было выбрать болѣе умнаго и полезнаго агента, который бы лучше дополнялъ слабого, недѣятельнаго, почти дряхлаго посланника Куракина. Французы считали Чернышева за большого друга Франціи, горячаго поклонника Наполеона и усерднаго сторонника союза. Коленкуръ, довольно наивный и легко поддающійся обольщеніямъ», писалъ, что Чернышевъ превосходный молодой человекъ, сдержанный и вполнѣ осмотрительный. Онъ чудесно умѣлъ говорить комплименты и ему очень везло. Нѣкоторыя женщины считали его нѣсколько пошлымъ и медоточивымъ. Напротивъ, другія женщины захлебывались похвалами и, по ихъ мнѣнію, онъ являлся сердцѣдомъ, его прозвали Сѣвернымъ Ловеласомъ, но не потому, что у него было красивое лицо или вообще благородная внѣшность, а потому, что онъ обладалъ особеннымъ шикомъ, тѣмъ, благодаря чему Меттернихъ имѣлъ такой успѣхъ: оригинальными манерами въ соединеніи съ крайнимъ изяществомъ. Его гибкая талія, плотно обтянутая узкимъ мундиромъ, каска съ перомъ, татарскіе глаза—все дѣлало изъ него любопытный и самый пикантный типъ въ парижскомъ обществѣ. Однимъ словомъ, по выраженію Савари, Чернышевъ сдѣлался маленькимъ царькомъ среди парижанъ. Наполеонъ любилъ съ нимъ бесѣдовать и увѣдомилъ Александра, что Чернышевъ «ведетъ себя хорошо».

21-го октября 1810 г. въ Фонтенбло Наполеонъ объявилъ ему, что пошлетъ его въ Петербургъ, добавивъ, что всегда съ удовольствіемъ увидитъ его снова во Франціи. вмѣстѣ съ тѣмъ онъ высказалъ желаніе, чтобы Александръ заманилъ англичанъ въ западную, запретивъ имъ входъ въ свои порта. На другой день, давая письмо къ Александру, онъ прибавилъ: «Я съ восторгомъ пользуюсь вашими услугами, чтобы увѣдомить вашего государя обо всемъ, что я могу изло-

жить въ моемъ письмѣ». Наполеонъ предлагалъ Александру не допускать англійскія суда, а если допускать, то конфисковать ихъ и извлекать изъ этого миліоны. Не лучше ли принятыми мѣрами добиться быстрого и рѣшительнаго результата, примѣняя ихъ вполнѣ и со всею строгостью. Къ чему послужать полумѣры, какъ не къ тому, чтобы окончательно поссорить обѣ имперіи? Онъ предлагалъ Александру съ упорствомъ исполнять свои намѣренія, не обращая вниманіе на жалобы кушцовъ, которые во всѣхъ странахъ остаются въ глубинѣ сердца англичанами. «Франція и Россія должны любить другъ друга,—сказалъ въ заключеніе Наполеонъ:—а лучший другъ и союзникъ царя».

Чернышевъ отвезъ письмо къ Александру и возвращался съ отвѣтомъ къ Наполеону. Но онъ держалъ путь чрезъ Стокгольмъ и нѣсколько разъ видѣлся тамъ съ Бернадоттомъ. Бесѣдуя съ нимъ, послѣдній не скрывалъ своей ненависти къ Наполеону и сказалъ: «Судьбѣ было угодно, чтобы изъ товарища я сталъ его подданнымъ. Между тѣмъ я оказалъ ему важныя услуги, а въ 1809 г. въ Антверпенѣ, гдѣ я командовалъ, большое количество недовольныхъ предлагало мнѣ воспользоваться его отсутствіемъ и затруднительнымъ положеніемъ, чтобы стать во главѣ правительства. Я отвергъ это предложеніе. Теперь я шведъ, я сѣверный человекъ, я вижу и обдумываю несчастное положеніе Швеціи и думаю, что союзъ съ Россіей и ея покровительство ей необходимы. Она будетъ вѣрный стражъ Россіи. Она не шевельнется, въ какомъ бы положеніи ни была Россія, и ничего не будетъ дѣлать, что ей не нравится; она не можетъ уберечь Финляндіи и желаетъ только Норвегію».

Чернышевъ передалъ Александру свою бесѣду съ Бернадоттомъ. «Вашъ молодой слуга,—сказалъ онъ въ заключеніе,—достигъ цѣли, какой задались ваше величество, посылая меня въ Стокгольмъ». И онъ утверждалъ, что Бернадоттъ, убѣжденный, что Швеція не могла бы существовать безъ Англій, не была и не будетъ сторонницей Наполеона. При его отъѣздѣ изъ Стокгольма Бернадоттъ передалъ ему три письма: два отъ Бернадотта къ Полину Бонапартъ, а третье отъ французскаго посланника Альке къ французскому министру иностранныхъ дѣлъ. Чернышевъ вручилъ ихъ по назначенію, но прежде, по словамъ Шюкэ, снялъ съ нихъ копии для сообщенія въ Петербургъ. 4-го января 1811 г. утромъ онъ былъ въ Парижѣ и въ тотъ же вечеръ—въ Тюльери. Здѣсь онъ убѣждалъ Наполеона, что Александръ упорствуетъ на континентальной системѣ.

Менѣ чѣмъ черезъ два мѣсяца, въ концѣ февраля, Чернышевъ снова отправился въ Петербургъ съ письмомъ отъ Наполеона, а 27-го марта царь отослалъ его снова въ Парижъ. 10-го апрѣля «вѣчный почтальонъ», какъ его прозвалъ Жозефъ де-Местръ, пріѣхалъ въ Парижъ и прямо бросился въ Тюльери. Онъ вручилъ Наполеону письмо отъ императора и увѣрилъ его, что царь съ удовольствіемъ узналъ о назначеніи Лористона преемникомъ Коленкура и что онъ болѣе, чѣмъ когда, желаетъ дружбы съ Франціей. При этомъ Чернышевъ прибавилъ, что царь не могъ спокойно смотрѣть на подготовленіе къ войнѣ, фортификаціонныя работы въ Польшѣ и наборъ рекрутовъ значительныѣ, чѣмъ въ предыдущіе годы. По этому вопросу между ними завязался длинный разговоръ.

Наполеонъ отвѣтилъ, что всѣ укрѣпленія въ Польшѣ, исключая Данцига, легко могутъ быть завоеваны ударомъ варенаго картофеля. Царь обнарудовалъ

Тарифъ, указъ, и этотъ указъ или запрещалъ ввозъ французскихъ товаровъ, или облагала ихъ громадною пошлиной. Наполеонъ ничего болѣе не понимаетъ въ движеніи русской планеты. Предполагая, что Александръ хочетъ броситься въ объятія англичанъ, онъ принялъ свои мѣры. Чернышевъ возражалъ, что указъ императора былъ только административной мѣрой и царь останется вѣрнѣ системѣ Наполеона.

— Я только для формы жажду на указъ: я не вмѣшиваюсь во внутреннее управленіе вашей имперіей. Я попрежнему первый другъ и близкій союзникъ вашего государя: мы должны дѣйствовать согласно и идти вмѣстѣ, я потерплю только пораженіе въ борьбѣ противъ Россіи, у которой громадныя силы и храбрые солдаты, рѣшительно сражающіеся за свой очагъ. А зачѣмъ сжигаете вы всѣ мои товары, которые приходятъ изъ Франціи? Я сжигаю товары изъ Англіи потому, что воюю съ нею на смерть. Вы наносите мнѣ самое крупное оскорбленіе, какое только можно мнѣ сдѣлать, а чтобы отвѣтить на оскорбленіе оскорбленіемъ, я прикажу сжигать все, что можетъ притти изъ Россіи. Вотъ такъ очаровательный союзъ, право, и очень примѣрная дружба.

Чернышевъ отвѣтилъ, что Наполеонъ думалъ возстановить Польшу, что изъ Голландіи онъ сдѣлалъ французскую провинцію, присоединилъ къ имперіи ганзейскіе города и герцогство Ольденбургское.

— Возстановленіе Польши,—возразилъ Наполеонъ,—последняя изъ моихъ заботъ. Я присоединилъ Голландію по договору, а Ольденбургъ потому, что онъ былъ между Франціей и Англіей. Императоръ Александръ забылъ Тильзитъ и Эрфуртъ: онъ слушаетъ подстрекательствъ англичанъ, угрожаетъ великому герцогству Варшавскому, и я ожидаю васъ съ нетерпѣніемъ; я надѣялся, что вашъ пріѣздъ разсѣетъ всѣ распри, положитъ конецъ громаднымъ расходамъ, какихъ стоятъ намъ военныя затраты съ обѣихъ сторонъ. Привезенное вами письмо и ваша миссія ограничиваются вашимъ обращеніемъ ко мнѣ съ нѣсколькими упреками; я настолько же подвинулся впередъ, какъ былъ до вашего отъѣзда.

Онъ заставилъ Чернышева разговориться и взялъ его за ухо, «а это большая ласка,—писалъ Чернышевъ:—но русскаго трудно провести».

— Поговоримъ, какъ настоящіе солдаты, безъ дипломатическаго разглаговльствованія,—сказалъ Наполеонъ.

Чернышевъ ухватился за случай и вставилъ фразу, которую кашцлеръ Румянцовъ поручилъ ему повторить Наполеону: «Если бы можно было въ одинъ и тотъ же мѣшокъ положить дѣла Польши и Ольденбурга, хорошенько ихъ тамъ перемѣшать, а потомъ опорожнить мѣшокъ, отъ этого союзъ между двумя имперіями сдѣлался бы основательнѣе и тѣснѣе».

— Императоръ Александръ хотѣлъ бы, чтобы я отдалъ герцогство Варшавское за Ольденбургъ,—отвѣтилъ Наполеонъ:—это было бы верхомъ безумія. Какое бы произвела впечатлѣніе на поляковъ уступка одного дюйма ихъ территоріи? Но, быть можетъ, вы желаете получить Данцигъ? Развѣ я могу отдать Данцигъ, единственное мѣсто, которое во время войны противъ васъ должно быть базой для моихъ военныхъ операцій. Данцигъ въ вашихъ рукахъ за-

ставил бы меня отброситься съ Вислы на Одеръ. Ну, откровенно скажите, императоръ Александръ думаетъ, что я хочу возстановить Польшу?

И, снова схвативъ Чернышева за ухо, онъ сильно его дернулъ. Ему хотѣлось, чтобы тотъ выразилъ свои собственные мысли.

— Ну, хорошо,—отвѣтилъ Чернышевъ:—я предполагаю, что одна изъ вашихъ заднихъ мыслей—возстановленіе Польши.

— Нѣтъ,—сказалъ Наполеонъ:—герцогство Варшавское останется такимъ, какъ оно было, и не сдѣлается державой, съ которой я долженъ вести переговоры и заключать трактаты: это не въ моихъ интересахъ. Но между нами нѣтъ войны. Императоръ Александръ недавно сказалъ: «Въ случаѣ войны мнѣ нечего бояться, а за спиною Наполеона вся Германія». Войны не будетъ. Я отдамъ вамъ Эрфуртъ за Ольденбургъ, а вы болѣе не будете сжигать моихъ товаровъ. Мы одновременно разоружимся. Въ данный моментъ я буду продолжать, какъ и прежде, мои подготовленія: письмо императора и ваша миссія нисколько не измѣняютъ порядка вещей. А все-таки надо же намъ прійти къ соглашенію, надо бы покончить съ этимъ положеніемъ стѣсненія и недовѣрія. Надо же намъ обоимъ избавиться ото всѣхъ этихъ бесполезныхъ затратъ.

Этотъ разговоръ длился четыре съ половиной часа, и Наполеонъ все время называлъ Чернышева «mon cher ami». Съ этого времени парижское общество еще усиленнѣе стало за нимъ ухаживать, осыпать вниманіемъ, приглашать и т. д. Ухаживанье дамъ усилилось, и онъ сталъ болѣе, чѣмъ когда, салоннымъ героемъ.

Только одинъ человѣкъ не раздѣлялъ этой симпатіи къ Чернышеву: для него онъ былъ непріятной личностью. Этотъ человѣкъ былъ министръ полиціи Савари герцогъ Ровиго. Онъ считалъ Чернышева нескромнымъ, любопытнымъ, пытливымъ, пронырой и увертливымъ. Шюкэ говоритъ, что, быть можетъ, такую антипатію вызвало подозрѣніе относительно близости герцогини Ровиго къ Чернышеву. Когда онъ узналъ о возвращеніи Чернышева, то въ секретной бесѣдѣ сказалъ Нессельроде: «Хорошо сдѣлалъ бы Чернышевъ, если бы не сталъ болѣе писать депешь: эта забота падаетъ на долю посланника и совѣтниковъ посольства (на Нессельроде и Краффта), полковнику же надо какъ можно болѣе веселиться: его единственнымъ занятіемъ должны быть развлеченія».

Нессельроде предупредилъ Чернышева, и молодой «покоритель сердець» явился къ Савари. Министръ полиціи принялъ его болѣе чѣмъ любезно, мало того, онъ даже нѣсколько разъ его обнялъ и сказалъ, что очень радъ его видѣть. Чернышевъ, съ своей стороны, отплатилъ ему той же монетой. «Герцогъ,—сказалъ онъ:—я былъ огорченъ, узнавъ о томъ, что вы сказали Нессельроде. Я сдѣлаю все на свѣтѣ, чтобы уничтожить дурное впечатлѣніе, какое вамъ вселили относительно меня, и увѣряю васъ, что вы дурно освѣдомлены: я не вмѣшиваюсь въ дипломатію: никто не заинтересованъ болѣе меня въ прочности союза и дружбѣ между двумя государствами. Въ доказательство, какъ мнѣ хочется понравиться вамъ моимъ поведеніемъ, я искренно обращаюсь къ вамъ съ просьбою,—потому что вы съ самаго начала моего здѣсь пребыванія выказали мнѣ столько симпатіи,—продиктовать мнѣ поведеніе, какого я долженъ придерживаться, и указать мнѣ, какіе я долженъ посѣщать кружки».

Савари скрылъ свое удивленіе и тѣмъ же тономъ отвѣтилъ:

— То, что я сказалъ Нессельроде, касается вообще всѣхъ, и я не указывалъ именно на васъ. Я ничего не могу сказать о вашемъ поведеніи, и вы ничего не можете сдѣлать лучшаго, какъ продолжать вести себя попрежнему.

По его словамъ, у многихъ изъ русскихъ и между прочимъ у г. Нессельроде, были немиролюбивыя намѣренія. Его корреспонденты съ сѣвера передавали ему, что они въ тревогѣ и опасаются войны.

— Отъ чтенія всѣхъ этихъ невозможныхъ плачевныхъ писемъ у меня болятъ глаза!—сказалъ въ заключеніе Савари. Онъ осыпалъ Чернышева ласками, но въ минуту разставанія, когда они обнялись, Савари чуть не задушилъ его.

Послѣ этой бесѣды Савари не успокоился, и 12-го апрѣля по его подстрекательству въ «Journal de l'Empire» появилась анонимная статья, озаглавленная «Les Nouvellistes», гдѣ прямо намекали, что Чернышевъ шпионъ. Чернышевъ былъ внѣ себя. «Статья,—восклицалъ онъ,—неприлична, и эта выходка противъ моей миссіи—неумѣстна!» Поступокъ Савари привелъ Наполеона въ сильное раздраженіе, онъ далъ выговоръ министру полиціи и просилъ оставить въ покоѣ Чернышева. Въ результатъ Этьенъ на нѣкоторое время былъ устраненъ отъ обязанности редактора. Когда же Наполеонъ узналъ, что статью написалъ Эсменаръ, то выслалъ его изъ Парижа за сорокъ верстъ. Этотъ Эсменаръ, цензоръ и членъ института по отдѣлу литературы, самъ былъ шпионъ и тому же Чернышеву продавалъ документы.

Такое поведеніе Наполеона укрѣпило положеніе Чернышева въ парижскомъ обществѣ. Наполеонъ не зналъ, чего именно желаетъ Россія, и приглубивалъ Чернышева, чтобы вывѣдать отъ него цѣнныя свѣдѣнія. Поэтому онъ его только любезно упрекнулъ, что онъ занимается «секретами». 16-го апрѣля на охотѣ въ Сень-Жерменскомъ лѣсу онъ бесѣдовалъ съ Чернышевымъ самымъ интимнымъ образомъ. Три раза онъ посылалъ къ нему Дюрока, и, благодаря ему же, Чернышева вездѣ любезно принимали: Полина допустила его въ свой салонъ, Вертье приглашалъ его на свои интимные концерты, а герцогъ Бассано принималъ его каждый вечеръ. Чернышевъ объяснилъ себѣ эту предупредительность Наполеона желаніемъ выиграть время и устроить свои дѣла въ Испаніи прежде, чѣмъ предпринять войну на сѣверѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ такого благодушествованія Чернышева, и въ одинъ прекрасный день Наполеонъ узнаетъ чрезъ Савари, что Чернышевъ подкупилъ чиновниковъ военнаго министерства, которые сообщили ему важные документы.

Тогда Чернышевъ явился опаснымъ шпиономъ въ глазахъ Наполеона. Слѣдовало отъ него избавиться—и онъ поручилъ ему отвезти Александру письмо. 25-го февраля 1812 года Чернышева пригласили въ Елисейскій дворецъ, и Наполеонъ передалъ ему письмо къ государю, откровенно высказавъ свое неудовольствіе. Онъ жаловался, что англичане подъ личиною американцевъ допускались во всѣ русскіе порта и поэтому онъ не могъ убить англійскую торговлю. Императоръ Александръ нарушилъ Тильзитскій трактатъ, онъ публично протестовалъ противъ присоединенія герцогства Ольденбургскаго. Уже давно онъ хранитъ презрительное молчаніе по отношеніи его, Наполеона; онъ никого не

присылалъ для переговоровъ, между тѣмъ у Куракина не имѣется инструкцій; Нессельроде уѣхалъ и не возвратился, а Чернышеву, которому поручено только собирать военныя свѣдѣнія, знающему ходъ дѣлъ, выказывавшему способности, не даютъ полномочій. Ему, Наполеону, остается только опасаться и серьезно подготавливаться къ войнѣ. Да онъ и приготовлялся къ войнѣ, но медленно приготовлялся, все еще надѣясь, что обѣ имперіи кончатъ взаимнымъ соглашеніемъ, и потому, чѣмъ болѣе онъ ожидаетъ, тѣмъ дѣло становится грознѣе. Да, его войска двигаются впередъ; Даву идетъ на Штеттинъ, другіе отряды слѣдуютъ за нимъ, и чрезъ короткій срокъ его передовые отряды будутъ на Вислѣ, а главная масса войскъ—на Одерѣ. Развѣ онъ не имѣетъ права идти до Данцига?

— Вотъ это-то право и составляетъ предметъ нашего безпокойства, — замѣтилъ Чернышевъ:—и если ваши войска возвратятся въ Пруссію—наши опасенія оправдаются.

На это Наполеонъ возразилъ, что онъ вооружался потому, что Россія сама вооружалась, что онъ просилъ исполнить мирный Тильзитскій договоръ, торговый трактатъ и условія соглашенія, по которымъ герцогъ Ольденбургскій получить территорію, но это будетъ ни Данцигъ, ни кусочекъ великаго герцогства Варшавскаго. «Что бы ни случилось,—прибавилъ Наполеонъ:—я буду питать тѣ же чувства къ императору Александру. Я буду сражаться противъ него благороднымъ рыцаремъ, безъ ненависти и вражды и предложу ему завтракъ на передовыхъ позиціяхъ».

На другой день Чернышевъ уѣхалъ изъ Парижа и возвратился въ Парижъ лишь послѣ паденія Наполеона.

Въ напечатанныхъ Шюкэ извлеченіяхъ изъ депешъ Чернышева находятся его совѣты и наблюденія надъ событіями въ Испаніи и характеромъ Наполеона. Чернышевъ предлагалъ русскому правительству вторгнуться въ Польшу въ 1811 г., предупредивъ такимъ образомъ планъ Наполеона сосредоточить свои силы и, подавая русскимъ надежду на мирный исходъ переговоровъ, атаковать ихъ, когда они менѣе всего ожидаютъ. Пусть русскіе его атакуютъ и потребуютъ Данцига вмѣсто Ольденбурга, эвакуаціи русскихъ крѣпостей, какъ гарантіи относительно Польши. Въ случаѣ его отказа русскія войска перейдутъ польскую границу; пусть русскіе прикинутся, что согласны разоружиться, отодвинувъ немного нѣсколько дивизій. Наполеонъ, увѣренный въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ Россіи, покинетъ сѣверъ для юга, увеличивъ свои силы въ Испаніи, а этимъ временемъ русскіе смѣло нападутъ на французовъ. Или онъ предлагалъ напасть внезапно на Варшаву и провозгласить Александра королемъ Польши, тогда всѣ средства, которыя Наполеонъ подготовилъ въ герцогствѣ, тотчасъ же обернутся противъ него, освобожденные пруссаки совместно нанесутъ ударъ Наполеону, перенесъ свои силы на болѣе короткую линію, которая съ одной стороны упрется въ море, а съ другой на нейтральную сторону.

Если Савари не любилъ Чернышева, то и послѣдній питалъ къ нему антипатію. Донося, что во Франціи царствуютъ недовольство и нищета, что въ Парижѣ царитъ живая оппозиція, онъ добавляетъ: «Есть люди, горячо, упорно преданные Наполеону, какъ Савари. Этотъ злой человѣкъ безъ зазрѣнія совѣсти исполняетъ императорскую волю. Савари желаетъ войны, потому что отсутствіе

Наполеона можетъ значительно увеличить власть и значеніе министра полиціи. Онъ не очень способный человѣкъ, но далеко двинулъ духъ деспотизма и тираніи. Нѣтъ такого иностранца, котораго онъ не подозрѣвалъ бы. Всякое общество, всякое собраніе ему подозрительны». Чернышевъ находился въ сношеніяхъ съ тайными противниками наполеоновской политики, опасавшимися, чтобы война 1812 г. не была болѣе смертоносной и ужасной, чѣмъ предыдущія войны, и чтобы она не довела обѣдѣвшую и облюдовшую Францію до ужасной катастрофы. Эти лица не измѣняли Наполеону, но, по выраженію Нессельроде, предохраняли его отъ вспышки его страстей. Они желали сближенія Александра съ султаномъ и съ нетерпѣніемъ ожидали новаго трактата. Единственно русско-турецкій миръ могъ придать иную окраску дѣламъ. Къ этой партіи принадлежалъ Тальеранъ. Онъ не руководилъ болѣе внѣшними сношеніями, но сохранилъ вліяніе. Наканунѣ дня, когда Наполеонъ послалъ въ изгнаніе г-жу Тальеранъ, онъ бесѣдовалъ около часа съ своимъ прежнимъ министромъ и, разставаясь, замѣтилъ ему: «Чортъ васъ знаетъ, что вы за человѣкъ, я не могу воспрепятствовать себѣ, чтобы не поговорить съ вами о моихъ дѣлахъ и не любить васъ». Но Тальеранъ предвидѣлъ будущее. Чернышевъ, смотрѣвшій на него, какъ на истиннаго друга Россіи, привезъ ему письмо отъ Александра, и Тальеранъ просилъ Чернышева написать въ Петербургъ, что Россія должна заключить миръ съ Турціей.

Чернышевъ предчувствовалъ пораженіе Мюрата и писалъ, что Мюратъ будетъ командовать всею кавалеріей по той причинѣ, что онъ ловкій и опытный полководецъ. Но онъ опасался, что Наполеонъ присоединитъ Неаполь къ Франціи. По словамъ Чернышева, Мюратъ въ разговорѣ съ Наполеономъ сказалъ: «Я согласенъ сдѣлаться вашимъ капитаномъ, но я хочу, чтобы меня долго не манили надеждами, чтобы затѣмъ упизить, какъ короля Голландіи; неаполитанцы не настолькоъ послушны и податливы; ими не такъ легко управлять какъ голландцами, и я за нихъ не отвѣчаю. Повѣрьте, государь, надо управлять, народомъ, но не выводить его изъ терпѣнія». Говорятъ даже, что онъ совѣтовалъ Наполеону не ссориться съ русскими. «Одинъ поворотъ счастья будетъ вамъ стоить короны и жизни!» сказалъ онъ.

Когда Наполеонъ узналъ о побѣдѣ русскихъ надъ турками, то не могъ скрыть дурнаго настроенія даже на дипломатическихъ аудіенціяхъ и въ клубѣ. Куракину и Чернышеву онъ не сказалъ ни слова о событіяхъ. «Его честолюбіе бесконечно,—доносилъ Чернышевъ.—У него одна цѣль—господствовать надъ Европой и онъ не терпитъ, чтобы другая держава равнялась съ его державой. Онъ хочетъ царствовать на морѣ и на сушѣ. Онъ самодержавный владыка Франціи и хочетъ быть имъ. «Не стоитъ царствовать, когда руки не свободны,—сказалъ онъ однажды:—Бернадоттъ, на примѣръ, будетъ рабомъ своего народа; я ему предсказываю всѣ непріятности, если онъ не отмѣнитъ конституцію и оставить свободу печати, чудовищную вещь, вполне противорѣчащую королевскому авторитету. Я, зная французозъ, принялъ хорошія мѣры и заставляю ихъ итти при крикахъ: «Да здравствуетъ императоръ!»

Но могло ли такъ длиться? Нѣтъ, ибо надвинулась матеріальная нужда. Рабочіе оставались безъ работы и требовали хлѣба, сколькимъ служащимъ не

выдавалось жалованья. 9-го июня 1811 года, въ день крестинъ римскаго короля императорская процессія, проѣзжая по площади Карусель была встрѣчена жидкими рукоплесканіями и даже свистками. Наполеона уже никто не любилъ: онъ сталъ сумрачнѣе, подозрительнѣе, чѣмъ когда-либо, и всѣ его боялись; никто съ нимъ болѣе не говорилъ откровенно. Всѣ сознавали, что, пока онъ будетъ живъ, ничего не будетъ устойчиваго,—говорить Шюкэ, заканчивая свою статью.

— Пѣсни русскихъ каторжниковъ. — Вильгельмъ Гартфельдъ, шведъ по происхожденію, задался цѣлью собрать пѣсни каторжниковъ различныхъ народностей и съ этой цѣлью побывалъ также въ сибирскихъ острогахъ. Считая эти народныя пѣсни еще не початымъ источникомъ драгоценныхъ документовъ по исторіи музыки и этнографіи, онъ добился у покойнаго министра Столыпина разрѣшенія посѣтить мѣста поселеній. 1-го июля 1908 года Гартфельдъ былъ уже въ Тобольскѣ.

Всѣ его впечатлѣнія, все, что ему удалось уловить въ жизни и характерѣ русскихъ каторжниковъ, передала на страницахъ «Revue» Л. Сиеницка.

Тюремное начальство любезно предоставило ему подробно осмотрѣть всѣ тюрьмы. Узнавъ, что единственная цѣль его длиннаго утомительнаго путешествія желаніе собрать музыкальныя свѣдѣнія, оно тотчасъ же призвало одного изъ каторжниковъ, наиболѣе способнаго удовлетворить желаніе Гартфельда. Но каторжникъ упорно отказывался, ссылаясь на то, что онъ не знаетъ музыки и не имѣетъ понятія ни о какомъ пѣніи и «братцы» не ушли въ этомъ дальше его. «Право, ваше превосходительство, мы ничего не знаемъ и не вѣдаемъ. Ахъ, будь оно проклято, это пѣніе!»

Гартфельдъ уже сталъ приходить въ отчаяніе отъ этого упорства, но начальникъ тюрьмы объяснилъ ему на ухо причину этого отказа. Во всѣхъ мѣстахъ ссылки строго запрещено пѣніе, исключая церковнаго. Предупредительное обращеніе съ Гартфельдомъ начальника вызвало въ каторжникѣ подозрѣніе. Онъ подумалъ, что это какой-нибудь важный делегатъ, присланный высшимъ начальствомъ провѣрить поведеніе каторжниковъ, предлагая имъ нарушить тюремныя правила. Только упорныя увѣренія начальника и надзирателя, пользовавшихся ихъ довѣріемъ, немного его успокоили. Начальникъ уговаривалъ его, что ихъ не только не накажутъ за нарушеніе дисциплины, а еще даже баринъ широко ихъ вознаградитъ. Тогда каторжники признались, что они знаютъ много пѣсень, а указанные ими товарищи могутъ даже имъ подыгрывать на бандурѣ, балалайкѣ, аккордеонѣ и проч. Но они просили дать имъ время для репетицій уже забытыхъ ими мотивовъ.

Наконецъ, 5-го июля вечеромъ состоялся концертъ, подъ управленіемъ избраннаго каторжниками сотоварища. Гартфельдъ нѣсколько разъ заставлялъ ихъ повторять пѣсни и нѣкоторыя изъ нихъ записалъ. Въ его оцѣнкѣ разнообразіе тональности и ритма этихъ пѣсень русскихъ каторжниковъ вѣрно рисуется сложную душу этихъ созданийъ съ пылкими страстями, дикими и глубо-

¹⁾ La musique chez les forçats russes. Par L. Sienicka. «La Bevue». 1 Octobre.

кими чувствами. Мрачная завѣса искушенія, окутывающая ихъ душу, все-таки не заглушаетъ біенія ихъ сердца.

Приведя слова Глинки, что музыку создаетъ народъ, а композиторы только ее обрабатываютъ, Гартфельдъ съ сожалѣніемъ отмѣчаетъ, что русскій народъ, какъ и большинство ему подобныхъ, совершенно пересталъ создавать. Причиной такой бесплодности, Гартфельдъ считаетъ вторженіе цивилизаціи: великую уничтожительницу оригинальности—желѣзную дорогу, исходъ крестьянъ изъ деревни въ города. Здѣсь примитивный элементъ расъ и традицій, которыми вдохновлялся ихъ геній-созидатель, тонетъ въ космополитической банальности. Но главная причина—фабрикація жанра посредственными композиторами. Они недостаточно проникаютъ въ душу народа, чтобы вѣрно перевести различныя одушевляющія ихъ чувства, совершенно отличныя отъ чувствъ самихъ композиторовъ. Попутно Гартфельдъ порицаетъ развившуюся за послѣднее время страсть къ подражаніямъ цыганскому и малороссійскому пѣнію. Такого рода музыкальныя созданія онъ называетъ подкидышами; это плохія подражанія шедеврамъ поэзіи, вдохновенія и оригинальности.

Во всѣ свои поѣздки съ цѣлью собрать пѣсни каторжниковъ, прежде, чѣмъ проникнуть въ мѣста каторжныхъ поселеній, Гартфельду приходилось слышать только такого рода сфабрикованныя народныя пѣсни. Одни только каторжники дали ему желаемый матеріалъ. И только среди этихъ отверженныхъ бродягъ, съ подозрительнымъ существованіемъ, съ аномальнымъ и извращеннымъ мышленіемъ, онъ, какъ музыкантъ, вполне наслаждался искусствомъ.

Сто двадцать мелодій и разнаго рода пѣсенъ, которыя ему удалось записать, Гартфельдъ раздѣляетъ на три различныя группы. Въ первой группѣ находятся пѣсни бѣглыхъ и каторжниковъ; во второй приговоренныхъ къ каторжнымъ работамъ въ рудникахъ, и въ третьей пѣсни народовъ различныхъ племенъ Россіи: киргизовъ, айносовъ, самоѣдовъ, буряты и т. д. Самыя интересныя пѣсни, гдѣ находятся слѣды восточнаго источника, но въ нихъ есть полутоны, которые почти невозможно регистрировать. Поэтому Гартфельдъ ихъ не могъ записать, не прибѣгая къ музыкальнымъ компромиссамъ. Кромѣ того, ихъ первобытная оригинальность много терялась, вслѣдствіе отсутствія инструментовъ для аккомпанимента, какими пользуются сибирскіе народы. Ихъ замѣнили піанино и фисгармоніей. Тѣмъ не менѣе Гартфельдъ сдѣлалъ все возможное, чтобы сохранить ихъ характеръ, и за границей онъ произвели необычайное впечатлѣніе. Каторжникамъ запрещено имѣть инструменты, и они замѣняютъ ихъ гребенками или кандалами.

Особенно тяжелое и сильное впечатлѣніе производитъ «Подкандалный маршъ», который поется съ закрытымъ ртомъ, отчего звуки издаются подобно стопамъ. Аккомпанируютъ ему на гребенкахъ, а для обозначенія ритма каторжники побрякиваютъ цѣпями. Одну изъ пѣсенъ солистъ начинаетъ въ *la* бемоль мажоръ, и хоръ подхватываетъ въ томъ же тонѣ, затѣмъ весь пригвѣвъ поется въ *si* бемоль мажоръ, а потомъ солистъ снова начинаетъ второй куплетъ въ *la* бемоль мажоръ. «Это такой *tour de force*, какого ни одинъ оперный пѣвецъ не въ силахъ исполнить безъ помощи другихъ», говорилъ Гартфельдъ. Еще его по-

разилъ ритмъ и манера управлять голосомъ на нѣкоторыхъ нотахъ, замедляя ихъ, какъ будто онѣ совсѣмъ замирають, а въ концѣ пѣвецъ издаетъ отрывистый звукъ. Этотъ отрывистый выкрикъ производитъ впечатлѣніе вспышки гнѣва, безпечности, негодованія.

Пѣсни, собранныя въ акатуйскомъ острогѣ, не носятъ и слѣда гнѣва или преступленія; напротивъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ проглядываетъ нѣжная меланхолія, какъ, напримѣръ, въ тобольскихъ острогахъ. Авторъ приводитъ нѣкоторыя изъ пѣсенъ и среди нихъ чисто народныя, старинныя, ничего не имѣющія общаго съ пѣснями каторжниковъ въ настоящемъ смыслѣ слова, какъ, напримѣръ, «Вечеркомъ красна дѣвица» и «Среди долины ровныя».

Свое путешествіе Гартфельдъ закончилъ сѣверной Сибирью, обширными тундрами и тайгой, которыя служатъ убѣжищемъ каторжникамъ. Сибиряки боятся ихъ, когда они появляются бандами, но когда они приходятъ одиночкой, то имъ подаютъ. Гартфельдъ приводитъ пѣсню, которую они поютъ, когда просятъ милостыню, онъ находитъ эту пѣсню красивой, какъ жанръ народной пѣсни. По его словамъ, никакое психологическое изученіе лучше не покажетъ сложность человѣческой души и склонность русскаго сердца къ поэтическимъ мечтаніямъ, какъ эти пѣсни. Въ одномъ изъ отдаленныхъ сибирскихъ остроговъ Гартфельдъ также попросилъ тюремное начальство дать ему возможность послушать пѣніе каторжниковъ. Начальство очень любезно предоставило ему нѣсколько каторжниковъ. Здѣсь повторилась та же сцена, какъ и въ Тобольскѣ: каторжники отказывались, увѣряли, что не умѣютъ пѣть. «Мы, ваше превосходительство, хищныя птицы,—сказалъ одинъ, поглядывая исподлобья на начальника острога.—Даже на свободѣ мы не поемъ, а убиваемъ». Однако, Гартфельдъ такъ настойчиво просилъ, что наконецъ они назвали ему одного изъ товарищей, который умѣлъ не только пѣть, но также играть на балалайкѣ. Это былъ нѣкто Ключковъ.

«Онъ правду, говоритъ, ваше превосходительство,—отвѣтилъ Ключковъ, потупивъ глаза:—я знаю пѣсни... зачѣмъ грѣха таить...»—«А кто вамъ будетъ подыгрывать?»—«Да я самъ играю,—отвѣтилъ каторжникъ, и его лицо внезапно просіяло:—да, я играю на балалайкѣ».

Наконецъ было рѣшено, что концертъ состоится не ранѣе, какъ чрезъ день утромъ: надо было еще найти балалайку, а въ острогѣ не оказалось ни одной. Кромѣ того, Ключковъ лѣтъ десять не игралъ на балалайкѣ и потому просилъ дать ему по крайней мѣрѣ одинъ день, чтобы пріучить руку. Вечеромъ ему дали старую балалайку, купленную по случаю въ городѣ однимъ изъ надзирателей. Несчастный каторжникъ взялъ ее со всѣми предосторожностями въ руки, нѣсколько минутъ ее ласкалъ съ какой-то странной робостью и сказалъ начальнику острога: «Ваше превосходительство, я у васъ попрошу милости...» На его обыкновенно блѣдномъ лицѣ показался румянецъ отъ какого-то неотступнаго желанія. «Что такое? спросилъ начальникъ. «Боюсь, ребята (каторжники) будутъ надо мною насмѣхаться. Конечно, они будутъ надо мною насмѣхаться. Прикажете, ради милосерднаго Бога, чтобы меня помѣстили въ отдѣльную камеру...»—«Они всѣ заняты», отвѣтилъ начальникъ, нахму-

ривъ брови».—«Ну... въ карцеръ,—умолялъ Ключковъ:—быть можетъ, есть свободный карцеръ!..»

Начальникъ не могъ удержаться и улынулся на оригинальность просьбы: каторжникъ самъ просилъ, чтобы его помѣстили въ карцеръ. Въ глазахъ Ключкова была такая горячая мольба, что онъ приказалъ отвести его въ одинъ изъ свободныхъ карцеровъ.

— Это забавный типъ,—сказалъ начальникъ тюрьмы.—Онъ очень тихій, никогда не возмущается, ни во что не вмѣшивается и всегда остается молчаливымъ. Онъ ярославецъ и отбываетъ наказаніе за убійство. Онъ убилъ новобрачныхъ, возвращавшихся изъ-подъ вѣнца, и тотчасъ же отдалъ себя въ руки правосудія.

Черезъ три дня послѣ свиданія Гартфельда съ каторжникомъ состоялся концертъ. Ключковъ пришелъ подъ конвоемъ въ одну изъ комнатъ и пропѣлъ нѣсколько пѣсенъ подъ аккомпаниментъ балалайки, на которой игралъ, какъ виртуозъ. Его музыкальная техника на этомъ неблагодарномъ инструментѣ была удивительна. Онъ игралъ съ такимъ чувствомъ, что привелъ Гартфельда въ восторгъ. По окончаніи концерта Ключковъ повернулся къ Гартфельду и тихо сказалъ: «Ваше превосходительство, попросите начальника, чтобы онъ оставилъ мнѣ балалайку хотя на два, на три дня».

На этотъ разъ начальникъ ничего не хотѣлъ слышать: это было нарушеніемъ осторожныхъ правилъ. «Верни, братецъ, инструментъ», твердо сказалъ онъ Ключкову.

Въ это время произошла неожиданная ужасная сцена, которую Гартфельдъ не забудетъ. Ключковъ страшно поблѣднѣлъ; его глаза налились кровью; онъ крѣпко прижалъ къ груди балалайку и дико вскричалъ:

— Не верну ее! Скорѣе васъ убью! Я не верну ее вамъ!

Гартфельдъ былъ совершенно пораженъ.

— Возьмите у Ключкова балалайку,—холодно приказалъ солдатамъ начальникъ острога.

Каторжникъ едва переводилъ дыханіе. На него набросились солдаты, и, къ всеобщему удивленію, онъ болѣе не сопротивлялся, вѣроятно, сообразивъ, насколько это бесполезно. Онъ выронилъ изъ рукъ балалайку, и солдаты бросились ее поднимать и торжественно поднесли начальнику. Самъ Ключковъ такъ и съѣлъ на полъ. Онъ принялся хрипѣть.

«Никогда въ жизни, нѣтъ, никогда я не слыхивалъ такого ужаснаго хрипѣнія,—говорилъ Гартфельдъ:—затѣмъ у несчастнаго Ключкова сдѣлался припадокъ истерики. Немедленно былъ приглашенъ тюремный врачъ. Только онъ могъ привести его въ чувство. Когда онъ почти успокоился, я еще разъ его поблагодарилъ и сказалъ ему: «На ваше имя я положилъ въ контору острога пять рублей!»—«Нѣтъ, баринъ, за такую вещь я ни за что на свѣтѣ не возьму денегъ. Уже если вы такъ добры, то скорѣе... въ городѣ Романовъ-Борисоглѣбскѣ недалеко отъ Ярославля... поставьте свѣчку въ церкви и закажите панихиду за упокой души рабы Вожьей Аграфены... (Аграфена была именно та новобрачная, которую онъ убилъ вмѣстѣ съ ея мужемъ при возвращеніи изъ церкви).

Затѣмъ онъ снова со слезами на глазахъ сталъ просить о возвращеніи ему балалайки только на минуту. Его желаніе наконецъ было исполнено. Онъ взялъ ее, какъ святыню, поцѣловалъ два раза и возвратилъ Гартфельду. Солдаты его увели.

Гартфельдъ добился у начальника острога обѣщанія не наказывать несчастнаго за его попытку возмущенія. Начальникъ обѣщалъ и, какъ узналъ въ послѣдствіи Гартфельдъ, сдержалъ свое обѣщаніе.

Когда Гартфельдъ посѣтилъ послѣдній острогъ, былъ іюль мѣсяць; лѣтнее солнце свѣтило, какъ «свѣточъ любви и истины». Хотя онъ проводилъ между этими роковыми стѣнами только по нѣсколько часовъ въ день въ теченіе недѣли, но онъ все-таки понялъ весь ужасъ каторги. Вбирая въ свои легкія іюльскій воздухъ и опьяняя свои глаза чистымъ дневнымъ свѣтомъ, онъ вспомнилъ слова Достоевскаго, когда тотъ покидалъ мертвый домъ: «Ахъ, какая божественная минута!»

— Отзывъ англичанина о русской драмѣ. — Русская драматическая литература все болѣе становится знакомой за границей. Англичане внимательно слѣдятъ за пьесами, которыя даются въ переводѣ на англійскій языкъ, а недавно въ «Quarterly Review» появилось обзорнѣе драматической литературы и краткая характеристика драматурговъ Джорджа Кальдерона.

Леонида Андреева Кальдеронъ характеризуетъ какъ способнаго, очень разнообразнаго писателя, который можетъ примѣнять свой талантъ ко всякаго рода литературѣ. По его мнѣнію, это совершеннѣйшій типъ писателя, соединяющаго искусство съ народностью. Главное его качество, которое даетъ преимущество русской литературѣ, — тревожная искренность, побуждаемая болѣзненной совѣстливостью и чувствомъ дисгармоніи жизни, которыми, по словамъ Булгакова, всегда вдохновлялись русскіе писатели. И это качество русскихъ реалистовъ-писателей.

Молодое русское поколѣніе, по словамъ Кальдерона, не сумѣло предохранить себя отъ опасностей реализма. Учениками этой школы являются евреи, и главнымъ изъ нихъ Юшкевичъ. Изъ нихъ это наиболѣе уравновѣшенный писатель и, кромѣ того, еще обладающій юморомъ. Изъ его произведеній «Дина Элаккъ» — главное, и здѣсь, по ясности выраженныхъ идей, оно почти философское. «Дни нашей жизни» Леонида Андреева развиваютъ почти ту же тему, но здѣсь нѣтъ того широкаго замысла, и пьеса лишена философскаго смысла.

«Но главными существенно русскими авторами, — говоритъ Кальдеронъ, — остаются все-таки прежніе, Достоевскій и Толстой, съ ихъ субъективнымъ и психологическимъ реализмомъ. Толстой, какъ драматическій писатель, никогда не имѣлъ большого успѣха: ему какъ бы недостаточно хватало мѣста на сценѣ для выраженія своей мысли. Между прочимъ, Кальдеронъ сомнѣвается, что пьесы, данныя на сценѣ «Adelphi Play Society», были его. «Трудно повѣрить, — говоритъ онъ: — что Толстой такъ написалъ свои пьесы, какъ они напечатаны».

Русскіе писатели никогда не довольствуются просто приведеніемъ явленія: они не только вдохновляются дисгармоніей жизни, но еще и желаніемъ побо-

ротъ эту дисгармонію. Толстой нашель эту задачу самой простой, но предлагаемое имъ разрѣшеніе не вызываетъ восторга, такъ какъ сущность его слишкомъ христіанская. Русскій народъ уже болѣе не вѣрить, что путь къ счастью состоитъ изъ узкой тропинки униженія и терпѣнія.

Въ концѣ вѣка Россія затерялась въ своихъ идеалахъ, подъ тяжестью настоящаго и страхомъ за будущее: въ то время все представляло хаосъ. Именно въ этотъ моментъ появляется Горькій. Его успѣхъ былъ громадный и внезапный. Но онъ не внесъ никакой окончательной, опредѣленной системы въ новое общество. Никогда ни одинъ преобразователь менѣе ясно не опредѣлилъ положительнаго идеала, новой эры, которую онъ превозносилъ, чѣмъ Горькій. Русская публика вскорѣ отъ него отхлынула: онъ не принесъ ей практическаго разрѣшенія задачи.

Во всѣхъ его пьесахъ главную роль играютъ здоровые, сильные мужчины и женщины, которые ищутъ себѣ такихъ же здоровыхъ странниковъ жизни. У тѣхъ и другихъ одна цѣль: подарить будущему красивое и здоровое поколѣніе.

Совсѣмъ иная мысль во всѣхъ пьесахъ Чехова: основой ихъ служитъ разочарованіе. И это главная причина, что его пьесы не состарились. Всѣ надежды, которыхъ такъ хорошо рисуютъ другіе, — эфемерны, постоянно только разочарованіе. Эту тему Чеховъ облакаетъ такъ меланхолически-прелестно, что она кажется прекраснѣе, чѣмъ то бываетъ въ дѣйствительности.

Въ то время, какъ западные писатели нападаютъ на соціальныя учрежденія и предразсудки, русскіе писатели ведутъ борьбу съ самыми глубокими стремленіями ихъ природы. Въ то время, какъ Эрвье и Бріе осмѣиваютъ несправедливый законъ браковъ, русскіе возмущаются противъ рабства самой любви.

Но у русскихъ существуетъ еще классъ писателей: искатели невозможнаго идеала. Это декаденты, и однимъ изъ главныхъ представителей ихъ считается, Сологубъ. Кальдеронъ находитъ его юмористическимъ, изящнымъ, прелестнымъ. Для него нѣтъ ничего на свѣтѣ лучше, какъ любовь и смерть, и то любовь только отраженіе. Кальдеронъ называетъ декадентовъ большими людьми, неврастениками; ихъ характерная черта — любовь къ уединенію, и это порождаетъ нѣкоторыя болѣзненные явленія.

— Отъсюда у.— Франкфуртъ служитъ мѣстомъ паломничества для почитателей Гете, въ память котораго тамъ былъ основанъ музей его имени въ 1897 году. Количество посѣтителей музея ежегодно достигаетъ 50,000 человѣкъ, и помѣщеніе становится тѣсно для той массы различныхъ предметовъ, которые приносятъ въ даръ поклонники автора «Вертера». Теперь рѣшено приступить къ расширенію зданія, не прикасаясь, однако, къ очень старымъ постройкамъ, относящимся къ 1600 году, когда выстроили этотъ домъ. Это историческій памятникъ: въ немъ родился Гете, и здѣсь же онъ написалъ въ нѣсколько недѣль «Вертера».

— Соединенные Штаты въ теченіе шести лѣтъ (1902—1908) увеличили свое народонаселеніе болѣе, чѣмъ на четыре милліона католиковъ. Прежде эти эмигранты являлись съ сѣвера и изъ центра Европы, преимущественно изъ

протестантскихъ государствъ; теперь большая ихъ часть является изъ католическихъ странъ, особенно изъ Италіи, Венгріи и Польши.

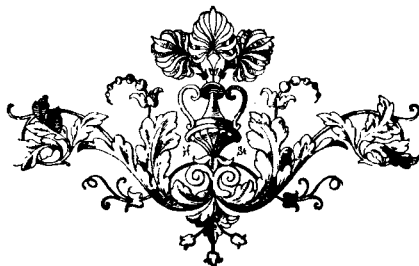
— «The Independent» сообщаетъ любопытныя наблюденія надъ нѣкоторыми явленіями человѣческой природы. Есть люди, обладающіе странной способностью видѣть звуки и благоуханіе и слышать горе и свѣтъ. Последнее явленіе, т. е. слышать цвѣтъ или свѣтъ, встрѣчается очень рѣдко, тогда какъ постигать цвѣтъ случается часто. Напримѣръ, имя можетъ вызвать цвѣтъ: такъ, Марія, Эмилиа и Маргарита вызываютъ въ представленіи способныхъ на это субъектовъ—бѣлый цвѣтъ. Гласныя буквы имѣютъ цвѣтовую окраску, какъ это доказалъ поэтъ Рэмбо. Для нѣкоторыхъ субъектовъ только музыка бываетъ окрашена и каждый инструментъ въ свой особый цвѣтъ: арфа—въ бѣлый цвѣтъ, охотничій рожокъ въ желтый. Оркестръ представляетъ чрезвычайно эффектное зрѣлище—цѣлаго потока радугъ. По желанію, можно вызвать не только цвѣтъ, но даже форму музыки и можно добиться прелестныхъ арабесокъ. Вкусъ и запахи такъ же, какъ и звуки, могутъ стать цвѣтомъ: напримѣръ, мята имѣетъ вкусъ темно-зеленый, анисъ—черный. Физическую боль можно слышать, ушная боль переводится оркестромъ. Профессоръ Ширсъ передаетъ фактъ, когда одна молодая женщина слышала звуки при видѣ ростбифа или банановъ. Осязаніе даетъ впечатлѣніе цвѣта, какъ доказываютъ нѣкоторые слѣпыя, которые прикосновеніемъ пальцевъ опредѣляютъ цвѣтъ матеріи. Поэтъ Рэмбо въ своемъ «Sonnett des voyelles» первый упомянулъ объ соотношеніяхъ запаха, цвѣта и звуковъ. Въ Англии Свинбернъ описывалъ видимое тѣніе. Въ произведеніяхъ лучшихъ англійскихъ поэтовъ часто попадаются подобныя явленія.

— «Rosebu» Вальтеръ-Скотта принесла своему автору 75,000 франковъ—авторскій гонораръ небывалый ни въ одной странѣ.

— «The National Review» передаетъ, что за послѣднія двадцать лѣтъ во вкусахъ американцевъ произошла эволюція. Страсть къ роскоши смѣняется интересомъ къ художеству, къ собиранію коллекцій картинъ. Въ этомъ отношеніи американцы выказывали, какъ и во всемъ, независимый вкусъ; поэтому они часто попадали въ просакъ при выборѣ картинъ. Но это было временное явленіе: въ критикѣ искусства произошелъ большой прогрессъ, а это имѣло значительное воспитательное значеніе на вкусъ народа. Къ тому же многочисленныя выставки произведеній старыхъ мастеровъ замѣтно развили вкусъ американцевъ. Эта эволюція вкуса началась въ 1860 году и съ того времени все болѣе и болѣе прогрессируетъ. Главныя коллекціонеры картинъ: Пьерпонъ-Морганъ, Генри Марканъ и Макъ-Кормикъ. Марканъ собралъ двѣ коллекціи: одну онъ предложилъ въ музей Метрополитанъ, а другую продалъ съ аукціона. Самая большая коллекція принадлежитъ Пьерпонъ-Моргану. Любимыя старинныя художники американцевъ—Рембрандтъ и Коро. Американскіе богачи, не жалѣя денегъ, скупаютъ въ Европѣ старинныя предметы искусства и вывозятъ въ Америку. Сложилось мнѣніе, что американцы, въ сущности, ничего не понимаютъ въ искусствѣ и скупаютъ рѣдкости только изъ тщеславія. Но авторъ статьи Робертъ отрицаетъ это и увѣряетъ, что они любятъ и понимаютъ ихъ гораздо больше европейцевъ.

— Въ Лондонѣ состоялся международный конгрессъ танцевъ, и президентъ парижской академіи, преподаватель танцевъ Лефортъ въ своемъ докладѣ указалъ на причину паденія танцевъ. По его мнѣнію, причина этого паденія кроется въ незнаніи анатоміи и психофизиологіи. Танцовщикъ, который занимается только механизмомъ своихъ ногъ—только маріонетка. Рисованіе и анатомія—двѣ неразлучныя науки для искусства танцевъ, и профессора, не знающіе ихъ, впадаютъ изъ одной ошибки въ другую. Каждый мускуль производитъ различное движеніе, и каждое движеніе выражаетъ движеніе души. Слѣдовательно, не знающіе этихъ наукъ не сумѣютъ выразить своихъ чувствъ правильными жестами и мимикой.

С М Ъ С Ъ.

ВЪ ЛИТЕРАТУРНОМЪ фондѣ. Въ состоявшемся 28-го октября общемъ собраніи литературнаго фонда была почтена вставаніемъ память умершихъ членовъ общества: А. С. Суворина, Н. Ф. Анненскаго и Н. Н. Маслова. Кромѣ того, комитетъ фонда постановилъ въ декабрѣ устроить въ память бывшаго председателя фонда Н. Ф. Анненскаго торжественное засѣданіе. Хранившійся при фондѣ архивъ Н. А. Добролюбова переданъ въ Пушкинскій домъ при академіи наукъ. Въ виду этого августѣйшій председатель комиссіи по постройкѣ памятника Пушкину выразилъ комитету благодарность и передалъ темно-бронзовую медаль, выбитую въ память столѣтія со дня рожденія Пушкина. Въ отчетное время удовлетворено 202 просьбы о денежномъ пособіи. Пенсія возобновлена одному лицу по 600 рублей въ годъ; выдано пособій на воспитаніе и обученіе 40 писателямъ и ихъ семьямъ 1,937 рублей 50 коп.; продолжены пособія 17 лицамъ на сумму 1,420 рублей; выдано ссудъ: безсрочныхъ 57 лицамъ на 2,738 рублей, срочныхъ 9 лицамъ на 1,145 рублей, единовременныхъ пособій на 1,889 рублей. Всего выдано пособія 9,729 рублей 50 копеекъ. Въ гимназію Гуревича приняты на бесплатную стипендію два воспитанника; въ гимназіи М. Н. Стоюниной замѣщена бесплатная вакансія имени Ѳ. М. Достоевскаго. Редакція «Русскаго Богатства» внесла 5,000 рублей для присоединенія этой суммы къ капиталу имени Плещеева. Изъ отчета по казначейской части видно, что на 1-е октября въ кассѣ фонда состояло денегъ: процентными бумагами 814,124 рубля, наличными—72,760 рублей.

Двадцатипятилѣтіе нижегородской ученой архивной комиссіи. 22-го октября въ Нижнемъ-Новгородѣ торжественно отпраздновано 25-лѣтіе ученой архивной комиссіи. Въ залѣ городской думы преосвященнымъ Іоакимомъ въ сослуженіи

нѣсколькихъ священниковъ—членовъ комиссіи — было совершенно благодарственное молебствіе съ тропаремъ основателю Нижняго святому великому князю Георгію, возглашеніемъ многолѣтія Царствующему Дому, здравствующимъ членамъ комиссіи и всѣмъ ревнителямъ старины, вѣчной памяти императору Александру III, святѣйшему патріарху Гермогену, гражданину Минину, князю Пожарскому, протопопу Саввѣ и всѣмъ почившимъ дѣятелямъ нижегородскаго ополченія, взявшаго въ этотъ день, триста лѣтъ тому назадъ, въ Москвѣ Китай-городъ, боярамъ Николаю (Н. В. Калачеву), Александру (А. С. Гацискому) и всѣмъ почившимъ членамъ комиссіи. Торжественность обстановки, сплошь заполненный гостями и хозяевами громадный залъ думы, одна изъ стѣнъ котораго цѣликомъ занята извѣстной картиной Маковского «Мининъ», виднѣющійся изъ оконъ старикъ-Кремль, поминаемая въ молитвѣ дорогія имена и прекрасное пѣніе хора артиста-регента Н. Г. Кармазинскаго— все это заставляло уноситься мыслью въ ту сѣдую старину, когда наши предки, безъ различія сословій и состояній, не жалѣя ни имущества, ни жизни, поднялись, какъ одинъ человѣкъ, на защиту родины и вмѣстѣ съ другими городами возродили ее къ жизни. Думая про это, невольно хотѣлось вѣрить, что небезслѣдно прошла великая жертва тѣхъ далекихъ великихъ людей, что хотя часть ихъ беззавѣтной преданности родинѣ должна же передаться намъ— ихъ потомкамъ. «Не заслуживаетъ права на существованіе тотъ народъ, который не знаетъ своей исторіи и не чтитъ своихъ героев»—сказалъ, между прочимъ, въ своей рѣчи бывшій предсѣдатель комиссіи, почетный членъ ея, А. А. Савельевъ. Возбужденіе интереса среди населенія къ исторіи мѣстнаго края, между прочими задачами комиссіи, имѣлось въ виду при учрежденіи ея основателемъ, извѣстнымъ литераторомъ, нижегородскимъ лѣтописцемъ А. С. Гацискимъ. Съ этой цѣлью имъ было предпринято въ 1889 году и извѣстное паломничество нижегородцевъ во Владимиръ, ко гробу святого князя Георгія, по случаю исполнившагося 700-лѣтія со дня рожденія его. И съ легкой руки А. С., интересъ къ родной старинѣ, при дѣятельности его дѣтища—архивной комиссіи—растетъ: въ настоящее время вмѣсто тѣхъ 15 ревнителей старины, которые собрались 25 лѣтъ тому назадъ на первое засѣданіе комиссіи, послѣдняя насчитываетъ болѣе 150 членовъ, въ историческомъ архивѣ ея собрано до 150.000 старинныхъ дѣлъ, издана масса историческихъ документовъ, къ прошлогоднему празднованію 300-лѣтняго юбилея смутнаго времени, кромѣ специальнаго капитальнаго сборника по этому вопросу подъ редакціей профессоровъ С. Θ. Платонова и Рождественскаго, выпущена масса популярныхъ брошюръ и листовокъ, образованъ музей древностей, на твердую почву поставлено изслѣдованіе церковныхъ древностей, кургановъ, могильниковъ и вообще старины. Съ прошлаго года, благодаря стараніямъ настоящаго предсѣдателя комиссіи А. Я. Садовскаго, открыто отдѣленіе московскаго археологическаго института, которое насчитываетъ теперь уже болѣе 40 слушателей-нижегородцевъ. Въ будущемъ году во время торжествъ комиссіа предполагаетъ устроить археологическую выставку, что, несомнѣнно, еще болѣе упрочитъ крѣпнущую связь между задачами комиссіи и обществомъ, способствуя усилению національнаго самосознанія, еле теперь брезжащаго. Единогласно

избраны почетными членами комиссіи предсѣдатель ся А. Я. Садовскій и В. Г. Короленко, много потрудившійся надъ разборомъ старины во время своего проживанія въ Нижнемъ. Помянуть былъ добрымъ словомъ и покойный губернаторъ и попечитель комиссіи Н. М. Барановъ, много положившій трудовъ и стараній по дѣламъ комиссіи вмѣстѣ съ А. С. Гацкимъ. Помимо чтенія многихъ адресовъ и привѣтствій отъ всѣхъ нашихъ общественныхъ и учебныхъ учреждений, въ засѣданіи была оглашена масса телеграммъ со всѣхъ концовъ Россіи отъ ученыхъ и учебныхъ учреждений, сановныхъ и ученыхъ лицъ и иногородныхъ членовъ комиссіи. По единодушному желанію присутствующихъ, была послана всеподданнѣйшая телеграмма Государю Императору съ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ и готовности комиссіи и впредь служить дѣлу изученія исторіи родного края. Текстъ телеграммы, оглашенный предсѣдателемъ засѣданія вице-губернаторомъ С. И. Бирюковымъ, былъ встрѣченъ дружнымъ «ура» присутствующихъ и гимномъ «Воже, Царя храни!» Между чтеніемъ рефератовъ и произнесеніемъ рѣчей хоромъ исполнены: гимнъ святому князю Георгію Всеволодовичу (музыка Балакирева, слова Лихачева), гимнъ героямъ нижегородскаго ополченія, музыка регента хора Н. Г. Кармазинскаго, слова Б. А. Садовскаго и гимны-величанія—патріарху Гермогену и Минину и Пожарскому.

Открытіе археологическаго института въ Ярославлѣ. Въ Ярославлѣ состоялось торжественное открытіе отдѣленія московскаго археологическаго института. Торжество началось молебномъ въ церкви Демидовскаго лица и закончилось въ актовомъ залѣ лица. Здѣсь директоръ московскаго археологическаго института Успенскій выступилъ съ привѣтственной рѣчью, въ которой говорилъ о значеніи и дѣятельности археологическаго института въ изученіи родной старины. Вслѣдъ за А. И. Успенскимъ выступилъ съ рѣчью директоръ Демидовскаго лица В. Г. Щегловъ, который выразилъ надежду, что оба высшихъ учебныхъ заведенія въ Ярославлѣ, лицей и институтъ, помѣстятся подъ одной кровлей, дружно пойдутъ рука объ руку къ свѣту и знанію. Послѣ рѣчи В. Г. Щеглова былъ торжественно исполненъ гимнъ. Затѣмъ профессоръ Брандтъ прочелъ лекцію «О происхожденіи и взаимоотношеніи двухъ славянскихъ азбукъ: кириллицы и глаголицы». Въ тотъ же день была прочитана первая лекція для слушателей института на тему: «Всеобщая исторія искусства». Запись слушателей идетъ довольно интенсивно. Составъ желающихъ слушать лекціи преимущественно интеллигентный и привилегированный. Въ число слушателей археологическаго института между прочимъ записались: архіепископъ ярославскій Тихонъ и ярославскій губернаторъ графъ Татищевъ. Лекціи будутъ читаться въ помѣщеніи Демидовскаго лица. Возбуждено ходатайство о введеніи во вновь открывшемся институтѣ четырехгодичнаго курса и уравненіи въ правахъ слушателей института со слушателями университетовъ.

Томскій домъ науки. 7-го октября, послѣ молебна, отслуженнаго высокопреосвященнымъ Макаріемъ, архіепископомъ томскимъ, въ присутствіи властей, гласныхъ городской думы и множества приглашенныхъ горожанъ, освящено прекрасное зданіе «Дома Науки» имени Петра Ивановича Макушина, пожертвовавшаго на зданіе 100.000 рублей и передавшаго оное томскому городскому

общественному управленію. «Домъ Науки» предназначенъ служить помѣщеніемъ для народнаго университета, для правленій мѣстныхъ ученыхъ и просвѣдительныхъ обществъ и для засѣданій и занятій народныхъ учителей Сибири во время ихъ съѣздовъ. Народный университетъ, по мысли его учредителей, имѣть своею задачею распространеніе общаго и въ частности университетскаго образованія въ массѣ населенія и съ этой цѣлью устраиваетъ въ Томскѣ постоянные систематическіе курсы и временные въ другихъ городахъ Сибири. Народный университетъ, не предоставляя слушателямъ никакихъ правъ и преимуществъ, доступенъ для всѣхъ, желающихъ приобщиться къ высшему образованію. Сибирскіе народные учителя и учительницы, пріѣзжая въ Томскъ, имѣютъ право бесплатнаго посѣщенія всѣхъ лекцій въ народномъ университетѣ и всѣхъ его научныхъ кабинетовъ.

Юбилей высшихъ женскихъ курсовъ. Московскіе женскіе высшіе курсы праздновали сорокалѣтній юбилей своего существованія. Инициаторомъ открытыхъ въ Москвѣ сорокъ лѣтъ назадъ «публичныхъ высшихъ женскихъ курсовъ» былъ проф. В. И. Герье. Въ февралѣ 1871 г. онъ подалъ попечителю московскаго учебнаго округа мотивированный докладъ объ открытіи въ Москвѣ двухлѣтнихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Докладъ проф. Герье былъ рассмотрѣнъ въ министерствѣ, и ему разрѣшено въ видѣ опыта открыть курсы только на четыре года. По истеченію четырехъ лѣтъ учредителю курсовъ предоставлялось право ходатайствовать объ учрежденіи устава курсовъ. На такихъ началахъ и были открыты въ Москвѣ 1-го ноября 1872 года первые въ Россіи «публичные высшіе женскіе курсы». Со стороны московскаго общества курсы встрѣтили сочувствіе, выразившееся въ матеріальной поддержкѣ, но въ правительственныхъ сферахъ на дѣло взглянули иначе. Правительство не нашло возможнымъ утвердить учреждавшееся при курсахъ «дамское общество для содѣйствія курсамъ». Въ 1879 году послѣдовало распоряженіе, ограничившее пріемъ на курсы «вольныхъ слушательницъ». Въ 1876 году, когда истекъ четырехлѣтній «опытный» срокъ существованія курсовъ, проф. Герье представилъ въ министерство народнаго просвѣщенія новый проектъ курсовъ, съ расширенной программой. Одновременно было возбуждено и ходатайство о предоставленіи слушательницамъ права преподаванія во всѣхъ классахъ гимназій и институтовъ. Новый проектъ курсовъ съ нѣкоторыми измѣненіями былъ одобренъ. Курсамъ былъ приданъ характеръ «частнаго» учебнаго заведенія, и они были подчинены непосредственному наблюденію попечителя московскаго учебнаго округа. Что касается ходатайства о предоставленіи правъ слушательницамъ, то ученый комитетъ не счелъ возможнымъ удовлетворить его. Въ началѣ 80-хъ годовъ несочувствіе правительства высшему женскому образованію стало сказываться рѣзче. Въ 1882 году послѣдовало распоряженіе о постепенномъ упраздненіи женскихъ врачебныхъ курсовъ. Въ связи съ этимъ стали носиться въ обществѣ тревожные слухи о судьбѣ другихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Тревожные слухи оправдались. 8-го мая 1886 года появилось правительственное сообщеніе: «Въ виду производящагося въ особой комиссіи, учрежденной при министерствѣ народнаго просвѣщенія, рассмотрѣнія вопроса о высшемъ женскомъ образованіи, министерство народнаго просвѣщенія признало нужнымъ

сдѣлать распоряженіе о прекращеніи нынѣ же пріема слушательницъ на существующіе высшіе женскіе курсы означеннаго министерства». Комиссія о пересмотрѣ высшаго женскаго образованія была вызвана къ жизни «запиской» баронессы Э. Ө. Раденъ. Эта «записка» была наполнена нападками на высшее женское образованіе и на учащихся женщинъ. Самъ министръ народнаго просвѣщенія въ своемъ докладѣ оказался солидарнымъ со взглядами баронессы Раденъ. Противники высшаго женскаго образованія могли торжествовать. Высшіе женскіе курсы въ Москвѣ были закрыты въ 1888 году. Только черезъ 12 лѣтъ, благодаря хлопотамъ проф. Герье, могла возобновиться ихъ дѣятельность. 7-го апрѣля 1900 года было высочайше утверждено мнѣніе государственнаго совѣта объ учрежденіи въ Москвѣ высшихъ женскихъ курсовъ, а 15-го сентября того же года послѣдовало ихъ открытіе. Требования жизни заставили расширить программу курсовъ. Такъ, въ программу московскихъ курсовъ въ 1903 году было включено преподаваніе политической экономіи и римскаго права. Въ 1905 году «временное положеніе о курсахъ» было замѣнено высочайше утвержденными 27-го августа 1905 года «временными правилами объ университетской автономіи». Учебные планы и программы преподаванія были сравнены съ университетскими. За эти годы значительно увеличилось и число слушательницъ. Проф. Герье открывалъ курсы при 58-ми слушательницахъ. Въ слѣдующіе годы число слушательницъ доходило до 110, въ 1884 г. ихъ было 213, въ 1903 г.—1,073, въ 1907 г.—3,000. Въ настоящее время число слушательницъ доходитъ до 6,000 человекъ.

Юбилей И. А. Бунина. 28-го октября литературно-артистическая и художественная Москва праздновала 25-лѣтній юбилей литературной дѣятельности И. А. Бунина. Юбиляра чествовали днемъ—въ «Лоскутной» гостиницѣ, гдѣ временно живетъ И. А. Бунинъ, и вечеромъ—въ литературно-художественномъ кружкѣ на большомъ парадномъ банкетѣ. Чествованіе юбиляра на квартирѣ состоялось во второмъ часу дня. Къ этому времени въ гостиницу собрались представители литературныхъ и театралныхъ организаций, московскихъ просвѣтительныхъ обществъ, литераторы, художники и артисты. Юбиляра встрѣтили апплодисментами. Начались привѣтствія и чтеніе адресовъ. Первымъ былъ прочитанъ адресъ отъ академіи наукъ—отъ разряда изящной словесности. «Примите привѣтствіе отъ разряда словесности. Истинный и совѣтливый художникъ,—а таковымъ мы васъ признаемъ,—бываетъ всегда требователемъ къ себѣ сверхъ мѣры, и исчисленіе его заслугъ будитъ въ немъ чувство недовольства собою и тайное раздраженіе противъ его созданій. Намъ хотѣлось бы, чтобы въ день вашего торжества вы полюбили ваши созданія такъ, какъ мы любимъ ихъ за вѣское содержаніе, за любовь къ человѣку, которая такъ чувствуется во всѣхъ воплощенныхъ вами образахъ, за изящество кисти, какой эти образы зарисованы. Пусть 25 лѣтъ вашего служенія искусству будутъ счастливымъ и красивымъ залогомъ грядущихъ работъ. Пусть совѣсть ваша, какъ художника, будетъ спокойна, а всѣ, кому дороги судьбы русской словесности, съ любовью и уваженіемъ произнесутъ ваше имя». Это привѣтствіе было передано юбиляру А. Н. Веселовскимъ и П. Д. Боборыкинымъ. Адресъ былъ подписанъ цѣлымъ рядомъ академикомъ, между прочимъ, А. Ө. Кони, Д. Н. Овсяннико-Куликов-

скимъ, Ѳ. Е. Коршемъ, К. К. Арсеньевымъ, П. Д. Боборыкинымъ и друг. Далѣе слѣдовали адреса отъ имени общества любителей російской словесности—А. Е. Грузинскій и П. Н. Сакулинъ; отъ общества драматическихъ писателей—Вл. И. Немировичъ-Данченко и А. И. Южинъ-Сумбатовъ; отъ кружка «Среда»—Н. Д. Телешовъ, А. Е. Грузинскій, А. А. Корзинкинъ, И. А. Бѣлоусовъ, В. К. Зайцевъ, А. Хитрово; отъ молодыхъ членовъ того же кружка—Д. Я. Голубевъ, Е. С. Курчъ, Бибиковъ и друг., отъ Толстовскаго общества—Н. В. Давыдовъ, А. И. Южинъ, А. Е. Грузинскій, В. С. Бородинскій; отъ общества имени Островскаго—Н. П. Коршъ; отъ общества періодической печати и литературы—Д. А. Жариновъ, Д. Звонарскій и Е. Курчъ; отъ Художественнаго театра—К. С. Станиславскій и Вл. И. Немировичъ-Данченко; отъ литературно-художественнаго кружка—Н. Д. Телешовъ, И. А. Бѣлоусовъ; отъ кассы взаимопомощи литераторовъ—Н. Д. Телешовъ, И. А. Бѣлоусовъ; отъ издательства писателей—С. Д. Разумовскій Д. Я. Голубевъ, А. А. Корзинкинъ; отъ Суриковскаго кружка—Н. Д. Телешовъ; отъ перваго женскаго клуба—г-жа Маньковская, и друг. Отъ большинства депутацій были, кромѣ адресовъ, и подарки. Отъ старыхъ членовъ кружка «Среды» юбиляру былъ поднесенъ въ роскошной панкѣ альбомъ съ портретами всѣхъ членовъ кружка. Отъ друзей и почитателей—красивая серебряная парусная яхта съ надписью «Вѣра», отъ другого кружка почитателей—аккредитивъ на 20,000 франковъ. Отъ Художественнаго театра юбиляру былъ переданъ брильянтовый жетонъ съ изображеніемъ эмблемы театра—чайки. Отъ А. А. Корзинкина юбиляру былъ переданъ художественно сдѣланный слонъ на цвѣточномъ плато съ изображеніемъ экзотическаго уголка изъ пальмъ, мимозъ и орхидей. Отъ г-жи Корзинкиной было прислано очень цѣнное старинное итальянское изданіе «Божественной Комедіи» Данте. Отъ старой «Среды» юбиляру былъ поднесенъ портретъ Пушкина, отъ молодой «Среды»—картина-акварель В. В. Переплетчикова. Цѣлый рядъ депутацій привѣтствовали юбиляра отъ различныхъ журналовъ и газетъ: отъ «Вѣстника Европы»—Д. П. Овсянко-Куликовскій, отъ «Современника», «Вѣстника Воспитанія», «Сибирской Жизни», отъ студенческой «Молодой Жизни» и многихъ другихъ. Затѣмъ произнесли привѣтствія и передали адреса депутаціи отъ высшихъ женскихъ курсовъ Лесгафта, отъ курсовъ драмы Адашева и друг. Юбиляръ былъ растроганъ всѣми этими привѣтствіями и въ отвѣтъ произнесъ только нѣсколько словъ благодарности. Вечеромъ въ литературно-художественномъ кружкѣ состоялся банкетъ. Большой залъ кружка былъ совершенно переполненъ. Налицо обычная публика кружковскихъ банкетовъ,—артисты, многіе литераторы, представители различныхъ ученыхъ и просвѣтительныхъ обществъ. Появленіе юбиляра было встрѣчено по традиціи исполненіемъ туша. Еще до начала рѣчей председатель банкета А. И. Южинъ доложилъ о полученной телеграммѣ отъ Д. Н. Мамина-Сибиряка. Всѣ присутствовавшіе поднялись съ своихъ мѣстъ. Телеграмма гласила слѣдующее: «Маминъ-Сибирякъ привѣтствуетъ Ивана Алексѣевича съ горячими пожеланіями счастья и дальнѣйшаго успѣха на литературномъ поприщѣ». Телеграмма была покрыта аплодисментами, и тотчасъ же было рѣшено послать отъ имени участниковъ банкета телеграмму большому писателю съ пожеланіемъ скорѣйшаго выздоровленія. Первое слово

было предоставлено С. П. Ивановскому, привѣтствовавшему юбиляра отъ имени литературно-художественнаго кружка. Затѣмъ говорили рѣчи: Д. Н. Овсяннико-Куликовскій, А. Е. Грузинскій, П. П. Сакулинъ, заслуженный профессор Р. Ф. Брандтъ, П. П. Петровскій, П. М. Кишкинъ, А. И. Южинъ, привѣтствовавшій юбиляра лично отъ себя и затѣмъ отъ имени Малаго театра, П. Д. Телешовъ и многіе другіе. Юбильяръ получилъ свыше 300 телеграммъ и массу привѣтственныхъ писемъ. Среди прочитанныхъ телеграммъ и писемъ большой успѣхъ имѣло у публики письмо отъ Максима Горькаго, съ острова Капри. Собравшіеся тотчасъ же рѣшили послать писателю отвѣтную телеграмму. Изъ полученныхъ юбиляромъ телеграммъ отмѣтимъ: отъ «кружка русскихъ» съ острова Капри, между прочимъ съ подписями Максима Горькаго и М. Ф. Андреевой, отъ общества взаимопомощи учившихъ и учащихся Самарской губ., отъ самарской городской публичной бібліотеки, отъ общества исторіи литературы, отъ артистовъ малаго театра, отъ неофилологическаго общества петербургскаго университета, отъ московскаго общества народныхъ университетовъ, отъ литературнаго фонда, отъ Л. Андреева: «Любилъ и высоко цѣнилъ твой талантъ и съ радостью присоединяюсь къ привѣтствіямъ, въ которыхъ все русское общество и литература знаменуетъ сегодняшний твой день. Работай на славу. Какъ твой землякъ, орловецъ, радуюсь за нашу Орловскую губернію и отъ лица ея лѣсовъ и полей, тобою любимыхъ, крѣпко цѣлую тебя». Отъ Евг. Чирикова изъ Софіи, отъ В. Васнецова, отъ Ф. Сологуба, отъ Ф. Шаляпина, Ю. Веселовскаго, С. Елпатьевскаго, Ф. Найденова, В. Брюсова, С. Рахманинова, В. Короленко, Евг. Карпова, А. Блока, А. Ремизова, А. В. Будищева, Рышкова, Фидлера, Д. Тихомирова, Г. Чулкова, А. Измайлова, В. Ходотова, художника Костанди, художника Первухина, проф. Безобразова, отъ екатеринославскаго общества любителей художествъ, отъ «товарищества южно-русскихъ художниковъ», проф. С. И. Ростовцева, отъ общества изящныхъ искусствъ, отъ литературно-художественнаго кружка московской молодежи, отъ общества поощренія образованія, отъ Д. В. Философова, В. Муйжеля и многихъ другихъ. Банкетъ прошелъ очень оживленно и закончился поздно ночью.

Десятилѣтній юбилей журнала «Наборщикъ и Печатный Міръ». 20-го октября сего года журналъ «Наборщикъ и Печатный Міръ» вступилъ во второе десятилѣтіе своей жизни. Журналъ былъ основанъ въ 1902 году нынѣшнимъ издателемъ его А. А. Филипповымъ и сразу завоевалъ себѣ симпатіи и вниманіе всѣхъ работающихъ въ области печатнаго дѣла. Журналы подобнаго рода стали издаваться еще съ 1867 года, но всѣ они безъ исключенія не доживали и до пятилѣтія и прекращали свое существованіе въ виду незначительнаго количества подписчиковъ и по другимъ причинамъ. Журналъ А. А. Филиппова съ самаго начала своего существованія намѣтилъ совершенно иной путь: во-первыхъ, выходить въ свѣтъ журналъ сталъ еженедѣльно; во-вторыхъ, серьезное вниманіе основатель новаго журнала обратилъ на бытовую сторону работающихъ въ области печатнаго дѣла, которую ни одинъ изъ его предшественниковъ не затрогивалъ и не освѣщалъ, и, въ-третьихъ, журналъ сталъ выходить аккуратно, въ опредѣленные сроки, по субботамъ. Расчеты

А. А. Филиппова вполне оправдалась, и журналъ прочно основался, приобрѣта громадную популярность среди труженниковъ печатнаго дѣла. Много помогло успѣху новаго журнала и привлеченіе къ сотрудничеству издателемъ его крупныхъ силъ, какъ изъ типографскихъ дѣятелей, напримѣръ, П. П. Коломининъ, И. Г. Галактіоновъ и др., такъ и представителей изящной литературы, напримѣръ, Апполонъ Коринфскій. Въ 11 часовъ утра въ типографіи Кушнерева, управляемой г. Филипповымъ, отъ имени сотрудниковъ послѣдному былъ поднесенъ при соответствующемъ словѣ художественно исполненный альбомъ съ фотографическими карточками всѣхъ принимавшихъ участіе въ журналѣ. И. Г. Галактіоновъ—старѣйшій сотрудникъ журнала—преподнесъ издателю отъ своего имени миниатюрные снимки всѣхъ техническихъ типографскихъ журналовъ, издаваемыхъ въ Россіи; А. Тухтяевъ отдалъ въ распоряженіе редакціи пьесу изъ жизни наборщиковъ, прося напечатать ее въ пользу учрежденія при Петровской колоніи труженниковъ печатнаго дѣла комнаты имени первопечатника Ивана Федорова. Р. Р. Голике поднесъ особый альбомъ-адресъ съ многими подписями. Затѣмъ Н. С. Воробьевъ принесъ поздравленіе отъ имени вспомогательной кассы наборщиковъ и Я. А. Криницкій—отъ похоронной. Были также прочитаны привѣтственные телеграммы отъ наборщиковъ и корректоровъ «Новаго Времени» и отъ служащихъ другихъ типографій. Юбиляръ въ сердечныхъ словахъ благодарилъ всѣхъ присутствующихъ. Множество привѣтственныхъ писемъ и телеграммъ получено А. А. Филипповымъ со всѣхъ концовъ провинціи.

Новые академики. 29-го октября состоялось, подъ предѣлательствомъ М. П. Вяткина, общее собраніе членовъ академіи художествъ, въ которомъ между прочимъ, были произведены выборы новыхъ академиковъ, предложенныхъ въ январскомъ собраніи. Баллотировались 12 живописцевъ и 6 архитекторовъ. Абсолютное большинство избирательныхъ голосовъ получило только 7 кандидатовъ: живописцы С. А. Виноградовъ (22 голосами противъ 15), Е. Е. Лансере (23 противъ 14), Р. Ф. Френцъ (29 противъ 10), Л. В. Поцовъ, (20 противъ 19) и архитекторы А. И. Дмитріевъ (22 противъ 16), М. С. Лялевичъ (19 противъ 17) и М. М. Перетятковичъ (27 противъ 10). Всѣ остальные кандидаты забаллотированы.

Запорожскія древности въ Херсонѣ. 200 лѣтъ тому назадъ вблизи Алешекъ была Запорожская Сѣчь. Сюда, въ предѣлы Крымскаго ханства, скрылись отъ гнѣва Петра Великаго запорожцы, измѣнившіе при нашествіи Карла XII и вмѣстѣ со шведами разбитые на-голову Петромъ при Полтавѣ. За Алешками на берегу Конки, видны еще окопы и слѣды построекъ Сѣчи, просуществовавшей здѣсь до царствованія Анны Іоанновны. Въ Алешкахъ живетъ А. Д. Бутовичъ, любитель старины, давно уже обратившій вниманіе на древности Запорожской Сѣчи, старательно ихъ собирающій. Всю свою коллекцію онъ охотно предоставилъ въ распоряженіе херсонскаго музея. Въ составъ ея входятъ 40 запорожскихъ глиняныхъ люлекъ, 10 стеклянныхъ чарокъ и другіе предметы казацкаго обихода; большая икона тѣхъ временъ на полотнѣ (Богъ Отецъ) изъ разобранной за ветхостью церкви въ с. Брилевкѣ, Днѣпровскаго уѣзда;

старинныя монеты, русскія, польскія и татарскія. Изъ нихъ для музея отобраны только тѣ, какихъ недостаетъ въ херсонскомъ мюнцъ-кабинетѣ; остальные возвращены г. Бутовичу. Интересно упомянуть, что въ Алешковской Сѣчи недавно былъ выкопанъ въ горшечкѣ кладъ—32 мѣдныхъ копейки Петра Великаго, казна какого-то запорожца. Кладъ этотъ также былъ пріобрѣтенъ г. Бутовичемъ (горшечекъ, къ сожалѣнію, нашедшіе разбили и бросили).

НЕКРОЛОГИ.

АНТОНІЙ, митрополитъ. Не стало высокопреосвященнаго Антонія, митрополита с.-петербургскаго и ладожскаго, первенствующаго члена св. синода. Онъ долго боролся съ тяжелымъ недугомъ, ѣздилъ для спеціальнаго леченія на Кавказъ, вернулся оттуда какъ будто бодрымъ, но въ октябрѣ сразу занемогъ, 24-го октября впалъ въ безсознательное состояніе и 2-го ноября скончался. Православная церковь потеряла въ немъ выдающагося по уму и нравственному складу пастыря, св. синодъ опытнаго предсѣдателя и руководителя, столица популярнѣйшаго митрополита. Почившій владыка стоялъ во главѣ с.-петербургской митрополіи съ 1899-г., послѣ кончины высокопреосвященнаго Палладія, и за это время сдѣлалъ многое для обезпеченія духовенства и для болѣе правильной постановки церковнаго дѣла вообще. Ему пришлось пережить годы революціонной смуты, всколыхнувшей и мирную церковную жизнь, и выступить въ 1905 году сторонникомъ умиротворенія родины и духовенства предначертанными волею Государя реформами церковнаго строя. Ему выпало на долю высказаться за созывъ церковнаго собора, организовать подготовительныя для того работы, образовать при св. синодѣ предсоборное присутствіе для разработки и подготовки вопросовъ къ разсмотрѣнію на всероссійскомъ соборѣ. При немъ же возникъ вопросъ и объ учрежденіи патриаршества. Во всей этой подготовительной работѣ ему, какъ первенствующему члену св. синода, пришлось предсѣдательствовать. Какъ предсѣдатель, онъ широко проявилъ присущую ему уравновѣшенность, тактичность, умѣнье согласовать часто противоположныя взгляды и направить общія желанія на вѣрную дорогу къ достиженію цѣли. Онъ давалъ всѣмъ высказываться и ко всѣмъ относился привѣтливо и благожелательно. Вся эта его дѣятель-

ность не привела пока къ окончательнымъ результатамъ, но она обстоятельно выяснила нужды русской православной церкви, столкнула идеи синодальную и патриаршую, вызвала замѣчательный подъемъ духовной жизни нашего священства и выразилась въ нынѣшней подробной разработкѣ законоположеній для предстоящихъ коренныхъ реформъ. Митрополитъ былъ чрезвычайно отзывчивъ къ вопросамъ, выдвигаемымъ жизнью. При немъ многие вопросы первостепенной важности, касавшіеся брака, усыновленія вѣтбрачныхъ дѣтей и развода, получили именно то разрѣшеніе, которое вызывалось назрѣвшими своевременно потребностями. Какъ высшій представитель православной церкви, владыка выдѣлялся и своими личными качествами. Его замѣчательная скромность, чуждая дѣланности, высказалась, между прочимъ, въ первый годъ его митрополичьяго служенія, когда онъ замѣнилъ парадный митрополичій выѣздъ четверкой цугомъ обыкновеннымъ. Его духовное завѣщаніе, въ которомъ онъ проситъ похоронить себя на лаврскомъ братскомъ кладбищѣ въ очередной могилѣ, является также характернымъ фактомъ его замѣчательной личности, чуждой мірской мишуры. Его всегдашнимъ обычнымъ одѣяніемъ была черная ряса; онъ, принявъ монашество, не признавалъ другой, цвѣтной. Черная ряса наиболѣе отвѣчала его воззрѣніямъ на монашество, и даже въ этой мелочи жизни онъ явился образцомъ: съ занятіемъ имъ митрополичьей каѳедры одѣяніе владыкъ разныхъ епархій потеряло общій цвѣтной характеръ. По своимъ взглядамъ почившій владыка былъ противникомъ участія высшаго духовенства въ политической жизни страны. Въ этомъ отношеніи достопримѣчательна его недавняя рѣчь въ св. синодѣ по поводу выбора епископа въ государственную думу. Раньше, въ 1906 году владыка былъ избранъ духовенствомъ въ члены государственнаго совѣта, но, вѣрный своимъ убѣжденіямъ, отказался. Къ академической наукѣ онъ относился съ величайшимъ уваженіемъ и придерживался въ этой области широкаго направленія. Покойный былъ также однимъ изъ выдающихся духовныхъ проповѣдниковъ. Рѣчи его, богатые богословскими знаніями и эрудиціей, художественныя по строенію и стилю, всегда производили сильное и цѣльное впечатлѣніе, будили добрыя чувства и укрѣпляли вѣру въ благость и милость Всевышняго. Почившій владыка, въ мірѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій, родился 3-го августа 1846 года. Онъ былъ сыномъ сельскаго священника, духовное образованіе получилъ въ тамбовской духовной семинаріи и закончилъ его въ казанской духовной академіи въ числѣ лучшихъ студентовъ. Тотчасъ по окончаніи курса въ 1870 году, покойный былъ оставленъ при академіи въ должности доцента по каѳедрѣ гомилетики и пастырскаго богословія. Въ 1871 году утвержденъ въ степени магистра богословія. Смерть жены и трехъ дѣтей глубоко опечалила молодого богослова и направила его въ монашество. Онъ былъ постриженъ въ 1883 году съ переименованіемъ Антоніемъ, въ томъ же году рукоположенъ въ архимандриты и назначенъ въ 1884 году инспекторомъ казанской духовной академіи. Въ слѣдующемъ году переведенъ на должность инспектора с.-петербургской академіи и сталъ читать лекціи по каѳедрѣ изъясненія священнаго писанія Ветхаго Завета. Въ 1887 году былъ уже ректоромъ академіи и рукоположенъ во епископа съ наименованіемъ епископомъ выборгскимъ, викаріемъ с.-петербургской епархіи.

Съ назначеніемъ ректоромъ академіи преосвященный избралъ для своего преподаванія исторію проповѣдничества. Во время ректорства онъ организовалъ вѣббогослужебныя проповѣди студентовъ академіи и взялъ на себя главное руководство ими. Въ качествѣ епископа Выборгскаго, онъ, по порученію митрополита Исидора, неоднократно обозрѣвалъ монастыри и церкви Финляндіи, совершая въ нихъ богослуженія и обращаясь къ паствѣ съ поученіями. При образованіи же самостоятельной финляндской епархіи въ 1892 году владыка, возведенный въ санъ архіепископа, явился ея первымъ епископомъ. Назначенный одновременно для присутствованія въ св. синодѣ, онъ принималъ участіе въ печальной церемоніи погребенія императора Александра III и въ торжествахъ вѣнчанія и коронованія нынѣ царствующаго Государя Императора. Среди русскихъ архіереевъ покойный пользовался извѣстностью и какъ выдающійся богословъ. Изъ его многочисленныхъ статей большинство напечатаны въ духовныхъ журналахъ, отдѣльнымъ же сборникомъ издано сочиненіе: «Изъ исторіи христіанской проповѣди. Очерки и изслѣдованія» (два изданія, 1892 и 1895 гг.). Въ нихъ онъ обстоятельно изслѣдовалъ основные пункты древне-христіанской и древне-русской проповѣди, талантливо разработавъ разнообразный и сложный научный матеріалъ. Въ русской историко-гомилетической литературѣ трудъ этотъ занимаетъ почетное мѣсто. Казанская духовная академія отмѣтила цѣнность этого труда присужденіемъ ему въ 1894 году степени доктора церковной исторіи. Изъ другихъ его сочиненій особенной популярностью пользуются «Слова и рѣчи»—сборникъ проповѣдей, вышедшій недавно третьимъ изданіемъ. Въ бытность свою архіепископомъ финляндскимъ, почившій принималъ видное участіе въ церковно-общественномъ движеніи по вопросу о соединеніи старокатоликовъ съ православными. До конца своей жизни высокопреосвященный былъ председателемъ совѣта императорскаго человѣколюбиваго общества и почетнымъ председателемъ попечительства Маріи Александровны о слѣпыхъ. Императорская академія наукъ потеряла въ немъ одного изъ своихъ почетныхъ членовъ, а Серафимовскій скитъ на Сергіевской, созданный на средства покойнаго,—своего основателя и радѣтеля. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13164).

† **Козыревъ, М. А.** Въ ночь на 10-е октября въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи скончался одинъ изъ крупныхъ народныхъ писателей М. А. Козыревъ, ученикъ и другъ покойнаго поэта И. З. Сурикова. М. А., подмосковный крестьянинъ, такъ же, какъ и покойный Суриковъ, торговалъ въ Ямской въ семидесятихъ годахъ старымъ желѣзомъ, въ маленькой лавочкѣ, потомъ имѣлъ костеваренный заводъ, а нѣсколько лѣтъ назадъ приобрѣлъ въ Бронницкомъ уѣздѣ небольшое имѣніе и занялся хозяйствомъ. Литературную работу началъ въ семидесятихъ годахъ рядомъ разсказовъ изъ народнаго быта, которые онъ печаталъ въ «Развлеченіи», а впослѣдствіи во многихъ изданіяхъ, и выпустилъ рядъ отдѣльныхъ книжекъ разсказовъ, своевременно отмѣченныхъ критикой. М. А. скончался шестидесяти лѣтъ. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 234).

† **Лисенко, Н. В.** Въ Кіевѣ скончался даровитый композиторъ и выдающійся представитель малороссійскаго элемента въ музыкѣ Николай Виталье-

вичъ Лисенко. Онъ родился въ Полтавской губерніи 1-го марта 1846 года. Еще на университетской скамьѣ онъ сталъ народникомъ, посвятивши себя исключительно родной Малороссіи. Онъ писалъ только на малорусскіе сюжеты, пользуясь малороссійскими пѣснями. Занимаясь въ Лейпцигѣ, онъ издалъ нѣсколько сборниковъ пѣсень родимаго края, правда, съ сильной пѣмецкой окраской, что не помѣшало популярности сборниковъ и молодого автора. Популярность его не только въ Кіевѣ, гдѣ онъ поселился, но и по всей Малороссіи и въ Галичинѣ была огромная. Его земляки смотрѣли на него, какъ на музыкальнаго выразителя Украйны, обособляя его отъ великорусской музыки. Композиторъ охотно поддавался этому настроенію. До него Малороссія не имѣла композиторовъ, кромѣ дилетанта Гулакь-Артемовекаго, автора «Запорожца за Дунаемъ». Лисенко явился въ ней первымъ серьезнымъ, хорошо образованнымъ музыкантомъ. Другой талантливый малороссъ, его современникъ, П. П. Сокальскій, не чуждался Великороссіи и не можетъ быть признаваемъ строго малорусскимъ композиторомъ, какъ Лисенко. Этой исключительностью объясняется популярность покойнаго среди земляковъ. Когда въ 1903 году праздновался въ Кіевѣ его юбилей, на него откликнулась вся Малороссія, и даже зарубажная. Это былъ настоящій триумфъ для покойнаго, который тѣмъ болѣе былъ ему цѣненъ, что судьба все-таки не очень баловала его: его оперы не могли даваться часто, за недостаткомъ мѣстныхъ сценъ, не появлялись онѣ и на русскихъ сценахъ. Мѣстное отдѣленіе русскаго музыкальнаго общества относилось къ нему холодно, даже враждебно. Во всякомъ случаѣ его инструментальныя и хоровыя произведенія не появлялись въ концертахъ ни этого отдѣленія, ни обѣихъ столицъ. Лисенко написаны оперетты: «Черноморці» и «Утоплена», оперы: «Тарась Бульба», «Сафо» и «Різдвяна нічъ» («Ночь передъ Рождествомъ» Гоголя) и оперетки для дѣтей: «Пань Коцкій», «Зима и весна», «Юза Дереза». Имъ положено на музыку много отрывковъ изъ «Кобзаря» Шевченка, что, по словамъ малорусскихъ зарубажныхъ газетъ, способствовало въ значительной степени популярности самой поэмы Шевченка. Лисенко отличался большой скромностью. Его оперы, напримѣръ, «Тарась Бульба», по многу лѣтъ оставались въ его портфельѣ, и онъ не предлагалъ ихъ кіевскимъ или другимъ антрепренерамъ. Тѣмъ не менѣе онѣ давались даже въ Одессѣ. Львовскія газеты по случаю юбилея покойнаго высказывали твердую увѣренность, что его оперы войдутъ обязательно въ репертуръ русскаго львовскаго театра. Въ Петербургѣ во время этого юбилея былъ устроенъ почитателями покойнаго специальный концертъ, въ который вошли и отрывки изъ «Різдвяной нічи». Надо думать, что послѣ смерти Лисенка о немъ вспомнить русское музыкальное общество и отнесется къ нему иначе, чѣмъ до сихъ поръ. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13159).

† **Лалаевъ, М. С.** Скончавшійся 28-го октября генераль-отъ-кавалеріи Матвѣй Степановичъ Лалаевъ почти всю свою многолѣтнюю дѣятельность посвятилъ военно-учебному вѣдомству. Онъ былъ сперва бібліотекаремъ, смотрителемъ музея и воспитателемъ 2-го кадетскаго корпуса и съ 1865 г. состоялъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, принимая участіе въ разнообразныхъ комиссіяхъ, занимавшихся разработкой программъ военно-учеб-

ныхъ заведеній и установленіемъ правилъ учебной жизни въ нихъ. Неоднократно командировался для личнаго осмотра кадетскихъ корпусовъ. Вопросы воспитательнаго характера всегда интересовали его и нерѣдко онъ отзывался на нихъ путемъ печатныхъ статей. Изъ этихъ статей назовемъ его отдѣльную брошюру «Сцилла и Харибда за порогомъ школы», изданную по поводу книги проф. Тарновскаго. Изъ другихъ его работъ извѣстны: историческій очеркъ «Императоръ Николай I, зиждитель русской школы» и «Очеркъ жизни и дѣятельности великаго князя Михаила Павловича», составленный къ столѣтію со дня его рожденія. Покойный родился въ 1828 г., образованіе получилъ во 2-мъ кадетскомъ корпусѣ и службу началъ по полевой пѣшей артиллеріи. (Некрологъ его «Новое Время», 1912, г. № 13160).

† **Митинскій, Н. Н.** 24-го октября, послѣ непродолжительной тяжелой болѣзни скончался на сороковомъ году жизни профессоръ Николай Николаевичъ Митинскій. По окончаніи института путей сообщенія въ 1897 г., Н. Н. поступилъ на службу на Николаевскую желѣзную дорогу, гдѣ завѣдывалъ технической частью дороги. Въ 1911 г. онъ былъ назначенъ управляющимъ технической отдѣла министерства путей сообщенія, въ каковой должности состоялъ до самой смерти. Одновременно Н. Н. занималъ кафедру строительной механики въ институтѣ путей сообщенія и въ электротехническомъ институтѣ. Покойный состоялъ также одно время преподавателемъ института гражданскихъ инженеровъ и горнаго института. Н. Н. принималъ широкое участіе въ общественныхъ дѣлахъ, между прочимъ состоялъ гласнымъ петербургской городской думы и примыкалъ къ обновленческой группѣ. Петербургская городская дума въ засѣданіи 24-го октября постановила послать семьѣ скончавшагося гласнаго Н. Н. Митинскаго телеграмму съ выраженіями искренняго соболѣзнованія по случаю его кончины и съ указаніемъ, что смерть Николая Николаевича, принимавшаго ближайшее участіе въ разрѣшеніи многихъ сложныхъ городскихъ вопросовъ, является большою утратою для города. (Некрологъ его: «Рѣчь», 1912, № 293).

† **Мысовская, А. Д.** Въ Нижнемъ-Новгородѣ на семьдесятъ третьемъ году скончалась писательница и поэтесса А. Д. Мысовская. Первые ея стихи были помѣщены въ 1863 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» Некрасова. Она первая обогатила литературу прекраснымъ переводомъ Альфреда Мюссе, печатавшимся въ журналѣ «Пантеонъ Литературы». Въ семидесятыхъ годахъ она написала и перевела нѣсколько пьесъ, между прочимъ «Жену Сократа», шедшую съ большимъ успѣхомъ на московской императорской сценѣ. Извѣстна, между прочимъ, ея переписка съ А. Н. Островскимъ. (Некрологъ ея: «Новое Время», 1912, № 13160).

† **Назарьянцъ, Э. П.** 11-го октября, въ 11 часовъ вечера, скончался священникъ армянской Крестовоздвиженской церкви отецъ Э. П. Назарьянцъ, одинъ изъ выдающихся членовъ московской армянской колоніи, слишкомъ крупная фигура, чтобы можно было очертить ее двумя-тремя штрихами. Высокообразованный, сверхъ того, бесконечно одаренный отъ природы, Э. П. съ первой же встрѣчи производилъ самое выгодное впечатлѣніе. Бесѣдовать съ нимъ было истиннымъ наслажденіемъ. Онъ поражалъ глубиной своихъ знаній,

но при этомъ безконечная скромность его порою граничила съ застѣнчивостью. Совершенно иной характеръ принимала бесѣда, если разговоръ касался одной темы, — когда Э. П. начиналъ разсказывать о желѣзномъ патріархѣ, покойномъ католикосѣ Измириліанѣ. Этотъ армянскій священникъ, затѣмъ изгнанникъ и возстановленный снова въ своихъ правахъ обновленнымъ турецкимъ строемъ, патріархъ Измириліанъ, съ непреклонной волей и прямолинейными взглядами, не считавшійся съ желаніями правящаго большинства, нашелъ поклонника-фанатика въ лицѣ Э. П. Но это относится къ области личныхъ впечатлѣній. Широкимъ кругамъ армянскаго общества Э. П. былъ извѣстенъ, какъ писатель, беллетристъ и публицистъ. Между прочимъ одинъ его разсказъ изъ священной истории написанъ имъ на русскомъ языкѣ. Покойный Э. П., кромѣ того, былъ однимъ изъ старѣйшихъ сотрудниковъ армянской газеты «Мшакъ». (Некрологъ его: «Русское Слово», 1912, № 235).

† **Пападопуло-Керамевсъ, А. И.** 17-го октября скончался приватъ-доцентъ ново-греческой словесности въ петербургскомъ университетѣ Аѳанасій Ивановичъ Пападопуло-Керамевсъ. Покойный—грекъ по происхожденію, сынъ священника эфесской епархіи, родился въ 1856 г. въ Дракіи, въ Фессалии. Образование получилъ въ малоазіатскомъ городѣ Смирнѣ. Съ 1873 г. по 1879 г. онъ былъ директоромъ смирнскаго археологическаго музея, затѣмъ поселился въ Константинополь и принималъ тамъ дѣятельнѣйшее участіе въ греческомъ филологическомъ обществѣ въ качествѣ члена совѣта и секретаря, съ 1887 г. до своего переселенія въ 1890 г. въ Петербургъ былъ личнымъ секретаремъ іерусалимскаго патріарха Никодима. Служба не помѣшала покойному посвящать свои силы и знанія археологическимъ и палеографическимъ изысканіямъ, историческимъ и топографическимъ изслѣдованіямъ древнихъ греческихъ городовъ и биографическимъ описаніямъ жизни и дѣятельности преимущественно александрійскихъ и константинопольскихъ патріарховъ. Съ археологической цѣлью онъ совершилъ нѣсколько путешествій по Малой Азіи, по островамъ Хіосу и Родосу. Первое его знакомство съ Россіей было въ 1884 г., когда онъ пріѣхалъ въ Одессу на археологическій съѣздъ въ качествѣ делегата греческаго филологическаго общества. Въ 1887 г. московскій университетъ удостоилъ его за ученые труды степенью доктора греческаго языка, словесности и древностей, въ 1890 г. онъ переѣхалъ въ Петербургъ для предпринимавшагося тогда Палестинскимъ обществомъ изданія каталога греческихъ рукописей, находившихся въ библіотекахъ іерусалимской патріархіи, и черезъ два года былъ приглашенъ читать ново-греческую словесность въ петербургскомъ университетѣ. Съ этого времени онъ былъ приватъ-доцентомъ университета и одновременно служилъ въ императорской публичной библіотекѣ, будучи въ послѣдніе годы библіотекаремъ богословскаго отдѣленія. Покойному принадлежитъ цѣлый рядъ ученыхъ трудовъ, опубликованныхъ по преимуществу на греческомъ языкѣ, нѣкоторые изъ нихъ напечатаны по-русски. (Некрологъ его: «Новое Время», 1912, № 13151).

† **Смирновъ, Н. П.** Въ Казани скоропостижно скончался стипендіатъ казанскаго университета Николай Петровичъ Смирновъ. Уже на второмъ курсѣ покойный написалъ сочиненіе, удостоенное золотой медали. Въ третій годъ

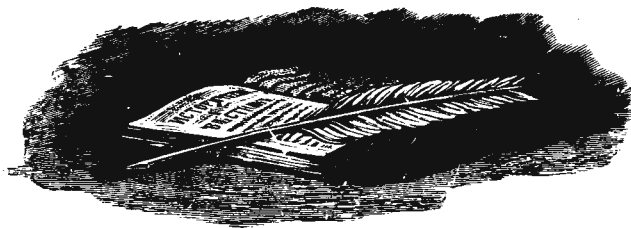
своего пребывания въ университетѣ Н. П. написалъ другое сочиненіе («Классическое образованіе на русской почвѣ»), тоже удостоенное золотой медали. Состоя по окончаніи университета профессорскимъ стипендіатомъ, Н. П. въ то же время преподавалъ русскую литературу въ Родионовскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ. Н. П. не ограничивался классными занятіями. Онъ съ готовностію шелъ навстрѣчу стремленіямъ воспитанницъ, неоднократно устраивая внѣклассныя литературныя бесѣды. Параллельно съ преподаваніемъ въ институтѣ, Н. П. усиленно развивалъ свою научную дѣятельность, преимущественно по исторіи древней русской литературы. Онъ былъ членомъ недавно возродившагося педагогическаго общества при казанскомъ университетѣ и принималъ участіе въ дѣятельности литературной секціи казанскаго общества народныхъ университетовъ. (Некрологъ его: «Школа и Жизнь», 1912, № 43)-

† **Тилингъ, Г. Ф.** 26-го октября скончался бывший директоръ императорскаго клиническаго института великой княгини Елены Павловны профессоръ Г. Ф. Тилингъ. Покойный родился въ 1850 г. въ Ригѣ, гдѣ окончилъ гимназію. По окончаніи медицинскаго факультета дерптскаго университета, Г. Ф. въ 1875 г. былъ назначенъ ассистентомъ дерптской хирургической клиники профессора Э. Бергмана. Въ 1876 г. подъ руководствомъ доктора К. Рейера отправился съ дерптскимъ санитарнымъ отрядомъ на сербско-турецкую войну и состоялъ сначала ординаторомъ, а потомъ и завѣдующимъ больницей для тяжело раненыхъ этого отряда въ городѣ Свилайнацѣ. Вернувшись послѣ перемирія 1876 года въ Россію, Г. Ф. въ слѣдующемъ году защитилъ диссертацию на степень доктора медицины. «Отчетъ о леченіи 142 огнестрѣльныхъ раненій въ сербско-турецкой войнѣ» сразу выдвинулъ его въ ряды выдающихся хирурговъ. Вскорѣ Г. Ф. бросаетъ службу въ клиникѣ и ѣдетъ во главѣ голландско-русскаго походнаго лазарета на Кавказъ, завѣдуя во время русско-турецкой войны этимъ лазаретомъ въ Тифлисѣ, Александрополѣ и Кутаисѣ. Въ 1878 г. поступилъ ординаторомъ въ Александровскую больницу въ память 19-го февраля 1861 г. въ Петербургѣ, а въ 1885 г. перешелъ на должность старшаго ассистента хирургической клиники профессора Монастырскаго при вновь открытомъ императорскомъ клиническомъ институтѣ великой княгини Елены Павловны. Въ 1887 г. получилъ доцента и послѣ смерти профессора Монастырскаго— въ 1889 г. выбранъ профессоромъ при институтѣ, директоромъ котораго состоялъ съ 1902 до 1909 года. (Некрологъ его: «Петерб. Вѣдом.», 1912 г., № 243).

† **Тарновскій, А. К.** Скончался старшій инспекторъ книгопечатанія и книжной торговли Анатолій Константиновичъ Тарновскій. По женской линіи покойный А. К. являлся послѣднимъ представителемъ извѣстнаго стариннаго рода Ордынъ-Нащокиныхъ. Воспитывался А. К. въ Пажескомъ корпусѣ, затѣмъ нѣкоторое время былъ офицеромъ лейбъ-гвардіи казачьяго полка. Затѣмъ А. К. оставилъ военную службу и въ теченіе 15 лѣтъ занималъ должность земскаго начальника съ Серпуховскомъ уѣздѣ. Здѣсь онъ пользовался большою любовью среди крестьянъ. Съ 1905 года А. К. перевелся въ Москву и здѣсь занималъ постъ старшаго инспектора книгопечатанія и книжной торговли. Не чуждъ былъ покойный и искусству, литературѣ и музыкѣ. Онъ былъ хорошій музыкантъ и составилъ много популярныхъ цыганскихъ романсовъ, изъ которыхъ наибольш-

шимъ распространѣніемъ пользовались «Очи черныя», «Съ улыбкой радости» и др. Скончался онъ послѣ тяжелой и продолжительной болѣзни отъ паралича сердца, послѣдовавшаго за воспаленіемъ легкихъ. Скончался А. К. 53 лѣтъ. (Некрологъ его см.: «Голосъ Москвы», 1912 г., № 252).

† **Ціонъ, И. Ѳ.** Въ Парижѣ скончался бывшій профессоръ медицинской академіи Илья Ѳаддеевичъ Ціонъ. Онъ былъ однимъ изъ немногихъ русскихъ ученыхъ, которымъ судьба улыбалась. При жизни онъ имѣлъ не всѣмъ доступное счастье видѣть, что его научные труды признаны и оцѣнены по достоинству Западною Европой. Образование онъ получилъ въ варшавской медико-хирургической академіи, въ кievскомъ и берлинскомъ университетахъ; съ 1870 г. читалъ лекціи по физиологіи въ петербургскомъ университетѣ, а спустя два года занялъ кaeдру въ военно-медицинской академіи. Какъ физиологъ, онъ приобрѣлъ большую извѣстность изслѣдованіями сосудистой системы. Большая часть его работъ написана на нѣмецкомъ и французскомъ языкахъ, а одна ихъ нихъ (объ открытомъ имъ *pergus depressor*) удостоилась Монтионовской премии отъ парижской академіи наукъ. Его же перу принадлежитъ много цѣнныхъ трудовъ въ специальной медицинской области. Къ несчастью, И. Ѳ. уклонился отъ своего призванія—науки—и въ послѣднія двадцать лѣтъ съ тою же неослабною энергіей сталъ работать въ чужой ему области политическихъ и финансовыхъ вопросовъ. Его не въ мѣру ретроградныя тенденціи отдалили отъ него передовую часть русскаго общества, а рядъ брошюръ противъ Вишнеградскаго и С. Ю. Витте поссорилъ его и съ официальными сферами. Послѣ появленія одной изъ его брошюръ, изданной въ Парижѣ, И. Ѳ. Ціонъ былъ вызванъ въ Россію для объясненій, но не пожелалъ явиться и былъ осужденъ на изгнаніе изъ отечества. (Некрологъ его: «Голосъ Москвы», 1912, № 245).

XXXIV.

Рѣшающее соединенное совѣщаніе министерства, государственнаго совѣта и врачей состоялось подъ предсѣдательствомъ князя Филиппа. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ добился того, чего хотѣлъ. Старательно собранный имъ документальный матеріалъ, отзывъ четырехъ врачей, выдающихся авторитетовъ въ своей специальности, наконецъ показанія дворцовыхъ слугъ—все это не оставляло никакого сомнѣнія въ томъ, что герцога Альфредъ боленъ. Быстрый образъ дѣйствій сдѣлался теперь обязанностью, и тѣмъ не менѣе князь Филиппъ еще медлил!

Онъ не могъ и не хотѣлъ рѣшиться на страшный шагъ, который, какъ онъ предвидѣлъ и предчувствовалъ, долженъ былъ повлечь за собой неисчислимыя послѣдствія. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ пріѣзжалъ къ нему нѣсколько разъ, и каждый разъ получалъ отъ него отвѣтъ, что онъ хочетъ еще нѣкоторое время подумать. Наконецъ онъ нехотя уступилъ.

Отвѣтственные чины короны, несмотря на возраженіе Бауманна-фонъ-Брандта, рѣшили, по желанію князя Филиппа, что официальный манифестъ о назначеніи регентства будетъ обнародованъ и вступить въ силу только тогда, когда Альфредъ, какъ царствующій герцогъ, будетъ увѣдомленъ съ соблюденіемъ всѣхъ формальностей о всемъ томъ, что произошло въ Кронбургѣ. По настойчивому приказанію князя Филиппа, должностныя лица даже тѣхъ мѣстъ, которыя лежатъ ближе всего къ новому дворцу, не были поставлены въ извѣстность о рѣшеніи новаго правительства. Даже въ Кронбургѣ народъ не зналъ навѣрно, въ чемъ дѣло; предвидѣли только нѣчто небывалое. Сообщенія иностранныхъ газетъ и иностранцевъ, живущихъ за предѣлами герцогства, опровергались подъ давленіемъ князя Филиппа и его совѣтниковъ самымъ рѣшительнымъ образомъ.

Въ общемъ, однако, князь Филиппъ слѣдовалъ совѣту стараго, испытаннаго совѣтника короны Бауманна-фонъ-Брандта. Какъ уже назначенный регентъ, онъ предоставилъ ему портфель министра финансовъ и сдѣлалъ его министромъ-президентомъ.

По предложенію Бауманна-фонъ-Брандта была созвана особая государственная коммисія, которая должна была передать герцогу Альфреду бумаги отъ князя-регента и приняться за его леченіе, возможно снисходительное, какъ выразился князь Филиппъ. Коммисія состояла изъ министра-президента, изъ членовъ государственнаго совѣта Штейнгейма и Лехфельда, юстицрата Эрннга, старшаго лейтенанта графа Вейсенберга, доктора и его помощниковъ.

Благодаря нерѣшительности князя Филиппа, коммисія запоздала выѣхать на цѣлый день.

Была безвѣздная, дождливая весенняя ночь, когда кронбургскій поѣздъ съ совѣтниками новаго правителя остановился на небольшой станціи, лежавшей у Гогенарбурга.

Выйдя первымъ изъ вагона, Бауманнъ-фонъ-Брандтъ невольно вспомнилъ о томъ многознаменательномъ днѣ, когда много лѣтъ тому назадъ онъ также выходилъ здѣсь изъ вагона, чтобы извѣстить восемнадцатилѣтняго герцога о смерти его отца и о вступленіи его на престолъ. Нѣсколько лѣтъ прошло послѣ этого и какихъ лѣтъ!

Словно сіяющее солнце, появился на небѣ этой страны этотъ юноша, а теперь, по его предложенію, онъ долженъ погрузиться въ вѣчный мракъ!

Ни слова не сказалъ министр-президентъ. Его жестокія черты, казалось, были высѣчены изъ камня, были неподвижны, не выдавали ни одной его мысли. Никто не могъ бы дать себѣ отчетъ въ томъ, что испыталъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ въ этотъ страшный часъ послѣднихъ счетовъ съ тѣмъ, кто нѣкогда однимъ почеркомъ пера сбросилъ его со ступеней трона. Испытывалъ ли онъ удовлетвореніе или печаль, месть или горе, радость или страданіе?

Заранѣе приготовленные для членовъ комиссіи экипажи быстро ѣхали въ Гогенарбургъ подъ высокими деревьями, поникшими отъ дождя.

Ничто не шевелилось въ эту темную, какъ смоль, ночь. Вѣтеръ затихъ. Тяжело обвисли мокрыя вѣтви высокихъ вязовъ, обрамляющихъ дорогу, и какъ бы плакали тысячами слезинокъ. Нигдѣ ни одного огонька. Жуткая тишина лежала надъ уединенной долиной, которую этотъ несчастный, но обожаемый герцогъ любилъ больше всѣхъ другихъ въ своемъ герцогствѣ. Деревеньки, расположенныя у подножія Гогенарбурга, видимо, спали, и ихъ вѣрные жители и не подозрѣвали, что предстояло ихъ герцогу.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ довольно кивнулъ головой. Такъ будетъ лучше всего, если онъ въ эту же ночь быстро и безъ шума совершитъ свое неслыханное дѣло.

Мрачная рѣшимость видѣлась на тонкомъ лицѣ придворнаго врача, авторитетъ котораго служилъ послѣдней инстанціей въ вопросѣ о смертномъ приговорѣ надъ герцогомъ, и которому теперь приходилось нести отвѣтственность за все то, что можетъ произойти.

Медленно подвигались экипажи по улицамъ деревни. Никого не было видно въ окнахъ. Казалось, маленькая деревенька находилась въ волшебномъ снѣ. Иногда то тутъ, то тамъ лаяли собаки, вскрикивали проснувшіеся пѣтухъ.

На маленькой колокольнѣ деревенской церкви стали бить часы, и бой ихъ дрожа расплывался во мракъ ночи.

Было три часа утра. Въ Кронбургѣ рассказывали, что это самое удобное время, для переговоровъ съ герцогомъ.

Изъ волнъ тумана, который словно траурной пеленой окутываль въ эту ночь вершины могучихъ горъ, проглянули очертанія огромнаго замка св. Граала и старинной крѣпости Гогенарбурга. Какая-то дрожь благоговѣнія охватила Бауманна-фонъ-Брандта при этомъ величавомъ зрѣлищѣ.

Тамъ вверху жилъ ибѣктѣ, стоявшій выше всѣхъ смертныхъ! Онъ и теперь еще стѣбитъ выше всѣхъ людей! А онъ! Какъ волкъ, какъ лисица, крадется онъ въ эту темную ночь, чтобы его...

Все было темно въ замкѣ и въ Гогенарбургѣ. Неужели въ концѣ концовъ его неправильно освѣдомили о привычкахъ Альфреда? Неужели онъ, какъ и всѣ другіе люди, спитъ въ этотъ часъ въ своей раззолоченной кровати и не предчувствуетъ ничего?.. Не похожъ ли онъ на Макбета, который убилъ сонъ?

Ни одного огонька ни въ замкѣ, ни въ Гогенарбургѣ! Члены комиссіи вопросительно глядѣли другъ на друга. Бауманнъ фонъ-Брандтъ быстро отдалъ приказъ сейчасъ же ѣхать по широкой изгибистой дорогѣ къ замку.

Съ трудомъ потащились лошади, уже сдѣлавшія большой путь, по великолѣпной дорогѣ, ведшей наверхъ.

Посланцы князя Филиппа молча сидѣли въ экипажахъ.

Наконецъ поднялись на вершину скалы. Экипажи остановились.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вышелъ.

Навстрѣчу ему двинулся часовой.

— Именемъ его свѣтлости князя Филиппа, регента этой страны, приказываю дать намъ пропускъ. Мы должны передать его высочеству герцогу его собственноручное письмо.

Солдатъ молча порылся въ карманѣ и показалъ министру-президенту собственноручный приказъ герцога.

«Подъ страхомъ смертной казни не пропускать никого, даже комиссію. Кто будетъ пробиваться силою, того разстрѣливать по законамъ военного времени. Альфредъ».

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ вздрогнулъ, прочитавъ этотъ приказъ. Однако онъ овладѣлъ собою и сказалъ часовому:

— Позови караульнаго офицера!

Солдатъ покачалъ головой.

— Подъ страхомъ смертной казни мнѣ запрещено покидать и стѣ.

Тогда Бауманнъ-фонъ-Брандтъ самъ дернулъ за звонокъ, который шелъ отъ воротъ замка въ помещеніе караула.

Въ мертвой тишинѣ раздался дребезжащій звукъ колокольчика.

И вдругъ во всѣхъ золотыхъ залахъ, на лѣстницѣ, на башнѣ загорѣлись тысячи свѣчей. Служителямъ было приказано при малѣйшемъ шорохѣ въ эту ночь освѣтить все зданіе, какъ днемъ.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Зрѣлище было изумительное, но, очевидно... тутъ ко всему были готовы. Очевидно, въ Гогенарбургѣ уже знали объ отъѣздѣ и прибытіи комиссіи, ко-

торое онъ держалъ въ тайнѣ. Теперь приходилось быть на сторожѣ: тутъ могло произойти все. А князь Филиппъ настоялъ на томъ, чтобы отложить официальный манифестъ о назначеніи регентства. Въ глазахъ народа не онъ былъ царствующимъ государемъ, а этотъ, герцогъ!..

Караульный офицеръ подошелъ къ Бауманну. Выслушавъ его, онъ съ сожалѣніемъ пожалъ плечами.

— Все то, что ваше превосходительство изволите говорить, можетъ быть, и вѣрно. Но мы не получали объ этотъ никакого извѣщенія изъ Кронбурга. Мы имѣемъ строгій приказъ его высочества разстрѣлять каждаго, кто вздумаетъ пробраться въ замокъ хитростью или силою. И мы исполнимъ этотъ приказъ нашего царствующаго государя, будете въ этомъ увѣрены. Поступить иначе значило бы быть предателемъ. По желанію его высочества, командантомъ этого замка и главнокомандующимъ его гарнизономъ состоитъ адъютантъ его высочества фонъ-Ласфельдъ.

— А эта бумага отъ князя?

— Князь Филиппъ пока для насъ частный человѣкъ, ваше превосходительство. Герцогъ—Альфредъ. Мы присягали ему, и насъ никто отъ этой присяги не освободить. Мы исполняемъ нашу обязанность.

За воротами послышалось бряцанье оружіемъ. Карауль сталъ подъ ружье.

— Заряжай,—послышалась команда. Бауманнъ-фонъ-Брандъ ясно слышалъ ее.

— Въ такомъ случаѣ, мы вернемся въ Гогенарбургъ, и вы получите изъ Кронбурга дальнѣйшія распоряженія.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ сѣлъ въ экипажъ.

Обратно ѣхали тою же дорогой, ѣхали, что называется, ни съ чѣмъ. Что же теперь дѣлать?

Что такое произошло? Всѣ деревни вдругъ пробудились отъ сна. Освѣщеніе дворца было для нихъ знакомъ. Народъ слѣшилъ изъ всѣхъ ущелій и долинъ.

Въ карету Бауманна-фонъ-Брандта ударился камень и разбилъ вдребезги оконное стекло. Бѣшено гнали внизъ лошадей, чтобы, по возможности, спасти членовъ комиссіи. Явились жандармы и пожарные окрестныхъ мѣстностей. Они были вооружены съ ногъ до головы и усѣяли горную дорогу, готовясь защищать герцога.

Толпы крестьянъ съ ружьями, цѣпами, крюками и топорами, вилами и ножами покрывали всю долину.

— На жизнь и смерть за герцога!—громѣлъ многотысячный крикъ въ мертвой тишинѣ горъ.

Этотъ крикъ относился до Бауманна-фонъ-Брандта и его спутниковъ, какъ гласъ суда.

Въ бѣшеной скачкѣ неслись внизъ экипажи.

Сотни факеловъ и огней, которые принесли съ собою горные жители, свѣтились во мракъ этой ночи. И Бауманнъ-фонъ-Брандтъ понялъ, что они рѣшились охранять гнѣздо орла.

Комиссія нашла убѣжище въ покинутой кордегардіи Гогенарбургскаго замка. Деревенскій староста старался водворить здѣсь спокойствіе: нужно выждать, не слѣдуетъ прибѣгать къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Изъ устъ въ уста передавался слухъ, что, по приказанію герцога, двинулся въ походъ цѣлый батальонъ, который будетъ здѣсь черезъ часъ. Онъ освободитъ герцога и перестрѣляетъ измѣнниковъ.

На небольшой телеграфной станціи въ Гогенарбургѣ шла лихорадочная работа. Бауманнъ-фонъ-Брандтъ хотѣлъ извѣстить обо всѣмъ Кронбургъ, но телеграммы его рѣшительно не приняли. Станція была предоставлена въ распоряженіе только одного герцога.

Приказъ о выступленіи одного батальона, подписанный Альфредомъ и комендантомъ фонъ-Ласфельдомъ, былъ дѣйствительно отправленъ въ ближайшій гарнизонъ. Теперь телеграфъ работалъ, передавая въ Кронбургъ манифестъ Альфреда. Въ немъ князь Филиппъ обвинялся въ государственной измѣнѣ вмѣстѣ съ членами государственнаго совѣта, армія призывалась сплотиться вокругъ герцога, народъ вооружиться и стать на его защиту.

Таковъ былъ высочайшій приказъ.

Онъ былъ отправленъ къ коменданту столицы, который отъ имени герцога долженъ былъ передать его арміи, генеральному штабу и офицерамъ.

Наконецъ Бауманну-фонъ-Брандту удалось послать пѣшкомъ въ ближайшій городъ своего кучера, переодѣтаго крестьяниномъ. Тамъ онъ долженъ былъ дать телеграмму его свѣтлости князю Филиппу, въ которой вновь назначенный министръ-президентъ просилъ о немедленномъ объявленіи регентства.

Министръ-президентъ и его спутники остались дожидаться утра въ помѣщеніи кордегардіи. Что-то оно имъ принесетъ! Кроваво-красное, оно медленно поднималось надъ горными пропастями.

Въ девятомъ часу въ Гогенарбургѣ появился офицеръ герцогской лейбъ-гвардіи въ сопровожденіи конвоя и предъявилъ приказъ:

«Комиссію арестовать и представить безотлагательно для казни въ мой замокъ. Альфредъ».

А изъ Кронбурга попрежнему никакихъ вѣстей, никакихъ распоряженій, на основаніи которыхъ можно было бы дѣйствовать энергично и успокоить населеніе, приготовившееся къ смертному бою за герцога.

Бауманнъ-фонъ-Брандтъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

«Для казни!» Что если онъ въ самомъ дѣлѣ имѣетъ дѣло съ людьми, готовыми повиноваться этому сумасшедшему?

Между тѣмъ распоряженія впаваго въ безумную ярость герцога сыпались градомъ.

Бауманна-фонъ-Брандта должны доставить ему живого, онъ будетъ замученъ до смерти на его глазахъ. Врачей, которые осмѣлились на такое дѣло, онъ велитъ изжарить на своей придворной кухнѣ живьемъ и будетъ кормить ихъ мясомъ своихъ собакъ. Къ остальнымъ онъ будетъ милостивъ и велитъ сбросить ихъ въ зияющую пропасть горныхъ ущелій!

Лишь бы только солдаты были здѣсь и подошгль батальонъ, который онъ вызвалъ, а за нимъ и вся армія, которой онъ приказалъ черезъ коменданта Кронбурга хранить непоколебимую вѣрность ему.

Вооруженный съ ногъ до головы, Альфредъ стоялъ въ золотой столовой возлѣ Ласфельда. Онъ будетъ сражаться и одержитъ побѣду, отомститъ врагамъ, выдумаетъ ненавистнымъ дьявольскую, еще невиданную казнь.

Офицеръ герцогской лейбъ-гвардіи не хотѣлъ слушать никакихъ объясненій: Бауманнъ-фонъ-Брандтъ съ двумя своими спутниками должны итти въ новый дворецъ. Тамъ въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій герцога они должны быть заключены въ башню надъ воротами, остальные будутъ содержаться подъ военнымъ карауломъ въ кордегардіи Гогенарбурга.

XXXV.

Черезъ короткое время караульный офицеръ снова явился въ Гогенарбургъ. На этотъ разъ всѣ члены комиссіи, какъ плѣнники, были препровождены подъ сильнымъ конвоемъ въ новый герцогскій замокъ.

Равнина и дороги къ замку уподобились военному лагерю. Всѣ мѣловыя скалы были заняты вооруженными людьми, готовыми по первому знаку герцога броситься на пріѣзжихъ изъ Кронбурга и покончить съ ними. Они стояли въ угрожающемъ положеніи.

Докторъ и его ассистенты сильно струсили при этомъ зрѣлищѣ.

Дворцовый карауль принялъ ихъ. «Впредь до дальнѣйшихъ распоряженій герцога», какъ имъ сказали, ихъ заперли въ ту же башню надъ воротами, гдѣ находился уже Бауманнъ-фонъ-Брандтъ. Всѣ представленія, сдѣланныя въ Гогенарбургѣ, не привели ни къ чему, не помогло и предъявленіе подписаннаго княземъ Филиппомъ указа о назначеніи регентства. Населеніе этихъ горъ хранило непоколебимую вѣрность герцогу, казавшемуся для нихъ божествомъ въ хорошие и плохіе дни, который и теперь былъ еще для нихъ непоколебимымъ божествомъ.

Безпокойно ходилъ Альфредъ въ своихъ раззолоченныхъ апарта-ментахъ. Онъ часто подходилъ къ окну, его взглядъ блуждалъ по дивной панорамѣ, которую теперь завлакивала тучка тяжелаго лѣтняго дождя. Ему вспомнились дни волшебнаго счастья, величаваго царственнаго уединенія, въ которомъ онъ жилъ, высоко надъ всѣми смертными людьми, а теперь?

Нѣтъ, онъ одержитъ побѣду, его телеграфный приказъ уже пошелъ въ Кронбургъ. Ласфельдъ уже вызвалъ вѣрный батальонъ изъ ближайшаго гарнизона. Его солдаты явятся и займутъ этотъ замокъ, поднимется весь его народъ и окажетъ сопротивленіе измѣнникамъ. Онъ соберется около него, своего герцога, если только и здѣсь, въ горахъ, не найдется измѣнника.

И тогда горе врагамъ его!

Горе Бауманну-фонъ-Брандту и его авторитетамъ—арлекинамъ и паяцамъ, которые осмѣлились посягнуть на его герцогское величіе и въ угоду другимъ объявить его, помазанника Божія, больнымъ! О, онъ встрѣтилъ бы ихъ штыками и пулями, если бъ уже былъ здѣсь батальонъ, котораго онъ такъ нетерпѣливо ждалъ.

Вошелъ адъютантъ фонъ-Ласфельдъ.

— Ваше высочество!

— Послали ли вы уже манифестъ къ моему народу и войску, Ласфельдъ, отправленъ ли уже приказъ батальону и депеша его королевскому высочеству кронпринцу?

— Ваши приказанія уже исполнены, ваше высочество. Комендантъ Кронбурга объявить столицѣ вашъ призывъ къ соблюденію присяги. Отвѣтъ его королевскаго высочества также скоро будетъ у васъ въ рукахъ.

— Отлично! Все идетъ хорошо! О, негодяи! Я велю зажарить ихъ живьемъ на моей кухнѣ и кормить собакъ этимъ лакомствомъ, понимаете? А для Бауманна-фонъ-Брандта и этихъ его авторитетовъ, обезьянъ его превосходительства, я выдумаю такую казнь, о которой никто еще не слышалъ! Я запру этихъ обезьянъ въ клѣтку и буду показывать ихъ народу, какъ первоклассную рѣдкость. Да, да, да, все это я сдѣлаю, Ласфельдъ.

— Ваше высочество! Ваша самоувѣренность и мужество дѣлаютъ вамъ честь, но...

— Что но?

— Вашему высочеству не слѣдуетъ въ такой рѣшительный часъ упускать изъ виду и благоразуміе.

— Благоразуміе?

— Да.

— Говорите, Ласфельдъ.

— Положеніе, которое заняли власти въ Гогенбургѣ, заставляетъ задуматься.

— Что это значитъ?

— Если я не ошибаюсь, начальникъ округа отправилъ въ Кронбургъ телеграфный запросъ.

— О чемъ? И почему?

— Миѣ сказалъ объ этомъ по секрету одинъ чиновникъ герцогскаго почтамта.

— Запросъ о чемъ?

— Я не смѣю этого сказать, ваше высочество...

— Я приказываю вамъ, Ласфельдъ.

— Запросъ о томъ, дѣйствительно ли дядя вашего высочества, князь Филиппъ, назначилъ регентство...

— Регентство?

При этомъ словѣ Альфредъ поблѣднѣлъ, какъ полотно.

— Регентство, Ласфельдъ?—повторилъ онъ еще разъ.—Это значить, что въ Кронбургѣ за моей спишой украли мою корону.

— Да, ваше высочество.

— Да...

Съ минуту герцогъ стоялъ, какъ окаменѣлый.

— И начальникъ округа спрашивалъ объ этомъ... и если отвѣтъ изъ Кронбурга?..

— Если отвѣтъ будетъ полученъ въ утвердительномъ смыслѣ, тогда, ваше высочество...

— Тогда?..

Ласфельдъ молчалъ.

— Нужно повѣсить измѣнниковъ, Ласфельдъ, и этого начальника округа. Понимаете Ласфельдъ? Это мой приказъ. Пусть дворцовый караулъ немедленно выведетъ всѣхъ членовъ этой проклятой комиссиі на дворъ замка и разстрѣляетъ ихъ сейчасъ же на моихъ глазахъ, такъ приказываетъ благоразуміе, Ласфельдъ.

— Ваше высочество!

— Идите, торопитесь исполнить мой приказъ. Впрочемъ, подождите. Не на моихъ глазахъ, нѣтъ, нѣтъ! Я не могу видѣть кровь! Нѣтъ, нѣтъ!

Ласфельдъ удалился.

Что ему дѣлать? Неужели герцогъ въ самомъ дѣлѣ объявилъ своимъ манифестомъ кровавое военное право? Неужели это было единственнымъ средствомъ? А тѣ въ Кронбургѣ?...

Въ глубокомъ раздумѣ шелъ онъ по двору замка, направляясь къ помѣщенію караула, чтобы посоветоваться съ караульнымъ офицеромъ.

Войдя въ кордегардію, онъ увидѣлъ начальника мѣстнаго округа. У него въ рукахъ была телеграмма, гласившая, что собственноручный указъ князя Филиппа о регентствѣ, скрѣпленный отвѣтственными министрами, вступилъ въ силу.

Слезы стояли на голубыхъ глазахъ человѣка, передававшего ему эту телеграмму. Высокій Ласфельдъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ и зарыдалъ, какъ дитя.

Герцогъ погибъ. Это извѣстіе изъ Кронбурга возвращало свободу членамъ комиссіи, освобождало и его самого, и гогенарбургскихъ властей отъ присяги на вѣрность и дѣлало изъ нихъ государственныхъ измѣнниковъ, если бы они исполняли распоряженія лишеннаго престола и объявленнаго душевно-больнымъ герцога.

Въ эту тяжелую минуту Ласфельдъ понялъ положеніе вещей.

Вслѣдствіе этой телеграммы, по распоряженію начальника округа, который бралъ на себя всю отвѣтственность, члены комиссіи были освобождены изъ-подъ ареста. Сначала вышелъ Бауманнъ-фонъ-Брандтъ, затѣмъ его спутники. Съ ближайшимъ поѣздомъ они вернулись въ Кронбургъ.

Только докторъ и его ассистенты остались въ Гогенарбургѣ и ожидали страшнаго часа окончательной развязки, которая теперь была уже не за горами.

Пока Альфредъ воображалъ, что его приказы будутъ исполнены, пока онъ посматривалъ, не покажутся ли на западѣ равнины блестящія каски и ружья батальона, идущаго на его освобожденіе, измѣна уже совершилась въ кордегардіи его собственнаго замка. При помощи какого-то обрывка бумаги онъ былъ смѣщенъ съ престола и отданъ на произволъ доктора и его ассистентовъ.

Онъ еще не зналъ ничего, но уже предчувствовалъ недоброе.

Тихо вошелъ Ласфельдъ.

— Исполнено мое приказаніе?

— Ваше высочество...

— Исполнено мое приказаніе?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ? Измѣнникъ!

— Я снесу это оскорбительное слово, ваше высочество. Начальникъ округа освободилъ изъ-подъ ареста членовъ комиссіи. Телеграмма...

— Ха-ха-ха!—загремѣлъ Альфредъ.—А мой батальонъ?

— Я боюсь, ваше высочество, что онъ прибудетъ не такъ скоро, какъ я полагалъ.

— Чего же вы боитесь?

— Я боюсь, ваше высочество, что изъ предосторожности командованіе вашимъ батальономъ будетъ передано въ Кронбургъ корпусному командиру.

— Развѣ я не герцогъ?

— Не знаю, ваше высочество, герцогъ ли вы теперь.

— Что?

Въ отчаяніи Альфредъ замахалъ по воздуху обѣими руками и сталъ рвать на себѣ волосы.

— Что вы сказали, Ласфельдъ? Что мнѣ дѣлать?

— Опаснѣе всего медлить, ваше высочество. Въ нашемъ распоряженіи всего нѣсколько часовъ. Слѣшите ими воспользоваться. Вѣ-

гите за границу! Телеграмма кронпринца еще въ пути, ищите убѣжища у его королевскаго высочества кронпринца и его супруги кронпринцессы Матильды!

Словно молнія блеснула на блѣдномъ, какъ полотно, лицѣ Альфреда при этомъ имени.

— Голубка равнины кружится вокругъ горнаго орла, Ласфельдъ,—сказалъ онъ вдругъ.—Впрочемъ, вы этого не понимаете.

— Я, дѣйствительно, этого не понимаю, ваше высочество. Бѣгите на территорію сосѣдняго дружественнаго вамъ государства. До границы всего нѣсколько часовъ. Умоляю васъ. Ручаюсь вамъ моею жизнью, что я благополучно доставлю васъ туда. Слѣдуйте за мной верхомъ по охотничьей тропѣ, выйдете черезъ заднія ворота, бѣжимъ къ пропастямъ, оттуда на виллу и дальше ущельемъ!

— Нѣтъ! Я хочу сопротивляться имъ!

— Въ такомъ случаѣ спѣшите въ Кронбургъ, покажитесь народу, покажите странѣ, что вы не то, за что васъ принимаютъ.

— Нѣтъ! Нѣтъ! Батальонъ явится сюда, Ласфельдъ, и я буду защищаться. Замокъ достаточно крѣпокъ. Что такое?

Кто-то постучалъ въ дверь комнаты. Альфредъ вздрогнулъ.

— Это они, Ласфельдъ, это они. Всѣ измѣняютъ мнѣ.

Вошелъ лакей.

— Телеграмма вашему высочеству.

Дрожащими руками раскрылъ Альфредъ депешу.

«Поѣзжайте въ Кронбургъ, но сейчасъ же. Отстаивайте сами свои права. Слышите—ваше право, передъ ландтагомъ вашей страны. Матильда будетъ недалеко отъ васъ, на озерѣ, около Лаубельфингена. Мы сдѣлаемъ, что можемъ. Кронпринцъ Карлъ».

— Голубка защищаетъ орла. Видите, Ласфельдъ, Матильда находится недалеко.

— И ваше высочество ѣдете сейчасъ въ Кронбургъ?

— Нѣтъ! Я встрѣчу ихъ пулями!

— А если батальонъ... Герцогъ, герцогъ!

— Идите назадъ,—послышался голосъ лакея.

— Что тамъ такое?

Въ это время какая-то дама, одѣтая въ черное платье и съ вуалью, вбѣжала въ комнату!

— Кто вы? Что вамъ здѣсь нужно?—закричалъ герцогъ, охваченный страхомъ и ужасомъ.

— Она пробѣжала мимо часовыхъ, по ней стрѣляли, но не могли ее удержать. Она бросилась наверхъ и разыскала аппартаменты нашего высочества...какая-то сумасшедшая...—оправдывался лакей.

— Что вамъ здѣсь нужно и кто вы?—снова спросилъ герцогъ.

— Я иностранка. Я живу въ Гогенарбургѣ для леченія. Герцогъ, ваше высочество, спѣшите въ Кронбургъ, покажитесь столицѣ, пока еще не поздно. Врагъ съ своими помощниками ждутъ только

почи, чтобы схватить васъ! Я это знаю навѣрно. Спѣшите въ Кронбургъ и покажите странѣ, что вы еще герцогъ.

— Нѣтъ.

Альфредъ подошелъ къ окну.

— Они должны подойти! Мой батальонъ долженъ прійти! Таковъ былъ герцогскій приказъ! Если они не придутъ, это будетъ государственной измѣной! Нельзя найти трехъ сотенъ герцогскихъ подданныхъ, которые всѣ вдругъ стали бы измѣнниками, нѣтъ! нѣтъ! нѣтъ! Они должны прійти!

— Герцогъ,—заговорила опять закутанная вуалемъ дама:— спѣшите въ Кронбургъ и положитесь на народъ, разорвите сѣтъ придворной лжи, выступите передъ представителями герцогства, покажитесь ландтагу. Тогда они не посмѣютъ!

— Нѣтъ! Нѣтъ! Нѣтъ!

Только это роковое слово и слышалось съ устъ Альфреда.

Онъ вышелъ изъ комнаты.

Онъ не могъ видѣть эту даму, онъ чувствовалъ передъ нею какую-то слабость, какъ будто онъ готовъ былъ уступить ей.

Ласфельдъ отправился за нимъ по пятамъ.

— Послушайте, Ласфельдъ,—вдругъ сказалъ онъ.— Нужно защищать замокъ до послѣдней крайности, пока не подоспѣетъ на выручку намъ батальонъ. Но на всякій случай приготовьте мнѣ яду. Живымъ они меня не возьмутъ, и въ ящикъ я запереть себя не дамъ. Меня имъ не удастся запереть живымъ, Ласфельдъ. Клянусь своею жизнью.

— Но, ваше высочество,—пытался успокоить его адъютантъ.

— Нѣтъ, Ласфельдъ, никогда. Если мнѣ измѣнитъ этотъ батальонъ, какъ измѣнилъ этотъ начальникъ округа въ Гогенарбургѣ, какъ измѣнилъ князь Филиппъ и все министерство, тогда я приму ядъ. Если мнѣ не дадутъ этого, я брошусь внизъ съ отвѣсной скалы въ пропасть. Живымъ я не сдамся, даже если...

— Даже если?

— Даже если погаснетъ послѣдній лучъ надежды! Развѣ вы не читали, что Матильда находится недалеко. Не вы ли говорили, или эта женщина, что они хотятъ отправить меня въ Турмъ?

— Такъ говорила эта женщина. Ваше высочество, все, что я теперь дѣлаю, я дѣлаю только изъ любви къ вамъ. Изъ Кронбурга пришелъ приказъ задерживать всѣ телеграммы и письма на ваше имя. Объ этомъ четверть часа тому назадъ сообщилъ почтмейстеръ изъ Гогенарбурга. Но по моей просьбѣ онъ отдалъ мнѣ вотъ это письмо. Я передаю его вашему высочеству съ опасностью, что меня обвинять въ государственной измѣнѣ и разстрѣляютъ въ Кронбургѣ.

Альфредъ понялъ.

Онъ схватилъ Ласфельда за руку и сдѣлалъ то, чего не дѣлалъ ни съ однимъ изъ своихъ подданныхъ: поцѣловалъ его въ щеку.

— За вѣрность, Ласфельдъ.

Онъ раскрылъ небольшой пакетъ, который ему передалъ адъютантъ. На немъ была печать съ лебедемъ, которую онъ когда-то, много лѣтъ тому назадъ, подарилъ Матильдѣ на своемъ Розовомъ островѣ.

«Письмо, запечатанное этой печатью, я прочту даже въ минуту своей смерти», пронеслось вдругъ у него въ головѣ.

И онъ сталъ читать:

«Голубка орлу.

«Я нахожусь въ гостиницѣ въ одной маленькой деревенькѣ на берегу Лаубельфингена. Они повезутъ тебя на нашъ берегъ, въ замокъ Турмъ, слѣдуй за ними. Дальнѣйшія извѣстія получишь въ томъ тайномъ мѣстѣ, знаешь, на озерѣ, гдѣ когда-то мой челнокъ тайно причалилъ однажды ночью. Служитель въ Турмѣ, старикъ Венцель, предастъ тебѣ. Отдай ему золотой ключъ и жди! Матильда».

Радость прошла по лицу Альфреда.

— Вы оказали мнѣ величайшую услугу въ жизни, Ласфельдъ, сказалъ онъ.—Я очень благодаренъ вамъ.

— Изъ любви къ вамъ, ваше высочество,—сквозь слезы отвѣчала вѣрный адъютантъ.

Альфредъ подошелъ къ окну.

— Они идутъ сюда, Ласфельдъ они идутъ!

— Да, они идутъ, ваше высочество, — мрачно отвѣчала адъютантъ.

На поворотѣ горной дороги въ самомъ дѣлѣ видны были свѣтлыя мундиры и блестящее оружіе.

— Да это не стрѣлки!—вдругъ въ ужасѣ воскликнулъ Альфредъ.

— Нѣтъ, ваше высочество, это караулъ, присланный изъ Кронбурга. Онъ смѣнитъ дворцовый караулъ, и ваше высочество превратится въ плѣнника. Меня арестуютъ и, какъ государственнаго измѣнника, отправятъ въ столицу. Не забудемъ этого часа, ваше высочество, что бы потомъ съ нами ни случилось, будемъ ли мы въ казематахъ Кронбурга или на Лаубельфингенскомъ озерѣ.

— Не забудемъ, Ласфельдъ.

Герцогъ и его адъютантъ протянули другъ другу руку.

Они стояли у окна и смотрѣли, какъ караулъ князя Филиппа смѣнялъ караулъ герцога.

— Измѣнники сдаютъ мой замокъ!—зарыдалъ Альфредъ.

И онъ не ошибся.

Священный замокъ Грааля былъ занятъ войсками князя Филиппа. Герцогъ превратился въ плѣнника.

Минуту спустя Ласфельдъ въ сопровожденіи двухъ офицеровъ ѣхалъ въ Кронбургъ, гдѣ къ нему было предъявлено обвиненіе въ государственной измѣнѣ.

— Голубка ждетъ,—мрачнымъ тономъ повторялъ про себя Альфредъ.

XXXVI.

Мертвая тишина царила теперь въ золотыхъ покояхъ дворца, по которому безпокойно ходилъ взадъ и впередъ Альфредъ. Ласфельдъ уѣхалъ, проходили часы, а онъ не возвращался.

Наконецъ герцогъ понялъ весь ужасъ своего положенія.

Манифестъ о назначеніи регентства былъ объявленъ всей странѣ, онъ самъ запертъ въ этомъ уединенномъ дворцѣ, охрана котораго такъ безстыдно была поручена его врагамъ, и отрѣзанъ отъ всего міра. Измѣнники-слуги—вотъ кто теперь окружали его непосредственно.

Какой неблагодарностью платять ему теперь тѣ, кто въ теченіе десятковъ лѣтъ боготворили его и носили его на рукахъ!

А тутъ еще придетъ этотъ страшный человѣкъ, научный авторитетъ котораго съ холоднымъ смѣхомъ бросилъ его съ солнечной высоты его славы въ жуткій мракъ величайшаго изъ человѣческихъ бѣдствій, придетъ съ ассистентами и помощниками, какъ палачъ, который тащитъ на плаху неспособную къ сопротивленію жертву! Онъ явится! Явится непременно!

Герцогъ сталъ похожъ на какое-то привидѣніе. Въ высокихъ зеркалахъ золотыхъ колоннъ отражалась его печальная фигура, передъ которой онъ самъ содрогался. Его лицо сдѣлалось бѣло, какъ у мертвеца, ни кровинки въ щекахъ, черные волосы свисли въ безпорядкѣ на его высокій бѣлый лобъ, походка стала колеблющейся, а великолѣпные большіе, черные глаза, на которые любовались тысячи народа, свѣтились какимъ-то непріятнымъ огонькомъ.

Безпокойно изъ залы въ залу ходилъ онъ своимъ невѣрнымъ шагомъ. Онъ уже не видалъ золота, не видалъ великолѣпныхъ картинъ на этихъ мраморныхъ стѣнахъ, представлявшихъ сцены изъ твореній маэстро и вызывавшихъ въ немъ когда-то въ часы его страшнаго уединеннаго счастья такой восторгъ.

Онъ могъ сосредоточиться только на одной мысли—на единственномъ страстномъ желаніи во что бы то ни стало, даже цѣною его герцогской жизни, убѣжать отъ этого человѣка, осмѣливагося на такое дѣло. О, какъ ненавистенъ былъ ему этотъ человѣкъ!

Онъ еще поплатится, что бы изъ этого ни вышло! Что если онъ теперь, сейчасъ, ускользнетъ отъ этого человѣка, наложивъ на себя руки? Тогда побѣда будетъ выиграна.

И вдругъ ему блеснулъ слабый лучъ надежды—письмо Матильды!

Конечно, они были всемогущи, они могли бороться и съ крошечной принцессой, и съ ея любовью, ради которой она рѣшилась освободить его!

Онъ переходилъ отъ окна къ окну. Его взглядъ скользилъ по любимымъ горамъ, закутанымъ туманомъ въ этотъ дождливый

душный день, свидѣтелямъ его дѣтства и юности, восходящей звѣзды его безконечнаго царства красоты и величія. Онъ долженъ теперь навсегда проститься съ ними, съ голубыми горными цвѣтами, съ озерами, блескъ которыхъ сегодня смѣнился сѣрымъ, тусклымъ свинцовымъ колоритомъ.

Въ концѣ концовъ лучше теперь же и сразу положить всему конецъ. Кто знаетъ, этимъ ли ограничивается то, что предстоитъ ему отъ Бауманна-фонъ-Брандта и его куколь?

Плохо было бы для доктора, если бѣ онъ нашелъ здѣсь трупъ, если бѣ замокъ въ тотъ самый моментъ, когда онъ войдетъ въ него, опустѣлъ, если бѣ онъ принудилъ герцога этой страны къ самоубійству на глазахъ всего міра.

Да, онъ такъ и сдѣлаетъ. А Матильда? Голубка хочетъ помочь ему, но вѣдь это слишкомъ поздно послѣ всего происшедшаго! Нѣтъ, они не поймаютъ его, имъ не удастся захватить его!

Съ какимъ достоинствомъ умирали герои Рима и мудрецы древности, о которыхъ онъ читалъ, о которыхъ онъ мальчикомъ училъ въ Гогенарбургѣ! Но вѣдь и онъ способенъ умереть съ вѣнкомъ розъ на головѣ, съ кубкомъ вина въ рукѣ!

Онъ самъ не могъ дать себѣ отчета, сколько времени онъ безпокойно, въ полномъ одиночествѣ проходилъ по золотымъ комнатамъ.

Когда онъ опять подошелъ къ окну, спускалась уже ночь. Дождь лилъ тяжелыми потоками на великолѣпныя, теперь совсѣмъ потонувшія въ туманѣ горы его любимой долины. Это облегчало ему прощаніе съ ними, на него нашло какое-то ледяное спокойствіе, желаніе смерти, если бѣ край его царственной мечты предсталъ предъ нимъ въ этотъ послѣдній день во всей своей величавой красотѣ.

Бросить все—корону и пурпуровую мантию, которую у него украли, эти замки съ ихъ сказочной роскошью, бросить послѣднюю сладкую мысль о надеждѣ, отвергнуть даже любовь Матильды—единственной, которая оказалась готовой сохранить свою вѣрность до гроба! Погрузиться въ сладкую нирвану, войти въ сладкую Валгаллу, гдѣ ждутъ его герои сѣдой старины, столь ими любимые Вотанъ и Брунгильда, Зигмундъ и Зигурдъ! Да, да!

Съ твердой рѣшимостью онъ подошелъ къ двери и позвонилъ.

Немедленно явился лакей.

«И этотъ былъ измѣнникомъ, какъ всѣ они были измѣнниками, — пронеслось въ головѣ Альфреда при видѣ лакея, посѣдѣвшаго на службѣ герцога.—Одинъ только старикъ Венцель въ Турмѣ сохранилъ вѣрность, какъ пишетъ Матильда. Ахъ, если бѣ онъ ей вѣрнѣлъ. Если бѣ онъ довѣрялъ ей, не было бы теперь пужды дѣлать это!»

Нѣтъ! онъ не можетъ перенести, чтобы этотъ палачъ Бауманн-фонъ-Брандтъ и его помощники изъ этого неслыханной роскоши замка Грааля потащили его въ Турмъ! Нѣтъ, никогда!

— Принеси мнѣ вина,—сказалъ онъ лаксею.—Побольше, понимаешь? Замороженнаго шампанскаго. Надо быть веселымъ, братецъ, и смыть съ себя заботы. Вина, вина!

Лакей вышелъ.

Съ четверть часа сидѣлъ Альфредъ, погрузившись въ глубокое раздумье.

Наконецъ явился лакей и принесъ то, что ему было приказано.

— Чего ты примѣшалъ къ вину, мой милый? Что тебѣ далъ этотъ докторъ? Скоро же онъ дѣйствуетъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, клянусь жизнью, ничего не подмѣшано!

— А ты сдѣлалъ бы лучше, если бъ положилъ въ вино чего-нибудь, что быстро помогаетъ, понимаешь? Дѣйствуетъ быстро и вѣрно и облегчило бы мнѣ страшный прыжокъ въ бездну.

Слуга налилъ бокаль вина, которое Альфредъ выпилъ съ жадностью. Потомъ онъ вынулъ изъ стола золотой подсигаръ и закурилъ папиросу.

Быстро пилъ онъ стаканъ за стаканомъ игристое шампанское.

— Теперь принеси мнѣ ключъ отъ замка Турма. Довольно пить. Молча исчезъ старый лакей.

Альфредъ ждалъ.

Не слышались ли ему шаги нѣсколькихъ людей по мраморнымъ лѣстницамъ замковаго двора?

Что это?

Онъ тихонько открылъ дверь.

— Ключъ отъ Турма!—крикнулъ онъ.

Вошелъ слуга.

— Ключъ отъ Турма затерянъ, ваше высочество,—доложилъ онъ, заикаясь:—его никакъ не могутъ найти.

— Лжець,—закричалъ Альфредъ,—подлый лжець, предатель, я задущу тебя. Въ молодости меня звали Геркулесомъ, я расправлюсь съ тобой по-своему, да и со всѣми другими. Я хочу, чтобы ключъ отъ Турма былъ здѣсь, слышишь ты. Ключъ! Вотъ тебѣ мой герцогскій приказъ!

Слуга поспѣшилъ отойти отъ него.

Герцогскій приказъ!

Альфредъ мрачно засмѣялся. Онъ уже больше не... Филиппъ... а онъ—больной... не герцогъ... съ нимъ можно поступать, какъ угодно.

— Ключъ,—заскрипѣлъ онъ зубами въ припадкѣ дикаго отчаянiя:—ключъ отъ Турма!

Слуга нечезъ.

Альфредъ сѣлъ за золотой столъ въ столовой. Бутылка съ шампанскимъ была на половину пуста. Онъ поспѣшно вылилъ то, что осталось.

Вдругъ папираса выпала изъ его дрожащихъ рукъ. На этотъ разъ онъ не ошибся, на этотъ разъ это не было галлюцинаціей его черезчуръ раздраженныхъ чувствъ. На мраморной лѣстницѣ дворца слышны были какіе-то голоса. Кто это говорилъ и съ кѣмъ?

Онъ поспѣшилъ къ окну.

А что если онъ распахнетъ его, однимъ прыжкомъ очутится на плитахъ дворцовой мостовой и разобьется вдребезги у ногъ этого предательскаго караула, какъ нѣкогда разбился у ногъ дворцовой стражи въ Кронбургѣ драгоцѣннѣйшій бюстъ Адельгейды? Что, если онъ это сдѣлаетъ?

Окна было крѣпко закрыто. Съ трудомъ удалось ему открыть высокія его половинки, разбухшія отъ бывшихъ всѣ эти дни дождей.

Вдругъ вошелъ лакей и доложилъ:

— Ваше высочество, ключъ отъ Турма нашелся.

Альфредъ бросился къ двери, которая вела въ переднюю. Страшное «ахъ!» котораго нельзя забыть, вырвалось у Альфреда при видѣ того, что представилось его глазамъ. Согнувшись въ низкомъ поклонѣ, передъ дверью столовой стоялъ этотъ ужасный, ненавистный человѣкъ, которому онъ въ эту минуту желалъ смерти. Его сопровождалъ его ассистентъ и цѣлый штатъ больничной прислуги. Всѣ входы въ замокъ, всѣ двери, всѣ лѣстницы были заняты этими людьми.

Трепещущій свѣтъ свѣчей, зажженныхъ по приказанію герцога на лѣстницѣ, освѣщаль теперь высокую фигуру Альфреда посреди всей этой болѣе чѣмъ царственной роскоши.

Робко отошли всѣ въ сторону. Никто не рѣшался прикоснуться къ нему. Несмотря на знаки доктора, приказывавшаго схватить его, ассистенты въ благоговѣніи отступали. Даже въ эту минуту онъ былъ недосыгаемъ и онъ это чувствовалъ.

Еще разъ сорвалось съ устъ герцога это ужасное «ахъ!»

— Прошу ваше высочество возвратиться въ ваши апартаменты, — услыхалъ онъ голосъ врача. — Ваше высочество, это самая тяжелая для меня обязанность въ жизни...

— Лицемеръ, — прошипѣлъ сквозь зубы Альфредъ. — Дальше, дальше! Произнесите скорѣе вашъ приговоръ!

— Это самая тяжелая для меня обязанность въ жизни. Четыре авторитета дали отзывъ о состояніи здоровья вашего высочества, и князь Филиппъ...

— Князь Филиппъ... да, я знаю.

— Принялъ регентство. Мнѣ приказано сопровождать ваше высочество въ замокъ Турмъ.

— Отлично. Ъдемъ въ Турмъ.

— Если ваше высочество согласны, то экипажъ будетъ готовъ въ четыре часа.

— Что же будете тамъ дѣлать?—сорвалось у герцога.—Ну, идите, г. профессоръ и мудрецъ, идите. Здѣсь вамъ не мѣсто.

И онъ направился обратно въ комнаты.

Докторъ съ ассистентами и двумя служителями слѣдоваль за нимъ по пятамъ.

— Не нужно,—сказаль герцогъ.— Не нужно этого! Оставьте меня одного, это мнѣ непріятно. Я вѣдь славился своей львиной силой, молодцы. Ну, профессоръ, идите со мной.

Въ золотой комнатѣ дворца, гдѣ стояла великолѣпная кровать, украшенная бѣлыми и голубыми страусовыми перьями, Альфредъ сталъ милостиво бесѣдовать съ докторомъ.

Но вдругъ онъ впаль въ ярость.

— Какъ вы осмѣлились объявить меня больнымъ?—закричаль онъ.—Вы меня раньше никогда не видали и не изслѣдовали.

Отвѣтъ доктора показался Альфреду заученными словами пугая.

— Не нужно! Почему же другіе подвергаются наблюденію въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ. Напримѣръ, преступники и подобныи имъ люди. А я вѣдь герцогъ.

— Матеріаль, собранный актами, вполне убѣдительнъ, онъ даже подавляетъ,—невозмутимо продолжалъ докторъ.

— Отлично! Матеріаль, собранный моимъ врагомъ Бауманномъ-фонъ-Брандтомъ! А какъ долго будетъ продолжаться ваше леченіе, профессоръ?

— Ваше высочество,—отвѣчаль докторъ:—въ конституціи сказано, что если царствующій государь окажется неспособнымъ къ правленію болѣе, чѣмъ въ теченіе года, тогда назначается регентство. Слѣдовательно, самый короткій срокъ—годъ.

— Благодарю васъ. Это едва ли продолжится такъ долго; увѣрю васъ, профессоръ, но мы будемъ съ вами добрыми друзьями. Итакъ, мы ѣдемъ въ Турмъ?

— Я уже имѣлъ честь доложить вашему высочеству приказаніе, данное мнѣ княземъ Филиппомъ.

— Скажите, пожалуйста, профессоръ, почему вы не исполнили вашего дѣла быстрѣе и лучше? Поступите со мной лучше какъ съ султаномъ! Для васъ при вашихъ огромныхъ научныхъ знаніяхъ это—сущіе пустяки: отправить на тотъ свѣтъ человѣка, который становится въ тягость! Но теперь, пожалуйста, выйдите изъ комнаты, мнѣ непріятно общество! Намъ это удовольствіе еще предстоитъ довольно часто, мы будемъ добрыми друзьями. А теперь идите! Въ четыре часа можно будетъ ѣхать. Я готовъ ко всему.

При этихъ словахъ Альфреда докторъ поднялся и вышелъ со всѣми своими ассистентами.

Альфредъ даль знакъ и служителямъ, но они остались.

«истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. сxxx.

13

— Какъ, впрочемъ, хотите, — сказалъ Альфредъ съ гордой улыбкой. — Какъ хотите! Вы меня не стѣсняете. Передъ лицомъ герцога вы — воздухъ, парь!

Съ холоднымъ спокойствіемъ Альфредъ лично занялся приготовлениями къ переѣзду и отдавалъ распоряженія.

Въ четвертомъ часу, когда наступили уже сумерки, къ высокому подъѣзду дворца подкатила четверка. Альфредъ сѣлъ въ карету. Онъ, какъ всегда, ѣхалъ одинъ въ своемъ экипажѣ. У окна кареты ѣхалъ караулъ, на козлахъ, вмѣсто герцогскаго лейбъ-гвардейца, сидѣлъ больничный служитель.

Лишь немногіе вышли, плача, на величавую дорогу въ Гогенарбургъ и долго смотрѣли влѣдъ герцогской каретѣ.

Сзади въ коляскѣ ѣхалъ главный докторъ съ ассистентами.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра.

На поворотѣ дороги Альфредъ отеръ рукой мокрая отъ дождя стекла въ дверцахъ кареты и долго смотрѣлъ вверхъ на чудный замокъ-мечту и внизъ на Гогенарбургъ, гдѣ прошли его дѣтство и юность, которыя никогда уже не повторятся, не вернуться!

Ѣхали цѣлыхъ десять часовъ.

Ни одного слова не сказалъ герцогъ.

Когда доѣхали наконецъ до южнаго берега Лаубельфингенскаго озера, пришлось перемѣнить лошадей. Альфредъ попросилъ стаканъ воды, который принесла ему почтмейстерша. Онъ осушилъ его однимъ глоткомъ и съ дружеской благодарностью отдалъ его обратно женщицѣ, которая знала его въ расцвѣтѣ его счастья. Легкимъ кивкомъ привѣтствовалъ онъ дачниковъ, почтительно собравшихся на берегу озера, на этотъ разъ сѣро-свинцоваго цвѣта. Затѣмъ карета повернула въ восточномъ направленіи и повезла Альфреда вдоль хорошо знакомаго ему берега.

Черезъ столько лѣтъ онъ опять увидѣлъ свое озеро въ дождь и въ какомъ положеніи.

— Адельгейда, Матильда! — безпрестанно проносилось у него въ головѣ.

Ни одной горы не было видно. Нельзя было различить ничего на противоположномъ берегу. Не видно было ни Лаубельфингена, ни его острова, ни того мѣста, гдѣ любовь идетъ на его освобожденіе, — ничего, ничего! Все сѣро и непрозрачно!

На ближайшей колокольнѣ пробило полдень, когда четверка съ герцогомъ вѣхала въ паркъ замка Турмъ.

«Здѣсь это началось, — пронеслось у Альфреда въ головѣ, — и здѣсь должно...»

Быстро вышелъ онъ изъ кареты и, несмотря на проливной дождь, обошелъ весь замокъ.

— Ничего не перемѣнилось, все осталось попрежнему, — тихо сказалъ онъ самому себѣ.

Среди слугъ, собравшихся для привѣтствія герцога, онъ замѣтилъ старика Венцеля.

Альфредъ подошелъ прямо къ нему.

— Это хорошо, что вы здѣсь служите, Венцель, очень хорошо,— замѣтилъ онъ.

Съ этими словами онъ вошелъ въ замокъ.

XXXVII.

При входѣ въ замокъ саркастическая улыбка оживила до сихъ поръ неподвижное, какъ мраморъ, лицо герцога: всѣ комнаты были меблированы словно для глульца.

— Недолго придется тебѣ стараться, г. профессоръ,— пропустилъ онъ сквозь зубы.

Ручки у дверей и оконъ были отвинчены, такъ что ихъ нельзя было открыть. Въ двери комнаты, которую Альфредъ когда-то самъ украшалъ великолѣпными картинами и дивными предметами искусства, сдѣлано было отверстіе для наблюдений. Тяжелые предметы, о существованіи которыхъ онъ отлично зналъ, ибо онъ зналъ этотъ замокъ во всѣхъ подробностяхъ и помнилъ ихъ, были удалены.

Въ средней комнатѣ перваго этажа стоялъ столъ, накрытый на три прибора.

— Возьмите прочь эти приборы,—сказалъ герцогъ стоявшему здѣсь слугѣ:—я хочу обѣдать одинъ.

Короткій энергичный жестъ показавъ главному доктору, который явился было съ своимъ ассистентомъ, какое серьезное значеніе придаетъ Альфредъ этому приказанію.

— Со свитой, господа, или съ прислугой, какъ желаете, но не со мной.

Главный докторъ и его ассистентъ, вѣжливо поклонившись, удалились.

Осталось только двое слугъ.

— Мнѣ будетъ прислуживать старикъ Венцель,—приказавъ герцогъ.

Одинъ изъ прислужниковъ вышелъ, чтобы сообщить главному доктору объ этомъ желаніи герцога.

— Отойдите оба въ сосѣднюю комнату и наблюдайте за его высочествомъ и Венцелемъ черезъ отверстіе въ двери. Впрочемъ, слѣдуетъ исполнять всякое желаніе его высочества. Такъ гласить приказъ его свѣтлости регента.

Альфредъ стоялъ у окна. Онъ смотрѣлъ внизъ, на мокрый отъ дождя паркъ и ждалъ. Угнетающая духота грозового дня чувствовалась въ затхлому воздуху комнаты. По своей привычкѣ онъ хотѣлъ было открыть окно—и вдругъ вспомнилъ о невѣроятномъ дѣлѣ, которое рѣшились сдѣлать съ нимъ

Альфредъ съ силою сжалъ зубы. Прыжокъ изъ Турма въ горную пропасть былъ бы лучше всего

Вошелъ старикъ Венцель.

— Ваше высочество изволили требовать?

— Послушайте, Венцель, кто здѣсь главный поваръ?

— Брейтенбергъ, ваше высочество.

— Вы знакомы съ нимъ?

— Онъ уже нѣсколько лѣтъ служить въ Турмѣ. Онъ изъ одного мѣстечка со мной, недалеко отъ Лаубельфингена.

— На него можно положиться?

— Онъ вѣренъ, какъ песь, вашей свѣтлости.

— Не слышали вы чего-нибудь о томъ, что эти господа, эти врачи на кухнѣ примѣшиваютъ что-то къ кушаньямъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество.

Альфредъ повернулся. Его взглядъ упалъ на отверстіе въ двери. Ему показалось, что одинъ изъ служителей пристально смотритъ на него.

Альфредъ вынулъ изъ кармана платокъ.

— Повѣсьте этотъ платокъ на двери, передъ отверстіемъ, Венцель!

— Я не умѣю, ваше высочество.

— Въ такомъ случаѣ я сдѣлаю самъ.

Онъ взялъ вилку со стола и съ силою воткнулъ ее сквозь платокъ въ твердое дерево двери.

— Вотъ такъ. Я научу васъ.

И онъ опять обратился къ Венцелю.

— Теперь подавайте. Подойдите ближе. Мнѣ нужно поговорить съ вами, Венцель.

— Что изволили приказать?

— Знаете вы островъ Розъ, Венцель?—заговорилъ Альфредъ, быстро проглотивъ куска два.

— Ваше высочество, я много лѣтъ служилъ тамъ. Старый садовникъ Вейльманъ...

— Онъ все еще тамъ?

— Такъ точно.

— Вы знаете, стало быть, павильонъ на островѣ, въ немъ мой рабочій кабинетъ и столъ...

— Я знаю, ваше высочество. Ключъ къ этому столу только у васъ и у кронпринцессы.

— Совершенно вѣрно, Венцель. Вы что-нибудь слышали о кронпринцессѣ?

— Ея королевское высочество уже четвертый день изволятъ жить тамъ, въ гостиницѣ, недалеко отъ Лаубельфингена.

— Отлично, отлично... Убирайте!

Онъ вдругъ притянулъ къ себѣ стараго служителя и шепнулъ:

— Чтобы ни одинъ человѣкъ не зналъ объ этомъ, заклипаю васъ, Венцель!

— Никто не узнаетъ, ваше высочество!

Маленькій золотой ключикъ очутился въ карманѣ Венцеля.

— Откройте столяръ, Венцель. Вы знаете который,—маленькій столяръ изъ чернаго дерева, и принесите мнѣ все, что найдете въ его ящичкѣ.

— Что же я могу найти въ ящичкѣ?

— Небольшой пакетъ съ письмомъ.

— А какъ я передамъ его вамъ?

— Завтра къ завтраку я закажу буттербродъ. Подадите его мнѣ вы, положите письмо между двумя ломтиками хлѣба. Понимаете? Какъ будто письмо ломтикъ мяса.

— Слушаю, ваше высочество.

— Поняли!

— Совершенно.

— Когда наступитъ ночь, садитесь въ лодку, какъ будто для прогулки по озеру или для ловли рыбы, по такой погодѣ. Рыба клюетъ при такой погодѣ! Потомъ мчитесь на островъ и въ тиши ночной исполните мое приказаніе.

— Слушаю, ваше высочество.

— Это вкусно, я сытъ. Теперь я хочу отдохнуть. Скажите, чтобы меня отвели въ спальню.

Венцель ушелъ.

Тотчасъ же вошли два служителя.

— Я хочу отдохнуть,—высокомѣрно сказалъ имъ герцогъ.— Вы поможете мнѣ раздѣваться.

Альфредъ пошелъ впередъ, направляясь въ хорошо знакомую ему голубую спальню.

Служители шли за нимъ.

— Довольно одного. Я хочу еще бѣгать и двигаться.

Быль пятый часъ, когда герцогъ улегся въ постель. Сильное возбужденіе предшествовавшихъ дней, сильное напряженіе силы воли и самообладанія, съ помощью которыхъ онъ овладѣлъ порывами своей бѣшеной ярости, все это вызывало въ немъ сильную слабость.

Онъ впалъ въ глубокій, свинцовый сонъ, безъ сновидѣній, который къ утру сталъ безпокойнымъ.

— Венцель долженъ прислуживать мнѣ въ постели,—приказалъ онъ, проснувшись.—Пусть онъ принесетъ мнѣ буттербродъ съ бѣлымъ мясомъ и чашку чаю.

Вошелъ одинъ изъ служителей. Онъ хотѣлъ было помочь ему одѣться.

— Не надо, братецъ,—воскрикнулъ Альфредъ, увидя входящаго.— Я останусь въ постели. Я пью чай всегда въ постели. Не надо. Венцель сейчасъ все принесетъ.

— Онъ уже ждетъ въ передней приказаній вашего высочества.

— Тогда пусть онъ сейчасъ же придетъ сюда.

Когда Венцель показался въ дверяхъ, Альфредъ замѣтилъ, что служитель сдѣлалъ какое-то движеніе. Онъ схватилъ тарелку, на которой Венцель несъ завтракъ.

Альфредъ хотѣлъ векочить и удушить этого человѣка, но одумался.

Ожиданіе штрафной рубашки, крушеніе всѣхъ его плановъ, невозможность отомстить тому, кто столкнулъ его съ солнечной высоты въ такое жалкое состояніе, сдѣлали свое дѣло. Онъ еще разъ сдержалъ себя.

Предосторожность служителя оказалась, впрочемъ, излишней. Онъ захватилъ съ тарелки только ножъ, который дворцовый поваръ положилъ вмѣстѣ съ хлѣбомъ. Онъ, очевидно, хорошо зналъ этихъ корифеевъ науки.

Можетъ быть, послѣ вчерашней непонятной и своевольной выходки, которую онъ себѣ позволилъ, то были приказъ главнаго доктора не давать ни ножей, ни вилокъ, а только ложки.

Венцель подошелъ къ нему къ постели и лишь слегка кивнулъ головой. Герцогъ понялъ его.

Наблюдавшій служитель ушелъ въ сосѣднюю комнату. Альфредъ явственно замѣтилъ, что онъ смотритъ въ отверстіе въ двери. Онъ взялъ хлѣбъ съ тарелки и какъ будто нечаянно уронилъ его на постель, но тотчасъ же поднялъ его и съѣлъ до послѣдней крошки. Письмо незамѣтно упало между подушками.

Затѣмъ Альфредъ наскоро выпилъ чай и снова повернулся къ стѣнѣ, какъ будто ему хотѣлось спать.

Закрывъ письмо обѣими руками и притворяясь спящимъ, онъ сталъ читать:

«Голубка орлу.

«Сегодня, когда станетъ смеркаться, между семью и восемью часами, въ густомъ кустарникѣ на южномъ концѣ Турмскаго парка будетъ ждать небольшая лодка съ зеленымъ фонаремъ. Удали всѣхъ, если можно и врача, постарайся достигъ этого мѣста и садись въ лодку на другомъ берегу. Мои лошади будутъ ждать, осѣдланная и готовая въ путь. Черезъ два-три часа мы достигнемъ границы моей страны. Тогда ты будешь подъ покровительствомъ Карла.

Матильда».

Когда онъ прочиталъ эти строки, на него нашло удивительное спокойствіе. Онъ прикрѣпилъ это письмо къ пуговицѣ своей рубашки и скрылъ его на своемъ тѣлѣ.

Еще съ четверть часа притворялся онъ спящимъ, затѣмъ быстро всталъ и дернулъ за звонокъ. Онъ уже былъ на ногахъ, когда вошли оба служителя. Онъ приказалъ имъ помочь ему надѣть верхнее платье. Сегодня онъ пожелалъ надѣть простой штатскій костюмъ, который былъ для него заказанъ. Далѣе онъ приказалъ подать себѣ лѣтнее пальто и мягкую фетровую шляпу съ драгоценной брильянтовой брошкой, говоря, что онъ хочетъ прогуляться по парку.

Было одиннадцать часовъ утра, когда къ нему явился, по его требованію, главный докторъ съ своей вѣчной улыбкой на лицѣ.

Альфредъ пошелъ ему навстрѣчу и протянулъ руку.

Согласно установившемуся церемоніалу профессоръ ждалъ, пока герцогъ самъ не заговорить съ нимъ.

— Ну, какъ вамъ показалась поѣздка, господинъ профессоръ?— раздался наконецъ голосъ Альфреда.—Я великолѣпно себя чувствую, спалъ отлично, а буттербродъ доставилъ мнѣ истинную радость. Слышите, человѣкъ науки, истинную радость! Я проглотилъ хлѣбъ и все, что въ немъ было, съ волчьимъ аппетитомъ. Готовы вы на прогулку? Я хочу пройтись по парку. Если вы хотите итти вмѣстѣ, буду очень радъ. Мнѣ очень хотѣлось бы поговорить съ вами о вашей наукѣ.

Докторъ былъ чрезвычайно удивленъ. Онъ вовсе не представлялъ себѣ своего пациента такимъ. Никакого угнетенія, никакого слѣда меланхоліи! Веселье и возбужденъ, ясенъ и понятенъ! Впрочемъ, это бываетъ періодически.

— Я къ услугамъ вашего высочества.

— Отлично.

Докторъ ушелъ. Онъ отправился къ одному изъ своихъ ассистентовъ и поручилъ ему послать немедленно князю Филиппу телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Здѣсь все обстоитъ отлично».

Послѣ этого онъ пошелъ съ Альфредомъ. Онъ шелъ въ почтительно отдаленіи отъ него, но Альфредъ сдѣлалъ ему знакъ приблизиться. Паркъ былъ окруженъ жандармами, которымъ было строго приказано немедленно скрываться изъ глазъ, какъ скоро они завидятъ герцога. Это, однако, не укрылось отъ Альфреда.

— Они могутъ затруднить исполненіе моего плана,—подумалъ онъ.

Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ обоихъ гуляющихъ слѣдовалъ еще служитель. Онъ какъ будто несъ нѣкоторыя вещи для доктора—пледъ и подзорную трубу. Но Альфредъ зналъ истинныя цѣли этого человѣка.

Герцогъ прервалъ разговоръ, съ минуту постоялъ на одномъ мѣстѣ и сталъ мрачно смотрѣть на этого человѣка.

Докторъ понялъ.

Чтобы доставить ему удовольствіе и, можетъ быть, въ надеждѣ сдѣлать его еще разговорчивѣе и веселѣе, докторъ сдѣлалъ знакъ, чтобы служитель не шелъ далѣе за нимъ. Затѣмъ они повернули съ герцогомъ на одну изъ едва замѣтныхъ лѣсныхъ тропинокъ. Сторожа и служители не разъ совершенно теряли ихъ изъ вида.

— Пойдемте къ берегу озера, профессоръ,—предложилъ Альфредъ.—Тамъ есть скамейка, съ которой открывается чудный видъ. Правда, сегодня все тонетъ... тонетъ въ дождѣ, профессоръ, а все-таки...

— Какъ изволите приказать, ваше высочество.

— Тамъ мы можемъ спокойно болтать, профессоръ. Мнѣ интересно узнать кое-что о вашей жизни и о вашей наукѣ. Въ молодости мнѣ говорили, что вы—большая величина, гений въ вашей области. Вы еще можете увеличить свою славу, вѣдь вы еще человѣкъ не старый?

— Мнѣ шестьдесятъ два года, ваше высочество.

— Въ самомъ дѣлѣ? По виду вамъ этихъ лѣтъ дать нельзя.

Герцогъ пошелъ по узкой дорожкѣ, которая шла прямо внизъ, къ берегу озера.

— Я еще могу бѣгать, какъ серна, профессоръ, несмотря на свою полноту,—шутить Альфредъ.

— Это удивительно, ваше высочество. А я уже едва ли въ состояннн.

— Посмотрите... Мои руки еще сильнѣе, чѣмъ ноги.

Альфредъ бросилъ лукавый взглядъ на тщедушную фигуру ученаго.

— Вотъ скамейка. Сядемъ.

Оба сѣли.

— Ну, расскажите мнѣ что-нибудь о вашей жизни. Какимъ образомъ вы стали такимъ знаменитымъ человѣкомъ, такимъ знатокомъ человѣческой души и тѣла. На мой взглядъ, это самое трудное дѣло.

Докторъ почувствовалъ себя польщеннымъ. Съ нимъ вѣдь говорилъ герцогъ, хотя и больной, но все же гениальный въ нѣкоторыхъ областяхъ.

— Я началъ незамѣтнымъ человѣкомъ, ваше высочество, много учился, много работалъ, пока не удостоился приглашенія вашего покойнаго отца занять кафедру въ кронбургскомъ университетѣ.

— Такимъ образомъ, можно изучить извѣстные симптомы и безошибочно опредѣлять болѣзнь?

— Совершенно безошибочно, ваше высочество.

— Это удивительно! Если человѣкъ пишетъ оперу, если строить дворцы, если тихая ночь ему прнятнѣе, чѣмъ шумный день, если онъ хочетъ лучше уединиться въ глубинѣ горнаго лѣса, чѣмъ оставаться въ толпѣ глупыхъ людей, то онъ боленъ! Удивительная наука, профессоръ! Вы—владыка на Божьемъ тронѣ, вы рѣдкій человѣкъ...

— Есть границы всему, ваше высочество.

— Отлично! Границы! Значить до этого пункта—онъ здоровъ; а до этого—боленъ. А вы сами-то, господинъ профессоръ, изучили эти границы и можете ихъ указать?

— Тутъ много значить, ваше высочество, опытность, наблюденіе, взглядъ, изощрившійся на сотняхъ отдѣльныхъ случаевъ.

— Понимаю, понимаю! Однако посмотрите, погода-то разгуливается. Держу пари, что послѣ обѣда будетъ солнце и вечеромъ, когда наступятъ сумерки, мы можемъ опять совершить нашу интересную и поучительную прогулку на берегъ озера.

— Къ вашимъ услугамъ, ваше высочество.

— На то я и герцогъ. Посмотрите, какъ разрослись тамъ прибрежные кусты съ тѣхъ поръ, какъ я въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ не былъ здѣсь. Профессоръ, тамъ положительно можно спрятаться. Прежде здѣсь не было такой чащи. Кустарники съ теченіемъ времени заросли травой. Нужно велѣть скосить ее.

Взглядъ герцога, повидному, не отрывался отъ свинцовой однообразно сѣрой поверхности озера. Но болѣе внимательному наблюдателю бросилось бы въ глаза, что этотъ взглядъ постоянно устремляется на берегъ, на то мѣсто парка, гдѣ орѣшники, ивы и буки, водоросли и водяныя лиліи образуютъ почти непроходимую чащу.

— На что вы смотрите, ваше высочество?—спросилъ докторъ.

— На озеро, господинъ профессоръ, на озеро. Я его люблю съ дѣтства. Здѣсь я провелъ большую часть моего царствованія.

— Я знаю, ваше высочество.

— Мальчикомъ я былъ превосходнымъ пловцомъ. Я не разъ переплывалъ у Гогенарбурга холодныя воды озера, профессоръ, и оставался здоровъ. Впрочемъ, это было такъ давно. Такія тѣлесныя упражненія, кажется, весьма здоровы?

— Весьма здоровы, ваше высочество,—подтвердилъ докторъ.

— Это мнѣ говорилъ мой лейбъ-медикъ въ Гогенарбургѣ. Видите ли, профессоръ, великое искусство всегда остается одинаковымъ, практикуется ли оно простымъ деревенскимъ врачомъ, или корифеемъ кронбургскаго университета. Слѣдовательно, есть только одно средство, исцѣляющее отъ всѣхъ болѣзней.

— Что вы подразумѣваете подъ этимъ, ваше высочество?

— Да, одно, къ которому мы всѣ должны будемъ прибѣгнуть, вы и я, герцогъ и профессоръ, Вотъ почему не очень-то я уважаю вашу науку.

Съ этими словами герцогъ всталъ.

Онъ пожелалъ возвратиться въ замокъ.

— Пора завтракать, докторъ. Пріятнаго аппетита! Нужно наслаждаться, пока можешь. На завтракъ есть свѣжая спаржа съ горъ и рыба изъ озера. Это очень вкусно, профессоръ.

Докторъ покачалъ головой.

Герцогъ говорилъ такъ ясно, такъ разумно, и все-таки...

И въ глубокомъ раздумѣ онъ пошелъ назадъ въ замокъ.

XXXVIII.

Время было послѣ завтрака. Въ комнатѣ Альфреда послышался звонокъ.

— Пусть Венцель принесетъ мнѣ кофе,—сказалъ герцогъ вошедшему слугѣ.

— Слушаю, ваше высочество!

Большими шагами ходилъ герцогъ взадъ и впередъ. За эти дни онъ усвоилъ себѣ особый родъ движенія, который прежде не замѣ-

чался у него. Онъ какъ будто дѣлалъ гимнастическія упражненія и время отъ времени широко раздвигалъ руки. Можно было подумать, что онъ хочетъ испытать силу своихъ мускуловъ.

Вошелъ Венцель, неся на серебряномъ подносѣ кофе.

— Достаточно ли кружкимъ ты сварилъ его, старина?—спросилъ герцогъ.—Что подѣлываетъ придворный поварь? Былъ этотъ ученый или кто-нибудь изъ его помощниковъ на кухнѣ? Мнѣ нужно это знать.

— Никакъ нѣтъ, ваше высочество, поварь, какъ всегда, приготовилъ кофе и налилъ въ чашку на моихъ глазахъ.

— Отлично.

Венцель повернулся и хотѣлъ было идти.

— Оставайтесь здѣсь, Венцель, я хочу поболтать съ вами.

— Слушаю, ваше высочество.

— Вы давно уже служите въ Турмѣ?

— Этимъ лѣтомъ исполнилось тридцать лѣтъ, какъ я здѣсь, ваше высочество.

— Такъ давно. Стало быть, вамъ около шестидесяти лѣтъ?

— Въ маѣ мнѣ исполнилось пятьдесятъ девять лѣтъ, ваше высочество.

— Подойдите ко мнѣ, къ окну.

Старый Венцель приблизился къ герцогу.

— Вы вѣрны мнѣ, Венцель?

— Ваше высочество!

На голубыхъ глазахъ старата слуги выступили слезы.

— И умѣете молчать, Венцель?

— Ваше высочество!

Альфредъ указалъ рукою на сѣрую поверхность Лаубельфингенскаго озера.

— Умѣете ли вы молчать, Венцель, какъ это озеро, которое навсегда хоронитъ въ себѣ свои тайны?

Слуга не нашелся, что ему отвѣтить.

Альфредъ подошелъ къ двери, въ отверстіи которой ему показался глазъ надзирателя, и сталъ къ ней плотно спицею.

— Пусть теперь пошпіонитъ.

— Венцель,—тихо началъ онъ,—въ случаѣ, если здѣсь, въ Турмѣ, случится что-нибудь особенное, ужасное, страшное, передайте это письмо его свѣтлости, теперешнему регенту этой страны. Понимаете?

— Вполнѣ, ваше высочество.

Герцогъ быстро сунулъ письмо въ руки слугѣ.

— Нѣтъ, вы откройте это письмо и прочтите, чтобы знать, въ чемъ дѣло.

Дрожащими руками старикъ вынулъ изъ конверта герцогское письмо и прочелъ:

«Освободить невинно арестованнаго фонъ-Ласфельда—вотъ мой послѣдній герцогскій приказъ.
Альфредъ».

— Поняли хорошо?
— Вполнѣ, ваше высочество.
— Теперь идите. Впрочемъ, позовите-ка мнѣ ассистента этого владыки въ царствѣ духа!
— Кого изволите звать?
— Ассистента этого доктора. Я хочу поговорить съ нимъ.
Венцель вышелъ.

Альфредъ опять подошелъ къ высокому окну и сталъ смотрѣть на озеро.

Отъ далекаго, какъ бы неземнаго сна его разбудилъ голосъ младшаго врача.

— Ваше высочество изволили меня требовать?
— Да. Не хотите ли сыграть въ шахматы? Мнѣ ужасно скучно.
— Съ удовольствіемъ.

Герцогъ подошелъ къ позолоченному шкапчику, стоявшему въ этой комнатѣ.

— Много лѣтъ тому назадъ тутъ были шахматы, — сказала онъ. — Когда я жилъ еще здѣсь съ моими родителями, — васъ тогда и на свѣтѣ не было, милѣйшій докторъ, — я тогда мальчикомъ все игралъ фигурами. Вѣрно, тутъ онѣ и есть. Сядемъ.

Герцогъ вынулъ изъ шкапа шахматную доску и разставилъ фигуры.

— Вы возьмете красныя, докторъ, а я буду играть бѣлыми. Это будетъ игра между жизнью и смертью.

— Какъ прикажете понимать это, ваше высочество?
— Я разумѣю цвѣтъ шахматовъ. Ярkokрасный — цвѣтъ крови, холодный бѣлый напоминаетъ собою трупъ? Ну, начнемъ.

— Шахматы — настоящая королевская игра, — замѣтилъ докторъ. — Она и изобрѣтена-то была для одного царя.

— Помните вы слова гетевского Геца?
— Какія слова, ваше высочество?

— Я разумѣю то мѣсто, гдѣ говорится о дворѣ епископа Бамбергскаго. Какъ онъ назывался?.. «Если бъ я былъ королемъ, я запретилъ бы эту игру въ моемъ королевствѣ: она раздражаетъ меня, и это вѣчное «шахъ королю» — несносно!»

— Ваше высочество обладаете отличной памятью.
— Правда, правда... на хорошее и на дурное... Шахъ королю. Вотъ каково играть со мною.

Докторъ сдѣлалъ видъ, какъ будто онъ не слышалъ послѣдняго замѣчанія.

Альфредъ поднялъ глаза отъ доски.
— Теперь ваша очередь, докторъ. Какъ вы пойдете? Какъ вы выпутаетесь изъ этой дилеммы, какъ вы устроите шахъ королю?

— А вотъ какъ.
Докторъ рѣшился сдѣлать ходъ.
Альфредъ разсмѣялся.

— Нѣтъ, докторъ, въ Турмѣ вы будете посрамлены.

Слово Турмѣ онъ произнесъ съ какимъ-то особымъ удареніемъ.

— Здѣсь короля защищаетъ башня.

— Въ такомъ случаѣ, я—конемъ.

— Если у вашего коня такія длинные ноги... ха-ха-ха! Ваши офицеры тоже не годятся.

— Мои офицеры?

— Да, ваши и мои, докторъ. Они не могутъ уже помочь своему королю, они бросили своего короля. Но башня защищаетъ его и вашему коню не удастся напасть на него. Впрочемъ, оставимъ все это, мнѣ скучно отъ этой игры. Поговорите со мной о чемъ-нибудь, докторъ.

И съ этими словами Альфредъ отодвинулъ шахматную доску.

Большіе черные глаза герцога бросили на молодого врача лукавый взглядъ.

— Тяжелое ремесло избрали вы себѣ, милый другъ,—сказалъ Альфредъ.

— Любовь къ наукѣ, ваше высочество, интересъ къ моимъ паціентамъ.

— Да, да, да... Скажите, какъ вы думаете, позволительно дать неизлечимому больному, но дѣйствительно неизлечимому, послѣднее средство.

Врачъ съ испугомъ уставился на него глазами.

— Что вы хотите сказать, ваше высочество? Какое послѣднее средство?

— Средство, которое приноситъ покой, успокоеніе,—ледянымъ тономъ возразилъ Альфредъ.—Даютъ же успокаивающее средство, какіе-нибудь порошки, докторъ. Вообразите, что доза безъ всякаго умысла оказалась слишкомъ велика. Если бы я былъ неизлечимымъ, я былъ бы очень благодаренъ врачу, который имѣлъ бы мужество дать мнѣ такое послѣднее средство.

— Мы больше не будемъ играть?

— Ха-ха-ха! Вы уклоняетесь отъ отвѣта, врачъ души и тѣла. Здѣсь кончается ваша наука, какъ и наука корифеевъ!

— Ваше высочество!

— Будемъ играть дальше. Ну, теперь ваша очередь, докторъ, шахъ королю.

Острымъ взоромъ смотрѣлъ Альфредъ на доску.

— Королева могла бы въ концѣ концовъ спасти его, докторъ,—говорилъ онъ съ горечью. —Впрочемъ, нѣтъ, ужъ слишкомъ поздно. Онъ можетъ надѣяться еще на свою башню. Скажите, я вчера васъ обоихъ обидѣлъ?

— Насъ обоихъ? Кого, ваше высочество, изволите подразумѣвать.

— Васъ и главнаго доктора. Вчера я отказался обѣдать съ вами за однимъ столомъ.

Врачъ молчалъ и напряженно ждалъ, что изъ этого выйдетъ.

— Сегодня вечеромъ я заглажу это, докторъ; сегодня вечеромъ, понимаете? Сегодня мы будемъ сидѣть за однимъ столомъ, какъ трое друзей. Я сейчасъ распоряжусь объ этомъ.

Герцогъ всталъ и позвонилъ.

— Пусть въ столовой накроютъ столъ на три прибора, — сказалъ онъ. — Пусть принесутъ также вина. Вѣдь это можно?

Этотъ вопросъ звучалъ нескрываемой ироніей въ устахъ герцога.

— Отвѣтственнымъ лицомъ за леченіе является главный докторъ, ваше высочество!

— Я знаю! Я сумѣю переговорить съ нимъ объ этомъ. Главный врачъ не будетъ возражать противъ этого. Вѣдь мы будемъ обѣдать втроемъ. Въ замкѣ есть запасъ рейнвейна, который онъ долженъ попробовать. Вотъ вино, такъ вино, докторъ! Если бы я зналъ, что мнѣ придется умереть, я и тогда велѣлъ бы подать его себѣ. А теперь пока я хочу отдохнуть часикъ-другой. Обѣдъ начинается въ шесть.

По знаку герцога врачъ удалился.

Онъ поспѣшилъ прямо къ главному доктору.

— Я долженъ предостеречь васъ, профессоръ. Съ его высочествомъ происходитъ что-то неладное, въ немъ есть что-то непонятное, какая-то мрачная рѣшимость, что-то продуманное, чего я очень боюсь!

Профессоръ только разсмѣялся.

— Милый другъ, вы еще недостаточно опытны въ области тѣхъ болѣзней, какая у него. Я водилъ на помочахъ всѣхъ своихъ пациентовъ. Если вы будете соглашаться съ ихъ большими идеями, это ихъ вполне успокоитъ. Если мы будемъ дѣйствовать наоборотъ и разумно, то придемъ къ результату, совершенно противоположному тому, какого мы хотимъ. Я очень радъ, что все идетъ такъ хорошо.

— Я предостерегаю васъ, — еще разъ сказалъ ассистентъ самымъ серьезнымъ тономъ.

Этотъ корифей въ своемъ самоніѣни какъ будто былъ пораженъ слѣпотой.

— Пошлите въ Кронбургъ второй бюллетень такого содержанія: герцогъ въ превосходномъ настроеніи и чувствуетъ себя очень хорошо.

— Какъ вамъ угодно.

Ровно въ шесть часовъ состоялся обѣдъ. Альфредъ былъ очень разговорчивъ и обворожительно любезенъ, какъ въ свои лучшіе годы. Онъ сильно налегалъ на кушанья и припуждалъ своихъ гостей брать еще.

Главный докторъ согласился на бутылку шампанскаго.

— Ну, еще одну, — приказалъ Альфредъ.

Прислуживавшій имъ надзиратель вопросительно посмотрѣлъ на профессора.

— Выпейте, г. профессоръ, выпейте, — настаивалъ Альфредъ.

— Я не могу много пить шампанскаго, ваше высочество.

— Сегодня оно не вызоветъ у васъ головной боли, хотите держать пари.

Главный докторъ велѣлъ налить себѣ еще.

— Въ самомъ дѣлѣ, шампанское превосходно.

— Оно происходитъ изъ страны моего августѣйшаго друга, короля-Солнца, докторъ. Выпейте еще. Если вы больше не хотите, то прежде, чѣмъ наступятъ сумерки, мы совершимъ съ вами прогулку по парку, о которой мы условимся утромъ. Я уже готовъ. А вы?

— Мы тоже готовы.

— Сначала выпейте, г. профессоръ, выпейте спокойно. Вино превосходно. Я васъ подожду.

Главный докторъ осушилъ свой стаканъ.

— За ваше здоровье и благополучіе, ваше высочество!

— Я принимаю этотъ тостъ. Но не могу уже выпить за ваше здоровье. Больше нѣтъ ни вина, ни охоты! Вы готовы, докторъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

Герцогъ всталъ.

Въ передней слуга подалъ ему мягкую шляпу съ брильянтовой пряжкой и легкое пальто и спросилъ:

— Прикажете нести за вами зонтикъ?

— Дайте зонтикъ сюда,—сказалъ Альфредъ.

Главный докторъ сдѣлалъ знакъ, и зонтикъ очутился въ рукахъ Альфреда.

Къ главному доктору подошелъ ассистентъ и что-то тихо сталъ говорить ему.

— А я думалъ, что вы уже готовы, профессоръ,—замѣтилъ Альфредъ.

Онъ слышалъ ясно, какъ тотъ сказалъ: надо, чтобы никто не сопровождалъ его.

Сатанинская радость пробѣжала по немъ.

— Провидѣніе выдало его тебѣ!

Молодой врачъ опять подошелъ къ своему принципалу.

Альфредъ насторожился.

— Нѣтъ, пусть служителя остаются,—послышался ему тихій голосъ профессора.

— Въ восемь часовъ я вернусь обратно вмѣстѣ съ его высочествомъ,—громко прибавилъ онъ.

— Да, въ восемь часовъ,—повторилъ Альфредъ съ какимъ-то особымъ выраженіемъ.

Съ этими словами онъ подошелъ къ двери и вышелъ въ паркъ, не оглядываясь.

Главный докторъ послѣдовалъ за нимъ.

— Идемъ, профессоръ. Я уже готовъ и жду васъ.

И они пошли въ сумерки потемнѣвшаго отъ проливного дождя дня. Высокая фигура герцога первая исчезла въ чащѣ лѣса.

Что произошло въ поздній часъ этого сумрачнаго дня между герцогомъ и главнымъ врачомъ на темныхъ дорожкахъ парка Турмъ и на берегу Лаубельфингенскаго озера—этого не знаетъ никто. Лѣсная чаща и отяжелѣвшіе отъ дождя листья прибрежныхъ кустовъ покрыли все происшедшее вѣчной тайной. Увидѣлъ ли герцогъ маленькій зеленый цвѣтъ надежды, о которомъ говорилось въ письмѣ принцессы Матильды, хотѣлъ ли онъ спастись вплавъ черезъ озеро, а главный докторъ хотѣлъ помѣшать ему, и они оба нашли здѣсь свою смерть, или же герцогъ съ своей львиной силой умертвилъ своего мучителя, который столкнулъ его съ солнечной высоты въ пучину ночи,—все это вопросъ, на который нѣтъ отвѣта.

На башнѣ замка Турмъ пробило восемь часовъ. Ни герцогъ, ни докторъ не возвратились.

Лихорадочное волненіе охватило все то населеніе замка, которое было отвѣтственно передъ Кронбургомъ за жизнь герцога.

Дождь лилъ, какъ изъ ведра, и было уже совсѣмъ темно. По распоряженію ассистента, обыскали весь паркъ, но напрасно. Въ десяти часовъ въ Кронбургъ полетѣла телеграмма:

«Герцогъ и главный докторъ ушли вечеромъ гулять и до сего времени не вернулись. Паркъ обысканъ».

Спустя полчаса одинъ изъ лакеевъ нашель на берегу озера шляпу герцога съ брильянтовой пряжкой. Черезъ нѣсколько минутъ прибылъ другой съ извѣщеніемъ, что въ прибрежныхъ кустахъ нашли еще шляпу и зонтикъ главнаго доктора и пальто герцога, все мокрое.

Ассистентъ и смотритель замка въ отчаяніи сѣли въ лодку и двинулись на югъ вдоль берега озера.

Вдругъ смотритель глухо вскрикнулъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ берега торчали два труна.

Смотритель соскочилъ въ воду и съ горячими слезами сталъ обнимать бездыханное тѣло герцога. Ассистентъ стащилъ въ лодку трупъ своего коллеги.

Прибѣжали служители и надзиратель съ факелами. Было уже поздно. Смерть обоихъ наступила нѣсколько часовъ тому назадъ.

Тѣло герцога положили на постель въ голубой спальнѣ замка и покрыли его голубымъ, шелковымъ одѣяломъ, закрывъ его почти до шеи.

Вѣсть о страшной кончинѣ герцога распространилась съ необыкновенной быстротой по всѣмъ селеніямъ и мѣстечкамъ, расположеннымъ на берегу озера и наконецъ дошла до Кронбурга. Громко рассказывали, передавая изъ устъ въ уста, самые невѣроятные слухи, но опредѣленнаго и вѣрнаго не зпалъ никто.

Сѣро поднималось изъ горныхъ глубинъ сѣрое утро дождливаго праздничнаго дня. Праздничные колокола какъ-то устало заговорили своими мѣдными голосами и разносили по озеру печальную вѣсть.

На крышѣ Турма герцогскій штандартъ опустился до половины флагштока.

Одной изъ первыхъ появилась въ комнатѣ, гдѣ лежало тѣло герцога, Матильда.

Своей свитѣ она приказала остаться у дверей голубой комнаты. На грудь почившаго друга она возложила вѣтвь жасмина, сорванную ею среди прибрежныхъ кустовъ.

Когда она вышла изъ голубой комнаты, ее можно было счесть за сумасшедшую.

— Выпустите герцога изъ склепа, — кричала она пронзительнымъ голосомъ: — онъ не умеръ, онъ только притворяется умершимъ, чтобы его отпустили на волю и больше не мучили.

Долго еще не могли успокоить кронпринцессу.

Черезъ шесть дней съ неслыханнымъ великолѣпіемъ тѣло герцога было предано землѣ. Тысячи дорогихъ вѣнковъ были присланы въ Кронбургъ со всѣхъ концовъ земли.

Но на самомъ гробѣ красовалась только одна вѣтка жасмина.

Въ потемнѣвшемъ склепѣ церкви св. Гавріила въ Кронбургѣ покоится тотъ, кто за блескъ золота и сіяніе мрамора и царственную мечту объ одинокой красотѣ поставилъ на ставку и проигралъ блестящую жизнь мощи и величія.

Послѣ его смерти много лѣтъ подъ рядъ въ день св. Троицы спускалась къ его каменной гробницѣ одѣтая въ черное дама и часами оставалась здѣсь въ молитвѣ. Когда она уходила, въ головахъ саркофага лежала всегда свѣжая вѣтвь жасмина, сорванная въ паркѣ замка Турмъ на берегу Лаубельфингенскаго озера.

Теперь она уже давно не была здѣсь. Да и никто не бываетъ. Все погрузилось въ мертвую тишину.

УКАЗАТЕЛЬ

ЛИЧНЫХЪ ИМЕНЪ,

УПОМИНАЕМЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1912 г. ¹⁾.

А. Б. *Рецензіи его:* 1) «Историческая хрестоматія по русской исторіи. Составили Я. Г. Гуревичъ и Б. А. Павловичъ. Т. II и III. Спб. 1910—1911», СХХVIII, май, 640—641.—2) «Андрей Александровичъ Титовъ. М. 1912», СХХVIII, май, 644. 3) «Библиотека Д. В. Ульянинскаго. Библиографическое описаніе. Томъ I. М. 1912», СХХVIII, май, 666.—4) «Альбертъ Вандалъ. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Переводъ съ шестого французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1911», СХХIX, августъ. 736.—4) «Э. Дюркгеймъ, проф. социологій. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ французскаго А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 856—858. 5) «Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Томъ 138. Юрьевъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1256—1257.

А. Б—въ. *Рецензіи его:* 1) «Barbe Doukhouskou. Quelques pages de ma vie. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 747. 2) Balch. Our slavie fellow Citizens.

N.-Yorck. 1910. (Бальчъ. Наши славянскіе сограждане)», СХХVII, февраль, 748—749.

А—въ. *Статейка его:* «Памяти П. С. Ванновскаго», СХХVIII, май, 513—514.

А—въ. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его:* «Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1). Сдб. 1911», СХХVIII, июнь, 1031.

А. Е. К—тъ. *Статья его:* «Игнатій Платоновичъ Закревскій и введеніе судебной реформы въ Царствѣ Польскомъ», СХХVIII, апрѣль, 206—218.

А. З. Е. *Рецензія его:* «Проф. А. Елчаниновъ. Отечественная война.—Заслуженный профессоръ Н. Михневичъ. 1812 годъ на Руси.—Е. Поселянинъ. Сто лѣтъ назадъ. (Воспоминанія о 1812 годѣ).—Н. Дучинскій. Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война.—Его же. Императоръ Александръ I.—Его же. Благословенный царь. (Александръ I).—Заслуженный профессоръ Н. Михневичъ. Бородинскій бой.—Викт. Жерве. Славный вожь двѣнадцатаго года Кутузовъ.—Его же. Герои двѣнад-

¹⁾ Въ «Указатель» не включены личныя имена, упоминаемыя въ историческихъ романахъ, беллетристическихъ статьяхъ и приложеніяхъ.—Римскія цифры означаютъ томъ, арабскія—страницу.

патаго года: Барклай-де-Толли и Багра-
тионъ.—Ю. Елецъ. Герой двѣнадцатаго
года Кульневъ.—Проф. А. Елчаниновъ.
Герои-полководцы двѣнадцатаго года.—
Его-же. Герои-офицеры двѣнадцатаго
года.—П. Красновъ. Донцы и Платовъ
въ двѣнадцатомъ году.—П. Россіевъ.
Сожженная Москва.—Его-же. Изгнаніе
двадесяти языкъ.—Его-же. Русскіе осво-
бождаютъ Европу.—Е. Поселянинъ. За
вѣру, царя и родину (двѣнадцатый годъ).—
Н. Жерве. Славные партизаны 1812 года.—
Проф. А. Елчаниновъ. Народная война
и герои изъ народа въ 1812 году.—Викт.
Жерве. Герои-солдаты въ борьбѣ русскаго
народа съ Наполеономъ.—А. Заринъ.
Женщины-героини въ 1812 году.—
Заслуженный профессоръ Н. Михневичъ.
На память объ Александрѣ I и 1812 г.—
юнкерамъ, кадетамъ, потѣшнымъ и всѣмъ
учащимся.—К. Военскій. Русское ду-
ховенство и 1812 годъ.—Юбилейный
праздникъ въ память двѣнадцатаго года.
Программы. Стихи. Отрывки изъ про-
изведеній. Рѣчи. Народныя чтенія. Му-
зыка, пѣніе и т. п.—А. Заринъ. Тимош-
кина команда. (Участіе дѣтей въ войнѣ
1812 года). Рассказы.—Протопресвитеръ
Г. І. Шавельскій. Военное духовенство
въ борьбѣ Россіи съ Наполеономъ.—Зо-
товъ. Два брата или Москва въ 1812 году.
Романъ въ трехъ частяхъ.—М. К. Заго-
скинъ. Рославлевъ или русскіе въ 1812 г.
Романъ.—Петръ Ниве. Великая Отече-
ственная война.—К. А. Военскій. Свя-
щенный двѣнадцатый годъ. (Рассказы и
воспоминанія участниковъ войны). Спб.
1912», СХХVІІІ, май, 634—635.

А. И. Рецензія его: «Отчетъ импера-
торской публичной библиотеки за 1905 годъ.
Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 401—404.

А. Нф. Рецензія его: 1) «Царь или не
царь? Историческая хроника С. Ф.
Либровича. Со снимками съ историче-
скихъ картинъ, портретовъ, грамотъ,
медалей, монетъ и проч. Изданіе товари-
щества М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІІ,
февраль, 743—744. 2) «Профессоръ П. И.
Ковалевскій. Отсталыя и ненормальная
дѣти, ихъ леченіе и воспитаніе. Спб.
1911», СХХVІІ, мартъ, 1102—1103.

А. М—нъ. Рецензія его: 1) «И. В.
Негушилъ, профессоръ. Обзоръ римской
исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ Харь-
ковскомъ университетѣ и на высшихъ
женскихъ курсахъ. Харьковъ. 1911»,
СХХVІІ, февраль, 761—762. 2) «Письма
П. А. Катенина къ Н. И. Бахтину. (Ма-
териалы для исторіи русской литературы:
двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ ХІХ сто-
лѣтія). Со вступительною статьею и при-
мѣчаніями А. А. Чебышева. Спб. 1911»,

СХХVІІІ, май, 650—651. 3) «Юліанъ Ку-
лаковскій, профессоръ. Исторія Византіи.
Томъ II. (158—602 г.). Съ четырьмя кар-
тами, тремя рисунками въ текстѣ и одной
таблицей. Кіевъ. 1912», СХХVІІІ, июнь,
1025—1027.

А. М—скій. Рецензія его: «Каталогъ
выставки въ память И. А. Гончарова въ
Симбирскѣ 6—15 іюня 1912 г. Составилъ
М. Ф. Суперанскій», СХХІХ, июль,
361—362.

А. Х. Рецензія его: «Очеркъ исторіи
Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ со-
бытій въ передней Азіи. Періодъ I. Древ-
няя исторія. Лекція Г. А. Хадатянца.
М. 1910», СХХVІІІ, июнь, 1028—1029.

А. Я. Рецензія его: 1) «Н. П. Лихачевъ.
Историческое значеніе итапо-греческой
иконописи. Изображенія Богоматери въ
произведеніяхъ итапо-греческихъ иконо-
писцевъ и ихъ вліяніе на композиціи иъ
которыхъ прославленныхъ русскихъ
иконовъ. Изданіе императорскаго русскаго
археологическаго общества. Спб. 1911»,
СХХVІІІ, апрѣль, 298—302. 2) «Полное
собраніе русскихъ лѣтописей, изданное
по высочайшему повелѣнію импера-
торскою археографическою коммисіею.
Томъ 32-й. Русскій хронографъ. Часть
первая. Хронографъ редакціи 1512 года.
Спб. 1911», СХХVІІІ, июнь, 1002—1003.
3) «С. И. Масловъ. Новый списокъ «Словъ
постническихъ» Исаака Сирина дре-
внѣйшей славянской редакціи. Кіевъ.
1912», СХХХ, декабрь, 1263—1264.

Абаза, Александръ Аггеевичъ, бывшій
министръ финансовъ, потомъ членъ госу-
дарственнаго совѣта, СХХІХ, августъ,
662.

Абдуль-Гамидъ, турецкій султанъ,
СХХVІІІ, июнь, 1059.

Абрамова, М. М., артистка, СХХХ,
декабрь, 1139.

Абрамовъ, Ив. Рецензія А. Фаресова о
книгѣ его: «Что говорятъ забытыя мо-
гилы. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1246—
1247.

Аваліани, С. Л. Рецензія его: 1) «И. А.
Линниченко. В. Б. Антоновичъ. 1830—
1908. М. 1910», СХХVІІ, февраль, 751.

2) «Труды слушательницъ одесскихъ выс-
шихъ женскихъ курсовъ. Т. I, вып. II,
подъ редакціей проф. И. А. Линниченко.
Одесса. 1911», СХХVІІІ, июнь, 1017—1019.

**Авенариустъ, Василій Петровичъ. Ре-
цензія** М.—о книгѣ его: «Дочь посад-
ничья. Повѣсть для юношества временъ
Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рисун-
ками. Изданіе П. В. Луковникова. Спб.
1912», СХХVІІІ, май, 653—654.—**Рецен-
зія** В. Гр—скаго о книгѣ его: «Среди вра-
говъ. (Дневникъ юноши, очевидца

1812 года). Спб. 1912», СХХVIII, май, 654—655.

Аверківъ, Дмитрій Васильевичъ, писатель, СХХIX, июль, 125.

Авескій, В. А. *Его*: «Земство и жизнь. (Записки председателя земской управы)», СХХVII, январь, 156—186; февраль, 583—614.

Авраамій Смоленскій, преподобный, СХХХ, ноябрь, 843—844 (по поводу его «Житій»).

Агафоновъ, Николай Яковлевичъ, писатель, СХХVIII, апрѣль, 155—156.

Аграмовъ, М. В., драматическій режиссеръ, СХХIX, июль, 131.

Адинаевскій, Василій Семеновичъ, правитель дѣлъ главнаго управления по дѣламъ печати, СХХVIII, июнь, 770, 776—777.

Адріанова, В. *Рецензія П. А. о книгѣ* ея: «Матеріалы для исторіи цѣль на книги въ древней Руси XVI—XVIII вѣковъ». Памятники древней письменности и искусства. СЛХХVIII. Спб. 1912», СХХVIII, май, 641—643.

Адріановъ, П. *Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ* его: «Преддверіе великой годовщины. Борьба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1912», СХХIX, августъ, 723—724.

Аксаковъ, Иванъ Сергѣевичъ, СХХVII, февраль, 684—685, 687; СХХVIII, апрѣль, 224.

Аксаковъ, Константинъ Сергѣевичъ. *О немъ книга С. А. Венгерова*. «Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Изданіе «Прометей». Спб. 1912», рецензировавшая В. Даниловымъ, СХХIX, июль, 350—351.

Александра Павловна, великая княжна, СХХVIII, июнь, 1054—1055 (по поводу сватовства шведскаго короля Густава IV).

Александра Теодоровна, императрица, супруга императора Николая Павловича, СХХVIII, май, 536—537.

Александра Теодоровна, императрица, супруга императора Николая Александровича, СХХХ, октябрь, 328—332, 335—344, 347—350.

Александренно, Василій Никифоровичъ, профессоръ варшавскаго университета, СХХVII, январь, 359—360 (по поводу его «Матеріаловъ по смутному времени» въ XIV книгѣ «Старины и Новизны»).

Александровъ, А. А., профессоръ, СХХIX, сентябрь, 1076—1077.

Александровъ, Н. А., археологъ, СХХVIII, апрѣль, 334.

Александръ Михайловичъ, великій князь, СХХХ, октябрь, 171—174 (въ воспоминаніяхъ В. В. Бертенсона).

Александръ I Павловичъ, императоръ, СХХVII, январь, 70, 77; СХХVIII, апрѣль, 195—196; СХХIX, июль, 146, 149—153, 164.—*О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго*: «Горжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. (Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны)», СХХIX, августъ, I—XLVIII; 618—621; 645, 648; 705; 736 (по поводу труда Альберта Вацдала: «Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Переводъ съ шестого французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1911»); сентябрь, 914—915, 919, 927; 1106—1107.—*Замѣтка*: «Письмо императора Александра I объ ополченіи», СХХIX, сентябрь, 1117—1118.—*О немъ въ статьѣ В. Г.*: «Новый литературный портретъ императора Александра I», СХХХ, октябрь, 221—248.—*О немъ въ замѣткѣ*: «Историческая реликвія», СХХХ, октябрь, 438.—*О немъ въ замѣткѣ*: «Александръ I и баронесса Крюденеръ», СХХХ, ноябрь, 859—863.—*О немъ въ замѣткѣ*: «Чернышевъ и Наполеонъ», СХХХ, декабрь, 1276—1283.

Александръ II Николаевичъ, императоръ, СХХVII, январь, 32, 57, 61; февраль, 670, 682, 686; мартъ, 1006, 1008, 1011—1015; СХХVIII, май, 620; СХХIX, июль, 277, 278, 287; августъ, 556; 662, 664, 693; СХХХ, октябрь, 38—39, 59, 63, 79—89; ноябрь, 509, 514—516, 519—533, 538, 540—543, 546, 551, 563; декабрь, 1164—1166, 1168.

Александръ III Александровичъ, императоръ.—*О немъ въ статьѣ В. Т. Молоствово*: «Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Никольскомъ въ 1866 г.», СХХVII, январь, 278—290; 302, 306; февраль, 667—669, 672, 679; 770; СХХVIII апрѣль, 235; май, 508—511; 558; 570, 580—584; СХХIX, июль, 271—303 (по поводу записки Н. Х. Бунге о государственныхъ преобразованіяхъ въ царствованіе императора Александра III).—*Замѣтка*: «Открытіе памятника императору Александру III», СХХIX, июль, 383—386; августъ, 668, 671, 681, 688, 690—692; сентябрь, 1054; СХХХ, октябрь, 172—173; 297—299, 308—310, 317, 321; СХХХ, ноябрь, 767, 772—773, 782, 784, 790; декабрь, 1034, 1063; 1164—1165, 1171, 1175, 1183—1185, 1189—1190; 1191.

Алексѣевъ, Василій Алексѣевичъ. *Его статья*: «Конфедератъ Савва Чаленко, 1770—1771 г. (Историческій очеркъ)». СХХVIII, июнь, 933—941.

Алексѣевъ, В. М., СХХVII, мартъ, 1082—1083 (по поводу его статей о китайской литературѣ).

Аленицынъ, Владимиръ Андреевичъ, статистикъ, СХХХ, декабрь, 1029—1030.

Аленичъ, Самсонъ Георгиевичъ, боевой офицеръ, СХХХ, декабрь, 942—943.

Алешинцевъ, И. *Рецензія П. С. о книгѣ его*: «Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912», СХХVIII, июнь, 1020—1022.

Алипій (въ мѣрѣ Александръ Поповъ), епископъ старикскій. *Некрологъ его*: СХХVIII, апрѣль, 343.

Алмазовъ, Петръ Петровичъ, помѣщикъ, СХХVII, январь, 103—104, 107—108 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Алчевская, Х. Д., извѣстная дѣятельница по народному просвѣщенію въ Харьковѣ, СХХIX, июль, 391—392 (по поводу пятидесятилѣтія ея педагогической и просвѣтительной дѣятельности).

Альмедингенъ, Александръ Николаевичъ, инженеръ-технологъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХIX, июль, 394.

Альфонсъ XIII, испанскій король, СХХLII, февраль, 775—779.

Анастасинскій, А. И., СХХVIII, июнь, 987—988, 994—997; СХХIX, июль, 311—312, 316—326, 332—335.

Анатолій, ректоръ одесской семинаріи (1905 г.), потомъ епископъ елизаветградскій, СХХVIII, май, 394—395.

Андреевскій, Евгеній Константиновичъ. *Его*: «Изъ записокъ за сорокъ семь лѣтъ», СХХХ, октябрь, 73—82; ноябрь, 495—564; декабрь, 939—978.

Андреевъ, Леопидъ Николаевичъ, современный беллетристъ, СХХХ, декабрь, 1288 (о немъ отзывъ Джорджа Кальдерона).

Анисимова, Софья Даниловна, супруга М. И. Анисимова, СХХLII, январь, 47—53.

Анисимовъ, Михаилъ Ивановичъ, симбирскій губернаторъ (въ 1863 г.), СХХLII, январь, 45—49, 53—58.

Анненскій, Михаилъ Васильевичъ, земскій дѣятель. *Некрологъ его*: СХХVII, мартъ, 1141.

Анненскій, Николай Ѳedorовичъ, писатель. *Статья о немъ Б. Б. Глинскаго*: «Памяти Н. Ѳ. Анненскаго», СХХIX, сентябрь, 1026—1046.

Антоній (въ мѣрѣ Александръ Васильевичъ Вадковскій), митрополитъ петербургскій и ладожскій. *Некрологъ его*: СХХХ, декабрь, 1301—1303.

— *Рецензія К. З. о книгѣ его*: «Рѣчи, слова и поученія. Изданіе 3-е. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 856—857.

Антоновичъ, Владимиръ Бонифатьевичъ, проф., извѣстный археологъ. *О немъ книга И. А. Линниченко*: «В. В. Антоно-

вичъ. М. 1910», рецензированная С. Аваліани, СХХVII, февраль, 751.

Антоновскій, Юлій Михайловичъ, участникъ революціоннаго движенія, СХХVI, февраль, 673.

Апласинъ, Андрей Петровичъ, архитекторъ, СХХVIII, июнь, 1066—1068 (по поводу его доклада: «1812 годъ въ памятникахъ церковнаго зодчества въ петербургской епархіи»),

Апраксинъ, Н. П., протоіерей, СХХIX, августъ, 716.

Апухтинъ, Алексѣй Николаевичъ, поэтъ, СХХVII, июнь, 802—806 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Апухтинъ, В. Р. *Рецензія В. о книгѣ его*: «Народная военная сила. Дворянскія ополченія въ Отечественную войну. Томъ I. Спб. 1912», СХХVIII, май, 638.

Аракчеевъ, Алексѣй Андреевичъ, графъ, СХХVII, январь, 76—79; СХХХ, октябрь, 222, 226, 231—233, 241—247.

Арбеньевъ, Іосифъ Іевлевичъ, генералъ-майоръ, СХХVII, январь, 78—79.

Арнадій, архіепископъ олонекскій и петрозаводскій. — *О немъ въ статьѣ Х. Толшченскаго*: «Анекдотическій архіепископъ (Изъ недавняго прошлаго)», СХХХ, ноябрь, 676—709.

Арсеньевъ, Константинъ Константиновичъ, писатель, СХХVIII, апрѣль, 222—228; СХХХ, декабрь 1184—1188.

Арсеньевъ, Орестъ Александровичъ, покровитель русскихъ кустарей. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 713.

Арсеньевъ, Юлій Константиновичъ, олонекскій губернаторъ, СХХVII, январь, 44—45.

Арцимовичъ, Викторъ Антоновичъ, сентябрь, СХХVIII, май, 550—551.

Ассоновъ, В. *Рецензія Д. П. Богданова о книгѣ его*: «1812 годъ въ Калужской губерніи. Калуга. 1911», СХХVIII, апрѣль, 278—279.

Ауз, Е. *Статья его*: «Памяти барона Нисси Токузиро», СХХVIII, июнь, 947—957.

Ахматовъ, Алексѣй Петровичъ, обер-прокуроръ св. синода, СХХХ, октябрь, 402.

Ашенбреннеръ, Михаилъ Юльевичъ, подполковникъ, народоволецъ, СХХVII, февраль, 669.

Б

Б. П. *Рецензія его*: «С. Н. Кологривовъ. Матеріалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII вѣкѣ», СХХVII, январь, 362—363.

Бабинъ, А. В. *Рецензія П. Б. о книгѣ его*: «Исторія Съверо-Американскихъ Шта-

- овъ. Томъ I п II. Спб. 1912», СХХVIII, май, 662—663.
- Бажановъ**, Василий Борисовичъ, протопресвитеръ, СХХХ, декабрь, 962—964.
- Баженовъ**, Александръ Николаевичъ, писатель, СХХVIII, май, 484, 489; июнь, 887.
- Базановъ**, И. А., профессоръ. *Рецензія профессора М. Красноженова о книгѣ его: «Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформъ 19-го февраля 1861 года. Томскъ. 1911»*, СХХХ, октябрь, 391—392.
- Бакунина**, В. П., СХХIX, августъ, XXIV—XXV (по поводу ея воспоминаній).
- Балашевъ**, Александръ Дмитріевичъ, министръ полиціи, членъ государственнаго совѣта, СХХIX, августъ, XXVII—XXVII, XXX.
- Балень-де-Балю**, Я. К., французъ, педагогъ, СХХХI, июль, 44—45.
- Бальмонтъ**, Константинъ Дмитріевичъ, поэтъ, СХХVIII, апрѣль, 337—338 (по поводу его 25-ти лѣтняго юбилея).
- Бальчъ**, Эмиль, профессоръ. *Рецензія А. Б—ва о книгѣ его: «Our Slavic fellow Citizens. N. York. 1910»*, СХХVII, февраль, 748—749.
- Барановскій**, Войхецъ, есылный, участникъ томскаго заговора, СХХIX, августъ, 628, 624, 637, 638, 643.
- Барановскій**, Михаилъ Николаевичъ, генералъ-отъ-артиллеріи, профессоръ. *Некрологъ его: СХХIX, сентябрь, 1121.*
- Баратаевъ**, М. П., князь, симбирскій помѣщикъ, масонъ, СХХIX, июль, 167—168.
- Барини**, Джорджіа, итальянскій музыкальный критикъ, СХХVIII, май, 689—691 (по поводу его отзыва «о Камаринской» М. И. Глинки).
- Барклай-де-Толли**, Михаилъ Богдановичъ, князь, генералъ-фельдмаршалъ, СХХХI, августъ, XXIV, XXVIII—XXXVIII, *Замѣтка: «Закладка памятника М. Б. Барклаю-де-Толли»*, СХХХ, октябрь, 436—437.
- Барсковъ**, Я. Л. *Рецензія В. В. Т. о книгѣ его: «Памятники первыхъ лѣтъ русскаго старообрядчества съ 13 таблицами рисунковъ. Спб. 1912»*, СХХХ, ноябрь, 841—842.
- Барсовъ**, Николай Ивановичъ, профессоръ, СХХVII, июнь, 849.
- Бартенева**, Петръ Ивановичъ, редакторъ-издатель «Русскаго Архива». *Некрологъ, его составленный Г. Л. И.: «Петръ Ивановичъ Бартенева»*, СХХХ, декабрь, 1129—1137.
- Баршева**, К. Н., филантропка. *Некрологъ ея: СХХХ, октябрь, 441.*
- Баскинъ**, В. *Рецензія его: «М. М. Ивановъ. Исторія музыкальнаго развитія Россіи въ двухъ томахъ съ рисунками и нотными примѣрами. Т. II. Спб. 1912»*, СХХVII, февраль, 736—739.
- Баташевъ**, П. Н., переводчикъ французскихъ водевилей», СХХVIII, июнь 881.
- Бахтинъ**, Николай Ивановичъ, секретарь, поэтъ, СХХVIII, май, 650—651 (по поводу писемъ къ нему П. А. Катенина).
- Безобразовъ**, Николай Михайловичъ, товарищъ министра торговли и промышленности, извѣстный театралъ и театральныи критикъ. *Некрологъ его: СХХIX, августъ, 778—779.*
- Бенетовъ**, Николай Николаевичъ, извѣстный химикъ, академикъ. *Некрологъ его: СХХVII, январь, 418—420.*
- Беновичи-Черкасскіе**, СХХХ, декабрь, 1253 (по поводу ихъ родословія и собранія писемъ, напечатанныхъ въ «Кавказскомъ сборникѣ», т. XXX).
- Бергъ**, Константинъ Ѳеодоровичъ, артистъ, СХХIX, июль, 114 (биографическія данныя).
- Бергъ**, Николай Васильевичъ, поэтъ, СХХVII, январь, 107—108 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой); СХХVIII, май, 496.
- Бергъ** (фонъ), Э. П. *Рецензія Д. о книгѣ его: «Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава. 1912»*, СХХХ, октябрь, 409.
- Бергъ**, Ѳеодоръ Ѳеодоровичъ, графъ, генералъ-фельдмаршалъ, СХХХ, ноябрь, 495.
- Бердяевъ**, Николай. *Рецензія Андрея Сиротинина о книгѣ его: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. М. 1912»*, СХХVII, мартъ, 1103—1105.
- Березовскій**, полякъ, покушавшійся на жизнь императора Александра II въ Парижѣ въ 1867 г., СХХХ, ноябрь, 513—515, 520, 526—528, 535—542.
- Берендтсъ**, Александръ Николаевичъ, профессоръ по кафедрѣ исторіи церкви. *Некрологъ его: СХХVIII, апрѣль, 344—345.*
- Берже**, Адольфъ Петровичъ, археологъ, СХХIX, сентябрь, 1049.
- Берингъ**, Морисъ, СХХVII, февраль, 634—641 (по поводу его книги о Россіи и русскихъ).
- Берліозъ**, Гекторъ, гениальный французскій композиторъ и музыкальный критикъ, СХХVII, февраль, 780—781; СХХIX, августъ, 758—763 («Неизданная письма Берліоза»).
- Бертенсонъ**, Василий Бернардовичъ *Его: «За тридцать лѣтъ. (Листки изъ вос-*

поминаний», СХХVIII, май, 437—451; июнь, 800—814; СХХIX, июль, 96—110; август, 506—516; СХХХ, октябрь, 167—180.

Бестужева, Софья Ивановна, женщина-врач. *Некрологъ ея*: СХХVII, февраль, 800.

Бильбасовъ, Константинъ Алексѣевичъ, судебный дѣятель, СХХVIII, апрѣль, 209.

✶ **Бильдерлингъ**, Александръ Александровичъ, баронъ, генераль-отъ-кавалеріи, военный писатель. *Некрологъ его*: СХХIX, августъ, 779—780.

Бирюковъ, Я. *Рецензіи его*: 1) «Пѣтуховъ, Е. В. Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ. 1911», СХХVIII, май, 656—658. 2) «Труды оренбургской ученой архивной комисіи. Выпускъ XXV. Оренбургъ. 1911», СХХVIII, июнь, 1013—1014. 3) «А—въ. Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1-й). Спб. 1911», СХХVIII, июнь, 1031. 4) «А. К. Боревдинъ, проф. Русская литература въ XIX вѣкѣ. (Сто лѣтъ литературнаго развитія). Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1102.

Блюменталь-Тамаринъ, Александръ Эдуардовичъ, артистъ. *Некрологъ его*: СХХVII, январь, 420.

Боборыкинъ, Петръ Дмитриевичъ, писатель, СХХVIII, июнь, 865—868.

Бобровъ, Евгений Александровичъ, профессоръ. *Рецензія проф. М. Красножона о редактированномъ имъ: «Сборникѣ въ честь Пирогова»*, СХХIX, сентябрь, 1098—1101.

Бобровъ, Павелъ Павловичъ, шахматистъ. *Некрологъ его*: СХХVII, февраль, 800—801.

Богдановичъ, Ангелъ Ив., революціонеръ, писатель, СХХVII, февраль, 671.

Богдановичъ, Евгений Васильевичъ, генераль-отъ-инфантеріи. *Его юбилей*: СХХVII, мартъ, 1137—1140.

Богдановъ, Д. П. *Рецензіи его*: 1) «1812 годъ въ Калужской губерніи. Составилъ В. Асоновъ. Калуга. 1911», СХХVIII, апрѣль, 278—279. 2) «Васенко, С. В. «Годъ великаго испытанія». (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Спб. 1911», СХХVIII, май, 640.

Богдановъ, И. Ф. *Рецензія М—о о книгѣ его*: «Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 743—744.

Боголюбовъ, Алексѣй Андреевичъ, полковникъ, СХХХ, декабрь, 958—962.

Боголѣповъ, Иванъ Павловичъ, статистикъ. *Некрологъ его*: СХХVII, январь, 420—421.

Богоразъ, Натанъ, революціонеръ, нынѣшній писатель «Танъ», СХХVII, февраль, 670.

Боженяновъ, И. Н. *Рецензія Л. Н. о редактированномъ имъ трудѣ*: «Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1812 года. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ. Изданіе С. М. Прокудина-Горскаго и К. М. Лаурсона. 2 выпуска. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1088.

Борисовскій, Н. А., артистъ, СХХIX, июль, 127.

Боргманъ, А. И. *Рецензія К. К—ва о книгѣ его*: «Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть I. До Петра Великаго. Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1073—1075.

Бородинъ, Мих. Мих. *Рецензія В. Т—ий о книгѣ его*: «Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 754.

Боровиковскій, Владимиръ Лукичъ, извѣстный художникъ - портретистъ. СХХIX, июль, 137.

Бороздинъ, Александръ Корниловичъ, профессоръ. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его*: «Русская литература въ XIX вѣкѣ. (Сто лѣтъ литературнаго развитія). Изданіе 2-е, дополненное. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1102.

Борхъ, Е. М., графъ, судебный дѣятель, СХХVIII, апрѣль, 209.

Боткинъ, Василій Петровичъ, извѣстный писатель, СХХVIII, июнь, 850.

Боткинъ, Сергѣй Петровичъ, лейбъ-медикъ, СХХVIII, май, 444, 446—448 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Бочковъ, Д. *Его замѣтка*: «Къ статьѣ А. А. Сигова «Похожденія революціонера-эспроприатора Савицкаго», СХХVII, февраль, 813—314.—*Рецензіи его*: 1) «Отчетъ о дѣятельности орловскаго церковнаго историко-археологическаго общества за 1908—1909 годы. Орель. 1911», СХХVII, мартъ, 1092—1093. 2) «Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовные стихи. Бѣлорусскій сборникъ Е. Р. Романова. Выпускъ седьмой. Вильна. 1911», СХХVIII, июнь, 1016—1017. 3) «Описаніе экскурсіи учащихся виленскаго учебнаго округа за 1910 годъ. Составилъ А. И. Шестовъ. Изданіе управленія виленскаго

учебнаго округа. Вильна. 1911», СХХVIII, июнь, 1033—1034. 4) «Картины церковной жизни черниговской епархіи изъ IX вѣковой ея исторіи. Киевъ. 1911. Съ 58 таблицами иллюстрацій», СХХХ, октябрь, 389—191. 5) «Н. Н. Соболевъ. Набойка въ Россіи. Исторія и способъ работы. М. 1912», СХХХ, ноябрь, 837.

Брадье (Фопъ), Ѳедоръ Ивановичъ, вятскій губернаторъ, потомъ сенаторъ, СХХIX, августъ, 615—617, 620.

Браиловскій, С. Н. *Рецензія Н. о трудѣ его*: «В. И. Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Браиловскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХIX, июль, 350.

Бриссонъ, Анри, президентъ французской палаты, СХХIX, июль, 379—380 (по поводу его смерти),

Бродскій, Л. И., сахарозаводчикъ, СХХХ, декабрь, 1067—1070.

Брусиловъ, Николай Петровичъ, вологодскій гражданскій губернаторъ, СХХIX, сентябрь, 1132.

Брюсовъ, Валерій Яковлевичъ. *Рецензія О. о книгѣ его*: «Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911», СХХVIII, июнь, 1027—1028. — *Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна объ его: критико-біографическомъ очеркѣ Ѳ. И. Тютчева* (въ 6-мъ изд. «Полнаго собранія сочиненій»), СХХХ, ноябрь, 847—849.

Брюхановъ, А. В., судебный дѣятель, СХХIX, августъ, 461—462.

Брянскій, А. М. *Рецензія А. Рябова о книгѣ его, составленной вмѣстѣ съ В. П. Лачиновымъ*: «Глаголинь и его роль». — *Отзывы и портреты*. Изданіе З. Эльзиндъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 851—852.

Булъ, Оле-Борнеманъ, знаменитый скрипачъ, СХХIX, июль, 135.

Бунге, Николай Христіановичъ, министръ финансовъ, а потомъ председатель комитета министровъ, СХХIX, июль, 224; 271—303 (по поводу его записки о государственныхъ преобразованіяхъ императора Александра III); августъ, 663—675, 679, 689; СХХХ, декабрь, 1184—1186.

Бунинъ, Иванъ Алексѣевичъ, писатель. *Его юбилей* (25-лѣтній), СХХХ, декабрь, 1296—1298.

Бураковскій, Александръ Захаровичъ, артистъ, СХХIX, июль, 129.

Буренинъ, Викторъ Петровичъ, писатель, поэтъ. *О немъ статья Б. Б. Глинскаго*: «Викторъ Петровичъ Буренинъ. (Критико-біографическій очеркъ)», СХХVII, январь, 224—269. — *Упоминается*: СХХIX, сентябрь, 18—22, 31, 42.

Бурляевъ, К. *Его статья*: «Поняли... (Бытовой очеркъ)», СХХVIII, июнь, 815—829.

Бутовичъ, А. Д., любитель старины, СХХХ, декабрь, 1299—1300.

Бутовскій, Петръ Михайловичъ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его*: СХХVII, февраль, 801.

Быковъ, Петръ Васильевичъ, писатель. *Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна о редактированномъ имъ трудѣ*: «Ѳ. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, бібліографическимъ указателемъ, примѣчаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 847—849.

Быстровъ, Николай Ивановичъ, профессоръ дѣтскихъ болѣзней, СХХVIII, май, 448—449 (въ воспоминаніяхъ В. В. Бертенсона).

Быховецъ-Самаринъ (по сценѣ) или **Васютинскій**, Яковъ Васильевичъ, артистъ. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 888.

Бѣгичева, Марья Васильевна, СХХVII, февраль, 536—540; мартъ, 904—907, 910—911 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Бѣгичевъ, Владимиръ Петровичъ, СХХVII, февраль, 537—539; мартъ, 904—911 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой); СХХVIII, июнь, 882.

Бѣловъ, Алексѣй Михайловичъ. *Статья его*: «Англичане о Россіи», СХХVII, февраль, 632—647.

Бѣлозеровъ, А. М., педагогъ, СХХIX, июль, 43.

Бѣлозерская, Надежда Александровна, писательница. *Некрологъ ея*: СХХVII, апрѣль, 343—344.

Бѣлявскій, И. Е., оперный артистъ, СХХIX, июль, 47.

Бэ (де), баронъ. *Рецензія П. Майкова о книгѣ его*: «Smolensk. Les origines. L'eropée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Paris. 1912», СХХХ, ноябрь, 827—830.

В

В. А—въ. *Рецензія его*: «А. В. Жиркевичъ. Сонное царство великихъ начинаній. Вильна. 1911», СХХVIII, апрѣль, 290—292.

В. В. Т. *Рецензія его*: 1) «В. Г. Дружининъ. Писанія русскихъ старообрядцевъ. Перечень списковъ, составленныхъ на печатнымъ описаніямъ рукописныхъ собраній. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 835—836. 2) «Я. Л. Барсковъ

Памятники первых лѣтъ русскаго старообрядчества. Съ 13 таблицами снимковъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 841—842.

В. Г. Статья его: «Т. И. Филипповъ у себя дома. (Рассказъ бывшаго контрольнаго чиновника)», СХХVIII, апрѣль, 123—131.—*Рецензія его:* «Профессоръ географіи софійскаго университета Иширковъ. Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1912», СХХIX, июль, 360—361.

В. Гр—скій. *Рецензіи его:* 1) «Графъ А. А. Мусинъ-Пушкинъ. Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образования на Западѣ и въ Россіи. Т. I—II. Спб.», СХХVIII, апрѣль, 292—294. 2) «В. П. Авенариусъ. Среди враговъ. (Дневникъ юноши, очевидца 1812 года). Спб. 1912», СХХVIII, май, 654—655. 3) «Ладо. Сборникъ литературно-общественный, посвященный нарождающейся русской національ-демократіи. Спб. 1911», СХХХ, ноябрь, 854—855.

В. Д. *Рецензіи его:* 1) «Памятная книжка Воронежской губерніи на 1912 годъ. Составлена подъ редакціей Д. Г. Тюменева. Воронежъ. 1912», СХХVIII, май, 648. 2) «Русскій Филологическій Вѣстникъ. Учено-педагогическій журналъ, издаваемый подъ редакціей Е. Θ. Карскаго. Варшава. 1911», СХХIX, июль, 354—355. 3) «Матеріалы по этнографіи Гродненской губерніи. По порученію управленія виленскаго учебнаго округа редактировалъ Е. Р. Романовъ. Выпуски I—II. Вильна. 1912», СХХIX, сентябрь, 1085. 4) «Профессоръ Н. И. Петровъ. Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII—XVIII вѣковъ. Кіевская искусственная литература XVII—XVIII вѣковъ, преимущественно драматическая. Кіевъ. 1911», СХХIX, сентябрь, 1095—1096.

В. М—нъ. *Рецензія его:* «Кауфманскій сборникъ, изданный въ память двадцати пяти лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края генералъ-адъютанта К. Н. фонъ-Кауфмана. М. 1911», СХХVIII, апрѣль, 281—285.

В. Т—ій. *Рецензія его:* «М. М. Бородкинъ. Краткая исторія Финляндіи. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 754.

Вагнеръ, Рихардъ, знаменитый нѣмецкій композиторъ, СХХХ, ноябрь, 863—865.

Вадимова, Дора Михайловна, артистка. *Некрологъ ея:* СХХVIII, апрѣль, 945.

Валишевскій, Казимиръ Феликсовичъ. *Рецензія М. Клочкова о книгѣ его:* «Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф., изд. книгоиздательства «Современныя проблемы». М. 1911»,

СХХVII, февраль, 733—736.—*Рецензія К. Кудряшова о книгѣ его:* «Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица все-россійская. Съ 72 иллюстраціями въ текстѣ и 41 на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVII, мартъ, 1079—1080.

Вальденбергъ, В. *Рецензія Андрея Сиротинина о книгѣ его:* «Государственные идеи Крижанпича. Спб. 1912», СХХVII, февраль, 740—743.

Вальяно, Григорій Ставровичъ, антрепренеръ-любитель, СХХХ, ноябрь, 739—740.

Вандаль, Альбертъ, французскій историкъ, «безсмертный», СХХVIII, апрѣль, 318—322.—*Рецензія А. Б. о книгѣ его:* «Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Переводъ съ шестого французскаго изданія В. Шиловой. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 736.

Ванновскій, Петръ Семеновичъ, военный министръ и министръ народнаго просвѣщенія.—*О немъ статейка А—ва:* «Памяти П. С. Ванновскаго», СХХVIII, май, 513—514.—*Упомянется:* СХХХ, ноябрь, 797—804.

Варнеке, Борисъ Васильевичъ, проф. *Рецензія П. С. о книгѣ его:* «Замѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912», СХХVIII, май, 655—656.

Варнекъ, Леонидъ Николаевичъ, докторъ медицины, извѣстный гинекологъ. *Некрологъ его:* СХХVIII, май, 713—714.

Варримонъ (де), Карлъ, «шпionъ» Наполеона.—*О немъ въ статьѣ Θ. М.—ва:* «Шпionъ Наполеона въ ссылкѣ», СХХIX, августъ, 615—621.

Васенко, П. Г. *Рецензія К. о книгѣ его:* «Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественной войны. Съ предисловіемъ проф. С. Θ. Платонова. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ копіей въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Изданіе Я. Башмакова. Спб. 1912», СХХVIII, июнь, 1011—1019.

Васенко, С. В. *Рецензія Д. П. Богданова о книгѣ ея:* «Годъ великаго испытанія». (Отечественная война). Для народа и начальныхъ школъ. Изданіе Я. Башмакова. Спб. 1911», СХХVIII, май, 640.

Васильева, М. Е. *Рецензія И. Г. о книгѣ ея:* «Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1267—1269.

Васильевъ, Аванасій Васильевичъ, славнофиль, СХХХ, ноябрь, 773—782.

Васильевъ, М. *Рецензія Д. М. о книгѣ его:* «Отечественная война 1812 года. Изданіе казанскаго учебнаго округа. Казань. 1912», СХХХ, октябрь, 383.

Васильевъ, (2-й), Павелъ Васильевичъ, артистъ, СХХХ, ноябрь, 733—734.

Васильевъ-Гладковъ, Михаилъ Павловичъ, артистъ, СХХХХ, июль, 133.

Васильевы, артисты:

— Сергій Васильевичъ, СХХVIII, июнь, 879.

— Варвара Васильевна, СХХVIII, июнь, 879.

— Евгения Васильевна, СХХVIII, июнь, 879.

— Екатерина Николаевна, СХХVIII, июнь, 879, 883, 898; СХХХХ, июль, 125.

— Вѣра Сергѣевна, СХХVIII, июнь, 884.

Васильковскій, П. Е. *Рецензія М—о о книгѣ его*: «Чудеса растительнаго царства. (Популярные очерки изъ жизни растений). Съ 161 рис. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 302—303.

Васишко, Гр. Ул. *Статья его*: «Святѣя вологодскій тюрьмы», СХХХХ, июль, 256—261.—*Заметка С. Кавала къ его очерку*: «Святѣя вологодскій тюрьмы», СХХХХ, сентябрь, 1132—1134.

Ващенко-Захарченко, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ математики. *Некрологъ его*: СХХХХ, сентябрь, 1121—1122.

Ведровъ, Владимиръ Мих., цензоръ, СХХVII, январь, 61.

Веймаръ, Орестъ Эдуардовичъ, докторъ, революціонеръ, СХХVII, февраль, 678.

Вена-де, Ф. В., редакторъ-издатель «Судебной Газеты», СХХХХ, августъ, 433—444, 460.

Велене, Рейнгольдъ Рейнгольдовичъ, секретарь петербургскаго комитета по дѣламъ печати. *Некрологъ его*: СХХVII, январь, 421—422.

Величко, Василій Львовичъ, поэтъ, СХХVIII, июнь, 916—918.

Велю, Иванъ Осиповичъ, симбирскій губернаторъ (1864), потомъ сенаторъ, СХХVII, январь, 57-58.

Венгеровъ, Семень Аонасьевичъ, писатель. *Рецензія В. Данилова о третьемъ томѣ его собранія сочиненій*: «Передовой боецъ славянофильства. Константинъ Аксаковъ. Изданіе «Прометей». Спб. 1912», СХХХХ, июль, 350—351.

Венявскій, Генрихъ Осиповичъ (Оаддеевичъ), скрипачъ, солистъ, СХХVII, январь, 106 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Вердье («мамзель Вердье»), артистка, СХХVIII, апрѣль, 91—93.

Верещагинъ, Вас. Вас., художникъ, СХХVII, январь, 119—120; 316.

Вернонь, Л., французскій писатель, СХХVII, мартъ, 1115—1117 (его статьи о положеніи современной русской лите-

ратуры послѣ освободительнаго движенія).

Верховскій, Вл. Вл., членъ государственнаго совѣта, СХХХХ, июль, 48.

Веселкова-Нильштедтъ, Марья Григорьевна. *Рецензія-ій о книгѣ ея*: «Колычевская вотчина. Романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1912», СХХХХ, августъ, 742—743.

Веселовскій, Николай Ивановичъ, проф. *Рецензія Н. И. Ефимова о книгѣ его*: «Татарское вліяніе на посольскій церемоніаль въ московскій періодъ русскої исторіи. Приложеніе къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1076—1078.

Вивьень, Э. О., пианистъ-аккомпаниаторъ, СХХVIII, май, 496.

Визины-фонъ:

— Александра Павловна, СХХVII, январь, 98—101.

— Иванъ Сергѣевичъ, СХХVII, январь, 99, 102.

— Сергій Павловичъ, СХХVII, январь, 96—102, 108.

— Наталья Сергѣевна (по мужу Ржевская), СХХVII, январь, 98—100, 105—106.

Виллеръ, магистръ московскаго университета, членъ французскаго муниципалитета въ Москвѣ, СХХХХ, августъ, 602—604.

Вильбушевичъ, Вѣра Мих., посредница Зубатова, СХХХХ, июль, 228—229.

Вильгельмъ II, императоръ германскій, СХХVIII, апрѣль, 323—324 (по поводу новой статьи о немъ); май, 692—963; СХХХ, ноябрь, 877.

Вильде, Николай Евстафьевичъ, артистъ, СХХVIII, май, 487, 494, 496; июнь, 883—884, 888—891, 898—901; СХХХХ, июль, 116—118, 125—128.

Виницкая, Александра Александровна. *Статья ея*: «Изъ приключеній въ Парижѣ. (Памяти П. Л. Лаврова)», СХХVII, январь, 116—141.

Виноградовъ, Павелъ Григорьевичъ, профессоръ оксфордскаго унив. *Рецензія П. В. о книгѣ его*: «Средневѣковое помѣстье въ Англии. Спб. 1911», СХХVIII, июнь, 1029—1030.

Виноградскій, Александръ Николаевичъ, музыкантъ. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 889.

Витмеръ, Александръ Николаевичъ, профессоръ, СХХХ, октябрь, 323—327.

Витовтъ, великій князь литовскій (1392—1430), СХХVIII, апрѣль, 250, 252, 254, 257—258, 262.

Витте, Сергій Юльевичъ, графъ, б. министръ финансовъ и премьеръ-министръ, СХХІХ, августъ, 660—662, 682—693; сентябрь, 989—1008 (въ статьѣ В. ф. Ш.: «Воспоминанія американца о Портсмутской конференціи»); СХХХ, декабрь, 1071—1072, 1077, 1197.

Вишняковъ, Александръ Григорьевичъ, сенаторъ, СХХVII, февраль, 798—799 (по поводу 50-лѣтія его служебной дѣятельности).

Віардо, Полина, (по сценѣ Гарсія), извѣстная пѣвица, другъ И. С. Тургенева), СХХІХ, августъ, 761 (отзывъ о ней Берліоза); СХХХ, декабрь, 1024—1030 (объ ея отношеніяхъ къ И. С. Тургеневу).

Владимиръ Александровичъ, великій князь, СХХVII, январь, 278—279, 284, 286, 2888, 290.—*Замѣтка*: «Открытие памятника великому князю Владимиру Александровичу», СХХІХ, сентябрь, 1114—1115; СХХХ, ноябрь, 515, 523, 527.

Владыкинъ, П. И., педагогъ. *Некрологъ его*: СХХVII, январь, 422.

Власовъ, П. М., стоявшій во главѣ посольства въ Абиссиніи въ 1897 году, СХХХ, ноябрь, 814.

Власьевъ, Геннадій Александровичъ, генераль-лейтенантъ, генеалогъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, апрѣль, 346—347.

Вобанъ (де), Себастьянъ ле-Претръ, маршалъ, французскій гениальный инженеръ, СХХХ, ноябрь, 697 (биографическія о немъ данныя).

Вогюэ (де), Эженъ-Мельхиоръ, историкъ, СХХVII, февраль, 767—768; СХХІХ, июль, 367 (его отзывъ о О. М. Достоевскомъ).

Военскій, Конст. Адамъ. *Рецензія А. З. Е. о книгѣ его*: «Русское духовенство и 1812 годъ».—«Священный двѣнадцатый годъ. (Разказы и воспоминанія очевидца). Спб. 1912», СХХVIII, май, 634—635.—*Рецензія Б. Глинскаго о книгѣ его*: «Годъ славы народной. Отечественная война 1812 года. Съ семью снимками съ гравюръ и картинъ. Изданіе о-ва улучшенія народнаго труда въ память императора Александра II. Спб. 1912», СХХІХ, августъ, 723—726.

Воларовичъ, Павелъ Егоровичъ, геологъ-географъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 714—715.

Волжинъ, В. А., писатель. *Его*: «Изы мемуаровъ В. А. Волжина», СХХІХ, июль, 40—63; августъ, 443—474.

Вонсовичъ, Мартынъ, томскій заговорщикъ, СХХІХ, августъ, 623—634, 640, 643—644.

Воронинъ, Климентъ, цензоръ, СХХVII февраль, 469—496, 500—505 (въ воспоми-

наніяхъ А. Е. Егорова); мартъ, 851—853, 858—862.

Вороновъ, Андрей Петровичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его*, составленный В. Е. Рудаковымъ: СХХVIII, апрѣль, 345—346.

Воронцовъ, Михаилъ Семеновичъ, свѣтлѣйшій князь, кавказскій намѣстникъ, СХХІХ, сентябрь, 1049.

Воронцовъ-Дашковъ, Иванъ Иларіоновичъ, графъ, кавказскій намѣстникъ, СХХХ, ноябрь, 505, 508—510.

Врангель, Карлъ Карловичъ, баронъ, генераль-адъютантъ, СХХVII, январь, 57.

Всеволодскій, В. (Герпгроссъ). *Рецензія А. Измайлова о книгѣ его*: «Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной войны. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1254—1256.

Вулихъ, Захаръ Борисовичъ, педагогъ, СХХVIII, май, 590.

Высоковичъ, В. В., кievскій профессоръ. *Некрологъ его*: СХХІХ, июль, 394—395.

Высокоостровскій, Александръ Павловичъ, профессоръ с.-петербургской духовной академіи. *Некрологъ его*: СХХХ, октябрь, 441—442.

Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ, министръ финансовъ, СХХІХ, августъ, 671—689; СХХХ, декабрь, 1045.

Вѣра Константиновна, великая княгиня, вдовствующая герцогиня виртембергская. *Некрологъ ея*: СХХVIII, май, 714.

Вяземскій, Петръ Андреевичъ, князь, поэтъ и критикъ, членъ государственнаго совѣта, СХХVII, январь, 61.

Г

Г. Н—къ. *Статья его*: «Эскизы недавняго прошлаго», СХХVII, февраль, 614—623.

Гайдебуровъ, Василій Павловичъ, писатель, СХХVII, январь, 228—229.

Гайдебуровъ, Павелъ Алексѣевичъ, писатель, СХХХ, октябрь, 124.

Галеви, Давіалъ. *Рецензія И. Гурлича о книгѣ его*: «Жизнь Фридриха Ницше. Переводъ съ французскаго. А. Н. Ильинскаго. Подъ ред. и съ примѣчаніями В. П. Сперанскаго. Изданіе товарищества М. О. Вольфа. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 764—765.

Галлеръ, генераль-маіоръ, б. волынской губернаторъ, СХХVII, январь, 57.

Ганзенъ, Гергардъ-Армаузъ, норвежскій ботаникъ, СХХІХ, июль, 380—381 (по поводу его смерти).

Гапонъ, Георгій, священникъ.—*О немъ въ статьѣ М. Сивова*: «Мои встрѣчи съ

Георгіемъ Гапономъ», СХХVII, февраль, 543—582.—*О немъ въ статьѣ В. М. Грибовскаго: «Загадочные документы Гапона, (Изъ личныхъ воспоминаній)», СХХVII, мартъ, 499—961.—О немъ въ статьѣ П. Г.: «Гапонъ и его газета», СХХVIII, июнь, 923—932.—Упоминается: СХХIX, июль, 253—254.*

Гартфельдъ, Вильгельмъ, собиратель пѣсенъ русскихъ каторжниковъ, СХХХ, декабрь, 1284—1288.

Гаусманъ, Георгъ, баронъ, СХХХ, ноябрь, 544—546.

Гедвига - Елизавета - Шарлота, королева шведская, СХХVIII, июнь, 1035—1059 (по поводу ея «Дневника»).

Гейденштамъ, О. Ж., СХХVIII, май, 672—689 (по поводу его новаго труда: *La fin d'une dynastie*. Paris. 1911).

Гейденъ, Д. Ф., графъ, СХХVIII, июнь, 959—960.

Гейнель, Г. К., СХХVIII, апрѣль, 280—281 (по поводу труда его: «Изъ финляндской археологической литературы», напечатаннаго въ 38 вып. «Извѣстій императорской археологической комиссіи»).

Георгіевскій, Александръ Ивановичъ, сенаторъ, СХХVIII, апрѣль, 158; СХХХ, декабрь, 1016.

Георгіевскій, Д. П., судебный дѣятель, СХХIX, июль, 62—63.

Георгій, архіепископъ астраханскій и еногаевскій (въ мѣрѣ Георгій Подикарповичъ Орловъ). *Некрологъ его: СХХIX, августъ, 780.*

Георгій Александровичъ, великій князь СХХХ, октябрь, 171—174 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Георгій Михайловичъ, великій князь, СХХХ, октябрь, 167—171, 174 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона),

Георгій Николаевичъ герцогъ Лейхтенбергскій, председатель общества ревнителей исторіи, СХХVII, мартъ, 1128—1130.

Герардъ, Николай Николаевичъ, членъ государственнаго совѣта, СХХVIII, апрѣль, 210—213.

Герберъ, Юліи Густавовичъ, скрипачъ-солистъ, СХХVIII, май, 486—487; июнь, 880, 888.

Гермогенъ, патріархъ московскій (1606—1612), СХХVIII, апрѣль, 326—333 (по поводу чествованія его памяти).

Герье, Владимиръ Ивановичъ, профессоръ и членъ государственнаго совѣта, СХХХ, декабрь, 1295—1296.

Геттз, аббатъ. *Рецензія Пант. о книгѣ его: «Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отчасти неизданнымъ, документамъ. Переводъ О. А. Циклинской. Томъ 1, книга 1—3. М. 1912», СХХIX, сентябрь, 1089—1090.*

Гиляровъ-Платоновъ, Николай Петровичъ, профессоръ и редакторъ-издатель «Современныхъ Извѣстій», СХХХ, декабрь, 1035, 1053—1060.

Гинзбургъ, С. М. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Отечественная война 1812 года и русскіе евреи. Съ иллюстраціями. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1258—1259.*

Гинсъ, Г. *Рецензія его: «Сводъ законовъ Россійскеі имперіи въ пяти книгахъ. Неофіціальное изданіе товарищества «Дѣятели» подъ ред. и съ примѣчаніями И. Д. Мордухай-Болтовскаго. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1262—1263.*

Глаголинъ, Б. *Рецензія А. М. Некаевой о книгѣ его: «За кулисами моего театра. Спб. 1911», СХХVIII, июнь, 1022—1024.*

Глинка, Владимиръ Александровичъ, генераль-лейтенантъ, сенаторъ, СХХVIII, апрѣль, 241—246.

Глинка, Михаилъ Ивановичъ, знаменитый русскій композиторъ, СХХVIII, май, 689—690 (по поводу отзыва Барини объ его «Камадинской»).—*О немъ въ статьѣ Н. А. Энгельгардта: «Давніе эпизоды. Маускрипты композитора Глинки», СХХIX, сентябрь, 858—879.*

Глинка, Людмила Ивановна, сестра предыдущаго, СХХIX, октябрь, 860—861.

Глинскій, Борисъ Борисовичъ, писатель. *Статьи его: 1) «Викторъ Петровичъ Буренинъ. (Критико-біографическій очеркъ. СХХVII, январь, 224—269. 2) «Литературные юбилей (А. А. Корнифскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцова-Поллова)», СХХVII, январь, 339—357. 3) «Періодъ твердой власти. (Историческіе очерки)», СХХVII, февраль, 667—690; СХХVIII, апрѣль, 219—239; май, 564—588; СХХIX, июль, 271—304; августъ, 859—693; СХХХ, октябрь, 292—322; ноябрь, 767—810; декабрь, 1164—1190. 4) «Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. (Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны)», СХХIX, августъ, I—XLVIII. 5) «Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ. (Біографическій очеркъ)», СХХIX, сентябрь, 3—60. 6) «Памяти Н. Ф. Анненскаго», СХХIX, сентябрь, 1026—1046. 7) Некрологъ В. А. Тимирязева, СХХIX, сентябрь, 1129—1130. 8) «Новый литературный портретъ императора Александра I», СХХХ, октябрь, 221—248. 9) «Бородинскія торжества», СХХХ, октябрь, 323—354. 10) «Петръ Ивановичъ Бартоневъ. (Некрологъ)», СХХХ, декабрь, 1129—1137. 11) «Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка», СХХХ, декабрь, 1138—1159.*

Рецензія его: 1) «Полѣдка въ Сибирь и Нововолжье. Записки П. А. Столыпина и А. В. Кривошеина. Спб. 1911», СХХVII, январь, 378—379.—2) «Г. Т. Сѣверцовъ»

Полиловъ. Въ погонѣ за славой и золотомъ. Спб. 1912», СХХVII, февраль, 753—754.—3) «В. М. Грибовскій, проф. Государственное устройство и управление Россійской имперіи. Одесса. 1912», СХХVII, февраль, 762—764.—3) «Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Составилъ В. Е. Рудаковъ. Спб. 1911», СХХVIII, апрѣль, 279.—4) «Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи, съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ (съ 4-мя фотографическими таблицами). В. И. Исевичъ - Бородаевской. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 288—290.—5) «В. Розановъ. Уединенное. Спб. 1912», СХХVIII май, 661—662. —6) «Сборникъ работъ учащихся въ школъ императорскаго общества поощренія художествъ. Часть I. Выпуски 1 и 2. Спб. 1911», СХХVIII, июнь, 1030. —7) «П. Адриановъ, Преддверіе великой годовщины. Борьба Россіи съ Франціей до Отечественной войны. Одесса. 1912.—Петръ Ниве. Великая Отечественная война. 1812 годъ. М. 1912.—Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ Отечественной войны, съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ приложеніемъ снимка съ картины И. Е. Рѣпина «Защитники Кремля». Спб. 1912.—«Двѣнадцатый годъ». Изданіе товарищества «Образованіе». М. 1912.—К. А. Воеискій. «Годъ славы народной. Отечественная война 1812 года. Съ семью снимками съ гравюръ и картинъ. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 723—726.—8) «Военная галлерія 1812 года. Изданіе по повелѣнію государя императора. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 730—731.—9) «1812 годъ въ басняхъ Крылова. Силуэты Егора Нарбута. Съ приложеніемъ вступительной статьи Н. О. Лернера. Изданіе общины св. Евгенія. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 736—738. —10) «Александръ Родныхъ. Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплавания. Съ 19 снимками со старинныхъ рисунковъ. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 732—734.

— *О немъ статья А. А. Измайлова:* «Б. Б. Глинскій. (Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности)», СХХVII, февраль, 648—657.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Р.:* «Чествованіе Б. Б. Глинскаго», СХХVII, мартъ, 1064—1075.—*Рецензія М. Ключкова о книгѣ его:* «Революціонный періодъ русской исторіи. (1861—1881 г.). Историческіе очерки. Часть I, съ 40 пор-

третами и иллюстраціями. Часть II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Изданіе т-ва А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1913», СХХХ», ноябрь, 830—832.

Гнѣдичъ, Петръ Петровичъ, писатель. *Его:* «Свобода духа. (Повѣсть)», СХХХ, октябрь, 83—121; ноябрь, 565—610; декабрь, 979—1012.

Гомеровъ, Александръ Константиновичъ, сенаторъ. *Некрологъ его:* СХХХ, ноябрь, 889—890.

Голицынъ, Александръ Николаевичъ, князь, министръ народнаго просвѣщенія и религиозныхъ вѣроисповѣданій, СХХIX, июль, 146, 151, 153, 156—161, 164—165, 167, 172.

Голицынъ, Григорій Сергѣевичъ, князь главноначальствовавшій гражданскою частью на Кавказѣ, СХХVIII, июнь, 913—916, 922.—*О немъ въ замѣткѣ Л. Сипягиной:* «Воспоминаніе о князѣ Голицынѣ», СХХIX, августъ, 783—784.

Голицынъ, Николай Борисовичъ, князь, СХХIX, августъ, 751.

Головина (Воронина), В. Э. *Статья ея:* «Несчастье отъ архіерея», СХХVIII, июнь, 780—799.

Головинъ (Орловскій), Константинъ Ѳеодоровичъ, писатель, СХХVIII, июнь, 801—802; СХХIX, августъ, 670—671, 682.

Голомбѣвскій, Александръ Александровичъ, секретарь императорскаго русскаго историческаго общества, СХХIX, августъ, 731.

Голубининъ, Леонидъ Ефимовичъ, докторъ-медицины, профессоръ московскаго университета. *Некрологъ его:* СХХХ, октябрь, 442.

Голубинскій, Евгенийъ Евсигнѣевичъ, профессоръ московской духовной академіи, ординарный академикъ академіи наукъ. *Некрологъ его:* СХХVII, февраль, 801—803.

Голубцовъ, Александръ Петровичъ, профессоръ, СХХХ, октябрь, 400.

Гольнскій, Аркадіи Петровичъ, полковникъ, СХХХ, октябрь, 41.

Гольдцингеръ, І., профессоръ въ Будапештѣ. *Рецензія Пант. о трудѣ его:* «Лекціи объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ». Переводъ съ нѣмецкаго А. Н. Черновой. Спб. 1912», СХХIX, июль, 347—348.

Гольцевъ, Викторъ Александровичъ, писатель, СХХVII, февраль, 678 (по поводу его ареста).

Гольштейны, бароны:

— Алексѣй Ивановичъ, генералъ-майоръ, СХХХ, ноябрь, 761, 765.

- Владимиръ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ, СХХХ, ноябрь, 761.
- Иванъ Карловичъ, генераль-отъ-кавалеріи, генераль-адъютантъ, СХХХ, ноябрь, 761.
- Марья Карловна (урожд. Гербель), супруга предыдущаго, СХХХ, ноябрь 761—765.
- Александра Ивановна, дочь предыдущей, СХХХ, ноябрь, 762, 764, 765.
- Елизавета Ивановна, сестра предыдущей, жена финляндскаго генераль-губернатора Н. И. Бобрикова, СХХХ, ноябрь, 762, 765.
- Гонневичъ**, В. Н., археологъ, СХХХ, сентябрь, 1119—1120.
- Гончаровъ**, Иванъ Александровичъ, писатель.—*О немъ статья Р. И. Сементковскаго*: «И. А. Гончаровъ. (1812—1912 года)», СХХVIII, июнь, 830—847.—*О немъ въ статью М. Ф. Суперанскаго*: «И. А. Гончаровъ за границей», СХХVIII, июнь, 848—868.—*О немъ въ статью Н. А. Держасина*: «На родинѣ И. А. Гончарова. (Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста)», СХХVIII, июнь, 869—877.—*Замѣтка*: «Чествованіе памяти И. А. Гончарова въ Академіи наукъ», СХХVIII, июнь 1069—1070.—«Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 іюня 1912 г. Составилъ М. Ф. Суперанскій», СХХХ, июль. 361—362.
- Гоппе**, Эдуардъ Дмитріевичъ, издатель. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 890.
- Горбуновъ**, Иванъ Ѳеодоровичъ, артистъ, писатель, СХХVIII, май, 486, 496; июнь, 884; СХХХ, июль, 136.
- Гордѣенко**, Е. С., профессоръ, СХХVIII, май, 604.
- Городецкій**, Бор. Мих. —*Статья его*: «Историкъ и изслѣдователь Кубанскаго края. (По поводу сорокалѣтія научно-литературной дѣятельности Ѳ. А. Щербина)» СХХVII, мартъ 1025—1033.—*Рецензіи его*: 1) «Терскій календарь на 1911 годъ. Изданіе Терскаго областного статистическаго комитета, подъ редакціей секретаря комитета М. А. Караулова 2-го. Выпускъ двадцатый. Владикавказъ. 1911», СХХVII, январь, 369—371.—2) «Терскій сборникъ. Литературно-научное приложеніе къ «Терскому календарю» 1911 г. Выпускъ VII. П. С. Иваненковъ. Горные чеченцы. Владикавказъ. 1911», СХХVII, мартъ, 1090—1092.—3) Труды перваго съѣзда врачей Кубанской области. Екатеринодаръ. 1912», СХХХ, августъ, 746—747.—4) «Кавказскій сборникъ. Томъ ХХХ. Подъ ред. ген.-лейт. В. Потто. Тифлисъ. 1911», СХХХII, декабрь, 1253—1254.
- Городецкій**, Н. М., театралъ, СХХХ, июль, 120, 129
- Горчаковъ**, Петръ Дмитріевичъ, князь, генераль, СХХХ, октябрь, 43, 47.
- Горяиновъ**, С. М. *Рецензія М. К. о книгѣ его*: «1812 годъ. Документы государственнаго и с.-петербургскаго главнаго архивовъ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 834—835.
- Готвальдъ**, О. Ѳ., профессоръ восточныхъ языковъ, СХХVIII, июнь, 947.
- Гр.** *Рецензія его*: «Я. Микетовъ. Что сдѣлало народное представительство третьяго созыва. Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 398—399.
- Граббе**, Александръ Николаевичъ, полковникъ, СХХVIII, мартъ, 964.
- Грейгъ**, Самуиль Алексѣевичъ, министръ финансовъ, СХХХ, августъ, 662.
- Грековъ**, И. Н., артистъ, СХХVIII, апрѣль, 141.
- Гржевскій**, Александръ Тимоѳеевичъ, строитель церкви въ своемъ селѣ во имя св. Троицы (1731 г.), СХХVII, январь, 318.
- Грибовскій**, Вячеславъ Михайловичъ, профессоръ. *Рецензія Б. Г. о книгѣ его*: «Государственное устройство и управленіе Россійской имперіи. Одесса. 1912», переведенной также и на нѣмецкій языкъ и изданной въ Тюбингенѣ, СХХVII, февраль, 762—764.—*Статья его*: «Загадочные документы Гапона. (Изъ личныхъ воспоминаній)», СХХVII, мартъ, 940—961.—*Статья его*: «Нѣсколько встрѣчь съ А. С. Сувориннымъ. (По личнымъ воспоминаніямъ)», СХХХ, октябрь, 131—190.
- Грибоѣдовъ**, Александръ Сергѣевичъ, полномочный министръ въ Персіи, авторъ комедій «Горе отъ ума», СХХХ, декабрь, 1254 (новые матеріалы къ его биографіи, напечатанные въ «Кавказскомъ сборникѣ», т. ХХХ).
- Григоровичъ**, Викторъ Ивановичъ, известный славистъ, СХХХ, июль, 263, 265—266.
- Григоровичъ**, Дмитрій Васильевичъ, писатель, СХХХ, декабрь, 1025, 1040—1041.
- Григоровскій**, И. А., рассказчикъ-чтець, СХХХ, июль, 122.
- Григорьевъ**, Арк. Д. *Статья его*: «Городъ Александровскъ на Мурманѣ», СХХХ, декабрь, 1191—1206.
- Грингутъ**, Владимиръ Андреевичъ, редакторъ-издатель «Московскихъ Вѣдомостей», СХХХ, декабрь, 1023—1024.

Гриппенбергъ, Оскаръ Казимировичъ, генераль-адъютантъ, членъ государственнаго совѣта, СХХХ, ноябрь, 499.

Гродековъ, Николай Ивановичъ, генераль-отъ-инфантеріи, членъ государственнаго совѣта, СХХІХ, июль, 389—390 (по поводу его полувѣковаго юбилея пребывания въ офицерскихъ чинахъ).

Громова, А. И., благотворительница. *Некрологъ ея*: СХХVІІІ, май, 715—716.

Гротъ, Яковъ Карловичъ, академикъ, СХХVІІ, февраль, 790—791 (по поводу пожертвованія проф. К. Я. Гротомъ въ Александровскій музей «лицейскаго архива» его отца, главнымъ образомъ, отъ временъ Пушкина); СХХVІІІ, июнь, 853.

Груберъ, Венцеславъ Леопольдовичъ извѣстный профессоръ анатоміи. СХХVІІІ, май, 439—445 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Грэгемъ, Стефенъ, англійскій писатель, СХХVІІ, февраль, 641—643 (по поводу его книги о Россіи).

Гузни-паша, турецкій посолъ, СХХІХ, июль, 98, 101, 104—105, 108.

Гу-Кунгъ, китаецъ, первый изобрѣтатель шрифта изъ свинца и серебра въ 400 году до Р. Х., СХХХ, ноябрь, 874.

Гуръ-Нонъ-Чангъ, знаменитый китайскій поэтъ, жившій въ XI в., СХХХ, ноябрь, 874—875.

Гурвичъ, И. *Рецензія его*: «Даніэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше. Переводъ съ французскаго А. Н. Ильинскаго. Подъ ред. и съ предисловіемъ В. П. Сперанскаго. Изданіе товарищества М. О. Вольфа. Спб. 1911», СХХVІІ, февраль, 764—765.

Гуревичъ, Любовь Яковлевна, писательница, СХХХІІ, февраль, 555.

Гурій, святой, архіепископъ казанскій, СХХІХ, июль, 339.

Гурій (въ мѣрѣ Николай Васильевичъ Охотинъ), архіепископъ повгородскій. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, апрѣль, 347—348.

Гурко, Іосифъ Владимировичъ, графъ, генераль-адъютантъ, СХХХ, октябрь, 65; ноябрь, 499.

Гурьевъ, Б. М. *Статья его*: «Поѣздка въ Тавризъ», СХХVІІІ, июнь, 972—999; СХХІХ, июль, 310—337.

Гурьевъ, Викторъ Петровичъ, протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: СХХVІІ, мартъ, 1141—1142.

Гусевъ, М. А., артистъ, СХХІХ, июль, 127.

Гусевъ, Н. Н. *Рецензія А. М. Нечаевой о книгѣ его*: «Два года съ Л. Н. Толстымъ. М. 1912», СХХХ, декабрь, 1264—1266.

Гусевъ, С. С. (Слово Глаголь). *Статья*

его: «Т. И. Филипповъ на ревизіи. (Воспоминанія чиновника)», СХХVІІ, январь, 142—155.

Густавъ III, шведскій король, СХХVІІІ, май, 672—689 («Дипломатическая игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III»); СХХVІІІ, июнь, 1035, 1039—1045, 1049—1051, 1054—1057.

Густавъ IV король шведскій, СХХVІІІ, июнь, 1035, 1044, 1029, 1056—1057.

Гущинъ, Иванъ Петровичъ, преподаватель олонедкой духовной семинаріи, СХХХ, ноябрь, 681—683.

Гюго, Викторъ (1802—1885), извѣстный французскій поэтъ-романтикъ, СХХІХ, августъ, 758—759 (письма къ нему Берліоза).

Д

Д. Рецензія его: «Э. П. фонъ-Бергъ. Русская комедія до появленія А. Н. Островскаго. Варшава, 1912», СХХХ, октябрь, 409.

Д. А. Рецензія его: «Н. Р. Политуръ. Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912». СХХVІІ, мартъ, 1105—1107.

Д. Б. Рецензія его: «Черниговская ученая архивная комиссія. Отчетъ о дѣятельности за 1910 годъ. Черниговъ, 1011», СХХІХ, июль, 343—345.

Д. М. Рецензія его: «М. Н. Писаревъ. Въ память Отечественной войны 1812—1912. Изданіе воронежской архивной комиссіи подъ редакціей Н. П. Михневича. Съ 18 рис. Заставки и карты М. К. Паренаго. М. 1812.—М. Васильевъ. Отечественная война 1812 года. Изданіе казанскаго учебнаго округа. Казань. 1912.—Народная война 1812 года. Постоянная комиссія народныхъ чтеній. Спб. 1912.—Н. Ф. Хованскій. Участіе Саратовской губерніи въ Отечественной войнѣ 1812 года. Съ 22 рисунками. Саратовъ. 1912.—С. Чижовъ. Медали въ память столѣтія Отечественной войны. (Критическая замѣтка). М. 1912.—Н. Ф. Рыбчинскій. Пѣсь о Наполеонѣ, императорѣ французовъ (на 1812 годъ). Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 382—386.

Давыдовъ, В. Н. (Горѣловъ), артистъ, СХХІХ, сентябрь, 966—968.

Далматовъ, Василій Пантелеймоновичъ, артистъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, мартъ, 1142—1144.—*О немъ* «Воспоминанія» К. Н. Михайлова, СХХІХ, сентябрь 928—972.

Данилевскій, Николай Яковлевичъ, писатель, СХХХ, декабрь, 1046.

Даниловичъ, Григорій Григорьевичъ, генераль-адъютантъ, генераль-отъ-инфан-

терія, извѣстный военный педагогъ. *О немъ статья проф. Д. М. Цыганова:* «Григорій Григорьевичъ Даниловичъ», СХХVIII, май, 589—595.

Даниловъ, В. В. *Статья его:* «На южномъ Бугѣ», СХХVIII, июнь, 958—971.— *Рецензія его:* 1) «Д. К. Зеленинъ. Къ вопросу о русалкахъ. Спб. 1912», СХХVII, февраль, 757—758. 2) «А. А. Кондратьевъ. Графъ А. К. Толстой. Матеріалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912». СХХVIII, май, 652—653. 3) «Собрание сочиненій С. А. Венгера. Т. III. Передовой боецъ славянофильства. Контичь Аксаковъ. Изданіе «Прометей». Спб. 1912», СХХIX, июль, 350—351. 4) «Н. Н. Трубецкій. О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 738—740. 5) «Систематическій указатель журнала «Кіевская Старина» (1882—1906 г.г.). Составленъ членами комиссіи: И. Фр. Павловскимъ. В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Б. Д. Чигринцевымъ. Изданіе полтавской архивной комиссіи. Полтава. 1911», СХХХ, декабрь, 1258.

Дебогорій-Мокріевичъ, Вл., революціонеръ, авторъ «Воспоминаній», СХХVII, январь, 122—125, 133—134.

Дегаевъ, Сергій Петровичъ, артиллерійскій офицеръ, убіица Судейкина. СХХVII, февраль, 668—669, 672.

Дельва, профессоръ философіи въ манскомъ университетѣ, СХХVII, январь, 389—391 (по поводу его книги: *L'Essai sur l'histoire de l'idée de progrès*).

Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ, министръ народнаго просвѣщенія, СХХХ, ноябрь, 784—796, 979, 807—810.

Демидовъ, Степанъ Васильевичъ, басъ русской оперы, СХХVIII, июнь, 889.

Державинъ, Н. А. *Статія его:* 1) «На родилѣ И. А. Гончарова. (Къ столѣтію рожденія знаменитаго романиста)», СХХVIII, июнь, 869—877. 2) «Ученикъ мудрости». (А. Ѳ. Лабзинъ и его литературная дѣятельность)», СХХIX, июль, 137—175.

Дерингъ, Юліусъ, художникъ (ум. въ 1898 г.), СХХIX, сентябрь, 1104.

Джануръ. *Его статья:* «Евграфовъ. (Изъ жизни въ Туркестанѣ)», СХХVIII, июнь, 902—911.

Джорданія, Н., имеретинъ, публицистъ. СХХVIII, июнь, 920—921.

Джорджъ-Вильямъ, принцъ Кумберлендскій, герцогъ Брауншвейгскій и Люнебургскій, СХХIX, июль, 376—378 (по поводу его смерти).

Джуліани, Владимиръ Юльевичъ, СХХХ, ноябрь, 522—526, 529—530—534, 539, 541—543.

Дзвонкевичъ, Н. Н., революціонеръ, СХХVII, февраль, 670.

Диль, Шарль, проф. *Рецензія Пант. о книгѣ его:* «Византійскіе портреты. Часть вторая. Перевелъ Е. Киричнскій. Харьковъ. 1911», СХХVII, январь, 381—382.

Дитманъ, Викторъ Александровичъ, докторъ, гомеопатъ, СХХХ, декабрь, 1063—1064.

Дмитріевы-Мамоновы. А. И. и В. А. *Рецензія В. Рудакова о составленной и изданной ими родословной:* «Дмитріевы-Мамоновы. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 272—274.

Дмитрій Іоанновичъ, царевичъ, убитый въ Угличѣ.—*О немъ книга Д. Лаврова:* «Святый страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ Посадъ. 1912», рецензировавшая В. Р.—вымъ, СХХIX, сентябрь, 1078—1079.

Добровольскій, Петръ Михайловичъ, мѣстный (черниговскій) изслѣдователь, СХХIX, сентябрь, 1083 (по поводу его смерти).

Добронравовъ, Л. М. *Его повѣсть:* «Больные», СХХVII, мартъ, 873—903; СХХVIII, апрѣль, 61—87.

Довнаръ-Запольскій, Митрофанъ Владимировичъ, профессоръ. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ:* «Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912», СХХIX, октябрь, 1090—1091.

Долбня, Иванъ Петровичъ, горный инженеръ, профессоръ и директоръ горнаго института. *Некрологъ его:* СХХVII, мартъ, 1144—1145.

Дорошевичъ, Владимиръ Михайловичъ, извѣстный журналистъ, СХХVII, мартъ, 865—866; СХХVIII, апрѣль, 147.

Достоевскій, Ѳедоръ Михайловичъ, извѣстный русскій писатель, СХХVIII, июль, 862—863; СХХIX, июль, 367—369 (отзывы о немъ французскихъ и нѣмецкихъ писателей); СХХХ, декабрь, 1029—1032.

Драгомировъ, Михаилъ Ивановичъ, извѣстный русскій генералъ и писатель, СХХVIII, июнь, 771; СХХХ, ноябрь, 501.

Драшусовъ, Владимиръ Александровичъ, гофмейстеръ, общественный дѣятель. *Некрологъ его:* СХХVIII, май, 716.

Дружининъ, Вас. Григ. *Рецензія В. В. Т. о книгѣ его:* «Писанія русскихъ старобрядцевъ. Перечень списковъ, составленный по печатнымъ описаніямъ рукопис-

ныхъ собраній. Изданіе императорской археографической комиссіи. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 835—836.

Дубасовъ, Федоръ Васильевичъ, адмиралъ, генералъ-адъютантъ. *Некрологъ его*: СХХІХ, августъ, 781—782.

Дубельтъ, Леонтіи Васильевичъ, генералъ-лейтенантъ, управлявшій III отд. собств. Е. И. Величества канцеляріей, СХХVІІІ, іюнь, 771.

Дубенскій, А. А., меленковский предводитель дворянства, СХХVІІІ, апрѣль, 191—192.

Дубенскій, Д. Н., педагогъ, писатель, СХХVІІ, январь, 231.

Дубровинъ, Николай Федоровичъ, академикъ, СХХІХ, іюль, 175.

Дурново, Иванъ Николаевичъ, статсъ-секретарь, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХVІІІ, май, 566, 583—584.

Дуковская, В. О. *Рецензія А. Б. — ва о книгѣ ея*: «Barbe Doukhovskoy. Quelques pages de ma vie. Спб. 1911», СХХVІІ, февраль, 747.

Дуковской, С. М., генералъ, СХХVІІ, февраль, 747 (біографическія данныя о немъ).

Дучинскій, Н. *Рецензія А. З. Е. о книжкахъ его*: «Императоръ Александръ Благословенный и Отечественная война». — «Императоръ Александръ І». — «Благословенный царь. (Александръ І)», Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 633—635.

Дьяковъ-Незлобинъ («Житель»), писатель-фельетонистъ, СХХVІІ, январь, 251—252.

Дюверже, СХХІХ, августъ, 751—758 (по поводу его воспоминаній о 1812 годѣ).

Дюргеймъ, Э., проф. социологін. *Рецензія А. Б. о книгѣ его*: «Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Переводъ съ французскаго А. Н. Ильинскаго. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изданіе Н. П. Карбасникова, Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 856—858.

Е

Е. О. П. *Рецензія его*: «В. П. Рѣзановъ. Трагедія Ломоносова. Спб. 1911.—Его же. Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея князей Чарторыйскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911 г.», СХХVІІІ, май, 651—652.

Евгенія, императрица Франціи, супруга Наполеона III, СХХХ, ноябрь, 526—534.

Евграфовъ, казачій урядникъ.—*О немъ въ статьѣ Джанура*: «Евграфовъ (Изъ

жизни въ Туркестанѣ)», СХХVІІІ, іюнь, 902—911.

Евлалія, инфанта, тетка испанскаго короля Альфонса, издававшая свое: «*Au fil de ma vie*», подъ именемъ графини Авиллы, СХХVІІ, февраль, 775—780.

Евреинновъ, Владимиръ Алексѣевичъ, государственный дѣятель, писатель.—*Замѣтка*: «60-лѣтній юбилей В. А. Евреиннова», СХХVІІІ, іюнь, 1072—1074.

Евреинновъ-Оранскій, Петръ Александровичъ, генералъ-майоръ, поэтъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, январь, 422—423.

Евтушевскій, В. А., педагогъ, математикъ, СХХVІІІ, май, 590, 592.

Егоровъ, Анатолій Евгеньевичъ. *Его воспоминанія*: «Страницы изъ моей жизни», СХХVІІ, январь, 42—66; февраль, 469—505; мартъ, 851—872; СХХVІІІ, апрѣль, 44—60; май, 388—404; іюнь, 765—779.

Егоровъ, Николай Владимировичъ, цензоръ, СХХVІІ, январь, 59.

Еновъ, Павелъ Леоньевичъ, археографъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, іюнь, 1076.

Екатерина II Алексѣевна, императрица, СХХVІІ, январь, 69—78, 86, 92—93; 295, 298, 306, 508, 301, 316, 320, 330—331; СХХVІІІ, май, 672, 689 («Дипломатическая игра Екатерины II и шведскаго короля Густава III»); іюнь, 1001 (по поводу статьи о ней, какъ законодательницы, А. А. Кизеветтера); 1050—1055; СХХІХ, іюль, 141, 147; 341; августъ V—XI.

Екатерина Павловна, великая княжна, потомъ королева виртембергская, СХХІХ, августъ, X, XIX, XXXIV; 550; 554; 725; СХХХ, октябрь, 228, 243.

Елецъ, Ю. Л. *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Кульневъ. Къ столбѣтію Отечественной войны. Съ десятью рисунками, картой и нотами. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1260.

Елизавета Алексѣевна, императрица, супруга императора Александра Благословеннаго, СХХІХ, августъ, 653.—*О ней въ статьѣ А. П. Спдого*: «Императрица-кума», СХХІХ, сентябрь, 914—927.

Елизавета Петровна, императрица, СХХVІІ, январь, 337.

Елпатьевскій, С. Як., докторъ и известный беллетристъ, СХХVІІ, февраль, 674.

Елчаниновъ, А. Гр., проф. *Рецензія А. З. Е. о книжкахъ его*: «Отечественная война». — «Герои-полководцы двѣнадцатаго года». — «Герои-офицеры двѣнадцатаго года». — «Народная война и герои изъ народа въ 1812 году». Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635.

Е Ефименко, Александра Яковлевна, доктор русской истории, профессор. *Рецензия Д. П. Богданова о книжке ея: «1812 годъ. Чтеніе для народа, народныхъ и городскихъ школъ. Спб. 1911»*, СХХІХ, августъ, 735.

Ефимовъ, Н. И. *Рецензия его: «Проф. Н. И. Веселовскій. Татарское вліяніе на посольскій церемоніаль въ московскій періодъ русской исторіи. Приложение къ отчету о состояніи и дѣятельности императорскаго петербургскаго университета. Спб. 1911»*, СХХVІІ, мартъ, 1076—1078.

Ж

Жаворонковъ, Д. Г., педагогъ, СХХІХ, июль, 43.

Жарскій, Вае. Фрол., консульскій агентъ, СХХVІІІ, июнь, 972—984; СХХІХ, июль, 334—336.

Ждановъ, Семенъ Романовичъ, сенаторъ, СХХVІІ, январь, 57.

Желеховскій, Владиславъ Антоновичъ, сенаторъ, СХХVІІІ, апрѣль, 207—208.

Желиховскій, Эд., польскій поэтъ, извѣстный болѣе подъ псевдонимомъ Антона Сова, СХХІХ, июль, 267—268.

Желобовскій, Александръ Алексѣевичъ, протопресвитеръ, СХХХ, декабрь, 965—967.

Жемчужниковъ, Левъ Михайловичъ, художникъ, писатель. *Некрологъ его: СХХІХ, сентябрь, 1122—1123.*

Жемчужниковъ, Михаилъ. — *Его замѣтка: «По поводу разсказа г-жи Соколовой «Императоръ Николай I и васильковья дурачества», СХХVІІ, январь, 431—432.*

Жерве, Викторъ Всеволодовичъ. *Рецензия А. Е. З. о книгѣ его: «Славный вожь двѣнадцатаго года Кутузовъ». — «Герои двѣнадцатаго года: «Барклай-де Толли и Багратіонъ». — «Герои-солдаты въ борьбѣ русскаго народа съ Наполеономъ». Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 833—835.*

Жерве, Ник. Всевол. *Рецензия А. З. Е. о книжкѣ его: «Славные партизаны 1812 года. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635.*

Живокни, Василій Игнатьевичъ, извѣстный артистъ-комикъ, СХХVІІІ, май, 485—486, 493—494; июнь, 879, 883, 898; СХХІХ, июль, 114—117, 125.

Живокни, Дмитрій Васильевичъ, сынъ предыдущаго, тоже артистъ, СХХІХ, июль, 116, 136.

Жилинскій, В. Н. *Рецензия Л. Н. о книгѣ его: «Быть и нравы русской арміи послѣ 1812 г. По письмамъ генерала*

«истор. ввстн.», декабрь 1912 г., т, СХХХ,

Фези изъ Польши и Кавказа. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 840—841.

Жирневичъ, А. В. *Рецензия В. А.—ва о книгѣ его: «Сонное царство великихъ нацианій. Вильна. 1911», СХХVІІІ, апрѣль, 290—292.*

Жиронъ, другъ Лунзы, принцессы Тосканской, СХХVІІІ, май, 658—660.

Жуновскій, Василій Андреевичъ, извѣстный поэтъ, СХХІХ, сентябрь, 886.

Жуновскій, В. И., судебный дѣятель, СХХVІІІ, апрѣль, 209.

Жуновскій, Павелъ Васильевичъ, архитекторъ-художникъ. *Некрологъ его: СХХІХ, сентябрь, 1123—1124.*

Жуновъ, Илья Григорьевичъ, народо-волецъ. *Некрологъ его: СХХVІІ, январь, 423—424.*

Жулева, Екатерина Николаевна (по мужу Небольсина), драматическая артистка, СХХVІІІ, май, 487; СХХІХ, июль, 112.

Жюдинъ, Анна, опереточная артистка. *О ней въ разсказѣ А. И. Соколовой: «Французская артистка и русская графиня», СХХVІІІ, апрѣль, 88—96.*

З

Завулоновъ, Дмитрій Ивановичъ, преподаватель олонейской духовной семинаріи, СХХХ, ноябрь, 680—681.

Загоскинъ, М. К. *Рецензия А. З. Е. о книгѣ его: «Рослапелевъ или русскіе въ 1812 году. Романъ. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635.*

Загоскинъ, Николай Павловичъ, профессоръ. *Некрологъ его: СХХVІІ, мартъ, 1145—1148.—Упоминается: СХХVІІІ, апрѣль, 173—176.*

Зайцевъ, Борисъ, писатель, СХХVІІ, мартъ, 1115—1116 (о немъ отзывъ Л. Версна).

Закревскій, Игнатій Платоновичъ, судебный дѣятель. — *О немъ статья А. Е. К.—ть: «Игнатій Платоновичъ Закревскій и введеніе судебной реформы въ царствѣ Польскомъ», СХХVІІІ, апрѣль, 206—218.*

Занчевскій, ректоръ Новороссійскаго университета, СХХVІІІ, май, 401.

Запольскій, Н. Н., педагогъ, СХХVІІІ, май, 590, 593.

Заринъ, А. Е. *Рецензия А. З. Е. о книжкѣ его: «Женщины-героини въ 1812 году». — «Тимошкина команда. (Участіе дѣтой въ войнѣ 1812 года). Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635. — Рецензия В. Р.—ва о книжкѣхъ его: 1) «1812 годъ. Историческій очеркъ Оте-*

чественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912». — 2) «Незабвенный годъ. Двѣнадцать разказовъ о нашествіи Наполеона въ Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912», СХХІХ, августъ, 734—735.

Засодимскій, Павелъ Владимировичъ, писатель-народникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, іюнь, 1076—1078.

Захаровъ, А. *Рецензія Пант. о переведенной имъ книгѣ: «Н. Houssaye. Клеопатра*, Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1270—1271.

Захарынъ, Григорій Андреевичъ, профессоръ, СХХІХ, августъ, 505—510 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Зволянскій, Сергѣй Эрастовичъ, сенаторъ, СХХІХ, іюль, 96.

Зеленинъ, Дм. Конст. *Рецензія В. Данилова о книгѣ его: «Къ вопросу о русалкахъ*. Спб. 1912», СХХVІІ, февраль, 757—758. — *Его рецензія: «Извѣстія Сарапульскаго земскаго музея. Выпускъ I—II. Сарапуль. 1911—1912»*, СХХІХ, сентябрь, 1082—1083.

Зеленый (и Зеленой), Павелъ Алексѣевичъ, контръ-адмиралъ, одесскій градоначальникъ, СХХVІІ, февраль, 471, 496 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); мартъ, 851—871 (въ тѣхъ же воспоминаніяхъ). — *О немъ статья А. Кауфмана: «Анекдотическій градоначальникъ»*, СХХVІІІ, апрѣль, 132—150. — *О немъ въ статьѣ В. Я. Кричевскаго: «Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ»*, СХХХ, октябрь, 283—296.

Златоверховниковъ, П. Н. *Рецензія А. Танкова о книгахъ его: 1) «Курскій сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета, подъ ред. Н. Н. Златоверховникова. Выпускъ VII. Курскъ. 1912»*. — 2) «Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ П. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912», СХХХ, ноябрь, 833—834.

Златовратскій, Николай Николаевичъ, писатель-народникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, январь, 424—426.

Знаменская, Р. С., основательница и почетная предѣдательница убѣжища лицамъ женскаго медицинскаго званія. *Некрологъ ея*: СХХІХ, сентябрь, 1124.

Золотаревъ, Акимъ Михайловичъ, генералъ-лейтенантъ, профессоръ Николаевской военной академіи, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХІХ, іюль, 396.

Золотаревъ, С. А. *Рецензія П. С. о книгѣ его: «Очерки по исторіи русской литературы. Ѳ. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П.*

Полонскій, Ѳ. М. Достоевскій, Л. Н. Толстой. Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 294—295.

Золотаренко, Петръ Петровичъ, дирижеръ, СХХІХ, іюль, 125.

Золотницій, олонедскій вице-губернаторъ (въ 1862 г.), СХХVІІ, январь, 44.

Зоненталь, Адольфъ, нѣмецкій трагикъ, СХХХ, ноябрь, 876—877 (по поводу его переписки съ Кокленомъ).

Зотовъ, *Рецензія А. З. Е. о книжкѣ его: «Два брата или Москва въ 1812 году. Романъ въ трехъ частяхъ*. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635.

Зубатовъ, С. В., начальникъ московскаго охраннаго отдѣленія. — *О немъ въ статьѣ В. И. Штейна: «Неудачный опытъ. (Зубатовщина)»*, іюль, СХХІХ, 226—255.

Зубовъ, Николай Александровичъ, графъ, оберъ-шталмейстеръ, СХХVІІ, январь, 69.

Зубовъ, Платонъ, Александровичъ, князь, генералъ-отъ-инфантеріи, СХХVІІ, январь, 73—74, 86, 92.

Зуде, Поль, французскій писатель, СХХХ, ноябрь, 865.

И

И. А. Рецензія его: 1) «В. Адриана. Матеріалы для исторіи дѣянъ на книги въ древней Руси XVI—XVIII вв. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 641—463. — 2) «И. И. Огіенко. Изданіе «Неба Новаго» Іоаннікія Голятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912», СХХVІІІ, іюнь, 1014—1016. — 3) «Памятники древнерусской литературы. Выпускъ I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Приготовилъ къ печати С. П. Розановъ. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 843—844.

И. А. — въ. Рецензія его: «К. Тандеръ. Датеко-русскія изслѣдованія. Выпускъ первый. Спб. 1912», СХХІХ, іюль, 351—354.

И. Г. Статьи его: «Изъ дѣятельности «апостола» Японіи», СХХVІІ, мартъ, 1016—1024. 2) «Галонъ и его газета», СХХVІІІ, іюнь, 923—932.

Рецензія его: «М. Е. Васильева. Записки крѣпостной дѣвки. Новгородъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1267—1269.

И. Г. — чь. Рецензія его: «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ. Составилъ Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). М. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1096—1097,

И. С. Б. *Рецензія* его: «Н. Новомбергскій, профессоръ. «Слово и дѣло» государевы. Процессъ до изданія уложенія 1649 года. Томъ I. М. 1911», СХХІХ, іюль, 342—343.

Иваненковъ, Н. С. *Рецензія Бор. Гордеевскаго о книгѣ* его: «Горные чеченцы», въ VIII выпускѣ «Терскаго сборника». Владикавказъ. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1090—1092.

Ивановскій, Николай Петровичъ, докторъ-медицины, профессоръ. *Некрологъ* его: СХХVІІ, февраль, 803—804.

Ивановъ, А., священникъ. *Рецензія* его: «Н. В. Никольскій. Христіанство среди чувашъ Средняго Поволжья въ XV—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Изданіе общества археологій, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ. Казань. 1912», СХХІХ, іюль, 338—341.

Ивановъ, Василій Ивановичъ, писатель. *Некрологъ* его: СХХVІІІ, май, 716—718.

Ивановъ, Г. А., профессоръ московскаго университета, СХХХ, декабрь, 1018.

Ивановъ, Е. Э. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ* его: «Херсонскъ Таврической. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912», СХХVІІІ, іюнь, 1007—1009.

Ивановъ, Мих. Мих. *Рецензія В. Баскина о книгѣ* его: «Исторія музыкальнаго развитія въ Россіи въ двухъ томахъ, съ рисунками и нотными примѣрами. Т. II. Спб. 1912», СХХVІІ, февраль, 736—739.

Иванюковъ, Иванъ Ивановичъ, профессоръ, извѣстный русскій экономистъ. *Некрологъ* его: СХХVІІІ, май, 718—719.

Ивашевичъ, А. *Статья* ея: «У недавнихъ побѣдителей. (Ріюнь (Портъ-Артуръ), Дайрень (Дальній)», СХХVІІ, мартъ, 992—1005.

Игнатьевъ, Е. И. *Рецензія М—о о книгѣ* его: «Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и геологій, съ 332 рисунками и шестью картинами въ краскахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVІІ, январь, 385—387.

Игнатьевъ, Николай Павловичъ, графъ, генералъ-лейтенантъ, СХХVІІІ, іюнь, 766.

Измайловъ, Александръ Алексѣевичъ, писатель. *Статья* его: «Б. Б. Глинскій. (Къ 25-лѣтію литературной дѣятельности)», СХХVІІ, февраль, 648—657.—*Рецензія* его: «В. Всеволодскій (Гернгроссъ). Театръ въ Россіи въ эпоху Отечественной

войны. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1254—1256.

Искусль-фонъ-Гильденбандтъ, баронъ, А. А., членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ* его: СХХІХ, августъ, 782—783.

Илличевскій, Д. В., томскій гражданскій губернаторъ, СХХІХ, августъ, 623, 625, 639.

Ильинская, Марья Васильевна, артистка, СХХІХ, іюль, 130.

Ильинскій, А. Н. *Рецензія И. Гурвича о переведенной имъ книгѣ*: «Даніэль Галеви. Жизнь Фридриха Ницше. Подъ ред. и съ примѣчаніями В. П. Сперанскаго. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІІ, февраль, 764—765.—*Рецензія А. Б. о переведенной имъ книгѣ*: «Э. Дюркгеймъ, проф. социологій. Самоубійство. Соціологическій этюдъ. Съ предисловіемъ д-ра Г. И. Гордона. Изданіе Н. П. Карбасникова. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 856—858.

Ильяшенко, Григорій Васильевичъ, отставной чертежникъ.—*О немъ въ статьѣ И. В. Мъщанинова*: «Совѣтъ сказочная быль», СХХVІІІ, май, 499—507.

Исаевъ, А. А. *Рецензія А. Фаресова о брошюрѣ* его: «Чѣмъ объяснить вадорожаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Спб. 1912», СХХVІІ, январь, 382—383.

Искрицкій, Фѣдоръ Михайловичъ, полковникъ, авторъ «Семейной хроники рода Искрицкихъ», СХХІХ, сентябрь, 1084—1085.

Исполатовъ, Павелъ Ивановичъ, СХХVІІІ, апрѣль, 208, 211.

Ишировъ, профессоръ географіи софійскаго университета. *Рецензія В. Г. о книгѣ* его: «Болгарія. Переводъ съ болгарскаго К. Мисиркова. Одесса. 1912», СХХІХ, іюль, 360—361.

І

І. І. Рецензія его: «Архимандритъ Іона. Святая гора Аѳонъ. Бытъ монаховъ на Аѳонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911», СХХVІІ, февраль, 755—756.

Іеронъ, архимандритъ Ново-Аѳонскаго монастыря, СХХХ, декабрь, 1222, 1224, 1227, 1237—1241.

Іоанникій Голятовскій, извѣстный проповѣдникъ XVII вѣка. *Рецензія И. А. объ* его «Изданіяхъ «Неба Новаго», изслѣдованныхъ И. И. Огіенко (Кіевъ. 1912), СХХVІІІ, іюнь, 1014—1016.

Іоаннъ (въ мѣрѣ Иванъ Крюковъ), іеросхимонахъ, «затворникъ», СХХVІІІ, май, 624—625.

Юасафъ (въ мірѣ Иванъ Петровичъ Зиденкинъ), епископъ казанскій, старообрядецъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 719.

Юна, архимандритъ, настоятель русской посольской церкви въ Константинополѣ. *Рецензія І. І. о книгѣ его*: «Святая гора Аѳонъ. Быть монаховъ на Аѳонѣ и междуцерковное значеніе Святой горы. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 755—756.

К

К. Рецензіи его: 1) «Отечественная война и русское общество. Редакція А. К. Джавилегова, С. П. Мельгунова, В. И. Пичета. Т. I. Юбилейное изданіе т-ва П. Д. Сытина. М. 1911», СХХVIII, апрѣль, 269—272. 2) «1812 годъ. Историческій обзоръ Отечественннй войны и ея причинъ. Н. П. Муратовъ. Изданіе тамбовской ученой архивной коммисіи. Тамбовъ. 1912», СХХVIII, май, 633. 3) «Сенатскій архивъ. Т. XII. Спб. 1907 г.—Т. XIII. Спб. 1909.—Томъ XVI. Спб. 1910.—Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ сенатскомъ архивѣ, отд. I, т. II. Спб. 1910.; отд. II, т. II. Спб. 1911.; отд. III, т. II. Спб. 1911.—Матеріалы для алфавитнаго указателя къ журналамъ и опредѣленіямъ перваго департамента прав. сената, хранящимся въ сенатскомъ архивѣ. Т. II. Спб. 1911», СХХVIII, июнь, 1004—1007. 4) «Васенко, П. Г. Двѣнадцатый годъ. Очеркъ исторіи Отечественннй войны. Съ предисловіемъ проф. С. Ѳ. Платонова. Второе изданіе съ портретами, рисунками, картами и съ копій въ краскахъ съ картины И. Е. Рѣпина. Изданіе Я. Башмакова. Спб. 1912», СХХVIII, июнь, 1011—1013.

К. З. Рецензія его: «Митрополитъ Антоній. Рѣчи, слова и поученія. Изданіе третье. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 855—856.

К. К—въ. Рецензія его: «А. И. Боргманъ. Учебная книга по русской исторіи. (Руководство для старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній). Часть I. До Петра Великаго. Изданіе Товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1912.—Русская исторія. (Пособіе для средней школы и самообразованія. Часть I. До Петра Великаго. Изданіе Товарищества А. С. Суворина «Новое Время». Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1073—1075.

К. К—шовъ. Его статья: «Томскій заговоръ», СХХIX, августъ, 622—644.

К—овъ. Его статья: «Страничка изъ прошлаго», СХХVIII, май, 508—512.

Казанова, Джованни (1725 — 1798), итальянскій авантюристъ, СХХVII, февраль, 780 (по поводу новыхъ его писемъ).

Казнаковъ, Александръ Николаевичъ, директоръ кавказскаго музея. СХХIX, сентябрь, 1048, 1032, 1059, 1063, 1065—1066.

Каллашъ, В. В. Рецензія Н. Л. о редактированной имъ книгѣ: «С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты. М. 1912», СХХХ, декабрь, 1266—1267.

Кальдеронъ, Джорджъ, англійскій драматургъ, СХХХ, декабрь, 1288—1289 (по поводу его отзыва о русскихъ драматургахъ).

Канроберъ (де), Франсуа, маршалъ имперіи Наполеона III, СХХХ, ноябрь, 525, 541—543.

Капнистъ, Петръ Ивановичъ, графъ, СХХVIII, июнь, 859.

Карангозовъ, Константинъ Адамовичъ, генераль-майоръ, СХХVIII, май, 400—401; июнь, 766.

Карасевъ, Ив. Вас., СХХХ, декабрь, 1101—1102, 1122.

Каратыгина, А. А., артистка. *Некрологъ ея*: СХХIX, сентябрь, 1124.

Карауловъ, В. А., революціонеръ, потомъ членъ Государственной Думы, СХХVII, февраль, 668, 674.

Кардиналовскій, П. М., генераль-лейтенантъ. *Некрологъ его*: СХХХ, октябрь, 442.

Карсавина (Мухина), Тамара Платоновна, артистка, СХХVII, январь, 398—401; СХХIX, июль, 371 (по поводу ея гастролей за границей).

Карскій, Е. Ѳ., проф. *Рецензія В. Д. о редактируемомъ имъ журналѣ*: «Русскій Филологическій Вѣстникъ». Варшава. 1911», СХХIX, июль, 354—355.

Картавецъ, Е. Э., финансовый дѣятель, СХХIX, августъ, 668—670, 681.

Карѣевъ, Николай Ивановичъ, профессоръ. *Рецензія П. Б. о первомъ томѣ его*: «Собранія сочиненій» (Спб. 1902), СХХIX, июль, 359.

Касатиниъ, А. И., редакторъ газеты «Степь», СХХIX, августъ, 471.

Каталей, Василій Васильевичъ, генераль, СХХХ, декабрь, 971.

Катенинъ, Павелъ Александровичъ (1792—1853), генераль-майоръ, писатель, почетный членъ Императорской академіи наукъ, СХХХVIII, май, 650—651 (по поводу его писемъ къ Н. И. Бахтину).

Натковъ, Михаилъ Никифоровичъ, извѣстный редакторъ «Московскихъ Вѣдомостей», СХХVII, январь, 238, 251; СХХVIII, май, 570—373; СХХIX, июль, 60, 59, 61; августъ, 678—679, 682; СХХХ,

декабрь, 1016—1023, 1035, 1042, 1168—1172.

Наульбарсъ, Александръ Васильевичъ, баронъ, б. командующій войсками одесскаго округа, генералъ-отъ-кавалеріи, СХХVIII, май, 391—392.

Науфманъ А. А. *Рецензія Пант. о лекціяхъ его, изданныхъ московскимъ обществомъ народныхъ университетовъ*: «Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. М. 1911», СХХVII, мартъ, 1095—1096.

Науфманъ, А. Е., писатель. *Статьи его*: 1) «Анекдотическій градоначальникъ», СХХVIII, апрѣль, 132—150.—2) «Изъ журнальныхъ воспоминаній. (Литературныя характеристики и курьезы)». СХХХ, октябрь, 122—149; ноябрь, 611—635; декабрь, 1067—1078.

Науфманъ, Константианъ Петровичъ, генералъ-адъютантъ, виленскій и потомъ туркестанскій генералъ-губернаторъ.—*О немъ*: «Гауфманскій сборникъ, изданный въ память 25 лѣтъ, истекшихъ со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанскаго края, генералъ-адъютанта К. П. фонъ-Гауфмана. М. 1911», рецензированный В. М.—нымъ, СХХVIII, апрѣль, 281—285.—*Упоминается*: СХХХ, октябрь, 48—69, 69—77; ноябрь, 501.

Нахановъ, М. С., статья-секретарь, СХХVII, февраль, 687; СХХVIII, апрѣль, 231.

Нашинъ, Николай Павловичъ. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Этюды объ А. Н. Островскомъ. М. 1912», СХХVIII, май, 667—669.

Нвашня, Родіонъ Нестеровичъ, бояринъ, СХХVII, январь, 335.

Нейстутъ, сынъ Гедимина, великаго князя Литовскаго, СХХVIII, апрѣль, 250—252, 261—262.

Немпъ, англійскій писатель, СХХVII, февраль, 646—647 (по поводу его книги о Манчжуріи и Туркестанѣ русскомъ).

Кизеветтеръ, А. А., проф. *Рецензія М. Ключкова о книгѣ его*: «Историческіе очерки. М. 1912», СХХVIII, июнь, 1000—1002.

Ниричинскій, Е. *Рецензія Пант. о переведенной имъ книгѣ проф. Шарля Дюля*: «Византійскіе портреты. Часть вторая. Харьковъ. 1911», СХХIX, январь, 381—382.

Кирмалова, А. А., родная сестра И. А. Гончарова, СХХVIII, июнь, 854—856.

Кирсановъ, М. Ѳ., СХХIX, августъ, 467, 472.

Кирѣвъ, А. А. *Рецензія Н. Лендера о трудѣ его*: «Сочиненія. Часть I. Церковно-богословскія статьи. Подъ редакціей

прот. Д. Н. Якшича, настоятеля церкви при императорской российской мисіи въ Дрезденѣ. Часть II. Политика и полемика. Славянофилы и славянской вопросъ. Русско-польскія отношенія. Государственная дума. Объ образованіи. О дуэляхъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХIX, июль, 359—360.

Киселевъ, Алексѣй, горный исправникъ, СХХVIII, апрѣль, 242—243.

Киселевъ, Н. Н., вологодскій купецъ, строитель храма, СХХVII, январь, 337.

Кичеевъ, Петръ Ивановичъ, писатель.—*О немъ статья А. Н. Соколовой*: «Одинъ изъ литературныхъ могиканъ», СХХХ, ноябрь, 667—675.—*Упоминается*: СХХХ, ноябрь, 729—730, 734.

Кламротъ, Карлъ Антоновичъ, скрипачъ, СХХVIII, май, 486.

Клеопатра, египетская царица, послѣдняя изъ династіи Птолемеевъ.—*О ней книга*: «Н. Houssaye. Клеопатра. Переводъ А. Захарова. Спб. 1912», рецензированная Пант., СХХХ, декабрь, 1270—1271.

Клетнова, Е. Н.—*Замѣтка*: «Археологическія развѣдки въ Вяземскомъ уѣздѣ». СХХХ, ноябрь, 885—886.

Клименко, М. В., судебный дѣятель, СХХХI, августъ, 449—450.

Ключковъ, Мих. Вас. *Статья его*: «Муниципалитетъ и комиссары Москвы, учрежденные французами въ 1812 году», СХХIX, августъ, 582—614.—*Рецензія его*: 1) «Валишевскій, К. Первые Романовы. Переводъ съ французскаго В. Ф., изд. книгоиздательства «Современныя проблемы». М. 1911», СХХVIII, февраль, 733—736.—2) «Мишловъ, С. Р. Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ, 1911», СХХVII, мартъ, 1087—1088. 3) «А. А. Кизеветтеръ. Историческіе очерки. М. 1912», СХХVIII, июнь, 1000—1002.—4) «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Т. 136-й. Протоколы конференціи при высочайшемъ дворѣ. Т. I. Спб. 1912». СХХVIII, июнь, 1010—1011.—5) «Корниловъ А. Курсъ исторіи Россіи XIX вѣка. Ч. I—II. М. 1912», СХХIX, сентябрь, 1067—1071.—6) «Б. Б. Глинскій. Революціонный періодъ русской исторіи. (1861—1881 г.г.). Историческіе очерки. Ч. I, съ 40 портретами и иллюстраціями. Ч. II, съ 59 портретами и иллюстраціями. Изданіе товарищества А. С. Суворина—«Новое Время». Спб. 1913». СХХХ, ноябрь, 830—832.—7) «Н. К. Пиксановъ. Три эпохи: Екатеринбургская, Александров-

ская, Николаевская. Темы и библиография. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1244—1246.

Ключаревъ, Фед. Петр., масонъ-мартинистъ, СХХІХ, июль, 141.

Ключевскій, Василій Осиповичъ, извѣстный русскій историкъ.—*Замѣтка*: «Подписка на учрежденіе стипендіи имени В. О. Ключевского», СХХІХ, сентябрь, 1120.—*Рецензія М. К. о книгѣ его*: «Опыты и изслѣдованія. М. 1912», СХХХ, октябрь, 388—389.

Книринъ, И. Ф., судебный слѣдователь, СХХVІІІ, апрѣль, 209.

Княжевичъ, Александръ Максимовичъ, министр финансовъ, СХХІХ, августъ, 660—661.

Князевъ, Анисимъ Титовичъ. *Рецензія С. В. Л. объ его* «Гербовникѣ 1785 года», изданномъ С. Н. Троицкимъ, СХХХ, декабрь, 1251—1253.

Кобеко, Дмитрій Ѳомичъ, директоръ императорской публичной библиотекы, изслѣдователь.—*Рецензія Н. Л. о книгѣ его*: «Императорскій Царскосельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Спб. 1911», СХХVІІІ, апрѣль, 275—277.

Ковалевскіе:

— Евграфъ Петровичъ. *Статья его*: «Воспоминанія о М. Е. Ковалевскомъ». СХХVІІІ, май, 546—563.

— Михаилъ Евграфовичъ, членъ государственнаго совѣта.—*О немъ* «Воспоминанія его племянника Е. П. Ковалевского», СХХVІІІ, май, 546—563.

— Евгений Евграфовичъ, сенаторъ, СХХVІІІ, май, 548.

— Максимъ Максимовичъ, профессоръ московскаго университета, СХХVІІІ, май, 549

— Егоръ Петровичъ, генералъ-лейтенантъ, путешественникъ и писатель, СХХVІІІ, май, 560.

— Павелъ Ивановичъ, профессоръ.—*Рецензія А. Кф. о книгѣ его*: «Отсталыя и ненормальныя дѣти, ихъ леченіе и воспитаніе. Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1102—1103.

Коваль, С. Его замѣтка: «Къ очерку «Святыня вологодской тюрьмы», СХХІХ, сентябрь, 1132—1134.

Ковачевъ, Николай Павловичъ, управляющій контрольной палатой въ Саратовѣ, СХХVІІ, январь, 143—147, 152—153.

Козловъ, Василій Нестеровичъ.—*О немъ статья П. Першинъ - Каракарскаго*: «В. Н. Козловъ—ссылно-каторжнѣй». СХХVІІІ, апрѣль, 193—206.

Козыревъ, М. А., писатель, народникъ. *Некрологъ его*: СХХХ, декабрь, 1303.

✻ **Козыревъ, Н. Г.** *Статья его*: «Шыталовская вѣтвь въ 1905 году. (Эпизодъ изъ возстанія въ Прибалтійскомъ краѣ)», СХХVІІ, мартъ, 962—975.

Кокланъ, французскій артистъ, СХХХ, ноябрь, 876—877 (по поводу его переписки съ Зонепталемъ).

Молаковскій, Алексѣй Антоновичъ, профессоръ с.-петербургской консерваторіи. *Некрологъ его*: СХХХ, октябрь, 442—443.

Коленкуръ, Арманъ-Огюстъ-Луи (1772—1821), герцогъ Чиченцы, дипломатъ, СХХІХ, августъ, ХХІІ.

Молесниковъ, И. А., московскій благотворитель, СХХVІІ, январь, 413—414 (по поводу сооруженнаго на его средства храма-памятника въ Вильнѣ, въ ознаменованіе 300-лѣтія воцаренія дома Романовыхъ и въ память князя К. К. Острожскаго).

Мологривовъ, С. П. *Рецензія Б. П. о трудѣ его*: «Материалы для исторіи сношеній Россіи съ иностранными державами въ XVII в. Спб. 1911», СХХVІІ, январь, 362—363.

Молосова, Александра Ивановна, артистка, СХХVІІІ, июнь, 880.

Моль-Якимова, Нина Карловна, женщина-врачъ, писательница и художница. *Некрологъ ея*: СХХХ, октябрь, 443—444.

Мольцовъ, Алексѣй Васильевичъ, поэтъ. «Полное собраніе сочиненій А. В. Мольцова», подъ редакціей и съ примѣчаніями А. І. Лященко. Изданіе 3-е, Разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», рецензирванное В. Р.—вымъ, СХХVІІ, февраль, 758—759.

Мольчугинъ, московскій купецъ, членъ французскаго муниципалитета въ Москвѣ, СХХІХ, августъ, 586—590, 602.

Молюбаина, Агнія Львовна (рожд. Карина), СХХІХ, августъ, 646—647, 651—654.

Комаровъ, Александръ Виссаріоновичъ, боевой генералъ, СХХХ, октябрь, 57; ноябрь, 499; декабрь, 967.

Комура, графъ, японскій уполномоченный на Портсмутской конференціи. СХХІХ, сентябрь, 999—1004.

Кондратьевъ, А. А. *Рецензія В. Данилова о книгѣ его*: «Графъ А. К. Толстой. Материалы для исторіи жизни и творчества. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 652—653.

Кондратьевъ, Михаилъ Павловичъ, профессоръ военно-медицинской академіи, СХХVІІІ, май, 438—439 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Мони, Анатолий Федорович, известный юристъ и писатель, СХХVIII, май, 549—552, 561 СХХIX, августъ, 548, 568.

Мононовичъ, Иосифъ, ессыльный, участникъ томскаго заговора, СХХIX, августъ, 626, 628—630, 643.

Моноховъ, Андрей, надворный совѣтникъ, членъ французскаго муниципалитета въ Москвѣ, СХХIX, августъ, 587.

Кореневскій, Петръ Ивановичъ. *Статья его*: «Въ царствѣ тѣней и призраковъ. (Изъ прошлаго и настоящаго Литвы)», СХХVIII, апрѣль, 247—268.

Корецкій, Николай Владимировичъ, писатель, редакторъ-издатель журнала «Пробужденіе», СХХVIII, май, 702. 705—707.

Корженевскій, Иосифъ-Конрадъ, писатель, СХХVIII, май, 694.

Корженевскій, Н. Л. *Статья его*: «Черезъ Памиръ къ Гиндукушу. (Отъ Оша до Памирскаго поста)», СХХVII, февраль, 691—932.

Коринфскій, Аполлонъ Аполлоновичъ поэтъ. — *О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго*: «Литературные юбилеи» (А. А. Коринфскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцова-Полдлова), СХХVII, январь, 339—357.

Корниловъ, А. *Рецензія М. Глочкова о книгѣ его*: «Курь исторіи Россіи XIX вѣка. Ч. II—I. М. 1912», СХХIX, сентябрь, 1067—1071.

Корниловъ, Иванъ Петровичъ, СХХVIII, апрѣль, 290—292.

Короленко, Владимиръ Галактионовичъ, писатель, СХХVX, сентябрь, 1031—1034, 1046 (его отзывы о П. О. Анненскомъ).

Корсаковъ, Дмитрій Александровичъ, профессоръ. — *Статья его*: «М. П. Петровскій», СХХIX, июль, 262—270.

Корсаковъ, Иванъ Ассикритовичъ, членъ первой государственной думы. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 719—720.

Корфъ, А. Л., баронъ, судебный дѣятель, СХХIX, июль, 55.

Косоротовъ, Александръ Ивановичъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХVIII, июнь, 1078.

Коссаговскій, В. П., судебный дѣятель, СХХVII, январь, 58.

Костовскій, Павелъ, томскій заговорщикъ, СХХIX, августъ, 623—625, 630, 634, 640.

Котовичъ, Іоаннъ Антоновичъ, протоіерей, писатель. *Некрологъ его*: СХХVII, февраль, 804—805.

Кохановскій, Л. С., дипломатическій агентъ на Кавказѣ, СХХVIII, июнь, 973—974.

Коцебу, Павелъ Евстафьевичъ, генераль-адыютантъ, генераль-губернаторъ вар-

шавскій, СХХХ, ноябрь, 495, 553, 557, 560

Кочубинскій, А. А., профессоръ Новороссійскаго университета, СХХVII, апрѣль, 140.

Кошанъ, Дэни, «безсмертный», СХХVIII, апрѣль, 318—322 (по его рѣчи въ академіи о франко-русскомъ союзѣ).

Краевскій, Андрей Александровичъ, редакторъ-издатель «Отечественныхъ Записокъ», и «Голоса», СХХVIII, июнь, 850—851.

Красновъ, П. *Рецензія А. З. Е. о книгѣ его*: «Донцы и Платовъ въ 1812 году», СХХVIII, май, 634—635.

Красножень, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ. *Рецензіи его*: 1) **Ө. Суетовъ**. О высочайше утвержденномъ при св. синодѣ особомъ присутствіи для разработкы вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора. Юрьевъ. 1911», СХХVIII, январь, 361—362. 2) «Сборникъ въ честь Пирогова, подъ редакціей профессора Е. А. Боброва. Варшава. 1912», СХХIX, сентябрь, 1098—1101. 3) «И. А. Базановъ. Судьбы крестьянскаго вопроса послѣ реформы 19 февраля 1861 года. Томскъ. 1911», СХХХ, октябрь, 391—392.

— *О немъ замѣтка*: «25-лѣтній юбилей проф. М. Е. Красножена», СХХVII, январь, 415—416.

Красовскій, Ив. Ив., профессоръ московскаго университета, СХХIX, июль, 47.

Красовскій, П. К., комикъ, СХХIX, июль, 134.

Крашевскій, Иосифъ-Игнатій, польскій поэтъ, историкъ и беллетристъ, СХХIX, июль, 268.

Кривенко, Сергій Николаевичъ, писатель, участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 668—669, 673—674. — *Рецензія А. Фаресова*: «Собраніе сочиненій С. Н. Кривенко. Съ портретомъ. 2 тома. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1097—1102.

Кривошеинъ, Аполлонъ Константиновичъ, министръ путей сообщенія, СХХХ, ноябрь, 772.

Крижаничъ, Юрій, хорватъ, писатель XVII в. — *О немъ въ книгѣ В. Вальденберга*: «Государственные идеи Крижанича. Спб. 1912, рецензированной Андреемъ Сиротининымъ», СХХVII, февраль, 740—743.

Крисли, Франческо (1819—1901), итальянскій министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХХ, ноябрь, 870—871.

Кричевскій, В. Я. *Статья его*: «Еще объ анекдотическомъ градоначальникѣ», СХХХ, октябрь, 283—296.

Кронбергъ, Зинаида Дмитріевна, артистка, СХХVIII, июнь, 888.

Кропоткинъ, А. А., князь, братъ извѣстнаго эмигранта П. А. Кропоткина, СХХVII, февраль, 680.

Кругловъ, А. В., дѣтскій писатель, СХХХ, декабрь, 1153.

Крыжановскій, Николай Андреевичъ, генераль-адъютантъ, оренбургскій генераль-губернаторъ, СХХХ, ноябрь, 497—500, 504—506, 510—511, 513, 523.

Крыловъ, Викторъ Александровичъ, драматургъ, СХХIX, сентябрь, 932.

Крыловъ, Иванъ Андреевичъ, извѣстный русскій баснописецъ, СХХIX, августъ, 736—738.

Кримвъ, Вл. Рецензія М—о о книгѣ его: «О рулеткѣ въ Монте-Карло, Южной Америкѣ, гастрономіи, модахъ и о прочемъ. Изданіе второе. Спб. 1912». СХХХ, декабрь, 1261.

Крюденеръ, баронесса.—*О ней въ запискѣ:* «Александръ I и баронесса Крюденеръ», СХХХ, ноябрь, 859—863.

Кугушевъ, Григорій Васильевичъ, князь, извѣстный театралъ, писатель, СХХVIII, май, 487; июнь, 888, 891.

Кудряшовъ, К. Рецензія его: 1) «Старина и Новизна. Историческій сборникъ, издаваемый при обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память императора Александра III. Книга четырнадцатая. М. 1911», СХХVII, январь 358—360.—2) «К. Валишевскій. Дочь Петра Великаго. Елизавета I императрица всероссійская. Съ 72 иллюстраціями въ текстѣ и 41 на отдѣльныхъ листахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVII, мартъ, 1079—1080.—3) «Смутное время и Отечественная война (къ юбилеямъ 1613 и 1812 г.). Подъ общей редакціей И. Н. Бородина. Томъ I. О. Пирлингъ. Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1912», СХХVII, май, 638—639.

Кузминскій, Александръ Михайловичъ, сенаторъ, СХХVIII, май, 392, 399.

Кузминскій, Петръ Ефимовичъ, туркестанскій герой, СХХХ, октябрь, 37—38; ноябрь, 495—508, 512—524, 533, 539, 543, 552—563; декабрь, 939—944.

Куольникъ, Несторъ Васильевичъ, поэтъ, СХХIX, сентябрь, 867—868.

Кулаковскій, Юліанъ Андреевичъ, профессоръ. *Рецензія А. М—на о книгѣ его:* «Исторія Византіи. Т. II(518—602 гг.). Съ четьрьмя картами, тремя рисунками, въ текстѣ и одной таблицей. Кіевъ. 1912», СХХVIII, июнь, 1025—1027.

Куломзинъ, Анатолій Николаевичъ, статья-секретарь, членъ государственнаго совѣта.—*Записка:* «Полувѣковой юбилей статьи-секретаря А. Н. Куломзина», СХХIX, августъ, 773—774.

Кульгачевъ, А. П., генераль отъ-кавалеріи, одинъ изъ могианъ крымской войны, СХХХ, декабрь, 1253 (по поводу біографіи о немъ въ «Кавказскомъ Сборникѣ», т. XXX).

Кульневъ, Яковъ Петровичъ, герой 1812 года.—*О немъ въ статьѣ Михаила Родного:* «Могила Кульнева», СХХVII, январь, 291—293.—*О немъ въ книгѣ Ю. Л. Ельца:* «Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Съ десятию рисунками, картой и нотами. Спб. 1912», рецензирванной Л. Н., СХХХ, декабрь, 1260.

Куракины, князья:

— Александръ Борисовичъ, СХХVIII, январь, 358—359.

— Борисъ Ивановичъ (ум. 1727 г.), СХХVII, январь, 359.

— Андрей Ивановичъ, СХХVII, январь, 358—359.

— Иванъ Семеновичъ, СХХVII, январь, 359.

Кутайсовъ, Павелъ Ипполитовичъ, графъ, сенаторъ.—*О немъ въ статьѣ И. В. Лавошниковъ:* «Памяти графа Павла Ипполитовича Кутайсова», СХХVII, февраль, 658—661.—*Упомянется:* СХХХ, октябрь, 49—51, 53—57.

Кутейниковъ, В. Рецензія Н. Л. о книгѣ его: «Земныя пѣсни», Стихотворенія. Спб. 1912.» СХХVIII, май, 661.

Кутузовъ-Смоленскій, Михаилъ Илларионовичъ, свѣтлѣйшій князь, знаменитый фельдмаршалъ, СХХVII, январь, 327; СХХIX, августъ, XXXVIII—XL, XLV—XLVIII.

Кюи, Цезарь Антоновичъ, композиторъ, СХХIX, августъ, 510—513 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Л

Л. Рецензія его: 1) «Борисъ Садовскій. Узоръ чугунный. Рассказы. Книгоиздательство «Альціона». М. 1911», СХХVII, январь, 383—385.—2) «Толстовскій музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ гр. А. А. Толстой. 1857—1903. Изданіе общества Толстовскаго музея. Спб. 1911», СХХIX, сентябрь, 1093—1095.

Л. Н. Статья его: «Памяти графа Дмитрія Алексѣевича Милютина», СХХVII, мартъ, 1096—1015.—*Рецензія его:* 1) «Сказанія иностранцевъ о русской арміи въ войну 1904—1905 г.г. Изданіе

- князя Абамелекъ-Лазарева. Спб. 1912», СХХVII, январь, 367—369.—2) «Храбрымъ бесмертье. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижними чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ, подъ редакцію ген.-маіора Пруссака. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 751.—3) «Нашествіе Наполеона. Отечественная война 1812 года. Альбомъ репродукцій въ краскахъ по картинамъ извѣстныхъ художниковъ, съ пояснительнымъ текстомъ подъ редакціей И. Н. Божерянова. Изданіе С. М. Прокудина-Горскаго и К. М. Лаурсона. 2 выпуска. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1088.—4) «Храбрымъ бесмертье. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III. Составилъ Ѳ. А. Тарапыгинъ, подъ ред. ген.-м. Пруссака. Спб. 1912», СХХVIII, май, 635—636.—5) «Бытъ и права русской арміи послѣ 1812 года. По письмамъ генерала Феизъ изъ Польши и Кавказа. Перевелъ съ рукописи и обработалъ шт.-кап. В. Н. Жидинскій. Изданіе В. Березовскаго. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 840—841.—6) «Судъ чести и дуэли въ войскахъ російской арміи. II. А. Швейковскій. Третье изданіе. Исправилъ и дополнилъ полковникъ Виньяковъ. Спб. 1912». СХХVIII, июнь, 1919—1920.—7) «Нижегородскій графа Аракчеева кадетскій корпусъ. Иллюстрированная памятка кадета аракеевича. Спб. 1912», СХХIX, июль, 318.—8) «И. С. Симоновъ. Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебно вѣдомство.—На память о генералъ-фельдмаршалѣ Д. А. Милютинѣ. Спб. 1912», СХХIX, июль, 349—350.—9) «С. М. Гинзбургъ. Отечественная война 1812 года и русскіе евреи, съ иллюстраціями. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1258—1259. 10) «Кульневъ. Къ столѣтію Отечественной войны. Ю. Л. Елецъ. Съ десятью рисунками, картой и нотами. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1260.—11) М. К. Соколовскій. I. Памятка вознесenskaго улаха. II. Памятка копорца. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1260—1261.
- Лабзина**, Анна Евдокимовна, супруга послѣдующаго, СХХIX, июль, 165—166.
- Лабзинъ**, Александръ Ѳеодоровичъ, масонъ-мартинистъ, писатель.— *О немъ статья Н. А. Державина: «Ученикъ мудрости».* (А. Ѳ. Лабзинъ и его литературная дѣятельность» СХХIX, июль, 136—175.
- Лабзинъ**, Николай Филипповичъ, инженеръ-технологъ, заслуженный профессоръ, СХХVII, январь, 416—417 (по поводу его 50-лѣтняго юбилея).
- Лабутинъ**, Іоаннъ Карповичъ, священникъ. *Некрологъ его:* СХХVIII, апрѣль, 348.
- Лабушеръ**, Г., англійскій писатель, СХХIX, августъ, 766—767 (по поводу его смерти).
- Лавошниковъ**, I. В. *Статья его:* «Памяти графа Павла Ипполитовича Кутайсова», СХХVII, февраль, 658—661.
- Лавреневъ**, Д. К. *Рецензія Вит. Ткачука о книгѣ его:* «Хрестоматія по законовѣдѣнію. Книга для учащихся и самообразования, примѣнительно къ законовѣдѣнію того же автора. Спб. 1911». СХХVII, январь, 380—381.
- Лавровъ**, Вуколь Михайловичъ, основатель и издатель «Русской Мысли» и переводчикъ съ польскаго. *Некрологъ его:* СХХVII, февраль, 805.
- Лавровъ**, Д. С. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его:* «Святій страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій, царевичъ Дмитрій, московскій и всея Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912», СХХIX, сентябрь, 1078—1079.
- Лавровъ**, Петръ Лавровичъ, писатель, революціонеръ.—*О немъ въ статьѣ А. А. Витшикой: «Изъ приключеній въ Парижѣ. (Памяти П. Л. Лаврова)»*, СХХVII, январь, 116—141.
- Лалаевъ**, Матвѣй Степановичъ, генералъ-отъ-кавалеріи, педагогъ, писатель. *Некрологъ его:* СХХХ, декабрь, 1302—1305.
- Лалайницъ**, Е. А., археологъ, СХХIX, сентябрь, 1062.
- Ламсдорфъ**, Яковъ Ивановичъ, исковскій гражданскій губернаторъ, СХХIX, сентябрь, 1117—1118 (шлемо къ нему императора Александра I).
- Ландцертъ**, Ѳедоръ Петровичъ, профессоръ военно-медицинской академіи. СХХVIII, май, 439.
- Лаппо-Данилевская**, Н. А. *Ея: «Жертва времени. Разсказъ»*, СХХVIII, май, 452—460. *Ея романъ: «Жена министра»*, СХХIX, июль, 5—39; августъ, 401—442; сентябрь, 785—824; СХХХ, октябрь, 5—36; ноябрь, 449—494; декабрь, 895—938.
- Лассанъ**, комиссаръ французскаго муниципалитета въ Москвѣ, СХХIX, августъ, 604—612.
- Латышевъ**, Василій Алексѣевичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его:* СХХVII, февраль, 805—807.
- Лачиновъ**, В. П. *Рецензія А. Рябова о составленной имъ вмѣстѣ съ А. М.*

Брянскимъ книжскъ «Глаголинь и его роди». Отзывы и портреты. Изданіе З. Элькиндъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 851—852.

Лебедевъ, А. А., протоіерей, СХХІХ, августъ, 716.

Лебедевъ, В. А. *Рецензія его:* «Хроника моей жизни». Автобіографическія записки высокопреосвященнаго Саввы, архієпископа тверскаго и кашинскаго. Томъ ІХ (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1080—1082.

Лебедевъ, И. В., профессоръ атлетики. *Рецензія М—о о книгъ его:* «Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ человѣкомъ. Упражнения безъ гантелей и съ гантелями. Съ 202 рисунками и портретомъ автора. Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1107—1108.

Лебединскій, М. И. *Статья его:* «Первый госпиталь въ Абиссиніи. (Изъ личныхъ воспоминаній)», СХХХ, ноябрь, 811—826.

Левашова, М., СХХVІІІ, іюнь, 1017—1018.

Левенштейнъ, Евдокія Петровна. СХХVІІІ, іюнь, 861—862 (ея разсказъ объ И. А. Гончаровѣ).

Левкоевъ, И. Г. *Статья его:* «Протоіакопъ всея Россіи. (Семейное преданіе въ разсказѣ моей покойной матушки)», СХХVІІІ, май, 515—538.

Лейгъ, Жорикъ, французскій писатель, СХХVІІІ, апрѣль, 323.

Лейкинъ, Николай Александровичъ, писатель, СХХХ, октябрь, 130—131 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Кауфмана).

Лемерсье, Карлъ Августовичъ, художникъ. *Некрологъ его:* СХХХ, октябрь, 444.

Лемке, М. К. *Рецензія Н. о редактированной имъ книгъ:* «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Томы І и ІІ. Спб. 1911—1912». СХХІХ, сентябрь, 1091—1093.

Лендеръ, Николай Николаевичъ (Путникъ). *Статья его:* «Изъ путевого альбома», СХХІХ, августъ, 694—722.—*Рецензіи:* 1) «Православныя церкви и русскія учрежденія за границей (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Протоіерей А. П. Мальцева. Берлинъ. 1911», СХХVІІ, январь, 364—367.—2) «А. А. Кирѣевъ. Сочиненія. Часть І. Церковно-богословскія статьи. Подъ редакціей протоіерея Д. Н. Якшича. Часть ІІ. Политика и полемика. Славянофилы и славянскій вопросъ. Русско-польскія отношенія. Государственная Дума. Объ образованіи. О думякахъ. «Изданіе А. С. Суворяна. Спб. 1912», СХХІХ, іюнь, 359—360.

Ленскій, Д. Т., артистъ XVIII, іюнь, 879—881, 884.

Леонтіи, архієпископъ варшавскій, митрополитъ послѣ московскій, СХХVІІІ, апрѣль, 212—213.

Леонтьевъ, Иванъ Михайловичъ, владимирскій губернаторъ, СХХVІІІ, апрѣль, 184, 191.

Леонтьевъ, Константинъ Николаевичъ, писатель.—*О немъ книга* «Памяти К. Н. Леонтьева. Литературный сборникъ. Спб. 1911.—*Его:* «К. Леонтьевъ о Владимирѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. (По двумъ письмамъ). М. 1912.—*Его:* «Собраніе сочиненій. Томы І и ІІІ. М. 1912», рецензироваанныя Н. Л., СХХХ, октябрь, 405—409.

Леонтьевъ, Павелъ Михайловичъ, профессоръ московскаго университета, извѣстный классикъ, СХХVІІ, январь, 232—233.

Лермонтовъ, Михаилъ Юрьевичъ, извѣстный русскій поэтъ.—*Записка:* «Домъ Лермонтова», СХХІХ, сентябрь, 1120.

Лессепсъ, гражданскій губернаторъ Москвы, ближайшій помощникъ маршала Мортъе въ 1812 году, СХХІХ, августъ, 583—601, 604, 608.

Лжедмитрій І (Гришка Отрепьевъ).—*О немъ въ книгъ С. Ф. Либровича:* «Царь или не царь?» Историческая хроника. Со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ, грамотъ, медалей, монетъ и проч. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1911», рецензироваанной А. Кф., СХХVІІ, февраль, 743—744.

Либровичъ, С. Ф. *Рецензія А. Кф. о книгъ его:* «Царь или не царь?» Историческая хроника. Со снимками съ историческихъ картинъ, портретовъ, грамотъ, медалей, монетъ и проч. Изданіе товарищества М. О. Вольфъ. Спб. 1911», СХХVІІ, февраль, 743—744.

Ливень, Шарлота Карловна, свѣтлѣйшая княгиня, урожденная баронесса Гаугребенъ, статсъ-дама, СХХVІІ, январь, 395—398 (по поводу ея писемъ къ Меттерниху).

Линевъ, Дмитрій Александровичъ, писатель-публицистъ, СХХХ, декабрь, 1072—1073 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Кауфмана).

Линниченко, Иванъ Андреевичъ, профъ. *Рецензія С. Аваліани о книгъ его:* «В. Б. Антоновичъ. М. 1910», СХХVІІ, февраль, 751.—*Рецензія С. Аваліани о редактированныхъ имъ «Трудахъ слушательницъ одесскихъ высшихъ женскихъ курсовъ. Т. І, вып. ІІ. Одесса. 1911»,* СХХVІІІ, іюнь, 1017—1019.

Линовская, Е. Д., артистка, СХХІХ, іюль, 119.

Лисенко, Николай Витальевич, малорусский музыкант и композитор. *Некрологъ его*: СХХХ, декабрь, 1303—1304.

Лисовскій, Николай Михайлович, библиограф.—*Его «Юбилей»* (30-ти лѣтній), СХХVII, мартъ, 1134—1136.

Листеръ, лордъ, англійскій хирургъ, изобрѣтатель антисептики, СХХIX, июль, 380.

Литвиновъ, И. М., цензоръ, СХХVII, февраль, 501.

Лихачевъ, Николай Петрович. *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Историческое значеніе итапо-греческой живописи. Изображенія Богоматери въ произведеніяхъ итапо-греческихъ иконописцевъ и ихъ вліяніе на композиціи нѣкоторыхъ прославленныхъ русскихъ иконъ. Изданіе императорскаго русскаго археологическаго общества. Спб. 1911», СХХVIII, апрѣль, 298—302.

Лихтерманъ, А. Я., архивистъ, СХХIX, сентябрь, 1117—1118.

Лишинъ, Григорій Андреевич, цензоръ, поэтъ и музыкальный композиторъ, СХХVII, январь, 63—64 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова).

Ловягинъ, Александръ Михайловичъ. *Рецензія его*: «К. П. Покотило. Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Изданіе И. В. Казначеева. Спб. 1912», СХХVIII, май, 644—648.

Логофетовъ, Николай, мариупольскій мѣщанинъ.—*О немъ въ статьѣ И. В. Мъцаниноса*: «Совѣмъ сказочная быль», СХХVII, май, 499—507.

Ломоносовъ, Михаилъ Васильевичъ, знаменитый русскій ученый и поэтъ.—*О немъ въ книгѣ Н. Р. Политуря*: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912», рецензироваанной Д. А., СХХVII, мартъ 1105—1107.—*О трагедіяхъ его изслѣдованіе В. И. Рязанова*, рецензироваанное Е. О. П., СХХVIII, май, 651—652.—*Замѣтка*: «Ломоносовъ и Елизаветинское время», СХХVIII, июнь, 1061—1064.

Лонгиновъ, Михаилъ Николаевичъ, статья-секретарь, предѣдатель главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХVII, январь, 59—60.

Лопатинъ, Германъ Александровичъ, революціонеръ, СХХVII, февраль, 668—673.

Лопухинъ, А. А., судебный дѣлатель, СХХVIII, апрѣль, 207—208.

Лопухинъ, А. А., директоръ департамента полиціи, СХХIX, июль, 251.

Лосевичъ, Станиславъ Діонисевичъ, профессоръ Технологическаго института. *Некрологъ его*: СХХVIII, июнь, 1078.

Лоховъ, Н. Н., художникъ, СХХIX, июль, 392.

Луговой (Тихоновъ), Алексѣй Алексѣевичъ. *Рецензія А. Фарсова о «Стихахъ» его* (Спб. 1912.), СХХIX, июль, 356—357.

Луиза, тосканская принцесса, СХХVIII, май, 658—660 (по поводу ея мемуаровъ).

Лукашевичъ, С. Б., инженеръ-архитекторъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХIX, июль, 396—397.

Львовъ, А. Н. *Рецензія С. о книгѣ его*: «Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки Египта. Съ 28 акварелями А. Львова». Спб. 1911», СХХVIII, май, 664—665.

Любавскій, М. К., профессоръ. *Рецензія В. Р.—ва о редактированной имъ четвертой книгѣ 1911 г.*: «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. М. 1911», СХХХ, октябрь, 399—401.—*Упоминается*: СХХХ, ноябрь, 881; декабрь 1248.

Любимовъ, Сергѣй Васильевичъ. *Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его*: «Предводители дворянства всѣхъ намѣстничествъ, губерній и областей Россійской имперіи. 1777—1910 г.г. Спб. 1911», СХХVII, январь, 373—374.

Лютещій, Александръ Осиповичъ, писатель, СХХVIII, июнь, 885.

Ляпидевскій, С. С., священникъ, редакторъ журнала «Кормчій», СХХVII, апрѣль, 340—341.

Ляцено, Арк. Іоак. *Рецензія В. Р.—ва о редактированномъ имъ*: «Полномъ собраніи сочиненій А. В. Кольцова. Изданіе 3-е, Разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 758—759.

М

М. А. Л.—скій. *Статья его*: «Во власти глупости», СХХVIII, апрѣль, 97—122.

М. Н. *Рецензія его*: 1) «Ключевскій В. О. Опыты и изслѣдованія. М. 1912», СХХХ, октябрь, 388—389.—2) «А. П. Филипповъ. Учебникъ исторіи русскаго права. Часть I. Изданіе 4-е. Юрьевъ. 1912», СХХХ, октябрь, 391. 3) «С. Горяиновъ. 1812. Документы государственнаго и петербургскаго главнаго архивовъ. Изданіе министерства иностранныхъ дѣлъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 834—835.

М—но. *Рецензія его*: «Сборникъ памяти Л. М. Маціевича. (1877—1910). Биографіскій очеркъ, воспоминанія, газетныя статьи, телеграммы и т. п. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1102—1104.

М. Н.—въ. *Рецензиі его:* 1) «Наказъ отъ жителей гор. Чухомы депутату въ комиссію для составленія проекта новаго уложенія. Изданіе 2-е. В. Юдина. М. 1911», СХХІХ, іюль, 346—2) «С. Н. Савицкій. Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912», СХХХ, октябрь, 393—395.

М. Н.—тъ. *Рецензиі ея:* 1) «Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія. (1613—1913). Иллюстрированный историческій очеркъ Г. Г. Попова. Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 277—278.—2) «Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 295—298.

М.—ловъ. *Рецензиі его:* 1) «Полное собраніе постановленій и распоряженій по вѣдомству православнаго исповѣданія Россійской имперіи. Томъ X (съ 1738 по 24 ноября 1741 г.). Царствованіе императрицы Анны Іоанновны. Правленіе бывшаго герцога Курляндскаго. Правленіе принцессы Анны Брауншвейгъ-Люнебургской.—Томъ III (1746—1752). Царствованіе императрицы Елизаветы Петровны.—Томъ I. (1762—1772). Царствованіе императрицы Екатерины II. Спб. 1910—1912», СХХІХ, сентябрь, 1088—1089.—2) «Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ св. синода. Томы XIV, XX, XXIII, XXVI, XXXI, XXXIX. Спб. 1907—1910», СХХХ, ноябрь, 839—840. 3) «Описаніе рукописей, хранящихся въ архивѣ св. синода. Томъ II. Выпускъ II. Спб. 1910», СХХХ, декабрь, 1249.

М.—о. *Рецензиі его:* 1) «Е. И. Игнатьевъ. Наука о небѣ и землѣ, общедоступно изложенная. Очерки по астрономіи, физической географіи и геологіи, съ 332 рисунками и шестью картинками въ краскахъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVІІ, январь, 385—387.—2) «Русское воздухоплаваніе, исторія и успѣхи. Подъ ред. В. Ф. Найденова и Н. А. Рынина, при литературномъ участіи: С. Гана, Н. А. Морозова, В. Ф. Найденова, С. А. Нѣмченко, С. И. Одинцова, Г. В. Піотровскаго, Л. А. Розенцвейга, Н. А. Рынина, В. Г. Тана, Н. И. Утѣшева, А. И. Шабскаго и др. Съ многими иллюстраціями. Изданіе товарищества «Общественная Польза». Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1093—1095. 3) «Профессоръ атлетики И. В. Лебедевъ, директоръ Спб. школы физическаго развитія. Сила и здоровье. Руководство, какъ сдѣлаться сильнымъ и здоровымъ чело-вѣкомъ. Упражненія безъ гантелей и съ

гантелями. Съ 202 рис. и портретомъ автора. Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1107—1108.—4) «Александръ Родныхъ. Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 рисунками со старинныхъ рисунковъ», СХХVІІІ, апрѣль, 285—288.—5) «П. Е. Васильковскій. Чудеса растительнаго царства. (Популярныя очерки изъ жизни растений). Съ 161 рис. Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 302—303.—6) «В. П. Авенариусъ. Дочь посадничья. Повѣсть для юношества изъ временъ Великаго Новгорода и Ганзы. Съ 53 рис. Изданіе П. В. Луковникова. Спб. 1912», СХХVІІ, май, 653—654.—7) «Алексѣй Плетьневъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Парижскіе уголки.—Страницы жизни.—Томъ II. Упитанные и отъѣвшіеся.—Милліонщикъ.—Клубъ эротомановъ.—Исповѣдь революціонера.—Воспоминанія. Одесса. 1911», СХХІХ, іюль, 355—356.—8) «И. Богдановъ. Наборно-типографское дѣло. Краткій курсъ въ вопросахъ и отвѣтахъ. Изданіе третье, исправленное и дополненное. Спб. 1912», СХХІХ, августъ, 743—744.—9) «И. И. Соневицкій. Холмщина. Очерки прошлаго. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 836.—10) «Вл. Крымовъ. О ролетѣ въ Монте-Карло, Южной Америкѣ, гастропомин, модахъ и о прочемъ. Изданіе второе. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1261.

Мазурковичъ, Владиміръ Александровичъ, адвокатъ, поэтъ и драматургъ, СХХVІІІ, май, 702—705 (по поводу его 25-ти лѣтняго юбилея).

Майновъ, Аполлонъ Александровичъ, извѣстный славистъ, СХХVІІІ, іюнь, 885.

Майновъ, Аполлонъ Николаевичъ, поэтъ, старшій цензоръ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХVІІ, январь, 60—65 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); СХХVІІІ, іюнь, 862—863; СХХХ, декабрь, 1038—1042.

Майновъ, Петръ Михайловичъ, писатель. *Рецензиі его:* 1) «М. Руссобтовскій. Историческое освѣщеніе филиандскаго вопроса. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 691—632. 2) «Smolensk. Les origines. L'épopée de Smolensk en 1812 d'après des documents inédits. Par le baron de Baye. Paris. 1912».—СХХХ, ноябрь, 827—830. 3) «Винювники пожара Москвы въ 1812 году. Ганса Шмидта. Рига. 1912», СХХХ, декабрь, 1242—1244.

Манаренко, Н. Е., археологъ, СХХХ, октябрь, 432—434 (о новыхъ археологическихъ находкахъ).

- Маклакова, В. Н.**, артистка, СХХІХ, июль, 119.
- Максимовъ, Александръ Максимовичъ**, артистъ, СХХІХ, июль, 129.
- Максимовъ, В. Е.** *Рецензія П. С. о книгѣ его*: «Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ-шестидесятихъ годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др.). Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 294—295.
- Максимовъ, Василій Максимовичъ**, художникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, январь, 426—427.
- Макушинъ, Петръ Ивановичъ**, благотворитель, пожертвовавшій 10.000 рублей на «Домъ науки» въ Томскѣ, СХХХ, декабрь, 1294—1295.
- Макшевъ, Владиміръ Александровичъ**, артистъ, СХХVІІІ, май, 483; июнь, 890—901; СХХІХ, июль, 118—121.
- Малеинъ, І. М.** *Рецензія В. Р-ва о книгѣ его*: «Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе тверской ученой архивной комиссіи. Тверь. 1910», СХХVІІ, мартъ, 1108.
- Малешевскій, Болеславъ Ѳомичъ**, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, июнь, 1079.
- Мальмгренъ, А. Э.** *Рецензіи его*: 1 «Baltischer historisch-geographischer Kalender. Изданіе Э. Платеса. Рига. 1912», СХХVІІІ, май, 649—650.—2) «Ю. Новосоловъ. Латвша. Рига. 1911», СХХVІІІ, май, 670—671.—3) «Paul Baron Osten-Saken. Livländische Geschichtsliteratur. 1908. Рига. 1911», СХХVІІІ, июнь, 1028.—4) «Heimatstimmen. Ein baltisches Hausbuch. Изданіе К. Гуниуса и В. Витрока. Т. V. Ревель—Лейпцигъ. 1912», СХХVІІІ, июнь, 1033.—5) «L. Goertz u A. Brosse. Heimatbuch. Fur die baltische Jugend. 2-я часть—Рига. 1912», СХХVІІІ, июнь, 1032.—6) «Lexicon Baltischer Künstler. Herausgegeben von Dr. Wilhelm Neumann. Рига. 1908», СХХІХ, сентябрь, 1104.
- Мальцевъ, Александръ Петровичъ**, протоіерей. *Рецензія Н. Лендера о книгѣ его*: «Православная церковь и русскія учрежденія за границею (Австро-Венгрія, Германія и Швеція). Берлинъ. 1911», СХХVІІ, январь, 364—367. — *Упомянется*: СХХІХ, августъ, 697—701.
- Маминъ-Сибирякъ, Дмитрій Наркисовичъ**, писатель.—*О немъ статья Б. Глинскаго*: «Памяти Д. Н. Мамина-Сибиряка», СХХХ, декабрь, 1138—1163.
- Манассеинъ, Николай Авксентьевичъ**, министръ юстиціи, СХХХ, декабрь, 1164, 1171—1173, 1176—1183.
- Мандельштамъ, Максъ Емельяновичъ**, врачъ и общественный дѣятель. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, апрѣль, 348—349.
- Мандрикинъ, А.**, мѣстный историкъ, СХХVІІІ, май, 603.
- Мансуровъ, Борисъ Павловичъ**, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, СХХVІІІ, май, 587.
- Мануйловъ, П. М.** революціонеръ, СХХVІІ, февраль, 673.
- Манухинъ, Сергѣй Сергѣевичъ**, б. товарищъ министра юстиціи, членъ государственнаго совѣта, СХХІХ, августъ, 459—460.
- Маразли, Г. Г.**, одесскій городской голова, СХХVІІІ, апрѣль, 147.
- Марина, М. М.** *Статья ея*: «Петергофская дача № 2», СХХІХ, августъ, 645—658.—*Упомянется*: СХХХ, ноябрь, 761—762.
- Марія Александровна**, императрица, супруга императора Александра ІІ, СХХVІІ, май, 620, 622.
- Марія Ѳеодоровна**, императрица, супруга императора Александра ІІІ, СХХVІІ, январь, 306; СХХХ, дек., 1054.
- Маркевичъ, Арсеній Ивановичъ.** *Рецензія В. Р-ва о редактированныхъ имъ «Извѣстіяхъ Таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать пятый). № 45. Симферополь. 1911»*, СХХVІІ, январь, 371—372.
- Марръ, Николай Яковлевичъ**, профессоръ, археологъ, СХХVІІ, мартъ, 1055—1057, 1059.
- Марта, Жюль**, профессоръ Сорбонны СХХVІІ, мартъ, 1112.
- Мартиновъ, А. П.**, извѣстный артистъ, масонъ, СХХІХ, июль, 148,—171.
- Маршнеръ, Людвигъ Христофоровичъ**, академикъ архитектуры. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, июнь, 1079—1080.
- Масловъ, В. И.** *Рецензія Андрея Сиротинина о книгѣ его*: «Литературная дѣятельность К. Ѳ. Рылѣва. Кіевъ. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1096—1098.
- Масловъ, С. И.** *Рецензія А. Я. о книгѣ его*: «Новый списокъ «Словъ постническихъ» Исаака Сирина древнѣйшей славянской редакціи. Кіевъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1263—1264.
- Массонъ, Пьеръ - Морисъ**, проф., СХХVІІІ, апрѣль, 322 (по поводу найденной имъ новой рукописи «Ermie» Руссо).
- Матіасевичъ, А. С.** *Статья его*: «Кавказскій музей», СХХІХ, сентябрь, 1047—1066.
- Маціевичъ, Л. М.**—*О немъ книга*: «Сборникъ памяти Маціевича. (1887—1910)-Биографическій очеркъ, воспоминанія, газетныя статьи, телеграммы и т. п. Спб.

1912», рецензированная М-ко, СХХІХ, сентябрь, 1102—1104.

Медвѣдова, Акилина Дмитриевна, артистка, СХХVІІІ, июнь, 880.

Мелиховъ, В. А. *Рецензія П. Б. о книжкѣ его*: «Культь римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912», СХХХ, ноябрь, 854.

Мелиховъ, Яковъ Ивановичъ, урядникъ, СХХІХ, сентябрь, 1018.

Меллеръ-Закомельскій, Сергѣй Николаевичъ, генераль-адъютантъ, СХХХ, декабрь, 965—967.

Менеликъ, абиссинскій негусъ, СХХХ, ноябрь, 812, 816, 818, 822—824.

Меньшинова, Александра Григорьевна, оперная артистка, СХХVІІІ, май, 486—487, 496.

Меньшиновъ, Михаилъ Осиповичъ, писатель-публицистъ.—*О немъ въ статьѣ С. К. Литвина*: «Еврейская почта», СХХVІІ, январь, 188.

Метцнеръ, Г. *Статья его*: «Воспоминанія потѣшнаго павловца», СХХІХ, сентябрь, 973—980.

Мечниковъ, Левъ Ильичъ, писатель, СХХVІІ, мартъ, 1020, 1022.

Мещерскій, Владимиръ Петровичъ, князь, публицистъ, авторъ интересныхъ «Воспоминаній», СХХVІІІ, май, 573—574, 576, 580—588; СХХІХ; июль, 252; августъ, 663—671, 675, 678, 685—689; СХХХ, ноябрь, 770—773, 787—789, 809—810.

Мещерскій, Иосифъ Александровичъ, князь, писатель-переводчикъ, СХХVІІІ, июнь, 885.

Микетовъ, Я. *Рецензія Гр. о книгѣ его*: «Что сдѣлало народное представительство третьяго созыва. Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 398—399.

Миклашевскій, Михаилъ Иосифовичъ, извѣстный дѣятель въ эпоху освобожденія крестьянъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, февраль, 807—808.

Миллеръ, Адлъръ Яковл., генеральный консулъ въ Азербейджанѣ, СХХVІІІ, июль, 994.

Миллеръ-Красовскій, цензоръ, СХХVІІ, январь, 61.

Милославскій, Николай Карловичъ, артистъ, СХХІХ, июль, 129; СХХХ, ноябрь, 733, 736.

Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, графъ, генераль-фельдмаршалъ.—*О немъ въ статьѣ Л. Н. «Памяти графа Дмитрія Алексѣевича Милютина»*, СХХVІІ, мартъ, 1006—1015.—*О немъ двѣ брошюры П. С. Симонова*: «Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство».—«На память о генераль-фельдмаршалѣ Дмитріѣ Алексѣевичѣ Милютинѣ», Спб.

1912», рецензированныя Л. Н., СХХІХ, июль, 349—350.—*Упоминается*: СХХХ, октябрь, 45, 58—64, 67—68, 77—78; ноябрь, 509—511 525.

Милютинъ, Юрій Николаевичъ, общественный дѣятель и публицистъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, февраль, 808.

Минорскій, Вл. Фод., драгоманъ въ Геранѣ, СХХІХ, июль, 323—324.

Минхъ, Александръ Николаевичъ, саратовскій историкъ, СХХІХ, сентябрь, 1014—1015.

Мицловъ, С. Р. *Статья его*: «Злоумышленные голуби», СХХVІІ, январь, 270—277.—*Рецензія М. К-ва о книгѣ его*: «Обзоръ записокъ, дневниковъ, воспоминаній, писемъ и путешествій, относящихся къ исторіи Россіи и напечатанныхъ на русскомъ языкѣ. Вып. I. Новгородъ. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1087—1088.

Мироновъ, А. А. *Статья его*: «Изъ жизни археологическихъ учреждений», СХХVІІ, мартъ, 1054—1063.—*Рецензія его*: 1) «Записки восточнаго отдѣленія императорскаго русскаго археологическаго общества. Томъ XX. Выпуски II—III. Съ 41 рис. на отдѣльныхъ страницахъ. Спб. 1911», СХХVІІ, мартъ, 1082—1083.—2) «Извѣстія императорской археологической комисіи. Выпускъ 38, съ 287 рисунками. Спб. 1911», СХХVІІІ, апрѣль, 280—281.

Мисирковъ, К. *Рецензія В. Г. о переведенной имъ книгѣ проф. Иширкова*: «Болгарія. Одесса. 1912», СХХІХ, июль, 360—361.

Митинскій, Николай Николаевичъ, профессоръ института путей сообщенія. *Некрологъ его*: СХХХ, декабрь, 1305.

Михайловскій, Николай Константиновичъ, писатель, СХХVІІ, январь, 228—229; СХХХ, декабрь, 1139—1141.

Михайловскій, Петръ Михайловичъ, юристъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 890.

Михайловъ, К. Н. *Его*: «Воспоминанія о В. П. Далматовѣ», СХХІХ, сентябрь, 928—972.

Михаилъ Николаевичъ, великій князь, СХХІХ, сентябрь, 1050, 1052, 1054—1056, 1063; СХХХ, октябрь, 46—47, 82; 167—170; декабрь, 975.

Михневичъ, Александръ Петровичъ, генераль-лейтенантъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХІХ, июль, 397.

Михневичъ, Владимиръ Осиповичъ, извѣстный журналистъ, СХХХ, октябрь, 137, 144—146 (въ воспоминаніяхъ. А. Е. Кауфмана).

Михневичъ, Никл. Петр.; заслуженный профессоръ. *Рецензія А. З. Е. о книжкѣ его*: «1812 годъ на Руси».—«Бородинъ»

скій бой». — «На память объ Александрѣ I и 1812 годѣ — юнкерамъ, кадетамъ, потѣшнымъ и всѣмъ учащимся». Спб. 1912», СХХVIII, май, 634—635.

Мищенко, Федоръ Герасимовичъ, проф. классической филологіи, участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 674.

Модзалевскій, Борисъ Львовичъ. *Рецензія В. Р-ва о редактированномъ имъ: «Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Изданіе П. М. Раевского. Спб. 1912»*, СХХХ, октябрь, 397—398.

Модзалевскій, В. Л. *Рецензія В. Р-ва о редактированномъ имъ трудѣ: «Актовья книги Полтавскаго городского уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справы поточныя 1664—1671 годовъ. Изданіе Полтавской ученой архивной комисси. Черниговъ. 1912»*, СХХХ, ноябрь, 858.

Молостова, Е. В. *Ея статья: «Изъ Туниса въ Алжиръ. (Путевые наброски)»*, СХХХ, октябрь, 355—381.

Молоствовъ, А. Т. СХХVII, январь, 278—290.

Молоствовъ, В. Т. *Статья его: «Цесаревичъ Александръ Александровичъ въ селѣ Никольскомъ въ 1866 году»*, СХХVII, январь, 278—290.

Мордухай-Болтовской, И. Д. *Рецензія Г. Гинса о редактированномъ имъ: «Сводѣ законовъ Россійской имперіи въ пяти книгахъ. Изданіе неофициальное товарищества «Дѣятель»*. Спб. 1912». СХХХ. декабрь, 1262—1263.

Морской, А., СХХIX, сентябрь, 899—1006 (по поводу его брошюры: «Разочарованіе въ честномъ маклерствѣ. Т. Рувельтъ и портемутскія совѣщанія»).

Мортъе, маршалъ, герцогъ Тревизскій, московскій генералъ - губернаторъ въ 1812 году, СХХIX, августъ, 583—585.

Мостовскій, М. С., артистъ, СХХIX, июль, 113—115.

Мохначевъ, Александръ Дмитріевичъ, педагогъ. *Некрологъ его: СХХVII, мартъ, 1148.*

Музиль, Николай Игнатьевичъ, артистъ. СХХIX, июль, 116—125.

Музалевская, А. А., сестра И. А. Гончарова, СХХVIII, июнь, 855, 861.

Мунтъ, шталмейстеръ, СХХVIII, июнь, 1042—1043.

Муравьевъ, Николай Валерьяновичъ, министръ юстиціи, потомъ посоль въ Римѣ, СХХIX, июль, 55—56; августъ, 451—455, 457—459; СХХХ, декабрь, 1164.

Муравьевъ-Амурскій, Николай Николаевичъ, графъ, генералъ-губернаторъ Восточной Сибири, СХХVIII, апрѣль, 195.

Муравьевъ-Виленскій, Михаилъ Николаевичъ, графъ, СХХVIII, апрѣль, 263, 265.

Муратовъ, Н. П. *Рецензія К. о книгѣ его: «1812 годъ. Историческій обзоръ Отечественной войны по ея причинѣ. Изданіе тамбовской ученой архивной комисси. Тамбовъ. 1912»*, СХХVIII, май, 633.

Муромцевъ, Сергій Андреевичъ, профессоръ московскаго университета, б. председатель государственной думы перваго созыва, СХХVII, февраль, 678 (по поводу его ареста).

Мусинъ-Пушкинъ, Александръ Алексѣевичъ, графъ. *Рецензія В. Гр-скаго о книгѣ его: «Сборникъ статей по вопросамъ школьнаго образованія на Западѣ и въ Россіи. Т. I—II. Спб.»*, СХХVIII, апрѣль, 292—294.

Мусогоорскій, Модестъ Петровичъ, композиторъ, СХХIX, августъ, 513—515 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона).

Мустофинъ, В. *Рецензія его: «Графъ К. А. Хреповичъ-Бутеневъ. Замѣтки о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Опшмянскаго уѣздовъ*. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 838—839.

Мысовская, А. Д., поэтесса. *Некрологъ ея: СХХХ, декабрь, 1305.*

Мѣщаниновъ, Ив. Вас. *Статьи его: 1) «Совеѣмъ сказочная быль. (Изъ архивнаго сенатскаго дѣла)»*, СХХVIII, май, 499—507.—2) «Памяти принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго»», СХХIX, августъ, 548—568.

Мясоедовъ, Григорій Григорьевичъ, художникъ. *Некрологъ его: СХХVII, февраль, 808—809.*

Мясоедовъ, Николай Николаевичъ, сенаторъ, СХХIX, июль, 49.

Н

Н. Рецензіи его: 1) «В. И. [Туманскій. Стихотворенія и письма. Редакція, биографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Бранловскаго. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХIX, июль, 350.—2) «М. М. Стасюлевичъ и его современники въ ихъ перепискѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томы I—II. Спб. 1911—1912». СХХIX, сентябрь, 1091—1093.

Н-въ. Рецензія его: «Мемуары къ исторіи бухгалтеріи и памятники священной старины. М. 1911», СХХVIII, май, 665—666.

Н. И. Н. Рецензія его: «Спаарій, Н. Г. Описаніе первой части вселенныя именуемой Ази, въ ней же состоитъ Китайское государство, съ прочими городами и

провинціи. Церковно-славянскій текстъ по рукописи, принадлежащей О. Т. Васильеву, съ биографіей Н. Г. Спаарія, написанной А. И. Яцимирскимъ, съ описаніемъ рукописи, сдѣланнымъ А. А. Александровымъ и съ предисловіемъ и указателемъ Н. О. Катанова. Съ 4 таблицами. Казань. 1912», СХХІХ, октябрь, 1075—1078.

Н. Л. *Рецензія его:* 1) «Императорскій царскосельскій лицей. Наставники и питомцы. 1811—1843. Дмитрія Кобеко. Спб. 1911», СХХVІІІ, апрѣль, 275—277. — 2) «В. Кутейниковъ». «Земныя гѣсени». Стихотворенія. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 661.—3) «Памяти Константина Николаевича Леонтьева. Литературный сборникъ. Спб. 1911.—К. Леонтьевъ о Владимірѣ Соловьевѣ и эстетикѣ жизни. М. 1912.—К. Леонтьевъ. Собраніе сочиненій. Томы II и III. М. 1912», СХХХ, октябрь, 405—409.—4) «С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912», СХХХ, декабрь, 1266—1267.

Н. Лнд. *Рецензія его:* «Стародумцы и обновленцы. Составилъ гласный Ал. Пиленко. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 671.

Н. М. *Статья его:* «Встрѣча двухъ школьныхъ товарищей. (Изъ путевыхъ приключеній)», СХХVІІ, февраль, 624—628.

Н. З. *Рецензія его:* «А. И. Соколова. Сѣверный сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912», СХХVІІ, февраль, 754—755.

Набоковъ, Дмитрій Николаевичъ, министръ юстиціи, СХХХ, декабрь, 1164—1167, 1171—1172, 1174—1175, 1181.

Набрійя, египетскій живописецъ времени Рамзеса III, СХХІХ, июль, 364.

Навроцкій, Василій Васильевичъ, редакторъ-издатель «Одесскаго Листка», СХХVІІ, февраль, 494—495; мартъ, 866; СХХVІІІ, апрѣль, 143—144, 146—147; июнь, 766; СХХХ, ноябрь, 626—629.

Нагорскій, Валентинъ Ѳеодосіевичъ, докторъ медицины. *Некрологъ его:* СХХVІІ май, 720—721.

Надсонъ, Семенъ Яковлевичъ, поэтъ, СХХVІІ, январь, 227, 257—258.

— *Замѣтка:* «Конкурсъ на преміи имени С. Я. Надсона», СХХХІХ, июль, 393.

Назаровъ, И. М., педагогъ, СХХІХ, июль, 45—46.

Назарьянцъ, Э. П., священникъ армянской Крестовоздвиженской церкви, писатель. *Некрологъ его:* СХХХ, декабрь, 1305—1306.

Накашидзе, Г., князь, писатель, СХХVІІІ, июнь, 921—922.

Нансенъ, Фритъофъ, извѣстный норвежскій путешественникъ, СХХVІІ, ян-

варь, 407—408 (по поводу его разговора съ редакторомъ газеты: «Evening News»).

Наполеонъ I Бонапартъ, императоръ. СХХVІІ, январь 326—327, 334.—*О немъ въ статьѣ В. В. Глинскаго* «Торжество Россіи въ борьбѣ съ Наполеономъ. (Къ столѣтнему юбилею Отечественной войны)», СХХХІХ, августъ, I—XLVIII; 582—587, 595—602.—*О немъ въ статьѣ О. М.—ва:* «Шпіонъ Наполеона въ ссылкѣ» СХХІХ, августъ, 615—621; 622—623, 632—636, 836; 748—751; сентябрь, 1106—1112 (въ воспоминаніяхъ Амедея Пастора). — *Замѣтка С. Фарфоровскаго:* «Покушеніе на Наполеона передъ войной 1812 года», СХХІХ, сентябрь, 1135—1136; СХХХ, октябрь, 227—234. — *Замѣтка:* «Портфель императора Наполеона», СХХХ, октябрь, 437; ноябрь, 875—876.—*Замѣтка:* «Чернышевъ и Наполеонъ», СХХХ, декабрь, 1276—1284.

Наполеонъ III, императоръ Франціи, СХХХ, ноябрь, 315—315, 518, 523, 526—549.

Нарбутъ, Егоръ. *Рецензія Г. о книгѣ его:* «1812 годъ въ басняхъ Крылова. Силуэты Егора Нарбута. Съ приложеніемъ вступительной статьи и примѣчаній Н. О. Лернера. Изданіе общины св. Евгенія. Спб. 1912», СХХІХ, августъ, 796—738.

Нарышкины:

— Михаилъ Кирилловичъ, казанскій губернаторъ, СХХVІІ, январь, 278—279, 282, 290.

— Левъ Кирилловичъ, дядя Петра Великаго, СХХVІІ, январь, 327—330.

— Кириллъ Полуэктовичъ, дѣдъ Петра Великаго, СХХVІІ, январь, 330.

— Наталья Кирилловна, царица, СХХVІІ, январь, 330.

Наумовъ, Яковъ Николаевичъ, педагогъ. *Некрологъ его:* СХХХ, ноябрь, 891.

Находкинъ, Петръ, московскій купецъ, исправлявшій обязанности городского головы, во время пребыванія французовъ въ Москвѣ, СХХІХ, августъ, 586, 588, 589, 590, 601.

Небольсинъ, Александръ Григорьевичъ, предѣдатель комиссіи по техническому и профессиональному образованію при русскомъ техническомъ обществѣ, СХХІХ, июль, 393—391 (по поводу 25-ти лѣтняго его предѣдательства).

Невѣровскій, Д. П., генераль-лейтенантъ, герой Отечественной войны.—*Замѣтка:* «Похороны праха генераль-лейтенанта Д. П. Невѣровскаго», СХХІХ, августъ, 772—773.

Нейгардъ, Дмитрій Борисовичъ, одесскій градоначальникъ, потомъ сенаторъ, СХХVІІІ, апрѣль, 46—47, 50, 57—58; май, 398—402.

Некрасовъ, Николай Алексѣевичъ, поэтъ, СХХVІІ, январь, 59—60 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова).—*О немъ въ трудъ Ч. Витринскаго (Вас. Е. Четикина)*: «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и не собранныхъ произведеніяхъ. М. 1911», рецензироваанномъ Н. Р.—ичъ, СХVІІ, мартъ, 1096—1097.

Нелидова, Е. *Рецензія А. М. Печавой о книгѣ ея*: «Русь въ ея столицахъ. Старая Ладога. Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 395—396.

Нелидовъ, А. П., курскій губернаторъ, СХХХ, ноябрь, 833—834.

Нелидовы, родная сестры:

— Екатерина Ивановна, фаворитка императора Павла I, СХХVІІ, январь, 110—114 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

— Наталья Ивановна, СХХVІІ, январь, 110—115 въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Немолодышевъ, В. А., педагогъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, май, 721.

Непеинъ, С. А., священникъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХVІІ, январь, 427—429.

Несѣловъ, Н. Н. *Статья его*: «Первая стычка», СХХІХ, июль, 204—222.

Нессельроде, Карлъ-Робертъ (Карлъ Васильевичъ, графъ, дипломатъ, СХХХ, декабрь, 1280—2181.

Нетушилъ, П. В., проф., *Рецензія А. М.—на о книгъ его*: «Обзоръ римской исторіи по лекціямъ, читаннымъ въ харьковскомъ университетѣ и на харьковскихъ высшихъ женскихъ курсахъ. Харьков. 1912», СХХVІІ, февраль, 761—762.

Нечаева, А. М. *Рецензія ея*: 1) «Принцесса Луиза Тосканская. Исторія моеи жизни. М. 1912», СХХVІІІ, май, 658—660.—2) «Б. Глаголинъ. За кулисами моего театра. Спб. 1911», СХХVІІІ, июнь, 1022—1024.—3) «Русь въ ея столицахъ. (Старая Ладога. Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 395—396.—4) «Извѣстія общества толстовскаго музея. 1911. № 3, 4 и 5», СХХХ, ноябрь, 850—851. 5) «Н. Н. Гусевъ. Два года съ Л. П. Толстымъ. М. 1912», СХХХ, декабрь, 1264—1266.

Ниве, Петръ А. *Рецензія А. З. Е. о книгъ его*: «Великая Отечественная война. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 634—635.—*Рецензія М. Соколоваго о пяти-томномъ трудъ его*: «Отечественная война. Изданіе В. К. Ильичика», СХХІХ, августъ, 729—730.

«истор. вѣстн.», декабрь 1912 г., т. СХХХ.

Нивенъ, В., Ньююркскій профессоръ, СХХVІІ, февраль, 766—767 (по поводу его поваго археологическаго открытія).

Нижинскій, Вацлавъ Фомичъ, артистъ, СХХVІІ, январь, 398—401; СХХІХ, июль, 371 (по поводу его гастролей за границей).

Никаноръ, архіепископъ херсонскій и одесскій, СХХVІІ, февраль, 496—501 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова).

Никитенко, Александръ Васильевичъ, цензоръ, академикъ, авторъ извѣстныхъ «Записокъ» и «Дневника», СХХVІІІ, июнь, 851—854.

Никитинъ, Викторъ Никитичъ, тюремный филантропъ, писатель, СХХХ, ноябрь, 615.

Никитинъ, Павелъ Александровичъ, артистъ, СХХХ, ноябрь, 733—735.

Никифоровъ, Николай Матвѣевичъ, артистъ, СХХVІІІ, май, 492—494.

Никифоровъ, С. С., художникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, апрѣль, 349.

Николай I Павловичъ, императоръ, СХХVІІ, январь, 46; СХХVІІІ, май, 531—537; июнь, 1000; СХХІХ, июль, 277, 278, 281, 287; августъ, 555, 557, 560, 566; 645—646, 653.

Николай II Александровичъ, императоръ, СХХVІІІ, апрѣль, 47—48; июнь, 769—770; СХХІХ, июль, 98—99; СХХХ, октябрь, 328—350.

Николай Константиновичъ, великій князь.—*О немъ въ статьѣ Г. Метцнера*: «Воспоминанія потѣшнаго павловца. (1871 г.)», СХХІХ, сентябрь, 973—980.

Николай Михайловичъ, великій князь. *Рецензія В. Р.—ва объ изданной имъ книгъ*: «Петербургскій Некрополь. Томъ первый. (А. Г.). Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 636—637.—*Рецензія Г. объ изданной имъ*: «Военной галлерей 1812 года. Спб. 1912», СХХІХ, августъ, 730—731.—*О немъ въ статьѣ Б. Г.*: «Новый литературный портретъ, императора Александра I.» СХХХ, октябрь, 221—248 (по поводу его труда: «Императоръ Александръ I. Опытъ историческаго изслѣдованія»).

Николай Николаевичъ Старшій, великій князь, СХХХ ноябрь, 501—502, 537—539, 559, 560,—562; декабрь, 944.

Николай (въ міръ Іоаншъ Дмитріевичъ Касаткинъ) архіепископъ японскій.—*О немъ въ статьѣ П. Г.*: «Изъ дѣятельности «анатола» Японіи», СХХVІІ, мартъ, 1016—1024.

Никольская, О. Я., общественная дѣятельница. *Некрологъ ея*: СХХVІІІ, май, 721—722.

Никольскій, Александръ, протоіерей. *Рецензія В. Р.—ва о книгъ его*: «Лица духовнаго чина московской епархіи въ

них служеній церкви и отечеству въ 1812 году». М. 1912», СХХХ, декабрь, 1250—1251.

Никольскій, А. И., СХХХ, декабрь, 1249 (по поводу его «Описанія» рукописей синодального архива).

Никольскій, Н. В. *Рецензія священника А. Иванова о книгѣ его: «Христіанство среди чувашъ средняго Поволжья въ XVI—XVIII вѣкахъ. Историческій очеркъ. Изданіе общества археологій, исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ. Казань. 1912»*, СХХХХ, июль, 338—341.

Никольскій, Н. Я., сакелларій Зимняго двора, духовникъ императора Александра II, СХХХХ, августъ, 655.

Ницулина-Носицкая, Любовь Павловна, артистка, СХХХVIII, июнь, 879—883, 891.

Ницулинъ, В. В., врачъ. *Некрологъ его: СХХХVIII, апрѣль, 349.*

Ницулинъ, Иванъ Михайловичъ, артистъ и переводчикъ, мужъ артистки, СХХХVIII, июнь, 881.

Нисси Токузиро, баронъ, японскій государственный дѣятель. — *О немъ статья Е. Ада* — «Памяти барона Нисси Токузиро», СХХХVIII, июнь, 947—957.

Новиковъ, Никифоръ Ивановичъ, провинціальный актеръ, СХХХХ, ноябрь, 721—722, 726—727.

Новиковъ-Ивановъ, Николай Петровичъ, комикъ, СХХХХ, ноябрь, 721—722.

Новицкій, Викторъ Станиславовичъ, педагогъ. *О немъ статья князя Б. А. Щетинина: «Памяти В. С. Новицкаго»*, СХХХХ, декабрь, 1160—1163.

Новомбергскій, Н., профессоръ. *Рецензія И. С. Б. о книгѣ его: «Слово и дѣло» государево. Процессы до изданія узложенія 1649 года. Томъ I. М. 1911»*, СХХХХХ, июль, 342—343.

Новоселовъ, Ю. *Рецензія А. Мальмгерена о книгѣ его: «Латыши. Рига. 1911»*, СХХХХVIII, май, 670—671.

Новосельскій, Григорій Наумовичъ, артистъ, поэтъ, художникъ, СХХХХХ, июль, 132.

Нотовичъ, Осипъ Константиновичъ, редакторъ-издатель «Новостей», СХХХХ, октябрь, 135—141 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Кауфмана).

Нофаль, Ю. И., цензоръ, СХХХХVIII, июнь, 918.

О. *Рецензія его: «Валерій Брюсовъ. Великій риторъ. Жизнь и сочиненія Децима Магна Авсонія. М. 1911»*, СХХХХVIII, июнь, 1027—1028.

Образцовъ, Ив. Гр., СХХХVIII, июнь, 974, 976, 978—986.

Овсянниковъ, Николай Николаевичъ, писатель. *Некрологъ его: СХХХVII, февраль, 810.*

Овсянниковъ, Степанъ Тарасовичъ, купецъ, СХХХХVIII, апрѣль, 208—209.

Огненко, И. И. *Рецензія И. А. о трудѣ его: «Изданія «Неба Новаго» Іоанникія Голятовскаго. Изъ исторіи старопечатныхъ книгъ. Кіевъ. 1912»*, СХХХХVIII, июнь, 1014—1016.

Оглоблинъ, Егоръ Васильевичъ, преподаватель олопецкой духовной семинаріи СХХХХ, ноябрь, 687—689.

Оглоблинъ, Николай Николаевичъ. *Статьи его: 1) «Въ полуднюю годину. (Изъ провинціальныхъ настроеній)»*, СХХХХVII, мартъ, 976—991. 2) «Въ пасхальную ночь. (Изъ волжскихъ былей)»», СХХХХVIII, апрѣль, 117—183. 3) «Отголоски смуты. (1905—1906 г.г.)»», СХХХХ, октябрь, 249—282.

Одоевскій, Владиміръ Ѳedorовичъ, князь, СХХХХVIII, май, 484; июнь, 887.

Ознобишинъ, Дмитрій Петровичъ, поэтъ, общественный дѣятель, СХХХХVII, январь, 51.

Окрейць, Станиславъ Станиславовичъ. *Его: 1) «Господа Прусаковы, СХХХХVII, мартъ, 913—948. 2) «Воспоминанія инсургента»*, СХХХХХ, сентябрь, 880—913; СХХХХ, октябрь, 191—220.

Оленинъ, Александръ Николаевичъ, президентъ академіи художествъ, СХХХХХ, июль, 160—165.

Олсуфьева, А. Г., СХХХХ, декабрь, 1024 (по поводу ея статей о И. С. Тургеневѣ).

Ольгердъ, великій князь литовскій, СХХХХVIII, апрѣль, 250—252.

Ольгинъ, Григорій Степановичъ, артистъ, СХХХХVIII, июнь, 882—883.

Ольшанскій, Григ. Ник. *Статья его: «Въ волчьей пасти. (Картина съ натуры)»*, СХХХХХ, июль, 64—95.

Омальскій, герцогъ, СХХХХ, ноябрь, 548—552.

Онгирскій, С. Д., судебный дѣятель, СХХХХХ, июль, 54—56.

Орловъ, Алексѣй Григорьевичъ (1737—1808), графъ, генераль-аншефъ, СХХХХVII, январь, 92—93.

Осинская, Анастасія Ан., революціонерка, СХХХХVII, февраль, 669, 672.

Останковичъ, Н. Н. *Статья его: «Экскурсія по московской окружной желѣзной дорогѣ»*, СХХХХVII, январь, 294—338.

Остенъ-Саненъ (фонъ-деръ), Николаій Дмитриевичъ, графъ, дипломатъ. *Некрологъ его: СХХХХVIII, июнь, 1080.*

Остенъ-Сакенъ, Павелъ, баронъ. *Рецензія А. Мальмерена о книгѣ его: «Livländische Geschichte»* literatur. 1908. Рига. 1910», СХХVII, июль, 1028.

Островскій, Александръ Николаевичъ, извѣстный драматургъ, СХХVIII, май, 482—491, 495—496; июль, 881, 888, 898, 901; СХХIX, июль, 112—125, 134.—*О немъ книга Б. В. Варнеке: «Замѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912»*, рецензированная П. С., СХХVIII, май, 655—656.—*О немъ книга Н. П. Кашина: «Этюды объ А. П. Островскомъ. М. 1912»*, рецензированная В. Е. Рудаковымъ, СХХVIII, май, 667—669.—*Упоминается:* СХХХ, ноябрь, 768; 782.

Островскій, Михаилъ Николаевичъ, министръ государственныхъ имуществъ и земледѣлія, СХХХ, ноябрь, 782—784, 797.

Остроумовъ, Н. П., СХХVIII, апрѣль, 281—284 (по поводу его статьи о К. П. Кауфманѣ).

II

П. Б. Рецензіи его: 1) «Бабинъ А. В. Исторія Сѣверо-Американскихъ Штатовъ. Томы I и II. Спб. 1912», СХХVIII, май, 662—663. 2) «И. Вишegradовъ. Средневѣковое помѣстье въ Англіи. Спб. 1911», СХХVIII, июль, 1029—1030. 3) «Н. И. Карѣевъ. Собраніе сочиненій. Томъ I. Спб. 1912», СХХIX, июль, 359. 4) «В. А. Мелиховъ. Культъ римскихъ императоровъ. Харьковъ. 1912», СХХХ, ноябрь, 854. 5) В. Шимаревъ. Лирика и лирики поздняго средневѣковья. Парижъ. 1911», СХХХ, декабрь, 1269—1270.

П. С. Рецензіи его: 1) «В. А. Максимовъ. Очерки по исторіи русской литературы сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ. Натуральная школа. (Тургеневъ, Гончаровъ, Островскій, Герценъ, Некрасовъ и др.). Спб. 1912. — С. А. Золотаревъ. Очерки по исторіи русской литературы. О. И. Тютчевъ, А. К. Толстой, А. А. Фетъ, А. Н. Майковъ, Я. П. Полонскій, О. М. Дютоевскій, Л. П. Толстой. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 294—295. 2) «Б. В. Варнеке. Замѣтки объ Островскомъ. Одесса. 1912», СХХVIII, май, 655—656. 3) «И. Алешинцевъ. Исторія гимназическаго образованія въ Россіи. Спб. 1912», СХХVIII, июль, 1020—1022.

Павель Александровичъ, великій князь, СХХVIII, июль, 944.

Павель I Петровичъ, императоръ, СХХVII, январь, 69—72, 75—82, 92—93, 97; февраль, 506—509, 519, 524—527; СХХIX, июль, 142; СХХХ, октябрь, 221, 225—226.

Павель (въ мѣрѣ Петръ Ивановичъ Ледневъ), архимандритъ Псковскаго монастыря, СХХVII, январь, 304.

Павленковъ, Леонидъ Николаевичъ, издатель. *Некрологъ его:* СХХVIII, июль, 1080—1081.

Павловскій, Иванъ Францевичъ. *Рецензія В. Данилова о составленномъ имъ соимѣнно съ В. А. Щепотьевымъ, А. А. Явойскимъ и студентомъ Б. Д. Чигринцевымъ: «Систематическомъ указателѣ журнала «Кіевская Старина». (1882—1906 г.). Изданіе Подтавской архивной комиссіи. Полтава. 1911», СХХХ, декабрь, 1258.*

Павловскій, И. Я. *Его романъ: «Исторія одного убійства»*, СХХVII, январь, 7—41; февраль, 443—468; мартъ, 815—850; СХХVIII, апрѣль, 5—43; май, 353—387; июль, 737—764.

Пазухинъ, А., СХХVIII, май, 570—575, 577, 583.

Палень, Константинъ Ивановичъ, графъ, министръ юстиціи, СХХVIII, апрѣль, 207, 210; СХХIX, июль, 57—59.

Палень, Петръ Алексѣевичъ, графъ, генераль-отъ-кавалеріи, СХХХ, октябрь, 225.

Пальмъ, Гр. А. *Статья его: «Театръ въ провинціи. (Изъ далекаго прошлаго)»*, СХХХ, ноябрь, 718—741.

Пантениусъ, Т. Г., прибалтійскій беллетристъ, СХХVIII, июль, 1033.

Пант. *Рецензіи его:* 1) «Проф. Шарль Диль. Византійскіе портреты. Часть вторая. Переведъ Е. Киричинскій. Харьковъ. 1911», СХХVII, январь, 381—382. 2) «Московское общество народныхъ университетовъ. Статистика. Ея приемы и ея значеніе для общественныхъ наукъ. Лекціи А. А. Кауфмана. М. 1911», СХХVII, мартъ, 1095—1096. 3) «И. Гольдшиперъ, профессоръ въ Будапештѣ. Лекціи объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ». Переводъ А. П. Черновой. Изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ». Спб. 1912», СХХIX, июль, 347—348. 4) «Исторія іезуитскаго ордена, составленная по подлиннымъ, отчасти неизданнымъ документамъ аббата Томъ Геттэ. Томъ I, книги 1—3. Переводъ О. А. Циканской. М. 1912», СХХIX, сентябрь, 1089—1090. 5) «H. Houssaye. Клеопатра. Переводъ А. Захарова. Спб. 1911», СХХХ, декабрь, 1270—1271.

Панютинъ, В. К., генераль-міаоръ, СХХVIII, май, 604.

Паренсовъ, Петръ Дмитриевичъ, генераль-отъ-инфантеріи, штергофскій комендантъ, авторъ «Записокъ», СХХVII, январь, 44.

- Пасколи**, Джіованні, італіянскій поэтъ, СХХІХ, августъ, 765—766 (по поводу его смерти).
- Пассекъ**, Евгеній Вячеславовичъ, профессоръ и ректоръ Юрьевскаго университета. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 891—982.
- Пассекъ**, Татьяна Петровна, редакторъ-издатель дѣтскаго журнала «Игрушечка», СХХХ, декабрь, 1047—1051.
- Пасси**, Фредерикъ, «апостоль мира» СХХІХ, іюль, 381—382 (по поводу его смерти).
- Пасторъ**, Амедей, маркизь, участникъ похода 1812 года, СХХІХ, сентябрь, 1104—1113; СХХХ, октябрь, 410—418 (по поводу его воспоминаній о походѣ).
- Паць**, Людовикъ, графъ, СХХІХ, сентябрь, 1110.
- Пашковъ**, В. А., сектантъ, СХХХ, декабрь, 1059—1064—1066.
- Педро**, донъ, бразильскій императоръ. СХХХ, октябрь, 174—175 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бертенсона); декабрь, 1017—1018 (по поводу посѣщенія имъ Катковскаго лицея).
- Пекарскій**, Эд. К. *Рецензія А. Фаресова о редактированной имъ книгѣ В. Ф. Троцанскаго*: «Наброски о якутахъ Якутской области. Казань. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1079—1082.—*Рецензія А. Фаресова о составленной имъ соавт. титомъ съ Вл. Цветковымъ книгѣ*: «Пріаянскіе тунгусы. Спб. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1079—1082.
- Пельтъ**, Николай Ивановичъ, управляющій московскими театрами, СХХVІІІ, іюнь, 882.
- Пепловскій**, Адольфъ, СХХVІІІ, апрѣль, 214.
- Переплетчиковъ**, Вас. Вас., художникъ, СХХVІІ, февраль, 642—643.
- Першинъ-Марксарскій**, П. *Статья его*: «В. Н. Козловъ—ссылно-каторжный», СХХVІІІ, апрѣль, 193—205.
- Петрово-Солово**, Василій Михайловичъ, членъ государственной думы, СХХVІІІ, апрѣль, 168.
- Петровскій**, Мемнонъ Петровичъ, профессоръ казанскаго университета по кафедрѣ славянской филологіи.—*О немъ статья Д. А. Корсакова*: «М. П. Петровскій», СХХІХ, іюль, 262—270.
- Петровъ**, Николай Ивановичъ, профессоръ кievской духовной академіи. *Рецензія В. Д. о книгѣ его*: «Очерки изъ исторіи украинской литературы XVII—XVIII в. Киевская искусственная литература XVII—XVIII в.в., преимущественно драматическая. Киев. 1911», СХХІХ, сентябрь, 1097—1096.
- Петрункевичъ**, Михаилъ Ильичъ, б. членъ государственной думы первого созыва. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, іюнь, 1081—1082.
- Петръ I Алексѣвичъ**, императоръ, СХХVІІ, январь, 308, 322, 324, 327, 335, 337; СХХІХ, августъ, V; 706, 709.
- Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій**, принцъ.—*О немъ въ статьѣ П. В. Мильцанинова*: «Памяти принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго», СХХІХ, августъ, 548—568.
- Петръ, III Феодоровичъ**, императоръ, СХХІХ, августъ, V, 549.
- Пиксановъ**, Н. К. *Рецензія М. Ключкова о книгѣ его*: «Три эпохи: Екатериинская, Александровская, Николаевская. Темы и библіографія. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1244—1246.
- Пиленко**, Александръ Александровичъ, профессоръ. *Рецензія Н. Лнд. о книгѣ его*: «Стародумцы и обновленцы. Спб. 1912», СХХVІІІ, май, 671.
- Пимоненко**, Н. К., художникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, май, 723—724.
- Пирлингъ**, О. *Рецензія К. Кудряшова о книгѣ его*: «Дмитрій Самозванецъ. Переводъ съ французскаго В. П. Потемкина. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1912», СХХVІІІ, май, 638—639.
- Пироговъ**, Николай Ивановичъ, знаменитый русскій хирургъ и педагогъ, СХХVІІІ, май, 450—451.—*О немъ въ книгѣ*: «Сборникъ въ честь Пирогова, подъ редакціей профессора Е. А. Боброва. Варшава, 1912», рецензированной проф. М. Красноженомъ, СХХІХ, сентябрь, 1098—1101.
- Писаревъ**, Модестъ Ивановичъ, артистъ, СХХІХ, сентябрь, 935—937, 962—963.
- Писаревъ**, М. Н. *Рецензія Д. М. о книгѣ его*: «Въ память Отечественной войны. 1812—1912. Изданіе Воронежской ученой архивной комиссіи, подъ редакціей Н. П. Михневича. Съ 18 рисунками. Заставки и карты М. К. Нарнаго. М. 1912», СХХХ, октябрь, 382—383.
- Платонъ**, знаменитый греческій философъ, СХХVІІІ, апрѣль, 309, 314.
- Плеве**, Вячеславъ Константиновичъ, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХVІІІ, апрѣль, 221; іюнь, 919; СХХІХ, іюль, 229, 240—242, 247, 250—254.
- Плетневъ**, Алексѣй Петровичъ. *Рецензія М.—о о трудахъ его*: «Собраніе сочиненій. Т. I. Парижскіе уголки.—Страницы жизни.—Т. II. Униженные и отверженные.—Милліонщикъ.—Клубъ еротомановъ.—Исповѣдь революціонера.—Воспоминанія. Одесса. 1911», СХХІХ, іюль, 355—356.
- Плещеевъ**, Александръ Алексѣевичъ, драматургъ.—*О немъ въ статьѣ Б. Б. Глинскаго*: «Литературные юбилей. (А. А.

Коринфекаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцева-Полилова», СХХVII, январь, 339—343.

Плещеевъ, Алексѣй Николаевичъ, поэтъ, СХХVII, мартъ, 1140 (по поводу открытія народной бібліотеки-читальни имени поэта А. Н. Плещеева, пазываемой обывателями имѣнія Шанталова Ростовляскаго уѣзда «Плещеевскимъ уголкамъ»); СХХVIII, май, 486, 490, 495; іюнь, 888; СХХIX, сентябрь, 16, 18—19, 25; СХХХ, декабрь, 1038—1042.

Плюшкинъ, Оеодор Михайловичъ, археологъ, коллекціонеръ.—*Замѣтка*: «Гибель музея Плюшкина», СХХIX, сентябрь, 1119.

Плющевскій-Плющикъ, Ю. Н. *Статья* его: «Продолженіе исторіи Петергофской дачи № 2», СХХХ, ноябрь, 761—766.

Пнинъ, Иванъ Петровичъ (1773—1805), поэтъ-публицистъ, СХХVIII, іюнь, 1000—1001 (по поводу статьи о немъ А. А. Кнзеветтера).

Побѣдоносцевъ, Константинъ Петровичъ, оберъ-прокуроръ св. синода, извѣстный государственныи дѣятель, СХХVIII, май, 394; 578; СХХХ, октябрь, 297—322; ноябрь, 767, 807; декабрь, 959—962; 1037, 1045, 1061—1063; 1172, 1174, 1182, 1190.

Пожарскій, Дмитрій Михайловичъ, князь.—*О немъ въ статьѣ В. Е. Рудакова*: «Князь Д. М. Пожарскій и его усыпальница», СХХХ, ноябрь, 749—760.

Позднѣевъ, Д. М., проф., СХХVII, мартъ, 1083—1084.

Позняковъ, Георгій Александровичъ, московскій статистикъ. *Некрологъ* его: СХХIX, сентябрь, 1124—1125.

Покотило, К. П. *Рецензія* А. М. Ловягина о книгѣ его: «Практическое руководство для начинающаго преподавателя исторіи. Изданіе И. В. Казначеева. Спб. 1912», СХХVIII, май, 644—648.

Политуръ, Н. Р. *Рецензія* Д. А. о книгѣ его: «Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ и жизнь XVIII вѣка. Спб. 1912», СХХVII, мартъ, 1105—1107.

Половцевъ, Александръ Александровичъ, статсъ-секретарь, членъ государственнаго совѣта, СХХVIII, май, 558—560 (его записка о М. Е. Ковалевскомъ); 579—580.

Полонскій, Яковъ Петровичъ, поэтъ, старшій цензоръ, СХХVII, январь, 60—63 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); СХХХ, декабрь, 1026—1030, 1038—1039.

Полтавцевъ, Корнелій Николаевичъ, артистъ, СХХVIII, іюнь, 882.

Поляковъ, Л. С., СХХVIII, іюнь, 944.

Понизовская, Татьяна Ивановна, артистка, СХХIX, іюль, 122.

Пономаревъ, Александръ Ивановичъ, профессоръ петербургской духовной академіи. *Некрологъ* его: СХХVII, февраль, 811.

Папандопуло, А. С., журналистъ, СХХVIII, іюнь, 566; СХХХ, ноябрь, 631—632.

Папандопуло-Нерамевъ, Аванасій Ивановичъ, приватъ-доцентъ ново-греческой словесности въ петербургскомъ университетѣ. *Некрологъ* его: СХХХ, декабрь, 1306.

Попова, Ольга Николаевна, СХХIX, августъ, 507—510.

Поповъ, Г. Г. *Рецензія* М. К.—*тъ о книгѣ* его: «Домъ Романовыхъ. Къ трехсотлѣтнему юбилею царствованія (1613—1913). Иллюстрированный историческій очеркъ. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 277—278.

Поповъ, Николай Ивановичъ, изслѣдователь раскола, авторъ драмы «Забытые люди», СХХVIII, май, 490.

Поповъ-Пермскій, И. *Статья* его: «За други своя». (Разсказъ изъ аграрныхъ волненій), СХХIX, августъ, 517—547.

Португаловъ, В. О., публицистъ, СХХ, ноябрь, 611.

Поселянинъ, Е. *Рецензія* А. З. Е. о книжкѣхъ его: «Сто лѣтъ назадъ. (Воспоминанія о 1812 годѣ)».—«За вѣру царя и родину (двѣнадцатый годъ)». Спб. 1912», СХХVIII, май, 634—635.

Потемкина, Татьяна Борисовна, извѣстная благотворительница, СХХVIII, май, 623—624.

Потемкинъ, В. П. *Рецензія* К. Кудряшова о переведенной имъ книгѣ О. Пирлинга: «Дмитрій Самозванецъ. Книгоиздательство «Сфинксъ». М. 1912», СХХVIII, май, 638—639.

Потто, В., генераль-лейтенантъ. *Рецензія* Бор. Городецкаго о редактированномъ имъ ХХХ-мъ томѣ.—«Кавказскаго сборника». (Тифлисъ. 1911), СХХХ, декабрь, 1253—1254.

Прокофьевъ, Юсифъ Петровичъ, генераль-лейтенантъ, профессоръ морской академіи. *Некрологъ* его: СХХIX, іюль, 398.

Прокошевъ, П. А., профессоръ. *Рецензія* Викт. Ткачука о книгѣ его: «Религіозный кризисъ на западѣ Европы. (Модернизмъ). 1911», СХХIX, іюль, 357—358.

Пропперъ, Станиславъ Максимилиановичъ, пздатель «Биржевыхъ Вѣдомостей», СХХХ, декабрь, 1070—1078 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Кауфмана).

Протасовъ, П. Г., артистъ, СХХIX, іюль, 122.

Протопоповъ, М. А., писатель, бывшій революціонеръ, СХХVII, февраль, 670.

Прохановъ, Александръ Степановичъ, редакторъ-издатель журнала «Духовный христіанинъ». *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 722—723.

Пташицкій, Иванъ Львовичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХVIII, июль, 1082.

Пуле (де), М. О., писатель, СХХIX, сентябрь, 14—15.

Пусторнаковъ, П. П., артистъ, СХХVII, январь, 64.

Путилинъ, Иванъ Дмитриевичъ, начальникъ петербургской есыской полиціи.— *О немъ въ статьѣ К. П. Путилина*: «Покушеніе на поѣздъ», СХХХ, декабрь, 1100—1122.

Путилинъ, К. И. *Статья его*: «Покушеніе на поѣздъ», СХХХ, декабрь, 1100—1122.

Путята, А. Д., артистъ, СХХIX, июль, 127.

Пушкинъ, Александръ Сергѣевичъ, великій русскій поэтъ, СХХVII, февраль, 496—499 (по поводу отзывовъ о немъ архіепископа херсонскаго и одесскаго Никанора и графа А. Г. Строганова въ воспоминаніяхъ А. В. Егорова); СХХVIII, апрѣль, 276—277.—*О немъ въ замѣткѣ*: «Гдѣ родился Пушкинъ?», СХХХ, ноябрь, 883—884.

Пѣтуховъ, Е. В., профессоръ. *Рецензія Я. Бирюкова о книгѣ его*: «Русская литература. Историческій обзоръ главнѣйшихъ литературныхъ явленій древняго и новаго періода. Древній періодъ. Юрьевъ 1911». СХХVIII, май, 656—658.

Пятковский, Александръ Петровичъ, редакторъ-издатель «Наблюдателя», СХХIX, августъ, 444—448 (въ воспоминаніяхъ В. А. Волжина).

Р

Радецкій, Федоръ Федоровичъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ - инфантеріи, СХХХ, октябрь, 66.

Радде, Г. И., докторъ, директоръ Кавказскаго музея, СХХIX, сентябрь, 1048, 1051, 1054—1056, 1058, 1064.

Радловъ, Вас. Вас., академикъ, СХХVII, февраль, 793—796 («Юбилейное чествованіе» его, по поводу семидесятипятилѣтія со дня рожденія).

Радонежскій, Платонъ Анемодиетовичъ, пѣвецъ, СХХVIII, май, 487—489.

Раевскій, П. М. *Рецензія В. Р.—а объ изданномъ имъ*: «Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 397—398.

Разгоновъ, Константинъ Иосифовичъ, генералъ-отъ-инфантеріи, умершій въ 1911 году, СХХХ, октябрь, 72.

Разумовскій, Кирилль Григорьевичъ, графъ, СХХVII, январь, 337.

Рапизарди уроженецъ Катаніи (въ Сициліи), революціонеръ, СХХIX, августъ, 763—765 (по поводу его смерти).

Ратьковъ-Рожновъ, Владиміръ Александровичъ, бывшій городекой голова Петербурга, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 724—725.

Ратьковъ-Рожновъ, Всев. Александр., вятскій вице-губернаторъ, СХХVII, январь, 43.

Рашевскій, И. Ф., педагогъ, СХХVIII, май, 590, 592.

Реймеръ, Юліи Васильевичъ, финансовый дѣятель. *Некрологъ его*: СХХVII, мартъ, 1148—1149.

Рейнгардъ, Владиміръ Васильевичъ, профессоръ зоологіи харьковскаго университета. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 725.

Рейтеръ, Михаилъ Христофоровичъ, графъ, министръ финансовъ, СХХIX, августъ, 661.

Рембо, Фирлонъ, италмейстеръ императора Наполеона III, СХХХ, ноябрь, 527—533.

Ренье (де), Апри, французскій академикъ, СХХVII, февраль, 767.

Ржевусскій, Станиславъ, писатель, СХХVII, февраль, 768—769.

Рихтеръ, Николай Федоровичъ, предсѣдатель московской губернской земской управы. *Некрологъ его*: СХХVII, январь, 429—430.

Рогачевъ, Дмитрій Михайловичъ, поручикъ, революціонеръ, СХХVII, февраль, 669—677.

Родиславскій, Владиміръ Ивановичъ, артистъ, СХХVIII, май, 485; июль, 885; СХХIX, июль, 114.

Родной, Михайлдъ. *Статья его*: «Могіла Кульшева», СХХVII, январь, 291—293.

Родныхъ, Александръ. *Рецензія М—о о книгѣ его*: «Исторія воздухоплаванія и летанія въ Россіи. Книга первая. Летаніе и воздухоплаваніе въ старину. Съ 54 снимками со старинныхъ рисунковъ». СХХVIII, апрѣль, 285—288.—*Рецензія Б. Б. о книгѣ его*: «Тайная подготовка къ уничтоженію арміи Наполеона въ двѣнадцатомъ году при помощи воздухоплаванія. Изъ исторіи воздухоплаванія и летанія въ Россіи». Съ 19 рисунками со старинныхъ рисунковъ. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 732—734.

Рождественскій, Сергѣй Васильевичъ, профессоръ. *Рецензія В. Рудакова о книгѣ его*: «Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—

XIX вѣкахъ. Томъ I. Спб. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1085—1087.

Розановъ, Василий Васильевичъ, писатель-публицистъ. *Рецензія В. Г. о книгѣ его*: «Уединенное. Спб. 1912», СХХVIII, май, 661—662.

Розановъ, С. П. *Рецензія П. А. о трудѣ его*: «Памятники древне-русской литературы. Выпускъ I. Житія преподобнаго Авраамія Смоленскаго и службы ему. Изданіе отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 843—844.

Ройтманъ, Дмитрій Васильевичъ, педагогъ, писатель. *Некрологъ его*: СХХVII, февраль, 811.

Романовская, А. Я., артистка. СХХІХ, июль, 133.

Романовскій, герцогъ Лейхтенбергскій, Георгій Максимиліановичъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, июнь, 1082—1083.

Романовскій Дм. Ив., генераль-майоръ, СХХХ, ноябрь, 497—505, 508; декабрь, 941

Романовъ, В. А., генераль-лейтенантъ, СХХІХ, июль, 96.

Романовъ, Е. Р. *Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его*: «Бѣлорусскія народныя мелодіи. Пѣсни сезонныя, обрядовыя, игорныя, танцы, духовныя стихи. Выпускъ седьмой. Вильна. 1911» СХХVIII, июнь, 1016—1017.—*Рецензія В. Д. о редактированныхъ имъ* «Материалахъ по этнографіи Гродненской губерніи. Вып. I—II. Вильна. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1083.

Роопъ, Христофоръ Христофоровичъ, бывшій одесскій генераль-губернаторъ, генераль-отъ-инфантеріи, СХХVII, мартъ, 852—853, 857—858; СХХVIII, апрѣль, 134—135.

Росель, Джонъ (Николай Константиновичъ Судзиловскій), революціонеръ, СХХVI, январь, 122—123, 133—135, 140 (въ статьѣ А. А. Вницікой: «Изъ приключеній въ Парижѣ»).

Росіевъ, П. А. *Статья его*: «Артистическій кружокъ въ Москвѣ. (1865—1883)», СХХVIII май, 482—498; июнь, 878—901; СХХІХ, июль, 111—136.—*Рецензія А. З. Е. о книгѣ его*: «Сожженная Москва».—«Изгнаніе двадцать языкъ».—«Русскіе освобождаютъ Европу». 1912 г., СХХVIII, май, 634—635.

Ростовскій, Николай Ивановичъ, судебный дѣятель, СХХІХ, июль, 54—57.

Ростопчинъ, Федоръ Васильевичъ, графъ, московскій генераль-губернаторъ, СХХІХ, августъ, XV—XVI, XLIII.

Рубинштейнъ, Антонъ Григорьевичъ, известный русскій композиторъ. СХХХ, декабрь, 1034—1035.

Рубинштейнъ, Николай Григорьевичъ, директоръ московской консерваторіи, пѣвѣтный композиторъ, СХХVII, февраль, 532—542 (въ воспоминаніяхъ А. И. Солодовой); СХХVIII, май, 482—485; июнь, 883.

Рудановъ, Василий Егоровичъ, писатель. *Статьи его*: 1) «Что общааетъ XVI археологической сѣздѣ», СХХVII, февраль, 662—666.—2) «Чествованіе Б. Б. Глинскаго», СХХVII, мартъ, 1064—1075.—3) «Вороновъ, Андрей Петровичъ. (Некрологъ)», СХХVIII, апрѣль, 345—346.—4) «Охрана памятниковъ старины. (По поводу новаго общества защиты и сохраненія въ Россіи памятниковъ искусства и старины)», СХХIX, июль, 305—309.—5) «Князь Д. М. Пожарскій и его усыпальница», СХХХ, ноябрь, 749—760.

— *Рецензія его*: 1) «Извѣстія Таврической ученой архивной комиссіи. (Годъ двадцать пятый). № 45. Подъ редакціей председателя комиссіи Арсенія Ивановича Маркевича. Симферополь. 1911», СХХVII, январь, 371—372.—2) «Любимовъ. Предводители дворянства всѣхъ намѣстничествъ, губерній и областей Россійской имперіи. 1777—1910 гг. Спб. 1911», СХХVII, январь, 373—374.—3) «Извѣстія русскаго генеалогическаго общества. Выпускъ четвертый. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 747—748.—4) «Вѣстникъ археологичіи и исторіи, издаваемый императорскимъ археологическимъ институтомъ. Выпускъ XXI. Спб. 1911», СХХVII, февраль 749—751.—5) «Матушка Русь. Хрестоматія. 1-я часть. Для учениковъ приготовительнаго и младшихъ I и II классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Составилъ Ѳ. А. Тарапугинъ. Редакція Ѳ. А. Витберга. 2-е изданіе исправленное и значительно дополненное. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 757.—6) «Академическая бібліотека русскихъ писателей. Выпускъ I. Изданіе 3-е. Полное собраніе сочиненій А. В. Кольцова. Подъ ред. и съ примѣчаніями А. И. Лященко. Изданіе разряда изящной словесности императорской академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 758—759.—7) «Труды Владимірской ученой архивной комиссіи. Книга XI и XII. Владиміръ. 1910—1911», СХХVII, мартъ, 1085—1086.—8) «І. М. Маленинъ. Мои воспоминанія. Съ портретомъ и факсимиле автора. Изданіе тверской ученой архивной комиссіи. Тверь. 1910», СХХVII, мартъ, 1108.—9) «Дмитріевы-Мамоновы. Составили и издали А. И. Дмитріевъ-Мамоновъ и В. А. Дмитріевъ-Мамоновъ. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 272—274.—10) «А. А. Татковъ Исторической очеркъ курской маринской

женской гимназій. 1861—1911. Курскъ. 1911», СХХVIII, апрѣль, 285.—11) «Труды четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ, 1908 года. Подъ редакціей графини Уваровой. Т. I—III. М. 1910—1911», СХХVIII, май, 627—630. 12) «Великій князь Николай Михайловичъ. Петербургскій некрополь. Томъ первый. (А—Г.) Спб. 1912», СХХVIII, май, 636—637. 13) «Н. П. Кашинъ. Этюды объ А. П. Островеркомъ. М. 1912», СХХVIII, май, 667—669. 14) «Е. Э. Ивановъ. Херсонесъ Таврической. Историко-археологическій очеркъ. Съ рисунками и планомъ раскопокъ. (Изъ № 46 «Извѣстій Таврической ученой архивной комиссіи»). Симферополь. 1912», СХХVIII, июнь, 1007—1009. 15) «Г. Т. Сѣверцовъ-Поллидовъ. Стѣпная любовь. Романъ. Спб. 1912», СХХVIII, июнь, 1030—1031. 16) «А. М. Якиммахъ. Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912», СХХVIII, июнь, 1031—1032. 17) «Чтеній въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ. 1911 г. Книга третья. Двѣсти тридцать восьмая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911», СХХIX, июль, 345—346. 18) «Труды вятской ученой архивной комиссіи. 1910 годъ. Выпускъ II—III. Вятка. 1910», СХХIX, июль, 348—349.—19) «Документы и матеріалы, относящіеся къ исторіи Отечественной войны 1812 года. (Въ XXXVII томѣ Актовъ, издаваемыхъ Виленскою комиссіею для разбора древнихъ актовъ). Вильна. 1912», СХХIX, августъ, 727—729.—20) «Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ. Изданіе олонечскаго статистическаго комитета. Составилъ секретарь комитета И. И. Францишкевичъ-Яновскій. Петрозаводскъ. 1912», СХХIX, августъ, 732.—21) «А. Е. Заринъ. 1812 годъ. Историческій очеркъ Отечественной войны. Съ 35 портретами и 25 рисунками. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912.—Его же. Незабвенный годъ. Двѣнадцать рассказовъ о нашествіи Наполеона въ Россію въ 1812 году. Съ 130 рисунками и портретами. Изданіе В. И. Губинскаго. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 734—735.—22) «Новый энциклопедическій словарь. Издателя Ф. А. Брокгаузъ (Лейпцигъ) и И. А. Ефронъ. (С.-Петербургъ). Томы I—VII. Спб. 1910—1912, СХХIX, августъ, 744—746.—23) «Главное управленіе землеустройства и земледѣлія. Департаментъ государственныхъ земельныхъ имуществъ. Описаніе дѣлъ вѣдомства департамента. хранящихся въ архивѣ главнаго управле-

нія землеустройства и земледѣлія. Выпускъ II. Дѣла учреждений, вѣдавшихъ государственныхъ имуществъ до образованія департамента государственныхъ имуществъ. 1763—1811 г. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1071—1073.—24) «Д. Лавровъ. Святой страстотерпецъ, благовѣрный князь угличскій, царевичъ Дмитрій, московскій и всяя Россіи чудотворецъ. Сергіевъ посадъ. 1912», СХХIX, сентябрь, 1078—1079.—25) «Труды Черниговской ученой архивной комиссіи. Выпускъ седьмой. Черниговъ. 1911», СХХIX, сентябрь, 1083—1085.—26) «С. В. Рождественскій. Очерки по исторіи системъ народнаго просвѣщенія въ Россіи въ XVIII—XIX вѣкахъ. Томъ I. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1085—1087.—27) «Проф. М. В. Давнаръ-Запольскій. Обзоръ новѣйшей русской исторіи. Томъ I. Кіевъ. 1912», СХХIX, сентябрь, 1090—1091.—28) «Архивъ Раевскихъ. Томъ IV. Изданіе П. М. Раевского. Редакція и примѣчанія Б. Л. Модзалевскаго. Спб. 1912», СХХIX, октябрь, 397—398.—29) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей Русскіихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга четвертая, двѣсти тридцать девятая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго. М. 1911», СХХIX, октябрь, 399—401.—30) «Извѣстія отдѣленія русскаго языка и словесности императорской академіи наукъ. 1911 г. Тома XVI, книжки I и 2 Спб. 1911», СХХIX, ноябрь, 845—847.—31) «Актовья книги Полтавскаго городского уряда XVII вѣка. Выпускъ I. Справки поточныя 1664—1671 годовъ. Редакція и примѣчанія В. Л. Модзалевскаго. Изданіе полтавской ученой архивной комиссіи. Черниговъ. 1912», СХХIX, ноябрь, 858.—32) «Чтенія въ императорскомъ обществѣ исторіи и древностей русскіихъ при московскомъ университетѣ. 1911 годъ. Книга первая. Двѣсти тридцать шестая. Издана подъ завѣдываніемъ М. К. Любавскаго М. 1911», СХХIX, декабрь, 1247—1249. 33) «Московское дворянство въ 1812 году. Изданіе московскаго дворянства. М. 1912. Съ портретами, и иллюстраціями.—Протоіерей Александръ Никольскій. Лица «духовнаго чина» московской епархіи въ ихъ служеніи церкви и отечеству въ 1812 году. М. 1912», СХХIX, декабрь, 1250—1251. —*Рецензія Г. о книжкѣ его: «Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Спб. 1911», СХХVIII, апрѣль, стр. 279.—Упоминается: СХХVII, мартъ, 1065; СХХIX, декабрь, 1129, 1130, 1133.*

Руджіери, итальянскій цензоръ, СХХIX, ноябрь, 868.

Рудичъ, Вѣра. *Рецензія М. К.—тъ о*

книгъ ея: «Четвертый сборникъ стиховъ Вѣры Рудичъ. Изданіе А. С. Суворина. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 295—298.

Рудневъ, Осдоръ Максимовичъ, артистъ, СХХVIII, июль, 880.

Рузевельтъ, Теодоръ, президентъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, СХХIX, сентябрь, 989—1007 (въ статьѣ В. ф. Ш.: «Воспоминанія американиста о Портсмутской конференціи»).

Руссо, Жанъ-Жакъ (1712—1778), знаменитый французскій писатель, СХХVIII, апрѣль, 322—323 (по поводу новой его рукописи «Emile»).

Руссобтовскій, М. *Рецензія П. М. Майкова о книгѣ его*: «Историческое освѣщеніе финляндскаго вопроса. Спб. 1912», СХХVIII, май, 631—633.

Русицкій, Осипъ Александровичъ, профессоръ. *Некрологъ его*: СХХVIII, июнь, 1083.

Рыбановъ, Николай Хрисафовичъ, артистъ, СХХIX, июль, 119, 122 и 124.

Рыбниковъ, Павелъ Николаевичъ, собиратель народныхъ былинъ, СХХVII, январь—45

Рыбчинскій, Н. Ф. *Рецензія Д. М. о брошюрѣ его*: «Письмо о Наполеонѣ, императорѣ французовъ (на 1812 годъ). Спб. 1912», СХХХ, октябрь, 382—386.

Рыжковъ, Н. Н., прогидерей, СХХIX, августъ, 704, 708, 711, 713, 717.

Рылѣевъ, Кондратій Федоровичъ, поэтъ, декабристъ.—*О немъ въ книгѣ В. И. Маслова*: «Литературная дѣятельность К. О. Рылѣева. Кіевъ. 1912», СХХIX, сентябрь, 1096—1098

Рѣзановъ, В. И., проф. *Рецензія Е. О. П. о книгѣхъ его*: 1) «Трагедіи Ломоносова. Спб. 1911.—2) «Къ исторіи русской драмы. Поэтика М. К. Сарбевскаго по рукописямъ музея князей Чарторійскихъ въ Краковѣ. Съ приложеніемъ чертежей. Нѣжинъ. 1911», СХХVIII, май, 651—652.

Рѣпина-Верстовская, Надежда Васильевна, извѣстная драматическая артистка, СХХVIII, июнь, 881—882

Рябининъ, Иванъ Матвѣевичъ, судебный дѣятель и историкъ Путивля. *Некрологъ его*: СХХVIII, апрѣль, 349—350.

Рябовъ, А. *Рецензія его*: «А. М. Брянскій и В. П. Лачиновъ. «Глаголишь и его роли». Отзывы и портреты. Изданіе З. Элькинды. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 851—852.

С

С. Рецензіи его: 1) «Родная страна». Ежемесячный иллюстрированный журналъ. СХХVIII, апрѣль, 305. 2) «А. Н. Львовъ. Въ странѣ Амонъ-Ра. Очерки

Египта. Съ 28 акварелями А. Львовой. Спб. 1911», СХХVIII, май, 664—665.

С. В. Л. Рецензія его: «Гербовникъ Антисима Титовича Князева 1785 года. Издавъ С. Н. Тройницкій. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1251—1253.

С. Н. Рецензія его: «Русскій биографическій словарь. Щаповъ-Юшневскій. Спб. 1912», СХХVIII, май, 636.

С. У. Статьи его: 1) «Кавказская цензура. (Изъ недавняго прошлаго)», СХХVIII, июль, 912—922.—2) «Мозаика. (Изъ старыхъ записныхъ книжекъ)», СХХХ, декабрь, 1013—1066.

С. У—ць. Статья его: «Мертвая зыбь. (Путевыя впечатлѣнія)», СХХХ, ноябрь, 742—748.

С. Ш. Рецензіи его: 1) «Русскій биографическій словарь. Шебановъ-Шютцъ. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 753.—2) «Русскій биографическій словарь. Суворова-Ткачевъ. Изданіе императорскаго русскаго историческаго общества. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1259—1260.

Сабуровъ, Андрей Александровичъ, сенаторъ, стасъ-секретарь, членъ Государственнаго Совѣта, СХХХ, декабрь, 1020.

Савва, архіепископъ тверской и кашинскій. *Рецензія В. А. Лебедева объ его*: «Автобиографическихъ запискахъ. Хроника моей жизни». Т. IX (и послѣдній). Съ 1891 по 1896 годъ. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1080—1082.

Савеловъ, Леонидъ Михайловичъ, генеалогъ, СХХХ, декабрь, 1250 (по поводу его книги, «Московское дворянство въ 1812 году»).

Савенковъ, И. Т., СХХVIII, май, 627—629 (по поводу его новаго труда: «О древнихъ памятникахъ изобразительнаго искусства на Енисей»).

Савицкій, С. Н. *Рецензія М. К.—ва о книгѣ его*: «Отечественная война въ Прибалтійскомъ краѣ. 1812—1912. Съ историческимъ очеркомъ Прибалтійскаго края. Рига. 1912», СХХХ, октябрь, 393—395.

Садовскіе:

— Михайль Прововичъ, артистъ. СХХVIII, май, 483; июнь, 879, 895—898, 901; СХХIX, июль, 122.

— Ольга Осипова(Лазарева), артистка. СХХVIII, май, 483; июнь, 879, 890—895; СХХIX, июль, 122—123, 126—132.

— Провъ Михайловичъ, артистъ, СХХVIII, май, 484—489, 494; июнь, 279, 883—884, 890—901; СХХIX, июль, 113, 136.

Садовскій, Борисъ. *Рецензія Л. о книгѣ его*: «Узоръ чугунный. Разказы. Книгоиздательство «Альдіона». М. 1911» СХХVII, январь, 383—385.

- Садовскій, Петръ Тимоѣевичъ**, профессоръ, акушеръ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, май, 725—726.
- Сазоновъ, Георгій Петровичъ**, революционеръ, писатель, СХХVІ, февраль, 669.
- Саксъ, М.**, содержатель оркестра, СХХVІІІ, май, 487.
- Салеманъ, Карлъ-Магнусъ**, премьер-маіоръ, СХХVІІІ, июнь, 935—938.
- Самаринъ, Иванъ Васильевичъ**, знаменитый артистъ, СХХVІІІ, июнь, 880.
- Сапуновъ, Н. Н.**, художникъ-декораторъ. *Некрологъ его*: СХХІХ, июль, 398—399.
- Сапѣгинъ, К. А.** *Статья его*: «Гоненія старообрядцевъ на Уралѣ», СХХVІІІ, апрѣль, 240—246.
- Сафо**, греческая поэтесса VII в. до Р. Х., СХХVІІІ, апрѣль, 306—307.
- Сацъ, Илья Александровичъ**, музыкантъ. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 892—893.
- Свободинъ, П. М.**, артистъ, СХХІХ, июль, 134.
- Свѣденцовъ, П. И.**, писавшій подъ псевдонимомъ «Ивановичъ», СХХVІІІ, июнь, 917—918.
- Святополкъ-Мирскій, П. Д.**, князь, министръ внутреннихъ дѣлъ, СХХVІІІ, апрѣль, 48—49; СХХІХ, августъ, 449.
- Седерхельмъ, Вернеръ**, финляндецъ, СХХХ, октябрь, 418—423 (по поводу его статьи: «Борьба за культуру Финляндіи»).
- Семеновъ, А. А.**, ориенталистъ, редактировавшій «Кауфмановскій сборникъ», СХХVІІІ, апрѣль, 281—282, 285.
- Семеновъ, М. С.** *Статья его*: «На выставку», СХХІХ, июль, 176—203.
- Сементновскій, Ростиславъ Ивановичъ**, писатель. *Его статья*: «И. А. Гончаровъ. (1812—1912)», СХХVІІІ, июнь, 830—847.
- Семинъ, Орестъ.** *Рецензія А. Хаханова о книгѣ его*: «Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911», СХХVІІІ, апрѣль, 279—280.
- Сентъ-Арно**, маршалъ, знаменитый военноподначальникъ, СХХХ, ноябрь, 537.
- Сентъ-Илеръ, Карлъ Карловичъ**, педагогъ, СХХVІІІ, май, 591—592.
- Сергіевскій, Николай Дмитриевичъ**, профессоръ, членъ государственнаго совѣта, СХХІХ, августъ, 444—445.
- Сергіевскій, Н. Н.** *Статья его*: «Чортова кукла», СХХІХ, сентябрь, 981—988.
- Сергій Александровичъ**, великій князь, СХХVІІІ, июнь, 944.
- Серебренниковъ, Виталий Степановичъ**, ординарный профессоръ С.-Петербургской духовной академіи, СХХХ, ноябрь, 884 (по поводу его 25-лѣтняго юбилея профессорской дѣятельности).
- Сибирцевъ, П. М.**, почвовѣдъ, СХХІХ, сентябрь, 1028.
- Сивачевъ**, писатель, СХХVІ, мартъ, 1116 (о немъ отзывъ Л. Вернона).
- Сизовъ, Мих. Ив.** *Статья его*: «Мои встрѣчи съ Георгіемъ Гашономъ», СХХVІІ, февраль, 543—582.
- Симоновъ, И. С.** *Рецензія Л. Н. о книгѣ его*: «Графъ Дмитрій Алексѣевичъ Милютинъ и военно-учебное вѣдомство.— На память о генералъ-фельдмаршалѣ Д. А. Милютинѣ. Спб. 1912», СХХІХ, июль, 349—350.
- Сипягина, Л.** *Замѣтка ея*: «Воспоминаніе о князѣ Голицынѣ», СХХІХ, августъ, 783—784.
- Сиротининъ, Андрей Н.** *Рецензія его*: 1) «В. Вальденбергъ. Государственный идеъ Крижаняча. Спб. 1912», СХХVІІ, февраль, 740—743. 2) Николай Бердяевъ. Алексій Степановичъ Хомяковъ. М. 1912», СХХVІІ, мартъ, 1103—1104. 3) «В. И. Масловъ. Литературная дѣятельность К. О. Рылѣва. Кіевъ. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1096—1098.
- Скабичевскій, Александръ Михайловичъ**, писатель, СХХІХ, августъ, 445.
- Скобелевъ, Михаилъ Дмитриевичъ**, извѣстный русскій генералъ.—*Замѣтка*: «Открытие памятника М. Д. Скобелеву», СХХІХ, августъ, 769—771; СХХХ, октябрь, 64, 67; декабрь, 940—943, 950, 955—956, 962, 964—966, 972—977.
- Случевскій, Владимиръ Константиновичъ**, сенаторъ, СХХVІІІ, апрѣль, 209.
- Слѣпцовъ, Николай Павловичъ**, генералъ-маіоръ, кавказскій герой.—*О немъ въ статьѣ Ш. Л. Юдина*: «Памятники Н. П. Слѣпцову. (По случаю 60-лѣтія со дня его кончины)», СХХІХ, сентябрь, 1009—1025.
- Слѣпнякъ, Сергій Николаевичъ**, священникъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, мартъ, 1149.
- Смаллей, Джорджъ**, американецъ.—*О немъ въ статьѣ В. фонъ Ш.*: «Воспоминанія американца о Портсмутской конференціи», СХХІХ, сентябрь, 898—1008.
- Смарагдъ** (Крыжановскій), архіепископъ рязанскій, СХХХ, декабрь, 1248—1249. (О немъ статья Н. Н. Глубоковского).
- Смирновъ, Николай Петровичъ**, молодой ученый. *Некрологъ его*: СХХХ, декабрь, 1306—1307.
- Соболевскій, С. А.**, другъ Пушкина.—*О немъ въ книгѣ*: «С. А. Соболевскій. Эпиграммы и экспромпты. Подъ редакціей В. В. Каллаша. М. 1912», рецензировавшей Н. Л., СХХХ, декабрь, 1266—1267.
- Соболевъ, Н. Н.** *Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его*: «Набоіка въ Россіи. Исторія

и способъ работы. М. 1912», СХХХ, ноябрь, 837.

Соколова, Александра Ивановна, писательница. *Ел.* 1) «Встрѣчи и знакомства», СХХVII, январь, 98—115; февраль, 532—542; мартъ, 904—912. 2) «Французская артистка и русская графиня», СХХVIII, апрѣль, 88—96. 3) «Одинъ изъ литературныхъ могиканъ», СХХХ, ноябрь, 667—675.— *Рецензія Н. Э. о книгѣ ея:* «Съверный сфинксъ. Историческій этюдъ. Спб. 1912», СХХVII, февраль, 754—755.— *Замѣтка* Мих. Жемчужникова по поводу ея разсказа: «Императоръ Николай I и масильковыя дурачества», СХХVII, январь, 431—432.

Сооловская, Тира О. *Рецензія ея:* «Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія масонства въ Германіи. Гр. С. Д. Толь (рожд. Толстая). Спб. 1911», СХХVII, февраль, 744—746.

Сооловскій, Мих. К. *Рецензія его:* «Н. А. Пиве. Отечественная война. Изданіе В. К. Пильничка. Пягъ томовъ», СХХIX, августъ, 729—730.— *Рецензія Л. Н. о книгѣ ея:* «1. Памятка вознесенскаго улана. 2. Памятка копорца. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1260—1261.

Сооловъ, Сергій Ивановичъ, цензоръ, писатель. *Некрологъ его:* СХХVIII, июль, 1083—1084.

Соленикъ, Карлъ Трофимовичъ, артистъ, СХХIX, июль, 114.

Соллертинскій, Иванъ Ивановичъ, товарищъ министра юстиціи, СХХVIII, апрѣль, 208.

Соллогубы, графини:

— Александръ Владимировичъ, СХХVIII, июль, 800—801

— Владимиръ Александровичъ, авторъ «Гарантаса», отецъ предыдущаго, СХХVIII, июль, 800—801, 806; СХХIX, сентябрь, 1047. 1049 (по поводу учрежденія имъ Кавказскаго музея).

Соловьевъ, Владимиръ Сергѣевичъ, извѣстный философъ, СХХХ, декабрь, 1032—1034.

Соловьевъ, Михаилъ Петровичъ, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХVIII, июль, 918; СХХХ, декабрь, 1024, 1037, 1069, 1072.

Соловьевъ, Сергій Петровичъ, артистъ, СХХVIII, май, 488—489.

Соломо, Аванасій Даниловичъ, генералъ-лейтенантъ.—*О немъ въ статьѣ М. Мариной:* «Петергофская дача № 2», СХХIX, августъ, 645—658.

Сольскій, Дмитрій Мартыновичъ, графинъ, предсѣдатель совѣта министровъ, СХХХ, ноябрь, 768—769.

Сомоновъ, А. П., подполковникъ, авторъ памятника М. Д. Скобелеву, СХХIX, августъ, 769—770.

Соневицкій, П. П. *Рецензія М—о о книгѣ ея:* «Холмщина. Очерки пропалаго. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 836.

Сорнинъ, Юсифъ Николаевичъ, СХХХ, октябрь, 127—129.

Софья Александровна, царевна, СХХVII, январь, 324.

Спасовичъ, Владимиръ Даниловичъ, юристъ-аввокатъ и публицистъ, СХХVIII, апрѣль, 209—210.

Спаарій, Николай, Г. *Рецензія Н. П. К. объ его* «Описаніи первыя части вселенныя именуемой Азии, въ ней же состоитъ Китайское государство съ прочими городами и провинціями. Церковно-славянскій текстъ по рукописи, принадлежащей О. Т. Васильеву; съ біографіей Н. Г. Спаарія, написанной А. П. Яцимирскимъ, съ описаніемъ рукописи, сдѣланномъ А. А. Александровымъ и съ предисловіемъ и указателемъ Н. О. Катанова и съ 4 таблицами. Казань. 1912», СХХIX, сентябрь, 1075—1078.

Сполатбогъ, Николай Николаевичъ, поручикъ, СХХХ, декабрь, 939—978 (въ «Запискахъ» Е. К. Андреевскаго).

Ставровскій, Алексѣй Андреевичъ, протоіерей.—*Замѣтка:* «Юбилей протоіеря А. А. Ставровскаго», СХХХ, октябрь, 430—440.

Стадольскій, Александръ Андреевичъ, судебный дѣятель, сенаторъ, СХХVIII, апрѣль, 207.

Станкевичъ, Александръ Владимировичъ, писатель, братъ пзвѣстнаго Н. В. Станкевича. *Некрологъ его:* СХХIX, сентябрь, 1125—1128.

Станюковичъ, К. М., писатель, участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 675. 677.

Старковы:

— Алексѣй Петровичъ, редакторъ-издатель «Одесскихъ Новостей», СХХVII, мартъ, 867—871 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); СХХVIII, апрѣль, 144—145, 150; СХХХ, ноябрь, 624—626.

— Василій Петровичъ, братъ предыдущаго, помощникъ одесскаго градоначальника, СХХVII, мартъ, 860, 867, (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); СХХVIII апрѣль, 145; СХХХ, ноябрь, 626.

Стасюлевичъ, Михаилъ Матвѣевичъ, почетный гражданинъ Петербурга, СХХVII, январь, 414 (по поводу «увѣковѣченія» его памяти городекой думой); СХХVIII, июль, 864—866, 868.—*О немъ книга:* «М. М. Стасюлевичъ и его современники

въ ихъ перепишкѣ. Подъ редакціей М. К. Лемке. Томы I—II. Спб. 1912», рецензировавшая Н. СХХІХ сентябрь, 1091—1093.

Степанова, Наталья Ивановна, драматическая актриса, СХХХ, ноябрь, 721.

Степановъ, Н. В., СХХVІІІ, май, 639 (по поводу его докладовъ о новомъ стилѣ—грегоріанскомъ календарѣ).

Степановъ, Н. Г., артистъ, СХХVІІІ, май, 492—494.

Степановъ, Павелъ Ивановичъ, педагогъ. *Некрологъ его*: СХХVІІ, мартъ, 1149—1150.

Столыпинъ, Аркадій Дмитріевичъ, генераль-лейтенантъ, СХХХ, декабрь, 944.

Столыпинъ, Петръ Аркадьевичъ, премьеръ-министръ, СХХVІІІ, май, 397—398; СХХІХ, июль, 320, 323—324.

Столѣтвы:

— Александръ Григорьевичъ, профессоръ, СХХХ, октябрь, 40.

— Дмитрій Григорьевичъ, окончившій Михайловскую артиллерійскую академію, СХХХ, октябрь, 39—41.

— Николай Григорьевичъ, генераль-отъ-инфантеріи, СХХХ, октябрь, 38—82 (въ воспоминаніяхъ Е. К. Андреевскаго); декабрь, 945—946

Страховъ, Николай Николаевичъ, философъ, СХХХ, декабрь, 1038, 1042—1047.

Стрепетова, Полина Антиповна, артистка, СХХVІІІ, май, 483; СХХІХ, июль, 125—127, 132.

Строгановъ, А. Г., графъ, генераль-лейтенантъ, СХХVІІ, февраль, 498—499.

Струве, Василий Бернардовичъ, директоръ Константиновскаго межевого института. *Некрологъ его*: СХХVІІ, мартъ, 1150.

Струве, Оттонъ Андреевичъ, инженеръ путей сообщенія, редакторъ журнала «Желѣзнодорожное дѣло». *Некрологъ его*: СХХІХ, сентябрь, 1128.

Струновъ, Дмитрій Петровичъ, полковникъ, СХХVІІ, февраль, 666 (по поводу его доклада о музеяхъ).

Стрѣльцова, Т. И., артистка, СХХІХ, июль, 134.

Стрѣльская, Варвара Васильевна, артистка, СХХVІІІ, май, 707—708 (по поводу ея пятидесятилѣтняго юбилея служенія театру).

Стурдза, А. С., извѣстный дѣятель эпохи Александра I, СХХІХ, июль, 158—159.

Стэдъ, Вильямъ, англійскій писатель, СХХІХ, августъ, 767—768.

Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ.—*О немъ некрологъ С. Н. Шубинскаго*: «Памяти А. С. Суворина», СХХІХ, сентябрь. 1—2.—*О немъ биографическій очеркъ Б. В. Глин-*

скаго: «Алексѣй Сергѣевичъ Суворинъ», СХХІХ сентябрь, 3—60.—*О немъ въ статьѣ В. М. Грибоускаго*: «Нѣсколько встрѣчъ съ А. С. Сувориннымъ. (По личнымъ воспоминаніямъ)», СХХХ, октябрь, 181—190.

Судейкинъ, Георгій Порфирьевичъ, жандармскій офицеръ, СХХVІІ, февраль, 669—670.

Суетовъ, Ѳ. *Рецензія о книгѣ его проф. М. Красножена*: «О Высочайше утвержденномъ при св. синодѣ особомъ присутствіи для разработки вопросовъ, подлежащихъ разсмотрѣнію всероссійскаго собора. Юрьевъ. 1911», СХХVІІ, январь, 361—362.

Сулима-Дмитріева, Марія Георгіевна, писательница. *Некрологъ ея*: СХХVІІІ, апрѣль, 350—351.

Сундукьянцъ, Габріель, армянскій драматургъ. *Некрологъ его*: СХХVІІІ, май, 726—727.

Суперанскій, М. Ѳ. *Статья его*: «И. А. Гончаровъ за границей», СХХVІІІ, июнь, 848—868.—*Рецензія А. М—скаго о книгѣ его*: «Каталогъ выставки въ память И. А. Гончарова въ Симбирскѣ 6—15 июня 1912 года», СХХІХ, июль, 361—362.

Сусоровъ, Алексѣй Алексѣевичъ, комикъ, СХХVІІІ, июнь, 891.

Сухово-Кобылинъ, Александръ Васильевичъ, драматургъ.—*О немъ въ статьѣ П. А.*: «Семинаристъ у А. В. Сухово-Кобылина. (Изъ воспоминаній)», СХХХ, декабрь, 1123—1128.

Сыртлановъ, Али-Оскаръ-шахъ-Айдаровичъ, членъ государственной думы. *Некрологъ его*: СХХІХ, сентябрь, 1128—1129.

Сычевскій, С. И., писатель, СХХХ, ноябрь, 631—632.

Сѣверцевъ-Полиловъ, Георгій Тихоновичъ, писатель. *Статьи его*: 1) «На сплавѣ», СХХVІІІ, май, 405—436. 2) «Въ новомъ Аѳонѣ. Изъ мопухъ скитаній», СХХХ, декабрь, 1207—1241.—*Рецензія Г. о книгѣ его*: «Въ погонѣ за славой и золотомъ. Спб. 1912», СХХVІІ, февраль, 753—754.—*О немъ въ статьѣ Б. В. Глинскаго*: «Литературные юбилеи. (А. А. Коринфскаго, А. А. Плещеева и Г. Т. Сѣверцева-Полилова)», СХХVІІ, январь, 339—357.

Сюарз, Андрѣ, французскій писатель, СХХІХ, июль, 367 (его мнѣніе о Ѳ. М. Достоевскомъ).

Т

Таганцевъ, Николай Степановичъ, профессоръ, членъ государственнаго совѣта, СХХІХ, августъ, 453—455.

- Танковъ, А. А.** *Рецензія его: «Курскій сборникъ. Изданіе курскаго губернскаго статистическаго комитета. Подъ редакціей секретаря комитета Н. Н. Златоверховникова. Выпускъ VII. Курскъ. 1912.»* Краткій историческій очеркъ Курскаго края. Составилъ Н. Н. Златоверховниковъ. Курскъ. 1912», СХХХ. ноябрь. 833—834.—*Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Историческій очеркъ курской маринской женской гимназій. 1861—1911 гг. Курскъ. 1911», СХХVIII, апрѣль, 285.*
- Такагира, баронъ, японскій уполномоченный на Портсмутской конференціи.** СХХIX, сентябрь, 999—1000.
- Таранецъ, А. Я.** *Статья его: «На Байкалѣ», СХХVII, мартъ, 1034—1033.*
- Тарапыгинъ, Ѳ. А.** *Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Храбрымъ безмертвѣ. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи для чтенія воспитанниками кадетскихъ корпусовъ, нижшими чинами арміи и флота и молодыми людьми, поступающими въ команды юныхъ развѣдчиковъ, а равно и для чтенія въ народныхъ школахъ. Ч. I. Редакція ген.-маіора Пруссака. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 751—752.—Рецензія В. Р.—ва о книгѣ его: «Матушка Русь. Хрестоматія. I-я часть. Для учениковъ приготовительнаго и двухъ младшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Редакція О. А. Витберга. 2-е изданіе. Спб. 1911», СХХVII, февраль, 757.—Рецензія Л. Н. о книгѣ его: «Храбрымъ безмертвѣ. Военная хрестоматія. Сборникъ статей и очерковъ изъ военнаго быта и исторіи. Ч. II и III. Подъ редакціей генералъ-маіора Пруссака. Спб. 1912», СХХVIII, май, 635—636.*
- Тарасовъ, Иванъ Трофимовичъ, профессоръ,** СХХVIII, апрѣль, 338—340 (по поводу сорокалѣтія его научной дѣятельности).
- Тарновскій, Анатолій Константиновичъ, старшій инспекторъ книгопечатанія и книжной торговли.** *Некрологъ его:* СХХХ, декабрь, 1307—1308.
- Тарновскій, Константинъ Августовичъ, драматическій писатель,** СХХVIII, июнь, 880—881.
- Татариновъ, В. А., государственный контролеръ,** СХХIX, августъ, 661; СХХХ, ноябрь, 768.
- Татищевъ, Александръ Александровичъ, членъ государственнаго совѣта,** СХХVIII, май, 576—580.
- Татищевъ, Василій Никитичъ, извѣстный государственный дѣятель и историкъ,** СХХIX, июль, 340—341.
- Тевяшевъ, В. Н., СХХVII, февраль, 785—786** (по поводу его археологическихъ находокъ).
- Тернеръ, Самуэль, англійскій писатель,** СХХVII, февраль, 644—646 (по поводу его книги о Сибирѣ).
- Тернеръ, Ѳедоръ Густавовичъ, членъ государственнаго совѣта,** СХХVII, январь, 50—51.
- Терно-Компанъ, СХХIX, августъ, 748—751** (по поводу его статьи о битвѣ при Шевардинѣ въ 1812 г.).
- Терновскій, Сергій Николаевичъ, протоіерей,** СХХХ, декабрь, 1059.
- Тилингъ, Густавъ Фердинандовичъ, профессоръ хирургіи, директоръ клиническаго института великой княгини Елены Павловны.** *Некрологъ его:* СХХХ, декабрь, 1307.
- Тимирязевъ, Василій Аркадьевичъ.** *Некрологъ его, сообщенный В. Глинскимъ:* СХХIX, сентябрь, 1129—1130.
- Титовъ, Андрей Александровичъ.—О немъ брошюра В. Е. Рудакова: «Андрей Александровичъ Титовъ. Памятка о немъ. Спб. 1911», рецензировавшая Г., СХХVIII, апрѣль, 279.—О немъ брошюра: «Андрей Александровичъ Титовъ. М. 1912», рецензировавшая А. В., СХХVIII, май, 644.—Упоминается: СХХIX, июль, 345.**
- Тихомировы:**
- Иванъ Александровичъ (въ монашествѣ Арсеній), СХХVIII, май, 515—538
- Михаилъ Александровичъ, священникъ, СХХVIII, май, 516—522, 526—527.
- Тихоплесець, М. А. (Логиновъ), писатель-народникъ.** *Некрологъ его:* СХХХ, ноябрь, 893.
- Тиандеръ, К.** *Рецензія П. А.—ва о книгѣ его: «Датско-русскія изслѣдованія. Выпускъ первый. Спб. 1912», СХХIX, июль, 351—354.*
- Ткачевъ, П. Н., редакторъ «Набата»,** СХХVII, февраль, 678.
- Ткачукъ, Вит. Зах.** *Рецензія его:* 1) «Школа и жизнь»—ежедневная общественно-политическая газета съ еженѣльными приложениями. (Спб. 1911», СХХVII, январь, 375—377. 2) «Д. К. Лаврентьевъ. Хрестоматія по законовѣднію. Книга для учащихся и самообразованія, примѣнительно къ «Законовѣднію» того же автора. (Спб. 1912», СХХVII, январь, 380—381. 3) «П. А. Прокошевъ, профессоръ. Религіозный кризисъ на западѣ Европы (Модернизмъ), 1911», СХХIX, июль, 357—358. 4) «Переселеніе и землеустройство на Ураломъ въ 1906—1910 г. и отчетъ по переселенію и землеустройству за 1910

годъ. Сиб. 1911». СХХХ. ноябрь, 852—854.

Толстая, Марья Николаевна, графиня, сестра Л. Н. Толстого. *Некрологъ ея*: СХХVIII, май, 727.

Толстой, Александръ Петровичъ, графъ оберъ-прокуроръ св. синода, СХХХ. ноябрь, 770.

Толстой, Алексѣй Константиновичъ, графъ, поэтъ.—*О немъ книга А. А. Кондратьева*: «Графъ А. К. Толстой. Материалы для исторіи жизни и творчества». Сиб. 1912», рецензированная В. Даниловымъ, СХХVIII, май, 654—653; СХХVIII, июнь, 856—857, 860, 865.

Толстой, Дмитрій Андреевичъ, графъ, министр народнаго просвѣщенія, а потомъ министр внутреннихъ дѣлъ. СХХVII, январь, 62—63; февраль, 682, 687—690; СХХVIII, апрѣль, 219—225, 230—239; май, 564—567, 570—588; СХХIX, июль, 275, 281, 288, 295; СХХХ, ноябрь, 767, 786, 792—796, 807; декабрь, 1016—1018, 1020, 1022, 1065—1066, 1183, 1185.

Толстой, Левъ Николаевичъ, графъ, великій русскій писатель, СХХVII, январь, 59—60 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); 263—266.—*О немъ отзывъ итальянскаго писателя Джузеппино Ферри*, СХХVII, мартъ, 1112—1115; СХХVIII, июнь, 921—922 (по поводу брошюры Г. Наканидзе объ его болѣзни и смерти); СХХIX, июнь, 369—370 (по поводу его письма къ Бернарду Шоу).—*О немъ въ книгѣ*: «Толстовскій музей. Томъ I. Переписка Л. Н. Толстого съ граф. А. А. Толстой. 1857—1903. Изданіе общества Толстовскаго музея. Сиб. 1911», рецензированной Л. СХХIX, сентябрь, 1093—1095.—*О немъ въ книгѣ Н. Н. Гусева*: «Два года съ Л. Н. Толстымъ. М. 1912», рецензированной А. М. Печасовой, СХХХ, декабрь, 1264—1266.—*О немъ отзывъ Джорджаса Кальдерона*, СХХХ, декабрь, 1288—1289.

Толшемскій, Х. *Статья его*: «Анекдотическій архіепископъ. (Изъ недавняго прошлаго)». СХХХ, ноябрь, 676—709.

Толь, С. Дм., графиня (урожд. гр. Толстая). *Рецензія Тиръ Соколовской о брошюрѣ ея*: «Ночные братья. Опытъ историческаго изслѣдованія масонства въ Германіи». Сиб. 1911», СХХVII, февраль, 744—746.

Томиный, Н. А. *Статья его*: «Русскій Крейцнахъ и Донецкая Ривьера. (Славянскія литературная воды и Святогорскій монастырь)». СХХVIII, май, 596—626.

Тотлебенъ, Эдуардъ Ивановичъ, генералъ-адъютантъ, известный инженеръ-генералъ, СХХХ. ноябрь, 497.

Тѣловъ, Оедоръ Оедоровичъ, полербургскій градоначальникъ, СХХVIII, май, 441.

Трескинскій, А. Г., инженеръ, СХХVIII, июль, 994—999; СХХIX, июль, 310—313, 318.

Трифонъ (1523—1583), преподобный, лопарскій апостолъ, закрѣпившій Кольскій полуостровъ за Россією, СХХХ, декабрь, 1196, 1200.

Тройницкій, А. Г., СХХVIII, июнь, 857—860, 863.

Тройницкій, С. П. *Рецензія С. В. Л. объ изданномъ имъ*: «Гербовникъ Аннема Титовича Князева 1875 года. Сиб. 1912», СХХХ, декабрь, 1251—1253.

Троцкій, В. В. *Рецензія его*: «Вл. Череванскій. Творчество русской силы. Историческая монографія. Части I—II. Сиб. 1912», СХХХ, октябрь, 386—388.

Троцкій, Виталий Николаевичъ, генералъ-губернаторъ, генералъ-адъютантъ. СХХХ, октябрь, 48; ноябрь, 501, 509—510.

Троцанскій, В. Ф. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Наброски о якутахъ Якутской области. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Э. К. Пекарекаго. Казань. 1912». СХХIX, сентябрь, 1079—1081.

Трубицынъ, Н. Н. *Рецензія В. Данилова о книгѣ его*: «О народной поэзіи въ общественномъ и литературномъ обиходѣ первой трети XIX вѣка. Сиб. 1912, СХХIX, августъ, 738—740.

Туганъ-Барановскій, М. И., экономистъ, СХХVII, февраль, 679 (по поводу его высылки).

Тумановъ, В. М., князь, редакторъ «Новаго Обзорнія». *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 727—729.

Туманскій, В. И., поэтъ пушкинской эпохи. *Его*: «Стихотворенія и письма. Редакція, біографическій очеркъ и примѣчанія С. Н. Бралловскаго. Изданіе А. С. Суворина. Сиб. 1912», реценз. П., СХХIX, июль, 350.

Турау, Евгеній Оедоровичъ, сенаторъ и членъ государственнаго совѣта, СХХVIII, апрѣль, 215.

Тургеневъ, Иванъ Петровичъ, симбирскій помѣщикъ, масонъ, СХХIX, июль, 167.

Тургеневъ, Иванъ Сергѣевичъ, известный писатель, СХХVI, январь, 118—122, 135.—*О немъ въ очеркѣ* А. А. Думина: «Дѣло о буйствѣ» И. С. Тургенева», СХХVII, февраль, 629—631; 767—769; СХХVIII, июль, 850, 863—864; СХХIX, августъ, 703—704.—*Замѣтки*: «Покупка бывшаго имѣнія И. С. Тургенева», СХХIX, августъ, 775—776; СХХХ, де-

кабрь, 1024—1030 (объ его отношеніяхъ къ Віардо); 1051—1053.

Тургеневъ, Петръ Николаевичъ, скульпторъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, апрѣль, 351.

Туринскій, М. *Статья его*: «Газеты въ провинціи. (Воспоминанія и наблюденія)», СХХVIII, апрѣль, 151—176.

Турскій, М. К., профессоръ, ученый дѣловѣдъ.—*Замѣтка*: «Открытие памятника профессору М. К. Турскому», СХХIX, сентябрь, 1118—1119.

Турханъ - паши, турецкій посоль. СХХIX, июль, 98, 106—107, 110.

Турцевичъ, Юсифъ Антоновичъ, инженеръ путей сообщенія. *Некрологъ его*: СХХVII, февраль, 812.

Тюменевъ, Д. Г. *Рецензія В. Д. о редактированной имъ*: «Памятной книжкѣ Воронежской губерніи на 1912 годъ. Воронежъ. 1912», СХХVIII, май, 648.

Тютчевъ, Оедоръ Ивановичъ, поэтъ, СХХVII, январь, 60—61 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова).—*Рецензія Сергѣя фонъ-Штейна объ его* «Полномъ собраніи сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, бібліографическимъ указателемъ, примѣчаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Редакція изданія П. В. Быкова. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. Спб. 1912», СХХХ, ноябрь, 847—849.

У

Уварова, Парасковія Сергѣевна, графиня, предѣдатель Московскаго археологическаго общества, СХХVII, февраль, 663—666.—*Рецензія В. Рудакова о редактированныхъ ею трехъ томахъ*: «Трудовъ четырнадцатаго археологическаго съѣзда въ Черниговѣ 1908 года», СХХVIII, май, 627—630.

Уваровъ, Алексѣй Сергѣевичъ, графъ, извѣстный археологъ, СХХХ, ноябрь, 758.

Ульянинскій, Д. В., СХХVIII, май, 656 (по поводу его бібліотеки и описанія поствѣдней).

Ульяновъ, студентъ, революціонеръ, СХХVII, февраль, 679—680.

Ульяновъ, Григорій Константиновичъ, бывшій товарищъ министра народнаго просвѣщенія, сенаторъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 729—730.

Уманецъ-Райская, Прайда П., артистка, СХХIX, июль, 134.

Умановъ-Наплуновскій, Владимиръ Васильевичъ. *Статья его*: «Двуногіи здѣрь. (Изъ человѣческихъ документовъ)»,

СХХIX, августъ, 415—504; сентябрь, 825—857; СХХХ, октябрь, 150—166; ноябрь, 636—666; декабрь, 1079—1099.

Уоллесъ, Дональдъ Мекэнзи, англійскій журналистъ, СХХIX, сентябрь, 992—993.

Усовъ, П. С., журналистъ, СХХХ, октябрь, 132—133.

Ф

Фавръ, Жюль, знаменитый республиканецъ-адвокатъ, СХХХ, ноябрь, 535.

Фадѣвы:

— А. М., саратовскій губернаторъ, СХХIX, августъ, 683.

— Р. А., писатель, публицистъ, СХХIX, августъ, 683.

Файфъ, герцогъ (Александръ-Вильямъ-Джорджъ Дуффъ, маркизь Макдуфъ), зять короля Георга V, СХХIX, июль, 372—574 (по поводу его смерти).

Фальборнъ, Генрихъ Адольфовичъ, СХХVII, январь, 375.

Фаньяни, графъ, итальянскій государственный дѣятель, СХХVII, февраль, 770—771 (по поводу его шлема о войнѣ 1812 года).

Фаресовъ, Анатолій Ивановичъ, писатель. *Рецензіи его*: 1) «А. А. Исаевъ. Чѣмъ объяснить вздоржаніе жизни? Какъ бороться съ нимъ? Спб. 1912», СХХVII, январь, 382—383. 2) «Воспоминанія И. И. Янжула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 годахъ. Два выпуска», СХХVII, февраль, 759—760. 3) «Собраніе сочиненій С. П. Кривенко. Съ портретомъ. 2 тома. Спб. 1911», СХХVII, мартъ, 1097—1102. 4) «Школа Левицкой. Спб. 1912», СХХVIII, апрѣль, 303—305. 5) «Н. Б. Хвостовъ. Огни и отраженія. Спб. 1912», СХХVIII, май, 660. 6) «А. Луговой. Стихи. Спб. 1912», СХХIX, июль, 356—357. 7) «Собраніе сочиненій въ стихахъ Елизаветы Шаховой. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 741—742. 8) «В. Ф. Тропанскій. Наброски о якутахъ Якутской области. Подъ редакціей и съ примѣчаніями Эд. К. Пекарскаго. Казань. 1912.—Эд. Пекарскій и Вл. Цвѣтковъ. Иртіянскіе тулусы. Спб. 1912», СХХIX, сентябрь, 1079—1082. 9) «Ив. Абрамовъ. Что говорятъ забытыя могилы. Спб. 1912», СХХХ, декабрь, 1246—1247.

Фарфаровскій, С. *Его замѣтка*: «Покупшеніе на Наполеона передъ войной 1812 года», СХХIX, сентябрь, 1135—1136.

Фачелли, итальянскій профессоръ, цензоръ, СХХХ, ноябрь, 867—868.

Федосѣевъ, Л. А. *Статья его*: «Гусевской бунтъ». (Воспоминанія изъ недалекаго прошлаго), СХХVIII, апрѣль, 184—192.

Фези-бей-Франко-Нуссо, турецкій консулъ въ Одессѣ, СХХVIII, май, 393.

Ферреро, итальянскій историкъ, СХХVII, январь, 407.

Ферреро, жена предыдущаго и дочь извѣстнаго ученаго Ломброзо, СХХVIII, июнь, 1060 (по поводу ея письма).

Ферри, Джустино, итальянскій писатель, СХХVII, мартъ, 1112—1115 (по поводу его отзыва о Л. Н. Толстомъ).

Фетъ (Шеншинъ), Аванасій Аванасьевичъ, поэтъ, СХХVIII, июнь, 850—851, 864, 866; СХХХ, декабрь, 1041—1042.

Фигнеръ, Вѣра Николаевна, революціонерка, СХХVII, февраль, 669, 676.

Филаретъ, епископъ вятскій, СХХVII, январь, 373.

Филаретъ, митрополитъ московскій, СХХVIII, май, 528—530; СХХХ, декабрь, 1054—1057.

Филиповъ, А. А., издатель журнала «Наборщикъ и Печатный Миръ», СХХХ, декабрь, 1298—1299.

Филиповъ, Александръ Николаевичъ, профессоръ. *Рецензія М. К. о книгѣ его*: «Учебникъ исторіи русскаго права. Часть I. Изданіе 4-е. Юрьевъ. 1912». СХХХ, октябрь, 391.—*Рецензія А. В. о редактированномъ имъ*: «Сборникъ императорскаго русскаго историческаго общества. Томъ 138. Юрьевъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1256—1257.

Филиповъ, Тергій Ивановичъ, государственный контролеръ.—*О немъ статья С. С. Русева*: «Т. И. Филиповъ на ревизіи. (Воспоминанія чиновника)», СХХVII, январь, 142—155.—*О немъ статья В. Г.* «Т. И. Филиповъ у себя дома. (Разсказъ бывшаго контрольнаго чиновника)», СХХVIII, апрѣль, 123—131.—*Упоминается*: СХХХ, октябрь, 318—320; ноябрь, 767—782, 807.

Философова, Анна Павловна, общественная дѣятельница. *Некрологъ ея*: СХХVIII, май, 730—732.

Философовы:

— Александръ Александровичъ, олопецкій губернаторъ, СХХVII, январь, 44.

— Михаилъ Алекс., братъ предыдущаго, СХХVII, январь, 44—45.

Фино, Жанъ, СХХVII, февраль, 771—775 (по поводу его труда о красотѣ новой женщины).

Фитингофъ, В. А., баронъ, композиторъ-любитель, СХХХ, декабрь, 1034—1035.

Францишкевичъ-Яновскій, П. Н. *Рецензія В. Р.—ва о составленной имъ*: «Памятной книгѣ Олопецкой губерніи на 1912 годъ. Петрозаводекъ. 1912». СХХIX, августъ, 732.

Фредерихъ VIII, король датскій, СХХIX, июль, 374—376 (по поводу его смерти).

Фридрихъ-Вильгельмъ III, король прусскій, СХХVII, январь, 330.

Фрина, СХХVIII, апрѣль, 306.

Фроловъ, А. П., сотникъ, СХХIX, сентябрь, 1012, 1015, 1022 (по поводу его брошюры о генералъ-майорѣ Слѣпцовѣ).

Фрумкинъ, В. М., СХХIX, июнь, 230 (по поводу его статьи: «Зубатовщина и еврейское рабочее движеніе»).

Фуадъ-паша, турецкій чрезвычайный посолъ, СХХIX, июль, 98—105 (въ воспоминаніяхъ В. В. Бертенсона).

Фуксъ, Викторъ Яковлевичъ, СХХVIII, июнь, 859, 864.

X

Хаевскій, Петръ Васильевичъ, помѣщикъ, СХХVII, январь, 108—110 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой).

Халатьянцъ, Григорій Абрамовичъ, профессоръ Лазаревскаго института восточныхъ языковъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, апрѣль, 351—532.—*Рецензія А. Х. о лекціяхъ его*: «Очеркъ исторіи Арменіи въ связи съ общимъ ходомъ событій въ средней Азіи. Періодъ I. Древняя исторія. М. 1910», СХХVIII, июнь, 1028—1029.

Хахановъ, А. С., профъ. *Рецензіи его*: 1) «Сборникъ матеріаловъ для описанія мѣстностей и племенъ Кавказа. Выпускъ ХLI. Тифлисъ. 1911», СХХVIII, апрѣль, 274—275.—2) «Орестъ Семинъ. Великая годовщина. Аграрный вопросъ и крестьянская реформа на Кавказѣ. Историческій очеркъ. Кіевъ. 1911», СХХVIII, апрѣль, 279—280. 3) «Къ реформѣ юліанскаго календаря. Три доклада Н. В. Степанова въ подкомиссіи по введенію въ Россіи новаго стиля при Академіи наукъ. Спб. 1911», СХХVIII, май, 639.—*Некрологъ его*: СХХIX, сентябрь, 1131.

Хвостовъ, Н. Б. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Огни и отраженія. Спб. 1912», СХХVIII, май, 660.

Хованскій, А. А., педагогъ и издатель «Филологическихъ Записокъ», СХХIX, сентябрь, 12.

Хованскій, Н. Ф. *Рецензія Д. М. о книгѣ его*: «Участіе Саратовской губерніи въ Отечественнѣй войнѣ 1812 года. Съ

22 рисунками. Изданіе Саратовской учебной архивной комиссіи. Саратовъ. 1912», СХХХ, октябрь, 382—385.

Хоминскій, Станиславъ Ѡаддеевичъ, генераль-майоръ, вологодскій губернаторъ, СХХІХ, сентябрь, 1133.

Хомяковъ, Алексѣй Степановичъ, славнофилъ, поэтъ.—*О немъ трудъ Николая Бердяева: «Алексѣй Степановичъ Хомяковъ. М. 1912»*, рецензированный Андреемъ Сиротининымъ, СХХVІІ, мартъ, 1103—1105.

Хомяковъ, М. М. *Рецензія Н. Юркина о книгѣ его: «О краниологическомъ типѣ чепецкихъ вотяковъ въ связи съ общимъ развитіемъ восточной народности. Казань. 1911»*, СХХVІІ, январь, 372—373.

Хреповичъ-Бутеневъ, К. А., графъ. *Рецензія В. Мустофина о брошюрѣ его: «Замѣтка о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1812 году въ мѣстности Новогрудскаго и Опшянскаго уѣздовъ. Спб. 1912»*, СХХХ, ноябрь, 838—839.

Христіановичъ, П. Ф., судебный дѣятель, СХХІХ, іюль, 51 (въ воспоминаніяхъ В. А. Волжина).

Хрущевъ, Константинъ Дмитріевичъ, профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его: СХХVІІІ, май, 732.*

Худяковъ, Иванъ Александровичъ. *О немъ въ брошюрѣ А—ва: «Славный сибирякъ И. А. Худяковъ. (Библиотека сибирскихъ писателей и общественныхъ дѣятелей. № 1). Спб. 1911»*, СХХVІІІ, іюнь, 1031.

Ц

Цвѣтаевъ, Дмитрій Владимировичъ, проф., управляющій главнымъ архивомъ министерства юстиціи.—*Его статья: «Григорій Григорьевичъ Даниловичъ»*, СХХVІІІ, май, 589—595.

Цвѣтаевъ, Иванъ Владимировичъ, профессоръ.—*О немъ статья князя Б. А. Щетинина: «Новая достопримѣчательность Москвы. (Къ открытію музея императора Александра ІІІ)»*, СХХVІІІ, іюнь, 942—946.

Цвѣтковъ, Вл. *Рецензія А. Фаресова о составленной имъ совместно съ Эд. Пеккарскимъ книгѣ: «Пріяньскіе тунгусы. Спб. 1912»*, СХХІХ, сентябрь, 1079—1082.

Цез, Василій Андреевичъ, председатель С.-Петербургскаго цензурнаго комитета, потомъ сенаторъ, СХХІХ, сентябрь, 18—19 (въ воспоминаніяхъ А. С. Суворина).

Цилинская, О. А. *Рецензія Пант. о переведенной ею книгѣ аббата Геттэ: «Исторія іезуитскаго ордена. Томъ I.*

Книга 1—3. М. 1912», СХХІХ, сентябрь, 1089—1090.

Цюнь, Илья Ѡаддеевичъ, б. профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его: СХХХ, декабрь, 1308.*

Ч

Чайковскій, Петръ Ильичъ, извѣстный композиторъ, СХХVІІ, февраль, 536—540 (въ воспоминаніяхъ А. И. Соколовой); СХХVІІІ, іюнь, 802—814 (въ воспоминаніяхъ В. Б. Бергенса).

Чаленко, Савва.—*О немъ статья В. А. Алексеева: «Конфедератъ Савва Чаленко. 1748—1771 г. (Историческій очеркъ)»*, СХХVІІІ, іюнь, 933—941.

Чаллинь, Николай Дмитріевичъ, сенаторъ, СХХІХ, августъ, 466.

Чарская, М. А., артистка, СХХІХ, іюль, 128—129.

Чарскій, Владиміръ Васильевичъ, артистъ, супругъ предыдущей, СХХІХ, іюль, 128—129.

Чаушанскій, Михаилъ Васильевичъ, судебный дѣятель. *Некрологъ его: СХХVІІІ, іюнь, 1084—1085.*

Чебышевъ, А. А., СХХVІІІ, май, 650—651 (по поводу изданныхъ имъ писемъ И. А. Катенина къ Н. И. Бахтину).

Череванскій, Вл. *Рецензія В. Троцкого о книгѣ его: «Творчество русской силы. Историческая монографія. Части I—II. Спб. 1912»*, СХХХ, октябрь, 386—388.

Чернецкій, Францискъ, ссыльный, участникъ томскаго заговора, СХХІХ, августъ, 626—627, 630, 641—643.

Чернова, А. Н. *Рецензія Пант. о переведенной ею книгѣ: «Гольдцингеръ, проф. въ Будапештѣ. Лекціи объ исламѣ. Приложена статья Г. Вамбери «Культурное движеніе среди русскихъ татаръ»*. Изданіе «Брокгаузъ-Ефронъ. Спб. 1912», СХХІХ, іюль, 347—348.

Черновъ, Василій Егоровичъ, профессоръ и общественный дѣятель. *Некрологъ его: СХХХ, октябрь, 444—445.*

Чернышевъ, Александръ Ивановичъ, адъютантъ императора Александра I.—*Замѣтка: «Чернышевъ и Наполеонъ»*, СХХХ, декабрь, 1276—1284.

Черняевъ, Михаилъ Григорьевичъ, извѣстный генераль, СХХVІІ, январь, 409—410; СХХХ, октябрь, 47.

Чеховъ, Антонъ Павловичъ, извѣстный писатель, СХХVІІ, январь, 227—229, 250, 258—259.—*Замѣтка: «Чеховская комната»*, СХХVІІІ, іюнь, 1070—1071. — *Замѣтка: «Чеховскій уголокъ»*, СХХХ, ноябрь, 883.

Чешихинъ, Вас. Е. (Ч. Вѣтрискій). *Рецензія П. Г.—ча о трудъ его:* «Н. А. Некрасовъ въ воспоминаніяхъ современниковъ, письмахъ и несобранныхъ произведеніяхъ. М. 1911», СХХVII, мартъ, 1096—1097.

Чижовъ, С. *Рецензія Д. М. о брошюрѣ его:* «Медали въ память столѣтія Отечественной войны. (Критическая замѣтка). М. 1912», СХХХ, октябрь, 382—386.

Чириковъ, Андрей Дмитриевичъ, профессоръ Харьковскаго университета. *Некрологъ его:* СХХIX; июль, 399—400.

Читау-Огарева, Александра Матвѣевна, артистка. *Некрологъ ея:* СХХVIII, май, 732—733.

Чичеринъ, Борисъ Николаевичъ, извѣстный ученый, СХХVII, февраль, 686.

Чудновскій, Соломонъ Лазаревичъ, идеальность-народникъ. *Некрологъ его:* СХХХ, октябрь, 445.

Чулицкій, Михаилъ Флоровичъ. *Статья его:* «Изъ воспоминаній о поэтѣ-сатирикѣ П. В. Пумухерѣ», СХХХ, ноябрь, 710—717,

III

Шавельскій, Г. I., протопресвитеръ. *Рецензія А. З. Е. о книгѣ его:* «Военное духовенство въ борьбѣ съ Наполеономъ. Спб. 1912», СХХVIII, май, 634—635.

Шайжинъ, Н. С., СХХIX, августъ, 732.

Шакиръ-паша, турецкій посоль. СХХIX, июль, 98—99, 106.

Шамшинъ, Иванъ Ивановичъ, членъ государственнаго совѣта. *Некрологъ его:* СХХVII, февраль, 812—813.—*Упомянется:* СХХVIII, апрѣль, 207.

Шафрановъ, Петръ Александровичъ, изслѣдователь, СХХIX, октябрь, 1071.

Шахова, Елизавета Никитична, поэтесса. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ ея:* «Собраніе сочиненій въ стихахъ Елизаветы Шаховой. Спб. 1912», СХХIX, августъ, 741—742.

Шаховскіе, князья:

— Левъ Владимировичъ, СХХХ, декабрь, 1035.

— Николай Владимировичъ, СХХХ, декабрь, 1035—1038, 1057—1058.

— Сергѣй Владимировичъ, СХХХ, декабрь 1035—1036.

Шаховской, Д. И., князь, СХХIX, сентябрь, 1035, 1039—1040.

Шаховской, Михаилъ Львовичъ, князь, земскій дѣятель и писатель. *Некрологъ его:* СХХVIII, июнь, 1085—1086.

Шварцъ, Иванъ Георгіевичъ, профессоръ философіи въ московскомъ университетѣ, СХХIX, июль, 139—140, 147.

Шведовъ, Н. К., СХХХ, ноябрь, 815.

Швейковскій, П. А. *Рецензія Л. П. о книгѣ его:* «Судъ чести и дуэль въ войскахъ россійской арміи. Третье изданіе. Исправилъ и дополнилъ полковникъ Виняковъ. Спб. 1912», СХХVIII, июнь, 1019—1020.

Шебуевъ, Н. Г., публицистъ. СХХVIII, апрѣль, 116—118.

Шевляковъ, Мих. Викт. *Статья его:* «Гордость Крыма. (Разбойникъ Алимъ)» СХХVIII, май, 539—545.

Шелгуновъ, П. В., писатель, участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 673, 677.

Шелковниковъ, А. Б., археологъ. СХХIX, сентябрь, 1059, 1063, 1066.

Шершеневичъ, Г. Ф., профессоръ, извѣстный юристъ. *Некрологъ его:* СХХХ, октябрь, 445—446.

Шестовъ, А. И. *Рецензія Д. Бочкова о книгѣ его:* «Описание экскурсій учащихся виленайскаго учебнаго округа за 1910 годъ. Изданіе управленія виленайскаго учебнаго округа. Вильна. 1911». СХХVIII, июнь, 1033—1034.

Шидловскій, Сергѣй Владимировичъ, профессоръ военно-медицинской академіи. *Некрологъ его:* СХХVIII, июнь, 1086—1087.

Шилова, В. *Рецензія А. Б. о переведенной ею книгѣ:* «Альбертъ Вагдаль. Наполеонъ и Александръ I. Франко-русскій союзъ во время первой имперіи. Томъ II. Спб. 1911», СХХIX, августъ, 736.

Шиманскій Антонъ Антоновичъ, инженеръ-технологъ, СХХХ, декабрь, 1102. 1106—1108, 1113—1121.

Шимкевичъ, Владиміръ Михайловичъ, профессоръ, СХХVII, январь, 414—415 (по поводу тридцатилѣтія его научной дѣятельности).

Ширъ-Али, ханъ Афганистана, СХХХ, октябрь, 67—79; декабрь, 946.

Шишмаревъ, В. *Рецензія П. Б. о книгѣ его:* «Лирика и лирики поэзіяго средне-вѣковья. Парижъ. 1912», СХХХ, декабрь, 1269—1270.

Шмидтъ, Ганель. *Рецензія П. Майкова о книгѣ его:* «Виновики пожара Москвы въ 1812 году. Рига. 1912», СХХХ, декабрь, 1242—1244

Шнейдеръ, опереточная артистка, СХХVIII, апрѣль, 89—90.

Шоу, Бернардъ, СХХIX, июль, 369—370 (по поводу трехъ писемъ къ нему Л. Н. Толстого).

Штейнеръ, Рудольфъ, СХХVIII, апрѣль, 310, 312—318 (по поводу его труда объ Атлантидѣ).

Штейнъ, В. И. *Статья его:* «Неудачный опытъ. (Зубатовщина)». СХХIX, июль, 223—255.

Штейнъ (фонъ), Сергій. *Рецензія* его: «*О. И. Тютчевъ. Полное собраніе сочиненій. Съ критико-біографическимъ очеркомъ В. Я. Брюсова, біографическимъ указателемъ, примѣчаніями, вариантами, факсимиле и портретомъ. Изданіе 6-е, исправленное и дополненное. Редакція изданія Н. В. Быкова. Изданіе товарищества А. Ф. Маркса. Спб. 1912*», СХХХ, ноябрь, 847—849.

Штромбергъ, Александръ Павловичъ, баронъ, революціонеръ, СХХVII, февраль, 669, 676.

Шубертъ, Александра Ивановна, артистка, СХХVIII, июнь, 883; СХХIX, июль, 124, 126.

Шубинскій, Сергій Николаевичъ, СХХVII, мартъ, 1064—1064.—*Его*: «Памяти А. С. Суворина», СХХIX сентябрь, 1—2.—*Упоминается*: СХХIX, сентябрь, 36—40.

Шубинская, Екатерина Николаевна, СХХVII, мартъ, 1068 (ея шесмо на имя юбиляра Б. Б. Глинскаго).

Шуваловъ, Петръ Андреевичъ, графъ, шефъ жандармовъ, СХХХ, октябрь, 78—79; ноябрь, 523, 525—526.

Шульцъ, цензоръ, знатокъ многихъ иностранныхъ языковъ, СХХVII, январь, 60—61 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова).

Шулятиковъ, Владиміръ Михайловичъ, литераторъ. *Некрологъ его*: СХХVIII, май, 733—734.

Шумахеръ, Петръ Васильевичъ, поэтъ. *О немъ статья М. Ф. Чулицкаго*: «Изъ воспоминаній о поэтѣ-сатирикѣ П. В. Шумахерѣ», СХХХ, ноябрь, 710—717.

Шумскій, Сергій Васильевичъ, знаменитый артистъ, СХХVIII, июнь, 880, 884; СХХIX, июль, 130—131.

Шюке Артуръ, членъ парижскаго института, СХХХ, декабрь, 1276—1284 (по поводу его статьи въ «*La Revue*» объ А. И. Чернышевѣ).

Шюрманъ, извѣстный артистъ-импресарио, СХХVII, январь, 407—405 (біографическія о немъ свѣдѣнія).

Шюрэ, Эдуардъ, французскій археологъ, СХХVIII, апрѣль, 308—310 (по поводу его новаго труда объ Атлантидѣ).

Щ

Щегловитовъ, Иванъ Григорьевичъ, министръ юстиціи, СХХIX, августъ, 454—456.

Щербачевъ, Дмитрій Григорьевичъ, генералъ-лейтенантъ, СХХIX, августъ, 769.

Щербина, Николай Федоровичъ, поэтъ, СХХVII, январь, 236—238.

Щербина, Федоръ Андреевичъ, извѣстный статистикъ-этнографъ.—*О немъ въ статьѣ Бор. Городецкаго*: «Историкъ и изслѣдователь Кубанскаго края. (По поводу сорокалѣтія научно-литературной дѣятельности О. А. Щербина)», СХХVII, мартъ, 1025—1033.

Щербининъ, Михаилъ Павловичъ, предсѣдатель московскаго цензурнаго комитета, СХХVII, январь, 59.

Щетининъ, Б. А., князь. *Его статьи*: 1) «Новая достопримѣчательность Москвы. (Къ открытію музея императора Александра II)», СХХVIII, июнь, 942—946.—2) «Отрубленный палецъ. (Эпизодъ изъ эпохи Отечественной войны)», СХХIX, августъ, 569—581.—3) «Намяти В. С. Поницкаго», СХХХ, декабрь, 1160—1163.

Щукинъ, Петръ Ивановичъ, основатель извѣстнаго Щукинскаго музея въ Москвѣ и издатель цѣнныхъ историческихъ матеріаловъ. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 893—894.

Э

Эллиотъ, англійскій писатель, СХХVIII, апрѣль, 311—312.

Энгельгардтъ, А. П. архангельскій губернаторъ, СХХХ, декабрь, 1193—1194, 1197—1198, 1203, 1205.

Энгельгардтъ, Василій Павловичъ, СХХIX, сентябрь, 858—878.

Энгельгардтъ, Николай Александровичъ, писатель. *Его*: «Давніе эпизоды. Манускрипты композитора Глинки», СХХIX, сентябрь, 858—879.

Энгельманъ, И. Е., профессоръ, извѣстный цивилистъ. *Некрологъ его*: СХХХ, октябрь, 446—447.

Эренсвердъ, Густавъ, дипломатъ, СХХVIII, июнь, 1038, 1044.

Эренталь, Лекса, графъ, австрійскій премьеръ-министръ и бывшій австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, СХХIX, июль, 378—379 (по поводу его смерти).

Эртель, А. И., писатель, участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 673.

Эфронъ, С. К. (Литвинъ). *Его статья*: «Еврейская почта», СХХVII, январь, 187—223.

Ю

Ювачевъ, И. П., участникъ революціоннаго движенія, СХХVII, февраль, 669, 676.

Юдины:

— Алексій Ивановичъ, депутатъ въ Екатерининской комиссіи 1767 г., СХХIX, июль, 346.

— Гешадій Васильевичъ, красноярскій бібліофілъ, СХХІХ, іюль, 346.

— *Некрологъ его*: СХХVІІІ, маі, 734—735.

— П. Л. *Статья его*: «Памятники Н. П. Стѣпцову. (По случаю 60-лѣтія со дня его кончины)», СХХІХ, сентябрь, 1009—1025.

Южанова, Е. Н., революціонерка, сестра вѣстнаго писателя С. Н. Южакова, СХХVІІ, февраль, 671.

Юркинъ, Н. *Рецензія его*: «М. М. Хомяковъ. О краніологическомъ типѣ чеченскихъ вотяковъ въ связи съ общимъ развитіемъ восточной народности. Казань. 1910», СХХVІІ, январь, 372—373.

Юрьевъ, Сергій Андреевичъ, писатель, СХХVІІІ, іюнь, 882.

Я

Яблонскій, Петръ Осиповичъ, думскій дѣятель и типографъ. *Некрологъ его*: СХХХ, ноябрь, 894.

Якиммахъ, А. М. *Рецензія В. Р-ва о книжкѣ его*: «Одинъ изъ скромныхъ героевъ Отечественной войны и второй французской кампаніи. Кіевъ. 1912», СХХVІІІ, іюнь, 1031—1032.

Якиммахъ, Моисей Абрамовичъ, герой Отечественной войны, СХХVІІІ, іюнь, 1031—1032.

Яковлевъ, Алексѣй Кузьмичъ, врачъ, СХХVІІІ, маі, 604.

Яковлевъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, провинціальный актеръ, СХХХ, ноябрь, 724—725.

Яковлевъ, Степанъ Ивановичъ, артистъ. *Некрологъ его*: СХХІХ, іюль, 400.

Яковлевъ, С. П., СХХVІІ, мартъ, 907 (въ воспоминаніяхъ А. П. Соколовой).

Якубовичъ, П. Я. (онъ же М. Рамшевъ, П. Мельнинъ, Гриневичъ), революціонеръ, СХХVІІ, февраль, 668, 673.

Янунчиковъ, артистъ, СХХVІІІ, маі, 485.

Янунчиковъ, Б. М., археологъ, СХХVІІ, мартъ, 1058.

Яннуль, Ив. Ив., академикъ. *Рецензія А. Фаресова о книгѣ его*: «Воспоминанія И. И. Яннула о пережитомъ и видѣнномъ въ 1864—1909 гг. Два выпуска», СХХVІІ, февраль, 759—760.—*Упоминается*: СХХІХ, іюль, 236, 240—241.

Ясевичъ-Бородаевская, В. П. *Рецензія Л. П. о книгѣ ея*: «Борьба за вѣру. Историко-бытовые очерки и обзоръ законодательства по старообрядчеству и сектантству въ его послѣдовательномъ развитіи, съ приложеніемъ статей закона и высочайшихъ указовъ. Съ четырьмя фотографическими таблицами. Спб. 1912», СХХVІІІ, апрѣль, 288—290.

Ясинскій (Максимъ Ълинскій), Геронимъ Геронимовичъ, писатель. *Его*: «Въ лучахъ звѣзды пламенѣющей. (Историческая повѣсть)», СХХVІІ, январь, 66—97; февраль, 506—531.

Яцимирскій, Александръ Ивановичъ, СХХІХ, сентябрь, 1074, 1077.

Ѳ

Ѳ. М-въ, Статья его: «Шніопъ Наполеона въ ссылѣ», СХХІХ, августъ, 615—621.

Ѳеодоровъ, Веніаминъ Яковлевичъ, цензоръ, СХХVІІ, январь, 470.

Ѳеодоръ Кузьмичъ, извѣстный старецъ. *Замѣтка*: «Домикъ старца Ѳеодора Кузьмича», СХХІХ, августъ, 775; СХХХ, октябрь, 248.

Ѳедотова, Гликерія Николаевна, артистка, СХХVІІ, февраль, 796—798 (по поводу полувѣковаго юбилея ея артистической дѣятельности); СХХVІІІ, іюнь, 882, 891; СХХІХ, іюль, 119—120.

Ѳедотовъ, А. Ф. артистъ, СХХІХ, іюль, 118—119.

Ѳеоктистовъ, Евгенийъ Михайловичъ, писатель, начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати, СХХVІІ, февраль, 471, 495, 504—505 (въ воспоминаніяхъ А. Е. Егорова); мартъ, 862—865, 868.

УКАЗАТЕЛЬ

РИСУНКОВЪ,

ПОМѢЩЕННЫХЪ ВЪ ЧЕТЫРЕХЪ ТОМАХЪ

„ИСТОРИЧЕСКАГО ВѢСТНИКА“

1912 г.

I. Портреты.

- Александръ I**, императоръ. СХХІХ, августъ. На отдѣльномъ листѣ.
Аленичъ, Самсонъ Георгіевичъ. СХХХ, декабрь, 957.
Анненскій, Николай Ѳеодоровичъ. СХХІХ, сентябрь, 1029.
Аркадій, архіепископъ олонекій. СХХХ, ноябрь, 679.
Ахметъ, переидекій шахъ. СХХІХ, июль, 333.
Бартеневъ, Петръ Ивановичъ. СХХХ, декабрь, 1131.
Бунге, Николай Христіановичъ. СХХІХ, августъ, 665.
Буренинъ, Викторъ Петровичъ. СХХVІІ, январь. На отдѣльномъ листѣ.
Витте, Сергій Юльевичъ, графъ. СХХІХ, августъ, 687.
Вышнеградскій, Иванъ Алексѣевичъ. СХХІХ, августъ, 673.
Глинскій, Борисъ Борисовичъ. СХХVІІ, февраль. На отдѣльномъ листѣ.
Гончаровъ, Иванъ Александровичъ. СХХVІІІ, июнь. На отдѣльномъ листѣ.
Деляновъ, Иванъ Давыдовичъ, графъ. СХХХ, ноябрь, 79.
Закревскій, Игнатій Платоновичъ. СХХVІІІ, апрѣль. На отдѣльномъ листѣ.
Зеленой, Павелъ Алексѣевичъ. СХХVІІІ, апрѣль, 137.
Іеронъ, архимандритъ Ново-Аѳонскаго монастыря. СХХХ, декабрь, 1209.
Кривенно, Сергій Николаевичъ. СХХVІІ, февраль, 675.
Новалевскій, Михаилъ Евграфовичъ. СХХVІІІ, май. На отдѣльномъ листѣ.
Кузьминскій, Петръ Ефимовичъ, СХХХ, ноябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Лабзинъ, Александръ Ѳеодоровичъ. СХХІХ, июль. На отдѣльномъ листѣ.
Лопатинъ, Германъ Александровичъ. СХХVІІ, февраль, 671.
Мальцевъ, А. П., протоіерей. СХХІХ, августъ, 699.
Маминъ-Сибирякъ, Дмитрій Наркисовичъ. СХХХ, декабрь, 1141.
Менеликъ, императоръ, по выходѣ изъ операціонной залы. СХХХ, ноябрь, 823.
Милютинъ, Дмитрій Алексѣевичъ, графъ. СХХVІІ, мартъ. На отдѣльномъ листѣ.
Николай, архіепископъ японскій. СХХVІІ, мартъ, 1021.
Ниси Токузиро, баронъ. СХХVІІ, июнь, 949.
Островскій, Михаилъ Николаевичъ. СХХХ, ноябрь, 783.

- Петровский**, Мемнонь Петровичъ. СХХІХ, іюль, 265.
Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій, прищъ. СХХІХ, августъ, 553.
Побѣдоносцевъ, Константишь Петровичъ. СХХХ, октябрь, 305.
Путилинь, Иванъ Дмитріевичъ. СХХХ, декабрь, 1105.
Слѣпцовъ, Николай Павловичъ. СХХІХ, сентябрь, 1013.
Соломно, Аванасій Даниловичъ. ХХІХ, августъ, 649.
Сполатбогъ, Николай Николаевичъ. СХХХ, декабрь. На отдѣльномъ листѣ.
Столѣтовъ, Николай Григорьевичъ. СХХХ, октябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ. СХХІХ, сентябрь. На отдѣльномъ листѣ.
Суворинъ, Алексѣй Сергѣевичъ, въ своемъ кабинетѣ за работой. СХХІХ, сентябрь, 17.
Филипповъ, Тертій Ивановичъ. СХХХ, ноябрь, 775.
Цвѣтаевъ, Иванъ Владимировичъ. СХХVІІІ, іюнь, 943.
Щербина, Ѳедоръ Андреевичъ. СХХVІІ, мартъ, 1027.

II. Виды мѣстностей, городовъ, зданій и памятниковъ.

- Аджичайская станція**. СХХVІІІ, іюнь, 989.
Аджичайскій мостъ при вѣздѣ въ Тавризь. СХХVІІІ, іюнь, 985.
Александровскъ. Набережная города Александровска. СХХХ, декабрь, 1199.
Алжиръ. СХХХ, октябрь, 371.
 — Улика Казба въ Алжирѣ. СХХХ, октябрь, 375.
Ангара, начало рѣки. СХХVІІ, мартъ, 1039.
Аракъ. Железный мостъ черезъ р. Аракъ, соединяющій Россію съ Персіей. СХХVІІІ, іюнь, 977.
Аркъ. СХХІХ, іюль, 323.
Байкаль, станція (со стороны озера). СХХVІІ, мартъ, 1043.
 — Маякъ на станціи Байкаль. СХХVІІ, мартъ, 1047.
Видъ на сѣверный склонъ перевала **Талдыкъ** въ Алайскомъ хребтѣ. СХХVІІ, февраль, 703.
Видъ Алайскаго хребта отъ Заалайскаго изъ урочища Кара-су. СХХVІІІ, февраль, 713.
Видъ монастыря (Ново-Аѳанскаго) изъ гостиницы. СХХХ, декабрь, 1213.
Видъ съ озера на часовню. СХХХ, декабрь, 1225.
Видъ Ѳюрда на-Мурманѣ. СХХХ, декабрь, 1203.
Видъ госпиталя со стороны города. СХХХ, ноябрь, 821.
Вѣздъ въ госпиталь. СХХХ, ноябрь, 819.
Джюльфа. СХХVІІІ, іюнь, 975.
 — Отдѣленіе учетно-суднаго банка въ Джюльфѣ. СХХVІІІ, іюнь, 977.
 — Станція Джюльфа. СХХVІІІ, іюнь, 981.
Древній храмъ св. Симеона Кананита. СХХХ, декабрь, 1233.
Екатерининская гавань:
 — Входъ въ Екатерининскую гавань. СХХХ, декабрь, 1199.
 — Біологическая станція въ Екатерининской гавани. СХХХ, декабрь, 1201.
 — Екатерининская гавань. СХХХ, декабрь, 1201.
Заливъ возлѣ рѣки Баранчикъ. СХХVІІ, мартъ, 1045.
Зданіе миссіи. СХХХ, ноябрь, 823.
Иркутскъ, СХХVІІ, мартъ, 1835.
 — Входъ въ садъ «Царь дѣвица». СХХVІІ, мартъ, 1037.
Набана, рѣка, протекающая между миссіей и госпиталемъ. СХХХ, ноябрь, 819.
Кавказскій музей. СХХІХ, сентябрь, 1053.
 — Этнографическій отдѣлъ Кавказскаго музея. СХХІХ, сентябрь, 1057.
 Озеро **Нарануль** на Памирѣ. СХХVІІ, февраль, 715.

Карлсбадъ. Общій видъ. СХХІХ, августъ, 705.

- Гиршенишпрунгъ.—Памятникъ возникновенія Карлсбада. СХХІХ, августъ 706.
- Русская церковь въ Карлсбадѣ. СХХІХ, августъ, 714.
- Галлерей Мюльбрунна. СХХІХ, августъ, 715.
- Галлерей Шпруделя. СХХІХ, августъ, 718.
- Alte Wiese—мѣсто прогулокъ въ Карлсбадѣ. СХХІХ, августъ, 719.

Кароагенъ. Раскопки въ Кароагенѣ. СХХХ, октябрь, 361.

Кипарисная аллея. СХХХ, декабрь, 1215.

Кипарисная аллея къ храму св. Симеона Канаanita. СХХХ, декабрь, 1229.

Константина. СХХХ, октябрь, 365.

Кунцево, село:

- Дворецъ въ Кунцевѣ. СХХVІІ, январь, 328.
- Церковь въ Кунцевѣ. СХХVІІ, январь, 329.

Кусково, село:

- Дворецъ въ Кусковѣ. СХХVІІ, январь, 313.
- Бесѣдка-музей въ Кусковѣ. СХХVІІ, январь, 315.
- Внутренній видъ бесѣдки-музея. СХХVІІ, январь, 315.
- Главная аллея въ Кусковѣ. СХХVІІ, январь, 317.

Лапландскій пейзажъ. СХХХ, декабрь, 1195.

Лиственичное село. СХХVІІ, мартъ, 1041.

Лопарская вѣжа. СХХХ, декабрь, 1197.

Люблинъ:

- Дворецъ въ Люблинѣ. СХХVІІ, январь, 305.

Нескучное, село:

- Дворецъ въ Нескучномъ. СХХVІІ, январь, 319.
- Елизаветинскій гротъ въ Нескучномъ. СХХVІІ, январь, 321.

Никольское, село. СХХVІІ, январь, 281.

- Въѣздъ въ усадьбу села Никольскаго. СХХVІІ, январь, 283.
- Усадьба села Никольскаго. СХХVІІ, январь, 285.
- Охотничья палатка въ лѣсу для цесаревича. СХХVІІ, январь, 287.

Ниточная фабрика Шюнемана. СХХVІІІ, июнь, 313.

Останкино:

- Дворецъ въ Останкинѣ. СХХVІІ, январь, 297.
- Дворцовая церковь въ Останкинѣ. СХХVІІ, январь, 299.

Памятникъ надъ могилою князя Пожарскаго. СХХХ, ноябрь, 755.

Памятникъ надъ могилою Слѣцова въ станицѣ Слѣцковской. СХХІХ, сентябрь, 1017.

Перервинскій монастырь. СХХVІІ, январь, 303.

Петровский дворецъ. СХХVІІ, январь, 332.

Въ пустынѣ **Сахары.** СХХХ, октябрь, 369.

Святогорскій монастырь:

- Набережная Донца передъ гостиницей. СХХVІІІ, май, 609
- Видъ обители съ запада отъ церкви св. Николая. СХХVІІІ, май, 613.
- Донецкая мѣловая скала и гора Фаворъ. СХХVІІІ, май, 617.
- Часовня наверху мѣловой скалы и входъ въ подземную церковь Иоанна Предтечи. СХХVІІІ, май, 621.

Сельско-хозяйственный институтъ въ Петровскомъ-Разумовскомъ. СХХVІІ, январь, 333.

Славянскъ:

- Харьковская улица и соборъ. СХХVІІІ, май, 601.
- Купальни на Ренномъ озерѣ. СХХVІІІ, май, 603.
- Паркъ минеральныхъ водъ. СХХVІІІ, май, 605.
- Курзалъ въ паркѣ минеральныхъ водъ. СХХVІІІ, май, 607.

соборъ съ сѣверо-восточной стороны. СХХХ, декабрь, 1221.

суздаль. Видъ Спасскаго монастыря. СХХХ, ноябрь, 750.

— Спасо-Преображенскій храмъ въ Спасскомъ монастырѣ. СХХХ, ноябрь, 753.

— Символическое изображеніе князя Пожарскаго, находящееся въ кельѣ настоятеля Спасскаго монастыря. СХХХ, ноябрь, 757.

Тавризь:

— Армянскій кварталъ въ Тавризѣ. СХХVІІІ, июнь, 991

— Тавризь съ южной стороны. СХХVІІІ, июнь, 993.

— Домъ управляющаго Тавризскимъ отдѣленіемъ банка. СХХVІІІ, июнь, 993.

— Базаръ въ Тавризѣ. СХХVІІІ, июнь, 995.

— Одинъ изъ караванъ-сараевъ. СХХVІІІ, июнь, 997.

— Остатки Синей мечети. ССХІХ, июль, 317.

— Католическая церковь въ Тавризѣ. СХХІХ, июль, 321.

— Русское генеральное консульство въ Тавризѣ. СХХІХ, июль, 327.

Тайницкое, село. СХХVІІ, январь, 301.

Троки:

— Костель Витовта въ Трокахъ. СХХVІІІ, апрѣль, 249.

— Замковый островъ въ Трокахъ. СХХVІІІ, апрѣль, 253.

— Развалины замка на Замковомъ островѣ. СХХVІІІ, апрѣль, 255.

Тунисъ. СХХХ, октябрь, 357.

Тыврово, мѣстечко Подольской губерніи. СХХVІІІ, июнь, 961.

У перехода черезъ р. Эрерьъ. СХХХ, ноябрь, 815.

Ущелье р. Гульчакки. СХХVІІ, февраль, 695.

Фили, деревня. СХХVІІ, январь, 323.

— Церковь въ Филяхъ. СХХVІІ, январь, 325.

Царицыно, село.

— Развалины дворца въ Царицынѣ. СХХVІІ, январь, 307.

— Театръ въ Царицынѣ. СХХVІІ, январь, 309.

— Мостъ времени Екатерины ІІ въ Царицынѣ. СХХVІІ, январь, 311.

Эль-Нантара, оазисъ. СХХХ, октябрь, 367.

III. Разные рисунки.

Въ заросляхъ около Мулю. СХХХ, ноябрь, 815.

Въ киргизскомъ аулѣ. (Урочище Капта-Караколь). СХХVІІ, февраль, 699.

Группа киргизовъ въ долинѣ Алая. СХХVІІ, февраль, 707.

Еврейки въ Тунисѣ. СХХХ, октябрь, 359.

Икона (Богоматери) въ вологодской тюрьмѣ. СХХІХ, июль, 259.

Канделябровидные молочаи на Манджирѣ. СХХХ, ноябрь, 817.

Карликовыя березы. СХХХ, декабрь, 1193.

Курды. СХХІХ, июль, 331.

Ледоходъ «Байкаль» подходит къ пристани. СХХVІІ, мартъ, 1049.

Милюзы въ Данакильской степи. СХХХ, ноябрь, 817.

Могила А. Θ. Лабзина. СХХІХ, июль, 169.

Наказаніе по пятнамъ. СХХІХ, июль, 329.

Новый рабатъ въ урочищѣ Суфи-Курганъ. СХХVІІ, февраль, 697.

Пальмы въ лимонномъ саду. СХХХ, декабрь, 1217.

Пассажирскій автомобиль у заставы Ямъ. СХХVІІІ, июнь, 985.

Переправа киргизовъ черезъ р. Сурхъ-Объ. СХХVІІ, февраль, 711.

«Прометей». Картина художника Зимма. СХХІХ, сентябрь, 1061.

ИСТОРИКО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ

ЖУРНАЛЪ

„ИСТОРИЧЕСКІЙ ВѢСТНИКЪ“.

Подписная цѣна за 12 книгъ въ годъ **десять** рублей съ пересылкой и доставкой на домъ.

Главная контора въ Петербургѣ, при книжномъ магазинѣ „**Новаго Времени**“ (А. С. Суворина), Невскій просп., д. № 40. Отдѣленія главной конторы въ **Москвѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Саратовѣ и Ростовѣ на Дону** при книжныхъ магазинахъ „**Новаго Времени**“.

Программа „**Историческаго Вѣстника**“: русскія и иностранныя (въ дословномъ переводѣ или извлеченіи) историческія, бытовыя и этнографическія сочиненія, монографіи, романы, повѣсти, очерки, рассказы, мемуары, воспоминанія, путешествія, біографіи замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ, описанія нравовъ, обычаевъ и т. п., бібліографія произведеній русской и иностранной исторической литературы, некрологи, характеристики, анекдоты, новости, историческіе матеріалы, документы, имѣющіе общій интересъ.

Къ „**Историческому Вѣстнику**“ прилагаются **портреты и рисунки**, необходимые для поясненія текста.

Статьи для помѣщенія въ журналъ должны присылаться по адресу главной конторы, на имя редактора **Сергѣя Николаевича Шубинскаго**.

Редакція отвѣчаетъ за точную и своевременную высылку журнала только тѣмъ изъ подписчиковъ, которые доставили подписную сумму непосредственно въ главную контору или ея отдѣленія съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имя, отчество, фамилія, губернія и уѣздъ, почтовое учрежденіе, гдѣ допущена выдача журналовъ.

О неполученіи какой-либо книги журнала необходимо сдѣлать заявленіе главной конторѣ тотчасъ же по полученіи слѣдующей книги, въ противномъ случаѣ, согласно почтовымъ правиламъ, заявленіе остается безъ разслѣдованія.

Оставшіеся въ небольшомъ количествѣ экземпляры «Историческаго Вѣстника» за прежніе годы продаются по 9 рублей за годъ безъ пересылки, пересылка же по разстоянію.

Издатель А. С. Суворинъ.

Редакторъ С. Н. Шубинскій.

Типографія А. С. Суворина. Зртелевъ пер., д. 13

